

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ СХІХ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ СХІХ.

1910

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1910

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ
ЯНВАРЬ, 1910 Г.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯНВАРЬ, 1910 г.

	СТРАН.
I. Семейная хроника. (Изъ записокъ моей бабушки). Часть первая. I—V. В. З. Головиной	7
II. Первое 25-лѣтiе моихъ литературныхъ мытарствъ. Главы I—II. А. М. Скабичевского	35
III. Жадное сердце. (Быль прошлаго вѣка). В. Г. Авсеенко	57
IV. Силуэты времени реформъ. (Воспоминанiя шестидесятника). I—III. Н. Н. Фирсова (Л. Рускина)	83
V. Императоръ Николай Первый и васильковыя дурачества. А. И. Соколовой	104
VI. На одной скамьѣ съ императоромъ Вильгельмомъ. (Изъ полубытхъ воспоминанiй). Г. Т. Сѣверцева-Полилова	114
VII. Русскiя метаморфозы. (Изъ записной книжки журналиста). Н. М. Ежова	162
VIII. Бунтъ въ Севастополѣ. (Изъ близкаго прошлаго). Л. П. Арбузова	177
IX. Изъ воспоминанiй о М. И. Драгомировѣ. А. И. Писанецкаго	187
X. Встрѣча съ Н. А. Всеволожскимъ. Князя Б. А. Щетинина	190
XI. Пропавшая книга. А. Е. Евгеньева	195
XII. Евгения Марсъ и ея рассказы. В. В. Уманова-Каплуновскаго	203
Иллюстрацiя: Евгения Марсъ.	
XIII. Пionерки высшаго женскаго образованiя и петербургскiй университетъ. (Юбилейная замѣтка). А. Е. Кауфмана	210
XIV. Царевубiйство 1-го марта 1881 года. (Историческiе очерки). I. Тревожные политическiе симптомы. Б. Б. Глинскаго	216
Иллюстрацiи: 1) Яковъ Васильевичъ Стефановичъ.—2) Вѣра Ивановна Засулицъ.	
XV. Къ 75-лѣтiю императорской археографической комиссiи. В. В. Троцкаго	250
XVI. Повѣдка въ Чечню. В. А. Авле	257
Иллюстрацiи: 1) Мостъ черезъ рѣку Аргунь.—2) Конецъ подъема Шатоевской дороги.—3) Каменный дотокъ на Шатоевскомъ шоссе.—4) Подъ навѣсомъ скалы на Шатоевской дорогѣ.—5) Чеченки у родника.—6) Старый Пугуноевскiй мостъ черезъ Аргунь.—7) Старый могильникъ въ Чечнѣ.—8) Чоротвы скалы на Евдокимовской дорогѣ.—9) На балконѣ чеченской савли.—10) Сторожевыя башни у селенiя Пугуной.	
XVII. Иностранцы о Россiи. (Изъ воспоминанiй графа фонъ-Пфейля). А. М. Бѣлова	287
XVIII. Критика и библиографiя.	306
1) В. И. Семевскiй. Политическiя и общественныя идеи декабристовъ. Спб. 1909 г. г. л. и.—2) Н. П. Павловъ-Сильванскiй. Сочиненiя, т. I. Спб. 1909 г. т. II. Спб. 1910. м. к.—3) Лѣтопись занятiй императорской археографической комиссiи за 1908 г. Выпускъ двадцать первый. Подъ редакцiей правителя дѣлъ В. Г. Дружинина. Спб. 1909. в. Троцкаго.—4) Строевъ, В. Н. Бироновщина и кабинетъ министровъ. Очеркъ внутренней политики императрицы Анны. Часть I. (1730—1735 г.). М. 1909. м. к.—ва.—	
(См. слѣд. стран.).	

- 5) Ан. Титовъ. Проповѣди святителя Димитрія, митрополита ростовскаго, на украинскомъ нарѣчїи. М. 1909. Р—ца.—6) Труды саратовской ученой архивной комисси. Выпускъ XXV. Саратовъ. 1909. В. Руданова.—7) Хроника моей жизни. Высокопреосвященнаго Саввы, архіепископа тверского и кашинскаго. Т. VIII. Л.—8) Историческое обозрѣніе Симбирска отъ первыхъ временъ его до возведенія на степень губернскаго города. Изданіе симбирской губернской ученой архивной комисси. Симбирскъ. 1909 г. Ар. Датова.—9) Сборникъ учено-литературнаго общества при императорскомъ юрьевскомъ университетѣ. Томъ XIV. Юрьевъ. 1909. Обозрѣвателя. 10) Александръ Евлаховъ. Пушкинъ какъ эстетикъ. Киевъ. 1909. М. Б.—11) С. П. Шестаковъ. Къ литературѣ трепетниковъ. Казань. 1909. В.—12) Историко-литературная библіотека подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Вып. I. Гоголь въ воспоминанїяхъ современниковъ и перепискѣ. Составилъ В. В. Каллашъ. Москва. 1909. А. Фомина.—13) Пушкинъ. Томъ II и III. Библіотека великихъ писателей, подъ редакціей С. А. Венгерова. Изданіе Вроггауза-Ефрона. Спб. 1908, 1909. М. Б.—14) В. Солдугубъ и В. Симоновскій. Указатель лучшихъ, по отзывамъ печати, учебниковъ, наглядныхъ учебныхъ пособій и методическихъ руководствъ на русскомъ и украинскомъ языкахъ. Спб. 1909. Псевдонима.—15) Арабажинъ, К. И. Публичныя лекціи о русскихъ писателяхъ. Книга I. Спб. 1909. А. Фомина.—16) А. А. Измайловъ. Помраченіе божковъ и новые кумиры. Новая вѣянія въ литературѣ. Москва 1910. А. Я.—17) А. А. Николаевъ. Теорія и практика кооперативнаго движенія. Москва. 1909. н. х.—18) Густавъ Эрвэ. Исторія Франціи и Европы. Спб. 1909 г. п. Б.—19) М. Помыловскій. Учебникъ новой исторіи. А. М.—20) Влад. Грабенъскій. Исторія польскаго народа. Разрѣшенный авторомъ переводъ со второго, дополненнаго польскаго изданія (1906 г.), подъ редакціей прив.-доц. С.-Петербургскаго унив. и проф. высшихъ женскихъ курсовъ Н. Ястребова съ картой Польши XVII вѣка. Изданіе книжнаго магазина «Учебное Дѣло». Спб. 1910. А. Я.—21) Свящ. Іоаннъ Арсеньевъ. Отъ Карла Великаго до реформаціи. Т. I. Москва. 1909. н. Б.

XIX. Заграничныя историческія новости и мелочи 342

- 1) Науки человѣка.—2) Введеніе въ должность министра въ Оивахъ при XVIII династіи.—3) Макіавелли и Цезарь Борджиа.—4) Семейная жизнь Фридриха Великаго.—5) Отоскоду.—6) Некрологи. Смерть герцога Карла-Теодора Баварскаго, датской принцессы Маріи, Фортиса и бельгійскаго короля Леопольда II.

XX. Смѣсь. 370

- 1) Открытіе саратовскаго университета.—2) Въ императорскомъ русскомъ военно-историческомъ обществѣ.—3) Юбилей императорскаго сельско-хозяйственнаго музея.—4) Подвѣка «Душеполезнаго Чтенія».—5) 30-лѣтіе «Историческаго Вѣстника».—6) 90-лѣтній юбилей проф. Д. А. Хвольсона.—7) Юбилей проф. В. О. Ключевскаго.—8) Юбилей Н. А. Скrobotова.—9) Юбилей Е. А. Нарышкиной.—10) Юбилей А. Г. Шиле.—11) Освященіе памятника Гл. И. Успенскому.—12) Открытіе памятника М. М. Анкольекому.—13) Общее собраніе кассы взаимпомощи литераторовъ и ученыхъ.—14) Выставка русскихъ писателей.

XXI. Некрологи. 387

- 1) Анненскій, И. Ѳ.—2) Вапкинъ, В. В.—3) Блокъ, А. Л.—4) Вербицкій, Н. А.—5) Волконскій, М. С., князь.—6) Вяземскій, Л. Д., князь.—7) Кашкинъ, Н. Н.—8) Колосовъ, П. П.—9) Лесгафтъ, П. Ф.—10) Его высочество герцогъ Георгій Георгіевичъ Мекленбургъ-Стрелицкій.—11) Старицкій, К. С.—12) Старынкевичъ, О. И.—13) Ухтомскій, Л. А.

XXII. Замѣтки и поправки. 399

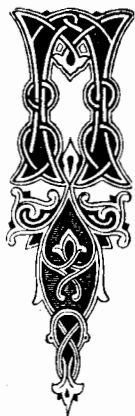
- 1) I. Александра Лебедева.—2) II.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Некрологъ великаго князя Михаила Николаевича.—2) Портретъ Александра Михайловича Скабичевскаго.—3) Борьба за тронъ (Beatrice Tyldesley). Историческій романъ. Переводъ съ англійскаго А. М. Бѣлова.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ МИХАИЛЬ НИКОЛАЕВИЧЪ.

(Некрологъ).

ЯТАГО декабръ въ городѣ Каннѣ (вблизи Ниццы) въ Бозѣ почилъ генераль-фельдцейхмейстеръ, почетный предсѣдатель государственнаго совѣта, предсѣдатель Александровскаго комитета о раненыхъ, почетный вице-президентъ Михайловской артиллерійской академіи, почетный членъ: императорской Николаевской военной академіи, императорскаго русскаго географическаго общества, императорской военно-медицинской и Николаевской инженерной академій, шефъ ряда гвардейскихъ и армейскихъ воинскихъ частей, старѣйшій представитель царствующаго дома великій князь Михаилъ Николаевичъ.

Четвертый сынъ императора Николая I, великій князь Михаилъ Николаевичъ родился 13-го октября 1832 года въ Зимнемъ дворцѣ въ Петербургѣ. На другой же день послѣдовалъ высочайшій приказъ о назначеніи его императорскаго высочества шефомъ лейбъ-гвардіи Конногренадерскаго полка и о зачисленіи въ списки лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и лейбъ-гвардіи конной артиллеріи.

8-го ноябръ, въ день тезоименитства генераль-фельдцейхмейстера великаго князя Михаила Павловича, было совершено святое крещеніе августѣйшаго новорожденнаго. Воспріемниками были: его величество король прусскій Фридрихъ-

Вильгельмъ III, его императорское высочество великій князь Михаилъ Павловичъ и ихъ императорскія высочества великая княжна Ольга Николаевна и великая княгиня Анна Павловна, принцесса Оранская.

1838 годъ былъ знаменательнымъ въ жизни почившаго великаго князя. Онъ достигъ уже такого возраста, когда приходилось думать объ его воспитаніи и образованіи. Возникъ вопросъ о назначеніи къ его высочеству достойнаго воспитателя, и императоръ Николай Павловичъ остановилъ свой выборъ на близко извѣстномъ ему боевомъ и выдѣлявшемся по своему образованію генералъ А. И. Философовъ. Въ слѣдующемъ году къ великому князю былъ опредѣленъ воспитатель и наставникъ императорскаго училища правовѣдѣнія П. П. Гельмерсенъ, на котораго было возложено первоначальное обученіе великаго князя, впослѣдствіи же ему было поручено наблюденіе вообще за ходомъ учебныхъ занятій, повтореніе съ его высочествомъ уроковъ, а также и преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ.

Слѣдуя требованіямъ «плана ученья», великій князь Михаилъ Николаевичъ для пракческаго ознакомленія съ обязанностями военной службы былъ поставленъ въ 1840 году въ ряды 1-го кадетскаго корпуса. Строевое обученіе великаго князя, совмѣстно съ кадетами, происходило обыкновенно лѣтомъ.

Достигнувъ 13-го октября 1852 года установленнаго закономъ совершеннолѣтія, Михаилъ Николаевичъ 26-го ноября того же года, въ день Георгіевскаго праздника, принесъ торжественную присягу. Вмѣстѣ съ этимъ его высочество былъ произведенъ въ генералъ-майоры съ зачисленіемъ въ свиту его величества и назначенъ генералъ-фельдцейхмейстеромъ и бригаднымъ командиромъ гвардейской конной артиллеріи. Получивъ званіе генералъ-фельдцейхмейстера, великій князь, однако, не вступилъ въ отправленіе связанныхъ съ нимъ служебныхъ обязанностей. Управление артиллеріей осталось на прежнемъ основаніи въ распоряженіи инспектора всей артиллеріи, генерала-отъ-артиллеріи барона Н. И. Корфа; великій князь лишь присутствовалъ при докладахъ представителей высшей артиллерійской администраціи инспектору всей артиллеріи.

1853 годъ для Россіи явился началомъ тяжкой, по своимъ послѣдствіямъ, Восточной войны съ Турціей, а затѣмъ и съ примкнувшими къ ней союзниками—Англіей, Франціей и Сардиніей, закончившейся лишь въ 1855 году. Въ 1854 году,

въ заботахъ о лучшемъ состояніи дѣйствующей арміи, по повелѣнію государя императора, были посланы въ составъ ея значительныя подкрѣпленія и вмѣстѣ съ тѣмъ его величество призналъ желательнымъ отправить въ дѣйствующую армію двухъ младшихъ сыновей своихъ, великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей. *«Если опасность есть, писалъ по этому поводу императоръ Николай Павловичъ главнокомандующему южной арміей, князю Горчакову, то не можемъ дѣтямъ удалиться отъ нея, а собой подавать примѣръ».*

24-го октября 1854 года въ кровопролитномъ сраженіи у Инкермана и на бастіонахъ Севастополя великій князь Михаилъ Николаевичъ получилъ боевое крещеніе. Онъ участвовалъ въ канонадѣ Константиновскаго форта Волоховой башни и батареи между ними и непріятельскими судами. Затѣмъ великій князь принялъ на себя начальствованіе всей артиллеріей, находившейся на фортахъ, укрѣпленіяхъ и батареяхъ Сѣверной стороны и на батареяхъ, устроенныхъ на правомъ берегу р. Черной. За участіе въ Инкерманскомъ сраженіи великій князь былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени.

Неожиданная вѣсть о тяжелой болѣзни государя императора заставила ихъ высочества покинуть Севастополь.

17-го марта того же 1855 года государь императоръ Александръ Николаевичъ назначилъ великаго князя Михаила Николаевича членомъ государственнаго совѣта. Въ этомъ званіи судьба послала ему счастье быть близкимъ участникомъ въ великомъ историческомъ событіи: въ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Съ его смертью отошелъ въ вѣчность послѣдній современникъ великаго преобразованія изъ числа тѣхъ, кто подписалъ окончательное мнѣніе государственнаго совѣта объ освобожденіи крѣпостныхъ, утвержденное Царемъ-Освободителемъ.

25-го января 1856 года великій князь Михаилъ Николаевичъ былъ назначенъ генераль-адъютантомъ къ его императорскому величеству и вступилъ въ непосредственное исполненіе обязанностей, сопряженныхъ съ званіемъ генераль-фельдцейхмейстера, съ оставленіемъ бригаднымъ командиромъ гвардейской конной артиллеріи. Со вступленіемъ августѣйшаго генераль-фельдцейхмейстера въ управленіе артиллеріею, должность инспектора всей артиллеріи была упразднена, и штабъ послѣдняго былъ переименованъ въ штабъ его императорскаго высочества генераль-фельдцейхмейстера.

Вступленіе его императорскаго высочества въ управление артиллеріею совпало съ переходомъ отъ гладкостѣннаго оружія къ наръвному. Только благодаря неослабному руководству и неутомимой ревности тогда еще молодого августѣйшаго генераль-фельдцейхмейстера, въ нашей артиллеріи, уже въ 1860 году, были введены 4-фунтовыя мѣдныя наръвныя пушки, по образцу, принятому во французской арміи, но съ улучшеніями, предложенными артиллерійскимъ комитетомъ.

Въ какія-нибудь 5—7 лѣтъ матеріальная часть артиллеріи и вооруженіе арміи были доведены энергіею великаго князя до надлежащей высоты. Наряду съ усовершенствованіемъ технической и матеріальной частей артиллеріи, на ряду съ введеніемъ наръвныхъ орудій и желѣзныхъ лафетовъ, за этотъ же короткій промежутокъ времени артиллерія была значительно усилена и кореннымъ образомъ реорганизована, въ зависимости отъ современныхъ требованій. Особенное вниманіе великаго князя было обращено на личный составъ артиллеріи, на его образованіе и воспитаніе.

Высочайшимъ приказомъ 9-го февраля 1860 года его императорское высочество великій князь Михайль Николаевичъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній и шефомъ 2-го кадетскаго корпуса, съ зачисленіемъ въ списки Михайловскаго артиллерійскаго училища и съ оставленіемъ во всѣхъ прочихъ должностяхъ и званіяхъ, кромѣ должности начальника артиллеріи отдѣльнаго гвардейскаго корпуса. Во главѣ военно-учебнаго вѣдомства его высочество оставался всего три года. За эти годы, однако, произошли коренная ломка почти всей военно-учебной системы кадетскихъ корпусовъ. Послѣдніе были преобразованы въ военныя гимназій, были образованы военныя училища и проч.

Будучи произведенъ 30-го августа 1860 года въ генералы-отъ-артиллеріи, великій князь Михайль Николаевичъ 6-го декабря 1862 года получилъ новое назначеніе намѣстникомъ кавказскимъ и командующимъ кавказской арміей, со всѣми правами, главнокомандующему присвоенными, и съ оставленіемъ въ званіи генераль-фельдцейхмейстера.

Въ февралѣ 1863 года великій князь Михайль Николаевичъ выѣхалъ на Кавказъ и по вступленіи въ должность намѣстника кавказскаго и командующаго кавказской арміей, его высочество принялъ дѣятельное участіе въ покореніи Западнаго Кавказа. За отличную распорядительность въ дѣлахъ противъ горцевъ былъ всемилостивѣйше награжденъ 19-го марта

1863 г. золотой драгунской саблей съ надписью «за храбрость», а во вниманіе къ блистательнымъ успѣхамъ, одержаннымъ на Западномъ Кавказѣ и окончившимъ долготѣною войну, его высочество былъ пожалованъ орденомъ св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 2-го класса и саблю, алмазами украшенною, съ надписью: «за окончаніе Кавказской войны».

Въ бытность его на Кавказѣ на великаго князя Михаила Николаевича выпала трудная задача покоренія и умиротворенія Западнаго Кавказа, организациі гражданскаго управленія краемъ, укрѣпленія русской власти и вліянія и привитія въ странѣ европейской культуры.

Руководство великаго князя Михаила Николаевича, по должности генераль-фельдцейхмейстера, дальнѣйшими усовершенствованіями всѣхъ отраслей артиллерійской службы не прекратилось и по назначеніи его высочества на постъ намѣстника Кавказа и главнокомандующаго кавказской арміей.

12-го апрѣля 1877 года послѣдовало объявленіе войны Турціи, и въ тотъ же день дѣйствующій корпусъ войскъ кавказской арміи, подъ начальствомъ генераль-адъютанта Лорисъ-Меликова, перешелъ границу и началъ наступательныя дѣйствія въ предѣлы Турецкой имперіи.

Его императорское высочество великій князь Михайль Николаевичъ, главнокомандующій кавказской арміей, 25-го мая того же года прибылъ къ войскамъ и находился при нихъ до 28-го ноября 1877 года. Насколько его руководство нашими военными силами было велико въ ту войну, показываетъ слѣдующій эпизодъ. При походѣ 1877 г. въ Арменіи, осенью войска стояли на Караялѣ; старшимъ оставался М. Т. Лорисъ-Меликовъ (впослѣдствіи графъ), несомнѣнно, боевой предводитель. Но онъ не сумѣлъ въ должной степени заставить себя слушаться, и подчиненные ему начальники своевольничали, иногда во вредъ дѣлу. Генераль Обручевъ рѣшился доложить великому князю, что, пока его высочество не перейдетъ на Караяль, нельзя ожидать успѣха. Принятіе великимъ княземъ личнаго предводительства надъ войсками дѣйствительно измѣнило ходъ дѣла кореннымъ образомъ, приведя къ Аладжѣ и приступу Карса.

Въ ознаменованіе важныхъ услугъ, оказанныхъ престолу и отечеству въ войнѣ съ Турціей 1877—1878 гг., великій князь Михайль Николаевичъ былъ произведенъ въ генераль-фельдмаршалы съ оставленіемъ во всѣхъ прочихъ занимаемыхъ должностяхъ и званіяхъ и награжденъ рѣдко жалуемымъ орде-

номъ за выдающіяся боевыя заслуги—орденомъ св. великомученика и побѣдоносца Георгія 1-й степени.

Пожалованіе орденемъ св. Георгія 1-й степени сопровождалось соотвѣтствующимъ высочайшимъ рескриптомъ, въ коемъ въ нѣсколькихъ словахъ, но весьма ярко, охарактеризована заслуга великаго князя передъ престоломъ и отечествомъ; въ рескриптѣ, между прочимъ, изображено:

«Послѣ ряда славныхъ подвиговъ, доблестныя войска кавказской арміи ознаменовали себя новой неувядаемой славой, разбивъ на-голову, подъ личнымъ предводительствомъ вашимъ, непріятельскую армію Мухтаръ-паши въ кровопролитномъ боѣ 3-го октября сего года на Аладжинскихъ высотахъ и принудивъ большую часть оной сложить оружіе. Блистательная побѣда эта, свидѣтельствующая о благоразумной распорядительности вашей, украсивъ на вѣчныя времена страницы военной исторіи, даетъ вамъ право на сердечную нашу признательность.

«Желая выразить чувства нашего особеннаго благоволенія къ славному служенію вашему, ознаменованному новымъ доблестнымъ подвигомъ, всемилостивѣйше жалуюемъ васъ кавалеромъ императорскаго ордена нашего св. великомученика и побѣдоносца Георгія первой степени, знаки коего при семъ препровождал, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію».

Великій князь Михайлъ Николаевичъ пребывалъ въ Петербургѣ, когда совершилась катастрофа 1-го марта 1881 года, и былъ даже ближайшимъ свидѣтелемъ ея, а также и мученической кончины Царя-Освободителя.

Волею вступившаго на престолъ императора Александра Александровича, Михайлъ Николаевичъ 14-го іюля 1881 года былъ призванъ занять высокій постъ предсѣдателя государственнаго совѣта, а высочайшимъ приказомъ 23-го іюля—всемилостивѣйше уволенъ отъ занимаемыхъ должностей на мѣстника кавказскаго и главнокомандующаго кавказской арміей съ оставленіемъ во всѣхъ прочихъ званіяхъ и предсѣдателемъ государственнаго совѣта.

Когда онъ покидалъ Кавказъ, въ прощальномъ привѣтствіи, обращенномъ къ нему, говорили: «Вы оставляете край, благоденствію котораго были посвящены лучшія духовныя силы вашей молодой жизни,—край, котораго безпредѣльная преданность великому престолу такъ ярко сіяла въ теченіе полувѣковой кавказской войны, который съ усердіемъ вооружалъ ежегодно своихъ сыновъ на войну и жертвовалъ посиль-

ными матеріальными средствами... Гдѣ бы вы ни были,—благословеніе Божіе да хранитъ васъ». На Кавказѣ про него обычно говорили: «нашъ великій князь», и онъ былъ въ краѣ общимъ любимцемъ, какъ туземцевъ, такъ и всѣхъ своихъ подчиненныхъ.

Вернувшись окончательно съ Кавказа, великій князь съ высочайшаго соизволенія вновь вступилъ въ исполненіе обязанностей генераль-фельдцейхмейстера. Съ возвращеніемъ его высочества въ Петербургъ въ артиллеріи началась кипучая дѣятельность по устраненію недостатковъ, выяснившихся во время послѣдней войны съ Турціей, какъ въ самой организаціи, такъ и въ технической и матеріальной частяхъ артиллеріи.

Заботливостью его высочества создалась офицерская артиллерійская школа и Константиновское артиллерійское училище.

Въ 1892 году Михайль Николаевичъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Александровскаго комитета о раненыхъ. Въ 1894 году, высочайшимъ приказомъ 30-го іюня, его высочество былъ назначенъ шефомъ Константиновскаго артиллерійскаго училища, образованнаго изъ 2-го военнаго Константиновскаго училища, шефомъ котораго его императорское высочество состоялъ съ 8-го ноября 1864 года. Въ томъ же 1894 году великій князь былъ назначенъ предсѣдателемъ особой комиссіи, учрежденной для разработки вопросовъ береговой обороны, и на него было возложено званіе почетнаго вице-президента Михайловской артиллерійской академіи.

Въ торжественный день священнаго коронованія нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Николая Александровича, 14-го мая 1896 года, великому князю былъ пожалованъ, для ношенія на груди, брильянтами осыпанный портретъ императоровъ Николая I, Александра II, Александра III и Николая II. «Неусыпными сорокалѣтними попеченіями вашими по званію генераль-фельдцейхмейстера о преуспѣяніи артиллеріи, — говорилось въ высочайшемъ рескриптѣ, — достигнуты были въ этой части нашего войска многостороннія усовершенствованія, стоящія въ соотвѣтствіи съ потребностями военнаго дѣла...

«Незабвенный родитель мой, принявъ въ 1881 году члѣнскіе самодержавнаго правленія, пожелалъ привлечь васъ къ ближайшему сотрудничеству и довѣрилъ вамъ сложныя обязанности предсѣдателя государственнаго совѣта, членомъ коего вы состоите съ 1855 года. На этомъ высшемъ государственномъ посту ваше высочество явили новое доказательство неутомимаго служенія благу Россіи. Въ теченіе пятнадцати

лѣтъ подѣ вашимъ руководствомъ были разсмотрѣны въ совѣтѣ многочисленныя и обширныя дѣла законодательныя и финансовыя. Успѣшное разрѣшеніе этихъ дѣлъ, направляемое вами согласно преуказаніямъ, даннымъ въ Божѣ почивающимъ родителемъ моимъ при началѣ его царствованія, содѣйствовало укрѣпленію власти и упроченію порядка, придавъ въ то же время должную устойчивость государственному хозяйству. Уповаю, что съ Божіею помощію мудрыя завѣты безвременно отошедшаго въ вѣчность монарха и впредь будутъ руководящими началами законодательства и гражданской жизни нашего отечества».

За послѣдніе годы состояніе здоровья его императорскаго высочества требовало пребыванія въ тепломъ климатѣ, за границей. Это же послужило причиной ходатайства великаго князя передъ Государемъ Императоромъ объ увольненіи отъ должности предсѣдателя государственнаго совѣта. Всемилостивѣйшимъ рескриптомъ 24-го августа 1905 года великій князь Михаилъ Николаевичъ былъ освобожденъ отъ этой должности, съ назначеніемъ почетнымъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта.

О ПОДПИСКѢ
НА
ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ
въ 1910 году

(ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ).

«Историческій Вѣстникъ» будетъ издаваться въ 1910 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія тридцать лѣтъ (1880—1909).

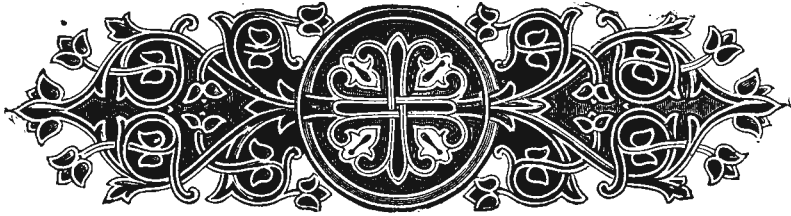
Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора «Историческаго Вѣстника» въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ «Новаго Времени» (Невскій проспектъ, № 40). Отдѣленія конторы: въ Москвѣ, Харьковѣ, Одесѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина «Новаго Времени», и въ Кіевѣ, при книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

АЛЕКСАНДРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ СКАБИЧЕВСКІЙ

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА.

(Изъ записокъ моей бабушки).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1.

В ОЛЫШОЙ поясной портретъ въ красивой золотой рамѣ; написанъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, съ длинными, черными, слегка вьющимися волосами, съ разстегнутымъ широкимъ воротникомъ рубашки. Я внимательно и неодобрительно разсматриваю этотъ портретъ. Мнѣ восемь лѣтъ. Мы съ моей матерью и съ большимъ городскимъ обществомъ два дня какъ приѣхали въ деревню къ Андрею Кирилловичу Ступилову, и это на его дѣтскій портретъ я такъ недоброжелательно смотрю. Я давно замѣчаю, что всѣ съ нимъ какъ-то не тѣ, что съ другими; точно боятся его, и потому сама очень его боюсь. Но вчера я была съ нимъ непозволительно невѣжлива и лишила себя веселаго праздничнаго вечера. А весь день было такъ хорошо!.. Это были именины Ступилова, и утромъ всѣ пошли къ обѣднѣ оранжереями, сначала цвѣточными, потомъ фруктовыми, и такъ до самой церкви. Въ цвѣточныхъ оранжереяхъ всѣ очень смѣялись: тамъ между растеніями и цвѣтами стояло много статуй, и всѣ онѣ были одѣты въ сарафаны или закутаны фартуками и платками; виднѣлись однѣ кудрявыя головки, веселыя или задумчивыя, строгія или при-

вѣтливыя, но всѣ чрезвычайно красивыя. Самого Андрея Кирилловича съ нами не было, и мужчины смѣясь говорили:

— Придумалъ же этотъ Андрей Кирилловичъ!.. придумалъ для дамъ такой маскарадъ!..

Только Александра Петровна, жена брата Андрея Кирилловича, шла совсѣмъ серьезная, не смотря по сторонамъ. Она вела меня за руку; съ ней рядомъ шла моя мать и при каждой новой ряженой фигурѣ, которая намъ попадалась, едва удерживалась отъ смѣха. Мнѣ все это казалось только страннымъ, а не смѣшнымъ, потому что Александра Петровна не смѣялась. Она была очень красива, и я любила ее всѣмъ моимъ дѣтскимъ сердцемъ.

Въ церкви пѣлъ хоръ дворовыхъ. Мужчины были въ синихъ казакинахъ, женщины въ разныхъ цвѣтныхъ платьяхъ, и всѣ говорили, что они пѣли прекрасно. Потомъ еще на дому передъ завтракомъ былъ молебень: діаконъ громко провозгласилъ многолѣтне хозяину и всѣмъ присутствующимъ, и хоръ, покрывая его могучей басъ, звучно, радостно поднялъ: «многая, многая, многая лѣта». Потомъ мужчины ушли на половину хозяина, а дамы собрались въ диванной, смѣялись и разговаривали. Къ обѣду должно было прѣхать еще много гостей, и это все были наши городскія дамы. Всѣ онѣ толпились около Александры Петровны, и въ этомъ общемъ веселомъ говорѣ безпрестанно слышалось имя Андрея Кирилловича. Смѣялись надъ Амурами въ фартукахъ и надъ Венерами въ сарафанахъ, на что Александра Петровна улыбаясь повторяла:

— Это онъ устроилъ на-смѣхъ мнѣ, закоренѣлой институткѣ, какъ онъ меня называетъ. Это онъ меня вздумалъ проучить.

Мнѣ дали книгу Dumont d'Urvill и посадили далеко къ окну; но я такъ часто поднимала глаза отъ описанія пляшущихъ шамановъ и страшныхъ огнепоклонниковъ, чтобы послушать разговоры, что маменька послала меня за своей шалью.

Неохотно пошла я изъ диванной, потому что хорошо знала этотъ пріемъ: такъ всегда высылали меня за чѣмъ-нибудь, когда я не должна была слышать, что говорятъ большіе. Тихо пошла я по длинной анфиладѣ, затѣмненной тяжелыми шелковыми занавѣсьями на окнахъ; проводила руками по шелковой обивкѣ мебели, останавливалась передъ картинами и портретами и звонко пощелкивала по доспѣхамъ бронзовыхъ рыцарей, храбро державшихъ въ рукахъ канделябры съ восковыми свѣчами и смѣло глядѣвшихъ изъ своихъ угловъ. Въ большомъ залѣ въ два свѣта съ хорами уже накрывали длинный столъ; около него заботливо ходили лакеи и весело бѣгали казачки. Мнѣ надо было проходить въ нашу комнату черезъ переднюю, которая была обыкновенно полна лакеями; всѣ они съ шумомъ вскакивали при моемъ появленіи, что меня всегда очень пугало и конфузило, и я теперь была рада, что всѣ они заняты въ залѣ. Я смѣло отворила туда тяжелую дѣверь, по знакомый

мнѣ шумъ отъ быстро встающихъ на ноги людей встрѣтилъ меня и теперъ. Я хотѣла поскорѣй пройти, не смотря по сторонамъ, но кто-то наклонился къ мнѣ и загородилъ дорогу. Ахъ, это толстый, веселый кларнетистъ Ребристовъ; «вольнонаемный», какъ зоветъ его моя няня; онъ пріѣзжаетъ къ намъ настраивать фортепіано, и я его очень люблю. Онъ присѣлъ совсѣмъ въ уровень съ моимъ ростомъ и просилъ у меня ручку поцѣловать. Говорилъ, что я много выросла, спрашивалъ, не пора ли намъ настроить фортепіано, и лукаво освѣдомился, выучила ли я эту мудреную гаммочку *ges moll*, на которую при немъ такъ сердилась. Разговаривая съ нимъ, я подняла глаза на окружавшихъ насъ людей и догадалась, что это должны быть ступиловскіе музыканты. Ихъ было человѣкъ двадцать. Я увидала много, много свѣтлыхъ и темныхъ головъ, наклонившихся ко мнѣ, и всѣ эти пріодѣтые для праздника люди ласково смотрѣли на чужую дѣвочку, которая помѣшала имъ сидѣть. Еще сегодня говорили, что у Ступилова прекрасный оркестръ, музыканты учились въ Москвѣ, а капельмейстеръ выписанъ изъ Петербурга. Я съ любопытствомъ смотрѣла на всѣ эти привѣтливыя лица, обращенныя ко мнѣ, и спросила:

— Вы всѣ музыканты?

Мнѣ отвѣчалъ какой-то веселый утвердительный гулъ.

— Да, всѣ мы музыканты, кто во что гораздъ,—заговорилъ Ребристовъ,—будемъ васъ, барышня, за обѣдомъ потѣшать.

— Что же вы будете играть?—спросила я, оглядывая ихъ всѣхъ.

— Увертюры разныя будемъ играть,—изъ «Фрейшюца», изъ «Бѣлой дамы»...—отвѣчало мнѣ много голосовъ, и я увидала въ уровень съ собою еще нѣсколько лицъ. Чтобы отличить знакомаго, я положила Ребристову руку на плечо.

— Да, будемъ играть «Бѣлую даму»,—подхватилъ Ребристовъ, совсѣмъ посинѣвшій отъ неловкой позы передо мной.—Я заходилъ въ прачечную,—продолжалъ онъ,—и видѣлъ, что тамъ глядятъ вотъ ка-кое бѣлое платье!—онъ голосомъ показалъ, что оно огромное, а руками свелъ его на четверть аршина.—Не знаю, чье это платье, но, значить, у насъ сегодня будетъ своя «Бѣлая дама», и кларнетистъ Ребристовъ будетъ для нея изъ всѣхъ силъ въ свой кларнетъ дуть, если ему еще разъ дадутъ ручку поцѣловать...

Но вдругъ всѣ они поднялись, встряхнулись, вытянулись. За дверями послышался громкій, властный голосъ Ступилова. Я убѣжала въ противоположную дверь. Пора было мнѣ подумать о маменькиной шали.

За обѣдомъ было очень весело. Александра Петровна сидѣла на мѣстѣ хозяйки и посадила меня подлѣ себя. По обѣимъ сторонамъ стола, далеко за половину, были дамы, потомъ начинались мужчины, а напротивъ Александры Петровны сидѣлъ хозяинъ дома, и за нимъ стоялъ его камердинеръ Михайло. Въ углу залы былъ

еще столъ, тамъ сидѣли: священникъ, дьяконъ, молодые чиновники, прїѣхавшіе изъ города во время обѣда, и какой-то человѣкъ въ венгеркѣ. Александра Петровна спросила наливавшего ей вино буфетчика, кто эта венгерка, и онъ ей наипочтительнѣйше доложилъ, что это знакомый барина по медвѣжьей охотѣ, и что ему баринъ жизнь спасъ.

— Знаю, знаю,—сказала, кивая ему, Александра Петровна и прищурила глаза, чтобы лучше разглядѣть человѣка въ венгеркѣ.

А кругомъ насъ говорили и смѣялись: два кавалера выпросили себѣ позволеніе сѣсть между дамъ и все время ихъ смѣшили, оркестръ игралъ не переставая; пуддингъ былъ съ пылающимъ соусомъ. Старый буфетчикъ ходилъ кругомъ стола и предлагалъ внушительно разныя вина, не пропускалъ и меня. Потомъ начали хлопать пробки, нѣкоторыя дамы вскрикивали и закрывали уши руками, дворецкїй и лакеи наливали шампанское. Андрей Кирилловичъ всталъ, громко провозгласилъ «за здоровье дамъ» и пошелъ съ бокаломъ къ Александрѣ Петровнѣ. Оркестръ заигралъ тушь, мужчины закричали «ура», а Александра Петровна подняла бокалъ и сказала: «здоровье именинника», что подхватили и всѣ дамы. Андрей Кирилловичъ подошелъ къ Александрѣ Петровнѣ:

— Сестрица, пью за ваше здоровье.

— Поздравляю васъ, братецъ, съ днемъ вашего ангела.

Андрей Кирилловичъ чокнулся съ ней, поцѣловалъ у ней руку и пошелъ кругомъ, чокаясь съ дамами. Тутъ ужъ во время пирожнаго и десерта безпрестанно хлопали пробки, и всѣ смѣялись, чокались, шумѣли. Братъ Александры Петровны, который сидѣлъ между дѣвицъ, безпрестанно вскрикивалъ: «женщины, это ангелы!.. неземныя существа!..» и все пилъ шампанское за ихъ здоровье. Наконецъ стулья загремѣли, всѣ встали изъ-за стола, церемонно раскланялись передъ Александрой Петровной и пошли за ней въ большую гостиную, гдѣ былъ поданъ кофе. Потомъ всѣ дамы пошли переодѣваться къ танцамъ. Маменька надѣла на меня новое бѣлое платье съ пышными рукавами, что меня очень радовало. Къ маменькѣ приходили барышни съ просьбой взглянуть на ихъ туалеты, и она поправляла имъ прически, прикалывала банты и цвѣты, а меня послала въ гостиную знакомиться съ дѣвочкой, которая только что прїѣхала. Дѣвочку звали Юленькой, у ней тоже были пышныя рукава, и мы съ ней тотчасъ подружились. Насъ послали въ залъ, и мы, весело болтая, ходили подъ огромной люстрой, которая еще не успокоилась послѣ того, какъ ее зажали, и все пощелкивала своими хрустальными призмами. У Юленьки тоже боялся Андрея Кирилловича: ее и не думали сюда брать, но онъ сегодня прислалъ записку, чтобы привезли дочку; мамаша ея очень сердилась: ей надо было приготовить это платье, потому и къ обѣду не успѣли. Робинзона Юленька не читала, а сказки очень

любить, вальсъ, какъ и я, съ большими танцовать не можетъ, такъ что когда его будутъ играть, мы пойдѣмъ съ ней учиться гдѣ-нибудь въ пустой комнатѣ.

Но вотъ на хорахъ опять собираются музыканты; я показала Юленькѣ Ребристова. Нарядныя барышни ходятъ по залу съ кавалерами; музыканты строятъ инструменты. Заиграли польскій; пары начали выходить изъ гостиной: впереди Александра Петровна съ предводителемъ, потомъ Андрей Кирилловичъ съ предводительшей; моя мать съ мужемъ Александры Петровны, Дмитріемъ Кирилловичемъ, потомъ много, много паръ, а въ самомъ концѣ пошли мы съ Юленькой, вытягивая носки, взбивая свои рукава, смѣясь и болтая. Пары чинно раскланивались и мѣнялись, а мы все за ними ходили и радовались.

Польскій кончился, заиграли вальсъ. Мы съ Юленькой хотѣли только немного посмотрѣть, какъ танцуютъ большіе, и потомъ итти танцовать въ пустую диванную, но насъ очень заинтересоваль одинъ изъ молодыхъ чиновниковъ, которые обѣдали за маленькимъ столомъ. Онъ сталъ передъ нами, подлѣ круга танцующихъ, и когда вальсирующая пара равнялась съ нимъ, онъ громко хлопалъ три раза въ ладони и потомъ протягиваль руки вслѣдъ за улетающей парой, которая оглядывалась, смѣясь и удивляясь. Наконецъ одна пара остановилась, кавалеры заспорили, около нихъ собрались любопытные, подошелъ и Ступиловъ. Изъ ихъ разговора мы поняли, что молодой чиновникъ настаиваль, чтобы при его ударахъ въ ладони дама переходила отъ своего кавалера къ нему, что такъ дѣлается теперь въ столицахъ и у нихъ въ Казани. Кавалеръ, который за обѣдомъ возглашалъ: «женщины... эти ангелы небесны», не хотѣлъ уступать ему своей дамы; хорошенькая Коровина, съ которой онъ танцоваль, была очень сконфужена. Тутъ вмѣшался Ступиловъ.

— Не смѣю спорить съ вами, молодой человѣкъ, что этотъ способъ приглашать на танцы дамъ существуетъ въ Петербургѣ, Москвѣ и Казани и что тамъ можно найти дамъ, которыя по одному удару въ ладони переходятъ отъ одного кавалера къ другому, и что тамъ есть кавалеры, которые такъ любезно передаютъ дамъ другъ другу. Но въ нашемъ захолустѣ другіе нравы. И если дама дѣлаетъ намъ честь и дарить намъ одинъ или два тура вальса, то мы ужъ добровольно не уступимъ ее никому, будь онъ даже пріѣзжій изъ Казани... Надѣюсь, что вы, узнавши наши правила, не будете настаивать и беспокоить даму, чего я, какъ хозяинъ дома, не могу допустить, а позвольте мнѣ представить васъ нашимъ танцующимъ дамамъ и будете приглашать ихъ по нашему старинному обычаю.

Онъ дружески взялъ подъ руку все еще не успокоившагося молодого человѣка и повелъ его къ барышнямъ. Тотъ вычурно раскланялся, сдѣлалъ съ приглашенной дамой нѣсколько туровъ, остановился около насъ и что-то очень строго говорилъ ей, налегая на

слова: «провинція... у насъ, въ Казани, на балахъ губернатора... сама княгиня Баратынская».

Музыка перестала играть, и мы нетерпѣливо ожидали съ Юленькой, что еще будетъ. Намъ очень хотѣлось танцовать вмѣстѣ съ большими, мы надѣялись, что кому-нибудь неостанетъ визави и тогда возьмутъ насъ, ну, а ужъ если не возьмутъ, мы пойдемъ танцовать въ диванную.

Оркестръ сыгралъ живой призывъ на кадрили, кавалеры забѣгали со стульями. Маменька и Александра Петровна вышли въ залъ, и мнѣ сдѣлалось еще веселѣе. Видимъ мы, что Ступиловъ тоже поправляетъ перчатки и идетъ... идетъ въ нашу сторону... нѣтъ, прямо къ намъ. Мы очень испугались, но поправили рукава и ждемъ.. Всѣ говорили, что онъ красавецъ, но я боялась смотрѣть ему прямо въ лицо; знала только, что, когда онъ говоритъ, у него блестятъ глаза и сверкають бѣлые зубы изъ-подъ черныхъ усовъ, что мнѣ казалось очень страшно. Когда мы пріѣхали, онъ привѣтствовалъ меня, какъ большую, и серьезно поцѣловалъ у меня руку, но тогда я была съ маменькой; онъ чокнулся со мной за обѣдомъ, но я была подлѣ Александры Петровны, а съ ними я ничего не боялась. А тутъ сидимъ мы съ Юленькой однѣ, и онъ идетъ къ намъ такой черный, высокій, страшный. Вотъ онъ подходитъ къ намъ, низко, низко передо мной раскланивается и приглашаетъ меня на кадрили.

— Я съ вами не пойду,—отвѣчаю я, вставая передъ нимъ со стула и съ трудомъ удерживаясь, чтобы не убѣжать.

— Что, Мирочка? Не пойдете со мной танцовать? Да за что же это? Нѣтъ, я, какъ именинникъ, буду настаивать? Помилуйте, почему же вы мнѣ отказываете?

— Я васъ боюсь,—рѣшаюсь я еще выговорить.

— Бойтесь? Да что же во мнѣ такого страшнаго? Чѣмъ я васъ напугала?

Но я больше не выдерживаю и бѣгу къ маменькѣ. Она обняла меня одной рукой и спрашиваетъ, что со мной. Но этотъ ужасный человѣкъ уже подходитъ къ ней и говоритъ:

— Чѣмъ я такъ страшно провинился передъ вами, Анеиса Дмитриевна, что вы съ дѣтства пугаете мной вашихъ дочерей. Вотъ Мирочка такъ меня боится, что нейдетъ со мной танцовать.

Не знаю, что отвѣчаетъ моя мать, потому что я уже плачу и бѣгу черезъ пустую гостиную, длинную анфиладу—ступеньки внизъ, ступеньки вверхъ,—полуосвѣщенные коридоры въ отведенную намъ комнату, захопываю за собой дверь и бросаюсь на постель, лицомъ въ подушки. Плачу я громко и неудержимо, какъ всѣ счастливыя дѣти. Я рыдаю и не могу удержаться, чтобы не приговаривать:

— И при-шелъ еще жа-ловаться. Еще смѣлъ прій-ти жаловаться...

И это ужъ для меня не просто отвлеченно страшный человекъ, а мой личный врагъ! Безсознательный страхъ прошелъ, и все мое сердце полно негодованіемъ на врага и жалостью къ себѣ.

— Такой огромный, черный, косматый и жалуется!.. А я такая,.. такая маленькая...—продолжаю я причитать, и все еще плачу, но понемногу начиная стихать.

Лежу я въ нишѣ, до половины задернутой тяжелой занавѣсью. Въ отверстіе мнѣ виденъ столикъ передъ диваномъ съ нагорѣвшей сальной свѣчой и подлѣ нея щипцы на лоточкѣ. Виденъ еще одинъ изъ казаковъ, которые стоятъ съ пиками по обѣимъ сторонамъ дивана. Они очень хорошо сдѣланы и выкрашены, эти казаки, такъ что я испугалась, когда вошла въ первый разъ въ комнату; а ужъ я отлично знаю казаковъ; они часто проходятъ черезъ нашъ городъ; офицеры у насъ обѣдаютъ, потомъ посылаютъ за своими пѣсенниками, и они поютъ, бьютъ въ бубны и пляшутъ у насъ на дворѣ, ходятъ на рукахъ и на головахъ—просто прелесть.

Дверь ко мнѣ отворяется. Быстро входитъ красивая молодая женщина, которая намъ прислуживаетъ, и ловко снимаетъ со свѣчи, за ней идетъ моя мать съ Юленькой. Я было опять начала плакать, но Юленька такъ смѣшно испугалась казаковъ, что я уже смѣюсь, а не плачу. Да и маменька не очень на меня сердится, только серьезно говорить, что я ужъ не маленькая и должна умѣть держать себя въ обществѣ. Возвращаться въ залъ мы уже не будемъ: я все свое платье измяла и облила слезами, а Юленькѣ безъ меня тамъ скучно. Красивая женщина приноситъ намъ ужинъ, разныхъ вкусныхъ лакомствъ и стелетъ Юленькѣ постель на диванѣ, который стерегутъ казаки. Маменька собирается уходить, проситъ Аринушку уложить насъ и крестить меня на ночь; я ее обнимаю и спрашиваю тихонько, нужно ли мнѣ будетъ завтра просить прощенье у Андрея Кирилловича, и при одной мысли объ этомъ я ужъ плачу. Маменька говоритъ, что онъ, разумѣется, забылъ глупости невоспитанной дѣвочки и нечего ему объ этомъ напоминать, но что я сама должна все это помнить и быть всегда вѣжливой со всѣми.

Красавица Аринушка заботливо раздѣваетъ меня, снимаетъ съ меня башмаки и чулки, укладываетъ въ постель и цѣлуетъ мнѣ руки и плечи.

— Милая моя барышня,—говоритъ она, завертывая меня въ стеганое розовое атласное одѣяло,—милая, хорошая моя барышня. Чѣмъ же это вы такъ огорчились? Отчего расплакались? И никого тутъ не было, какъ вы сюда пришли: я была въ подвалѣ, а дѣвушки всѣ убѣжали смотрѣть, какъ танцуютъ. Говорятъ, что вы что-то на нашего барина обидѣлись.

— Онъ на меня маменькѣ пожаловался,—говорю я, и вся моя обида встаетъ снова.

— Да за что же онъ на васъ пожаловался?

— За то, что я съ нимъ танцовать не пошла.

— Да почему же вы не пошли? Развѣ не умѣете?

— Я отлично умѣю,—говорю я, ужасно обиженная этимъ предположеніемъ,—да съ нимъ я не могу танцовать! Я его боюсь!

— Боятесь?.. Да что же вамъ его бояться?

— Не я одна его боюсь! Всѣ, всѣ большіе его боятся!..

— Ну, да, большіе-то, можетъ быть, его и боятся, потому что онъ баринъ богатый, знатный, ну, и тоже очень... справедливъ... что вздумаетъ, то всякому и скажетъ!.. Ну, а васъ развѣ онъ можетъ обидѣть?.. Да онъ нынче нарочно фореитора Гришку къ Барычовымъ посылалъ, чтобы непременно Юлію Владимировну привозили, чтобы вамъ не скучно было. Да что ужъ и говорить, лучше нашего барина нигдѣ не найдешь: и красавецъ, и добрый, и ласковый...

— Красавецъ!—повторяю презрительно.—Хорошъ красавецъ!.. огромный, черный, косматый!..

Аринушка беззвучно смѣется, выставляя свои бѣлые ровные зубы, и опять цѣлуетъ мои руки и плечи.

— Косматый!..—повторяетъ она мои слова:—черный, косматый! и снова долго смѣется.—Ну, вотъ что, барышня моя милая, завтра я вамъ бариновъ портретъ покажу, какъ онъ былъ маленькій; его нынче, какъ нарочно, кому-то показывать изъ кладовой принесли. Вотъ ужъ, можно сказать, былъ бы вамъ настоящій кавалеръ. Завтра господа чуть свѣтъ на охоту уѣдутъ, я васъ въ бариновъ кабинетъ и проведу. А теперь почивайте, Христось съ вами! вотъ ужъ Юлія Владимировна започивала.

II.

На другое утро, пока еще наши маменьки спали, Аринушка одѣла насъ, напоила чаемъ съ разными булочками и крендельками, и когда, наконецъ, повѣрила намъ, что мы сыты, повела насъ на мужскую половину, въ кабинетъ Андрея Кирилловича. Портретъ стоялъ завернутый въ углу; она поставила его передо мной на диванъ и сняла полотно.

— Вотъ, смотрите, какой онъ тутъ красавчикъ,—убѣждала она меня.—Буфетчикъ Степанъ рассказываетъ, что съ барина этотъ портретъ въ Петербургѣ самый лучший живонисецъ писалъ и все его красоту хвалилъ. Раздѣ этакихъ можно бояться! А вотъ тутъ, наль столomъ, покойница барыня, а тутъ барышня наша... Вы тутъ побудьте; а я только въ подвалъ сбѣгаю и опять за вами приду.

Я стою передъ портретомъ Ступилова, смотрю на него и не нахожу въ немъ никакой красоты.

У него тонкій, съ маленькой горбинкой носъ, большіе черные глаза. Брови задорно приподняты. Губы полуоткрыты и насмѣшливо

улыбаются. Может быть, это и красота, но все то, что я люблю, совсѣмъ не такое. У всѣхъ знакомыхъ мнѣ мальчиковъ такіе свѣтлыя, добрые глаза, такіе простые, кругловатые носы. Брови,—но я даже совсѣмъ не помню, какія у нихъ брови; и никто такъ чуть-чуть не улыбается, а ужъ если смѣются, такъ во весь ротъ. И у нихъ волосы обстрижены, оставленъ только маленькій хохолокъ. Рубашка всегда плотно застегнута, а по воскресеньямъ даже надѣтъ галстучекъ. И какъ они всѣ хорошо играютъ! А этотъ, что на портретѣ, только я думаю, умѣлъ важничать.

Юленька спорить, что онъ очень хорошъ, но я презрительно пожимаю плечами и повертываюсь къ портрету покойной бабыни.

Какъ хороша!.. Она сходитъ съ мраморной террасы; передъ ней вода, горы, небо такихъ яркихъ цвѣтовъ, какихъ я никогда не видала. На ней тяжелое, золотистое платье; на головѣ, сверхъ пышныхъ, надвинутыхъ на лобъ темныхъ буклей, накинута легкій бѣлый шарфъ. Въ рукѣ большой вѣеръ; она немного наклонилась къ нему и смотритъ вбокъ своими большими, сѣрыми, добрыми глазами; ротъ у нея полуоткрытъ, и кажется, что она хочетъ сказать вамъ что-то радостное. И вся она такая бѣлая, розовая, оживленная. Мнѣ казалось, что она сойдетъ къ намъ съ своихъ мраморныхъ ступеней...

Юленька говоритъ, что это покойная жена Ступилова, и мнѣ такъ жаль, что она умерла.

— А это какая-то старушка,—говоритъ Юленька, показывая на овальный портретъ подлѣ портрета Ступиловой.

Очень странная старушка: блѣдная, стриженная, безъ чепца, съ большими капризными глазами, съ выдавшимся острымъ подбородкомъ и съ длиннымъ горбатымъ носомъ, пригнутымъ къ тонкимъ, сжатымъ губамъ. Совсѣмъ такъ рисуютъ злыхъ фей въ сказкахъ, и Юленька со мной согласилась. Мы съ ней сѣли, въ ожиданіи Арилушки, на большую медвѣжью шкуру, постланную на полу, и стали припоминать наши любимыя сказки; и какъ доходило до злой феи, мы смотрѣли на портретъ старушки и опять находили, что она совсѣмъ такая, только морщинъ нѣтъ. И въ кабинетѣ кругомъ было много сказочнаго: медвѣжьи и волчьи шкуры на полу блестятъ своими разноцвѣтными стеклянными глазами. По сторонамъ письменнаго стола стоятъ два дракона; они совсѣмъ перегнулись на своихъ зеленоватыхъ, чешуйчатыхъ хвостахъ, распустили страшныя крылья и держатъ въ когтяхъ вѣтвистые канделябры. На высокихъ шкамахъ со стеклянными, подбитыми зеленымъ шелкомъ дверцами стоятъ чучела странныхъ птицъ. Въ углу огромный орелъ распустилъ могучія крылья и держитъ въ когтяхъ ястреба. Одна стѣна вся блеститъ оружіемъ; на другой большая затянута полотномъ картина.

— Что если на этой картинѣ,—говорю я Юленькѣ голосомъ, которымъ рассказываютъ страшныя исторіи,—нарисована пещера, и въ пещерѣ сидитъ эта блѣдная старушка. Около нея лежатъ волки и медвѣди; за спиной у нея драконы; надъ головой распустилъ крылья огромный орелъ. А мы съ тобой заплутались въ лѣсу и входимъ къ ней въ пещеру. Звѣри поднялись, окружили насъ, ревуть и воютъ; драконы дышатъ на насъ пламенемъ; орелъ летаетъ надъ нами, распустивъ когти,—мы просимъ ее насъ защитить, становимся передъ ней на колѣна, а она смотритъ на насъ своими злыми глазами и только страшно смѣется...

Юленька зажимаетъ отъ страха уши и бѣжитъ отъ меня; я ее догоняю и кричу:

— Насъ спасаетъ принцъ! Насъ спасаетъ принцъ!—и обѣ мы попадаемъ въ объятія къ Аринушкѣ.

— Аринушка, милая, что это за старушка, кто она такая?—спрашиваю я ее.

— Гдѣ? Какая старушка?

— Да вотъ эта, подлѣ вашей покойной барыни,—и я веду ее къ портрету злой феи.

Аринушка совсѣмъ замерла въ своемъ беззвучномъ смѣхѣ.

— Старушка! вотъ ужъ сказали! Да это наша барышня, дочка Андрея Кирилловича. Ей всего восемь лѣтъ недавно минуло. А это она стриженная, послѣ горячки.

Я смотрю съ величайшимъ удивленіемъ на эту странную дѣвочку.

— Да гдѣ же она?—спрашиваю я.

— Онѣ живутъ у бабушки, у матери покойной барыни. Имъ было десять деньковъ, какъ барыня скончалась, и онѣ съ тѣхъ поръ все у бабушки.

— А что она... добрая?..—спрашиваю я, не отводя глазъ отъ портрета.

— Мы этого не знаемъ,—отвѣчаетъ уклончиво Аринушка.— Онѣ здѣсь никогда не были. Вотъ лицомъ онѣ, говорятъ, всѣ въ бабушку; ну, а та... карактерная... А теперь пожалуйста, барышни, въ чайную, барыни сейчасъ туда выйдутъ.

Веселый былъ этотъ день. Мужчины всѣ уѣхали на охоту, а мы, съ разрѣшенія Александры Петровны, бѣгали съ Юленькой по всему дому. Даже осмѣливались катать шары по большому бильярду; но какъ мы ни старались подкрасться и прокатить тихонько шаръ, чтобы не услышалъ маркеръ Акинфій, это намъ ни разу не удалось: при самомъ легкомъ шумѣ онъ вырасталъ, какъ изъ земли, и, заложивши руки за спину, стоялъ почтительнымъ, но вѣрнымъ блюстителемъ бильярднаго сукна. Послѣ обѣда Александра Петровна сказала намъ, чтобы мы не бѣгали по всему дому, а играли только въ большомъ залѣ, такъ какъ охотники скоро возвратятся; но и тутъ намъ было хорошо. Она выучила насъ играть

на китайскомъ бильярдѣ, дала намъ воланы и ракетки; а надоѣсть играть, позволила намъ пойти въ цвѣточную оранжерею. Въ нее прямо изъ зала была большая стеклянная дверь; тамъ показала намъ Александра Петровна диванчикъ, на которомъ мы можемъ сидѣть и смотрѣть картинки въ Dumont d'Urville, если намъ захочется: книга лежитъ въ маленькой диванной на столѣ.

Наигравшись въ залѣ и захвативши съ собой яблоки, которыя намъ дала мимоходомъ Аринушка, мы пошли съ Юленькой въ оранжерею. Около нашего диванчика стояли высокія, красивыя пальмы и олеандры въ цвѣту. Тутъ было тепло, уютно и пахло желтофіолями. Мнѣ было очень весело! Юленька побѣжала за Dumont d'Urville, а я широко раскинула платье по дивану, играла своимъ яблокомъ, какъ мячомъ, непозволительно болтала ногами и... увидала въ концѣ оранжереи идущаго Ступилова!.. Убѣжать?.. Но я обѣщала маменькѣ вести себя какъ слѣдуетъ въ обществѣ. Да къ тому же мнѣ было такъ весело, до такой степени все ни по чемъ, что я совершенно простила своего вчерашняго врага и рѣшилась вѣжливо его встрѣтить. Я положила яблоко на диванъ, оправила платье, приняла самый степенный видъ, выждала, когда онъ ко мнѣ подошелъ, встала и сдѣлала книксенъ.

— Все еще боитесь меня, Мирочка?—спросилъ онъ шутливо, останавливаясь передо мной.

— Нѣтъ, я васъ сегодня меньше боюсь,—отвѣчала я храбро.

— Вотъ какъ. Такъ, можетъ быть, и ручку позволите поцѣловать?

Я протянула руку, какъ большая, хотѣла поцѣловать его въ щеку, но не дотянулась.

— У васъ тутъ на диванчикѣ очень хорошо! Неужели и сѣсть подлѣ васъ можно?

Я собрала около себя платье, чтобы дать ему больше мѣста. Лицо у него было такое доброе, что я уже совѣмъ его не боялась, и мнѣ захотѣлось показать ему, что я прекрасно умѣю держать себя въ обществѣ.

— Андрей Кириллычъ,—начала я самымъ свѣтскимъ тономъ, подражая дамамъ:—скажите мнѣ, пожалуйста, отчего всѣ ваши статуи одѣты?

Онъ засмѣялся; видно бы. ъ, что онъ не ожидалъ отъ меня такого вопроса.

— Этого пожелала «ваша» Александра Петровна,—сказалъ онъ съ удареніемъ на «ваша».—Если бъ я ихъ не одѣлъ, она бы ко мнѣ не пожаловала; да, можетъ быть, и ваша матушка тоже.

Я вспомнила, какъ серьезно проходила вчера по оранжереѣ Александра Петровна, когда всѣ другіе смѣялись, повѣрила ему, но продолжала наставительно:

— Такъ отчего же онѣ у васъ такъ дурно одѣты. Можно бы имъ сдѣлать такія красивыя одежды... бѣлыя шелковыя или газовыя, или креповыя!..

— Да я-то, Мирочка, люблю ихъ больше безъ одежды,—перебилъ онъ, смѣясь:—а Александра Петровна такъ рѣдко ко мнѣ жалуетъ, что для одного какого-нибудь раза не стоитъ заказывать имъ платья.

— Но все-таки, какъ вамъ не жаль такъ ихъ портить! Посмотрите вотъ на этихъ... какъ вы ихъ нарядили,—сказала я, показывая ему за спинкой дивана, на высококомъ пьедесталѣ, двѣ прелестныя цѣлующіяся головки; онѣ выглядывали изъ одного общаго сарафана.—Даже смѣшно,—продолжала я укоризненно.

— Я люблю смѣшное, Мирочка.

— И я люблю, да только мнѣ жаль статуѣ.

— А гдѣ же вы видали статуи, Мирочка, что такъ ихъ полюбили?

— Я видѣла много рисованныхъ статуѣ въ «Живописномъ Обзорѣніи». А изъ настоящихъ у насъ только есть маленькія: государь Николай Павловичъ, Наполеонъ, Крыловъ...—Я остановилась: былъ у насъ еще большой алебастровый пѣтухъ и хорошенькая фарфоровая собачка, но я не знала, можно ли о нихъ упомянуть.

— А басни Крылова любите, Мирочка?

— Еще бы... Я каждый день учу ихъ наизусть, и по многу; даже у меня вся книжка истрепалась...

— Такъ скажите мнѣ какую-нибудь... вашу любимую.

— Я очень люблю «Два голубя», только говорить не могу...

— Почему? Очень длинно?

— Ахъ, нѣтъ, я все твердо помню... А тамъ, знаете, ужасно жалко, когда голубь не слушается друга и улетаетъ; я тутъ всегда плачу... А хотите, я вамъ скажу «Квартетъ»?

— Скажите, скажите, Мирочка.

Я стала передъ нимъ, поправила платье, сложила, какъ меня учили, руки и начала. Меня всегда очень хвалили за мои басни, и я видѣла, что Андрей Кирилловичъ тоже былъ доволенъ; глаза и зубы у него блестѣли, но я уже ничего не боялась, потому что совершенно «разошлась», какъ выражалась обо мнѣ въ такихъ случаяхъ моя мать; свой свѣтскій тонъ я давно забыла.

— А вы «Квартетъ» знаете?—спросила я Ступилова, когда кончила и онъ очень похвалилъ меня.

— Кажется, знаю.

— Такъ теперь вы его скажите, мы посмотримъ, кто изъ насъ лучше говорить.

Онъ началъ. Я слушала, снисходительно улыбаясь и ужасно желая, чтобы онъ сбился; но онъ все сказалъ до конца съ совершенно новой для меня манерой, которая мнѣ очень понравилась.

— Хорошо. Вы тоже говорите хорошо,—похвалила я его:— даже у васъ выходить смѣшнѣе, чѣмъ у насъ съ Николенькой.

— Это какой же у васъ есть Николенька?—спросилъ онъ.

— Николенька Головинъ. Онъ—сиротка, живетъ у больного дяди и приходитъ къ намъ каждый праздникъ.

— Ахъ, знаю! Такой большой, бѣлокурый, вихрастый мальчикъ?

— Да, да! Маменька всегда примазываетъ ему вихры фиксауаромъ. И это ничего, что онъ большой, онъ совсѣмъ не важничаетъ, и отлично умѣетъ играть... Знаете что?..—вдругъ вздумала я:— скажемте вмѣстѣ «Ворону и Лисицу»! Мы такъ часто съ Николенькой говоримъ. Я буду Ворона и скажу все до Лисицы и все послѣ Лисицы; а вы будете Лисица. Хотите?.. У меня и яблоко есть!

— Хочу, хочу... Только зачѣмъ намъ яблоко?

— Да вмѣсто сыра! Вѣдь надобно что-нибудь около рта держать; маменька во рту не позволяетъ. А потомъ яблоко всегда идетъ Лисицѣ,—прибавила я, желая этимъ подкупить его; и прежде, чѣмъ онъ успѣлъ сказать слово, я уже стояла на диванѣ. —Только какой вы высокій! Вамъ надо быть гораздо ниже меня... Знаете, какъ на картинкѣ нарисовано...

— А вотъ мы это сейчасъ устроимъ,—сказалъ Ступиловъ; быстро снялъ съ пьедестала хорошенькія головки въ сарафанѣ и поставилъ ихъ на полъ.—Становитесь сюда, тутъ довольно мѣста.

И я уже стою на пьедесталѣ въ совершенномъ восторгѣ отъ превосходной mise en scene. Стою я между высокими растеніями, приложивши яблоко ко рту, настоящей вороной; только лисица все еще слишкомъ высока.

— Вы все еще очень высоки; вамъ надо на колѣни стать!

— Нѣтъ ужъ, Мирочка! благодарю покорно! Рано еще вамъ насъ на колѣни ставить! Я сяду на диванъ; начинайте.

Я, старательно декламируя, досказала все до первыхъ словъ лисицы и быстро приложила яблоко ко рту. Теперь началъ Ступиловъ:

Ну, что за шейка! что за глазки!
Разсказывать, такъ, право, сказки.
Какія плечики...

— Перушки!—подсказала я, негодуя на его ошибку.

— Какой носокъ!

И, вѣрно, ангельскій быть долженъ голосокъ!
Спой, свѣтикъ, не стыдись. Что ежели, сестрица,
При красотѣ такой, и пѣть ты мастерица,
Вѣдь ты бѣ у насъ была царица...

— Царь-птица!—поправляю я, потомъ досказываю, что слѣдуетъ, каркая превосходно, ловко роняю яблоко лисицѣ и заканчиваю басню.

— Ошибались! ошибались!—кричу я, спрыгивая съ пьедестала на диванъ и схватывая яблоко, которое Ступиловъ положилъ, чтобы поставить на мѣсто статую.—Ошибались! и за это нѣтъ вамъ яблока.—Мамочка! онъ ошибался! Онъ не твердо знаетъ «Ворону и Лисицу».

Юленька давно уже стояла за стеклянной дверью оранжереи съ Dumont d'Urvill въ рукахъ и не смѣла войти, боясь Ступилова. Ей изъ-за растеній не совсѣмъ хорошо было видно, что у насъ происходитъ. Но когда она увидала, что я поднята наравнѣ съ высокими растеніями и Ступиловъ сидитъ передо мной на диванѣ, она подумала, что онъ устроилъ мнѣ какой-нибудь родъ пытки, и побѣжала за моей матерью, чтобы спасти меня.

— Вотъ, Анеиса Дмитриевна, полюбуйтесь, какъ вы свою дочь воспитали,—обратился Ступиловъ къ моей матери:—къ птицамъ у ней великая жалость, а людей жалѣть вы ее не научили. О голубѣ она плачетъ, а вчера меня безъ дамы оставила и теперь мнѣ заслуженнаго яблока не отдастъ.

Я начала возражать, но маменька разомъ умѣла меня осаждать. Она перебила меня замѣчаніемъ, что невѣжливо говорить «онъ» о присутствующихъ; строго запретила мнѣ куда-нибудь лазить; поправила мнѣ особенно твердо платье на плечи (тогда дѣвочки всегда были декольте и съ короткими рукавами); провела рукой по моимъ разлетѣвшимся волосамъ и послала меня играть къ Юленькѣ въ залъ, совершенно благовоспитанной дѣвочкой.

III.

Въ дверяхъ я встрѣтила нѣсколько дамъ и мужчинъ; они, разговаривая и смѣясь, прошли въ оранжерею. Юленьки тутъ не было, и я начала одна играть въ воланъ, подбрасывая его на ракеткѣ. Въ залѣ зажигали лампы, а въ оранжерею черезъ стеклянную стѣну смотрѣлъ полный мѣсяцъ, фантастично освѣщая и гуляющихъ тамъ гостей, и смѣшныя фигуры закутаннхъ статуй, шаловливо набрасывая на все узорчатая тѣни отъ растеній. Туда прошелъ съ молоденькой женой предводителя большой мой пріятель, старый полковникъ Гаристовъ, въ ополченскомъ мундирѣ двѣнадцатаго года, и по дорогѣ поймалъ меня за мои длинныя косы, поцѣловалъ и посовѣтовалъ не церемониться, а веселиться во всю. Въ широкія арки комнатъ, выходящихъ въ залъ, видны были приготовленные тамъ карточные столы, а въ одной изъ нихъ, въ «зеленькой», ужъ играли мужчины въ карты. Я увидала тамъ нашего городничаго Силича, и онъ послалъ мнѣ нѣсколько воздушныхъ поцѣлуевъ. Лакеи съ лампами, казачки съ трубками безпрестанно приходили и уходили, оставляя открытой дверь въ переднюю.

Изъ нея была видна вся ужь освѣщенная анфилада мужской половины, перехваченная бильярдомъ. На немъ игралъ съ кѣмъ-то Ступиловъ; слышно было, какъ тамъ стучались шары, смѣялись зрители, выкрикивалъ партію маркеръ Акинфій, и было видно, какъ Ступиловъ въ разныхъ ловкихъ и красивыхъ позахъ прицѣливался кіемъ то съ той, то съ другой стороны бильярда. Хорошо бы теперь намъ съ Юленькой съ нимъ поиграть въ этой залѣ... Онъ отлично умѣетъ устроить игру. Хоть онъ опять на меня пожаловался маменькѣ, но я ужь на него не сердилась: за веселую игру всегда приходится отвѣчать... А Юленьки все нѣтъ... Вотъ и на хорахъ тоже огонь появился. Неужели опять будутъ танцовать! Я подбѣжала къ старому буфетчику, который ужь много разъ показаль мнѣ, что онъ весь къ моимъ услугамъ, и спросила его: будетъ ли музыка и будутъ ли танцовать?

— Музыка будетъ только для слуха, барышня, а танцевъ не будетъ, потому что молодежи нѣтъ.

— Ну, ужь мы-то съ Юленькой непременно будемъ танцовать,—сообщила я ему конфиденціально.

— Мирочка! Мирочка! тебя зоветъ Александра Петровна.

Въ дверяхъ гостиной стояла Юленькина мать и звала меня и словами и жестами.

— Маменька приказала мнѣ быть здѣсь,—сказала я, подбѣгая къ ней.—Я сейчасъ у ней спрошу...

— Нечего спрашивать! тебя зоветъ Александра Петровна. Пойдемъ!—сказала она строго и внушительно.

Барычова была красива, но прихрамывала и одѣвалась неряшливо. Юбка ея платья висѣла какими-то клиньями, на плечахъ была криво накинута шаль, въ рукѣ былъ зажатъ большой носовой платокъ,—и отъ него висѣлъ еще длинный мятый уголь, она была такая порывистая, что безпрестанно то садилась, то вскакивала, шумя своими юбками.

Я положила на консоль воланъ и ракетку и пошла за Барычовой черезъ пустую, не совсѣмъ еще освѣщенную анфиладу. Только въ концѣ ея, въ маленькой диванной, виднѣлся карточный столъ со свѣчами и кто-то сидѣлъ около него. Барычова шла передо мной, какъ подстрѣленная птица: быстро, съ подлетомъ, наклонивши впередъ голову. Шаль волочилась за ней съ одного бока, какъ раненое крыло.

У насъ было «строго насчетъ манеръ». Безпрестанно слышалось: «не топай, не шаркай, не ходи, какъ гусь; не горбись, не гнись, не кривись; не стой, пожалуйста, фертомъ; не поджимай локтей, какъ жареный цыпленокъ; не щурься, не морщи лобъ, не закусывай губъ; не пищи, не визжи; не кричи, какъ мужикъ». Эти окрики прилетали всего чаще во время самой интересной игры, когда я забывала все кругомъ, но они тотчасъ приводили меня въ поря-

докъ, потому что шли отъ маменьки: я ее очень любила и безпрекословно слушалась. Потомъ были разныя правоучительныя книги съ картинками, въ которыхъ рассказывалось, какъ жили съ своими родителями и наставниками и какъ вели себя вѣжливый Степа, любопытная Поленька, злой Викторъ, прилежная Клавденька, скромная Аннушка, лѣнивый Ростиславъ и еще многія дурныя или хорошія дѣти. Эти книги я читала одна и пользовалась ихъ правоученіями только отрицательно. Быть такой умницей, какъ прилежная Клавденька, скромная Аннушка и вѣжливый Степа, было очень трудно, и я только старалась не дѣлать тѣхъ безобразій, которыми были полны интересныя жизнеописанія злого Виктора, любопытной Поленьки и лѣниваго Ростислава. И теперь, глядя на некрасивую фигуру Барычовой, я оправила платье, приладила рукой волосы, выпрямилась и пошла за ней, стараясь не колыхнуться: прямо, ровно, носки врозь. Вдругъ за мной точно дунуль вѣтеръ съ какимъ-то серебрянымъ звономъ, и прежде, чѣмъ я успѣла оглянуться, плечи мои попали въ тиски, и я очутилась высоко отъ пола.

— Петръ Александровичъ, пустите!—закричала я въ восторгѣ отъ моего полета. Я ужъ знала, что это подкрался ко мнѣ и поднялъ меня нашъ городничій.

— Не пуцуй!.. Куда бѣжишь такой стрѣлкой? Иди назадъ въ залъ! Ты мнѣ счастье приносишь. Когда ты тамъ поржала, я семьдесятъ ремизу списалъ.

Считаясь съ маменькой въ какомъ-то дальнемъ родствѣ, онъ требовалъ меня всегда изъ дѣтской, когда пріѣзжалъ къ намъ, возилъ мнѣ конфеты, бралъ у меня для игры руку на счастье, говорилъ мнѣ «ты» и совсѣмъ со мной не церемонился.

— Здравствуйте, Петръ Александровичъ,—заговорила, оборачиваясь къ намъ, Барычова.—Отчего вчера не пріѣхали?

— Пожаръ былъ... Только что мнѣ лошадей подали,—набать!.. Ну, какъ всегда, все сразу занялось!.. Кромѣ разной дряни, три хлѣбныхъ амбара сгорѣло!..

Я ужъ стояла на полу, плечи мои освободились, и городничій щелкалъ шпорами и подходилъ къ ручкѣ.

— А теперь я больше пріѣхалъ, чтобы наши барыни не перепугались. Вѣдь тутъ могутъ всего наврать... Въ ночь уѣду, а то еще подъ уголовщину попадешь. Вѣдь это чортъ знаетъ, что у васъ за городъ!.. Каждую минуту горить!..

— Когда же вы пріѣхали?

— Да еще охотниковъ за обѣдомъ засталъ. А какъ изъ-за стола, сейчасъ мнѣ Бабаевъ и карточку всучилъ... Любимъ мы съ нимъ сразиться, да рѣдко приходится: жена молодца изъ деревни не выпускаетъ!.. А сегодня Андрей Кирилловичъ разрѣшилъ намъ у него поиграть, для того, говорить, «чтобы вы, селадоны, моимъ

гостьямъ не очень надоѣдали». А чтобы мы не заигрались, въ свою половину насъ не пустилъ, а посадилъ въ какія-то дамскія цвѣточныя ниши и будетъ насъ музыкой угощать! Ну, Мира, летимъ!.. И изъ зала ни на шагъ!..

— Ее теперъ Александра Петровна къ себѣ зоветъ,—замѣтила серьезно Барычова.

— Александра Петровна?.. Да вѣдь я еще и съ ней не раскланивался... Летимъ, Мира!..

И я пронеслась черезъ всю анфиладу и была бережно опущена передъ Александрой Петровной.

— Вотъ вамъ моя маленькая принцесса, получайте!.. А затѣмъ позвольте вашу прелестную ручку поцѣловать!

— Петръ Александровичъ! господа просятъ васъ карты снять,—почтительнѣйше доложилъ шустрый казачокъ, давно ужъ ждавшій удобной минуты, чтобы выполнить данное ему порученіе.

— Иду, братецъ, иду. Ужъ этотъ мнѣ Андрей Кирилловичъ! Засадилъ насъ за карты, чтобы одному съ дамами любезничать! Марья Викторовна, вашу ручку,—сказалъ онъ, обращаясь къ хорошенькой женѣ стряпчаго.—Мужъ вашъ выздоровѣлъ; только о васъ тоскуетъ. Вчера съ отчаянія, что васъ нѣтъ, меня на пятьдесятъ рублей обыгралъ. Звалъ его съ собой, не поѣхалъ, говоритъ: не смѣю, жена меня дома оставила, наказанъ...

— Петръ Александровичъ, да вѣдь это, наконецъ, невозможно! Мы васъ цѣлый часъ ждемъ,—сипло проговорилъ показавшійся въ дверяхъ толстый, красный, вѣчно охрипшій Бабаевъ.

— Боги!!! Гора пришла за Магометомъ! Бѣгу, бѣгу,—и онъ исчезъ, звеня шпорами и увлекая за собой все еще ворчавшаго Бабаева.

— Су-ма-спедшій!—восторженно протянула жена стряпчаго.

— Вѣтрогонъ и картежникъ!—рѣзко пустила Барычова, бросаясь на диванъ.

— Онъ еще такъ молодъ!—заговорила своимъ низкимъ, необыкновенно пріятнымъ голосомъ Александра Петровна.—А городничій онъ прекрасный. Сейчасъ ко мнѣ изъ городского дома сторожъ пріѣзжалъ доложить, что въ городѣ пожаръ былъ, и намъ съ Марьей Викторовной рассказывалъ, какъ Силичъ на пожарѣ дѣйствовалъ. Вѣдь вы знаете, какая у насъ пожарная команда, что она можетъ сдѣлать противъ нашихъ пожаровъ! Такъ онъ сталъ въ самомъ опасномъ мѣстѣ на крышу, сложилъ руки и говоритъ: «Ну, братцы, я отсюда не сойду! Не дайте мнѣ сгорѣть, выручайте!» А вѣдь его въ городѣ все ужасно любятъ, такъ эти наши забубенные молодые мѣщане руками сосѣдній сарай растаскали... Ну, цѣлый кварталъ и спасли.

— Да, человекъ неутомимый,—насмѣшливо похвалила Барычова:—въ этотъ же вечеръ успѣлъ пятьдесятъ рублей спустить. И ужъ навѣрное направо и налево.

— Что же, и за это нельзя его очень винить,—продолжала примирительно Александра Петровна:—всѣ играютъ! А онъ одинъ, какъ персть; кромѣ жалованья, что-то имѣетъ; а съ дядей помирится, богачомъ будетъ.

— Да и какъ его здѣсь купцы любятъ!—горячо заговорила Марья Викторовна.—Мужъ мнѣ рассказывалъ, что когда разъ Силичъ очень проигрался, даже заболѣлъ,—знаете, эта у него рана открылась,—такъ ему старикъ Прокудинъ тысячу рублей привозилъ...

— Ты бы не все, Машенька, рассказывала, что тебѣ мужъ говорить,—серьёзно замѣтила ей Александра Петровна.

— И тутъ онъ поступилъ, какъ совершенный пустозвонъ!—вскочивъ съ дивана, заговорила Барычова.—Вообразилъ Богъ знаетъ что, когда ему этотъ почтенный старикъ Прокудинъ просто отъ всей души хотѣлъ помочь. Даже какъ деликатно придумалъ: положилъ ассигнаціи въ аптекарскій мятный мѣшечокъ и говорить ему: «Моя старуха услышала, что вы больны, мятки вамъ прислала». А какъ Силичъ увидалъ, что это за мята, совсѣмъ сбѣсился, такъ прямо на Прокудина съ кулаками: «вонъ! вонъ!» Мальчишка—и на такого почтеннаго старика! И какой бы онъ тамъ ни былъ знатный родомъ и по какимъ бы причинамъ къ намъ сюда ни попалъ, а у насъ онъ все-таки просто го-род-ни-чій!.. а какимъ графомъ себя держитъ...

— Положимъ, что старикъ Прокудинъ только потому и почтенный, что миллионщикъ,—сказала смѣясь Александра Петровна.

Въ другое время эти разговоры были бы для меня интересны: пожаръ, кулаки, деньги въ мятъ, и все это про моего пріятеля Силича, но въ залѣ начали настраивать инструменты, и я поглядывала на Юленьку, которая оказалась тутъ, и показывала ей глазами въ залъ. Но Юленька стояла какая-то странная, съ необыкновенно оживленнымъ лицомъ и, презрительно потрясая головой, показывала мнѣ, что знаетъ что-то интереснѣе нашихъ танцевъ. Я воспользовалась перерывомъ разговора:

— Вы меня звали, Александра Петровна?—спросила я ее.

Александра Петровна сидѣла за карточнымъ столомъ, постукивая нераспечатанной колодой картъ. Она развязала и откинула назадъ широкія розовыя ленты своего чепца съ пышными барбами, и была такая же хорошенькая, какъ всегда, но не такая спокойная: ее что-то не то сердило, не то забавляло. Передъ ней сидѣла Марья Викторовна, играя мѣлкомъ, искусно обточеннымъ и завернутымъ въ бѣлую бумажку, и блестя кольцами на своей хорошенькой ручкѣ. Юленька стояла, держась за ея стулъ.

— Да, да, Мирочка, я тебя звала,—сказала Александра Петровна, притягивая меня къ себѣ еще ближе.

— Oui vraiment, laissons ce jeune fou et tachez de reconnaître les beaux faits de notre cher hôte ¹⁾,—заговорила Барычова, опять бросаясь на диванъ.—Вчера онъ рыцарствовалъ за Коровину, такъ что у ея матери теперь ушки на макушкѣ; потомъ раздражилъ до слезъ эту дѣвочку и сегодня опять ее въ покоѣ не оставляетъ.

Я что-то ничего не понимала. Ужъ не виновата ли я въ чемъ-нибудь. Александра Петровна обыкновенно звала меня къ себѣ, чтобы справиться, не скучно ли мнѣ, научить какой-нибудь интересной игрѣ или дать какую-нибудь особенную конфетку или грушу, а теперь она сидѣла не говоря ни слова и очень усердно поправляла бантики на моихъ косахъ. Въ залѣ раздалось громкое тремоло оркестра, и я вздрогнула отъ нетерпѣнія.

— Мирочка,—начала она наконецъ:—что ты нашла въ оранжевѣ, когда была тамъ съ Андреемъ Кирилловичемъ.

Мое вѣрное товарищеское сердце такъ и дрогнуло: и тутъ ужъ успѣлъ нажаловаться!

— Я совсѣмъ не шалила, Александра Петровна,—отвѣчала я, совершенно обиженная:—я только не хотѣла ему говорить «Два голубя», а сказала ему за это «Квартетъ»; но онъ все-таки пожаловался маменькѣ, что я больше люблю птицъ, чѣмъ его.

— Что, что?.. На что онъ пожаловался?—переспросила Барычова.

— Что я очень люблю птицъ и что вчера съ нимъ не танцевала.

— Какихъ же это птицъ ты такъ любишь, Мирочка?—спросила Александра Петровна.

Въ это время музыка заиграла что-то живое и веселое; все мое вниманіе ушло въ залъ, и я совершенно забыла, въ чемъ было дѣло.

— Какихъ птицъ люблю, Александра Петровна? да всякихъ... и синичекъ... и канареекъ...—отвѣчала я, прислушиваясь къ музыкѣ.

— И за это Андрей Кирилловичъ посадилъ тебя на статую?—спросила смѣясь Александра Петровна.

— Онъ не сажалъ меня на статую,—возразила я съ негодованіемъ:—я стояла...

— Какъ не сажалъ,—заговорила горячо Юленька:—я сама видѣла, что ты вдругъ очутилась выше его самого.

— Я стояла на пьедесталѣ за диванчикомъ, гдѣ мы съ тобой хотѣли читать.

— Какой тамъ пьедесталъ, тамъ нѣтъ у него пустыхъ пьедесталовъ,—заговорила Барычова.

— Тамъ стояла статуя; Андрей Кирилловичъ ее снялъ и велѣлъ мнѣ стать на ея мѣсто,—продолжала я объяснять; а музыка играла все живѣе и живѣе.

¹⁾ Да, въ самомъ дѣлѣ, бросимъ этого сумасшедшаго и постараемся разобратъся въ дѣяніяхъ нашего любезнѣйшаго хозяина.

— Elle radote tout simplement ¹⁾),—проговорила, пожимая плечами, Барычова.

— Jamais je ne radote, madame ²⁾),—сказала я, очень обиженная и едва удерживая слезы.

Барычова быстро вышла изъ комнаты и позвала съ собой Юленьку.

— Я знаю, что ты всегда говоришь правду, Мирочка,—сказала Александра Петровна, цѣлуя меня:—но зачѣмъ же онъ поставилъ тебя на пьедесталь?

— Чтобы говорить «Ворону и Лисицу». Я была Ворона и мнѣ надо было быть много выше Лисицы.

— Какая же тутъ была у васъ Лисица?—спросила, недоумѣвая, Александра Петровна.

— Лисицу говорилъ Андрей Кирилловичъ.

— Дорого бы я дала, чтобы посмотрѣть его Лисицей,—сказала смѣясь Марья Викторовна.

— Онъ ошибался,—сказала я пренебрежительно.—А «Квартетъ» твердо знаетъ и говорить очень смѣшно.

— Такъ вы съ нимъ тамъ забавлялись, Мирочка; а Юленька думала, что онъ тебя за что-то наказалъ,—сказала Александра Петровна.

— Развѣ онъ смѣетъ меня наказывать?—возразила я горячо:—маменька этого никому не позволяетъ.

— За диваномъ стоитъ Амуръ и Психея,—заговорила, входя, Барычова.—Я ее узнала и въ сарафанѣ. Вѣдь со мной Андрей Кирилловичъ не церемонится; не только что не прикрываетъ ихъ къ моему приѣзду, а водить меня по оранжереѣ и объясняетъ ихъ красоты. Это изъ его любимыхъ... Только она настоящая мраморная, и онъ не могъ снять ее, она должна быть очень тяжела.

— Онъ ее снялъ и опять поставилъ на мѣсто,—увѣряла я горячо, чувствуя, что опять готова заплакать.

— Да развѣ вы забыли, что онъ страшный силачъ,—вступилась за меня Марья Викторовна:—одинъ на медвѣдя ходитъ; такъ что же тутъ мудренаго, что онъ ее снялъ!

— На охотѣ другое дѣло, а тутъ изъ чего онъ будетъ надрываться,—возразила Барычова.

— Андрей Кирилловичъ,—бросилась я къ показавшемуся въ дверяхъ Стушилову, хватая его за руку:—вотъ мнѣ не вѣрять, что вы сняли для меня статую!..

— Кто же это намъ съ вами не вѣрять, Мирочка?—спросилъ онъ, наклоняясь, чтобы поцѣловать мою руку.

¹⁾ Она просто говоритъ пустяки.

²⁾ Я никогда не говорю пустяковъ.

— Анна Ѳедоровна мнѣ совсѣмъ не вѣрять... а Марья Викторевна говоритъ, что, можетъ быть, вы и сняли, потому что вы—силачъ... а Александра Петровна...

— Такъ тутъ насъ съ вами судятъ, Мирочка; и какое опасное для меня судилище!.. Такъ Марья Викторевна за насъ, а Анна Ѳедоровна противъ насъ; а какого объ насъ мнѣнія Александра Петровна?

— Александра Петровна всегда мнѣ вѣрять,—заявила я съ гордостью.

— Такъ, значить, противъ насъ только одна Анна Ѳедоровна. Вотъ, Мирочка, что я могу сдѣлать, чтобы намъ повѣрили: я еще разъ сниму мою Психею, только съ условіемъ, что Анна Ѳедоровна станетъ на ваше мѣсто и сдѣлаетъ мнѣ честь, повторить со мной «Ворону и Лисицу». И я ужъ не буду ошибаться, Мирочка.

Марья Викторевна залилась своимъ серебристымъ смѣхомъ, Александра Петровна сидѣла серьезная, Барычова, видимо, очень обидѣлась и презрительно процѣдила сквозь зубы:

— Pas si bête!.. ¹⁾

— Вотъ что я вамъ еще скажу, Мирочка,—продолжалъ Ступиловъ, садясь, и такимъ хорошимъ, добрымъ голосомъ, что я еще ближе къ нему подвинулась.—Вотъ что я вамъ скажу! Теперь за насъ съ вами два голоса противъ одного; а когда мы съ вами вырастемъ большія, Мирочка, и, можетъ быть, такъ напалимъ, что всѣ будутъ противъ насъ и никто не будетъ намъ вѣрять... такъ знаете, что мы съ вами сдѣлаемъ, Мирочка: мы совсѣмъ не будемъ передъ ними оправдываться...

— Я никогда и не оправдываюсь,—подхватила я живо:—я просто прошу прощенья, потому что всегда, хоть не очень, да виновата.

Онъ весело засмѣялся, взялъ меня за обѣ руки, поцѣловалъ одну за другой и, не выпуская ихъ, сказалъ:

— Такъ всегда и дѣлайте, Мирочка. Къ вамъ это очень идетъ; васъ хорошо маменька воспитала! А вотъ я такъ избалованъ, что не только не хочу просить прощенья или оправдываться, а хочу, чтобы за мою вину у меня же прощенья просили.

— Вы это моей дочери такія правила проповѣдуете?—сказала, входя, маменька.

— Не безпокойтесь за эту молодую особу,—сказалъ смѣясь Ступиловъ:—и натура прелестная, да и вы ее крѣпкой сѣтью оплели. Только ужъ Бога ради...

— Мирочка, иди играть въ залъ,—послала меня маменька.

Я мгновенно сорвалась съ мѣста и понеслась по анфиладѣ; но звучный, ясный голосъ еще долетѣлъ до меня:

— Бога ради не слишкомъ затягивайте! не перемудрите!..

¹⁾ Не такъ глупа.

IV.

Юленька начала было спрашивать меня, что было въ оранжереѣ, но я ее не слушала и подь звуки какого-то веселаго аллегро, приподнимая съ боковъ двумя пальцами мое платье, носилась по паркету съ одного конца зала на другой, наслаждаясь свѣтомъ, просторомъ, веселой музыкой. Юленька бѣгала за мной, то смѣясь, то негодуя. Вдругъ музыка перестала играть, такая досада... Юленька увѣряла меня, что если я попрошу Александру Петровну, то намъ непременно велятъ сыграть вальсъ. Побѣжали мы съ ней по анфиладѣ въ диванную и остановились у дверей. Тутъ собралось все общество, кромѣ игроковъ. Дамы сидѣли большимъ кругомъ около стола, мужчины по большей части стояли за ихъ креслами, ополченецъ Гаристовъ сидѣлъ съ трубкой, которая ему всегда позволялась, а Ступиловъ стоялъ подлѣ моей матери, у которой въ рукахъ было ея вязанье, и читалъ что-то по тетрадкѣ. Мы затихли у дверей. Читалъ онъ стихи, о баронѣ Брамбеусѣ. Стихи я ужасно любила: любила музыкальную правильность размѣра, звучность рима, красивыя, часто непонятныя и отъ этого таинственныя слова; а теперь еще голосъ тещи, звучный и выразительный, такъ мнѣ нравился, что я была недовольна, когда онъ пересталъ читать. Всѣ кругомъ задвигались, засмѣялись, заговорили, Ступиловъ повторилъ послѣдній куплетъ и, пряча тетрадку въ карманъ, обратился къ дамамъ:

— Я получилъ также новые журналы, mesdames, не прочтемъ ли еще что-нибудь вмѣстѣ.

Всѣ дамы заговорили, что будутъ очень рады.

— Я только отведу Мирочку спать,—сказала моя мать, вставая.

— Да вотъ онѣ обѣ тутъ,—показалъ на насъ Гаристовъ.—Я давно на нихъ смотрю; стоять и слушаютъ, а глаза у нихъ такъ и блестятъ.

Опять не удался нашъ вальсъ!.. Юленька заспорила съ матерью, а я, давно зная, что никакихъ уступокъ не бываетъ, простилась съ Александрой Петровной и со всѣми дамами и подошла сдѣлать реверансъ Андрею Кирилловичу. Онъ очень важно со мной раскланялся; но во мнѣ все еще играло отъ моего дикаго танца и отъ музыки стиховъ, и я, совсѣмъ не сознавая, что дѣлаю, остановилась передъ нимъ и, подражая его жестамъ и интонаціи, продекламовала только что имъ повторенный послѣдній куплетъ:

Сей могучій, богатый и знатный, кто онъ?

Кто больницы Скорбящихъ жалець?

То злодѣй, нечестивый Брамбеусъ баронъ,

То... Бедринъ, нашъ извѣстный кунецъ!

Я забыла фамилію Смирдина, но тотчасъ встала, подходящую по размѣру, нашу городскую.

Всѣ засмѣялись. Гаристовъ поймалъ меня и повернулъ къ себѣ:

— Для чего ты это выучила, звѣзда? Что тебѣ за дѣло до барона Брамбеуса?

— Ахъ, это веселый баронъ,—отвѣчала я ему живо.—Когда папенька читаетъ маменькѣ желтенькія книжки съ нарисованнымъ загнутымъ уголкою, они всегда очень смѣются. И все смѣшное сочиняетъ баронъ Брамбеусъ.

— Да кто тебѣ давалъ учить эти стихи?

— Я ихъ не учила; сейчасъ читалъ ихъ Андрей Кирилловичъ, я и запомнила.

— Вотъ такъ память!—сказалъ Гаристовъ.

— И какое вѣрное ухо,—сказалъ Ступиловъ.—Какъ ловко подобрала вмѣсто неизвѣстнаго ей Смирдина знакомую фамилію!

— Нѣтъ, какая память!—повторилъ Гаристовъ.

— Только на стихи!—сказала маменька, торопясь прикрыть меня крышечкой:—а вообще очень разсѣянна и непрілежно учится для своихъ лѣтъ.

— Да, лѣта очень серьезныя,—проворчалъ Гаристовъ.

— Мирочка,—сказалъ Ступиловъ:—учиться вамъ надо хорошенько, а то послѣ будете жалѣть. Скучно жить на свѣтѣ, когда мало знаешь.

— Хорошо, Андрей Кирилловичъ, я буду,—сказала я, уходя и кивая ему головой.

У насъ въ комнатѣ стоялъ на полу нашъ чемоданъ, и всѣ наши вещи были тщательно сложены для укладки.

Завтра утромъ со всѣми городскими дамами мы уѣзжаемъ къ Александрѣ Петровнѣ. Братья Ступиловы были сосѣди, и я только потому попала на праздникъ къ Андрею Кирилловичу, что Александра Петровна упростила мою мать привезти меня къ ней въ деревню.

Аринушка была тутъ и ожидала приказанія маменьки, чтобы уложить наши вещи; между ними лежало во всемъ его великолѣпіи, выглаженное и выхоленное, мое бѣлое платье съ пышными рукавами. Я взглянула на него и съ сожалѣніемъ вспомнила о той маленькой, жалкой дѣвочкѣ, которая надѣлала вчера столько глупостей! Насколько я стала старше и умнѣ въ одинъ день! Маменька опять поручила насъ Аринушкѣ, и она, весело бѣгая изъ нашей комнаты въ буфетъ, приготавливала намъ ужинъ. Юленька все время ворчала, что насъ рано послали спать, и жаловалась на меня Аринушкѣ, что я настоящая, настоящая тряпка! Аринушка горячо вступилась за меня, поцѣловала меня въ голову, приговаривая, что я умница, послушная, хорошая барышня, и безпрестанно убѣждала, чтобы принести намъ еще что-нибудь повкуснѣе. Наконецъ

кончился нашъ ужинъ; Юленька улеглась; Аринушка причесала мнѣ на ночь волосы и опять раздѣла и уложила въ постель, какъ маленькую. Да я и была очень мала ростомъ для моихъ лѣтъ.

— Аринушка,—сказала я, освобождая руки изъ-подъ одѣяла и наклоня къ себѣ ея красивую голову.—Аринушка, знаешь, что я тебѣ скажу? Вѣдь я теперь вашего барина ни крошечки не боюсь.

— Ну, вотъ!.. не правду ли я вамъ говорила, что нечего его бояться,—заговорила она радостно.—Къ хорошимъ людямъ, къ дѣточкамъ—нѣтъ его добрѣ! Ну, а ужъ негодный человѣкъ у него держись,—проговорила она съ такимъ жаромъ, что я даже засмѣялась и очень обрадовалась, что есть такая гроза на негоднаго человѣка.

— Вотъ негодные его и боятся,—продолжала она:—а добрымъ надо его любить...

— Я его и люблю,—сказала я, глядя ея мягкіе, волнистые волосы и лаская ея смуглыя, румяныя щеки.

— Любите, любите, хорошая моя барышня, и Богу когда за него помолитесь,—сказала она, точно не своимъ голосомъ.—Нѣтъ къ Богу доступнѣе дѣтской ангельской молитвы...

— Хорошо, я буду,—сказала я, завертываясь въ одѣяло и отворачиваясь къ стѣнѣ, чтобы лучше обдумать, какими словами и въ какую часть моей молитвы вставить это новое прошеніе.

Мнѣ слышно было, какъ она, легко ступая, двигалась около чемодана, укладывая его.

— Аринушка,—позвала я ее опять.

Она подошла ко мнѣ, встревоженная, что я не засыпаю.

— Аринушка, вотъ что я тебѣ еще скажу,—заговорила я, притягивая еще ближе къ себѣ ея голову.—Я теперь думаю, что вашъ баринъ въ самомъ дѣлѣ красавецъ.

Она такъ и припала къ моимъ рукамъ, цѣлуя ихъ и какъ-то странно смѣясь. И я, къ моему большому удивленію, почувствовала, что мои руки мокры отъ ея слезъ. Я такъ и заснула, думая, какъ это странно.

V.

На другое утро, когда мы пили съ Юленькой у Аринушки нашъ ранній чай, было что-то неспокойно въ маленькой чайной. Старый буфетчикъ съ озабоченнымъ видомъ принесъ откуда-то пустые стаканы.

— Все еще играютъ?—спросила его Аринушка.

— Играютъ,—отвѣчалъ онъ мрачно,—и, должно быть, Петръ Александровичъ много проигралъ. Всѣ отстали, только на нихъ съ Матвѣемъ Оедоровичемъ смотреть.

— О, Господи!—заговорила участливо Аринушка.—Хоть бы баринъ поскорѣе всталъ и ихъ разогналъ.

— Тамъ и залъ кое-какъ убирали,—продолжалъ буфетчикъ.— Петръ Александровичъ занавѣсы не позволилъ опускать, потому тамъ очень накурено, а у него слабая голова. Какъ тутъ будешь убирать!

— Просто бѣда!—сказала Аринушка, проворно наливая чашки.— Того гляди барыни встанутъ... Пойду, Михайлѣ поговорю, не доложить ли онъ барину,—и она быстро ушла.

— Пойдемъ смотрѣть, какъ играютъ,—шепнула мнѣ Юленька.

— А развѣ можно?—спросила я ее.

— Ты слышишь, портьеры не спущены, мы все изъ гостиной увидимъ.

— Ну, пойдемъ,—сказала я, очень заинтересованная.

Мы такъ хорошо изучили въ два дня всѣ ходы по этому дому, что пробрались незамѣченными въ большую гостиную; но оттуда игроковъ не было видно. Въ противоположной стѣнѣ зала были три арки: въ угольную, въ зелененькую и въ цвѣточную. Передъ нами была угольная, а играли въ зелененькой. Выйти въ залъ и стать противъ комнаты, гдѣ играли, было такъ страшно, что даже Юленька не рѣшилась.

— Пройдемъ въ угольную,—шепнула она мнѣ:—тамъ есть дверь въ зелененькую, и мы все увидимъ.

Но я боялась переходить широкой, свѣтлый залъ и совсѣмъ отказалась. Юленька сдѣлала мнѣ презрительную гримасу, перешла неслышными шагами черезъ залъ и исчезла въ угольной. Минуты черезъ двѣ она показалась въ аркѣ и умоляла меня жестами прійти. Очень это было страшно, но тоже очень заманчиво—и я пошла! Въ угольной тяжелыя портьеры въ зелененькую были опущены; но съ одной стороны массивная бронзовая розетка подняла край занавѣса и образовала щель. Юленька поставила меня передъ ней, а сама смотрѣла черезъ мое плечо.

Прямо передъ нами былъ уголь карточного стола; съ одной стороны сидѣлъ Бабаевъ, съ другой стоялъ Силичъ, опираясь колѣномъ на стулъ. Долманъ и бѣлый жилетъ были у него разстегнуты; лицо было блѣдное и строгое. Онъ закусилъ усы и не спускалъ глазъ съ толстыхъ рукъ Бабаева, который неуклюже держалъ въ рукахъ колоду и отчетливо клалъ карты направо и налево. Передъ Бабаевымъ былъ цѣлый ворохъ синенькихъ, бѣленькихъ и красненькихъ бумажекъ и лежали кучи серебра и золота. Около стола стояли зрители: кто курилъ, кто прихлебывалъ чай изъ стакановъ. У противоположной стѣны спалъ въ креслѣ гость въ венгеркѣ. Занавѣсы на окнахъ были открыты, въ комнатѣ было свѣтло, но четыре восковыя свѣчи горѣли по угламъ стола, и ихъ широкое, желтоватое пламя мерцало таинственнымъ, тусклымъ свѣтомъ въ сильно накуреной комнатѣ. Нарядная зелененькая приняла странный видъ: на коврѣ валялись рваныя карты, на хорошенькихъ

столикахъ стояли подносы съ бутылками и рюмками, тарелки съ закуской и стаканы съ чаемъ. Всѣ эти вчерашніе пріодѣтые и веселые «гости» стояли взъерошенные, блѣдные, съ разстегнутыми жилетами и слѣдили съ напряженнымъ вниманіемъ за пальцами Бабаева. Въ комнатѣ было такъ тихо, что былъ слышенъ монотонный, пискливый звукъ вертящагося вентилятора и шелестъ картъ, которыя клалъ Бабаевъ.

— Дана,—вскрикнулъ вдругъ Силичъ.

Я такъ вздрогнула, что Юленька крѣпко сжала мнѣ плечи въ знакъ своего неудовольствія. Кругомъ заговорили. Силичъ быстро вынулъ карты изъ колоды, написалъ что-то мѣломъ на столѣ и прикрылъ картой.

Опять тишина и устремленные въ одну точку глаза.

— Дана,—сказалъ Силичъ, загибая со всѣхъ сторонъ свою карту.—На пе.

Всѣ кругомъ оживились. Силичъ гнулъ карты, выкрикивалъ: «дана, на пѣ» и еще какіе-то возгласы. Одинъ изъ гостей разбудилъ господина въ венгеркѣ и рассказывалъ ему что-то, пожимая плечами отъ удивленія.

— Ва-банкъ,—крикнулъ Силичъ, порывисто выдергивая карту изъ колоды.

Бабаевъ заспорилъ, но всѣ были противъ него, только одинъ Силичъ стоялъ молча, опуствя голову. Самымъ лучшимъ знатокомъ дѣла былъ, должно быть, гость въ венгеркѣ, потому что онъ одинъ что-то доказывалъ Бабаеву, а остальные только ему поддакивали. Наконецъ Бабаевъ опять сталъ класть карты направо и налево.

— Дана!—крикнулъ Силичъ. Бабаевъ какъ-то хрюкнулъ и отбросился на спинку стула. Всѣ кругомъ въ разъ заговорили. Гость въ венгеркѣ взялъ карты, которыя изогнулъ при насъ Силичъ; что-то говорилъ, ударяя по нимъ пальцами, и всѣ они вмѣстѣ считали, соображали, пожимали плечами, смѣясь и удивляясь. Силичъ, точно проснувшись, потянулся, хрустнулъ сложенными пальцами и, какъ-то странно улыбаясь, началъ медленно укладывать въ свой портфель, кошелекъ и карманы кучу денегъ, которую подвинулъ ему Бабаевъ.

— Господа! Это ни на что не похоже! Опять эта отвратительная игра!—заговорилъ, входя, Ступиловъ. Онъ былъ въ красивомъ пестромъ халатѣ и въ фескѣ; лицо у него было блѣдное и сердитое.

— Дамы ужъ встаютъ, а вы сдѣлали совсѣмъ кабакъ изъ этой комнаты! Силичъ! не стыдно ли тебѣ! Ты долженъ былъ въ ночь уѣхать въ городъ, гдѣ тебѣ быть необходимо, а вмѣсто того игралъ до сихъ поръ! А вы, Бабаевъ, сколько разъ при мнѣ клялись Аннѣ Николаевнѣ, что не будете играть въ азартныя игры!.. Да и всѣ вы, господа, хороши!.. А отъ тебя, Толмачевъ, я этого никакъ не ожидалъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ венгеркѣ.

Но его всё обступили и всё вмѣстѣ пачали ему рассказывать что-то такое необыкновенное, что и онъ заинтересовался. А я, какъ только онъ вошелъ и началъ распекать своихъ гостей, вдругъ догадалась, что дѣлала очень дурно, подглядывая и подслушивая у дверей, какъ «любопытная Поленька». Совершенно сконфуженная, я оставила Юленьку и бросилась бѣжать въ нашу комнату.

Часа черезъ два я стояла въ моемъ ватномъ голубомъ капотикѣ и въ шапочкѣ съ лебяжьимъ пухомъ на коникѣ въ передней, куда поставила меня Аринушка, расцѣловавши меня на прощанье. Старый буфетчикъ выхватилъ у лакея и держалъ въ рукахъ большой старый салопъ, въ который меня обыкновенно закутывали въ дальнюю дорогу. Александра Петровна и маменька должны были сейчасъ выйти, и всё мужчины стояли въ передней, чтобы ихъ провожать. Силичь, одѣтый по дорожному, подошелъ ко мнѣ.

— Увозятъ мою милую дѣвочку еще дальше отъ моего города! — заговорилъ онъ жалобно. — Что я буду тамъ одинъ безъ нея дѣлать!

Я все время была ужасно смущена, что подсматривала, какъ они играли. Мнѣ хотѣлось поскорѣе признаться и попросить прощенья. Мнѣ очень ловко было говорить съ нимъ теперь, потому что наши лица были почти въ уровень, и я начала очень тихо:

— Знаете, что мы... что я сдѣлала, — поправилась я, привыкши въ игрѣ съ мальчиками къ строгому товариществу. — Знаете, что я сдѣлала... только общайтесь, что не будете сердиться!

— Общайтесь, общайтесь, Мира!

— Говорите типе! Честное слово даете? Да?

— У солдата одно слово, Мира, и всегда честное! Сказалъ — и кончено. А стало быть очень напалила? — спросилъ онъ, забавляясь.

— Ну, слушайте! — сказала я, притягивая его еще ближе за лацканъ шинели. — Я подглядывала, какъ вы въ карты играли!

— Что?.. когда?.. — спросилъ онъ, не понимая.

— Да сегодня утромъ! Я все видѣла: какъ вы стояли блѣдный, блѣдный передъ Бабаевымъ, а около стола всё гости. Какъ вы вдругъ закричали: «дана!» и потомъ начали гнуть углы у картъ и приговаривали: «на пе» и еще что-то. Потомъ всё спорили; а потомъ вы взяли много, много денегъ у Бабаева. Тутъ пришелъ Андрей Кирилловичъ и всёхъ васъ разбранилъ!

— Мира!.. да гдѣ же ты была! — сказалъ онъ, совершенно пораженный.

— Я смотрѣла въ угольной изъ-за портьеры. Простите, пожалуйста! — просила я, едва удерживаясь отъ слезъ.

— Что ты вѣчно дразнишь эту дѣвочку, — заговорилъ, подходя къ намъ, Гаристовъ. — Связался чортъ съ младенцемъ! Какъ тебѣ не стыдно? Она чуть не плачетъ!

Въ это время маменька и Александра Петровна вошли въ переднюю, и мужчины окружили ихъ, помогая надѣвать шубы.

— Простите же меня,—сказала я Силичу, который все стоялъ около меня, совершенно убитый, какъ я думала, моимъ дурнымъ поведеніемъ.

— Знаешь ли, Мира,—началь онъ наконецъ говорить, какъ-то странно глядя на меня:—знаешь ли, что, должно быть, какъ ты только пришла и стала смотрѣть на меня, ко мнѣ такое счастье повалило, что до сихъ поръ всѣ дивятся! Мнѣ надо просить у тебя прощенья, дорогая моя дѣвочка, если ты истратила хоть одну каплю своего собственнаго счастья на такого негодяя, какъ я!..

Старый буфетчикъ хотѣлъ надѣть на меня салопъ, но Силичъ самъ бережно, какъ няня, окуталъ меня, взялъ на руки и понесъ изъ передней. Я была совершенно счастлива, что онъ простилъ меня, и, не долго думая, въ порывѣ благодарности крѣпко поцѣловала его худую, смуглую щеку.

В. З. Головина.

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

ПЕРВОЕ 25-ЛѢТІЕ МОИХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ МЫТАРСТВЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вступленіе.—Эмбриологическій періодъ моего писательства.—Первое появленіе въ печати въ «Разсвѣтъ» Крепмина.—Сотрудничество въ «Отеч. Запискахъ» и въ «Иллюстраціи».—Праздникъ молодости.—Обиліе увеселеній въ Петербургѣ въ 60-е годы.—Прострація и кризисъ.—Превращеніе изъ постепеновца въ красные.—Ал. Вас. Топоровъ и его вліяніе на меня.—Вступленіе мое въ топоровскій кружокъ.—Вліяніе «Отцовъ и дѣтей» Тургенева и «Что дѣлать?» Чернышевскаго на молодежь.

I.

ВЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ ЛѢТЪ уже подвизаюсь я на литературной аренѣ. Но въ настоящихъ воспоминаніяхъ о своемъ писательствѣ я намѣренъ ограничиться лишь первыми двадцатью пятью годами его, и имѣю для того свои основанія.

Во-первыхъ, въ этотъ періодъ времени я вполне опредѣлился, какъ семидесятникъ, написалъ все, что вышло изъ-подъ моего пера лучшаго. Въ дальнѣйшей моей дѣятельности я ни на шагъ не подвинулся впередъ отъ того, чѣмъ я былъ въ началѣ 80-хъ годовъ, такъ что, если бы я умеръ въ 1884 году, я имѣлъ бы полное право сказать при послѣднемъ издыханіи: я все свое земное совершилъ. Далѣе затѣмъ я подвизался во многихъ органахъ, писалъ газетныя рецензіи, журнальныя статьи, имѣя въ виду не столько стремленіе сказать что-либо новое, сколько хлѣбъ насущный. Да и времена-то пошли такія тяжкія, что не до новаго было; впору было заботиться лишь

о томъ, чтобы сохранить свою позицію. Единственный мало-мальски серьезный трудъ, какой я совершилъ въ теченіе второй половины своего литературства, былъ «Исторія новѣйшей русской литературы», имѣвшій столь значительный успѣхъ, что дошелъ нынѣ до седьмого изданія, да и тотъ былъ совершенъ мною не по личной инициативѣ, а по заказу покойнаго Ф. Ф. Павленкова.

Во-вторыхъ, въ своихъ воспоминаніяхъ я намѣренъ ограничиться не одною своею личностію, т.-е. тѣмъ, гдѣ и что я въ то или другое время написалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлать и характеристики, какъ различныхъ вѣяній, такъ и литературныхъ личностей, которыя меня окружали и съ которыми мнѣ приходилось вступать въ тѣ или другія отношенія. Но такая задача выполнима лишь, имѣя дѣло съ первымъ двадцатипятилѣтіемъ моего писательства. Во-первыхъ; для того времени создалась уже достаточная историческая перспектива, а во-вторыхъ, и что самое главное, большинство писателей, подвизавшихся на литературномъ поприщѣ въ тѣ времена, успѣли уже покончить свое земное существованіе, такъ что я имѣю возможность свободно говорить о нихъ, какъ объ историческихъ личностяхъ, между тѣмъ какъ писатели, съ которыми я имѣлъ дѣло во вторую половину своей дѣятельности, въ значительномъ большинствѣ до сихъ поръ еще живы и здравствуютъ и не подлежатъ той всесторонней оцѣнкѣ, какая допустима для личностей, окончившихъ свое земное поприще.

Итакъ, къ дѣлу.

II.

Рано, въ 13 уже лѣтъ, почувствовалъ я призваніе къ литературной дѣятельности и началъ мечтать сдѣлаться со временемъ непремѣнно писателемъ, именно поэтомъ въ родѣ Пушкина.

Въ каждую эпоху существуютъ два-три такихъ литературныхъ корифея, которымъ наиболѣе поклоняются современники, и тринадцатилѣтніе отроки съ литературнымъ призваніемъ начинаютъ обыкновенно рабскимъ подражаніемъ имъ. Въ мое время (начало 50-хъ годовъ) было три такихъ корифея—Пушкинъ, Гоголь и Лермонтовъ. Прежде всего я увлекся, конечно, Пушкинымъ, который былъ прочитанъ мною отъ доски до доски по первому посмертному изданію его стихотвореній. И вотъ въ подражаніе ему я началъ ежедневно строчить вирши, конечно, ужъ крайне нескладные и неуклюжіе, причѣмъ отъ нѣжныхъ посланій къ ней и грустныхъ сѣтованій на то, что жизнь пуста, люди пошлы и хладный свѣтъ не понимаетъ поэта, я перешелъ къ поэмамъ на ветхозавѣтныя темы, въ родѣ «Юсифъ Прекрасный», «Гудиѣ» и т. п. Отецъ, поощрявшій мои литературныя занятія, переписывалъ эти поэмы своимъ калиграфическимъ почеркомъ и отсылалъ ихъ въ свою род-

ную Украину къ дѣду, а тотъ по прочтеніи клалъ ихъ къ образамъ за божницу.

Въ старшихъ классахъ гимназіи всю эту стихоманію какъ рукой сняло, благодаря учителю словесности Н. П. Корелкину, который читалъ намъ въ классѣ Гоголя, внушалъ, что въ прозѣ можетъ быть болѣе поэзіи, чѣмъ въ иныхъ стихахъ, и жестоко раскритиковалъ поданное мною ему классное сочиненіе, написанное стихами.

Подъ этимъ вліяніемъ я началъ всасось читать Гоголя, сдѣлался горячимъ его поклонникомъ и началъ подражать ему. Плодомъ этого подражанія была повѣсть о пьяномъ чиновникѣ Петербургской стороны, которой я былъ обязанъ первымъ публичнымъ триумфомъ, такъ какъ повѣсть свою я читалъ на гимназическомъ литературномъ вечерѣ; она удостоилась общихъ похвалъ и сдана была на храненіе въ гимназическій архивъ.

По вступленіи въ университетъ, на первомъ и второмъ курсахъ, отъ Гоголя я перешелъ къ подражанію Лермонтову. Это было какъ нельзя болѣе своевременно. Двадцатилѣтнимъ юношамъ свойственно корчить изъ себя разочарованныхъ Манфредовъ, воображать, что они все уже испытали, во всемъ извѣрились, и что жизнь — пустая и глупая шутка. Плодомъ такого настроенія была повѣсть «Записки Алексѣевского», которую тщетно я пытался пристроить въ какой-либо журналъ, хотя бы въ издававшійся въ то время «Студенческой сборникъ».

Этимъ и заканчивается эмбриологическій періодъ моего писательства. На третьемъ курсѣ университета, въ 1859 году, я рождаюсь наконецъ на свѣтъ, т.-е. имя мое впервые появляется въ печати. Восприемникомъ моимъ былъ В. А. Кремпинъ, артиллерійскій полковникъ, издававшій въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ «Разсвѣтъ», журналъ для дѣвиць. Издавая свой журналъ на мѣдныя деньги, Кремпинъ не имѣлъ возможности пригласить въ качествѣ сотрудниковъ болѣе или менѣе извѣстныхъ писателей, а обратился, не помню ужъ, къ кому, къ Ап. Ник. Майкову или Сухомлинову, съ просьбою рекомендовать ему нѣсколькихъ молодыхъ людей мало-мальски даровитыхъ и пишущихъ. Это было придумано какъ нельзя болѣе остроумно: во-первыхъ, кому же было болѣе кстати и писать для дѣвиць, какъ не начинающимъ юнцамъ, въ тѣ времена, когда всѣ молодые люди о томъ только и мечтали, какъ бы развить барышень, а, во-вторыхъ, дѣло извѣстное, что начинающіе юнцы готовы писать хоть даромъ, лишь бы печататься.

Сухомлиновъ или Майковъ рекомендовали Кремпину Д. И. Писарева, моего сотоварища по университету и близкаго пріятеля, а черезъ него вошелъ въ журналъ и я. Впрочемъ, мое сотрудничество въ «Разсвѣтѣ» было непродолжительно. Дебютировалъ я статью о Черногоріи. Затѣмъ по болѣзни Писарева, исполнявшаго въ журналѣ роль критика, написалъ критическую статью о «Запис-

какъ охотника» Тургенева и нѣсколько мелкихъ рецензій; покончилъ же свое сотрудничество въ «Разсвѣтѣ» статью о войнѣ Испаніи съ Марокко.

Я говорилъ уже не разъ въ своихъ прежнихъ воспоминаніяхъ о студенческихъ годахъ, что въ теченіе курса я былъ членомъ кружка однокурсниковъ, во главѣ котораго стоялъ Л. Н. Майковъ, братъ извѣстнаго поэта Ап. Н. Майкова. Поэтъ же Майковъ былъ въ пріятельскихъ сношеніяхъ съ Дудышкинымъ и прочими редакторами «Отечественныхъ Записокъ». Этимъ обусловилося то, что я примкнулъ къ «Отечественнымъ Запискамъ». Такъ, въ 1862 году была напечатана на страницахъ «Отечественныхъ Записокъ» моя драма «Круглицкіе», и, конечно, она не увидала бы свѣта, если бы не протекція Ап. Майкова. Кромѣ того, я участвовалъ вмѣстѣ съ товарищами въ переводѣ романа Флобера «Саламбо», а также написалъ нѣсколько рецензій.

Но, увы, все это оплачивалось столь скудно, было столь случайно и непостоянно, что, не преувеличивая, можно сказать, что литературнаго труда не хватало мнѣ и на табакъ. Вообще я былъ одинъ изъ тѣхъ несчастныхъ юношей, которыхъ безжалостная *alma mater* выбрасываетъ по окончаніи курса на улицу совершенно безпомощными. Не имѣя никакихъ средствъ къ жизни, ни связей, тщетно стучался я, что называется, во всѣ двери, чтобы хоть какъ-нибудь пристроиться. Дошло дѣло до того, что какими-то невѣдомыми судьбами, черезъ какого-то сомнительнаго родственника, я опредѣлился канцелярскимъ служителемъ на десятирублевое жалованье въ канцелярію генераль-губернатора князя Суворова. Около года пришлось мнѣ тянуть канцелярскую ляжку. Служба эта показалась мнѣ адомъ кромѣшнымъ, и я вынесъ изъ нея одно лишь убѣжденіе, что не рожденъ я быть чиновникомъ.

III.

Понятно, что я почувствовалъ себя чѣмъ-то въ родѣ узника, выпущеннаго на свободу, когда лѣтомъ 1862 года былъ рекомендованъ Ап. Майковымъ другу его П. М. Цейдлеру, который въ этомъ году принялъ на себя редакцію «Иллюстраціи» Баумана вмѣсто Вл. Зотова. Это былъ знаменательный годъ въ моей жизни въ томъ отношеніи, что это былъ первый мой крупный, а главное дѣло постоянный литературный заработокъ. Вмѣсто прежнихъ грошей я имѣлъ возможность теперь зарабатывать до полутора ста рублей при самой ничтожной затратѣ времени и труда. Вся моя работа заключалась въ писаніи фельетоновъ, которые я наполнялъ театральными рецензіями, болтовнею по поводу мелкихъ явленій жизни въ родѣ танцклассовъ или кресель, разставленныхъ по

Невскомъ нѣкимъ аферистомъ, панегириками любимымъ мною актрисамъ (Снѣтковой, Муравьевой) и т. п. Кроме того, писалъ я характеристики писателей, портреты которыхъ печатались въ «Иллюстраціи», рецензіи на новыя книги, стихи и прочее.

Спрашивается, чѣмъ же было наполнено все то безпредѣльно досужее время, которое оставалось у меня отъ всей этой несложной и неголоволомной работы? Буквально ничѣмъ. Театры, танцклассы, рестораны, дружескія пирушки, литературные вечера,— въ этомъ заключалась вся моя жизнь. Я носился изъ одного конца города въ другой, очертя голову и не думая о завтрашнемъ днѣ, потому что завтра будетъ написанъ новый фельетонъ и принесеть мнѣ новыя ресурсы. Словомъ, вся зима 62—63 года рисуется въ моей памяти, какъ самая веселая и разгульная полоса моей жизни. Это я справлялъ праздникъ своей молодости.

Праздничное ликованіе мое еще болѣе обострялось общественнымъ настроеніемъ. Замѣчательно, что, несмотря на всѣ ужасы бунтовъ, пожаровъ и польскаго возстанія, всѣ пустились въ какое-то бѣшеное веселье. Города горѣли, крестьянъ пороли и разстрѣливали, поляковъ вѣшали и тысячами ссылали въ сибирскія тундры, а Петербургъ пилъ, пѣлъ и плясалъ.

Вообще легкость нравовъ въ эти годы въ Петербургѣ дошла до Геркулесовыхъ столбовъ. Этому между прочимъ, конечно, посодѣйствовало освобожденіе крестьянъ, растворившее помѣщичьи гаремы и принудившее массу дворовыхъ обоюга пола броситься въ города снискивать пропитаніе, чѣмъ и какъ придется. По крайней мѣрѣ я не запомню, чтобы въ Петербургѣ было такое обиліе проституттокъ, какъ въ первые годы по освобожденіи крестьянъ. Стоило пойти вечеромъ по Невскому, зайти въ любой танцклассъ или биргалле, чтобы встрѣтить доходившую порой до давки толпу погибшихъ, но милыхъ созданій.

Въ разныхъ частяхъ города въ то время пооткрывались танцклассы, на которыхъ каждый вечеръ гремѣла музыка, рѣкою лились вино и пиво, и танцующія пары одна передъ другой старались отличиться бѣшенымъ канканомъ. Появились даже герои канкана, славившіеся по всему Петербургу своими антраша, доходившими до послѣдней степени безстыдства. Первенство по этой части принадлежало нѣкому Фокину, которому содержатели танцклассовъ платили разовыя за участіе на вечерахъ, а гости сверхъ того напаивали его для приданія большей наглости въ танцахъ. Портреты и карикатуры его нерѣдко появлялись въ сатирическихъ листкахъ.

Съ уничтоженіемъ откуповъ и удешевленіемъ спиртныхъ напитковъ, сверхъ массы портерныхъ, открылись въ разныхъ частяхъ города нѣсколько обширныхъ биргалле, въ которыхъ по вечерамъ

собирались тысячи народа. Въ биргалле этихъ, кромѣ бильяродовъ и биксовъ, устраивались болѣе серьезныя и азартныя игры—рулетка, домино, лото, и сотни лицъ, играя ночи напролетъ, проигрывались въ пухъ и прахъ.

IV.

Но недолговѣченъ былъ мой праздникъ молодости: всего лишь до прекращенія «Иллюстраціи» весною 1863 года. Впрочемъ, раньше еще краха «Иллюстраціи» я утомился отъ безпутной жизни до крайняго изнеможенія. Я не зналъ, куда дѣваться и чѣмъ наполнить страшную пустоту, какую я чувствовалъ въ себѣ, доходившую порою до паническаго ужаса: Мнѣ чудилось, что я вишу надъ бездонною пропастью и ежеминутно готовъ ринуться въ нее. Напрасно старался я въ винѣ и развлеченіяхъ утопить свою тоску. Я не находилъ себѣ нигдѣ мѣста. Пытался снова приняться за чтеніе и разные литературные планы, но и книги, и перо выпалили изъ моихъ рукъ. Я чувствовалъ въ себѣ рой самыхъ дикихъ сомнѣній. Не было ни одного убѣжденія, въ которомъ я не усомнился бы. Вмѣстѣ съ тѣмъ я чувствовалъ и полное физическое изнеможеніе, дошедшее до того, что слегъ и пролежалъ недѣлю, другую.

Словомъ, 1863 годъ былъ для меня годомъ одного изъ тѣхъ кризисовъ, которыхъ было нѣсколько въ моей жизни и послѣ которыхъ я возрождался къ новой жизни, чувствуя въ себѣ приливъ новыхъ и свѣжихъ силъ и сознавая себя совсѣмъ инымъ человекомъ. На этотъ разъ послѣдовалъ самый важный кризисъ въ моей жизни, всю ее направившій въ другую, совсѣмъ противоположную сторону. Довольно сказать, что изъ лагеря умѣренныхъ либераловъ-постепеновцевъ я перешелъ въ станъ радикаловъ и впоследствии сдѣлался сотрудникомъ того самаго «Современника», на который я до того времени смотрѣлъ съ презрѣніемъ.

Всѣ обстоятельства и условія моей жизни располагали меня именно къ этому кризису. Вопиющая нужда, ежедневно стучавшая ко мнѣ въ дверь, сознаніе себя жалкимъ паріей на пиру жизни по сравненію съ друзьями, которые всѣ тотчасъ же по выходѣ изъ университета приспособились при помощи вліятельныхъ связей, тогда какъ я тщетно пытался найти хотя бы скудный заработокъ; печальное зрѣлище послѣднихъ лѣтъ жизни и смерти отца (въ 1863 г.), ничего не вынесшаго изъ своей тяжелой служебной лямки, кромѣ горькой обиды со стороны начальства, которое, высосавъ изъ него всѣ соки, выбросило его, какъ выжатый лимонъ, лишивъ его мало-мальски сноснаго обезпеченія (не считать же таковымъ нищенскую пенсію въ 14 руб.); испытанная мною самимъ каторга канцелярской службы. Ко всему этому присоединялись впечатлѣнія, выносимыя мною изъ общественнаго движенія, ста-

новившагося съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе бурнымъ: ужасы пожаровъ; тревожные слухи о крестьянскихъ волненіяхъ; банды повстанцевъ, ушедшихъ до лясу; безошадно-кровавый терроръ Муравьева въ Польшѣ,—все это волновало молодую кровь, возбуждало то восторгъ при видѣ геройскихъ подвиговъ, то гнѣвъ и негодованіе при зрѣлищѣ кровожадныхъ жестокостей висѣльниковъ. При такихъ условіяхъ достаточно было малѣйшаго толчка, чтобы я началъ сожигать все, чему поклонялся, и поклоняться всему, что сожигалъ.

V.

Въ это время въ петербургскихъ радикальныхъ кружкахъ вращался Ал. Вас. Топоровъ. Онъ былъ сынъ мелкаго придворнаго служителя. Мальчицъ былъ смысленный, и его тянуло къ свѣту, о чемъ можно судить по сохранившимся послѣ него тетрадкамъ, въ которыхъ были записаны стихотворенія Пушкина, Лермонтова и Некрасова и разнаго рода сочиненія обширной въ 50-е годы цензурной литературы.

Когда малецъ выросъ, отецъ пристроилъ его ко двору наслѣдника. Высокаго роста, атлетическаго сложенія, красивый, румяный, Топоровъ приглянулся Александру и сдѣлался любимымъ его лакеемъ. По воцареніи Александра, Топоровъ продолжалъ состоять при особѣ его, но званіе лакея претило ему, и вотъ онъ, выдержавъ при академіи экзаменъ на зубнаго врача, предпочелъ скромное мѣсто дантиста при дворцовомъ врачебномъ дежурствѣ, на каковомъ и оставался до выслуженія полной пенсіи скромныхъ размѣровъ.

Когда началось движеніе, Топоровъ весь проникся прогрессивными идеями и сдѣлался рьянымъ пропагандистомъ ихъ среди молодежи. Въ концѣ же 50-хъ и началѣ 60-хъ годъ въ онъ успѣлъ переизнакомиться со всѣми сотрудниками «Современника»—и съ Чернышевскимъ, и съ Елисѣевымъ, и со Слѣпцовымъ, и съ Антоновичемъ; знакомъ онъ былъ и съ кое-кѣмъ изъ «Искры»—съ Курочкиными, съ Минаевымъ и пр. Масса знакомствъ была у него среди художниковъ и актеровъ. Въ наиболѣе тѣсной дружбѣ находился онъ съ семьей пѣвца Петрова.

Въ началѣ 60-хъ годовъ пропаганда его проникла даже въ стѣны училища правовѣднія. Ему удалось составить кружокъ изъ нѣсколькихъ старшихъ воспитанниковъ этого замкнутаго аристократическаго заведенія. Кружокъ возбудилъ подозрѣніе въ начальствѣ. Произошла крупная училищная исторія, въ результатъ которой нѣсколько лучшихъ воспитанниковъ выпуска были исключены. Государю было доложено полиціей о правовѣдской

исторіи и объ участіи въ ней Топорова. Царь призвалъ Топорова къ отвѣту по поводу этого обвиненія. Топоровъ отвѣчалъ, что никакого участія въ исторіи онъ не принималъ. Изъ всѣхъ исключенныхъ воспитанниковъ онъ былъ знакомъ лишь съ однимъ, который бывалъ у него и бралъ книги для прочтенія, исключительно цензурныя. Вотъ и вся его прикосновенность къ исторіи, дѣликомъ происходившей въ стѣнахъ закрытаго заведенія, въ которое онъ не имѣлъ никакого доступа.

Государь погрозилъ Топорову и сказалъ, чтобы впредь ничего подобнаго съ нимъ не было; полиціи же заявилъ, чтобы она оставила Топорова въ покоѣ, такъ какъ онъ ручается за вѣрность (воихъ слугъ).

VI.

Мое знакомство съ Топоровымъ началось съ гимназическихъ временъ. Семья его, состоявшая изъ матери и двухъ сестеръ, жила въ одномъ съ нами домѣ, въ квартиркѣ, состоявшей изъ трехъ комнатокъ. Топорова съ ними не было. Онъ лишь приходилъ къ нимъ, такъ какъ въ то время находился уже на службѣ и имѣлъ въ придворномъ домѣ на углу Сергіевской и Гагаринской казенную квартиру, состоящую изъ одной комнаты. Памятна мнѣ эта завѣтная комната въ четвертомъ отдѣленіи дома, крайняя справа на самомъ верху. Много было въ ней передумано, переговорено, перечитано...

Болѣе же близкое знакомство съ Топоровымъ началось у меня послѣ уже университета. Зимой 1862 г., когда я работалъ уже въ «Иллюстраціи», послѣдовала роковая встрѣча моя съ Топоровымъ въ театрѣ, причемъ онъ началъ жестоко и беспощадно срамить меня по поводу какой-то глупой выходки моеѣ въ одномъ изъ фельетонновъ противъ свистуновъ «Современника».

— Чернышевскій, Добролюбовъ...—говорилъ онъ:—если бы вы знали, что это за люди!.. Всѣ эти ваши Краевскіе, Дудышкины, Майковы, Громеки—мразь передъ ними. Ихъ статьи властвуютъ надъ умами всего молодого поколѣнія... Вы во всю жизнь не прочтете столько книгъ, сколько успѣли они прочесть, будучи еще студентами... И вдругъ молокососишка, не стоящій ихъ мизинца, осмѣливается третировать ихъ свысока, и гаже всего то, что съ чужого голоса, не прочтя ни одной статьи ихъ!.. Какъ вамъ не стыдно писать о томъ, чего не читали и о чемъ не имѣете ни малѣйшаго понятія!.. Добросовѣстно ли это, честно ли? И подумать только, что вамъ всего двадцать четыре года! Къ какой постыдной роли готовите вы себя! Въ какомъ затхлому подвалѣ живете! А знаете ли вы, за что болѣе ненавидятъ «Современникъ» всѣ эти

ваши прохвосты? Не изъ чего иного, какъ изъ черной зависти, изъ-за того, что ничтожный и легковѣсный, по ихъ мнѣнію, «Современникъ» дойдетъ скоро до десяти тысячъ подписчиковъ, а ученѣйшія «Записки» едва влачатъ существованіе съ тремя, а скоро и этихъ у нихъ не будетъ, потому что подписка у нихъ съ каждымъ годомъ падаетъ.

Все это говорилось съ такимъ паѳосомъ и такъ убѣдительно, что я былъ подавленъ, не зналъ, что и возражать, забылъ, что я и гдѣ я. Кончился разговоръ тѣмъ, что я далъ слово Топорову прійти къ нему и получить отъ него статьи корифеевъ «Современника», для прочтенія. Я такъ и сдѣлалъ, и съ той поры не проходило недѣли, чтобы я не поднимался на топоровскій чердачокъ и не забиралъ у него статей Добролюбова и Чернышевскаго, переплетенныхъ имъ въ отдѣльные сборники.

Нужно ли говорить о той колоссальной пользѣ, какую принесло мнѣ это чтеніе! Передо мною начали открываться новые, невѣдомые мнѣ дотолѣ горизонты. Все, что смутно бродило во мнѣ, начало осмысливаться въ моей головѣ. Я сталъ въ уровнѣ современности, изъ сухого гелертера превратился въ живого человѣка, горячо сочувствовавшаго всему, чему сочувствовали лучшіе люди того времени.

Съ университетскими товарищами я продолжалъ видѣться и по окончаніи курса. Я ничего не говорилъ имъ о своемъ переворотѣ, но стоило имъ увидѣть у меня на столѣ сочиненія Чернышевскаго и Добролюбова, какъ они тотчасъ же взбеленились, зачѣмъ трачу я драгоценное время на чтеніе такой дичи. Особенно же не могли они простить мнѣ чтенія Милля съ комментаріями Чернышевскаго. Помилуйте: филологъ, и вдругъ, отложивъ въ сторону памятники древней письменности, пускается въ область политической экономіи, а что всего возмутительнѣй—подъ флагомъ Чернышевскаго, этого архистратига нигилистовъ! И съ сокрушеніемъ смотрѣли они на меня, какъ на человѣка, на котораго остается лишь махнуть рукой.

Впрочемъ, я видѣлся съ ними все рѣже и рѣже, и при томъ исключительно на пирушкахъ, гдѣ было не до принципиальныхъ споровъ. Я не замедлил примкнуть къ кружку тѣхъ самыхъ изгнанныхъ изъ училища правовѣдовъ, которые группировались вокругъ Топорова. Изрѣдка онъ устраивалъ у себя чаепитія, на которыя мы собирались для чтеній получаемаго имъ даромъ «Современника», «Колокола» и пр.

Кружокъ этотъ состоялъ изъ молодыхъ людей весьма неглупыхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ нравственно чистыхъ и трезвыхъ. На чаепитіяхъ Топорова много было остроумныхъ шутокъ, хохота и горячихъ споровъ, но никакихъ возліяній или скабрзностей.

VII.

Наиболѣе сильное впечатлѣніе было произведено на насъ, конечно, двумя литературными памятниками, взволновавшими все русское общество и положившими грань между 50-ми и 60-ми годами. Это были «Отцы и дѣти» Тургенева и «Что дѣлать?» Чернышевскаго.

До 1862 года никто еще не помышлялъ ни о какомъ антагонизмѣ между старшимъ и молодымъ поколѣніями. Различались красные, постепеновцы, реакціонеры и крѣпостники исключительно на политической почвѣ, безъ различія возрастовъ. Тургеневъ своимъ романомъ впервые освѣтилъ ту пропасть, какая зіяла между отцами и дѣтьми, людьми 40-хъ и 60-хъ годовъ.

По правдѣ сказать, освѣщеніе Тургенева было крайне фальшиво. Не даромъ онъ и самъ отрекался впоследствии отъ клички «нигилисты», которою онъ заклеилъ молодое поколѣніе 60-хъ годовъ. Она приличествовала скорѣе людямъ 40-хъ годовъ, такъ какъ молодежь 60-хъ годовъ, при всей своей приверженности къ матеріализму на словахъ, проявляла въ своихъ поступкахъ чисто шиллеровскій идеализмъ. И, наоборотъ, люди 40-хъ годовъ, при всемъ своемъ метафизическомъ идеализмѣ, были практическіе дѣльцы, подчасъ съ головою тонувшіе въ грубѣйшемъ матеріализмѣ.

Кличка «нигилистовъ» приличествовала молодежи 60-хъ годовъ лишь въ одномъ отношеніи: именно въ смыслѣ протеста противъ патріархально-домостроевскаго режима и прописной уличной морали. Въ этомъ отношеніи молодежь, дѣйствительно, выставила рядъ отрицателей, исполненныхъ непримиримаго антагонизма противъ отцовъ съ ихъ слѣпою и фанатическою приверженностью къ домостроевщинѣ или робкими компромиссами. Во имя свободы мысли, свободы знаній, свободы любви молодежь энергично возстала противъ религіозныхъ и кастовыхъ предрасудковъ, семейнаго деспотизма, рабства женщинъ, истязанія дѣтей, того дэндиизма и сибаритства, какимъ были преисполнены наши культурные классы.

Въ этомъ отношеніи незавидную роль принялъ на себя Тургеневъ, сыгравшій въ руку московскихъ ханжей и начинавшихъ поднимать головы реакціонеровъ, и понятно, что съ появленіемъ романа сразу потерялъ популярность въ прогрессивномъ лагерѣ, которую онъ до того времени пользовался.

Не замедлили и мы поднять перчатку, брошенную Тургеневымъ молодежи. Въ то время Топоровъ не былъ еще поклонникомъ и другомъ Тургенева, не былъ еще съ нимъ и знакомъ. Напротивъ того, вращаясь въ кружкѣ «Современника», раздѣлялъ ту вражду, какая возникла между Тургеневымъ и прогрессивнымъ лагеремъ,

и вопилъ на всѣхъ перекресткахъ о ренегатствѣ Тургенева. Понятно, что и мы всѣ относились къ «Отцамъ и дѣтямъ» отрицательно; и досталось-таки Тургеневу на нашихъ чаепитіяхъ при чтеніи его романа!

VIII.

Совершенно противоположно было отношеніе наше къ роману Чернышевскаго. Носились слухи, что цензура разрѣшила печатаніе романа, рассчитывая, что, представляя собою нѣчто въ высшей степени антихудожественное, романъ навѣрное уронитъ авторитетъ Чернышевскаго и пѣсенка его будетъ спѣта. Въ майковскомъ салонѣ хихикали и радостно потирали руки въ предвкушеніи паденія идола молодежи съ его высокаго пьедестала.

Но, увы, дѣйствительность не оправдала всѣхъ этихъ ехидныхъ мечтаній. Хихикавшіе и потиравшіе руки не соображали, что молодежь будетъ искать въ романѣ вовсе не какихъ-либо эстетическихъ красотъ, а программы для своей дѣятельности, и отнюдь не вѣрнаго изображенія дѣйствительности, современной намъ, а той, какой еще нѣтъ, но къ осуществленію которой слѣдуетъ стремиться. Не приняли также въ расчетъ, что обаяніе воздя, каждое слово котораго считалось въ то время закономъ, удесятерилось ореоломъ мученичества героя, голосъ котораго раздавался изъ мрака казематовъ Петропавловской крѣпости. Я нимало не преувеличу, когда скажу, что мы читали романъ чуть не колѣнопреклоненно, съ такимъ благочестіемъ, какое не допускаетъ ни малѣйшей улыбки на уста, съ какимъ читаютъ богослужебныя книги.

Вліяніе романа было колоссально на все наше общество. Онъ сыгралъ великую роль въ русской жизни, всю передовую интеллигенцію направивъ на путь социализма, низведя его изъ заоблачныхъ мечтаній къ современной злобѣ дня, указавъ на него, какъ на главную цѣль, къ которой обязанъ стремиться каждый. Социализмъ дѣлался такимъ образомъ обязательнымъ въ повседневной будничной жизни, не исключая пищи, одежды, жилищъ и пр.

Вслѣдствіе этого предписанія проводить социализмъ во всѣхъ мелочахъ повседневной жизни движеніе въ передовыхъ кружкахъ молодежи приняло сектантскій характеръ обособленія отъ всего общества, равнодушнаго къ предписаніямъ романа. Какъ и во всякой сектѣ, люди, принадлежащіе къ ней, одни лишь считались вѣрными, избранниками, солью земли. Все же прочее челоуѣчество считалось сонмищемъ нечестивыхъ пошляковъ и презрѣнныхъ филистеровъ. Между тѣмъ, какъ лишь весьма незначительное меньшинство увлекалось дѣятельностью съ политическими цѣлями, большинство ограничивалось устройствомъ частной и семейной жизни по роману «Что дѣлать?» Всюду начали заводиться произво-

дательныя и потребительныя ассоціаціи, мастерскія, швейныя, сапожныя, переплетныя, прачечныя, коммуны для общежитія, семейныя квартиры съ нейтральными комнатами и пр. Фиктивные браки съ цѣлью освобожденія генеральскихъ и купеческихъ дочекъ изъ-подъ ига семейнаго деспотизма въ подражаніе Лопухову и Вѣрѣ Павловнѣ сдѣлались обыденнымъ явленіемъ жизни, причѣмъ рѣдкая освободившаяся такимъ образомъ барыня не заводила швейной мастерской и не рассказывала вѣщихъ сновъ, чтобы вполне уподобиться героинѣ романа.

Желаніе ни въ чемъ не походить на презрѣнныхъ филистеровъ простиралось на самую вѣщность новыхъ людей, и такимъ образомъ появились тѣ пресловутые нигилистическіе костюмы, въ которыхъ щеголяла молодежь въ теченіе 60-хъ и 70-хъ годовъ. Пледы и сучковатыя дубинки, стриженные волосы и космы сзади до плечъ, синія очки, фра-дьяволовскія шляпы и конфедератки,—Боже, въ какомъ поэтическомъ ореолѣ рисовалось все это въ тѣ времена и какъ заставляло биться молодыя сердца, причѣмъ слѣдуетъ принять въ соображеніе, что все это носилось не изъ однихъ только раціональныхъ соображеній и не ради одного желанія опроститься, а демонстративно, чтобы открыто выставить свою принадлежность къ сонму избранныхъ. Я помню, съ какимъ шикомъ и вкусомъ двѣ барышни уписывали ржавую селедку и тухлую ветчину изъ мелочной лавочки, и я убѣжденъ, что никакія тонкія яства въ родительскомъ домѣ не доставляли имъ такого наслажденія, какъ этотъ плебейскій завтракъ на студенческой мансардѣ.

Что касается нашего кружка, то заплатили и мы дань всѣмъ этимъ вѣяніямъ. Такъ, многія наши чаепитія на топоровскомъ чердачкѣ были посвящены разсужденіямъ о томъ, какую снѣдь слѣдуетъ считать необходимою, какую роскошью. Икра и сардины подверглись единодушному запрещенію, Относительно селедокъ и яблоковъ голоса раздѣлились, такъ какъ селедки входятъ въ обычное меню обѣдовъ рабочихъ, а отъ яблоковъ не отказывается послѣдняя нищенка. Виноградныя вища подверглись рѣшительному остракизму; водка же и пиво получили разрѣшеніе, опять-таки потому, что для миллионовъ рабочаго люда въ этихъ напиткахъ заключается единственная радость жизни. Табакъ же получилъ двойную санкцію: кромѣ того, что курятъ люди всѣхъ сословій, даже и такой ригористъ, какъ Рахметовъ, и тотъ позволялъ себѣ выкурить сигару, да еще дорогую.

Само собою разумѣется, что все это ограничивалось теоріей. На практикѣ же мы ни отъ чего не отказывались.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Общій обзоръ моей педагогической дѣятельности.—Переходъ къ критикѣ.—Статьи въ «Народной лѣтописи» и «Современникѣ».—Каракозовскій выстрѣлъ и муравьевскій терроръ въ Петербургѣ.—Статья въ «Невскомъ сборникѣ».—Почему я предпочелъ «Отечественныя Записки» «Дѣлу».—«Недѣля» и постигшая ее катастрофа въ концѣ 1868 года.—Отличіе «От. Записокъ» отъ «Современника» и общій характеръ журнала.—Редакторы и сотрудники «От. Записокъ» въ первые годы аренды Некрасова.—Пріемные дни по понедѣльникамъ.

I.

Послѣ краха «Иллюстраціи», весной 1863 года, я очутился, что называется, на бобахъ, и по крайней мѣрѣ лѣтъ пять висѣлъ между небомъ и землей, тщетно стараясь къ чему-нибудь прочно прицѣпиться. Такъ, послѣ «Иллюстраціи» я съѣхалъ на грошевое сотрудничество въ «Воскресномъ Досугѣ», издаваемомъ Бауманомъ для народа. Чего только не помѣщалъ я въ этомъ грошевомъ изданьицѣ: и романы, и повѣсти, и стихотворенія, и характеристики русскихъ писателей, а главнымъ образомъ объясненія къ картинкамъ! Въ 1864 году судьба кинула меня въ Ярославль, гдѣ я редактировалъ «Рыбинскій Листокъ», издаваемый И. А. Жуковымъ.

Затѣмъ съ 1865 года и по 1872 годъ тянулись мои педагогическія мытарства въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ: и въ училищѣ Человѣколюбиваго общества, и въ Смольномъ институтѣ на Николаевской половинѣ, и въ Ларинской гимназіи, и въ женской гимназіи Спѣшневой.

Всѣ эти педагогическія мытарства, плохо оплачиваемыя, кончались крахами по тѣмъ или другимъ причинамъ. Съ каждаго мѣста приходилось уходить, отрясая прахъ съ ногъ своихъ и воображая себя мученикомъ идеи. На самомъ же дѣлѣ неудачи мои зависѣли главнымъ образомъ отъ того, что у меня не было никакого призванія къ педагогикѣ, и я не вкладывалъ всей души въ это дѣло. Къ тому же по большей части мнѣ приходилось преподавать въ низшихъ классахъ грамматику, а это занятіе не многимъ отличалось отъ канцелярской службы. Не говоря о томъ, что въ физическомъ отношеніи уроки несравненно болѣе утомляли меня, но и въ умственномъ я чувствовалъ себя угнетеннымъ однообразіемъ преподавательскаго дѣла, сравнивая себя съ лошадыю въ шорахъ, которую безъ усталы гоняютъ на кордѣ.

Понятно, что въ то время, какъ я сносилъ, скрѣпя сердце, педагогію, какъ тяжелое ярмо, наложенное на меня нуждою, неудержимо тянуло меня къ милой литературѣ, на которую возлагалъ я всѣ надежды. И надежды эти не обманули меня. Въ теченіе 64-го

и 65-го годовъ я успѣлъ при посредствѣ Топорова познакомиться съ Елисеѣвымъ, Слѣпцовымъ и другими писателями радикальнаго лагеря. Мало-по-малу меня стали замѣчать и смотрѣть на меня въ литературныхъ кружкахъ, какъ на подающаго надежды.

Между тѣмъ съ каждымъ годомъ отъ беллетристики и стиховъ я переходилъ къ критикѣ. Такъ, въ 1865 году я написалъ статейку по поводу «Воеводы» Островскаго и отнесъ ее въ «Сынъ Отечества» Старчевскаго. Статейка моя, должно быть, понравилась Старчевскому, потому что онъ помѣстилъ ее цѣликомъ въ одномъ номерѣ, хотя она заняла въ немъ не въ мѣру объемистый фельетонъ. Тѣмъ не менѣе, къ моему удивленію и разочарованію, я получилъ за него всего на все восемь рублей.

Въ томъ же году при посредствѣ Топорова я пристроилъ небольшую статейку о Рудинѣ въ «Народную Лѣтопись». Это была небольшая газетка, издаваемая нѣкоторыми сотрудниками «Современника». Велась она безыменно, при отсутствіи подписей не только авторовъ, но и издателей и редакторовъ. Существовала она весьма недолго: на десятомъ или двѣнадцатомъ номерѣ была прекращена за величайшую продерзость: за помѣщеніе извѣстія о смерти наслѣдника Николая Александровича въ рубрикѣ частныхъ объявленій. Моя статейка была помѣщена какъ разъ въ послѣднемъ номерѣ злополучной газеты. Я приписываю этой статейкѣ то обстоятельство, что не прошло и года, какъ весной въ 1866 году я былъ приглашенъ Некрасовымъ участвовать въ «Современникѣ» — именно писать рецензіи по беллетристикѣ. Я чувствовалъ себя вслѣдствіе этого приглашенія, конечно, уже на седьмомъ небѣ и немедленно приступилъ къ работѣ. Въ апрѣльской книжкѣ «Современника» были уже напеча аны двѣ мои статейки: о Слѣпцовѣ и о Левитовѣ.

II.

Но, увы, непродолжительна была моя радость. Никто и не подозревалъ въ городѣ, что злополучная апрѣльская книжка будетъ послѣднею книжкою журнала, основаннаго Пушкинымъ, имѣвшаго столь блестящее прошлое, совершившаго великое дѣло пробужденія сознательности въ массахъ русской интеллигенціи.

Я живо помню день 4 апрѣля 1866 года, ясный, тихій, ничего, повидимому, не обѣщавшій, кромѣ обычной весенней радости. Петербургъ ликовалъ въ блескѣ весенняго солнца; было почти жарко; расходилась Нева. Улицы и набережныя были полны гуляющаго люда. У меня въ этотъ день былъ урокъ въ Смольномъ. Государь въ это время очень часто посѣщалъ институтъ. Ждали его посѣщенія и въ этотъ день; все было готово для его встрѣчи, и очень были всѣ удивлены, когда онъ почему-то вдругъ не при-

ѣхаль. Я имѣлъ обыкновеніе послѣ уроковъ въ Смольномъ заходить къ своему двоюродному брату, доктору Ив. Г. Карпинскому, жившему на Невскомъ близъ Литейнаго пр., обѣдать. Не преминулъ я и въ этотъ день зайти къ нему. Кромѣ меня, обѣдали у него еще нѣсколько его знакомыхъ. Тутъ я впервые узналъ о выстрѣлѣ Каракозова. Конечно, за столомъ только и было разговоровъ, что о покушеніи, причѣмъ лица у всѣхъ обѣдающихъ были встревоженные и озабоченныя.

Тотчасъ же послѣ обѣда я съ нѣсколькими обѣдавшими пошелъ на Невскій посмотришь, что тамъ происходитъ. Но тамъ ничего не происходило, кромѣ того, что зажгли иллюминацію и по тротуарамъ была такая давка, что едва можно было протиснуться.

Затѣмъ, съ открытіемъ верховной комиссіи съ Муравьевымъ во главѣ, началась паника во всемъ либеральномъ лагерѣ. По Петербургу начали носиться слухи, что Муравьевъ тотчасъ же по вступленіи своемъ въ комиссію поспѣшилъ уже заказать десятки висѣлицъ и гробовъ. Паника эта еще болѣе обострилась, когда Муравьевъ не ограничился арестами однихъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, а началъ арестовывать поголовно всѣхъ писателей радикальнаго лагеря, сотрудниковъ и «Современника», и «Русскаго Слова», и «Искры».

Когда въ слѣдующій понедѣльникъ послѣ ареста Елисеѣва, Стѣпцова, Курочкиныхъ и Минаева я пришелъ въ редакцію «Современника» и засталъ тамъ одного Некрасова, оказалось, что онъ не зналъ еще объ арестѣ упомянутыхъ лицъ, и когда я сообщилъ ему объ этомъ, онъ сдѣлался блѣднѣе полотна, и никогда я не забуду поистинѣ смертнаго ужаса, какой былъ написанъ на его лицѣ. Ужасъ этотъ тѣсно связанъ въ моей памяти съ тою хвалебной одой, какую Некрасовъ преподнесъ Муравьеву въ англійскомъ клубѣ. Это былъ поступокъ сильно испугавшагося человѣка; степень же испуга обуславливалась, конечно, тѣмъ, что отъ Муравьева ждали беспощадныхъ казней, судя по дѣятельности его въ Вильнѣ, и ужъ само собою разумѣется, что Некрасову, создавшему «Современникъ» и организовавшему его силы, можно было ожидать первой висѣлицы послѣ Каракозова.

Въ скоромъ времени паника, не ограничиваясь литературными кружками, распространилась по всему Петербургу. Подобно тому, какъ во время пожаровъ 1863 года всѣ сидѣли на связанныхъ узлахъ домашняго скабра, такъ теперь началась повсемѣстная очистка квартиръ отъ всего нелегальнаго: всюду пылали письма, прокламаціи, нумера «Колокола», брошюры и книги, изданныя за границей и съ рискомъ привезенныя на родину. Много драгоценныхъ историческихъ матеріаловъ погибло въ эти дни въ пламени.

По окончаніи муравьевскаго слѣдствія и съ переходомъ дѣла въ верховный судъ съ княземъ Гагаринымъ во главѣ, у всѣхъ

отлегло отъ сердца, и всё убѣдились, что не такъ страшень чортъ, какъ его малюютъ. Большинство арестованныхъ писателей были выпущены на свободу, и къ суду были привлечены лишь весьма немногіе.

III.

1867 годъ былъ мрачнымъ годомъ для всей пишущей братіи. Крахъ «Современника» и «Русскаго Слова» оставилъ многихъ тружениковъ пера безъ всякаго заработка. Довольно сказать, что вмѣсто 12 книжекъ «Современника» и 12 книжекъ «Русскаго Слова» вышли въ теченіе 1867 года лишь два сборника: «Лучъ», выпущенный Благосвѣтловымъ для удовлетворенія подписчиковъ «Русскаго Слова», и братья Курочкины издали «Невскій сборникъ».

Для меня, въ свою очередь, 1867 годъ былъ однимъ изъ несчастнѣйшихъ годовъ въ моей жизни. Въ этотъ годъ мнѣ пришлось пережить страшныя муки отверженной любви, которыя на всю мою послѣдующую жизнь бросили мрачную тѣнь. Въ этотъ же годъ меня безцеремонно выбросили изъ Смольнаго за то, что у меня были несвѣтскія манеры, тривіальныя выраженія и я читалъ воспитанницамъ такого развратнаго и грязнаго писателя, какъ Гоголь.

Въ литературномъ отношеніи я очутился на воздухѣ. Нап-и салъ я въ теченіе всего года одну лишь статейку «О воспитательномъ значеніи Тургенева и Гончарова», а помѣстить ее оказалось негдѣ. Я услышалъ, что Трубниковъ при своихъ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» издаетъ въ видѣ приложений сборники статей начинающихъ писателей. Отправился я въ редакцію «Биржевыхъ Вѣдомостей», думая пристроить свою статью въ сборникъ газеты, но тамъ мнѣ объявили, что помѣщаются въ сборникъ статьи начинающихъ писателей лишь при условіи дарового напечатанія ихъ. Я молча повернулся и ушелъ изъ редакціи со своею статьею. Въ скоромъ времени при посредствѣ все того же Топорова мнѣ удалось пристроить статью въ «Невскій сборникъ» Курочкина.

Но литературу можно уподобить лугамъ: какъ вы ихъ ни косите, такъ ни полите, какъ ни топчите, а придетъ весна, и снова они покроются молодою травкою. Такъ было и въ 1867 году. Между тѣмъ, какъ реакціонеры наивно воображали что, положивъ конецъ «Современнику» и «Русскому Слову», они «вырвали зло съ корнемъ»,— едва пронеслась муравьевская гроза и хоть немножко разъяснѣло, не замедлили снова зазеленѣть литературныя нивы. Такъ, въ злополучномъ 1867 году положено было начало трехъ радикальныхъ изданій взамѣнъ запрещенныхъ. Благосвѣтловъ основалъ «Дѣло», Некрасовъ взялъ въ аренду «Отечественныя Записки», съ конца же 1867 года стала выходить еженедѣльная газета Генкеля «Недѣля».

Я получилъ приглашеніе во всѣ три изданія. Но само собою разумѣется, я предпочелъ «Дѣлу» «Отечественныя Записки». Я достаточно успѣлъ уже наслушаться рассказовъ о жидоморствѣ Благосвѣтлова, о его грубости съ сотрудниками, о безцеремонности, съ какою онъ позволялъ себѣ въ ихъ статьи вставлять отъ себя потоки площадной брани противъ своихъ литературныхъ враговъ, о томъ, въ какомъ черномъ тѣлѣ держалъ онъ Писарева, платя ему гроши за его статьи, которымъ наиболѣе былъ обязанъ успѣхомъ «Русскаго Слова». На «Отечественныя Записки» же я смотрѣлъ, какъ на продолженіе «Современника», и считалъ большою честью для себя приглашеніе участвовать въ нихъ. вмѣстѣ съ тѣмъ принялъ я участіе и въ «Недѣлѣ», примыкавшей къ «Отечественнымъ Запискамъ» однимъ и тѣмъ же составомъ своихъ сотрудниковъ.

IV.

Судьба «Недѣли» во все время ея существованія была какъ нельзя болѣе превратна. Начать съ того, что, выйдя изъ официальныхъ сферъ, она сдѣлалась внезапно ограномъ самаго крайняго радикализма. Основателемъ ея считался нѣкій генералъ Мундъ, но за кулисами его стоялъ самъ министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевъ. Но такова ужъ участь всѣхъ нашихъ офиціозныхъ изданій, чтобы существовать безъ году недѣлю. Такъ и «Недѣля» просуществовала съ марта 1866 года по февраль 1867 г., и должна была прекратиться по недостатку подписчиковъ. Въ томъ же году пріобрѣлъ изданіе книгопродавецъ Генкель. Генкель занимался между прочимъ изданіемъ медицинскихъ сочиненій. Однимъ изъ главныхъ переводчиковъ его по этой части былъ ординаторъ по хирургіи въ Маринской больницѣ докторъ Павелъ Карловичъ Конради. Онъ былъ знакомъ кое съ кѣмъ изъ писателей, въ силу чего Генкель и поручилъ ему редактированіе «Недѣли». Конради тотчасъ же составилъ комплектъ сотрудниковъ преимущественно изъ писателей, приглашенныхъ Некрасовымъ для предстоящаго изданія «Отечественныхъ Записокъ», и въ концѣ декабря 1867 года вышелъ пробный номеръ «Недѣли».

П. К. Конради, давно уже сошедшій съ земного поприща, былъ человѣкъ сангвиническаго темперамента, весельчакъ, эпикуреецъ, немного даже донъ-Жуанъ. Каждую недѣлю (сколько помнится мнѣ, по субботамъ) сотрудники собирались у него на ужинъ, и онъ священнодѣйствовалъ, съ особеннымъ шикомъ разрѣзая индюшку, поросенка или разбирая на мельчайшія частички голову рыбы и хвалясь при этомъ своими свѣдѣніями по анатоміи. Что же касается напитковъ, то онъ разыгрывалъ въ этомъ отношеніи роль такого тонкаго знатока, что даже на что ужъ калинкинское пиво, а онъ

умудрялся и его пить и угощать гостей съ особенными приёмами компетентнаго питуха. Такъ, въ тѣхъ видахъ, чтобы пиво теряло какъ можно менѣе газа, онъ употреблялъ миниатюрныя стаканчики и послѣ возліянія герметически закупоривалъ бутылку гуттаперчевою пробкою.

Что же касается литературнаго дѣла, то, само собою разумѣется, будучи хирургомъ, онъ далеко не оказывалъ въ немъ такой компетентности, какъ по гастрономической части. Въ качествѣ редактора онъ только и дѣлалъ, что собиралъ статьи сотрудниковъ, располагалъ ихъ въ газетномъ номерѣ и держалъ корректуры. Истинными же руководителями были сотрудники «Отечественныхъ Записокъ», и во главѣ ихъ стоялъ Николай Степановичъ Курочкинъ. Какъ бы то ни было, газета процвѣтала настолько, что въ концѣ года имѣла около 2,000 подписчиковъ. Въ ней между прочимъ печатались «Историческія письма» П. Л. Лаврова, которыми, какъ извѣстно, въ теченіе 70-хъ и 80-хъ годовъ зачитывалась молодежь, и даже Герценъ удостоилъ прислать въ «Недѣлю» небольшую статейку. Какъ вдругъ въ концѣ 1868 года произошла катастрофа, которая сразу измѣнила и характеръ газеты, и составъ ея сотрудниковъ.

V.

Катастрофа эта была такъ же неожиданна и необъяснима, какъ лиссабонское землетрясеніе. Все, казалось, шло такъ мирно и безмятежно: на дворѣ стояла жестокая зима и трещали рождественскіе морозы. Это не мѣшало намъ собираться по субботамъ у Конради, и попрежнему за длиннымъ столомъ въ столовой во время ужиновъ на одномъ концѣ, на предсѣдательскомъ мѣстѣ, сидѣлъ хозяинъ и разрѣзалъ поросенка, а на противоположномъ концѣ—супруга его, Евгенія Ивановна, свѣтская, обворожительная дама, возбуждала философскіе и социологическіе вопросы. Ни малѣйшаго облачка не было замѣтно на семейномъ небосклонѣ гостеприимныхъ хозяевъ. Дѣти весело бѣгали вокругъ сіяющей елки. И вдругъ, словно послѣдовалъ какой-то подземный взрывъ, вслѣдствіе котораго внезапно и супруги разлетѣлись въ разныя стороны, и весь составъ журнала разсыпался вдребезги. Въ чемъ заключались внутреннія причины этой катастрофы, до сихъ поръ покрыто мракомъ неизвѣстности. Конечно, прежде всего большую роль играло здѣсь крайнее несходство характеровъ супруговъ. Не любившій заглядывать въ корень вещей и предпочитавшій осязаемое земное небесному, Конради не имѣлъ ничего общаго съ супругой, любившей, напротивъ того, ко всему относиться съ самой строгой философской точки зрѣнія.

При такомъ несходствѣ характеровъ супруговъ достаточно было одного легкомысленнаго поступка со стороны Конради (а ихъ было

у него немало), чтобы семейный союз распался навсегда. Но я до сихъ поръ не могу понять, какое отношеніе могло имѣть семейное распаденіе на судьбы газеты и какую роль игралъ здѣсь Генкель. Тѣмъ не менѣе вмѣстѣ съ развѣздомъ супруговъ на разныя квартиры не только дѣти остались при г-жѣ Конради, но и самая газета очутилась вдругъ въ ея рукахъ. Это имѣло видъ словно дворцовыхъ переворотовъ XVIII столѣтія: мужъ былъ низверженъ подобно Петру III, а жена, какъ Екатерина II, смѣло взяла въ руки бразды правленія.

Въ одинъ прекрасный день я вдругъ получаю письмо отъ Евгеніи Ивановны, въ которомъ она приглашаетъ меня къ себѣ для переговоровъ по важному дѣлу. Письмо это привело меня въ полное недоумѣніе, такъ какъ мое знакомство съ нею ограничивалось холодными раскланиваніями при встрѣчахъ и развѣ что двумя-тремя фразами о погодѣ. И вдругъ она меня вызываетъ для какихъ-то переговоровъ, и при томъ не въ тотъ домъ, гдѣ жили супруги Конради.

Являюсь по ея приглашенію. Она встрѣчаетъ меня очень любезно и въ нѣкоторомъ смущеніи объявляетъ, что издатель «Недѣли» Генкель, будучи недоволенъ веденіемъ ея мужемъ газеты въ теченіе прошлаго года, рѣшился его отстранить, и теперь редакцію намѣрена принять она. Въ качествѣ новаго редактора она надѣется, что я не откажу ей въ содѣйствіи и буду продолжать свое сотрудничество въ газетѣ.

Я отвѣчалъ ей на это, что поступилъ въ сотрудники «Недѣли» не самъ по себѣ единолично, а въ союзѣ съ нѣкоторыми товарищами по «Отечественнымъ Запискамъ». На этомъ основаніи я и впредь готовъ продолжать свое участіе въ газетѣ лишь въ такомъ случаѣ, если и они останутся сотрудниками «Недѣли».

Г-жа Конради заявила, что всѣхъ ихъ намѣрена пригласить такъ же, какъ и меня, за исключеніемъ лишь двухъ-трехъ несимпатичныхъ ей личностей, и что въ общемъ составъ сотрудниковъ и направленіе газеты нисколько не измѣнятся.

Несмотря на такое увѣреніе Евгеніи Ивановны, я ушелъ отъ нея въ сильномъ недоумѣніи, не понимая, что творится. Я поспѣшилъ, конечно, увидѣться съ товарищами, и отъ нихъ узналъ, что супруги Конради разошлись; Евгенія Ивановна какимъ-то образомъ успѣла вооружить Генкеля противъ мужа, и послѣдній назначилъ ее редакторомъ газеты вмѣсто Павла Карловича; а затѣмъ она начала образовывать новый составъ сотрудниковъ, однихъ изъ нихъ приглашая, а другихъ отстраняя по своему усмотрѣнію. Изъ полновластныхъ почти хозяевъ газеты мы обращались, такимъ образомъ, въ разрозненныя единицы, которымъ предстояло плясать по дудкѣ свѣтской барыни, которой мы почти не знали, и тѣмъ менѣе могли признать ея компетентность въ редакторскомъ дѣлѣ.

И еще возмутительнѣе было то, что одни изъ насъ принимались, а другіе браковались по капризу Евгеніи Ивановны. Это вывело насъ изъ себя, и мы коллективно заявили во всѣхъ газетахъ о выходѣ нашемъ изъ редакціи «Недѣли».

Но царствованіе Евгеніи Ивановны было непродолжительно. Не знаю, что происходило въ нѣдрахъ редакціи «Недѣли», но только въ 1876 году Конради была устранена, и «Недѣля» всецѣло перешла въ руки П. А. Гайдебурова, который всегда считался въ литературныхъ кругахъ человѣкомъ ловкимъ, расторопнымъ, былъ главнымъ распорядителемъ на всѣхъ юбилейныхъ обѣдахъ и похоронахъ, вельдствіе чего Салтыковъ острилъ насчетъ его, что ему недостаетъ только салфетки или чернаго шарфа съ плерезами черезъ плечо. Забравъ въ свои руки «Недѣлю», Гайдебуровъ ловко повелъ ее черезъ всѣ цензурныя ущелья, стараясь въ то же время, не всегда, впрочемъ, удачно, приноравливаться къ моднымъ теченіямъ. Такъ, въ началѣ 70-хъ годовъ газета носила прогрессивный характеръ; на нее такъ и сыпались предостереженія и пріостановки, и первую скрипкою въ ней были Шелгуновъ. Затѣмъ она сдѣлалась ультранароднической, и въ ней главенствовали П. Червинскій (П. Ч.) и Юзовъ. Курьезнѣе всего было то, что при всѣхъ этихъ пертурбаціяхъ Гайдебуровъ постоянно рекламировалъ «Недѣлю», какъ органъ новаго слова.

VI.

Съ 1867 годомъ кончились всѣ мои мытарства, и я имѣлъ возможность чувствовать себя сколько-нибудь прочно обеспеченнымъ. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» мнѣ положили гонораръ по 80 р. за листъ; съ 1872 же года я началъ получать жалованье по 75 р. въ мѣсяць, а съ 1879 года по 150 рублей.

На «Отечественныя Записки» подъ редакціей Некрасова смотрѣли, какъ на продолженіе «Современника». Повидимому, такъ это и было. Редакція «Отечественныхъ Записокъ» помѣщалась въ томъ же домѣ Краевского на углу Литейнаго и Бассейной, въ той же квартирѣ Некрасова, не имѣя никакой вывѣски снаружи дома. Тотъ же лакей угрюмаго вида встрѣчалъ васъ въ передней; та же попорченная молью колоссальная медвѣдица съ двумя медвѣжатами стояла у средняго окна на заднихъ лапахъ, опираясь о рогатину, какъ трофей охотничьей побѣды Некрасова; тотъ же бильярдъ стоялъ направо отъ дверей; то же драпри висѣло въ дверяхъ передъ остальными аппаратами хозяина; тѣ же шкапы по стѣнамъ со всякаго рода оружіемъ. Также по понедѣльникамъ собирались сотрудники въ часъ пополудни. Словомъ, все шло по старому, какъ было полтора года тому назадъ. На самомъ же дѣлѣ «Отечественныя Записки» былъ совсѣмъ другой журналъ, во многомъ отличавшійся

отъ «Современника» и по составу сотрудниковъ, и по содержанию, и по духу.

Начать съ того, что три такіе столпа «Современника», какъ Антоновичъ, Жуковскій и Пыпинъ, разошлись съ Некрасовымъ и не вошли въ составъ сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ». Что же касается содержанія и духа обоихъ журналовъ, то извѣстно, что «Современникъ» былъ журналъ боевой, ожесточенно ратовавшій со всѣми прочими партіями, и съ реакціонерами, и съ постепенцами, и съ славянофилами. Съ социализмомъ онъ знакомилъ русскую публику преимущественно теоретически, какъ проявлялся онъ на Западѣ въ теоріяхъ Сень-Симона, Роберта Оуена, Фурье, Прудона, Луи-Блана и пр.

«Отечественныя Записки» же по возможности избѣгали полемики съ мало-мальски либеральными органами. Социализмъ же они стремились примѣнять къ русской жизни, изучая задатки его въ общинѣ и артели, вообще посвящали болѣе страницъ внутренней жизни родины, чѣмъ внѣшней, европейской. При такомъ характерѣ «Отечественныя Записки» не замедлили стать во главѣ хожденія въ народъ въ теченіе 70-хъ годовъ. Впослѣдствіи на «Отечественныя Записки» начали смотрѣть, какъ на органъ народничества. Но это не вполне справедливо. «Отечественныя Записки» всегда были далеки отъ крайностей народничества въ родѣ тѣхъ, какія вы находите въ статьяхъ Юзова, Червинскаго и пр.

Редакція «Отечественныхъ Записокъ» состояла изъ двухъ инстанцій. Высшую составляли арендаторы журнала—Некрасовъ, Салтыковъ и Елисѣевъ; низшую—слѣдующіе сотрудники: Н. С. Курочкинъ завѣдывалъ отдѣломъ библіографіи, въ которомъ принимали участіе всѣ понемножку: и я, и Михайловскій, и самъ Салтыковъ. Въ качествѣ критиковъ парадировали Писаревъ, я, а въ слѣдующемъ году, въ 1869, присоединились къ намъ Михайловскій и Цебрикова. Н. Ал. Демертъ писалъ фельетоны о земскихъ дѣлахъ. В. А. Слѣпцовъ занималъ мѣсто секретаря редакціи, а въ 1872 году его смѣнилъ пріѣхавшій изъ Москвы А. Н. Плещеевъ. Политическаго отдѣла не существовало въ «Отечественныхъ Запискахъ», не знаю ужъ отчего: не было ли подходящаго для этого отдѣла лица, или же по тяжкимъ въ тѣ времена цензурнымъ условіямъ. Вмѣсто политическихъ обзорѣній ежемѣсячно печатались парижскія письма нѣкоего французскаго радикала Шассена, сначала подъ псевдонимомъ Клода Франка, а съ 1874 года—Людовика. Это были сухіе и скучные отчеты о засѣданіяхъ французскихъ палатъ. Къ тому же переводились они весьма плохо Курочкинымъ; врядъ ли они имѣли много читателей. Это былъ большой пробѣлъ въ «Отечественныхъ Запискахъ».

Какихъ-либо общихъ собраній для совѣщаній по дѣламъ журнала въ «Отечественныхъ Запискахъ» не было. Собирались лишь

по понедѣльникамъ въ часъ дня. Это были пріемные дни, нѣчто даже въ родѣ раутовъ, когда въ редакцію являлись не только по дѣлу, но и такъ поболтать, кому вздумается, конечно, изъ общихъ знакомыхъ. Старшіе члены редакціи, Салтыковъ и Елисѣевъ, являясь на такія собранія, проходили обыкновенно прямо въ кабинетъ Некрасова, а младшіе оставались въ пріемной. Я уже говорилъ выше, что пріемная отдѣлялась отъ кабинета тяжелымъ драпри въ дверяхъ. Драпри это мы называли въ шутку завѣсою алтаря, а кабинетъ—святилищемъ. Въ глубинѣ этого кабинета происходили тайныя совѣщанія трехъ старѣйшинъ, причемъ рѣшались иногда и судьбы младшихъ сотрудниковъ. По окончаніи такихъ совѣщаній завѣса раздвигалась; на порогѣ появлялся одинъ изъ старѣйшинъ и провозглашалъ рѣшеніе ареопага. Впрочемъ, эти тайныя совѣщанія не затягивались долѣе второго часа. Затѣмъ всѣ члены редакціи соединялись въ пріемной или кабинетѣ хозяина, и начинались болѣе или менѣе оживленныя бесѣды о постороннихъ предметахъ, сообщались новости дня и ходившія по городу литературныя сплетни. Салтыковъ острилъ напрапалую. А въ это время приходили и уходили соискатели литературной славы, принося или унося рукописи, являлся метранпажъ, забывенный Чижовъ, снабжая редакторовъ ворохами корректуръ. Являлись посѣтители, общіе знакомые, съ цѣлью поболтать съ членами редакціи. Порою Некрасовъ угощалъ присутствующихъ легонькою закускою.

А. М. Скабичевскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЖАДНОЕ СЕРДЦЕ.

(Быль прошлаго вѣка).

I.

РОСТОРНУЮ угловую комнату въ домѣ генерала Глѣбова, близъ Волхонки, освѣщали двѣ масляныя лампы. Вокругъ большого овальнаго стола, покрытаго ковровой скатерью съ изображеніемъ бедуина на бѣломъ конѣ, расположилось недавно отобѣдавшее общество.

Старый князь Николай Яковлевичъ Голицынъ, давно уже откомандовавшій гвардейской кирасирской дивизіей и проживавшій въ отставкѣ въ Москвѣ, утомленно посалывалъ въ креслѣ, тяготясь тѣмъ, что присутствіе архимандрита Теофана и почетныхъ дамъ лишало его возможности выкурить свою послѣобѣденную трубку.

Жена его, княгиня Вѣра Дмитріевна, урожденная тоже Голицына, сидѣла на диванѣ рядомъ съ архимандритомъ и старалась поддержать часто обрывавшійся разговоръ. Ей шель уже сорокъ восьмой годъ, но наружность ея сохраняла слѣды прежней привлекательности, и она казалась моложе своихъ лѣтъ.

Гости принадлежали къ избранному московскому обществу. Быль сенаторъ, считавшійся великимъ законникомъ и ханжой, былъ моложавый генераль, состоявшій при генераль-губернаторѣ графѣ Закревскомъ, были двѣ знатныя дамы, преданныя дѣламъ благотворительности. Молодой князь Голицынъ, одинъ изъ первыхъ московскихъ жениховъ, повертѣлся тутъ очень недолго и, не находя общество занимательнымъ для себя, потихоньку скрылся.

Разговоръ вращался исключительно около московскихъ событій. Сенаторъ попробовалъ коснуться недавно прогремѣвшей февральской революціи, но присутствовавшіе отозвались только краткими неодобрительными замѣчаніями, и какъ бы вопросительно взглянули на генерала, который вдругъ насупился.

— Все отъ нищеты,—сказала извѣстная благотворительными хлопотами дама.—Ахъ, до чего только нищета доводитъ людей!

— А пущенетвердость въ правилахъ,—замѣтилъ архимандритъ.— Вотъ вѣдь какой случай былъ: помѣщица, вдова полковника, выкусила зубами брильянтъ съ иконы Иверской Богоматери.

— Да неужто?—воскликнулъ старый князь Голицынъ.

— Какъ же, какъ же, я эту исторію хорошо знаю,—подтвердилъ сенаторъ.— Помѣщица, и не старая еще. Привыкла широко жить, балы да ужины давала, а какъ порастрясла доходы-то, стала по монастырямъ слоняться. Въ Кіевъ на богомолье пѣшкомъ ходила. Вернулась въ Москву, зачистила къ Иверской, да и замѣтила на ризѣ большой брильянтъ, окруженный маленькими. Вотъ, прикладываясь, и стала она этотъ брильянтъ потихоньку зубами расшатывать, да наконецъ и выкусила его. Дома завернула его въ бумажку и спрятала въ комодъ. А не замѣтила при этомъ, что выронила на полъ еще маленькій брильянтикъ. Горничная, убирая въ спальнѣ, нашла его, да и понесла продавать къ ювелиру. А тамъ уже знали о святотатствѣ и задержали горничную. Ну, въ полицію и она и созналась. У полковницы сейчасъ сдѣлали обыскъ и нашли брильянтъ въ комодѣ.

— Какой ужасъ!—воскликнули дамы.—И что же?

— Сослали барыню на каторгу,—сообщилъ сенаторъ.

Архимандритъ сокрушенно вздохнулъ.

— Не отъ темноты своей, а отъ порочности покусилась на святую,—произнесъ онъ.

Разговоръ, вступивъ въ область уголовщины, продолжалъ вращаться въ ней. Передавали о подлогахъ, грабежахъ, убійствахъ. Вспомнили и темное дѣло о насильственной смерти молодой французки, трупъ которой былъ тайно вывезенъ изъ дома извѣстнаго всей Москвѣ молодого, красиваго, богатаго помѣщика.

— Присудили къ наказанію дворовыхъ людей, а вѣдь всѣ знаютъ, что убилъ ее самъ помѣщикъ,—сказала одна изъ дамъ.

— Но почему? Что его побудило?—спросила княгиня.

— Развязаться хотѣлъ. Обѣщалъ жениться, а она и повѣрила, пристава стала,—объяснила дама.

— Но убійство произошло случайно,—возразила другая дама.— Онъ не имѣлъ намѣренія. Между ними произошло крупное объясненіе, она что-то очень рѣзкое сказала, онъ вспылилъ до бѣшенства и пустилъ въ нее тяжелой бронзовой пепельницей. Ударъ пришелся въ високъ, несчастная упала замертво, а онъ даже не зналъ, что убилъ ее.

— Но вся Москва знает,—замѣтилъ сенаторъ, съ значительнымъ видомъ кивнувъ головой.

— Ахъ, чего Москва не знаетъ!—произнесъ, выходя изъ дремоты, князь.—Старая сплетница!

Архимандритъ поднялся и сталъ прощаться. Его примѣру послѣдовали остальные гости.

II.

Княгиня Вѣра Дмитриевна перешла въ свой маленькій кабинетъ, сосѣдній со спальнею, и приказала подать туда чай.

Черезъ минуту слуга доложилъ ей, что пришелъ секретарь.

Въ узенькую дверь вошелъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати семи, худощавый, съ блѣднымъ и привлекательнымъ лицомъ, на которое болѣзнь, повидимому, рано наложила свою руку. Большіе, глубоко посаженные глаза его имѣли нѣжное и мечтательное выраженіе. Чуть смуглая кожа, съ едва пробившимися усиками, казалась прозрачною. Маленькія, бѣлыя руки отличались почти дѣвическимъ складомъ.

На молодомъ человѣкѣ былъ хорошо спитый сюртукъ, и вообще все въ немъ обличало заботу о внѣшности.

Княгиня привѣтливо кивнула ему головой и протянула мягкую, выхоленную руку, которую тотъ почтительно поцѣловалъ.

— Вотъ и хорошо, что зашли, Николай Семеновичъ,—сказала Вѣра Дмитриевна.—У меня гости обѣдали и разошлись, а сама я никуда сегодня не ѣду. Небось, опять съ дѣлами нашего общества?

И она указала глазами на портфель, который секретарь бережно опустил на столъ.

— Не иначе, какъ съ дѣлами,—отвѣтилъ тотъ, застѣнчиво улыбувшись.—Вѣдь у насъ, княгиня, если правду говорить, только вы и занимаетесь отъ добраго сердца нашими дѣлами.

— Ну, и предсѣдательница тоже,—снисходительно отозвалась княгиня.

— Такъ вѣдь предсѣдательница изъ тщеславія, такъ какъ она на виду,—возразилъ секретарь.—А вотъ вы, дѣйствительно, только по добротѣ душевной.

Княгиня благодарно улыбнулась.

— Какъ же и не быть доброй, monsieur Зыковъ?—сказала она.—Ужъ впрямь милость Господня балуетъ меня. Чѣмъ только я не взыскана? Мужъ у меня, какихъ, почитай, и нѣтъ теперь. Семья маленькая, заботъ немного. Достатки есть, нужды не знаю. Грѣшно было бы мнѣ не сострадать несчастнымъ. А несчастныхъ-то сколько на свѣтѣ... ахъ, сколько ихъ на этомъ свѣтѣ!

Зыковъ вынулъ изъ портфеля нѣсколько листковъ и объяснилъ княгинѣ ихъ содержаніе. Всѣ они касались помѣщенія въ пріютъ

сиротъ, выдачи пособій, посѣщенія бѣдныхъ. Княгиня внимательно слушала, вздыхала и покачивала головой. Иногда только спрашивала о какой-нибудь нуждающейся женщинѣ:

— А честнаго ли она поведенія?

Въ полчаса докладъ былъ оконченъ. Княгиня подвинула секретарю вторую чашку чаю

— Ну, а здоровье-то ваше какъ?—спросила она и съ участіемъ оглянула его блѣдное лицо, узкія плечи и впалую грудь.

— Все такъ же, княгиня,—печально отвѣтилъ Зыковъ.—Грудью страдаю, удушье днемъ и ночью.

— Какъ же такъ, Николай Семеновичъ? О чемъ ваша мамаша думаетъ? Вѣдь полечить васъ надо или куда-нибудь въ теплый климатъ отправить,—сказала княгиня.

Зыковъ хмуро потупился.

— Магушкѣ моей, да и всѣмъ роднымъ своимъ я и безъ того въ тягость, такъ же, какъ и самому себѣ,—отвѣтилъ онъ.—А отъ леченія никакой пользы не вижу и довѣрія къ нему не питаю. Такая ужъ мнѣ судьба выпала—не жить, а только томиться жизнью. Но вскорѣ предполагаю принять совсѣмъ особое рѣшеніе.

Вѣра Дмитриевна взглянула на него съ участливымъ любопытствомъ, и лицо ея приняло выраженіе заботливой доброты.

— Какое же это рѣшеніе, Николай Семеновичъ?—спросила она.

— При моемъ болѣзненномъ состояніи жизнь въ мірѣ тяготитъ меня,—отвѣтилъ Зыковъ.—Я все болѣе получаю склонность къ отшельничеству и хочу вступить послушникомъ въ Донской монастырь.

Княгиня менѣе всего ожидала такого признанія.

— Вы, такой молодой, въ монастырь?—воскликнула она, откидываясь на спинку кресла.—Да неужели это серьезно?

— Рѣшеніе мое твердо обдуманно,—подтвердилъ Зыковъ.—Что могу найти я въ мірѣ? При моей болѣзни, радости жизни мнѣ недоступны. А тамъ, за монастырской стѣной, я проведу остатокъ дней въ созерцательномъ спокойствіи.

Княгиня помолчала. Ласковая печаль заволочла ея глаза. Ей было грустно видѣть передъ собою этого красиваго молодого чело-вѣка, къ которому она уже привыкла и котораго монастырь долженъ отнять у общества.

— Конечно, я не возьму на себя отговаривать васъ отъ вашего намѣренія, но все-таки совѣтовала бы вамъ крѣпко его обдумать,—заговорила она черезъ минуту.—Вы молоды, болѣзнь ваша можетъ уступить леченію, а между тѣмъ обѣты иночества безвозвратны...

Зыковъ поднялъ на княгиню взглядъ, въ которомъ мелькнуло что-то, заставившее ее почувствовать смущеніе.

— Ахъ, не въ одной болѣзни дѣло. Есть болѣе важная причина, по которой я долженъ сознать себя лишнимъ въ этомъ мірѣ,—

проговорилъ молодой человѣкъ, и въ глазахъ его опять блеснуло что-то особенное. — Но не спрашивайте меня. Я благоговѣнно признателенъ вамъ за доброту, съ какою вы всегда относились ко мнѣ. Съ этимъ чувствомъ я облекусь въ рясу послушника...

— Но какъ тамъ дивно хорошо, въ Донскомъ монастырѣ! Какое чудное гѣніе!—воскликнула Вѣра Дмитриевна.—Я хорошо знакома съ архимандритомъ Теофаномъ, онъ сейчасъ былъ у меня,—я скажу ему о васъ. Когда же я васъ теперь увижу?

— На этихъ же дняхъ, и уже послушникомъ,—отвѣтилъ, прощаясь, молодой человѣкъ.

Его рука дрожала и горѣла, пожимая руку княгини.

III.

Черезъ недѣлю, въ такой же ранній часъ вечера, Зыковъ опять появился въ кабинетѣ княгини Голицыной. Монастырскій нарядъ сильно преобразилъ его: онъ казался выше ростомъ, широкой поясъ обнаруживалъ гибкую стройность его талии, а давно не подстриженные волосы, завиваясь короткими локонами, придавали его лицу поэтическое выраженіе. Вся не лишенная изящества наружность его явно выигрывала отъ смиренной простоты его одежды.

— Да на васъ заглядываться будутъ!—невольнo вырвалось у княгини.—Вѣдь наши дамы и въ монастырь приносятъ свою суетность. Ну, садитесь, я буду васъ чаемъ поить.

Зыковъ поправилъ еще не подчинявшіеся пробору посрединѣ волосы, ловко обдернулъ рясу, чтобъ она не мѣшала сѣсть, и принялъ изъ рукъ княгини чашку.

Въ первыя минуты оба какъ будто подчинялись нашедшему на нихъ стѣсненію. Но у Зыкова былъ запасъ впечатлѣній новой жизни, и разговоръ его становился все болѣе интереснымъ. Княгиня разспрашивала, слушала, и понемногу ея стѣсненіе смѣнилось потребностью ласковой и довѣрчивой откровенности. Ей хотѣлось объяснить ему, ушедшему изъ мірской жизни, что нашла она сама въ этой жизни.

— Настоящихъ горестей я никогда не знала и всегда благодарилъ Бога за его милости ко мнѣ, но росла я въ большой строгости, какой и не знаютъ въ теперешнихъ семьяхъ,—говорила она благоговѣнно слушавшему ее молодому человѣку.—На тринадцатомъ году осталась я круглою сиротою, и отвезли меня къ тетускѣ Натальѣ Голицыной въ Петербургъ. Эта тетуска, мать бывшаго здѣшняго генераль-губернатора князя Дмитрія Голицына, была женщина властная и крутая, съ самымъ мужскимъ характеромъ и мужскими страстями. У нея и въ наружности, и въ манерахъ это выражалось, такъ что въ петербургскомъ обществѣ ее иначе не на-

звали, какъ «princesse Moustache». Всѣ ея боялись и никогда съ нею не спорили, а ужъ у себя дома держала она себя настоящей царицей. Я и пикнуть не смѣла, не то чтобы выйти изъ ея власти. Женихамъ моимъ она всѣмъ отказывала—никто не умѣлъ угодить ей. Какъ пошелъ мнѣ конецъ третьяго десятка, думала я, что назначено мнѣ остаться всю жизнь въ дѣвкахъ, а тутъ вдругъ мнѣ перемѣна вышла, и выдали меня замужъ за князя Николая Яковлевича. Думаю, тетюшка оттого согласилась, что онъ изъ роду Голицыныхъ, да къ тому же мнѣ шель уже двадцать девятый годъ. А Николай Яковлевичъ много меня старше былъ, ему уже сорокъ одинъ годъ тогда кончился. Однако нашъ бракъ, хотя и неравный по лѣтамъ, вышелъ очень счастливымъ. Мужа я всею душою люблю и уважаю и, привыкнувъ подчиняться старшимъ, не ищу выходить изъ его воли.

Зыковъ слушалъ княгиню, не сводя съ нея загорѣвшагося взгляда.

— И въ этомъ послушаніи вся жизнь, вся молодость!—произнесъ онъ.—Все для чужой воли, для чужихъ правъ...

— А какъ же иначе?—съ недоумѣніемъ спросила княгиня.

— Но вѣдь ваше сердце не участвовало въ этой жизни.

— Какъ же не участвовало? Я и тетку любила, и мужа люблю, и сына. Любятъ-то вѣдь сердцемъ.

— Вы называете это любовью!—протестующимъ и сострадающимъ тономъ возразилъ Зыковъ.—Развѣ такую любовью расцвѣтаетъ женское сердце?

Вѣра Дмитріевна слегка вспыхнула и съ недовольнымъ видомъ оставила чашку.

— Зачѣмъ такія глупости говорить,—сказала она.—А еще монашеству себя посвятить хотите. Вамъ надо позабыть, какая такая любовь бываетъ въ мірѣ.

Зыковъ взглянулъ на нее печальными глазами.

— Я для того и ушелъ въ монастырь,—сказалъ онъ.—Теперь пусть самъ Богъ распорядится мною. Больше того, что я сдѣлалъ, я не могу сдѣлать.

Княгиня опять смутилась. Она чувствовала красоту молодого послушника и понимала, что въ его отреченіи заключался подвигъ. Эта мысль странно и какъ будто пріятно волновала ее. Но на такой мысли нельзя останавливаться, отъ нея надо спастись.

— Не понимаю я вашихъ рѣчей, да и вы сами себя не понимаете,—сказала она съ несвойственной ей стремительностью.—Вамъ, Николай Семеновичъ, больше молиться надо. Богъ поможетъ вамъ, но надо, чтобъ и сами вы старались подавить въ себѣ все суетное. Вѣдь монашескій обѣтъ къ чему обязываетъ? Вы должны святымъ человѣкомъ стать.

— Святая—это вы!—воскликнулъ Зыковъ и, потянувшись, припалъ губами къ рукѣ княгини.

Она почувствовала жаръ этихъ губъ, щекотанье влажныхъ рѣсницъ, и съ испугомъ отдернула руку.

— У каждого изъ насъ есть свой долгъ, Николай Семеновичъ, и надо, чтобы долгъ управлялъ нашею жизнью,—сказала она.

Зыковъ взмахнулъ головой и пожалъ плечами. По губамъ его скользнула скептическая усмѣшка.

— А зачѣмъ же природа дала намъ воображеніе, сердце, кровь? Зачѣмъ она сдѣлала насъ доступными всѣмъ мірскимъ чувствамъ?—возразилъ онъ.

— Для борьбы. Для того, чтобы мы достигали совершенства, побуждая мірскія чувства,—объявила Вѣра Дмитріевна.

— Васъ научили такъ говорить,—возразилъ Зыковъ.—А почему же вы не сдѣлали, какъ я, не ушли въ монастырь? Именно для борьбы и уходять туда. Почему же вы предпочитаете оставаться въ мірѣ, гдѣ можете быть побуждены? Ради чего вы дорожите свободой сердца? Вѣдь оно проснется, заговорить, потребуетъ!

Глаза княгини опять выразили испугъ. Она не понимала, что сдѣлалось съ Зыковымъ. Никогда онъ не говорилъ съ нею такимъ языкомъ. Откуда у него эта смѣлость, и почему его голосъ дрожитъ, и все въ немъ проникнуто какимъ-то непонятнымъ ей жаромъ?

Она откинулась въ креслѣ и натянула на плечи спустившуюся шаль.

— Богъ съ вами, Николай Семеновичъ, вы словно заговариваться стали,—сказала она.—Моимъ же сердцемъ пугаетъ меня, какъ шестнадцатилѣтнюю дѣвочку. Идите-ка лучше къ себѣ въ монастырь да станьте на молитву. Молитвой все проходитъ...

IV.

Зыкова, несмотря на его молодость, уже знали въ Москвѣ. Родители его обладали не очень большими, но достаточными средствами и постарались дать сыну приличное образованіе. Почти мальчикомъ отдали его въ институтъ путей сообщенія, который онъ окончилъ очень рано, въ 1841 году. Зачислившись въ канцелярію московскаго губернатора, онъ вскорѣ обратилъ на себя вниманіе хорошими способностями, склонностью къ разностороннему труду и основательными знаніями. Совсѣмъ юношей онъ былъ уже членомъ общества исторіи и древностей, членъ ста истинскаго комитета, занималъ какую-то должность въ художественной школѣ и даже избранъ былъ въ члены общества садоводства. Въ то же время онъ обнаружилъ особое расположеніе къ дѣламъ благотворительности и принялъ дѣятельное участіе въ трудахъ московскихъ филантропическихъ обществъ.

Засѣданія этихъ обществъ собирали многихъ представительницъ московской знати. Но большія барыни больше любили распоряжаться, чѣмъ работать. Онѣ были рады, найдя въ лицѣ Зыкова дѣятельнаго секретаря, по внѣшности скорѣе походившаго на свѣтскаго человѣка, чѣмъ на чиновника. Красивый, скромный, образованный юноша получилъ доступъ въ аристократическіе дома, куда являлся всегда щеголевато одѣтый, осторожный и почтительный, съ портфелемъ и прекрасно подготовленнымъ докладомъ.

Въ числѣ другихъ дамъ-патронессъ княгиня Вѣра Дмитриевна отн слась къ Зыкову съ благосклоннымъ покровительствомъ. Ей нравилось, что молодой, но уже опытный секретарь, освобождая ее отъ черной работы, въ то же время умѣлъ выдвинуть ея роль въ благотворительныхъ комитетахъ.

Княгиня уже перешла тогда за сорокалѣтній возрастъ, но наружность ея замѣчательно сохранилась. Стройная, съ привлекательными чертами лица, съ выработанными привычками изящной любезности, она продолжала производить выгодное впечатлѣніе.

Зыковъ искалъ случаевъ чаще съ нею видѣться. Находить такіе случаи было не очень трудно. Въ глазахъ мужа княгиня стояла выше всякихъ ревнивыхъ подозрѣній.

Иногда, не заставъ ее дома, Зыковъ писалъ ей подробно о какой-нибудь бѣдствовавшей семьѣ, о какой-нибудь несчастной дѣвушкѣ, ждавшей спасенія отъ благотворительнаго общества. Княгиня охотно отвѣчала, и переписка продолжалась.

Для Зыкова эти отношенія имѣли необычайную цѣнность. Въ нихъ было обаяніе, раздражавшее его мечтательность. Скрытный и застѣнчивый, онъ таилъ въ себѣ медленно, но упорно разгоравшуюся влюбчивость. Было что-то болѣзненное въ этомъ затаенномъ чувствѣ, отравлявшемъ его хилое тѣло. Оно отнимало у него сонъ и угнетало его мозгъ мечтательнымъ, бредовымъ сладострастіемъ. И онъ съ тоскою замѣчалъ, какъ развивалась его болѣзнь и падали его силы.

Годъ уходилъ за годомъ. Зыковъ продолжалъ часто посѣщать княгиню Вѣру Дмитриевну, сдѣлался своимъ человѣкомъ въ домѣ. Лѣтомъ, когда Голицыны переселялись въ деревню, онъ пріѣзжалъ туда на нѣсколько дней. И никогда, ни однимъ неосторожнымъ порывомъ, ни однимъ намекомъ онъ не смѣлъ выразить владѣвшаго имъ чувства.

Ночью, въ жару бессонницы, онъ впадалъ въ глубокое отчаяніе.

«Развѣ я могу открыться ей — больной, хилый, безсильный? — задавалъ онъ себѣ мучительные вопросы. — Развѣ имѣеть право любить тотъ, кто не можетъ обладать женщиной?»

Унизительное сознаніе жгло его. И въ то же время въ мозгу его возникалъ безумный протестъ.

«Но зачѣмъ же дана мнѣ эта пожирающая страсть? — терзался онъ, ворочаясь на горячей подушкѣ.—Развѣ нѣтъ любви, кромѣ той, какой любятъ здоровые, грубые люди? Развѣ нѣтъ другого обладанія? Вотъ, я пошу въ себѣ эту другую любовь, не менѣе страстную и требовательную. Каждый нервъ мой ощущаетъ ея разрушающій пламень. Я томлюсь, тоскую, ревную, не могу жить и дышать безъ близости этой женщины».

Изнемогая въ этой борьбѣ, Зыковъ искалъ поддержки въ знакомомъ ему съ дѣтства религіозномъ чувствѣ. Онъ больше молился и чаще мечталъ о той далекой отъ мірскихъ соблазновъ тихой пристани, которую люди обрѣтаютъ за монастырской стѣной. Онъ находилъ отраду выстаивать долгое служеніе въ Донской или Чудовой обители, и ему казалось, что въ волнахъ ладана и въ звукахъ стройнаго пѣнія на него нисходитъ исцѣляющая благодать.

Разъ, послѣ архіерейскаго служенія въ Донскомъ, онъ допросился въ келію архимандрита Теофана и повѣдалъ ему о своемъ желаніи вступить въ монашество. Теофанъ отнесся къ этому холодно: щеголеватый видъ юноши не внушалъ ему довѣрія.

— Провѣрьте себя, и когда убѣдитесь, что влеченіе ваше не отъ легкомыслія, придите вновь,—сказалъ онъ.

Зыковъ пришелъ вновь, но ему опять отказали. Два года онъ ничего не могъ добиться отъ архимандрита. Наконецъ онъ подалъ письменное прошеніе, въ которомъ сослался на влеченіе къ уединенной жизни и на болѣзненное состояніе, закрывавшее для него возможность брачной жизни.

Его приняли послушникомъ, на трехлѣтній искусь.

V.

Маленькая келія, отведенная Зыкову въ Донскомъ монастырѣ, скрыла его на нѣкоторое время съ своихъ стѣнахъ. Молодому послушнику нравилась его новая созерцательная жизнь. Онъ ревностно посѣщалъ службы, исполнялъ всѣ келейныя правила, а въ свободное время предавался чтенію духовныхъ книгъ и составленію для печати историческаго описанія Донскаго монастыря. Лѣтомъ онъ работалъ въ цвѣтникѣ, который развелъ передъ окномъ своей келіи.

Болѣзнь мучила его попрежнему, и онъ проводилъ долгія безсонныя ночи на молитвѣ. Лежать онъ совсѣмъ не могъ вслѣдствіе удушья, и дремалъ въ креслѣ. Монастырской трапезой онъ также не могъ пользоваться, и пищу его составляли чай съ просфорой и печеный картофель.

Религіозное настроеніе не покидало его. Чудное монастырское пѣніе, на которое събѣжались богомольная московская знать, на-

полняло его молитвеннымъ восторгомъ. Но ему правилось также, что его привлекательная виѣшность останавливала на себя вниманіе нарядныхъ дамъ, правилось чувствовать на себѣ заинтересованные взгляды красивыхъ глазъ. Порученная ему продажа свѣчъ доставляла ему возможность вступать иногда въ бесѣду съ мольщиками, и ихъ благосклонность льстила его затаенному тщеславію.

Среди дамъ, съѣзжавшихся въ монастырь по праздникамъ, Зыковъ изрѣдка встрѣчалъ княгиню Вѣру Дмитріевну. Она обмѣнивалась съ нимъ пріятными словами, спрашивала, какъ ему жидеться въ его новомъ положеніи, брала свѣчу и клала на выручку серебряный рубль.

— Не хотите ли взглянуть на мою келейку?—предложилъ ей разъ Зыковъ.

Пить чай у знакомыхъ монаховъ послѣ обѣдни было въ обычаѣ. Княгиня не нашла ничего нескромнаго въ предложеніи молодого послушника, и послѣ долгаго архіерейскаго служенія прошла съ нимъ въ его келію. Собственный слуга Зыкова, взятый имъ съ собою въ монастырь, подалъ имъ чай.

Келія имѣла уютный, опрятный видъ. Княгиня съ любопытствомъ оглядывала ея бѣлыя стѣны, образа, книги на столѣ.

— А это что за тетрадка?—спросила она.

— Это проповѣдь митрополита Филарета, переведенная на французскій языкъ,—объяснилъ Зыковъ.—Я вчера былъ у него на Троицкомъ подворьѣ, и онъ далъ мнѣ списать. Преосвященный бываетъ очень доволенъ, когда его проповѣди обращаютъ на себя вниманіе иновѣрцевъ.

— Ахъ, это очень интересно,—воскликнула княгиня.—Я даже не могу себѣ представить, какъ передать его краснорѣчіе на французскомъ языкѣ.

— Хотите вмѣстѣ почитать?—предложилъ Зыковъ.

— Пожалуйста, я буду въ восторгѣ...

Зыковъ придвинулъ княгинѣ покойное кресло, присѣлъ къ столу и сталъ читать. Не успѣлъ онъ перевернуть первую страницу, какъ въ келію вошелъ архимандритъ Теофанъ.

— Новый-то нашъ послушникъ—вашъ старый знакомый?—обратился онъ къ княгинѣ.—Достойно проходить послушаніе и такъ прилеженъ къ нашей обители, что предпринялъ начертать ея исторію. Чѣмъ это вы занимались тутъ?

Княгиня объяснила.

— Любопытно. Вотъ и я послушаю,—сказалъ Теофанъ и присѣлъ на стулъ съ высокой спинкой.—Истинное краснорѣчіе не должно терять на чужомъ языкѣ.

Зыковъ возобновилъ чтеніе. Архимандритъ посидѣлъ минутъ десять, но такъ какъ онъ мало понималъ по-французски, то скоро утомился.

— Благодарю васъ за частое посѣщеніе нашей обители,—обратился онъ къ княгинѣ, прощаясь.—При случаѣ и самъ къ вамъ наверхъ.

Зыковъ отложилъ тетрадку и раскрылъ окно въ садикъ, гдѣ онъ разводилъ свой цвѣтничекъ. Тамъ еще пестрѣли, подъ лучами теплаго осенняго солнца, георгины и астры, и лѣниво колыхались тонкія нити паутины. Величавой и благостной тишиной потянуло оттуда въ маленькую келію...

— Какъ у васъ хорошо!—сказала княгиня.—Здѣсь такой миръ нисходитъ въ душу, какого мы не знаемъ въ нашей суетѣ.

Зыковъ посмотрѣлъ на нее своимъ печальнымъ, затаеннымъ взглядомъ.

— Но дано ли человѣку такъ отрѣшиться отъ этой суеты, чтобы ничто уже не тянуло къ ней?—произнесъ онъ.

— По крайней мѣрѣ здѣсь все располагаетъ къ тому,—просто-душно сказала княгиня.

Зыковъ ничего не отвѣтилъ. Онъ испытывалъ странное, тревожное и сладостное волненіе. Близость женщины, которую онъ продолжалъ любить своею мучительною любовью, путала его мысли.

Княгиня поднялась съ кресла.

— Мнѣ пора,—сказала она.

Зыковъ нагнулся, припалъ губами къ ея рукѣ, и съ его рѣсницъ вдругъ побѣжали горячія слезы. Плечи его передергивало.

— Другъ мой, что съ вами?—въ смущеніи произнесла княгиня. Зыковъ задыхался.

— Вы разрѣшите мнѣ быть у васъ на дняхъ? Мнѣ такъ тяжело одному въ этихъ стѣнахъ,—сказалъ онъ.—Эти нѣсколько минутъ здѣсь, съ вами... я никогда ихъ не забуду...

Княгиня не совсѣмъ понимала его, но чувствовала непріятный страхъ.

— Я была бы рада васъ видѣть, но боюсь, что, если будете выходить въ міръ, вамъ труднѣе будетъ привыкнуть къ вашей новой жизни,—сказала она.

— Нѣтъ, вы мнѣ разрѣшите; вы не отнимете у меня своей помощи,—съ волненіемъ возразилъ Зыковъ.—Вѣдь мнѣ такъ немного осталось жить!

— Господь съ вами, зачѣмъ объ этомъ думать,—сказала княгиня.—Зайдите какъ-нибудь. Пожалуй, въ первые годы вамъ лучше позволять себѣ изрѣдка маленькое разсѣяніе. И принесите съ собою проповѣдь Филарета, мы вмѣстѣ дочитаемъ ее.

VI.

Предположеніе княгини, что въ первые годы монастырскаго уединенія полезно позволять себѣ иногда маленькое разсѣяніе, было очень сочувственно встрѣчено молодымъ послушникомъ. Несмотря на прилежаніе къ службамъ, онъ уже тяготился своимъ отшельничествомъ. Новизна положенія переставала занимать его. Болѣзненные припадки и постоянное нервное безпокойство дѣлали его нетерпѣливымъ, капризнымъ. Силы воли у него не было, и безнадежная страсть, отъ которой онъ искалъ спасенія въ монастырѣ, все болѣе овладѣвала имъ.

Какъ лицо, выдающееся среди братіи образованіемъ и развитіемъ, Зыковъ пользовался въ монастырѣ значительною свободою. Архимандритъ Теофанъ охотно отпускалъ его къ матери, отдохнуть и оправиться отъ келейнаго сухояденія. Сначала Зыковъ возвращался въ тотъ же день, потомъ сталъ ночевать въ городѣ.

— Какъ же это такъ?—въ затрудненіи спрашивалъ Теофанъ.

— Опоздалъ, калитка была заперта, и я не хотѣлъ тревожить привратника,—оправдывался Зыковъ.

Черезъ день или два онъ опять отпрашивался въ городъ.

— Желательно мнѣ быть на архіерейскомъ служеніи въ Чудовомъ, а оттуда посѣтить высокопреосвященнѣйшаго въ Троицкомъ подворьѣ, да зайти къ матери,—сообщалъ онъ архимандриту.

Его отпускали. Онъ возвращался на другой день, потомъ сталъ отлучаться на три, на четыре дня. Теофанъ былъ недоволенъ.

— Какъ же это такъ?—спрашивалъ онъ.—Гдѣ ты проводишь сіе время?

— По слабости силъ, ночевалъ у матушки,—отвѣчалъ Зыковъ.

— А кого посѣщалъ въ городѣ?

— Являлся для наставленія къ митрополиту Филарету; кромѣ того, былъ у Варвары Сергѣевны Шереметевой, у княгини Софіи Сергѣевны Щербатовой, обѣдалъ у Голубкова, а вечеромъ заходилъ къ княгинѣ Вѣрѣ Дмитріевнѣ Голицыной.

Имена Шереметевой, Щербатовой, Голицыной успокоительно дѣйствовали на Теофана: въ такихъ почтенныхъ домахъ послушникъ не могъ встрѣтиться съ мірскими соблазнами. Но архимандритъ все-таки задавалъ вопросъ:

— А зачѣмъ, собственно, нужно тебѣ посѣщать сихъ особъ?

— Какъ я раньше состоялъ секретаремъ челоуѣколюбиваго общества, то и нынѣ обращаются ко мнѣ многіе ищущіе благотворительной помощи,—отвѣчалъ Зыковъ.—Особливо же княгиня Вѣра Дмитріевна, привыкнувъ пользоваться моими докладами, часто обращается ко мнѣ за совѣтами.

— И записки, которыя ты посылаешь къ ней чрезъ своихъ слугъ, также касаются дѣлъ благотворенія?

— Не иначе, какъ дѣль благотворенія.

Увѣренные отвѣты Зыкова успокаивали архимандрита. Но все-таки онъ неодобрительно покачивалъ головой и приходилъ къ заключенію, что рвеніе къ созерцательной жизни, видимо, ослабѣваетъ въ молодомъ послушникѣ.

Зыковъ дѣйствительно посѣщалъ и митрополита Филарета, и почтенныхъ московскихъ попечительницъ, но главною цѣлью его отлучекъ была княгиня Вѣра Дмитріевна. У нея, въ ея уютномъ кабинетикѣ, онъ проводилъ всѣ вечера, украденные у монастырскаго уединенія.

Онъ былъ счастливъ возрастающею благосклонностью княгини, которая находила въ своемъ робкомъ сердцѣ все болѣе участія къ странному, неизмѣнному и интересному поклоннику.

Для нея уже не было тайной владѣвшее имъ чувство. Она сознавала, что не раздѣляетъ его, но ей были пріятны осторожныя полу-признанія красавца-послушника и закрывшаяся въ ея сердце жалость къ нему. А его доброта, его дѣятельное состраданіе къ ближнимъ, его хлопоты по дѣламъ благотворительности чрезвычайно повышали ея мнѣніе о немъ.

— Какой вы ближнелюбивый, Николай Семеновичъ! — сказала она ему разъ. — Другихъ болѣзнь дѣлаетъ эгоистами, а ваше сердце всегда обращено къ страдающимъ и нуждающимся.

— Я научился любви къ ближнему, работая съ вами въ нашемъ челоуѣколюбивомъ обществѣ, — отвѣтилъ Зыковъ.

— Но пожалѣйте и себя тоже: постъ и молитва истощаютъ ваше здоровье, — продолжала княгиня.

Зыковъ увѣрялъ, что желалъ бы наложить на себя еще болѣе тяжкій подвигъ, потому что не всѣ мірскія страсти оставили его.

И при этомъ красивые глаза его потуплялись, и онъ слабо вздыхалъ.

На другой день онъ прислалъ Вѣрѣ Дмитріевнѣ записку, въ которой выражалъ безпокойство по поводу ея вчерашней блѣдности.

«Не утомляете ли вы себя неустанными попеченіями о близкихъ вамъ? — спрашивалъ онъ. — Подумайте также о себѣ. Міръ нашъ не созданъ для ангеловъ».

Тронутая княгиня отвѣтила нѣсколькими строками:

«Благодарю васъ, ближнелюбивѣйшій Николай Семеновичъ, за участіе, которое вы во мнѣ принимаете. Я, слава Богу, здорова, и очень рада, что могу послать то, что вы любите, сайку и витушку. Если вы желаете, я буду всякій день доставлять вамъ оныя. Не пожелаете ли вы, чтобы я вамъ посылала изъ кушаньевъ, которыя вы любите?»

Отъ кушаній Зыковъ отказался, но сайки и витушки люди княгини частенько приносили ему въ монастырь, въ обмѣнъ на при-

сылаемыя имъ просфоры. И Зыкову казалось тягостнымъ не быть въ тотъ же вечеръ у княгини и не сказать ей, какъ онъ тронуть ея вниманіемъ.

Старый князь Голицынъ давно привыкъ считать Зыкова въ числѣ своихъ домашнихъ и простодушно сочувствовалъ склонности жены къ продолжительнымъ духовнымъ бесѣдамъ, задерживавшимъ иногда послушника въ ея кабинетѣ до глубокой ночи. Но знакомые княгини не были такъ снисходительны и, постоянно встрѣчаясь у нея съ Зыковымъ, начинали перемигиваться и усмѣхаться. Въ тѣсномъ кругу московской знати все больше поговаривали объ увлеченіи богомольной княгини монастырскимъ юношей и не стѣснялись объяснять это увлеченіе—съ ея стороны слабостью старѣющей и не знавшей любви женщины, а со стороны Зыкова—пронырливой дерзостью мелкаго дворянина, ищущаго при помощи рясы успѣховъ въ жизни.

Графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ счелъ не лишнимъ даже предостеречь княгиню.

— Не нравится мнѣ этотъ вашъ святоша,—сказалъ онъ ей однажды.—Ужъ очень онъ старается на виду себя поставить въ монастырѣ. Ну, дворянинъ онъ, умный тамъ, образованный, а все-таки поскромнѣе слѣдовало бы ему держать себя.

Княгиня, какъ умѣла, защищала Зыкова. Но когда въ Москвѣ узнали, что лѣтомъ Зыковъ ѣздилъ къ ней въ деревню и пробылъ тамъ нѣсколько дней, сплетня показалась правдоподобной и тѣмъ, кто ей не вѣрилъ.

VI.

Молодой князь Голицынъ, считавшійся женихомъ въ семьѣ губернскаго предводителя, относился къ частымъ посѣщеніямъ Зыкова неблагоклонно. Существовавшіе въ обществѣ пересуды такъ или иначе доходили до него, да и ему самому не нравилось видѣть близкаго домашняго человѣка въ какомъ-то послушникѣ. Матери онъ ничего не рѣшался сказать, но многочисленная дворня догадывалась, что молодой баринъ не прочь былъ бы выпшвырнуть чернорясаго гостя за дверь. Но свадьба князя состоялась, онъ переѣхалъ на особую квартиру, и положеніе Зыкова въ домѣ какъ будто упрочилось.

А въ январѣ 1850 года въ семьѣ Голицыныхъ произошла новая, уже печальная перемѣна: старый князь Николай Яковлевичъ заболѣлъ и умеръ.

Внезапно овдовѣвшая княгиня Вѣра Дмитриевна совѣмъ растерялась. Съ мужемъ ее связывала не только долготѣнная дружба, но и привычка жить его волею, подчиняться его распоряженіямъ, обращаться во всѣхъ дѣлахъ къ его опытности. Глубокая тоска

овладѣла княгиней вмѣстѣ съ чувствомъ сиротливаго одиночества и безпомощности. Ей, не входившей раньше ни въ какія заботы, предстояло управлять и хозяйствомъ, и имѣніями, и дворней, и дѣлами. Одна въ огромномъ домѣ, гдѣ ей такъ безпечально жилось, она теперь не знала, какъ и за что взяться.

Въ такомъ положеніи она должна была вдвойнѣ оцѣнить услуги неизмѣнно преданнаго и заботливаго Зыкова.

Получивъ извѣстіе о смерти князя, онъ сейчасъ же явился въ домъ, поставилъ аналой у тѣла, развернулъ псалтырь и принялся читать надъ покойникомъ. Онъ же принялъ на себя всѣ распоряженія похоронами, отдавалъ приказанія прислугѣ, успокаивалъ и утѣшалъ вдову. Умѣнье говорить о духовныхъ предметахъ, проникающій его слова тонъ глубокой вѣры—приносили облегченіе княгинѣ. Она безвольно подчинялась взятому имъ надъ нею руководству и чувствовала себя бодрѣе, зная, что ея молодой другъ находится безотлучно въ домѣ.

Въ ея робкой совѣсти возникали сомнѣнія, съ которыми она довѣрчиво обращалась къ нему.

— Вы мнѣ совѣтуете молиться; но развѣ Богъ услышитъ меня?—спрашивала она.—Вотъ, духовникъ нашего праведника говоритъ, что можно просить его молиться за оставленныхъ имъ. Это я дѣлаю.

Зыковъ умѣлъ отвѣтить на все это такъ, чтобы ослабить горечь тяжелыхъ дней, переживаемыхъ княгиней.

Теперь у него былъ уже удовлетворительный предлогъ почти неотлучно находиться подлѣ княгини. И онъ жадно пользовался возможностью заглядывать въ ея робкую душу, ловить ея слабости, слѣдить за ея развивающимся довѣріемъ.

Первые, самые тяжелые дни траура прошли, но Зыковъ уже не находилъ въ себѣ силъ отказаться отъ наслажденія постоянной близостью къ княгинѣ. Объяснивъ разъ архимандриту Теофану, что княгиня въ ея теперешнемъ положеніи нуждается въ немъ, онъ уже не отпрашивался въ отпускъ, а уходилъ самовольно, никому не сказавшись. Все постороннее, не относившееся къ княгинѣ, теперь не имѣло въ его глазахъ значенія. Онъ жилъ снова разгоравшимся въ немъ чувствомъ. Воображеніе его усиленно работало, унося его въ самыя смѣлыя мечтанія. Монашескіе планы, болѣзнь, высокое общественное положеніе любимой женщины—все это уже не казалось ему препятствіемъ для осуществленія его мечтаній.

«Княгиня еще не понимаетъ себя и своихъ чувствъ; но она уже любить меня», думалъ онъ, волнуясь и томясь въ своей кельѣ.

Онъ находилъ, что раньше между ними стоялъ мужъ, и этимъ объяснялъ себѣ сдержанность княгини. Но теперь, когда князя уже нѣтъ, что могло бы помѣшать имъ соединиться?

— Не предавайтесь печали, княгиня,—говорилъ онъ ей.—Живые должны думать о живомъ. Я чувствую въ своемъ сердцѣ

совершающуюся тайну обновленія. Развѣ ваше сердце не участвуетъ въ этой тайнѣ?

— Вы мечтатель, Николай Семеновичъ; ваше ближнелюбное сердце ищетъ утѣшенія для меня въ моей утратѣ, а мнѣ только и остается вѣчно оплакивать моего праведника,—возражала княгиня.—Молю его, чтобы онъ простилъ меня. Въ жизни случилось и огорчать его, и, можетъ быть, потому такъ невыносимы мои страданія.

Эти неотступныя напоминанія о покойномъ князѣ раздражали Зыкова. Его опяняла жажда жизни, любви, счастья. Ему казалось, что передъ ними, для нихъ уже расцвѣтаетъ весна.

— Какъ вы давно не были у меня въ келіи,—говорилъ онъ съ влюбленной тоской.—Здѣсь все слишкомъ связано для васъ съ прошедшимъ. А я думаю только о будущемъ. Придетъ весна, обновится природа, зазеленѣютъ лѣса. Вы уѣдете въ деревню и позволите мнѣ сопровождать васъ. Сколько счастья, какой праздникъ жизни! Какое наслажденіе быть всегда съ вами, ощущать вашу близость...

— Да полноте, не гиѣвите Бога: вѣдь вы посвятили себя монашеству,—возразила, все болѣе смущаясь, княгиня.

Зыковъ порывисто схватилъ и сжалъ ея руку.

— Я не посвящалъ себя. Мало ли что я могъ придумать въ своемъ отчаяніи!—воскликнулъ онъ.—Мое послушничество—ошибка. Къ счастью, ее еще можно поправить. Вы тогда были замужемъ, и мнѣ казалось, что жить нечѣмъ и незачѣмъ. А теперь вы свободны...

Онъ припалъ горячими губами къ рукѣ княгини.

Неожиданно дверь отворилась, и въ кабинетикъ вошла горничная Лена съ письмомъ. Вѣра Дмитриевна отдернула руку и отшатнулась.

— Вотъ видите, къ чему ведетъ ваша неосторожность,—съ досадою обратилась она къ Зыкову, когда горничная вышла.—Въ домѣ и такъ уже Богъ знаетъ что толкуютъ о насъ. Да и не въ домѣ только, а по всему городу идетъ сплетня.

— Что намъ за дѣло!—воскликнулъ Зыковъ.—Отъ васъ же самихъ зависить прекратить эти сплетни. Если только вамъ не жаль разстаться съ своимъ титуломъ...

— Замолчите, я не хочу слышать такихъ глупостей,—нетерпѣливо остановила его княгиня.—Намъ рѣшительно неудобно видѣться у меня дома. Лучше вамъ не бывать у меня. И пожалуйста, не начинайте такихъ разговоровъ: они только раздражаютъ и оскорбляютъ меня.

VII.

Зыковъ ушелъ, но послѣ мучительной бессонной ночи послалъ къ княгинѣ робкое, проникнутое страхомъ и затаенной надеждой письмо, въ которомъ просилъ написать ему, дѣйствительно ли дверь ея дома навсегда закрыта для него.

Посланный вернулся съ отвѣтомъ княгини:

«Я опять повторяю, ближнелюбивѣйшій и много, много уважаемый Николай Семеновичъ, что мы не увидимся болѣе у меня. Такъ хочеть судьба. Вспомните нечаянность, случившуюся отъ неосторожности горничной. Вотъ причина, отчего мой совѣтъ вамъ никогда не желать даже быть у меня—лучше! Примите мой совѣтъ. Уважать я васъ и почитать всегда буду и благодарить васъ за все сдѣланное вами добро.

«Встрѣтитесь мы можемъ вездѣ, и въ церкви, и на улицѣ, а можетъ и въ другомъ домѣ; но у меня не надобно. Не спрашивайте другихъ причинъ: ихъ нѣтъ и не существуетъ».

Зыковъ, дочитавъ письмо, не смутился: послѣднія строки разрушили впечатлѣніе, котораго добивалась княгиня. Молодой послушникъ почувствовалъ даже приливъ безумнаго торжества.

«А, она все-таки указываетъ, гдѣ мы можемъ встрѣчаться. Потому что она любить меня...—рѣшилъ онъ мысленно.—И всѣ эти ужимки—больше ничего, какъ женское кокетство. Послѣ двухъ трехъ встрѣчъ на сторонѣ я опять буду бывать у нея».

Но Вѣра Дмитріевна, казалось, замкнулась въ холодную неприступность. Она, дѣйствительно, хотѣла прервать мало-по-малу сношенія съ неотвязчивымъ поклонникомъ.

А Зыковъ каждый день посылалъ ей новыя, безпокойно-тоскливыя письма. Поддаваясь состраданію и надеждѣ образумить его, она иногда отвѣчала ему.

«Письма ваши много способствовали меня разстроить,—писала она между прочимъ.—Вотъ почему я казалась вамъ странною, даже гнѣвною иногда. Они меня раздражали. Вы даже не думали, какъ мнѣ вредили оными».

Не умѣя объяснить себѣ холодности княгини, Зыковъ терзался ревнивыми подозрѣніями. Ему приходила мысль, что она отдаляется отъ него, имѣя въ виду выйти замужъ за кого-нибудь изъ московскаго свѣта. И онъ изливался въ недоговоренныхъ упрекахъ и жалобахъ. Княгиня теряла терпѣніе.

«Это мучительно, что вы не высказываетесь, а только намекаете; мнѣ надобенъ покой теперь. Убийственныя, то-есть разстроенныя письма ваши меня тревожатъ».

Надѣясь все-таки успокоить и образумить Зыкова, Вѣра Дмитріевна рѣшилась наконецъ принять его у себя. Это было въ пятницу

на масленицѣ. Зыковъ въ тотъ день посѣтилъ нѣсколько знакомыхъ домовъ въ городѣ и пришелъ къ княгинѣ уже вечеромъ. Онъ казался утомленнымъ, робкимъ и печальнымъ и въ одиннадцатомъ часу ушелъ, чтобъ возвратиться въ монастырь.

Но тутъ съ нимъ случилось происшествіе, имѣвшее важныя для него послѣдствія.

Проходя по Волхонкѣ, гдѣ жила княгиня, Зыковъ встрѣтился съ неизвѣстнымъ человѣкомъ простаго званія, несшимъ въ рукахъ большую бутылъ съ постнымъ масломъ. Человѣкъ этотъ былъ пьянъ и въ потемкахъ наткнулся на Зыкова. Бутылъ вывалилась у него изъ рукъ и разбилась. И сейчасъ же пустынная улица огласилась неистовымъ пьянымъ крикомъ:

— Караулъ! Грабятъ! Бьютъ!

Подбѣжавшій на крикъ хожалый задержалъ обоихъ и отвелъ въ Пречистенскую часть. Доложили сейчасъ же о происшествіи оберъ-полицеймейстеру Лужину. Тотъ нашелъ дѣло довольно важнымъ и, оставивъ Зыкова въ части, приступилъ на другое утро къ дознанію. Неизвѣстный человѣкъ оказался купеческимъ сыномъ Матвѣевымъ. Онъ былъ, очевидно, пьянъ, а слѣдовъ побоевъ, на которые онъ жаловался, на немъ не нашли. О Зыковѣ Лужину донесли, что онъ часто отлучается изъ монастыря, возвращается поздно, а иногда и ночуетъ въ городѣ. Все это казалось подозрительнымъ и, кромѣ того, бросало тѣнь на порядки Донского монастыря. Послѣднее обстоятельство было особенно важно, такъ какъ недавно передъ тѣмъ назначенный генералъ-губернаторъ графъ Закревскій сразу не поладилъ съ митрополитомъ Филаретомъ и былъ не прочь указать на недостаточный надзоръ владыки за московскимъ духовенствомъ.

Лужинъ просилъ разрѣшенія осмотрѣть бумаги Зыкова. Графъ Закревскій разрѣшилъ, митрополитъ также выразилъ согласіе. Но обыскъ не далъ ожидаемыхъ результатовъ, и Зыковъ былъ препровожденъ въ распоряженіе архимандрита Теофана.

Скандалъ въ городѣ разразился очень шумно. Шатающийся по ночамъ послушникъ, захваченный полиціей въ уличной дракѣ, оскорблялъ московское благочестіе. Всѣ знали, кромѣ того, что этотъ послушникъ былъ любимцемъ княгини Голицыной, и что сынъ княгини тщетно старался отвести его отъ дому. Многіе заключали изъ этого, что происшествіе было заранѣе подстроено, что Матвѣевъ былъ напоенъ и подкупленъ людьми Голицыныхъ, съ вѣдома молодого князя. Догадка эта долго и упорно держалась въ Москвѣ. Иные добавляли, кромѣ того, что Зыковъ вообще велъ себя предосудительно и что его видѣли выходящимъ изъ такихъ домовъ, посѣщеніе которыхъ совсѣмъ не отвѣчаетъ монастырскимъ правиламъ.

Духовное начальство не видѣло основаній защищать Зыкова. О случаѣ съ нимъ было донесено въ синодъ, причѣмъ архимандритъ Теофанъ далъ отзывъ о послушникѣ, какъ о человѣкѣ «для монастыря ненадежномъ». Оставалось просить объ увольненіи, что Зыковъ и сдѣлалъ, ссылаясь на болѣзнь и желаніе матери.

Теофанъ, которому уже прискучило возиться съ своевольнымъ и избалованнымъ послушникомъ, былъ радъ наконецъ отъ него отдѣлаться.

24-го марта Зыковъ покинулъ свою келію и перебрался къ матери, въ Аванасьевскій переулокъ на Арбатѣ.

VIII.

Три мучительныя недѣли, протянувшіяся между уличнымъ заключеніемъ и увольненіемъ изъ монастыря, совсѣмъ раздавили Зыкова. Самолюбіе его было раздражено насмѣшливыми толками, ревнивая подозрительность возбуждена шипѣвшими вокругъ него сплетнями. И въ монастырѣ, и въ городѣ не стѣсняясь толковали о томъ, что княгиня, желая отдѣлаться отъ надѣвшаго ей поклонника, подучила своихъ людей побить его. Зыковъ не зналъ, что подумать, и сходилъ съ ума отъ мрачнаго унынія.

Княгиню также раздражали и доходившія до нея сплетни, и неотвязчивыя преслѣдованія Зыкова, и его отчаянныя письма. Ей было жаль его, и она пыталась помочь ему. Она просила принять въ немъ участіе своихъ старыхъ друзей—графа Строганова, генерала А. П. Ермолова, оберъ-полицеймейстера Лузина; но никто изъ нихъ не одобрялъ Зыкова, и всѣ считали его виновникомъ разыгравшагося скандала. Архимандритъ Теофанъ продолжалъ оказывать ему снисхожденіе, но въ душѣ не прочь былъ отъ него избавиться, въ особенности послѣ того, какъ синодъ поставилъ ему въ вину слабый надзоръ за подчиненными.

Бывать у княгини Зыковъ не могъ, въ виду новаго и рѣшительнаго запрещенія; но онъ преслѣдовалъ ее всюду—въ церквахъ, на улицѣ, въ домахъ нѣкоторыхъ знакомыхъ. Разъ, при выходѣ изъ монастырской церкви, онъ дошелъ до того, что при всей публикѣ заступилъ ей дорогу и требовалъ, чтобы она выслушала его объясненіе. Княгиню эта несдержанность до крайности разсердила, такъ какъ она знала, что злорадная сплетня ловить и перетолковываетъ каждый ея шагъ.

«Если вы уважаете меня, то зачѣмъ вездѣ и всюду подходите?— писала она Зыкову.—Лучше на это время отдалиться и не давать пищи злымъ людямъ для злословія. Недоброжелательные люди довели васъ до такого положенія, что вы совершенно теряетесь, иногда сами не помните, что дѣлаете, напримѣръ, что не хотѣли про-

пустить меня въ дверь, увѣряя меня, что я тоже встаю противъ васъ».

Чтобы сколько-нибудь успокоиться, княгиня хотѣла уѣхать говѣть въ Троицкую лавру. «Страданія мои душевныя становятся невыносимы; я изнемогла духомъ, а вмѣстѣ и тѣломъ,—сообщала она Зыкову.—Ваши письма много тому способствовали, но я не обвиняю васъ въ этомъ».

Зыковъ и самъ понималъ, что ведетъ себя возмутительно. На него находили минуты раскаянія, онъ общалъ княгинѣ подчиниться всѣмъ ея требованіямъ. Но онъ не имѣлъ воли надъ собою, и порывы благоразумія сейчасъ же уступали припадкамъ мучительной страсти. Не имѣя возможности провѣрить своихъ подозрѣній, онъ опять въ нескончаемыхъ письмахъ забрасывалъ княгиню ревнивыми намеками, потомъ сталъ даже называть лицо, на которомъ она будто бы остановила свой выборъ. Княгиня съ достоинствомъ отклоняла эти сплетни; а Зыковъ, все болѣе раздражаясь, доходилъ до грубости, напоминалъ ей о ея лѣтахъ, предостерегалъ, что на ней хотять жениться ради ея большого состоянія.

«Нарочно васъ смущаютъ,—съ кротостью отвѣчала ему Вѣра Дмитриевна:—а ваше больное воображеніе теперь вѣруетъ и въ неправду. Напрасно всѣ заботятся такъ выдавать меня замужъ: я не выйду ни за кого, имѣвши такого мужа, каковъ былъ чело-вѣкъ князь».

Зыковъ не вѣрилъ. Не понявъ еще ранъше отношеній къ нему княгини, онъ не понималъ теперь и замѣчавшейся въ нихъ перемѣны. Онъ сознавалъ только, что княгиня отдаляется отъ него. Почему? Измученное воображеніе подсказывало ему только одно объясненіе: почувствовать себя свободною послѣ смерти мужа, княгиня хотѣла вновь выйти замужъ, но, конечно, за чело-вѣка изъ того же тѣснаго круга московской знати, къ которому принадлежала. А чтобы избавиться отъ неудобнаго поклонника, устроила ему даже ловушку—уличный скандалъ, сдѣлавшій его смѣшнымъ въ глазахъ общества.

И Зыковъ разгорался страстной злобой къ женщинѣ, которую продолжалъ такъ же страстно любить...

IX.

Съ переѣздомъ къ матери бывшій послушникъ ничѣмъ не могъ занять своей праздности. Онъ бродилъ по московскимъ улицамъ, простаивалъ часами подъ окнами княгини, заходилъ въ церковь, пробовалъ дома читать что-нибудь, и, перевернувъ книгу, бросалъ ее и принимался за письмо къ княгинѣ. Мать видѣла, что съ сыномъ дѣлается что-то нехорошее.

— Извелся ты со своей княгиней,—говорила она ему.—И какъ ей не грѣхъ? Вотъ пойду и поговорю съ ней. Что въ самомъ дѣлѣ!

— Поговорите, маменька. Вы вѣдь видите, что со мною дѣлается. Разкажете ей, пусть и она знаетъ,—просилъ сынъ.

Старушка въ самомъ дѣлѣ нашла случай видѣться съ княгиней и поговорить о роковой страсти сына. Вѣра Дмитриевна пожимала плечами.

— Я уважаю вашего сына, какъ никого, и желаю ему всякаго добра,—сказала она.—Но виновата ли я, что онъ вбилъ себѣ въ голову всякую блажь. Лучше бы ему все это оставить и не докучать мнѣ своими письмами.

— Вѣдь и я что же говорю ему!—роптала старушка.—Да ничего съ нимъ не подѣлаешь. Словно какъ порченый онъ у меня. Ужъ вы, княгиня, пожалѣли бы его.

— И жалѣю, но видѣть его больше не могу. Такого безпокойства, какъ онъ, никто мнѣ не причинялъ,—отвѣтила княгиня.

Зыковъ, выслушавъ разсказъ матери, заломилъ руки.

— Не жалѣетъ она меня, не жалѣетъ!—воскликнулъ онъ со злобою.—Все это одна комедія. Отдѣлаться отъ меня хочетъ, потому что жениха себѣ намѣтила. Но вѣдь любила же она меня, низкая, коварная женщина... И я своихъ правъ не уступлю, не уступлю!

Онъ выбѣжалъ изъ дому и нѣсколько часовъ бродилъ по городу. Дикія, злобныя мысли осаждали его мутившійся умъ. Онъ прошелъ на Волхонку и долго ходилъ взадъ и впередъ подъ окнами княгини, поджидая кого-то. Но никто не показывался, и угрюмый особнякъ съ опущенными занавѣсками не подавалъ признаковъ жизни.

«А если бъ я и увидѣлъ его, кого она предпочла мнѣ?—пришло ему на мысль. — У меня нѣтъ въ рукахъ даже палки, чтобы размозжить ему голову. Онъ только посмѣялся бы надо мной».

Проходя черезъ Хитровъ рынокъ, Зыковъ остановился передъ лавкой старьевщика, въ окнѣ которой было выставлено разное оружіе. Затѣйливая восточная оправа небольшого кинжала привлекла его вниманіе. Онъ зашелъ въ лавку, осмотрѣлъ лезвіе и спросилъ о цѣнѣ. Кинжалъ продавался недорого, и Зыковъ купилъ его.

«Всегда лучше имѣть такую вещь при себѣ», подумалъ Зыковъ.

Онъ вернулся на Волхонку и съ рѣшительнымъ видомъ вошелъ въ подъѣздъ княгини. Старый швейцаръ заступилъ ему дорогу.

— Мнѣ надо видѣть княгиню,—заявилъ Зыковъ.

— Нельзя, сударь. Не приказано васъ принимать,—возразилъ швейцаръ.

Голосъ у Зыкова оборвался.

— Ты все-таки доложи,—съ усиленіемъ сказалъ онъ.

— И докладывать не приказано. Однимъ словомъ, нечего вамъ и ходить къ намъ: понапрасну будете себя беспокоить,—подтвердилъ швейцарь.

Зыковъ опустилъ руку въ карманъ, нащупалъ тамъ рукоятку кинжала и, словно успокоившись, повернулся и вышелъ.

Дома онъ написалъ къ княгинѣ отчаянное письмо, полное ядовитыхъ упрековъ и страстныхъ признаній. Онъ указывалъ на одного изъ ея знакомыхъ, обозначая его буквой Г., и грозилъ, что не уступить ее. Передавалъ всѣ сплетни, какія только доходили до него, словно наслаждаясь, что можетъ бросить ей въ лицо столько злословія.

Княгиня была возмущена, но все-таки хотѣла отвѣтить на письмо.

«Кто васъ смущаетъ, не знаю,—писала она Зыкову.—Я уѣзжаю отсюда, не знаю, надолго ли; ѣду къ Троицѣ, и все у меня приготовлено къ отъѣзду моему. Чтобы могила князя обо мнѣ ничего не сказала: до толковъ людскихъ мнѣ все равно. Бранять, злословить, все равно; я замужъ за г. Г. (не знаю даже, кто?) не пойду, и ни за кого никогда».

Зыковъ, прочитавъ письмо, отшвырнулъ его.

«Она воображаетъ, что я повѣрю ей! Когда каждая строка ея дышитъ ложью! О, она дорого заплатитъ мнѣ за мои терзанія, за мою обманутую любовь!» подумалъ онъ.

Онъ вынулъ изъ ноженъ купленный имъ кинжалъ, долго осматривалъ отточенный клинокъ, потомъ бросилъ его туда же, гдѣ валялось письмо княгини.

Опасеніе, что не сегодня-завтра княгиня уѣдетъ къ Троицѣ, не давало Зыкову покоя. Потребность увидѣть ее во что бы то ни стало овладѣла всѣмъ существомъ его. Пусть его не пускаютъ къ ней въ домъ—онъ заставитъ ее пріѣхать сюда, къ нему.

И онъ написалъ ей коротенькую записку, въ которой сообщалъ, что болѣзнь его внезапно приняла роковой оборотъ, что онъ находится при смерти и молить ее дать ему возможность проститься съ ней.

Княгиня рѣшила не ѣхать. Но ей не хотѣлось грубо поступить съ умирающимъ, и она послала къ нему проживавшую у нея бѣдную женщину, старушку Кауфманъ.

Худой, съ ввалившимися воспаленными глазами, Зыковъ дѣйствительно производилъ впечатлѣніе тяжело больного. Кауфманъ такъ и сообщила княгинѣ. А вслѣдъ затѣмъ пришло новое письмо отъ Зыкова, въ которомъ онъ уже отъ имени матери умолялъ княгиню не отказать облегчить своимъ посѣщеніемъ послѣднія страданія несчастнаго сына.

Княгиня колебалась. Неотвязчивыя преслѣдованія Зыкова раздражали и разстраивали ее. Она испытывала даже смутный

страхъ передъ его неизлечимымъ сумасбродствомъ. Но мысль, что, можетъ быть, онъ въ самомъ дѣлѣ умираетъ, и что христіанскій долгъ требуетъ снисхожденія къ его послѣдней просьбѣ, въ концѣ концовъ побѣдила ея нерѣшительность.

Рано утромъ на другой день—это было 7 апрѣля на пятой недѣлѣ поста—она приказала подать карету и вмѣстѣ съ Кауфманъ поѣхала въ Аонасьевскій переулокъ на Арбатѣ.

Х.

Въ небольшомъ двухъэтажномъ домѣ, гдѣ жили Зыковы, вставали рано. Служанка провела княгиню въ гостиную, старушка Кауфманъ осталась въ залѣ.

— Вы напугали меня своимъ письмомъ, — сказала княгиня выбѣжавшему къ ней Зыкову. — Что съ вами? Почему вы не пошлете за докторомъ? Вашего сына надо серьезно лечить, — обратилась она къ хозяйкѣ дома.

— Ахъ, ужъ не говорите! Что я могу съ нимъ сдѣлать? И слышать не хочетъ о докторахъ, — пожаловалась мать Зыкова.

— Но я еще менѣе могу помочь, — сказала Вѣра Дмитріевна.

Зыковъ усадилъ ее въ кресло, подвинулъ ей подъ ноги скамеечку, и самъ сѣлъ близко противъ нея.

— Вы, только вы однѣ и могли бы спасти меня, — произнесъ онъ взволнованнымъ голосомъ. — Меня убиваетъ не тѣлесная болѣзнь, а душевная. Вы, вы сами безжалостно ивранили мое сердце. Не понимаете, что вы со мною сдѣлали? Хотите моей смерти? Конечно, какое вамъ дѣло, что какой-то выгнанный изъ монастыря послушникъ околѣетъ тутъ, какъ раздавленная собака. У васъ своя жизнь, свои виды. Вы похоронили мужа — выйдете за другого. Развѣ мало въ Москвѣ свѣтскихъ баричей, которые не прочь были бы прибрать къ рукамъ ваше состояніе? Вы будете думать, что ихъ плѣняетъ ваша красота, вашъ умъ, ваше сердце, — а у нихъ на умѣ только завладѣть вашими помѣстьями да ломбардными билетами.

Княгиня старалась сохранить терпѣніе.

— Николай Семеновичъ, вамъ не слѣдовало бы говорить этого, — сказала она. — Вотъ, при вашей матушкѣ повторяю, что у меня и въ мысляхъ нѣтъ выходить за кого-нибудь замужъ. Удивляюсь, по какому праву вы столько времени подвергаете меня своимъ преслѣдованіямъ.

— А, по какому праву! — воскликнулъ, все болѣе волнуясь, Зыковъ. — По праву моего сердца, которое изсохло по васъ. Вѣдь вы довели меня до такого состоянія, что для меня нѣтъ выбора. Или вы, или... Поймите, я не могу потерять васъ. Я не могу мѣсяца, недѣли, дня прожить, не видя васъ.

Онъ сползъ на коверъ и приникъ заплаканнымъ лицомъ къ колѣнямъ княгини.

— Вы все, все у меня отняли...—продолжалъ онъ сквозь рыданія.—Но я не ропщу, я только молю: не покидайте меня! Вотъ, скоро уже весна, вы уѣдете въ деревню... дайте мнѣ разрѣшеніе провести лѣто у васъ.

Княгиня съ силою отстранила его обѣими руками.

— Этого разрѣшенія я не могу вамъ дать: вы уже довольно меня измучили своими безумствами,—сказала она холодно.—Намъ надо совсѣмъ прекратить видѣться, Николай Семеновичъ. Я для того и пріѣхала, чтобы проститься съ вами.

Зыковъ поднялся и смотрѣлъ на княгиню воспаленными глазами.

— Проститься? Но вѣдь любили же вы меня!—простоналъ онъ, заламывая руки.—Почему, за что вы такъ безжалостно охладѣли ко мнѣ? Что я вамъ сдѣлалъ?

— Но вы меня никогда не понимали, Николай Семеновичъ,—отвѣтила, теряя терпѣніе, Вѣра Дмитріевна.—Кто вамъ внушилъ мысль, что я люблю васъ? Могла ли я такъ забытья, любя всѣмъ сердцемъ своего мужа? Я уважала васъ, какъ духовную особу, мнѣ нравилось говорить съ вами о предметахъ, къ которымъ постоянно обращается моя мысль. Ваше слабое здоровье, ваше отреченіе отъ міра вызывали мое участіе. Но когда вы покинули монастырь и стали надоѣдать мнѣ своими письмами, я потеряла свое расположеніе къ вамъ. И лучше намъ не возвращаться къ этому разговору.

Княгиня привстала, собираясь уходить. Зыковъ порывисто удержалъ ее за руку.

— Ради Бога! Вѣдь я только тогда и живу, когда вижу васъ,—воскликнулъ онъ.—Побудьте немного со мною.

— Право, Николай Семеновичъ, вы напрасно и себя, и меня разстраиваете,—произнесла, пожимая плечами, княгиня.

Ей и жалко его было, и оскорбительно тянуть эту тягостную сцену.

— Я только объ одномъ молю: не оставляйте меня, дайте мнѣ возможность видѣть васъ, слышать вашъ голосъ...—жалобно просилъ Зыковъ.—Поймите же наконецъ: вѣдь я люблю васъ, люблю...

Онъ опять опустился къ ея ногамъ и обнялъ ея колѣни.

Княгиня на этотъ разъ рѣзко отстранила его.

— Я ни вамъ и никому не могу запретить любить меня, но поймите и вы также, что сама я ни васъ и никого не могу любить,—сказала она нетерпѣливо.

— Княгиня, я буду приходить къ вамъ!

— Васъ не впустятъ...

— Я зарѣжусь вотъ этимъ кинжаломъ подъ вашими окнами...

И Зыковъ выхватилъ спрятанный у него подъ сюртукомъ кинжалъ.

Княгиня почувствовала неприятную дрожь во всемъ тѣлѣ.

— Вы мнѣ надоѣли. Вы мнѣ противны. Я въ послѣдній разъ съ вами говорю, слышите—въ послѣдній разъ!—проговорила она рѣшительно и, кивнувъ старушкѣ-матери, повернулась и, раздраженная, разстроенная, пошла въ залу, гдѣ ее съ безпокойствомъ поджидала Кауфманъ.

Зыковъ поднялся и, шатаясь на ногахъ, смотрѣлъ ей вслѣдъ. Въ искаженномъ лицѣ его выражались и страсть, и мука, и злоба. Словно кровавый туманъ застилалъ его сознание.

А она удалялась медленной, изящной походкой.

Зыковъ сдѣлалъ прыжокъ къ ней.

— А-а!—промычалъ онъ дико.

Его рука поднялась, клинокъ кинжала сверкнулъ. Помутившіеся глаза его впились въ узкую вырѣзку ея траурнаго ворота. Онъ различалъ молочно-бѣлую, матовую кожу шеи. Еще мгновение, и эта кожа окрасилась хлынувшей струей крови.

Сильный ударъ кинжала перерѣзалъ княгинѣ горло до позвонковъ.

Зыковъ, словно не понимая случившагося, подхватилъ княгиню на руки и впился губами въ ея холодѣющія губы.

— Моя, моя! Никто не отниметъ тебя у меня!—повторялъ онъ, содрогаясь и дико смѣясь.

Обезумѣвшая мать кричала, звала людей. Кауфманъ бросилась отнимать кинжалъ, съ котораго еще бѣжали теплыя капли крови. Обезсилѣвшій Зыковъ разомкнулъ руки, и тѣло княгини упало на полъ.

Кровь продолжала литься изъ раны и изо рта. Зыковъ, наклонясь надъ тѣломъ умирающей, растерянно вытиралъ платкомъ ея губы и опять цѣловалъ ихъ.

Потомъ всталъ и, оглядывая безумными глазами сбѣжавшихся людей, громко произнесъ: «Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ...»

И все громче, среди затихающаго хрипа княгини и рыданій окружающихъ, раздавался его голосъ:

«Да святится имя Твое, да прійдетъ царствіе Твое...»

И рука убійцы набожно крестила холодѣющій трупъ...

ХІ.

Уголовное правосудіе того времени не знало психіатрическихъ тонкостей. Судьямъ московскаго надворнаго суда и уголовной палаты не приходилось разбираться въ сложныхъ элементахъ разыгравшейся драмы. Налицо были фактъ убійства и сознание

преступника. Оставалось установить, не встрѣчается ли въ дѣлѣ обстоятельство, усиливающихъ вину. Такими обстоятельствами признаны были: преднамѣренность убійства, завлеченіе жертвы въ обстановку, облегчавшую выполненіе злого умысла, званіе и образованность преступника. По соображеніи всѣхъ этихъ данныхъ, дворянинъ Зыковъ присужденъ былъ къ каторжнымъ работамъ въ рудникахъ на 20 лѣтъ, по окончаніи же срока работъ къ поселенію въ Сибири навсегда.

Московскій генераль-губернаторъ графъ Закревскій обнаружилъ состраданіе къ подсудимому и, представляя дѣло въ сенатъ, высказался за ограниченіе каторги 15-лѣтнимъ срокомъ. При этомъ онъ сообщилъ, что государю Николаю Павловичу угодно было повелѣть дѣло это во всѣхъ инстанціяхъ рассмотретьъ съ возможной скоростью, внѣ очереди.

Сенатъ оказался строже графа Закревскаго и остановился на 20-лѣтнемъ срокѣ каторги.

Въ холодный, хмурый день поздней осени въ Москвѣ, по Красной площади медленно двигалась печальная колесница. На сѣрой перекладинѣ, въ сѣромъ арестантскомъ зипунѣ, спиною къ возницѣ сидѣлъ блѣдный, изнуренный, еле живой Зыковъ. На впалой груди его висѣла доска съ крупною надписью: «убійца».

Толпа молча сторонилась. Какой-то сѣдой старикъ, сидя у воротъ дома, мимо котораго громыхала колесница, медленно перекрестился, вздохнулъ и сказалъ словами евангелиста:

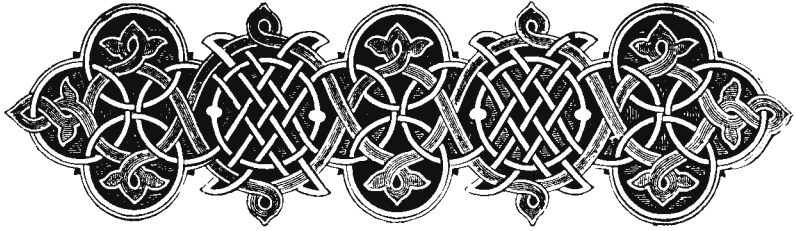
«Такъ подобаетъ совершиться всякой правдѣ»...

Съ ближайшимъ очереднымъ этапомъ Зыкова выслали по владимирской дорогѣ. Но здоровье его не выдержало длиннаго пути: не доходя до Казани, онъ умеръ въ пересыльномъ острогѣ.

Княгиню Вѣру Дмитріевну Голицыну съ большою пышностью похоронили въ оградѣ Донскаго монастыря, рядомъ съ могилою мужа.

В. Авсе́нко.

СИЛУЭТЫ ВРЕМЕНИ РЕФОРМЪ.

(Воспоминанія шестидесятника).

ВЪ ЭТИХЪ воспоминаніяхъ читатели найдутъ очерки нѣкоторыхъ лицъ, выдвигавшихся по своимъ свойствамъ, образу мыслей, дѣятельности или общественному положенію на фонѣ реформеннаго періода и по возможности типичныхъ, а также нѣсколько характерныхъ для того времени эпизодовъ.

О шестидесятыхъ годахъ было писано много, но мало кто пытался проводить параллели между событіями и общественными настроеніями того времени и настоящаго.

Мы отнюдь не претендуемъ на попытку заполнить такой пробѣлъ; будемъ довольны, если нѣкоторыя черточки нашихъ воспоминаній могутъ пригодиться для тѣхъ, кто этимъ займется.

Наши наброски, хотя и не совсѣмъ, но все-таки сырой матеріаль. Тѣмъ не менѣе мы ручаемся за правдивость и безпристрастность нашихъ сообщеній: мы описываемъ только то, что сами пережили, сами видѣли или слышали отъ совершенно добросовѣстныхъ свидѣтелей ¹⁾.

¹⁾ Просимъ читателей извинить, если, паче чаянія, въ работу вкрадутся мелкія ошибки по части собственныхъ именъ, терминовъ или датъ: то, что мы описываемъ, происходило полвѣка назадъ, и у насъ подъ руками нѣтъ матеріаловъ, чужихъ записокъ или мемуаровъ для справокъ. *Н. Н. Ф. Въ Неаполѣ.*

I.

Отзвуки празднествъ тысячелѣтїя.—Монументъ и его обстановка.—Первыя дворянскія собранія послѣ освобожденїя крестьянъ.—Гражданская честность губернскаго предводителя дворянства князя Ник. Евг. Мышецкаго.—Воспитанїе дѣтей бѣдныхъ дворянъ.—Праздничный губернаторъ егермейстеръ Вл. Як. Скарятинъ.—Отношенїе его къ Валуеву и къ реформамъ; трагическая смерть на царской охотѣ.

Въ большинствѣ губерній первыя послѣ обнародованїя положенїя 19 февраля (и вмѣстѣ послѣднїя предъ введенїемъ земской и судебной реформъ) очередныя дворянскія собранія имѣли мѣсто въ концѣ 1861 или началѣ 1862 года.

Въ новгородскомъ дворянскомъ собранїи замѣтнѣе, чѣмъ во многихъ другихъ, обозначилась либеральная окраска дворянства (насколько прочная—вопросъ иной), главнымъ образомъ потому, что въ Новгородѣ тогда еще не померкъ отблескъ недавно происходившихъ тамъ празднествъ тысячелѣтїя Россїи. Тамъ памятывались не официальные только, а высказанныя вскользь, какъ бы случайно оброненныя, слова монарха, выражавшія твердость его обновительныхъ намѣренїй. Конечно, «догорѣли огни, облетѣли цвѣты»; однако аромать освободительности носился еще въ воздухѣ. Тѣ даже, кого эти ароматы беспокоили, не осмѣливались выражать свое неудовольствїе. Самый микѣшинскїй памятникъ, имѣющїй форму колокола, воздвигнутый на Софїйской площади, оставался какъ бы напоминанїемъ и о вѣчѣ Великаго Новгорода, и о надеждахъ на вѣче государственно-монархическое. Правда, этотъ монументъ любили критиковать какъ сторонники преобразованїй, такъ и неохотники до «катастрофъ» (по выраженїю щедринаскаго помпадура, такъ называвшаго реформы). Однако дальше художественной стороны и обвиненїя монумента въ сходствѣ со «столовымъ колокольчикомъ» рѣдко кто заходилъ. Но, право, и въ художественномъ отношенїи микѣшинское созданїе не заслуживало обращаемыхъ къ нему строгостей. Въ символическомъ же оно весьма выразительно: самодержавїе и вѣчевой колоколь. Было надъ чѣмъ задуматься дворянству въ годину либеральныхъ стремленїй верховной власти къ освободительнымъ преобразованїямъ. Мѣстоположенїе, избранное для памятника (но въ этомъ Микѣшинъ, конечно, не виноватъ), хотя и символично—въ древнемъ кремлѣ, лицомъ къ Софїйскому собору, а тыломъ къ губернскимъ присутственнымъ мѣстамъ,—дѣйствительно далеко не живописно. Древнїй храмъ св. Софїи внушителенъ и тепло-краснорѣчивъ для русскаго сердца; зато остальные стороны пустынной квадратной площади весьма неприглядны. Безконечная, бѣлая, однообразная стѣна присутственныхъ мѣстъ съ рядами безчисленныхъ, сплошь однообразныхъ четырехугольныхъ оконъ, кромѣ канцелярской

скуки и воспоминаній о подъяческихъ нравахъ временъ Чичикова ничего не вызываетъ въ душѣ. А по бокамъ площади двѣ свѣтло-красныя голыя кирпичныя стѣны, долженствующія напоминать высившіяся тутъ во время оно стѣны историческаго кремля. Только въ одной изъ нихъ сквозь новенькую же арку воротъ выглядываетъ Волховъ. Надъ нимъ и доселѣ въ лунныя ночи носятся въ видѣ бѣлыхъ безформенныхъ паровъ души побросанныхъ въ рѣку Иваномъ Грознымъ либеральныхъ (того времени) обывателей великаго собрата Ганзейскаго союза. По крайней мѣрѣ такъ полагали потомки Марѣи Посадницы въ шестидесятыхъ годахъ XIX вѣка.

Самое зданіе дворянскаго собранія, находящееся, впрочемъ, на другой площади, внѣ кремля, изящно и для давно обѣднѣвшаго Великаго Новгорода даже роскошно. Оно было обновлено снаружи и внутри къ пріѣзду на празднества тысячелѣтія ихъ величествъ съ высочайшими особами и сановниками, проникнутыми идеей обновленія Россіи, и наводило невольно на мысль о неминувости грядущихъ реформъ. Очередное собраніе дворянъ (1861 г.) засѣдало въ красивомъ, бѣломъ съ золотомъ залѣ, украшенномъ большимъ, во весь ростъ, портретомъ царя-Освободителя, въ томъ залѣ, по которому его величество шелъ въ полонезѣ подъ руку съ граціозной княгиней Мышецкой, а ея супругъ, губернский предводитель дворянства, въ лейбъ-гусарскомъ мундирѣ, имѣлъ счастье вести государыню Марію Александровну. Ея привѣтливая улыбка и ласковое обращеніе живо были памятны всѣмъ, кто находился въ Новгородѣ во время этихъ празднествъ.

Князь Мышецкій, отставной лейбъ-гусарь, не старый, очень сухощавый, нервно-подвижный, человѣкъ съ добрымъ сердцемъ, любящій семьянинъ, былъ далеко не либераленъ. Онъ попалъ на курульное кресло три года назадъ. На избраніи князя Мышецкаго настаивали (хотя онъ считался скорѣе псковичемъ, чѣмъ новгородцемъ) не только старозавѣтные помѣщики, болѣе или менѣе единомышленники его, но и большинство дворянъ, которымъ было пріятно къ ожидавшемуся празднеству тысячелѣтія поставить въ своей главѣ князя, да къ тому же въ лейбъ-гусарскомъ мундирѣ. Онъ самъ по своимъ убѣжденіямъ и нраву чувствовалъ, что не подходитъ къ такому посту, и особенно въ такое время, когда настроеніе и высихъ сферъ, и значительной части дворянства мало соотвѣтствовало его личнымъ взглядамъ. Однако онъ былъ очень честный человѣкъ и добросовѣстно выполнялъ свои обязанности, разъ что ихъ принялъ. Онъ соблюдалъ нейтралитетъ, не пытаясь входить въ обязательные компромиссы съ консерваторами, которымъ въ значительной степени сочувствовалъ. Но онъ тяготился своими обязанностями и положеніемъ. Тяготился до непростительной разсѣянности. Иногда исчезалъ вдругъ даже изъ зданія дворянскаго собранія, забывъ, что не закрылъ засѣданія. Иногда, ста-

раясь успокоить какіе-нибудь шумные дебаты и пререканія старцевъ чуть не въ екатерининскихъ мундирахъ съ помѣщиками, хотя и не молодыми, но исповѣдующими принципы 40-хъ годовъ, изнеможенный Мышецкій, опускаясь на свое предсѣдательское кресло, восклицалъ какъ бы въ сторону, но такъ, что во всей гулкой залѣ слышно было: «ахъ, господа! всѣхъ васъ я по одиночкѣ, право, люблю; а какъ соберетесь вы вмѣстѣ, просто противны вы мнѣ», или что-нибудь въ этомъ родѣ. И онъ былъ искрененъ. И никто не обижался. Къ интригамъ Мышецкій былъ не способенъ до того, что открыто противодѣйствовалъ избранію на вѣскія должности вліятельныхъ аристократовъ-консерваторовъ (т.-е. въ политическомъ смыслѣ людей его партіи), какъ только подозрѣвалъ ихъ въ себялюбивомъ интриганствѣ и карьеризмѣ.

Дворянство вообще высоко его цѣнило, не взирая на то, что онъ не держался традиціоннаго обычая закармливать своихъ избирателей и вообще жилъ весьма скромно. Консервативный, старозавѣтный элементъ цѣнилъ его, какъ своего. Молодежь и люди сороковыхъ годовъ уважали за честное безпристрастіе, а особенно за то, что онъ во всѣхъ губернскихъ комиссіяхъ и комитетахъ по вопросу объ освобожденіи крестьянъ не пытался производить давленія на либеральныя стремленія членовъ, хотя бы они настаивали на надѣленіи крестьянъ землею. Эти свойства губернскаго предводителя особенно были оцѣнены впоследствии, когда его безпристрастіе и объективное отношеніе къ несимпатичному ему лично новшеству оказались чужды всякаго себялюбія и расчетовъ на карьеру, чего нельзя сказать о многихъ общественныхъ дѣятеляхъ того времени.

Мнѣ было тогда всего 22 года; я въ первый разъ участвовалъ въ дворянскомъ собраніи. Общее настроеніе этого собранія было вяло и безцвѣтно, хотя на немъ присутствовали не одни коренные мѣстные дворяне, а также и живущіе въ другихъ губерніяхъ, но имѣвшіе право участвовать въ новгородскомъ собраніи. Не только изъ сосѣднихъ—Псковской, Петербургской, Тверской, Вологодской, но съѣхались и изъ дальнихъ, среднихъ и южныхъ. Самыя вялость и безцвѣтность собранія, несомнѣнно, являлись характерными. Оно было послѣднимъ, на которомъ дворяне избирали своихъ на разныя мелкія должности—предсѣдателей уголовной и гражданской губернскихъ палатъ, уѣздныхъ судей, исправниковъ, засѣдателей, попечителей хлѣбныхъ магазиновъ и прочія обветшавшія, охранительныя, но часто завѣдомо казнокрадскія, должности. Ищущіе этихъ должностей въ заплѣснѣвшихъ мундирахъ съ золотымъ когда-то шитьемъ, распространяющимъ запахъ мѣдной ржавчины, ютились еще около магнатовъ, будируя съ реформами, но опасаясь заикаться о нихъ по своимъ личнымъ шкурнымъ расче-

тамъ. Средней руки молодое дворянство было сдержано, но, повидимому, довольно: величайшая изъ желанныхъ реформъ безпоротно уже совершилась. Къ тому же представители обоихъ лагерей таили надежду на будущее. И либералы (назовемъ такъ сочувствующихъ реформамъ) и консерваторы были увѣрены, что каковы бы ни оказались грядущія реформы, участіе дворянъ въ ихъ осуществленіи будетъ неизбѣжно—«и тогда посмотримъ, чья возьметъ!» Первые рассчитывали на эволюцію прогресса, инициаторомъ котораго былъ монархъ. Вторые на переутомленіе реформаторовъ.

Безцѣлности собранія охотно и едва ли не намѣренно содѣйствовалъ предсѣдательскій камертонъ въ рукахъ князя Н. Е. Мышецкаго. Онъ, имѣя въ виду критическій, переходный характеръ времени, избѣгалъ ставить на очередь мало-мальски щекотливые вопросы. Вопросъ о содержаніи дворянствомъ при губернской гимназіи такъ называемаго дворянскаго пансіона (группы дворянскихъ, по преимуществу небогатыхъ, дѣтей на полномъ содержаніи): быть или не быть оному въ виду умаленія дворянскихъ доходовъ?—былъ подвергнутъ обсужденію подъ давленіемъ, котораго онъ преодолѣть не могъ. Постановка этого вопроса являлась, такъ сказать, упрекомъ эмансипаціи, какъ бы уколомъ правительству, отобравшему мужиковъ: дескать, видите, мы до того убѣдились, что дѣтей своихъ неимущихъ собратій не можемъ воспитать на свой счетъ! Но поставить вопросъ недовольные поставили, однако поддержать отрицательное его разрѣшеніе не сумѣли. Нѣкоторымъ молодымъ дворянамъ удалось доказать, что 1) не такъ ужъ дворянство убѣдилось, чтобы лишить средствъ образованія какіе-нибудь два десятка бѣднѣйшихъ изъ среды своей, и 2) такая мѣра была бы неблаговидна въ эпоху, когда верховная власть стремится къ просвѣщенію народа вообще.

Убѣдилось собраніе, или нѣтъ, но предложеніе было принято значительнымъ большинствомъ. Впрочемъ, для характеристики того времени я считаю не лишнимъ добавить, что дворяне послѣ 1861 года фактически не поддерживали почти учрежденія, которое тогда оставили въ живыхъ. Уѣздныя дворянства съ того времени хронически должны были гимназіи за своихъ пансіонеровъ. Въ 1867 году я былъ избранъ дворянствомъ въ почетные попечители дворянской гимназіи и нашелъ въ ея кассѣ всего нѣсколько грошей дворянскихъ денегъ да ужасающій итогъ накопившихся недоимокъ. Никакія іереміады губернскаго предводителя дворянства, почетнаго попечителя, директора гимназіи, никакія обращенія къ уѣздному дворянству не помогали...

Губернаторомъ въ Новгородѣ во время празднествъ тысячелѣтія и нѣкоторое время послѣ нихъ былъ Владимиръ Яковлевичъ Скарятинъ, человекъ, словно нарочно созданный для празднествъ

тысячелѣтія и для цвѣтущаго утра преобразованій. Въ концѣ сороковыхъ или началѣ пятидесятихъ годовъ у виленскаго, кажется, губернатора по случаю прїѣзда высочайшихъ особъ былъ официальный пріемъ. Большинство приглашенныхъ явилось въ черныхъ галстукахъ и почти всѣ во фракахъ, конечно, весьма приличныхъ. Только два молодыхъ чиновника обратили на себя особенное вниманіе высокаго посѣтителя безукоризненнымъ *reversant* покроемъ платья и безукоризненно повязанными, а главное—бѣлыми галстуками. Эти молодые люди оказались П. А. Валуевымъ и его близкимъ другомъ В. Я. Скарятинымъ, состоявшими при мѣстномъ начальникѣ края. Съ тѣхъ поръ карьеры ихъ пошли въ гору. Впрочемъ, точнѣе, карьера Валуева, который, какъ извѣстно, черезъ немного лѣтъ послѣ этого былъ уже управляющимъ дѣлами комитета министровъ, а послѣ министромъ внутреннихъ дѣлъ, инициаторомъ земской и многихъ другихъ второстепенныхъ реформъ и, нѣкоторымъ образомъ, однимъ изъ вожаковъ такъ называемой либеральной партіи западниковъ, боровшейся даже съ вліяніемъ виленскаго Муравьева въ 60-хъ годахъ. Скарятинъ же удовольствовался нѣкоторыми почетными званіями при дворѣ и по дворянскимъ выборамъ. Его довольно богатая имѣнія находились въ южныхъ губерніяхъ средней полосы Россіи. Онъ не искалъ карьеры, подобно своему другу, и потому, что матеріально не нуждался въ ней, и потому, что по темпераменту былъ нѣсколько сродни Обломову. Да едва ли бы онъ и могъ итти въ уровень съ Валуевымъ, котораго справедливо, не то въ похвалу, не то изъ зависти, называли тогда въ высшихъ административныхъ сферахъ «Петей Красношѣвцовымъ» за его умѣніе сладко говорить и «заговаривать». Когда на зарѣ обновительнаго періода понадобился губернаторъ для новгородскихъ празднествъ тысячелѣтія, то Валуевъ, подъ благовиднымъ предлогомъ удаливъ стараго губернатора (изъ воинственныхъ генераловъ), предложилъ очистившееся мѣсто своему пріятелю Скарятину, конечно, съ одобренія государя, который зналъ послѣдняго. Скарятинъ, не взирая на свои обломовскія тенденціи, былъ человѣкъ весьма благовоспитанный въ придворномъ смыслѣ, его свѣтскія связи были ярче связей Валуева. Онъ былъ очень представительнень. Средняго роста, но плотно-крупный, съ рано подернутыми сѣдиной волосами и почти черными, тоже крупными, глазами. Глаза эти были красивы, но почти никогда не свѣтились, хотя любезная улыбка не сходила съ нижней части лица даже при самой серьезной бесѣдѣ и казалась искусственной.

В. Я. Скарятинъ былъ человѣкомъ пріятнымъ, какъ знакомый, и разумнымъ администраторомъ. Я съ 1862 года служилъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, а на предводителяхъ въ началѣ 60-хъ годовъ лежали отвѣтственность по проведенію въ соотвѣтственныхъ уѣздахъ многихъ реформъ, и мелкихъ и крупныхъ, да

и, кромѣ того, пріемъ почти ежегодно рекрутъ по старому закону и при господствѣ утонченнаго взяточничества. Поэтому сношеній съ губернаторами было немало, и результаты при Скарятинѣ были большей частью удовлетворительны.

Во время празднествъ тысячелѣтія Скарятинъ вполне угодилъ всѣмъ, начиная съ ихъ величествъ. Этому немало способствовала его умная жена, рожденная княжна Голицына. Онъ умѣлъ ладить съ обоими лагерями дворянъ, не впадая, какъ и губернской предводитель князь Мышецкій, въ патріархальное хлѣбосольство. О политикѣ и значеніи реформъ В. Я. избѣгалъ распространяться; кажется, и потому, что относился къ нимъ довольно индифферентно. *It was not in his line* ¹⁾). Прислушиваясь однимъ ухомъ къ камертону своего друга-принципала, министра внутреннихъ дѣлъ, онъ не затягивалъ вожжей въ губерніи. Затруднительные вопросы (а ихъ—особенно по приведенію въ исполненіе положенія 19 февраля 1861 г.—было слишкомъ много) онъ старался разрѣшать возможно миролюбиво, болѣе въ либеральномъ духѣ; мировыхъ посредниковъ назначалъ не изъ своихъ личныхъ избранниковъ или ихъ фаворитовъ, а изъ тѣхъ, кого представляли уѣзды. Онъ утвердилъ, послѣ обнародованія полицейской реформы, уѣздными исправниками почти всѣхъ тѣхъ, кто былъ избранъ по старому закону послѣднимъ собраніемъ дворянъ. Первыхъ, появившихся въ его губернаторствѣ ссыльныхъ поляковъ принималъ самъ вѣжливо, нѣкоторыхъ даже любезно и не давалъ притѣснять безъ нужды тѣхъ, кто ссылался въ уѣзды центральнымъ правительствомъ. Въ настроенія дворянства и сословныя дѣла его В. Я. не вмѣшивался. Прислушиваясь къ министерскому камертону, онъ оставался въ предѣлахъ своихъ обязанностей независимымъ. Онъ былъ богатъ и почти не тщеславенъ, хотя не разъ говаривалъ мнѣ, что у него есть одно тщеславное стремленіе: быть егермейстеромъ двора его величества. Онъ страстно любилъ охоту, а въ такихъ охотахъ, какъ придворныя, частному человѣку очень рѣдко удается участвовать. Я не придавалъ значенія этимъ словамъ; но впоследствии оказалось, что онъ былъ искрененъ.

Онъ достигъ-таки званія егермейстера двора его величества; усердно занимался практически своей новой и единственной обязанностью. Къ сожалѣнію, вскорѣ при отправленіи ея онъ погибъ: нечаянный выстрѣлъ, сдѣланный неизвѣстно кѣмъ изъ охотниковъ разрывной пулей въ медвѣдя, котораго Скарятинъ, выйдя изъ линіи, выслѣживалъ для находившагося тутъ государя, ожидавшаго звѣря, убилъ егермейстера наповаль. Много въ Петербургѣ по поводу этого трагическаго случая носилось слуховъ, предположеній... Но это до реформъ не относится.

¹⁾ До этого ему не было дѣла.

II.

Свѣтлѣйшій князь Александръ Аркадьевичъ Суворовъ.—Императрица и земство.—*Enfant terrible* Гос. Совѣта въ земскомъ собраніи; его прямодушіе.—Расположеніе къ нему Александра II.—Почему Суворовъ не любилъ М. Н. Муравьева; Суворовъ о Муравьевѣ по поводу осушенія болотъ.—Прокуроры на дворянскихъ собраніяхъ.—Суворовъ и политическіе ссыльные; Чернышевскій, Писаревъ; его сестры.

Въ первой половинѣ декабря 1866 года въ боковой царской ложѣ (у оркестра) Большого театра разыгралась слѣдующая сценка. Въ ложѣ присутствовала императрица Марія Александровна, а за ней сидѣло нѣсколько приближенныхъ. Запавѣсь только что спустился, звуки нѣжнаго голоса Аделины Патти еще носились въ воздухѣ. Государыня, быть можетъ, подъ обаяніемъ этихъ ласкающихъ звуковъ, а, можетъ быть, по привычкѣ, особенно привившейся къ ней за послѣдніе годы, еще оставалась безмолвна и задумчива. Но она была нервно-чутка и скоро почувствовала, что около нея кто-то стоялъ въ полутьни драпировки, и оглянулась. То былъ старый, высокій, статный, съ осанкой николаевскихъ годовъ, генераль-адъютантъ, поднявшійся съ одного изъ заднихъ креселъ. Онъ приблизился къ императрицѣ и стоялъ передъ ней нѣсколько мгновений съ почтительно опущенной сѣдой головой.

Марія Александровна привѣтливо-недоумѣвающе взглянула въ его добрые глаза. Онъ поспѣшилъ разъяснить по-французски:

— Прошу ваше величество извинить меня. Мнѣ необходимо сегодня же вечеромъ уѣхать изъ Петербурга.

И такъ какъ глаза царицы продолжали выражать недоумѣніе, то старикъ прибавилъ:

— Я долженъ ѣхать въ Новгородъ. Завтра открывается губернское земское собраніе, а я выбранъ туда гласнымъ отъ моего уѣзда.

— А! да, земство,—улыбнулась государыня, которая неоднократно слушала рассказы этого генерала о земствѣ:—*est ce vraiment si pressé que vous nous abandonnez, prince?* ¹⁾

— *Madame, depuis qu'on n'a pas besoin de moi à S.-Petersbourg, je voudrais être bon à quelque chose ailleurs; dans ma province, peut-être* ²⁾,—произнесъ генераль, подчеркивая слово «à S.-Petersbourg».

Государыня, добродушно улыбаясь, какъ взрослые улыбаются любимому, но своенравному ребенку, пожелала ему счастливаго пути.

На другой день, въ 11 часовъ утра, этотъ генераль дремалъ въ Новгородѣ за обширнымъ квадратнымъ столомъ, обсаженнымъ губернскими земскими гласными. Этого генераль-адъютанта звали въ госу-

¹⁾ Развѣ въ самомъ дѣлѣ такъ экстренно, что вы насъ покидаете, князь?

²⁾ Государыня, съ тѣхъ поръ, какъ во мнѣ не нуждаются въ Петербургѣ, я желалъ бы пригодиться гдѣ-нибудь, можетъ быть, въ моей губерніи.

дарственномъ совѣтѣ,—котораго онъ былъ членомъ,—«enfant terrible» за его прямоту, не всегда умѣстную и часто, по мнѣнію многихъ, слишкомъ рѣзкую. Его враги старались, впрочемъ, вызвать его нарочно на рѣзкія выраженія своеобразныхъ воззрѣній, въ надеждѣ, что такія выходки побудятъ, наконецъ, государя отдалить его отъ себя. Только эти надежды не осуществлялись, хотя самъ импульсивный свѣтлѣйшій князь Александръ Аркадьевичъ Суворовъ, при всемъ вниманіи къ нему ихъ величествъ, считалъ себя почти несчастнымъ въ этотъ періодъ его старости. Онъ запросто пивалъ чай у императрицы Маріи Александровны; раза два въ недѣлю игралъ по вечерамъ въ карты съ императоромъ Александромъ Николаевичемъ. Оба они часто бесѣдовали съ нимъ дружески о предметахъ, которыхъ избѣгали касаться въ разговорѣ съ большинствомъ другихъ приближенныхъ, терпѣливо выслушивали его рѣзкія, относительно, мнѣнія, и все-таки оставались къ нему «неизмѣнно благосклонными», не въ смыслѣ рутинной фразы официальныхъ рескриптовъ, а на самомъ дѣлѣ искренно. Тѣмъ не менѣе онъ, внукъ великаго дѣда, «царей защитника», героя, бронзовое изваяніе котораго на Царицыномъ лугу щитомъ охраняетъ скипетръ и вѣнецъ,—чувствовалъ себя въ половинѣ 60-хъ годовъ несчастнымъ, ибо былъ лишень за послѣднее время возможности фактически непрестанно стоять на стражѣ трона. Именно на обстоятельства, лишившія его такого положенія, Суворовъ и намекалъ, откланиваясь государынѣ передъ своимъ «бѣгствомъ въ земство», какъ онъ иногда называлъ свое участіе въ развитіи реформъ новаго царствованія.

Эти обстоятельства проявились послѣ злосчастнаго дня 4 апрѣля 1866 года. Тогда Александръ Аркадьевичъ занималъ весьма отвѣтственный постъ с.-петербургскаго генералъ-губернатора.

Онъ гулялъ по Невскому, когда ему внезапно сообщили о покушеніи Каракозова. Старикъ былъ такъ потрясенъ, что у него буквально подкосились ноги, дотолѣ еще вѣрно служившія: онъ тутъ же на тротуарѣ присѣлъ на корточки. Конечно, онъ мгновенно оправился и поскакалъ въ Зимній дворецъ. Тамъ уже было произнесено историческое слово Маріи Александровны, бросившейся въ объятія своего августѣйшаго супруга, вернувшагося съ роковой прогулки по Лѣтнему саду.

Это слово было: «Appelez Pierre!» ¹⁾. И государь воспринялъ этотъ совѣтъ царицы, къ которой за послѣднее время относился нѣсколько холодно, не взирая на ея усилія содѣйствовать ему съ своей стороны примиренію высшихъ слоевъ общества съ вводимыми имъ либеральными преобразованіями. Александръ II тотчасъ же рѣшилъ призвать къ охраненію трона и столицы Пьера, т. е. Петра Андреевича Шувалова, уже охранявшаго успѣшно и

¹⁾ Призовите Петра.

то и другое въ первое (такъ называемое коронаціонное) время новаго царствованія. Государь 4-го апрѣля не выразилъ никакого неудовольствія противъ Суворова, зная и цѣня его безграничную преданность, однако призналъ его не подходящимъ къ возложеннымъ на него обязанностямъ. Суворовъ (какъ и А. В. Головинъ, тогдашній министръ народнаго просвѣщенія) явился козлищемъ отпущенія. Впрочемъ, не желая обижать старика, Александръ II рѣшилъ реформировать административное управленіе Петербургомъ, начиная съ уничтоженія должности генераль-губернатора. При этомъ Суворовъ самъ собой отпадалъ отъ активнаго служенія.

— Я понимаю, я готовъ сознаться, что я самъ оказался негоденъ для важнаго дѣла, которое мнѣ было даровано, но чѣмъ же виновата должность генераль-губернатора? За что ее-то уничтожать!?—говорилъ князь вскорѣ послѣ того (и, насколько я знаю его, говорилъ искренно и убѣжденно) и государю, и государынѣ, и всѣмъ своимъ друзьямъ и знакомымъ. Онъ отстаивалъ мнѣніе, что реформа управленія столицей ни къ чему не приведетъ.

Суворовъ обладалъ крупной дозой здраваго смысла. Можетъ быть, его прямодушіе и импульсивность темперамента препятствовали ему выработать изъ себя типичнаго государственнаго дѣятеля. Отъ природы и по воспитанію (въ началѣ царствованія Александра I) ¹⁾ онъ былъ гуманистъ и всесторонне безкорыстный человекъ. Къ нему можно было примѣнить слова Паскаля: «*le coeur a des raisons, que la raison ne connait pas*». Онъ сердцемъ, такъ сказать, провидѣлъ то, чего не провидѣли умомъ выдающіеся сановники того времени. Онъ унаслѣдовалъ отъ знаменитаго дѣда и неограниченную неподкупную преданность династии, монархіи и нравственную независимость. Изъ всѣхъ этихъ свойствъ слагался его характеръ и характеръ его поступковъ.

По преемственному наслѣдству отъ того же дѣда Александръ Аркадьевичъ съ ранней молодости служилъ въ военной службѣ, причемъ занималъ такія положенія вблизи государей Николая I, Александра II, которыхъ большинству государственныхъ людей приходится добиваться (не всегда успѣшно) десятками годовъ. Онъ былъ между прочимъ «*cousin du roi*». Пьемонтскій (потомъ итальянскій) король прислалъ ему, какъ ранѣе его отцу, ради заслугъ дѣда, графъ Италійскаго, немедленно по производствѣ въ генералы орденъ Анунціаты ²⁾, дающійся крайне рѣдко кому-либо, кромѣ коронованныхъ особъ, и предоставляющій кавалерамъ таковой титулъ. Александръ Аркадьевичъ всегда носилъ и при сюр-

¹⁾ Мы знавали многихъ старыхъ, скромныхъ офицеровъ, прежде служившихъ въ армейскомъ корпусѣ, которымъ Суворовъ командовалъ когда-то. Всѣ они съ благоговѣніемъ отзывались объ его справедливости и всесторонней честности и добротѣ

²⁾ *Anunziata*—Благовѣщеніе.

тукѣ значокъ этого ордена на шеѣ, нѣчто въ родѣ изящной золотой виньетки, изображающей Богоматерь и архангела Гавріила. Суворовъ былъ далеко не богатъ; даже, принимая въ расчетъ его служебное положеніе, можно сказать—бѣденъ. Онъ находился въ хронически стѣсненныхъ обстоятельствахъ, отчасти по своему семейному положенію, отчасти по прирожденной потребности помогать всѣмъ, кто протягивалъ къ нему руку. Но, занимая хорошо оплачиваемыя государствомъ должности (напримѣръ, корпуснаго командира, еще въ относительно молодые годы, позднѣе члена государственнаго совѣта, петербургскаго генераль-губернатора), онъ избѣгалъ до послѣдней крайности выпрашивать добавки и пособія (что ему было бы легко) просто потому, что попрошайничанье, даже у обожаемаго имъ и благоволившаго къ нему царя, претило его натурѣ.

Вышесказанными свойствами обуславливалась и политическая откровенность свѣтлѣйшаго. Александръ II это понималъ, цѣнилъ его преданность, выслушивалъ его мнѣнія, въ началѣ царствованія изрядно совпадавшія съ видами его самого, но иногда противорѣчившія мнѣніямъ большинства окружающихъ царя, особенно послѣ 4-го апрѣля 1866 г. и во время польскаго возстанія. Суворовъ и словомъ и дѣломъ—покуда въ его рукахъ было какое-либо дѣло—проводилъ убѣжденіе, что сила монарха должна зиждиться на примиреніи и благодати, а не на злобствующемъ насиліи лицъ, которымъ государь довѣряетъ; что насиліе, —если оно и доставляетъ внѣшнее успокоеніе навремя,—въ будущемъ все-таки готовитъ сугубыя бѣдствія.

Изъ этого убѣжденія истекала его непримиримая ненависть къ М. Н. Муравьеву, въ которомъ Суворовъ, столь преданный монархіи, видѣлъ неосмысленнаго подготовителя грядущихъ бѣдствій для Россіи. Отсюда же истекала и его мягкость по отношенію къ обвиняемымъ въ политическихъ преступленіяхъ или подготовленіяхъ таковыхъ. Ненависть къ Муравьеву Суворова, конечно, не обуславливалась—какъ въ то время нравилось полагать многимъ противникамъ послѣдняго—личными отношеніями. (Напримѣръ, въ Петербургѣ рассказывали, что когда, по требованію Муравьева изъ Вильны, надо было арестовать въ Петербургѣ одно лицо, считаемое петербургскимъ генераль-губернаторомъ кн. Суворовымъ неповиннымъ, то Александръ Аркадьевичъ спросилъ телеграммой: «за что его арестовать?» Муравьевъ отвѣчалъ лаконически телеграммой: «отгадайте!»).

Подобныхъ анекдотовъ, болѣе или менѣе относящихся къ категоріи *se non e vero e ben trovato*¹⁾, ходило по столицѣ немало. Нѣтъ дыма безъ огня: частица была и правды. Суворову, разумѣется,

¹⁾ Если и не правда, то хорошо придумано.

такія выходки М. Н. досаждали; но не въ нихъ, а въ политическомъ разногласіи и гуманитарныхъ принципахъ коренилась его ненависть: Суворовъ по принципу, по своему міровоззрѣнію и по своему темпераменту не допускалъ необходимости наказаній произвольныхъ. Онъ воспитывался, когда еще не совсѣмъ были забыты слова Екатерины: «лучше оправдать десять виновныхъ, чѣмъ казнить одного невиннаго». Онъ генераль-губернаторствовалъ, когда царственный внукъ Фелицы готовилъ новые судебные законы съ девизомъ: «правда и милость да царствуютъ въ судахъ». И Суворовъ относился къ подобнымъ историческимъ изреченіямъ не какъ къ красивымъ фразамъ, а какъ къ гуманитарно-практическимъ устоямъ монархіи.

Тѣмъ, кто слѣдилъ—хотя бы по книгамъ,—за развитіемъ государственно-общественной жизни въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ, извѣстно, что князь Александръ Аркадьевичъ не стѣснялся выражать свое неодобреніе муравьевской системѣ при всякомъ удобномъ случаѣ, и даже при государѣ. Мы приведемъ одинъ примѣръ, кажется, не отмѣченный печатной лѣтописью того времени. Онъ имѣлъ мѣсто на глазахъ пишущаго эти строки.

Въ Новгородѣ во время очередныхъ губернскихъ собраній (декабрьскихъ) собирались иногда и сѣзды мѣстнаго общества сельскаго хозяйства, дѣятельность котораго мало замѣчательна вообще. Личный составъ сѣздовъ почти не отличался отъ соответственныхъ земскихъ или даже дворянскихъ собраній. Однако въ данномъ случаѣ на сѣздѣ собралось около сотни членовъ и много разнообразной посторонней публики. Я былъ тогда предсѣдателемъ губернской земской управы и отъ ея лица докладывалъ сообщеніе сельско-хозяйственному сѣзду о полезности осушенія необъятныхъ болотъ нашей губерніи, носителей всяческихъ бѣдствій, и о проектѣ управы произвести опытъ подпочвеннаго буренія способомъ, по всѣмъ соображеніямъ, дешевѣйшимъ и наиболѣе цѣлесообразнымъ. Пренія были оживленныя и привели къ довольно восторженному одобренію управскаго проекта. Старикъ Суворовъ не только все время не дремалъ, но былъ какъ-то особенно возбужденъ во время преній; когда засѣданіе закрылось, онъ, стоя посреди зала, украшеннаго портретомъ императора, окруженный другими членами, почти кричалъ, словно обращаясь и къ членамъ и къ публикѣ:

— Знаете, господа, вѣдь этотъ способъ осушенія, который мы сейчасъ одобрили, не только теоретически хорошъ. Онъ уже былъ испробованъ на практикѣ въ широкихъ размѣрахъ. Онъ началъ уже давать превосходные результаты, несомнѣнно, могъ бы поднять мѣстное благосостояніе, умалить болѣзненность населенія, улучшить земледѣліе, но развитіе дѣла задушило по своимъ личнымъ гнуснымъ соображеніямъ... кто вы думаете?—и князь вопросительно обвелъ глазами весь залъ и отчетливо выпалилъ нѣсколько

столь крупно нелестныхъ эпитетовъ, что я опускаю ихъ, слѣдуя правилу *de mortuis aut nihil, aut bene*. Имя же, къ которому свѣтлѣйшій относилъ эпитеты, было Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ.

Я много разъ, и у меня въ домѣ и въ домѣ самого свѣтлѣйшаго, слышалъ (по разнороднымъ поводамъ) подобныя выходки стараго *enfant terrible* противъ Муравьева. И долженъ сказать, что, не взирая на его запальчивость, безпричиннаго, личнаго озлобленія въ нихъ было весьма мало. Что же касается рѣзкихъ выраженій, то они были присущи внуку рымникскаго побѣдителя какъ большинству генераловъ и даже царедворцевъ того времени. Своеобразной изысканностію ихъ даже щеголяли. Не только великіе князья, но и самъ императоръ Николай Павловичъ выражался, какъ говорятъ, часто слишкомъ крупно. Всѣмъ извѣстны грубыя, даже цинично-грязныя, выходки покойнаго великаго князя Михаила Павловича во время командованія имъ гвардейскимъ корпусомъ (въ 40-хъ годахъ), выходки, внѣшне граничившія даже съ безчеловѣчностью. Между тѣмъ Михаилъ Павловичъ не былъ ни злымъ, ни озлобленнымъ человѣкомъ.

Принципы Суворова были, несомнѣнно, гуманитарны, и сердце было доброе. Это доказывается его отношеніемъ къ молодежи и вообще къ тѣмъ, кто подвергался обвиненіямъ политическаго свойства. Нѣтъ надобности передавать подробности отношеній Суворова къ дѣлу Чернышевскаго (они хорошо извѣстны всѣмъ, кто знакомъ съ описываемымъ нами временемъ), а также и Д. И. Писарева¹⁾. Что онъ старался всѣми мѣрами облегчить ихъ положеніе во время слѣдствія надъ ними senatorской комиссіи, я знаю частно отъ одного изъ членовъ этой комиссіи, сенатора Бориса Ивановича Бера (который состоялъ въ очень дружескихъ и отчасти родственныхъ отношеніяхъ съ моими родителями). Кромѣ того, я знаю хорошо факты однороднаго характера. Исчисленіе ихъ въ настоящей главѣ завело бы слишкомъ далеко. Отмѣчу только, что я знавала въ шестидесятыхъ годахъ нѣкоторыхъ лицъ (изъ студенческихъ, чиновничьихъ, писательскихъ сферъ и т. д.), которыя, не будучи причастны къ революціоннымъ замысламъ, могли тѣмъ не менѣе ожидать ежеминутно (и ожидали) обысковъ и арестовъ, исходъ которыхъ могъ быть незаслуженно трагиченъ. Хроническое напряженное состояніе, боязнь за семью доводили этихъ субъектовъ до

¹⁾ Сестры и мать Писарева проживали въ срединѣ шестидесятыхъ годовъ въ Новгородѣ. Женихъ одной изъ нихъ, Гребницкій, сосланный студентъ, имѣлъ занятія въ губернской земской управѣ. Когда князю Суворову случалось прѣзжать въ Новгородъ, онъ никогда не упускалъ случая справиться чрезъ кого-либо изъ состава управы объ этой семьѣ. И, насколько мнѣ извѣстно, никогда не упускалъ изъ вида возможность при первомъ удобномъ случаѣ облегчить ихъ положеніе.

нервнаго состоянія, иногда граничившаго съ безуміемъ. Многіе изъ нихъ заготовляли заранѣе письма на имя свѣтлѣйшаго А. А. Суворова; запрятывали ихъ въ какое-нибудь недоступное для арестующихъ мѣстечко или передавали на храненіе пріятелямъ съ просьбой въ случаѣ ареста доставить письмо къ свѣтлѣйшему. Уже одна такая предосторожность успокоительно дѣйствовала на нихъ, а случалось—и спасала. Намъ извѣстны также лица, хотя и «скомпрометированныя», но неопасныя, которыя, будучи спасены изъ изгнаній и заточеній ходатайствомъ князя Александра Аркадьевича, оказывались впоследствии мирными и полезными (какъ себѣ, такъ и обществу) людьми на поприщѣ выборной или государственной службы.

Въ то время въ высшихъ и среднихъ слояхъ русскаго общества были распространены надежды на дарованіе конституціи, хотя эти надежды были весьма разнороднаго и противорѣчиваго даже характера, смотря по происхожденію группъ и личностей, входящихъ въ ихъ составъ. Князь же Суворовъ составлялъ какъ бы исключеніе. Насколько намъ извѣстно отъ лицъ, очень давно и очень близко знавшихъ его, онъ никогда и ничѣмъ не обнаруживалъ своихъ въ этомъ отношеніи взглядовъ, хотя (какъ мнѣ говорили его сверстники по лѣтамъ и стариннѣйшіе пріятели) онъ не менѣе многихъ другихъ понималъ полезность конституціи и для монарха и для націи. Сдержанность же его происходила отъ рыцарской его вѣрности самодержавію, которому онъ присягалъ. Его же участіе въ земскихъ дѣлахъ проистекало главнымъ образомъ изъ желанія доказать царю полезность мѣстнаго самоуправленія и тѣмъ парализовать по возможности вліяніе на Александра II лицъ, старавшихся дискредитировать въ его глазахъ его же собственныя реформы.

Князь Суворовъ, какъ я замѣтилъ выше, почти никогда не ѣздилъ на губернскія дворянскія собранія въ дореформенное время. Въ шестидесятыхъ годахъ онъ полусхутя объяснялъ этотъ абсентеизмъ своимъ нежеланіемъ находиться «подъ надзоромъ прокурора». Нынче уже мало кто знаетъ, что въ тѣ времена губернскіе прокуроры были обязаны присутствовать на засѣданіяхъ дворянскихъ собраній. Подобно тому, какъ нынче (да и то не всегда), полицейскіе чиновники сидятъ на политическихъ митингахъ, прокуроры должны были наблюдать, чтобы дворяне не нарушали закона—не въ полицейскомъ, конечно, смыслѣ, а, такъ сказать, въ политически-юридическомъ. Конечно, практически это выходила пустая формальность. Однако, къ прокурору предсѣдатель или кто-либо изъ дворянъ лично обращались иногда за справкой, за мнѣніемъ по поводу какой-либо юридической формальности. Это доставляло большею частью «оку цареву» (какъ въ шутку

звали сихъ блюстителей законности) удовольствіе. Ибо обыкновенно они старались показать видъ, что только и торчатъ въ залѣ собранія для услугъ господамъ дворянамъ.

Какъ бы то ни было, присутствіе при легальныхъ и даже обязательныхъ (когда они очередныя) совѣщаніяхъ представителей высшаго въ государствѣ сословія посторонняго наблюдателя-наставника было какъ-то оскорбительно для дворянъ: словно правительство не довѣряло дворянству и считало его невѣждой по части законовъ. Между самими дворянами бывали всегда юристы, окончившіе курсъ въ университетѣ, иногда очень знающіе; часто сами прокуроры (хотя не мѣстные); бывало много и сенаторовъ. Да, кромѣ того, въ дворянскомъ депутатскомъ собраніи всегда хранился сводъ законовъ, въ которыхъ каждый здравомыслящій человѣкъ могъ справиться.

Для прокуроровъ положеніе было тоже унижительное. Сидятъ себѣ они изо дня въ день за столикомъ въ углу залы собраній, какъ оглашенные, и радостно оживляются, если кому-нибудь понадобится ихъ спеціальность, или кто-либо изъ магнатовъ вступить съ ними въ разговоръ, закусывая въ буфетѣ во время перерыва засѣданія. И отъ всего этого бесполезнаго пустяка все-таки пахло ненужной тайной и шпионствомъ. А ни того, ни другого князь Суворовъ недолюбливалъ.

Послѣ введенія новыхъ судебныхъ уставовъ прокуроры, естественно, исчезли изъ дворянскихъ собраній. Однако, на первомъ собраніи, въ которомъ я принималъ участіе (1861 г.), я имѣлъ случай еще наблюдать это архаическое явленіе. Суворовъ, однако, и послѣ ихъ исчезновенія избѣгалъ ѣздить на дворянскія собранія будто бы потому, что, — онъ самъ мнѣ это говаривалъ, — живя постоянно въ столицѣ, сознавалъ свое малое знакомство съ отношеніями разныхъ дворянскихъ партій и личностями, подлежащими избранію въ различныя должности. Что ему былъ мало знакомъ личный составъ и строй (попросту сказать, интриги дворянства), кромѣ Боровичскаго уѣзда, гдѣ находилась его родовая усадьба, — совершенно вѣрно. Боязнь его, что неволью онъ можетъ что-нибудь испортить на выборахъ своимъ вліяніемъ, тоже была небезосновательна: какъ просто онъ себя ни держалъ, большинство провинціи удручало его своимъ преклоненіемъ до невозможности.

На земскихъ же собраніяхъ (боровичскихъ уѣздныхъ съ самаго учрежденія земства, новгородскихъ губернскихъ — послѣ упраздненія должности с.-петербургскаго генераль-губернатора) свѣтлѣйшій появлялся аккуратно, руководясь, нѣтъ причинъ сомнѣваться, причиной, высказанной имъ императрицѣ Маріи Александровнѣ и отмѣченной нами въ началѣ этой главы. Мы знаемъ, что когда ему по возвращеніи съ земскихъ собраній случалось запросто бывать у царя или царицы, онъ не упускалъ случая разсказывать

имъ, что тамъ происходило, дабы заинтересовать ихъ земствомъ. Это удавалось ему больше относительно Маріи Александровны.

На засѣданія каждый день онъ являлся однимъ изъ первыхъ. Выживалъ до конца; первую половину засѣданія внимательно вслушивался въ пренія, рѣдко въ нихъ самъ участвуя непосредственно. Къ концу же засѣданія князь, разстегнувъ сюртукъ и подперевъ лобъ рукой, старался показывать видъ, что сосредоточенно слушаетъ, а въ сущности дремалъ. Я замѣчалъ, что, когда нужно было подавать голоса, сидѣвшій рядомъ съ нимъ гласный изъ крестьянъ его уѣзда (мужикъ, котораго умъ и честность свѣтлѣйшій ставилъ высоко) легкимъ толчкомъ будилъ свѣтлѣйшаго сосѣда. Въ комиссіи (которымъ нерѣдко приходилось работать добрую половину ночи) Александра Аркадьевича никогда не избирали. Въ мелочи земскаго дѣла онъ даже не вникалъ, зато былъ изумительно чутокъ къ серьезнымъ вопросамъ и изумительно вѣрно опредѣлялъ характеръ личностей, ему едва знакомыхъ. Онъ всегда могъ отличить вопросъ, проводимый, какъ бы ни было ловко, данной группой гласныхъ ради личныхъ видовъ (или ради интригъ), отъ вопроса существенно полезнаго. Онъ употреблялъ свое вліяніе какъ въ собраніяхъ, такъ и внѣ ихъ, подавалъ свой голосъ всегда за вопросы послѣдней категоріи. Въ 60-хъ годахъ земство новгородское въ значительной степени было обязано Суворову осуществленіемъ проекта губернской школы для образованія сельскихъ учителей изъ крестьянъ; обнаруженіемъ голода и умаленіемъ жестокости его послѣдствій; распространеніемъ въ губерніи крестьянскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ и пр.

III.

Сэръ Мэкензи Уоллесъ въ Россіи и его книга о Россіи («Russia»). Политическое вліяніе этого труда.—Какъ авторъ собиралъ матеріалы.—Отъ Новгорода до Петербурга на конькахъ.—Г. Уоллесъ въ качествѣ «новаго члена земской управы».—Суворовскіе разговоры о взглядахъ императрицы; запись г. Уоллеса, представленная ей величеству.

Нѣсколько словъ о г. Мэкензи Уоллесѣ (теперь Sir Makenzy Wallace, тогда еще просто M-r M. Wallace). Онъ изучалъ Россію въ шестидесятыхъ годахъ, какъ не изучалъ нашу родину никто изъ иностранцевъ, писавшихъ о ней ранѣе, и издалъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ свою книгу «Russia». (Случайно появленіе этого сочиненія въ Англіи почти совпало съ женитьбой принца Единбургскаго, второго сына королевы, на русской великой княжнѣ Маріи Александровнѣ, дочери Александра II). «Russia»—изслѣдованіе обновленной Россіи—стоитъ неизмѣримо выше немного ранѣе появившейся книги «The Free Russia» Диксона, занима-

тельно, но фельетонно написанной по наскоро собраннымъ, большею частью поверхностнымъ, свѣдѣнiямъ, украшенной къ тому же quasi-историческими фабулами (напримѣръ, рассказъ о заточенiи въ Соловецкомъ монастырѣ великаго князя Константина Павловича). «Russia» М. Уоллеса была признана основательно во всей Европѣ добросовѣстнѣйшимъ и полнѣйшимъ сочиненiемъ о современной Россiи. Эта книга, какъ мы могли наблюдать, посѣтивъ Англiю въ срединѣ 70-хъ годовъ, содѣйствовала разрушенiю многихъ предрасудковъ противъ Россiи и зарожденiю среди великобританцевъ симпатiй къ ней. Какъ ни были слабы въ то время эти симпатiи, но онѣ въ нѣкоторой степени содѣйствовали устраненiю войны между Англiей и Россiей въ 1877 году; даже доставили многимъ тогда единомышленникамъ Россiи (по вопросу освобожденiя славянъ изъ-подъ турецкаго ига), во главѣ которыхъ стояли тогда Гладстонъ и герцогъ Уэстминстерскiй, возможность собирать подъ знаменемъ Краснаго Креста пособiя для русскихъ раненыхъ и больныхъ воиновъ въ самомъ центрѣ Лондона, наполненнаго тогда руссофобами, воинственными джингами (т.-е. полчищами, которыя были муссированы ретрограднымъ министерствомъ Дизраэли-Сольсбери). Сэръ Мэкензи Уоллесъ, прiобрѣтя вполслѣдствiи извѣстность и вѣское положенiе въ Англiи, никогда не утрачивалъ своихъ симпатiй къ Россiи и пользовался и пользуется за всѣ послѣднiя почти сорокъ лѣтъ каждымъ случаемъ, чтобы умять рознь между двумя величайшими нацiями культурной части земного шара. Онъ первый (если не ошибаемся, въ 1874 г., въ статьѣ, появившейся въ журналѣ «Fortnightly Review») заговорилъ о возможности соглашенiя между Россiей и Англiей и первый указывалъ на преувеличенность опасенiй своихъ соотечественниковъ въ этомъ отношенiи. Онъ посѣщалъ послѣ того не разъ Россiю въ критическiя минуты ея политической жизни и сообщалъ англичанамъ настоящую правду, безъ всякаго оттѣнка политическихъ предубѣжденiй, отъ которыхъ не могли еще отдѣлаться его земляки. Словомъ, его «Russia» внесла лепту въ подготовку того политическаго сближенiя между двумя великими державами, которое обозначилось за послѣднее время «тройственной entente».

Впрочемъ, я пишу не политическiй трактатъ, а излагаю правдивыя сказанiя. Постараюсь рассказать только, какъ собиралъ материалы для своей «Russia» англiйскiй писатель. Хочу же это рассказать потому, во-первыхъ, что писатели всѣхъ нацiй, желающiе содѣйствовать сближенiю и братству народовъ, хорошо сдѣлають, слѣдуя практическому примѣру этого безпристрастнаго и добросовѣстнаго шотландца, а, во-вторыхъ, потому, что онъ началъ изученiе Россiи въ моемъ кабинетѣ.

Вотъ какъ это случилось. Въ Новгородѣ, въ началѣ шестидесятихъ годовъ, былъ основанъ земствомъ (при моемъ предвѣстникѣ,

предсѣдатель губернской земской управы Н. А. Качаловъ) «историческій музей». Завѣдываль этимъ музеемъ священникъ Николай Гавриловичъ Богословскій. Онъ написалъ и напечаталъ когда-то нѣсколько, не особенно глубокихъ, однако интересныхъ для того времени, историческихъ статей о прошломъ Новгорода, объ Аракчеевѣ, о любовницѣ послѣдняго Настасьѣ и пр. Отецъ Николай интересовался археологіей, былъ дѣятеленъ по части изслѣдованій; подвиженъ, вообще популяренъ и нѣкоторыми считался за ученаго, хотя ученость его была далеко не 84-й пробы, ему случалось впадать въ комическіе промахи. Напримѣръ, когда императоръ Александръ II посѣтилъ нашъ земскій музей, о. Н. Г. Богословскій, между прочимъ, показывалъ ему «пуговицы съ кафтана царя Іоанна Васильевича Грознаго». Государь спросилъ: «чѣмъ же это доказывается?» Отецъ Николай, повидимому, самъ себѣ не задававшій этого вопроса ранѣе, не смутившись, отвѣчалъ: «рисунокъ и форма пуговицъ той эпохи, ваше величество, и въ списокѣ музея они такъ обозначены». Государь взглянулъ на объяснителя нѣсколько изумленно; но, ничего не возразивъ, прошелъ дальше. Разъ въ гостяхъ Николай Гавриловичъ жаловался на какой-то накожный беспорядокъ у своего сына. «Глицериномъ мажьте», посовѣтовалъ присутствовавшій тутъ врачъ. Богословскій даже привскочилъ на стулѣ. «Какъ глицериномъ?! Вѣдь отъ этого взрывъ можетъ произойти!» Онъ только что читалъ въ газетахъ о свойствахъ нитроглицерина. За политикой онъ вообще слѣдилъ внимательно.

Не взирая на такія наивности, Богословскій былъ человѣкъ пріятный и полезный. Какъ-то онъ умѣлъ вылавливать пріѣзжихъ, являвшихся въ городъ съ какими-либо учеными или художественными цѣлями, но не знавшихъ, къ кому имъ обратиться. Богословскій дѣлалъ все, чтобы услужить такимъ лицамъ, помочь найти искомое и т. д. Ему же и я былъ обязанъ знакомствомъ съ М. Уоллэсомъ. О. Николай привелъ ко мнѣ въ управу молодого британца (впрочемъ, оказавшагося по рожденію шотландцемъ), заявивъ, что «этотъ иностранецъ интересуется, кажется, земскимъ дѣломъ». Слово «кажется» было умѣстно, ибо Уоллэсъ тогда по-русски не говорилъ, а Николай Гавриловичъ никакого языка, кромѣ русскаго и, можетъ быть, латинскаго, не зналъ. Впрочемъ, оказалось, что нашъ археологъ не ошибся: пріѣзжій интересовался земствомъ, хотя между прочими, весьма многими, предметами. Мы съ нимъ разговорились. Уоллэсъ быстро сообразилъ, что ему можно будетъ узнать въ губернскомъ центрѣ земскаго дѣла, и тутъ же перезнакомился съ моими товарищами, членами управы. Не помню, я ли самъ предложилъ, или онъ самъ попросилъ, только любознательный англичанинъ получилъ наше общее согласіе ежедневно приходиться въ управу и заниматься въ моемъ предсѣдательскомъ кабинетѣ за огромнымъ столомъ, унаслѣдованнымъ мною отъ Качалова и про-

званнымъ за свою массивную обширность медвѣдемъ. Въ этой комнатѣ и за этимъ столомъ я работалъ постоянно, здѣсь же, когда было нужно, происходили совѣщанія управы, а иногда засѣданія комиссій. Но столъ былъ такъ великъ, что и для худощаваго англичанина оставалось достаточно мѣста. Присутствіе посторонняго не могло насъ стѣснять, ибо въ тѣ добрыя времена земское дѣло велось открыто; мы не имѣли причинъ не обсуждать вопросы хоть бы на самомъ вѣчѣ Великаго Новгорода.

Съ тѣхъ поръ, помнится, не менѣе трехъ или четырехъ мѣсяцевъ происходило слѣдующее. Рано утромъ, когда сторожа едва успѣвали вымести помѣщеніе управы, появлялся Уоллесъ, проходилъ въ предсѣдательскій кабинетъ, усаживался на одномъ уголкѣ медвѣдя и принимался за свою работу. Когда я приходилъ туда въ десятомъ часу утра, то всегда уже находилъ гостя, обложеннаго книгами, тетрадями, въ систематическомъ порядкѣ. Книги были по преимуществу все томы свода законовъ, разные уставы, доклады земскихъ управъ и пр. Тетради были разноцвѣтныя и разнаго назначенія. Съ 10 часовъ утра до 6 (и часто позднѣе) вечера Уоллесъ сидѣлъ и работалъ (кромѣ краткаго промежутка для завтрака). Онъ всегда сидѣлъ неподвижно, невозмутимо, никому не мѣшая, ни съ кѣмъ не заговаривая. То читалъ законы, то отмѣчалъ что-то въ разныхъ тетрадяхъ. Если управа совѣщалась, если я велъ дѣловые разговоры со служащими или посторонними лицами, приходившими по дѣламъ (а иногда—да простить ихъ Богъ—безъ дѣла, просто, чтобы покалякать), то Уоллесъ переставалъ читать и внимательно слушалъ, широко раскрывъ свои, и безъ того крупные, умные глаза. Русскую рѣчь слушалъ онъ, повидимому, безъ всякаго напряженія, и, какъ оказывалось, понималъ. Дѣлалъ массу разнородныхъ соотвѣтственныхъ замѣтокъ то въ той, то въ другой тетради. Иногда и поздно вечеромъ онъ приходилъ работать въ управу, если видѣлъ тамъ огонекъ. Канцелярія и сторожа называли его «новымъ членомъ управы». Кромѣ того, онъ умѣлъ удѣлять время на знакомства самаго разнообразнаго качества, начиная отъ губернатора, архіерея, дивизионнаго командира, до мѣщанъ и крестьянъ включительно. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ его появленія у насъ онъ такъ освоился съ русскимъ языкомъ, что могъ понимать и мужицкія пренія на сельскихъ сходахъ (на которые его возили помѣщики или посредники), и солдатскіе разговоры въ казармахъ, куда попадалъ, благодаря знакомству съ офицерами полковъ, стоявшихъ въ Новгородѣ и окрестностяхъ. Онъ могъ сознательно слѣдить за преніями судебными, за всѣмъ, что говорилось въ земскихъ собраніяхъ, и т. д. Онъ не довольствовался однѣми рутинными, такъ сказать, экскурсіями въ области русской жизни; иногда совершалъ ихъ неожиданно весьма оригинальными способами.

Напримѣръ, однажды въ декабрѣ, передъ самымъ открытіемъ губернскаго земскаго собранія, когда уже рѣка застыла, но еще слабо была покрыта снѣгомъ, поздно вечеромъ я, уже ложась спать, получилъ отъ губернатора Лерхе, съ которымъ Уоллесъ былъ тоже близко знакомъ, записку съ приложеніемъ телеграммы, присланной ему оригинальнымъ бытописателемъ земли русской. Содержаніе ея было такое: «Я на конькахъ отправился въ Петербургъ, достигъ Чудова; вернусь тогда-то; передайте Фирсову». Эту прогулку онъ затѣялъ съ гигиенической цѣлью: ужъ очень засидѣлся и заработался въ Новгородѣ: желалъ порасшевелить кровь къ предстоящему земскому собранію, первому, на которомъ ему предстояло присутствовать въ Россіи. Но, конечно, Уоллесъ набралъ во время своего путешествія массу интересныхъ личныхъ наблюденій. Вернулся онъ, однако, съ отороженнымъ носомъ, что не мѣшало ему изо дня въ день присутствовать въ земскомъ собраніи, а иногда по вечерамъ и въ нѣкоторыхъ комиссіяхъ (въ публикѣ); съ бѣлой повязкой поперекъ лица и записывать, записывать и записывать.

Онъ гениально-вѣрно умѣлъ записывать то, что слышитъ и видеть. А, переваривъ свѣдѣнія въ своемъ мозгу, передавалъ ихъ съ поразительной точностью. Я имѣлъ случай убѣдиться въ этомъ при первыхъ же дебютахъ его въ Новгородѣ, а также и позднѣе, послѣ изданія книги, когда я пріѣхалъ въ Лондонъ нѣсколько лѣтъ спустя. Сэръ Мэкензи Уоллесъ въ письмѣ ко мнѣ сообщилъ, что «prime minister» (первый министр) ¹⁾, какъ онъ называлъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ предсѣдателя губернской земской управы, когда тотъ являлся передъ лицомъ собранія, былъ я самъ. Слѣдовательно, самому мнѣ не трудно было и въ книгѣ прослѣдить точность его передачи нѣкоторыхъ частныхъ. То же я слышалъ впоследствии отъ многихъ лицъ, которыхъ онъ знавалъ въ другихъ посѣщенныхъ имъ мѣстностяхъ (а гдѣ онъ не былъ и чего не наблюдалъ!) ²⁾. До нѣкоторой степени этому умѣнію схватывать отчетливо существенное изъ всего слышаннаго его трудъ обязанъ своею правдивостью и полнотою, а онъ самъ обязанъ многими полезными для его работы связями въ высшихъ столичныхъ сферахъ.

Между прочимъ, по пріѣздѣ въ Новгородъ на земское собраніе князя Александра Аркадьевича Суворова, Уоллесъ былъ представленъ маститому старцу, который отнесся къ нему по своему обычаю и просто, и симпатично. Черезъ нѣсколько дней Уоллесъ попросилъ у князя позволенія прочесть ему то, что записалъ съ его словъ. Оказалось, что наканунѣ они оба были на *jour fixe* у губернатора

¹⁾ Такое наименованіе, конечно, выражало болѣе понятно для англичанъ положеніе и отвѣтственность должностнаго лица, и только.

²⁾ Изъ лично знакомыхъ мнѣ писателей о Россіи развѣ Кеннанъ (J. Kennan) можетъ поспорить съ Мэкензи по части путешествій по Русской землѣ.

Лерхе. Суворовъ былъ въ ударѣ и рассказывалъ о государынѣ Маріи Александровнѣ. Между прочимъ передавалъ ея взгляды на нѣкоторые вопросы. Уоллесъ все это выслупалъ; придя домой, записалъ и теперь явился просить рассказчика провѣрить.

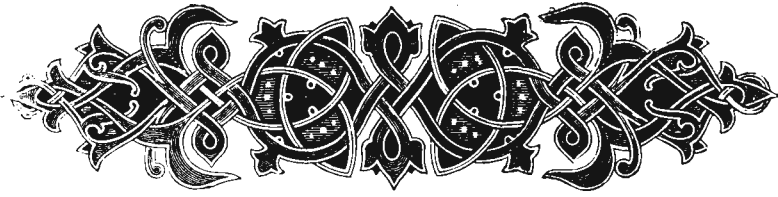
— Я былъ просто огорошенъ,—восторгался Суворовъ, рассказывая мнѣ объ этомъ посѣщеніи:—какъ это моя болтовня вышла такой складной, содержательной и какъ вѣрно передана ея суть.

Увлекающійся старикъ чуть не лобызалъ хладнокровнаго шотландца, просилъ дать ему копию записки и разрѣшить прочесть ее самой императрицѣ. Уоллесъ, конечно, охотно согласился. Государыня, которой понравилась также вѣрность передачи ея взглядовъ, была заинтересована Уоллесомъ. По приѣздѣ писателя въ столицу, отчасти благодаря этому анекдоту, который сталъ всемъ извѣстенъ, ему было уготованы пути для дальнѣйшихъ изслѣдованій нашей родины, и открыты двери всехъ интересныхъ для него домовъ, кабинетовъ и учреждений.

Н. Н. Фирсовъ (Л. Рускинъ).

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ И ВАСИЛЬКОВЫЯ ДУРАЧЕСТВА.

ВЪ БЫТНОСТЬ мою въ Смольномъ монастырѣ, въ числѣ моихъ подругъ по классу была нѣкто Лопатина, къ которой въ дни посѣщенія родныхъ изрѣдка прїѣзжала ея дальняя родственница, замѣчательная красавица, Лавинія Жадиміровская, урожденная Бравуръ.

Мы всѣ ею любовались, да и не мы однѣ.

Ею, какъ мы тогда слышали,—а великосвѣтскіе слухи до насъ доходили и немало насъ интересовали,—любовался весь Петербургъ.

Разказы самой Лопатиной насъ еще сильнѣе интересовали, и мы всегда въ дни прїѣзда молодой красавицы чуть не группами собирались взглянуть на нее и полюбоваться ея характерной, чисто южной красотой.

Жадиміровская была совершенная брюнетка, съ жгучими глазами креолки и правильнымъ лицомъ, какъ бы рѣзцомъ скульптора выточеннымъ изъ блѣдно-желтаго мрамора.

Всего интереснѣе было то, что, по разказамъ Лопатиной, Лавинія съ дѣтства была необыкновенно дурна собой; это приводило ея родителей въ такое отчаяніе, что мать почти возненавидѣла ни въ чемъ неповинную дѣвочку, и ее во время прїемовъ тщательно прятали отъ гостей.

Вообще, въ то время въ высшемъ кругу, къ которому принадлежало семейство Бравуровъ, не принято было не только вывозить, но даже и показывать молодыхъ дѣвушекъ до момента ихъ выѣзда въ свѣтъ, и въ силу этого никого изъ тѣхъ, кто зналъ, что въ семьѣ растеть дочь, не могло удивить ея постоянное отсутствіе въ прїемныхъ комнатахъ отца и матерп

Между тѣмъ дѣвочка подрастала и настолько выравнивалась, что къ 14-ти годамъ была уже совсѣмъ хорошенькая, а къ 16-ти общала сдѣлаться совершенной красавицей.

Въ этомъ именно возрастѣ Лавинію въ первый разъ взяли въ театръ въ день опернаго спектакля, и то исключительное вниманіе, какое было вызвано ея появленіемъ въ ложѣ, было принято наивной дѣвочкой за выраженіе порицанія по поводу ея безобразія и вызвало ея горькія слезы...

Въ тотъ же вечеръ все объяснилось... Тщеславная и легкомысленная мамаша поняла, что красота ея дочери отнынѣ будетъ предметомъ ея гордости, и Лавинія начала появляться на балахъ, всюду приводя всѣхъ въ восторгъ своей незаурядной красотой.

Когда ей минуло 18 лѣтъ, за нее посватался богачъ Жадиміровскій, человѣкъ съ прекрасной репутаціей, безъ ума влюбившійся въ молодую красавицу.

Приданого онъ не потребовалъ никакого, что тоже вошло въ расчетъ Бравуровъ, дѣла которыхъ были не въ особенно блестящемъ положеніи,—и свадьба была скоро и блестяще отпразднована, послѣ чего молодые отправились въ заграничное путешествіе.

По возвращеніи въ Петербургъ Жадиміровскіе открыли богатый и очень оживленный салонъ, сдѣлавшійся средоточіемъ самаго избраннаго общества.

Въ тѣ времена дворянство ежегодно давало парадный балъ въ честь царской фамиліи, которая никогда не отказывалась почтить этотъ балъ своимъ присутствіемъ.

На одномъ изъ такихъ баловъ красавица Лавинія обратила на себя вниманіе императора Николая Павловича, и объ этой царской «милости», по обыкновенію, доведено было до свѣдѣнія самой героини царскаго каприза.

Лавинія оскорбилась и отвѣчала безповоротнымъ и по тогдашнему времени даже рѣзкимъ отказомъ.

Императоръ поморщился... и промолчалъ.

Онъ къ отказамъ не особенно привыкъ, но мирился съ ними, когда находилъ имъ достаточное «оправданіе».

Прошло два или три года, и Петербургъ былъ взволнованъ скандальной новостью о побѣгѣ одной изъ героинь зимняго великосвѣтскаго сезона, красавицы Лавиніи Жадиміровской, бросившей мужа, чтобы бѣжать съ княземъ Трубецкимъ, человѣкомъ уже не молодымъ и вовсе не красивымъ, жившимъ послѣ смерти жены вмѣстѣ съ маленькой дочерью, которую онъ, по слухамъ, готовился отдать въ институтъ.

Побѣгъ былъ устроенъ очень осторожно и умѣло, никто ни о чемъ не догадывался до послѣдней минуты, и когда бѣглецы были, по расчетамъ, уже далеко, мужъ изъ письма, оставленнаго ему женой, узналъ, куда и съ кѣмъ она бѣжала.

Дѣло это надѣлало много шума, и о немъ доложено было государю.

Тутъ только императоръ Николай въ первый разъ сознательно вспомнилъ о своей бывшей неудачѣ, и, примирившись въ то время съ отказомъ жены, не пожелавшей измѣнить мужу, не могъ и не хотѣлъ примириться съ тѣмъ, что ему предпочли другого, да еще человѣка не моложе его годами и во всемъ ему уступавшаго.

Онъ приказалъ немедленно пустить въ ходъ всѣ средства къ тому, чтобы разыскать и догнать бѣглецовъ, и отдалъ строгій приказъ обо всемъ, что откроется по этому поводу, немедленно ему доносить.

Въ то время не было еще ни телеграфовъ, ни желѣзныхъ дорогъ. Осложнялся этимъ побѣгъ, но значительно осложнялась, конечно, и погоня...

Волновался, впрочемъ, только государь... Самъ Жадиміровскій оставался совершенно покойнымъ, и ни къ кому изъ властей не обращался...

Дознано было, что бѣглецы направились въ Одессу.

Туда же поскакали и фельдъегеря съ строжайшимъ приказомъ «догнать» бѣглецовъ во что бы то ни стало...

Понятно было, что они на пароходѣ ускользнуть за границу, и въ такомъ случаѣ на выдачу ихъ надежды не было...

Такой выдачи могъ требовать только мужъ, а онъ упорно молчалъ...

Фельдъегеря скакали день и ночь; но не зѣвали и бѣглецы, которые, кромѣ того, имѣли еще и нѣсколько дней аванса.

Въ Одессу, какъ и слѣдовало ожидать, Трубецкой съ Лавиніей прибыли раньше своихъ преслѣдователей, успѣли заpastись билетами на пароходъ и схвачены были уже на трапѣ, поднимаясь на палубу парохода...

Оба, въ силу распоряженій изъ Петербурга, были тутъ же арестованы и подъ конвоемъ препровождены обратно въ Петербургъ.

Къ государю былъ немедленно отправленъ нарочный, который, по словамъ современной скандальной хроники, получилъ крупную награду.

Одновременно увѣдомленъ былъ о поимкѣ жены и Жадиміровскій, который, однако, не только не выразилъ никакого восторга по этому поводу, а, напротивъ, довольно смѣло замѣтилъ, что онъ ни съ какимъ ходатайствомъ о подобной поимкѣ никуда не входилъ.

По прошествіи нѣсколькихъ дней привезены были и сами бѣглецы, при чемъ Жадиміровскій лично выѣхалъ навстрѣчу женѣ и спокойно отправился съ ней къ себѣ домой.

На косвенно предложенный ему вопросъ о томъ, какого возмездія онъ желаетъ, Жадиміровскій отвѣтилъ просьбой о выдачѣ ему съ женой заграничнаго паспорта и тотчасъ же уѣхалъ вмѣстѣ

съ нею, къ великому огорченію всѣхъ охотниковъ до крупныхъ и громкихъ скандаловъ, не обнаруживъ не только никакихъ особенно враждебныхъ намѣреній по адресу жены, но, напротивъ, сохраняя съ ней самыя корректныя и дружелюбныя отношенія...

Николай Павловичъ ничѣмъ не откликнулся на этотъ молчаливый протестъ, разрѣшилъ свободный отъѣздъ за границу, который въ тѣ далекія времена не особенно легко разрѣшался, но зато вся сила его могучаго гнѣва тяжело обрушилась на Трубецкого.

Самолюбивый государь не могъ и не хотѣлъ простить Трубецкому предпочтенія, оказаннаго ему, и не прошло недѣли, какъ надъ отданнымъ подъ судъ княземъ состоялась высочайшая конфирмація, въ силу которой онъ, разжалованный въ рядовые, ссылался на Кавказъ.

Относительно оставшейся безъ него малолѣтней дочери сдѣлано было распоряженіе о зачисленіи ея пансіонеркой царской фамиліи въ Екатерининскій институтъ, гдѣ она и окончила курсъ, послѣ чего тотчасъ же была взята ко двору.

Судьба молодой дѣвушки устроилась блистательно, и на коронаціи императора Александра II въ нее влюбился графъ Морни, двоюродный братъ Наполеона III, бывшій его представителемъ на коронаціонныхъ торжествахъ.

Особой преданности графиня Морни къ нашему двору никогда впослѣдствіи не питала, да и вообще на вѣжную преданность она особенно способна не была, что она ясно доказала тѣмъ остроумнымъ, но отнюдь не любезнымъ и не справедливымъ каламбуромъ, какимъ она встрѣтила царскій по роскоши свадебный подарокъ своего жениха.

Хорошо зная, что его красавица-невѣста не имѣетъ ровно никакихъ средствъ и что ей не только нѣ на что будетъ сдѣлать себѣ приданое, но и на подвѣчное платье у нея средствъ не хватитъ, графъ Морни тотчасъ по полученіи отъ нея согласія на бракъ прислалъ ей свадебную корзину, на днѣ которой лежали процентныя бумаги на крупную сумму.

Ознакомившись съ содержимымъ конверта, невѣста гордо подняла свою красивую головку и съ холодной улыбкой замѣтила: «*Le present vaut mieux que le futur!*» (Настоящее предпочтительно будущему).

О дальнѣйшей судьбѣ самого князя Трубецкого мнѣ ничего не извѣстно, и самый случай этотъ переданъ мною безъ малѣйшей цѣли потревожить чью-нибудь память...

Впрочемъ, чтобы остаться въ предѣлахъ строгой справедливости, слѣдуетъ сказать, что на почвѣ подобныхъ столкновеній императоръ Николай Павловичъ всегда оставался вѣренъ себѣ, и, кромѣ вышеприведеннаго примѣра съ Жадиміровской, мнѣ извѣстенъ также случай съ княгиней Софьей Несвицкой, урожденной Ле-

шернь, которой тоже была брошена покойнымъ императоромъ перчатка, и также неудачно.

Красавица собой, дочь умершаго генерала, блестящимъ образомъ окончившая курсъ въ одномъ изъ первыхъ институтовъ, молодая Лешернь имѣла за собой все для того, чтобы составить блестящую карьеру, но она увлеклась молодымъ офицеромъ Преображенскаго полка, княземъ Алексѣемъ Яковлевичемъ Несвицкимъ, и... пожертвовала ему собой, въ твердой увѣренности, что онъ сумѣетъ оцѣнить ея привязанность и дать ей свое имя.

Расчетъ ея на рыцарское благородство князя не оправдался, онъ не только не сдѣлалъ ей предложенія, но совершенно отдался отъ нея, ссылаясь на строгій запретъ матери.

Несчастливая молодая дѣвушка осталась въ положеніи совершенно безвыходномъ, ежели бы не вмѣшательство великаго князя Михаила Павловича, всегда чутко отзывавшагося на всякое чужое горе и тщательно охранявшаго честь гвардейскаго мундира.

Справедливо найдя, что мундиръ, который носилъ князь Несвицкій, сильно скомпрометированъ его поступкомъ съ отдавшейся ему молодой дѣвушкой, Михаилъ Павловичъ вызвалъ Несвицкаго къ себѣ, строго поговорилъ съ нимъ и, узнавъ отъ него, что мать дѣйствительно даетъ ему самыя ограниченныя средства къ жизни, выдалъ ему на свадьбу довольно крупную сумму изъ своихъ личныхъ средствъ, вызвавшись при этомъ быть посаженнымъ отцомъ на его свадьбѣ.

Гордая и самолюбивая, старая княгиня такъ и не признала невѣстки и никогда не видалась съ нею, даже впослѣдствіи.

Первое время послѣ свадьбы «молодая» была, или, точнѣе, старалась, быть счастлива, но мужъ сталъ скоро тяготиться семейной жизнью и измѣнялъ женѣ у нея на глазахъ.

Къ этому времени относится первая встрѣча молодой княгини съ императоромъ Николаемъ.

Государь увидалъ ее на одномъ изъ тѣхъ баловъ, которые въ то время давались офицерами гвардейскихъ полковъ и на которыхъ такъ часто и охотно присутствовали высочайшіе гости.

Замѣчательная красота княгини Софьи бросилась въ глаза императору, и онъ, стороной разузнавъ подробности ея замужества и ея настоящей жизни, сдѣлалъ ей довольно щекотливое предложеніе, на которое она отвѣчала отказомъ.

Государь примирился съ этимъ отказомъ, принявъ его какъ доказательство любви княгини къ мужу и желаніе остаться ему непоколебимо вѣрной.

Но онъ ошибался.

Молодой женщиной императоръ просто не нравился, какъ мужчина, и спустя два года, встрѣтивши человѣка, которому удалось ей понравиться, она отдалась ему о всей страстью любящей и глубоко преданной женщины.

Избранникъ этотъ былъ флигель-адъютантъ Бетанкуръ, на котораго обрушился гнѣвъ государя, узнавшаго о предпочтеніи, оказанномъ ему передъ державнымъ поклонникомъ.

Бетанкуръ былъ человѣкъ практической; онъ понялъ, что хорошихъ женщинъ много, а императоръ одинъ, и черезъ графа Адлерберга довелъ до свѣдѣнія государя, что онъ готовъ навсегда отказаться не только отъ связи съ княгиней Несвицкой, но даже отъ случайной встрѣчи съ ней, лишь бы не лишаться милости государя.

Такая «преданность» была оцѣнена, Бетанкуръ пошелъ въ гору, а бѣдная молодая княгиня, брошенная и мужемъ и любовникомъ, осталась совершенно одна и сошла со сцены большого свѣта, охотно прощающаго все, кромѣ неудачи.

Прошли года...

Состарѣлся государь... Состарѣлась и впала въ совершенную нищету и бывшая красавица Несвицкая, и бѣдная, обездоленная, рѣшилась подать на высочайшее имя прошеніе о вспоможеніи.

Ей, больной, совершенно отжившей и отрѣшившейся отъ всего прошлаго, и въ голову не приходило, конечно, какое воспоминаніе о прошломъ, давно пережитомъ... Но не такъ взглянулъ на дѣло государь.

Первоначально онъ, узнавъ изъ доклада управляющаго комиссіей прошеній, что просьба идетъ отъ особы титулованной, назначилъ сравнительно крупную сумму для выдачи, но въ минуту подписанія бумаги, увидавъ на прошеніи имя княгини Несвицкой, рожденной Лешернъ, порывистымъ жестомъ разорвалъ бумагу, сказавъ:

— Этой?! Никогда... и ничего!!.

Этотъ послѣдній случай лично рассказанъ былъ мнѣ княгиней Несвицкой, которую я видѣла въ концѣ 50-хъ годовъ въ Петербургѣ, въ крайней бѣдности, почти совершенно ослѣпшей и буквально нуждавшейся въ дневномъ пропитаніи.

Въ заключеніе передамъ комическій эпизодъ изъ той же закулисной жизни императора Николая, сообщенный въ моемъ присутствіи покойнымъ Тютчевымъ, чуть не въ самый моментъ его совершенія.

Большихъ и особенно знаменательныхъ увлеченій за императоромъ Николаемъ I, какъ извѣстно, не водилось. Единственная серьезная, вошедшая въ исторію связь его была связь съ Варварой Аркадьевной Нелидовой, одной изъ любимыхъ фрейлинъ императрицы Александры Ѳеодоровны. Но эта связь не можетъ быть поставлена въ укоръ ни самому императору, ни безъ ума любившей его Нелидовой. Въ немъ она оправдывалась въ конецъ пошатнувшимся здоровьемъ императрицы, которую государь обожалъ, но которую берегъ и нѣжилъ, какъ экзотическій цвѣтокъ...

Нелидова искупала свою вину тѣмъ, что любила государя преданно и безгранично, любила всѣми силами своей души, не считаясь ни съ его величіемъ, ни съ его могуществомъ, а любя въ немъ человѣка. Императрицѣ связь эта была хорошо извѣстна... Она, если можно такъ выразиться, была санкціонирована ею, и когда императоръ Николай Павловичъ скончался, то императрица, призвавъ къ себѣ Нелидову, нѣжно обняла ее, крѣпко поцѣловала и, снявъ съ руки браслетъ съ портретомъ государя, сама надѣла его на руку Варвары Аркадьевны. Кромѣ того, императрица назначила одинъ часъ въ теченіе дня, въ который, во все время пребыванія тѣла императора во дворцѣ, въ комнату, гдѣ онъ покоился, не допускался никто, кромѣ Нелидовой, чтобы дать ей, такимъ образомъ, свободно помолиться у дорогого ей праха.

Но, помимо этой серьезной и всѣми признанной связи, за государемъ подчасъ водились и маленькія анекдотическія увлеченія, которыя онъ безцеремонно называлъ «дурачествами», перекрестивъ ихъ въ оригинальное наименованіе «васильковыхъ дурачествъ» съ тѣхъ поръ, какъ услыхалъ, что Ф. И. Тютчевъ поэтически назвалъ ихъ «des bluettes».

Вотъ объ одномъ изъ такихъ «васильковыхъ дурачествъ» съ присущимъ ему остроуміемъ рассказывалъ намъ однажды Тютчевъ.

Государь ежедневно прогуливался по Дворцовой набережной, посвящая этой обычной своей прогулкѣ сравнительно очень ранній часъ.

Вставалъ государь, какъ извѣстно, на разсвѣтѣ, занимался дѣлами, кушалъ чай и около 8-ми часовъ утра уже принималъ первые доклады.

Въ 9 часовъ ровно онъ выходилъ изъ дворца и слѣдовалъ по набережной, проходя ее во всю ея длину нѣсколько разъ сряду.

И вотъ однажды, поднимаясь на мостикъ у такъ называемой Зимней канавки,—государь замѣтилъ идущую ему навстрѣчу молодую дѣвушку, скромно, но очень мило одѣтую, съ большою нотной папкою въ рукахъ.

Государь пристально взглянулъ на нее... проводилъ ее внимательнымъ взглядомъ, когда она прошла мимо, и, конечно, забылъ бы объ этой встрѣчѣ, ежели бы на слѣдующій день та же встрѣча не повторилась.

Государя это заинтересовало, тѣмъ болѣе, что молодая дѣвушка была прехорошенькая и держалась чрезвычайно скромно и порядочно.

На третью или четвертую встрѣчу государь улыбнулся своей знакомой незнакомкѣ, и въ отвѣтъ получилъ такую же привѣтливую улыбку.

Затѣмъ послѣдовалъ обмѣнъ дружескихъ и привѣтливыхъ поклоновъ, а за поклонами послѣдовали и болѣе или менѣе откровенные разговоры.

Государя забавляло то, что незнакомка, очевидно, не догадывалась вовсе, съ кѣмъ она имѣеть дѣло, и принимала государя за простого гвардейскаго офицера.

Государь, избѣгая говорить о себѣ, узналъ всю несложную біографію незнакомки.

Онъ узналъ, что она дочь бывшаго учителя нѣмецкаго языка, оставившаго свои занятія вслѣдствіе полной глухоты, что она даетъ уроки музыки, что мать ея занимается хозяйствомъ и почти все дѣлаетъ сама, такъ какъ они держатъ только одну прислугу.

Наконецъ онъ узналъ, что живутъ они на Гороховой, въ домѣ бывшаго провіантмейстера, — нумеровъ на домахъ въ то время не было, и значились дома по именамъ ихъ владѣльцевъ, — и занимаютъ небольшую квартиру въ три комнаты.

Отъ откровенныхъ разсказовъ о житьѣ-бытьѣ собесѣдники перешли къ болѣе интимнымъ разговорамъ, и государь осторожно навелъ рѣчь на желаніе свое ближе познакомиться съ молодой учительницей.

Отказа не послѣдовало.

Молодая дѣвушка легко согласилась на то, чтобы новый знакомый посѣтилъ ее и познакомился съ ея отцомъ и матерью, которые, по ея словамъ, будутъ очень польщены этимъ знакомствомъ.

Назначенъ былъ день и часъ перваго визита, и въ этотъ день, по окончаніи обѣда въ Зимнемъ дворцѣ, государь объявилъ, что пойдетъ пройтись по улицѣ.

Ни о какихъ «охранахъ» въ то время не было рѣчи... Государь свободно гулялъ гдѣ и когда хотѣлъ, и то, что теперь считается заботой и зачисляется за необходимую и полезную службу, явилось бы въ тѣ времена дерзкимъ и непростительнымъ шпіонствомъ.

Государь, поднявъ воротникъ шинели, торопливо шагаль по темнымъ уже улицамъ, съ легкимъ нетерпѣніемъ ожидая близкаго свиданія.

На углу Гороховой онъ осторожно оглянулся во все стороны и направился къ указанному ему дому.

У воротъ онъ освѣдомился, туда ли попалъ, и, пройдя дворъ, сталъ подниматься по довольно узкой, деревянной лѣстницѣ. Противъ всякаго ожиданія лѣстница оказалась освѣщенной. Правда, все освѣщеніе ограничивалось тусклымъ фонаремъ со вставленнымъ въ него оплывшимъ огаркомъ, но для Гороховой улицы того времени и это было роскошью. Лѣстницы тогда вовсе ничѣмъ не освѣщались.

Осторожно поднимаясь по достаточно грязно содержавшимся ступенькамъ, государь издали услыхаль звуки музыки и ощутилъ какой-то странный запахъ, смѣсь подгорѣвшаго масла съ дешевымъ одеколономъ.

Достигнувъ указаннаго ему этажа, государь увидалъ, что у одной изъ дверей горѣлъ такой же фонарь, какъ и на лѣстницѣ.

На двери этой значилась фамилія отца той молодой дѣвушки, къ которой направлялся государь.

Удивленіе его шло, все возрастая... Но дѣлать было нечего. Не уходить же отъ дверей, какъ самому простому, самому податливому изъ смертныхъ...

Императоръ Николай Павловичъ, какъ извѣстно, ни передъ чѣмъ и ни передъ кѣмъ никогда не отступалъ.

Онъ опустилъ воротникъ шинели и смѣло дернулъ за желѣзную ручку звонка, болтавшуюся поверхъ совершенно ободранной клеенки.

На звонокъ изъ кухни выглянула кухарка въ ситцевомъ сарафанѣ и сальномъ подоткнутомъ фартукѣ.

— Кого вамъ?..—непривѣтливо спросила она, не выпуская изъ рукъ двери.

Государь назвалъ фамилію стараго учителя.

— Нѣту дома его!.. Въ другорядъ приходите!..—непривѣтливо бросила ему кухарка и хотѣла захлопнуть дверь, но императоръ не далъ ей этого сдѣлать.

— Я не къ нему и пришелъ!..—сказалъ онъ.

— А къ кому?.. Къ барынѣ?.. Такъ и барыни дома нѣту-ти!..

— А барышня?..

— Сказано вамъ никого... Экіе вы неотвязные, прости Господи!..

— Но какъ же?.. Мнѣ сказали... меня ждуть!..

— Ждуть, да не васъ!..—загадочно покачала головой кухарка.—Сегодня намъ не до простыхъ гостей!..

— Такъ, стало быть, господа дома?..—переспросилъ озадаченный государь.

— Дома-то они всѣ дома... Да только пущать никого посторонняго не приказано... потому...

И она таинственно приблизила къ нему свое лоснившееся отъ масла и пота лицо.

— Потому,—почти прошептала она:—что къ намъ сегодня вечеромъ самого императора въ гости ждуть!..

— Кого?!

— Самого императора!.. Понимаете?.. Такъ вы, по вашему офицерскому чину, и уходите по добру по здорову, пока васъ честью просятъ!.. Поняли?!

— Понялъ!..—улыбнулся государь.—Только скажи ты мнѣ пожалуйста, кто же это вамъ всѣмъ сказалъ, что императоръ сюда придетъ?..

— Барышня наша сказала!.. У насъ все какъ есть приготовлено... И закуска... и ужинъ... и фрухты куплены!..

— И всѣмъ этимъ твоя барышня распорядилась?!

— Да!.. Она у насъ всюду сама, королева, а не барышня!

— Ну, такъ скажи своей... королевѣ-барышнѣ, что она дура!..— твердо произнесъ государь и, поднявъ воротникъ, сталъ торопливо спускаться съ лѣстницы.

Вернувшись изъ этой неудачной экскурсіи, Николай Павловичъ самъ рассказывалъ объ ней своимъ приближеннымъ и призналъ ее самой глупой изъ всѣхъ своихъ «васильковыхъ глупостей».

Такъ въ жизни этой крупной исторической личности многозначащія и крупные факты шли параллельно съ «васильковыми дурачествами!»

А. Соколова.

НА ОДНОЙ СКАМЬѢ СЪ ИМПЕРАТОРОМЪ ВИЛЬГЕЛЬМОМЪ.

(Изъ полузабытыхъ воспомнаній).

I.

ВЪ КОНЦѢ семидесятихъ годовъ, окончивъ нѣмецкую школу д-ра Видемана въ Петербургѣ и прослуживъ съ годъ въ одной изъ иностранныхъ конторъ, я, по желанію отца, отправился за границу.

— Свѣтъ посмотри́ть—людей повидать тебѣ необходимо,—сказаль мнѣ родители:—это дастъ тебѣ новыя знанія, шире откроетъ твой кругозоръ, жизненный путь представится тебѣ яснѣе, ты не будешь страшиться итти впередъ.

Молодому человѣку, скорѣе еще подростку (мнѣ шель тогда девятнадцатый годъ), лестно было такое довѣріе со стороны отживающаго свой вѣкъ человека, интересъ увидѣть чужіе края, новыхъ людей, наблюдать иные, чѣмъ у насъ на Руси, обычаи—представлялся мнѣ громаднымъ.

Разумѣется, раздумывать я не сталъ ни минуты и сейчасъ же согласился на предложеніе отца. Но прежде всего онъ ставилъ мнѣ непременнымъ условіемъ пробыть хотя годъ въ Англіи, въ одной торговой фирмѣ, шефъ которой былъ его большимъ другомъ.

— Это пребываніе въ Англіи послужить тебѣ во многомъ для будущаго,—объяснилъ мнѣ отецъ:—оно во всякомъ случаѣ дастъ тебѣ необходимую въ жизни выдержку.

Я охотно согласился и на это.

«Англія—такъ Англія, не все ли равно мнѣ, съ чего прежде начинать, —подумалъ я:—успѣю впослѣдствіи повидать еще и другія страны».

Одно удручало меня немного, это разлука съ родителями и домомъ, но развѣ у юноши на порогѣ весны жизни можетъ долго продолжаться тоскливое настроеніе?

Юность смотритъ на все въ розовыя очки, въ своемъ эгоизмѣ она не замѣчаетъ грусти на лицѣ близкихъ людей, не слышитъ печальной нотки въ ихъ голосѣ. Она вся въ будущемъ, властно охвачена заманчивою далью, стремится куда-то къ чуждому еще для нея свѣту, мерцающему вдали передъ нею чуть замѣтною звѣздочкою. И я былъ такимъ же слѣпымъ и глухимъ, я не понималъ въ то время, какъ тяжело было отцу и матери разставаться со мною, ихъ единственнымъ сыномъ, и ѣхалъ со спокойной душою.

Одинъ изъ вильсоновскихъ пароходовъ, ходившихъ съ грузами въ Гуль и обратно и бравшій съ собою ограниченное число каютныхъ пассажировъ, принялъ въ число послѣднихъ и меня.

Отъѣздъ мой изъ приневской столицы совершился раннею весною, когда на бульварахъ Васильевского острова только что еще распускались тополя и воздухъ былъ напоенъ ихъ бальзамическимъ запахомъ...

Послѣдній разъ услышалъ я добрыя пожеланія моихъ стариковъ:

— Будь здоровъ, не скучай и помни о насъ!

Блеснулъ въ воздухѣ бѣлый платокъ матушки, и набережная 13-й линіи Васильевского острова стала отходить отъ меня все дальше и дальше...

II.

Писать о томъ, какъ прошли тринадцать мѣсяцевъ моего пребыванія въ Англіи я не буду, это значительно удлинитъ мой рассказъ, посвященный пребыванію совсѣмъ въ другомъ краю, въ средѣ, чуждой торговымъ интересамъ, которымъ было посвящено мое время въ Соединенномъ королевствѣ. Скажу только, что эти тринадцать мѣсяцевъ прошли для меня безплодно, они дали мнѣ извѣстную выдержку, присущую только англичанамъ, и подготовили меня къ той метаморфозѣ, которую мнѣ пришлось испытать, перебравшись съ британскихъ острововъ на континентъ.

Обстоятельства, заставившія меня покинуть Лондонъ, съ которымъ за послѣднее время я очень сроднился, были слѣдующія: старинная лондонская фирма, въ которой я находился, значительно сократила свои дѣла; бездѣтный, престарѣлый шефъ надумалъ окончательно ее ликвидировать. Работы было очень мало, и я, не

желая искать новаго мѣста, написалъ отцу, спрашивая его, что предпринять

«Мой совѣтъ—переѣзжай въ Германію,—писалъ онъ мнѣ:—тамъ нужны молодые люди, знающіе русскій и англійскій языкъ, мѣсто въ торговыхъ конторахъ найти будетъ не трудно».

Я послѣдовалъ совѣту отца и отправился въ Германію. Очень можетъ быть, я и поступилъ бы опять въ купеческую контору, если бы не случайная встрѣча въ Флессингенѣ, гдѣ я высадился.

Одиночество, незнакомый городъ завели меня въ кафе, и я подселъ къ столику, за которымъ сидѣлъ и пилъ пиво какой-то молодой человекъ. Мы разговорились съ нимъ.

Къ добродѣтелямъ и недостаткамъ молодости зачастую принадлежитъ излишняя откровенность, въ особенности съ людьми однихъ лѣтъ.

Я какъ-то невольно рассказалъ моему собесѣднику о моихъ планахъ, высказывая между прочимъ желаніе познакомиться поближе съ Германіей, такъ же, какъ я познакомился съ Великобританіей.

— Едва ли занятія въ конторѣ дадутъ вамъ эти знанія,—добродушно сказалъ онъ мнѣ:—конторскія книги да узкій, замкнутый кружокъ купеческой молодежи слишкомъ недостаточны, чтобы узнать нашу страну.

Нужно замѣтить, что объединенная еще недавно Германія чувствовала себя въ это время непобѣдимой и самой культурнѣйшей изъ всѣхъ странъ въ мірѣ; на самихъ нѣмцахъ отражались лучи этой внезапно осіявшей ее славы и беззастѣнчивое презрѣніе къ другимъ націямъ.

— По вашему мнѣнію, что же я могу предпринять другое?—спросилъ я молодого нѣмца.

— Поступите въ одинъ изъ нѣмецкихъ университетовъ. Тамъ вы ближе познакомитесь съ нашей культурой, вамъ будетъ ясенъ весь смыслъ ея. Она въ настоящее время свѣточъ всего міра!—напыщенно закончилъ мой спутникъ.

— А Франція?—наивно спросилъ я его.

Мой нѣмецъ презрительно пожалъ плечами.

— Что такое современная Франція? Отживающая страна, разбитая нѣмецкимъ натискомъ въ 1871 году окончательно, ей нужно долгое время, чтобы оправиться отъ пораженія и прійти въ себя.

Но слова молодого нѣмца относительно Франціи не оправдались. Какъ потомъ обстоятельства выяснили, Франція быстро оправилась, но развѣ могъ я, малосвѣдущій въ политикѣ юноша, спорить съ нѣмцемъ, тонъ котораго не допускалъ никакого возраженія; я только молча съ нимъ соглашался. Мысль о поступленіи въ нѣмецкій университетъ представлялась мнѣ чрезвычайно заманчивой.

— Но куда, въ какой именно?—спросилъ я.

— Мало ли у насъ въ Германіи университетовъ,—въ любой. Я, напримѣръ, слушаю лекціи въ Боннѣ,—открылся нѣмецъ:—поступайте хотя бы къ намъ...

— Въ боннскій университетъ. Примутъ ли меня туда?—невольно вырвалось у меня.

— Отчего же не примутъ! Среднее учебное заведеніе вы, навѣрное, окончили?

— Да, нѣмецкую гимназію.

— Тѣмъ лучше! Будьте увѣрены, что препятствія для поступленія къ намъ вамъ не представится. Что вы хотите изучать? На какой факультетъ склонны поступить?—забросалъ онъ меня вопросами.

— На филологическій, я люблю исторію, языки...

— Великолѣпно, сдѣлать это легче легкаго. Профессоръ, докторъ Мейеръ, состоитъ директоромъ филологической семинаріи, меня онъ очень любитъ, и я увѣренъ, что поступить вамъ удастся скоро.

Его слова ободрили меня, я твердо рѣшился поступить въ боннскій университетъ и написалъ объ этомъ домой родителямъ, прося выслать мнѣ въ Боннѣ необходимыя для этого бумаги.

Моего новаго знакомаго звали Викторомъ Гейдерманомъ, онъ былъ родомъ изъ Штеттина и, возвращаясь въ Боннѣ изъ дому, случайно попалъ въ Голландію и застрялъ въ Флессингенѣ. Вмѣстѣ съ нимъ мы на другой же день отправились черезъ Кельнъ въ Боннѣ.

III.

Что такое былъ Боннѣ тридцать лѣтъ тому назадъ?

Маленькій провинціальныи городокъ съ 28 тысячами жителей, изъ которыхъ 1,100 составляли студенты, проживавшіе, за малыми исключеніями, почти весь годъ здѣсь, такъ какъ зимній и лѣтній семестры чередовались непосредственно. Да и до этой цифры количество жителей возросло сравнительно недавно.

Черезъ день мы прибыли съ моимъ новымъ знакомымъ въ Боннѣ. Тогда отъ Кельна имѣлось только одно сообщеніе—пароходомъ. Въ ожиданіи присылки моихъ бумагъ изъ Россіи я не рѣшался отправиться въ университетъ, все еще не вѣря, что я буду принятъ въ него безъ экзамена, хотя мой товарищъ утверждалъ противное. Небольшой городокъ заинтересовалъ меня.

Въ нѣсколько дней я съ нимъ хорошо ознакомился.

Боннѣ—родина великаго музыканта, титана въ музыкѣ—Бетховена. Боннцы гордятся имъ не менѣе, чѣмъ своимъ замѣчательнымъ университетомъ. Какъ ни странно, древній прирейнскій городокъ—одновременно колыбель автора девятой симфоніи и мѣсто

кончины другого крупнаго композитора, Роберта Шумана; прахъ его покоится здѣсь на старомъ кладбищѣ, недалеко отъ вѣзда въ городъ со стороны Кельна. На этомъ кладбищѣ теперь больше не хороняютъ и оно превращено въ роскошный городской садъ.

Осмотрѣлъ я и музей древностей, не пропустилъ также университетскаго музея искусствъ. Здѣсь мнѣ случайно пришлось познакомиться съ завѣдывающимъ имъ профессоромъ Кекулэ, лекціи котораго я потомъ посѣщаль.

Старинная торговая площадь съ фонтаномъ, увѣнчаннымъobeliskомъ, древній соборъ, звонница XII вѣка, остальные храмы Бонна, домъ Бетховена, его статуя на Мюнстерской площади, памятники Симроку, Арнду, все было неоднократно мною осмотрѣно. Я не говорю уже о поэтической Поппендорфской аллеѣ, по которой я совершалъ ежедневныя прогулки.

Была весна, и старые каштаны таинственно шумѣли верхушками, одѣтыми, точно зеленымъ пухомъ, молодою зеленью. Въ остаткахъ древняго монастыря на Крейцбергѣ меня плѣнила небольшая церковь съ ея освященной лѣстницей изъ бѣлаго мрамора. Лѣстница эта—вѣрная до мелочей копія Scala Santa Латеранской церкви въ Римѣ. Она имѣетъ 28 ступеней, по которымъ вѣрующіе католики поднимаются на колѣняхъ въ память Христа, поднимавшагося по такой же лѣстницѣ на судъ къ Пилату. Я часами просиживалъ на этомъ пригоркѣ. Чудная панорама открывается съ него. Широкой лентой вьется между зелеными берегами Рейнъ, самъ городъ лежитъ какъ въ котловинѣ. Въ погожій день отсюда можно разглядѣть тѣневые абрисы семи холмовъ съ утесомъ Роланда. Сѣдая древность глядитъ отовсюду въ Боннѣ, хотя, увы, современные постройки еще и тогда замѣнили во многихъ мѣстахъ полуразрушенныя старыя зданія.

Гейдерманъ познакомилъ меня со своими товарищами-студентами. Всѣ въ голосъ совѣтовали мнѣ поспѣшить съ поступленіемъ въ университетъ. Лѣтній семестръ уже начался; аккуратные, какъ всѣ нѣмцы, профессора читали лекціи безъ пропусковъ, не манкировали и студенты посѣщать аудиторіи.

— Труднѣе будетъ потомъ нагнать, — говорили они мнѣ: — тѣмъ болѣе, что вы еще новичокъ, сразу не втянетесь!

Это была правда, слѣдить за теченіемъ лекцій нѣмецкій студентъ умѣетъ отлично. Меня изумляло, какъ могутъ они, просидѣвши чуть не до полночи въ кнейпѣ, утромъ со свѣжей головой слушать лекціи по философіи, математикѣ и т. п., не забывая дѣлать необходимыя отмѣтки въ тетрадяхъ и слѣдить за самимъ лекторомъ! Скоро я убѣдился, что эта систематичность лежитъ въ самой природѣ нѣмцевъ, они впитываютъ аккуратность съ материнскимъ молокомъ и это даетъ возможность людямъ съ очень ограниченными способностями и малоподвижнымъ мышленіемъ одолѣвать всѣ трудности высшихъ наукъ.

IV.

Наконецъ бумаги мои пришли. Отецъ писалъ мнѣ, что его радуеть мое желаніе поступить въ университетъ, тѣмъ болѣе, что поступленіе въ него не сопряжено съ такими трудностями, какъ у насъ въ Россіи.

Секретарь канцеляріи, Келеръ, любезно встрѣтилъ меня; въ то время русскіе студенты были желанными гостями, въ настоящее время на русскіихъ смотрятъ въ нѣмецкихъ университетахъ очень косо и для приѣма ихъ ставятъ массу трудностей. Но любезность секретаря не помѣшала ему внимательно просмотрѣть мое гимназическое свидѣтельство, не опуская ни одной мелочи.

— Естественная исторія у васъ, молодой человѣкъ, видимо, прихрамывала, судя по свидѣтельству,—сказалъ онъ, указывая на злополучную тройку:—хотя вы и избрали чрезвычайно интересный факультетъ, но вы не должны забывать о природѣ, объ этомъ источникѣ всего, и я думаю, что вы будете благоразумны и кое-когда заглянете на лекціи естествовѣдѣнія, — докторальнымъ тономъ говорилъ мнѣ Келеръ.

— Охотно, г. секретарь,—поспѣшилъ я согласиться на его предложеніе:—я самъ люблю природу.

Мое метрическое свидѣтельство, переведенное на нѣмецкій языкъ, было предметомъ еще большаго его вниманія.

— Очень радуюсь, молодой коллега, что вы сынъ художника, занимающагося одновременно и торговою дѣятельностью. Соединеніе искусства и практической дѣятельности даетъ человѣку возможность трезво и здраво смотрѣть на жизнь,—продолжалъ онъ.—Я не знаю, какъ у васъ въ Россіи, но въ Германіи купеческое сословіе очень почтенно. Торговля вливаетъ кровь въ вены страны, заставляеть работать ея организмъ и гордо биться сердце! Да, вы должны гордиться, что вы сынъ купца...

Не знаю, долго ли продолжался бы выпрепннй гимнъ купечеству и торговлѣ почтеннаго Негг Келера, если бы въ канцелярію не вошелъ одинъ изъ профессоровъ, пожилой крѣпышъ-нѣмецъ.

Секретарь оборвалъ на полусловѣ свою рѣчь и почтительно обратился къ вошедшему.

— Чѣмъ могу служить уважаемому г-ну профессору Клаузіусу?

Попыхивая сигарой, профессоръ кивнулъ головой сидѣвшимъ за столами служащимъ и мягкимъ баскомъ отвѣтилъ:

— Пустякомъ, милѣйшій Негг Келеръ! Возвращаясь съ лекціи, зашелъ къ вамъ сюда спросить только, сколько студентовъ записалось на мои лекціи?

— Сію минуту вы будете имѣть самыя подробныя свѣдѣнія, уважаемый г. профессоръ,—почтительно откликнулся секретарь

и, быстро раскрывъ большую книгу, сдѣлалъ подсчетъ глазами:— семьдесятъ шесть, г. профессоръ.

По лицу Клаузіуса промелькнуло изумленіе.

— Только еще семьдесятъ шесть? Но я подсчиталъ на лекціи, ихъ было около ста?

— Вѣроятно, не успѣли еще записаться, глубокоуважаемый г. профессоръ, а иные пришли, можетъ быть, изъ другихъ факультетовъ послушать, какъ чудно читаетъ г. профессоръ.

— Отчего же въ такомъ случаѣ они не запишутся на мои лекціи?—наивно спросилъ ученый.

— О, я увѣренъ, что большинство поспѣшитъ это сдѣлать...

Въ эту минуту глаза говорившаго остановились на мнѣ, онъ вспомнилъ о нашемъ разговорѣ.

— Вотъ, г. профессоръ, одинъ изъ неофитовъ, страстно жаждущій пить изъ того богатаго источника знаній, которымъ обладаете вы.

— Очень радъ, молодой человѣкъ,—пробасилъ Клаузіусъ, привѣтливо протягивая мнѣ руку:—вы не ошибетесь въ вашихъ надеждахъ, ваша, понятная мнѣ, жажда къ познанію природы будетъ утолена!

— О, молодой другъ, у г. профессора этой воды много,—необразительно поддакнулъ секретарь, довольный, что завербовалъ Клаузіусу еще одного слушателя.

Такимъ образомъ, кромѣ лекцій чисто филологически-историческаго характера, мнѣ волею-неволею пришлось записаться на лекціи естествознанія, преддверіе котораго естественная исторія была моимъ камнемъ преткновенія еще въ нѣмецкой гимназій въ Петербургѣ. Какъ бы тамъ ни было, я былъ принятъ въ университетъ и immatriculirt.

V.

Старинный обычай нѣмецкихъ университетовъ, чтобы новый студентъ представлялся директору, въ то время былъ еще въ силѣ, и мнѣ пришлось явиться къ д-ру Безелеру.

Почтенный профессоръ привѣтливо меня встрѣтилъ и, узнавъ, что я русскій, много разспрашивалъ о Россіи, представлявшей ему какую-то особенную страну.

— Мы очень рады, что молодые люди изъ вашего отечества довѣряютъ нашимъ знаніямъ и охотно идутъ къ намъ учиться,—сказалъ онъ мнѣ:—среди нашихъ студентовъ немало русскихъ. Насколько я слышалъ и знаю, русскіе очень интересуются искусствомъ во всевозможныхъ его проявленіяхъ. Имѣйте въ виду, что при нашемъ университетѣ существуетъ чрезвычайно интересный и разнообразный музей искусства. Студенты охотно его посѣщаютъ.

Я поблагодарилъ ректора за его указаніе.

— Вамъ стоитъ для этого только обратиться къ директору его, профессору Кекулэ. Это прелестный человѣкъ,—продолжалъ Безелеръ.

«Несомнѣнно, этотъ Кекулэ послѣдуетъ примѣру профессора Мейера и такъ же, какъ онъ, сумѣетъ заставить меня записаться на его лекцію», промелькнула у меня мысль, но я ошибся. Кекулэ оказался дѣйствительно знатокомъ и любителемъ искусства, не думавшимъ вовсе о приобрѣтеніи новыхъ слушателей. Это былъ эстетъ въ полномъ смыслѣ слова.

Мало-по-малу я втянулся въ университетскія занятія и ради любопытства присутствовалъ на лекціяхъ другихъ факультетовъ.

Однимъ изъ самыхъ серьезныхъ профессоровъ оказался Германъ Узелеръ, одновременно занимавшій должность директора филологической семинаріи. Свой предметъ онъ читалъ немного тяжело, но осведомленность его по части филологіи была рѣдкая. Это былъ живой энциклопедическій словарь. Стоило спросить его о чемъ-либо, какъ онъ сейчасъ же выкидывалъ цѣлый арсеналъ матеріаловъ, дѣлалъ указанія, поражая всѣхъ своею необычайною памятью.

Старикъ профессоръ, Францъ Бухелеръ, завѣдывавшій музеемъ рейнскихъ древностей, былъ подъ стать своему коллегѣ. Онъ обладалъ тоже громадною эрудиціей своего предмета, но память зачастую измѣняла старому ученому.

Кромѣ вышеназванныхъ профессоровъ, мнѣ пришлось слушать еще лекціи: у Венделина Ферстера романскую филологію и у д-ра Трошель, не помню ужъ теперь, что именно. Имя его случайно запомнилось мнѣ, какъ оригинально французское среди чисто нѣмецкихъ фамилій нашихъ лекторовъ. Онъ и Кекулэ читали лекціи въ Боннѣ много лѣтъ еще послѣ моего пребыванія тамъ, и оба недавно только умерли.

Память плохо сохранила мнѣ имена другихъ профессоровъ, но временный ректоръ профессоръ Мангольдъ представляется мнѣ до сихъ поръ какъ живой. Нужно добавить, что предсѣдателемъ экзаменаціонной комиссіи состоялъ тотъ же Узелеръ.

VI.

Вступленіе мое въ среду студентовъ совершилось одновременно съ поступленіемъ въ университетъ. Войти въ число корпоративныхъ студентовъ новому человѣку, тѣмъ болѣе иностранцу, какъ мнѣ, нечего было и думать. Слишкомъ строго охраняютъ свои корпоративныя права эти студенты и свысока смотрятъ на новыхъ товарищей. Я избралъ благую часть, остался внѣкорпоративнымъ

студентомъ, число которыхъ меньше первыхъ, но зато они не связаны никакими корпоративными условіями, пользуются свободою и только на большихъ коммерсахъ присутствуютъ съ корпорантами вмѣстѣ. Большинство послѣднихъ составляютъ сыновья высокопоставленныхъ лицъ, нѣмецкіе дворяне; а если и затесался среди нихъ кто-либо изъ иностранцевъ, то тоже изъ аристократическихъ семействъ и то по протекціи своихъ нѣмецкихъ товарищей.

Всѣ эти Kartelbrüder придають слишкомъ большое значеніе своему корпоративному устройству, до сихъ поръ еще пропитанному духомъ средневѣковыхъ обычаевъ и взглядовъ. Несмотря на относительную свободу Freistudent'овъ, нѣкоторые укоренившіеся обычаи тоже существуютъ.

Напримѣръ, «фуксы», т.-е. младшее поколѣніе студентовъ; эти фуксы по окончаніи перваго, а иногда даже и втораго семестра переименовываются въ «бурши». Обязанность первыхъ быть «на послугахъ» выбравшихъ ихъ своими фуксами буршей, подавать имъ пальто, наливать пиво, вообще оказывать услуги.

Волею-неволею пришлось и мнѣ продѣлать этотъ искусь, помня нашу поговорку: «назвался груздемъ—полѣзай въ кузовъ».

Своимъ «буршемъ» я выбралъ моего пріятеля Гейдермана, случайная встрѣча съ которымъ въ Флессингенѣ привела меня сюда въ Боннъ. Наименованіе меня въ «фуксы» произошло при особой обстановкѣ въ одномъ изъ многочисленныхъ студенческихъ кнейповъ городка. Усѣвшись за длиннымъ дубовымъ столомъ и вооружившись кружками съ пивомъ, кружокъ «свободныхъ студентовъ», къ которымъ примкнулъ и я, звонко пропѣлъ вѣчно юную пѣсню «Gaudeamus igitur», ее смѣнили шутливыя строфы, пропѣтыя только Гейдерманомъ:

Als ich schlummernd lag heut Nacht,
Lockten süsse Träume in der jugend Pracht,
Mich in ferne Raume. Krasses-Füchlein sasз ich schlank
In der Kneipe wieder, und in vollem Chore klang
Laut das Lied der Lieder: Gaudeamus...

(Сегодня ночью мнѣ снились прекрасные сны, я видѣлъ себя гдѣ-то далеко. Молодымъ фуксомъ я сидѣлъ опять въ кнейпѣ, а хоръ громко пѣлъ пѣсню пѣсней: Gaudeamus)... Тутъ хоръ дѣйствительно подхватываетъ пѣвца. По окончаніи послѣдняго куплета пѣсни, мой будущій буршь залпомъ выпилъ громадный куффель пива и оставшіяся капли вылилъ мнѣ на голову, проговоривъ:

— Съ этой минуты ты мой «фуксъ» до тѣхъ поръ, пока я тебя не окрещу въ «бурши»!

При общемъ крикѣ троекратнаго «Noch» состоялось мое посвященіе.

— Ну, теперь, Георгъ, ты долженъ выслушать всѣ правила, которыя полагаются для порядочнаго фукса; ты навѣрное ихъ не знаешь и мы тебѣ ихъ споемъ!—сказалъ Гейдерманъ и вмѣстѣ съ хоромъ запѣлъ:

«Vom Mulus mit dem langen Ohr hast du züm Schlaufuchs dich entwickelt.
«Jetzt kommst du furchtbar hoch dich vor. Ach, Gott, wie wirst du noch
Ratnickeln.

«Kommt auf die Kneipe ein A. H. trinkt oft ihm zu aus vollem Humpen
«Dann Schätzt er dich und tritt dir nah, und ist's Zeit ihn anzupumpen.

(Отъ мула съ длинными ушами произошелъ ты, хитрый фуксъ,
Теперь же ты вообразилъ себя чрезвычайно важнымъ! Боже мой, что-то еще
изъ тебя будетъ дальше.

Если въ кнейпѣ придетъ А. Г., пей съ нимъ почаще.
Онъ тебя оцѣнитъ и сблизится съ тобой, лови моментъ, чтобы занять у него).

Всѣхъ правилъ было тринадцать. Разумѣется, всѣ эти правила были чисто комическаго свойства, но нѣкоторые изъ пѣвцовъ нарочно ревѣли, чтобы показать новому фуксу всю строгость статутовъ. Студенты пришли въ экстазъ, пѣсни смѣнялись одна другой.

Это единственное, что я въ то время записалъ, и, недавно перебирая старыя бумаги, нашель эту запись.

Веселились мы до ранняго утра. Солнце уже поднялось за Рейномъ, когда я возвращался домой, поддерживаемый подъ руки новыми товарищами. Непривычка пить такъ много пива, табачный дымъ и непрерывное пѣніе подняли въ моей головѣ такой шумъ и боль, что я даже не помнилъ, какъ меня довели до моей квартиры и уложили на кровать. Ощущеніе, что я нахожусь на палубѣ плывущаго по волнамъ судна долго меня не оставляло, пока я не заснулъ тяжелымъ сномъ.

VII.

Я устроился въ небольшомъ домикѣ на окраинѣ города, около виноградника, у одной старушки-вдовы.

Вѣроятно, послѣ первой въ моей жизни дикой попойки я проспалъ бы очень долго, если бы чья-то рука, сильно дернувъ за плечо, не разбудила меня.

Я полуоткрылъ глаза и беспомощно взглянулъ на нарушителя моего покоя. У кровати стоялъ Гейдерманъ и, смѣясь, мнѣ сказалъ:

— Ты ознакомился съ правилами для фуксовъ и долженъ помнить, что фуксъ долженъ быть каждую минуту «arbeitsfähig» (работоспособенъ) по требованію своего бурша. Вставай!

Я пытался было подняться, но сейчасъ же свалился обратно на подушки.

— Не могу,—слабо прошепталъ я, дѣлая тщетное усиліе подняться вторично.

— Вижу, что не можешь,—пошутить буршъ:—кто съ непривычки вольетъ въ себя такое количество пива, какъ мы этой ночью, тотъ, несомнѣнно, получить великолѣпный Katzenjammer. На сегодняшній день я тебя освобождаю отъ твоихъ обязанностей фукса, но завтра ты не долженъ о нихъ забывать,—продолжалъ студентъ:—во всякомъ случаѣ не разлеживайся въ кровати, это хуже. Попробуй встать и выпить кружку пива.

При мысли о пивѣ мнѣ опять стало дурно.

— Ну, ну, не пѣжничай, ты не дѣвчонка!

Противъ моей воли Гейдерманъ вытащилъ меня изъ постели, заставилъ одѣться, что было для меня величайшимъ трудомъ, и мы вышли съ нимъ на улицу.

— Я хочу свести тебя въ домъ корпорантовъ «Боруссія», у нихъ очень интересно и хотя входъ свободнымъ студентамъ туда закрытъ, но я знаю ихъ президента, онъ разрѣшитъ намъ войти ненадолго.

Но въ «Боруссию» никого не было, корпоранты почти всѣ ушли, чтобы присутствовать при мензурѣ (обязательный поединокъ между студентами, оканчивающійся обыкновенно рубцами и царапинами на лицѣ).

На вопросъ моего спутника, гдѣ онъ происходитъ, намъ указали мѣсто и мы немедленно туда отправились. Теперь я не помню, гдѣ это происходило, но итти намъ пришлось недолго.

На лужайкѣ, отдѣляющей одинъ виноградникъ отъ другого, стояла цѣлая толпа студентовъ различныхъ корпорацій. Они расположились почти замкнутымъ кругомъ. Посрединѣ, стоя на одномъ колѣнѣ, толстенькій докторъ промывалъ губкою большой шрамъ на лицѣ сидѣвшаго передъ нимъ на травѣ студента.

Молодой паціентъ, весь поблѣднѣвшій отъ потери крови, держался стойчески. Рядомъ съ нимъ на травѣ валялся эскадронъ и сброшенная съ руки кожаная перчатка. Шатаясь, онъ поднялся съ помощью доктора, послѣ перевязки, уступая мѣсто слѣдующей парѣ «дѣлающихъ мензурѣ» бойцовъ.

Зрѣлище боя на эскадронахъ было для меня совершенно ново, я съ большимъ вниманіемъ наблюдалъ за дерущимися. Оба, повидимому, были опытные бойцы, они ожесточенно осыпали другъ друга тяжелыми ударами, ловко въ то же время ихъ парируя. Стальные клинки звеня отскакивали и снова сталкивались.

При обоюдномъ мастерствѣ бойцовъ можно было предположить, что побѣда останется на сторонѣ того, кто первый устанетъ и не будетъ въ состояніи отражать удары. Но крѣпкіе, здоровые бурши были далеки отъ этого. Мокрая отъ пота рубашка плотно обтянула мускулистые торсы бойцовъ.

— Хорошій ударъ!—замѣтилъ мой спутникъ, когда на плечѣ одного изъ сражающихся рубашка окрасилась кровью. Противникъ его не остался въ долгу; ловкимъ ударомъ онъ полоснулъ

по щекъ перваго, красная полоса сразу протянулась отъ уха до верхней губы... Вмѣшались товарищи, и мензура была окончена.

— Это еще благополучный исходъ,—сообщилъ мнѣ Гейдерманъ,—онъ рисковалъ потерять кончикъ носа.

— Неужели это возможно?—изумленно спросилъ я его.

— Даже очень! Если бы ты зналъ, Георгъ, профессора Куно Фишера, ты могъ бы самъ убѣдиться въ этомъ. Въ бытность его студентомъ онъ получилъ на мензурѣ громаднѣйшій шрамъ на лицѣ, къ тому же его противникъ ловкимъ ударомъ отрубилъ ему кончикъ носа!

Мнѣ только оставалось порадоваться въ душѣ, что я не принадлежу ни къ одной изъ корпорацій, такъ благосклонно относящихся къ этому отжитому средневѣковому обычаю!

— Но не скучай, мальчикъ, и между нами, свободными студентами, мензуры тоже иногда бываютъ,—утѣшилъ меня мой буршъ.

VIII.

Какъ я уже говорилъ, корпоранты относились къ намъ свысока, они считали себя за какихъ-то особенныхъ людей, стоящихъ гораздо выше остальныхъ смертныхъ, управленіе университета и профессора поддерживали ихъ заблужденіе.

Теперь, когда все это время для меня уже въ прошломъ, я понимаю, почему это такъ происходило. Профессора и другіе должностныя лица почтительно относились къ наслѣдникамъ «сильныхъ міра сего» и поддакивали ихъ мнѣнію, желаніямъ и стремленіямъ. Всѣ эти фюрсты, бароны и обычные нѣмецкіе фоны, всѣ они отлично понимали податливость, обнаруживаемую къ нимъ администраціей университета, якобы ради вѣковыхъ традицій, благосклонно смотрящей на всѣ эти мензуры и прочіе атрибуты средневѣковой жизни.

Послѣ прослушанныхъ лекцій новый день снова былъ для меня чреватъ послѣдствіями. Нѣмецкая студенческая жизнь черезчуръ требовательна, товарищество играетъ въ немъ большую роль. Новый кутежъ вечеромъ въ пивной грозитъ приучить меня, почти ничего не пьющаго, сдѣлаться ярымъ послѣдователемъ бога Гамбринуса. Организмъ сталъ привыкать къ напиткамъ изъ солода и хмеля, сегодня я не чувствовалъ себя такъ плохо, какъ вчера.

Не скажу, чтобы было что-нибудь новое... Пѣніе студенческихъ пѣсенъ, безконечно восхваляющихъ Vaterland, Рейнь, hübsche Mädels и само пиво, мало юмористическіе анекдоты, рассказы безъ крошки аттической соли и непрерывное истребленіе пива, точно мы взяли подрядъ опустошить всѣ пивоварни Германіи.

Чуть ли не ежедневныя попойки въ пивной, къ которымъ я наконецъ привыкъ, не мѣшали мнѣ усердно посѣщать всѣ записанныя

за мною лекціи. Скажу болѣе, я не дѣлалъ различія между ними и даже посѣщалъ аудиторію, когда въ ней гудѣлъ мягкій басокъ Клаузіуса, извѣстнаго между студентами за отчаяннаго «рыболова слушателей».

Лекціи сребролюбиваго ученаго заинтересовали меня, профессоръ дѣйствительно хорошо зналъ свой предметъ и умѣлъ интересно его передать. Сознаюсь, что, только благодаря этимъ лекціямъ, я получилъ болѣе правильный, болѣе ясный взглядъ на природу.

Несмотря на то, что семестръ двигался на вторую половину, ни коммершей, ни факелцуговъ еще не происходило. Не было причинъ для нихъ, никто изъ профессоровъ не покидалъ стѣнъ нашего университета. Справлять юбилей кому-нибудь изъ нихъ тоже не приходилось. Студенты, избалованные этими коммершами, любившіе говорить при любомъ случаѣ длинныя напыщенныя рѣчи, скучали, завзятые говоруны, готовые изливать перлы своего краснорѣчія хотя бы самому Рейну, не знали, что такое придумать, найти причину придаться къ чему-нибудь и устроить факелцугъ, а затѣмъ грандіозный коммершъ.

Въ Боннѣ случайно заѣхалъ проѣздомъ знаменитый химикъ Гельмгольцъ, профессоръ гейдельбергскаго университета.

— Онъ попалъ сюда кстати, — сказалъ мнѣ Грахамъ Жиро, американецъ, учившійся въ университетѣ въ Боннѣ: — мы устроимъ ему грандіозный коммершъ.

Томившіеся безъ празднествъ студенты дѣйствительно устроили блестящій коммершъ въ честь знаменитаго ученаго.

Говорилась масса рѣчей, вылетѣли миллионы словъ, ненужныхъ совершенно никому.

Можетъ быть, это чествованіе закончилось бы вполне благолучно, если бы ученый, разошедшійся подъ конецъ отъ выпитаго пива, не повторилъ бы въ шутливой формѣ рѣчи своего коллеги по Гейдельбергу, профессора Трейшке. Послѣдній, рассказывая въ своей лекціи о славянскихъ державахъ, употребилъ слѣдующее выраженіе: «...und die andere Schweintreibende Nationen!» (Т.-е. и другія «свинскія» націи).

Если въ гейдельбергскомъ университетѣ послѣ этихъ словъ разыгрался громадный скандалъ, то и у насъ на коммершѣ послышался зловѣщій «штъ».

Какъ тамъ, такъ и здѣсь, нѣсколько студентовъ-славянъ горячо протестовали противъ двусмысленнаго выраженія Трейшке. Слишкомъ ужъ грубо звучало въ нихъ презрѣніе ко всѣмъ славянамъ. «Шипъ» былъ сейчасъ же заглушенъ громогласными криками «Hoch», но «gemüthliche Stimmung» (добродушное настроеніе) вечера уже вспорхнуло, старый ученый во-время замѣтилъ это и послѣшилъ ретироваться домой. Празднество вышло не изъ удачныхъ, и на другой день заѣзжій гость уѣхалъ изъ Бонна,

IX.

Прошелъ июнь. Июль былъ уже на половину, занятія шли обычнымъ шагомъ, я попрежнему не терялъ времени и работалъ очень старательно, чтобы облегчить себѣ работу зимняго семестра. Иначе поступать я не могъ, чувствовалъ себя значительно отставшимъ и хотѣлъ во что бы то ни стало итти съ другими наравнѣ. Для успѣшности работы я частенько пропускалъ вечернія собранія въ пивной и цѣлыми днями долбилъ; мой бурштъ сердился на это, повторяя массу поговорокъ, относившихся къ моему «малодушному» возрѣнію. Онъ видѣлъ, что я попрежнему стремился побороть, возможно скорѣе, подводные камни и мели незнакомаго мнѣ университетскаго курса.

Изъ товарищей, кромѣ Гейдермана, я сошелся еще съ Брукеромъ. Чрезвычайно корректный юноша, онъ отличался замѣчательною привѣтливостью и не раздѣлялъ обособленныхъ взглядовъ своихъ корпорантовъ. Мы познакомились съ нимъ совсѣмъ случайно на фехтовальномъ урокѣ.

Старый испытанный экзерціенъ-мейстеръ Эрикъ Гейне громкимъ голосомъ командовалъ:

— Квартъ! Терцъ!—поражая эскадрономъ въ то же время воображаемаго противника.

Молодые студіозусы, къ числу которыхъ принадлежалъ и я, внимательно слѣдили за опытными ударами Гейне.

Я стоялъ въ парѣ съ Брукеромъ и не спускалъ глазъ съ учителя. Неожиданный ударъ клинка по маскѣ, неправильно нанесенный, заставилъ меня вздрогнуть, одновременно я ощутилъ боль въ правомъ ухѣ и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на моего противника.

Послѣдній, замѣтивъ кровь на моей маскѣ, поднявъ вверхъ клинокъ, подошелъ ко мнѣ и извинился за свой неловкій ударъ. Я охотно извинилъ ему его неосторожность, снялъ маску, отеръ платкомъ окровавленное ухо, и упражненіе продолжалось.

Этотъ случай невольно сблизилъ меня съ Альфредомъ, мнѣ понравился его открытый характеръ, отсутствіе лжи въ его словахъ. Я очень цѣнилъ и цѣню до сихъ поръ людей, готовыхъ всегда сознать свою вину или ошибку, что теперь очень рѣдко случается, когда каждый старается воспользоваться преимуществомъ своего положенія и ради этого идетъ на разные компромиссы.

Съ новымъ моимъ пріятелемъ мы совершали далекія прогулки вдоль Рейна и въ горы.

Я упомянулъ здѣсь Брукера, такъ какъ онъ все время вмѣстѣ со мною оставался въ университетѣ. Лѣто приходило къ концу, заканчивался лѣтній семестръ, продолжающійся обыкновенно послѣ Пасхи до августа.

Послѣ полуторамѣсячнаго перерыва съ половины октября долженъ былъ начаться зимній семестръ, болѣе серьезный, чѣмъ предыдущій. Я не предполагалъ возвращаться на время вакацій домой въ Россію, предпочитая познакомиться за это время со страной, куда такъ странно меня забросила судьба.

Я скоро отыскалъ себѣ компаньона для этого путешествія въ лицѣ студента-американца изъ Нью-Йорка Грахама, желавшаго тоже посмотрѣть Германію. По окончаніи лѣтняго семестра мы съ нимъ и отправились.

Х.

Описывать наше путешествіе не входитъ въ программу этихъ записокъ, да оно представляетъ чисто личный интересъ. Скажу только, что послѣ непрерывнаго передвиженія различными способами по странѣ тевтоновъ мы черезъ мѣсяць вернулись въ старый Боннъ загорѣлые, усталые отъ прогулки, но чрезвычайно довольные ею. Гейдерманъ еще не вернулся изъ родного Штеттина, но большинство товарищей уже было въ сборѣ, кое-кто изъ нихъ вовсе не покидалъ городка.

Число иностранцевъ въ университетѣ увеличилось, я познакомился съ новымъ студентомъ, англичаниномъ изъ Норфолька, Биньолемъ, большимъ любителемъ бокса.

Не знаю, почему я до сихъ поръ не сходилъ съ русскими товарищами, но, вѣроятно, причина этому была, что всѣ они слушали Юга, а я былъ на филологическомъ факультетѣ. Только теперь я узналъ, что въ университетѣ имѣются нѣсколько земляковъ, тоже «свободныхъ студентовъ». Одинъ изъ нихъ былъ изъ Перми, нѣкто К., онъ изучалъ химію; другой, изъ Полтавы, былъ занятъ политико-экономическими вопросами, но оба они мало сходились съ главнымъ элементомъ университета—нѣмецкими студентами—и, видимо, сторонились жизни буршей съ ея частыми попойками.

— Знаешь, Георгъ, большую новость?—спросилъ меня Брукеръ.

— Какую?

— На дняхъ къ намъ въ университетъ поступаетъ новый студентъ...

— Нашелъ сказать новость,—перебилъ я его:—мало ли поступило и поступаетъ новыхъ студентовъ, всѣхъ не отмѣтишь!

— Да это особенный!

— Престарѣлый иностранный ученый, рѣшившійся извѣдать вкусъ нѣмецкой науки!

— Вовсе нѣтъ, это одно высокопоставленное лицо, принцъ...

— И ихъ немало среди корпорантовъ! Германія богата принцами и ихъ родителями, малоземельными герцогами...

— Ну, у отца этого немало владѣній, — усмѣхнувшись, замѣтилъ Брукеръ.

— Кто же такой, наконецъ?—спросилъ я его; мое любопытство было подстрекнуто.—Принцъ Баденскій?

— Онъ проходитъ курсъ въ Гейдельбергѣ!

— Принцъ фонъ-Нассау?

— Тоже нѣтъ!

— Кто-нибудь изъ саксонской фамиліи?

— Да нѣтъ же, бери выше...

И прежде, чѣмъ я могъ придумать, кто бы это могъ быть, Брукеръ торжествующе выпалилъ:

— Фридрихъ-Вильгельмъ, принцъ прусскій.

— Какъ! Сынъ германскаго наслѣднаго принца! Неужели это правда?

— Разумѣется, правда! Объ этомъ знаетъ весь Боннъ и готовится къ торжественной встрѣчѣ будущаго высокаго студента.

Я едва могъ вѣрить его словамъ; до сихъ поръ не было примѣра, чтобы будущій наслѣдникъ престола и императоръ явился въ университетъ, чтобы проходить курсъ вмѣстѣ съ другими студентами. Что возможно было для другихъ принцевъ, то не годилось для старшаго въ родѣ Гогенцоллерновъ.

— Кромѣ того, это желаніе кронпринца, его отца, самъ старикъ Вильгельмъ одобрилъ этотъ планъ,—разрѣшилъ мое недоумѣніе Брукеръ.

Я бросился въ университетъ, чтобы подробно обо всемъ разспросить и узнать день пріѣзда будущаго «высокаго» коллеги. На всѣ мои вопросы отвѣтилъ педантичный до мелочи оберъ-педелъ (ими его я уже позабылъ). Вся коренастая фигура бывшаго военнаго была пропитана какою-то особенною торжественностью; казалось, поступленіе въ число студентовъ будущаго германскаго императора придало оберъ-педелю невидимыя крылья.

— Его высочество принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ фонъ-Прейсенъ имѣетъ прибыть въ городъ Боннъ 20 октября сего года,—отчеканилъ онъ мнѣ и сверкнулъ глазами, точно желая сказать: «вотъ каковы мы, боннцы, такая особа будетъ заниматься въ нашемъ университетѣ».

— Гдѣ же будетъ жить принцъ?—снова спросилъ я.

— Его высочество будетъ имѣть пребываніе во дворцѣ,—тѣмъ же лаконическимъ тономъ сообщилъ мнѣ оберъ-педелъ.

— Профессора готовятъ ему встрѣчу?

— Весь университетскій сенатъ съ коллегіумомъ будутъ имѣть честь привѣтствовать его высочество на пароходной пристани.

«Вотъ какъ, значитъ, принцъ прибудетъ по Рейну», подумалъ я и по русской привычкѣ далъ оберъ-педелю марку на чай.

— Danke schön!—вышелъ немного изъ своей официальнойности служака:—желаетъ г. студентъ имѣть еще какія-нибудь свѣдѣнія?

Но отъ дальнѣйшихъ разспрашиваній я уклонился.

Теперь для меня уже не было сомнѣній, что сынъ наслѣднаго принца явится въ Боннѣ для занятій.

XI.

Боже мой, какъ принарядился древній городокъ для встрѣчи принца! Всѣ улицы утопали во флагахъ и цвѣточныхъ гирляндахъ. Для этого опустошили всѣ оранжереи не только Бонна, но и сосѣдняго Кельна; конецъ октября въ этой полосѣ Германіи хотя и не суровъ, но все-таки цвѣты въ садахъ на открытомъ воздухѣ отцвѣтали, холодныя ночи заставили повянуть ихъ роскошныя головки. Оркестръ музыки и пѣвческіе хоры корпорацій усиленно репетировали различные Stänchen, гимны и привѣтственные пѣсни.

Мои товарищи, свободные студенты, цѣлыми днями ревѣли:

Horch, Sturmesflügel rauschen,
Die deutschen Eichenlauschen
Blinkender Schläger Klang
Mischt sich dem Chorgesang! Hurrah!

(Слушай шумъ порывовъ бури,
Это шумятъ нѣмецкіе дубы,
Сверкающій звонъ меча
Сливается съ хоровымъ пѣніемъ!)

Корпоранты «Ренаніи», надѣявшіеся почему-то, что принцъ вступить къ нимъ въ сочлены, приготовили пѣсню:

Auf, Brüder, laszt uns lustig leben, vivalleralla,
Auf das ganze Haus, mach beben, vivalleralla!

(Братья! пусть жизнь мчится весело,
Пусть дрожить весь домъ до основанія. Виваллералла!)

«Гестфальцы» тоже не терявшіе этой надежды, репетировали что-то другое.

Но надъ всѣми ими висѣла мелодія «Wacht am Rhein» и «Gaudemus».

Объ эти пѣсни были альфа и омега всего музыкальнаго торжества, готовившагося для принца.

Не могу сказать, чтобы студенты иностранцы игнорировали прибытіе въ среду студентовъ высокаго товарища. Всѣхъ очень интересовало, какъ будетъ онъ вести себя относительно товарищей.

Большинство изъ принцевъ, учившихся въ университетѣ Бонна и Гейдельберга, хотя и слушали лекціи вмѣстѣ съ остальными сту-

дентами, но держали себя недотрогами и общались только съ молодежью своего круга.

— Я увѣренъ, что и этотъ таковъ же, — съ усмѣшкой замѣтилъ мнѣ Гейдерманъ, только что вернувшійся изъ дому: — всѣ они, великіе люди, на одинъ покрой!

Въ коллегіи профессоровъ шли совѣщанія, какъ устроить въ университетѣ новаго студента: отвести ли ему отдѣльныя комнаты для занятій съ профессорами, или же онъ будетъ проходить курсъ въ общей аудиторіи? Д-ръ Фердинандъ Вальтеръ, сеньеръ der Spruch-collegia (устной коллегіи), настаивалъ на первомъ, но временный ректоръ д-ръ Мангольдъ, директоръ евангелическо-теологическаго факультета, говорилъ, что молодому принцу, какъ будущему властителю страны, необходимо ближе стоять къ народу, предполагая его въ настоящее время — студентами. Нѣмецкіе ученые любятъ и умѣютъ спорить; несомнѣнно, этотъ вопросъ затянулся бы надолго, если бы другой старикъ, Кекулэ, не разрѣшилъ его простымъ предложеніемъ:

— Предоставимъ это рѣшать самому принцу, какъ онъ найдетъ лучшимъ.

— Нашъ уважаемый коллега придумалъ великолѣпный исходъ, — согласился директоръ Безелеръ, и споръ двухъ ученыхъ рѣшился ничѣмъ.

До прибытія въ Боннъ высокаго студента оставалось два дня, они прошли въ необыкновенномъ волненіи.

Хотя зимній семестръ 1877 года уже начался, но занятія не могли итти правильно; ожидаемое прибытіе принца выбило всѣхъ, коллегіумъ профессоровъ и студентовъ, изъ колеи.

Мы, трое иностранцевъ: Грахамъ, Биньоль и я (Гейдерманъ участвовалъ, какъ вѣрноподанный нѣмецъ, въ самой встрѣчѣ), рѣшили пойти на берегъ Рейна, чтобы въ числѣ простыхъ зрителей посмотрѣть прибытіе принца; ни въ какихъ торжественныхъ встрѣчахъ мы не участвовали.

Пароходъ долженъ былъ прибыть послѣ полудня, но любопытные боннцы, а въ особенности боннки, по любопытству прямая правнучки Евы, пестрой живой лентой окаймили берегъ Рейна задолго до этого часа.

Въ своемъ вѣрноподданническомъ усердіи не опоздалъ и бургомистръ; еще за часъ до прибытія принца онъ торчалъ на пристани, запахивая полы, поднимаемая свѣжимъ вѣтромъ. Бургомистръ бережно держался за кармакъ, изъ котораго торчалъ громадный свертокъ пергамента съ написаннымъ на немъ привѣтственнымъ адресомъ.

Нужно отдать честь университетскому начальству, оно не топилося прибыть на пристань для встрѣчи, точно желая этимъ выразить, что хотя принцъ и высокопоставленное лицо, но онъ все-

таки ѣдетъ сюда, чтобы учиться, воспринять знанія, ergo: онъ студентъ и, какъ таковой, подчиненъ имъ...

Часъ прїѣзда приближался, народу все прибывало и прибывало. Музыканты мѣдныхъ хоровъ пытливо попискивали инструментами, желая убѣдиться, не спустился ли строй, а тенора въ хорахъ дѣлали рудады, чтобы прочистить голоса, охришіе отъ постоянного истребленія пива.

ХІІ.

Наконецъ вдали на рѣкѣ показался желанный пароходъ, толпа насторожилась и терпѣливо ждала, когда онъ пристанетъ къ пристани.

Крутой заворотъ, и бортъ парохода плотно прилежъ къ ея деревянному настилу...

Сразу зазвенѣла мѣдь оркестровъ, зазѣли хоры, и по мосткамъ быстро сбѣжалъ на пристань довольно высокій, стройный молодой человекъ; лѣвая рука его была засунута въ карманъ венгерки.

Привѣтливо раскланиваясь съ публикой, принцъ остановился передъ бургомистромъ, начавшимъ читать привѣтствіе отъ города Бонна.

Старикъ очень волновался и трепещущимъ голосомъ, заикаясь, прочелъ его.

Въ немъ было все, коль не было обмана...

И внукъ обожаемаго монарха, и доблесть объединенной Германіи, и завѣты предковъ, и Рейнъ (съ золотомъ Рейна!), кажется, даже Нибелунги и т. д. Во всякомъ случаѣ рѣчь была продолжительна.

Живой, нервно настроенный принцъ выслушалъ ее внимательно, природный тактъ высокопоставленныхъ лицъ сказался при этомъ. Нѣсколько словъ благодарности были отвѣтомъ на рѣчь бургомистра, и, быстро пожавъ ему руку, молодой человекъ направился къ выходу съ пристани.

Привѣтствіе профессорскаго коллегіума было краткое, болѣе пространное должно было произойти въ стѣнахъ университета, куда принцъ прибывалъ позже.

Снова загудѣли хоры. Студенты старались во-всю, они желали встрѣтить своего новаго товарища возможно торжественнѣе.

Что сказалъ будущій императоръ ихъ президіуму, я не знаю, такъ какъ стоялъ довольно далеко отъ нихъ, но замѣтилъ, что изъ всѣхъ этихъ грудей, перетянутыхъ сине-бѣлыми, зелено-черно-бѣлыми, оранже-бѣло-черными и другими пестрыми лентами, загремѣло оглушительное «Hoch», а музыканты вмѣстѣ съ пѣвцами заиграли и зазѣли.

Минуту-другую принцъ съ довольнымъ лицомъ прослушалъ гимнъ, затѣмъ раскланялся снова со всѣми, сѣлъ въ ожидавшій его экипажъ и вмѣстѣ съ сопровождавшимъ его адъютантомъ отправился не во дворецъ, какъ предполагали, но по Кобленцской улицѣ, по направленію къ виноградникамъ, принадлежащимъ принцу Шаумбургъ-Липпе.

— Куда это онъ поѣхалъ?— раздавались изумленные восклицанія среди толпы. Недоумѣніе было скоро разъяснено: вновь прибывшій принцъ отправился въ такъ называемый «Винный домикъ», построенный принцемъ Шаумбургомъ для себя. Домикъ этотъ живописно расположился на холмѣ среди виноградниковъ.

Въ немъ было все приготовлено для пребыванія принца Фридриха-Вильгельма во время его занятій въ боннскомъ университетѣ. Старый дворецъ не пришелся по вкусу будущему императору, онъ предпочелъ ему небольшое помѣщеніе въ «винномъ домикѣ» своего родственника.

Торжественный приемъ новаго студента въ университетѣ долженъ былъ состояться только завтра утромъ, объ этомъ былъ увѣдомленъ коллегіумъ профессоровъ.

Я нарочно зашелъ въ канцелярію къ секретарю Келеру, чтобы разузнать о часѣ приема, и шутливо ему замѣтилъ:

— Какъ вы думаете, предложить ли принцу профессоръ Клаузіусъ записаться на его лекціи?

Тяжелодумъ Келеръ не сразу понялъ мою иронію и наивно мнѣ отвѣтилъ:

— О, это зависитъ не отъ гг. профессоровъ, рѣшаетъ самъ принцъ и его бывшій наставникъ... но я думаю, что естественное чрезвычайно полезно для каждаго, тѣмъ болѣе для принца, и не внесетъ беспорядка въ общую систему его образованія.

Не помню, удалось ли сребролюбивому профессору залучить къ себѣ высокаго студіозуса, но въ общей аудиторіи у Клаузіуса я съ нимъ не встрѣчался.

XIII

24 октября 1877 года принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ былъ имматрикулированъ и получилъ официальное званіе *Studiosus juris*. Съ этого же дня онъ аккуратно сталъ посѣщать общія лекціи; только нѣкоторыя изъ нихъ по юриспруденціи онъ слушалъ отдѣльно отъ другихъ студентовъ въ небольшой комнатѣ, имѣющей выходъ прямо на большую лѣстницу.

На занятія Вильгельмъ являлся, какъ и другіе студенты, *mit der Mappe* (съ записной книгой) и усердно записывалъ все, что казалось ему неяснымъ или непонятымъ.

Не всегда, но часто съ нимъ приходилъ его адъютантъ (это было желаніе стараго Вильгельма, его дѣда, какъ я узналъ послѣ).

Послѣ лекціи онъ возвращался домой обыкновенно пѣшкомъ по Кобленцской улицѣ, въ дождливую погоду экипажъ ожидалъ его во дворѣ у университетской колоннады. Иногда заходилъ онъ въ книжный магазинъ Am Hof—узкой улицѣ противъ самаго зданія университета. Магазинъ этотъ принадлежалъ и принадлежитъ до сихъ поръ стариннѣйшей боннской фирмѣ Рершейдъ, постоянной поставщицѣ университета.

Какъ-то разъ, зайдя въ магазинъ, я засталъ тамъ принца. Онъ рылся въ старыхъ книгахъ. Рершейдъ славился также, какъ антикварій.

При входѣ моемъ въ магазинъ Вильгельмъ оторвался на минуту отъ книгъ, поднялъ голову и кивнулъ мнѣ.

— Коллега, кажется?—коротко спросилъ онъ меня.

— Точно такъ, ваше высочество, только по другому факультету,—немного смутившись, отвѣтилъ я.

— Математика?—послѣдовалъ его новый вопросъ.

— Филологія...

Взглядъ будущаго владыки оживился.

— Знать исторію, слѣдить за ея развитіемъ, но только серьезно, сознательно—это значитъ обладать большимъ сокровищемъ!—замѣтилъ онъ и снова погрузился въ разсматриваніе заинтересовавшихъ его книгъ.

Частенько въ хорошую погоду Вильгельмъ выбиралъ для своихъ прогулокъ тѣнистую Попельскую аллею, ведущую къ замку, иногда можно было его видѣть здѣсь и верхомъ. Старые каштаны долго въ эту осень не сбрасывали своего лѣтняго убора, хотя вся аллея была усыпана опавшими листьями и подковы лошади принца глухо постукивали по ней.

Надежда обѣихъ корпорацій, Ренаніи и Гуэстфалии, не сбылась, Вильгельмъ вступилъ въ Боруссію и въ первый же день надѣлъ черезъ грудь корпораціонную ленту, состоявшую изъ трехъ полосъ: черной, бѣлой и черной.

Корпоранты Боруссіи были польщены выборомъ будущаго влителя Германіи и восторженно привѣтствовали его вступленіе, отпраздновавъ его оживленнымъ коммершемъ, на которомъ присутствовалъ самъ принцъ, не отставая отъ новыхъ своихъ сокорпорантовъ въ питьѣ пива и пѣніи. Но что возможно простить смертнымъ—не годится для принцевъ, и съ послѣднимъ ударомъ полночи Вильгельмъ покинулъ корпораціонный кнейпъ. Къ сожалѣнію, я не могу припомнить названіе этой пивной.

Не всѣ студенты одного съ нимъ факультета состояли въ Боруссіи, они, въ свою очередь, хотѣли, какъ и остальные «свободные студенты», отпраздновать поступленіе въ нашъ университетъ високаго товарища, но, чтобы устроить новый общій коммершъ, нужно было спросить самого Вильгельма, согласенъ ли онъ принять

въ немъ участіе, безъ него подобное торжество не представляло интереса.

Нужно было выбрать изъ среды студентовъ депутатовъ для этого.

Депутація была скоро выбрана и, заручившись согласіемъ Вильгельма присутствовать на общемъ коммершѣ, отправились къ профессорамъ, чтобы пригласить и ихъ. Объ отказѣ послѣднихъ не могло быть и рѣчи.

Горделивое отношеніе корпоративныхъ студентовъ къ намъ, «свободнымъ», затрудняло вопросъ. Кто знаетъ, согласятся ли они на совмѣстный коммершъ, не вышла бы изъ этого серьезная непріятность и вмѣсто дружески проведеннаго вечера не завершился бы онъ нежелаемымъ скандаломъ и непріятностями, что могло уронить въ глазахъ принца весь престижъ университета и выказать несогласіе между студентами.

Немало труда стояло, чтобы все умиротворить и привести въ порядокъ. Мой буршъ, Гейдерманъ, забросалъ меня порученіями, которыя я долженъ былъ безпрекословно исполнять, какъ фуксъ, согласно университетской этикѣ.

Найти кнейшъ, въ которомъ можно было собрать всѣхъ студентовъ, профессоровъ, въ Боннѣ было нелегкимъ дѣломъ. Я не помню сейчасъ, гдѣ происходилъ этотъ исключительный коммершъ, во всякомъ случаѣ только не въ одной изъ пивныхъ города.

Еще заранѣе студенты разукрасили громадный залъ вѣтвями, флагами и цвѣтными лентами различныхъ корпорацій, Разумѣется, преимущество было отдано Боруэссіи, какъ корпораціи, къ которой принадлежалъ самъ виновникъ торжества.

Снова начались торопливыя спѣвки студенческихъ хоровъ, сыгрывались оркестры. Лекціи, хотя и посѣщались попрежнему аккуратно, но какъ учащіяся, такъ равно и профессора, нѣтъ, нѣтъ да и начнутъ разговоръ о предстоящемъ коммершѣ. Свободные студенты тоже принимали въ устройствѣ его большое участіе, корпоранты «милостиво» это имъ разрѣшили.

Раньше самаго празднества въ залѣ долженъ былъ состояться грандіознѣйшій факелцугъ, предполагалось растянуть его отъ университета до самаго «виннаго домика», гдѣ жилъ Вильгельмъ.

Согласно выработанной программѣ, выбранные сеньоры (т.-е. старшіе) изъ всѣхъ корпорацій должны были послѣ серенады войти въ покои принца и отъ имени студентовъ пригласить его на товарищескій коммершъ. Въ числѣ этихъ избранныхъ оказался и Викторъ Гейдерманъ, находившійся въ университетѣ уже нѣсколько семестровъ.

Сеньоры, завѣдывавшіе угощеніемъ, состоявшимъ исключительно изъ пива, по стариннымъ традиціямъ коммершей, выписали его со всѣхъ концовъ Германіи и Богеміи. Мнѣ говорили, что

разнообразіе этого напитка удалось довести до тридцати различныхъ сортовъ. Боченки съ нимъ спѣшно перевозились въ «локаль», слѣдить за ихъ перевозкой было возложено на фуксовъ. Озабоченно посматривали студенты на хмурившееся за послѣдніе дни небо, ихъ пугалъ дождь, онъ могъ очень повредить факелцугу, всѣ картинные костюмы нѣмецкихъ студіозусовъ оказались бы въ жалкомъ состояніи, и настоящаго веселья, на которое они такъ рассчитывали, не было бы.

XIV.

Наступилъ наконецъ знаменательный день. Педантичные профессора не пожелали отмѣнить и на этотъ разъ лекцій.

Нужно сказать, что аудиторіи представляли сегодня аравійскую пустыню, жалкими оазисами являлись три-четыре студента, не думавшіе ни о чемъ другомъ, какъ о скорѣйшемъ усвоеніи знаній и сдачѣ экзаменовъ; землетрясеніе, потопъ, кажется, не помѣшали бы имъ явиться въ университетъ и высидѣть положенное число времени. Даже поощрявшій такое исключительное прилежаніе оберъ-педель и тотъ былъ недоволенъ ихъ появленіемъ въ зданіи университета и ворчливо замѣтилъ одному изъ нихъ:

— *Zu fleissig!* (Слишкомъ много прилежанія)!

Его мечта была освободиться сегодня пораньше отъ своихъ занятій и отправиться пить въ «локаль» пиво за счетъ студентовъ.

А небо продолжало попрежнему хмуриться, на появленіе солнца, этого непремѣннаго посѣтителя маленькаго городка, кажется, не было никакой надежды, но, вѣроятно, студіозусы умолили своего бога Гамбринуса, которому они готовили такую громадную гекатомбу пивныхъ бочекъ, что толстобрюхій богъ сжалился надъ своими вѣрными сынами и сурово приказалъ мирно славшему въ Валгаллѣ дневному свѣтилу отправиться исправлять свою обычную службу.

Послѣ полудня солнце властно прорвало темную завѣсу мрачныхъ тучъ и выглянуло, все свѣтящееся, ласковое, трепетное...

— Факелцугъ у насъ состоится!—сказали въ одинъ голосъ обрадованные студенты, горожане, а въ особенности молоденькія фрейлейнъ и фрау, не упускавшія случая полюбоваться стройными юношами въ ихъ фантастическихъ корпоративныхъ костюмахъ, лосинахъ на ногахъ, ухарски сдвинутыхъ на бокъ разноцвѣтныхъ шапочкахъ и съ громадными эскадронами на боку.

Не одна Мнихенъ или Линхенъ съ глубоко затаенной мечтой вздохнетъ и кокетливо улыбнется откормленному буршу, дефилирующему передъ ней со своими товарищами.

Не студентъ, а картина!

Во всякомъ случаѣ, къ семи часамъ факелцугъ былъ налаженъ, факелы приготовлены, пѣвцы и оркестры выдвинуты впередъ, ожидали только сигнала сеньоровъ, чтобы запалить факелы и при звукахъ веселой музыки двинутся стройнымъ кортежомъ по Кобленцской улицѣ, къ «винному» домику.

Экзерциенъ-мейстеръ, Эрихъ Гейне, суетился чуть ли не болѣе всѣхъ насъ, онъ придумалъ устроить для лицезрѣнія высокаго студента примѣрныя мензуры и упражненія, для чего выбралъ своихъ лучшихъ учениковъ. Все было предусмотрено заранѣе, никакой опасности эти импровизированные бои не представляли.

— Brüder, seid ihr fertig? (Братья, вы готовы?)—раздался голосъ предводителя сеньоровъ.

— О, ja!—какъ листья прошелестѣли тысячи голосовъ.

— Vorwärts! (Впередъ!)—скомандовалъ онъ, и кортежъ съ зажженными факелами тронулся по Кобленцской улицѣ.

XV.

Вечеръ стоялъ восхитительный, сухой, хотя немного свѣжій. Я, какъ не принадлежащій ни къ какой корпораціи, шелъ въ толпѣ товарищей, «свободныхъ студентовъ», хотя тоже съ факеломъ въ рукѣ.

Около меня шелъ другой русскій, нѣкто В. К., только что имма-трикулированный и принятый кѣмъ-то изъ буршей къ себѣ въ фуксы. Мы разговаривали по-русски, не понимавшіе насъ товарищи шутили надъ нами, въ то время отношенія къ русскимъ были совсѣмъ инныя, чѣмъ теперь; въ нихъ видѣли людей, желавшихъ дѣйствительно учиться, теперь смотрятъ на прибывшаго изъ Россіи студента совсѣмъ иначе и сторонятся его.

Необыкновенное зрѣлище заинтересовало меня, оно очень фантастично и красиво. Ничего подобнаго я никогда не видѣлъ въ Россіи. Дойдя до жилища принца, кортежъ остановился и красиво раскинулся по аллеѣ. Все произошло по программѣ. Сеньоры, вернувшись изъ домика, громко объявили товарищамъ:

— Его высочество, нашъ высокій товарищъ, принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ Прусскій, принимаетъ наше приглашеніе на коммершъ и желаетъ выслушать оренаду.

Бурши затянули:

«Ein lustiger Musikante marschirt ein am Nil.

O tempora, o mores!

Da kroch wohl aus dem wasser ein grosser Krokodil.

Das wollt ihn gar verschlucken wer weiss, wie da geschah!

Jüchheirassasa!

Gelobet seist du jederzeit Frau Musika».

(Веселый музыкантъ гулялъ вдоль Нила,
 Какъ вдругъ изъ воды вынырнулъ громадный крокодилъ,
 Онъ готовъ былъ проглотить музыканта, кто знаетъ, что могло случится.
 Юххей-ра-сса-са!
 Да здравствуетъ пусть постоянно музыка).

Вильгельмъ вышелъ, привѣтливо поздоровался со студентами, внимательно выслушалъ пѣсню и, весело кивнувъ головой, громко сказалъ:

— Благодарю васъ, братья.

Обычное «хохъ» было ему отвѣтомъ, молодежь была чрезвычайно довольна тѣмъ, что принцъ назвалъ ихъ общепринятымъ студенческимъ наименованіемъ «братья».

Вильгельмъ былъ одѣтъ въ корпоративный костюмъ, его лѣвая рука, плохо дѣйствующая еще со дня его рожденія, была заткнута за бортъ. Принцъ ловко умѣлъ скрывать свой недостатокъ.

Сеньоры подошли къ нему, онъ весело съ ними разговаривалъ, постоянный адъютантъ принца, не помню его имени, велъ разговоръ въ другомъ кружкѣ студентовъ. Не ожидая новаго приглашенія Вильгельма пропѣть, хоръ снова запѣлъ, и на этотъ разъ опять шутовскую пѣсню:

«Ach das Exmatrikulieren ist ein böses Ding! ja, ja.
 Mich befällt ein leises Frieren, denck ich der Examina!»

(Ахъ какъ страшно кончать курсъ.
 При мысли объ экзаменахъ меня морозитъ!..)

На Мюнстерѣ звонко пробило девять, предсѣдатель сеньоровъ засуетился.

— Пора за столъ, братья, время насладиться дарами Гамбринуса!

Ни одинъ голосъ не сталъ спорить противъ этого предложенія, и факелцугъ въ изумительномъ порядкѣ двинулся обратно въ городъ, сопровождаемый толпами любопытныхъ горожанъ и горожанокъ.

Вышла луна и яркими лучами озарила это необычайное зрѣлище.

Въ концѣ шествія, окруженный сеньорами, шель и будущій императоръ, видимо, довольный тѣмъ почетомъ, который оказывали ему его товарищи.

Въ промежутокъ пѣнія и музыки слышались шутки, смѣхъ, кто-то даже цѣловался.

— Brüder, kein Unsinn, nur lustig und fidel! (Братья, безъ глупостей. Оставайтесь только веселыми и дружными!)—послышалось шутовское замѣчаніе Вильгельма, чуткій слухъ котораго уловилъ звукъ поцѣлуевъ.

Сконфуженная его замѣчаніемъ молодежь немедленно прекратила поцѣлуи съ хорошенькими горожанками, пользовавшимся случаемъ поцѣловаться съ красивыми корпорантами.

Вся дорога до «локаля» промелькнула быстро.

— Здѣсь!—сообщилъ вожакъ-сеньоръ о достиженіи цѣли.

Въ послѣдній разъ прозвенѣлъ мѣдный хоръ, была спѣла шутивая «Eintrittslied» (вступительная пѣснь), факелы были потушены и отвратительно воняли.

Начался коммершъ.

XVI.

Громадный залъ, занятый для этого торжественнаго случая, красиво убранный, былъ переполненъ народомъ до послѣднихъ предѣловъ. Сейчасъ же заструилось по столамъ пиво, боченки быстро опустошались, но запасъ ихъ былъ великъ. Опасаться, что Bierquelle (пивной источникъ) изсякнетъ, не было основанія.

Первымъ началъ говорить самъ д-ръ Безелеръ. Вотъ что онъ сказалъ:

— Wir haben die Ehre diesen Abend mit dem Prinzen zu zubringen, in dessen Adern das wahre Blut des Hohenzollern fließt! (Мы сегодня имѣемъ исключительную честь провести сегодняшній вечеръ съ принцемъ, въ жилахъ котораго течетъ настоящая кровь Гогенцоллерновъ...).

Рѣчь его была прервана оглушительнымъ «хохъ»! Безелеръ поправилъ очки, сползавшія у него съ носа, и спокойно продолжалъ ее. Чего, чего тутъ не было сказано, всѣ цвѣты чисто-нѣмецкой, многорѣчивой элоквенціи соединились вмѣстѣ, метафоры смѣнялись аллегоріями, д-ръ превзошелъ въ краснорѣчьи самого себя!

Вильгельму нужно было отвѣтить на рѣчь главы университета, онъ понималъ, что серьезный, строго формальный отвѣтъ будетъ дисгармонировать съ общимъ настроеніемъ, царящимъ въ залѣ, и отвѣтная рѣчь молодого принца была оригинальна, въ ней прозвучала нотка юмора.

Позволяю себѣ воспроизвести, насколько сохранила ее моя память.

Будущій императоръ поднялся со стула, выпрямился и послѣ обычныхъ вступительныхъ словъ сказалъ:

«Давно, когда я и мои братья были еще дѣтьми, отецъ нашъ кронпринцъ Фридрихъ, гуляя на вербахъ около Тиргартена, встрѣтилъ маленькаго торговца дешевой мелочью, грошевыми игрушками, картинками, стоившими всѣ вмѣстѣ не болѣе пяти-шести марокъ.

«Почему-то моему отцу пришло въ голову купить весь лотокъ у мальчика.

«Обрадованный торговецъ послушно послѣдовалъ за высокимъ военнымъ, не зная, кто онъ такой и куда онъ его ведетъ...»

Вильгельмъ, какъ опытный ораторъ, а эта способность у него была врождена, на минуту остановился.

Присутствующіе съ затаеннымъ вниманіемъ слушали принца, не сводя съ него глазъ.

Такое вниманіе еще больше воодушевило его.

«Дойдя до дворца, кронпринцъ велѣлъ торговцу внести свой лотокъ.

«Измученный маленькій Кнігс хлопалъ глазами, не рѣшаясь исполнить его приказанія.

«— Входи смѣло, мальчикъ,—сказалъ ему мой отецъ и подтолкнулъ его.

«— А меня не выгонять отсюда, вѣдь это дворецъ кронпринца?—пытался возражать мадъчуганъ.

«Моему отцу немало стоило труда увѣрить его, что съ нимъ ничего не случится, такъ какъ онъ самъ и есть кронпринцъ Фридрихъ, хозяинъ дворца.

«Все окончилось благополучно: маленькій торговецъ, получившій втридорога за свой товаръ, былъ чрезвычайно доволенъ и счастливъ, не менѣе его были довольны мы, дѣти, получившія возможность играть тѣми игрушками, которыми играютъ дѣти простыхъ людей, не доступными и не знаемыми до сихъ поръ нами...»

Новая пауза, вниманіе всѣхъ возросло еще больше..

— Что скажетъ онъ дальше?—шепнулъ мнѣ сосѣдъ Брукеръ:—нелегко вернуться послѣ анекдота на серьезную дорогу!

Но Вильгельмъ легко перешагнулъ эту границу, онъ умѣло расположилъ диспозицію своей замысловатой отвѣтной рѣчи:

«Въ положеніи этого Кнігс, этого маленькаго торгаша, нахожусь и я въ настоящее время... Съ инымъ, чуждымъ для васъ товаромъ явился я сюда, братья, но я пришелъ не продавать его, мнѣ нуженъ онъ самому, я хочу наполнить мой лотокъ еще другимъ товаромъ, которымъ владѣетъ университетъ въ изобиліи...

«И вотъ я какъ разъ теперь стою у вашего порога, смущенный, могу ли я воспринять тѣ золотыя крупы свѣта, знаній, такъ щедро рассыпаемыя здѣсь?»

Искусный актеръ сказался въ принцѣ, голосъ его зазвучалъ на низкихъ нотахъ, переходя въ шопоть, высокой станъ Вильгельма слегка согнулся, вся гордая фигура его сразу измѣнилась, онъ казался смущеннымъ, ожидающимъ трепетно отвѣта...

Поднялся серьезный, но не лишенный остроумія, профессоръ Кекулэ; какъ-то неестественно топорща пальцами лѣвой руки усы, онъ дѣлалъ-важно поговорилъ:

— Ваше высочество, мы можемъ на это отвѣтить только такъ, какъ отвѣтилъ вашъ родитель кронпринцъ маленькому торговцу: «входите безъ страха, мы здѣсь хозяева и душевно рады вашему приходу».

Что произошло послѣ этихъ словъ любимаго всѣми студентами профессора, трудно объяснить.

Въ залѣ стоялъ нѣсколько минутъ какой-то ревъ, отдѣльныхъ словъ не было слышно.

— Н-да, этотъ за себя постоитъ и за словомъ въ карманъ не полѣзетъ,—замѣтилъ мнѣ Брукеръ про Вильгельма.

Только теперь мнѣ ясно это чрезвычайно мѣткое опредѣленіе нынѣшняго германскаго императора.

XVII.

Коммершъ шумно продолжался, непринужденное веселье царило на немъ, высокій виновникъ празднества всѣми силами старался умалить свое положеніе принца и шутилъ со всѣми непринужденно.

Далеко ночью закончилось празднество, брезжило утро, когда мы расходились изъ локаля, веселые, шумные, одушевленные нашей молодостью, сокомъ хмеля и солода и товарищескими пѣснями. Чудное время, гдѣ оно? Неужели никогда оно не возвратится обратно?

Между прочимъ, на коммершѣ въ толпѣ около Вильгельма случайно очутились двое русскихъ студентовъ К. и Д. Незнакомые звуки привлекли вниманіе принца, онъ обернулся къ разговаривающимъ и спросилъ ихъ:

— Вы русскіе?

— Да, ваше высочество,—отвѣтилъ Д.:—онъ изъ Перми, а я изъ Полтавы.

— Вотъ какъ! Я знаю изъ исторіи, какъ много выигралъ Великій Петръ этимъ знаменитымъ боемъ, благодаря ему Карль XII потерялъ окончательно кампанію. Мнѣ очень интересно побывать на мѣстѣ боя чисто съ стратегическими цѣлями. Вы знаете, господа, что по желанію моего дѣда, императора Вильгельма, я проходилъ русскій языкъ и умѣю немного говорить.

Принцъ сказалъ нѣсколько русскихъ фразъ, не особенно правильно тонируемыхъ.

— Мое большое желаніе посѣтить ваше отечество, мой отецъ кронпринцъ, а также дѣдъ императоръ не разъ бывали въ Петербургѣ и Москвѣ.

Разговоръ рѣзко оборвался, съ Вильгельмомъ заговорилъ докторъ теологіи профессоръ Мангольдъ.

Оба русскіе были невольными свидѣтелями ихъ разговора и были поражены, какія глубокія познанія въ этой совершенно чуждой для него наукѣ обнаружилъ молодой принцъ, онъ спорилъ увѣренно съ опытнымъ профессоромъ и не уступалъ ему.

Англійскихъ студентовъ Вильгельмъ, видимо, избѣгалъ и, слышавъ, какъ Грахамъ разговариваетъ съ Бинволемъ на англійскомъ

языкѣ, невольно посмотрѣлъ на бесѣдующихъ и рѣзко прошелъ мимо нихъ. Эти два эпизода мнѣ передалъ русскій Д. на другой день.

Студенты шумной толпой провожали домой своего царственного гостя, пѣли пѣсни, но далеко не такъ стройно, какъ раньше, напитокъ бога Гамбринуса сильно мѣшалъ имъ въ этомъ.

Хороши были и профессора, когда они расходились послѣ веселаго коммерша, напускная серьезность этихъ людей науки сразу куда-то пропала.

— Слушай, коллега,—обратился Кекулэ къ профессору географіи и директору географическаго института Иоганну Рейнъ:— мнѣ кажется, что ты мнѣ сейчасъ не сможешь отвѣтить, въ какомъ морѣ хотѣлъ потопить іудеевъ фараонъ,—а?

— Въ Мертвомъ морѣ,—заплетающимся языкомъ пробормоталъ географъ:—точно я не знаю,—и на лицѣ его появилась насмѣшливая улыбка.

— Самъ ты мертвый человѣкъ!—откликнулся Кекулэ.

— Я лучше знаю,—пьянымъ голосомъ вмѣшался въ разговоръ Ферстеръ, профессоръ франконской филологіи:—Моисей потонулъ вмѣстѣ съ фараономъ...

— Вѣроятно, и ты вмѣстѣ съ ними, дружище Вендолинъ,—вы оба потонули въ пивѣ! шутливо сказалъ Кекулэ и такъ сильно ударилъ по плечу Ферстера, что тотъ съ трудомъ удержался, чтобы не упасть:

— Stimmt! (вѣрно!)—послушно откликнулся Рейнъ и пошелъ, шатаясь изъ стороны въ сторону, домой.

Въ числѣ другихъ случаевъ, происходившихъ на коммершѣ, я забылъ упомянуть о производствѣ въ бурши фукса одного изъ студентовъ.

Обрядъ этотъ былъ произведенъ тоже въ угоду принцу Вильгельму, при чемъ за отсутствіемъ фукса, прослужившаго въ этомъ званіи необходимое время, взяли старѣйшаго изъ нихъ, какого-то нѣмчика изъ Ганновера. Молодца посадили на стулъ около стола, а вокругъ него, усѣвшись на стулья верхомъ, стали прыгать студенты. При пѣніи особыхъ стиховъ лейбъ-буршь посвящаемою фукса вылилъ ему на голову полную кружку пива. Весь мокрый, новый буршь, отряхиваясь какъ собака, благодарилъ товарищей за честь принятія его въ ихъ среду!

XVIII.

На другой день слѣды ночного пиршества сказались воочію, большая часть студентовъ не явилась на лекціи. Яркимъ примѣромъ исполненія своего долга былъ самъ Вильгельмъ.

Свѣжій, какъ утренняя заря, онъ внимательно слушалъ первую лекцію у профессора Карла Менцеля, усердно записывая въ свою тетрадь.

На лекціи у профессора Узенера мнѣ пришлось съ нимъ встрѣтиться. Почему-то глаза наши встрѣтились, я поклонился ему, и онъ отвѣтилъ мнѣ тоже легкимъ наклоненіемъ головы.

Уходя съ лекціи, мы столкнулись съ нимъ въ коридорѣ.

— Müde? (устали?)—смѣясь, коротко спросилъ онъ меня и первый протянулъ руку, я нерѣшительно ее пожалъ, чувствуя себя стѣсненнымъ любезностью принца.

— Morgen wieder frisch und munter, nicht wahr? (завтра опять свѣжимъ и бодрымъ, не такъ ли?)—кинулъ онъ мнѣ, проходя мимо.

Всѣ студенты и профессора были очарованы любезностью Вильгельма, въ противоположность другимъ принципамъ, проходившимъ курсъ въ боннскомъ университетѣ и державшимъ себя въ отношеніи къ свободнымъ студентамъ недоступно и гордо.

Снисходительный къ другимъ, Вильгельмъ въ то же время былъ чрезвычайно требовательнымъ къ самому себѣ, онъ старался не пропускать ни одной лекціи, постоянно бывалъ на всѣхъ дополнительныхъ рефератахъ и послѣ прогулки усердно занимался еще дома.

Профессора ставили его примѣромъ многимъ студентамъ, часто манкировавшимъ лекціями, а профессоръ Трошель, одинъ изъ членовъ экзаменаціонной комиссіи, увѣренно говорилъ:

— Да, принцъ прусскій не долго будетъ насъ кормить, я увѣренъ, что онъ скоро сдастъ всѣ свои экзамены.

На это Узенеръ, предсѣдатель той же комиссіи, иронически отвѣчалъ:

— Еще посмотримъ, какъ это ему удастся! На моей памяти было немало такихъ горячихъ ѣздоковъ и всѣ они скоро загнали себя.

— Что касается моего предмета,—возразилъ докторъ Фердинандъ Вальтеръ, профессоръ юриспруденціи, занимавшійся съ принцемъ отдѣльно:—то онъ хоть сейчасъ готовъ къ экзамену.

Такое мнѣніе сложилось у многихъ профессоровъ. Принцъ прусскій считался однимъ изъ способныхъ студентовъ боннскаго университета.

XIX.

Кромѣ занятій въ аудиторіяхъ, меня стали интересовать оба музея: искусствъ и рейнскихъ древностей. Профессоръ университета Шааршмидтъ, главный бібліотекаръ, былъ главною причиною проявленія у меня интереса къ послѣднему. Специальныя сочиненія по исторіи, которыя я по его совѣту прочиталъ, дали мнѣ возможность познакомиться съ древними германцами и сказаніями «Рейнланда».

Профессоръ Бюхелеръ, хранитель этого музея, своими дѣльными указаніями открылъ мнѣ цѣлый міръ историческихъ фактовъ и датъ.

Въ одно изъ моихъ посѣщеній музея я засталъ тамъ принца Вильгельма, внимательно слушаващаго объясненія Бюхелера.

— Вотъ еще одинъ любитель древностей, ваше высочество,— сказалъ Бюхелеръ принцу, указывая на меня.

Вильгельмъ пытливо взглянулъ и, видимо, припомнилъ мое лицо.

— Я, кажется, уже встрѣчался съ коллегой на одной изъ лекцій, не правда ли?—вѣжливо спросилъ онъ.

Я рѣшился указать принцу, при какихъ обстоятельствахъ мы съ нимъ познакомились. Онъ засмѣялся и пошутилъ:

— Да, это былъ вечеръ!

Разговоръ перешелъ на древнихъ германцевъ, профессоръ обстоятельно рассказывалъ намъ до мелочей изученный имъ ихъ бытъ.

— Какъ это странно, что вы, иностранецъ, интересуетесь германскою исторіей больше, чѣмъ многіе изъ нѣмецкихъ студентовъ?— неожиданно прервалъ его объясненія принцъ, обращаясь ко мнѣ.

Я объяснилъ это моимъ желаніемъ изучить какъ можно лучше исторію.

— Германа я считаю однимъ изъ самыхъ крупныхъ дѣятелей своего времени,—продолжалъ царственный собесѣдникъ:—это достойный предтеча моего дѣда императора Вильгельма!

Нервное лицо принца одушевилось, сопровождавшій его адъютантъ доложилъ, что уже часъ, Вильгельмъ кивнулъ мнѣ привѣтливо головою на прощанье и быстро ушелъ изъ музея.

Въ музей искусствъ, отдѣльномъ, красивомъ, двухъэтажномъ зданіи, помѣщавшемся въ концѣ университетскаго сада, принцъ прусскій бывалъ тоже частымъ посѣтителемъ, онъ очень любилъ бесѣдовать съ директоромъ его, профессоромъ Рейнгардтомъ Кекулэ, но, къ сожалѣнію, мы никогда съ нимъ тамъ не встрѣчались; время моихъ занятій не совпадало съ его часами.

Немного странно было видѣть знаменитаго химика Кекулэ директоромъ музея искусствъ, но нужно было изумляться, съ какою любовью относился этотъ превосходный человѣкъ ко всему, что касалось искусства.

Каждое новое приобрѣтеніе для музея доставляло ему безумное удовольствіе.

Самый музей былъ образцомъ чистоты и порядка.

Древній каштанъ, росшій передъ университетомъ, помнилъ не одно поколѣніе студентовъ; немало знаменитыхъ въ наукѣ людей отдыхало между лекціями подъ его тѣнью, вырѣзанныя на корѣ его имена ихъ глубоко вошли въ самый стволъ и почти слились.

Проходя мимо, я случайно замѣтилъ свѣжую надпись:

R. F. W. v. P.

Я понялъ, кто ее сдѣлалъ: это былъ новый студентъ, Фридрихъ Вильгельмъ, принцъ прусскій.

Не знаю, сохранилась ли эта вырѣзка до настоящаго времени...

XX.

Зимній семестръ вступилъ въ свои права.

Студенты повемногу привыкли къ мысли, что среди нихъ находится будущій императоръ объединенной Германіи.

Профессора тоже стали относиться къ принцу проще, только сокорпоранты Вильгельма да городскія власти, въ особенности послѣднія, не забывали объ его проживаніи въ городѣ.

Во время одной изъ прогулокъ молодого принца по городу въ одной изъ небольшихъ улицъ въ окно выглянули двѣ женскія головки, и обладательницы ихъ довольно внушительно приглашали «высокаго» студента зайти къ нимъ.

Вильгельмъ шутливымъ покачиваніемъ головы отклонилъ это приглашеніе и, посмѣявшись съ сопровождавшимъ его адъютантомъ, отправился дальше.

Этого вполнѣ было достаточно, чтобы незримо слѣдившіе за принцемъ полицейскіе сейчасъ же послѣ ухода его набросились на дерзкихъ дѣвушекъ, и бѣдняжекъ въ тотъ же день выслали подалее, за городъ.

Разумѣется, этотъ фактъ остался бы неизвѣстнымъ Вильгельму, если бы онъ въ тотъ же вечеръ, придя въ собраніе Боруссіи, не сказалъ бы, смѣясь, студентамъ:

— Сегодня я убѣдился, что боннки очень гостепріимны: двѣ прехорошенькія дѣвушки приглашали меня къ нимъ зайти.

— Дорого обошлось имъ это приглашеніе, ваше высочество, — смѣло отозвался одинъ изъ высокопоставленныхъ корпорантовъ, знакомый обѣихъ Mädels и знавшій о происшедшей съ ними непріятности.

Вильгельмъ изумленно взглянулъ на него.

— Что такое съ ними случилось? — спросилъ онъ студента, не спуская съ него пытливаго взгляда.

— Ихъ немедленно выслали изъ города за ихъ дерзость, ваше высочество.

— Неужели?.. Бѣдныя! — изумился принцъ и черезъ адъютанта просилъ городскія власти впредь этого не дѣлать.

Однако дѣвушкамъ все-таки не разрѣшили вновь поселиться на прежней квартирѣ.

Среди сочленовъ Боруссіи назрѣвалъ новый вопросъ, разрѣшить который они считали необходимымъ.

Традиціи нѣмецкаго корпоративнаго студенчества требуютъ, чтобы каждый вступившій въ корпорацію студентъ исполнялъ всѣ условія и обряды, освѣщенные вѣками; это считалось неизбѣжнымъ дѣломъ.

На этотъ разъ разговоръ шель о мензурѣ, исполнить которую долженъ былъ каждый корпорантъ, черезъ извѣстный срокъ послѣ вступленія въ университетъ.

Обыкновенно мензуры эти оканчивались небольшими шрамами на лицѣ, но бывали случаи, хотя и не часто, что противники въ пылу понятнаго увлеченія наносили другъ другу жестокіе удары.

Какъ предложить принцу это обязательное корпоративное правило?

— Увѣряю васъ, товарищи, что онъ охотно сдѣлаетъ мензуру, — замѣтилъ одинъ изъ принцевъ, состоявшихъ тоже въ Боруссіи: — хотите, я самъ ему объ этомъ скажу?

Разумѣется, предложеніе это сразу улаживало щекотливый вопросъ

Насколько я помню, принцъ сейчасъ же согласился на исполненіе мензуры, прибавивъ, шутя:

— Развѣ можно было сомнѣваться хотя одну минуту, что я откажусь отъ мензуры, я вѣдь солдатъ и умѣю владѣть эспадрономъ педурно!

Мензура происходила по статуту, за исходъ ея очень беспокоился экзерциенъ-мейстеръ Эрихъ Гейне. Противникомъ Вильгельма выступилъ одинъ изъ испытанныхъ бойцовъ.

Долженъ сознаться, что я плохо понимаю прелести фехтовальнаго боя, такъ что сдѣланная принцемъ его противнику «Noch-quart» (Высокая кварта?!), о которой съ восхищеніемъ говорилъ весь университетъ, была для меня terra incognita.

XXI

Студенческая толпа далеко не отличается набожностью; не говоря уже о личныхъ убѣжденіяхъ каждаго, широкій размахъ юности, веселая студенческая жизнь, ночныя попойки не даютъ возможности молодежи сосредоточиться и серьезно относиться къ вопросамъ религіи

Въ боннскомъ Dom, равно и въ другихъ церквахъ города, рѣдко можно было видѣть кого-либо изъ студентовъ

Съ прибытіемъ принца Прусскаго въ городокъ совершилась метаморфоза, на проповѣдяхъ въ евангелическихъ церквахъ появились знакомыя студенческія лица. Объяснялось это очень просто: корректный во всемъ, что касалось долга и дисциплины, Вильгельмъ никогда не манкировалъ церковными проповѣдями, и д-ръ Мангольдъ, профессоръ и презусъ евангелическо-теологическаго факультета, постоянно видѣлъ на своихъ проповѣдяхъ внимательно слушаващаго ихъ будущаго императора Германіи.

Примѣръ его породилъ подражаніе, и церковь переполнялась слушателями-студентами.

Экзаменаціонная комиссія начала свою работу, болѣе прилежные студенты долбили, не упустили случая сдать экзамень.

Профессора Ноггератъ, Трошель, Нассе, Шефферъ и председатель, старикъ Узенеръ, были постоянно заняты.

Обыкновенно эти экзамены продолжались недолго, опытные профессоры сразу видѣли, насколько знаетъ предметъ экзаменуемый.

Экзамень на доктора, за который студенты платили пятьсотъ марокъ, тоже былъ не продолжителенъ.

Для этого собирались всѣ профессора одновременно въ экзаменаціонный залъ, и экзаменуемый въ полтора, два часа или получалъ желаемую имъ степень, или же допускался до новаго экзамена, когда недостаточныя знанія его будутъ своевременно пополнены.

Между прочимъ привожу слѣдующій текстъ докторскаго диплома:

Q U O D

Felix faustumque summum numen esse iubeat

Auspiciis et auctoritate

Guilelmi I

Imperatoris germanorum borussiae regis augustissimi potentissimi

Universitatis Fridericiae Guilelmae Rhenanae conservatoris clemen-

tissimi

Rectore magnifico

ect.

увы, къ сожалѣнію, мнѣ не удалось получить такового, такъ какъ я по окончаніи зимняго семестра покинулъ боннскій университетъ и отправился въ Россію.

XXII.

Осень продолжалась довольно долго, зима въ прирейнскихъ провинціяхъ не суровая, снѣгу выпадаетъ мало, навигація по Рейну не прекращается, за рѣдкими исключеніями.

Климатъ Бонна достаточно мягкій, объ этомъ свидѣтельствуютъ виноградники, дающіе очень нѣжные сорта винограда.

Кипучая университетская жизнь съ ежедневными посѣщеніями лекцій, постоянное сидѣніе по вечерамъ въ различныхъ пивныхъ мѣшала намъ обращать вниманіе на все, что происходило внѣ этого.

Викторъ Гейдерманъ почему-то сразу превратился изъ лѣниваго бурша въ одного изъ прилежнѣйшихъ студіозусовъ. Еще недавно сердившійся на меня за мою усидчивость, онъ самъ днями не отходилъ отъ книгъ, не пропускалъ ни одной лекціи, что даже замѣтилъ оберъ-педель.

— Не могу понять, гдѣ тутъ зарыта собака!—повторялъ мнѣ не разъ Брукеръ, чрезвычайно любопытный, когда дѣло касалось товарищей. Нужно будетъ это разузнать.

— Хитраго тутъ ничего нѣтъ,—объяснили намъ Гейдерманъ, выведенный изъ терпѣнія подшучиваніями товарищей:—нѣмало семестровъ я сижу, пора честь знать, и такъ отецъ на меня сердится.

Подобное объясненіе не удовлетворило Брукера.

— Нѣтъ, это все не то,—рѣшили онъ и, подобно ищейкѣ, старался отыскать настоящую причину.

Способности къ этому у него были громадныя. Черезъ нѣсколько дней онъ торжественно сообщил мнѣ и Биньолю:

— Теперь мнѣ все ясно, тутъ замѣшана женщина!

— А почему ты такъ думаешь?—спросилъ его англичанинъ.

— Не трудно сообразить! Нѣсколько времени тому назадъ онъ ухаживалъ за Линою, кельнершей изъ «Золотого Лося». Теперь прошло больше недѣли, какъ онъ и носа туда не кажетъ! Бѣдняжка похудѣла, глаза у ней постоянно наплаканы.

Дальнѣйшія наблюденія нашего товарища дали изумительные результаты. Оказалось, что у Виктора на родинѣ, въ Штеттинѣ, имѣлась невѣста, дочь богатаго аптекаря.

Въ послѣдній пріѣздъ его домой родители ея сказали лѣнивому буршу, что дальше ожидать его, какъ жениха дочери, они не могутъ. Къ Рези сватается другой молодой человѣкъ, уже имѣющій хорошее положеніе и богатый.

Гейдерманъ не обратилъ на это вниманія, предполагая, что надъ нимъ шутятъ, но недавно онъ получилъ письмо отъ самой невѣсты. Дѣвушка сообщила ему, что родители ея рѣшили, если Викторъ не сдастъ экзаменовъ въ зимнемъ семестрѣ, выдать ее замужъ за другого жениха.

Такое извѣстіе заставило Гейдермана поспѣшно приняться за работу.

Онъ скоро самъ подѣлился съ нами своимъ горемъ.

— Занимайся больше, вотъ и успѣешь сдать экзамены,—посоветовалъ я ему.

Викторъ сидѣлъ за книгами буквально цѣлыми днями. Незадолго до Рождества онъ пришелъ ко мнѣ оживленный.

— Рези пріѣзжаетъ сюда на нѣсколько дней,—сообщилъ внѣ себя отъ радости мой буршъ:—она отпросилась у родителей съѣздить навѣстить одну свою подругу въ Бромбергъ, а вмѣсто того явится сюда!

— Смотри только, чтобы ея пріѣздъ не вывелъ тебя изъ колеи занятій,—замѣтилъ я ему.

— Пустое, день-другой повеселимся съ нею, а затѣмъ опять за работу.

Мы стали ожидать ея пріѣзда.

XXIII.

Гейдерманъ упросилъ меня уступить мою комнату его невѣстѣ, когда она прїѣдетъ, а самому перейти къ нему.

Я охотно согласился на это и съ помощью хозяйки приготовилъ заѣзжей гостѣ уютное гнѣздышко, ничѣмъ не напоминавшее студенческую келью.

Рези прїѣхала только на второй день праздника вечеромъ и явилась прямо къ Виктору, который привелъ ее ко мнѣ.

— Вотъ мой лейбъ-фуксъ, Рези,—познакомилъ онъ меня съ своей невѣстой:—посмотри, какую прелесть онъ соорудилъ для тебя.

Дѣвушка привѣтливо улыбнулась и пожала мнѣ руку.

Дочка штеттинскаго аптекаря являлась превосходнымъ образцомъ германской расы. Высокая, стройная, хотя тѣмъ не менѣе расположенная къ полнотѣ, съ красивымъ, выразительнымъ лицомъ, голубыми глазами настоящей блондинки, статной поступью, Рези невольно обращала на себя вниманіе всѣхъ. Близость моря сказывалась въ ея изумительно нѣжномъ цвѣтѣ лица, она дышала здоровьемъ, силой

Противъ желанія, я залюбовался ею.

Каждая женщина, не будучи кокеткою, очень довольна, если обратитъ на себя постороннее вниманіе, это неизбѣжный законъ, природная слабость и въ то же самое время сила женщины.

Рези подарила меня благосклонной улыбкой, замѣтивъ мое восхищеніе ею.

— Итакъ, Резень, ты остаешься здѣсь полновластной хозяйкой, а мы съ Георгомъ отправимся погулять, пока ты приведешь себя въ порядокъ послѣ дороги.

Возвратившись послѣ нѣкотораго времени, мы нашли Рези вполне освоившеюся съ своимъ новымъ помѣщеніемъ. Способность нѣмки приспособливаться гдѣ бы то ни было здѣсь сказалась вполне.

— Молодецъ, моя будущая женка, все ты умѣешь сдѣлать, все устроить!—восхищенно повторялъ Гейдерманъ, дружески похлопывая молоденькую аптекаршу по спинѣ.

Рези не осталась въ долгу передъ женихомъ, широкая ладонь ея опустилась на моего бурша съ такой силой, что Викторъ вскрикнулъ, отъ боли и присѣлъ.

— Мнѣ кажется, что тебѣ немного больно?—пасмѣшливо улыбаясь, спросила дѣвушка.

— О, нисколько,—поспѣшилъ отвѣтить студентъ съ гримасой.

— Я вижу, коллега, что право сильнаго во всякомъ случаѣ не на твоей сторонѣ,—замѣтилъ я ему тихо, когда мы всѣ отправились гулять.

Вмѣсто того, чтобы пребыть въ Боннѣ всего два дня, Рези осталась у насъ гораздо дольше; мы предполагали встрѣтить Новый годъ вмѣстѣ.

Аптекарь, ея отецъ, попрежнему оставался въ увѣренности, что дочь гостить у подруги въ Бромбергѣ.

Для этого Рези писала письма родителямъ, чуть ли не подробный дневникъ, какъ она проводитъ время и веселится съ Цециліей, но письма эти отправлялись прежде въ Бромбергъ подругѣ, и она уже пересылала ихъ въ Штеттинъ.

Молодежь очень избрѣтательна, въ особенности когда въ этомъ дѣлѣ задѣто сердце и пахнетъ любовью. Но никто изъ насъ не предполагалъ, что изъ этого выйдетъ изумительный *qui pro quo*. Произошло это слѣдующимъ образомъ.

Мы трое весело встрѣтили Новый годъ, пожелали другъ другу массу всевозможныхъ благъ и счастья. Наше новогоднее пиршество происходило въ небольшой пивной, подальше отъ центра. Гейдерманъ избѣгалъ встрѣчи съ товарищами, не желая пересудовъ и сплетенъ относительно Рези; съ нами были только Брукеръ и Виньоль.

— Отправимтесь завтра днемъ на Крейцбергъ, возьмемъ съ собою закусокъ, вина и проведемъ весело время,—предложилъ Брукеръ.

Предложеніе его пришлось всѣмъ намъ по душѣ, въ особенности невѣстѣ Гейдермана. Она собиралась уѣзжать завтра вечеромъ и еще не была на горѣ Крейцбергъ и не видѣла знаменитой *Scala Santa*; мы отправились туда около полудня.

Добраться до Крейцберга было не близко, пришлось дойти до Попельсдорфскаго дворца, оттуда еще около четверти часа хода до горы. Мы благополучно расположились на вершинѣ, около церкви. Великолѣпная панорама раскинулась вокругъ холма, мы такъ залюбовались ею, что не слышали, какъ на площадкѣ появились еще посѣтители. Достаточно было одного взгляда, чтобы узнать въ нихъ Вильгельма и его адъютанта, только что вернувшихся послѣ праздниковъ изъ Берлина.

Принцъ сразу замѣтилъ студенческую шапочку Гейдермана и привѣтливо раскланялся съ нами. Онъ началъ что-то говорить съ адъютантомъ, какъ взглядъ его случайно упалъ на нашу спутницу, отошедшую въ сторону, Вильгельмъ остановился на полусловѣ, видимо, пораженный красотой дѣвушки. Онъ быстро подошелъ къ Рези, изумленно смотрѣвшей на незнакомца, вѣжливо поклонился ей и сказалъ:

— Простите меня, фрейлейнъ, но я чувствую себя обязаннымъ выразить мое восхищеніе красотѣ. Эстетизмъ и наука о прекрасномъ заставляютъ меня отдать должное тому, кто это заслуживаетъ.

Пораженная восторженнымъ дифирамбомъ принца, дѣвушка не знала, что ей отвѣтить, лицо ея залило густой румянецъ.

— Благословенна наша родина тѣмъ, что наши женщины, отличающаясь красотой и добродѣтелью, лучшія жены и хозяйки въ цѣломъ мірѣ!

Смущенная продолжала стоять передъ нимъ Рези.

— Какъ ваше имя, фрейлейнъ? Вы здѣшняя?

Точно загипнотизированная его взглядомъ, дѣвушка тихо отвѣтила:

— Тереза Варнеке, мой отецъ аптекаръ въ Штеттинѣ.

Принцъ протянулъ ей руку, пожалъ ее и, дружески кивнувъ намъ головою на прощаніе, сталъ спускаться съ пригорка.

XXIV.

— Только когда онъ спросилъ мое имя, я догадалась, кто это, — сказала Рези послѣ исчезновенія «высокаго» пообѣтителя.

Мы долго еще оживленно разговаривали, стало замѣтно темнѣть, когда мы возвратились въ городокъ. Въ тотъ же вечеръ мы проводили нашу милую гостью, мой буршъ плакалъ, прощаясь съ нею.

— Кончай свои экзамены, получи докторскій дипломъ и прѣзжай скорѣе въ Штеттинъ, — на прощанье сказала Рези жениху.

Гейдерманъ далъ ей слово заниматься еще усерднѣе. Хорошенькая аптекарша уѣхала.

— Сегодня мы еще можемъ покутить, а завтра я снова примусь за работу, — рѣшилъ Викторъ.

Мы прошли въ одну изъ студенческихъ пивныхъ. Обыкновенно локаль этотъ не всегда былъ переполненъ молодежью, сегодня же, благодаря Новому году, всѣ столы были заняты. Встрѣтились кое-кто изъ товарищей «свободныхъ студентовъ», завязался общій разговоръ.

— Принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ сегодня обѣщаль быть на коммершѣ, который устраиваютъ въ честь д-ра Эдуарда Страсбургера, директора ботаническаго сада, — сообщилъ кто-то изъ студентовъ.

— Превосходно! — воскликнулъ Брукеръ, уже находившійся въ градусахъ: — но гдѣ предполагено собраться?

Разсказчикъ усмѣхнулся.

— Смѣшно сказать! Кто-то вздумалъ предложить для этого кнейпъ «Im Hännchen» (Въ пѣтушкѣ).

— Но вѣдь это извозничья пивная! — изумился Гейдерманъ.

— Положимъ, тамъ есть и другое отдѣленіе, для бюргеровъ.

— Что жъ изъ этого? Развѣ могутъ студенты сидѣть вмѣстѣ съ филштерами!

— Этотъ кнейпъ, кажется, на Дрейэкѣ? — спросилъ я Брукера.

— Именно тамъ, около памятника Бетховена!

— Что жъ, идемте, коллеги, туда!—предложилъ Гейдерманъ.

До площади Мюнстера было недалеко, мы пришли, когда участники коммерша только что начали собираться. Не помню, по какому случаю насъ пропустили, и мы очутились въ длинномъ коридорѣ, изъ котораго были входы въ самый локаль. Простые дубовые столы тянулись вдоль стѣнъ и стояли посрединѣ. Въ концѣ залы, за стеклянной перегородкой, шумно разговаривали извозчики, это было ихъ отдѣленіе. «Im Häppchen» считался любимымъ кнейпомъ извозчиковъ и перевозчиковъ грузовъ. Въ Германіи, въ особенности въ маленькихъ городкахъ, гдѣ разность сословій не выражается такъ ярко, какъ у насъ, средніе интеллигенты не брезгали сидѣть вмѣстѣ съ ними въ одномъ кнейпѣ.

XXV.

Начали собираться участники коммерша; въ локалѣ стало шумно, сизый дымокъ традиціонныхъ студенческихъ трубокъ легкимъ, волнующимся флеромъ поднимался вверхъ. Гдѣ-то въ углу раздалось трехзвучіе музыкальной гаммы, пѣвцы провѣряли тональность. Пиво еще не струилось изъ «источника», только на рѣдкихъ столикахъ скромно уютились нѣсколько кружекъ. А народу прибывало все больше и больше, становилось душно, студенты нетерпѣливо смотрѣли на дверь изъ коридора, откуда долженъ былъ войти «высокій коллега».

— Неужели не явится?—слышались смущенные вопросы, повторявшіеся все чаще въ то время, какъ минутная стрѣлка небольшихъ часовъ все приближалась къ девяти.

Съ послѣднимъ ударомъ мѣди дверь распахнулась, и въ залѣ появилась знакомая всѣмъ сухощавая фигура принца, въ суконной шинели, запорошенной снѣгомъ. Сбросивъ послѣднюю подбѣжавшему кельнеру, Вильгельмъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и, остановившись между столами, звучно проговорилъ:

— Prosit Neujahr, Brüder! (Поздравляю съ Новымъ годомъ, братья).

На его привѣтствіе зашумѣли, точно листья, отвѣтныя поздравленія студентовъ. Навстрѣчу дорогому гостю поднялся д-ръ Страсбургеръ и сказалъ небольшую привѣтственную рѣчь. Въ виду уже разгоравшагося веселья и святочного времени она не носила серьезнаго характера, въ ней преобладалъ юморъ, но юморъ чисто нѣмецкій, тяжеловѣсный, съ неудобопонятными шутками и намеками.

— Итакъ, я заканчиваю мою рѣчь, поднимая кружку съ пивомъ, и кричу «Нос!» нашему дорогому гостю, его высочеству принцу и студіозусу Фридриху-Вильгельму!

Загремѣло «хохъ».

Принцъ поклонился и сдѣлалъ знакъ, что хочетъ говорить. Все сразу смолкло.

— Благодарю васъ, г. профессоръ и коллеги, за выраженные вами чувства, я ни минуты не сомнѣвался, что они искренни, иначе я не былъ бы здѣсь, среди васъ! Въ свою очередь, по случаю Новаго года, я хочу тоже сказать нѣсколько словъ...

— О чемъ онъ будетъ говорить, интересно послушать!—шепнулъ мнѣ Брукеръ, сидѣвшій со мною рядомъ.

— Да простятъ меня, коллеги академіи, близкій мнѣ *corpus juris*, не ихъ хочу я прославить въ моей рѣчи...

Вильгельмъ, желавшій возбудить большій интересъ, остановился.

— О комъ онъ ведетъ?—не унимался Брукеръ, въ то время какъ Гейдерманъ весь погрузился въ мечты объ уѣхавшей Рези.

— На этотъ разъ я скажу: *Vivant omnes virgines, graciles, formosae! Vivant et mulieres, tenerae, amabiles, bonae, laboriosae!* (Да здравствуютъ всѣ прекрасныя дѣвушки и жены, нѣжныя, привѣтливыя, добрыя, трудолюбивыя!).

Новое «хохъ» раздалось въ накуреномъ помѣщеніи еще громче. Пѣвцы хотѣли начать пѣть, но Вильгельмъ продолжалъ:

— Я еще не сказалъ главнаго. Почему я предложилъ этотъ тостъ, вы изумлены? Причину этому я сейчасъ вамъ объясню. Возвратившись сегодня сюда, я отправился прогуляться въ Крейцбергъ...

— Начинается рассказъ о твоей невѣстѣ, Викторъ,—толкая въ бокъ замечавшагося Гейдермана, сказалъ Брукеръ.

Мой буршъ вздрогнулъ отъ неожиданности, протеръ злаза и сталъ слушать.

— Тамъ мнѣ предстало видѣніе, идеаль германской женщины! Оно соединяло въ себѣ: красоту лица, величавость фигуры, румянецъ на ея щекахъ говорилъ о присущей нашимъ дѣвушкамъ скромности, голосъ ея звучалъ гармонично, какъ лютия вартбургскаго минезингера. Она открыла мнѣ свое имя, да будетъ оно благословенно!

— Принцъ-то никакъ влюбился въ Рези, смотри, отобьетъ ее у тебя!—пошутилъ Брукеръ, обращаясь къ Гейдерману.

Тотъ молчалъ, пораженный словами Вильгельма.

— За германскихъ дѣвушекъ, нѣжныхъ, скромныхъ, за добродѣтельныхъ женъ, — добрыхъ, трудолюбивыхъ матерей, вѣрныхъ подругъ своимъ мужьямъ, поднимаю я высоко эту кружку пива и громко говорю: *Sie leben hoch!* (Да здравствуютъ онѣ!).

Восторгъ собравшихся дошелъ до крайнихъ предѣловъ. Они кричали до изнеможенія «хохъ». Противъ обыкновенія, ради исключенія, на нѣкоторыхъ столахъ вино смѣнило пиво, пришлось послать за нимъ въ другой «локаль»: въ «Хэнхенъ» пили только пиво.

Раздалось пѣше, пѣвцы улучили время и запѣли:

O wie sehnt ich mich so lange,
Doch nach dir, du süsse Braut!

(О какъ я томился по тебѣ, моя невѣста)

Веселый коммершъ затянулся надолго.

Когда я уходилъ домой, хоръ весело гудѣлъ какую-то пѣсенку про «Анхенъ изъ Тарау».

XXVI.

— Если бы принцъ не вернулся сегодня, не отправился бы гулять на Крейцбергъ, не повстрѣчался бы съ нами и не было бы съ нами Рези, нашъ «высокій» коллега не высказалъ бы такую горячую похвалу «германской женщинѣ», ergo—случай, только одинъ онъ управляетъ нами!—рѣшительно сказалъ Гейдерманъ, когда мы еще сидѣли въ «Häppchen»:—я становлюсь убѣжденнымъ фаталистомъ!

— Посмотрѣлъ бы я на тебя, какимъ фаталистомъ сталъ бы ты, если...

— Ну, ну, молчи, Георгъ, нельзя строить предположенія, основанныя только на теоріи вѣроятности!—съ досадою перебилъ онъ меня.

Я не сталъ возражать, но Брукеръ не удержался и шутливо сказалъ:

— А все-таки? Ты, вновь объявившійся фаталистъ, не замѣтилъ развѣ, что принцъ, такъ горячо восхищавшійся сегодня нѣмецкими женщинами, не забылъ спросить Name und Wohnort (имя и мѣсто-жительство) у твоей невѣсты.

— Что ты хочешь этимъ сказать, Альфредъ?—вспылилъ Гейдерманъ.

— Ничего, я только констатирую факты,—хладнокровно отвѣтилъ студентъ.

— Мнѣ кажется, что мой эскадронъ слишкомъ долго не былъ въ употребленіи,—горячился мой буршъ:—можетъ быть, ты желаешь испытать на себѣ, не слишкомъ ли онъ затупился?

— О, нѣтъ, я увѣренъ, что онъ во всякомъ случаѣ острѣе тебя самого!

Лицо Гейдермана сразу поблѣднѣло, онъ не въ силахъ былъ сдержать себя, я съ Биньолемъ пытался уговорить его, но было поздно, винный угаръ и раздраженіе, овладѣвшее Викторомъ, были сильнѣе насъ.

— Сегодня мы деремся,—глухо предложилъ онъ Брукеру.

— Когда желаешь, но прежде совѣтую тебѣ хорошенько выпастаться, иначе ты рискуешь потерять кончикъ носа, какъ Куно Фишеръ,—не унимался насмѣшливый студіозусъ.

Пришлось употребить силу, чтобы удержать Гейдермана, иначе онъ бросился бы на обидчика сейчасъ же.

— Разойдемтесь лучше,—шепнулъ я Биньолу:—ты ступай съ Брукеромъ, я а возьму моего бурша.

Еще долго недавніе друзья, а теперь враги, оборачивались и грозили другъ другу, въ особенности Гейдерманъ, въ пьяномъ мозгу котораго фдкія шутки Брукера превратились въ смертельную обиду. Я довелъ Виктора до его квартиры и остался самъ ночевать у него, опасаясь, чтобы онъ не выкинулъ какой-нибудь штуки, но опасенія мои были напрасны; едва только голова студента упала на подушки, какъ онъ сейчасъ же заснулъ и громкій храпъ его зазвенѣлъ въ комнатѣ.

XXVII.

— Вставай, Гейдерманъ,—разбудилъ я его утромъ,—пора.

Буршъ, нехотя протирая глаза, посмотрѣлъ на меня изумленно.

— Пора, куда нора? Сегодня воскресенье, занятій нѣтъ,—спросилъ онъ меня.

Повидимому, онъ все забылъ, что произошло ночью. Я охотно бы оставилъ его въ этомъ невѣдѣніи, но едва ли на это согласился бы Брукеръ. Онъ не былъ вчера настолько пьянымъ, какъ Викторъ, чтобы позабыть объ ихъ ссорѣ, и мнѣ пришлось все рассказать моему буршу.

— Нужно драться,—недовольно сказалъ онъ, почесывая всклокоченную голову,—ради глупости, изъ-за пары словъ...

Вообще Гейдерманъ былъ ярымъ противникомъ мензуръ и одно время хотѣлъ даже вступить въ корпорацію «принципа уничтоженія мензуръ». Къ тому же онъ былъ плохой боецъ, тогда какъ противникъ его считался однимъ изъ лучшихъ schläger (бойцовъ) въ университетѣ.

— Драться, такъ драться,—сказалъ онъ тономъ купальщика, рѣшившагося наконецъ броситься въ холодную воду.

— Если ты желаешь отвергѣться отъ мензуры, я схожу къ Биньолу, и мы уговоримъ Брукера примириться съ тобою!—предложилъ я Виктору:—извинись только передъ нимъ.

Но духъ необузданнаго упорства овладѣлъ студіюзусомъ.

— Не буду я извиняться, онъ оскорбилъ не только меня, но и Рези,—припомнилъ Гейдерманъ всѣ обстоятельства ночной ссоры.—Я готовъ драться, такъ и скажи ему.

Я отправился къ Биньолу, гдѣ уже засталъ Брукера; послѣдній былъ тоже воинственно настроенъ. Товарищеская этика не позволила мнѣ рассказать всѣ подробности сегодняшняго разговора моего съ Гейдерманомъ.

— Въ какомъ часу мы деремся?—поспѣшно спросилъ меня Брукеръ прежде, чѣмъ я успѣлъ что-нибудь сказать.

— Это вполнѣ зависитъ отъ тебя, Альфредъ, Гейдерманъ согласенъ во всякое время.

— Прекрасно, скажи, Георгъ, этому ослу, что сегодня, ровно въ два часа, въ паркѣ, около госпиталя, я обрѣжу уши на его глупой головѣ.

— Послушай, Брукеръ, — вмѣшался въ разговоръ до сихъ поръ молчавшій англичанинъ: — ты не долженъ такъ выражаться о твоёмъ противникѣ, это воспрещаетъ кодексъ мензуръ и дуэлей...

Брукеръ извинился.

Переговоры окончились, я пошелъ обратно къ моему лейбъ-буршу, чтобы сообщить ему о результатахъ.

— Хорошо, мнѣ подходит и время и мѣсто, близость госпиталя исключаетъ необходимость приглашать врача, когда я раскрою башку этому злому насмѣшнику! — храбрился Гейдерманъ.

Мнѣ невольно вспомнились хвастливыя слова Брукера; оба студента были похожи въ это время на молодыхъ задорныхъ пѣтуховъ. Объ оружіи заботиться было не нужно, все это долженъ былъ захватить Биньоль, большой любитель и коллекціонеръ клинковъ.

Еще за часъ до боя мы отправились, дорога была не близкая, нужно было пройти весь городъ и миновать Попельсдорфскій дворецъ. Гейдерманъ все еще бодрился, но я былъ увѣренъ, что теперь онъ охотно бы помирился на какихъ угодно условіяхъ съ Брукеромъ.

XXVIII.

Вчерашнюю теплую погоду, послѣ ночной метели, смѣнилъ легкій морозецъ; кое-гдѣ виднѣлся снѣгъ, вышедшее послѣ полудня солнце почти согнало его. Брукеръ съ Биньодемъ ожидали уже насъ; они стояли на небольшой площадкѣ, кругомъ тѣснились обнаженные отъ листьевъ грабы. Противники издали поклонились другъ другу, мы съ англичаниномъ стали обсуждать положеніе вещей.

— Не попытаешься ли ты примирить ихъ? — спросилъ я его тихо.

— Нечего и думать объ этомъ, Альфредъ ни за что не согласится, онъ рѣшилъ драться во что бы то ни стало.

Я понялъ, что дѣло не обойдется шуточными мензурами; можно было ожидать, что Гейдерману придется не легко, но я все-таки рѣшился попытаться въ послѣдній разъ уговорить недавнихъ пріятелей.

При первомъ моемъ словѣ я убѣдился, что Брукеръ не согласится даже на извиненіе.

Противники скинули пиджаки, фуражки, натянули на правую руку толстую кожаную наваченную перчатку, предохранявшую отъ удара въ руку, и сдѣлали парадъ клинками.

Биньоль хлопнулъ въ ладоши; студенты устремились другъ на друга.

Нападалъ болѣе горячій Гейдерманъ, Брукеръ только парировалъ удары; онъ понималъ, что задоръ противника непродолжителенъ, непривычная къ оружію рука скоро устанетъ, и тогда наступитъ его очередь нападать.

А пока сталь звенѣла, удары были сильны, искры сыпались подъ ними. Попади хотя одинъ изъ такихъ ударовъ на плечо или на голову Альфреда, ему бы не сдобровать.

Умный боецъ сказался въ Брукерѣ, онъ попрежнему только отражалъ удары противника, ожидая благопріятной минуты, когда можно будетъ перейти самому въ наступленіе. Съ ужасомъ я замѣчалъ, что удары моего бурша становились все слабѣе и слабѣе, клинокъ уже не разъ ударялся плашмя. Брукеръ вышелъ изъ состоянія пассивной обороны и сдѣлалъ блестящій выпадъ, эскадронъ его сокрушительно обрушился на голову Виктора. По счастью, послѣдній успѣлъ отбить его контръ-ударомъ, иначе не сдобровать бы его головѣ. Вниманіе всѣхъ насъ было настолько напряжено, что мы не замѣтили, какъ къ намъ кто-то подошелъ.

— Мензура? Но почему же безъ маски?—услышалъ я знакомый голосъ за спиной и обернулся.

За мной стоялъ Вильгельмъ, возвращавшійся съ прогулки.

— Дуэль, ваше высочество,—не рѣшился я солгать принцу.

Любъ Вильгельма нахмурился.

— Одна минута вниманія, коллеги!—крикнулъ онъ дуэлянтамъ.

Изумленные его окликомъ, они остановились и опустили клинки.

— Причина дуэли?—коротко спросилъ онъ.

— Различіе мнѣній относительно филистеровъ,—послѣдний солгать Биньоль, не желая объявлять правды.

Вильгельмъ понялъ, что его обманываютъ, но не сталъ настаивать.

— Гдѣ и когда происходилъ обмѣнъ мнѣній?—задалъ онъ новый вопросъ.

— Вчера ночью, послѣ коммерша въ «Hännchen»,—послѣдний я отвѣтить.

Лицо принца прояснилось.

— Развѣ вамъ было неизвѣстно, collega, что въ «Hännchen» Freiburg? («свободный городъ», въ буквальномъ смыслѣ, иначе, нейтральная территорія). Никакихъ мензуръ, а тѣмъ болѣе дуэли, тамъ возникать не можетъ.

Мы молчали. Дѣйствительно, объ этомъ правилѣ намъ было неизвѣстно.

— Сейчасъ протяните, коллеги, другъ другу руки, если не желаете, чтобы я сообщилъ презусу объ игнорированіи вами университетскихъ статутовъ!—настойчиво сказалъ принцъ.

Брукеръ и Гейдерманъ должны были протянуть другъ другу руки и помириться.

— Это меня радуетъ, коллеги, — замѣтилъ принцъ и, увѣренный, что дуэль не будетъ продолжаться, поклонился намъ и пошелъ дальше.

— Ты родился подъ счастливой звѣздой, Гейдерманъ, — сказалъ ему Брукеръ: — увѣряю тебя, что, если бы не принцъ, ты лишился бы сегодня одного ужъ уха непременно.

Миръ завершился новой хорошей попойкой.

XXIX.

Казалось, разъ ссора благополучно миновала, все войдетъ въ свою прежнюю колею, но надежда эта далеко не оправдалась. Не говоря уже о Брукерѣ и Гейдерманѣ, холодно относившихся другъ къ другу, отношенія къ нимъ Биньоля и мое тоже измѣнились къ худшему. Нашъ квартумвиратъ треснулъ по швамъ, и нужно было ожидать, что скоро онъ совсѣмъ развалится.

Видимо, желая поскорѣе развязаться со мной, Гейдерманъ мнѣ сказалъ:

— Я такъ сильно занятъ приготовленіемъ къ экзаменамъ за послѣднее время, къ тому же твой второй семестръ подходитъ къ концу, что ты можешь быть произведенъ изъ фуксовъ въ бурши!

Я ничего не возразилъ ему, и мое поступленіе въ бурши состоялось, хотя далеко не при той торжественной обстановкѣ, какъ это происходило обыкновенно. Въ одной изъ пивныхъ Гейдерманъ просто вылилъ нѣсколько капель пива мнѣ на голову и повторилъ обычныя традиціонныя слова:

— Съ этой минуты ты такой же буршъ, какъ и я самъ!

Кромѣ Биньоля и случайно встрѣтившагося американца Грахама, при моемъ посвященіи никого изъ студентовъ не было. Впрочемъ, я нашель, что подобное упрощеніе обряда гораздо для меня удобнѣе, не нужно было тратить лишннихъ денегъ на угощеніе товарищей и опрокинутая на голову кружка пива куда неприятнѣе двухъ-трехъ капель его!

Съ этого вечера нашей дружбѣ со случайнымъ вершителемъ моей судьбы былъ положенъ конецъ; я очень рѣдко съ нимъ встрѣчался, да при этихъ встрѣчахъ мы были съ нимъ холодно-вѣжливы. Съ Брукеромъ тоже отношенія испортились, къ тому же онъ вступилъ въ одну изъ корпорацій, новые товарищи заслонили меня. Остался одинъ англичанинъ, попрежнему дружелюбно относившійся ко мнѣ, съ нами сошелся также и Грахамъ, до сихъ поръ чуждавшійся нашей компаніи изъ-за Брукера, съ которымъ у него были счеты.

Зимній семестръ быстро двигался къ концу, всёмъ намъ приходилось много заниматься, коммерши и обыкновенныя попойки происходили довольно рѣдко. Шумный студенческій городокъ неожиданно затихъ, но тишина эта походила на временно пріостановившееся изверженіе вулкана: все тихо, спокойно, но гдѣ-то тамъ, подъ землею лава клокочетъ и рано или поздно снова вырвется наружу.

XXX.

И какъ-никакъ, шалунъ-случай назначилъ роль нарушителя этой тишины Гейдерману.

Все это произошло совершенно нежданно, неожиданно...

Я еще сладко спалъ въ своей «кельѣ», какъ ко мнѣ ворвался мой бывшій лейбъ-бурштъ въ ужасно взволнованномъ видѣ. Появленіе его, тѣмъ болѣе въ такомъ возбужденномъ состояніи, чрезвычайно меня изумило.

— Читай и негодуй!—коротко сказалъ онъ мнѣ, передавая газетную вырѣзку и не выпуская изъ рукъ письма.

Ничего не понимая, я быстро пробѣжалъ газетную замѣтку.

Въ ней довольно подробно описывалась наша встрѣча съ принцемъ на Крейцбергѣ, разговоръ его съ Рези, причемъ упоминалось ея имя и особенно подчеркивалось, что она дочь аптекаря изъ Штеттина, дальше шло описаніе коммерша, на которомъ Вильгельмъ сказалъ рѣчь о германской женщинѣ...

— Кто, кто могъ быть подобнымъ негодяемъ, напечатавшимъ это?—нервно спросилъ Викторъ.

— Не могу предположить, хотя, мнѣ кажется, разъ все это написано справедливо и корректно, къ чему тебѣ волноваться?

— Мнѣ кажется, что ты не въ своемъ умѣ! Читай!—и онъ кинулъ мнѣ на кровать письмо.

Да, теперь я понялъ, что могло такъ взволновать Гейдермана.

Въ жизни его невѣсты разыгралась цѣлая драма.

Всѣ газеты перепечатали интересное сообщеніе, и оно, какъ молнія, облетѣло всю Германію. Штеттинъ не избѣжалъ общей участи, и строгій родитель Рези, аптекарь, съ изумленіемъ узналъ о подвигахъ своей дочки въ Боннѣ, тогда какъ онъ предполагалъ, что она веселится у подружки въ Бромбергѣ.

— Я увѣренъ, что это Брукеръ, онъ золь на меня и, чтобы отомстить, прибѣгнулъ къ такому гнусному способу,—съ негодованіемъ говорилъ Гейдерманъ.

— Ты ошибаешься, я знаю Альфреда, правда, онъ злопамятенъ, но на подлость никогда не согласится.

— Что я буду дѣлать! Что я буду дѣлать!—съ отчаяніемъ кричалъ мой бывшій лейбъ-бурштъ.

— Что дѣлать? Во-первыхъ, успокойся и расскажи толкомъ.

— Толкомъ! Прочитай до конца письмо, тогда самъ узнаешь.

Я внимательно дочиталъ письмо Рези; дѣйствительно, положеніе дѣвушки было безвыходное; отецъ требовалъ, чтобы она немедленно вышла замужъ за другого, о бракѣ ея съ Гейдерманомъ онъ не позволялъ ей и думать. Старый аптекаръ былъ пораженъ обманомъ дочери; но всю вину приписывалъ Гейдерману, обвиняя его, что онъ заставилъ солгать до сихъ поръ правдивую Рези.

Я не зналъ, что посовѣтовать бѣднягѣ, положеніе его было исключительное.

— Поѣзжай-ка самъ въ Штеттинъ, объяснись и постарайся все обратить въ невинную шутку. Можетъ быть, это тебѣ и удастся.

Мои слова ободрили потерявшаго голову Виктора, и онъ въ тотъ же день отправился въ Штеттинъ.

Брукеръ, которому я передалъ обо всемъ, увѣрялъ меня честью, что онъ даже въ помыслахъ не держалъ сдѣлать подобную непріятность своему бывшему другу и его невѣстѣ.

— Чтобы совершенно оправдать себя,—сказалъ онъ мнѣ рѣшительно:—я употреблю все старанія узнать имя корреспондента.

Это скоро ему удалось. Сообщившимъ въ газеты интересный случай оказался одинъ изъ корпорантовъ, почему-то узнавшій фамилію Рези и откуда она пріѣзжала.

— Мнѣ кажется, что преслѣдовать его за это сообщеніе мы не можемъ,—рѣшительно замѣтилъ Брукеръ:—онъ не имѣлъ никакого злого намѣренія, тѣмъ болѣе, что не зналъ истинной подкладки дѣла.

Съ этимъ согласился и Гейдерманъ, вернувшійся черезъ нѣсколько дней обратно. Ему удалось все устроить благополучно въ Штеттинѣ и даже увѣрить аптекаря, что для Рези большая честь быть такъ расхваленной на всю Германію. Эта случайная непріятность отчасти примирила Гейдермана и Брукера и сблизила опять всѣхъ насъ четверыхъ.

Еще съ мѣсяць пробылъ я въ Боннѣ. Въ срединѣ марта я получилъ отъ отца письмо; онъ настойчиво звалъ меня домой. Обстоятельства такъ сложились, что мое присутствіе сдѣлалось необходимымъ въ Петербургѣ. Мнѣ тяжело было разстаться съ маленькимъ прирейнскимъ городкомъ, со старымъ университетомъ, такъ привѣтливо меня встрѣтившимъ и пріютившимъ въ своихъ стѣнахъ, съ этой своеобразной жизнью нѣмецкаго студенчества, съ суровыми на видъ профессорами, но въ душѣ настоящими младенцами... Мнѣ жалко было покидать все это, но все же въ концѣ концовъ я долженъ былъ назначить мой отъѣздъ.

И я уѣхалъ.

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе тридцати лѣтъ, судьба недавно забросила меня опять въ Боннъ.

Иной, незнакомый городъ предсталъ предо мною, когда я приѣхалъ въ него изъ Кельна по электрической желѣзной дорогѣ. (Боннъ связанъ теперь съ Кельномъ четырьмя родами сообщения: обыкновенной желѣзной дорогой, электрической, узко-колейной и пароходомъ; вмѣсто 28 тысячъ жителей въ немъ теперь болѣе 80 тысячъ).

Въ университетѣ, послѣдовательно, мѣсто принца Вильгельма занимали его сыновья; кронпринцъ, принцъ Эйтель, а теперь принцъ Оскаръ.

Старое зданіе университета перестроено, число студентовъ возросло до трехъ тысячъ.

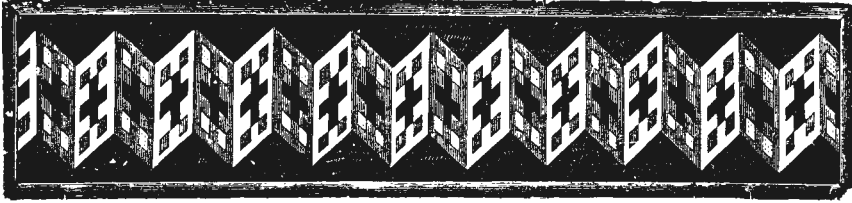
Старый профессоръ Кекулэ уже скончался; увы, нерадостны были дни его старости. Онъ вторично женился на молодой особѣ, забравшей его вполнѣ въ свои руки и даже чуть не бившей его. Старый ученый не въ силахъ былъ перенести такое униженіе, сталъ сильно пить, благодѣтель-коньякъ помогъ ему ускорить его конецъ...

Новый оберъ-педель, статный, пожилой вахмистръ, встрѣтилъ меня въ стѣнахъ *almae matris* и повелъ показывать новыя постройки.

Предо мной встали призраки былого, а во главѣ ихъ стройная фигура принца Фридриха-Вильгельма, теперешняго императора Германіи, такъ умѣло и властно дирижирующаго оркестромъ европейскихскихъ державъ.

Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ.

РУССКІЯ МЕТАМОРФОЗЫ.

(Изъ записной книжки журналиста).

I.

АСТОЯЩІЙ очеркъ служитъ мнѣ предисловіемъ къ послѣдующимъ описаніямъ событій. Движенія интеллигентной мысли, совершавшіяся недавно во всей Россіи, особенно ярко выразились въ Москвѣ, въ цѣломъ рядѣ незабываемыхъ сценъ и происшествій, протекавшихъ передъ моими глазами; все это даетъ мнѣ богатый матеріалъ для очерковъ, и я начну съ того, что мнѣ всего ближе, какъ нищему, — именно съ литературы и публицистики, насаждавшихъ у насъ идейную новь, которая затопила русскую жизнь и взбудоражила самыхъ уравновѣшенныхъ людей.

Наши необыкновенныя событія или, лучше сказать, метаморфозы начались во время неудачной японской кампаніи, когда изъ края въ край пронесся крикъ о необходимости у насъ реформъ. Реформы!—это жгучее слово подѣйствовало на всѣхъ, какъ шаманское: оно бросилось въ головы и отуманило умы. Возгласъ о реформахъ привѣтствовался повсюду, потому что все новое, по обыкновенію, сразу влюбляетъ въ себя толпу. Все тогда аплодировало и радовалось. Жизнь долго была монотонна, темна и скучна, хотѣлось перемѣнитъ хотя бы только во имя перемѣнитъ, но были, конечно, и серьезныя причины желать упорядоченія житейскаго обихода. Страсти проснулись почти мгновенно, разыгрались съ электриче-

ской быстротой, а это многих, даже государственныхъ людей, поразило и поставило втупикъ. До злосчастной войны съ Японіей полагалось, что Россія попрежнему только огромный ледникъ, но оказалось, что подъ снѣгомъ и льдомъ таится вулканъ. Милліоны умовъ, пылающихъ сердець и экзальтированныхъ душъ образовали тотъ идейный Везувій, изъ котораго началось грандіозное и небывалое въ Россіи изверженіе...

Потревоженные, взволнованные и растерявшіеся интеллигенты, всѣ начальственныя особы, главари муниципалитетовъ, дѣятели земства, градоправители и даже высшія полицейскія власти, все это упало духомъ и почувствовало, что почва сильно колеблется подъ ихъ ногами. Политическая гроза застала русское общество врасплохъ. Всѣ были испуганы и сразу оглушены. Лишь теперь понемногу мы начинаемъ разбираться въ прошломъ и въ своихъ впечатлѣніяхъ. Но это прошлое и теперь стоитъ неотступно передъ нашими глазами. Недавняя фантастическая сказка-драма, вмѣстившая въ себѣ столько реальной были, выскла въ нашей памяти огненными литерами тѣ писмена, которыя читаются и будутъ читаться съ ужасомъ и содроганіемъ. Пойдетъ ли подобное чтеніе въ прокъ русскому обществу? Не знаю. Правда, многіе, читая и припоминая прошлое, говорятъ, что горькій опытъ дастъ имъ въ будущемъ извѣстную точку опоры. Такъ инвалидъ, опираясь на свои костыли, думаетъ, что онъ во второй разъ навѣрное избѣжалъ бы своей злой судьбы...

Самой чувствительной негативной пластинкой, наиболѣе ярко отразившей все экстраординарное недавняго прошлаго, была русская литература, русская журналистика. Едва раздался голосъ министра Святополкъ-Мірскаго, возбудившаго знаменитый вопросъ «о довѣрїи», какъ внезапно стали рушиться огромные холмы газетной приниженности, немедленно и съ давно накопленнымъ аппетитомъ былъ отброшенъ тотъ языкъ, который Щедринъ именовалъ «рабѣимъ», и на смѣну ему явился «воляюкъ» безпримѣрной несдержанности. Затрещали колодки цензуры, гдѣ давно томилась русская многострадальная идея; раздался запросъ о правѣ, о свободѣ человѣческой личности. И вотъ, россійскій гражданинъ, дождавшійся любопытныхъ дней, сталъ свидѣтелемъ такого буйнаго карнавала «освобожденнаго слова», что сразу пришелъ въ конфузъ, не зная, какимъ богамъ молиться, чье ученіе считать догматомъ, чье—ересью? И эта обывательская растерянность была неизбѣжной, потому что идейные кумиры и божки поинутно смѣнялись одинъ другимъ. Съ быстротою молніи повергались разные солидные авторитеты и грязнились прежнія чистыя репутаціи. Нѣкоторые писатели, за свои убѣжденія принужденные сдѣлаться

даже эмигрантами, вернулись въ освобождающуюся страну и, къ собственному изумленію, попали въ разрядъ отсталостей и даже... черносотенцевъ; послѣднимъ словомъ именовали тогда рѣшительно все и вся, мало-мальски пытавшееся спокойно критиковать и анализировать положеніе вещей. Газеты, раньше представлявшія собою «оплотъ оппозиціи», были разжалованы въ званіе брюзжащихъ старичковъ «умѣреннаго и аккуратнаго либерализма». Такъ, «Русскія Вѣдомости» уже трактовались «отставшимъ органомъ», а студенческій листокъ назвалъ ихъ сотрудниковъ-профессоровъ чуть ли не провокаторами, чуть ли не выразителями идей черной сотни. Радикальные взгляды множились и разрастались. На книжномъ рынкѣ появились въ продажѣ сочиненія, передъ которыми недавно гонимыя книги Искандера, Кропоткина и др. были просто благоправными повѣстями для юношества въ изданіи Девриена. Соціально-демократическіе писатели въ своихъ брошюрахъ и въ новыхъ газетахъ потѣшались надъ старыми писателями-народниками. Кадетскіе дѣятели, теперь онять составляющіе главное ядро оппозиціи, въ тѣ времена смелѣсь въ одну грудку съ монархистами, октябристами и мирно-обновленцами. Въ вѣдомые литераторы печатали въ разныхъ газеткахъ такія зажигательныя статьи, что люди, власть имѣющіе, впадали въ отчаяніе и вызывали новыхъ публицистовъ, пробуя внушить имъ, чтобы тѣ хоть немного уняли свои лихія перья. Но эта просьба не помогла. Ежедневно росла запальчивость. Отвергали профессуру, городское общественное управленіе, чиновничество. На старую жизнь ставили громадный красный крестъ. Обаяніе титуловъ исчезло. Раскрывавшіяся преступленія бюрократіи (интендантскіе грѣхи, неустройство въ морскомъ вѣдомствѣ и проч.) приводили всѣхъ въ искреннее негодованіе. Гражданинъ нашей потревоженной страны чувствовалъ себя точно въ состояніи кипѣнія. Каждый готовъ былъ взяться за роль презуса и всѣхъ потребовать къ отвѣту. А на Дальнемъ Востоку дѣла шли хуже и хуже. Побѣждала Японія, но проигрывала не наша армія, а бездарность военачальниковъ, воровство интендантовъ, неподготовленность страны къ дальней и трудной кампаніи. Обокраденный русскій солдатъ, разутый, раздѣтый и голодный, устилалъ своимъ тѣломъ поля окрестностей Тюренчена, Мукдена, Цоргъ-Артура и т. д. Вѣсти объ этомъ съ динамической силой вызывали всеобщую злобу и были масломъ для огня идейнаго пожара. Затѣмъ, прямыми поджигателями явились органы размножившейся прессы. Новые изданія имѣли особую, какъ бы исключительно-карательную программу. Стали печататься такія статьи, которыхъ мѣсяць назадъ никто не могъ бы даже вообразить. Въ настоящее время всѣ согласны, что девять десятыхъ написаннаго въ тѣ бурные дни—продуктъ незрѣлый, вредный и, можетъ быть, даже провокаціонный. Но тогда все это одно и имѣло успѣхъ. Все,

что было наиболѣе эфемерно, но эффектно, какъ фейерверкъ, то и было привѣтствуемо съ восторгомъ. Благоразуміе считали трусостью, за разумъ принимали энтузіазмъ, за непоколебимую истину красивое слово... Это былъ пиръ увлеченій и фантазій, отъ котораго у многихъ потомъ сильно болѣла голова!

Вакханалія прессы, какъ крайней лѣвой, такъ и крайней правой, ожесточала читателя и дѣлила на лагери общество. Борьба была непродолжительна, и лѣвые задавили правыхъ. Ральше въ Москвѣ устраивались патріотическія процессіи, распѣвавшія гимны и требовавшія снятія шапокъ у всѣхъ, кто бы ни встрѣтился. Имъ на смѣну пришла процессія съ красными флагами, поющая русскую марсельезу и призывающая «отрѣшиться отъ стараго міра». Невѣжественная толпа особенно смѣло шла на площади и улицы, «освобожденныя»... отъ полицейскаго надзора, и тамъ слушала и глядѣла, и начинала вѣрить, что старому режиму пришелъ конецъ. Да и какъ не вѣрить? Утромъ тысячи газетныхъ статей утверждали, что все несостоятельно: система государственнаго правленія, идея монархизма, церковь; затрогивались и осмѣивались высшіе представители государства; позорились министры, губернаторы, военачальники и т. п. Начинивъ себя такой публицистикой, гражданинъ выходилъ на свѣтъ Божій и зрѣлъ скопища людей, процессіи, слышалъ агитаторскія рѣчи, крикъ, стрѣльбу изъ револьверовъ; все это подтверждало извѣстія «безумствующей» прессы, какъ кто-то мѣтко назвалъ тогдашнія газеты, и заставляло всѣхъ итти туда, гдѣ бушевала толпа, словомъ,—плыть по теченію...

Одновременно съ журналистикой безумствовала такъ называемая изящная словесность. Русскіе беллетристы и нувеллисты, по большей части новые, какъ бы сговорившись, вдругъ, безъ особыхъ церемоній, вычеркнули всѣ добрые старые писательскіе завѣты. Отбросивъ прекрасные образы и образцы классической литературы, эти новые писатели выказали себя и яркими политиками, и крайніми реалистами, и страшными безстыдниками-порнографами, но всего менѣе — литераторами. Начиналась новая эра русской словесности, но словесности ужъ никакъ не изящной. Въ произведеніяхъ тогдашняго времени все было по одному шаблону и модно-маллярному трафарету: авторы разрѣшали судьбы русскаго государства, описывали, по репортерскимъ газетнымъ замѣткамъ, «массовки», сходили и дѣянія «товарищей», вели діалоги «эсъ-эровъ» съ «эсъ-деками», уснащали свой очеркъ словами: «агитаторъ», «провокакторъ», «черная сотня» и т. п. А засимъ, къ этой «политикѣ въ беллетристикѣ» присоединялась грубѣйшая любовная интрига, всегда откровенная до тошноты, циническая и пошлая. Всѣ прежніе «фиговые листы» были откинута, какъ

вздорный предразсудокъ мѣщанской морали. Грубость г. Горькаго и грязныя описанія г. Л. Андреева нашли себѣ такихъ раздражателей, что скоро «учителя» были разбиты на голову юными учениками. Явились гг. Арцыбашевъ, Кузьминъ, Тетерниковъ, Купринъ и другіе писатели, передъ «словесностью» которыхъ могла не спастись развѣ одна «словесность» кабаковъ и позорныхъ притоновъ. Половыя гадости и всякія неестественности на этой почвѣ возвелись въ перлъ и описывались съ увлеченіемъ. Молодежь и невѣжественныя читательскія массы набрасывались на такія сочиненія и захлебывались ими. Благоразумный читатель, читая, отплеывался, пожималъ плечами, но рѣдко протестовалъ. Еще бы! Какъ тутъ протестовать, если отовсюду раздаются аплодисменты? Есть люди, которые въ обществѣ, отвѣдавъ какого-нибудь сквернаго соуса и еле удерживаясь отъ гримасы отвращенія, все-таки говорятъ за всѣми въ одинъ голосъ: «Какая прелесть!» Точно такъ и здѣсь. Боязнь прослыть «отсталымъ» заставляла терпѣть новѣйшія произведенія неприличной словесности. И эта словесность хоть недолго, но поцарствовала и повластвовала надъ мятущимися умами. Слава Богу, теперь это все понято и начинается оцѣниваться по достоинству!

Но въ тѣ дни понималось все наоборотъ. Даже половая извращенность, караемая нашими уголовными законами, отѣнялась, какъ нѣчто тонко-изящное, какъ «пища боговъ», по удивительному выраженію одного изъ новѣйшихъ эстетовъ-писателей. Наконецъ, модная литература затронула такіе священные уголки человѣческой души, которые всегда считались заповѣдными; грязь ихъ не касалась; если же и происходили въ жизни рѣдкія нарушенія правилъ высшей нравственности, то подобныя дѣянія почитались смертнымъ грѣхомъ, и даже закоренѣлый злодѣй скрывалъ гадкое дѣло на днѣ своей души. Но что такое старыя правила? Это были хламъ въ глазахъ новоявленныхъ просвѣтителей народа. Они все истолковали и «разъяснили» по-своему. Возьмемъ въ примѣръ хотя бы узы родства. И на эту міровую святыню, отличающую человѣка отъ звѣря, наложилъ свою неопрятную руку писатель новаго образца. Родной братъ, ощутивъ половое влеченіе къ красивой сестрѣ, говоритъ ей, что если бы она была умнѣе и развитѣе (!), она поняла бы всю несостоятельность и ничтожность старей морали и, конечно, отвѣтила бы ему, брату, полной взаимностью. Но авторъ (г. Арцыбашевъ) пишетъ, что сестра уклонилась продолжать съ братомъ такой разговоръ, что ее что-то вдругъ испугало, заставило задрожать. Авторъ безсознательно приводитъ эту сцену, но спасибо и за то, что онъ не отбросилъ этого чистаго движенія дѣвичьей души. А вотъ г. Тетерниковъ (развязно взявшій себѣ псевдонимомъ фамилію извѣстнаго русскаго писателя Сологуба) въ одной изъ своихъ психопатическихъ повѣстей заставляеть отца

сдѣлать такое же «санинское» предложеніе по адресу... родной дочери! И этотъ садистъ-писатель осмѣливается вложить въ уста юной дочери буквально такую кошунственную фразу:

— Я согласна, отецъ! Забудемъ ветхіе предрассудки!

Такую литературу, такое произведеніе изящной словесности въ прежнія времена оплевала бы не только критика, но и вся публика. Но въ моментъ появленія повѣсти г. Тетерникова всѣ понятія перевернулись вверхъ дномъ, и пошлая повѣсть, можетъ быть, прочлась, какъ образецъ идейной смѣлости. Но не можетъ долго туманить воображеніе подобный рецептъ оскотинѣнія чело-вѣчества, и въ настоящіе дни, повторяю, весь этотъ соръ начи-наетъ отметаться. Но тогда новые писатели старались одинъ передъ другимъ отличиться на славу. И отличились, дѣйствительно, на рѣдкость. Г. Кузьминъ проповѣдывалъ однополюю любовь и опи-сывалъ ее въ такихъ безобразныхъ, гнусныхъ сценахъ, что можно было заподозрѣть автора въ прямой ненормальности. Г. Купринъ также смаковалъ перепитіи обыкновенной любовной грязи, и это считалось «новизной положенія». Рядъ писателей, какъ прозаик-ковъ, такъ и стихотворцевъ, писали вопіющія мерзости, и въ рус-скомъ обществѣ разразился такой скандалъ, какого у насъ еще никогда не происходило. Дѣло дошло до того, что г. Леонидъ Андреевъ, очевидно, смущенный лаврами своихъ бойкихъ послѣ-дователей, а также не удовлетворяясь своей «Бездной» и расска-зомъ, какъ гимназистъ заболѣлъ дурной болѣзью и зарѣзалъ въ номерѣ проститутку (подробности этой «джековщины» рекомен-дуютъ автора, какъ истиннаго садиста), рѣшилъ написать нѣчто экстраординарное и напечаталъ рассказъ «Мои записки». Тамъ, въ этомъ очеркѣ описывается, дѣйствительно, экстраординарное... стыдно (за г. Андреева) сказать, что именно: тотъ порокъ, отъ ко-торого страдаютъ чаще всего дрянные школьники. И знаете, какъ воспѣваетъ авторъ это дѣяніе? Онъ ставитъ его въ заслугу, въ украшеніе своего героя! Онъ философствуетъ по этому поводу, говоря, что долженъ писать о такихъ вещахъ, о которыхъ принято умалчивать, но все это вздоръ, ибо оно, это дѣяніе, стоитъ въ дан-номъ случаѣ «выше понятій мѣщанской морали», «выше буржуаз-ной нравственности». И далѣе мы читаемъ слѣдующее:

«Великій разумъ, который я открылъ во всѣхъ явленіяхъ жизни (даже и въ половому извращеніи !?), да разсѣетъ передъ вами эту прозрачную мглу, которую люди неумные, невѣжественные и часто лицемѣрные набрасываютъ на важнѣйшія (?) стороны жизни чело-вѣка. Внѣшней неприличности послужить оправданіемъ его цѣло-мудренный (!?) и высокій (??) смыслъ».

Лично я всегда считалъ г. Леонида Андреева посредственнымъ писателемъ, но послѣ «Моихъ записокъ» надо прямо сказать, что онъ и человѣкъ ограниченаго ума. Онъ пишетъ вздоръ и не пони-

маеть, въ какомъ комическомъ положеніи находится. Онъ сочиняеть гадости и не чувствуетъ ни капли стыда. Умный литераторъ никогда этого не сдѣлаеть. Если г. Андреевъ не вѣритъ мнѣ, пусть почитаеть великихъ писателей и почерпнетъ оттуда правила необходимой морали. У Достоевскаго одинъ изъ героевъ говорить, что если бы могло быть допущено такое положеніе вещей, чтобы каждый изъ насъ описалъ свою, такъ сказать, подноготную, но такъ, чтобы не побоялся изложить не только то, что онъ боялся сказать своимъ лучшимъ друзьямъ, но даже и то, въ чемъ боится подчасъ признаться самому себѣ,—то вѣдь на свѣтѣ поднялся бы такой смрадъ, что намъ всѣмъ пришлось бы задохнуться...

Этотъ смрадъ поднялся въ эпоху гг. Арцыбашевыхъ, Андреевыхъ, Кузьминыхъ, Тетерниковыхъ и компаніи. Душно и тошно отъ омерзительнаго реализма этой «литературы», и одна отрада для читателя—заглянуть въ сокровищницу прежней русской литературы, гдѣ великіе реалисты и сердецвѣды творили дивныя произведенія, но обходились безъ всякихъ гнусныхъ крайностей...

Весь этотъ мутный потокъ разнузданной порнографіи и опрокинутыхъ нравственныхъ понятій есть не что-либо такое, что сочинилось по волшебству, по щучьему велѣнью, какъ говорится въ сказкахъ. Нѣтъ, это теченіе было неизбежно. Эта муть умовъ—прямое наслѣдіе страшныхъ событій въ странѣ. Россія, раненая на Дальнемъ Востокѣ, ощутила боль и всколыхнулась на всемъ своемъ громадномъ протяженіи. Крикъ о реформахъ не былъ единственнымъ воззваніемъ. За всякими потрясеніями государства идутъ не только реформы, но и дезорганизація, происходятъ беспорядки, коверкается житейскій обиходъ, наступаетъ анархія. Каждой націи свойственно это явленіе, когда послѣ пожаровъ, ужасовъ разгрома и насилія и потоковъ крови, послѣ чисто канибальскаго пира наступаетъ время не менѣе ужаснаго десерта. Послѣ французской революціи наступила безобразная будничная жизнь. Парижъ, по словамъ одного историка, «сбросилъ мантию добродѣтели», накинутаю на него Робеспьеромъ и Сенъ-Жюстомъ, и, послѣ бурь и кровавой рѣзни, улицы города увидали примѣры самага крайняго легкомыслія и распущенности; соблазнительная литература наводнила книжные рынки; нравы испортились до того, что свѣтскія дамы выходили обнаженными на улицы, и были случаи, что чернь кидала въ нихъ грязью и кричала: «Долой развратницъ!» Очевидно, людямъ, пережившимъ столько ужасовъ, захотѣлось скорѣе забыть сцены убійствъ, веселой музыкой заглушить залпы орудіи, танцами, виномъ и любовью изгнать блѣдныя призраки смерти. Но, увы, эта кровь, эти мертвыя тѣла, казни, орудія убійства, все это не проходитъ безслѣдно. Даже самыя

мягкія сердца ожесточаются и грубѣють. Въ человѣкѣ пробуждается дикарь и звѣрь. Онъ требуетъ забвенія не въ звукахъ сладкихъ и молитвахъ, а въ сильныхъ чувственныхъ ощущеніяхъ. Вотъ почему первыя радости бытія освободившагося отъ террора чело-вѣчества сами по себѣ будутъ всегда ужасны и безчеловѣчны.

И русское общество обдала такая же неотвратимая волна грязной чувственности и огрубѣнія нравовъ, хотя ея масштабъ былъ гораздо меньше. Все-таки эта липкая грязь насъ задѣла и испачкала. Что мы видимъ за послѣдніе годы русской жизни? Гдѣ проповѣдь благородныхъ истинъ? Гдѣ исканіе свѣтлыхъ идеаловъ? Гдѣ честное и рыцарское отношеніе къ женщинамъ? Гдѣ истинная и лучезарная любовь типа тургеневскихъ новеллъ? Гдѣ Лизы, Натальи, Елены, Лаврецкіе? Гдѣ хотя бы холодные эгоисты Рудины, все-таки ставившіе честь женщины выше своего эгоизма? Гдѣ, наконецъ, лѣнливые и симпатичные Обломовы, вѣчно ищущіе дѣла идеалисты Райскіе? Гдѣ милыя Марейники, великолѣпныя и чарующія Вѣры? Все исчезло, все измѣнилось! Измельчали герои, нивелировались идеалы, опошрили чувства. Культъ тѣла—на первомъ планѣ, въ литературныхъ алтаряхъ сидятъ на корточкахъ безобразные божки, и имъ курится писательскій и читательскій оиміамъ. О молодежи я не говорю, ее захватываетъ мода, хотя бы и дурная, но тутъ хоть есть надежда на воскресеніе, на очеловѣченіе въ зрѣломъ возрастѣ. Ну, а каковы зрѣлые общественные дѣятели нашей интеллигенціи? Печальная картина разворачивается здѣсь передъ нами. Страна жаждетъ возрожденія, работы вездѣ много, а честныхъ работниковъ нѣтъ или очень мало. Существуютъ и блаженствуютъ хищники, паразиты, казнокрады и лѣнтяи съ хорошей протекціей. Война показала намъ, что у насъ мало благороднаго патріотизма, а непочатый уголь всего трусливаго и въ то же время наглаго. И современная литература, не видя, что у нея дѣлается передъ глазами, сама становится въ уровень съ пошлостью жизни: ея герои не дѣятели, а бездѣльники, развратники, безобразники или уроды, идіоты, повредившіеся всего болѣе на половыхъ мерзостяхъ. И эта литература одно время полагала, что служить руководительницей образованнаго общества! Какое безобразное заблужденіе...

На ряду съ подобными произведеніями, напечатанными въ сборникахъ съ разными названіями, на книжный рынокъ нахлынули изданія лубочныя, гдѣ предлагалась публикѣ весьма нелѣпая авантюра. Маленькій англійскій писатель Конанъ-Дойль, авторъ приключеній несуществовавшего Шерлока Холмса, имѣлъ у насъ до смѣшнаго незаслуженный успѣхъ. Между тѣмъ, это просто ловкій плагиаторъ, взявшій всю суть изъ рассказовъ великаго Эдгара Поэ. У перваго Холмса—жалкая копія съ Дюпена («Двойное убійство

въ улицѣ Моргъ», «Украденное письмо» и др.), обрисованнаго Эдгаромъ Поэ дѣйствительно блестяще. Но особое настроеніе русскаго общества благопріятствовало распространенію кустарныхъ разсказовъ Конанъ-Дойля, и Холмсъ сталъ героемъ дня.

Вслѣдъ за этой чепухой о каторжникахъ, о хитроумныхъ преступникахъ и чудесныхъ талантахъ сыщика, которой противопоставлялась явная глупость его друга-доктора, явилась даже подъ эту литературную труху грубѣйшая поддѣлка: какіе-то юркіе издатели стали выпускать безграмотно переведенныхъ сыщиковъ «Натовъ Пинкертоновъ», «Картеровъ» и т. п. Въ этихъ книжкахъ цѣною отъ 5 до 7 коп. разсказывались такія чудовищныя преступления, что даже во снѣ не увидишь. Русскія дѣти, забывъ чудесныя сочиненія Вальтера Скотта, Купера, Жюль Верна и Майнъ-Рида, упивались Пинкертонами и новыми Холмсами; въ этомъ хламѣ попадались порнографическія «Тайны кушетки», «Огарки» и т. п. Такая литература запрудила всѣ рынки и сбывалась въ сотняхъ тысячахъ экземпляровъ. Наконецъ министерство народнаго просвѣщенія выступило съ особымъ циркуляромъ по поводу названныхъ лубочныхъ изданій и требовало, чтобы директора среднихъ учебныхъ заведеній внушали учащимся о вредѣ подобнаго чтенія. Надъ этимъ циркуляромъ смѣялись, но что же было дѣлать министерству народнаго просвѣщенія? Въ качествѣ журналиста, я всегда былъ противникомъ цензуры, нанесшей огромный ущербъ нашей изящной словесности, публицистикѣ и наукѣ. Но если у насъ считается нужнымъ карать изданія за всякіе пустяки и устраивать ауто-да-фе вреднымъ съ административной точки зрѣнія политическимъ книгамъ, то можно спросить, почему же эта сторожевая цензура не воспрещала и не воспрещаетъ до сихъ поръ фабрикацію разнаго кроваваго вздора, порнографическихъ книжочекъ и юмористическихъ журналовъ въ родѣ «Шутенка», «Фарса», «Всемирнаго Юмора» и т. п.? Здѣсь цензура могла бы, можетъ быть, въ первый разъ съ безспорной пользой, отлично проявить свои карательно-истребительные таланты...

Кратко упомяну о россійскомъ Геликонѣ, также знаменующемъ эпоху русскихъ метаморфозъ.

Какъ-то странно и конфузно вспомнить, что русская поэзія была нѣкогда первоклассной. Чудесное созвѣздіе изъ именъ—Пушкинъ, Жуковскій, Лермонтовъ, Кольцовъ, Некрасовъ, Баратынскій, Державинъ, Языковъ, Никитинъ, Фетъ, Майковъ, Полонскій и нѣкоторыя другія имена—горятъ до сихъ поръ вѣчными свѣтилами ума и таланта. Ихъ творенія—музей перловъ русской музы. Это—гордость націи, великій образецъ для послѣдующихъ пѣснопѣвцевъ. Что же поютъ и какъ поютъ эти новые барды и сазандары

нашихъ дней? Я думаю, излишне приводитъ примѣры шедевровъ современныхъ рюмованныхъ произведеній. Кто не читалъ стихотвореній г. Бальмонта, Брюсова, Зинаиды Гипсіусъ, Андрея Бѣлаго, Блока и многихъ другихъ поэтовъ-декадентовъ? Журналы «Вѣсы», «Золотое Руно» и многіе «сборники» служатъ пріютами этихъ виршъ. Нелѣпость въ стихахъ, когда-то невозможная, теперь стала обязательною. Наборъ фразъ сдѣлался признакомъ глубины поэтическаго произведенія, а его непроглядная темень—особымъ смысломъ, сокровеннымъ для непосвященныхъ. Къ сожалѣнію, число послѣднихъ громадно: это буквально все образованные читатели, и только кучка «избранныхъ», вродѣ сотрудниковъ журнала г. Рябушинскаго и т. п. изданій, понимаетъ суть пѣснопѣній Бѣлаго и иже съ нимъ...

Итакъ, сказавъ лишь вскользь о новѣйшей поэзіи, знаменующей черезчуръ сильную утонченность, а можетъ быть и простое поврежденіе умовъ, я остановлю вниманіе читателя на современномъ юморѣ. Онъ также сыгралъ роль при «освободительномъ движеніи» и также составляетъ одну изъ характерныхъ черточекъ тѣхъ дней. Было время, юмористическіе журналы, вродѣ «Искры» Курочкина, имѣли нѣкоторое вліяніе на общество, были остры, мѣткі, литературны. Во время политической бури подобный типъ журнала былъ непригоденъ, чему доказательствомъ служить прекращеніе «Стрекозы», лучшаго юмористическаго журнала, гдѣ печатались свои прекрасныя сатирическія статьи И. Ф. Василевскій (Буква).

Новѣйшая юмористика была другого сорта. Она вылетѣла, какъ несчастія изъ ящика Пандоры, и преподнесла такую «сатиру», что судебныя учрежденія до сихъ поръ не раздѣлялись съ процессами редакторовъ и сотрудниковъ этихъ изданій. Появились какіе-то неслыханные «Жгуты», «Жупель», «Пулеметы», «Аргусы», «Зрители» и проч. и проч., и проч. Эти журналы даже видъ имѣли невѣроятный. Представьте себѣ листы бумаги, окропленные кровью,—въ такомъ видѣ выпускались многіе органы сатиры; красная краска доминировала надъ остальными; рисунки изображали повѣшенныхъ, звѣрства казаковъ и прочихъ частей русскихъ войскъ; тутъ же печатались въ карикатурахъ высокопоставленныя лица, министры и общественные дѣятели. Въ текстѣ журналовъ встрѣчались невѣроятныя описанія, гдѣ была поправа всякая элементарная вѣжливость. Обнаженное женское тѣло также сильно эксплоатировалось карандашами изступленныхъ художниковъ и карикатуристовъ. Среди названій журналовъ попадались весьма курьезныя по бессмысленности. Такъ, помнится, недолго существовала журналъ «Двухглавый Кукишъ». Кто неподобный сочинитель такого заглавія!

Тотъ, кто собиралъ и сохраняетъ коллекцію подобныхъ раритетовъ русскаго одичавшаго юмора, можетъ со временемъ продать ее

за очень солидную цѣну. Юмористическіе журналы особенно ясно выражаютъ тогдашнее помутнѣніе человѣческаго разума и краснорѣчиво говорятъ, что на ряду съ серьезными дѣятелями обновленія строя жизни всегда идутъ промышленники, шуты, фигляры и люди, не только не желающіе «имѣть царя», но и вообще не имѣющіе царя въ головѣ...

Два сорта публики попадали подъ вліяніе тогдашней литературы, науки и публицистики: мы, интеллигенты, и чернорабочіе. Интеллигентъ, увлекаясь модой, поглощалъ всю умственную дребедень и, несомнѣнно, портился, растлѣвался, понижалъ свой вкусъ въ пониманіи дѣйствительно изящной словесности. Особенно интеллигентная молодежь губила свое воображеніе. Но молодой и среднихъ лѣтъ рабочій, идя въ интеллигенцію, искалъ не «пищи боговъ», а только образованія. Завѣтная мечта простого человѣка, пробужденнаго событіями, заключалась въ желаніи учиться. Въ силу своей профессіи газетнаго корреспондента, я давно сталъ изучать фабрику и быть простого рабочаго. Со времени извѣстной «зубатовской»¹⁾ исторіи, въ теченіе всего нѣсколькихъ лѣтъ, фабрика радикально измѣнилась. Москва—столица фабрикъ и заводовъ, и мнѣ было открыто широкое поле для наблюденій. И я поражался тѣмъ, что видѣлъ. Вчерашній невѣжда и слѣпецъ, жившій, какъ волъ за хозяйскимъ плугомъ, только растительной жизнью, и лишь въ винѣ находившій себѣ отраду,—сегодня преобразился въ интересное и начинающее мыслить существо. Далекі ли тѣ дни, когда московскій фабричный пугалъ обывателя и заставлялъ его сторониться отъ фабрично-заводскихъ районовъ? Но пришло время, когда мѣстожителство возлѣ фабрики стало гарантіей защиты отъ хулигановъ и воровъ (1905 годъ). Новый типъ фабричнаго имѣетъ не только идеаль пьяницы, онъ идетъ ужъ не только въ кабакъ и трактиръ, а смѣняетъ ихъ на аудиторіи. Тотъ, кто запросто бесѣдовалъ съ фабричнымъ людомъ, теперь не скажетъ, что это—«грубыя животныя». Совсѣмъ нѣтъ! Передъ нимъ оказываются толковые люди, здраво разсуждающіе о многихъ насущныхъ вопросахъ жизни. Къ нимъ даже не совсѣмъ пристали ярлыки—разные «соціалъ-демократы», «соціалисты-революціонеры» и т. п. По-моему, главная ихъ «платформа»—хочу учиться, образоваться. Даже не одни фабричные склонны развязаться съ долгимъ невѣжествомъ, не одни они стали стремиться къ свѣту знанія. Событія на Дальнемъ Востокѣ, какъ и всякія военныя событія, всегда пробуждаютъ въ массахъ

¹⁾ О ней я, можетъ быть, напишу особо, тѣмъ болѣе, что у меня находятся интересныя и нигдѣ не опубликованныя документы этой любопытной пробы административнаго объединенія съ рабочими—противъ заводчиковъ и предпринимателей.
Н. Е.

желаніе узнать, что дѣлается на свѣтѣ. Газеты становятся вѣстниками и грозныхъ, и отрадныхъ событій. Случайно вызванная охота къ чтенію укореняется и обращается въ жажду знанія, въ стремленіе къ истинѣ, къ просвѣщенію. Проѣзжая лѣтомъ по желѣзнымъ дорогамъ, пассажиры всегда слышатъ крикъ:

— Баринъ, дай газету! Брось книжку!

Это стоитъ на шпалахъ сермяжная Русь и протягиваетъ свои черныя, мозолистыя руки къ свѣтлому призраку образованія. Не политическія страсти ими двигаютъ, а одно главное чувство сознанія своего невѣжества, темноты и обиженности, а также то чувство, которое когда-то архангельскаго мужика Ломоносова заставило уйти съ обозомъ въ столицу, чтобы научиться и просвѣтиться... И, видя, слыша, какъ идетъ и проситъ духовнаго хлѣба со всѣхъ сторонъ простой народъ, мы должны понять, что вся Русь теперь просыпается Ломоносовымъ и идетъ къ намъ, интеллигентамъ, за помощью и душевнымъ врачеваніемъ.

Мимо этого громаднаго количества людей, мимо жаждущаго познанія народа безвредно пройдутъ змѣи и скорпіоны современной скверной литературы. Это—мое твердое убѣжденіе, моя вѣра. Утонченный развратъ, пропагандируемый психопатами пера и сердца, непонятенъ и недоступенъ психологіи простаго русскаго человѣка. Ему не нужна ни односторонняя политика, ни извращенная эстетика, а требуется популярная наука и простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ. Честный писатель долженъ особенно теперь не забывать завѣтъ Некрасова и сѣять разумное, доброе и вѣчное. Пора перестать пытаться развращать народъ. Пора вспомнить, что изъ народа подготавливается особая умственная интеллигенція, идутъ новые граждане. Сильные, стойкіе, работоспособные, они отстраняютъ не только наши симпатіи и антипатіи, но и насъ самихъ, изнѣженныхъ и изгадившихся интеллигентовъ, и займутся дѣлами не по-нашему, именно безъ неврастенія и безъ всякихъ сентиментальныхъ колебаній...

Двѣ отрасли изящнаго искусства, русская живопись и русскій театръ, нѣсколько менѣе отразили на себѣ бурныя событія послѣднихъ лѣтъ. Это понятно. Актеръ и художникъ, какъ чистые слуги искусства, были какъ бы смыты волнами крови и слезъ. Для политической бури Аполлонъ и его девять музъ—плохая преграда. И когда русскіе литераторы, врачи, адвокаты и другіе общественные дѣятели, обособившись по группамъ и партіямъ, яростно повели мѣжду собою идейныя сраженія,—дѣти солнца, артисты и художники, робко оглядываясь кругомъ, видѣли только зловѣщіе или страдающіе лики, слышали только слова злобы и ужаса. Тогда было не до картинъ, не до сцены, не до эстетики.

Но зато картина стала доступна декадансу. Декадансъ ея былъ у насъ ужасенъ. Западные оригиналы, безобразные и дикіе, какъ бы удесятирили свое безобразіе въ полотнахъ русскихъ чудаковъ кисти. Смотри на иное, якобы художественное, произведеніе живописи, невольно вспомнишь слѣдующіе стихи Жуковскаго:

«То было—тьма безъ темноты,
То было—бездна пустоты
Безъ протяженья и границъ;
То были образы безъ лицъ».

Авторы этихъ «шедевровъ» оказались банкротами со всякой стороны, какъ къ нимъ ни подойди: ни колорита, ни рисунка, одно безуміе въ формахъ и нелѣпая пестрота въ краскахъ...

Художественная критика, вмѣсто того, чтобы научить уму-разуму хромающихъ на оба колѣна художниковъ-декадентовъ, тщательно поддерживала эти вредныя увлеченія. Это, впрочемъ, естественно. Современная художественная критика до того выродилась, что у насъ нѣтъ ни одного авторитетнаго имени, на которое можно бы сослаться. Скажу болѣе: теперь совсѣмъ нѣтъ и художественной критики. Ее замѣнила невѣжественная рецензія. Напримѣръ, въ одной серьезной московской газетѣ вопросы эстетическаго характера разрѣшаетъ какой-то бухгалтеръ изъ страхового общества. Я согласенъ, почему критику и даже очень хорошему не быть бухгалтеромъ? Но бѣда въ томъ, что бухгалтеры, являсь въ роли критиковъ, остаются тѣми же бухгалтерами и въ эстетикѣ; составляя свои рецензіи, они только расшаркиваются передъ модными теченіями въ искусствѣ и дальше этого итти не въ состояніи...

Что касается сцены, то она потеряла исключительно отъ новѣйшаго типа драматурговъ, недалеко ушедшихъ отъ новаго типа беллетристовъ. Однакожъ, театры нельзя было использовать, какъ сборники, вродѣ «Шиповника» и т. п. Въ театрѣ жили старыя традиціи приличій. Полное безстыдство здѣсь оказалось невозможно, и гг. драматурги только въ допустимой формѣ стали поучать публику. А поучали они разному. Особенно ратовали противъ брака, противъ гнета домашняго очага. Дѣло дошло до прямыхъ рецептовъ. Одинъ драматургъ «прописалъ» для счастья избранныхъ натуръ даже многоженство. Горькій изображалъ «бывшихъ людей» въ фантастическомъ ореолѣ героизма, а Леонидъ Андреевъ ударился въ символистку и вѣщалъ азбучныя истины замогильнымъ голосомъ. Его «Анатэму» можно назвать бесполезнымъ кощунствомъ, «Анѣису» (судя по выдержкамъ изъ этой пьесы, напечатаннымъ въ газетахъ) — просто непристойностью, которую неизвѣстно зачѣмъ размазалъ авторъ. Публика смотритъ эти новыя драматическія произведенія и начинаетъ относиться къ нимъ критически. Это—отрадный просвѣтъ. Въ провинціи давно провалились тѣ са-

мья драмы и трагедіи, которыя пока «держатся» въ Москвѣ и Петербургѣ. Въ особенности Москва погружена въ туманъ. Въ Москвѣ есть театр гг. Станиславскаго и Немировича-Данченко, прекрасно усвоившій способы и фокусы, какъ надо, попросту говоря, водить за носъ публику. Всякое модное произведеніе автора съ именемъ играется тамъ съ присоединеніемъ къ нему массы «деталей», изъ-за которыхъ подчасъ и автора-то мало замѣтно. Невообразимую чепуху тамъ исполняютъ съ минами жрецовъ, творящихъ святую жертву на алтарѣ искусства. Но въ публикѣ уже началась реакція. Просыпаются прежніе здоровые идеалы, очищаются вкусы, пропадаетъ интересъ къ вычурѣ, надѣвшею маску оригинальности...

А что вкусы испортились—это фактъ безспорный

Я помню, когда московскій Художественный театръ ставилъ трилогію графа А. Толстого (тогда первая ея часть—«Царь Ѳедоръ Иоанновичъ»—имѣла огромный успѣхъ), я былъ по порученію редакціи «Новаго Времени»¹⁾ у графа Л. Н. Толстого, и вотъ какой произошелъ между нами любопытный для всѣхъ разговоръ:

— Скажите,—спросилъ Л. Н. Толстой:—вы видѣли «Царя Ѳедора Иоанновича»? Почему эта трагедія имѣетъ такой шумный успѣхъ?

Я отвѣчалъ, что пьеса недурно поставлена, тщательно срепетована и потому нравится.

— Ну, вотъ развѣ постановка хороша!—сказалъ великій писатель.—Что же касается всей трилогіи, то я помню общее впечатлѣніе, когда она была написана. Трилогія А. К. Толстого скучна, неинтересна. Вотъ я теперь и заинтригованъ: почему такъ много о ней говорятъ и пишутъ? И я прихожу къ заключенію, что этотъ непонятный успѣхъ знаменуетъ пониженіе вкусовъ публики...

Таковъ былъ приговоръ Льва Толстого. Вотъ разгадка успѣха многихъ плохихъ пьесъ: пониженіе вкусовъ публики! И эти вкусы понизились еще болѣе, когда появились гг. Горькіе, Найденовы, Андреевы, Чириковы, когда настоящую литературу смѣнила литература разухабистая, когда творчество выродилось въ фальсификацію, и когда «интерпретаторами» этого фальшиваго искусства явились ловкіе предприниматели-фокусники...

Съ литературой и искусствомъ тѣсно связана и наука. Періодъ тяжелыхъ потрясеній страны нанесъ этому очагу просвѣщенія рядъ ударовъ. Университеты и другія высшія учебныя заведенія сильно пострадали и постонали, пока притупилась острота политическихъ

¹⁾ Я былъ посланъ редакціей на Кавказъ, къ духоборамъ, и послѣ этой поездки пришлось для нѣкоторыхъ справокъ заѣхать къ Л. Н. Толстому, который очень любитъ духоборовъ и называетъ ихъ «людьми XXV столѣтія».

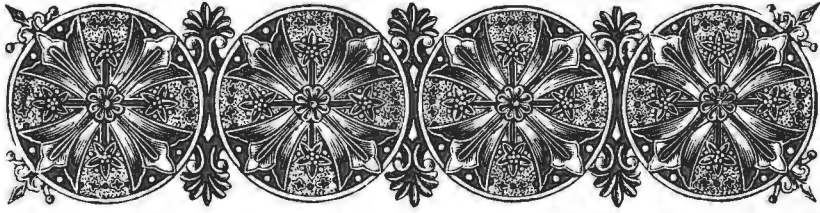
событій. Особенно въ Москвѣ это была удручающая картина: университетъ представлялъ укрѣпленный лагерь; на его дворѣ горѣли костры студенты стояли часовыми; городъ съ ужасомъ ждалъ, что вотъ-вотъ алтарь науки будетъ бомбардированъ пушками... Къ счастью, этого не случилось. А когда университетъ пережилъ полосу анархіи, жизнь его стала гораздо содержательнѣе, чѣмъ въ былые годы. Напримѣръ, на его филологическомъ факультетѣ, послѣ дарованія университетской автономіи и послѣ революціонныхъ сценъ въ Москвѣ, молодая жизнь забила ключомъ. На факультетскихъ засѣданіяхъ нѣсколько молодыхъ ученыхъ съ блескомъ защитили свои магистерскія диссертациі, — а раньше на томъ же факультетѣ въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ была мертвящая тишина, словно московская *alma mater* кому-то дала подписку совѣмъ не зани; маться наукой!

Въ нынѣшнемъ году здѣсь совѣмъ иная картина: никогда лекторы не читали своихъ лекцій передъ такими многочисленными аудиторіями. Юношество аккуратно посѣщаетъ университетъ и клиники. Всѣ жадно учатся, наверстывая потерянное за два бурныхъ года время. Политика кончена. Побѣдила академія. И царство науки, поруганное и использованное, какъ арена политическихъ демонстрацій, снова сдѣлалось царствомъ свѣта и мирнаго труда ума.

«Такъ храмъ оставленный—все храмъ,
Кумиръ поверженный—все Богъ!»

Н. Ежовъ.

БУНТЪ ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ.

(Изъ близкаго прошлаго).

ОГДА въ 1902 году я перебрался въ Севастополь, главнымъ командиромъ Черноморскаго флота былъ вице-адмиралъ Сергѣй Петровичъ Тыртовъ. Съ Сергѣемъ Петровичемъ мнѣ приходилось служить еще въ семидесятихъ годахъ въ нашей тихо-океанской эскадрѣ, когда онъ, въ чинѣ капитанъ-лейтенанта, командовалъ клиперомъ «Гайдамакъ». По чистотѣ, порядку, дисциплинѣ, маневрамъ «Гайдамакъ» былъ однимъ изъ первыхъ, да и самъ Тыртовъ слылъ за лихова моряка, человѣка прямого, въ начальствѣ не заискивающего. Потомъ онъ командовалъ полуброненоснымъ фрегатомъ «Генераль-Адмиралъ»; ближайшимъ помощникомъ у него, старшимъ офицеромъ, былъ тогда капитанъ-лейтенантъ Чухнинъ, впоследствии тоже главный командиръ Черноморскаго флота, офицеръ, по своимъ личнымъ качествамъ и знанію дѣла не уступавшій Тыртову и даже, какъ потомъ оказалось, превосходившій его. Помню, по возвращеніи этого фрегата изъ Средиземнаго моря въ Кронштадтъ, встрѣчаю одного лейтенанта, впоследствии командира броненосца злополучной небогатовской эскадры.

— Была кампанія, вамъ доложу! И жучили же насъ! Положимъ, служба велась образцово; порядокъ, чистота удивительные! Но тяжело было дьявольски. Бывало, вызываютъ наверхъ, — вѣрите ли? — прямо-таки дрожь пробираетъ.

Лично меня больше интересовалъ Чухнинъ, — Тыртова я уже зналъ.

— Чухнинъ? Это, вамъ доложу, спартанецъ форменный. Съ пяти часовъ утра, вмѣстѣ съ командой, на погахъ, ѣсть ту же кашницу; круглый годъ въ одномъ легонькомъ сюртучкѣ, какая бы анаема погода ни была,—и насъ къ тому же приучилъ; силища! Съ нимъ на концѣ ¹⁾ вся каютъ-компанія тянулась, перетянуть не могла; но не дрался, нѣтъ; разъ только не вытерпѣлъ, одного подлекаминара по рожѣ смазаль слегка,—въ лазаретъ унесли. Они вдвоемъ—вѣрите ли—даже бѣднаго адмирала К—ва совѣмъ загоняли, ей-Богу.

Вспоминалось мнѣ все это, и я нисколько не сомнѣвался, что черноморскій флотъ подъ главенствомъ Сергѣя Петровича не посрамить земли русской, сумѣетъ постоять за себя. Дѣйствительность, однако, разочаровала. Тыртовъ, правда, пользовался среди черноморцевъ популярностью, но уже съ другой, «душевной» стороны, въ роли отца-командира; ну, а когда служба, морская въ особенности, ведется «по душѣ», то наша славянская распущенность такъ или иначе свое возьметъ. Нужно сказать, что Тыртову прежде, чѣмъ сдѣлаться главнымъ командиромъ, пришлось прослужить нѣсколько лѣтъ въ томъ же Черномъ морѣ подъ начальствомъ, тоже ужъ покойнаго, адмирала Копытова, этого въ своемъ родѣ послѣдняго могикана стараго, николаевского времени; прекрасный морякъ, энергичный администраторъ, хозяинъ, но большой деспотъ и, какъ всякій деспотъ, не выносившій людей самостоятельныхъ, съ подчиненными ему адмиралами онъ не особенно церемонился, и Тыртовъ очутился въ положеніи чуть не мичмана, съ самолюбіемъ и прежнеею службою котораго не считаются. У него опустились руки; онъ сталъ брюзжать, перешелъ въ оппозицію, на сторону сочувствовавшего ему большинства, сдѣлался для нихъ своимъ; такимъ своимъ онъ и остался послѣ, когда былъ назначенъ на мѣсто Копытова. И офицерство благодумствовало, судовыя команды тоже; а тѣмъ временемъ среди послѣднихъ, предоставленныхъ самимъ себѣ, появились иные руководители, иные учителя.

На одной сторонѣ бухты, городской, пользуясь высокаторжественными днями, говорились красивыя рѣчи о славныхъ традиціяхъ, неизмѣнно живущихъ въ черноморскомъ флотѣ, а по ту сторону бухты рѣчи были другія; онѣ били въ носъ своею показною правдивостью и призывали къ мятежу. Пропаганда велась невозбранно, систематично, настойчиво.

Въ началѣ 1903 года Тыртова, скоропостижно скончавшагося, смѣнилъ извѣстный Скрыдловъ, а послѣдняго, вскорѣ же, Григорій Павловичъ Чухнинъ. Передъ тѣмъ Чухнинъ былъ очень недолгое время директоромъ морского кадетскаго корпуса, но тамъ этотъ суровый адмиралъ пришелся не къ двору,—въ корпусѣ еще жилъ

¹⁾ На веревкѣ.

духъ Еланчина и Арсеньева, этихъ адмираловъ-воспитателей, почти не выдавшихъ моря; тамъ признавалось, что «заслуги отцовъ переходятъ и на дѣтей»; а про Чухнина рассказывали, что, когда къ нему одно очень высокопоставленное лицо обратилось по телефону съ просьбой принять въ число кадетъ срѣзавшагося на конкурсѣ юношу, онъ отвѣтилъ: «Простите, ваше высокопревосходительство, вы не по тому адресу обратились; можетъ быть принять только по высочайшему повелѣнію».

Когда Чухнинъ познакомился поближе съ черноморскимъ флотомъ, не изъ докладовъ, не на вечерахъ въ морскомъ собраніи или у себя на дачѣ, въ «Голландіи», а на самомъ дѣлѣ, въ плаваніяхъ, онъ былъ пораженъ, и тутъ пошли его извѣстные приказы, къ сожалѣнію, попавшіе и въ печать, даже заграничную, и вызвавшіе у однихъ—удивленіе, тревогу, негодованіе, у другихъ—чувства пріятныя, до умиленія.

— Вотъ каковъ этотъ грозный русскій флотъ!

Офицерскій составъ оказался малознающимъ, неопытнымъ, а главное—не видно было въ немъ любви къ своему дѣлу, духа животворящаго. Если бъ Чухнинъ тогда зналъ да вѣдалъ, что за этими отбывающими свой «цензъ» офицерами стояли еще болѣе дезорганизованныя судовыя команды, особенно специалисты: минеры, машинисты, комендоры, то онъ, навѣрно, сдержалъ бы свой гнѣвъ изъ боязни окончательно дискредитировать ихъ начальниковъ, которые все-таки въ политическомъ отношеніи были безусловно благонадежны. Говорятъ, впоследствии Чухнинъ созналъ это, но дѣло было уже сдѣлано. И вотъ неожиданно, —неожиданно для начальства,—вспыхнулъ бунтъ на «Потемкинѣ», а затѣмъ вскорѣ наступили и «севастопольскіе дни». Объ этихъ-то дняхъ я и хочу подѣлиться своими впечатлѣніями.

Въ двѣнадцатомъ часу дня 14 ноября 1905 года я стоялъ на городскомъ, возвышенномъ берегу Южной бухты. Передо мной, на противоположной сторонѣ, внизу тянулась портовая территория съ ея мастерскими и складами, а дальше, на возвышенномъ плато, обнесенномъ стѣною, —казармы флотскихъ экипажей.

Было извѣстно, что остававшіеся на берегу нижніе чины взбунтовались и что къ нимъ присоединился и расположенный по сосѣдству пѣхотный полкъ; начальство, прибывшее уговаривать ихъ, арестовано; одинъ офицеръ убитъ, а завѣдывающій береговыми командами контръ-адмиралъ раненъ. Но теперь передъ моими глазами творилось что-то непонятное: играла музыка, матросы стройными рядами шагали по плацу и кричали «ура!» Потомъ все объяснилось: они, по установившемуся обычаю, справляли тезоименитство Императрицы Маріи Феодоровны. Это было ужъ что-то несуразное. Въ окружавшей меня толпѣ простолюдиновъ и разночинцевъ стало проявляться недовольство.

— Струсил.

— Бунтовщики тоже, революціонеры.

Одинъ изъ присутствовавшихъ, повидимому, изъ трудовиковъ, сталъ ихъ успокаивать:

— Это только такъ, для видимости.

— Какая такая видимость! Не понимаете, что ли? Табель празднуютъ.

— Хвосты поджали.

— Оставьте; повѣрьте, по наружности только,—успокаивалъ трудовикъ, хитро подмигивая.

Очевидно, онъ кое-что зналъ болѣе другихъ. Дѣйствительно, главари движенія первое время скрывали отъ массы главную цѣль мятежа, требованія были выставлены экономическія, бытовыя: увеличеніе жалованья, свободный выходъ изъ казармъ, уничтоженіе вѣстовыхъ и денщиковъ и т. п.

— Повѣрьте, знаютъ, что дѣлаютъ. Это только такъ, чтобы, значить, мирно, безъ крови.

Большинство, однако, не раздѣляло его увѣренности, выказывало недовольство, бранились; нѣкоторые стали расходиться; ушелъ и я.

На Приморскомъ бульварѣ было много народа. Эскадра, почти въ полномъ сборѣ, стояла на якорѣ. По наружному виду судовая жизнь шла обычнымъ порядкомъ, но было извѣстно, что тамъ переживали тяжелое время: безпокойное, даже мятежное на нѣкоторыхъ судахъ настроеніе нижнихъ чиновъ, подавленное состояніе духа офицеровъ, нерѣшительность начальствующихъ... То отбирали оружіе, ударники, то возвращали ихъ...

Нужно сказать, что контръ-адмиралъ Ф., нынѣ уже покойный, флагъ котораго былъ поднять тогда на флагманскомъ кораблѣ «Ростиславъ», почти всю свою службу прошелъ въ Черномъ морѣ. Какъ извѣстно, черноморскій флотъ, собственно боевой, броненосный,—созданіе послѣднихъ лѣтъ; раньше же, послѣ Крымской кампаніи, онъ долгое время состоялъ изъ небольшихъ пароходовъ, шхунъ, транспортовъ, которые обслуживали черноморское и азовское побережье, какъ стаціонеры, брандвахты, транспорты при съемкѣ и описи береговъ... Вотъ на этихъ-то судахъ и воспиталось цѣлое поколѣніе моряковъ, своевременно выплавившихъ установленный цензъ и занявшихъ впослѣдствіи отвѣтственные мѣста командировъ и начальниковъ отрядовъ. Для моряка, какъ и для всякаго специалиста, очень важна школа, которую онъ прошелъ въ молодыхъ годахъ,—она кладетъ печать на всю его послѣдующую дѣятельность,—исключенія, конечно, бываютъ, но не среди посредственностей, и въ этомъ отношеніи контръ-адмиралъ Ф.—въ, какъ и его предшественникъ по командованію В—iii, который такъ неудачно гонялся за «Потемкинымъ» и потомъ благоразумно вернулся

въ Севастополь, потерявъ еще одинъ броненосецъ, въ молодыхъ годахъ не проходили настоящей, учебной службы, одинъ въ Черномъ морѣ, другой въ захудалой тогда сибирской флотиліи. Оба—люди многосемейные, хозяйственные; имѣвшие собственные дома... Этимъ я не имѣю въ виду набросить извѣстнаго рода тѣнь на ихъ личную репутацію, а только хочу сказать, что это были моряки съ большими береговыми интересами. Ни Копытовъ, ни Тыртовъ, ни Чухнинъ не обзаводились собственными домами или хуторами, какъ бы невольно слѣдуя заповѣди Учителя: «Гдѣ сокровища ваши, тамъ и сердце ваше». И вотъ, когда отъ этихъ офицеровъ потребовалось кое-что болѣе заурядной службы, они оказались не на высотѣ своего положенія и оба, послѣ историческаго, такъ сказать, командованія, должны были покончить съ морскою службою навсегда.

Съ бульвара я прошелъ на Морскую улицу и здѣсь увидѣлъ толпу, въ которой преобладали евреи и другіе служащіе въ прилегающихъ къ базару магазинахъ, лавкахъ и разныхъ ремесленныхъ заведеніяхъ. Толпа окружала сидѣвшаго верхомъ на лошади матроса; тотъ въ рукахъ держалъ небольшой листъ бумаги, читалъ и объяснялъ, вызывая по временамъ смѣхъ слушающихъ. Это, оказалось, были оформленные по пунктамъ требованія, предъявленные возставшими нижними чинами своему начальству.

— Взять бы хоть вотъ этотъ, — онъ указалъ на свой суконный полукафтанъ: — какая цѣна ему? Ну-ка, Моисей Моисейчъ! — обращается онъ къ одному почтенному на видъ еврею. — Сколько даете? Да вы не церемоньтесь, пожалуйста, — люди знакомые, не въ первой.

Матросъ весело подмигиваетъ.

Еврей испуганно отмахивается руками. Сосѣди смѣются.

— Больше двухъ монетъ не дадите, знаю, потому ему новому красная цѣна пять рублей, а казна ставитъ восемь съ половиной; и во всемъ прочемъ то же самое. Пунктъ шестой: «Никакихъ вѣстовыхъ или денщиковъ изъ нижнихъ чиновъ офицерамъ не назначать». Это вотъ какая штука, товарищи: офицеру кухарка понадобилась. «Ей, Стрекаловъ!» — «Есть ¹⁾, ваше высокоблагородіе». — «Назначить ко мнѣ на-вѣсти одного человѣка, который чтобы тово...» — «Есть, ваше высокоблагородіе». Жена родила, — няньку, конечно, требуется. «Стрекаловъ! Назначить ко мнѣ на-вѣсти человѣка, который чтобы...» И тутъ ужъ держи ухо востро. Котлетка подгорить или пеленки грязныя, — «ахъ, ты, такой-сякой! — кричитъ командирша: — я вотъ мужу пожалуюсь, — онъ тебѣ скажетъ...» — слѣдуетъ нецензурная брань.

Въ толпѣ хохочутъ.

— А теперь такъ: прислуга нужна, — зови Марью, а Марьѣ-тс подай двѣнадцать рублей жалованья да одинъ день въ недѣлю свободный, чтобы со двора ходить.

¹⁾ Т. е. слушаю, исполняю.

— Къ любовнику?

— Ну, да, конечно; человѣкъ тоже.

Опять смѣхъ.

Немного въ сторонѣ стоятъ два молодыхъ человѣка: одинъ еврей, другой русскій.

— Не матросъ, знаю,—говоритъ еврей:—вы меня слушайте: парикмахеръ, на Корабельной у Агафонова служить.

Когда я подошелъ поближе къ этому парикмахеру, разговоръ шелъ въ другомъ, болѣе дѣловомъ тонѣ.

— Соціалъ-демократы даромъ времени не теряютъ, не покладая рукъ работаютъ.

— А брестъ-литовцы съ вами?

— Съ нами.

Матросъ-парикмахеръ повернулъ лошадь и носкакалъ къ базару. Тутъ онъ ужъ, безъ сомнѣнія, прихвастнулъ. Было извѣстно, что Брестъ-Литовскій полкъ къ мятежникамъ не присталъ, и это обстоятельство ихъ сильно обезкураживало.

А на берегу Южной бухты, противъ морскихъ казармъ попрежнему толпился народъ, чего-то ждалъ, ждалъ съ глубоко захватывавшимъ интересомъ, но тамъ, на той сторонѣ, было пусто, ни души, какъ будто всё попряталось.

— А я вамъ скажу, чѣмъ это кончится,—говорилъ въ одной изъ группъ пожилой, прилично одѣтый господинъ:—нагонять войска и камня на камень не оставлять.

Ему возражали:

— Ничего такого.

— По своимъ стрѣлять не будутъ.

— Это вѣрно.

— Отлично будутъ, если прикажутъ; не безпокойтесь. Возьмите Кронштадтъ тамъ и хъ побольше было, до десяти тысячъ.

— То Кронштадтъ, а это Севастополь.

— Или въ Баку, на примѣръ. Вотъ я сегодня читалъ...

— Вы, должно быть, «Московскія Вѣдомости» читаете?—перебилъ его другой, тоже приличный на видъ господинъ, въ длинномъ пальто и спортсменской шапочкѣ.

Послышался смѣхъ.

— Нѣтъ, не «Московскія», а «Русскія Вѣдомости». Я вотъ что хотѣлъ сказать: сегодня въ «Крымскомъ Вѣстникѣ» о подавленіи бунта въ каспійскомъ экипажѣ такъ отпечатано, что прочесть нельзя, а это ужъ некрасиво, очень даже; для того и смазали, чтобы этихъ дураковъ не обезкураживать,—и онъ кивнулъ на ту сторону бухты.

— Умный тоже нашелся.

— Тебя не спросили.

— И какія требованія предъявляютъ!—не унимался господинъ.—Жалованья, вишь, мало; а кто имъ платить будетъ? Все съ

того же народа драть хотятъ. Тамъ съ голоду мрутъ, земли столько, — курицы выгнать некуда, а имъ подай двѣнадцать рублей въ мѣсяцъ на готовыхъ харчахъ...

Тутъ вдругъ выскочилъ какой-то, не то рабочій, не то босякъ, рыжій, растрепанный.

— А офицерамъ да капитанамъ тысячи получать можно? Я ихъ всѣхъ бы, с с

Господинъ тоже вспылить:

— Такъ и требуйте, чтобъ у нихъ урѣзали. Вонъ у японцевъ офицеры съ матросами изъ одного котла ѣдятъ, не то, что у насъ; по три рубля фунтъ икру жрутъ, безстыжіе.

Эта логика и энергичная рѣчь, видимо, произвела впечатлѣніе.

— Позвольте!—выступилъ опять тотъ же трудовикъ, который былъ и утромъ:—насчетъ жалованья,—это только такъ, между прочимъ, для вида больше...

Но его уже не слушали, заволновались...

— Сигналь!

— Сигналь поднимаютъ!

На казарменномъ плацу на мачтѣ показались цвѣтные флаги; очевидно, переговаривались съ судами или съ расположенными на такъ называемой Сѣверной сторонѣ сухопутными артиллеристами, которые, по слухамъ, были съ ними заодно. Вскорѣ сигналь спустили, и опять наступила та же тишина и безлюдье.

А въ это время на высотахъ Историческаго бульвара сосредоточивались войска подъ начальствомъ Меллера-Закомельскаго.

Еще прошелъ день, и стало извѣстно, что команды броненоснаго крейсера «Очаковъ» и нѣкоторыхъ минныхъ судовъ открыто перешли на сторону возставшихъ, что послѣдними произведены выемки нѣсколькихъ лицъ изъ портовой администраціи, въ томъ числѣ и главнаго артиллериста генераль-майора С—го; лица эти перевезены на «Очаковъ», гдѣ и находятся, какъ бы въ качествѣ заложниковъ, вмѣстѣ съ арестованнымъ тамъ же офицерскимъ составомъ «Очакова», и что лейтенантъ Шмитъ вступилъ въ командованіе черноморскимъ флотомъ, о чемъ и довелъ до всеобщаго свѣдѣнія поднятымъ на «Очаковѣ» сигналомъ.

Я поспѣшилъ на Приморскій бульваръ, и здѣсь передъ моими глазами предстала картина, которая врядъ ли когда-нибудь повторится. На рейдѣ въ стройномъ порядкѣ стояла эскадра, имѣя на флангѣ, ближайшемъ къ выходу въ море, великана-красавца «Очакова», а на этомъ «Очаковѣ» развѣвался красный флагъ. Потому ли, что онъ стоялъ мористѣе, менѣе прикрытый берегомъ, но въ то время, какъ андреевскіе флаги судовъ эскадры, едва колеблемые вѣтеркомъ, были мало замѣтны, высоко поднятый красный флагъ «Очакова» развернулся почти во всю свою длину, какъ бы торжествуя надъ приниженнымъ противникомъ. Погода была прекрасная;

на бульварѣ много гуляющихъ, дамы, дѣти, какъ будто ничего особеннаго не происходило; только на мыскѣ, у театра, да на каменной баллюстрадаѣ толпились какіе-то новые, пришлые люди, преимущественно евреи, и тамъ было оживленіе, — говоръ, жестикуляція, чего-то ждали, къ чему-то готовились...

Едва я успѣлъ подойти къ мыску, какъ отъ «Очакова» отошелъ миноносецъ, подъ краснымъ флагомъ, съ офицеромъ наверху. То былъ Шмитъ; онъ начиналъ объѣздъ своей (!) эскадры. Миѣ представилось, что я присутствую при историческомъ моментѣ. Либо эскадра встрѣтитъ его оваціями, признаетъ своимъ начальникомъ и тогда... трудно даже предугадать послѣдствія, либо съ перваго же броненосца загремитъ выстрѣлъ, и его пустятъ съ миноносцемъ ко дну, а вмѣстѣ и пресловутую южно-русскую республику и прочія возжелѣнія воинствующаго Израила. Но не случилось ни того, ни другого.

Читалъ я впослѣдствіи, что на судахъ кричали Шмиту «ура», махали фуражками, — я лично ничего подобнаго не видалъ и не слышалъ. Меня только удивляла видимая безнаказанность этой небывалой по дерзости прогулки невзрачнаго лейтенанта, призывавшаго къ мятежу матросовъ въ присутствіи командировъ и офицеровъ чуть ли не всего черноморскаго флота!

Кончивъ объѣздъ, Шмитъ вернулся на «Очаковъ», и опять настала напряженная тишина; но уже стало выясняться, что дѣлу возстанія грозитъ фіаско. Тяжелыя орудія береговыхъ батарей повернулись назадъ и сосредоточились на мятежномъ крейсерѣ. Это былъ сюрпризъ. Шмитъ, говорятъ, заявилъ тогда, что ему «измѣнили», а затѣмъ скоро наступила и развязка, — годами подготовлявшееся возстаніе было подавлено въ одинъ вечеръ.

Въ это время я находился на Соборной площади, откуда можно было видѣть и береговыя казармы и часть эскадры. По одну сторону собора собрались люди привилегированные, нѣкоторые съ биноклями, офицеры разныхъ родовъ оружія.

Тутъ же я замѣтилъ и одного офицера-моряка въ штатскомъ платьѣ, — это было ужъ забавно: онъ, очевидно, представлялъ себѣ дѣло болѣе серьезнымъ, чѣмъ оно было въ дѣйствительности. На другой сторонѣ, по стѣнкѣ «Садоводства», собрались люди простые, разныхъ профессій, — много прислуги изъ сосѣднихъ домовъ. Здѣсь сочувствіе, особенно женщинъ, было всецѣло на сторонѣ бунтовавшихъ; по адресу пѣхотинцевъ выражалось негодованіе. Но вотъ раздался пушечный выстрѣлъ, не очень сильный, очевидно, изъ орудія малаго калибра. Всѣ бросились къ «Садоводству», нѣкоторые влѣзли на стѣнку, откуда была видна часть Южной бухты съ стоящими въ ней судами. Выстрѣлъ былъ произведенъ съ одной изъ канонерскихъ лодокъ въ подходившій къ ней катеръ.

— По депутатамъ!

— Потопили!

— Депутатовъ потопили, ей-Богу!

Этотъ неожиданный энергичный протестъ произвелъ ошеломляющее впечатлѣніе. Опять стало тихо. Но вотъ отъ «Очакова» отошелъ миноносецъ, сталъ у противоположнаго берега Южной бухты и повернулся носомъ по направленію дерзкой канонерки, — онъ, видимо, готовился пустить мину; но въ тотъ же моментъ начался непрерывный трескъ скорострѣлокъ и пулеметовъ, и команда миноносца бросилась спасаться на берегъ. Прошло нѣсколько напряженныхъ минутъ, и вдругъ грянулъ оглушительный выстрѣлъ, за нимъ другой, третій...

Началось разстрѣливаніе «Очакова» съ берега и сосѣднихъ судовъ. Въ то же время съ высотъ Историческаго бульвара стали бомбардировать ¹⁾ казармы береговыхъ экипажей. Черезъ десять-пятнадцать минутъ «Очаковъ» горѣлъ; на немъ былъ поднятъ бѣлый флагъ, и все было конечно, или почти все, — береговые матросы уже не представляли серьезной опасности; по нимъ продолжали пострѣливать, а къ ночи ихъ окружили и забрали безъ малѣйшаго съ ихъ стороны сопротивленія.

Злополучный Шмитъ, уже въ началѣ боя бѣжавшій съ «Очакова», былъ захваченъ на миноносцѣ въ костюмѣ Адама, онъ, очевидно, приготовился спасаться вплавъ; прикрытый матросскою шинелью, онъ былъ доставленъ на флагманскій корабль. Говорили и писали въ лѣвыхъ газетахъ, что при этомъ онъ подвергся будто бы оскорбленіямъ и издѣвательствамъ со стороны офицеровъ; этотъ слухъ я провѣрялъ и могу сказать, что ничего подобнаго не происходило. Состояніе духа у офицерства было тогда угнетенное, да и самъ Шмитъ представлялъ собою такую малую жалкую величину, что врядъ ли у кого могло явиться желаніе надъ нимъ поглумиться. Если и замѣчалось враждебное чувство, то среди нижнихъ чиновъ, и, предоставленные самимъ себѣ, они, конечно, съ нимъ бы не церемонились.

За всѣ эти многознаменательные дни наружный порядокъ жизни мирныхъ обывателей Севастополя почти не нарушался и не было ничего похожаго на то, что происходило въ подобные же дни въ Одессѣ, Кронштадтѣ или Владивостокѣ. За исключеніемъ очень ужъ мнительнаго, трусливаго элемента, у остальныхъ, евреевъ особенно, жила увѣренность, что никакихъ погромовъ и буйствъ въ самомъ городѣ не произойдетъ. Помню удивленіе одной только что пріѣхавшей въ Севастополь дамы, когда неожиданно раздалась канонада и загорѣлся «Очаковъ». Она слышала, что гдѣ-то тамъ, въ казармахъ, бунтуютъ, что среди моряковъ-офицеровъ появился ре-

¹⁾ Неразрывными снарядами: убитыхъ и раненыхъ, сколько мнѣ извѣстно, не было.

волюционеръ Шмитъ, который свободно разгуливаетъ по городу и катается по бухтѣ, однимъ словомъ, происходитъ что-то неважное, — пошаливаютъ, и вдругъ такой ужасъ!

Заканчивая свой бѣглый очеркъ— набросокъ событій, свидѣтелемъ которыхъ мнѣ пришлось быть, я не могу не добавить съ своей стороны слѣдующее: не знаю, вѣрно ли, что наше революціонное движеніе послѣднихъ лѣтъ— дѣло рукъ инородцевъ, или нѣтъ, но что главными руководителями разгоравшагося передъ моими глазами мятежа были евреи, и что на подготовку послѣдняго было ухлопано ими очень много денегъ— для меня вѣтъ всякаго сомнѣнія. Никогда, ни до, ни послѣ этихъ дней Севастополь не былъ наводненъ такою массою еврейства, преимущественно молодежи, боевой, организованной. Нужно было видѣть ихъ возбужденіе, безсильную злобу, когда на ихъ глазахъ разстрѣливали «Очаковъ». Это, впрочемъ, понятно, но непонятна... нѣтъ, прямо-таки омерзительна та сатанинская злоба и мстительность, съ какими они стали потомъ преслѣдовать главныхъ виновниковъ постигшей ихъ неудачи, въ особенности Чухнина, этого рыцаря долга, человѣка безъ единого пятнышка. Да, это вопросъ дѣйствительно «проклятый», какъ называлъ его Лѣсковъ.

Л. П. Арбузовъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О М. И. ДРАГОМИРОВЪ.

ВЪ НАЧАЛѢ девяностыхъ годовъ, лѣтомъ, въ квартированшемъ въ городѣ П. Е—цкомъ полку во время купанья батальона утонулъ солдатъ Крыжановскій, происходящій изъ дворянъ. Какъ и водится, по закону, было произведено тщательное дознаніе, но никто виновнымъ въ этомъ несчастномъ случаѣ не оказался, такъ какъ всѣ предварительныя мѣры, рекомендуемыя закономъ, со стороны военного начальства были своевременно приняты, а бѣдный солдатъ, не умѣвшій плавать, погибъ по собственной неосторожности. Тѣло предали землѣ на городскомъ кладбищѣ, и тѣмъ дѣло, казалось, кончилось; всѣ о немъ вскорѣ забыли.

Какъ вдругъ чрезъ полгода къ командующему войсками кievскаго округа поступаетъ прошеніе. Несчастливая мать утонувшаго солдата Крыжановскаго излагала свое горе, жаловалась на судьбу, лишившую ее единственной отрады и поддержки старости — сына и, никого не обвиняя въ этомъ несчастіи, слезно лишь просила начальника сдѣлать свое распоряженіе, чтобы надъ могилой сына былъ поставленъ хоть какой-нибудь скромный крестикъ, такъ какъ она женщина бѣдная, средствъ на это не имѣетъ, а при посѣщеніи ею могилки сына на ней креста не было, и мать не безъ труда отыскала ее среди множества похожихъ одинъ на другой холмиковъ.

Командующій войсками М. И. Драгомировъ положилъ на прошеніи Крыжановской слѣдующую резолюцію: «Просьбу матери исполнить, поставить на могилѣ рядового Крыжановскаго крестъ.

Когда буду въ П., свести меня на кладбище и показать». Прошение, вмѣстѣ съ резолюціей, было отправлено командиру Е—цкаго полка.

Кажется, простое и несложное дѣло, а резолюція командующаго войсками поразила командира и хозяйственную часть Е—цкаго полка, точно громъ, неожиданно грянувшій въ ясную погоду.

Дѣло въ томъ, что за послѣднія нѣсколько лѣтъ, по халатности ли полковой хозяйственной части, или по другимъ причинамъ, ни на одной изъ могилкохъ умершихъ солдатъ не было поставлено полагающагося по закону креста, а такихъ могилкохъ набралось не одинъ десятокъ. Командующій войсками, при посѣщеніи кладбища, могъ обратить на это вниманіе, и что тогда?

Командиръ полка, полковникъ Л., и завѣдывающій хозяйствомъ, подполковникъ Л—чій, были въ смертельной тревогѣ. Какъ быть, что дѣлать? Не время уже производить дознаніе о томъ, кто правъ, кто виноватъ въ такой непростительной халатности. Теперь надо было неотложно, не теряя ни минуты, дѣйствовать. Тѣмъ болѣе, что уже получилось страшное извѣстіе, что командующій войсками «ѣдетъ» и на дняхъ посѣтитъ П.!

Завѣдывающій хозяйствомъ, суровый и строгій подполковникъ Л—чій, не дававшій поблажки никому, когда дѣло касалось хозяйственныхъ дефектовъ, на этотъ разъ положительно терялся и, раскраснѣвшись отъ волненія, то и дѣло забѣгалъ въ командирскій кабинетъ и, послѣ таинственныхъ переговоровъ, садился въ экипажъ и мчался въ нестроевую роту, въ мастерскія.

Ему приказано было немедленно собрать самыя точныя справки о всѣхъ умершихъ въ послѣдніе годы нижнихъ чинахъ полка и въ самоскорѣйшій срокъ, во что бы то ни стало, поставить кресты надъ ихъ могилами.

Въ мастерскихъ нестроевой роты закипѣла работа. Собраны были плотники и маляры со всего полка, безъ отдыха строгались бревна, вытесывались кресты; маляры тутъ же ихъ красили въ черный цвѣтъ, изготовляли таблички съ надписями и выставляли во дворѣ сохнуть. Не зналъ усталости наблюдавшій все время надъ работами командиръ нестроевой роты. Ежечасно пріѣзжалъ и торопилъ мастеровыхъ взволнованный и озабоченный подполковникъ Л—чій.

Наконецъ кресты были готовы. Можно было отправлять ихъ на кладбище. Рѣшено исполнить это въ теченіе ночи, такъ какъ доставка днемъ такого большого количества крестовъ могла возбудить въ городѣ сенсацию и «лишніе» разговоры. А съ разсвѣтомъ разставить кресты на могилкахъ.

Сказано — сдѣлано. Наканунѣ пріѣзда командующаго войсками на городскомъ кладбищѣ, на участкѣ Е—цкаго полка, красовались уже стройные ряды новенькихъ крестовъ, и между ними самый красивый — на могилѣ Крыжановскаго.

Командиръ полка, совмѣстно съ завѣдывающимъ хозяйствомъ и командиромъ нестроевой роты, прибылъ на кладбище, съ чувствомъ душевнаго успокоенія произвелъ «смотреть», остался доволенъ всѣмъ видѣннымъ и поблагодарилъ хозяйственныхъ чиновъ за распорядительность.

Кто-то замѣтилъ, что «новизна» крестовъ можетъ броситься въ глаза командующему войсками, и потому приняты были мѣры, чтобы часть крестовъ «постарить», стереть краску и сдѣлать нѣкоторыя «поврежденія»...

Генераль Драгомировъ прибылъ въ П. и въ теченіе двухъ дней производилъ смотръ частямъ войскъ гарнизона.

Полковникъ Л. получилъ нѣсколько «разносовъ», но не смущался этимъ и нетерпѣливо ждалъ только минуты, когда командующій войсками отправится на кладбище, видъ котораго долженъ былъ, по его расчету, произвести благопріятное, все заглаживающее, впечатлѣніе на начальника.

Когда генераль, изложивъ заключительное свое «резюмэ», собирався уже совсѣмъ уѣзжать, завѣдывающій хозяйствомъ шепнулъ командиру о необходимости напомнить про кладбище.

— Ваше в—ство...—началь несмѣло, смущенно полковникъ Л.:— вы изволили приказать свести на кладбище, чтобы посмотрѣть могилу рядового Крыжановскаго?..

— Ахъ, да, Крыжановскаго...—какъ бы вспоминая, проговорилъ генераль:—ну, я уже не поѣду туда. Думаю, что вы тамъ все сдѣлали, что надо...

И, дѣйствительно, генераль Драгомировъ могъ спокойно уѣхать, будучи вполне увѣреннымъ, что сдѣлано «все, что надо».

А. И. Писанецкій.

ВСТРѢЧА СЪ И. А. ВСЕВОЛОЖСКИМЪ.

ВЪ ЭТИМЪ замѣчательнымъ во многихъ отношеніяхъ чело-
вѣкомъ, выдающимся администраторомъ, талантливымъ
художникомъ и артистомъ судьба столкнула меня всего
одинъ только разъ въ жизни, но объ этой случайной
встрѣчѣ у меня осталось неизгладимое воспоминаніе.

Въ началѣ 90-хъ годовъ я былъ экстренно вызванъ
въ Петербургъ по непріятному семейному дѣлу. Мнѣ
предстояло спѣшно выѣхать изъ Москвы въ тотъ же день
съ курьерскимъ поѣздомъ. Какъ сейчасъ помню, я при-
ѣхалъ на вокзалъ уже послѣ второго звонка и едва по-
лучилъ мѣсто въ вагонѣ, биткомъ набитомъ пассажи-
рами. Лишь только тронулся поѣздъ, какъ я обратился
къ кондуктору съ вопросомъ, не найдется ли гдѣ-нибудь
болѣе свободнаго купе. Тотъ отвѣчалъ отрицательно.

— А это что?—вдругъ обратилъ я его вниманіе на не совсѣмъ
плотно притворенную дверь съ надписью «занято», гдѣ сквозь узень-
кую полоску отверстія я замѣтилъ только одного пассажира.

Кондукторъ замаялся.

— Отчего же вы не пускаете сюда?—продолжалъ я.—Здѣсь,
кажется, свободно...—и я уже сдѣлалъ движеніе впередъ, но кон-
дукторъ меня остановилъ.

— Виновать, нельзя-съ!

— Почему нельзя?—вскипятился я.—Вы не имѣете права не
пускать, разъ есть свободное мѣсто... Что за безобразіе! Я буду
жаловаться...

Въ этотъ моментъ дверь купе приотворилась и сидѣвшій тамъ
благообразный пожилой господинъ, чрезвычайно элегантно одѣ-
тый, жестомъ руки пригласилъ меня войти.

— Пожалуйста,—сказаль онъ:—я ничего не буду имѣть противъ, если вы раздѣлите со мной компанію: тутъ мѣста много!

Дѣйствительно, купе было четырехмѣстное, и я могъ расположиться здѣсь не безъ комфорта. Пожилой господинъ, отъ котораго вѣяло тонкимъ ароматомъ духовъ, показался мнѣ въ высшей степени симпатичнымъ, и, по правдѣ сказать, мнѣ стало немножко совѣстно, что я насильно навязался ему въ компаньоны.

— Простите, что я такъ безцеремонно...—началь было я, но онъ не далъ мнѣ докончить фразу.

— Полноте, пожалуйста,—сказаль онъ съ улыбкой:—вы совершенно правы: на вашемъ мѣстѣ и я поступилъ бы точно такъ же... A la guerre comme à la guerre!

И послѣ небольшой паузы прибавилъ:

— Что жъ! Будемъ дѣлить вмѣстѣ опасности путешествія... Вотъ вы еще совѣмъ молодой человекъ и на видъ цвѣтущій, сильный: пожалуй, не всякій грабитель рѣшится къ намъ войти... Это очень пріятно.

— А развѣ есть опасность?

— Еще бы! На Николаевской дорогѣ чуть не каждый день грабежъ... Да вотъ, не угодно ли прочитатъ въ «Новомъ Времени».

И онъ любезно передалъ мнѣ газету, которую только что читаль, гдѣ дѣйствительно былъ описанъ случай крайне дерзкаго грабежа въ курьерскомъ поѣздѣ

— Вотъ что у насъ дѣлается!—замѣтилъ мой спутникъ.—А желѣзнодорожная администрація преспокойно почиваетъ на лаврахъ: это ея не касается... Между тѣмъ такъ легко было бы устроить приспособленіе, которое не позволяло бы свободно отворять двери снаружи: какъ, напримѣръ, всюду за границей... Тамъ вездѣ, знаете ли, эдакія задвижечки съ цѣпочкой... А у насъ еще не успѣли съобезьяничать!

— Именно «съобезьяничать»,—улыбнулся я:—это вы мѣтко сказали!

— Помилуйте, вѣдь это только въ Россіи можетъ быть, что, когда садишься въ вагонъ, въ каждомъ порядочномъ человекѣ начинаешь подозрѣвать мошенника... Вотъ тоже, на дняхъ, выѣхаль я изъ Питера,—въ вагонѣ только двое: я да еще какой-то господинъ гемороидальнаго вида. Сидимъ мы и искоса другъ на друга поглядываемъ, и обоимъ неловко...

— А вамъ часто приходится разъѣзжать?—обратился я къ пожилому господину.

— Да вотъ все по Николаевской желѣзной дорогѣ, по дѣламъ службы...

— А какой именно службы, позвольте узнать, если это не секретъ?

— О, пѣть, моя служба совсѣмъ не секретная, — отвѣчалъ мой собесѣдникъ, и мягкая, добрая улыбка озарила его симпатичное лицо. — Я, видите ли, завѣдую императорскими театрами...

Тутъ я догадался, что передо мной директоръ императорскихъ театровъ И. А. Всеволожской, который, по своей удивительной скромности, называлъ себя просто «завѣдующимъ» театрами.

О рѣдкихъ душевныхъ качествахъ Ивана Александровича я и раньше былъ много слышанъ, — особенно объ его скромности, обворожительной простотѣ обращенія рѣшительно со всѣми, даже самыми «маленькими» людьми, о его добротѣ и доступности. Покойный артистъ московскаго Малаго театра, К. С. Шиловскій, по сценѣ Лошивскій, съ которымъ Иванъ Александровичъ былъ очень друженъ, рассказывалъ мнѣ, какъ онъ засталъ однажды Всеволожскаго въ театральной конторѣ за горячимъ споромъ съ секретаремъ театрально-литературнаго комитета.

— Представьте себѣ картину, — уморительно передавалъ Шиловскій: — маленькій чинуша, не стоящій плевка, развязно жестикулируетъ передъ самымъ носомъ директора императорскихъ театровъ, да еще такого всеильнаго, какъ Всеволожской, — а тотъ только добродушно посмѣивается...

Шиловскій пользовался расположеніемъ Ивана Александровича, вѣроятно же всего, за свою разностороннюю талантливость: это былъ не только прекрасный актеръ, но и живописецъ, скульпторъ, музыкантъ, беллетристъ, — все, что угодно. Между прочимъ, онъ былъ и композиторомъ: нѣсколько мелодичныхъ романсовъ его, какъ, напримеръ, знаменитый «Тигренокъ», пользовались въ 80-хъ годахъ огромной популярностью.

Однажды, при встрѣчѣ съ нимъ, И. А. Всеволожской шутиливо ему замѣтилъ:

— Послушайте, Константинъ Степановичъ, на васъ П. И. Чайковскій въ большой претензіи: говорить, что вы отбиваете у него хлѣбъ вашими романсами... «Я, говорить, что ни напишу — все на полкахъ валяется у Юргенсона, до тѣхъ поръ, пока мыши не съѣдятъ добрую половину, а этотъ сочинить свое «тра-та-та-та»... «тра-та-та-та», — и публика раскупаетъ нарасхватъ, одно изданіе за другимъ такъ и расходится, а обо мнѣ въ это время совершенно забываютъ».

Впрочемъ, и самъ Чайковскій относился къ Шиловскому съ большою симпатіей и, кажется, былъ съ нимъ на «ты».

Помнится, едва только я упомянулъ о Шиловскомъ, какъ Иванъ Александровичъ заговорилъ о немъ съ большимъ оживленіемъ:

— О, это въ высшей степени даровитый человѣкъ, но, знаете ли, къ сожалѣнію — русскій...

Я сдѣлалъ вопросительное лицо.

— Сейчасъ я вамъ поясню свою мысль, — сказалъ Иванъ Александровичъ, играя моноклемъ, который онъ какъ-то удивительно

ловко вскидывалъ въ правый глазъ.—Дѣло въ томъ, что ни одна нація не проявляетъ столько безпечности по отношенію къ духовнымъ дарамъ, отпущеннымъ ей природой, какъ мы, русскіе, Возьмите, на примѣръ, нѣмца или англичанина: если природа отпустила имъ талантъ, они непременно его удвоятъ или утроятъ; русскій же не только ничего не приумножить, но ухитрится растратить и то, съ чѣмъ появился на свѣтъ Божій. У насъ нѣтъ выдержки, усидчивости, нѣтъ и увѣренности въ своихъ силахъ. Щедринъ правильно сказалъ, что наша русскійская талантливость—пустопорожнее мѣсто, на которомъ съ одинаковой легкостью могутъ произрастать и пшевица и чертополохъ. Шиловскій, повторяю,—настоящій русскій человѣкъ. Изъ него могъ бы получиться большой артистъ съ европейскимъ именемъ, а вышелъ только диллетантъ... И такихъ у насъ много найдется. Вотъ, на примѣръ, Боборыкинъ: тоже, вѣдь, и швецъ, и жнецъ, и въ дуду игрецъ,—на всѣ руки... И романчикъ состряпать, и пьеску написать, и лекцію прочесть на какую угодно тему—все можетъ; но, замѣтите, во всемъ—только золотая посредственность. Его слабость—драматургія, а между тѣмъ я думаю, что ему совсѣмъ не слѣдовало бы писать пьесъ: я лично признаю въ немъ только романиста. Какъ-то разъ, въ личной бесѣдѣ съ нимъ, я ему даже на это намекнулъ, и онъ, кажется, страшно на меня разобидѣлся. Въ сущности, Петръ Дмитріевичъ милѣйшій человѣкъ, но любить, чтобы ему давали пилюли съ позолотой: *chacun a son goût*...

— Скажите, Иванъ Александровичъ,—обратился я къ Всеволожскому послѣ наступившей въ нашемъ разговорѣ паузы:—если вы окинете взглядомъ прошлое вашей плодотворной дѣятельности въ области театра, мнѣ думается, что вы не можете не испытать большого нравственнаго удовлетворенія!.. Сколько реформъ вамъ удалось провести! Ужъ одно уничтоженіе привилегіи придворныхъ сценъ чего стоитъ! А другія реформы—въ оперѣ, въ балетѣ,—сколько ихъ было при васъ! Какъ оживился при васъ театральнй репертуаръ, сколько мы видѣли дивныхъ, художественныхъ постановокъ: «Пиковую даму» Чайковскаго, «Спящую красавицу»,—какая это все прелесть! И вѣдь все дѣло вашихъ рукъ?

— Если хотите,—да!—улыбнулся мнѣ въ отвѣтъ Иванъ Александровичъ.—Надъ оперой и особенно балетомъ я дѣйствительно много потрудился: безъ моихъ рисунковъ не обходилось почти ни одной пьесы... «Волшебныя пилюли» мнѣ особенно дорого достались. Знаете, сколько мнѣ пришлось сдѣлать рисунковъ для этого балета? Штукъ пятьсотъ! Конечно, только нѣкоторая часть изъ нихъ пошла въ дѣло, остальные были уничтожены...

— А борьба съ установившейся до васъ театральнй рутиной, я думаю, немало крови у васъ испортила?

— Да, мой предшественникъ баронъ Кистеръ оставилъ мнѣ неважное наслѣдство,—что и говорить! Первой и важнѣйшей своей

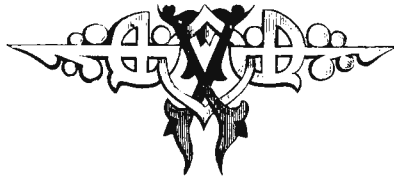
задачей я считалъ—выжить итальянцевъ и дать мѣсто въ Мариинскомъ театрѣ національной оперѣ. Не легко это было осуществить: слишкомъ ужъ глубокіе ростки пустила на нашей придворной сценѣ итальянщина. Чайковского, Римскаго-Корсакова, Рубинштейна удалось мнѣ протолкнуть не безъ усилій. Конечно, я одинъ не могъ бы достигнуть всего: одинъ въ полѣ не воинъ,—и безъ высокаго покровительства графа Воронцова-Дашкова я чувствовалъ бы себя связаннымъ по рукамъ и ногамъ. Спасибо графу,—онъ во всемъ оказываетъ мнѣ свое высокое и просвѣщенное содѣйствіе. Напримѣръ, въ дѣлѣ расширенія бюджета... Вы не можете себѣ представить, до чего былъ урѣзанъ нашъ театральнй бюджетъ, какіе были у насъ грошевыя оклады, какая была скудость во всемъ театральномъ хозяйствѣ: баронъ Кистеръ дрожалъ надъ каждою копейкой...

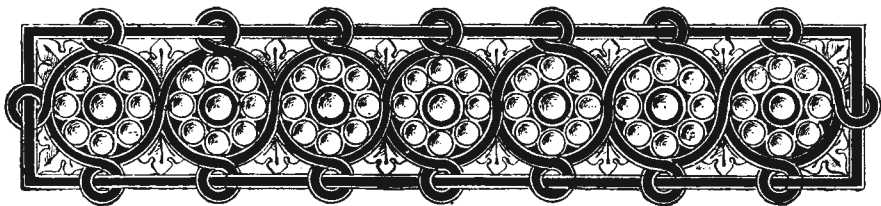
Слова И. А. Всеволожскаго были прерваны неожиданнымъ появленіемъ кондуктора, который предложилъ устроить намъ постели. Я отказался отъ этой услуги, а Иванъ Александровичъ принялъ ее съ видимымъ удовольствіемъ. Мнѣ показалось, что онъ имѣлъ уже слегка усталый видъ, хотя рѣчь его все время текла бодро и оживленно.

— А ужъ я безъ этого не могу,—какъ-то виновато сказалъ онъ въ мою сторону.—Привычка, знаете ли...

Разговоръ на прерванную тему какъ-то уже болѣе не клеился. Я пожелалъ Ивану Александровичу спокойной ночи, а на другой день утромъ мнѣ пришлось уже мало бесѣдовать съ нимъ, и мы разстались навсегда, какъ случайные желѣзнодорожные спутники.

Князь Б. А. Щетининъ.

ПРОПАВШАЯ КНИГА.

Habent sua fata libelli.

ИСТОРИЯ русской книги знает факты изъятія изъ обращенія уже вышедшихъ книгъ, конфискаціи и сожженія ихъ до выхода въ свѣтъ. Такія конфискаціи и «аутодафе» совершались исключительно цензорами-инквизиторами.

Я имѣю возможность разсказать здѣсь о никому почти неизвѣстномъ фактѣ конфискаціи книги самими издателями, — и по мотивамъ весьма любопытнымъ.

Рѣчь идетъ о неизданной книгѣ, связанной съ именемъ покойнаго поэта С. Я. Надсона и лежащей теперь предо мною. Это, кажется, единственный сохранившійся экземпляръ.

Какъ извѣстно, популярность безвременно погибшаго молодого поэта, недолго подвизавшагося на нашемъ Парнасѣ, росла чрезвычайно быстро. Собранія его стихотвореній выходили одно за другимъ въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Увѣнчанный академіею наукъ Пушкинской преміею, Надсонъ былъ кумиромъ молодежи, которая видѣла въ немъ пѣвца юности съ ея стремленіями къ подвигамъ и жертвамъ. Прибавьте къ этому доступность его для средняго читателя и музыкальность стиха.

Надсонъ имѣлъ много поклонниковъ, но немало было у него и поклонницъ. Онъ получалъ отъ тѣхъ и другихъ множество трогательныхъ посланій. Недосугъ, необходимость добывать средства къ существованію писаніемъ фельетоновъ для провинціальной

газеты «Заря» и, наконецъ, болѣзненное состояніе не всегда позволяли поэту откликаться на письма.

Однажды вниманіе поэта остановило на себѣ среди вороха посланій письмо за подписью Л., полученное имъ въ концѣ мая 1886 г. въ деревнѣ Носковцахъ Подольской губ., гдѣ онъ гостилъ нѣкоторое время для поправки своего распатаннаго здоровья. Надсона истощало тогда кровохарканье и мучили сильнѣйшія лихорадки.

Послание неизвѣстной корреспондентки тронуло поэта, по его словамъ, своимъ задушевнымъ тономъ. Въ ней нравилась ему «милая манера, теплое чувство и несомнѣнное дарованіе».

«Въ ея мягкихъ, женственныхъ письмахъ, написанныхъ красивымъ и изящнымъ, хотя немножко черезчуръ женскимъ языкомъ,—писалъ одному своему другу Надсонъ,—почти художественно отразился ея милый, граціозный обликъ».

Между поэтомъ и его таинственной почитательницей завязались оживленныя письменныя сношенія, которыя продолжались цѣлыхъ семь мѣсяцевъ—вплоть до самой смерти Надсона.

Последнее письмо, собственноручно написанное Надсономъ 22 декабря 1886 г., было адресовано неизвѣстной корреспонденткѣ. Письма ея и отвѣтныя письма Надсона и были собраны во-едино въ хронологическомъ порядкѣ, отпечатаны и приготовлены къ выпуску, въ видѣ томика въ 136 страницъ.

Выручка съ книги предназначалась на сооруженіе памятника поэту. Въ виду ея поэтического содержанія книга принесла бы изрядную сумму. Предъ самымъ выпускомъ ея она была задержана, благодаря одному щекотливому обстоятельству, ставшему случайно извѣстнымъ поэту А. Н. Плещееву и оглашенному въ «Новомъ Времени» съ комментаріями В. П. Буренина. Но объ этомъ ниже...

Письма Надсона къ Л. имѣютъ большую автобіографическую цѣнность. Немалый интересъ представляютъ и письма незнакомки.

Въ первомъ письмѣ отъ 22 мая 1886 г. неизвѣстная особа пишетъ, что, случайно прочитавъ одно изъ его стихотвореній, она была поражена его простотой, искренностью и изяществомъ слога, возбудившими въ ней желаніе прочитать всѣ его стихи. Она постоянно твердитъ ихъ вслухъ и часто ловитъ себя на сотомъ повтореніи одной и той же особенно дорогой и милой ей строфы.

«Нѣкоторыя стихотворенія,—пишетъ незнакомка,—до того живо затрагивали нѣкоторыя душевныя струны, что я должна была откладывать книгу: какъ-то больно, мучительно и хорошо вмѣстѣ съ тѣмъ билось сердце... Вы сердцемъ пишете ваши стихи, я сердцемъ ихъ прочитала, и благодарю васъ, душевно благодарю за отрадныя минуты...».

Между прочим, корреспондентка говорит, что была очарована портретомъ поэта: «какой вы хорошій, Семень Яковлевичъ!»—воскликаетъ она.

Надсонъ, для котораго жизнь въ юности была, какъ извѣстно, суровой мачехой, который не зналъ женской ласки, не могъ не откликнуться на проникнутое такимъ теплымъ чувствомъ письмо.

«И безумно, мучительно хочется счастья, женской ласки и слезъ, и любви безъ конца!» восклицаетъ поэтъ въ одномъ изъ популярнѣйшихъ своихъ стихотвореній.

«Вы, конечно, не сомнѣвались,—отвѣчаетъ Надсонъ:—что я тотчасъ же отвѣчу вамъ на ваше милое, теплое, задушевное письмо. Развѣ на такое письмо можно не отвѣтить? Если есть на свѣтѣ какое-нибудь прочное счастье, то это счастье знать, что вы не одни заблудились въ жизненномъ лѣсу, что рядомъ съ вами слышится человѣческій голосъ, бьется человѣческое сердце. Вы дали мнѣ всей душой почувствовать это счастье!»

Поэтъ слышитъ увѣрить незнакомку, что имъ руководитъ свѣтлое чувство, «а не другое чувство, болѣе низменное, чувство удовлетвореннаго тщеславія».

Разумѣется, незнакомка не заставила Надсона долго ждать отвѣта. Отъ ея второго письма вѣтъ заботливостью о благополучіи ея корреспондента.

«Прочитала, поцѣловала и тутъ же разсердилась: зачѣмъ вы упоминаете о смерти?.. Вы должны жить, вы будете жить, вы обязаны жить, такъ какъ вашъ талантъ необходимъ для людей, какъ необходимы для людей свѣтъ, тепло, воздухъ, пѣніе и музыка. Ваши стихи развѣ не воплощаютъ въ себѣ все это? Сейчасъ посмотрѣла на васъ (портретъ), и у меня больно сердце сжалось: если онъ, этотъ человѣкъ, хочетъ умереть, какъ другіе смѣютъ жить? Слушайте: если вы больны,—лечитесь; съ вашею молодостью чудеса дѣлаютъ. Не больно ли у васъ воображеніе?»

Въ такомъ духѣ продолжается переписка на протяженіи слишкомъ полугода. Надсонъ не пытается узнать, кто его корреспондентка, не старается раскрыть ея инкогнито.

Сама она въ своихъ письмахъ, полныхъ лиризма и пересыпанныхъ цитатами изъ поэтовъ, изящными французскими, итальянскими и нѣмецкими фразами, сначала заявляетъ, что принадлежитъ къ среднему обществу, что она взбалмошная бабенка, молодая, красивая, имѣетъ мужа, который ее обожаетъ, и дѣтей. Далѣе оказывается, что она ведетъ шумную свѣтскую жизнь, пользуется успѣхомъ. Живетъ въ необычайно роскошной обстановкѣ, что у нея изысканный вкусъ и хорошій голосъ. Объ ея знакомствѣ съ иностранной литературой свидѣтельствуетъ то, что она въ одномъ письмѣ рекомендуетъ Надсону читать Рамеау: «у него есть премилыя вещи, стоящія перевода, и поэтъ онъ современный».

Надсонъ проявляетъ очень мало интереса къ факту принадлежности его корреспондентки къ высшему обществу, даже объясняется въ нелюбви къ этому обществу, когда незнакомка какъ будто мимоходомъ проговаривается, что она—«графиня Люба». Въ предшествовавшихъ письмахъ она подписывалась Л.

«Вы—графиня, аристократка и проч., и проч., а я *плебей*... Мнѣ вовсе неинтересна ваша фамилія. «Что имя? Звукъ пустой!» Я убѣжденъ, что мнѣ, никогда не поднимавшемуся до тѣхъ общественныхъ слоевъ, въ которыхъ вы вращаетесь, оно скажетъ мало... Мое ухо болѣе привыкло къ именамъ Островскаго, Салтыкова, Тургенева и пр., и пр.»

Но разность общественнаго положенія не мѣшаетъ зарожденію между корреспондентами чистой заочной любви. Это чувство, которое соединило русскихъ Франческу и Паоло, съ каждымъ днемъ, судя по письмамъ, все болѣе и болѣе крѣпнетъ.

«Слушайте: я васъ люблю, къ моему горю, это такъ! — пишетъ графиня Надсону въ одномъ изъ первыхъ писемъ: — вотъ отчего я не хочу встрѣчаться съ вами... Если, не зная васъ лично, я способна до того слиться съ вами душою, что постоянно мысленно живу одною жизнью съ вами,—что можетъ выйти изъ ближайшаго знакомства?»

Заочное объясненіе въ любви встрѣтило сочувственный откликъ со стороны поэта.

«Вы спрашиваете: неужели у меня не найдется хоть капельки любви для васъ? Какъ не найтись, разумѣется, найдется! А васъ нельзя, кажется, не любить. Какъ жаль, что вы достались свѣту! Онъ васъ не стоитъ...»

Къ концу переписки, прерванной смертью поэта, графиня Люба начинаетъ какъ будто порываться къ предмету своей любви и желаетъ поѣхать къ нему, но онъ всячески отговариваетъ графиню отъ этого шага, да и ей мѣшаютъ разныя непредвидѣнные обстоятельства:

«Во-первыхъ, — пишетъ Надсонъ въ письмѣ отъ 26 ноября 1886 г.,—я очень боленъ, а, во-вторыхъ, что могло бы выйти для насъ обоихъ изъ этого знакомства,—такъ какъ мы стоимъ на разныхъ точкахъ во всѣхъ отношеніяхъ!»

Не соблазняла поэта и привлекательная наружность незнакомки, которая аттестовала себя, какъ необыкновенную красавицу, заявивъ, что не встрѣчала въ жизни женскаго лица, съ которымъ желала бы помѣняться. «Черты лица, правда, неправильны, но глаза хороши».

«Вотъ и я, милый поэтъ, en chair et en os,—писала Люба, посылая свою карточку въ русскомъ національномъ костюмѣ:—я ужасно похожа здѣсь, такъ похожа, что даже смѣшно».

Фотографическая карточка корреспондентки, повидимому, поправилась Надсону.

«Ваше лицо мнѣ нравится,—отвѣтилъ онъ по полученіи карточки:—правда, вашу красоту нельзя назвать классической, но глаза у васъ прелестны».

Въ послѣднемъ письмѣ Люба сообщаетъ о себѣ все новыя и новыя детали.

Рекомендуя себя болтливой «бабенкой», она докладываетъ, что она имѣетъ успѣхъ въ свѣтѣ, что ѣздитъ верхомъ, стрѣляетъ въ цѣль, предпринимаетъ экскурсіи на тройкахъ и съ кавалькадой офицеровъ, что ей 24 года, но она пять лѣтъ замужемъ.

Но Надсонъ, несмотря на эти детали, рѣшительно уклоняется отъ свиданія.

Вотъ что онъ заявляетъ графинѣ въ письмѣ отъ 9 декабря:

«Я боюсь нашего свиданія, но боюсь потому, что непременно оба мы взаимно разочаруемся. Вы, напримѣръ, столько мнѣ натолковали о вашей красотѣ, что, окажись вы немножко не красавица, я буду на васъ въ претензіи; къ тому же вашъ иностранный выговоръ долженъ непріятно поразить меня, въ особенности послѣ вашихъ милыхъ писемъ, написанныхъ красивымъ и изящнымъ, хотя немножко черезчуръ женскимъ языкомъ...»

Насчетъ наружности своей корреспондентки Надсонъ не ошибся. Судя по фотографической карточкѣ, видѣнной мною у одной близкой поэтѣ особой, графиня далеко не изъ красавицъ.

Какъ бы то ни было, свиданіе не состоялось, хотя послѣднее надсоновское письмо заканчивалось фразой: «... Пока, до свиданія, милая Люба, я очень нетерпѣливъ васъ увидѣть!»

19 января 1887 г. Надсона не стало.

На могилу поэта на Волковомъ кладбищѣ дама, бывшая подъ густою вуалью, возложила вѣнокъ съ надписью: «отъ графини Любы».

Черезъ нѣкоторое время стали получаться письма за подписью графини Любы на имя близкаго друга поэта — писательницы, которая была для него, по его словамъ, «ангеломъ-хранителемъ» и съ чисто материнскою заботливостью и рѣдкимъ самоотверженіемъ ухаживала за нимъ во время его болѣзни.

«Со дня смерти С. Я.,—писала ей Люба,—я хожу какой-то удрученной: такая тяжесть давить меня, что я задыхаюсь. Я вижу вокругъ себя смерть, смерть и смерть, а главное—его вижу, блѣднымъ, блѣднымъ, молодымъ и такимъ несчастнымъ, съ жаждой жизни и счастья и безнадежно больнымъ. Какъ кошмаръ, меня все это преслѣдуетъ».

Смерть поэта глубоко потрясла его корреспондентку, по ея словамъ, и она пѣлыми часами сидитъ на его могилѣ...

«Смерть С. Я. какъ-то странно поколебала меня. Со смертью его во мнѣ что-то порвалось, совсѣмъ, совсѣмъ... Я на себѣ испытала, какъ можно любить всей душой, всѣмъ сердцемъ, не имѣя личныхъ сношеній съ любимымъ существомъ: такъ я любила С. Я. Мнѣ больше никого не придется любить такъ, какъ я любила его. Да и онъ былъ совсѣмъ особенный. Я его никогда не видала, не знала, и шесть мѣсяцевъ послѣ смерти этого человѣка я точно такъ же не могу равнодушно о немъ говорить, какъ и въ первое время послѣ его смерти.

Es giebt im Leben Augenblicke
Die man Momente nennt.

«И если въ сравненіи съ вѣчностью моя жизнь окажется тоже мгновениемъ, я постараюсь, чтобы оно было блестящимъ, ничѣмъ не запятаннымъ мгновениемъ...»

Вскорѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что и графини Любы не стало. Переписка между «графинею» и поэтомъ была воспроизведена въ неполномъ видѣ въ мало распространенныхъ тогда «Книжкахъ Недѣли», подъ заглавіемъ «С. Я. Надсонъ и графиня Лида». Она произвела сильное впечатлѣніе въ обществѣ и въ печати.

Графиня Люба очаровала не одного поэта. Не въ мѣру былъ очарованъ ею заочно почтенный публицистъ Г. К. Градовскій; поэты Андреевскій и Мережковскій воспѣвали свѣтскую красавицу, которая обнаружила такую идеальную любовь и привязанность къ поэту-«шлебею», какъ назвалъ себя Надсонъ.

Въ нашъ глубоко матеріальный вѣкъ и далеко не романтическое время казался всѣмъ весьма трогательнымъ весь этотъ эпизодъ въ жизни Надсона, похожій скорѣе на вымыселъ обладающаго пылкой фантазіей беллетриста.

Поэта даже упрекали заднимъ числомъ въ нѣкоторой холодности, сквозившей порою въ его письмахъ къ заочной возлюбленной, въ неумѣстныхъ и жестокихъ заявленіяхъ о нежелательности свиданій, о предоставленіи корреспонденткѣ во всякое время прервать отношенія и переписку и т. д.

Но друзьямъ покойнаго поэта и не въ мѣру увлекавшимся почитателямъ графини Любы пришлось испытать разочарованіе.

«Графиня Люба» оказалась, по слухамъ, не безвременно угасшей 24-лѣтней графиней, а здравствующей,—быть можетъ, и до днесь,—супругой не то жандармскаго ротмистра, не то интендантскаго чиновника, особою 30 лѣтъ, матерью четырехъ дѣтей, отнюдь не графскаго происхожденія. Жила она не въ роскошномъ графскомъ палаццо, а гдѣ-то въ скромной квартиркѣ на Николаевской.

Объ этомъ смутные слухи дошли до поэта А. Н. Плещеева, литературнаго «крестнаго отца» Надсона. Слухи проникли и въ печать. Въ «Новомъ Времени» появились замѣтка по этому поводу и саркастическій фелетонъ В. П. Буренина, имя котораго, къ слову сказать, не разъ упоминается въ перепискѣ Надсона и «графини».

Всѣ эти разоблаченія смутили немало друзей и почитателей поэта. Набранная и приготовленная уже почти къ выпуску книга, заключавшая переписку поэта и незнакомки съ пояснительнымъ предисловіемъ, была задержана и уничтожена.

Одинъ только покойный Глѣбъ Успенскій ничуть не былъ смущенъ газетными разоблаченіями псевдонима надсоновской корреспондентки.

— Ну, что жъ изъ того, что она не графиня!—заявилъ Успенскій.—Это ничего, даже хорошо!..

Если бы незнакомка, обнаружившая такъ много теплоты и сердечности въ своихъ письмахъ къ Надсону,—говорили многіе,—объявила себя простой крестьянкой, то поэтъ не измѣнилъ бы къ ней своихъ отношеній, а даже совсѣмъ напротивъ. Мы видѣли, какъ онъ отнесся къ сообщенію о *графствѣ* Любы.

Какъ знать, можетъ быть, въ глубинѣ души чуткій поэтъ сомнѣвался и въ этомъ графствѣ, и во многомъ другомъ. Не даромъ онъ въ одномъ письмѣ какъ будто обмолвился на этотъ счетъ.

«Кстати о вашихъ письмахъ,—заявляетъ Надсонъ:—они вовсе не такъ просты, какъ это можетъ показаться съ перваго раза: въ каждомъ изъ нихъ есть всегда какая-нибудь задняя мысль. Я не могу указывать вамъ, въ чемъ именно: это тонко, какъ паутина...»

Не намекъ ли это на хлестаковщину?

Для чего же, спрашивается, мнимая графиня прибѣгла къ самозванству и мистифицировала любимаго ею поэта? Для чего ей понадобилась вся эта, хотя и невинная, ложь?

Вотъ что однажды заявила особа, являвшаяся къ другу Надсона въ качествѣ, якобы, третьяго лица, отъ имени «графини» и заподозрѣнная въ принадлежности ея перу писемъ къ поэту.

— Я любила Надсона,—созналась она неожиданно, послѣ нѣкоторыхъ колебаній,—какъ, быть можетъ, никто. Я хотѣла усладить послѣднія минуты его жизни, занять вниманіе больного поэта, отвлечь его отъ грустныхъ мыслей...

Скоро, впрочемъ, незнакомка отреклась отъ этихъ словъ. Сознаніе было, будто, вынужденное, вслѣдствіе нежеланія подвергнуться допросу о личности графини. Есть, однако, полное основаніе думать, что сознаніе было искреннее, что инкогнито мнимой графини раскрыто. Нѣкоторыя данныя съ положительностью указываютъ на тождество мнимой графини и мнимой ея пріятельницы.

Съ тѣхъ поръ, какъ умеръ Надсонъ, прошло почти 23 года, и можно простить «Хлестакову въ юбкѣ» маленькую, невинную мистификацію: не въ послѣдней центръ тяжести глубоко интересной

переписки, а въ тѣхъ отрядныхъ минутахъ, которыя доставило больному поэту чтеніе писемъ незнакомки. Ей мы обязаны отвѣтными письмами поэта, въ которыхъ разсѣяно много интересныхъ мыслей и гдѣ ярко вырисовывается личность Надсона. Письма поэта имѣютъ немалую автобіографическую цѣнность.

«Восьми лѣтъ я остался круглымъ сиротою,—разсказываетъ Надсонъ,—и попалъ въ семью дяди моего, И. С. М. Онъ—довольно видное лицо въ петербургскомъ бюрократическомъ мірѣ. По обычаю всѣхъ такихъ благодѣтелей, мой чиновный дядюшка спихнулъ меня на казенный счетъ въ закрытое заведеніе—военную гимназію. Ни ласки, ни тепла, ни участія не зналъ я въ моемъ дѣтствѣ, и часто на мраморные подоконники дядюшкиной квартиры капали мои одинокія, горячія слезы. Военная служба, для которой меня предназначали, была мнѣ сильно не по душѣ. Рано началъ я писать. Разумѣется, мои первые опыты встрѣтили самый неласковый приемъ. Я не стану разсказывать вамъ, какъ я старался вырваться изъ душевной среды, давившей меня, и какъ наконецъ, благодаря усиліямъ моихъ друзей, мнѣ это удалось,—хотя и удалось цѣною смертельной болѣзни».

Съ тѣхъ поръ Надсонъ порвалъ, по его словамъ, со средой, къ которой принадлежитъ семья дяди. «Мнѣ сталъ ненавистенъ,—заявляетъ онъ,—пропитанный чиновничьимъ безсердечіемъ воздухъ штофныхъ гостиныхъ».

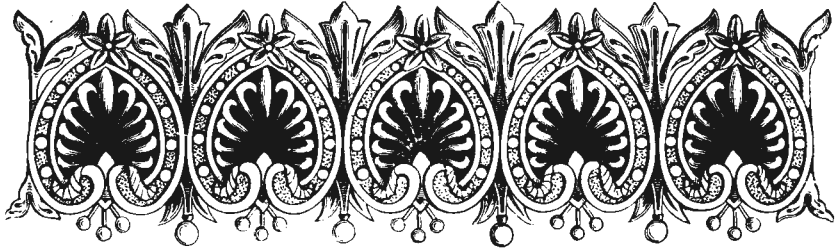
«Свѣту» будетъ довольно его привилегированныхъ пѣвцовъ-графовъ: Толстого (А. К.), Цертелева, Голенищева-Кутузова, --- прибавляетъ поэтъ-«плебей».

Но за «свѣтъ» горячо заступается мнимая графиня по мужу, одинъ изъ предковъ которой былъ, якобы, декабристомъ, какъ она намекаетъ въ одномъ мѣстѣ.

Но, несмотря на вымыслы и хлестаковщину, которыми уснащены письма надсоновской корреспондентки, они не лишены интереса и какъ *литературное произведеніе*. Недаромъ одинъ изъ петербургскихъ издателей О. К. Нотовичъ усиленно разыскивалъ талантливую «графиню», чтобы предложить ей посвятить себя литературной работѣ и украсить беллетристическій отдѣлъ «Новостей» произведеніями ея пера...

Въ собраніе сочиненій С. Я. Надсона включено почти все, имѣющее значеніе для его характеристики, но переписка поэта съ «графиней» Любой, несмотря на протекшія двѣ земскія давности, не сдѣлалась еще достояніемъ всей читающей публики. Это не мѣшало бы сдѣлать теперь собственнику сочиненій Надсона, Литературному фонду. Пора выпустить изъ плѣна задержанную 23 года тому назадъ книгу, не утратившую и теперь своего интереса и значенія...

А. Евгеньевъ.

ЕВГЕНІЯ МАРСЪ И ЕЯ РАЗСКАЗЫ.

ЕВГЕНІЯ Марсъ (по мужу Елмазова) — видная беллетристка современной Болгаріи. О пей стоитъ поговорить.

Она родилась въ 1879 году въ городѣ Самоковѣ, но уже съ ранняго дѣтства переѣхала въ Софію, гдѣ находится и теперь. Тамъ она воспитывалась въ мѣстной гимназіи, тамъ вышла замужъ, и тамъ же развивается ея литературная дѣятельность.

Лучшіе софійскіе журналы и газеты («Българска сбирка», «Духовна пробуда», «Свѣтлина», «Справедливость») охотно удѣляютъ свои страницы ея произведеніямъ.

Въ 1906 году она издала первую книгу рассказовъ: «Изъ жизни», а въ слѣдующемъ году и вторую — подъ общимъ заглавіемъ: «Лунная ночь».

Эти художественно написанныя повеллы не замедлили обратить на себя вниманіе широкихъ читающихъ круговъ, и не удивительно: онѣ почти всегда проникнуты теплымъ лиризмомъ и дышатъ непосредственностью горячей, искренней души, одаренной поэзіей.

Сюжеты ея рассказовъ отражаютъ болгарскій обиходъ послѣдняго десятилѣтія.

Жизнь человѣческаго сердца даетъ изящному таланту Евгеніи Марсъ богатый матеріалъ для наблюденій и обобщеній тѣмъ болѣе, что эта психологическая сторона до сихъ поръ была какъ-то мало обследована бытописателями старой и молодой Болгаріи, разумѣется, за исключеніемъ чуткаго Ивана Вазова, сумѣвшаго охватить внутренній и внѣшній міръ людскихъ отношеній, полный самыхъ неожиданныхъ контрастовъ.

Простота изложенія придаетъ идеѣ каждого разсказа выпуклость и четкость и, такимъ образомъ, легче сближаетъ читателя съ авторомъ.

Тонкій анализъ не расколаживаетъ, а привлекаетъ... Любой штрихъ лица, набросанный жизнью, всякая тѣнь, туманящая глаза, тайный трепеть измученнаго сердца,—все это становится понятнымъ въ повѣствованіяхъ Евгеніи Марсъ. Ничего не договореннаго, ничего кошмарнаго, одна неприкрашенная явь, порою страшная своей дѣйствительностью... а, вѣдь, ничто такъ не устрашитъ, какъ настоящій ужасъ; ничто такъ не тронетъ, какъ искренняя печаль!.. Придуманые страхи то же, что картонный мечъ актера.

И Евгенія Марсъ не измышляетъ и не фотографируетъ, а творитъ, какъ художникъ, относящійся серьезно къ задачамъ искусства.

Ни вымученныхъ образовъ, ни ложныхъ положеній вы не найдете у нея... И нѣтъ многословія, излюбленнаго женщинами-писательницами.

Лучшіе изъ ея разсказовъ: «Еловая вѣтка», «На молитвѣ», «Идиллія молодости», «Грустный мигъ» (монологъ на морскомъ берегу).

Она написала нѣсколько вещицъ и на социальныя темы, какъ, напримѣръ, эскизъ: «Свѣтскіе фарисеи», гдѣ ярко и не безъ юмора выставлены жалкіе нравы вырастающей молодой болгарской столицы, какъ-то не вяжущіеся съ культурой XX вѣка. Для полной характеристики Евгеніи Марсъ слѣдуетъ еще упомянуть, что въ послѣднее время она стала, между прочимъ, заниматься и переводами, знакомя свою родину съ произведеніями нашихъ писателей.

Такъ какъ въ Россіи имя талантливой болгарки пока еще неизвѣстно, я позволю себѣ привести здѣсь въ подробномъ пересказѣ одинъ изъ наиболѣе удачныхъ ея очерковъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ «Лунная ночь», гдѣ софійскій «бомондъ» вылѣпленъ, какъ подъ рѣзцомъ скульптора.

Свѣтскіе фарисеи.

Комнаты наполнялись приглашенными. Залъ и гостиная положительно сіяли, залитые блескомъ электрическихъ огней.

Свѣтлые дамскіе наряды, изысканные, съ глубокими вырѣзами, еще болѣе увеличивали эту яркость.

Женскіе лица, свѣжія, румяныя... старики и молодежь... фраки..

Сливки столичнаго общества... Все лучшее собралось тутъ для новгороднихъ поздравленій.

Среди присутствовавшихъ невольно выдѣлялась дѣвушка, красивая, стройная, привлекающая всеобщіе взгляды чудной фигурой и проницательнымъ жгучимъ взоромъ.

Бѣлая скромная юбка говорила о тонкомъ вкусѣ.

Гирлянда изъ розъ падала отъ корсажа такимъ свободнымъ, живописнымъ изгибомъ...

Одна знакомая семья, приглашенная на балъ, привезла съ собою и молодую красавицу для совмѣстной встрѣчи новаго года.

Евгенія Марсь.

Съ перваго же ея появленія вниманіе гостей было точно приковано ею... Многіе мужчины спѣшили представиться ей и пригласить на танцы.

Вотъ заиграли вальсъ, и очаровательная незнакомка перелетала отъ одного къ другому, отъ пятаго—къ десятому; она была прелестной танцоркой, и каждый спѣшилъ заручиться ея согласіемъ.

Дамы, наконецъ, тоже засмотрѣлись, потомъ стали переглядываться.

— Кто эта барышня? Она положительно взята въ плѣнь мужчинами,—обратилась къ сосѣдкѣ та, что была и помоложе, и болѣе любопытной.

— Право, не знаю, а великолѣпно танцуетъ! и какая милашка! Я спрошу м-ше Иванову... Она здоровалась съ ней и, навѣрно, знаетъ ея фамилію.

Говорившая, не по годамъ разодѣтая и разукрашенная, помчалась къ отцвѣтающей дѣвицѣ.

Иванова повела плечомъ и въ отвѣтъ точно нехотя уронила, едва подавляя горькую усмѣшку:

— Ахъ, эта молоденькая, околдованная кавалеровъ...

— Да, она самая,—нервно подхватила первая:—я тебя спрашиваю: кто она? Ты съ ней, кажется, поздоровалась.

— О, ты безчуждо любопытна! Что бы это значило?.. Гм... Ея имя—Невѣнка Драганова, кассирша изъ магазина Петра Найденова.

— Какъ?!—раздался недоумѣвающей возгласъ:—кассирша изъ магазина?.. Однако!.. Значить, въ нѣкоторомъ родѣ прислуга и затесалась къ намъ! Но это возмутительно! Тутъ высшее общество, и вдругъ—горничная! Изумляюсь нашимъ мужьямъ... Развѣ они—слѣпые, не видятъ, изъ какихъ она?..

— Мужчинамъ не важно... Для нихъ имѣетъ значеніе только то, что она смазлива и ловко приплясываетъ,—возражала Иванова.

— Такъ ли?.. Ну, подожди... мы еще посмотримъ...

И въ порывѣ благороднаго негодованія, она внезапно начала перебѣгать отъ знакомой къ знакомой и шептаться, пока не образовался цѣлый кругъ возмущенныхъ представительницъ слабого пола.

О чемъ-то совѣщались и обстрѣливали взглядами ничего не подозрѣвавшую дѣвушку, которая была восхитительна съ легкимъ румянцемъ на нѣжныхъ щекахъ, съ волнующеюся упругою грудью...

Естественно, что ея рѣдкая красота еще сильнѣе разжигала недовольныхъ.

Долго шушукались... Выросло безпокойство...

— Слушайте-ка,—открыла ядовитую рѣчь какая-то изъ возмущенныхъ:—я уже составила себѣ опредѣленное мнѣніе относительно этого салона...

Высокая дама съ сухимъ, строгимъ выраженіемъ, давно слѣдившая за нитью разговора, тоже вмѣшалась въ бесѣду и затѣяла споръ:

— Помилуйте... дѣлать такой скандалъ! Я не придиралась бы къ ней... Пусть ее танцуетъ!.. Она не хуже и не лучше насъ... Тотъ же человѣкъ.

— Извините, она изъ-за прилавка, она—кассирша, стало быть, съ иными понятіями, чѣмъ всѣ мы, она—прислуга, а это уже—оскорбленіе для насъ, вызовъ... Присутствіе какой-то отвратительной дѣвчонки накладываетъ на насъ пятно...

— Разодѣта, словно принцесса, и глядитъ съ такимъ самодовольствомъ, будто покорительница міра,—нанизывала слова, какъ бисеръ, жена банковскаго чиновника и вся такъ и горѣла отъ зависти (несмотря на свое величіе, она до сихъ поръ еще оставалась безъ кавалера и не танцевала!).

Взбунтовавшіяся женщины кипѣли негодованіемъ, нервничали.

Подходили новыя и едва узнавали, въ чемъ дѣло, также возмущались, и непріязненные взгляды настойчиво пронизывали Невѣнку.

— Необходимо принять какое-нибудь рѣшеніе... Нужно попытаться... Вы согласны?—опять заговорила первая изъ поднявшихъ всю эту исторію.

— Согласны, согласны!.. Здѣсь ей не мѣсто,—подхватили голоса.

— Тогда отправимся вмѣстѣ къ хозяевамъ и попросимъ немедленно вывести ее отсюда.

Нѣкоторыя изъ дамъ съ шумомъ направились къ буфету, но не нашли тѣхъ, кого искали, и рѣшили сами исполнить задуманный планъ.

Въ это время Невѣнка какъ разъ только что усѣлась, отдыхая послѣ танцевъ, сіяющая, счастливая, и обмахивалась вѣеромъ, чтобы хоть сколько-нибудь освѣжить раскраснѣвшееся лицо.

Разумѣется, она ничего не подозрѣвала, когда хлынула на нее, какъ волна, ватага негодующихъ женщинъ.

Одна изъ нихъ заговорила съ плохо скрываемымъ задоромъ:

— Какимъ образомъ?.. Что вы тутъ дѣлаете?.. Словно вы дѣйствительно не знаете, что здѣсь, среди насъ, не каждому мѣсто! Не угодно ли сейчасъ же... вотъ Богъ, а вотъ порогъ...

Дерзкія слова обожгли Невѣнку. Если бы грянулъ громъ, навѣрно она не была бы такъ поражена, какъ теперь. Оглядываясь по сторонамъ, дѣвушка всюду встрѣчала напряженно-острые глаза.

Съ мертвенно-блѣдными щеками, она еле прошептала, глотая слезы:

— Но я была приглашена, и поэтому здѣсь... Кто вы, что позволяете себѣ такъ много?..

— О, да она просто нахалка!—послышалось изъ толпы.

— Убирайтесь или васъ вытолкають за двери!—раздался новый возгласъ.

Такъ какъ дѣвушка не двигалась, крики: «вонъ! вонъ!» охватили залъ.

Двѣ какія-то изъ наиболѣе смѣлыхъ схватили ее подъ руки и потащили къ выходу.

Было нѣсколько сверстницъ, которыя танцовали передъ этимъ съ Невѣнкой. Онѣ, конечно, видѣли странную суету, но замерли, боясь пошевелиться. Каждая изъ нихъ не дерзала вмѣшаться и прекратить жестокою расправу съ униженной красавицей, подругой по танцамъ... Страхъ повредить себѣ держалъ ихъ, какъ въ тискахъ.

Невѣнка, заплаканная, уничтоженная, полная жгучаго страданія, покинула ослѣпительный домъ. Она видѣла, что ни одна человѣческая душа не заступилась за нее, что ни въ комъ не вспыхнулъ великодушный порывъ—прійти къ ней на помощь.

Въ волненіи она забыла даже разыскать тѣхъ пріятелей, съ которыми пріѣхала на балъ и которые, на бѣду, находились въ столовой, когда разыгралась эта пошлая комедія, недостойная образованныхъ людей...

Между тѣмъ, едва закрылись двери за Невѣнкой, въ залѣ зазвучалъ чей-то внушительный голосъ:

— Что же вы надѣлали, господа! Ну что изъ того, что она—кассирша? Неужели позоръ?.. Я ея знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, но ясно, что она—вполнѣ порядочная дѣвушка. Можетъ быть, недалеко время, когда наши дочери и жены также будутъ поступать въ магазины, по примѣру Европы. У культурныхъ народовъ трудъ не считается постыднымъ. Тамъ и дѣвушки, и матери изъ лучшаго общества зачастую служатъ, и никто не косится на нихъ, какъ это дѣлаете вы. О, вы совершенно неправы! Трудъ, повторяю, не клеймо, а добродѣтель...

Говорившій старикъ былъ человѣкомъ, уважаемымъ въ городѣ.

При общемъ молчаніи онъ покинулъ залъ вмѣстѣ съ своею семьею.

Его слова произвели извѣстное впечатлѣніе.

Жертва великосвѣтскихъ предразсудковъ нашла-таки защитниковъ.

— По правдѣ,—прибавилъ кто-то изъ мужчинъ послѣ ухода старика:—женскій судъ не отличался справедливостью. Дамы слишкомъ жестокосердны.

— Худо, что никто изъ насъ не заступился, никто не показалъ себя джентльменомъ, никто не замолвилъ словечка,—процѣдилъ сконфуженный молодой франтъ средняго роста.

— Да, теперь легко говорить!—вмѣшался третій:—меня, къ сожалѣнію, здѣсь не было, но если бы я былъ свидѣтелемъ гнусной выходки,—конечно, я образумилъ бы прекрасный полъ, показалъ бы воочию, кого онѣ съ такимъ позоромъ выставляютъ... ну, и... ахъ, надо же понимать людей!.. Всѣ эти закулисныя тайны, сплетни... Пфе!..

Пока мужчины бесполезно обмѣнивались и утѣшались запоздавшими рыцарскими словоизліяніями, Невѣнка, дрожа отъ слезъ, бѣжала по опустѣвшимъ улицамъ. Публично оскорбленная, покрытая насмѣшками, она чувствовала себя задавленной лицемѣріемъ такъ называемаго «бомонда», безконечно жалкой...

Фантазія невольно вызывала болѣзненные страхи, и ужасное «завтра» вставало тяжелымъ призракомъ...

«А вдругъ выгонитъ хозяинъ, и я останусь безъ куска хлѣба!..».

Когда подбѣжала къ дому, гдѣ жила, остановилась у воротъ...

Грянулъ салютъ, радостно объявляющій о наступленіи новаго года...

Вздрогнула... упала, какъ подкошенная...

В. Умановъ-Каплуновскій.

ПОНЕРКИ ВЫСШАГО ЖЕНСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ И ПЕТЕРБУРГСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ

(Юбилейная замѣтка).

УССКАЯ интеллигентная женщина пропустила безъ должнаго вниманія крупное событіе въ исторіи высшаго женскаго образованія.

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ въ императорскомъ петербургскомъ университетѣ появилась первая и единственная слушательница.

Событіе это тѣмъ болѣе заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, что и донинѣ права женщинъ на посѣщеніе университетовъ признаются министерствомъ народнаго просвѣщенія спорными. Еще недавно особымъ высочайшимъ повелѣніемъ разрѣшено было закончить свое образованіе слушательницамъ, которыя во дни освободительнаго движенія хлынули въ настежь открытыя для нихъ двери университета. Но и по сію пору не выясненъ вопросъ: получать ли эти слушательницы дипломы и соотвѣтственныя права?

Разъясненіе правительствующаго сената по отношенію къ первой женщинѣ-адвокату въ Петербургѣ, г-жѣ Флейшицъ, является весьма дурнымъ предзнаменованіемъ для слушательницъ университета, а равно и высшихъ женскихъ курсовъ. И хотя В. В. Розановъ основательно говоритъ въ «Новомъ Времени», что прямое отсутствіе въ законѣ запрещенія женщинамъ выступать въ судѣ и введеніе самимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія преподаванія юридическихъ наукъ въ университетскомъ объемѣ на жен-

скихъ курсахъ обнаруживаютъ «истинную волю законодателя»,— въ близкомъ будущемъ наши университеты едва ли будутъ доступны для женщинъ.

Вотъ почему интересно теперь оглянуться назадъ и остановиться на знаменательномъ событіи, имѣвшемъ мѣсто 50 лѣтъ тому назадъ.

Это было осенью 1859 года. Одна изъ самыхъ большихъ университетскихъ аудиторій, XI-я, хорошо знакомая студентамъ-юристамъ, была переполнена: студенты съ нетерпѣніемъ ждали весьма популярнаго профессора Константина Дмитриевича Кавелина, читавшаго имъ гражданское право.

Но вотъ появляется профессоръ, а за нимъ ректоръ П. А. Плетневъ подъ руку съ молодою и красивою дѣвушкою.

Ректоръ усаживаетъ дѣвушку въ кресло, самъ садится рядомъ, и Кавелинъ приступаетъ къ чтенію своей лекціи.

Надо ли говорить, что взоры всѣхъ слушателей, пока талантливый лекторъ не завладѣлъ ихъ вниманіемъ, были устремлены на необычайную гостью, на ея миловидное лицо съ рѣзко выраженнымъ итальянскимъ типомъ! Это была дѣвушка небольшого роста, весьма скромно одѣтая въ простое черное платье. Волосы у нея были нѣсколько подстрижены и собраны въ сѣтку. Звали ее, какъ студенты потомъ узнали, Наталіей Геронимовной Корсини. Отецъ ея былъ извѣстный тогда въ Петербургѣ архитекторъ, а мать съ сороковыхъ и въ началѣ 50-хъ годовъ причастна была къ литературѣ и знала хорошо лично П. А. Плетнева, критика и друга Пушкина, Жуковского, Гоголя и другихъ корифеевъ русской литературы.

Послѣ лекціи Кавелина первая по времени слушательница петербургскаго университета Н. И. Корсини стала посѣщать и другія лекціи, появляясь на нихъ уже безъ своего кавалера Плетнева, а подъ руку съ Кавелинымъ. Впослѣдствіи Корсини приходила уже одна съ записною тетрадю въ рукахъ, усаживалась за однимъ изъ общихъ столовъ и прилежно записывала лекціи, стараясь не проронить ни одного слова. Кромѣ лекцій Кавелина, она усердно посѣщала лекціи В. Д. Спасовича и В. И. Утина (брата ея будущаго мужа— Николая Утина, извѣстнаго своею политическою дѣятельностью).

Прошло нѣкоторое время,—и въ университетѣ появились еще слушательницы.

Второю слушательницею петербургскаго университета была Антонида Петровна Блюммеръ; за нею появились Марія Арсеньевна Богданова, слушавшая преимущественно лекціи на естественномъ факультетѣ, сестра первой университетской слушательницы—Екатерины Геронимовны Корсини (впослѣдствіи замужемъ за профессоромъ Висковатовымъ), Надежда Прокопьевна Сулова (первая русская женщина-врачъ) и Марія Александровна Бокова (потомъ Сѣченова, жена извѣстнаго физиолога).

Во второмъ семестрѣ число женщинъ въ петербургскомъ университетѣ увеличилось, и среди нихъ появилась пріобрѣвшая извѣстность своими трудами по невропатологіи М. М. Манасеина, урожденная Коркунова.

За первыми піонерками потянулись другія женщины, жаждавшія высшаго образованія, и, по свидѣтельству тогдашняго студента Л. Ф. Пантелѣева («Изъ воспоминаній прошлаго») на лекціяхъ нѣкоторыхъ профессоровъ дамъ бывало чуть ли не столько же, сколько студентовъ.

Стремленіе русскихъ женщинъ къ высшему образованію явилось продуктомъ того перелома, который произошелъ въ русской жизни въ эпоху конца 50-хъ годовъ, когда въ воздухѣ уже повѣяло великими реформами. Умственное движеніе, охватившее русское общество, не могло не отразиться и на русской женщинѣ, не могло не увлекать и ее на путь знаній. Само общество находило, что для женщины недостаточно одного умѣнья болтать по-французски, брэнчать на фортепіано и одѣваться по послѣдней парижской модѣ. Чувствовалась потребность въ образованной и умственно-развитой женщинѣ, которая могла бы съ успѣхомъ выполнять свои высокія обязанности жены-друга, матери-воспитательницы и члена общества.

Начавшееся тогда умственное движеніе среди русскихъ женщинъ не могло остановиться на полдорогѣ. Первые піонерки высшаго женскаго образованія проторили путь русской женщинѣ къ высшему гуманитарному и профессиональному знаніямъ. Появились съ теченіемъ времени женщины-врачи и женщины-профессора на специально открытыхъ для женщинъ высшихъ курсахъ. Съ чувствомъ гордости мы можемъ констатировать, что въ дѣлѣ женскаго высшаго образованія Россіи принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Въ 1868 году русская дѣвушка Варвара Сулова, о которой мы упомянули выше, сдала докторскій экзаменъ въ цюрихскомъ университетѣ, куда до того женщины допускались лишь изрѣдка и то только въ качествѣ вольнослушательницъ. И въ томъ же 1868 году другая русская дѣвушка, Варвара Руднева, сдала экзаменъ на доктора медицины при бывшей медико-хирургической академіи въ Петербургѣ—нынѣ военно-медицинской.

Какъ же относились правительственныя сферы, представители официальной науки и студенчества къ первымъ шагамъ русской женщины по пути высшаго образованія?

Еще при разработкѣ университетскаго устава 1863 года министерство народнаго просвѣщенія задумалось надъ вопросомъ о допущеніи женщинъ къ высшему женскому образованію и запросило университеты: могутъ ли женщины быть допускаемы къ слушанію лекцій совмѣстно со студентами, могутъ ли онѣ быть допускаемы къ испытанію на ученые степени и какими правами, въ случаѣ выдержанія испытанія, онѣ должны пользоваться?

Уже въ постановкѣ самихъ вопросовъ сквозить благожелательное отношеніе министерства къ женщинамъ, стремившимся къ высшему образованію, и допускается а ргіогі возможность рѣшенія университетамъ этихъ вопросовъ въ положительномъ смыслѣ. На практикѣ, однако, возникли нѣкоторыя осложненія. Послѣ университетскихъ исторій, когда петербургскій университетъ былъ снова открытъ въ 1863 году, онъ оказался недоступнымъ для женщинъ. Нѣкоторыя изъ нихъ стали тогда стучаться въ двери медико-хирургической академіи, которыя сначала было открылись для нихъ, но затѣмъ скоро закрылись. Исключеніе было сдѣлано, по особому ходатайству оренбургскаго генераль-губернатора, для Кашеваровой (по мужу Рудневой).

Затрудненія заставили сотни дѣвушекъ устремиться въ швейцарскіе университеты. Противъ этого стремленія принимались кое-какія мѣры, опубликовано было предостерегающаго свойства правительственное сообщеніе, вызванное «революціонизированіемъ» молодежи за границей. Самъ графъ Д. А. Толстой, не особенно сочувствовавшій въ душѣ высшему женскому образованію, долженъ былъ признать открытіе въ 1878 году высшихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ, преобразованныхъ изъ владимирскихъ курсовъ, «дѣломъ полезнымъ и даже необходимымъ, въ видахъ отвлеченія русскихъ женщинъ отъ обученія въ заграничныхъ университетахъ».

Не всѣ жаждавшія высшаго образованія дѣвушки могли направляться въ заграничныя университеты. Въ разное время выдающіяся русскія ученые женщины поднимали вопросъ объ открытіи женщинамъ доступа къ высшему образованію. Въ 1868 году на имя ректора петербургскаго университета поступили ходатайства 400 женщинъ объ устройствѣ лекцій или курсовъ для женщинъ. Среди ходатайствовавшихъ встрѣчаемъ имена А. П. Философовой, О. А. Мордвиновой, Н. В. Стасовой, В. П. Тарновской и др.

Министръ народнаго просвѣщенія далъ согласіе на учрежденіе лишь «общихъ публичныхъ лекцій, т. е. *совокупно для мужчинъ и женщинъ*, на основаніи общихъ постановленій о публичныхъ лекціяхъ». 2-го января 1870 г. открылись въ домѣ министра внутреннихъ дѣлъ «публичныя лекціи для мужчинъ и женщинъ». Чрезъ нѣкоторое время лекціи читались въ другомъ помѣщеніи—въ зданіи владимирскаго уѣзднаго училища. Эти «владимирскіе курсы» и были преобразованы впослѣдствіи въ высшіе женскіе курсы.

6-го мая 1872 года состоялось высочайшее повелѣніе, положившее основаніе курсамъ ученыхъ акушеровъ, превратившимся въ женскіе врачебные курсы при Николаевскомъ военномъ госпиталѣ, позднѣе закрытые и возобновленные уже подъ названіемъ «женскаго медицинскаго института».

Взглядъ русскаго правительства на высшее женское образованіе нѣсколько разъ мѣнялся.

Отношеніе патентованныхъ представителей науки къ высшему женскому образованію было различно.

Когда въ петербургскомъ университетѣ появились 50 лѣтъ тому назадъ первыя слушательницы, большинство профессоровъ не проявили къ нимъ особеннаго сочувствія. Убѣжденнымъ защитникомъ правъ женщинъ на университетское образованіе былъ К. Д. Кавелинъ. Прочіе находили неудобнымъ присутствіе женщинъ въ аудиторіяхъ. Но никто не рѣшался открыто протестовать противъ посѣщенія лекцій женщинами. Одинъ Куторга, какъ говорили тогда, часто уснащалъ свои лекціи такими рискованными метафорами и словечками, которыя могли шокировать женское ухо и должны были, по его мнѣнію, отвратить женщинъ отъ посѣщенія его лекцій.

Это было въ 1859—60 гг., а въ 1863 году совѣтъ с.-петербургскаго университета, на запросъ министра народнаго просвѣщенія, предложилъ допустить женщинъ къ совмѣстному со студентами слушанію лекцій и пріобрѣтенію всѣхъ ученыхъ степеней, на правахъ вольнослушателей,—съ оговоркою, впрочемъ, что дипломъ долженъ давать женщинамъ право на медицинскую практику и на штатныя должности лишь въ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ...

Съ наступленіемъ дней свободы и провозглашеніемъ университетской автономіи русскіе университеты, въ томъ числѣ и петербургскій, гостепріимно и широко открыли свои двери для женской молодежи...

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ объ отношеніяхъ студентовъ къ товарищамъ-слушательницамъ въ петербургскомъ университетѣ 50 лѣтъ тому назадъ.

Само собою разумѣется, что тогдашнее студенчество было мало похоже на нынѣшнее. Составъ его былъ довольно пестрый. Одни усердно посѣщали лекціи, прилежно записывали читавшееся профессорами и интересовались только своими обязательными предметами. Въ этихъ обязательныхъ предметахъ, у нихъ никакихъ интересовъ не было. Книгъ, журналовъ и газетъ не читали, публичныхъ лекцій, устраивавшихся тогда съ участіемъ выдающихся ученыхъ или писателей, не посѣщали.

Другая группа студентовъ жила еще традиціями добраго стараго времени и вела жизнь, похожую на времяпровожденіе нѣмецкихъ буршей, устраивая кутежи и попойки, посѣщая тогдашнія увеселительныя мѣста и фланируя ежедневно по Невскому...

Но была еще значительная группа студентовъ, проникнутыхъ стремленіемъ къ саморазвитію и исповѣдывавшихъ прогрессивныя идеи. Надо ли говорить, что студенты этой послѣдней группы съ горячимъ сочувствіемъ отнеслись къ пионеркамъ высшаго женскаго образованія въ петербургскомъ университетѣ. Они считали посѣщеніе женщинами университета явленіемъ вполнѣ естественнымъ. Но и другіе студенты, далекіе отъ всякихъ идеальныхъ мечта-

ній, не обнаруживали какого-либо недовольства слушательницами. Достаточно сказать, что за два года посѣщенія женщинами университета, по свидѣтельству Л. Ф. Пантелѣва, не было ни одного случая, который сталъ бы предметомъ товарищескаго обсуждения и тѣмъ болѣе—суда.

Больше того: появленіе женщинъ въ петербургскомъ университетѣ отразилось самымъ благопріятнымъ образомъ на нравахъ студентовъ и пріучало ихъ къ сдержанности въ выраженіяхъ и въ своемъ поведеніи. Опытъ петербургскаго университета въ 60-хъ годахъ и въ наши дни краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, что общеніе студентовъ съ интеллигентною женскою молодежью не только не приноситъ какого-либо вреда, но имѣетъ хорошее вліяніе на первыхъ.

Но какъ бы то ни было, высшее женское образованіе стоитъ у насъ теперь прочно. Кромѣ женскаго медицинскаго института и высшихъ женскихъ курсовъ, во многихъ русскихъ городахъ существуютъ правильно организованные курсы для женщинъ по отдѣльнымъ отраслямъ знанія. Усиліями нѣсколькихъ лицъ удалось основать въ Петербургѣ первую въ Европѣ высшую техническую школу для женщинъ. Первая въ Европѣ женщина-инженеръ путей сообщенія—также русская.

Своими побѣдами въ дѣлѣ высшаго женскаго образованія русскія женщины обязаны въ значительной мѣрѣ первымъ пionеркамъ, которыя ровно 50 лѣтъ тому назадъ добились открытія для нихъ дверей петербургскаго университета. И мы сочли поэтому умѣстнымъ помянуть ихъ добрымъ словомъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника».

А. Е. Кауфманъ.

ЦАРЕУБИЙСТВО 1 МАРТА 1881 ГОДА.

(Историческіе очерки).

I. Тревожные политическіе симптомы.

I.

ВТОРАЯ половина семидесятых годов застаётъ Россію въ напряженномъ, тревожномъ состояніи, какъ въ кругу вопросовъ вѣшной, такъ и внутренней политики. На Ближнемъ Востокѣ, по ту сторону Дуная, славянскіе народы поднимаются въ защиту своихъ человѣческихъ правъ противъ гнета ислама, и русскій народъ естественно втягивается въ круговоротъ развертывающейся на Балканскомъ полуостровѣ кровавой борьбы. Внутри Россіи, невзирая на ея «вѣковую тишину», съ одной стороны, наблюдается процессъ медленнаго экономическаго разложенія населенія при апатичномъ отношеніи къ этому процессу со стороны правящихъ сферъ, съ другой—въ интеллигентныхъ сферахъ замѣчается полный ихъ разладъ съ властью и нарастаніе открытаго недовольства и оппозиціи всѣмъ палліативнымъ бюрократическимъ начинаніямъ этой власти. Правда, на страницахъ періодической печати мы не слышимъ въ этомъ смыслѣ откровенныхъ и смѣлыхъ голосовъ, и она оперируетъ методомъ скрытой критики, прикрывая ее испытаннымъ Эзоповымъ языкомъ. Недавніе еще погромы печати въ предыдущее десятилѣтіе

съ ихъ многочисленными жертвами и усиленіе цензурныхъ мѣръ строгости не позволяютъ представителямъ печати стать открыто и безбоязненно на стражѣ отечественныхъ интересовъ. За ней право такого стоянія не признается, и значеніе ея сводится къ минимуму. Бюрократія послѣ понесенныхъ ею уроковъ въ шестидесятые годы снова гордо и властно поднимаетъ свою голову и какъ бы старается въ борьбѣ съ русскою общественностью найти удовлетвореніе за причиненныя ей обиды; жертвою ея мщенія становятся одинаково и такъ называемые западники и славянофилы, а также только что народившіеся и окрѣпшіе литературные народники. Отсутствие общественнаго контроля рѣзко даетъ о себѣ знать.

Какъ нѣкогда передъ севастопольскимъ погромомъ, такъ и нынѣ передъ лицомъ новой военной опасности, въ видѣ неизбѣжной войны съ Турціей, бюрократическая машина явно обнаруживала свою устарѣлость и непригодность. Публицистъ «Голоса», Гр. К. Градовскій, писавшій тамъ подъ псевдонимомъ Гаммы, въ своемъ фельетонѣ «Итоги войны 1877—1878 гг.» такъ обрисовываетъ то злополучное время ¹⁾: «Было это въ августѣ 1875 года,—писалъ г. Градовскій:—нельзя сказать, чтобъ хорошо чувствовалось. Большинство самыхъ богатыхъ мѣстностей Россіи было постигнуто неурожаемъ; безкормица и падежъ скота уносили безвозвратно тысячи сбереженій народа; по всей Россіи производилась подписка на сборъ пожертвованій для облегченія бѣдственной участи погорѣльцевъ, разоренныхъ во многихъ мѣстахъ въ конецъ опустошительными пожарами. Голодъ, падежи, пожары, истребленіе лѣсовъ! Ссуды банковыя и всѣхъ сортовъ поглощались едва ли не прежде выдачи, сельское хозяйство въ застоѣ; недоимки росли и росли; желѣзныя дороги часто приносили болѣе вреда и убытка, нежели пользы. Можно сказать даже—очень нехорошо чувствовалось!

«Это по части экономической. По части политической было не лучше. Старое разрушено, новое далеко еще не вошло въ жизнь и въ недодѣлкѣ. Не успѣли намъ принести новое платье, какъ оно оказалось ужъ намъ узкимъ и непригоднымъ. Потребовалась какая-то «галантерейность» въ обращеніи и нѣкоторая сдержанность въ своеволіи: стали соболѣзновать о старомъ, треснувшемъ по всѣмъ швамъ и оборванномъ Крымскою войною кафтанѣ, въ которомъ вольготно было валяться и прозябать гдѣ-нибудь въ Обломовкѣ. Освобожденіе крестьянъ—но экономическое положеніе населенія, разнузданность кабака, міроѣдовъ, волостныхъ писарей, попечительныя мѣропріятія становыхъ приставовъ давали многимъ поводъ сожалѣть о старомъ, добромъ патріархаль-

¹⁾ Г. К. Градовскій. «Итоги» (1862—1907). Спб. 1908 г.

номъ времени, не удовлетворяли однихъ, мечтавшихъ, что съ 19 февраля золотыя груши стануть сами къ нимъ въ ротъ падать и ничего уже дурного и злого не будетъ на землѣ, и позволяли другимъ клеветать даже на великое и незабвенное дѣло, совершенное въ этотъ знаменательный день. Земство, городское самоуправленіе—но добрая часть Россіи не знала еще, что такое земство и это городское самоуправленіе, а другая часть уже успѣла испытать много разочарованій: она узнала, что, при безгласности, при отсутствіи правильнаго, неустаннаго общественнаго контроля, общественное дѣло не можетъ двигаться и развиваться, что дѣятельные, честные, лучшіе люди не всегда могутъ разсчитывать на участіе свое въ общественныхъ учрежденіяхъ, что земство, самоуправленіе могутъ часто итти въ разрѣзъ съ охранительными вождедѣніями и убѣжденіями лицъ, не желающихъ знать, что и земскія и городскія учрежденія созданы и дѣйствуютъ въ силу той же санкціи, благодаря которой существуютъ и должности, занимаемыя этими лицами. Преобразованная часть Россіи успѣла уже извѣдать, что во многихъ случаяхъ не только поднимался, но и практически разрѣшался вопросъ объ усиленіи той именно власти, которую законодатель желалъ ввести въ должныя границы именно земскою и городскою реформами.

«Новый судъ—но, опять-таки, добрая часть государства еще не успѣла извѣдать, что такое этотъ новый, заманчивый своею «правдою и милостію» судъ, а другая уже ознакомилась съ тою разницею, которая существуетъ между «уставами» и ихъ примѣненіемъ: она узнала, что такое возвѣщенная несмѣняемость и независимость судей, о которой написано въ «уставахъ»; она уразумѣла дѣйствительное значеніе основнаго положенія правосудія, по которому никто не можетъ быть лишенъ свободы и принадлежащаго ему права иначе, какъ по закону и суду; она услышала уже дикіе вопли противъ суда присяжныхъ—вопли, въ которыхъ, вопреки цифрамъ судебной статистики, вопреки очевидности, слышалось, будто присяжные оправдываютъ всѣхъ разбойниковъ и мошенниковъ и «тенденціозно» осуждаютъ людей высшихъ сословій, съ «неблагонамѣренными цѣлями» таскаемыхъ въ судъ!..

«Народное просвѣщеніе, учебная реформа—но, вѣдь, мы пришли къ уродливому выводу, будто самая ложная и опасная идея заключается въ томъ, что написано въ азбукахъ, по которымъ насъ учили читать, и въ прописяхъ, по которымъ мы стали выводить первыя буквы. Въ этихъ букваряхъ и прописяхъ утверждалось, что «ученье свѣтъ, а неученье тьма», дѣйствительность же хотѣла насъ убѣдить, что блаженны невѣдющіе. На ученическихъ скамьяхъ намъ твердили, что законъ есть основа порядка и благополучія чело-вѣческаго общества, а дѣйствительность доказывала, что самый помыселъ объ этомъ крайне вреденъ. Прежніе кодексы нравствен-

ности научали, что нужно жить честно, не гнуть спины, не измѣнять своимъ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ изъ-за благъ земныхъ даже на кострѣ, а ежедневный опытъ ставилъ твердо и напроломъ совершенно противныя внушенія, фактически обнаруживая, что со всѣмъ этимъ нравственнымъ кодексомъ далеко не уѣдешь, или, вѣрнѣе, именно далеко уѣдешь, только не по пути благосостоянія, почестей и общественнаго служенія.

«Безъ сомнѣнія, не совсѣмъ было благополучно и въ нравственномъ отношеніи. Общіе интересы отступили куда-то на второй, на третій, даже на десятый планъ, если только такой планъ существуетъ. Идеалы запропастились. Старые обветшали, поистрепались о языкъ разныхъ болтуновъ, новыхъ тщетно искали даже днемъ съ огнемъ. На виду опять были личныя, частныя, себялюбивыя стремленія. Неразборчивая на средства нажива, барышничанье, обирательство, минутныя наслажденія и страстишки подняли голову. Гражданское мужество чуть не публично осмѣивалось; общественная честность приравнивалась къ донкихотству, обзывалась непрактичностью. Накипѣвшая болячка разразилась скандальными процессами, надѣлавшими шума на весь образованный міръ. Слава о нашихъ Митрофаніяхъ, Овсянниковыхъ, Струсбергахъ пронеслась далеко за предѣлы отечества. Между «отцами» и «дѣтьми» вышелъ полный разладъ. Ролями помѣнялись: «отцы» бездѣйствовали или путались въ противорѣчіяхъ, тогда какъ «дѣти» принимали на себя непосильную и не принадлежащую имъ роль вождей. Вышло что-то несообразное: отцы вовнегодовали на дѣтей, отрекались отъ плоти своей плоти, отъ крови своей крови; тамъ, гдѣ должна была царить любовь, заняла мѣсто ненависть. Ненавидѣли свое будущее, упрямо отрицали и не хотѣли, чтобы оно было лучше! Казалось, крайній, не знающій предѣловъ, дошедшій до цинизма реализмъ вступилъ въ состязаніе съ фантастическими утопіями. Въ государственную, въ общественную жизнь внесено было много недоувѣрія, злобы, желчи, порицанія добрыхъ сторонъ человѣческой природы. На внѣшнюю силу возлагались большія упованія, нежели на здравый смыслъ и качество людей. Кто не погрязъ окончательно въ дрязгахъ всевозможныхъ житейскихъ стяжаній и безнравственныхъ забавъ, тотъ вынужденъ былъ притаиться или искать утѣшенія, искать исхода для своей душевной пустоты даже въ бредняхъ спиритизма...»

Такъ писалъ представитель умѣреннаго либеральнаго лагеря, такимъ пессимизмомъ и разочарованіемъ звучали его слова и отсвѣчивалъ его анализъ тогдашней родной общественности. Что же должны были чувствовать и какъ глядѣть на положеніе вещей болѣе нервныя и радикальныя общественные круги, гдѣ билъ силь избытокъ, избытокъ, которому не находилось примѣненія на рабочей нивѣ народнаго благополучія? Тамъ именно просыпалась

та злоба, о которой говорилъ г. Градовскій, злоба и ненависть, которыя должны были неминуемо этихъ, порывающихся къ народу во имя его благополучія, привести къ выводамъ, о коихъ они не смѣли и помышлять еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, еще такъ недавно, когда они въ мирной пропагандѣ отвлеченныхъ социалистическихъ принциповъ видѣли панацею отъ всѣхъ золъ и недуговъ. Тяжкая кара, постигшая молодежь по большимъ политическимъ процессамъ 50-ти и 193-хъ, провела демаркаціонную линію въ ея политикѣ реальныхъ дѣйствій и, если до этихъ процессовъ и даже отчасти во время судебного слѣдствія по нимъ, въ этой политикѣ слово «мирный» имѣло преобладающее значеніе, то послѣ нихъ ни о какомъ мирѣ уже не подымалась рѣчь, а вмѣсто него во главу всѣхъ дѣйствій поставленъ былъ принципъ ожесточенной борьбы, борьбы не на животь, а на смерть со всѣми вытекающими отсюда ужасами, драмами и кровью. Зарево большого пожара занималось надъ Россіей, и изъ тѣни грядущихъ событій неслись недобрые предвѣстники. Опасные политическіе симптомы были налицо, и эта наличность свидѣтельствовала, что въ недалекомъ будущемъ театръ общественныхъ дѣйствій потрясется страхомъ и ужасомъ.

II.

Разгромъ пропагандистовъ послѣ приснопамятнаго лѣта 1874 г. и ихъ фантастическаго крестоваго похода въ народъ, о которомъ мы говорили на страницахъ «Историческаго Вѣстника» за прошедшій годъ, въ значительной мѣрѣ количественно ослабилъ рускіе революціонные кружки, но зато придалъ оставшимся въ наличности на свободѣ нервный подъемъ энергіи и рѣшимость, во-первыхъ, пойти на выручку товарищей, какихъ бы жертьвъ эта выручка ни потребовала, во-вторыхъ, манифестаціонно заявить русскому обществу, что революціонная армія, хотя и потерпѣла сильный уронъ, но все же еще жива и готова на дальнѣйшую борьбу съ существующимъ строемъ и, въ-третьихъ, рѣшимость перемѣнить тактику борьбы и перейти къ наступательному образу дѣйствій.

Весъ 1875 годъ проходитъ въ жизни русскаго революціоннаго движенія въ усиленныхъ арестахъ, причемъ арестуемые уже не пассивно подчиняются постигшей ихъ участи, но оказываютъ власти вооруженное сопротивленіе и пытаются съ оружіемъ въ рукѣ отстаить свою свободу и жизнь. Въ этомъ кругу дѣйствій заслуживаетъ вниманія попытка Мышкина освободить томившагося въ ссылкѣ Н. Г. Чернышевскаго, жившаго въ то время въ гор. Вилюйскѣ подъ строжайшимъ секретнымъ наблюденіемъ.

Личность вліятельнаго руководителя «Современника» во все время его пребыванія на каторгѣ и въ ссылкѣ продолжала приковывать къ

себѣ нервное и испуганное вниманіе административныхъ сферъ, а съ другой—волновать русское общество, признававшее въ фактѣ строгой кары знаменитаго публициста вопіющій произволъ. Въ силу этого мы видимъ, что Чернышевскаго окружаютъ самымъ неослабнымъ надзоромъ—съ одной стороны, а съ другой—наблюдается постоянное стремленіе въ революціонныхъ организаціяхъ къ попыткамъ освободить его изъ мѣста заключенія и вернуть, въ интересахъ русской революціи, снова къ дѣятельности и къ общественному главенству. Насколько въ отношеніи писателя принимались мѣры осторожности, усматривается изъ инструкции, данной жандармскому унтеръ-офицеру Ижевскому, на котораго возложенъ былъ надзоръ за Чернышевскимъ. Инструкція представляетъ значительный интересъ, и мы приводимъ ее полностью. Здѣсь сказано ¹⁾:

1) Важность преступленій, совершенныхъ Чернышевскимъ, и значеніе, которымъ пользуется онъ въ средѣ сочувствующихъ ему поклонниковъ, вызываютъ со стороны правительства особыя мѣры для отстраненія Чернышевскому возможности побѣга и отклоненія его вреднаго вліянія на общество. Въ этихъ видахъ для поселенія Чернышевскаго по случаю окончанія опредѣленнаго ему срока каторжныхъ работъ назначается отдаленное и уединенное мѣсто Якутской области, именно г. Вилюйскъ, въ которомъ Чернышевскій долженъ помѣщаться въ томъ зданіи, гдѣ и раньше его помѣщались важные преступники. 2) По приѣмѣ Чернышевскаго отъ нерчинскаго коменданта слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на снабженіе этого преступника вполне теплою одеждою на дорогу, чтобы за недостаткомъ послѣдней не приходилось дѣлать въ пути частыхъ и продолжительныхъ остановокъ, которыхъ слѣдуетъ избѣгать. 3) Чернышевскій долженъ быть доставленъ къ мѣсту назначенія на почтовыхъ лошадахъ подъ конвоемъ двухъ жандармовъ подъ наблюденіемъ офицера. Одинъ изъ конвоирующихъ его жандармовъ долженъ постоянно быть бдительнымъ и въ пути сидѣть на козлахъ и во время остановокъ безотлучно находиться при преступникѣ, другой же сидѣть вмѣстѣ съ нимъ въ повозкѣ. 4) Офицеру, назначенному для наблюденія, постоянно слѣдовать за повозкой и во время остановокъ на станціяхъ помѣщаться въ одной съ Чернышевскимъ комнатѣ. 5) Строго наблюдать, чтобы Чернышевскій ни съ кѣмъ изъ постороннихъ лицъ не имѣлъ сообщенія и не передавалъ имъ писемъ для доставки помимо установленнаго для сего порядка. 6) Обходиться съ Чернышевскимъ кротко и вѣжливо, но въ случаѣ явнаго со стороны его непослушанія дозволяется употреблять законныя мѣры для приведенія его въ повиновеніе. 7) Если во время дороги Чернышевскій захвораетъ, то стараться доставить его до мѣста, гдѣ ему можетъ быть оказана медицинская помощь. Въ этомъ случаѣ помѣщать Чернышевскаго не на станціи, а на особой квартирѣ, въ которую, кромѣ медика, никого не допускать и при которой безотлучно находится офицеру и, по очереди, жандармамъ. 8) Посѣщеніе медика допускать не иначе, какъ въ присутствіи офицера, предложивъ первому о ходѣ болѣзни Чернышевскаго вести скорбный листъ. 9) Въ проѣздѣ до Иркутска въ случаѣ затрудненія испрашивать указанія по телеграфу, донося депешою о прибытіи въ Иркутскъ, Читу и Посольскъ. 10) По при-

¹⁾ «Минувшіе Годы» 1908 г., мартъ.

бытін въ Иркутскъ представить преступника губернатору и, получивъ отъ него наставленія, слѣдовать дальше. 11) Въ Вилюйскѣ передать г исправнику и, помѣстивъ затѣмъ въ указанномъ домѣ, наблюдать, чтобы Чернышевскій не выходилъ изъ своей квартиры безъ сопровожденія жандармскаго унтеръ-офицера, чтобы постороннія лица посѣщали Чернышевскаго не иначе, какъ съ разрѣшенія унтеръ-офицера или исправника, чтобы въ ночное время одинъ изъ конвойныхъ, по очереди, постоянно наблюдалъ Чернышевскаго, не обращая на это его вниманія, и чтобы домъ въ продолженіе ночи былъ запертъ. 12) Вся корреспонденція Чернышевскаго, какъ подлежащая надзору, не можетъ быть отправляема непосредственно имъ и должна поступать черезъ исправника на осмотръ губернатору. Изъ писемъ, адресованныхъ на имя Чернышевскаго, выдаются ему только тѣ, кои, пройдя установленную цензуру, поступаютъ въ официальномъ порядкѣ. 13) Въ случаѣ болѣзни пользоваться Чернышевскаго на его квартирѣ черезъ мѣстнаго врача. 14) Для содержанія Чернышевскаго имѣетъ быть назначена особая денежная сумма, размѣръ коей долженъ быть представленъ мѣстнымъ исправникомъ, сообразно съ цѣнами предметовъ продовольствія. Утвержденіе этихъ цѣнъ зависитъ отъ генераль-губернатора. 15) О поведеніи Чернышевскаго и его здоровья доносить каждой почтой генераль-губернатору и отъ него же получать разъясненія по всѣмъ случаямъ, настоящей инструкціи не предусмотрѣннымъ. 16) Приставленный для постоянного наблюденія за Чернышевскимъ жандармскій унтеръ-офицеръ долженъ жить въ одномъ съ нимъ домѣ и сопровождать его въ прогулкахъ и вообще при отлучкахъ изъ дому, но этотъ надзоръ онъ долженъ устроить незамѣтно, чтобы не раздражать Чернышевскаго и не придавать ему вида арестанта. Урядники даже обязаны исполнять порученія Чернышевскаго, но одинъ изъ нихъ долженъ быть всегда дома. 17) Унтеръ-офицеръ при сопровожденіи Чернышевскаго можетъ быть въ партикулярной одеждѣ.

Въ дополненіе къ этому циркуляру, по прибытіи Чернышевскаго въ Вилюйскъ, сюда непрестанно присылались новые, гдѣ указывалось на необходимость особой осторожности въ надзорѣ за поселенцемъ и имѣніе въ виду, что онъ «обладаетъ способностью располагать въ свою пользу лицъ, приставленныхъ къ нему для наблюденія», въ каковыхъ видахъ исправнику рекомендовалось имѣть неослабный надзоръ и за жандармами, караульщиками Чернышевскаго. Если правительство взирало на Вилюйскъ съ тревогою и опасеніями, то иного характера взгляды устремлялись туда изъ сферъ оппозиціонныхъ и революціонныхъ. И на родинѣ и за границею все чаще вспоминается имя Николая Гавриловича Чернышевскаго, и сознаніе о необходимости его спасенія становится задачею революціоннаго дня. Все тотъ же Германъ Лопатинъ, такъ удачно вывезшій П. Л. Лаврова изъ Кадникова ¹⁾, уже арестованный и сосланный въ Иркутскъ, беретъ на себя осуществленіе задачи увезти изъ Сибири и Чернышевскаго. Въ этихъ цѣляхъ онъ дважды на протяженіи двухъ лѣтъ приступаетъ къ выполненію своего смѣлаго замысла, но каждый разъ его старанія разбиваются

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ» 1909 г., августъ.

о бдительность полицейских мѣропріятій. Наконецъ, въ 1874 г. вилюйскій исправникъ получилъ отношеніе губернатора, гдѣ онъ сообщаетъ, что «заграничная партія лицъ, сочувствующихъ Чернышевскому, составила подробный планъ для попытокъ къ освобожденію сего преступника; злоумышленники, какъ оказывается, намѣрены прибыть въ Сибирь настоящею зимою и въ числѣ отчаянныхъ мѣръ къ достиженію своей цѣли они предполагаютъ воспользоваться бланками бумагъ отъ разныхъ присутственныхъ учреждений и даже подписями начальствующихъ лицъ, преимущественно въ Якутской области». Очевидно, губернаторъ былъ хорошо и правильно информированъ черезъ посредство тайной полицейской агентуры относительно постановки вопроса объ освобожденіи Чернышевскаго, ибо въ іюлѣ 1875 г. мы видимъ, что этотъ планъ имѣетъ случай къ осуществленію именно по той программѣ, которая была изложена въ письмѣ къ исправнику. Выполнителемъ этого плана явился Ипполитъ Никитичъ Мышкинъ, впоследствии представшій передъ судомъ по процессу 193-хъ и выдѣлившійся здѣсь своей рѣчью, приведенною нами въ № 12 «Историческаго Вѣстника» за прошлый годъ.

Въ іюлѣ сказаннаго года явился къ вилюйскому исправнику жандармскій офицеръ Мещериновъ и, предъявивъ какъ свой видъ, такъ и предписаніе иркутскаго жандармскаго управленія, потребовалъ немедленной выдачи ему Чернышевскаго для водворенія на новое мѣсто жительства. Кромѣ того, имъ представлена и телеграмма отъ того же жандармскаго управленія объ оказаніи ему всяческаго содѣйствія въ выполненіи имъ возложеннаго на него порученія. Стилистика официальныхъ бумагъ и обстановка, при которой явился жандармскій офицеръ, показали подозрительными исправнику, и онъ, имѣя въ виду вышеупомянутое письмо губернатора и данныя ему инструкціи, отказался выполнить требованіе прибывшаго и вмѣстѣ съ тѣмъ усилилъ карауль при Чернышевскомъ. Недовольный Мещериновъ заявилъ, что онъ поѣдетъ за нужнымъ разъясненіемъ къ губернатору въ Якутскъ; исправникъ поспѣшилъ оказать ему нужное содѣйствіе въ поѣздкѣ и командировалъ для его сопутствія двухъ казаковъ, снабдивъ ихъ указаніемъ о внимательномъ наблюденіи за таинственнымъ офицеромъ. Послѣдній, замѣтивъ надзоръ за собою по дорогѣ со стороны казаковъ, поспѣшилъ отъ нихъ скрыться въ сторону, причемъ, убѣгая, выстрѣлилъ и ранилъ одного изъ нихъ. Этотъ побѣгъ, конечно, всолошилъ мѣстныя власти, поднялъ вся и все на ноги, въ результатъ чего была поимка таинственнаго офицера, оказавшагося потомъ Мышкинымъ, облекшимся въ жандармскую форму именно въ цѣляхъ освобожденія Чернышевскаго по программѣ и при помощи документовъ, намѣченныхъ за границею, какъ о томъ своевременно и оповѣщалъ исправника губернаторъ.

Привлеченный впоследствии къ дознанію по «процессу 193-хъ», Мышкинъ былъ подвергнутъ наиболѣе строгой карѣ по соображеніямъ не только его дѣятельности, какъ владѣльца типографіи въ Москвѣ, гдѣ печатались прокламаціи и запрещенныя сочиненія для распространенія пропагандистами въ народѣ, но и какъ мнимый жандармскій офицеръ, имѣвшій умыселъ спасти Чернышевскаго и во время пути покушавшійся на жизнь сопровождавшихъ его казаковъ, хотя онъ въ своихъ показаніяхъ на судѣ и отвергалъ предумышленность своего покушенія. Такъ кончилась попытка освобожденія бывшаго вдохновителя «Современника» изъ мѣста ссылки, попытка неудачная въ дѣятельности революціонеровъ и принесшая только вредъ Николаю Гавриловичу, судьба котораго въ ссылкѣ послѣ этого эпизода стала еще болѣе тяжелою. Но если революціонеры потерпѣли фіаско въ дѣлѣ увоза Чернышевскаго изъ Сибири, зато въ слѣдующемъ году они получили полную возможность торжествовать надъ правительствомъ послѣ организациі побѣга князя Кропоткина изъ Николаевскаго военнаго госпиталя въ С.-Петербургѣ среди бѣлаго дня и на глазахъ множества народа. Этотъ побѣгъ былъ осуществленъ такъ сказочно-смѣло, что на немъ стоитъ остановиться подробно, тѣмъ болѣе, что о немъ имѣются автобіографическія повѣствованія самого героя тогдашняго дня, князя П. А. Кропоткина, а также разсказъ о томъ же А. И. Иванчина-Писарева на страницахъ журнала «Былое».

III.

Арестъ князя П. Л. Кропоткина, обнаружившій причастность лицъ высшей столичной аристократіи къ революціонному движенію, произвелъ на русское общество и въ особенности на придворныя сферы сильное впечатлѣніе. Очевидно было, что пропаганда пустила въ русской жизни глубокіе корни и вліянію ея подпала не только увлекающаяся и экзальтированная незрѣлая молодежь, но и лица зрѣлыя, пользующіяся въ жизни опредѣленнымъ обезпеченнымъ положеніемъ. Кромѣ того, участіе въ революціи виднаго представителя арміи какъ бы бросало тѣнь на послѣднюю и заставляло призадумываться, не проникло ли разрушительное дѣло социалистической пропаганды слишкомъ широко и глубоко и въ эту до тѣхъ поръ вѣрную престолу среду.

Кропоткинъ послѣ ареста и первоначальнаго допроса былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. «Итакъ, я былъ въ Петропавловской крѣпости, гдѣ за послѣдніе два вѣка гибли лучшія силы Россіи,—пишетъ онъ въ своей автобіографіи ¹⁾.—Самое ея

¹⁾ П. Кропоткинъ. «Записки революціонера».

имя въ Петербургѣ произносится вполголоса. Здѣсь Петръ I пыталъ своего сына Алексѣя и убилъ его собственной рукой. Здѣсь, въ казематѣ, куда проникла вода во время наводненія, была заключена княжна Тараканова. Крысы, спасаясь отъ потопа, взбирались на ея платъ. Здѣсь ужасный Минихъ пыталъ своихъ политическихъ противниковъ, а Екатерина II заживо похоронила тѣхъ, которые возмущались убійствомъ ея мужа. И со временъ Петра I, въ продолженіе ста семидесяти лѣтъ, лѣтописи этой каменной громады, возвышающейся изъ Невы противъ Зимняго дворца, говорятъ только объ убійствахъ, пыткахъ, о заживо погребенныхъ, осужденныхъ на медленную смерть, или же о доведенныхъ до сумасшествія въ одиночныхъ, мрачныхъ, сырыхъ казематахъ.

Здѣсь претерпѣли начальныя стадіи своей мученической жизни декабристы, первые развернувшіе у насъ знамя республики и уничтоженія крѣпостного права. Слѣды ихъ до сихъ поръ можно найти въ русской Бастиліи. Здѣсь были заключены: Рылѣевъ, Шевченко, Достоевскій, Бакунинъ, Чернышевскій, Писаревъ и много другихъ изъ нашихъ лучшихъ писателей. Здѣсь пытали и повѣсили Каракозова. Здѣсь, гдѣ-то въ Алексѣевскомъ рavelинѣ, сидѣлъ еще Печаевъ, выданный Швейцаріей, какъ уголовный, но съ которымъ обращались, какъ съ опаснымъ политическимъ преступникомъ. Въ томъ же рavelинѣ, какъ гласила молва, сидѣло нѣсколько человекъ, заключенныхъ на всю жизнь по приказу Александра II за то, что они знали дворцовыя тайны, которыхъ не должны были знать. Одного изъ нихъ, старика съ длинной бородой, видѣлъ въ таинственной крѣпости одинъ изъ моихъ знакомыхъ.

«Всѣ эти тѣни возставали въ моемъ воображеніи, но мои мысли останавливались въ особенности на Бакунинѣ, который хотя и просидѣлъ два года на цѣпи, прикованный къ стѣнѣ, въ австрійской крѣпости послѣ 1848 года и потомъ, выданный русскому правительству, еще шесть лѣтъ въ Алексѣевскомъ рavelинѣ,—вышелъ, однако, изъ тюрьмы, послѣ смерти желѣзнаго деспота, болѣе энергичнымъ, чѣмъ многіе товарищи его, которые все это время пробыли на свободѣ. Онъ выжилъ все это,—говорилъ я самому себѣ,—такъ и я не поддамся тюрьмѣ».

И, дѣйствительно, Кропоткинъ принимаетъ возможныя мѣры къ тому, чтобы не поддаться губительному вліянію тюремной обстановки съ ея сыростью, холодомъ и унылой зловѣщей тишиной. Благодаря хлопотамъ родственниковъ, ему удастся получить письменныя принадлежности, книги и возможность закончить свои начатыя научныя изысканія для географическаго общества. «Хуже всего было гробовое молчаніе, царившее кругомъ,—повѣствуетъ онъ въ своихъ автобіографическихъ «Запискахъ». —Напрасно стучалъ я въ стѣны, топалъ ногой о полъ и прислушивался, не раздастся ли въ отвѣтъ хоть слабый звукъ, но ничего не было слышно. Прошелъ мѣсяць,

затѣмъ два, три, потомъ годъ,—отвѣта на мой стукъ не было: насъ въ тридцати шести казематахъ было только шесть человѣкъ, и звуки не доходили отъ одного къ другому. Остальные товарищи сидѣли въ Литовскомъ замкѣ. Когда я спрашивалъ унтеръ-офицера, входившаго ко мнѣ, чтобы вести меня на прогулку: «Какова погода? дождя нѣтъ?» онъ искоса окидывалъ меня взглядомъ и скрывался за дверьми, гдѣ караулилъ его другой унтеръ-офицеръ. Единственнымъ живымъ существомъ, отъ котораго я могъ порой слышать нѣсколько словъ, былъ смотритель, входившій каждое утро въ мою камеру, чтобы спросить, не нужно ли купить табаку или бумаги. Я пытался завязать съ нимъ разговоръ; но смотритель тоже робко оглядывался на унтеръ-офицера, стоявшаго въ полуоткрытыхъ дверяхъ. Лицо его какъ будто говорило: «вы видите, меня тоже сторожатъ». Только одни голуби не боялись меня. Каждое утро и послѣ обѣда они слетались къ моему окну, чтобы получать кормъ, который я имъ бросалъ сквозь рѣшетку.

«Никакіе звуки не долетали до меня, кромѣ скрипа шаговъ часового, едва слышнаго пороха заслонки въ глазкѣ да перезвона курантовъ на колокольномъ крѣпостного собора. Каждую четверть часа они играютъ: «Господи помилуй»,—разъ, два, три, четыре раза. Затѣмъ большой колоколь отбиваетъ протяжно, съ большими промежутками между каждымъ ударомъ—часы. И тогда начинается жалобный перезвонъ курантовъ, которые при каждой внезапной переменѣ погоды разстраиваются, и изъ гимна «Коль славень» получается ужасная какофонія, напоминающая звонъ на погребеньѣ. Въ глухую полночь, послѣ «Коль славень» куранты играютъ еще «Боже царя храни». И едва онъ только прекращается, какъ новое «Господи помилуй» возвѣщаетъ не могущему заснуть заключенному, что прошли опять четверть часа его бесполезной жизни и что немало еще надобныхъ четвертей, получасовъ и дней и мѣсяцевъ растительной жизни пройдетъ, пока освободятъ его тюремщики или же смерть».

Въ одинъ изъ такихъ томительныхъ дней его камеру посѣтилъ великій князь Николай Николаевичъ, и между узникомъ и высокопоставленнымъ посѣтителемъ произошла слѣдующая сцена, описанная самимъ Кропоткинымъ.

Великій князь и братъ государя, когда за нимъ захлопнулась дверь каземата, быстрыми шагами подошелъ къ Кропоткину.

— Здравствуй, Кропоткинъ. Какъ это возможно, чтобы ты, камеръ-пажъ, бывший фельдфебель, могъ быть замѣшанъ въ такихъ дѣлахъ и сидишь теперь въ этомъ ужасномъ казематѣ?

— У каждаго свои убѣжденія,—отвѣтилъ Кропоткинъ.

— Убѣжденія? Такъ твое убѣжденіе, что нужно заводить революцію?

«Что мнѣ было отвѣчать?—пишетъ Кропоткинъ.—Сказать «да»? Тогда изъ моего отвѣта сдѣлали бы такой выводъ, что я, отказавшійся давать какія-либо показанія жандармамъ, «признался во всемъ брату царя. Николай Николаевичъ говорилъ тономъ начальника военнаго училища, пытающагося добиться «признанія» отъ кадета. И въ то же время я не могъ отвѣчать «нѣтъ». То была бы ложь. Я не зналъ, что сказать и молчалъ».

— Вотъ видишь! Самому тебѣ стыдно теперь...

«Это заключеніе разозлило меня, и я отвѣтилъ довольно рѣзко: «я далъ свои показанія судебному слѣдователю на допросахъ: мнѣ нечего прибавить».

— Да ты пойми, Кропоткинъ,—сказалъ тогда Николай Николаевичъ самымъ благодушнымъ тономъ:—я говорю съ тобой, не какъ судебный слѣдователь, а совсѣмъ какъ частный человѣкъ. Совсѣмъ какъ частный человѣкъ,—прибавилъ онъ, понизивъ голосъ.

«Мысли вихремъ кружились у меня въ головѣ. Сыграть роль маркиза Позы? Передать царю черезъ посредство его брата о разореніи Россіи, объ униженіи крестьянъ, о произволѣ властей, о неминуемомъ страшномъ голодѣ? Сказать, что мы хотѣли помочь крестьянамъ выйти изъ ихъ отчаяннаго положенія, придать имъ бодрости? Попытаться такимъ образомъ повліять на Александра II? Мысли эти мелькали одна за другой у меня въ головѣ. Наконецъ я сказалъ самому себѣ: «Никогда! Это безуміе. Они все это знаютъ. Они—враги народа. Такими рѣчами ихъ не передѣлаешь».

«Я отвѣтилъ, что онъ всегда остается официальнымъ лицомъ, и что я не могу смотрѣть на него, какъ на частнаго человѣка».

«Николай Николаевичъ сталъ тогда задавать мнѣ всякіе безразличные вопросы: Не въ Сибири ли, отъ декабристовъ, ты набрался такихъ взглядовъ?»

— Нѣтъ, я зналъ только одного декабриста и съ тѣмъ никогда не велъ серьезныхъ разговоровъ.

— Такъ ты набрался ихъ въ Петербургѣ?

— Я всегда былъ такой.

— Что! Даже въ корпусѣ?—съ ужасомъ переспросилъ онъ меня.

— Въ корпусѣ я былъ мальчикъ. И то, что смутно въ юности, выясняется потомъ, когда человѣкъ мужаетъ.

«Онъ задалъ мнѣ еще нѣсколько подобныхъ вопросовъ, и по тому, какъ онъ говорилъ, я ясно понималъ, къ чему онъ ведетъ. Онъ пытался добиться отъ меня «признаній», и я живо представилъ себѣ мысленно, какъ онъ говоритъ своему брату: «всѣ эти прокуроры и жандармы дураки. Кропоткинъ имъ ничего не отвѣтилъ; но я поговорилъ съ нимъ десять минутъ, и онъ мнѣ все разсказалъ». Все это начинало меня бѣсить. И когда Николай Николаевичъ замѣтилъ мнѣ нѣчто въ родѣ: «Какъ ты могъ имѣть что-нибудь общее со всѣми этими людьми, съ мужиками и разночинцами»,—я грубо отрѣзалъ

«я вамъ сказалъ уже, что далъ свои показанія судебному слѣдователю». Онъ рѣзко повернулся на каблукахъ и вышелъ.

«Впослѣдствіи часовые, гвардейскіе солдаты, сложили цѣлую легенду по поводу этого посѣщенія. Товарищъ, пріѣхавшій потомъ въ пролеткѣ, чтобы освободить меня, былъ въ военной фуражкѣ. Свѣтлыя бакенбарды придавали ему слабое сходство съ Николаемъ Николаевичемъ. И вотъ среди петербургскаго гарнизона пошла легенда, что меня увезъ самъ великій князь».

Когда предварительное слѣдствіе было закончено, Кропоткинъ былъ переведенъ въ домъ предварительнаго заключенія, но здѣсь онъ почувствовалъ себя сѣверно и для восстановленія упавшихъ во время одиночнаго заключенія силъ его перемѣстили въ Николаевскій военный госпиталь.

«Въ крѣпости я слышалъ отъ товарища, сидѣвшаго одно время въ госпитальной тюрьмѣ, что оттуда мнѣ будетъ не трудно бѣжать, — сообщаетъ Кропоткинъ о томъ, какъ зародился планъ его побѣга. — Я сообщилъ, конечно, друзьямъ, гдѣ нахожусь; сообщилъ и свои надежды и планы. Побѣгъ оказался, однако, гораздо болѣе труднымъ дѣломъ, чѣмъ меня увѣрили. За мной учрежденъ былъ самый бдительный, непримѣрный до того времени надзоръ. У моихъ дверей помѣстили часового, и мнѣ никогда не позволяли выходить изъ комнаты. Госпитальные солдаты и караульные офицеры, которые иногда входили ко мнѣ, боялись, повидимому, оставаться болѣе одной или двухъ минутъ. Мои друзья составили нѣсколько плановъ освобожденія; въ томъ числѣ были проекты крайне забавные. По одному изъ нихъ, на примѣръ, я долженъ былъ подпилить рѣшетку въ окнѣ. Затѣмъ предполагалось, что, когда въ дождливую ночь часовой задремлетъ въ своей будкѣ, два моихъ пріятели подползутъ сзади и опрокинутъ ее. Такимъ образомъ солдатъ не будетъ раненъ, но просто пойманъ, какъ крыса въ мышеловкѣ. Въ это время я долженъ былъ выпрыгнуть въ окно... Но неожиданно явилось лучшее разрѣшеніе вопроса.

«— Попроситесь на прогулку! — шепнулъ мнѣ разъ одинъ изъ солдатъ. Я такъ и сдѣлалъ. Докторъ поддержалъ меня, — и мнѣ разрѣшили ежедневно, въ четыре часа, выходить въ тюремный дворъ на прогулку на одинъ часъ. Я долженъ былъ носить все-таки зеленый фланелевый больничный халатъ, но мнѣ выдали мои сапоги, панталоны и жилетъ».

Прогулки по больничному двору, гдѣ отъ времени до времени открывались ворота на улицу для пропуска нужныхъ больницъ подводъ, съ дровами, и послужили тѣмъ путемъ, черезъ который былъ ловко организованъ побѣгъ важнаго политическаго преступника.

IV.

Организація побѣга была, по разсказу А. И. Иванчина-Писарева ¹⁾, принимавшаго въ этомъ дѣлѣ нѣкоторое участіе, установлена по слѣдующему плану, который черезъ посредство госпиталянаго караула былъ заранѣе сообщенъ Кропоткину, согласно его предварительнымъ по сему предмету указаніямъ. «Въ центрѣ организаціи побѣга сталъ другъ П. А. Кропоткина, врачъ Орестъ Эдуардовичъ Веймаръ ²⁾,—повѣствуетъ г. Иванчинъ-Писаревъ.—Онъ имѣлъ собственный домъ на Невскомъ проспектѣ, что во многихъ отношеніяхъ представляло большія удобства. Лошадь для побѣга была необходима, и непременно своя, чтобы избѣжать риска, пользуясь услугами лихача-извозчика. При помощи родственныхъ связей М. П. Л., на средства революціоннаго кружка, близкаго Кропоткину, былъ купленъ рысакъ у барона Фитингофа. Этотъ рысакъ, по имени «Варваръ», еще не такъ давно бравшій первые призы на бѣгахъ въ Петербургѣ, въ годъ покупки былъ уже въ возрастѣ около 10 лѣтъ, и потому обошелся, сравнительно, дешево,—2,500 рублей. Одновременно была пріобрѣтена хорошая пролетка и соотвѣтствующая упряжь, и все это было предоставлено въ распоряженіе О. Э. Веймара, имѣвшаго при собственномъ домѣ конюшню и цѣлый штатъ преданныхъ ему дворниковъ.

«Хорошо выѣзженный рысакъ требовалъ умѣлаго кучера, въ особенности, когда ему придется увозить бѣглеца. Управлять лошадыю на этотъ случай взялся лихой наѣздникъ, вологодскій помѣщикъ Л. Но помимо вполне надежнаго кучера, нуженъ былъ и сѣдокъ, чтобы подхватить арестанта, когда онъ будетъ вскакивать въ экипажъ, и помочь ему переодѣться въ дорогѣ. Выполнить эту роль взялся О. Э. Веймаръ.

«Рекогносцировка мѣстности, примыкающей къ Николаевскому госпиталю, убѣдила въ необходимости воспользоваться «сѣренькой дачей», указанной въ проектѣ П. А. (Кропоткина). Верхній этажъ этого сѣраго домика на углу Слоновой (теперешній Суворовскій проспектъ) и Кавалергардской улицъ представлялъ квартиру съ очень удобнымъ расположеніемъ оконъ, выходившихъ на обѣ улицы. Квартира оказалась свободной и спѣшно была заята М. П. Л., якобы пріѣхавшей съ дачи найти помѣщеніе для больного мужа, принужденнаго на нѣкоторое время перебраться въ

¹⁾ «Былое» 1907 г., январь, ст. «Побѣгъ кн. П. А. Кропоткина».

²⁾ Какъ лицо обезпеченное, съ вліятельнымъ и независимымъ положеніемъ въ столицѣ, д-ръ Веймаръ, въ качествѣ убѣжденнаго революціонера, оказывалъ большія услуги пропагандистамъ. Въ его лечебницѣ, какъ мы то уже знаемъ, хранился между прочимъ и станокъ для печатанія прокламацій и нелегальныхъ произведеній.

городъ. Въ виду такой цѣли естественно было, послѣ найма квартиры, какъ можно скорѣе обзавестись самой необходимой мебелью, и базарный ассортиментъ мебели, не превышавшій расхода 11—13 рублей, не возбудилъ никакого подозрѣнія въ глазахъ хозяйки-нѣмки, тѣмъ болѣе, что М. П., въ совершенствѣ владѣя ея языкомъ, сама была принята за нѣмку. Нанятая квартира оказалась прекраснымъ обсерваціоннымъ пунктомъ: изъ ней былъ виденъ дворъ, гдѣ гулялъ П. А., и всѣ улицы, расположенныя въ окрестностяхъ Николаевского госпиталя.

«Дальнѣйшія изслѣдованія мѣстности показали, что при побѣгѣ Кропоткину можетъ помѣшать не только часовой, который «побѣжитъ за нимъ, какъ за зайцемъ, описывая кривую», но и другой, пожалуй, болѣе опасный, стоящій за воротами госпиталя на улицѣ: онъ можетъ ружьемъ преградить ему дорогу. Отвести этого часового, занять его разговоромъ взялся Юрій Николаевичъ Богдановичъ, артистически умѣвшій изображать пытливаго простого человѣка въ приподнятомъ настроеніи... Немалую опасность внушалъ и городской, дежурившій на Слоновой улицѣ, вблизи госпиталя. Снять съ поста полицейскаго выпало на долю бывшему студенту технологическаго института, С. В. З. Находчивость этого молодого человѣка скоро подсказала ему, чѣмъ заинтересовать городского. Онъ узналъ, что въ квартирѣ его сдается комната, и въ назначенный для побѣга часъ завелъ съ нимъ переговоры объ этой комнатѣ.

— Съ поста вотъ сойти нельзя. А то бы показаль,—говорилъ городской.

— А какъ цѣна?

— Двѣнадцать рублей въ мѣсяць... съ услугами,—видимо, запросилъ полицейскій.

— Это мнѣ въ самый разъ... Пойдемъ. Покажи. А то надоѣло шляться. Сразу и снятъ бы...

— Да вотъ, уйти-то боюсь. Неровень часъ—приставъ али околоточный замѣтятъ... Ну, да идемъ, сбѣгаемъ скорѣе!

«Полицейскій былъ снятъ. Затѣмъ для сигнала: «улица свободна» необходимо было образовать наблюдательный постъ на перекресткѣ улицъ и оттуда подавать условные знаки, понятные слѣдившимъ за всѣмъ изъ оконъ квартиры. Занять этотъ отвѣтственный пунктъ взялся М. З., наполнившій свой картузъ вишнями и усѣвшійся на тумбочку. Ему было видно все происходившее на улицахъ. Онъ бросалъ въ ротъ вишни, когда не замѣчалъ препятствій, и прекращалъ свои манипуляціи при появленіи малѣйшей угрозы. Въ началѣ предполагалось подавать Кропоткину сигналы гуттаперчевымъ шаромъ, какими играютъ дѣти: поднимается шаръ изъ окна квартиры—значить, можно бѣжать; спускается внизъ—нельзя. Но этотъ пріемъ сигнализациі оказался неудачнымъ, и пришлось остановиться на болѣе выразительномъ и надежномъ:

въ обсервационной квартирѣ у окна помѣстился скрипачъ и, судя по знакамъ З., долженъ былъ играть на скрипкѣ или прекращать игру. Хорошимъ музыкантомъ оказался студентъ-медикъ В.

«Въ ожиданіи всѣхъ этихъ приготовленій къ побѣгу О. Э. Веймару пришлось раза два производить репетицію съ появленіемъ его на «Варварѣ» у воротъ Николаевского госпиталя. Чтобы внушить къ себѣ болѣе почтенія со стороны наружнаго часового и сдѣлать для него непонятнымъ, почему лошадь останавливается вблизи воротъ, онъ пріѣзжалъ въ изящномъ штатскомъ костюмѣ, въ дворянской шапкѣ съ краснымъ околышкомъ и кокардой и съ сопровожденіемъ молодой дамы, похожей по внѣшности на слушательницу медицинскихъ курсовъ, пріютившихся въ Николаевскомъ госпиталѣ. Дама выходила изъ экипажа и скрывалась въ подъѣздѣ, а ея провожатый отъѣзжалъ на нѣкоторое разстояніе... очевидно, съ цѣлью дожидаться ея возвращенія...

«Веймаръ позаботился также и о томъ, чтобы П. А., когда будетъ въ пролеткѣ, могъ преобразиться въ джентльмена и самъ сѣдокъ принялъ новый видъ, какъ только «Варваръ» завернетъ за уголъ Слоновой улицы. На этотъ случай въ экипажѣ имѣлись пальто и два складныхъ цилиндра (chapeaux-claques)».

Пока такимъ образомъ съ воли дѣлались подготовленія и своего рода репетиціи предстоящаго побѣга, самъ Кропоткинъ, по его словамъ, дѣйствовалъ слѣдующимъ образомъ¹⁾. «... День побѣга былъ назначенъ 29-го іюня (1876 г.), день Петра и Павла,—повѣствуетъ онъ. — Друзья мои внесли струйку сантиментализма и хотѣли освободить меня непременно въ тотъ день. Они сообщили мнѣ, что на мой сигналъ: «въ тюрьмѣ все благополучно», они отвѣтятъ: «все благополучно и у насъ», выпустивъ красный игрушечный шаръ. Тогда подѣдетъ пролетка, и кто-нибудь будетъ пѣть пѣсню, куда улица свободна.

«Я вышелъ двадцать девятого іюня, снялъ шляпу и ждалъ воздушнаго шара; но его не было. Прошло полчаса. Я слышалъ, какъ прошумѣли колеса пролетки на улицѣ; я слышалъ, какъ мужской голосъ выводилъ незнакомую мнѣ пѣсню,—но шара не было. Прощель часъ, и съ упавшимъ сердцемъ я возвратился въ свою комнату. «Случилось что-нибудь недоброе», думалъ я.

«Въ тотъ день случилось невѣроятное. Около Гостиного двора въ Петербургѣ продаются всегда сотни дѣтскихъ шаровъ. Въ этотъ же день не оказалось ни одного. Товарищи нигдѣ не могли найти шара. Наконецъ они добыли одинъ у ребенка, но шаръ былъ старый и не летѣлъ. Тогда товарищи мои кинулись въ оптический магазинъ, приобрѣли аппаратъ для добыванія водорода и наполнили имъ шаръ; но онъ, тѣмъ не менѣе, упорно отказывался подняться: водородъ не былъ просушенъ. Время уходило. Тогда одна дама привязала

¹⁾ П. Кропоткинъ «Записки революціонера».

шаръ къ своему зонтику и, держа послѣдній высоко надъ головой, начала ходить взадъ и впередъ по тротуару, подъ заборомъ нашего дома. Но я ничего не видѣлъ: заборъ былъ очень высокій, а дама— очень маленькая. Какъ оказалось потомъ, случай съ воздушнымъ шаромъ вышелъ очень кстати. Когда моя прогулка кончилась, пролетка проѣхала по тѣмъ улицамъ, по которымъ она должна была проскакать въ случаѣ моего побѣга. И тутъ въ узкомъ переулкѣ ее задержали возы съ дровами для госпиталя. Лошади шли въ безпорядкѣ, одна по правую сторону, другая по лѣвую, и пролетка могла двигаться только шагомъ; на поворотѣ ее совсѣмъ остановили. Если бы я сидѣлъ въ ней, насъ навѣрное бы поймали».

Въ виду случайности съ шаромъ рѣшено было измѣнить систему сигнализаци и, по установленіи новой, о ней сообщили шифрованной запиской Кропоткину, вложенной незамѣтно подъ крышку часовъ, которые доставила ему въ военно-тюремный лазаретъ родственница, имѣвшая разрѣшеніе на свиданія. Побѣгъ былъ назначенъ на слѣдующій день и съ нимъ надо было торопиться. Въ госпиталѣ уже замѣтили таинственную пролетку, проѣзжавшую отъ времени до времени по глухой улицѣ, и караулу велѣно было быть на чеку. У часового, стоявшаго у двери комнаты Кропоткина, освидѣтельствованы были патроны, и офицеръ внушительно ему замѣтилъ: «гляди въ оба!»

На слѣдующій день Кропоткинъ въ обычный часъ вышелъ во дворъ на прогулку и подалъ условленный сигналъ. Сейчасъ же послышался стукъ колесъ экипажа, а изъ сѣренкаго дома полились звуки скрипки, но вдругъ они прервались. «Прошло больше четверти часа въ томительной тревогѣ прежде, чѣмъ я понялъ причину прерыва,—говоритъ Кропоткинъ:—въ ворота въѣхало нѣсколько тяжело нагруженныхъ дровами возовъ, и они направились въ другой конецъ двора. Немедленно затѣмъ скрипачъ... заигралъ бѣшеную и поднимающую мазурку Гонтскаго, какъ бы желая внушить: «теперь смѣлѣй! твое время—пора!» Я медленно подвигался къ тому концу тропинки, который былъ поближе къ воротамъ, дрожа при мысли, что звуки музыки могутъ оборваться прежде, чѣмъ я дойду до конца. Когда я достигъ его, то оглянулся. Часовой остановился въ пяти или шести шагахъ за мной и смотрѣлъ въ другую сторону. «Теперь или никогда!» помню я, сверкнуло у меня въ головѣ. Я сбросилъ зеленый фланелевый халатъ и пустился бѣжать... Не очень-то довѣряя моимъ силамъ, я побѣжалъ сначала медленно, чтобы сбросить ихъ. Но едва я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ крестьяне, складывавшіе дрова на другомъ концѣ двора, заголосили: «бѣжить! держи его! лови его!» и кинулись мнѣ наперерѣзъ къ воротамъ. Тогда я помчался, что было силъ. Я думалъ только о томъ, чтобы бѣжать скорѣе. Прежде меня часто беспокоила выбоина, которую возы вырыли у самыхъ воротъ, теперь я забылъ ее.—Бѣжать, бѣжать! Насколько хватить силъ.

«Друзья мои, слѣдившіе за всѣмъ изъ окна сѣренькаго домника, рассказывали мнѣ потомъ, что за мной погнались часовой и три солдата, сидѣвшіе на крылечкѣ тюрьмы. Нѣсколько разъ часовой пробовалъ ударить меня сзади штыкомъ, бросая впередъ руку съ ружьемъ. Одинъ разъ друзья даже подумали, что вотъ меня поймали. Часовой не стрѣлялъ, такъ какъ былъ слишкомъ увѣренъ, что догонитъ меня. Но я удержалъ разстояніе и, добѣжавши до воротъ, солдатъ остановился.

«Высочивъ за ворота, я къ ужасу моему замѣтилъ, что въ пролеткѣ сидитъ какой-то штатскій въ военной фуражкѣ¹⁾. Онъ сидѣлъ, не оборачиваясь ко мнѣ. «Пропало дѣло!» мелькнуло у меня. Товарищи сообщали мнѣ въ послѣднемъ письмѣ: «разъ вы будете на улицѣ—не сдавайтесь; вблизи будутъ друзья, чтобы отбить васъ», и я вовсе не желалъ вскочить въ пролетку, если тамъ сидитъ врагъ. Однако, когда я подбѣжалъ, я замѣтилъ, что сидѣвшій въ пролеткѣ человекъ съ свѣтлыми бакенбардами очень похожъ на одного моего дорогого друга. Онъ не принадлежалъ къ нашему кружку, но мы были близкими друзьями, и не разъ я имѣлъ возможность восторгаться его поразительнымъ мужествомъ, смѣлостью и силой, становившейся неимовѣрной въ минуту опасности.

«— Съ какой стати онъ здѣсь?—подумалъ я.—Возможно ли это?»

«Я едва не выкрикнулъ имени; но во время спохватился и вмѣсто этого захлопалъ на бѣгу въ ладоши, чтобы заставить сидящаго оглянуться. Онъ повернулъ голову. Теперь я узналъ, кто онъ.

«— Сюда, скорѣе, скорѣе!—крикнулъ онъ, отчаянно ругая, на чемъ свѣтъ стоитъ, и меня и кучера и держа въ то же время наготовѣ револьверъ. Великолѣпный призовой рысакъ, специально купленный для этой цѣли, помчался сразу галопомъ. Сзади слышались вопли: «держи его! лови!» а другъ въ это время помогалъ мнѣ надѣть пальто и цилиндръ. Но главная опасность была не столько со стороны преслѣдовавшихъ, какъ со стороны солдата, стоявшаго у воротъ госпиталя, почти напротивъ того мѣста, гдѣ дожидалась пролетка. Онъ могъ помѣшать мнѣ вскочить въ экипажъ или остановить коня, для чего достаточно было бы солдату забѣжать нѣсколько шаговъ впередъ. Поэтому одного изъ моихъ пріятелей командировали, чтобы отвлечь бесѣдой вниманіе солдата. Онъ исполнилъ это съ большимъ успѣхомъ... Экипажъ круто повернулъ въ узкій переулокъ, вдоль той самой стѣны, у которой крестьяне складывали дрова и гдѣ теперь никого не было, такъ какъ всѣ погнались за мной. Поворотъ былъ такой крутой, что пролетка едва не перевернулась. Она выравнялась только тогда, когда я навалился во-внутрь и потянулъ за собой пріятеля. Лошадь теперь бѣжала крупно, красивой рысью по узкому переулку, и мы повернули

¹⁾ Это былъ именно О. Э. Веймаръ.

налѣво. Два жандарма, стоявшіе у дверей питейнаго, отдали честь военной фуражкѣ моего друга. «Тише! тише!» говорилъ я ему, такъ какъ онъ былъ все еще страшно возбужденъ. «Все идетъ отлично: жандармы даже отдаютъ тебѣ честь!» Тутъ кучеръ обернулся ко мнѣ, и въ сіяющей отъ удовольствія фізіономіи я узналъ другого пріятеля.

«Всюду по дорогѣ мы встрѣчали друзей, которые подмигивали намъ или желали успѣха, когда мы мчались мимо нихъ на нашемъ великолѣпномъ рысакѣ. Мы выѣхали на Невскій проспектъ, повернули въ большую улицу и остановились у одного подвѣзда, гдѣ и отослали экипажъ. Я взбѣжалъ по лѣстницѣ и упалъ въ объятія моей родственницы, которая дождалась въ мучительной тоскѣ. Она и смѣялась и плакала въ то же время, умоляя меня переодѣться поскорѣе и подстричь бросающуюся въ глаза бороду. Черезъ десять минутъ мы съ моимъ другомъ вышли изъ дома и взяли извозчичью карету».

Дѣло уже клонилось къ вечеру. Кропоткинъ съ Веймаромъ, захавъ предварительно къ цырюльнику, который сбрилъ недавнему узнику бороду, поѣхали сначала кататься на острова, а за симъ отправились къ Донону.

— Къ Донону!—приказалъ Веймаръ извозчику.—Никому въ голову не придетъ искать насъ въ модномъ ресторанѣ. Они будутъ искать насъ вездѣ, но только не тамъ; а мы пообѣдаемъ и выпьемъ за успѣшный побѣгъ.

Дѣйствительно, полиція произвела тѣмъ временемъ почти повальный обыскъ у всѣхъ, кто, по ея свѣдѣніямъ, былъ знакомъ съ Кропоткинымъ или былъ заподозрѣнъ въ содѣйствіи его дерзкому побѣгу, но къ Донону не заглянули.

«Два дня спустя,—говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Кропоткинъ,—я долженъ былъ поселиться подъ чужимъ паспортомъ въ квартирѣ, снятой для меня. Но дама, которой предстояло сопровождать меня туда въ каретѣ, рѣшила для предосторожности сперва поѣхать самой. Оказалось, что вокругъ квартиры шпіоны кишмя кишатъ. Друзья такъ часто справлялись тамъ, все ли обстоитъ благополучно со мной, что полиція заподозрѣла кое-что. Кромѣ того, моя карточка была въ сотняхъ экземпляровъ распространена третьимъ отдѣленіемъ между полицейскими и дворниками. Сыщики, знавшіе меня въ лицо, искали меня на улицахъ. Тѣ же, которые меня не знали, бродили въ сопровожденіи солдатъ и стражниковъ, видѣвшихъ меня въ тюрьмѣ. Царь былъ взбѣшенъ тѣмъ, что побѣгъ могъ совершиться въ его столицѣ среди бѣла дня и отдалъ приказъ: «разыскать во что бы то ни стало». Въ Петербургѣ оставаться было невозможно, и я укрывался на дачахъ, въ окрестностяхъ. Вмѣстѣ съ нѣсколькими друзьями я прожилъ подъ столицей въ деревнѣ, куда въ то время года часто отправлялись петербуржцы устраивать

пикники. Наконецъ товарищи рѣшили, что мнѣ слѣдуетъ уѣхать за границу. Но въ иностранной газетѣ мы вычитали, что во всѣхъ портовыхъ и пограничныхъ городахъ Финляндіи и Прибалтійскаго края находятся сыщики, знающіе меня въ лицо, поэтому я рѣшилъ поѣхать по такому направленію, гдѣ меня меньше всего могли ожидать. Снабженный паспортомъ одного изъ пріятелей, я, въ сопровожденіи одного товарища, проѣхалъ Финляндію и добрался до отдаленнаго порта въ Ботническомъ заливѣ, откуда и переправился въ Швецію».

Отсюда Кропоткинъ уже переѣхалъ въ Англію, гдѣ отдалъ себя частью научной работѣ, частью проповѣди политическаго анархизма, въ области котораго составилъ себѣ крупное имя на ряду съ Прудономъ и Бакунинымъ. Большинство его работъ, какъ естественно-историческаго характера, такъ и философскаго (всего ихъ можно насчитать до 60 названій) печатались въ распространенныхъ англійскихъ изданіяхъ, а также выходили отдѣльными книжками. Въ Россіи наибольшимъ распространеніемъ пользуются его автобіографическія «Записки революціонера» и «Идеалы и дѣйствительность въ русской литературѣ».

Такъ завершился смѣлый планъ бѣгства выдающагося русскаго революціонера, показавшій правительству, что революціонное движеніе въ Россіи въ послѣдніе годы окрѣпло, осмѣлѣло и способно на проявленіе почти сказочныхъ эффектовъ. Оно показало также, насколько сильна организація революціонныхъ кружковъ и насколько послѣдніе крѣпко цементированы началомъ товарищеской солидарности и готовностью ради спасенія близкаго и нужнаго человѣка на высокое самопожертвованіе. вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ же дано было явное доказательство тому, какъ слабо поставлено дѣло полицейской агентуры и полицейскаго надзора, функціонирующихъ съ удивительною неповоротливостью, бюрократическою медлительностью и самонадѣянностью. Очевидно становилось, что знаменитое Третье Отдѣленіе уже отжило свой вѣкъ и требуетъ коренной реформы, которая дѣйствительно и была осуществлена впоследствии когда на смѣну ему былъ учрежденъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ департаментъ полиціи.

У.

Смѣлостью по замыслу и удачливостью выполненія отличались и нѣкоторые другіе побѣги политическихъ арестованныхъ изъ тюремъ и ссылокъ и среди таковыхъ намъ придется отмѣтить организацію побѣга изъ кievской тюрьмы Якова Стефановича и его товарищей Дейча и Бохановскаго, дѣятелей по своеобразной «Чигиринской исторіи», имѣвшей мѣсто въ 1876 году

и чрезвычайно взволновавшей въ свое время правительственные круги. На этой исторіи стоит остановиться, такъ какъ она наглядно показываетъ, въ какомъ направленіи, начиная съ 1875 г., начинаетъ уже работать мысль нашихъ революціонеровъ, эволюціонируя отъ методовъ мирной пропаганды къ методу рѣшительнаго бунтарства и дѣйствіямъ напроломъ. Вотъ что рассказываетъ по поводу этой исторіи С. М. Степнякъ-Кравчинскій въ своей «Подпольной Россіи» ¹⁾.

«Лѣтомъ 1887 года необыкновенное смятеніе царило въ средѣ представителей власти Чигиринскаго уѣзда.

«Жандармы сновали по всѣмъ направленіямъ. Становые и исправникъ совѣмъ сбились съ ногъ и не имѣли покоя ни днемъ, ни ночью. Самъ губернаторъ посѣтилъ уѣздъ.

«Дѣло въ томъ, что полиція, черезъ священниковъ, провѣдала, что среди крестьянъ составилъ опасный заговоръ, во главѣ котораго стоятъ «нигилисты», народъ отчаянный и способный на все.

«Однако не было никакой возможности узнать подробности заговора, такъ какъ крестьяне, узнавши, что попы выдають, перестали ходить на исповѣдь. А между тѣмъ нельзя было терять времени: заговоръ разрастался не по днямъ, а по часамъ. На это указывало много тревожныхъ признаковъ. Такъ, изъ опасенія выдать себя въ пьяномъ видѣ, заговорщики совершенно отказывались отъ употребленія водки, а въ деревняхъ, гдѣ они составляли большинство, рѣшено было даже позакрывать кабаки. Это служило видимымъ доказательствомъ того, что движеніе усиливалось. Ни наугадъ произведенные обыски, ни сотни арестовъ не привели ни къ чему.

«Отъ крестьянъ нельзя было добиться ни слова; даже розгами не удавалось заставить ихъ говорить. Вооруженное возстаніе казалось неизбѣжнымъ. Ходили слухи, что заговорщики, подобно парижскимъ санкюлотамъ, тайно заготовляли пики и покупали топоры и ножи. Исправникъ отправилъ на ярмарку своихъ людей подъ видомъ торговцевъ желѣзнымъ товаромъ, надѣясь такимъ образомъ прослѣдить, кто будетъ покупать оружіе. Но заговорщики угадали его намѣреніе, и ни одинъ изъ нихъ не далъ поймать себя на удочку.

«Полиція была въ отчаяніи и рѣшительно не знала, что предпринять. Но вотъ разъ позднимъ вечеромъ къ исправнику является содержатель одного изъ кабаковъ, пѣкій Конограй, съ сообщеніемъ, что къ нему заходилъ крестьянинъ, по имени Приходько. Отъ голода и усталости онъ еле держался на ногахъ и, сильно охмелѣвши отъ выпитаго стакана водки, началъ кричать, что скоро все будетъ «по иному», что онъ уже «присягалъ», что онъ самъ ви-

¹⁾ «Собраніе сочиненій», изд. «Свѣточа», т. 2-й.

дѣль «бумагу». Очевидно, онъ былъ однимъ изъ привлеченныхъ къ заговору, и Конограю пришла въ голову мысль черезъ него и самому проникнуть туда. Но такъ какъ для этого требовалась, очевидно, какая-то присяга, то онъ и пришелъ къ исправнику за разрѣшеніемъ дать ее. Исправникъ былъ внѣ себя отъ восторга. Онъ благословилъ его обѣими руками и не только позволилъ при-

Яковъ Васильевичъ Стефановичъ.

сягать кому и въ чемъ угодно, но обѣщалъ ему для поощренія и денегъ и земли. Конограй разыскалъ Приходько, разговорился, притворился сочувствующимъ и былъ допущенъ къ присягѣ. Послѣ того Приходько показалъ ему «бумагу», которая была не что иное, какъ уставъ тайнаго общества. Прочитавъ, Конограй обратился къ Приходьку и сказалъ ему безъ всякихъ околично-

стей: «Слушай, я вижу, ты знаешь все. Теперь, выбрай: или пойдемъ вмѣстѣ къ исправнику съ этими бумагами, и тогда тебя простятъ и еще дадутъ сколько хочешь денегъ, или же тебѣ будетъ худо, потому что вѣдь бумаги не больно тяжелы, и я могу спести ихъ самъ».

Приходько въ сущности зналъ немного, но и этого немногого было достаточно, чтобы постепенно добраться до остального. Въ самомъ непродолжительномъ времени полиція уже держала въ рукахъ всѣ нити заговора и знала имена заговорщиковъ. Дѣло было нешуточное. Число посвященныхъ достигало 3,000 и заговоръ, поставленный на военную ногу, распространялся на нѣсколько губерній; сигналъ къ возстанію предполагалось дать въ день одного изъ ближайшихъ праздниковъ. Вся эта замѣчательная организація была создана въ какіе-нибудь восемь мѣсяцевъ усиліями только одного человѣка, именно Якова Стефановича.

«Онъ задумалъ планъ, поразительный по соединенію смѣлости съ безстыдствомъ, грандіозности и практичности—съ полной неприципностью,—говоритъ Кравчинскій.—Планъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобы поднять народъ на весь существующій порядокъ и на самого царя—во имя царя же. Стефановичъ сочинилъ и самъ себѣ вручилъ тайный царскій манифестъ, призывающій народъ къ всеобщему возстанію, въ виду полнаго безсилія самого царя и его полнаго порабоженія дворянствомъ и чиновниками. Это была старая «самозванщина», облеченная въ новую канцелярскую форму. Такой безсовѣстной мистификаціи и вмѣстѣ такого могущественнаго орудія для того, чтобы волновать умы русской крестьянской массы, не придумала ни одна забубенная воровская голыушка изъ разипской или пугачевской ватаги.

«Принципъ Стефановичевскаго плана—обманъ народа, хотя бы для его же блага, и поддержаніе царской легенды, хотя бы съ революціонными цѣлями,—былъ безусловно отвергнутъ партіей и не имѣлъ ни одного подражателя. Но энергія имѣетъ непреодолимую обаятельность, въ особенности для русскихъ, среди которыхъ энергичныхъ людей такъ мало. Кромѣ того, планъ Стефановича имѣлъ еще одно преимущество, не зависѣвшее отъ потаканія монархическимъ предразсудкамъ: это была первая и пока единственная попытка создать народную организацію на почвѣ не общихъ теорій, а мѣстныхъ стремленій, какими были въ Чигиринскомъ уѣздѣ борьба общинниковъ противъ индивидуалистовъ—«душевиковъ».

Чигиринское дѣло Стефановичу не удалось. Правительство, имѣя въ рукахъ всѣ документы, арестовало болѣе тысячи человѣкъ, въ томъ числѣ почти всѣхъ вожаковъ. Немногимъ удалось скрыться. Вскорѣ и Стефановичъ былъ арестованъ при помощи засады, устроенной на пути въ то время, когда онъ вмѣстѣ со своимъ

пріятелемъ Дѣйчемъ отпралялся на какое-то свиданіе съ нѣсколькими удѣлѣвшими участниками заговора. И. Вохановскій, печатавшій всѣ документы и прокламаціи, относившіеся къ заговору, былъ задержанъ нѣсколькими днями раньше. Арестованные были заключены въ кіевскую тюрьму, гдѣ ихъ содержали съ величайшими предосторожностями, но, невзирая на послѣднія, смѣлымъ чигиринскимъ заговорщикамъ все же удалось обмануть бдительность стражи и бѣжать изъ тюрьмы. Объ этомъ замѣчательномъ побѣгѣ мы будемъ говорить далѣе, а пока приведемъ тѣ лже-грамоты, якобы скрѣпленныя высочайшею печатью подписью, которыми Стефановичъ оперировалъ въ Чигиринскомъ уѣздѣ и которыми надѣялся поднять на мѣстѣ вооруженное возстаніе.

Документы къ Чигиринскому дѣлу ¹⁾

Печатныя брошюры, озаглавленныя каждая «Уставъ крестьянскаго общества Тайная Дружина, высочайше утвержденный его императорскимъ величествомъ государемъ императоромъ Александромъ Николаевичемъ», имѣютъ на второй страницѣ вверху отискъ орла и текстъ слѣдующаго содержанія:

ВЫСОЧАЙШАЯ ТАЙНАЯ ГРАМОТА.

Вѣрные наши крестьяне! Со всѣхъ концовъ государства нашего слышимъ мы жалобы дорогаго намъ крестьянства на тяжкія угнетенія искони враждебныхъ ему дворянъ. Между тѣмъ мы съ самаго вступленія нашего на престолъ имперіи Россійской старались улучшить положеніе ваше. Вопреки желанію всего дворянства, высочайшимъ манифестомъ 19 февраля 1861 г. мы освободили васъ отъ крѣпостной зависимости и даровали вамъ всю землю безъ всякаго за нее платежа, а также лѣса и сѣнокосы, несправедливо дотолѣ принадлежавшіе однимъ дворянамъ.

Сію волю нашу простерли мы какъ на бывшихъ помѣщичьихъ, такъ и на государственныхъ крестьянъ, изъ коихъ послѣднимъ должны были отойти всѣ казенныя земли и лѣса; всѣхъ мѣщанъ, отставныхъ солдатъ и весь безземельный людъ, безъ различія вѣроисповѣданія, повелѣли мы также надѣлать землею, ибо симъ даромъ Господь предоставилъ право всякому человѣку пользоваться въ равной мѣрѣ. При этомъ мы облегчили рекрутскую повинность; даровали всякому право свободнаго и безпошлиннаго занятія всякими ремеслами и промыслами: рыбными, соляными и всѣми другими.

Мы повелѣли оставить помѣщикамъ только усадьбы и такое же количество земли и лѣса, какое придется и всякому бывшему ихъ крѣпостному по равному подушному надѣлу. Такова была воля наша, обнародованная въ манифестѣ 19 февраля 1861 г. Но, къ величайшему огорченію нашему, дворяне воспрепятствовали исполненію повелѣній нашихъ. Они хитростью и обманомъ удержали за собою большую и лучшую часть земли, всѣ лѣса и сѣнокосы и только самую худшую и ничтожную часть отвели вамъ, притомъ еще наложили за оную чрезмѣрные выкупные и оброчные платежи, многимъ изъ васъ они не дали никакого надѣла, всѣ промыслы обложили налогами, выдумали земскія и

¹⁾ «Вылое» 1906 г., декабрь.

другія повинности, кромѣ того недостойный наслѣдникъ нашъ, несмотря на противодѣйствіе наше, въ угоду дворянамъ, обременилъ васъ тяжело рекрутчиною, дабы вмѣстѣ съ ними имѣть противъ васъ силу и тѣмъ держать васъ, какъ скотовъ, въ темнотѣ и нищетѣ.

Вотъ что хотѣли мы сдѣлать для васъ, но, къ сожалѣнію, воля наша приведена въ исполненіе не была.

Непрестанная 20-лѣтняя борьба наша за васъ съ дворянствомъ убѣдила насъ наконецъ, что мы единолично не въ силахъ помочь вашему горю, и что только вы сами можете свергнуть съ себя дворянское иго и освободиться отъ тяжелыхъ угнетеній и непосильныхъ поборовъ, если единодушно съ оружіемъ въ рукахъ возстанете противъ ненавистныхъ вамъ враговъ и завладѣете всею землею. Руководствуясь симъ убѣжденіемъ, всѣмъ вамъ, крестьянамъ, а также и мѣщанамъ, вѣрнымъ намъ, а не недостойному наслѣднику нашему Александру Александровичу съ его союзниками дворянами и великими князьями, повелѣваемъ: соединяйтесь въ тайныя общества, именуемая «Тайныя Дружины», съ тѣмъ, чтобы подготовиться къ возстанію противъ дворянъ, чиновниковъ и всѣхъ высшихъ сословій. Всякій, кто готовъ положить жизнь свою за великое дѣло, обязанъ дать присягу на вѣрность обществу «Тайной Дружины». Сіи общества должны держать себя въ самой строгой тайнѣ: отъ дворянскаго начальства и поповъ, эгихъ, по большей части, шпионовъ панскихъ, а не достойныхъ пастырей стада Божія. Измѣнниковъ не должно щадить, и всякій, кто умертвитъ предателя, совершитъ доброе и благородное дѣло.

Повелѣваемъ Тайнымъ Дружинамъ исполнять наши утвержденные уставы; сохранять твердость и единодушіе въ своемъ дѣлѣ и не вѣрять ни попамъ, ни дворянамъ, которые лживыми обѣщаніями и всякими другими способами будутъ стараться внести между вами раздоръ и тѣмъ ослабить ваши силы. Въ случаѣ же смерти нашей или другого могущаго произойти несчастія завѣщаемъ Тайнымъ Дружинамъ не покидать своего великаго дѣла и непрестанно съ мечомъ въ рукѣ бороться съ вѣчнымъ врагомъ свободы и благоденствія вашего, пока язва сія съ корнемъ не исчезнетъ съ земли Русской.

Когда же священная борьба ваша съ дворянами, эгимъ хитрымъ, но слабымъ врагомъ вашимъ,—съ Божіей помощью увѣнчается для васъ побѣдой,—тогда вся земля, съ лѣсами и сѣнокосами, станетъ такимъ же бесплатнымъ достояніемъ вашимъ, какъ вода, свѣтъ солнечный и всякій другой даръ Божій, созданный для человека; не будетъ ненавистнаго вамъ дворянскаго начальства, не знающаго состраданія къ вамъ, и возвратится тогда свобода и благоденствіе на землѣ Русской.

Итакъ, озѣни себя крестнымъ знаменіемъ, правослѣвный народъ, и призови благословеніе Божіе на святое дѣло твое. Помни, како заповѣдь, сіи слова, сказанныя тебѣ царемъ-доброжелателемъ твоимъ! На подлинномъ собственная Его Императорскаго Величества печать и подписъ «Александръ II». С.-Петербургъ, 1875 года, февраля, 19 дня.

VI.

Далѣе изложено нижеслѣдующее содержаніе самаго устава:

НАЗНАЧЕНІЕ ОБЩЕСТВА ТАЙНАЯ ДРУЖИНА:

I. Тайныя крестьянскія общества, именуемая дружинами, имѣютъ своимъ назначеніемъ подготовиться къ возстанію противъ дворянъ и другихъ высшихъ сословій съ тѣмъ, чтобы силою возвратити себѣ захваченную ими землю, уничтожить повинности и налоги, введенные дворян-

скимъ начальствомъ, и возстановить полную «волю», какъ дароваль ея его императорское величество государь императоръ Александръ Николаевичъ.

Дружина состоитъ подъ покровительствомъ самого государя императора Александра Николаевича и пользуется отъ его величества поддержкою.

II. Всею дружиною заправляетъ совѣтъ комиссаровъ, который состоитъ изъ лицъ, облеченныхъ въ званіе комиссара особенною грамотою, выданною изъ собственной его императорскаго величества канцеляріи за печатью самого государя императора Александра Николаевича.

III. 1) Комиссаръ избираетъ изъ извѣстныхъ ему крестьянъ наибольшаго числа честныхъ, твердыхъ, трезвыхъ, преданныхъ государю императору Александру Николаевичу и враждебныхъ дворянству и, если они заявятъ готовность служить святому народному дѣлу, хотя бы пришлось умереть за него, тогда приводитъ ихъ къ присягѣ на вѣрность дѣлу. Послѣ сего первые дружинники немедленно приступаютъ къ вербовкѣ новыхъ членовъ.

2) Комиссаръ доноситъ его величеству о ходѣ дѣла дружины.

3) Комиссаръ, какъ лицо, уполномоченное самимъ государемъ Александромъ Николаевичемъ, издаетъ дополнительные уставы, и таковые, утвержденные совѣтомъ комиссаровъ, обязательны для состоящей подъ его вѣдомствомъ дружины.

4) Комиссаръ вноситъ предложеніе о смертной казни невѣрныхъ дружинниковъ; а въ случаяхъ могущей немедленно произойти опасности отъ измѣны или неосторожности члена произноситъ таковому смертный приговоръ самъ.

IV. 25 дружинниковъ составляютъ староство. Староство избираетъ старосту большинствомъ голосовъ не менѣе 15 дружинниковъ. Старосты вмѣстѣ составляютъ старостскую раду; они имѣютъ между собою общій пароль, который ими измѣняется на каждомъ сходѣ старостской рады. Старостская рада избираетъ изъ себя атамана.

Обязанности каждаго члена дружины:

1) Каждый крестьянинъ тогда только считается настоящимъ дружинникомъ, когда онъ принесетъ присягу на вѣрность дѣлу всей дружины. Къ присягѣ же приводится въ томъ случаѣ, когда не менѣе двухъ знающихъ его дружинниковъ поручатся за его благонадежность.

2) Каждый дружинникъ обязанъ непременно вербовать новыхъ членовъ въ дружину, дѣлая сіе осторожно и совѣтуясь съ другими дружинниками.

3) Дружинники должны жить въ мирѣ и согласіи и всегда помогать другъ другу въ нуждахъ.

4) Каждый дружинникъ обязанъ сдѣлать себѣ пику или ратице и сохранять его втайнѣ до времени возстанія.

5) Каждый дружинникъ вноситъ ежемѣсячно не менѣе 5 коп. въ кассу дружины.

6) Черезъ каждыя двѣ недѣли дружинникъ отдастъ отчетъ своему старостѣ о томъ, что онъ сдѣлалъ въ пользу дружины.

7) Дружинникъ, замѣтившій невѣрность другого, тотчасъ доносить объ этомъ старостѣ.

8) Дружинникъ обязанъ исполнять приказанія своего старосты.

Обязанности старосты:

1) Староста наблюдаетъ, чтобы дружинники его староства точно знали уставъ и строго соблюдали свои обязанности.

2) Еженедѣльно узнаеть о числѣ новыхъ членовъ и самъ лично при двухъ свидѣтеляхъ приводить каждаго къ присягѣ, которой новый членъ заранѣе выучивается отъ своихъ поручителей.

3) Если число новыхъ дружинниковъ достигло двадцати пяти, и если по мѣсту жительства они близки другъ къ другу, староста соединяеть ихъ въ новое староство и выбраннаго ими своего старосту вводитъ въ старостскую раду.

4) Староста ежемѣсячно собираеть съ своего староства денежные взносы и доставляеть ихъ въ старостскую раду.

5) Въ случаѣ измѣны или другой опасности староста немедленно даеть знать объ этомъ атаману.

6) Онъ можетъ въ семъ случаѣ распорядиться самъ, если время не терпитъ, но тогда онъ отвѣчаетъ за несправедливое распоряженіе.

7) Староста избирается на 3 мѣсяца, онъ можетъ быть смѣненъ раньше, если того пожелаетъ большинство 20 дружинниковъ; назначенный отъ комиссара не можетъ быть смѣненъ дружинниками.

8) Староста, оставляющій свое званіе, сдаетъ свое староство другому, избранному на его мѣсто.

V. Старостская рада обсуждаеть, какъ привести въ исполненіе комиссарскіе приказы, чтобы сіе осталось незамѣченнымъ дворянскимъ начальствомъ и посторонними крестьянами, а также мѣры огражденія отъ опасности, выдаетъ старостамъ деньги на нужды ихъ староствъ; назначаетъ черезъ каждые 3 мѣсяца двухъ изъ старостъ для провѣрки кассы и выбираеть казначея и атамана.

Обязанности атамана:

1) Атаманъ избирается изъ старостъ на 3 мѣсяца, но назначенный самимъ комиссаромъ не можетъ быть смѣненъ старостскою радюю. Если онъ не грамотенъ, то назначаетъ себѣ писаря.

2) Черезъ атамана дружина сносится съ комиссаромъ, а черезъ послѣдняго и съ самимъ его императорскимъ величествомъ, посему атаманъ избирается изъ самыхъ лучшихъ дружинниковъ.

3) Атаманъ лично получаетъ приказы отъ комиссара.

4) Онъ доноситъ комиссару о дѣлахъ дружины, имена ненадежныхъ членовъ, а также имена особенно старательныхъ для дѣла.

5) Атаманъ, какъ въ то же время и староста своего староства, назначаетъ себѣ помощника; оставляя свое званіе, онъ сдаетъ дѣла другому, избранному на его мѣсто.

Обязанности казначея:

1) Казначей избирается старостскою радюю изъ старостъ, а назначенный комиссаромъ не можетъ быть ею смѣненъ.

2) Онъ хранитъ кассу дружины и подъ страхомъ отвѣтственности не долженъ самъ тратить ея. Онъ выдаетъ деньги только старостамъ и аману по опредѣленію старостской рады.

VI. Староство именуется: первымъ (1), вторымъ (2) и т. д., по времени своего происхожденія. Всякій приказъ отъ комиссара за печатью совѣта комиссаровъ дружина должна исполнять, какъ повелѣніе самого государя. Комиссаръ доставляеть дружинѣ денежные пособія.

ОБРЯДЪ СВЯТОЙ ПРИСЯГИ.

Къ святой присягѣ желающій быть членомъ дружины приводится послѣ поручительства двухъ знающихъ его дружинниковъ. Только комиссаръ имѣеть право приводить къ св. присягѣ безъ поручительства. Обрядъ святой присяги совершается такъ. Предъ иконою Спасителя, св.

крестомъ, св. евангеліемъ, передъ двумя накрестъ воткнутыми пиками или ножами зажигается восковая свѣчка. Приводимый къ св. присягѣ становится на колѣни, поднимаетъ второй и третій персты вверхъ, а лѣвую полагаетъ на грудь и повторяетъ слова св. присяги, читаемая старостою или грамотнымъ свидѣтелемъ такъ:

— Я (имя, отчество, фамилія) передъ ликомъ Спасителя, святымъ евангеліемъ, святымъ крестомъ, клянусь всю мою жизнь пожертвовать себя народному дѣлу дружины. Клянусь по приказу государя Александра Николаевича бороться съ оружіемъ въ рукахъ съ помѣщиками, чиновниками и всякими моихъ собратій и моего государя Александра Николаевича врагами, погубившими нашу волю и отнявшими отъ насъ землю, врученную намъ самимъ Богомъ и государемъ Александромъ Николаевичемъ въ вѣчное бесплатное пользованіе. Клянусь всѣми моими силами стараться непрестанно вербовать членовъ въ Тайную Дружину. Клянусь жить со всѣми дружинниками въ мирѣ и согласіи и, какъ братьямъ, помогать имъ въ нуждахъ. Клянусь сохранять въ строгой тайнѣ наше общее дѣло даже на исповѣди и никого изъ товарищей дружинниковъ не выдавать врагамъ и если замѣчу въ другомъ таковое намѣреніе,—донести своему старостѣ. Клянусь безпрекословно исполнять уставы дружины, исходящіе черезъ комиссаровъ за печатью совѣта комиссаровъ отъ самого государя императора Александра Николаевича. Ежели нарушу сію мою клятву, то призываю гнѣвъ Господа Бога и всѣхъ святыхъ его на меня и на все мое потомство, и да поразятъ меня всякія бѣды и несчастія, и да не щадитъ меня рука брата-дружинника. Аминь.

Послѣ сихъ словъ присягнувшій цѣлуетъ икону, крестъ и евангеліе. На подлинномъ собственною его императорскаго величества рукою написано: «Быть по сему». Александръ II. С.-Петербургъ. 1875 г. Февраля 19 дня.

Въ концѣ означенной присяги приложена золотого цвѣта круглая печать, среди которой изображены накрестъ пика и топоръ, а кругомъ значится: «печать совѣта комиссаровъ».

Арестованный, Стефановичъ съ названными выше товарищами бѣжалъ, однако, изъ кіевской тюрьмы и только въ 1882 г. былъ снова арестованъ въ Москвѣ, привлеченъ къ дознанію и судимъ по «процессу 17-ти», гдѣ особо отъ прочихъ ему было инкриминировано «Чигиринское дѣло» 1877 г. Побѣгъ изъ кіевской тюрьмы состоялся при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Пока заключенные сидѣли и надъ ними было установлено строгое наблюденіе, одному изъ ихъ товарищей (Фроленкѣ) съ воли удалось подѣ фамиліей Фоменко и, конечно, при помощи фальшиваго паспорта поступить на службу въ тюрьму и въ короткое время настолько заслужить своей исполнительностью довѣріе высшей администраціи, что его назначили даже смотрителемъ сначала уголовныхъ арестантовъ, а потомъ и политическихъ. При содѣйствіи Фоменки было рѣшено, что заключенные товарищи пересидѣются часовыми и ночью въ такомъ костюмѣ выйдутъ изъ тюрьмы. Когда наступило благоприятное время и передѣваніе состоялось, заговорщики начали въ темнотѣ пробираться къ выходу, но, на несчастье, одинъ изъ нихъ оступился, падая, по печальности уха-

тился за сигнальную веревку отъ тюремнаго звонка. Раздался зловѣщій звонъ, по которому караулъ долженъ былъ немедленно войти въ тюремный коридоръ, но Фоменко не растерялся и предупредилъ приходъ караула, забѣжавъ въ кордегардію съ заявленіемъ, что это именно онъ случайно задѣлъ веревку и что въ тюрьмѣ все обстоитъ благополучно. Такимъ образомъ, прибытіе караула было предупреждено и ничто уже не помѣшало переряженнымъ выйти за ворота тюрьмы, гдѣ ихъ ожидалъ извѣстный революціонеръ смѣльчакъ Оссинскій, который препроводилъ бѣглецовъ на ожидавшую ихъ лодку на Днѣпрѣ, откуда они, гребя попеременно, и добрались до Кременчуга.

Объ нѣкоторыхъ названныхъ лицахъ намъ еще придется при другихъ случаяхъ говорить. А теперь, чтобы исчерпать исторію побѣговъ въ этотъ періодъ, отмѣтимъ еще, что въ теченіе всего періода 1875—1878 гг. мы видимъ рядъ попытокъ побѣговъ изъ провинціальныхъ тюремъ, а также изъ мѣстъ дальняго поселенія, со стороны политическихъ арестованныхъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, причѣмъ большинство этихъ попытокъ, несмотря даже на сопротивленіе со стороны стражи, оканчивается благополучно для бѣглецовъ. Въ журналѣ Лаврова «Впередъ» обо всѣхъ тогдашнихъ побѣгахъ сообщались обстоятельныя свѣдѣнія, которыя потомъ подъ рубрикою «Побѣги» и были въ хронологическомъ порядкѣ зарегистрированы г. Бурцевымъ въ книжкѣ «За сто лѣтъ».

Наибольшая неудача постигла заговорщиковъ при попыткѣ освободить Мышкина, Войнаральскаго и товарищей, организованной Перовской. Оставшись на свободѣ послѣ окончанія «Большаго процесса 193-хъ», она употребила всю свою страстность и энергію на организацію освобожденія приговоренныхъ товарищей. По словамъ ея біографа ¹⁾, «сперва выборъ ея, какъ и всѣхъ друзей, останавливается на Мышкинѣ, могучемъ ораторѣ и героѣ процесса 193-хъ. Устраивается наблюдение за крѣпостью и дорогой; организуется отряды съ цѣлью отбить его на пути. Но потому ли, что полиція провѣдала о задуманномъ дѣлѣ, или, вѣрнѣе, потому, что догадалась о немъ, такъ какъ толки о необходимости освобожденія Мышкина послѣ его рѣчи сами собой возникали повсюду, какъ бы то ни было, правительство приняло нѣкоторыя предосторожности, произвело нѣсколько фальшивыхъ маневровъ, и революціонеры дали себя обмануть. Они просмотрѣли отправку Мышкина и узнали о ней только тогда, когда онъ былъ уже въ центральной тюрьмѣ. Трудно описать, что сдѣлалось съ Перовской послѣ этой неудачи. Попавшагося ей на глаза въ этотъ день участника она ни за что разругала самымъ несправедливымъ образомъ, успокоившись, просто застыла на мысли—непремѣнно, во что бы то ни

¹⁾ «Софія Львовна Перовская», изд. Вл. Распопова.

стало освободить другихъ... Рѣшено было освободить кого-нибудь изъ четырехъ другихъ централочныхъ, во время слѣдованія на почтовыхъ изъ Харькова до тюрьмы: Рогачева, Ковалика, Войнаральскаго или Муравскаго—кого удастся прослѣдить. Первый и

Вѣра Ивановна Засуличъ.

второй были пропущены. Войнаральскаго удалось захватить. Повозка съ арестантомъ, сопровождаемымъ двумя жандармами, была остановлена Б-мъ, передѣтымъ офицеромъ, вѣдущимъ изъ Харькова въ собственной кибиткѣ. Двое его спутниковъ верховыхъ подъѣхали къ перекладной. Неожиданный выстрѣлъ изъ револь-

вера положилъ одного изъ жандармовъ; но въ ту же минуту испуганные пальбою кони понесли въ весь опоръ. Верховые поскакали за ними, продолжая стрѣлять на ходу въ оставшагося жандарма и лошадей. Бричка мчалась слѣдомъ. Но ни одинъ изъ девяти выстрѣловъ не попалъ въ жандарма, и хотя нѣсколько пуль зашло въ тѣло лошадей, но онѣ только бѣшенѣ неслись впередъ. Почти до самой станціи гнались наши, презирая опасность, и остановились только, когда всѣ заряды револьверовъ были выпущены и ихъ дрянныя клячи окончательно выбились изъ силъ. Жандармъ съ арестантомъ ускакали. Причина неудачи заключалась въ томъ, что стрѣльбу начали, не вырвавъ у ямщика вожжей или не подрѣзавъ постромокъ».

VII.

Въ очерчиваемый нами періодъ, относящійся къ началу второй половины 70-хъ годовъ, мы видимъ, что революціонныя партіи кладутъ основаніе не только организаціи систематическихъ побѣговъ арестованныхъ и заключенныхъ подъ стражу товарищей, на что не жалѣютъ ни крупныхъ денежныхъ затратъ, ни риска собственными жизнями, но также кладутся основанія публичнымъ демонстраціямъ, долженствующимъ наглядно засвидѣтельствовать передъ обществомъ о живучести русской революціи, несмотря на учиняемые надъ ней со стороны власти погромы, а также организаціи серии вооруженныхъ сопротивленій. Революціонеры рѣшаютъ не отдаваться безъ сопротивленія въ руки арестующихъ ихъ, и мы видимъ непрерывный рядъ вооруженныхъ сопротивленій. О нѣкоторыхъ изъ этихъ манифестацій и сопротивленій скажемъ здѣсь кратко, какъ о характерныхъ признакахъ времени, содержащихъ въ себѣ именно элементъ тревожныхъ политическихъ симптомовъ, свидѣтельствующихъ, что періоду міра и пассивности наступилъ конецъ и что терроръ выступилъ понемногу во всеоружіи своихъ правъ. О первой изъ манифестацій было сообщено въ № 276 «Правительственнаго Вѣстника». Здѣсь сказано ¹⁾:

«6-го сего декабря, къ концу совершавшагося въ Казанскомъ соборѣ богослуженія, начали въ значительномъ числѣ собираться въ храмъ молодые люди; по вѣншности коихъ можно было предполагать, что они принадлежатъ къ числу учащейся молодежи. Въ группахъ молодыхъ людей замѣтны были также и женщины. Во время молебна какъ молодые люди, такъ и примкнувшія къ нимъ женщины вели себя крайне неприлично: они переходили съ

¹⁾ «Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ», подъ редакціей В. Базилевскаго.

мѣста на мѣсто, разговаривали, смѣялись и какъ будто о чемъ-то стоваривались. По окончаніи богослуженія толпа этихъ необычныхъ посѣтителей храма спустилась съ входной лѣстницы собора и, отойдя отъ него лишь на нѣсколько шаговъ, остановилась и скучилась. Стоявшій среди толпы молодой человѣкъ обратился къ окружавшимъ его со слѣдующими словами: «мы всегда чтимъ этотъ день въ память сосланныхъ въ каторжную работу...» и, произнеся засимъ нѣсколько фамилій и невнятныхъ словъ, закончилъ свою рѣчь крикомъ: «да здравствуетъ свобода, ура!» Крикъ этотъ былъ подхваченъ окружавшими его лицами. Затѣмъ тотъ же молодой человѣкъ вынулъ изъ-за пазухи стоявшаго около него крестьянскаго мальчика красный флагъ съ надписью на немъ крупными буквами: «Земля и воля», и махалъ имъ, продолжая кричать «ура!» При этомъ нѣсколько человѣкъ, стоявшихъ въ центрѣ группы, подняли на руки крестьянскаго мальчика, который тоже кричалъ «ура», махая флагомъ. Между тѣмъ изъ толпы стали раздаваться голоса, предлагавшіе не расходиться и направиться всеѣмъ вмѣстѣ по Невскому проспекту; другіе же, напротивъ, крикомъ изъявляли желаніе разойтись какъ можно поспѣшнѣе. Въ это время подоспѣлъ околоточный надзиратель съ городовыми, которые были встрѣчены принимавшими участіе въ беспорядкѣ лицами сначала бранью, а потомъ побоями. Стоявшая до этой минуты въ сторонѣ, удивленная этой нелѣпою выходкою, публика при видѣ сопротивленія, оказаннаго чинамъ полиціи, исполнявшимъ свою обязанность, бросилась на помощь городовымъ, смяла нарушителей порядка и сообща съ полиціею арестовала 32 человѣка, изъ коихъ 11 женщинъ. Остальная часть участниковъ беспорядка, при такомъ оборотѣ дѣла, быстро разбѣжалась въ разныя стороны».

И самый флагъ съ обозначенной на немъ надписью, а также результаты дознанія по поводу манифестаціи на площади Казанскаго собора въ Петербургѣ показали, что въ революціонной средѣ народилось новое политическое сообщество, которое, названное наименованіемъ, знакомымъ намъ по процессамъ 60-хъ годовъ, открыло свои дѣйствія и является уже фактомъ существующимъ. Объ этомъ сообществѣ мы будемъ говорить въ слѣдующей части нашихъ очерковъ.

Послѣдовавшій черезъ полтора мѣсяца «процессъ 21-го» участника манифестаціи на Казанской площади далъ въ результатѣ для подсудимыхъ печальныя послѣдствія. Сама манифестація была сенатомъ отнесена къ категоріи политическихъ бунтовъ, и изъ числа подсудимыхъ 5 человѣкъ были приговорены къ каторгѣ, а 10 къ поселенію въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя.

Площадь у Казанскаго собора съ того времени становится любимымъ мѣстомъ политическихъ демонстрацій, и роль ея въ нашихъ общественныхъ движеніяхъ, особенно въ концѣ XIX столѣтія и

началѣ нынѣшняго, становится въ этомъ отношеніи преобладающею передъ другими мѣстностями сѣверной столицы.

Въ томъ же 1876 г. учащаяся молодежь устроила демонстративные проводы скончавшагося въ домѣ предварительнаго заключенія арестованнаго по политическому дѣланію Чернышева. Студенты отняли гробъ съ останками скончавшагося изъ вѣдѣнія полиціи, овладѣли имъ и съ громкимъ гнѣиемъ пронесли по улицамъ столицы вплоть до кладбища, гдѣ и были произнесены подходящіа случаю рѣчи съ политическимъ оттѣнкомъ. Нужно замѣтить вообще, что тогда послѣ нѣкотораго затишья въ жизни учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ снова поднимается волна возбужденія и молодежь наполняетъ храмы науки сходками, беспорядками съ источникомъ ихъ какъ будто въ дѣлахъ домашняго учебнаго характера, но въ сущности въ интересахъ политическаго протеста. Жизнь въ учебныхъ заведеніяхъ переламывается, интересы науки отходятъ на второй планъ, а на первый выступаютъ вопросы политики. Въ стѣнахъ университетовъ, академій, институтовъ идетъ очень замѣтная агитация, явно руководимая посторонними силами, и молодежь цѣликомъ, при пассивномъ отношеніи ея большинства, оказывается на послугахъ революціи, питая ее и реальными живыми силами и средствами матеріальными. Послѣднія почерпаются изъ сборовъ съ устраиваемыхъ молодежью вечеринокъ, изъ отчисленій съ ежегодныхъ баловъ и изъ шаночныхъ и по подписнымъ листамъ сборовъ въ аудиторіяхъ. Карательныя мѣропріятія правительства даютъ совершенно обратные результаты: революціонированіе молодежи не только не убываетъ, но растетъ пропорціонально репрессіямъ. Такое положеніе дѣлъ идетъ на руку дѣлу революціи: она ежегодно получаетъ въ свои кадры рядъ энергичныхъ и талантливыхъ людей, которые, будучи выброшены за пороги учебныхъ заведеній, посвящаютъ себя политическому протесту и политической борьбѣ, идя на нее съ энтузіазмомъ и съ вѣрою въ ея скорую и неминуемую побѣду надъ дряхлѣющимъ полицейско-бюрократическимъ строемъ, для реформы котораго правительственной властью не проектируется никакихъ реформъ и жизненныхъ мѣропріятій. Экономическій развалъ страны, оскуднѣніе дворянскаго и крестьянскаго хозяйства являются уже фактами непреложными, а общаа деморализация, общественный индифферентизмъ при наличіи какъ бы окаменѣлой полицейско-охранительной политики правительственной власти становятся тѣмъ историческимъ фономъ, на которомъ молодежь выводитъ узоры своихъ волненій, а революціонеры рисуютъ картины своей все усиливающейся въ озлобленномъ упорствѣ борьбы.

Начавшаяся на Балканскомъ полуостровѣ борьба славянъ за свою независимость и послѣдовавшая за симъ русско-турецкая война какъ будто нѣсколько отвлекли домашнія бунгующіа силы,

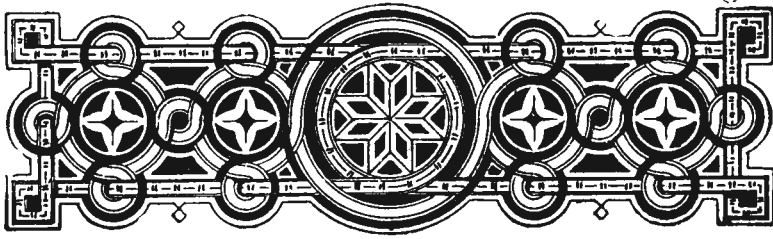
и мы видимъ, что даже изъ рядовъ революціонеровъ нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Кравчинскій, Клеменсъ, Ерошенко и др., идутъ на театръ кровавой славянской борьбы. Но этотъ подъемъ энтузіазма, этотъ порывъ за родственныхъ «друзи свои» кратковременъ: изъ-за гула балканской пушечной канонады раздаются отчетливо одиночные револьверные домашніе выстрѣлы: то революціонеры съ боя отдають себя въ руки жандармской власти... Циціановъ и Люботовичъ въ періодъ мирной пропаганды при своемъ арестѣ первые оказываютъ вооруженное сопротивленіе, Мышкинъ послѣ неудачной попытки освобожденія Чернышевскаго прокладываетъ себя убійствомъ казака дорогу къ временной свободѣ, Оссинскій съ товарищами покушаются на жизнь товарища прокурора Котляревскаго, Попко убиваетъ въ Кіевѣ жандармскаго ротмистра Гейкинга, Ковальскій съ товарищами защищаются при обыскѣ ихъ Судейкинымъ въ Одессѣ, тамъ же оказываетъ вооруженное сопротивленіе Чубаровъ, въ Харьковѣ—Сентянинъ, въ Кіевѣ—Избицкіе, въ С.-Петербургѣ—Копѣйкина и Малиновская, Дубровинъ — въ Старой Руссѣ. Въ разныхъ городахъ падаютъ убитыми низшіе агенты полицейскаго сыска подъ ножами и выстрѣлами революціонеровъ—Финогеновъ, Шарашкинъ, Неконовъ, Рейнштейнъ, Барановскій и др. Совершаются покушенія на жизнь, и убиваются высшіе представители власти. Раздается, наконецъ, 24 января 1878 г. въ Петербургѣ выстрѣлъ Вѣры Засуличъ, какъ сигналъ, что борьба революціонеровъ съ существующимъ строемъ входитъ въ широкую кровавую полосу, что терроръ смѣло поднялъ свою голову и задорно бросаетъ правительству прямой вызовъ: кто побѣдитъ въ неравномъ спорѣ? кто отступить и пойдетъ на уступки?

Красный флагъ на площади Казанскаго собора засвидѣтельствовалъ, что революціонныя силы сомкнулись и оформились опредѣленной организаціей «Земли и воли», выстрѣлъ Вѣры Засуличъ,—что революціонеры изъ состоянія пассивнаго сопротивленія перешли въ наступленіе.

Послѣдняя четверть XIX столѣтія такимъ образомъ заволоклась кровавымъ туманомъ, сквозь который смутно выглядывалъ тоскующій и беспомощный обликъ Царя-Освободителя, точно предчувствующаго свою скорую трагическую кончину...

Б. Глинскій.

КЪ 75-ЛѢТІЮ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССІИ.

ОСЬМОГО января настоящаго года празднуетъ 75-лѣтіе своего существованія императорская археографическая комиссія, одно изъ старѣйшихъ научныхъ учрежденій, дѣятельность котораго посвящена разработкѣ и изданію памятниковъ русской исторіи.

Возникла комиссія, благодаря трудамъ извѣстнаго русскаго археографа П. М. Строева. По ходатайству его академія наукъ въ 1828 г. предположила отправить въ губерніи сѣверной и средней Россіи археографическую экспедицію, цѣлью которой было бы собраніе письменныхъ памятниковъ русской исторіи, дипломатіи, закоповѣдѣнія и проч., хранившихся въ старинныхъ библіотекахъ монастырей и архивахъ различныхъ правительственныхъ учрежденій. Это путешествіе подъ начальствомъ самого Строева рассчитывалось на семь лѣтъ, и на путевыя издержки академія постановила отпускать ежегодно изъ своихъ средствъ 10,000 рублей ассигнаціями. Предположенія академіи были утверждены императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ іюль 1828 г., а въ мартѣ слѣдующаго года Строевъ съ двумя помощниками отправился въ путь. Экспедиціи пришлось встрѣтить много различныхъ затрудненій: очень часто она находила цѣнные историческіе документы хранившимися въ небрежности; иногда Строева и его спутниковъ не допускали до осмотра архивовъ; были даже случаи, что въ ожиданіи экспедиціи, благодаря невѣжественному страху передъ нею, документы нарочно сжигались ихъ же хранителями.

Несмотря на всѣ препятствія, энергія Строева и его ближайшаго помощника Я. И. Бередникова привела къ тому, что ихъ путешествіе дало громадныя результаты. Въ теченіе шести лѣтъ экспедиція объѣхала 14 губерній сѣверной и частью средней Россіи (не южнѣе Москвы) и осмотрѣла въ нихъ около 200 библиотекъ и архивовъ монастырскихъ, церковныхъ и присутственныхъ мѣстъ. Наиболѣе богаты древностями оказались монастырскіе архивы; въ гражданскихъ архивахъ не было документовъ ранѣе XVI вѣка. Плодами путешествія Строева, которые онъ представилъ академіи, были, во-первыхъ, собраніе до 3,000 актовъ историческихъ и юридическихъ и, во-вторыхъ, каталогъ рукописей и старинныхъ книгъ, хранившихся въ монастырскихъ библиотекахъ.

Для наблюденія за изданіемъ собранныхъ Строевымъ документовъ министръ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровъ рѣшилъ образовать особую комиссію, о чемъ и сдѣлалъ представленіе государю.

24-го октября 1834 г. императоръ Николай Павловичъ утвердилъ правила комиссіи.

Комиссія была поручена непосредственному наблюденію министра, а на издержки ея былъ назначенъ капиталъ въ 40,000 рублей ассигнаціями, образовавшійся изъ суммы, пожертвованной графомъ Румянцовымъ академіи наукъ на изданіе лѣтописей. Первымъ предсѣдателемъ комиссіи былъ назначенъ, къ изумленію всѣхъ, не П. М. Строевъ, создавшій ее трудами своими, а князь Платонъ Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ, занимавшій постъ директора департамента министерства народнаго просвѣщенія; Строеву же было предоставлено только мѣсто члена комиссіи, на ряду съ К. С. Сербиновичемъ, Н. Г. Устряловымъ и Я. И. Бередниковымъ; кромѣ того, археографъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени.

Первый предсѣдатель комиссіи не былъ на высотѣ своего призванія: по словамъ Строева, онъ, «какъ чистый бюрократъ, не былъ способенъ понимать интересовъ наукъ, ученія затрудненія разрѣшалъ самовластіемъ и былъ, такъ сказать, олицетворенная канцелярская форма; онъ пріучилъ комиссію работать, какъ говорится, съ плеча, лишь бы поспѣвало къ сроку двухгодичныхъ наградъ, которыхъ и его сіятельство схватилъ немало».

Но даже при такомъ предсѣдателѣ труды Строева не могли заглухнуть, и нужное для русской исторіи дѣло комиссіи продолжало развиваться. Въ 1836 г. комиссіей были напечатаны 4 тома «Актовъ историческихъ», а въ 1838 г. одинъ томъ «Актовъ юридическихъ». Въ 1837 г. были высочайше утверждены для комиссіи новыя правила, и она получила названіе археографической. Комиссіи было вмѣнено въ обязанность издавать слѣдующіе источники русской исторіи: 1) сочиненія славяно-русской литературы историческаго содержанія, т. е. лѣтописи, хронографы, степенныя книги, сказанія и другія рукописи, находящіяся въ связи съ исторіей, 2) акты

государственно-юридическіе, какъ-то: грамоты, указы, розыски, родословныя, разрядныя и писцовыя книги, статейные списки и проч. Документы, издаваемые комиссіею, не должны были восходить далѣе 1700 г. Кроме того, на комиссію были возложены занятія русскою нумизматикою, а съ 1839 г. ей было поручено изданіе документовъ на иностранныхъ языкахъ, имѣющихъ отношеніе къ русской исторіи.

Работы комиссіи постоянно велись въ двухъ направленіяхъ: во-первыхъ, разыскивались и приводились въ извѣстность новые или не изслѣдованные источники отечественной исторіи, во-вторыхъ, издавались въ свѣтъ историческіе матеріалы.

Послѣ изданія «Актовъ» комиссія истребовала старинные документы, хранившіеся въ библіотекахъ и архивахъ губерній, не посѣщенныхъ экспедиціей; такимъ путемъ удалось получить значительное количество актовъ; между прочимъ богатая коллекція были доставлены изъ верхотурскаго и якутскаго архивовъ. Члены комиссіи дѣятельно продолжали изслѣдовать русскіе архивы и извлекали изъ нихъ документы, достойные вниманія: Беренниковымъ были осмотрѣны императорская публичная библіотека, Румянцовскій музей, библіотеки академіи наукъ и Эрмитажа, Строевъ неутомимо работалъ въ московскихъ архивахъ, П. И. Мельниковъ—въ Нижнемъ-Новгородѣ, кн. М. А. Оболенскій доставлялъ документы изъ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи работали Н. В. Калачевъ, Н. И. Костомаровъ, А. И. Тимошеевъ и Г. О. Карповъ. Профессоръ гельсингфорскаго Александровскаго университета Соловьевъ доставилъ изъ шведскихъ архивовъ интересные документы смутнаго времени, вывезенные въ ту эпоху шведами изъ Новгорода. Изъ Швеціи же комиссія получила рукопись сочиненія Григорія Котошихина: «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича».

Труды комиссіи вызвали общее сочувствіе, выражавшееся какъ въ матеріальныхъ пожертвованіяхъ въ пользу ея, такъ и въ доставленіи ей документовъ и рукописей казенными учрежденіями и частными лицами. Нѣкоторые документы поступали даже изъ-за границы, таковы были западно-русскіе акты, угро-влахійскія и молдавскія грамоты, акты на иностранныхъ языкахъ, касающіеся отношеній папскаго престола къ Россіи.

Первоначально комиссіей издавались историческіе матеріалы, имѣвшіе характеръ офиціальныя, которые и получили названіе актовъ или документовъ. Кроме «Актовъ историческихъ» и «Актовъ юридическихъ», къ этому отдѣлу можно отнести «Акты русско-ливонскіе», «Дневникъ люблинскаго сейма 1569 г.», «Новгородскія писцовыя книги», «Письма русскихъ государей XVI и XVII вѣковъ», «Выходы государей» и много другихъ изданій.

Съ 1841 г. комиссіей было начато изданіе «Полнаго собранія русскихъ лѣтописей». Первые томы его заключали въ себѣ старѣйшіе лѣтописные сборники, а послѣдующіе были посвящены лѣтописямъ болѣе поздняго состава. Такъ какъ въ первыхъ томахъ оказались значительные недостатки, то въ 1870-хъ годахъ комиссія переиздала древнѣйшія наши лѣтописи въ новой обработкѣ текста, согласно требованіямъ исторической и филологической критики. Три древнѣйшіе списка лѣтописей: «Повѣсть временныхъ лѣтъ» по лаврентьевскому и ипатскому спискамъ и 1-я новгородская по синодальному были воспроизведены при помощи фотографіи. До настоящаго времени комиссіей выпущено 25 томовъ «Полнаго собранія лѣтописей». Изъ другихъ произведеній славяно-русской письменности не историческаго характера на первомъ мѣстѣ должны быть поставлены «Великія Минеи-Четіи», собранныя въ XVI вѣкѣ митрополитомъ Макаріемъ, думавшимъ совмѣстить въ своемъ сборникѣ «всѣ святыя книги, которыя въ Русской землѣ обрѣтаются». Къ 1909 г. вышло въ свѣтъ 12 выпусковъ этого изданія (мѣсяцы сентябрь и октябрь полностью и части ноября и декабря).

Изъ сказаній иностранныхъ писателей о Россіи комиссією были изданы въ подлинникахъ повѣствованія о смутномъ времени, принадлежащія иѣмцу Конраду Буссову, шведу П. Петрею и голландцамъ I. Массѣ и Геркману.

Кромѣ памятниковъ, комиссія издавала необходимыя пособія для пользованія ими, таковы указатели къ «Актамъ историческимъ» и «Актамъ юридическимъ», «Полному собранію лѣтописей», «Списки іерарховъ и настоятелей монастырей російскія церкви», послѣдній трудъ—П. М. Строева, «Списки воеводъ» и др.

Съ 1862 г. комиссіей издается періодическая лѣтопись ея занятій, ученый сборникъ, въ которомъ помѣщаются протоколы комиссіи, подлинныя историческіе памятники, описи старинныхъ рукописей и книгъ и ученныя изслѣдованія, касающіяся изданныхъ комиссіей памятниковъ.

Изъ нумизматическихъ трудовъ комиссіи нужно назвать 5 выпусковъ «Собранія русскихъ медалей съ XV по XIX столѣтіе» и «Медальоны въ память военныхъ событій 1812—1815 гг.» гр. Ѳ. Толстого.

Заслуги комиссіи неоднократно удостоивались одобренія съ высоты престола. Въ 1885 г., когда комиссія праздновала свое пятидесятилѣтіе, императоръ Александръ III почтилъ ея дѣятельность высочайшимъ рескриптомъ, въ которомъ между прочимъ говорилось: «Труды комиссіи пролили свѣтъ на многое, остававшееся дотолѣ не вполне изслѣдованнымъ въ прошлыхъ судьбахъ дорогой всѣмъ родины, и облегчили раскрытіе внутренней и внѣшней жизни русскаго народа, установляя болѣе вѣрные взгляды на событія и на взаимныя отношенія разныхъ областей, постепенно входившихъ въ составъ

Россійскаго государства». Въ этомъ же году бюджетъ комиссіи по высочайшему повелѣнію былъ увеличенъ на двѣ тысячи рублей.

Особенно дѣятельность комиссіи расширилась за послѣдніе годы третьяго ея двадцатипятилѣтія. До этого времени многія начинанія тормозились крайнимъ недостаткомъ средствъ и несовершенствомъ внутренней организаціи. Комиссія не имѣла даже собственнаго помѣщенія, которое бы удовлетворяло надежному храненію документовъ и ея многочисленныхъ и цѣнныхъ изданій: она помѣщалась во флигелѣ зданія петербургской 6-й гимназіи.

Квартира комиссіи была настолько тѣсна и неудобна, что засѣданія приходилось устраивать въ кабинетѣ директора императорской публичной бібліотеки.

Комиссія, состоя при департаментѣ министерства народнаго просвѣщенія, не была вполнѣ самостоятельнымъ учрежденіемъ, и поэтому права ея очень часто нарушались, чѣмъ нерѣдко затруднялось даже изданіе памятниковъ старины. Дѣятели комиссіи сознавали ненормальность такого положенія и уже съ 60-хъ годовъ стали вырабатывать проекты новаго устава; надъ этимъ вопросомъ особенно потрудились предсѣдатели комиссіи: А. Ѳ. Бычковъ и Л. Н. Майковъ, но труды ихъ не увѣнчались успѣхомъ. Въ то же время комиссіи не хватало средствъ на покрытіе ея нуждъ, дефицитъ увеличивался съ каждымъ годомъ. На ходатайства предсѣдателей объ увеличеніи ассигнованія министерство неуклонно отвѣчало отказомъ.

Мысль о необходимости реформированія комиссіи настойчиво проводилась П. А. Гильгенбрандтомъ, занимавшимъ мѣсто правителя дѣлъ комиссіи съ 1893 по 1903 годъ. Въ 1900 г. имъ было представлено положеніе комиссіи вновь назначенному предсѣдателю, графу Сергѣю Дмитриевичу Шереметеву. 16-го ноября 1900 г. на первомъ засѣданіи, состоявшемся подъ предсѣдательствомъ графа, послѣдній заявилъ комиссіи, что онъ «почитаетъ первымъ долгомъ присоединиться къ представленіямъ своихъ предшественниковъ объ измѣненіи штатовъ комиссіи и не менѣе настоятельнымъ возбужденіе вопроса о помѣщеніи комиссіи, соотвѣтствующемъ ея задачамъ и дѣятельности». Съ этого времени положеніе комиссіи начинаетъ быстро измѣняться къ лучшему. 6-го мая 1903 г. ей было пожаловано наименованіе императорской.

Въ январѣ 1904 г. произошелъ переѣздъ комиссіи въ помѣщеніе, которое для нея лично арендовалъ графъ Шереметевъ, не ожидая окончанія происходившей по этому поводу переписки съ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Въ арендованномъ графомъ домѣ (Надеждинская ул., 27) помѣстилась комиссія, склады для изданій, лавка для продажи ихъ и квартиры для нѣкоторыхъ служащихъ; въ этомъ домѣ комиссія находится и нынѣ. На аренду помѣщенія и приспособленіе его потребовалось 8 тысячъ рублей, которые и были отпу-

щены изъ государственнаго казначейства; кромѣ того, Государемъ Императоромъ было отпущено изъ его личныхъ суммъ на усиленіе средствъ комиссіи 8 тысячъ, благодаря чему былъ покрытъ образовавшійся за послѣднее время дефицитъ. Въ 1905 г. арендованный для комиссіи домъ перешелъ въ собственность высочайше учрежденнаго комитета попечительства о русской иконописи, но за комиссіей были закрѣплены по высочайшему повелѣнію занимаемая ею помѣщенія.

Вмѣстѣ съ этимъ, благодаря энергіи предсѣдателя, успѣшно пошло дѣло по введенію новаго положенія. Составленный комиссіей проектъ его министерство народнаго просвѣщенія предполагало внести въ государственный совѣтъ одновременно съ своими штатами, вновь разсматривавшимися, но предсѣдателемъ археографической комиссіи было испрошено высочайшее соизволеніе на внесеніе въ государственный совѣтъ штатовъ ея отдѣльно отъ штатовъ министерства. 2-го февраля 1904 г. проектъ положенія былъ высочайше утвержденъ.

По новому положенію сохранялись не только всѣ прежнія права комиссіи, но она сдѣлалась самостоятельнымъ учрежденіемъ въ вѣдомствѣ. Были увеличены оклады содержащихъ служащихъ въ канцеляріи и вмѣсто 8 тысячъ, которыя ранѣе отпускались на всѣ нужды, на одни изданія было назначено ежегодное ассигнованіе въ 20,000 рублей.

Постепенно измѣнялась и система изданій комиссіи: первоначально ею печатались только отдѣльные выборные изъ цѣлой массы документы, въ настоящее же время комиссія систематически издаетъ цѣлыя собранія актовъ или частей архива. Въ теченіе 75 лѣтъ своего существованія комиссія выпустила въ свѣтъ около ста различныхъ изданій, многія изъ которыхъ были въ нѣсколькихъ томахъ; въ большинствѣ случаевъ каждое изданіе печатается въ количествѣ отъ 500 до 1,000 экземпляровъ. Продажа изданій ученымъ и учебнымъ заведеніямъ, а также частнымъ лицамъ увеличивается съ каждымъ годомъ: такъ, въ 1906 г. было продано 302 тома на 501 р. 55 к., въ 1907 г. 651 тома на 1,120 р. 35 к., а въ 1908 г. уже 1,296 тома на 2,124 р. 38 к. Учебнымъ заведеніямъ, выписывающимъ изданія, дѣлается уступка въ 50%. Изъ иностранныхъ учебныхъ заведеній постоянно приобретаетъ изданія комиссіи вѣнскій университетъ для восточно-европейскаго семинарія. Обмѣнъ изданіями установленъ съ 39 русскими учеными, учебными и архивными учрежденіями и съ 16 иностранными, какъ, напр., съ университетами въ Львовѣ, Черновицѣ, Упсалѣ и Христианіи, академіями наукъ въ Загребѣ и Краковѣ, ватиканской бібліотекой въ Римѣ и т. д.

Постъ предсѣдателя комиссіи послѣ Ширинскаго-Шихматова послѣдовательно занимали В. Д. Комовскій, А. С. Норовъ, бывшій въ то же время и министромъ народнаго просвѣщенія, П. А. Му-

хановъ, В. П. Титовъ, А. О. Бычковъ, Л. Н. Майковъ; въ настоящее время предсѣдателемъ состоитъ С. Д. Шереметевъ, такъ много сдѣлавшій для расширенія дѣятельности комиссіи.

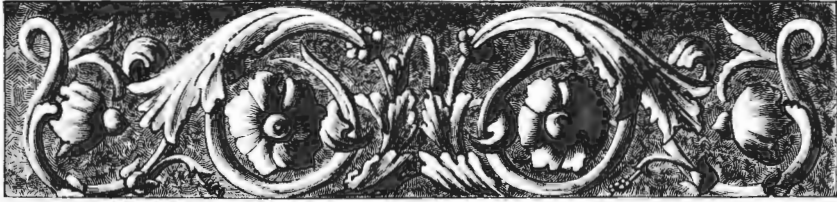
Правителями дѣлъ за это время были С. М. Строевъ, братъ археографа, М. А. Коркуновъ, Н. В. Калачовъ, А. О. Бычковъ, А. И. Тимоѣевъ, Л. Н. Майковъ, П. А. Гильтенбрандтъ; въ настоящее время правителемъ дѣлъ состоитъ В. Г. Дружининъ, извѣстный своими работами по расколу, при которомъ и начало проводится въ жизнь новое положеніе комиссіи.

За три четверти вѣка въ работахъ комиссіи принималъ участіе цѣлый рядъ выдающихся русскихъ историковъ и архивныхъ дѣятелей, какъ, напр., А. А. Куникъ, О. И. Буслаевъ, С. М. Соловьевъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Н. И. Костомаровъ, баронъ О. А. Бюлеръ, П. Н. Батюшковъ, Н. П. Барсуковъ, П. И. Савваитовъ и многіе другіе. Въ настоящее время членами комиссіи состоятъ А. П. Барсуковъ, И. А. Бычковъ, Н. П. Лихачевъ, С. О. Платоновъ, А. С. Лаппо-Данилевскій, А. А. Шахматовъ, Б. А. Тураевъ, П. Г. Васенко, В. В. Майковъ, А. Е. Прѣсняковъ, П. Н. Шефферъ и Н. М. Каринскій.

75-лѣтніе неутомимые труды комиссіи доставили ей вполне заслуженную извѣстность въ ученомъ мірѣ. Ея изданія, облегчая работу изслѣдователей, являются необходимымъ подспорьемъ для каждаго историка, изучающаго тотъ или другой вопросъ изъ жизни русскаго народа въ до-петровскую эпоху. Уясненіе нашего прошлаго, столь необходимое для правильнаго пониманія жизни народной, — вотъ главная заслуга археографической комиссіи. Настоящій праздникъ ея поэтому, безъ сомнѣнія, является праздникомъ отечественной исторической науки и вообще русскаго просвѣщенія.

В. Троцкий.

ПОѢЗДКА ВЪ ЧЕЧНЮ

ВЪ ЖАРКІЙ іюньскій день, гуляя по запылившемуся уже владикавказскому бульвару, я, изнывая отъ жары, размышлялъ о томъ, куда бы мнѣ отправиться, чтобы хотя на время избавить себя отъ всѣхъ неприятностей лѣтней городской жизни. Навстрѣчу мнѣ шла знакомая толстая фигура въ офицерскомъ кителѣ.

— Какими судьбами? Что вы здѣсь дѣлаете?— спросилъ я, узнавъ своего стараго пріятеля С., удивившись и обрадовавшись встрѣчѣ съ этимъ въ высшей степени милымъ человѣкомъ. Я зналъ, что онъ служить уже третій годъ въ укрѣпленіи Шатой (Грозненскаго округа Терской области) начальникомъ участка или приставомъ, какъ у насъ называется эта должность.

— Я-то? я по дѣламъ вызванъ къ начальнику области,—отвѣчалъ онъ, крѣпко пожимая мнѣ руку:—а вотъ вы что дѣлаете въ такую жару въ городѣ? Вы вѣдь всегда лѣтомъ удираете куда-нибудь in's grüne.

Узнавъ, что я и собираюсь in's grüne, но только еще не рѣшилъ, куда направить стопы своя, онъ радостно воскликнулъ:

— Такъ чего же лучше! Поѣдьте къ намъ въ Шатой. Тамъ у насъ теперь чистая благодать, рай земной, не то, что тутъ у васъ въ городѣ. Я завтра кончаю дѣла и послѣзавтра выѣду. Махнете со мною! Пробудете, сколько поживется, и увидите, что не раскаетесь; а семья моя будетъ вамъ очень рада.

Судьба сама поднесла мнѣ рѣшеніе занимавшаго меня вопроса; предложеніе мнѣ понравилось, и мы условились съ С. встрѣтиться

послѣзавтра въ восемь часовъ утра на вокзалѣ, чтобы ѣхать вмѣстѣ. Предстояло часа четыре ѣзды по желѣзной дорогѣ до Грознаго, а оттуда мой пріятель долженъ былъ довести меня остающіяся до Шатоя 50 верстѣ на бывшей въ его распоряженіи земской перекладной, которая ждала его въ Грозномъ.

Уложивъ небольшой чемоданъ, я аккуратно явился къ поѣзду въ назначенное время и засталъ С. уже сидящимъ въ вагонѣ. Промелькнула мимо оконъ купе пригородная слободка, дымящіяся трубы алагирскаго свинцоваго завода, тѣнистое военное кладбище, и поѣздъ вошелъ въ густую аллею акацій, которую образуютъ по обѣ стороны пути живыя изгороди подгородныхъ садовъ. На утреннемъ солнцѣ ярко сверкаетъ видная какъ на ладони цѣпь горъ съ снѣговыми вершинами, круто обрывающаяся у Владикавказа. Кругомъ за садами разстилаются на необозримое пространство картофельныя и подсолнечныя плантаціи, изрѣдка прорѣзанныя полосами пшеницы и кукурузы.

До Беслана, первой отъ Владикавказа станціи, путь идетъ подъ гору, и мы пролетаемъ эти 20 верстѣ, какъ вихрь. Отъ Беслана поѣздъ круто поворачиваетъ на востокъ, и теперь сіяющая на голубомъ небѣ горная цѣпь съ лѣсистыми зелеными подножіями сопровождаетъ насъ уже съ правой стороны.

Дорога до Грознаго скучная, унылая. Поѣздъ летитъ все время по волнистой глинистой степи, поросшей какими-то сѣро-лиловыми колючками; вся земля истоптана бродящими тутъ стадами барановъ, которые какимъ-то образомъ находятъ себѣ здѣсь пропитаніе. Иногда на холмѣ видишь неподвижную фигуру пастуха въ буркѣ, съ длинною палкою въ рукахъ, около него дремлетъ собака съ коротко обрѣзанными, по мѣстному обычаю, ушами. По всему протяженію пути разбросаны посты казаковъ и мѣстной милиціи, охраняющіе дорогу отъ ингушей. Но вотъ, наконецъ, глазъ можетъ отдохнуть отъ скучнаго однообразія вида: поѣздъ подходитъ къ станціи Сѣрноводскъ, за которой широко и вольно раскинулась казачья станица Михайловская, славящаяся горячими сѣрными ключами. Это единственный оазисъ въ просторной унылой степи. Станица утопаетъ въ зелени садовъ и роць; около чистенькихъ, бѣлыхъ, большею частью крытыхъ соломою хатъ вздымаются, какъ минареты, пирамидальные тополи среди купъ фруктовыхъ деревьевъ. Между сѣрватою листвою дуплистыхъ столѣтнихъ вербъ сверкаетъ уходящая вдаль рѣка Сунжа.

Въ Михайловскую станицу лѣтомъ съѣзжаются изъ окрестностей больные ревматизмами и накожными болѣзнями изъ такихъ, которые находятъ наши пятигорскія воды себѣ не по карману. Сѣрныя воды станицы нисколько не слабѣе пятигорскихъ; температура ихъ такъ высока, что въ ключѣ, бьющемъ изъ-подъ земли, можно сварить яйцо, и зимой вся станица дымится отъ горячаго

пара, выходящаго изъ почвы. Здѣсь есть и доктора, и аптека, и ванное заведеніе, но все это, конечно, много попроще и подешевле курортныхъ. Жить приходится въ простой казачьей хатѣ и, ужь само собою разумѣется, нѣтъ ни музыки, ни оперетки. Дешевизна и простота жизни привлекаютъ многихъ, и лѣтомъ здѣсь бываетъ иногда порядочный сѣздъ.

Грозный виденъ съ дороги издалека, благодаря окружающимъ его нефтянымъ вышкамъ и колоссальнымъ желѣзнымъ нефтеналивнымъ бакамъ, выкрашеннымъ въ яркую бѣлую или красную краску. Подѣзжая, уже за нѣсколько верстъ слышишь запахъ нефти; земля мѣстами совершенно голая и чернѣетъ, какъ перегорѣвшій навозъ. Поѣздъ по залитымъ нефтью путямъ, уставленнымъ вагонами-цистернами, подкатываетъ къ вокзалу. Обширное зданіе со множествомъ мастерскихъ окружено чахлыми акаціями. Въ небольшомъ, но приличномъ буфетѣ полно народу; намъ съ С. подають отличный обѣдъ, который мы наскоро сѣдаемъ.

— Ну, ѣдьте, готово,—говоритъ мнѣ С., который выходилъ послѣ обѣда, чтобы узнать насчетъ лошадей.

У задняго крыльца вокзала, среди обычной суетоки извозчиковъ, носильщиковъ и дрогалей, стоитъ высокая зеленая телѣжка, запряженная тройкой бойкихъ свѣтло-желтыхъ лошадокъ, съ чеченцемъ-ямщикомъ на козлахъ. Мы садимся на веревочный переплетъ телѣжки, устланной сѣномъ, носильщикъ втискиваетъ намъ подъ ноги нашъ несложный багажъ, и тройка, весело гремя и звеня сбруей и бубенчиками, съ мѣста мчитъ насъ по грозненскимъ улицамъ черезъ весь городъ.

Но что это за городъ? Онъ похожъ на оборванца, который надѣлъ бы фракъ и цилиндръ сверхъ своихъ грязныхъ лохмотьевъ. Немошныя улицы, крошечныя, грязныя хатки, тонущія въ грязи своихъ дворовъ, полныхъ навозной жижи и какой-то рухляди. А рядомъ «стилизованные» новенькіе дома, двухъэтажныя гостиницы съ раззолоченными вывѣсками, шикарныя магазины и такъ называемый «городской садъ» съ яркими коленкоровыми фонарями у входа. Тройка мчитъ насъ по полуразвалившемуся, дребезжащему деревянному мосту черезъ Сунжу; въ темно-желтой, густой, какъ шоколадъ, водѣ ея полощутся голыя тѣла обывателей, ищущихъ прохлады. Базарная площадь, затянутая зеленой тиной, пуста, и нашъ бойкій, какъ и его лошадки, ямщикъ летитъ черезъ нее прямо безъ дороги, нисколько не смущаясь тѣмъ, что колеса переѣзжаютъ черезъ толстую свинью, барахтающуюся въ зеленой лужѣ. Свинья съ отчаяннымъ визгомъ, прихрамывая, выскакиваетъ изъ лужи, а перекладная наша, подпрыгнувъ на неожиданномъ препятствіи, летитъ дальше, обдавъ насъ зеленой грязью изъ-подъ колесъ.

Но вотъ мы и за городомъ. На много верстъ передъ нами безконечныя кукурузныя и просяныя поля и бахчи съ незрѣлыми еще арбузами и дынями. По межамъ и полянкамъ благоухаютъ кусты цвѣтущаго шиповника и боярышника; впереди, еще далеко, вздымаются горы, покрытыя доверху прекраснымъ старымъ лѣсомъ. Звонъ бубенчиковъ, мѣрная тряска экипажа, легкій, душистый вѣтерокъ и полуденное жужжаніе насѣкомыхъ навѣваютъ спокойное созерцательное настроеніе. Дорога пустынна, только изрѣдка попадетъ телѣга воздвиженскаго слобожанина, фѣдущаго въ городъ, или верховой чеченецъ, одѣтый въ тяжелую бурку и палаху, несмотря на горячее іюньское солнце. (Горцы увѣряютъ, что въ буркѣ прохладнѣе, потому что солнце не пропекаетъ сквозь толстый войлокъ; можетъ быть, они и правы, но на нихъ даже смотрѣть жарко лѣтомъ).

Ярко зеленѣетъ подъ солнечными лучами широкая равнина, и крѣпкія лошадки все такъ же мчатъ насъ, все ближе и ближе къ горамъ, до самой слободы Воздвиженской, которая пріютилась у склона горъ въ 25 верстахъ отъ Грознаго. На грязной земской станціи намъ быстро перепрягаютъ лошадей, и я успѣваю разсмотрѣть только ряды домиковъ съ крылечками, осѣненными старыми деревьями, большое зданіе военнаго собранія, ничѣмъ не огороженный липовый бульваръ да множество деревянныхъ будочекъ и колодь здѣшняго водопровода. На выѣздѣ изъ слободы тянутся длинныя кирпичныя казармы расположенныхъ здѣсь войскъ.

За слободой дорога наша врѣзывается въ густой лѣсъ съ открывающимися кое-гдѣ цвѣтущими полянками и скоро начинаетъ подыматься по склону горы. Вотъ она забралась уже довольно высоко и вползаетъ на мостъ, перекинутый черезъ широко разливающійся на просторѣ, только что вырвавшійся изъ тѣснины горъ, Аргунь. На берегу водяная лѣсопильня, заваленная кругомъ досками и бревнами, жужжитъ своими колесами. Прогремѣвъ по мосту, тройка бодро выноситъ насъ на горку, пролетаетъ мимо милиціонерскаго поста, и черезъ нѣсколько минутъ мы въ глубокое, полною тѣни и прохлады, ущельѣ, на днѣ котораго шумитъ вода.

Справа и слѣва ползетъ по горамъ до самой вершины густой, непроходимый, весь переплетшійся вѣтвями лѣсъ. У самой дороги, выбитой по отвѣсному склону, изъ желтой глины и камня торчатъ искривленные корни деревьевъ. Узкое шоссе безъ всякаго барьера, кромѣ кустовъ, цѣпляющихся за края обрыва, все поднимается вверхъ, дѣлая неожиданныя повороты, и Аргунь уходитъ отъ насъ все глубже и глубже. Теперь видно только на заворотахъ дороги сквозь деревья, какъ онъ катитъ внизу свои черныя воды въ узкой каменистой щели на пятидесятисаженной глубинѣ. Запахъ цвѣтущаго шиповника и бузины, лѣсной сырости и земляники, выгля-

дывающей изъ-подъ перистыхъ листьевъ папоротника, смѣшивается съ прохладной, влажной струей воздуха, бьющей прямо въ лицо снизу, изъ трещины Аргуна. Могучія вѣтви навѣсомъ спускаются съ висящихъ надъ дорогою скаль, изъ обрыва выглядываютъ завитыя хмелемъ верхушки деревьевъ, сбѣгающихъ по отвѣсу до самаго русла рѣки. Все новыя и новыя красоты раскрываетъ ущелье, и хочется вѣчно ѣхать такъ въ этой темной, зеленой тѣни и смотреть, слушая шепотъ вѣкового лѣса, глухой плескъ и рокотъ воды.

Мой пріятель, убаюканный ѣздомъ и давно привычный къ этимъ, новымъ для меня, волшебнымъ картинамъ, дремлетъ почти всю

Мостъ черезъ рѣку Аргунь.

дорогу. Но вдругъ навстрѣчу намъ изъ-за поворота выѣзжаетъ кучка верховыхъ чеченцевъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы. Ямщикъ съ оживленнымъ лицомъ оборачивается къ намъ съ козелъ.

— Смотрите, капитанъ!—громко восклицаетъ онъ. Мой капитанъ вздрагиваетъ со сна и, открывъ глаза, тоже оживляется.

— Куда ѣдете? зачѣмъ?—спрашиваетъ онъ безпокойно и строго.

— Не безпокойтесь, капитанъ,—улыбаясь и кланяясь отвѣчаютъ ему чеченцы.—Это мы родственника одного провожаемъ. У него, знаете, кровникъ ¹⁾ есть, такъ ему нельзя одному ѣздить.

¹⁾ Кровникомъ называется на Кавказѣ тотъ, кто обязанъ отомстить убійствомъ за убійство. Иногда, благодаря одному убійству, образуется безконечная цѣль кровниковъ.

Капитанъ успокаивается и опять мирно засыпаетъ, и я опять въ одиночествѣ люблюсь дорогой.

Мѣстами ущелье вдругъ расширяется, показывается полянка, засѣянная кукурузой, съ пріютившейся у подножія горы огороженной усадьбой какого-нибудь чеченца. Коровы пасутся возлѣ, куры бродятъ по травѣ, на плетеномъ заборѣ чеченка развѣшиваетъ свое тряпье; и странно видѣть эту жизнь въ такомъ дикомъ и уединенномъ мѣстѣ. На одной изъ такихъ полянъ стоитъ лѣтнее помѣщеніе воздвиженской школы лѣсоводства. На поворотѣ раскинулось большое зданіе, окруженное живою изгородью; ученики, молодые люди, которые готовятся здѣсь на должности лѣсныхъ кондукторовъ, работаютъ за оградой своего образцоваго питомника. Побросавъ лопаты и грабли, они бѣгутъ къ изгороди, чтобы посмотреть на рѣдкихъ въ этой глуши проѣзжихъ.

Дальше и выше вьется дорога, и тройка наша должна умѣрить свою скорость. Когда лошади, кажется, уже выбиваются изъ силъ, подъемъ вдругъ кончается, и мы нѣсколько верстъ ѣдемъ на страшной высотѣ, но уже по ровной дорогѣ. Шоссе мѣстами пересекается каменными лотками для стока бѣгущей съ горъ изъ каждой трещины воды, которая во время дождей образуетъ цѣлые водопады. Скоро горы раздвигаются, разступается просторнѣе лѣсъ, Аргунь отходить правѣ, и широкая, версты въ двѣ, долина, ярко-зеленая, покрытая низкой травой, вся идущая уступами, точно ступеньками, слѣва направо, открывается взорамъ. Впереди на пригоркѣ виднѣется бѣлый домикъ съ красною крышей и балкономъ; съ пригорка сбѣгаютъ къ дорогѣ кусты, къ столбикамъ балкона привязаны лошади: это милиціонерскій постъ, охраняющій въѣздъ въ Шатой. Недалеко за нимъ уже видны большія красныя ворота и каменная съ бойницами стѣна укрѣпленія. Ворота раскрыты настежь; тройка наша лихо влетаетъ въ нихъ, звеня бубенчиками, поворачиваетъ черезъ нѣсколько шаговъ налѣво въ другія ворота и, проскакавъ по обширной зеленой площади, посаженной группами деревьевъ, мы подкатываемъ къ длинному, окруженному палисадникомъ и старыми липами дому съ балкономъ. Здѣсь казенная квартира начальника Шатоевскаго участка, и въ ней помѣщается теперь мой пріятель С. съ семьей.

Шатой—маленькое укрѣпленіе въ горахъ Терской области, прилѣпившееся къ подножію зеленого лѣсистаго Хайкалама, на высокомъ и широкомъ плато, спускающемся уступами съ одной стороны къ Аргуню, а съ другой къ впадающей въ него рѣчкѣ Вердеахъ. Шатой весь обнесенъ толстою стѣною съ развалившимися башенками по угламъ и построены когда-то для защиты округа на случай возстанія горцевъ. Теперь это укрѣпленіе на половину

утратило свое значеніе. Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ тамъ стоялъ Навагинскій полкъ, а впослѣдствіи линейный батальонъ, потомъ упраздненный. Отъ тѣхъ временъ сохранились тамъ казармы и военная церковь, совершенно подобная Линейной церкви, выстроенной во Владикавказѣ на пожертвованные солдатами Навагинскаго полка серебряные рубли, полученные ими въ подарокъ отъ государя Александра II во время посѣщенія имъ Кавказа еще въ бытность его наслѣдникомъ. Строилъ обѣ эти церкви извѣстный когда-то въ тѣхъ мѣстахъ священникъ Мамврійскій, который

Конецъ подъема Шатоевской дороги.

жилъ до 100 лѣтъ и до самой смерти ходилъ мѣшкомъ изъ Грознаго во Владикавказъ, не признавая другого способа передвиженія.

Въ настоящее время въ предѣлахъ Шатоевскаго укрѣпленія помѣщается рота крѣпостной артиллеріи, снабженная какими-то старыми мѣдными пушками, врядъ ли могущими кого-нибудь испугать; рота пѣхоты, лазаретъ, упомянутая уже церковь, густо обсаженная деревьями, да одна улица домиковъ — квартиръ служащихъ здѣсь офицеровъ и чиновниковъ. Большой домъ начальника участка стоитъ отдѣльно подъ горою, на которой лѣнятся артиллерійскія казармы, и окруженъ еще, вмѣстѣ съ большою площадью, особой стѣной. Въ этой цитадели бьетъ изъ-подъ горы толстой струею родникъ, обдѣланный каменными плитами, снаб-

жающей водою весь Шатой. Передъ балкономъ дома группа старыхъ деревьевъ густо сплетаетъ свои толстыя вѣтви; подъ ними журчитъ ручей, вытекающей изъ родника.

За стѣною крѣпости раскинулась на углу плато собственно слобода Шатой, небольшое селеніе русскихъ, преимущественно отставныхъ солдатъ, селившихся тамъ по окончаніи прежней 25-лѣтней службы, перемѣшавшихся теперь съ чеченцами. Нѣсколько лавочекъ съ ситцами и дешевой посудой, пекарня, мясная лавка, десятка три домовъ составляютъ все селеніе, тонущее во фруктовыхъ садахъ. За селеніемъ растянулись кукурузныя поля; по окружающимъ Шатой горамъ лежатъ селенія Цугуной, Вашендерой, Барзой и другія, составляющія Шатоевскій участокъ.

При вѣздѣ въ укрѣпленіе, у самыхъ воротъ, прилѣпившихся къ внутренней сторонѣ стѣны, стоитъ тюрьма или арестный домъ, куда С. сажаетъ своею властью провинившихся чеченцевъ. Болѣе важные преступники сидятъ за желѣзными рѣшетками впредь до того, какъ ихъ отправляютъ подъ конвоемъ въ грозненскій тюремный замокъ. При миѣ сидѣлъ тамъ одинъ «кровникъ», зарѣзавшій изъ мести за убитата родственника цѣлую семью. Съ бритой головой онъ расхаживалъ цѣлые дни изъ угла въ уголъ по своей тѣсной камерѣ, вращая бѣлками, потрясалъ рѣшетку и грозилъ всемъ, наводя ужасъ на проходящихъ.

Противъ тюрьмы стоитъ клубъ. Такое громкое названіе носить небольшое зданіе, обѣшенное огромными деревьями, подъ которыми разставлены простыя деревянныя скамейки. Клубъ состоитъ изъ нѣсколькихъ комнатъ, между которыми одна, убранная прилично, съ кроватью и зеркаломъ, назначается для посѣщающаго иногда Шатой высшаго начальства. Въ клубѣ этомъ ничего нѣтъ, кромѣ бильярда и самовара; и вотъ каждый вечеръ собирается туда мѣстная публика со всеми чадами и домочадцами: три-четыре офицера, почтовый чиновникъ, симпатичный батюшка, ветеринаръ, докторъ. Мужья сражаются на бильярдѣ, а дамы сидятъ и бесѣдуютъ; тутъ же вертятся и дѣти, и даже чей-то огромный красавецъ сенбернаръ мирно спитъ подъ бильярдомъ.

Когда игра затянется и все проголодаются, жены приносятъ въ клубъ чай, сахаръ, масло и редиску, сыръ и яйца, и учиняется общее чаепитіе. Есть и крошечная читальня, въ которой получаютъ два раза въ недѣлю съ почтою нѣсколько газетъ, съ «Новымъ Временемъ» во главѣ.

Каждое воскресенье на площади за крѣпостью бываетъ базаръ. Приѣзжаютъ слобожане изъ Воздвиженской съ возами овощей, соли, пшеничной муки и глиняной посуды. Чеченцы идутъ и ѣдутъ за десятки верстъ изъ окрестныхъ селеній, чтобы продать кусокъ сыру или мѣшокъ кукурузы, или же промѣнять ихъ на пшеничную муку, огурцы и арбузы, до которыхъ они большіе охотники, но

сами ихъ не сѣютъ. Чеченки тащатъ куръ, горшечки масла, яйца, ягоды и фрукты и, получивъ нѣсколько грошей; какъ настоящія дочери Евы, идутъ въ слободу покупать яркіе ситцы на свои костюмы. Костюмъ же ихъ очень несложенъ: длинная до земли рубашка съ очень длинными рукавами, которые служатъ вмѣстѣ и карманами, такъ какъ онѣ прячутъ туда все, что угодно, завязывая рукава узломъ; рубашку дополняютъ такія же длинныя шаровары, надѣтыя подъ нею, да платокъ на головѣ; вотъ и весь нарядъ. Зимой женщины носятъ еще большую шаль, въ которую укутываются съ головою.

Каменный лотокъ на Шатоевскомъ шоссе.

Дешевизна продуктовъ изумительная, а потому сюда съѣзжаются скупщики сельскихъ произведеній со всего округа, и базары бываютъ очень оживленные. Для поддержанія порядка, среди нестрой толпы русскихъ и чеченцевъ прохаживается какая-то фигура въ черномъ камзолѣ съ бляхой на груди: это единственный шатоевскій полицейскій, однорукій инвалидъ съ болтающимся пустымъ рукавомъ, съ кривою старой шашкой на боку и съ палкой въ своей единственной, но зато правой рукѣ.

Въ чудное свѣжее солнечное утро мы пили чай у ручья подъ деревьями передъ домомъ. Надъ нами раскинули вѣтки цвѣтущія липы и старая, въ два обхвата, дикая черешня съ крупными глян-

цевитыми листьями и мелкими, уже черными, ягодами. Черешни сыплются вокругъ, пачкая платье и скатерть, такъ что приходится выдвинуть столъ изъ предѣловъ этого фруктоваго дожда. Видъ ягодъ и ихъ аромат соблазнительнъ настолькоъ, что я невольно беру одну изъ нихъ въ ротъ, но долженъ сейчасъ же выплюнуть ее обратно: ягоды горьки, какъ хина, и я долго не могу отдѣлаться отъ этого вкуса.

— Хотите попробовать не дикихъ, а настоящихъ садовыхъ черешень прямо съ дерева?—спрашиваетъ меня хозяйка.—Такъ пойдемте сегодня въ садъ къ Песи; у него ихъ сколько угодно.

Песи, солидный, чисто одѣтый чеченецъ; у него свой домъ и садъ за стѣною крѣпости, надъ обрывомъ. Когда мы пришли къ нему подъ вечеръ, онъ, вѣжливо раскланиваясь, провелъ насъ къ себѣ. Деревья его фруктоваго сада гнутся, увѣшанныя кистями бѣлыхъ, красныхъ и черныхъ плодовъ.

— Кушай, пожалуйста,—любезно началъ онъ насъ угощать.

Мы выразили желаніе купить черешень. У Песи глаза загорѣлись негодованіемъ и оскорбленіемъ. Не говоря ни слова, онъ вынулъ изъ-за пояса кинжалъ и началъ рубить ближайшія вѣтки съ ягодами, поднося ихъ намъ, какъ букеты.

— Что ты дѣлаешь?—воскликнули мы въ одинъ голосъ.

— Ми будемъ дерева ломать, вѣтки рубить! Пускай все пропасть! Развѣ Песи продалъ фрукта?

Пришлось уступить гордому чеченцу, считавшему насъ своими гостями, а не покупателями, и мы успокоили его только тогда, когда набрали даромъ столько черешень, сколько могли унести всей компаніей.

Я подошелъ къ обрыву ничѣмъ не огороженнаго сада. Внизу по широкой долинѣ разливалась на десятки рукавовъ рѣчка Вердеахъ, усѣянная мельницами, окаймленная зелеными лѣсистыми уступами. По горамъ на расчищенныхъ отъ лѣса полянахъ, засѣянныхъ кукурузой, ютились селенія съ высокими минаретами. Двѣ рядомъ стоящія башни сторожатъ селеніе Цугуной. Изъ трубъ бѣлыхъ домиковъ курится дымъ очаговъ, на которыхъ въ этотъ часъ готовится ужинъ. На нѣжномъ сѣро-голубомъ небѣ съ золотой полоскою на западѣ, въ прозрачномъ воздухѣ надъ верхушками тополей стоитъ опрокинутый серебристый серпъ луны рядомъ съ яркой, играющей лучами Венерой. Вечерняя тишина нарушается тихимъ журчаніемъ Вердеаха, далекимъ мычаніемъ и блеяніемъ стадъ, спускающихся съ пастбища, да изъ крѣпости слабо доносятся звуки гармоніи и бубна; это солдатки справляютъ свой вечерній отдыхъ. Мирно ложится на душу прелестная картина, чудный воздухъ горъ ласкаетъ своимъ свѣжимъ дыханіемъ, доносящимся съ зеленыхъ вершинъ.

Цѣлые дни шатался я по окрестностямъ Шатоя, открывая все новыя и новыя красоты и прелести этого дикаго живописнаго уголка, и рѣдко встрѣчалъ на своихъ прогулкахъ кого-нибудь, кромѣ ребятишекъ, собиравшихъ ягоды, ковромъ покрывающія поля и лѣса Шатоя.

Какъ-то въ пасмурный день я не рѣшился гулять, и мы сидѣли съ семьей моего пріятеля за чайнымъ столомъ у ручья подъ деревьями. Вдругъ за воротами крѣпости раздался какой-то все приближавшійся шумъ, послышались крики, и во дворъ ворвалась цѣлая толпа чеченцевъ. Всѣ они что-то взволнованно кричали, сильно жестикулируя, грозилась, и среди нихъ шла закутанная съ головою женская фигура. Группа направлялась прямо къ намъ.

— Ну, уже происшествіе! Давно не бывало, что ли?—воскликнулъ мой пріятель, съ неудовольствіемъ отставляя свой начатый стаканъ чаю и быстро вставая. Онъ пошелъ навстрѣчу толпѣ, а мы остались за столомъ, наблюдая развертывавшуюся передъ нами интересную картину и слушая переговоры, которые велись черезъ переводчика, явившагося съ чеченцами.

Женщина оказалась украденною невѣстою, дочерью зажиточнаго чеченца Беци; она пропала три недѣли въ горахъ, и, наконецъ, родственники нашли ее, отбили у жениха и привели на судъ къ начальнику участка, спрашивая, что теперь съ ней дѣлать.

С. распорядился выгнать всю ораву за ворота, невѣсту отвели въ сторону, подальше отъ воротъ, послали за кадіемъ и старшиною селенія, и мой пріятель сталъ допрашивать дѣвушку въ ихъ присутствіи. Она открыла лицо и, опустивъ свои огромные чудные глаза, вся дрожа, отвѣчала на вопросы.

Вдругъ дѣвушка поблѣднѣла, какъ стѣна, зашаталась и, чуть не падая, стала указывать на что-то вдаль отчаянными жестами. Ворвавшись черезъ боковыя ворота, которыя забыли запереть, окруженный новою толпою, безъ шапки, съ перекошеннымъ яростью лицомъ, въ разорванномъ бешметѣ, шелъ прямо къ ней ея отецъ Беци съ револьверомъ въ рукѣ.

Переводчикъ и начальникъ участка бросились къ нему, стараясь не пропустить дальше, и схватили его за руки. Отбиваясь, не глядя ни на кого, онъ кричалъ дикимъ голосомъ, а за нимъ волновалась и орала цѣлая толпа его родственниковъ и односельчанъ, хватаясь за оружіе. Долго убѣждали отца уйти и дать допросить невѣсту; но онъ не сдавался и, когда его обезоружили, сталъ рвать на себѣ волосы и, раздирая грудь обѣими руками, кричалъ, что онъ оскорбленъ увозомъ дочери и желаетъ, чтобы ее допросили въ его присутствіи. Онъ рвался къ дѣвушкѣ, которая старалась спрятаться отъ него за кади и старшину, стоявшихъ возлѣ нея; его не пускали. Тогда онъ, какъ безумный, внезапно выхватилъ кинжалъ изъ-за пояса одного изъ своихъ сосѣдей и на-

правиль его себѣ въ грудь, крича о своемъ позорѣ. Кинжалъ отняли и опять крѣпко схватили за руки разъяреннаго чеченца.

— Да вѣдь это не по закону при тебѣ допрашивать! Развѣ ты своего закона не знаешь? чортъ васъ дери!—кричалъ, надрываясь, уже охрипшій начальникъ участка.—Вотъ кади, вотъ старшина, при нихъ допросимъ и все запишемъ. Потомъ все узнаешь!

Переводчикъ, также надрываясь и крича, переводилъ его рѣчи, вѣроятно, выпуская «чорта». Невѣста дрожала, какъ въ лихорадкѣ, хватаясь руками то за переводчика, то за начальство, но все же успѣла признаться, что ее увезли съ ея согласія и что она не хочетъ разставаться со своимъ возлюбленнымъ, который пока спрятался въ надежномъ мѣстѣ, чтобы его не убили ея оскорбленные родственники. Если бы она сказала это при отцѣ, тотъ застрѣлилъ бы ее на мѣстѣ.

За воротами крѣпости между тѣмъ стоялъ гулъ, неслись крики и слышался лязгъ кинжаловъ. Двѣ собравшіяся тамъ партіи жениха и невѣсты чуть не перерѣзались между собою, пока шелъ допросъ. Даже нашъ поваръ, чеченецъ Джамбалтъ, выскочилъ изъ кухни съ возбужденнымъ лицомъ и, хватаясь за кинжалъ, кричалъ: «Надо рѣзать, а то срамъ будетъ!»—хотя онъ не имѣлъ никакого отношенія къ дѣйствующимъ лицамъ.

Пришлось послать за милиціонерами и съ ихъ помощью разогнали и кое-какъ успокоили взволнованную толпу. Рѣшено было невѣсту не пускать къ отцу, а отдать на сохраненіе въ чужую семью, впредь до примиренія сторонъ. Отца отправили подъ конвоемъ домой, а всѣхъ родственниковъ жениха С. велѣли запереть въ тюрьму. Это сдѣлано было для ихъ же безопасности, потому что иначе вся эта орава перерѣзалась бы.

Мы, сидя за столомъ, любовались на зрѣлище, которое годилось прямо въ оперу. Что за жесты, что за позы и лица! Да и сюжетъ былъ недуренъ. Мнѣ съ непривычки казалось жутко смотрѣть на разъяренную толпу чеченцевъ, но вся семья моего пріятеля, очевидно, привыкшая къ подобнымъ сценамъ, глядѣла только со спокойнымъ любопытствомъ. Наконецъ дворъ опустѣлъ, и все успокоилось. Бѣдный С., отдавъ послѣднія распоряженія переводчику и старшинѣ, отдуваясь и вытирая лицо платкомъ, вернулся къ столу и залпомъ выпилъ свой остывшій стаканъ чая.

— Ну, и народъ!—охрипшимъ отъ крика голосомъ говорилъ онъ.—Какъ тутъ съ ними быть? Нашъ законъ, а тутъ еще и ихъ законъ, а они вѣдь ничего понимать не хотятъ. Не могу же я эту дѣвицу отдать отцу на разстрѣляніе! А по ихъ понятіямъ такъ и надо; подай, да и только!

Я полюбопытствовалъ, что же теперь будетъ дальше изъ всей этой романической исторіи.

— Что дальше?—переспросилъ С., усаживаясь за столъ и принимаясь за новый, горячій стаканъ чая.—Переговоры теперь будутъ, и если женихъ заплатитъ рублей триста, то, пожалуй, помирятся. Если же не сойдутся въ деньгахъ, то невѣсту водворять къ отцу, и тогда можетъ пойти рѣзня, хотя бы для того, чтобы кровью омыть позоръ отца. И, вы думаете, это помѣшаетъ красавицѣ потомъ выйти замужъ за другого? Ничуть не бывало; хотя

Подъ навѣсомъ скаль на Шатоевской дорогѣ.

она и пропадала въ горахъ съ мужчиною. Здѣсь женихи на это смотрять очень своеобразно: значить, говорятъ, хорошая дѣвка, если ее крали. Все, что вы видите,—особаго рода комедія чести, разыгрываемая для приличія, которымъ они проникнуты до мозга костей. Отецъ знаетъ, что долженъ продѣлать все это, иначе ему житья не будетъ среди своихъ; и опъ, для соблюденія всѣхъ правилъ приличія и чести, готовъ убить дочь или самого себя, но отъ денегъ все-таки не откажется. Во всемъ этомъ есть своеобразная

смѣсь рыцарства и торгашества вмѣстѣ, и это очень характерно для чеченцевъ. А торгаши они удивительные; доказательствомъ можетъ служить то, что они совершенно вытѣснили изъ округа всѣхъ торговцевъ, армянъ и даже евреевъ. Деньги любятъ страстно, но это не мѣшаетъ имъ не дорожить жизнью ради чести, понимаемой, конечно, по-своему.

Черезъ три дня мы услышали, сидя на своемъ балконѣ, какую-то стрѣльбу на противоположной горѣ, въ селеніи Цугуной. Стрѣльба продолжалась все утро, и мой пріятель, вернувшись къ обѣду изъ своей канцеляріи, сказалъ, что это по случаю свадьбы, которую сегодня справляютъ у Беци. Дочь его выходитъ замужъ за своего похитителя, заплатившаго отцу дѣлныхъ 350 рублей. На радостяхъ родственники стрѣляютъ, жарятъ барановъ, варятъ сыръ въ маслѣ (любимое кушанье чеченцевъ), но Беци изъ приличія на свадьбѣ не присутствуетъ, дѣлая видъ, что онъ все-таки оскорбленъ.

— Тѣмъ дѣло и кончилось, и я уже всѣхъ выпустилъ,—прибавилъ С.:—вотъ вамъ и честь, которую можно купить за 350 рублей.

Проснувшись въ одно прекрасное солнечное утро, я узналъ, что мой начальникъ участка уѣхалъ въ дальнее селеніе на слѣдствіе и вернется только къ вечеру. Зная мою страсть къ прогулкамъ, любезная хозяйка предложила показать мнѣ сегодня новыя мѣста, и мы отправились послѣ обѣда навстрѣчу С. по дорогѣ въ Шаро-Аргунь. Пройдя верхомъ мимо артиллерійскихъ казармъ, мы полюбовались, какъ солдаты качаются на гигантскихъ шагахъ, съ веселыми восклицаніями и топотомъ тяжелыхъ сапогъ носясь вокругъ столба.

— Надо ихъ чѣмъ-нибудь повеселить; они всѣ страшно тоскуютъ въ этихъ горахъ,—сказалъ намъ ихъ офицеръ, подошедшій поздороваться.

Прошли мы по образцовымъ солдатскимъ огородамъ, обсаженнымъ густымъ вишеникомъ, и, поднявшись довольно высоко на гору, очутились у обрыва въ живописную, глубокую и широкую балку, всю заросшую кустами орѣшника. У края балки пожилой чеченецъ усердно искалъ чего-то, ползая на колѣняхъ въ густой травѣ; увидя насъ, онъ приподнялся и поклонился.

— Что потерялъ?—спросили мы его.

— Ахъ, господинь!—отвѣтилъ онъ:—вы не знаете, какая намъ горя!

Чеченецъ выразался довольно правильно и чисто на русскомъ языкѣ, и изъ его разказа мы узнали слѣдующее: сюда въ округъ пріѣхалъ какой-то господинъ, членъ археологическаго общества графини Уваровой, дѣлать раскопки. Получивъ на это разрѣшеніе отъ начальника Грозненскаго округа, онъ нанялъ рабочихъ и по-

Чеченки у родника.

ѣхалъ съ ними и съ проводникомъ по селеніямъ. Попавъ въ Шаро-Аргунь, остановился археологъ у нашего рассказчика, который былъ старшиною селенія, слѣдовательно, лицомъ почтеннымъ и очень уважаемымъ чеченцами. Расположившись, какъ дома, онъ ѣлъ и пилъ у него четыре дня и все ходилъ по окрестностямъ, иногда ѣздилъ на лошади старшины и заставлялъ рабочихъ раскапывать старыя могилы. Въ концѣ концовъ, не найдя ничего интереснаго, археологъ поколотилъ своего хозяина, будто бы за нерадѣніе, ничего не заплатилъ ни ему, ни рабочимъ-чеченцамъ и еще послалъ телеграмму начальнику округа, что ему не оказываютъ содѣйствія въ раскопкахъ.

Бѣдный старшина рассказывалъ все это волнуясь, съ азартомъ и драматическими жестами, весь дрожа отъ негодованія и обиды.

— Копаешь могилы,—говорилъ онъ:—народъ плачетъ, а онъ кости вынимаетъ изъ могилы и беретъ въ мѣшокъ. Теперь отъ этого дождикъ, ухъ, большой дождикъ будетъ, и хлѣба не будетъ. А еще онъ все куклы искалъ въ могилахъ; тутъ, говоритъ, должны куклы быть. Вотъ, онъ не смотрѣлъ на меня, а я нашелъ такую изображенію, въ родѣ человѣка, да на зло ему не далъ и спряталъ въ карманъ. Теперь вотъ шель, остановился Богу помолиться ¹⁾ и потерялъ ее!

Мы стали искать кругомъ въ густой, но низкой травѣ, и скоро, дѣйствительно, я увидѣлъ и поднялъ съ земли маленькую бронзовую фигурку. Куколка въ палецъ величиною, очень тонко сдѣланная, изображала воина въ шлемѣ, латахъ и полномъ вооруженіи, съ мечомъ и щитомъ въ рукахъ; она вся почернѣла и позеленѣла отъ долгаго лежанія въ землѣ. Надо было видѣть радость бѣднаго чеченца, который горячо сталъ насъ благодарить, схватилъ свою куколку и тщательно спряталъ ее за пазуху.

— Я знаю, что онъ хотѣлъ такую самую изображенію найти; у насъ уже былъ разъ такой господинъ. Ну, могилы наши, куклы тоже наши; теперь я ее даромъ не отдамъ, пускай купитъ!—говорилъ онъ со злорадствомъ, сверкая глазами.

На другой же день мы узнали, что археологъ купилъ у старшины «изображенію» за 25 руб. По правдѣ сказать, мы нисколько не пожалѣли этого господина, что ему пришлось заплатить за желанную имъ рѣдкость, тогда какъ онъ могъ бы получить ее даромъ, если бы не былъ такъ грубъ и неделикатенъ съ бѣдными полудикарями.

¹⁾ На Кавказѣ мусульмане всегда при заходѣ солнца становятся на молитву; обернувшись лицомъ къ Меккѣ, они стоятъ неподвижно на колѣняхъ, воздвѣвъ руки и изрѣдка кланяясь въ землю, при какихъ бы обстоятельствахъ ни засталъ ихъ закатъ. Мнѣ случалось видѣть среди города, на бульварѣ при множествѣ публики такую сосредоточенную фигуру молящагося правовеѣрнаго.

Старый Цугуновский мостъ черезъ Аргунь.

Разставшись съ обрадованнымъ чеченцемъ, мы увидѣли по ту сторону балки вдали возвращавшагося со слѣдствія С. Спустившись въ балку, онъ поднялся по другому ея склону съ нашей стороны и, подѣхавъ къ намъ, слѣзъ съ лошади. Милиціонеръ, слѣдовавшій за нимъ, взялъ лошадь за поводъ, а С., идя съ нами пѣшкомъ домой, рассказалъ по дорогѣ, по какому курьезному поводу его вызывали.

Недѣли двѣ тому назадъ два чеченца подрались изъ-за какого-то пустяка, и одинъ зацѣпилъ другого палкой по головѣ, не особенно сильно, но все-таки сдѣлалъ ему маленькую ссадину. Ссадина могла бы зажить въ два-три дня; но у этого народа есть двѣ страсти: лечиться и судиться. Въ данномъ случаѣ, очевидно, соединились обѣ эти страсти, и обиженный рѣшилъ вмѣстѣ со своими родственниками, которые всегда принимаютъ горячее участіе въ подобныхъ дѣлахъ и которыхъ онъ собралъ на семейный совѣтъ, что надо стянуть сколько-нибудь съ обидчика.

Пригласили они своего знахаря и велѣли ему лечить ушибленную голову съ тѣмъ, чтобы обидчикъ заплатилъ и за знахаря, и за лекарство какъ можно больше. Знахарь, осмотрѣвъ больного, увидѣлъ отлично, что лечить ему тутъ нечего. Но, во-первыхъ, надо поддержать свой врачебный престижъ, а, во-вторыхъ, получить что-нибудь знахарь тоже былъ не прочь; значить, надо затянуть леченіе возможно дольше. Ничто же сумняшеса, знахарь разрѣзалъ кинжаломъ накрестъ кожу на головѣ мнимаго больного и началъ скоблить ему черепъ. Скоблилъ онъ живую кость ежедневно дней десять подъ рядъ, и вчера терпѣливый больной отдалъ Богу душу. Теперь родственники умершаго требуютъ съ обидчика 20 рублей, да еще, исполняя обычай кровной мести, собираются его убить, хотя отлично знаютъ, что ихъ больной умеръ не отъ удара палкой.

— Извольте вотъ ихъ разбирать! Да тутъ мозги надо наизнанку выверотить, чтобы что-нибудь у нихъ понять и разсудить ихъ такъ, чтобы всѣ были довольны,—говорилъ С., идя съ нами домой.

— Вотъ недавно у меня въ селеніи Барзой тоже интересное дѣло было. Случилась драка на улицѣ, и дѣло дошло до перестрѣлки; а вѣдь это у нихъ, какъ пить дать, сейчасъ пальба. Ну, какая-то любопытная баба высунулась въ окно посмотрѣть, что дѣлается, и чья-то шальная пуля отстрѣлила у нея косу. Такъ, какъ срѣзала! У чеченцевъ же это страшный позоръ—бабѣ безъ косы быть, да и косы у нихъ хорошія, бабѣ жалко. Пріѣзжаю. Спрашивается: съ кого же взять вознагражденіе? Потому что позоръ позоромъ, а вознагражденіе тутъ первое дѣло. Бился я, бился, такъ виноватаго и не нашель; мало ли кто тамъ стрѣлялъ! И осталса баба безъ косы и безъ вознагражденія. А теперь вся деревня во враждѣ

Старый могильник в Чечне.

за эту косу; такъ и жди, что опять происшествіе какое-нибудь будетъ, и опять меня потянутъ на слѣдствіе.

Когда мы уже подходили къ крѣпости, то увидѣли идущую къ намъ навстрѣчу какую-то странную фигуру. На своихъ прогулкахъ я уже не разъ встрѣчалъ этого оригинальнаго субъекта, который бродилъ по окрестностямъ съ фотографическимъ аппаратомъ, иногда въ черкескѣ и модной соломенной шляпѣ съ ленточкой, а иной разъ въ длинномъ и странномъ синемъ сюртукѣ и огромной бѣлой папахѣ съ краснымъ верхомъ. Повидимому, ему особенно нравилась эта смѣсь костюмовъ европейскаго съ туземнымъ. Заинтересовавшись, я спросилъ у С., не знаетъ ли онъ, что это за фигура.

— А-а! Это сюда пріѣхалъ на дняхъ странствующій фотографъ. Онъ изъ чеченцевъ, но какъ будто немножко цивилизованный. Вы посмотрите, какое онъ у себя объявленіе вывѣсилъ, просто потѣха!

Въ тотъ же вечеръ мы шли по единственной улицѣ Шатоя къ клубу и увидѣли въ одномъ изъ домиковъ яркое освѣщеніе. Изъ раскрытыхъ оконъ неслись звуки большой басистой гармоніи, наяривающей *pas d'espagne*. Подойдя ближе, мы увидѣли, что комната была полна народу: солдаты и чеченцы сидѣли вокругъ по стульямъ со стаканами чаю въ рукахъ и, видимо, наслаждались зрѣлищемъ. Посреди комнаты, къ нашему удивленію, нѣсколько паръ тѣхъ же солдатъ и чеченцевъ танцевали другъ съ другомъ модный танецъ.

Передъ крыльцомъ стоялъ столбикъ съ прибитою наверху рамой; въ рамѣ подъ стекломъ красовалось нѣсколько карточекъ солдатъ съ размалеванными красною краскою поясами и погонами, въ воинственныхъ позахъ и чеченцевъ съ кинжалами наголо и съ звѣрскими фізіономіями. Понизже карточекъ было прибито объявленіе, написанное красивымъ почеркомъ, со всевозможными завитками и украшеніями: «Учитель танцевъ, пѣнія и музыки, дирижеръ, фотографъ, парикмахеръ и техникъ по зубоврачебному искусству».

— Вотъ, видите, какой мастеръ!—смѣясь, говорилъ С.—Этотъ жуликъ привезъ гармонію, фотографическій аппаратъ и клѣтку съ птицами, которыя вынимаютъ гадальные билетки. Чеченцы и солдаты къ нему толпой валяютъ, а онъ имъ и танцы разные наяриваетъ, и снимаетъ ихъ, и бреетъ, и зубы рветъ, что угодно. Нашего повара теперь оттуда и не выудишь. Боюсь только, чтобы этотъ артистъ чего не натворилъ тутъ; а то, Богъ съ ними, пусть забавляются.

Мой приставъ отчасти правъ былъ въ своихъ опасеніяхъ. Черезъ нѣсколько дней универсальный фотографъ исчезъ, забравъ впередъ деньги за карточки со своихъ кліентовъ и захвативъ съ собою какую-то чеченскую дѣвицу.

Чортовы скалы на Евдокимовскоі дорозі.

— Да, блаженное было бы тутъ житье,—говорилъ С., когда мы въ жаркій день, сидя въ нашей такъ называемой «столовой» подъ липами, наслаждались тѣнью, прохладой отъ ручья и чудной малиной, только что купленной у проходившей чеченки.—Райское было бы житье, если бы не такой народъ проклятый. Вотъ, изволите видѣть, никогда покоя нѣтъ, опять идутъ за чѣмъ-то; а черезъ часъ мнѣ надо на происшествіе ѣхать.

Къ липамъ подходила черезъ площадь группа старыхъ, почтенныхъ чеченцевъ съ переводчикомъ во главѣ. Остановившись недалеко отъ стола, они расклаивались и почтительно молчали, ожидая вопроса. С. началъ спрашивать, въ чемъ дѣло. Выступивъ впередъ, одинъ изъ стариковъ сталъ объяснять, что они старшины и никакъ не могутъ собрать податей со своихъ сельчанъ, что-то по 30 коп. съ дыма. Не дають, да и только.

— Почему же не дають?

— Они говорятъ, у капитана и такъ денегъ много; на что ему?—отвѣчалъ старикъ.

— Да пойми, не мнѣ же эти деньги идутъ, я жалованье получаю. Онѣ нужны въ казну. Ну, царю, царю, понимаешь?—убѣждалъ ихъ С.

— Они говорятъ, если у русскаго царя денегъ нѣтъ, то откуда же мы, бѣдные чеченцы, возьмемъ,—отвѣчалъ вѣжливымъ и почтительнымъ тономъ одинъ изъ старшинъ.

Долго бился бѣдный мой капитанъ, стараясь убѣдить ихъ въ неизбежности и необходимости платить подати, но ничего не добился. Наконецъ онъ велѣлъ старикамъ уходить, обѣщая самъ объѣхать селеніе черезъ нѣсколько дней и поговорить съ народомъ.

— И каждый разъ одна и та же исторія, когда приходитъ время собирать подати,—обратился онъ ко мнѣ.—И, вы думаете, не дадутъ? Или у нихъ денегъ нѣтъ? Дадутъ, но только они каждый разъ думаютъ: а нельзя ли обойтись безъ этого? И ломаются до того, что всю душу вытянутъ.

Въ это время во дворъ уже вводили осѣдланныхъ лошадей. Вчера С. посылалъ въ сосѣднее селеніе двухъ милиціонеровъ, чтобы они привели скрывавшагося тамъ бродягу, бѣглаго каторжника. Односельчане и родственники не хотѣли его выдавать, главнымъ образомъ бабы, которыя пришли въ неистовство, исколотили двухъ несчастныхъ воиновъ, изорвали на нихъ черкески и въ концѣ концовъ тамъ же ихъ и заперли въ пустую избу. Теперь надо было самому начальнику участка ѣхать ихъ выручать.

Жутко было смотрѣть, какъ заряжали ружья и револьверы, говоря, что дѣло можетъ быть плохо; какъ, распрощавшись съ нами, стараясь шутить, но, видимо, взволнованный, мой пріятель сѣлъ верхомъ и въ сопровожденіи пяти верховыхъ милиціонеровъ и переводчика выѣхалъ со двора.

На балконъ чеченской сакли.

Мы остались въ тревожномъ ожиданіи, разсчитывая время, когда уѣхавшіе должны были вернуться. Вернулись они скорѣе, чѣмъ мы ожидали, и съ полнымъ триумфомъ: во дворъ въѣхала наша кучка верховыхъ; у каждаго милиціонера была привязана къ сѣдлу пара, а то и больше, бунтарей и бабъ, бѣжавшихъ за лошадыми. Главнаго арестанта, бродягу, пристава велъ самъ. Мужчины шли покорно, опутивъ головы; они знали отлично, что ихъ засадятъ ненадолго, только для острастки, а имъ это въ привычку. Зато бабы!.. Въ разодранныхъ, грязныхъ рубашкахъ, съ выбившимися изъ-подъ платковъ космами, онѣ визжали и рвали такъ, будто ихъ вели вѣшать. Стараясь вырваться, онѣ падали на землю, кусали милиціонеровъ за руки, рвали на себѣ волосы и платье и оглашали всю крѣпость воемъ и причитаніями. Недаромъ чеченцы сами говорятъ, что у нихъ не бабы, а черти.

Подъ деревьями началось обычное судьбище, напоминавшее судъ Соломоновъ подъ дубомъ, или Людовика XI въ Венсенскомъ лѣсу, судящаго своихъ подданныхъ. Преступниковъ живо раскассировали и заперли, причемъ бабъ предварительно связали по рукамъ.

И долго еще дворъ оглашался ихъ криками, долетавшими сюда изъ оконъ арестантской.

— Не хотите ли проѣхаться со мною? Я ѣду сегодня осматривать свой участокъ дороги между Шатоемъ и Евдокимовскимъ укрѣпленіемъ. Проѣдемъ версть десять; тамъ тоже есть интересныя мѣста; Чортовъ мостъ посмотрите.

Я съ радостью принялъ приглашеніе С., семья его тоже собралась ѣхать съ нами. Уложивъ въ корзину кое-какую провизію и захвативъ чай и сахаръ, мы на простой линейкѣ въѣхали по дорогѣ, соединяющей Шатой съ Евдокимовскимъ, отъ котораго уже другой приставъ.

Выѣхавъ изъ воротъ крѣпости налѣво и переѣхавъ вбродъ знакомую мнѣ уже рѣчку Вердеахъ, мы спустились къ Аргуню и по берегу его, по чудной дорогѣ подѣхали къ вновь вздымающимся отсюда съ южной стороны Шатоя хребтамъ горъ. Кругомъ насъ разстилалась зеленая ступеньки, спускающіяся съ плато, прямо поднимались отвѣсныя высокія скалы, почти сплошь заросшія лѣсомъ. Между скалами узкая, глубокая трещина, полная непроглядной зеленою тѣнью отъ нависшихъ съ обѣихъ сторонъ деревьевъ съ перекинутымъ у самаго отверстія мостомъ. Изъ черно-зеленой щели, бурно кипя, вырывается Аргунь, ударяя пѣнистыми волнами въ устой моста; по тѣснящимъ выходъ его стѣнамъ ползеть мохъ, и блѣдные папоротники свѣшиваются свои зеленые перья. Въ самую воду склоняютъ вѣтви могучія деревья; вдали упавшій стволъ стараго бука еще держится корнями за одинъ склонъ и,

перекинувшись на другой, образуетъ фантастическій мостъ, весь окутанный зелеными вѣтвями.

За мостомъ огороженная поляна, по которой разбросаны деревянные и каменные столбики съ разноцвѣтными чеченскими надписями и пестрыми узорами. Большинство столбиковъ увѣнчано большими шарами, разрисованными красными, синими и зелеными полосками и похожими на полосатые арбузы: это кладбище селенія Вашендерой, которое всползаетъ на гору за этимъ мѣстомъ успокоенія.

Проѣхавъ мостъ, съ которымъ я долго не могъ расстаться, плѣшившись красотой вида, мы поворачиваемъ мимо селенія налѣво

Сторожевыя башни у селенія Цугуной.

въ ущелье и по берегу рѣки быстро поднимаемся на большую высоту, а путь нашъ вьется все выше и выше по отвѣсу. По дорогѣ прѣздка попадаются чеченцы, причемъ меня поражаетъ то, что мужчина всегда ѣдетъ верхомъ, а его баба бѣжитъ за лошадью, да еще тащить на себѣ и поклажу, которая навьючена не на лошадиной, а на ея спинѣ.

— Не удивляйтесь,—говорить С.:—я уже пробовалъ ихъ усо-вѣщевать, но они отвѣчаютъ на это, что «баба своя, а лошадь купилъ надо».

Неописанная красота ущелья захватываетъ духъ. Два параллельно идущихъ склона почти сходятся вмѣстѣ своими отвѣсными

стѣнами, прорѣзанные только узкимъ русломъ Аргуни, надъ которымъ выбита въ камень дорога. Кругомъ вѣковой лѣсъ, неприступный на этихъ крутизнахъ, мѣстами бѣлыя, точно нарочно сложенные изъ кубическихъ камней, скалы. Дорога безъ барьера узка настолько, что колеса едва помѣщаются на ней, и въ нѣкоторыхъ, особенно узкихъ мѣстахъ кажется, что ноги висятъ съ линейки прямо надо пропастью. Навстрѣчу попадаетъ арба; приходится слѣзать съ экипажа и ждать на поворотѣ, гдѣ дорога немного шире. Осторожно проводятъ встрѣтившіеся экипажи, бока встрѣчныхъ лошадей трутся другъ о друга, люди жмутся къ стѣпѣ, и колеса крайняго экипажа вотъ-вотъ сорвутся въ обрывъ.

Въ ущельѣ темная тѣнь, надъ нашими головами нависли скалы, какъ крыша, вездѣ вѣтся виноградъ, спускаются сережки хмеля, краснѣетъ кизиль, желтая алыча протягиваетъ вѣтки, унизанныя плодами; изъ каждой расщелины бьютъ ключи и журчатъ въ каменныхъ лоткахъ подъ ногами лошадей. Страшно заглянуть внизъ: тамъ черный, какъ чернила, бурлитъ въ своемъ тѣсномъ ложѣ глубокой Аргунь, едва видный между деревьями; и грудь тѣснить, и голова кружится отъ наплыва жуткаго восторга.

Но вотъ черезъ нѣсколько верстъ, слегка расширяя ущелье, постепенно расходятся высокія стѣны, дышать легче и, точно выѣхавъ изъ воротъ узкаго коридора, мы видимъ на обширной цвѣтущей полянѣ широко разбросанные домики селенія Нихалой. Кругомъ пасутся стада, бродятъ стреноженные лошади; зеленовато-бѣлые, гладко и аккуратно вымазанные мѣстной свѣтлою глиною домики съ балкончиками прячутъ свои черепичныя крыши въ гущѣ фруктовыхъ деревьевъ.

При нашемъ пріѣздѣ отовсюду высыпалъ народъ, все мужчины; женщины всѣ попрятались при видѣ нашего экипажа. Мы направились прямо къ дому старшины, рассчитывая достать у него самоваръ. Старикъ съ благородною осанкой, съ выкрашенною въ красно-рыжій цвѣтъ бороною, вышелъ намъ навстрѣчу и, снявъ папаху съ бритой головы, кланяясь съ большимъ достоинствомъ, пригласилъ насъ къ себѣ.

Мы вошли на чистый, выметенный и тщательно убитый глиною дворъ, окруженный хозяйственными постройками и затѣненный съ одной стороны вѣтвями, свѣшивавшимися черезъ плетень изъ находившагося рядомъ сада. Намъ вынесли подъ деревья столъ, покрытый пестрою клеенкой, и нѣсколько вѣнскихъ стульевъ; на балконѣ, окружавшемъ домъ, внучка старшины, хорошенькая черноглазая дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, съ восемью тонкими косами на головѣ, въ розовой ситцевой рубахѣ и шароварахъ, стала раздвигать самоваръ. Въ ожиданіи, пока будетъ готовъ чай, мы отправились смотрѣть Чортовъ мостъ, находившійся поблизости. Выйдя со двора старшины, мы попали на довольно круто спускав-

шуюся куда-то внизъ сырую и скользкую тропинку, пробивавшуюся въ густомъ лѣсу между деревьями и бѣлыми громадными камнями, живописно окаймлявшими ее. Вотъ потянуло сыростью, запахомъ воды и свѣже-срубленнаго дерева, и, выйдя изъ зарослей, мы очутились у края обрыва. Надъ кручей стоитъ только что сложенный изъ свѣжихъ бревень домъ, вокругъ него валяются дуплистыя бѣлыя щепки; за угломъ сруба неожиданно для меня появился Чортовъ мостъ, длинный, узенькій мостъ, весь сплетенный изъ хвороста. Какъ онъ держится—Аллахъ его знаетъ! Онъ прикрѣпленъ только къ берегамъ и виситъ на высотѣ 80 сажень надъ Аргуномъ.

Когда мы храбро вступили на него и онъ закачался, какъ живой, за нами кинулось нѣсколько человѣкъ сопровождавшихъ насъ изъ вѣжливости чеченцевъ, которые испуганно стали хватать всѣхъ за руки и за платье.

— Такъ нельзя очень скоро ходить! Вашъ, русскій, не можетъ на нашъ мостъ бѣгать!—кричали они, въ страхѣ за нашу безопасность.

Вѣроятно, они помнятъ, какъ недавно тутъ проѣзжалъ, осматривая округъ, начальникъ области Т. и посѣтилъ этотъ мостъ. Расхрабрившись, генераль пошелъ было по немъ, какъ и мы, но на серединѣ моста, когда его начало качать и подбрасывать, онъ не выдержалъ: сталъ на четвереньки и приползъ такимъ образомъ назадъ, чуть не въ обморокъ отъ страха, проклиная и мостъ, и чеченцевъ, которые не предупредили его о свойствахъ этого сооруженія.

Подойдя къ невысокимъ, плетенымъ изъ хвороста периламъ моста, я съ часами въ рукахъ бросилъ въ Аргунъ камень. Звукъ его паденія дошелъ до меня только черезъ восемь секундъ. Заглянувъ внизъ, я увидѣлъ на узкой полоскѣ берега между водою и отвѣсной стѣной множество побѣлѣвшихъ скелетовъ животныхъ и отдѣльныхъ костей.

— Что это тамъ столько костей лежитъ?—спросилъ я у одного изъ нашихъ провожатыхъ.

Чеченецъ объяснилъ мнѣ, что раньше периль у моста не было, ихъ придѣлали только недавно. И вотъ, когда коровамъ или баранамъ случалось переходить здѣсь, отъ сотрясенія ихъ выбрасывало, точно пружиною, и они падали внизъ десятками. Доставать ихъ оттуда не было никакой возможности, и тамъ скопились всѣ кости несчастныхъ животныхъ, нашедшихъ смерть на этихъ камняхъ. Только лошадь могла безопасно переходить черезъ эту дрожащую живую пружину, да и то если всадникъ былъ хорошій: такъ говорилъ чеченецъ.

Съ трудомъ оторвавшись отъ вида темной скважины, тянущейся въ обѣ стороны отъ Чортова моста, черной, кипящей сѣрою

пѣною воды въ глубинѣ ея, зеленого навѣса надъ нею и бѣлыхъ каменныхъ верхушекъ горъ, еще освѣщенныхъ солнцемъ; надъшавшись запахомъ лѣса и воды, стоявшимъ въ этой глубинѣ прохладной тѣни, мы вернулись къ дому старшины. Все было готово къ чаю, маленькая розовая чеченка тащила уже самоваръ на столъ, отворачивая свое хорошенькое личико отъ его горячаго пара, но старшина захотѣлъ похвастать передъ нами своимъ житьемъ-бытьемъ, и мы должны были пойти осмотрѣть его хозяйство.

Двѣ чистыя комнаты съ вымазанными глиною гладкими стѣнами, тахты, покрытыя коврами и паласами, со множествомъ ситцевыхъ одѣялъ и подушекъ; по стѣнамъ сѣдла, сбруи и оружіе, все слегка напоминало описанія запорожскихъ хатъ. На полкахъ разставлены ярко вычищенные мѣдные узорные кувшины и тазы—гордость каждой чеченки. На одной изъ тахтъ лежалъ блѣдный, больной молодой чеченецъ—раненый въ дракѣ сынъ старшины—съ повязкой на головѣ.

Потомъ мы видѣли подъ навѣсомъ за домомъ пять небольшихъ горной породы коровъ, которыхъ доила старуха въ коричневой рубашкѣ, съ повязаннымъ по всему лицу платкомъ такъ, что видны были только глаза. Когда мы подошли, она встала на вытяжку, бросивъ свое дѣло, соблюдая обычай, по которому женщина не имѣетъ права сидѣть въ присутствіи мужчины, какъ высшаго существа. Обычай этотъ наблюдаютъ въ послѣднее время только старухи, молодыя же чеченки уже не желаютъ слѣдовать ему.

За домомъ стояли огромныя плетушки изъ хвороста, поставленныя на столбы,—амбары старшины, полныя еще прошлогоднихъ колосьевъ кукурузы, подъ ними и вокругъ нихъ бѣгали куры. Затѣмъ старикъ провелъ насъ въ свой садъ, полный сливъ и вишенъ, и заставилъ насъ съѣсть ихъ множество. Во всемъ видна была хозяйственность и полный достатокъ, чѣмъ чеченецъ, видимо, гордился. Я поинтересовался узнать, всѣ ли они живутъ такъ достаточно.

— Конечно, не всѣ,—отвѣчалъ мнѣ С.:—но все-таки бѣдности они не знаютъ, по крайней мѣрѣ въ нашемъ округѣ. Тамъ, глубже въ горахъ и выше, гдѣ уже нѣтъ лѣса, почва камениста и холодна, пастбища плохія, о садахъ и думать нечего,—тамъ чеченцамъ живетъ плохо; земли у нихъ въ сущности у всѣхъ немного, но здѣсь у насъ и урожаи хороши, и скотъ хорошо водится. А какое подспорье имъ эти сады и лѣса! Да и птицу они любятъ водить, и сбывать все это удобно отсюда. Вы посмотрите, какъ они ѣдятъ. Русскому мужику иному и во снѣ не снилось столько сыра и масла, сколько ѣстъ его чеченецъ, а яицъ и куръ у нихъ столько, что, какъ вы сами видѣли, они куръ по гривеннику продаютъ.

Наконецъ мы сѣли пить чай, и тотчасъ же вокругъ стола набралось съ полсотни зрителей, взрослыхъ и дѣтей. Любуясь на

рѣдкое для нихъ зрѣлище, дѣти жадно смотрѣли намъ въ глаза и охотно ловили куски сахара и галеты, которые мы имъ бросали; но взрослые, видимо, сердясь, отгоняли ихъ отъ стола. Окончивъ чай и собравшись уѣзжать, мы хотѣли было воздать нашему хозяину вещественную благодарность за гостепріимство, но онъ такъ обидѣлся, что пришлось оставить наше намѣреніе. Только внучкѣ своей, ставившей намъ самоваръ, онъ позволилъ взять за услуги предложенный нами полтинникъ.

Съ безконечными поклонами проводили чеченцы насъ къ линейкѣ, причѣмъ каждый старался чѣмъ-нибудь услужить; старшина помогъ усѣсться, попробоваль, хорошо ли запряжены лошади, и на прощанье его внучка принесла и поставила на задокъ экипажа нашу освободившуюся отъ провизіи корзину, полную крупныхъ синихъ сливъ.

— Видите, какой это гостепріимный народъ! Этотъ самый старшина считаетъ за великую честь принять насъ въ своемъ домѣ, хотя онъ самъ очень большая персона между ними; настолько большая, что еще во времена оны эти самые чеченцы, не желая признавать за главу самого великаго Шамиля, безпрекословно подчинялись своимъ собственнымъ старшинамъ, и это званіе и должность до сихъ поръ у нихъ очень почетны.—Такъ говорилъ С., когда мы ѣхали обратно по той же волшебной дорогѣ.

— А какой вѣжливый народъ, какая врожденная деликатность и благородство даже въ манерѣ держать себя!—продолжалъ мой пріятель.—Зато попробуйте имѣть съ ними дѣло, когда коснется ихъ предразсудковъ или обычаевъ: не то дѣти, не то звѣри дѣлаются, и тутъ ужъ ихъ ничѣмъ не возьмешь.

Да, думаль я, трудно русскому человѣку понять ихъ и управляться съ ними и съ ихъ вѣковыми полудикими нравами. И вотъ какая чудная природа, какой здоровый, благодатный климатъ; при здѣшнемъ изобиліи плодовъ земныхъ и необычайной дешевизнѣ тутъ могло бы быть прекрасное дачное мѣсто для изывающихъ лѣтомъ горожанъ Терской области. Но страхъ передъ этимъ народомъ, передъ вѣчными кровавыми распрями между ними поневолѣ останавливаетъ каждого, кто и хотѣлъ бы пожить здѣсь.

Кончался срокъ моего пребыванія въ Шатоѣ, и я долженъ былъ распроститься съ моими радушными хозяевами и съ маленькимъ шатоевскимъ обществомъ, съ которымъ я успѣлъ перезнакомиться. Въ послѣдній разъ вышелъ я на балконъ, чтобы окинуть еще разъ взоромъ пріютившій меня живописный уголокъ: двѣ башни, сторожащія Цугуной, стояли прямо передо мною среди зеленаго лѣса и скаль, и взоръ мой невольно остановился на ихъ стѣнахъ, когда я вспомнилъ вчерашній день. Какъ разъ наканунѣ моего отъѣзда

крѣпостная рота артиллеріи производила учебную стрѣльбу. Вывезли изъ крѣпости убогія пушки, разставили на горѣ по ту сторону Аргуны красные флаги и караульщиковъ, чтобы предупредить населеніе объ опасности попасть въ сферу стрѣльбы. Мишенью для этой стрѣльбы самымъ варварскимъ образомъ избрали двѣ старинныя башни. При первомъ же залпѣ сосѣднія горы усѣяны были народомъ, высыпавшимъ изъ селеній и на безопасномъ разстояніи наблюдавшимъ стрѣльбу. Но, не къ чести старыхъ пушекъ, снаряды хотя и попадали въ цѣль, но древніе памятники эти, вѣроятно, прочно были построены: къ большой радости и гордости чеченцевъ, башни остались невредимы и продолжали твердо стоять на своихъ мѣстахъ. Я тоже наблюдалъ стрѣльбу и невольно подумалъ при этомъ о большой безтактности поступка распорядителя ученія, который могъ бы позаботиться приготовить другія мишени для такого случая. На лицахъ чеченцевъ ясно выражалось презрѣніе къ русскому оружію, даже насмѣшка надъ несчастными пушками и злоба за неуваженіе къ ихъ стариннымъ памятникамъ, и между ними раздавались торжествующія, злобныя восклицанія.

Полюбовавшись съ балкона въ послѣдній разъ на широко раскинувшійся живописный видъ, я съ сожалѣніемъ выѣхалъ изъ воротъ крѣпости на той же зеленой перекладной, запряженной тройкой свѣтлыхъ, маленькихъ и крѣпкихъ чеченскихъ лошадокъ. Отступивъ отъ дороги, стоялъ нахлупшій грибами и бузиною темный лѣсъ, раннее утреннее солнышко ласково грѣло меня, освѣщая золотымъ свѣтомъ яркую поляну: невидимый для глаза, глубоко внизу, въ чащѣ деревьевъ, провожалъ меня глухимъ рокотомъ буйный Аргунь. Я ѣхалъ съ твердымъ намѣреніемъ посѣтить еще не разъ этотъ дивный и оригинальный уголокъ Кавказа.

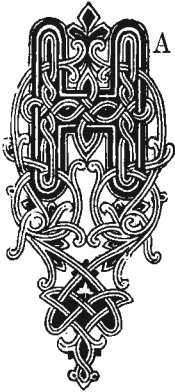
В. А. Авіе.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

Изъ воспоминаній графа фонъ-Пфейля.

А СТРАНИЦАХЪ «Историческаго Вѣстника» мы уже неоднократно знакомили читателей съ содержаніемъ любопытныхъ записокъ графа Рихарда фонъ-Пфейля, прусскаго офицера, сдѣлавшаго въ нашихъ рядахъ турецкую кампанію 1877—1878 гг. и затѣмъ нѣсколько лѣтъ прослужившаго въ Преображенскомъ полку. Воспоминанія его дѣлятся на три части: время войны, послѣдніе годы царствованія Александра II и наконецъ первые годы по воцареніи Александра III. По обстоятельствамъ, отъ нашей воли не зависящимъ, мы принуждены нарушить хронологическій порядокъ изложенія и, познакомивъ читателей съ двумя послѣдними книгами, вышедшими изъ-подъ пера фонъ-Пфейля, теперь возвратиться назадъ и заняться первой частью его мемуаровъ, т. е. воспоминаніями, вынесенными изъ боевой обстановки русской арміи. Здѣсь, конечно, не мѣсто касаться техническихъ подробностей военныхъ операцій: онѣ давнымъ-давно сдѣлались предметомъ спеціальной литературы; но будетъ, полагаемъ, небезыттересно воскресить передъ читателемъ картины минувшихъ временъ, тѣмъ болѣе, что внимательный и острый наблюдатель заносилъ на страницы своего дневника иной разъ то чего мы не находимъ въ запискахъ другихъ участниковъ событіи 1877—1878 годовъ.

Воспоминанія графа фонъ-Пфейля начинаются съ 1877 года.

Въ концѣ этого года графъ получилъ телеграмму отъ тогдашняго прусскаго военнаго аташе при русскомъ дворѣ, генерала фонъ-Вердера, который извѣщалъ его о томъ, что давнишнее его желаніе поступить на русскую службу исполнилось и онъ зачисленъ штабсъ-капитаномъ въ 33-й Елецкій пѣхотный полкъ.

Въ началѣ сентября прусскій офицеръ, превращавшійся теперь въ русскаго капитана, былъ уже въ Петербургѣ и прямо съ вокзала явился къ германскому послу фонъ-Швейницу. Послѣдній направилъ его къ начальнику главнаго штаба графу Гейдену, который долженъ былъ дать ближайшія указанія фонъ-Пфейлю объ условіяхъ его зачисленія и мѣстѣ его будущей службы. Этимъ визитомъ начинаются курьезы и нелѣпости, которыми такъ богата русская жизнь и которые такъ дики и непріятны для человѣка, выросшаго въ условіяхъ европейской цивилизаціи. Прежде всего оказалось, что графъ Гейденъ плохо слышитъ и разговоръ съ нимъ довольно затруднителенъ. А затѣмъ обнаружилось, что начальникъ главнаго штаба отличается полной неосвѣдомленностью о томъ, что дѣлается на театрѣ военныхъ дѣйствій. Онъ поздравилъ фонъ-Пфейля съ зачисленіемъ въ славный Елецкій полкъ, который, по его словамъ, оказалъ выдающіяся отличія въ битвѣ при Ловчѣ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ полкъ этотъ дѣйствовалъ совершенно въ другой мѣстности и въ битвѣ при Ловчѣ не участвовалъ вовсе!

Отъ графа Гейдена фонъ-Пфейлю пришлось отправиться въ канцелярію главнаго штаба «Я разсчитывалъ,—пишетъ онъ:—что со мною поступятъ тутъ такъ же, какъ поступаютъ въ Берлинѣ съ каждымъ офицеромъ. Но здѣсь впервые мнѣ предстояло познакомиться съ всемірно-извѣстной русской канцелярской волокитой. Курьеръ указалъ мнѣ на писца, писецъ на полковника, который, однако, заявилъ, что онъ очень занятъ и ему теперь не до справокъ. Пришлось дать писарю на чай. Тогда онъ провелъ меня къ другому офицеру, но тотъ даже не слыхалъ ничего о моемъ назначеніи. Когда я сказалъ ему, что только что былъ у графа Гейдена, онъ пришелъ въ ужасъ».

Изъ главнаго штаба пришлось ѣхать къ адъютанту графа Гейдена Шебеко, но и тотъ не могъ дать просителю никакихъ свѣдѣній и лишь пообѣщалъ узнать о дѣлѣ у самого начальника главнаго штаба. И всѣ эти хлопоты—только для того, чтобы получить справку, зачисленъ ли человѣкъ капитаномъ, или штабсъ-капитаномъ!

Но еще лучше волокита, которую фонъ-Пфейль претерпѣлъ съ полученіемъ прогонныхъ денегъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней гоняли его съ мѣста на мѣсто: изъ военнаго министерства въ главное интендантство, отсюда въ главное казначейство, гдѣ наконецъ объявили ему, что онъ будетъ получать жалованья 366 рублей въ годъ и что прогонныхъ денегъ изъ Петербурга до Кишинева ему пола-

гается 10 рублей. Впослѣдствіи оказалось, что и эти изумившіе фонъ-Пфейля 10 рублей были выданы ему неправильно и взысканы съ него обратно по окончаніи войны!

24-го сентября русско-прусскаго офицеръ былъ уже въ Кишиневѣ. Положеніе его было въ высшей степени затруднительное. Не имѣя знакомствъ въ русской арміи, не зная русскаго языка, онъ едва могъ пробираться по охваченной военной суетою мѣстности. А тутъ еще порывомъ вѣтра сорвало съ него фуражку; пришлось взять ее у начальника желѣзнодорожной станціи и въ такомъ маскарадномъ видѣ слѣдовать далѣе, пока въ Бухарестѣ не удалось найти цовой.

Въ Кишиневѣ, передъ самымъ пріѣздомъ туда автора записокъ, случилась трагическая исторія, о которой много потомъ говорили. Начальникъ бригады, въ составъ которой входилъ Елецкій полкъ, застрѣлился на вокзалѣ, узнавъ, что его оставшаяся въ Россіи жена затѣяла противъ него дѣло по обвиненію его въ двоеженствѣ. Застрѣлился по окончаніи войны въ Петербургѣ и бывший ближайшій начальникъ фонъ-Пфейля, командиръ Елецкаго полка полковникъ Громанъ, но что побудило его, уцѣлѣвъ отъ вражеской пули, покончить съ собою изъ собственнаго револьвера, осталось невыясненнымъ.

Дорога за Кишиномомъ была въ отчаянномъ положеніи. Построенная знаменитымъ аферистомъ Струсбергомъ, она не выдержала огромнаго, вызваннаго войной движенія и вся распаталась. Вагоны, что называется, ходуномъ ходили, и съ сидѣвшей противъ Пфейля супружеской четой едва не сдѣлалась морская болѣзнь. Мужъ, сѣдой, длиннородый господинъ, лѣтъ 60, съ орденомъ св. Владимира на шеѣ, тонулъ въ грудѣ всякихъ снѣдей и лакомствъ, которыми онъ всю дорогу угощалъ свою молодую и миловидную жену. Онъ выходилъ на каждой станціи и на каждой станціи начинались охи и ахи его жены, боявшейся, что онъ опоздаетъ вернуться, а поѣздъ уйдетъ безъ него. Впослѣдствіи старикъ оказался дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Струве, бывшимъ губернаторомъ русской Америки.

Кое-какъ, среди невѣроятнаго безпорядка, добрались спутники до румынской столицы. «Въ гостиницѣ,—пишетъ фонъ-Пфейль,—познакомился я съ будущимъ болгарскимъ княземъ, принцемъ Александромъ Баттенбергомъ. Онъ прибылъ въ Бухарестъ съ театра военныхъ дѣйствій и лечился здѣсь отъ боли въ желудкѣ. Онъ былъ весьма недоволенъ русскими войсками, особенно кавалеріей, и громко высказывалъ это. вмѣстѣ съ нимъ мы поѣхали на обѣдъ къ германскому консулу въ Бухарестѣ Альвенслебену. Здѣсь разговоръ зашелъ о томъ, что русскіе могутъ предложить кандидатуру принца на болгарскій престолъ, но Баттенбергъ самымъ рѣшительнымъ образомъ заявилъ, что никогда такого предложенія онъ не приметъ».

Впослѣдствіи, когда Баттенбергъ сталъ болгарскимъ княземъ, фонъ-Пфейль припомнилъ этотъ обѣдъ у Альвенслебена, но Баттенбергъ цинично оправдывался тѣмъ, что у него рано открылись дипломатическія дарованія и онъ быстро усвоилъ себѣ дипломатическую аксіому, что языкъ данъ человѣку только для того, чтобы скрывать свои мысли.

Послѣ утомительнаго путешествія частью на лошадахъ, частью на волахъ по разоренной и не особенно дружелюбно къ намъ настроенной сѣверной Болгаріи, авторъ записокъ добрался до Горнаго Студня, гдѣ находилась въ то время главная квартира. Это былъ цѣлый городъ палатокъ, который черезъ нѣсколько времени еще болѣе увеличился, когда вернулся изъ-подъ Плевны великій князь Николай Николаевичъ. Обѣ главныя квартиры, враждебныя другъ другу, были раздѣлены между собою цѣлою пропастью и жили каждая своей особой жизнью. Единственнымъ мѣстомъ, гдѣ мирно сходились представители обѣихъ враждующихъ квартиръ, была палатка маркитанта Готье. Палатка эта была довольно велика, въ ней стояло нѣсколько столовъ, буфетъ и находился складъ товаровъ. За буфетомъ сидѣлъ всегда самъ хозяинъ, типичный южный французъ лѣтъ пятидесяти. Готье въ нѣкоторомъ родѣ былъ личностью исторической. Онъ уже продѣлалъ французскій походъ въ Италію, а во время франко-прусской войны былъ маркитантомъ въ главной квартирѣ Наполеона. Въ Мецѣ онъ попался въ плѣнъ.

Любимыми посѣтителями monsieur Готье были гвардейскіе гусары, поражавшіе нѣмецкаго наблюдателя своею способностью истреблять неимоверное количество шампанскаго. Зато черкесы-конвойцы наводили на маркитанта настоящій ужасъ: рѣдкое ихъ посѣщеніе обходилось безъ угрозъ кинжаломъ и непріятностей. Приходилъ сюда и японскій военный аташе, который говорилъ только по-японски, да и не старался научиться какому-нибудь языку. Сидѣлъ онъ, конечно, всегда молча и въ одиночествѣ, но, повидимому, чувствовалъ себя великолѣпно. Въ началѣ битвы подъ Плевной, когда начали свистать пули, онъ преспокойно улегся за дерево и проспалъ все сраженіе въ полномъ убѣжденіи, что, какъ представитель нейтральной державы, онъ пользуется полной неприкосновенностью.

Въ палаткѣ Готье толпились всегда военные корреспонденты, украшенные особыми повязками на рукавѣ съ обозначеніемъ газеты, которой они являлись представителями. Всего ихъ было при главной квартирѣ человѣкъ 60. Всѣ эти люди, кромѣ англичанъ, производили отталкивающее впечатлѣніе своимъ несуразнымъ хвастовствомъ и описаніемъ необыкновенныхъ военныхъ подвиговъ, которые они будто бы совершили. Одинъ изъ нихъ выдавалъ даже себя за адъютанта маршала Базена, хотя на самомъ дѣлѣ былъ австрійскимъ школьнымъ учителемъ. Особенно много корреспондентовъ

вилось всегда около Скобелева. Завѣдывалъ всей этой разноязычной арміей полковникъ Газенкампфъ.

Между посѣтителями маркитантской палатки носились два весьма наглаго вида лакея въ засаленныхъ курткахъ, говорившіе на всѣхъ языкахъ, но на всѣхъ одинаково плохо. Вокругъ палатки бродили несмѣтные полчища бездомныхъ собакъ, которыя получали отъ посѣтителей Готье объѣдки, а имъ отдавали своихъ блохъ. На сыромъ земляномъ полу этого походнаго ресторана была такая грязь, что безъ длинныхъ сапогъ войти туда было немислимо. Время отъ времени царившій въ палаткѣ гулъ голосовъ покрывался ревомъ м-г Готье, ругательски поносившаго своихъ лакеевъ. Тѣ, однако, не обращали на хозяина никакого вниманія, увѣряя, что они не понимаютъ его, такъ какъ говорятъ только на литературномъ французскомъ языкѣ.

Освоившись мало-по-малу съ жизнью главной квартиры, фонъ-Пфейль представился великому князю Николаю Николаевичу, который принялъ пруссака любезно, но черезъ своего адъютанта полковника Скалона далъ ему понять, что къ себѣ въ штабъ онъ его не возьметъ. Расчеты фонъ-Пфейля не осуществились, приходилось отправляться къ своему полку, но гдѣ именно находился Елецкій полкъ, не знали и въ главной квартирѣ.

Въ сопровожденіи двухъ конвойныхъ солдатъ авторъ записокъ отправился наобумъ догонять свой полкъ. Ночь застигла спутниковъ въ какой-то разоренной болгарской деревушкѣ.

«Въ этой деревушкѣ была церковь,—пишетъ фонъ-Пфейль.— Стало быть, былъ тамъ и священникъ. Жилищемъ ему служила жалкая избушка съ одной комнатою, содержимой, впрочемъ, въ большой чистотѣ. Мебель была восточная, приспособленій для освѣщенія не полагалось». Присоединившійся къ фонъ-Пфейлю офицеръ-попутчикъ третировалъ бѣднаго священника, какъ своего лакея: онъ долженъ былъ носить воду, исполнять нѣкоторыя черныя работы на постояльцевъ, даже снимать съ нихъ сапоги. Немудрено, что болгары, какъ замѣтилъ наблюдательный нѣмецъ, не долюбливали русскихъ и смотрѣли на нихъ хмуро.

Въ Тырновѣ, въ штабѣ 11 корпуса фонъ-Пфейлю удалось наконецъ разузнать, что Елецкій полкъ стоитъ въ Ханкіюфъ, но какъ туда проѣхать, сказать не могъ никто изъ штабныхъ, которые до сего времени не полюбопытствовали даже взглянуть на позиціи своего корпуса. Опять начались тягостныя скитанія въ поискахъ Ханкіюя, который оказался деревушкой, расположенной среди Балканскихъ горъ на высотѣ 4,800 футовъ.

Первое время фонъ-Пфейлю было довольно трудно въ полку. Службы русской онъ не зналъ, да и языка почти не понималъ. На его счастье въ его ротѣ оказался нѣкій вольноопредѣляющійся Мининъ, прекрасно владѣвшій нѣмецкимъ языкомъ и служившій для Пфейля переводчикомъ.

Другимъ переводчикомъ для русско-прусскаго офицера служилъ батальонный врачъ изъ евреевъ нѣкій Мосхоровскій. Онъ вздумалъ усовершенствоваться въ нѣмецкомъ языкѣ и предложилъ Пфейлю брать у него уроки русскаго языка въ обмѣнъ на практическія упражненія въ нѣмецкомъ. И вотъ въ засыпанныхъ снѣгомъ Балканскихъ горахъ, среди безпрестанныхъ боевыхъ тревогъ, еврей и нѣмецъ дѣятельно принялись пополнять свои лингвистическія познанія, пока ихъ товарищи умирали отъ бездѣлья и скуки.

«Докторъ былъ довольно сносный человѣкъ,—разсказываетъ фонъ-Пфейль:—но имѣлъ привычку сопровождать всякій разговоръ пѣніемъ и насвистываніемъ, что крайне непріятно дѣйствовало на его собесѣдниковъ. Хотя онъ и увѣрялъ, что онъ очень музыкаленъ и знаетъ много оперъ, но его репертуаръ ограничивался исключительно «Синей Бородой» и «Трубадуромъ». У этого доктора былъ осель, который возилъ на себѣ во время похода пожитки своего хозяина. Однажды въ Ханкюфѣ появился болгаринъ, который продавалъ осла всего за рубль. Офицеры были поражены такой низкою цѣною и совѣтовали фонъ-Пфейлю не терять благопріятнаго случая и приобрести осла. «Онъ очень похожъ на моего, и мы будемъ запрягать ихъ вмѣстѣ», восхищался Мосхоровскій. Осель былъ купленъ и отведенъ къ новому хозяину. Но не прошло и часу, какъ въ жилищѣ доктора поднялась страшная суматоха: пропалъ докторскій осель. Оказалось, что болгаринъ, воспользовавшись отсутствіемъ денщика доктора, укралъ осла и въ присутствіи его хозяина перепродавалъ его Пфейлю.

Въ концѣ ноября Елецкій полкъ справлялъ свой полковой праздникъ. На передовыя позиціи привезли изъ Тырнова флаги и украшенія, какія могли достать, священникъ отслужилъ молебенъ, послѣ котораго общими усиліями былъ сервированъ столъ. Какъ разъ за обѣдомъ получена была радостная вѣсть о взятіи Карса. Вечеромъ для нижнихъ чиновъ было устроено гулянье, на которомъ между прочимъ общее вниманіе привлекли ряженые: турокъ, ведшій медвѣдя. Между ними завязывалась борьба, и при громкомъ одобреніи присутствующихъ медвѣдь схватывалъ «турку» и начиналъ его душиить. Представленіе повторялось разъ двадцать при неизмѣнномъ одобреніи публики. Офицеры бросали доморощеннымъ артистамъ деньги, львиная доля которыхъ досталась медвѣдю, такъ какъ, во-первыхъ, онъ оказался побѣдителемъ въ борьбѣ, а, во-вторыхъ, состоялъ въ унтеръ-офицерскомъ званіи, тогда какъ его противникъ «турка» былъ только рядовымъ.

Несмотря на то, что фонъ-Пфейль успѣлъ зарекомендовать себя дѣльнымъ и свѣдущимъ офицеромъ, присутствіе котораго на передовыхъ позиціяхъ было весьма полезно, тѣмъ не менѣе онъ вскорѣ же принялся хлопотать о переводѣ его въ одинъ изъ полковъ, расположенныхъ близъ нашей границы съ Пруссіей. Съ этою цѣлью

онъ рѣшилъ вторично побывать въ главной квартирѣ и воспользоваться покровительствомъ чрезвычайно расположеннаго къ нему князя Святополкъ-Мирскаго. «По обѣимъ сторонамъ дороги,—пишетъ фонъ-Пфейль,—валялись трупы лошадей, быковъ, воловъ. На одной лошади усѣлись какіе-то необыкновенной величины коршуны, которые спокойно подпускали къ себѣ на 20 шаговъ. Я выстрѣлилъ въ нихъ два раза изъ револьвера, но промахнулся».

Подъ вечеръ авторъ записокъ попалъ въ Сельви, гдѣ была расположена только что вернувшаяся изъ-подъ Плевны дивизія Скобелева. Всѣ уголки были заняты офицерами, такъ что путнику едва удалось найти себѣ на ночь убѣжище.

«Въ Ловчѣ это оказалось еще труднѣе,—разсказываетъ авторъ.— Поэтому я рѣшилъ отправиться прямо къ болгарскому полицеймейстеру города, который, какъ мнѣ передавали, говорилъ по-русски. Меня привели въ маленькую, грязную комнату, въ которой на полу сидѣлъ, поджавъ ноги, какой-то человѣкъ и штопалъ изорванныя брюки.

«— Гдѣ тутъ полицеймейстеръ?—спросилъ я.

«— Я полицеймейстеръ,—гордо отвѣчалъ онъ, вдѣвая нитку въ иголку».

Несмотря на такое совмѣстительство полицейскихъ и портняжныхъ функцій, полицеймейстеръ оказался расторопнымъ малымъ и живо отвелъ путнику помѣщеніе на ночь.

Въ главной квартирѣ фонъ-Пфейль нашелъ все по старому. Только monsieur Готье успѣлъ сбѣжать изъ своей маркитантской палатки, предусмотрительно захвативъ съ собою и кассу.

Въ Тырновѣ автору попался одинъ изъ его соотечественниковъ, бывший въ Берлинѣ мелкимъ приказчикомъ, а здѣсь превратившійся въ крупнаго поставщика сухарей для русской арміи. Онъ задавалъ здѣсь трескучія празднества, держалъ открытый столъ и нагрѣвалъ руки на счетъ казны, пока за этого молодца не взялось «Новое Время». Въ общихъ чертахъ карьера этого типичнаго нѣмецкаго гешефтмахера такова.

Отмѣривая въ одинъ прекрасный день полотно въ своемъ берлинскомъ магазинѣ, онъ получилъ вдругъ телеграмму отъ своего старшаго брата, давно уже занимавшагося какими-то спекуляціями при арміи генерала Черняева. Телеграмма была изъ Систова и гласила лаконично: «Пріѣзжай, есть гешефтъ». На послѣднія свои марки берлинскій приказчикъ летитъ въ Болгарію и въ Систовѣ на заброшенной мельницѣ устраиваетъ фабрику для изготовленія сухарей. Дѣла пошли блестяще, и на мельницу стекались огромныя суммы. Къ несчастью для предпріимчиваго нѣмца, на его дѣятельность обратило вниманіе «Новое Время». Въ газетѣ появился рядъ корреспонденцій, въ которыхъ описывалось, какъ этотъ гешефтмахеръ, облачившись въ сѣрое, похожее на офицерское пальто, въ

бѣлой военного покроя фуражкѣ ѣздить въ сопровожденіи казачьяго конвоя по окрестностямъ Тырнова и чуть не силою забираетъ хлѣбъ у мѣстнаго населенія, бросая за него нѣсколько грошей. Корреспонденціи вызвали цѣлый переполохъ. «Хуже всего, — замѣчаетъ графъ фонъ-Пфейль: — что онѣ были совершенно вѣрны». Гешефтмахеръ попалъ подъ судъ, но тутъ у него явились свидѣтели, удостовѣрившіе, что хлѣбъ имъ покупался по самымъ высокимъ цѣнамъ и лишь у тѣхъ крестьянъ, которые сами желали этой продажи. Дѣло замялось, но молодчику пришлось переимѣнить родъ торговли. Онъ быстро скупилъ въ округѣ все полотно и когда послѣ одного изъ сраженій при переходѣ черезъ Балканы понадобились бинты для перевязки раненыхъ, услужливый нѣмецъ предложилъ свои услуги и перепродалъ закупленное полотно съ огромнымъ барышомъ. Впослѣдствіи авторъ записокъ встрѣтился съ ловкимъ соотечественникомъ въ Константинополѣ, гдѣ онъ стоялъ уже во главѣ большого хлѣбнаго дѣла. Послѣ русско-турецкой войны онъ сталъ, кажется, банкиромъ.

Поѣздка въ главную квартиру не совсѣмъ оправдала ожиданія фонъ-Пфейля. Перевода на нѣмецкую границу онъ не получилъ. Но зато князь Святополкъ-Мирскій постарался устроить его въ свой штабъ, съ которымъ онъ и принималъ участіе въ знаменитой оборонѣ Шипки.

Какъ извѣстно, нападеніе на армію Сулеймана-паши было задумано съ двухъ сторонъ. Прямо на него долженъ былъ итти отрядъ князя Святополкъ-Мирскаго, а съ фланга отрядъ Скобелева. Оба отряда должны были начать нападеніе въ одинъ и тотъ же день и часъ и такимъ образомъ раздѣлить силы турокъ.

Прибывъ въ назначенный пунктъ и дождавшись условленнаго часа, князь перешелъ въ наступленіе, но, къ ужасу своему, скоро обнаружилъ, что Скобелевъ опоздалъ. Всѣ силы турокъ обрушились съ яростью на несчастный отрядъ князя. Подробности этого многодневнаго боя достаточно извѣстны въ исторической литературѣ. Солдаты и офицеры дрались, какъ львы, отстаивая занятые позиціи. «Положеніе было ужасное, — пишетъ фонъ-Пфейль. — Наши истощенныя войска отбивали атаку за атакой съ мужествомъ, для котораго я не могу найти достаточныхъ похвалъ. Стрѣлки подъ командой храбраго полковника Крока держались съ невѣроятною стойкостью. Но всему на свѣтѣ бываетъ конецъ, и мы видѣли, что турки медленно, но упорно подвигаются впередъ. Я былъ увѣренъ, что вотъ-вотъ начнется общее отступленіе.

«Вдругъ на крайнемъ лѣвомъ флангѣ раздалось оглушительное «ура». Князь Мирскій немедленно направился туда. Но ему навстрѣчу летѣлъ уже адъютантъ полковника Крока, крича «ура» и потрясая клочкомъ бѣлой бумаги.

«Онъ передалъ князю этотъ засаленный клочокъ, въ который, по всей вѣроятности, раньше было завернуто мясо или что-нибудь подобное. Но теперь этотъ клочокъ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ историческихъ документовъ русско-турецкой войны. На немъ карандашомъ было написано всего нѣсколько словъ:

«Ура! Скобелевъ идетъ съ музыкой. Крѣзь».

То былъ моментъ, который нужно пережить самому.

Съ яростью отчаянія обрушились турки на новаго врага, но мало-по-малу ихъ огонь сталъ ослабѣвать. «Скоро по всей турецкой линіи показались бѣлые флаги. Ликованіе нашихъ войскъ было неописуемо. Всѣ обнимались, цѣловались, крестились. Даже раненые принимали участіе въ общей радости. Князь Святополкъ-Мирскій поскакалъ туда, гдѣ наши строили уже плѣнныхъ турокъ въ ряды. Нѣкоторыя изъ турецкихъ укрѣпленій были еще заняты неприятелемъ. На валу одного изъ нихъ стояло человекъ сто Елецкаго полка, приготовившись стрѣлять внизъ. Въ редутъ находилось человекъ 400—500 турокъ, которые, сбившись въ плотную кучу, цѣлились вверхъ въ нападающихъ. Стоило только выстрѣлить кому-нибудь одному, и произошло бы страшное кровопролитіе. Князь Святополкъ-Мирскій приказалъ русскимъ опустить ружья и отдалъ черезъ переводчика такое же распоряженіе туркамъ.

«Я получилъ приказаніе разыскать Скобелева и проводить его къ князю. Я нашелъ генерала, окруженнаго цѣлой свитой, въ которой былъ знаменитый впоследствии баталістъ Верещагинъ и немало англійскихъ корреспондентовъ. Я подъѣхалъ къ Скобелеву, представился ему и передалъ приглашеніе князя Святополкъ-Мирскаго. При этомъ я извинился, что не могу исполнить даннаго мнѣ приказанія на русскомъ языкѣ. Скобелевъ протянулъ мнѣ руку и сказалъ по-нѣмецки: «Говорите, какъ хотите: по-нѣмецки, по-французски или по-англійски—для меня все равно. Вы вчера, вѣроятно, ждали меня съ нетерпѣніемъ—прибавилъ онъ насмѣшливо.—Но я никогда не перехожу въ наступленіе, пока не соберу всѣхъ частей. Прежде, чѣмъ ѣхать къ князю Святополкъ-Мирскому, я долженъ поблагодарить мои храбрыя войска. Если желаете, можете меня сопровождать».

«Такимъ образомъ,—продолжаетъ авторъ воспоминаній,—я получилъ возможность сдѣлать тотъ знаменитый объѣздъ, который увѣковѣченъ Верещагинымъ на его картинѣ».

Свиданіе обоихъ начальниковъ отрядовъ было не особенно дружелюбно. «Князь Святополкъ-Мирскій,—разсказываетъ фонъ-Пфейль, видимо настроенный къ Скобелеву очень враждебно,—потребовалъ отъ Скобелева саблю, которую ему отдалъ Сулейманъ-паша. Эту саблю долженъ былъ представить Радецкому именно онъ, какъ старшій по службѣ. Скобелевъ сталъ увѣрять, что сабли у него нѣтъ, и что она осталась у наши. Послали къ нашѣ. Тотъ отвѣ-

чалъ, что онъ отдалъ свою саблю Скобелеву. Послѣдній, однако, не хотѣлъ передать трофей князю, пока тотъ не заявилъ, что если Скобелевъ откажется исполнить его приказаніе, то онъ отберетъ его собственную. Только послѣ этой угрозы сабля Сулеймана была доставлена князю, который представилъ ее по начальству генералу Радецкому».

Вскорѣ автору записокъ пришлось ближе познакомиться съ этимъ генераломъ. «Штабъ князя Святополкъ-Мирскаго обѣдалъ большею частью въ помѣщеніи генерала Радецкаго, съ которымъ я, благодаря этому, успѣлъ познакомиться поближе и котораго я полюбилъ,—пишетъ фонъ-Пфейль.—Онъ былъ чрезвычайно любезенъ и добродушенъ, что рѣдко встрѣчается среди высшихъ командировъ. Но онъ вовсе не былъ полководцемъ и въ продолженіе всей войны оставался простымъ рубакой. Въ Казанлькѣ мы часто играли съ нимъ въ ералашъ, который онъ такъ любилъ, что чуть не забывалъ изъ-за него своихъ служебныхъ обязанностей».

Послѣ перехода черезъ Балканы турки прислали къ намъ для переговоровъ о перемиріи двухъ пашей: бывшего посланника въ Парижѣ Сервера-пашу, человѣка весьма образованнаго и стоявшаго за миръ, и Махмуда-пашу—дикаго, извѣстнаго своею жестокостью азіата. Султанъ Абдуль-Гамидъ началъ уже свою политику взаимнаго шпіонства, и для всѣхъ было ясно, что Махмудъ былъ присланъ только для того, чтобы слѣдить за своимъ коллегой.

Но заключенное съ пашами перемиріе было непродолжительно, и русскія войска скоро вступили въ Адрианополь. Князь Святополкъ-Мирскій послалъ впередъ своего адъютанта и графа фонъ-Пфейля отыскать для себя и для своего штаба подходящее помѣщеніе. Къ крайнему изумленію пруссака, адъютантъ, тронувшись въ путь, вдругъ повернулъ назадъ и подъ тѣмъ предлогомъ, что его лошадь потеряла подкову, отказался исполнить данное ему княземъ приказаніе. Графъ поѣхалъ одинъ, не предчувствуя, что ждетъ его впереди.

При самомъ въѣздѣ въ Адрианополь бросался въ глаза чистенькій домикъ, покинутый своими обитателями и заколоченный. Фонъ-Пфейль рѣшилъ, что лучшее помѣщеніе для начальника отряда найти трудно, и подѣхалъ съ сопровождавшими его казаками къ домику. Несмотря на то, что постройка по внѣшнему виду была чисто турецкая, на воротахъ висѣло объявленіе, что домъ этотъ англійскій и находится подъ покровительствомъ англійской королевы. Не безъ основанія заподозрѣвъ обманъ, фонъ-Пфейль приказалъ казакамъ открыть ворота и войти въ домъ. Но тутъ какъ изъ земли выросъ какой-то бѣлобрысый юнецъ, который на ломанномъ англійскомъ языкѣ выразилъ самый свирѣпый протестъ противъ вторженія русскихъ на англійскую территорию. Вслѣдъ за нимъ явилась съ тѣмъ же какал-то молодая особа, говорившая уже по-французски и рекомендовавшаяся дочерью англійскаго миссіонера

Розенберга. Наконецъ пожаловалъ и самъ англійскій миссіонеръ Розенбергъ, разразившійся цѣлымъ потокомъ ругательствъ. Онъ шумѣлъ, грозилъ вмѣшательствомъ англійскаго консула, кричалъ о томъ, что за него вступится англійское правительство, и не хотѣлъ слушать никакихъ оправданій. Только присутствіе казаковъ и ихъ рѣшительныя мины заставили смириться неприличнаго миссіонера. Впослѣдствіи оказалось, что Розенбергъ вовсе не англичанинъ, а нѣмецъ, задумавшій присвоить себѣ подъ англійскимъ флагомъ турецкій домъ, брошенный его хозяевами.

Противъ этого «англійскаго» дома стоялъ другой, съ рѣшетками въ окнахъ. Сначала князь Мирскій хотѣлъ было занять его подъ свой штабъ и послалъ офицера осмотрѣть его. На стукъ въ ворота вышелъ толстый, солидный турокъ и объявилъ, что въ этомъ домѣ помѣщается гаремъ бѣжавшаго Садыкъ-паши и что оставшіяся его жены просятъ не нарушать ихъ покой. Князь Святополкъ-Мирскій немедленно отдалъ соответствующее распоряженіе. Черезъ нѣсколько времени появился тотъ же толстый турокъ, котораго всѣ принимали за евнуха, съ подносомъ, уставленнымъ холодными кушаньями и, къ всеобщему удивленію, бутылками прекраснаго вина. Предприняты были нѣкоторыя развѣдки и въ результатѣ оказалось, что въ домѣ жило семейство Садыкъ-паши, поляка, состоявшаго на турецкой службѣ. Князь Мирскій сдѣлалъ визитъ обитательницамъ мнимаго гарема, который оказался прекрасно устроеннымъ на европейскій ладъ домомъ. Женѣ Садыкъ-пашѣ было лѣтъ подъ шестьдесятъ. Съ ней жила ея дочь, бывшая замужемъ за полякомъ Суходольскимъ, состоявшимъ на турецкой службѣ. По странной случайности братъ этого Суходольскаго былъ адъютантомъ у Скобелева и какъ разъ въ это время находился въ Адрианополѣ, не зная, что тутъ же живетъ семья его брата.

Домъ Садыкъ-паши сдѣлался настоящимъ салономъ, гдѣ собирались высшіе офицеры. «Князь Мирскій ходилъ туда очень часто, — говоритъ авторъ, — и каждый разъ приглашалъ меня. Старуха говорила мало; зато ея дочь, элегантная дама, воспитывавшаяся въ Парижѣ, вносила много веселья въ наши бесѣды. Здѣсь я между прочимъ познакомился съ совѣтникомъ русскаго посольства въ Константинополь Ону. Разговоръ велся по-французски. Было какъ-то необычно очутиться снова въ гостинной и дамскомъ обществѣ послѣ столькихъ мѣсяцевъ боевой жизни!»

Найти такой семейный уголокъ было тѣмъ пріятнѣе для нашихъ офицеровъ, что жизнь въ Адрианополѣ была скучна и небезопасна. Оставшіяся въ городѣ турки затаили въ себѣ ненависть къ русскимъ и по вечерамъ, пользуясь темнотой и полнымъ отсутствіемъ освѣщенія въ городѣ, совершали убійства. Такъ, былъ зарѣзанъ полковникъ Афросимовъ, вздумавшій пойти вечеромъ къ своему товарищу, который жилъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него.

Особенно интересны тѣ страницы записокъ фонъ-Пфейля, которыя посвящены воспоминаніямъ о пребываніи въ окрестностяхъ Константинополя и въ Санъ-Стефано.

Когда наши войска заняли возвышенности, съ которыхъ Царь-градъ былъ виденъ, какъ на ладони, солдаты стали усердно креститься, многіе даже опустили на колѣни, устремивъ взоры на св. Софію. «Невольно пришелъ мнѣ на память первый крестовый походъ», замѣчаетъ авторъ.

Въ ожиданіи окончанія переговоровъ о мирѣ передовые русскіе отряды расположились не далѣе 2,000 шаговъ отъ турецкихъ укрѣпленій. Русскіе офицеры ходили къ туркамъ, турки къ русскимъ. При станціи въ Санъ-Стефано виденъ былъ турецкій лагерь, посрединѣ котораго была разбита зеленая палатка Мухтара-паши.

Турки тянули переговоры, и всѣ были убѣждены, что безъ рѣшительнаго сраженія дѣло не обойдется. Гурко и Скобелевъ уже стягивали свои войска. Прошло нѣсколько часовъ прежде, чѣмъ Мухтаръ-паша согласился очистить позиціи, но выговорилъ себѣ право увезти съ собою всѣ запасы и орудія.

«Ночь прошла спокойно,—пишетъ графъ.—Наши патрули мирно встрѣчались съ турецкими, но никто не зналъ, что готовится намъ завтрашній день. На другой день я воспользовался случаемъ посѣтить вмѣстѣ съ нашими офицерами турецкія войска. Тамъ уже стояло нѣсколько нашихъ солдатъ, которые какъ-то ухитрились объясняться съ турками и показывали другъ другу свои ружья, сабли и патроны. Передъ жилищемъ одного паши стояли на часахъ два турка и одинъ русскій, которые подмигивали другъ другу, когда появлялся русскій или турецкій офицеръ, и всѣ трое отдавали ему честь.

«Никогда ни въ одной изъ кампаній, въ которыхъ я принималъ участіе, не приходилось мнѣ видѣть такихъ отношеній между обѣими враждующими сторонами», замѣчаетъ авторъ.

Несмотря на то, что турки, подстрекаемые англичанами, всячески затягивали переговоры о мирѣ, онъ былъ наконецъ заключенъ. Русскіе стояли уже на берегу Мраморнаго моря въ Санъ-Стефано. Желая объявить войскамъ радостную вѣсть, главнокомандующій великій князь Николай Николаевичъ приказалъ выстроить на санъ-стефанскомъ полѣ весь гвардейскій корпусъ. Но желаніе его было предвосхищено графиней Игнатъевой, супругой нашего посла въ Константинополь, которая сама объѣхала весь фронтъ и, останавливаясь около знакомыхъ офицеровъ, объявляла, что переговоры кончены и миръ заключенъ.

«Около 5 часовъ пополудни,—пишетъ фонъ-Пфейль,—появился верхомъ великій князь съ блѣстящей свитой, въ которой находились и турецкіе уполномоченные Савфеть-паша и Реуфъ-паша, хранившіе мрачное выраженіе на своихъ холодныхъ лицахъ. Великій

князь, встрѣченный громовыми криками «ура», милостиво здоровался съ войсками. Объѣхавъ фронтъ, онъ подзвалъ къ себѣ офицеровъ и объявилъ имъ о заключеніи мира. Затѣмъ главнокомандующій остановился какъ разъ посрединѣ фронта, снялъ фуражку, перекрестился и, вставъ на стременахъ во весь свой огромный ростъ, крикнулъ громкимъ голосомъ: «миръ!» Громкое «ура» было отвѣтомъ, фуражки полетѣли въ воздухъ и ликованію не было конца. Великій князь слѣзъ съ лошади, подошелъ къ Савфету-пашѣ и подаль ему руку. Тотъ молча протянулъ свою.

«Въ Санъ-Стефано мы устроились возможно уютнѣе, — продолжаетъ авторъ. — О службѣ почти не было рѣчи, и послѣ боевыхъ трудовъ каждый старался пользоваться, какъ могъ, благами жизни. Днемъ на морскомъ берегу играли два военныхъ оркестра музыки, подъ звуки которой офицеры и наѣзжавшіе изъ Константинополя гости прогуливались по берегу. Приѣзжали съ дамами и владѣльцы расположенныхъ около Санъ-Стефано лавокъ, большею частью богатые греки. Время отъ времени прибывали изъ Константинополя пароходы съ пассажирами, которымъ хотѣлось ближе взглянуть на русскихъ».

Доступъ въ Царьградъ былъ воспрещенъ русскимъ. Поэтому все Санъ-Стефано покрылось наскоро сколоченными лавками, гдѣ продавались ковры, шелковыя ткани, фотографіи, книги на всѣхъ языкахъ, а впослѣдствіи штатское платье для офицеровъ. За всѣ товары брались, разумѣется, баснословныя цѣны. Торговали главнымъ образомъ греки и нѣмцы, причемъ послѣдніе избрали своею специальностью тайную продажу водки.

Несмотря на строжайшія мѣры запрещенія, пьянство сильно развивалось среди солдатъ. По улицамъ ночью разъѣзжали русскіе и турецкіе патрули и каждую ночь подбирали нѣсколько мертвецки пьяныхъ. Наконецъ велѣно было наказывать розгами всякаго, кто будетъ замѣченъ въ пьянствѣ.

«Наказаніе это, при которомъ я однажды присутствовалъ, — пишетъ фонъ-Пфейль, — оставило во мнѣ неизгладимое воспоминаніе. Однажды подвыпившій гвардейскій солдатъ, выходя изъ плохо освѣщеннаго кабака, не узналъ своего полкового врача и, когда тотъ хотѣлъ его остановить, сорвалъ съ него погонь».

«Хотя виновный и не былъ найденъ, но подозрѣніе пало на одного солдата, котораго ротный командиръ и рѣшилъ наказать для острастки другимъ. При наказаніи должна была присутствовать вся рота. Заподозрѣнный, продолжая клясться въ своей невинности, былъ раздѣтъ и разложенъ на шинели. Одинъ унтеръ-офицеръ держалъ его за голову, другой за ноги, два унтеръ-офицера стояли по сторонамъ, мѣняя розги послѣ каждыхъ десяти ударовъ. Еще одинъ унтеръ-офицеръ медленно отсчитывалъ ударъ. Послѣ десятаго удара на спинѣ несчастнаго показались красныя рубцы, послѣ

сорокового при каждомъ ударѣ стала высоко бить кровь: несчастный громко кричалъ и просилъ пощады. Послѣ семидесяти розогъ онъ затихъ и до конца наказанія оставался въ безчувственномъ состояніи. Докторъ сильными средствами привелъ его въ чувство и отправилъ въ лазаретъ. Вся спина представляла кровавый кусокъ мяса».

Послѣ посѣщенія великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ султана офицерамъ было разрѣшено ѣздить въ Константинополь, но въ штатскомъ платьѣ. Однако это переодѣваніе не спасало ихъ: несмотря даже на феску, которую они стали надѣвать, толпа скоро узнавала ихъ и ходила за ними по пятамъ, крича: «Московъ! Московъ!» Въ виду этого офицерамъ было приказано появляться въ Константинополь въ форменныхъ сюртукахъ, но и это не помогало. Столица Турціи была наводнена всякаго рода авантюристами и темными личностями и кишѣла картежными домами и притонами. Происходившія здѣсь оргіи,—по словамъ графа фонъ-Пфейля, не поддаются описанію. Часто бывало, что русскіе офицеры и чиновники пропадали безъ вѣсти. По всей вѣроятности, они дѣлались жертвами мести и грабежа.

Авторъ записокъ самъ неоднократно ѣздилъ съ мѣста стоянки русской арміи въ Константинополь. Въ одно изъ такихъ посѣщеній онъ получилъ записку слѣдующаго содержания: «*Mehemed Ali Pascha sera enchanté de faire connaissance de m-r le comte Pfeil. Une bonne poignet de main de compatriote*». Авторъ не преминулъ воспользоваться этимъ приглашеніемъ, и знакомство между двумя пруссаками завязалось.

Принято думать, что турецкая армія была наводнена английскими офицерами. Но теперь уже извѣстно, что въ турецкихъ арміи и флотѣ ихъ было всего шесть. Гораздо больше было вѣмцевъ, типичнымъ представителемъ которыхъ былъ этотъ Магометъ-Али-паша. Настоящая его фамилія была Дютруа, родомъ онъ былъ изъ Магдебурга. Всѣми силами своей прусской души онъ ненавидѣлъ Россію и всю свою жизнь посвятилъ борьбѣ съ нею. Въ началѣ войны онъ выработалъ хитрый планъ нападенія на Рущукскій отрядъ, которымъ командовалъ наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ. Весьма возможно, что русскіе были бы разбиты превосходными силами турокъ подъ командой Магомета-Али-паши, если бы въ рѣшительную минуту его не замѣнилъ Сулейманъ-паша. Этотъ ненавистникъ Россіи, только и мечтавшій о томъ, какъ бы ввести въ турецкую армію нѣмецкихъ инструкторовъ, не могъ простить Сулейману пораженія при Шипкѣ и горько жаловался фонъ-Пфейлю на этого бездарнаго преподавателя литературы въ военномъ училищѣ, выльзшаго въ люди благодаря покровительству какого-то паши.

Вокругъ Магомета-Али-паши группировалось все враждебное Россіи. Правой его рукой былъ полякъ Суходольскій, братъ котораго

былъ адъютантомъ Скобелева. «Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что когда-нибудь турецкія войска, соединившись съ поляками, появятся подъ стѣнами Москвы»—вотъ любимая мечта этого турецко-пруссака паши.

По окончаніи войны Магометъ-Али не переставалъ вредить Россіи, какъ могъ. Будучи турецкимъ уполномоченнымъ на Берлинскомъ конгрессѣ, онъ яростно отстаивалъ раздѣленіе Болгаріи на Болгарское княжество и вассальную Румелію.

Дальнѣйшая судьба этого паши была трагична. Годъ спустя послѣ войны, онъ былъ посланъ турецкимъ правительствомъ для усмиренія взбунтовавшихся арнаутовъ. Мятежники разбили его отрядъ и, захвативъ его въ плѣнъ, изрѣшили кинжалами.

Время шло, а русская армія въ бездѣйствіи стояла въ Санъ-Стефанѣ, изнемогая отъ жары. Чтобы укрыться отъ палящаго зноя, были выкопаны для солдатъ глубокіе рвы, которые сверху прикрывались парусиною. Первое время это помогало, но въ іюнѣ зной сдѣлался нестерпимъ. Появилась фата-моргана. «Однажды,—разсказываетъ графъ фонъ-Пфейль,—мы увидѣли въ воздухѣ со стороны Чернаго моря какія-то укрѣпленія. Одинъ офицеръ, хорошо знавшій Севастополь, объяснилъ, что это севастопольскія укрѣпленія, лежащія отъ насъ за 550 километровъ».

Чтобы испытать всѣ особенности константинопольскихъ широтъ, недоставало только землетрясенія, но и оно не заставило себя долго ждать. Однако сотрясеніе почвы было настолько слабо, что попадали только ружья, составленныя въ козлы.

Истиннымъ бичомъ для русскаго лагеря были во множествѣ водившіяся въ этихъ мѣстахъ змѣи, иногда достигавшія значительной величины. Въ большинствѣ случаевъ змѣи были безвредны, но иногда попадались и ядовитыя.

«Однажды вечеромъ,—разсказываетъ графъ фонъ-Пфейль,—я сидѣлъ передъ своей палаткой, погруженный въ чтеніе, какъ вдругъ я услышалъ, что что-то зашурчало около меня. Оглянувшись, я увидѣлъ возлѣ своей головы змѣю, которая вползла наверхъ по стулу. Въ испугѣ я вскочилъ и поспѣшилъ ее убить. Змѣя имѣла шесть футовъ длины, но была неядовита. Гораздо непріятнѣе было встрѣтиться съ тарантулами, которые попадались нерѣдко и отъ укушенія которыхъ заболѣло уже нѣсколько человѣкъ».

Ища развлеченій, офицеры обѣихъ армій дружелюбно посѣщали другъ друга, причемъ визиты эти не обходились иногда безъ комическихъ приключеній. Одинъ изъ офицеровъ, часто бывавшій въ турецкомъ лагерѣ, обыкновенно бралъ съ собою и своего денщика, который скоро подружился тамъ съ какимъ-то солдатомъ. И вотъ однажды, желая навѣстить своего знакомаго, денщикъ отправился къ нему въ гости въ турецкій лагерь. Оказалось, однако,

что въ турецкомъ лагерѣ была произведена новая дислокація войскъ; своего знакомаго денщикъ не нашель и мирно отправился въ обратный путь. На его бѣду, повстрѣчались ему два турецкихъ офицера, которые приняли его за русскаго собрата и очень вѣжливо отдали честь. Денщикъ быстро вошелъ въ роль и вступилъ съ турками въ разговоръ. Тѣ жестами пригласили его слѣдовать за ними и, къ величайшему ужасу этого военнаго Хлестакова, привели его въ палатку пашы.

Паша принялъ его очень любезно, но все время подозрительно косился на мундиръ самозваннаго офицера. Нужно сказать, что вслѣдствіе крайней жары всѣ въ арміи ходили въ бѣлыхъ рубахахъ и только по погонамъ, которыхъ не было у денщика, можно было отличить офицера отъ рядового. Не смущаясь подозрительными взглядами пашы, развязный денщикъ отрекомендовался ему капитаномъ и вскорѣ совершенно очаровалъ турецкаго генерала. Бесѣда приняла самый сердечный характеръ, какъ вдругъ въ палатку вошелъ настоящій капитанъ, баринъ ловкаго самозванца. Тотъ, однако, не растерялся: успѣлъ мигнуть глазомъ, потихоньку шепнулъ ему нѣсколько словъ, и капитанъ, не желая конфузить пашу, рѣшился продолжать комедію. Онъ подалъ своему денщику руку, усѣлся рядомъ съ нимъ и по окончаніи угощенія вмѣстѣ отправился въ русскій лагерь. Въ ближайшихъ къ мѣсту происшествія частяхъ этого денщика иначе потомъ не называли, какъ пашой, но бѣдняга скоро погибъ отъ свирѣпствовавшаго въ русской арміи тифа.

Посѣщенія турками русскихъ офицеровъ пришлось, впрочемъ, скоро прекратить, и вотъ по какому трагическому случаю. Однажды наши угощали у себя турецкаго полковника, прибывшаго въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ и денщиковъ. Поклонникъ Магомета рѣшительно отказался отъ предложеннаго ему вина, но сдѣлалъ исключеніе въ пользу коньяка, который, по его мнѣнію, не принадлежитъ къ числу спиртныхъ напитковъ. Нѣсколько стаканчиковъ скоро убѣдили его въ ошибочности его взгляда, но тутъ почтенный вояка разрѣшилъ ужъ себѣ и другія виноградныя издѣлія и порядочно охмелѣлъ. Кончилось тѣмъ, что турокъ пришелъ въ восторгъ отъ гостепріимства недавнихъ враговъ и сталъ поносить свою армію. Офицеры, его спутники, были обижены и тщетно старались замять разговоръ. Особенно волновался одинъ изъ прислуживавшихъ полковнику денщиковъ—негръ, безпрестанно блѣднѣвшій подъ своей черной кожей отъ безтактныхъ выходокъ своего полковника. Наконецъ онъ не выдержалъ и бросился на оскорбителя съ кулаками. Нашимъ едва удалось удержать его. Полковникъ свалился пьяный подъ столъ, а негръ, вырвавшись изъ рукъ нашихъ солдатъ, снова бросился на оскорбителя Магометова закона, выхватилъ изъ ноженъ штыкъ и намѣревался вонзить его въ бокъ полковнику. Къ счастью, кому-то удалось схватить его за руку.

Негра обезоружили, а полковника взвалили на телѣгу и отправили въ турецкій лагерь.

Потомъ говорили, что негра судили военнымъ судомъ и повѣсили.

Въ апрѣлѣ 1878 г., какъ разъ на Пасхѣ, произошла смѣна главнокомандующихъ арміей. Великій князь Николай Николаевичъ былъ уволенъ отъ командованія, а на его мѣсто назначенъ генералъ Тотлебенъ.

Къ Свѣтлomu воскресенью Тотлебенъ привезъ отъ государя великому князю фельдмаршальскіе эполеты, но всѣ знали, что это ползота горькой пилюли.

За свѣтлой заутреней, отслуженной въ мѣстной греческой церкви, разыгралась характерная сцена, которую графъ фонъ-Пфейль занесъ цѣликомъ въ свой дневникъ. Неизвѣстно зачѣмъ, въ церкви очутился какой-то камергеръ въ своемъ раззолоченномъ мундирѣ. «Когда великій князь, открывая крестный ходъ, двинулся черезъ переполнявшую церковь толпу, этотъ придворный угодникъ отвѣсилъ ему такой глубокой поклонъ и выразилъ на своемъ лицѣ столько соболѣзнованія и симпатіи къ нему, что великій князь, тронутый его теплымъ чувствомъ, остановился около него и протянулъ ему руку. Но едва онъ тронулся дальше, какъ лицо придворнаго прояснилось и онъ приготовился встрѣтить вновь восходящее свѣтило. Когда Тотлебенъ поравнялся съ камергеромъ, тотъ выскочилъ къ нему навстрѣчу, протягивая къ нему обѣ руки. Но генералъ ограничился лишь тѣмъ, что холодно кивнулъ ему головой».

Новый главнокомандующій прежде всего принялся за очистку русскаго лагеря, въ которомъ свирѣпствовалъ тифъ. Много возни было съ удаленіемъ остатковъ убиваемыхъ въ пищу животныхъ, но еще больше хлопотъ вызвала перевозка заготовленныхъ для продовольствія арміи припасовъ. По удивительной небрежности интендантства, эти припасы сложены были прямо на берегу моря въ такомъ мѣстѣ, гдѣ англійскій флотъ и турецкія батареи всегда могли ихъ разгромить. Чтобы оградить армію отъ такой опасности остаться безъ хлѣба, Тотлебенъ велѣлъ немедленно перевезти по желѣзной дорогѣ всѣ интендантскіе запасы въ Адрианополь. Распоряженіе это вызвало было противодѣйствіе со стороны желѣзнодорожниковъ: доказывавшихъ невозможность перевезти въ короткій срокъ такую массу груза, но Тотлебенъ энергично настоялъ на своемъ, и припасы были перевезены въ четыре дня.

Мѣра эта представлялась тѣмъ болѣе цѣлесообразной, что турки, подстрекаемые англичанами, становились день ото дня враждебнѣе и держали себя вызывающе. Въ Константинополь образовалась сильная военная партія, во главѣ которой сталъ Османъ-паша, зачѣмъ-то освобожденный нами изъ плѣна. Дошло наконецъ до того, что командовавшій турецкой арміей Фуадъ-паша потребовалъ отъ Тотлебена, чтобы онъ снялъ всѣ казачьи посты, расположенные

на вышкахъ вокругъ русскаго лагеря, грозя открыть огонь по всей линіи, если его требованіе не будетъ исполнено завтра къ 10 часамъ утра. Тотлебенъ, конечно, категорически отказался исполнить это требованіе и приказалъ передать Фуаду-пашѣ, что при первомъ же выстрѣлѣ турецкаго орудія онъ со всѣми силами тронется на Константинополь.

«Весь день и всю ночь,—вспоминаетъ авторъ,—мы употребили на то, чтобы привести себя въ боевой порядокъ. Всѣ войска, расположенныя сзади, были вытребованы по телеграфу впередъ, и къ 8 часамъ утра у насъ стояла готовая къ бою армія въ 100 тысячъ человѣкъ. Генераль Тотлебенъ объѣхалъ фронтъ, восторженно привѣтствуемый войсками. Всѣ весело ждали предстоящаго боя.

Вдоль турецкой линіи царило величайшее возбужденіе. Видно было, какъ всюду развѣзжались съ своими штабами генералы, въ амбразуры просунулись блестящія пушки. Никто не сомнѣвался, что предстоитъ серьезное дѣло. Съ напряженіемъ считали мы минуты, ожидая что вотъ-вотъ гдѣ-нибудь взвѣется хорошо знакомый бѣлый дымокъ орудійнаго выстрѣла. Пробыло, однако, десять часовъ, но все было тихо. Всѣ терялись въ догадкахъ, чѣмъ объяснить спокойствіе турокъ. На палящемъ солнцѣ мы простояли въ полѣ нѣсколько часовъ, и только въ 6 часовъ вечера послѣдовалъ приказъ вернуться на старыя позиціи. Нѣсколько человѣкъ были поражены солнечнымъ ударомъ. Генераль Тотлебенъ отправилъ въ Константинополь очень рѣзко составленную ноту, вслѣдствіе чего Фуад-паша былъ отставленъ отъ командованія.

Въ августѣ стало извѣстно, что вслѣдствіе Берлинскаго трактата мы должны очистить свои позиціи. Но прежде, чѣмъ покинуть поля Санъ-Стефано, Тотлебенъ захотѣлъ еще разъ дать острстку туркамъ и назначилъ смотръ всѣмъ войскамъ. На этотъ смотръ ожидался самъ султанъ, приславшій, однако, вмѣсто себя Мухтара-пашу и Штрекера-пашу. Послѣдній передавалъ графу фонъ-Пфейлю, что султанъ считаетъ себя почти военноплѣннымъ и не прибылъ на смотръ, опасаясь ловушки съ русской стороны.

Смотръ прошелъ блестяще и вызвалъ у всѣхъ самое хорошее настроеніе, которое, однако, было испорчено нѣмецкимъ высококомѣриемъ Штрекера.

«Въ 12 часовъ прибылъ генераль Тотлебенъ,—разсказываетъ авторъ,—въ сопровожденіи обеихъ пашей и блестящей свиты. Какъ главнокомандующій, онъ былъ встрѣченъ народнымъ гимномъ. Болѣе часа продолжался объѣздъ фронта, послѣ чего Тотлебенъ сталъ на лѣвомъ флангѣ, чтобы пропустить войска церемоніальнымъ маршемъ. Оба турецкихъ генерала похвалили исправку войскъ, причемъ Штрекеръ-паша обратился къ командиру первой гвардейской дивизіи и сказалъ:

«— Ваше превосходительство, я долженъ сказать, что ваши люди имѣютъ прекрасный видъ. Можно подумать, что это прусскіе гвардейскіе полки.

«Командиръ, приготовлявшійся было отвѣтить Штрекеру любезностью, онѣмѣль при этомъ «можно подумать». Выходка его скоро получила широкую огласку, и отношенія между этимъ нѣмцемъ и нашими гвардейскими офицерами приняли самый натянутый характеръ».

Въ концѣ августа началась эвакуація Санъ-Стефано. Всѣ были въ подавленномъ настроеніи, чувствовали, что не сдѣлано самаго главнаго, и этимъ чувствомъ были проникнуты не только офицеры, но и солдаты. Когда началась посадка войскъ на суда, одинъ унтеръ-офицеръ вытянулъ по направленію къ Константинополю сжатые кулаки и громко воскликнулъ: «Дай Богъ, чтобы и правнукамъ нашимъ не пришлось видѣть этой распроклятой страны!»

Музыка заиграла народный гимнъ, суда тихо тронулись, и громкое русское «ура» въ послѣдній разъ огласило турецкіе берега.

Гвардія была отправлена въ Севастополь, гдѣ ее ожидалъ императоръ Александръ II. Севастополь еще послѣ явные слѣды знаменитой обороны. Цѣлыя улицы лежали въ развалинахъ, вокругъ города виднѣлись укрѣпленія союзныхъ войскъ, траншеи и мѣста, гдѣ были батареи, сохранились еще довольно исправно. Малаховъ курганъ представляетъ собою груды развалинъ.

На этой-то пропитанной русской кровью почвѣ Александръ II встрѣчалъ свою побѣдоносную гвардію. Прошелъ уже годъ послѣ того, какъ, удалившись съ театра войны, государь не видѣлъ своихъ войскъ.

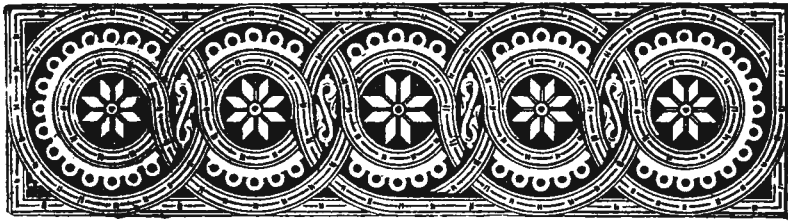
«Мы нашли государя,—пишетъ фонъ-Пфейль,—сильно постарѣвшимъ и въ удрученномъ настроеніи. Въ прочувствованныхъ словахъ онъ благодарилъ войска, особенно офицеровъ и георгіевскихъ кавалеровъ. Были дарованы всякія милости, но все это не могло разогнать подавленнаго настроенія, вызваннаго разочарованіями въ Берлинскомъ конгрессѣ».

Это разочарованіе живо чувствовалось по всей странѣ.

«Вмѣсто сердечной встрѣчи мы,—говоритъ авторъ,—во всѣхъ городахъ (кромѣ большихъ) видѣли на вокзалахъ поразительное равнодушіе. Особенно поразили насъ Харьковъ и Курскъ, гдѣ вокзалы оказались совершенно безлюдны. Въ Петербургѣ гвардія возвращалась по полкамъ, которые встрѣчалъ наслѣдникъ цесаревича. Городъ встрѣчалъ войска радушно и сдѣлалъ все, чтобы выразить благодарность офицерамъ и солдатамъ».

Военные громы стихли, начиналъ доноситься подземный гулъ террора.

А. Бѣловъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

**В. И. Семевскій. Политическія и общественныя идеи декабри-
стовъ. Спб. 1909 г. Стр. XII+694. Ц. 3 р. 50 к.**

ВОТЪ КНИГА, которая долго ожидалась въ литературныхъ и ученыхъ кружкахъ, отрывки которой, печатавшіеся въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ (преимущественно въ «Быломъ», «Русскомъ Богатствѣ»), вызывали къ себѣ общее вниманіе и выходъ въ свѣтъ которой оправдалъ надежды, на нее возлагавшіяся. Можно безъ преувеличенія сказать, что въ истекшемъ 1909 г. трудъ г. Семевского по цѣлостности задуманной программы изданія, по старательности и обстоятельности выполненія долженъ считаться одною изъ лучшихъ книжныхъ новинокъ, которая займетъ видное мѣсто въ библиотекѣ каждаго, занимающагося русской исторіей XIX в. и интересующагося ходомъ развитія философскихъ, а еще болѣе политическихъ идей въ нашемъ отечествѣ. Съ появленіемъ работы г. Семевского можно считать дѣло декабристовъ *въ его идейной постановкѣ вопроса* достаточно исчерпаннымъ и, если изучать его въ связи съ данными фактическаго характера, впервые опубликованными сначала Богдановичемъ, а засимъ Дубровинимъ и послѣдующими историками то оно надолго по крайней мѣрѣ можетъ обойтись безъ добавочныхъ комментаріевъ, дополненій и толкованій. Именно тотъ фактическій матеріалъ, который данъ предшествовавшими изслѣдователями, г. Семевскимъ оставленъ почти безъ разсмотрѣнія, почему самая исторія заговора 14 декабря 1825 года изъ его книги не познается въ послѣдовательности развертывавшихся событій. Его задача была обрисовать

политическое и общественное мировоззрѣніе декабристовъ, установить, подъ воздѣйствіемъ какихъ западно-европейскихъ и отечественныхъ культурныхъ факторовъ оно развилось и окрѣпло, какъ оно реагировало на явленія родной дѣйствительности и каковъ былъ судъ декабристовъ этой дѣйствительности, съ указаніемъ радикальныхъ и рядомъ паліативныхъ средствъ ея врачеванія.

Во введеніи, гдѣ авторъ выказалъ глубокое знакомство съ разнообразными общественными и политическими теченіями русской жизни XVIII ст., онъ далъ сжатый обзоръ предшествовавшихъ проектовъ реформъ государственнаго строя Россіи въ XVIII и первой четверти XIX вѣка. Затѣмъ онъ прежде всего изложилъ мнѣнія декабристовъ о высшихъ представителяхъ власти, о центральныхъ и мѣстныхъ учрежденіяхъ, государственномъ хозяйствѣ Россіи, о положеніи сословій, о жизни солдатъ. Описавъ волненія Семевского полка, сыгравшаго для движенія 1825 г. крупную подготовительную роль, г. Семевскій останавливается на отношеніяхъ декабристовъ къ военнымъ поселеніямъ, цензурѣ, преслѣдованію профессоровъ и учащейся молодежи и къ нѣкоторымъ другимъ проявленіямъ произвола правительства, а также къ иностранной политикѣ Россіи. Обрисовавъ отрицательное отношеніе декабристовъ къ существовавшимъ тогда въ Россіи порядкамъ, авторъ далъ опредѣленіе тѣхъ вліяній, которыя помогли разобратъся въ тяжелыхъ впечатлѣніяхъ, отражавшихся на нихъ отъ событій тогдашней жизни, и установилъ эти вліянія въ условіяхъ ихъ образованія, въ посѣщеніи ими Западной Европы, въ ихъ чтеніи, въ изученіи государственнаго устройства народовъ Европы и Америки, въ знакомствѣ съ прошлыми и современными декабристами, революционными движеніями и, наконецъ, въ изученіи русской исторіи и вліяніи конституціоннаго строя царства Польскаго. Въ виду того, что готовою организаціей для объединенія тогдашней интеллигенціи являлись масонскія ложи, изслѣдователь прослѣдилъ участіе въ нихъ декабристовъ, характеризуя политическое и социальное міросозерцаніе масоновъ, съ указаніемъ причинъ разочарованія декабристовъ въ масонствѣ. Вѣглыми чертами (по недостатку для того фактическаго матеріала въ нашей и иностранной литературѣ) касается онъ и вліянія на русское масонство со стороны масонскихъ ложъ польскихъ и французскихъ, а также карбонаріевъ Швейцаріи, Франціи и Италіи. Тутъ же имъ отмѣчена и неудавшаяся попытка графа Дмитріева-Мамонова и М. Ѳ. Орлова создать орденъ «Русскихъ рыцарей» съ изложеніемъ намѣченной ими программы преобразованій. Въ 5-й главѣ г. Семевскій даетъ характеристику конституціонныхъ стремленій членовъ тайныхъ обществъ: «союза спасенія», «союза благоденствія», «сѣвернаго» и «южнаго» общества, а говоря о «союзѣ благоденствія», онъ разсматриваетъ связанная съ нимъ попытки дѣятельности въ области первоначальнаго преподаванія, пропаганды, устройства литературныхъ обществъ и предположенія Н. И. Тургенева объ изданіи журнала. Слѣдующая глава посвящена монархически-конституціоннымъ стремленіямъ «сѣвернаго общества», и здѣсь подробно говорится о проектѣ конституціи Никиты Мих. Муравьева въ трехъ его редакціяхъ, приводятся замѣчанія на него П. Пестеля и К. Торсона, а также излагается проектъ конституціи Батенкова; авторъ отмѣчаетъ довольно замѣтное республиканское теченіе въ «сѣвер-

номъ обществѣ» и останавливается на предположеніяхъ его членовъ относительно временнаго правленія и созыва Великаго Собора. Седьмая глава специально посвящена Пестелю и подробнѣйшему разбору его «Русской Правды» и «Государственнаго Завѣта», гдѣ читатели знакомятся съ политическими и социальными тенденціями «южнаго общества», стремившагося къ введенію у насъ республиканскаго правленія и къ широкимъ аграрнымъ реформамъ. По недостатку для того фактическаго матеріала значительно слабѣе обрисована дѣятельность «общества соединенныхъ славянъ» и ихъ планъ обще-славянскаго федеративнаго союза. Послѣднія четыре главы посвящены «судебной реформѣ», «преобразованію военнаго строя», «свободѣ печати» и «крестьянскому вопросу», преобразованіямъ въ этомъ кругѣ вопросовъ отечественной жизни намѣчаемымъ обоими тайными обществами («сѣвернымъ» и «южнымъ»). Въ 12-й заключительной главѣ изслѣдователь останавливается, правда, нѣсколько поверхностно и бѣгло, на чисто-политическихъ доктринахъ декабристовъ и главнымъ образомъ въ кругу инородческихъ вопросовъ, причемъ ему по необходимости приходится отмѣчать въ большинствѣ случаевъ націоналистическія тенденціи тѣхъ, характеристикъ которыхъ съ любовью и поклоненіемъ онъ посвятилъ свою работу. Вслѣдствіе этого ему приходится стать въ нѣсколько непріязненное отношеніе къ своимъ героямъ, дѣлать имъ за руссофильство замѣчанія и вступать съ ними въ пререканія. Субъективизмъ изслѣдователя здѣсь беретъ верхъ надъ объективизмомъ и спокойствіемъ историка-изслѣдователя. Подводя итогъ всему имъ сказанному относительно ученія декабристовъ, онъ говоритъ: «... Несмотря на нѣкоторые недостатки плановъ декабристовъ относительно политическихъ и общественныхъ преобразованій, пропаганда ихъ (декабристовъ) идей должна была имѣть самое благотворное вліяніе на русское общество. Требованіе полнаго преобразованія неограниченной монархіи въ монархію конституціонную или республику, требованіе введенія гласности судопроизводства и суда присяжныхъ, уничтоженія смертной казни, введенія свободы печати, уничтоженія военныхъ поселеній, крѣпостного права и сословныхъ привилегій—установленія равноправія относительно налоговъ, воинской повинности, подсудности одинаковымъ для всѣхъ судамъ, равноправія въ области уголовныхъ каръ, въ сферѣ занятій торговлею и промыслами и проч., пропаганда всѣхъ этихъ идей была въ высшей степени плодотворна. Вопросъ о способахъ и размѣрахъ надѣленія крестьянъ землею при уничтоженіи крѣпостного права былъ еще недостаточно обсужденъ въ «сѣверномъ обществѣ», но предположенія о безземельномъ освобожденіи были устранены, «южное» же общество въ лицѣ Пестеля высказалось за крупныя аграрныя реформы. Слабую сторону въ планахъ декабристовъ представлялъ вопросъ національный; въ «сѣверномъ» обществѣ надъ нимъ мало останавливались, Пестель же, давая важныя преимущества полякамъ, къ остальнымъ народностямъ относился съ антинаціональной точки зрѣнія.

«Вліяніе пропаганды декабристами ихъ идей было усилено тѣмъ беззавѣтнымъ самопожертвованіемъ, съ которыми они провозгласили требованіе политической свободы и на Сенатской площади въ Петербургѣ, и во время возстанія

Черниговскаго полка въ юго-западной Россіи. Лучшіе русскіе люди, послѣ комедіи суда надъ ними, были или казнены, или заточены въ Восточной Сибири и въ крѣпостяхъ Европейской Россіи, отправлены на поселеніе или на службу въ разные медвѣжьи углы. Однако, несмотря на всѣ старанія правительства прервать идейную преемственность двухъ поколѣній, уже въ ближайшіе годы послѣ расправы съ декабристами въ Москвѣ возникаютъ кружки, ставящіе себѣ цѣлью продолженіе ихъ дѣла; такимъ стремленіемъ, въ числѣ другихъ, были проникнуты юные друзья—Герценъ и Огаревъ. Достаточно припомнить благоговѣніе ихъ къ декабристамъ, которое всю жизнь питали они (Герценъ придавалъ огромное значеніе аграрнымъ планамъ Пестеля), чтобы понять, какую значительную роль сыграли наши первыя тайныя общества въ русскомъ освободительномъ движеніи. Смѣлость, съ которою декабристы поставили на карту и свою жизнь, и свое личное счастье ради осуществленія дорогихъ для нихъ идей, будетъ долго еще служить примѣромъ для всѣхъ тѣхъ, кто способенъ бороться для завоеванія свободы русскому народу».

Таково содержаніе новаго труда г. Семевского, таковы взгляды его на значеніе въ исторіи русскаго политическаго движенія декабристовъ. Какъ всѣ работы неутомимаго нашего изслѣдователя, и настоящій трудъ отличается всѣми присутствующими ему достоинствами: опубликованіемъ значительнаго количества невѣдомаго дотолѣ историческаго матеріала въ кругу обслѣдуемаго вопроса, матеріала, почерпнутаго имъ изъ архивныхъ первоисточниковъ, обстоятельная систематизація этого матеріала, кропотливый его анализъ съ экскурсіями въ область родственной вопросу западно-европейской литературы; выясненіе деталей, входящихъ въ кругъ изслѣдуемаго предмета, комментированіе этихъ деталей и приведеніе всего изслѣдованія въ стройное цѣлое, въ одну общую картину съ ея опредѣленнымъ освѣщеніемъ. Что же касается этого освѣщенія, то тутъ авторъ порою впадаетъ въ ошибку, стараясь во что бы то ни стало выставить предметы, имъ обрисовываемые, въ опредѣленномъ свѣтѣ. Отсюда ошибки въ тѣняхъ, промахи въ тонахъ красокъ. Иногда онъ чувствуетъ самъ, что кисть его беретъ невѣрные мазки, и тогда онъ начинаетъ сердиться и изъ роли спокойнаго бытописателя переходитъ на амплуа проповѣдника, моралиста и полемиста. Такъ, ему не всегда приходится по сердцу нѣкоторыя разсужденія декабристовъ по общественнымъ вопросамъ, и тогда онъ, забывая историческую перспективу, начинаетъ съ ними полемизировать, какъ съ людьми, какъ-будто еще не сошедшими съ арены исторіи. Тутъ историкъ уходитъ куда-то въ сторону, и его мѣсто занимаетъ публицистъ радикальнаго политическаго лагеря.

Г. Л. И.

Н. П. Павловъ-Сильванскій. Сочиненія, т. 1. Спб. 1909 г. 336 стр.—1 р. 25 к.; т. II. Спб. 1910, 401 стр.—1 р. 50 к.

Еще покойный Н. П. Павловъ-Сильванскій, какъ на то указывается въ краткомъ предисловіи, собирался переиздать книгу о происхожденіи дворянства, выпустить собраніе своихъ статей и начать печатаніе своей работы о феодализмѣ. Издательскихъ плановъ ему осуществить не удалось, и теперь

родственники и друзья покойнаго печатають собраніе его сочиненій въ количествѣ трехъ томовъ.

Въ первый томъ вошли «Государевы служилые люди», превосходная научно-популярная исторія дворянства въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ до середины XVIII в. Сюда же присоединена статья «Люди кабальные и докладные», первоначально появившаяся въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» (1895 г., январь).

Второй томъ носить заголовокъ: «Очерки по русской исторіи XVIII—XIX в.». Сюда вошли: 1) «Графъ Петръ Андреевичъ Толстой», 2) «Посошковъ», 3) «Новыя извѣстія о Посошковѣ», 4) «Жизнь Радищева», 5 и 6) «Волненія крестьянъ при Павлѣ I» (двѣ статьи по поводу книги Трифилева), 7) «П. И. Пестель», 8) «Материалисты двадцатыхъ годовъ», 9) «Народъ и царь въ трагедіи Пушкина», 10) «Великій князь Константинъ Николаевичъ», 11) «Мянія верховниковъ о реформахъ Петра Великаго».

Всѣ эти статьи перепечатаны изъ разныхъ изданій, за исключеніемъ послѣдней, которая напечатана впервые по рукописи автора, найденной въ его бумагахъ. Содержаніе и этой статьи, однако, не представляетъ собою существенной новости, такъ какъ статья является только болѣе полнымъ и обстоятельнымъ изложеніемъ того, что было напечатано въ сборникѣ «О минувшемъ» (С.-Петербургъ, 1909 г.), въ очеркѣ подъ заглавіемъ «Судъ надъ реформой Петра Великаго въ верховномъ тайномъ совѣтѣ». Въ виду того, что статьи эти были извѣстны раньше, думается, нѣтъ нужды излагать ихъ содержаніе и характеризовать ихъ, тѣмъ болѣе, что общая оцѣнка научной дѣятельности покойнаго историка уже была дана въ нашемъ журналѣ (1908 г., ноябрь).

Кромѣ вышедшихъ двухъ томовъ, печатается третій, который будетъ составленъ изъ новаго труда А. П. Павлова-Сильванскаго «Феодализмъ въ удѣльной Руси», съ приложеніемъ введенія, біографіи и портрета автора.

Такимъ образомъ, въ это изданіе историческихъ трудовъ Павлова-Сильванскаго войдетъ все болѣе или менѣе значительное изъ того, что имъ было написано. Это изданіе выходитъ весьма кстати: въ нѣкоторыхъ изслѣдованіяхъ, уже вышедшихъ изъ продажи, давно чувствовался недостатокъ, пользование статьями, разбросанными по журналамъ, сборникамъ и разнымъ изданіямъ, было затруднительно. Теперь эти неудобства устраняются. Въ заключеніе нужно сказать, что это изданіе, выпускаемое въ свѣтъ съ такой быстротой благодаря энергіи близкихъ и друзей Н. П., будетъ служить прекраснымъ памятникомъ безвременно погибшаго историка.

М. К.

Лѣтопись занятій императорской археографической комиссіи за 1908 г. Выпускъ двадцать первый. Подъ редакціей правителя дѣлъ В. Г. Дружинина. Спб. 1909. Стр. 35+VII+424+117. Цѣна 2 руб. 50 к.

Въ XXI выпускѣ «Лѣтописи занятій» помѣщены труды: 1) М. Г. Курдюмова—«Описаніе актовъ кунгурскаго уѣзднаго суда и актовъ соликамскихъ» и 2) В. Г. Дружинина—«Нѣсколько неизвѣстныхъ литературныхъ памятниковъ изъ сборника XVI вѣка».

Описываемые г. Курдюмовым акты поступили въ археографическую комиссію въ 1837 г. отъ П. М. Строева, получившаго ихъ изъ соликамскаго и кунгурскаго уѣздныхъ архивовъ. Въ описи насчитывается всего 2040 актовъ, изъ нихъ напечатаны до настоящаго времени только 381 актъ, наиболѣе интересные по своему содержанию и касающіеся военныхъ дѣйствій и событій смутнаго времени. Остальные акты обнимаютъ собою промежутокъ времени съ 1605 по 1735 г. и въ большинствѣ случаевъ имѣютъ отношеніе къ воеводскому управленію Пермскимъ краемъ. Въ нихъ говорится о взиманіи налоговъ, о сборахъ ратныхъ людей и припасовъ, торговлѣ виномъ, постройкѣ укрѣпленій, мѣрахъ обороны противъ татаръ и башкиръ, снабженіи Сибири хлѣбомъ и т. п. Нѣкоторые акты свидѣтельствуютъ о существованіи въ Россіи частной табачной монополіи, другіе рисуютъ положеніе соляныхъ и рудныхъ промысловъ, третьи упоминаютъ о торговлѣ съ Китаемъ и чрезъ Архангельскъ съ Западной Европой, даютъ матеріалы для ознакомленія съ внутренней торговлей (таможенные выписи) и т. п.

Неизвѣстные литературные памятники, которые описываетъ и приводитъ въ своемъ трудѣ г. Дружининъ, взяты имъ изъ рукописнаго сборника XVI в., составляющаго нынѣ собственность императорской публичной бібліотеки. Сборникъ въ 1908 г. этотъ былъ привезенъ изъ гор. Кеми и проданъ бібліотекѣ. Бумага, на которой онъ напечатанъ, по водянымъ знакамъ (сфера и рука съ короной надъ нею) относится къ 1561 и 1568 г. Напечатано изъ сборника 35 статей; большинство изъ нихъ, по мнѣнію г. Дружинина, принадлежатъ митрополиту Даніилу, современнику великаго князя Василя III. Статьи эти представляютъ посланія митрополита къ различнымъ лицамъ: епископамъ; пресвитерамъ и мірянамъ. Интересно посланіе во Владыченъ, близъ гор. Серпухова, Введенскій монастырь «о благочиніи и еже не упиватись и не имѣти у себе въ монастырѣ пировъ и питья пьянственнаго». Изъ посланія: «Яко идѣже суть иноци, да не пребываютъ тамо голоусые и блазнено таковыхъ постригати», видно, что не только «питье пьянственное», но, говоря по современному, и гомосексуализмъ были присущи нашимъ обителямъ. Даніиль полагаетъ, что «злѣйши бо суть женъ отрочата на иноки» и подкрѣпляетъ свое мнѣніе примѣрами, взятыми, какъ онъ говоритъ, изъ книгъ; между прочимъ онъ рассказываетъ такую легенду: «приде нѣкогда бѣсъ ко вратомъ монастыря и видя отроча въ монастыри и глагола: азъ не требую здѣ быти, понеже сіе множае мене смутити иматъ здѣ». Всѣ посланія Даніила написаны по одному трафарету: въ началѣ дается положеніе, обсуждаемое далѣе на основаніи текстовъ св. писанія; въ заключеніе выводится обыкновенно правовеніе, приличествующее случаю.

В. Троцкий.

Строевъ, В. Н. Бироновщина и кабинетъ министровъ. Очеркъ внутренней политики императрицы Анны. Часть I (1730 — 1735 г.). М. 1909. Стр. 205.

Въ началѣ книги г. Строевъ даетъ характеристику времени, непосредственно предшествовавшему царствованію Анны Іоанновны, отмѣчая, что тотчасъ же послѣ смерти великаго преобразователя рѣзко проявились темныя стороны го-

сударственного порядка: разореніе податного населенія отъ непосильныхъ поборовъ, оскудѣніе казны, беспорядки въ управленіи, ослабленіе арміи и флота. Еще при Екатеринѣ I и Меншиковѣ дѣло Петра продолжалось, но далеко не такъ энергично; съ паденіемъ же Меншикова при Петрѣ II начинается реакція, которая усиливается быстрымъ темпомъ. Дѣла государственныя въ забвеніи, страшно увеличивается роскошь двора, иностранцы начинаютъ «своевольничать», всюду царить произволъ.

Среди такихъ обстоятельствъ вступаетъ на престолъ Анна Иоанновна. Императрица была женщина отъ природы не глупая, а тяжелый жизненный опытъ еще болѣе умудрилъ ее. Современники отмѣчаютъ ея тактичность и умѣнье обращаться съ людьми. Она была болѣзненно самолюбива и склонна къ мщенію и жестокости, характера твердаго и властнаго; даже въ законодательствѣ видна ея самостоятельность, указы обычно передъ подписью она внимательно читала, дѣлала на нихъ помѣтки, а также часто и исправленія.

Съ первыхъ же шаговъ дѣятельности императрицы, послѣ извѣстныхъ событий съ ограничительными пунктами, ее окружаютъ лица нѣмецкаго происхожденія: Биронъ, Остерманъ и Минихъ, ставшіе близко къ кормилу правленія. Этой «нѣмецкой» партіи обыкновенно противопоставляютъ «русскую» партію съ Волынскимъ (позднѣе) во главѣ, но если взять подлинныя документы, то, по мнѣнію автора, о какихъ-либо «русской» или «нѣмецкой» партіяхъ говорить не приходится.

Всѣ эти нѣмцы и русскіе, не составляя одной какой-нибудь партіи, соперничали и враждовали между собой, не считаясь съ національностью. «Была борьба личныхъ интересовъ, но только не русской партіи съ нѣмцами. Можно говорить о вліяніи Бирона, Миниха, Остермана, Волынскаго, но не русской или нѣмецкой партій».

Если взять Бирона, то его часто изображаютъ злымъ гениемъ Анны Иоанновны, отмѣчаютъ его худородность, невѣжество и жестокость, однако все это предвзято и невѣрно. Биронъ былъ дворянскаго происхожденія, родъ Бироновъ былъ далеко не послѣднимъ въ Курляндіи; онъ былъ человѣкомъ умнымъ и образованнымъ (кончилъ университетъ), «вовсе не злымъ и во всякомъ случаѣ болѣе мягкимъ, нежели государыня», уклончивымъ, «скорѣе сибаритомъ, ищущимъ спокойствія послѣ блестящей карьеры, нежели ненасытнымъ честолюбцемъ въ родѣ Меншикова». «Безусловное подчиненіе Анны вліянію Бирона точно также очень и очень подлежитъ сомнѣнію».

Переходя къ характеристикѣ государственной дѣятельности времени Анны Иоанновны, авторъ отмѣчаетъ «два противоположныя теченія», рѣзко намѣтившіяся съ первыхъ же лѣтъ: «съ одной стороны традиція великаго преобразователя, представителемъ которыхъ былъ руководитель правительственной политики Остерманъ; съ другой стороны сословныя льготы, которыя являлись результатомъ уступокъ шляхетскихъ требованіямъ. Правительство шло путемъ компромисса: Остерманъ былъ прежде всего практикъ и готовъ былъ жертвовать принципами, когда это считалъ необходимымъ» (стр. 70).

Учрежденіемъ, которое вѣдало государственныя дѣла, былъ вновь созданный кабинетъ министровъ. По мнѣнію г. Строева, кабинетъ министровъ вначалѣ

является съ очень скромной «ролью чего-то въ родѣ статсъ-секретаріата или собственной ея величества канцеляріи» (стр. 75); но въ дальнѣйшемъ новое учрежденіе «осторожно и неувѣренно «тягивало въ себя самыя разнообразныя дѣла» (стр. 92) и стало незамѣтно превращаться изъ простой канцеляріи государыни въ совѣтъ при ней съ олигархическими тенденціями» (стр. 152), возвышаясь надъ всѣми учреждениями и заслоняя собой императрицу. Эту картину роста значенія кабинета и рисуетъ авторъ (за годы 1730—1735) на основаніи документовъ того времени, какъ печатныхъ, такъ и архивныхъ.

Какова же роль Бирона въ государственной жизни за первыя пять лѣтъ царствованія Анны? Роль, по автору, довольно скромная: Биронъ занятъ былъ придворными дѣлами, черезъ него только проходятъ бумаги, онъ поддерживаетъ того или другого государственнаго дѣятеля, но самъ непосредственно въ дѣла не вмѣшивается. «Чуждый партійной борьбы, происходившей тогда въ Россіи, онъ менѣе всего склоненъ былъ сводить съ кѣмъ-либо счеты». Откуда же къ Бирону вражда? «Главной, по словамъ г. Строева, если не единственной, причиной ожесточенія противъ Бирона было то, что онъ всегда въ сущности оставался чуждымъ русскому обществу». Биронъ былъ «козломъ отпущенія за всѣ грѣхи дряблага, деморализованнаго деспотизмомъ общества».

Таково содержаніе интересной книги г. Строева; въ ней авторъ освѣтилъ эпоху мало изученную, собралъ большой и любопытный матеріалъ изъ нѣсколькихъ архивовъ (кромѣ печатнаго); онъ заново пересматриваетъ вопросъ о Биронѣ и кабинетѣ министровъ, давая своеобразную характеристику Бирона и слѣдя за возникновеніемъ и развитіемъ кабинета. Въ книгѣ замѣтно увлеченіе автора личностью Бирона, желаніе обълить его. Въ своемъ увлеченіи авторъ иногда теряетъ спокойствіе изслѣдователя и даже говоритъ о «глупостяхъ» прежнихъ историковъ (стр. 55), называетъ ихъ «смѣшными» (стр. 172).

Изслѣдованіе г. Строева еще не закончено; нельзя сказать, чтобы послѣ прочтенія его книги можно было вполне проникнуться его взглядами на Бирона, а также и на кабинетъ министровъ, который авторъ пытается возвести къ его «прототипу», кабинету петровскому. А потому окончательное сужденіе о книгѣ необходимо отложить до выхода второй части его «Бироновщины».

М. К—въ.

Ан. Титовъ. Проповѣди святителя Димитрія, митрополита ростовскаго, на украинскомъ нарѣчій. М. 1909.

По случаю исполнившагося двухсотлѣтія со времени кончины святителя Димитрія, митрополита ростовскаго, археологомъ А. А. Титовымъ выпущена книжка подъ приведеннымъ выше заглавіемъ.

Книжка состоитъ изъ предисловія (I—IX стр.) и 134 страницъ текста, отпечатаннаго мелкимъ убористымъ шрифтомъ. Въ нее вошли 8 проповѣдей, произнесенныхъ святителемъ на Украинѣ; изъ нихъ двѣ—«Слово на Успеніе Пресвятой Богородицы» и «Слово въ недѣлю 27-ю»—появляются въ печати первый разъ; остальные, въ славянскомъ переводѣ, вошли въ московское изданіе 1857 г. Въ археологической литературѣ А. А. Титовъ—человѣкъ не

новый; имя его давно известно среди исследователей русских древностей; надъ изученіемъ личности и сочиненій святителя Димитрія онъ работаетъ уже болѣе 30 лѣтъ: еще въ половинѣ 1880 г. имъ было издано отпечатанное фототипическимъ способомъ «Краткое ученіе о семи таинствахъ церкви» св. Димитрія, съ собственноручными поправками автора. И дѣйствительно, личность и жизнь св. Димитрія, захватывающая собою одну изъ интереснѣйшихъ эпохъ исторіи Россіи, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ подробнаго всесторонняго изученія. Между тѣмъ у насъ до сихъ поръ не имѣется удовлетворительнаго изданія сочиненія святителя, и трудно разсчитывать, чтобы оно появилось скоро, хотя редакция «Русскаго Паломника» и обѣщаетъ въ будущемъ 1910 г. дать въ качествѣ приложенія «10 книгъ полнаго собранія твореній св. Димитрія Ростовскаго». Съ этой точки зрѣнія нельзя не признать вполне справедливыми тѣ положенія, которыя авторъ предисловія ставитъ задачей исполнявшагося юбилея и цѣлью своего изданія: «содѣйствовать всѣми мѣрами возстановленію произведеній (св. Димитрія), ознакомленію съ ними возможно широкаго круга читателей, исправленію неточностей, вкравшихся въ переводъ уже изданныхъ проповѣдей...»

Насколько же удовлетворяетъ разсматриваемая книжка тѣмъ цѣлямъ, для которыхъ она предназначалась? Не отрицая ея цѣнности, можно смѣло сказать, что значительная часть ея является балластомъ, нисколько не увеличивающимъ ея значенія. Она въ той же мѣрѣ достигала бы намѣченныхъ цѣлей, если бы сюда включены были только ненапечатанныя проповѣди и «Пирамисъ»; она выиграла бы еще больше, если бы эти проповѣди были приведены въ переводѣ на славянскомъ, а лучше—на чистомъ русскомъ литературномъ языкѣ; было бы полезнѣе, если бы составитель то количество времени, труда и средствъ, которое онъ затратилъ на изданіе уже напечатанныхъ и переведенныхъ проповѣдей, израсходовалъ бы на обнаруженіе другихъ неизданныхъ твореній св. Димитрія, о коихъ онъ упоминаетъ въ предисловіи и которыхъ, безъ сомнѣнія, немало найдется въ его богатомъ собраніи рукописей.

То же самое можно сказать, если мы будемъ опредѣлять цѣнность разсматриваемой книжки, какъ историческаго и стилистическаго матеріала. Историческихъ, чисто-историческихъ, указаній проповѣди даютъ мало: ихъ здѣсь можно извлекать лишь путемъ «научной перегонки», да и этимъ способомъ нельзя добыть многого. Мало новаго даютъ эти проповѣди и въ качествѣ стилистическаго общелитературнаго памятника: всѣ онѣ придерживаются схоластическаго шаблона, заимствованной выучки греко-латинской школы, пышной реторики западныхъ проповѣдниковъ. А такихъ образцовъ въ нашей литературѣ достаточно. И если отнять у этихъ проповѣдей, напримѣръ, у «Пирамиса», ихъ обычную «систему» официальнаго украинскаго «казнодѣя»—планъ, скопированный у польскихъ проповѣдниковъ, его обработку, произведенную по западнымъ руководствамъ, эрудицію, заимствованную изъ симфоній и другихъ подобныхъ же сборниковъ,—въ нихъ останется темнаго самостоятельнаго матеріала; мало окажется того священнаго огня, который освѣщаль, согрѣваль, а иногда и бурнымъ потокомъ прорывался (напримѣръ, въ «Словѣ

въ недѣлю 22-ю) въ проповѣдяхъ, произнесенныхъ въ Ростовѣ; слишкомъ отдаленнымъ и невыясненнымъ окажется и самый принципъ любви къ ближнимъ, на который указывается въ предисловіи. Такимъ образомъ, и съ этой точки зрѣнія указанное нами ограниченіе содержанія книжки двумя непечатанными проповѣдями и «Пирамисомъ» оказалось бы вполнѣ достаточнымъ. Болѣе важнымъ является значеніе разсматриваемаго изданія, въ настоящемъ его составѣ, какъ археологическаго матеріала, какъ матеріала-сырца, изъ котораго со временемъ, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, создается стройное цѣлое—новое собраніе сочиненій св. Димитрія, тщательно провѣренное, значительно дополненное и внимательно исправленное.

Въ заключеніе отмѣтимъ еще одно: изъ всего, что говорилось на юбилейномъ торжествѣ въ Ростовѣ и что печаталось по поводу юбилея въ различныхъ изданіяхъ, разсмотрѣнная книжка является наиболѣе интереснымъ и наиболѣе цѣннымъ матеріаломъ.

Р—цѣ.

Труды саратовской ученой архивной комиссіи. Выпускъ XXV. Саратовъ. 1909. Стр. 345+101. Ц. 1 р. 25 к.

Еще въ апрѣльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» мы сѣтовали и на саратовское общество и на саратовскія земскія и правительственныя учрежденія за ихъ равнодушіе къ единственному своему ученому историко-археологическому обществу, каковымъ тамъ является саратовская архивная комиссія, и не могли безъ волненія читать то воззваніе, съ которымъ обращалась комиссія, издавая якобы послѣдній XXIV выпускъ своихъ «Трудовъ». Но не прошло и полугода со времени выхода въ свѣтъ XXIV выпуска, какъ появляется въ печати XXV выпускъ; очевидно, средства нашлись, кое-какія учрежденія и лица откликнулись, по крайней мѣрѣ изъ финансоваго отчета узнаемъ, что въ приходѣ за 1909 годъ значится сравнительно почтенная цифра, болѣе 2500 рублей, которая не можетъ быть вся израсходована... Дай Богъ, чтобы, начиная съ 1909 г., денежныя дѣла комиссіи не только не уменьшались, но постепенно увеличивались, ради большаго развитія и распроетраненія историко-археологическихъ свѣдѣній въ краѣ, которыя такъ тамъ нужны.

Интересующій насъ первый отдѣлъ (второй заключаетъ въ себѣ отчеты, протоколы и т. п.) настоящаго XXV выпуска «Трудовъ» довольно богатъ своимъ содержаніемъ. Напечатанные на первомъ мѣстѣ «столбцы изъ историческаго архива саратовской ученой архивной комиссіи, по словамъ сообщившаго ихъ А. Гераклитова, составляютъ часть какого-то семейнаго архива и «такъ или иначе имѣютъ между собою связь».

По содержанію они наиболѣе цѣнны, какъ матеріаль для бытовой исторіи, а также для выясненія родства нѣкоторыхъ дворянскихъ родовъ. Для удобства пользованія столбцами г. А. Гераклитовъ распредѣлил ихъ по группамъ и снабдилъ въ концѣ указателями: именнымъ, географическимъ и предметнымъ. Въ первую группу вошли такъ называемые владѣльческіе документы: жалованныя грамоты на земли, выписи изъ книгъ писцовыхъ, переписныхъ и др.; во вторую—расписки въ уплатѣ различныхъ государственныхъ повинностей, главнымъ об-

разомъ стрѣлецкаго хлѣба; въ третью—сдѣлки разнаго рода, купчія и рядныя записи; въ четвертую—челобитныя; въ пятую—вольныя и кабальныя записи и въ шестую—документы смѣшаннаго характера. Всѣхъ актовъ 59, и относятся они къ 1621—1709 годамъ.

Слѣдующая наиболѣе интересная работа принадлежитъ П. Н. Черняеву, составившему «Биографическіе очерки директоровъ», за время съ 1820 по 1837 г., въ видѣ «матеріаловъ для исторіи саратовской первой гимназіи». Очерки составлены на основаніи данныхъ мѣстнаго архива и печатныхъ пособій и являются болѣе или менѣе исчерпывающими, по крайней мѣрѣ въ области главнѣйшихъ фактовъ. Первымъ директоромъ гимназіи былъ А. М. Ченыкаевъ, сынъ татарскаго мурзы, пользовавшійся покровительствомъ извѣстнаго Н. П. Румянцева и не имѣвшій, несмотря на свои знанія, ничего общаго съ педагогіей, за что и навлекъ ревизію И. И. Лажечникова. Вторымъ директоромъ былъ И. П. Менделѣевъ, отецъ нашего знаменитаго химика, Дм. Ив. Мендѣлѣева, извѣстный по своему времени педагогъ, котораго смѣнили еще болѣе знаменитый педагогъ, бывшій адъюнктъ-профессоромъ въ казанскомъ университетѣ, Я. А. Миллеръ.

Обращаетъ на себя вниманіе, затѣмъ, по множеству характерныхъ подробностей изъ жизни провинціального захолустнаго городка, статья г. С. Щеглова: «Городъ Петровскъ. Отрывки изъ воспоминаній», относящихся къ 1860—1881 гг. Наконецъ А. Лебедевъ въ статью «Рукописныя собранія въ Саратовѣ» останавливается болѣе всего на рукописяхъ, принадлежащихъ преосвященному Якову (Вечеркову) и относящихся къ первой половинѣ XVIII вѣка, а также на рукописяхъ преосвященнаго Аванасія (Дроздова) и на собраніи рукописныхъ «историко-археологическихъ матеріаловъ» саратовской семинаріи.

Къ области археологіи относятся слѣдующія статьи и сообщенія: «Археологическія находки и раскопки въ Аткарскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи», А. Н. Минха; «Сообщенія о раскопкѣ кургана близъ Аткарска», Ф. П. Коновалова; «Впечатлѣнія изъ поѣздки въ Елань-Аткарскую, Б. Зайковского».

Въ видѣ «приложенія» къ XXV выпуску «Трудовъ» напечатанъ «Систематическій каталогъ бібліотеки саратовской ученой архивной комиссіи. Выпускъ I. Общій отдѣлъ».

В. Рудаковъ.

Хроника моей жизни. Высокопреосвященнаго Саввы, архіепископа тверскаго и Кашинскаго. 1909. Т. 8. 842 + XXXV ц. 2 р. 50 к.

Послѣ почти двухлѣтняго промежутка вышелъ 8-й томъ «Хроники». Близость къ намъ описываемыхъ событій дѣлаетъ затруднительнымъ печатаніе многихъ сообщеній¹⁾. «Хроника» попрежнему имѣетъ характеръ сборника писемъ къ преосвященному Саввѣ и отвѣтныхъ; изрѣдка прерываются письма сообщеніями о видѣнномъ и слышанномъ.

Вышедшій томъ обнимаетъ собою время отъ 1886 до 1890 г. (преосвященный Савва скончался въ 1896 году). Три событія изъ его жизни совершились за эти

¹⁾ Чтобы не задержать еще болѣе выхода книги, пришлось нѣсколько листовъ напечатать въ видѣ дополненія.

4 года: 1) онъ издалъ 8 томовъ бумагъ Филарета (по порученію К. П. Побѣдоносцева). Прибавимъ, что затѣмъ на собственные средства онъ издалъ «Письма Филарета къ высочайшимъ особамъ» и «Письма къ игуменъ Сергіи» (кн. Волконской) тоже Филарета; 2) затѣмъ онъ справилъ свой 25-лѣтній юбилей и 3) совершилъ путешествіе на родину, во Владимирскую губернію.

Письма къ высочайшимъ особамъ, еще до напечатанія ихъ, возбудили вниманіе императора Александра III, особенно одно мѣсто, такъ и оставшееся неяснымъ. Государь пишетъ Побѣдоносцеву: «Я не понимаю, про кого онъ (Филаретъ) говоритъ? Читали мы вмѣстѣ съ Владиміромъ и Сергѣемъ, и рѣшительно не знаемъ. Развѣ о принцессѣ Дагмарѣ, но затѣмъ онъ называетъ ее: сестра ваша?» (стр. 191 и слѣд.).

Въ 1888 году 17 октября произошло «крушеніе въ Боркахъ». Подробности этого событія разсказаны по письмамъ очевидцевъ. Характерно, какъ появились впервые слухи объ этомъ (стр. 524) и какъ ужасно было впечатлѣніе (стр. 551). А вотъ отголосокъ событія въ царской семьѣ (изъ письма В. А. Иорданъ): «На дняхъ К. Н. Посетъ былъ въ Гатчинѣ и, увидѣвъ великую княжну Ольгу Александровну, спросилъ, какъ ея здоровье?—«Благодарю васъ,—отвѣчала (ей 6 лѣтъ):—я здорова, но хотѣлось бы мнѣ сходить на небо поцѣловать ручку у Господа Бога за наше спасеніе, но не оставаться тамъ, потому что мнѣ хочется жить, а умирать не хочется». Еще забылъ вамъ сказать, что въ роковомъ вагонѣ все было разрушено при катастрофѣ 17 октября, только осталась невредима икона Нерукотвореннаго Спаса, даже не повредилось стекло» (страница 546).

Добрыя отношенія съ К. П. Побѣдоносцевымъ скоро нарушились у преосвященнаго Саввы и привели къ полемикѣ, въ высшей степени интересной (см. стр. 581 и слѣд., особенно 589—593). Прямо невѣроятныя вещи сообщаются преосвященному Саввѣ о дерзости евреевъ въ Витебскѣ и Одессѣ (стр. 203 и 419). Ни полиція, ни мировой судъ не могли заставить евреевъ свести отхожее мѣсто передъ алтаремъ Воскресенской церкви въ Витебскѣ. Основываясь на Талмудѣ: *Aboda zaga* p. 47 и *Schulchan aruch lore de'a* 143, 1, гдѣ сказано: «Если у кого есть домъ, прилегающій къ идольскому капищу (т.-е. къ христіанской церкви), то надо промежутокъ наполнить человѣческими экскрементами, чтобы не дарить мѣсто идольскому капищу». Это буквально и продѣлали витебскіе евреи.

Константинопольскій корреспондентъ преосвященнаго Саввы, архимандритъ Арсеній, состоявшій при посольствѣ, много разъ сообщаетъ факты невѣжества и корыстолюбія самаго высшаго греческаго духовенства, горько оплакивая, что мы, по наивности, отправляемъ сюда громадныя деньги.

Изъ частныхъ случаевъ интересенъ бывшій въ тверской епархіи случай причащенія красными чернилами вмѣсто краснаго вина (стр. 155).

Наконецъ нельзя не отмѣтить переписки преосвященнаго Саввы съ А. Θ. Ковалевскимъ по поводу приобрѣтенія мощей. Преосвященный Савва считалъ это дѣло крайне щекотливымъ и радъ былъ, что случай помогъ ему въ этомъ. Игуменія Рождественскаго монастыря Палладія подарила преосвященному Саввѣ ковчежецъ XVII в. съ мощами: великаго князя Владиміра, Іліи Му-

ромца, Ефрема Евнуха, епископа переяславскаго, Моисея Угурина и др., а преосвященный Савва отправилъ ихъ въ новую обитель А. Θ. Ковалевскаго (стр. 153).

Съ пользою можно прочесть описаніе путешествія по Владимирской губ., по Волгѣ (стр. 330) и особенно описаніе Ипатьевскаго монастыря (стр. 337).

Это громадное изданіе ведется трудами одного лица—священника Г. Θ. Виноградова.

Л.

Историческое обозрѣніе Симбирска отъ первыхъ временъ его до возведенія на степень губернскаго города. Изданіе симбирской губернской ученой архивной комиссіи. Симбирскъ. 1909 г.

Симбирская губернская ученая архивная комиссія нынѣшнимъ дѣломъ издала подъ редакціей А. И. Соловьева въ высшей степени интересный трудъ покойнаго профессора мѣстной духовной семинаріи К. И. Невоструева—«Историческое обозрѣніе Симбирска отъ первыхъ временъ его до возведенія на степень губернскаго города».

До сихъ поръ всѣ изданія, касавшіяся историческаго прошлаго Симбирска, страдали неясностью, туманностью и неполнотою. Свѣдѣнія о Симбирскѣ въ нихъ были кратки, отрывочны и безсистемны. Впрочемъ, объединить ихъ въ стройное цѣлое было дѣломъ крайне сложнымъ и труднымъ. Главными препятствіемъ къ успѣшному приведенію разрозненныхъ свѣдѣній о Симбирскѣ въ одно стройное цѣлое служило уничтоженіе всѣхъ симбирскихъ архивовъ пожаромъ 1864 года, истребившимъ почти весь Симбирскъ, вслѣдствіе чего свѣдѣнія, заключающіяся въ прежнихъ изданіяхъ, касавшихся историческаго прошлаго этого города, приходилось искать и собирать у частныхъ лицъ; поиски эти были не всегда успѣшны, такъ что неудивительно, если и свѣдѣнія о Симбирскѣ получались отрывочныя и недостаточныя. «Историческое обозрѣніе Симбирска отъ первыхъ временъ его до возведенія на степень губернскаго города» пополняетъ этотъ недостатокъ въ исторіи Симбирска.

Покойный К. И. Невоструевъ, перу котораго принадлежитъ вышеназванный трудъ, былъ профессоромъ мѣстной духовной семинаріи и посвятилъ немало трудовъ на изслѣдованіе исторіи Симбирскаго края. Большинство его работъ осталось въ рукописяхъ въ архивѣ симбирской духовной семинаріи, и только въ недавнее время, благодаря просвѣщеннымъ заботамъ инспектора этой семинаріи, А. И. Соловьева, взявшаго на себя трудъ разобрать эти рукописи, увидѣло свѣтъ. Въ числѣ бумагъ, оставшихся послѣ смерти изслѣдователя Симбирскаго края, г. Соловьевъ нашель и черновую рукопись «Историческаго обозрѣнія Симбирска», въ 4-ю долю листа, въ 114 страницъ, написанную крайне неразборчиво, со множествомъ поправокъ и вставокъ. Эта рукопись была проредактирована г. Соловьевымъ и издана мѣстной ученой архивной комиссіей. Этотъ трудъ имѣетъ весьма важное значеніе для исторіи нашего города, если принять во вниманіе характеръ работы составителя, всегда отличавшагося удивительною добросовѣстностью, знаніемъ и любовью къ историко-археологиче-

скимъ изслѣдованіямъ. Кромѣ того, оставивъ Симбирскъ до 1849 года, авторъ имѣлъ счастливую возможность работать тогда по первоисточникамъ, еще не уничтоженнымъ извѣстнымъ симбирскимъ пожаромъ 1864 года, такъ что его выводы и заключенія по исторіи нашего города и края имѣють рѣшающее значеніе.

«Историческое обозрѣніе Симбирска отъ первыхъ временъ его до возведенія на степень губернскаго города» дѣлится на пять отдѣловъ, изъ которыхъ первый сообщаетъ свѣдѣнія «о симбирскомъ городищѣ», второй—«объ основаніи города» и «о славныхъ страницахъ прошлаго», третій—«о городскомъ устройствѣ и гражданскомъ управленіи», четвертый—«о духовномъ управленіи» и пятый—«о симбирской чертѣ». Изъ этого перечня уже видно, насколько всесторонне работа профессора Невоструева охватываетъ прошлое Симбирска. Всякій, кому дорого его настоящее и дальнѣйшее развитіе въ будущемъ, найдетъ въ этомъ трудѣ много поучительнаго и глубоко интереснаго.

Къ книгѣ приложенъ видъ Симбирска въ началѣ XVIII столѣтія, сдѣланный съ современной гравюры изъ обширной коллекціи П. Я. Дашкова.

Издана книга чисто и опрятно.

Ар. Датовъ.

**Сборникъ учено-литературнаго общества при императорскомъ юрьевскомъ университетѣ. Томъ XIV. Юрьевъ. 1909. Стр. 241+28.
Цѣна 2 рубля.**

Существующее въ гор. Юрьевѣ первое русское учено-литературное общество съ успѣхомъ продолжаетъ свою дѣятельность. Въ новомъ, изданномъ въ настоящемъ году, XIV томѣ «Сборника» помѣщены семь весьма интересныхъ и разнообразныхъ по содержанию статей: 1) Я. Лаутенбахъ. «Объ искусствѣ и красотѣ. Рядъ мнѣній философовъ-эстетиковъ» (стр. 1—17). 2) Проф. Евгений Бобровъ. «Жизнь и поэзія Павла Петровича Шкляревскаго» (стр. 18—58). 3) Проф. М. Красножель. «Старые и новые законы о бракѣ. По поводу 352, 440, 441 и 359 статей проекта новаго уголовного уложенія» (стр. 59—76). 4) Онъ же. «Позднѣйшіе проекты положенія о поводахъ къ разводу» (стр. 77—80). 5) Г. Змигородскій. «Городъ Юрьевъ Лифляндской губерніи и Высочайшій манифестъ 14 декабря 1766 года» (окончаніе, стр. 81—190). 6) Владимиръ Бобровъ. «Очерки изъ исторіи новой русской литературы» (стр. 191—238). 7) Проф. М. Красножель. «А. Ф. Зачинскій. Некрологъ». Съ портретомъ покойнаго (стр. 239—241).

Въ первой изъ названныхъ статей Я. Лаутенбаха приводится рядъ мнѣній философовъ-эстетиковъ по вопросу о томъ, что такое искусство и красота, при чемъ г. Лаутенбахъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что каждый философъ-эстетикъ рѣшаетъ этотъ вопросъ по-своему, и потому является затрудненіе, когда мы хотимъ ориентироваться въ этомъ лабиринтѣ мнѣній и взглядовъ. Вторая статья «Жизнь и поэзія Павла Петровича Шкляревскаго» написана профессоромъ философіи въ варшавскомъ университетѣ Евгениемъ Бобровымъ. Въ своей статьѣ, составленной на основаніи данныхъ, почерпнутыхъ изъ дѣлъ архива юрьевскаго университета, авторъ подробно останавливается на лично-

сти и поэзіи П. П. Шкляревскаго, который послѣдніе лучшіе годы своей кратковременной жизни провелъ въ Дерптѣ (теперешнемъ Юрьевѣ). Здѣсь онъ писалъ свои лучшіе стихи, здѣсь же скончался и былъ погребенъ. И если нѣмецкіе изслѣдователи поэтическимъ преемникомъ дерптскаго студента Н. М. Языкова считаютъ поэта и студента-медика Георга Гринделя, то мы еще съ большимъ правомъ въ преемники Языкова по поэтическому служенію музамъ въ Дерптѣ можемъ поставить студента и члена дерптскаго профессорскаго института П. П. Шкляревскаго (стр. 19).

Павель Петровичъ Шкляревскій, сынъ священника, родился 15 января 1806 года въ гор. Лубнахъ Полтавской губерніи, но воспитывался въ Петербургѣ у своего дяди и учился въ (нынѣ третьей) петербургской гимназіи, гдѣ завязалъ тѣсную дружбу съ однимъ товарищемъ по классу, впоследствии извѣстнымъ профессоромъ с.-петербургскаго университета, филологомъ и историкомъ Михаиломъ Семеновичемъ Куторгою, сыгравшимъ большую роль въ жизни Шкляревскаго.

Житейская повѣсть Шкляревскаго, котораго знаменитый Пироговъ, учившійся вмѣстѣ съ нимъ въ Дерптѣ, называетъ поэтомъ съ прекрасною возвышенною душою, крайне печальна. Юноша, съ блестящими и очень разнообразными способностями, засвидѣтельствованными единогласно всѣми знавшими его, гибнетъ на полпути, скончавшись, къ великому огорченію своихъ учителей, профессоровъ и товарищей-студентовъ 5 іюля 1830 года въ Дерптѣ отъ чахотки. Въ исторіи русской литературы немало можно насчитать такихъ юныхъ дарованій, отцвѣтшихъ, не успѣвши расцвѣсть. «Русскій геній», по словамъ Некрасова, «издавна вѣнчаетъ тѣхъ, которые мало живутъ».

Далѣе слѣдуютъ двѣ статьи проф. М. Красножена: «Старые и новые законы о бракѣ» (По поводу 352, 440, 441 и 359 статей проекта новаго уголовного уложенія) и «Позднѣйшіе проекты положенія о поводахъ къ разводу» (стр. 59—76; 77—80).

Въ первой изъ нихъ г. Красножень даетъ рядъ критическихъ замѣчаній по поводу нѣкоторыхъ статей составленнаго въ 1895 году редакціонною комиссіею проекта новаго уголовного уложенія. Разбирая доводы, изложенные профессоромъ Фойницкимъ въ его статьѣ «Церковь и брачное законодательство», въ доказательство того, что проектъ новаго уголовного уложенія по этому вопросу «не могъ быть согласованъ съ церковными законами, такъ какъ поставилъ себѣ задачею выработать общее правило для лицъ всѣхъ вѣроисповѣданій, даже для нехристіанъ», профессоръ Красножень съ ясною очевидностью доказалъ, что такая задача въ православной Россіи представляется неосуществимою.

Во второй статьѣ профессора Красножена приведены проекты о разводѣ, выработанные III отдѣломъ предсоборнаго присутствія (членомъ котораго по Высочайшему повелѣнію былъ г. Красножень) и особымъ совѣщаніемъ, образованнымъ по опредѣленію святѣйшаго синода 28 февраля 1907 года. Обстоятельная критика проекта, составленнаго особымъ совѣщаніемъ, дана профессоромъ Н. Н. Суворовымъ въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Замѣчанія на проектъ положенія о поводахъ къ разводу, составленный особымъ совѣщаніемъ при св. синодѣ» (Москва, 1908 г.) и профессоромъ И. С. Бердниковымъ въ статьѣ:

«Къ вопросу о поводахъ къ брачному разводу. По поводу проекта объ этомъ особаго совѣщанія при св. синодѣ 1907 года» (С.-Петербургъ. 1909 г.).

Затѣмъ въ этомъ же томѣ «Сборника» помѣщено окончаніе весьма интересной статьи Г. Змигродскаго (стр. 81—189): «Городъ Юрьевъ Лифляндской губерніи и высочайшій манифестъ 14 декабря 1766 года» (начало этой статьи было помѣщено въ двухъ предшествующихъ томахъ «Сборника») ¹⁾. Въ этой статьѣ г. Змигродскій, основываясь преимущественно на документахъ, сохранившихся въ юрьевскомъ городскомъ архивѣ, отмѣчаетъ то несочувствіе, съ какимъ былъ встрѣченъ манифестъ императрицы Екатерины II о созваніи законодательной комиссіи, имѣвшей цѣлью привлечь разныя сословія и всѣ отдѣльныя части Россійской имперіи къ обсужденію общегосударственныхъ нуждъ, съ цѣлью уравненія правъ и обязанностей всѣхъ русскихъ гражданъ,—и нежеланіе лифляндцевъ-юрьевцевъ поступиться тѣмъ бы то ни было изъ своихъ правъ и привилегій.

Слѣдующая статья подъ заглавіемъ: «Очерки изъ исторіи новой русской литературы» (стр. 191—238) принадлежитъ г. Владимиру Боброву и издана послѣ его смерти братомъ его—профессоромъ Евгеніемъ Бобровымъ.

Въ первомъ изъ этихъ очерковъ Владимиръ Бобровъ сообщаетъ рядъ любопытныхъ свѣдѣній объ извѣстномъ баснописцѣ Иванѣ Ивановичѣ Хемницерѣ, какъ человѣкѣ и писателѣ.

Какъ человѣка, самъ Хемницеръ изображаетъ себя въ слѣдующемъ двухстишіи:

Жилъ честно, цѣлый вѣкъ трудился,
И умеръ голъ, какъ голъ родился.

О Хемницерѣ, какъ писателѣ, авторъ даетъ такой отзывъ: «Если мы справедливо удивимся Крылову, какъ нашему пророку народности въ русской литературѣ девятнадцатаго столѣтія, то тѣмъ болѣе насъ обязываетъ историческая справедливость преклониться передъ Хемницеромъ, нѣмцемъ по происхожденію и русскимъ націоналистомъ въ своей политической и литературной дѣятельности, обратившемся къ народности еще въ восемнадцатомъ вѣкѣ, еще въ ту пору, когда о народности еще никто и не думалъ, когда при дворѣ и обществѣ господствовала французская культура, когда самый русскій народъ и его языкъ почитались «подлыми».

Особаго вниманія заслуживаетъ второй очеркъ подъ заглавіемъ: «Второй Державинъ, оберъ-священникъ Иванъ Семеновичъ Державинъ» (1755—1826 г.). вмѣстѣ съ именемъ «пѣвца Фелицы», Гавріила Романовича Державина, въ лѣтописяхъ русской литературы сохраняется имя его однофамильца и современника И. С. Державина, противъ котораго составлено было поэтомъ Державинымъ шуточное стихотвореніе подъ заглавіемъ: «Приказъ моему привратнику». Дѣло въ томъ, что оба Державина—и поэтъ, и священникъ—жили по сосѣдству, причемъ однажды швейцаръ поэта по ошибкѣ принялъ пакетъ, адресованный на имя оберъ-священника Державина, слѣдствіемъ чего и было появленіе на

¹⁾ См. Т. XII, стр. 129—186 и Т. XIII, стр. 173—240.

«Истор. вѣстн.», январь, 1910 г., т. сѣх.

званнаго стихотворенія. Въ началѣ этого стихотворенія поэтъ говоритъ, что онъ глубоко заблуждался, думая, будто онъ лишь одинъ носить фамилію «Державинъ». Такъ какъ, оказывается, существуетъ другой, еще одинъ Державинъ, то для руководства своему швейцару поэтъ и перечисляетъ тѣ признаки и примѣты, по которымъ его слуга можетъ безошибочно отличать своего барина и принимать письма и пакеты, адресованные на имя поэта. Эти отличія слѣдующія: священникъ «младъ, но съ бороδοю», «съ длинными волосами», «на немъ скуфья», а поэтъ—«старъ—юнъ духомъ» и «голь головою», которую онъ прикрываетъ парикомъ; священникъ — «въ рясъ длинной и широкой, а на поэтѣ «фракъ кургузъ и полубокій»; Державинъ второй—«оберъ-попъ», пастырь—«чадъ отецъ духовный», «поетъ молебны, панихиды, кропитъ водою, куритъ кадиломъ, тянетъ руку дамъ къ устамъ» (т.-е., благословляя, даетъ дамамъ цѣловать свою руку), «молитъ небеса о мирѣ», «тайны сердца исповѣсть», «ѣсть кутью», «громокъ многими псалмами», а поэтъ былъ раньше слугою Марса и Ѡемиды, былъ правителемъ народа, нынѣ же (въ 1808 г.) онъ—отставной поэтъ, «ктиторъ и пресвитеръ музъ», «героевъ славить онъ на лирѣ», «за честь онъ чтитъ «самому тянутъся съ рыломъ» цѣловать ручки дамамъ и «скрывать шашни», «ѣсть салму и «въ день шепчетъ по одному псалму». Однимъ словомъ, священникъ не сходенъ съ поэтомъ ни видомъ, ни ростомъ, ни лицомъ, ни обычаями. Поэтъ—«подлинникъ», а священникъ — «списокъ его». «Душой, быть можетъ (священникъ), благороденъ, но «гербомъ—не Державинъ онъ». Стихотвореніе Г. Р. Державина заключается приказомъ своему привратнику: «Почталіоновъ его (т.-е. священника), носящихъ письма поэту... съ честью провожать по-злащенной булавою со двора: «державу съ митрой различай!»

Этотъ «Приказъ» вызвалъ въ высшей степени обидный для поэта Державина отвѣтъ, приписанный оберъ-священнику И. С. Державину (такого мнѣнія держался и самъ поэтъ Державинъ), на самомъ же дѣлѣ принадлежавшій священнику Г. А. Пакацкому. До сихъ поръ еще не знали, что, кромѣ ругательнаго «Отвѣта», существовалъ собственный отвѣтъ поэта оберъ-священника Ивана Семеновича Державина, который былъ найденъ авторомъ настоящей статьи Владиміромъ Бобровымъ въ бумагахъ С. А. Москотильникова. Стихотвореніе писано собственною рукою Москотильникова, и въ его тетради слѣдуетъ непосредственно послѣ «Приказа» поэта.

Вотъ это стихотвореніе въ томъ видѣ, въ какомъ оно напечатано у Владимира Боброва на стр. 217—218.

ОТВѢТЪ.

Гавріилу Романовичу Державину.

1. Одинъ есть Богъ,—Державинъ не одинъ.
Пѣвецъ Всесильнаго, пѣвецъ благой «Фелицы»,
Почтенный господинъ!
Ты звукомъ сладостнымъ своей златой пѣвницы
5. Державина другого произвелъ,
Внемли, какъ случай мнѣ назваться имъ велѣлъ.
Я прежде по отцѣ Покровскимъ назывался;
Когда же въ школу записался
И въ классъ риторики, поэзіи вошелъ,

10. Тутъ строфы одъ твоихъ въ примѣрахъ я нашель,
Нашель и дѣлый томъ Державина твореній,
Безсмертна генія безсмертныхъ сочиненій.
О, сколь я ими восхищался,
Стихами сильными часъ отъ часу плѣнялся,
15. Въ которыхъ «Бога» ты, «Фелицу» воспѣвалъ
И русскихъ подвиги героевъ прославлялъ.
Я ихъ вытверживалъ, я ихъ на всемъ писалъ:
На книгахъ, на столахъ,
Въ тетрадяхъ, на стѣнахъ,
20. На всемъ безсмертными строфами я блисталъ,
И дома ихъ твердилъ, и въ классахъ, и вездѣ;
Твоими бредилъ я стихами и во снѣ.
Меня Державиннымъ хвалили,
Меня Державиннымъ дразнили,
25. Меня Державиннымъ бранили
И имя лестное въ фамилью обратили.
Итакъ, не гнѣвайся, что я то званье получилъ:
Таланты чья твои, его я заслужилъ.
Повѣрь, что и теперь всегда скуфью скидаю,
30. Когда твой «Богу» гимнъ преславный я читаю;
Служитель Божеска священна алтаря,
Всегда предъ нимъ молю
О здравіи твоемъ Всевышняго Царя:
Нелестно чту тебя душевно и хвалю.
35. Ни ростомъ я съ тобой не сходенъ, ни лицомъ;
Но разность большая есть въ томъ,
Что лирой славу ты безсмертну получилъ
И лиру съ именемъ въ храмъ славы заключилъ,
Что первый ты поэтъ теперь у насъ остался,—
40. А мнѣ и санъ попа едва въ удѣлъ достался.
Вотъ разность между насъ; но сходственъ я съ тобой
Фамилію здѣсь, и въ вѣчности душой.

Державинъ 2-ой.

Другіе очерки г. Боброва менѣе интересны и на нихъ мы останавливаться не будемъ.

Въ концѣ «Сборника» помѣщенъ некрологъ покойнаго профессора юрьевскаго университета по кафедрѣ энциклопедіи и исторіи философіи права Адама Францовича Зачинскаго (стр. 239—241), написанный профессоромъ того же университета М. Е. Красноженомъ. Въ лицѣ скончавшагося А. Ф. Зачинскаго юрьевскій университетъ потерялъ талантливаго профессора, лекціи котораго охотно посѣщались его многочисленными слушателями, а Прибалтійская окраина—убѣжденнаго общественнаго дѣятеля, сыгравшаго замѣтную роль въ дѣлѣ преобразованія юрьевскаго университета изъ учрежденія нѣмецкаго въ русское.

О. Е.

**Александръ Евлаховъ. Пушкинъ, какъ эстетикъ. Кіевъ. 1909.
Стр. 2 нел. + 185.**

Существуетъ истрепанный парадоксъ: «геній по природѣ своей—анти-общественникъ». Эту нелѣпую формулу г. Евлаховъ воспринялъ, какъ святую истину, и поклялся служить ей. «Государство»,—объясняетъ авторъ:—стѣсняя свободу искусства въ своихъ собственныхъ цѣляхъ, суживая область искусства, совершаетъ тѣмъ самымъ исключительно отрицательную работу. Оно исполняетъ и въ данномъ случаѣ свою обычную политическую роль, какъ во всѣхъ другихъ подобныхъ же случаяхъ, и искусство, какъ таковое, для него не существуетъ. Художникъ, свободное творчество котораго подвергалось стѣсненію или преслѣдованію, не имѣетъ никакого основанія относить этотъ исключительно политическій актъ къ своему искусству, какъ таковому, или къ себѣ, какъ художнику... Общество, понимая важное реальное значеніе искусства, какъ такового, требуетъ отъ него, именно какъ такого исключительнаго фактора, служенія своимъ общественнымъ нуждамъ. Стѣсняя, такимъ образомъ, свободу искусства и расширяя его область въ своихъ цѣляхъ, общество беретъ на себя положительную задачу—сдѣлать искусство не тѣмъ, что оно есть, превратить его въ средство политической борьбы, иными словами: лишить его эстетическаго характера и тѣмъ самымъ уничтожить смыслъ его существованія, какъ искусства... Художникъ, которому прежде всего дороги интересы искусства, является естественнымъ врагомъ общества, отнимающаго у него самое драгоценное въ жизни и, слѣдовательно, невольнымъ союзникомъ государства... Въ непреложности формулы г. Евлаховъ не сомнѣвается, и ему рѣшительно не приходитъ въ голову,—ни что на искусствѣ могутъ одинаково тягостно отражаться стѣсненія его свободы, откуда бы они ни слѣдовали, ни что художникъ можетъ быть сознательнымъ и убѣжденнымъ врагомъ и «обществу», и «государству», ни что художникъ можетъ идти во главѣ «общества» противъ «государства». Жизнь и литература такихъ примѣровъ даютъ множество, но г. Евлаховъ, какъ соловей, увлекшійся своимъ пѣніемъ, ихъ не видитъ, и не замѣчаетъ, что именно Пушкинымъ никакъ нельзя оправдать эту дико-нелѣпую теорію. Въ натурѣ и дѣятельности Пушкина много сложности, много противорѣчій, но подъ ирреальный, призрачный, лишь въ теоріи педантовъ существующій обликъ индифферентнаго сладкопѣвца никакъ не удастся подвести великаго поэта, желавшаго играть и сыгравшаго выдающуюся *общественную* роль, крѣпко связаннаго съ *общественностью*. Дѣду не помогаютъ не менѣе нелѣпая, чѣмъ сама теорія, изреченія, въ родѣ: «враги нашихъ враговъ—наши друзья», или опредѣленія, какъ, напримѣръ, такое: «консерватизмъ—согласіе съ существующими формами жизни».

М. Б.

С. П. Шестаковъ. Къ литературѣ трепетниковъ. Казань. 1909.

Въ этой работѣ профессоръ казанскаго университета Шестаковъ касается весьма любопытнаго памятника нашей старинной литературы, уже изучавшагося въ трудахъ А. Н. Пыпина, Н. С. Тихонравова и Н. М. Сперанскаго. Трепетникъ—это руководство для гаданія по трепетанію, т.-е. судорожнымъ движеніямъ какой-нибудь части тѣла. Въ русской письменности такія руководства впервые упоминаются еще въ XV вѣкѣ, но они не являются созданіемъ специально русской литературы: ихъ оригиналъ восходитъ къ сохранившимся и въ греческой письменности трудамъ такого же содержанія. Недавно эти памятники греческой письменности научно издалъ и истолковалъ берлинскій академикъ Дальсъ, не пожелавшій, однако, воспользоваться результатами трудовъ своего предшественника, московскаго профессора Сперанскаго, о существованіи которыхъ онъ зналъ. Совершенно справедливо пишетъ по этому поводу профессоръ Шестаковъ: «Незнаніе русскаго языка достаточно ли оправдываетъ такое отношеніе? Неужели въ Берлинѣ, при желаніи, не нашлось бы переводчика, который могъ бы сообщить Дальсу хотя главные результаты труда Сперанскаго?» Въ дальнѣйшемъ изложеніи профессоръ Шестаковъ подробно сравниваетъ объ редакціи греческихъ трепетниковъ, снабжая отдѣльныя мѣста ихъ соотвѣтствующимъ комментариемъ критическаго и пояснительнаго свойства. Жаль, что профессоръ Шестаковъ не пожелалъ въ этомъ отдѣлѣ своей работы сопоставить въ достаточной полнотѣ эти свѣдѣнія съ матеріаломъ, заключающимся въ обширномъ сонникѣ Артемидора изъ Далды. Такія сопоставленія могли бы привести къ очень любопытнымъ выводамъ. Остальная часть работа занята выясненіемъ вопроса о томъ, гдѣ и при какихъ условіяхъ возникла впервые эта своеобразная литература трепетниковъ. Пользуясь новѣйшими изслѣдованіями объ античной астрологіи, къ которымъ слѣдовало бы прибавить и обстоятельную статью Ѡ. Ф. Зѣлинскаго въ «Вѣстникѣ Европы», 1901 г., №№ 10 и 11, почтенный авторъ видитъ въ трепетникахъ одну изъ отраслей древней астрологіи. Выполненная съ большою тщательностью и осторожностью въ выводахъ, и эта работа профессора Шестакова способствуетъ полному выясненію трудныхъ вопросовъ, связанныхъ съ однимъ изъ своеобразнѣйшихъ памятниковъ русской письменности, и одинаково любопытна для специалистовъ, какъ по словесности, такъ и по этнографіи, представляя богатый матеріалъ и по исторіи народныхъ вѣрованій.

В.

Историко-литературная бібліотека подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Вып. I. Гоголь въ воспоминаніяхъ современниковъ и перепискѣ. Составилъ В. В. Каллашъ. Москва. 1909. Стр. XXV+263. Цѣна 1 р.

Выпускаемая подъ редакціей А. Е. Грузинскаго «Историко-литературная бібліотека» является полезнымъ изданіемъ, потребность въ которомъ въ настоящее время ощущается довольно остро. Изученіе литературнаго направленія или писателя у насъ сводится, главнымъ образомъ, къ знакомству съ его со-

чиненіями и историко-литературными изслѣдованіями. Такая постановка совершенно несостоятельна. Изученіе литературнаго направленія или писателя не можетъ обойтись безъ изученія матеріала, являющагося первоисточникомъ,—въ родѣ писемъ, мемуаровъ современниковъ и т. п. Ошибочно было бы считать такую схему удѣломъ лишь чисто научнаго изученія, такой схемѣ должно слѣдовать всякое изученіе, даже въ школѣ: изучить писателя, его личность, біографію невозможно безъ изученія писемъ и воспоминаній о немъ современниковъ. Разница сводится лишь къ рамкамъ, въ предѣлахъ которыхъ должны изучаться первоисточники: ученый не дѣлаетъ различія между ними, изучаетъ ихъ всѣ, въ школѣ же должно имѣть въ виду лишь наиболѣе важное. Но слѣдовать такой схемѣ очень трудно: нужно знать, какіе именно первоисточники есть въ данной области, гдѣ они помѣщены, наконецъ, даже зная это, приходится тратить массу времени на розыски данныхъ книгъ, особенно въ провинціи. Напримѣръ, при изученіи Пушкина нельзя обойтись безъ воспоминаній о немъ Анненкова, которыя давно вышли изъ продажи и добыть которыя даже и въ столицѣ очень трудно.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, мы привѣтствуемъ «Историко-литературную бібліотеку», которая ставитъ свою цѣль собрать въ одной книгѣ, недорогой по цѣнѣ, всѣ важнѣйшіе матеріалы, являющіеся первоисточниками при изученіи писателей и литературныхъ направленій XIX вѣка. Первый выпускъ посвященъ Гоголю и составленъ В. В. Каллашемъ. Слѣдующіе выпуски будутъ посвящены Грибоѣдову, Пушкину, западничеству и славянофильству.

Прежде всего дана краткая біографія Гоголя, затѣмъ хронологическая канва и характеристика его переписки. Это составляетъ первую часть книги. Вторую, центральную часть составляютъ наиболѣе важныя мѣста изъ воспоминаній современниковъ, причѣмъ дана краткая характеристика воспоминаній автора, его отношеній къ Гоголю и, наконецъ, оцѣнка историко-литературнаго значенія данныхъ мемуаровъ. Помѣщены въ книгѣ выбранныя мѣста изъ слѣдующихъ воспоминаній: Анненкова, Аксакова, Тургенева, Панаева, Смирновой, Арнольди, князя Оболенскаго и Берга. Въ третьей части книги помѣщены выдержки изъ писемъ Гоголя, имѣющія значеніе для характеристики его личности и міросозерцанія, а также для исторіи его творчества. Наконецъ, въ заключеніе мы находимъ указатель главнѣйшей литературы о Гоголѣ, причѣмъ при каждой работѣ дана коротенькая ея характеристика.

Изъ обзорннн содержанія «Историко-литературной бібліотеки» видна ея цѣнность: она собираетъ въ одно цѣлое все важное изъ первоисточниковъ, безъ знакомства съ которыми немислимо сколько-нибудь обстоятельное изученіе писателей, даже въ школѣ,—избавляя отъ непроизводительной, а иногда и безплодной, траты времени на розыски книгъ.

Признавая цѣнность изданія въ цѣломъ, мы считаемъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о частностяхъ. Намъ кажется, что вмѣсто поверхностной, вслѣдствіе незначительнаго размѣра, біографіи Гоголя, гораздо полезнѣе было бы дать болѣе обстоятельную хронологическую канву: ограничиться данной біографіей нельзя, все равно нужно будетъ обратиться къ помощи

другой книги, расширенная же канва, во-первых, очень важна при чтеніи помѣщенныхъ въ книгѣ различныхъ воспоминаній, во-вторыхъ, представила бы всегда нужное справочное пособіе, тѣмъ болѣе полезное, что, кромѣ извѣстной работы профессора Киршичкова, у насъ почти ничего нѣтъ въ этой области. Въ настоящемъ видѣ канва слишкомъ кратка. Кромѣ того, въ ней сообщаются нѣкоторые менѣе важные факты жизни Гоголя, а не отмѣчаются болѣе важные. Такъ, напримѣръ, упомянуто время избранія Гоголя въ члены общества любителей россійской словесности, а пропущено полученіе знаменитаго письма Бѣлинскаго, произведшаго сильное впечатлѣніе на Гоголя и отразившагося на его настроеніи. Среди писемъ, при выборѣ которыхъ главнымъ критеріемъ должна быть ихъ цѣнность для уясненія настроенія и міросозерцанія Гоголя, мы не находимъ крайне цѣннаго съ этой стороны письма Гоголя къ Бѣлинскому отъ начала августа 1847 года, являющагося отвѣтомъ на знаменитое письмо критика. Отмѣчая наиболѣе интересныя иллюстрированныя изданія сочиненій Гоголя и упоминая среди нихъ дешевыя изданія Маркса отдѣльныхъ произведеній, г. Каллашъ не упоминаетъ интереснаго съ иллюстраціонной стороны изданія подъ редакціей Е. А. Ляцкаго. Указывая гоголевскую библиографію, составитель упоминаетъ работу С. А. Венгерова. Не лишне было бы отмѣтить и дополненіе къ ней А. І. Лященко въ «Гоголевскомъ сборникѣ» русскаго библиографическаго общества. Указывая литературу о Гоголѣ, г. Каллашъ лестно рекомендуетъ книгу г. Мережковскаго—«Гоголь и чертъ», не отмѣчая, что, при всемъ ея интересѣ, она крайне субъективна, что необходимо было бы указать для того читателя, который приступить къ изученію Гоголя, руководствуясь спискомъ г. Каллаша.

А. Фоминъ.

Пушкинъ. Томы II и III. Библиотека великихъ писателей, подъ редакціей С. А. Венгерова. Изданіе Брокгауза-Ефрона. Спб. 1908, 1909. Стр. 640 и 619. Ц. каждаго тома 7 р. 50 к.

Предпринятое С. А. Венгеровымъ капитальное изданіе сочиненій Пушкина, самое крупное изъ всѣхъ существующихъ, уже на половину осуществлено, и теперь можно сказать, что оно является также самымъ лучшимъ. Его ученый и опытный редакторъ привлекъ къ дѣлу нашихъ лучшихъ знатоковъ Пушкина, историковъ литературы, критиковъ. Перечень участниковъ весьма внушительный: Валерій Брюсовъ, Н. Лернеръ, П. О. Морозовъ, Вячеславъ Ивановъ, А. И. Яцимирскій, Ф. Д. Батюшковъ, Н. П. Павловъ-Сильванскій, Н. П. Дашкевичъ, Н. А. Когларевскій, А. Г. Горнфельдъ, Н. М. Минскій, К. К. Арсеньевъ, А. Ф. Кони, Ю. И. Айхенвальдъ, Ивановъ-Разумникъ, В. Л. Модзалевскій и другіе. Ихъ участіе выразилось длиннымъ рядомъ біографическихъ статей и критическихъ этюдовъ, какъ общаго характера, такъ и объ отдѣльныхъ, болѣе или менѣе крупныхъ произведеніяхъ. Коллективная біографія Пушкина въ разбираемыхъ томахъ представлена статьями: «Пушкинъ на Кавказѣ въ 1820 году» (Е. Вейденбаума), «Пушкинъ и Раевскіе» (А. Лободы), «Пушкинъ въ Бессарабіи» (А. И. Яцимирскаго), «Пушкинъ въ Одессѣ» (Н. О.

Лернера), «Пушкинъ въ слѣд Михайловскомъ» (Е. Пѣтухова), «Пушкинъ и декабрьское движеніе» (А. Слонимскаго), «Первое сватовство Пушкина» (А. Ѳ. Кони), «Пушкинъ въ Москвѣ послѣ ссылки» (Н. О. Лернера); къ этому же отдѣлу примыкають замѣтки самого редактора объ «адскихъ» рисункахъ Пушкина и о другомъ рисункѣ поэта, гдѣ были изображены повѣшенные декабристы, и статья Б. Л. Модзалевскаго «Анна Петровна Кернъ». Общія критическія статьи, охватывающія дѣльные періоды пушкинскаго творчества, принадлежатъ Н. П. Дашкевичу («Отголоски увлеченія Байрономъ въ поэзіи Пушкина»), Н. А. Котляревскому («Пушкинъ въ Александровскую эпоху») и Юрію Веселовскому («Пушкинъ и Шенье»). Крупныя произведенія Пушкина снабжены вступительными статьями: «Кавказскій плѣнникъ»—П. О. Морозова, «Братья-разбойники»—Н. А. Котляревскаго, «Бахчисарайскій фонтанъ»—Ю. И. Айхенвальда и Н. О. Лернера, «Цыганы»—Вячеслава Иванова, «Борисъ Годуновъ»—Ѳ. Д. Батюшкова и Н. Павлова-Сильванскаго, «Графъ Нулинъ»—П. О. Морозова, «Сцена изъ Фауста»—А. Г. Горнфельда, «Полтава»—Ю. И. Айхенвальда и Иг. Житецкаго, «Домикъ въ Коломнѣ»—В. Брюсова, «Скупой рыцарь»—Н. М. Минскаго, «Моцартъ и Сальери»—А. Г. Горнфельда, «Каменный гость»—Н. А. Котляревскаго, «Пиръ во время чумы»—К. К. Арсеньева, «Евгеній Онѣгинъ»—Иванова-Разумника, «Русалка»—П. О. Морозова, «Пѣсни западныхъ славянъ»—А. И. Яцимирскаго, «Анджело»—П. О. Морозова, «Мѣдный всадникъ»—В. Брюсова. Довольно обширенъ отдѣлъ объяснительныхъ примѣчаній. Н. О. Лернеромъ написаны примѣчанія къ «Недошедшимъ и приписываемымъ Пушкину стихамъ 1817—1819 гг.», «Черновымъ наброскамъ 1818—1819 гг.», всѣ примѣчанія къ произведеніямъ 1821, 1823, 1824 и 1826 гг. и части произведеній 1822 г.; о другой части 1822 г. писалъ Г. Н. Карасикъ, о стихахъ 1820 и 1825 гг.—П. О. Морозовъ, а о «Гавриладѣ»—В. Брюсовъ. Одинъ этотъ бѣглый списокъ показываетъ, съ какой широтой пониманія задачи ведется дѣло.

Первыя условія, которымъ должно удовлетворять изданіе великаго классика,—возможно большая полнота и безукоризненная правильность текста. Въ этомъ отношеніи изданіе С. А. Венгерова стоитъ выше всякаго упрека. Редакторъ включилъ въ собраніе даже мельчайшіе отрывки и наброски, игнорировавшіеся прежними издателями. «Пушкинскіе фрагменты»,—пишетъ одинъ изъ комментаторовъ,—способны доставить высокое наслажденіе:—это настоящіе осколки драгоценныхъ камней, подчасъ хранящіе весь блескъ и красоту крупныхъ сокровищъ. Пробѣгаешь ихъ, и не разъ приковываетъ вниманіе иной «нѣжный стихъ, безмолвный памятникъ мечтанья, мгновенной думы легкой слѣдъ»... Завороженный пушкинскою гармоніей слухъ жадно ловитъ эти «летучія слова, отрывки безыменныхъ чувствъ и мнѣній»... Ну, можно ли выбрасывать изъ собранія стиховъ Пушкина такія чудныя, нѣжныя строки?

Одна черта руки моей,—

И ты довольна, другъ мой нѣжный...

Или четверостишіе, съ гениальной художественностью передающее таинственный сумракъ и шумъ волнъ въ приморскомъ гротѣ:

Приютъ любви, ояъ вѣчно полнъ
 Прохлады сумрачной и влажной,
 Тамъ никогда стѣсненныхъ волнъ
 Не умолкаетъ гулъ протяжный...

Что касается чистоты и вѣрности текста, то взявшій эту часть дѣла исключительно на себя С. А. Венгеровъ, занимаясь по первоисточникамъ, подлиннымъ рукописямъ поэта, во многихъ случаяхъ впервые указаль надлежащее чтение и исправиль ошибки прежнихъ издателей. Такъ, имъ впервые указаны начальные стихи отрывка «Чистотой, прислугой и пойломъ»... (т. III, стр. 463), чтение «Непристойно волочился», а не «непрестанно» (въ извѣстной балладѣ «Былъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный»...), какъ печаталось прежде. Впервые данъ вѣрный текстъ «Мѣднаго всадника», всегда печатавашагося съ ошибками. Всѣ прежнія изданія печатали знаменитый стихъ: «Россию вздернулъ на дыбы», тогда какъ во всѣхъ рукописяхъ Пушкина сказано: «Россию поднялъ на дыбы»... Такихъ примѣровъ можно привести еще немало, и всѣ они показываютъ, съ какимъ любовнымъ вниманіемъ отнесся редакторъ къ своей трудной задачѣ.

Самыми цѣнными біографическими статьями, какъ по новизнѣ и свѣжести положенныхъ въ основаніе матеріаловъ, такъ и по мыслямъ, являются сжатые, богатые фактами этюды Н. О. Лернера. Въ первомъ изъ нихъ, посвященномъ одесскому году жизни Пушкина, впервые ясно и доказательно изложена хитрая интрига, жертвой которой сталъ поэтъ въ Одессѣ. Вторая статья, о пребываніи Пушкина въ Москвѣ впервые послѣ ссылки, въ 1826—1827 гг., отчетливо рисуетъ зачинавшіяся тогда отношенія поэта къ Николаю I, къ правительству, къ обществу, которыя вскорѣ спутались вокругъ Пушкина въ тяжелую, мучительную сѣть, разорванную только смертью. Изъ лучшихъ критическихъ статей укажемъ на статьи Вячеслава Иванова о «Цыганахъ», Павлова-Сильванскаго о «Годуновѣ», Валерія Брюсова о «Мѣдномъ всадникѣ». Съ точки зрѣнія проблемы личности В. Ивановъ судить объ отношеніи Пушкина къ индивидуализму по «Цыганамъ», которыхъ противопоставляетъ «Мѣдному всаднику». «Въ первой поэмѣ личность утверждаетъ себя какъ абсолютная, ибо такова, и только такова, по мысли Пушкина, идея Алеко... Однако, при своемъ абсолютномъ самоутвержденіи, личность эта сама по себѣ только относительна («Но, Боже, какъ играли страсти его послушною душой!..»),—между тѣмъ какъ множественная воля, которая противостоитъ личности, утверждаетъ себя относительной эмпирически, въ смиренной ограниченности своей скудной и беззащитной общины, и все же является безусловной и сверхчеловѣчески-могущественной нравственной мощью своего непреложнаго (ибо согласнаго съ началомъ вселенскимъ) внутренняго закона. Напротивъ, въ «Мѣдномъ всадникѣ» множественная воля гибнущихъ съ ропотомъ на обрекшую ихъ единичную волю людей въ союзѣ со стихіями возстаетъ противъ одного героя, который торжествуетъ, одинъ противъ всѣхъ, надъ людьми и стихіями. Отчего же въ первой поэмѣ личность побѣждена и какъ бы раздавлена волею множества, а во второй—воля множества личностью? Оттого, что здѣсь личность перестала быть личностью, и человѣкъ обратился въ «Мѣднаго всадника», въ бессмертнаго демона съ тѣломъ изъ мѣди на мѣдномъ конѣ. Оттого, что здѣсь личность

совлекла съ себя все относительное и преходящее—и абсолютно утвердила свою сверхличную волю, свое вселенское начало, сильнѣйшее всякой случайной множественности. Такъ, въ своей посмертной поэмѣ Пушкинъ рѣшаетъ пробл му личности въ полномъ согласіи съ тѣмъ произведеніемъ, которое знаменовало впервые его вступленіе въ пору совершенной художественной зрѣлости и окончательное освобожденіе отъ юношескихъ увлеченій идеєю отвлеченнаго индивидуализма». Н. Павловъ-Сильванскій спрашивалъ: «Гдѣ въ народѣ пушкинской трагедіи патриархальная любовь къ царямъ, преданность самодержавію?.. Ея нѣтъ и слѣда. Пушкинъ очень удачно выбралъ время Годунова, чтобы выразить свое отрицательное отношеніе къ такому воззрѣнію на народъ... Подчеркивая разобщенность царя Бориса съ народомъ, Пушкинъ хотѣлъ показать, что такая разобщенность народа и власти является характерной для нашей исторіи»... Развивая мысль профессора І. Третьяка, Брюсовъ влагаетъ въ уста Пушкина такія слова о «Мѣдномъ всадникѣ»: «Да, я не вѣрю больше въ борьбу съ деспотизмомъ силами стихійнаго мятежа, я вижу всю его бесплодность. Но я не измѣнилъ высокимъ идеаламъ свободы. Я попрежнему увѣренъ, что не вѣченъ «кумиръ съ мѣдною главою», какъ ни ужасенъ онъ въ окрестной мглѣ, какъ ни вознесенъ онъ въ «неколебимой вышинѣ».—Свобода возникнуть въ глубинахъ человѣческаго духа, и «огражденная скала» должна будетъ опустѣть».

Примѣчанія, при всей своей сжатости, чрезвычайно обстоятельны и точны. Для цѣлаго ряда стихотвореній Пушкина ими впервые установлена правильная хронологія; даны въ нихъ цѣнныя историческія и біографическія свѣдѣнія, знаніе которыхъ приближаетъ читателя къ поэту. Нѣкоторыя примѣчанія разрослись въ настоящіе біографическіе и критическіе экскурсы, имѣющіе самостоятельное значеніе (таковы примѣчанія, написанныя Н. Лернеромъ). Собраніе богато иллюстрировано и въ текстѣ, и на отобыхъ листахъ; достоинство иллюстрацій очень разнообразно, такъ какъ редакторъ собралъ все характерное, чѣмъ иллюстрировался Пушкинъ отъ 20-хъ годовъ до нашихъ дней. Читающее общество привѣтливо встрѣтило венгеровское изданіе, и этотъ успѣхъ, надо признать, достается ему не даромъ.

М В

Б. Соллогубъ и В. Симоновскій. Указатель лучшихъ, по отзывамъ печати, учебниковъ, наглядныхъ учебныхъ пособій и методическихъ руководствъ на русскомъ и украинскомъ языкахъ. Спб. 1909. Стр. XX+420. Ц. 2 руб.

Составители справочника имѣли въ виду главнымъ образомъ народныхъ учителей. Но на самомъ дѣлѣ ихъ книга окажетъ незамѣнимую услугу многимъ. Конечно, учителю народныхъ школъ больше, чѣмъ другимъ, приходится встрѣчать крупныя затрудненія при выборѣ какъ учебниковъ, такъ и отдѣльныхъ пособій для самообразованія. Но въ такомъ же положеніи у насъ находятся и самыя широкіе слои общества.

Хорошо систематизированных каталоговъ у насъ сравнительно мало, а если не считать нѣкоторыхъ министерскихъ каталоговъ и тѣхъ немногочисленныхъ справочниковъ, которые изрѣдка выпускались крупными книгоиздательствами,—ихъ совсѣмъ почти не было. Притомъ сухой списокъ существующихъ въ извѣстной области сочиненій едва ли могъ оказать существенную пользу. Онъ не можетъ познакомить читателя ни съ достоинствами, ни съ недостатками извѣстной книги. «Это обстоятельство,—читаемъ въ предисловіи,—навело составителей на мысль дать сводку лучшей, по отзывамъ печати, учебной литературы, для чего и были пересмотрѣны собранные матеріалы». Приходилось собирать отдѣльные рецензіи, помѣщенные въ самыхъ разнообразныхъ журналахъ, газетахъ, протоколахъ и отчетахъ комиссій, обсуждавшихъ вопросы народнаго образованія.

Результатомъ работы гг. Соллогуба и Симоновскаго явился сводъ лучшей учебной литературы примѣнительно къ народнымъ школамъ повышеннаго типа. Сюда вошли слѣдующіе отдѣлы: русскій языкъ (пособія по веденію литературныхъ бесѣдъ, общая методика преподаванія), ариѳметика, геометрія, географія, этнографія, зоологія, ботаника, физика, химія, космографія, астрономія, антропологія, исторія, рисованіе, школьныя игры, пѣніе и т. д. Въ «Указателѣ» помѣщено около 686 рецензій—число безусловно солидное. Если же принять во вниманіе, что рецензіи выбраны наиболѣе типичныя, указывающія какъ на положительныя, такъ и на отрицательныя стороны книгъ, причемъ полемическія шероховатости были заранѣе сглажены, то громадная польза, которую онъ можетъ оказать читателю, станетъ еще болѣе очевидной.

Нѣкоторые отдѣлы отличаются полнотой и разнообразіемъ хорошо обработанныхъ рецензій. Таковы, напримѣръ, рецензіи естественно-историческаго отдѣла. Книги въ немъ расположены въ строгомъ порядкѣ. За нѣсколькими начальными курсами міровѣдѣнія (Гердъ, Ковальскій, Севрукъ, Усковъ и др., стр. 132—138) слѣдуетъ описаніе простѣйшихъ опытовъ и приборовъ. Это—книги Мальчевскаго, Смирнова. Съ цѣлью помочь начинающимъ любителямъ природы во время образовательныхъ прогулокъ и экскурсій помѣщенъ рядъ выдающихся и широко-доступныхъ руководствъ изъ этой области. Указаны, какъ наиболѣе типичныя: «Программы общества естество-испытателей» (подробная литература по каждому вопросу), руководства Гинтервальднера, Ширяева, Щетинскаго (?), Ростовцева и др. Въ каждой рецензій схвачены наиболѣе характерныя черты книги, указаны ея достоинства и недостатки и, что очень важно, тотъ кругъ читателей, на который она разсчитана.

Перечислить всѣ рецензіи хотя бы этого отдѣла невозможно: ихъ около 90. Такой же многосторонностью отличаются опредѣлители и сочиненія описательнаго характера. Геологія, палеонтологія, химія, физика—всѣ эти области науки представлены разнообразными и по характеру изложенія, и по своей стоимости книгами. Въ отдѣлѣ астрономіи (стр. 180) мы встрѣчаемъ имена Ньюкома, Юнга, Сервиса: благодаря имъ, самые широкіе слои общества могли познакомиться съ великой, но такъ мало распространенной наукой. Вызываетъ недоумѣніе отсутствіе популяризацій Фламмаріона, не менѣе понятныхъ, и нашъ взглядъ, чѣмъ «Астрономія для всѣхъ» Ньюкома. Много говорится о

всевозможныхъ системахъ рисованія (стр. 191—205) по новымъ методамъ (Аугсбургъ, Тэддъ Кульманъ, Прангъ), открывающимъ новый путь въ дѣлѣ художественнаго воспитанія. Хорошо обработаны отдѣлы географіи и этнографіи; такой же полнотой отличается и общая методика преподаванія. И только поразительно бѣденъ историческій отдѣлъ—всего девять рецензій! Нужно надѣяться, что этотъ пробѣлъ указателя будетъ заполненъ.

Почти въ каждомъ отдѣлѣ составители не ограничились перечисленіемъ пособій, но дали общія указанія относительно хода преподаванія. Приложенные въ концѣ книги списки наглядныхъ пособій и адреса фирмъ, ихъ изготовляющихъ, еще болѣе облегчаютъ задачи тѣхъ, кто будетъ пользоваться справочникомъ.

Я. Н.

**Арабажинъ, К. И. Публичныя лекціи о русскихъ писателяхъ.
Книга I. Стр. 192. Спб. 1909. Цѣна 1 руб.**

Книга г. Арабажина состоитъ изъ статей о Толстомъ, Чеховѣ, Горькомъ, Гоголѣ и объ отношеніи современной литературы къ проблемѣ любви и брака. Всѣ вошедшія въ книгу статьи являются публичными лекціями, прочитанными г. Арабажинымъ въ пользу общества народныхъ университетовъ. То обстоятельство, что статьи г. Арабажина—публичныя лекціи, рассчитанныя на опредѣленную аудиторію, необходимо имѣть въ виду при оцѣнкѣ книги. Если подойти къ пей, какъ вообще къ критическимъ и историко-литературнымъ статьямъ-изслѣдованіямъ, то придется поставить въ упрекъ автору схематичность, конспективность статей, гдѣ мысли автора не развиты имъ съ достаточной полнотой. Этотъ упрекъ отпадаетъ, если мы примемъ во вниманіе задачи статей, то, что онѣ—публичныя лекціи: конспективность и схематичность статей обусловлена, конечно, временемъ, которымъ располагаетъ лекторъ, не имѣющій въ силу этого возможности подробно развивать свои мысли. Если же подойти къ статьямъ г. Арабажина, какъ къ лекціямъ, то, несомнѣнно, онѣ удовлетворяютъ требованіямъ, которыя предъявляются къ публичнымъ лекціямъ, и заслуживаютъ лестной рекомендаціи.

Лекція прежде всего должна обогащать познанія слушателей, для выполненія этой цѣли она должна быть изложена ясно: ясность изложенія—главное условіе усвоенія. Какъ бы цѣнна ни была лекція по существу, она можетъ потерять свое значеніе, благодаря тяжелой литературной формѣ. Это первое требованіе, предъявляемое къ лекціямъ, вполне выполнено г. Арабажинымъ: его лекціи написаны замѣчательно ясно, прекрасный литературный языкъ много способствуетъ этой ясности. Второе требованіе, которое можно предъявить къ популярнымъ лекціямъ, заключается въ томъ, чтобы онѣ помогли слушателямъ разбираться въ вопросѣ, служащемъ предметомъ лекціи, развивали бы критическое отношеніе, возбуждали бы мыслительную дѣятельность. Это требованіе прекрасно выполнено г. Арабажинымъ. Имъ поставленъ рядъ интересныхъ вопросовъ, дающихъ пищу уму и чувству слушателей, лекторъ, какъ намъ кажется, заботится не о томъ, чтобы дать слушателямъ готовую

формулу, отлитую мысль, для того, чтобы они ее усвоили, запомнили,—а, наоборот, главнымъ образомъ заботится о томъ, чтобы память слушателей не механически усваивала бы, а чтобы работала ихъ мысль наравнѣ съ развитіемъ мысли лектора, чтобы слушатели въ своемъ сознаниі переживали процессъ ея выработки. То обстоятельство, что г. Арабажинъ не навязываетъ слушателямъ опредѣленныхъ мыслей, чѣмъ грѣшатъ большинство лекторовъ, а заставляетъ мысль слушателей работать, развивая въ нихъ критическое сознание,—по нашему мнѣнію, является особеннымъ достоинствомъ лекцій г. Арабажина. Его лекціи, особенно такія, какъ о Толстомъ и Горькомъ, несомнѣнно, имѣютъ общественное значеніе, способствуя критическому отношенію широкой публики къ писателямъ. Это очень важно съ точки зрѣнія задачъ, которыя ставитъ себѣ народный университетъ. Ясно изложенныя, облеченныя въ живую литературную форму, пробуждая мысль, заставляя ее критически работать, ставя предъ ней вопросы, лекціи гг. Арабажина какъ разъ удовлетворяютъ запросамъ той новой, чрезвычайно чуткой аудиторіи, которая народилась у насъ теперь въ Россіи, той аудиторіи, которая идетъ въ народный университетъ.

Значеніе статей г. Арабажина не ограничивается аудиторіей народнаго университета, онѣ—не только популярныя лекціи, но и вдумчивыя историко-литературныя и критическія статьи, въ которыхъ и критикъ и историкъ литературы найдутъ для себя интересныя замѣчанія. Къ сожалѣнію, конспективность и схематичность статей значительно понижаетъ ихъ цѣнность, какъ критическихъ и историко-литературныхъ работъ. Наиболѣе сильное мѣсто въ книгѣ—критика философскихъ и социальныхъ воззрѣній Толстого. Сильна съ критической стороны и статья о Горькомъ. Авторъ мѣтко подчеркнул противорѣчіе теоретическихъ воззрѣній Горькаго съ его художественною индивидуальностью, что въ немъ теоретикъ убиваетъ художника, что внутренняя сущность личности Горькаго,—по природѣ анархистической, ярко-индивидуальной, съ своеобразными волевыми порывами и оригинальными переживаниями,—не соответствуетъ формѣ его теоретическихъ конструкцій и философскихъ построений. «Когда Горькій,—говоритъ авторъ,—переноситъ въ свое творчество опредѣленные политическія цѣли и къ нимъ подгоняетъ свою душу и свое творчество, онъ только неудачный тенденціозный писатель. Какъ художникъ, какъ темпераментъ, Горькій никогда не былъ марксистомъ. Какъ марксистъ, онъ никогда не сможетъ быть художникомъ, самимъ собой въ своемъ творествѣ». Интересна статья и о Чеховѣ, какъ драматургѣ, въ которой авторъ выступаетъ съ оригинальными взглядами на драмы Чехова. Большинство относится къ нимъ отрицательно, г. Арабажинъ же, наоборотъ, высоко ставитъ ихъ, считая, что созданное Чеховымъ въ области драмы—«гениально, такъ какъ является крупнымъ вкладомъ и въ сущность и въ форму сценическаго искусства». Къ числу интересныхъ страницъ книги нужно отнести также и взглядъ на реализмъ Гоголя. За послѣднее время стало обнаруживаться стремленіе сдвинуть съ мѣста обычные взгляды на Гоголя, какъ на реалиста, было выдвинуто положеніе, что Гоголь, наоборотъ,—фантастъ чистѣйшей воды, что основная черта его творчества—не вѣрное воспроизведеніе жизни, а стремленіе къ пре-

увеличенію, гиперболѣ. Съ такими мыслями выступилъ особенно рѣшительно Брюсовъ въ своей такъ шумѣвшей рѣчи на чествованіи Гоголя въ Москвѣ. Г. Арабажинъ дѣлаетъ интересную попытку примирить двѣ плоскости. Соглашаясь съ тѣмъ, что, если взять внѣшнюю сторону жизни, то нужно будетъ признать, что Гоголь отступалъ отъ реализма, не чуждъ былъ гиперболѣ, но если въ преувеличеніяхъ и неточностяхъ письма Гоголя нѣтъ правды фактически возможной, то есть правда психологическая.

А. Фокинъ.

А. А. Измайловъ. Помраченіе божковъ и новые кумиры. Новые вѣянія въ литературѣ. Москва. 1910. Стр. VIII—251. Цѣна 1 р.

Не книга, а праздникъ, настоящій праздникъ въ современной намъ литературной критикѣ. Въ то время, какъ и беллетристика и наиболѣе бойкіе изъ «самоновѣйшихъ» критиковъ внесли въ литературу столько криковъ, разнузданности, пошлости, кривлянья, порнографіи, цинизма, кабака и улицы—вся книга Измайлова служитъ яркимъ противовѣсомъ всему этому. Она поражаетъ своей опрятностью, какой-то стихійной боязнью автора и самому запачкаться въ грязи современной пошлости и цинизма, и запачкать читателя. Бросается въ глаза еще одна особенность Измайлова. Это—его тактъ. При всей органической доброжелательности, онъ бываетъ и рѣзокъ. Возмущается многимъ, очень многимъ, многое и многихъ называетъ собственными именами. Еще бы—деликатничать, напрімѣръ, съ порнографами и эротоманами, о которыхъ говорится въ четвертой главѣ:—«Торжествующій Пріапъ!» Но въ общемъ конечно здѣсь поражаетъ тактичность автора, его академичность, уваженіе къ чужому мнѣнію. Теперь это стало большой рѣдкостью.

Авторъ смѣло и удачно опредѣляетъ свое мѣсто. «Людямъ партійнаго ума, привыкшимъ освѣдомляться о приходѣ, къ какому принадлежитъ критикъ, я бы хотѣлъ отвѣтить: я свой. Мои взгляды на литературу, мое освѣщеніе авторовъ не диктовано ни эсъ-декскими, ни ка-детскими, ни какими-либо иными политическими представленіями. Я совершенно не понимаю, какъ эта область можетъ соприкоснуться съ областью свободнаго критическаго сужденія. Литература есть литература, и политика есть политика, и теперь этого, къ счастью, уже не нужно, какъ недавно, доказывать. Если я осуждаю фальшь кустарно-гражданственной беллетристики, то для меня здѣсь единственно важно сознаніе, что беллетристика на побѣгушкахъ у кого бы то ни было есть самый постылый и постыдный видъ литературнаго ремесленничества и мѣщанства». И дѣйствительно, во всѣхъ сужденіяхъ г. Измайлова нѣтъ и намекъ на партійность, на нетерпимость.

Написана книга блестяще. Ее, этотъ рядъ критическихъ набросковъ, мы скорѣе назвали бы произведеніемъ художественной литературы, чѣмъ многіе изъ романовъ, повѣстей и стиховъ, которые здѣсь разбираются. И это объясняется не одной талантливостью критика. Нѣтъ, здѣсь играетъ роль просто благоговѣйное отношеніе его къ слову, къ печатной строкѣ. Такихъ книгъ мы не имѣли до сихъ поръ. Великолѣпна вся глава «У стола клиники» (патофизи-

ческая беллетристика), многія мѣста второго отдѣла «Творчество подь барабанъ» (беллетристическій репортажъ), вся заключительная глава—«На львиномъ трупѣ» и послѣднія слова книги о «побѣдителяхъ» и «побѣжденныхъ».

Много книгъ приходится читать и просматривать рецензенту. Перечитывать некогда: надо дѣлиться своими впечатлѣніями съ читателемъ. А книгу Измайлова мы прочли всю, хотѣли найти нѣсколько мѣстъ, обратившихъ на себя особое вниманіе, стали искать ихъ и уже не могли искать ихъ глазами, бѣгло, какъ привыкли отыскивать въ большинствѣ книгъ. Нѣтъ, мы снова стали читать ее. И чѣмъ дальше читали, тѣмъ больше захватывала она насъ... Прекрасная, справедливая, чистая книга. Она останется надолго. Во всякомъ случаѣ она просуществуетъ дольше, чѣмъ добрая половина авторовъ и произведеній, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь.

А. Я.

А. А. Николаевъ. Теорія и практика кооперативнаго движенія. Москва. 1909.

Въ основѣ кооперативнаго движенія лежитъ стремленіе трудящихся и мало-достаточныхъ классовъ населенія оградить себя отъ власти торговаго капитала. Первичную форму кооперативной организаціи составляютъ потребительныя общества, преслѣдующія простую и понятную для каждаго участника цѣль—покупать предметы первой необходимости получше качествомъ и подешевле цѣной. Ремесленники и сельскіе хозяева организуютъ кооперативныя товарищества для закупки сырья, машинъ, орудій, искусственныхъ удобреній и всего того, что необходимо для веденія ремесла или промысла, а равнымъ образомъ для оптоваго сбыта продуктовъ своего производства, избѣгая такимъ образомъ дорого оплачиваемаго комиссіонерства. Для полученія удобнаго и дешеваго кредита служатъ разнаго наименованія кассы и банки, построенныя тоже на кооперативный основъ (круговое ручательство участниковъ, самоуправленіе и т. д.). Въ послѣднія десятилѣтія кооперативное движеніе получило громадное развитіе и сдѣлало громадныя завоеванія на экономическомъ рынкѣ. Неудивительно, что явленіе это давно уже привлекаетъ вниманіе экономистовъ, и вышеназванная книжка г. Николаева—далеко уже не первый серьезный трудъ, посвященный обзору кооперативнаго движенія.

Фактическій матеріалъ, приведенный въ изслѣдованіи г. Николаева, далеко не полонъ. Такъ какъ главную цѣль автора составляетъ, повидимому, выясненіе и разрѣшеніе разныхъ проблемъ, назрѣвшихъ въ области кооперации, то онъ беретъ лишь болѣе яркіе и выдающіеся факты изъ области кооперативнаго движенія. Наивысшаго развитія кооперація достигла въ Англіи, Германіи и Даніи. Такъ, въ Англіи потребительныя общества достигли уже такого блестящаго развитія, что заводятъ собственныя фабрики и заводы; на примѣръ, одно англійское «общество оптовыхъ закупокъ» обладаетъ пятью паровыми мельницами, мыловаренными и свѣчными заводами съ оборотомъ въ 5 мил. р., табачной фабрикой (болѣе 4 мил. р.), фабриками обуви, фабрикой консервовъ, кондитерской фабрикой, салотопеннымъ заводомъ, угольными

копами, даже типографіей. Подсчитано, что англійскія потребительныя общества за 50 лѣтъ своего существованія сохранили своимъ членамъ около 1¹/₂ миллиарда рублей. Въ Даниі получили большое развитіе маслодѣльныя товарищества; ихъ насчитывается 1,076, т.-е. каждая община имѣетъ кооперативъ даннаго типа. Товарищества эти объединяются въ три могущественныхъ союза, которые держатъ въ своихъ рукахъ почти весь экспортъ датскаго масла. Столь блестящимъ успѣхомъ товарищества обязаны тому, что они предъявляютъ къ отдѣльнымъ участникамъ требованіе вводить улучшение въ данной отрасли хозяйства и такимъ образомъ «проводятъ вліяніе коллективной воли въ самыя тайники организациі индивидуальнаго хозяйства».

Въ какой стадіи развитія находится кооперативное движеніе въ Россіи? Какъ и во всѣхъ другихъ областяхъ, мы и въ этомъ дѣлѣ отстали. Наибольшее развитіе получила у насъ, и то лишь въ послѣднее десятилѣтіе, кредитная кооперація, хотя и здѣсь пропорціональныя цифровыя отношенія очень неутѣшительны для насъ. Именно, «общее количество капитала, обращеннаго у насъ на нужды мелкаго кредита, не превышало до сего времени 56 мил. р., что составляетъ около 50 коп. на каждаго жителя имперіи. Между тѣмъ въ Германіи и Австро-Венгріи это отношеніе выражается 8 руб. Одно учрежденіе мелкаго кредита у насъ приходится на 51,400 жителей, въ Германіи на 4,800, въ Австро-Венгріи—на 8,800 (стр. 143). Изъ другихъ областей можно указать на удачную организацию въ сибирскихъ губерніяхъ молочнаго производства: въ 1906 г. насчитывалось уже 208 кооперативныхъ заводовъ. Наконецъ въ самое послѣднее время возникаютъ въ большомъ числѣ потребительныя общества и сельско-хозяйственныя товарищества.

Симпатичную особенность кооперативныхъ организаций составляетъ то, что они не ограничиваются расширеніемъ однѣхъ только хозяйственныхъ функцій, но очень часто переходятъ въ область просвѣтительной дѣятельности и взаимопомощи. Такъ, почти при всѣхъ потребительныхъ англійскихъ обществахъ имѣются образовательныя комитеты. «Они учреждаютъ постоянныя и подвижныя бібліотеки, организуютъ лекціи и курсы, устраиваютъ музыкальныя и пѣвческія кружки, концерты, спектакли, празднества всякаго рода. Обширные залы ихъ домовъ привѣтливо открыты для всевозможныхъ митинговъ и собраній. То же мы находимъ въ Германіи, Франціи, Италіи и особенно въ рабочихъ кооперативахъ Бельгіи» (стр. 161).

Выяснивъ характерныя черты кооперативныхъ организаций, г. Николаевъ не оставляетъ безъ вниманія разныхъ упрековъ и возраженій, которыя раздаются въ экономической литературѣ противъ самаго существа кооперативнаго движенія. Такъ, прежде всего авторъ обстоятельно разбираетъ упрекъ, будто кооперація развиваетъ въ трудовыхъ массахъ духъ наживы, и приходитъ къ выводу, что «кооперація заставляетъ невольно своихъ членовъ дѣйствовать не въ духѣ буржуазной морали, а въ духѣ той высшей морали, которую должно быть проникнуто будущее болѣе совершенное и болѣе справедливое общество» (стр. 202). Далѣе съ подробностью останавливается на тѣхъ возраженіяхъ противъ плодотворности коопераціи, которыя идутъ со стороны защитниковъ идеи профессиональныхъ союзовъ (стр. 225). Большое мѣсто ко-

операции составляет недостаток кооперативнаго воспитанія въ массахъ, чѣмъ объясняется тотъ, напримѣръ, фактъ, что у отдѣльныхъ членовъ сплошь и рядомъ является желаніе сбыть непосредственно торговцамъ лучшую часть своихъ продуктовъ, а за счетъ товарищества оставить то, что похуже. Для борьбы съ этимъ отрицательнымъ явленіемъ англійскіе и бельгійскіе кооператоры ставятъ своей цѣлью начать кооперативное воспитаніе челоуѣка съ дѣтскаго возраста. Въ бельгійскихъ потребительныхъ рабочихъ кооперативахъ сынъ рабочаго становится членомъ кооперации часто уже съ 6—7-лѣтняго возраста. Кооперация же принимаетъ на себя, по мѣрѣ возможности, заботы о физическомъ и умственномъ развитіи своихъ юныхъ сочленовъ. Въ Англии съ той же цѣлью устраиваются многими кооперативами по различнымъ поводамъ дѣтскіе праздники. Такимъ путемъ уже съ самыхъ раннихъ лѣтъ челоуѣка связываютъ съ кооперативомъ самыя свѣтлыя воспоминанія.

Кооперативное движеніе настолько сложно и многосторонне, что книжка г. Николаева далеко не можетъ претендовать на значеніе исчерпывающаго изслѣдованія въ данной области. Но въ числѣ другихъ работъ по данному вопросу она займетъ не послѣднее мѣсто. Здѣсь поставлены и внимательно обсуждены многія проблемы кооперации, разобраны доводы pro и contra плодотворности кооперативнаго движенія и дано твердое обоснованіе жизненности кооперации. Въ вину автору можно поставить то, что онъ какъ-то вялъ въ полемическихъ частяхъ своего изслѣдованія.

К. Х.

**Густавъ Эрвэ. Исторія Франціи и Европы. Спб. 1909 г. 430 стр.
Ц. 1 р. 50 к.**

Извѣстный французскій социалистъ Эрвэ написалъ учебникъ всеобщей исторіи такого свойства, что потерялъ надежду, чтобы книга его была допущена въ начальныя школы во Франціи. Въ отличіе отъ другихъ руководствъ авторъ придалъ своей книгѣ «рѣзко миролюбивый характеръ, открыто враждебный патриотизму». Вслѣдствіе крайней тенденціозности учебникъ Эрвэ, очевидно, не можетъ быть рекомендованъ никакимъ учебнымъ начальствомъ, и авторъ надѣется, что его будутъ частнымъ образомъ распространять свободомыслящіе родители и учителя. Но, кромѣ тенденціозности, французскій социалистъ отличается слабымъ знаніемъ исторіи, и выступать въ качествѣ руководителя въ области мало знакомой ему не слѣдовало бы. Книга начинается съ глумливаго невѣжества. «Мы,—говоритъ авторъ,—ничего не знаемъ достовѣрнаго относительно происхожденія челоуѣка, первобытные люди, не умѣя писать, не могли оставить намъ точныхъ свѣдѣній о томъ, что имъ самимъ было извѣстно по этому поводу». Не писанія первобытныхъ людей, а сравнительное языкознаніе и археологія знакомятъ насъ съ доисторической эпохой челоуѣчества, и во всякомъ случаѣ нельзя утверждать вмѣстѣ съ Эрвэ, что по заключенію современной науки челоуѣкъ долженъ былъ отнесенъ непосредственно къ виду обезьянъ. Это почти такъ же не научно, какъ характеристика древнихъ евреевъ: «Этотъ маленькій народъ, состоявшій изъ невѣжественныхъ крестьянъ, былъ оченъ

религіозенъ». Можно подумать, что другіе народы древности состояли изъ высокообразованныхъ крестьянъ и не имѣли религіи.

Половина книги отведена современной исторіи, и главный ея смыслъ заключается въ прославленіи социалистической партіи. Социалистическая партія, читаемъ мы у Эрвэ, это республиканская, демократическая и антиклерикальная партія, которая, въ отличіе отъ умѣренной или радикальной фракціи республиканской партіи, считаетъ единственнымъ средствомъ противъ всеобщаго бѣдственнаго положенія, нищеты рабочихъ классовъ, приниженныхъ и обездоленныхъ, коренное преобразование самыхъ основаній общества. Такимъ средствомъ является то, что социалисты называютъ социализаціей средствъ производства, т.-е. экспропріація на общее пользованіе рудниковъ, фабрикъ и другихъ крупныхъ предприятий, находящихся въ вѣдѣніи частныхъ компаній, и эксплоатація ихъ въ будущемъ обществѣ въ интересахъ всѣхъ. Составитель учебника утверждаетъ, что и крупные магазины будутъ экспропріированы и замѣнены крупными общими національными или коммунальными магазинами. Подобнымъ же образомъ и освѣщеніе, пользованіе водою, аптеки, жилища, эксплоатируемыя теперь частными лицами и компаніями въ интересахъ богатыхъ классовъ, будутъ эксплоатируемы тогда муниципалитетами въ интересахъ всѣхъ. Ученики не могутъ, конечно, отнестись сознательно къ экономическимъ теоріямъ и имъ пришлось бы заучивать наизусть восхваленіе экспропріаціи, если бы нашлись такіе нелѣпые педагоги, которые приняли бы учебникъ Эрвэ.

Непонятно, зачѣмъ понадобилось издавать на русскомъ языкѣ ненаучное и тенденціозное руководство французскаго социалиста и при томъ въ неудовлетворительномъ переводѣ. Напримѣръ, на стр. 74 читаемъ: «Во Франціи съ давнихъ поръ народъ усвоилъ себѣ какую-то мистическую привязанность къ своимъ королямъ; несчастья, постигшія Карла VI, внушили ему состраданіе». По всей вѣроятности, это означаетъ, что народъ сочувствовалъ несчастьямъ Карла. Мѣстами приходится по нѣсколько разъ перечитывать фразу, чтобы уловить ея смыслъ.

П. Б.

М. Помяловскій. Учебникъ новой исторіи. Стр. 336. Ц. 1 р. 25 к.

Книга эта назначена авторомъ для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Но она сослужитъ хорошую службу и при самообразованіи. Имѣя небольшой сравнительно объемъ, этотъ учебникъ даетъ солидный запасъ историческихъ фактовъ, которые излагаются съ извѣстными обобщеніями, уясняющими ходъ историческаго процесса. Г-нъ Помяловскій ограничивается изложеніемъ лишь политической исторіи, оставляя культурную почти безъ вниманія. Въ тѣхъ случаяхъ, когда ея приходится касаться поневолѣ, авторъ дѣлаетъ это какъ-то наспѣхъ. Характеристика, напримѣръ, гения Шекспира чрезвычайно поверхностна, и, конечно, самъ г. Помяловскій отлично знаетъ, что величіе англійскаго поэта вовсе не въ томъ, что онъ ни одного человѣка не изображаетъ исключительно дурнымъ, или исключительно

добрымъ. Реализма, здравого и наблюдательнаго, немало и у далекаго предшественника Шекспира—Чосера. Тѣмъ не менѣе Шекспиръ и при наличности Чосера сказалъ нѣчто новое, нѣчто свое.

Не свободенъ учебникъ и отъ нѣкоторыхъ промаховъ, которые надо бы устранить. Излагая, напримѣръ, исторію борьбы Карла I съ парламентомъ, г. Помяловскій, видимо, пользовавшій нѣмецкими пособиями, называетъ вездѣ остатки разогнаннаго Кромвелемъ парламента «румпфъ-парламентъ». Слово «румпфъ»—не англійское, а нѣмецкое. По-англійски этотъ парламентъ называется *The gump Parliament* и переводится по-русски обыкновенно «хвостъ парламента», а не «остатокъ парламента», какъ перевелъ это обозначеніе г. Помяловскій, разрушивъ безъ нужды политическій сарказмъ, заключающійся въ словѣ *gump*. Такое искаженіе англійскаго названія на нѣмецкій ладъ тѣмъ болѣе непозволительно г. Помяловскому, что онъ стремится писать собственные имена такъ, какъ они произносятся на языкѣ народа, которому принадлежатъ. Поэтому Кромвель вездѣ называется Кромвелъ, извѣстный авторъ «Системы природы» именуется не Гольбахъ, а Ольбахъ, не Георгъ Англійскій, а Джорджъ и т. д.

Позволимъ себѣ еще маленькое замѣчаніе насчетъ языка. Изучая исторію, ученикъ вмѣстѣ съ тѣмъ учится и родному языку. Поэтому учебникъ исторіи долженъ быть написанъ по возможности чистымъ, точнымъ и красивымъ языкомъ. Между тѣмъ въ учебникѣ г. Помяловскаго, хотя рѣдко, но попадаются нѣкоторыя шероховатости, которыхъ легко было бы избѣжать. Очевидно, не желая употреблять иностранныхъ словъ, г. Помяловскій отъ слова «натура» въ смыслѣ «характеръ» производитъ множественное число и говоритъ: «есть природы, которыя» и т. д., что вовсе не употребительно. Не менѣе устарѣли и мало употребительны обороты и слова въ родѣ «онъ нашелся вынужденнымъ», «страдаетъ отвычкой» и т. п.

А. М.

Влад. Грабенскій. Исторія польскаго народа. Разрѣшенный авторомъ переводъ со второго, дополненнаго польскаго изданія (1906 г.), подъ редакціей прив.-доц. С.-Петербургскаго унив. и проф. высшихъ женскихъ курсовъ Н. Ястребова, съ картой Польши XVII вѣка. Изданіе книжнаго магазина «Учебное Дѣло». Спб. 1910. Стр. VIII+599. Ц. 3 р.

Въ такой книгѣ русскій читатель давно нуждался. Изъ всего, что до недавняго времени было у насъ по исторіи Польши, нельзя указать ни одной доступной книги, которая соединяла бы въ себѣ извѣстную научность съ объективностью. Не было ни одной книги, которую можно было смѣло рекомендовать студентамъ, учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, для самообразованія и т. д. И если можно назвать нѣсколько десятковъ недурныхъ монографій по исторіи Польши на русскомъ языкѣ, то въ области общихъ курсовъ, руководствъ и популярныхъ книгъ оставалась пустота.

Книга В. Гребенскаго явилась болѣе чѣмъ кстати. Она даетъ богатый фактический матеріалъ, безъ котораго русскій читатель едва ли все пойметъ въ

двухъ незамѣнимыхъ книгахъ, недавно издаанныхъ подъ редакціей того же переводчика, — въ «Очеркъ исторіи общественно-государственнаго строя Польши» Ст. Кучебы и «Къ исторіи общественно-государственнаго строя Польши» О. Бальцера. Поэтому «Исторіи польскаго народа» Гребенскаго можно предсказать самое широкое распространеніе не только среди учащихся. А за нею слѣдуетъ озаботиться о переводахъ исторій и остальныхъ славянъ.

Характеръ книги опредѣленъ авторомъ. Прежде всего здѣсь выпущенъ «анекдотическій матеріалъ» и отброшено все, не имѣющее связи «съ задачей научнаго изложенія». Авторъ взялъ на себя задачу представить не только политическую исторію, но и измѣненія, которыя въ теченіе времени испыталь общественный и государственный строй, т.-е. то, что обыкновенно называютъ исторію внутреннихъ отношеній. Преобразование формы правленія и общественнаго уклада, въ связи съ политическими событіями, составляетъ содержание и идею (?) книги. Нѣсколько непонятно только, какъ это «преобразование» можетъ быть «идеей книги». Далѣе интересны слѣдующія заявленія Вл. Гребенскаго относительно того, что онъ не слѣдуетъ опредѣленному направленію въ философіи исторіи: «онъ не выноситъ приговора прошлому съ точки зрѣнія какой-нибудь политической, общественной или религіозной доктрины: онъ ограничивается однимъ лишь констатированіемъ фактовъ, которые стали необходимыми для воссозданія историческаго процесса». Мы лично съ полной увѣренностью можемъ подтвердить, что въ приведенныхъ словахъ нѣтъ и тѣни рисовки.

Въ переводѣ бросается въ глаза великолѣпная передача польскихъ собственныхъ именъ и географическихъ названій, чего раньше не дѣлалось; если и дѣлалось, то носило случайный характеръ и не проводилось послѣдовательно. Такъ, фамиліи сохраняютъ мягкость суффиксовъ; Гребенскій, Дембинскій, Лещинскій и т. д. и вообще соответствуютъ польскому произношенію: Чарторыскій, Бажиковскій, Кшижановскій, Вежбовскій, Сьвитковскій и др. Не руссифицированы и личныя имена. Вполнѣ правильно *Resz* *rospolita* передается чрезъ «Речь Посполитая», а не чрезъ Рѣчь, что вело обыкновенно къ неправильнымъ догадкамъ этимологіи этого слова (*Resz*, а не рѣчь). Впрочемъ, есть и непоследовательность: на ряду съ Мѣрославскій, Пѣкосинскій и т. п.—Залескій (вѣдь *Zaleski*, а не *Zaleski*), и др.. Очень цѣнное прибавленіе—«Историческая литература» (стр. 585—597), гдѣ собрано все существенное, главнымъ образомъ на польскомъ языкѣ, хотя слѣдовало бы, намъ кажется, нѣсколько увеличить указанія на русскія книги.

А. Я.

**Свящ. Іоаннъ Арсеньевъ. Отъ Карла Великаго до реформаціи.
Т. I. Москва. 1909. Стр. 222 Ц. 2 рубля.**

Авторъ задался цѣлью обследовать по первоисточникамъ философскія и богословскія ученія, имѣвшія цѣлью произвести реформу въ римской церкви, и секты, отступавшія отъ католицизма. Онъ говоритъ объ Іоаннѣ Скоттѣ Эригенѣ, Абелярѣ и Арнольдѣ Брешианскомъ, о разныхъ направленіяхъ въ схоластикѣ и

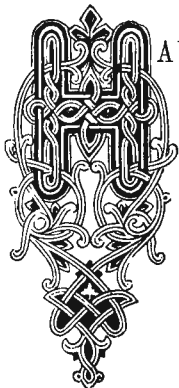
о вліянні на нес арабской філософіи, объ альбигойцахъ и вальденсахъ. Его точка зрѣнія видна изъ взгляда на папство и на рационализмъ. По словамъ о. Арсеньева, въ лицѣ знаменитаго Григорія VII на папскій престолъ вступилъ человекъ, задача всей жизни котораго заключалась въ искреннемъ намѣреніи очистить римскую церковь отъ ея недостатковъ и злоупотребленій, но который понялъ эту реформу слишкомъ вышше и односторонне, въ смыслѣ возможно большаго развитія мнимо-теократическаго идеала папскаго господства надъ міромъ. Если бы вмѣсто него папскій престолъ занялъ какой-нибудь церковный дѣятель, проникнутый настоящимъ реформаціоннымъ духомъ, то римская церковь могла бы дѣйствительно во многомъ очиститься и обновиться. Но всякій, кто хорошо знаетъ сущность папской системы, пойметъ, что такое предположеніе никогда и не могло бы осуществиться, потому что папство и коренная реформа римской церкви, въ ея главѣ и членахъ, это два понятія, совершенно другъ съ другомъ несовмѣстимыя. Авторъ не сочувствуетъ рационалистамъ, старающимся поставить разумъ выше вѣры. Онъ находитъ, что разумъ не долженъ вторгаться въ ту область, которая выше его и гдѣ самъ разумъ долженъ подчиниться высшему авторитету непогрѣшимой божественной истины. Точка зрѣнія вполне естественная для православнаго священника. Тѣмъ не менѣе о. Арсеньевъ совершенно устранилъ полемику съ латинянами и старается сохранить историческое безпристрастіе. Стремленіе сектантовъ,—говоритъ онъ,—выразить протестъ противъ дѣйствительныхъ и часто мнимыхъ недостатковъ въ ученіи и жизни церкви подъ вліяніемъ слѣплаго фанатизма доходило до очень прискорбныхъ крайностей, которыя у нѣкоторыхъ выражались даже въ открытыхъ актахъ насилія противъ католическихъ храмовъ и пастырей. Такія насилія въ значительной степени могли усиливаться и по винѣ самой римской церкви, которая сама слишкомъ часто не ограничивалась чисто духовными средствами борьбы съ противниками, но прибѣгала къ мѣрамъ, совершенно несогласнымъ съ духомъ Христова ученія, къ огню, мечу, пыткамъ и казнямъ, почитая всѣ эти средства не только дозволенными, но и святыми въ борьбѣ за истину.

П. В.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

АУКИ человѣка. — Въ «Figaro» ¹⁾ отъ 10 декабря извѣстный итальянскій историкъ Ферреро высказываетъ интересный взглядъ на исторію. Ферреро говоритъ, что ему неоднократно въ разговорѣ съ своимъ тестемъ, недавно скончавшимся профессоромъ Ломброзо, приходилось касаться излюбленной послѣднимъ темы о гениальномъ человѣкѣ, и въ послѣдніе годы между ними по этому вопросу происходило разномысліе. Ломброзо, повидимому, удивляло, почему нѣкоторыя изъ его идей вызываютъ у многихъ враждебное къ нимъ отношеніе. Ферреро старался его убѣдить, что эта ненависть не зависитъ отъ философскаго значенія теоріи. Задача генія, повторялъ Ферреро, въ настоящее время имѣетъ практическое, социальное значеніе: она касается общественной пользы. Восхищеніе великими людьми сдѣлалось нравственнымъ звеномъ совокупности лицъ, важность же его увеличивается по мѣрѣ того, какъ ослабѣваетъ религіозный духъ. Политическія партіи, люди всѣхъ профессій, народы, государства, — всѣ имѣютъ своихъ великихъ людей; они ихъ боготворятъ, идеализируютъ, и этотъ страстный культъ служитъ поддержкой духа единенія и вѣры въ свои силы для тѣхъ, кто его исповѣдуетъ. Въ нашу эпоху великіе люди играютъ ту же роль, какую играли святые въ средневѣковье. Поэтому неудивительно, что нѣсколько опасно подвергать научному анализу эту новую религію. Каждый безъ протеста признаетъ находящихся во власти науки великихъ людей хотя бы другихъ партій, другихъ профессій, другихъ національностей. Никто не хочетъ, чтобы прикасались къ великимъ людямъ, образъ которыхъ они боготворятъ...».

¹⁾ Les sciences de l'homme. Par Ferrero. «Figaro». 2 Decembre 1909.

Ломброзо признавал справедливость воззрѣній Ферреро, но всегда повторялъ, что его теории тоже вѣрны, а истина должна одержать верхъ надъ ошибкой, каковы бы ни были послѣдствія этой побѣды. При этомъ въ доказательство онъ приводилъ Галилея и Коперника. «Ихъ открытія,—говорилъ онъ,—имѣли политическія послѣдствія гораздо ужаснѣе, чѣмъ самыя революціонныя доктрины XIX вѣка. Создатели социализма—только дѣти въ сравненіи съ обоими астрономами. Подкапываясь подъ основу понятія жизни средневѣковья, оба они подняли бурю, послѣднимъ слѣдствіемъ которой были войны и революціи XIX вѣка. И все-таки они были правы, а не ихъ противники: всѣ это признали впоследствии».

Послѣ смерти Ломброзо, вспоминая эти разговоры, Ферреро задалъ себѣ одинъ изъ существеннѣйшихъ вопросовъ нашей цивилизаціи: до какой степени великій ученый имѣетъ право знать болѣе своихъ современниковъ и поправлять ихъ иллюзіи и ошибки? Должны ли люди всецѣло подчинять свою судьбу научной истинѣ, открытой гениальными и глубокими умами, или они имѣютъ право подчинять, по крайней мѣрѣ въ извѣстной степени, интеллектуальный и моральный прогрессъ практическимъ требованіямъ жизни? Въ былыя времена эта задача рѣшалась ограничительнымъ закономъ какихъ-нибудь тирановъ. Происходящее въ настоящее время, быть можетъ, доказываетъ, что даже эти законы, какъ, впрочемъ, все случающееся на этомъ свѣтѣ, имѣютъ болѣе сложныя причины, чѣмъ воля нѣсколькихъ людей.

Мы еще не достигли безусловной свободы, о которой мечтаютъ нѣкоторые философы; но положительно ни одна эпоха не пользовалась въ умственномъ отношеніи наибольшей свободой, чѣмъ наша. Границы, поставленныя нѣкогда законами, почти всѣ пали, и полная терпимость обезпечиваетъ, по крайней мѣрѣ, покровительство общественнаго равнодушія ко всѣмъ теоріямъ, пропаганда которыхъ не соприкасается непосредственно съ уличными безпорядками. Поэтому въ настоящее время всѣ, по единодушному соглашенію, боготворятъ «Науку». Между тѣмъ это видимое единодушіе скрываетъ любопытное противорѣчіе. Современный міръ обожаетъ дѣйствительно, какъ божество, ту науку, которая оказываетъ ему практическія услуги, помогаетъ ему жить, создавать богатства и наслаждаться. Но относительно другихъ наукъ, называемыхъ, быть можетъ, не совсѣмъ точно, «нравственными науками», «науками человѣка», наукъ, изучающихъ задачи нравственности, политики и социальной жизни, наша эпоха отличается чѣмъ-то вродѣ безсознательнаго недовѣрія...».

При этомъ Ферреро указываетъ для примѣра на одну изъ этихъ наукъ—исторію. «Съ тѣхъ поръ,—говоритъ онъ,—какъ существуетъ міръ, всегда писали исторію въ болѣе или менѣе возвышенной формѣ. Всѣ другія формы интеллектуальной дѣятельности исчезли въ извѣстные моменты; только исторія устояла противъ самыхъ важныхъ кризисовъ цивилизаціи. И вотъ вдругъ въ XIX вѣкѣ, при самой ученой изъ всѣхъ цивилизацій, начинаются запросы: есть ли причина для существованія этой интеллектуальной дѣятельности, которая существовала всегда? Есть ли для нея роль и обязанность и даже возможна ли она? Затѣмъ утверждаютъ, что необходимо къ исторіи прилагать тотъ же «научный методъ», который такъ успѣшенъ при изученіи природы,

съ цѣлью добиться безусловной точности, которая ускользнула отъ прошедшей эпохи. Для достиженія этого успѣха систематизируются, усовершенствуются изслѣдованія документовъ. Но по мѣрѣ того, какъ накаплиются документы, люди болѣе и болѣе теряютъ надежду достигнуть если не безусловной точности, то какой бы то ни было степени удовлетворительной точности.

По словамъ Ферреро, нельзя отрицать, что ни въ какую эпоху культурные умы не были такъ скептически, какъ теперь, когда вопросъ касается исторіи въ частности и «науки человѣка» вообще. Естественныя науки, повидимому, однѣ обогащаютъ сумму нашихъ знаній реальнымъ образомъ. Весь свѣтъ, или почти весь, теперь убѣжденъ, что человѣческій умъ гораздо легче можетъ узнать, что происходитъ въ безконечномъ пространствѣ и въ небесныхъ свѣтилахъ, чѣмъ въ душѣ нашихъ предковъ. Легче проникнуть умомъ безчувственное вещество, чѣмъ самъ умъ. Быть можетъ, придетъ день, когда люди съ печалью поймутъ, что столь могущественная и ученая цивилизація, какъ современная, могла быть жертвой такой странной иллюзіи. Но эта иллюзія, быть можетъ, только бессознательная защита противъ опасности, свойственной режиму умственной свободы, при которой мы живемъ и которому, впрочемъ, мы обязаны столькими благодѣяніями. Благодаря почти неограниченной свободѣ, какою теперь наслаждается человѣческій умъ, «нравственныя науки», особенно исторія, могутъ подвергнутъ самой строгой критикѣ всѣ основныя идеи, на которыхъ учреждено общество. Но принципы, имѣющіе практическое значеніе, тѣ, что служатъ основаніемъ математикѣ, какъ и тѣ, что служатъ основой юридическимъ и политическимъ организаціямъ, часто заключаютъ въ себѣ противорѣчія и не всегда противостоятъ критикѣ, которая дѣлаетъ отвлеченія изъ ихъ практическихъ обязанностей. Если бы заключенію «нравственныхъ наукъ» приписывали ту же степень положительности, какую думаютъ найти (быть можетъ, это другая иллюзія) въ естественныхъ наукахъ—нравственный міръ, вѣроятно, потерялъ бы въ устойчивости все то, что выигралъ въ истинѣ; принципы, руководящіе соціальной и моральной жизнью современныхъ націй, рисковали бы подчиниться преобразованіямъ слишкомъ частымъ и быстрымъ. Чувствуетъ ли современный человѣкъ эту опасность? Очень возможно. Этимъ объясняется, почему современный человѣкъ не довѣряетъ наукѣ, особенно которая говоритъ о немъ самомъ.

По этой-то причинѣ, по словамъ Ферреро, въ настоящее время надо имѣть большую любовь къ истинѣ и много терпѣнія, чтобы съ пользой изучать нравственныя науки. Ломброзо постигъ эти добродѣтели въ высшей степени и, особенно благодаря этому, онъ могъ исполнить такую обширную задачу. Безъ громадной любви къ истинѣ всегда кончаютъ тѣмъ, что повторяютъ, подъ болѣе или менѣе ясной формой, мнѣнія, уже принятые людьми, что, очевидно, очень удобно, но также бесполезно. Если не обладаешь большимъ терпѣніемъ, то кончаешь въ своихъ изученіяхъ тѣмъ, что дѣлаешься мятежникомъ, потому что нельзя же предполагать, что люди мѣняютъ свои нравственныя, политическія или юридическія убѣжденія такъ же легко, какъ могутъ измѣнять свои идеи по вопросу, касающемуся химіи или физики. Въ этихъ мнѣніяхъ поставлены на карту самыя деликатныя и возвышенныя интересы жизни. «Безъ сомнѣнія,—говоритъ въ заключеніе Ферреро,—великому ученому порою должно быть

очень тяжело думать, что открытыми имъ истинами воспользуются люди очень поздно, спустя много времени послѣ его исчезновенія. Но несправедливо гнѣваться за это и огорчаться на наше время: современная эпоха довольствуется тѣмъ, что заставляетъ ждать преобразователей, поддерживать ихъ нетерпѣніе, противопоставить ихъ восторженности немного скептическую медленность, а было время, когда ученыхъ часто убивали. Современный мыслитель въ культурныхъ странахъ не рискуетъ болѣе увидѣть, какъ въ концѣ его карьеры ему поднесутъ чашку цикуты. Все же виденъ прогрессъ со времени Сократа!»— въ заключеніе говорить Ферреро.

— Введеніе въ должность министра въ Фивахъ при XVIII династии. — Въ Лейпцигѣ недавно вышелъ трудъ по археологіи К. Сетхе, касающійся обряда или церемоніи введенія въ должность министровъ въ Фивахъ при XVIII династии. Собственно, трудъ Сетхе не является новинкой по своему содержанию; нѣсколько лѣтъ тому назадъ Ньюберри списалъ съ гробницъ министровъ и прочихъ должностныхъ лицъ приводимый полный текстъ рѣчей, установленныхъ ритуаломъ и произносимыхъ фараономъ при введеніи въ должность этихъ лицъ, и одну изъ нихъ перевелъ Аланъ Гардинеръ въ «Recueil de travaux», но Сетхе изучилъ ее подробно и напечаталъ новое изданіе.

Египтяне, великіе любители всевозможныхъ церемоній и этикетовъ, конечно, примѣшивали ихъ ко всѣмъ случаямъ въ сношеніяхъ между фараонами и ихъ подданными. На всѣхъ торжественныхъ приѣмахъ производилась цѣлая серія церемоній, и обязательно произносились рѣчи: все это варьировалось согласно обстоятельствамъ, но при каждомъ изъ нихъ предназначенная форма оставалась неизмѣнна. При входѣ въ залъ личности, которую намѣревались почтить, присутствовавшіе пѣли хоромъ; виновникъ торжества то склонялся, то выпрямлялся, то ползалъ по пыльному полу, произнося формулы, и оставался у подножья трона распростертымъ на полу безъ всякаго движенія, какъ будто блескъ фараонскаго величія повергъ его ницъ и лишилъ всѣхъ чувствъ. Въ это время фараонъ его ободрялъ, совѣтуя ему безбоязненно объясниться, задавалъ ему вопросы въ извѣстной формѣ, требовавшіе такихъ же отвѣтовъ, вѣками установленныхъ рутиной. Дойдя до самаго кульминаціоннаго момента представленія, онъ, въ свою очередь, возвышалъ голосъ, пѣлъ восхваленія себѣ и своему вѣрноподданному, а при случаѣ воздавалъ ему божественныя почести, кружился вокругъ него и кланялся ему четыре раза со всѣхъ четырехъ сторонъ. Церемонія оканчивалась общимъ хоромъ царедворцевъ и чиновниковъ, сопровождавшихъ выходъ мелопей ритмическими, широкими жестами рукъ или, если находились женщины, то движеніями сестры. Собственно говоря, это былъ искусно составленный балетъ. Подобныя церемоніи не исключались даже на тайныхъ совѣтахъ фараоновъ, когда рѣшался вопросъ, будетъ ли Рамзесъ II продолжать войну съ хеттитами, или согласится принять ихъ условія мира. Здѣсь жесты и слова варьировались въ строгомъ порядкѣ; придворные чиновники привѣтствовали фараона эпитетами и громкими фразами.

¹⁾ Die Einsetzung des Viziers unter der 18 Dynastie. — Von K. Sethe. Leipzig. 1909.

Книги, содержащія ритуалы на всякіе случаи, затерялись, но отрывки изъ нихъ сохранились на могилахъ. Изъ нихъ-то археологи и узнали подробности церемоній, такъ какъ покойники, получившіе при жизни блестящія отличія по службѣ, ставившія ихъ въ исключительное положеніе среди современниковъ, въ эпитафіяхъ перечисляли всѣ свои заслуги и пожалованія за нихъ, да еще къ этому присоединяли въ сокращенномъ видѣ, а иногда и полный текстъ рѣчей, которыя произносились въ этомъ случаѣ. Перечисляя ихъ, онъ не только увѣковѣчивалъ земныя воспоминанія въ памяти будущихъ поколѣній, но еще обезпечивалъ себѣ подлинный титулъ, который давалъ ему право требовать и на томъ свѣтѣ тѣхъ же привилегій, какими онъ пользовался на землѣ. Такъ, около времени царствованія Тутмосиса III и Тутмосиса IV три члена знатной египетской семьи: Казиръ, Ракмирія и Хапуи, будучи произведены въ самыя высокія государственныя должности, сообщили подробно, какъ произошла церемонія для каждаго изъ нихъ. По ихъ словамъ, они были призваны управлять каждою страной отъ перваго водопада до границъ Дельты и ихъ титулъ «Уаити», который, авторъ приравниваетъ къ титулу «визирь», повидимому, былъ самый значительный въ іерархіи той эпохи. Онъ давалъ имъ почти фараонскія права въ области финансовъ, администраціи и юрисдикціи. Поэтому фараонъ при ихъ избраніи присутствовалъ лично; первый разъ у себя во дворцѣ, во второй разъ въ залѣ преторіи, когда вручалъ имъ знаки ихъ авторитета въ присутствіи ихъ помощниковъ и обращался къ нимъ съ рѣчью, въ которой объяснялъ имъ сущность и важность ихъ исключительныхъ правъ. Эти рѣчи по своему торжественному тону и строгости напоминаютъ настоящія старинныя парламентскія рѣчи. Вотъ эти-то рѣчи и послужили темой для труда Сетхе. Къ сожалѣнію, онѣ были написаны на стѣнахъ, которыя пострадали или отъ времени, или отъ грубаго обращенія. Ни одна изъ нихъ не осталась въ цѣлости; въ нихъ не хватаетъ цѣлыхъ словъ и окончаній фразъ и изъ трехъ рѣчей до сихъ поръ Сетхе удалось возстановить вполне только одну. Но и въ ней попадаются сомнительныя мѣста, и подробности могутъ быть разсматриваемы, какъ дѣйствительно точныя, только если удачныя раскопки доставятъ менѣе испорченныя надписи. Но въ общемъ идеи, развиваемыя фараономъ, можно достаточно уяснить, а также понять, какія требованія фараонъ предъявлялъ къ своимъ министрамъ. Приводимая Сетхе церемонія происходила въ залѣ съ двумя колоннами или двумя рядами колоннъ, гдѣ засѣдали Ракмирія и его коллеги. Стѣны и полъ были изъ грубаго необожженнаго кирпича, отчасти съ гербами Рамзеса II. Основаніе колоннъ, какъ и рамы дверей, были изъ бѣлой извести, покрытой краской, но сама дверь изъ дерева. Фараонъ появлялся со своей свитой, а за нимъ чиновники, прикомандированные къ министру, его «когорты». Когда всѣ занимали свои мѣста, то вводили Ракмирія, и Тутмосисъ III говорилъ ему въ своеобразныхъ выраженіяхъ, трудно переводимыхъ, приблизительно слѣдующее: «Такъ какъ ты видѣлъ преторію министра, заботься обо всемъ, что тамъ дѣлается, въ этомъ заключается добрый порядокъ цѣлаго Египта. Быть же министромъ неприятно, горько. Съ него требуется то же, что отъ бронзы, ограждающей золото его хозяина, а не почитаніе принцевъ и людей высокихъ должностей и не раболѣпство предъ свободнымъ, ибо человекъ въ домѣ своего господина дѣлаетъ то, что хорошо для

него, но онъ не дѣйствуетъ также ни для кого другого. Когда проситель придетъ изъ Саида, Дельты самаго Египта съ дѣломъ, смотри хорошенько, чтобы все было согласно съ закономъ и чтобы все было сдѣлано согласно тому, что подходитъ къ этого рода дѣлу, настолько, чтобы каждый имѣлъ свое право, такъ какъ властитель подвергается полной гласности: вода и воздухъ обнаруживаютъ, что онъ дѣлаетъ, и ничто изъ того, что онъ дѣлаетъ, не останется неизвѣстнымъ. Если есть какое-нибудь частное дѣло съ челобитчикомъ въ его тяжбѣ, которое не входило въ рѣчь должностнаго лица, взявшаго его, то чтобы оно узналось чрезъ произнесеніе его постановленія, въ которомъ онъ скажетъ отъ себя должностному лицу: «Я не подниму своего голоса; и отошлю челобитчика съ его тяжбой къ другимъ судьямъ и другимъ правителямъ». Ибо все, что онъ дѣлаетъ не должно быть неизвѣстно. Точно также не охрана ли для царя дѣйствовать согласно правилу, дѣлая то, что имъ сказано; разъ челобитчикъ судимъ, онъ не можетъ сказать: «у меня не было права», ибо вотъ какое слово находится въ дворцовыхъ записяхъ, когда властитель говоритъ, давая выговоръ министру: «Верегись, чтобы не упрекнули министра Катуй, о которомъ рассказываютъ, что онъ дурно обращался съ людьми своей страны, ради пользы другихъ, изъ опасенія, чтобы его не обвинили (въ пристрастїи къ нимъ).

«Давай аудіенцію тѣмъ, кого ты не знаешь, одинаково какъ тому, кого ты знаешь, ближнему къ царю, какъ и далекому отъ его дворца: правитель, дѣйствующій такъ, преуспѣваетъ на этомъ мѣстѣ. Не отстраняй никакого челобитчика, не выслушавъ, что онъ скажетъ. Даже когда челобитчикъ къ тебѣ пристаеетъ съ просьбой, говоря съ тобою словами не такими, какими они должны быть, оттолкни его, но давь ему понять, почему ты его отталкиваешь, ибо сказано: «Челобитчикъ лучше любить, чтобы его выслушали, что онъ хочетъ высказать, чѣмъ услышать, зачѣмъ онъ пришелъ».

Далѣе фараонъ совѣтуетъ: «Не гнѣвайся ни на кого напрасно; гнѣвайся на того, кто стоитъ этого. Заставь себя бояться, чтобы тебя боялись; тогда скажутъ: вотъ этотъ правитель—такъ правитель, котораго бояться!» А вотъ сила правителя, дѣйствующаго справедливо: если кто-нибудь заставить себя бояться миллионный разъ, о немъ остается непрїятное впечатлѣніе въ сознаніи людей—и о немъ не скажутъ: «Это—человѣкъ!» Напротивъ, боязнь правителя охватываетъ лгуна, когда правитель высказывается согласно своей силѣ (безпристрастной). Ты же достигнешь исполненія твоей обязанности, если будешь справедливъ, ибо желаніе (наибольшаго) оказывать справедливость пусть будетъ отличительной чертой со временъ бога Ра. По истинѣ старѣйшину писцовъ министра называютъ писцомъ справедливости, а верховное судилище, гдѣ ты выслушиваешь тяжбы, приваломъ двойной справедливости, гдѣ производится судъ, и тотъ, кто тамъ устанавливаетъ истину въ присутствіи людей, министр; такъ какъ человѣкъ исполняетъ хорошо свои обязанности и дѣйствуетъ согласно тому, какъ ему указано, то пусть преуспѣваетъ человѣкъ, дѣйствующій согласно тому, какъ ему сказали; никогда не отказывайся отъ рѣшеній, для которыхъ, ты знаешь, установлено законовѣдѣніе. Какъ (съ другой стороны) для непослушныхъ то досадно, что царь-властитель предпочитаетъ уважающихъ непослушнымъ: дѣйствуй согласно указанному тебѣ».

Помимо своеобразнаго стиля, вообще принятаго на Востокъ и теперь въ торжественныхъ выраженіяхъ, какъ, на примѣръ, у арабовъ, затемняющаго смыслъ для европейца, эта неясность объясняется еще совершенно особымъ складомъ ума восточныхъ людей, у которыхъ понятія обо всемъ укладываются въ мозгу совершенно иначе, чѣмъ у европейцевъ. Кромѣ того, многіе изъ обычаевъ совершенно исчезли и неизвѣстны археологамъ, поэтому и нѣкоторые выраженія въ текстѣ имъ непонятны, а лишь по догадкамъ замѣнены другими.

Положеніе фараона было не изъ легкихъ, если принять во вниманіе его обязанность съ утра до отхода ко сну разыгрывать опредѣленную роль, произносить и распѣвать цѣлыя рѣчи при всякомъ незначительномъ фактѣ. Даже на войнѣ, застигнутый врагомъ, онъ не предпринималъ ничего прежде, чѣмъ не произнесетъ рѣчи. Нѣкоторые археологи объясняютъ это многословіе остроумной догадкой, что народы, едва научившіеся владѣть языкомъ не съ одною только цѣлью выражать самыя матеріальныя необходимыя, становились какъ бы экзальтированными, овладѣвъ своимъ словеснымъ инструментомъ, и при всякомъ случаѣ старались использовать свое новое искусство.

— Маккіавелли и Цезарь Борджіа.— Эдуардъ Ланжеронъ даетъ на страницахъ «Nouvelle Revue» характеристики двухъ замѣчательныхъ итальянскихъ государственныхъ дѣятелей XV вѣка: Никколо Маккіавелли и Цезаря Борджіа. Первый изъ нихъ родился во Флоренціи 9 мая 1469 года, и его отецъ Бартоломео Нелли происходилъ изъ старинной семьи тосканскихъ маркизовъ, глава которыхъ Гуго находился въ блестящемъ положеніи въ 850 году. Со стороны матери Никколо Маккіавелли былъ въ родствѣ съ графами Борго Нуово Фуччеккіо. Семья Маккіавелли долго принадлежала къ партіи гвельфовъ, т. е. папской, и была замѣшана во всѣхъ смутахъ средневѣковья, часто заливавшихъ кровью Италію. Послѣ пораженія при Монте Аперти, Маккіавелли были изгнаны изъ Италіи и совершенно разорены (въ 1260 году), но побѣда въ Гранделли Карла Анжуйскаго снова вернула ихъ въ Италію въ 1267 году. Нѣсколько времени спустя, когда во Флоренціи установились болѣе демократическія учрежденія, Маккіавелли, почувявъ неудобство дворянскаго титула, отказались отъ своего званія синьоровъ Монте Спертоли и внесли себя въ списки «*popolani*», т. е. гражданъ общины. Съ этихъ поръ они быстро добились нѣкоторыхъ почестей и заняли болѣе или менѣе видныя мѣста; тринадцать представителей Маккіавелли были гонфалоньерами и пятьдесятъ три пріорами, хотя особеннаго благополучія не достигли, если судить по тому, что Никколо Маккіавелли на зарѣ своей жизни находился почти въ бѣдственномъ положеніи. Въ это время его отецъ занималъ невидное, плохо оплачиваемое мѣсто въ финансовой администраціи, ничѣмъ не обращая на себя вниманія. Его жена, красавица Бартоломео, также принадлежала къ дворянской семьѣ, разоренной междоусобными войнами, и въ приданое принесла ему только красоту, умъ и поэтическій талантъ.

Оба супруга всею душою любили республиканскія идеи и главнымъ достоинствомъ считали преданность родинѣ и ненависть къ иностранцамъ. Они всѣми

¹⁾ Machiavel et César Borgia. Par Edouard Langeron. «La Nouvelle Revue» 1 Decembre 1909.

силами старались влить въ сердце своего сына тѣ же чувства, которыми жили сами, и не останавливались ни предъ какими жертвами, когда дѣло касалось его образованія, развитія его умственныхъ способностей и желанія выдвинуть его на путь политическаго дѣятеля. Однако о юношескихъ годахъ Никколо Маккіавелли мало свѣдѣній. Косьма Медичи умеръ, когда Никколо было пять лѣтъ, и вся его юность протекла при Лаврентіи Великолѣпномъ.

Будущій государственный дѣятель и писатель, долго считавшійся талантливымъ, но безнравственнымъ авторомъ, представленъ Ланжерономъ только съ двадцатитрехлѣтняго возраста, когда онъ былъ еще бѣднымъ, никому неизвѣстнымъ человѣкомъ, однако отличавшимся краснорѣчіемъ, остроуміемъ и жаждою все знать и всего достигнуть. Въ это время онъ посѣщалъ палаццо поэта Бернардо Ручеллѣ, великолѣпные сады котораго служили мѣстомъ сборища всего, что Флоренція могла представить замѣчательнаго въ умственномъ отношеніи.

Наружность Никколо Маккіавелли невольно привлекала къ себѣ вниманіе, и первое впечатлѣніе было непріятное. Но, всмотрѣвшись въ его лицо, всѣ невольно поражались необычайнымъ выраженіемъ надменности на живой, подвижной фізіономіи съ черными, пронизательными глазами, острыми, какъ лезвіе шпаги, съ высокимъ лбомъ, на которомъ и тогда уже виднѣлись задатки глубокомыслия. Это впечатлѣніе еще болѣе усиливалось, когда съ его ироническихъ губъ слетали ѣдкія, горькія, часто циничныя выраженія, невольно и очаровывавшія и пугавшія слушателя; по всему было видно, что Никколо обладаетъ возвышеннымъ умомъ. Черезъ два года Марчелло ди-Вирджиліо, ученый переводчикъ Діоскорида, профессоръ литературы и секретарь флорентійской республики, предложилъ Никколо, своему самому блестящему ученику, скромную должность канцелярскаго служителя, отъ которой другой отказался бы, не находя возможности на ней выдвинуться впередъ. Но не таковъ былъ Маккіавелли: онъ рассчиталъ, какую выгоду можетъ извлечь изъ этого невиднаго положенія; во-первыхъ, имѣя постоянное столкновеніе съ людьми, онъ могъ ихъ изучить, а знаніе людей—первое условіе для господства надъ ними. Кромѣ того, эта должность оставляла ему много свободнаго времени, и онъ использовалъ его для основательнаго изученія греческихъ и римскихъ историковъ, идеями которыхъ совершенно проникся.

Марчелло Вирджиліо остался имъ доволенъ и въ 1498 году предложилъ ему мѣсто секретаря въ канцеляріи сеньоровъ, а на слѣдующій годъ онъ уже былъ назначенъ только на два мѣсяца секретаремъ «Десяти свободы и мира», но сохранялъ этотъ постъ 14 лѣтъ, до возвращенія Медичей. Въ это время ему было едва двадцать девять лѣтъ. Хотя названіе «канцелярія сеньоровъ» и звучитъ аристократически, но на самомъ дѣлѣ эта сеньорія состояла изъ восьми пріоровъ искусства, главою которыхъ находился гонфалоньеръ правосудія, officialный знаменосецъ народнаго знамени или гонфалона, такъ какъ правительство республики въ это время основывалось на самыхъ существенно-демократическихъ основахъ. Затѣмъ шелъ Большой и Малый совѣтъ, «десять судей свободы и мира». Сеньорія функционировала лишь два мѣсяца; совѣтъ возобновлялся каждыя четыре мѣсяца и только «Десять» могли вносить болѣе едино-

душія въ свои рѣшенія. Впрочемъ, когда въ сеньории были всё крупныя силы въ большинствѣ, то составлялись подъ названіемъ «Pratiqua» собранія самыхъ значительныхъ гражданъ для совѣщанія въ трудные моменты государственной жизни.

Изъ этого видно, насколько была важна при такомъ правительствѣ служба секретаря, какъ центра всѣхъ дѣлъ, въ рукахъ котораго сосредоточивались всё государственныя тайны; кромѣ того, ему еще приходилось исполнять дипломатическія миссіи при иностранныхъ державахъ. Поэтому чтеніе древнихъ историковъ, которому Макіавелли предавался, неся свою незначительную должность канцелярскаго служителя, принесло ему громадную пользу, и онъ какъ нельзя болѣе подходилъ для отвѣтственнаго поста секретаря. Въ теченіе четырехъ лѣтъ, съ 1498 — 1502 г., секретарь «Десяти» былъ душою флорентійскаго правительства и самой солидной опорой партіи, къ которой онъ принадлежалъ. Однако его репутація очень медленно росла, благодаря зависимому положенію, такъ какъ его умственное достоинство, особенно выдѣлявшееся въ перепискѣ съ «Десятью», могли оцѣнить лишь тѣ, кому онъ отправлялъ депеши. Въ это время въ немъ уже былъ виденъ опытный дипломатъ и замѣчательный писатель. Въ его депешахъ и тогда проглядывали то тутъ, то тамъ мнѣнія и идеи, которыя онъ развивалъ впоследствии въ своихъ политическихъ сочиненіяхъ и которыя сдѣлали изъ него «il sovano pensatore».

Первый періодъ его жизни особенно отличался дѣятельностью и трудолюбіемъ, и въ это время онъ началъ заниматься литературными работами, а именно поэзіей, за которую еще въ садахъ Руччелъ онъ пользовался успѣхомъ. Въ это время онъ написалъ свою поэму «Dossennale primo», въ которой передается стихами исторія Италіи 1494—1504 г. Въ каждой страницѣ этой поэмы чувствуется биеніе сердца патріота, воодушевленнаго ненавистью къ иностранцамъ. Вторая «Dossennale» должна была послѣдовать отъ 1504—1514 г. за первую, но никогда не была окончена и остановилась на 1509 году. Кромѣ того, въ эту же эпоху онъ написалъ «Золотого осла», вещь изящную, ѣдкую, но мало понятную людямъ другого вѣка; ея соль была чувствительна только его современникамъ. За этимъ сочиненіемъ послѣдовали «Случай», «Состояніе», «Честолюбіе», «Неблагодарность», избилующія прекрасными нравственными идеями, выраженными часто нервнымъ, страстнымъ языкомъ, «Серенада», какъ бы переводъ «Vertuum» Овидія, «Карнавальныя пѣсни», совершенно не интересныя для теперешняго времени. Но изъ всѣхъ его произведеній молодости самое замѣчательное и знаменитое— комедія «Mandragore», завоевавшая Макіавелли видное мѣсто въ рядахъ драматическихъ писателей.

Впервые авторъ той эпохи осмѣлился вывести на театральные подмостки и на публичное посмѣяніе итальянское общество XV вѣка со всѣми его пылкими страстями, застарѣлыми пороками, съ его утонченнымъ лицемѣріемъ, распущенными нравами, съ узкимъ набожнымъ ханжествомъ. «Мандрагоръ», лучшая изъ его пьесъ, какъ «Клезія», «Братъ Альберидо», «Неловкая посредница», имѣла громадный успѣхъ и ее часто разыгрывали при папскомъ дворѣ. Но все это было для Никколо Макіавелли лишь пріятнымъ препровожденіемъ времени: въ сущности же въ немъ созрѣвалъ государственный человѣкъ. Полный расцвѣтъ его

генія и господствующей идеи надо искать въ его общественной жизни, дипломатической перепискѣ и особенно въ произведеніяхъ его старости, какъ «Государь» и «Разговоры». Къ тому же въ 1502 году вслѣдствіе внезапной революціи, придавшей флорентійскому правительству болѣе авторитетный характеръ, положеніе секретаря «Десяти» глубоко измѣнилось, и его авторитетъ внезапно усилился.

Послѣ одного очень горячаго спора между «Десятью», коллегіей и Большимъ совѣтомъ, возникшаго по поводу проекта ревизіи конституціи въ аристократическомъ смыслѣ, во Флоренціи грозили возникнуть серьезные безпорядки. Тогда народъ для пресѣченія всѣхъ попытокъ къ преобразованію, изъ боязни успѣха сильныхъ, возстановилъ званіе пожизненнаго гонфалоньера и призвалъ на этотъ постъ Пьетро Содерини, а въ помощники ему назначилъ Маккіавелли, съ прежнимъ титуломъ секретаря «Десяти свободы и мира». Содерини, родственникъ Лаврентія Великолѣпнаго, былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти. Его старшій братъ Паоло Антоніо, самый замѣчательный членъ демократической партіи, еще съ юныхъ лѣтъ вывелъ его на дорогу къ почестямъ. Смерть брата не повліяла на его карьеру, какъ можно было ожидать: напротивъ, онъ попалъ на первый планъ и занялъ видное мѣсто, хотя въ сущности это былъ человѣкъ средняго ума, безъ большихъ политическихъ видовъ, мало энергичный, но предупредительный, проникательный, вникающій въ подробности, однако не замѣчавшій главнаго. Впрочемъ, работоспособный и ловко выбиравшій себѣ вліятельныхъ совѣтниковъ, умѣвшій кстати обѣщать и также кстати любезно отказывать, онъ никогда не терялъ изъ вида своихъ интересовъ и часто смѣшивалъ ихъ съ государственными; но онъ старался прежде всего добиться популярности—и добился ея. Благодаря ей, онъ сдѣлался въ 1502 г. пожизненнымъ гонфаломомъ, что равнялось постоянной диктатурѣ, такъ что флорентійская демократія изъ страха побѣды сильныхъ организовала нѣчто вродѣ республиканской монархіи. Насколько участвовалъ Маккіавелли въ образованіи этого новаго правительства, видно изъ того, что въ этой популярной революціи преобладали его идеи. Какъ бы то ни было, но онъ былъ интимнымъ совѣтникомъ и тайнымъ руководителемъ новаго гонфалоньера. Для слабаго Содерини нельзя было найти лучшаго совѣтника, хотя вскорѣ разсудительная воля Маккіавелли разбилась объ упорную безпечность Содерини.

Конецъ XV и начало XVI вѣковъ были дѣйствительно плачевны для Италіи, разрываемой смутами. Республика и княжества оспаривали съ оружіемъ въ рукахъ власть. Для установленія или возстановленія господства они прибѣгали то къ насилію, то къ хитрости. Заговоры, покушенія и убійства въ каждомъ городѣ все усиливались, и управители ихъ окружали себя наемными воинами, терроризировавшими мирныхъ людей. Страсти разгорались, и происходилъ такой нравственный развратъ, какого никогда не видѣли даже въ эпоху отъ упадка до полнаго паденія Римской имперіи. Ничего не было святого: ни узъ дружбы, ни семейныхъ связей, ни клятвъ. Культъ наукъ и искусствъ, начавшійся распространяться въ Италіи, не смягчилъ сердце этихъ развратныхъ принцевъ, дикихъ тирановъ, безсовѣстныхъ честолюбцевъ, проливавшихъ кровь въ городахъ съ цѣлью сдѣлаться ихъ хозяевами или остаться таковыми. Повсюду царилъ деспотизмъ или анархія, междоусобицы, борьба, не считая призыва иностранцевъ, которые въ этотъ мрачный часъ исторіи отмѣтили въ Италіи упадокъ патріотизма.

Въ Мантуѣ Людовикъ III Гонзаго, ученикъ Витторина ди Фельтра, отобралъ у брата его часть наслѣдства и довель его до того, что онъ сдѣлался кондотъери ради своего существованія. Въ Феррарѣ, Моденѣ, Реджіо принцы Эсте, Борсо и Ліонель, люди съ шаткою нравственностью и боевымъ настроеніемъ, обирали своихъ законныхъ сыновей въ пользу незаконныхъ. Тѣ и другіе по этой причинѣ вступали въ борьбу и возбуждали братоубійственную войну, совершенно переворачивавшую страну. Такъ, въ 1471 г. Геркулъ I еще при жизни Борсо, захвативъ всѣ крѣпости отца, во главѣ шайки разбойниковъ ограбилъ страну; предавая все огню и проливая кровь, вышелъ въ Феррару и устроился тамъ хозяиномъ. Пять лѣтъ спустя его племянникъ Никколо попробовалъ вырвать изъ его рукъ эту добычу, но, покинутый народомъ, котораго онъ разсчитывалъ оболстить своими обѣщаніями, былъ побѣжденъ, изгнанъ, заключенъ въ тюрьму и въ концѣ концовъ умерщвленъ вмѣстѣ съ своими товарищами. Джіованни Бентиволіо, жестокой тиранъ и темная личность, подготовилъ своихъ четырехъ сыновей къ ремеслу кондотъери и поставилъ ихъ во главѣ собственной милиціи для защиты своей власти. Противъ него составилъ опасный заговоръ Мальвецци и едва не достигъ успѣха въ 1488 г. Онъ хотѣлъ убить его и овладѣть Болоньей, но ему измѣнили, и онъ былъ повѣшенъ. Всѣ такъ или иначе замѣшанные въ этотъ смѣлый заговоръ были лишены имущества, заключены въ тюрьму или изгнаны.

Бальони изъ Перузіи, покорители Перуджини, съ помощью силы и хитрости сдѣлались тиранами города. Но ихъ выслѣживали ихъ враги Одди; они составили планъ низвергнуть Бальони и для этого вовлекли въ него священниковъ и монаховъ и даже, какъ говорятъ, папу Иннокентія VIII. Но этотъ планъ имъ не удался, и они, подобно Мальвецци, были приговорены къ смерти съ полотораста своими сторонниками.

Въ Форли три офицера умертвили своего начальника за то, что онъ не платилъ имъ жалованья. Они овладѣли городомъ и хотѣли провозгласить тамъ новое правительство. Но Катарина Сфорца, вдова Ріаріо, съ неукротимой отвагой защищала достойнаго сына и утопила въ крови этотъ ужасный мятежъ. Франческа, дочь Бентиволіо изъ Болоньи и жена Манфреди изъ Фаэнца, задушила мужа за то, что заподозрѣла его въ невѣрности; на помощь себѣ она призвала своего отца изъ глубины Романьи. Послѣдовала ужасная борьба, окончившаяся установленіемъ регентства въ пользу молодого Асторра Манфреди. Сиенская республика въ теченіе пятидесяти лѣтъ билась въ конвульсіяхъ гражданской войны. Пять партій оспаривали власть и почти всегда соединялись трое противъ двоихъ, ежеминутно измѣняя своимъ союзникамъ, ради утоленія своихъ страстей или для удовлетворенія своего злопамятства. Эти партіи являлись то побѣдителями, то побѣжденными—и если послѣдними, то ограбленными и убитыми. Ежедневно происходили схватки и каждую ночь убійства. Всѣ жили въ непрерывной тревогѣ, и надъ проклятымъ городомъ, казалось, виталъ самый мрачный терроръ. Большая государства не избѣжали этой участи: тамъ тоже происходили смуты и революціи. Фердинандъ I, король обѣихъ Сицилій, отвратительный тиранъ, своими насиліями заслужилъ непопулярность. Джіованни Калабрійскій изъ дома Анжуйскаго хотѣлъ воспользоваться общимъ неудовольствіемъ

и установить въ странѣ нѣкоторый порядокъ и спокойствіе. Но ему это не удалось, и онъ исчезъ съ лица земли. Фердинандъ жестоко отомстилъ всѣмъ, кто слѣдовалъ за Джіованни. Фердинанду наслѣдовалъ его сынъ Альфонсъ—достойный наслѣдникъ своего отца, судя по краткой характеристикѣ Комина. Ни одинъ человѣкъ, по его словамъ, не былъ болѣе жестокъ, скверепъ, порочень, обжорливъ, какъ онъ.

Папскій престолъ не избѣжалъ порочности, овладѣвшей всею Италіей. Въ теченіе 10 лѣтъ 1492—1502 г. его занималъ Родерикъ Борджіа, гнусно прославившійся подъ именемъ Александра VI. Замѣшанный во всѣ итальянскія интриги со времени похода Карла VIII, Александръ VI, какъ большинство его современниковъ, принялъ политику насилія и мощничества. Для выполненія своихъ плановъ онъ прибѣгалъ къ кинжалу и яду, выказывалъ непростительное равнодушіе къ интересамъ церкви и еще большую непростительную слабость къ дѣтямъ отъ красавицы Розы Ванотци, особенно къ Цезарю Борджіа, злому гению семьи. Всѣ эти домашнія трагедіи и постоянныя дворцовыя смуты, дикіе, въ то же время развратныя нравы должны были вселить въ Маккиавелли глубокое презрѣніе къ человѣческой натурѣ. Но это чувство еще болѣе усилилось, когда онъ принялъ болѣе дѣятельное участіе въ управленіи Флоренціей и при исполненіи многихъ дипломатическихъ миссій могъ близко наблюдать коварную политику своего времени.

Изъ всѣхъ миссій, которыя выпали на его долю, по словамъ автора, особенно характеристична одна, выполненная имъ въ 1502 г. и относившаяся до Цезаря Борджіа герцога Романье и Валентинуа, второго сына Александра VI. Красавецъ, остроумный, съ неукротимымъ характеромъ и непотѣрнымъ честолюбіемъ, Цезарь Борджіа получилъ большое для того времени образованіе. Блестящій собесѣдникъ, изящный кавалеръ, ловкій во всѣхъ физическихъ упражненіяхъ, онъ въ то же время былъ человѣкомъ безпутнымъ, способнымъ на все—даже и на доброе дѣло, если это было въ его интересахъ. Онъ никогда не останавливался ни передъ опасностью, ни передъ преступленіемъ и во что бы то ни стало желалъ сдѣлаться самымъ могущественнымъ государемъ въ Италіи, твердо придерживаясь избраннаго имъ девиза: «Aut Caesar, aut nihil». Но для осуществленія плана сколько ему предстояло уничтожить препятствій. Самъ Александръ VI толкалъ его на преступленіе, создавъ удобныя для этого обстоятельства. Какъ младшій въ семьѣ, Цезарь былъ сдѣланъ кардиналомъ и архіепископомъ Валанса, хотя совершенно не подходилъ къ этой роли, тогда какъ старшій братъ, мало годившійся для командованія арміей,—герцогомъ Гандійскимъ и gonfalonьеромъ церкви, т. е. начальникомъ папской милиціи. «Ахъ, зачѣмъ я не первый!—жаловался Цезарь своему наперснику Мишелотту, изнывая отъ бездѣйствія.—Съ помощью моей шпаги я уже создалъ бы себѣ въ Италіи княжество и въ то же время предоставилъ бы друзьямъ извлекать пользу!» При этомъ онъ громко прибавлялъ какъ бы тайную угрозу, что Ромулъ для созданія своего королевства убилъ своего брата Регула, видя въ немъ опаснаго соперника. Эту угрозу онъ выполнилъ въ тотъ же 1497 г., когда Ванотци давала сыновьямъ процальный пиръ по случаю отъѣзда Цезаря. Оба брата возвращались подъ утро въ Ватиканъ, по домой при-

шелъ только Цезарь, трупъ брата былъ найденъ въ Тибрѣ на другой день. Народъ возмутился, обвиняя Цезаря въ убійствѣ брата, но папа, поплакавъ, оставилъ дѣло безъ послѣдствій и вскорѣ забылъ о преступленіи; Цезарь добился своей цѣли и сдѣлался герцогомъ Валентинуа и гонфалоньеромъ церкви.

Съ этой личностью, достойной его по уму и хитрости, Маккіавелли пришлось имѣть дѣло при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Когда Цезарь Борджіа сдѣлался гонфалоньеромъ церкви, онъ немедленно воспользовался субсидіями французовъ, чтобы задуть всѣхъ вассаловъ святаго престола. Опъ послѣдовательно овладѣлъ Имолой, Форли, Фазнцой, Пезаро, Сезеной; призвавъ на помощь всѣхъ кондотъери Италіи, онъ составилъ армію въ 15,000 человѣкъ, хорошо имъ платилъ, но не допускалъ ихъ пользоваться захваченными городами и землями. Отсюда послѣдовали неудовольствія среди начальниковъ бандъ, и у него явились смертельные враги. Самыми злѣйшими изъ нихъ были Вителлоццо Вителли, у котораго онъ отнялъ Арещо, и его братъ Паоло, обезглавленный послѣ осады Пизы. Къ нимъ еще присоединился кардиналъ Орсини. Такимъ образомъ воинъ и священнослужитель вмѣстѣ съ Оливретто ди Фермо и герцогомъ Гравина составили заговоръ для низверженія герцога Валентинуа. Съ этой цѣлью заговорщики собрались въ Маджіоне государствѣ Перузіи. Собралъ всѣхъ недовольныхъ: 700 солдатъ, 400 кавалеристовъ и 9,000 пѣхотинцевъ, они твердо рѣшили итти противъ Цезаря Борджіа, не отступая. Но онъ вскорѣ узналъ объ ихъ замыслахъ и не колеблясь отправился въ Асти къ королю Людовику XII. Ловко увѣривъ его въ своей вѣрности, онъ наемнулъ на преклонный возрастъ отца и близкую вакансію на папскій престолъ; при этомъ онъ соблазнилъ Людовика тѣмъ, что папская тіара можетъ красоваться на головѣ кардинала Амбуазскаго. Онъ такъ прельстилъ короля, что тотъ пообѣщаль ему дать солдатъ для защиты противъ мятежниковъ. Заручившись обѣщаніемъ короля, онъ заперся въ Иمولѣ съ нѣсколькими солдатами, оставшимися ему вѣрными. Заговорщики не смѣли его атаковать, не зная ни его плановъ, ни средствъ, и теряли время, подыскивая себѣ союзниковъ, для чего посылали къ французскому королю, въ Венецію и во Флоренцію. Но флорентійцы еще не знали, съ кѣмъ Людовикъ заключилъ союзъ, съ мятежниками или Цезаремъ, и воздерживались дать рѣшительный отвѣтъ: въ первомъ случаѣ имъ слѣдовало покинуть Цезаря, а во второмъ, напротивъ, его оберегать. Для рѣшенія вопроса о намѣреніяхъ Цезаря рѣшено было отправить къ нему Маккіавелли съ официальной миссіей добиться охраны для флорентійскихъ купцовъ, проѣзжавшихъ чрезъ Романье; но тайная цѣль заключалась въ разсмотрѣніи всѣхъ политическихъ вопросовъ, близко или далеко касавшихся Маджіоне. Маккіавелли прибылъ въ Имолу 17-го октября 1502 г. Послѣ перваго свиданія онъ былъ очарованъ любезнымъ обращеніемъ съ нимъ Борджіа. Затѣмъ, покончивъ вопросъ объ охранѣ купцовъ, Маккіавелли приступилъ къ существенной части своей миссіи—вывѣдать все у Цезаря Борджіа до тайныхъ мыслей включительно и донести во Флоренцію «Десяти». Особенно тревожило флорентійское правительство то обстоятельство, что на загадочной холодной фізіономіи Цезаря Борджіа нельзя было прочитать тайныхъ мыслей, волновавшихъ его душу. Онъ говорилъ только для того, чтобы скрывать свои мысли, а его улыбку можно

было считать и угрозой и обѣщаніемъ. Прекрасно владѣя собою, онъ совѣтовался только съ своимъ умомъ и сообщалъ свои планы единственно лишь тому, кто долженъ ихъ исполнять. Маккіавелли былъ достойнымъ ему партнеромъ въ этой дипломатической игрѣ, единственной въ исторіи. Между тѣмъ Маккіавелли узналъ, что мятежники завязали съ герцогомъ Валентинуа переговоры о близкомъ соглашеніи и что Борджіа, несмотря на свою ненависть къ Вителлоццо, прислушивался къ мирнымъ предложеніямъ, льстившимъ его гордости. Но Маккіавелли еще не зналъ, противъ кого пойдетъ Борджіа, заключивъ этотъ союзъ: противъ герцога Урбины или Флорентійской республики. Сеньорія находилась въ крайней тревогѣ: Маккіавелли оставался въ полномъ незнаніи. Вскорѣ, именно 23-го октября 1502 г., между Цезаремъ герцогомъ Романье и Паоло Орсини былъ заключенъ трактатъ, которымъ Цезарь Борджіа обѣщался предать забвенію прошедшее и обѣщалъ Орсини помощь для возвращенія герцогства Урбинъ. Тогда Маккіавелли, предупрежденный неизвѣстнымъ другомъ, понялъ, что Борджіа попрежнему ненавидитъ своихъ новыхъ союзниковъ и не переставалъ считать ихъ своими врагами. Чтобы окончательно убѣдиться, онъ такъ тонко повелъ разговоры, такъ осторожно дѣйствовалъ, что наконецъ добился отъ Борджіа признанія. «Они играютъ мною,—сказалъ послѣдній: — но я выигрываю время, я прислушиваюсь къ малѣйшему шуму и ожидаю благоприятнаго момента!» Дѣйствительно, онъ дождался благоприятнаго момента и устроилъ страшную ловушку маджіонскимъ заговорщикамъ. Согласно трактату онъ приказалъ имъ овладѣть Синигаліей, принадлежавшей Роверскому дому. Самъ онъ отправился въ Фано, чтобы находиться поблизости. Кондотьери легко проникли въ городъ благодаря слабой самозащитѣ жителей, а герцогъ Роверъ сейчасъ же скрылся съ регентшей-матерью. Но губернаторъ города, потворствовавшій Цезарю Борджіа, объявилъ, что онъ вручитъ городъ только лично герцогу Валентинуа, и въ ожиданіи его кондотьери принуждены были разбить лагерь на окрестныхъ вершинахъ. Какъ только предупредили Борджіа, онъ послѣшно явился съ 200 копій и 2,000 солдатъ. Тотчасъ же его армія окружила кондотьери какъ бы для того, чтобы составить почетный эскортъ. Самъ онъ увлекъ за собою во дворецъ главныхъ вождей: Вителлоццо, Оливретто и Орсини. Едва они вступили въ залъ, какъ Цезарь исчезъ. Это было сигналомъ: тотчасъ же его солдаты бросились на кондотьери, обезоружили ихъ, связали и заперли. На утро Маккіавелли сообщилъ «Десяти», что герцогъ убилъ ночью Вителлоццо и Оливретто ди Фермо. Нѣсколько дней спустя на площади Сезень нашли трупъ Рамиро Орко, министра Цезаря, разрубленный на двѣ части. Это былъ человѣкъ самый ненавистный для народа, который обвинялъ его во всѣхъ преступленіяхъ Борджіа.

Маккіавелли смотрѣлъ на всѣ дѣянія Борджіа равнодушно, даже снисходительно и въ его донесеніяхъ «Десяти» онъ даже восторгался имъ, а въ своемъ сочиненіи «Государь» прямо говоритъ: «Мнѣ кажется, его можно предложить образцомъ для людей, достигшихъ государственной власти съ помощью благоприятствовавшего имъ счастья или чужого оружія».

Тѣмъ Лаяжеронъ оканчиваетъ свою характеристику этихъ двухъ замѣчательныхъ дипломатовъ Италіи того времени.

— Семейная жизнь Фридриха Великаго.—Фридрихъ Великій, какъ извѣстно, былъ великій измѣнникъ въ супружеской жазни и причины его невѣрности взялась изслѣдовать г-жа Адлерсфельдъ-Баллестремъ. По ея слѣдамъ и съ добытыми ею данными Эрнестъ Сейльберъ написалъ статью, помѣщенную въ «Hebdo-Debats». Слишкомъ популяренъ былъ Фридрихъ Великій среди нѣмецкаго народа, чтобы его память не постарались облить услужливые историки, какъ, напримѣръ, Ранке. Въ оправданіе поведенія Фридриха онъ написалъ біографію королевы Елизаветы-Христины, гдѣ съ этой цѣлью привелъ два довода: во-первыхъ, ограниченный узкій умъ его жены, въ концѣ концовъ сдѣлавшейся невыносимою для окружавшихъ ее лицъ, а, во-вторыхъ, оказываемое имъ высокое вниманіе къ женѣ, которую онъ уважалъ за добродѣтели, не раздѣляя, однако, съ нею близости.

Елизавета-Христина Брауншвейгъ-Люксембургская родилась въ Бевернѣ въ 1715 г. Ея отецъ, герцогъ Бевернъ, хотя и происходилъ изъ знатнаго нѣмецкаго дома, но не былъ богатъ. Обремененный многочисленной семьей, онъ находился на австрійской службѣ въ чинѣ генерала и только на склонѣ жизни поднялся до брауншвейскаго герцогскаго трона и то лишь на нѣсколько мѣсяцевъ. Сестра его жены вышла замужъ за Карла VI, и этотъ блестящій бракъ выдвинулъ на видное мѣсто ея племянницу Елизавету-Христину, неожиданно вознесшуюся на прусскій тронъ.

Впрочемъ, трудно обвинять Фридриха Великаго въ супружеской невѣрности, прочитавъ его письмо къ генералу Грумбофу: «Я не хочу, чтобы моей женой была дура,—писалъ онъ генералу:—я хочу имѣть возможность пріятно съ нею бесѣдовать. Эта же будетъ самая несчастная женщина на свѣтѣ... Я лучше бы женился на послѣдней берлинской потаскушкѣ, чѣмъ на святошѣ, съ лицомъ, которое стоитъ полдюжины соединенныхъ вмѣстѣ ханжей». «Надѣюсь,—писалъ онъ нѣсколько времени спустя:—что король не будетъ вмѣшиваться въ мою жизнь послѣ моей свадьбы, а то дѣло можетъ принять въ такомъ случаѣ дурной оборотъ и принцесса отъ этого пострадаетъ. Бракъ дѣлаетъ меня совершеннолѣтнимъ; какъ только это совершится, я стану хозяиномъ въ домѣ, гдѣ моя жена ничего не посмѣетъ сказать. Я считаю великимъ дуракомъ на свѣтѣ и недостойнымъ носить имя мужчины того, кто позволяетъ управлять собою женщинѣ. Вотъ поэтому-то я женюсь, если уже это необходимо, какъ благородный человѣкъ: т. е. я предоставляю женѣ дѣйствовать по ея усмотрѣнію, а самъ со своей стороны буду поступать, какъ мнѣ нравится. Итакъ, да здравствуетъ свобода! Я люблю прекрасный полъ, но моя любовь непостоянна. Я желаю только удовольствій; остальное мнѣ противно. Заключайте послѣ этого, что я изъ того же самага дерева, какъ всѣ хорошіе мужья. Я прихожу въ бѣшенство при одной мысли сдѣлаться таковымъ; но я сдѣлаю изъ необходимости—добродѣтель. Сдержу же я свое слово: обвиняюсь и тотчасъ же, какъ это сдѣлаю, увидите, я скажу: «здравствуйте, сударыня, и добрый путь!» Эту программу Фридрихъ выполнилъ отъ точки до точки, какъ только дождался свободы.

¹⁾ Le ménage du Grand Frédéric. Par. Er. Seilliere. «La Revue hebdo madaire» 4 decembre 1909.

Однако въ принятомъ имъ рѣшеніи виновницей отчасти была его мать, королева Софія-Доротея, англичанка, возстановившая сына противъ невѣстынѣмки. Дочь англійскаго короля, она обладала характеромъ, склоннымъ къ интригамъ, почему иногда дѣлала существованіе мужа тяжелымъ. По этой причинѣ, когда Фридрихъ-Вильгельмъ задумалъ въ 1730 г. женить сына, то недолго колебался въ выборѣ между англійской принцессой и дочерью герцога Бевернскаго: примѣръ жены-англичанки заставилъ его избрать нѣмецкую принцессу, болѣе спокойную и уживчивую. «Можешь быть убѣжденъ,—писалъ онъ сыну:— что я велѣлъ собрать свѣдѣнія, насколько возможно, обо всѣхъ принцессахъ въ странѣ относительно ихъ поведенія и воспитанія, и старшая Бевернская оказалась именно какою должна быть жена, т. е. она хорошо воспитана, скромна и уживчива. Принцесса не уродъ, еще менѣе красавица... Это созданіе богобоязненное, что лучше всего; кромѣ того, она уживется съ тобою такъ же хорошо, какъ съ нами. Благослови Богъ этотъ планъ такъ же, какъ васъ и вашихъ потомковъ. Когда у васъ родится сынъ, я позволю вамъ путешествовать».

Однако сынъ совершенно расходился во мнѣніи съ отцомъ. Онъ только что побывалъ при саксонскомъ дворѣ, гдѣ въ то время царили французскіе нравы, далеко не патріархальныя въ семейномъ отношеніи. Съ своей стороны, ранѣе покровительствовавшій принцессѣ Бевернской австрійскій дворъ, какъ племянницѣ своей императрицы, вдругъ наканунѣ самой свадьбы сблизился съ лондонскимъ кабинетомъ и отправилъ къ прусскому двору дипломатическаго агента съ сообщеніемъ, что императоръ готовъ перемѣнить кандидатку въ невѣсты прусскому наслѣдному принцу и вмѣсто своей племянницы предлагаетъ англійскую принцессу. Это неожиданное предложеніе возмутило «честнаго унтеръ-офицера», какъ называли Фридриха-Вильгельма, и онъ сильно разгнѣвался на австрійскаго императора за циничное торгашество и вернулъ ему письмо, даже не распечатавъ его. Онъ заявилъ, что никакія выгодныя условія не заставятъ его торговать своей честью и словомъ.

Судя по портрету и описанію наружности Елизаветы современниками и вопреки словамъ будущаго свекра, она была скорѣе красивая дѣвушка. Правильныя черты ея лица были нѣсколько безжизненны, но цвѣтъ лица, ослѣпительно бѣло-розовый, бѣлокурые волосы и свѣтло-голубые глаза съ трогательно-наивнымъ выраженіемъ скрашивали этотъ недостатокъ. Правда, она не умѣла держать себя, ея зубы были некрасивы, а лицо лишено выраженія.

Маркграфиня Вильгельмина, сестра ея будущаго мужа, описывала, какъ ея братъ сталъ приводить свою программу въ исполненіе въ первый же день торжественнаго въѣзда въ Берлинъ юной четы. «Послѣ того, какъ она со всѣми нами поздоровалась,—писала маркграфиня,—король проводилъ ее въ комнату королевы и, видя, что она очень взволнована и не напудрена, онъ приказалъ моему брату отвести ее въ предназначенныя ей апартаменты. Я послѣдовала за ними. Тогда мой братъ сказалъ ей, представляя меня: «Вотъ моя сестра, я ее обожаю и невообразимо уважаю. Она была такъ добра, общалась мнѣ заниматься вами и давать вамъ совѣты. Я желаю, чтобы вы были къ ней внимательнѣе, чѣмъ къ королю или къ самой королевы, и ничего не предпринимали безъ ея одобренія. Вы меня поняли?»—Затѣмъ я обняла наслѣдную принцессу и увѣ-

рила ее въ мой къ ней привязанности; но она оставалась безмолвна, какъ статуя. Ея прислуги еще не прѣхали, и я сама ее напудрила и привела ея туалетъ въ порядокъ; она не поблагодарила меня и ничѣмъ не отвѣтила на мои ласки. Наконецъ братъ потерялъ терпѣніе и громко сказалъ: «Чортъ поberi, какое глупое созданіе». Тогда она сдѣлала мнѣ реверансъ, вродѣ Агнесы изъ «Школы женщины», и я отвела ее къ королевѣ, слишкомъ мало удовлетворенная ея умомъ».

Авторша ея біографіи объясняетъ поведеніе Елизаветы тѣмъ обстоятельствомъ, что принцессѣ было только шестнадцать лѣтъ, она впервые разсталась со своими родителями и была принята въ новой своей семьѣ съ нескрываемою враждебностью. Она едва сдерживала слезы и, быть можетъ, не произносила ни слова изъ опасенія разрыдаться при первомъ свиданіи съ своимъ будущимъ мужемъ. Сцена, происшедшая въ первый день ея прѣзда, доказываетъ, что она не создана была свѣтской женщиной, такъ какъ ей не хватало необходимаго лицемерія, гибкости и находчивости, необходимыхъ въ свѣтской жизни.

Пока живъ былъ Фридрихъ-Вильгельмъ, жизнь наслѣдной принцессы еще была сносною. Она покорила его сердце и вполне оправдала сдѣланную имъ ея характеристику, при всякомъ случаѣ выказывая кротость, даже униженіе въ щекотливыхъ сношеніяхъ съ свекровью и золовками. Кромѣ того, она безъ памяти влюбилась въ мужа и сначала льстила себя надеждой побѣдить его сердце. Но оказывалъ онъ внѣшнее вниманіе женѣ и казался вѣрнымъ мужемъ только, пока живъ былъ отецъ. Получивъ отъ него въ подарокъ замокъ Рейнсбергъ, Фридрихъ поселился тамъ съ женою, работая и подготавливаясь къ своей будущей крупной роли. Это были единственныя счастливыя минуты въ жизни Елизаветы. «Нашъ дорогой Seigneur, — писала она своимъ, — по дѣятельности превосходить всѣхъ на свѣтѣ; я никогда не видѣла никого прилежнѣе его въ работѣ. Съ десяти часовъ утра до часу онъ изучаетъ философію и искусства, съ половины второго до трехъ мы обѣдаемъ, затѣмъ пьемъ кофе и остаемся до четырехъ часовъ вмѣстѣ. Потомъ онъ читаетъ и снова учится до семи часовъ, послѣ чего до девяти часовъ занимается музыкой, а тамъ приходитъ очередь играмъ; въ половинѣ одиннадцатаго или въ одиннадцать подаютъ ужинъ. Такимъ образомъ время идетъ очень быстро, и по тому, какъ онъ его употребляетъ, можно сказать, что онъ самый великій принцъ нашей эпохи. Онъ уменъ и такъ остроуменъ, что едва можно выразить это словами; онъ справедливъ и ни одному созданію не желаетъ зла. Онъ великодушенъ, обладаетъ хорошимъ настроеніемъ, врагъ излишества во всемъ, будь это вино или что другое, и обладаетъ такимъ добрымъ сердцемъ! Нельзя его не полюбить, когда его узнаешь, и, даже если бы я не была его женою, я любила бы его за всѣ его хорошія качества и за свыше дарованный умъ».

Принцесса старалась если не сравняться, то не очень отставать отъ него въ умственномъ развитіи и потому изучала французскій языкъ, философію и комментаріи Цицерона, Марка Аврелія и Тацита во французскомъ переводѣ. Главной ея заботой было предотвращать стычки между мужемъ и свекромъ, часто происходившія между ними. Всѣ ея старанія Фридрихъ оцѣнилъ въ слѣдующихъ словахъ, сказанныхъ одному царедворцу: «Я никогда не былъ въ нее влюбленъ, но я буду самый низкій человекъ, если ея не оцѣню отъ всего сердца; во-первыхъ, у нея очень хорошая натура; во-вторыхъ, она хочетъ ум-

ственно развиться, чего можно ей пожелать; въ-третьихъ, она снисходительна. Она дѣлаетъ все, чтобы мнѣ доставить удовольствіе, и хотѣла бы исполнять всѣ мои желанія, даже тѣ, какія только выдастъ одинъ мой взглядъ». Свои письма къ ней онъ подписывалъ: «Позвольте отъ всего сердца васъ обнять».

Но недолго длилось это блаженное для принцессы время: со смертью въ 1740 г. Фридриха-Вильгельма, она безвозвратно потеряла былое счастье. Бракъ ея оставался бесплоднымъ, и она не завоевала сердца мужа. Еще нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти короля Фридрихъ окружалъ ее нѣкоторымъ вниманіемъ, желая использовать влияние жены на ея братьевъ, принцевъ Брауншвейгскихъ, съ цѣлью добиться у нихъ солдатъ для своего широко задуманнаго плана завоеванія. Но онъ ее держалъ далеко отъ Берлина, въ замкѣ Шёнхаузенъ, совсѣмъ не королевской резиденціи, гдѣ ей суждено было провести остальные 57 лѣтъ жизни. Его же любимымъ мѣстопребываніемъ было Санъ-Суси въ Потсдамѣ. Въ сущности тронъ продолжала занимать королева-мать, и ей оказывали всѣ официальные почести до дня ея смерти. Только въ случаѣ нездоровья королевы-матери Елизавету вызывали королевскимъ приказомъ на нѣсколько часовъ въ Берлинъ. Здѣсь она исполняла свои бутафорскія обязанности подставной королевы и затѣмъ тотчасъ же ее отправляли обратно въ Шёнхаузенъ.

Полнаго разрыва съ нею Фридрихъ не добивался, чтобы жениться вторично, не чувствуя себя расположеннымъ и способнымъ на роль хорошаго мужа; кромѣ того, въ его головѣ зрѣли такіе широкіе планы, что отнимали у него весь досугъ и лишали желанія подыскивать себѣ болѣе подходящую жену среди европейскихъ принцессъ.

Единственное звено, скрѣплявшее ихъ шаткія, супружескія отношенія, едва держалось. Въ опьянѣніи своихъ первыхъ побѣдъ Фридрихъ, сознавшійся, что отчасти онъ этимъ обязанъ женѣ, благодаря которой онъ уладилъ дѣло съ ея братомъ герцогомъ Брауншвейгскимъ, писалъ ей: «Сударыня, нельзя васъ не любить, когда васъ узнаешь, а доброта вашего сердца положительно заслуживаетъ уваженія»—это были послѣднія ласковыя слова къ женѣ. Съ этого момента молодая королева видѣла съ его стороны только равнодушіе и полное пренебреженіе. Но это не погасило пламени ея любви къ своему непостоянному мужу; въ ея глазахъ онъ продолжалъ оставаться «олицетвореніемъ доброты». Только изрѣдка она теряла самообладаніе и выдавала свое душевное состояніе, выливавшееся въ жалобу. «Зачѣмъ теперь все по другому,—писала она своимъ родителямъ:—зачѣмъ онъ лишилъ меня своего прежняго расположенія?» Но что могли отвѣтить ей родители?—они молча сожалѣли ея и совѣтовали покориться участи.

Первыя побѣды Фридриха омрачились неудачами. На нѣсколько лѣтъ королева и весь дворъ ради безопасности должны были удалиться въ Магдебургъ. Въ это время король находился въ арміи и рѣдко присылалъ извѣстія о себѣ. Наконецъ окончательная побѣда одержана, и Фридрихъ торжественно въѣхалъ въ Берлинъ. Встрѣча съ королевской семьей послѣ семилѣтней разлуки произошла въ присутствіи молодой королевы. Обнявъ каждый изъ родственниковъ, онъ подошелъ къ женѣ, очень взволнованной встрѣчей, и только поклонился ей со словами: «Сударыня, вы растолстѣли». Это любезность, съ которой

онъ лично къ ней обратился, была послѣдняя; больше она не слыхала отъ него ласковаго слова. Когда въ Берлинъ прѣѣхала въ 1770 г. сестра Фридриха, Ульрика Шведская, то, какъ исключеніе, Елизавету пригласили къ обѣду. По словамъ ея гофмейстера Лендорфа, король наклонился къ Ульрикѣ и сказалъ ей по французски, незамѣтно указывая на Елизавету: «Вотъ моя старая королева, ты ее уже знаешь».

Но рядомъ съ личнымъ пренебреженіемъ король не допускалъ, чтобы придворные выказывали невниманіе къ Елизаветѣ, и когда она жаловалась на кого-нибудь изъ нихъ, онъ строго наказывалъ виновнаго. Если у нея случалось несчастіе, напримѣръ, смерть родственниковъ, онъ выражалъ ей свое соболѣзнованіе собственноручнымъ письмомъ, въ неизмѣнной формѣ: «Это неприятное событіе ничѣмъ не исправить, такъ какъ мы не умѣемъ оживлять мертвыхъ. Лучше всего принимать это, не слишкомъ задумываясь надъ подобнымъ явленіемъ. Со всевозможнымъ почтеніемъ вашъ преданный слуга».

Въ 1776 г. королева серьезно занемогла, и Фридрихъ, повидимому, взволновался, хотя ненадолго. Онъ отдалъ приказъ, чтобы за нею особенно внимательно ухаживали. «Подумайте,—писалъ онъ доктору:—дѣло идетъ о личности самой дорогой и необходимой для государства, бѣдныхъ и меня». Послѣдняя фраза звучала, конечно, фальшиво, и отношеніе короля къ женѣ не улучшилось. Когда черезъ много лѣтъ его здоровье ослабѣло и королева послала ему сочувственное письмо, то онъ и на этотъ разъ не измѣнилъ себѣ, окончивъ свое письмо въ ироническомъ духѣ: «Сударыня,—писалъ онъ королевѣ:—я очень вамъ обязанъ за вниманіе, оказываемое вами старому, бродячему трупу, который идетъ къ своему неизбѣжному концу. Въ этомъ году прекрасная погода: осень послѣ лѣта превосходить всѣ, какія только я пережилъ во всю мою жизнь въ этой странѣ. Надо воспользоваться ею, такъ какъ въ нашемъ климатѣ дурная погода явленіе болѣе обыкновенное, чѣмъ хорошая, и, конечно, Шёнхаузенъ предпочтительнѣе душливой атмосферы, какою мы дышимъ въ Берлинѣ». Насколько не избалована была Елизавета ласкою мужа, видно изъ того, что подобное письмо ее глубоко растрогало. Когда умеръ Фридрихъ, она искренно его оплакивала. Сама она жила до 80 лѣтъ и скончалась въ 1797 г., когда родился ея внукъ Вильгельмъ I.

Г-жа Адлерсфельдъ Баллестремъ считаетъ королеву Елизавету не разгаданной натурой и въ заглавіи называетъ ее «неизвѣстной».

Зависѣло ли ея долготерпѣніе въ отношеніи мужа отъ ограниченности ума, переносила ли она свое странное положеніе при прусскомъ дворѣ среди враждебнаго къ ней отношенія по неспособности разсуждать? Изъ ея писемъ къ роднымъ на французскомъ языкѣ, какъ было принято въ то время, нельзя замѣтить оригинальности ея личныхъ взглядовъ, убѣжденій и мнѣній, всѣ они не переступали границы банальности. Въ концѣ своей жизни она переводила съ французскаго на нѣмецкій языкъ книги духовнаго содержанія и даже попробовала написать оригинальное сочиненіе, съ цѣлью поддержать политику мужа. Это сочиненіе, озаглавленное: «Размышленія о положеніи общественныхъ дѣлъ въ 1778 г., обращенныя къ боязливымъ личностямъ», ничѣмъ особеннымъ не отличалось, кромѣ ханжества. Главная проводимая ею идея состояла въ томъ, что полагайся на Бога и на его помазанника Фридриха.

Ея придворныя и между прочимъ графъ Лендорфъ обвиняли ее въ нетактичности и придирчивости. Послѣдній рассказываетъ, какъ однажды онъ опоздалъ на дежурство и королева, страшно разгнѣванная, подняла цѣлую бурю: она побѣжала за нимъ чрезъ весь дворецъ, кричала, угрожала написать королю и т. д. Другой разъ онъ попросилъ у нея разрѣшенія участвовать на церемоніи при дворѣ. Она рассердилась и закричала: «Я хотѣла вамъ это приказать, почему вамъ нечаямъ было бы просить у меня разрѣшенія».

Г-жа Адлерсфельдъ Лендорфъ въ ея оправданіе ссылается на то обстоятельство, что придворные, видя, что ею пренебрегаетъ король, часто нарушали относительно ея правила этикета и потому ее это очень раздражало. По мнѣнію Лендорфа, она была очень добрая женщина, только ей не хватало достоинства. Хотя она была очень болтлива, но въ ея разговорѣ недоставало пріятности и она цѣлыми часами держала за столомъ придворныхъ въ смертельной скукѣ. Въ заключеніе Лендорфъ замѣчаетъ, что судьба ошиблась, помѣстивъ ее на тронъ. «Она положительно была бы счастливѣе, какъ жена простого приказчика».

Елизавета лично была въ сущности убѣждена въ привязанности къ ней мужа, но онъ изъ боязни родныхъ не хотѣлъ открыто, по ея мнѣнію, выказывать свое чувство, опасаясь, чтобы это не принесло ей вреда.

— Отовсюду.— Завоеванный новыми поколѣніями прогрессъ время отъ времени подвергается отвоеваніямъ въ пользу нашихъ предшественниковъ. Недавно въ «Electrotechnische Anzeiger» какой-то мюнхенскій инженеръ поднялъ вопросъ о томъ: знали ли Моисей о существованіи громоотвода?—И даетъ утвердительный отвѣтъ, основываясь на библейскомъ эпизодѣ со змѣями. По Библии, Господь прогнѣвался на ропотъ евреевъ и ниспослалъ на нихъ въ наказаніе смертоносныхъ змѣй, которыя ихъ жалили. Тогда Моисей воздвигъ шесть, а на вершинѣ его укрѣпилъ мѣднаго змѣя, и всякій взиравшій на него съ вѣрою получалъ исцѣленіе. Библейскія змѣи, по словамъ этого инженера, конечно, были не чѣмъ инымъ, какъ молніей, посланной на невѣрный Богу народъ, а мѣдный змѣй—громоотводъ, устроенный въ образной формѣ. Впрочемъ, этотъ же инженеръ почерпнулъ свѣдѣнія изъ Библии, что іерусалимскій, храмъ былъ обезпеченъ отъ грома посредствомъ металлическихъ остроконечностей, переплетавшихся между собою и соединенныхъ съ почвой посредствомъ резервуара съ водою. Кромѣ того, авторъ старается научно объяснить устройство ковчега Завета и процессъ тѣхъ ужасныхъ наказаній, которыя постигали смѣльчаковъ, отваживавшихся поднять на него руку. Ящикъ, въ которомъ хранились скрижали, онъ приравниваетъ къ лейденской банкѣ. «Если мы остановимся на подробностяхъ его устройства, говоритъ онъ, то увидимъ, что онъ состоялъ изъ акаціеваго дерева пріемника, помѣщеннаго между двумя металлическими обкладками (двумя пластинами чеканнаго золота)—одна внутри, другая снаружи; такимъ образомъ это составляло обширную лейденскую банку. Эта банка, наполненная атмосферическимъ электричествомъ, посредствомъ проводниковъ изъ металлическихъ подпоръ храма, имѣла по причинѣ своего объема достаточно силы, чтобы ея разряженіе было смертельно. Къ ковчегу могли безнаказанно приближаться только священнослужители, потому что они были въ металлическихъ одеждахъ изъ золотой парчи, достаточно длинныхъ, чтобы волочиться по землѣ и въ

нее проводить электричество. При этом инженеръ цитируетъ священные тексты въ подтвержденіе своей теоріи: ковчегъ Завѣта, какъ лейденская банка.

За послѣдніе годы все чаще и чаще поднимался вопросъ, насколько можно считать Геродота правдивымъ историкомъ Египта и мидійскихъ войнъ. Англійскій историкъ Ховетъ считаетъ каждое его слово чуть не евангельскимъ; Мунро, напротивъ, не вѣритъ ему, а критикъ Грунди старается держаться середины.

Шекспиръ или Бэконъ?—вотъ вопросъ, которому, повидимому, окончательно не суждено разрѣшиться. Англійскіе критики опять подняли споръ о томъ, кто авторъ сочиненій: Шекспиръ или Бэконъ? Сторонники Бэкона стараются доказать, что Вильямъ Шекспиръ изъ Страфорда былъ сыномъ безграмотныхъ родителей, давшихъ ему самое жалкое образованіе: онъ даже бѣгло не умѣлъ писать. Кромѣ того, изъ него вышелъ бездѣльникъ, пьяница и браконьеръ. Прежде, чѣмъ попасть въ Лондонъ, онъ недолго послужилъ въ лавкѣ мясника, а затѣмъ отошелъ. И въ Лондонѣ у него были довольно подозрительныя занятія, вродѣ выкрикиванія экипажей у театра; но затѣмъ онъ сдѣлался капельдинеромъ и наконецъ добился мѣста актера. Онъ долго игралъ въ провинціи въ комической труппѣ. Литература его не интересовала, одинаково какъ и судьба его пьесъ. Когда онъ умеръ, многія его пьесы еще не были напечатаны. Скопивъ денегъ, онъ простился со сценой и зажилъ въ Страфордѣ самой сѣренькой, мѣщанской жизнью, не интересуясь ничѣмъ, кромѣ сутяжничанія и скопидомства. Онъ умеръ, и его отсутствія никто не замѣтилъ, только семь лѣтъ спустя вспомнили о немъ, когда появилось первое изданіе его сочиненій. Напротивъ, Бэконъ былъ человѣкъ съ большимъ талантомъ, подходящимъ къ автору шекспировскихъ пьесъ. Защитники Шекспира не падаютъ духомъ и продолжаютъ утверждать, что гениальный талантъ не долженъ принадлежать людямъ исключительно образованнымъ и знатымъ: театръ былъ для него школой. Частое употребленіе юридическихъ замѣчаній и выраженій еще не доказательство, что пьесы писалъ Бэконъ; это могла быть просто манера тогдашнихъ драматурговъ, а его современники Бэнъ Джонсонъ, поэты Дингсъ и Голландъ, а также два брата актера, основавшіе Шекспировскій театръ въ 1623 г., были увѣрены, что пьесы писалъ Шекспиръ, иначе Бэконъ самъ руководилъ бы постановкой своихъ пьесъ. По словамъ сторонниковъ Шекспира, онъ былъ родомъ изъ графства Варвикъ, такъ какъ хорошо зналъ тамошніе нравы и нарѣчіе. Недавно въ лондонскихъ архивахъ нашелся документъ, касающійся тяжбы относительно Блэкфрирскаго театра и Глобъ-театра, построенныхъ въ концѣ XVI вѣка актеромъ Бурбажемъ вмѣстѣ съ Шекспиромъ. Открывшій этотъ документъ Уоллесъ напечаталъ его въ «Times». Процессъ затѣяла молоденькая 19-лѣтняя вдова актера Вильяма Остелера Томмазина противъ своего отца, тоже актера, Геминга, требуя съ него документы, по которымъ ей приходилась доля владѣнія въ обоихъ театрахъ.

Бразильцы никакъ не хотятъ уступить другимъ націямъ первенство въ завоеваніи воздуха. Они считаютъ предтечей воздухоплателей—іезуита Бартоломео Луренцо ди-Кусмао, родившагося въ Сантосѣ въ послѣдней трети и четверти XVII вѣка. Этотъ іезуитъ первый возымѣлъ идею подняться на воздухъ съ помощью силы теплаго воздуха. Въ газетѣ «Brésil» представленъ

его аэронафъ въ видѣ лодки съ рулемъ, въ видѣ длиннаго, прямого птичьяго пера, подвѣшеннаго къ мѣшку въ формѣ четырехгранника, расположеннаго вершиной впередъ. Поднятіе состоялось 8-го августа 1709 года въ Лиссабонѣ, въ присутствіи короля. Машина успѣшно поднялась, но натолкнулась на стѣну «Casa de India», гдѣ происходило испытаніе. Второй разъ подняться ему не удалось, вслѣдствіе преслѣдованія іезуитовъ. Этотъ же іезуитъ изобрѣлъ механическую бомбу. Жизнь Кусмао сложилась несчастливо. Недолго онъ былъ профессоромъ и членомъ португальской академіи, когда противъ своего желанія долженъ былъ удалиться въ Толедо, гдѣ умеръ очень молодымъ въ 1724 году. Въ 1889 году контръ-адмиралъ баронъ Теффэ, делегатъ Бразиліи на интернаціональномъ конгрессѣ воздухоплавателей въ Парижѣ, напомнилъ о немъ и поддержалъ права Бразиліи на изобрѣтеніе Монгольфьеровъ. Эти права признали за нимъ соотечественники Сантосъ-Дюмона.

Легенда о роли слесаря Гамэна, обучавшаго Людовика XVI слесарному ремеслу и будто бы грубо обращавшагося съ нимъ, которую призналъ даже Нолякъ въ своемъ трудѣ «La Reine Marie Antoinette», опровергается Эженомъ Вельвертомъ на страницахъ «Feuilles d'Histoire». Онъ говоритъ, что Людовика обучалъ не одинъ простой слесарь Гамэнь, а также талантливый слесарь Пьеръ Амбруазъ Пу-Ландри, уроженецъ Ла-Шапель во Франшконтэ. Король изучилъ не только грубое кузнечное ремесло, а даже ученую механику и занимался ремеслами для времяпрепровожденія съ гигиенической цѣлью, но эти занятія будто бы не отрывали его отъ королевскихъ обязанностей.

Въ «Revue d'Histoire diplomatique» помѣщены выдержки изъ неизданной переписки Франсуа-Габріеля де-Врэ, прикомандированнаго къ посольству при Ратисбонскомъ сеймѣ при началѣ революціи. Изъ этихъ писемъ, написанныхъ между іюлемъ и ноябремъ 1794 года, видно, насколько иностранныя посольства были поражены событіями во Франціи. Авторъ приписываетъ первыя неудачи европейской коалиціи внутреннему разладу и несогласіямъ союзныхъ державъ, ихъ эгоистичной политикѣ и неспособности ихъ генераловъ.

Г. Гоннаръ изслѣдуетъ вліяніе Наполеона на судьбу Франціи во время его пребыванія на островѣ св. Елены¹⁾. Его сочиненія сильно дѣйствовали на общественное мнѣніе и окончательно установили наполеоновскую легенду. Они же вдохнули въ Луи-Бонапарта политическіе принципы, которые онъ могъ, достигнувъ власти, примѣнить къ дѣлу. Перейдя къ разсмотрѣнію работъ претендента отъ 1832—1846 г., авторъ указываетъ на вліяніе «Мемуаровъ». Либеральное направленіе этого труда посѣяло въ умѣ Наполеона III мысль, что свобода желательна, какъ цѣль, и безъ нея зданіе не закончено. Изъ этого же источника исходятъ принципы націонализма, внушившіе Наполеону III сочувствіе къ итальянскому дѣлу и симпатіи къ нѣмецкому и польскому дѣламъ. Важный урокъ исторіи, замѣчаетъ въ заключеніе Гоннаръ, что сочиненія, написанныя для обмана народовъ, никого такъ не обманули вполне, какъ преемника самого автора, замыслившаго обмануть.

¹⁾ «La Revue de Paris».

Трудно было предположить, что французы, считающіеся среди всѣхъ культурныхъ націй наиболѣе безнравственными въ вопросѣ любви, окажутся наиболѣе нравственными, по крайней мѣрѣ относительно этимологіи глагола «любить»—«aimer». Съ самыхъ древнихъ временъ и до сихъ поръ никакъ не могли доискаться происхожденія этого глагола, наиболѣе употребительнаго и наименѣе понятнаго, первосмысла котораго такъ никто и не зналъ точно. Пытались его произвести отъ греческаго «амма», что означаетъ «узы, цѣпи» или отъ причастія «амма», т.-е. «вмѣстѣ» «quod amor est appetitus unionis», или отъ одного еврейскаго глагола, означающаго «говорить» «quia amantes sunt loquaces», но всѣ эти попытки оказывались неуспѣшны. Его продолжали опредѣлять то согласно Горацию и Тибуллу, какъ говорить на страницахъ «Revue Bleue»¹⁾ членъ французскаго института Мишель Бреаль, то придавали ему болѣе чувственное значеніе, вродѣ Овидія и Марціала, то болѣе возвышенное. Только недавно эту загадку удалось разгадать совершенно случайно, благодаря одной латинской эпитафіи на одномъ изъ римскихъ кладбищъ близъ Кельна, начинавшейся стихами: «Quisquis ammat pueros»... Благодаря этому открытію, теперь установлено чистое, невинное происхожденіе или первосмыслъ этого самаго распространеннаго изъ глаголовъ, а именно—материнская любовь. Мать, какъ извѣстно, по латыни «mater»; но это официальное слово; интимный же лепетъ ребенка создалъ слова «амма», хотя послѣднее слово у авторовъ не встрѣчается, но въ церковномъ языкѣ удержалось, напримѣръ: настоятельница монастыря носить названіе «амма»; какъ настоятель «ррарас». Это выраженіе не имѣло бы, конечно, смысла, если бы его не употребляли ранѣе въ разговорномъ языкѣ, и у византійскихъ историковъ дѣйствительно находится слово «амма», т.-е. духовная мать, «meter pneumatike». Такимъ образомъ, «ammat», значитъ «fate amma» т.-е. въ буквальный смыслъ—дѣлать мать (изображать мать), отсюда французскій глаголъ «aimer, caresser»—любить, ласкать. Еще одна громадная заслуга за женщиной—быть первопричиной такого чуднаго глагола, управляющаго всѣмъ міромъ.

Поклонники черноокихъ испанокъ будутъ удивлены мнѣніемъ самихъ испанцевъ о цвѣтѣ глазъ красавицъ. Въ «Revue des idées» одинъ путешественникъ, Гавлонъ Эллисъ, характеризуя испанскихъ женщинъ, замѣчаетъ: «Мы говоримъ, что у нихъ большіе черные глаза, и дѣйствительно сѣверянинъ сразу понимаетъ, что пріѣхалъ къ народу, степень пигментациі котораго гораздо сильнѣе, чѣмъ въ странѣ, къ которой онъ привыкъ. Но испанцы, а также иностранцы, долго жившіе въ Испаніи, совсѣмъ иного мнѣнія. Тамъ въ почетѣ не черные глаза, а зеленые. «Черные глаза,—говорятъ они,—плебейскіе, и обыкновенно при такихъ глазахъ родъ красоты—плебейскій». Испанцы предпочитаютъ смѣшанные глаза, т.-е. умѣренной пигментациі, или проще—зеленые. Совершенствомъ красоты считаютъ зеленые глаза съ длинными рѣсницами, какъ въ «Celestin». Тамъ Донъ-Кихотъ говоритъ: «Я убѣжденъ, что глаза Дульцинеси должны быть изумрудно-зеленые и нѣжные съ парюю радугъ въ видѣ бровей». Сервантесъ придалъ своей Пречесой, восхитительной маленькой египтянкѣ,

¹⁾ Variétés etymologiques. Par Michel Bréal. «Revue Bleue», 21 Novembre 1909.

глаза изумруднаго цвѣта. Романистъ Валери, описывая въ «Motsamot» очаровательную Олимпію, говоритъ: «Магнетическая сила ея зеленыхъ глазъ или сѣро-зеленыхъ, какъ глаза Минервы, Медеи и Цирцеи, которые мы могли бы сравнить съ двумя изумрудами, блестящими жгучимъ пламенемъ...». Другой романистъ, Бласке Ибанецъ, въ «Canas Barro» красавицѣ Неллетѣ придаетъ «свѣтло-сѣрые глаза, блестящіе, какъ двѣ капли валанскаго абсента».

Вопросъ, что болѣе способно вдохновить музыканта-композитора: исторія или легенда?—заставилъ Сень-Санса высказать свое мнѣніе въ «Revue de Paris». По его словамъ, часто легенда и исторія очень близко соприкасаются, а историческіе персонажи уже на половину легендарны и, наконецъ, какого бы происхожденія ни былъ сюжетъ, надо только, чтобы музыкантъ сумѣлъ его оживить. Онъ признаетъ, впрочемъ, что критика нынче стала менѣе односторонней и потому терпитъ исторію въ русскихъ операхъ. При этомъ Сень-Сансъ сравниваетъ либретто «Генриха VIII» съ либретто «Бориса Годунова» и приходитъ къ заключенію, что «Генрихъ VIII» во всѣхъ отношеніяхъ превосходитъ «Бориса Годунова», какъ по психологіи, поэзіи, такъ и по глубинѣ музыкальной мысли. «Легенда,—говоритъ онъ въ заключеніе, — тѣмъ выгоднѣе, что представляетъ чудесное; что до остального, то въ ней скорѣе находятся неудобства. Персонажи, никогда не существовавшіе, и въ существованіе которыхъ болѣе не вѣрятъ, совсѣмъ не поддерживаютъ, какъ многіе воображаютъ, музыку и поэзію: напротивъ, музыка и поэзія придаетъ имъ самимъ жизни. Вынесли ли бы мы безконечныя рѣчи скучнаго Вотана, если бы не чудная музыка, сопровождающая ихъ? Орфей, оплакивающий Эвридику, растрогалъ ли бы насъ настолько, если бы Глюкъ съ первой же ноты не плѣнилъ насъ? Что бы стало съ марионетками въ «Волшебной флейтѣ» безъ Моцарта? Предоставьте же музыкантамъ выбирать свои оперные сюжеты и даже форму ихъ оперы. Всѣ великіе артисты и знаменитый Рихардъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой, презирали критиковъ».

Лига трезвости въ Христіаніи встрѣтила неожиданное сопротивленіе не со стороны поклонниковъ Бахуса, а людей умѣренныхъ, основавшихъ въ противовѣсъ ей «Национальный союзъ друзей умѣренности», девизомъ котораго служить: «За свободу противъ законной тираніи». Въ числѣ ея основателей находятся: министръ Михельсенъ, главный виновникъ революціи 1905 года, докторъ Фритъофъ Нансенъ и многіе другіе представители науки и искусства. Само собой разумѣется, что такія личности не проповѣдуютъ пьянства, но, главнымъ образомъ, они протестуютъ противъ излишняго усердія апостоловъ трезвости. Появленіе новой лиги благопріятное впечатлѣніе произвело на многихъ въ виду того, что лига трезвости потребовала создать законъ подобно тому, какой уже цѣлый годъ существовалъ въ Финляндіи, запрещающій сбытъ спиртныхъ напитковъ. Такимъ образомъ, лига трезвости рассчитывала на уменьшеніе пьянства. Для подготовленія этого закона министръ финансовъ Баржъ хотѣлъ завести статистику, которая отмѣчала бы не только количество истребленнаго алкоголя въ ресторанахъ и другихъ публичныхъ мѣстахъ, но и въ частныхъ домахъ во время семейныхъ празднествъ. Это было уже слишкомъ: стортингъ запротестовалъ, и правительство принуждено было вернуть проекты Баржа. Но въ слѣдующемъ засѣданіи парламентъ обложилъ таксой водочные

заводы, которая тяжело отразилась на мѣстномъ производствѣ, между тѣмъ какъ иностранный ввозъ вина избѣжалъ этого налога, благодаря покровительству торговыхъ трактатовъ. Водочное производство было главнымъ капитальнымъ источникомъ дохода для Норвегіи, и понятно, что появленіе лиги противъ трезвости и союзъ друзей умѣренности встрѣченъ государствомъ сочувственно.

Въ одномъ изъ нумеровъ «Quarterly Review» нѣкій англичанинъ, жившій въ Россіи, мистеръ Морисъ Барингъ, помѣстилъ характеристику русскихъ. Веселый характеръ и привлекательность русскаго крестьянина очаровали англичанина, и вообще онъ отзывался о «геніи великой расы» съ большою симпатіей. По его словамъ, въ русскомъ характерѣ есть элементъ, счастливо согласующій покорность неизбѣжности судьбы и прилаживаніе ко всякимъ обстоятельствамъ, какъ бы они ни были неприяты. Это явленіе ему не приходилось наблюдать ни въ какой другой странѣ.

Прелесть русской жизни состоитъ въ простотѣ, отсутствіи суеты, претензій и условностей. Прелесть же русскаго характера заключается въ свойственной имъ добротѣ сердца и отсутствіи лицемѣрія. «Не надо забывать,—замѣчаетъ онъ,—что самое это хорошее расположеніе духа и самая ихъ кротость отзывается на общественной жизни, внося въ нее небрежность, беспорядокъ, порочность, отсутствіе отвѣтственности и произволь. Въ частной жизни русскіе, по его словамъ, жалостливы, милосердны, гостепріимны и не эгоистичны. Ихъ хорошее настроеніе духа и хорошая натура происходятъ непосредственно отъ ихъ доброты, а не отъ чего-нибудь другого. Чувство жалости, по его словамъ, великій даръ, какимъ обладаетъ русская нація, оно же—главный факторъ въ русской литературѣ и очень цѣнное, единственное въ своемъ родѣ завѣщаніе, вкладъ, сдѣланный русскими авторами литературѣ всего свѣта. Это намъ подарили русскіе, говоритъ онъ, а не другой какой-либо народъ».

—Некрологи. Смерть герцога Карла-Теодора Баварскаго, датской принцессы Маріи, Фортиса и бельгійскаго короля Леопольда II.—30-го ноября скончался въ Бадъ-Крётъ семидесятилѣтній знаменитый окулистъ, герцогъ Карлъ-Теодоръ Баварскій, глава вѣтви Виттельсбахскаго дома. Сынъ герцога Максимилиана Баварскаго, онъ родился въ 1839 году и предназначался къ военной карьерѣ, начавъ ее артиллеристомъ, и участвовалъ въ кампаніи 1870—1871 г. въ высшемъ военномъ чинѣ, находясь при главной квартирѣ короля Альберта Саксонскаго. Но судьба судила иначе, и онъ затѣмъ избралъ себѣ совершенно иное поприще—облегченіе участи страждущему человечеству. Послѣ войны онъ удалился въ Ментонъ для леченія своей болѣзни; здѣсь онъ познакомился съ русскимъ окулистомъ Ивановымъ и рѣшилъ изучать медицину, именно офтальмологію. По другимъ источникамъ, еще въ 1867 году, когда умерла его жена, дочь короля Иоанна Саксонскаго, онъ далъ себѣ слово сдѣлаться врачомъ. Поступивъ вольнослушателемъ въ мюнхенскій университетъ, онъ рѣшилъ по окончаніи его специально заняться глазами болѣзнями. Сначала онъ ихъ изучалъ у мюнхенскихъ свѣтилъ, затѣмъ въ Цюрихѣ и Вѣнѣ. Наконецъ, въ 1872 году герцогъ получилъ почетный дипломъ доктора мюнхенскаго университета и посвятилъ себя всецѣло больному

человѣчеству. Вскорѣ слава о немъ, какъ объ операторѣ, облетѣла весь свѣтъ. Особенно удачно онъ снималъ катарактъ и за все время своей практики сдѣлалъ 5,000 глазныхъ операцій. Герцогъ дѣйствительно весь отдался страждущему человѣчеству: онъ служилъ ему своимъ знаніемъ, богатствомъ и временемъ.

Въ Тегаризее имъ основана была первая клиника, которую онъ широко содержалъ; потомъ онъ открылъ вторую—въ Мюнхенѣ и, наконецъ, третью—въ Меранѣ, въ австрійскомъ Тироли. Со всѣхъ концовъ свѣта стремились больные въ его клиники, гдѣ лечение было безвозмездно. При всѣхъ операціяхъ помощницей герцога была его жена. Онъ былъ женатъ два раза: первый разъ на принцессѣ Софи Саксонской, а вторично на принцессѣ Маріи-Жозефинѣ Брагамской. Отъ первой жены у него осталась дочь, а отъ второй—три дочери и два сына. Двѣ изъ нихъ теперь царствующія королевы: одна въ Бельгіи, жена короля Альберта, королева Елизавета, вторая въ Баваріи—герцогиня Марія-Габріэль, жена принца Рупрехта, внука регента и наследника послѣ своего отца, принца Людвигъ, несчастнаго короля Оттона. Несчастливая императрица Елизавета, неаполитанская королева Марія Софія и герцогиня де-Трани были его сестры.

4-го декабря, въ 1 часъ 40 минутъ скончалась отъ инфлуэнцы принцесса Марія Датская на 45 году жизни. Ровно 24 года тому назадъ третій сынъ датскаго короля Христіана IX Вальдемаръ обвинчался со старшей дочерью герцога Шартрскаго, Маріей Орлеанской. Живой умъ, любовь къ искусствамъ, привѣтливость и простота въ обращеніи, доброе французское сердце принцессы Вальдемаръ скоро завоевали сердца не только членовъ королевской семьи, но и всѣхъ датчанъ. Принцесса Вальдемаръ можетъ служить образцомъ для всѣхъ принцессъ, выходящихъ замужъ за иностранныхъ принцевъ. Первымъ долгомъ по своему пріѣздѣ въ Данію она старательно изучила датскій языкъ и, посѣщая бѣдныхъ рыбаковъ, называвшихъ ее «наша Марія», свободно разговаривала съ ними по-датски. Въ новой семьѣ она пользовалась любовью и послѣ смерти королевы Луизы съ дочерней любовью ухаживала за престарѣлымъ королемъ. Совершенная француженка по характеру, она унаслѣдовала отъ своего прадеда Генриха IV веселость, живость, смѣлость, оправдывая избранный ею девизъ: «Qui qu'en groque, je m'en moque». Ея разносторонній умъ касался и политики; нерѣдко Христіанъ IX и покойный Александръ III, когда гостилъ въ Фреденсбургскомъ замкѣ, прислушивались къ ея политическимъ совѣтамъ. Лѣтомъ она жила въ Беренсдорфѣ, на берегу Зунда, а зимою въ Копенгагенѣ, гдѣ рѣдко выходила изъ дому, проводя время среди цвѣтовъ, которые любила рисовать акварелью. Какъ ни привязалась принцесса Вальдемаръ къ Даніи, но любовь къ Франціи слишкомъ глубоко укоренилась въ ея сердцѣ и при всякомъ случаѣ она выказывала ее, когда могла быть чѣмъ-нибудь полезной своей бывшей родинѣ. Между прочимъ ея имя связано съ франко-русскимъ союзомъ. У нея была одна комната съ самой буржуазной обстановкой, и единственнымъ въ ней украшеніемъ былъ трехцвѣтный шарфъ національныхъ французскихъ цвѣтовъ, красовавшійся въ простѣнкѣ между двумя окнами. Въ этой комнатѣ не было даже звонка, и, когда ей требовался зачѣмъ-нибудь слуга, она выходила въ коридоръ и сама его звала.

5-го декабря скончался одинъ изъ послѣднихъ представителей итальянской героической эры «Risorgimento»—Александръ Фортисъ, родившійся въ Форли въ 1845 году. Онъ былъ въ самомъ расцвѣтѣ пылкихъ, молодыхъ силъ, когда Гарибальди пробудилъ въ сердцахъ итальянскаго народа страсть къ независимости. Двадцати двухъ лѣтъ Фортисъ вступилъ въ банду послѣднихъ кондотьери и дрался вмѣстѣ съ нею въ Меританѣ и Дижонѣ. Когда Италия освободилась и объединилась, Фортисъ, радикаль-антиклерикаль, даже почти республиканецъ, вступилъ сначала въ оппозицію мащинистовъ, но вскорѣ перешелъ къ умѣреннымъ либераламъ. Избранный въ палату въ 1880 году, онъ вскорѣ сдѣлался виднымъ членомъ партіи Криспи и сталъ помощникомъ государственнаго секретаря въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ въ первомъ кабинетѣ, образованномъ знаменитымъ сицилійцемъ въ 1888 году. Со времени второго министерства Криспи, въ 1891 году, Фортисъ былъ лидеромъ большинства въ палатѣ.

Послѣ пораженія при Аданѣ, въ 1895 году, правительство перешло на сторону правыхъ, и тогда Фортисъ проявилъ свой пылъ въ оппозиціи. Затѣмъ послѣдовало покушеніе Монца, восшествіе на престолъ Виктора-Эммануила; власть опять перешла на сторону лѣвыхъ. При кабинетѣ Джіолиитти и Цанарделли Фортисъ былъ однимъ изъ столповъ большинства. Нѣсколько мѣсяцевъ онъ даже находился у власти, именно въ 1905 году. Онъ умеръ послѣ страшной агоніи, длившейся нѣсколько недѣль.

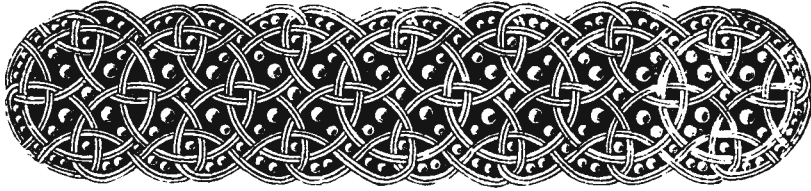
17-го декабря н. ст. въ 2 часа 35 минутъ ночи скончался отъ закупорки венъ бельгійскій король Леопольдъ II, сынъ Леопольда I Саксенъ-Кобургскаго и его второй жены, принцессы Луизы Орлеанской, дочери французскаго короля Луи-Филиппа. Это былъ второй бельгійскій король. Онъ родился въ 1835 году, а на престолъ вступилъ въ 1865 году и царствовалъ 44 года. Воспитывался Леопольдъ II вмѣстѣ съ братомъ, графомъ Фландрскимъ, и 11 лѣтъ былъ зачисленъ въ армію въ чинѣ лейтенанта. Способностями къ наукамъ онъ не отличался, но языки и математика ему давались легко, и, вѣроятно, послѣдняя наука развила въ немъ тотъ практическій складъ ума, который удивлялъ бельгійцевъ и побуждалъ ихъ къ практической дѣятельности. Король твердо помнилъ завѣтъ Гизо: «Обогащайтесь!»—и въ этомъ отношеніи трудно подыскать другого европейскаго державнаго властителя, который такъ всецѣло отдавался бы финансовымъ аферамъ и воспиталъ бы это чувство у своего народа. Ни одна смерть коронованныхъ лицъ не внесла столько же раздоровъ, интригъ, скандаловъ и ненависти, сколько смерть Леопольда II.

Семейная жизнь короля не отличалась спокойствіемъ и пріятностью. Онъ женился очень юнымъ, девятнадцати лѣтъ, на Маріи-Генриеттѣ, дочери австрійскаго эрцгерцога, которой этотъ бракъ принесъ очень мало счастья. Она видѣла только смерть и слезы: кончина ея сына, разстрѣліаніе въ Мексикѣ короля Максимилиана, душевная болѣзнь его жены, императрицы Шарлотты, сестры Леопольда I, скандально-романическая смерть зятя, кронпринца Рудольфа и ссоры мужа съ тремя дочерьми. Влача почти одинокое существованіе послѣдніе годы своей жизни, она умерла въ 1902 г. Какъ человѣкъ, погруженный въ цифры и доходы, король Леопольдъ II не отличался ни нѣжнымъ чувствомъ отца, ни глубокими сердечными привязанностями. Женщина была для

него развлеченіемъ, и онъ посвящалъ свои досуги легкимъ интригамъ. Только подъ старость онъ сталъ постояннѣе, и то лишь на зло дочерямъ. Но всѣ его слабости не вредили государству, и бельгійцы вспомнятъ о немъ, какъ о королѣ, твердо державшемся конституціи, доступномъ для всѣхъ, понимавшемъ матеріальныя нужды своего народа и обогатившемъ государство. Еще не похоронили короля, а уже вторая часть драмы началась: раздоры изъ за милліоновъ, изгнаніе морганатической жены Леопольда II баронессы Воганъ, урожденной г-жи Каролины Лакруа, по однимъ источникамъ—бывшей дворничихи, дочери швейцара. По другимъ свѣдѣніямъ, ея отецъ былъ инженеръ-чертежникъ, неудачно покончившій жизнь и оставившій безъ всякихъ средствъ семью. Одно положительно извѣстно, что ея братъ служить лакеемъ въ парижскомъ ресторанѣ, а сестры торгуютъ фруктами. Какъ бы то ни было, но король вѣнчался съ нею церковнымъ бракомъ и уже на смертномъ одрѣ окончательно закрѣпилъ свой бракъ въ присутствіи патера. У морганатической жены короля остался отъ него два сына: одинъ пяти лѣтъ и названъ герцогомъ Терверкернъ, другой—трехъ съ половиной лѣтъ—графомъ Ровенштейнъ.

Нѣкоторыя брюссельскія газеты уже напечатали: «Король умеръ, да здравствуетъ республика». Наслѣдникомъ престола является племянникъ короля—принцъ Альбертъ, младшій сынъ Филиппа Фландрскаго и принцессы Маріи Гогенцолернской. «Matin» увѣряетъ, что король будетъ монархомъ строго-конституціоннымъ и «соціальнымъ» въ лучшемъ смыслѣ слова. Республика и монархія, по его мнѣнію, понятія не враждебныя, и онъ обѣщаетъ быть полезнымъ рабочему сословію. Но это говорятъ третьи лица. Новый король женатъ на дочери недавно скончавшагося герцога Карла Теодора Баварскаго. У него два сына и одна дочь.

С М Ъ С Ъ.

ОТКРЫТИЕ саратовскаго университета. Россія обогатилась новымъ разсадникомъ высшаго просвѣщенія. Къ девяти русскимъ университетамъ прибавился десятый—въ Саратовѣ, столицѣ Поволжья. Фактически этотъ университетъ существуетъ уже съ начала настоящаго учебнаго года, но только 6 декабря состоялось официальное его открытіе. Цѣлый рядъ городовъ наперебой добивались открытія въ нихъ университета: Минскъ, Витебскъ, Смоленскъ, Воронежъ, Саратовъ, Нижній-Новгородъ и другіе. И всѣ предлагали въ помощь казнѣ powerful средства: деньгами, землею, зданіями, больницами для клиникъ. Для обстоятельной разработки вопроса и прежде всего для выбора города, гдѣ слѣдуетъ открыть университетъ въ первую очередь, была образована особая комиссія. Необходимость новаго университета мотивировалась тѣмъ, что по развитію высшаго образованія Россія занимаетъ послѣднее мѣсто. Въ ней одно высшее учебное заведеніе приходится на 3,4 милліона населенія и одинъ университетъ—на 16 милліоновъ, тогда какъ въ Германіи одно высшее учебное заведеніе приходится на одинъ милліонъ, а университетъ—на 2,9 милліона, т.е. вообще по высшему образованію Россія въ 3—4 раза отстала отъ Германіи. Въ послѣднее время наше правительство обращало вниманіе главнымъ образомъ на высшее специальное образованіе, благодаря чему отношеніе числа университетовъ къ специальнымъ высшимъ школамъ выражается какъ 1 : 3,7, тогда какъ въ Германіи это отношеніе—1 : 1,8. Число лицъ, ищущихъ университетскаго образованія, съ каждымъ годомъ увеличивается въ громадной прогрессіи. Еще въ 1894 году число студентовъ во всѣхъ университетахъ едва достигало 14,000, а къ январю 1906 года оно превысило 24,000, еще же черезъ годъ достигло почти 33,000. Всѣ университеты настолько переполнились уча-

щима, что правильная постановка занятій сдѣлалась почти невозможной, особенно въ лабораторіяхъ и кліникахъ. Главныя данныя, склонившія къ избранію мѣстомъ новаго университета Поволжье, и въ частности городъ Саратовъ, заключаются въ слѣдующемъ. По географическому распредѣленію нашихъ университетовъ Европейская Россія дѣлится въ меридіональномъ направленіи линією, проходящей черезъ городъ Москву и Харьковъ на двѣ половины: западную съ пятью университетами и восточную—съ однимъ университетомъ, въ городѣ Казани. Если же разсматривать карту Европейской Россіи по направленію съ запада на востокъ, то громадное пространство, тянущееся съ Сѣверо-Западнаго края до нижняго Поволжья, окажется совершенно лишеннымъ высшихъ учебныхъ заведеній. Это пространство заключаетъ въ себѣ три самостоятельныхъ района: Сѣверо-Западный край, средне-черноземную полосу и Поволжье. Въ каждомъ изъ этихъ районовъ необходимъ свой университетъ, но ниже Поволжья, очевидно, далѣе отстоитъ отъ университетскихъ центровъ и вообще лишено высшей школы. Центромъ этого района является городъ Саратовъ, самый большой (около 210,000 жителей), самый благоустроенный и самый богатый городъ Поволжья. Въ немъ болѣе 100 учебныхъ заведеній, изъ нихъ 20 среднихъ. Въ пособіе казнѣ на устройство университета городомъ Саратовымъ ассигнованъ одинъ милліонъ рублей, сверхъ того участокъ земли и временное помѣщеніе, саратовскимъ губернскимъ земствомъ 100,000 рублей, уѣзднымъ—50,000 рублей, обществомъ взаимнаго страхованія—50,000 рублей.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, совѣтъ министровъ остановился на рѣшеніи открыть университетъ въ городѣ Саратовѣ, причемъ, согласно представленію П. М. фонъ-Кауфмана, университетъ предполагался въ составѣ четырехъ факультетовъ. Открывая официально университетъ, правленіе его при дѣятельной поддержкѣ городъ, земства и различныхъ общественныхъ организацій приняло всѣ мѣры къ тому, чтобы празднество носило широкій характеръ. Были разосланы приглашенія во всѣ русскіе и иностранныя университеты, были приглашены на торжество представители правительства, члены государственной думы и государственнаго совѣта и всѣ тѣ лица, которыя такъ или иначе содѣйствовали появленію на свѣтъ новаго разсадника просвѣщенія. Городъ усиленно готовился къ празднеству. Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ постановленіе саратовскихъ купцовъ и мѣщанъ объ участіи въ торжествѣ. Ими постановлено: 1) 6-го декабря отправить на имя Государя Императора всеподданнѣйшую телеграмму съ поздравленіемъ по случаю тезоименитства Его Величества и съ выраженіемъ чувства глубочайшей благодарности за учрежденіе въ Саратовѣ высшаго учебнаго заведенія; 2) отправить телеграмму председателю совѣта министровъ П. А. Столыпину съ благодарностью за его содѣйствіе къ открытію въ Саратовѣ университета; 3) ассигновать теперь же 5,000 рублей для учрежденія въ университетѣ одной стипендіи и, кромѣ того, въ теченіе 8 лѣтъ отчислять ежегодно по 2,500 рублей изъ суммъ обоихъ обществъ для образованія общаго капитала въ 25,000 рублей на учрежденіе въ университетѣ пяти стипендій; 4) одной изъ пяти стипендій присвоить наименованіе стипендіи почетнаго гражданина города Саратова П. А. Столыпина; 5) въ день торжественнаго акта поднести университету привѣтственный отъ обществъ адресъ. Уже

съ утра 4-го и 5-го декабря начался прїѣздъ на университетскія торжества депутатовъ разныхъ обществъ, делегатовъ отъ университетовъ, врачей и общественныхъ дѣятелей. Утромъ 5-го декабря ждали министра народнаго просвѣщенія А. Н. Шварца, приготовивъ для него въ одной изъ лучшихъ гостиницъ номеръ, но удручающее впечатлѣніе произвела въ университетѣ, думѣ, управѣ телеграмма объ его болѣзни и невозможности выѣзда. Непрїѣздъ министра народнаго просвѣщенія комментировался на разные лады... Рано утромъ 5-го декабря городъ началъ украшать дома и улицы. Купцы горячо откликнулись на призывъ къ украшенію домовъ, жертвуя въ распоряженіе университетской комиссіи сотни аршинъ матеріи. На биржѣ были выкинута грандіозные флаги, стѣны обиты матеріей съ круглыми большими разнообразными щитами и зеленью. 6-го декабря управа раздавала бѣднымъ жителямъ бесплатные билеты на 40 к. обѣды, устраиваемые по случаю университетскихъ торжествъ въ народныхъ столовыхъ на 2,000 человекъ. Въ 3 часа дня 5-го декабря, передъ всенощной, въ соборѣ была отслужена панихида по усопшимъ общественнымъ дѣятелямъ города Саратова, послужившимъ дѣлу просвѣщенія и способствовавшимъ осуществленію саратовскаго университета. Между делегированными депутациями прибыли слѣдующія: отъ ряда медицинскихъ обществъ, отъ университетовъ: Москвы, Юрьева, Казани, Харькова, Петербурга, Кіева, Варшавы, Томска, Гейдельберга, Лондона, Кембриджа; отъ военно-медицинской академіи; отъ институтовъ: женскаго медицинскаго, вѣжинскаго, восточнаго, психо-неврологическаго, казанскаго ветеринарнаго, института экспериментальной медицины, гинекологическаго Отта, московскихъ коммерческихъ курсовъ; высшихъ с.-петербургскихъ женскихъ, харьковскихъ женскихъ курсовъ, казанской духовной академіи, медицинскаго совѣта, надеждинскихъ курсовъ, высшаго горнаго училища и другихъ. 6-го декабря послѣ литургіи и молебна въ кафедральномъ соборѣ и рѣчи епископа Гермогена, въ которой онъ, между прочимъ, сказалъ, что «свѣтоносный свѣтильникъ, высшее учебное заведеніе, должно имѣть источникомъ свѣта самого Христа, который есть Свѣтъ и Истина, а теорія Ницше есть суетное измышленіе», началась процессія шествія на Московскую площадь, гдѣ на красиво убранномъ постаментѣ произошла закладка университетскаго зданія. Епископъ Гермогенъ заложилъ первый камень и положилъ кипарисовый крестъ. Громадная площадь была усыяна народомъ. Крыши, балконы, заборы, деревья, трамвайные столбы — усыпаны народомъ. Казаки отгѣснили толпу нагайками. Въ 3 часа въ городскомъ театрѣ началось торжественное открытіе университета. Сцена театра, гдѣ находился совѣтъ университета in согрее и приглашенныя лица, была убрана живыми цвѣтами, бюстами Государя, Пирогова и Ломоносова. Послѣ прочтенія телеграммъ министровъ и провозглашенія, по волѣ Императора, саратовскаго университета Николаевскимъ, трижды исполненъ пѣніемъ гимнъ «Боже Царя храни», покрытый единодушнымъ «ура». Послѣ прочтенія ректоромъ университета своей рѣчи объ исторіи университетовъ и рѣчи декана Чижевскаго объ исторіи саратовскаго университета были прочтаны многочисленные адреса и привѣтствія депутацій, телеграммы заграпичныхъ университетовъ, встрѣчаемыя дружными, горячими апплодисментами. Многія депутаціи под-

несли свои адреса въ роскошныхъ папкахъ. Бурные апплодисменты были вызваны делегатомъ народнаго университета Шанявскаго и делегатомъ пражскаго университета отъ чешской его половины. Актъ открытія закончился рѣчью губернатора о посылкѣ имъ отъ лица собравшихся благодарственной телеграммы на имя Государя и трижды исполненной кантатой.

Въ императорскомъ русскомъ военно-историческомъ обществѣ. 27 ноября въ большомъ залѣ офицерскаго собранія арміи и флота дѣйствительный членъ общества, ординарный профессоръ Николаевской академіи генеральнаго штаба полковникъ Ельчаниновъ прочелъ интересный докладъ по случаю предстоящаго въ январѣ текущаго года 300-лѣтія осады Троице-Сергіевской лавры. Начавъ съ обширнаго историческаго введенія, въ которомъ яркими штрихами очертилъ положеніе Руси въ первые годы XVII вѣка, докладчикъ перешелъ къ подробному повѣствованію незабвеннаго въ русскихъ лѣтописяхъ «сидѣнія» доблестныхъ защитниковъ этого послѣдняго оплота Москвы въ ту эпоху, когда Россія казалась уже на краю гибели. Какъ живые, возстали передъ слушателями величавые образы архимандрита Іоасафа, келаря Авраамія Палицына, Скопина-Шуйскаго и всѣхъ тѣхъ русскихъ людей, желѣзной энергіи которыхъ и любви къ родинѣ расшатанное государство обязано было своимъ спасеніемъ. Разсмотрѣвъ детально, съ военной точки зрѣнія, всѣ подробности этой незабвенной въ нашей исторіи осады, указавъ на поразительныя по своей предумительности мѣры подготовки къ оборонѣ и очертивъ наиболѣе яркіе подвиги нашихъ воиновъ совмѣстно съ монахами, лекторъ сдѣлалъ заключительный выводъ, указавъ на долгъ нашъ передъ защитниками Троице-Сергіевой лавры, и невольно вырвалось болѣзненное сопоставленіе того времени и тѣхъ людей съ тѣми, кому еще недавно ввѣрена была честь Россіи на твердыхъ артурскихъ, кому, несмотря на истекшее 300-лѣтіе, во многомъ слѣдовало бы поучиться у героевъ Троицкой лавры. Съ любовью и глубокой сердечностью талантливый лекторъ указалъ на то традиціонное единеніе, которое со временъ троицкихъ иноковъ Осляби и Пересвѣта до послѣднихъ дней Тюречена существовало между русскимъ духовенствомъ и нашей арміей, особенно въ тѣ моменты нашей исторіи, когда, какъ въ послѣднюю кампанію, многіе служители церкви подавали примѣръ беззавѣтнаго мужества на поляхъ Манчжуріи и немалое число ихъ погибло смертью храбрыхъ на судахъ нашихъ эскадръ. Свой докладъ авторъ закончилъ, подъ взрывъ единодушныхъ рукоплесканій, высокочинательными словами державнаго вождя русскаго воинства, Государя Императора, что «только та страна и сильна, которая свято чтитъ завѣты своей старины». Въ этихъ завѣтахъ,—говорилъ докладчикъ,—вся наша сила, все наше будущее и, памятуя слова Авраамія Палицына: «исторія въ память предыдущимъ родомъ да незабвенна будетъ»—благодарная Россія никогда не забудетъ героевъ Троице-Сергіевой лавры. По окончаніи доклада присутствовавшій въ качествѣ почетнаго гостя бывший священноархимандритъ Троице-Сергіевой лавры, членъ государственнаго совѣта, епископъ вологодскій Никонъ, обратился къ собранію съ прочувствованнымъ словомъ, въ которомъ, указавъ на историческое значеніе лавры и ея основателя преподобнаго Сергія, великаго русскаго человѣка и печальника

земли Русской, заключилъ свою рѣчь вдохновенными словами: «Именемъ святаго Сергія, духовнаго архистратига, духовнаго фельдмаршала русской доблести, благословлю васъ, христолюбивые воины!» Высоко поднявъ руку и обѣнивъ все собраніе крестнымъ знаменіемъ, маститый архипастырь своимъ проникновеннымъ голосомъ, своимъ обликомъ, неволью воскресилъ въ слушателяхъ величавые образы великихъ духомъ иноковъ приснопамятной осады. Съ чувствомъ глубокаго волненія присутствовавшіе низкимъ поклономъ благодарили оратора. Побольше бы такихъ собраній, такихъ рѣчей, думалось многимъ, и будущее покажетъ намъ несомнѣнно, что не оскудѣла еще Русская земля доблестными сынами, не померкло еще солнце русской славы и не умерла еще святая, православная Русь.

Юбилей императорскаго сельско-хозяйственнаго музея. Въ воскресенье 22 ноября императорскій сельско-хозяйственный музей праздновалъ свое пятидесятилѣтіе. Въ залѣ музея на фонѣ декоративной зелени бѣдѣлись бюсты Ихъ Величествъ, а по сторонамъ портреты покойнаго основателя музея Н. В. Черняева и перваго директора Н. М. Сольскаго. Залъ былъ наполненъ публикою; присутствовавшимъ были розданы брошюра «Планъ музея» съ фотографіями и чтенія по сельскому хозяйству 1909—10 гг. Послѣ молебствія товарищъ главноуправляющаго земледѣліемъ и землеустройствомъ А. Д. Полѣновъ, открывая актъ, въ рѣчи своей указалъ на то, что сознаніе важности и потребность въ сельско-хозяйственныхъ знаніяхъ охватили всю Россію, и что уже теперь и крестьянское населеніе упорно стучится въ двери знаній, и остановился на роли въ этомъ дѣлѣ сельско-хозяйственнаго музея, который призванъ служить обществу не столько наказомъ, сколько показомъ. Директоръ музея камеръ-юнкеръ Батюшковъ сообщилъ краткій очеркъ музея, вспомнилъ его основателей и указалъ, какія новыя требованія, новые виды культуры выступаютъ на первый планъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Въ Россіи недостаетъ не земли, а знаній по сельскому хозяйству. Но съ каждымъ годомъ растетъ число посѣтителей музея: такъ, въ 1907 году уже было 244 чтенія и 13.000 человекъ, въ 1908 году—312 чтеній и 22.000 человекъ, а на 1909—10 годъ намѣчено 408 чтеній. Говорили рѣчи и привѣтствія: отъ ученаго комитета—проф. Глазенапа, отъ петербургскаго университета—профессоръ Кравковъ, отъ императорскаго техническаго общества—В. И. Ковалевскій, указавшій, что отъ постановки сельско-хозяйственнаго дѣла въ Россіи зависитъ спасеніе Россіи. Слѣдовали еще привѣтствія и адреса отъ императорскаго общества садоводства, отъ Стебутовскихъ курсовъ, совѣта общества сельско-хозяйственнаго образованія женщинъ (г-жа Долгова), отъ окончившихъ Стебутовскіе курсы—первыхъ женщинъ-агрономовъ, отъ учащихся на курсахъ, отъ женскаго благотворительнаго общества (г-жа Философова), отъ общества—изученія Сибири, отъ «Русскаго зерна», отъ общества птицеводства и особо отъ петербургскаго его отдѣла, отъ Сѣвернаго сельско-хозяйственнаго общества, отъ слушателей сельско-хозяйственныхъ лекцій, отъ петербургскихъ сельско-хозяйственныхъ курсовъ, отъ петербургской земской управы, отъ общества любителей природы, отъ всероссійскаго общества пчеловодства, астраханскаго общества сельскаго хозяйства и пр. Прочитанъ былъ директоромъ длинный рядъ телеграммъ и писемъ отъ разныхъ сельско-хозяйственныхъ учре-

жденій, обществъ, журналовъ и во главѣ ихъ письмо бывшего министра земледѣлія, члена государственнаго совѣта А. С. Ермолова. Присутствующіе были приглашены осматривать музей, причемъ обращено было ихъ вниманіе на новыя сельско-хозяйственныя орудія, американскія сѣялки и на карты Россіи съ видами на будущій урожай.

Полвѣка «Душеполезнаго Чтенія». Съ выходомъ декабрьской книжки наступаетъ пятидесятилѣтіе извѣстнаго духовнаго журнала—«Душеполезное Чтеніе». Это періодическое изданіе, начавшее выходить въ Москвѣ съ 1 января 1860 года, заключало въ своей первоначальной программѣ, одобренной митрополитомъ Филаретомъ, слѣдующія рубрики: 1) изъясненіе изреченій священнаго писанія, преимущественно такихъ, которыя часто слышатся при церковномъ богослуженіи; 2) изложеніе и изъясненіе догматовъ православной вѣры съ приложениями къ нравственной жизни; 3) ученіе о христіанской нравственности, объ общихъ и частныхъ христіанскихъ обязанностяхъ; 4) изъясненіе богослуженія и обрядовъ православной церкви; 5) назидательные рассказы изъ библейской и церковной исторіи и поучительныя черты изъ житій святыхъ; 6) особенные случаи христіанской жизни изъ достовѣрныхъ рассказовъ современниковъ. Кто внимательно слѣдилъ за «Душеполезнымъ Чтеніемъ» въ теченіе цѣлаго полувѣка, тотъ, конечно, хорошо знаетъ, что этотъ журналъ не только постепенно расширилъ свою первичную программу, но и значительно углубилъ ее, особенно со стороны «современныхъ запросовъ» по отношенію къ православной вѣрѣ и церкви. Безъ сомнѣнія, такое усовершенствованіе журнала вполнѣ зависѣло отъ главныхъ руководителей этимъ изданіемъ. Первыми редакторами «Душеполезнаго Чтенія» были три московскіе священника: А. О. Ключаревъ (позже—харьковскій архіепископъ Амвросій), В. П. Нечаевъ (потомъ—костромскій епископъ Виссаріонъ) и В. И. Лебедевъ. Послѣдній скоро умеръ († 1863 г.), а первый вышелъ изъ состава редакціи въ концѣ 1866 г., такъ что веденіе журнала выпало на долю энергичнаго и весьма способнаго второго редактора—В. П. Нечаева, въ теченіе почти тридцати лѣтъ (1860—1889 гг.), до его хиротоніи во епископскій санъ. Затѣмъ редакторами «Душеполезнаго Чтенія» состояли: протоіерей Д. Θ. Касицынъ (1889—1901 гг.) и извѣстный профессоръ московской духовной академіи А. И. Введенскій (съ 1902 г.); въ настоящее же время журналъ редактируется священникомъ М. П. Фивейскимъ.

30-лѣтіе «Историческаго Вѣстника». 1-го декабря литературная семья чествовала 30-лѣтнюю дѣятельность С. Н. Шубинскаго, какъ редактора «Историческаго Вѣстника» съ самаго его основанія, автора множества историческихъ произведеній. На квартирѣ юбиляра въ два часа дня собрались его сотрудники и почитатели. Сотрудники поднесли ему ларецъ изъ блага дуба, отдѣланный серебромъ, работы Треймана; внутри, на крышкѣ ларца, помѣщена фотографическая группа современныхъ сотрудниковъ «Историческаго Вѣстника», а въ самомъ ларцѣ 170 портретовъ бывшихъ и настоящихъ сотрудниковъ, въ томъ числѣ Бестужева-Рюмина, Брикнера, Есипова, Костомарова, Мордовцева, гр. Саліаса и др., а также многихъ современныхъ столичныхъ и провинціальныхъ писателей, работающихъ въ журналѣ. Гале-

рея собранныхъ портретовъ представляетъ собою несомнѣнную цѣнность, такъ какъ въ нее вошли изображенія многихъ такихъ дѣятелей журнала, которыхъ и самъ его редакторъ зналъ только заочно. Въ составъ галереи вошли также служащіе въ конторѣ журнала, типографіи и представители семьи издателя, А. С. Суворина, съ нимъ самимъ во главѣ, имѣющіе то или иное отношеніе къ журналу. При поднесеніи галереи постоянный сотрудникъ Н. А. Энгельгардтъ отъ имени литературной семьи «Историческаго Вѣстника» произнесъ прочувствованное слово. Супругъ С. Н., Екатеринѣ Николаевнѣ были поднесены цвѣты и конфеты. Изъ Парижа отъ его императорскаго высочества великаго князя Николая Михайловича присланъ С. Н. портретъ великаго князя съ его автографомъ и получена слѣдующая телеграмма:

«Въ день тридцатилѣтія вашихъ неустанныхъ трудовъ на родной намъ нивѣ русской исторической науки шлю вамъ свой сердечный привѣтъ и искреннія пожеланія полного благополучія на многіе годы. Очень жалѣю, что не могу поздравить васъ лично.

«Николай Михайловичъ».

Послѣ телеграммы великаго князя привѣтствовала юбиляра редакція «Новаго Времени», А. С. Суворинъ, М. А. Суворинъ, Б. А. Суворинъ, В. В. Розановъ, правленіе кассы сотрудниковъ «Новаго Времени», во главѣ которой много лѣтъ стоялъ С. Н., правленіе кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ, членомъ котораго состоитъ юбиляръ, отъ конторы журнала П. Я. Леонтьева и В. В. Дмитріева, отъ типографіи «Новаго Времени»—И. Ѳ. Богдановъ и А. М. Масляненко. Была депутація отъ старообрядцевъ, чловѣкъ 12 (поповцевъ и безпоповцевъ), отмѣтившихъ въ своемъ привѣтствіи любовь юбиляра ко всему русскому и безпристрастіе. Среди продолжавшагося до вечера приѣма побывали у юбиляра: П. Я. Дашковъ, княгиня Волконская, драматургъ П. М. Невѣжинъ, П. М. Майковъ, Л. К. Поповъ, М. М. Ивановъ, В. В. Гей, А. А. Плещеевъ, лейбъ-медикъ М. М. Шершевскій и многіе другіе; получена масса поздравительныхъ телеграммъ и писемъ, особенно изъ провинціи.

Вечеромъ состоялась тѣснымъ кружкомъ сотрудниковъ задушевная бесѣда за ужиномъ въ ресторанѣ «Малый Ярославецъ». Къ сожалѣнію, самъ юбиляръ, не выѣзжающій по болѣзни, не могъ присутствовать. Въ числѣ присутствовавшихъ были: І. І. Ясинскій, С. С. Окрейтицъ, А. Е. Кауфманъ, Б. Б. Глинскій, П. М. Майковъ, А. М. Бѣловъ, В. В. Жерве, В. Ф. Боцяновскій, В. Е. Рудаковъ, А. А. Плещеевъ, А. М. Ловягинъ, М. Ф. Чулицкій, М. В. Шевляковъ, профессоръ А. І. Маленинъ и мн. др. Прочитавъ привѣтственную телеграмму присутствующимъ отъ С. Н. Шубинскаго, г. Глинскій предложилъ тостъ за дальнѣйшее процвѣтаніе «Историческаго Вѣстника» и его редактора, встрѣченный единодушными аплодисментами и криками «ура!» По единогласному желанію всѣхъ собравшихся отъ ихъ имени послана С. Н. Шубинскому отвѣтная телеграмма съ сожалѣніемъ о его отсутствіи и пожеланіями скорѣйшаго выздоровленія; другая телеграмма отправлена А. С. Суворину, тоже не могшему присутствовать на ужиноѣ. Н. А. Энгельгардтъ въ обширной рѣчи охарактеризовалъ значеніе и исторію развитія «Историческаго Вѣстника». Б. Б. Глинскій въ своемъ словѣ отмѣ-

тиль заслуги многихъ, теперь уже покойныхъ сотрудниковъ журнала и предложилъ почтить ихъ память вставаніемъ, затѣмъ помянулъ добрымъ словомъ дѣятельность отсутствующихъ сотрудниковъ В. А. Тимирязева и П. Я. Дашкова, изъ богатѣйшей коллекціи котораго «Историческій Вѣстникъ» нерѣдко иллюстрировался. Обоимъ имъ отъ имени собравшихся посланы привѣтственные телеграммы, какъ равно и старѣйшему сотруднику проф. В. И. Герье. Было произнесено еще много душевныхъ рѣчей, въ которыхъ наглядно обрисовалась любовь собравшихся къ журналу и его руководителю.

90-лѣтній юбилей проф. Д. А. Хвольсона. 21 ноября извѣстный ориенталистъ и семитологъ, заслуженный ординарный профессоръ петербургскаго университета Даниль Авраамовичъ Хвольсонъ праздновалъ девяностолѣтіе со дня рожденія. Д. А. родился въ 1819 году въ семьѣ бѣднаго еврея. Какъ всѣ еврейскія дѣти того времени, Д. А. сначала учился въ такъ называемомъ хейдерѣ, а затѣмъ въ «ешиботѣ» (нѣчто въ родѣ духовной семинаріи), гдѣ изучалъ библію, талмудъ и средневѣковыя толкованія къ талмуду, обнимающія цѣлый рядъ томовъ. Позже Д. А. самоучкой выучился русскому, французскому и нѣмецкому языкамъ. Высшее образованіе Д. А. получилъ въ бреславльскомъ университетѣ. За свои ученые труды въ области ориенталистики, сразу упрочившіе Д. А. положеніе въ ученое мѣрѣ, маститый ученый получилъ отъ лейпцигскаго университета ученую степень доктора философіи. Въ царствованіе императора Николая I при с.-петербургскомъ университетѣ былъ учрежденъ восточный факультетъ. Д. А. занялъ съ 1855 года, т.-е. со дня основанія факультета, кафедрѣ еврейской, сирійской и халдейской словесности. Нѣсколько лѣтъ спустя, Д. А., параллельно съ этимъ, читаетъ лекціи въ с.-петербургской православной и римско-католической духовныхъ академіяхъ по еврейскому языку и библейской археологіи. Здѣсь Д. А. прекратилъ чтеніе лекцій въ 1883 году. Перу Д. А. принадлежитъ цѣлый рядъ трудовъ, написанныхъ на специальныя и общія темы. Д. А. далъ первый переводъ «Маккавеевъ», онъ далъ опытъ экзегетики Новаго Завѣта (последнія пасхальная вечера Иисуса Христа и день Его смерти). Своими сочиненіями, выдержавшими нѣсколько изданій: «О средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ», «Употребляютъ ли евреи христіанскую кровь», «О мнимой замкнутости евреевъ», Д. А. старался разсѣять убѣжденіе въ употребленіи еврейскимъ народомъ христіанской крови. Наконецъ Д. А. извѣстенъ какъ переводчикъ двухъ третей Ветхаго Завѣта съ еврейскаго на русскій языкъ. Д. А., несмотря на весьма преклонный возрастъ, не утратилъ своей трудоспособности. Опъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, читаетъ еще лекціи студентамъ и экзаменуетъ, но только у себя на дому. Въ день своего праздника престарѣлый ученый получилъ много привѣтственныхъ телеграммъ и писемъ. Факультетъ восточныхъ языковъ петербургскаго университета привѣтствовалъ юбиляра слѣдующей телеграммой: «Высоко цѣня славную учебную дѣятельность своего старѣйшаго сочлена и гордясь, что съ самаго основанія имѣетъ въ своемъ составѣ одного изъ знаменитѣйшихъ ориенталистовъ нашего времени, факультетъ шлетъ вамъ привѣтствіе и наилучшія пожеланія по случаю достиженія вами сегодня столь рѣдкаго въ ученой жизни 90-лѣтняго возраста». Привѣтствія

между прочимъ прислали ректоръ петербургскаго университета И. Боргманъ, академики Радловъ, Залеманъ и П. Коковцовъ, профессоръ А. А. Цагарели, профессоръ Линиченко; изъ Одессы Н. Переферковичъ, раввинъ Перлесъ изъ Кенигсберга и др. Въ привѣтственной телеграммѣ комитета одесскаго отдѣленія общества распространія просвѣщенія между евреями въ Россіи между прочимъ говорится: «Русское еврейство никогда не забудетъ вашихъ трудовъ по вопросамъ, сыгравшимъ жестокую роль въ исторической его жизни. Комитетъ шлетъ глубокое спасибо маститому ученому за душевное заступничество, слѣды котораго врѣзались въ сердца всего русскаго еврейства». Ученикъ Д. А. Хвольсона г. Израэльсонъ изъ Кіева прислалъ своему учителю телеграмму слѣдующаго содержанія: «Привѣтъ Нестору еврейской науки, поборнику правды и справедливости, защитнику униженныхъ и оскорбленныхъ». Лично поздравляли юбиляра профессоръ Сперанскій, инспекторъ петербургской духовной академіи И. Г. Троицкій, членъ государственнаго совѣта профессоръ А. В. Васильевъ, профессоръ горнаго института Г. А. Тиме и др.

Юбилей проф. В. О. Ключевского. 5-го декабря исполнилось 30 лѣтъ профессорской дѣятельности Василія Осиповича Ключевского: въ этотъ день тридцать лѣтъ тому назадъ В. О., избранный доцентомъ историко-филологическаго факультета, прочелъ впервые въ московскомъ университетѣ вступительную лекцію, на которую собрался весь немногочисленный въ то время составъ факультета. Лекція его была посвящена общей характеристикѣ времени ближайшихъ преемниковъ Петра Великаго; предметъ лекціи не былъ выбранъ имъ по своему желанію: В. О. продолжалъ тотъ курсъ, который раньше былъ читанъ С. М. Соловьевымъ и оборвался на эпохѣ Петра Великаго со смертью знаменитаго историка. Первая же лекція, несмотря на свой будничныи характеръ, показала, какого превосходнаго ученаго и талантливаго лектора приобрѣлъ московскій университетъ въ лицѣ новаго доцента русской исторіи. Слушатели были очарованы живымъ проникновеннымъ словомъ лектора, глубиной его пониманія, широтой размаха и красочнымъ изображеніемъ событій прошлаго. Скоро во всемъ университетѣ заговорили о новомъ русскомъ историкѣ, аудиторія В. О. начинаетъ расти: не только филологи, но и юристы и даже медики наполняютъ аудиторію В. О. Ключевского, жаждутъ прослушать весь его курсъ, не пропуская ни одной лекціи. Съ годами популярности В. О. растутъ, ни одна аудиторія не вмѣщаетъ въ себя всѣхъ желающихъ послушать любимаго и уважаемаго профессора. Въ часы, когда послѣдніе годы читалъ В. О. Ключевскій, во всемъ зданіи аудиторіи пустѣли и всѣ студенты собирались только въ его аудиторію. Такъ продолжалось до самаго послѣдняго времени, до весны 1909 года, когда В. О., къ великому огорченію всего университета, по нездоровью, надо надѣяться, временно прекратилъ чтеніе своего курса. Что же было обаятельнаго въ Ключевскомъ, какъ историкѣ и лекторѣ, что такъ притягивало слушателей къ его аудиторіи? Нужно сказать, что въ В. О. талантъ лектора счастливо соединился съ глубокой ученостью, широтой научнаго пониманія. И до Ключевского у насъ были превосходные историки: какъ не вспомнить съ чувствомъ глубокаго уваженія такого незабвеннаго труженика и серьезнѣйшаго знатока нашей исторіи, какимъ былъ С. М. Соловьевъ, въ свое время это

былъ колоссъ, какимъ онъ еще надолго останется. Но всякое время имѣетъ своихъ героевъ и своихъ любимцевъ. Съ 60-хъ годовъ среди общества и среди представителей науки развивается иное направление, возникаютъ совсѣмъ другіе интересы. Раньше на первомъ планѣ были идеи государственнаго строительства, юридическія нормы и процессъ, опредѣлявшій развитіе русскаго государства, какъ результата организующей силы правительства. Русская наука, заимствуя съ Запада модныя теоріи и схемы, пыталась приложить ихъ и къ русской исторіи. У насъ укрѣпилась юридическая школа, блестящими представителями которой были: С. Соловьевъ, Кавелинъ, Чичеринъ и нынѣ здравствующій В. И. Сергѣевичъ. Одни изъ нихъ выдвинули цѣлыя громады историческихъ матеріаловъ, связавъ ихъ (часто искусственно) единой теоріей, единымъ научнымъ взглядомъ, другіе создали стройныя, логически-безукоризненные схемы и приложили ихъ къ уже извѣстному матеріалу. Въ этомъ есть своя красота, своеобразная привлекательность. Но 60-е годы принесли съ собой, какъ было сказано, иное настроеніе, иные запросы. На государство взглянули не сверху, а снизу, отмѣчая самодѣятельность общества, дѣйствія причинъ, находящихся внѣ строго юридическихъ конструкцій; вопросы социальныя, вопросы экономическіе стали волновать умы и чувства новыхъ поколѣній. Эти основные запросы общественной мысли необыкновенно живо восприняты были В. О. Ключевскимъ, въ своихъ историческихъ трудахъ онъ давалъ въ изумительно яркой и привлекательной формѣ отвѣты на требованія и запросы общества, въ лекціяхъ же онъ являлся глашатаемъ и вдохновеннымъ истолкователемъ своихъ идей. На основаніи глубокаго изученія памятниковъ не только печатныхъ, но и архивныхъ, заимствованныхъ изъ нашихъ богатѣйшихъ московскихъ архивовъ, В. О. нарисовалъ картину роста русскаго государства, въ которой вышло было показано взаимоотношеніе социально-экономическаго строя и политическаго, гдѣ ростъ государства обусловленъ внутреннимъ процессомъ созиданія, дѣятельностью общества. Его пониманіе исторической жизни, извѣстное еще изъ «Боярской думы», нашло себѣ мѣсто въ «Курсѣ лекцій», который еще 25 лѣтъ тому назадъ издавался литографскимъ путемъ для слушателей В. О.; но былъ извѣстенъ широкому кругу читателей и пользовался всюду заслуженной популярностью; на этомъ курсѣ, теперь частью напечатанномъ (въ 3-хъ томахъ), воспитались десятки тысячъ. Своими трудами В. О. Ключевскій далъ начало новой исторической школѣ, самъ оставаясь ея главою и наиболѣе талантливымъ представителемъ. Достаточно назвать въ числѣ учениковъ и почитателей В. О.—М. Богословскаго, А. Кизеветтера, А. Лаппо-Данилевскаго, М. Дьяконова, С. Платонова, чтобы сказать, что цвѣтъ современныхъ историковъ идетъ по тому пути, какой впервые былъ указанъ Ключевскимъ. Отсюда понятно, что В. О., какъ первоклассный ученый и неподражаемый лекторъ, имѣлъ всегда неограниченное вліяніе на свою аудиторию. Онъ, какъ артистъ-художникъ, на глазахъ тысячной толпы, вынося на свѣтъ Божій результаты своихъ кабинетныхъ изысканій, создавалъ образы, глубоко продуманные и тонко обрисованные. При необычайномъ мастерствѣ слова, высоко-художественномъ стилѣ и при собственномъ внутреннемъ переживаніи, лекціи В. О. доставляли слушателямъ истинное наслажденіе. Понятно также, что юбилей В. О. Ключевскаго былъ

праздникомъ для московскаго университета, для учащейся молодежи и для всѣхъ, кому дорога русская исторія. Къ сожалѣнію, В. О., по нездоровью, не могъ откликнуться на желанія своихъ друзей, почитателей и учениковъ отпраздновать этотъ день торжественно; онъ уѣхалъ въ день юбилея въ Троице-Сергіеву лавру, а привѣтствія посылались ему письменно. Высокочитимому юбиляру было прислано множество привѣтственныхъ телеграммъ отъ академіи наукъ, отъ московскаго университета, отъ другихъ учебныхъ заведеній и учреждений, отъ студенчества и многихъ частныхъ лицъ. В. О. былъ преподнесенъ сборникъ статей (въ 2-хъ частяхъ), составленный въ честь его—учениками и почитателями.

Юбилей Н. А. Скроботова. 1-го декабря редакторъ газеты «Петербургскій Листокъ» Николай Александровичъ Скроботовъ справлялъ 40-лѣтній юбилей своей газетной дѣятельности и 25-лѣтній своего редакторства въ газетѣ. Н. А. Скроботовъ происходитъ изъ духовной среды. Его отецъ былъ протоіереемъ въ Нарвѣ. Н. А. родился въ 1841 году, образованіе получилъ въ петербургской духовной семинаріи и въ петербургскомъ университетѣ. Его литературная дѣятельность началась въ 1866 году въ «Русскомъ Инвалидѣ», выходящемъ подъ редакціей С. П. Зыкова. Затѣмъ Н. А. Скроботовъ работалъ въ слѣдующихъ изданіяхъ: «Народный Голосъ», «Виржевыя Вѣдомости», «Петербургскія Вѣдомости», «Петербургская Газета», «Москва» (Н. С. Аксакова), «Петербургскій Листокъ», «Всемирная Иллюстрація», «Голосъ», «Гражданинъ», «Молва» (изданіе А. Жемчужникова), «Яхта», «Суфлеръ», «Сынъ Отечества», «Вечерняя Газета», «Русскій Міръ», «Биржа» и др. Въ 1872 г. князь В. В. Оболенскій сталъ издавать «Гдовско-Ямбургскій Листокъ», органъ земской и сельской жизни. Н. А. былъ приглашенъ неофициальнымъ редакторомъ этого изданія, а когда въ слѣдующемъ 1873 г. «Гдовско-Ямбургскій Листокъ» былъ переименованъ въ «Еженедѣльникъ», то Н. А. былъ утвержденъ его официальнымъ редакторомъ. О дѣятельности Н. А. Скроботова, какъ редактора «Гдовско-Ямбургскаго Листка», имѣется нѣсколько строкъ въ «Русскомъ Календарѣ» А. Суворина 1873 г., гдѣ на страницѣ 194, говоря о народномъ образованіи, редакция календаря отмѣчаетъ, какимъ образомъ изъ небольшой газетки, безъ всякой политики, можно сдѣлать изданіе интереснымъ, если оно держится въ извѣстныхъ, строго опредѣленныхъ границахъ. Журнальная дѣятельность Н. А., главнымъ образомъ, протекла въ «Петербургскомъ Листкѣ», гдѣ онъ началъ сотрудничать съ 1869 г. Въ 1874 г. Н. А. занялъ мѣсто секретаря редакціи, а въ 1884 г. онъ былъ утвержденъ въ званіи редактора газеты, и здѣсь-то и началась отвѣтственная и самостоятельная работа. Н. А. скоро придалъ газетѣ характеръ повременнаго ежедневнаго изданія, живо и внимательно отзывающагося на всѣ «злобы дня» Петербурга. Чуждый всякихъ тенденцій, «Листокъ» въ рукахъ Н. А. стремился быть мѣстной газетой, и это удалось ему въ полной мѣрѣ. Въ печати находится нѣсколько отдѣльныхъ сочиненій Н. А., изъ которыхъ можно упомянуть о книгѣ «Приходскій священникъ А. В. Гумилевскій», вышедшей приложеніемъ въ 1872 г. къ «Листку». Тогдашняя критика встрѣтила книгу Н. А. Скроботова съ большимъ одобреніемъ, признавъ, что она написана горячо, увлекательно, и что чтеніе ея назидательно для каждаго, а для

нашего духовенства—просто обязательно («Русская Старина»). Въ 1896 г. Н. А. составилъ и издалъ «Памятную книжку окончившимъ курсъ въ спб. духовной семинаріи съ 1811 по 1905 г.», съ массой библиографическихъ и біографическихъ свѣдѣній. Книга эта послужила богатымъ матеріаломъ для многихъ капитальныхъ сочиненій. Н. А. считается однимъ изъ нашихъ наиболѣе компетентныхъ расколовѣдцовъ.

Юбилей Е. А. Нарышкиной. 13 декабря исполнилось 25 лѣтъ со дня назначенія высочайшею волею императора Александра III Елизаветы Алексѣевны Нарышкиной на постъ предсѣдательницы петербургскаго дамскаго тюремнаго комитета. Четверть вѣка неустанной работы надъ облегченіемъ участи осужденныхъ женщинъ, четверть вѣка постоянныхъ заботъ объ улучшеніи ихъ положенія и нравственномъ исправленіи, четверть вѣка чисто материнскихъ хлопотъ о младенцахъ и брошенныхъ малолѣтнихъ дѣтяхъ этихъ «несчастливыхъ» матерей,—при ничтожныхъ комитетскихъ средствахъ и вытекающей отсюда необходимости изыскивать все новые и новые источники,—заслуживаютъ не только полнаго вниманія со стороны общества, но и глубокаго уваженія. Принимая на себя тяжелое бремя, Е. А. сразу поставила комитетъ на правильную и болѣе широкую дорогу въ его дѣятельности, вопреки новымъ правиламъ 30 мая 1884 года. Въ своей запискѣ 1885 г. она заявила о необходимости расширенія района филантропической дѣятельности комитета противъ указанныхъ правилъ, признала однимъ изъ лучшихъ средствъ къ исправленію арестантокъ устройство для нихъ школъ, чтеній и собесѣдованій, требовала заботъ объ улучшеніи ихъ обстановки въ тюрьмахъ, ходатайствъ предъ судомъ, временнаго обезпеченія по выходѣ изъ мѣстъ заключенія, возможнаго устраненія «этапнаго порядка» и, наконецъ, заботъ и ухода за брошенными дѣтьми несчастныхъ матерей. Этой программы твердо держалась Е. А. во все время своего предсѣдательства, постепенно добиваясь осуществленія своихъ desiderata, и, дѣйствительно, достигла весьма важныхъ результатовъ. Принимая комитетъ, новая предсѣдательница, вмѣсто оборотнаго капитала, получила 40,000 рублей долга и довольно слабо организованную дѣятельность комитета. Нужно было, прежде всего, расширить пріютъ для дочерей арестантокъ и возсоздать убѣжище для освобождаемыхъ. Въ 1888 г. во вновь надстроенномъ этажѣ убѣжища освящена была церковь во имя Собора Пресвятыя Богородицы. Въ самомъ убѣжищѣ находять пріютъ уже до 150 женщинъ. Пріютъ для арестантскихъ дѣтей-дѣвочекъ, основанный еще въ 1842 году, вмѣсто 40 дѣвочекъ въ 1884 году сталъ призрѣвать 70, 80 и даже 100. До 1894 года преступницами, находившимся въ спб. тюрьмѣ, дозволялось имѣть при себѣ грудныхъ дѣтей съ тѣмъ, чтобы ночью эти младенцы помѣщались съ матерями въ общей камерѣ. Такую уродливую арестантской жизни Е. А. устранила устройствомъ яслей при тюрьмѣ, въ которыхъ отъ основанія и по настоящее время призрѣвалось свыше 500 младенцевъ. Въ 1895 г. она приступила къ устройству исправительно-воспитательнаго пріюта для несовершеннолѣтнихъ, имѣя въ рукахъ всего 3,000 р., и пріютъ этотъ процвѣтаетъ, имѣя собственный домъ и 15,000 запаснаго капитала, содержа въ среднемъ около 25—30 воспитанницъ. Устроивъ школу въ женской половинѣ исправительнаго отдѣленія, Е. А. Нарышкана завершила созданіе задуман-

ныхъ ею вспомогательныхъ учрежденій комитета—основаніемъ въ 1901 году единственнаго въ Россіи центрального женскаго полицейскаго отдѣленія, въ которомъ пребываетъ ежегодно болѣе 6,000 женщинъ, ранѣе помѣщавшихся въ общихъ съ мужчинами отдѣленіяхъ, подъ надзоромъ мужской прислуги. Сказаннаго было бы вполне достаточно, чтобы привѣтствовать тюремно-филантропическую дѣятельность Е. А. Нарышкиной въ самыхъ широкихъ кругахъ общества; но эта дѣятельность, эта результаты получать еще больше значенія и заслуживаютъ еще больше уваженія, если добавить, что рядомъ съ заботами объ обездоленныхъ и несчастныхъ шли тяжелыя заботы и труды по изысканію денежныхъ средствъ, жертвователей и достойныхъ сотрудниковъ, помощниковъ. Остается только порадоваться, что петербургскому дамскому благотворительному тюремному комитету посчастливилось быть и поработать подъ руководствомъ столь дѣятельной, энергичной, любящей и понимающей принятое на себя дѣло предсѣдательницы, и пожелать, чтобы и дальнѣйшая дѣятельность Е. А. Нарышкиной и дамскаго комитета была столь же плодотворна и высокопочтенна на многіе годы.

Юбилей А. Г. Шиле. 20-го октября Аделаида Гавриловна Шиле отпраздновала въ скромной домашней обстановкѣ 45-лѣтній юбилей своѣй литературной дѣятельности. Всецѣло принадлежа къ поколѣнію 60-хъ годовъ, будучи въ дружбѣ съ Ѳ. М. Достоевскимъ, Н. И. Костомаровымъ, художникомъ Степановымъ, гр. Сологубомъ, Минаевымъ и другими тогдашними дѣятелями литературы, А. Г. осталась вѣрна ихъ завѣтамъ, на много лѣтъ переживъ ихъ славу. Юбилярша сотрудничала въ журналистикѣ, писала стихи, печатавшіеся въ «Дѣлѣ», подъ буквами «А. Ш.», переводила научныя книги, принимала близкое участіе въ газетѣ Артоболевскаго «Гласный Судъ», постоянно работала, въ продолженіе 16-ти лѣтъ, въ народномъ изданіи «Досугъ и Дѣло», въ которомъ помѣщала популярно-научныя статьи и народные рассказы, читала рефераты въ аудиторіи Соляного Городка... Поздравить юбиляршу собрались близкіе друзья и знакомые: гг. Ясинскій, Измайловъ, Урванцовъ, Лукьяновъ; г-жи: Лукашевичъ, Оболенская, Гриневская, Баранцевичъ и др. Получены привѣтственные письма и телеграммы. Маститый издатель «Досуга и Дѣла» С. П. Зыковъ прислалъ юбиляршѣ весьма лестное привѣтствіе съ щедрымъ приложеніемъ вещественныхъ знаковъ (60 руб.) невещественныхъ отношеній издателя къ бывшей сотрудницѣ.

Освященіе памятника Гл. И. Успенскому. 14-го ноября, въ 2 часа дня, на Волковомъ кладбищѣ состоялось освященіе памятника Глѣбу Ивановичу Успенскому. Памятникъ исполненъ по проекту скульптора Шервуда, фигура сдѣлана изъ бронзы, а пьедесталь—изъ свѣтлага песчаника. Къ передней части прикрѣпленъ небольшой бронзовый портретъ-барельефъ жены Глѣба Ивановича, Александры Васильевны Успенской, похороненной рядомъ съ незабвеннымъ писателемъ. Памятникъ окруженъ металлической рѣшеткой. Устройствомъ памятника первоначально завѣдывалъ сынъ покойнаго писателя, А. Г. Успенскій, умершій 25-го марта 1907 года. Послѣ его смерти завѣдываніе перешло къ С. С. Кричинскому, мужу дочери Г. И. Успенскаго. Памятникъ сооруженъ, главнымъ образомъ, на средства наслѣдниковъ покойнаго писателя,

На Волковомъ кладбищѣ, на Литературныхъ мосткахъ, собралось человѣкъ 400. Тутъ и представители разныхъ литературныхъ учреждений и учащая молодежь обоего пола. Собрались друзья и почитатели Глѣба Ивановича Успенскаго. На могилѣ незабвеннаго писателя происходитъ освященіе памятника. Литературный фондъ представленъ Н. И. Карѣвымъ и В. Я. Богучарскимъ, литературное общество представлено В. П. Кранихфельдомъ, Д. М. Герценштейномъ и С. П. Елисеѣвымъ. Присутствуютъ также члены редакціи «Русскаго Богатства» В. Г. Короленко, А. В. Пѣшеховъ, С. Я. Елпатьевскій и др. Кромѣ вѣнковъ отъ семьи покойнаго писателя, на могилу возложены вѣнки отъ редакцій журналовъ «Русское Богатство» и «Современный Міръ», отъ петербургскаго литературнаго общества, слушателей и преподавателей педагогической академіи, Стебутовскихъ сельско-хозяйственныхъ курсовъ и др. Въ 2 часа дня на могилѣ Г. И. Успенскаго была отслужена панихида по немъ и его женѣ Александрѣ Васильевнѣ. Первую рѣчь, посвященную памяти писателя, произнесъ одинъ изъ слушателей педагогической академіи. Послѣ рѣчи этого оратора передъ памятникомъ появляется В. Г. Короленко, начавшій свою рѣчь воспоминаніемъ о томъ, какъ въ концѣ 80-хъ годовъ праздновался 25-лѣтній юбилей литературной дѣятельности Успенскаго. Изъ многихъ адресовъ особое вниманіе привлекъ адресъ рабочихъ. Они глубоко благодарили Успенскаго за то, что онъ сдѣлалъ, но прибавили, что ждуть отъ него большаго. «Ты до сихъ поръ, — сказано было въ адресѣ; — говорилъ господамъ о мужикѣ, — теперь скажи народу о господахъ». В. Г. считаетъ, что это невѣрно: Г. И. Успенскій писалъ не о мужикѣ или господахъ, а о человѣкѣ, о самомъ важномъ въ человѣкѣ — о его совѣсти. Онъ говорилъ человѣку о несовершенствахъ человѣческой жизни. Онъ имѣлъ въ виду не классовое, а вѣчно человѣческое. «Мы видимъ здѣсь Г. И. Успенскаго, — продолжалъ В. Г. Короленко, — съ задумчивымъ взоромъ, съ болѣющей душой, олицетворяющимъ человѣческую совѣсть. Никогда не умретъ память о немъ въ душахъ ищущихъ. То, что онъ искалъ, вѣчно и всеобще. Не заглохнетъ тропа къ этому свѣтлому образу. Одинъ студентъ въ своей рѣчи отмѣтилъ, что на Волковомъ кладбищѣ, на Литературныхъ мосткахъ, гдѣ рядомъ съ могилой Успенскаго находятся могилы Бѣлинскаго и Добролюбова, Писарева и Михайловскаго, Гаршина и Надсона, чувствуется особый подъемъ. Звуки похвалы, однако, тутъ неумѣстны. Лавровые вѣнки Успенскому не нужны. Исторія возложила ему вѣнокъ изъ терніевъ. Русская интеллигенція никогда не забудетъ свѣтлаго образа Успенскаго. Послѣднимъ говорилъ А. В. Пѣшеховъ. «Граждане! Вѣчную память мы пролѣли, но, тѣмъ не менѣе, намъ не хочется уйти отсюда. Мы чувствуемъ глубокое сожалѣніе, что Успенскаго теперь нѣтъ въ живыхъ. Глѣбъ Ивановичъ началъ писать въ 60-хъ годахъ, послѣ паденія крѣпостнаго права. Прошла волна и смысла все крѣпостническое. Появились новыя идеи — идеи о человѣкѣ, о человѣческой личности. Появилась честь, появилась совѣсть. Думали, что наступилъ конецъ всему. Но старое не исчезло. Старое опять поднялось. Волна прокатилась, она разбилась, но, тѣмъ не менѣе, началась новая жизнь. Исторія развитія человѣческой личности написана на страницахъ сочиненій Успенскаго. Онъ видѣлъ ростъ человѣческой личности, но также видѣлъ, какъ ее давили. Успенскій не перенесъ тяжелыхъ 80-хъ годовъ, и онъ погибъ. Мы

переживаемъ теперь такое же время, которое пережилъ Успенскій. Старое опять поднялось и придавило насъ. Волна опять разбилась, но въ глубинахъ человѣческой души, въ низахъ выросли новыя идеи. Появился человѣкъ, появился гражданинъ. Наступитъ вновь моментъ, когда старое будетъ смыто и уничтожено. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ бытописателя, который слѣдилъ бы, подобно Успенскому, за переживаемымъ нами процессомъ». По окончаніи рѣчей, всѣ присутствовавшіе проѣли «Вѣчную память» писателю. Кромѣ лавровыхъ вѣнковъ, на могилу покойнаго возложено учащейся молодежью много букетовъ изъ живыхъ цвѣтовъ.

Открытіе памятника М. М. Антокольскому. 22 ноября состоялось открытіе надгробнаго памятника М. М. Антокольскому на Преображенскомъ кладбищѣ. На открытіи присутствовали представители петербургской еврейской общины, еврейскихъ просвѣтительныхъ, литературныхъ и благотворительныхъ обществъ. Изъ Вильны на торжество пріѣхала спеціальная депутація, которая возложила на могилу покойнаго вѣнокъ отъ виленскаго художественно-промышленнаго общества имени М. М. Антокольскаго съ надписью: «Великому творцу и славному сородичу, незабвенному М. М. Антокольскому». Вѣнки, кромѣ того, возложены отъ еврейской общины, отъ родственниковъ и др. Среди многочисленной публики, явившейся на Преображенское кладбище, были, между прочимъ, И. Е. Рѣпинъ, Д. В. Стасовъ, Ѳ. Г. Бернштамъ, баронъ Д. Г. Гинцбургъ, Я. М. Гальпернъ, скульпторъ И. Я. Гинцбургъ, по проекту котораго воздвигнуть памятникъ, Л. А. Севъ, І. І. Ясинскій-Вѣлинскій, А. Е. Кауфманъ и др. Первое слово произнесъ представитель еврейской общины баронъ Д. Г. Гинцбургъ. «Антокольскій,—сказалъ ораторъ,—покрылъ еврейство неувядаемой славой. Въ своихъ произведеніяхъ покойный изображалъ съ одинаковой любовью какъ жизнь угнетенныхъ братьевъ, такъ и жизнь представителей другихъ народовъ. Идеаломъ Антокольскаго было единеніе и братство всѣхъ племенъ и народовъ. Осуществляя этотъ идеалъ, мы отдаемъ дань почтенія гению, прахъ котораго хранится подъ этими камнями». Представитель виленскаго художественно-промышленнаго общества Гр. Я. Парнесъ въ своей рѣчи отмѣтилъ, что Антокольскій былъ неизмѣннымъ поборникомъ и защитникомъ близкихъ ему единовѣрцевъ. Съ большимъ вниманіемъ публика выслушала интересную рѣчь И. Е. Рѣпина, говорившаго объ Антокольскомъ, какъ о другѣ и товарищѣ юности. И. Е. Рѣпинъ вспомнилъ о произведеніи Антокольскаго «Инквизиція». По словамъ оратора, сохранившійся эскизъ не передаетъ того впечатлѣнія, которое произвела на зрителей діорама того же содержанія въ мастерской М. М. въ 60-хъ годахъ. Представитель еврейскаго литературнаго общества М. Д. Рывкинъ указалъ, что изъ камня Антокольскій источилъ еврейскую душу, которая запечатлѣна во всѣхъ его произведеніяхъ. «Подъ этимъ камнемъ,—сказалъ г. Рывкинъ,—зарыта еврейская гордость. Привѣтъ величайшему знатоку еврейской души». Затѣмъ говорили: Л. А. Севъ, М. Е. Линецкій и А. Е. Кауфманъ. По окончаніи рѣчей, канторъ съ хоромъ отслужили панихиду по М. М. Антокольскому. Надгробный памятникъ представляетъ собою высокую гранитную плиту, украшенную орнаментами въ еврейскомъ стилѣ. По сторонамъ высѣчены названія главныхъ произ-

веденій Антокольскаго. Къ нижней части средней плиты прикрѣпленъ горельефъ-портретъ, изображающій скульптора на смертномъ одрѣ. Памятникъ исполненъ архитекторомъ Я. Г. Гевирцемъ по проекту скульптора И. Я. Гинцбурга. Фундаментъ памятника построенъ на средства петербургской еврейской общины подъ наблюдениемъ архитектора Гиршовича.

Общее собраніе кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. Состоявшееся продолженіе годового собранія кассы не привлекло, какъ того можно было ожидать, большого числа членовъ кассы. Присутствовали всего 35 человекъ. По открытіи засѣданія председательствующимъ Д. Н. Бородинымъ прежде всего былъ исчерпанъ инцидентъ съ основателемъ кассы Г. К. Градовскимъ. Послѣдній подалъ въ свое время мотивированное заявленіе правленію, въ которомъ онъ заявилъ, что слагаетъ съ себя званіе председателя разныхъ комиссій, куда онъ былъ избираемъ общимъ собраніемъ, а также вынужденъ временно отказаться отъ присутствія на собраніяхъ кассы. Это заявленіе было доложено председателемъ правленія лишь въ его резолютивной части, безъ оглашенія мотивовъ такого необычнаго заявленія. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ на сегодняшнемъ собраніи настаивали на прочтеніи заявленія г. Градовскаго полностью, но председатель правленія В. Д. Кузьминъ-Караваевъ не счелъ нужнымъ этого сдѣлать, ибо, по его словамъ, такое заявленіе было прислано не общему собранію, а только правленію, почему если г. Градовскому угодно, чтобы мотивы были оглашены, то ему надлежитъ войти о томъ съ особымъ ходатайствомъ въ правленіе. Этимъ инцидентъ былъ исчерпанъ. Затѣмъ приступлено было къ обсужденію отчета правленія за 1908 г. и разсмотрѣнію замѣчаній на него ревизіонной комиссіи, встрѣтившихъ горячую поддержку со стороны председателя правленія и всей, такъ называемой, «оппозиціи» съ гг. Ливевымъ, Апушкинымъ и Кремлевымъ во главѣ. Послѣ рѣчей Ѳ. С. Груздева, Я. Н. Колубовскаго, В. Д. Кузьмина-Караваева и др. въ результатѣ постановлено: 1) отчетъ правленія кассы за 1908 годъ утвердить; 2) признать необходимость пересмотра правилъ для освобожденія членовъ кассы отъ обязательныхъ платежей, утвержденныхъ общимъ собраніемъ 24-го апрѣля 1905 г., и поручить правленію представить объ этомъ докладъ ближайшему общему собранію; 3) въ соответствии съ симъ признать необходимость пересмотра постановленія общаго собранія о назначеніи процентовъ съ капитала Н. А. Фирсова, состоявшагося того же 24-го апрѣля 1905 года, и поручить правленію представить объ этомъ докладъ ближайшему общему собранію; 4) предложить правленію: а) выяснять сумму числящихся за членами кассы недоимокъ не къ концу отчетнаго года, а по крайней мѣрѣ два раза въ годъ, въ цѣляхъ болѣе своевременнаго принятія правленіемъ мѣръ побужденія недоимщиковъ къ исполненію своихъ обязательствъ; б) измѣнить порядокъ счетоводства соответственно разросшимся операціямъ кассы и, между прочимъ, завести особую книгу личныхъ счетовъ, дающую возможность въ любой моментъ устанавливать степень соблюденія каждымъ членомъ кассы своихъ обязательствъ; в) упорядочить все дѣлопроизводство кассы, соответственно замѣчаніямъ комиссіи; г) въ точности соблюдать требованіе п. 6 § 28-го устава о перечисленіи въ запасный капиталъ вступившихъ взносомъ членовъ кассы по выбитіи или смерти ихъ; д) оглашать въ «Вѣстникѣ

Кассы» для свѣдѣнія какъ петербургскихъ, такъ и иногородныхъ членовъ кассы списки пенсіонеровъ и лицъ, освобожденныхъ отъ обязательныхъ платежей, съ указаніемъ разрядовъ ихъ, и въ извѣщеніяхъ о смерти членовъ кассы указывать, состоялъ ли выбывшій членъ пенсіонеромъ или въ спискъ освобожденныхъ отъ обязательныхъ платежей; и е) пригласить для веденія счетоводства и дѣлопроизводства, подъ отвѣтственностью секретаря, особое достаточно опытное лицо, на вознагражденіе котораго ассигновать въ распоряженіе правленія сумму до 600 руб.; 5) всему составу правленія отчетнаго года, а также и бывшему секретарю М. В. Барро выразить благодарность за ихъ большой трудъ по веденію ими всего сложнаго дѣла кассы. Въ концѣ засѣданія состоялись выборы членовъ правленія и новыхъ членовъ кассы. Въ правленіе оказались на мѣсто выбывающихъ по очереди избранными: О. Л. Шапиръ (переизбрана), С. Ф. Годлевскій и Э. К. Пекарскій. Въ члены кассы: Л. Н. Шопникъ, П. П. Немвродовъ, В. А. Мукосѣевъ, В. Б. Рахмановъ, М. П. Гальперинъ, К. М. Фофановъ, Н. Д. Носковъ, Э. О. Павчинскій, О. Лебедевъ (Сибирскій), Н. П. Колонійцевъ, В. Н. Сперанскій, И. И. Лазаревскій, Е. Н. Савелова, У. О. Кваша.

Выставка русскихъ писателей. Чиновникъ особыхъ порученій при академіи наукъ В. А. Рышковъ, являющійся однимъ изъ инициаторовъ устраиваемой въ Москвѣ выставки русскихъ писателей XIX вѣка, отправляется въ провинцію. В. А. Рышковъ посѣтитъ Псковъ, Владимиръ, Орель, Уфу, Пензу, Саратовъ, Кіевъ, Харьковъ, Одессу, Севастополь и другіе города съ цѣлью учрежденія въ нихъ особыхъ комитетовъ для собиранія экспонатовъ для выставки русскихъ писателей XIX вѣка, организуемой «Пушкинскимъ домомъ». Открытіе выставки предполагается 15-го ноября 1910 г. Она будетъ имѣть восемь отдѣловъ, соотвѣтственно восьми историческимъ эпохамъ XIX вѣка. Первый отдѣлъ—первая половина царствованія Александра I до 1815 г. (Державинъ, Карамзинъ и др.). Второй отдѣлъ—вторая половина царствованія Александра I до 14-го декабря 1825 г. (Грибоѣдовъ, Пушкинъ и пушкинская плеяда). Третій отдѣлъ—московскіе идеалисты и философы до 1835 г. (второй періодъ Пушкина, кружокъ Бѣлинскаго, Гоголь съ его романтизмомъ эстетическаго характера до «Ревизора»). Четвертый отдѣлъ—эпоха зарождающагося общественнаго самосознанія до 1845 г. (Гоголь-реалистъ, Лермонтовъ, славянофилы и западники). Пятый отдѣлъ—эпоха освободительная (Чернышевскій, Писаревъ, Некрасовъ, Островскій). Шестой отдѣлъ—эпоха реформъ 1855—1863 г. (Тургеневъ, Достоевскій, Толстой). Седьмой отдѣлъ—1863 г. до 1881 г. (народники—Успенскій, Златовратскій, Шедринъ). Восьмой отдѣлъ—конецъ XIX вѣка (тождественная проповѣдь, Гаршинъ, Надсонъ, конецъ Глѣба Успенскаго, Короленко, Чеховъ). Экспонаты будутъ состоять изъ всевозможныхъ вещей, принадлежавшихъ писателямъ: скульптура, рукописи, карикатуры, автографы, письма, иллюстраціи къ произведеніямъ, портреты писателей, ихъ родственниковъ и друзей, переводы и т. д. Каждый писатель будетъ представленъ четырьмя портретами, изображающими его дѣтство, юность, зрѣлость и старость. Доходы съ выставки поступятъ въ фондъ «Пушкинскаго дома».

НЕКРОЛОГИ.

АННЕНСКИЙ, И. Θ. 30-го ноября 1909 года скоропостижно скончался отъ разрыва сердца дѣйствительный статскій совѣтникъ окружной инспекторъ петербургскаго учебнаго округа и членъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія Иннокентій Ѳеодоровичъ Анненскій. Питомецъ петербургскаго университета и кандидатъ филологическихъ наукъ, И. Θ. послѣ учительствованія въ гимназіи бывшей Бычкова, нынѣ Гуревича, сравнительно быстро двинулся по службѣ, получивъ, съ начала девяностыхъ годовъ, постъ директора 8-ой гимназіи и затѣмъ назначеніе въ царскосельскую. Покойный состоялъ членомъ «петербургскаго литературнаго общества» и въ минувшемъ году читалъ курсъ античной литературы на высшихъ женскихъ курсахъ Раева, именуемыхъ въ просторѣчьи «вольнымъ университетомъ». И. Θ. прожилъ въ Царскомъ болѣе десяти лѣтъ, и всѣ знали его, какъ хорошаго человѣка и отзывчиваго ко всякому просителю «большого человѣка», и на похоронахъ его присутствовали всѣ городскія учебныя заведенія. Вся внѣшняя сторона проводовъ огромными толпами, слѣдовавшими за пышной колесницей, говорила о духовной скорби. Видимо, отдавали послѣднія почести не «человѣку въ футлярѣ», а человѣку въ высокомъ значеніи слова. Много вѣнковъ было изъ живыхъ цвѣтовъ. Серебряный вѣнокъ отъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія», «отъ слушательницъ вольнаго университета», отъ брата Николая Ѳеодоровича: «милому брату, рано ушедшему отъ скорбящихъ стариковъ». Вѣнки отъ гимназій и частныхъ учебныхъ заведеній и разныхъ «совѣтовъ» и товарищей. На заупокойной обѣднѣ въ церкви гимназіи пѣли хоръ воспитанниковъ и полковыхъ пѣвчихъ. Обрядъ отпѣванія совершали 6 священнослужителей съ со-

борнымъ во главѣ протоіереемъ о. Бѣляевымъ. Онъ сказалъ прочувствованное слово памяти почившаго, какъ друга. Говорилъ надъ гробомъ одинъ изъ отцовъ учениковъ. На могилѣ прекрасныя рѣчи произнесли и поляки: мѣстный врачъ Урбановичъ и извѣстный профессоръ Зѣлинскій. Оба очертили нравственный обликъ почившаго, какъ человѣка неподкупной совѣсти. Трогательный характеръ проводовъ до мѣста вѣчнаго упокоенія производила толпа слушательницъ И. Ѳ. въ количествѣ свыше пятидесяти лицъ. Покойный былъ знатокъ, и одинъ изъ немногихъ, древней классической литературы. Его работы напечатаны въ разное время въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія». Нѣкоторые труды вышли отдѣльными изданіями. Извѣстенъ также, какъ критикъ современной поэзіи, выпустившій въ послѣдніе годы двѣ книги, подъ общимъ заглавіемъ «Книга отраженій». Выходя въ отставку, И. Ф. полагалъ всецѣло «на покой» заняться литературой, сдѣлаться, какъ онъ говорилъ, «затворникомъ». Умеръ онъ на вокзалѣ передъ отходомъ поѣзда въ Парское. За недѣлю передъ погребеніемъ И. Ѳ. прибылъ въ пятничное 27-го ноября собраніе «литературнаго общества» на докладъ объ «Анатѣмѣ» Андреева и былъ избранъ предсѣдателемъ собранія. Предсмертная статья покойнаго, представляющая критическій очеркъ размалеванной Андреевымъ «Анѣисы», написанный въ связи съ чеховскими «Тремя сестрами», напечатана въ первомъ номерѣ отъ 6 декабря новой газеты «Голосъ Сѣвера». Первая статья изъ ряда предполагавшихся и послѣдняя. Скончался И. Ѳ. 53 лѣтъ.

† **Вашкинъ, В. В.** Въ Райволѣ умеръ отъ чахотки молодой — моложе тридцати лѣтъ — даровитый поэтъ и беллетристъ Василій Васильевичъ Вашкинъ... Больное сердце, а потомъ и большыя легкія уже больше трехъ лѣтъ подтачивали силы В. В. Въ вѣчной борьбѣ съ нуждой, не оставлявшей ни минуты покоя, нѣсколько разъ уже спасалъ В. В. остатки своихъ силъ въ Ялтѣ, не надолго поправлялся тамъ, снова брался за перо и — снова бросалъ его, обезсилѣвшій, изнеможенный болѣзью... Начавъ писать лѣтъ пять тому назадъ, В. В. дебютировалъ стихами, и скоро его имя стало часто появляться на страницахъ «Міра Божьяго», «Журнала для всѣхъ» и «Русскаго Богатства»; В. Миролюбовъ во второмъ изъ этихъ журналовъ и П. Мельшинъ-Якубовичъ въ послѣднемъ изъ нихъ быстро разглядѣли симпатичное дарованіе молодого поэта и имѣли значительное вліяніе на формировку его поэзіи. Волнѣ новыхъ теченій въ современной поэзіи безвременно почившій поэтъ остался чуждъ до конца. Мягкій, слегка расплывчатый лирикъ, берущій больше нѣжностью и свѣжестью своихъ мотивовъ, чѣмъ оригинальностью и лѣтвучестью формы, В. В. былъ трогателенъ, особенно въ поэтичныхъ описаніяхъ деревенскаго пейзажа осенью, въ воспоминаніяхъ дѣтства, въ картинахъ впервые пробуждающагося чувства любви. Стихи В. В. были изданы отдѣльной книгой года два тому назадъ, когда молодого автора, уже и раньше тянувшагося къ прозѣ, съ особенной силой потянуло къ повѣсти. Большинство его рассказовъ и повѣстей, первоначально появившихся также въ «Русскомъ Богатствѣ» и «Журналѣ для всѣхъ» (а также въ «Образованіи» ред. А. Острогорскаго), вошло въ только что изданный «Общественной Пользой» отдѣльный томъ. Особенности его прозы — тѣ же, что и стиха. Не ищущій обширныхъ темъ или философскихъ

обобщений, не гоняющийся за оригинальностью формы или своеобразием языка, авторъ мягко и тщательно зарисовывалъ порыванія интеллигентной молодежи, съ особенной любовью останавливаясь на психологii молодой женской души, въ частности на пробужденіи въ ней смутныхъ чувствъ любви. Нѣжная и любящая прекрасная душа автора выглядывала изъ-за строкъ этихъ разсказовъ, и въ этомъ заключалась ихъ подкупающая безыскусственная прелесть. Въ дни революціоннаго подъема большую дань этой волнѣ отдалъ также чуждый въ существѣ своемъ дѣйственной борьбѣ В. В. Въ періодическихъ изданіяхъ того времени разсѣяно много боевыхъ пѣсень его, искреннихъ и симпатичныхъ, хотя и лишенныхъ подлинной революціонной силы, а его разсказы того времени примыкають къ столь распространенному тогда роду открыто-публицистической, настойчивой въ тенденціи беллетристикѣ. При тяжелой обстановкѣ умиралъ молодой и даровитый поэтъ и беллетристъ и при не менѣе удручающихъ обстоятельствахъ былъ похороненъ. Послѣ краткой литіи на Финляндскомъ вокзалѣ, куда изъ Райвола прибыло 19 ноября тѣло покойнаго, гробъ съ прахомъ былъ перевезенъ на Балтійскій вокзалъ. Къ 10 часамъ утра на вокзалѣ собралась небольшая группа друзей и почитателей покойнаго, среди которыхъ были: М. П. Арцыбашевъ, Л. М. Василевскій, Л. И. Андрусонъ, Н. Н. Олигеръ и др. Только эти нѣсколько человекъ да родственники покойнаго провожали тѣло его до станціи Сергіево Балтійской ж. д., родины В. В., гдѣ проживаютъ и въ настоящее время мать и сестра его, и далѣе на кладбище. На станціи Сергіево была отслужена литія, и затѣмъ гробъ былъ поставленъ на ожидавшую его траурную колесницу. Здѣсь на гробъ покойнаго были возложены вѣнки: Л. М. Василевскимъ по порученіи редакціи «Русскаго Богатства» съ надписью: «Дорогому Василию Васильевичу отъ редакціи «Русскаго Богатства», М. П. Арцыбашевымъ отъ группы литераторовъ-друзей покойнаго съ надписью: «Дорогому Василию Васильевичу Башкину. Всѣ тамъ будемъ». Кромѣ того, былъ возложенъ вѣнокъ «отъ жены и сестры» и еще одинъ вѣнокъ отъ близкихъ покойнаго. Траурный кортежъ направился полемъ въ монастырскую церковь Сергіевской пустыни. Процессія пришлось пройти болѣе двухъ верстъ. За гробомъ, увязая въ снѣгу, медленно шла небольшая группа литераторовъ. Отпѣваніе тѣла происходило въ большой монастырской церкви. Изъ монастырской церкви похоронная процессія направилась снова по полю къ сельскому кладбищу, гдѣ тѣло покойнаго и было предано землѣ. (Некрологъ его: «Рѣчь» 1909 г., № 316).

† **Блокъ, А. Л.** Скончавшійся 1 декабря въ Варшавѣ заслуженный профессоръ мѣстнаго университета Александръ Львовичъ Блокъ принадлежалъ къ виднымъ независимымъ изслѣдователямъ государственнаго права и сторонникамъ національнаго патріотизма. Покойный—сынъ гдовскаго уѣзднаго предводителя дворянства, родился 20 октября 1852 г. въ Псковѣ, учился въ новгородской гимназіи. На юридическомъ факультетѣ петербургскаго университета онъ особенно увлекался лекціями и взглядами проф. А. Д. Градовскаго. Получивъ кандидатскій дипломъ за диссертацию о «городовомъ положеніи», А. Л. по предложенію проф. Градовскаго былъ оставленъ при университетѣ для подготовленія къ профессурѣ, выдержалъ магистерскій экзаменъ и въ 1878 г. былъ приглашенъ въ качествѣ исправляющаго должность доцента читать государ-

ственное право въ варшавскомъ университетѣ. Съ этого времени покойный не разставался съ варшавскимъ университетомъ, занимая въ теченіе 30 лѣтъ кафедру государственнаго права. Его магистерская диссертация, защищенная блестяще въ петербургскомъ университетѣ въ 1880 г., «Государственная власть въ европейскомъ обществѣ», явилась цѣннымъ вкладомъ въ юридическую литературу. Въ ней покойный впервые и обстоятельно доказалъ научную несостоятельность и произвольность многихъ разсужденій и политическихъ взглядовъ тогдашняго авторитета въ области государственныхъ знаній Лоренца Штейна. А. Л. проводилъ идею, что «всякая государственная власть принуждена соблюдать основные интересы господствующаго класса» и что «въ этомъ отношеніи представительныя учрежденія мало отличаются отъ монархическихъ правительствъ». Изъ послѣдующихъ его работъ наибольшей извѣстностью пользуется его сочиненіе «Политическая литература въ Россіи и о Россіи» (1884 г.)—вступленіе къ читанному имъ университетскому курсу. (Некрологъ его: «Новое Время» 1909 г., № 12126).

† **Вербицкій, Н. А.** Въ концѣ ноября въ Черниговѣ на 67 году жизни скончался педагогъ и писатель Николай Андреевичъ Вербицкій. Уроженецъ Чернигова (род. 1843 г.) и воспитанникъ его гимназіи, онъ окончилъ кievскій университетъ по историко-филологическому факультету (одинъ годъ былъ въ петербургскомъ университетѣ, но, высланный изъ Петербурга, только черезъ два года получилъ разрѣшеніе держать окончательные экзамены). Педагогическую дѣятельность началъ въ Полтавѣ и Черниговѣ, какъ преподаватель русскаго языка и словесности. Съ 1862 г. началась литературная дѣятельность Н. А., напечатаннаго въ петербургской «Основѣ» рядъ лирическихъ стихотвореній на украинскомъ языкѣ подъ псевдонимомъ—«М. Білокопитій». Стихотворенія его отличались красотой формы и близостью къ народной пѣснѣ. Въ украинской поэзіи «Білокопитій» занялъ опредѣленное мѣсто, хотя и писалъ въ общемъ не очень много. На русскомъ языкѣ Н. А. дебютировалъ разсказами, печатавшимися сначала въ гайдебуровской «Недѣлѣ», а затѣмъ, главнымъ образомъ, въ «Природѣ и Охотѣ». Страстный любитель природы, охоты и уженія рыбы, Н. А. облакалъ свои наблюденія надъ мѣстной общественной жизнью въ форму охотничьихъ разсказовъ. Разсказы эти, легкіе и изящные по формѣ, проникнутые лиризмомъ и близостью къ природѣ, любопытны и для характеристики провинціальной общественности, дѣятелей которыхъ Н. А. изображалъ часто съ излишней корректностью. Нельзя не пожалѣть, что помѣщавшіеся чаще всего въ мало распространенныхъ журналахъ разсказы Вербицкаго (отдѣльнымъ изданіемъ они выпущены журналомъ «Природа и Охота») остались мало извѣстными широкому читателю. Вблизи знавшіе покойнаго вообще констатируютъ, что жизненныя неудачи и жизнь въ глухой провинціи помѣшали Н. А. въ полной мѣрѣ проявить свои разносторонніе таланты, которыми онъ былъ такъ исключительно богато одаренъ. Какъ учитель, Н. А. всегда пользовался чрезвычайной популярностью и любовью своихъ учениковъ, на которыхъ онъ имѣлъ огромное вліяніе всей своей незаурядной личностью, возбуждая въ нихъ интересъ и любовь къ природѣ, литературѣ и общественной жизни. Украинскія симпатія и знакомства съ украинскими дѣятелями, а также необычайная по-

пулярность Н. А. среди учащихся—вызвали въ началѣ 70-хъ годовъ его переводъ изъ Чернигова сначала въ Рязань, а потомъ въ Орель. Еще почти въ теченіе 30 лѣтъ продолжалъ Н. А. учительствовать, безуспѣшно добиваясь возвращенія на родину, всегда оставшагося его горячей мечтой. Послѣдніе годы Н. А. доживалъ въ Черниговѣ, разбитый параличомъ, прикованный къ постели, все еще сохраняя живой интересъ къ жизни, оставившей его... (Некрологъ его: «Рѣчь» 1909 г., № 340).

† **Волконскій, М. С., князь** Въ Римѣ скончался 7 декабря членъ Г. Совѣта, почетный опекунъ, оберъ-гофмейстеръ, статсъ-секретарь князь Михаилъ Сергѣевичъ Волконскій. Покойный былъ хорошо извѣстенъ, какъ видный государственный дѣятель, особенно много и плодотворно потрудившійся по народному просвѣщенію. Князь родился въ 1830 г. въ Сибири, за Байкаломъ, въ Петровскомъ заводѣ. Отецъ его, декабристъ С. Г. Волконскій, былъ лишень княжескаго титула, чиновъ и всѣхъ правъ состоянія. Его мать—М. Н., рожденная Раевская, послѣдовала въ Сибирь за мужемъ. Послѣ отбытія сокращеннаго срока каторги, семья Волконскихъ съ маленькимъ сыномъ поселилась въ деревнѣ, въ 20 верстахъ отъ Иркутска. Подъ вліяніемъ матери юный М. С. получилъ хорошую подготовку, особенно по иностраннымъ языкамъ. Тринадцатилѣтъ поступилъ въ V классъ иркутской гимназіи и въ 1849 году блестяще окончилъ гимназическій курсъ съ золотою медалью. Покойному не разрѣшено было поступить въ университетъ. Тогда онъ зачислился на службу въ канцелярію иркутскаго генераль-губернатора и успѣлъ скоро выдвинуться. Въ теченіе семи лѣтъ онъ исполнялъ самыя разнообразныя порученія: участвовалъ въ слѣдственной комиссіи надъ нерчинскимъ горнымъ вѣдомствомъ, былъ командированъ въ Западную Сибирь для оказанія помощи переселенцамъ изъ южной Россіи по случаю развившейся среди нихъ холеры, устраивалъ крестьянскія поселенія и почтовое сообщеніе, завѣдывалъ снабженіемъ припасами амурской экспедиціи, основалъ первыя русскія крестьянскія поселенія на Амурѣ, выведя изъ Сибири и расселивъ болѣе 600 душъ на разстояніи 300 верстъ между Маринскимъ постомъ и гор. Николаевскомъ. Кромѣ того, М. С. ѣздилъ на Сахалинъ и былъ два раза командированъ въ Монголію съ порученіями дипломатическаго характера, требовавшими особой осторожности и осмотрительности. Затѣмъ М. С. состоялъ при командующемъ сухопутными и морскими силами на Амурѣ для военныхъ порученій. Въ началѣ 1856 г., будучи съ генераломъ-губернаторомъ въ Петербургѣ, онъ получилъ орденъ Владимира 4 ст. и такимъ образомъ лично заслужилъ дворянство. 30 августа того же года ему былъ возвращенъ княжескій титулъ, о чемъ онъ узналъ по дорогѣ въ Иркутскъ, куда по высочайшему повелѣнію въ самый день коронованія императора Александра II былъ посланъ съ порученіемъ объявить прощеніе декабристамъ и въ томъ числѣ своему отцу. Перебравшись въ Петербургъ, князь М. С. причислился къ 1 отдѣленію собственной Его Величества канцеляріи, состоялъ чиновникомъ для порученій въ кавказскомъ и сибирскомъ комитетѣ и былъ командированъ на Кавказъ, гдѣ принималъ участіе въ работахъ особой комиссіи для разбора пограничныхъ дѣлъ съ Персіей. Затѣмъ находился при князѣ А. И. Барятинскомъ на правомъ крылѣ кавказской арміи и въ передовыхъ закубанскихъ постахъ. Позже онъ

въ теченіе 14 лѣтъ былъ помощникомъ статсъ-секретаря г. совѣта по департаменту законовъ и членомъ комиссіи по составленію проектовъ законоположеній о преобразованіи судебной части, причемъ издалъ сдѣланный имъ переводъ устава гражданскаго судопроизводства и наказа судебнымъ мѣстамъ Итальянскаго королевства. Съ 1876 по 1896 г. покойный князь посвятилъ свою дѣятельность другому поприщу, перейдя въ министерство народнаго просвѣщенія. Съ 1876 г. онъ былъ попечителемъ петербургскаго учебнаго округа и обратилъ особое вниманіе на физическое воспитаніе дѣтей и на уменьшеніе вечерней работы по приготовленію уроковъ. По отношенію къ учащимъ и учащимся кн. М. С. былъ въ буквальноймъ смыслѣ «попечителемъ»: устроить молодого человѣка въ высшее учебное заведеніе, помочь студенту или бѣдному семейству, принять на свой счетъ леченіе мальчика или дѣвочки, заплатить за право ученья, хлопотать за параличнаго старика-учителя, выпросить пенсію вдовѣ или дѣтямъ— все это онъ дѣлалъ съ готовностью, съ неподдѣльнымъ чувствомъ искренняго желанія помочь ближнему. Въ 1882 г. покойный былъ назначенъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія. Въ это время онъ предсѣдательствовалъ во многихъ комиссіяхъ своего вѣдомства, участвовалъ въ комиссіяхъ и совѣщаніяхъ другихъ вѣдомствъ. Вездѣ старался проводить свои основные принципы: въ направленіи народнаго образованія должно быть полное единство и школы одного типа не могутъ быть въ различныхъ вѣдомствахъ; въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ необходимо сдѣлать существенныя преобразования и самое главное — имѣть хорошій, матеріально обезпеченный и преданный своему дѣлу составъ учителей; иностранцевъ въ русской школѣ должно быть возможно меньше; на ряду съ образовательными низшими и средними учебными заведеніями надлежитъ широко распространить промышленныя школы, техническія и ремесленныя; при устройствѣ учебныхъ заведеній въ различныхъ мѣстностяхъ необходимо прислушиваться возможно внимательнѣе къ мнѣнію общества и сообразоваться съ потребностью народа. Вотъ тѣ главныя положенія, которыми руководился князь, работая въ комиссіяхъ: по пересмотру программъ мужскихъ гимназій въ 1890 г., по женскимъ учебнымъ заведеніяхъ вѣдомства учрежденій императрицы Маріи и министерства народнаго просвѣщенія, по устройству женскихъ профессиональныхъ училищъ и по другимъ вопросамъ. Оставаясь товарищемъ министра, князь М. С. съ 1890 г. въ качествѣ почетнаго опекуна состоялъ членомъ совѣта, управляющимъ учебною частью патріотическаго института и петербургскаго елисаветинскаго училища. Съ 1896 г. онъ былъ членомъ г. совѣта. (Некрологъ его: «Новое Время» 1909 г., № 12123).

† **Вяземскій, Л. Д., князь** 24 ноября въ Швейцаріи, въ Лозаннѣ, скончался членъ госуд. совѣта, генераль-отъ-кавалеріи князь Леонидъ Дмитріевичъ Вяземскій, состоявшій по армейской кавалеріи и по астраханскому казачьему войску. Л. Д. родился въ 1848 г. По окончаніи курса наукъ въ Александровскомъ лицѣ онъ вступилъ на службу унтеръ-офицеромъ лейбъ-гвардіи въ гусарскій Его Величества полкъ и въ 1875 г., уже въ чинѣ штабсъ-ротмистра, назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Величеству; въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ состоять при его особѣ сначала въ Варшавѣ, затѣмъ въ Ливадіи и, наконецъ, въ 1877 г. въ чинѣ уже полковника, въ Кишиневѣ. Съ началомъ

турецкой кампаніи Л. Д. назначенъ былъ въ распоряженіе великаго князя Николая Николаевича, главнокомандующаго дунайской арміей, и находился въ походахъ противъ турокъ и въ Болгаріи по 1878 г. Въ качествѣ командира болгарскаго ополченія Л. Д. участвовалъ въ оборонѣ Шипкинскаго перевала, былъ раненъ въ правое бедро и не разъ проявлялъ мужество и распорядительность, за что и былъ награжденъ золотымъ оружіемъ и орленомъ св. Владимира 4 ст. съ мечами и бантомъ. Затѣмъ въ качествѣ бригаднаго командира Л. Д. участвовалъ въ горячемъ бою подъ Шейновымъ въ отрядѣ ген. Скобелева и при атакѣ деревни «Читакъ» былъ раненъ въ локоть руки съ раздробленіемъ сустава. За послѣднія дѣла онъ получилъ ордена свв. Анны и Станислава съ мечами. По окончаніи кампаніи Л. Д. уѣхалъ за границу для леченія и, по возвращеніи, началъ общественную дѣятельность. Въ 1884 г. тамбовскимъ дворянствомъ онъ избранъ былъ усманскимъ предводителемъ дворянства (Л. Д. происходитъ изъ дворян Тамбовской губерніи). Въ 1888 г. Л. Д. назначенъ былъ астраханскимъ губернаторомъ и наказнымъ атаманомъ астраханскаго казачьяго войска съ зачисленіемъ по армейской кавалеріи. Въ качествѣ послѣдняго князь Л. Д. предпринялъ энергичную борьбу съ чумной эпизоотіей въ губерніи и быстро прекратилъ ея развитіе. Въ 1890 г. князь Л. Д. назначенъ былъ исправляющимъ должность управляющаго департаментомъ удѣловъ. Вскорѣ послѣдній былъ преобразованъ, по инициативѣ князя, въ главное управленіе удѣловъ, и Л. Д. былъ переименованъ въ начальники его. Ему не разъ приходилось исправлять въ дальнѣйшемъ обязанности министра императорскаго двора и удѣловъ. Въ 1896 г. онъ, за отличіе по службѣ, произведенъ въ генералъ-лейтенанты, въ 1899 г. назначенъ былъ членомъ госуд. совѣта, а въ 1901 г. ему разрѣшено было присутствовать съ правомъ совѣщательнаго голоса въ засѣданіяхъ совѣта главнаго управленія государственнаго коннозаводства. Въ послѣдніе годы князь Л. Д. принималъ дѣятельное участіе, въ качествѣ члена, въ особыхъ совѣщаніяхъ: о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности и по пересмотру установленныхъ для охраны государственнаго порядка исключительныхъ законоположеній. Князь Л. Д. состоялъ также почетнымъ казакомъ многихъ станицъ астраханскаго казачьяго войска. (Некрологъ его: «Спб. Вѣдомости» 1909 г., № 265).

† **Кашкинъ, Н. Н.** 21 ноября скончался въ Лозаннѣ послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни Николай Николаевичъ Кашкинъ. По окончаніи въ 1889 г. курса въ императорскомъ Александровскомъ лицѣѣ онъ поступилъ на службу въ министерство земледѣлія, а въ послѣднее время занималъ должность уѣзднаго члена калужскаго окружнаго суда. Въ самой ранней юности Кашкинъ пристрастился къ русской генеалогіи,—въ родовомъ имѣніи Кашкиныхъ, въ селѣ Прыскахъ, Козельскаго уѣзда, сохранился довольно значительный семейный архивъ, и Н. Н. занялся разборомъ этого архива. Плодомъ этого разбора былъ рядъ статей въ «Извѣстіяхъ петербургскаго генеалогическаго общества», въ «Лѣтописи московскаго генеалогическаго общества» и въ «Извѣстіяхъ калужской архивной комиссіи»; въ нихъ помѣстилъ онъ подъ заглавіемъ «Моленіе стольника Яковлева» описаніе любопытной иконы XVII столѣтія. Послѣднюю его работу была напечатанная въ «Старинѣ и Новизнѣ»

статья о родѣ Вындомскихъ, въ которой находимъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о П. А. Осиповой, владѣлицѣ села Тригорскаго, доброй пріятельницѣ Пушкина. Въ особенности интересовался Н. Н. личностью Ѳ. М. Ртищева, одного изъ просвѣщеннѣйшихъ сотрудниковъ царя Алексѣя Михайловича, и намѣревался написать его біографію и подробную родословную Ртищевыхъ, но успѣлъ обработать и напечатать только небольшую часть задуманнаго имъ труда, когда грудная болѣзнь, отъ которой онъ тщетно лечился на Кавказѣ и за границей, пресѣкла его дни. Сошелъ въ могилу еще молодой сорокалѣтній дѣятель, просвѣщенный и гуманный человѣкъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1909 г., № 12108).

† **Копосовъ, П. П.** 18 ноября похоронили на Даниловскомъ кладбищѣ въ Москвѣ заслуженнаго преподавателя московской 4-ой гимназіи, Петра Петровича Копосова. Покойный родился въ 1843 году и учился въ московской 4-ой гимназіи, по окончаніи курса которой съ золотою медалью (1860 года) поступилъ на историко-филологическій факультетъ московскаго университета. Выпущенный со степенью кандидата въ 1864 году, онъ черезъ два года былъ опредѣленъ въ 4-ю гимназію учителемъ русскаго языка, но съ 30 іюля 1868 года перешелъ на должность преподавателя греческаго языка, которую и занималъ долгое время вмѣстѣ съ преподаваніемъ того же предмета въ Поливановской гимназіи. Перу почившаго принадлежало нѣсколько рецензій о книгахъ по греческому языку и любопытныя «Воспоминанія о 4-ой московской гимназіи» (М. 1899 г., 60 стр.). Кромѣ того, какъ родной племянникъ извѣстнаго московскаго историка П. Н. Кудрявцева, онъ много позаботился объ увѣковѣченіи памяти своего дяди: имъ были изданы «Повѣсти и рассказы П. Н. Кудрявцева» (М. 1866 года, два тома), его «Сочиненія»—историческіе труды (М. 1887—1889 г., три тома) и напечатаны двѣ статьи о немъ («Русск. Мысль» 1895 года, кн. 9, и 1898 г., кн. 1, 5, 9). Наконецъ, П. П. въ 1902 году пожертвовалъ библіотекѣ императорскаго московскаго университета часть книгъ, принадлежащихъ П. Н. Кудрявцеву вмѣстѣ съ его рукописями и портретами. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1909 г., № 267).

† **Лесгафтъ, П. Ф.** Скончавшійся въ Каирѣ въ преклонномъ возрастѣ (72 лѣтъ) профессоръ Петръ Францевичъ Лесгафтъ былъ по специальности анатомъ, ученикъ извѣстнаго профессора анатоміи въ медико-хирургической академіи Грубера. Въ 60-хъ годахъ, получивъ послѣ защиты двухъ диссертаций, степени доктора медицины и доктора хирургіи, П. Ф. занялъ должность прозектора при анатомическомъ институтѣ академіи. Въ 1869 году онъ былъ избранъ экстраординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ анатоміи въ казанскомъ университетѣ, но пробылъ тамъ недолго; въ 1871 году ему пришлось оставить университетъ и послѣ того онъ уже не могъ получить профессорской кафедры. Лишь нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1878 году, онъ былъ назначенъ вторымъ прозекторомъ при анатомическомъ институтѣ профессора Грубера въ медико-хирургической академіи. Въ этомъ званіи онъ пробылъ шесть лѣтъ, а затѣмъ, въ 1884 году, перешелъ въ петербургскій университетъ преподавателемъ анатоміи на естественномъ отдѣленіи физико-математическаго факультета. Въ бытность свою прозекторомъ и позже П. Ф. опубликовалъ нѣсколько специальныхъ ра-

ботъ по макроскопической анатоміи: подъ его руководствомъ были исполнены также многія работы его учениковъ-врачей, представленные въ качествѣ диссертаций. Позже имъ былъ составленъ учебникъ анатоміи человѣка и напечатаны «Основы теоретической анатоміи». Нѣкоторые изъ его трудовъ вышли и на нѣмецкомъ языкѣ. Наибольшую извѣстность въ русскомъ обществѣ П. Ф. получилъ, впрочемъ, не какъ ученый специалистъ, а какъ дѣятель въ области образованія и воспитанія. Уже въ 70-хъ годахъ имъ было опубликовано нѣсколько сочиненій по физическому воспитанію и развитію въ школахъ, по изученію школьнаго возраста, по рациональной гимнастикѣ; въ 80-хъ годахъ имъ было издано «Руководство къ физическому образованію дѣтей школьнаго возраста» и «Школьные типы» (анализъ различныхъ типовъ учащихся); позже—«Семейное воспитаніе ребенка», «Первые годы жизни ребенка» и др. Будучи приватъ-доцентомъ петербургскаго университета, П. Ф. преподавалъ также въ училищѣ лекарскихъ помощницъ и фельдшерницъ, а въ 90-хъ годахъ основалъ курсы воспитательницъ и руководительницъ физическаго образованія. Въ 1905—1906 г. П. Ф. расширилъ эти курсы въ вольную высшую школу социальныхъ, биологическихъ и педагогическихъ наукъ съ 4-годовалнымъ курсомъ, организовавъ, кромѣ того, при той же школѣ еще серію популярныхъ лекцій. Всѣ эти курсы привлекали массу молодежи обоего пола, но они просуществовали недолго и были закрыты администраціей. Читались эти курсы въ домѣ биологической лабораторіи, замѣчательномъ учрежденіи, созданномъ П. Ф. Безкорыстная преданность П. Ф. наукѣ, его готовность помогать всѣмъ ищущимъ образованія вызывали къ нему во многихъ большое сочувствіе и уваженіе. Извѣстный богачъ-сибирякъ И. М. Сибиряковъ, слушавшій лекціи П. Ф., настолько проникся къ нему довѣріемъ, что передалъ ему большой домъ въ Петербургѣ и предоставилъ средства для оснѣванія, по идеѣ Лесгафта, биологической лабораторіи, въ которой бы могли свободно работать всѣ сколько-нибудь подготовленные и желающіе. Лабораторія эта скоро превратилась въ цѣлый институтъ съ многочисленными коллекціями по зоологіи, сравнительной анатоміи, ботаникѣ, геологіи, съ гистологическимъ, эмбриологическимъ, физиологическими кабинетами, съ химической лабораторіей и проч. Въ лабораторіи получили возможность учиться и работать многія лица, которымъ были недоступны другіе биологическіе институты. Съ 1896 года лабораторіей стали издаваться «Извѣстія», въ которыхъ помѣщено немало цѣнныхъ статей и изслѣдованій какъ самого Лесгафта, такъ и другихъ лицъ. П. Ф. состоялъ директоромъ и предсѣдателемъ совѣта лабораторіи, въ которой (и на курсахъ) и сосредоточилась его дѣятельность послѣ оставленія имъ, лѣтъ 15 тому назадъ, преподаванія въ петербургскомъ университетѣ. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости» 1909 г., № 275).

† **Его высочество герцогъ Георгій Георгіевичъ Мекленбургъ-Стрелицкій.** Въ ночь съ 21 на 22 ноября въ Петербургѣ скончался отъ паралича сердца генераль русскаго службъ герцогъ Георгій Георгіевичъ Мекленбургъ-Стрелицкій. Всѣ знавшіе покойнаго герцога, его сослуживцы, военный міръ, были потрясены этой неожиданной вѣстью: онъ скончался въ полной силѣ, 50 лѣтъ отъ роду, колоссъ по сложенію и внѣшнему виду. Смерть пришла къ нему въ день 50-лѣтія зачисленія его въ списки л.-гв. 1-ой артиллерійской бригады,

въ ряды русскаго воинства, гдѣ онъ и прошелъ свою строевую службу. По отцу онъ былъ германскій подданный и лютеранинъ, но для него, сына великой княгини Екатерины Михайловны, внучки государя Павла Петровича, Россія стала второй родиной и съ годами, благодаря службѣ въ рядахъ русской арміи, связь его съ Германіей, съ великимъ герцогствомъ Мекленбургскимъ ослабла. Онъ женился на дѣвушкѣ изъ русскаго дворянскаго рода—Наталиі Теодоровнѣ Ванлярской, получившей титулъ графини Карловой. Его дѣти, хотя и германскіе подданные, выросли въ Россіи и воспитаны, какъ русскія дѣти. Покойный герцогъ Г. Г. своими личными качествами, какъ человекъ, стяжалъ глубокое уваженіе и симпатіи въ сферахъ военнаго и высшаго общества. Идеально исполнительный, справедливый и гуманный, онъ пользовался любовью своихъ сослуживцевъ, подчиненныхъ и солдатъ. Въ строевомъ, служебномъ смыслѣ, отдавая всего себя дѣлу организаціи, воспитанія и обученія своей ратной семьи, онъ можетъ служить образцомъ для русскихъ военныхъ, офицеровъ и генераловъ. Простота его и доступность—подкупали. Фундаментальное университетское образованіе, полученное въ Германіи, рядомъ съ высокимъ положеніемъ—родство съ царствующимъ домомъ, выдѣляли его въ средѣ военной. Высоко образованный, онъ могъ имѣть вліяніе въ рядахъ арміи только возвышающее, облагораживающее. Прекрасный, нѣжный семьянинъ, супругъ и отецъ былъ герцогъ Г. Г., строгій и требовательный къ себѣ, мягкій съ другими, скромный въ жизни, солдатъ—въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Кромѣ военной службы, большимъ интересомъ въ жизни покойнаго герцога была музыка, серьезная музыка. Много вниманія и средствъ удѣлил онъ на устройство и содержаніе особаго камернаго лейбъ-квартета, обслуживавшаго, если можно такъ выразиться, художественныя потребности не только ближайшаго круга его друзей и знакомыхъ, но и широкой публики. Какъ сынъ великой княгини Екатерины Михайловны и внукъ незабвенной памяти великой княгини Елены Павловны, герцогъ Г. Г. въ полной мѣрѣ продолжалъ ихъ широкую благотворительную дѣятельность, поддерживая просвѣтительныя и человеколюбивыя учрежденія этихъ выдающихся русскихъ женщинъ и великихъ княгинь. (Некрологъ его: «Спб. Вѣдомости» 1909 г., № 263).

† **Старицкій, К. С.** 11-го ноября скончался отставной контръ-адмиралъ Константинъ Степановичъ Старицкій, работы котораго въ области гидрографіи нашихъ дальневосточныхъ морей и теперь не утратили своего крупнаго научнаго и пракческаго значенія. Старицкій родился въ 1839 году въ Полтавской губерніи. Воспитывался сначала въ Александровскомъ кадетскомъ, а затѣмъ въ морскомъ корпусѣ. Въ 1857 году былъ произведенъ въ мичманы. Въ томъ же году онъ поступилъ въ офицерскіе классы морскаго корпуса, блестяще ихъ окончилъ въ 1860 году и былъ записанъ на мраморную доску. Съ этого времени началась разнообразная и плодотворная научная дѣятельность молодого офицера, избравшаго своей спеціальностью гидрографію. На разныхъ военныхъ судахъ К. С. проплавалъ свыше 120-ти мѣсяцевъ въ моряхъ: Каспійскомъ, Балтійскомъ, Японскомъ, Охотскомъ, Беринговомъ, причемъ съ 1865 по 1871 г. онъ пробылъ въ плаваніи шесть лѣтъ подъ рлѣ, проведя болѣе четырехъ съ половиною лѣтъ на кораблѣ и только семнадцать мѣсяцевъ на берегу. Въ 1868 году,

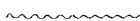
во время возмущенія китайскихъ маньчжуръ, когда угрожала опасность всѣмъ русскимъ поселеніямъ побережья Приморской области, К. С. была поручена защита гавани Находка. За самоотверженное исполненіе этого порученія К. С. былъ награжденъ орденомъ Владимира 4 степени съ мечами и бантомъ. Всѣ главнѣйшія астрономическія и гидрографическія работы К. С. производились почти въ неизслѣдованныхъ водахъ нашей дальневосточной окраины при труднѣйшихъ условіяхъ плаванія на судахъ тогдашней тихоокеанской эскадры, мало приспособленныхъ къ гидрографическимъ работамъ. Императорское географическое общество оцѣнило выдающіеся труды К. С. по гидрографіи, наградивъ его большой золотой медалью имени графа Литке. Съ своей стороны, морское министерство съ большимъ вниманіемъ отнеслось къ дѣятельности молодого и способнаго офицера. Съ 1871 года онъ состоялъ при генералъ-адмиралѣ великомъ князѣ Константинѣ Николаевичѣ. Засимъ послѣ плаванія въ Балтійскомъ морѣ, въ качествѣ командира миноносцевъ «Камбаль» и «Акулы», К. С. продолжалъ свою службу въ центральныхъ учрежденіяхъ морского вѣдомства, работая въ области гидрографіи или исполняя особо отвѣтственные порученія. Такъ, въ 1886 году К. С. провелъ три миноносца изъ Балтійскаго моря въ Черное по системѣ русскихъ рѣкъ и каналовъ. Въ 1890 году, произведенный въ контръ-адмирала, К. С. по болѣзни вышелъ въ отставку. Благодаря своимъ обширнымъ познаніямъ, удивительной трудоспособности и энергіи, К. С. въ продолженіе многихъ лѣтъ стоялъ во главѣ крупныхъ рѣчныхъ и морскихъ пароходныхъ предпріятій (общество пароходства по Днѣпру, русское общество пароходства и торговли, «Кавказъ и Меркурій»). На ряду съ этимъ К. С. былъ дѣятельнымъ членомъ обществъ, какъ астрономическаго, гдѣ одно время онъ былъ товарищемъ предсѣдателя, такъ и императорскихъ географическаго и техническаго. К. С. не терялъ связи и со своей родиной, гдѣ до послѣдняго времени былъ почетнымъ мировымъ судьей, а раньше состоялъ уѣзднымъ и губернскимъ гласнымъ и кандидатомъ на должность полтавскаго предводителя дворянства. Въ послѣдніе годы своей жизни К. С. состоялъ также гласнымъ с.-петербургской думы. (Некрологъ его: «Новое Время», 1909 г., № 12.105).

† **Старынкевичъ, О. И.** Скончавшійся 30 ноября бывшій членъ инженернаго комитета, инженеръ-генералъ Олимпій Ивановичъ Старынкевичъ извѣстенъ, какъ военный инженеръ, по видному участію въ русско-турецкой войнѣ 1877—1878 гг. и по руководству постройкой крѣпости Зегражъ. Покойный родился 29 октября 1837 года. По окончаніи курса въ Николаевскихъ инженерныхъ училищѣ и академіи онъ служилъ въ лейбъ-гвардіи саперномъ батальонѣ, затѣмъ въ различныхъ инженерныхъ командахъ и управленіяхъ въ Петербургѣ, Варшавѣ, Кронштадтѣ и другихъ городахъ. Между прочимъ онъ завѣдывалъ постройками въ брянскомъ арсеналѣ. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. О. И. находился въ распоряженіи начальника инженеровъ дѣйствующей на Балканскомъ полуостровѣ арміи и состоялъ послѣдовательно въ распоряженіи начальника инженеровъ обложенія Плевны, начальника 2-й саперной бригады, командующаго войсками гвардейскаго корпуса, начальника сѣвернаго отряда арміи и др. Участвовалъ въ укрѣпленіи множества боевыхъ позицій, возведеніи редутовъ, исправленіи сообщеній и въ другихъ инженерныхъ и саперныхъ ра-

ботахъ. Отличаясь знаніями, опытностью и безстрашіемъ, покойный двигался къ Константинополю въ рядахъ передовыхъ отрядовъ и иногда отрывался отъ нихъ для работъ на сѣверѣ театра военныхъ дѣйствій. Особенно памятно его участіе въ инженерныхъ работахъ по обложенію Плевны, самостоятельное возведеніе подъ непріятельскимъ огнемъ двухъ передовыхъ редутовъ на Волинской горѣ (одинъ изъ редутовъ былъ названъ его именемъ: «редутъ Старынкевича»), укрѣпленіе берегового участка отъ Варны до Кюстенджи, укрѣпленіе позиціи 3-й гвард. дивизіи (Медованской), исправленіе желѣзныхъ дорогъ и телеграфныхъ линій между Филиппополемъ и Адрианополемъ. Во время войны покойный былъ раненъ, но не выбылъ изъ состава арміи. За боевыя отличія былъ награжденъ золотымъ оружіемъ (за обложеніе и взятіе Плевны) и орденомъ св. Владимира 4 степени съ мечами и бантомъ (за Горный Дубнякъ и Телишъ). Послѣ войны онъ вернулся къ прежней службѣ, въ распоряженіе начальника инженеровъ варшавскаго военного округа. Затѣмъ служилъ въ новогоріевскомъ и брестъ-литовскомъ крѣпостныхъ управленіяхъ, въ главномъ инженерномъ управленіи и съ 1884 и по 1890 годъ былъ начальникомъ варшавскаго крѣпостнаго управленія. По послѣдней должности О. И. явился строителемъ варшавскихъ укрѣпленій на правомъ берегу Вислы. Еще до своего послѣдняго назначенія онъ участвовалъ въ подготовительныхъ работахъ крѣпости Зегржъ, затѣмъ принялъ на себя руководство возведеніемъ этой крѣпости и продолжалъ руководить постройкой до ея окончанія въ 1896 году, будучи уже членомъ инженернаго комитета. Крѣпость Зегржъ лучшій памятникъ строительнаго и инженернаго искусства покойнаго. Участвуя въ дѣятельности инженернаго комитета, О. И. горячо отзывался на различные вопросы по сооруженію и расширенію крѣпостей и напечаталъ нѣсколько статей по этому вопросу. Умеръ онъ на 73-мъ году жизни, оставивъ по себѣ память виднаго инженера и скромнаго добраго человѣка въ частной жизни. (Некрологъ его: «Новое Время» 1909 г., № 12.124).

† **Ухтомскій, Л. А.** 29 ноября въ Смоленскѣ послѣ долгихъ тяжкихъ страданій отошелъ въ вѣчность одинъ изъ доблестныхъ защитниковъ Севастополя, престарѣлый отставной вице-адмиралъ князь Леонидъ Алексѣевичъ Ухтомскій. Покойный родился 30 октября 1829 г.; воспитаніе получилъ въ морскомъ корпусѣ; въ 1847 г. назначенъ мичманомъ въ 44-й флотскій экипажъ. Во время защиты Севастополя князь съ 13 сентября 1854 г. по 27 августа 1855 г. служилъ на фрегатѣ «Коварна», былъ тяжело контуженъ въ голову, получилъ за боевыя отличія золотую саблю съ надписью «за храбрость», серебряную медаль на георгиевской лентѣ и орденъ св. Владимира 4 ст. съ мечами и бантомъ. Съ 1855 г. князь былъ старшимъ адъютантомъ штаба командира севастопольскаго порта, затѣмъ, перейдя во флотъ, въ разное время командовалъ многими судами и состоялъ начальникомъ астрабадской станціи. Въ 1867 г. онъ удостоился особаго высочайшаго благоволенія—«за благоразумныя распоряженія по освобожденію двухъ матросовъ, находившихся въ плѣну у туркменъ съ 1859 г.». Будучи въ 1869 г. переведенъ изъ каспійской флотиліи въ балтійскій флотъ, покойный былъ назначенъ послѣдовательно командиромъ архангельскаго порта, директоромъ бѣломорскихъ маяковъ, въ 1881 г.—директоромъ архангельскаго гу-

бернскаго попечительнаго о тюрьмахъ комитета съ оставленіемъ въ занимаемой имъ должности. Въ 1885 г. послѣдовало назначеніе его директоромъ маяковъ и лоцмъ Каспійскаго моря и командиромъ бакинскаго порта. Въ 1889 г. онъ по прошенію уволенъ отъ службы съ мундиромъ и пенсіей. Съ 1853 по 1861 г. онъ помѣстилъ въ «Морскомъ Сборникѣ» много интересныхъ статей и замѣтокъ, главнымъ образомъ касающихся морскихъ вопросовъ, торговли, промысловъ, въ томъ числѣ и воспоминаній о путешествіяхъ по Черному морю, къ Мурману, по Сайменскому каналу, Волгѣ и т. п. Всѣ его печатные труды, собранные въ одну книгу, литературны, живо изложены, полны новыхъ полезныхъ свѣдѣній научнаго и бытового характера. Въ 1883 г. отдѣльнымъ изданіемъ вышла его книга «Новая Земля»—этнографическій этюдъ, какъ результатъ его путешествія и личныхъ наблюденій. Когда графъ Э. И. Тотлебенъ напечаталъ «Описаніе севастопольской обороны», покойный откликнулся на книгу въ «Морскомъ Сборникѣ» критической замѣткою. Будучи адъютантомъ у безсмертнаго героя севастопольскаго сидѣнья адмирала Нахимова, князь до конца жизни хранилъ свѣтлую память о любимомъ начальникѣ и оставилъ послѣ смерти свои замѣтки о немъ, воспоминанія, а также удѣлѣнные дневники о Севастополѣ. Послѣдніе годы покойный жилъ около Смоленска въ своемъ имѣніи. Безукоризненно честный, идеально благородный, скромный до застѣнчивости, всегда готовый помочь ближнимъ, покойный оставилъ по себѣ прекрасныя воспоминанія среди всѣхъ знавшихъ его. (Некрологъ его: «Новое Время» 1909 г., № 12123).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Гоголевскій юбилей 1909 года возбудилъ нѣсколько интересныхъ вопросовъ изъ области біографіи и литературной дѣятельности Гоголя. Писали, говорили и опять писали, бумаги вышло много, но все-таки литература получилась бѣдная. Эта бѣдность въ особенности станетъ очевидной, если мы сравнимъ гоголевскую литературу 1909 года съ юбилейной же литературой 1902 года.

Въ то время, какъ первая отличается большимъ процентомъ водянистыхъ разсужденій на общія темы, имѣющихъ мало научнаго значенія, а болѣе или менѣе научныхъ трудовъ вышло не болѣе одного-двухъ,—литература 1902 года отличается массой совершенно новыхъ, нигдѣ ранѣе не обнародованныхъ, матеріаловъ. Эта литература такъ велика, что трудно и собрать во-едино всѣ указанія гоголевской литературы ¹⁾.

¹⁾ Въ послѣднее время подобная попытка—указать *всю* гоголевскую литературу со времени появленія первой статьи о Гоголѣ (1829 г.) предпринята нами. Нока вышелъ первый выпускъ нашей монографіи: *Поэтъ-христіанинъ. Н. В. Гоголь въ русской литературѣ и искусствѣ. Саратовъ. 1909.*

Такъ какъ мы живемъ въ такое время, когда на партійныя различія обращаютъ очень большое вниманіе, то не удивительно, что чуть ли не главнымъ вопросомъ, особенно усердно дебатировавшимся въ литературѣ 1909 года, былъ вопросъ о партійной окраскѣ Гоголя.

Намъ кажется, что слѣдующій рассказъ дастъ нѣкоторыя указанія къ должному рѣшенію этого вопроса.

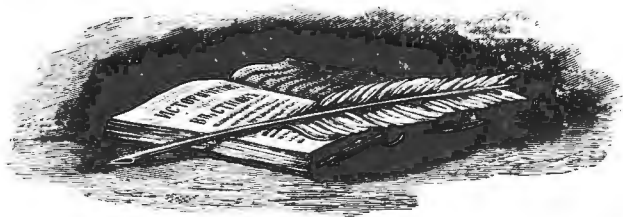
Когда Николай Васильевичъ жилъ въ Римѣ, то онъ служилъ тамъ какъ бы центромъ русской колоніи. По праздникамъ у Гоголя происходили собранія, на которыхъ Николай Васильевичъ выступалъ въ роли проповѣдника. Его проповѣдничество состояло въ объяснительномъ чтеніи евангелія; иногда бывали рѣчи и о другихъ предметахъ, но въ большинствѣ случаевъ—на религиозно-нравственныя темы. При этомъ интересно отмѣтить слѣдующую характерную подробность: публика на эти бесѣды собиралась самая разнообразная, тутъ были и графъ, и его лакей, чиновникъ и т. д. Лучшія мѣста занимали тѣ, которые приходили первыми; такъ, если приходилъ сначала лакей, а затѣмъ графъ или какая-нибудь другая особа, то первый занималъ лучшее мѣсто, а послѣдній—худшее. Такимъ образомъ, здѣсь было полнѣйшее равенство сословій; не слѣдуетъ, конечно, упускать изъ виду, что это происходило въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда крѣпостныя тенденціи дѣйствовали во всю.

Рассказъ слышанъ нами отъ П. А. Никольскаго въ Кіевѣ; ему онъ былъ сообщенъ однимъ изъ участниковъ гоголевскихъ бесѣдъ въ Римѣ.

Александръ Лебедевъ.

II.

Въ отчетѣ о присужденіи академіей наукъ премій графа Уварова («Историческій Вѣстникъ», 1909 г., № 11, стр. 757—8) вкралась опечатка. Напечатана фамилія Вехтурова вмѣсто слѣдуемой А. В. Ветухова.

В. ЭНСВОРТЪ.

БОРЬБА ЗА ТРОНЪ

(Beatrice Tyldesley)

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

А. БЪЛОВА

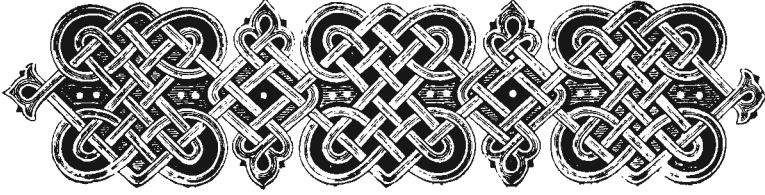
С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1910

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

ПРОЛОГЪ.

I.

Агенты сверженнаго короля.

ВЪ ЧЕТВЕРГЪ 13-го іюня 1689 года раннимъ утромъ въ устьѣ рѣки Луны недалеко отъ Кокергама бросилъ якорь большой, тяжелый корабль съ узкой кормою. Съ него немедленно спустили шлюпку, и два пассажира поспѣшно сошли на берегъ въ Коркѣ, расположенномъ на южномъ берегу рѣки возлѣ самой гавани. Въ обоихъ пассажирахъ замѣтна была военная выправка. Они несли съ собою два ящика съ пистолетами, двѣ шпаги и большой дорожный мѣшокъ.

Выходя изъ лодки, одинъ изъ нихъ вспомнилъ, или сдѣлалъ видъ, что вспомнилъ, что онъ забылъ взять съ собою свои сѣдельные выюки, и хотѣлъ было вернуться за ними. Но товарищъ удержалъ его, замѣтивъ, что теперь таможенные чиновники ужъ навѣрно явились на корабль, и, несомнѣнно, арестуютъ его.

Чтобы понять значеніе этого предостереженія, необходимо имѣть въ виду, что весною этого года бывший англійскій король Іаковъ II, поддерживаемый Людовикомъ XIV, высадился въ Кингселѣ въ Ирландіи и торжественно вступилъ въ Дублинъ, гдѣ былъ восторженно принятъ народомъ. Скоро онъ оказался во главѣ значительной арміи и принялся осаждать городъ Лондондерри на сѣверѣ Ирландіи.

Чтобы поднять возстаніе среди приверженцевъ Іакова въ Ланкаширѣ и сѣверныхъ графствахъ, изъ Дублина и другихъ порто-

выхъ городовъ безпрестанно швыряли тайные агенты короля. Вотъ почему были приняты всѣ мѣры, чтобы ихъ арестовывать и предупредить ихъ преступные замыслы. Но мѣры эти не всегда удавались.

Судя по тому, какъ высадились на берегъ наши незнакомцы, и принимая во вниманіе ранній часъ, было естественно заключить, что они принадлежали къ числу агентовъ Іакова II. Такъ оно, дѣйствительно, и было.

Незнакомцы, повидимому, не боялись погони за собою, такъ какъ одинъ изъ нихъ, тотъ самый, который забылъ свои сѣдельные вьюки, приказалъ матросамъ принести ихъ потомъ къ нему въ маленькую гостиницу въ Кокергамѣ Тома Твистона, въ которой онъ намѣренъ былъ позавтракать.

Не успѣли матросы сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ чиновники мѣстной таможни Лейландъ и Гольтъ явились на бортъ корабля.

Они стали опрашивать судовладѣльца Чарльза Каусона относительно груза и получили отвѣтъ, что на кораблѣ нѣтъ ничего, кромѣ тонны-другой желѣзныхъ горшковъ, тонны-другой желѣзныхъ брусевъ и девяти боченковъ съ мясомъ. Хозяинъ заявилъ еще, что онъ привезъ изъ Дублина двухъ пассажировъ, которые только что высадились.

— Почему же они обнаружили такую поспѣшность?—подозрительно спросилъ Лейландъ.—Вы обязаны были, какъ вамъ, навѣрно, безызвѣстно, задержать ихъ до нашего прибытія.

— Они настаивали на томъ, чтобы ихъ немедленно спустили на берегъ, и я не могъ помѣшать имъ,—отвѣчалъ Каусонъ.

— Мы этого такъ не оставимъ,—сердито вскричалъ Гольтъ.—Быль у нихъ какой-нибудь багажъ?

— Багажа было немного, сэръ. Они оставили здѣсь пару сѣдельныхъ вьюковъ.

— Сѣдельные вьюки! Ага! Гдѣ же они?

— Въ трюмѣ, сэръ,—отвѣчалъ Каусонъ.

— Вамъ, конечно, извѣстны имена и родъ занятій этихъ людей?—спросилъ Лейландъ.

— Что касается рода ихъ занятій, то на этотъ счетъ я ничего не могу сказать,—возразилъ Каусонъ.—Но имена ихъ я вамъ могу назвать. Одного изъ нихъ зовутъ Трельфолль, другого Лентъ. Последній, какъ я полагаю, ирландецъ. Оба, какъ я уже сказалъ, прибыли изъ Дублина.

— Всеэто очень подозрительно,—замѣтилъ Гольтъ.—Осмотримъ-ка ихъ багажъ.

Въ сопровожденіи судовладѣльца оба чиновника спустились въ трюмъ и скоро отыскали тамъ забытые вьюки. Они оказались набитыми разными бумагами весьма компрометирующаго содержанія—бланками короля Іакова, списками дворянъ-католиковъ, воззваніями къ этимъ дворянамъ съ приглашеніемъ поднять войска, за-

хватить командованіе милиціей и быть готовыми къ возстанію по данному сигналу. Все это доказывало, что въ сѣверныхъ областяхъ ожидалось возстаніе.

Оба чиновника съ изумленіемъ смотрѣли другъ на друга. Они не могли понять, какимъ образомъ могли быть забыты столь важные документы.

— Ну, мистеръ Каусонъ,—воскликнулъ Гольтъ:—что вы на это скажете? Можно ли теперь отрицать, что вы втянуты въ заговоръ якобитовъ? Оба эти заговорщика, которыхъ вы привезли изъ Дублина, всеконечно, будутъ повѣшены, какъ измѣнники. Надо только ихъ захватить. Но, всеконечно, въ то же самое время будете повѣшены и вы за ихъ укрывательство.

— Съ нами крестная сила!—воскликнулъ Каусонъ, боязливо смотрѣвшій, какъ таможенные вскрывали вьюки.—Вѣдь я не имѣю никакого отношенія къ революціи и никогда не участвовалъ въ ней ни здѣсь, ни въ Ирландіи. Я вѣрный подданный короля Вильгельма и королевы Маріи. Я не знаю ничего объ этихъ людяхъ, но не могу не похвалить ихъ: за переѣздъ они заплатили мнѣ десять фунтовъ. Провизія и вино у нихъ были свои. Къ экипажу они также были очень щедры. Но они требовали, чтобы, кромѣ нихъ, другихъ пассажировъ не было.

— И это обстоятельство не возбудило у васъ подозрѣнія?—спросилъ Лейландъ.

— Они хорошо платили, и я ихъ не разспрашивалъ. Но если бы я подозрѣвалъ въ нихъ агентовъ короля Іакова, которые стараются поднять возстаніе и возвести его на тронъ, то я, конечно, выдалъ бы ихъ.

— Вамъ и надо было бы это сдѣлать, мистеръ Каусонъ,—сказалъ Лейландъ.—Но такъ какъ вы не исполнили вашей обязанности, то вамъ и придется отвѣчать за это. Васъ будутъ теперь считать ихъ сообщникомъ.

— Что же я долженъ сдѣлать, чтобы оправдаться?—воскликнулъ Каусонъ.

— Съѣхать съ нами на берегъ и помочь намъ задержать ихъ. Если мы ихъ арестуемъ, вы будете свободны отъ обвиненія.

— Если такъ, то я готовъ ѣхать съ вами,—отвѣчала судохозяинъ.

Чиновниковъ ждала таможенная лодка. Всѣ втроемъ они спустились въ нее, захвативъ съ собою и сѣдельные вьюки.

Приставъ къ берегу, таможенные вмѣстѣ съ гребцами, которые были вооружены пистолетами и тесаками, быстро двинулись къ маленькой гостиницѣ, рассчитывая захватить тамъ якобитскихъ агентовъ.

Совсѣмъ уже разсвѣло. Когда они подошли къ гостиницѣ, служившей также и почтовой станціей, они увидѣли Тома Твистона, который стоялъ у притолки открытой двери.

На разпросы таможенныхъ онъ отвѣчалъ, что два джентльмена, которыхъ они ищутъ, часа полтора тому назадъ наняли лошадей и уѣхали въ Гарстангъ.

— Чортъ возьми!—вскричалъ Гольтъ.—Ужь не вы ли дали имъ лошадей?

— Да, я,—возразилъ Твистонъ.—Я отправилъ съ ними почтальона. Все какъ слѣдуетъ.

— Вы ошибаетесь, Томъ,—возразилъ Гольтъ.—Вовсе не все какъ слѣдуетъ. Вы впутались въ очень серьезное дѣло. Эти люди—тайные агенты якобитовъ.

— Какимъ образомъ, чортъ возьми, я могъ это знать?—воскликнулъ хозяинъ.—Я ихъ принялъ за офицеровъ милиціи.

— Говорятъ вамъ, что это измѣнники, которые пытаются поднять возстаніе,—сказалъ Гольтъ.—Быль у нихъ какой-нибудь багажъ?

— Хорошенько не помню,—уклончиво отвѣчалъ хозяинъ гостиницы.—Ахъ, да! съ ними былъ большой свертокъ, который они поручили везти почтальону.

— Вы навѣрно знаете, что они поѣхали въ Гарстангъ?

— Въ этомъ я увѣренъ, сэръ,—отвѣчалъ Твистонъ.—Они отправились въ этомъ направленіи. Вотъ все, что я о нихъ знаю. Самое лучшее для васъ—отправиться поскорѣе вслѣдъ за ними.

— Они отъ насъ не уйдутъ,—воскликнулъ Лейландъ.—Мы живо нападемъ на ихъ слѣдъ. Дайте намъ лошадей,—приказалъ онъ своимъ людямъ.—Постарайтесь, если можете, добыть экипажъ для мистера Каусона.

— Если они не найдутъ, то я могу дать свой,—прибавилъ Твистонъ.—Войдите, господа. Стаканчикъ вина выгонитъ холодъ изъ желудка.

Ни таможенные, ни судохозяинъ не возражали противъ предложенія и вошли въ главную комнату гостиницы. Хозяинъ принесъ бутылку вина и поставилъ стаканы.

Вино было испробовано, какъ слѣдуетъ, когда привели наконецъ лошадей, и трое преслѣдователей, значительно повеселѣвшіе, пустились на поиски.

Томъ Твистонъ предложилъ было сохранить у себя въ цѣлости столь важные сѣдельные вьюки, пока они не возвратятся обратно, но они отказались оставить ихъ у него.

По дорогѣ пришлось объѣзжать обширное и опасное болото, лежащее около Гарстанга. Добравшись до этого небольшого городка, лежащаго на правомъ берегу Вайры, они не могли получить никакихъ свѣдѣній о всадникахъ; очевидно, якобитскіе агенты и не думали останавливаться въ Гарстангѣ. Тѣмъ не менѣе преслѣдователи переправились черезъ рѣку выше моста и быстро двинулись къ городу.

Здѣсь ихъ постигла новая неудача.

И на мосту они не могли получить нужныхъ свѣдѣній. Бѣглецы, по всему вѣроятію, направились въ Престонъ, а можетъ быть, они укрылись въ Майерскофѣ, резиденціи полковника Тильдеслея, виднаго члена партіи Іакова и папы. Опъ-то, вѣроятно, и пріютилъ ихъ у себя.

Обсудивъ положеніе, чиновники рѣшились ѣхать дальше въ Майерскофѣ. Пустивъ лошадей крупной рысью, они скоро увидѣли передъ собою красивое старинное зданіе, обсаженное со всѣхъ сторонъ рощей старыхъ деревьевъ.

Добравшись до вѣзда въ паркъ, они замѣтили, что ворота его заперты. Привратникъ въ одеждѣ съ гербами Тильдеслеевъ отказался впустить ихъ въ паркъ, говоря, что въ такой ранній часъ никого нельзя впустить въ Майерскофѣ, не извѣстивъ хозяина.

— Ты увѣренъ, что никто еще не пріѣзжалъ сюда сегодня?— недовѣрчиво спросилъ его Лейландъ.

— Черезъ эти ворота никто не проѣзжалъ,—отвѣчалъ привратникъ.

— Ты лжешь, негодяй!—гнѣвно воскликнулъ Гольтъ.—Но съ нами шутки плохи. Ты знаешь, что мы чиновники и явились въ Майерскофѣ по долгу службы. Ты заплатишься, отказываясь впустить насъ!

— Я не имѣю права открывать ворота безъ позволенія полковника Тильдеслея,—упрямо твердилъ привратникъ.

— Приказываемъ тебѣ отворить!—кричали оба таможенные.

— Если вамъ угодно будетъ подождать здѣсь нѣсколько минутъ, я сбѣгаю въ домъ. Впрочемъ, нечего кричать—вотъ ѣдетъ сюда самъ полковникъ и его родственница миссъ Тильдеслей.

Пока онъ говорилъ, на узкой дорогѣ, ведущей къ воротамъ, показалась кавалькада: красивый мужчина въ расцвѣтѣ молодости и прелестная дѣвушка лѣтъ восемнадцати, сопровождаемые двумя грумами въ такихъ же ливреяхъ, кака была на привратникѣ.

Полковникъ, очевидно, не считалъ нужнымъ подождать лошадей, хотя и видѣлъ чиновниковъ, стоявшихъ за воротами.

Полковнику Тильдеслею, внуку знаменитаго сэра Томаса Тильдеслея, который такъ отличился во время междоусобной войны и былъ убитъ въ битвѣ при Виганъ-Лэнѣ, было года тридцать два. Онъ былъ женатъ на молодой и красивой женщинѣ, отъ которой у него не было дѣтей и которую онъ скоро потерялъ.

Въ то время, къ которому относится нашъ рассказъ, мистриссъ Тильдеслей жила у своего дяди въ Престонѣ, и полковникъ, очевидно, ѣхалъ къ ней съ своей родственницей.

Высокаго роста и крѣпкаго сложенія, полковникъ красиво сидѣлъ на лошади, которая какъ будто и не чувствовала его тяжести. Его красивый камзолъ, вышитый золотомъ, съ цѣлымъ рядомъ пуговицъ напередѣ заканчивался на рукахъ широкими отворотами.

Жилетъ того же цвѣта и такъ же вышитый спускался до колѣнъ, почти касаясь огромныхъ сапогъ съ раструбами.

Пышный парикъ изъ свѣтло-каштановыхъ волосъ, длинный кисейный галстукъ, бѣлая шляпа съ широкими полями, приподнятыми съ боковъ, украшенная страусовыми перьями, довершали его костюмъ. Въ рукахъ онъ держалъ тяжелый хлыстъ, хотя его крѣпкій гнѣдой конь обнаруживалъ такой умъ, что для него не нужно было ни хлыста, ни шпоръ.

Полковникъ Тильдеслей отличался правильными, красивыми чертами лица и привѣтливымъ, благороднымъ обращеніемъ, свойственнымъ дворянамъ этой мѣстности.

Беатриса Тильдеслей представляла полную противоположность своему дюжему родственнику. Ея тонкая изящная фигура красиво обрисовывалась въ амазонкѣ изъ голубого вышитаго серебромъ камлота. Небольшая бархатная шляпа, сдерживавшая ея черные кудри, была украшена лишь однимъ бѣлымъ перомъ.

Беатриса была брюнетка, съ чудными черными глазами и длинными рѣсницами. Ея лицо отличалось тонкими чертами, а ея зубы блестѣли, какъ жемчужины.

— Что вы будете дѣлать съ этими людьми, кузень?—спросила она полковника.

— Предложу имъ отправляться по своимъ дѣламъ, если они пойдутъ.

— Ну, а если не пойдутъ, тогда что?

— Тогда я долженъ впустить ихъ въ домъ и такъ или иначе отъ нихъ отдѣлаться. Я спокоенъ. Они, конечно, ничего не откроютъ. Отецъ Джонсонъ ужъ позаботится о нашихъ гостяхъ.

— Но вѣдь они могутъ замѣтить почтовыхъ лошадей на копынѣхъ. Вѣдь не могли же онѣ прискакать сюда безъ всадниковъ. Какъ же вы объясните это обстоятельство?

— Почтовые лошади уже отправлены. Чтобы выиграть время, я и приказалъ задержать насколько возможно таможенныхъ досмотрщиковъ у воротъ.

— При видѣ ихъ я не могу удержаться отъ смѣха, хотя и должна была бы держать себя серьезно. Какое смѣшное положеніе!

— Ну, если нашихъ тайныхъ агентовъ поймаютъ, положеніе будетъ далеко не смѣшное,—замѣтилъ полковникъ.

— Но, вѣдь, по вашимъ словамъ, ихъ не поймаютъ?

— Думаю, что такъ, ибо отецъ Джонсонъ не дастъ имъ совершить ни малѣйшей неосторожности. Но ѣдемъ дальше.

Минуты черезъ двѣ полковникъ Тильдеслей приказалъ привратнику открыть ворота.

Досмотрщики вмѣстѣ съ мистеромъ Каусономъ ринулись въ паркъ. Завязались переговоры.

— Вы имѣете какое-нибудь дѣло ко мнѣ, джентльмены?—спросилъ полковникъ, вѣжливо отвѣщая поклонъ.

— Весьма важное дѣло, сэръ,—отвѣчалъ Лейландъ.—Мы ищемъ двухъ якобитскихъ агентовъ, которые, по нашимъ соображеніямъ; укрылись здѣсь. Отказъ вашего привратника отворить ворота еще болѣе усилилъ наши подозрѣнія.

— Жалѣю о томъ, что васъ задержали,—возразилъ полковникъ.—Но мой служитель совершенно правъ. Ему строго-настрого приказано держать ворота на запорѣ раннимъ утромъ.

— Необыкновенная предосторожность, полковникъ,—замѣтилъ Гольтъ.—Но мы вынуждены просить васъ возвратиться вмѣстѣ съ нами назадъ, къ дому. Мы намѣрены обыскать его, если заговорщики не будутъ намъ выданы. Мы имѣемъ убѣдительныя доказательства ихъ измѣны въ этихъ вьюкахъ, которые они забыли на кораблѣ, доставившемъ ихъ изъ Дублина въ Кокергамъ. Владѣлецъ корабля Чарльзъ Каусонъ здѣсь и можетъ опознать измѣнниковъ.

— Пожалуйста, общите весь домъ, джентльмены,—отвѣчалъ полковникъ.—Тутъ вы не найдете никакихъ якобитскихъ агентовъ. Но я самымъ рѣшительнымъ образомъ долженъ протестовать противъ незаконнаго вторженія въ мой домъ.

— Можетъ быть, вы не вѣрите, джентльмены, и тому, что полковникъ Тильдеслей и я ѣдемъ въ Престонъ къ моему отцу?—спросила Беатриса.

— Къ великому сожалѣнію, намъ приходится разстроить ваши планы,—возразилъ Лейландъ.—Мы не можемъ разрѣшить полковнику продолжать путь дальше.

Всякія возраженія были излишни, и полковникъ Тильдеслей и его прекрасная родственница вернулись домой въ сопровожденіи таможенныхъ чиновниковъ и Каусона.

Майерскофъ, содержавшійся въ періодъ, къ которому относится нашъ рассказъ, въ полномъ порядкѣ, былъ построенъ въ началѣ XVI вѣка. Съ того времени часть его была срыта, часть обращена въ ферму. Построенное почти исключительно изъ дуба, старое зданіе было украшено множествомъ островерхихъ башенокъ. По его фасаду тянулась длинная галерея, освѣщавшаяся пѣлымъ рядомъ оконъ съ частымъ переплетомъ; по другую сторону отъ главнаго входа находилось большое окно съ разноцвѣтными стеклами.

Вокругъ дома шель крѣпостной ровъ. Каменный мостъ велъ черезъ него къ подъѣзду.

Просторный залъ съ дубовымъ потолкомъ, который поддерживался толстыми балками, славился своимъ огромнымъ каминомъ, надъ которымъ развѣшаны были родовые гербы и оружіе Тильдеслеевъ.

По стѣнамъ висѣли портреты предковъ хозяина, изъ которыхъ самымъ извѣстнымъ былъ сэръ Томасъ Тильдеслей, дѣдъ тепершняго владѣльца имѣнія.

Широкая дубовая лѣстница съ рѣзной дубовой рѣшеткой вела въ верхніе покои, уставленные старинной мебелью.

На южной сторонѣ дома находилась очень красивая небольшая домовая церковь, которая, повидимому, была построена ранѣе дома. Въ ней висѣлъ образъ Святой Дѣвы, которому народная молва приписывала чудотворную силу.

Съ тѣхъ поръ, какъ отецъ Джонсонъ, о которомъ намъ приходилось уже упоминать, появился въ домѣ, въ церкви каждый день служилась обѣдня.

Майерскофъ удостоился посѣщенія Іакова I въ 1617 г. и Іакова II въ 1651 г. незадолго до того, какъ его храбрый хозяинъ погибъ въ битвѣ при Виганъ-Лэнѣ.

Прежде, чѣмъ полковникъ Тильдеслей успѣлъ вѣхать на каменный мостъ, ведущій къ подъѣзду, его возвращеніе было замѣчено обитателями дома, и три или четыре слуги во главѣ съ дворецкимъ, мистеромъ Горнби, вышли ему навстрѣчу.

— Съ вами что-нибудь случилось, г. полковникъ?—спросилъ Горнби.

— Да, вотъ эти господа не позволяютъ мнѣ ѣхать въ Престонъ. Они ищутъ двухъ якобитскихъ агентовъ, которые, по ихъ словамъ, укрылись въ нашемъ домѣ.

— Я знаю этихъ господъ,—сказалъ дворецкій, пристально взглянувъ на чиновниковъ.—Они изъ таможи въ Кокергамъ.

— Совершенно вѣрно,—отвѣчала Лейландъ.—Мы тоже знаемъ васъ, мистеръ Горнби, и не думаемъ, чтобы вы злостнымъ образомъ стали насъ обманывать. Здѣсь ли тѣ два человѣка, которыхъ мы ищемъ?

— Ничего не могу вамъ сказать на этотъ счетъ,—отвѣчала дворецкій.

— Проводи гг. таможенныхъ чиновниковъ въ домъ и пусть они сами удовлетворятъ свое любопытство,—сказалъ полковникъ.—Они найдутъ меня въ столовой, когда окончатъ свой обыскъ.

Беатриса, сдерживавшая до сихъ поръ свою веселость, входя въ домъ за полковникомъ, вдругъ громко расхохоталась.

— Удивляюсь, какъ вѣжливы вы были съ этими таможенными,—вскричала она.—Я бы не позволила имъ войти въ домъ.

— Но они вооружены властью, которой нельзя безнаказанно сопротивляться,—возразилъ ея спутникъ.—Къ тому же, какъ я только что сказалъ, намъ нечего здѣсь бояться. Тутъ они ничего не найдутъ.

— Они не найдутъ того, кого ищутъ, но зато тщательно осмотрятъ весь домъ. Повѣрьте мнѣ, послѣ этого они вскорѣ явятся сюда вторично.

— Ну, нѣтъ. Я надѣюсь, что это будетъ ихъ послѣдній визитъ. Вскорѣ мы совсѣмъ освободимся отъ всѣхъ этихъ непріятныхъ посѣщеній.

— Да, конечно, если скоро разразится возстаніе, но только въ этомъ случаѣ.

— Не говорите такъ громко,—сказаль полковникъ.—Насъ могутъ подслушать.

— А мнѣ даже хочется, чтобы эти наглые посѣтителы услышали меня. Можетъ быть, они сдѣлають что-нибудь такое, что заставитъ и васъ, мой долготерпѣливый кузень, перейти къ дѣйствию.

— Они ужъ и такъ для этого много сдѣлали. Но мы должны дѣйствовать осторожно. Не настало еще наше время.

— Не слѣдуетъ ли мнѣ сходить къ отцу Джонсону и рассказать ему о всемъ, что случилось?

— Пожалуйста,—сказаль полковникъ:—но будьте только осторожны.

Выйдя изъ зала, Беатриса поднялась по главной лѣстницѣ и быстро пустилась по коридору, пока не достигла двери въ самый его концѣ, въ которую она и постучала.

Отецъ Джонсонъ сейчасъ же самъ открыль ей дверь.

Высокая худая фигура священника была облечена въ длинное черное одѣяніе. На головѣ у него была черная шапочка. На смугломъ лицѣ блистали острые пронизательные глаза.

Онъ, видимо, удивился, увидѣвъ передъ собою Беатрису, и съ тревогой спросиль, зачѣмъ она вернулась. Беатриса въ краткихъ словахъ рассказала ему о всемъ, что произошло, и предупредила его, чтобы онъ держался на сторожѣ, такъ какъ досмотрщики начали уже обыскивать домъ. Исполнивъ порученіе, она быстро пустилась обратно.

Оба незнакомца сидѣли въ комнатѣ священника.

Оставшись одинъ, отецъ Джонсонъ открыль потайную дверь въ дубовой панели, за которой оказался глубокой коридоръ. Оба незнакомца бѣстро скрылись въ него, послѣ чего панель была приведена въ прежній видъ.

Между тѣмъ таможенные, сопровождаемые Каусономъ, которому все происходившее, видимо, было не по душѣ, безуспѣшно обыскивали нижнюю половину дома.

Затѣмъ они направились въ конюшню, гдѣ конюхи дали всѣ требовавшіяся ими объясненія относительно лошадей. Вернувшись въ домъ, они пожелали осмотрѣть церковь.

Горнби успѣшилъ исполнить ихъ желаніе. Онъ рассчитываль, что Лейландъ какъ-нибудь разстанется съ своими сѣдельными вьюками, но осторожный досмотрщикъ всюду таскаль ихъ за собою. Однако, войдя въ церковь, онъ сложиль ихъ на полъ, полагая, что они здѣсь въ полной безопасности, и принялся за поиски.

На одной сторонѣ церкви высился бѣлый мраморный памятникъ знаменитому сэру Томасу Тильдеслею, привлекшій къ себѣ особенное вниманіе таможенныхъ. Пока они разматривали его, Горнби незамѣтнымъ образомъ скрылся изъ церкви.

Видя, что онъ не возвращается, таможенные хотѣли было позвать его, но дверь изъ церкви оказалась запертой, а вьюки исчезли.

Попавшись въ ловушку, таможенные подняли шумъ и стали браниться, но никто не отвѣчалъ на ихъ угрозы. Имъ даже показалось, что снаружи послышался смѣхъ, и это обстоятельство еще болѣе усилило ихъ ярость.

Что касается судовладѣльца, то онъ быстро примирился съ своимъ положеніемъ и, усѣвшись поудобнѣе на скамью, погрузился въ глубокой сонъ.

Такъ прошло болѣе часа. Таможеннымъ начинало уже казаться, что ихъ никогда не выпустятъ отсюда, какъ вдругъ дверь церкви отворилась и вошли полковникъ Тильдеслей съ Беатрисой и отцомъ Джонсономъ.

Среди нихъ слѣдовали Горнби и нѣсколько слугъ.

— Извѣстно ли вамъ, полковникъ, что выюки, которые мы привезли съ собою, исчезли?—вскричалъ угрожающимъ тономъ Лейландъ.

— Я не вполнѣ понимаю васъ, сэръ,—отвѣтилъ полковникъ, дѣлая видъ, что онъ очень удивленъ.

— Говоря прямо, вашъ дворецкій Горнби обокралъ насъ и насильственнымъ образомъ задержалъ насъ здѣсь.

— Такъ ли это, Горнби?

— Совершенно не такъ, г. полковникъ. Я не бралъ выюковъ. А заперъ я ихъ въ церкви совершенно нечаянно.

— Но вѣдь мы пробыли здѣсь болѣе часа,—въ ярости вскричали оба таможенные.

— Чрезвычайно сожалѣю объ этомъ,—сказалъ полковникъ, еле удерживаясь отъ смѣха.—Но прошу позавтракать съ нами. Мы только что получили свѣжую провизію.

Чиновники, пораздумавъ немного, сочли за лучшее принять приглашеніе.

Между тѣмъ Каусонъ продолжалъ себѣ спать на скамьѣ. Горнби разбудилъ его и, сказавъ ему на ухо нѣсколько словъ, повелъ его въ залъ, гдѣ уже готовъ былъ весьма обильный завтракъ изъ холодныхъ блюдъ, жареныхъ птицъ, ветчины и пирога съ голубями.

Когда таможенные вошли въ комнату, тамъ уже сидѣли два человѣка. Оба привстали и сдѣлали легкой поклонъ.

Одного изъ нихъ звали Арчеромъ, другого Фоулеромъ. Первому было лѣтъ тридцать; его лицо носило отпечатокъ безстыдства и хитрости, которыя еще болѣе подчеркивали острые сѣрые глаза.

Фоулеръ былъ нѣсколько старше. Лицо его было пріятнѣе, манеры лучше: видно было, что это джентльменъ.

Оба были одѣты въ красные камзолы, высокіе сапоги; длинные галстуки и парики довершали ихъ костюмъ. Ихъ треуголки висѣли тутъ же въ залѣ, на рогахъ оленя.

При первомъ взглядѣ на нихъ таможенные почувствовали, что это и есть яacobитскіе агенты, которыхъ они ищутъ. Рѣшивъ дѣй-

ствовать безотлагательно, они обратились къ Каусону, который держался за ними.

— Посмотрите на этихъ людей. Не признаете ли вы ихъ?

Владѣлецъ корабля отрицательно покачалъ головой.

— Вы утверждаете, что никогда не видали ихъ? Посмотрите хорошенько!

— Нечего мнѣ смотрѣть,—возразилъ Каусонъ.—Я все равно ихъ не признаю, хотя бы пришлось на нихъ смотрѣть полчаса.

— Вы привезли съ собою мистера Каусона въ качествѣ понятого,—вмѣшался полковникъ,—и стараетесь подорвать довѣріе къ его словамъ и увѣрить его, что это тѣ самые люди, которыхъ вы ищете. Вы ошибаетесь однако. Капитанъ Арчеръ и капитанъ Фоулеръ прибыли сюда не изъ Ирландіи, какъ вы думаете, и не были на борту корабля. Они пріѣхали изъ Престона. Я сказалъ вамъ все, что вамъ нужно знать, и не желаю отвѣчать на дальнѣйшіе разспросы. А теперь не угодно ли вамъ, господа, садиться.

Священникъ прочиталъ по-латыни краткую молитву, и завтракъ начался.

Полковникъ Тилъдеслей сидѣлъ во главѣ длиннаго дубоваго стола. Направо отъ него занималъ мѣсто Джонсонъ, налѣво Беатриса.

Недавно прибывшіе гости и таможенные досмотрщики сидѣли другъ противъ друга. Владѣлецъ корабля, видимо, перешелъ на ихъ сторону и мирно бесѣдовалъ съ ними, что еще болѣе усиливало подозрѣніе досмотрщиковъ, которые въ концѣ концовъ рѣшили привлечь его къ отвѣтственности по обвиненію въ измѣнѣ. Но Каусону, весело уничтожавшему завтракъ, казалось, и дѣла ни до чего не было.

За столомъ то и дѣло слышался смѣхъ Беатрисы, которая, казалось, забавлялась происходившимъ и время отъ времени что-то говорила полковнику и отцу Джонсону.

Капитанъ Арчеръ говорилъ громко и не стѣсняясь. Никто его не останавливалъ. Всѣ отлично понимали, что таможенные считали его и Фоулера врагами правительства и не прочь были бы арестовать ихъ.

— По-моему, лучше было бы прекратить эти разговоры,—тихо сказалъ полковнику отецъ Джонсонъ.

— Я охотно сдѣлалъ бы это, но вѣдь капитанъ Арчеръ не слушаетъ меня,—также тихо отвѣчалъ полковникъ.

— Можетъ быть, онъ послушаетъ меня,—сказала Беатриса.

— Готовъ повиноваться всѣмъ приказаніямъ вашимъ, миссъ,—вмѣшался Арчеръ, услышавшій ея слова.

— Въ такомъ случаѣ попросите прощенія у этихъ господъ,—разсмѣялась она.

— Просить у нихъ прощенія!—воскликнулъ Арчеръ.—Извините меня, миссъ Тильдеслей, но этого я не могу сдѣлать. Я могу только не оскорблять ихъ въ вашемъ присутствіи, иначе я бы...

— Что же вы намѣревались бы дѣлать, сэръ?—спросилъ Гольтъ.

— Выплеснуть вамъ въ лицо остатки моего стакана.

— Не совѣтую вамъ дѣлать подобную вещь,—продолжалъ Гольтъ, схватывая свою шпагу.

Но Арчеръ, безъ сомнѣнія, привелъ бы свою угрозу въ исполненіе, если бы его не удержалъ его товарищъ. Кромѣ того, поднялась и Беатриса съ явнымъ намѣреніемъ оставить комнату, и капитанъ Арчеръ бросился упрашивать ее остаться, обѣщая держать себя покойнѣе.

— Прошу васъ,—отвѣчала ему молодая дѣвушка, снова занимающая свое мѣсто.

— Считаю нужнымъ заявить вамъ, полковникъ Тильдеслей,—вскричалъ Гольтъ:—что мы немедленно будемъ просить распоряженія лорда Джерарда Брандона, лорда-лейтенанта этой мѣстности, объ арестѣ этихъ двухъ лицъ.

— Въ такомъ случаѣ я вынужденъ буду задержать вашъ отъѣздъ,—отвѣчалъ полковникъ.

— Но вы поплатитесь жизнью за нашъ арестъ,—вскричали таможенные.

— Прикажи хорошенько сторожить мостъ,—отнесся полковникъ къ Горнби.—Никто не смѣетъ выѣхать отсюда безъ особаго моего разрѣшенія.

— Слушаю, г. полковникъ,—отвѣчалъ дворецкій.

Какъ ни непріятно было чиновникамъ, но приходилось повиноваться. Они поняли, что ихъ лошади уведены, и ясно видѣли, что Каусонъ не расположенъ помогать имъ.

— Эти чиновники вели себя довольно дерзко,—прошептала Беатриса полковнику.—Не выпускайте ихъ на свободу, пока не обезопасите себя отъ нихъ.

Пока полковникъ размышлялъ, какъ ему поступить при данныхъ обстоятельствахъ, Горнби быстро вернулся и доложилъ, что прибыли капитанъ Вальтеръ Кросби и одинъ джентльменъ-квакеръ.

Хотя имя Вальтера Кросби было произнесено шопотомъ, Беатриса тотчасъ уловила его, и на щекахъ ея выступила легкая краска.

— Капитанъ Кросби прибылъ одинъ?—спросила она.

— Никакъ нѣтъ,—отвѣчалъ дворецкій.—Съ нимъ докторъ Бромфильдъ, квакеръ.

Услышавъ это, полковникъ Тильдеслей и отецъ Джонсонъ въ изумленіи переглянулись между собою. Не успѣли они, однако, вымолвить слово, какъ оба новоприбывшіе вошли въ заль. Полковникъ поднялся къ нимъ навстрѣчу.

Вальтеръ Кросби принадлежалъ къ хорошей семьѣ католиковъ, которая имѣла постоянное жительство въ Ланкаширѣ. Пятнадцати лѣтъ отъ роду онъ остался сиротою. Его отецъ лишился всѣхъ своихъ имѣній во время междоусобной войны и умеръ въ бѣдности.

Хотя молодой человѣкъ не имѣлъ состоянія, зато онъ обладалъ красивой внѣшностью и изящными манерами. Кромѣ того, у него было нѣсколько вліятельныхъ друзей, и одинъ изъ нихъ представилъ его Карлу II. Добродушный король былъ такъ пораженъ его внѣшностью, что тотчасъ сдѣлалъ его своимъ пажомъ.

Счастливая внѣшность молодого человѣка сослужила ему хорошую службу при дворѣ. Онъ пользовался большимъ успѣхомъ у дамъ и велъ довольно веселый образъ жизни.

Такъ же милостиво относился къ нему и Іаковъ II, переведшій его въ свою гвардію. Поскольку дѣло шло о наружности, Кросби вполнѣ оправдывалъ выборъ короля и считался красивѣйшимъ мужчиной въ полку. Но онъ былъ въ то же время и лучшимъ офицеромъ, отличаясь умомъ и храбростью.

Мы не будемъ слѣдить здѣсь за его карьерой и ограничимся лишь упоминаніемъ о томъ, что послѣ изгнанія его августѣйшаго покровителя Вальтеръ сопровождалъ его во Францію и не разъ исполнялъ тайныя порученія сверженнаго короля, передавая его распоряженія ланкастерскимъ якобитамъ, и принималъ участіе въ заговорѣ, имѣвшемъ цѣлью снова посадить Іакова на престолъ.

Великимъ его желаніемъ было сопровождать Іакова въ Ирландію, чтобы принять участіе въ осадѣ Лондондерри, но король не разрѣшилъ ему слѣдовать за собою, полагая, что онъ будетъ гораздо полезнѣе въ Ланкаширѣ.

Капитанъ Кросби отличался огромнымъ ростомъ и прекраснымъ сложеніемъ. Онъ былъ одѣтъ въ темное дорожное платье, высокіе сапоги и широкополую шляпу съ перомъ.

Спутникъ его былъ гораздо ниже и коренастѣе его и казался старше его лѣтъ на двадцать. Сюртукъ изъ темнаго драпа съ высокимъ стоячимъ воротникомъ обличалъ въ немъ квакера.

На немъ былъ скромный парикъ, простая шляпа и длинный бѣлый галстукъ. Такъ какъ ѣхать ему приходилось верхомъ, то ему нельзя было отказаться отъ нѣкотораго комфорта въ видѣ большихъ сапогъ и хлыста, которымъ онъ владѣлъ такъ же легко, какъ и полковникъ.

Лицо доктора Бромфильда носило отпечатокъ доброты и кротости. Хотя онъ, очевидно, принадлежалъ къ мирнымъ людямъ, но натура у него была боевая и его легко было вовлечь въ мятежное возстаніе. Онъ немало извѣздилъ на своемъ вѣку и—странное дѣло—всюду находилъ прекрасный пріемъ у католическаго дворянства сѣверной Англій, у котораго чувствовалъ себя, какъ дома.

Нѣкоторые утверждали, что одѣяніе квакера было простымъ маскарадомъ, но слухи эти оставались голословными. Достоверно было только одно, — что онъ былъ въ дружбѣ съ знаменитымъ Вильямомъ Пенномъ.

Докторъ Бромфильдъ впервые появился въ Майерскофѣ, хотя его давно уже приглашали пріѣхать сюда. Онъ прибылъ прямо изъ Престона, гдѣ встрѣтился съ Вальтеромъ Кросби, который и привезъ его съ собою.

Пока полковникъ привѣтливо здоровался съ новоприбывшими, докторъ Бромфильдъ быстро осмотрѣлъ залъ и замѣтилъ таможенныхъ досмотрщиковъ, о которыхъ его успѣлъ предупредить Горнби.

Онъ узналъ также Арчера и Фоулера и припомнилъ Каусона, на суднѣ котораго ему однажды пришлось совершать переходъ.

— У васъ здѣсь, какъ я вижу, не совсѣмъ пріятные посѣтители, другъ мой, — сказалъ онъ полковнику.

— Да. Не знаю, что мнѣ съ ними дѣлать. Если отнустить ихъ, то они, очевидно, добьются приказа о моемъ арестѣ.

— Кромѣ того, они легко могутъ получить помощь отъ капитана Бриджа, который рыщетъ въ окрестностяхъ съ отрядомъ голландскихъ драгунъ, — сказалъ Вальтеръ Кросби.

— Не лучше ли было бы подкупить ихъ? — спросилъ докторъ Бромфильдъ. — Я могъ бы попробовать спасти васъ отъ ланкастерской тюрьмы.

— Какъ вы думаете, возьмутъ они взятку или нѣтъ? — спросилъ полковникъ.

— Ручаюсь вамъ, что возьмутъ, только дайте побольше, — продолжалъ Бромфильдъ.

— Капитана Бриджа и его гвардейцевъ также можно подкупить, — замѣтилъ Кросби.

— Отлично, я дамъ этимъ молодцамъ на дорогу, — сказалъ полковникъ. — Но нужно имѣть какое-нибудь ручательство въ томъ, что они не явятся сюда вторично.

— Тогда застрѣлить ихъ обоихъ, — засмѣялся Вальтеръ.

— Нѣтъ. Это вызоветъ волненіе. Уведите ихъ въ другую комнату, а я устрою дѣло къ вашему удовольствію, — промолвилъ докторъ Бромфильдъ.

Послушавшись его, полковникъ увелъ таможенныхъ въ свой кабинетъ, куда за ними послѣдовалъ и докторъ.

Полковникъ отперъ бюро и вынулъ оттуда мѣшокъ съ золотомъ.

— Сколько у васъ здѣсь? — спросилъ Бромфильдъ.

— Двѣсти гиней. Довольно этого?

— Даже слишкомъ. Лучше будетъ дѣйствовать прямо.

По его знаку ввели обоихъ таможенныхъ.

— Пусть подадутъ лошадей этихъ джентльменовъ, — сказалъ полковникъ.

Горнби поклонился и вышелъ.

— Стало быть, вы хотите отпустить насъ, полковникъ,—воскликнули досмотрщики.

— Докторъ Бромфильдъ объяснить вамъ мои намѣренія.

— Полковникъ Тильдеслей полагаетъ, что нѣкоторыя непріятности, которыя здѣсь произошли, нужно предать забвенію,—сказалъ Бромфильдъ.—Онъ надѣется, что мы можемъ лучше столкнуться между собою. Въ доказательство своего добраго расположенія къ вамъ онъ проситъ васъ принять отъ него этотъ мѣшокъ съ деньгами, въ которомъ, какъ мнѣ извѣстно, двѣсти гиней.

Услышавъ эту цифру, таможенные не могли скрыть своего изумленія и жадно поглядывали на мѣшокъ, нерѣшаясь, однако, взять его.

Видя, что они колеблются, докторъ Бромфильдъ сталъ дѣйствовать энергичнѣе.

— Не отказывайтесь, пожалуйста, отъ этого подарка,—сказалъ онъ.—Вы можете оказать полковнику Тильдеслею услугу, за которую онъ готовъ поблагодарить васъ заранѣе.

Послѣ такого намека досмотрщики, не говоря ни слова, взяли мѣшокъ и заявили, что они готовы исполнить желаніе полковника и не будутъ больше вмѣшиваться въ его дѣла.

— Я полагаю, что Каусона вамъ лучше взять съ собою,—сказалъ вошедшій полковникъ.

Таможенные выразили согласіе и вскорѣ вмѣстѣ съ судовладѣльцемъ покинули Майерскофъ.

Прибывъ въ маленькую гостиницу въ Кокергамъ, они нашли тамъ почтовыхъ лошадей, которыя уже вернулись обратно. На этотъ разъ они не нашли нужнымъ входить въ какія бы то ни было объясненія съ Томомъ Твистонемъ, но хитрый трактирщикъ быстро замѣтилъ, что они болѣе чѣмъ довольны результатомъ своей поѣздки.

II.

Тайный предатель.

Послѣ отъѣзда таможенныхъ и Каусона гости и хозяева Майерскофа собрались въ комнатѣ, прилегавшей къ библіотекѣ, и стали совѣщаться о томъ, что теперь дѣлать. На этомъ совѣщаніи было разрѣшено присутствовать и Беатрисѣ, въ качествѣ ревностной сторонницы короля Якова.

Велѣно было принести сюда сѣдельные выюки, которыми Горриби успѣлъ овладѣть въ церкви, и Лентъ—мы должны съ этихъ поръ называть его настоящимъ именемъ—открыть ихъ. Онъ вынулъ оттуда нѣсколько бланковъ патентовъ и положилъ ихъ на столъ, за которымъ сидѣли всѣ присутствовавшіе.

— Я привезъ эти патенты прямо отъ его величества короля Иакова, котораго я имѣлъ счастье видѣть всего недѣлю тому назадъ съ генералами Розеномъ и Гамильтономъ передъ Лондондерри. Одинъ изъ этихъ патентовъ предназначается для васъ, полковникъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ Тильдеслею. — Это назначеніе васъ полковникомъ драгунскаго полка съ предоставленіемъ вамъ права самому выбрать себѣ офицеровъ.

— Позвольте мнѣ его, — сказала докторъ Бромфильдъ, запасшійся уже свѣчой и воскомъ.

Приложивъ къ приказу большую печать, онъ передалъ его полковнику Тильдеслею, который принялъ его на колѣняхъ и поднесъ его къ губамъ съ видомъ самой глубокой преданности.

— Я положу свою жизнь за возстановленіе моего короля, — сказалъ онъ. — Первое, что я сдѣлаю по предоставленному мнѣ праву, — это назначу васъ майоромъ въ мой полкъ, — прибавилъ онъ, обращаясь къ Вальтеру Кросби.

Съ этими словами онъ взялъ перо и заполнилъ бланкъ именемъ молодого человѣка.

— Увѣренъ, что я оправдаю ваше довѣріе, — отвѣчалъ Кросби, горячо благодаря полковника за оказанное ему отличіе.

— Я никогда и не сомнѣвался въ этомъ, — послѣдовалъ отвѣтъ.

Беатриса, видимо, была въ восторгѣ.

— Если вы укомплектуете вашъ полкъ такъ же удачно, какъ вы начали, — сказала она: — то королю можно будетъ лишь радоваться.

— Кого прикажите вписать подполковникомъ? — спросилъ докторъ Бромфильдъ.

— Джона Джерлингтона, — отвѣчалъ Тильдеслей. — А капитанами я назначаю Генри Бутлера, Александра Бутлера и Томаса Каруса, лейтенантами Вильяма Вестби, Джорджа Каруса и Томаса Бутлера, корнетами Николаса Найна и Чарльза Кола.

— Но согласятся ли всѣ эти господа занять предлагаемыя должности? — спросилъ Лентъ.

— Всѣ согласятся. Я отвѣчаю за нихъ, — отвѣчалъ полковникъ.

— Въ такомъ случаѣ полкъ сформированъ, — замѣтилъ докторъ Бромфильдъ, продолжавшій вписывать имена.

— Сформированъ только офицерскій составъ, — возразилъ полковникъ Тильдеслей. — Но нужно еще позаботиться о людяхъ, лошадяхъ, оружіи и аммуниціи. Какъ бы то ни было, я ручаюсь, что черезъ мѣсяцъ все будетъ готово.

— Полковникъ Тильдеслей всегда общается только то, что можетъ сдѣлать, — замѣтилъ отецъ Джонсонъ.

— Мы будемъ въ состояніи поднять цѣлую дюжину конныхъ полковъ въ этой мѣстности, — сказалъ Лентъ. — Лордъ Молинэ и сэръ Вильгельмъ Джерардъ писали уже королю Иакову, что его величество можетъ вполнѣ на нихъ разсчитывать.

— Король приказываетъ всѣмъ своимъ вѣрнымъ подданнымъ въ Ланкаширѣ и Йоркширѣ быть наготовѣ,—сказалъ Трельфолль.— Какъ только они услышатъ, что герцогъ Берикъ высадился въ Шотландіи, пусть они ждутъ его прибытія изъ Ирландіи съ большими силами.

— Вторженіе произойдетъ со всѣхъ сторонъ,—сказалъ Кросби.— Одновременно французы высадятся въ Корнвеллѣ и оттуда двинутся на Лондонъ.

— Вы хотите присоединиться къ нимъ?—тихо спросила Беатриса.

— Хорошенько еще не знаю,—отвѣчалъ онъ:—но думаю сдѣлать такъ.

— Богъ скоро изгонитъ узурпатора изъ предѣловъ королевства!—вскричалъ отецъ Джонсонъ.

— Аминь!—произнесъ докторъ Бромфильдъ.—Куда вы теперь двинетесь?—спросилъ онъ у Лента.

— Сначала мнѣ нужно попасть въ Денкенгальфъ-Паркъ. Я желалъ бы переговорить съ полковникомъ Вольмслеемъ. Затѣмъ я поѣду къ сэру Томасу Клифтопу, отъ него къ Филиппу Лангтону, Вильяму Дикконсону и наконецъ къ Блонделлю.

— Все это народъ вѣрный и честный,—сказалъ Бромфильдъ.— Въ Чеширѣ можно ручаться за Эгертона, Чольмондлея съ Королевской Долины и Чольмондлея изъ Гольфорда.

— А въ Кумберландѣ и Нортумберландѣ я отвѣчаю за двадцать хорошихъ семей,—сказалъ Трельфолль.— Въ этихъ округахъ завербовано уже болѣе четырехъ тысячъ человѣкъ. Какъ только король высадится, Карлейль и Ньюкэстль окажутся въ его рукахъ. Тогда можно будетъ атаковать Берикъ и Честеръ.

— За успѣхъ можно ручаться, только бы наши планы не потерпѣли крушенія,—замѣтилъ Вальтеръ.

— Вы, конечно, понимаете, полковникъ, что ни я, ни Лентъ не можемъ оставаться здѣсь долѣе,—сказалъ Трельфолль.—Черезъ часъ мы должны отправляться далѣе для исполненія возложенныхъ на насъ порученій. Какъ я уже говорилъ, я беру на себя Кумберландъ, Нортумберландъ и округа, лежащіе между ними, а мистеръ Лентъ ограничится Честеромъ и Ланкаширомъ. Но намъ нужны лошади.

— Лошади для васъ будутъ,—отвѣчалъ полковникъ:—только пришлите мнѣ ихъ обратно, онѣ мнѣ понадобятся самому. Вы оказали бы мнѣ огромную услугу, если бы приняли на себя вербовку для меня людей да кетати закупили бы и лошадей.

— Можете разсчитывать на насъ, полковникъ,—сказалъ Лентъ.— Но для этого нужно имѣть въ рукахъ кое-какія деньги—хотя по сотнѣ каждому.

— Пойдемте со мной въ кабинетъ,—предложилъ Тильдеслей.

— Съ вашего позволенія, я пойду съ вами, господа,—сказала отецъ Джонсонъ.—Я хочу вамъ дать кое-какіе совѣты.

Гости раздѣлились. Полковникъ съ своими собесѣдниками удалился въ кабинетъ, а остальные вышли въ садъ.

Стоялъ великолѣпный день. Трудно было найти что-нибудь болѣе очаровательное, чѣмъ этотъ старомодный майерскофскій садъ. Докторъ Бромфильдъ сѣлъ на скамейку, а Вальтеръ и Беатриса отправились гулять.

Медленно отойдя на нѣсколько шаговъ, они остановились подъ тѣнью развѣсистаго дуба.

— Если не ошибаюсь, я долженъ былъ видѣть васъ и полковника сегодня утромъ въ Престонѣ,—начала Вальтеръ.

— Насъ задержали эти тамеженныя досмотрщики. Но мы поѣдемъ туда днемъ, если мистеръ Тильдеслей будетъ свободенъ. Вы долго были въ Престонѣ, Вальтеръ?

— Со вчерашняго дня. Я пріѣхала къ вашему отцу вмѣстѣ съ докторомъ Бромфильдомъ и засталъ его поглощеннымъ приготовленіями къ возстанію. Я долженъ скоро вернуться въ Сентъ-Жерменъ, если здѣсь не произойдетъ чего-нибудь важнаго. Вы знаете, я теперь пользуюсь полнымъ довѣріемъ королевы. Она вѣчно устраиваетъ какой-нибудь заговоръ для возстановленія короля и при этомъ всегда пользуется моими услугами.

— Вамъ доставляетъ удовольствіе служить ей?

— Иначе и быть не можетъ. Королева Марія—очаровательнѣйшая изъ женщинъ.

— Мнѣ бы такъ хотѣлось быть фрейлиной ея величества,—сказала Беатриса.—Я увѣрена, я полюбила бы Сентъ-Жерменъ.

— Надѣюсь, что дворъ скоро вернется въ сентъ-джеремскій дворецъ, и тогда вы можете исполнить свое желаніе,—отвѣчала Кросби.

— Я предпочитала бы быть во французскомъ дворцѣ,—сказала Беатриса.—Но я говорю о дворѣ, какъ будто бы я знаю, что такое дворъ. А между тѣмъ я его никогда не видала, да, по всей вѣроятности, никогда и не увижу,—прибавила она, вздохнувъ.

— Нельзя такъ говорить,—возразилъ Вальтеръ.—Если когда-нибудь вы будете представлены королевѣ Маріи, я увѣренъ, что вы скоро завоюете ея расположеніе.

— Вы льстите мнѣ, Вальтеръ.

— Нѣтъ. Вы какъ разъ изъ тѣхъ, кто нравится королевѣ. Вы отличаетесь откровенностью и прямою, которая способна очаровать ее. Я увѣренъ, что въ одинъ прекрасный день вы будете въ числѣ ея приближенныхъ.

— Будемъ надѣяться,—воскликнула она.—Вы можете помочь мнѣ въ этомъ. Но что вы теперь будете дѣлать и останетесь ли здѣсь?

— Ненадолго. Я ожидаю приказаній короля. Мнѣ, должно быть, придется сопровождать доктора Бромфильда.

— Онъ дѣйствительно квакеръ, этотъ докторъ Бромфильдъ?—спросила Беатриса.—Мнѣ какъ-то не вѣрится въ это.

— Не спрашивайте меня. Это необыкновенная личность, къ какой бы религіозной сектѣ онъ ни принадлежалъ. Я привезъ его сегодня съ собою, такъ какъ онъ хотѣлъ познакомиться съ полковникомъ Тильдеслеемъ, съ которымъ ему не приходилось еще встрѣчаться. За исключеніемъ полковника Паркера, это самый дѣятельный изъ всѣхъ приверженцевъ короля Іакова.

— Вы слишкомъ мало цѣните себя, Вальтеръ. Вы дѣятельнѣе ихъ всѣхъ.

— Я могу только ѣздить быстрѣе и дольше ихъ. Могу больше исполнять важныя порученія и привозить больше отвѣтовъ. Но я не могу такъ хорошо обдумывать заговоръ. Полковникъ Паркеръ—отличный офицеръ. Онъ въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ королемъ. Когда вспыхнетъ возстаніе, онъ, несомнѣнно, будетъ поставленъ во главѣ его. Теперь онъ въ Престонѣ.

— Здѣсь въ Майерскофѣ долженъ быть сборъ всѣхъ якобитскихъ силъ,—сказала Беатриса.—Сэръ Джонъ Фенвикъ изъ Нортумбер-ланда, который, какъ вы знаете, находится во главѣ нашей партіи, собирается посѣтить полковника Тильдеслея. Для встрѣчи будутъ приглашены нѣкоторые его друзья.

— Сэръ Джонъ Фенвикъ и лэди Марія уже ѣдутъ сюда и будутъ здѣсь, вѣроятно, сегодня же,—сказалъ Вальтеръ.—Они останавливались у полковника Тоунлея и пріѣдутъ сюда вмѣстѣ съ нимъ и Паркеромъ.

— Мнѣ никогда не случалось видѣть Фенвика. Говорятъ, онъ очень красивъ, но чересчуръ высококомѣренъ.

— Вамъ описали его совершенно вѣрно,—отвѣтилъ Вальтеръ.—Онъ страшно гордъ. Онъ, впрочемъ, имѣетъ право гордиться, такъ какъ принадлежитъ къ одному изъ древнѣйшихъ родовъ, который владѣетъ Фенвикомъ со временъ Генриха III. Ихъ родъ всегда отличался воинственностью и безчисленное количество разъ принималъ участіе во всякихъ военныхъ столкновеніяхъ. Сэръ Джонъ и самъ въ 1676 г. командовалъ съ отличіемъ коннымъ полкомъ у принца Оранскаго. Но хотя онъ и служилъ у принца, однако не отрекся отъ своего законнаго государя и отказался поднять мечъ за узурпатора. Лэди Фенвикъ, дочь графа Карлейля, точно такъ же предана королю Іакову.

— Я знаю это,—замѣтила Беатриса.—Сэръ Джонъ является, безъ сомнѣнія, призваннымъ вождемъ якобитовъ. Но почему онъ не съ королемъ подѣ Лондондерри?

— Онъ будетъ полезнѣе для его величества здѣсь,—отвѣчалъ Вальтеръ.

Здѣсь ихъ разговоръ былъ прерванъ докторомъ Бромфильдомъ, который объявилъ, что пріѣхала изъ Престона мистриссъ Тиль-

деслей, а съ нею сэръ Джонъ Фенвикъ съ супругою и полковникъ Паркеръ.

— Какъ это странно!—воскликнула Беатриса.—Мы только что говорили о нихъ. Пойдемте скорѣе въ домъ: мнѣ хочется видѣть Фенвиковъ.

Они нашли гостей уже въ залѣ.

Мистриссъ Тильдеслей, прибывшая изъ Престона въ своемъ экипажѣ, быстро соскочила на подѣздъ и вмѣстѣ съ мужемъ встрѣчала своихъ знатныхъ гостей.

Дѣйствительно, нортумберландскій баронетъ былъ очень красивъ, чему немало способствовалъ и его костюмъ. Богато вышитый камзолъ краснаго цвѣта прекрасно облегалъ его высокую элегантную фигуру. Большой ненапудренный парикъ изъ свѣтло-каштановыхъ волосъ широкими кудрями падалъ на его плечо. Галстукъ его былъ изъ голландскихъ кружевъ. Такія же кружева украшали концы его рукавовъ. Черезъ плечо на богато украшенной перевязи висѣла шпага. На ногахъ были шелковые чулки и высокіе башмаки, которые застегивались брильянтовой пряжкой. Въ рукахъ онъ держалъ вышитую шляпу съ перомъ, ухитряясь въ то же время безпрестанно открывать свою табакерку.

Манеры сэра Джона Фенвика вообще были довольно высокомерны, но теперь онъ держался непринужденно, что съ нимъ бывало довольно рѣдко, и былъ особенно любезенъ съ окружающими.

Лэди Мэри Фенвикъ, какъ мы упоминали уже, была дочерью графа Карлейля. Она отличалась прिवѣтливымъ обращеніемъ и хотя не блистала красотою, однако не была и дурнушкой. У нея были кроткіе голубые глаза, прекрасный цвѣтъ лица, въ которомъ косметическое искусство было ни при чемъ, и выразительное лицо, привлекавшее къ ней немало поклонниковъ.

Полковникъ Тильдеслей, которому никогда еще не приходилось ее видѣть, былъ отъ нея въ восторгѣ.

Къ тому времени женскій костюмъ сталъ скромнѣе, и прелести, которыя въ эпоху Карла II, быть можетъ, слишкомъ явно выставлялись напоказъ, теперь тщательнѣе прикрывались, такъ что вся фигура уходила въ длинный, туго зашнурованный корсажъ. Широкіе рукава теперь смѣнились узкими, обшитыми кружевами, которыя висѣли до локтя..

Косы не спадали уже на плечи, какъ было во времена графа де-Граммона, но заплетались на лбу, украшались лентами и покрывались сверху богатой фатой.

Такъ были причесаны обѣ дамы—лэди Фенвикъ и мистриссъ Тильдеслей.

Высокая прическа съ цѣлымъ ворохомъ лентъ дѣлала первую выше ростомъ. Зато къ мистриссъ Тильдеслей, которая была моложе и красивѣе, эта прическа не совсѣмъ шла, и прежняя мода, несомнѣнно, была бы ей болѣе къ лицу.

Полковникъ Тоунлей, принадлежавшій къ одной изъ самыхъ старыхъ католическихъ семей Ланкашира и немало пострадавшій за принадлежность къ религии своихъ отцовъ, имѣлъ видъ настоящего сельскаго дворянина, который большую часть своего времени посвящаетъ охотѣ и спорту.

Онъ былъ воплощеніемъ здоровья. Хотя онъ уже давно перешелъ средній возрастъ, но смотрѣлъ такимъ бодрымъ и веселымъ, что можно было бы поручиться, что онъ проживетъ еще лѣтъ пятьдесятъ, если не сломаетъ себѣ шею на охотѣ,

Пріятно было смотрѣть на это свѣжее, полное добродушія лицо съ голубыми глазами.

Полковникъ Паркеръ, пріѣхавшій съ нимъ въ одноѣмъ экипажѣ, былъ гораздо моложе его. Онъ точно также принадлежалъ къ хорошей ланкаширской фамиліи, но не обладалъ собственнымъ имѣніемъ. Его красивое лицо принимало иногда зловѣщее выраженіе, но его манеры были удивительно мягки и подкупающи.

На немъ былъ полувоенный дорожный костюмъ, парикъ, треугольная шляпа съ перомъ, большіе сапоги и шпага.

Какъ мы уже сказали, Паркеръ былъ закоренѣлымъ приверженцемъ короля Іакова и принималъ участіе въ каждомъ заговорѣ, имѣвшемъ цѣлю возстановленіе изгнаннаго короля. Говорили, что онъ не былъ чуждъ и замысловъ убить того, кого онъ называлъ узурпаторомъ. Король Вильгельмъ чѣмъ-то оскорбилъ его, и Паркеръ далъ клятву отомстить ему за это.

Полковникъ былъ давно въ дружбѣ съ отцомъ Джонсономъ, который радостно привѣтствовалъ его пріѣздъ. Пока Тильдеслей принималъ Фенвикова, они отошли въ сторону и принялись бесѣдовать.

— Наконецъ-то я вижу въ Майерскофѣ васъ и лэди Марію, — сказалъ хозяинъ, обращаясь къ своимъ знатнымъ гостямъ. — Много разъ я ждалъ васъ къ себѣ, но все напрасно.

— Мнѣ нечего объяснять вамъ, почему я могъ попасть къ вамъ только теперь, полковникъ, — отвѣчала сэръ Джонъ. — Но я очень радъ, что я наконецъ у васъ. Резиденція вашего храбраго дѣда всегда была для меня предметомъ живѣйшаго любопытства.

— И для меня, — прибавила лэди Марія. — Я и не подозрѣвала, что это такой прелестный уголокъ.

— Ему, конечно, далеко до Тоунлея, — возразилъ полковникъ.

— Можетъ быть, у васъ нѣтъ такихъ дубовъ, какъ у насъ, — замѣтилъ полковникъ Тоунлей: — зато у насъ нѣтъ ничего подобнаго этому прекрасному залу.

— Вы, очевидно, говорите это изъ любезности, сэръ, — отвѣчала хозяинъ. — Но каковы бы ни были достоинства и недостатки моего дома, онъ достаточно великъ для того, чтобы принимать въ немъ моихъ друзей, и я радъ видѣть васъ у себя.

Онъ подошелъ къ гостю, и они обмѣнялись рукопожатіемъ.

— Надѣюсь, вы привезли съ собою хорошія новости.

— Превосходныя новости изъ Шотландіи,—отвѣчалъ Паркеръ.— Виконтъ Денди только что выигралъ большое сраженіе и разбилъ генерала Маки при Килликранки. Къ несчастію, самъ Денди раненъ на смерть.

— Это лишаетъ побѣду половины ея значенія,—замѣтилъ полковникъ Тильдеслей.

— Эта новость была получена изъ Шотландіи съ нарочнымъ. Послали уже сказать объ этомъ королю Іакову. Отецъ Джонсонъ передавалъ мнѣ, что здѣсь были Лентъ и Трельфолль?

— Они только что уѣхали, едва избѣгнувъ таможенныхъ и ареста,—отвѣчалъ хозяинъ.— Дѣло, кажется, хорошо идетъ въ Ирландіи, хотя осада Лондондерри затягивается. Но я съ удовольствіемъ узналъ, что наши друзья въ этой странѣ готовы возстать.

— Они только ждутъ сигнала,—сказалъ Паркеръ.— Но какъ-нибудь при болѣе удобномъ случаѣ я расскажу вамъ все подробности.

— Пойдемте со мною въ бібліотеку. Тамъ намъ не помѣшаютъ,—предложилъ полковникъ Тильдеслей.— Я горю нетерпѣніемъ узнать, какъ идутъ наши дѣла.

И, обратившись къ лэди Мэри, онъ просилъ извинить его, если онъ на нѣсколько минутъ оставитъ ее въ обществѣ своей жены.

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь, полковникъ,—отвѣчала она.— Женщинамъ нечего дѣлать, когда мужчины говорятъ о дѣлахъ.

— Позвольте съ вами не согласиться,—замѣтила мистриссъ Тильдеслей.— Я полагаю, что иной разъ и мы, женщины, можемъ дать хорошія совѣты. Но если у насъ его не спрашиваютъ, то, конечно, намъ нечего и беспокоиться. Пока мужчины будутъ обсуждать дѣла, позвольте мнѣ проводить васъ въ вашу комнату.

Пройдя черезъ залъ, лэди Мэри въ сопровожденіи хозяйки поднялась по лѣстницѣ и вошла въ большую комнату, отдѣланную темнымъ дубомъ и сплошь увѣшанную коврами. Здѣсь стояла старинная мебель, дубовая кровать съ высокой рѣзной спинкой и тяжелое капапэ.

Благодаря такой мебелировка, комната имѣла мрачный видъ, но лэди Марія осталась, повидимому, вполне довольна ею.

Между тѣмъ мужчины, собравшіеся въ бібліотекѣ, усѣлись вокругъ стола, стоявшаго въ срединѣ комнаты.

За дверями сталъ Горнби, которому былъ данъ строгій приказъ никого не пропускать въ бібліотеку.

— Теперь можно открыть наше совѣщаніе, господа,—сказалъ хозяинъ.— Позволяю себѣ спросить наиболѣе изъ насъ осведомленныхъ, все ли готово для возстанія?

— Мы ждемъ только приказа короля,—отвѣчалъ Паркеръ.— Докторъ Бромфильдъ и мистеръ Кросби, которые такъ же хорошо

знаютъ положеніе дѣлъ, какъ и я, могутъ подтвердить, что всё приготовленія уже сдѣланы, оружіе, сѣдла, сбруя—словомъ, все необходимое уже имѣется и скрыто въ домахъ нашихъ единомышленниковъ. Во всѣхъ частяхъ графства и прилегающихъ къ нимъ мѣстностяхъ уже на вербовано изрядное количество людей. Кромѣ того, помощь людьми и оружіемъ мы получимъ отъ короля Людовика XIV.

— По этому поводу я доставилъ лорду Молинэ письмо королевы Маріи,—сказала Вальтеръ Кросби.

— А я получилъ письмо отъ лорда Мельфорда,—сказала докторъ Бромфильдъ:—въ которомъ его милость сообщаетъ, что какъ только Лондондерри будетъ взята,—а это можетъ случиться каждую минуту,—король Іаковъ высадится въ Англій. Въ то же самое время въ Шотландіи высадится герцогъ Берикъ. Побѣда, которую одержалъ храбрый Денди, безъ сомнѣнія, заставитъ его теперь дѣйствовать.

— При всей вашей освѣдомленности, вы, можетъ быть, не знаете, сказала Джонъ Фенвикъ, сидѣвшій рядомъ съ хозяиномъ:—что въ Нортумберландѣ размѣщено уже пятьсотъ ирландскихъ солдатъ. Черезъ нѣсколько дней они будутъ готовы помогать королю Іакову, если въ здѣшнихъ мѣстахъ вспыхнетъ возстаніе.

Со всѣхъ сторонъ послышались выраженія живѣйшаго удовольствія.

— Я, съ своей стороны, могу разсчитывать на сотню людей, которыхъ я беру съ собой,—сказалъ полковникъ Тоунлей.—Со мной будутъ подполковникъ Стандинъ и капитанъ Бирлей.

— А я могу выставить конный полкъ, командиромъ котораго я назначенъ,—заявилъ, въ свою очередь, хозяинъ.—Со мной будетъ подполковникъ Гирлингтонъ и полдюжины офицеровъ. У меня сдѣланы большыя запасы оружія, которое скрыто здѣсь въ домѣ. Настоятель нашей церкви можетъ вамъ подтвердить это.

— Да, да, оружіе и снаряженіе на цѣлый полкъ,—отозвался отецъ Джонсонъ.

— Все это хорошо, господа,—замѣтилъ полковникъ Паркеръ.— Но вы забываете одно: мы не можемъ оставить короля въ Ирландіи безъ поддержки. Герцогъ Шомбергскій, храбрость и военныя дарованія котораго отрицать нельзя, поспѣшно набралъ изъ англійскаго ополченія и французскихъ бѣглецовъ армію въ десять тысячъ человекъ, которую онъ предполагаетъ высадить въ Ульстерѣ. Вскорѣ, слѣдовательно, произойдетъ битва, которая можетъ существенно повредить нашимъ будущимъ планамъ. Но каковъ бы ни былъ исходъ сраженія, по-моему, только однимъ путемъ можно обезпечить нашъ успѣхъ.

— Говорите, говорите,—воскликнулъ отецъ Джонсонъ.

— Вильгельмъ Нассаускій теперь въ Голландіи. Онъ не долженъ вернуться сюда обратно.

— Это, конечно, въ высшей степени желательно,—сказаль священникъ.—Но какъ воспрепятствовать ему?

— Не догадываетесь?—значительно спросиль Паркеръ.

Отвѣтъ засѣлъ у всѣхъ въ горлѣ, но возраженій не было.

Въ концѣ концовъ заговориль полковникъ Тильдеслей.

— Я не хочу дѣлать видъ, будто я не понялъ васъ, полковникъ Паркеръ,—сказаль онъ серьезно.—Но какъ ни желательно устранить принца, нужно же все-таки быть справедливымъ.

— Это злѣйшій врагъ нашей религіи,—сказаль отецъ Джонсонъ.

— Это узурпаторъ,—добавиль докторъ Бромфильдъ.—Онъ не имѣетъ никакого права на престоль.

— Но все-таки не слѣдуетъ лишать его жизни,—отвѣчалъ полковникъ Тильдеслей.

— Нѣтъ, нѣтъ!—вскричалъ и Тоунлей.—Я никогда не приму участія въ такомъ предпріятіи!

— Вы слишкомъ уже щепетильны, господа,—сказаль Паркеръ.

— И я такъ думаю,—добавиль Бромфильдъ.

— Ваше предложеніе довольно неожиданно. Нужно его хорошенько обдумать,—сказаль Фенвикъ.

— Незачѣмъ его и обдумывать,—возразиль Тильдеслей.

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ замѣтить,—сказаль Паркеръ:—что этотъ планъ былъ одобренъ, даже больше того—подсказанъ—однимъ изъ высшихъ іерарховъ нашей святой церкви.

— Не отрицаю этого,—сказаль Джонсонъ.

— Но если этотъ планъ и встрѣтилъ поддержку кое-кого, то все равно нужно отказаться отъ него,—продолжалъ Тильдеслей.—Если мы приведемъ его въ исполненіе, то этимъ самымъ только повредимъ своему дѣлу.

— Вильгельмъ Нассаускій навлекъ на себя такую ненависть, что сотни кинжаловъ готовы его поразить,—сказаль Паркеръ.—Удивительно, какъ еще до него никто не добрался.

— Предоставьте его своей судьбѣ,—замѣтилъ полковникъ Тоунлей.

— Вы еще не высказались, капитанъ Кросби,—сказаль Фенвикъ.—Одобряете вы этотъ замыселъ?

— Да,—отвѣчалъ Вальтеръ.—Пускай другіе дѣйствуютъ, какъ имъ кажется лучше.

— Не будемъ больше говорить объ этомъ,—продолжалъ Фенвикъ.—Вы, повидимому, не совсѣмъ согласны. Но я желалъ бы предложить нѣсколько вопросовъ. Я слышалъ, что флотъ французскаго короля еще не готовъ, а укрѣпленія Бреста, Шербурга и Гавра требуютъ исправленій. Между тѣмъ принцъ Оранскій располагаетъ здѣсь и въ Голландіи сотней кораблей.

— Ваши свѣдѣнія невѣрны, сэръ Джонъ,—отвѣчалъ Вальтеръ.—Укрѣпленія, о которыхъ вы говорите, въ полной исправности.

Это я могу удостовѣрить самъ. Король Людовикъ намѣренъ отправить цѣлую эскадру изъ двадцати двухъ судовъ подъ командой графа де-Шато-Реньо. Эта эскадра направится въ заливъ Бентри и здѣсь встрѣтится съ адмираломъ Гербергомъ

— У насъ есть, конечно, надежды на лучшее будущее, — сказала Тильдеслей — И если мы одержимъ такую же побѣду, какъ при Килликранки, то мы можемъ овладѣть и Эдинбургомъ, гдѣ у насъ много сторонниковъ

— У насъ есть тамъ друзья, которые захватятъ крѣпость, какъ только высадится герцогъ Берикъ, — сказала Джонъ Фенвикъ

— Все идетъ такъ хорошо, — замѣтилъ полковникъ Тильдеслей: — что намъ, очевидно, незачѣмъ прибѣгать къ безчестнымъ средствамъ. А теперь я хотѣлъ бы показать вамъ мои запасы оружія.

При этихъ словахъ всѣ встали и пошли изъ комнаты, кромѣ полковника Паркера, доктора Бромфильда и священника, которые, видимо, остались недовольны результатами совѣщанія.

— Жалѣю, что открылъ имъ свой планъ, — сказала Паркеръ. — Я думалъ, что его примутъ совершенно иначе. Но я не оставлю его.

— Полагаю, что сэръ Джонъ Фенвикъ присоединится къ намъ, — замѣтилъ докторъ.

— Навѣрно, — подтвердилъ Джонсонъ. — Я переговорю съ нимъ наединѣ.

Тѣмъ временемъ мужчины вышли изъ библіотеки, къ нимъ присоединились сверху дамы, и все общество направилось опять въ залъ. Но здѣсь гости оставались недолго.

Полковнику очень хотѣлось показать сдѣланные имъ запасы оружія; и онъ повелъ ихъ по разнымъ потайнымъ комнатамъ, гдѣ было сложено множество сѣдель, сбруй, кобуръ, два или три ящика сабель, мушкетовъ, пистолетовъ, пикъ, барабановъ, литавръ, трубъ, два знамени и аммуниція, которой хватило бы даже для двухъ полковъ.

Полковникъ Тильдеслей объявилъ также, что у него большой запасъ пороху и что дюжина боченковъ спрятана въ подвалахъ.

— Вполнѣ достаточно для того, чтобы взорвать этотъ домъ, — со смѣхомъ сказалъ Тоунлей.

— Вполнѣ достаточно для того, чтобы взорвать полдюжины такихъ домовъ, — поправилъ его Паркеръ. — Я желалъ бы, чтобы принцъ Оранскій явился сюда. Отсюда можно было бы отправить его на небеса. У васъ, полковникъ, конечно, найдется и соответствующее число лошадей для этого запаса сбруй?

— Да, — отвѣчалъ хозяинъ. — Я вполнѣ приготовился. Я сегодня ожидаю ко мнѣ подполковника Гирлингтона. Будутъ также капитанъ Бутлеръ, капитанъ Карусъ и лейтенантъ Вестби.

— Буду очень радъ ихъ всѣхъ видѣть, — сказалъ сэръ Фенвикъ.

— Да вотъ какъ разъ и они: вѣзжаютъ на дворъ! — воскликнулъ полковникъ Тоунлей.

Хозяинъ поспѣшилъ навстрѣчу повоприбывшимъ.

Въ этотъ день въ Майерскофъ, очевидно, долженъ былъ состояться большой съѣздъ якобитовъ. Едва успѣлъ полковникъ Тильдеслей принять офицеровъ, о которыхъ мы только что упомянули, какъ пожаловали еще болѣе важныя лица: лордъ Молинэ, сэръ Вильямъ Джерардъ и сэръ Роулантъ Станлей. Они пріѣхали верхомъ въ сопровожденіи полудюжины конныхъ слугъ.

Лордъ Молинэ, полковникъ Тильдеслей и Тоунби были собственниками.

— Благодарю васъ, дорогой лордъ, за вашъ пріѣздъ ко мнѣ,—привѣтствовалъ его хозяинъ.—Онъ тѣмъ болѣе пріятенъ, что мы не ждали васъ.

— Не ждали? Какъ не ждали?—вскричалъ лордъ Молинэ.—Вѣдѣ я же получилъ приглашеніе отъ васъ?

— И мы тоже,—сказали Джерардъ и Станлей.

— Приглашеніе шло не отъ меня,—отвѣчалъ Тильдеслей:—и я подозрѣваю здѣсь дурной умыселъ. Тѣмъ не менѣе, повторяю, я очень радъ видѣть васъ. Вы встрѣтите здѣсь кое-кого изъ вашихъ друзей.

И онъ перечислилъ всѣхъ, кто въ это время былъ въ домѣ.

Но всѣ были удивлены еще болѣе, когда вслѣдъ за ними прибыли еще три важныхъ приверженца партіи якобитовъ—сэръ Томасъ Клифтонъ, мистеръ Вильямъ Дикконсонъ и мистеръ Филиппъ Ланттонъ.

Они также пріѣхали верхомъ въ сопровожденіи своихъ слугъ.

Никого изъ нихъ полковникъ Тильдеслей не приглашалъ. Очевидно, тутъ былъ какой-то злой умыселъ. И хозяину и его гостямъ приходилось принять всѣ предосторожности для сохраненія своей безопасности.

Первою ихъ мыслью было уѣхать скорѣе обратно, но, по просьбѣ хозяина, сэра Фенвика и полковника Тоуплея, рѣшено было остаться всѣмъ на короткое время и обдумать положеніе.

Во избѣжаніе какой-либо нечаянности, полковникъ Тильдеслей приказалъ запереть ворота парка и сторожить мостъ. Лошадей не отводили на конюшни, слуги оставались при нихъ.

— Теперь мы въ состояніи отбить даже сильное нападеніе,—сказалъ лордъ Молинэ.

— Не думаю, чтобы кто-нибудь рѣшился на такой безразсудный шагъ,—сказалъ хозяинъ.— Однако это слѣдуетъ имѣть все-таки въ виду.

Съ этимъ словами онъ повелъ ихъ въ домъ и тамъ представилъ дамамъ, которыя были чрезвычайно удивлены такимъ неожиданнымъ наплывомъ гостей. Еще болѣе удивились онѣ, когда тѣ объяснили, что всѣ они явились по приглашенію.

Мистриссъ Тильдеслей была убѣждена, что за этимъ кроется что-то ужасное, но Беатриса пыталась ободрить ее.

Послѣ нѣсколькихъ словъ взаимныхъ привѣтствій полковникъ Паркеръ обратился къ собравшимся и сказалъ:

— Очень понятно, почему эти приглашенія были сдѣланы отъ имени полковника Тильдеслей. Очевидно, имѣлось въ виду собрать въ одно мѣсто всѣхъ наиболѣе видныхъ приверженцевъ короля Иакова въ этой мѣстности и затѣмъ арестовать ихъ, какъ сообщниковъ измѣны. Безъ сомнѣнія, объ этомъ уже отданъ соотвѣтствующій приказъ, и капитанъ Бриджъ съ голландскими драгунами сейчасъ нагрянетъ сюда. Хозяинъ высказался въ томъ смыслѣ, что не слѣдуетъ сопротивляться имъ. Въ такомъ случаѣ намъ останется только бѣжать, такъ какъ невозможно скрыть столько людей и лошадей. Но,—прибавилъ онъ, перемѣнивъ тонъ,—я лично полагаю, что намъ нужно сопротивляться. У насъ много людей и оружія, а домъ съ его рвомъ и мостомъ дѣлаетъ сопротивленіе вполне возможнымъ.

— Конечно, домъ можно защищать съ успѣхомъ,—подтвердилъ Тильдеслей.—Но мнѣ бы не хотѣлось прибѣгать къ этому, ибо открытое сопротивленіе можетъ повлечь весьма нежелательныя послѣдствія для нашей партіи.

— Конечно,—поддержалъ его Тоунлей.—Не долѣе какъ черезъ недѣлю мы всѣ очутимся въ ланкаширской крѣпости. Мой совѣтъ—сейчасъ же отправляться всѣмъ отсюда и ѣхать вмѣстѣ до Престона. Если же мы раздѣлимся, то хотя большинству и удастся ускользнуть, нѣкоторые все-таки будутъ захвачены.

— Вы правы, полковникъ,—сказалъ лордъ Молинэ.—Увидя насъ всѣхъ вмѣстѣ, капитанъ Бриджъ не рѣшится напасть на насъ, зато мы можемъ атаковать его, если пожелаемъ.

— Я вѣмъ вамъ дамъ оружіе,—сказалъ Тильдеслей.

Вывпивъ полные стаканы за здоровье короля Иакова, гости стали готовиться къ отъѣзду. Такъ какъ Майерскофъ былъ теперь не совсемъ надежнымъ убѣжищемъ, то дамы также заявили желаніе ѣхать къ Тоунлею.

Стеречь домъ должны были остаться полковникъ и отецъ Джонсонъ.

Вскорѣ все было готово къ отъѣзду.

Всѣмъ невооруженнымъ розданы были кобуры съ пистолетами, а конюхи повѣсили черезъ плечо по мушкету.

Авангардъ состоялъ изъ шести вооруженныхъ слугъ съ подполковникомъ Гирлингтономъ, капитаномъ Бутлеромъ, Карусомъ, лордомъ Молинэ, сэромъ Джерардомъ и сэромъ Станлеемъ.

За ними ѣхали нѣсколько человѣкъ вооруженныхъ слугъ, за которыми двигался большой экипажъ Тоунлея съ лэди Феввикъ и мистриссъ Тильдеслей.

По одну сторону экипажа ѣхалъ самъ полковникъ Тоунлей, по другую докторъ Бромфильдъ. Полковникъ Паркеръ ѣхалъ одинъ. Въ арьергардѣ слѣдовали Беатриса и Вальтеръ Кросби.

Кавалькада проѣхала уже мили четыре по дорогѣ къ Престону, не встрѣчая никакихъ препятствій, какъ вдругъ вдали показалась группа всадниковъ, быстро ѣхавшихъ отъ Браутона.

Не было сомнѣнія, что это капитанъ Бриджъ съ его голландскими драгунами. Онъ ѣхалъ на сильномъ конѣ. То былъ красивый человѣкъ въ малиновомъ камзолѣ, треугольной шляпкѣ съ перомъ и въ большихъ сапогахъ. Изъ кобуръ у него торчали пистолеты, а черезъ плечо свѣшивалась длинная сабля. Смотрѣлъ онъ грозно и властно.

Крупные голландскіе драгуны отлично сидѣли на лошадахъ. На нихъ красовались стальные латы.

Увидѣвъ якобитовъ, капитанъ Бриджъ сначала изумился ихъ многочисленности, но затѣмъ громкимъ голосомъ приказалъ имъ остановиться и выстроилъ своихъ людей поперекъ дороги, какъ бы желая преградить имъ дальнѣйшій путь.

Полковникъ Паркеръ, которому было ввѣрено командованіе якобитами, выѣхалъ впередъ и надменно спросилъ, почему имъ мѣшаютъ ѣхать.

— Отвѣчайте на мои вопросы, — строго сказалъ капитанъ Бриджъ. — Откуда вы ѣдете? Куда вы ѣдете и зачѣмъ?

— Мы не желаемъ отвѣчать ни на какіе вопросы, — сказалъ Паркеръ. — Прочь съ дороги и позвольте намъ проѣхать.

— Ага! — свирѣпо воскликнулъ Бриджъ. — Вы измѣнники и якобиты, вы воображаете, что вамъ удастся безнаказанно составить заговоръ противъ короля. Но вы ошибаетесь, мнѣ извѣстно, что у васъ было измѣнническое совѣщаніе въ домѣ полковника Тильдеслея въ Майерскофѣ.

— Откуда это вамъ извѣстно? — спросилъ Паркеръ.

— Я получилъ точныя свѣдѣнія о всемъ, что вы затѣваете, — отвѣчалъ капитанъ Бриджъ.

— Вы сами затѣваете измѣну, — сказалъ Паркеръ. — Большинство этихъ господъ пріѣхало въ Майерскофъ по ложному приглашенію, очевидно, разосланному вами.

— Это ложь, — вскричалъ Бриджъ съ дѣланнымъ негодованіемъ. — Мнѣ не было никакой надобности заманивать васъ въ ловушку. Я давно бы могъ арестовать и васъ всѣхъ и еще нѣкоторыхъ озлобленныхъ и опасныхъ лицъ въ этой мѣстности, но ожидалъ только удобнаго случая, чтобы захватить васъ всѣхъ разомъ.

— Но, не найдя такого случая и не желая примириться съ неудачею, вы рѣшили прибѣгнуть къ этой безчестной уловкѣ, — отвѣчалъ Паркеръ. — Знайте, однако, что мы вовсе не расположены превратиться въ вашихъ плѣнниковъ и если вы вздумаете арестовать насъ, мы будемъ сопротивляться.

Эти слова были сказаны такъ рѣшительно, что Бриджъ сталъ колебаться и обернулся на сѣдлѣ, чтобы взглянуть на своихъ людей.

Тѣ стояли попрежнему безмолвно и, повидимому, не совсѣмъ ясно понимали все происходящее. Но въ то же время они готовы были исполнить всякое приказаніе своего командира.

Бридж колебался.

Его планъ не удался. Онъ надѣялся захватить всѣхъ якобитовъ въ Майерскофъ, но теперь ясно видѣлъ, что будетъ разбитъ, если вздумаетъ арестовать ихъ силою.

Не стараясь даже скрыть своей досады, онъ повернулъ лошадь назадъ и скомандовалъ своимъ людямъ слѣдовать за нимъ.

Когда капитанъ Бридж остановилъ кавалькаду якобитовъ, Беатриса, какъ мы уже знаемъ, ѣхала рядомъ съ капитаномъ Кросби.

Вдругъ ея лошадь, чего-то испугавшись, бросилась въ сторону. Вальтеръ послѣдовалъ за нею. Испуганное животное бросилось съ дороги налѣво въ кустарникъ и понеслось по полю. Вальтеръ полетѣлъ за невольной бѣглянкой и держался рядомъ съ нею, стараясь предупредить всякую опасность.

Такимъ образомъ они неслась почти три мили. Наконецъ лошади стали обнаруживать признаки усталости, а всадникамъ, ни на минуту не потерявшимъ мужества, удалось наконецъ остановить ихъ.

Вальтеръ сошелъ съ лошади и поздравилъ Беатрису съ избавленіемъ отъ опасности.

— Ваша лошадь неслась такъ, что я боялся, какъ бы вы не упали въ рѣчку.

— Ну, нѣтъ, хотя я не могла остановить ее, но я отлично знала, гдѣ опасность, и повернула ее отъ рѣчки. Но злое животное какъ будто замышляло что-то противъ меня и пустилось опягъ въ Майерскофъ.

— Не видно уже ни враговъ, ни друзей, — сказалъ Вальтеръ, оглядываясь кругомъ. — Что мы будемъ теперь дѣлать?

— Ѣхать въ Престонъ, конечно, — отвѣчала Беатриса.

Но это оказалось невозможнымъ. Во время скачки по полю ея лошадь повредила себѣ ногу и теперь едва шла, сильно хромая.

Оставалось только вернуться въ Майерскофъ. Вальтеру пришлось сопровождать свою спутницу.

Медленно ѣхали они впередъ вдоль рѣчки Бруна, подвигаясь къ Майерскофу. Подѣхавъ къ воротамъ, они съ удовольствіемъ узнали, что капитанъ Бридж еще не пріѣзжалъ сюда съ своими драгунами. У Вальтера явилась мысль, что онъ и не рѣшится потревожить ихъ покой.

Въ паркѣ никого не было, но на мосту ихъ встрѣтили съ дюжиною слугъ, вооруженныхъ мушкетами.

Горнби немедленно доложилъ полковнику и отцу Джонсону о неожиданномъ возвращеніи Беатрисы и Вальтера, и тѣ сейчасъ же вышли имъ навстрѣчу. Узнавъ о случившемся, полковникъ рѣшилъ послать гонца въ Престонъ увѣдомить обо всемъ мистриссъ Тильде-

слей, а кстапи сообщить, что капитанъ Бриджъ не появлялся въ Майерскофѣ.

Вальтеръ хотѣлъ было самъ исполнить это порученіе, но полковникъ удержалъ его.

— Ужъ если случай заставилъ васъ вернуться сюда, то оставайтесь здѣсь до завтра,—сказалъ онъ.—Если до завтра не произойдетъ ничего, тогда вамъ можно будетъ ѣхать безпрепятственно въ Тоуплей.

— Я поступлю такъ, какъ вы желаете, полковникъ,—отвѣчала молодой человекъ, перекинувшись взглядомъ съ Беатрисой.

Всѣ вошли въ домъ, гдѣ Вальтеръ еще разъ разсказалъ въ подробностяхъ все случившееся съ Беатрисой.

— Какъ вы думаете, явится сюда капитанъ Бриджъ?—спросилъ отецъ Джонсонъ.

— Трудно сказать,—отвѣчалъ Вальтеръ.—Я думалъ, что онъ уже здѣсь.

— Не вѣрю, чтобы и теперь мы были въ безопасности отъ него,—замѣтила Беатриса.—Я была въ полной увѣренности, что онъ захватитъ насъ въ плѣнъ.

— Святая Дѣва сохранила васъ отъ большой опасности, дочь моя,—сказалъ священникъ.—Вы должны возблагодарить ее.

— Я и такъ хотѣла идти въ церковь,—отвѣчала Беатриса.

— Мнѣ прикажете идти съ вами?

— Нѣтъ, я хочу быть одна.

Съ этими словами она вышла изъ комнаты. Въ церкви она горячо молилась передъ изображеніемъ Святой Дѣвы.

Вдругъ ей показалось, что кто-то тихонько отворилъ дверь. Не поворачивая головы, она продолжала молиться.

Окончивъ молитву и поднявшись, она увидала передъ собою Вальтера.

— Развѣ вы не слыхали, какъ я сказала отцу Джонсону, что хочу быть одна?—спросила она, бросая на него недовольный взглядъ.

— Прошу извинить мое вторженіе,—отвѣчалъ онъ.—Мнѣ нужно сказать вамъ нѣсколько словъ, и я хотѣлъ бы сдѣлать это именно здѣсь.

— Говорите.

Несмотря на такое ободреніе, онъ все еще колебался. Набравшись наконецъ смѣлости, онъ взялъ ее за руку, которую она не отнимала.

— Мнѣ не зачѣмъ повторять вамъ, какъ горячо я люблю васъ,—началъ онъ.—Но никогда моя любовь не-была такъ сильна, какъ въ ту минуту, когда вы понеслись отъ меня сегодня. Какое было бы для меня несчастіе, если бы я лишился васъ!

— Зачѣмъ строить такія предположенія,—прервала она его.—Вамъ и не пришлось бы терять меня.

— Мы такъ рѣдко остаемся наединѣ,—продолжалъ Вальтеръ.—А любовь, говорятъ, не терпитъ продолжительной разлуки.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.)

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемѣсячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ НОЯБРЬ 1909 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 11-й.

Богословіе.

Балтисты, ихъ ученіе и задачи. Ростовъ-на-Дону. 1909. Ц. 10 к.

Богословская энциклопедія. Томъ 10-й Киннамонъ—Кюль. Съ 13 рис. и двумя картами, сост. подъ ред. Н. Глубоковского. Спб. 1909. Ц. 2 р. 50 к.

Гладковъ, Б. Путь къ познанію Бога. Кто былъ Христосъ? Исполнили ли заповѣди Христа? Спб. 1910. Ц. 50 к.

— Да, Христосъ дѣйствительно воскресъ! Спб. 1910. Ц. 10 к.

Нунцевичъ, Л. Обличеніе иконоборцевъ. Новочеркасскъ. 1909. Ц. 10 к.

Серебрянскій, Н. Житіе преподобнаго Евфросина Псковскаго. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.

Смирновъ, П. Споры и раздѣленія въ русскомъ расколѣ въ первой четверти XVIII вѣка. Спб. 1909. Ц. 3 р.

Сырку, П. Житіе Григорія Синаита, составленное константинопольскимъ патріархомъ Каллистомъ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Философія, психологія, логика.

Вагнеръ, Н. Справедливость. Восемь бесѣдъ. Спб. 1909. Ц. 30 к.

Викторовъ, Д. Эмпириокритицизмъ, или философія чистаго опыта, М. 1909. Ц. р. 50 к.

1

Ле-Бонъ, Г. Психологія социализма. Спб. 1909. Ц. 90 к.

Радловъ, Э. Характеръ творчества Вл. С. Соловьева. Спб. 1909. Ц. 20 к.

Фрейдъ, З. Психопатологія обыденной жизни. М. 1901. Ц. 1 р.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

- Абрамовъ, Н.** Даръ слова. Вып. 8-й Искусство писать стихи. Спб. 1909. Ц. 25 к.
- Алферовъ, А.** Историко-литературная библиотека. Выпускъ 3-й. А. С. Грибовдовъ. М. 1909. Ц. 80 к.
- Брандесъ, Г.** Натурализмъ въ Англии. Спб. 1909. Ц. 1 р. 75 к.
- Діонео.** Рефлексы дѣйствительности. Литературныя характеристики. М. 1909. Ц. 1 р. 75 к.
- Замотинъ, И. А. В.** Кольцовъ и русскіе модернисты. Варшава. 1909. Ц. 20 к.
- Критическій альманахъ.** Книга 2-я. Статьи и очерки Ю. Айхенвальда, П. Когана, Г. Врандеса, В. Фельдмана, Г. Сенкевича и др. М. 1910. Ц. 1 р.
- Мочульский, В.** Что завѣщалъ Гоголь созданной имъ натуральной школѣ? Одесса. 1909. Ц. 30 к.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

- Бернарденъ-де-Сенъ-Пьеръ.** Павелъ и Виргинія. Романъ. Спб. 1909. Ц. въ пер. 2 р. 50 к.
- Билибинъ, В.** Сборникъ веселыхъ пьесъ. Т. 1-й Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Волна.** Сборникъ русской художественной лирики. Спб. 1909. Ц. въ пер. 1 р.
- Гордишь, В.** Одинъе люди. Рассказы. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Донской литературный сборникъ.** Вып. 1. Новочеркасскъ. 1909. Ц. 1 р.
- Животовъ, Н.** Ключья нервовъ. Собрание стихотвореній. Книга 1-я. Киевъ. 1909. Ц. 1 р.
- Зарницынъ, А.** Новые нѣмецкіе поэты. Сборникъ стиховъ. В. Церковь. 1909. Ц. 60 к.
- Зола, Э.** Его превосходительство Эженъ Руговъ. Романъ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Иверъ, К.** Третій полъ. Романъ. М. 1910. Ц. 85 к.
- Каменскій, А.** Люди. Романъ. Спб. 1910. Ц. 1 рубль.
- Натанскій, Н.** Созвѣздіе Леры. Сборникъ стиховъ. Спб. 1910. Ц. 75 к.
- Нрымановская, В.** Бенедиктинское аббатство. (Три исповѣди). Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Нуринъ, А.** Сочиненія. Т. 7-й. Меджидъ. Въ Крыму. Яма. Ч. 1-я. Спб. 1909. Ц. 60 к.
- Лемонье, К.** Когда я была женщиной. Изъ записокъ женщины. Романъ. М. 1910. Ц. 1 р. 25.
- Маннъ, Т.** Собрание сочиненій, т. 2-й. Тристанъ. Новеллы. М. 1910. Ц. 1 р.
- Милицына, Е.** Рассказы. Т. 1 и 2-й. Спб. 1909. Ц. по 1 р.
- «Несчастные».** Сборникъ рассказовъ. Съ 8 рисунками въ текстъ. (Мопассана, Чехова, Лѣскова, Баранцевича и др.). Спб. 1909. Ц. 20 к.
- Попелло-Давыдовъ, М.** Рассказы. Т. 1. М. 1909. Ц. 1 р.
- Ремизовъ, А.** Рассказы. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Стриндбергъ, А.** Полное собраніе сочиненія. Томъ 9-й. Историческія драмы. М. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Сухотинъ, П.** Астры. Поэмы отошедшему. М. 1909. Ц. 50 к.
- Тинайръ, М.** Собрание сочиненій. Т. 2-й. Пережитая любовь. М. 1910. Ц. 1 р.
- *Торнь, Г.** Когда наступилъ мракъ... Исторія одного великаго заговора. Спб. Изданіе А. С. Суворина. 1910. Ц. 1 р.
- Хэрнъ, Л.** Изъ буддійскихъ настроеній. Въ кругъ. Тенгу-сама. Отрывокъ. Спб. 1909. Ц. 15 к.
- Черный, Ф.** Тѣни жизни. Рассказы. Спб. 1910. Ц. 50 к.
- Шоу, Б.** Собрание сочиненій. Т. 2-й. Человѣкъ и сверхчеловѣкъ. М. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Исторія, біографія и археологія.

- Ардашевъ, П.** Разборъ книги А. Ону. Выборы 1789 года во Франціи и указы третьяго сословія съ точки зрѣнія ихъ соответствія истинному настроенію страны. Спб. 1909. Ц. 40 к.
- Ардашевъ, Н.** Татарскія земляныя письма XV в. и спорное дѣдо XVIII в. о ясашныхъ земляхъ. М. 1909. Ц. 1 р.
- Голомбѣвскій, А. и Ардашевъ, Н.** Приказныя, земскія, таможенныя, губныя, судовыя избы Московскаго государства. Вып. 1-й. М. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Записки Московскаго Археологическаго Института.** Т. 3, изданный подъ редакціей проф. А. Н. Филиппова. М. 1910. Ц. 10 р.
- Томъ 4-й вып. 1-й, изд. подъ ред. А. И. Успенскаго. Ц. 3 р.
- Томъ 6-й. Ц. 7 р.
- Извѣстія Русскаго Генеалогическаго Общества.** Вып. 3-й. Спб. 1909. Ц. 3 р.
- Калперевъ, Н.** Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ. Т. 1-й. Сергіевъ-Посадъ. 1909. Ц. 3 р.
- Корниловъ, А.** Пятидесятилѣтіе литературнаго фонда. 1859—1909. Общій очеркъ. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Михальчукъ, Н.** Открытое письмо къ А. Н. Пышину по поводу его статей въ «Вѣстн. Евр.» о спорѣ между южанами и сѣверянами. Киевъ. 1909. Ц. 45 к.
- Намѣстничьи, губныя и земскія уставныя грамоты Московскаго государства.** М. 1909. Ц. 80 к.
- Хиченсъ, Р.** Чары Египта въ его памятникахъ. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

- Богачевъ, Т. Отъ чего гибнетъ народъ и государство? М. 1910. Ц. 35 к.
- Боровскій, А. Обязанности должностныхъ лицъ и дѣлопроизводство крестьянскаго сельск. управл. Петрозаводскъ. 1909. Ц. 85 к.
- Витт. Вопросы передвиженія жителей въ связи съ ростомъ большихъ городовъ. Харьковъ. 1909. Ц. 30 к.
- Бѣльскій, С. Новая земледѣльческая Россія. Очерки землеустройства. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Варшавскій, И. Таблицы для повторенія курса гражданскаго права. Обязательственное право. Спб. 1909. Ц. 35 к.
- Виттъ, В. Екатерина II, какъ криминалистка. Уголовно-правовая доктрина Наказа въ ея отношеніи къ западно-европейской теоріи и къ русской дѣйствительности. Спб. 1909. Ц. 70 к.
- Волковъ, Н. Сборникъ положеній о сельскомъ состояніи, состоящій изъ пяти частей, содержащихъ положенія: 1) общее, 2) о выкупѣ, 3) объ установленіяхъ, заведующихъ крестьянскими дѣлами, 4) мѣстные и 5) о бывшихъ государственныхъ крестьянахъ. Изд. 2-е. М. 1909. Ц. 5 р. 25 к.
- Вопросы обществовѣднія, органъ академической и научной жизни, подъ ред. М. Туганъ-Барановскаго и П. Люблинскаго. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Горовцевъ, М. Международное право. Избранная литература. Краткая энциклопедія. Спб. 1909. Ц. со словаремъ 6 р.
- Гриммъ, Э. Политическія воззрѣнія Иполата Тэна. Спб. 1909. Ц. 80 к.
- Дерюжинскій, И. Мѣстный судъ. Возстановленіе выборнаго мирового суда, примѣнительно къ законодательнымъ предположеніямъ третьей Госуд. Думы. М. 1909. Ц. 50 к.
- Дѣло А. А. Лопухина въ особомъ присутствіи Правительствующаго Сената. Стенографическій отчетъ. Спб. 1909. Ц. 75 к.
- Ипполитовъ, С. Сборникъ законоположеній о судебно-медицинскихъ изслѣдованіяхъ. Справочная книга для судебныхъ врачей. Спб. 1910. Ц. 2 р. 40 к.
- Иванъ, Б. Желѣзнодорожное право. Спб. 1909. Ц. 75 к.
- Калчевъ, Г. Признательная Болгарія. Петроградъ. 1909. Ц. 3 р. 50 к.
- Слава освободительницѣ, Петроградъ. 1909. Ц. 2 р.
- Карповъ, П. Говоръ зорь. Страницы о народѣ и интеллигенціи. Спб. 1909. Ц. 60 к.
- Наценеленбаумъ, З. Меліорациі, меліоративныя товарищества и кредитъ въ Россіи. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Нотларевскій, С. Правовое государство и внѣшняя политика. М. 1909. Ц. 2 р. 50 к.
- Лебедевъ, В. Искусство раскрытія преступленій. I. Дактилоскопія. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Липранди, А. Возможенъ ли въ Россіи парламентаризмъ? Харьковъ. 1910. Ц. 60 к.
- Манзсъ, А. Основы страхового дѣла. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Мейеръ, Г. Государство и приобретенныя права. Спб. 1909. Ц. 25 к.
- Мирлесъ, А. Основныя начала русскаго гражданскаго процесса. Кіевъ. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Политическія партіи въ Финляндіи. Программа партій старофанской, шведской народной, младофинской, социаль-демократической, христіанскаго рабочаго союза и аграрнаго союза. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Саловъ, И. Къ вопросу землеустройства. I. Работы земельноустроительной комиссіи и ликвидація Крестьянскимъ банкомъ своихъ земель въ Ивановской 1-й волости, Валаховскаго уѣзда, Саратовской губ. въ 1907—08—09 годахъ. М. 1909. Ц. 30 к.
- Тайновъ, И. Золотое обращеніе п центральные банки главнѣйшихъ государствъ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Томилинь, Н. На судъ общественнаго мнѣнія. I. Какъ велось охранительное дѣло Ильина въ 4 миров. участкѣ гор. Спб. II. Открытое письмо мировому судѣ П. П. Михайлову. Спб. 1909. Ц. 25 к.
- Трубецкой, Е. Лекціи по энциклопедіи права. М. 1909. Ц. 1 р.
- Фонъ-Цуръ-Мюленъ, Ф. Положеніе о государственномъ промышленномъ налогѣ со всѣми позднѣйшими законодательными дополненіями и измѣненіями по прод. Св. Зак. 1906 и 1908 г. и съ приложеніемъ издави къ сему положенію инструкцій и закона 2 января 1906 г. Спб. 1910. Ц. 2 р. 50 к.
- Формы національнаго движенія въ современныхъ государствахъ. Австро-Венгрія. Россія. Германія. Спб. 1909. Ц. 7 р. 50 к.
- Цвичъ, І. Анексія Востни-Герцеговины и сербскій вопросъ. Спб. 1910. Ц. 50 к.

Искусство.

- Бинизъ, П. Художественная бібліотека. Боттичелли. Съ 8 иллюстраціями въ краскахъ. М. 1909. Ц. 1 25 к.
- Ивановъ, М. Памяти Фредерика Шопена. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Моуди, П. Художественная бібліотека. Рафаэль. Съ восемью иллюстраціями въ краскахъ. М. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Марголинъ, Д. Спутникъ меломана. Собраніе оперныхъ либретто. Кіевъ. 1909. Ц. въ пер. 1 р. 50 к.
- Успенскій, А. Фрески церкви Спаса Нередицы. М. 1910. Ц. 2 р. 50 к.
- Фрески церкви Спаса Преображенія Спаса-Жирожакаго монастыря. М. 1910. Ц. 1 р.
- Очерки по исторіи русскаго искусства. Т. 1-й. Русская живопись до XV вѣка вѣлочно. М. 1909. Ц. 20 к.
- Шахматовъ, В. Коллекціи. Бонапарте-Наполеонъ въ 12 батальныхъ картинахъ съ литографіей художника Ж. В. Адамъ. Спб. 1909. Ц. 1 рубль.

1/26*

Естествознаніе и математика.

- Бернось, П. Практическая зоотомія. Вып. 1-й. Лягушка. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Борисовъ, Е. Основанія высшей математики. Томъ 2-й. Спб. 1909. Ц. 3 р.
- Вахтсмугъ, В. Таблицы по качественному анализу. Рига. 1909. Ц. 40 к.
- Наменьшиновъ, Н. Изслѣдованіе атмосферы. Спб. 1910. Ц. 60 к.
- Мережковскій, М. Проф. Конспективный курсъ споровыхъ растений, ч. 1 и 2. Казань. 1909. Ц. 1 р. 75 к.
- Планиъ, М. Единство физической картины міра. Спб. 1909. Ц. 25 к.
- Рамсей, У. В. и Оствальдъ. Изъ исторіи химіи. Спб. 1909. Ц. 75 к.
- Смирновъ, С. Сборникъ подробныхъ рѣшеній задачъ, относящихся къ курсу теоретической механики. Ч. 1-я. Статика въ плоскости. Спб. 1909. Ц. 75 к. Тоже ч. 2-я. Статика въ пространствѣ. Ц. 50 к. Ч. 3-я. Введеніе въ кинематику и динамику. Ц. 50 к. Ч. 4-я. Кинематика. Ц. 75 к. Ч. 5-я. Динамика точки и системы. Ц. 75 к.
- Успенскій, П. Четвертое измѣреніе. Опытъ изслѣдованія области неизмѣримаго. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Федченко, Б. Шугнанъ. Географическіе и ботаническіе результаты путешествій въ 1901 и въ 1904 г. Ч. 1-я. Спб. 1909. Ц. 5 р.
- Фельзенмайеръ, В. Какъ появилось вещество и что оно такое. Доказательство несостоятельности закона Ньютона и что такое есть тяготѣніе. Кн. 1-я и 2-я. Спб. 1910. Ц. 20 к.
- Франціусъ, Г. Способы находенія подпочвенной воды. Спб. 1910. Ц. 60 к.
- Шимневичъ, В. Урожда и происхожденіе видовъ. Спб. 1909. Ц. 75 к.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

- Тайна полюса. Пирі и Кукъ. Кто открылъ сѣверный полюсъ? Спб. 1910. Ц. 75 к.
- Швейцъ, С. Сибирь, кто въ ней живетъ и какъ живетъ. Спб. 1909. Ц. 20 к.
- Яворскій, Ю. Omne vivum ex ovo. Къ исторіи сказаній и повѣрій о яйцѣ. Киевъ. 1909. Ц. 20 к.

Сельское хозяйство и домоводство.

- Давыдова, С. Русское кружево. Узоры и сколки. Спб. 1909. Ц. 3 р.
- Ниценовъ, Н. Огурцы, дыни, арбузы и тыквы. Описаніе сортовъ и культуры, — тепличная, парниковая открытаго грунта и огородная. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Кулешовъ, П. Крупный рогатый скотъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Левинскій, М. Пчеловодство. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Мэтнеръ, Ф. Рациональная обработка почвы по Кэмпбелю. Основы урожайности засушливаго земледѣлія. Спб. 1909. Ц. 1 р. 75 к.
- Рандичъ, О. Значеніе паровой культуры для поднатія земледѣлія въ Россіи. М. 1909. Ц. 60 к.
- Смирновъ, В. Очерки по культурѣ фруктовыхъ деревьевъ въ горшкахъ и кадкахъ. Груша и яблоня. Сумъ. 1909. Ц. 60 к.
- Хмельевская, М. 60 вегетаріанскихъ обѣдовъ. Полтава. 1909. Ц. 55 к.

Торговля и промышленность

- Бабенно, И. Вухгалтерскій терминологическій словарь. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Биллимовичъ, А. Подъемъ товарныхъ цѣвъ въ Россіи. Съ 18 диаграммами. Киевъ. 1909. Ц. 1 р.
- Карманный ежегодникъ по сахарной промышленности на 1909—10 г. Киевъ. Ц. 1 р. 50 к.
- Нафенгаузъ, Л. Синдикаты въ русской желѣзной промышленности. М. 1909. Ц. 1 р.
- Манхъ, А. Основы страхового дѣла. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Пантюховъ, И. Химическая промышленность Россіи за 1899—1908 гг. Спб. 1909. Ц. 60 к.
- Пинкертъ-Видбергъ, Д. Карманный таможенный тарифъ по европейской торговлѣ (общій и конвенціонный), для объявленія товаровъ, досмотра исчисленія и провѣрки пошлянъ. Варшава. 1909. Ц. въ коленѣ. перепл. 2 р. 50 к., въ кож. 3 р.
- Статистическія свѣдѣнія и диаграммы о состояніи жѣднаго дѣла во всѣхъ странахъ міра съ 1893 по 1908 г. составленъ подъ ред. Е. Ц. Кавоса. М. 1909. Ц. 2 р. 50 к.
- Шабалинъ, И. Ухтинскій нефтеносный районъ и его пути сообщенія съ центромъ Россіи. Спб. 1909. Ц. 75 к.

Технологія, строительное и инженерное искусства. Ремесла.

- Алгунджи, П. Какъ проверить самому электрической счетчикъ. Руководство для абонентовъ центральныхъ электрическихъ станцій съ готовыми таблицами для подсчета израсходованной электрической энергии при освещеніи и опредѣленія стоимости ея. Ростовъ-на-Дону. 1905. Ц. 35 к.
- Арманго, инженер. Задача авіаціи и ея рѣшеніе при помощи аэроплана. М. 1909. Ц. 50 к.
- Витлихъ, М. Краткое изложене свѣтло-сахарнаго, крахмального и бродильныхъ производствъ. Рига. 1909. Ц. 4 р.
- Гренандеръ, М. Безпроводочный телеграфъ. Общедоступное изложене. Спб. 1904. Ц. 15 к.
- Davidson, I. Руководство къ технике анализа масла, жира и мыла съ введеніемъ въ качественный и количественный анализъ. Мещовскъ. 1909. Ц. 75 к.
- Делоне, Н. Устройство дешеваго и легкаго планера и способы летанія на немъ. Кіевъ 1910. Ц. 30 к.
- Дидиновскій, П. и Микини, В. Механическое и ручное производство обуви и товаровъ-дѣльные сапожныхъ кожъ. Спб. 1910. Ц. 3 р. 50 к.
- Dunbar, Dr. Руководство по вопросамъ очистки сточныхъ водъ. Саратовъ. 1909. Ц. 3 р.
- Пти, Ф. Какъ построить модель аэроплана. Москва. 1910. Ц. 20 к.
- Разборная модель динамо-машинъ постоянного тока. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Руссурмъ, И. Круглыя фабричныя дымовыя трубы, расчетъ и сооруженіе ихъ, съ указаніемъ законодательства въ различныхъ государствахъ. Спб. 1910. Ц. 5 р., въ переплетъ 5 р. 75 к.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

- Вороновъ, Г. Лошадь, руководство къ изученію строенія лошади. Спб. 1909. Ц. 40 к.
- Догель, А. Органы защиты организма отъ самоотравленія. Спб. 1910. Ц. 40 к.
- Робертъ, Фр. Мальчикъ или дѣвочка. Новѣйшая теорія зарожденія дѣтей мужскаго или женскаго пола по желанію родителей. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Уварова, М. Гигиена. Изд. 3-е. Спб. 1909. Ц. 90 к.

Военное и морское дѣло.

- Лухмановъ, Д. Руководство по морской практикѣ. Вып. 2-й. Деревянный рангоутъ торговыхъ судовъ. Спб. 1909. Ц. 25 к.
- Цыгальскій, А. Современныя средства береговой защиты. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

- Булгановъ, А. Гр. Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевскій. Разборъ ихъ произведеній, съ характеристикой особенностей творчества. Спб. 1910. Ц. 60 к.
- Гиппиусъ, А. Дѣтскій врачъ какъ воспитатель. М. 1909. Ц. 1 р. 75 к.
- Наръ, Т. и Паньо, М. Эсперанто въ десять уроковъ. Самоучитель. М. 1909. Ц. 20 к.
- Ергольскій, А. Эсперанто и Красный Крестъ. Самоучитель международнаго языка, грамматика, упражненія, необходимыя выраженія и словарь. Одесса. 1909. Ц. 60 к.
- Наптеревъ, П. Исторія русской педагогіи. Спб. 1909. Ц. 3 р.
- Краткій латинскій синтаксисъ. Курсъ повторительный. Vade-mecum. Сергіевъ посадъ. 1909. Ц. 40 к.
- Кузьменко, Д. Сборникъ постановленій и распоряженій по реальнымъ училищамъ министерства народнаго просвѣщенія за 1875—1909 гг. М. 1910. Ц. въ перепл. 5 р. 50 к.
- Михайловъ, И. Учебный географическій атласъ. М. 1909. Ц. 80 к.
- Минитинъ, Е. Наканунѣ реформы среднихъ школъ. Томскъ. 1909. Ц. 40 к.
- Овсянниковъ, В. Учебникъ законовѣдѣнія. Курсъ VII кл. гимназій. Одесса. 1910. Ц. 80 к.
- Полныя рѣшенія и объясненія всѣхъ алгебраическихъ задачъ къ сборнику Н. А. Шапшинова и М. Н. Вальцова. Ч. 2. Вып. 2. Составилъ М. Крайчикъ. Минскъ. 1910. Ц. 1 р. 20 к.
- Сборникъ задачъ, относящихся къ курсу теоретической механики. Ч. 1-я. Спб. 1909. Ц. 50 к. Ч. 2-я. Ц. 35 к.
- Сипачевъ, П. и Блюцъцова, Е. Легчайшій способъ научиться правильно писать. Новѣйшій зрительный систематическій диктантъ. Кіевъ. 1909. Ц. 60 к.
- Сперанская, М. Краткій учебникъ ботаники. М. 1910. Ц. 80 к.
- Теодоровичъ, К. Педагогическая и психо-

логическая хрестоматія. Вып. 1-й. Воспитаніе. Лодзь. 1909. Ц. 35 к.

У источника жизни. Настольная книга по половому воспитанію. Спб. 1910. Ц. 1 р. 75 к.

Цунзеръ, и. Первый шагъ. № 2. Сборникъ письменныхъ упражненій. Спб. 1909. Ц. 8 к.

Чижевскій, в. Исправленіе почерка въ 15

уроковъ. Методика частописанія. Уфа. 1909. Ц. 50 к.

Шельцель, к. Книга для чтенія. Ч. 1-я. Учебникъ, пригнанный къ обученію русскому языку въ инородческихъ школахъ. Изд. 5-е. Одесса. 1910. Ц. въ пер. 45 к.

Бивейскій, м. Священный исторія ветхаго и новаго Завета. Для дѣтей младшаго возраста. М. 1910. Ц. 50 к.

Книги для дѣтей и юношества.

Алексѣева, о. Искорка. Разсказъ изъ пріютской жизни маленькой дѣвочки. Спб. 1909. Ц. въ папкѣ 1 р. 25 к.

Андерсенъ. Избранныя сказки. Переводъ А. Н. Неяловой. Томъ 2-й, съ 90 рис. въ текстѣ. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Вернь, Жюль. 80,000 верстъ подь водой. Путешествіе подь волнами океана. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Гогманъ, ф. На дальнемъ сѣверѣ. Разсказъ для юношества. Перев. С. Майковой. Спб. 1910. Ц. въ папкѣ 45 к.

Дестунисъ, с. Малыя дѣтки — малыя бѣдки. Разсказы для малютокъ. Спб. 1910. Ц. 90 к.

Дмитріева, в. Горюныя и другіе разсказы для дѣтей. М. 1909. Ц. 1 р.

Зангвилль, і. и Маргерита, п. Маленькіе проказники. Веселые разсказы въ пер. Л. Черскаго. Спб. 1910. Ц. въ папкѣ 60 к.

Кочетокъ и Мурочка, или виноватаго не нашли. Для дѣтей младшаго возраста. Спб. 1910. Ц. 1 р. 60 к.

Манарова, с. Въ деревнѣ. Разсказы для дѣтей. Спб. 1910. Ц. въ папкѣ 1 р.

Ея же. Дѣла минувшихъ дней. Сборникъ разсказовъ. Съ рисунк. художн. М. А. Андреева и друг. Спб. 1910. Ц. въ папкѣ 1 р.

Гердь, и. Легкая атлетика и атлетическія игры для войскъ, военныхъ и юнкерскихъ училищъ и старшихъ классовъ корпусовъ. Спб. 1909. Ц. 50 к.

Демертъ. 33 боевыхъ приема нападенія,

на лыжахъ. Зимняя сказка для дѣтей младшаго возраста. М. 1910. Ц. 1 р.

Новый швейцарскій Робинзонъ. Обработан. по новѣйшимъ даннымъ П. Сталемъ и И. Масе. Спб. 1909. Ц. 3 р. 50 к.

Рубанинъ, н. На плавающихъ льдинахъ по Ледовитому океану. Спб. 1910. Ц. 35 к.

Свифтъ, д. Путешествія Гулливера, разсказанныя имъ самимъ маленькимъ дѣтямъ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.

Солуха, ольга. Полевые пѣвочки. Разсказы для дѣтей въ стихахъ. М. 1909. Ц. 60 к.

Фурманъ, п. Наталья Борисовна Долгорукова. Историческій романъ. Спб. 1910. Ц. 75 к.

Чарская, л. Огоньки. Сборникъ разсказовъ для юношества. Спб. 1910. Ц. въ папкѣ 1 р. 35 к.

Ея же. Гимназистки. Разсказы. Съ рис. худ. М. Андреева. Спб. 1910. Ц. въ папкѣ 1 р. 35 к.

Ея же. Вѣлыя пелеринки. Двѣ повѣсти: Южаночка и Недрасивая. Спб. 1910. Ц. въ изящной папкѣ 1 р. 50 к.

Федорова-Давыдова, а. Сказка о подземномъ народцѣ. Стихи для дѣтей. М. 1910. Ц. 1 р.

Спортъ, охота и игры.

Гердь, и. Легкая атлетика и атлетическія игры для войскъ, военныхъ и юнкерскихъ училищъ и старшихъ классовъ корпусовъ. Спб. 1909. Ц. 50 к.

Демертъ. 33 боевыхъ приема нападенія,

обороны и обезоруживанія по японской системѣ Жиу-Житцу. Спб. 1909. Ц. 40 к.

Люгаръ, а. Школа сценическаго фехтованія на шпагахъ, шпагахъ съ кинжалами, саблехъ и бой на ножахъ. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Справочныя книги.

Альманахъ-календарь для всѣхъ на 1910 годъ. Ц. 20 к.

Всеобщій календарь на 1910 годъ, изд. Г. Гоппе. Ц. 1 р., въ пор. 1 р. 50 к.

Госневскій, ѳ. Морской календарь на 1910 годъ. Одесса. Ц. 1 р.

Каталогъ книгъ по психологіи, педагогикѣ, психопатологіи, гигиенѣ, анатоміи и физиологіи. Изд. 2-е. Спб. 1909. Ц. 40 с.

Острогорскій, м. Юридическій календарь на 1910 годъ. Цѣна въ кожан. перепл. 1 р. 50 к., въ кож. 1 р. 80 к.

Плаховъ, п. Военный отрывной календарь на 1910 годъ. Кіевъ. Ц. 1 р.

Русскій календарь на 1910 годъ А. Суворина. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 60 к.

Разныя книги.

Гольдманъ, ф. Какъ получить выигрышъ въ азартныхъ играхъ. Спб. 1910. Ц. 3 р.

*) Изданія А. С. Суворина.

Продаются во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ
С.-Петербурга изданія журнала

„ИГРУШЕЧКА“

НОВЫЕ СПОСОБЫ РИСОВАНІЯ:

1) Подготовительное
РИСОВАНИЕ ПО ПАМЯТИ

для маленькихъ дѣтей.

Съ 37 чертежами въ текстѣ и съ прило-
женіемъ въ отдѣльномъ конвертѣ 14 таб-
лицъ углемъ и красками.

2) Рисованіе
КИСТЬЮ и КРАСКАМИ

БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХЪ КОНТУРОВЪ.

Для дѣтей школьнаго возраста. Съ приложе-
ніемъ въ отдѣльномъ конвертѣ 8 таблицъ
красками.

Цѣна каждаго конверта 1 руб.

Отдѣломъ графическихъ искусствъ, военно-учебныхъ заведеній, въ
засѣданіяхъ 7 марта и 25 апрѣля текущаго года, постановлено:
Изданіе журнала «Игрушечка» «Образцы безконтурнаго рисованія
красками» слѣдуетъ привѣтствовать, какъ изданіе, распространяю-
щее новые методы обученія рисованію и считать его пригоднымъ
для средней и отчасти начальной школы. «Рисованіе по памяти для
малютокъ» допустить въ качествѣ руководства для преподавателей
въ начальной школѣ.

3) Левъ Толстой для дѣтей.

Съ портретами и видами Ясной Поляны. Цѣна 60 к.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ комплекты журнала «Игру-
шечка» за 1908 годъ.

Журналъ «Игрушечка» допущенъ Учен. Комит. при Свят. Синодѣ
Учен. Комит. Министер. Народн. Просв. и Комит. Собств. Е. И. В.
Канцел. по Учрежд. Императрицы Маріи къ приобрѣтенію въ
библіотеки.

Цѣна 3 рубля.

Сборникъ „ДЛЯ МАЛЮТОКЪ“.

Допущенъ Учен. Комит. Министерства Народн. Просвѣщенія для чте-
нія учениковъ начальной школы младшаго отдѣленія.

Цѣна 1 рубль.

Вышеозначенныя изданія можно получать отъ А. Н. Пѣшковой.
С.-Петербургъ, Верейская, д. 23. Книгопродавцамъ уступка.

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

Условія подписки на 1910 г.

Съ доставкой и пересылкой въ Россіи: на годъ—12 р., на полгода—6 р. 50 к., на три мѣс.—3 р. 60 к., на одинъ мѣс.—1 р. 20 к. Съ доставкой и пересылкой за границу: на годъ 20 р., на полгода—11 р. 50 к., на одинъ мѣс.—2 р.

Подписка принимается только съ 1-го числа каждого мѣсяца; годовая подписка только съ января по 31 декабря.

Подписка принимается: въ конторѣ Редакціи: **Москва**, Петровка, д. № 25, Самариной; въ **С.-Петербургѣ**—въ конторѣ Торговаго Дома Л. и Э. Метцль и К^о, Морская, 11, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ; въ Парижѣ—въ Agence Hawas—Place de la Bourse.

Розничная продажа №№ „Московскихъ Вѣдомостей“ въ Петербургѣ производится: на вокзалахъ Николаевской, Варшавской и Царскосельской жел. дор. и въ мѣстахъ стоянки правыхъ газетчиковъ: № 1—уголь Литейнаго пр. и Кирочной ул., у Офицерскаго собранія; № 2—у Технологическаго Института и въ Народномъ Домѣ; № 3—у Аничкова моста; № 4—Невскій пр., д. № 34 и у Русскаго Собранія, Троицкая, № 13; № 5—уголь Садовой и Мучного пер.; № 7—уголь Больш. просп. и Введенской на Петерб. сторонѣ; № 8—у Публичной библіотеки; № 11—Невскій пр., у церкви Знаменія; № 15—Невскій просп., у Городской Думы; № 16—Невскій пр., уголь Троицкой. Контора газетчиковъ находится на Шпалерной ул., д. 26, кв. 31.

Цѣна № въ розничной продажѣ 5 коп.

Редакторъ-издатель Л. А. ТИХОМИРОВЪ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ
ФЕВРАЛЬ, 1910 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ФЕВРАЛЬ, 1910 г.

	СТРАН.
I. Семейная хроника. (Изъ записокъ моей бабушки). Часть первая. VI—XI. (Продолженіе). В. З. Головиной	403
II. Первое 25-лѣтіе моихъ литературныхъ мытарствъ. Главы III—IV. (Продолженіе). А. М. Скабичевского	431
III. Тяжелое наслѣдство. (Повѣсть). I—V. Р. И. Сементковского	449
IV. Силуэты времени реформъ. (Воспоминанія шестидесятника). IV—VI. (Продолженіе). Н. Н. Фирсова (Л. Рускина)	483
V. Забытый поэтъ-сатирикъ. А. М. Бѣлова	504
VI. Давніе эпизоды. I. За безразличность и демократическія идеи. Н. А. Энгельгардта	529
VII. Комическій случай съ П. И. Чайковскимъ. А. И. Соколовой	557
VIII. Россія въ Германіи. М. Туринскаго	572
IX. Русскія метаморфозы. (Изъ записной книжки журналиста). II. «Преображеніе» Москвы. Н. М. Ежова	588
X. По поводу статьи «Губернаторъ-революціонеръ». М. И. Шинкевича	603
XI. Ващукъ-Выгорскій. В. Темникова	620
XII. Ващукъ-Погосскій. М. А. Яковлева	629
XIII. Цареубійство 1-го марта 1881 года. (Историческіе очерки). II. «Земля и Воля». (Продолженіе). Б. Б. Глинскаго	639
Иллюстрація: Александръ Дмитріевичъ Михайловъ.	
XIV. Царицыно. Н. М. Девель	669
Иллюстраціи: 1) Видъ Царицына.—2) Паркъ въ Царицынѣ.—3) Руины Царицынскаго замка.—4) Дворцовыя ворота.—5) Павильонъ и часть замка.—6) Уголокъ Царицынскаго парка.—7) Миловида.—8) Старая Миловида.—9) Бесѣдка «Золотой свопъ».—10) Царицынскій мостъ.—11) Оперный домъ.—12) Старыя ворота въ паркъ.—13) Остатки «Чортовой башни».—14) Царицынскій прудъ.	
XV. Кнѣзка и библиографія.	700

1) И. М. Радвинъ. Учебникъ исторіи русскаго права. Спб. 1910 г. М. Ключова.—2) Севастскій Архивъ. XIII. 1.—Протоколы правительствующаго сената по секретной экспедиціи 1764 и 1765 г. 2.—Указы и повелѣнія императрицы Екатерины II за июль—декабрь 1763 и январь 1764 г. С.-Петербургъ. 1909 г. в. ф.—ю.—3) В. П. Алексѣевъ. Разсказы изъ русской исторіи съ рисунками. Выпускъ первый. М. 1909. в. р.—ва.—4) Ан. Титовъ. Проповѣди святителя Дмитрія, митрополита ростовскаго, на украинскомъ нарѣчій. М. 1909. в. Рудакова.—5) Charles de Larivière. La France et la Russie au XVIII siècle. Etudes d'histoire et de la littérature franco-russe. Paris. 1909. а. б.—6) Записки общества исторіи, филологіи и права при императорскомъ варшавскомъ университетѣ. Вып. 4. Варшава 1909. п. в. в.—7) Прив.-доцентъ А. П. Успенскій. Очерки

(См. слѣд. стран.).

по истории русского искусства. Русская живопись до XV вѣка включительно. Томъ I. Изъ лекцій, читанныхъ въ московскомъ археологическомъ институтѣ, въ 1908—9 академическомъ году. Москва. 1910 Владимира Клейна.— 8) «Русскій Филологическій Вѣстникъ». Учено-педагогическій журналъ, издаваемый подъ редакціей профессора Е. Ѳ. Карскаго. 1909. Варшава. п. с.—9) А. В. Жиркевичъ. Ив. Ив. Ойловскій. (Биографическій очеркъ съ приложениями — двумя портретами Орловскаго и его статьею). Вильна. 1909. В. Рудакова.—10) Животная книга духоборцевъ. Записалъ и собралъ Владимиръ Бончъ-Вруевичъ. С.-Петербургъ. 1909. В. Троцкаго.—11) Н. О. Лернеръ. Новооткрытыя страницы Пушкина. Спб. 1910. А. Фомина.—12) С. А. Золотаревъ. Историко-литературные очерки. Спб. 1909. л. — 13) Письма Владимира Сергѣевича Соловьева подъ ред. Э. Л. Радлова. Т. II. Спб. 1909. А. Фомина.—14) Собрание сочиненій С. Т. Аксакова подъ ред. А. Г. Горнфельда. Изданіе т-ва «Просвѣщеніе» Т. I и II. Спб. 1909. Ал. Ф.—15) Вѣльскій, С. Книга о русской жизни. Спб. 1909. Я. Бирюкова.—16) Кузнецовъ, В. Киргизское хозяйство въ Акмолинской области. Т. I. Кокчетавскій уездъ. Повторное изслѣдованіе 1907 г. Изд. переселенческаго управления главнаго управления землеустройства и земледѣлія. Спб. 1909. г. л. и.—17) В. Р. Канненбергъ. Военная географія. Курсъ военныхъ училищъ применительно къ программѣ 1907 г. Общій обзоръ Россіи въ военно-географическомъ отношеніи. Пограничная полоса Россіи какъ театръ военныхъ дѣйствій. Спб. 1909. л. н. — 18) Н. Н. Голубевъ. Международныя административныя комиссіи XIX вѣка. Очерки теоріи и практики. Ярославль. 1909. В. Грибовскаго.—19) Матеріалы до исторіи украинской козаччини, виданіи під загальною редакцією Михайла Грушевського. Томъ I. Документи по рік 1631. Зібрав і видав Іван Крипакевич. Львовъ. 1908. А. Я.

XVI. Заграничныя историческія новости и мелочи 728

1) Письма Кароагенскій некрополь. — 2) Письма Мюссэ къ неизвѣстной. — 3) Кое-что о Л. Н. Толстомъ.—4) Отовсюду.

XVII. Смѣсь. 752

1) Столѣтіе учреждений по принятію прошеній Государю.—2) Столѣтіе учрежденія государственной канцеляріи. — 3) Столѣтіе спб. духовной академіи.—4) 50-лѣтіе императорскаго русскаго музыкальнаго общества.— 5) Торжественное собраніе императорской академіи наукъ.—6) Присужденіе премій М. И. Михельсона. — 7) Засѣданіе литературнаго фонда.— 8) Въ кассѣ литераторовъ и ученыхъ.— 9) Выставки въ историческомъ музее. — 10) Этнографическая выставка. — 11) Памяти графа А. С. Уварова.—12) Юбилей Ц. А. Кюи.—13) Юбилей Д. О. Отта.—14) 50-лѣтній юбилей А. А. Савурскаго.—15) 30-лѣтній юбилей А. Н. Догановичъ.—16) Открытіе «Чеховской комнаты».

XVIII. Некрологи. 774

1) Артамоновъ-Большаковъ, Н. И.—2) Ахшарумовъ, Д. Д.—3) Блейхманъ, Ю. И.—4) Бубежь, Т. X.—5) Вастевъ, В. А.—6) Геймбуржь, В. Ѳ.—7) Дмитріева-Мамонова, Е. А.—8) Маларевская, Е. X.—9) Марковъ, В. П.—10) Олѣховскій, М. А.—11) Пожалоствинъ, Н. П.—12) Соловьевъ, Д. Н.—13) Шишко, Л. Э.—14) Яковлевъ, А. И.

§XIX. Замѣтки и поправки. 781

Поправка къ указателю «Историческаго Вѣстника» за 1909 годъ. Нина Николаевна Фирсова (Л. Рускина).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Петра Васильевича Шумахера.—2) Борьба за тронъ (Beatrice Tyldesley). Историческій романъ. Переводъ съ англійскаго А. М. Вѣлова. I—IV.

О ПОДПИСКѢ
НА
ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ
въ 1910 году

(ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ).

«Историческій Вѣстникъ» издается въ 1910 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія тридцать лѣтъ (1880—1909).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всеми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора «Историческаго Вѣстника» въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ «Новаго Времени» (Невскій проспектъ, № 40). Отдѣленія конторы: въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина «Новаго Времени», и въ Кіевѣ, при книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

ПЕТРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ШУМАХЕРЪ.

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА.

(Изъ записокъ моей бабушки ¹⁾).

VI.

В ЗАПИСАЛА здѣсь все, что припомнила о моемъ первомъ знакомствѣ со Ступилорымъ. Иное я сама помнила очень живо, иное рассказывали мнѣ потомъ, какъ мои дѣтскія жантильесы. У меня даже есть вещественное доказательство нашего знакомства: «Басни Крылова» въ красномъ сафьянномъ переплетѣ съ бѣлыми кожаными уголками и съ надписью: «Мирочкѣ Волоцкой отъ Андрея Ступилова въ память первой пробы нашего драматическаго таланта». Уцѣлѣла и «рѣчь», какъ потомъ назвали то, что Ступиловъ говорилъ во время вальса казанскому юношѣ, чтобы избавить отъ его аплодисментовъ хорошенькую Коровинну. Кому-то изъ присутствовавшихъ понравилось, что сказалъ Ступиловъ, и онъ записалъ его слова. Такъ какъ все, что касалось Ступилова, очень интересовало все общество, то эта «рѣчь» разошлась по городу, и мать Коровиной нашла, что это было просто признаніе въ любви ея дочери. Она перечитывала эту «рѣчь» роднымъ и знакомымъ и, не слушая ихъ возраженій, говорила плача, что если бы она не была вдова, а былъ бы у ней защитникъ, то послѣ такихъ публичныхъ словъ Ступиловъ долженъ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХІХ, стр. 7.

былъ бы сдѣлать ея дочери предложеніе. Благодаря этой странной претензіи, эта «рѣчь» попала въ бумаги моего отца вмѣстѣ съ разными другими курьезами. Какъ теперь иногда сохраняютъ вырѣзки изъ газетъ, такъ въ то время списывали, что казалось интереснымъ, и у моего отца была большая коллекція, переписанная его стариннымъ твердымъ почеркомъ на грубой, синей бумагѣ, которой недавно подражали для дорогихъ рарѣтетей. Я нашла эту «рѣчь» въ сосѣдствѣ съ письмомъ Наполеона къ Александру I и съ прокламаціей наслѣднаго шведскаго принца на полѣ сраженія при Деннавицѣ; тутъ же было письмо къ женѣ Рылѣева, рѣчь императрицы Маріи-Луизы въ сенатѣ, выписки изъ писемъ къ сыну Честерфильда и нѣсколько писемъ и стихотвореній Ступилова.

Есть у меня и память о нашей дружбѣ съ Силичемъ: превосходная, большая нарядная кукла, которая ходитъ и вальсируетъ. Она сохранилась во всей красотѣ, потому что стояла всегда въ шкапу у маменьки, она сама заводила ее для моихъ друзей и даже показывала ее своимъ знакомымъ, такъ она была интересна. У меня ее отобрали тотчасъ же, какъ я въ первый разъ показала ее моимъ друзьямъ, потому что Юленька стала перемѣнять ей прическу, Николенька задумалъ усовершенствовать ея механизмъ, всѣ остальные стремились помочь имъ, а я имъ не препятствовала, а съ любопытствомъ смотрѣла, что изъ этого выйдетъ. Силичъ уѣхалъ изъ нашего города: дядя его, съ которымъ онъ былъ въ ссорѣ, заболѣлъ и просилъ его къ нему пріѣхать. Силичъ думалъ скоро вернуться, но вмѣсто того уѣхалъ съ дядей за границу и куклу прислалъ мнѣ съ дороги изъ Петербурга. Онъ послѣ выигрыша у Ступилова сталъ какъ-то особенно со мной обращаться. Прежде онъ часто бралъ у меня руку на счастье, когда шелъ играть, а теперь точно боялся до меня дотрогиваться и хоть всегда желалъ меня видѣть, когда бывалъ у насъ, и мы съ нимъ весело болтали, но если я, распалившись, сама ловила его за руку и говорила: «Это я вамъ на счастье», онъ былъ очень недоволенъ и быстро нѣсколько разъ крестилъ меня.

— Что это ты отъ нея открещиваешься, непризнанный иргизскій попъ, — смѣялся ему мой отецъ, когда онъ разъ продѣлалъ это при немъ.

— Есть еще многое на небѣ и на землѣ, Гораціо, о чемъ и не мечталось въ вашей философіи, — проговорилъ онъ внушительно.

— Да ты самъ юродствуй сколько душѣ угодно, только мою дочурку не обижай.

Когда Силичъ прощался со мной передъ своимъ отъѣздомъ, онъ попросилъ меня его перекрестить. Когда я занесла ему руку на лобъ (онъ сталъ передо мной на колѣни), мнѣ показалось это такъ грустно, что я ужасно расплакалась и просила его не уѣзжать. Долго стояла у нашего подъѣзда его почтовая тройка, гремя отъ

нетерпѣнія бубенчиками: онъ не хотѣлъ уѣхать, пока я не успокоюсь и сама не отпущу его.

Въ годъ отъѣзда Силича столько было разныхъ событій, что няня начала вести съ этого года свое лѣтосчисленіе.

— Это было на другую зиму послѣ того, какъ Петръ Александровичъ уѣхалъ,—говорила она какой нибудь своей собесѣдницѣ, и если та не могла сообразить, когда это было, она укоризненно говорила:—Какъ же ты не помнишь? Ну, на другую зиму послѣ того, какъ Барычова барыня свою Юленьку въ Петербургъ отвезла учиться, а оттуда нашихъ барышень изъ института привезла. Въ тотъ годъ еще ступиловскій баринъ дочку къ себѣ бралъ, а къ намъ генеральша пріѣзжала.

Эта «генеральша» была меньшая сестра моей матери, которую она взяла къ себѣ послѣ смерти бабушки и выдала замужъ. Ее «взялъ за красоту», какъ выражалась няня, важный петербургскій чиновникъ, который пріѣзжалъ къ намъ въ городъ что-то ревизовать и уѣхалъ назадъ въ Петербургъ уже съ молодой женой. Онъ поѣхалъ съ ней за границу, и она возвратилась оттуда не только блестящей красавицей, но и безукоризненной свѣтской женщиной. Маменька часто говорила о своей сестрѣ и любила повторять разсказъ о живыхъ картинахъ въ Москвѣ, которыя устраивало дворянство по случаю пріѣзда императора Николая Павловича. Моя тетка участвовала въ одной изъ картинъ. Она стояла на первомъ планѣ и смотрѣла вдаль, защищая глаза рукой отъ солнца. Когда картину открыли, въ затихшемъ залѣ послышался голосъ государя: «*Quels beaux yeux!*» ¹⁾ и прелестные глаза быстро, быстро заморгали длинными, черными рѣсницами. Картину открывали нѣсколько разъ при шумныхъ аплодисментахъ, которые начиналъ государь; но красавица ужъ стояла невозмутимо.

Теперь ея мужъ былъ губернаторомъ въ одной изъ сосѣднихъ губерній, и она черезъ пятнадцать лѣтъ пріѣхала въ городъ, гдѣ вышла замужъ, все такой же красавицей, только прелестные глаза казались слишкомъ велики. Маменька плакала отъ радости при встрѣчѣ съ ней, а генеральша ласково и красиво обнимала ее и даже поцѣловала у ней руку. Мои сестры и я сдѣлали ей глубокіе реверансы, а она поцѣловала насъ и со всѣми поговорила. Сестры мои давно знали ее: она часто навѣщала ихъ въ институтъ, когда жила въ Петербургѣ. Теперь она пріѣхала посмотреть, что изъ нихъ вышло, и пригласить ихъ на зиму къ себѣ, *pour rafraichir son salon* ²⁾. Какъ женщина, сдѣлавшая свою карьеру красотой, она быстро и вѣрно оцѣнила маменькину наружность моихъ сестеръ.

¹⁾ Какіе прелестные глаза.

²⁾ Чтобы оживить свою гостиную.

— Sophie est tout-à-fait bien, mais il faut qu'elle se soigne. Lise est loin d'être une beauté, mais elle a un minois chiffonné, qui peut plaire. Quand à la petite nous verrons ce qu'elle sera après l'institut ¹⁾.

Этот институтъ былъ причиною дебатовъ съ закрытыми дверями въ папенькиномъ кабинетѣ, послѣ которыхъ маменька выходила заплаканная, а папенька тревожный и задумчивый, и оба избѣгали на меня смотрѣть. Родители мои не соглашались со мной разстаться, несмотря на всѣ доводы тетушки. Тогда она прежде, чѣмъ совѣмъ отказаться отъ своего плана, попробовала обратить свою атаку на меня. За обѣдомъ, видя, что я смотрю на нее и люблюсь ею, она меня спросила:

— Petite! dis moi, mais bien franchement: veux tu que je te mène à Petersbourg pour te placer à l'institut?

— Non, ma tante, je vous le jure! ²⁾—отвѣчала я быстро.

Это «je vous le jure» разсмѣшило всѣхъ и покончило всѣ несогласія: рѣшено было, что я буду учиться дома. Тетушка въ кашемирѣ и въ шляпѣ съ длиннымъ бѣлымъ перомъ сдѣлала прощальные визиты, очаровала всѣхъ и уѣхала, взявши съ меня слово, что я буду хорошо учиться, говорить съ сестрами одинъ день по-французски, другой по-нѣмецки и не буду копать въ саду землю руками.

— Elle aura de jolies mains ³⁾,—объяснила она маменькѣ.

И меня начали серьезно учить. Приходилъ «батьюшка» для Закона Божія, учитель изъ уѣзднаго училища для прочихъ наукъ. Въмѣсто старой, немножко помѣшанной французенки, которая приходила учить меня по-французски и по-нѣмецки, эту обязанность взяли на себя сестры. Онѣ же учили меня музыкѣ и рисованію.

Мнѣ кажется, я не была лѣнива, но какъ трудно было учиться такой, всѣмъ увлекающейся дѣвочкѣ, какъ была я, въ такомъ полномъ жизни домѣ, какъ былъ тогда нашъ. Утромъ я должна была учить уроки, а тутъ у насъ начиналась музыка, которую я очень любила; сестры играли и пѣли, а домъ былъ не настолько великъ, чтобы мнѣ въ классной не было ихъ слышно. Потомъ которая-нибудь изъ нихъ давала мнѣ урокъ; но часто въ это время пріѣзжали гости и ее звали въ гостиную. Уходя, мнѣ оставляли копировать какой-нибудь чрезвычайно правильный носъ или глазъ съ необыкновенно мудреными рѣсницами, или дѣлать трудный пере-

¹⁾ Соня очень хороша, но надо, чтобы она о себѣ заботилась. Лиза далеко не красавица, но ея рожица можетъ нравиться. А что до крошки, мы увидимъ, что изъ нея будетъ послѣ института.

²⁾ Крошка! скажи мнѣ откровенно: хочешь я повезу тебя въ Петербургъ и отдамъ въ институтъ?

— Нѣтъ, тетушка, клянусь вамъ!

³⁾ У ней будутъ красивые руки.

воду. Я горячо принималась за работу; но стоило мнѣ только взглянуть въ окно на нашъ большой дворъ, на половину зеленый, на половину изъѣзженный и покрытый глубокимъ желтымъ пескомъ, гдѣ и въ свободное время играла, и у меня все вылетало изъ головы: тутъ полощутся въ двухъ лодкахъ, врытыхъ для нихъ въ землю, утки съ утятами; тамъ вытягиваютъ длинныя шеи изъ своей загородки мои лебеди; индѣйки, цесарки, бѣлая шпанскія курочки и простыя, излюбленныя Анной птичницей, насѣдки, и пеструшка, и золотая, и хохлаточка, ходятъ по всему двору, хлопочутъ и роются въ травѣ съ своими цыплятами. Въ хлѣбѣ по-дѣтки реветъ теленокъ, котораго скоро будутъ поить. А мои милыя собаки, веселая бѣлая Шавка и старый, ворчливый Муркишка, *si-devant* Маркизь, приходятъ ко мнѣ подъ окно, махая хвостами и слегка взвизгивая, напоминаютъ мнѣ, что я еще не выносила имъ ихъ любимаго кушанья. А когда растянуть по двору на кольяхъ веревки и повѣсятъ на нихъ сушить бѣлье, можно ли было удержаться, чтобы не побѣгать по этимъ коридорамъ между широкими простынями и длиннѣйшими скатертями! Чтобы было веселѣе, я бѣгу въ дѣвичью къ моей ровесницѣ Ганѣ, беру у ней грязный и сырой отъ ея влажныхъ рукъ чулокъ, гдѣ ей задано связать извѣстное число рядовъ, ловко выпрямляю ея изогнутыя спицы и вяжу быстро нѣсколько рядовъ, которые являются бѣлой полосой на работѣ восхищенной Гани. Урокъ ея подвинулся, ее со мной отпускаютъ, и мы бѣгаемъ и визжимъ, догоняя другъ друга въ бѣлыхъ волнующихся коридорахъ. Еще веселѣе, когда на этихъ веревкахъ вывѣшиваются шерстяныя вещи и мундиры разныхъ вѣдомствъ, гдѣ служилъ мой отецъ. Мы съ Ганей выберемъ которые почуднѣе, надѣнемъ ихъ и бѣгаемъ другъ за другомъ, волоча по травѣ длинныя узкія фалды и махая вышитыми обшлагами рукавовъ, а няня и сердится и смѣется. Тоже весело было, когда дѣлали запасъ крахмала, и кучеръ Матвѣй съ поваромъ Иваномъ, самые тяжеловѣсные изъ всей дворни, балансируя и подсмѣиваясь другъ надъ другомъ, толкутся попеременно босыми ногами въ корытѣ по мѣшку размоченной пшеницы и увѣряютъ меня, что такъ стараются для того, чтобы мои юбочки были потуже накрахмалены. Потомъ разставлялись на дворѣ покрытыя скатертями столы, гдѣ сушился бѣлый, какъ снѣгъ, крахмаль; Ганя отряжалась гонять съ него птицъ, а я усердно ей помогала. Осенью на просторной, таинственной, уставленной бочками и кадками всѣхъ величинъ погребницѣ лили сальныя свѣчи. Тутъ священнодѣйствовала ключница Василиса, разливая по формамъ горячее сало. Она всегда пригласила меня вытянуть изъ формы за палочку, продѣтую въ петли свѣтильни, только что остывшую желтоватую первую свѣчу. Ее мѣтили, продѣвши вмѣсто палочки цвѣтной лоскутокъ, чтобы я потомъ видѣла, хорошо ли будетъ горѣть моя свѣча...

А нашъ садъ!.. Правда, онъ былъ черезъ улицу, и мнѣ одной нельзя было въ него ходить; но когда мы съ няней были свободны, или ко мнѣ прїѣзжали мои маленькіе гости, мы всегда бѣгали и играли въ саду, гдѣ были всякія ягоды и вкусныя яблоки. Я и съ Силичемъ познакомилась, когда шла съ няней изъ саду съ корзиной смородины на рукѣ. Онъ тогда только что прїѣхалъ въ городъ и ѣхалъ верхомъ по нашей улицѣ. Мы съ няней заглядѣлись на его красивый мундиръ. Увидавши насъ, онъ остановился, поклонился намъ и сказалъ:

— Не дадите ли милая барышня, вѣточку смородины проѣзжему солдату?

Я протянула ему цѣлую горсть. Онъ соскочилъ съ лошади, чтобы взять ее и поблагодарить меня. Я спросила, какъ зовутъ его лошадь.

— У ней прелестное имя,—сказалъ онъ:—ее зовутъ Бѣла, она у меня и красавица и умница, погладьте ее за это. Онъ наклонилъ ко мнѣ ея голову, и я въ первый разъ дотронулась до мягкой лошадиной мордочки.

А зимой!.. Какъ было весело зимой!.. На дворѣ, противъ оконъ классной, кучеръ Матвѣй дѣлалъ гору не высокую, но очень широкую, по приказанію маменьки, и мы съ Ганей катались по ней и на лубкѣ, и на салазкахъ, и на ледянкахъ. Одинъ разъ мы даже скатились на дровняхъ, которыя тутъ близко случились. Я сѣла въ дровни, Ганя стала на мѣсто лошади, полетѣла съ горы, держа въ рукахъ оглобли, и всадила ихъ прямо въ окно классной, выбивши четыре стекла. Это было ужасное происшествіе, потому что былъ сильный морозъ; но это было такое, никакими домашними законами не предвидѣнное преступленіе, что насъ тотчасъ простили...

А какое веселье было на святки!.. Не только меня и всѣхъ прїѣзжавшихъ ко мнѣ гостей рядили, приходила ряженая и вся наша дворня. Всѣ они были очень веселые люди, кромѣ папенькинаго камердинера Вавилы и ключницы Василисы, про которыхъ няня говорила, что Вавила очень гордъ, а Василиса очень серьезная женщина. Былъ всегда между наряженными и мой мучитель башмачникъ Петръ, который шилъ обувь для всѣхъ насъ и для всей дворни. Когда онъ становился передо мной на колѣна и, наклонивъ свою кудрявую голову, перетянутую желтымъ ремнемъ, снималъ съ меня мѣрку, туго сжимая ею мою ногу, маменька всегда ему говорила:

— Дѣлай ей какъ можно просторнѣе, Петръ; ты всегда ей дѣлаешь такіе узкіе башмачки, что приходится двадцать разъ расколочивать.

— Слушаюсь! Слушаюсь!—говорилъ онъ успокоительно, выстригая огромными нянинными ножницами уголки изъ мѣрки.—Слушаю-сь. Это точно, въ тотъ разъ я маленько ошибся! Зачѣмъ имъ дѣлать тѣсно!.. Растутъ-сь!

Но когда башмаки были готовы и мы съ няней хотѣли ихъ примѣрить, они совсѣмъ не надѣвались. Мы шли съ ними къ маменькѣ, и туда же призывали Петра. Онъ пожималъ плечами отъ удивленія; божился, что думалъ—будутъ велики; разминалъ подошву, вытягивалъ края башмаковъ, засовывалъ въ нихъ пальцы и просилъ позволенія самому на меня примѣрить. Тутъ онъ бралъ мою ногу, ловко и безжалостно всаживалъ ее въ узкій башмакъ, живо завязывалъ ленты, и показывая маменькѣ свое произведеніе на моей ногѣ, говорилъ:

— Самый фасонистый, просторный башмачокъ!.. А это только барышня всегда изволятъ капризничать!..

Но на святкахъ, наряженный медвѣдемъ, Петръ не жалѣлъ себя, показывая передо мной всѣ медвѣжьи штуки и ухватки; имъ ловко управлялъ татаринъ-поводильщикъ, молодая маменькина горничная, за которую постоянно и всегда напрасно сватался Вавила; козой у нихъ была Ганя. Поваръ Иванъ наряжался кучеромъ, а кучеръ Матвѣй цыганомъ, и у нихъ были нескончаемые комическіе разговоры объ украденныхъ цыганомъ лошадяхъ. Были тутъ мордовки, цыганки-ворожеи, горбатыя старухи. Высокій, худой Вавила всегда наряжался испанцемъ; маменька подарила ему для этого бѣлое страусовое поломанное перо и старую бронзовую брошку. Онъ прикалывалъ все это къ своей фуражкѣ, которую повертывалъ козырькомъ назадъ, надѣвалъ папенькину старую шпагу съ португеей, заворачивался въ плащъ, который няня ему дѣлала изъ своего черного платка, и ни въ какихъ пляскахъ и разговорахъ не участвовалъ. Няня и серьезная Василиса, которая никогда не рядилась, становились въ дверяхъ зала. Няня забавлялась всѣмъ какъ маленькая, и, кажется, только тучность и одышка не позволяли ей самой нарядиться и плясать. Маленькая, коренастая Василиса старалась показать величайшее презрѣніе къ комическимъ выходкамъ своего обожаемаго мужа Матвѣя, и когда всѣ кругомъ хохотали надъ его цыганскими хитростями и остротами, она отплевывалась, приговаривая:

— У-у! шутъ малодушный!.. Глазыньки бы мои не глядѣли!.. Какъ есть ни къ какому званію не подходящій человѣкъ!..

На что няня возражала:

— Эхъ, Василиса! нечего тебѣ Бога гнѣвить!.. Нѣтъ на свѣтѣ лучше житья, какъ съ веселымъ человѣкомъ.

Но Василиса стояла насупленная, а кругомъ всѣ веселились: сестры играли разныя плясовыя, а я усердно угощала всѣхъ пряниками и орѣхами.

Потомъ приходила масленица и катанье на тройкѣ въ большихъ саняхъ, куда насъ, маленькихъ, насаживали къ нянѣ какъ можно больше, и Ганя часто съ нами каталась. А уроки танцевъ у насъ и у всѣхъ моихъ подругъ по очереди!.. Это было ужасно весело!.. И всѣ

меня любили, потѣшали, баловали... Но, несмотря на то, что все кругомъ меня было такъ оживленно и весело, я выучивала скучные уроки, дѣлала задачи, переводы и рисунки. Когда мнѣ все это особенно надоѣдало и хотѣлось все бросить и убѣжать изъ классной, мнѣ припоминалась диванная въ Ступиловкѣ, гости, Андрей Кирилловичъ и слышались его слова:

— Надо вамъ хорошо учиться, Мирочка! А то послѣ будете жалѣть: скучно жить на свѣтѣ, когда мало знаешь.

И я усердно принималась за работу, потому что горячо желала, чтобы мнѣ всегда было весело и чтобы всѣ со мной радовались.

VII.

Маменька любила, чтобы я сидѣла у ней въ комнатѣ, когда я кончала мои классныя занятія, и учила меня разнымъ женскимъ работамъ. Я часто брала къ ней свои уроки и сидѣла съ работой въ рукахъ и съ раскрытой книгой на колѣняхъ, когда учила что-нибудь наизусть, только не стихи. Стихи я всегда читала и учила вслухъ, ходя по классной, такъ что многое изъ моего русскаго репертуара знали горничныя, особенно Ганя. Разъ я вышла на балконъ моей комнаты, съ жаромъ декламируя стихи Лермонтова, которые мнѣ списалъ и подарилъ Николенька передъ отъѣздомъ въ Петербургъ:

Сюда, наѣздники Джемата,
Откройте удалъ мнѣ свою.
Кто знаетъ князя Бейбулата?
Кто возвратитъ мнѣ дочь мою?

Тутъ я остановилась, потому что по улицѣ кто-то шелъ, но надо мной раздалось грозное:

«И!».. молвилъ витязъ черноокій,
Схватившись за кинжалъ широкій,
И въ изумленіи нѣмомъ
Толпа раздвинулась кругомъ.

Это продекламовала Ганя изъ слухового окна чердака, гдѣ она помогала вѣшать бѣлье. Она теперь числилась моей горничной, училась вышивать, и ея пяльцы приносились иногда въ маменькину комнату, гдѣ мнѣ поручалось переводить для нея узоръ на впаленный наусукъ.

Маменька часто принимала въ этой своей рабочей комнатѣ хорошо знакомыхъ дамъ, и тутъ мнѣ иногда удавалось слышать что-нибудь о Ступиловѣ. Онъ, должно быть, постоянно дѣлалъ не то, чего отъ него ждали въ городѣ, и потому всѣ его дѣйствія строго обсуждались и критиковались. Но, къ сожалѣнію, когда разговоръ очень оживлялся, маменька высылала меня въ классную. Вскорѣ

послѣ того, какъ мы были на праздникѣ въ Ступиловкѣ, всѣ заговорили о томъ, что онъ беретъ къ себѣ дочь, и это всѣми, кромѣ моихъ родителей, горячо осуждалось. Говорили, что онъ не любитъ дочери, потому что жена его умерла вскорѣ послѣ ея рожденія, а теперь беретъ ее, несмотря на горе бабушки, которая къ ней сильно привязалась. Разъ во время этихъ разговоровъ пришелъ мой отецъ; онъ только что былъ въ деревнѣ у Ступилова и рассказалъ, какъ онъ все заботливо приготовилъ къ прїѣзду своей дочери: собралъ ей прекрасную дѣтскую библіотеку, убралъ самъ ея комнаты цвѣтами и растеніями и вынесъ изъ оранжереи всѣ не совѣтъ удобныя статуи и оставилъ только одну скромную красоту.

— Андрей Кирилловичъ говорилъ, что непременно привезетъ свою дочь къ нашей дочуркѣ: очень желаетъ, чтобы онѣ подружились.

Я нетерпѣливо начала ждать обѣщанную гостью и надоѣдала маменькѣ вопросами, скоро ли ко мнѣ прїѣдетъ. А въ Ступиловкѣ, по обыкновенію, все велось не такъ, какъ ожидалъ городъ: гувернантки у дѣвочки были не тѣхъ лѣтъ, какъ было нужно, да и сама она была «вся въ бабушку», какъ повторяли съ сожалѣніемъ. Когда я разспрашивала о ней маменьку, она говорила грустнымъ тономъ, что бѣдная дѣвочка выросла безъ матери, очень поэтому избалована и часто огорчаетъ отца; но, Богъ дастъ, она исправится.

Я часто думала объ этой странной дѣвочкѣ съ лицомъ злой феи: я живо помнила ея портретъ. Что она дѣлаетъ въ этомъ большомъ, веселомъ домѣ? Зачѣмъ она огорчаетъ отца? Лучше бы представляла съ нимъ что-нибудь въ оранжереѣ, между прелестными цвѣтами и странными растеніями, или бы бѣгала, играла и радовалась подъ прелестную музыку въ огромномъ залѣ. Можетъ быть, ей скучно одной? И мнѣ еще больше хотѣлось ее видѣть.

Разъ я прибѣжала въ комнату къ нянѣ съ урокомъ въ рукахъ и съ просьбой пришить оторванную ленту къ фартуку и застала у ней горничную Барычовой. Когда я влетѣла къ нимъ, онѣ что-то говорили о ступиловской барышнѣ.

— Ты ее видѣла?—спросила я живо горничную.

— Какъ же, барышня, не видать, вѣдь мы съ ними сосѣди. Хоть она и гордая барышня, а все-таки я удостоилась раза два у ней ручку поцѣловать.

— Ну, что же она?.. Что она дѣлаетъ?

— Да что ей дѣлать! Утромъ съ капризомъ встанетъ, одѣнется, покушаетъ, всѣхъ обойдетъ, всѣхъ обидитъ и за книжку сядетъ съ губернанками озорничать. Ей, кума,—обратилась она къ нянѣ,—тоже ихъ батюшка, отецъ Петръ, уроки преподаетъ; такъ онъ говорить, трудно ему было посвящаться и первую обѣдню служить,—онъ у нихъ изъ дяконовъ,—а все не такъ тяжело, какъ теперь съ ихъ барышней за урокомъ сидѣть.

— Отчего же ему такъ тяжело?—спрашиваю я.

— Да у нея,—говорить отецъ Петръ,—на всякое его слово своихъ десять словъ готово, и все въ насмѣшку.

Пока я стою въ недоумѣніи, она продолжаетъ, обращаясь къ нянѣ:

— Ну, ужъ, кума, и губернанки эти хороши!.. Сторожъ Василій поймалъ ночью ихнюю французенку: думалъ, воръ въ окошко лѣзеть къ барину...

— Мирушка, бери фартукъ и иди!..—крикнула на меня няня.— Что тутъ съ книжкой стоишь!.. Поговорила и будетъ!.. У насъ съ кумой свое дѣло есть!..

Черезъ нѣсколько времени маменька мнѣ сказала, что отецъ увезъ Анюгу Стушилову въ петербургскій институтъ. Онъ надѣется, что общество хорошихъ дѣвочекъ ее исправитъ.

Стушиловъ часто уѣзжалъ то въ Петербургъ, то за границу, но когда возвращался въ деревню, всегда бывалъ у насъ; только дѣвочки моихъ лѣтъ никогда не показывались гостямъ; это очень строго подтвердила моей матери тетушка-генеральша. Только разъ Стушиловъ засталъ меня случайно въ нашемъ залѣ за повтореніемъ музыки. Въ это время меня ужъ начинала смущать длина моихъ рукъ и ногъ, быстро выроставшихъ изъ моихъ платьевъ, и я, очень сконфуженная, сдѣлала ему неловкій реверансъ. Но только что онъ заговорилъ со мной, вся моя неловкость прошла; и когда маменька, чѣмъ-то задержанная въ своей комнатѣ, быстро вошла, она застала насъ за роялемъ: мы играли съ нимъ въ четыре руки, смѣялись и разговаривали какъ добрые старые товарищи.

А для всѣхъ другихъ онъ былъ, какъ мнѣ и прежде казалось, какимъ-то особеннымъ и даже опаснымъ человѣкомъ. Когда онъ къ намъ пріѣхалъ, въ нашемъ гостепримномъ домѣ, радушно открытомъ для всѣхъ посѣтителей, дѣлалось смятеніе: казачокъ Митюшка, завидя изъ окна передней его экипажъ, въѣзжающій къ намъ на дворъ, совершенно забывалъ лакейскую выправку, которой всѣ его усердно учили, и не «докладывалъ» о гостѣ, а бѣжалъ черезъ всѣ комнаты къ маменькѣ и радостно провозглашалъ по пути всѣмъ встрѣчнымъ: «Стушиловскій баринъ къ намъ ѣдетъ!» При этомъ извѣстіи мои сестры мгновенно разбѣгаются по своимъ комнатамъ; маменька, всегда такая ровная и сдержанная, быстро надѣваетъ свой чепецъ, который виситъ для важныхъ случаевъ на одной изъ восковыхъ свѣчей, украшающихъ ея туалетъ, и нервно завязываетъ его широкія цвѣтныя ленты. Когда дверь въ гостиную за ней затворяется, то вся наша женская прислуга желала бы посмотреть въ замочную скважину на стушиловскаго барина и послушать, что онъ будетъ говорить: онъ былъ для нихъ олицетвореніемъ настоящаго барина, красиваго, отважнаго, щедраго, веселаго и ласковаго; но няня энергичными жестами посылаетъ ихъ къ брошеннымъ рабо-

тамъ. Только онѣ уходятъ, она сама глядитъ въ щель и прислушивается къ разговору, несмотря на мое негодованіе. Я отвожу ее отъ дверей и выразительнымъ шопотомъ внушаю, какъ стыдно подслушивать; но она увѣряетъ меня, что дѣлаетъ это по должности, чтобы быть тутъ, когда барынь что-нибудь понадобится. Приходятъ мои сестры, тщательно поправивши свой туалетъ. Онѣ подходятъ къ двери, но не сразу входятъ: только что Соня, спокойная красавица, беретъ за ручку двери, какъ Лиза волнуется и ее оставиваетъ. Наконецъ онѣ входятъ, и я воображаю, какъ онѣ имъ кланяется низко и почтительно.

Я хожу по комнатѣ и стараюсь учить урокъ, но мнѣ это не удается: у дверей стоитъ няня, съ приложеннымъ къ щели ухомъ и возмущаетъ меня своимъ поведеніемъ, а изъ гостиной слышится звучный, спокойный, красивый мужской голосъ, изрѣдка прерываемый репликами моей матери и сестеръ и ихъ тихимъ смѣхомъ.

Но вотъ няня быстро уходитъ изъ комнаты, и мнѣ слышно, что гость встаетъ, раскланивается, уѣзжаетъ. Всѣ возвращаются изъ гостиной раскраснѣвшіяся и возбужденныя. Маменька снимаетъ свой чепецъ, садится за работу, и онѣ долго говорятъ о немъ. Сестры припоминаютъ его оригинальный разговоръ, его остроты. Лиза комически перебираетъ свои собственныя неудачныя выходки, которыя онѣ шутливо отмѣтилъ, весело оспаривалъ, а потомъ, пожалуй, при случаѣ безопасно осмѣетъ. Я ужъ давно знаю, какъ всѣ боятся его пасмѣшекъ, —но теперь всѣ веселы и довольны, какъ ученики, возвратившіеся съ труднаго экзамена, который пріятно вспомнить, когда онѣ кончился.

А вечеромъ няня, причесывая меня на ночь, рассказываетъ, какъ онѣ, уходя, встрѣтился съ ней, ласково поздоровался и назвалъ по имени и по отчеству.

— Баринъ богатый, знатный,—говорить она:—а нѣтъ его до нашей братьи добрѣ!

И она вспоминаетъ, какъ знала его молоденькимъ: какой онѣ былъ красавчикъ, молодецъ, силачъ а самъ тоненькій, какъ барышня. Какъ онѣ ея кума, медвѣжатника, отъ смерти спасъ: медвѣдь его совсѣмъ подъ себя подмялъ и возится съ нимъ по землѣ, не разберешь, гдѣ звѣрь, гдѣ человекъ... Тутъ подкакалъ ступиловскій баринъ, выстрѣлилъ и прямо медвѣдю въ глазъ попалъ: такъ сразу его и покончилъ... Ну, тоже любилъ и попроказничать!.. Разъ на барынины именины гостей у насъ много было, и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, Скворцовы барышни раньше всѣхъ уѣзжать собрались. А барышни были одна другой лучше, красавицы, воспитанныя... Всѣ ихъ просятъ остаться, а онѣ не соглашаются, спѣшатъ. Подали имъ коляску; ступиловскій баринъ провожаетъ ихъ; усадилъ, раскланялся съ ними, захлопнулъ дверцу, а самъ отошелъ да держитъ ихъ коляску за заднее колесо... Лошади дергаютъ, а съ мѣста тронуть не могутъ!.. Потому у него силища!..

И мы съ няней смѣемся, и радуемся такой его силѣ!.. Я засыпаю, вспоминая ея рассказы, и вижу во снѣ богатырей и великановъ; они всѣ мои добрые товарищи; ходятъ со мной по лѣсу, раздвигаютъ передо мной высокія ели, отгоняютъ медвѣдей и рвутъ мнѣ цвѣты и землянику...

На другое утро, за чаемъ, къ которому сходится вся наша семья, я провѣряю рассказы няни. Мой отецъ очень любитъ Ступилова и охотно рассказываетъ о его похожденияхъ.

— Онъ одно время совсѣмъ было пересталъ ходить съ ружьемъ на медвѣдей,—говоритъ папенька:—находилъ, что не интересно, что онъ точно Ахиллесъ... Мирочка, знаешь, кто былъ Ахиллесъ?..

— Знаю, знаю!—спѣшу я заявить, боясь перерыва рассказа.

— Такъ онъ находилъ, что онъ тутъ какъ Ахиллесъ, неуязвимъ, потому что ружья у него отличныя, а рука и глазъ никогда ему не измѣняются. А вотъ съ рогатиной другое дѣло... Тутъ ужъ одинъ на одинъ!.. кто кого!.. Вотъ разъ и пошелъ онъ съ рогатиной одинъ въ лѣсъ, гдѣ извѣстно было, что медвѣдя видѣли. Вышелъ на лощинку... онъ мнѣ послѣ и мѣсто показывалъ: такъ, не больше, какъ эти двѣ комнаты, и все мелкимъ соснякомъ заросло; а съ одной стороны у опушки дерево сухое лежитъ. Онъ хотѣлъ дальше итти, какъ что-то затрепало, и видитъ онъ, что изъ-за сухого дерева медвѣдь лѣзетъ!.. такъ близко, что и оглянуться некогда! Къ счастью, тутъ подлѣ него большая, толстая сосна была; только что онъ за нее сталъ, какъ медвѣдь поднялся и пошелъ на него. Близко поддустилъ его Андрей Кириллычъ, всадилъ ему рогатину въ грудь по самый крестъ и налегъ на нее изо всей силы. Смотрятъ звѣрь и человѣкъ въ глаза другъ другу... ни одинъ не подается, только страшно реветъ раненый медвѣдь!.. И вдругъ издали еще ревъ послышался... ближе... ближе... Смотритъ Андрей Кириллычъ... а изъ-за того же сухого дерева огромная медвѣдица показалаась!..

— Ну, папочка!.. ну!..—говорю я, замирая отъ страха.

— Ну, тутъ, говоритъ Андрей Кириллычъ, ему стало страшно... до присутствія духа онъ не потерялъ... Понимаешь, не струсиль, а только понялъ всю опасность и ему все кругомъ точно виднѣе стало и силы прибавилось. Такъ налегъ онъ на рогатину, что осадилъ медвѣдя и приперъ конецъ рогатины къ стволу сосны, а обезумѣвшій звѣрь самъ на нее лѣзетъ. Освободился онъ отъ одного врага, а другой ужъ тутъ... Медвѣдица идетъ на него съ поднятой лапой... Выхватилъ онъ ножъ и всадилъ ей въ горло по самую рукоятку... Но она все-таки сильно ударила его лапой, разорвала когтями толстый казакинъ на мѣху и сильно его поцарапала!..

Я бѣгу пересказать все это нянѣ, потому что она тоже восхищается силой, отвагой и ловкостью. Я часто читала и рассказывала ей о подвигахъ разныхъ героевъ, о которыхъ я учила; она всѣхъ ихъ очень полюбила, называла «древними князьями» и даже помнила

ихъ имена. Но тутъ мы часто спорили: мнѣ хотѣлось ее убѣдить, что и Андрей Кириллычъ могъ бы совершать такіе же подвиги; что онъ силенъ, ловокъ и храбръ; что онъ могъ бы побѣждать, какъ Свято-славъ и Александръ Македонскій, и убить льва, какъ Самсонъ.

— Что ты такое говоришь!—останавливала она меня.—Нынѣшняго барина съ древними князьями сравнила!.. Съ утра до ночи учишься, а того не знаешь, что съ году на годъ народъ все плоше становится: силенъ Андрей Кириллычъ по нашему вѣку... Ну, а до древнихъ князей ему далеко!..

Но я, несмотря на мудрыя поученія няни, всѣхъ героевъ, и баснословныхъ и историческихъ, олицетворяла въ Ступиловѣ.

VIII.

Сестры мои начали уѣзжать каждую зиму къ тетушкѣ-губернаторшѣ и такъ долго тамъ заживались, что мои родители, заботясь о моемъ образованіи, взяли мнѣ для французскаго языка и музыки двухъ учителей. Мой французъ Деляплатьеръ былъ превосходный учитель. Въ одномъ изъ лучшихъ пансіоновъ Москвы, который онъ открылъ, возвратясь изъ нашего города, до сихъ поръ сохранилось и съ уваженіемъ вспоминается его имя. Въ мое время богатая молодежь приготовлялась дома къ университету и высшимъ военнымъ школамъ, и этотъ очень ученый и дорогой французъ былъ выписать къ моему пріятелю Николенькѣ. Деляплатьеръ носилъ синія очки, былъ среднихъ лѣтъ, очень высокъ, худъ, съ длинной верхней губой и съ густой черной тѣнью на мѣстахъ бакенбардъ, бороды и усовъ, какъ бы онъ ни былъ тщательно выбритъ. Я очень его боялась и трудилась изо всѣхъ силъ надъ моими уроками. Онъ вообще былъ мной доволенъ; а когда я ему декламировала: «*Songe d'Athalie*», «*A reine nous sortions des portes de Trézène*», «*Le meunier de Sans-Souci*» и тому подобное, онъ покачивалъ въ тактъ головой и, понюхивая табакъ, отрывисто говорилъ: «*Bien!.. bien!.. très bien!.. tout à-fait bien!..*» ¹⁾ и ставилъ меня въ примѣръ Николенькѣ, который одинаково скучалъ надъ латинскими и французскими классиками. Когда Николеньку увезли въ Петербургъ, у Деляплатьера было такъ много хорошо оплаченныхъ уроковъ, что онъ остался въ нашемъ городѣ и даже задумалъ жениться на хорошенькой, бѣлокурой казачкѣ, которую видѣлъ каждый день у окна за работой, когда проходилъ мимо ихъ домика на уроки. Онъ посватался черезъ переводчика, и родители дѣвушки съ радостью дали согласіе, потому что были очень бѣдны, а Деляплатьеръ казался имъ богачомъ. Онъ началъ по вечерамъ посѣщать свою невѣсту съ переводчикомъ, но она

¹⁾ Хорошо... хорошо... Очень хорошо... совсѣмъ хорошо.

только плакала въ отвѣтъ на всѣ изысканныя любезности, которыя ей переводили. Въ слезахъ она была прелестна, и Деляплатьеръ утѣшилъ тебя тѣмъ, что «*ces larmes sont obligatoires... ce sont les us et coutumes de fiancées russes*»¹⁾). Но переводчикъ былъ хорошій человекъ и прямо сказалъ влюбленному французу, что невѣста считаетъ его чуть не за антихриста и рѣшилась скорѣе броситься въ Волгу, чѣмъ выйти за него замужъ. Послѣ этого афронта онъ тотчасъ уѣхалъ, но началъ переписку съ своимъ переводчикомъ, спрашивая его въ каждомъ письмѣ: «*Que fait ma belle blonde?*»²⁾ до тѣхъ поръ, пока ему не написали, что она вышла за браваго казака.

Мой учитель музыки, Дмитрій Михайловичъ Кречетовъ, былъ, напротивъ, очень дешевый учитель. Мнѣ кажется, я не ошибаюсь, что ему платили пять рублей въ мѣсяцъ за три часа въ недѣлю; но зато у него учился весь городъ. Даже одинъ ужъ немолодой купечъ-пшеничникъ вздумалъ выучиться у него играть трепака. Кречетовъ приходилъ къ намъ съ этого урока очень возбужденный и отъ него сильно пахло хорошимъ виномъ; но уроки эти скоро прекратились, потому что толстые пальцы купца не могли никакъ подниматься по одиночкѣ и попадать на извѣстную клавишу. Жилъ Кречетовъ въ маленькомъ флигелькѣ городского дома одной помѣщицы; прислуживала ему жена ея сторожа, и за это каждое воскресенье и на всѣ праздники его увозили къ помѣщицѣ въ деревню, гдѣ онъ весь день давалъ уроки ея дѣтямъ. Онъ былъ бѣлокурый, съ блѣдно-голубыми глазами на выкатѣ, сутуловатый и толстый, несмотря на то, что его каждую весну трясла наша жестокая волжская лихорадка. Онъ высиживалъ всѣ свои пароксизмы на урокахъ, что моя няня очень одобряла.

— Такъ ее и надо...—говорила она про лихорадку.—Нѣжъ ее да въ постель ее положи, такъ она и не отвяжется.

Кречетовъ пріѣхалъ къ намъ изъ Москвы, тамъ онъ учился музыкѣ, и съ гордостью рассказывалъ, что взялъ передъ отъѣздомъ къ намъ два урока у Фильда. Фильдъ былъ боленъ и лежалъ въ комнатѣ рядомъ съ той, гдѣ игралъ ученикъ, но каждый разъ замѣчалъ, когда онъ ставилъ не то *doigtée*, и говорилъ, ему какой палецъ онъ неправильно ставилъ. Кречетовъ игралъ бойко и недурно, но на игру своихъ ученицъ мало обращалъ вниманія. Онъ только отъ насъ требовалъ, чтобы мы вѣрно держали тактъ и не останавливались. Во время урока мы играли страницу за страницей, а онъ или трясся въ лихорадкѣ, или рассказывалъ городскія новости, а тѣмъ, кто былъ постарше, говорилъ вычурные и смѣшные комплименты. Я была изъ лучшихъ его ученицъ; ни экзерсисовъ, ни этю-

¹⁾ Это слезы обязательныя... это обычай русскихъ невѣстъ.

²⁾ Что дѣлаетъ моя прелестная блондинка?

довъ онъ мнѣ не давалъ, а только разныя варьяціи, и къ концу второго года моихъ уроковъ я ужъ играла концертныя вещи Герца, и даже иногда съ ступиловскимъ оркестромъ, когда онъ приглашался въ городъ на зимній сезонъ. Это мнѣ устраивала Александра Петровна Ступилова въ своемъ залѣ пораньше утромъ, въ отсутствіе Дмитрія Кирилловича; она боялась, чтобы онъ, какъ хорошій музыкантъ, не смутилъ меня своей критикой. Кречетовъ стоялъ за моимъ стуломъ и перевертывалъ мнѣ листы нотъ; Александра Петровна ходила взадъ и впередъ по залу, сложивши за спиной руки, Мнѣ теперь стыдно вспомнить, какъ я исполняла свою партію, но тактъ держала вѣрно и не часто путала и останавливалась. Мои старые пріятели, музыканты, относились снисходительно къ моей игрѣ: только вольнонаемный Ребристовъ всегда замѣчалъ, что надо бы играть почище; мелодію получше отдѣлять да знаки соблюдать. На это Кречетовъ отмахивался отъ него руками, какъ будто говоря: «Вотъ что еще выдумалъ». Когда нашъ концертъ кончался, Александра Петровна нѣжно обнимала меня, взволнованную и раскраснѣвшуюся, и уводила къ себѣ въ комнату, гдѣ было приготовлено мнѣ угощеніе. У ней была бы своя дочь моихъ лѣтъ, да умерла совѣмъ маленькая, и няня говорила, что это въ память своей дочки она такъ меня «жалѣветъ».

IX.

Такъ мирно шла моя счастливая дѣтская жизнь, когда въ нашей семьѣ произошло важное событіе; мои сестры возвратились отъ тетушки невѣстами: Лиза выходила за учителя исторіи и русскаго языка въ губернской гимназіи, а красавица Соня дѣлала блестящую партію: она выходила за богатаго, еще молодого вдовца, уѣзднаго предводителя съ греческой фамиліей. Сестры давно знали его, потому что его первая жена была племянница тетушкинова мужа, и тетушка очень желала этой свадьбы. Она сама привезла къ намъ сестеръ, а черезъ нѣсколько дней пріѣхали и женихи. Изъ нашей единственной гостиницы прибѣжалъ половой сказать, что господа умываются и просятъ прислать за ними лошадей; въ нашемъ городѣ еще не было извозчиковъ, а пѣшкомъ тогда мало ходили. Мы съ Ганей видѣли изъ окна моей комнаты въ мезонинѣ, какъ женихи подѣхали къ крыльцу и вышли изъ саней: одинъ средняго роста, очень красивый брюнетъ въ каскѣ и въ шинели съ бобрами; другой высокій, худой, въ фуражкѣ, съ длинными бѣлокурыми волосами, растрепавшимися по воротнику епотовой шубы. Ганя, летая, какъ стрѣла, внизъ и вверхъ по лѣстницѣ, сообщала мнѣ все, что происходило.

— Всѣ прошли въ гостиную... Одинъ красавецъ, военный.. другой такъ себѣ, ничего... только ужъ очень худъ... Женихи съ

бариномъ въ кабинетъ ушли... И барыню туда позвали... Генеральша барышень туда повела... Васъ, васъ просятъ... Благословлять сейчасъ будутъ! За батюшкой послали... Вавилѣ шампанское велѣли готовить.

Когда я вошла въ залъ, дверь папенькина кабинета отворилась, и всѣ они вышли оттуда, смѣясь и разговаривая. Громче всѣхъ говорилъ и смѣялся кудрявый брюнетъ, который вышелъ подъ руку съ Соней. Маменька меня ему представила.

— Ah! la troisieme Grace,— сказалъ онъ сильно и некрасиво грассируя и насмѣшливо-почтительно мнѣ кланяясь. — *Quel âge avez-vous, mademoiselle?* ¹⁾

Я сказала, что мнѣ 14 лѣтъ.

— Однихъ лѣтъ съ моимъ Митей, а много выше его,—сказалъ онъ, неодобрительно мѣряя меня своими черными, не русскими, очень красивыми, но непріятными глазами.

Соня ненатурально быстро заговорила, что до двѣнадцати лѣтъ я тоже была очень мала, и такъ вытянулась только въ послѣдніе два года. Она увѣряла его, что и Митя будетъ такъ же быстро теперь расти. Митя былъ сынъ ея жениха.

— *Le cher enfant est bien robuste,*—начала успокоительно тетюшка, съ своей очаровательной улыбкой.—*On voit qu'il aura assez d'toffe pour une belle stature!* ²⁾

— Васъ что-нибудь тревожить въ здоровьѣ вашего сына?—спросила участливо моя чуткая мамочка, замѣтивъ, что тутъ что-то неладно.—Васъ беспокоитъ, что мальчикъ мало растеть?

— О, нѣтъ, *papa*; мой сынъ совершенно здоровъ, и его ростъ нисколько меня не беспокоитъ.—отвѣчалъ женихъ почтительно холоднымъ тономъ.

— Платона Александровича нѣсколько смущаетъ, что его сынъ уменъ не по лѣтамъ; а это всегда вредно...—заговорила тетюшка, понижая голосъ, но такъ, что всѣмъ было слышно:—это такой необыкновенно даровитый мальчикъ... Платонъ Александровичъ хотѣлъ взять его съ собой: это была бы такая радость для Миры, но онъ немножко простудился, и милого мальчика оставили дома.

Тутъ Лиза подвела ко мнѣ своего жениха, и мы съ нимъ быстро подружились, такъ что во все время какъ у насъ были тетюшка и женихи, у насъ образовалось два лагеря: тетюшка и Соня съ женихомъ все время были неразлучны; у нихъ были нескончаемые разговоры о петербургскихъ знакомыхъ, о Парижѣ и нѣмецкихъ курортахъ; а я, Лиза и ея длинный, худой, но очень милый и интересный женихъ были тоже всегда вмѣстѣ. Мы часто забирались въ класс-

¹⁾ Третья грація... который вамъ годъ?

²⁾ Милый мальчикъ очень плотный. Видно, что у него достанетъ матеріала на хорошей ростъ.

ную, гдѣ онъ намъ декламировалъ Пушкина, Лермонтова и даже свои собственные стихи. Моя дорогая мамочка приходила къ намъ отдыхать отъ разныхъ своихъ хлопотъ и тоже, какъ мнѣ казалось, отъ Сониного жениха. Онъ безпрестанно звалъ ее «таман»; когда она входила, не позволяя ей стоять ни минуты и тащилъ ей черезъ всю комнату самыя тяжелыя кресла, которыя у насъ давно стояли по угламъ на покоѣ. За обѣдомъ онъ не допускалъ ее налить себѣ чего-нибудь и наливалъ ей только полстакана, а маменька любила непремѣнно полный стаканъ и всегда отлично наливала съ пѣной и себѣ и мнѣ и квасъ, и кислыя щи, и разныя водицы. Когда ей надо было поговорить съ нимъ о чемъ-нибудь, онъ какъ-то ненатурально-почтительно наклонялъ къ ней свою красивую голову и во все время ея рѣчи безпрестанно вставлялъ: «Да, да, таман!.. Совершенно такъ, таман!.. Вы правы, таман». Все это онъ съ ней безпрестанно продѣлывалъ, и я видѣла, что это страшно ей надоѣло. Къ Лизѣ и ея жениху онъ относился свысока, но очень милостиво, звалъ его «Jbicus», а ее «notre petite Lise»¹⁾. За мной тоже навсегда осталась кличка: «la troisieme Grace»!.. За все это мы съ Лизой его не любили и звали между собой «грекомъ».

Только мой отецъ, когда приходилъ со службы, соединялъ и оживлялъ оба лагеря. Онъ зналъ отцовъ и дядей тѣхъ графовъ и князей, которыхъ перебирала тетушка съ «грекомъ», и рассказывалъ о нихъ интересные анекдоты, а для насъ декламировалъ Ломоносова, Державина и даже монологи изъ Озерова, представляя, какъ грасировала Семенова, которой онъ былъ горячимъ поклонникомъ. Не меньше насъ восхищался онъ Пушкинымъ, читалъ и перечитывалъ его произведенія, но жаловался на свою старческую память, которая удержала все то, что онъ зналъ въ молодости, всѣ тяжело-вѣсныя строфы старыхъ поэтовъ и не можетъ запомнить легкихъ и прелестныхъ стиховъ Пушкина.

Когда уѣхали тетушка и женихи, началось самое счастливое для меня время: сестры признали меня за большую, и Лиза сдѣлалась моимъ другомъ. Прежде у ней не было ни для кого свободной минуты: она вся принадлежала Сонѣ, передъ которой преклонялась, а теперь онѣ разошлись, потому что Лиза не скрывала, что не любить «грека», а Соня обожала своего жениха. По просьбѣ Лизы мнѣ даже позволили вѣсто девяти часовъ ложиться въ одиннадцать. У насъ въ домѣ началась та особенная, оживленная жизнь, которая начинается всегда тамъ, гдѣ невѣста, а у насъ ихъ было двѣ. Въ маменькиной комнатѣ большой круглый столъ былъ заваленъ кружевами, вышивками, полотномъ, кисеей, разноцвѣтными лентами и матеріями: это приготовлялось приданое, и я оказалась тутъ хорошей помощницей маменькѣ. Въ дѣвичей шилось, что мы тутъ кроили

¹⁾ Ивикъ, наша маленькая Лиза.

и подготовляли, и дѣвушки пѣли разныя свадебныя пѣсни. Я запомнила нѣсколько строкъ изъ нихъ, потому что онѣ напоминаютъ мнѣ нашъ провинціальный говоръ:

Ужъ и нѣтъ еще такого молодца,
 Какъ Platона Александровича.
 Какъ онъ съ тысячи на тысячу ступать,
 Милліонтами по городу шибать!

Весело было мнѣ за нашимъ рабочимъ столомъ: въ то время, какъ мы кроили, сметывали и улаживали, шли разговоры; изрѣдка Соня, которая не любила работать, что-нибудь читала намъ, но обыкновенно были разговоры и все больше повѣствовательныя. Сестры рассказывали о Петербургѣ, объ институтѣ. Онѣ любили вспоминать о чаѣ во дворцѣ послѣ выпуска. Какъ тутъ добра была къ нимъ императрица Александра Теодоровна, какъ весело шутилъ съ ними государь Николай Павловичъ. Когда онѣ откланялись и уходили, ихъ провожали молодые великіе князья. Въ одной изъ залъ онѣ встрѣтились съ принцемъ Петромъ Александровичемъ Ольденбургскимъ. Институтки заволновались и начали дѣлать ему самыя глубокіе реверансы, а великіе князья подхватили его, начали качать и смѣясь говорили институткамъ:

— Вы его боитесь?.. А мы вотъ какъ!.. вотъ какъ!.. смѣемъ его подбрасывать

Хороши были рассказы маменьки о старинѣ; папенька приходилъ къ намъ съ смѣшными анекдотами изъ своей военной жизни; но всего интереснѣе было, когда они оба, дополняя другъ друга, рассказывали что-нибудь о Ступиловѣ. Тутъ я вскорѣ очень заболѣла и все это время передъ свадьбой сестеръ казалось мнѣ потомъ, когда я выздоровѣла, какимъ-то смутнымъ сномъ...

Х.

Свадьба сестеръ была назначена 7-го января, а за двѣ недѣли до Рождества я заболѣла. Проснувшись утромъ со страннымъ чувствомъ тяжести въ головѣ: по всему тѣлу пробѣгаетъ то жаръ, то ознобъ и плакать хочется. Я все-таки одѣлась и вышла къ чаю; но маменька такъ испугалась моего жалкаго вида, что тотчасъ послала за нашимъ докторомъ, Адрианомъ Григорьевичемъ Духовскимъ.

Онъ былъ другъ моего отца, большой мой пріятель, лечившій меня отъ всѣхъ моихъ дѣтскихъ болѣзней. Въ городѣ его очень любили, несмотря на то, что съ больными и ихъ окружающими онъ былъ просто жестокъ. Онъ входилъ въ комнату къ больному какъ гроза и уходилъ нисколько не стихая, а громко распоряжаясь и строго приказывая направо и палѣво.

— Что, сударыня, въ бокъ стрѣляетъ. Такъ вамъ и надо... Нагоплено у васъ всегда до 20 градусовъ, да вы еще чаю изволили накушаться и отправились въ однихъ атласныхъ башмачкахъ на тройкѣ по Волгѣ въ перегонки кататься... чего хотѣли, то и получили... Только чего всѣ эти ваши магушки и тегушки смотрѣли, что такъ васъ отпустили... Да и супругу-то вашему, чѣмъ иноходцами щеголять, лучше бы о женѣ подумать!..—распекать онъ какую-нибудь даму.

— Скрючало, братъ, скрючало!..—кричалъ онъ надъ постелью какого-нибудь богача купца.—Говори, чѣмъ обкушался: бѣлорыбицей или бужениной!.. А то, можетъ, въ банѣ часокъ попарился да холодненькаго кваску полведра выпилъ?.. Что мычишь?.. Самъ виновать, такъ и терпи!..

Въ городѣ было еще два доктора: вѣжливый *padam do nõg*, полякъ, и ужасно ученый, какъ всѣ говорили, нѣмецъ; но всѣ лечились только у Адриана Григорьевича.

— Строгъ, очень строгъ!—говорили про него купцы.—Но зато отъ всякой болѣзни можетъ вылечить!

И теперь, какъ пріѣхалъ къ намъ, разбранилъ всѣхъ, что не умѣли сберечь дѣвочки.

— Это не мальчикъ-съ, которому надо черезъ все перейти,—говорилъ онъ, грозно смотря сверхъ очковъ на маменьку:—тутъ нало побольше заботы-съ... побольше вниманія...

Со мной и вообще съ дѣтьми онъ говорилъ очень мягко. Теперь онъ долго держалъ руку у меня на лбу, на шеѣ (у насъ тогда еще не употребляли градусниковъ), щупалъ пульсъ, смотрѣлъ языкъ и долго сидѣлъ задумавшись; потомъ пошелъ писать рецептъ и строго приказалъ положить меня сейчасъ въ постель и никакими глупостями не надоѣдать.

Я была рада лечь, заснула и долго потомъ у меня былъ только одинъ мучительный сонъ, прерываемый изрѣдка, на мгновение, дѣйствительностью: я лечу стремглавъ съ горы, падаю грудью на камни и вижу, что Адрианъ Григорьевичъ съ сердитымъ лицомъ держитъ меня за пульсъ и тутъ маменька, сестры, папенька. Я хочу имъ что-нибудь сказать, но уже опять ничего этого нѣтъ, а надо взбираться на крутую гору; это трудно, потому что камни меня засыпаютъ... Но вотъ маменька, худая, блѣдная, замученная, проситъ меня принять лекарство. Я хочу передъ этимъ перекреститься, какъ привыкла съ дѣтства, но камни засыпали мнѣ руки и я поскорѣе глотаю лекарство и опять продолжаю отбиваться отъ давящей меня тяжести. И въ этомъ мучительномъ состояніи, все время борясь съ чѣмъ-то во мракѣ, я пролежала, говорятъ, слишкомъ двѣ недѣли. Какая была моя болѣзнь, никто не осмѣливался спросить у Адриана Григорьевича: постороннимъ разговаривать съ нимъ о его больныхъ онъ рѣшительно не позволялъ; роднымъ сердито говорилъ, что имъ

надо ходить за больнымъ, а не разсуждать о его болѣзни; а самому больному, по его правиламъ, лучше было не знать, чѣмъ онъ былъ боленъ. На сигнатуркахъ тогда не писали, изъ чего составлялось лекарство, и только докторъ съ аптекаремъ знали, чѣмъ они вылечили больного или помогли ему умереть.

Я не умерла... Мнѣ не дали умереть эти измученныя лица, которыя я видѣла, когда приходила въ сознание; эти исплаканные глаза, которые смотрѣли на меня съ страстной мольбой: «не умирай!..» Мнѣ не дало умереть это тихое торжественное пѣніе, которое мнѣ иногда слышалось изъ растворенной двери въ другую комнату; сведенный до шопота басъ нашего дьякона и трогательныя слова молитвы, долетавшія до меня: «...Милосерде, страждущую посѣти и исцѣли»...

Когда я въ первый разъ открыла глаза, не чувствуя той тяжести, которая такъ долго давила меня, около моей постели сидѣла маменька. На колѣняхъ у ней лежало открытое евангеліе, а она смотрѣла въ уголокъ на образа и молилась. Я нѣсколько разъ открывала и закрывала глаза и все видѣла ее. Тогда я позвала: «Мамочка». Это у меня вышло очень тихо, но она услышала, бросилась на колѣна, цѣловала мои руки, крестилась, плакала съ страннымъ, радостнымъ лицомъ. Я устала смотрѣть и закрыла глаза. Я слышала шопоть у моей постели, узнала голосъ папеньки, сестеръ. Мнѣ было такъ хорошо, что и смотрѣть не хотѣлось; я чуть-чуть придержала руку маменьки и такъ заснула.

Мое выздоровленіе шло медленно. Полякъ-докторъ всѣмъ кротко внушалъ, а нѣмецъ по ученому доказывалъ, что Адріанъ Григорьичъ, какъ бывший военный докторъ, лечилъ меня ужасными, солдатскими средствами; они оба «случайно» видѣли его рецептъ въ аптекѣ. Чѣмъ бы онъ меня ни вылечилъ, но я была счастлива, что выздоравливаю; кругомъ меня были все радостныя лица, и по всему дому слышался веселый, оживленный шопоть: во время моей болѣзни всѣ отвыкли говорить громко. Только въ извѣстные часы, какъ отдаленный громъ, слышался голосъ Адріана Григорьича, распекавшаго маменьку за какое-нибудь упущеніе въ уходѣ за мной; но и онъ стихалъ по мѣрѣ того, какъ поднимался ко мнѣ въ мезонинъ и переходилъ въ моей комнатѣ въ мягкій баритонъ.

Послали нарочнаго къ женихамъ извѣстить, что свадьба можетъ состояться, какъ было назначено, 7-го января. Они пріѣхали вмѣстѣ съ тетужкой, а грекъ привезъ и своего сына. Ко мнѣ никого не пускали, по строжайшему приказанію Адріана Григорьича. Но онъ долженъ былъ сдѣлать исключеніе для Николеньки Головина, который пріѣхалъ въ отпускъ, только что выпущенный артиллеристомъ. Мнѣ проговорила объ этомъ няня, и я со слезами требовала, чтобы мнѣ его показали. Адріанъ Григорьичъ самъ привелъ его ко мнѣ.

— Ну, иди, иди сюда, трехсаженный!—говорилъ онъ, подводя ко мнѣ Николеньку.

Я была ему ужасно рада. Мнѣ нравилось, что онъ такой высокій, что на немъ красивый мундиръ съ черными бархатными отворотами; что вихры у него коротко обстрижены и что лицо осталось совсѣмъ, совсѣмъ прежнее, только выросли маленькіе усики; но няня всегда рисовала ему точно такіе жженой пробкой, когда мы, бывало, наряжались. Это былъ совсѣмъ мой прежній Николенька, мой покорный и преданный другъ, и я велѣла ему сѣсть подлѣ меня, заговорила попржнему на «ты» и такъ оживилась, что Адрианъ Григорьичъ позволилъ ему приходить ко мнѣ, какъ я только пожелаю. Послѣ маменька говорила, что не надо было мнѣ оставаться съ нимъ, съ офицеромъ, на «ты», но Адрианъ Григорьичъ строго запретилъ ей беспокоить меня такими глупостями.

Тетушка устраивала свадьбы сестеръ по только что появившейся въ Петербургѣ модѣ: молодые уѣзжали въ день свадьбы. Соня съ грекомъ въ его великолѣпное помѣстье, Грачи, а Лиза съ мужемъ въ городъ, куда онъ былъ назначенъ инспекторомъ гимназіи. Маменька никогда не противорѣчила тетускѣ, а теперь даже находила, что это будетъ очень удобно, съ пріѣхавшими изъ другихъ городовъ женихами. Такое нарушеніе свадебнаго чина нѣсколько смущало наше общество; но авторитетъ тетушки былъ такъ силенъ, что узаконилъ и это нововведеніе. Только моя няня не могла никакъ съ этимъ примириться: негодовала, плакала, спорила съ маменькой и постоянно ворчала:

— Ужъ генеральша чего не выдумаетъ!.. Видишь, малъ нашъ домъ, такъ изъ-подъ вѣнца дочерей съ зятями на тройки посадятъ, да и маршъ за двѣсти верстъ!.. у родителей въ двѣнадцати комнатахъ имъ съ мужьями мѣста нѣтъ! Растили, воспитывали, приданого наготовили, а свадьбы сыграть какъ должно не могутъ... Изъ-подъ вѣнца прямо въ походъ... И говорить: «мода такая пошла»... Какая это мода... одна срамота!

Но все это она причитала до моей болѣзни. Моя болѣзнь все примирила; няня ужъ теперь радовалась, что хоть дѣвичникъ-то справятъ какъ слѣдуетъ: будутъ гости, музыка, танцы; Адрианъ Григорьичъ позволилъ. На меня надѣли Лизинъ бѣлый шитый пеньюаръ съ розовымъ бантомъ на груди, вплели розовыя ленты въ мои косы, которыя едва-едва, съ большимъ трудомъ, въ нѣсколько дней, расчесала мнѣ маменька, такъ онъ страшно спутались во время моей болѣзни.

Когда сестры одѣлись къ вечеру, онѣ пришли съ женихами показать мнѣ свои туалеты; грекъ привелъ и своего сына. Это былъ маленькій, толстый мальчикъ, почти безъ шеи, съ красивымъ отцовскимъ лицомъ и его неприятными глазами. Намъ велѣли поцѣловаться. Онъ потрогалъ мои косы, мои руки и сказалъ, такъ же неприятно грассируя, какъ отецъ:

— Ты еще не скоро выздоровѣешь: ужь очень ты худа!

Грекъ, а вслѣдъ за нимъ и Соня весело засмѣялись. Потомъ сынъ грека (какъ звала его Лиза) подошелъ къ моему туалету, къ письменному столику, кое-что потрогалъ, посмотрѣлъ и сказалъ:

— Все только однѣ глупыя бабьи затѣи!

Чему Соня съ грекомъ опять засмѣялись.

Мнѣ тоже все это казалось смѣшно. Приходилъ ко мнѣ и Адрианъ Григорьичъ въ старомодномъ фракѣ съ орденомъ на шеѣ, безъ грома и молніи, потому что пріѣхалъ не къ больной, а на балъ. Няня, нарядная и довольная, что гостей у насъ много и всего у насъ хорошо наготовлено, пришла ко мнѣ дежурить на весь вечеръ. До меня стали долетать звуки веселой музыки, но не возбуждали меня, какъ прежде: я такъ еще была слаба, что очень устала отъ моего туалета, отъ посѣтителей и покойно лежала на моей принаряженной постели, счастливая моимъ состояніемъ выздоравливающей и моимъ покоемъ.

Звоня по лѣстницѣ шпорами, прибѣжалъ ко мнѣ Николенька.

— Я тебѣ винограду принесъ, Адрианъ Григорьичъ прислалъ, позволилъ все скушать,—сказалъ онъ, подавая мнѣ виноградъ на хрустальной раковинкѣ.

Я съ удовольствіемъ съѣла нѣсколько ягодъ.

— Баринъ, Николай Степанычъ, посидите немножко съ Мирушкой, а я сбѣгаю, на нашихъ невѣсть погляжу,—попросила его няня.

— Иди, иди, няня, я его не скоро отпущу,—сказала я.

— Я такъ, на минутку,—обѣщала намъ няня, уходя.

— Ну, рассказывай, Николенька, что тамъ дѣлаютъ. Очень тамъ весело?

— Да, очень весело, сейчасъ кадрили кончили, фрукты подаютъ, я къ тебѣ и прибѣжалъ. Андрей Кириллычъ все о тебѣ разспрашивалъ...

— Развѣ онъ тутъ?.. А мнѣ никто не сказалъ...

— Да, онъ совсѣмъ неожиданно... даже смѣется, что безъ приглашенія. Онъ только что пріѣхалъ съ какими-то французами, везетъ ихъ къ себѣ изъ Парижа на медвѣжью охоту. Узналъ, что у васъ свадьба, уложилъ своихъ французовъ спать, самъ явился на балъ твоихъ поздравить... завтра чуть свѣтъ уѣзжаетъ... Такой франтъ... веселый... Молодежь около него толпится; а онъ за твоей тетушкой ухаживаетъ...

— Боже мой... какъ бы я желала хоть однимъ глазкомъ взглянуть, что тамъ дѣлается... Хотъ бы чуть-чуть... изъ коридора...

— Что же, изъ коридора, я думаю, тебѣ можно, — рѣшилъ глубокомысленно Николенька, заботясь, какъ всегда, только о томъ, чтобы мое желаніе было исполнено.

— Да, вѣдь, я даже встать не могу... У меня совсѣмъ силы нѣтъ...

— Хочешь, я тебя туда отнесу...

— Что ты, вѣдь, я ужь большая... ты меня уронишь...

— Я?.. уроню тебя?.. Да я три пуда одной рукой поднимаю...
Въ нашемъ выпускѣ я по силѣ первый...

— Такъ, въ самомъ дѣлѣ, Николенька, милый... снеси меня внизъ въ коридоръ... Только, знаешь, вѣдь я сама и подняться не могу...

— Да ты просто какъ перышко,—сказалъ онъ, поднимая меня и сажая къ себѣ на руку, какъ ребенка; обѣ мои туфли свалились, но мы не обратили на это вниманія. Голова у меня кружилась, и я обняла его за шею; мой широкій рукавъ зацѣпился за его эпюлетъ; галуны его воротника царапали мою голую руку; его жесткіе обшлага угнетали меня; я чувствовала всѣ пуговицы, которыя были у него на груди; отъ головы его сильно пахло жасминной помадой,—но я надѣялась все перенести. Мы спустились съ лѣстницы и остановились въ коридорѣ за толпившейся въ дверяхъ въ залъ прислугой; мы запретили имъ разступаться, чтобы насъ не замѣтили изъ зала: Николенька такой высокій, что мнѣ все видно черезъ ихъ головы. Нарядныя дамы, мужчины ходятъ по залу, непріятно мелькая передъ глазами. Я прислонилась головой къ головѣ Николеньки: такъ покойнѣе, если-бъ не этотъ ужасный жасминный запахъ... Ахъ, вотъ и Стушиловъ съ тетушкой!.. но я вижу ихъ какъ въ туманѣ... Ахъ, этотъ жасминъ...

— Посмотрите, прелестная живая картина,—сказалъ Стушиловъ тетушкѣ, показывая на насъ:—Головинъ, похищающій Мирочку!.. Но... ей совѣмъ дурно...

Я очнулась у себя въ постели, и, кажется, не отъ спирта, который давали мнѣ нюхать, а отъ грознаго голоса Адриана Григорьича.

— Да, сударыня!—кричалъ онъ на маменьку:—баловъ не затѣваютъ, когда есть больныя въ домѣ... Одиѣхъ ихъ не бросаютъ... мальчишкамъ ихъ не поручаютъ, будь они даже вновь испеченные офицеры...

— Онъ не виноватъ, это я сама...—заговорила я къ всеобщей радости. Около меня были всѣ мои родные; въ дверяхъ виднѣлись женихи; сынъ грека надѣлъ на руки мои потерянные туфли и весело похлопывалъ ими у моей кровати. Няня плакала въ сторонѣ; около нея стоялъ Николенька съ самымъ несчастнымъ лицомъ; видно было, что только офицерскій чинъ мѣшалъ ему тоже плакать. Я позвала его къ себѣ и объявила окружающимъ, что я все-таки очень рада, что всѣхъ видѣла; а Адриану Григорьичу задорно сообщила, что я завтра непременно пойду внизъ одѣвать сестеръ.

— Иди, иди, одѣвай, я тебѣ на завтра ничего не запрещаю; а только ужь теперь прими лекарство и спи,—сказалъ онъ, наливая мнѣ ложку противной микстуры.

Сестры весело прощались со мной, возвращаясь къ прерваннымъ танцамъ. Маменька успокоила няню, раздѣла, уложила, перекрестила меня, и я мирно заснула, радуясь, что хоть чуть-чуть да видѣла Стушилова.

ХІ.

На другой день на меня опять надѣли пеньюаръ съ розовымъ бантомъ, и паленька самъ снесъ меня въ гостиную, гдѣ должны были одѣвать къ вѣнцу сестеръ, и посадилъ въ большое покойное кресло. Тутъ были приготовлены два туалета, на которыхъ ужъ стояли привезенныя шаферами отъ жениховъ *corbeilles de pose* съ подарками невѣстамъ: великолѣпная отъ предводителя и скромная отъ жениха-учителя. Барышни пришли въ восторгъ, когда вынули изъ предводительской корзины прелестный *parure* изъ опаловъ съ брильянтами. Но пожилыя дамы, хорошо знающія, отчего зависить семейное счастье, начали тайно перешептываться: опаль приноситъ несчастье, и его, по преданіямъ, никогда не дарили невѣстамъ. Большой футляръ, переходя изъ рукъ въ руки, дошелъ до меня. На ручкѣ моего кресла сидѣлъ сынъ грека; онъ вынулъ вещи изъ футляра и положилъ ко мнѣ на колѣни. Я любовалась эффектомъ соединенія опаловъ съ брильянтами, ихъ игрой, а онъ показывалъ мнѣ самые крупные изъ нихъ и дорогіе.

— Хочешь, я скажу тебѣ секретъ?—шепнулъ онъ мнѣ.

— Скажи... если онъ не страшный.

— Знаешь, чьи эти вещи?

Я хотѣла сказать: Сонины, но удержалась.

— Твоего отца.

— Нѣтъ, моя,—сказалъ онъ, торжествуя.—Это брильянты моей матери... Я позволилъ папѣ дать ихъ поносить твоей сестрѣ... потому что она хо-о-рошенькая...—протянулъ онъ такъ же противно, какъ отецъ.—А потомъ, какъ буду совершеннолѣтній, подарю ихъ кому захочу... можетъ быть, тебѣ.

— Я ихъ не возьму,—сказала я.

— Почему не возьмешь?

— Мнѣ не надо чужихъ вещей.

— Да вѣдь онѣ тебѣ нравятся.

— Прелестныя. Только я не хочу забирать себѣ все, что мнѣ нравится.

— Это потому, что ты еще глупа... а когда будешь поумнѣе, да узнаешь, что они только заложены были въ четырехъ тысячахъ; а стоятъ вдвое больше, такъ будешь ихъ у меня просить, только ужъ тогда я тебѣ ихъ не дамъ,—сказалъ онъ, спрыгивая съ моего кресла.

Начали причесывать и одѣвать невѣсть. По нашему обычаю ихъ причесывали и одѣвали молодыя дѣвушки, ихъ подруги... Обу-

валь ихъ сыпъ грека и долженъ былъ положить каждой на счастье по золотому въ правый башмакъ. Когда ихъ одѣли и онѣ вышли въ залъ, Соня поразила всѣхъ своей красотой. Къ ней необыкновенно шелъ вѣнчальный нарядъ; опалы съ брильянтами такъ и сверкали у ней вездѣ: въ ухахъ, на рукахъ, на шеѣ, на головѣ въ складкахъ воздушной фаты. Меня мучила мысль, что она не надѣла бы ихъ, если бъ знала, что они не ея...

Пріѣхали шафера жениховъ, привезли бонбоньерки и разносили ихъ дѣвицамъ на большихъ подносахъ. Потомъ папенька и маменька благословляли сестеръ, и это было такъ трогательно, что я очень плакала.

— Что ты нюнишь,—подошелъ ко мнѣ сынъ грека.—Тебѣ дали двѣ самыя красивыя и большія бонбоньерки.

— Хочешь, я тебѣ ихъ отдамъ?—сказала я сквозь слезы.

— Вотъ какая щедрая... только вѣдь я знаю, почему ты такая. Ты увѣрена, что твой долговязый дастъ тебѣ сейчасъ другія.

— У моего долговязого нѣтъ бонбоньерокъ,—сказала я смѣясь:—онъ шаферъ невѣстъ, а бонбоньерки у жениховъ.

— Онъ все-таки ихъ тебѣ откуда-нибудь достанетъ. Палà говоритъ, что онъ богачъ и дуракъ...

Его позвали везти образъ. Сестры ѣхали въ церковь съ свѣими почетными дамами; шафера и всѣ дѣвицы ихъ сопровождали; въ церкви ихъ ожидало все приглашенное туда общество, а родители, по нашему обычаю, не должны были присутствовать при вѣнчаньи. Я очень устала, и маменька уложила меня въ своей комнатѣ на кушетку.

Обрядъ вѣнчанья продолжался долго: сначала вѣнчалась Соня и осталась дожидаться, пока вѣнчали Лизу, а потомъ обѣ пары слушали вмѣстѣ молебень. Гости, приглашенные въ церковь, пріѣхали къ намъ вмѣстѣ съ молодыми. При встрѣчѣ молодыхъ благословляли, пили шампанское, играла музыка. Сестры съ мужьями и шафера съ бокалами пришли ко мнѣ.

— Полюби моего мужа и моего сына,—сказала мнѣ тихо, тихо Соня, со слезами въ голосѣ.

Меня это такъ сильно тронуло, что я, поздравляя Лизу, шепнула ей: «Ради Бога не зови Сониного мужа грекомъ и Митю зови Митей», а сама начала плакать и стараться полюбить ихъ обоихъ.

Николеньку прислали развлекать меня, и онъ началъ рассказывать, какъ маменькинъ крестникъ, купеческій племянникъ Васенька Котовъ, который всѣмъ своимъ простымъ, добрымъ сердцемъ любилъ и уважалъ насъ, считалъ близкими родственниками и звалъ сестрицами, проникъ въ церковь, несмотря на полицію.

— Въ дзвряхъ стоялъ полицейскій съ меня ростомъ и втрое шире меня,—рассказывалъ Николенька;—но онъ имѣлъ неосто-

рожность раздвинуть поги, какъ Колоссъ Родосскій, Васенька и проскользнула... знаешь, какъ проходили тогда корабли... Ну, разумѣется, какъ обвиняли Софью Васильевну, онъ сейчасъ къ нимъ: «братецъ... сестрица... поздравляю съ законнымъ бракомъ...» Софья Васильевна было очень смѣшно, но она ласково его поблагодарила... *et le grec a été assez gentil...* ¹⁾

— Не зови его, ради Бога, грекомъ... Онъ теперь мужъ Сони и мой братъ...

— Ты сама меня научила,—сказалъ смущенный Николенъка.

— Вотъ объ этомъ я теперь и плачу... Теперь мнѣ надо любить его и его сына Митю...

За веселымъ обѣдомъ съ гостями и тушами не забывали и меня: когда пили здоровье молодыхъ, обѣ пары съ шаферами и шампанскимъ пришли ко мнѣ; а когда провозгласили тостъ за мое здоровье, всѣ гости при громкомъ тупѣ продефилировали мимо меня съ бокалами въ рукахъ, шумные и веселые; дамы меня цѣловали, мужчины цѣловали мнѣ руки и всѣ горячо желали здоровья. Тутъ обѣдъ сдѣлался необыкновенно шуменъ: почти всѣ гости рѣшили провожать молодыхъ за Волгу, до первой станціи; послали за своими тройками, за ямщиками; прислуга бѣгала, гости волновались. На дворѣ ржали лошади, кричали кучера, звенѣли колокольчики...

Во время этого шума и бѣготни сестры пришли ко мнѣ переодѣваться въ дорожныя платья. Маменька, няня, горничныя раздѣвали ихъ и укладывали ихъ вещи. Соня собрала свои опалы, полюбовалась ими, поиграла ихъ блескомъ, уложила въ футляръ и подала нянѣ:

— Отнеси Платону Александровичу; онъ укладывается у папеньки въ кабинетѣ.

Почему она отослала ему его подарокъ?.. Можетъ быть, узнала, что все это не его?.. Она стояла передъ зеркаломъ красивая и спокойная, какъ всегда, оправляя складки своего дорожнаго капота. Неужели ей не страшно уѣзжать съ этимъ человѣкомъ?.. Я вспомнила его красивые, непріятные глаза, которые дѣлались еще непріятнѣе, когда онъ смотрѣлъ на Соню... А вдругъ онъ дорогой убьетъ ее!.. Я начала быстро креститься отъ испуга, что мнѣ могла прійти въ голову такая ужасная мысль... Сердце у меня сильно билось. Въ это время вошла ко мнѣ проститься Сониная горничная, одѣтая по-дорожному, и мнѣ стало легче: она поѣдетъ въ возкѣ вмѣстѣ съ ними, и на козлахъ будетъ сидѣть ихъ лакей Виссаріонъ. Няня его не любитъ и зоветъ «каторжный»; а Ганя говоритъ, что онъ ничего... только шутникъ, и въ дѣвичьей всегда поднимался веселый смѣхъ, когда онъ появлялся тамъ

¹⁾ И грекъ былъ довольно милъ.

Сестры переодѣлись. Маменька обняла, поцѣловала Соню и посадила подлѣ себя; Лиза стала передъ ней на колѣни, плакала и цѣловала ея руки. Пришла няня и сказала, что Платонъ Александровичъ просить поторопиться. Маменька вышла и привела съ собой папеньку и своихъ зятьевъ, какъ выражалась няня. Всѣ сначала сѣли, а потомъ стали передъ кѣтомъ, маменька и Лиза на колѣняхъ; я тоже поднялась и молилась вмѣстѣ съ ними. Потомъ начали прощаться. Ахъ, какое жалкое лицо было у маменьки, когда она плакала, цѣловала и крестила ихъ! Какъ могутъ онѣ оставлять ее и уѣзжать съ этими людьми, которые такъ равнодушны къ ея горю!..

Слегка распекая всѣхъ, вошелъ Адрианъ Григорьичъ: вѣроятно, боялись, чтобы мнѣ не сдѣлалось дурно при прощаньи съ сестрами. Но мнѣ было только жаль маменьку, съ сестрами я простилась спокойно; я съ дѣтства привыкла къ ихъ отсутствію.

На другой день уѣхалъ и Николенька. Онъ обѣщалъ мнѣ опять пріѣхать, какъ только можно будетъ получить отпускъ. А еще черезъ день уѣзжала тетушка съ Митей, онъ эту зиму будетъ жить у нихъ и готовится поступить на будущій годъ въ правовѣдніе: у тетушки для ея восьмилѣтняго сына Володи есть нѣмецъ и англичанка. Маменьку я все это время почти не видала, и, когда спрашивала объ ней няню, она только сердилась:

— Это все генеральша съ своими разговорами... Ужъ и дня ей мало... нынче чуть не всю ночь проговорили... Да развѣ кто ее переговорить!..

Митя, который, кажется, и у дверей подслушивалъ, сообщилъ мнѣ таинственно:

— Твои все съ тетушкой объ деньгахъ толкуютъ. А что имъ объ деньгахъ толковать! Взяли бы сколько хотѣли у Головина. Папѣ говорить, что онъ непременно на тебѣ женится: ты его ловко забрала...

— Твой отецъ не могъ говорить такихъ глупостей,—сказала я, смѣясь.

— Нѣтъ, это не глупости! Объ этомъ всѣ говорятъ. Когда этотъ долговязый притащилъ тебя полумертвую на балъ, папѣ былъ очень недоволенъ... онъ говорилъ, что это просто скандалъ! А твои сестры его успокоивали: «c'est son ami d'enfance!.. c'est son ami d'enfance!..» ¹⁾. Я тоже самъ слышалъ, какъ гости шушукались, что этого невозможно было допустить. А эта... какъ ее... хромая... Барычова, успокаивала ихъ и объясняла: «*mais ce sont des futurs!.. On le reserve pour la petite depuis son enfance!*» ²⁾. И

¹⁾ Это другъ ея дѣтства... это другъ ея дѣтства.

²⁾ Это обреченные женихъ и невеста... Его приберегаютъ ей съ самаго дѣтства.

всѣмъ рассказывала, сколько онъ еще наслѣдства получить... А этотъ вашъ Ступиловъ прямо въ глаза его зоветъ: «Наслѣдникъ всѣхъ своихъ родныхъ».

— Это онъ изъ «Евгенія Онѣгина». А богатый Николенька или бѣдный, намъ все равно; денегъ его намъ не надо...

— Рассказывай, рассказывай! такъ я тебѣ и повѣрю!.. Да вамъ безъ его денегъ вывернуться нельзя... Твой отецъ за дочерью много приданого наобѣщаль... а теперь отказывается... финтить...

— Не смѣй такъ говорить о папенькѣ!.. Уйди!.. уйди отъ меня сію минуту,—закричала я, какъ сумасшедшая, вскакивая съ постели.

Никогда ничего подобнаго со мной не бывало: я не только кричала, я готова была его вытолкать... Эффектъ былъ поразительный. Митя весь съежился и бросился изъ комнаты.

А я, какъ совершенно здоровая, быстро заходила по комнатѣ, вся полная совершенно новаго, незнакомаго мнѣ чувства: чувства страшнаго гнѣва: «Негодный, негодный мальчишка!..» повторяла я... и вдругъ вспомнила, что это сынъ Сони, что она должна жить съ нимъ... можетъ быть, всю жизнь!.. «Бѣдная, бѣдная моя Соня!» Я бросилась на постель, лицомъ въ подушку...

В. З. Головина.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПЕРВОЕ 25-ЛѢТІЕ МОИХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ МЫТАРСТВЪ ¹⁾

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Григорій Захаровичъ Елисеѣвъ и жена его Екатерина Павловна. — Отношеніе Некрасова, Салтыкова и Елисеѣва къ прочимъ сотрудникамъ «Отечественныхъ Записокъ». — Четверги и повѣдѣльники у Елисеѣвыхъ. — Николай Степановичъ Кутейниковъ. — Марья Александровна Марковичъ.

I.

ИПЕРЬ я намѣренъ заняться характеристикой главныхъ сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ». При этомъ я не буду касаться Некрасова и Салтыкова, такъ какъ о нихъ немало было рѣчей и съ моей стороны, и со стороны другихъ лицъ, знавшихъ ихъ. Прямо перехожу къ Григорію Захаровичу Елисеѣву.

Елисеѣвъ былъ средняго роста, приземистый и плотно скроенный, съ нѣскольکو морщинистымъ лицомъ и широкими скулами, вообще представлялъ собою типическаго сибиряка. Густая, окладистая, сѣдая борода и длинные, тоже сѣдые волосы, вившіеся по плечамъ, придавали ему видъ библейскаго патріарха, такъ что заочно многіе прозвали его Саваоомъ. Вѣчно спокойный, разсудительный, взвѣшивающій каждое слово и немного себя на умъ, онъ предста-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХІХ, стр. 35.

влять полную противоположность со своею женою, Катериной Павловной. Это была женщина невысокаго роста, худощавая, крайне нервная, экспансивная, юркая и подвижная, как ртуть. Вѣчно она съ кѣмъ-нибудь горячо спорила, причемъ въ ажитации спора начинала заикаться, что не мѣшало сыпаться изъ ея усть рѣчамъ, какъ горохъ изъ мѣшка. Наболѣе ожесточенные споры она вела, защищая права женщинъ, будучи рьяной поборницей женскаго вопроса, хотя должно замѣтить при этомъ, что взгляды ея на женскій вопросъ были своеобразны. Она допускала свободу чувствъ и расторгимость браковъ лишь для особъ своего пола, а никакъ не для мужчинъ, этихъ завѣдомыхъ собакъ. Боже сохрани, если мужчина осмѣливался бросить законную супругу и полюбить другую, и къ тому же еще невинную дѣвушку, «ангела», какъ она называла всѣхъ барышень, не извѣдавшихъ еще чаръ любви. Такой негодяй дѣлался заклятымъ ея врагомъ на всю жизнь, и при встрѣчѣ она готова была выцарапать ему глаза. Подобную непослѣдовательность она объясняла тѣмъ, что при условіяхъ нашей жизни, если женщина покидаетъ мужа, ему сполнагоря: онъ не терпитъ отъ этого ни матеріальнаго, ни нравственнаго ущерба, тогда какъ покинутая мужемъ жена, кромѣ того, что остается часто безпомощною на улицѣ, терпитъ позоръ прозвища «соломенной вдовы».

Мужа своего, «панку», какъ она его называла, она любила до безумія, ревновала его, не взирая на его преклонный возрастъ, и въ концѣ концовъ не могла пережить его смерти: заразилась отъ него крупознымъ воспаленіемъ легкихъ, отъ котораго онъ умеръ, и умерла черезъ нѣсколько дней послѣ него.

Елисеѣвъ былъ истый народникъ; ему въ большей мѣрѣ, чѣмъ всѣмъ другимъ, «От. Записки» обязаны были своимъ народническимъ характеромъ. Но онъ принадлежалъ къ особенному типу народниковъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ народниками-идеалистами, которые доводили народничество до нелѣпыхъ абсурдовъ. Онъ не дѣлил русскаго міра на два враждебные полюса—деревню и городъ, не полагалъ, что деревня—средоточіе всѣхъ добродѣтелей, а городъ—всѣхъ пороковъ, и не думалъ поэтому видѣть въ каждой деревнѣ рай земной, а въ каждомъ городѣ—Содомъ и Гоморру. Не идеализируя мужика, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ далекъ отъ того, чтобы видѣть въ физическомъ трудѣ панацею отъ всѣхъ нравственныхъ и физическихъ недуговъ, не заботился объ опрощеніи, о пріуроченіи себя къ суровому мужицкому обиходу. Скажу болѣе: онъ совсѣмъ не помышлялъ объ осуществленіи въ жизни какихъ бы то ни было личныхъ идеаловъ съ цѣлью эгоистическаго самосовершенствованія. Словомъ, онъ былъ однимъ изъ тѣхъ честныхъ и любвеобильныхъ людей, которыхъ въ молодости жизнь поставила по служебной дѣятельности въ тѣсное соприкосновеніе къ народу. Путемъ многолѣтняго служебнаго опыта такимъ образомъ

имъ удавалось, глубоко и основательно изучивъ всё условія народной жизни, близко принять къ сердцу нужды и потребности народа,—нужды дѣйствительныя, а не измышленныя теоретически, путемъ кабинетныхъ умствованій. Всѣ они отличались поэтому однимъ неотъемлемымъ качествомъ: трезвою реальностью и практичностью всѣхъ своихъ взглядовъ. Не проповѣдуя никакихъ быстрыхъ и рѣшительныхъ переворотовъ, они въ то же время требовали, чтобы правительство прежде всего и болѣе всего заботилось объ увеличеніи народнаго благосостоянія, употребляя всѣ зависящія отъ него мѣры, практически осуществимыя и не только не представлявшія никакой опасности для государственнаго порядка, но, напротивъ того, ведущія къ большому упроченію его.

Чуждый какихъ-либо эксцентричностей, тихій и скромный въ своемъ домашнемъ обиходѣ, Елисеѣвъ никогда не корчилъ изъ себя демагога, не дѣлалъ культа ни внутренняго, ни внѣшняго изъ своей любви къ народу, не питалъ пристрастія къ народнымъ пѣснямъ, зипунамъ, рукавицамъ: ни самъ никогда не носилъ народныхъ костюмовъ, не любилъ, когда и другіе наряжались въ нихъ. Я никогда не забуду, какъ сурово отнесся онъ ко мнѣ, когда однажды я пришелъ къ нему на дачу въ красной кумачной косовороткѣ. Вообще онъ не жаловалъ никакой рисовки, никакого мундира, позъ и фразъ. Не выходя изъ себя, легкими шуточками, игривыми и остроумными, тѣмъ не менѣе убійственно-мѣткими, онъ незамѣтно спускалъ человѣка съ его пьедестала и приводилъ его въ полное смущеніе. Такими же шуточками любилъ онъ охлаждать слишкомъ пылкій задоръ не знающаго жизни и разсуждающаго по книгамъ юнца. Съ ироническою улыбочкою на устахъ онъ задавалъ юношѣ вопросъ: предположимъ, что сегодня совершился бы въ Россіи переворотъ, и власть перешла бы всецѣло въ ихъ руки, что бы такое они стали въ такомъ случаѣ дѣлать? Юнецъ становился втупикъ или начиналъ плести такую невообразимую чушь, что ему и самому отъ нея дѣлалось тошно.

II.

Лично я познакомился съ Елисеѣвымъ въ 1866 году, весною, передъ самымъ выстрѣломъ Каракозова. Ярко стоитъ въ моей памяти вся та паника, какая воцарилась въ домѣ Елисеѣва послѣ его ареста. Помню, какъ разливалась въ неутѣшныхъ слезахъ Катерина Павловна, съ какою тревогою относилась она къ каждому звонку, особенно по вечерамъ, какъ подозрительно встрѣчала cadaго мало знакомаго гостя. Къ горю разлуки съ человѣкомъ, котораго она до безумія любила, присоединилось крайне стѣсненное матеріальное положеніе, въ которомъ осталась Катерина Пав-

ловна. «Современникъ» былъ закрытъ; никакихъ сбереженій про черный день у Елисеѣвыхъ не было. Надо при этомъ отдать честь хозяину дома, въ которомъ квартировалъ Елисеѣвъ; онъ не настаивалъ на платѣ за квартиру до тѣхъ поръ, пока дѣла Елисеѣва не поправились. Они же были незавидны и по выходѣ Елисеѣва изъ крѣпости. Тщетно пытался онъ сойтись съ Благовсвѣтловымъ и работать въ его изданіяхъ. И лишь съ принятіемъ въ аренду Некрасовымъ «От. Записокъ» положеніе его снова упрочилось.

Принадлежа по своему положенію въ журналѣ къ триумvirату, составлявшему высшую инстанцію редакторовъ, Елисеѣвъ рѣзко отличался отъ двухъ остальныхъ триумvirовъ, Некрасова и Салтыкова, въ своихъ отношеніяхъ къ прочимъ сотрудникамъ «От. Записокъ».

Такъ, Салтыковъ держался совершенно въ сторонѣ отъ нихъ. Къ нему заходили, и онъ, въ свою очередь, заходилъ къ тому или другому лишь по дѣлу. Болѣе или менѣе интимно онъ ни съ кѣмъ не сблизился. У него былъ свой особенный кругъ друзей и знакомыхъ, постороннихъ для журнала, съ которыми онъ дѣлилъ хлѣбъ-соль, игралъ въ винтъ и пр.

У Некрасова былъ, въ свою очередь, свой особенный кругъ знакомыхъ, членовъ англійскаго клуба, которые посѣщали его по вечерамъ въ назначенные дни для всенощныхъ картежныхъ бдѣній. Но въ то же время онъ далеко не держалъ себя по отношенію къ сотрудникамъ въ такомъ генеральскомъ отдаленіи, какъ Салтыковъ. Иногда онъ заходилъ то къ тому, то къ другому, не по однимъ дѣламъ, а просто такъ, какъ бы съ визитомъ. Съ такими визитами онъ бывалъ и у меня нѣсколько разъ, при чемъ въ послѣдній разъ навѣстилъ меня больного въ 1876 году, когда самъ боролся уже съ недугомъ, въ скоромъ времени уложившимъ его на смертный одръ.

Раза три или четыре въ годъ Некрасовъ устраивалъ у себя обѣды, на которые приглашалъ сотрудниковъ и нѣкоторыхъ изъ близкихъ друзей. Обѣды эти отличались изысканностью яствъ и питей. Нужно замѣтить, что Некрасовъ былъ знатокъ по кулинарной и питейной частямъ, принадлежалъ даже къ какому-то гастрономическому обществу, члены котораго конкурировали другъ передъ другомъ въ изобрѣтеніи необычайныхъ яствъ. Какіе были дорогіе обѣды въ этомъ обществѣ, можно судить по тому, что Некрасовъ хвалился какою-то селянкою, которая будто бы стоила что-то вродѣ восьми или десяти рублей тарелка.

Иногда Некрасовъ устраивалъ и ужины съ чтеніями авторами своихъ произведеній, которыя они желали пристроить въ «От. Запискахъ». Я помню три такія чтенія—Григоровича, А. Потѣхина и Михайловскаго.

Что касается Елисеѣва, то въ противоположность Некрасову и Салтыкову онъ не ограничивался дѣловыми сношеніями или рѣд-

кими приглашеніями и визитами, а водилъ съ сотрудниками домашнее знакомство и дѣлилъ хлѣбъ-соль. Вообще, въ первые годы редактированія «От. Записокъ» Елисеѣвъ велъ открытую жизнь. По четвергамъ у него были большія собранія съ ужинами, на которыхъ гостей бывало человѣкъ до пятидесяти. Здѣсь можно было встрѣтить писателей разныхъ болѣе или менѣе либеральныхъ органовъ. Въ то время не существовало еще такой непроходимой пропасти, какая впослѣдствіи разверзлась между сотрудниками «От. Записокъ» и тѣми представителями «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», которые создали «Новое Время». «С.-Петербургскія Вѣдомости» считались дружественною газетою по отношенію къ «От. Запискамъ» и почтили переходъ ихъ въ руки Некрасова сочувственною статьею. «От. Записки» отвѣтили на этотъ привѣтъ впослѣдствіи тѣмъ, что устроили въ честь редакторовъ и сотрудниковъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» большой прощальный демонстративный обѣдъ въ одномъ изъ лучшихъ ресторановъ, когда В. Коршъ былъ отстраненъ отъ арендованія «С.-Петербургскими Вѣдомостями» и замѣненъ Баймаковымъ. А. С. Суворинъ былъ усерднымъ посѣтителемъ елисеѣвскихъ журфиксовъ, и я живо помню, какъ жестоко распекала его Катерина Павловна за фельетонъ, въ которомъ онъ осмѣялъ Лядову, снявшуюся въ роли Елены Прекрасной въ слишкомъ соблазнительной позѣ. Кромѣ Суворина, Елисеѣва посѣщала довольно часто и П. А. Гайдебуровъ со всѣмъ своимъ семействомъ, т.-е. съ женою Евгеніею Карловной и шуриномъ В. К. Кемницемъ. Послѣдній особенно памятенъ мнѣ тѣмъ, что устраивалъ малороссійскіе хоры на вечерахъ у Елисеѣвыхъ. Что касается Гайдебурова, то по поводу статей его въ «Дѣлѣ», а потомъ въ «Недѣлѣ» возникали у Елисеѣва съ нимъ ожесточенные дебаты. Вообще нельзя сказать, чтобы Елисеѣвъ относился къ Гайдебурову съ полной симпатіею: постоянно замѣчалась въ этихъ отношеніяхъ не то сухость, не то насмѣшливость.

Къ половинѣ 70-хъ годовъ характеръ журфиксовъ значительно измѣнился. Не появлялись уже ни Суворинъ, ни Гайдебуровъ, ни многіе иные посѣтители первыхъ вечеровъ. Ихъ замѣнила молодежь: понаѣхали изъ провинціи племянники и племянницы Катерины Павловны,—Негрескулы, Гофштетеры и пр. вмѣсто прежнихъ политическихъ споровъ и хоровыхъ пѣсенъ стали преобладать танцы и до и послѣ ужиновъ. Въ половинѣ же 70-хъ годовъ, когда Елисеѣвъ началъ прихварывать, а у танцовавшей молодежи начали возникать романы, нежелательные Катеринѣ Павловнѣ, ревниво оберегавшей «ангеловъ», четверговые журфики были прекращены.

III.

Кромѣ четверговыхъ вечеровъ, у Елисеѣвыхъ были интимныя обѣды по понедѣльникамъ. По окончаніи редакціонныхъ собраній Елисеѣвъ отправлялся въ сопровожденіи меня домой обѣдать. Кромѣ меня, подходили къ обѣду еще нѣкоторые болѣе близкіе знакомые Елисеѣвыхъ: В. И. Покровскій, Н. С. Кутейниковъ, Марья Александровна Марковичъ (Марко-Вовчокъ), С. Н. Кривенко и нѣкоторые другіе.

В. И. Покровскій, тверской статистикъ, былъ рѣдко, лишь наѣздами въ Петербургъ, почему я мало зналъ его и ничего не имѣю сказать о немъ. Съ Кутейниковымъ же я съѣлъ не одинъ пудъ соли. Чиновникъ по министерству государственныхъ имуществъ, свѣдущій человекъ по земскимъ дѣламъ, хроникеръ «Новаго Времени», онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ хорошей переводчикъ. Въ свое время пользовались общою извѣстностью и хорошо раскупались его переводы этическихъ трактатовъ Самуила Смайльса и, по правдѣ сказать, не даромъ Кутейниковъ влюбилъ этого проповѣдника буржуазной морали, такъ какъ самъ былъ съ головы до ногъ истый буржуа. Наружность его была не блестяща. Это былъ мужчина семинарскаго типа, сутулый, неуклюжій, съ нетвердой, развинченною походкой, съ загребавшею ногой, немного заикающійся,—словомъ, имѣлъ всѣ признаки человека съ крайне разстроенными нервами.

И дѣйствительно, нервы его были весьма ненормальны. Умѣренный и аккуратный въ своихъ привычкахъ, не имѣвшій никакихъ страстей и пороковъ, добродѣтельный семьянинъ и скопидомъ, усердно сколачивавшій капиталчикъ, въ то же время онъ былъ одержимъ несомнѣнною манією преслѣдованія. Въ молодости у него была какая-то связь съ мѣщанкою; онъ прижилъ съ нею ребенка и воспитывалъ его. Съ матерью этого ребенка онъ давно разошелся, между тѣмъ вообразилъ, что она преслѣдуетъ его съ цѣлями вымогательства денегъ. Друзья сначала вѣрили его рассказамъ о шантажныхъ интригахъ злодѣйки, но вскорѣ убѣдились, что все это бредъ его больного воображенія. Это явствовало изъ того уже, что онъ воображалъ, будто его со всѣхъ сторонъ окружаютъ шпионы, слѣдуя по его пятамъ. Чуть въ комнату входилъ незнакомый ему человекъ и хотя бы вы прекрасно этого человека знали съ самой хорошей стороны, вы не въ состояніи были разубѣдить его, что это отнюдь не шпионъ. Однажды я зашелъ за нимъ, чтобы вмѣстѣ отправиться къ общему знакомому, и, несмотря на то, что и лѣстница, и улицы, по которымъ мы шли, были совсѣмъ пустынно, ему все время казалось, что по пятамъ нашимъ идетъ шпионъ. Замѣчательно, что въ настоящемъ случаѣ предполагались отнюдь не политическіе шпионы,—малый былъ безукоризненно благонамѣренный человекъ,

набожно крестился въ церкви, когда провозглашались эктеніи о царствующемъ домѣ,—нѣтъ: предполагались шпионы, специально посылаемые слѣдить за нимъ коварною шантажисткою.

Съ годами эта манія болѣе и болѣе овладѣвала несчастнымъ. Не излечила его и женитьба, совершенно согласная съ его идеаломъ семейной жизни. Такъ, онъ былъ вооруженъ противъ развитыхъ и эмансипированныхъ женщинъ, писательницъ, курсистокъ и т. п., и говорилъ, что женится не иначе, какъ на дѣвушкѣ изъ глухой провинціи, воспитанной въ страхѣ Божиемъ и чуждой какихъ-либо новыхъ идей, но въ то же время хорошей хозяйкѣ. Дѣйствительно, онъ вывезъ по своему вкусу жену изъ Петрозаводска, возросшую въ благочестивомъ чиновничьемъ семействѣ, невинную по части какихъ бы то ни было идейныхъ запросовъ, и ему ничего не стоило превратить ее въ непрекословную рабыню своего семейнаго очага. Но это нимало не помогло: онъ продолжалъ бредить шпионами и въ послѣдніе годы жизни у него не было иныхъ рѣчей; онъ видѣлъ шпионовъ даже въ любомъ номерѣ «Новаго Времени».

— Вотъ,—говорилъ онъ:—прочтите эту передовую статью. Вы подумаете, что она написана по поводу испанскихъ дѣлъ? Нѣтъ, я вамъ скажу: тутъ въ каждой строкѣ дается предостереженіе прямо по моему адресу. Вамъ, непосвященному, это не понятно, а для меня ясно, какъ день.

Въ «Отечественныхъ Запискахъ» онъ участвовалъ очень рѣдко, хотя у него была своя особенная роль. Такъ, когда нужно было на первыхъ страницахъ журнала сдѣлать какое-нибудь официальное извѣщеніе, сообщить во всѣхъ подробностяхъ ходъ болѣзни и смерть какого-нибудь высокопоставленнаго лица, или извѣстія съ поля военныхъ дѣйствій, словомъ, когда предстояли такія обязательныя темы, братья за которыя никому не было охоты, выручалъ Кутейниковъ.

IV.

Что касается М. А. Марковичъ, то, встрѣтя ее въ домѣ Елисеѣвыхъ въ 1868 или 1869 году, я прежде всего былъ очень удивленъ однимъ обстоятельствомъ. Писаревъ, какъ извѣстно, былъ страстно влюбленъ въ нее. Не далѣе, какъ за два года передъ тѣмъ онъ самъ признавался мнѣ, что не въ состояніи ничего дѣлать, пока не добьется ея взаимности. Судя по этимъ словамъ, я ожидалъ встрѣтить молодую или, по крайней мѣрѣ, очень сохранившуюся особу очаровательной наружности. И каково же было мое удивленіе, когда передо мною предстала вдругъ дебелая матрона, правда, высокаго роста и атлетическаго сложенія, съ румянцемъ во всю щеку, но все-таки весьма уже пожилая. И еще бы: у нея былъ взрослый уже сынъ Богданъ, студентъ петербургскаго университета. Един-

ственное украшеніе ея лица были густѣйшія, можно сказать, даже мохнатыя черныя брови.

Да и не одинъ Писаревъ увлекался ею. Она постоянно была окружена самою зеленою молодежью. Тутъ были и студенты, и моряки, и пажы,—словомъ, люди всѣхъ званій и состояній. И всѣ они были у нея вѣчно на посылкахъ: одинъ посылался въ булочную Филиппова за шафраннымъ хлѣбомъ, другой въ Гостиный дворъ за гарусомъ, третій летѣлъ на Петербургскую сторону съ какой-нибудь записочкой.

Единственно чѣмъ можно было объяснить ея сердцеѣдство, это—недожиннымъ умомъ и умѣньемъ вкрадываться въ душу собесѣдника, оплетая его со всѣхъ сторонъ кружевомъ угонченнѣйшей лести. По адресу молодежи пускались сверхъ этого томные взоры и немалая доза кокетства вродѣ взбѣганія бѣгомъ по крутой лѣстницѣ въ пятый этажъ, чтобы показать, что вотъ, молъ, какъ я еще сохранилась. Словомъ, въ началѣ знакомства она производила на васъ такое впечатлѣніе, что казалось и не найти другой такой симпатичной, душевной женщины: какъ она понимаетъ васъ, какъ сочувствуетъ вамъ во всемъ! Но мало-по-малу въ этомъ симпатичнѣйшемъ и задушевнѣйшемъ существѣ оказывалось немалая доза коварства: или она эксплуатировала васъ самымъ беззащитнымъ образомъ, или, расхваливая васъ въ глаза и увѣряя въ искреннемъ и горячемъ расположеніи къ вамъ, въ то же время зло осмѣивала васъ за глаза, или же, наконецъ, если замѣчала возможность поссорить васъ съ кѣмъ-нибудь, она не упускала случая воспользоваться этою возможностью. Замѣчательно при этомъ, что она ссорила самыхъ закадычныхъ друзей вовсе не изъ какихъ-нибудь личныхъ цѣлей, а просто такъ, находя въ этомъ такое же хищное упоеніе, какое испытываютъ любители боя быковъ, пѣтуховъ или чемпионовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Марковичъ обнаруживала крайне легкомысленное отношеніе во всякому дѣлу. Такъ, она работала у книгопродавца Звонарева въ качествѣ переводчицы. Переводчица она была недурная, но ей лѣнь было переводить самой, и вотъ она, получая за листъ перевода по 15 рублей, передавала работу нуждающимся переводчикамъ рублей за 5, за 6, а сама почивала на лаврахъ, кладя въ карманъ двѣ трети платы. Ну, и поплатилась же она за это, наскочивши на ягоду одного съ нею поля: нѣкая переводчица, взявши отъ нея переводъ сказокъ Андерсена, списала цѣликомъ вагнеровскій переводъ, а Марковичъ и въ голову не пришло сличить рукопись съ вагнеровскимъ текстомъ. Звонаревъ и напечаталъ сказки въ такомъ видѣ. Произшелъ такимъ образомъ вопіющій плагиатъ, въ результатѣ котораго послѣдовалъ третейскій судъ, и Марковичъ пришлось выйти изъ этого суда съ довольно-таки поколебленной репутаціей.

Это судебное разбирательство не было единственнымъ въ жизни Марковичъ. Вообще она имѣла словно врожденную страсть къ

тяжбамъ. Съ кѣмъ только не судилась она въ продолженіе десятилѣтняго знакомства моего съ нею: и съ какимъ-то генераломъ, который переманилъ ея собаку, и съ парголовскимъ крестьяниномъ изъ-за дачи, и съ библіотекаремъ Семенниковымъ, требовавшимъ съ нея деньги за храненіе ея изданій. Но курьезнѣе всего была ея тяжба съ издателемъ и редакторомъ еженедѣльной газетки «Молва», издававшейся недолго въ продолженіе 1876 года. Приглашенная къ участию въ этомъ изданіи, она предложила свою повѣсть «Малиновое варенье». Повѣсть начали печатать съ перваго номера. Редакція полагала, что повѣсть займетъ не болѣе двухъ-трехъ номеровъ. Но проходилъ мѣсяць за мѣсяцемъ, а «Малиновое варенье» тянулось и тянулось безъ конца, ложась тяжелымъ бременемъ на скудный бюджетъ газеты, а плата за повѣсть была назначена большая, генеральская. Наконецъ редакція потеряла терпѣніе и рѣшилась прекратить печатаніе повѣсти, не дошедшей, кажется, и до половины. Марковичъ вломила въ амбицію и потребовала третейскаго суда, но, сколько помнится, судъ не состоялся, не знаю ужъ почему,—отговорилъ ли кто Марковичъ отъ новаго скандальнаго процесса, или же она не нашла судей, которые взялись бы за это кляузное дѣло.

Все это, взятое вмѣстѣ, такъ оттолкнуло Марковичъ отъ всѣхъ ея друзей, что въ послѣдніе годы ея пребыванія въ Петербургѣ она совсѣмъ удалилась изъ литературныхъ сферъ; къ концу же 70-хъ годовъ и совсѣмъ оставила Петербургъ, удалившись на Кавказъ со своимъ вторымъ мужемъ, человѣкомъ значительно моложе ея.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Николай Константиновичъ Михайловскій. — Мои первыя встрѣчи съ нимъ.—Характеристика его.—Василій Степановичъ Курочкинъ.—Характеристика его.—Крушеніе «Искры».—В. Ст. Курочкинъ спасаетъ меня отъ дуэли съ Н. В. Максимовымъ.—Трагическая смерть В. Ст. Курочкина.—Трагикомедія Николая Степановича Курочкина и ея причины.

I.

Въ первый разъ я видѣлъ Михайловскаго въ концѣ 1868 или началѣ 1869 года, когда однажды вечеромъ онъ читалъ у Некрасова въ присутствіи нѣсколькихъ сотрудниковъ свой романъ «Борьба», о которомъ онъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Надо полагать, что впоследствии онъ эксплуатировалъ этотъ романъ въ видѣ полу-беллетристическихъ фельетоновъ («Въ перемежку», «Записки Темкина» и пр.). Но, по всей вѣроятности, выдержки эти брались изъ вто-

рой части. Первая же, читанная на вечерѣ у Некрасова, заключала въ себѣ дѣтство героя и жизнь его въ закрытомъ заведеніи. Интересно было бы знать, сохранилась ли въ бумагахъ, оставшихся послѣ Михайловскаго, эта первая часть? Несомнѣнно, она заключала въ себѣ богатый матеріалъ для біографіи Михайловскаго.

Второй разъ я встрѣтилъ Михайловскаго на вечеринкѣ у Н. С. Курочкина, на которой собралось нѣсколько ближайшихъ сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ». Онъ въ первый разъ тогда присутствовалъ на нашихъ интимныхъ собраніяхъ. Кромѣ Курочкина, съ которымъ онъ былъ знакомъ раньше, никто не зналъ еще его, и насъ поразило, что въ продолженіе всего вечера онъ просидѣлъ молча, не проронивъ ни слова, такъ что, когда онъ ушелъ раньше другихъ, поднялись непріязненные рѣчи по поводу его сенсационнаго молчанія и ранняго ухода: не знали, чему приписать это, — врожденной ли робости, или презрѣнію къ собесѣдникамъ, съ которыми не стоить сближаться.

Но это первое дурное впечатлѣніе быстро сгладилось, когда, войдя въ составъ сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ», онъ волею-неволею началъ сближаться со всѣми нами. Не прошло и года, какъ онъ былъ уже душою общества на всѣхъ нашихъ молодыхъ собраніяхъ. Средняго роста, съ классически-правильными чертами лица, сіяющаго и физической и духовною красотой, съ чрезвычайно-умными, провицательными глазами, съ зачесанными назадъ пышными бѣлокуроыми кудрями, съ безукоризненно изящными манерами, онъ былъ кумиромъ какъ жеиципъ, такъ и мужчинъ, съ которыми сближался, — и глубокимъ умомъ, и начитанностью, и свѣтлою жизнерадостностью.

Такимъ зпалъ я Михайловскаго съ первой встрѣчи и до самой его смерти, въ одномъ и томъ же неизмѣнномъ видѣ, столь же жизнерадостнымъ, подвижнымъ и безконечно-умнымъ. Недаромъ въ предисловіи къ первому изданію своихъ сочиненій онъ особенно подчеркнул, что съ первой написанной имъ строки онъ остается неизмѣннымъ во всѣхъ своихъ убѣжденіяхъ и взглядахъ. Дѣйствительно, въ глазахъ всѣхъ знавшихъ его онъ въ продолженіе всей жизни являлся словно отчеканеннымъ, и такимъ былъ онъ не только въ своихъ сочиненіяхъ, но и въ самой своей личности, во всемъ обиходѣ своей жизни. На меня, по крайней мѣрѣ, онъ производилъ всегда такое впечатлѣніе, какъ будто подобно тому, какъ Венера изъ морской пѣны, онъ сразу явился на свѣтъ авторомъ «Что такое прогрессъ?», минуя всѣ свойственные людямъ возрасты.

Вообще человекъ крайне сосредоточенный, скрытный, каждую минуту державшій себя въ рукахъ и не любившій много распространяться о своей личности и прошломъ, Михайловскій представлялъ много загадочнаго въ своей личности. По крайней мѣрѣ и до настоящаго времени біографическія свѣдѣнія о немъ крайне скудны.

Такъ, намъ извѣстно, что онъ родился въ бѣдномъ дворянскомъ семействѣ. Тѣмъ не менѣе въ этомъ бѣдномъ семействѣ онъ получалъ блестящее, чисто дворянское воспитаніе: владѣлъ нѣсколькими языками, лихо танцевалъ мазурку, имѣлъ прекрасныя манеры, любилъ шампанское и дорогіе ликеры, — словомъ, съ головы до ногъ представлялъ собою чистокровнаго джентльмена.

Загадочнымъ въ моихъ глазахъ было и вотъ еще какое обстоятельство: въ первый разъ я былъ у Михайловскаго въ 1870 или въ 1871 г. Онъ былъ тогда еще холостой и жилъ въ двухъ комнатахъ. И вотъ тогда уже я видѣлъ у него большую библіотеку, простиравшуюся до потолка довольно высокой комнаты. Въ воспоминаціяхъ же своихъ Михайловскій описываетъ, какъ бѣдствовалъ онъ до своего вступленія въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ», живя въ мансардѣ и не имѣя возможности ежедневно обѣдать. Спрашивается теперь, какъ это въ какіе-нибудь два-три года онъ успѣлъ пріобрѣсти такую большую библіотеку? Развѣ что она досталась ему цѣликомъ въ наслѣдство?

Загадочно наконецъ и то, когда успѣлъ Михайловскій написать все, что было написано имъ въ теченіе жизни? Удивляетъ при этомъ не одно количество написаннаго, но тѣмъ болѣе качество. Нимало не было бы удивительно, если бы журналистъ написалъ вдесятеро болѣе Михайловскаго. Но обратите вниманіе, что вы не найдете у него ни одной страницы, которая имѣла бы видъ спѣшнаго борзописанія; каждая статья его имѣетъ характеръ солидной научной работы съ ссылками на различныя иностранныя сочиненія и цитатами изъ нихъ. Невольно впадаешь въ недоумѣніе: когда же успѣвалъ Михайловскій навести всѣ эти справки, намѣтить цитаты и пр.? Къ тому же онъ писалъ все собственноручно, не прибѣгая ни къ стенографіи, ни просто къ диктовкѣ.

Ко всему этому онъ отнюдь не былъ аскетомъ и педантомъ, денно и нощно корпѣвшимъ надъ книгами: онъ любилъ посѣщать многочисленныя и шумныя собранія, участвовалъ въ публичныхъ чтеніяхъ, дружескихъ пирушкахъ и пикникахъ, не пропускалъ ни одного студенческаго бала, не чуждался женщинъ, которыя взапуски ухаживали за нимъ, любилъ путешествовать (хотя «заграницы» не любилъ). Прибавьте ко всему этому массу черной журнальной работы: корректуры, чтенія, правки рукописей и пр. Вотъ и подумайте: какъ могъ совмѣстить все это человѣкъ?

Умѣнье располагать временемъ и силами и въ часъ сдѣлать болѣе, чѣмъ иному удастся въ сутки, — тайна людей богато одаренныхъ, и они уносятъ эту тайну въ могилу, предоставляя обыкновеннымъ смертнымъ лишь дивиться, какимъ волшебствомъ успѣли эти люди такъ много сдѣлать, имѣя въ то же время видъ праздныхъ гулякъ.

Очень возможно, что именно тому, что ничто человѣческое не было Михайловскому чуждо, и что со всею жадностью своего холери-

ческаго темперамента стремился онъ упитаться всѣми благами жизни, съ равнымъ увлеченіемъ и работая, и наслаждаясь, онъ и былъ обязанъ преждевременною смертію. Его нервы слишкомъ часто и сильно напрягались, и сердцу приходилось слишкомъ много работать, усиленно биться, волнуясь то радостями, то невзгодами, наконецъ оно изнемогло.

II.

Въ литературныхъ кружкахъ того времени играли большую или меньшую роль три брата Курочкины—старшій Владимиръ, средній Николай и младшій Василій. Владимиръ мало былъ причастенъ къ литературѣ, только тѣмъ и ознаменовалъ себя въ ней, что занимался книжной торговлей, издалъ «Невскій сборникъ» и издавалъ «Книжный Вѣстникъ» подъ редакціей своего брата Николая. Я мало былъ съ нимъ знакомъ, такъ что у меня не сохранилось о немъ никакихъ воспоминаній. Другое дѣло—о братьяхъ его. Съ ними я съѣлъ не одинъ пудъ соли, и о нихъ поведу я теперь рѣчь.

Здѣсь мы вступаемъ въ серію людей трагическихъ, къ числу которыхъ слѣдуетъ отнести не только Курочкиныхъ, но также и Демерта. Трагическими я называю эти личности потому, что преждевременная смерть ихъ является результатомъ именно тѣхъ трагедій, которыя пришлось имъ переживать въ своей жизни.

Особенною цѣльностью отличается трагедія Василя Курочкина. Въ ней есть даже нѣчто поистинѣ фатальное въ духѣ древнихъ трагедій. Такъ, онъ могъ бы ограничиться ролью, во всякомъ случаѣ очень почтенною, талантливаго переводчика Беранже. Но надъ нимъ тяготѣлъ рокъ, который возвысилъ его на головокружительную высоту и съ этой высоты низвергъ его въ бездну ничтожества и отчаянія.

В. Курочкинъ былъ вполнѣ сынъ 60-хъ годовъ, ихъ созданіе и воплощеніе, столь же, какъ и они, экспансивный, искренній, склонный къ громкимъ протестамъ, исполненный горячаго энтузіазма и вмѣстѣ съ тѣмъ чуждый малѣйшей практичности и умѣнья сообразоваться съ обстоятельствами.

И вотъ этого-то безкорыстнаго энтузіаста въ области идей и ребенка въ практической жизни 60-е годы выдвинули въ качествѣ создателя русской сатирической прессы. Въ этомъ отношеніи Курочкинъ былъ въ положеніи Петра Великаго, когда тотъ создавалъ флотъ: ему точно также приходилось все создавать изъ ничего. Вы сообразите только, что у насъ не было ничего подготовлено для политической сатиры: не существовало ни малѣйшей традиціи въ этомъ родѣ. Курочкину приходилось создавать самому и сатириковъ, и карикатуристовъ, заказывая и внушая темы для карикатуръ. И такъ были энтузіазмъ, талантъ и энергія создателя сатирической

прессы, что, преодолевъ всѣ трудности, Курочкинъ явился передъ публикой во всеоружіи политической сатиры со своею знаменитою «Искрой».

И вотъ представьте себѣ, что послѣ того, какъ этотъ человѣкъ сдѣлался всероссійскою грозой для всѣхъ взяточниковъ, казнокрадовъ, вообще людей съ нечистою совѣстью и съ рыломъ въ пушку, послѣ того, что попасть въ «Искру» было такъ же страшно, какъ и въ «Колоколь»,—«Искрѣ» пришлось погаснуть отъ перваго дуновения реакціи.

Правда, «Искра» умирала медленною агонію, но какая это была тяжелая и мучительная агонія! Приходилось все болѣе и болѣе сбавлять тонъ и вслѣдствіе одного этого терять подписчиковъ. Съ 1865 года Курочкина покинулъ его соиздатель Степановъ, основавшій свою собственную сатирическую газету—«Будильникъ». Курочкину пришлось вести дѣло одному, имѣя сильнаго конкурента, и между тѣмъ, какъ Степановъ сумѣлъ такъ приноровиться ко времени, что «Будильникъ» его просуществовалъ многіе годы,—Курочкинъ былъ слишкомъ человѣкъ 60-хъ годовъ, чтобы быть способнымъ гнуться подъ напоромъ реакціи. Начались цензурныя гоненія, приостановки журнала по тѣмъ или другимъ причинамъ, въ родѣ, напримѣръ, внезапнаго исчезновенія редактора (В. К. Леонтьева), которое повело приостановку «Искры» на нѣсколько мѣсяцевъ, и она могла возобновиться лишь 7 февраля 1873 года, упустивъ время подписки на газеты. Въ концѣ 60-хъ годовъ надъ «Искрою» висѣли уже два предостереженія. Въ 1870 году «Искра» по цензурнымъ условіямъ принуждена была выходить безъ карикатуръ. Но «Искра» безъ карикатуръ—вѣдь это была словно муха съ оборванными крыльями. Едва просуществовавъ въ такомъ обезображенномъ видѣ два года, она принуждена была прекратиться на № 36-мъ 1873 г.

Насильственное прекращеніе періодическихъ изданій—обычное явленіе въ нашей журнальной практикѣ, и издатели имѣли время привыкнуть къ нему. Мало-мальски практичныя издатели такъ или иначе изворачиваются и предпринимаютъ новыя изданія. Такъ, ни Некрасовъ, ни Благосвѣтловъ не погибли послѣ того, какъ были закрыты «Современникъ» и «Русское Слово». Совсѣмъ другое дѣло—Курочкинъ... Все существо его сливалось съ «Искрою» въ одно неразрывное цѣлое. «Искра»—это былъ онъ самъ. Въ нее вложилъ онъ и все свое состояніе, и всю свою душу, и гибель «Искры» была вмѣстѣ съ тѣмъ гибелью и его самого.

Къ сожалѣнію, я не зналъ Курочкина, когда онъ былъ на высотѣ своего величія, и познакомился съ нимъ лишь въ началѣ 70-хъ годовъ, когда «Искра» выходила уже безъ карикатуръ и боролась съ смертію, и съ первой же встрѣчи съ Курочкинымъ я рѣшилъ въ своей душѣ, что не жилецъ онъ на бѣломъ свѣтѣ,—такимъ выглядѣлъ онъ беспомощно жалкимъ. Я не могу выкинуть изъ головы того пол-

наго мрачнаго унынія взгляда, которымъ часто вспыхивали глаза покойнаго въ послѣдніе годы его жизни, порою въ самыя веселыя минуты общаго веселаго настроенія. Въ этомъ взглядѣ чуялся ужасъ смерти. Такъ глядятъ утопающіе съ разбитаго корабля, качающіеся на бревнышкѣ по волнамъ безбрежнаго океана; такъ глядятъ чахоточные, прислушивающіеся къ глухому хрипѣнію въ своихъ разлагающихся легкихъ; такъ глядятъ растерянные въ жаркой схваткѣ бойцы, окруженные безпощадными врагами. Такимъ именно поверженнымъ бойцомъ представлялся мнѣ Курочкинъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вы представьте только себѣ человѣка, который создавалъ нѣкогда вокругъ себя сатириковъ и карикатуристовъ и гремѣлъ на всю Россію своимъ страшнымъ изданіемъ, а теперь былъ принужденъ работать въ газетѣ Полетики сотрудникомъ-наемникомъ, писать съ отвращеніемъ срочные стихотворные фельетоны изъ-за куска хлѣба, чтобы не умереть съ голоду съ семействомъ. Если бы еще близъ него была добрая любящая душа, которая ободряла бы его и утѣшала, дѣля съ нимъ радость и горе, но дома онъ находилъ адъ кромѣшный въ видѣ мегеры, которая въ бѣшеной запальчивости бросала ему въ лицо горячія котлеты. Нѣтъ ничего мудренаго, что загулы его, учащаясь, превратились мало-по-малу въ почти непрерывный запой.

Лѣтомъ въ 1875 году онъ жилъ на дачѣ въ Третьемъ Парголово, недалеко отъ моей дачи. Мы ежедневно видѣлись съ нимъ, купались вмѣстѣ, играли даже однажды въ преферансъ. Передъ самой смертью онъ въ нѣкоторомъ родѣ былъ моимъ спасителемъ, избавивъ меня отъ грозившаго мнѣ вызова на дуэль.

Дѣло заключалось въ томъ, что незадолго до того въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», говоря о безцеремонно-развязномъ и пьяномъ ухарствѣ нѣкоторыхъ газетныхъ фельетонистовъ, я сравнилъ ихъ съ гоголевскими героями въ родѣ капитана Пѣтухова и мичмана Дырки. Въ то время подвизался въ литературѣ братъ извѣстнаго этнографа С. В. Максимова-Н. В. Максимовъ. Онъ носилъ морской мундиръ и вообразилъ, что подъ мичманомъ Дыркою я подразумѣваю никого иного, какъ его. Нрава онъ былъ весьма крутого и, вскипѣвъ, бросился въ Парголово съ цѣлью вызвать меня на дуэль. Не зная, гдѣ я живу, онъ зашелъ къ Курочкину, чтобы тотъ указалъ мой адресъ. Но Курочкинъ, узнавъ о цѣли пріѣзда Максимова въ Парголово, оказалъ ему такое щедрое гостепріимство, что Максимовъ забылъ, гдѣ онъ и кто онъ, и на другое уже утро, переночевавъ у Курочкина, уѣхалъ въ Петербургъ, махнувъ на меня рукой и не осчастлививъ меня своимъ посѣщеніемъ.

Все это было въ первой половинѣ лѣта, а во вторую половину Курочкинъ такъ сильно запилъ, что не показывался уже съ дачи. Къ тому же погода испортилась, наступили чисто осенніе холода;

дождь лиль каждый день почти безъ перерыва. Курочкинъ простудился и схватилъ острый ревматизмъ всего тѣла. И вотъ представьте себѣ, что онъ творилъ со своимъ организмомъ: въ теченіе дня онъ старался заглушать адскія боли подкожными впрыскиваніями морфія и колоссальными дозами алкоголя до полного опьянѣнія, а такъ какъ на другое утро ему предстояло писать фельетонъ, то на ночь онъ принималъ лошадиную дозу хлораль-гидрата. Какое нужно было имѣть здоровое сердце, чтобы выдержать такой режимъ! И ко всему этому нужно еще присоединить ежедневныя домашнія дразги, не дававшія несчастному ни минуты покоя.

Однажды подъ вечеръ я шелъ по Третьему Парголову мимо дачи, на которой жили Курочкины. Вокругъ было мрачно; зловѣщія тучи, погоняемыя холоднымъ вѣтромъ, бѣжали надъ самыми деревьями. И вдругъ слышу я, изъ оконъ дачи Курочкиныхъ по всей улицѣ пронесся раздирающій голосъ Курочкина:

— Наталья Романовна!

И столько показалось мнѣ въ этомъ возгласѣ рыдающаго укора, столько смертельнаго отчаянія, что я положительно похолодѣлъ отъ ужаса, словно въ предчувствіи близкаго вѣянія смерти. А вѣтеръ вылъ и тучи неслися въ смятеніи... Бываютъ въ жизни мгновенія, которыя никогда не забываются и всегда волнують васъ такъ же мучительно, какъ и тогда, когда вы ихъ пережили.

Въ началѣ августа Курочкинъ съѣхалъ съ дачи, а 15-го его не стало. Смерть его была такъ загадочна, что родные заподозрѣли въ ней нѣчто въ родѣ убійства и обратились къ прокурорскому надзору. Началось судебное слѣдствіе. Между другими давалъ и я показанія о жизни Курочкина въ Парголовѣ. Но слѣдствіе это не повело ни къ чему. Въ результатѣ его оказалось лишь, что смерть послѣдовала вслѣдствіе того, что по ошибкѣ врача или аптекаря больному было впрыснуто такое количество морфія, какое было достаточно, чтобы послѣдоваль параличъ сердца. Но я убѣжденъ, что и помимо этой роковой ошибки употребленіе одновременно морфія и хлорала могло бы привести къ тому же результату.

III

Трагедія Н. С. Курочкина рѣзко отличалась отъ трагедіи его брата тѣмъ, что въ ней была немалая доля комизма, такъ что это была, собственно говоря, трагикомедія. Хотя, Богъ ихъ знаетъ, гдѣ граница между трагедіей и комедіей! Не помню, кто-то изрекъ такую поразительно глубокую мысль, что въ каждой комедіи неизмѣримо болѣе трагическаго, чѣмъ въ чистой трагедіи. Какъ бы ни было смѣшно то или другое отступленіе отъ идеальной нормы, но развѣ не прискорбно оно въ то же время, именно какъ иска-

женіе въ человѣкѣ человѣка? Нѣтъ такого смѣха, который не таилъ бы въ себѣ горькихъ слезъ.

Трагедія Н. С. Курочкина заключалась въ томъ, что онъ свернулъ съ намѣченного имъ пути и измѣнилъ своему призванію. Онъ съ успѣхомъ кончилъ курсъ въ медицинской хирургической академіи, затѣмъ въ качествѣ врача совершилъ плаваніе въ Средиземное море на какомъ-то военномъ суднѣ. Словомъ, шелъ по медицинской части, и если бы продолжалъ избранный путь, то хотя бы и не ознаменовалъ себя чѣмъ-либо замѣчательнымъ и выдающимся, во всякомъ случаѣ могъ мирно прожить свой вѣкъ болѣе или менѣе порядочнымъ врачомъ. Но литературные успѣхи брата вскружили ему голову, и вотъ, забросивъ медицину до полного забвенія, онъ вознамѣрился сдѣлаться во что бы то ни стало литераторомъ. Но таланта у него для мало-мальски видной роли въ литературѣ не хватило, и ему пришлось всю жизнь состоять въ рядахъ такъ называемыхъ «литературныхъ братьевъ». Этотъ неуспѣхъ, видимо, огорчалъ его внутренне, и подъ его гнетомъ онъ началъ медленно облѣживаться, опускаться и разлагаться и физически, и нравственно.

Въ молодости онъ былъ, конечно, и подвижнѣе, и энергичнѣе, судя по тому, что онъ представлялся человѣкомъ бывалымъ, начитаннымъ, зналъ нѣсколько языковъ, былъ въ то же время тонкій знатокъ и по винной, и по гастрономической части, любя въ мѣру и поѣсть, и выпить. Но когда я съ нимъ познакомился (во второй половинѣ 60-хъ годовъ), онъ представлялъ уже собою опустившагося и излѣнившагося байбака, ведшаго неподвижный образъ жизни. Невысокаго роста, толстенькій, на коротенькихъ ножкахъ, съ большою головою, съ заплывшими жиромъ щеками, онъ вѣчно сидѣлъ на своемъ диванѣ, поджавши по-японски подъ себя калачикомъ ноги и опираясь на положенную на нихъ подушку. Въ такой позѣ китайскаго божка онъ и писалъ, и читалъ, и ѣлъ, и пилъ... «Иконописная», по выраженію Михайловскаго, старушка Аксинья Васильевна, прислуживавшая ему, не имѣла обыкновенія убирать за нимъ, и онъ вѣчно утопалъ въ невыразимой грязи, среди окурковъ, объѣдковъ и всяческаго мусора, напоминая собою Іону-циника романа Писемскаго.

Ко всѣмъ странностямъ его слѣдуетъ присоединить картавость. вмѣсто звука «р» онъ произносилъ «гъ». Въ разговорной рѣчи это было не такъ еще замѣтно, но когда онъ принимался декламировать стихи, онъ иногда вызывалъ своей картавостью неустойчивый смѣхъ. Такъ, Тургеневъ рассказывалъ о Курочкинѣ такой анекдотъ. Однажды русскіе эмигранты въ Парижѣ, пользуясь напыльвомъ русскихъ богатыхъ жуировъ, обратились къ Тургеневу съ просьбою прочитать что-нибудь публично въ ихъ пользу. Тургеневъ охотно согласился, но, не ограничиваясь одною своею особой,

воспользовался тѣмъ, что въ Парижѣ находилось въ то время нѣсколько извѣстныхъ русскихъ писателей, и устроилъ литературное утро. Въ числѣ приглашенныхъ читать былъ между прочимъ и Курочкинъ, бывший тогда тоже въ Парижѣ.

— Представьте себѣ,—разсказываетъ Тургеневъ,—мой ужасъ: взошелъ Курочкинъ на кафедру, до свирѣпости мрачный, окинулъ внушительнымъ взглядомъ исподлобья залу, провозгласилъ: «Гробы» и началъ: «Въ гробъ твою мать положили»... Подумайте, что это такое вышло безъ «еровъ»! А тутъ вокругъ—«фраки, модные жилеты, тальи стянутыя мило»... Я положительно желалъ во все время чтенія этихъ «Гробовъ» провалиться подъ землю.

Когда я познакомился съ Курочкинымъ, онъ еще усердно работалъ, не менѣе усердно пиоровалъ съ нами, выходилъ изъ дома,—словомъ представлялъ собою вполне здороваго человѣка. Но мало-помалу онъ началъ выходить изъ дома все рѣже и рѣже, работать началъ черезъ пень въ колоду и вѣчно жаловался на разнообразныя болѣзни: то находилъ у себя движущуюся почку, то диабетъ, то аневризмъ, то порокъ сердца, и пр. Умственные способности его тоже замѣтно гасли. Прежде онъ былъ порядочнымъ переводчикомъ; подъ конецъ же жизни, ограничиваясь лишь переводами парижскихъ писемъ Шоссена, онъ переводилъ такъ скверно, что исправленіе рукописей его было положительно каторгою.

Подъ конецъ жизни умственные способности его ослабѣли до такой степени, что онъ, свободомыслящій реалистъ, дошелъ въ леченіи своихъ разнообразныхъ болѣзней до ясновидѣнія и гомеопатіи. Такъ, онъ усыплялъ гипнотическимъ сномъ одного изъ своихъ воспитанниковъ, и тотъ диктовалъ ему лекарства такимъ образомъ, что для излеченія его слѣдуетъ отправиться въ такую-то аптеку и тамъ взять лекарство изъ банки, стоящей на верхней полкѣ направо. Курочкинъ посылалъ воспитанника узнать, что находится къ указанной банкѣ, и сообразно указанію составлялъ рецептъ.

Что касается гомеопатіи, то онъ большую вѣру питалъ въ крупинкамъ доктора Маттеи, и вѣра эта осталась непоколебимой, несмотря на такой вопіющій опытъ. Однажды я посѣтилъ его вмѣстѣ съ С. Н. Кривенкомъ. Курочкинъ, конечно, не замедлилъ распространиться насчетъ своихъ болѣзней и началъ восхвалять крупинки Маттеи, увѣряя, что онѣ только однѣ ему хоть сколько-нибудь помагають.

— Вѣдь вотъ, посмотрите,—сказалъ онъ, указывая на маленькую скляночку:—какая мелочь, чисто какъ пшено, а какое могучее дѣйствіе имѣетъ это пшено: достаточно десяти крупинокъ, чтобы съ вами произошла сильнѣйшая рвота.

Кривенко, ни слова не говоря, схватилъ склянку, всыпалъ себѣ въ ротъ все содержимое, и разомъ его проглотилъ. Курочкинъ въ ужасѣ ничего не могъ сказать, только ротъ разинулъ въ одѣвленъ-

ни. Мы начали нетерпѣливо ожидать, когда послѣдуетъ дѣйствіе лекарства, но прошелъ часъ, другой, и никакого результата не оказалось. Тогда Курочкинъ съ упорствомъ непоколебимо вѣрующаго человѣка замѣтилъ:

— Тутъ ничего нѣтъ удивительнаго. Дѣло въ томъ, что по системѣ д-ра Маттеи лекарство можетъ оказывать свое дѣйствіе лишь тогда, когда оно будетъ принято въ той дозѣ, какъ это предписано. Я посмотрѣлъ бы, что было бы съ вами, если бы вы приняли лишь десять крупинокъ, ни больше, ни меньше. Вѣдь и морфіемъ можно отравиться лишь тогда, когда вы примете его въ опредѣленной дозѣ, а при увеличеніи количества приѣма онъ теряетъ уже свое дѣйствіе.

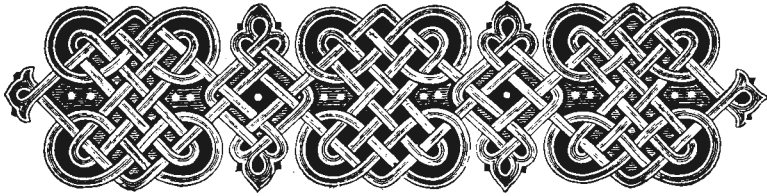
Что же оставалось намъ послѣ такихъ доводовъ какого ни на есть, а все-таки специалиста по медицинѣ, какъ лишь пожать плечами и развести руками.

Я положительно не понимаю, какъ умудрялся Курочкинъ существовать, получая изъ «Отечественныхъ Записокъ» не болѣе ста рублей въ мѣсяцъ, принимая при этомъ въ соображеніе, что онъ жилъ не одинъ, а постоянно пріючалъ у себя двухъ-трехъ воспитанниковъ, которыхъ выводилъ въ люди, и къ тому же имѣлъ разныя прихоти: то вздумаетъ въ январѣ полакомиться земляничкою, и покупаетъ блюдо ея за десять рублей, оправдываясь тѣмъ, что иной въ одинъ вечеръ болѣе проиграетъ въ карты, такъ отчего же ему въ кои вѣки не полакомиться? То вдругъ вздумается ему купить шарманку и по цѣлымъ вечерамъ наслаждается онъ ея хрипящими и свистящими звуками.

Но пока существовали «Отечественныя Записки», какъ ни трудно было положеніе Курочкина, онъ кое-какъ все-таки перебывался и сводилъ концы съ концами. Съ прекращеніемъ же «Отечественныхъ Записокъ» въ 1884 году всѣ средства къ существованію исчезли, и Курочкину грозила нищета. Но онъ не пережилъ этого злополучнаго года. Несмотря на свои многочисленныя болѣзни, умеръ онъ замѣчательно спокойно: утромъ 2-го декабря всталъ съ постели, усѣлся на свой диванчикъ, по обыкновенію сложивъ ножки калачикомъ и положивъ на нихъ подушку. Аксинья Васильевна принесла ему стаканъ кофе и бѣлый хлѣбъ. Когда же, спустя нѣкоторое время, она вновь вошла въ кабинетъ къ барину, она увидѣла, что стаканъ съ кофе былъ опрокинутъ, а Курочкинъ сидѣлъ попрежнему калачикомъ, опустивъ на подушку голову, и былъ уже мертвъ.

А. М. Скабичевскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ТЯЖЕЛОЕ НАСЛѢДСТВО.

Повѣсть.

I.

ВЪ ОТКРЫТІЯ окна фабричной конторы крупнаго провинціального центра лѣтомъ 1906 г. весело врывался шумъ фабрики: она и жужжала, и пыхтѣла, и шигѣла, и гудѣла. Иногда, когда вѣтеръ менѣе явственно доносилъ этотъ общій шумъ, мерещилось, что отрядъ кавалеристовъ переплываетъ рѣку, что лошади фыркаютъ, а люди ихъ подбодряютъ, или что рабочіе вбиваютъ въ рѣчное дно громадныя сваи и ухаютъ всякій разъ, какъ опускается баба. Потомъ вѣтеръ снова сильнѣе доносилъ общій шумъ фабрики; онъ покрывалъ отдѣльные звуки, и тогда казалось, что могучій водопадъ гдѣ-то совсѣмъ близко мечется и реветъ.

За большимъ письменнымъ столомъ, заваленнымъ конторскими книгами, сидѣлъ хозяинъ фабрики, Павелъ Ивановичъ Андерсъ, старикъ съ громадной кошной сѣдыхъ волосъ, короткими бакенбардами, нависшими бровями и съ красноватымъ лицомъ. Голова его была опущена надъ тетрадью, которую онъ внимательно изучалъ.

— Федоръ Федорычъ! — крикнулъ онъ вдругъ, и его голосъ покрылъ шумъ фабрики. — Федоръ Федорычъ! — крикнулъ онъ еще разъ, не отрываясь отъ тетради.

Въ хозяйскій кабинетъ неслышно вошелъ быстрой походкой управляющій Андерса, Ивановъ, мужчина лѣтъ сорока, невысо-

каго роста, плотный, съ чисто русскимъ складомъ лица, и остано-
вился у самаго стола.

Хозяинъ ткнулъ пальцемъ въ тетрадь.

— Вѣрно?—спросилъ онъ лаконически.

— Ошибки нѣтъ.

— Рабочіе не обидятся? Не мало ли?

— Въ самый разъ.

Отрывистымъ движеніемъ руки Андерсъ отпустилъ управляю-
щаго. Тотъ тою же быстрой походкой вышелъ изъ кабинета, а хо-
зяинъ опять погрузился въ тетрадь.

Въ другихъ дверяхъ показался долговзый Сѣркинъ, артель-
щикъ при фабричной конторѣ. Не бросивъ взгляда на хозяина,
онъ сталъ по складамъ медленно считывать съ визитной карточки:

— Ку-кинъ, Бо-рисъ Бо-ри-совичъ.

Андерсъ еще нѣкоторое время продолжалъ изучать тетрадь,
но потомъ повернулъ голову къ Сѣркину и пристально посмотрѣлъ
на него.

— Приличный... словно изъ чиновниковъ,—доложилъ артель-
щикъ, отвѣчая на нѣмой вопросъ хозяина.

— Проси!—сказалъ тотъ, немедленно снова погружаясь въ
тетрадь.

Сѣркинъ вышелъ и вслѣдъ затѣмъ впустилъ Кукина.

Это былъ еще молодой человѣкъ, довольно тщедушный, но въ
общемъ благообразный. Полулысая его голова придавала ему
видъ нѣкоторой солидности. Взглядъ у него былъ самоувѣренный.
Приблизившись, словно маршируя, къ Андерсу, онъ отрѣзалъ:

— По рекомендаціи Кузьмы Егоровича.

Андерсъ внимательно взглянулъ на него.

— Селезнѣва?—спросилъ онъ, протянувъ Кукину руку.

— Кузьмы Егоровича!—повторилъ Кукинъ съ удареніемъ.

— Прошу садиться. Въ чемъ дѣло?

Кукинъ немедленно воспользовался приглашеніемъ, сѣлъ про-
тивъ хозяина и началъ говорить, слегка зажмуривъ глаза.

— Я—чиновникъ,—докладывалъ онъ:—но теперь время такое,
что всякій долженъ стоять на стражѣ, ибо, какъ сказалъ еще Го-
голь, «гибнетъ земля наша отъ насъ самихъ» и оттого, что «мимо
законнаго управленія образовалось другое правленіе, гораздо
сильнѣйшее всякаго законнаго»... Надо во что бы то ни стало
противодѣйствовать революціи. Вчера разрушали помѣстья, се-
годня начнутъ разрушать фабрики...

— Позвольте, въ чемъ собственно дѣло?—мягко прервалъ
Андерсъ оратора.

— Я всегда говорю дѣло,—быстро возразилъ Кукинъ.—Я
всегда говорю дѣло,—повторилъ онъ.—Вы—человѣкъ занятой,
и я—тоже. Вы человѣкъ умный, и мы поймемъ другъ друга съ

полуслова. Я владѣю перомъ, я издаю газету. Ее можетъ читать всякій—рабочій, солдатъ, крестьянинъ. Я, милостивый государь, противъ разрушенія. Вы меня поняли?

И Кукинъ откинулся на спинку кресла, точно не могло быть уже никакого сомнѣнія, что теперь все яснѣе яснаго.

Андерсъ сдѣлалъ очень серьезное лицо, но въ глазахъ его заиграла улыбка.

— Нѣтъ, еще не совсѣмъ,—отвѣтилъ онъ.

— Буду говорить яснѣе,—подхватилъ Кукинъ, снова выпрямляясь.—Кузьма Егоровичъ приобрѣлъ у меня тридцать экземпляровъ «Стяга».

— Чего?—спросилъ Андерсъ протяжно, наклонился надъ столомъ и уставился на Кукина.

— Вы не знаете, что такое «Стягъ»?—прокричалъ Кукинъ, въ свою очередь, уставившись на Андерса.—«Стягъ», милостивый государь, «Стягъ» это—моя газета.

— А-а-а!—протянулъ Андерсъ, точно сдѣлалъ удивительное открытіе.

— Повторяю,—продолжалъ между тѣмъ Кукинъ:—Кузьма Егоровичъ приобретаетъ у меня тридцать экземпляровъ «Стяга» для своихъ рабочихъ. Не желаете ли и вы?

Андерсъ вдругъ словно ослабѣлъ и грузно откинулся въ креслѣ.

— Нѣтъ, не желаю,—отвѣтилъ онъ.

— Какъ!—вскочилъ Кукинъ, точно ужаленный. Всталъ и Андерсъ.—Какъ!—гремѣлъ Кукинъ, потрясая рукой въ воздухѣ.—Вы не хотите противодѣйствовать разрушенію? Вамъ все равно, если вашу фабрику экспроприруютъ, сожгутъ, разрушатъ, если васъ самихъ и вашу семью ограбятъ, изувѣчатъ, убьютъ...

Но тутъ раздался крикъ, оглушившій самого Кукина. Это Андерсъ какъ бы въ испугѣ звалъ своего управляющаго.

— Ѳедоръ Ѳедорычъ! Ѳедоръ Ѳедорычъ!—кричалъ онъ. Можно было подумать, что появленіе Иванова спасетъ Андерса отъ смертельной опасности. Ивановъ по обыкновенію вошелъ тотчасъ же, такъ что Кукинъ не успѣлъ опустить поднятую руку.

— Ѳедоръ Ѳедорычъ,—говорилъ между тѣмъ Андерсъ управляющему:—мосѣ Кукинъ пугаетъ, что фабрику сожгутъ, а меня убьютъ, если мы не подпишемся на его консервативную газету для нашихъ рабочихъ. Какъ вы думаете,—и Андерсъ перешелъ въ спокойный дѣловой тонъ:—не подписаться ли намъ въ самомъ дѣлѣ?

— Не стѣить-съ,—возразилъ управляющій.—Читать не станутъ... Какъ это (Ивановъ произносилъ эти два слова, точно заикался; у него выходило не «какъ это», а «к-та»)... На цыгарки пойдемъ...

— На цыгарки?—переспросилъ Андерсъ.—Дорогая же бумага!

Тутъ Кукинъ очнулся и съ видимымъ раздраженіемъ замѣтилъ:
— Такъ вотъ вы какъ! Революціонеры разсуждаютъ иначе: они умѣютъ распространять среди рабочихъ свои подлые листки. Вы раскаетесь, о, вы раскаетесь, но будетъ поздно...

Андерсъ вышелъ изъ-за стола и, приблизившись къ Кукину, взялъ его за руку.

— Вы не сердитесь на насъ, мосѣ Кукинъ,—произнесъ онъ уже совершенно другимъ, искреннимъ тономъ.—Оно, конечно, непріятно получить въ дѣлѣ отказъ. Но сами посудите: не газета родитъ читателя, а читатель—газету. Что же! Я подпишусь на вашу газету и буду навязывать ее рабочимъ, принуждать ихъ, что ли, читать ее? Нынче и школьничковъ не принуждаютъ читать, а устраиваются такъ, чтобы они сами охотно читали. Спросите объ этомъ, ну, хоть завѣдующаго у меня школьнымъ дѣломъ, моего друга Мостовскаго, Петра Сергѣича. Онъ вамъ...

Кукинъ выдернулъ у Андерса руку.

— Какъ, Мостовскій, этотъ либераль, этотъ революціонеръ—вашъ другъ? А, теперь я понялъ, все понялъ. Прощайте.

И онъ хотѣлъ направиться къ двери. Но въ ней появился Сѣркинъ и торжественно доложилъ:

— Иванъ Семеновичъ Красновъ.

Это, видимо, окончательно взбѣсило Кукина.

— И этотъ революціонеръ—вашъ другъ,—прошипѣлъ онъ.—Теперь мнѣ все ясно. Ноги моей здѣсь не будетъ. Честь имѣю кланяться.

Андерсъ, добродушно улыбаясь, проговорилъ ему вслѣдъ:

— Да что вы такъ разсердились, мосѣ Кукинъ? Имѣю же я право выбирать друзей дома по собственному усмотрѣнію.

Но Кукинъ его уже не слушалъ. Онъ горделиво уходилъ и, встрѣтившись въ дверяхъ съ Красновымъ, окинулъ его высоко-мѣрнымъ взглядомъ, на который тотъ отвѣтилъ равнодушно-насмѣшливой улыбкой.

Грузно войдя въ кабинетъ и поздоровавшись съ Андерсомъ и управляющимъ, Красновъ вяло спросилъ:

— Какъ этотъ гусь попалъ къ вамъ?

Андерсъ громко расхохотался.

— Гусь! Именно, гусь, гусь лапчатый. Должно быть, газета его не идетъ. Вотъ онъ и надумалъ...

— Сбыть вамъ экземпляры своего черносотеннаго изданія,—подхватилъ Красновъ, важно разсаживаясь въ креслѣ.—И не стыдно ли этимъ господамъ навязывать всѣмъ и каждому, что рѣшительно никому не нужно?—продолжалъ онъ наставительно.—Теперь и малое дитя понимаетъ, что они торгуютъ гнилымъ товаромъ. Вы знаете,—повысилъ онъ голосъ:—я всегда утверждалъ...

При этихъ словахъ Ивановъ какъ-то незамѣтно исчезъ, а Андерсъ прервалъ Краснова:

— Ну, конечно, конечно, милѣйшій другъ... А скажите, какъ же наше дѣльце?

Красновъ перевелъ свой тусклый взглядъ изъ пустого пространства, куда онъ былъ направленъ въ ожиданіи срывающейся съ его устъ рѣчи, на Андерса и совершенно неожиданно зѣвнулъ.

— Вы насчетъ завѣщанія,—проговорилъ онъ, стараясь скрыть второй приступъ зѣвоты.—Оно у меня готово.

— Очень, очень интересно,—поощрялъ Андерсъ.—Вы позволите, добрѣйшій другъ...

Онъ выхватилъ у Краснова вчетверо сложенный листъ бумаги, поспѣшно направился съ нимъ за свой письменный столъ, развернулъ бумагу и углубился въ нее, а Красновъ продолжалъ по временамъ позѣвывать, словно на свѣтѣ ничего скучнѣе этого завѣщанія нѣтъ.

— Ахъ, вы вотъ какъ рѣшаете этотъ пунктъ,—отозвался вдругъ Андерсъ съ необычайнымъ интересомъ.—Онъ самый для меня важный. Вамъ виднѣе: вы—юристъ. Поймите меня, любезнѣйшій Иванъ Семеновичъ. Съ вами, другомъ дома, я могу быть откровеннымъ. Я не знаю, кого я больше люблю,—фабрику или мою дочь Роню. Вы знаете, чѣмъ была для меня ея мать,—продолжалъ онъ, и голосъ его раздавался теперь въ комнатѣ глухо.—Взгляните на меня. Такимъ ли я былъ четыре года тому назадъ, когда она умерла?

Какъ бы вторя заглушенному голосу Андерса, шумъ фабрики доносился теперь еле слышно: фабрика и ея хозяинъ жили, видимо, одною жизнью.

— Я посѣдѣлъ,—говорилъ Андерсъ:—силъ иногда какъ будто меньше. Но взгляну на Роню, и кажется, что жена еще при мнѣ. Потомъ слышу этотъ шумъ,—и Андерсъ указалъ рукою на окна.—Прежняя жизнь охватываетъ меня,—прежняя жизнь, бодрая, радостная, молодая, когда создавалась эта фабрика, это дѣло моихъ и жениныхъ рукъ. Оно не должно погибнуть: судьба столькихъ людей съ нимъ связана. Но мнѣ уже шестьдесятъ пять лѣтъ. Иногда приходитъ на умъ: а что если старый Андерсъ вдругъ возьметъ и скаптитяся. Конечно, это ни съ чѣмъ не сообразно...

Онъ расхохотался и уже продолжалъ весело:

— Но все же, все же это можетъ случиться. Кто будетъ наследникомъ? Роня. А сколько лѣтъ Ронѣ? Завтра ей стукнетъ восемнадцать. Повторите, добрѣйшій Иванъ Семеновичъ: восемнадцать. Что такое восемнадцать лѣтъ? Роня почти еще ребенокъ. Она любитъ меня, она любитъ фабрику. Но гдѣ же опытъ, гдѣ знаніе людей, гдѣ все, что нужно, чтобы стать во главѣ такого дѣла? Къ счастью, у меня есть Ѳедоръ Ѳедорычъ, есть такіе друзья дома, какъ вы, Иванъ Семеновичъ. Да и дастъ Богъ, я еще протяну не одинъ годокъ. Но надо все предусмотрѣть. Роня можетъ выйти замужъ...

— Вотъ этотъ пунктъ у меня и разработанъ подробно. Прочтите внимательно, и потолкуемъ... Но зачѣмъ говорить о смерти?—

спросилъ Красновъ съ пѣкоторымъ оживленіемъ.—Развѣ теперь такое время, чтобъ умирать? Хорошее время...

— Какъ для кого, милѣйшій Иванъ Семеновичъ, какъ для кого,—возразилъ Андерсъ.

— На этотъ счетъ мы съ вами не столкуемся,—махнулъ Красновъ рукою.—Для васъ существуетъ только фабрика, для меня—Россія...

— А изъ чего состоитъ Россія?—подхватилъ Андерсъ.—Изъ помѣщичьихъ и крестьянскихъ хозяйствъ, торговыхъ заведеній, заводовъ, фабрикъ. Знаете, Иванъ Семеновичъ,—продолжалъ Андерсъ, и его подвижное лицо стало вдругъ задумчивымъ:—я люблю иногда помечтать. Дѣловому человѣку не полагается, а все-таки люблю. Вотъ я и думаю себѣ: если бы всѣ эти крестьянскія хозяйства, помѣстья, фабрики процвѣтали, тогда процвѣтала бы вся Россія...

Но Красновъ его прервалъ:

— Россія состоитъ изъ общества и правительства. Побѣдить должно общество. Вы знаете, я всегда утверждалъ...

Андерсъ вскочилъ и быстро подошелъ къ Краснову.

— Ну, добрѣйшій Иванъ Семеновичъ,—сказалъ онъ, потрепавъ его по плечу:—гдѣ мнѣ съ вами спорить? Знай сверчокъ свой шестокъ. Мой шестокъ—фабрика. А какъ же ваши дѣла?—подмигнулъ онъ Краснову.—Все шестуете во главѣ движенія?

Что-то въ родѣ самодовольной улыбки появилось на толстомъ лицѣ Краснова, когда онъ отвѣтилъ:

— Къ чему громкія слова? Дѣйствуемъ, Павелъ Ивановичъ, дѣйствуемъ.

— Покоряете умы и сердца?

— Повторяю: къ чему громкія слова? Но вотъ что,—прибавилъ онъ съ какою-то внезапною рѣшимостью.—Денегъ много уходитъ. Опять надо...

— Ѳедоръ Ѳедорычъ!—крикнулъ Андерсъ.

Вошелъ Ивановъ, и Андерсъ спросилъ:

— Какъ счетъ Ивана Семеновича?

— За два года семь мѣсяцевъ впередъ,—отвѣтилъ Ивановъ безъ запинки.

Андерсъ отпустилъ его движеніемъ руки. Когда управляющій вышелъ, Андерсъ, наклонившись къ Краснову, продолжалъ съ легкой укоризной:

— Сильно задолжали, дорогой мой другъ. А много вамъ нужно?—прибавилъ онъ, уже улыбаясь.

Улыбка у него была широкая, добрая, только въ глазахъ свѣтилось затаенное лукавство.

На Краснова его улыбка, однако, не дѣйствовала. Онъ отвѣчалъ серьезно, съ отгѣнкомъ небрежности:

— Да что васъ обижать! Дайте тысячу.

Андерсъ окончателно просіялъ. Онъ быстро подошелъ къ письменному столу, взялъ карандашъ и клочокъ бумаги.

— Для васъ напишу 1,250; значить, будетъ за три года впередъ,—проговорилъ онъ весело. Затѣмъ, черкнувъ что-то на бумажкѣ, передалъ ее Краснову.—Пройдете съ бумажкой къ Оедору Оедорычу,—пояснилъ онъ привычнымъ тономъ.—Дорожку-то знаете: не разъ по ней хаживали. Но,—вдругъ перемѣнивъ тонъ, онъ спросилъ съ радостнымъ возбужденіемъ:—завтрашній день не забыли? И покушаемъ, и попляшемъ...

Теперь и на лицѣ Краснова, державшаго бумажку въ рукѣ, изобразилось что-то въ родѣ добродушія.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ:—не забылъ. Только плясать не мастеръ, а покушать могу...

И онъ грубо размѣялся.

А Андерсъ говорилъ съ прежнимъ оживленіемъ:

— Нѣтъ, Иванъ Семеновичъ, попляшемъ, попляшемъ. Ахъ, знаете, жду, не дождусь, когда мы съ Роней начнемъ дружно работать для фабрики. До сихъ поръ училась и часто похварывала. Малокровна была, за границу пришлось послать. Ну, теперь вернулась домой, и пора за работу...

Его прервалъ Сѣркинъ, заглянувшій въ дверь и брезгливо доложившій:

— Тамъ Кузьма Егорычъ Селезнѣвъ.

Краснова передернуло.

— Ну, и компанія же у васъ сегодня,—фыркнулъ онъ:—сперва этотъ Кукинъ, а теперь Селезнѣвъ. Не скоро провѣтрите кабинетъ. А я отъ заразы подальше. Пройду къ Оедору Оедорычу.

Андерсъ возразилъ торопливо:

— Что прикажете, дорогой другъ! У насъ дѣло коммерческое: намъ съ политикой считается трудно. А завтра жду,—прибавилъ онъ снова и, пожавъ руку уходившему Краснову, тотчасъ скомандовалъ Сѣркину:

— Проси!

II.

Вошелъ высокій, худой старикъ съ морщинистымъ лицомъ. Онъ имѣлъ видъ старообрядца, хотя костюмъ на немъ былъ европейскій. Но сидѣло на немъ все такъ мѣшковато, какъ будто онъ одѣтъ былъ съ чужого плеча. Сюртукъ былъ очень длиненъ, штаны слишкомъ коротки, они нисколько не прикрывали его огромныхъ ногъ, а вмѣсто галстука на шеѣ у него былъ наверхенъ черный шелковый платокъ, совершенно скрывавшій бѣлье. Онъ вошелъ молча, съ безжизненнымъ лицомъ.

— Здравствуйте, Кузьма Егорыч!—вскричалъ Андерсъ.—Пропу садиться. Давненько не видались,—продолжалъ онъ, усаживая Селезнёва, но самъ не садясь.—Какъ поживаете?

Селезнёвъ сѣлъ, но долго отмалчивался. Потомъ онъ таинственно, не глядя на Андерса, спросилъ:

— Тихо... у васъ-то?

Голосъ у него былъ хриплый, какъ у стариковъ, которыхъ душишь мокрота.

— Тихо,—отвѣчалъ Андерсъ, и искры добродушнаго лукавства такъ и запрыгали въ его голубыхъ глазахъ:—совсѣмъ тихо. Только Кукинъ, по вашей рекомендаціи, былъ и ужасно стращаль. Говорить: сожгутъ, убьютъ, если не подишусь на его газету.

Онъ громко расхохотался и продолжалъ сквозь смѣхъ:

— Вы подписались, вамъ бояться нечего.

Селезнёвъ искоса взглянулъ на него, но тотчасъ же перевелъ взглядъ.

— Время тревожное-съ,—произнесъ онъ уныло.

— Развѣ у васъ что-нибудь случилось?—спросилъ Андерсъ.

— У меня-то ничего. А у васъ?—переспросилъ Селезнёвъ и опять искоса взглянулъ на Андерса.

— Что это, Кузьма Егорычъ,—отозвался тотъ:—вы меня все стращаете?

— Нѣтъ, знаете, я такъ,—возразилъ Селезнёвъ:—время тревожное-съ. Къ своему и идешь спросить: что и какъ? Значить, все благополучно. Ну, и слава Богу. Потомъ...

Онъ поманилъ Андерса пальцемъ, и когда тотъ къ нему нагнулся, продолжалъ уже совсѣмъ тихо, указывая на дверь въ кабинетъ Иванова:

— Пستمъ... онъ у васъ крутенекъ; все отъ рабочихъ порядка требуетъ. Какъ бы чего не вышло...

— Вы его очень не любите,—возразилъ Андерсъ.—А пора было бы забыть. Вѣдь ужъ пятнадцать лѣтъ, какъ онъ ушелъ отъ васъ.

— Нѣтъ, я что...—проговорилъ Селезнёвъ уклончиво.—Думаю только: далеко ли до грѣха... Время такое-съ.

Андерсъ выпрямился во весь ростъ. Прежняя веселая улыбка заиграла на его лицѣ, когда онъ спросилъ Селезнёва:

— А завтра, Кузьма Егорычъ, пожалуете на мой праздникъ?

— Вотъ затѣмъ и приѣхалъ,—отвѣтилъ тотъ.—Нѣтъ, ужъ увольте.

— Что такъ?

— Я празднику не подѣ стать. У меня одинъ праздникъ—въ церковь сходить.

Но Андерсъ не сдавался.

— Э, полноте,—возразилъ онъ весело.—Завтра непременно будете и семью привезете. Попируемъ, попляшемъ. Вы подумайте

только: дочка вчера приехала, годъ не была дома. Завтра ей стукнетъ восемнадцать. Пора ей дѣломъ заняться...

— Дѣло дѣвушкамъ подъ стать, какъ я—празднику.

— Не брюзжите, Кузьма Егорычъ. Жить надо, дѣло дѣлать надо,—все надо: и поработать, и попраздничать. Я васъ завтра растормошу,—тряхнемъ стариной. Небось, и вы молоды были...

— Какъ не быть,—быль. О-о-о, время-то какое-съ!

— Вы все свое, Кузьма Егорычъ... Я не боюсь, я не изъ трусливыхъ...

Селезнѣвъ снова искоса метнулъ взглядъ на Андерса.

— Вижу, что не изъ трусливыхъ,—проговорилъ онъ и хотѣлъ еще что-то добавить, но въ дверяхъ показался Ивановъ и доложилъ:

— Павелъ Иванычъ, тамъ, к-та, рабочіе желаютъ васъ видѣть... насчетъ Виринеи Павловны.

Андерсъ засуетился.

— Иду, иду,—отвѣтилъ онъ.—Вы позволите, Кузьма Егорычъ. Рабочему человѣку ждать некогда. Ѳедоръ Ѳедорычъ, войдите же, гостя займете.

И онъ быстро вышелъ изъ комнаты.

Ивановъ сѣлъ на ближайшій стулъ около двери, сказавъ:

— Здравствуйте, Кузьма Егорычъ.

Селезнѣвъ, не поворачиваясь и не подавая руки, отвѣтилъ:

— Здравствуй, Ѳедя.

Водворилось молчаніе. Только фабрика попрежнему гудѣла, шипѣла и ухала.

— Баловство одно,—проговорилъ какъ бы про себя Селезнѣвъ.

— Это вы насчетъ чего?—спросилъ Ивановъ.

— «Рабочему человѣку ждать некогда»,—передразнилъ Селезнѣвъ Андерса.—Подождетъ, когда надоть.

И онъ медленно повернулся и взглянулъ на Иванова.

— Хозяинъ-то твой боится?—спросилъ онъ повелительно.

— Чего бояться?—возразилъ Ивановъ.

Но Селезнѣвъ продолжалъ допрашивать въ томъ же повелительномъ тонѣ.

— Что съ нимъ вчера приключилось? Разно рассказываютъ.

— Пустяки,—уклончиво отвѣтилъ Ивановъ.

— Да ты говори.

— Вздоръ одинъ... Когда Виринея Павловна приехали, съ радости, должно полагать, у Павла Иваныча сдѣлалось головокруженіе, сознанія лишился на одну минуту. Годы немолодые. Со всякимъ бываетъ...

— Со мною не бываетъ,—отрѣзалъ Селезнѣвъ.

Гулъ голосовъ покрылъ вдругъ шумъ фабрики. Явственно раздались крики: «Благодаримъ! Ура!».

— Чего орутъ?—спросилъ, прислушиваясь, Селезнѣвъ.

— Рабочіе хотятъ Виринеѣ Павловнѣ адресъ поднести...

— Адресъ?

— Привѣтствіе, к-та, поздравленіе...

Громкіе крики «ура» раздалися на этотъ разъ съ необычайной силой. Когда они умолкли, Селезнѣвъ замѣтилъ:

— Говоришь, адресъ? Изъ-за адреса такъ глотки драть не станутъ.

— Завтра,—пояснилъ Ивановъ,—шабашимъ весь день и двухдѣнная плата не въ зачетъ.

— Баловство одно,—боится,—самъ себѣ поддакнулъ Селезнѣвъ.

— Чего бояться-то?—повторилъ Ивановъ.

Андерсъ вернулся возбужденный, радостный.

— Ну, вотъ и справился,—крикнулъ онъ весело.—Вы все страпаете, Кузьма Егорычъ. А народъ-то какой славный!

Селезнѣвъ мрачно отвѣтилъ:

— Знаемъ мы его. О-о-о! А теперь пора домой. Насчетъ здоровья хотѣлъ освѣдомиться. Ѳедя говоритъ: вчерашнее—пустяки...

— Конечно, пустяки,—расхохотался Андерсъ.—Благодарю, Кузьма Егорычъ, благодарю. Такъ завтра будете? Со всей семьей, слышите, непременно со всей семьей...

— Виринеѣ Павловнѣ мое...

— Роня сама еще сегодня заѣдетъ васъ просить.

Андерсъ на прощанье крѣпко пожалъ руку Селезнѣву и проводилъ его до дверей. Но когда тотъ вышелъ, тѣнь мимолетной досады мелькнула на его лицѣ и онъ сказалъ Иванову:

— Что за охота ему все каркать!

— Завидуетъ.

Андерсъ снова повеселѣлъ.

— Ой, Ѳеодоръ Ѳеодорычъ, въ одной ли зависти дѣло?.. Впрочемъ, успѣемъ потолковать. А теперь за работу. Скоро Роня придетъ.

И онъ, сѣвъ за письменный столъ, погрузился опять въ тетрадь, а Ивановъ ушелъ. Шумъ фабрики усилился. Она шипѣла и ухала, словно напрягая послѣднія силы, чтобы быстрѣе окончить дообѣденную работу. Подъ этотъ шумъ незамѣтно вошелъ въ комнату изящный молодой человекъ, старшій сынъ Мостовскаго, Ильюша. Онъ скромно сѣлъ у самыхъ дверей. Черные волосы и борода отгнѣняли бѣлый, нѣжный цвѣтъ его лица и высокій мраморный лобъ. Только заискивающій и не совсѣмъ увѣренный взглядъ его большихъ черныхъ глазъ немного портилъ пріятное впечатлѣніе, которое производила его наружность.

Онъ просидѣлъ молча на своемъ стулѣ у дверей довольно долго, пока Андерсъ не оторвалъ головы отъ тетради и не взглянулъ на него.

— А-а!—воскликнулъ онъ привѣтливо:—господинъ главный инженеръ. Ну, что скажешь, Ильюша?

— Вы заняты, Павелъ Ивановичъ?—спросилъ Ильюша, приподнимаясь съ мѣста.

— Сейчасъ, сейчасъ, голубчикъ.

Андерсъ заглянулъ еще разъ въ тетрадь. Потомъ откинулся на спинку кресла и спросилъ:

— Дѣло есть? Что отецъ? Что братъ?

Ильюша всталъ и приблизился къ столу.

— Все по-старому, Павелъ Ивановичъ,—отвѣтилъ онъ:—все по-старому. Отецъ стихи пишетъ или учебники составляетъ, а Алѣша (онъ махнулъ рукой)... Да, что о немъ говорить! Юродствуетъ... Никакого дѣла у меня собственно нѣтъ. Только какъ рабочіе узнали, что завтра—шабашъ и что имъ награжденіе вышло, нѣкоторые бросили работу и ушли домой.

— Много такихъ?—спросилъ Андерсъ.

— Не знаю въ точности. Пожалуй, человѣкъ десять, въ томъ числѣ Андрей: онъ всегда мутить.

— Человѣкъ десять? Стоить объ этомъ говорить? Ты, Ильюша, вѣчно изъ блохи дѣлаешь верблюда.

— Да, по въ жизни и особенно въ дѣлахъ не мѣшаетъ все знать.

— Рано же ты, Ильюша, пѣтухомъ запѣлъ,—разсмѣялся Андерсъ.—Ну, ужъ если на то пошло, такъ и я, старый воробей, дамъ тебѣ совѣтъ. Конечно, надо все знать, но не всегда полезно все замѣчать. Нѣсколько рабочихъ ушли,—Богъ съ ними! Работа изъ-за нихъ не остановится. А если мы поставимъ имъ это на видъ, то получится десять недовольныхъ. Я, дорогой Ильюша, избѣгаю мелкихъ столкновений съ рабочими: это подрываетъ авторитетъ, а онъ нуженъ въ крупныхъ дѣлахъ.

— Совершенно согласенъ, совершенно согласенъ,—горячо подтвердилъ Ильюша.—Я это такъ только, между прочимъ. Но, Павелъ Ивановичъ, есть недовольные, которые все останутся недовольными, что бы вы ни дѣлали, особенно въ настоящее время. Недовольство подогрѣвается со стороны. Среди рабочихъ есть особенно податливые. Вы знаете, какъ мнѣ дороги ваши интересы. Андрей именно такой рабочій. Его лучше было бы убрать...

— Да что тебѣ такъ дался этотъ Андрей? Какой это Андрей?

— Да, знаете, Павелъ Ивановичъ... братъ Дуняши, которая служила въ комнатахъ у Вероники Павловны...

— Помню, какъ не помнить. Роня опять взяла ее къ себѣ—напросилась. И брата помню. Да, да, онъ мнѣ не нравится—смотреть все исподлобья. Только по просьбѣ Дуняши я его и взялъ въ рабочіе. Онъ—смутьянъ, говоришь?

— Вредное вліяніе имѣетъ на рабочихъ.

— Присмотрюсь еще къ нему, потолкую съ нимъ. Это—все?

— Да, ничего важнаго нѣтъ.

— Ну, такъ не мѣшай, Ильюша. Надо кончать. Роня сейчасъ придетъ.

И, кивнувъ молодому человѣку, онъ снова погрузился въ тетрадь. Но тотъ уходилъ очень медленно и все поглядывалъ на Андерса, словно что-то припоминая или взвѣшивая.

Только что онъ вышелъ, какъ Сѣркинь, пріотворивъ дверь, громко доложилъ:

— Студентъ Петровъ.

— Ахъ, еще кто-то,—съ досадой проговорилъ Андерсъ и, вздохнувъ, прибавилъ:—нечего дѣлать, проси.

III.

Вошелъ молодой человѣкъ въ косовороткѣ и студенческой тулужкѣ, ничѣмъ съ виду не отличавшійся отъ тысячи другихъ студентовъ. Андерсъ бросилъ на него внимательный взглядъ и, должно быть, остался доволенъ вынесеннымъ впечатлѣніемъ, потому что въ глазахъ его блеснулъ добрый огонекъ.

— По порученію...

Студентъ хотѣлъ еще что-то сказать, но Андерсъ его перебилъ:

— Догадываюсь,—промолвилъ онъ:—но долженъ васъ предупредить, я политикой не занимаюсь...

— Знаю,—отвѣтилъ студентъ, сѣвъ по молчаливому приглашенію фабриканта:—вы служите другому богу.

Онъ сказалъ это очень просто, безъ всякаго вызова или ироніи. Андерсъ улыбнулся.

— Да,—отвѣтилъ онъ:—я служу другому богу—маммонѣ... Но... какое у васъ дѣло?

— По порученію, мнѣ данному,—продолжалъ студентъ:—я предлагаю вамъ не мѣшать другимъ заниматься политикой.

— Люди свободны,—отвѣтилъ Андерсъ сухо:—всякій можетъ дѣлать, что ему угодно.

Студентъ немного повысилъ голосъ.

— Хороша свобода... Съ одной стороны бьютъ дубьемъ, съ другой—рублемъ... Какая ужъ тутъ свобода!

Какъ будто не разслышавъ, Андерсъ продолжалъ:

— Такъ въ чемъ же дѣло? Я васъ слушаю.

— Нельзя ли въ случаѣ забастовки воздержаться отъ вычетовъ?

— То-есть какъ?—спросилъ очень серьезно Андерсъ.—Рабочіе не будутъ работать, а я буду платить?

— Положеніе рабочихъ ужасно.

— Рабочіе получаютъ у меня больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

— Стара штука! Они получаютъ все-таки гроши. Впрочемъ, допустимъ, что у васъ имъ живется лучше, чѣмъ на другихъ фабрикахъ. Вы устроили тамъ всякіе пріюты и школы. Вы на другихъ фабрикантовъ не походите...

— А много ли вы фабрикантовъ видѣли?—спросилъ Андерсъ. Студентъ чуть-чуть смутился.

— Положимъ, что я васъ вижу перваго. Да они всё...

— Эксплоататоры,—подхватилъ Андерсъ быстро.—О, есть, есть, не спорю,—прибавилъ онъ убѣжденно и снова внимательно взглянулъ на студента. Лицо его какъ-то вдругъ смягчилось, и онъ продолжалъ какимъ-то задушевнымъ тономъ, котораго студентъ никакъ не ожидалъ.—Есть, есть, не спорю. Мнѣ это хорошо извѣстно и не такъ, какъ вамъ, по книгамъ, а по собственному опыту. Но все-таки согласитесь, выходитъ, что вы меня сравниваете не съ живыми фабрикантами, а съ книжнымъ о нихъ представленіемъ. Можетъ быть, вы и о рабочихъ имѣете только книжное представленіе. Знаете,—продолжалъ онъ:—я люблю иногда помечтать, и мнѣ кажется, что, если бы люди шли не отъ книги къ жизни, а наоборотъ, отъ жизни къ книгѣ, то, можетъ быть—хэ-хэ!—жизнь сложилась бы совсѣмъ иначе. Но,—спохватился онъ,—виновать, я васъ прервалъ.

— Я хотѣлъ только сказать,—вернулся студентъ къ прежнему разговору:—что, какъ бы хорошо рабочимъ ни жилось у васъ, имъ надо отстоять общее дѣло, дѣло всей страны.

— Пусть отстаиваютъ,—возразилъ Андерсъ опять суше:—но только не въ ущербъ фабрикѣ.

— То-есть вашему карману.

— Я говорю: фабрикѣ, а не моему карману.

— Да развѣ это не одно и то же?

— Мой карманъ,—пояснилъ Андерсъ съ удареніемъ:—это тѣ пятнадцать тысячъ, которые я проживаю въ годъ лично на себя; выплачиваю же я ежегодно служащимъ и рабочимъ семьсотъ тысячъ.

— И пятнадцать тысячъ—почтенная цифра.

— Вы хотите,—продолжалъ Андерсъ:—чтобы каждый рабочій получилъ груды денегъ? Но откуда ихъ взять?

— Начните съ вашихъ пятнадцати тысячъ.

Андерсъ улыбнулся.

— А сколько это составитъ на брата?—спросилъ онъ.—Вѣдь всего пятнадцать рублей, такъ какъ у меня тысяча рабочихъ,—а фабрика останется безъ хозяина, безъ руководителя.

— Рабочіе справятся и сами.

— Не знаю,—возразилъ Андерсъ:—чего не знаю, того не знаю. Но опыты подобнаго рода неизмѣнно приводили до сихъ поръ къ крушенію предпріятія. А насколько фабрика во мнѣ нуждается, я твердо знаю, потому что, если бы меня не было... то не было бы и фабрики. Была бы, можетъ быть, другая, но не эта.—И, снова внимательно взглянувъ на студента, Андерсъ вдругъ неожиданно закончилъ:—Слушайте, молодой человѣкъ, вы мнѣ нравитесь: у васъ прекрасная рекомендація,

Студента точно что-то кольнуло.

— Я въ рекомендаціяхъ не нуждаюсь, — отвѣтилъ онъ съ раздраженіемъ.

Но Андерсъ не замѣчалъ обидчивости своего собесѣдника. Онъ продолжалъ спокойно:

— Нуждаетесь, или нѣтъ, это—другой вопросъ. Но она у васъ есть. Ахъ, если бы у всѣхъ были такія открытыя, честныя, прямыя лица! Вотъ у меня только что былъ издатель черносотенной газеты. Я его быстро спровадилъ, не потому, что онъ—черносотенецъ. Я, повторяю, политикой не занимаюсь. Спровадилъ я его потому, что у него душа—черная: сейчасъ по лицу видно. Вы мнѣ нравитесь, и я хотѣлъ бы имѣть такого сына, какъ вы. Но Богъ мнѣ не далъ его... Вотъ что я вамъ скажу. Я уже давно могъ бы продать фабрику, получить больше милліона и жить себѣ безъ хлопотъ и заботъ гдѣ-нибудь, знаете, на итальянскихъ озерахъ, среди чудной природы, тратя въ годъ шестьдесятъ тысячъ вмѣсто теперешнихъ пятнадцати. Подумайте объ этомъ. И вотъ еще что. Я началъ съ долга въ двѣсти тысячъ, оставленнаго мнѣ отцомъ и вызваннаго неудачными операціями. Я его уплатилъ...

Студентъ, въ свою очередь, теперь внимательно присматривался къ фабриканту. Но онъ продолжалъ въ прежнемъ тонѣ:

— Лучше было раздать и эти деньги рабочимъ.

— А кредиторовъ надуть и нѣкоторыхъ пустить по міру?—отвѣтилъ Андерсъ.—Нѣтъ, это было бы очень нехорошо.

Взглядъ его снова устремился въ пространство, когда онъ продолжалъ:

— Знаете, я люблю иногда помечтать. Оно мнѣ не къ лицу—не правда ли?—а все-таки люблю. И вотъ мнѣ все кажется, что если бы у насъ было побольше простой, самой обыкновенной честности, то многія изъ вашихъ любимыхъ реформъ—хэ-хэ!—стали бы излишними или осуществились бы сами собою. Но это—вопросъ огромный, а мы занимаемся маленькимъ. Повторяю: я создалъ эту фабрику, она работаетъ прекрасно. У насъ теперь двѣсти тысячъ запаснаго капитала.

— И эти деньги лучше раздать рабочимъ,—повторилъ машинально студентъ, продолжая изучать Андерса.

— Придется по двѣсти рублей на брата,—серьезно подхватилъ фабрикантъ.—Теперь у меня рабочій получаетъ въ среднемъ по семьсотъ рублей въ годъ. Если настанутъ черные дни, то фабрика не погибнетъ. Если же я раздамъ запасный капиталъ, то рабочіе могутъ лишиться вѣрнаго годового заработка въ семьсотъ рублей. Врядъ ли единовременная подачка въ двѣсти рублей ихъ вознаградитъ. Фабрика создана и держится мною. Устраивайте забастовки, если хотите; подчиняясь духу времени, я готовъ нести нѣкоторыя жертвы, но только...

Студентъ его прервалъ, точно обрадовался, что можетъ покончить съ даннымъ ему порученіемъ:

— Пока согласны довольствоваться и этимъ вашимъ обща-ніемъ,—заявилъ онъ.

Андерсъ продолжалъ:

— Но если забастовки эти нарушатъ жизненные интересы фабрики, то, предупреждаю васъ, вы этимъ нарушите и жизненные интересы самихъ рабочихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ встрѣтите во мнѣ рѣшительнаго противника, который,—гуть Андерсъ всталъ:—жизнь положить, но уступки не сдѣлаеть...

Всталъ и студентъ. Старикъ и юноша смотрѣли другъ другу прямо въ глаза, и студентъ чувствовалъ, что стоявшій передъ нимъ чело-вѣкъ, дѣйствительно, уступки не сдѣлаеть, что, если онъ, студентъ, готовъ жизнь положить за идею, признанную имъ вѣрною, то и этотъ странный фабрикантъ, совершенно не соотвѣтствовавшій его представленію о фабрикантахъ вообще, ни на минуту не задумается пожертвовать жизнью за идею, которую онъ признаеть вѣрною.

Андерсъ между тѣмъ продолжалъ.

— Когда у васъ будутъ какія-либо сомнѣнія,—милости просимъ: я всегда готовъ дать нужныя справки, потому что мое дѣло—дѣло общественное, иначе, конечно, при моей фабрикѣ не состояли бы и Мостовскій, и Красновъ...

— Я этого не зналъ,—какъ-то сконфуженно проговорилъ студентъ.—Вы сказали: и Мостовскій, и Красновъ. Почему же они это скрываютъ?..

— Скрываютъ?—переспросилъ Андерсъ.—Этого не можетъ быть. Просто до вашего свѣдѣнія не дошло. Ну, до свиданія, до свиданія...

Андерсъ протянулъ студенту руку, которую тотъ принялъ и пожалъ неувѣренно, все присматриваясь къ фабриканту.

Когда студентъ ушелъ, Андерсъ тотчасъ же снова погрузился въ свою тетрадь. Онъ проработалъ еще минутъ десять, потомъ откинулся на спинку кресла, вздохнувъ съ облегченіемъ:

— Уфъ, кончено!

Затѣмъ онъ весело крикнулъ:

— Ѳедоръ Ѳедорычъ!

Ивановъ по обыкновенію появился немедленно. Андерсъ пошелъ ему навстрѣчу, взялъ его за руку и отвелъ въ сторонку, гдѣ они сѣли рядомъ.

— Ѳедоръ Ѳедорычъ,—началъ Андерсъ:—я хотѣлъ еще съ вами поговорить здѣсь, въ конторѣ, гдѣ мы такъ долго съ вами работали. Сегодня я уже больше сюда не приду: почти совсѣмъ еще не видѣлся съ Роней. А завтра съ утра въ домѣ начнется сутолока. Вы, конечно, у меня будете гостемъ, первымъ гостемъ..

— Ну, Цавель Ивапычъ,—отмахнулся Ивановъ.

— Я говорю: первымъ гостемъ, Ѳедоръ Ѳедорычъ. Никто не скажетъ, что я похожу на тѣхъ хозяевъ, которые не умѣютъ цѣнить лучшихъ своихъ помощниковъ...

Ивановъ опять сдѣлалъ отрицательный жестъ и хотѣлъ что-то возразить, но Андерсъ тотчасъ же продолжалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, не перечьте... Кромѣ того, вы должны быть обезпечены на всю жизнь. Я объ этомъ подумалъ въ своемъ завѣщаніи: оно у меня тутъ въ карманѣ. Однако, все это не то...

Андерсъ всталъ и быстро застегнулъ пиджакъ на всѣ пуговицы.

— Я уже сорокъ лѣтъ занимаюсь дѣлами,—продолжалъ онъ:— и тридцать лѣтъ стою во главѣ этой фабрики. Людей на своемъ вѣку я видѣлъ много. И что же? По большей части съ ними приходится говорить такъ, застегнутымъ на всѣ пуговицы (и онъ провель рукою по груди). Съ ними приходится говорить такъ не потому, что этого требуетъ моя натура,—о, нѣтъ! Мнѣ такъ хотѣлось бы жить со всѣмъ душа нараспашку. Но надо быть осторожнымъ; этого требуетъ дѣло,—ему повредишь. Рѣдко когда можно разстегнуть одну или двѣ пуговицы, и даже съ друзьями дома оставляешь верхнюю пуговицу застегнутой. Съ вами, Ѳедоръ Ѳедорычъ, этого не нужно, съ вами можно жить душа нараспашку, какъ съ покойной моей женой. Вотъ такъ,—и Андерсъ широко распахнулъ пиджакъ.— Вы ни дѣломъ, ни словомъ, ни даже мыслью сознательно не повредите фабрикѣ... Вы любите ее больше меня... и больше себя.

И Андерсъ протянулъ Иванову руку. А тотъ заговорилъ какъ-то сбивчиво:

— Селезнѣвъ все еще, хотя я у него давно не служу, называетъ меня Ѳедей, а вы, к-та,—Ѳедоръ Ѳедорычемъ... Да что говорить! Каждый рабочій для васъ человѣкъ... И вотъ еще что... Видѣлъ я много фабрикъ, а все выходитъ, что рабочій—гайка, винтъ или гвоздь... И вотъ еще что... Развѣ господа насъ, к-та, горбомъ поддерживающихъ всю страну, учатъ примѣромъ... Они въ чиновники идутъ, въ ученые, к-та, въ герои... А на вашей фабрикѣ, Павелъ Ивановъ, есть и школа, и больница, и пріютъ для сиротъ, и страхование... А главное вотъ что... Она учитъ насъ примѣромъ, какъ надо хозяйничать въ большомъ и маломъ... Рабочіе говорятъ: наша фабрика... Когда-то они будутъ говорить: наша деревня, наше поле, нашъ лѣсокъ... любить и беречь ихъ, какъ душу... Вы, Павелъ Ивановъ, дѣлаете наше мужицкое дѣло... Я вашей фабрикѣ—слуга вѣрный, вашей фабрикѣ,—да...

И грубое лицо Иванова было въ эту минуту красиво,—столько оно выражало энергіи, мужества, твердости. Нельзя было сомнѣваться, что чувства, которыя Ивановъ выражалъ такъ несуразно, не купишь ни за какія деньги. Андерсъ смотрѣлъ на него любовно, и взоръ его былъ мягокъ.

— Слишкомъ ужъ хвалите, Ѳедоръ Ѳедорычъ,—промолвилъ онъ тихо:—но вѣрно то, что мы другъ друга понимаемъ.

Вдругъ онъ, однако, на половину отвернулся и радостно воскликнулъ:

— Ахъ, вотъ и солнышко мое!

Въ комнату вбѣжала молодая дѣвушка, худая и блѣдная, одѣтая очень просто, скорѣе похожая на курсистку, чѣмъ на дочь богатаго фабриканта. Она кинулась прямо къ отцу на шею со словами:

— Папа... папочка... милый папа,—и очутилась въ его объятіяхъ. Затѣмъ она прислонилась лицомъ къ его плечу и протянула свободную руку Иванову.

IV.

На другой день уже съ утра начали съѣзжаться гости, чтобы поздравить Роню съ днемъ ея рожденія.

Андерсъ жилъ во флигелѣ, въ глубинѣ стараго парка съ вѣковыми липами. Всѣ фабричныя зданія находились по другую сторону около рѣки. Тамъ шумѣла фабричная жизнь, тамъ гудѣли станки, тамъ высокія трубы обдавали копотью небо, тамъ раздавались протяжные гудки, тамъ чувствовалось дыханіе метавшагося въ вѣчной лихорадкѣ XIX вѣка. Здѣсь же, во флигелѣ и около него, царилъ еще XVIII вѣкъ не по духу, конечно, а по внѣшнему виду зданія и окружавашаго его стараго парка.

Флигель Андерса былъ, дѣйствительно, домъ екатерининскаго вельможи. Но на этомъ домѣ не сбылись слова Державина: «разрушится сей домъ, засохнетъ боръ и садъ». И домъ, и паркъ прекрасно сохранились, и если бы пѣвецъ Фелицы воскресъ, онъ бы глазамъ своимъ не повѣрилъ: домъ, въ которомъ онъ пировалъ съ своими высокими покровителями, нисколько не измѣнился. Сохранилось высокое крыльцо съ трехугольнымъ фронтономъ и дорическими колоннами, окна фасада были внизу тройныя, наверху—полуциркульные по бокамъ и прямоугольныя въ серединѣ. Прогуливаясь по парку, пѣвецъ Фелицы любовался бы ростомъ знакомыхъ ему липъ и могъ бы слышать въ отдаленіи:

Какъ сквозь чугуныиъ паръ столповъ на воздухъ бьетъ,
Клокоча, огонь толчетъ и мелеть.

Тишина этой стороны парка нарушалась, дѣйствительно, только отдаленнымъ шумомъ фабрики и изрѣдка голосами наѣзжавшихъ въ торжественные дни гостей Андерса. Обыкновенно же тутъ было совсѣмъ тихо, особенно же съ тѣхъ поръ, какъ Роня уѣхала за границу. Домъ какъ бы опустѣлъ, хотя въ немъ и кипѣла жизнь,—жизнь, правда, другая, чѣмъ при екатерининскомъ вельможѣ, менѣе громкая, но, можетъ быть, болѣе посвященная благу ближняго. Тогда народъ былъ безслеснымъ матерьяломъ, изъ котораго лѣпили собственное благополучіе и величіе Россіи; теперь народъ жилъ

своею жизнью, и на долю фабриканта Андерса выпала трудная задача приобщить представителей народа, рабочихъ, къ культурной жизни, безъ которой ни благополучіе такъ называемыхъ правящихъ классовъ, ни величіе страны теперь не мыслимы.

Правда, Андерсъ мало задавался этимъ вопросомъ. Умъ у него былъ практическій по преимуществу. Онъ добивался только одного: онъ страстно желалъ видѣть свою фабрику процвѣтающею, такъ, чтобы послѣдній работникъ чувствовалъ себя солидарнымъ со всѣмъ предпріятіемъ и способствовалъ по мѣрѣ силъ его успѣшному развитію. Съ этой точки зрѣнія все на ней и было устроено. Кромѣ того, Андерсъ и по натурѣ своей любилъ видѣть вокругъ себя довольныя лица: самъ энергичный, жизнерадостный, онъ чувствовалъ себя въ своей сферѣ только тогда, когда вокругъ него все работало бодро и весело.

Сегодня онъ былъ поглощенъ приготовленіями къ предстоящему празднеству, хотя успѣвалъ въ то же время встрѣчать гостей, которыхъ потомъ сдавалъ на руки дочери. Утромъ явились съ визитами лишь болѣе близкіе знакомые. Многіе остались къ завтраку, который затянулся очень долго. Теперь подъ вечеръ гости гуляли въ паркѣ.

По широкой липовой аллеѣ приближался къ дому, къ его террасѣ съ солидной бѣлой балюстрадой Петръ Сергѣевичъ Мостовскій. Это былъ старикъ средняго роста, очень изящный, съ бритымъ лицомъ, вкрадчивыми манерами и вѣчно игравшею на тонкомъ лицѣ полуиронической, полудобродушной улыбкой. Ему навстрѣчу съ террасы сбѣгала Роня. Онъ ее привѣтствовалъ въ томъ тонѣ, въ какомъ обращаются къ балованнымъ дѣтямъ:

— Милый мой пострѣленокъ!

Она взяла его подъ руки, и они направились къ тому мѣсту возлѣ самаго дома, гдѣ стояли скамейка, стулья и качалка.

— Нагулялись, дѣдуня, устали?—щебетала Роня, усаживая старика и сама бросаясь въ качалку.—А я,—продолжала она, усиленно качаясь,—никакъ не могу устать. Мнѣ такъ весело, дѣдуня, такъ весело! Вѣдь я—дома, я—дома! Что за счастье быть дома! Никакъ не могу насытиться этимъ чувствомъ. Вы подумайте только: вездѣ за границей мнѣ недоставало этого парка, этого дома, моего папы и... васъ, дѣдуня.

Мостовскій прищурилъ глазъ и наклонилъ голову.

— Будто бы?

Роня вскочила. Одинъ мигъ—и она была уже на террасѣ.

— Прощайте, больше меня не увидите,—крикнула она оттуда Мостовскому.

Онъ тоже всталъ и, съ мольбою сложивъ руки, проговорилъ:

— Вероника Павловна, Роня, вернитесь! Никогда больше не буду.

Но Роня не сдавалась.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ; васъ надо примѣрно наказать.

И она уже скрылась въ домѣ.

Мостовскій стоялъ въ нерѣшительности—итти или не итти за ней. Но она показалась въ окнѣ надъ самымъ стуломъ, на которомъ онъ только что сидѣлъ. Увидавъ ее, Мостовскій взмолился:

— Вернитесь, Роня!

Облокотившись на подоконникъ, она отвѣтила:

— Ни за что! Какъ вы смѣли сомнѣваться! Я вамъ никогда этого не прощу.

— Да выслушайте же меня, Роня,—продолжалъ оправдываться Мостовскій.—Ахъ, ужъ эта молодежь! Чтò она чувствуетъ, должны чувствовать всѣ. Не то и ссора готова. Вамъ дома хорошо, а по моему вездѣ хорошо, только не дома. Вотъ вы прожили за границею, а чтò бы я далъ, чтобы попасть туда и, знаете, не временно, а навсегда.

Роня возразила серьезно:

— Какія вы глупости говорите, дѣдуня!

— Сейчасъ и глупости,—какъ будто обидѣлся Мостовскій и вдругъ задекламировалъ съ искусствомъ заправскаго декламатора:

Быстра на слово молодежь—на слово,
Которое, какъ остріе ножа,
Употреблять должны мы осторожно...

— Дѣдуня,—прервала его Роня:—я очень люблю стихи, но не такіе, какіе читаетъ Алѣша: они слишкомъ печальны... Хотите заслужить прощеніе, хотите? Ну, тогда вы должны назначить мнѣ вечеръ, и я буду васъ долго, долго слушать и наслаждаться чувствомъ, что вездѣ хорошо, а дома все-таки лучше...

— А я,—подхватилъ Мостовскій:—читая вамъ стихи, буду уносить изъ постылой дѣйствительности туда, гдѣ апельсины зрѣютъ...

— Ахъ, какой вы скверный! Вы все на своемъ настаиваете...

— Какъ не настаивать, Роня,—продолжалъ Мостовскій.—Что такое Россія? Страна, гдѣ только насильникамъ, держимордамъ хорошо. Бѣжать изъ нея, бѣжать куда-нибудь подальше. Поселиться гдѣ-нибудь въ Германіи или Швейцаріи и отдохнуть душой отъ русскаго безобразія. Вотъ моя мечта. Говорятъ, что надъ Россією занялась теперь заря, но у насъ,—улыбнулся онъ печально:—вѣчно, когда съ одной стороны заря занимается, съ другой—смеркается. И доживу ли я до восхода настоящаго солнца? Моя пѣсенка уже спѣта.

— Отъ нравоученія вы перешли къ элегіи, дѣдуня?

— Да, да, Роня, моя пѣсенка спѣта—солнце уже не для меня: оно для васъ, мой милый пострѣленокъ, оно для Алѣши...

— Для Алѣши,—проговорила задумчиво Роня, и взгляды ея ушелъ въ даль.—Милый товарищъ дѣтства! Онъ не живетъ на землѣ.

Уже ребенкомъ онъ вѣчно уносился куда-то далеко-далеко, и намъ трудно было слѣдить за полетомъ его мысли: въ словахъ его всегда было столько таинственнаго, сказочнаго...

— Да, Алёна—поэтъ. Онъ весь пошелъ въ меня. Онъ, какъ и я, не рожденъ для «житейскаго волненія». Меня это очень заботитъ. Зато мой первенецъ, Ильюша...

— Ты меня зовешь, отецъ: я къ твоимъ услугамъ,—отозвался вдругъ голосъ съ террасы. Мостовскій вздрогнулъ отъ неожиданности. Но онъ тотчасъ же оправился.

— Посмотрите, Роня, какой онъ у меня молодецъ! Только зачѣмъ онъ появляется вѣчно такъ неожиданно, какъ тѣнь Банко,—захихикалъ онъ, и этотъ смѣхъ прозвучалъ диссонансомъ.

— Я за Ильей Петровичемъ этого не замѣчала,—удивилась Роня.—И къ чему тутъ тѣнь Банко?

— Скверная привычка, Роня, скверная привычка! Все въ жизни мнѣ напоминаетъ творенія великихъ поэтовъ. Но Ильюша у меня не поэтъ. Онъ рожденъ для живого дѣла. Павелъ Ивановичъ будетъ имъ доволенъ.

— Къ чему все это, отецъ?—замѣтилъ съ нѣкоторымъ неудовольствиемъ Ильюша.

— Не любить, когда его хвалятъ,—продолжалъ Мостовскій.— Не сердись, не сердись, сыночекъ. Но кого я вижу тамъ, въ глубинѣ парка,—засуетился онъ вдругъ.—Вѣдь это княгиня. Я сегодня съ ней почти еще не говорилъ. Пойду къ ней.

И онъ, дѣйствительно, ушелъ, какъ будто торопился оставить Роню и Ильюшу однихъ.

Какъ только онъ ушелъ, Ильюша, давно уже спустившійся съ террасы, подошелъ къ самому окну, гдѣ только что стоялъ его отецъ.

— Княгиня пріободрилась,—заговорилъ онъ, робко поглядывая на Роню.—Заграничная поѣздка съ вами, Вероника Павловна, ее, видимо, освѣжила.

— Княгиня?—Роня призадумалась, потомъ неожиданно прибежала:—Въ ней есть именно то, чего во мнѣ нѣтъ.

— Чего же... въ васъ-то... нѣтъ?—удивленно спросилъ Ильюша.

— Подождите секунточку,—хлопотливо прервала его Роня. Ея въ окнѣ уже не было. Вслѣдъ затѣмъ она появилась на террасѣ, быстро сбѣжала съ нея и стояла уже возлѣ Ильюши.—Сядемте вотъ здѣсь.—Она указала ему стулъ, а сама бросилась въ качалку, но теперь она качалась медленно, только по временамъ ускоряя движеніе.—Вотъ что есть въ нашей княгинѣ,—продолжала она:—въ ней есть устойчивость...

— Да,—возразилъ Ильюша, улыбаясь:—въ васъ теперь... мало устойчивости.

— Не шутите, пожалуйста,—продолжала Роня въ томъ же хлопотливомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ довѣрчивомъ тонѣ.—Я говорю очень

серьезно. Качаюсь я именно потому, что во мнѣ мало устойчивости. Книжкины никогда не сидеть въ качалку, ей это не къ лицу. А я, знаете, что? Ртуть. Только что соберешь ее въ большой шарикъ—смотришь, она уже раздробилась на много мелкихъ шариковъ и разбѣгается во всѣ стороны. Я все собираю, собираю мои мысли и никакъ не могу ихъ собрать. Вы не повѣрите, какъ это грустно...

— У васъ умъ подвижной, Вероника Павловна,—проговорилъ Ильюша успокоительно.

— Нѣтъ, не то,—возразила Роня нетерпѣливо и продолжала въ тонѣ еще большей довѣрчивости, совершенно переставъ качаться.— Вотъ видите, теперь, когда я вернулась изъ-за границы, мнѣ надо совсѣмъ перемѣниться. Вѣдь я жила какой-то птичкой, порхала съ вѣтки на вѣтку, сама не зная зачѣмъ. Такъ жить нельзя. Мнѣ предстоитъ теперь отвѣтственная задача: папа хочетъ, чтобы я сейчасъ же вступила въ управленіе фабрикою. А у меня мысли все еще разбѣгаются, никакъ не могу сосредоточиться. Вотъ что грустно. Мнѣ такъ хотѣлось бы быть папѣ хорошей помощницей, а чувствую я себя такой слабой...

— Вероника Павловна,—проговорилъ Ильюша укоризненно:— подумайте, вѣдь вы только что пріѣхали, было ли время испытать себя? А потомъ,—прибавилъ онъ, наклонившись къ Ронѣ:—не забудьте, что васъ окружаютъ вѣрные друзья, готовые помочь вамъ, въ чемъ и гдѣ только можно...

— Какъ вы это хорошо сказали!—вырвалось у Рони, и въ голосѣ ея послышались радость и благодарность. Она протянула Ильюшѣ руку, которую тотъ, вставъ, почтительно поднесъ къ губамъ.

Свидѣтельницей этой сцены была смазливенькая черноглазая горничная, спускавшаяся именно въ эту минуту съ террасы. Она остановилась возлѣ Рони, выжидая, чтобы та обратила на нее вниманіе.

— Вотъ мнѣ опять весело,—продолжала между тѣмъ Роня:— я опять чувствую себя новорожденной, которую всѣ балуютъ.

Тутъ она замѣтила горничную и съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ спросила:

— Тебѣ что, Дуняша?

— Вы приказывали, барышня... Уже скоро шесть... Сейчасъ гости начнутъ сѣзжаться.

— Вотъ видите, какая я разсѣянная — обратилась Роня къ Ильюшѣ.— Совершенно забыла, что туалетомъ еще надо заняться.

— Да развѣ этотъ туалетъ не прелестенъ!—воскликнулъ Ильюша, но въ тонѣ его теперь чувствовалась какая-то неувѣренность.

— Нѣтъ,—возразила Роня съ прежнею хлопотливостью:— надо торжественнѣе—папа это любитъ. До свиданія, Илья Петровичъ. Вмигъ буду готова. Пойдемъ, Дуняша.

Она улыбулась Ильюшѣ и направилась съ Дупей къ террасѣ, но по дорогѣ туда остановилась, замѣтивъ кого-то въ отдаленіи.

Тамъ сидѣлъ на садовой скамейкѣ Алѣша, углубленный въ книгу. Это былъ совсѣмъ еще юный студентъ, болѣзненный на видъ, въ общемъ очень мало походившій на брата. Въ томъ все казалось дѣланнѣмъ; у Алѣши же простота доходила до наивности.

Роня быстро подбѣжала къ нему.

— Алѣша, милый,—воскликнула она:—что ты тутъ дѣлаешь? Все читаешь, мечтаешь, зябнешь?

Дѣйствительно, студентъ былъ одѣтъ не по лѣтнему, и пальто его было застегнуто на всѣ пуговицы. Онъ вздрогнулъ и потомъ неуверенно, почти робко улыбнулся дѣвушкѣ. Въ этой улыбкѣ была и затаенная грусть, и ласка.

— Нѣтъ, Роня, я видѣлъ, какъ ты разговаривала съ братомъ, какъ онъ поцѣловалъ у тебя руку, какъ подошла Дуня... Но то былъ сонъ. Я вернулся къ Метерлинку. У него—дѣйствительность.

И онъ началъ читать вслухъ:

— А въ домѣ, спросить, почему
Такъ пусто здѣсь теперь?

— Пусть видитъ: лампы свѣтъ погасъ,
И не закрыта дверь.

— Богъ съ тобой, Алѣша,—промолвила Роня боязливо и вмѣстѣ съ тѣмъ съ укоромъ.—Какая же это дѣйствительность? Развѣ у насъ въ домѣ пусто, развѣ нашъ садъ не наполнится скоро огнями? А если дверь открыта, то не потому ли, что сегодня дивный вечеръ? Алѣша, зачѣмъ ты портишь мой праздникъ?

Въ ея голосѣ слышались чуть не слезы.

Алѣша, словно въ испугѣ, схватилъ ея руку. Она довѣрчиво положила ему другую на плечо.

— Роня, милая моя,—продолжалъ студентъ:—живи въ дѣйствительности, а не во снѣ. Дѣйствительность тамъ,—и онъ указалъ лѣвою рукою куда-то въ пространство:—а не здѣсь, на землѣ. Только тогда у тебя будутъ истинные праздники, какъ у меня.

Въ эту минуту къ нимъ подошли Мостовскій съ величественной старой дамой. Это была княгиня.

— У васъ праздникъ?—спросила она.—Вы стихи сочинили?

Роня выпустила руку Алѣши и отошла на шагъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ студентъ, не глядя на княгиню и продолжая смотрѣть на Роню.—Другіе стихи сочиняютъ, Роня; мой отецъ, напримѣръ. Я стиховъ не сочиняю, я ихъ переживаю.

Въ его тонѣ слышалась искренность, исключавшая всякую мысль о рисовкѣ.

Но княгиня продолжала его допрашивать.

— Какіе стихи вы переживаете, свои или чужіе?

— Какіе придется,—отвѣтилъ равнодушно Алѣша, слѣдя взглядомъ за Роней, удалявшейся въ сопровожденіи Дуни.

— Я думаю, что переживаемые вами стихи очень однообразны,— заявила княгиня.

Вмѣшался Мостовскій.

— Почему вы такъ думаете, княгиня?—спросилъ онъ.

Старческое, но выразительное ея лицо съ прекрасными, еще полными жизни глазами сдѣлалось вдругъ серьезнымъ. Точно воспоминаніе о чемъ-то очень грустномъ пробѣжало по немъ.

— Вашъ сынъ еще почти ребенокъ,—проговорила она:—а гамма разнообразныхъ чувствъ можетъ быть только у людей, много на своемъ вѣку испытавшихъ.

Алѣша ужъ успѣлъ погрузиться въ книгу, точно разговоръ его не касался. А Мостовскій возразилъ:

— Однако, мой сынъ имѣетъ успѣхъ: онъ уже печатается.

— Да, вѣдь онъ—вашъ сынъ,—возразила княгиня.—А вы вѣдь во многихъ редакціяхъ—свой человекъ...

Съ террасы раздался голосъ Андерса:

— Милые друзья, Евгенія Михайловна Горяинова пріѣхала и хочетъ побыть съ вами: у меня еще не все готово.

Прокричавъ это, онъ тотчасъ же опять ушелъ въ домъ, а съ террасы скатилось что-то круглое и какъ будто нарядное. Это была женщина маленькая, пухлая, убѣленная сѣдинами, но чрезвычайно подвижная. Даже когда она молчала, все въ ней суетилось.

— Петръ Сергѣевичъ... Княгиня... Илья Петровичъ,—здоровалась она съ такою быстротою, что, казалось, она всѣмъ за разъ пожала руки.—Ахъ, вы не повѣрите, какъ я торопилась! Сперва рождественскій пріютъ, потомъ школа для арестантскихъ дѣтей, потомъ общежитіе, а справки по прошеніямъ о пособіи, а посвѣщеніе призрѣваемыхъ на дому, а благотворительный базаръ... О, мы его устроимъ на славу: за 500 рублей по меньшей мѣрѣ я ручаюсь... И потомъ се cher Anders! Можно ли о немъ забыть? Правда, много у него не получишь, но зато какое сердце, какое золотое сердце, какой умъ—прямо бы ему въ министры! И такой человекъ завѣдуетъ... фабрикой. О, сколько у насъ силъ пропадаетъ! И можно ли послѣ этого удивляться, что людямъ, понимающимъ, что такое человеколюбіе, приходится выбиваться изъ силъ, чтобы сколько-нибудь помочь всѣмъ несчастнымъ... Но я вижу...

Она стала быстро осматриваться и обвела своею пухлою рукой паркъ, на деревьяхъ котораго виднѣлись гирлянды разноцвѣтныхъ лампіоновъ.

— Я вижу,—продолжала она:—что Павелъ Ивановичъ затѣваетъ что-то грандіозное. Какъ вы думаете, Петръ Сергѣевичъ, что можетъ стоить каждый изъ этихъ лампіоновъ?

И, не выждавъ отвѣта, она съ сокрушеніемъ воскликнула:

— Какъ жаль, какъ жаль, вѣдь каждый изъ этихъ лампіоновъ—обѣдъ для бѣдняка! Правда, княгиня? Мы съ вами, душечка, еще

не видѣлись. Вы мнѣ расскажете о вашихъ заграничныхъ впечатлѣніяхъ. О, это очень интересно! Счастливица! Что бы я дала, чтобы попасть въ страну, гдѣ нѣтъ столько несчастныхъ: сердце просто надрывается. Кстати, Петръ Сергѣевичъ, знаете, что у насъ случилось? Но, pardon!

И она, взявъ Мостовскаго подъ руку, быстро увлекла его по аллеѣ въ глубину парка. Старикъ еле поспѣвалъ за своей стремительной спутницей.

V.

Когда они скрылись на ближайшемъ поворотѣ, Ильюша обратился къ княгинѣ:

— Не сѣсть ли намъ, княгиня; я хотѣлъ бы съ вами поговорить.

— Вы бы хотѣли со мною поговорить? Вы—со мною? О чемъ же собственно? Сядемте. Я устала гулять съ вашимъ папашей.

— Да ничего важнаго нѣтъ.

— Однако вступленіе было очень торжественное.

— Вы все шутите, княгиня, какъ и прежде. Конечно, я въ вашихъ глазахъ продолжаю быть мальчишкой... Вы меня вѣдь знаете чуть не съ пеленокъ.

Княгиня наморщила носъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, простите, Ильюшенька,—проговорила она брезгливо:—вы преувеличиваете: я вашихъ пеленокъ никогда не видѣла, и потому вы мнѣ теперь представляетесь вполне возмужалымъ человѣкомъ, даже слишкомъ возмужалымъ.

— Не понимаю, что вы этимъ хотите сказать,—какъ бы обидѣлся Ильюша.

— Ахъ, ничего особеннаго. Просто мнѣ показалось, что вы въ технологическомъ институтѣ окончательно утратили непосредственность, которой у васъ всегда было очень мало. Но о чемъ собственно вы собирались со мною говорить?

Красивые глаза ея теперь смѣялись, точно между ней и Ильюшей серьезныхъ разговоровъ не могло быть.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ,—заговорилъ Ильюша:—Павелъ Ивановичъ васъ такъ любитъ и уважаетъ.

— Хорошо ли вы освѣдомлены?

— И это понятно,—продолжалъ Ильюша.—Павелъ Ивановичъ никогда не забываетъ добра, которое ему сдѣлали,—а вашъ покойный отецъ помогъ ему, когда онъ началъ дѣлать карьеру.

— Вы что-то пугаете, милый Ильюша. Это чиновники, въ родѣ моего покойнаго мужа, дѣлаютъ карьеру. Фабриканты дѣлаютъ дѣла, а не карьеру. Но вотъ вы мнѣ что скажите: вы сами-то намѣрены дѣлать дѣла или карьеру?

— Не прерывайте меня, княгиня.

— Хорошо. Итакъ, мы возвращаемся къ моей семейной хроникѣ, въ которой вы, кажется, прекрасно освѣдомлены...

— Я хотѣлъ только сказать, что Павелъ Ивановичъ вамъ безусловно довѣряетъ, и что его надобно предостеречь...

— Вы возлагаете эту роль на меня?

— Да, княгиня. На фабрику спокойно, а Павелъ Ивановичъ такъ довѣряетъ рабочимъ.

— Должно быть, однако, меньше, чѣмъ мнѣ, если вы на меня возлагаете порученіе его предостеречь. Слушаюсь. Но, насколько мнѣ извѣстно, теперь въ Россіи вообще спокойно, быть можетъ, спокойнонѣе, чѣмъ на фабрику Павла Ивановича...

— Я знаю, княгиня,—прервалъ Ильюша:—что вы во всѣхъ обстоятельствахъ жизни сохраняете спокойствіе. Это—неоцѣнимое качество, которое мнѣ въ васъ только что расхваливала Вероника Павловна. Но вѣдь въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о предпріятіи челоуѣка, намъ всеиъ дорогого...

— Вы очень близко принимаете къ сердцу интересы фабрики?

— Несомнѣнно, принимаю къ сердцу и интересы фабрики, и интересы Павла Ивановича, и...

Княгиня очень внимательно посмотрѣла на Ильюшу.

— Что же вы не продолжаете?—спросила она, не давъ Ильюшѣ договорить.

— Мнѣ нечего продолжать,—отвѣтилъ онъ.—Мнѣ рѣшительно нечего продолжать, если вы, княгиня, не хотите меня слушать серьезно.

— Нѣтъ, я хотѣла только сказать, что и я принимаю очень близко къ сердцу и интересы фабрики, и интересы Павла Ивановича, и... Но взгляды на эти интересы могутъ быть различны.

— Я собственно,—прервалъ Ильюша,—хотѣлъ только сказать, что среди рабочихъ происходитъ броженіе, подогреваемое со стороны. Павелъ Ивановичъ такъ довѣрчивъ...

— Вы говорите: «подогреваемое со стороны». Это интересно. Кѣмъ же оно подогревается?

— Мало ли кѣмъ! Ну, наприиѣръ, Красновымъ.

— Вы говорите: Иваномъ Семеновичемъ? Но вѣдь онъ такъ друженъ съ Павломъ Ивановичемъ?

— Онъ и себѣ не врагъ. Онъ ищетъ популярности, онъ честолюбивъ...

— Очень рада, что это была ложная тревога,—раздался вдругъ надъ самыми ушами бесѣдовавшихъ голосъ Горяцовой, проходившей съ Мостовскимъ по боковой аллеѣ прямо къ дому. Княгиня и Ильюша встали, чувствуя, что ихъ разговоръ не можетъ продолжаться. Мостовскій говорилъ:

— Домашній врачъ Павла Ивановича имѣлъ сегодня со мною по этому поводу бесѣду. Онъ сказалъ, что это сущіе пустяки. Въ

нашемъ возрастѣ—я, понятно, имѣю въ виду только Павла Ивановича и себя—склерозъ сосудовъ, знаете, маленькій, легонькій,—явленіе очень распространенное. Съ нимъ можно долго жить. Онъ и у меня есть, но я нисколько не беспокоюсь. Стекло, на что хрупко, а иной стаканъ служить многіе годы. Такъ и съ нашими сосудами.

— Да,—возразила Горяинова:—но стаканъ можетъ и тотчасъ же разбиться. Вы не повѣрите, сколько ихъ бьютъ въ нашихъ пріютахъ. Я вездѣ ихъ замѣняю кружками.

Съ террасы снова послышался голосъ Андерса.

— Что, друзья, вы безъ меня не соскучились?—крикнулъ онъ.— Я сейчасъ къ вамъ. Кончилъ, кончилъ.

Рядомъ съ нимъ стоялъ Сѣркинъ.

— Вотъ что, Сѣркинъ,—обратился онъ къ нему, указывая на дерево въ отдаленіи:—ты вели срубить тамъ эти вѣтки, а то фейерверкъ отсюда будетъ плохо виденъ.

Сдѣлавъ это распоряженіе, онъ быстро спустился съ террасы. Всѣ пошли къ нему навстрѣчу, за исключеніемъ Алѣши, все еще сидѣвшаго вдали на скамейкѣ и читавшаго книгу, хотя вечернія сумерки въ густомъ паркѣ сгущались.

— Ну, теперь, друзья,—продолжалъ Андерсъ:—я съ вами уже не разстанусь. Приказалъ всѣхъ гостей приглашать сюда. Какъ вы думаете: обѣдать будемъ на террасѣ? Никто не запротестуетъ?

— Больныхъ вѣдь не будетъ,—замѣтилъ Мостовскій.

— Всѣ мы архи-здоровы,—возразилъ Андерсъ весело.

Но вдругъ онъ замѣтилъ Алѣшу и направился къ нему. Остальная компанія послѣдовала за нимъ.

— Что, Алѣшенька, ты все попрежнему: кхе-кхе да кхе-кхе? Затѣмъ онъ подсѣлъ къ нему и обнялъ его правой рукой.

— Гдѣ намъ обѣдать, Алѣшенька?—спросилъ онъ.—Хочешь, мы для тебя будемъ обѣдать въ комнатѣ? Но ты сегодня, повидимому, не забнешь: читаешь на воздухѣ.

Алѣша улынулся Андерсу какимъ-то отрѣшеннымъ взглядомъ.

— Нѣтъ, не забну,—отвѣтилъ онъ.—Роня меня согрѣла.

— Роня? Чѣмъ? Пуншемъ, который ты такъ любишь?

— Нѣтъ, ласкою.

— Люблю Алѣшу,—воскликнулъ Андерсъ.—Мѣткое у него слово иногда сорвется. Если кто можетъ согрѣть ласкою, то, конечно,—Роня.

Въ разговоръ вмѣшалась княгиня.

— Я начинаю вѣрять,—вздыхнула она:—что онъ стихи не сочиняетъ, а переживаетъ.

— У Вероники Павловны дѣйствительно много сердечной теплоты: ея хватить на всѣхъ,—замѣтилъ Ильюша.

Алѣша схватился рукою за голову, точно она внезапно у него заболѣла.

— Не юли, Ильюша, не юли,—вырвалось у него стономъ.

— Тебя, милый, хвалить опасно,—остановилъ его Андерсъ и, вставъ, тотчасъ же обратился къ Горяиновой.—Ну, какъ вы нашли мою Роню? Правда, она за границей поправилась?

Горяинова словно только ждала сигнала, чтобы начать говорить.

— Вы ее называете Роней, всѣ ее называютъ Роней,—понеслась она.—А не правильнѣе ли было бы называть ее розой, пышно расцвѣтающей розой? Нѣтъ, зачѣмъ розой,—лучше лиліей. Она, несомнѣнно, больше похожа на лилію, и въ то же время въ ней есть что-то оправдывающее ея настоящее имя—имя Вероники. *Vous connaissez cette légende délicieuse?* Сострадательная іерусалимская жена (о, если бы на свѣтѣ было больше сострадательныхъ женщинъ и мужчинъ, мужчинъ и женщинъ!), я говорю, іерусалимская жена, по имени Вероника, подала Господу нашему Иисусу Христу во время Его страсготерпчества платъ, какой носили тогда женщины, ну, большой, бѣлый, безъ бахромы, словомъ, платъ, чтобы Онъ могъ имъ обтереть потъ и кровь, священный Свой потъ и священную Свою кровь. И Христосъ принялъ платъ, да, принялъ, и представьте себѣ: Его ликъ отпечатлѣлся на немъ. Іерусалимская жена Вероника имѣла доброе, сострадательное сердце. Отраженіе этихъ чувствъ украшаетъ и обликъ Рони. Нельзя сомнѣваться, что и въ сердцѣ ея скрыты тѣ же чувства. Да расцвѣтутъ же они, какъ расцвѣтаетъ ея внѣшній обликъ, ибо нѣтъ ничего выше человѣколюбія: въ немъ всѣ добродѣтели, вся сладость бытія, весь смыслъ нашего мимолетнаго существованія. Если бы не было человѣколюбія...

— Спасибо, Евгенія Михайловна,—прервалъ ее Андерсъ, поцѣловавъ у нея въ знакъ благодарности руку:—большое вамъ спасибо за доброе слово. Съ вами, друзья, я всегда себя чувствую, какъ въ родной семьѣ. Но гдѣ же виновница сегодняшняго торжества, гдѣ же Роня?—спросилъ онъ, оглядываясь на домъ.

Отвѣтилъ на его вопросъ Ильюша.

— Вероника Павловна сейчасъ придетъ. Она пошла заняться своимъ туалетомъ.

— Молодецъ, Ильюша, ты всегда все знаешь... А вотъ и Иванъ Семенычъ,—прервалъ себя Андерсъ, привѣтствуя Краснова, спускавшагося какъ разъ въ это время съ террасы.—Только къ обѣду пришли,—упрекнулъ онъ его.—Отчего съ нами не позавтракали?

— Не могъ, никакъ не могъ,—извинялся Красновъ.—Все дѣла, дѣла. А гдѣ же Вероника Павловна? Тамъ я цвѣты принесъ,—поздравить хочу.

— Сейчасъ, сейчасъ придетъ,—успокоительно произнесъ Павелъ Ивановичъ.

Красновъ поздоровался съ остальною компанією.

— Друзья дома уже въ сборѣ,—произнесъ онъ внушительно.—
Какая погода! Вечеръ, а тепло, почти жарко.

Мосговскому всякаго рода оптимизмъ былъ ненавистенъ.

— Удивляюсь вамъ, Иванъ Семеновичъ,—проговорилъ онъ
брезгливо:—два-три теплыхъ дня, и вы въ восторгъ приходите.
Мало же вамъ нужно!

— Человѣкъ долженъ въ жизни довольствоваться малымъ,—
замѣтила Горяинова.

— Я, Евгения Михайловна, не сторонникъ философіи отрече-
нія,—настаивалъ Мостовскій.

— А я, а я,—заявилъ Красновъ:—вы знаете, я всегда утвер-
ждалъ, да...

— Ахъ, вотъ и Роня!—воскликнулъ Андерсъ, всёмъ крупнымъ
своимъ тѣломъ подавшійся къ террасѣ. Остальное общество
также направило свои взоры туда. Но на террасѣ никто не по-
являлся. Тамъ только официанты накрывали на столъ.—Простите,
друзья,—проговорилъ Андерсъ разочарованно:—я ошибся. Миѣ
показалось, что въ комнатахъ кто-то пробѣжалъ: это, вѣроятно,
Дуняша.

Красновъ продолжалъ:

— Я всегда утверждаю, что человѣкъ долженъ много требо-
вать, а то онъ ничего не получитъ. Я всегда утверждаю, что при
настоящихъ условіяхъ иначе разсуждать нельзя. Я васъ спраши-
ваю: кѣмъ мы окружены? и отвѣчаю: мы окружены хищниками,
потерявшими всякую совѣсть. Какъ же быть съ этими хищниками?
Надо съ ними бороться, бороться неумолимо, не щадя себя, до по-
слѣдней капли...

— Иванъ Семеновичъ,—кликнула его Роня, быстро сбѣжав-
шая съ террасы и кинувшаяся къ нему:—Иванъ Семеновичъ, какъ
я рада васъ видѣть. Вотъ и вы наконецъ съ нами. Мерси за чудные
цвѣты.

Краснову трудно было перемѣнить видъ внушительности на
видъ испытываемаго имъ удовольствія,—такъ неожиданно было для
него появленіе Рони. Но онъ справился съ этою задачею довольно
удачно и сказалъ:

— Да будетъ вашъ жизненный путь усѣянъ цвѣтами! Поздра-
вляю, поздравляю,—повторялъ онъ.

А Андерсъ уже обнялъ Роню одной рукой и, любовно глядя ей
въ глаза, говорилъ:

— Вотъ видишь, дочурка, какъ всё тебя любятъ!

Роня ластилась къ нему.

— Я и то, папа, постоянно повторяю, что нигдѣ не можетъ
быть такъ хорошо, какъ дома.

Но это замѣчаніе не могло быть оставлено безъ возраженія со
стороны Краснова.

— Согласенъ,—сказалъ онъ:—но только, если дома можно имѣть домъ, въ который не врываются непрошеные гости.

— Вы все попрежнему занимаетесь политикой, Иванъ Семеновичъ?—спросила Роня.

За Краснова отвѣтила Андерсъ.

— Да, да, Роня, все осталось попрежнему: Иванъ Семеновичъ занимается политикой, добрѣйшій Петръ Сергѣевичъ все жалуется на обстоятельства, Евгенія Михайловна пылаетъ священнымъ огнемъ челолюбія, княгинюшка поучаетъ насъ житейской мудрости, Ильюша усердно занимается дѣлами на фабрикѣ и всегда все знаетъ и видитъ, Алѣша чего не видитъ, о томъ и бредитъ, и все попрежнему милы и добры къ намъ. Какъ мы теперь славно заживемъ съ тобою. Какъ хорошо, что ты вернулась!

Глаза его смѣялись, а Роня такъ и льнула къ нему.

— Знаешь, папа,—говорила она:—за границей все люди казались мнѣ чужими, а здѣсь все кажутся родными.

Но тутъ она вдругъ отстранилась отъ отца и бросилась навстрѣчу спускавшемуся съ террасы Иванову.

— Вотъ еще родной челоубъ,—привѣтствовала она его, и въ эту минуту ея лицо было такое радостное, счастливое, что ею можно было залюбоваться.—Милый Федоръ Федоровичъ,—прибавила она еще, протянувъ ему обѣ руки.

— Еще разъ, Виринея Павловна,—отвѣчалъ онъ на ея привѣтствія, и голосъ у него дрогнулъ. Но онъ тотчасъ же справился съ собою и доложилъ Андерсу:

— Тамъ, Павелъ Ивановичъ, Селезнѣвъ съ семьєю идетъ.

— А, это гость особый,—засуетился Андерсъ.—Его надо встрѣтить, не то обидится.

И онъ быстро сталъ подниматься по ступенямъ террасы. Вмѣстѣ съ Селезнѣвымъ, его женой и сыномъ на террасѣ появилось еще нѣсколько гостей. Число ихъ все увеличивалось, и Андерсъ весело и бодро здоровался со всѣми.

Красновъ обратился къ Мостовскому и Горяиновой съ восклицаніемъ:

— Никакъ не ожидалъ, что Андерсъ пригласитъ и этого Селезнѣва.

— Чѣмъ онъ вамъ не милъ, профессоръ?—спросила княгиня наивно.

— Хамово отродье, отродье хищниковъ,—провозгласилъ Красновъ и грозно прибавилъ:—но дни ихъ сочтены.

Горяинова подхватила въ томъ же тонѣ:

— «Проклятъ Ханаанъ; рабъ рабовъ будетъ онъ у братьевъ своихъ»—и прибавила уже съ искреннимъ раздраженіемъ:—У этого Селезнѣва ничего не добудешь для бѣдныхъ.

Ильюшу съ Роней разговоръ этотъ мало интересовалъ. Она его спросила:

— Скажите, я скоро дополнила свой туалетъ?

— Вы, кажется, все дѣлаете быстро и... хорошо,—прибавилъ онъ съ оттяжкою, глядя на Роню влюбленными глазами.

— Но не такъ быстро, какъ у васъ срываются съ усть комплименты,—возразила Роня и тотчасъ же обратилась къ Ильюшѣ съ вопросомъ:

— Вы попрежнему мастеръ въ крокетъ играть? А я какъ изловчилась за границую! Хотите нѣсколько шаровъ?

— Темно ужъ! Гости собираются,—отвѣтилъ Ильюша вполголоса.

— Ничего. Только нѣсколько шаровъ. Скорѣй, скорѣй!

И она увлекла Ильюшу съ собой.

Княгиня замѣтила ихъ исчезновеніе.

— Куда это они?—спросила она Мостовскаго съ неудовольствіемъ.

— Шалать: ихъ дѣло молодое,—равнодушно отвѣтилъ тотъ и тотчасъ же, продолжая прежній разговоръ, обратился къ Горяиновой съ вопросомъ:—Скажите, Евгенія Михайловна, почему это у хамовъ всегда денегъ много, а у нашего брата—мало?

Его лицо выражало брюзгливость.

Ивановъ, скрывая улыбку, отвѣтилъ за Горяинову:

— Значить, такъ ужъ положено: купцу, к-та, богатѣть, а дворянину—разоряться.

Въ эту минуту Андерсъ сошелъ съ террасы и, не видя Рони, сталъ искать ее въ разныхъ направленіяхъ и, дойдя до Алѣши, спросилъ его издали:

— Гдѣ же Роня, Алѣша?

Какъ бы въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, студентъ задекламовалъ:

Глядитъ Вероника, смѣется... и вдругъ
Умолкла... Лицо поблѣднѣло.
Ей чудится: вмѣсто точеныхъ шаровъ,
Гонимыхъ лопатой проворной,
Катаются цѣлыя сотни головъ,
Обрызганныхъ кровію черной...

Многіе гости сошли уже вслѣдъ за Андерсомъ въ паркъ, и всѣ съ недоумѣніемъ прислушивались къ страннымъ словамъ студента.

Но Андерсъ громко расхохотался.

— Это, милые гости, не такъ страшно. На Алѣшиномъ языкѣ это просто значить, что Роня въ крокетъ играетъ,—и онъ громко сталъ звать:—Роня, Роня.

Роня вскорѣ прибѣжала, запыхавшись.

— Представь себѣ, папа,—воскликнула она, вся радостная, оживленная:—я сдѣлала три шара, а Илья Петровичъ только одинъ.

Гости окружили ее съ поздравленіями, а Андерсъ у террасы привѣтствовалъ другихъ, только что пріѣхавшихъ. Паркъ все болѣе оживлялся.

Княгиня съ Ивановымъ оказались въ сторонѣ.

— Вы замѣчаете, Федоръ Федоровичъ,—спросила она его:— какъ Роня быстро сближается съ Ильюшей? Только что пріѣхала, а у нихъ уже видъ влюбленныхъ.

— Они вѣдь съ дѣтства знакомы!

— Да, но, насколько я успѣла замѣтить, между ними этого сближенія до сихъ поръ не было. За границею Роня рѣдко его вспоминала.

— Можетъ быть, на словахъ рѣдко вспоминала, потому что въ душѣ о немъ постоянно помнила.

— Васъ это сближеніе радуеть?

— Трудно повѣрить, чтобы Виринея Павловна, когда ближе узнаеть Илью Петровича, могла, к-та, остановиться на немъ.

— Да вы сами говорите, что они уже съ дѣтства знакомы.

— То, что въ ребенкѣ есть—и хорошее, и дурное,—раскрывается лишь по маленьку. Трудно сказать, какое дерево вырастетъ прямымъ, какое—корявымъ.

Также въ сторонѣ отъ центральной группы гостей бесѣдовали Мостовскій съ Горяиновой.

— На моего друга Андерса,—говорила она,—я твердо рассчитываю. Онъ мнѣ сегодня далъ слово. Я воспользовалась его радостнымъ настроеніемъ, и онъ на этотъ разъ моихъ бѣдныхъ не обидить. Но для задуманнаго мною пріюта надо много, много денегъ. Пока еще не собрано и половины. Милый Петръ Сергѣевичъ! Вамъ ничего не стоитъ. Вы могли бы устроить музыкально-литературный вечеръ. Для васъ литераторы, музыканты это охотно сдѣлають. Прошу васъ, примитесь за это дѣло. Въ вашихъ рукахъ оно будетъ имѣть блестящій успѣхъ...

— Вы думаете, Евгения Михайловна? Попробую,—согласился Мостовскій.—Но, скажите, та высокопоставленная особа, которой вы намѣрены вручить сумму на пріютъ...

Въ центральной группѣ произошло какое-то особенное оживленіе, и голосъ Андерса раздавался громко:

— Вотъ великолѣпный подарокъ,—говорилъ онъ.—Роня, ты развѣ не понимаешь? Вѣдь эта брошка изображаетъ кадудей, жезлъ Меркурія. Какая тонкая работа! Ты, Роня, вступаешь завтра въ управленіе фабрикою: богъ Меркурій становится твоимъ богомъ. Онъ у насъ вообще не въ почетѣ. И на это есть причины, о, есть! Меркурій у насъ богъ кармана и обмана. Но не всегда такъ будетъ, не всегда. Великолѣпный подарокъ,—подарокъ, какъ теперь говорятъ, символическій. Ну, поблагодари еще разъ, дочка. Ты на своемъ вѣку покажешь, какъ и я старался показать, что Меркурій—богъ

не однихъ только темныхъ дѣлъ, что ему можно иначе поклоняться, чѣмъ обыкновенно ему поклоняются.

— Большое вамъ спасибо,—говорила Роня гостю, поднесшему подарокъ.—Я постараюсь,—продолжала она неувѣренно:—носить съ честью этотъ... какъ только папа сказалъ... ахъ, да, кадуцей. Эмаль—одна прелесть.

Андерсъ смотрѣлъ уже куда-то въ сторону вверхъ.

— Ахъ!—воскликнулъ онъ:—Сѣркинъ все еще не справился съ вѣтками. Надо самому распорядиться. На минутку, милые гости.

И онъ торопливо направился въ глубь парка. Но, замѣтивъ, что Алѣша все еще сидитъ съ книгою на прежнемъ мѣстѣ, подошелъ по дорогѣ къ нему.

— А ты, Алѣшенька, продолжаешь читать здѣсь въ темнотѣ книгу?—спросилъ онъ, и въ голосѣ его почувствовалась какая-то особенная мягкость.

— Мнѣ свѣту всегда довольно,—отвѣтилъ студентъ съ такою же ласкою въ голосѣ.—У меня свой внутренній свѣтъ.

— И при этомъ свѣтѣ ты все видишь?

— Да, все.

Андерсъ положилъ ему руку на плечо.

— Мысли, чувства свои видишь,—продолжалъ онъ:—но не видишь людей, а людей не видѣть значитъ жизни не знать.

— Я васъ вижу, Павелъ Ивановичъ, я вижу Роню, а другихъ людей мнѣ не надо.

— А Ѳедора Ѳедорыча?

— Да еще и его.

Андерсъ наклонился, поцѣловалъ студента въ голову и быстро ушелъ. Онъ отсутствовалъ довольно долго, и Роня начала беспокоиться, замѣтивъ княгинѣ:

— Обѣдать пора, а папа пошелъ какіе-то сучья срубать.

— Не безпокойся, Роня,—провозгласила княгиня:—папа обо всемъ думаетъ и никогда ничего не забываетъ.

Дѣйствительно, гирлянды лампіоновъ на деревьяхъ то здѣсь, то тамъ засверкали разноцвѣтными огнями, и въ то же время послышался глухой, но могучій трескъ обламываемыхъ сучьевъ. Роня и нѣкоторые гости даже вздрогнули.

— Ну, теперь просвѣтъ полный,—успокоительно заявилъ Ивановъ, посмотрѣвъ въ одну изъ боковыхъ аллей.

Столъ на террасѣ былъ накрытъ и богато убранъ цвѣтами. Огней становилось все больше. Они затмевали угасавшій дневной свѣтъ. Гости весело болтали, поминутно раздавались взрывы хохота. Было людно, шумно, весело.

Дуняша принесла какой-то зябкой гостѣ накидку. Возвращаясь на террасу, она мимоходомъ шепнула Ильющѣ:

— Завтра будешь?

Ильюша огрызнулся:

— Не приставай!

Это произошло совершенно незамѣтно, но Мостовскій уловил эту сценку. Онъ съ досадою буркнулъ сыну:

— Смотри, все испортишь.

— Кончено, отецъ, кончено,—прошептала успокоительно Ильюша.

Въ это время къ гостямъ вернулся Андерсъ, сильно запыхавшійся, но оживленный.

— Представьте себѣ,—заговорилъ онъ громко, и все вокругъ смолкло передъ голосомъ хозяина:—во фракѣ... въ полномъ парадѣ... руку приложилъ... Копались... безъ конца... Я помогъ... И дѣло сдѣлано...

— Охота вамъ самимъ,—укоризненно замѣтилъ Ивановъ.

Но Андерсъ ему весело отвѣтилъ:

— Великій царь былъ плотникомъ... Можетъ же простой фабрикантъ быть садовникомъ... Молодость вспомнилъ... Только немного запыхался... Вмигъ пройдетъ...

Онъ взглянулъ на часы:

— Акуратъ семь,—провозгласилъ онъ.—Ну, милые гости, обѣдать пора. Идемте, идемте... Показать вамъ дорогу? Закуски сервированы въ столовой, а обѣдать будемъ на террасѣ. Никто не протестуетъ?—спросилъ онъ и посмотрѣлъ во всѣ стороны.—Никто? Вотъ и прекрасно. Такъ идемте же, идемте.

И гости вмѣстѣ съ Андерсомъ толпой стали подниматься на террасу, но хозяйскій голосъ и тутъ раздавался внушительно.

— Роня, гдѣ ты?—спрашивалъ онъ, потерявъ дочь изъ виду.

Она тотчасъ же приблизилась къ отцу, а онъ продолжалъ:

— Не забудь, что ты—хозяйка. За границей разучилась хозяйничать, по отелямъ живя. Княгинюшка, помогите ей: вамъ и книги въ руки. Эхъ, жены моей нѣтъ! Полюбовалась бы на дочку. Пожалуйте, пожалуйте,—продолжалъ онъ приглашать гостей, стоя уже на террасѣ, окруженный ими.—Какой вечеръ! И теперешняя моя жизнь—прекрасный вечеръ.

Въ боковой аллеѣ загорѣлось электрическое солнце, обдавъ Андерса и гостей потоками свѣта.

— Да,—подтвердилъ онъ:—моя теперешняя жизнь—прекрасный вечеръ... И попируемъ мы съ вами еще, друзья, и поработаемъ...

Голосъ его звучалъ увѣренно и громко, но вдругъ осѣкся и сталъ какимъ-то глухимъ, невнятнымъ.

— Роня, да что это?—спрашивалъ онъ.—Ничего не вижу. Роня, Роня... гдѣ ты?—слышалось уже совсѣмъ слабо, словно Андерсъ ушелъ куда-то далеко-далеко и до глубины души удивленъ и встревоженъ тѣмъ, что дочери не видитъ. Онъ уже не стоялъ, а какъ-то вдругъ присѣлъ, поддерживаемый дочерью и стоявшими около него гостями. Всѣ встревожились, и настала зловѣщая тишина.

Потомъ послышались голоса: «Воды, воды! доктора!» Андерса уже унесли въ компаты, и гости тихо другъ друга спрашивали, что собственно случилось? Первая выбѣжала въ паркъ изъ комнатъ Горяинова и, удовлетворяя общее любопытство, тихонько всёмъ сообщала:

— Кажется, ударъ. Mon pauvre ami! Ахъ, какъ некстати, какъ некстати!

Вслѣдъ за Горяиновой вышелъ въ паркъ и Красновъ, растерянно повторявшій про себя:

— «Гдѣ столь былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ».

Селезнёвъ отдѣлился отъ жены и сына и подошелъ къ Краснову:

— Что, батенька, съ Павломъ Ивановичемъ?

— Говорять, ударъ,—грубо отвѣтилъ Красновъ, тотчасъ отвернулся и снова направился къ террасѣ.

— О-о-о! Время неприятное-съ,—вздыхнулъ ему вслѣдъ Селезнёвъ и, вернувшись къ женѣ, шепнулъ ей:—Кажись, Андрюшу съ фабрикою поздравить можно.

Р. И. Сементковскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

СИЛУЭТЫ ВРЕМЕНИ РЕФОРМЪ

(Воспоминаніи шестидесятника ¹⁾).

IV

Князь Александръ Иларіоновичъ Васильчиковъ.—Очеркъ его характера и политическихъ воззрѣній.—Независимость.—Группа шестидесятниковъ его типа.—Его братъ князь Викторъ.—Александръ II и перехваченное письмо.—Дворянскія партіи.—Боязнъ волненій послѣ объявленія манифеста 19 февраля.—Шутка князя Александра Иларіоновича, всполошившая русское посольство въ Берлинѣ.

ВНЯЗЬ Александръ Иларіоновичъ Васильчиковъ, другъ и секундантъ Лермонтова, принадлежалъ, какъ и свѣтлѣйшій князь А. А. Суворовъ, къ группѣ русскихъ дворянъ реформеннаго періода, участіе которыхъ въ подготовкѣ реформъ шестидесятыхъ годовъ и проведеніи ихъ въ жизнь могло бы содѣйствовать правильному развитію обновительнаго движенія и предупредило бы много нежелательныхъ событій и трагическихъ катастрофъ послѣдующихъ десятилѣтій. Главныя достоинства членовъ этой группы заключались въ искреннемъ сочувствіи легально-либеральному обновленію, въ отвращеніи къ закулиснымъ интригамъ противъ реформъ (ко джи вообще). Васильчиковъ былъ очень умный человекъ. Его общественно-политическія воззрѣнія выросли на почвѣ идеаловъ сороковыхъ годовъ. Къ зрѣлой порѣ его жизни, къ шестидесятымъ годамъ, они приняли обдуманно практическое направленіе, оставаясь либеральными. Лица его типа не упускали

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХІХ, стр. 83.

изъ виду эволюціонныхъ перспективъ даже отдаленнаго будущаго прогрессированія благоденствія не одного какого-либо класса, а всего русскаго народа, всей русской націи. Александръ Иларіоновичъ много читалъ и занимался съ сороковыхъ по шестидесятыя годы тѣмъ, что называется самообразованиемъ; умѣлъ взвѣшивать читанное и формировать свое независимое мнѣніе. Толчки и передергиванія въ отношеніяхъ реформирующаго правительства къ практическому осуществленію разработанныхъ тѣмъ же самымъ правительствомъ реформъ его искренне огорчали, обнаруживая, по его словамъ, «непродуманность и незнакомство съ Россіей» тѣхъ, кто, сдѣлавъ шагъ впередъ, трусили дальнѣйшаго и отступали. Онъ былъ безукоризненный «джентльменъ» по воспитанію и общественной средѣ, въ которой вращался. Не менѣе безукоризненно и симпатично было прирожденное ему благородство образа мыслей и обращеніе, чуждое всяческой слащавости, къ людямъ вообще, начиная съ простолюдиновъ, съ которыми ему, какъ одному изъ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ въ Россіи, приходилось имѣть дѣло (а дѣлами своими онъ занимался самъ), и кончая лицами, выдающимися по положенію и уму.

Онъ былъ вполне независимымъ человѣкомъ не только по богатству и происхожденію, но и по самому складу характера: чуждъ тщеславія и какихъ бы то ни было личныхъ искательствъ. Во многихъ отношеніяхъ его можно было поставить въ одну группу съ другими крупными дворянами-землевладѣльцами: съ его двоюродными братьями Дашковыми (рязанскіе помѣщики), А. В. Головиннымъ (министръ народнаго просвѣщенія, тоже рязанскій), Петромъ Алексѣевичемъ Васильчиковымъ¹⁾, съ Лугиниными, графомъ П. А. Гейденотъ, съ княземъ В. В. Оболенскимъ, скромнымъ предсѣдателемъ московской земской управы Наумовымъ, цѣлой серіей тверитянъ, Андреемъ Павловичемъ Шуваловымъ²⁾, сосланнымъ за границу за противоправительственныя рѣчи, произнесенныя въ первомъ петербургскомъ земскомъ собраніи, которое, какъ извѣстно, было распущено и упразднено, и многими другими. Между членами этой группы были разногласія въ нѣкоторыхъ воззрѣніяхъ. Но въ общихъ принципахъ всѣ они сходились и не умѣли ими поступаться.

Къ этой же группѣ слѣдуетъ присоединить роднаго брата Александра Иларіоновича, князя Виктора Иларіоновича. Послѣд-

¹⁾ Въ февральской книгѣ «Историческаго Вѣстника» прошлаго года появилась замѣтка г. Ю. В. Васильчикова, указывающая на ошибку, вкравшуюся въ мою статью «Воспоминанія о цесаревичѣ»: П. А. Васильчиковъ названъ «княземъ». Указаніе совершенно справедливо; но ошибка не автора; вѣрнѣе, описка. Въ моей статьѣ, напечатанной также въ «Историческомъ Вѣстникѣ» нѣсколько лѣтъ назадъ и озаглавленной «Первый Земскій Съѣздъ» (который и собирался въ Москвѣ обыкновенно въ домѣ Петра Алексѣевича Васильчикова, котораго я зналъ и раньше, послѣдній не титулуется княземъ.

²⁾ Не смѣшивать съ графомъ Петромъ Андреевичемъ, шефомъ жандармовъ.

нѣй былъ генераломъ свиты его величества, на пути быть, какъ ожидали, военнымъ министромъ, любимцемъ молодого государя-реформатора, который не только довѣрялъ ему, но уважалъ его откровенныя мнѣнія. В. И., несомнѣнно, былъ преданъ царю-Освободителю, какъ и самымъ идеямъ освободительности, куда онѣ проводились искренне, послѣдовательно, безъ опасныхъ осаживающихъ вмѣшательствъ лицъ, втайнѣ имъ недоброжелательствующихъ и Россію слишкомъ мало знающихъ. Викторъ Иларіоновичъ иногда критически относился къ дѣйствіямъ такихъ лицъ и ихъ реакціоннымъ мѣрамъ, которыя грозили повредить правильному развитію обновленія. Александръ II зналъ о критикѣ Виктора Васильчикова. Доводить это до свѣдѣнія царя было выгодно тѣмъ, кого касалась критика. Но надо отдать справедливость государю; онъ все-таки не измѣнялъ своего благосклонно довѣрчиваго съ нимъ обращенія. Его недоброжелатели тогда прибѣгли къ иному средству. При содѣйствіи Третьяго Отдѣленія было перехвачено пространное письмо къ другу и единомышленнику его, жившему въ провинціи. Письмо вскрыли, прочитали и представили Александру Николаевичу. Авторъ письма выражался въ немъ рѣзче обыкновеннаго объ ошибкахъ и колебаніяхъ государя, подпавшаго вліянію неумѣлыхъ или неискреннихъ совѣтниковъ. И все-таки государь, прочитавъ письмо, опять не разгнѣвался на Виктора Иларіоновича, а, призвавъ къ себѣ, сказалъ, что, не взирая на такую рѣзкую критику, онъ (государь) не только не сердится, но даже вовсе не желаетъ измѣнять своихъ къ князю отношеній и проч.

Александръ II, однако, не разсчиталъ, что В. И. Васильчиковъ самъ измѣнитъ отношенія и, можетъ быть, свои чувства. Князь В. И. не могъ себѣ ни объяснить, ни представить, чтобы чтеніе къмъ бы то ни было чужихъ писемъ не являлось поступкомъ зазорнымъ. Словомъ, онъ почтительно, но откровенно сказалъ Александру Николаевичу, что послѣ прочтенія имъ такого письма онъ, Васильчиковъ, не считаетъ болѣе возможнымъ продолжать службу. Не взирая на убѣжденія императора, онъ вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ пензенскомъ помѣстьи.

Между тѣмъ и Викторъ Иларіоновичъ, подобно своему брату Александру, въ началѣ царствованія вѣрилъ и въ благодѣтельность и въ осуществимость реформъ. Освобожденіе крестьянъ соотвѣтствовало ихъ идеаламъ (сороковыхъ годовъ). Хотя они къ тому времени, умудренные двадцатилѣтними наблюденіями за ходомъ государственнаго управленія и за практическимъ развитіемъ проекта эмансипаціи, понимали недочеты «Положенія 19-го февраля 1861 года», хотя и относились къ факту менѣе восторженно, чѣмъ отнеслись бы, вѣроятно, двадцать пять лѣтъ ранѣе, но они все-таки видѣли въ немъ великое, многообѣщающее въ будущемъ начало.

Въ этомъ отношеніи князь Александръ Иларіоновичъ и его единомышленники составляли исключеніе (хотя далеко не были одиноки) въ высшемъ слоѣ общества, къ которому принадлежали. Но именно они-то, эти исключительные въ своей средѣ люди, подходили къ періоду реформъ и къ видамъ Александра II въ первые годы его царствованія. Между тѣмъ ими не только не воспользовались, но старались ихъ удалять отъ государственной дѣятельности.

Изрядная половина крупноземельнаго дворянства, т. е. правящаго класса, хмуро взидала на освободительный переворотъ и только по необходимости, отнюдь не по убѣжденію, подчинялась волѣ монарха. Она не сочувствовала реформѣ. Болѣе того, трепетала, ожидая, что ихъ «рабы», узнавъ о дарованной свободѣ, первымъ дѣломъ поднимуть топоры противъ своихъ бывшихъ господъ и пойдетъ пугачевщина. Трепетъ этотъ правящаго класса и его горькія послѣдствія опасеній не очерчены еще достаточно отчетливо изслѣдователями той эпохи. Между тѣмъ онъ заразилъ высшія сферы, былъ одной изъ причинъ реакціи и многихъ другихъ печальныхъ событій: страхъ всегда плохой совѣтникъ и ростки свои пускаетъ глубоко.

Александръ Иларіоновичъ рассказывалъ мнѣ однажды, какъ онъ подшутилъ надъ однимъ своимъ пріятелемъ, занимавшимъ высокій постъ въ государственной іерархіи. То была practical joke (практическая шутка), какъ говорятъ англичане, и очень для того времени характерная.

Вскорѣ послѣ обнародованія «Положенія 19-го февраля» Александру Иларіоновичу понадобилось ѣхать за границу (если память не измѣняетъ, по болѣзни кого-то изъ семейныхъ). Остановясь въ Берлинѣ, онъ поспѣшилъ навѣстить своего стараго друга, тогда русскаго посланника въ Пруссіи, Обри. Пріятели переписывались изрѣдка; въ послѣднихъ письмахъ Обри высказывалъ опасенія (и свои и знакомыхъ ему русскихъ за границей) о возможности революціи въ Россіи. Васильчиковъ старался опровергать страхи, но безуспѣшно. Обри не былъ предупрежденъ о проѣздѣ пріятеля черезъ Берлинъ, и на этотъ разъ Васильчиковъ появился неожиданно, какъ снѣгъ на голову. На лицѣ посланника прежде, чѣмъ онъ обмѣнялся съ гостемъ двумя словами, выразилось ясно боязливое изумленіе. А. И. былъ шутливъ и остроуменъ. Онъ вздумалъ помистифицировать пріятеля. «Отчего ты такъ внезапно уѣхалъ изъ Россіи? Все ли тамъ спокойно?» спросилъ Обри. Васильчиковъ постарался придать своему лицу мрачное выраженіе и печально отвѣчалъ: «Да! Ты былъ правъ, ожидая волнений». — «Революція!.. Ты бѣжалъ?» — «Бѣжалъ, да!» и А. И. насказалъ разныхъ страстей, выражая изумленіе, что посольству еще ничего не сообщено изъ Петербурга. Обри помертвѣлъ отъ страху и суетливо потребовалъ къ себѣ кого-то изъ посольскихъ чиновъ. Онъ приказалъ навести

справки: не пропало ли какое официальное письмо, не замѣшкалась ли какая телеграмма изъ Петербурга. Чиновникъ (не помню кто, — тоже принадлежавшій къ высшему кругу) также, видимо, взволновался. Обри безпрестанно повторялъ: «Всего этого надо было ожидать! Изумляюсь, какъ ты, Александръ Иларіоновичъ, не хотѣлъ мнѣ вѣрить!» и т. д. Александру Иларіоновичу стало наконецъ жалко пріятеля и онъ разсмѣялся и сознался, что пошутить.

V.

Тревожное настроеніе столицы послѣ обнародованія манифеста 19 февраля 1861. — Принцъ Ольденбургскій. — Мѣры военнаго начальства. — Мое дежурство по бригадѣ 4 — 5 марта. Либеральный полковникъ Эйлеръ. — Маскарадъ у великой княгини Елены Павловны. — Александръ II въ костюмѣ пилигрима. — Адъютантъ его высочества генераль-фельдцейхмейстера съ приказаніями отъ великаго князя. — Осмотръ орудій и проч. — Мои утреннія впечатлѣнія и наблюденія въ городѣ.

Нынѣ, на разстояніи полувѣка, паника, господствовавшая и въ провинціи, и въ столицахъ по поводу объявленія отряднѣйшей для русскаго народа воли царя, кажется почти невѣроятной. Самая отерочка обнародованія «Положенія», подписаннаго 19 февраля, до 5 марта (воскресенье на масленицѣ), указываетъ на существованіе въ высшихъ сферахъ страха: *morgen, morgen, nur nicht heute...* Долѣе оттягивать было нельзя, между тѣмъ въ послѣдній день масленицы испоконъ вѣка русскій народъ пьянствуетъ болѣе, чѣмъ въ какіе-либо другіе праздники зимняго мясаѣда.

Конечно, были разумные, вдумчивые люди, которые считали боязнь нелѣпостью. Къ числу такихъ лицъ принадлежалъ и князь Васильчиковъ. Но они были въ меньшинствѣ. Правда, большинство трепещущихъ — помѣщики и власти — старались скрывать свой страхъ, особенно въ столицахъ. Одни — опасаясь навлечь на себя неудовольствіе государя, отрицавшего основательность всякихъ боязней; другіе — инстинктивно боясь раздражить освобожденную чернь. Нѣкоторые желали смотрѣть прямо въ глаза опасному звѣрю, какъ тигру, который, говорятъ, не кинется на человѣка, покуда не замѣтитъ въ немъ признаковъ робости. Но существованіе боязни было очевидно. Чѣмъ выше былъ слой общества, тѣмъ страхъ ощущался сильнѣе, хотя и замаскировывался искуснѣе, по привычкѣ маскировать всякія чувства.

Я постараюсь передать только мои личныя впечатлѣнія и наблюденія наканунѣ великаго дня (обнародованіе манифеста 19 февраля 1861 г.) и въ самое его утро. Я былъ тогда юнымъ офицеромъ, недавно окончилъ военную (артиллерійскую) академію и поступилъ въ гвардейскую конную артиллерію. Въ знаменательный день объявленія воли, или, вѣрнѣе, наканунѣ, ночью на 5 марта и въ самое историческое утро мнѣ пришлось дежурить по казармамъ

лейбъ-гвардіи конно-артиллерійской бригады, расположеннымъ за Лиговкой, около Песковъ.

Въ предшествовавшія недѣли двѣ—промежутокъ между писаніемъ «Положенія» государемъ и обнародованіемъ его—я слышался дома и у знакомыхъ немало толковъ о значеніи великаго акта и о возможныхъ нежелательныхъ его послѣдствіяхъ.

Говорилось осторожно, однако людьми, по своему положенію изрядно компетентными, что государь не по личной инициативѣ, а подъ вліяніемъ окружающихъ (семейныхъ, придворныхъ и министровъ) отсрочилъ обнародованіе манифеста, что государь самъ ничего не опасается; что онъ сдѣлалъ эту уступку робкимъ единственно по своей добротѣ, какъ бы въ вознагражденіе за вѣдшее—*bonne mine au mauvais jeu*—примиреніе робкихъ съ реформой. Мы, конечно, отмѣчаемъ эти слухи о настроеніи государя только какъ характерную черту настроенія петербургскаго общества вообще. Во всякомъ случаѣ ими объяснялась сдержанная натянутость двора и соприкасавшихся съ нимъ сферъ. А что такая сдержанность существовала, я слышалъ и тогда мелькомъ, и позднѣе обстоятельно—отъ свѣтлѣйшаго А. А. Суворова, А. В. Головнина ¹⁾ (министра народнаго просвѣщенія), Н. А. Крыжановскаго ²⁾ и другихъ. Главари министерства внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, съ которыми мнѣ случалось нерѣдко встрѣчаться въ разныхъ домахъ, по камертону своихъ принципаловъ отрицали всякія опасенія и даже старались подшучивать надъ ними, хотя шутки часто казались натянутыми. Впрочемъ, въ министерствѣ финансовъ спокойствіе имѣло болѣе вѣроятный видъ.

На верхахъ экспансивнѣе всѣхъ, можетъ быть, *par impuissance de se taire* (какъ острили тогда въ Петербургѣ), по слухамъ, былъ принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій. Двумъ знакомымъ нашего семейства (одинъ—генераль, другой—сановникъ изъ правовѣдовъ; оба любимцы его высочества) онъ предлагалъ даже спрятать ради пушей безопасности въ подвалахъ своего дворца, что на Царицыномъ лугу, всѣ цѣнности и драгоцѣнности. При этомъ принцъ говорилъ, что укрѣплялъ какъ-то дворецъ изнутри, дабы въ случаѣ надобности зданіе могло противостоять ожидавшимся волненіямъ.

Одинъ дальній нашъ родственникъ, сенаторъ, около 60-го года очень краснорѣчивый либераль, сынъ котораго работалъ съ искреннимъ увлеченіемъ въ комитетахъ государственнаго совѣта по подготовкѣ «Положенія 19 февраля», буквально заболѣлъ въ день

¹⁾ Его семья съ давнихъ лѣтъ была въ дружескихъ отношеніяхъ съ семьей моихъ родителей и дѣда.

²⁾ Къ которому около этого времени весьма благоволили императоръ и императрица.

обнародованія «Положенія». Зато, мало-по-малу успокоаясь, а тамъ забывъ всякія опасенія, черезъ годъ, при надѣленіи своихъ крестьянъ землей, посадилъ ихъ на нищенскій надѣлъ, находя это выгоднымъ для себя. Оно и дѣйствительно выходило выгодно съ извѣстной точки зрѣнія. Либеральный сынъ его (впослѣдствіи тоже сенаторъ) протестовалъ, но безплодно. Это не единственный примѣръ. Немало дворянскихъ семей готовилось въ мартѣ 1861 г. ускользнуть за границу; у нѣкоторыхъ были даже уложены чемоданы и дорожные сундуки.

Что касается военныхъ приготовленій, то я, не обобщая, не мудрствуя лукаво, объективно опишу 24 часа моего дежурства 4-го и 5-го марта 1861 года.

Когда около трехъ часовъ кончилось манежное ученье и другіе офицеры разъѣхались, нашъ батареинный командиръ Николай Павловичъ Эйлеръ почему то-замѣшкался.

Скажу нѣсколько словъ въ скобкахъ объ Эйлерѣ, тѣмъ болѣе, что немного лѣтъ спустя онъ былъ одинъ изъ губернаторовъ-шестидесятниковъ. Онъ не былъ далекій человѣкъ, но образованный для того времени; онъ заботился, чтобы хоть нѣкоторые солдаты въ батареѣ были грамотны и, по возможности, сознательно относились къ своимъ специальнымъ обязанностямъ. Для этого, кромѣ школы (обученіе въ которой было въ описываемое мною время возложено на меня, новичка), въ батареѣ у насъ было устроено нѣчто въ родѣ артиллерійскаго музея и имѣлись разныя пояснительныя специальные модели для солдатъ. Эйлеръ былъ либераль, конечно, не крайній, но искренній.

Онъ вѣровалъ въ благодѣтельность александровскихъ реформъ, можетъ быть, потому, что случайно принадлежалъ къ кружку приближенныхъ великой княгини Елены Павловны, либеральное вліяніе которой на государя всѣмъ извѣстно. Попалъ Николай Павловичъ Эйлеръ въ этотъ кружокъ потому, что его двоюродная сестра была любимой фрейлиной вдовы великаго князя Михаила Павловича. Эйлеръ не уклонялся при случаѣ обмѣняться и со своими офицерами либеральными мыслями и теплыми чувствами по части реформъ молодого государя. Добавимъ къ характеристикѣ его положенія, что на одномъ изъ интимныхъ маскированныхъ вечеровъ Михайловскаго дворца, въ которомъ желалъ принять участіе самый августѣйшій племянникъ хозяйки—императоръ, въ костюмѣ средневѣковаго пилигрима, но не желалъ быть узнаваемъ, полковникъ Эйлеръ былъ избранъ—по своему высокому росту, соотвѣтствовавшему росту царя,—въ пару послѣднему и наряженъ тоже пилигримомъ; нѣкоторые принимали его за государя, а другіе не узнавали царя. И оба были довольны.

Когда мы съ Эйлеромъ послѣ ученья выходили изъ манежа, онъ нѣсколько удивилъ меня. Мнѣ ранѣе казалось, что онъ не раздѣляетъ опасеній значительной части петербуржцевъ. Между тѣмъ теперь полковникъ съ очень конфиденціальнымъ видомъ спросилъ меня: имѣю ли я обыкновеніе держать при себѣ во время дежурства заряженный револьверъ? «И лучше всего системы Кольта», добавилъ онъ. Ни закономъ, ни обычаемъ дежурные офицеры въ обыкновенное время не обязывались вооружаться револьверами. И не вооружались. Кольта у меня и дома не было; но я сказалъ, что пошлю домой, чтобы мнѣ его немедленно купили и прислали, что и исполнилъ.

Затѣмъ Эйлеръ, самъ въ свое время прошедшій обязанности дежурства по бригадѣ, знавшій, что дежурные офицеры проводили ночь въ бригадной комнатѣ, раздваясь, какъ дома, и спали обыкновенно на диванѣ, обращенномъ въ постель,—еще конфиденціальнѣе попросилъ меня «на этотъ разъ» провести ночь не раздваясь, въ полной аммуниціи, съ револьверомъ подъ рукою и «по возможности бодрствовать». Мало того, онъ приказалъ, чтобы всѣ часовые и патрули въ нашихъ казармахъ были удвоены; и чтобы я «непремѣнно нѣсколько разъ» ихъ ночью провѣрялъ.

Полковникъ уѣхалъ, но черезъ часъ приблизительно появился впопыхахъ вновь на казарменномъ дворѣ. Туда пріѣхалъ, тоже какъ будто впопыхахъ, адъютантъ великаго князя Михаила Николаевича (генераль-фельдцейхмейстера) Свистуновъ, съ которымъ я былъ нѣсколько знакомъ. Приказаніе отъ имени его высочества, съ которымъ пріѣхалъ Свистуновъ, было имъ передано въ моемъ присутствіи Эйлеру и заключалось въ слѣдующемъ: немедленно заняться осмотромъ орудій и снарядовъ (картечи и боевыхъ вообще), дабы все было въ полной исправности «на случай, если ночью или утромъ слѣдующаго дня» наша батарея (1-я легкая Его Величества) была бы вызвана по тревогѣ. Затѣмъ приказано было, чтобы всю ночь офицерскія, какъ и солдатскія лошади съ той же цѣлью были осѣдланы, конечно, съ опущенными подругами. Помнится (но я не увѣренъ), приказано также было, чтобы офицерамъ на домъ были разсланы приказанія не отлучаться никуда ночью и приготовить походную форму. Кромѣ того, совершенно по секрету Свистуновъ сообщилъ Эйлеру, приблизительно куда должна будетъ направляться наша батарея въ случаѣ тревоги.

Хотя я былъ дежурнымъ по бригадѣ, но, принадлежа къ 1-й легкой, присутствовалъ при осмотрѣ орудій и снарядовъ только нашей. Осмотромъ руководилъ самъ Эйлеръ. Другихъ офицеровъ не беспокоили, ибо операція оказалась не сложна: у Эйлера, благодаря его служебной добросовѣстности и хорошимъ фейерверкерамъ ¹⁾, за-

¹⁾ Въ артиллеріи фейерверкерами называются унтеръ-офицеры.

вѣдывавшимъ наблюдениемъ за порядками по различнымъ отдѣламъ, все всегда было безукоризненно и въ практическомъ и въ щегольскомъ-гвардейскомъ отношеніи.

Къ осмотру были, разумѣется, вызваны надлежащіе фейерверкеры, отборный смышленный народъ, добросовѣтный въ служебномъ отношеніи. Главнымъ образомъ и потому, что командиръ по своему характеру (а, быть можетъ, и по принципу) обращался съ ними толково, безъ напрасной брани и хотя за плохую ѣзду изрѣдка наказывалъ, но далеко не жестоко, а больше для виду; и при этомъ сердился,—тоже, мнѣ всегда казалось, для виду. Самъ онъ всегда добросовѣстно исполнялъ свои обязанности, какъ бы служилъ примѣромъ.

Что бы то ни было, каковъ попь, таковъ и приходъ. Примѣру командира слѣдовали его подчиненные. Офицеры иногда подсмѣивались надъ его простотой и звали его между собой «Кокò», но очень уважали его. Впослѣдствіи Эйлеръ, будучи произведенъ въ генераль-майоры, былъ назначенъ въ шестидесятыхъ же годахъ кievскимъ губернаторомъ.

Когда орудія, снарядные ящики и ихъ содержимое было освидѣтельствованы, мы внимательно осмотрѣли сбрую, сѣдла и лошадей въ конюшняхъ. Во время осмотра командиръ какъ бы мимоходомъ объяснялъ присутствовавшимъ фейерверкерамъ, да и солдаты могли слышать, что все это дѣлается для того, что его высочество вызоветъ батарею ночью или рано утромъ «по тревогѣ, слѣдовательно, нашей батареѣ надо отличатся». Однако мнѣ казалось, что солдаты плохо вѣрили такому объясненію, тѣмъ болѣе, что и самъ полковникъ какъ-то неувѣренно говорилъ въ свои пушистые усы. А позднѣе вечеромъ и ночью, когда я обходилъ казармы, дворы, конюшни и пр., до меня долетали разговоры солдатъ, не замѣчавшихъ въ темнотѣ моего приближенія въ экстренномъ смотрѣ, о предстоящей тревогѣ въ родѣ фразъ: «Коли по тревогѣ на смотръ, такъ картечь-то зачѣмъ?» «И чего бояться». «Волю царь дастъ». «Чего лучше!» и т. д. Въ солдатскую среду уже проникли, значить, слухи, какъ это ни старалось скрывать начальство, что на завтра будетъ объявлена царская воля.

Ночь прошла совершенно спокойно и на Пескахъ около казармъ, и въ Петербургѣ, и во всей Россіи, какъ это извѣстно. Поутру, около восьми часовъ, я былъ удивленъ, что по улицѣ, мимо казармъ, проходилъ небольшой отрядъ пѣхоты. Вахмистръ нашей батареи, котораго я спросилъ, куда идутъ солдаты, объяснилъ: «Къ церкви, ваше благородіе, на Пески. И у Знаменья тоже солдаты. Говорятъ, царскій манифестъ будутъ въ церкви читать». Вахмистръ (изъ хохловъ) осторожно не добавилъ: «о волѣ», хотя я видѣлъ по его физиономіи, что онъ знаетъ, о чемъ манифестъ.

Смѣнившись съ дежурства, я отослалъ сани, присланныя за мной изъ дому, и сдѣлавъ частью пѣшкомъ, частью на извозчикѣ,

большой крюкъ, чтобы поглядѣть, что творится въ мѣстности, гдѣ кучится рабочее населеніе, мастеровые, извозчики ломовые и легковые и мелкіе разносчики. Обойдя Конную площадь, церковь Знаменья (гдѣ дѣйствительно стоялъ небольшой отрядъ пѣхоты), по Лиговкѣ (которая тогда была зловоннымъ узкимъ каналчикомъ), я добрался до церкви Іоанна Предтечи въ Ямской (тамъ же за оградой тоже ютились, какъ будто прячась, пѣхотинцы). Далѣе, по Развѣзжей, больше извѣстной въ тѣ времена подъ названіемъ Глазова Кабака (да и Развѣзжая была неопрятная, мѣстами пустынная улица, кишашая рабочей бѣднотой и густо изукрашенная многочисленными кабаками, потомками знаменитаго Глазовскаго кабака времянь Екатерины, и иными зазорными увеселительными заведеніями). Этотъ уголокъ Петербурга по простымъ даже воскресеньямъ всегда болѣе или менѣе отличался шумомъ и пьянствомъ. Чего же можно было ожидать въ масленичное? И если бы въ народѣ, ожидавшемъ «волю», готовилось какое-нибудь броженіе, то признаки его непременно пробивались бы и тутъ. Однако никакихъ подозрительныхъ указаній (кромѣ развѣ нѣсколькихъ сверхкомплектныхъ полицейскихъ) не замѣчалось ни на Лиговкѣ, ни около церкви Іоанна Предтечи, ни въ Ямскомъ районѣ. Между тѣмъ въ церквахъ уже былъ прочитанъ манифестъ. Праздничный разгулъ по пословицѣ: «кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьянъ». И больше ничего. Погода была изрядная, для гульбы благопріятная. Во всякомъ случаѣ, я былъ доволенъ, когда выбрался на чистый воздухъ, такъ сказать; около Мясного рынка попалъ на Грязную улицу (нынче Николаевскую). Она и тогда уже не оправдывала своего архаическаго наименованія: была широка, опрятна, хотя еще не сплошь застроена; на нее выходило много садовъ. Признаюсь, хотя я не раздѣлялъ общихъ опасеній, но все-таки вздохнулъ свободнѣе. Вотъ мои личныя наблюденія.

Восторгъ, съ которымъ народъ встрѣчалъ на Дворцовой площади появленіе царя, въ значительной степени поколебалъ боязнь столичныхъ дворянскихъ сферъ, но, къ сожалѣнію, не вполне ее разсѣялъ, какъ извѣстно, что доказываетъ, между прочимъ, анекдотъ съ Обри. Правдивое описаніе того, что происходило въ этотъ день въ Михайловскомъ манежѣ и пр. моего, тогдашняго товарища по службѣ Ник. Ксен. Полевого (напечатанное въ 4-й книгѣ «Историческаго Вѣстника» за 1909 годъ) дополняетъ отрадную сторону картины «великаго дня»¹⁾.

Возвращаюсь къ эскизу портрета князя А. И. Васильчикова.

¹⁾ Очеркъ опасеній и приготовленій въ глухой провинціи былъ напечатанъ мною подъ заглавіемъ «На зарѣ» въ «Отечественныхъ Запискахъ» (ред. М. Е. Салтыкова). Переговоры съ дворовыми дѣда его самого и мои, по его уполномочью, а также настроеніе дворовыхъ описано въ моемъ очеркѣ «Великій день», напечатанномъ въ «Русскомъ Богатствѣ».

VI.

Разговоръ князя А. И. Васильчикова со мной въ первые дни парижской коммуны.—Участіе въ работахъ земства; отстаиваніе законныхъ правъ земства; его рѣчь и анекдотъ изъ исторіи учрежденія корпуса жандармовъ; неудовольствіе двора.—Ссудо-сберегательныя товарищества.

Нужно замѣтить, что, вѣруя въ возможность спокойнаго развитія освободительныхъ реформъ въ Россіи и признавая политическую эволюцію въ Европѣ вообще, Васильчиковъ не отрицалъ возможности опасныхъ осложненій, которыя могутъ быть вызываемы, съ одной стороны, ненужными осаживаніями назадъ самими реформаторами подъ вліяніемъ неосновательныхъ страховъ вліятельныхъ консервативныхъ элементовъ общества, а съ другой—нетерпѣливыми передовиками. Васильчиковъ былъ увѣренъ, что свобода, намѣченная около 1860 года, никакихъ волненій вызвать не можетъ. Но онъ предвидѣлъ—не для одной Россіи, а для Европы вообще—возможность потрясеній, вслѣдствіе событій чрезвычайной важности. Послѣдствія большихъ разорительныхъ войнъ, примѣръ, могутъ подвинуть нетерпѣливые элементы націи и нуждающіеся классы на трагическія опасныя попытки. И опасны такія попытки будутъ прежде всего своей несвоевременностью. «Всякій плодъ непременно созрѣетъ, если его оставить зрѣть въ нормальныхъ условіяхъ; но ѣсть его незрѣлымъ болѣе чѣмъ вредно», говорилъ князь.

Разъ я пріѣхалъ въ Петербургъ на одинъ день по приглашенію директора кредитной канцеляріи министерства финансовъ И. И. Шамшина, для обсужденія съ нимъ проекта, составленнаго нашимъ земствомъ, устава ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Работа съ Шамшинымъ предстояла въ самый день моего пріѣзда. А. И. Васильчиковъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ инициаторовъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ и пропагандистомъ ихъ въ Россіи. Я хотѣлъ предварительно обмѣняться съ нимъ мыслями о нѣкоторыхъ пунктахъ проекта. По зимамъ онъ живалъ въ Петербургѣ, въ своемъ домѣ на Литейной. Я прямо съ Николаевского вокзала проѣхалъ къ нему и засталъ его въ такомъ мрачномъ, угнетенномъ настроеніи, какого никогда у него не замѣчалъ, хотя послѣ кончины жены онъ рѣдко бывалъ особенно веселъ.

Онъ встрѣтилъ меня въ кабинетѣ, просторномъ, очень уютномъ вечеромъ, но днемъ угнетающе мрачномъ отъ черезчуръ гигиеническихъ приспособленій, главное отъ тройныхъ зимнихъ рамъ. Въ рукѣ у него была развернутая газета. Я еще не читалъ въ это утро газетъ и спросилъ: «Что новаго сегодня?»—«Умирать мнѣ пора, Николай Николаевичъ», грустно отозвался князь и передалъ, что было напечатано въ телеграммахъ о вспыхнувшей въ Парижѣ ком-

мунѣ. Онъ былъ глубоко скорбень. Но скорбѣлъ, какъ выяснилось изъ нашего разговора, не о томъ собственно, что стремленіе къ осуществленію крайнихъ прогрессивныхъ идей выразилось въ Парижѣ рѣзче, чѣмъ когда-либо выражалось въ Европѣ, а, главное, чрезмѣрно несвоевременно. Будучи просвѣщеннымъ европейцемъ, слѣдившимъ съ сороковыхъ годовъ за развитіемъ идей о народоуправленіи, онъ полагалъ, что рано или поздно эти идеи будутъ развиваться практически, но, однако, подчиняясь законамъ эволюціи. Въ данномъ же случаѣ онъ не могъ примириться и съ мыслью о самомъ поводѣ вспышки: пятнадцатилѣтнее царствованіе лжи во Франціи, а потомъ «варварское» подавленіе страдавшей отъ этой лжи французской націи сосѣднимъ государствомъ, посетелемъ (за послѣднее столѣтіе по крайней мѣрѣ) и пропагандистомъ идей чистаго разума и человѣколюбія.

А. И. допускалъ, что народъ, столь жестоко бичуемый за вину тѣхъ, кто изолгался, управляя имъ, могъ перейти предѣлы благо-разумія, творить то саморазрушительное дѣло, о которомъ извѣщали телеграммы. Онъ понималъ массовую психологію этого момента. Но Васильчиковъ скорбѣлъ, собственно, признавая такое стремленіе къ не созрѣвшей еще формѣ народнаго правленія болѣе чѣмъ преждевременнымъ (какъ уже частью доказывали факты), опаснымъ цивилизаціи въ своемъ ослѣпленіи. Это движеніе могло разрушить если не самую науку, которая зиждется на идеѣ, но и искусства и во всякомъ случаѣ собранія научныхъ и художественныхъ сокровищъ: библіотеки, музеи и т. д... Парижъ обливался уже петролемъ! Но неминуемо будетъ залитъ кровью своихъ единоплеменниковъ. Эта разрушительная попытка не можетъ дать благотворныхъ практическихъ плодовъ ни въ политическомъ, ни въ культурномъ отношеніи; оне не можетъ не быть подавлена силой, т.-е. будетъ залита человѣческой кровью. Кровопротія часто возникали изъ политической лжи. И отодвинется опять назадъ мирное осуществленіе идейнаго и политическаго прогресса.

Вотъ мысли, мелькавшія въ разговорѣ Васильчикова со мной въ тотъ день.

Александръ Иларіоновичъ не любилъ многоглаголанія; сдержанно выражалъ свои политическіе взгляды. Но если выражалъ, то съ полной независимостью. Бюрократомъ онъ никогда не былъ. Кромѣ военной службы на Кавказѣ въ молодости, онъ служилъ только по выборамъ, разумѣется, дворянскимъ, ибо иныхъ не было. До начала шестидесятыхъ годовъ большую часть своего зрѣлаго возраста провелъ въ должности предводителя дворянства, сначала уѣзднаго, потомъ губернскаго. Конечно, по обычному порядку онъ получалъ ордена, чины, состоялъ въ званіи церемоніймейстера высочайшаго двора и пр. Но ничего этого онъ не искалъ.

При его родовомъ имущественномъ и выборномъ положеніи онъ не могъ не получать почетныхъ повышеній. Онъ былъ искренне чуждъ тщеславія; и безъ сожалѣнія, при первомъ же случаѣ, разстался, какъ мы сейчасъ увидимъ, съ почетнымъ придворнымъ званіемъ, ради возможности, не стѣняясь, высказывать свои воззрѣнія на ретроградный характеръ отношеній центральной бюрократіи (въ концѣ 60-хъ годовъ) къ благимъ (по его убѣжденію) земскимъ мѣропріятіямъ и вообще обновительнымъ преобразованіямъ.

Къ сожалѣнію для дѣла, Васильчиковъ не могъ принимать постояннаго, активнаго участія въ работахъ новгородскаго земства. При введеніи земскихъ учрежденій на нихъ возлагались большія упованія, во всякомъ случаѣ имъ придавалось благое экономическое значеніе и въ близкомъ будущемъ. Новгородское земство, на первомъ же своемъ сѣздѣ, единодушно намѣтило князя А. И. въ предсѣдатели губернской земской управы—званіе, которому тогда придавалось въ нѣкоторыхъ дворянскихъ сферахъ большее значеніе, чѣмъ должности губернскаго предводителя. Да и князь, какъ я знаю, былъ бы не прочь поработать. Однако на сдѣланное ему собраніемъ предложеніе отвѣчалъ отказомъ, мотивируя послѣдній тѣмъ, что онъ самъ находится, по его выраженію: «подъ гнетомъ тяжелаго семейнаго несчастія»; онъ незадолго передъ тѣмъ потерялъ любимую жену. Здоровье его было расшатано, и онъ не надѣялся на свои силы. А въ новомъ общественномъ дѣлѣ, какъ и во всемъ, А. И. былъ щепетильно добросовѣстенъ. Кромѣ того, преданный семьѣ (двѣ дочери и сынъ), обожая единственнаго сына (тогда еще мальчика, князя Бориса Александровича, впослѣдствіи начальника главнаго управленія земледѣлія), Александръ Иларіоновичъ опасался, что семейныя заботы будутъ отнимать у него время. Физически, дѣйствительно, князь А. И. измѣнился почти до неузнаваемости послѣ кончины жены. Прежде веселый, шумливый, бодрый, энергичный, красивый, теперь онъ стоялъ передъ обратившимся къ нему съ просьбой собраніемъ—исхудалый, унылый, съ лицомъ осунувшимся, почти помертвѣлымъ. Уважая скорбь своего избранника, собраніе вынуждено было примириться съ его отказомъ и выбрало предсѣдателемъ Н. А. Качалова. Васильчиковъ остался только уѣзднымъ старорусскимъ и новгородскимъ губернскимъ гласнымъ. При исполненіи временныхъ обязанностей въ этихъ званіяхъ онъ не жалѣлъ своихъ силъ въ теченіе многихъ годовъ. Онъ,—если только здоровье семейныхъ и его собственное позволяло,—неуклонно являлся на земскія собранія, никогда не отказывался отъ постоянно предлагаемаго ему (по крайней мѣрѣ въ первыя трехлѣтія) предсѣдательства въ главной по своему значенію коммисіи, въ которую передавались для предварительнаго разсмо-

трѣнія существеннѣйшіе вопросы, подлежащіе обсужденію собранія. По сложности и количеству работы, по многочисленности личнаго состава комиссіи, по непривычкѣ гласныхъ къ коллективному труду и склонности людей того времени къ ненужнымъ, иногда запальчивымъ спорамъ («мы поспоримъ, поспоримъ, разоидемся и воображаемъ, что дѣло сдѣлали»,—читалъ я въ какомъ-то русскомъ романѣ того времени), по неизбѣжности ночныхъ засѣданій (самыя собранія засѣдали обыкновенно отъ 10 утра до 4 или 5 часовъ вечера, но часто должны были собираться и вечеромъ часа на два, на три), предсѣдательство въ этой комиссіи было довольно изнурительно ¹⁾, особенно для нервнаго слабаго человѣка, какимъ былъ уже въ то время Александръ Иларіоновичъ. Тѣмъ не менѣе онъ прекрасно велъ дѣло. Не многорѣчиво, не настойчиво, а ясно, убѣдительно, отчетливо и безпристрастно умѣлъ направлять и резюмировать пренія: онъ былъ чуждъ ретроградства и односторонности, особенно такой односторонности, которая отзывается партійными интригами. Въ комиссіяхъ, какъ и въ собраніи, онъ оставался вѣренъ принципу: прежде всего двигать впередъ народное просвѣщеніе, содѣйствовать поднятію экономическаго быта рабочихъ слоевъ населенія и легально готовить общество посредствомъ земской работы къ государственному самоуправленію т.-е. къ конституціи.

Васильчиковъ ревниво отстаивалъ права земскихъ учрежденій, хотя бы въ той формѣ, въ какой они формулировались закономъ, каждый разъ, когда эти права, по соображеніямъ петербургскихъ министровъ, практически суживались. Когда же нельзя было ихъ суживать, явно не нарушая закона, то министерства держали подъ сукномъ неотложныя ходатайства собраній и управъ до тѣхъ поръ, покуда самое удовлетвореніе ихъ ни къ чему уже не могло вести. Вредность такого обращенія съ земскимъ закономъ стала особенно выясняться, и такая система начала черезчуръ обостряться, когда правительство сочло нужнымъ въ ущербъ остальнымъ подлежащимъ обложенію имуществамъ облегчить обложеніе земскими сборами торговыхъ и промышленныхъ заведеній и предпріятій; когда при помощи натянутыхъ объясненій закона бюрократія ограничила дарованныя земству права по обложенію недвижимыхъ имуществъ вообще.

Почти во всѣхъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ (по крайней мѣрѣ сѣверной и средней полосы Россіи) эта мѣра возбудила тревожныя обсуждения и породила расколъ. Проявились, конечно, гласные не только изъ торговаго сословія, но и изъ богатыхъ дво-

¹⁾ Я это знаю по опыту, ибо неоднократно, за отсутствіемъ или отказомъ князя Васильчикова, меня удостоивали избирать въ предсѣдатели этой комиссіи. Я былъ болѣе чѣмъ на двадцать лѣтъ его моложе, и все-таки утомлялся изрядно.

рянъ, признававшіе полезность такого ограниченія, однако почти вездѣ (на сѣверѣ и въ средней Россіи) таковыя оказывались въ меньшинствѣ. Одна партія считала мѣру эту противорѣчащей закону и несправедливой въ принципѣ съ экономической стороны. Доводы ея сводились такъ: если ограничивается обложеніе имуществъ одной категоріи податныхъ источниковъ, а общіе расходы по выполненію земствомъ своихъ обязанностей по самой цѣли своей (народное образованіе, врачеваніе, продовольствіе, улучшение извѣстнаго разряда путей сообщенія и т. д.) урѣзаны быть не могутъ, то придется необходимо обременять два другія сословія: 1) крестьянское, — безспорно, бѣднѣйшее, и 2) дворянское, которое еще недавно понесло жертвы при освобожденіи крестьянъ. Таковыя доводы исходили изъ партіи большинства. Эта партія въ ограниченіи правъ обложенія видѣла прецедентъ дальнѣйшихъ ограниченій сферы земской дѣятельности и ослабленіе упованій общества на возникновеніе изъ земства государственнаго самоуправленія. Мы не вдаемся въ критику этихъ воззрѣній, а только отмѣчаемъ ихъ значеніе.

Партіи противоположныхъ взглядовъ, во многихъ губерніяхъ представлявшія меньшинство, состояли естественно и преимущественно изъ лицъ, отрицавшихъ надобность въ государственномъ самоуправленіи, заинтересованныхъ успѣхами промышленнаго торговаго капитализма. Въ ряды ихъ уже начинали вступать нѣкоторые крупные (и средней руки) землевладѣльцы-дворяне, пытавшіеся «вознаградить себя» сугубо предпріятіями промышленнаго и торговаго характера за хозяйственно-земледѣльческія потери, вызванныя уничтоженіемъ крѣпостнаго права. Дворяне, сближавшіеся съ этой партіей, по своимъ убѣжденіямъ, не сочувствовали вообще освободительнымъ реформамъ; они не безъ удовольствія готовы были бы содѣйствовать не только ограниченію, но даже смаркѣ земскихъ учреждений, судебной реформы и проч.

Васильчиковъ, участвуя въ работахъ земскихъ собраній, какъ мы уже замѣтили, не упускалъ случая отстаивать закономъ данныя земству права и достоинство этихъ мѣстныхъ, но все-таки представительныхъ учреждений. Когда во второй половинѣ шестидесятихъ годовъ очередное губернское собраніе изъ доклада предсѣдателя управы Н. А. Качалова усмотрѣло, что за цѣлый годъ огромное большинство земскихъ ходатайствъ по существеннымъ вопросамъ (въ томъ числѣ податному, по народному образованію, продовольствію), представленнымъ въ министерства, оставались безъ отвѣта и безъ движенія, не взирая на всѣ личныя хлопоты и другія мѣры, принятія исполнительными органами земства (губернской управой), тогда князь Александръ Иларіоновичъ

спокойно и увѣренно произнесъ рѣчь, смыслъ которой заключался въ слѣдующемъ:

При такомъ невниманіи министерствъ къ существеннымъ, закономъ установленнымъ, отраслямъ дѣятельности земства, послѣднее не только не можетъ приносить пользы, но даже не имѣетъ возможности отправлять свои заурядныя обязанности. Слѣдовательно, оно является учрежденіемъ бесполезнымъ. Изъ этого само собой вытекаетъ, что лучше земству самоупраздниться. (Ораторъ намекалъ на распущеніе по инициативѣ министра внутреннихъ дѣлъ нѣсколькими годами ранѣе перваго петербургскаго собранія и упраздненіе тогда правительствомъ петербургскаго земства). Игнорированіе земской дѣятельности министрами въ данную минуту наводитъ на мысль о желаніи министерства *de facto* упразднить земскую дѣятельность вообще или свести ее безъ малаго на нуль, дискредитировать это молодое учрежденіе. Такъ ужъ не лучше ли, если мы, лишенные возможности выполнять наши гражданскія обязанности, сами разѣдемся. Уже и то земство многіе обвиняютъ въ тунеядствѣ и говорятъ, что оно събѣзжается только для избранія «своихъ» въ новыя должности и назначенія «своимъ» же жалованья за ничегонеделаніе.

Рѣчь эта произвела во всей Россіи большую сенсацію. Въ столичныхъ министерскихъ сферахъ, отчасти и при дворѣ противъ князя Васильчикова вознегодовали тѣмъ болѣе, что знали, какъ онъ популяренъ во многихъ другихъ губерніяхъ—Московской, Тверской, Пензенской и другихъ. Князь же Александръ Иларіоновичъ около того времени подлил масла въ огонь еще другой своей рѣчью, точнѣе анекдотомъ, рассказаннымъ въ земскомъ собраніи въ видѣ исторической справки.

Надо объяснить, что обязанности комиссіи, такъ называемой ревизіонной ¹⁾, избираемой во время очередныхъ собраній, заключались въ провѣркѣ израсходованныхъ губернской управою суммъ, а также разсмотрѣніи проекта смѣты на будущій годъ. Въ комиссію же, довольно многочисленную, избирались преимущественно члены оппозиціоннаго меньшинства. Этому содѣйствовало само большинство. И вотъ по какой тактикѣ. Большинство собранія состояло обыкновенно въ то время изъ лицъ, старавшихся, какъ Васильчиковъ, не только отстаивать дарованныя земскимъ учрежденіямъ права, но возможно широко ими пользоваться. Меньшинство же, явно не отрицая въ принципѣ такой системы, втайнѣ не сочувствовало ея либеральной окраскѣ и при всякомъ удобномъ случаѣ ворчливо доказывало «преждевременность» широкихъ задачъ (особенно въ сферѣ народнаго образованія и пуще всего по вопросу

¹⁾ Она набиралась губернскимъ собраніемъ ежегодно во и на время очередныхъ декабрьскихъ засѣданій.

объ земской школь для образованія изъ молодыхъ крестьянъ сельскихъ учителей). Говорили, что это не земское, а государственное дѣло, мотивируя свой взглядъ слабостью податныхъ силъ губерніи. Это была натяжка, исходившая изъ боязни расширения области мѣстнаго самоуправленія по направленію къ конституціи. Во главѣ этой партіи (въ первые годы, впрочемъ, маскируясь «либерализмомъ») между прочихъ работалъ Ал. Ал. Татищевъ ¹⁾ (впослѣдствіи членъ государственнаго совѣта). Словомъ, эти партіи въ земскихъ собраніяхъ, какъ и въ обществѣ, подготавливали систематически путь къ парализованію реформъ Александра II. Во главѣ другой партіи, такъ сказать, «либеральной» партіи широкихъ задачъ, стоялъ тогдашній предсѣдатель губернской земской управы Ник. Ал. Качаловъ; всѣ члены управы и многіе гласные были искренними сторонниками обновительныхъ реформъ. Въ составъ ея входили и такія зрѣлыя, солидныя годами и опытомъ лица, какъ князь Васильчиковъ, сенаторъ князь М. Н. Шаховской, свѣтлѣйшій князь А. А. Суворовъ, Н. А. Струговщиковъ и пр. Для того, чтобы дать оппозиціи полную возможность разрабатывать свои аргументы, партія большинства предоставляла и содѣйствовала ей выбирать изъ ея же среды почти всѣхъ членовъ ревизіонной комиссіи. Результаты выходили обыкновенно такіе: ревизія обнаруживала отчетность въ полномъ порядкѣ и затруднялась выдумать, къ чему бы придраться.

Нужно имѣть въ виду, что земства и ихъ исполнительные органы, управы, всѣхъ губерній, за дѣятельностью которыхъ пишущій эти строки имѣлъ возможность слѣдить, были, за самыми ничтожными исключеніями, чужды всякихъ подозрѣній въ 60-хъ годахъ. (При этомъ я считаю не лишнимъ замѣтить, что описаніе земской среды, сдѣланное покойнымъ моимъ другомъ, беллетристомъ К. М. Станюковичемъ въ его романахъ: «Безъ исхода», «Два брата» ²⁾ и пр., сильно отзывается незнакомствомъ автора съ земской средой, даже съ техникой ея. Между тѣмъ эти романы, весьма достойные во многихъ отношеніяхъ популярности, которой пользовались, могутъ вводить въ заблужденіе тѣхъ, кто въ нихъ ищетъ правды о началѣ періода реформъ. Въ сущности такія произведенія играли въ руку ретроградямъ, ибо авторы перечуривали свои либеральныя «разоблаченія»).

Порядокъ и добросовѣстность исполнительныхъ органовъ земства, о которыхъ ревизіонная комиссія *volens-nolens* свидѣтельствовала собранію, не препятствовали, однако, ей выставять въ докладѣ на видъ, по мнѣнію ея, пятна, изобличающія якобы расто-

¹⁾ См. главу VIII.

²⁾ Насколько мнѣ извѣстно, въ этихъ двухъ романахъ описывается одна изъ среднихъ губерній—Вл—ая.

чительность управъ въ общественномъ дѣлѣ. Напримѣръ, во время холеры въ отчетѣ о расходахъ по больницѣ, содержавшейся на губернский счетъ въ одномъ изъ уѣздовъ (кажется, Боровичскомъ), оказалась покупка 10 или 12 бутылокъ сельтерской воды, хотя по предписанію врачей, но едва ли нужныхъ (по мнѣнію ревизующихъ) для больныхъ, которые всѣ принадлежали къ крестьянскому или мѣщанскому сословію. Или еще: губернская управа внесла въ бюджетъ земской учительской школы расходъ на покупку носовыхъ платковъ для учениковъ. «А они всѣ мужицкія дѣти; на что же имъ носовые платки?» наивно спрашивала оппозиція въ лицѣ ревизионной комисіи. Конечно, собраніе утверждало сельтерскую воду и право будущихъ народныхъ наставниковъ сморкаться въ платки. Но экономная оппозиція изъ года въ годъ настаивала на томъ, что управа роскошествуетъ (не на себя, конечно, а на дѣло): составляетъ обременительные бюджеты, слѣдовательно, излишне утруждаетъ собраніе разсмотрѣніемъ ихъ.

Наконецъ (не помню, въ которую земскую сессию, во всякомъ случаѣ въ періодъ предсѣдательства Н. А. Качалова) оппозиція предложила собранію учредить постоянную ревизионную комисію и назначить ея членамъ жалованье. «Что эта комисія будетъ въ теченіе цѣлаго года, между очередными собраніями, дѣлать?» спрашивали вожаки большинства. Имъ отвѣчали: «Наблюдать, чтобы управа вообще правильно и возможно экономно выполняла порученія и постановленія очередного собранія». Послѣ непродолжительныхъ дебатовъ попросилъ слова Васильчиковъ. На его умномъ лицѣ стояла ироническая улыбка. Онъ разказалъ намъ, въ засѣданіи же, анекдотъ изъ исторіи закона объ учрежденіи въ Россіи жандармскаго управленія.

Въ короткихъ словахъ вотъ въ чемъ анекдотъ заключался.

Отецъ князя Александра Иларіоновича былъ въ давніе годы не только членомъ, но одно время и предсѣдателемъ государственнаго совѣта. Сынъ зналъ отъ него, что во время разсмотрѣнія проекта, внесеннаго въ государственный совѣтъ, закона объ учрежденіи системы жандармскаго надзора въ имперіи нѣкоторые члены государственнаго совѣта старались выяснить, что собственно этотъ новый органъ государственной власти будетъ дѣлать. Изъ разъясненій тѣхъ, кто поддерживалъ проектъ, выяснилось, что, напримѣръ, жандармскіе полковники въ каждой губерніи будутъ слѣдить за законностью и правильностью дѣйствій губернаторовъ. «Такъ отчего же не назначать прямо губернаторами лицъ, которыхъ прочать въ ихъ надсмотрщики?» спросилъ кто-то изъ членовъ.

Этотъ анекдотъ, какъ и приведенная ранѣе его рѣчь были произнесены Васильчиковымъ въ повгородскомъ губернскомъ земскомъ собраніи около того времени, когда графъ Петръ Андреевичъ Шуваловъ уже стоялъ во главѣ жандармскаго управленія и когда

его вліяніе въ высшихъ сферахъ становилось почти неограниченнымъ. Понятно, что на Васильчикова въ столичныхъ верхахъ сильно вознегодовали! Однако его личное положеніе, популярность въ значительной части Россіи и независимость его нрава были таковы, что въ данномъ случаѣ даже тѣнь репрессивныхъ мѣръ могла бы оказаться неудобной. Ограничились удаленіемъ князя отъ двора и этому придали весьма деликатную форму. А именно. Въ одинъ изъ пріѣздовъ своихъ въ Петербургъ князь А. И. видѣлся съ оберъ-церемоніймейстеромъ высочайшаго двора, который въ разговорѣ, какъ бы мелькомъ, сообщилъ А. И., что «государь недоволенъ абсентеизмомъ большинства церемоніймейстеровъ: многіе проживаютъ внѣ Петербурга, слишкомъ рѣдко участвуютъ въ придворныхъ церемоніяхъ». Князь Васильчиковъ былъ уже давно церемоніймейстеромъ; онъ теперь проводилъ значительную часть года въ своей усадьбѣ; зналъ, что имъ недобольны сильные міра сего; какъ умный человѣкъ, понялъ намекъ и подалъ въ отставку.

Послѣ этого Васильчиковъ столь же усердно, какъ и прежде, если еще не усерднѣе прежняго, продолжалъ заниматься не только практической стороной земской дѣятельности, но вообще вопросами о мѣстномъ самоуправленіи, какъ подготовкѣ къ самоуправленію государственному. Онъ посвятилъ себя заботамъ о подрастающей семьѣ и хозяйству. А все свободное время отдавалъ почти исключительно интересовавшему его предмету. Жизнь онъ велъ весьма регулярную. Это обусловливалось и слабостью его собственнаго здоровья. Вставалъ очень рано, утро посвящалъ работѣ. Онъ избѣгалъ не во время безпокоить прислугу; его спальня и въ городѣ и въ усадьбѣ помѣщалась рядомъ съ кабинетомъ; а въ кабинетѣ съ вечера ставилась спиртовая лампочка, маленькій кофейникъ, сливочникъ и пр. Какъ только вставалъ, онъ самъ приготавливалъ себѣ кофе и затѣмъ работалъ въ тишинѣ и одиночествѣ нѣсколько часовъ. Такъ зрѣли его работы, потомъ появившіяся въ печати. Мы не имѣемъ въ виду ихъ анализировать. На полувѣковомъ разстояніи, конечно, въ нихъ можно отыскать и ошибки и недочеты. Но въ свое время онѣ принесли немалую долю пользы, хотя бы тѣмъ, что заставляли пошевелить мозгами лицъ, отвыкшихъ серьезно мыслить. Во всякомъ случаѣ мы можемъ засвидѣтельствовать, что князь съ безупречной добросовѣстностью относился къ своему труду и очень строго къ самому себѣ. Читалъ много, свѣрялъ все, тщательно отдѣлывалъ написанное, совѣтовался съ тѣми знакомыми, мнѣнію которыхъ придавалъ цѣну: или самъ читалъ имъ отрывки, или пересылалъ рукопись по частямъ на прочтеніе. Значительная часть рукописей «О самоуправленіи» была и мнѣ сообщена покойнымъ княземъ задолго до напечатанія, и конспекты нѣкоторыхъ главъ бывали обсуждаемы изуѣстно у меня. Александръ Иларіоновичъ былъ настоящимъ искателемъ истины въ данныхъ вопросахъ.

Онъ такъ же поступалъ и по вопросамъ, доступнымъ непосредственному практическому разрѣшенію. Напримѣръ, онъ былъ, какъ сказано уже выше, инициаторомъ распространенія идеи сельскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ въ Россіи, развитіе которыхъ на практикѣ въ первое время оказывалось весьма плодотворнымъ. На это дѣло онъ обратилъ вниманіе не потому, что оно, благодаря Лассалю, Шульце-Деличу и тогдашнему настроенію европейскаго, отчасти и русскаго, общества было, такъ сказать, моднымъ. А потому, что оно соотвѣтствовало, по его глубокому убѣжденію, идеѣ мирнаго развитія экономическаго прогресса—народнаго и государственнаго.

Высказывалъ онъ, между прочимъ, такія мнѣнія: «Народное образованіе и экономическое довольство рабочей массы населенія суть лучшіе залоговѣ мирнаго непрерывнаго прогресса». «Начальное, а частію и среднее техническое образованіе должно лежать на обязанности земства. Высшее же—на обязанности государства». «Тоже и матеріальное воздѣйствіе, оказываемое земледѣльческому классу¹⁾, мелкій кредитъ на улучшеніе хозяйства и т. п. Объ этомъ прежде всего должны заботиться мѣстныя земства». Въ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ (болѣе или менѣе шульце-делическаго типа) А. И. видѣлъ лучшую форму кредитныхъ учрежденій, доступныхъ земледѣльцамъ, уже и потому, что въ основаніи ихъ лежали принципы самоуправленія и выборнаго начала. Онъ усматривалъ въ товариществахъ общественную воспитательную пользу для народа даже.

Идея ссудо-сберегательныхъ товариществъ, примѣненіе ихъ къ русской почвѣ, средства пропаганды и пр. были обсуждаемы на разныхъ публичныхъ и клубныхъ засѣданіяхъ и въ столицахъ, и въ провинціи. Довольно извѣстный въ то время экономистъ Яковлевъ и Ев. Вал. де-Роберти²⁾ и другіе въ Петербургѣ являлись успѣшными по этому дѣлу ораторами-пропагандистами. Ихъ рѣчи содѣйствовали практическому воспріятію многими земствами новой мысли. Въ Новгородской губерніи сберегательныя товарищества развивались вообще быстро; быстрѣе и плодотворнѣе всего въ Череповскомъ уѣздѣ (на Шекснѣ), гдѣ предсѣдателемъ земской управы былъ неутомимый, дѣятельный, вдумчиво-практичный А. Н. Поповъ, тоже бывшій членъ государственной думы перваго созыва. Моя статья въ 1872 году (я тогда былъ предсѣдателемъ новгородской губернской земской управы), представлявшая фактическое изложеніе хорошихъ практическихъ результатовъ быстрого развитія этихъ учрежденій въ нашей губерніи, была принята съ такимъ восторгомъ

¹⁾ Собственно фабричныя рабочіе представляли тогда очень мало вѣскую величину.

²⁾ Членъ государственной думы перваго созыва.

В. О. Коршемъ (редакторомъ, тогда либеральныхъ, «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»), что онъ, презрѣвъ журнальную рутину, напечаталъ ее два дня сряду на первой страницѣ газеты вмѣсто пере-
довицы.

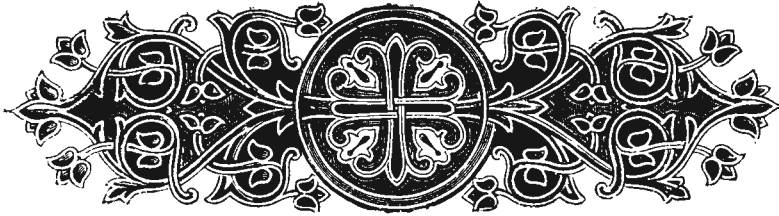
Словомъ, дѣятелей по насажденію и культурѣ ссудо-сберегательныхъ товариществъ было немало. Но тщательная разработка и основного и второстепенныхъ вопросовъ шла не разъ въ кабинетѣ Александра Иларіоновича, куда собирались во время его приѣздовъ въ столицу главные двигатели этого дѣла: Яковлевъ, Колюпановъ, Лугининъ, Дашковы, А. Г. Небольсинъ и другіе.

Ссудо-сберегательныя товарищества, къ сожалѣнію, не оправдали впослѣдствіи возлагавшихся на нихъ въ 60-хъ годахъ ожиданій. Здѣсь неумѣстно вдаваться въ анализъ причинъ неуспѣха: особенно неблагоприятно на нихъ дѣйствовали факторы, развитіе которыхъ не принадлежитъ уже эпохѣ шестидесятыхъ годовъ. Близость усиленія этихъ факторовъ князь Васильчиковъ не могъ предвидѣть: онъ не былъ мечтателемъ-идеалистомъ, но онъ вѣровалъ въ логику прогресса и въ человѣка.

Н. Н. Фирсовъ (Л. Рускинъ).

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАБЫТЫЙ ПОЭТЪ-САТИРИКЪ.

ВЪТЪ двадцать тому назадъ на московскихъ бульварахъ въ ясные теплые дни можно было часто встрѣтить высокаго, грузнаго старика съ небольшими сѣдыми усами и эспаньолкой. Усѣвшись на скамеечкѣ, онъ грѣлъ на солнцѣ свои старыя кости, добродушно посматривая въ старомодный лорнетъ на проходящую публику.

Изрѣдка его можно было застать за гостепріимнымъ столикомъ знаменитаго московскаго трактирщика Тѣстова, въ «Эрмитажѣ» и въ другихъ ресторанахъ, которыми такъ обильна умѣющая и любящая покушать Москва.

Наконецъ разъ въ годъ толстякъ съ лорнетомъ обязательно появлялся на музыкально-литературномъ вечерѣ гдѣ-нибудь въ залѣ консерваторіи или московскаго дворянскаго собранія и подъ громъ аплодисментовъ читалъ собственные злободневные куплеты, всегда свѣжіе и остроумные.

То былъ Петръ Васильевичъ Шумахеръ, хорошо извѣстный Москвѣ оригиналь и поэтъ-сатирикъ, ставшій своего рода достопримѣчательностью первопрестольной. Девятнадцать лѣтъ, которыя отдѣляютъ насъ отъ его смерти, успѣли уже сгладить въ большой публикѣ память объ этой замѣчательной личности, и это забвеніе совершилось тѣмъ быстрѣе, что литературное наслѣдство послѣ него осталось весьма скудное: его стихи вышли въ Москвѣ въ 1902 г. въ видѣ небольшой книжки въ 162 страницы. Правда, есть еще два изданія его стихотвореній, въ свое время не пропущенныхъ цензурою и потому напечатанныхъ въ Берлинѣ, но ихъ можно найти лишь у записныхъ библіофиловъ, а у немногихъ уцѣлѣвшихъ еще друзей

его хранится немало его писемъ и не изданныхъ нигдѣ произведеній, которыя только теперь начинаютъ проникать въ печать. Починъ въ этомъ случаѣ положилъ извѣстный основатель археологическаго музея въ Москвѣ П. И. Щукинъ, съ которымъ Шумахеръ до самой смерти своей былъ въ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ. Добрая треть 7-го выпуска «Щукинскаго Сборника» занята письмами Петра Васильевича къ самому Щукину и къ ихъ общимъ друзьямъ и знакомымъ. Здѣсь же впервые напечатаны кое-какія не изданныя еще его стихотворенія и эпиграммы. Немало бумагъ Шумахера поступило къ извѣстному московскому книгоиздателю, нынѣ покойному, Солдатенкову, немало ихъ хранится у супруги бывшего въ 80-хъ годахъ московскимъ губернаторомъ В. С. Перфильева, П. О. Перфильевой, и еще больше у графа С. Д. Шереметева, съ которымъ судьба столкнула Шумахера подъ самый конецъ жизни. Къ сожалѣнію, хранящіяся у этихъ лицъ бумаги Шумахера ждутъ еще своей очереди, и остается только пожелать, чтобы эти остроумныя вещи поскорѣе стали доступны читателю, истерзанному и замученному современными потугами на глубокомысліе и остроуміе.

О личности самого Петра Васильевича въ литературѣ почти нѣтъ никакихъ свѣдѣній, если не считать кое-какихъ газетныхъ замѣтокъ и отрывистыхъ извѣстій, попадающихся иногда въ журнальныхъ воспоминаніяхъ и статьяхъ, касающихся главнымъ образомъ Сибири. Они перечислены въ 11 выпускѣ труда Д. Д. Языкова «Обзоръ жизни русскихъ писателей и писательницъ», помѣщенномъ въ недавно вышедшемъ 86 томѣ «Сборника отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ». Этотъ немногочисленный матеріалъ мы имѣемъ возможность пополнить нѣкоторыми личными воспоминаніями и разсказами о немъ знавшихъ его или сталкивавшихся съ нимъ лицъ. Все это, конечно, свѣдѣнія, далеко не исчерпывающія богатой превратностями судьбы Шумахера. Въ его біографіи остаются для насъ огромные пробѣлы, не дающіе возможности сдѣлать полную характеристику Шумахера, какъ оригинала. Поэтому мы, отнюдь не задаваясь подобною цѣлью, ограничимся въ нашей статьѣ лишь бѣглымъ ознакомленіемъ читателя съ этимъ забытымъ талантомъ.

Петръ Васильевичъ происходилъ изъ нѣмецко-польской семьи. О его прадѣдѣ извѣстно, что онъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ держалъ въ Москвѣ аптеку. Его отецъ служилъ въ военной службѣ, былъ адъютантомъ графа Канкринъ, съ которымъ совершилъ походъ въ Парижъ. На возвратномъ пути въ Россію онъ женился на полькѣ Хлобысевичъ, и отъ этого брака имѣлъ троихъ сыновей. Петръ Васильевичъ родился въ 1817 году въ Нарвѣ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ городѣ Оршѣ, который въ то время кишѣлъ іезуитами, въ одномъ изъ основанныхъ

ими конвиктѣ. Обращеніе отцовъ іезуитовъ съ воспитанниками отличалось суровостью, и тѣлесныя наказанія, *argumenta baculina*, считались однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ педагогическихъ средствъ. Вспоминая въ 1878 году свои раннія «впечатлѣнія бытія», Шумахеръ писалъ:

И только голыя березы
Напоминаютъ мнѣ тѣ лозы,
Что вызывали вопль и слезы
Лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ.

Нужно, однако, сказать, что свѣдѣній отцы іезуиты дали своему питомцу массу: Шумахеръ, кромѣ математики и древнихъ языковъ, отлично зналъ физику, химию и свободно владѣлъ нѣмецкимъ, англійскимъ, французскимъ и итальянскимъ языками. Послѣдними двумя онъ овладѣлъ впоследствии во время своихъ продолжительныхъ странствованій по Франціи и Италіи.

Изъ Орши семья Шумахеровъ переехала въ Петербургъ. Братья Петра Васильевича были отданы одинъ въ кадетскій корпусъ, другой въ дворянскій полкъ. Будущему поэту была уготована другая участь. По настоянію его крестнаго отца, графа Канкринъ, его отдали въ коммерческое училище. Въ 30-хъ годахъ графъ Канкринъ опредѣлилъ его на службу въ военное министерство. Уже въ эту пору Шумахеръ сталъ интересоваться литературой и живо помнилъ грозу, разразившуюся надъ однимъ изъ его сослуживцевъ, небезызвѣстнымъ поэтомъ пушкинской эпохи М. Д. Деларю. Послѣдній перевелъ изъ Гюго стихотвореніе: «*Enfant, si j'étais roi*», которое начиналось такъ:

Когда бъ я былъ царемъ всему земному міру,
Красавица, тогда бъ повергъ я предъ тобою
Все, все, что власть даетъ народному кумиру:
Державу, скипетръ, тронъ, корону и порфиру
За взглядъ, за взглядъ единый твой!

Уже самое начало не предвѣщало переводчику ничего хорошаго въ тѣ мрачныя времена, и нужна была большая опрометчивость, чтобы напечатать и конецъ стихотворенія:

И если бъ Богомъ былъ—селеньями святыми
Клянусь, я отдалъ бы прохладу райскихъ струй
И сонмы ангеловъ съ ихъ пѣснями живыми,
Гармонію міровъ и власть мою надъ ними
За твой единый поцѣлуй!

«Помню,—пишетъ Шумахеръ:—что митрополитъ (Серафимъ) жаловался военному министру Чернышеву. Николай Павловичъ тоже былъ недоволенъ, и Деларю долженъ былъ выйти въ отставку».

Шумахеръ самъ, повидимому, недолго оставался въ военномъ министерствѣ и перешелъ на службу поближе къ графу Канкрину, въ министерство финансовъ. Къ сожалѣнію, намъ не удалось добыть свѣдѣнія объ этомъ раннемъ петербургскомъ періодѣ жизни Шумахера, и мы встрѣчаемся съ нимъ уже въ концѣ сороковыхъ годовъ въ Сибири, гдѣ онъ управлялъ золотыми пріисками крупнѣйшихъ тогдашнихъ золотопромышленниковъ Базилевскихъ и Рюминыхъ. Жилъ онъ въ Сибири по-царски, получалъ огромное по тому времени содержаніе, тысячъ въ тридцать, которыхъ, однако, не хватало для его широкихъ замашекъ. Слава о немъ гремѣла по всей Сибири, и когда ревизовавшій край сенаторъ Синельниковъ прибылъ въ Иркутскъ, его сейчасъ же окружилъ цѣлый цыкъ сказаній о пиршествахъ Шумахера.

«Горожане нерѣдко любовались, какъ въ халатѣ, съ разстегнутымъ воротомъ, поэтъ помѣщался въ корзинѣ, подвѣшенной къ окну,—сообщаетъ въ своихъ «Запискахъ о прошломъ» П. П. Суворовъ, служившій въ то время при Синельниковѣ ¹⁾.—Шумахеръ, рассказываемый женскими ручками, не обращалъ вниманія на уличныхъ зѣвакъ, смотрѣвшихъ на необычайное зрѣлище. Разъ въ недѣлю онъ совершалъ шумныя поѣздки въ баню. Какъ Вакхъ, онъ возлежалъ въ глубинѣ колесницы; кругомъ помѣщались нимфы и обмахивали его вмѣсто лавровыхъ вѣтвей березовыми вѣниками. Пѣсни неслись съ экипажа и поучительно говорили прохожимъ какъ можно беззаботно проводить время вдали отъ цивилизованнаго міра»

Въ Сибири Петръ Васильевичъ женился на вдовѣ каинскаго купца А. П. Пренъ, женщинѣ весьма образованной, съ тонкимъ пониманіемъ остроумія и изящества. Александра Петровна приходилась родной внучкой извѣстному въ 50-хъ годахъ нижегородскому богачу, купцу Шушляеву, домъ котораго на Нижнемъ Базарѣ считался въ тѣ времена украшеніемъ Нижняго Новгорода. Молодымъ пришлось странствовать съ пріиска на пріискъ, при чемъ Петръ Васильевичъ, къ удивленію своей супруги, спалъ, несмотря на трескучіе морозы, не иначе, какъ въ кибиткѣ, увѣряя, что въ комнатахъ онъ задыхается отъ жары. Впрочемъ, если судьба заносила его въ какую-нибудь душную, угарную избу, Шумахеръ и здѣсь устраивался прекрасно и, благодаря своему богатырскому здоровью, засыпалъ сномъ праведника.

Въ началѣ 50-хъ годовъ Шумахеръ съ женою переселился въ Петербургъ и жилъ, нисколько не сокращая масштаба, взятаго имъ еще въ Сибири. Стихотвореніе «Былое» лучше всего рисуетъ этотъ сибирскій розмахъ.

¹⁾ «Рус. Обзор.», 1901 г., кн. 1.

Бывало, въ дружеской попойкѣ
 Пропустишь водки цѣлый штофъ
 И, дернувъ за городъ на тройкѣ,
 Глогаешь поила всѣхъ сортовъ.
 Бывало, въ бѣшеную пору
 Увидѣть юбку—и бѣда!
 Влюблялся въ женщинъ безъ разбору:
 Былъ ихъ поклонникомъ всегда.

Петръ Васильевичъ въ эту пору былъ не только поклонникомъ женщинъ, но и поклонникомъ театра и принималъ самое дѣятельное участіе въ петербургскомъ «артистическомъ кружкѣ», помѣщавшемся въ то время у Пяти угловъ и самъ выступалъ на сценѣ. Привѣтствуя въ 1875 г. В. В. Самойлова по случаю сорокалѣтняго юбилея его артистической дѣятельности, Шумахеръ воспоминаетъ:

Простой любитель русской сцены,
 Тому лѣтъ сорокъ въ первый разъ
 Я въ ожерельѣ Мельпомены
 Увидѣлъ рѣдкостный алмазь.
 Прошли съ годами перемѣны,
 Я сталъ безногій дилетантъ;
 А въ ожерельѣ Мельпомены
 Играетъ тотъ же брилліантъ.

Знакомство у него было огромное, и въ литературно-артистическомъ мірѣ онъ былъ свой человѣкъ; читая извѣстныя воспоминанія Панаева, Шумахеръ въ 1888 году писалъ: «Вся жизнь литературы 30-хъ и 40-хъ годовъ была на моихъ глазахъ. Многія личности очерчены мастерски и по достоинству».

Изъ Петербурга Шумахеръ съ женою предприняли путешествіе за границу, гдѣ Петръ Васильевичъ приводилъ культурныхъ иностранцевъ въ полное недоумѣніе совмѣщеніемъ въ себѣ того, что, казалось бы, должно исключать одно другое. Тонкій гастрономъ, великій знатокъ всякихъ марокъ шампанскаго, онъ не могъ обходиться безъ квасу, кислой капусты и чернаго хлѣба. Они были нужны ему не только для контраста изысканной ресторанной кухнѣ, но и какъ медикаменты. Во время пребыванія въ Берлинѣ Шумахеръ жестоко заболѣлъ и слегъ въ постель. Приглашенный докторъ со всякаго рода предосторожностями объявилъ, что положеніе больного довольно опасно, и прописалъ какую-то микстуру. Шумахеръ микстуру эту выкинулъ за окно и потребовалъ, чтобы ему, во что бы то ни стало, принесли кислой капусты. Исполнить это требованіе было не такъ-то легко: бросались по всѣмъ гостиницамъ и ресторанамъ, но капусты не находилось нигдѣ. Наконецъ кому-то пришла въ голову мысль обратиться за помощію къ настоятелю русской церкви въ Берлинѣ. Тамъ капуста, дѣйствительно, нашлась, и Шумахеръ, истребивъ полную тарелку, на другой день чувствовалъ себя значительно

лучше, а вскорѣ и совсѣмъ выздоровѣлъ, къ величайшему изумленію доктора.

Въ другой разъ въ Сибири онъ простудился и схватилъ сильную горловую жабу. Докторъ приговорилъ уже его къ смерти, но Шумахеръ потребовалъ чернаго хлѣба, съ аппетитомъ съѣлъ цѣлую краюху и сталъ поправляться.

Уже будучи больнымъ, «мятымъ», какъ онъ говорилъ, Петръ Васильевичъ неизмѣнно продолжалъ придерживаться правила «предать свое грѣшное тѣло натурѣ, прислушиваясь къ ея голосу и потребамъ». А «потребы» эти были таковы, что отъ нихъ пришелъ бы въ ужасъ самый снисходительный докторъ.

Представляя собою къ концу жизни цѣлое гнѣздилище болѣзней, Шумахеръ особенно страдалъ желудкомъ. Доктора прописывали ему строжайшую діету, а онъ потихоньку отъ нихъ писалъ своимъ друзьямъ: «Брюхо мое что-то дурить. Но я ему воли не даю. Обтрескаюсь самыхъ противоположныхъ вещей до отвала, желудокъ удивится и образумится».

И онъ дѣйствительно приводилъ свою мысль въ исполненіе, увѣдомляя объ этомъ своего доктора такимъ пятистишіемъ:

Плохой пріятель медицины,
Я ѣмъ, по случаю жары,
Замѣсто пурганца и хины
Звено соленой осетрины
И съ лукомъ паюсной икры.

Прекрасному аппетиту Шумахера соотвѣтствовала и никогда не прекращавшаяся жажда, о размѣрахъ которой можно судить по слѣдующему случаю. Вернувшись однажды отъ своего стариннаго пріятеля, извѣстнаго артиста Монахова, Петръ Васильевичъ на другой день записалъ на листочкѣ: «Я выпилъ 11 бутылокъ бургонскаго, и мнѣ привидѣлся Вильгельмъ».

Узнавъ потомъ о посѣтившемъ друга наводненіи, Монаховъ прислалъ ему новое приглашеніе:

Шумахеръ Петръ! Я не забуду дня,
Когда, съ утра кой-какъ продравши бѣльма,
Я вспомнилъ, что вчера ты видѣлъ у меня
Германіи властителя—Вильгельма!
Такимъ видѣніемъ обязанъ ты, повѣрь,
Бургонскаго вина разнообразнымъ маркамъ.
Являйся въ пятницу—ручаюсь, что теперь
Ты познакомишься и съ канцлеромъ Бисмаркомъ.

Но вернемся къ біографіи Шумахера. По возвращеніи изъ-за границы Петръ Васильевичъ поселился въ Нижнемѣ и скоро сталъ здѣсь центромъ интеллигентнаго общества.

Жилъ онъ попрежнему весело, принимая горячее участіе въ любительскихъ спектакляхъ и литературныхъ вечерахъ.

Публика съ нетерпѣніемъ ждала его появленія, зная, что у него всегда есть про себя новые куплеты на волнующую Нижній злобу дня. Одинъ изъ такихъ экспромтовъ-куплетовъ былъ записанъ кѣмъ-то изъ пріятелей и напечатанъ въ сборникѣ Щукина. Въ бытность Шумахера въ Нижнемъ тамъ производила фуроръ нѣкая актриса Полякова, особенно ухаживали за ней агенты парходныхъ обществъ, и Петръ Васильевичъ отозвался на эти ухаживанія такимъ четверостишіемъ:

Нижегородскіе моншеры
Съ тебя не сводятъ жадныхъ глазъ,
И что жъ полезнѣй для Венеры,
Какъ не «Меркурій и Кавказъ»!

Но, создавая Шумахеру популярность, эта страсть къ эниграммамъ навлекла на него и большую непріятность. Дѣло въ томъ, что въ Нижнемъ уже и тогда обнаружилось явленіе, позднѣе характерно отмѣченное Горбуновымъ: интеллигенція шла навстрѣчу капиталу, капиталъ не оставался чуждъ взаимности. Взаимное притяженіе этихъ двухъ силъ выразилось въ Нижнемъ въ томъ, что нѣкій благородный, но бѣдный баринъ сдѣлалъ предложеніе некрасивой, но богатой купеческой вдовѣ, и въ городѣ много говорили и смѣялись надъ предстоящей свадьбой. Былъ какой-то литературный вечеръ, очень людный, куда Шумахеръ явился «въ подпитіи большомъ». Увидѣвъ въ числѣ присутствующихъ и нареченную парочку, онъ воодушевился и произнесъ стихотвореніе, въ которомъ шла рѣчь о свадьбѣ молодого льва и старой обезьяны и которое оканчивалось такимъ обращеніемъ къ публикѣ:

Господа,
Пожелаемъ имъ плода!

Скандалъ вышелъ страшный, и губернаторъ А. Н. Муравьевъ предложилъ Шумахеру не возбуждать въ городѣ страстей дальнѣйшимъ своимъ присутствіемъ.

Несмотря на безалаберный образъ жизни Шумахера, полный шалаго веселья, Нижній съ его купечествомъ не могъ удовлетворить его тонкую артистическую натуру и оставилъ въ немъ самое тяжелое воспоминаніе. «О Нижнемъ вспомнить не могу, — писалъ онъ уже старикомъ. — Въ немъ я выстрадалъ самое тяжелое, самое ужасное время моей жизни. Отъ горя, грубыхъ оскорбленій я доходилъ до отчаянія, и еще голова крѣпка была, что съ ума не спятывъ».

Въ чемъ заключалось горе, на которое жалуется въ своемъ письмѣ Шумахеръ, мы прямыхъ указаній не имѣемъ и можемъ только догадываться, что онъ не сумѣлъ устроить свою семейную

жизнь и впоследствии долженъ былъ коротать свой вѣкъ въ одиночествѣ. Къ тому же въ этотъ періодъ жизни его денежные дѣла были уже въ полномъ разстройствѣ. Стихотвореніе «Финаль» отражаетъ это жизненное крушеніе.

Удѣлъ богатства былъ мнѣ вреденъ,—

утѣшаетъ себя поэтъ,—

Я все растрясъ живой рукой
И лишь съ тѣхъ поръ, какъ сталъ я бѣденъ
Позналъ я счастье и покой.
Я вышелъ нагъ и изувѣченъ
Въ обѣтованную страну
И, ницетою обезпеченъ,
Хоть передъ смертью отдохну.

«Обѣтованною странною» и на этотъ разъ оказалась для Шумахера Сибирь. Петръ Васильевичъ получилъ мѣсто чиновника особыхъ порученій при Н. Н. Муравьевѣ-Амурскомъ и затѣмъ состоялъ при генераль-губернаторѣ Корсаковѣ. Мѣсто это какъ нельзя болѣе подходило его кипучей, подвижной натурѣ. По порученію своего начальника онъ описывалъ берега Амура, совершая путешествія по немъ на лодкѣ, ѣздилъ въ Кяхту, гдѣ китайскіе купцы угощали его обѣдомъ. Онъ ѣлъ у нихъ множество блюдъ и между прочимъ утку, нарѣзанную кубиками, и виноградъ, покрытый ледяной корой, такъ что его нужно было опускать въ воду, чтобы снять съ него кожу. За обѣдомъ Шумахеръ выпилъ столько рисовой водки, что сыны неба долго не могли прійти въ себя отъ изумленія.

Въ апрѣлѣ, когда ледъ еще не совсѣмъ растаялъ, Петръ Васильевичъ вздумалъ плавать по быстроходной Ангарѣ, сильно простудился и схватилъ тифъ. Провалившись нѣкоторое время въ грязной душной избѣ, Шумахеръ оправился и продолжалъ прерванное путешествіе, ежедневно подвергая себя такимъ экспериментамъ, отъ которыхъ всякій другой неминуемо отправился бы къ праотцамъ.

Результатомъ этихъ скитаній по запущеннымъ угламъ Сибири былъ рядъ историческихъ очерковъ по исторіи края, изъ которыхъ два, болѣе обширные: «Оборона Камчатки и Восточнаго побережья противъ англо-французовъ въ 1854 — 1855 г. г.» и «Къ исторіи пріобрѣтенія Амура. Наши сношенія съ Китаемъ (1848—1860 г. г.)», были напечатаны имъ въ 1878 г. въ «Русскомъ Архивѣ», съ издателемъ котораго онъ былъ давно знакомъ.

Ислѣдованія Дальняго Востока сблизили и сдружили Шумахера съ извѣстнымъ сибирскимъ дѣятелемъ Ядринцевымъ и другимъ такимъ же бродягою по лицу земли русской, С. В. Максимовымъ, который тоже въ это время занимался Сибирью и Пріамурскимъ краемъ. Въ 1888 году, когда справлялся литературный юби-

лей Сергѣя Васильевича, Шумахеръ счелъ своимъ долгомъ откликнуться на торжество и послалъ юбиляру слѣдующее четверостишіе:

Отъ юга къ сѣверу, съ заката на востокъ
Всю землю русскую избороздилъ онъ ходко
И до всего дошелъ. А все жъ понять не могъ,
Гдѣ хуже и гдѣ лучше водка.

Интересъ и теплое чувство къ Сибири Шумахеръ сохранилъ до конца жизни. Когда смерть была уже за плечами и жить оставалось уже нѣсколько дней, Петръ Васильевичъ, вспоминая весны своей златые дни, писалъ Щукину: «Степная жизнь въ Сибири—роскошь. Кеннанъ теперь въ Тюмени. Онъ вторично уѣхалъ, но уже не для постановки столбовъ въ пустынь, а по тракту—описывать Восточную и Западную Сибирь.»

Въ своихъ скитаніяхъ Шумахеру немало пришлось сталкиваться съ простымъ народомъ, и это непосредственное соприкосновеніе съ народною жизнью многое уяснило ему, дало ему пониманіе ея бытового уклада, но не вселило той горячей любви къ народнымъ массамъ, какою проникнуть былъ, на примѣръ, Максимовъ. Для этого онъ былъ слишкомъ баринъ, слишкомъ по-европейски воспитанный человекъ. Характерно для Шумахера стихотвореніе «Защаніе моего отца».

Я все сказалъ тебѣ, что могъ.
Будь вѣренъ чести и свободѣ.
И помни мой совѣтъ, дружокъ,
Нищѣ сочувствія въ народѣ,—

говорить въ этомъ стихотвореніи отецъ, въ заключеніе своихъ поученій.

Что же встрѣтилъ я въ простомъ быту?

спрашиваетъ поэтъ.

Что я нашель въ честномъ сословьѣ?
Безпечность, пьянство, сквернословье,
Невѣжество и нищету.

Сатира Шумахера была однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику. Въ исходѣ 70-хъ годовъ ему пришлось быть въ глухихъ мѣстахъ Тамбовской губерніи, и нельзя сказать, чтобы здѣшнее общество, городское и живущее по усадьбамъ, произвело на него выгодное впечатлѣніе.

Въ странѣ плодливой и махровой,
Гдѣ хлѣбъ родится самъ-десять,
Живеть отродѣ Курдюковой
И производигъ поросять.

Тамъ идеальная свинина,
Тамъ черноземный дворянинъ...
Бѣги, поэтъ, отъ дворянина,
Пѣвецъ, спасайся отъ трихинъ.
Тамъ крѣпки лбы и толсты уши,
Невѣждамъ муза не нужна;
И жаждутъ грубыя ихъ души
Яствъ, водки, сплетенъ, картъ и сна.

Водкамъ и картамъ, заполнявшимъ въ дореформенной провинціи большую часть обывательской жизни, посвящена значительная часть стихотвореній Шумахера.

Вотъ, на примѣръ, стихотвореніе «Малоярославецкіе политики», гдѣ одинъ изъ провинціальныхъ интеллигентовъ безпрерывно восторгается «заграницей», а другой, одурѣвшій уже отъ пьянства, безнадежно сворачиваетъ все на водку.

Парижъ слыветъ столицей модъ
И центромъ всѣхъ веселій.
Но смыслъ въ немъ, Петръ Кузьмичъ, не тотъ,
Плевалъ я на камелій!
Для чуткихъ, грамотныхъ людей
Онъ былъ всегда набатомъ,
Лабораторіей идей...

— А водка какова тамъ? —

перебиваетъ своего собесѣдника Петръ Кузьмичъ.

Тамъ (за границей), Петръ Кузьмичъ, права равны;
Но, сколько я замѣтилъ,
И либеральнѣе страны,
Какъ Англія, не встрѣтилъ:
Тамъ обращаются съ людьми
Не то, что съ нашимъ братомъ;
Тамъ я свободенъ, чортъ возьми!

— А водка какова тамъ?

Даже свѣтлая пора реформъ не внесла въ поэзію Шумахера другого, болѣе радостнаго настроенія. Его сатирическому глазу представлялись почти исключительно грустныя или уродливыя явленія русской жизни. Въ стихотвореніи «Послѣдній изъ могиканъ», помѣченномъ 1860 годомъ, передъ читателемъ во весь ростъ нарисованъ хорошо знакомый всѣмъ «баринъ» дореформенной Россіи, потревоженный въ своемъ снѣ надвигающеюся отъѣнной крѣпостнаго права.

Чертъ возьми, совсѣмъ не спится,
Отъ клоповъ покою нѣтъ.
Чуть заснешь—исправникъ спится,
Депутаты, комитетъ!
Что и дѣлать, самъ не знаю.
Видно, надобно вставать...
Ванька—мыться! Гришка—чаю!
Юрка—повара позвать!

Продолжая разсуждать и распорядиться, «баринъ» договаривается мало-по-малу до тайнаго своего желанія:

Говорять—пора приспѣла!
Нѣтъ спасенья, говорятъ.
Эхъ, когда бъ все это дѣло
Повернуть на старый ладъ!
Все не легче часъ отъ часу!
Завалиться съ горя спать...
Тришка—Пчелку! Оська—квасу!
Филька—Машку мнѣ позвать!

Чтеніе манифеста 19 февраля въ изображеніи Шумахера вышло совершенно иначе, чѣмъ, напримѣръ, у Майкова.

Тятъка, эвонъ что народу
Собралось у кабака:
Ждутъ какую-то свободу.
Тятъка, кто она така?
Цыцъ, нишкни! пускай гуторютъ,
Наше дѣло сторона.
Какъ возьмутъ тебя, да вепорютъ,
Такъ узнаешь, кто она!

Самый прогрессъ русской жизни представлялся Шумахеру чѣмъ-то внѣшнимъ, наноснымъ, что каждую минуту можетъ уничтожиться и исчезнуть.

Поспѣшно мы свершаемъ жизни путь—
писаль онъ:—

То шагъ впередъ, то два шага обратно:
Впрягли авось, небось и какъ-нибудь,
Да и кружимъ по Руси необъятной.
И думаемъ, что мы летимъ впередъ,
Что, натянувъ взамѣнъ кафтановъ фракы,
Цивилизованный вдругъ сдѣлался народъ
И затѣвать со всѣми можемъ драки...
— Живые раки!—

слышится со двора крикъ разносчика.

По временамъ пессимизмъ Шумахера обострялся, и русская жизнь, общественная и частная, представлялась чѣмъ-то разлагающимся, загнившимъ. Въ стихотвореніи «Семья» онъ говоритъ:

Въ понятяхъ нравственныхъ я вижу нищету,
Я вижу въ обществѣ зачатки разложенья.
Всѣ ищутъ грубаго, плотскаго наслажденья
И на духовную нѣтъ спросу красоту.
Порокъ, насиліе, развратъ въ виду властей,
Въ семьѣ—мошенники, злодѣи, паразиты,
У женщинъ умъ, душа и сердце въ прахъ разбиты,
И скоро перейдетъ зараза на дѣтей.

Дѣти всегда были предметомъ нѣжности и заботливости этого толстаго громоздкаго человѣка, которому суждено было самому остаться бездѣтнымъ. Къ нимъ онъ спасался отъ затопившей людей пошлости.

Когда мнѣ выстудитъ житейскій холодъ грудь,
Мнѣ согрѣваютъ кровь младенческія ласки.
Иду я въ дѣтскую къ ребятамъ отдохнуть,
Гдѣ няня старая имъ сказываетъ сказки.

Ничто не могло такъ разсердить этого незлобиваго человѣка, какъ тщеславное отношеніе къ дѣтямъ, стремленіе сдѣлать изъ нихъ рекламу своего богатства, ненужное и вредное пріученіе ихъ держать себя, какъ взрослые. За этихъ изломанныхъ свѣтскихъ дѣтей поэтъ отомстилъ злымъ стихотвореніемъ «Дѣтскій балъ»:

Вчера я былъ на дѣтскомъ балѣ
И былъ весьма тому не радъ:
Смотрѣлъ я съ грустью въ душномъ залѣ
На извращеніе ребятъ.
Изъ этой пестрой ералаша,
Изъ этихъ суетныхъ затѣй
Безспорно явствуетъ, что наши
Ослы папаши и мамаша
Сто разъ глупѣй своихъ дѣтей.

А вотъ его надпись на памятникѣ Крылова въ Лѣтнемъ саду:

Лукавый дѣдушка съ гранитной высоты
Глядитъ, какъ рѣзвятся вокругъ него ребята,
И думаетъ себѣ: о, милые звѣрята,
Какіе, выросши, вы будете скоты!

Мы отвлеклись отъ біографіи Шумахера и привели нѣкоторыя его стихотворенія, характерныя для опредѣленія его возрѣній, какъ они сложились у него къ началу 70-хъ годовъ. Тутъ опять мы встрѣчаемся съ огромнымъ пробѣломъ въ цѣпи фактическихъ данныхъ, знаемъ только, что 1872 годъ засталъ Шумахера за границей.

Франко-прусская война только что кончилась. Франція, на литературѣ и идеяхъ которой выросъ Шумахеръ, лежала униженная у ногъ Бисмарка. Отвратительная политика желѣза и крови достигла высшаго своего торжества, и нѣмцы, заграничные и наши домашніе, ходили, гордо выпятивъ грудь.

Шумахеръ, несмотря на свое нѣмецкое происхожденіе и лютеранство, терпѣть не могъ нѣмцевъ и отрекался отъ нихъ.

Въ Россіи прожить я весь вѣкъ
И не считался иностранцемъ,
Утробой, глазами и сердцемъ
Быть чисто русскій человѣкъ
И лишь въ могилѣ стать я шмерцемъ.

Чѣмъ именно были антипатичны ему нѣмцы, нагляднѣе всего показываетъ стихотвореніе «Нѣмецкая любовь»:

Ночь тиха, туманъ на рѣчкѣ,
Звѣзды на небѣ горятъ.
Готлибъ съ Мальхенъ на крылечкѣ
Нѣжно, сладко говорятъ...
Не о томъ, что небо ясно,
Что сіяютъ звѣзды въ немъ,
Не о томъ, что ночь прекрасна,
Говорятъ они о томъ,
Что провизія ужасно
Дорожаетъ съ каждымъ днемъ.

Шумахеръ не любилъ даже нѣмецкаго языка и избѣгалъ читать на немъ, несмотря на то, что зналъ его отлично. «Взялъ я «Птицъ» Брема и увлекся,—пишетъ онъ П. И. Щукину въ 1880 г.— Скажите, есть Бремъ во французскомъ переводѣ? По-нѣмецки онъ для меня много теряетъ—zu süß». «У меня опять начинаютъ пошалить ноги,—продолжаетъ онъ далѣе,—больше же всего мой Gemüthzustand. Замѣтите, что все скверное я охотно называю по-нѣмецки».

Приближаясь къ смерти и доживая уже, какъ онъ говорилъ, свои «граціонные дни», Шумахеръ умолялъ не хоронить его на нѣмецкомъ кладбищѣ. «Нѣмцы,—сердился онъ,—будутъ указывать на мою могилу и говорить: Hier liegt der dicke Schumacher, der alte Saufnikel». Тогда онъ говаривалъ о желаніи быть погребеннымъ просто въ лѣсу и лишь передъ самымъ концомъ остановился онъ на подмосковномъ имѣніи графа С. Д. Шереметева Кусковѣ, гдѣ проводилъ нѣсколько послѣднихъ лѣтъ. При этомъ мимоходомъ высказывалъ пожеланіе, чтобы надъ нимъ росла рябина со скворечникомъ на вѣтвяхъ. Желаніе его исполнилось, и его похоронили въ кусковскомъ паркѣ, недалеко отъ оранжерейнаго флигеля. Когда его опускали въ могилу 11 мая 1891 г., былъ чудный весенній день и пѣли соловьи...

Вернемся, однако, къ заграничному пребыванію Шумахера въ началѣ 70-хъ годовъ. Въ бытность въ 1873 году въ Берлинѣ онъ между прочимъ пишетъ романсъ (на мотивъ «Мнѣ жаль тебя») «Берлинскія собаки», который оканчивается такимъ куплетомъ:

Бѣгите къ намъ на площади и стогна,
Тамъ вольно вамъ, на свадебномъ пиру,
И подымать у тумбъ тротуарныхъ стегна
И зря хватать прохожихъ за икру.
Бѣгите къ намъ, васъ ждетъ у насъ свобода
И простота радушной стороны,
Гдѣ бѣдствуютъ одни сыны народа
Но счастливы всѣ с... сыны.
Бѣгите къ намъ!
Бѣгите къ намъ!

Въ Берлинѣ Петръ Васильевичъ усиленно хлопоталъ объ изданіи здѣсь своихъ стихотвореній, не пропускавшихся тогда цензурою, и черезъ посредство И. С. Тургенева вошелъ въ сношеніе въ мѣстнымъ книгопродавцемъ-издателемъ Боккомъ или Веромъ. Бокъ дѣйствительно напечаталъ книжку стиховъ Шумахера, а черезъ семь лѣтъ выпустилъ онъ новое дополненное изданіе, подъ заглавіемъ: «Моимъ землякамъ». Съ изданіемъ этимъ вышло, однако, недоразумѣніе, о которомъ упоминается въ одномъ изъ писемъ Шумахера къ отправлявшемуся въ 1880 году за границу П. И. Щукину. «Берлинскій Беръ или Бокъ,—писалъ Шумахеръ,—уговорился съ И. С. Тургеневымъ выплатить ему за вторую книжечку моихъ стиховъ 75 талеровъ и дать ему 10 экземпляровъ. Когда они напечатали, то вздумали надуть, и И. С. едва удалось вытянуть у нихъ 75 талеровъ и книжку ему прислали всего одну. Они основывались на томъ, будто я лично обѣщаль дать имъ даромъ стихи на вторую книжку. Я въ 1877 г. точно былъ у нихъ и говорилъ о второмъ пополненномъ изданіи съ исправленіями и исключеніями нѣкоторыхъ стиховъ изъ перваго изданія. Такъ это болтовней и кончилось. Затѣмъ у меня накопилось столько же, сколько было въ первой книжкѣ, и Ив. С. съ ними уговорился нынче за 75 талеровъ и 10 экземпляровъ—дать имъ стихи на вторую книжку, а не на второе изданіе. Они согласились, и теперь измѣняютъ своему слову. Скажите имъ, что нѣмцы такъ не дѣлають. А что ни я, ни Тургеневъ вратъ не станеть—это вы знаете».

Съ Тургеневымъ Шумахеръ до конца жизни романиста сохранилъ самыя тѣсныя отношенія и постоянно при случаѣ пересылалъ ему письма. «Сегодня узналъ, что вы будете въ Парижѣ,—писалъ онъ Щукину,—до 15 ноября. Если не въ трудъ, зайдите къ Тургеневу, живущему Rue Douai. Со своей карточкой пошлите ему и мою. Поклонитесь ему, скажите ему, что мы съ вами пріятели, просиживаемъ по полусутокъ за гравюрами и книгами. Спросите, не имѣеть ли онъ что мнѣ передать?»

Смерть Тургенева поразила Шумахера, но еще болѣе поразило и возмутило его робкое и равнодушное къ этому событію отношеніе тогдашнихъ корифеевъ нашей литературы.

«Какovy наши поэты?—съ горечью писалъ Шумахеръ.—Ни присяжный А. Майковъ, ни другъ Тургенева Я. Полонскій—никто ни однимъ словомъ не обмолвился. Что за с....и! Ну, если боишься, то хоть первыя буквы поставь! А Феть вотъ теперь до того занять уваживаніемъ, что едва ли даже знаетъ, что Тургеневъ умеръ. Умри Катковъ, завтра же было бы стихотвореніе на его смерть; въ «Московскія Вѣдомости», конечно, за полученіемъ гонорара, какъ за восьмистрочіе на открытіе памятника Пушкину или «на случай несенія креста на Голгоѳу», хорошо не помню».

И обиженный за память Тургенева поэтъ зло пародируетъ восьмистрочіе Фета. «Можете его распространять,—пишетъ онъ Щукину, препровождая свое стихотвореніе,—не называя автора и не показывая мою рукопись».

Вотъ эта пародія:

Шлю отъ души привѣтъ землевладѣльцу Фету,
 Готовъ во все концы трубить ему хвалу,
 Какъ диллетанту и кондитеру-поэту—
 За пастилу!
 Но не въ однѣхъ сладостяхъ онъ выказалъ свой гениі:
 Я почестъ воздаю ему, какъ Шеншину,
 За лучшее изъ всехъ его произведеній—
 За вечину!

Въ 80-хъ годахъ Шумахеръ жилъ уже въ Москвѣ, куда переселился изъ Петербурга «мятый» и больной. Положеніе его, благодаря присущей ему непрактичности и безпечности, было въ высшей степени печально. Средства къ жизни изсякли, здоровье было разстроено, подагра свирѣпствовала. «Нога играетъ у меня на пальцахъ, какъ на клавишахъ, разные печальные мотивы», писалъ онъ своимъ друзьямъ.

Въ Москвѣ Шумахеръ сначала пріютился у своего стараго пріятеля, извѣстнаго переводчика Шекспира, Николая Христофоровича Кетчера, который занималъ тогда мѣсто начальника московскаго врачебнаго управленія и жилъ на 3-й Мѣщанской, у церкви митрополита Филиппа. Повидимому, Шумахеру на 3-й Мѣщанской жилось невесело. На это намекаетъ двустихіе, которое сказалъ какъ-то Шумахеру извѣстный артистъ Вильде, встрѣтившійся съ нимъ въ знаменитомъ московскомъ ресторанѣ Лонашова:

Лѣтами ты ужъ старъ, да сердцемъ живъ и молодъ.
 Не слѣдъ бы жить тебѣ, гдѣ мракъ и смерти холодъ.

На счастье Шумахера, къ этому времени у него завязались частыя сношенія съ семьею В. С. Перфильева, бывшаго тогда московскимъ губернаторомъ. Особенно оцѣнила начитанность и остроуміе Петра Васильевича супруга губернатора П. Ѳ. Перфильева, рожденная графиня Толстая. Шумахеръ нерѣдко посылалъ ей плоды своего вдохновенія, причемъ посредникомъ между ними служилъ общій ихъ хорошій знакомый, извѣстный въ Москвѣ окулистъ Маклаковъ.

10 ноября 1880 г. Шумахеръ дѣлаетъ замѣтку: «П. Ѳ. Перфильева прислала А. Н. Маклакова меня навѣстить и въ письмѣ пишетъ, что посылаетъ ко мнѣ Ноя, намекая на большую семью А. Н. Я лежалъ больной». Этотъ визитъ вызываетъ слѣдующее стихотворное посланіе:

Сижу у Кетчера больной,
Скорбя ногой и сердцем ноя,
И вдругъ сюрпризъ: въ тиши ночной
Съ письмомъ отъ васъ я вижу Ноя...
Но вашъ и Ной совсѣмъ иной,
Скорѣ въ родъ Антиноя:
Онъ сообщилъ мнѣ сторовой,
Что скоро буду пить вино я.

Скоро съ 3-й Мѣщанской Шумахеръ перебирается на Тверскую, въ казенный губернаторскій домъ или «префектуру», какъ онъ его называлъ въ своихъ письмахъ. Тутъ ему отвели помѣщеніе въ верхнемъ этажѣ, устроили больного, почти безпомощнаго поэта, насколько возможно было, удобно и занялись его леченіемъ, отдавъ его подъ надзоръ доктора Каспари.

«Вчера началъ пить Виши», сообщаетъ Шумахеръ Щукину въ 1882 году:

Дѣла мои нехороши,
Хотягь согнать меня со свѣту:
Каспари штъ велѣлъ Виши
И приказаль держать дѣту.

На старинной печати Шумахера былъ изображенъ тростникъ съ девизомъ: *toujours agité, jamais abattu*. Вѣрный этому девизу, поэтъ приспособился къ своей новой обстановкѣ, примирился съ своей судьбой и короталъ свое время въ чтеніи, литературныхъ занятіяхъ, а когда позволяло здоровье, въ кружкѣ добрыхъ друзей, къ которому принадлежали, кромѣ упомянутыхъ уже Маклакова, Кетчера и Щукина, также И. Е. Забѣлинъ, Каншинъ, Пикулинъ, небезызвѣстный въ Москвѣ специалистъ по ушнымъ болѣзнямъ Шкоттъ, издатель-милліонеръ К. Т. Солдатенковъ.

Пользуясь случаемъ, скажемъ здѣсь кстати нѣсколько словъ о двухъ оригинальныхъ членахъ этого кружка—докторѣ Пикулинѣ и Каншинѣ.

Павелъ Лукичъ Пикулинъ († 1885 г.), пріятель Грановскаго и Герцена, былъ женатъ на Аннѣ Петровнѣ Боткиной и приходился роднымъ дядей не разъ упоминавшемуся выше Щукину. Пикулинъ сначала служилъ въ Екатерининской больницѣ въ Москвѣ, затѣмъ, увлекшись цвѣтоводствомъ, принималъ самое дѣятельное участіе въ «Журналѣ садоводства», издававшемся въ 60-хъ годахъ россійскимъ обществомъ любителей садоводства. Онъ первый въ Москвѣ занялся на своей дачѣ въ Марьиной рошѣ разведеніемъ лучшихъ сортовъ земляники, а также розъ и гладіолусовъ.

Пикулинъ подъ конецъ жизни былъ разбитъ параличомъ, жилъ не въ ладахъ съ женою и имѣлъ нѣжную привязанность къ собакамъ, которыя у него жили въ кабинетѣ. Однажды онъ даже устроилъ для нихъ елку, обвѣсивъ ее гирляндами изъ сосисекъ и кусочковъ

мяса. Въ свое время Пикулинъ имѣлъ огромную практику, лечилъ митрополита Филарета, лейбъ-медика Енохина, сумасшедшаго графа Мамонова, который жилъ на своей великолѣпной дачѣ близъ Воробьевыхъ горъ, и многихъ другихъ. Онъ былъ какъ бы лейбъ-медикомъ Шумахера.

Другой оригиналь—Д. В. Каншинъ былъ въ кружкѣ представителемъ кулинарнаго искусства. Это былъ баринъ, для котораго правильное питаніе человѣчества сдѣлалось своего рода *idée fixe*. Въ области фізіологіи питанія Каншинъ обладалъ огромной начитанностью, поглотивъ все, что могъ найти по этой части въ литературѣ на всѣхъ языкахъ. Результатомъ этихъ работъ явилась его трехтомная «Энциклопедія питанія», возбуждившая большіе толки за границей и, какъ водится, прошедшая у насъ незамѣченной. «Говорилъ я съ однимъ химикомъ въ Петербургѣ, который усиленно занятъ вопросами питанія,—пишетъ Каншинъ Шумахеру,—и онъ сказалъ мнѣ: въ Россіи, кромѣ меня и васъ, надъ этимъ никто не работаетъ и критики на вашу книгу быть не можетъ. Сначала я подумалъ, что книжица моя слаба, но когда парижскій знаменитый профессоръ Сée приказалъ переводить ее для себя, то я подумалъ, что если книга моя не распространена, то немудрено, потому что она не по зубамъ». «Финляндскіе врачи,—сообщаетъ онъ далѣе,—прислали мнѣ за мою энциклопедію дипломъ на званіе почетнаго члена. Вотъ ужъ никакъ не ожидалъ отъ финляндцевъ».

Д. В. Каншинъ болѣе извѣстенъ, какъ устроитель нормальныхъ столовыхъ и кулинарныхъ курсовъ, которые одно время были въ большой модѣ въ С.-Петербургѣ.

Къ нему Шумахеръ обращался за совѣтами, когда послѣдствія неосторожной діеты ужъ слишкомъ давали себя чувствовать. Каншинъ составлялъ для него гигиеническое расписаніе блюдъ, но, конечно, старался напрасно. Въ кружкѣ, въ которомъ доживалъ свои дни Петръ Васильевичъ, любили покушать по-московски, и не Шумахеру было отставать отъ другихъ.

На лѣто Петръ Васильевичъ переселялся въ село Спасское близъ Новаго Іерусалима. Жилъ онъ тамъ въ большомъ, совершенно заброшенномъ барскомъ домѣ, въ полномъ одиночествѣ, совершая въ хорошіе дни, когда не болѣли ноги, прогулки въ самомъ непринужденномъ костюмѣ, а въ ненастные—рылся въ уцѣлѣвшихъ книгахъ старинной домашней бібліотеки или предавался усиленному чтенію. Книгами его снабжалъ П. И. Щукинъ, самъ великій бібліофилъ. Книги для Шумахера обыкновенно тюками присылались въ «префектуру», оттуда онѣ препровождались въ сосѣднее зданіе глазной больницы. Наконецъ ихъ захватывалъ докторъ Маклаковъ, который жилъ лѣтомъ въ своемъ имѣніи Дергайково, недалеко отъ мѣста уединенія Шумахера.

Остававшіеся въ Москвѣ друзья не забывали его: для него выписывались французскія газеты и время отъ времени посылались транспорты съ провизіей «мокрой и сухой».

«Вчера былъ у меня Кузьма (Солдатенковъ), и я, по вашему желанію, прочелъ ваше къ нему привѣтствіе,—сообщаетъ Шумахеру Пикулинъ.—Причемъ онъ сказалъ, не послать ли вамъ гостинца. Я ему отвѣчалъ, что лучшій гостинецъ—напитки, но онъ рѣшилъ, что и стѣбное въ деревнѣ не лишнее, а потому рѣшилъ послать вамъ въ одномъ ящикѣ икры паюсной, сыру, балыка, сардинъ, сельдей, ветчины, колбасъ, салами и другихъ. А въ другомъ 12 бутылокъ марго. На медокъ онъ не согласился, говоря, что марго лучше всякаго медака».

Когда не шалило здоровье, Шумахеръ блаженствовалъ въ своемъ медвѣжьемъ углу. «Хорошія книги, комфортъ, тишина и спокойствіе, прелестное мѣстоположеніе, полное наслажденіе, просто обѣдня духовная», писалъ онъ Щукину, зазывая его къ себѣ.

Но положеніе Робинзона иногда давало себя знать и съ обратной стороны.

«Забывъ, что ноги мои не совсѣмъ крѣпки,—пишетъ Шумахеръ своему лейбъ-медику Пикулину,—я влѣзъ на подоконникъ давить мухъ. Занятіе, какъ изволиге знать, вполне дворянское. Лицомъ къ стекламъ сталъ я спускаться и, вмѣсто сидѣнья, оперся ступней на ручку кресла. Послѣдовало нязверженіе массы и разодраніе ногъ по шву. Къ счастью, кости остались цѣлы; но икра лѣвой ноги располосана, какъ ножомъ. Во-вторыхъ, отъ неизвѣстныхъ причинъ, я полагаю, по неисповѣдимымъ судьбамъ Божиимъ, меня всю эту недѣлю несетъ. Только что придешь въ спальню, сейчасъ опять гонить. Что ни съѣмъ—сейчасъ въ кишкахъ завертеть—и бѣги! Совсѣмъ отошаль и сконфужень. И всю недѣлю одинъ-одиношенекъ въ большомъ домѣ, безъ прислуги. Самъ и горшки выношу».

Иногда здоровье Шумахера такъ разстраивалось, что, по предписанію своего доктора, онъ, вмѣсто прогулокъ, выходилъ лишь въ большой залъ дома, въ которомъ открывались предварительно форточки. «Ich bin lichtscheu», говаривалъ онъ въ такихъ случаяхъ. Особенно мучила его подагра.

Съ тоски сейчасъ хотъ помереть!
 Конца не вижу безобразью!
 Хотъ вы бы мнѣ какую мазью
 Велѣли ногу потереть!—

жаловался онъ Пикулину.

Мазь, разумѣется, присылалась ему при первой же оказіи, но мало помогала дѣлу. Несмотря на категорическое предписаніе доктора ходить не иначе, какъ въ «лѣтней» шубѣ, Шумахеръ по-

прежнему не обращалъ на себя вниманія, какъ только затихала боль, и попрежнему продолжалъ неосторожное обращеніе со спиртными паянками.

Но кончалось лѣто, Шумахеръ возвращался на свой верхъ префектуры и тутъ иногда чувствовалъ всю безотрадность своего положенія. Средства у него уже давно не было. Конечно, при своемъ многочисленномъ и вліятельномъ знакомствѣ Шумахеру не трудно было бы получить какое-нибудь мѣсто и ему дѣйствительно предлагали должность цензора, но онъ наотрѣзъ отказался отъ этого предложенія, не желая быть «гасильникомъ» чужихъ мыслей. Онъ нашель для себя другой источникъ дохода: разъ въ годъ онъ устраивалъ въ залѣ консерваторіи или дворянскаго собранія музыкально-вокальный вечеръ, въ которомъ принимали участіе лучшія артистическія силы Москвы: Корсовъ, Муромцева-Климентова, цитристъ Бауеръ, піанистъ Пабстъ, скрипачъ Флиге и другіе. Участіе двухъ «веселыхъ паяцовъ», какъ называлъ себя и И. Ѳ. Горбунова Шумахеръ, обезпечивало всегда успѣхъ этихъ вечеровъ.

Къ этому времени Петръ Васильевичъ обыкновенно готовилъ новыя злободневныя стихотворенія, которыми приводилъ публику въ восторгъ. Друзья усиленно продавали билеты на вечера Шумахера, и поэту очищалось отъ нихъ каждый годъ нѣсколько сотъ рублей, съ которыми онъ и успѣвалъ тряхнуть стариной.

Вотъ одно изъ такихъ стихотвореній, прочитанныхъ Шумахеромъ:

Въ хандрѣ надъ Дарвиномъ сижу,
Трезоръ дрожитъ надъ чергвой коркой.
Какъ много сходства нахожу
Я между мною и Трезоркой!
Мы оба съ нимъ сыны любви,
Волочимъ дни въ печальной долѣ
Съ враждою къ братіямъ въ крови
И оба служимъ поневолѣ.
Благоговѣя предъ хлыстомъ,
Трезоръ подчасъ весьма подленекъ,
Да какъ и не вилять хвостомъ,
Когда въ карманѣ нѣту денегъ.

Въ концѣ стихотворенія обнаруживается, впрочемъ, и нѣкоторое различіе:

Лишь въ благородствѣ чувствъ вполнѣ
Я передъ псомъ унижаюсь:
Онъ всей душою преданъ мнѣ,
А я продать его собираюсь.

Въ срединѣ 80-хъ годовъ Шумахера постигла новая превратность судьбы. Въ семействѣ Перфильева онъ познакомился съ графомъ С. Д. Шереметевымъ. Графъ сразу оцѣнилъ Шумахера и пожелалъ

поставить его въ такую обстановку, которая совершенно устраняла бы всякія тревоги за будущее. Съ этою цѣлью Петру Васильевичу было предложено помѣщеніе въ зданіи старѣйшаго изъ московскихъ благотворительныхъ заведеній, въ такъ называемомъ Страннопріимномъ домѣ графа Шереметева у Сухаревой башни. Шумахеръ занялъ здѣсь отдѣльную комнату, которая съ этого времени получила у него названіе «сухаревской кельи». Для поддержанія его здоровья къ его услугамъ былъ цѣлый штатъ докторовъ больницы Страннопріимнаго дома. Лѣтомъ онъ переѣзжалъ на дачу въ имѣніе графа Кусково, знаменитое своимъ паркомъ и оранжереями. Въ этомъ русскомъ Версалѣ ему отводился обыкновенно голландскій домикъ.

Въ самомъ Страннопріимномъ домѣ Шумахеръ нашель уголокъ, гдѣ чувствовалъ себя уютно и удобно. Онъ былъ принятъ, какъ родной, въ семьѣ главнаго смотрителя Страннопріимнаго дома Б. С. Шереметева, славившагося своимъ хлѣбосольствомъ. Небольшой занимаемый имъ домъ, тонувшій въ густомъ тѣнистомъ саду, былъ однимъ изъ немногихъ въ Москвѣ центровъ, гдѣ собиралось столько ума и таланта. Многихъ изъ тѣхъ, кто постоянно посѣщаль этотъ домъ, уже нѣтъ въ живыхъ. Сошелъ въ таинственную сѣнь и хлѣбосольный его хозяинъ, едва ли не послѣдній представитель стариннаго «столбового» московскаго дворянства.

Несмотря на немощи плоти, все болѣе и болѣе дававшія себя знать, умственная жизнь въ сухаревской кельѣ была ключомъ. Попрежнему сюда приносились отъ Щукина тюки новыхъ книгъ, попрежнему отсюда разсылались отшельникомъ стихотворныя посланія къ друзьямъ, а иногда вылетали колкія эпиграммы на злобы дня. Такъ, когда умеръ придворный пекаръ Филипповъ, булочная котораго, къ удивленію москвичей, была найдена незадолго до этого крайне грязной и переполненной тараканами, Шумахеръ писалъ:

Вчера угасъ еще одинъ изъ типовъ,
 Москвѣ весьма полезныхъ и знакомыхъ,
 Тмутараканскій князь Иванъ Филипповъ...
 И въ траурѣ оставилъ насѣкомыхъ.

Прочитавъ какъ-то собраніе стихотвореній Полонскаго, Шумахеръ писалъ Щукину:

Сперва стихи точилъ я въ три пера,
 И не тушилися, не пачкали тѣ перья.
 Но вотъ пришла убожества пора —
 И на Полонскаго сталъ походить теперь я.

Почти безвыходно сидѣлъ Шумахеръ въ своей кельѣ, лишь изрѣдка предпринимая прогулки къ своимъ друзьямъ. Все свое время онъ посвящаль чтенію, самому разнообразному.

Пристроившись съ своимъ пожитромъ, Шумахеръ по очереди «глоталъ» все, что ему присылалъ Щукинъ и, возвращая книги назадъ, дѣлалъ каждой мѣткую оцѣнку, доказывавшую его тонкій вкусъ. Онъ читалъ и бульварные французскіе романы, и Ренана, Гюи де-Мопассана и Златоуста, лингвистическія изслѣдованія и сочиненія Брема, географическія описанія и историческіе мемуары, старинныхъ французскихъ поэтовъ-классиковъ и современныхъ декадентовъ, Ронсара и Бодлера—словомъ почти все, что появлялось новаго въ обширной библиотекѣ П. И. Щукина.

Чтобы дать понятіе о тонкомъ литературномъ вкусѣ, которымъ былъ одаренъ Шумахеръ, мы выпишемъ изъ переписки со Щукинымъ мѣста, въ которыхъ онъ даетъ отзывы о прочитанныхъ имъ новинкахъ.

«*Dictionnaire de la longue verte*—прелестъ! Географія—перлъ! Въ ней чрезвычайно интересны названія пива въ разныхъ мѣстахъ и курьезы пренаивны».

«Я этюдирую и смакую *Margueritte de Navarre* и душевно васъ благодарю за духовную пищу. *L'amour au XVIII siècle*—это пѣсня соловья, сладкая, пріятная, но черезчуръ долгая, утомляющая монотонностью мотива. Хороши были барыни, если *m-me de Sabran*—образчикъ идеала».

«Все перечелъ и тяну понемножку Демутье. Стихи Буфлера—дерьмо, хоть бы единая штучка. Письма его дрянь и сушь! Зато Сабранъ что ни письмо, то прелестъ!»

«Книги ваши давно перечиталъ всѣ. *Voyage aux pays des blagueurs* интересно для французовъ, зорко слѣдящихъ за ходомъ дѣлъ въ палатѣ, и русскимъ политикамъ въ родѣ Станкевича. *La joie d'aimer*—модная вещь, послѣ которой я *Maizeyoy* никогда въ руки не возьму. Онъ назвалъ своей книжкой *Les deux amies*, а пишетъ дерьмо. *Médecine légale*—драгоценная книга. *Cobden*—преинтересная и написана мастерски. *Manuel de Bibliophile*—богатая содержаніемъ книга, составленная все-таки жуликомъ изъ поповичей въ родѣ Побѣдоносцева».

«Стоюнинъ—прелестъ! Я вамъ покажу письмо Сологуба, которое онъ писалъ къ Пушкину по случаю вызова, у меня черновое».

«Н.-Данченко плодливъ. Онъ точно сука, которая опоросилась двумя дюжинами щенятъ: одинъ изъ нихъ будто бы и породистый, а остальныхъ всѣхъ слѣдуетъ забросить».

«Захеръ весьма плохъ. Подражаніе Тургеневу. Только вмѣсто кисти выходитъ мазокъ. Для Галиціи ладно и это».

«*Wiener Spaziergänge* переносятъ меня мыслью къ колбасамъ и пиву. *A travers les mots*—плохая и пустая компиляція. *La rue*—вещь сердечная мѣстами, но разогрѣтое блюдо».

«Благодарю васъ за книги! *Boheme galante*—поскрепки и повторенія—очень милыя. *Zoologie morale*—вещь безъ вкуса, безъ свѣжести и безъ всякаго таланта. Какая прелестная вещь *Cicéron*

et ses amis. Давно я не читалъ ничего подобнаго. Съ какимъ знаніемъ, умѣньемъ и талантомъ написана! И слогу подходящій, точь-въ-точь древній историкъ писалъ. Красота, умъ и знаніе. Предвкупаю блаженство, разрѣшая L'opposition sous les Césars».

«La femme au XVIII siècle—трудъ великій и написанъ увлекательно. Le 101 régiment—очень хорошо. La bêtise humaine мнѣ не понравилась, вещь дѣланная и съ претензіей смахивать на Hiron Вольтера. Въ Soirées de Médan только и есть, что Boule de Suif (Мопассана)—прелесть, которую я гдѣ-то уже читалъ. La maison Tellier—высоко талантливо набросанныя картины. Мастерская реальность. Houssaye не поэтъ, а ерникъ и с.... с.ъ. Пругавинъ написалъ прекрасную и полезную для кустарей брошюру. Такихъ господъ надо приглашать въ засѣданія всякихъ совѣтовъ по народному дѣлу, а у насъ, я думаю, норовятъ, какъ бы его засадить».

«Дѣвство» Златоуста вещь высоко-изящная, художественная и краснорѣчивая, безъ ладону, безъ постнаго масла. Я зачитался этой книжонкой вѣласть. Сколько души, кроткой силы убѣжденія, снисходительности и свободы—вотъ что главное. Всѣ эти Масильоны и Боссюэты неволятъ, а Златоустъ не неволить, а совѣтуетъ, не коря и не кляня. Чудо, какъ хорошо. Кромѣ того, очень интересный мѣстный колоритъ».

«Ronsard изданъ плохо. Напримѣръ, послѣдняя строчка сонета переносится на другую страницу. Шрифтъ примѣчаній отвратительный. Его проглотить нельзя. Придется даже одолѣвать, чтобы отмѣтить лучшіе стихи. Виконтъ де-Леторверъ—прохвость, котораго наняли Вортъ и еще какой-нибудь tapissier написать книгу-рекламу. Это для самыхъ пустыхъ petits-crevés и для cocottes en vacances. Меня интригуютъ m-lle Fifi и Аретинъ».

«Les fleurs du Mal (Бодлера)—французятина. Vie de Napoleon—слабая вещь и о личности Наполеона почти ни слова. Есть интересные страницы, напримѣръ, о пребываніи арміи въ Миланѣ. Я какъ-то умѣю читать подобныя книги и читаю, что надо мнѣ. Congres. de Balzac—интересный физиологическій этюдъ, какъ серьезное чтеніе, съ образчиками сердечныхъ писемъ къ женщинѣ, которая 14 лѣтъ водила его за носъ и наконецъ, захвативъ въ когти, удушила. Надо бы особо издать его письма къ Ганска, да и то много повтореній. А какъ этюдъ—вещь замѣчательная».

«L'école romantique—отмѣтилъ. Chef de claqué—интересно. Fous littéraires—очень коротко, въ родѣ каталога. Brantome—забавенъ и оригиналенъ. Boissier о Ренанѣ, по-моему, швахъ. Гур... не хочу!!!»

«Dictionnaire des mots français d'origine orientale—прекрасное руководство, которое прочиталъ съ удовольствіемъ. Костомарова оставляю и не посѣтуйте, что Жемчужникова на день задержу. Хочется выписать кое-что. Братя Жемчужниковы нечестно по-

ступили, умолчавъ объ Александрѣ Аммосовѣ, который болѣе Алексѣя Толстого участвовалъ въ ихъ кружкѣ. «Запятки» и «Пастухъ и молоко»—не ихъ, а Аммосова. Это знаютъ многіе, а будь живъ графъ Алексѣй, онъ, какъ человѣкъ правдивый, не допустилъ бы этой передержки».

«Я нижеподписавшійся, симъ свидѣтельствую, что никогда, до конца дней моихъ, не прочту ни строчки изъ сочиненій Катулла Мендеса и если бы всѣ книги погибли и остались одни его «Чудовища», то да будетъ мнѣ стыдно, если помыслю даже взять въ руки его произведеніе.

«Бросьте его выписывать—недаромъ писалъ мнѣ Тургеневъ незадолго передъ смертью: «Напрасно вы думаете, что Catulle Mendes'a теперь и рукой не достанешь: онъ и до своей пьесы и послѣ нея считается прохвостомъ». Его *Monstres* читать только... да юнымъ хамамъ. Вотъ Сентъ-Бѣвъ, такъ Сентъ-Бѣвъ. Залпомъ прочиталъ и нашелъ цвѣты и конфекты. Хотя и не особенно много, но хороши. Онъ, вѣроятно, ихъ и издавать не думалъ, это были его замѣтки для себя. Но умеръ—и ихъ въ трубу выкинуло».

«Книги кончаю. *Sophie Arnould* составлена и написана съ рѣдкимъ мастерствомъ. Флоберъ живой передо мною. Что за колоссальная фигура и сколько прелестныхъ мелкихъ деталей! *Les Prussiens* читать не могу при всей моей нелюбви къ пруссакамъ. Я вообще ничего не терплю военного, если оно не въ родѣ *Boule de Suif*».

«*Ouida*—всѣ рассказы болѣе чѣмъ швахъ, хотя она вездѣ вѣрна своей цѣли и подрываетъ столбы чопорной англійской аристократіи. На оберткѣ *Ouida* много вещей *Henry Gréville*: *La princesse Oyheroff*, *Un violon russe*, *Sonia* и др. Сколько помню, это барыня, которая жила въ Петербургѣ и работала въ «*Journal de St.-Petersbourg*», когда издателемъ былъ еще *Cappelmans*. Какъ-то она описывала бѣдную избушку, «*où les pauvres paysans mangent leur caviar*».

«Я попрошу васъ,—пишетъ Петръ Васильевичъ Щукину,—взять на себя трудъ доставить Павлу Лукичу пѣсенникъ, который онъ мнѣ далъ просмотрѣть. Куда имъ до нашихъ народныхъ пѣсенъ! У Шейна есть строки съ такими задушевыми звуками и такою поэзіей, какой ни Байронъ, ни Шиллеръ не рождали, не говоря о народѣ французскомъ».

«Простился я съ милымъ Фурнье, прочелъ его розыскъ о Мольерѣ и послалъ ему вздохъ изъ тайника души. Съ какою любовью онъ трудился и какъ добросовѣстно! Къ счастью, я знаю Мольера хорошо и мнѣ книга Фурнье доставила истинное удовольствіе».

«Якушкинъ очень хорошъ и оригиналенъ и какая прелесть статья Макенмова. Она лучшая вещь въ книгѣ. Сергѣй Васильевичъ мокалъ перо въ сердце, когда писалъ портретъ безпутнаго Якушкина. Читая эту статью, я его полюбилъ больше, чѣмъ Павлушу».

Какъ только добрался я до пѣсенъ—такъ меня и охватила та же обида, какъ при разборѣ пѣсенника Шейна. Что за тупость, что за отсутствіе уха! Шейну простиительно: знаешь, откуда вышелъ Шейнъ. А Якушкинъ, русскому народному, имѣющему претензію на знаніе—стыдно. Сижу и исправляю вопіющія ошибки. Видно, что всему виною чарка».

«Теперь читаю *Mémoires de Grammont*. Не знаю, что будетъ дальше, а пока жидко.

«Я читалъ въ 40-хъ годахъ въ *Revue Britannique* роскошную статью о дворѣ Карла II и его барыняхъ. У Гамильтона—только отгбнокъ. Все-таки это книга, имѣющая свою фізіономію».

«Три дня работалъ надъ вписываніемъ перевода сонетовъ Баффо. Теперь передо мною лежатъ *Les contes brabançoes*. Прочелъ 14 страницъ, что-то не манить. Затѣмъ остаются Пиренеи, Тэнъ и географическій сборникъ. На дняхъ получилъ отъ Каншина вторую его книгу, которую проглотилъ, какъ превосходный маседуанъ. Очень много толку и интересу».

«Прислала мнѣ Прасковья Ѳедоровна «Ниву» и «Русскую Иллюстрацію». Отъ этихъ изданій я получилъ ипохондрію и близокъ былъ къ умопомѣшательству. Бѣдная Россія, чѣмъ она довольна! Никитина возвращаю. Онъ былъ поэтъ въ душѣ, безспорно, но проявлялъ себя монотонно, неумѣло, удовлетворяя средній классъ чувствительныхъ читателей. Но образованный, тонкій вкусъ имъ не будетъ удовлетворенъ. Что ни говори де-Пуле, а Кольцовъ куда выше! Какъ человѣкъ—Никитинъ прелесть! А его «Золотой щитъ солнца», трава, кудрявый лѣсъ—плоски и скучны.

«Рукописи Вахрамѣева любопытны. Титовъ молодець. Мнѣ очень понравилась въ предисловіи его оговорка, что поученія Іоанна Златоуста зачастую чисто русскаго происхожденія, хотя въ заголовкѣ и поставлено его имя. Знай нашихъ! Когда въ одиночной камерѣ острога какимъ-нибудь гвоздемъ изъ лоскута бумажки дѣлають 25-рублевую ассигнацію, то что за хитрость надуть православныхъ поученіемъ? А еще на жидовъ жалуются! Русскій народъ сибирный».

«Переписка государей интересна только въ первой части. Остальные три—дрянь, особливо письма Анны Ивановны, которая посылала одни поздравленія».

«Вольтеръ Морлея очень плохъ по-моему. Далеко не Руссо. Морлей вздумалъ корчить Карлейля и неудачно. Наводненіе 1824 г. очень любопытно. За исторію книги на Руси Бахтіарову спасибо. Сырокомля—прелесть!»

Почти въ каждомъ письмѣ къ своему поставщику книгъ П. И. Щукину Шумахеръ даетъ отзывъ о 3—4 книгахъ которыя онъ успѣвалъ прочитать въ промежуткахъ между двумя присылками книжныхъ тюковъ, и продолжить эти выписки можно было бы еще на нѣсколькихъ страницахъ. Но и приведенныхъ образчиковъ его кри-

тическихъ сужденій будетъ достаточно для нашей цѣли, и читатель видитъ, какимъ острымъ критическимъ умомъ обладалъ Шумахеръ.

Было бы, однако, большою ошибкой думать, что въ Петръ Васильевичѣ жилъ лишь острословъ, забавлявшій своихъ друзей эпиграммами и куплетами на злобу дня. Есть цѣлый разрядъ стихотвореній, которыя обличаютъ въ немъ настоящаго поэта, искренняго и задушевнаго, чуткаго къ красотамъ природы и нравственнаго міра. Вотъ его взглядъ на сущность поэзіи:

Напрасно ждалъ ты пѣсенъ отъ меня:
Строй звучныхъ ризмъ не есть небесъ примѣта;
Безъ теплоты священнаго огня
Не расцвѣтутъ мечтанія поэта. (Романсъ).

А вотъ его пониманіе жизненной задачи человѣка:

.....
Испепелилася до тла моя гаванна;
Но чуденъ ароматъ, хотя ея ужъ нѣтъ...
Блаженъ тотъ мужъ, чья жизнь прошла благоуханно,
Оставивъ по себѣ намъ свой душистый слѣдъ.
(Flor fina).

Помимо теплоты, Шумахеръ отъ поэта требовалъ и тщательной отдѣлки стиха. Несмотря на легкость его стиховъ, онъ подолгу обдумывалъ каждое стихотвореніе, подыскивалъ варианты и нерѣдко передѣлывалъ его по указанію своихъ друзей.

«Вчера я началъ слагать одну теплую вещь, которую вынашиваю,—писать онъ Щукину.—Не знаю, какъ выльется? Бѣда въ томъ, что чуть не дашь вылежаться, выпустишь изъ рукъ—а черезъ день пойдутъ варианты», и дѣйствительно, его серьезныя лирическія стихотворенія въ родѣ «Поэта и стихотворца», «Пѣсни каторжнаго», «Гроза въ лѣсу» и другія доказываютъ, что Шумахеръ былъ милостію Божіей истинный, прирожденный поэтъ. Къ сожалѣнію, стихотвореній этихъ очень немного. Несчастное положеніе Шумахера почти обязывало его быть остроумцемъ, потѣшать острыми эпиграммами, писать стихотворныя посланія, словомъ, продѣлывать все то, что приходится дѣлать человѣку, который зависитъ отъ другихъ и котораго остроуміе служить существеннымъ орудіемъ въ суровой борьбѣ за существованіе. Какъ настоящій талантъ, Шумахеръ страдалъ въ жизни всѣмъ, чѣмъ полагается страдать русскому таланту: непомерной широтой размаха, безалаберностью, практическою неприспособленностью и строгимъ исполненіемъ завѣта стараго князя Владимира: «веселіе Руси есть пити».

А. Бѣловъ.

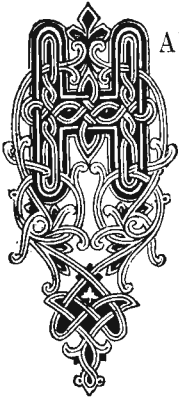

ДАВНИЕ ЭПИЗОДЫ.

1. За безнравственность и демократическія идеи.

I

АЧИНАЮ я помнить себя и окружающее съ такой картины: на квартирѣ въ Шпалерной на большомъ сундукѣ въ дѣтской сижу я со старухой няней Хавроньей Логиновой, по вѣроисповѣданію безпоповщинскаго толка. Сумерки. Лампадка теплится у темныхъ, темныхъ нянинныхъ «угодниковъ» и «Спаса Милостиваго» въ углу. За окнами разгорается закатъ, и алый свѣтъ его странно мѣшается съ лампаднымъ сіяніемъ.

И я, и няня—заливаемся, плачемъ.

Противъ насъ въ креслахъ сидитъ генераль съ густыми эполетами и не менѣе густыми бакенбардами, съ выраженіемъ воинственнаго благодушія на открытомъ лицѣ, николаевской школы генераль.

— Отчего ты плачешь, Коля?—спрашиваетъ онъ меня.

— Маму украли и въ клѣтку посадили. И всѣ мамины бумаги и книги тоже украли,—отвѣчаю я.

Генераль снимаетъ золотой темлякъ съ сабли и отдаетъ мнѣ поиграть. Я утѣшаюсь. Но, когда генераль собирается уходить и пытается получить обратно темлякъ, я не даю. Онъ оставляетъ мнѣ его на память и по пустымъ комнатамъ идетъ къ передней, провожаемый няней и мною. Няня что-то, утирая слезы, говоритъ

ему, кланяется, цѣлуетъ его руку. Генераль ушелъ. Мы тѣмъ же порядкомъ возвращаемся въ дѣтскую. Въ пустыхъ комнатахъ жутко. Бродятъ тѣни и шорохи. Ходятъ свѣтовые пятна по потолкамъ. Всѣ вещи притаились и злоумышляютъ. Даже и днемъ, когда станешь между ними лазать, непременно шишку получишь. Особенно высокая, черная мамина рабочая конторка съ такими острыми рѣзными штучками больно дерется. Только подъ кушеткой хорошо лежать и бить въ ея большой сѣрый животъ. Онъ гудитъ и выходитъ музыка... Въ дѣтской хорошо, тепло, лампадка. Тамъ нянинъ большой сундукъ, покрытый ковромъ съ удивительными цвѣтами, на который мы съ няней три раза въ день садимся поплакать.

Няня раздѣваетъ меня, укладываетъ въ мою кровать съ черными деревянными прутьями рѣшетки, памятливыми мнѣ потому, что я какъ-то ухитрился завязить въ нихъ ногу, не могъ вытащить и справилъ отчаянный ревъ. Няня затѣмъ зажигаетъ свѣчу, садится у стола и принимается вязать чулокъ. Я не сплю и наблюдаю носатую тѣнь ея на стѣнѣ, тоже шевелящую спицами.

— Няня,—спрашивалъ я:—а клѣтка большая?

— Большая, сударь, большая,—отвѣчаетъ няня.

— А у мамы есть въ клѣткѣ кровать?

— Есть, сударь. Изволь спать.

Вотъ няня отложила чулокъ, взяла лестовицу и становится предъ темными своими образами молиться. Она крестится истово, двуперстно, кладетъ поясные и земные поклоны и шепчетъ молитвы. Она долго молится; все начинаетъ мѣшаться въ умѣ моемъ, а все-таки нѣтъ, нѣтъ и простучить въ дремлющемъ сознаниі:

— Маму украли, въ клѣтку посадили и всѣ маминны бумаги и книги украли.

Кто эти дерзкіе «воры»? Дѣтское воображеніе не идетъ такъ далеко. Отъ няни я зналъ, что есть воры и что они тѣмъ только и занимаются, что воруютъ.

II.

Это дѣтское воспоминаніе относится къ 1870 году, когда мой отецъ, докторъ химіи, профессоръ земледѣльческаго института (нынѣ лѣсной), по подозрѣнію въ политическомъ преступленіи, былъ арестованъ и заточенъ въ Алексѣевскій рavelинъ Петропавловской крѣпости, гдѣ и провелъ полтора года во время суда надъ нимъ, до административной высылки. Арестованъ онъ былъ въ самомъ зданіи института, въ казенной профессорской квартирѣ, имѣющей непосредственное сообщеніе съ химической лабораторіей института. Въ этой квартирѣ я и родился. Матушка моя незадолго до ареста отца переѣхала въ Петербургъ, на квартиру въ Шпалерной и тутъ была тоже арестована и затѣмъ прибыла въ

Петропавловской крѣпости полтора мѣсяца и, за отсутствіемъ какихъ-либо уликъ, освобождена. Какъ сонъ, припоминается мнѣ и это возвращеніе ея, слабый, нѣжный запахъ духовъ, сладкія слезы, блѣдныя, прекрасныя ея ручки, обнимающія меня... И какія это были золотыя, рабочія руки! Мать моя, Анна Николаевна Энгельгардтъ, проработала въ русской литературѣ, какъ переводчица и журналистка, сорокъ лѣтъ. Тогда, въ 1870 году, было лишь начало ея литературной дѣятельности. Работала она между прочимъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» Трубникова. Тогда эта газета была первой по успѣху и количеству подписчиковъ. Впрочемъ, успѣхъ этотъ былъ не дологъ. И вотъ матушка моя не разъ вспоминала и рассказывала одну характерную подробность ея ареста. То были времена еще старосвѣтскія. Въ преданіяхъ россійской жандармеріи еще не забытъ былъ платокъ, который императоръ Николай Павловичъ нѣкогда вручилъ шефу съ наставленіемъ утирать имъ слезы несчастныхъ. Жандармскій полковникъ, производившій обыскъ въ квартирѣ моей матушки, все время объяснялся съ ней на отличнѣйшемъ французскомъ языкѣ. Найти что-либо предосудительное было невозможно по той простой причинѣ, что ничего такого въ квартирѣ и не было. Политическія увлеченія моей матушки съ годами и опытомъ миновали. Но полковникъ обратилъ вниманіе на груды газетъ и между прочимъ англійскихъ «Таймса», нью-іоркской «Трибьюнъ», огромные листы которыхъ размѣчены были краснымъ и синимъ карандашомъ, французскихъ и нѣмецкихъ съ такими же отмѣтками. Тогда вѣдь начиналась, шла и разгоралась франко-прусская война. Понятное дѣло, что матушкѣ моей приходилось ежедневно переводить изъ иностранныхъ газетъ цѣлыя столбцы.

— Позвольте спросить васъ, сударыня,—сказалъ недоумѣвающій жандармъ:—что значать эти отмѣтки краснымъ и синимъ карандашомъ на столькихъ иностранныхъ газетахъ? Тутъ вѣдь цѣлыя горы газетъ!

— Это отчеркнуты редакторомъ тѣ статьи, которыя я должна была переводить на русскій языкъ для газеты. Въ такомъ видѣ газеты присылаются мнѣ ежедневно изъ редакціи.

— Какъ! И вы перевели всѣ эти безчисленные столбцы мелкаго шрифта съ скучными политическими статьями?

— Да, перевела,—отвѣчала моя мать.

— И это каждый день? Это изо дня въ день?

— Каждый день и изо дня въ день.

Казалось, жандармскій полковникъ не вѣрилъ своимъ глазамъ. Предъ нимъ стояла молодая, изящная женщина въ простомъ, черномъ платьѣ, лишь отороченномъ высоко на шеѣ и на рукахъ узкими ободками бѣлоснѣжныхъ воротничковъ. Единственное украшеніе составляла тонкая золотая цѣпочка часиковъ на груди. Онъ

смотрѣлъ на это молодое, прекрасное, задумчивое, поблѣднѣвшее лицо, на эти ручки, такія миниатюрныя, аристократическія ручки, послѣдственно выхоленныя бездѣльемъ многихъ поколѣній... Первая русская самостоятельно трудящаяся на общественномъ прищѣ русская женщина стояла передъ нимъ.

Производившій обыскъ полковникъ вдругъ отступилъ и отвѣсилъ низкій поклонъ моей матери.

А все-таки онъ долженъ былъ отвезти и отвезъ ее въ Петропавловскую крѣпость. Вотъ это-то событіе я, на мой дѣтскій разумъ, и опредѣлялъ:

«Маму украли и въ клѣтку посадили. И всѣ мамины книги и бумаги украли».

III.

Въ приложенной мною къ третьему изданію «Писемъ изъ деревни» біографіи моего отца, Александра Николаевича Энгельгардта, я ничего не сказалъ о причинахъ его ссылки въ 1871 году, а также политическомъ его приключеніи десятью годами раньше, когда онъ отдѣлался сравнительно легко—двухнедѣльнымъ арестомъ на гауптвахтѣ.

Я намѣренно сдѣлалъ этотъ пропускъ потому, что надо было сказать слишкомъ много такого, чего сказать по цензурнымъ условіямъ было тогда совершенно невозможно. Статьи мои съ біографіей появились сперва въ 1896 году въ «Книжкахъ Недѣли», слѣдовательно въ эпоху оглушительно-гасительной дѣятельности господина Феоктистова, а затѣмъ и Соловьева, раскаявшагося радикала, сдѣлавшаго себѣ карьеру умѣньемъ рисовать византійскихъ «человѣчковъ»—миниатюры, заставки въ византійскомъ, постномъ вкусѣ. Этотъ Соловьевъ былъ къ тому же косъ на одинъ глазъ, что дало поводъ сказать въ эпиграммѣ на него Черниговцу:

Не составляетъ и вопроса,
Что на печать онъ смотритъ косо!

А другой остроумецъ замѣтилъ, что хотя

Начальникъ давить на печать,
А все печать выходитъ красной...

Соловьевъ и задушилъ «Недѣлю». Ясное дѣло, что писать что-либо внятное о событіяхъ 1861 и 1870 года въ жизни моего отца не представляло возможности, а намекать глухо и «между строкъ» было просто противно.

Но въ настоящее время цензурныя условія измѣнились, и именно это измѣненіе цензурныхъ условій не только даетъ мнѣ возмож-

ность, но и побуждаетъ меня пополнить преднамѣренный пропускъ въ біографіи моего отца.

Дѣло въ томъ, что въ разныхъ статьяхъ, книгахъ, журналахъ стали появляться отрывочныя замѣтки то о политической роли моей матери въ шестидесятыхъ годахъ, то о подобной же—моего отца, о причинахъ его высылки и долгой, лежавшей на немъ опалы. Всѣ такія замѣтки, видимо, составлены по слухамъ, по крайне недостаточнымъ матеріаламъ, причемъ авторы не жалѣютъ красокъ, полагая, что тѣмъ почетнѣе для памяти человѣка и дѣятеля, чѣмъ «радикальнѣе» онъ освѣщенъ. Желая, чтобы одна правда была внесена въ біографіи моего отца и матери, я и предпринялъ рассказать здѣсь эпизоды ихъ жизни въ 1861 и 1870 году, внесшіе ихъ имена въ исторію тогдашнихъ политическихъ волненій. Полагаю, что могу это сдѣлать съ наибольшей освѣдомленностью, потому что помимо воспоминаній, рассказовъ о событіяхъ, хранимыхъ моей памятью, я обладаю обширнымъ семейнымъ архивомъ всевозможныхъ документовъ: писемъ, дневниковъ, официальныхъ бумагъ и т. д. Въ это собраніе вошелъ, во-первыхъ, архивъ моего отца, обнимающій время съ начала пятидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія по годъ кончины моего отца; во-вторыхъ, обширное собраніе писемъ, рукописей, дневниковъ моей матери почти за сорокъ лѣтъ ея дѣятельности; въ-третьихъ, часть архива моего дѣда Николая Петровича Макарова, извѣстнаго составителя словарей, гдѣ имѣются документы, относящіеся еще къ 20-мъ и 30-мъ годамъ прошлаго столѣтія. Наконецъ вся эта масса бумагъ пополнена мною всевозможными печатными матеріалами, относящимися къ жизни и дѣятельности упоминаемыхъ лицъ.

IV.

Вотъ пожелтѣлая отъ времени страничка, гдѣ моя матушка описываетъ свое пребываніе въ крѣпости:

«Жандармскій полковникъ посадилъ меня въ карету и самъ сѣлъ рядомъ. Карета съ опущенными занавѣсками понеслась. Уходя, я поручила нянѣ свезти къ моимъ хорошимъ знакомымъ старшаго моего сына и дочь. Младшій же долженъ былъ оставаться съ нею на квартирѣ. Онъ сладко спалъ, и я не будила его. «Куда вы меня везете?» спросила я жандарма. Онъ отвѣчалъ, что хотя не имѣетъ права сообщить этого, но человѣческое чувство побуждаетъ его сказать, что мы ѣдемъ въ крѣпость. Въ самомъ дѣлѣ, на лицѣ его выражалась искренняя симпатія. «Я полагаю, сударыня, однако, что вамъ нечего опасаться. Вы пробудете лишь нѣсколько дней въ крѣпости. Все разъяснится, и вы возвратитесь къ вашимъ политическимъ статьямъ». Онъ говорилъ все это по-французски и опять

поклонился. Мысль, что дама можетъ ежедневно переводить англійскія и нѣмецкія политическія статьи, видимо, никакъ не укладывалась въ его головѣ и казалась совершенно выходящей изъ ряду.

«Въ Россіи женщины мало пишутъ. Впрочемъ, этому нечего удивляться. У насъ женщины пишутъ именно не больше и не меньше того, сколько могутъ онѣ писать. Званіе писательницы пока еще контрабанда не у однихъ насъ. Лживый взглядъ на женщину осуждаетъ ее на молчаніе. Этотъ взглядъ, запрещающій женщинѣ выходить изъ заколдованнаго круга простыхъ свѣтскихъ отношеній, не есть принадлежность собственно русскаго общества: онъ равно принадлежитъ и просвѣщенному Западу Европы. Правда, тамъ, какъ и у насъ, женщина давно уже приобрѣла право говорить въ печати,—но какъ и о чемъ говорить? Никакая пишущая женщина въ Европѣ не избѣгнетъ пошлыхъ намековъ и названія сняго чулка, каковъ бы ни былъ ея талантъ, равно всѣми признанный. Никто тамъ не оспариваетъ у женщины права высказываться печатно и возможности быть одаренною даже великимъ творческимъ талантомъ; никого не оскорбляетъ и не соблазняетъ зрѣлище пишущей женщины; но въ то же время едва ли кто упуститъ случай, говоря о пишущей женщинѣ, посмѣяться надъ ограниченностью женскаго ума, болѣе, будто бы, приноровленнаго для кухни, дѣтской, шитья и вязанья, чѣмъ для мысли и творчества. Это уже такая привычка у мужчинъ: если они давно перестали бить женщинъ, то еще не отстали отъ привычки грозить имъ кулакомъ, или дразнить насмѣшками, въ ознаменованіе права своей силы. Привычка—вторая натура, и потому отстать отъ нея трудно. Для женщины-писательницы это первое, и притомъ еще меньшее зло. Хуже всего, что она осуждена общественнымъ мнѣніемъ на самыя невинныя литературныя занятія, именно—вѣчно повторять старыя обветшалыя истины, которымъ не вѣрятъ даже и дѣти, но которыя, тѣмъ не менѣе, считаются почтенными. Нельзя оказать женщинѣ большаго презрѣнія! Конечно, ей не воспрещается закономъ быть оригинальною и глубокою въ своихъ мысляхъ, могущественною и великою въ творествѣ,—по крайней мѣрѣ настолько, насколько не воспрещается это закономъ мужчинъ; но если законъ оставитъ женщину въ покоѣ, тогда противъ нея дѣйствуетъ общественное мнѣніе. Тысячглавое чудовище объявляетъ ее безнравственною, грязнитъ ея благороднѣйшія чувства, чистѣйшіе помыслы и стремленія, возвышеннѣйшія мысли—грязнитъ ихъ пошлостью своихъ комментаріевъ; объявляетъ ее безобразною кометою, чудовищнымъ явленіемъ, самовольно вырвавшимся изъ сферы своего пола, изъ круга своихъ обязанностей. Это возмутительно несправедливо. Но перо мое далеко отвело меня отъ событій, которыя я хочу описать или записать.

«Жандармскій полковникъ сказалъ, что я пробуду въ крѣпости лишь нѣсколько дней. Онъ былъ правъ. Я тамъ провела лишь сорокъ пять дней. Я ничего не знала и не могла знать объ арестѣ моего мужа. Допросы не сообщили мнѣ объ этомъ свѣдѣній. Допросы были какіе-то формальные и безсодержательные. Кажется, чинившій допросъ самъ зналъ превосходно, что спрашивать ровно не о чемъ. Къ чему же тогда этотъ арестъ, это ненужное истязаніе? Министръ Тимашевъ потомъ мнѣ объяснилъ это, когда на мои слова, что мужъ мой страдаетъ невинно, отвѣчалъ съ наглымъ видомъ: «Мы единиць не считаемъ». И они въ самомъ дѣлѣ не считали «единиць». Что Саша арестованъ, что онъ въ той же крѣпости, гдѣ и я, про то я не знала. Мнѣ позволили работать. Въ келью мою присылали тѣ самыя иностранныя газеты, размѣченныя краснымъ и синимъ редакціоннымъ карандашомъ, и я переводила. Такъ позволяли писать статьи изъ крѣпости Чернышевскому и Писареву. Шли громоносныя событія франко-прусской войны. Въ глубокой тишинѣ, лишняя свободы, въ темномъ одиночествѣ, я съ особою силою переживала эти событія, огненной лентой переливавшіяся изъ трепетавшихъ, казалось, жизнью газетныхъ листовъ съ моего пера на страницы рукописи. Этотъ трудъ спасалъ меня отъ черныхъ мыслей, отъ малодушія. Онъ соединялъ меня съ жизнью. Я знала, что эти строки, написанныя мною въ тюрьмѣ, завтра будутъ читать свободные люди. Но наконецъ двери крѣпости предо мною отворились...»

Къ сожалѣнію, здѣсь прерывается пожелтѣлая страничка, исписанная бисернымъ почеркомъ моей матери.

V.

Нѣкоторыя подробности ареста моего отца и пребыванія его въ крѣпости я могу возстановить по памяти разсказовъ его, многократно мною слышанныхъ. Онъ былъ не столько арестованъ въ зданіи института въ Лѣсномъ, сколько, такъ сказать, похищенъ оттуда глубокой ночью. Онъ не спалъ и такъ какъ маленькая дверь соединяла и до сихъ поръ соединяетъ квартиру профессора химіи съ институтской лабораторіей, то онъ сидѣлъ именно здѣсь, размышляя надъ томами «Яресберихте» Либиха посреди колбъ, склянокъ, ретортъ и пробирокъ и начатыхъ работъ. Онъ изучалъ тогда функціи феноловъ и ароматическихъ кислотъ, описывалъ изомерныя формы, приготавливалъ хлоро и нитропродукты. За изслѣдованіе о крезолахъ и нитросоединеніяхъ, которое произвелъ онъ совмѣстно съ другимъ химикомъ, Павломъ Александровичемъ Лачиновымъ, ему была вскорѣ же присуждена академіей наукъ ломоносовская премія въ тысячу рублей. Такъ какъ все его состояніе тогда, кромѣ пустыря въ

Дорогобужскомъ уѣздѣ Смоленской губерні, дававшего въ годъ буквально 300 рублей дохода, — впоследствии образцовое имѣніе Батищево, — выражалось въ огромной библіотекѣ химическихъ книгъ, то половина ломоносовской преміи составляла весь капиталъ, съ которымъ онъ началъ въ февралѣ 1871 года хозяйство, сосланный въ смоленскую глушь.

Итакъ, въ ночь ареста профессоръ Энгельгардтъ сидѣлъ въ институтской лабораторіи, погруженный мыслию въ таинства вещества. Вдругъ маленькая дверь изъ его квартиры отворилась, показался эпюлетъ и аксельбантъ, и «пѣкто», помахивая бумагой, сталъ пальцемъ выманивать его изъ лабораторіи. Энгельгардтъ понялъ, что это значитъ, и не удивился.

Онъ вышелъ, прочелъ бумагу, тотчасъ же былъ посаженъ въ карету, и она понеслась.

Повторяю, это былъ родъ похищенія. Смущались необходимостью взять профессора и декана института, къ тому же чрезвычайно популярнаго среди молодежи, въ стѣнахъ самаго ученаго учрежденія. И поэтому изъяли моего отца мгновенно.

Жандармъ, везшій моего отца, не отвѣчалъ ни слова на попытку его спросить: за что взяли его и куда везутъ? Свѣтовые пятна, звуки и тѣни возвѣстили ему прибытіе въ Петербургъ, гулъ подъ сводами, когда они вѣзжали въ ворота, позволилъ догадаться, что онъ въ Петропавловской.

Келья, въ которой провелъ мой отецъ во время слѣдствія и суда надъ нимъ полтора года, въ такъ называемомъ Алексѣевскомъ равелинѣ, была со сводами, такъ что частью пространства въ ней нельзя было пользоваться при прохаживаніи взадъ и впередъ. Особенно тяжки были первые три недѣли, когда онъ не зналъ, за что и по какому дѣлу заточенъ. Къ тому же тягостныя мысли о женѣ и дѣтяхъ и скука вынужденнаго бездѣлья.

Все время пребыванія отца въ крѣпости ему позволяли читать лишь двѣ книги: евангеліе и томикъ сочиненій графа Ксавье де-Местра въ изданіи 1817 года. Повидимому, эта книга осталась въ крѣпости еще отъ декабристовъ.

Евангеліе тоже было на французскомъ языкѣ. Сочиненія графа Ксавье, особенно его «*Voyage autour de ma chambre*», были особенно кстати и много принесли утѣшенія отцу своими философическими мыслями. «Я предпринялъ и совершилъ путешествіе въ сорокъ два дня по моей комнатѣ,—говоритъ графъ Ксавье.—Интереснѣйшія наблюденія, которыя я при этомъ сдѣлалъ, и постоянное удовольствіе, которое испытывалъ въ продолженіе пути, побудило меня его обнародовать; увѣренность принести пользу меня въ томъ укрѣпляла. Мое сердце испытываетъ невыразимое удовлетвореніе при мысли о безконечномъ числѣ несчастныхъ, которымъ я сообщаю превосходное средство отъ скуки и къ услажденію томящихъ ихъ злополучій. Удовольствіе, которое можно испытать, путешествуя

по своей комнатѣ, защищено отъ навѣтовъ людской зависти; оно независимо отъ размѣровъ состоянія. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли быть столь несчастнымъ, столь обдѣленнымъ, чтобы не имѣть угла, куда бы можно было удалиться и сокрыться отъ всего свѣта? Вотъ всѣ приготовленія къ путешествію. Я убѣжденъ, что всѣ чувствительные люди одобряютъ мою систему, какого бы характера и темперамента они ни были».

И запертый въ камерѣ Петропавловской крѣпости мой отецъ рѣшилъ, по системѣ остроумнаго графа Ксавье, предпринять путешествіе по своей комнатѣ. Но только длилось оно не сорокъ два дня, а пятьсотъ сорокъ семь дней съ половиною.

Вымѣривъ шагами окружность и діагональ того пространства, которое отведено было ему попеченіемъ начальства, профессоръ Энгельгардтъ рѣшилъ дѣлать ежедневно въ три приѣма шесть верстъ своего путешествія. Замѣтивъ, какое пространство своей келейной дороги онъ можетъ пройти, медленно выкуривая папироску, онъ окурками считалъ свои версты. Не помню въ точности, сколько приходилось окурковъ на версту путешествія. Эти путешествія въ самомъ дѣлѣ много способствовали сохраненію его здоровья. Съ теченіемъ времени установились у него и сношенія съ другими заключенными. Велись они до нельзя просто и патриархально. Посуда была оловянная и тарелки мѣнялись, попадая сегодня въ одинъ казематъ, а завтра—въ другой. Писали вилкой на днѣ оловянныхъ тарелокъ, и, странствуя по казематамъ, эти замѣтки пополнялись и разносили свѣдѣнія отъ одного заключеннаго къ другому. Времена были, какъ сказано, еще романтическія и патриархальныя.

Я уже говорилъ, что, кромѣ Ксавье де-Местра, мой отецъ въ крѣпости читалъ евангеліе. Совершенно матеріалистическое міросозерцаніе, котораго онъ былъ послѣдователемъ, конечно, оставило его чуждымъ мистическимъ сторонамъ этой книги, но нравственное ученіе, изложенное въ ней, производило освѣжающее впечатлѣніе. Идея свободы, разлитая въ этомъ вѣчномъ твореніи, которое столь тщательно заточается въ золотокованные переплеты и защелкивается на металлическія застѣжки въ храмахъ, служа болѣе предметомъ поклоненія, чѣмъ уразумѣнія, идея свободы соответствовала стихамъ той эпохи:

И на крестѣ распятый Богъ
Былъ сынъ толпы и демагогъ.

VI.

Время, однако, сказать, за что именно былъ арестованъ, заточенъ и, наконецъ, сосланъ профессоръ Энгельгардтъ? Имѣя послужной списокъ, отвѣтить на этотъ вопросъ, кажется, не трудно, но такъ именно лишь кажется, на самомъ же дѣлѣ все загадочно и темно въ этомъ «политическомъ дѣлѣ».

Въ послужномъ спискѣ профессора Энгельгардта, подлинникъ котораго находится въ архивѣ министерства земледѣлія, сказано, что Энгельгардтъ былъ преданъ суду за то, что участвовалъ въ незаконномъ сборищѣ студентовъ и произносилъ предъ ними противоправительственныя рѣчи, каковыя дѣянія и вмѣнены ему въ преступленіе.

Однако профессоръ Энгельгардтъ «по суду оправданъ».

Это точныя слова формуляра.

Почему онъ по суду былъ оправданъ? Конечно, потому, что нельзя было никакъ его обвинить ни въ томъ преступленіи, въ которомъ его обвиняли, ни въ какомъ-либо другомъ. Профессоръ Энгельгардтъ ни на какомъ «незаконномъ сборищѣ» студентовъ земледѣльческаго института не присутствовалъ и никакихъ, по этому самому, рѣчей не могъ произносить.

Какъ такъ? Откуда же обвиненіе доктора химіи Энгельгардта?

На этотъ вопросъ можно отвѣтить словами крыловскаго волка: «Ты виноватъ ужъ тѣмъ, что хочется миѣ кушать». Очевидно, кому-то въ 1870 году хотѣлось «скушать» профессора Энгельгардта, и онъ прибѣгъ къ обычному въ такихъ случаяхъ приему: клеветѣ и лжи.

Можно одно сказать: такъ называемый «режимъ» тутъ ровно ни при чемъ.

Въ эпоху первой республики и конвента во Франціи гильотинировали химика Лавуазье. Для этого надо было обвинить его въ измѣнѣ отечеству. Какъ же построили обвиненіе? Лавуазье поставлялъ въ армію табакъ. Обвиненіе гласитъ, что Лавуазье будто бы поставлялъ дурной табакъ въ армію съ цѣлью ослабить силы солдатъ и предать ихъ въ руки враговъ. Итакъ, Лавуазье измѣнникъ. И Лавуазье казнили при крикахъ: «Республикѣ не надо химиковъ».

Обвиненіе противъ химика Энгельгардта въ самодержавной Россіи XIX вѣка было построено совершенно такъ же, какъ и обвиненіе химика Лавуазье въ XVIII вѣкѣ въ республиканской Франціи.

Энгельгардтъ участвовалъ въ «сборищѣ студентовъ». Да, онъ былъ на вечерѣ, устроенномъ студентами земледѣльческаго института, то-есть на собраніи студентовъ. «Собраніе и есть—сборище. Всякое же сборище преступно и незаконно». Но эта вечеринка была разрѣшена начальникомъ института, и профессоръ Энгельгардтъ присутствовалъ на ней, какъ деканъ института, по своей обязанности. Именно его-то присутствіе и дѣлало это собраніе законнымъ.

«Да, но Энгельгардтъ говорилъ и пилъ вино на этомъ сборищѣ». Говорилъ. Пилъ. «Значитъ, онъ произносилъ предъ сборищемъ студентовъ противоправительственныя, подрывающія основы, преступныя рѣчи». Нѣтъ. Въ словахъ его ничего преступнаго не было, ибо онъ говорилъ преимущественно о фенолахъ и нитросоединеніяхъ. «Слова его имѣли иносказательный смыслъ, понятный для слушателей». Но Энгельгардтъ, пробывъ въ крѣпости полтора года, по суду оправданъ. Это и въ послужной списокъ пришлось внести.

«Очень хорошо. Пусть по суду профессоръ Энгельгардтъ оправданъ. Но въ административномъ порядкѣ по высочайшему повелѣнію онъ ссылается, за распространеніе между студентами земледѣльческаго института безнравственности и демократическихъ идей въ Смоленскую губернію безъ права выѣзда за границу и во всѣ университетскіе города, а въ губернской городъ Смоленскъ лишь съ разрѣшенія мѣстнаго губернатора, подъ тайный надзоръ полиціи».

Какъ! Химикъ, даровитый ученый, талантливѣйшій блестящій профессоръ и лекторъ ссылается ни за что, будучи оправданъ по суду, въ смоленскую глушь, безъ права выѣзда именно въ университетскіе города, гдѣ бы ему надлежало быть! Или у насъ преизбытокъ даровитыхъ ученыхъ и талантливыхъ профессоровъ?

Правительству не надо химиковъ!

Да, именно это въ сущности и сказалъ, только другими словами, моей матушкѣ министръ внутреннихъ дѣлъ Тимашевъ:

— Мы единиць не считаемъ.

— Даже когда эта «единица»—профессоръ Энгельгардтъ?—спросила она.

— Даже когда это Энгельгардтъ, — отвѣтилъ министръ Тимашевъ.

Слова эти—ключъ къ внутренней политикѣ министровъ царствованія императора Александра II. Но вздутый по той же самой программѣ, что и обвиненіе моего отца, процессъ ста девяносто трехъ показалъ, что они не считали и десятковъ и сотенъ. Эти министры, изволите ли видѣть, имѣли въ виду «общее благо» и общія, широкія «перспективы», а поэтому «единиць», гибнущихъ безсмысленно и неповинно, они не считали, и того, что дѣлалось у нихъ подъ носомъ, не видали.

Какое преступленіе, именно государственное преступленіе сослать профессора Энгельгардта, когда онъ по суду оправданъ, по высочайшему повелѣнію! Чтобы получить это повелѣніе, министръ долженъ былъ уловить царскую совѣсть, въ ложномъ свѣтѣ представить все дѣло. И какое возмущеніе и недовольство посѣвалось этимъ въ обществѣ, какъ подрывался авторитетъ несчастнаго государя. Всѣ эти «единицы», которыхъ не считали Тимашевы, Валуевы, Толстые и прочіе напыщенные и самонадѣянные бюрократы, составили наконецъ ужасный счетъ, оплаченный ужасно.

VII.

Но, быть можетъ, въ 1871 году профессору Энгельгардту и его женѣ мстили за ихъ «политическую», «противоправительственную» дѣятельность въ 1861 году, когда Энгельгардтъ отдѣлался только двумя недѣлями ареста при гауптвахтѣ? Несмотря на десятилѣтнюю давность, такое «сведеніе старыхъ счетовъ» при удобномъ случаѣ

вполнѣ въ русскихъ нравахъ: «А, голубчикъ, ты ускользнулъ! Ладно же. Это мы тебѣ попомнимъ. Это тебѣ отольется, при случаѣ».

Поэтому бросимъ взглядъ на участіе Энгельгардта въ первомъ студенческомъ волненіи 1861 года. Но чтобы теперь, по прошествіи столькихъ лѣтъ получилась ясная картина, принужденъ я дать очеркъ, самый краткій, но полный, еще и предшествовавшего 1861 году десятилѣтія въ жизни моего отца и матушки.

Между многочисленными рукописями, дневниками, собраніями писемъ и другими документами, которые остались послѣ автора «Писемъ изъ деревни», нашлись три толстыхъ переплетенныхъ тетради, заключающихъ дневники его, веденные во время путешествія по Уралу, на магнитную гору Качканаръ и плаванія по рѣкамъ Серебрянкѣ и Чусовой въ 1853 году. Кромѣ этихъ черновыхъ тетрадей, сохранился сводъ изъ дневниковъ, переписанныхъ писарскимъ почеркомъ, съ отмѣткою рукою отца: «А. Энгельгардтъ. Подпоручика Л.-Гв. Конной Артиллеріи, кварт. у Литейнаго моста, въ домъ Козодаева». Видимо, это рукопись, приготовленная къ печати. Кажется, и была напечатана въ «Библіотекѣ для чтенія». Сохранились еще дневники болѣе спеціальнаго характера, подъ заглавіемъ: «Путешествіе по Финляндіи и Олонецкой губерніи въ 1852 и 1854 гг.» и нѣкоторые беллетристическіе опыты (отрывки изъ разсказа). Во всемъ виденъ будущій авторъ «Писемъ изъ деревни». Сколько наблюдательности, юмора! Какія разнообразныя картины и сцены! Какія задушевные описанія природы! Но я возьму отсюда лишь автобіографическую страничку, которая обрисовываетъ въ юномъ Энгельгардтѣ всю его созерцательную натуру страстнаго ученаго, изслѣдователя, натуралиста прежде всего.

«Вечеромъ. 23-го августа 1852 года.

«... Вотъ уже три недѣли, что я въ Петрозаводскѣ. До сихъ поръ еще ничего не писалъ—теперь буду вести дневникъ... Скучно. Хочется въ Петербургъ. Я начинаю хандрить. Хоть бы влюбиться, а то и этого я не могу или не хочу, боюсь, что еще, пожалуй, не выдержавъ да женишься, а это разстроитъ все мои замыслы. Прощай тогда путешествіе. Однако нужно еще много учиться. Путешествіе мало еще приносить мнѣ пользы. Нужно многимъ заняться. Естественными науками въ особенности... Господи! помоги мнѣ сдѣлать то, что я желалъ бы сдѣлать—вѣдь мнѣ всего только 23 года. Терпѣніе и твердая воля,—вотъ что мнѣ нужно. Положимъ, что я истрачу все мое состояніе въ путешествіяхъ, что я тогда буду дѣлать? Неужели же я не найду себѣ мѣста, неужели не дадутъ мнѣ такого содержанія, которое обезпечило бы мое существованіе? Какой цѣли хочу я достигнуть? Изучить Россію во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ, энциклопедически... Нѣтъ, меня интересуетъ путе-

шествіе и въ другія страны, по всему свѣту. Все хочется мнѣ видѣть, все описать. Сколько мыслей, плаговъ, предположеній вертится въ моей головѣ! Неужели я не выполню всего этого?..

«Трудъ, умѣренность, твердая воля, не обращать вниманія на слова другихъ—вогь что нужно для достиженія моей цѣли. Мой девизъ—обсудить предметъ. Сказать себѣ: дѣлаю такъ—и дѣлать».

Другая автобіографическая страничка отъ 10-го іюля 1854 года:

«Сидя въ классѣ, во время скучной лекціи какого-нибудь Киндера, я уже мечталъ о поѣздкѣ за границу послѣ окончанія курса въ артиллерійскомъ училищѣ. Это была не безотчетная страсть къ перемѣнѣ мѣста, не желаніе потушить скуку,—я скуки никогда не испытывалъ,—нѣтъ, это было стремленіе къ самосовершенствованію, любознательность. Я сознавалъ необходимость путешествія для полного образованія. Я началъ заниматься естественными науками. Достаточное количество получаемыхъ изъ дома денегъ позволило мнѣ покупать много книгъ. Тогда уже я запасся книгами по всѣмъ отраслямъ естествознанія. Лекціи Введенскаго твердо укрѣпили во мнѣ мысль о необходимости путешествовать. Первые мои матеріалы были куски гранита, собранные на набережной Невы. Съ рвеніемъ изучалъ я употребленіе паяльной трубки, познакомился съ основаніями ботаники, принялся за минералогію, купилъ коллекцію прекрасныхъ минераловъ. Въ шесть мѣсяцевъ я изучилъ огромное сочиненіе Dufrenoy, перепробовалъ всѣ минералы моей коллекціи, прошелъ геогнозію Соколова, не забывая при томъ и химію—мой любимый предметъ. Статьи Куторги: «Геологъ-путеводитель по берегамъ Ладожскаго озера и Финляндскаго залива»—много способствовали моему желанію изучать минералогію».

«Я былъ произведенъ въ офицеры, поселился на своей квартирѣ, завелъ свою лабораторію и началъ заниматься изученіемъ органической химіи, слушалъ лекціи Зинина, читалъ Жерара, дѣлалъ опыты. Понятія мои о химіи очень усовершенствовались».

«Меня послали вмѣстѣ съ другими офицерами младшаго класса на заводы. Я посѣтилъ пороховой заводъ на Охтѣ, капсюльное заведеніе, Пилмерандскій заводъ въ восточной Финляндіи, Александровскій заводъ въ Петрозаводскѣ, с.-петербургскій арсеналъ, Колпинскій и Сестрорѣцкій заводы. Къ осени 1852 года я возвратился въ Петербургъ съ большими запасами минераловъ, впечатлѣній. Черезъ годъ я кончилъ курсъ наукъ въ артиллерійскомъ училищѣ и могъ взять отпускъ. Мнѣ дали отпускъ на четыре лѣтнихъ мѣсяца 1853 года. 9-го іюня я выѣхалъ изъ Петербурга и отправился на уральскіе горные заводы. Проѣхавъ съ юга на сѣверъ, отъ Троицкаго до Богословскаго завода, 10-го октября былъ снова въ Петербургѣ, гдѣ и поступилъ на службу въ литейную мастерскую с.-петербургскаго арсенала».

VIII.

Энгельгардтъ оставался на службѣ въ литейной мастерской с.-петербургскаго арсенала до 1866 года. Онъ оказалъ большія услуги артиллерійскому дѣлу въ Россіи. Отлито подъ его руководствомъ до тысячи орудій. Посланный за границу на заводъ Круппа, онъ первый изучилъ и примѣнилъ въ арсеналѣ его способъ приготовления стальныхъ пушекъ. Вмѣстѣ съ извѣстнымъ химикомъ Соколовымъ, ученикомъ Либиха, Жерара, Коппе, Реньо, и Шишковымъ и товарищемъ по артиллерійскому училищу, впоследствии извѣстнымъ журналистомъ Загуляевымъ, Энгельгардтъ открылъ первую частную химическую лабораторію, а въ 1859 году началъ выпускать первый русскій «Химическій журналъ». Журналъ этотъ, несмотря на совершенно спеціальнй характеръ, въ 1861 году пересталъ выходить «по независимымъ обстоятельствамъ». А въ 1866 году Энгельгардтъ, согласно прошенію, уволенъ отъ службы при арсеналѣ, «для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ», какъ сказано въ формулярѣ. Отсюда видно, что, хотя онъ въ 1861 году и былъ замѣшанъ въ политическія волненія, это не помѣшало ему прослужить въ арсеналѣ еще пять лѣтъ.

Хотя въ 1852 году юный Энгельгардтъ боится влюбиться, чтобы не жениться, что могло бы помѣшать ему объѣхать «весь свѣтъ», но уже въ 1859 году «служащій при с.-петербургскомъ арсеналѣ л.-гв. конной артиллеріи поручикъ Александръ Николаевъ Энгельгардтъ апрѣля 19 дня повѣнчанъ первымъ законнымъ бракомъ съ дочерью отставнаго майора Николая Макарова, дѣвицею Анною Николаевою».

Какъ метрическое свидѣтельство сей Анны Николаевой дочери майора Макарова было затеряно, то о семь въ консисторіи производилось дѣло, и по справкѣ оказалось: «Въ метрической книгѣ Рыльскаго уѣзда села Александровки Владимирской церкви, 1838 года, въ первой части о родившихся подъ № 16, значится іюня втораго рожденіе и шестого крещеніе, імя родившейся Анна, званіе родителей: Костромской губерніи Солигалицкаго уѣзда помѣщикъ майоръ Николай Петровъ сынъ Макаровъ и законная жена его Александра Петрова дочь, рожденная Болтина, оба православные; воспріемники были: Финляндскаго драгунскаго полка капитанъ Александръ Петровъ Болтинъ, и сего же уѣзда, села Кобылокъ штабсъ-ротмистерша помѣщица Клеопатра Петрова дочь Забѣлина. Опредѣлили и его преосвященство утвердилъ и т. д. , и т. д.».

Въ сей консисторской справкѣ, опредѣляющей происхождение моей матери отъ старыхъ костромскихъ и нижегородскихъ дворянъ (двое Болтиныхъ подписались на соборномъ опредѣленіи 1613 года— ставленной грамотѣ царя Михаила Феодоровича; извѣстенъ исто-

рикъ XVIII вѣка Волгинъ),—я прибавлю автобіографическую страничку изъ дневниковъ моей матушки, которая даетъ ключъ къ ея характеру и духовному облику. Это необходимо, чтобы понять, что за люди были чета—химикъ Энгельгардтъ и его жена, брошенные въ бурный политическій потокъ весенняго разлива шестидесятыхъ годовъ.

IX.

Вотъ еще автобіографическая страница русской писательницы, проработавшей сорокъ лѣтъ въ литературѣ, одной изъ первыхъ русскихъ женщинъ, самостоятельно трудившихся на общественномъ поприщѣ и въ то же время исполнявшей долгъ женщины-семьянки, своими трудами кормившей троихъ дѣтей въ тѣ годы, когда сосланный мужъ среди смоленскаго пустыря медленнымъ трудомъ созидалъ будущее образцовое хозяйство.

... «Начала я тосковать спозаранку, лѣтъ съ десяти. Причины для тоски моей, положимъ, были и прямо осязательныя: я росла заброшенной сиротой (мать моя скончалась слишкомъ рано), вѣчно одинокая, хотя и въ толпѣ институтскихъ подругъ, вѣчно голодная, въ самомъ буквальномъ физическомъ смыслѣ этого слова. Я часто плакала отъ голода, только отъ голода, нестерпимаго, больно рвущаго всѣ внутренности голода. Ощущенія голоднаго человѣка мнѣ вполнѣ понятны. Я по цѣлымъ годамъ никогда не бывала сыта и отъ недостатка питанія у меня, при моемъ желѣзномъ организмѣ, было самое хилое, самое горькое дѣтство. Я не росла все время, пока находилась въ институтѣ (московскомъ Екатерининскомъ) и вѣчно бывала больна. Но все же я и тогда вполнѣ ясно сознавала, что тоска моя происходила не отъ одного только голода, а еще и отъ какой-то неудовлетворенности души, отъ какого-то порыванія къ чему-то. Институтскій день былъ наполненъ, можно сказать, биткомъ набить, но у меня все же, благодаря моей колоссальной памяти, оставалось слишкомъ много незанятыхъ, праздныхъ для ума и чувства часовъ. Книгъ для чтенія мнѣ попадалось мало, не по моему душевному голоду.

«Я вышла изъ института пятнадцати лѣтъ. Опять бѣда. Черезъ какихъ-нибудь два мѣсяца я поняла, что не могу быть счастлива и вполнѣ довольна только тѣмъ, что я сыта (въ институтѣ мнѣ казалось, что быть вполнѣ сытой—вполнѣ достаточно для счастья человѣка. Вѣроятно, голоднымъ русскимъ мужикамъ тоже это кажется). Опять я начала метаться, то есть духомъ. По внѣшнему виду я была очень тиха и покорна. Институтская дисциплина свое сдѣлала. Въ старомъ домѣ въ нашемъ костромскомъ имѣніи я нашла библіотеку англійскихъ, нѣмецкихъ, итальянскихъ, французскихъ писателей XVII и XVIII столѣтія. Щкапы съ сотнями

волюмовъ поступили въ мое распоряженіе. Я ихъ прочла, на нихъ изучила вполнѣ языки, но не насытилась, нѣтъ. Я стала тосковать, да такъ, что вспомнить страшно...

«Вышла я замужъ: опять бѣда. Я увидѣла, что одной семейной жизнью не удовлетворюсь, что производить на свѣтъ дѣтей и воспитывать ихъ—трудъ тяжкій, неблагодарный, когда къ нему нѣтъ призванія,—настоящаго призванія, какъ для всякаго другого дѣла, и опять-таки, главное, оставляетъ въ душѣ ощущение пустоты. При этомъ совершенное непониманіе жизни и людей, никакого опыта никакой самостоятельной мысли. Читаешь противорѣчивыя статьи слушаешь толки, разсужденія, споры, и никакъ во всемъ этомъ не разберешься. Кто правъ? Кто ошибается? Гдѣ, въ чемъ истина? Да, въ чемъ истина?.. Такъ прешло много лѣтъ.

«Наконецъ судьба, случай заставили меня работать изъ-за куска хлѣба, и не только для себя. Конечно, случай поблагопріятствовалъ мнѣ еще въ томъ отношеніи, что трудъ мнѣ представился и по силамъ, и по вкусу. Я литературный рабочій, журналистъ—и это и есть мое настоящее дѣло. Все мнѣ это доказываетъ. Во-первыхъ, потому, что я этимъ трудомъ довольна и считала что онъ какъ разъ мнѣ по плечу, и не думаю, что я могла бы дѣлать что-нибудь высшее и лучшее. Во-вторыхъ, и другіе имъ довольны. Къ этому, конечно, присоединяется еще то, что я путемъ долгихъ мукъ выработала наконецъ себѣ свое собственное міросозерцаніе, свои собственныя, не заимствованныя на вѣру убѣжденія. Они достались мнѣ дорогой цѣной, но зато они и прочны.

«Убѣжденія мои, религія моя сводятся къ одному. Я люблю только одно: трудъ и знаніе. Только въ нихъ сила и только они спасутъ міръ и людей. Внѣ ихъ мракъ, страхъ, ненависть, злыя чувства, кровь и одичаніе иногда цѣлыхъ націй, внѣ ихъ—антропофагія, прикрытая тѣми или другими знаменами, громкими словами. Трудъ, трудъ по силамъ и по вкусу есть все: и цѣль, и средство, и высшее наслажденіе. Трудъ никогда не обманываетъ.

«Поэтому я и презираю политику и политическихъ дѣятелей всѣхъ оттѣнковъ и направленій, что они не трудятся, а стремятся все руководить да направлять. Но человѣчеству отъ этого не легче. Я знаю, что всегда будетъ такой сортъ людей, который будетъ заниматься политикой. Это неизбежное зло.

«Но я къ нимъ не пойду и имъ не поклонюсь»

X.

Приведенныя автобіографическія страницы ясно рисуютъ умственный и нравственный обликъ профессора Энгельгардта и его жены—піонерки на поприщѣ самостоятельнаго женскаго труда. Трудящаяся женщина шестидесятыхъ годовъ есть особое и свѣтлое явленіе въ эволюціи русскаго общества. Но мы видимъ, что изъ соб.

ственно политических бурь шестидесятых годов именно трудящаяся и трудившаяся сорокъ лѣтъ на тернистомъ поприщѣ журналистики женщина вынесла отвращеніе и къ политикѣ, и къ политикамъ разныхъ мастей и всѣхъ цвѣтовъ. Могучій потокъ общественныхъ увлеченій шестидесятыхъ годовъ, конечно, не могъ не захватывать уже по самой молодости обоихъ. Въ 1861 году артиллеристъ А. Н. Энгельгардтъ былъ тридцатилѣтнимъ гвардейцемъ, а жена его неопытнѣйшей двадцатилѣтней институткой. Дѣйствіе на нихъ прогрессивной мысли этой эпохи было могущественно. Когда они получали книжку «Современника» со статьями Добролюбова и Чернышевскаго, то разрывали ее пополамъ. Тогда журнальная книжка дѣлилась на двѣ части съ особой пагинаціей страницъ въ каждой: отдѣлъ беллетристики и критики—въ «Современникѣ» здѣсь былъ Добролюбовъ, и внутреннее обозрѣніе—со статьями Чернышевскаго. Разорвавъ книжку журнала, мой отецъ и моя мать тянули на узелки, кому какая достанется и затѣмъ съ жадностью читали пламенные страницы глашатаевъ свободы, правды и добра.

Благоговѣніе моей матушки предъ гениемъ Чернышевскаго было безпредѣльно. Но лично съ нимъ она не была знакома, и когда увидѣла его на знаменитомъ литературномъ вечерѣ, онъ именно личностью своей произвелъ на нее такое тяжелое впечатлѣніе, что, возвратясь домой, она проплакала всю ночь напролетъ. Созданный ею образъ мыслителя, подъ вліяніемъ чтенія гениальныхъ страницъ его пера, слишкомъ жестоко былъ разрушенъ. Отсюда можно видѣть, какъ еще юна была она тогда.

На этомъ вечерѣ Достоевскій читаль отрывокъ изъ «Мертваго дома», и затѣмъ съ нимъ приключился припадокъ эпилепсіи. Чтеніе его произвело потрясающее впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что въ числѣ слушателей много было свѣтскихъ дамъ и военныхъ и статскихъ генераловъ. Еще чопорность и соблюденіе внѣшнихъ приличій въ петербургскомъ «свѣтѣ» были чрезвычайныя. А Достоевскій читаль, какъ умираетъ каторжникъ на нарахъ, голый, посинѣлый, но въ цѣпяхъ. Можно представить смущеніе тогдашнихъ дамъ и генераловъ при этомъ образѣ. Достоевскій потомъ изобразилъ этотъ литературный вечеръ въ «Бѣсахъ», въ жестокой карикатурѣ. Читаль Павловъ. Чернышевскій читаль о только что скончавшемся Добролюбовѣ и, по словамъ моей матушки, держаль себя странно, не то развязно, не то смущенно, и изъ чтенія его какъ-то получалось такое общее впечатлѣніе: «Вы, господа, думаете, что я—гений. Это вы напрасно. Я, знаете, совсѣмъ не гений. А вотъ Добролюбовъ былъ подлинно гений. Только гдѣ вамъ, гнилымъ дворянчикамъ, это понять! Вы не тѣ книжки читали. Эхъ, вы!» и т. п.

Застѣнчивый, кабинетный ученый, къ тому же семинаристъ, Чернышевскій не умѣль держать себя въ большомъ обществѣ.

Одѣлся странно, съ претензіей на «свѣтскій шикъ»: Хотѣлъ быть развязнымъ. Рисовался. Не сумѣлъ и взять надлежащій тонъ въ своихъ воспоминаніяхъ о безвременно угасшемъ товарищѣ по журналу. Самое смиреніе его предъ Добролюбовымъ показалось фальшивымъ и скромность его—нескромной.

Если моя матушка въ 1861 году, послѣ этого, во многихъ отношеніяхъ рокового, литературнаго вечера проплакала всю ночь надъ разрушеннымъ образомъ гениальнаго писателя, созданнымъ ея юнымъ воображеніемъ, то потомъ, перевидавъ множество писателей и русскихъ, и иностранныхъ—Золя, Мопассана, Шпильгагена и другихъ,—она говаривала, что нѣтъ ничего скучнѣе и неинтереснѣе личности подавляющаго большинства писателей: писатель все лучшее своей личности переливаетъ въ свои произведенія, а затѣмъ отъ его личности остается нѣчто похожее на мясо, изъ котораго выварили либиховскій бульонъ; такое мясо до того лишено питательныхъ веществъ, что даже собака отворачиваетъ носъ, когда имъ хотятъ ее угостить...

XI.

Первые «нигилисты», конечно, были все добрые знакомые. Но эти «нигилисты»—Серно-Соловьевичъ, Тибленъ, Черкесовъ и другіе—вышли вѣдь преимущественно изъ лица, какъ пажескій корпусъ далъ Европѣ знаменитаго анархиста князя Кропоткина, изъ камеръ-пажей императора Александра Второго. Первые «нигилисты» были люди изъ свѣта, говорившіе на всѣхъ языкахъ, съ хорошимъ наслѣдіемъ отъ родителей.

Серно-Соловьевичъ, встрѣтивъ государя, прогуливающагося въ Лѣтнемъ саду, на прѣвосходномъ французскомъ языкѣ попросилъ у него позволенія изложить собственныя соображенія о реформахъ, необходимыхъ Россіи. Государь разрѣшилъ. Серно-Соловьевичъ залился соловьемъ. Александръ Второй сказалъ, что мысли эти и его почти мысли. Продолжая бесѣду, государь перешелъ на нѣмецкій языкъ, потомъ на англійскій. Серно-Соловьевичъ изъяснялся на всѣхъ языкахъ великолѣпно.

Государь спросилъ, наконецъ, его званіе и фамилію.

— Первой гильдіи петербургскій купецъ Сѣрно-Соловьевичъ, ваше величество!

— Какъ! Вы—купецъ и такъ превосходно говорите на иностранныхъ языкахъ? Гдѣ же вы получили образованіе?

— Въ императорскомъ лицѣѣ, ваше величество!

Оказывается, Серно-Соловьевичъ, чтобы «демократизироваться», приписался къ гильдіи.

Другой лицеистъ, Черкесовъ, открылъ книжный магазинъ и библіотеку. Въ немъ за прилавкомъ появилась молодая, изящная

женщина, въ черномъ платьѣ, въ очкахъ, съ строгимъ видомъ гражданки. То была Анна Николаевна Энгельгардтъ. Въ библіотекѣ Черкесова можно было встрѣтить цвѣтъ тогдашняго либерализма и «нигилизма», но этотъ «нигилизмъ» еще носилъ гвардейскіе мундиры, говорилъ по-французски и не шелъ далѣе конституціонной монархіи. Кромѣ Чернышевскаго, дамы тогда увлекались пѣвцомъ Тамберликомъ, въ итальянской оперѣ, въ «Вильгельмѣ Теллѣ», потрясавшимъ всѣхъ речитативомъ: «Libertà! Libertà!» Затѣмъ герой итальянскаго освобожденія Гарибальди кружилъ дамамъ головы.

Отъ петербургскихъ женщинъ Гарибальди посланъ былъ адресъ и дивной работы изъ розоваго мрамора вѣнокъ розъ. Черкесовъ повезъ этотъ вѣнокъ въ Италію, но такъ плохо его уложили, что когда открылъ футляръ передъ Гарибальди, въ немъ оказались одни битые черепки мрамора. Художественная скульптура погибла. Черкесовъ совершенно сконфузился.

А. Н. Энгельгардтъ, конечно, раздѣлялъ всѣ прогрессирныя идеи того времени. Въ гвардейскомъ мундирѣ съ аксельбантами расхаживалъ онъ среди бѣла дня по Лѣтнему саду и раздавалъ встрѣчнымъ прокламацію «Къ молодежи». Но кто же въ 1861 году сомнѣвался въ томъ, что будетъ въ скорости провозглашена конституція и созванъ парламентъ? И императоръ Александръ II, и его правительство показывали себя либералами, и, такъ сказать, въ существѣ реформы не могло быть сомнѣнія, а лишь говорили о томъ, какъ ее осуществить. Петербургскій губернаторъ князь Суворовъ призывалъ къ себѣ Чернышевскаго и просилъ его употребить свое вліяніе, чтобы молодежь и общество были терпѣливѣе и не мѣшали правительству высиживать конституцію. По неопытности Чернышевскій вѣрилъ Суворову, вѣрилъ и собственному вліянію и обѣщалъ позадержать «ниспроверженіе существующаго порядка».

Не стану распространяться вообще о студенческихъ безпорядкахъ 1861 года, тѣмъ болѣе, что документы, относящіеся къ этому событію, имѣются въ статьяхъ В. Б. Глинскаго. Расскажу лишь только то, что относится до участія въ этомъ событіи лейбъ-гвардіи конной артиллеріи поручика А. Н. Энгельгардта и двадцатилѣтней его жены, окончившей Екатерининскій институтъ.

ХII.

На дворѣ стариннаго Петровскаго званія двѣнадцать коллегій, на Васильевскомъ островѣ, занимаемаго с.-петербургскимъ императорскимъ университетомъ, съ утра собрались студенты и постороннія лица, дамы, барышни, молодые статскіе люди. Они ничего особо угрожающаго тишинѣ и спокойствію столицы и основанъ

Россійской имперіи не производили, а просто ждали, что вдругъ нѣчто «совершится»,—что именно? Клятва въ «жо-де-помъ». или взятіе Бастиліи, вообще что-либо изъ великой французской революціи. Въ ожиданіи курили, болтали. Можетъ быть, кто-нибудь и «произносилъ» рѣчи. Среди этой публики на дворѣ находилась и моя матушка, Анна Николаевна Энгельгардтъ. Почему она тамъ находилась? Потому, что ей было двадцать лѣтъ и она окончила московскій Екатерининскій институтъ.

Въ это же время противъ узкаго конца зданія университета, на набережной собралась кучка народа, тоже не напоминавшаго «революціонное сборище». Были тутъ и просто зѣваки, и нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ. Между послѣдними находился и лейбъ-гвардіи конной артиллеріи офицеръ, служашій литейной мастерской петербургскаго арсенала Александръ Николаевичъ Энгельгардтъ. Почему онъ здѣсь находился? Потому, что жена его находилась на дворѣ университета, а неизвѣстно было, чѣмъ все кончится? Явилась рота солдатъ. Затѣмъ примчался петербургскій полицеймейстеръ, полковникъ Золотницкій, бывшій въ административномъ восторгѣ и въ статскомъ платьѣ—послѣднее обстоятельство прошу особенно замѣтить.

Полковникъ Золотницкій тоже, видимо, ожидалъ взятія Бастиліи или чего-либо въ этомъ родѣ. А такъ какъ ровно ничего не происходило, не зналъ, какъ себя держать и къ чему приложить свое рвеніе. Началъ съ того, что отдалъ приказъ простому рядовому отвести на гауптвахту одного изъ гвардейскихъ офицеровъ, который на вопросъ: почему онъ тутъ стоитъ? отвѣчалъ весьма разумно: «Потому, что у меня есть ноги, а подъ ногами—гранить». Ошалѣлый рядовой повелъ офицера, который за нимъ покорно и пошелъ; но, отойдя шаговъ десять, остановился и скомандовалъ рядовому: «Смирно. Во фронтъ». Конечно, рядовой безпрекословно исполнилъ приказаніе гвардейскаго офицера. «Направо, кругомъ, въ казарму марш!» скомандовалъ офицеръ. И рядовой зашагалъ въ казарму. А офицеръ пошелъ домой.

Видя это издали, полковникъ Золотницкій сталъ внѣ себя и грубо набросился на поручика лейбъ-гвардіи конной артиллеріи Энгельгардта, крича, чтобы онъ на набережной не торчалъ. Поручикъ Энгельгардтъ послалъ Золотницкаго, котораго въ лицо не зналъ и который былъ въ статскомъ платьѣ, «ко веѣмъ чертямъ», полагая, что это просто какая-то статская «штафирка». Полковникъ Золотницкій вскипѣлъ, захрипѣлъ, заоралъ и схватилъ его за погонъ. Натянутые нервы не выдержали. Поручикъ Энгельгардтъ пришелъ въ бѣшенство, изругалъ Золотницкаго послѣдними словами и, обнаживъ саблю, едва не зарубилъ на мѣстѣ. По счастью, пріятели схватили его за руки. Онъ дрожалъ, кричалъ, рвался. Но они подхватили его подъ руки и для успокоенія стали водить вдоль

лнині, мимо зданія университета, совершенно пустынной. Наконецъ Энгельгардтъ успокоился и пришелъ въ себя.

Между тѣмъ жена его соскучилась дожидаться на дворѣ университета великой французской революціи; къ тому же у ней заболѣла голова отъ запаха отвратительнѣйшихъ папирсовъ, которыя курили трое какихъ-то прогрессивныхъ семинаристовъ. Она вышла на улицу, встрѣтила мужа, они сѣли на извозчика и уѣхали въ арсеналь. Тѣмъ все и кончилось. Отецъ и не подозрѣвалъ, кто былъ статскій, котораго онъ чуть было не зарубилъ. Полковникъ Золотницкій, въ свою очередь, не озаботился установить личность обнажившаго саблю офицера. Итакъ, у него не оказалось никакихъ официальныхъ данныхъ къ обвиненію Энгельгардта. Однако, исторія получила огласку. Высшее начальство прислало адъютанта, который спросилъ Энгельгардта, былъ ли онъ на набережной и оскорбилъ ли Золотницкаго.

— Я не отвѣчу на этотъ вопросъ. Дѣло начальства выяснить, кто былъ и кто не былъ на набережной.

— Великій князь поручилъ мнѣ обратиться къ вамъ, какъ дворянину, и просить васъ сказать всю правду. На службу вашу это не будетъ имѣть послѣдствій.

— Если такъ, то я былъ на набережной, но я въ лицо полковника Золотницкаго не знаю, а онъ былъ въ статскомъ платьѣ, кричалъ, ругался, покушался схватить меня за погонь.

Адъютантъ уѣхалъ. Энгельгардтъ былъ немедленно арестованъ и преданъ суду. Судъ постановилъ выдержать его при гауптвахтѣ двѣ недѣли подъ арестомъ, потому что,—это точныя слова формуляра,—хотя полковникъ Золотницкій и былъ въ статскомъ платьѣ и въ лицо его Энгельгардтъ не зналъ, но, видя старанія его къ водворенію порядка, Энгельгардтъ изъ сего долженъ былъ заключить, что на сіе полковникъ Золотницкій имѣетъ право, и въ семь ему способствовать, а не учинять противодѣйствіе.

Въ бумагахъ моей матушки сохранилось письмо, адресованное его превосходительству Фёдору Христіановичу Минуту отъ 30 сентября 1861 года лицомъ, близкимъ къ высшему начальнику Энгельгардта:

«Слѣшу сообщить вамъ, Федоръ Христіановичъ, что сегодня я видѣлъ великаго князя, говорилъ ему о безпокойствѣ госпожи Энгельгардтовой касательно арестованія ея мужа, и его высочество поручилъ мнѣ успокоить госпожу Энгельгардтъ, сказать ей, что мужъ ея арестованъ только за дерзость противъ полицеймейстера и что арестъ этотъ, который скоро окончится, не будетъ имѣть никакого неблагоприятнаго вліянія на службу г. Энгельгардта. Потрудитесь, Федоръ Христіановичъ, передать это госпожѣ Энгельгардтъ и успокоить ее».

Дѣйствительно, А. Н. Энгельгардтъ затѣмъ прослужилъ въ арсеналѣ до 1866 года.

Изъ приведеннаго письма видно, что ужъ никакъ нельзя предположить, что въ 1871 году отозвалась злополучная стычка съ полковникомъ Золотницкомъ въ 1861 году, которая и тогда была въ сущности всецѣло результатомъ безсмысленныхъ дѣйствій Золотницкаго, въ статскомъ платьѣ накинутаго на гвардейскаго офицера, мирно стоявшаго на набережной Невы.

ХІІІ.

Въ 1861 году А. Н. Энгельгардтъ отсидѣлъ двѣ недѣли на гауптвахтѣ «только за дерзость противъ полицеймейстера..»

Въ 1871 году—«по суду оправданъ».

Но, можетъ быть, между этими двумя датами онъ предавался «противоправительственной дѣятельности»? Конечно, онъ сохранялъ тѣ же прогрессивныя, западническія убѣжденія, бывшія тогда отличіемъ порядочнаго человѣка отъ непорядочнаго. Полагаю, что въ той формѣ, какую эти убѣжденія имѣли тогда, послѣднее сохраняется и до сихъ поръ. Въ самомъ дѣлѣ, неужели надо быть «либераломъ» для того, чтобы быть сторонникомъ свободы совѣсти, слова, печати, собраній, союзовъ и признавать необходимость контроля народнаго представительства надъ бюрократіей? Для этого достаточно быть порядочнымъ человѣкомъ. Профессоръ А. Н. Энгельгардтъ былъ высоко порядочный человѣкъ.

Но въ десятилѣтіе съ 1861 по 1871 годъ онъ всецѣло отдался наукѣ; масса химическихъ его работъ дала ему степень доктора химіи *honoris causa*; затѣмъ въ 1866 году департаментъ земледѣлія и сельской промышленности командировалъ его для изслѣдованія залежей фосфоритовъ между Десною и Волгою. Затѣмъ сталъ читать лекціи въ земледѣльческомъ институтѣ. Итакъ, заниматься еще и активной политикой было просто некогда.

Но, кромѣ того, имѣется и положительное свидѣтельство Л. Ф. Пантелѣева, который въ своихъ «Воспоминаніяхъ» описываетъ, какъ въ 1862 году вмѣстѣ съ Утинымъ составилъ какую-то грозную конспирацію человѣкъ изъ пяти и отправился приглашать А. Н. Энгельгардта.

«Пошли къ Энгельгардту,—пишетъ г. Пантелѣевъ:—но Энгельгардтъ отказался».

Объ этомъ посѣщеніи сохранились у меня интересныя данныя. Конспираторы показали отцу между прочимъ, надо думать для вѣщаго прельщенія, списокъ будущаго конституціоннаго министерства. Премьеръ-министромъ значился Чернышевскій.

Портфель военнаго министра предполагалось вручить А. Н. Энгельгардту.

Но... онъ отказался. Это слово прописано всѣми буквами въ мемуарахъ г. Пантелѣева. Почему онъ отказался? Потому, что прежде

всего былъ человекъ очень умный. А, во-вторыхъ, тогда онъ уже уразумѣлъ ту роль, которую играли въ политическихъ волненіяхъ поляки, вѣрные себѣ, своему шляхетскому дѣлу и призракъ старой, отжившей и перешедшей въ исторію Польши. А. Н. Энгельгардтъ былъ преданъ интересамъ народа, былъ искренній демократъ и въ шляхетское польское дѣло не вѣрилъ. Онъ—отказался, отстранился, всецѣло ушелъ въ науку

Скоро наступившее повстаніе и 1863 годъ показали, что онъ поступилъ совершенно разумно. Герценъ за границей не отстранился во время и погубилъ все свое дѣло, свою популярность и далъ надъ собою преимущество Каткову.

«Колоколь» въ 50-хъ годахъ и до польскаго повстанія 1863 г. лежалъ на столѣ всѣхъ сановниковъ и самого государя.

Первыя лондонскія изданія Герцена начались въ 1853 году, когда онъ завелъ русскую типографію. «Колоколь», вслѣдъ возобновленной «Полярной Звѣздѣ», начался съ іюля 1857 года. Спросъ на изданіе усилился настолько, что въ началѣ 60-хъ годовъ «Колоколь» расходился въ 2,500 экземплярахъ. Но въ 1863 году, когда началось польское возстаніе, а Герценъ тиснулъ статейку подъ заглавіемъ «Поляки насъ прощаютъ», продажа «Колокола» упала сразу до 500 экземпляровъ и уже болѣе не поднималась.

Однако въ 1865 году во всеподданнѣйшемъ ходатайствѣ московское дворянство еще представляло «объ увѣнчаніи зданія реформъ». Этой мысли еще не покидалъ тогда и Катковъ.

«Шестидесятые годы,—говорить Н. В. Шелгуновъ,—слишкомъ серьезное явленіе въ жизни Россіи и они заключали въ себѣ такую всеобщую обновляющую силу, что о нихъ слѣдуетъ или совсѣмъ не говорить, или говорить съ тѣмъ глубокимъ уваженіемъ къ людямъ и идеямъ того времени и къ вожакамъ общественнаго сознанія, какое вызывается величіемъ самаго явленія и прогрессивнымъ мѣстомъ, которое оно занимаетъ въ ряду другихъ явленій русской исторіи».

Шестидесятые годы это—19-е февраля. Во всей исторіи Россіи, быть можетъ, не было болѣе великаго мгновенія. Осуществлялось то, что составляло предѣлъ желаній, завѣтнѣйшую мечту лучшихъ людей Россіи, начиная съ Радищева. Послѣдовавшія реформы только логическое развитіе этого дня.

Величіе реформъ шестидесятихъ годовъ въ томъ, что онѣ были проведены сверху, безъ пролитія крови.

Святость этихъ реформъ въ томъ, что онѣ были проведены совершенно чистыми руками возвышенныхъ дѣятелей.

Реформамъ шестидесятихъ годовъ А. Н. Энгельгардтъ и оставался вѣренъ до конца дней.

XIV.

Популярнѣйшій лекторъ, любимецъ молодежи, свободомыслящій и передовой человѣкъ, А. Н. Энгельгардтъ въ десятилѣтіе съ 1861 по 1871 годы, конечно, считался въ рядахъ «руководителей движенія». Но онъ двигалъ тогда науку и только науку. Полагаю, что о немъ тогда создалось и ходило много легендъ. Но это лишь легенды.

Онъ любилъ рассказывать между прочимъ объ одной прочитанной имъ публичной лекціи «о химическомъ составѣ человѣка».

Аудиторія полна была молодежью, дамами, барышнями, генералами, гвардейцами, семинаристами, рѣдкими еще тогда въ русскомъ обществѣ и потому скромными и пріятными евреями, виднѣлись и два или три батюшки въ рясахъ, даже сидѣлъ какой-то архимандритъ.

Противъ каѳедры, на большомъ столѣ лежало изображеніе человѣческаго тѣла изъ пашье-маше, съ содранной съ половины кожей и обозначенной красной и синей краской кровеносной и нервной системой. За этимъ человѣкомъ стояли большія и маленькія банки съ надписями четкими, жирными буквами: вода, желѣзо, фосфоръ и т. д.

А. Н. Энгельгардтъ взошелъ на каѳедру, указалъ рукою на человѣка изъ пашье-маше и банки и сказалъ:

— Вотъ человѣкъ!

Эффектъ необыкновенный. Все захлопало. А профессоръ началъ подробно объяснять «химическій составъ» человѣка.

Послѣ лекціи къ А. Н. Энгельгардту подошелъ молодой священникъ, стыдливо запахивая шелковую лиловую ряску и пощипывая бородку.

— Господинъ профессоръ!—сказалъ онъ таинственно.

— Что прикажете, батюшка?

— Гм! гм! Господинъ профессоръ, позвольте вамъ задать одинъ недоумѣнный вопросъ.

— Сдѣлайте одолженіе.

— Вотъ вы, вступивъ на каѳедру, показали на сей столъ и находящіеся на немъ предметы и сказали: Се человѣкъ-съ. По латыни значить: Ессе homo.

— Я сказалъ просто: вотъ вамъ человѣкъ. Но въ чемъ же ваше недоумѣніе?

— А въ томъ мое недоумѣніе, что въ банкахъ у васъ тамъ фосфоръ, вода, желѣзо, соли разныя...

— Ну?..

— А гдѣ же духъ?.. Spiritus?!

— Вотъ вы о чемъ! При химическихъ разложеніяхъ человѣческаго тѣла химикамъ еще не случалось уловить «духъ» въ газообразномъ или жидкомъ состояніи или въ видѣ кристалловъ.

— Но тогда, господишь профессоръ,—запѣлъ сладкимъ голоскомъ батюшка:—не правильнѣ ли, не осторожнѣ ли было сказать не «се человѣкъ»—есе homo, но—«се трупъ»—есе cadaver?!

— А что, батюшка, не пройди ли намъ сейчасъ въ буфетъ и не выпить ли рюмочку спиритуса съ соотвѣтствующей закуской?

Батюшка не отказался.

XV.

Выше я упомянулъ о великолѣпной библіотекѣ преимущественно изъ сочиненій по химіи, которую составилъ А. Н. Энгельгардтъ, затративъ на нее двадцать тысячъ. Здѣсь были между прочимъ и творенія алхимиковъ, дающія возможность прослѣдить постепенное развитіе химіи изъ мистической мглы среднихъ вѣковъ. Сочиненія алхимиковъ служили профессору при занятіяхъ въ лабораторіи съ начинающими химическій анализъ студентами.

Какой-то иностранецъ сказалъ: «Дайте русскому гимназисту карту звѣзднаго неба, и онъ черезъ три дня возвратитъ ее исправленной». Почти все студенты, приступая къ химическому анализу, начинали съ великихъ открытій и новыхъ изобрѣтеній.

Объяснивъ студенту, какъ надо дѣлать анализъ какого-либо вещества, профессоръ отходилъ къ другимъ. Черезъ полчаса, подойдя вновь къ первому, онъ видѣлъ, что тотъ еще ничего не сдѣлалъ, но что-то рисуетъ и пишетъ.

— Что же вы?

— Господишь профессоръ, я, кажется, сдѣлалъ открытіе,—съ скромнымъ самодовольствомъ генія заявляетъ студентъ.

— Какое открытіе?

— А вотъ какое! Вы сказали, что анализъ нужно дѣлать въ этой ретортѣ. Но я придумалъ новую форму сосуда, въ которой анализъ совершится вдвое скорѣе. Вотъ я нарисовалъ мой сосудъ!

— Очень хорошо. Дайте вашъ рисунокъ.

Студентъ подавалъ рисунокъ, на которомъ изображена была чрезвычайно замысловатая посуда съ какими-то трубками, пробками. Профессоръ шелъ въ свою библіотеку и черезъ четверть часа возвращался съ волюмомъ, переплетеннымъ въ ослиную кожу, и, раскрывъ его, показывалъ удивленному студенту точно такой рисунокъ, какой онъ сдѣлалъ.

— Видите, что вы не изобрѣли ничего новаго,—объяснялъ профессоръ.—Именно въ такомъ сосудѣ, какой вы придумали, дѣлали этотъ анализъ алхимики въ XVI столѣтіи. Но съ тѣхъ поръ наука пошла впередъ, и теперь такъ уже никто не дѣлаетъ.

Открытія студентовъ были всегда въ такомъ родѣ, являясь атавизмомъ, возвращеніемъ къ младенчеству науки.

Химическую библіотеку А. Н. Энгельгардта постигла, однако, печальная участь. Послѣ его ссылки библіотека эта гдѣ-то лежала въ ящикахъ нѣсколько лѣтъ. Затѣмъ магушка моя перевезла ее на свою квартиру и разставила на полкахъ, занявшихъ все стѣны. Въ то самое утро, когда она хотѣла застраховать ее, въ домѣ подъ ея квартирою загорѣлось. Стали тушить домашними средствами, и дымъ наполнилъ верхній этажъ. Едва успѣли выйти съ нѣкоторыми цѣнными вещами. Явились пожарные и принялись усердно поливать химическую библіотеку, а потомъ обрушили полки баграми и превратили все въ кашу. А н опасности особой не было и книги не горѣли. Только дыма нашло много. Какъ бы то ни было, а библіотека погибла и жалкіе лишь остатки ея сохранились.

Есть какая-то злая сила въ русской жизни, которая старательно разрушаетъ все хорошее и такъ или иначе губить плоды трудовъ и таланта.

XVI.

Во время поѣздки своей въ 1866 году для изслѣдованія залежей фосфоритовъ А. Н. Энгельгардтъ собралъ огромную коллекцію образцовъ и окаменѣлостей—раковинъ, позвонковъ ихтиозавра, зубовъ акулы, окаменѣлыхъ деревьевъ и т. п. Коллекція эта, вѣсившая сто пудовъ, въ ящикахъ была прислана въ Лѣсной и въ зданіи института, въ музеѣ, стояла, какъ была, въ ящикахъ, не разобранная, въ ожиданіи шкаповъ для ея помѣщенія. Стояла она такъ долго, именно двадцать лѣтъ. Въ 80-хъ годахъ А. Н. Энгельгардтъ вновь занялся вопросомъ о фосфоритѣ, какъ минеральномъ удобреніи, и вспомнилъ тогда о своей коллекціи. Онъ написалъ профессору лѣснаго института П. А. Лачинову, тоже уже покойному нынѣ, прося сообщить, гдѣ его коллекція.

Профессоръ Лачиновъ отвѣчалъ, что коллекція, какъ была прислана въ 1866 году, такъ и стояла въ заколоченныхъ ящикахъ въ музеѣ института. Но лѣтомъ 1886 года въ зданіи производился ремонтъ. Не хватило щебенки для стѣны. Тогда каменщики ли самовольно, или подрядчикъ, но только, долго не думая, разбили ящики съ коллекціей и содержимое ихъ высыпали въ пустоту между двумя кладками кирпича, залили известкой, заложили, замазали, и теперь коллекція хранится въ стѣнѣ лѣснаго института, но только достать ее оттуда невозможно.

Какъ не сказать еще разъ, что какая-то темная сила преслѣдуетъ въ Россіи и разрушаетъ все труды таланта и самоотверженнаго служенія идеѣ!

XVII.

Отець мой вышелъ изъ крѣпости, когда Парижъ былъ взятъ германскими войсками и Бисмаркъ предписывалъ драконовскія условія мира въ Версалѣ. Русское общество было на сторонѣ французовъ. Униженіе міровой столицы не могло встрѣтить сочувствія у насъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ всегда бываетъ въ заключеніе грандіозныхъ войнъ и международныхъ катастрофъ, стрѣлка на циферблатѣ исторіи куда-то подвинулась, началось что-то новое, а въ Россіи повѣяло тлетворнымъ духомъ. Уже въ слѣдующемъ 1872 году выступилъ на публицистическое поприще князь Мещерскій со своей знаменитой статьей о «точкѣ». Въ самомъ дѣлѣ «точка» къ реформамъ шестидесятыхъ годовъ и была скоро поставлена. Но изъ этой зловѣщей черной «точки» развилось цѣлое дерево, ядовитые плоды котораго мы и сейчасъ вкушаемъ. Сердились на князя Мещерскаго, подтверждая слова Берне, что многимъ кажется, будто вѣтеръ дуетъ въ ту сторону, куда указываетъ флюгеръ, и они сердятся на флюгеръ, не понимая, что происходитъ прямо обратное.

Профессора А. Н. Энгельгардта ссылали въ смоленскую деревню именно передъ началомъ движенія интеллигенціи «въ народъ». Итакъ, ничего болѣе бессмысленнаго съ административной точки зрѣнія, какъ эта высылка, не могло быть.

Батищево скоро и сдѣлалось пріемникомъ народническаго движенія, какъ вполнѣдствіи и евангельскаго похода «толстовцевъ». Останься А. Н. Энгельгардтъ профессорствовать въ Петербургѣ, онъ, конечно, съ годами все болѣе и болѣе погружался бы въ науку.

Въ Батищевѣ дѣятельность его, помимо научно-агрономическаго значенія, скоро приобрѣла общественно-соціальнѣйшій характеръ. Именно изъ Батищева своими «Письмами изъ деревни» въ «Отечественныхъ Запискахъ» А. Н. Энгельгардтъ скоро приобрѣлъ огромное вліяніе на молодежь. Положимъ, батищевскія идеи нѣсколько отличались отъ петербургскихъ народническихъ доктринъ того времени, будучи пропущены черезъ холодную прозу деревенской дѣйствительности.

XVIII.

Моему отцу, отбѣзжавшему въ ссылку, давали обѣды его друзья.

Какъ ни былъ я тогда малъ, но помню, какъ съ няней сидѣлъ у знакомыхъ, гдѣ этотъ обѣдъ происходилъ. Другія дѣти занимали меня, показывая игрушки.

Вдругъ въ комнату вошелъ отецъ, подошелъ ко мнѣ, взялъ на руки и понесъ.

Миновавъ нѣсколько комнатъ, слышался громкій говоръ, шумъ обѣденный. Портѣра двери отодвинулась, и я сразу очутился въ комнатѣ, блиставшей огнями, полной народомъ. Отецъ поставилъ меня на конецъ обѣденнаго стола и подалъ знакъ къ вниманію и молчанію. Все затихло. Всѣ, улыбаясь, обратили взгляды на меня.

Тогда отецъ громко и отчетливо спросилъ меня:

— Коля, скажи, за что ссылають твоего отца?

Обученный отцомъ заранѣе, я не потерялся и столь же громко и отчетливо тоненькимъ, дѣтскимъ своимъ голосомъ отвѣчалъ:

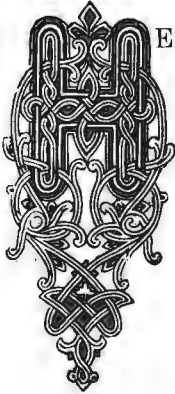
— За распространіе между студентами безнравственности и демократическихъ идей!..

Николай Энгельгардтъ.

КОМИЧЕСКІЙ СЛУЧАЙ СЪ П. И. ЧАЙКОВСКИМЪ.

Е КАСАЯСЬ ни нравственнаго облика, ни душевныхъ качествъ Петра Ильича Чайковскаго, съ которыми мнѣ приходилось, въ теченіе двухъ зимъ, почти ежедневно встрѣчаться въ домѣ Бѣгичевыхъ, у которыхъ онъ былъ своимъ человѣкомъ,—я передамъ очень оригинальный случай, гдѣ на долю Петра Ильича выпала роль героя, не особенно для него пріятная, конечно, и не особенно желательная.

Скажу нѣскольکو словъ объ общемъ характерѣ нашего даровитаго композитора, отличавшагося необыкновенной симпатичностью, оттѣняемой многими своеобразными чертами.

Добръ онъ былъ несомнѣнно, но какъ-то лѣниво добръ, не столько по мягкости сердца, сколько по нежеланію какой бы то ни было борьбы...

Онъ всегда готовъ былъ всѣмъ уступить, но опять-таки не движимый кротостью или христіанскимъ смиреніемъ, а просто потому, что ему было или некогда, или просто лѣнь спорить.

Въ обществѣ онъ всегда былъ сдержанъ и очень молчаливъ и оживлялся только въ своемъ кругу, среди людей, къ которымъ онъ привыкъ и которыхъ любилъ.

Слѣду оговориться и замѣтить, что я веду рѣчь о той эпохѣ жизни великаго композитора, когда онъ не только еще не достигъ той почетной извѣстности, какою впоследствии ознаменовалась его музыкальная карьера, но, вѣроятно, и не мечталъ о ней.

Громадный успѣхъ и заслуженное поклоненіе общества могли измѣнить и нравъ и взгляды Чайковскаго, но въ описываемую

мною эпоху (конецъ 1868 года и 1869 годъ) онъ былъ именно такимъ, какимъ я его описываю.

Повторяю, въ домѣ Бѣгичевыхъ онъ былъ принятъ, какъ близкій и дорогой родственникъ, и Марья Васильевна Бѣгичева, всегда со всѣми безцеремонная и до крайности оригинальная, не называла Чайковскаго иначе, какъ «Петька», подчасъ прибавляя къ этому фамиллярному имени такія «острыя» словечки, которыхъ и не повторишь въ печати.

Вообще эта женщина, принадлежавшая къ лучшему обществу и видѣвшая на своемъ вѣку все, что можетъ дать и блескъ и богатство, отличалась необыкновенно рискованнымъ разговорнымъ слогомъ и употребляла подчасъ не въ мѣру живописныя выраженія.

Всѣмъ положительно она привыкла говорить «ты», и мѣстоименіе «вы» было почти совершенно исключено изъ ея словаря.

Съ ласковымъ, но до крайности фамиллярнымъ именемъ «Петьки» слово «вы», конечно, не вязалось, и къ Чайковскому Марья Васильевна не обращалась иначе, какъ:

— Слушай, Петька, что ты это тамъ выдумалъ?..

На это онъ самымъ добродушнымъ образомъ отвѣчалъ, не только не оскорбляясь ея тономъ и выраженіями, но принимая ихъ за доказательство ея искренняго къ нему расположенія.

Такъ было и на самомъ дѣлѣ, и Чайковскій, годившійся ей въ сыновья и исключительно дружный съ меньшимъ изъ сыновей ея отъ перваго брака, Владимиромъ Степановичемъ Шиловскимъ, прямо-таки, по шутивому выраженію В. П. Бѣгичева, «привѣнчался» къ ихъ семьѣ.

Справедливость требуетъ отмѣтить, что такихъ «привѣнчанныхъ», ежедневныхъ посѣтителей, въ домѣ Бѣгичевыхъ было немало и составъ ихъ былъ самый разнокалиберный.

Тутъ былъ и Николай Григорьевичъ Рубинштейнъ, и адъютантъ Козловъ, и молодой князь Голицынъ, и совершенно бездарный, но необычайно смѣлый и нахальный актеръ Константиновъ (де-Лазари), и двѣ компаньонки Марьи Васильевны, сестры Языковы, старыя подруги ея по институту, жившія у нея въ домѣ на полномъ ея иждивеніи...

Сюда же одно время былъ причисленъ и полицеймейстеръ Огаревъ, и причислялись сюда же по очереди всѣ артисты обоихъ театровъ, какъ Малаго, такъ и Большого...

Словомъ, общество было самое пестрое, и самое безцеремонное.

За столъ никогда не садилось меньше 10—15 человекъ, шампанское ежедневно лилось рѣкой, и царившая въ домѣ свобода доходила до такой степени, что за обѣдомъ, тотчасъ послѣ супа, начиналась уже музыка.

Первый полагалъ начало импровизованному концерту старшій сынъ Марьи Васильевны, Константинъ Степановичъ Шиловскій,

извѣстный впослѣдствіи своими граціозными романсами и своимъ мастерскимъ исполненіемъ цыганскаго жанра.

Онъ приносилъ за обѣденный столъ свою гитару и, мастерски аккомпанируя себѣ, исполнялъ романсы за романсомъ, перемѣшивая ихъ съ отрывками изъ оперетокъ, царившихъ тогда за границей, и только что входившихъ въ моду у насъ въ Россіи.

Это было время полного расцвѣта таланта Оффенбаха; его «Belle Hélène» еще не была переведена на русскій языкъ, и К. С. Шиловскій исполнялъ по-французски отрывки изъ этой прелестной оперетки, только что видѣнной имъ въ Парижѣ.

Но возвращаюсь къ моему разсказу.

Въ то время, о которомъ я говорю, московскій артистическій кружокъ былъ центромъ всего, что принадлежало къ міру искусства.

Членами его были всѣ корифеи русской сцены, и очень часто такіе артисты, какъ В. И. Живокини и Провъ Михайловичъ Садовскій, послѣ рано окончившагося спектакля пріѣзжали въ кружокъ, быстро заgrimировывались и экспромтомъ выходили на сцену, замѣняя мѣстныхъ очередныхъ актеровъ.

Членами артистическаго кружка состояли всѣ сколько-нибудь крупныя и состоятельныя московскіе обыватели. Средства кружка были громадны, и большіе балы на святкахъ и на масленицѣ давались кружкомъ въ помѣщеніи дворянскаго собранія.

Одинъ изъ такихъ баловъ и послужилъ ареной того траги-комическаго событія, о которомъ я хочу разсказать.

Дѣло было на масленицѣ.

Назначенъ былъ костюмированный балъ и сняты были всѣ залы московскаго дворянскаго собранія, въ расчетъ на особо громадный наплывъ публики.

Расчетъ этотъ оправдался вполнѣ. Билеты были напередъ расписаны и устроители бала считали ожидаемый барышъ не ниже 3,000 р.

Много говорили объ этомъ балѣ и въ домѣ Бѣгичевыхъ, и самъ В. П. Бѣгичевъ, много и усердно выѣзжавшій, положилъ непременно быть на этомъ празднествѣ.

Въ числѣ новинокъ этого фестиваля задумана была очень остроумная литературная кадрили, всѣ участники которой должны были быть заgrimированы и одѣты съ намеками на то или другое направление наличныхъ московскихъ и петербургскихъ газетъ.

Въ подробности этихъ костюмовъ я вдаваться не стану, скажу только, что условлено было во время исполненія кадрили временами переходить съ спокойныхъ танцевъ на болѣе или менѣе смѣлый канканъ, причемъ изъ особой «наблюдательной ложи» раздавался звонокъ, музыка внезапно умолкала, и виновный приглашался къ барьеру «наблюдательной ложи», гдѣ ему объявлялось «первое предостереженіе».

Ежели тотъ же танцоръ или танцорка вновь нарушали законы маскараднаго благочинія, имъ, при той же обстановкѣ, давалось «второе предостереженіе», затѣмъ третье, а за нимъ уже слѣдовало торжественное изгнаніе виновнаго изъ состава кадрили и изъ танцевальной залы...

Такого нарушителя порядка брали подъ руки и подъ звуки марша выводили изъ залы, что знаменовало собою прекращеніе литературной дѣятельности, или «закрытіе» газеты.

Этотъ шуточный номеръ, исполненный въ началѣ бала, удался вполне и вызвалъ гомерическій хохотъ публики и выраженіе одобренія со стороны тогдашняго генераль-губернатора, князя В. А. Долгорукова, почтившаго костюмированный балъ своимъ присутствіемъ.

Такъ вотъ къ этому-то балу съ большимъ или меньшимъ рвеніемъ готовилась, какъ говорятъ, вся Москва.

Толки о немъ шли повсюду, и за недѣлю до бала о немъ усердно толковали за обѣдомъ въ домѣ Бѣгичевыхъ.

За столомъ сидѣли всѣ завсегдатаи этого гостепріимнаго дома, и всѣ болѣе или менѣе принимали участіе въ разговорѣ.

Молчали только люди, не интересовавшіеся вопросомъ объ общественныхъ удовольствіяхъ, и въ томъ числѣ Петръ Ильичъ Чайковскій почти никуда не выѣзжавшій.

Меньшой Шиловскій, особенно дружный съ Чайковскимъ, спросилъ его, не хочетъ ли и онъ также принять участіе въ маскарадѣ, а старшій, К. С. Шиловскій, предложилъ къ услугамъ его весь свой театральнй гардеробъ, въ которомъ насчитывалось нѣсколько десятковъ костюмовъ, всѣхъ странъ и народовъ.

Чайковскій, всегда легко на все соглашавшійся, и на этотъ разъ изъявилъ свое полное согласіе и, вставъ изъ-за стола, отправился на половину молодыхъ Шиловскихъ примѣривать костюмы.

Долго возились они тамъ... Чайковскій успѣлъ перемѣрить все, что было въ шкапахъ, но ни одинъ изъ костюмовъ не пришелся ему въ пору. То коротокъ, то узокъ, то слишкомъ обтянутъ...

Вернулись молодые люди совершенно разочарованными. Марья Васильевна, всегда готовая при всякомъ удобномъ случаѣ сказать свое безцеремонное слово, въ негодованіи воскликнула:

— Экой ты, Петька, нескладный какой... И не влѣзаетъ ничто на тебя!...

Чайковскій въ отвѣтъ уныло развелъ руками, въ доказательство того, что онъ лично ни при чемъ въ этой костюмной невзгодѣ, а Марья Васильевна, для которой желаніе мужа было законъ, видя, что Владимиру Петровичу особенно хотѣлось, чтобы Чайковскій былъ въ маскарадѣ, предложила Петру Ильичу надѣть ея собственный костюмъ, вывезенный ею изъ Парижа, гдѣ онъ былъ артистически исполненъ, по ея рисунку.

— А что это за костюмъ?..—своимъ холоднымъ, безучастнымъ голосомъ освѣдомился Чайковскій.

— Костюмъ вѣдьмы!—отвѣтилъ Владимиръ Петровичъ, мгновенно оживившись.—И что за костюмъ, прямо-таки заглядѣнье!.. Платье все изъ дымчатого барежа и газа, верхній тюникъ подхваченъ съ одной стороны совой съ зелеными глазами, съ другой—черной кошкой... На голову накинуть такой же дымчатый капоръ, изъ-подъ котораго выбиваются сѣдые волосы... а самая маска—верхъ совершенства!.. Съ крючковатымъ носомъ, съ густыми сѣдыми бровями, съ клыками крупныхъ желтыхъ зубовъ!.. Этотъ костюмъ составлялъ предметъ гордости исполнившаго его костюмера и положительно могъ бы фигурировать на любой выставкѣ театральныхъ костюмовъ!..

— Да вѣдь это женскій костюмъ, — въ недоумѣніи произнесъ Чайковскій.

— А тебѣ это мѣшаетъ?—огрызнулась на него Марья Васильевна.—Что жъ тебя, нескладнаго, чортомъ, что ли, одѣтъ?.. Кто жъ виноватъ, что на тебя ничто не лѣзеть?

— Фанни!—крикнула она такъ громко, какъ она только умѣла кричать.

Въ дверяхъ показался оторопѣлый лакей.

— Ты съ которыхъ поръ Фанни прозывается? — зыкнула на него Марья Васильевна.—Нѣмку мою позови!

Явилась камеристка, не понимавшая ни слова по-русски, и по приказанію барыни принесла костюмъ вѣдьмы.

Костюмъ дѣйствительно оказался очаровательнымъ и восхитилъ всѣхъ, кромѣ самого Петра Ильича, котораго ничѣмъ въ мірѣ расшевелить было невозможно.

Марья Васильевна указала подробно, какъ и что надо надѣтъ; Шиловскіе вмѣстѣ съ Чайковскимъ отправились на половину молодыхъ людей, и нѣсколько минутъ спустя Петръ Ильичъ появился среди присутствующихъ и, при громкомъ хохотѣ и всеобщихъ аплодисментахъ, щегольнулъ полнымъ оригинальнымъ и живописнымъ костюмомъ вѣдьмы.

Рѣшено было, что онъ въ этомъ костюмѣ будетъ участвовать въ маскарадѣ артистическаго кружка, и всѣ присутствовавшіе, отъ души любившіе молодого композитора, заранее предвкушали удовольствіе видѣть его, всегда молчаливаго и серьезнаго, въ новой незнакомой ему роли переряживающагося и веселящагося чловѣка.

Вѣсть объ этомъ живо разнеслась среди близкихъ знакомыхъ, а также и въ театральномъ мірѣ, который интересовался всѣмъ тѣмъ, что происходитъ въ домѣ и въ семьѣ непосредственнаго начальства.

До маскарада оставалось больше недѣли, и въ послѣдующіе дни объ немъ уже толковъ не было. Другіе интересы замѣнили

разговоры о предстоящемъ фестивалѣ и вспомнили объ немъ только наканунѣ самаго бала.

Въ числѣ лицъ, особенно заинтересованныхъ предстоящимъ баломъ, былъ и самъ Бѣгичевъ, замѣчательная красота котораго привлекала всеобщее вниманіе и собирала вокругъ него цѣлый сонмъ усердныхъ поклонницъ.

Въ рядахъ горячихъ поклонницъ красавца перебивалъ чуть не поголовно весь женскій театральный персоналъ, и въ моментъ, о которомъ идетъ рѣчь, въ полномъ разгарѣ былъ романъ Бѣгичева съ прелестной артисткой Малаго театра Н. А. Никулиной, одной изъ самыхъ очаровательныхъ женщинъ, когда-либо появившихся на театральныхъ подмосткахъ московской сцены.

Серьезнаго романъ этотъ собою ничего не представлялъ, но всѣ объ немъ болѣе или менѣе знали, и покой ревнивой Марьи Васильевны онъ въ достаточной степени нарушалъ.

Но... ревновать Владимира Петровича значило напрасно терять время!..

Увлеченіямъ его не было ни числа, ни мѣры, и непостоянство его было равно его влюбчивости. Подвести точный счетъ всѣмъ его побѣдамъ была задача невозможная, да и самъ онъ не особенно озабочивался этимъ вопросомъ.

Онъ жилъ настоящимъ днемъ и шуточно встрѣчалъ всѣ ревнивыя вспышки жены, пресерьезно увѣряя ее, что на ея мѣстѣ онъ гордился бы, что человѣкъ, ему близкій, такъ неумоимо покоряетъ всѣ сердца. Марья Васильевна этого мнѣнія не раздѣляла, и каждое новое увлеченіе мужа было для нея новымъ источникомъ горя и слезъ. Въ свѣтъ она уже давно не выѣзжала и довольствовалась постоянными приѣмами у себя въ домѣ, гдѣ, какъ я уже сказала, ежедневно собиралось очень многочисленное и разнообразное общество. Единственными выѣздами ея были выѣзды въ театръ, гдѣ тоже она появлялась не особенно часто, ограничиваясь тѣмъ, что въ дни бенефисовъ посылала театральнымъ именинникамъ по 100 рублей за ложу, въ которой не всегда даже появлялась. При такихъ условіяхъ, конечно, не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы она приняла участіе въ затѣвавшемся костюмированномъ балѣ. Владимиръ Петровичъ же собирался ѣхать на него непременно, всегда дѣятельно участвуя во всѣхъ выдающихся собраніяхъ. О новой загорѣвшейся страсти мужа Марья Васильевна знала, и его увлеченіе Никулиной, которой она сама искренно любовалась, было для Бѣгичевой источникомъ многихъ ревнивыхъ вспышекъ.

Время шло, и приближался день костюмированнаго бала.

Наканунѣ этого дня за столомъ у Бѣгичевыхъ много было разговоровъ о предстоящемъ фестивалѣ, и между прочимъ кто-то изъ лицъ, близкихъ къ театру, сообщилъ, что Никулина выбрала себѣ на этотъ вечеръ испанскій костюмъ.

Марья Васильевна недружелюбно отнеслась къ подобному выбору и вскользь замѣтила, что если бы она поѣхала когда-нибудь на костюмированный балъ, то никакъ не иначе, какъ въ домно.

— Во-первыхъ, это балъ, а не маскарадъ,—замѣтилъ Владимиръ Петровичъ, недовольный критическимъ указаніемъ жены:—а, вторыхъ, ни у кого нѣтъ домино, подобнаго твоему! Я убѣжденъ, что ежели бы у Надежды Алексѣевны было такое домино, какъ у тебя, то она никакого въ мірѣ костюма готовить не стала бы!

Надо сказать, что въ очень роскошномъ и богатомъ гардеробѣ Марьи Васильевны дѣйствительно было кружевное домино такой роскоши и такого богатства, что его на выставку можно было поставить. Оно все было выткано цѣликомъ, безъ швовъ, на одной изъ лучшихъ французскихъ кружевныхъ фабрикъ, по образцу домино, принадлежавшаго тогдашней законодательницѣ модъ, французской императрицѣ Евгеніи, и стоило, на наши деньги, около 3,000 рублей.

На этомъ замѣчаніи Бѣгичева разговоръ оборвался и условлено было, что на слѣдующій день Чайковскій, по обыкновенію, пріѣдетъ обѣдать, послѣ обѣда отдохнетъ немножко, затѣмъ надѣнетъ свой костюмъ вѣдьмы и вмѣстѣ съ Бѣгичевымъ и обоими Шиловскими отправится въ артистическій кружокъ.

На слѣдующій день я пріѣхала къ обѣду, и все, что я далѣе расскажу, происходило уже при мнѣ лично.

За столъ сѣли, по обыкновенію, около семи часовъ, въ сборѣ были всѣ обычные посѣтители, за исключеніемъ Чайковскаго, котораго напрасно прождали и послѣ обѣда.

Онъ не пріѣхалъ вовсе.

Въ десять часовъ Шиловскіе и Бѣгичевъ уѣхали, порѣшивъ, что Петръ Ильичъ просто по лѣни увильнулъ отъ маскарада и для того, чтобы не попасть на него, и обѣдать не пріѣхалъ.

Проводивъ мужчинъ, мы остались вчетверомъ: Бѣгичева, двѣ сестры Языковы и я, по причинѣ болѣзни совсѣмъ не выѣзжавшая куда, кромѣ ложи театра и самаго интимнаго общества.

Поболтали, принялись за обычное лото и порѣшили разойтись на этотъ разъ пораньше. Обыкновенно въ домѣ Бѣгичевыхъ вечеръ оканчивался часовъ въ 6 или въ 7 утра. Марья Васильевна настоятельно стала уговаривать меня остаться у нихъ до возвращенія Бѣгичева, словно предчувствуя, что вечеръ выпадетъ бурный.

Быль уже двѣнадцатый часъ, когда въ передней раздался звонокъ, и въ залу, гдѣ мы всѣ сидѣли передъ каминомъ, вошелъ П. И. Чайковскій.

Оказалось, что онъ просто-напросто проспалъ и совершенно забылъ о предстоявшемъ маскарадѣ, а когда вспомнилъ, то одѣлся и пріѣхалъ.

Извѣстіе, что всѣ давно уѣхали, нимало его не огорчило. Онъ откровенно сознался, что на этомъ балѣ онъ бы весь вечеръ проску- чаль, и предложилъ сѣсть играть съ нами въ лото, увѣряя, что это несравненно веселѣе костюмированнаго бала артистическаго кружка.

Но Марья Васильевна возстала противъ этого и настоятельно потребовала, чтобы Чайковскій немедленно надѣлъ приготовлен- ный для него костюмъ вѣдьмы и отправился въ кружокъ.

Онъ отнѣкивался, насколько могъ, но наконецъ согласился, Фанни принесла костюмъ, позванъ былъ камердинеръ Володи Ши- ловскаго, и Чайковскій вмѣстѣ съ нимъ отправился на половину молодыхъ людей.

Прошло полчаса, а Чайковскаго все не было, и на вопросы Марьи Васильевны ей постоянно отвѣчали что Петръ Ильичъ одѣвается.

— Чего это онъ такъ долго? — удивлялась она, но удивленіе это еще увеличилось, когда, послѣ такого долгаго промежутка времени Чайковскій явился въ своемъ обычномъ костюмѣ, съ совершенно растеряннымъ лицомъ и съ цѣлымъ ворохомъ какихъ-то юбокъ и тюниковъ подъ мышкой.

Оказалось, что ни онъ ни камердинеръ положительно не могли осилить премудрости сложнаго женскаго костюма и что опытный и привычный Алексѣй оказался совершенно неумѣлой камеристкой.

— Господи! Что это за безтолочь такая!..—съ комическимъ ужасомъ воскликнула Марья Васильевна.—Вѣдь не я же стану одѣвать тебя, нескладнаго!..

— Да не надо!.. И лучше... Я не поѣду!..—уговаривалъ ее Чай- ковскій, довольный возможностью подъ какимъ-нибудь предлогомъ избѣгнуть ненавистнаго ему бала.

Но Марья Васильевна такъ легко не отказывалась отъ своихъ фантазій.

Всѣ знали и слышали, что Чайковскій будетъ въ маскарадѣ въ ея парижскомъ костюмѣ, и разъ пущенный слухъ долженъ былъ оправдаться.

— Подай сюда костюмъ!—нетерпѣливо крикнула она и, почти вырвавъ все изъ рукъ оторопѣвшаго Чайковскаго, стала, вещь за вещь, показывать ему, что послѣ чего надѣвается. Онъ апатично смотрѣлъ на всю эту процедуру, и когда Марья Васильевна, по окончаніи всѣхъ своихъ манипуляцій, спросила его, понялъ ли онъ, онъ серьезно и совершенно спокойно отвѣтилъ, что ровно ни- чего не понялъ.

— Оставь, Марья Васильевна,—успокаивала ее старшая изъ сестеръ Языковыхъ, особенно съ ней дружная.—Ты видишь, что Петръ Ильичъ вовсе не желаетъ въ кружокъ!

— Нѣтъ, вретъ, поѣдетъ! — своимъ притворно-тривіальнымъ тономъ крикнула Марья Васильевна.—Ужъ ежели я говорю, такъ поѣдетъ!

И, обращаясь къ Чайковскому, она сказала:

— Ну, слушай, Петька, вотъ что я сдѣлаю! Я сейчасъ пойду и одѣнусь сама въ этотъ костюмъ и когда я буду одѣта, то Фанни на мнѣ покажетъ дураку Алешкѣ, что послѣ чего надѣвается! Понялъ?..

И, не дожидаясь отвѣта, она вышла, уводя за собой свою Фанни, нагруженную подробностями костюма.

Спустя короткое время, она появилась вновь уже вполне за-костюмированная, съ характерной маской старой вѣдьмы на лицѣ. Специально сдѣланный по мѣркѣ, опытнымъ и умѣлымъ костюмеромъ, исполненный изъ лучшаго матеріала, костюмъ былъ такъ характеренъ, такъ безукоризненно хорошъ, что мы всѣ ахнули отъ восторга при появленіи Марьи Васильевны съ традиціоннымъ, очень, впрочемъ, элегантнымъ, помеломъ въ рукахъ.

— Теперь понялъ?—спросила она, сбрасывая съ себя маску, и поочередно объясняя присутствовавшему при этомъ камердинеру, что послѣ чего должно надѣваться.

— Такъ точно!..—нетвердо отвѣчалъ онъ.

— Ровно онъ ничего не понялъ, — вмѣшалась въ разговоръ старшая Языкова.—И никогда этотъ костюмъ ни на комъ въ мірѣ не будетъ такъ сидѣть, какъ сидитъ онъ на тебѣ, а потому мой тебѣ совѣтъ не раздѣваться и ѣхать въ немъ въ артистическій кружокъ. Никто тебя тамъ не ждетъ, никто, стало быть, и не узнаетъ, а съ твоимъ умомъ и съ твоей находчивостью ты прямо всю залу заинтригуешь!

Въ первую минуту Марья Васильевна наотрѣзъ отказалась отъ такого, по ея мнѣнію, несообразнаго предложенія, но мы всѣ такъ единодушно принялись уговаривать ее, что подъ конецъ она начала колебаться.

Ее останавливалъ только вопросъ о томъ, въ какомъ костюмѣ поѣдетъ въ такомъ случаѣ Чайковскій.

— Я вовсе не поѣду!..—обрадовался онъ возможности лично не участвовать въ шумномъ собраніи.—Поѣзжайте вы.

— Вотъ глупости! Всѣ знаютъ, что ты собирался.

— Въ такомъ случаѣ я поѣду домой и фракъ надѣну.

— И опять спать завалишься?..—покачала головой Бѣгичева.

— Ну, ей-Богу же нѣтъ!..

— Не ври!.. Ужъ ежели я рѣшусь дѣйствительно поѣхать, то вотъ какъ мы съ тобой сдѣлаемъ. Я останусь въ этомъ костюмѣ, а ты надѣвай мое домино. Моя любимая черная юбка съ тренемъ тебѣ будетъ въ пору, а домино такъ полно и широко, что оно въ пору всѣмъ въ мірѣ... Дамъ я тебѣ въ руки мой черный вѣрвь, надѣну на тебя не полумаску, а настоящую, сплошную черную маску, и поѣдемъ мы съ тобой на балъ!..

Чайковскій попробовалъ отнѣкиваться, но одинъ противъ всѣхъ онъ былъ безсиленъ устоять, и дѣло остановилось только за черными перчатками, которыхъ на мужскую руку въ домѣ не было.

Магазины были уже давно заперты. Пришлось, съ тѣмъ смѣлымъ упорствомъ, какое Марья Васильевна вкладывала во все то, что она дѣлала, стучаться, заставляя отпирать магазинъ среди ночи, и втридорога платить за самую обыкновенную пару лайковыхъ перчатокъ.

Но всевозможныя тройныя и четверныя платы до такой степени вошли въ обиходъ бѣгичевской жизни, что надъ этимъ вопросомъ никто положительно не задумывался, и въ первомъ часу ночи Пётръ Ильичъ вошелъ къ намъ въ залу, торжественно волоча за собой длинный трэнъ дорогого чернаго платья и лѣнливо обмахиваясь дорогимъ вѣеромъ изъ черныхъ перьевъ, съ золотой инкрустаціей. Онъ былъ такъ неподражаемо важенъ, такъ неузнаваемъ въ этомъ костюмѣ, что мы встрѣтили его взрывомъ единодушныхъ аплодисментовъ.

Марья Васильевна тоже была очень довольна. И затѣя ея удалась, да и перспектива неожиданной поѣздки на костюмированный балъ, видимо, ей улыбалась.

Мы проводили ихъ, и я осталась, обѣщавъ Марьѣ Васильевнѣ дожидаться ея возвращенія.

Мы дружно усѣлись втроемъ вокругъ самовара, который по московскому обычаю почти не сходилъ со стола, велѣли затопить каминъ и принялись ждать рассказовъ о фестивалѣ, такъ какъ Марья Васильевна, уѣзжая, обѣщала вернуться очень скоро.

Но часъ проходилъ за часомъ. Пробыло уже три часа, пробыло и четыре, а никто не возвращался...

Мы терялись въ догадкахъ.

Наконецъ въ исходѣ пятого часа раздался сильный, порывистый звонокъ... Вслѣдъ за нимъ послышалось въ передней громкое, мучительное рыданіе, и Марья Васильевна, кутаясь въ накинутый на голову оренбургскій платокъ, поспѣшно прошла, почти пробѣжала въ свою спальню...

За ней, блѣдный, какъ смерть, также быстро пробѣжалъ Владимиръ Петровичъ, но не въ спальню, а въ противоположную сторону, по направленію къ кабинету, двери котораго тутъ же быстро за нимъ захлопнулись.

Мы сидѣли растерянные, оторопѣлыя, не зная, чѣмъ и какъ объяснить, всю эту неожиданную сцену.

Никому было не до сна, и, несмотря на поздній, или, точнѣе, на ранній, уже утренній часъ, я порѣшила не уѣзжать домой, покуда не узнаю точно и подробно, въ чемъ дѣло...

Только часа полтора спустя, когда всѣ немного успокоились, мы узнали подробности этого тревожнаго вечера.

Дѣло въ томъ, что Марья Васильевна отправилась вмѣстѣ съ Чайковскимъ въ каретѣ и вмѣстѣ же съ нимъ вошла въ залъ собранія.

Всѣ тотчасъ замѣтили оригинальный костюмъ вѣдьмы, и по залу пробѣжалъ одобрителный шопотъ.

Кто-то изъ посвященныхъ въ тайну предполагавшагося переодѣванія сказалъ, что подъ костюмомъ вѣдьмы скрывается П. И. Чайковскій. За нимъ это повторилъ другой, за другимъ третій... и вскорѣ половина зала «знала», кто именно костюмированъ вѣдьмой.

Къ Марьѣ Васильевнѣ подходили, шутливо хлопали ее по плечу, привѣтливо приговаривая:

— Петя!.. Какъ нарядился!..

Она молча отстраняла руку и шла впередъ, зорко вематриваясь въ встрѣчавшіяся ей пары. Ея ревнивый глазъ искалъ мужа и Никулину, но ни тотъ ни другой не попадались ей навстрѣчу.

А Петръ Ильичъ тѣмъ временемъ спокойно и важно расхаживалъ вдоль по всѣмъ заламъ собранія и съ особымъ достоинствомъ обмахивался роскошнымъ вѣеромъ, шурша необъятнымъ шлейфомъ своего дорогого платья.

— Петька, разбойникъ, чего ты такъ опоздалъ?—дергая Марью Васильевну за руку, прокричалъ надъ ея ухомъ адъютантъ Козловъ.

— Петька! пойдѣмъ шампанское пить!—дергалъ его съ другой стороны молодой Голицынъ.

Марья Васильевна молча отмахивалась и продолжала свою инквизиторскую инспекцію, въ то время какъ Бѣгичевъ въ поэтическомъ уголкѣ одной изъ маленькихъ залъ тихо ворковалъ съ Никулиной...

Между тѣмъ Петра Ильича, въ числѣ прочихъ, встрѣтила комическая артистка Акимова, хорошо знавшая роскошное и дорогое домино Марьи Васильевны, которое дѣйствительно можно было узнать среди сотни маскарадныхъ домино.

Она, наткнувшись на ворковавшую парочку, поспѣшила поставить Владимира Петровича въ извѣстность о сдѣланномъ ею открытіи.

— Владимиръ Петровичъ!.. Вѣдь Марья Васильевна здѣсь?.. Вы не видали?..—сказала она.

Тотъ встрепенулся.

— Что за вздоръ! Съ какой это стати?.. Она никогда ни въ кружокъ, ни въ собраніе не ѣздитъ...

— Ужъ я тамъ не знаю, а только я сама ее видѣла!

— Что жъ она безъ маски, что вы ее тотчасъ узнали?

— Напротивъ, даже не въ полумаскѣ, а въ настоящей большой черной бархатной маскѣ, и я узнала ее по ея кружевному домино. Она и пріѣхала въ одно время съ Чайковскимъ!.. Вѣдь это онъ вѣдьмой наряженъ?..

— Онъ... Опъ!.. Ахъ, разбойникъ!..—воскликнулъ Бѣгичевъ.— Подождите, я его разыщу, и достанется же ему отъ меня!.. И вѣдь выдумаетъ же! Ужъ именно «нескладный», какъ его называетъ моя жена.

И, отправившись подь руку съ Никулиной на розыски мнимаго Чайковскаго, онъ въ одной изъ залъ издали увидаль подлиннаго Чайковскаго, одиноко сидящаго на банкеткѣ и мѣрными движеніями вывѣреннаго метронома обмахивающагося своимъ неизмѣннымъ вѣеромъ.

— Вѣрно!.. Вѣрно! — шепнулъ онъ своей спутницѣ, глазами показывая ей на роскошное кружевное домино. — Вонъ моя благовѣрная сидитъ въ одиночествѣ... непременно меня выслѣживала!.. Ахъ, дуракъ Петька! Хотъ бы предупредилъ меня, что продѣлаетъ такую глупость!..

И, стараясь проскользнуть незамѣтнымъ между спующими парами и тщательно укрываясь отъ взоровъ кружевного домино, Бѣгичевъ отправился разыскивать «вѣдьму».

Онъ настигнулъ Марью Васильевну въ ту минуту, когда она, вооружившись картами, измѣненнымъ, пискливымъ голосомъ гадала кому-то.

— Вотъ онъ, разбойникъ!.. — воскликнулъ Бѣгичевъ и вмѣстѣ съ красавицей-испанкой съ мнимоугрожающимъ видомъ подошелъ къ женѣ.

Та вздрогнула и, какъ потомъ она въ слезахъ рассказывала, поблѣднѣла подь своею маской.

— Петька, злодѣй!.. Что это ты надѣлалъ?.. — воскликнулъ Бѣгичевъ, тяжело опуская руку на плечо Марьи Васильевны. — Зачѣмъ это ты старую дуру мою сюда съ собой притащилъ?..

Марья Васильевна молчала, какъ убитая, стараясь удержать рыданія.

— Да чего ты молчишь-то, разбойникъ? — не унимался Бѣгичевъ. — Что ты воды, что ли, въ ротъ набралъ?.. Я тебя толкомъ спрашиваю, что тебѣ вздумалось мою супругу съ собой сюда привезти?.. Это, братъ, такой сюрпризъ, какого я тебѣ вѣкъ не прощу!.. А еще другомъ считаешься!..

Никулина безцеремонно хохотала и нѣтъ-нѣтъ да и вставляла свое словцо.

Несчастная Марья Васильевна слегка оттолкнула рукой мужа и пошла въ другую сторону.

— Еще толкается, разбойникъ!.. — крикнулъ ему вслѣдъ Бѣгичевъ. — Покажись только ты ко мнѣ завтра... Я тебѣ это припомню!..

Но послѣднихъ словъ несчастная женщина уже не слыхала...

Она, по возможности овладѣвъ собой, прошла въ большой залъ и, пользуясь моментомъ антракта, принялась всѣмъ гадать и всѣхъ интриговать съ такой находчивостью и съ такимъ остроуміемъ, какихъ въ Чайковскомъ никто никогда и не подозрѣваль.

Черезъ четверть часа таинственная вѣдьма уже была окружена цѣлымъ сонмомъ заинтригованныхъ ею адептовъ.

Бѣгичевъ, вновь уединившись съ плѣнительной испанкой, ничего не зналъ и не слыхалъ, и, вѣроятно, совершенно забылъ бы объ этомъ инцидентѣ, ежели бы не Н. Г. Рубинштейнъ, который, подойдя къ нему, замѣтилъ:

— Скажите мнѣ, что сдѣлалось съ Чайковскимъ?.. Онъ въ полчаса наговорилъ въ большомъ залѣ столько всего, сколько онъ, вѣроятно, во всю жизнь свою не наболталъ!.. Всѣмъ гадаютъ... предсказываетъ!.. Да вѣдь какъ остроумно! Я прямо не узнаю его...

— Маскарадное наитіе!—разсмѣялся Бѣгичевъ.

— Нѣтъ, воля ваша, тутъ что-то неспроста!.. — продолжалъ Рубинштейнъ.

— Что жъ, заколдовалъ его кто-нибудь?.. Вотъ прекрасный сюжетъ для водевиля «Заколдованная вѣдьма»!.. Кстати, а жену мою ты не видалъ?—освѣдомился Бѣгичевъ.

— Нѣтъ, видѣлъ, но только издали, я не подошелъ къ ней. Она что-то сердита... Все молча сидитъ и вѣеромъ обмахивается...

— Вотъ нашла занятіе! Стоило за этимъ въ маскарадъ пріѣзжать!..

— Да она вовсе не за этимъ, а затѣмъ, чтобы за нами слѣдить!—разсмѣялась Никулина.

— Ты что же, къ ней вовсе не подойдешь? — спросилъ Рубинштейнъ.

— Подожду, коли увижу, да и то для того только, чтобы уговорить ее домой вернуться. Да гдѣ она?

— Вонъ... Вонъ она идетъ!..—указалъ Рубинштейнъ.—Подожди... вотъ опять сѣла... вѣеромъ опять обмахиваться стала!..

— Подождите меня здѣсь,—тихо произнесъ Бѣгичевъ, передавая свою даму Рубинштейну и направляясь въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Чайковскій съ своимъ неизмѣннымъ вѣеромъ.

— Марья Васильевна!..—произнесъ Бѣгичевъ, опускаясь на стулъ рядомъ съ Чайковскимъ.—Что это тебѣ вздумалось въ маскарадъ пріѣхать?..

Чайковскій молча отмахнулся отъ него вѣеромъ.

— Что жъ, ты мнѣ даже отвѣчать не хочешь?—спросилъ Бѣгичевъ.—Поѣзжай домой!.. Ежели хочешь, и я съ тобой поѣду... Надоѣло здѣсь сидѣть... скучно!.. Ходишь, ходишь, какъ маятникъ, изъ угла въ уголь... Одурь беретъ!..

Чайковскій продолжалъ упорно молчать.

Бѣгичевъ начиналъ выходить изъ терпѣнія.

— Да что же ты молчишь? Сердиться на меня, кажется, не за что... Во-первыхъ, ты хорошо понимаешь, что я по обязанности службы пріѣхалъ сюда, а, во-вторыхъ...

— Во-вторыхъ, оставьте вы меня въ покоѣ, Владимиръ Петровичъ!..—перебилъ его Чайковскій своимъ лѣнивымъ, тягучимъ

голосомъ.—Я вовсе не Марья Васильевна, а Петръ Ильичъ!.. Неужели меня такъ трудно узнать?

Бѣгичевъ оторопѣлъ...

— Какъ... Петръ... Ильичъ!.. Что такое?.. Я ровно ничего не понимаю!..

— Что жъ тутъ такого мудренаго?.. Марья Васильевна надѣла на меня свое домино и дала мнѣ въ руки свой вѣеръ!.. Я вотъ и сижу... И скука, я вамъ скажу, такая, что я ужъ раза два чуть не заснулъ!..

— Какъ... Марья Васильевна.. на тебя... домино надѣла?.. А въ костюмѣ вѣдьмы-то кто же?!

— Въ костюмѣ вѣдьмы она сама!..—своимъ невозмутимо спокойнымъ голосомъ отвѣтилъ Чайковскій, не подозрѣвая, какой ударъ онъ наноситъ Бѣгичеву этимъ сообщеніемъ.

Бѣгичевъ вскочилъ съ мѣста блѣдный, какъ смерть...

— Какъ... сама!—еле могъ выговорить онъ.—Да понимаешь ли ты, что ты надѣлалъ?!

— Нѣтъ, не понимаю... Ровно ничего я не надѣлалъ...—пожалъ плечами Чайковскій.—На меня надѣли домино и привезли меня сюда... Я приѣхалъ... Мнѣ велѣли ходить съ вѣеромъ въ рукахъ—я ходилъ.. и до того соскучился, что больше этой скуки выдерживать не въ силахъ, и сейчасъ пойду, разыщу Марью Васильевну, чтобы она меня избавила отъ всей этой одуряющей путаницы!..

Но Бѣгичевъ уже не слушалъ его.

Онъ почти бѣгомъ пробѣжалъ въ залу и, на ходу шепнувъ Рубинштейну, чтобы онъ проводилъ домой Никулину, самъ пробрался сквозь густую толпу къ окруженной слушателями находчивой вѣдьмѣ, сумѣвшей всѣхъ заинтриговать своими остроумными предсказаніями.

Она увидала его и хотя умѣло измѣненнымъ, но, очевидно, дрогнувшимъ голосомъ спросила:

— Что? И тебѣ не погадать ли, красавецъ?.. Не рассказать ли тебѣ горькой тайны, какъ честные мужья обманутыхъ женъ уморазуму учать?.. Не повѣдать ли тебѣ, какъ иной разъ и вѣдьмы старыя въ своихъ заколдованныхъ пещерахъ горькими людскими слезами плачутъ?..

Въ голосѣ таинственной маски дрогнули настоящія, непритворныя слезы...

Заинтригованная толпа обернулась въ сторону Бѣгичева.

Онъ, весь блѣдный, могъ только взволнованнымъ голосомъ произнести:

— Поѣдемъ!..

И чуть не силой взялъ подъ руку жену.

Уѣхали они изъ маскарада вмѣстѣ...

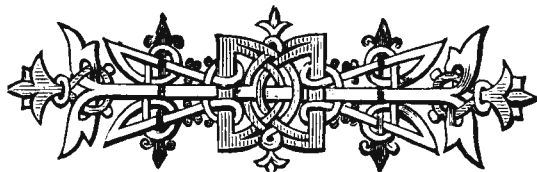
Какое объясненіе произошло въ каретѣ и произошло ли какое-нибудь объясненіе, я сказать не могу.

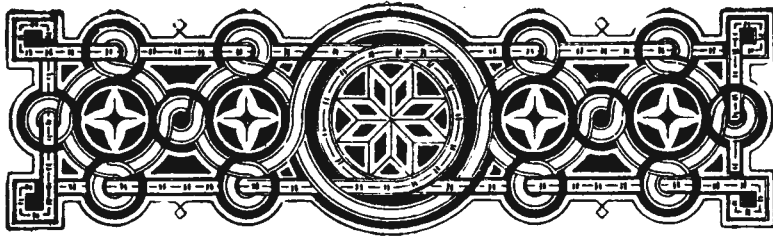
Знаю только, что въ эту ночь никто въ домѣ Бѣгичевыхъ не ложился...

Марья Васильевна горько рыдала, запершись въ своей спальнѣ, куда не впустила никого изъ насъ...

Владимиръ Петровичъ, блѣдный и взволнованный, до утра про-бѣгалъ по залу, то заочно браня жену, то изливая гнѣвъ свой на ни въ чемъ неповиннаго Чайковскаго, то поочередно упрекая всѣхъ насъ, повинныхъ въ этомъ дѣлѣ еще менѣе, нежели случайный герой всей этой эпопеи П. И. Чайковскій, который долго не могъ забыть этого водевильнаго *qui pro quo*, съ такимъ, чуть не трагическимъ финаломъ!

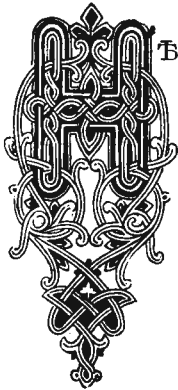
А. И. Соколова.

РОССІЯ ВЪ ГЕРМАНИИ.

I.

ВМЦЫ сосчитали, что въ одномъ 1907 году въ Берлинѣ жило семьдесятъ тысячъ русскихъ, причемъ эта цифра превышаетъ число всѣхъ иностранцевъ, выходцевъ изъ другихъ странъ, посѣтившихъ въ томъ же году столицу Германіи. Конечно, изъ этихъ семидесяти тысячъ не одна приходится на долю пріѣзжихъ, останавливавшихся въ Берлинѣ мимоходомъ на двое-трое сутокъ, но и за ихъ исключеніемъ останется много нашихъ соотечественниковъ, избравшихъ почему-либо Берлинъ мѣстомъ своего продолжительнаго пребыванія. И другіе города Германіи: Мюнхенъ, Дрезденъ, Гейдельбергъ, Штутгартъ въ рядахъ своихъ иностранныхъ колоній больше всего насчитываютъ выходцевъ изъ Россіи. При такихъ условіяхъ неудивительно, что, и переѣхавъ Эйдкуненъ и вступивъ во владѣнія Kaiser'a, чуть ли не на каждомъ шагу все-таки слышишь русскую рѣчь и натыкаешься на лицъ, всѣмъ своимъ обликомъ напоминающихъ слишкомъ ясно наши русскіе нравы.

Первую группу, на которую я въ эту поѣздку наткнулся на Штеттинскомъ вокзалѣ въ Берлинѣ, составлялъ грузный, сырой блондинъ въ парусиновой тройкѣ и теплыхъ калошахъ, окруженный цѣлымъ выводкомъ подростковъ въ русскихъ рубашечкахъ. Они сидѣли на грудахъ чемодановъ, подушекъ и одѣялъ, привле-

кавшихъ на себя удивленные взоры нѣмцевъ, не привыкшихъ къ такому обилію ручного багажа. Господинъ, видимо, волновался и, не зная, что дѣлать, вопилъ:

— Носильщикъ, Beamter, Träger, чортъ, какъ васъ тамъ... Teufel! Kommen sie her, да куда вы провалились, черти!!!

Носильщики стояли въ ожиданіи и, сохраняя невозмутимость каріатидъ, не желали прійти на помощь нашему многосемейному соотечественнику, пустившемуся въ заграничное странствованіе, видимо, въ увѣренности, что и тамъ царятъ тѣ же порядки, что и у насъ гдѣ-нибудь на Рязанско-Уральской дорогѣ.

У самаго моста на Фридрихштрассе бросается въ глаза громадная вывѣска русскими буквами: «Отель Москва: говорятъ по-русски». И вообще, двигаясь по этой, чуть ли не самой оживленной улицѣ Берлина, на каждомъ шагу или слышишь русскую рѣчь, или читаешь на вывѣскахъ любезное предупрежденіе: «говорятъ по-русски» (перѣдко: по-русску). На углу «Унтеръ деръ Линденъ» находится знаменитое кафе Бауеръ, особенно пришедшеея по вкусу русскимъ, и туда нельзя зайти безъ того, чтобы не встрѣтить двухъ-трехъ знакомыхъ. Дальше, вблизи той же самой Фридрихштрассе, находится громадный ресторанъ Кемпинскаго, гдѣ уже швейцаръ, безошибочно опредѣляя національность каждаго гостя, привѣтствуетъ васъ на языкѣ, который долженъ сойти за русскій. Внутри ресторана чувствуешь себя уже совсѣмъ словно на Морской или Вознесенскомъ проспектѣ: и русскія лица, и русская рѣчь, и русская манера за столомъ вести разговоры «по душѣ» на самыя сокровенныя темы. И Кемпинскій знаетъ свою публику. Недаромъ каждый день въ свое меню онъ включаетъ: Borscht, помидоровый супъ съ чрезмѣрной прибавкой уксуса, своимъ вкусомъ гораздо больше напоминающій историческую похлебку спартацевъ, чѣмъ нашъ жирный, благоуханный борщъ. Навѣрно, въ «Маломъ Ярославцѣ» или у Тѣстова никто не съѣлъ бы больше одной ложкиэтой бурды, но на чужбинѣ иные готовы съ восторгомъ привѣтствовать и эту имитацію русской кухни. Но, въ сущности, съ такими имитациями Россіи приходится имѣть дѣло постоянно въ Берлинѣ. Развѣ не имитация Россіи—докторъ Херувимчикъ изъ Москвы, будто бы десять лѣтъ состоявшій Ober assistent des berühmten Prof. D-r Sachariin! Или «Миша Конечный, первый въ Россіи виртуозъ на гитарѣ», подвизающійся теперь въ кафе-опера подъ Липами со своимъ оркестромъ гитаристовъ въ «самыхъ русскихъ» костюмахъ, но едва ли имѣющихъ право жить внѣ черты осѣдлости. А русскій будто бы журналистъ и корреспондентъ всѣхъ главныхъ газетъ Россіи Серафимъ Нухесъ, который на своей визитной карточкѣ общается давать лучшіе совѣты, какъ путешествовать въ Германіи, развѣ это лучше поддѣльнаго борща у Кемпинскаго представляеть настоящую Россію и не является ея незаконной имитацией?

Вся бѣда въ томъ, что было время, и не особенно далекое, когда нѣмцы не научились понимать, что это все имитация, и по такой поддѣльной Россіи судили о настоящей. Теперь, кажется, эта пора миновала.

II.

Всѣ русскіе, пускающіеся въ заграничный вояжъ черезъ Вержболово, считаютъ своимъ долгомъ хоть день пробить въ Берлинѣ, хотя бы конечная цѣль ихъ путешествія лежала въ Парижѣ, Италиі или Англиі. Такимъ образомъ, для громаднаго большинства русскихъ путешественниковъ Берлинъ первый городъ, гдѣ они сталкиваются съ заграницей. Берлинцы это обстоятельство учли великолѣпно и на немъ строятъ по преимуществу всю свою торговлю. Они прекрасно знаютъ, что чаще всего къ нимъ попадаетъ иностранецъ, совсѣмъ неопытный въ особенностяхъ нѣмецкой жизни, и что его можно на первыхъ порахъ его путешествія плѣнить рѣшительно всѣмъ, что только не похоже на наши порядки и товары. Слѣдя за нашими соотечественниками по берлинскимъ магазинамъ, только и слышишь удивленные возгласы на родномъ языкѣ: «Ахъ, какъ мило», «ахъ, какъ оригинально», «какъ дешево», «развѣ у насъ есть что-нибудь подобное?» И вотъ послѣдствіемъ этихъ восторговъ является груда накупленныхъ въ каждомъ магазинѣ вещей, изъ которыхъ добрая половина вовсе не нужна. Только вернувшись къ себѣ въ номеръ и разворачивая накупленные свертки, нашъ соотечественникъ приходитъ къ сознанію, что накупилъ $\frac{9}{10}$ вещей совершенно ему не нужныхъ. «Ну, пригодится на подарки роднымъ: нельзя же вернуться съ пустыми руками», утѣшаетъ онъ себя. Но что гораздо хуже, внимательно разсматривая покупки у себя въ номерѣ, онъ убѣждается, что тѣ самыя вещи, которыя въ блестящемъ магазинѣ, среди красивыхъ группъ роскошныхъ витринъ казались ему столь плѣнительными, особенно когда рядомъ стояла, какъ самый опытный змѣй-искуситель, ловкая продавщица, вкрадчивымъ голосомъ убѣждавшая въ такихъ удивительныхъ достоинствахъ предмета,—на дѣлѣ оказываются самыми заурядными вещами, которыхъ можно достать сколько угодно и пожалуй, за ту же цѣну у насъ дома, у Александра въ Петербургѣ, или у Мерилиза въ Москвѣ. Но дома человѣку нѣтъ времени часами простаивать у каждой витрины, да нѣтъ тамъ и такихъ ловкихъ продавщицъ, краснорѣчіе которыхъ, и подчасъ только оно одно, способно всякій хламъ превратить въ «перлъ созданія». Къ тому же, въ громадномъ большинствѣ случаевъ мы ѣдемъ на Западъ, втолковывая себѣ, что тамъ все иначе и лучше, чѣмъ у насъ дома, начиная съ государственнаго строя и кончая запонками для рубашекъ. Потомъ приходится жестоко въ этомъ разочаровываться.

Какъ бы тамъ ни было; но дѣло сдѣлано. Накуплена масса ненужныхъ вещей сомнительнаго достоинства. Дань, и подчасъ очень значительная, берлинской торговлѣ уплачена и теперь придется ради нихъ покупать новый саквояжъ и нанимать лишняго носильщика на каждой станціи. Но самое худшее еще впереди. Пріѣхавъ въ слѣдующій же нѣмецкій городъ, Дрезденъ, Кельнъ, Франкфуртъ или удивительно идущій за послѣдніе годы въ гору Ганноверъ, нашъ соотечественникъ долженъ послѣ первой же прогулки по улицамъ убѣдиться, что гдѣ же самыя вещи, на которыя онъ такъ накинулся въ Берлинѣ, здѣсь можно достать и оригинальнѣе, и лучше, и всегда дешевле. Только теперь приходитъ онъ къ запоздалому выводу, что если даже ему нужны были вещи нѣмецкаго производства, то покупать ихъ надо было не въ Берлинѣ, а въ центрѣ Германіи, гдѣ нѣмецъ дѣлаетъ вещи для себя, а не для неопытнаго иностранца. Теперь только пойметъ онъ, почему въ берлинскихъ магазинахъ гораздо больше иностранцевъ-покупателей, чѣмъ нѣмцевъ: самъ нѣмецъ только изъ нужды будетъ покупать хотя бы посуду въ Берлинѣ, а не въ Дрезденѣ или Мейссенѣ, или обувь и одежду не во Франкфуртѣ.

Если онъ станетъ допытываться хотя бы въ Дрезденѣ, почему ту же самую вещь въ Берлинѣ онъ кушилъ гораздо худшаго сорта, онъ получитъ совершенно справедливый отвѣтъ: «да въ Берлинѣ это были вещи не нѣмецкаго, а варшавскаго производства. Тамъ $\frac{3}{4}$ магазиновъ держатъ теперь поляки или евреи». Такимъ образомъ подъ видомъ соблазнительной заграничной диковины куплена вещь, незадолго до покупателя переѣхавшая ту же самую границу.

Есть особые сорта товаровъ, которые въ нѣмецкихъ магазинахъ держатъ только для иностранцевъ. Таковы, напримѣръ, кошельки изъ желтой кожи съ германскимъ государственнымъ орломъ. Рѣдко кто безъ нихъ возвращается въ Россію изъ Германіи, а у коренныхъ нѣмцевъ ихъ совсѣмъ не видать.

— Они очень неудобны по фасону, мелочь изъ нихъ вываливается постоянно,—объяснили мнѣ причину этого явленія.—Къ тому же ихъ дѣлаютъ только изъ русской кожи, а она у насъ гораздо дороже, чѣмъ у васъ на мѣстѣ, и мы предпочитаемъ сорта подешевле.

Такимъ образомъ, за нашу кожу мы платимъ дань нѣмецкой таможнѣ, а за гербъ на обратномъ пути—русской.

Исторія съ этими кошельками очень напоминаетъ судьбу пьесъ Горькаго, Чехова и за послѣднее время Чирикова. Въ Берлинѣ есть специальный драматическій театръ, гдѣ уже который годъ идутъ только пьесы этихъ русскихъ драматурговъ въ нѣмецкомъ, конечно, переводѣ. Наши сторонники этихъ драматурговъ постоянно ссылаются на это въ доказательство того будто бы колоссальнаго успѣха, которымъ пользуются эти драматурги на просвѣ-

ценномъ Западѣ. Съ перваго взгляда такъ оно и выходитъ, но даже одного посѣщенія этого театра достаточно для того, чтобы убѣдиться въ несправедливости такого вывода. На $\frac{9}{10}$ посѣтители этого театра не нѣмцы, а наши же соотечественники, считающіе своимъ долгомъ непремѣнно побывать во время своей остановки въ Берлинѣ на представленіяхъ русскихъ пьесъ.

Чѣмъ это стремленіе объясняется? Громадному большинству пьесы эти уже знакомы по исполненію русскими артистами. Берлинскіе актеры нисколько не выше по своимъ талантамъ нашей средней провинціальной труппы и ни въ какое серьезное сравненіе съ актерами солидныхъ столичныхъ сценъ итти не могутъ, да, кромя того, несомнѣнно, что самый заурядный русскій актеръ русскую пьесу сыграетъ и ярче и лучше своего болѣе даровитаго товарища по искусству изъ нѣмцевъ: она ему ближе, понятнѣе, говорить не только его уму, но и сердцу.

Теперь столь модная въ нашихъ театрахъ обстановка тоже прельщать здѣсь не можетъ, потому что недостаточное знакомство съ русской жизнью сплошь да рядомъ приводитъ къ смѣхотворнымъ курьезамъ. Стало быть, эстетическими соображеніями никакъ нельзя объяснять стремленіе нашихъ путешественниковъ посмотрѣть пьесу Чирикова въ нѣмецкомъ исполненіи. Другіе берлинскіе театры, ставящіе нѣмецкія пьесы, въ этомъ отношеніи представляютъ неизмѣримо большій интересъ. Однихъ привлекаетъ смутная надежда, что въ Берлинѣ, вдали отъ нашей цензуры, они увидятъ эти пьесы съ особенно интересными и пикантными подробностями. Конечно, этимъ надеждамъ не суждено сбываться, потому что ничего важнаго и пикантнаго цензура и не думала вычеркивать. Стало быть, нечего и возстановлять. Если въ этихъ спектакляхъ и есть какая-нибудь пикантность, то весьма сомнительнаго сорта и сводится къ тому, что какой-нибудь актеръ совершенно зря загримируется однимъ изъ нашихъ министровъ. Зато кто побывалъ на такихъ спектакляхъ, тотъ потомъ, вернувшись въ Россію, при желаніи можетъ разрушить всякій театральнй успѣхъ эффектнымъ замѣчаніемъ: «Ну, это что! А вотъ когда мы съ женой смотрѣли въ Берлинѣ «На днѣ»... и дальше идетъ зарядъ самаго беззастѣнливаго вранья. Долженъ, однако, оговориться: «На днѣ» пересмотрѣла дѣйствительно вся нѣмецкая Германія. Но это любопытство ничего общаго съ театральнымъ интересомъ не имѣетъ. Въ ту пору у насъ «грозно выступалъ сознательный пролетаріатъ». Нѣмцамъ было любопытно хоть черезъ театральную рампу взглянуть на то, что дѣлается у ихъ сосѣдей, благо газеты ихъ убѣждали, что обитатели горьковской ночлежки и есть та самая «молодая Россія», съ которой имъ скоро придется имѣть дѣло въ области международной политики. Но умные нѣмцы очень скоро поняли что пророчествамъ лѣвыхъ газетъ очень да-

леко даже до сходства съ правдой, и перестали ходить на представленія «На днѣ». Болѣе серьезные русскіе ходятъ въ Берлинѣ на эти спектакли просто ради курьеза, точно такъ же, какъ охотно посѣщаютъ тѣ благотворительные спектакли, гдѣ В. Н. Давыдовъ и Варламовъ появляются въ балетныхъ костюмахъ. Однимъ словомъ, частыя постановки русскихъ пьесъ въ Берлинѣ не должны наполнять патріотической гордостью сердца нашихъ театраловъ.

Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ гастролями петербургскаго балета весной 1909 года. Имъ восторгались, и совершенно искренне, берлинскіе нѣмцы отъ мала до велика. Для нихъ теперь Анна Павлова—одно изъ самыхъ крупныхъ и дорогихъ артистическихъ именъ. Ея триумфы совпали совсѣмъ случайно съ уходомъ со сцены послѣ двадцатипятилѣтняго успѣха прославленной берлинской балерины Антуанетты Дельэры, изъ-за которой въ былые годы вели такую жестокою войну наши балетоманы, расколовшіеся изъ-за нея на враждебные лагеря на берегахъ Невы. Какъ ни велико вліяніе Дельэры чрезъ ея финансовыхъ друзей на берлинскую прессу, рецензенты среди тучъ еиміама по адресу уходившей звѣзды балета осторожно, но настойчиво проводили мысль, что, пожалуй, уходъ Дельэры и своевремененъ, коль скоро на балетномъ горизонтѣ появились такія художницы новаго стиля, какъ die russische Extratänzerin Anna Pawloff. Съ не меньшимъ восторгомъ и открытой завистью воспѣвали они и букетъ красавицъ изъ нашего кордебалета, окружавшій г-жу Павлову. Но вѣдь балетъ—учрежденіе международное и онъ понятнѣе всякаго эсперанто или волапука всему міру; къ тому же нашъ петербургскій балетъ, какъ это давно уже признано и въ Парижѣ и въ Лондонѣ, не имѣетъ себѣ соперниковъ въ Европѣ, что сказать про пьесы, напримѣръ, господина Чирикова едва ли возможно.

III.

Много русскихъ ѣдетъ въ Берлинъ лечиться, и дѣлаетъ это совершенно напрасно. Въ былые годы ихъ привлекала слава такихъ именъ, какъ хирургъ Бергманъ, и такихъ учрежденій, какъ берлинская больница Шарите. Но теперь знаменитые врачи: Бергманъ, Вирховъ, поумирали, а ихъ замѣстители далеко не замѣнили ихъ; въ то же самое время у насъ въ Россіи появились такіе дворцы, какъ московскія клиники или оттовскій гинекологическій институтъ въ Петербургѣ: ни одно учрежденіе Берлина съ ними тягаться не можетъ. Къ этому надо прибавить и особенно важныя въ этомъ случаѣ нравственныя особенности русскихъ врачей. Германія, какъ и вообще Западная Европа, не знаетъ такихъ врачей-гуманистовъ, истинныхъ друзей челоѣчества, какъ наши Боткинъ.

или Манассеинъ. Для нѣмецкаго врача больной въ лучшемъ случаѣ—интересный въ научномъ отношеніи казусъ, въ худшемъ же, и, къ прискорбію, далеко не рѣдкомъ—просто вѣрный источникъ паживы. Алчность и безцеремонность нѣмецкихъ врачей чрезвычайны и, только побывавъ у нихъ въ передѣлкѣ, начинаешь по достоинству цѣнить нашихъ докторовъ и гордиться ими. Надо еще принять въ расчетъ, какъ важно, чтобы врачъ понялъ вполне объясненія больного, а много ли русскихъ можетъ на нѣмецкомъ языкѣ такъ же подробно, какъ на родномъ, объяснить и описать свой недугъ? Вѣдь въ большинствѣ случаевъ болѣзненные ощущенія и признаки такъ смутны, что ихъ и по-русски-то съ трудомъ изложишь, какъ слѣдуетъ. Правда, въ Берлинѣ къ услугамъ русскихъ больныхъ цѣлая армія будто бы русскихъ врачей, специально сопровождающихъ нашихъ недугующихъ соотечественниковъ къ знаменитостямъ берлинскаго медицинскаго міра. Но какъ разъ этой весной въ Берлинѣ разыгрался скандальный процессъ, который долженъ служить предупрежденіемъ для тѣхъ, кто впредь пожелалъ бы воспользоваться услугами этихъ медицинскихъ маклеровъ. Оказалось, что многіе берлинскіе профессора-медики держатъ при себѣ этихъ посредниковъ; изъ числа будто бы русскихъ врачей, на благовидномъ званіи переводчиковъ для русскихъ паціентовъ. На самомъ дѣлѣ они платятъ имъ опредѣленный, чуть ли не нотаріально установленный процентъ съ того гонорара, который они сами получаютъ съ русскаго паціента. Понятно, что при такомъ условіи васъ потащатъ къ знаменитости даже изъ-за такой пустой болѣзни, отъ которой васъ прекрасно могъ бы избавить или любой врачъ, или даже просто само время. Затѣмъ число обязательныхъ визитовъ неимоვნно увеличивается и, когда вы спрашиваете у этого «русскаго» врача, сколько надо платить медицинскому Юпитеру, вамъ указываютъ такую цифру, надъ фантастичностью которой только расхохотался бы всякій нѣмецъ. Сами знаменитости между собой учредили родъ медицинскаго треста и, если, на примѣръ, больная дама обратится къ гинекологу, тотъ скажетъ, что ему для точности діагноза нужно знать мнѣніе специалиста по хирургіи. Тотъ подъ тѣмъ же самымъ предлогомъ посылаетъ къ терапевту, отъ котораго надо итти къ невропатологу, и, только совершивъ этотъ обходъ, вы попадаете опять къ гинекологу и получаете отъ него отвѣтъ, который тотъ могъ бы прекрасно дать и единолично; но тогда ничего съ васъ не содрали бы его коллеги, которые теперь, въ свою очередь, къ нему изъ благодарности посылаютъ своихъ больныхъ. Берлинцы рассказываютъ, какъ такой медицинскій трестъ при усердномъ содѣйствіи господъ посредниковъ устроилъ безвредную, но и совсѣмъ ненужную операцію русскому богачу, съ котораго иначе нельзя было бы содрать тысячу марокъ.

Такой же самой участи подвергаются и американцы, и румыны, и венгерцы, конечно, изъ богатыхъ, но намъ отъ этого не легче. Поэтому всякій хорошо знакомый съ тайнами медицинскаго Берлина долженъ совѣтовать нашимъ соотечественникамъ лечиться у себя дома, а ужъ, если случилась такая бѣда и болѣзнь застала въ пути, то выбирать себѣ доктора и больницу по совѣту не маргариновыхъ русскихъ врачей съ Фридрихштрассе, а настоящихъ благодѣтелей нашихъ путниковъ. Къ счастью, въ Берлинѣ такого мы имѣемъ въ лицѣ маститаго отца Мальцева, настоятеля нашей посольской церкви и руководителя русской колоніи, созданной его же трудами и дѣятельною любовью къ родинѣ. Но его великое дѣло уже описано на страницахъ русскаго прессы, почему здѣсь можно ограничиться только совѣтомъ во всѣхъ трудныхъ минутахъ заграничной жизни обращаться прежде всего къ этому достойнѣйшему пастырю. Всякому его совѣту и указанію можно довѣрять безусловно.

IV.

Ежегодно много русскихъ направляется въ Германію для того, чтобы учиться тамъ въ университетахъ и специальныхъ школахъ. Здѣсь надо различать два сорта путешественниковъ съ ученой цѣлью. Одни ѣдутъ по окончаніи специальнаго образованія для усовершенствованія. Въ большинствѣ случаевъ это кандидаты на университетскія кафедры. Часто ѣздить въ Германію и профессора съ уже установившимся ученымъ именемъ и положеніемъ для того, чтобы не отстать отъ современнаго движенія науки и поддержать личныя сношенія съ иностранными учеными. Въ большинствѣ случаевъ ихъ ожидаетъ самая любезная встрѣча, особенно если у гостя есть труды на иностранныхъ языкахъ.

Кто достаточно подготовленъ къ серьезной ученой работѣ, тому заниматься за границей одно наслажденіе. Богатѣйшія бібліотеки, музеи, содержимые съ рѣдкой аккуратностью, удобство обстановки, отсутствіе докучливыхъ формальностей и предупредительность служащихъ, все это въ высшей степени облегчаетъ трудъ. Нѣкоторые иностранные ученые доводятъ свою любезность до чрезвычайности. Такъ, когда лѣтъ шесть тому назадъ я жилъ въ Геттингенѣ, со мной въ одномъ пансіонѣ обиталъ молодой грекъ, приватъ-доцентъ аѣинскаго университета, занятый обработкой диссертациі по одному отдѣлу юриспруденціи. Онъ работалъ у знаменитаго юриста Планка, слѣпнаго старика, котораго на лекціи приводилъ лакей. И вотъ еженедѣльно мой сосѣдь ходилъ по вечерамъ къ Планку и читалъ ему свою рукопись, возвращаясь постоянно съ массой приписокъ и поправокъ на поляхъ рукописи: все это продиктовывалъ ему Планкъ. Не думаю, чтобы среди на-

шихъ профессоровъ нашлось много охотниковъ тратить столько труда и вниманія на чужую работу. Юристы, работавшіе въ берлинскомъ университетѣ, то же самое рассказываютъ про старика Пернуса. Но надо оговориться, что, во-первыхъ, это правило не безъ исключенія, а, во-вторыхъ, такую любезность обнаруживаютъ по большей части старики. Молодые нѣмецкіе профессора куда прижимистѣе и дальше внѣшней корректности не идутъ. Оно и понятно: чѣмъ у кого меньше собственный запасъ, тѣмъ скупѣе онъ имъ дѣлится.

Зато слушать лекціи въ заграничныхъ университетахъ чело-вѣку, кончившему русскій, положительно не стоитъ. Дѣло въ томъ, что наши профессора гораздо добросовѣстнѣе готовятся къ лекціямъ, часто даже въ ущербъ самостоятельной научной работѣ. У нѣмецкаго профессора на первомъ планѣ всегда личное творчество въ области научной литературы, и репутацію ему составляютъ не лекціи, а ученые труды. У насъ, наоборотъ, много профессоровъ столько времени тратятъ на обработку лекцій, что на публикацію не только книгъ, но даже статей имъ не хватаетъ времени.

Поэтому лекціи въ нѣмецкихъ университетахъ носятъ въ большинствѣ случаевъ поверхностный характеръ и отличаются чрезмѣрной краткостью. И учатся нѣмецкіе студенты по книгамъ, а вовсе не по лекціямъ, которыя посѣщаютъ по большей части только ради формальности, чтобы не обидѣть пустотой аудиторіи славнаго ученаго. Иное дѣло такъ называемые спеціальные курсы. На нихъ профессора по большей части излагаютъ результаты своихъ еще не опубликованныхъ трудовъ, и они представляютъ громадный интересъ. Но понять ихъ можетъ только чело-вѣкъ съ большой подготовкой. Поэтому, на мой взглядъ, великую ошибку совершаютъ тѣ родители, которые посылаютъ своихъ сыновей по окончаніи нашей средней школы заканчивать свое образованіе въ нѣмецкихъ университетахъ. За послѣднее время изъ-за безобразій нашихъ забастовокъ эти послышки стали чаще повторяться, но хорошаго въ нихъ мало.

Во-первыхъ, нашему юношѣ, попавшему прямо изъ гимназіи въ нѣмецкій университетъ, страшно вредитъ разница подготовки. На практическихъ занятіяхъ, гдѣ нужно не только слушать, но и самому участвовать въ общей работѣ, онъ отстанетъ отъ товарищей не только потому, что на чужомъ языкѣ трудно объясняться: не хватаетъ знаній. И это послѣ перваго же опыта сразу поставитъ юношу въ неловкое положеніе и передъ товарищами и передъ профессоромъ, а возстановлять потомъ свою репутацію ужъ трудно.

Затѣмъ русскій юноша все время будетъ чувствовать себя одинокимъ. Нѣмецъ этого не знаетъ. При краткости нѣмецкихъ разстояній каждый юноша тамъ можетъ нѣсколько разъ въ году навѣстить семью и въ ней отогрѣть свою душу. Но и въ универси-

тетскомъ городѣ, если даже у него и нѣтъ тамъ родныхъ, у него есть своя семья: корпорація. Худо ли, хорошо ли ея вліяніе, но все-таки это свой уголь, гдѣ юноша не чувствуетъ себя одинокимъ и никому не нужнымъ. Въ этомъ единеніи, быть можетъ, главная нравственная сила нѣмецкаго университетскаго воспитанія. Я вовсе не думаю здѣсь восхвалять дуэли, баснословныя попойки, издѣвательства надъ «фуксами» и другія мерзости нѣмецкихъ корпорацій. Слава Богу, что ихъ у насъ нѣтъ. Но въ нихъ есть и свое хорошее: онѣ своей дисциплиной развиваютъ чувство законности, необходимости подчинять свою волю и свое поведеніе установившимся правиламъ, приучаютъ къ совмѣстной жизни съ людьми, что намъ удается гораздо труднѣе, чѣмъ нѣмцамъ. Но главное, онѣ представляютъ собой хоть нѣкоторое подобіе семьи, на дѣлѣ даютъ почувствовать человѣку, что онъ не одинокая единица, брошенная на произволь баракаться въ пучинѣ необъятнаго міра, а живая нужная частица общаго цѣлага, которому онъ самъ долженъ подчиняться, но которое зато и само и защититъ и пригрѣетъ его.

Наша молодежь ничего подобнаго не имѣетъ. У кого въ городѣ нѣтъ родныхъ, тотъ сразу попадаетъ въ лапы квартирныхъ хозяекъ и содержательницъ меблированныхъ комнатъ. Изъ ихъ чаднаго коридора прямая дорога либо въ подполье на сходку, либо на Тверской бульваръ въ компанію тѣхъ студентовъ, печальные дни которыхъ правдиво изобразилъ Л. Андреевъ. И тутъ и тамъ гибель одинаково несомнѣнна. Получается то страшное чувство одиночества, которое заставляеть нашу молодежь такъ часто пополнять списки самоубійць. За границей, живя бокъ о бокъ съ иностранными студентами, пользующимися всѣми благами и семьи и товарищества, нашъ юноша это чувство одиночества долженъ испытывать еще острѣе, и понятно, что такое настроеніе не располагаетъ къ работѣ. Съ иностранцами нѣмцы сходятся вообще туго и проникнуть въ ихъ замкнутую среду почти невозможно для русскаго юноши. Съ нимъ будутъ предупредительны, любезны, помогутъ въ работѣ, но въ то же самое время постоянно будутъ давать понять, что вы въ ихъ средѣ чужой.

Остается одинъ путь: въ «кружки русской молодежи», теперь возникшіе во многихъ городахъ Германіи вокругъ русскихъ читателей. Съ перваго взгляда, существованіе и такихъ читателей и такихъ кружковъ за границей мы должны были бы только привѣтствовать: попади это дѣло въ руки достойныхъ людей, изъ этого вышло бы крупное патріотическое дѣло. Создался бы за границей рядъ организацій, достойно представляющихъ Россію. Въ нихъ русскій человѣкъ находилъ бы надежный для себя пріютъ и получалъ бы особенно драгоцѣнный на чужбинѣ «уголокъ родины» въ родѣ того, который создала полная любви къ Россіи рука протоіерея Мальцева

въ Берлинѣ. Такъ англичане и дѣлають. Вездѣ, гдѣ соберется ихъ побольше десятка, они основываютъ такой кружокъ, благодаря которому они чувствуютъ себя и въ Калькуттѣ и въ Одессѣ такъ же «дома», какъ и въ Лондонѣ.

Къ великому горю, все это дѣло попало въ руки революціонныхъ организацій, и эти «кружки русской молодежи» имѣють на дѣлѣ очень мало общаго съ Россіей и менѣе всего пекутся объ истинныхъ интересахъ молодежи. Первую скрипку тамъ играютъ не русскіе, а евреи. Нація эта стыдится сама себя, и поэтому всѣ еврейчики и еврейки на Западѣ стараются убѣдить нѣмцевъ, будто они русскіе, но обманъ этотъ удается имъ плохо, и большинство нѣмцевъ умѣють отличать еврея отъ коренного русскаго. Понятно, что господа эти, дышащіе ненавистью къ Россіи, менѣе всего заботятся о поддержаніи чести Россіи. Всѣ тѣ сплетни и сказки, которыя ходили и продолжаютъ еще ходить про Россію за границей, надо ставить на счетъ этимъ господамъ. Они или сами сочиняють пасквильныя книжонки про Россію и ея дѣятелей, пишутъ статейки для нѣмецкихъ газетъ, благо въ ихъ редакціяхъ такъ много ихъ соотечественниковъ, или же вдохновляють своими разказами падкихъ на все сенсаціонное корреспондентовъ.

Еще менѣе могутъ они поддержать достоинство Россіи своимъ поведеніемъ. Съ точки зрѣнія нѣмцевъ, столь строгихъ въ дѣлахъ дисциплины и внѣшняго порядка, оно еще предосудительнѣе, чѣмъ съ нашей: вѣдь мы весь міръ опередили своей терпимостью и снисходительностью и тамъ, гдѣ мы, пожалуй, склонны видѣть ошибку молодости, нѣмецъ видитъ нарушеніе закона, и это сразу обрисовываетъ всѣ его симпатіи къ преступнику.

Свойственная намъ жалость къ преступнику и склонность облегчить его участь нѣмцу непонятны, и церемониться съ такими господами онъ не станетъ. Этимъ и объясняется та строгость, съ которой теперь относятся къ русскимъ студентамъ въ нѣмецкихъ университетахъ. Ее вызвали больше всего евреи изъ Россіи, рискнувшіе устроить и въ нѣмецкихъ университетахъ слабую копію того, что они же, а не кто иной, творили въ нашихъ университетахъ. Но тамъ попытка эта не удалась, профессора и студенты одинаково оказались на высотѣ задачи и рѣшительно воспротивились попыткѣ евреевъ превратить храмы науки въ революціонное подполье. Нѣмецкіе евреи очень хорошо успѣли ознакомиться съ настроеніемъ на этотъ счетъ нѣмцевъ и поэтому держались въ этомъ дѣлѣ по большей части въ сторонѣ отъ своихъ единоплеменниковъ изъ Россіи и этимъ давали послѣднимъ возможность съ большимъ успѣхомъ выдавать себя за русскихъ.

У насъ евреи жалуются, что законы не даютъ имъ возможности заниматься наукой и толкають ихъ въ политику. Но что мѣшало имъ заниматься наукой въ Германіи, гдѣ все благопріятствуетъ

ученымъ занятіямъ? Стало быть, дѣло не въ законахъ, а въ чемъ-то другомъ. И студенты и само общество, сразу понявшее всю опасность для страны этихъ господъ, отнеслись съ полнымъ несочувствіемъ къ этимъ будто бы русскимъ кружкамъ, и въ этомъ причина ихъ разрушенія.

Особенно ярко обнаружилось это въ маѣ 1909 г. на такъ называемомъ «Дрезденскомъ процессѣ». Судили цѣлую компанію такихъ «русскихъ студентовъ» Моисеева закона, забывшихъ, что Дрезденъ не Одесса, и начавшихъ было и на мирныхъ берегахъ Эльбы творить свое гнусное дѣло. Но судъ, приговоръ котораго вызвалъ полное сочувствіе нѣмецкаго общества, показалъ твердое намѣненіе рѣшительно препятствовать осуществленію такихъ плановъ. Ретивые адвокаты-защитники, конечно, изъ евреевъ, составляющихъ теперь значительный процентъ въ нѣмецкой адвокатурѣ, старались обфлать своихъ кліентовъ и твердили, что все обвиненіе создано фантазіей нѣмецкой полиціи, дѣйствующей будто бы въ данномъ случаѣ не безъ нашего департамента полиціи. Въ такомъ смыслѣ появились и корреспонденціи въ нашихъ лѣвыхъ газетахъ. Такъ, напримѣръ, «Русскія Вѣдомости» въ половинѣ іюня помѣстили большой фельетонъ въ этомъ смыслѣ, гдѣ авторъ всячески плакался о печальной участи невинно гонимой русской молодежи въ Дрезденѣ, умалчивая, что эти гоненія вызваны явнымъ нарушеніемъ нѣмецкихъ законовъ.

Только присматриваясь къ внутренней жизни этихъ кружковъ, начинаешь достаточно цѣнить великій геній Тургенева; въ его «Дымѣ» дана удивительная по глубинѣ пониманія и по яркости обрисовки картина этихъ кружковъ. Правда, теперь на устахъ нашей зарубежной молодежи другія имена. Она споритъ уже не о манчестерской системѣ и не о Шульце-Деличѣ, а о Каутскомъ и Марксѣ. Безслѣдно ушли крупныя фигуры нашей эмиграціи и на видное мѣсто Александра Ивановича Герцена пытается стать ничтожный Бурцевъ съ своими черезчуръ уже хлесткими письмами въ «Matin». Но сущность среды, ея общій обликъ и общая психологія остались тѣ же: та же озлобленность, та же роковая склонность словами и фразами замѣнять всякую дѣятельность, та же манера создавать изъ глины кумировъ, вѣчныя внутреннія дразни и ложь, сплетня и клевета, клевета безъ конца... все это осталось въ томъ же, если не еще въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ при Тургеневѣ, полвѣка тому назадъ. Въ свое время кричали, будто Тургеневъ оклеветалъ русскую молодежь. Одни увѣряли, будто онъ выдумалъ все, отъ начала до конца. Другіе, поумнѣе и посовѣстливѣе, обвиняли великаго романиста только въ ступеніи красокъ. Но время, этотъ лучший судья, оправдало Тургенева цѣликомъ. Прочтите, что сами участники этихъ кружковъ пишутъ про свою среду хотя бы въ тѣхъ воспоминаніяхъ, которыя съ такимъ благоговѣніемъ печа-

тали журналы въ родѣ «Былое» и «Минувшіе Годы». Читая ихъ, порой начинаешь сомнѣваться въ ихъ подлинности. Неужели ни авторы, ни редакторы не понимаютъ, что, изображая «свою» среду съ царящими въ ней обманами, раздорами, циничной нетерпимостью и полнымъ неуваженіемъ къ правамъ человѣка, они окончательно губятъ «свое дѣло». Тургенева можно было обвинять въ клеветѣ, еще легче можно было предъявлять это обвиненіе къ автору «Очерковъ изъ жизни женевскихъ бунтарей», печатавшихся лѣтъ двадцать тому назадъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» Каткова. Все это были «чужіе». Но когда ту же самую картину рисуютъ сами господа нелегальные на страницахъ дружественныхъ имъ журналовъ, говорить про клевету уже нельзя и если съ обѣихъ сторонъ предметъ выходитъ въ одномъ и томъ же освѣщеніи, стало быть, это и есть его подлинный видъ. Личныя встрѣчи еще больше подтверждаютъ это.

Тургеневъ въ концѣ романа пишетъ, что изъ-за внутреннихъ распрій и неладовъ Матрена Кузьминична Суханчикова съ двумя матреновцами уѣхала въ Португалію. Видно, и тамъ ей не повезло. По крайней мѣрѣ и Матрену Кузьминичну и ея адъютантовъ въ наши еще дни можно встрѣтить достаточно часто въ любомъ нѣмецкомъ городѣ, пришедшемся почему-то по вкусу нашимъ эмигрантамъ: и въ Берлинѣ, и все въ томъ же, что при Тургеневѣ, Гейдельбергѣ, и въ Штутгартѣ, и въ Дрезденѣ. Выборъ послѣдняго роковая ошибка нашихъ эмигрантовъ. Трудно во всей Германіи подыскать другой городъ, гдѣ бы такъ мало населеніе во всѣхъ своихъ слояхъ могло сочувствовать ихъ освободительнымъ планамъ. И по внѣшнему облику, и по всему своему обиходу это самый консервативный, самый аристократическій, или, выражаясь на жаргонѣ нашихъ освободителей, черносотенный городъ. Правда, дрезденцы съ большимъ вниманіемъ и предупредительностью относились къ покойному А. И. Чупрову, проводившему въ ихъ городѣ свои послѣдніе годы.

Но вѣдь то былъ Чупровъ, а не персонажъ изъ тургеневского «Дыма». Дистанція, отдѣлявшая покойнаго Чупрова и вчерашнихъ знакомцевъ Азефа, слишкомъ громаднаго размѣра, чтобы послѣдніе могли ожидать даже тѣни того же отношенія къ себѣ, какимъ пользовался Чупровъ. И на пресловутомъ дрезденскомъ процессѣ эта разница обнаружилась во всей полнотѣ. Дрезденцы на этотъ разъ прямо не знали, какъ отдѣлаться отъ лицъ такого сорта, которыя въ вопросахъ борьбы не дѣлаютъ большой разницы между словеснымъ возраженіемъ и «жестомъ съ бомбой». Но не однѣ бомбы возмущаютъ нѣмцевъ въ поведеніи нашей эмиграціонной молодежи. Имъ не по нутру прежде всего самое существованіе «учащейся» молодежи, менѣе всего намѣренной «учиться», а мечтающей о томъ, чтобы самой взять въ руки учительскую указку.

Мнѣ пришлось бесѣдовать о нашей молодежи съ однимъ берлинскимъ профессоромъ, ранѣ прослужившимъ пять лѣтъ въ швейцарскомъ университетѣ, гдѣ среди его слушателей было много нашихъ эмигрантовъ.

— Какіе талантливые и какіе въ то же самое время удивительные люди ваши радикалы! У меня на практическихъ занятіяхъ перебывало ихъ немало, но мнѣ кажется, что они увѣрены въ возможности сразу попасть на вершину горы, обходясь безъ утомительнаго труда восхожденія на нее, начиная съ самой подошвы. Приходитъ ко мнѣ одинъ изъ нихъ и заявляетъ, что работаетъ надъ вопросомъ объ отраженіи французской революціи въ Голландіи. Меня эта тема тоже заинтересовала, особенно, когда мой юный собесѣдникъ сталъ высказывать очень остроумные взгляды на этотъ счетъ, которыхъ мнѣ не доводилось читать въ ученой литературѣ. Я спросилъ его, не былъ ли онъ въ Голландіи и не являются ли его взгляды результатомъ изученія подлинныхъ документовъ. Получивъ отрицательный отвѣтъ, я посовѣтовалъ немедленно приступить къ этому, иначе всѣ «выводы», если это можно назвать выводами, и общія разсужденія не что иное, какъ карточный домикъ. Но и на это я получилъ рѣшительный отказъ: для этого надо было бы предварительно выучиться по-голландски, а это скучно, да и заниматься ему этимъ «некогда», такъ какъ у него наклеивается еще интересная работа о предшественникахъ Гегеля, а это сюжетъ поважнѣе. Если бы я не зналъ трудовъ вашихъ историковъ, Виноградова, Ковалевскаго, Лучицкаго и другихъ,—продолжалъ нѣмецкій ученый,—я подумалъ бы, пожалуй, плохо вообще о русскихъ ученыхъ, но теперь долженъ признать, что такое верхоглядство свойственно далеко не всѣмъ вашимъ соотечественникамъ. Не удивительно, что при такомъ отношеніи къ дѣлу имъ скоро надоѣдаютъ наши занятія и черезъ двѣ-три недѣли они перестаютъ показываться въ аудиторіяхъ. Скажите, не относятся ли они и къ политическимъ явленіямъ такъ же своеобразно?—спросилъ меня почтенный ученый.

Лѣтъ пять тому назадъ я едва ли получилъ бы такой вопросъ. Тогда нѣмцы слишкомъ вѣрили болтовнѣ нашихъ эмигрантовъ и на всю Россію и русскихъ смотрѣли сквозь очки, заготовленные на этой радикальной фабрикѣ. Ложь и озлобленность этихъ вдохновителей были тогда нѣмцамъ незамѣтны, и они довѣрчиво повторяли и въ частныхъ бесѣдахъ и въ газетахъ все, что ни навирали эти господа про Россію. Въ то же самое время, повторяя ихъ розсказни и смотря такъ пристрастно на Россію и русскихъ, нѣмцы очень плохо сочувствовали самимъ авторамъ этихъ разсказовъ и, думая, что такова вся «грядущая Россія», относились ко всѣмъ намъ такъ пренебрежительно. Думается, что это основная причина того дурного къ намъ отношенія въ Германіи, которое кой-кто старался объяснить только нашими неудачами въ войнѣ съ Японіей.

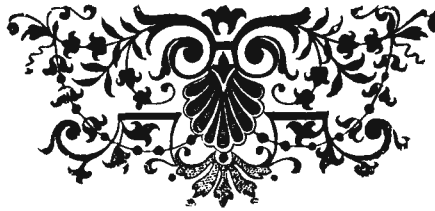
Какъ это ни странно, но революція намъ помогла на этотъ разъ. Позорный ея исходъ показалъ нѣмцамъ, что великая Россія вовсе не состоитъ изъ однихъ только единомышленниковъ тѣхъ эмигрантовъ, по которымъ они раньше судили о насъ. Не могли нѣмцевъ не оттолкнуть отъ дѣятелей освободительнаго движенія и ихъ подвиги слишкомъ кроваваго свойства, особенно когда они ихъ стали повторять и въ германскихъ предѣлахъ. Возмущаясь прежде жестокостью нашего правительства, теперь они начинаютъ все больше и больше понимать, что отъ «гражданъ» такого сорта всякое государство, не желающее собственной гибели, стало бы себя защищать совершенно такъ же. Нѣмцы имѣли сверхъ того достаточно случаевъ убѣдиться въ серьезности опасности, грозившей Россіи въ 1905—1906 годахъ. И если теперь отъ нея почти не осталось и слѣда стало быть, эта страна могучая и сильная и въ экономическомъ и въ нравственномъ отношеніи. Вотъ почему среди нѣмцевъ все увеличивается довѣріе къ Россіи и сочувствіе къ третьей государственной думѣ. Правда, газеты, находящіяся въ громадномъ большинствѣ случаевъ въ еврейскихъ рукахъ, смотрятъ на нашу думу кадетскими глазами и недовольны ею главнымъ образомъ за то, что она не намѣрена дать равноправіе евреямъ. Но общество и газеты, далекія отъ евреевъ, безусловно на сторонѣ думы, большинство которой своимъ образомъ дѣйствій ближе всего подходитъ къ складу нѣмецкаго характера. Двѣ первыя думы своимъ черезчуръ шумнымъ характеромъ шокировали черезчуръ чинныхъ нѣмцевъ.

Наши эмигранты не торопятся возвращаться въ Россію. Ихъ былия надежды жестоко обмануты въ послѣдніе годы.

Въ 1905 г. они ждали для себя очень многого и ходили побѣдителями въ надеждѣ, что очень скоро вернутся домой какъ триумфаторы, и имъ удастся вознаградить себя за прошлое. Больше всего мечтали они о мести, а про готовность снова поработать для родины, помочь поскорѣ подняться ей и отъ внутреннихъ и внѣшнихъ поражений что-то было не слышать. Съ великимъ упованіемъ устремились они въ октябрьскіе дни въ Россію, но ударъ быстро прошелъ и среди новой конституціонной Россіи они снова почувствовали себя чужими. И поэтому ихъ настроеніе теперь хуже, чѣмъ до 1905 года: тогда у нихъ были надежды, тогда многіе изъ нихъ вѣрили, что праздникъ на ихъ улицѣ не за горами. Теперь въ это не вѣрятъ даже самыя горячія головы. И поэтому они чувствуютъ себя на долгіе годы опущенными въ свое подполье, надоѣвшее имъ, какъ каторжнику его тачка. Но они сами сожгли свои корабли и понимаютъ, что готовиться къ возвращенію въ Россію имъ нечего. Иначе настроены тѣ, кто ѣдетъ за границу для того, чтобы тамъ научиться всему, нужному у насъ дома, особенно теперь, когда открывается такая широкая и такая благодатная нива для неустаннаго труда. Такихъ русскихъ въ Германіи немало. И вы сейчасъ узнаете ихъ по бодрому,

веселому виду, съ которымъ они спѣшаютъ изъ лабораторіи въ бібліотеку, съ фабрики въ музей. Они не хуже другихъ видятъ всё усовершенствованія нѣмецкой жизни, успѣхи науки, культуры, техники и другихъ сторонъ тамошней жизни. Но никогда не услышите отъ нихъ ругани по адресу Россіи, издѣвательства надъ ея неустройствомъ. Хороша Германія и для нихъ, но Россія, своя, родная Россія, въ миллионъ разъ лучше. Вѣдь всякому сыну своя мать и пригоже, и наряднѣе, и умнѣй всѣхъ остальныхъ матерей всего міра. И какъ сынъ считаетъ минуты, мечтая о днѣ, когда ему удастся вернуться въ родную семью, такъ и эти русскіе, работая за границей и изучая тамошніе порядки, особенно рады бывають въ тотъ день, когда, обогатившись на чужбинѣ и знаніемъ и опытомъ, снова вернуться на родину, гдѣ они чувствуютъ себя дома и гдѣ ихъ ждетъ неустанная, но почетная и славная работа на счастье и благо родной земли.

М. Туринскій.

РУССКІЯ МЕТАМОРФОЗЫ¹⁾.

II

«Преображеніе» Москвы.

РО МОСКВУ не только въ провинціи, но и въ Петербургѣ споконъ вѣка было принято думать одно и то же, именно, что Москва—сердце Россіи, оплотъ старины, колыбель православія и т. д. Покойный Герценъ, сравнивая Москву съ Петербургомъ, писалъ, что Москва, удаленная отъ политическаго движенія, питаясь старыми новостями, не имѣя ключа къ дѣйствіямъ правительства, ни инстинкта отгадывать ихъ, только и дѣлаетъ, что резонерствуетъ...

Это мнѣніе держалось очень долго. Московскій бытъ способствовалъ подобному убѣжденію. Что такое Москва? Цевтръ торговли, колоссальныхъ коммерческихъ сдѣлокъ, центръ фабрично-заводской промышленности, городъ полушубковъ, чуекъ, смазныхъ сапогъ, ломовыхъ извозчиковъ, поповъ, просвиренъ, славянофиловъ, квасныхъ патриотовъ и всего менѣе—интеллигенціи. Словомъ—городъ архиконсервативный. Это большая деревня, хотя въ то же время и первопрестольный градъ, обреченный Петромъ I на отсталость и полузабвеніе. Москву послѣ 1703 года считали резиденціей всѣхъ обиженныхъ, отставныхъ и опальныхъ дѣятелей, но твердо знали, что главныя ея качества—вѣрноподданность и религіозность. Извѣстно было, что москвичъ, попадавшій въ Петербургъ, портился

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХІХ, стр. 162.

и утрачивалъ свои квасныя патріотическія качества. Въ этомъ случаѣ я сошлюсь опять на Герцена, который говорилъ, что Бѣлинскій, проповѣдывавшій въ Москвѣ народность и самодержавіе, черезъ мѣсяць по прїѣздѣ въ Петербургъ заткнулъ за поясъ самого Анахарсиса Клоотса.

Но всѣ эти старыя мнѣнія, всѣ прежніе эпитеты и выводы надо теперь отбросить и подыскать болѣе подходящія характерныя черточки, которыя помогутъ намъ увидать совсѣмъ иную фізіономію Москвы, дадутъ намъ случай замѣтить ея «преображеніе», а также уразумѣть, въ силу какихъ причинъ произошла эта удивительная метаморфоза.

Если бы лѣтъ 20—25 тому назвалъ кто-нибудь сказалъ, что русская революція разыграется въ Москвѣ, всѣ назвали бы этого человѣка сумасшедшимъ. «Революція въ Москвѣ»—эта фраза похожа была на «засуху въ океанѣ», на «наводненіе въ Сахарѣ» и т. п. нелѣпыя сопоставленія. Москва—столица фабричнаго производства, Москва городъ захлаковъ, а не революціонныхъ дѣятелей... вотъ что думали про Москву, непростительно упуская изъ виду тотъ фактъ, что колоссальная резиденція заводовъ и фабрикъ имѣетъ одинъ могучій и опасный элементъ, именно цѣлую армію фабричныхъ рабочихъ, того вспаханнаго и извлеченнаго съ нижнихъ слоевъ почвы чернозема, который являлся полемъ, удобнымъ для всякаго посѣва. Фабричный рабочій, наборщикъ и ремесленникъ Москвы въ позднѣйшее время составили кадры того войска, на которое оперлись самые разнообразныя революціонеры. Если бы это войско было лучше соорганизовано, если бы вожаки и устроители возстанія обладали талантами и смѣлостью народныхъ трибуновъ, неизвѣстно, какъ сложилось бы дѣло, провалившееся въ 1905 году. Не буду, однако, забѣгать впередъ и скажу, что московскіе фабрики и заводы уже въ 1900 году обращали на себя вниманіе административныхъ лицъ своими небольшими забастовками и недоразумѣніями съ хозяевами. Въ это же время въ московской городской думѣ былъ поднятъ вопросъ о правѣ рабочихъ устраивать стачки, и вдругъ новый гласный, знаменитый въ своемъ родѣ Савва Тимоѣевичъ Морозовъ, милліонеръ-заводчикъ и купецъ-модернъ, первый «субсидеръ» московскаго Художественнаго театра и одновременно покровитель опереточныхъ «дивъ», всталъ и произнесъ знаменательную рѣчь о томъ, что онъ, крупный фабрикантъ-заводчикъ, идя по стезѣ прогресса, считаетъ стачку фабричныхъ рабочихъ не только допустимой, но даже полезной для самого фабричнаго предпріятія и что онъ первый готовъ подать голосъ за узаконеніе «свободы стачекъ».

Это заявленіе Морозова, да и самъ онъ, всей своей персоной, были какъ бы зарею «преображенія» Москвы. Слова ситцеваго милліонера произвели огромное впечатлѣніе въ Москвѣ. Несчастный фабрикантъ, находившійся тогда въ рукахъ особаго сорта «просвѣ-

тителей» (между ними были, по слухамъ, и литераторы, и даже съ «именами»), весь раздувался отъ спеси, полагая, что двумя-тремя либеральными фразами онъ создастъ себѣ вѣчный ореолъ просвѣщеннаго коммерсанта. Но когда въ скоромъ времени отъ просвѣщеннаго коммерсанта свои же рабочіе потребовали «перейти отъ фразъ къ дѣлу», Морозовъ понялъ, въ какую передрагу онъ попалъ. Говорятъ, во время беспорядковъ на своей фабрикѣ нашъ либеральный купецъ-модернъ, перепуганный на смерть заперся въ избѣ, гдѣ находилась фабричная контора, а фабричные, окруживъ избу со всѣхъ сторонъ и ломясь въ двери, кричали среди ругательствъ:

— Ну-ка, Саввушка, выходи на расправушку!

«Конецъ милліонера» намъ извѣстенъ. Бѣдный Морозовъ, вкусивъ отъ забастовочнаго древа познанія добра и зла, уѣхалъ за границу и тамъ, опасаясь, можетъ быть, личной отвѣтственности, а можетъ быть, просто повредясь въ «нетвердомъ разумѣ», окончилъ жизнь самоубійствомъ. Эта смерть была весьма неожиданна, поэтому въ ея печальный фактъ не повѣрили, и кто-то пустил въ газетахъ слухъ, что С. Т. Морозовъ живъ и здоровъ. Но, увы, горькая правда состояла въ томъ, что ни за понюшку табаку погибъ самый крупный и самый богатый изъ московскихъ милліонеровъ-промышленниковъ...

Успѣху фабричныхъ волненій способствовали не только сбитые съ толку владѣльцы фабрикъ, не только революціонная пропаганда, но и... какъ бы это вѣрнѣе выразиться?—вырожденіе администраторскихъ способностей, что ли. Въ Москвѣ, напримѣръ, оберомъ-полицеймейстеромъ былъ генералъ Треповъ, который вообще никакихъ полицеймейстерскихъ талантовъ не обнаруживалъ, о санитарномъ состояніи города не заботился, обывательскими нуждами не интересовался, а во время позднѣйшихъ уличныхъ беспорядковъ сидѣлъ въ своемъ домѣ на Тверскомъ бульварѣ, запершись со всѣхъ сторонъ и отдавая распоряженія своимъ подчиненнымъ (также не показывавшимъ носа на улицу)... по телефону.

Названный шефъ полиціи, извѣстный только однимъ своимъ страннымъ приказомъ: «холостыхъ залповъ не давать, патроновъ не жалѣть», въ сущности, оставилъ другой, еще болѣе рѣзкій слѣдъ своей административной неумѣлости. Я говорю о знаменитой «зубатовщинѣ», о вступленіи въ «блокъ» московскаго охраннаго отдѣленія съ фабричными рабочими и атакѣ этихъ соединенныхъ силъ на... фабрикантовъ. Этотъ безпримѣрный случай я отношу также къ началу московскаго «преображенія» и попробую теперь рассказать кратко всю суть дѣла—не какъ его передавали вкривь и вкось въ московскихъ бесѣдахъ и газетахъ, а какъ оно дѣйствительно происходило. Это интересное событіе случилось въ 1902 году, когда начальникомъ охраннаго отдѣленія въ Москвѣ былъ Зубатовъ, который внушилъ покойному Трепову уродливую мысль союза охраны съ рабочими

Генераль Треповъ, повидимому, сознавалъ свою непопулярность и попался на удочку, закинутую ему охранными предтечами позднѣйшаго Азефа. Въ самомъ дѣлѣ, это было заманчиво: администрація, какъ бы проникнутая гуманными стремленіями, становится на сторону угнетеннаго рабочаго и оказываетъ давленіе на фабрикантовъ-предпринимателей, чтобы тѣ облегчили участь фабричныхъ чернорабочихъ! Если бы это стремленіе, въ сущности, обязательное для администраціи всѣхъ городовъ и долженствующее покоиться на безпристрастїи и умѣньи понять, кто обидчикъ и кто обиженный, было примѣнено правильно и тактично, никто бы на генерала Трепова не сѣтовалъ, напротивъ, его біографъ могъ бы эту мѣру иллюстрировать, какъ образецъ дѣятельности московскаго оберъ-полицеймейстера. Но бѣда въ томъ, что Треповъ дѣйствовалъ здѣсь, по русскому выраженію, безъ царя въ головѣ и натворилъ такихъ вещей, что просто дивисься его надменной наивности и странному для шефа полиціи легковѣрїю.

Въ началѣ 1902 года на фабрикѣ товарищества шелковой мануфактуры (въ числѣ директоровъ которой находился извѣстный заводчикъ Ю. П. Гужонъ) произошли беспорядки, фабричные забастовали, фабрика стала. Толчкомъ къ этому послужило, повидимому, ничтожное обстоятельство: фабричная администрація уволила двухъ рабочихъ, Сеницына и Макарова, «за пьянство и прогулы», какъ значится въ журналѣ товарищества. Исключеннымъ выдали за двѣ недѣли впередъ жалованье и—указали на дверь. Но на фабрикѣ уже давно происходило скрытое броженіе. Рабочіе были недовольны своими порядками, имѣли претензіи на увеличеніе платы и на многое другое. Увольненіе Сеницына и Макарова связали съ общими интересами рабочихъ, якобы нарушенными владѣльцами фабрики, и крикливая партія недовольныхъ, взявъ верхъ надъ большинствомъ болѣе тихихъ рабочихъ, потребовала фабричнаго инспектора и заявила ему о томъ, что желательное объясненіе делегатовъ рабочихъ съ правленіемъ товарищества. Не довольствуясь заявленіемъ фабричному инспектору, рабочіе подали жалобу генералу Трепову, въ которой было изложено, что фабричная администрація не платитъ за прогульные дни, случившіеся по винѣ самой фабрики, за каковыя дни, за время съ Пасхи 1901 года по январь 1902 года, фабричнымъ, будто бы, приходится получить 42,000 рублей. Всѣхъ пунктовъ жалобы имѣлось 16, изъ нихъ было много чисто специальныхъ требованій по ткацкой части, съ желаніемъ прибавки платы и т. п. Но вотъ какія еще требованія предъявляли рабочіе: на мытѣ половъ въ недѣлю 3 рубля, а на мореніе клоповъ въ рабочихъ казармахъ—500 (!) рублей въ годъ! Между тѣмъ правленіе товарищества выдавало на этотъ предметъ 100 рублей въ годъ. Здѣсь характерно одно: каковы же были казармы, если требовалось на мореніе клоповъ 500 рублей, а на мытѣ половъ—только 156 рублей.

Владѣльцы фабрики въ своихъ примѣчаніяхъ къ пунктамъ требованій согласились на нѣкоторыя льготы: перерывъ на полчаса на утренній чай, расширеніе прачечной; они приняли на свой счетъ чистку казармъ, прибавили третій день праздника (на Рождествѣ); но всѣ остальные пункты, какъ голословные и неосновательные, въ томъ числѣ и требованіе 42,000 рублей, отвергли. Директора правленія не разъ вступали въ переговоры съ рабочими, причѣмъ делегатами послѣднихъ выступали всѣ тѣ же уволенные Синицынъ и Макаровъ. При переговорахъ присутствовали фабричные инспектора (гг. Шульгинъ и Игнатовъ). Переговоры, разумѣется, къ хорошему результату не привели. Правленіе товарищества шелковой мануфактуры просило ткачей доказать, когда и кому не было уплачено за прогульные дни, случившіеся по винѣ фабрики, требовало также фактическаго доказательства и другихъ обвиненій, а ткачи стояли на своемъ—подай имъ 42,000 рублей и прибавь къ заработку. Правленіе въ этомъ окончательно отказало и объявило перечень надбавокъ къ платѣ, прося возобновить работу.

— Не желаемъ! Не желаемъ!—заголосила толпа (рабочіе собрались въ количествѣ около 1,000 человекъ)—Ребята, требуй всеобщаго расчета въ двѣ недѣли! И никто не моги за станокъ стать! Кто станеть—тому не поздоровится!

Всѣ ткачи свалили въ одну кучу расчетныя книжки и потребовали, чтобы инспектора приняли ихъ заявленіе, сдѣланное коллективно. Фабричные инспектора предложили фабричной администраціи немедленно наложить на книжки штемпеля, и эту работу производили весь день 7 февраля 1902 года.

Черезъ недѣлю въ фабричную контору явились «таинственные незнакомцы», нѣкіе гг. Жилкинъ и Красивскій, первый отрекомендовался «предсѣдателемъ организаціи рабочихъ-ткачей города Москвы», а второй—«членомъ совѣта рабочихъ въ механическомъ производствѣ». Они просили позволенія переговорить съ ткачами, чтобы ихъ «убѣдить и умиротворить». Администрація фабрики обратилась въ полицію, съ цѣлью удостовѣренія названныхъ личностей, и изъ московскаго охраннаго отдѣленія такое удостовѣреніе было получено. Правленіе, успокоенное этой справкой, допустило Жилкина и Красивскаго къ бесѣдѣ съ ткачами. Часа черезъ полтора Жилкинъ и Красивскій вернулись и передали правленію, что рабочіе фабрики принимаютъ всѣ измѣненія, сдѣланныя правленіемъ, соглашаются стать на работы и получать плату по старымъ расцѣнкамъ, будутъ на этихъ условіяхъ работать до Пасхи, но ставятъ условіемъ, чтобы работали до Пасхи и уволенные рабочіе, Синицынъ и Макаровъ.

Директора правленія удивились этому особенному заступничеству за двухъ пьяныхъ и буйныхъ рабочихъ. Не видя въ этомъ требованіи ничего, кромѣ нѣкотораго каприза, который однако,

нарушалъ права самого правленія, директора наотрѣзъ отказались принять обратно Сеницына и Макарова, а свое обѣщаніе увеличить нѣкоторыя расцѣнки вновь подтвердили.

Тогда Красивскій, подойдя къ телефону и сообщивъ въ охранный отдѣленіе объ отказѣ правленія товарищества, сказалъ:

— Я теперь слагаю съ себя дальнѣйшую отвѣтственность (!) за будущее, и она ляжетъ всецѣло на гг. директоровъ.

Съ этого момента началось явное вмѣшательство въ дѣла фабрики со стороны московскаго охранныя отдѣленія, но, скажу еще разъ, не въ качествѣ учрежденія, добывающагося разслѣдованія истины, а въ роли адвоката фабричныхъ, и даже не адвоката, а сильнаго протектора, рискнувшего на угрозы противъ предпринимателей, что уже было явнымъ произволомъ. А фабричные, чувствуя подъ собой почву въ видѣ покровительства зубатовскихъ агентовъ, предъявляли новыя требованія, шумѣли, говорили, что правленіе «взяло обратно свои обѣщанія нѣкоторыхъ уступокъ», снова требовали оставить на работахъ Сеницына и Макарова, а главное—на всякіе переговоры просили допускать гг. Жилкина и Красивскаго, неизвѣстныхъ представителей нелегалитованныхъ учреждений. Когда фабричные инспектора, провѣривъ книжки рабочихъ, увидали, что вопросъ о прогульныхъ дняхъ поднятъ неосновательно, и заявили ткачамъ объ этомъ, то тѣ все-таки продолжали требовать 42,000 р. и объявили:

— Теперь мы спорить и переговариваться не желаемъ, а можемъ это дѣлать только въ присутствіи Жилкина и Красивскаго!

Этихъ же лицъ они требовали допустить присутствовать при денежномъ расчетѣ, но администрація фабрики не согласилась на заявленіе рабочихъ и не допустила ни Жилкина, ни Красивскаго. Почему? Оказывается, у правленія были на то вѣскія причины: оно узнало, что гг. Жилкинъ и Красивскій были главными вдохновителями и участниками безпорядковъ на фабрикѣ Кондрашовыхъ.

Итакъ, денежный расчетъ совершился безъ этихъ, «удостоверенныхъ» охраннымъ отдѣленіемъ лицъ. Понятно, фабричные толпились у воротъ фабрики. Были вызваны усиленные наряды полиціи. По Москвѣ пошелъ слухъ, что на фабрикѣ товарищества шелковой мануфактуры бунтъ. Къ фабричнымъ пристала, какъ всегда, толпа ротозѣевъ. Фабрика, по виду, казалась какъ бы въ осадномъ положеніи, хотя фабричные только орали и угрожали, но никакихъ поползновеній къ насиліямъ не выказывали, а полиція, очевидно, снабженная особыми внушеніями, не препятствовала двумъ агитаторамъ, Жилкину и Красивскому, бѣгать отъ одной группы рабочихъ къ другой и кричать:

— Никто не смѣй вновь становиться на работы! Не соглашайтесь на уступки правленія! За васъ московская администрація, которая заставитъ вашихъ хозяевъ сдѣлать по-вашему!

Когда нѣкоторые старые ткачи пробовали выразить мнѣніе, что льготы, на которыя согласно правленію, выгодны для рабочихъ, на этихъ условіяхъ можно бы возобновить работы, — тѣ же Красивскій и Жилкинъ, на глазахъ у полицейскихъ, утверждали:

— Того, кто станетъ на работы, полиція въ 24 часа вышлетъ изъ Москвы.

Тогда правленіе товарищества отправило московскому оберъ-полицеймейстеру заявленіе, гдѣ сообщало о происшествіяхъ на фабрикѣ и о невозможности приглашать другихъ рабочихъ, такъ какъ уволенные и разсчитанные ткачи не желаютъ очистить фабричныя помѣщенія. Правленіе подчеркивало опасность положенія, возможность дракъ и массовыхъ насилій и указало на агитаторскую дѣятельность фабричныхъ Синицына и Макарова и «постороннихъ лицъ», т.-е. Жилкина и Красивскаго.

Заявленіе подавалъ генералу Трепову одинъ изъ директоровъ правленія (г. Мусси) и тутъ Треповъ усугубилъ свою административную ошибку. Онъ объявилъ г. Мусси, что очень недоволенъ членами правленія фабрики, обѣщалъ «оказывать давленіе на директоровъ», а также начать «строгаго преслѣдовать фабричную администрацію во всѣхъ санитарныхъ вопросахъ, и—если что окажется плохо—онъ, оберъ-полицеймейстеръ, не станетъ штрафовать директоровъ, а просто арестуетъ ихъ.

— Ваше превосходительство, —отвѣчалъ изумленный г. Мусси, — на нашей фабрикѣ все въ порядкѣ; но если вы укажете на что-либо, мы исправимъ, улучшимъ... вообще, все будетъ сдѣлано по первому же требованію.

— Нѣтъ, —отвѣчалъ Треповъ, —я никого не стану предупреждать; вы и безъ предупрежденій и указаній обязаны знать законъ, а я васъ буду сажать подъ арестъ въ максимальной степени, т.-е. до трехъ мѣсяцевъ!

Подобный отвѣтъ генерала Трепова снова рекомендовалъ его, какъ черезчуръ горячаго и, увы, непрозорливаго администратора. Сажать подъ арестъ правленіе за несуществующіе грѣхи никто не можетъ, и московскій оберъ-полицеймейстеръ явно шелъ на несправедливость. Однакожъ онъ согласился переговорить съ главнымъ фабричнымъ инспекторомъ.

— Я улажу ваше дѣло, если вы дѣйствительно вывѣсили въ мастерскихъ вновь утвержденныя инспекторомъ правила, —сказалъ онъ, прощаясь съ г. Мусси, и прибавилъ:—На удаленіи съ фабрики уволенныхъ рабочихъ Синицына и Макарова вы, разумѣется, можете настаивать...

Такимъ образомъ, онъ хоть капельку нашелся, золотя пиллюлю зубатовскаго производства.

Въ концѣ февраля на фабрику прибыли фабричный инспекторъ и частный приставъ. Они объявили, что рабочіе согласны вступить

въ переговоры съ правленіемъ, но лишь черезъ представителей организаціи рабочихъ, гг. Жилкина и Красивскаго. Правленіе товарищества вновь отказалось допустить названныхъ лицъ.

— Агитаторы и подстрекатели не могутъ служить посредниками!—говорило оно.

Приставъ былъ въ этомъ случаѣ безпомощенъ. У него осталась одна дорога торная — звонить по телефону въ охранное отдѣленіе и сообщить отвѣтъ директорамъ фабрики. Охранное отдѣленіе немедленно командировало ротмистра Ратько, который, приѣхавъ на фабрику, заявилъ, что Жилкинъ и Красивскій—лица, представляющія въ глазахъ московской администраціи вполне надежныхъ депутатовъ совѣта рабочихъ организацій, что этотъ совѣтъ допущенъ въ Москвѣ, слѣдовательно, оба названныхъ лица имѣютъ право быть делегатами рабочихъ при переговорахъ съ директорами фабричнаго правленія.

— Тогда дайте намъ письменный приказъ о допущеніи этихъ лицъ!—уперлись и директора.—Иначе мы въ переговоры не вступимъ.

Ротмистръ Ратько также прибѣгъ къ спасительному телефонному аппарату и сообщилъ обо всемъ генералу Трепову, а генералъ Треповъ, вызвавъ г. Гужона (предсѣдателя правленія товарищества шелковой мануфактуры), сказалъ ему по телефону буквально слѣдующее:

— Я вамъ приказываю немедленно допустить Жилкина и Красивскаго къ переговорамъ съ рабочими, такъ какъ я признаю ихъ законными представителями рабочихъ организацій!

Г. Гужонъ продолжалъ почтительно настаивать на письменномъ приказѣ.

— Я вамъ пришлю приказъ послѣ, а теперь приступайте къ переговорамъ!

— Слушаю, ваше превосходительство, я повинуюсь, но рассчитываю, что приказъ, дѣйствительно, будетъ полученъ правленіемъ!—сказалъ г. Гужонъ.

Треповъ вспылить (администраторъ стараго образца никогда не могъ въ немъ уступить вкрадчивымъ приемамъ администратора новѣйшаго) и грубо закричалъ въ телефонъ:

— Какое вы имѣете право, г. Гужонъ, ставить мнѣ условія!? Сейчасъ же извольте допустить моихъ посланныхъ, въ противномъ случаѣ я немедленно распоряжусь посадить васъ подъ арестъ!

Послѣ такого разговора правленіе не могло не подчиниться приказанію; Жилкинъ и Красивскій были допущены въ спальни рабочихъ, и тамъ фабричный инспекторъ сталъ объяснять ткачамъ всѣ нововведенія и измѣненія, на которыя согласились директора, сдѣлавшіе рядъ прибавокъ на разныя работы. Жилкинъ и Красивскій выслушали инспектора и прочитали условія правленія.

Но, повидимому, присутствіе «посланныхъ Трепова» не вносило умиротворенія. Правда, оба они произносили рѣчи, но ими разжигались только страсти, и фабричныя не приняли новыхъ условій. Раздался крикъ, ругательства. Фабричный инспекторъ, услыхавъ старыя требованія (оставленіе на работахъ Синицына и Макарова, уплата 42,000 руб. и т. п.), заявилъ, что директора правленія на другія уступки, кромѣ значащихся на печатныхъ увѣдомленіяхъ, развѣщенныхъ по мастерскимъ, не согласны,— и откланялся. Ротмистръ Ратько поѣхалъ съ докладомъ къ генералу Трепову. А гг. Жилкинъ и Красивскій, оставшись въ помѣщеніяхъ фабрики, продолжали агитировать среди рабочихъ. Они, впрочемъ, убѣдили ихъ отказаться отъ 42,000 руб., но стояли за сохраненіе въ силѣ остальныхъ требованій. Рабочіе слушали и галдѣли: «Правильно!».

Вечеромъ ротмистръ Ратько вызвалъ Красивскаго по телефону и приказалъ ему заявить рабочимъ, что они должны въ теченіе 2 дней покинуть фабрику, уѣхать въ деревню, а кто не можетъ уѣхать,—тѣхъ поселить въ особомъ помѣщеніи, нанятомъ на счетъ охраннаго отдѣленія (!).

На другой день, по распоряженію оберъ-полицеймейстера, была нанята на имя Жилкина и Красивскаго пустая фабрика подъ квартиры остающихся въ Москвѣ уволенныхъ рабочихъ.

Что же дѣлали охранные «умиротворители»? Имъ бы, собственно, слѣдовало исполнить приказъ оберъ-полицеймейстера, но эти господа пришли сѣять смуту, а не родворять тишину. Красивскій вдругъ пустилъ слухъ, что фабрику товарищества шелковой мануфактуры будутъ осматривать санитары, послѣ чего гг. Гужонъ, Мусси и другіе директора будутъ высланы изъ Москвы, если только не согласятся на требованія рабочихъ. Эта провокаціонная уловка пріостановила отъѣздъ ткачей по деревнямъ. Они стали собираться возлѣ фабрики и кричать: «Наша взяла!».

Между тѣмъ фабрику, дѣйствительно, обривизовали, но нашли ее въ образцовомъ порядкѣ. Встрѣтили одно лишь упущеніе: по постановленію московскаго генераль-губернатора спальни для женщинъ требовались отдѣльными, а на фабрикѣ мужья и жены жили вмѣстѣ. Но такой порядокъ существуетъ на всѣхъ московскихъ заводахъ и фабрикахъ, и, очевидно, постановленіе генераль-губернатора слѣдовало относить лишь къ вдовамъ и незамужнимъ.

Слухъ, пущенный Красивскимъ, не оправдался: директоровъ правленія изъ Москвы не выслали, но волокита съ полиціей для нихъ не скоро кончилась. Генераль Треповъ, выслушавъ отчетъ объ осмотрѣ фабрики, вызвалъ директоровъ къ себѣ, въ канцелярію.

— Рабочіе не признаютъ возможнымъ согласиться на ваши условія,—сказалъ онъ.—Не найдете ли возможнымъ увеличить расцѣнокъ?

Директора сослались на утверждение расцѣнка работъ фабричнымъ инспекторомъ, который только тогда утвердилъ расцѣнокъ, когда убѣдился въ неосновательности многихъ претензій рабочихъ, а далѣе указали оберъ-полицеймейстеру, что расцѣнокъ ихъ фабрики много выше расцѣнковъ другихъ фабрикъ.

— Въ виду того, что усилія моихъ агентовъ не привели къ желательному результату, — возразилъ Треповъ: — я предлагаю вамъ, гг. члены правленія, самимъ уладить этотъ вопросъ. Переговорите съ рабочими еще разъ, пойдите на возможные уступки... въ противномъ случаѣ, инцидентъ можетъ повлечь за собою плохія для васъ послѣдствія!

— Что же можетъ быть хуже настоящаго положенія дѣла? — возразилъ, вѣроятно, задѣтый за живое одинъ изъ директоровъ. — Вѣдь фабрика не работаетъ, нанося товариществу огромные убытки!

— Я не о вашемъ предпріятіи говорю, — холодно отвѣчала Треповъ. — Лично для васъ, членовъ правленія, положеніе можетъ значительно ухудшиться... понимаете, для самихъ васъ!

Этотъ разговоръ во многомъ выясняетъ дѣло. Итакъ, «предсѣдатель совѣщательной комиссіи ткачей» г. Жилкинъ и «членъ совѣта рабочихъ механическаго производства» г. Красивскій названы были покойными генераломъ Треповымъ «своими агентами», посланными для улаживанія недоразумѣній между рабочими и фабричными. Эти агенты охраннаго отдѣленія не были выразителями и исполнителями добрыхъ намѣреній московской администраціи. Треповъ думалъ, что стѣить ему хорошенько пригрозить хозяевамъ, какъ рабочіе, благодарные за это заступничество и за прибавки къ заработной платѣ, сразу отвлекутся отъ политической пропаганды и преобразуются — по щучьему велѣнію — въ благонадежный элементъ простаго общества. Обвороженный этимъ наивнымъ планомъ, московскій оберъ-полицеймейстеръ въ грубой формѣ приступилъ къ дѣйствіямъ; не видя, что онъ самъ попираетъ законъ, полагаясь на своихъ людей, Треповъ нанесъ страшный вредъ тамъ, гдѣ предполагалъ колоссальную пользу. Раскассированная недавно московская «охранка», на которую обѣими руками оперся генералъ Треповъ, въ тѣ годы была еще болѣе мерзвѣйшей клоакой, и немудрено, что ея рыцари сослужили большую службу дальнѣйшему движенію въ фабричной средѣ. Событія на фабрикѣ товарищества шелковой мануфактуры ясно доказываютъ это. Когда уволенные ткачи узнали, что правленіе приглашаетъ партіями новыхъ рабочихъ, они и сами хотѣли стать на работы, но Красивскій и Жилкинъ, агенты охраннаго отдѣленія, посланные водворять миръ, стали агитировать въ томъ смыслѣ, что охранное отдѣленіе не допуститъ новыхъ рабочихъ, и рекомендовали ткачамъ «снимать» и не допускать новыхъ наймитовъ.

Правленіе снова изложило генералу Трепову о дѣйствіяхъ его посланныхъ, и на этотъ разъ московскій оберъ-полицеймейстеръ, можетъ быть, отчасти сообразивъ, какъ искажены его намѣренія, сказалъ, что онъ «очень удивленъ» сообщеніями членовъ правленія, что его искреннѣйшее желаніе—это возобновленіе работъ на фабрикѣ, а не препятствіе къ ихъ началу. Красивскій и Жилкинъ, конечно, отрицали свое противодѣйствіе, но фабричнымъ говорили другое, и волнующіеся рабочіе, крича, что «правительство всегда будетъ за нихъ», запрещали новымъ ткачамъ становиться на работы, а старымъ служащимъ, склоннымъ кончить забастовку, угрожали смертью. Многихъ «вывозили въ тачкѣ», многихъ били. Что касается Красивскаго и Жилкина, то оба они,—о чемъ правленіе было хорошо освѣдомлено,—продолжали внушать наиболѣе буйнымъ рабочимъ, чтобы они не уступали, такъ какъ всякаго новаго рабочаго, который станетъ на работы, полиція вышлетъ изъ Москвы; что охранное отдѣленіе дозволитъ лишь тѣмъ работать, кто служилъ раньше, но только, когда правленіе исполнитъ требованія фабричныхъ; наконецъ эти господа увѣряли, что фабрика перейдетъ въ казну; они же раздавали рабочимъ деньги и вообще являлись опасными разжигателями фабричныхъ массъ противъ предпринимателей. Такимъ образомъ, Треповъ хотѣлъ одного, его агенты дѣлали другое...

Гг. Гужонъ, Мусси и прочіе члены правленія подали прошеніе министру финансовъ, въ которомъ объясняли, въ какомъ странномъ и опасномъ положеніи очутилась ихъ фабрика. Дѣйствительно, вмѣшательство въ дѣла правленія московской администраціи уродовало весь фабричный обиходъ. Рабочіе вообразили, что ни члены правленія, ни фабричный инспекторъ ужъ не могутъ указывать имъ предѣлъ ихъ претензій, и что на это есть «высшая инстанція»—охранное отдѣленіе. А это послѣднее, по ошибкѣ генерала Трепова, игнорировало доводы и фабричной дирекціи, и инспекціи, но до смѣшного пристрастно отнеслось къ жалобамъ рабочихъ. Въ особенности свелась къ нулю роль фабричнаго инспектора. Провѣривъ претензій рабочихъ, онъ видѣлъ, что они неправы, но властью оберъ-полицеймейстера утверждалось обратное: угрозы обрушивались не на возбужденныхъ провокаторами фабричныхъ, а на директоровъ фабрики, идущихъ на многія уступки.

Одновременно съ этимъ прошеніемъ къ министру финансовъ директора донесли Трепову о всей «дѣятельности» его агентовъ. Но не дремали и послѣдніе. Они подбили вожаковъ изъ ткачей обратиться къ адвокатамъ и предъявить товариществу иски въ судѣ. Такое ходатайство рабочихъ поступило въ юридическую консультацію «Музея труда», находившуюся при московскомъ отдѣленіи императорскаго техническаго общества. Юристы ухватились за это дѣло, потому что защищать интересы обиженныхъ чернорабочихъ

противъ жадныхъ хозяевъ — это трудъ очень почетный. Однакожъ слѣдовало разобратъся въ жалобѣ рабочихъ, познакомиться съ ткацкимъ дѣломъ, объясниться. Состоялось совмѣстное засѣданіе юристовъ—повѣренныхъ рабочихъ и юрисконсульта товарищества. Среди выборныхъ отъ рабочихъ присутствовали опять злосчастные «инсепарабли», изъ-за которыхъ весь сыръ-боръ загорѣлся,—Синицынъ и Макаровъ.

На этомъ засѣданіи выборные не могли ясно формулировать, на чемъ они зиждутъ законность своихъ требованій. Но они настаивали на какихъ-то обманахъ и обмѣрахъ и сказали, что можно правоту ихъ словъ доказать книгами товарищества. Рассмотрѣны были и эти книги. Было, однако, тутъ же выяснено, что претензіи рабочихъ неосновательны, а обвиненія не только ошибочны, но и недобросовѣстны. Юристы изъ членовъ консультаціи предложили правленію рѣшить дѣло третейскимъ судомъ.

Исторія рабочихъ стачекъ въ Россіи, кажется, не знаетъ ни одного примѣра разрѣшенія разногласій между предпринимателями и рабочими путемъ третейскаго разбирательства. Объ этомъ замѣтилъ и юрисконсультъ товарищества, но правленіе согласилось и на эту мѣру. Оно, впрочемъ, ставило здѣсь условіемъ, чтобы предложеніе о третейскомъ судѣ исходило отъ юридической консультаціи «Музея труда» и было прислано письмомъ, адресованнымъ на имя товарищества шелковой мануфактуры.

Но рабочіе, очевидно, получивъ указаніе отъ тѣхъ же агентовъ охраннаго отдѣленія, отклонили третейскій судъ. А консультація, находя ихъ претензіи шаткими, отказалась повести на судъ ихъ дѣло. Между тѣмъ стачка рабочихъ продолжалась, и г. Гужонъ подалъ московскому генераль-губернатору еще одну жалобу, въ которой подробно изложилъ исторію забастовки фабричныхъ, описалъ дѣянія агитаторовъ охраннаго отдѣленія и довольно рѣзко отозвался о томъ «давленіи», которое оказано было на правленіе фабрики. Результатомъ этой жалобы былъ вызовъ г. Гужона въ охранное отдѣленіе. Предсѣдателя правленія товарищества встрѣтилъ «самъ» Зубатовъ и «бесѣдовалъ» съ г. Гужономъ «нѣсколько часовъ кряду (!)». Однакожъ правленіе тогда хранило въ строжайшемъ секретѣ, о чемъ была эта бесѣда. Даже въ свой журналъ оно занесло фразу, что «подробное изложеніе этого разговора по многимъ соображеніямъ правленіе не находитъ возможнымъ зарегистрировать». Но въ этомъ журналѣ «зарегистрировано» все-таки слѣдующее: Зубатовъ склонялъ г. Гужона признать, что охранному отдѣленію не удалось примирить рабочихъ съ правленіемъ фабрики, вслѣдствіе неумѣлаго образа дѣйствій жандармскаго ротмистра Ратько. Но Ю. П. Гужонъ съ такимъ мнѣніемъ не согласился. По поводу угрозъ генерала Трепова Зубатовъ замѣтилъ, что «его превосходительство думалъ только о пользѣ обѣихъ (?) сторонъ, стараясь покончить

поскорѣй съ разраставшимися неудовольствіями рабочихъ, и что рѣзкія слова были сказаны въ минуту нервнаго возбужденія, вполне понятнаго (?) у лица, несущаго отвѣтственность за спокойствіе въ столицѣ».

Я нарочно подробно остановился на происшествіяхъ на фабрикѣ товарищества шелковой мануфактуры, какъ на явленіи, впервые показавшемся на горизонтѣ русской жизни, какъ на знаменіи, предвѣщающемъ рядъ другихъ событій, совершенно преобразившихъ Москву. Это былъ первый дебютъ обновленной московской фабрики, первые рѣшительные шаги фабричнаго движенія. Здѣсь особенность была въ томъ, что въ роли двуликаго Януса выступило охранное отдѣленіе; оно явилось на русскую фабрику не умиротворителемъ, а разжигателемъ страстей; оно посылало агентовъ для покровительства рабочимъ, въ предположеніи, что они дѣйствительно обижены, но въ результатѣ получалось одно сплошное провокаторство подозрительныхъ агентовъ полиціи; оно нанесло владѣльцамъ фабрики крупный матеріальный ущербъ, а рабочимъ, помимо голодовки и нищеты, растлило нравы и породило дикія понятія о правахъ и отношеніяхъ рабочихъ къ хозяевамъ; наконецъ, дѣйствія охраннаго отдѣленія уронили достоинство московской администраціи передъ всеми слоями общества. О безтактности самого Трепова и говорить нечего: она вызвала нареканія со всехъ сторонъ и, конечно, не была одобрена въ Петербургѣ.

Когда «надавливаніе» оберъ-полицеймейстера на правленіе товарищества шелковой мануфактуры кончилось, сейчасъ же сказались благіе результаты: Красивскій и Жилкинъ исчезли съ горизонта, комплектъ ткачей былъ пополненъ, и фабрика быстро стала гудѣть во все свои гудки, вертѣть всеми колесами и стучать громоздкими ткацкими станками... Все пошло на старый ладъ (хотя и съ прибавкой къ платѣ и многими «уступками» администраціи), но въ одномъ оказалось большое новшество: фабрика стала доступна всемъ сортамъ агитаціи. Успѣхъ провокаторской дѣятельности агентовъ охраннаго отдѣленія, гг. Жилкина и Красивскаго, легкость, съ какой можно было взбудоражить фабричныхъ, легковѣрность рабочей среды и подчиненіе степеннаго большинства ничтожной кучкѣ горлановъ,—все это были свѣжія тропинки въ долго заповѣданномъ лѣсу, по которымъ пошли позднѣйшіе дѣятели уже съ другими цѣлями, планами и «платформами». И всегда, по методу Жилкина и Красивскаго, примѣнялся одинъ приемъ: рабочихъ возбуждали экономическими вопросами ихъ быта, а ужъ потомъ, когда страсти разгорались и забастовка принимала грозный характеръ, на сцену выступала политика, и начинался разговоръ о неизбежности возстанія...

Такимъ-то образомъ изъ маленькой московской «зубатовщины» выросла и «пошла писать» всероссійская «азефовщина», создавшая

цѣлый омутъ для многихъ общественныхъ дѣятелей и погубившая массы молодежи, свѣтлые идеалы которой были загрязнены предательствомъ, подкупомъ и самой нечистоплотной провокаціей.

О томъ, какъ разразилась политическая буря въ преобразенной Москвѣ, я расскажу въ своихъ послѣдующихъ очеркахъ.

PS. Мнѣ впоследствии передавали, въ чемъ заключалась суть бесѣды начальника охраннаго отдѣленія Зубатова съ г. Гужономъ. Собственно, не съ однимъ директоромъ товарищества шелковой мануфактуры бесѣдовалъ Зубатовъ и открывалъ свои планы. Догадки и соображенія этого «дѣятеля» отчасти были вѣрны. Онъ видѣлъ въ фабрикахъ удобную почву для насажденія какихъ угодно идейныхъ злаковъ. Въ тѣ времена кое-гдѣ въ заграничной подпольной прессѣ, если не ошибаюсь, проскользнули выраженія: «черная сотня» и «красный легіонъ». Такъ вотъ Зубатовъ, видя, что заводско-фабричная чернорабочая масса, сильная своей многочисленностью, крѣпко связанная съ деревней и авторитетная у себя, на родинѣ, легко можетъ, попавъ подъ вліяніе вредныхъ агитаторовъ, сдѣлаться «краснымъ легіономъ», придумалъ фокусную вещь—превратить этотъ сырой матеріаль въ «черную сотню», хотя и не выполнѣ въ томъ смыслѣ, какъ это названіе понимали въ позднѣйшее время. Несомнѣнно, Зубатовъ, пугая Трепова и московскаго генераль-губернатора «краснымъ легіономъ» фабрики, заботился объ одномъ, чтобы самому выдвинуться, сдѣлать отличную карьеру, стать въ глазахъ высшей администраціи провидцемъ событій и умѣлымъ предотвратителемъ несчастій. Вѣроятно, онъ только и напештывалъ: Фабрика—вотъ гдѣ опасность! Фабрика—вотъ та ячейка, откуда поднимется красное знамя бунта! Фабрика—вотъ то зло, съ которымъ, однако, нельзя бороться грубой силой; ни полиція, ни солдаты, ни штыки и даже ни пушки—всѣ эти средства неудобны и опасны; пора администраціи умѣло пойти на фабрику въ качествѣ могущественнаго посредника и, какъ это ни прискорбно, нѣсколько помирволить рабочей массѣ. Забравъ въ руки большинство рабочихъ, заставивъ фабрикантовъ поступиться своими крупными барышами, правительство будетъ хозяиномъ положенія и не будетъ получать бунтарскихъ сюрпризовъ. Но, надавливая на предпринимателей, мѣстныя власти должны держать въ рукахъ и рабочую силу. Словомъ, однимъ камнемъ будетъ сдѣлано два удара...

Такъ, вѣроятно, разсуждалъ г. Зубатовъ. Но если старыя мѣры водворенія порядка и тишины среди недовольныхъ своими хозяевами рабочихъ, именно штыки и даже пушки, устарѣли и не годились въ дѣло, то и образъ дѣйствій Зубатова не имѣлъ смысла. Правда, этотъ человѣкъ «съ хитростью къ зерну приближался», но его минусомъ явилось незнаніе и фабрики, и вообще русскаго народа. Въ область заводской среды проникъ лучъ свѣта,—грамот-

ность, стремленіе къ культурѣ. Русскій чернорабочій скоро доказалъ, что онъ не только «сырой матеріаль» для образованія или «черной сотни», или «краснаго легіона», а, какъ и всякій человѣкъ, способенъ воспринимать кое-что и другое, болѣе для себя полезное и благородное. О перерожденіи московскаго рабочаго я буду имѣть возможность сказать особо, а пока замѣчу, что планы Зубатова разлеглись прахомъ именно отъ того плантаторскаго взгляда, который этотъ темный дѣятель осмѣлился имѣть на русскій народъ. Обмануть Трепова ему удалось легко, но жизнь его самого не только обманула, а моментально уничтожила, при первой попыткѣ осуществленія безобразныхъ зубатовскихъ идеаловъ...

Въ этомъ очеркѣ читатель встрѣтитъ выраженіе: «рабочіе возили въ тачкѣ тѣхъ, кто хотѣлъ стать на работы».

Дѣйствительно, такъ и было. На фабрикѣ товарищества шелковой мануфактуры взбудораженные рабочіе схватили нѣсколькихъ лицъ, посадили ихъ въ обыкновенныя тачки, набросали туда же ихъ скарбъ, вывезли изъ фабричныхъ воротъ и съ гиканьемъ, хохотомъ и угрожающими фразами вывалили несчастныхъ въ оврагъ, на снѣгъ и въ грязь, при этомъ воспретивъ возвратиться обратно на фабрику.

«Вывозъ въ тачкѣ» сталъ было входить въ моду, имъ пользовались и на другихъ фабрикахъ во время забастовокъ и беспорядковъ, но, къ счастью, эта «мода» долго не продержалась.

Н. Ежовъ.

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ „ГУБЕРНАТОРЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРЪ“.

ВЪ ДЕКАБРЬСКОЙ книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1909 г. напечатана статья г. Подольскаго, подъ заглавіемъ: «Губернаторъ-революціонеръ». Въ этой статьѣ неправильно окрашены событія, касающіяся дѣятельности войсковыхъ частей во время кутаисскихъ безпорядковъ въ 1905 году, и потому считаю своимъ долгомъ для возстановленія истины изложить эти событія въ томъ видѣ, въ какомъ они происходили дѣйствительно.

Находясь въ Кутаисѣ съ 10-го сентября 1905 по 15-е сентября 1907 года, во главѣ Бессарабскаго полка, я былъ очевидцемъ всего, излагаемаго мною ниже, и могу подтвердить это какъ документальными данными, такъ и свидѣтельствомъ многихъ лицъ, занимавшихъ болѣе или менѣе офиціальное положеніе.

Здѣсь я буду говорить лишь по поводу непонятнаго для меня и, казалось бы, ненужнаго для правильной исторической оцѣнки личности знаменитаго губернатора Старосельскаго, извращенія фактовъ, касающихся дѣятельности войскъ и ихъ начальниковъ.

Прибывъ на Кавказъ съ полкомъ въ началѣ сентября, я много слышалъ объ убійствѣ подполковника Ходецкаго, произведенномъ въ августѣ мѣсяцѣ, и о тѣхъ непріятностяхъ, которыя революціонеры причиняли семьѣ покойнаго послѣ его убійства, но ни слова не слышалъ о нападеніи на лагерь Куринскаго и Потійскаго полковъ, хотя былъ знакомъ съ командиромъ Куринскаго полка и часто бесѣдовалъ съ нимъ о разыгрывающихся событіяхъ. Когда я прибылъ въ Кутаисъ, оба полка находились не въ лагерѣ, а въ городскихъ казармахъ.

Выводъ изъ Кутаиса Куринаго и Потійскаго полковъ былъ произведенъ не по настояніямъ Старосельскаго, а по особымъ соображеніямъ штаба кавказскаго военнаго округа, и эти полки вышли уже тогда, когда части 33-й пѣхотной дивизіи прибыли на Кавказъ, причемъ команда Куринаго полка, численностью въ 60 человекъ при офицерѣ, продолжала оставаться въ Кутаисѣ до конца 1906 года.

Назначеніе на Кавказъ 33-й пѣхотной дивизіи съ ея артиллеріей вовсе не было неожиданностью для намѣстника, а было сдѣлано по его настоятельному ходатайству объ усиленіи войскъ на Кавказѣ. Намѣстникомъ даже было сдѣлано распоряженіе о торжественной встрѣчѣ войскъ, прибывающихъ изъ Россіи ¹⁾.

33-я пѣхотная дивизія съ 33-й артиллерійской бригадой прибыла на Кавказъ не въ составѣ 6-ти батальоновъ, какъ пишетъ г. Подольскій, а въ составѣ 16-ти батальоновъ и 6-ти батарей. Изъ нихъ 8 батальоновъ и 4 батареи были расположены въ Кутаисской губерніи и Батумѣ, а 8 батальоновъ и 2 батареи въ Баку, гдѣ находился и штабъ дивизіи.

Г. Подольскій пишетъ, что 13-го декабря 1905 г. наступила желѣзнодорожная забастовка, а въ Кутаисской губерніи и Батумѣ началось вооруженное возстаніе. Свѣдѣніе это не совсѣмъ вѣрно. Забастовокъ было двѣ: первая—почтово-телеграфная и отчасти желѣзнодорожная—была съ 15-го октября по 4-е ноября 1905 г., а вторая съ 11-го декабря 1905 года по 6-е января 1906 года. Что же касается вооруженнаго возстанія, то, принимая за возстаніе частныя выступленія вооруженныхъ шаекъ революціонеровъ, таковыя были произведены въ Кутаисѣ 27-го и 28-го ноября и въ разныхъ мѣстахъ Кутаисской губерніи въ концѣ декабря. Съ началомъ же второй забастовки, т. е. съ 11-го до 26-го декабря, вооруженное возстаніе въ Кутаисѣ ничѣмъ не обнаруживалось.

27-го ноября революціонеры въ Кутаисѣ устроили на улицахъ баррикады и вступили въ перестрѣлку съ казаками и стражниками. Съ появленіемъ на мѣстѣ происшествія Бессарабскаго полка, толпа собравшихся революціонеровъ немедленно разошлась, баррикады были уничтожены, и порядокъ въ городѣ восстановленъ ²⁾.

28-го ноября вечеромъ было произведено шайкой вооруженныхъ революціонеровъ, человекъ въ 15, нападеніе на мою квартиру въ то время, когда меня не было дома. Подоспѣвшими изъ находившейся

¹⁾ Стр. 309—311 «Исторіи 129 пѣх. Бессарабскаго полка». Въ дальнѣйшемъ изложеніи я буду дѣлать ссылки на эту книгу, заданную въ этомъ году, какъ на безпристрастный историческій документъ, въ которомъ событія описываются въ послѣдовательности ихъ развитія на основаніи официальныхъ документовъ и записей очевидцевъ.

²⁾ Стр. 329 «Исторіи Бессарабскаго полка». Копія предп. начальника гарн. отъ 27 ноября. Приложенія II и III.

вблизи моей квартиры казармы солдатами Бессарабскаго полка нападеніе было отбито, а начавшійся было въ городѣ беспорядокъ съ устройствомъ вновь баррикадъ былъ прекращенъ въ самомъ началѣ высланною мною ротою Бессарабскаго полка ¹⁾.

Въ Батумѣ, по дошедшимъ до меня слухамъ, 27-го ноября также были устроены баррикады и велась перестрѣлка революціонеровъ съ войсками. Подробности этого столкновенія мнѣ неизвѣстны, но долженъ сказать, что въ Батумѣ, вопреки сообщенію г. Подольскаго, въ это время находились не только пластунская и казачья сотни, а весь 2-й Лабинскій казачій полкъ, а также другія войсковыя части, которыя принимали участіе въ подавленіи вооруженнаго выступленія революціонеровъ. Что же касается Гуріи, то оставляю на совѣсти г. Подольскаго свѣдѣніе, что она должна была сдѣлать, но не могу понять, какъ она могла бы захватить Батумъ и не пускать войска отсюда, когда въ Озургетахъ, самомъ центрѣ Гуріи, стояли двѣ пластунскихъ сотни и Херсонскій полкъ, командиръ котораго, полковникъ (нынѣ генераль-майоръ) Крыловъ своими энергичными дѣйствіями не давалъ развиваться революціи въ Гуріи, о чемъ своевременно сообщалось во многихъ русскихъ газетахъ. Несомнѣнно, пластуны и казаки честно несли службу и содѣйствовали во многомъ сокрушенію революціи, но приписывать всю честь подавленія этой революціи имъ однимъ при наличіи другихъ войскъ, какъ это дѣлаетъ г. Подольскій, значитъ утверждать, что остальные войска были не на должной высотѣ и бездѣйствовали.

Невѣрно сообщеніе г. Подольскаго, что городовые остались активными. Во время второй, именно декабрьской, забастовки всѣ городовые бросили службу въ полиціи и войскамъ приходилось нести особый нарядъ по охранѣ полицейскихъ участковъ. Въмѣсто городовыхъ, появились милиціонеры, подъ названіемъ городскихъ охранниковъ, несомнѣнно, революціоннаго происхожденія. Войска ихъ не признавали за полицію, и съ ними часто происходили столкновенія. Стражники, дѣйствительно, оставались все время активными исполнителями полицейской службы. Въ двадцатыхъ числахъ декабря революціонеры собирались напасть на ихъ казарму и обезоружить, вслѣдствіе чего они были переведены въ казармы Бессарабскаго полка и подчинены мнѣ ²⁾. Жандармы также продолжали нести службу.

Не могу согласиться съ г. Подольскимъ, что генераль Шипковскій сталъ лишь исполнителемъ требованій революціонеровъ и что роль начальниковъ была сведена не къ проявленію власти, а къ сдерживанію проявленія всякаго импульса, всякой власти. Это совершенно невѣрно. Изъ приложенныхъ при семь копій распоря-

¹⁾ Стр. 330 «Исторіи Бессарабскаго полка».

²⁾ Предп. начальн. гарнизона отъ 22 декабря. Приложение V.

женій генерала Шишковскаго ¹⁾), относящихся главнымъ образомъ къ концу декабря, видно, что это обвиненіе, предъявленное къ нынѣ умершему уже генералу, несправедливо. Исполнителемъ воли революціонеровъ онъ не былъ, да и не могъ быть по своему положенію. Къ сожалѣнію, онъ во многомъ вѣрилъ Старосельскому и у него не хватило рѣшимости безъ указанія свыше объявить своевременно военное положеніе и взять на себя, опираясь на исключительныя обстоятельства, управленіе губерніей, на чемъ неоднократно настаивали собиравшіеся у него войсковые начальники. Требованія болѣе сильнаго воздѣйствія на революціонеровъ съ объявленіемъ военнаго положенія не вяжутся съ заявленіемъ г. Подольскаго, что начальники частей стремились къ подавленію всякаго проявленія власти. Напротивъ того, начальники частей настояли передъ генераломъ Шишковскимъ на томъ, чтобы были созваны всѣ офицеры кутаисскаго гарнизона и на общемъ собраніи выработаны самыя рѣшительныя мѣры борьбы съ революціей. Такихъ собраній было два: одно 23-го декабря 1905 года и второе 5-го января 1906 года. На первомъ было выработано особое постановленіе, пункты 3 и 4 котораго давали возможность каждому военному начальнику дѣйствовать самостоятельно, въ случаѣ какихъ-либо выступленій революціонеровъ. Это постановленіе имѣло весьма серьезныя послѣдствія въ смыслѣ подавленія революціи въ городѣ Кутаисѣ ²⁾).

Невѣрно также сообщеніе г. Подольскаго, что вокзалъ въ городѣ Кутаисѣ былъ занятъ казаками. Изъ приводимаго въ приложеніи письма командира казачьяго полка видно, что онъ просилъ генерала Шишковскаго занять вокзалъ пѣхотой; это видно и изъ предписанія начальника гарнизона ³⁾.

Казармы казачьяго полка такъ близко находились отъ вокзала, что послѣ общаго собранія 23-го декабря командиръ казачьяго полка взялъ на себя обязанность наблюдать за тѣмъ, чтобы революціонеры не пользовались желѣзной дорогой.

Около станціи Ріонъ никакихъ позицій, окопанныхъ траншеями, не было. Кто знаетъ мѣстность у этой станціи, можетъ подтвердить всю ошибочность подобнаго сообщенія. Кромѣ того, 31-го декабря 1905 года на станцію Ріонъ была выслана сотня казаковъ ⁴⁾, которая никакой укрѣпленной позиціи, занятой революціонерами, не обнаружила. Чтобы преградить путь изъ Кутаиса на Квирилы, вовсе не нужно устраивать позиціи у Ріона, такъ какъ путь на Квирилы идетъ по Старо-Тифлисскому тракту черезъ Красную рѣчку мимо селеній Симонети и Эцери, совсѣмъ въ сторонѣ отъ станціи Ріонъ.

¹⁾ Приложенія I—XII.

²⁾ Стр. 335 «Исторіи Бессарабскаго полка». Предписаніе начальника гарнизона отъ 29 декабря. Приложеніе IX и X.

³⁾ Прил. VI и IX.

⁴⁾ Письмо начальника гарнизона. Прил. XI.

На этомъ пути, около станціи Симонети высланною сотнею Хоперскаго полка дѣйствительно была обнаружена застава революціонеровъ ¹⁾.

Командиръ роты, стоявшей въ Квирилахъ, былъ вызванъ не въ Бѣлогору, какъ пишетъ г. Подольскій, а тутъ же на станцію Квирилы. Бѣлогору находятся не по сосѣдству съ Квирилами, а черезъ двѣ станціи (Шоропанъ и Дзерула) въ разстояніи 22-хъ верстъ. Ротою въ Бѣлогорахъ командовалъ не капитанъ Тарасовъ, а штабсъ-капитанъ Давыдовъ. Капитанъ же Тарасовъ командовалъ ротою Бессарабскаго полка, стоявшей въ Чигатурахъ, и былъ убитъ тамъ 8-го ноября за то, что не позволялъ толпѣ ходить съ красными флагами.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ никакой батареи 33-й артиллерійской бригады въ Кутаисѣ не прибывало и описанныхъ г. Подольскимъ затрудненій въ пріисканіи квартиръ для этой батареи не могло происходить.

Но въ особенности отличается ошибками и несообразностями та глава статьи г. Подольскаго, въ которой онъ приписываетъ прекращеніе революціи въ Кутаисѣ заурядъ-прапорщику Ващуку, назвавшемуся капитаномъ Выгорскимъ. На самомъ же дѣлѣ событія происходили много иначе, чѣмъ это рассказываетъ г. Подольскій.

Какимъ образомъ Ващукъ присоединился къ отряду полковника Гаврилова, мнѣ неизвѣстно, но я опишу, какъ мнѣ стало извѣстно о появленіи Ващука въ Кутаисѣ.

Утромъ 9-го января 1906 года въ Кутаисѣ прибылъ подъ начальствомъ подполковника Чиковани воинскій поѣздъ съ батальономъ Эриванскаго полка, который привезъ между прочимъ обезоруженныхъ въ Квирилахъ и Бѣлогорахъ тенгинцевъ. Я былъ вызванъ генераломъ Шишковскимъ на вокзалъ для рѣшенія вопроса о размѣщеніи тенгинцевъ до отправленія ихъ въ полкъ. Заурядъ-прапорщика Ващука при этомъ не было, или, можетъ быть, онъ не показывался, и написанное г. Подольскимъ обращеніе его къ тенгинцамъ, якобы толпившимся на площади передъ вокзаломъ, является чистѣйшей фантазіей. Тенгинцы на площади не толпились, а прямо съ вокзала отправились въ указанное имъ помѣщеніе, расположенное недалеко отъ вокзала.

Нужно замѣтить, что тенгинцы прибыли подъ командой того ротнаго командира, рота котораго стояла въ Квирилахъ.

Если утромъ 9-го Ващукъ дѣйствительно появился въ Кутаисѣ, то онъ могъ прибыть только съ тѣмъ же поѣздомъ, съ которымъ привезли и тенгинцевъ, а потому вопросъ его, направленный къ жандармскому вахмистру, является абсурдомъ.

¹⁾ Предп. начальника гарнизона отъ 3 января 1906 г. Прил. XII.

Далѣе г. Подольскій пишетъ, что послѣ обращенія къ тенгинцамъ Ващукъ переходилъ отъ одной части къ другой и благодарилъ ихъ отъ имени Царя за молодецкую службу. Интересно было бы спросить г. Подольскаго: какія это были части? Въ описываемое время въ Кутаисѣ находились: 129-й пѣхотный Бессарабскій полкъ, 3 батальона 155-го пѣхотнаго Кубинскаго полка, команда 79-го пѣхотнаго Куринскаго полка, 4 батареи 33-й артиллерійской бригады и 1-й Хоперскій казачій полкъ. Ни одной изъ этихъ частей утромъ 9-го января на площади передъ вокзаломъ не было, да и странно было бы имъ тамъ собираться безъ всякой надобности, а потому Ващукъ и не могъ переходить отъ одной части къ другой и благодарить ихъ отъ имени царя. Какой бы ни былъ начальникъ, но если младшій въ чинѣ ни съ того, ни съ сего подойдетъ къ его части и начнетъ ее благодарить, да еще отъ имени царя, то этотъ начальникъ непременно задастъ вопросы: кто вы такой, откуда и кто васъ уполномочилъ обращаться съ чѣмъ-либо къ моей части?

Точно также все дальнѣйшее, какъ, напримѣръ, разговоры солдатъ по адресу ихъ старшаго начальника и обращеніе Ващука къ генералу Шишковскому съ порицаніемъ его дѣйствія, является выдумкой.

Передавъ мнѣ нѣкоторыя распоряженія, генералъ Шишковскій отправился къ себѣ домой и никакого грознаго посланца въ это время не видѣлъ.

Тогда же, 9-го января, около 6-ти часовъ вечера, я былъ у генерала Шишковскаго по его приглашенію, и генералъ сообщилъ мнѣ, что на обѣдѣ у казаковъ, съ котораго онъ только вернулся, онъ встрѣтилъ какого-то капитана Выгорскаго, говорившаго съ апломбомъ о своихъ широкихъ полномочіяхъ по части ареста политическихъ преступниковъ. Я спросилъ генерала: являлся ли ему, какъ начальнику гарнизона, означенный капитанъ и представилъ ли удостовѣреніе своей личности? Получивъ отрицательный отвѣтъ, я выразилъ сомнѣніе въ дѣйствительности полномочій именующаго себя капитаномъ Выгорскимъ и тутъ же настоялъ на немедленной посылкѣ телеграммы намѣстнику съ запросомъ о капитанѣ Выгорскомъ.

Что говорилъ Ващукъ генералу Шишковскому за обѣдомъ у казаковъ, я не знаю, такъ какъ тамъ не былъ, но на основаніи переданнаго мнѣ генераломъ при нашей вечерней встрѣчѣ я глубоко сомнѣваюсь, чтобы Ващукъ могъ обратиться къ генералу Шишковскому съ такими словами, которыя приведены въ статьѣ г. Подольскаго. Добавка же послѣ телеграммы генерала Шишковскаго, что спокойствіе въ городѣ наступило послѣ того, какъ Ващукъ объявилъ Старосельскому, что его повѣситъ, также относится къ области фантазіи, такъ какъ во время составленія означенной телеграммы ни мнѣ, ни генералу Шишковскому ничего не было извѣстно о появленіи Ващука у Старосельскаго.

Послѣ отправки телеграммы я оставался еще недолго у генерала Шишковскаго, и въ это время генераломъ была получена записка отъ Старосельскаго, въ которой послѣдній сообщилъ, что къ нему около 7-ми часовъ вечера явились два офицера, одинъ въ адъютантской, другой въ саперной формѣ; оба не совсѣмъ трезвые, и офицеръ въ адъютантской формѣ потребовалъ отъ Старосельскаго выдачи 140 революціонеровъ по какому-то списку. Когда же Старосельскій потребовалъ отъ этого офицера письменнаго документа, на которомъ онъ основываетъ свои требованія, то, наговоривъ ему дерзостей, оба офицера удалились, обѣщая явиться на другой день. Старосельскій спрашиваетъ начальника гарнизона, извѣстно ли ему о появленіи въ Кутаисѣ такого офицера. На это генераль Шишковскій отвѣтилъ, что дѣйствительно часа два тому назадъ онъ видѣлъ въ офицерскомъ собраніи Хоперскаго полка нѣкоего капитана Выгорскаго, по поводу полномочій котораго запросилъ телеграммой на-мѣстника, что совѣтуетъ сдѣлать и Старосельскому.

На другой день, т. е. 10-го января утромъ, у начальника гарнизона было назначено собраніе начальниковъ отдѣльныхъ частей для обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ введеннымъ наканунѣ военнымъ положеніемъ. У генерала Шишковскаго мы застали офицера въ адъютантской формѣ, котораго генераль представилъ намъ, какъ капитана Выгорскаго, прибывшаго по порученію генерала Алиханова для ареста указанныхъ послѣднимъ политическихъ преступниковъ. Для возстановленія истины долженъ отмѣтить, что на капитанѣ Выгорскомъ знаковъ отличія военнаго ордена и орденовъ за боевыя отличія никакихъ не было. Выгорскій былъ въ сюртукѣ, и комбинація такихъ отличій, красовавшихся на его груди при его капитанскомъ чинѣ, о которыхъ пишетъ г. Подольскій, бросалась бы въ глаза каждому военному своею явною несообразностью, такъ какъ показывала бы, что Ващукъ получилъ за одну кампанію 12 наградъ, но тогда такой герой былъ бы извѣстенъ всему міру. вмѣсто ордена Георгія 4-й степени была только ленточка въ петлицѣ сюртука, самого же креста не было. Золотою оружія, этого достоинства храбрыхъ, какъ пишетъ г. Подольскій, у Выгорскаго также не было. Это былъ средняго роста, довольно невзрачнаго вида темный шатенъ, даже скорѣе брюнетъ, съ безпокойно бѣгавшими черными глазками. Къ его присутствію на нашемъ засѣданіи мы отнеслись совершенно безразлично, тѣмъ болѣе, что капитанъ Выгорскій держалъ себя очень скромно и во время нашего засѣданія не проронилъ ни слова. Не могу не упомянуть объ одной маленькой, но характерной подробности: всѣ мы явились въ засѣданіе въ сюртукахъ при шарфахъ, Выгорскій же былъ безъ шарфа. Пока мы собирались въ столовой, гдѣ обыкновенно происходили засѣданія у генерала, Выгорскій куда-то исчезъ, но вскорѣ появился вмѣстѣ съ генераломъ уже при шарфѣ. Упоминаю это потому, что эта ма-

ленькая подробность, а также отсутствіе георгіевскаго креста при наличіи ленточки, безпокойно бѣгающіе глаза и скромность, не вязавшаяся съ апломбомъ, проявленнымъ наканунѣ, еще болѣе усугубили мои сомнѣнія относительно личности капитана Выгорскаго, которыя я и высказалъ генералу Шишковскому тотчасъ же послѣ ухода Выгорскаго по окончаніи засѣданія. Но генеральъ возразилъ мнѣ, что до полученія разъясненія изъ Тифлиса на посланную телеграмму онъ никакихъ мѣръ по отношенію Выгорскаго принимагь не можетъ, тѣмъ болѣе, что послѣдній предъявилъ ему телеграмму генерала Алиханова объ арестѣ Старосельскаго. Впослѣдствіи оказалось, что генеральъ Алихановъ никакой такой телеграммы не посылалъ и слѣдовательно предъявленная Ващукомъ генералу Шишковскому телеграмма была подложная.

Около часу дня я былъ экстренно вызванъ начальникомъ гарнизона къ дому губернатора. Когда я подъѣзжалъ туда, то увидѣлъ слѣдующую картину: передъ домомъ губернатора стояла толпа тенгинцевъ, прибывшихъ наканунѣ; сзади нихъ около полусотни казаковъ; изъ дома губернатора къ тенгинцамъ два раза прошмыгнулъ съ довольно растеряннымъ видомъ офицеръ, въ которомъ я узналъ капитана Выгорскаго. Генеральъ Шишковскій ходилъ въ волненіи передъ тенгинцами и о чемъ-то съ ними разговаривалъ. Сойдя съ экипажа, я направился къ генералу, и онъ обратился ко мнѣ съ просьбой успокоить тенгинцевъ, которые волнуются, требуя отъ губернатора выдачи ружей, которыя они сдали революціонерамъ. Тонъ, которымъ говорили тенгинцы со своимъ начальникомъ дивизіи, былъ не допустимъ съ точки зрѣнія воинской дисциплины, а потому я обратился къ тенгинцамъ съ суровымъ замѣчаніемъ по поводу ихъ поведенія и нелѣпости требованія, такъ какъ губернатору они ружей не сдавали. Къ казакамъ же обратился съ вопросомъ: извѣстно ли ихъ командиру, что они пришли поддерживать тенгинцевъ въ производимыхъ ими беспорядкахъ? На это казаки отвѣтили, что они пришли безъ вѣдома своего командира. Тогда я обратился къ генералу Шишковскому съ предложеніемъ, что если онъ желаетъ, о я могу вызвать роту своего полка и отправить волнующихся солдатъ къ себѣ въ казармы, какъ арестованныхъ. Но послѣ этихъ моихъ словъ и тенгинцы и казаки немедленно ушли въ свои казармы. Никакихъ ружей тенгинцамъ Старосельскій не выдавалъ, да и не могъ выдать, такъ какъ захватившіе ружья революціонеры съ приближеніемъ генерала Алиханова къ Квириламъ разбѣжались, унося съ собой и ружья.

Сообщаемое г. Подольскимъ, что къ назначенному часу у Старосельскаго собрались: командиръ Бессарабскаго полка съ командой отъ полка, жандармскій полковникъ и командиръ казачьяго полка, приглашенные якобы Старосельскимъ для его защиты, невѣрно. Какъ я уже сказалъ, я былъ вызванъ генераломъ Шишковскимъ,

никакой команды съ собой не приводилъ, такъ какъ до прибытія къ дому губернатора даже не зналъ о цѣли вызова. Въ домъ губернатора не входилъ, разговора съ губернаторомъ Вашука не слышалъ, а потому и не могъ при этомъ разговорѣ «любезно» предложить послѣднему въ конвой роту. По моемъ прибытіи къ дому губернатора, ни командира казачьяго полка, ни жандармскаго полковника тамъ не было. Начальникъ кутаисскаго жандармскаго управленія, полковникъ Николаевъ, быть въ такихъ непріязненныхъ отношеніяхъ со Старосельскимъ, что появленіе его въ домѣ губернатора, да еще для защиты послѣдняго, было невозможно. Поведеніе Старосельскаго и его политика казались всѣмъ намъ, военнымъ, настолько подозрительными, что арестъ его никого не могъ удивить и ни одинъ изъ начальниковъ частей не помѣшалъ бы этому аресту, а тѣмъ болѣе не сталъ бы защищать Старосельскаго.

Когда тенгинцы и казаки отправились въ свои казармы, Вашукъ снова вышелъ изъ дома губернатора и, увидя, какъ удаляется его единственная опора—взбудораженные имъ тенгинцы, побѣждалъ ко мнѣ и заискивающимъ тономъ сталъ говорить, что генералъ Алихановъ поручилъ ему арестовать и привезти въ Квирилы губернатора Старосельскаго, но что онъ, Выгорскій, боится, какъ бы стоявшіе на станціи Ріонъ пластуны, возмущенные дѣятельностью Старосельскаго, не убили его. Вотъ тогда я отвѣтилъ Выгорскому, что если онъ имѣетъ отъ генерала Алиханова такое серьезное порученіе, чтобы доставить Старосельскаго живымъ, и не надѣется этого исполнить, то я могу дать ему роту для сопровожденія. Это предложеніе вытекало изъ двухъ моихъ предположеній: или, какъ это признавалъ начальникъ гарнизона, капитанъ Выгорскій дѣйствительно командированъ генераломъ Алихановымъ, но изъ разговора съ пластунами вынесъ впечатлѣніе, что ему трудно будетъ выполнить возложенное на него порученіе,—тогда ему необходимо оказать содѣйствіе или же капитанъ Выгорскій самозванецъ, быть можетъ, переодѣтый революціонеръ, играющій со Старосельскимъ комедію, и тогда нужно назначить конвой, чтобы не дать имъ бѣжать. Разыгрывавшаяся передъ моими глазами комедія начинала казаться мнѣ довольно подозрительной и тонъ обращенія моего къ капитану Выгорскому далеко не былъ любезнымъ. На мое предложеніе Выгорскій ничего не отвѣтилъ, но снова побѣждалъ въ домъ губернатора и вскорѣ появился оттуда уже въ сопровожденіи Старосельскаго. Подойдя ко мнѣ, Выгорскій сказалъ, что ему удастся, быть можетъ, провезти Старосельскаго при помощи однихъ жандармовъ, послѣ чего они оба сѣли въ экипажъ и отправились на вокзалъ. Никакого конвоя при нихъ не было. Что же касается вице-губернатора Кипшидзе, то я положительно не могу припомнить, былъ ли онъ при этомъ, или нѣтъ, такъ какъ главное мое вниманіе было обращено на Вы-

горскаго и Старосельскаго. Сомнѣнія мои въ личности капитана Выгорскаго побудили меня отправиться вслѣдъ за нимъ на вокзалъ, чтобы убѣдиться, что Старосельскій отправляется въ сопровожденіи жандармовъ. На вокзалѣ я дѣйствительно увидѣлъ полковника Николаева и нѣсколькихъ жандармскихъ унтеръ-офицеровъ, садившихся въ поѣздъ со Старосельскимъ. Тамъ же я встрѣтилъ начальника кутаискаго желѣзнодорожнаго жандармскаго управленія, подполковника Гамреклизе, съ которымъ подѣлился своими сомнѣніями по поводу всего происшедшаго. Подполковникъ Гамреклизе также высказалъ свои сомнѣнія относительно личности капитана Выгорскаго, сообщивъ мнѣ, что послѣдній представился ему какъ адъютантъ генерала Алиханова и для распоряженія о составленіи экстреннаго поѣзда, который долженъ былъ увезти арестованнаго Старосельскаго въ Квирилы, предъ-явилъ телеграмму, показавшуюся подполковнику Гамреклизе подозрительной. Послѣ этого обмѣна нашихъ мнѣній подполковникомъ Гамреклизе была отправлена генералу Алиханову телеграмма о дѣйствіяхъ его адъютанта.

Послѣ ареста Старосельскаго циркулировали упорные слухи, что арестъ этотъ былъ произведенъ Ващукомъ далеко не изъ героическихъ соображеній, а по совершенно инымъ побужденіямъ, точно также, какъ и набѣгъ на сел. Багдады, гдѣ Ващукомъ ни одинъ революціонеръ арестованъ не былъ.

Въ разсказѣ г. Подольскаго исторія съ арестомъ губернатора представлена въ необычайномъ для Ващука свѣтѣ. Послѣ описанія посѣщенія Ващукомъ Старосельскаго г. Подольскій говоритъ: «Эффектъ получился невѣроятный, мигомъ кончилась забастовка, магазины открылись, баррикады были разнесены, городъ зажилъ. Революціи словно не бывало. Выпущенные изъ казармъ солдаты ликовали». Насколько здѣсь правды, видно изъ слѣдующаго.

Какъ я уже говорилъ, Ващукъ появился у Старосельскаго около 7 час. вечера. Въ силу военнаго положенія, магазины въ это время запирались и городъ, наоборотъ, замиралъ, такъ какъ по улицамъ, кромѣ воинскихъ дозоровъ, никакого движенія послѣ 8 часовъ вечера не допускалось. Никакихъ забастовокъ въ это время въ Кутаисѣ не было. Послѣ 28 ноября ни разу не было попытки строить баррикады.

«Революціи какъ не бывало», говоритъ г. Подольскій. Къ чему же тогда были направлены серьезныя усилія генерала Алиханова, за которыя онъ поплатился жизнью? Къ чему было военное положеніе, если революціи не было? Вѣдь если Ващукъ однимъ своимъ появленіемъ уничтожилъ революцію, то генералу Алиханову оставалось, разыскавъ этого молодца, поблагодарить его и оставить при себѣ для дальнѣйшихъ геройскихъ подвиговъ и подавленія революціи въ другихъ пунктахъ губерніи. Въмѣсто этого генералъ Алихановъ арестовалъ героя и такъ какъ тотъ притво-

рился психически больнымъ, то отправилъ его въ Навтлугскій госпиталь.

По словамъ г. Подольскаго, «выпущенные изъ казармъ солдаты ликовали». Какіе же это солдаты были заперты въ казармахъ? Кто ихъ выпустилъ и почему они ликовали? Вѣдь еще утромъ, по описанію г. Подольскаго, Ващукъ на площади передъ вокзаломъ переходилъ отъ одной части къ другой и благодарилъ ихъ отъ имени царя за молодецкую службу.

Совершенно невѣрно также заключеніе г. Подольскаго, что только непредвидѣнныя обстоятельства не дали мятежу окончиться такъ, какъ желали мятежники, и что своимъ энергичнымъ выступленіемъ Ващукъ сразу прикончилъ революцію.

Мятежь, если онъ и входилъ въ планы революціонеровъ, не разыгрался благодаря доблести войскъ, оставшихся вѣрными своему долгу, но не одной только горсточкой пластуновъ, а всѣхъ войскъ вообще, которыя были разбросаны по различнымъ пунктамъ Кутаисской губерніи.

Прилагаю при семь случайно сохранившійся у меня приказъ по войскамъ кавказскаго военного округа, въ которомъ описывается одинъ изъ примѣровъ доблести небольшой горсточкой солдатъ. Этотъ случай не единичный, и разоруженіе революціонерами двухъ ротъ тенгинцевъ представляетъ печальное исключеніе. Вотъ объ эти-то горсточки преданныхъ своему долгу людей да о дѣйствіи энергичныхъ, не потерявшихъ начальниковъ и разбились широкіе планы революціонеровъ ¹⁾.

Что же касается Ващука, то роль его въ дѣлѣ подавленія революціи поистинѣ жалка и сомнительна по своей подкладкѣ, несмотря на старанія г. Подольскаго выставить Ващука героемъ.

Требуя выдачи 140 революціонеровъ и обѣщая въ случаѣ неисполненія этого—разгромить весь городъ Кутаисъ, онъ ограничивается арестомъ одного лишь Старосельскаго, прибѣгая при этомъ къ обману и предъявляя подложныя телеграммы. Арестъ же Старосельскаго въ указанное время никакого вліянія на ходъ революціи не имѣлъ, именно потому, что Старосельскій къ этому времени уже окончилъ свою роль и для дальнѣйшаго хода революціи значенія не имѣлъ, такъ какъ надвигалась новая и дѣйствительно грозная для революціи сила въ лицѣ генерала Алиханова и если этому, дѣйствительно сильному духомъ и непреклонной воли человѣку не удалось за время своего управленія губерніей подавить окончательно революцію, то какъ же можно приписывать ея окончаніе выступленію какого-то Ващука?

М. Шишкевичъ.

¹⁾ Стр. 329—350 «Исторія Бессарабскаго полка». Письмо начальника гарнизона отъ 31 декабря. Прил. XI.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Письмо начальника кутаисскаго гарнизона къ командиру 129 пѣх. Вессарабскаго полка.

27 октября.

Глубокоуважаемый Михаилъ Ивановичъ!

Часть тому назадъ (около 12¹/₂ час. дня) я шелъ по нашей Балахванской улицѣ и былъ остановленъ моимъ сосѣдомъ княземъ Накашидзэ (подполковникъ въ отставкѣ). Онъ везъ ко мнѣ трехъ очень возбужденныхъ гимназистовъ старшихъ классовъ узнать правду о событіяхъ въ Тифлисѣ. Между ними распространяютъ слухи, что солдаты въ Тифлисѣ ворвались въ гимназію и кололи штыками малыхъ и большихъ учениковъ!!? Это, конечно, ихъ возбуждаетъ злоумышленная партія.

Въ виду этого прошу васъ сегодня на ночь усилить патрули и имѣть побольше войскъ пѣхоты на лѣвомъ берегу Ріона.

Легко можетъ быть, что возбужденіе молодежи и революціонеровъ дойдетъ до того, что они бросятся уничтожать все и всѣхъ русскихъ. Надо это предупредить, насколько возможно. Приходится не пожалѣть людей на сегодняшнюю ночь и выслать сильные патрули на эту нашу сторону, для предупрежденія очень вѣроятныхъ беспорядковъ. Особенно надо оберечь тюрьму, изъ которой постараются всѣми силами освободить каторжниковъ—людей внѣ закона, которые революціонерамъ будутъ надежными помощниками.

Завтра впечатлѣніе уже ослабѣетъ, хотя, конечно, опасность еще не минуетъ.

Я слышалъ вчера отъ губернатора, что 33 каторжника въ тюрьмѣ разбили и сняли кандалы. Имъ ихъ приказано надѣть вновь, но приказано полицеймейстеромъ (!?). Что это значитъ? Надо намъ самихъ себя и русскихъ оберечь и предупредить событіе, дабы избѣжать крови.

Завтра въ 8 час. утра ѣду въ Самтреди и далѣе, повѣрить посты на желѣзной дорогѣ, исполняя приказаніе главнокомандующаго. Старшимъ остается г.-м. Васильевъ.

Всѣ мы, русскіе, вѣряемъ себя вамъ и вашему молодецкому полку. Докажите, что мы вездѣ сила, сломить которую нельзя.

Искренно васъ уважающій

Н. Шишковскій.

II. Предписаніе начальника гарнизона командиру 129 пѣх. Вессарабскаго полка.

27 ноября.

Прошу выслать сильные патрули (по 20—30 чел.) и направить ихъ въ городъ для водворенія порядка. Занять нужно центръ города и перекрестокъ у Балахванской улицы и Кредитнаго общества банка. По возможности избѣгать кровопролитія, уговаривая толпу разойтись. Столкновение началось черезъ казаковъ. Займите городъ на ночь.

Генераль-лейтенантъ Шишковскій.

III. Предписаніе отъ того же тому же.

27 ноября, 8 ч. 35 м. веч.

Предписываю вамъ сейчасъ же выслать къ собору пять патрулей по 20 чел. каждый. Тамъ ихъ встрѣтитъ полицеймейстеръ и направитъ куда нужно.

Начальникъ гарнизона ген.-лейтен. Шишковскій.

IV. Письменное сообщеніе начальника гарнизона командиру 129 пѣх. Вессарабскаго полка.

21 декабря 1905 г. № 210.

Сейчасъ получилъ свѣдѣніе, что ночью съ поѣздомъ пріѣхало въ Кутаисъ до 2.000 человекъ вооруженныхъ имеретинъ и всѣ расположились у обывателей на Архіерейской горѣ.

Прошу губернатора провѣрить этотъ слухъ и предупредить меня о его справедливости.

Приказываю и казакамъ возможно въ этомъ убѣдиться. Прошу и васъ имѣть это въ виду и сообразить оборону складовъ и артиллеріи на той сторонѣ и возможности высылки, въ случаѣ надобности, и на эту сторону пѣхоты и пулеметовъ для могущей быть борьбы.

Надо немедленно занять Бѣлый и Красный мосты и уже отъ нихъ направлять отряды въ городъ по поперечнымъ дорогамъ, ведущимъ на параллельныя улицы Тифлисскую и Балахванскую.

Склады куринцевъ, потійцевъ и ваши и частью артиллеріи надо прочно охранять и оборонять.

Пулеметы и артиллерію надо придать ротамъ пѣхоты, которыя будутъ направлены въ городъ, но часть пулеметовъ желательно имѣть при оборонительномъ отрядѣ, обороняющемъ склады. Все это пишу вамъ, какъ старшему изъ начальниковъ войскъ гарнизона, расположенныхъ за рѣкой Риономъ, гдѣ назначилъ васъ комендантомъ.

Прошу васъ пригласить къ себѣ командующаго 33 артиллерійской бригадой и командующаго Кубинскимъ полкомъ и посвятить ихъ въ ваши соображенія и распоряженія, такъ какъ легко можетъ случиться, что мнѣ пріѣхать къ вамъ будетъ или невозможно, или я поневолѣ запоздаю.

Ружья стражниковъ примите на храненіе. Слышалъ, что они вчера сдѣлали какія-то сему затрудненія. Надо ихъ убѣдить, что это составляетъ распоряженіе губернатора и мое вмѣстѣ.

Если будете имѣть свободную минуту—желалъ бы васъ повидать до трехъ часовъ дня сегодня.

Генераль-лейтенантъ Шишковскій.

Получивъ извѣщеніе отъ кутаисскаго губернатора о провѣркѣ слуховъ, увѣдомлю васъ немедленно.

V. Его высокоблагородію командиру 129 пѣх. Вессарабскаго полка, полковнику Шишкевичу.

22 декабря.

Носится слухъ и упорный, что ночью сегодня будетъ нападеніе на стражниковъ. Они, поэтому, хотятъ прійти къ вамъ подъ защиту теперь же. Примите ихъ и имѣйте, какъ полезную намъ силу, и сохраните вѣрныхъ слугъ царя и отечества.

Генераль-лейтенантъ Шишковскій.

Завтра мы всё соберемся въ вашемъ собраніи—надо предупредить фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ, что имъ дѣлать до возвращенія въ роты гг. офицеровъ.

Казакі при нападеніи не пойдутъ сразу въ городъ и къ мостамъ, поэтому отъ мостовъ пѣхоту уводить до свѣдѣнія отъ казаковъ не слѣдуетъ. Имѣйте это въ виду.

Просить П. Козловскаго дать въ ваше распоряженіе два запряженныхъ оружія и размѣстить ихъ на отрогѣ у Бѣлаго моста, четыре же орудія прошу прислать къ казакамъ въ ихъ штабъ сегодня же. Дайте имъ прикрытіе на время переѣзда. Очень было бы нужно имѣть здѣсь одну-двѣ роты пѣхоты въ помощь казакамъ, да не рѣшаюсь у васъ ихъ взять. Если признаете возможнымъ, пришлите въ штабъ Хоперскаго полка.

Рабочіе въ городѣ дѣлаютъ носилки, гимназистки рвутъ въ гимназій корпію.

Кажется, что опасность очень близка.

Генераль-лейтенантъ Шашковскій.

Быть можетъ, что я ночевать сегодня буду у казаковъ въ собраніи.

VI. Письмо командира казачьяго полка генералу Шашковскому.

Глубокоуважаемый Николай Теофиловичъ!

Говорятъ, что ночью безъ свистковъ поидетъ поѣздъ въ Тквибули, а за нимъ и другой паровозъ, яко бы для того, чтобы сюда привезти сванетовъ. Такъ или иначе, пора давно занять ротой пѣхоты вокзаль, которая и не позволила бы уходить поѣздамъ, а казаки въ случаѣ невыержки помогутъ. Мой совѣтъ сегодня же это и сдѣлать.

29—XII.—1905.

Твой Гр. Щербина.

VII. Командиру 129 пѣх. Вессарабскаго полка, полковнику Шашкевичу.

24 декабря.

Получилъ свѣдѣніе, что сегодня на дворѣ у казармъ Кубинскаго полка будетъ солдатскій митингъ въ 1 часъ дня. Руководить имъ будутъ три унтеръ-офицера Кубинскаго полка. Надо это предупредить и не допустить противозаконной сходки.

Если эта сходка не удастся, то хотятъ собраться на праздникахъ.

Вчера мнѣ прислали свѣдѣнія о готовности напасть на почту и вокзаль. Но, повидимому, это отложено.

Надо быть готовыми ко всему. Имѣйте это въ виду. Хотятъ склонить солдатъ на свою сторону и предложить вмѣстѣ управлять губерніей.

Генераль-лейтенантъ Шашковскій.

VIII. Командиру 129 пѣх. Вессарабскаго полка.

25 декабря.

Прошу сейчасъ же командировать два пулемета съ прислугой и офицеромъ въ распоряженіе командира 1-го Хоперскаго казачьяго полка въ штабъ полка.

Взводъ надо передвинуть подъ прикрытіемъ пѣхотной части.

Генераль-лейтенантъ Шашковскій.

29 декабря. Слѣшно.

IX. Командиру 129 пѣх. Вессарабскаго полка.

Сотня выйдетъ завтра 30 декабря съ разсвѣтомъ. Пусть командируемая вами рота возьмутъ съ собою хоть два пулемета и при движеніи войдутъ въ связь съ казаками, у которыхъ будетъ полевая почта отъ 1-й сотни.

Вышлите завтра утромъ на вокзалъ одну роту кубинцевъ занять станцію и не выпускать ни одного поѣзда и не давать дѣйствовать телефону.

Генераль-лейтенантъ Шишковскій.

29 декабря. Слѣшно.

X. Командиру 129 пѣх. Вессарабскаго полка.

Сейчасъ извѣщаю командира 1-го Хоперскаго полка, что сотню, идущую въ Тквибули, я подчиняю вамъ, какъ начальнику отряда. Сообщилъ, что вы выступаете въ 6 часовъ утра.

Сотня должна васъ найти.

Генераль-лейтенантъ Шишковскій.

XI. Письмо отъ начальника гарнизона командиру Вессарабскаго полка.

Глубокоуважаемый

Михаиль Ивановичъ.

Сейчасъ получилъ прилагаемую телеграмму отъ командира сотни, вернувшейся со станціи Сѣрныя Воды. Надо бы ее провѣрить.

Будьте любезны сообщить мнѣ, что сдѣлали главари по ультиматуму имъ заявленному вами; это тогда, когда что-либо выяснится и будетъ опредѣлено.

Сегодня казаки поѣдутъ на станцію Ріонъ силой узнать, что дѣлается на большой линіи желѣзной дороги, и потребовать привоза керосину и другихъ продуктовъ. Я ничего противъ не имѣю. Теперь они дали намъ полное основаніе дѣйствовать рѣшительнѣе.

Въ гостиницѣ «Бель-вю» хранятся бомбы; получилъ свѣдѣнія не отъ казаковъ, а изъ достовѣрнаго источника.

Пока все, что могу вамъ сообщить.

Преданный вамъ Н. Шишковскій.

Сейчасъ получилъ свѣдѣнія, что третій домъ отъ семинаріи къ западу—Коркашвили (отставнаго жандармскаго полковника)—революціонеры очищаютъ верхній этажъ и намѣрены бросать бомбы, вѣроятно, въ процессію похоронъ. Надо бы своевременно ихъ захватить и обезоружить рѣшительно. Церемониться уже нечего.

Генераль-лейтенантъ Шишковскій.

3 января. Слѣшно.

ХІІ. Командиру 129 пѣх. Бессарабскаго полка полковнику Шишкевичу.

Съ цѣлью выяснить обстановку въ Квирилахъ и выручить, быть можетъ, осажденную тамъ роту послана была первая сотня казаковъ Хоперскаго полка.

На пути она обстрѣяна и раненъ есауль Ларионовъ. Первая сотня возвратилась, а посылается шестая сотня.

Прошу васъ немедленно командировать двѣ роты—одну бессарабцевъ, а другую кубинцевъ съ двумя пулеметами по грунтовой дорогѣ въ Квирилы для поддержки казаковъ и, если понадобится, для освобожденія роты пѣхоты.

Генералъ-лейтенантъ Шишковскій.

П Р И К А З Ъ

по кавказскому военному округу.

№ 24.

24 января 1906 года.—Въ гор. Тифлисъ.

Въ ночь съ 28 на 29 декабря минувшаго года, на команду изъ 13 нижнихъ чиновъ отъ 8 роты 129 пѣх. Бессарабскаго полка, охранявшую ст. Тквибули (Закавказск. желѣз. дор.) и помѣщавшуюся въ двухъ вагонахъ, вооруженными злоумышленниками, свыше 100 человекъ, было произведено внезапное нападеніе съ цѣлью завладѣть оружіемъ и патронами, бывшими на нижнихъ чинахъ команды. Дневальный у одного изъ вагоновъ, услышавъ шумъ, разбудилъ всѣхъ нижнихъ чиновъ, которые, быстро разобравъ винтовки, приготовились отразить нападеніе. Въ тотъ же моментъ злоумышленники осыпали одинъ изъ вагоновъ градомъ пуль. Рядовые Иванъ Ухановъ и Лука Карпенко были убиты, а ефрейторъ Василій Костюченко, рядовые Онисимъ Донецъ и Семенъ Жуванъ были ранены. Не взирая на эти потери, остальные нижніе чины, во главѣ съ унтеръ-офицеромъ Ѳедоромъ Бурлачкой, на требованіе нападавшихъ—выдать оружіе, какъ одинъ, отвѣтили: «сами умремъ, а ружей не выдадимъ».

Тогда злоумышленниками были брошены подъ вагонъ двѣ ручныя бомбы; одна, разорвавшись, лишь потрясла вагонъ, а другая оторвала ногу убитому уже нижнему чину и уголь вагона. Но и это не устранило молодцевъ-бессарабцевъ: оставшіеся невредимыми рядовые Никифоръ Антиповъ, Матвѣй Глоба, Яковъ Поповичъ и Никифоръ Тарасовъ, воодушевленные крикомъ унтеръ-офицера Бурлачки: «ребята за мной», бросились на разбойниковъ и разсѣяли ихъ залпами, не выдавъ ни одной винтовки, ни одного патрона. Злоумышленники бѣжали, захвативъ съ собою раненыхъ и убитыхъ.

Ни внезапность самаго нападенія, ни въ десять разъ превосходившее число нападавшихъ не смутило васъ, молодцы-бессарабцы. Васъ было мало, но вы вели себя героями, и этого было довольно, чтобы обратить въ позорное бѣгство всю банду ночныхъ злодѣевъ. Вѣчная память и вѣчная слава вашимъ товарищамъ, жизнь свою положившимъ во исполненіе святого долга присяги.

На всеподданнѣйшемъ рапортѣ Государю Императору командира 129 пѣх. Бессарабскаго полка объ этомъ случаѣ Его Императорское Величество изволили начертать: «Молодцы-бессарабцы».

Съ радостью объявляя по войскамъ Высочайше ввѣреннаго мнѣ округа о такомъ Монаршемъ вниманіи нашего Верховнаго Вождя, выражаю мою сердечную благодарность командиру полка, полковнику Шишкевичу, командиру роты, капитану Лачинову, и всѣмъ офицерамъ послѣдней. Вижу, что они кладутъ сердце и душу свою на дѣло воспитанія такихъ героевъ.

Всѣмъ нижнимъ чинамъ, принимавшимъ участіе въ отбитіи нападенія злоумышленниковъ, объявляю мое «спасибо», предписываю всѣхъ ихъ представить къ знаку отличія ордена Св. Анны и выдать въ награду изъ экстраординарныхъ суммъ: унтеръ-офицеру Федору Бурлачкѣ— 25 руб., а всѣмъ остальнымъ—по 10 рублей; въ пособіе же семействамъ убитыхъ рядовыхъ Ивана Уханова и Луки Карпенко—выдать каждому по 50 руб. изъ тѣхъ же суммъ, и выслать эти деньги командиру полка, для дальнѣйшаго отправленія по принадлежности.

Приказъ этотъ прочесть во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ, сотняхъ, батареяхъ и командахъ.

Подписаль: Главнокомандующій войсками,
генераль-адъютантъ *графъ Воронцовъ-Дашковъ.*

ВАЩУКЪ-ВЫГОРСКІЙ.

ПРОЧИТАВЪ въ декабрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» статью г. Подольскаго «Губернаторъ-революціонеръ», въ которой съ такой живостью описывается появленіе въ гор. Кутаисѣ въ смутное революціонное время легендарнаго «капитана Выгорскаго», я, къ сожалѣнію, убѣдился, что авторъ нѣкоторыя картины разрисовалъ слишкомъ яркими красками, а нѣкоторые факты даже исказилъ, основываясь, очевидно, на ложныхъ слухахъ.

Такъ какъ для историка или лицъ, интересующихся прошлымъ, полезнѣе знать факты, какъ они дѣйствительно были, то я считаю необходимымъ подѣлиться имѣющимся у меня къ тому матеріаломъ и личными моими воспоминаніями.

Когда выяснилось, что никакой капитанъ Выгорскій и никто другой по Высочайшему повелѣнію и съ особыми полномочіями командированъ на Кавказъ не былъ, то предложено было генералу Алиханову выяснить, что это за личность, и собрать свѣдѣнія о его дѣятельности въ Кутаисѣ.

Такъ какъ мнимый капитанъ уже былъ арестованъ въ гор. Поти и признался, что онъ вольноопредѣляющійся 139-го пѣхотнаго Моршанскаго полка Александръ Ващукъ, то генераль Алихановъ, прибывъ въ Кутаисъ, поручилъ одному изъ подчиненныхъ ему лицъ собрать «свѣдѣнія о проступкахъ Ващука въ предѣлахъ Кутаисской губерніи».

Свѣдѣнія эти, тогда же, какъ въ высшей степени интересныя, были доставлены мнѣ въ копіи, какъ говорится, изъ первыхъ рукъ. Вотъ они.

7 января 1906 года Ващукъ обѣдалъ на станціи Михайлово съ офицерами Эриванскаго гренадерскаго полка. Онъ былъ въ адъютантской формѣ, съ погонами капитана. Его приняли какъ офицера, вернушагося съ Дальняго Востока, имѣющаго все четыре степени знака отличія военнаго ордена, ордена св. Анны 3 и 4 ст., св. Станислава 3 ст., свв. Владимира и Георгія 4 степени.

Къ этому времени желѣзнодорожное сообщеніе было открыто только до Михайлова. Для возстановленія сообщенія съ Поти и Батумомъ долженъ былъ отправиться эшелонъ Ейскаго казачьяго полка. Ващукъ попросилъ офицера эшелона взять его съ собою, такъ какъ онъ долженъ былъ ѣхать въ Поти. Ему предложили мѣсто въ офицерскомъ купе. По дорогѣ, между станціями Аджамены и Ріономъ, онъ познакомился съ хорунжимъ Полтавскаго казачьяго полка Москаленко, ѣхавшимъ въ томъ же поѣздѣ съ сотнею на станцію Ріонъ, гдѣ они и высадились. Ейцы поѣхали на Самтреди, а Ващукъ сказалъ, что выждетъ въ Ріонѣ возстановленія движенія до Поти. Разсказывалъ онъ много про минувшую войну съ Японіей и детально описывалъ сраженія, въ которыхъ участвовалъ. Упомянулъ о томъ, что по окончаніи войны онъ, капитанъ Выгорскій, былъ командированъ по Высочайшему повелѣнію въ Петербургъ, откуда былъ посланъ въ Москву для подавленія вооруженнаго возстанія, и за энергичныя дѣйствія получилъ орденъ св. Анны 2 ст. Теперь же командированъ для возстановленія порядка въ Кутаисской губерніи, а также и для разслѣдованія на мѣстѣ, насколько справедливы слухи о насиліяхъ, якобы причиняемыхъ казаками жителямъ. Пока временно онъ находится въ распоряженіи генераль-майора Паркау въ городѣ Поти; кромѣ него, ѣдутъ еще два офицера въ Батумъ.

Вечеромъ 7-го отъ начальника летучаго экспедиціоннаго отряда ¹⁾ командиръ Полтавской сотни получилъ приказаніе немедленно пройти въ селеніе Багдады для поимки агитаторовъ. Капитанъ Выгорскій (Ващукъ) пожелалъ поѣхать вмѣстѣ съ сотней, и ему предложили коня. Въ три часа ночи выступили и прибыли въ Багдады въ 9 час. утра 8 января. По взводу было поставлено у выходовъ изъ селенія, а командиръ сотни съ остальными двумя взводами вошелъ внутрь. Ващукъ остался со взводомъ, закрывшимъ сѣверный выходъ. Во время обыска по казакамъ выстрѣлили, и потому домъ, изъ котораго стрѣляли, зажгли; Ващукъ же принялся за обыскъ отдѣльно стоящаго дома, въ которомъ онъ нашелъ одинъ револьверъ. Около двухъ часовъ дня командиръ сотни выстроилъ казаковъ, собирався выступить обратно. Все собрались, только Ващукъ съ десятью казаками не пристраивался, ожидая,

¹⁾ Командиръ 15 гренадерскаго Тифлискаго полка полковникъ Гавриловъ. В. Т.

когда займется обысканный имъ домъ. Сотня тронулась шагомъ, а Ващукъ догналъ сотню рысью послѣ того, какъ дважды былъ сыгранъ сборъ. Во время отступленія и обратнаго слѣдованія онъ почти не разговаривалъ. Вернулись обратно часамъ къ 6 вечера.

9 января отъ сотни Полтавскаго полка былъ командированъ въ Кутаисъ для закупокъ провіанта хорунжій Москаленко съ шестью казаками; Ващукъ, желая осматрѣть городъ, присоединился къ нимъ. Всѣ они сѣли на поѣздъ, шедшій туда же съ эшелонномъ Эриванскаго полка. По прибытіи въ Кутаисъ Ващукъ вышелъ вмѣстѣ съ казаками, но они задержались возлѣ дома, въ которомъ помѣщались двѣ роты тенгинцевъ, обезоруженныя въ Бѣлогорахъ и Квирилахъ. Къ офицерамъ подошелъ кутаисскій приставъ, подполковникъ Эльчибековъ. Возникъ разговоръ о дѣятельности губернатора Старосельскаго; всѣ удивлялись, почему онъ до сихъ поръ еще на свободѣ; на это Ващукъ замѣтилъ:

— Вопросъ о преданіи его полевому суду уже рѣшенъ въ Петербургѣ утвердительно и ему не миновать висѣлицы. Я пріѣхалъ разслѣдовать о его дѣяніяхъ.

Въ то время проходили нѣсколько нижнихъ чинсовъ Тенгинскаго полка. Ващукъ ихъ остановилъ:

— А, это тѣ самые, что сдали оружіе; негодни, неужели вы не знаете, сколько сраму принесли всему русскому войску. Это такъ не пройдетъ, васъ всѣхъ перевѣшаютъ.

Казаки уѣхали по своимъ дѣламъ, а Ващукъ отправился въ городъ; тамъ свелъ знакомство съ нѣкоторыми изъ офицеровъ Хоперскаго полка, отъ которыхъ узналъ, что начальнику жандармскаго управленія и губернатору присланы телеграммы отъ командующаго войсками Кутаисской губерніи ¹⁾ съ приказаніемъ прибыть 10-го на ст. Квирилы. 9-го былъ день рожденія супруги командира Хоперскаго полка полковника Щербина. Офицеры, съ которыми познакомился Ващукъ, были приглашены на обѣдъ къ командиру полка; отправился съ ними и Ващукъ. Въ числѣ гостей былъ начальникъ гарнизона генераль-лейтенантъ Шишковскій ²⁾. За обѣдомъ Ващукъ рассказывалъ о войнѣ, о командировкѣ въ Москву и о настоящей своей миссіи; возмущался поведеніемъ Старосельскаго и вообще бездѣятельностью властей; между прочимъ обратился и къ генералу Шишковскому:

— Удивляюсь, ваше превосходительство, какъ вы, имѣя столько войскъ въ своемъ распоряженіи, не приняли никакихъ мѣръ для возстановленія должнаго порядка. Странно. Впрочемъ, объ этомъ разговоръ еще впереди.

¹⁾ Вновь назначенный кутаисскій вр. ген.-губернаторъ генераль-майоръ А. М. Алихановъ-Аварскій.

В. Т.

²⁾ Начальникъ 20 п. дивизіи.

В. Т.

Потомъ онъ упомянулъ о томъ, что назначенъ произвести разслѣдованіе о дѣятельности Старосельскаго, и обѣщаль его арестовать. Послѣ обѣда полковникъ Щербина поѣхаль въ засѣданіе, а Ващукъ вмѣстѣ съ штабсъ-капитаномъ желѣзнодорожнаго батальона Самоновымъ ¹⁾ отправился на квартиру Старосельскаго. У послѣдняго въ это время обѣдали послѣ совѣщанія представители отъ нѣкоторыхъ правительственныхъ учреждений и населенія. Пріѣхавшіе вызвали Старосельскаго въ отдѣльную комнату, гдѣ, какъ оказывается, Ващукъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ выговариваль Старосельскому за его преступное попустительство. Старосельскій попытался было спросить Ващука о его полномочіяхъ, но получилъ въ отвѣтъ:

— Развѣ вамъ мало офицерскаго слова, чего же еще надо? Вы вотъ что лучше сдѣлайте: потрудитесь-ка завтра къ двумъ часамъ дня вывести на площадь всѣ 144 человѣка, списокъ которыхъ вотъ у меня, ихъ всѣхъ тамъ перестрѣляютъ; если вы ихъ не выдадите, то на этой же самой площади повѣшу васъ. Я это сдѣлаю!

При послѣдней фразѣ вошелъ прокуроръ кутаисскаго окружнаго суда Толпыго, на котораго оба офицера произвели впечатлѣніе выпившихъ.

Въ присутствіи прокурора Ващукъ еще разъ предложилъ Старосельскому не забыть, что онъ ему говорилъ, и удалился вмѣстѣ съ штабсъ-капитаномъ Самоновымъ. Послѣ ихъ ухода Старосельскій разсказаль прокурору, что адъютантъ съ орденами назвался капитаномъ Выгорскимъ, командированнымъ по Высочайшему повелѣнію въ распоряженіе временнаго генераль-губернатора, теперь же прибыль съ передовымъ отрядомъ въ Кутаисъ для ареста губернатора и наказанія агитаторовъ и другихъ лицъ, принимавшихъ наиболѣе дѣятельное участіе въ послѣднихъ беспорядкахъ. На квартиру Старосельскаго по его запискѣ пріѣхаль къ 8 час. вечера командиръ 129 пѣхотнаго Бессарабскаго полка, полковникъ Шишкевичъ, которому показалось подозрительнымъ появленіе капитана съ почти неограниченными полномочіями, не могшаго въ то же время подтвердить ихъ ничѣмъ, кромѣ честнаго слова. Полковникъ Шишкевичъ справился у генераль-лейтенанта Шишковскаго, предъявилъ ли ему свои бумаги съ полномочіями капитанъ Выгорскій. Оказалось, что нѣтъ. Тогда по предложенію полковника Шишкевича была послана генераль-лейтенантомъ Шишковскимъ въ Тифлисъ намѣстнику Его Величества телеграмма съ просьбой удостовѣрить, дѣйствительно ли въ Кутаисѣ долженъ быть офицеръ, посланный по высочайшему повелѣнію; полученъ ли отвѣтъ на эту телеграмму у полковника Шишкевича, свѣдѣній не имѣется. Отъ Старосельскаго Ващукъ вернулся къ полковнику

¹⁾ Нынѣ умершій.

Щербинѣ, гдѣ и провелъ вечеръ. Между прочимъ говорилъ о томъ, что онъ на другой день арестуетъ Старосельскаго.

10 января, около часу дня, къ дому, занимаемому губернаторомъ, пришли двѣ роты Тенгинскаго полка (обезоруженныя въ Вѣлогорахъ и Квирилахъ) со своими офицерами, вызвали Старосельскаго и предъявили ему требованіе о немедленномъ возвращеніи отобраннаго у нихъ оружія. На это губернаторъ отвѣтилъ, что у него оружія ихъ нѣтъ. Тенгинцы потребовали, чтобы имъ дали хотя какое-нибудь оружіе. Въ это время прибыли 40 казаковъ Хоперскаго полка съ тремя офицерами, посланные полковникомъ Щербиной для того, чтобы тенгинцы не причинили какого-нибудь насилія Старосельскому; но казаки скоро приняли сторону солдатъ и поддержали ихъ требованіе.

Пріѣхалъ полковникъ Щербина. Онъ и генераль-лейтенантъ Шишковскій и полковникъ Шишкевичъ стали уговаривать нижнихъ чиновъ и имъ удалось почти ихъ успокоить. Но въ это время въ коляскѣ подъѣзжаетъ Ващукъ съ четырьмя пѣшими казаками; слѣзаетъ и, не обращая никакого вниманія на генерала и штабъ-офицеровъ, предлагаетъ Старосельскому немедленно собираться, такъ какъ онъ арестованъ, и ѣхать на вокзалъ, гдѣ уже приготовленъ поѣздъ для того, чтобы отвезти ихъ въ Квирилы. Старосельскій вошелъ въ домъ, но вскорѣ оттуда вышелъ полицеймейстеръ и объявилъ, что онъ не поѣдетъ, опасаясь быть убитымъ. На это полковникъ Шишкевичъ предложилъ Ващuku дать солдатъ Бессарабскаго полка для конвоировація, но Ващукъ отклонилъ предложеніе, обѣщая въ цѣлости доставить губернатора на станцію Квирилы, вошелъ самъ къ Старосельскому и потребовалъ, чтобы тотъ немедленно собирался, и что онъ только въ томъ случаѣ отвѣчаетъ за его безопасность, если Старосельскій немедленно будетъ готовъ. Совѣтъ Ващука поддержалъ полковникъ Шишкевичъ; кромѣ того, онъ и полковникъ Щербина напомнили Ващuku, что онъ всецѣло отвѣчаетъ за жизнь Старосельскаго. Ващукъ сказалъ, что на вокзалѣ онъ сдастъ Старосельскаго жандармскому полковнику, но во всякомъ случаѣ самъ тоже будетъ слѣдить, чтобы все было въ должномъ порядкѣ. Послѣ этого Старосельскій сѣлъ въ экипажъ и поѣхалъ на вокзалъ.

Передъ этимъ, около 11^{1/2} часовъ утра, Ващукъ пріѣхалъ на вокзалъ, потребовалъ начальника станціи и приказалъ, чтобы черезъ полчаса былъ готовъ поѣздъ.

Тамъ же на вокзалѣ былъ жандармскій полковникъ Николаевъ, который собирался ѣхать въ Квирилы къ генераль-губернатору. Ему сказалъ начальникъ станціи, что поѣздъ будетъ только вечеромъ около 11 часовъ.

Увидѣвъ Ващука, который энергично распоряжался, заказывая поѣздъ, и, предположивъ въ немъ лицо, власть имущее, полков-

никъ обратился къ нему и попросилъ разрѣшенія ѣхать въ его поѣздъ.

— Пожалуй,—отвѣчалъ Ващукъ:—но только имѣйте въ виду, что поѣздъ пойдетъ черезъ 25 минутъ, поторопитесь, я ждать не буду.

Полковникъ попросилъ отсрочить отходъ хоть на полчаса, такъ какъ ему надо было собраться. Ващукъ согласился и уѣхалъ. Полковникъ поѣхалъ домой и къ отходу поѣзда пріѣхалъ на вокзалъ съ четырьмя жандармами. Въ пятомъ часу поѣздъ прибылъ въ Квирилы, гдѣ генераль-губернаторъ принялъ полковника Николаева. Въ тотъ же вечеръ Ващукъ исчезъ изъ Квирилъ и на другой день, 11 января, около 10 часовъ утра явился въ управленіе кутаисскаго полицеймейстера. Тамъ въ то время собрались пристава и околотоchnые надзиратели, занимавшіеся составленіемъ списка неблагонадежныхъ лицъ. Ващукъ вошелъ въ кабинетъ, полицеймейстеръ уступилъ ему свой стулъ. Ващукъ сѣлъ, спросилъ, чѣмъ они занимаются, и предложилъ, чтобы вечеромъ ему былъ представленъ самый подробный списокъ. Отдавъ распоряженіе, Ващукъ уѣхалъ къ генераль-лейтенанту Шишковскому, гдѣ были собраны командиры частей, расположенныхъ въ Кутаисѣ. Тогда же было получено извѣстіе, что прибылъ вновь назначенный начальникъ гарнизона генераль-майоръ Сулимовъ, который предложилъ всѣмъ командирамъ частей прибыть къ нему. Ващукъ сказалъ, что ему тоже нужно быть у генерала Сулимова, но онъ забылъ взять шарфъ; тогда генераль-лейтенантъ Шишковскій предложилъ ему свой шарфъ. Командиры частей разѣхались и у генерала Сулимова съ Ващукомъ не встрѣчались. Представлялся ли онъ начальнику гарнизона, неизвѣстно, такъ какъ генераль Сулимовъ въ настоящее время выѣхалъ изъ Кутаиса.

Около часу дня Ващукъ пріѣхалъ къ г-жѣ Старосельской и объявилъ, что надъ ея мужемъ назначенъ полевой судъ и онъ будетъ отвезенъ въ Карсъ до приведенія приговора въ исполненіе, такъ какъ конфирмація смертнаго приговора зависитъ отъ Высочайшаго усмотрѣнія. Онъ думаетъ, что можно будетъ смягчить приговоръ, для чего необходимо имѣ, но въ разныхъ поѣздахъ, ѣхать въ Петербургъ, и тамъ онъ, при помощи своей протекціи, попытается улучшить положеніе ея мужа ¹⁾.

Вечеромъ, около 7 часовъ, приставъ подполковникъ Эльчибековъ со стражниками былъ въ обходѣ и зашелъ на вокзалъ отдохнуть. Въ залѣ 1-го класса были монахъ и начальникъ станціи съ какимъ-то субъектомъ; оба послѣдніе поздоровались съ приставомъ и отошли; монахъ сказалъ приставу, что съ начальникомъ

¹⁾ Впослѣдствіи поговаривали, что г-жа Старосельская снабдила его пятьюстами рублями.

станціи былъ агентъ тайной полиціи. Минуть 10 спустя, пришелъ Ващукъ съ казаками и двумя казачьими офицерами. Названный агентомъ сыскной полиціи угостилъ казаковъ у буфета, а затѣмъ всѣ они вышли на платформу къ приготовленному поѣзду. Въ отношеніяхъ Ващука съ неизвѣстнымъ субъектомъ была замѣтна интимность.

Въ тотъ же вечеръ есауломъ Удовенко, находившимся съ сотней на ст. Ріонъ, была получена отъ полковника Гаврилова телеграмма о задержаніи лица, назвавшего себя капитаномъ Выгорскимъ. Вскорѣ послѣ полученія есауломъ приказанія прибылъ изъ Квириль поѣздъ съ Ващукомъ. Ващукъ пришелъ въ офицерскій вагонъ. Есауль Удовенко показалъ ему телеграмму и приказалъ никуда не отлучаться. Тотъ не протестовалъ; предложилъ пойти прогуляться, такъ какъ въ это время на путяхъ стояли два поѣзда въ ожиданіи отправленія: одинъ—въ Кутаисъ, а другой—въ Поти; прошлись одинъ разъ между поѣздами, повернули; Ващукъ отошелъ за послѣдній вагонъ потійскаго поѣзда. Есауль, пройдя нѣсколько шаговъ, остановился; въ то время почти одновременно тронулись поѣзда, по отходѣ которыхъ Ващука нигдѣ не было видно. Начальникъ станціи сказалъ есаулу Удовенко, что капитанъ сѣлъ въ послѣдній вагонъ потійскаго поѣзда. Есауль потребовалъ паровозъ, далъ телеграмму въ Самтреди и вмѣстѣ съ штабсъ-капитаномъ Самоновымъ поѣхалъ вслѣдъ. На станціи Самтреди сказали, что при осмотрѣ вагоновъ Ващука нигдѣ не нашли. Была послана телеграмма въ Поти. На станціи Чаладиди былъ полученъ отвѣтъ, что капитанъ поѣхалъ съ вокзала на извозчикѣ № 15, который немедленно вернется и будетъ ожидать, чтобы отвезти есаула въ домъ, гдѣ остановился Ващукъ.

Со станціи Поти извозчикъ отвезъ есаула Удовенко и штабсъ-капитана Самонова въ домъ, гдѣ остановился Ващукъ; штабсъ-капитанъ остановился у чернаго хода, на случай попытки бѣгства Ващука, а есауль Удовенко позвонилъ въ подъѣздъ. Отворили не сразу. Есаулу пришлось сказать, что онъ принесъ телеграмму; его впустили въ комнату. Ващукъ спалъ на тахтѣ, двѣ постели были приготовлены на полу; въ слѣдующей комнатѣ стояла кровать. Въ комнатѣ, кромѣ Ващука, было еще четыре человѣка: бухгалтеръ сигнахскаго казначейства, податной инспекторъ и еще двое, фамиліи никто изъ нихъ не назвалъ. Есауль разбудилъ Ващука, послѣдній всталъ, одѣлся и вмѣстѣ съ есауломъ Удовенко и штабсъ-капитаномъ Самоновымъ поѣхалъ въ Квирилы, гдѣ и былъ сданъ начальнику летучаго отряда полковнику Гаврилову.

Самъ я въ то время въ Кутаисѣ не былъ, съ Старосельскимъ не знакомъ; Ващука же въ первый разъ увидѣлъ, когда онъ былъ доставленъ отъ полковника Гаврилова въ Тифлисъ въ комендантское управленіе, въ которомъ я занималъ должность комендантскаго штабъ-офицера.

Рослый, пріятной наружности молодой человекъ, Ващукъ, когда ему предложено было снять офицерскіе погоны, ему не присвоенные, имѣлъ жалкій, приниженный видъ. Крутой поворотъ послѣ этого въ обращеніи съ нимъ, какъ съ нижнимъ чиномъ, особливо впечатлѣнія на него не произвелъ и, видимо, такое обращеніе для него было привычнымъ. Въ это время, да и впослѣдствіи, пока съ нимъ приходилось имѣть дѣло, къ нему вполне подходила русская поговорка: «блудливъ, какъ кошка, трусливъ, какъ заяцъ».

Въ первое время помѣщенъ онъ былъ въ отдѣльный карцеръ при комендантскомъ управленіи; но такъ какъ вопросъ о документальномъ разъясненіи его личности, т. е. справки въ полку, на который онъ сослался, затянулся, то для дальнѣйшаго содержанія онъ переведенъ былъ въ помѣщеніе военныхъ арестантовъ¹⁾. Содержась въ общей арестантской камерѣ, онъ замыслилъ организовать побѣгъ черезъ посредство подкопа. Начатая въ теченіе ночи работа утромъ была обнаружена. Черезъ нѣсколько дней, вслѣдствіе повторенія у Ващука эпилептическаго припадка (первый былъ, когда онъ содержался въ карцерѣ при комендантскомъ управленіи), онъ былъ отправленъ въ тифлисскій военный госпиталь, а не въ расположенный въ Навтлугѣ, какъ сообщаетъ г. Подольскій.

Въ госпиталѣ онъ также собирался организовать побѣгъ, для чего какимъ-то путемъ были пріобрѣтены пилки, но и тутъ не удалось, такъ какъ одинъ изъ выписанныхъ арестантовъ выдалъ этотъ замыселъ, доложивъ о немъ смотрителю военныхъ арестантовъ. Когда пришелъ въ помѣщеніе командированный въ госпиталь комендантскій адъютантъ капитанъ Апсолонъ и въ присутствіи начальника госпиталя полковника Ульянова произвелъ тщательный обыскъ, то въ соломенномъ тюфякѣ одного изъ больныхъ арестантовъ нашелъ двѣ отличныя стальные пилки. Послѣ этого Ващукъ былъ выписанъ изъ госпиталя, и тутъ-то, воспользовавшись оплошностью дежурнаго фельдшера, бѣжалъ изъ пріемнаго покоя. Розыски не привели ни къ какому результату, и о дальнѣйшей судьбѣ его въ Тифлисъ не было ничего извѣстно.

По моему впечатлѣнію и самъ «революціонный губернаторъ» такой же трусливый заяцъ, какъ и пресловутый Ващукъ. Г. Подольскій признаетъ его за карьериста и, слѣдовательно, не убѣжденнаго революціонера. Я вполне съ этимъ согласенъ. Когда онъ

¹⁾ Такъ называется въ Тифлисъ особое зданіе, гдѣ содержатся подслѣдственные, подсудимые и отбывающіе нѣкоторыя наказанія нижніе воинскіе чины.

услыхалъ про надвигавшуюся на него грозу—генерала Алиханова, то созналъ, что дѣло его пропало, и готовъ былъ бы «въ кусты», а потому достаточно было явиться пьяному проходимцу Ващуку и нахальнымъ тономъ предъявить требованіе губернатору объ его арестѣ, и онъ повѣрилъ и сдался; тѣмъ болѣе, что ранѣе получилъ приглашеніе генерала Алиханова 10 января пріѣхать къ нему въ Квирилы. Слухомъ этимъ и воспользовался Ващукъ, способный, какъ видно, по складу своего ума быстро воспринимать.

Никто изъ военнослужащихъ начальствующихъ лицъ въ городѣ Кутаисѣ, какъ бы онъ ни признавалъ не только незаконныя, но прямо противозаконныя дѣйствія «губернатора-революціонера», не будучи свыше уполномоченъ, не могъ и не имѣлъ права рѣшиться сдѣлать то, что сдѣлалъ ненормальный эпилептикъ, но не герой, Ващукъ.

Въ отношеніи же войскъ, расположенныхъ въ Кутаисѣ, совершенно не видно, чтобы кто-либо сдавался революціонерамъ, и это невѣрно, какъ и та сцена, когда явился «ревизоръ» или извѣстіе о немъ еще до пріѣзда Ващука въ Кутаисъ.

Невозможнымъ считаю предполагать и то, чтобы Ващукъ лично представилъ генералу Алиханову Старосельскаго. Кто хоть немного знаетъ генерала Алиханова, этого умнаго, пронацательнаго человѣка, тотъ не допуститъ мысли, чтобы онъ выпустилъ отъ себя Ващука, т. е. человѣка, нагло лгущаго ему, что онъ арестовалъ Старосельскаго, т. е. того, которому самъ генераль Алихановъ предложилъ пріѣхать къ нему. Потому-то Ващукъ, доѣхавъ въ поѣздѣ до Квирилъ, постарался скорѣе ускользнуть, какъ заяцъ въ лѣсъ, въ первомъ попавшемся поѣздѣ по направленію къ Кутаису, куда вслѣдъ за нимъ полетѣла телеграмма объ его арестованіи.

Помню также, что вице-губернаторъ Кипшидзе не былъ одновременно со Старосельскимъ доставленъ въ Тифлисъ, а пріѣхалъ нѣсколькими днями позже.

В. Темниковъ.

ВАЩУКЪ-ПОГОССКІЙ.

ВЪ ДЕКАБРЬСКОЙ книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1909 годъ, въ статьѣ г. Подольскаго «Губернаторъ-революціонеръ» разсказаны курьезныя похождения пѣвчюго Ващука, сыгравшаго такую крупную роль въ исторіи кутаисской революціи. Располагая пѣвчюторыми данными, касающимися этого Ващука, позволяю себѣ предложить вниманію читателей эпизодъ изъ его походовъ, предшествовавшій появленію его въ Кутаисѣ.

Наканунѣ крупныхъ безпорядковъ, разыгравшихся въ Харьковѣ, гдѣ я въ то время служилъ, въ комендантское управленіе этого города явился молодой поручикъ въ формѣ адъютанта, украшенный офицерскимъ георгіевскимъ крестомъ, золотымъ оружіемъ и полнымъ ассортиментомъ боевыхъ орденовъ съ мечами и бантами до св. Владимира 4 степени включительно. Доблестный адъютантъ предъявилъ комендантскому управленію предписаніе временно командовавшаго тогда войсками кіевскаго военнаго округа генерала Карасса, въ которомъ значилось, что предъявитель его—адъютантъ командующаго войсками поручикъ Александръ Петровичъ Погосскій—командируется въ Харьковъ, согласно особой инструкціи, для наблюденія за дѣйствіями гражданскихъ властей. Въ это время комендантъ города, подполковникъ Горбаневъ, былъ въ управленіи полицеймейстера. Не заставъ коменданта въ его управленіи, поручикъ Погосскій отправился къ полицеймейстеру и тамъ представился коменданту, подробно ознакомившемуся съ его документами, которые и нашель въ порядкѣ. Въ разговорѣ съ комендантомъ по-

ручикъ Погосскій между прочимъ упомянулъ, что вслѣдъ за нимъ ѣдетъ другой адъютантъ изъ штаба округа—генеральнаго штаба капитанъ Агапѣевъ. Вслѣдъ за этимъ Погосскій представился и губернатору, покойному К. С. Старынкевичу, у котораго онъ затѣмъ бывалъ нѣсколько разъ съ различными докладами.

На другой или на третій день послѣ пріѣзда Погосскаго въ Харьковѣ началось форменное столпотвореніе: стали конки; забастовали всѣ фабрики и заводы; закрылись магазины; рабочіе толпами бросились на Николаевскую и Павловскую площади (центральной); начался грабежъ оружейныхъ магазиновъ и прочее, всѣмъ извѣстное. Вызваны были войска, которымъ пришлось пустить въ ходъ оружіе, полилась кровь. Три дня подъ рядъ—10, 11 и 12 октября—весь гарнизонъ былъ подъ ружьемъ, но растерявшіяся власти не сумѣли использовать, какъ слѣдовало бы, эту могучую силу и, при наличіи ея, допустили то, что открыто на глазахъ у всѣхъ громадная территория университета съ прилегающей къ нему соборною площадью была забаррикадирована телефонными столбами, плитами отъ тротуаровъ, разнесенной на куски рѣшеткой отъ стараго зданія присутственныхъ мѣстъ, дровами и прочимъ подручнымъ матеріаломъ. За баррикадами засѣли вооруженные «освободители», показавшіеся властямъ грозною силою.

Губернаторъ, сознавъ свое безсиліе, передалъ власть начальнику гарнизона, генераль-лейтенанту Мау, и предоставилъ ему раздѣляться съ исургентами. Генераль Мау, однако, тоже не рѣшился предпринять сразу какія-нибудь рѣшительныя мѣры противъ баррикады и ограничился только тѣмъ, что повелъ противъ нихъ осаду и забаррикадированная мѣстность была сплошь окружена войсками.

Такимъ образомъ, прибывшему съ особыми полномочіями адъютанту командующаго войсками представилась широкая арена дѣятельности. Но онъ не ограничился пассивною ролью наблюдателя и примкнулъ къ отрядамъ, дѣйствовавшимъ противъ революціонеровъ. Гдѣ только раздавались выстрѣлы, туда спѣшилъ и бравый поручикъ, производившій своимъ георгіевскимъ крестомъ бодрящее впечатлѣніе на солдатъ и офицеровъ. Безстрашно носился онъ подъ пулями и постоянно появлялся на самыхъ опасныхъ мѣстахъ, какъ бы подчеркивая то, что не даромъ заслуженъ имъ бѣленькій крестикъ—этотъ символъ храбрости.

Съ началомъ беспорядковъ и широкаго, непрестаннаго дѣйствія войскъ по борьбѣ съ ними квартира полицеймейстера статскаго совѣтника Безсонова превратилась какъ бы въ штабъ отряда, дѣйствовавшаго противъ революціонеровъ: любезный полицеймейстеръ стѣснилъ свою семью и освободилъ часть своихъ комнатъ, въ которыхъ и помѣстились нѣкоторые изъ начальниковъ войсковыхъ частей. Послѣ представленія поручика Погосскаго губернатору, полицей-

мейстеръ попросилъ коменданта еще разъ провѣрить полномочія его. Удостоившись въ личности адъютанта командующаго войсками, Безсоновъ пригласилъ его перебраться на жительство въ его квартиру, чѣмъ Погосскій сейчасъ же воспользовался и расположился въ гостиной полицеймейстера, которая къ этому времени представляла собою настоящій бивакъ.

Какъ только началась осада университета, Погосскій не прикинулъ принять въ ней самое дѣятельное участіе. Между прочимъ, когда по даннымъ полиціи получено было свѣдѣніе, что за баррикадами засѣло не менѣе 3000 человекъ, при этомъ будто бы хорошо вооруженныхъ, Погосскій рѣшилъ лично провѣрить эти свѣдѣнія и тотчасъ же съ однимъ изъ офицеровъ, стоявшимъ вблизи къ осажденному форту, пробрался за баррикады и доставилъ точныя свѣдѣнія, рѣзко расходившіяся съ полицейскими: на университетской территоріи осажденныхъ оказалось человекъ 300—400 безусой молодежи, очень слабо вооруженной.

Цѣнное свѣдѣніе это, впрочемъ, не побудило начальство къ болѣе рѣшительному образу дѣйствій, и вечеромъ 11 октября у генерала Мау былъ собранъ военный совѣтъ, на который были приглашены начальники дивизій, полки которыхъ квартировали въ Харьковѣ, командиры этихъ полковъ, комендантъ и другія прикосновенныя къ дѣлу лица. Между прочимъ, необходимо отмѣтить, что приглашенный на это засѣданіе начальникъ несуществующей нынѣ 68-ой пѣхотной дивизіи генераль-лейтенантъ Сѣницкий къ дѣлу усмиренія бушевавшаго въ тѣ дни Харькова не имѣлъ прямого отношенія, такъ какъ командованіе вызванными войсками было поручено начальнику 51-ой пѣхотной дивизіи, генералу Нечаеву, почему онъ и не былъ въ курсѣ всѣхъ событій. Здѣсь генералу Сѣницкому представили поручика Погосскаго, приглашеннаго на засѣданіе начальникомъ гарнизона, какъ командированнаго отъ командующаго войсками съ извѣстными полномочіями. Георгіевскій крестъ и золотое оружіе молодого офицера невольно обратили на себя вниманіе и генерала Сѣницкаго.

Не касаясь существа этого засѣданія, отмѣчу лишь, что результаты его не вышли изъ границъ пассивности и осада крѣпости осталась въ томъ же положеніи. Къ вечеру на другой день харьковскія власти торжествовали побѣду и одолѣніе: осажденные сдались, но на очень выгодныхъ и почетныхъ для себя условіяхъ, не много говорившихъ въ пользу побѣдителей. Въ приемѣ плѣнниковъ самое дѣятельное участіе принималъ и поручикъ Погосскій. Увидѣвъ одного изъ выпущенныхъ изъ осады, Погосскій страшно вознегодовалъ и сталъ публично обличать его въ томъ, что онъ тотъ самый негодяй, который два дня тому назадъ стрѣлялъ въ патріотическую процессію, слѣдовавшую по Павловской площади съ царскимъ портретомъ. Но въ то время, при общей суматохѣ и растерянности вла-

стей, на показанія Погосскаго не было обращено вниманія, и какъ этотъ стрѣлокъ, такъ и прочіе баррикадчики были отпущены съ миромъ на всѣ четыре стороны.

Съ паденіемъ баррикадъ на время прекратились и уличные безпорядки, и городъ началъ подготавливаться къ вооруженному возстанію, вспыхнувшему 12 декабря. Вечеромъ 13 октября получена была телеграмма объ объявленіи Харькова на военномъ положеніи и о назначеніи временнымъ генераль-губернаторомъ его генерала Сѣвницкаго. Рано утромъ 14 октября я получилъ записку комендантскаго адъютанта, приглашавшую меня прибыть въ домъ губернатора. Недоумѣвая, что это значить и зачѣмъ я понадобился губернатору, я тотчасъ же отправился въ его домъ. Тамъ я узналъ о назначеніи генерала Сѣвницкаго, въ штабъ дивизіи котораго я тогда служилъ, генераль-губернаторомъ. Генераль Сѣвницкій подѣлился со мною этою новостью и приказалъ мнѣ принять на себя все дѣлопроизводство по управленію новаго генераль-губернаторства, которое помѣстилось въ приѣмной комнатѣ губернаторской квартиры. Генераль Сѣвницкій былъ нѣсколько озадаченъ, почему назначенъ онъ, а не генераль Мау, какъ старшій въ чинѣ, и высказывался о неподготовленности своей къ занятію этой чисто гражданской должности, о которой до сихъ поръ и понятія не имѣлъ. И, дѣйствительно, въ тѣ времена подобное внезапное назначеніе было настолько необычно, что даже штабъ округа, сообщая объ объявленіи города на военномъ положеніи, не преминулъ по телеграфу сообщить статьи закона, въ которыхъ указано положеніе о временныхъ генераль-губернаторахъ, какъ бы въ увѣренности въ томъ, что для человѣка, посвятившаго себя исключительно строю и ничего общаго не имѣющаго съ распорядками министерства внутреннихъ дѣлъ, трудно будетъ даже найти ихъ самому. Но за генераломъ Сѣвницкимъ все же былъ большой житейскій и служебный опытъ, и онъ быстро охватилъ существо новыхъ своихъ обязанностей и съ помощью губернатора началъ налаживать дѣла.

Положеніе города въ этотъ моментъ, несмотря на затихшіе уличные безпорядки, все же было еще весьма напряженнымъ, грозившимъ во всякую минуту новою катастрофою. Общая забастовка еще продолжалась. Желѣзныя дороги стояли. Вокзалъ былъ погруженъ во мракъ. Больницы переполнены ранеными мятежниками и случайными зѣваками. Въ университетской клиникѣ лежали не погребенными еще 14 убитыхъ. Власть правительственныхъ чиновъ за три дня борьбы надорвалась и сошла на нѣтъ. Обладаніе ею оспаривается какимъ-то самозваннымъ комитетомъ. Полиція перепугана, войска утомлены до нельзя. Все это привести въ порядокъ, успокоить объятае паникой мирное населеніе и восстановить желѣзнодорожное движеніе—задача очень и очень нелегкая, требовавшая крайняго напряженія всѣхъ силъ администраціи, во главѣ которой неожиданно для себя оказался генераль Сѣвницкій.

Съ перваго же часа образованія изъ единственной моей персоны управленія генераль-губернатора почувствовалась грандіозность задачи и вытекавшей изъ нея работы. Къ счастью, въ тотъ же день была получена телеграмма штаба округа о томъ, что въ распоряженіе генераль-губернатора поступаетъ генеральнаго штаба капитанъ Агапѣевъ, возвращавшійся изъ командировки изъ Чугуева и застрѣвшій въ Харьковѣ по случаю забастовки желѣзныхъ дорогъ. Къ вечеру же капитанъ Агапѣевъ дополнилъ штатъ управленія и сталъ во главѣ его, имѣя меня своимъ помощникомъ.

Вслѣдъ за кровавыми событіями появляется манифестъ 17 октября. По неожиданности своего появленія онъ внесъ въ умы населенія, не успокоившагося еще отъ предшествовавшихъ потрясеній и не подготовленнаго къ воспріятію новыхъ началъ гражданской жизни, новое смятеніе. Свободы же, провозглашенныя этимъ актомъ, понятія чернью весьма своеобразно, создали сразу же уйму хлопотъ для администраціи Харькова. Понятія о согласованіи существующихъ и не отмѣненныхъ законовъ и тѣмъ болѣе положенія о военномъ управленіи съ новыми началами внесли ужаснѣйшую путаницу въ отправление службы. Разразившіеся затѣмъ повсемѣстно еврейскіе погромы съ минуты на минуту должны были возникнуть и въ Харьковѣ. Предотвращеніе погрома потребовало также немалого напряженія силъ всѣхъ чиновъ правительственной власти, отъ генераль-губернатора до послѣдняго рядового. Благодаря принятымъ широкимъ мѣрамъ удалось не допустить погрома и оставить Харьковъ чуть ли не единственнымъ городомъ, не занятывшимъ свою исторію печальнымъ проявленіемъ дикой необузданности толпы.

При такихъ условіяхъ новому генераль-губертотору трудно было, конечно, вспомнить о пребываніи въ городѣ какого-то поручика, хотя бы и адъютанта командующаго войсками и облеченнаго широкими полномочіями. А адъютантъ этотъ тѣмъ временемъ благодушествовалъ на квартирѣ полицеймейстера, куда съ 14 октября переехалъ на жительство и комендантъ города подполковникъ Горбаневъ. Поручикъ Погосскій теперь какъ бы отдыхалъ послѣ понесенныхъ трудовъ по прекращенію мятежа и отъ нечего дѣлать охотно проводилъ часы досуга въ нижнемъ этажѣ полицеймейстерскаго дома, въ его управленіи. Здѣсь онъ занималъ дежурныхъ приставовъ и околоточныхъ надзирателей разказами о минувшей войнѣ, въ которой онъ принималъ широкое участіе, о своихъ подвигахъ, наградахъ за нихъ и полученныхъ ранахъ. Онъ не прочь былъ вникнуть и въ самое существо полицейскихъ дѣлъ и присутствовалъ при приѣмѣ просителей. Евреевъ Погосскій терпѣть не могъ и съ случайными посѣтителями полиціи іудеями не церемонился и до крайности грубо съ ними обращался, подчеркивая тѣмъ свое правое направленіе и истинный патріотизмъ. Обѣдалъ онъ въ лучшихъ

ресторанахъ въ обществѣ офицеровъ или—что гораздо чаще—въ обществѣ дамъ сомнительнаго поведенія, которыхъ щедро одаривалъ букетами цвѣтовъ. Вообще въ деньгахъ онъ, повидимому, стѣсненія не имѣлъ и часто его можно было видѣть по цѣлымъ часамъ катающимся на дорогихъ лихачахъ. По вечерамъ, одѣтый съ иголки, Погосскій появлялся либо въ театрѣ, либо въ кафе-шантанѣ, гдѣ также сорилъ деньгами.

Спустя нѣсколько дней послѣ вступленія въ новую должность, генераль Сѣнницкій вспомнилъ о томъ, что въ городѣ пребываетъ лицо, уполномоченное наблюдать за дѣйствіями гражданскихъ властей, къ которымъ теперь и онъ какъ бы причислился, такъ какъ состоялъ въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ. Генераль Сѣнницкій поручилъ капитану Агапѣву справиться, почему поручикъ Погосскій до сихъ поръ не представился ему, какъ старшему въ городѣ лицу, и предложить ему исполнить этотъ долгъ воинской вѣжливости. Мы вмѣстѣ поѣхали въ управление полицеймейстера. По дорогѣ я спросилъ капитана Агапѣва знаетъ ли онъ Погосскаго по совмѣстной службѣ въ штабѣ округа. Агапѣвъ на это отвѣтилъ, что онъ самъ недавно только переведенъ туда и еще мало кого знаетъ изъ чиновъ штаба; незнакомъ также и съ Погосскимъ, котораго впервые встрѣтилъ здѣсь.

— Да, кромѣ того, я довольно продолжительное время былъ въ командировкѣ, а за это время могли назначить Погосскаго. Я познакомился съ нимъ здѣсь: всѣ эти дни мы встрѣчались на улицахъ, гдѣ дѣйствовали войска.

Пріѣхавъ къ полицейскому управленію, мы застали Погосскаго въ квартирѣ полицеймейстера бесѣдующимъ со своими сожителами по биваку—комендантскимъ адъютантомъ, драгунскимъ подполковникомъ и другими. Капитанъ Агапѣвъ передалъ Погосскому слова генераль-губернатора. Погосскій удивленно пожалъ плечами и отвѣтилъ:

— Я былъ у генераль-губернатора въ тотъ же день, какъ онъ вступилъ въ эту должность, но его превосходительство, какъ мнѣ сказали, былъ занятъ и не принялъ меня. Это можетъ подтвердить моя расписка въ книгѣ посѣтителей—вы посмотрите ее. Но разъ генераль-губернаторъ желаетъ меня видѣть, то я завтра же представляюсь. Это, кстати, и мое личное желаніе.

Затѣмъ мы разговорились о томъ, о семъ. Между прочимъ Погосскій предложилъ намъ выпить сельтерской воды.

— Это, знаете, такъ освѣжаетъ послѣ обѣда. А у васъ тамъ въ управленіи генераль-губернатора есть сельтерская?

— Пошлешь,—говорю,—въ лавочку, и будетъ.

— Э, нѣтъ, у меня здѣсь другіе порядки,—воскликнулъ Погосскій.—Я тутъ установилъ, чтобы сельтерская всегда была. и полицеймейстеръ, знаете, не жметя—исправно снабжаетъ.

Въ разговорѣ я полюбопытствовалъ и спросилъ: за какое дѣло получилъ онъ георгіевскій крестъ? Погоскій какъ-то неопредѣленно отвѣтилъ:

— Въ отрядѣ Мищенки, за многія дѣла. Да я и раненъ шесть разъ.

Поболтавъ еще немного, мы распростились и уѣхали.

На другой день поручикъ Погоскій явился въ домъ губернатора, куда генераль Сѣницікій перебрался на жительство, и представился ему. На вопросъ генераль-губернатора, почему онъ до сего времени не представился ему, Погоскій доложилъ, что о его присутствіи въ городѣ извѣстно генералу Мау.

— А вашему превосходительству все не удавалось лично представиться: я или не заставалъ васъ, или получалъ отказъ за немѣніемъ у васъ свободнаго времени.

При этомъ Погоскій вновь сослался на свою запись въ книгѣ посѣтителей.

Поговоривъ нѣкоторое время, генераль-губернаторъ отпустилъ Погосскаго, въ служебномъ положеніи и личности котораго, какъ провѣренныхъ уже комендантомъ и начальникомъ гарнизона, у него не было сомнѣнія, тѣмъ болѣе, что къ этому времени на квартиру полицеймейстера, въ виду тревожнаго положенія, перебрался на жительство и начальникъ 51-й пѣхотной дивизіи, генераль Нечаевъ, назначенный начальникомъ войскъ охраны.

21-го октября, въ высокаторжественный день восшествія на престолъ Государа Императора, Погоскій, облачившись въ парадный мундиръ и украсивъ его всѣми своими орденами, отправился въ театръ. Здѣсь его монархическій духъ былъ сильно возмущенъ тѣмъ обстоятельствомъ, что музыканты, несмотря на настойчивое требованіе его и другихъ лицъ, бывшихъ въ театрѣ, сыграли народный гимнъ только одинъ разъ и отказались повторить его. Такое поведеніе музыкантовъ заставило Погосскаго рѣзко протестовать передъ полиціей и обратить вниманіе чиновъ ея на это безобразіе. Возмущенный музыкантами, Погоскій вскорѣ нашелъ выходъ своему гнѣву и съ яростью набросился на подвернувшихся подъ руку какихъ-то прапорщиковъ, которые, несмотря на табельный день, явились въ театръ не въ мундирахъ, а въ сюртукахъ. Пользуясь своимъ привилегированнымъ положеніемъ адъютанта командующаго войсками, Погоскій разнесъ ихъ вдребезги и предложилъ имъ оставить театръ и ѣхать переодѣться.

Нѣсколько дней спустя, Погоскій отправился на какую-то перевязку въ военный госпиталь. Вскорѣ коменданту по телефону было доложено оттуда, что адъютантъ командующаго войсками въ одной изъ офицерскихъ палатъ попробовалъ пищу и крайне рѣзко выразилъ по адресу дежурнаго ординатора свое неудовольствіе по поводу дурнаго качества ея. Рассказывали, что онъ пищу пробовалъ не въ

одной палатѣ, а во всемъ госпиталѣ и изрядно распушили госпитальную администрацію за найденныя имъ упущенія и безпорядки.

Числа 26—27-го октября Погоскій вновь прибылъ въ управленіе генераль-губернатора и попросилъ доложить о себѣ генералу Сѣниціному, съ которымъ онъ хотѣлъ попроситься по случаю отъѣзда. Генераль Сѣницікій пригласилъ пришедшаго къ себѣ. Раскланявшись, поручикъ Погоскій доложилъ, что у него открылась рана на ногѣ и появились страшныя головныя боли, какъ слѣдствіе контузіи, вызывающія безсонницу и заставляющія его постоянно прибѣгать къ приему большихъ дозъ морфія.

— Это обстоятельство понуждаетъ меня покинуть Харьковъ и ѣхать лечиться. По моимъ свѣдѣніямъ, временно-командующій войсками генераль Каррасъ ѣдетъ въ Кременчугъ; я тоже думаю туда проѣхать, сдѣлаю тамъ генералу докладъ обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ, а затѣмъ отправлюсь въ Кіевъ: надо серьезно приняться за лечение.

Генераль Сѣницікій поинтересовался узнать, въ чемъ же будетъ заключаться его докладъ.

— А вотъ, ваше превосходительство, у меня по этому поводу составлена записка; я въ ней изложилъ все, какъ было.—Съ этими словами Погоскій вынулъ изъ-за борта мундира бумагу и сталъ читать. Записка оказалась составленной весьма обстоятельно: въ ней шагъ за шагомъ были описаны всѣ событія, разыгравшіяся въ Харьковѣ въ памятные октябрьскіе дни, свидѣтелемъ которыхъ былъ авторъ ея, всюду и вездѣ поспѣвавшій и лично наблюдавшій за всѣмъ ужасами того времени. Генераль Сѣницікій остался доволенъ запиской и радушно распрощался съ везущимъ командующему войсками такой важный докладъ адъютантомъ.

Откланявшись коменданту, своимъ сожителямъ по полицеймейстерскому биваку и радушному хозяину его, полицеймейстеру Безсонову, блестящій адъютантъ покинулъ Харьковъ, въ которомъ такъ весело и не безъ пользы для дѣла провелъ почти три недѣли.

О Погоскомъ скоро и забыли. Да и не до него было: чего только не пришлось пережить въ ту памятную осень харьковцамъ. И солдатскій бунтъ, и серію всевозможныхъ забастовокъ, и осаду и бомбардировку завода Гельферихъ-Саде, и цѣлый рядъ республикъ въ окрестностяхъ и много другого. Наконецъ городъ затихъ; постепенно стала входить въ нормальную колею и вся жизнь Россіи.

Какъ-то весной 1906 г., какъ рассказываютъ, повстрѣчался бывшій кіевскій генераль-губернаторъ, нынѣ военный министръ, генераль В. А. Сухомлиновъ съ прокуроромъ харьковской судебной палаты (нынѣ начальникъ тюремнаго вѣдомства) С. С. Хрулевымъ. Генераль Сухомлиновъ, какъ служившій ранѣе въ Харьковѣ и интересующійся его житьемъ-бытьемъ, сталъ подробно разспрашивать своего собесѣдника о только что пережитыхъ харьковцами кровавыхъ событіяхъ.

— Да вамъ,—говорить прокуроръ,—вѣроятно, все это хорошо извѣстно и безъ того: вѣдь вашъ адъютантъ все время у насъ былъ; докладываль, должно быть, о всѣхъ подробностяхъ.

В. А. Сухомлиновъ удивился,

— Какой,—говорить,—адъютантъ?

— А поручикъ Погосскій.

— Такого адъютанта у меня и нѣтъ и не было никогда.

Поднялась погѣха. Полетѣли запросы и въ Харьковъ, и къ генералу Сѣниницкому, получившему уже другое назначеніе. Тутъ всѣ рты и пораскрывали. Вотъ такъ исторія. Уполномоченное-то лицо оказалось просто самозванцемъ. Засуетились и харьковцы. Еще бы, въ самомъ центрѣ борьбы съ революціонерами и вдругъ цѣлыхъ двѣ недѣли проживаль какой-то проходимецъ, надувшій коменданта, начальника гарнизона и такого обстрѣляннаго полицеймейстера, какъ Безсоновъ, который даже жить къ себѣ пригласилъ его. Хорошо еще, что этотъ Хлестаковъ монархистомъ оказался, а если бы неблагонамѣреннымъ? Что тогда было бы? Ну, положимъ, генераль Сѣницкій получилъ «адъютанта» по наслѣдству, считая, что разъ принималъ его у себя начальникъ гарнизона, генераль Мау, то ужъ, значить, сомнѣнія никакого нѣтъ въ томъ, что это дѣйствительно легальное лицо. Но каково пришлось по душѣ это извѣстіе тѣмъ начальствующимъ лицамъ, которыя сами и ввели-то въ свое общество самозванца.

Въ результатѣ все бывшее харьковское начальство, пріютившее у себя Погосскаго, а именно—генералы Мау и Сѣницкій и комендантъ подполковникъ Горбаневъ получили довольно крупную неприятность отъ командующаго войсками въ приказѣ по округу.

Инцидентъ этотъ задѣлъ за живое всѣхъ прикосновенныхъ къ нему лицъ и заставилъ ихъ приняться за раскрытіе личности самозванца. Благодаря энергичнымъ розыскамъ подполковника Горбанева, вскорѣ удалось напасть на его слѣдъ. Какъ оказалось, лѣтомъ 1906 г., слѣдовательно, послѣ разгрома кутаисской республики капитаномъ Выгорскимъ, его походеи въ Москвѣ и Севастополѣ, въ Брестъ-Литовскѣ появился молодой офицеръ, лейбъ-гусарь, бывшій пажъ, назвавшійся Субботичемъ, сыномъ извѣстнаго генерала. Съ офицерами 5-го пѣхотнаго Калужскаго полка этотъ блестящій гусарь за короткое время такъ близко сошелся, что даже снялся съ ними въ общей группѣ. Карточка эта наконецъ попала въ руки подполковника Горбанева. Харьковцамъ по ней нетрудно было узнать въ Субботичѣ своего знакома-Погосскаго. Гдѣ-то его удалось арестовать, и дѣло о немъ по обвиненію въ присвоеніи непринадлежащихъ ему имени, званія и знаковъ отличія попало къ судебному слѣдователю. Погосскій-Субботичъ, онъ же и князь Волконскій и капитанъ Выгорскій, оказался Алексѣемъ¹⁾ Ващукомъ.

¹⁾ А не Александромъ, какъ сообщилъ г. Подольскій.

Самозванецъ былъ заключенъ въ рижское арестантское исправительное отдѣленіе. Откуда раздобылъ онъ предписаніе командующаго войсками и самъ ли сфабриковалъ его—вопросъ этотъ остался неразъясненнымъ, какъ и вопросъ объ источникахъ его денежныхъ средствъ.

Но въ заключеніи Ващуку мытарствовать долго не пришлось: въ ноябрѣ 1907 г. онъ былъ отпущенъ на поруки отцу, такъ какъ слѣдствіемъ и госпитальнымъ наблюденіемъ было точно установлено, что этотъ герой Кутаиса, Москвы и Харькова страдаетъ расстройствомъ умственныхъ способностей.

Гдѣ въ настоящее время обрѣтается Ващукъ—свѣдѣній не имѣется, но, судя по тому, что ничего не слышно о его подвигахъ, надо думать, что его карьера на поприщѣ хлестаковщины (небезполезной, впрочемъ) закончилась.

М. А. Яковлевъ.

ЦАРЕУБИЙСТВО 1 МАРТА 1881 ГОДА.

(Историческіе очерки).

II «Земля и Воля».

I

ИРОКОЕ развитие революціоннаго движенія и смѣлыя его проявленія убѣдили правительство въ необходимости остановиться болѣе внимательно на этихъ страницахъ отечественной жизни и поставить вопросъ, какими мѣрами надлежитъ съ революціей бороться и что необходимо ей противопоставить. Въ этихъ цѣляхъ государь поручилъ особому совѣщанію подъ предсѣдательствомъ министра государственныхъ имуществъ Валуева изъ министровъ: юстиціи, финансовъ, внутреннихъ дѣлъ, начальника III отдѣленія собственной его величества канцеляріи и шефа жандармовъ изыскать мѣры противъ распространенія въ русскомъ обществѣ разрушительныхъ ученій. Между прочимъ на совѣщаніе возложено было разсмотрѣніе и вопроса объ устраненіи тѣхъ вредныхъ послѣдствій, которыя обнаружились вслѣдствіе высылки политически неблагонадежныхъ лицъ во внутреннія губерніи Россіи, причемъ повелѣно было обсудить и вопросъ о томъ: не слѣдуетъ ли сосредоточить этихъ лицъ въ одной какой-нибудь мѣстности? ¹⁾

¹⁾ «Императоръ Александръ II. Его жизнь и царствованіе». С. С. Татищева. Т. II.

На совѣщаніи министръ юстиціи Паленъ заявилъ, что по соображенію данныхъ, обнаруженныхъ при политическихъ дознаніяхъ, революціонная пропаганда особенно сильно проявляется именно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ сосредоточено наибольшее количество высланныхъ и, наоборотъ, въ тѣхъ губерніяхъ, которыя не избирались въ качествѣ мѣста ссылки, это движеніе сказывается преимущественно лишь въ видѣ отдѣльныхъ развѣтвленій, занесенныхъ туда изъ другихъ губерній. По мнѣнію министра, административная ссылка имѣетъ значеніе лишь перенесенія зла изъ одной мѣстности въ другую, а потому и принимая притомъ во вниманіе, что въ глазахъ общества, незнакомаго съ причинами высылки, мѣры эти возбуждаютъ къ высылаемымъ сожалѣніе и сочувствіе и, такимъ образомъ, служатъ къ распространенію ихъ вліянія, — министръ юстиціи полагалъ болѣе цѣлесообразнымъ отрѣшиться отъ системы административной высылки, замѣнивъ ее установленіемъ строгаго надзора и запрещеніемъ жительства въ извѣстныхъ опредѣленныхъ пунктахъ. Но прочіе члены совѣщанія съ нимъ не согласились, находя, что въ постоянномъ мѣстѣ жительства высылаемыхъ, т. е. въ многочисленныхъ центрахъ, едва ли возможно установить такія правила, которыя совершенно обезпечивали бы устраненіе вреднаго ихъ вліянія на окружающую среду, и воспрещеніе жительства поднадзорныхъ въ такихъ центрахъ было бы равносильно высылкѣ. Вслѣдствіе сего большинство совѣщанія полагало, что единственно возможный надзоръ въ Россіи можетъ заключаться въ постановкѣ политически неблагонадежныхъ лицъ въ такую среду, гдѣ наблюденіе за ними облегчено и гдѣ менѣе удобствъ для распространенія вреднаго ихъ вліянія, и что въ этомъ отношеніи административная ссылка вполне соответствуетъ своему назначенію, имѣя сверхъ того нѣкоторый устрашающій характеръ, могущій остановить многихъ отъ преступныхъ увлеченій. На основаніи этихъ соображеній, совѣщаніе положило оставить въ силѣ существующій порядокъ административной высылки, отвергнувъ мысль о сосредоточеніи ссылныхъ въ какой-либо отдѣльной мѣстности, какъ мысль практически непримѣнимую, и остановилось на слѣдующихъ двухъ мѣрахъ, которыя должны если не совершенно, то во всякомъ случаѣ въ возможныхъ предѣлахъ устранить недостатки ссылки: во-первыхъ, на опредѣленіи такихъ мѣстностей для водворенія ссылаемыхъ, которыя въ политическомъ отношеніи представляются средою наиболѣе безопасною отъ вліянія этихъ лицъ, и, во-вторыхъ, на опредѣленіи порядка и средствъ мѣстнаго начальства для надзора за высылаемыми.

Предположенія эти государемъ были утверждены, но выполнены не были, вслѣдствіе чего административная ссылка, при сильномъ ростѣ послѣ 1875 года количества политически неблагонадежныхъ, продолжала широко развѣтвляться и практиковаться именно въ

тѣхъ мѣстностяхъ, которыя особое совѣщаніе признавало нежела-
тельными для мѣстъ водворенія. Равнымъ образомъ и проектъ
правиль о мѣстномъ надзорѣ, выработанныхъ министерствомъ
внутреннихъ дѣлъ, остался безъ движенія, предоставляя широкій
въ отношеніи надзора произволъ мѣстной власти. Что касается уси-
ленія полицейскихъ средствъ надзора, то такое осуществилось
лишь въ 1878 году учрежденіемъ конно-полицейскихъ урядниковъ,
а въ 1879 году ассигнованіемъ на указанный предметъ дополнитель-
наго кредита, сверхъ прежде отпускавшихся въ распоряженіе ми-
нистра внутреннихъ дѣлъ 30.000 рублей, еще 40.000 рублей еже-
годно.

Какъ видно изъ этихъ данныхъ, мѣропріятія правительства пе-
редъ лицомъ явно надвигавшейся для существующаго строя опасно-
сти были крайне односторонни, недостаточны, недодѣланны и даже
неопредѣленны. Все сведено было къ мѣропріятіямъ полицейскаго
порядка, причемъ даже и эти послѣдніе не выдѣлялись широтою
размѣровъ, изъ чего можно заключить, что бюрократія, повидимому,
не давала себѣ яснаго отчета въ положеніи дѣлъ, не придавала
имъ исключительно серьезнаго значенія и не ставила ихъ въ связь
съ общимъ теченіемъ событій отечественной жизни. Въ мѣстѣ съ тѣмъ
полицейская статистика, очень несовершенная въ то время и осно-
ванная на исключительно конкретныхъ данныхъ объ арестахъ, по-
казывала, что ростъ политическаго недовольства, агитація и про-
паганда дѣлаютъ огромные успѣхи, положить предѣлъ которымъ и
отмѣченныя выше полицейскія мѣропріятія никоимъ образомъ не
могутъ. Такъ ¹⁾, съ начала дѣла Долгушина и до 1-го января 1877 г.
оказались привлеченными къ политическому дознанію 1611 чело-
вѣкъ, изъ коихъ 85% мужчинъ и 15% женщинъ; изъ этого числа
557 человекъ были освобождены отъ преслѣдованія безъ всякихъ
послѣдствій, а остальные раздѣлены на три группы: 1-я въ коли-
чествѣ 525 человекъ (49½%), компрометированныхъ и болѣе или
менѣе уличенныхъ въ участіи въ противозаконномъ сообществѣ
или въ преступной пропагандѣ, 2-я—79 человекъ (7½%) такихъ,
которые вполне усвоили себѣ вредное направленіе, но относительно
участія которыхъ въ преступныхъ дѣйствіяхъ не могли быть собраны
формальныя доказательства для убѣжденія суда въ невинности;
3-я, въ количествѣ 450 лицъ, составила по большей части изъ людей
молодыхъ, съ «совращеннымъ образомъ мыслей», но не принимавшихъ
активнаго участія въ преступной агитаціи. Первая группа отдана
подъ судебное преслѣдованіе, вторая—явила собою элементъ ад-
министративно-ссылныхъ; третья составила предметъ полицей-
скаго надзора. По всѣмъ тремъ группамъ женщины представили
собою 15% участія. Любопытно отмѣтить, что до половины 70-хъ го-

¹⁾ «Обзоръ», изданный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

«Истор. вѣстн.», февраль, 1910 г., т. сѣх.

довъ инородческій и инославный элементъ играетъ очень малую роль въ революціонномъ движеніи. Такъ, евреи составляютъ здѣсь всего $6\frac{1}{2}\%$, кавказскіе уроженцы— $1\frac{1}{2}\%$, иностранные подданные $1\frac{1}{2}\%$. Только со второй половины десятилѣтія этотъ процентъ участія сильно поднимается, въ особенности въ отношеніи еврейства, которое съ теченіемъ времени густо и заполняетъ собою революціонные ряды, а къ нашимъ днямъ является руководящею силою всего революціоннаго движенія, давая ему богатый матеріаль, какъ для активныхъ дѣйствій, такъ и внося сюда вмѣстѣ съ тѣмъ провокаторство и начало разложенія. Еврейство сыграло въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія и въ первые годы текущаго роковую роль въ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи и этой главѣ отечественной жизни мы, быть можетъ, посвятимъ со временемъ особый историческій очеркъ, но пока для сего, въ виду скудости матеріала, сюда относящагося, не настало еще благопріятнаго времени.

Обращаясь къ регистраціи правительственныхъ начинаній въ области борьбы съ революціей надлежитъ отмѣтить и разрѣшеніе вопроса о гласномъ судѣ надъ привлеченными къ политическому дознанію. По сему предмету въ мартѣ 1875 г. комитетъ министровъ постановилъ ¹⁾: «что одною изъ главнѣйшихъ причинъ удостовѣреннаго нынѣ прискорбнаго равнодушія благонамѣренныхъ общественныхъ элементовъ къ распространяющейся пропагандѣ разрушительныхъ началъ представляется всеобщая до сего времени неизвѣстность не только для большинства публики, но и для чиновъ высшаго государственнаго управленія, въ томъ числѣ и для большинства членовъ комитета министровъ, обнаруженныхъ произведенными въ послѣднее время дознаніемъ размѣровъ пропаганды». По мнѣнію комитета, «при такой неизвѣстности нельзя ставить прямыхъ укоромъ обществу отсутствіе серьезнаго отпора лжеученіямъ; нельзя ожидать, чтобы лица, не вѣдающія той опасности, которой лжеученія сіи грозятъ общественному порядку, могли столь же энергично и рѣшительно порицать дѣятельность революціонныхъ агитаторовъ, какъ въ томъ случаѣ, когда опасность эта была бы для нихъ ясна и имъ были бы извѣстны тѣ пути, коими приверженцы революціи, называющіе себя друзьями народа, хотятъ прійти къ нему на помощь. Такое незнаніе обусловливаетъ, конечно, въ большинствѣ случаевъ легкомысленные упреки правительству за принимаемыя мѣры преслѣдованія злоумышленниковъ и ихъ аресты, приписываемые часто одному лишь произволу администраціи и возбуждающіе обыкновенно состраданіе къ арестуемымъ и разыскиваемымъ лицамъ. Между тѣмъ, по глубокому убѣжденію комитета, едва ли изложенная въ представленной генераль-адъютантомъ Потаповымъ запискѣ одного изъ передовыхъ

¹⁾ «Императоръ Александръ II. Его жизнь и царствованіе» С. С. Таищевъ, т. II.

дѣятелей агитація картина будущности, которую революціонные пропагандисты готовятъ настоящему поколѣнію, могла бы возбудить какое-либо сочувствіе не только въ благонадежныхъ общественныхъ сферахъ, но даже въ натурахъ неразвитыхъ и склонныхъ къ экзальтаціи. Сами составители записки и программы это чувствуютъ и постоянно указываютъ на необходимость для успѣха дѣла скрывать его конечныя цѣли. Они съ неимовѣрнымъ цинизмомъ обсуждаютъ всѣ страшныя послѣдствія желаемого ими возстанія и указываютъ на необходимость гибели настоящаго поколѣнія въ потокахъ крови, въ видахъ доставленія благоденствія грядущимъ поколѣніямъ, по заранѣ опредѣленнымъ ими законамъ общечитія. Они прямо высказываютъ, что для достиженія ихъ идеаловъ необходимы ручьи, рѣки, наводненія крови. Комитетъ глубоко убѣжденъ, что подобный бредъ фанатическаго воображенія не можетъ возбудить къ себѣ сочувствія; но для того, чтобы общественное мнѣніе отвратилось отъ провозвѣстниковъ такого ученія, начала этого ученія не должны оставаться во мракѣ. Признавъ, такимъ образомъ, полезнымъ и настоятельно необходимымъ не только продолжать систему гласности, принятую по тремъ политическимъ дѣламъ, которыя производились въ судебныхъ учрежденіяхъ въ послѣднее время, но допустить гласность въ еще бѣльшихъ размѣрахъ, для полнаго разъясненія въ обществѣ нашемъ возмутительнаго ученія агитаторовъ, комитетъ находитъ, что естественнымъ и самымъ прямымъ путемъ для такой благотворной гласности представляется судъ, въ которомъ при судебномъ слѣдствіи можетъ быть разоблачена вся тлетворность изъясненныхъ ученій и степень угрожающей отъ нихъ опасности».

Съ вопросомъ о производствѣ дознаній по политическимъ дѣламъ и преданіи суду политически-неблагонадежныхъ, начиная съ 1870 г., по свидѣтельству историка судебной реформы І. В. Гессена ¹⁾, правительству пришлось немало повозиться. Съ указанного года начался рядъ измѣненій въ порядкѣ судопроизводства по государственнымъ преступленіямъ. Шефъ жандармовъ графъ Шуваловъ предложилъ министру юстиціи при производствѣ дознаній пользоваться услугами корпуса жандармовъ, которые «по роду своей дѣятельности обладаютъ свѣдѣніями, иногда необходимыми и по большей части полезными для раскрытія преступленія». Вслѣдствіе сего 19 мая 1871 г. послѣдовало соответствующее законодательное нововведеніе. вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ новый законъ «въ видахъ челоуѣколюбія», такъ какъ наказанія за государственныя преступленія слишкомъ строги, а притомъ и не всегда можно собрать достаточно уликъ для постановленія обвинитель-

¹⁾ «Великія реформы шестидесятыхъ годовъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ», ч. II. І. В. Гессенъ «Судебныя реформы».

наго приговора, установилъ, что всякое дознаніе о государственномъ преступленіи представляется, по его окончаніи, прокуроромъ судебной палаты министру юстиціи, который, по сношеніи съ шефомъ жандармовъ, дѣлаетъ распоряженіе о производствѣ предварительнаго слѣдствія или испрашиваетъ высочайшее повелѣніе о прекращеніи производства, съ оставленіемъ въ послѣднемъ случаѣ безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, или же съ разрѣшеніемъ онаго въ административномъ порядкѣ». Но дѣйствительность показала, что и этотъ законъ не устранилъ всѣхъ обнаруженныхъ практикою недостатковъ судопроизводственныхъ началъ, и въ томъ же 1871 г. «вслѣдствіе всеподданнѣйшаго доклада управляющаго министерствомъ юстиціи, товарища министра Эссена о существѣ приговора с.-петербургской судебной палаты по дѣлу злоумышленія Нечаева и его сообщниковъ, государь императоръ высочайше повелѣлъ министру юстиціи представить свои соображенія о томъ, какія слѣдуетъ принять мѣры для предупрежденія подобныхъ неудовлетворительныхъ приговоровъ». Министръ, по соображеніямъ, что такіе приговоры могутъ и впредь повторяться, такъ какъ причины кроются въ общихъ условіяхъ производства дѣлъ, предложилъ замѣнить для дѣлъ по преступленіямъ, за которыя въ законѣ опредѣлено наказаніе, соединенное съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія, судъ судебной палаты съ сословными представителями особымъ присутствіемъ сената съ тѣми же представителями, а для менѣе значительныхъ—оставить судебную палату безъ сословныхъ представителей. Это предложеніе министра юстиціи получило въ 1872 г. высочайшее утвержденіе, и такимъ образомъ состоялось ограниченіе публичности судебныхъ засѣданій. Этотъ порядокъ въ 1874 г. былъ распространенъ и на составленіе противозаконныхъ сообществъ и участіе въ нихъ; но этотъ порядокъ впоследствии обнаружилъ значительныя практическія неудобства, вслѣдствіе чего закономъ 9 мая 1878 г. дѣла, изъятія предыдущимъ закономъ изъ вѣдѣнія палаты съ сословными представителями, были подчинены опять тѣмъ же палатамъ, а особому присутствію сената лишь въ случаѣ высочайшаго на то повелѣнія. Засимъ послѣдовалъ рядъ законоположеній въ пользу административнаго воздѣйствія на разрѣшеніе дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, по коимъ сначала въ каждомъ разѣ испрашивалось высочайшее разрѣшеніе въ пользу административнаго вершенія судебъ привлеченныхъ къ дознаніямъ, а впоследствии право наказанія предоставлено было соглашенію министровъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи и, наконецъ, соглашенію прокуроровъ палаты съ мѣстнымъ начальникомъ губерніи, области и т. п. Такимъ образомъ значеніе суда понемногу отошло на второй планъ, уступивъ первое мѣсто административному разрѣшенію вопросовъ.

II.

Перечисленные судебные-административные мѣропріятія, конечно, не могли положить предѣла развитію социалистической пропаганды и беспорядкамъ во внутренней жизни нашего отечества. Пропаганда продолжала растекаться широкими потоками, захватывая въ свой водоворотъ все большія массы, преимущественно изъ состава учащейся молодежи или выброшенныхъ за пороги учебныхъ заведеній. Конспирація получала все болѣе интенсивный характеръ, нелегальщина окрѣпла и сдѣлалась явленіемъ постоянно дѣйствующимъ, начались преступленія, и чины государственной власти все чаще стали падать подъ выстрѣлами и ударами революціонеровъ. Наконецъ покушенія на жизнь государя императора показали, что борьба съ терроромъ принимаетъ нешуточные размѣры и престолу грозитъ кровавая бѣда. Въ виду всѣхъ этихъ событій на сцену выдвигаются репрессіи, и правительство вступаетъ на путь усиленныхъ строгостей. Такъ, участь осужденныхъ по процессу 193-хъ, не взирая на представленіе суда, не только не была смягчена, но даже наказанія, опредѣленные сенатомъ главнымъ дѣйствующимъ лицамъ, повышены нѣсколькими степенями, а ссылка въ Сибирь на поселеніе замѣнена каторжными работами. Значительное число оправданныхъ выслано административнымъ порядкомъ на дальній сѣверъ, а главному начальнику Третьяго Отдѣленія предоставлено: всѣхъ лицъ, привлеченныхъ къ дѣлу противоправительственной пропаганды, виновность которыхъ въ дѣятельности, направленной къ разрушенію государственнаго и общественаго строя, очевидна и оставленіе которыхъ въ предѣлахъ Европейской Россіи, по имѣющимся о нихъ свѣдѣніямъ, представляется опаснымъ, высылать административнымъ порядкомъ въ распоряженіе генераль-губернатора Восточной Сибири для водворенія по его усмотрѣнію въ мѣстности ввѣреннаго ему края на жителство, подъ надзоръ полиціи.

Послѣ убіенія Мезенцова Кравчинскимъ, Александръ II предложилъ совѣту министровъ обсудить особыя мѣры для подавленія революціоннаго движенія. На состоявшемся въ Зимнемъ дворцѣ подъ личнымъ предсѣдательствомъ государя 8 августа 1878 г. засѣданіи было постановлено ¹⁾: Право заарестованія лицъ, подозрѣваемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ, предоставленное по закону 19 мая 1871 г. лишь лицу, производящему дознаніе, распространено на офицеровъ корпуса жандармовъ, а въ случаѣ ихъ отсутствія—на полицеймейстеровъ и уѣздныхъ исправниковъ, и не только лицъ, преслѣдуемыхъ за государственныя преступленія,

¹⁾ «Императоръ Александръ II. Его жизнь и царствованіе» С. С. Татищевъ, т. II.

но и тѣхъ, кто участвуетъ въ уличныхъ безпорядкахъ или сходкахъ. Какъ тѣхъ, такъ и другихъ, если они подлежатъ административной высылкѣ, высочайше повелѣно ссылать преимущественно въ Восточную Сибирь; поднадзорныхъ, покушавшихся на побѣгъ или совершившихъ таковой, наказывать ссылкой въ Якутскую область; всѣхъ оказавшихъ сопротивление силою при обыскѣ или арестѣ предавать военному суду, приговоръ котораго подтверждать и приводить въ исполненіе безотлагательно; приступить къ устройству въ Сибири колоній для поселенія въ нихъ государственныхъ преступниковъ и административно-ссылныхъ, и въ одной изъ губерній Европейской Россіи—особыхъ тюремъ для временнаго содержанія въ нихъ политическихъ пропагандистовъ, предназначенныхъ къ высылкѣ.

Сенату изданъ 9 августа 1878 г. именной высочайшій указъ, гдѣ сказано: «Повторяющіеся въ послѣднее время случаи государственныхъ преступленій, явнаго неповиновенія и сопротивленія властямъ, отъ правительства установленнымъ, и цѣлый рядъ злодѣяній, направленныхъ противъ должностныхъ лицъ, при обстоятельномъ разслѣдованіи сихъ преступленій несомнѣнно свидѣтельствуется о существованіи круга тайныхъ злоумышленниковъ, которые, подъ вліяніемъ социально-революціонныхъ и другихъ разрушительныхъ ученій, стремятся къ ниспроверженію всего государственнаго строя. Отвергая необходимость всякаго общественнаго порядка, неприкосновенность собственности, святость семейнаго союза и даже самую вѣру въ Бога, злодѣи эти для достиженія своихъ преступныхъ цѣлей не останавливаются ни передъ какими средствами, сколь бы гнусны и безнравственны они ни были, дерзкимъ совершеніемъ самыхъ коварныхъ злодѣяній возмущаютъ общественное спокойствіе и угрожаютъ безопасности властей, правительствомъ установленныхъ, на которыхъ лежитъ священный долгъ охраны общества и противодѣйствія этимъ разрушительнымъ преступнымъ стремленіямъ. Послѣдовательное проявленіе этихъ необычайныхъ злодѣяній вызываетъ необходимость неотложнаго принятія такихъ временныхъ и исключительныхъ мѣръ, которыя обезпечивали бы наиболѣе быструю и строгую наказуемость оныхъ. Въ сихъ видахъ мы признали за благо подчинить временно дѣла о таковыхъ преступленіяхъ вѣдѣнію военныхъ судовъ, съ примѣненіемъ ими наказаній, установленныхъ для военнаго времени».

Въ указѣ заключалось повелѣніе предавать военному суду для сужденія по законамъ военнаго времени всѣхъ лицъ, обвиняемыхъ въ вооруженномъ сопротивленіи властямъ или нападѣніи на чиновъ войска и полиціи и на всѣхъ вообще должностныхъ лицъ при исполненіи ими обязанностей службы или же вслѣдствіе исполненія сихъ обязанностей, коль скоро преступленія эти сопровождались

убійствами или покушеніями на убійство, нанесеніемъ ранъ, увѣчій, тяжкихъ побоевъ или обжоговъ. Кромѣ этихъ начинаній административнаго порядка, 20 августа 1878 г. появилось въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» сообщеніе, приглашавшее само русское общество оказать правительству дружное содѣйствіе въ борьбѣ съ крамолой. Правительство — говорилось здѣсь — «съ неуклонною твердостью и строгостью будетъ преслѣдовать тѣхъ, которые окажутся виновными или прикосновенными къ злоумышленію противъ существующаго государственнаго устройства, противъ основныхъ началъ общественнаго и семейнаго быта и противъ освященныхъ закономъ правъ собственности... Но... какъ бы ни были тверды и стойки дѣйствія правительства, какъ бы строго и неуклонно ни слѣдовали исполнители правительственныхъ мѣропріятій велѣніямъ ихъ долга и совѣсти, съ какимъ бы презрѣніемъ и гражданскимъ мужествомъ ни относились правительственныя власти къ повторяемымъ угрозамъ шайки злодѣевъ, правительство должно найти себѣ опору въ самомъ обществѣ, и потому считаетъ нынѣ необходимымъ призвать къ себѣ на помощь силы всѣхъ сословій рускаго народа, для единоподушнаго содѣйствія ему въ усиліяхъ вырвать съ корнемъ зло, опирающееся на ученіи, навязываемомъ народу при помощи самыхъ превратныхъ понятій и самыхъ ужасныхъ преступленій. Русскій народъ и его лучшіе представители должны на дѣлѣ показать, что въ средѣ ихъ нѣтъ мѣста подобнымъ преступникамъ, что они, дѣйствительно, считаютъ ихъ отверженниками и что каждый вѣрно-подданный рускаго государя будетъ всѣми зависящими отъ него мѣрами способствовать правительству къ искорененію нашего общаго внутренняго врага». Въ заключеніе слѣдовало обращеніе къ молодому поколѣнію учащихся съ увѣщаніемъ зрѣло обдумать и взвѣсить прискобныя и тяжкія послѣдствія, которымъ оно себя подвергнетъ, увлекаясь социалистическими и революціонными тенденціями. «Добросовѣстное и здоровое отношеніе къ наукѣ, — говорилось здѣсь, — соединенное съ трудолюбіемъ, всегда было и будетъ лучшимъ и надежнѣйшимъ охранителемъ отъ вступленія на ложный путь соблазна. Встрѣчавшіяся же до сего времени уклоненія отъ этой непреложной, освященной опытомъ истины, къ величайшему прискорбію, уже сгубили безвременно немало жертвъ изъ среды молодыхъ людей, по своимъ способностямъ подававшихъ надежды на болѣе свѣтлую и полезную для общаго блага будущность».

Какъ бы въ подкрѣпленіе этого правительственнаго обращенія къ обществу, государь императоръ въ свою бытность проѣздомъ въ Москвѣ обратился къ представителямъ сословій съ слѣдующими словами: «Я надѣюсь на ваше содѣйствіе, — говорилъ Александръ II: — чтобъ остановить заблуждающуюся молодежь на томъ пагубномъ пути, на который люди неблагонамѣренны стараются ее завлечь.

Да поможетъ намъ въ этомъ Богъ и да даруетъ онъ намъ утѣшеніе видѣть дорогое наше отечество постепенно развивающееся мирнымъ и законнымъ путемъ. Только этимъ путемъ можетъ быть обезпечено будущее могущество Россіи, столь же дорогое вамъ, какъ и мнѣ». Отбывая эти слова государя, какъ ровно и правительственное обращеніе къ обществу, Левъ Тихомировъ, бывший тогдашній революціонеръ и одинъ изъ главарей тогдашняго революціоннаго движенія, въ своей позднѣйшей брошюрѣ, когда онъ изъ оппозиціоннаго лагеря перешелъ уже въ лагерь правительственный, «Конституціоналисты въ эпоху 1881 года» ¹⁾ говоритъ: «Безъ сомнѣнія, государь императоръ, говоря о содѣйствіи общества, разумѣлъ содѣйствіе чисто нравственное. Но нельзя не сознаться, что въ такія минуты въ самодержавной монархіи скорѣе само общество ждетъ нравственнаго одобренія со стороны власти. Когда власть, имѣющая всю неограниченность полномочій, ищетъ содѣйствія общества, люди неблагонамѣренные легко могутъ истолковать это въ самомъ превратномъ смыслѣ. Такъ и случилось. Обращеніе правительства къ содѣйствію общества послужило «либеральному комитету» поводомъ къ конституціонной агитаціи. Появленіе же ея, въ свою очередь, еще болѣе утвердило правительство въ ошибочной системѣ борьбы, имъ усвоенной».

Дѣйствительно, призывъ правительства къ содѣйствію остался пустымъ звукомъ, не встрѣтившимъ ожидаемаго отклика со стороны широкихъ общественныхъ сферъ, а тѣ, кто нашелъ возможнымъ пойти навстрѣчу этому призыву, предъявивъ, пользуясь случаемъ, старый политическій вексель къ оплатѣ, потерпѣлъ лишь кару и достигъ обратныхъ результатовъ. Правительство для себя требовало помощи, но, съ своей стороны, не только не желало ничѣмъ поступиться изъ своей полицейско-бюрократической программы, но даже въ очень опасный историческій моментъ государственнаго бытія Россіи эту программу усилило и внесло въ нее такіе элементы, которые еще болѣе раздѣлили между собою русскую общественность и русскую государственность. Всеобщая оппозиція какъ бы усилилась, надвинулись общее недовольство и уныніе, на ростъ которыхъ, между прочимъ, въ сильной степени повліяли и наши неудачи на Берлинскомъ конгрессѣ. Очерчивая общественный обликъ тѣхъ годовъ, князь В. П. Мещерскій въ своихъ «Воспоминаніяхъ» говоритъ ²⁾: «Исходъ войны, съ его неудовлетворительными стремленіями и чувствами, имѣлъ роковое значеніе въ исторіи русской внутренней государственной жизни за послѣдніе годы царствованія Александра II. И если въ началѣ войны вслѣдствіе извѣстнаго подъема духа многіе вѣрили въ ослабленіе анархической пропаганды, то,

¹⁾ Левъ Тихомировъ, «Конституціоналисты въ эпоху 1881 года»,

²⁾ Князь В. П. Мещерскій. «Мои воспоминанія» (1865—1881 г.), ч. II.

увы, тѣмъ сильнѣе уныніе и деморализація въ концѣ войны и въ эпоху дипломатическаго дѣйствія—привели къ ужасной реакціи въ 1878 году, выразившейся не только въ общемъ упадкѣ духа, но и въ состояніи какого-то всеобщаго глухого недовольства и недоуманія... Это угнетенное состояніе у общества было потому роковымъ, что оно дало силу анархическому движенію въ Россіи перейти изъ хроническаго состоянія въ острое и притомъ воспользоваться для своего успѣшнаго развитія всѣми благопріятными для него условіями. Не будь этого печальнаго исхода войны, анархическое движеніе у насъ оставалось бы попрежнему хроническимъ недугомъ въ умственной жизни Россіи и не нашло бы почвы для себя, чтобы перейти съ состояніе острое и къ дерзкому походу противъ государственнаго порядка. Неумѣлость правительственной политики отпора крамолѣ обнаружилась съ уходомъ графа Шувалова съ поста шефа жандармовъ... и въ рукахъ такого шефа жандармовъ, какъ генералъ-адъютантъ Потаповъ, Третье Отдѣленіе превратилось въ какое-то сосредоточіе множества мелочей, сплетенъ и интригановъ, благодаря которымъ всѣ кружки крамолы могли дружно объединиться, почувствовать себя сильнѣе и переходить къ той системѣ террора, которая въ 1878 году явилась уже въ полномъ своемъ разгарѣ».

III.

Итакъ, и князь Мещерскій и Л. Тихомировъ, оба публициста изъ консервативнаго лагеря, констатируютъ наступленіе въ правительственной дѣятельности періода отчаянной реакціи, при чемъ авторъ брошюры «Конституціоналисты въ эпоху 1881 года» въ значительной мѣрѣ относитъ эту реакцію на счетъ вины либераловъ изъ земства, успѣвшихъ откликнуться на призывъ правительства къ содѣйствію. Земства собственно являлись единственными у насъ въ тѣ годы выразителями «общественнаго мнѣнія», ибо печать, которая могла бы до извѣстной степени реагировать въ желанныхъ правительству дѣляхъ, была безсильна что-либо сдѣлать и подать по вопросамъ дня свой свободный и независимый голосъ. Печать была совершенно подавлена гнетомъ цензурныхъ давленій и отстранена отъ обсуждения, конечно, обсуждения не изъ-подъ палки, тревожныхъ событій дня. Ей предоставлено было констатировать факты и читать виновникамъ преступныхъ дѣяній соотвѣтствующія нотации и только. Касаться вопросовъ широко и соотвѣтственно назрѣвшимъ уже тогда политическимъ потребностямъ Россіи она не была въ состояніи, ибо въ такихъ случаяхъ на нее ниспровергались перуны и молніи изъ вѣдомства главнаго управленія печати. Стоить только ознакомиться съ судьбой тогдашней газеты «Русское Обозрѣніе» Гр. К. Градовскаго, имъ самимъ рассказанной въ его «Воспоми-

наніяхъ» ¹⁾, чтобы ясно представить себѣ тогдашнія отношенія правящихъ сферъ къ періодической печати и чтобы понять ту жалкую роль, на которую эта печать была обречена передъ лицомъ надвинувшихся на Россію тревожныхъ событій. Обрисовывая эту роль, г. Градовскій говоритъ: «Когда совершались тѣ или другія политическія преступленія, на нашей журналистикѣ лежала тягостная повинность. Надо было возмущаться и огорчаться, слѣдовало возвеличивать подвиги и достоинства павшихъ «слугъ царя и отечества», хотя бы это были весьма сомнительные люди, даже обманщики и хищники, въ родѣ тѣхъ бурмистровъ и управителей, которые изображены въ «Забывтой деревнѣ» Некрасова. Если газета не проявляла «надлежащихъ чувствъ», не бранилась и не призывала «безопасныхъ каръ» надъ виновниками, она сама подвергалась розыску со стороны респіціи. Реакціонные журналисты, соперничая другъ съ другомъ, «читали въ сердцахъ» либеральной печати и наперехватъ проявляли способности сыскныхъ и заплечныхъ дѣлъ мастеровъ. Отсюда получалось двойное неудобство: никто не вѣрилъ этому напускному негодованію, и всѣ сколько-нибудь порядочныя газеты предпочитали или молчать, или говорить крайне сдержанно о битвахъ, схваткахъ и смертоносныхъ кулачныхъ расправахъ двухъ противоположенныхъ лагерей. Кому же охота прослыть лицомъ! Всѣ отбывали эту повинность, какъ отбываются молебны или панихиды въ табельные дни, или какъ составляются репортерскія описанія блестящихъ иллюминацій и безчисленныхъ флаговъ, вывѣшенныхъ дворниками по приказанію начальства. Гдѣ нѣтъ свободы, тамъ нѣтъ истинныхъ чувствъ. Городовой замѣняетъ и поглощаетъ обывателя».

При такой постановкѣ дѣла становится совершенно понятнымъ, почему печать въ приснопамятные дни семидесятыхъ годовъ оказывалась безсильною чѣмъ-либо помочь государю, чтобы успокоить бушующія страсти. Оставался еще одинъ источникъ для обнаруженія общественнаго мнѣнія. Источникомъ этимъ были земскія собранія и онѣ, какъ и въ дни 60-хъ годовъ дворянскія собранія, не преминули подать свой голосъ. Какъ рисуется обстоятельства подачи этого голоса Л. Тихомировъ, дѣло происходило слѣдующимъ образомъ ²⁾.

Черниговское земство, по почину гласнаго г. Петрункевича, проектировало отвѣтныя адреса на рѣчь государя и на правительственное обращеніе слѣдующаго содержанія: «Въ № 186 «Правительственнаго Вѣстника» за 1878 годъ напечатано правительственное сообщеніе, приглашающее всѣхъ гражданъ и всѣ сословія Россіи помочь правительству въ дѣлѣ борьбы противъ возмутительныхъ злодѣяній, имѣвшихъ мѣсто въ недавнее время. Правительство

¹⁾ Г. К. Градовскій, «Итоги».

²⁾ Левъ Тихомировъ, «Конституціоналисты въ эпоху 1881 года».

признаетъ, что только помощь русскаго народа дастъ ему силу, способную уничтожить зло. Такой призывъ не можетъ не найти отвѣта среди земства Черниговской губерніи». Сказавъ далѣе «о глубокихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ къ государю», составители адреса отмѣтили ¹⁾, что «думать, что идеи, а въ томъ числѣ и анархизмъ, можно остановить мѣрами строгости, значить игнорировать исторію развитія и распространенія идей». «Положеніе русскаго общества,—говорится далѣе,—по нашему глубокому убѣжденію, представляетъ въ настоящую минуту всѣ условія для процвѣтанія идей, противныхъ государственному строю». Эти условія сведены къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) организація среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній; 2) отсутствіе свободы слова и печати, 3) отсутствіе среди русскаго общества чувства законности. Проанализировавъ эти дефектныя условія отечественной жизни, авторы адреса писали: «Не имѣя гарантія въ законѣ, не имѣя общественнаго мнѣнія, лишенное свободы критики возникающихъ среди его идей русское общество представляетъ разобщенную инертную массу, способную поглощать все, но неспособную къ борьбѣ. Земство Черниговской губерніи съ невыразимымъ огорченіемъ констатируетъ свое полное безсиліе принять какія-либо практическія мѣры въ борьбѣ со зломъ и считаетъ своимъ гражданскимъ долгомъ довести объ этомъ до свѣдѣнія правительства». «Другими словами,—говоритъ г. Тихомировъ,—это былъ отказъ въ помощи, съ указаніемъ на нѣкоторыя условія, при принятіи которыхъ правительствомъ земство только и согласится ему помочь».

По показаніямъ того же автора, тверское заявленіе, появившееся въ 1879 г., было еще болѣе «ясно». Упомянувъ о словахъ государя императора, тверскіе гласные говорили: «Новое преступленіе въ Харьковѣ, убійство князя Кропоткина, обязываетъ земство Тверской губерніи возстать, согласно призыву монарха, на борьбу съ постоянно возрастающимъ зломъ»; затѣмъ, отмѣтивъ, какъ и въ черниговскомъ проектѣ адреса, дефектныя стороны отечественной жизни, препятствующія русской общественности пойти навстрѣчу власти, тверитяне заключаютъ: «Государь императоръ въ своихъ заботахъ о благѣ освобожденнаго отъ турецкаго ига болгарскаго народа призналъ необходимымъ даровать ему истинное самоуправленіе, неприкосновенность правъ личности, независимость суда, свободу печати. Земство Тверской губерніи смѣетъ надѣяться, что русскій народъ, съ такою полною готовностью, съ такою беззавѣтною любовью къ своему Царю-Освободителю неспій всѣ тяжести войны, воспользуется тѣми же благами, которыя одни мо-

¹⁾ Полностью этотъ адресъ приведенъ въ изданіи Бурцева «За сто лѣтъ».

гуть дать ему возможность выйти, по слову государеву, на путь постепеннаго, мирнаго и законнаго развитія».

«Здѣсь, стало быть,—говорить г. Тихомировъ,—уже прямо заявляется, что къ борьбѣ съ терроризмомъ общество приступитъ лишь когда получитъ конституцію». Въ такомъ же духѣ былъ составленъ и харьковскій адресъ, который, по словамъ американскаго путешественника и извѣстнаго автора статей о Сибири и русскихъ тюрьмахъ Кенана, «хотя и не представлялъ желательной ясности въ формулировкѣ, тѣмъ не менѣе произвелъ сильное впечатлѣніе».

Адресъ черниговскаго земства, по свидѣтельству г. Тихомирова, окончательнаго хода не получилъ и остался лишь въ области мечтаній и орудіемъ агитаціи въ нѣдрахъ прочихъ земскихъ собраній. Онъ былъ составленъ на частномъ совѣщаніи нѣкоторыхъ гласныхъ и не былъ допущенъ предсѣдателемъ къ прочтенію на собраніи. Когда же г. Петрункевичъ сдѣлалъ заявленіе и попытку огласить адресъ, то предсѣдатель закрылъ собраніе и залъ былъ очищенъ жандармами отъ публики. Произошла бурная сцена, въ результатѣ которой г. Петрункевичъ былъ высланъ изъ предѣловъ Черниговской губерніи административнымъ порядкомъ съ воспрещеніемъ въѣзда сюда. Засимъ самый проектъ адреса былъ разосланъ по всѣмъ земствамъ, въ цѣляхъ побудить и здѣсь гласныхъ къ производству опредѣленной демонстраціи, при содѣйствіи которой тогдашняя либеральная партія и надѣялась подвинуть правительство на опредѣленные политическія уступки. Однако этотъ расчетъ не оправдался, и, по словамъ г. Тихомирова, «агитація, не выразившись въ томъ рядѣ протестовъ, на которые рассчитывалъ «либеральный комитетъ», получила лишь то значеніе, что, съ одной стороны, утверждала террористовъ въ ихъ взглядѣ на себя, какъ на передовой отрядъ революціи, а съ другой—пугала правительство призракомъ нѣ котораго общаго широкаго движенія. Такъ прошелъ 1879 годъ, весь полный самыхъ дерзкихъ покушеній уже противъ жизни самого государя. Со стороны власти, вмѣсто призыва къ содѣйствію, выдвигаются генераль-губернаторы, чрезвычайныя полномочія и репрессивныя мѣры».

Такъ отвѣтило правительство на революціонное движеніе и на движеніе конституціонное, поднявшееся было въ либеральныхъ кругахъ нѣкоторыхъ земствъ. На совѣщаніи сановниковъ, происходившемъ въ присутствіи государя въ кабинетѣ его величества, рѣшено было ¹⁾ прибѣгнуть къ новой, еще не испытанной мѣрѣ: учрежденію временныхъ генераль-губернаторствъ, съ предоставленіемъ генераль-губернаторамъ чрезвычайныхъ полномочій. Временныхъ генераль-губернаторовъ по-

¹⁾ «Императоръ Александръ II. Его жизнь и царствованіе», С. С. Татищева.

ложено было назначить въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ, а предоставленныя имъ права распространить и на генераль-губернаторовъ въ Москвѣ, Кіевѣ и Варшавѣ. Во всѣхъ этихъ и въ смежныхъ съ ними губерніяхъ высочайше повелѣно: всѣ мѣстныя гражданскія управленія подчинить генераль-губернаторамъ въ томъ размѣрѣ, въ какомъ подчиняются главнокомандующему арміею губерніи и области, объявленныя на военномъ положеніи, а также подчинить имъ же учебныя заведенія всѣхъ вѣдомствъ по предметамъ, относящимся до охраненія порядка и общественнаго спокойствія; предоставить генераль-губернаторамъ лицъ гражданскаго вѣдомства предавать военному суду, а равно и нижеслѣдующія права: высылать административнымъ порядкомъ изъ вѣренныхъ ихъ управленію мѣстностей всѣхъ тѣхъ лицъ, дальнѣйшее пребываніе которыхъ въ тѣхъ мѣстностяхъ они признаютъ вреднымъ; подвергать личному задержанію, по непосредственному своему усмотрѣнію всѣхъ лицъ, не смотря на званіе и состояніе, въ тѣхъ случаяхъ, когда они признаютъ это необходимымъ; пріостанавливать или вовсе воспрепятствовать изданію журналовъ и газетъ, направленіе которыхъ будетъ ими признаваемо вреднымъ, и вообще принимать тѣ мѣры, которыя, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, они признаютъ необходимыми для охраненія спокойствія во вѣренномъ имъ краѣ. Такими временными генераль-губернаторами были назначены: въ Петербургѣ—генераль-адъютантъ Гурко, въ Одессѣ—генераль-адъютантъ графъ Тотлебенъ, въ Харьковѣ—генераль-адъютантъ графъ Лорисъ-Меликовъ, только что тогда вернувшійся изъ Астраханской губерніи, куда былъ командированъ для борьбы съ ветлянской чумой.

Рядомъ съ этими мѣропріятіями государь императоръ поручилъ, уѣзжая въ Крымъ, въ виду болѣзненнаго состоянія императрицы Маріи Александровны, особому совѣщанію изъ министровъ: военнаго, финансовъ, юстиціи, народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, главноуправляющаго II Отдѣленіемъ и шефа жандармовъ, подъ предсѣдательствомъ Валуева, «исслѣдовать и выяснить причины быстрого распространенія въ средѣ молодого поколѣнія разрушительнаго ученія и изыскать дѣйствительныя практическія мѣры, чтобы положить предѣлъ ихъ растлѣвающему вліянію». Результаты этого «особаго совѣщанія» представляютъ значительный интересъ, какъ иллюстрація къ сложившимся взглядамъ представителей высшаго правительства на положеніе дѣлъ въ имперіи, почему и считается долгомъ привести ихъ въ возможной полнотѣ, согласно даннымъ, представленнымъ по сему предмету С. С. Татищевымъ на основаніи подлинныхъ журналовъ собранія, которыми онъ получилъ въ свое время право пользоваться.

IV.

Собрание сановниковъ, хотя и не признало положенія дѣлъ «безвыходнымъ», однако констатировало его затруднительность и опасность для существующаго строя. Въ журналѣ совѣщанія по сему предмету сказано: «Особаго вниманія заслуживаетъ наружное безучастіе почти всей болѣе или менѣе образованной части населенія въ нынѣшней борьбѣ правительственной власти съ небольшимъ сравнительно числомъ злоумышленниковъ, стремящихся къ ниспроверженію коренныхъ условій государственнаго, гражданскаго и общественнаго порядка. Большинство само встревожено, но оно какъ будто выжидаетъ развязки борьбы, не вступая въ нее и не заступаясь за правительство. Напротивъ того, оно почти всегда недоброхотно относится къ распоряженію правительственныхъ властей, находя принимаемыя ими мѣры то слишкомъ слабыми, то слишкомъ стѣснительными и строгими. Что же касается не разсуждающихъ или мало разсуждающихъ массъ, то въ нихъ замѣтны двѣ противоположныя наклонности. Онѣ готовы по первому призыву оказать содѣйствіе правительству противъ его враговъ, но содѣйствіе беспорядочное, насильственное, всегда граничащее съ своеволіемъ и потому слишкомъ опасное, чтобы на него можно было разсчитывать. Въ то же самое время эти массы легко доступны самымъ злонамѣреннымъ толкамъ, слухамъ и обѣщаніямъ, относящимся до предоставленія имъ какихъ-нибудь новыхъ льготъ или матеріальныхъ выгодъ, и подъ вліяніемъ такихъ слуховъ и обѣщаній способны отказаться отъ повиновенія ближайшей къ нимъ правительственной власти и сами отыскивать враговъ въ средѣ, гдѣ эта власть ихъ не усматриваетъ. Въ разныхъ губерніяхъ уже замѣтны признаки дѣйствующей въ этомъ направленіи подпольной работы. Вообще во всѣхъ слояхъ населенія проявляется какое-то неопредѣленное, всѣхъ обуявшее неудовольствіе. Всѣ на что-нибудь жалуются и какъ будто желаютъ и ждутъ переменъ. Разнообразіе сѣтованій и неопредѣленность ожиданій тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что, по заявленію министра внутреннихъ дѣлъ, надлежитъ ожидать къ концу года возникновенія неудобныхъ ходатайствъ въ средѣ земскихъ и дворянскихъ собраній».

Объ этихъ ожидаемыхъ неудобныхъ ходатайствахъ мы говорили, въ предыдущей главѣ когда шла рѣчь о черниговскомъ, тверскомъ и харьковскомъ адресахъ, гдѣ высказаны были конституціонныя desideria либеральной части русскаго общества, совпадавшія со всѣмъ тѣмъ историческимъ теченіемъ, начиная съ конца XVIII в., проходившія черезъ программы декабристовъ, петрашевцевъ, черезъ программы передовой журналистики 50-хъ и 60-хъ годовъ, черезъ нѣкоторые проекты представителей власти, черезъ теченія въ дворянскихъ

собраніяхъ въ освободительную эпоху, находившія нѣкоторое свое отраженіе въ журналистикѣ революціонной и въ нѣкоторыхъ революціонныхъ кружкахъ и получившія свое новое обоснованіе въ отмѣченныхъ выше адресахъ и отвѣтахъ на правительственное обращеніе къ обществу. Короче, та «неопредѣленность», на которую указывалъ журналъ «особаго совѣщанія», вовсе не была столь туманною, а раскрывалась изъ всей совокупности теченій общественной мысли, разсмотрѣнію которыхъ были посвящены наши историческіе очерки во всѣхъ ихъ прошлыхъ и настоящихъ частяхъ. Такимъ образомъ желанія интеллигенціи вовсе не были столь неопредѣленными; что же касается подавляющей массы населенія, т.-е. освобожденнаго крестьянскаго сословія, то и здѣсь отвѣтъ на его ожиданія и желанія былъ очень опредѣлителенъ: крестьянство искало себѣ выхода изъ той экономической кабалы, въ которую оно попало послѣ несовершенной реформы 19 февраля 1861 г. и, задыхаясь въ новыхъ тяжелыхъ условіяхъ обновленной жизни, готово было радостно пойти навстрѣчу всѣмъ тѣмъ, кто давалъ ему указаніе и обѣщанія лучшей будущей жизни. Всего охотнѣе оно готово было внять голосу правительства и той верховной власти, по единому мановенію которой судьба его могла быть радикально измѣнена въ лучшую сторону. Но эта власть, начиная съ 1861 года, оставалась глуха къ чаяніямъ своего самаго вѣрноподданнѣйшаго сословія, и начинало казаться даже, что она объ этомъ сословіи какъ будто и совсѣмъ забыла, полагая, что послѣ дарованной ему «милости» оно уже болѣе не нуждается въ попеченіяхъ правительства и что эти милости подлежатъ распространенію лишь на сословіе, «обиженное» великою реформою, т.-е. дворянство, которое, какъ нѣкогда въ дореформенную эпоху, и выдвигается, какъ истинная опора трона и существующаго порядка вещей. Но тутъ происходила какая-то роковая ошибка въ исторической перспективѣ: дворянство, оставшееся безъ крѣпостническихъ правъ, въ сущности теряло свое значеніе, какъ таковое, и поэтому никакой опоры трону фактически оказать въ состояніи не было и на его долю оставались только платоническіе вѣрноподданническіе адреса и заявленія, сквозь которые сначала слышались мотивы о политической компенсаціи, а вскорѣ засимъ—о компенсаціи финансовой, на каковую, въ особенности въ 80-хъ и 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія, дѣйствительно, и начались тратиться громадныя государственныя ресурсы. Итакъ, всякая апелляція правительства къ двумъ главенствующимъ сословіямъ не могла дойти по адресу, а интеллигенція, какъ сила молодая и вліятельная, властью игнорировалась и оставлялась искусственно въ сторонѣ отъ могущаго быть исхода въ борьбѣ правительства съ революціей, почему, въ виду упорнаго нежеланія власти итти на какія бы то ни было уступки этой интеллигенціи, нежеланія вступать съ нею въ какіе бы то ни было компромиссы, въ наличіи

оставался лишь испытанный административно-полицейскій путь дѣйствій, каковой и легъ въ основаніе выработанной «особымъ совѣщаніемъ» программы. Эта программа и была представлена раздѣленною на двѣ части: въ первой были изложены мѣры судебно-административныя, во второй—тѣ, что должны были быть приняты по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія.

Мѣры первой категоріи были слѣдующія: 1) въ видахъ представленія полиціи большей самостоятельности и для возвышенія ея значенія и авторитета въ общественной средѣ отмѣнить право мировыхъ судей давать полицейскимъ чинамъ предостереженія; 2) предоставить полиціи право приносить жалобы на мировыхъ судей прямо, а не черезъ товарищей прокуроровъ; 3) въ виду неудобствъ, происходящихъ отъ непризнанія за полицейскими показаніями и протоколами силы полного судебного доказательства и отъ того, что мировые судьи не дѣйствуютъ съ непрерывностью, которая требуется для полицейскихъ дѣлъ, пересмотрѣть вообще узаконенія о мировыхъ судьяхъ; 4) въ виду того, что нынѣшній составъ полиціи не соотвѣтствуетъ возложеннымъ на нее требованіямъ закона, не ожидая пересмотра всѣхъ узаконеній о полиціи, усилить ея нынѣшній составъ; 5) въ виду неразборчиваго выбора земскими и городскими управленіями служащихъ по ихъ вѣдомствамъ лицъ, въ числѣ которыхъ нерѣдко встрѣчаются агенты революціонной пропаганды, распространить дѣйствіе правилъ 1866 г. о предварительномъ испрошеніи согласія губернатора на опредѣленіе извѣстныхъ должностныхъ лицъ въ земскія и городскія управленія; 6) въ виду постоянно и систематически вреднаго вліянія періодической печати и недостаточности дѣйствующихъ о ней постановленій, проектировать новыя правила о денежныхъ съ періодическихъ изданій взысканіяхъ, 7) въ виду распространяемаго въ крестьянскомъ сословіи возбужденія насчетъ обременительности лежащихъ на немъ повинностей и недостатка предоставленнаго по закону земельного надѣла—принять мѣры къ прекращенію агитации, направленной противъ коренныхъ началъ положенія 19 февраля и къ опроверженію ложныхъ надеждъ на дополнительный надѣлъ; 8) принимая во вниманіе, что необходимо ободрить и сплотить для противодѣйствія революціонной пропагандѣ тѣ элементы населенія, въ которыхъ должны естественно и преемственно заключаться разумныя и охранительныя силы, что такія силы дѣйствительно заключаются въ частномъ потомственномъ землевладѣніи, потому что онѣ возбуждаются и поддерживаются его собственными интересами, и что вліяніе этого охранительнаго элемента до сихъ поръ парализуется отсутствіемъ всякой территоріальной связи между разными частями населенія,—возвратиться къ давнему предположенію министра внутреннихъ дѣлъ объ устройствѣ территоріальныхъ волостей и вообще ока-

зять частному землевладѣнію одобрительное со стороны правительства вниманіе; 9) въ виду того, что другой охранительный элементъ въ настоящее время явно обнаруживается въ средѣ расколниковъ, что эта среда да сихъ поръ остается недоступною революціонной пропагандѣ и что такое настроеніе ея полезно поддерживать и упрочить—дать исполнительное движеніе высочайше утвержденнымъ въ 1864 году предположеніямъ относительно послѣдователей сектъ, не признанныхъ особенно вредными, съ тѣмъ, чтобы соотвѣтствующія мѣры были приняты административнымъ порядкомъ безъ законодательной торжественности; 10) въ видахъ устраненія административной розни между разными частями имперіи и во вниманіе къ тому, что революціонная агитація не находитъ удобной для себя почвы въ населеніи, принадлежащемъ къ польскому племени, отмѣнить дѣйствующія въ западныхъ губерніяхъ исключительныя постановленія и правила, не касаясь, впрочемъ, закона 10 декабря 1865 года.

Что касается вопроса объ учебныхъ заведеніяхъ, то здѣсь мнѣнія членовъ совѣщанія раздѣлились, причемъ относительно высшихъ учебныхъ заведеній министръ народнаго просвѣщенія приписалъ неустройство университетовъ недостаткамъ устава 1863 года, по коему университеты оказались слишкомъ автономны и изъяты отъ непосредственнаго воздѣйствія на нихъ со стороны правительственной власти. Эти дефекты, по его мнѣнію, будутъ устранены будущимъ уставомъ, гдѣ и профессорская коллегія, и учащіеся будутъ подтянуты и введены въ нормы дисциплины. Большія пренія вызвалъ вопросъ о народныхъ училищахъ, причемъ нельзя не отмѣтить, что въ своемъ взглядѣ на дѣло графъ Толстой оказался много прогрессивнѣе другихъ своихъ коллегъ по совѣщанію и, хотя по настоящему предмету опредѣленной резолюціи принято не было, но главенствующая тенденція, нашедшая себѣ выразителя въ заключительномъ словѣ Валуева, сводилась къ слѣдующему. Валуевъ заявилъ, что «всегда признавалъ и теперь признаетъ дѣло народнаго образованія существенно единымъ по своему государственному значенію; что онъ прежде находилъ и теперь находитъ неудобнымъ то участіе, которое въ немъ предоставлено земскимъ учрежденіямъ, дѣйствующимъ неодинаково въ разное время и въ разныхъ губерніяхъ; что онъ считаетъ необходимымъ объединеніе дѣла въ однѣхъ рукахъ и его повсемѣстное одинаковое направленіе къ одной цѣли; что при данныхъ условіяхъ нашей обширной территоріи, нашего климата, малой густоты населенія и ограниченности денежныхъ средствъ, онъ сомнѣвается въ возможности устройства нашихъ сельскихъ школъ по какому-нибудь усовершенствованному европейскому образцу и что, по этихъ увѣреніямъ, онъ, съ своей стороны, признаетъ особенно желательнымъ поручить эти школы прямому попеченію приходского духовенства, ввѣривъ

ему присканіе учителей и надзоръ за ними и предоставивъ ему на этотъ конецъ тѣ денежные средства, которыя могли бы быть сбережены при устройствѣ и содержаніи школы на такихъ основаніяхъ».

Говоря иначе, Валуевъ впервые выдвинулъ необходимость культивированія церковно-приходскихъ школъ, которыя впоследствии были приняты К. П. Побѣдоносцевымъ подь особое покровительство и заботѣ о которыхъ было удѣлено въ періодъ его вліянія на нашу внутреннюю политику видное мѣсто.

V.

«Съ общимъ взглядомъ особаго совѣщанія на крамолу согласился и комитетъ министровъ, одобрившій большую часть изъ предположенныхъ совѣщаніемъ судебно-полицейскихъ мѣръ,—повѣствуетъ С. С. Татищевъ ¹⁾.—Въ засѣданіяхъ комитета, посвященныхъ ихъ обсужденію, министръ финансовъ Грейгъ высказался въ пользу своевременности совершенной отмѣны выборнаго начала въ назначеніи мировыхъ судей и за предоставленіе нѣкоторымъ особо поименованнымъ чинамъ полиціи право разбирать ускореннымъ порядкомъ маловажныя нарушенія постановленій, ограждающихъ общественное благоустройство и благочиніе, съ наложеніемъ на виновныхъ незначительныхъ штрафовъ и мѣръ взысканія. Шефъ жандармовъ требовалъ назначенія, съ предварительнаго согласія губернаторовъ, не только должностныхъ лицъ по городскому и земскому управленію, но и служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ. Предположенія о введеніи новыхъ территоріальныхъ единицъ комитетъ обусловилъ сохраненіемъ при этомъ коренныхъ началъ положенія 19 февраля 1861 года, а также послѣдовавшихъ послѣ 1864 года законоположеній, а на отмѣну исключительныхъ постановленій и правилъ по западнымъ губерніямъ полагалъ испрашивать каждый разъ высочайшее соизволеніе.

«Не менѣе оживленныя пренія, какъ въ особомъ совѣщаніи, происходили и въ комитетѣ министровъ по вопросу о народномъ образованіи. Статсъ-секретарь Валуевъ заявилъ, что, высказавъ нѣкоторыя сужденія и желанія относительно направленія учебнаго дѣла въ Россіи, совѣщаніе отнюдь не имѣло въ виду подтвержденія распространеннаго въ печати и въ образованной части общества мнѣнія, будто гимназическая реформа и строгость испытаній и учебныхъ занятій порождаютъ неудовольствіе и увеличиваютъ число лицъ, оставляющихъ гимназію до окончанія курса, а слѣдовательно усиливаютъ и вредные элементы, представляющіе удобную почву для социалистической пропаганды. Напротивъ того, самъ онъ увѣренъ, что вслѣдствіе упомянутой реформы элементы

¹⁾ «Императоръ Александръ II. Его жизнь и царствованіе», т. II.

эти менѣе многочисленны, чѣмъ были бы безъ нея. Мнѣніе это министр народнаго просвѣщенія подтвердилъ указаніемъ на то, что число учениковъ гимназій, увольняемыхъ за неуспѣхи въ наукахъ, составляетъ не болѣе 3-хъ на сто, что большая часть и этого количества приходится на низшіе два класса, т. е. на совершенно дѣтскій возрастъ, и что число выпускаемыхъ съ аттестатами зрѣлости, постоянно увеличиваясь, сравнялось почти съ числомъ учившихся въ послѣднихъ классахъ гимназіи.

«Затѣмъ комитетъ министровъ, выразивъ убѣжденіе, что проектирование мѣръ по части народнаго образованія требуетъ, по важности ихъ послѣдствій, особой осторожности и строгаго соображенія со всей системой веденія учебнаго дѣла, чтобы отдѣльными мѣропріятіями не нарушать стройности системы, приступилъ къ обсужденію возбужденныхъ особымъ совѣщаніемъ двухъ главныхъ и существеннѣйшихъ по учебному дѣлу вопросовъ: 1) не слѣдуетъ ли положить предѣлъ искусственной поддержкѣ весьма распространеннаго стремленія перемѣщаться, путемъ высшаго образованія, изъ одного слоя общества въ другой? и 2) должно ли поддерживать и развивать нынѣшній порядокъ приготовленія учителей для народныхъ школъ посредствомъ учительскихъ семинарій, или измѣнить систему начальнаго образованія, установивъ преобладающее вліяніе духовенства на школу?»

«По первому вопросу комитетъ высказался утвердительно, вполнѣ раздѣливъ взглядъ на предметъ, выраженный генераль-адъютантомъ Грейгомъ. Если—разсуждалъ онъ—доступность высшаго образованія и составляетъ потребность нынѣшняго вѣка, то едва ли правильно искусственно возбуждать стремленіе къ нему въ Россіи, гдѣ существуютъ столь рѣзкія грани въ бытѣ различныхъ общественныхъ слоевъ. Въ силу этихъ соображеній комитетъ положилъ: «Предоставить подлежащимъ министрамъ, въ вѣдѣніи коихъ находятся высшія учебныя заведенія, принять къ руководству изъясненное общее начало о положительномъ вредѣ искусственнаго возбужденія въ Россіи стремленія къ высшему образованію съ тѣмъ, чтобы каждый изъ нихъ принялъ по своему вѣдомству мѣры, коими могутъ быть достигнуты успѣшные результаты въ смыслѣ ослабленія означеннаго явленія». вмѣстѣ съ тѣмъ предположено сосредоточить въ министерствѣ народнаго просвѣщенія всѣ казенныя университетскія стипендіи и предложено министру внести «въ возможно неотлагательномъ времени» въ государственный совѣтъ проектъ новаго университетскаго устава.

«По вопросу о народной школѣ комитетъ хотя и призналъ, что духовно-нравственное развитіе народа, составляющее краеугольный камень всего государственнаго строя, не можетъ быть достигнуто безъ предоставленія духовенству преобладающаго участія въ завѣдываніи народными школами, но въ то же время нашелъ, что

«полное повсемѣстное подчиненіе народной школы православному духовенству представляется нынѣ на практикѣ затруднительнымъ», а потому и ограничился тѣмъ, что, поставивъ достиженіе этого «цѣлью согласованныхъ стараній министерства народнаго просвѣщенія и духовнаго вѣдомства», выразилъ мнѣніе, «что при значительной потребности въ народныхъ школахъ, при практической невозможности, чтобы самое преподаваніе въ нихъ лежало исключительно на обязанности сельскаго духовенства, и наконецъ при большомъ числѣ мѣстностей, населенныхъ неправославными и даже не христіанами,—оканчивающіе курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ найдутъ себѣ занятія, соотвѣтствующія ихъ назначенію». «Въ заключеніе комитетъ министровъ высказалъ пожеланіе, чтобы изысканы были средства къ улучшенію матеріальнаго положенія сельскихъ священниковъ и чтобы духовное вѣдомство всемѣрно облегчало способы къ возстановленію исподволь упраздненныхъ за послѣдніе годы самостоятельныхъ приходоѡ».

«Такова была,—говоритъ біографъ Александра II,—совокупность мѣръ для борьбы съ крамолою, проектированныхъ особымъ совѣщаніемъ и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ поднесенныхъ комитетомъ министровъ на утвержденіе государя. Изъ нихъ весьма немногія были осуществлены своевременно, большую же часть опередили событія и онѣ не вышли изъ области предположеній. Къ числу первыхъ относится обнародованный въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ, объявлявшій, по особому государя императора повелѣнію, «что ни теперь, ни въ послѣдующее время никакихъ дополнительныхъ наръзокъ къ крестьянскимъ участкамъ не будетъ и быть не можетъ», а также высочайшее повелѣніе о предоставленіи министру народнаго просвѣщенія права и впредь, до утвержденія новаго общаго устава университетовъ, издать инструкцію для университетской инспекціи съ присовокупленіемъ правилъ о дарованіи разныхъ льготъ, пособій и стипендій.

«Между тѣмъ генераль-губернаторы широко примѣнили свои чрезвычайныя полномочія къ подавленію соціально-революціоннаго движенія. Ими изданъ длинный рядъ обязательныхъ постановленій о разныхъ предметахъ, стоящихъ болѣе или менѣе въ связи съ этими движеніями, съ установленіемъ крупныхъ денежныхъ штрафовъ за ихъ нарушеніе. Постановленія эти устанавливали: строгое наблюденіе за своевременною и точною пропискою видовъ, а въ столицахъ—постоянное дежурство дворниковъ, правила ношенія, храненія и продажи оружія, правила о легковоспламеняющихся и взрывчатыхъ веществахъ, о надзорѣ за типографіями и т. п. Усиленные обыски и аресты производились среди лицъ, заподозрѣнныхъ съ соучастіемъ съ злоумышленниками; большая часть арестованныхъ высылалась изъ Петербурга и университетскихъ городовъ подѣ

надзоръ полиціи въ разныя мѣстности: уличенныя въ виновности предавались военному суду».

Такъ отвѣчала правительственная власть на все разливающееся революціонное движеніе и такого рода мѣропріятіями она надѣялась ввести русскую жизнь въ норму и спокойные берега. Нечего говорить, что эти надежды должны были рушиться передъ папоротомъ дѣйствительности, и послѣдняя въ самомъ недалекомъ будущемъ опрокинула чаянія и «особаго совѣщанія» и комитета министерства.

VI.

Пока правительство вступало на путь репрессій и реакціи и проектировало вышесказанныя мѣропріятія, не желая и виду показать, что оно готово пойти навстрѣчу желаніямъ русской общественности, въ нѣдрахъ революціонныхъ кружковъ происходила значительная эволюція, приведшая ихъ отъ дѣйствій порознь и изъ состоянія общественной анархіи къ дѣйствіямъ сплоченнымъ, по заранѣ составленной программѣ и подъ отвѣтственностью и по указаніямъ спеціальнаго комитета, сосредоточивавшаго постепенно въ свои руки всю политику дѣйствій разрозненныхъ дотолѣ революціонныхъ силъ.

Крестовый походъ «въ народъ», результаты, этимъ походомъ добытые, и судебныя послѣдствія, отсюда проистекшія, внесли въ революціонную среду «мирныхъ пропагандистовъ» значительное разочарованіе. Дѣло сорвалось, и пропагандисты опытомъ убѣдились, что оно и не могло не сорваться, какъ въ силу тѣхъ задачъ и идей, которыя были заложены въ идейный уголь пропаганды, такъ въ силу особенностей той среды, куда пропагандисты попытались проникнуть, а также въ силу того общаго плана и способа дѣйствій, которые они приложили къ своему движенію въ народъ. Вотъ на этотъ-то планъ и методы революціонной пропаганды оставшимися на свободѣ революціонерами и было обращено особенное вниманіе, и эти два кардинальныхъ вопроса тогдашней подпольной жизни и стали на первую очередь обсужденія и реформированія. Результатомъ этой реформы и явилась новая революціонная организація, принявшая по историческому преемству отъ эпохи шестидесятыхъ годовъ наименованіе «Земля и Воля», какъ наименованіе, обнимающее собою цѣли пламенныхъ желаній и простого народа и интеллигенціи, у которыхъ обоихъ одинаково не хватало желанной и нужной имъ и *земли и воли*.

Извѣстный и популярный «землеволецъ» и «народоволецъ», Александръ Дмитріевичъ Михайловъ, съ 1882 года замураванный въ Алексѣевскомъ рavelинѣ Петропавловской крѣпости и тамъ

погибшій, въ своей автобіографіи ¹⁾ такъ повѣствуетъ о новой народнической организаціи въ связи въ нѣкоторыми данными изъ своего революціоннаго прошлаго. Начавъ свою полуреволюціонную дѣятельность на югѣ еще будучи въ старшихъ классахъ гимназіи, Михайловъ очутился въ 1875 году студентомъ технологическаго института въ Петербургѣ. Здѣсь,—повѣствуетъ онъ,—«со страстью отдался я организаціи студенческихъ кружковъ саморазвитія по помощи пропагандистамъ. Усиліями нѣсколькихъ человекъ, мѣсяца черезъ четыре послѣ моего поступленія въ технологическій институтъ, составился студенческій союзъ съ кассой и фѣдеративными кружками въ Павловскомъ училищѣ, въ университетѣ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Къ волненіямъ въ технологическомъ институтѣ я относился индифферентно, ибо не видѣлъ отъ нихъ пользы; но когда закрыли первый курсъ и требовали подачи новыхъ прошеній, изъ 140 человекъ только я и мои товарищи отказались исполнить эти требованія... зато я и поплатился высылкой на родину, пробывъ въ Петербургѣ только три съ половиною мѣсяца. Я чувствовалъ себя хорошо, удовлетворительно, хотя испытаніе для тогдашняго моего умственнаго и нравственнаго состоянія было порядочное.

«На родинѣ я просидѣлъ не болѣе мѣсяца и удралъ въ Кіевъ, за что меня полиція въ Кіевѣ часто тягала по участкамъ. Въ Кіевѣ я встрѣтился въ первый разъ съ настоящими радикалами, и притомъ всѣхъ трехъ направленій: пропагандистовъ, бунтарей и якобинцевъ. Познакомившись съ ихъ программами, я не присталъ ни къ одной изъ нихъ. Я искалъ солидной силы, опредѣленной и энергической дѣятельности, въ Кіевѣ же больше препирались о теоріяхъ и личныхъ отношеніяхъ, чѣмъ дѣйствовали.

«Работали немногія единицы, но тѣ сторонились мало знакомыхъ людей. Собравъ съ цвѣтовъ краснорѣчія весь медъ и выполнѣ сознавая большую пользу, которую принесло мнѣ знакомство съ теоріей революціонной партіи, рѣшившись посвятить себя этой партіи... я тѣмъ не менѣе не былъ доволенъ. Съ одной стороны я видѣлъ великія цѣли и громадныя задачи, а съ другой—кучки людей, не организованныя, несплоченныя, безъ одинаго общаго плана, безъ опредѣленныхъ практическихъ задачъ. Я ясно сознавалъ бесплодность такого положенія вещей. Доля организаціоннаго чутья, присущая мнѣ, тогда еще неопытному юношѣ, подсказывала мнѣ, что не въ выработкѣ наивѣрнѣйшей теоріи, а въ совершенно организованномъ дѣлѣ сила. Рѣшивъ свое отношеніе къ партіи, меня тянуло не въ народъ, что было даже обязательно тогда для каждаго неофита, нѣтъ, въ моей головѣ родились смѣлые до дерзости планы—обще-русской

¹⁾ «Руская Историческая Библиотека», № 13. «Александръ Дмитріевичъ Михайловъ», изд. «Донской рѣчи».

організації силъ соціально-революціонной партіи. Родились эти планы и поглотили меня вполнѣ. Но я удивляюсь теперь, какъ такой юнецъ, какимъ я былъ тогда, безъ извѣстности въ революціонномъ мірѣ, безъ опытности могъ такъ нахально смѣло отдаться всецѣло такимъ задачамъ, отдаться почти безъ поддержки, по собственной инициативѣ и на свой страхъ.

«О совершенныхъ организаціяхъ партія тогда не думала. Ее интересовалъ народъ, принципы дѣятельности, теоріи. Конечно,

Александръ Дмитріевичъ Михайловъ.

мои планы не могли осуществиться въ Кіевѣ, гдѣ уже личная враждебность кружковъ одного къ другому мѣшала этому. Тамъ много было генераловъ и адъютантовъ при нихъ, но не было солдатъ, почти не было дѣятельныхъ революціонныхъ силъ. Но помимо своей воли я принужденъ былъ находиться съ полгода въ Кіевѣ, а сложа руки я сидѣть не могъ. Еще съ первыхъ дней пребыванія тамъ (зима и лѣто 1875—1876 гг.), при помощи и участіи студентовъ—своихъ бывшихъ товарищей по гимназіи, мнѣ удалось сплотить студен-

ческій кружокъ самообразованія наподобіе с.-петербургскаго, съ кассой помощи революціи, но онъ не могъ поглотить всѣхъ моихъ силъ, а потому я сдѣлалъ попытку положить начало замышляемой широкой, сплоченной и дисциплинированной организаціи. Мои мысли и мысли одного якобинца совпали; онъ познакомилъ меня съ Давиденко (казненнымъ) и еще кой съ кѣмъ. Якобинца, какъ человѣка и революціонную силу, я игнорировалъ, но въ Давиденко я видѣлъ рѣшительнаго человѣка, сблизился съ нимъ, и вотъ насъ четверо человѣкъ задумали покорить революцію міра. Я не могъ вѣрить въ попытку, но для опыта прежде всего принялся за выработку самого себя, чему и отдался горячо. Былъ основанъ этотъ маленькій кружокъ, и стали разрабатывать планы. Дѣла мы не сдѣлали, но планы въ нашихъ головахъ выяснились. Въ Кіевѣ же весной 1875 года я познакомился въ Гольденбергомъ, который меня полюбилъ и съ большой охотой водилъ со мною дружбу. Какъ человѣкъ добрый, преданный дѣлу, онъ мнѣ нравился, но глупость его часто меня бѣсила и смѣшила... Здѣсь же въ кружкѣ пропагандистовъ я познакомился съ Дмитріемъ Андреевичемъ Лизогубомъ, но знакомство у насъ было шапочное (онъ вращался въ кружкѣ Колодкевича, который тогда сидѣлъ въ тюрьмѣ и пользовался уже большой популярностью). Здѣсь я познакомился съ Стефановичемъ, Капитаномъ (Чуворовъ), казненнымъ въ Одессѣ въ 1879 году, и со многими другими бунтарями; нѣсколько недѣль они пользовались всей своей ордой (съ револьверами, сѣдлами и проч.) моей квартирой. Я видѣлъ, что они приготовляются къ битвѣ, это ясно было и по ихъ внѣшности, и по ихъ настроенію. Они нравились мнѣ болѣе всѣхъ кіевлянъ, хотя доходили въ принципахъ до крайностей; свое дѣло они отъ меня скрывали. Я же былъ поглощенъ своими планами, склонности къ которымъ въ нихъ не замѣчалъ.

«Лѣтомъ 1878 г. мнѣ разрѣшили вернуться въ Петербургъ, куда несли меня мечты. Возвращался я въ него уже социалистомъ-революціонеромъ. При посредствѣ нѣкоторыхъ кіевскихъ знакомыхъ, я прямо попалъ въ революціонные кружки и въ мѣсяцъ, въ два я имѣлъ уже возможность прикладывать всѣ свои силы къ завѣтнымъ планамъ, которые нашли благопріятную почву въ настроеніи петербургскихъ революціонныхъ сферъ. Черезъ посредство самарскихъ особъ я познакомился со многими видными тогдашними дѣятелями и былъ ими принятъ очень дружелюбно, даже какъ-то «не въ примѣръ прочимъ» дружелюбно и довѣрчиво, чему я былъ чрезвычайно радъ. Одними изъ моихъ первыхъ знакомыхъ были Оболяшинъ и его компанія: Михайлъ Поповъ съ компаніей, Ивъ и Соловьевъ, Ольга Натансонъ и ея друзья, потомъ Адрианъ Михайловъ и нѣкоторые другіе. Особенно я подружился съ Оболяшиннымъ, Ольгой Натансонъ и еще съ нѣкоторыми. Эти нѣсколько человѣкъ вполне были со мной единомыслящи, но,

такъ какъ среди нихъ были люди, во всемъ выше меня стоявшіе, то я сталъ самымъ дѣятельнымъ ихъ помощникомъ. Въ теоріи выдвигалось новое народническое направленіе, чрезвычайно мнѣ сочувственное, на практикѣ строилась организація, соответствовавшая моимъ мечтамъ. Я пользовался довѣріемъ и могъ прилагать свои силы къ самымъ интимнымъ революціоннымъ дѣламъ. Я былъ счастливъ, что стоялъ на желанной дорогѣ, я уважалъ и высоко цѣнилъ своихъ новыхъ товарищей. Но и въ новой средѣ я, Оболяшинъ и Ольга Натансонъ выдѣлялись горячимъ отношеніемъ къ организаціоннымъ задачамъ.

«Въ кружкѣ народниковъ, который легъ въ основаніе проекта организаціи революціонныхъ русскихъ силъ и въ который я, вмѣстѣ съ другими упомянутыми лицами, вошелъ какъ членъ-учредитель, всѣ мои помыслы были сосредоточены на расширеніи практической выработки и развитіи организаціи. Въ характерахъ, привычкахъ и нравахъ самыхъ видныхъ членовъ нашего общества было много губительнаго и вреднаго для роста тайнаго общества, но недостатокъ ежеминутной осмотрительности, разсѣянность, а иногда и просто недостатокъ воли и сознательности мѣшали передѣлкѣ, перевоспитанію характеровъ членовъ соответственно мысли организаціи. И вотъ я и Оболяшинъ начали самую упорную борьбу противъ широкой русской натуры. И надо отдать намъ справедливость—едва ли можно было сдѣлать съ нашими слабыми силами болѣе того, что мы сдѣлали. Сколько выпало на нашу долю неприятностей, иногда насмѣшекъ! Но все-таки, въ концѣ концовъ, сама практика заставила признать громадную важность для дѣла нашихъ указаній, казавшихся иногда мелкими. Мы также упорно боролись за принципы полной кружковой обязанности, дисциплины и нѣкоторой централизованности. Это теперь всѣми признанныя истины, но тогда за это въ своемъ же кружкѣ могли глаза выпарапать, клеймить якобинцами, диктаторами и проч. И опять-таки сама жизнь поддержала насъ—эти принципы восторжествовали».

Такова внѣшняя исторія образованія новой народнической соціально-революціонной организаціи, получившей немного спустя наименованіе «Земля и Воля». Объ этой же формальной сторонѣ, а также идейной мы имѣемъ показаніе еще и другого дѣятеля этой организаціи, явившагося вмѣстѣ съ тѣмъ впоследствии и историкомъ ея, именно Е. Серебрякова, повѣдавшего довольно подробно объ этой страницѣ изъ жизни русскихъ революціонеровъ въ брошюрѣ «Очеркъ по исторіи «Земли и Воли»¹⁾.

¹⁾ Е. Серебряковъ. Очерки по исторіи «Земли и Воли». Изданіе «Свободнаго Труда». Спб. 1906 г.

VII.

Е. Серебряковъ, коснувшись сначала вопроса о послѣдствіяхъ пропагандистскаго движенія въ народъ весною 1874 г., повѣствуетъ: «Арестовавъ тысячу человѣкъ, правительство думало, что нанесло смертельный ударъ русской революціи. Но въ дѣйствительности оно этими арестами только ускорило переходъ русской революціонной партіи изъ одного фазиса въ другой. Уцѣлѣвшіе пропагандисты не пали духомъ и не потеряли вѣры въ свое дѣло. Они даже, какъ будто, прониклись новой энергіей. Возвратившись въ города, пропагандисты первымъ дѣломъ принялись за пополненіе своихъ рядовъ, сильно порѣдѣвшихъ. Пополнить ихъ они, конечно, могли прежде всего только въ той средѣ, изъ которой вышли сами, т. е. среди учащейся молодежи. Обстоятельства какъ нельзя болѣе благопріятствовали имъ: съ одной стороны, осенью 1874 г. былъ невѣроятнo большой наплывъ молодежи въ университетскіе города, особенно въ Петербургъ, гдѣ медицинская академія и технологическій институтъ стали принимать гимназистовъ, не имѣвшихъ аттестата зрѣлости, съ другой, безпорядки, возникшіе въ медицинской академіи вслѣдствіе арестовъ нѣсколькихъ студентовъ за демонстрацію противъ Ціона, привели къ закрытію всего заведенія, что вызвало сильное броженіе и недовольство между ними. Взволнованная молодежь была весьма воспримчива къ пропагандѣ социалистическихъ идей, и убыль революціонеровъ быстро пополнилась съ избыткомъ.

«Но многихъ изъ побывавшихъ въ народѣ социалистовъ занимало не одно пополненіе рядовъ. Приходилось подводить итоги и думать о новомъ пути. Невольно возникалъ вопросъ: неужели такъ будетъ дальше? Болѣе тысячи человѣкъ погибло, а кого они распропагандировали? Какіе результаты принесла эта пропаганда? Почти никакихъ? И приходилось сознаваться, что дѣло велось слишкомъ наивно, да иначе и не могло быть. Молодые, горячіе юноши, проникнутые идеей общественнаго переустройства, думали, что стоитъ имъ надѣть мужицкую одежду, научиться немного физическому труду, — и путь въ крестьянскую среду и къ сердцу народа для нихъ открытъ. Хоть сколько-нибудь централизованной организаціи и дисциплины не только не существовало, но большинствомъ эти вещи принципиально отрицались. Дѣло обстояло такъ: была масса независимыхъ группъ, сильно отличавшихся между собою какъ по числу, такъ и по составу членовъ; люди группировались не согласно общему организаціонно му плану, а на основаніи личныхъ симпатій и дружбы, общее направленіе всѣхъ этихъ группъ было социалистическое. Всѣми признавалось необходимымъ сбросить съ себя барскую оболочку и подъ видомъ простыхъ рабочихъ итти пропагандировать

въ народѣ. Но на степень обязательной для пропагандиста научной подготовки и роль его въ народѣ существовали самые разнообразныя взгляды, которые въ общемъ складывались, впрочемъ, въ два главныхъ теченія—*лавристовъ* и *бакунистовъ*. Лавристы, какъ послѣдовательные пропагандисты, видѣли въ пропагандѣ главное средство, могущее вести къ радикальному измѣненію современнаго строя. Они признавали, что только сознательное усвоеніе социалистическихъ идей большинствомъ народа можетъ обезпечить успѣхъ революціоннаго возстанія и выработки новаго порядка вещей. Бакунисты утверждали, что народъ самъ знаетъ свое положеніе, и что миссія пропагандиста главнымъ образомъ агитаціонная, онъ долженъ лишь указать народу на возможность выхода изъ настоящаго положенія путемъ всеобщаго возстанія. Что же касается будущаго строя, то бакунисты ничего не предрѣшали: по ихъ мнѣнію, народъ самъ, безъ всякихъ указокъ, сумѣетъ опредѣлить и создать совершенный типъ общественной организаціи. Кромѣ этихъ двухъ главныхъ направленій, была масса кружковъ всевозможныхъ отдѣлковъ. Всѣ эти кружки,—и во многихъ случаяхъ отдѣльныя лица—дѣйствуютъ совершенно самостоятельно, каждый по-своему. Кто изъ революціонеровъ идетъ къ сектантамъ; кто ведетъ дѣло осторожно, сначала намѣчая въ народѣ годныхъ для пропаганды лицъ и потомъ уже входя съ ними въ сношенія; а кто сзываетъ въ деревняхъ сходы, читаетъ прокламаціи или держитъ рѣчь; иной, наконецъ, и просто разбрасываетъ и раздаетъ революціонныя книги, гдѣ и какъ попало.

«Не сознавая еще ясно необходимости общей организаціи и дисциплины, а подчасъ и отрицая въ теоріи эту необходимость, пропагандисты на практикѣ вынуждены были постоянно приходиться въ соприкосновеніе другъ съ другомъ, вести сношенія въ виду того или другого содѣйствія или для полученія того или другаго свѣдѣнія. А это влекло за собою, вслѣдствіе отсутствія объединяющаго центра, обширную переписку, встрѣчу массы посредниковъ: изъ-за какой-нибудь ничтожной справки, полученія тѣхъ или другихъ книжекъ пропагандисту нерѣдко приходилось войти въ сношеніе чуть ли не съ цѣлой сотней лицъ. Въ концѣ концовъ пропагандисты и безъ организаціи оказались связанными другъ съ другомъ, во многихъ случаяхъ даже не подозревая этого. Получилась какая-то странная организація, при которой каждый дѣлаетъ, что хочетъ, но его ошибки и промахи отзываются на всѣхъ. Это-то и дало возможность правительству произвести почти одновременно аресты по всей Россіи и забрать сразу до тысячи пропагандистовъ: захвативъ одно лицо, оно за нимъ тянуло цѣлую вереницу лицъ, а за этими новыхъ, и новыхъ, и такъ безъ конца. Постепенно революціонеры стали приходиться къ заключенію, что бродячая пропаганда, да еще вразсып-

ную, безъ организаціи, безъ общаго плана дѣйствій, не приведетъ ни къ чему другому, какъ къ бесполезнымъ проваламъ.

«Но не только способъ пропаганды,—и сама пропаганда начала подвергаться критикѣ. Сталкиваясь съ народомъ, пропагандисты волей-неволей должны были убѣдиться въ неподготовленности массъ къ воспріятію социалистическаго ученія въ его цѣломъ... Итакъ, какъ результатъ наблюденія въ народѣ, среди революціонеровъ постепенно стало слагаться убѣжденіе, что пропаганда социалистическихъ идей въ полномъ ихъ объемѣ не можетъ при теперешнемъ развитіи народа имѣть успѣха; но что общественный идеаль, который живетъ въ народѣ въ настоящее время, по существу не противорѣчитъ требованіямъ социализма; что общинные порядки и правовые его взгляды (напр., значеніе «трудоваго начала» въ обычномъ правѣ) могутъ послужить основаніемъ для перехода отъ настоящаго строя къ социалистическому,—нужно только уничтожить все, препятствующее развитію «истинныхъ народныхъ стремленій», т. е. избавить его отъ экономическаго и политическаго государства; что это должно быть и можетъ быть произведено только самимъ народомъ и что надо, слѣдовательно, соорганизовать въ народѣ силу, могущую противостоять правительственной организаціи, и для этого необходимо вести агитацію на почвѣ народныхъ интересовъ. Это убѣжденіе все болѣе и болѣе выяснялось, все болѣе и болѣе приобрѣтало послѣдователей и къ 1876 году подъ именемъ «народничества» охватило почти всѣхъ социалистовъ-революціонеровъ того времени, кромѣ лавристовъ».

Дабы привести таковыя цѣли къ практическому осуществленію, революціонныя силы и соорганизовались въ общество «Земли и Воли», которое поэтому явилось тѣмъ центромъ, откуда послѣдовали всѣ главнѣйшія директивы революціонному движенію въ періодъ съ этого года и вплоть до 1879 г., когда оно послѣ липецкаго и воронежскаго съѣздовъ революціонеровъ распалось на два лагеря: «Черный Передѣлъ» и «Народная Воля».

Какова же была организація новаго тайнаго общества, какими способами оно намѣчало осуществлять свою программу и каковы тѣ революціонные факты и событія, изъ которыхъ сложилась его жизнь?

Б. Глинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЦАРИЦЫНО.

ТО БЫЛЪ въ Москвѣ, тотъ знаетъ Россію,—эти слова Карамзина часто приходили мнѣ въ голову лѣтомъ прошлаго года, когда судьба занесла меня въ одно изъ живописнѣйшихъ историческихъ подгородныхъ мѣстъ Бѣлокаменной, въ такъ называемое село Царицыно.

Исторія Москвы есть, дѣйствительно, исторія Россіи отъ XIV столѣтія и до нашихъ дней, а топографія ея есть дополненіе къ нашей отечественной исторіи, или, лучше сказать, наглядная, живая лѣтопись ея; здѣсь каждое урочище или древнее зданіе напоминаютъ о какомъ-нибудь важномъ событіи въ нашей исторіи, о какомъ-нибудь громкомъ и славномъ историческомъ имени.

Да, много въ Москвѣ «для сердца русскаго слилось!

Много въ немъ отозвалось!» Москва и ядро исторической жизни Русскаго государства, и колыбель русской культурной мысли, и вмѣстѣ съ тѣмъ—городъ воспоминаній. Не только самъ городъ обилень ими, но и всѣ окрестныя мѣстности, которыя какъ бы дополняютъ пробѣлы исторіи, наглядно и краснорѣчиво свидѣтельству о бытѣ нашихъ предковъ.

Во многихъ загородныхъ дачахъ за любой изъ московскихъ заставъ находятся еще не остывшіе слѣды широкой жизни русскихъ бояръ, поселявшихся близъ Москвы на земляхъ, жалованныхъ имъ царями за вѣрную службу. Жаль, что многія изъ этихъ дачъ нынѣ забыты и стоятъ въ заустѣннѣи.

Къ числу жалованныхъ загородныхъ дачъ принадлежитъ и Царицыно, расположенное въ 17-ти верстахъ отъ Москвы, съ которой оно въ настоящее время, можно сказать, сблизилось, почти сплотно-

лось, благодаря Московско-Курской желѣзной дороги, и превратилось въ многолюдное дачное мѣсто.

Число живущихъ въ немъ съ каждымъ годомъ увеличивается, также возрастаетъ и количество посѣщающихъ Царицыно. И тѣ, и другіе, однако, мало высказываютъ сознательнаго интереса къ тому историческому памятнику, который создалъ славу Царицыну, молчаливо свидѣтельствуя о многихъ десятилѣтіяхъ, прожитыхъ селеніемъ.

Большая часть москвичей и другихъ посѣтителей пріѣзжаетъ въ Царицыно, чтобы «подышать свѣжимъ воздухомъ», «полюбоваться красивыми видами», «погулять въ тѣнистомъ саду», «покататься на живописныхъ прудахъ»—однимъ словомъ, провести праздничный день на лонѣ природы. Рѣдко, когда цѣлью загородной прогулки дѣлается посѣщеніе самаго царицынскаго дворца изъ интереса къ его, болѣе чѣмъ вѣковому, прошлому.

До сихъ поръ исторія Царицына мало разработана, и тѣ данныя, которыя мы имѣемъ объ его возникновеніи и постепенномъ развитіи, весьма скудны.

Путеводители даютъ мало свѣдѣній и подчасъ неправильно освѣщаютъ дѣйствительные факты. Что же касается научной литературы о Царицынѣ, то ея, можно смѣло сказать, вовсе не существуетъ.

Три-четыре журнальныхъ статьи, вышедшихъ не позже 70-года прошлаго столѣтія¹⁾, небольшія свѣдѣнія въ географическихъ и энциклопедическихъ словаряхъ²⁾, нѣсколько отрывковъ изъ общихъ описаній подмосковной мѣстности³⁾ и, наконецъ, нѣкоторыя цѣнныя указанія въ бумагахъ князей Кантемировъ, указахъ Петра Великаго и письмахъ Екатерины II. Вотъ, стало быть, тотъ небольшой литературный матеріалъ о Царицынѣ, который находится въ нашемъ распоряженіи; собрать его во-едино, отмѣтивъ наиболѣе существенныя черты по данному вопросу, дополнить его личными впечатлѣніями и есть задача настоящей работы.

Прежде, чѣмъ говорить объ историческомъ прошломъ Царицына, интересно бросить бѣглый взглядъ на окружающую его мѣстность—

¹⁾ С. Любецкій, «Царицыно близъ Москвы» («Нива» 1870 г. № 1—2). К. Шаликовъ, «Царицыно» («Вѣстникъ Европы» 1804 г. ч. 15, № 10) С. Любецкій, «Царицыно близъ Москвы» («Русскія Вѣдомости» 1867 г., № 82).

²⁾ Географическіе словари Щекатова и Семенова. Энциклопедическіе словари Березина, Брокгауза и Ефрона.

³⁾ Иванчинъ-Писаревъ, «Прогулка по древнему Коломенскому уѣзду»; Свининъ, «Картины Россіи»; Пыляевъ, «Старая Москва»; «Историческое и топографическое описаніе городовъ Московской губ. 1787 г.»; «Московская губернія въ описаніи офицеровъ генеральнаго штаба»; Карамзинъ, «Записка о московскихъ достопамятностяхъ» (Собраніе сочиненій, т. I, изданіе Смирдина); С. Любецкій, «Московскія окрестности». М. 1877 г.; Путеводитель по Москвѣ и ея окрестностямъ, составленный по историческимъ источникамъ и официальнымъ документамъ общества любителей русской старины; М. Захаровъ, «Путеводитель по окрестностямъ Москвы», 1867 г. С. Платоновъ, «Путеводитель, Москва и окрестности» 1881 г.

на каждомъ шагѣ видны свѣжіе слѣды родной старины: село Коломенское (сѣвернѣе Царицына, въ семи верстахъ отъ Москвы), любимое мѣстопробываніе царя Алексѣя Михайловича; въ немъ родился Петръ Великій.

Россійскій Виллеемъ, Коломенско село,
Которое Петра на свѣтъ произвело!

Невольно вспоминаются старые стихи къ Коломенскому. Екатерина II не разъ посѣщала его, писала въ немъ свой знаменитый Наказъ. Отъ дворца, лѣтней резиденціи московскихъ государей, сохранилась лишь башня съ воротами, а также церковь, построенная во времена Алексѣя Михайловича. Сѣверо-восточнѣе Царицына лежитъ село Цареборисово—съ памятникомъ Бориса Годунова (тогда еще боярина-правителя), каменными плотинами и старымъ деревяннымъ дворцомъ.

Далѣе, по тому же направленію, но ближе къ Москвѣ—Перервинскій монастырь; по древнему преданію, Москва-рѣка текла прежде близъ самаго монастыря, но прервалась, пошла другой дорогой. Сюда Грознымъ былъ сосланъ святой Филиппъ митрополитъ.

Наконецъ, возлѣ самаго Царицына, въ темной роцѣ лѣсныхъ дебрей находится Екатерининская пустынь—мужской монастырь, основанный Алексѣемъ Михайловичемъ въ память полученнаго имъ здѣсь во время охоты извѣстія о рожденіи дочери Екатерины.

Вотъ тѣ историческія мѣста, среди которыхъ возникло, росло и постепенно развивалось село Царицыно.

Своимъ происхожденіемъ оно сродно съ Цареборисовымъ; нѣкоторые изслѣдователи ¹⁾ утверждаютъ, что первой его владѣтельницей была сестра Годунова, царица Ирина. Однако, какъ мы дальше увидимъ, не ей обязано Царицыно своимъ наименованіемъ.

Достовѣрныя извѣстія ведутъ исторію Царицына лишь со времени Петра Великаго. Послѣдній, въ качествѣ жалованной земли, подарилъ эту мѣстность молдавскому господарю Дмитрію Кантемиру—личность, которую нельзя не помянуть хотя бы краткимъ очеркомъ.

Князь Дмитрій, ученый мужъ своего вѣка ²⁾, родился въ Яссахъ въ 1663 году, а въ 1684 году за услуги, оказанныя имъ своему отечеству, возведенъ былъ въ достоинство молдавскаго господаря; по зависти къ нему и по ложнымъ доносамъ на него со стороны приближенныхъ султана, онъ то лишался, то вновь получалъ свое господство. Такая тревожная жизнь наскучила ему, и онъ рѣшилъ

¹⁾ «Географическій словарь» Семцова; «Прогулка по древнему Коломенскому уѣзду» Иванчинъ-Писарева.

²⁾ «Князь Антіохъ Кантемиръ». Біографическій очеркъ Стоюнина (при соч. А. Кантемира, ред. Ефремова).

свергнуть съ Молдавіи турецкое иго и перейти на сторону русскихъ, тѣмъ болѣе, что представлялся удобный случай—русско-турецкаѧ война. Князь Дмитрій вмѣстѣ съ управляемымъ княжествомъ принялъ русское подданство. Однако неудачная для Петра война, окончившаяся Прутскимъ походомъ, лишила князя его владѣній.

«Я лучше уступлю туркамъ всю землю до Курска, нежели выдамъ Кантемира, пожертвовавшаго мнѣ всѣмъ своимъ достояніемъ; потерянное оружіемъ оружіемъ и возвращается, но нарушеніе даннаго слова невозвратимо»¹⁾, отвѣчалъ Петръ на настойчивое требованіе визиря выдать ему Кантемира. Визирю было объявлено, что Дмитрій удалился изъ лагеря, между тѣмъ, какъ онъ скрывался въ царской каретѣ, куда ему носили пищу. Петръ, дѣйствительно, возмѣстилъ потери, понесенныя княземъ Дмитріемъ, пожаловавъ ему въ Москвѣ домъ, подмосковную мѣстность «Черную Грязь» (теперь Царицыно) со всѣми угодьями и нѣкоторыя земли въ другихъ концахъ Россіи.

«Соизволяетъ его царское величество ему князю Кантемиру въ Москвѣ домъ съ каменными палаты дать и деревни въ тамошнихъ мѣстахъ прискаты», говорится въ указѣ Петра I 21-го іюля 1711 г.²⁾ Сверхъ этихъ наградъ Дмитрій Кантемиръ получилъ титулъ свѣтлѣйшаго князя, крупную ежегодную пенсію, портретъ государя, усыпанный бриллынтами, и полное право судить самому выѣхавшихъ съ нимъ молдаванъ. Это былъ, во-истину, единственный при-мѣръ въ русской исторіи подданства, пользовавшагося такою властью³⁾.

Итакъ, мѣстность, называемая «Черная Грязь», была дарована Петромъ Великимъ князю Дмитрію Кантемиру въ числѣ богатыхъ помѣстій, большихъ льготъ и привилегій, которыми наградила царь новаго слугу. Князь Дмитрій—въ новомъ отечествѣ своемъ, въ Россіи, основаль на этой дачѣ свое лѣтнее пребываніе, построивъ на ней большіе брусяные хоромы, которые, по словамъ Любецкаго⁴⁾, были устроены «со всею причудливостью барскою: съ мыльнею (банею), медушами (погребями), лазнями (подвалами) и пр.».

При Екатеринѣ II на мѣстѣ Кантемировыхъ палатъ построена была купальня. Роскошная купальня, воздвигнутая на развалинахъ Кантемирова дворца, не могла замѣнить этой утраты, о которой, конечно, нельзя не пожалѣть.

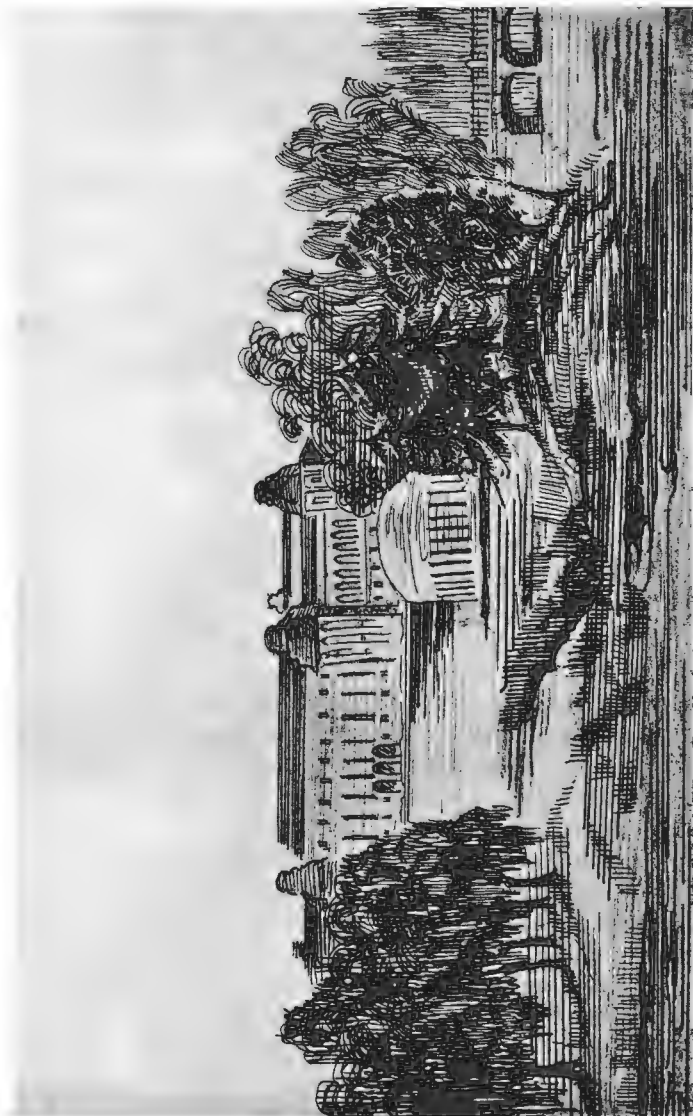
Здѣсь, въ своемъ новомъ владѣніи, князь Дмитрій въ мирѣ и тишинѣ предавался влеченію страсти своей къ наукамъ и словесности, за что снискалъ любовь, дружбу и уваженіе монарха. «Онѣй госпо-

1) Бантышъ-Каменскій «Словарь достопамятныхъ людей русской земли.

2) Собраніе законовъ.

3) Собраніе сочиненій А. Кантемира (ред. Ефремова).

4) С. Любецкій «Царицыно близъ Москвы» («Русскія Вѣдомости» 1867 г., № 82).

Видъ Царицына.

даръ—человѣкъ зѣло разумный и въ совѣтахъ способный», писалъ о Кантемирѣ Петръ въ своемъ походномъ дневникѣ.

Князь Дмитрій былъ, дѣйствительно, образцомъ просвѣщенія и образованности своего вѣка: зналъ нѣсколько языковъ и за свои научные труды сдѣлался членомъ берлинской академіи наукъ.

Онъ усердно заботился о воспитаніи и образованіи своихъ дѣтей; особенное вниманіе онъ обращалъ на младшаго сына Антіоха, какъ на наиболѣе способнаго; «въ умѣ и наукахъ отъ всѣхъ лучшій», говаривалъ онъ часто про него.

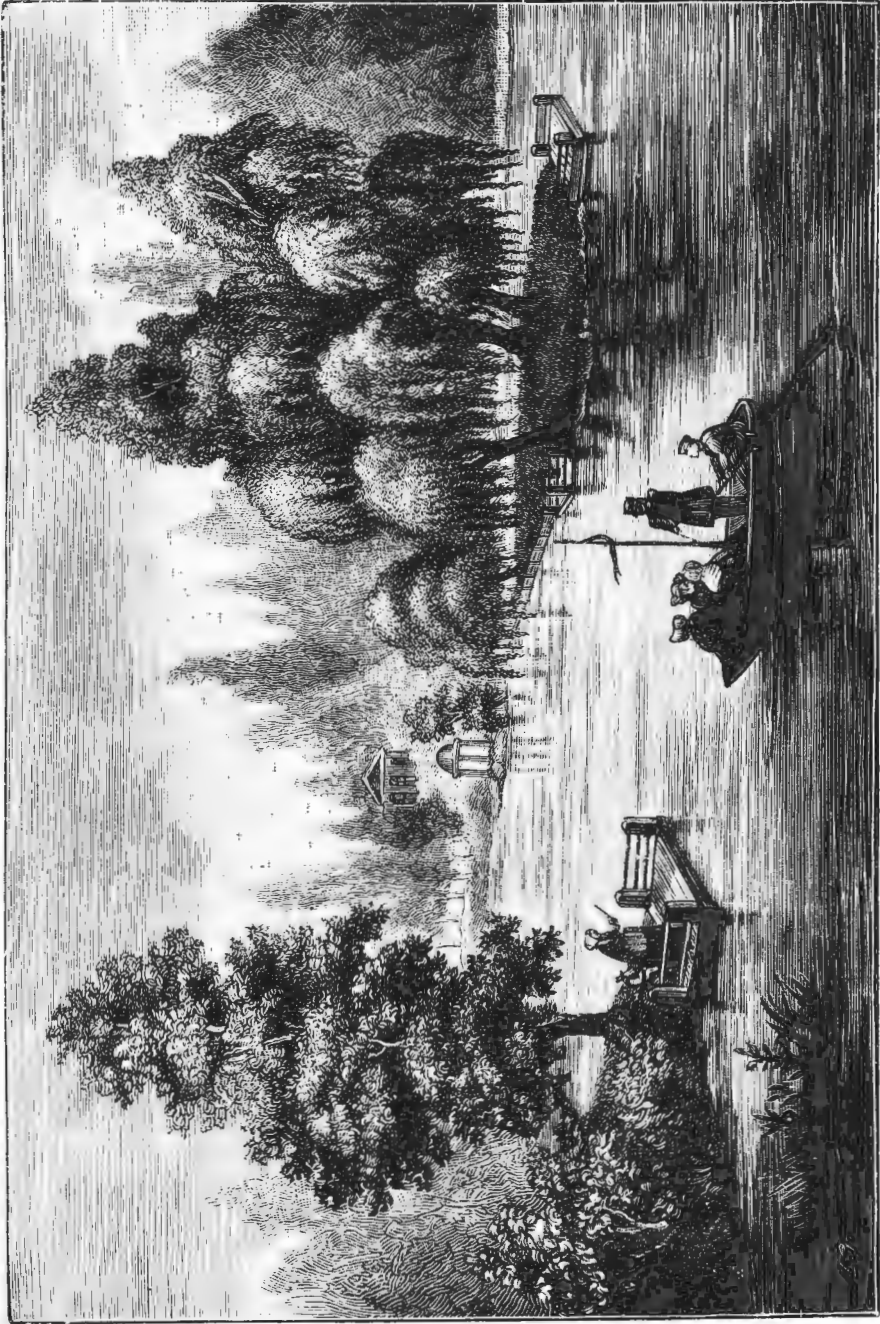
И вотъ Антіохъ, одинъ изъ первыхъ русскихъ поэтовъ, извѣстный остроумный сатирикъ, занявшій почетное мѣсто въ исторіи нашей литературы, знаменитый русскій резидентъ въ Лондонѣ и посланникъ въ Парижѣ время Анны Иоанновны, проводилъ здѣсь въ Царицынѣ счастливые дни дѣтства; получилъ здѣсь и первоначальное образованіе, которое блестяще закончилъ въ академіи наукъ, будучи однимъ изъ первыхъ ея учениковъ.

По нѣкоторымъ обстоятельствамъ, печально сложившимся для Антіоха и его братьевъ Матвѣя, Сергѣя и сестры Маріи, по смерти князя Дмитрія все отцовское имѣніе (включая и Царицыно) перешло въ руки второго брата Константина, а со смертью послѣдняго завладѣлъ всѣми отцовскими землями Сергѣй—четвертый сынъ, послѣдній изъ всей семьи, оставшійся въ живыхъ. «Я,—говорилъ онъ въ своемъ завѣщаніи,—остаюсь послѣ моего отца послѣдній, и съ моею смертію его колѣно пресѣкается; имѣнія, какъ жалованныя отъ короны, должны по законамъ поступить въ казну». Такъ, дѣйствительно, и случилось со всѣмъ имуществомъ Сергѣя Кантемира, кромѣ имѣнія «Черная Грязь», которое еще до смерти послѣдняго Кантемира перешло уже въ дворцовое вѣдомство ¹⁾. Какъ это произошло—объ этомъ рѣчь впереди.

Въ 1763 году, во время своей коронаціи, императрица Екатерина II, среди празднествъ и торжествъ, посѣщала ближайшія окрестности столицы и познакомилась съ селами: Покровскимъ, Измайловымъ и Семеновскимъ.

Въ 1767 году она вновь прибыла въ Москву къ знаменательному событію; тамъ ожидали ее депутаты изъ всѣхъ окраинъ Россіи, созданные для объявленія уготованнаго имъ и всему государству блага, для уясненія и полученія новоизданнаго наказа, которымъ даны были всѣмъ званіямъ и состояніямъ разныя права и преимущества.

¹⁾ О дѣлахъ наслѣдства князей Кантемировъ подробно у И. Шимко въ его книгѣ «Новыя данныя къ біографіи князя Антіоха Дмитріевича Кантемира и его ближайшихъ родственниковъ», а также у Л. Н. Майкова «Княжна Марія Кантемирова» «Русская Старина» 1897 г.

Паркъ въ Царицынѣ.

Кончивъ это важное занятіе, государыня, желая видѣть живописныя окрестности древней столицы, отправилась осмотрѣть ихъ ¹⁾.

Сперва она посѣтила Коломенское; потомъ Цареборисово, гдѣ любовалась небольшимъ уютнымъ скромнымъ дворцомъ и колыхающеюся зыбью обширнаго пруда съ прекрасно устроенною плотиною.

Оттуда она увидѣла сіявшій въ солнечныхъ лучахъ крестъ на церкви Кантемирова села, задвинутаго лѣсомъ. Восхищенная этой мѣстностью, императрица тутъ же рѣшила приобрѣсти ее, сдѣлаться московской помѣщицей, имѣть здѣсь свое «Царское Село», назвавъ его «Царицынымъ».

Возвратившись въ Петербургъ, Екатерина поручила своимъ приближеннымъ уговорить наслѣдника молдавскаго господаря продать ей это село, на что и получила отъ него полное согласіе.

Вотъ что рассказываетъ сама императрица о покупкѣ Кантемирова села въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Гримму (16-го іюня 1775 года) ²⁾:

«Однажды, уставъ бродить по долинамъ и лугамъ Коломенскаго, ея величество отправилась ³⁾ на большую дорогу, ведущую изъ Москвы въ Каширу, городъ, который, положимъ, существуетъ на свѣтѣ, но не значится на картѣ. Эта дорога привела ея величество къ громадному пруду, связанному съ другимъ, еще огромнѣйшимъ; но этотъ второй прудъ, богатый прелестнѣйшими разнообразными видами, не принадлежалъ ея величеству, а нѣкому князю Кантемиру, ея сосѣду. Второй прудъ соединялся съ третьимъ прудомъ, который образовывалъ безчисленное множество заливовъ; и вотъ, гулявшіе, переходя отъ пруда къ пруду то пѣшкомъ, то въ каретѣ, очутились за семь длинныхъ верстъ отъ Коломенскаго, высматривая имѣніе своего сосѣда, семидесятилѣтняго старика, который нисколько не интересовался ни водами, ни лѣсами, ни прелестными видами, восхищавшими путешественниковъ. Онъ проводилъ свою жизнь за карточнымъ столомъ, проклиная свои проигрыши, и вотъ, осторожно, съ возможно большей деликатностью, дворъ, съ императрицей во главѣ, начинаетъ интриговать, чтобъ вывѣдать намѣренія его сіятельства, узнать, выигрываетъ ли онъ, или проигрываетъ; не продастъ ли своего имѣнія, дорожить ли имъ, часто ли посѣщаетъ его, не нужно ли ему денегъ, кто его друзья, черезъ кого бы заинтересовать его; не надо одолженія, мы не хотимъ чужого, мы покупаемъ, но и отказать намъ не есть преступленіе; какъ хотите, милостивый государь, намъ улыбается приобрѣтеніе, но мы можемъ

¹⁾ С. Любецкій «Царицыно близъ Москвы» («Нива» 1870 г., № 1).

²⁾ Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. XXIII, стр. 26.

³⁾ Екатерина въ своихъ письмахъ къ Гримму часто говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ.

Руины Царицынского замка.

обойтись и безъ него. Придворные мои засуетились; одинъ докладываетъ: онъ мнѣ отказалъ, онъ не хочетъ продавать.—Ну, тѣмъ лучше. — Другой доноситъ: ему не нужно денегъ, онъ играетъ счастливо.—Третій:—онъ сказалъ: я не могу продать, у меня нѣтъ наслѣдниковъ, ни кого-либо другого; имѣніе мое исходитъ изъ казны, ей же я его предоставлю.—Наконецъ является пятый и передаетъ слова Кантемира: я рѣшительно объявляю, что имѣніе мое можетъ быть продано только казнѣ.—А, это прекрасно!—Къ нему наряжаютъ нарочнаго узнать: любить ли онъ имѣніе?—Нисколько,—отвѣчаетъ онъ:—доказательство, что я живу въ другомъ; я это имѣніе наслѣдовалъ отъ брата и никогда въ него не ѣзжу; оно можетъ годиться только императрицѣ.—Сколько же вы за него хотите?—спросилъ посланный, низко кланяясь.—20,000 рублей.—Милостивый государь, а мнѣ велѣно предложить вамъ 25,000 рублей.—Объясненія, однако, всегда бываютъ длинны. Надо было начать строить послѣ того, какъ купчая была сдѣлана, и черезъ 15 дней, благодаря нашимъ деревяннымъ зданіямъ, я смогла пріѣхать и поселиться здѣсь. Но—здѣсь—не есть имя моего новаго пріобрѣтенія: я назвала его Царицынымъ селомъ. Эта дивная мѣстность, которая по всеобщимъ отзывамъ представляетъ собой земной рай, раньше называлась «Черною Грязью»!

Въ дальнѣйшемъ разсказѣ императрица объясняла Гримму (20-го января 1776 года) ¹⁾:

«Село значитъ у насъ въ отечествѣ—деревня съ церковью, а Царицыно—говорить о принадлежности этого села царицѣ».

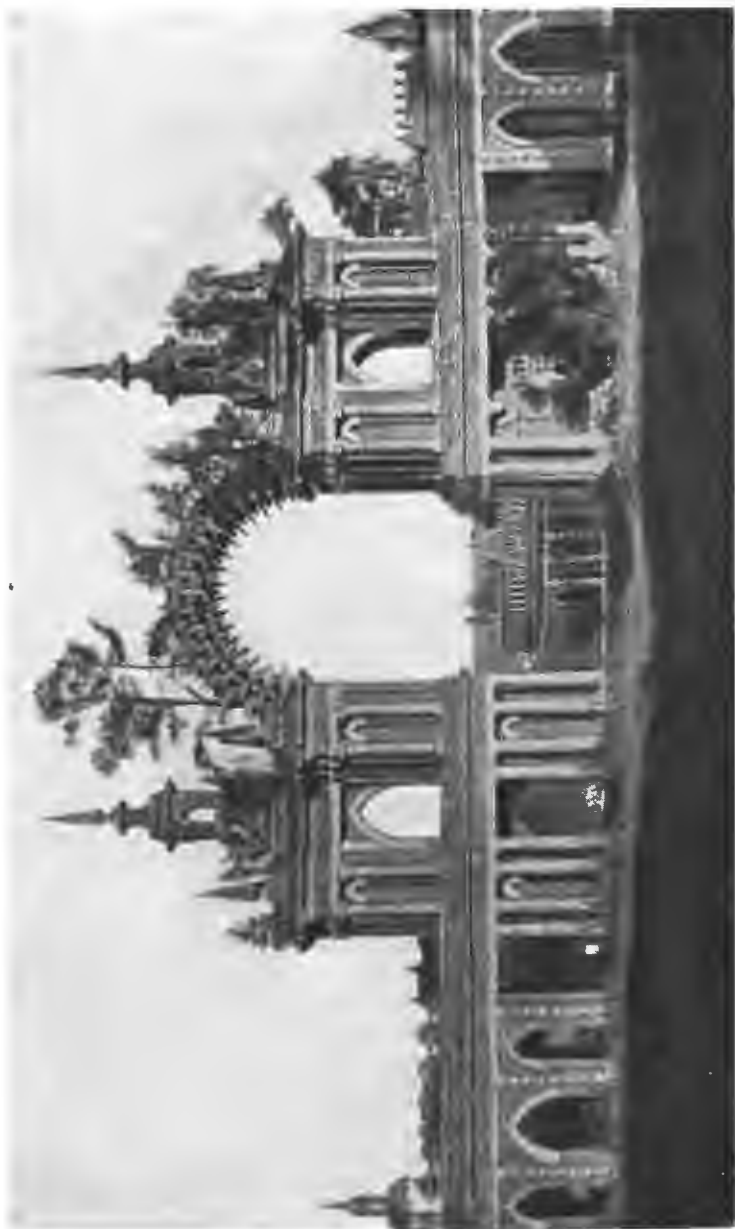
Уже на другой годъ (1775 годъ) послѣ покупки новаго имѣнія императрица отправилась изъ Петербурга въ Москву праздновать славный миръ, заключенный Румянцовымъ съ турками при Кучукъ-Кайнарджи; пока дѣлались приготовленія къ большимъ торжествамъ, государыня совершила пѣшеходное путешествіе въ Троицкую лавру съ большою свитою для поклоненія мощамъ преподобнаго Сергія.

На возвратномъ пути она посѣтила Коломенское, Всесвятское, Воробьевы горы и потомъ вздумала посмотрѣть на свое новое хозяйство въ Царицынѣ ²⁾. «Сегодня вечеромъ или даже ночью я прибуду въ домъ одного молдавскаго князя» ³⁾,—пишетъ она тому же Гримму, имѣя въ виду «Черную Грязь» Кантемира (21-го января 1775 года). И далѣе, вотъ какъ сама же государыня описываетъ этотъ красивый забытый уголокъ, купленный и обстроенный ею въ двѣ недѣли:

¹⁾ Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. XXIII, стр. 40.

²⁾ С. Любецкій, «Царицыно близъ Москвы» («Пива», 1870, № 1).

³⁾ Сборникъ импер. русск. ист. общ., т. XXIII, стр. 13.

Дворцовыя ворота.

«Представьте себѣ крутой берегъ, покрытый большимъ лѣсомъ. Ея величество съ лакеемъ переѣзжаетъ ручей на паромѣ. Передъ нею низменность, покрытая кустарникомъ, гдѣ вы бы, навѣрно, помѣстили фазаньи клѣтки, прудокъ, оканчивающійся плотной, осѣненный высокими ивами. Между ними открывается еще болѣе значительный прудъ. Одинъ берегъ его—крутой—занятъ разбросанными по немъ маленькими деревеньками, а другой, съ незамѣтнымъ склономъ, представляетъ вашему взору поля, луга, букеты лѣсовъ и отдѣльныя деревья; налѣво отъ плотика—тѣнистый ручеекъ заросъ лѣсомъ, постепенно возвышающимся амфитеатромъ. Ну, представьте же себѣ все это, и вы будете въ Царицынѣ. Оно совсѣмъ иное, чѣмъ Коломенское, на которое теперь уже никто и смотрѣть не хочетъ. Подумайте, что это за свѣтъ; еще такъ недавно видъ Коломенскаго казался прекраснымъ, а теперь ему предпочитаютъ вновь открытый клочокъ земли, купленный и обстроенный въ 15 дней, на которомъ живутъ не больше шести недѣль».

«А какъ вамъ покажется: вчера, въ праздникъ великой княгини, у насъ была здѣсь комическая опера въ лѣсу, въ присутствіи удивленныхъ и недоумѣвающихъ окрестныхъ крестьянъ, которые до сихъ поръ жили въ полномъ невѣдѣніи, что существуетъ на свѣтѣ комическая опера»¹⁾.

Мы видимъ отсюда, какъ государыня полюбила свою новую собственность, какъ увлекалась она живописной природой, густыми тѣнистыми лѣсами и зеркальными прудами. Объ этой любви Екатерины II къ Царицыну рассказываютъ и мѣстные старожилы:

«Блаженной памяти императрица Екатерина II, извѣстно, любила наше Царицыно; частенько хаживала по дорожкамъ сада, да, какъ сказывали наши старики, велѣла даже ходъ подъ землю прорыть. Изволили, вѣроятно, видѣть въ сводахъ моста задѣланную дверь; тамъ-то и начинался царицынскій тайникъ, дальше онъ шелъ подъ землю высокаго берега до бесѣдки Старой Миловиды²⁾, въ подвалахъ которой государыня хранила свои сокровища».

Насколько это свидѣтельство справедливо—неизвѣстно; во всякомъ случаѣ, оно интересно, какъ попытка народной фантазіи создать таинственный ореолъ мѣстному памятнику родной старины.

Въ сводахъ моста (въ чемъ мнѣ удалось удостовѣриться лично), дѣйствительно, видна замуравленная дверь, замазанная краской подъ цвѣтъ кирпичей, составляющихъ прочій остовъ моста.

Восторгаясь природой, красивымъ мѣстоположеніемъ «Осиновой Рощи» (села близъ Парголова, подареннаго императрицей Потемкину), Екатерина писала Гримму: «Царское Село и Гатчина и даже Царицыно—ничто по мѣстоположенію сравнительно съ нею»³⁾. импе-

¹⁾ Сборникъ импер. русск. ист. общ., т. XXIII, стр. 32 (27 августа 1775 г.).

²⁾ О ней рѣчь впереди.

³⁾ Сборникъ имп. русск. ист. общ., т. XXIII, стр. 90 (1778 г. 16 мая).

Павильонъ и часть замка.

ратрица, видимо, поражена, что наплась мѣстность еще прекраснѣе Царицына.

Однако не только красоты села привлекали государыню; она вѣрила и въ цѣлительность водъ его зеркальныхъ прудовъ. На вопросъ Гримма: «Правда ли, что нынѣшнимъ лѣтомъ императрица побѣдетъ на царицынскія воды лечиться отъ ревматизма въ рукѣ, пріобрѣтеннаго въ осеннюю стужу?»¹⁾ — Екатерина отвѣчаетъ: «Въ этомъ году я не побѣду въ Царицыно, развѣ если ухудшится состояніе моей руки»²⁾. — И дальше: «Я испытываю теперь большое горе изъ-за тяжелаго состоянія здоровья князя Орлова; онъ отправился на воды Царицына; только что началъ ихъ принимать, какъ обезсудилъ, и вернулся въ Москву»³⁾.

Мы видѣли, что Екатерина II въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Гримму упоминаетъ о празднествѣ въ Царицынѣ. По преданію, не одинъ праздникъ былъ данъ государыней въ новомъ ея имѣніи. Одинъ такой, по словамъ Любецкаго⁴⁾, состоялся здѣсь во время сѣнокоса.

«Въ назначенный день потянулся въ Царицыно огромный поѣздъ приглашенныхъ гостей въ высокихъ, грузныхъ, разнообразныхъ каретахъ, по тогдашней модѣ, съ крыльцами по бокамъ; инья изъ нихъ были съ зеркальными стѣнами, и стекла въ нихъ сверкали цѣльные съ фацетами; иные экипажи уподоблялись вѣеру и были на низкихъ колесахъ; другіе баре и царедворцы двигались въ тяжелыхъ берлинахъ и въ осмистекольныхъ раскидныхъ ландо, въ которыхъ виднѣлись напудренные головы именитыхъ особъ; несмотря на дальнюю и лѣтнюю поѣздку, гости разодѣты были, изъ приличія и уваженія къ царственной хозяйкѣ, въ атласные и бархатные камзолы и кафтаны, унизанные блестками. Въ другихъ сквозныхъ каретахъ, запряженныхъ дугами, виднѣлись дамы, роскошно одѣтыя въ глазетовыя длиннохвостыя робронды, въ пышныя полонезы съ прорѣзами на боку, въ фижмы или въ бочки, наподобіе распущенныхъ зонтиковъ—съ высокими флеровыми наколками на головѣ, съ пуклями, называемыми палисадниками и бесѣдками, съ символическими мушками на лицѣ.

«Сзади каретъ стояли лакеи-гайдуки, одѣтые турками, албанцами, сербами, и придворные арапы въ пунцовыхъ чалмахъ; пышно прибыла сюда царица изъ Коломенскаго.

«Золотая карета императрицы запряжена была осмерикомъ кровныхъ статныхъ лошадей, головы которыхъ были убраны кокардами; на ремняхъ кареты сидѣли пажы; вокругъ же экипажа двигались

¹⁾ Сборникъ имп. русск. ист. общ., т. XXIII, стр. 198 (19 марта 1781 г.).

²⁾ Тамъ же, стр. 252 (3 октября 1782 г.).

³⁾ Тамъ же, т. XXXIII, стр. 99 (1781 г., 1 января).

⁴⁾ С. Любецкій, «Царицыно близъ Москвы» («Нива» 1870 г., № 1).

Уголок Царицынского парка.

ряженные кирасиры въ бѣлыхъ мундирахъ на вороныхъ лошадяхъ, сверкая серебряными кирасами своими, а сзади галонировали легкіе уланы съ цвѣтными флюгерами на пикахъ. Усатые кучера и форрейторы, тоже напудренные, съ длинными косами и бичами, въ треугольныхъ шляпахъ; прыткіе скороходы въ шелковыхъ курткахъ, въ бархатныхъ шапочкахъ съ кистями и страусовыми перьями, съ наколкою лентъ на рукавахъ и на колѣнкахъ, подширавшіеся длинными булавами и дѣлавшіе широкіе и размахистые скачки. Народъ, почти всю дорогу стоявшій шпалерами и восторженно кричавшій «ура!» Все это зрѣлище производило необычайное впечатлѣніе. Въ Царицынѣ императрицу ожидалъ роскошный полдникъ; въ это время тамъ на лугахъ происходилъ сѣнокосъ, представлявшій настоящій дивертисементъ. Множество мужиковъ, рослыхъ, красивыхъ парней, въ бѣлыхъ косоворотныхъ рубахахъ съ красными ластовицами, въ поярковыхъ шляпахъ съ павлиньими перьями, дружно, подъ звуки закатной пѣсни, размахивали свѣтлыми полосами косъ своихъ; а бабы и дѣвки въ цвѣтныхъ понявахъ и кумачныхъ сарафанахъ, въ кикахъ съ дробницами изъ стекляруса, сгребали сѣно.

«Государыня съ приближенными своими сидѣла на душистомъ сѣнѣ и съ удовольствіемъ смотрѣла на это зрѣлище.

«По окончаніи работы трудившіеся приготовлено было обильное угощенье, состоявшее изъ вина, густой бархатной браги, изъ груды калачей и витушекъ, изъ сусликовъ-пряниковъ съ позолотою, маковой избоины и разныхъ сочныхъ ягодъ.

«Тамъ приготовлены были для нихъ и высоко взмахивавшія скрипучія колыхалки-качели, на которыхъ поселяне потѣшались съ гудками, самодѣльными дудками и свиристѣлками.

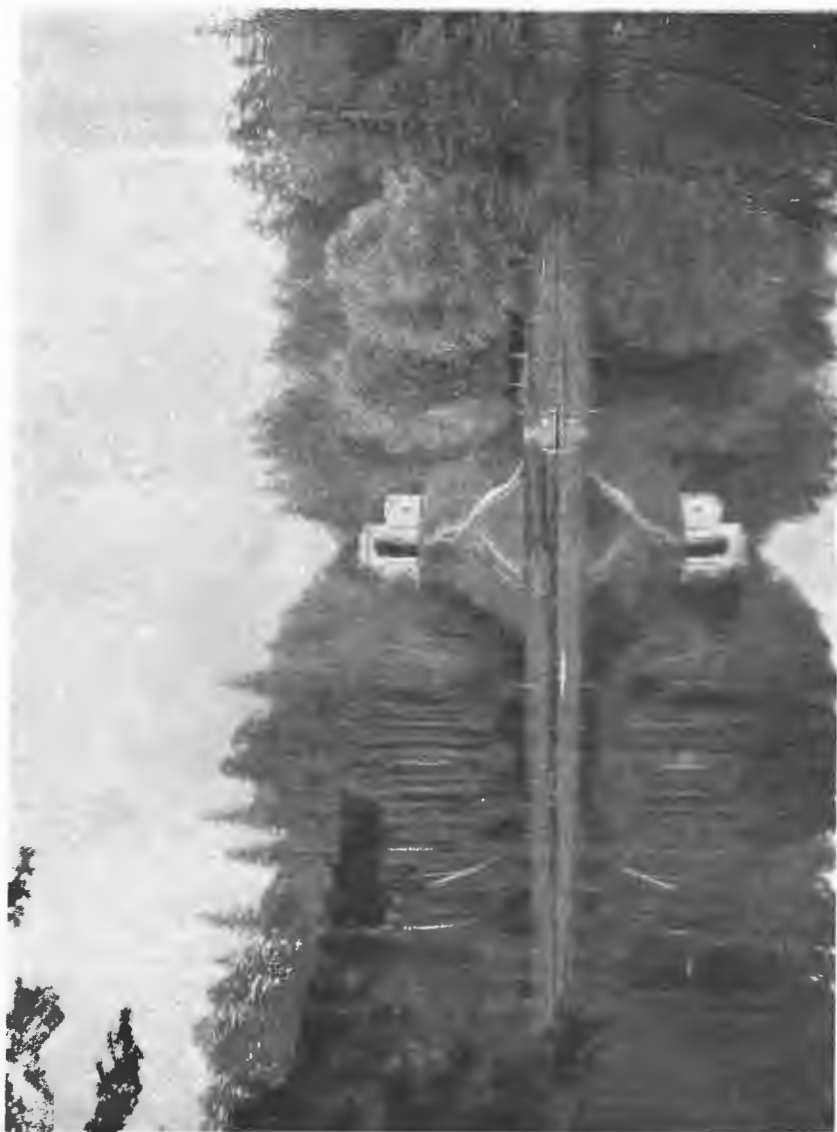
«Императрица со всею блестящею свитою прохаживалась по царицынскимъ садамъ, осматривая свое возникающее хозяйство, и уже поздно вечеромъ отправилась въ обратный путь въ Москву.

«По этой дорогѣ стояли иллюминированныя версты и арки, и пылали смоляныя бочки, далеко отбрасывая зарево свое...»

Вотъ образецъ тѣхъ блестящихъ пышныхъ праздниковъ, которые разыгрывались при Екатеринѣ II въ томъ тихомъ и скромномъ уголкѣ, гдѣ еще такъ недавно князь Дмитрій Кантемиръ вдали отъ свѣтскаго шума училъ своего сына и будилъ въ немъ интересъ и любовь къ наукѣ.

Со времени перехода Царицына въ царскія руки, оно стало быстро преобразиться изъ простой скромной дачи въ пышную царскую усадьбу.

Сейчасъ же вслѣдъ за покупкой имѣнія, по словамъ самой Екатерины, въ двѣ недѣли были возведены легкія деревянныя постройки, и государыня уже переѣхала туда въ концѣ іюня мѣсяца.

Миловида.

Она жила тамъ, какъ говорить Державинъ, въ маленькомъ домикѣ, состоящемъ изъ шести комнатъ.

Въ то же время императрица приказала знаменитому архитектору Баженову представить себѣ планъ для готическаго дворца въ Царицынѣ, что и было имъ въ скорости исполнено; желая сдѣлать его совершенно по своему вкусу, государыня переправила планъ, убавила величину оконъ и ширину лѣстницъ.

Закипѣла работа; вмѣстѣ съ дворцомъ созидались галереи, оперный домъ, купальни, мосты, ворота.

И вотъ въ «Историческомъ и топографическомъ описаніи городовъ Московской губерніи», относящемся къ 1787 году, мы встрѣчаемъ слѣдующее указаніе:

«Въ селѣ Царицынѣ, лежащемъ на рѣчкѣ Городенкѣ, которое куплено въ 1775 году у князя Кантемира, строится по повелѣнію ея императорскаго величества великолѣпный дворецъ и при ономъ разведены пространной гулярной и англицкій сады и подѣланы обширные пруды съ каменными вездѣ плотинами и наполнены всякаго рода множествомъ рыбы».

Однако зависть не допустила достроиться дворцу. Завистники великаго дарованія успѣли оклеветать Баженова при дворѣ; приближенные, какъ говорятъ, нашли во дворцѣ много недостатковъ; нѣкоторые же изслѣдователи утверждаютъ, что Екатерина просто охладѣла къ Баженову подъ влияніемъ извѣстій о его сношеніяхъ съ новиковскимъ кружкомъ и съ цесаревичемъ Павломъ.

Во всякомъ случаѣ, планъ дворца былъ отданъ для измѣненія и исполненія другому архитектору, а прежній дворецъ былъ сломанъ почти до основанія.

Этотъ новый зданіи, не зная истиннаго готическаго стиля, сдѣлалъ изъ дворца нѣчто неопредѣленное, смѣшанное, болѣе похожее на громадную темницу или сказочный очарованный замокъ Черномора, описанный Пушкинымъ.

Недостатки замка въ особенности замѣтны при сравненіи его съ мостомъ и нѣкоторыми другими зданіями, построенными по плану Баженова и сохранившимися понинѣ. Съ перваго взгляда отличаешь ихъ отъ главнаго зданія, узнаешь зодчаго, признаннаго первокласснымъ во всей Европѣ ¹⁾.

Но и на этотъ разъ дворецъ остался недостроеннымъ.

Съ внѣшней стороны онъ уже почти весь былъ готовъ; оставалась лишь его внутренняя отдѣлка, какъ вдругъ—разсказываютъ мѣстные старожилы—приѣхала императрица со своей свитой посмотреть на постройку; не доѣхавъ до дворца, государыня повернула и уже больше никогда не возвращалась въ Царицыно.

¹⁾ Доселѣ показывается въ Римѣ, какъ наилучшій, проектъ, сдѣланный Баженовымъ для лѣстницы Капитолія.

Старая Миловида.

Народное преданіе говорить, что силуэтъ новаго дворца произвелъ на нее непріятное впечатлѣніе; онъ будто напомнилъ собою гробницу, стоящую на катафалкѣ и окруженную какими-то гигантами-монахами со свѣчами въ рукахъ.

Екатеринѣ показалось, что здѣсь въ скоромъ времени ее постигнетъ смерть, тѣмъ болѣе, что ей уже приходилось слышать о какомъ-то заговорѣ противъ себя.

Вотъ какъ объясняетъ преданіе недостройку дворца и причину охлажденія Екатерины къ своему помѣстью. При этомъ нѣкоторые мѣстные старожилы прибавляютъ еще, что Потемкинъ велѣлъ разрушить зданіе; это постепенно и начали исполнять сосѣдніе крестьяне, растаскивая отдѣльные кирпичи дворца, дубовыя бревна и доски его потолковъ и половъ.

— Да это, знаете ли, случается и понынѣ,—разсказывалъ мнѣ словоохотливый арендаторъ одной изъ бесѣдокъ царицынскаго парка:—конечно, не на глазахъ у свѣта, а такъ, втихомолку, все больше въ темныя ночи; кому изъ мѣстныхъ крестьянъ нужно въ избенкѣ печку подправить, а кому и фундаментъ, вотъ и пользуются кирпичами замка. Замѣтте, съ каждымъ годомъ увеличиваются оконныя отверстія!

— А развѣ сторожей у васъ здѣсь нѣтъ?

— Сторожа-то у насъ имѣются, да, видно, плохо дѣло исполняютъ; года два тому назадъ цѣлая шайка воровъ прожила въ стѣнахъ замка; много времени прошло, пока ихъ замѣтили!

Конечно, нельзя не пожалѣть, что до сихъ поръ не принято никакихъ мѣръ для сохраненія этого историческаго памятника въ его строгой неприкосновенности.

Для лучшей иллюстраціи небрежнаго отношенія къ нему приведу въ примѣръ печальное состояніе одного изъ павильоновъ, близъ дворца. Въ немъ стоитъ конный патруль; вмѣсто пола—вскопанная лошадиными копытами—грязь; для стойлъ снято нѣсколько внутреннихъ каменныхъ стѣнъ, а многія оконныя отверстія прорублены до земли, чтобы удобнѣе было лошадямъ входить и выходить.

При такихъ обстоятельствахъ, пожалуй, и не жаль другого павильона ¹⁾, сданнаго теперь удѣльнымъ вѣдомствомъ въ аренду богатому московскому купцу Д., устроившему въ немъ свою дачу.

Вернемся къ нашему разсказу. Мы остановились на причинахъ прекращенія работъ надъ царицынскимъ дворцомъ и охлажденія къ нему императрицы, обративъ наше вниманіе на народное преданіе. То же продѣлываютъ и всѣ другіе изслѣдователи Царицына.

Однако мнѣ удалось найти еще крайне интересный отрывокъ въ приложеніяхъ писемъ Екатерины къ Гримму ²⁾, написанныхъ

¹⁾ На мѣстѣ прежнихъ палатъ князя Кантемира.

²⁾ Сборникъ имп. русск. ист. общ., т. XXIII, стр. 350. (4-го іюня 1785 г.).

Бесѣдка «Золотой снопъ».

рукою самой императрицы, отрывокъ, нѣсколько иначе освѣщающій данный вопросъ. Въ этой бумагѣ говорится, что 4-го іюня 1785 г. въ Москвѣ было неспокойно, происходили постоянныя вспышки народнаго волненія¹⁾. Утромъ государынѣ, остановившейся

¹⁾ Рѣчь, видимо, идетъ объ отголоскахъ Пугачевскаго бунта, сказавшихся и на столичной толпѣ.

въ Петровскомъ дворцѣ, пришлось даже бѣжать отъ преслѣдовавшихъ ее мятежниковъ въ Кремль, въ Успенскій соборъ, потомъ въ другую церковь, въ какой-то монастырь, а оттуда ѣхать въ село Коломенское.

«И здѣсь, не почитая себя въ безопасности,—говорится дальше,—государыня отправилась въ Царицыно, чтобы поставить между собой и мятежниками мѣстность, удобную для защиты и трудную для нападенія. Но никогда несчастье не бываетъ одинокимъ; утверждаютъ, что новыя извѣстія, пришедшія изъ Петербурга и полученные ея величествомъ при вѣздѣ въ Царицыно, очень встревожили императрицу. Она не нашла нужнымъ сообщать объ этомъ кому-либо изъ лицъ своей свиты и очень ловко придумала возраженія противъ постройки дворца; своды ей показались слишкомъ тяжелыми, комнаты слишкомъ низкими, будуары слишкомъ тѣсными, залы темными, лѣстницы узкими, и, такъ какъ деньги рѣдки, а хлѣбъ дорогъ, она очень пожалѣла о той суммѣ, которая была затрачена на постройку дворца. Потомъ она пустилась по окольнымъ лѣснымъ дорогамъ, по направленію снова къ Коломенскому и съ большою поспѣшностью закончила свои дѣла для внезапнаго отъѣзда изъ Москвы».

Судя по этому отрывку, Екатерина охладѣла къ своему новому помѣстью не потому, что оно, дѣйствительно, не понравилось ей или испугало ее своимъ внѣшнимъ видомъ. Надо полагать, что причиною послужило секретное извѣстіе, полученное ею изъ Петербурга.

Въ чемъ же заключалось это извѣстіе? Пока, за неимѣніемъ другихъ данныхъ, трудно отвѣтить; можно, однако, предположить, имѣя въ виду народное преданіе, что извѣстіе содержало предупрежденіе о заговорѣ противъ ея жизни, который хотѣли привести въ исполненіе именно здѣсь—въ Царицынѣ. Можетъ быть, петербургское извѣстіе носило другой характеръ?..

Во всякомъ случаѣ въ Царицыно Екатерина больше уже не возвращалась, и съ этихъ поръ оно оставалось въ полномъ, хотя и временномъ, забвеніи.

Человѣкъ, возродившій Царицыно, напомнившій о прежнемъ его блескѣ и славѣ, былъ управляющій дворцоваго вѣдомства—Петръ Степановичъ Валувѣвъ.

До него Царицыно, дѣйствительно, было въ забвеніи; пруды затянулись тиною, дорожки поросли травой, дворецъ и бесѣдки—кустарникомъ и мхомъ, пустота и безмолвіе основали тамъ свои владѣнія; но при новомъ начальникѣ оно явилось въ блескѣ оригинальной красоты своей.

Петръ Степановичъ живаль въ Царицынѣ со своимъ семействомъ въ лѣтнее время, отличался большимъ гостепріимствомъ и часто принималъ у себя бывшаго главнокомандующаго Москвы—Але

Царицынський міст.

ксандра Андреевича Беклешова, угощаль сельскимъ обѣдомъ и пріятною прогулкою ¹⁾).

Благодаря Валуеву, тихій, скромный уголокъ Кантемира—жалованное ему помѣстье «Черная Грязь», превратившееся при Екатеринѣ II въ мѣсто шумнаго веселья и блестящихъ придворныхъ праздниковъ, затѣмъ забытое и заглухшее на время, вновь возродилось и съ тѣхъ поръ постоянно разрасталось и сдѣлалось любимымъ дачнымъ пребываніемъ москвичей.

Въ настоящее время Царицыно превратилось въ цѣлый дачный городокъ. Справа отъ желѣзной дороги обстраивается Новое Царицыно съ болѣе мелкими и дешевыми дачами, слѣва расположено Старое, гдѣ по одну сторону прудовъ, южнѣе, находится главный дачный центръ, а по другую—на возвышенномъ берегу, покрытомъ густой зеленью, виднѣются верхи башенъ и блестящій крестъ на куполѣ царицынской церкви, за которой, сѣвернѣе, гнѣздятся избы селенія.

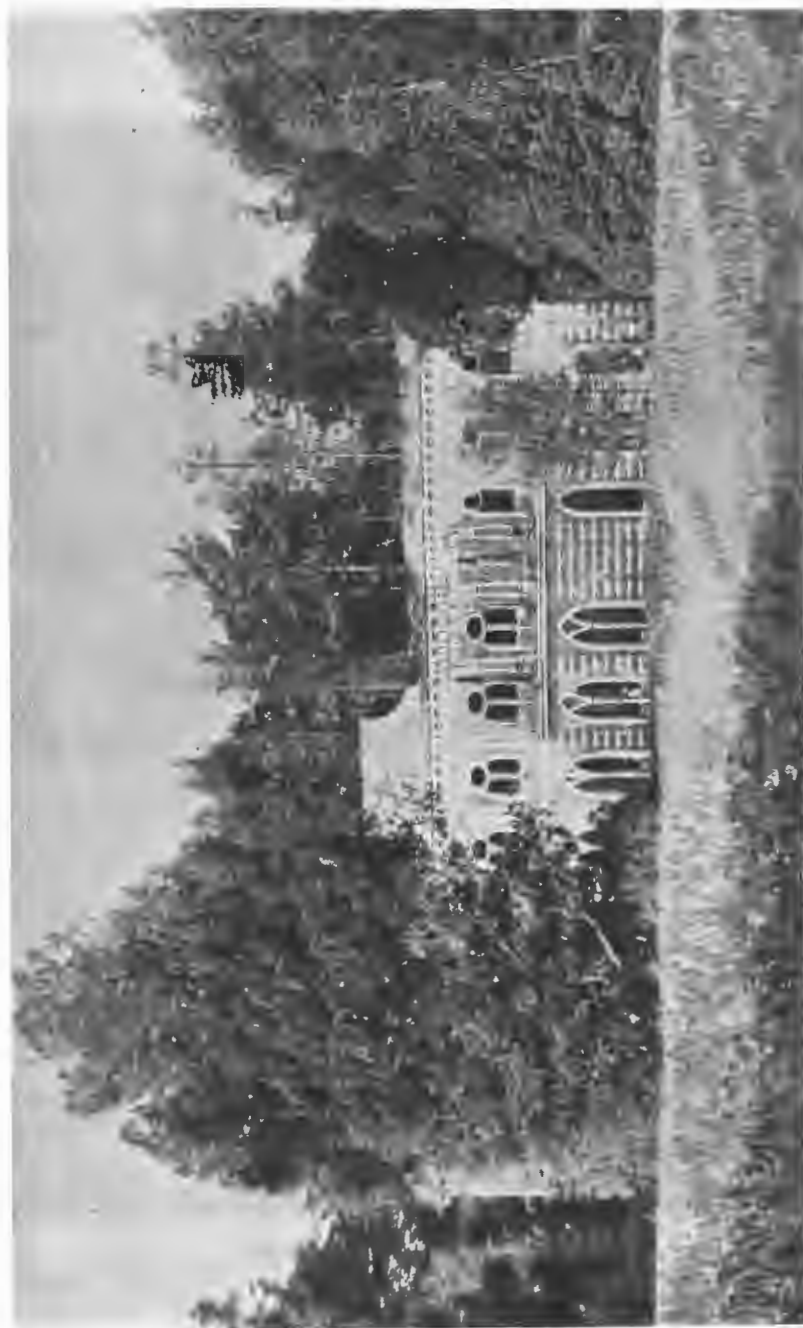
Еще не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до Царицына, замѣчаешь изъ окна вагона, сквозь зеленую сѣтку лѣсовъ, черныя высокія башни. Неужели это Царицыно?—спрашиваешь себя—мѣсто удовольствій и радостей, представляющееся воображенію миловиднымъ, привлекательнымъ, куда въ лѣтніе мѣсяцы пріѣзжаютъ москвичи цѣлыми семьями отдохнуть, повеселиться? И чѣмъ ближе подѣзжаешь къ Царицынѣ, тѣмъ кажется оно угрюмѣе, мрачнѣе. Далѣе представляется взорамъ верхняя часть дворца, также черная, суровая, подобная гробницѣ, окруженной монахами, недвижимо стоящими около нея съ потухшими факелами въ рукахъ.

Но вдругъ происходитъ странная игра оптики—видъ этотъ, не теряя своей величавости, перемѣняется въ самый пріятный, когда со станціи направляешься въ самые предѣлы замка, входяшь на улыбающійся и пестрѣющій цвѣтами и зеленью лугъ, окруженный густою дубравой и мягко спускающійся къ зеркальнымъ прудамъ; когда вступаешь на этотъ волнистый самородный бархатъ, декорация, дѣйствительно, перемѣняется, являются новыя картины.

Передъ нами развалины замка, окруженнаго красотой многолѣтняго запустѣнія: стѣны, поросшія мхомъ и легкимъ кустарникомъ, обломки внутреннихъ галерей, узкихъ проходовъ, остатки потаенныхъ лѣстницъ и сводовъ. Все это возбуждаетъ какой-то пріятный таинственный трепеть. Подъ этими полуразрушившимся смѣлыми сводами воображеніе получаетъ новую силу...

Возлѣ дворца находится небольшая бѣлокаменная церковь съ золотыми куполами. Лѣтомъ по воскреснымъ днямъ собирается въ ней большая праздничная толпа молящихся. Царицынская церковь

¹⁾ С. Любецкій. «Царицыно близъ Москвы». («Русскія Вѣдомости» 1867 г. № 82).

Оперный домъ.

Старыя ворта в паркѣ.

Остатки «Чортовой башни».

ведеть свое начало, какъ сказывалъ мнѣ сторожъ, со временъ Екатерины II; кромѣ трехъ-четырехъ старыхъ иконъ, относящихся къ 1737, 1739 и 1761 годамъ, въ ней мало замѣчательнаго.

За замкамъ весьма изящно расположены сады въ англійскомъ вкусѣ, съ широкими густыми аллеями, въ которыхъ и любопытные лучи солнца не могутъ проникнуть; разбѣгаются лабиринтные дорожки, и по нимъ, если угодно, можно ходить, не возвращаясь на слѣды свои.

Самая тѣнистая и темная изъ сихъ послѣднихъ извѣстна подъ именемъ Несторовой—название, данное ей Валугевымъ. Въ нѣкоторыхъ аллеяхъ находятся бесѣдки; лучшая изъ нихъ—Миловида; она стоитъ на горѣ и будто царствуетъ надъ всею тамошнею мѣстностью; сквозная арка ея составляетъ залъ и украшена расписнымъ потолкомъ; на верху фасада красуются два большихъ медальона: одинъ—съ изображеніемъ Потемкина, другой—Екатерины II; боковыя помѣщенія Миловиды устроены такъ, чтобы прїѣзжающіе въ Царицыно для гулянья могли расположиться въ нихъ нѣкоторымъ хозяйствомъ.

По преданію, Миловидой назвала эту бесѣдку сама Екатерина II; она любовалась отсюда красивыми видами и часто встрѣчала здѣсь восходъ. Дѣйствительно, видъ изъ этой бесѣдки поразительно прекраснѣй; полноводные пруды, масса лѣсовъ, задвигающихъ своими зыбкими стѣнами всю окрестность, змѣйки-дорожки, вьющіяся по саду,—все это представляетъ чарующую панораму.

«Между тѣмъ все общество подошло къ бесѣдкѣ, извѣстной подъ именемъ Миловиды,—говоритъ Тургеневъ, описывая въ «Наканунѣ» загородную поѣздку семейства Стаховыхъ, — и остановилось, чтобъ полюбоваться зрѣлищемъ царицынскихъ прудовъ. Они тянулись одинъ за другимъ на нѣсколько верстъ; сплошные лѣса темѣли за ними. Мурава, покрывавшая весь скатъ холма до главнаго пруда, придавала самой водѣ необыкновенно яркій, изумрудный цвѣтъ. Нигдѣ, даже у берега, не вспухала волна, не бѣлѣла пѣна; даже ряби не пробѣгало по ровной глади. Казалось, застывшая масса стекла тяжело и свѣтло улеглась въ огромной купели, и небо ушло къ ней на дно, и кудрявые деревья неподвижно глядѣлись въ ея прозрачное лоно».

Кромѣ Миловиды, встрѣчаются и другія бесѣдки: уединенно стоящая, полуразвалившаяся Старая Миловида (или храмъ Меланхоли), сходная по конструкціи съ предыдущимъ павильономъ, но носящая печать запустѣнія; однако отъ нея открывается не менѣе прекрасный видъ на противоположный берегъ и дальнѣйшія окрестности. Далѣе—бесѣдка «Золотой сношъ», представляющая собою каменный фундаментъ съ семью колоннами, на немъ расположенными и окружающими довольно высокій каменный пьедесталъ;

Царщынскій прудъ.

надъ всёмъ этимъ сооруженіемъ покоится полукруглый куполь съ металлическимъ снопомъ изъ золоченыхъ колосьевъ наверху.

Что же касается такъ называемыхъ бесѣдокъ Езопка и Хижина, о которыхъ упоминаютъ нѣкоторые изслѣдователи ¹⁾ Царицына, то онѣ теперь уже не существуютъ: ихъ построилъ Петръ Степановичъ Валувевъ, заботясь объ украшеніи мѣстности; устроенныя весьма оригинально изъ березовыхъ бревенъ съ корою, онѣ, вѣроятно, были разрушены временемъ, а, можетъ быть, ихъ снесли по приказанію начальства, лѣтъ 20 тому назадъ, такъ же, какъ и обломки крыши дворца, которую велѣно было совершенно уничтожить во избѣжаніе опасныхъ случаевъ для посѣтителей замка.

Кромѣ бесѣдокъ, въ саду сохранились: старый каменный мостъ, соединяющій два изумрудныхъ берега, оперный домъ, возлѣ него остатки старыхъ каменныхъ воротъ и обломки такъ называемой Чортовой башни.

Въ Царицынѣ есть и другой садъ—фруктовый—съ богатыми оражереями, которыя не имѣютъ равныхъ себѣ въ окрестностяхъ Москвы, по обширности своей и по достоинству дѣлаемыхъ въ нихъ плодовъ.

Царицынскіе большіе пруды полны жизни и украшаютъ всю окрестность своими колышущимися по зыби водъ ботиками, углыми лодочками и букетными островами; вода въ нихъ чиста, прозрачна; текутъ они изъ двухъ рѣчекъ и называются: Орѣховскій, Лазаревскій, Верхній, Хохловскій, Шапиловскій, Цареборисовскій; на двухъ послѣднихъ устроены мельницы, за ними журчатъ и шумятъ березовыя роицы; воды прудовъ, по рассказамъ дачниковъ, богаты аршинными щуками и большими карпами.

Лѣтъ 35 тому назадъ, какъ говорятъ мѣстные крестьяне, была поймана щука съ золотой серьгой, на которой виднѣлась корона и имя царицы Екатерины II.

Говорятъ также, что когда-то, чуть не лѣтъ 50 тому назадъ, здѣсь былъ пойманъ карпъ съ именемъ царя Бориса на сергѣ.

Въ 1886 г. тутъ же былъ пойманъ арендаторомъ царицынскихъ прудовъ большой осетръ съ золотой сергью въ губѣ, пущенный еще при Екатеринѣ II. При поимкѣ этого историческаго осетра въ неводъ, изъ Нижняго пруда, произошла дѣлая исторія. Вотъ какъ этотъ случай описываетъ въ своемъ московскомъ фельетонѣ Курепинъ:

«Когда приволокли въ сѣтяхъ осетра, арендаторъ былъ въ восторгѣ; но тутъ вмѣшался въ дѣло окружный надзиратель. Имѣя въ виду историческое значеніе осетра, надзиратель не позволилъ арендатору взять его, а предложилъ слѣдующее: устроить для

¹⁾ Любецкій, «Царицыно близъ Москвы» («Русскія Вѣдомости», 1867 г., № 82), Шаликовъ, «Царицыно» («Вѣстникъ Европы», 1804 г. ч. 15 № 10).

осетра особый садокъ, приставить солдата для охраны за счетъ арендатора и хранить осетра, пока онъ, назиратель, отпрапортууетъ въ удѣльную контору, а контора снесется съ дворцовымъ вѣдомствомъ и т. д., пока, словомъ, не воспослѣдуетъ окончательное распоряженіе высшаго начальства. Подумавъ, арендаторъ почесалъ въ затылкѣ и отпустилъ осетра на всѣ четыре стороны, а насчетъ всего изложеннаго былъ составленъ длинный протоколъ, впрочемъ, не длиннѣе осетра, который былъ въ 2 аршина 11 вершковъ¹⁾).

Итакъ, красота и разнообразіе окружающей природы—громадный тѣнистый паркъ, разбитый на холмистыхъ берегахъ, нѣсколько бесѣдокъ, пзъ которыхъ болѣе извѣстна Миловида съ чуднымъ видомъ изъ нея, пруды, то спрятавшіеся въ чащѣ зелени, то раскинувшіеся на громадномъ открытомъ пространствѣ, съ массою лыжъ и лодокъ и множествомъ рыбы; наконецъ, единственныя подь Москвой, по живописности и громадности, развалины дворца, «мрачнаго и грознаго», по словамъ Тургенева, «даже и въ полдень»,—все это составило славу Царицына и до сихъ поръ упрочиваетъ за нимъ постоянный наплывъ обитателей.

Н. М. Девель.

¹⁾ Пыляевъ, «Старая Москва».

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

**И. М. Радинъ. Учебникъ исторіи русскаго права. Спб. 1910 г.
Стр. 372. Ц. 2 р. 50 к.**

КАЗАННЫЙ учебникъ, какъ то значится на обложкѣ, «составленъ по программѣ императорскаго с.-петербургскаго университета по курсамъ профессоровъ М. А. Дьяконова, В. И. Сергѣевича и В. Н. Латкина». На оборотѣ титульнаго листа, кромѣ этихъ курсовъ, указана «литература», по которой, очевидно, былъ составленъ «Учебникъ», а именно: Дьяконова «Власть московскихъ государей»; Сергѣевича «Древности»; Латкина «Земскіе Соборы», Владимірскаго-Буданова «Обзоръ исторіи русскаго права. Христоматія» (вып. 1 и 2); Лаппо-Данилевскаго «Организація прямого обложенія» и Милюкова «Очерки по исторіи русской культуры». Вотъ и все.

Планъ учебника взятъ изъ подобныхъ же руководствъ. Часть 1-я (стр. 1—256) въ немъ посвящена «исторіи русскаго государственнаго права», трактуетъ въ отдѣльныхъ главахъ объ источникахъ права, территоріи, населеніи, власти и управленіи. Во второй части (257—371 стр.) излагается исторія русскаго уголовнаго и гражданскаго права, причѣмъ особыя главы посвящены уголовному праву, гражданскому праву, судоустройству и судопроизводству.

Въ планѣ «Учебника» есть одна особенность, которая, очевидно, принадлежитъ самому составителю его, а именно: всякій вопросъ въ немъ излагается сквознымъ путемъ, на протяженіи всѣхъ вѣковъ, съ древнѣйшаго времени и до XIX в. включительно, такъ что, говоря объ управленіи, составитель излагаетъ подъ рядъ, непосредственно одно за другимъ, исторію управленія древнихъ княжествъ, Московской Руси и управленіе въ періодъ имперіи. Такой порядокъ имѣетъ свои хорошія стороны; онъ удобенъ для запоминанія, но

онъ едва ли правиленъ съ научной точки зрѣнія: періодизація и безъ того вредитъ научному пониманію эпохъ, а такое продольное изложеніе всего курса, конечно, не даетъ правильнаго общаго представленія о какомъ-либо, хотя бы даже и яркомъ, періодѣ русской исторіи. Изложеніе поневолѣ пріобрѣтаетъ сухой схематичный характеръ.

По указанному плану составитель на протяженіи 371 стр. излагаетъ курсъ исторіи русскаго права. Обыкновенно университетскіе учебники гораздо болѣе значительны, такъ что сокращенное изложеніе было бы большимъ достоинствомъ учебника, если бы онъ въ своемъ изложеніи стоялъ на высотѣ современныхъ научныхъ требованій. Посмотримъ теперь, каково содержаніе учебника, насколько научно изложены въ немъ затронутые вопросы.

Конечно, въ немъ нельзя найти никакой одной общей идеи, одного научнаго пониманія, которое проходило бы по всей книгѣ, такъ какъ авторъ одни вопросы излагаетъ по книгѣ профессора Дьяконова, другіе по книгѣ профессора Сергѣевича, а третьи—по учебнику профессора Латкина. Какъ далеки между собой въ научномъ пониманіи многихъ вопросовъ нашей древности В. И. Сергѣевичъ и М. А. Дьяконовъ—извѣстно всякому, близко знакомому съ трудами того и другого ученаго. Конечно, изъ такого соединенія, кромѣ механическаго подбора фразъ и отдѣльныхъ страницъ, ничего иного выйти не можетъ.

Отсюда понятно, что составитель учебника, даже держась болѣе всего одного автора, не владѣя секретомъ научнаго пониманія, часто впадаетъ въ противорѣчія, неточности и прямыя ошибки. Такъ, напримѣръ, г. Радинъ, слѣдуя М. А. Дьяконову, о крестьянахъ говоритъ, что «центромъ прикрѣпленія была не земля, а землевладѣльцы», что нѣкоторыя «постановленія правительства могли исходить только изъ предположенія о личной крѣпостной зависимости крестьянъ отъ ихъ владѣльцевъ» (стр. 68). Но черезъ нѣсколько страницъ сообщается, что «крѣпостные крестьяне до 1762 г. оставались прикрѣпленными къ имѣніямъ служилаго дворянства» (стр. 72), значитъ были прикрѣплены къ землѣ (или, можетъ быть, къ хозяйскому инвентарю?), но во всякомъ случаѣ не къ своему владѣльцу. Здѣсь противорѣчіе очевидное, его нѣтъ въ книгѣ Дьяконова, но г. Радинъ, видимо, не замѣчая противорѣчія, добавилъ послѣднюю фразу отъ себя или же неудачно воспользовался другой какой-нибудь книгой.

Объясняя постановленія судебныхниковъ о крестьянскомъ отказѣ, г. Радинъ пишетъ: «судебникъ 2-й установилъ еще сборъ съ каждаго воза—«повозъ» по 2 алтына съ двора, какъ денежное возмѣщеніе за повозную повинность» (стр. 61). Нужно имѣть въ виду, что въ литературѣ «повозъ» объясняютъ двояко: одни считаютъ «повозъ»—сборомъ съ каждаго воза, который судебникомъ въ общемъ приравненъ къ двумъ алтынамъ (Сергѣевичъ, «Древности», I, стр. 244), а другіе (напримѣръ, Дьяконовъ, «Очерки древней Руси», стр. 320) повозъ понимаютъ, какъ денежное возмѣщеніе за повозную повинность, обыкновенно отбываемую зимой, по которую крестьянинъ, уходя въ Юрьевъ день, еще не успѣвалъ исполнить. Г. Радинъ, не различая этихъ двухъ взглядовъ, изъ которыхъ можно принять одинъ какой-либо, но не оба вмѣстѣ, механически соединяетъ ихъ въ одну фразу.

Затѣмъ укажу тамъ же на нѣкоторыя преувеличенія и ошибки: въ указахъ 1719 г. о переписи, вопреки сообщенію г. Радина, не было и рѣчи о привлеченіи къ тяглу «всѣхъ холоповъ»; помѣщики «стали продавать крестьянъ» не послѣ первой ревизіи только (73 стр.), но и гораздо раньше. Невѣрно утвержденіе, что «царствованіе Петра I было временемъ самой оживленной торговли живымъ товаромъ» (стр. 74), т.-е. крѣпостными; что «своего апогея» крѣпостное право достигло въ царствованія Екатерины II и Павла I: съ Павла I замѣтенъ явный поворотъ въ сторону улучшенія быта крестьянъ (см. изслѣдованія В. И. Семевскаго, Трифилъева). Неправильно указаніе, что «помѣщикамъ принадлежало право заключать браки крѣпостныхъ, не испрашивая согласія послѣднихъ» (стр. 76). Существовалъ указъ 1724 г., подтвержденный въ 1742 и 1767 гг., о томъ, чтобы помѣщики не принуждали крестьянъ къ браку, такъ что «права» у помѣщика на это не было.

Я отмѣтилъ неточности и ошибки г. Радина, допущенныя имъ на протяженіи десятка страницъ. Почти то же самое встрѣчается и во всей остальной книгѣ, такъ что о научности этой книги вопросъ рѣшается самъ собой.

Въ заключеніе я не могу не выразить пожеланія, чтобы этимъ «Учебникомъ» учащіеся пользовались возможно меньше: для ознакомленія съ наукой у насъ есть хорошіе курсы профессоровъ (Владимірскаго-Буданова, Сергѣевича, Дьяконова, Филиппова, Латкина), составленные ими послѣ долголѣтняго изученія науки и послѣ значительной практики въ области преподаванія; книгъ же, засоряющихъ умъ учащихся, читать не слѣдуетъ.

М. Ключковъ.

Сенатскій Архивъ. XIII. 1.—Протоколы правительствующаго сената по секретной экспедиціи 1764 и 1765 г. 2.—Указы и повелѣнія императрицы Екатерины II за іюль—декабрь 1763 и январь 1764 г. С.-Петербургъ. 1909 г. 8°. Стр. XXXVIII + 614.

Въ XIII томѣ «Сенатскаго Архива» обнародованы документы за 1763—1765 гг. и такимъ образомъ хронологически онъ является продолженіемъ XII тома, напечатаннаго въ 1907 году.

Содержаніе протоколовъ сената, помѣщенныхъ въ XIII томѣ «архива», касается мѣръ внѣшней и внутренней безопасности и финансовыхъ дѣлъ. Въ нихъ идетъ рѣчь: о пограничныхъ отношеніяхъ, китайскихъ, персидскихъ, крымскихъ и польскихъ, о защитѣ и заселеніи границъ, о мѣрахъ охраненія народнаго здравія и борьбы съ заразными болѣзнями. Много вниманія привлекали дѣла малороссійскія.

Изъ этихъ протоколовъ видно, кромѣ того, какими финансовыми дѣлами особенно занимался сенатъ: его преимущественно озабочивали: торговля, питейные сборы, винные откупа, горное дѣло и поташное производство.

Болѣе разнообразнымъ содержаніемъ отмѣчаются многочисленныя (числомъ 330) высочайшіе указы и повелѣнія. Редакція «архива» разбила ихъ на шесть группъ. Первая—относится къ дѣламъ международнымъ, какъ-то: «презенты» представителямъ иностранныхъ державъ и денежныя выдачи нашимъ диплома-

тическимъ агентамъ. Изъ послѣднихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ асигновки нашимъ дипломатамъ, находящимся въ Польшѣ.

Вторая группа—дѣла военныя: какъ-то—о военной комиссіи, оборонѣ границъ и обмундировкѣ войскъ; обѣ эти группы сравнительно скудны и количествомъ документовъ и заключающимися въ нихъ свѣдѣніями.

Большинство указовъ и повелѣній говорятъ о служебныхъ назначеніяхъ, увольненіяхъ и перемѣщеніяхъ и пожалованіяхъ. Особенно интересны документы «о пожалованіяхъ», богатые свѣдѣніями о служебной дѣятельности чиновничества XVIII вѣка. Среди этихъ же бумагъ находятся: указъ о пожалованіи М. Ломоносова въ статскіе совѣтники съ жаловаціемъ 1875 рублей въ годъ, и бумага о награжденіи бывшаго канцлера графа А. П. Бестужева-Рюмина, сосланнаго съ опалой въ концѣ царствованія Елизаветы Петровны.

Четвертая группа дѣлъ относится къ администраціи и полиціи—въ ней есть данныя о выработкѣ полицейскаго устава, о паспортной системѣ и т. п. Пятая—касалась дѣлъ финансовыхъ, а шестая—судебныхъ. Раздѣляя высочайшіе указы и повелѣнія по формѣ на четыре вида, редакція сообщаетъ, что въ изданномъ томѣ архива напечатано 119 указовъ, 73 резолюціи, 34 конфирмаціи и 53 словесныхъ повелѣній. Какъ и во всякомъ подобнаго рода собраніи сырыхъ матеріаловъ, при такомъ обиліи его, чрезвычайное значеніе имѣютъ два условія, вполне соблюденныя въ новомъ изданіи документовъ сенатскаго архива: редакція текста печатаемыхъ бумагъ и указатели, облегчающіе пользованіе ими.

Матеріалъ, вошедшій въ XIII томъ сенатскаго архива, подвергнуть тщательной провѣркѣ, послѣ которой «всѣ документы, сохранившіеся въ сенатскомъ архивѣ, въ книгахъ именныхъ указовъ и книгахъ протоколовъ сената (по секретной экспедиціи)», отпечатаны цѣликомъ. Относительно документовъ, уже опубликованныхъ въ «Полномъ собраніи законовъ», даются указанія на то, гдѣ они помѣщены, и приводится заголовокъ, а также и разница редакцій, если таковая существуетъ, и какія-либо приложенія къ документу, не попавшія въ «Полное собраніе законовъ».

Пользованіе разнообразнымъ богатымъ и сложнымъ матеріаломъ выпущеннаго тома архива облегчено прекраснымъ и обстоятельнымъ предисловіемъ и подробнымъ оглавленіемъ, составленнымъ съ большою тщательностью, причемъ въ цѣляхъ отчетливости порядка документовъ и для быстроты ихъ находенія введена ихъ нумерація.

Въ концѣ тома помѣщены три указателя: именъ личныхъ, географическій и предметный. Каждый изъ этихъ указателей отпечатанъ особо, что отличаетъ опять-таки редакцію этого тома отъ прежней. Предметный указатель, кромѣ того, очень подробенъ, а въ изданіяхъ, подобныхъ разбираемому, это огромное достоинство.

Наконецъ документы снабжены подстрочными примѣчаніями, поясняющими печатаемые тексты и ставящими ихъ въ связь съ ранѣе обнародованными документами сенатскаго архива.

Даже самый внѣшній видъ выпущеннаго тома, обложка, бумага, шрифтъ, даже та мелочь, что заглавіе тома отпечатано и на обложкѣ и на корешкѣ выгодно отличаютъ новый томъ «Сенатскаго Архива» отъ его предшественниковъ.

которые подобно XII тому (1907 года) были лишь перепечаткой (правда, добросовѣстной) документовъ, хранящихся въ архивѣ, съ простымъ азбучнымъ указателемъ. Эти качества новаго тома архива объясняются тѣмъ, что дѣло изданія его было поручено людямъ, близко стоящимъ къ наукѣ. Главное руководство имъ принадлежитъ инспектору архива И. А. Блинову. Къ редактированію матеріаловъ были привлечены лица, которымъ наука русской исторіи близка и дорога: при изданіи ихъ «пользовались совѣтами и указаніями профессора С. Ѳ. Платонова», редакція всего тома принадлежитъ прив.-доц. С.-Петербургскаго университета М. В. Клочкову, которому помогали чины архива. Дружная работа этихъ лицъ и дала тѣ прекрасные результаты, о которыхъ упомянуто выше. Остается лишь пожелать, чтобы и дальнѣйшіе томы «Сенатскаго Архива» такъ же стояли на высотѣ современныхъ научныхъ требованій, какъ и нынѣ вышедшій изъ печати.

В. Ф— ко.

**В. П. Алексѣевъ. Разказы изъ русской исторіи съ рисунками.
Выпускъ первый. М. 1909. Стр. 242—II. Ц. 70 к.**

Съ именемъ В. П. Алексѣева связано въ русской учебно-исторической литературѣ немало отдѣльныхъ разказовъ эпизодическаго характера, заслуженно пользующихся нѣкоторымъ успѣхомъ. Настоящимъ сборникомъ онъ хочетъ прийти на помощь учащимся младшаго возраста, которые обречены зубрить тяжеловѣсные учебники гг. А. Острогорскаго, И. Белляринова и др. Имѣя въ виду возрастъ своихъ читателей, авторъ помѣстилъ въ сборникѣ разказы небольшого объема, а въ случаѣ ихъ неизбѣжной пространности прибѣгалъ къ раздѣленію ихъ на нѣсколько частей, на эпизоды съ самостоятельными подзаголовками. Всѣ разказы расположены въ хронологическомъ порядкѣ, хотя и безъ тѣсной внутренней связи между собою, и обнимаютъ главнѣйшіе факты начальной русской исторіи до 1612 года. Языкъ разказовъ довольно простой, вполне понятный юнымъ читателямъ. При этомъ В. П. Алексѣевъ старался разнообразить свое изложеніе введеніемъ рисунковъ съ лучшихъ историческихъ картинъ, живой рѣчи дѣйствующихъ лицъ и небольшихъ выдержекъ изъ народной поэзіи.

Признавая этотъ первый сборникъ «Разказовъ», за которымъ, вѣроятно, появятся вскорѣ второй и третій, довольно удачнымъ и отвѣчающимъ своему назначенію, мы, однако, не можемъ воздержаться отъ нѣкоторыхъ замѣчаній. Прежде всего, намъ кажется, что помѣщаемые въ книжкѣ рисунки такъ или иначе должны быть оговорены или упомянуты въ текстѣ. В. П. Алексѣевъ не всегда это имѣлъ въ виду. Въ статейкѣ: «Нашествіе татаръ» находимъ на стр. 81 рисунокъ древне-русскаго вооруженія, о которомъ въ текстѣ ни раньше, ни послѣ не говорится ни слова, кромѣ отдѣльныхъ упоминаній. На стр. 53 находимъ картинку: «Памятникъ на мѣстѣ крещенія въ Кіевѣ», а въ текстѣ о немъ ни слова. На стр. 167 помѣщена картина: «Царь Иванъ IV у гроба убитаго сына Ивана»; между тѣмъ въ текстѣ также ни единого слова объ этомъ фактѣ, въ виду чего эта мрачная картинка является, пожалуй, совершенно лишней. Не находимъ мы умѣстными и такія картинки, какъ, напримѣръ:

«Послѣ битвы князя Игоря съ половцами» (стр. 75), «Куликовская битва» (стр. 105), «Паденіе Новгорода» (стр. 125), «Московскій кремль» (стр. 119), «Покореніе Сибири» (стр. 187) и др., тѣмъ болѣе, что эти сравнительно миниатюрные рисунки крайне неясны, неразборчивы и не сообщаютъ никакого представленія о фактѣ.

Присматриваясь къ самому изложенію, мы находимъ не вполне удачнымъ слѣдующее. Разсказъ о Кіево-Печерскомъ монастырѣ авторъ заканчиваетъ словами: «По смерти своего перваго игумена Кіево-Печерскій монастырь продолжалъ все больше и больше умножаться и богатѣть» (стр. 64) и сейчасъ же продолжаетъ: «Въ это время уже не было въ живыхъ и князя Ярослава. Онъ умеръ въ 1054 году», и затѣмъ говоритъ объ его послѣднемъ дѣлѣ—«изданіи (?) законовъ»—«Русской Правды». Все это, несомнѣнно, умѣстнѣе было бы напечатать на стр. 59 въ концѣ разсказа объ Ярославѣ Мудромъ. Разсказывая объ угощеніи пословъ московскимъ государемъ (стр. 137), авторъ почему-то называетъ въ числѣ многочисленныхъ кушаній однихъ «журавлей»; въ статьѣ «Земскій соборъ» (стр. 113 и др.) ни слова о земщицѣ и вообще очень тускло о составѣ собора. Затѣмъ Дмитрія Ивановича (Донского) слѣдовало бы связать съ Калитой, а не разсматривать совершенно отдѣльно. Подобнаго рода недочеты можно было бы пополнить на счетъ безусловно лишннихъ въ начальной книгѣ такихъ разсказовъ, каковъ, напримѣръ, разсказъ: «Постриженіе великой княгини», на стр. 143—144, производящій одно тяжелое впечатлѣніе.

Въ заключеніе не можемъ не посовѣтовать автору придерживаться новѣйшаго и болѣе употребительнаго правописанія слова «келія» вмѣсто принятаго авторомъ: «келлія», а также избѣгать опечатокъ въ родѣ слѣдующихъ: на стр. 108—«Изъ Варягъ въ Грецію» (?) вмѣсто «Греки», и затѣмъ «въ Византію, столицу Грекъ» (?), вмѣсто Греціи; или на стр. 112—«не сносили гнетъ» вмѣсто гнета, и др. Не мѣшало бы также послѣ оглавленія статей помѣстить и оглавленіе рисунковъ.

В. Р.—въ.

Ан. Титовъ. Проповѣди святителя Дмитрія, митрополита ростовскаго, на украинскомъ нарѣччі. М. 1909. Стр. X + 134.

Вышеназванная книжка А. А. Титова появилась въ свѣтъ по случаю недавно исполнившагося двухсотлѣтія со времени смерти святителя Дмитрія, митрополита ростовскаго; но въ то же время ею издатель хотѣлъ внести и свою лепту въ области разработки, исправленія и болѣе широкаго ознакомленія публики съ произведеніями святителя. Оказывается, что, несмотря на признаніе ряда изслѣдователей о высокой цѣнности и назидательности сочиненій Дмитрія Ростовскаго, они «до сихъ поръ не изданы полностью въ переводѣ на русскій языкъ, да и существующія изданія на славянскомъ языкѣ нельзя признать удовлетворительными съ точки зрѣнія ихъ полноты». Сопоставляя уже напечатанный текстъ проповѣдей съ различными рукописями своего обширнаго собранія, нынѣ хранящагося въ императорской публичной библиотекѣ, и съ рукописями кіевской духовной академіи, А. А. Титовъ нашелъ въ нихъ цѣлый рядъ пропусковъ, недосмотровъ, неточностей и т. п. Желая устранить послѣднія, онъ рѣшился, послѣ тщательной «переработки», издать проповѣди

на украинскомъ языкѣ, вводя въ текстъ ихъ лишь цитаты однородной и общепринятой формы съ обозначеніемъ мѣстъ св. Писанія, изъ которыхъ взяты приводимые тексты. «Сдѣлать это представлялось необходимымъ,—пишетъ онъ,—потому, что цитация, помѣщенная въ рукописяхъ, далеко не полна, неточна, спутана, въ нѣкоторыхъ спискахъ она приводится на латинскомъ языкѣ, а въ другихъ ея и вовсе не имѣется».

Напечатанныя А. А. Титовымъ проповѣди святителя Димитрія, числомъ восемь (до сихъ поръ въ печати этого рода проповѣдей съ именемъ святителя Димитрія было извѣстно только шесть, изданныхъ въ славянскомъ переводѣ), относятся къ 1685—1700 гг., ко времени пребыванія его на Украинѣ. Несомнѣнно, что многія изъ нихъ не сохранились или еще не найдены, такъ какъ святитель Димитрія былъ въ то время извѣстный казнодѣй (проповѣдникъ) Кіево-Печерской лавры.

Вотъ эти проповѣди въ порядкѣ ихъ напечатанія издателемъ: 1) «Слово въ недѣлю 7-ю по Пасхѣ», трактующее о «познаніи Бога путемъ вѣры и любви» и относящееся къ послѣднимъ годамъ пребыванія святителя на Украинѣ. 2) «Слово I на Сочествіе Св. Духа», произнесенное въ кіевскомъ Кирилловскомъ монастырѣ въ 1693 году и имѣющее предметомъ поученія «способы прославленія Бога въ тѣлѣ и душѣ». 3) «Слово на Св. Троицу», произнесенное въ 1698 году въ Батуригѣ. 4) «Слово въ недѣлю 27-ю о женѣ смятенной», впервые появляющееся въ печати по единственной рукописи. 5) «Слово на Успеніе Пресвятыя Богородицы», также впервые печатаемое и также по единственной рукописи, было произнесено святителемъ въ 1693 году въ Кіево-Печерской лаврѣ. 6) «Слово на Рождество Христово», наиболѣе популярное, было произнесено въ 1698 году въ Черниговѣ. 7) «Брань святаго архистратига Михаила съ седмоглавнымъ зміемъ». Эта проповѣдь, заключающая въ себѣ «изображеніе битвы между седмоглавнымъ зміемъ (дьяволомъ), каждая голова котораго олицетворяетъ одинъ изъ смертныхъ грѣховъ, и седморожнымъ агнцемъ (Христомъ), каждый рогъ котораго олицетворяется однимъ изъ семи архангеловъ», была произнесена въ кіевскомъ Михайловскомъ монастырѣ въ 1697 году. И 8) «Пирамисъ Иннокентія Гизеля». Это—первая изъ сохранившихся до нашего времени проповѣдей святителя; произнесена въ Кіево-Печерской лаврѣ 24-го февраля 1685 года; въ ней проповѣдникъ «воздвигаетъ мысленную пирамиду, уподобляя Гизеля, какъ столпа церкви Божіей, столпу храма Соломонова».

Всѣ почти вышеприведенныя проповѣди святителя Димитрія носятъ весьма замѣтные слѣды вліянія греко-латинской школы, съ ея своеобразнымъ отношеніемъ къ формѣ и соержанію проповѣди, съ ея склонностью къ аллегорическому толкованію, и вліянія пышной реторики западныхъ проповѣдниковъ, въ особенности польскихъ казнодѣевъ.

Такой характеръ проповѣдей святителя Димитрія весьма рѣзко измѣнился съ переходомъ его въ ростовскую митрополию: тамъ нужно было слово краткое, простое и жизненное, и новый митрополитъ очень скоро далъ рядъ образцовыхъ проповѣдей этого рода:

Изданіе выполнено довольно тщательно и съ внѣшней стороны не оставляетъ желать ничего лучшаго.

В. Рудаковъ.

Charles de Larivière. La France et la Russie au XVIII siècle. Etudes d'histoire et de la littérature franco-russe. Paris. 1909. P. 341. Pr. 3 fr. 50.

Основатель и бывший редакторъ журнала «La Revue des Etudes franco-russes» Шарль де-Ларивьеръ издалъ первую часть задуманнаго имъ труда, посвященнаго исторіи сношеній Россіи съ Франціей. Г. де-Ларивьеръ не новичокъ въ области франко-русскихъ отношеній. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ имъ изданъ большой трудъ о Екатеринѣ II въ ея отношеніяхъ къ французской революціи; онъ пользуется извѣстностью и въ русскомъ учено-литературномъ мірѣ и состоитъ дѣйствительнымъ членомъ московскаго общества исторіи и древностей російскихъ.

Первая часть его труда, подъ общимъ заглавіемъ «La France et la Russie au XVIII siècle», распадается на нѣсколько статей, отчасти уже напечатанныхъ авторомъ въ специальныхъ историческихъ журналахъ и посвященныхъ Екатеринѣ II въ ея сношеніяхъ съ выдающимися людьми современной ей Франціи: Даламберомъ, котораго она тщетно приглашала въ Петербургъ, предлагая ему взять на себя воспитаніе великаго князя Павла Петровича; натуралистомъ Бюффономъ, Во-марше, виднымъ дѣятелемъ изъ лагеря эмигрантовъ графомъ Эстергази, сумѣвшимъ снискать ея расположеніе и игравшимъ нѣкоторую роль при русскомъ дворѣ, наконецъ, съ небезызвѣстнымъ экономистомъ школы Кенэ Мерсье де-Ларивьеромъ—однимъ изъ тѣхъ наивныхъ мечтателей, которые полагали возможнымъ заново перестроить всю Русь, издавъ для нея законы въ духѣ Монтескье и Беккари. Послѣдняя статья посвящена дѣтству и отрочеству императора Николая, достаточно извѣстному въ нашей литературѣ, и потому не представляеть для насъ особаго интереса.

Книга г. де-Ларивьера написана по преимуществу по русскимъ источникамъ, главнымъ образомъ на основаніи переписки императрицы Екатерины II, опубликованной въ «Сборникѣ императорскаго русскаго историческаго общества». Кое-какіе, впрочемъ, матеріалы, въ видѣ официальной переписки и донесеній, извлечены авторомъ изъ архивовъ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, но они не мѣняютъ картины, какъ она сложилась и въ имѣющихъ уже трудахъ о сношеніяхъ Екатерины съ перечисленными лицами, выясняя лишь нѣкоторыя мелкія подробности.

А. В.

Записки общества исторіи, филологіи и права при императорскомъ варшавскомъ университетѣ. Вып. 4. Варшава. 1909. 8°. Стр. 5—254. Ц. 1 р. 50 к.

Четвертый выпускъ «Записокъ» посвященъ обществомъ первому своему предсѣдателю Ѳ. И. Леонтовичу, по поводу сорокалѣтняго юбилея его ученой дѣятельности (1863—1908). Вслѣдствіе этого всѣ шесть статей этого юбилейнаго выпуска носятъ историческій характеръ, хотя къ исторіи русскаго права относятся только три изъ нихъ, именно Ѳ. В. Тарановскаго—«Норманская теорія въ исторіи русскаго права»; В. А. Францева—«Къ біографіи В. А. Мацѣевскаго» и Г. В. Демченка—«Изъ исторіи судоустройства въ древней Россіи». Первая изъ нихъ не

20*

береть норманской теоріи въ ея цѣломъ, а только въ ея отношеніи къ исторіи русскаго права и останавливается, главнымъ образомъ, на М. П. Погодинѣ. Профессоръ В. А. Францевъ сообщаетъ очень интересныя новыя біографическія свѣдѣнія объ извѣстномъ польскомъ историкѣ права Мацѣевскомъ, работа котораго «*Historya prawodawstw slowianskich*» привлекла на себя вниманіе всей ученой Европы и въ концѣ концовъ попала въ папскій «*Index librorum prohibitorum*», что очень подѣйствовало на самого Мацѣевского. Книги его остаются запрещенными еще и теперь. Третья статья Г. В. Демченка документально выясняетъ по старымъ и новымъ даннымъ, что участіе представителей народа въ нашихъ судахъ должно считаться издревнимъ, а не новшествомъ XIV—XV вѣка.

Далѣе обращаетъ на себя вниманіе статья И. И. Замотина—«Русская Нора и ея духовныя стремленія», въ которой авторъ, обзрѣвая драматическую литературу въ сборникахъ «Знаніе» за 1905 годъ, отмѣчаетъ близость этой литературы къ своему прототипу—«Норѣ» Ибсена и попутно высказывается за необходимость расширенія высшаго женскаго образованія.

Совѣтъ иной характеръ носитъ обширная статья Е. В. Спекторскаго по исторіи философіи XVII вѣка подъ заглавіемъ «Эргардъ Вейгель, забытый рационалист XVII вѣка». Вопреки общему пренебрежительному тону по отношенію къ этому мыслителю, отчасти и вовсе забытому, Е. В. Спекторскій цѣлымъ рядомъ внушительныхъ выдержекъ изъ его сочиненій доказываетъ, что въ свое время Вейгель считался знаменитымъ ученымъ, привлекалъ къ себѣ въ ученики такія силы, какъ Лейбницъ и Пуффендорфъ, косвенно влиялъ на Спинозу и т. д. Оказывается, что многое изъ того, что цѣнится у учениковъ Вейгеля, въ зародышѣ принадлежало ему и отъ него заимствовано.

Въ заключеніе надо сказать объ статьѣ Н. И. Любовича о второмъ международномъ историческомъ конгрессѣ въ Берлинѣ въ 1908 году, которая, очень мѣтко характеризуя этотъ не вполне удавшійся конгрессъ, даетъ рядъ цѣнныхъ свѣдѣній для тѣхъ, кто на немъ не былъ, но вообще интересуется историческими конгрессами и желалъ бы принять въ нихъ участіе.

Таково содержаніе четвертаго выпуска записокъ общества. Такъ какъ послѣднее считаетъ въ средѣ своихъ членовъ главнымъ образомъ профессоровъ варшавскаго университета, то и авторами перечисленныхъ статей являются настоящіе или недавно бывшіе профессора этого университета, жизнь въ которомъ бьетъ теперь полнымъ ключомъ.

П. В. В.

Прив.-доцентъ А. И. Успенскій. Очерки по исторіи русскаго искусства. Русская живопись до XV вѣка включительно. Томъ I. Изъ лекцій, читанныхъ въ московскомъ археологическомъ институтѣ въ 1908—9 академическомъ году. Москва. 1910 г.

Въ первой части своего труда авторъ подробно разсматриваетъ всѣ извѣстные памятники фресковой живописи и мозаики. Во второй части обстоятельно трактуетъ о русскихъ лицевыхъ рукописяхъ за указанный періодъ времени. Если въ первой части своего сочиненія авторъ не имѣлъ возможности сдѣлать какихъ-либо новыхъ открытій, ограничившись подробнымъ разсмотрѣніемъ

мозаикъ, фресокъ и древнѣйшихъ иконъ, то вторая часть представляетъ собою вполне оригинальное и обстоятельное изслѣдованіе, въ которомъ авторъ знакомитъ насъ со множествомъ интереснѣйшихъ произведеній русской миниатюры. Здѣсь онъ даетъ полную возможность прослѣдить какъ ходъ развитія этого искусства въ Россіи, такъ и различныя иностранныя вліянія на него, начало которыхъ нужно искать въ очень отдаленномъ прошломъ.

Въ заглавіи сказано: «Изъ лекцій по исторіи русскаго искусства, читанныхъ въ московскомъ археологическомъ институтѣ». Но, собственно говоря, эти очерки не представляютъ собою обычнаго вида лекцій, гдѣ профессоръ, избравъ для себя какой-либо небольшой уголокъ преподаваемой имъ отрасли знаній, старается познакомить читателя во всей полнотѣ со всѣми своими выводами и заключеніями по данному вопросу, нерѣдко совершенно игнорируя интересы людей, жаждущихъ получить всестороннее и міровое знакомство съ цѣлымъ предметомъ. Трудъ А. И. Успенскаго, являясь счастливымъ исключеніемъ изъ такого ряда лекціонныхъ изданій, вноситъ капитальный вкладъ въ науку исторіи русскаго искусства, ксати сказать, весьма небогатую крупными самостоятельными учеными работами. Разсматриваемая книга, несомнѣнно, будетъ настольной для всякаго занимающагося изученіемъ исторіи отечественной художественной археологіи. Къ ней будетъ обращаться обязательно всякій специалистъ, наравнѣ съ начинающимъ студентомъ. Чтобы убѣдиться въ полнотѣ и тщательности, съ которыми А. И. Успенскій разсматриваетъ каждый изъ отдѣловъ русскаго искусства, укажемъ на важнѣйшіе памятники, занимающіе страницы текста новаго труда.

Въ отдѣлѣ русской иконописи, послѣ общаго знакомства съ происхожденіемъ русской религіозной живописи, указываются первые иконописцы преп. Алимпій († 17 августа 1114 г.), св. Петръ митрополитъ († 1321 г.), св. Стефанъ пермскій, преподобный Игнатій Златый, преподобный Діонисій Глушицкій и ихъ иконописные труды. Отдѣльное мѣсто отведено знаменитому Андрею Рублеву († 1430 г.) и его товарищу Даниилу Черному. Послѣ обзорѣнія ихъ личностей и трудовъ, авторъ даетъ общую характеристику иконописи до XV вѣка включительно. Не забылъ авторъ указать и на вліянія на русскую живопись южныхъ славянъ (сербо-болгарское и младо-влахійское).

Въ отдѣлѣ фресковой и мозаичной живописи разсматриваются: фрески Кіево-Софійскаго собора въ Новгородѣ, Спаса-Преображенія въ Нередицахъ (1199 г.), фрески церкви св. Николая на Липиѣ, церкви Георгія въ Старой Ладогѣ, церкви Благовѣщенія на Аркажѣ (1189 г.), церкви Спаса-Преображенія въ Новгородѣ (1378 г.), церкви св. Θεодора Стратилата въ Новгородѣ, на Торговой сторонѣ (XIV вѣка), церкви Спаса-Преображенія на Ковалевѣ (1380 г.), остатки фресокъ 1363 г. въ Успенской церкви на Волотовѣ полѣ, знаменитыя фрески XII вѣка Преображенскаго храма въ Спасо-Мирожемскомъ монастырѣ. Далѣе слѣдуютъ фресковые памятники Владимиро-Суздальской области— Преображенскаго собора Бориса и Глѣба въ Кидекшѣ и Покрова на Нерли, фрески Успенскаго собора во Владимирѣ на Клязьмѣ, Дмитріевскаго собора во Владимирѣ, остатки фресокъ Успенскаго Звенигородскаго собора. Памятники фресковой живописи закончены обзоромъ типическихъ чертъ въ роспи-

сяхъ древне-русскихъ храмовъ. Въ отдѣлѣ миниатюръ А. И. Успенскій приводитъ слова проф. Н. П. Лихачева, который замѣчаетъ, «что исторія миниатюры русскихъ рукописей находится еще въ періодѣ воспроизведенія памятниковъ и собиранія частичныхъ наблюдений надъ обширнымъ, далеко не вполне обследованнымъ матеріаломъ». Въ рассматриваемомъ трудѣ можно отдать полную справедливость тому, что Успенскій не только собралъ во едино и подробнѣйше описалъ всѣ извѣстныя намъ миниатюры до XV вѣка, но и критически провѣрилъ памятники.

За отдѣломъ миниатюръ слѣдуютъ очерки рукописнаго орнамента и техники иконописанія въ Россіи.

Сказаннаго о содержаніи труда А. И. Успенскаго достаточно, чтобы засвидѣтельствовать, какая огромная услуга оказана наукѣ, какъ много новаго предложено учащимся, какъ своевременно появились «Очерки», когда въ наши дни все болѣе и болѣе возрастаетъ интересъ къ изученію національнаго искусства. Что касается иллюстрацій, то количество ихъ пріятно поражаетъ читателя своимъ обиліемъ. На 112 таблицахъ (большинство которыхъ исполнено фототипически) мы впервые видимъ въ фотографіяхъ фрески знаменитаго собора Спаса въ Нередицахъ, Спасо-Мирожскаго монастыря. Въ полномъ же своемъ объемѣ впервые изданы драгоцѣнныя миниатюры Бориса и Глѣба XIV вѣка и Откровенія Авраама, миниатюры изъ Хлудовской Симоновской псалтири (около 1280 года), любопытная, чрезвычайно характерная Толковая папая 1477 г. изъ московской синодальной (патріаршей) бібліотеки № 210. Не лишнее отмѣтить, что на таблицѣ LXII А. И. Успенскій воспроизводитъ превосходную миниатюру изъ евангелія московской епархіальной бібліотеки № VII³/₁₀, приписываемую Андрею Рублеву. Сличеніе этой миниатюры съ иконою св. Троицы Троицкой лавры, которая впервые предстала для ученаго изслѣдователя въ своемъ первоначальномъ видѣ лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ, говоритъ за правдоподобность преданія. Что касается рисунковъ, уже бывшихъ раньше въ печати, А. И. Успенскимъ повторено очень немного; это мозаики и фрески Кіева, миниатюра Изборника Святослава, а также Остромирова и Мегиславова евангелій. Несомнѣнно, такое обиліе новыхъ рисунковъ освѣжитъ по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время и значительно пополнитъ запасъ художественнаго матеріала для лицъ, работающихъ въ рассматриваемой области. Уже и такъ наскучили своимъ однообразіемъ повторяющіеся въ изданіяхъ одни и тѣ же рисунки.

Нельзя не пожелать скорѣйшаго появленія II тома такъ роскошно начатаго труда А. И. Успенскаго.

Владимиръ Клейнъ.

«Русскій Филологическій Вѣстникъ». Учено-педагогическій журналъ, издаваемый подъ редакціей профессора Е. Ѳ. Карскаго. Варшава. 1909.

«Русскій Филологическій Вѣстникъ» въ Варшавѣ и «Филологическія Записки» въ Воронежѣ являются единственными у насъ частными изданіями, посвященными вопросамъ русской филологіи. Но о послѣднемъ журналѣ, когда-то поднятномъ на большую научную высоту такими филологами, какъ Потебня, Весе-

ловскій и др., приходится въ настоящее время говорить съ оговорками. По смерти своего основателя Хованскаго «Филологическія Записки» начали какъ-то падать и теперь большею частью пробавляются отрывочными переводами, мелкими статьями и далеко не блещутъ извѣстными именами въ числѣ своихъ сотрудниковъ. «Русскій Филологическій Вѣстникъ» продолжаетъ сохранять установленную за нимъ репутацію серьезнаго научнаго органа русской филологіи, и среди его сотрудниковъ мы находимъ самыя крупныя имена русской филологической науки.

Въ настоящей рецензій, оставляя въ сторонѣ слишкомъ спеціальныя статьи «Русскаго Филологическаго Вѣстника», посвященныя русскому и славянскому языкознанію, акад. А. И. Соболевскаго, Г. А. Ильинскаго, епископа Меѳодія, П. Орѣшкова и др., укажемъ на статьи журнала, имѣющія общій интересъ, именно относящіяся къ исторіи русской литературы. Самой крупной по объему статьёй журнала за нынѣшній годъ является трудъ С. И. Брайловскаго: «Къ вопросу о пушкинской плеядѣ», начатый печатаніемъ еще въ 1908 году. Статья посвящена изслѣдованію литературной дѣятельности О. М. Сомова, писателя 20—30 гг., имѣвшаго близкое отношеніе къ Пушкину, Гоголю, Дельвигу, Рылѣеву и другимъ декабристамъ, Булгарину и пр. С. И. Брайловскій выясняетъ составъ литературнаго багажа Сомова и его участіе въ современныхъ изданіяхъ. Такъ, Сомовъ принимаетъ ближайшее участіе въ «корзинкѣ прелестныхъ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», основанныхъ Дельвигомъ и законченныхъ Пушкинымъ, а также въ «Литературной Газетѣ», гдѣ начиналъ свою дѣятельность Гоголь. По редакторству этой газеты, Сомовъ, какъ указываютъ нѣкоторыя данныя, сыгралъ значительную роль въ судьбѣ Гоголя. Послѣднему также посвященъ рядъ юбилейныхъ статей: Е. Ѳ. Карскаго—«Значеніе Н. В. Гоголя въ исторіи русскаго литературнаго языка», Л. В.—«Что значитъ фамилія «Тѣнтѣтниковъ»?», Н. Н. Трубицына—«Идеализмъ Гоголя», В. В. Варнеке—«Гоголь и театръ» и В. З. Штепенка—«Идеалистическія основы Гоголевскаго смѣха»; послѣдняя статья популярно-учебнаго характера. Е. Ѳ. Карскій характеризуетъ языкъ Гоголя, какъ глубоко-народный, болѣе народный, чѣмъ языкъ Пушкина, отмѣчая въ строѣ гоголевскаго языка малорусскій элементъ.—«Что значитъ фамилія «Тѣнтѣтниковъ»?—спрашиваетъ Л. В. и находитъ, что данная фамилія произведена отъ малорусскаго слова «тиндитный»—нѣжный, что соотвѣтствуетъ характеру мечтательнаго героя Гоголя. Изъ другихъ статей о немъ особенный интересъ по изслѣдованію матеріала представляетъ очеркъ г. Варнеке, въ которомъ авторъ выясняетъ отношеніе писателя къ театру и его взгляды на послѣдній.

Въ послѣдней двойной книжкѣ журнала находимъ двѣ юбилейныя статьи о Кольцовѣ: В. А. Францева—«А. В. Кольцовъ въ чешской литературѣ» и И. И. Замотина—«А. В. Кольцовъ и русскіе модернисты». Кольцова, по обзору г. Францева, переводило двѣнадцать чешскихъ поэтовъ: Геляковскій, Коларъ, Покорный, Квисъ и др. Между прочимъ, въ статьѣ В. А. Францева интересна параллель между Кольцовымъ и чешскимъ поэтомъ Хладекомъ, біографіи которыхъ сближаются во многихъ отношеніяхъ. Изслѣдованіе г. Францева окажетъ громадную услугу второму академическому изданію сочиненій Кольцова, гдѣ опредѣленно не указано ни одного чешскаго перевода изъ Кольцова. Особенно лю-

болытна вторая статья о Кольцовѣ И. И. Замотина. Сравнивая народность въ поэзии Кольцова съ модернистскою народностью Бальмонта, Сологуба, Блока, Городецкаго, Бѣлаго, И. Бунина, ученый изслѣдователь литературы приходитъ къ такому выводу: «Какъ на рисункахъ И. Я. Билибина «Иванъ-царевичъ», «Сѣрый волкъ», «Царевна-лягушка», «Жаръ-птица», «Василиса прекрасная» и всѣ другіе сказочные образы обратились въ блѣдныя импрессионистскіе отпечатки яркой и рельефной народной фантазіи, такъ и въ современной молодой поэзии подражанія народному стилю сводятся или къ сближенію его съ современнымъ блѣднымъ стилемъ блѣдныхъ настроеній, или просто къ искаженію его въ интересахъ излюбленной теперь нервической пѣвучести и музыкальности стиха. Поэтому на каждомъ шагѣ мы наталкиваемся въ модернистскихъ стихахъ на наивную имитацию народнаго стиля и съ удивленіемъ читаемъ такіа выраженія, какъ «воздушная сладость», «узывчивое сердце», «улыбчивое солнце», «ласковая верба», «облако дырявое», «сѣдая избенка», «зеленяя бревна», «крыша рудая», «журавль долгоспинный», «утробушка-сердце» и т. п. (С. Городецкій: «Веснянка», «Колдунокъ»). «Народность современныхъ поэтовъ, по мнѣнію г. Замотина, болѣе напоминаетъ фабричную частушку, чѣмъ старую народную пѣсню». Г. Замотинъ сравниваетъ знаменитые стихи Городецкаго: «Звоны-стоны, перезвоны, звоны-вздохи, звоны-сны, высоки крутые склоны, крутосклоны зелены»... съ частушкой: «Ставь-ка, мама, самоваръ, золотыя чашки. Приведу я гостя къ вамъ въ вышитой рубашкѣ», и замѣчаетъ: «Выходитъ, можно сказать, недурно».

Отмѣтимъ далѣе статьи Я. В. Юзефовича—«Разсказъ «Живыя мощи» Тургенева и «Le lepreux de la cité d'Aoste» графа Ксавье-де-Мэстра, любопытное, хотя и необѣдительное сближеніе названныхъ произведеній, и профессора В. Н. Мочульскаго—«Новиковскіе журналы XVIII вѣка—«Трутень» и «Живописецъ» и его же «Н. Г. Чернышевскій и Л. Н. Толстой объ искусствѣ». Послѣднія двѣ статьи странно видѣть въ ученомъ журналѣ. Это не научныя изслѣдованія, а не имѣющіе значенія пересказы содержанія журналовъ Новикова и сочиненій Чернышевскаго и Толстого, давно прочитанныхъ всѣми. Въ первой статьѣ авторъ замѣчаетъ: «Нельзя сказать, чтобы оба эти журнала были совершенно неизвѣстны въ нашей литературѣ». Журналы Новикова въ исторіи русской литературы вещь, можно сказать, исрепанная, сотни студентовъ писали и пишутъ сочиненія на тему о сатирахъ Новикова, и потому фраза профессора русской словесности звучитъ весьма наивно. Не знаемъ, чѣмъ руководился уважаемый редакторъ «Русскаго Филологическаго Вѣстника», печатая «опыты» профессора Мочульскаго, но предполагаемъ, что исключительно только любезностью.

Изъ болѣе специальныхъ статей журнала за текущій годъ отмѣтимъ В. Θ. Миллера—«Къ пѣснямъ, сказкамъ и преданьямъ о Петрѣ Великомъ», въ которой авторъ слѣдитъ международный мотивъ о наказаніи моря царемъ, извѣстный по исторіи Геродота. Къ исторіи русской филологической науки относятся небольшія статейки В. В. Данилова—«А. А. Котляревскій и М. А. Максимовичъ» и В. А. Францева—«Графъ Н. И. Румянцовъ и О. Лелевель». Назовемъ также статьи А. И. Сычевской—«Къ вопросу о Мольерѣ въ польской драматической литературѣ XVIII столѣтія» и С. Шевченко—«Къ исторіи «Великаго зеркала» въ

юю западной Руси. «Великое зеркало» и сочиненія Іоаннікія Голятовскаго».

Въ журналѣ помѣщались обстоятельныя разборы книгъ и изданій, касающихся русской и славянской филологіи. П. С.

А. В. Жиркевичъ. Ив. Ив. Орловскій. (Биографическій очеркъ съ приложеніями — двумя портретами Орловскаго и его стѣю). Вильна. 1909. Стр. XII+205. Ц. 1 р.

Судьба російскихъ провинціальныхъ дѣятелей на поприщѣ науки и литературы до сихъ поръ еще обильна лишь одними терніями. Они не только не получаютъ никакихъ матеріальныхъ выгодъ отъ своихъ кропотливыхъ занятій по изученію, напримѣръ, мѣстной исторіи и этнографіи, но, наоборотъ, сплошь и рядомъ, вмѣсто сочувствія и поддержки со стороны провинціального общества, встрѣчаютъ на своемъ пути значительныя препятствія, претерпѣваютъ большія неудачи и горести отъ ближайшаго своего начальства и нерѣдко прямо таки изнемогаютъ въ этой работѣ-борьбѣ. Типичнѣйшимъ въ этомъ отношеніи провинціальнымъ работникомъ и страдальцемъ былъ Ив. Ив. Орловскій, уроженецъ Смоленской губерніи, преподаватель женскаго епархіальнаго училища въ Смоленскѣ и извѣстный мѣстный историкъ, скончавшійся 17 іюня прошлаго 1909 года, на сороковомъ году отъ роду.

Страстно любившій свою родину и стремившійся только къ пользѣ и просвѣщенію ея, неуспѣшный труженикъ на поприщѣ педагогическомъ и учено-литературномъ, честный и прямой по характеру, Ив. Ив. Орловскій былъ въ то же время мало популяренъ въ мѣстномъ обществѣ и послѣ смерти, конечно, былъ бы очень скоро забытъ, подобно многимъ другимъ своимъ собратьямъ-коллегамъ, если бы не его отзывчивый другъ и также любитель и изыскатель мѣстной старины, А. В. Жиркевичъ. Онъ посвятилъ покойному ярко и тепло написанный обширный биографическій очеркъ, пользуясь, главнымъ образомъ, бумагами и письмами своего друга и имѣя въ виду напомнить и освѣтить смолянамъ личность и дѣятельность того, кто «беззавѣтно пожертвовалъ собою для духовныхъ нуждъ родного края», и въ то же время пробудить въ нихъ интересъ къ родной старинѣ, столь тѣсно связанной съ именемъ умершаго дѣятеля.

Сынъ сельскаго священника, воспитанникъ смоленской духовной семинаріи и московской духовной академіи, Ив. Ив. Орловскій въ 1894 г. началъ свою педагогическую дѣятельность въ смоленскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ и почти одновременно и учено-литературную въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ, провинціальныхъ и столичныхъ. Но главными его историческими трудами были: «Достопамятности Смоленска», «Смоленская стѣна», «Ожерелье Руси», «Историческій очеркъ Смоленска», «Историческое описаніе Смоленской Божіей Матери Одигитріи, находящейся въ надворотной церкви смоленской крѣпостной стѣны», «Борисоглѣбскій монастырь на Смядыни», «Старый Смоленскій соборъ въ Уфѣ», «Священникъ Мурзакевичъ, обвиняемый

въ измѣнѣ въ 1812 году», «Смоленскъ въ исторіи дома Романовыхъ», «Смоленскій походъ царя Алексѣя Михайловича въ 1654 году», «Дневникъ осады гор. Бѣлаго королемъ Владиславомъ» (переводъ съ польскаго), «Краткій каталогъ смоленскаго городского историко-археологическаго музея» и мн. др.

Въ то же время Ив. Ив. Орловскій былъ не чуждъ и поэтическаго дара; помимо нѣсколькихъ стихотворныхъ произведеній, онъ написалъ рядъ живыхъ разсказовъ: «На скромномъ посту», «Пасхальные огни», «Анаѳема» и «Авдотки» (послѣдній напечатанъ въ приложеніи къ біографическому очерку).

Съ открытіемъ въ 1908 г. въ Смоленскѣ ученой архивной комисси, покойный былъ главнымъ и, можно сказать, единственнымъ ея дѣятелемъ, унесшимъ, несомнѣнно, съ собою въ могилу и дальнѣйшее развитіе этого новорожденнаго историко-археологическаго общества на немалое число лѣтъ.

Высоко цѣня, съ своей стороны, учено-литературную дѣятельность такого рѣдкаго и симпатичнаго провинціального дѣятеля, какимъ былъ Ив. Ив. Орловскій, мы только можемъ пожелать скорѣйшаго осуществленія тѣхъ задачъ, которыя имѣлъ въ виду составитель «Біографическаго очерка», А. В. Жиревичъ, и поблагодарить его за столь сердечную и полезную работу.

В. Рудаковъ.

Животная книга духоборцевъ. Записалъ и собралъ Владимиръ Бончъ-Бруевичъ. С.-Петербургъ. 1909. Стр. XVI + 327. Ц. 2 р.

Г. Бончъ-Бруевичъ ознакомился съ духоборческимъ ученіемъ въ 1899 году, когда онъ въ качествѣ довѣреннаго лица отъ квакерскаго «Комитета Друзей» сопровождалъ партію закавказскихъ духоборцевъ-постниковъ въ Канаду. Онъ провелъ среди сектантовъ нѣсколько мѣсяцевъ, записывая въ разныхъ пунктахъ ихъ псалмы и молитвы. Духоборцы передаютъ свое ученіе другъ другу простымъ заучиваніемъ псалмовъ и молитвъ, а также при помощи бесѣдъ «старичковъ» съ молодежью. Каждая мать-духоборка, какъ только ребенокъ начнетъ говорить, старается научить его одному изъ дѣтскихъ псаломчиковъ (нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ катехизическую форму), въ родѣ слѣдующаго: «Вопросъ: Что ты—соль земли или соръ земли? Отвѣтъ: Я—соль земли; я Божимъ словомъ просоленъ, а именемъ прославленъ. Богу нашему слава!»

Съ захватывающимъ интересомъ читается въ книгѣ Бончъ-Бруевича изложеніе міросозерцанія духоборцевъ. Въ сжатыхъ чертахъ оно заключается въ слѣдующемъ. Человѣкъ «есть чудное, дивное твореніе Божіе». Богъ—творящее начало всего сущаго, начало безначальное, безконечное. «Богъ нашъ,—говорятъ духоборцы,—самъ въ себѣ, въ единомъ существѣ», т.-е. въ человѣкѣ. «Бога Богомъ назвало въ началѣ слово», т.-е. человѣкъ. Богъ, по ученію духоборцевъ, трипостасенъ. Въ человѣкѣ эта трипостасность проявляется тремя началами: «Отецъ Богъ—память; Сынъ Богъ—разумъ; Духъ Богъ—воля. Богъ Троица—единъ». Душа, жилище Бога въ человѣкѣ есть разумъ; такъ какъ разумъ есть Сынъ Богъ, то и человѣкъ, вмѣщающій разумъ,—сынъ Божій, онъ божествененъ, онъ человѣкобогъ. Со смертію человѣка исчезаетъ только его тѣлесная оболочка; душа же вѣчна въ своемъ бытіи, преемственна и наслѣдственна въ человѣчествѣ,

переходя отъ одного лица къ другому и пребывая со всей силой въ «истинныхъ людяхъ». Такими людьми духоборцы считаютъ своихъ руководителей. Громадное большинство духоборцевъ имѣетъ смутное понятіе объ евангельскомъ Христѣ. По ихъ мнѣнію, каждый человѣкъ можетъ приближаться ко Христу, человѣку, когда-то жившему и познавшему «всю премудрость предковъ». Церкви, какъ общества христіанъ, связаннаго таинствами и іерархією, духоборцы не признаютъ. «Наша церковь»,—говорятъ они,—«построена въ душахъ и сердцахъ. Церква ваша—синодъ, а попы—волхвы». Храмы и молитвенные дома признаются духоборцами излишними. Взгляды духоборцевъ на бракъ и женщину проникнуты высокимъ идеализмомъ. Только тотъ бракъ истиненъ и законенъ, который основанъ на взаимной любви. Разъ любовь исчезла, то прекращается и бракъ; разводъ у духоборцевъ совершенно свободенъ, и при немъ бывшіе супруги полюбовно дѣлятъ дѣтей между собою. Каждая женщина, по ученію духоборцевъ, есть богородица, такъ какъ каждый человѣкъ—человѣкобогъ. Съ такимъ же уваженіемъ, какъ къ акту рожденія, относятся они и къ смерти; глубокой задушевностью проникнуты ихъ погребальныя псалмы.

Послѣдовательное примѣненіе ученія духоборцевъ, по мнѣнію автора, ведетъ къ систематическому неподчиненію всѣмъ установленіямъ современныхъ государствъ. Они отказываются отъ военной службы, отъ подчиненія властямъ, платежа податей, исполненія повинностей; они проводятъ въ своей жизни общинное устройство, коммунизмъ производства и потребленія.

Ученіе духоборцевъ, заключающееся въ «Животной Книгѣ», ими самими никогда не записывалось. Рукопись записанной г. Бончъ-Бруевичемъ съ ихъ словъ «Животной Книги» находится въ настоящее время въ рукописномъ отдѣленіи академіи наукъ. «Животная Книга» раздѣляется на слѣдующія части: I. Вопросы и отвѣты. II. Псалмы: догматическіе, о загробной жизни и будущемъ мірѣ, обличительные, поучительные, просительные и т. д. III. Сны Пресвятой Богородицы, и IV. Сказанія, наставленія, праздники, поминовенія и прочее. Книга снабжена авторомъ нѣсколькими указателями, облегчающими пользованіе ею.

В. Троцкий.

**Н. О. Лернеръ. Новооткрытыя страницы Пушкина. Спб. 1910.
Стр. 38. Цѣна 50 к.**

Пушкинъ приковывалъ наше вниманіе, главнымъ образомъ, какъ поэтъ, журнальная же дѣятельность его привлекала меньше вниманія, а между тѣмъ Пушкину, какъ журналисту, нужно отвести довольно почетное мѣсто въ исторіи русской журналистики, въ его критическихъ статьяхъ также много таланта и силы. До сихъ поръ даже не приведены въ извѣстность всѣ критическія статьи Пушкина, этотъ отдѣлъ въ лучшихъ изданіяхъ его сочиненій не можетъ быть признанъ полнымъ. Анненковъ помѣстилъ въ своемъ изданіи 16 статей Пушкина изъ «Литературной Газеты». Эти 16 статей перешли изъ изданія Анненкова во всѣ слѣдующія безъ всякихъ добавленій. Между тѣмъ такое компетентное лицо, какъ Анненковъ, не считалъ свое изданіе въ этомъ отношеніи полнымъ, замѣчая, что «много отдѣльныхъ замѣтокъ, мѣт-

кихъ, исполненныхъ остроумія, было помѣщено на листкахъ газеты, но мы не можемъ указать ихъ читателямъ. Онѣ не были имъ подписаны и не сохранились, къ сожалѣнію, въ рукописяхъ поэта». Въ другомъ мѣстѣ Анненковъ говоритъ: «А. С. Пушкинъ весьма много писалъ для газеты, издававшейся однимъ изъ самыхъ близкихъ ему людей, но большая часть статей этихъ не сохранилась въ черновыхъ бумагахъ и, такимъ образомъ, не можетъ быть признана за нимъ съ достовѣрностью, хотя въ нѣкоторыхъ, преимущественно мелкихъ критическихъ замѣткахъ, рука его чувствуется довольно ясно». То же самое говоритъ и В. П. Гаевскій, у котораго были бумаги Дельвига. Свидѣтельства Анненкова и Гаевского до сихъ поръ игнорировались пушкинистами. Только теперь извѣстному изслѣдователю Пушкина Н. О. Лернеру пришла на умъ прекрасная мысль просмотрѣть «Литературную Газету» и попытаться, какъ на основаніи анализа стиля и мыслей статей, такъ и на основаніи всѣхъ историко-литературныхъ данныхъ, вскрыть пушкинскія статьи. Для успешнаго выполненія этой работы нужно обладать обширною эрудиціей въ области Пушкинианы, такъ какъ какое-нибудь мимолетное замѣчаніе въ какомъ-нибудь письмѣ къ Пушкину или Пушкина можетъ имѣть рѣшающее значеніе въ опредѣленіи автора статьи. Только обширныя знанія въ области Пушкинианы Н. О. Лернера дали ему возможность съ успѣхомъ выполнить эту трудную работу. Имъ привлеченъ обширный историко-литературный матеріалъ, въ которомъ отыскано все, что только говоритъ за принадлежность данной статьи Пушкину. Прекрасное знаніе сочиненій Пушкина позволило Н. О. Лернеру примѣнить способъ опредѣленія принадлежности статей Пушкину по аналогіи мыслей и выраженій.

Н. О. Лернеръ съ той или другой степенью достовѣрности находитъ возможнымъ считать принадлежащими Пушкину семь статей. Доказательства, приводимыя Н. О. Лернеромъ въ пользу своего предположенія о принадлежности данной статьи Пушкину, обладаютъ разной степенью убѣдительности: одни изъ нихъ дѣйствительно не вызываютъ возраженій, другія же недостаточно убѣдительны. Всего лучше удалось Н. О. Лернеру доказать принадлежность Пушкину двухъ статей о князѣ Вяземскомъ (1830 г., № 1) и о С.-Бевѣ (1831 г., № 32), принадлежность же Пушкину другихъ, указанныхъ Н. О. Лернеромъ, статей не настолько очевидна, какъ это кажется изслѣдователю, здѣсь мы всецѣло въ области предположеній, хотя и болѣе или менѣе вѣроятныхъ.

Разысканіе Н. О. Лернера, несомнѣнно, является цѣннымъ, обогащая литературное наслѣдство Пушкина. Произвести эту работу могъ только человекъ съ большою эрудиціей въ Пушкинианѣ и прекрасно знающій каждую строчку Пушкина.

А. Фоминыхъ.

С. А. Золотаревъ. Историко-литературные очерки. Спб. 1909. Стр. IV + 175. Ц. 60 коп.

Ихъ четыре: «Пушкинъ и русское общество», «Гоголевская Русь», «И. С. Тургеневъ въ его жизни и творествѣ» и «Философія Л. Толстого въ его художественныхъ произведеніяхъ». По взглядамъ своимъ авторъ—общественникъ—прогрессистъ и смотритъ на литературу съ общественной точки зрѣнія. Мысли, выска-

зывается имъ, и не глубоки, и не новы, но по большей части вѣрны. Наибольше удались ему статьи о Гоголѣ, Тургеневѣ и Толстомъ, наименѣе—первая, о Пушкинѣ. Собственно отношенія общества и власти къ поэту изображены г. Золотаревымъ правильно, но что касается образа самого поэта, то авторъ рисуетъ обманчиво-розовыми красками какого-то прекраснодушнаго либерала Александровскаго царствованія, а не настоящаго Пушкина. Г. Золотареву все хочется сблнить, «оправдать» Пушкина, и онъ забываетъ, что насъ должны занимать не обвиненія или оправданія, въ которыхъ великій человекъ не нуждается, а правда, которая нужна намъ для пониманія поэта и его эпохи. Такъ, несмотря на всю злобность отзывомъ Пушкина о Радищевѣ, авторъ повторяетъ старый, наивный вздоръ, что будто Пушкинъ хотѣлъ «подъ видомъ рецензій» пропагандировать идеи Радищева; между тѣмъ при болѣе внимательномъ знакомствѣ съ физиономіей Пушкина, какъ публициста и политическаго мыслителя, авторъ не могъ бы не замѣтить, что оскорбительная для памяти Радищева статья Пушкина органически вышла изъ вполне опредѣленнаго міросозерцанія поэта. Болѣе близкое знакомство съ пушкинской литературой остановило бы автора на самомъ порогѣ безогляднаго довѣрія извѣстнымъ запискамъ Смирновой; онъ тогда не характеризовалъ бы кишиневское общество временъ Пушкина несправедливыми словами: «представители нѣсколькихъ европейскихъ и азійскихъ національностей, покрытые заходустной плѣсенью, составляли невообразимый букетъ разнообразныхъ продуктовъ общественнаго разоренія». Отсылая автора вообще къ исторіи и въ частности къ специальной литературѣ о Пушкинѣ, напомнимъ, что въ окружавшемъ Пушкина букетѣ были В. О. Раевскій, К. А. Охотниковъ, А. О. Вельманъ, М. О. Орловъ, П. С. Пуцинъ, И. Н. Инзовъ, что Бессарабія была однимъ изъ очаговъ политической борьбы на югѣ Европы и Пушкинъ встрѣчался тамъ съ крупными политическими дѣятелями, что въ Кишиневѣ наѣзжали Раевскіе. Къ менѣе значительнымъ, но тоже характернымъ частностямъ нужно отнести «нѣмецкаго» посланника въ 1837 г., когда еще не было объединенной Германіи.

Л.

Письма Владимира Сергѣевича Соловьева подъ ред. Э. Л. Радлова. Т. II. Спб. 1909. Стр. VIII+367. Ц. 2 р.

Письма являются чрезвычайно цѣннымъ матеріаломъ какъ при изученіи біографіи и міросозерцанія писателя, такъ и при изученіи эпохи, умственныхъ настроеній общества. Каждое литературное произведеніе—продуктъ долгой работы мысли, обдумыванія, письма же—непосредственны, въ нихъ выливается личность писателя во всей многогранности, въ письмахъ къ друзьямъ высказываются мысли сокровенныя, обнаруживаются чувства интимныя. И для изученія эпохи письма очень важны: въ нихъ мы знакомимся съ психологіей времени, встрѣчаемъ факты, цѣнные для историка эпохи, которые могли бы быть не зафиксированы другимъ путемъ. Въ настоящее время значеніе писемъ прекрасно оцѣнено, на изданіе ихъ удѣляется много любви и вниманія. Письма Пушкина, Жуковскаго, Чехова, Эртеля появляются одни за другими. Эти письма дали очень много цѣннаго и интереснаго какъ для изученія личности, біогра-

фіи и міросозерпання писателей, такъ и для изученія эпохъ. То же самое можно сказать и про письма Владимира Соловьева. Появленію ихъ мы обязаны другу философа, Э. Л. Радлову, который прекрасно почтилъ память друга, издавъ его письма, эти вѣчные памятники его душевной красоты, съ большой любовью отнесся къ поставленной задачѣ, приложивъ много стараній, чтобы собрать какъ можно больше писемъ. И труды редактора увѣнчались успѣхомъ, ему удалось собрать множество писемъ. Въ прошломъ году вышелъ первый томъ писемъ (отзывъ см. въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1909 г., кн. I.), теперь передъ нами уже второй. Въ общей сложности получается чрезвычайно цѣнный и интересный матеріалъ. Читаемъ письма и какъ живой возстаетъ обликъ этого поразительно своеобразнаго человѣка, оригинальнаго философа-христіанина, глубоко страдающаго отъ зла жизни и въ то же время исполненаго пантеизмомъ ребенка, человѣка, который, несомнѣнно, былъ однимъ изъ замѣчательныхъ и оригинальныхъ русскихъ людей. Мы не преувеличимъ, если скажемъ, что едва ли что-либо, пожалуй, кромѣ воспоминаній друзей, могло бы дать такое яркое представленіе о личности Владимира Соловьева, какъ его письма. Редактора при появленіи перваго тома обвинили, что онъ даетъ все безъ исключенія письма Владимира Соловьева, какъ бы незначительны они ни были. Это обвиненіе болѣе чѣмъ странно, и нужно привѣтствовать, что Э. Л. Радловъ остался твердъ въ ранѣе намѣченномъ планѣ и во второмъ томѣ далъ опять-таки все изъ писемъ Владимира Соловьева, какъ бы незначительны они ни казались, потому что каждая записка имѣетъ несомнѣнное біографическое значеніе.

Въ письмахъ Владимира Соловьева заключено много цѣннаго не только для его біографіи, но и для характеристики его личности и философскаго міросозерпання, особенно отмѣтимъ отзывы его о Шопенгауерѣ и цѣломъ рядѣ философовъ, о спиритизмѣ, о религіи, католицизмѣ. Но особенно цѣнно для характеристики Владимира Соловьева отношеніе его къ евреямъ и еврейскому вопросу: тутъ особенно ярко обнаруживается истинно-христіанская личность философа, его глубокій гуманизмъ. Этому вопросу отведено такъ много мѣста въ письмахъ Владимира Соловьева, что, говоря о нихъ, нельзя обойти и отношенія его къ этому вопросу. Трудно очертить тѣ чувства глубокой симпатіи и любви, которыя питалъ Владимиръ Соловьевъ къ евреямъ, нужно прочитать его письма къ Ф. Р. Гецу. Это вытекало не изъ какихъ-либо соціально-политическихъ идей, а исключительно изъ христіанскаго чувства любви, изъ этическихъ началъ. Владимиръ Соловьевъ считаетъ, что онъ, какъ христіанинъ, обязанъ, въ буквальный смыслъ этого слова, всеми силами работать для облегченія положенія евреевъ въ Россіи. И по письмамъ видна активная работа Владимира Соловьева въ этомъ отношеніи.

Чрезвычайно цѣненъ для обрисовки личности Владимира Соловьева тотъ живой юморъ, который такъ ярко выступаетъ въ его письмахъ; философъ многимъ рисуется мрачнымъ аскетомъ—въ письмахъ же какъ и быть ключомъ жизни, юморъ. И это было соединено съ приступами душевной боли, съ страданіями отъ зла жизни, отъ ея гнетущихъ противорѣчій и разлада.

Если письма цѣнны для обрисовки личности и міросозерпання Владимира Соловьева, то они не безцѣнны и какъ вообще историческій документъ, важный

для характеристики той эпохи, въ которую жилъ философъ. Въ этомъ смыслѣ особенно цѣнны указанія его на страшный гнетъ надъ нимъ цензуры, что причиняло много огорченій и боли Владимиру Соловьеву. Какъ характерна для эпохи боязнь со стороны правящихъ сферъ философско-религіозной мысли, хотя и покоющейся на чисто-христіанскихъ началахъ. Критика Соловьевымъ русской жизни съ чисто христіанской точки зрѣнія особенно казалась опасной для правящихъ сферъ, опаснѣе бомбъ и социализма, и мирный философъ-христіанинъ, далекій отъ всякихъ революціонныхъ замысловъ, былъ записанъ въ списокъ самыхъ опасныхъ революціонеровъ. **А. Фоминыхъ.**

Собраніе сочиненій С. Т. Аксакова подъ ред. А. Г. Горнфельда. Изданіе т-ва «Просвѣщеніе». Т. I. Стр. XLIV + 403 Ц. 1 руб. Т. II. Стр. 447. Ц. 1 р. Спб. 1909.

Исполнившееся 30 апрѣля 1909 года пятидесятилѣтіе со дня смерти С. Т. Аксакова вызвало появленіе цѣлаго ряда изданій его сочиненій—Поповой, Сытина, «Всходовъ» и др. Всѣ эти изданія, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, школу, даютъ лишь наиболѣе цѣнное изъ богатѣйшаго аксаковского литературнаго наслѣдства. Настоящее изданіе товарищества «Просвѣщенія» является единственнымъ почти полнымъ изданіемъ изъ всѣхъ изданій сочиненій Аксакова, вышедшимъ послѣ его юбилея: сюда не войдетъ очень небольшое—самыя раннія поэтическія произведенія и критическія статьи, а также нѣкоторыя мелкія работы. Редактируетъ изданіе извѣстный критикъ А. Г. Горнфельдъ, состоятъ оно будетъ изъ 6 томовъ, снабжено большой біографіей Аксакова, историко-литературными статьями и примѣчаніями редактора. Пока вышло два тома, въ которыхъ помѣщены: обзоръ жизни и литературной дѣятельности Аксакова, «Семейная хроника», «Дѣтскіе годы Вагрова-внука», двѣ историко-литературныя статьи редактора объ этихъ двухъ сочиненіяхъ, «Воспоминанія» Аксакова и редакторскія примѣчанія. Изданы книги роскошно, снабжены прекрасными иллюстраціями. Цѣну въ одинъ рубль за убористый, прекрасно изданный томъ нужно признать весьма низкой.

По первымъ двумъ вышедшимъ пока томамъ уже можно судить о качествахъ изданія, несомнѣнно, оно—наиболѣе лучшее изъ всѣхъ изданій сочиненій Аксакова, вышедшихъ послѣ юбилея; редакторъ внимательно отнесся къ своей задачѣ, приложенныя къ изданію историко-литературныя статьи его обнаруживаютъ знаніе предмета и читаются съ интересомъ.

Изданію можно развѣ только поставить въ упрекъ, что оно не абсолютно полное, полнота удорожила бы изданіе не на много, но сдѣлала бы его цѣннѣе: оно сослужило бы службу не только широкимъ слоямъ публики, но и лицамъ, изучающимъ исторію литературы вообще, а въ частности Аксакова, для которыхъ цѣнна всякая строчка писателя. **Ал. Ф.**

**Бѣльскій, С. Книга о русской жизни. Спб. 1909. Стр. 160.
Цѣна 1 руб.**

Хотя трудъ г. Бѣльскаго и носить названіе—«Книга о русской жизни», но оно не вполне соответствуетъ ея содержанію. Дѣло въ томъ, что въ ней на ряду съ описаніемъ дѣйствительныхъ случаевъ изъ русской жизни за 1905—1907 г. г. попадаются и карикатуры. Такъ, къ числу карикатуръ относится, напр., первый рассказъ подъ заглавіемъ: «Молчить».

Въ этомъ небольшомъ рассказѣ, занимающемъ 8 неполныхъ страницъ, говорится о томъ, какъ въ станѣ нѣкоего становаго пристава Коротина случилось необычайное происшествіе, заставившее даже Коротина смутиться. Происшествіе же заключалось въ томъ, что въ деревнѣ Заметаевкѣ нѣкій крестьянинъ Елизаровъ наложилъ на себя обѣтъ молчанія до страшнаго суда, на которомъ онъ, по словамъ урядника, рѣшилъ «обличить неправду и противозаконіе». Самъ же по себѣ случай этотъ оказался необычайнымъ, небывалымъ въ двадцатилѣтней практикѣ Коротина, потому что въ теченіе всей его многополезной и долготлѣтней службы ему приходилось лишь кричать: «молчать», «не разговаривать передъ начальствомъ»; словомъ, Коротинъ привыкъ, впиталъ въ плоть и кровь мысль, что въ его станѣ люди должны были молчать «только тогда, когда прикажетъ онъ, Коротинъ, а Елизаровъ замолчалъ *самовольно*». Коротинъ рѣшилъ навести порядокъ, т. е. заставить Елизарова говорить, и съ этою цѣлью отправился въ Заметаевку въ сопровожденіи отца Иринарха, такъ какъ дѣло касалось отчасти и страшнаго суда. Но Елизаровъ, несмотря ни на увѣщанія отца Иринарха, ни на угрозы Коротина, не заговорилъ. Възбѣшенный непочтеніемъ Коротинъ написалъ рапортъ исправнику, гдѣ все, конечно, изобразилъ въ превратномъ видѣ. Результатомъ было то, что пріѣхалъ въ Заметаевку самъ исправникъ «усмирять бунтъ». Но бунта никакого не было. Елизарова же говорить не могъ заставить и самъ исправникъ.

Рассказъ этотъ, полный комическихъ сценокъ, очень интересенъ,—но все же онъ карикатура. Къ числу такихъ карикатуръ относится и другой рассказъ: « $2 \times 2 = 5$ », въ которомъ въ комическомъ видѣ изображается, какъ въ городѣ Сонномъ образовалась «политическая партія», девизомъ которой было $2 \times 2 = 5$, а не 4—только потому, что начальство хотѣло заставить обывателей города вѣрить въ истину, что $2 \times 2 = 4$, а не 5.

Но, высмѣивая «исполнителей велѣнія закона», въ родѣ пристава Коротина, авторъ, однако, и не на сторонѣ тѣхъ, которые «дѣлали революцію». Это видно, напр., изъ рассказа «Созидатели», гдѣ въ смѣшномъ видѣ выставлены адвокатъ Плутарховъ, человекъ, способный «говорить сколько угодно, когда угодно и о чемъ угодно», беллетристъ Корневъ, словакъ Кардовичъ и «господинъ неопредѣленныхъ лѣтъ, неопредѣленнаго общественнаго положенія» Павелъ Семеновичъ.

Такое отношеніе автора къ разнымъ «героямъ» событій 1905—1906 г., которое можно назвать почти объективнымъ, очень способствуетъ тому, что его книга читается съ большимъ интересомъ, который не ослабѣваетъ до самаго конца книги.

Всего въ «Книгѣ о русской жизни» 23 разсказика; не касаясь содержанія, укажемъ ихъ заглавія: 1) «Молчить», 2) «На забастовавшей станціи», 3) «Лицомъ къ лицу», 4) «Созидатели», 5) « $2 \times 2 = 5$ », 6) «Родная картинка», 7) «Подъ шумъ рѣчей», 8) «День прощенія», 9) «Птицы перелетныя», 10) «Ангель», 11) «Съ нагуры», 12) «Крамольникъ», 13) «Читатель о писателяхъ», 14) «Острожный кризисъ», 15) «Сказка о зайцѣ», 16) «Ночлеги», 17) «Обличитель», 18) «Мертвая рыба», 19) «Прибой», 20) «Между Сцилой и Харибдой», 21) «Откровенныя рѣчи», 22) «Земля», 23) «Искусство побѣждать».

Я. Вирюковъ.

Кузнецовъ, В. Киргизское хозяйство въ Акмолинской области. Т. I. Кокчетавскій уѣздъ. Повторное изслѣдованіе 1907 г. Изд. переселенческаго управленія главнаго управленія землеустройства и земледѣлія. Спб. 1909. Стр. 596 (Цѣна не обозначена).

Передъ нами первые печатные результаты обширной работы по вторичному изслѣдованію киргизскаго хозяйства въ Акмолинской области. Работа эта производится по инициативѣ главнаго управленія землеустройства и земледѣлія однимъ изъ знатковъ земской статистики В. Ю. Кузнецовымъ, организовавшимъ для этой цѣли особую статистическую экспедицію. Мѣстные изслѣдованія экспедиціею въ настоящее время уже закончены; всѣ пять уѣздовъ области на мѣстахъ описаны, и теперь заканчивается разработка собраннаго матеріала. По одному изъ уѣздовъ выпущенъ уже и печатный сборникъ матеріаловъ, составляющій предметъ настоящей рецензіи.

Сборникъ этотъ состоитъ изъ двухъ частей—текста (196 страницъ) и табличныхъ приложений (400 страницъ). Весь текстъ составленъ г. Кузнецовымъ, которому принадлежитъ и редакція всего изданія. Въ концѣ сборника приложена карта Кокчетавскаго уѣзда съ обозначеніемъ площадей киргизскаго землепользованія, переселенческихъ участковъ, казенныхъ лѣсныхъ дачъ и казачьихъ земель, составленная по даннымъ къ 1 января 1908 года, весьма подробная и выполненная восемью красками.

Изъ предисловія автора видно, что «вторичное изслѣдованіе киргизскаго хозяйства въ Акмолинской области предпринято съ цѣлью пересмотра нормъ киргизскаго землепользованія, установленныхъ по даннымъ перваго изслѣдованія 1896—1901 гг., произведеннаго экспедиціею подъ руководствомъ статистика Шербины. Нормы эти «были разсчитаны исключительно на поддержаніе и развитіе кочевого скотоводства и потому опредѣлены въ очень широкихъ размѣрахъ, доходящихъ до 400 и болѣе десятинъ на среднее киргизское хозяйство». Съ теченіемъ времени, однако, условія киргизскаго хозяйства измѣнились, и выработанныя для него нормы устарѣли. Главныя измѣненія произошли подъ вліяніемъ переселенія въ сибирскія степи массы народа изъ внутреннихъ губерній Россіи. Когда-то свободныя киргизскія степи постепенно заселялись и въ послѣднее время представляютъ пеструю картину казачьихъ и крестьянскихъ поселковъ въ перемежку съ отошедшими въ казну лѣсными дачами, среди которыхъ разсыпано рѣдкое киргизское населеніе. Кочевое хозяйство въ силу этихъ условій оказалось стѣсненнымъ, а мѣстами и совсѣмъ невозможнымъ

по трудности прогона скота между поселками на дальнія кочевки. Масса населения постепенно стала отпадать от чисто кочевого быта и переходить къ новымъ формамъ хозяйства—полукочевой и осѣдлой, причемъ среди нея начало развиваться земледѣліе, усилилось сѣнокосеніе, расширились промыслы и разные заработки. Всѣ эти измѣненія сопровождались сокращеніемъ потребности киргизовъ въ необходимыхъ прежде пастбищахъ и образованіемъ излишнихъ земель, «не использованныхъ населеніемъ и лишь отчасти эксплуатируемыхъ горстью богатыхъ и вліятельныхъ хозяевъ для насажденія промышленнаго скотоводства и въ формѣ сдачи въ аренду крестьянамъ-переселенцамъ и казакамъ». Изъять эти излишки изъ пользованія киргизовъ и употребить ихъ для образованія переселенческихъ участковъ, однако, при существованіи вышеозначенныхъ нормъ, оказывалось невозможнымъ. Это обстоятельство и побудило вѣдомство земледѣлія произвести повторное изслѣдованіе, при которомъ нормы киргизскаго землепользованія могутъ быть приведены въ большее соотвѣтствіе съ совершенными потребностями населенія и положеніемъ и условіями его хозяйства. Въмѣстѣ съ тѣмъ имѣлось въ виду «выяснить вопросъ о своевременности окончательнаго киргизскаго землеустройства». Дѣло въ томъ, что до сего времени киргизы пользуются государственными землями по временнымъ нормамъ, постоянныхъ же надѣловъ еще не получили. Зависѣло это, конечно, отъ характера ихъ хозяйства, бывшаго въ свое время исключительно кочевымъ, а также и отъ слабаго до послѣдняго десятилѣтія притока въ степь русскихъ переселенцевъ. Теперь, когда хозяйство киргизовъ сильно измѣнилось, а волна переселенія поднялась до небывалой высоты, вопросъ о переводѣ киргизовъ съ временныхъ нормъ на постоянные надѣлы, естественно, выдвигается на первую очередь.

Такимъ образомъ, экспедиціи г. Кузнецова предстояло выполнить двойную задачу: выработать новыя нормы киргизскаго землепользованія съ опредѣленіемъ излишковъ земель для переселенческихъ цѣлей и дать матеріалъ для рѣшенія вопроса о своевременности и возможности окончательнаго землеустройства киргизскаго населенія.

Разсматриваемый трудъ по Кокчетавскому уѣзду доказываетъ, что экспедиція прекрасно выполнила обѣ эти задачи, по крайней мѣрѣ, поскольку это относится къ названному уѣзду. Нельзя при этомъ не отмѣтить, что такой результатъ, несомнѣнно, получился благодаря правильной постановкѣ г. Кузнецовымъ всего дѣла изслѣдованія. На началахъ, выработанныхъ земской статистикой, при которыхъ члены экспедиціи (гг. Дзюба, Измайлловъ, Никольскій, Бурыгинъ, Быковъ, Дубенецкій, Старчевскій, Караваевъ, Щепниковъ и др., поименованные въ предисловіи), не исключая даже переводчиковъ киргизскаго языка, во главѣ съ самимъ завѣдующимъ работами г. Кузнецовымъ, составляли одну дружную артель, объединенную единствомъ взглядовъ и стремленій, близко ставнующую къ населенію и успѣвшую расположить его къ себѣ. Обнаруженное массой населенія довѣрчивое и сознательное отношеніе къ членамъ экспедиціи и производимой ими работѣ, по свидѣтельству г. Кузнецова, гарантировало вѣрность и точность собраннаго матеріала, а стройная организація силъ при разработкѣ матеріала дала возможность представить его въ массѣ

таблицъ, охватывающихъ всё стороны хозяйства во всёхъ его существенныхъ частяхъ.

Въ краткой журнальной рецензїи нѣтъ возможности коснуться всёхъ вопросовъ, положенїй и сторонъ дѣла, которые, благодаря обилїю табличнаго матеріала, подробно разработаны г. Кузнецовымъ въ текстовой части изданїя. Укажемъ поэтому только на главные результаты, отсылая интересующихся подробностями къ самому изданїю, которое вполне заслуживаетъ самаго серьезнаго и широкаго вниманїя.

Первая и главная задача экспедиціи выполнена путемъ всесторонняго изученїя киргизскаго хозяйства. Последнее оказалось разнотипнымъ и потому раздѣлено на двѣ части, къ одной изъ которыхъ отнесены хозяйства потребительнаго характера, къ другой—характера промышленнаго. Нормальный размѣръ первыхъ опредѣленъ въ 15 единицъ скота (лошадей), а средний дѣйствительный размѣръ послѣднихъ опредѣлился въ 32 единицы. На содержаніе этого количества скота опредѣлено, въ зависимости отъ качества земель въ разныхъ мѣстностяхъ уѣзда, въ первомъ случаѣ отъ 72 до 163 десятинъ, а во второмъ отъ 146 до 328 десятинъ. Нормы эти значительно ниже прежнихъ, установленныхъ по даннымъ экспедиціи 1896 года и составлявшихъ отъ 209 до 444 десятинъ на хозяйство. Съ другой стороны, по даннымъ экспедиціи г. Кузнецова, продуктивность земель оказалась, по мѣстностямъ, на 19—40% выше выведенной первою экспедиціей. Это повышеніе и послужило въ извѣстной степени къ пониженію земельныхъ нормъ. Другимъ основанїемъ для этого пониженїя явилось уничтоженіе надбавокъ земли для развитїя кочевоваго скотоводства, которыя были допущены при выработкѣ нормъ по даннымъ экспедиціи 1896 г. и для которыхъ въ настоящее время, по условїямъ и характеру эволюціи киргизскаго хозяйства, не находится никакихъ основанїй. Въ результатъ получился излишекъ земель въ количествѣ 1.774,409 десятинъ, могущихъ быть изъятыми изъ киргизскаго пользованїя для надобностей переселенїя.

Вторая задача экспедиціи выполнена попутно съ выполненїемъ первой. Изучая въ подробностяхъ хозяйство, г. Кузнецовъ опредѣлилъ, во-первыхъ, что 13.393 (85,8%) отдѣльныхъ хозяйствъ въ уѣздѣ уже и въ настоящее время способны къ переходу въ осѣдлое состояніе и, во-вторыхъ, что большая часть уѣзда, свыше двухъ милліоновъ десятинъ, «является достаточно созрѣвшею для окончательнаго и сплошнаго землеустройства въ ней киргизскаго населенїя по осѣдлымъ, земледѣльческимъ нормамъ».

Таковы главные результаты работъ экспедиціи г. Кузнецова, имѣющіе, несомнѣнно, весьма важное значенїе для вѣдомства земледѣлія и землеустройства.

Но интересъ разсматриваемаго труда не исчерпывается этими результатами. Многое въ немъ имѣетъ историческое и болѣе широкое и общее экономическое значенїе. Въ этомъ отношенїи нельзя не отмѣтить даже въ этой, по необходимости, краткой рецензїи нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ, фактовъ и положенїй. «Самое раннее появленїе киргизовъ-кочевниковъ въ кокчетавскихъ степяхъ относится къ первой четверти XVII вѣка». Пришли они сюда изъ глубины Средней Азіи, гдѣ, по преданїю, возлѣ Бухары кочевали со своими стадами. Занятїе здѣшнихъ степей происходило медленно и завершилось не

болѣе ста лѣтъ назадъ. «Киргизы пришли къ кокчетавскія степи не въ видѣ равноправнаго народа, а съ родовой и классовой организаціей своего быта. Были родовыя группы, жившія каждая по своимъ традиціямъ. Была политическая власть, въ видѣ султановъ и хановъ, подчинявшая себѣ всѣ роды. Въ родовыхъ группахъ патриархальное начало уживалось съ экономическимъ неравенствомъ; политическая власть обращала народъ въ рабское состояніе. Лучшія пастбища и сѣнокосы захватывались главарями родовъ въ ущербъ массѣ ихъ сородичей. Султаны и ханы вели свои хозяйства и расширяли ихъ предѣлы, пользуясь подневольнымъ трудомъ «тѣлѣнчутовъ»—класса вполнѣ отъ нихъ зависимыхъ, безправныхъ людей».

Эти историческія условія, по мнѣнію автора, являются кореннымъ источникомъ современной экономической дифференціаціи киргизскаго хозяйства, о которой въ трудѣ г. Кузнецова приводятся очень подробныя свѣдѣнія.

Изъ новѣйшихъ факторовъ социальнс-экономическаго характера, повліявшихъ на эволюцію киргизскаго хозяйства, г. Кузнецовъ считаетъ главнымъ переселеніе, создавшее значительный мѣстный рынокъ для продуктовъ киргизскаго хозяйства и содѣйствовавшее поднятію экономическаго уровня населенія, болѣе равномерному распредѣленію благосостоянія среди него, переходу киргизовъ къ новымъ формамъ хозяйства и усвоенію ими культурныхъ потребностей и условій жизни.

Существенные результаты эволюціи въ киргизскомъ хозяйствѣ, совершившейся въ теченіе одиннадцати лѣтъ между первымъ и повторнымъ его изслѣдованіями, по изслѣдованію г. Кузнецова, заключаются въ слѣдующемъ.

Родовое начало среди киргизовъ ослабѣваетъ и родовая группировка распадается. Кочевой типъ хозяйства уступаетъ свое мѣсто полукочевому и осѣдлому. На ряду съ этимъ населеніе богатѣетъ, бѣдныхъ становится меньше, а средняго достатка и богатыхъ больше. Скотоводство сильно развилось, но дальнѣйшее его расширеніе, повидимому, невозможно по недостатку пастбищъ и сѣнокосовъ. Земледѣліе, напротивъ, на большей части уѣздной территоріи имѣетъ будущность и можетъ получить, при окончательномъ землеустройствѣ киргизовъ, широкое развитіе.

Интересный трудъ г. Кузнецова, имѣетъ, несомнѣнно, важное значеніе не только въ практическомъ, но и въ научномъ отношеніи. Г. Л. И.

В. Р. Канненбергъ. Военная географія. Курсъ военныхъ училищъ примѣнительно къ программѣ 1907 г. Общій обзоръ Россіи въ военно-географическомъ отношеніи. Пограничная полоса Россіи какъ театръ военныхъ дѣйствій. Спб. 1909. Съ приложеніями, картами и схемами. Цѣна 2 рубля.

Нельзя не подивиться, что преподаваніе военной географіи введено въ курсъ военныхъ училищъ лишь въ 1907 году; до этого же времени познанія большинства офицеровъ нашей арміи по этому предмету, столь необходимому для военнаго человека, ограничивались скудными свѣдѣніями по общей географіи, приобретенными въ среднихъ военныхъ или гражданскихъ школахъ (корпусахъ

и гимназіяхъ). Если принять во вниманіе обширность и разнообразіе нашей территоріи, огромное протяженіе границъ (14000 верстъ), соприкасающихся съ одиннадцатью государствами бѣлой и желтой расъ, а также громадное развитіе путей сообщенія и средствъ веденія войны какъ у насъ, такъ и за границей, то станеть понятно, насколько великъ былъ пробѣлъ въ образованіи офицера, лишеннаго этихъ познаній.

Настоящее изданіе составлено по программѣ 1907 года для военныхъ училищъ и является результатомъ двухлѣтняго преподаванія въ Пажескомъ корпусѣ. Курсъ распадается на два отдѣла: 1) общій обзоръ Россіи въ военно-географическомъ отношеніи и 2) обзоръ пограничной полосы, какъ театра военныхъ дѣйствій. Основнымъ принципомъ при составленіи курса было желаніе пополнить и освѣжить свѣдѣнія изъ общей географіи, освѣтивъ ихъ, подъ новымъ угломъ зрѣнія, въ военномъ отношеніи, нарисовавъ лишь вкратцѣ картину силъ, средствъ и обороноспособности нашего отечества, дать толчокъ будущимъ офицерамъ къ самостоятельной, болѣе широкой оцѣнкѣ военно-географическихъ данныхъ. Надо замѣтить, что задача, выпавшая на долю автора, была не изъ легкихъ: предстояло выбрать изъ громаднаго чисто-географическаго и военнаго матеріала наиболѣе важныя данныя, сгруппировать ихъ такъ, чтобы, не загромождая памяти обучающихся, дать характеристику разнообразнымъ вѣроятнымъ театрамъ войны, не ограничиваясь данными отечества, но приводя и тѣ, которыя касаются нашихъ сосѣдей. Словомъ, большой академическій курсъ надлежало вмѣстить въ ограниченныя рамки руководства для среднихъ учебныхъ заведеній.

Не входя въ подробное разсмотрѣніе данныхъ, добросовѣстно собранныхъ въ руководствѣ г. Канненберга, замѣтимъ, что популярное изданіе это весьма полезно не только для военныхъ школъ и библиотекъ, но и для гражданскихъ, ибо ознакомленіе съ силами и средствами своей страны и съ ея обороноспособностью обязательно для каждаго гражданина. Изданіе снабжено картами пограничнаго пространства, а также приложеніями, вмѣщающими въ себѣ необходимыя цифровыя и другія данныя.

Л. Н.

Н. Н. Голубевъ. Международныя административныя комиссіи XIX вѣка. Очерки теоріи и практики. Ярославль. 1909. Стр. 730. Ц. 4 р.

Г. Голубевъ задался симпатичной и благодарной цѣлью собрать и систематизировать богатый матеріалъ, касающійся организаци и дѣятельности международныхъ административныхъ комиссій. Разумѣется, собранный матеріалъ оказался по преимуществу историческимъ.

Въ основныхъ чертахъ содержаніе книги сводится къ слѣдующему. Международныя комиссіи должны быть раздѣлены на двѣ большія группы: находящіяся на территоріи восточныхъ малокультурныхъ и на территоріи цивилизованныхъ европейскихъ государствъ. Первые, основанныя на вмѣшательствѣ постороннихъ державъ во внутреннія дѣла мѣстной и вызываемыя необходимостью международной охраны санитарныхъ, финансовыхъ и иныхъ интересовъ цивили-

зованных государств, имѣютъ временный характеръ и осуждены на вымирание. Степень продолжительности ихъ бытія зависитъ отъ длительности пребыванія восточной страны на степени малокультурной. Наоборотъ междуевропейскія комиссіи въ точномъ смыслѣ этого слова, почтовые, желѣзнодорожныя и другія, общаются въ дальнѣйшемъ постоянный ростъ и расширеніе отраслей дѣятельности. Въ качествѣ особенности названныхъ международныхъ органовъ авторъ отмѣчаетъ ихъ полную независимость отъ мѣстной власти въ отграничанномъ имъ кругу, несмотря на виѣшнее признаніе ихъ мѣстными государственными учрежденіями.

Помимо обилія матеріаловъ, въ книгѣ г. Голубева разбросано немало цѣнныхъ замѣчаній теоретическаго характера, но при всемъ этомъ въ трудѣ почтеннаго ученаго имѣются и серьезные недостатки. Не говоря уже о частыхъ повтореніяхъ, безъ нужды увеличивающихъ объемъ книги, въ ней не выдержана система—на ряду съ комиссіями авторъ считаетъ нужнымъ касаться и единоличныхъ органовъ международного общенія; имѣется много не согласенныхъ противорѣчій. Напримѣръ, съ одной стороны г. Голубевъ настаиваетъ на общеевропейскихъ интересахъ и солидарности въ дѣлѣ домогательства созданія тѣхъ или другихъ восточныхъ комиссій, а съ другой—самъ отмѣчаетъ стремленіе европейскихъ державъ пользоваться идеей общаго интереса для политическаго вмѣшательства во внутреннія дѣла малокультурнаго государства и распространенія въ его предѣлахъ личнаго вліянія. На страницахъ XVI—XIX и XXVII введенія авторъ правильно замѣчаетъ, что, несмотря на самостоятельность комиссій, существованіе ихъ не умаляетъ суверенитета договаривающихся о томъ державъ, такъ какъ комиссіи представляются учрежденными по ихъ доброй волѣ; на страницѣ же 132 и 268 излагается ученіе о томъ, что суверенитетъ при заключеніи договоровъ объ образованіи комиссій ограничивается въ моментъ заключенія соглашенія и не долженъ быть очень стѣсняемъ. Имѣются прямыя неточности въ опредѣленіи частнаго и публичнаго права. Возбуждаетъ сомнѣніе требованіе автора, чтобы у международныхъ комиссій правотворящихъ было отнято право творчества въ области юридическихъ нормъ, какъ противорѣчащее идее раздѣленія властей.

Существованіе указанныхъ недостатковъ, однако, не подрываетъ достоинствъ книги, въ которой, между прочимъ, авторъ собралъ много матеріала, появляющагося въ русской печати въ первый разъ. И для теоретика и для практика работа г. Голубева можетъ служить полезнымъ литературнымъ и историческимъ подспорьемъ.

В. Грибовскій.

Матеріали до історії української козаччини, видані під загальною редакцією Михайла Грушевського. Томъ I. Документи по рік 1631. Зібрав і видав Іван Крип'якевич. Львовъ. 1908. Стр. XI + 407. Ціна 4 кроні.

Въ извѣстной серіи «Источниковъ для исторіи Украйны-Руси», начатой нѣсколько лѣтъ назадъ во Львовѣ («Жерела до історії України-Руси. Видає археографічна комісія наукового товариства імени Шевченка»), съ восьмого тома виходять «Матеріали для исторіи украинскаго казачества». Первый томъ

содержитъ 233 цѣлыхъ документовъ и отрывковъ, касающихся казачества извлеченныхъ главнымъ образомъ изъ львовскихъ и краковскихъ архивовъ и нѣкоторыхъ изданій.

Первый изъ актовъ относится къ 1531 году, послѣдній—къ 1631 году, и такимъ образомъ весь томъ обнимаетъ цѣлое столѣтіе. Большая часть актовъ не сохранилась въ оригиналахъ, и приходилось довольствоваться поздними копіями. Тексты воспроизведены согласно правописанію подлинниковъ, съ раскрытіемъ сокращеній и съ замѣной старой пунктуаціи современною намъ. Кромѣ того, не соблюдаются прописныя и строчныя буквы подлинниковъ. Такимъ образомъ, главныя археографическія требованія выдержаны. Наиболѣе старые акты—турецкаго происхожденія: все это жалобы турецкаго правительства на «своеволие» пограничнаго населенія, на появленіе въ степяхъ пастуховъ, или на нападенія на Очаковъ, Вѣлгородъ (Аккерманъ), Тигинь (Вендеры) и земли молдавскія. Затѣмъ идетъ необыкновенно важный документъ, много разъ напечатанный и хорошо изслѣдованный,—извѣстная грамота Стефана Баторія 1582 года о вольностяхъ. За нею слѣдуютъ упоминанія о казакахъ на польскихъ сеймахъ, документы, иллюстрирующіе разные моменты борьбы литовской шляхты съ казаками, жалобы шляхты на «своеволія» казаковъ или турецкихъ властей, казацкіе походы на прибрежныя владѣнія, релянціи о выдающихся битвахъ (много документовъ касается Хотинской битвы 1621 года), сношенія польскаго правительства съ знаменитыми гетманами, проектъ обороны Украины, разныя требованія казацкихъ организацій и т. д. Все это—сырой матеріалъ, въ сравнительно полномъ видѣ обработанный однимъ только профессоромъ М. С. Грушевскимъ въ послѣднихъ томахъ его «Исторіи Украины-Руси» и ожидающій изслѣдователей.

И если припомнимъ, что почти единственнымъ собраніемъ подобныхъ историческихъ матеріаловъ были до сихъ поръ «Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи», извлеченные главнымъ образомъ изъ главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ и архива министерства юстиціи въ Москвѣ, притомъ для сравнительно поздняго періода (1648—1678 гг.), кромѣ того, устарѣлыя собранія Бантыша-Каменскаго, Кулиша, Судіенко, Эварницкаго, польскихъ историковъ и др., то весь интересъ новой серіи не подлежить сомнѣнію. Для дальнѣйшихъ томовъ уже собранъ богатый матеріалъ въ русскихъ и заграничныхъ бібліотекахъ разными лицами, командированными обществомъ имени Шевченка. Пока эти документы охватываютъ періодъ, кончая 1727 годомъ, и войдутъ въ слѣдующіе томы. Въ общемъ это будетъ грандіозное предпріятіе, и русская историческая наука воздастъ долгъ благодарности львовскому ученому обществу.

Въ видѣ введенія, И. Крипьякевичъ помѣстилъ обширное изслѣдованіе «Казачество и Баторіевы вольности», явившееся результатомъ работъ автора въ университетской семинаріи профессора Грушевскаго (стр. 1—46). Въ концѣ тома приложены указатели.

А. Я.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

АРѠАГЕНСКІЙ некрополь.—Дирекція тунисскаго попечительства древностей и искусствъ начала печатаніе замѣтокъ и документовъ, относящихся до сдѣланныхъ за послѣднее время раскопокъ, и въ появившейся серіи дается отчетъ, посвященный пуническому некрополю въ Ардь-Эль-Кераибѣ. Между прочимъ г. Драрье приводитъ инвентарь обстановки, найденной въ ста восьми усыпальницахъ близъ КарѠагена, гдѣ съ 1906—1908 работали археологи этого общества въ долинѣ Борджъ-Діедидъ между уже извѣстными некрополями Дуимеса (VII и VI вѣка), Дермена (V и IV вѣка), а съ другой стороны Сентъ-Моника (III, II вѣка), гдѣ покоятся мертвецы большого финикійскаго города. Директоръ же этихъ археологическихъ работъ Мерлэнъ на нѣсколькихъ страницахъ излагаетъ результаты работъ его агентовъ.

По словамъ археологовъ, каждая могила снабжена вырытымъ вертикально въ почвѣ на глубинѣ отъ 10 до 15 метровъ и расположеннымъ главною стороною съ сѣверо-востока на юго-западъ колодцемъ съ прямоугольнымъ входомъ. Рѣдко попадаются нѣсколько погребальныхъ покоевъ съ однимъ колодцемъ. Въ найденной усыпальницѣ еще господствуетъ примитивный ритуальъ погребенія. Покойники лежатъ въ пеленахъ ногами ко входу. Гробы деревянные, съ бронзовыми или желѣзными гвоздями считались относительно роскошными; признакомъ же исключительнаго богатства служили гробницы, высѣченные изъ глыбъ туфа. Рядомъ со стариннымъ ритуаломъ сохраненія труповъ распространялся и новый, именно сожженія труповъ; въ этомъ случаѣ пепель сожженныхъ костей сохранялся въ вазахъ изъ обожженной глины, на которыхъ иногда попадаются

надписи нео-пунического характера. Пепель богатых покойников хранился в каменных ящиках.

По мнению археолога Делатра, погребальные костры были введены в Карфаген в начале V вѣка до нашей эры. Одновременное применение обоих ритуалов в этом некрополе доказывает, что он служил усыпальницей с конца V вѣка до конца IV (401—301). Это мнение подтверждается и обстановкой погребальных комнат. Попрехнему возлѣ останков покойника ставились зажженные свѣтильники и нѣкоторые из них были с семью горѣлками. Изрѣдка попадаются курильницы, но чаще фялы с духами. Глиняные предметы доставлялись уже не из Коринѳа и Этрурии, а из южной Италии и Сицилии. Найденныя три статуэтки из красной глины представляют комическіе типы. Стекланные предметы попадаютъ еще очень рѣдко.

Въ общемъ здѣсь царилъ греческій стиль, и египетская цивилизація уже не играла преобладающей роли, хотя нѣкоторые предметы обихода сохранили традиционную форму, какъ, напримѣръ, бритвы сь ручками въ видѣ лебединой шеи. Богатымъ людямъ, придерживавшимся старины, клали очень цѣнныя старыя египетскія фляги сь синей и зеленой эмалью середины VI вѣка; это видно изъ сохранившихся на нихъ картушей герба Амази Синеита (569—525 до Р. Х.), фараона обоихъ Египтовъ.

Что касается драгоценныхъ украшеній, то преимущество отдавалось серьгамъ въ видѣ большихъ золотыхъ колець. Нѣсколько перстней сь камнями, на которыхъ выгравированныя изображенія были далеко не божественныя и героическія; на одномъ изъ нихъ представлена обнаженная женщина, моющая свои длинныя волосы. Среди драгоценностейъ находятся мелкія бездѣлушки изъ глины, покрытыя глазурью. Коралловъ въ этихъ усыпальницахъ не видно, слѣдовательно, въ это время они были не въ модѣ, но тамъ найдены обломки шкатулокъ, украшенныхъ костяными изображеніями: слоновая кость, страусовыя яйца и раковины. Металлы попадаютъ разнообразныя, какъ бронза, желѣзо, золото, серебро и свинець. Кромѣ бронзовыхъ бритвъ въ египетскомъ стилѣ, найдены изъ того же металла различныя кувшины для вина сь ручками, украшенными человѣческими фигурами. Обычай того времени требовалъ, чтобы, кромѣ зажженныхъ свѣтильниковъ, возлѣ останковъ находились мелкія бронзовыя монеты, хотя бы одна, и этотъ новый обычай, какъ говорить г. Гоклеръ, предшественникъ Мерлэна, относится къ IV вѣку. У богатей, почивающихъ сь египетскими флягами, лежитъ даже по золотой монетѣ. Въ то время въ Карфагенѣ это считалось послѣднимъ словомъ роскоши.

— Французскій археологъ Поль Пелльо, предпринявшій раскопки въ китайскомъ Туркестанѣ, недавно былъ торжественно принятъ въ Сорбоннѣ, гдѣ далъ отчетъ о своихъ трудахъ. Онъ папалъ въ Тянь-фо-тунгъ на любопытную находку—средневѣковую бібліотеку. Въ этой странѣ находится около пяти-сотъ гротовъ и нѣкоторые изъ нихъ украшены живописью, статуями, портретами и надписями. Все сохранилось въ полномъ порядкѣ отъ VI до X вѣковъ, чѣмъ Пелльо и его два сотоварища по работамъ, докторъ Вилльямъ и г. Нуэттъ были изумлены.

Когда-то эти гроты служили святилищами, но не монашескими. Монахи селились вдоль берега рѣки въ монастыряхъ. Эти гроты устраивали знатныя

лица и украшали их своими изображениями. Въ одинъ изъ такихъ гротовъ Пелльо удалось проникнуть 3-го марта 1908 г. «Я могъ войти въ святая святыхъ и былъ ошеломленъ. Вообразите себѣ мое удивленіе, когда я очутился въ пищѣ размѣромъ всего около 2 м. 30 с., съ трехъ сторонъ украшенной болѣе чѣмъ въ ростъ человѣка свитками рукописей. Громадныя тибетскія рукописи, сложенные между двумя дощечками и связанные шнурами, груды лежали въ углу. Пелльо открылъ нѣсколько изъ нихъ: даты всѣ относились къ XI вѣку. Тогда онъ принялся наскоро просматривать свитки, которыхъ оказалось 20,000. Первые десять дней онъ просмотрѣлъ около тысячи ежедневно, т. е. сто въ часъ. Тщательно изслѣдовавъ пищу, Пелльо убѣдился, что она была замуравлена въ первой половинѣ XI вѣка, по всей вѣроятности, въ эпоху завоеванія Си-Хиа, около 1035 г.

То тутъ, то тамъ въ пищѣ были разбросаны рисунки на шелковой ткани, статуэтки и т. д. Но главный интересъ заключался въ рукописяхъ. Онѣ заключаютъ въ себѣ религіозныя книги и могутъ служить для изслѣдованія споровъ между различными сектами, какъ, напримѣръ, между тцзыстами и буддистами, маздеистами и манихеистами. Между прочимъ тамъ говорится и о несторіанскихъ христіанахъ. Одинъ небольшой свитокъ названъ «Хвала трехъ величествъ блестящей религіи Татцинь, чрезъ которую добиваются спасенія». Здѣсь восхваляется Троица, Отецъ, Сынъ и Духъ Святой, и упоминаются А-ло-хо (Элохъ), Ми-ше-хо (Мессія), Св. Духъ, апостолы, четыре евангелиста: Ю-хананъ (Іоаннъ), Лу-кій (Лука), Мо-кіо-тсе (Маркъ) и Минг-таи (Матей). Оканчиваются рукописи напоминаніемъ, что А-ло-пень ввелъ въ Китаѣ несторіанство въ 635 г. Въ этомъ же гротѣ находятся вмѣстѣ съ религіозными книгами торговые акты, различные документы и корреспонденція, а также статуэтки. Ранѣе Полю Пелльо удалось собрать великолѣпную коллекцію рукописей и отчасти книгъ X вѣка, напечатанныхъ на V вѣковъ ранѣе Гутенберга. Эти книги, по всей вѣроятности, самыя древнія, какія только существуютъ. Всѣ находки Пелльо уже предназначены для Луврскаго музея, гдѣ для нихъ будетъ отведенъ залъ, который назовутъ именемъ Поля Пелльо.

— Въ Миннезотѣ, находящемся въ сѣверо-восточной части Соединенныхъ Штатовъ, въ области, называемой Косогоромъ Долинъ, рабочіе, выкапывая пни и корни, наткнулись на камень, обросшій двумя корнями. Одинъ изъ корней проникнулъ чрезъ камень почти перпендикулярно, другой же прикрывалъ камень сверху. Было очевидно, судя по возрасту дерева, что камень находился здѣсь гораздо ранѣе, унесенный льдинами во время перемѣщенія ледниковъ въ пліоценовую эпоху. Камень въ 67 сантиметровъ длины, 110 сантиметровъ ширины, 17 сантиметровъ вышины оказался обломкомъ отъ скалы траповой породы и вѣсить болѣе 100 кило. На его двухъ сторонахъ находится надпись руническаго характера XIV вѣка. До сихъ поръ руническія надписи не поддавались разбору самыхъ компетентныхъ археологовъ, но недавно одному американскому археологу, Харланду, удалось ее прочесть. Эта надпись очень ясно вырѣзана и гласитъ: «Восемь готовъ и двадцать два скандинавца-изслѣдователя отправились изъ Винланда (Новая Шотландія) и расположились на двѣ ночи въ одномъ днѣ ходьбы на сѣверъ отъ этого камня. Они отправились на рыбную ловлю и по возвращеніи нашли десять человѣкъ окровавленными и мертвыми. А. V. М.

(Ave Maria), сжался надъ нами. Десять человѣкъ нашихъ людей стерегутъ на берегу наши корабли въ сорока одномъ днѣ ходьбы отъ этого камня. Года 1362г.). Довольно часто высказывалось мнѣніе, что въ Америкѣ сто тридцать лѣтъ ранѣе ея открытія Колумбомъ уже бывали путешественники. Около 1,000 года скандинавцы посѣтили восточные берега Гренландіи и Лабрадора, но эта традиція опиралась единственно на рассказы скандинавскихъ хроникеровъ XV вѣка. Теперешняя находка носить характеръ подлиннаго документа въ виду того, что руны, скандинавскіе письменные знаки средневѣковья, разбираются небольшимъ количествомъ лицъ, но знаки XI и XII вѣка довольно извѣстны, и ихъ могутъ безъ труда поддѣлать какіе-нибудь ловкіе плуты; съ надписями же XIV вѣка другой разговоръ; въ Швеціи существуетъ только одинъ его образецъ. Чтобы придумать поддѣлку, надо обладать разомъ ключомъ и къ азбукѣ и къ толкователю, что бываетъ чрезвычайно рѣдко. А такъ какъ миннезотскій камень XIV вѣка, то Харландъ и заключилъ, что это можно считать документомъ подлиннымъ. Слѣдовательно, слава Христофора Колумба теперь на половину померкнетъ.

Германія не отстаётъ отъ другихъ государствъ въ археологическихъ работахъ. Недавно директоръ археологическихъ работъ на Милетѣ заключилъ трактатъ съ главою Самоса, по которому исключительное право на все археологическія сокровища Самоса принадлежитъ берлинскому музею. Такимъ образомъ, теперь начнутся раскопки знаменитаго Герееона, храма, указаннаго Геродотомъ. Одинъ любитель античнаго искусства д-ръ Детельхаузеръ вручилъ комитету по раскопкамъ Герееона 20,000 марокъ.

— Письма Мюссэ къ неизвѣстной.—3-го января минуло тридцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Жюль Труба сдалъ на храненіе въ національную бібліотеку срокомъ на тридцать лѣтъ письма Мюссэ къ «неизвѣстной», которыя онъ получилъ сорокъ три года тому назадъ. Все были заинтригованы вопросомъ: кому адресованы эти письма? По словамъ Труба, эти письма послѣ смерти Мюссэ предназначались къ истребленію, «неизвѣстная» хотѣла ихъ сжечь, но Труба помѣшалъ ей и настоялъ, чтобы она отдала ему. Она согласилась, но на двухъ условіяхъ: 1) эти письма не могутъ быть напечатаны ранѣе, какъ чрезъ тридцать лѣтъ; 2) она уничтожитъ все, по чему ее могли бы узнать. Оба эти условія были соблюдены и теперь ихъ начали помѣщать на страницахъ «Figaro»¹⁾, предварительно напечатавъ біографію этой дамы и поясненія, составленныя г. Сешэ, хорошо знакомымъ съ произведеніями и эпохой Мюссэ. Эта «неизвѣстная» оказалась г-жою Эмэ Иренъ д'Альтонъ, родившейся въ Гамбургѣ 20-го сентября 1811 года и впослѣдствіи вышедшей замужъ за брата поэта.

Она происходила изъ старинной дворянской семьи, родоначальникъ которой, кавалеръ Готье д'Альтонъ, сопровождалъ Вильгельма-Завоевателя въ Англію. Онъ былъ сыномъ Вильгельма и Маріи-Луизы-Антуанетты Куальо, двоюродной сестры матери Сентъ-Бева, и пріѣхалъ во Францію въ 1738 году

¹⁾ Les lettres de Musset à «l'Inconnue» Un amour d'Alfred de Musset Aimée d'Alton. Par Léon Seché. «Figaro» 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20 janvier 1910.

по приглашенію двухъ дядей—генераль-майора и епископа, намѣревавшагося избрать для него духовное поприще. Но, напрасно потерявъ четыре года на попытку склонить его къ избранію духовной карьеры, онъ передалъ юношу другому дядѣ, который помѣстилъ его въ кадетскій корпусъ. Впослѣдствіи онъ принималъ участіе въ сраженіи при Фонтенуа и, питая страсть къ приключеніямъ, отправился въ Индію, гдѣ сблизился съ своимъ двоюроднымъ братомъ Ше, благодаря которому въ 1791 году добился чина подпоручика, а черезъ четыре года сдѣлался адъютантомъ генерала Эдувиля. Случай благопріятствовалъ ему выказать смѣлость и храбрость и этимъ обратилъ на себя вниманіе генерала Оша, который просилъ Эдувиля уступить ему своего адъютанта. На этомъ посту онъ оставался до самой смерти Оша. Поступивъ къ нему въ чинѣ капитана, онъ въ нѣсколько лѣтъ повысился до командира батальона, полковника, бригаднаго генерала, чиновника главнаго штаба великой арміи и, наконецъ, былъ пожалованъ титуломъ барона имперіи. При взятіи Смоленска онъ получилъ рану въ ногу, и генераль графъ Морандъ выхлопоталъ для него у императора, кромѣ повышенія чина, еще денежное вознагражденіе.

Вотъ въ какой семейной обстановкѣ прошло дѣтство Эмэ д'Альтонъ среди культа къ Наполеону, и хотя ей было только десять лѣтъ, когда умеръ императоръ на островѣ св. Елены, но его трагическій конецъ настолько сильно ее взволновалъ, что, шестьдесятъ лѣтъ спустя, она не могла объ этомъ вспомнить безъ содроганія. Эмэ никогда не могла простить союзнымъ государямъ жестокости, съ какою они мучили великаго человѣка, и когда поднялся вопросъ о перевезеніи въ Парижъ останковъ Наполеона, то она раздѣляла радость патриотовъ, начиная съ своего отца, имя котораго красовалось на триумфальной аркѣ Звѣзды.

Послѣ смерти матери, 11-го сентября 1823 года, ея жизнь измѣнилась. Уже совершеннолѣтняя и воспитанная въ духѣ англійской свободы, она воспользовалась предоставленной ей самостоятельностью и еще болѣе эмансипировалась. Неудивительно, что въ космополитическомъ салонѣ ея двоюродной сестры Каролины д'Альтонъ, благодаря этому, а также своимъ природнымъ дарованіямъ, она была окружена поклонниками. Обладая плѣнительной внѣшностью—Эмэ д'Альтонъ была блондинка съ голубыми, какъ незабудки, искренно-задорными глазами, лукавымъ носикомъ, упрямымъ ртомъ, крошечной ручкой и изящной ножкой,—она еще болѣе отличалась умомъ, къ тому же умомъ, въ которомъ проглядывало чувство, что придавало поэтическую прелесть ея обращенію.

Знакомство Эмэ съ поэтомъ произошло въ салонѣ ея двоюродной сестры г-жи Жуберъ. Мюссэ, болѣе любившій, по выраженію Сешэ, «спѣлые плоды и даже нѣсколько попорченные, чѣмъ зеленые, и много разъ уже упорно выдерживавшій искушенія маленькихъ змѣекъ съ невинными глазами», на этотъ разъ также мало обращалъ вниманія на двадцатипятилѣтнюю полудѣву. Однако какъ-то за танцами, когда ему показалось, что Эмэ опечалена и встревожена, онъ отважился сказать ей, что единственное средство никогда не скучать—это полюбить. Но Эмэ пресерьезно ему отвѣтила, что «ей нечего дѣлать съ влюбленнымъ». Мюссэ воздержался и ничего не сказалъ. Когда же однажды

вечеромъ она появилась у г-жи Жуберъ съ красивой шкатулочкой для иглокъ, которую хотѣла ей подарить, то Мюссэ схватилъ этотъ подарокъ, сталъ имъ восторгаться и думалъ его удержать. Г-жа Жуберъ воспротивилась этому, а Эмэ разсердилась. Споръ затянулся, и молодая дѣвушка, которой надоѣла эта комедія, вышла въ прихожую, накинула на голову бѣлый капюшонъ, который къ ней чудно шелъ, и удалилась. Мюссэ не могъ удержаться, чтобы не воскликнуть: «Ахъ, хорошенькій, бѣленькій монашекъ!» и на другой день послалъ ей строфы, помѣщенные въ концѣ біографіи его брата. Это посланіе удивило Эмэ, и въ тотъ же день она отправила автору маленькій сандальнаго дерева ящичекъ, въ который вложила перо. Между ними сразу растаялъ весь ледъ. Теперь она стала восторгаться его испанскими и итальянскими сказками и выше всѣхъ модныхъ романовъ ставила «Исповѣдь сына вѣка». Но она, какъ и г-жа Жуберъ, находила, что Мюссэ слишкомъ мало пишетъ и, зная, какъ ему легко сочинять, спрашивала себя, какая причина его лѣности. Одни говорили, что виною была страсть къ пиковой дамѣ, т.-е. къ картежной игрѣ; другіе, — что страсть къ червонной дамѣ (dame de coeur), дамѣ сердца. Такъ значитъ, сказала она себѣ, причина—любовныя и азартныя игры. Однажды онъ признался ей, что проигралъ всѣ деньги въ игорномъ притонѣ и не дотронется до пера прежде, чѣмъ не отыграется. «Какое несчастье!—произнесла она:— что, если я попробую полечить его отъ этой скверной болѣзни. Да, но какъ?» И, поразмысливъ, она принялась вышивать ему кошелекъ, какъ очевидное предложеніе дѣлать сбереженія, зная, что профессиональные игроки обыкновенно кладутъ деньги прямо въ карманъ, почему у нихъ карманы такъ часто бываютъ продраны. Для поясненія смысла и значенія этого подарка она вложила слѣдующую записочку: «Какъ-то тебя примутъ, мой миленькій кошелечекъ? Скажешь ли ты, съ какимъ удовольствіемъ тебя дѣлали, какъ заботились о твоей маленькой особѣ? Тебя не ожидаютъ, мадемуазель. Тебя хотѣли показать только принаряженнымъ. Получишь ли ты поцѣлуй за твои труды?» Затѣмъ слѣдовалъ благоразумный совѣтъ: «Не трать легкомысленно, что во мнѣ заключается. Когда ты выходишь изъ дома, положи въ меня золотой—на одинъ день этого достаточно, а если у тебя останется что-нибудь вечеромъ, какъ бы ни было это мало, всегда найдется бѣднякъ, который тебя за это поблагодарить, а Музы вознаграждать».

Мюссэ изумился, получивъ кошелекъ, и именно въ тотъ моментъ, когда герцогъ Орлеанскій предложилъ ему ѣхать въ Мадридъ въ качествѣ атташе при посольствѣ съ секретными инструкціями относительно испанскаго брака. Онъ отправился къ г-жѣ Жуберъ и рассказалъ ей о кошелекѣ, присланномъ къ-мъ-то неизвѣстнымъ. «Навѣрно, это женщина,—замѣтила г-жа Жуберъ:— но она не дала адреса, и я затрудняюсь назвать ее. Поняли ли вы, по крайней мѣрѣ, данный урокъ?»—«Я вамъ скажу объ этомъ позже, —отвѣтилъ Мюссэ:— теперь отправлюсь писать Эмэ». Въ это время ея не было въ Парижѣ: она жила въ деревнѣ послѣ болѣзни, очень ее истощившей. Мюссэ взялъ подаренное ею перо и написалъ ей сонетъ, а затѣмъ письмо. Это было 5-го марта 1837 года.

«Дрожащей рукою пишу вамъ, и, быть можетъ, я не въ правѣ писать вамъ—ваша очаровательная тайна не выдана и трудно было бы сказать, какъ я

ее узналъ. Я ее не знаю,—но я въ ней увѣренъ, и, что бы ни случилось, мнѣ невозможно не поблагодарить васъ за нее».

«Если правда, что книга, написанная сердечно, можетъ издалика принести какую-нибудь пользу дружественному сердцу, надо, чтобы писателю позволили, въ свою очередь, сказать, какъ полезно для него подобное вознагражденіе. Онъ долженъ отвѣтить и умолять, чтобы не подумали, не самолюбіе ли его отвѣчаетъ; ему надо осмѣлиться сказать: вы, для кого я писалъ, для кого я не спалъ ночи, этимъ мнѣ платите за все и я у васъ въ долгу. Рукописканія возбуждаютъ, но они не долго продолжаются и ими наслаждаться довольно легкомысленно; но никогда никто не отниметъ у меня того, что дало мнѣ это дорогое маленькое сокровище (кошелекъ). Какъ вы должны теперь надъ этимъ улыбаться, а, быть можетъ, вы объ этомъ забыли и находите, что сумасбродную голову скоро можно вскружить по скоро проходящему капризу; ну, такъ что же? Получите же это письмо, какъ я получилъ вашу посылку; быть можетъ, съ удивленіемъ, но скажите себѣ, что вы заставили биться правдивое сердце».

«Есть ли на свѣтѣ что-нибудь другое? Не мечта ли остальное? Ахъ, я это чувствую въ данный моментъ, когда, не знаю, мысль ли о будущемъ, или честолюбіе, быть можетъ, не сегодня—завтра заставятъ меня уѣхать на нѣкоторое время. Сообщить ли вамъ объ этомъ? Среди этихъ поѣздокъ ходатая, аудіенцій, обязательныхъ для меня, и которыя Богъ знаетъ куда меня заведутъ—маленькій кошелекъ, который будетъ меня сопровождать, одинъ будетъ говорить со мною искреннимъ языкомъ. Увы! Я отправлюсь только для того, чтобы положить въ него нѣсколько золотыхъ монетъ! Не для этого ли вы его и сдѣлали?»

«Простите мнѣ, не смѣшно ли, что я осмѣливаюсь съ вами такъ говорить. Я могу замолчать, но не говорить въ половину. Думается, мнѣ говорили, что вы такая, и не приди мнѣ мысль объ отъѣздѣ, быть можетъ, я не осмѣлился бы вамъ писать. Но зачѣмъ теперь и на такомъ далекомъ разстояніи? Какъ случилось, что въ Парижѣ, вблизи васъ, у меня сто разъ было на губахъ то, что я хотѣлъ бы вамъ сказать теперь, и я никогда не пробовалъ сказать вамъ этого, чтобы васъ почти не разсердить. Я не только никогда не могъ вамъ сказать, что нахожу васъ прекрасной, но самыя пріятныя, самыя обыкновенныя любезности становились вамъ непріятны по моей неловкости. Я объ этомъ думалъ сегодня и сказалъ себѣ: тѣмъ лучше, тѣмъ лучше, что мы никогда не обмѣнялись этими банальными словами: такую руку, какъ ваша, должно пожать, а не холодно поцѣловать. Да, рука, исполнившая такую маленькую, изящную, такую драгоценную работу, питаетъ ко мнѣ нѣкоторую дружбу. Въ каждой изъ этихъ тонкихъ ниточекъ есть ваша мысль. По крайней мѣрѣ на каждой изъ нихъ покоился вашъ взглядъ. Когда я увижу васъ? Когда вы возвратитесь, буду ли я еще тамъ? Вотъ о чемъ теперь я думаю, и прошу, какъ милости, если это письмо покажется вамъ нелѣпымъ, не отвѣчайте на него, но не заставляйте меня въ немъ раскаяться. Одно ваше жестокое слово причинило бы мнѣ болѣе зла, чѣмъ все остальное сдѣлало бы пріятное, потому что теперь я васъ знаю и люблю и ни вы, ни я ничего болѣе не можемъ подѣлать! Вы меня не знаете и думаете, что это минутное впечатлѣніе или пустыя слова молодого человѣка. Я знаю,

что бы вы мнѣ сказали, если бы отвѣтили. Мнѣ также извѣстно, что я чувствую и что я никогда въ жизни не лгалъ ни себѣ ни другому. Это не есть хорошее качество—я слишкомъ гордъ, чтобы лгать. Отвѣтите ли вы мнѣ—не знаю, но какова бы ни была судьба этого письма, я его закрываю болѣе счастливымъ, чѣмъ его началъ. Оно снесетъ по крайней мѣрѣ что-нибудь отъ моего сердца къ благородному сердцу, которому я довѣрился и которое стѣлаетъ изъ этого что хочеть».

Съ этой минуты между ними завязалась переписка. Въ первыя недѣли съ одной стороны письма были сдержанныя, съ другой—жгучія, безумныя, которыя минутами пугали Эмэ своей чрезмѣрной свободой. Во второмъ письмѣ отъ 31-го марта, сообщая о своей мисси и сожалья, что уже нельзя отказаться отъ нея, онъ между прочимъ пишетъ: «Я думаю, что люблю васъ, дитя, и не ошибаюсь. Ваше здоровье, говорите вы, неустранимое препятствіе; въ любви я не знаю препятствій. Что касается «женщины» старше меня, лицо которой становится все болѣе и болѣе серьезнымъ, и «приговора»—позвольте мнѣ сказать моей старой двадцатипятилѣтней подругѣ, что мнѣ—двадцать шесть, что я считаю ея сердце очень серьезнымъ, но ея молодое, очаровательное лицо очень веселымъ и очень розовымъ; что кушетка не столь скверная мебель, чтобы говорить о ней дурное; что относительно таланта у васъ первый изъ всѣхъ талантовъ—быть прекрасной, а что касается ума, то очарование и непреодолимая привлекательность вашего ума именно въ этой смѣси веселаго и серьезнаго, живого и томнаго. Дитя, если счастье для кого-нибудь сдѣлано, то оно сдѣлано для васъ. Вы говорите, что знаете мой характеръ; вы, въ свою очередь, ошибаетесь. Я на годъ старше васъ, а по опыту на десять лѣтъ. Не улыбайтесь на слово «опытъ», мой опытъ не великъ; позвольте мнѣ сказать вамъ, чему онъ меня научилъ: во-первыхъ, прекраснымъ мечтамъ и желанію ихъ осуществлять—неизбѣжное условіе великихъ сердецъ. Между тѣмъ, при вступленіи въ жизнь дѣйствительность и ея тысячи огорченій рано или поздно поражаютъ еще дѣвственную надежду и сокрушаютъ ее на самой выси полета. Что я говорю—не фраза моралиста, а вѣчная истина. Первый опытъ, Эмэ, состоятъ въ страданіи, онъ состоятъ въ томъ, что находить и чувствовать, что безусловныя мечты почти никогда не осуществляются или, осуществившись, отвѣтаютъ и умираютъ отъ соприкосновенія съ дѣлами этого міра. Чувство горькаго размышленія вотъ результатъ этого перваго опыта. Сердце, раненое въ самомъ своемъ существѣ, обливаема кровью и кажется навсегда растерзаннымъ.

«Между тѣмъ люди жирутъ и надо любить, чтобы еще жить; они любятъ съ опаской, съ недоувѣріемъ и мало-по-малу озираются вокругъ себя и замѣчаютъ, что жизнь не такъ печальна, какъ ее считали; приходятъ въ себя, возвращаются къ счастью, къ Богу, къ истинѣ. Сердце болѣе твердое принимаетъ препятствія, горести, даже отвращеніе; увѣренное въ себѣ, оно ихъ предвидитъ, по бѣждаетъ и иногда измѣняетъ ихъ въ благо. Болѣе уступчивое, оно лучше наслаждается счастливыми днями, призываетъ ихъ съ большимъ пыломъ и болѣе заботится объ ихъ продленіи. Наконецъ, оно доходитъ до того, что говорить себѣ: зло ни по чемъ, потому что существуетъ счастье. Предоставьте вашему сердцу биться, позвольте васъ любить, позвольте совершиться судьбѣ;

на этомъ свѣтѣ есть хорошіе дни; отрицаемое вами счастье—въ васъ самихъ, въ вашихъ глазахъ, на вашихъ губахъ, въ вашей груди—уважайте ваше сокровище. Вамъ нравится имя друга. Дитя! Развѣ дружба и любовь два разныя слова? Мое письмо, говорите вы, разбиваетъ ваши надежды. Ваше—заставляетъ меня благодарить Бога. Оно открываетъ мнѣ цѣлый міръ надеждъ, желаній, тревогъ, безъ сомнѣнія, но и божественнаго наслажденія,—не закрывайте его, мой прекрасный ангель, не сомнѣвайтесь, улыбнитесь, отвѣтите, будьте добры и искренни, какъ вы прекрасны».

Начало третьяго письма вырѣзано ножницами. Въ немъ между прочимъ онъ совѣтуетъ Эмэ бросить въ огонь всѣ свои философскіе выводы относительно любви, модные романы и первымъ—собственный его романъ. «Читайте въ вашемъ зеркалѣ, въ глазахъ вашего любовника: это лучший изъ требниковъ, чѣмъ «Исповѣдь сына вѣка». Если вы называете любовью презрѣнную жизнь—вы никогда не любили. Откажитесь говорить дурно о себѣ и придите, придите, скажите мнѣ: «Дитя, вотъ я!..» и особенно прибавьте, какъ въ вашемъ письмѣ: «Ты можешь мнѣ измѣнить, но никогда не унизить». Но я запрещаю вамъ говорить эти слова, я васъ остановлю на первомъ словѣ, поцѣловавъ его на твоихъ губахъ. «Въ вашемъ письмѣ есть слово,—заканчиваетъ онъ письмо,—одно слово, единственное, которое любить. «Я хочу, говорите вы, ахъ, нѣтъ, я васъ умоляю...» Вы меня умоляете ухажать, дорогая. Правда ли? Вы умоляете меня продолжать мои попытки. Ну, такъ, моя бѣлянка, я начинаю плохо вамъ повиноваться,—по боку дипломатію, честолюбіе и всѣхъ испанскихъ королевъ, прежнихъ и будущихъ. Я остаюсь—я не хочу ни о чемъ болѣе слышать, какъ о васъ, я думаю только о васъ, мое честолюбіе только въ васъ. Политика обойдется безъ меня, а что касается моего будущаго, я отъ него прошу только одного дня, того, когда почувствую васъ на своемъ сердцѣ. Эмэ, не пишите мнѣ болѣе такъ. Если вы не хотите прійти, поцѣлуйте кусочекъ бѣлой бумаги и пришлите ее мнѣ. Если вы меня любите, то придете».

Въ третьемъ письмѣ Мюссэ говоритъ Эмэ, что хотѣлъ эту бумажку, которую онъ сто разъ поцѣловалъ, прислать обратно, чтобы она еще разъ ее поцѣловала и вернула ему. «Никогда я не встрѣчалъ женщины столь откровенной и искренней, какъ вы. Никогда я не видалъ столько сердца и такъ мало кокетства, столько искренности и благородства. Когда я подумаю о маѣ мѣсяцѣ, когда я говорю себѣ, что такая прекрасная, такая кроткая душа обитаетъ въ тѣлѣ, такомъ же прекрасномъ и бѣломъ, какъ она сама, то говорю, не прибавляя: моя любовь, что сдѣлалъ я, чтобы быть такимъ счастливымъ? Ахъ, какъ ты права, что ты придешь съ цвѣтами, съ зеленью, съ солнечнымъ сезономъ. Назови меня безумцемъ, если хочешь, но мнѣ кажется, что при твоёмъ первомъ поцѣлуѣ въ моемъ сердцѣ распустится цвѣтокъ». Въ этомъ письмѣ онъ торопитъ ее пріѣхать въ Парижъ, удивляется, что у ея тетки только въ концѣ мѣсяца будетъ свободна комната, и предлагаетъ ей устроиться у г-жи Жуберъ. «Надѣюсь, что не ваша бритая голова могла дать вамъ мысль запоздать пріѣздомъ. Я уже обожаю вашъ парикъ, того ли онъ цвѣта, какъ ваши волосы? Знаете ли, что вы сдѣлаете, когда ваши волосы вырастутъ: вы мнѣ отдадите вашъ парикъ—вотъ еще одно безуміе, не правда ли? Я нисколько объ этомъ не

забочусь и надѣну его отъ всего сердца. Какъ вы будете надо мною смѣяться! Прощайте, обожаемая, прощайте, моя любовница». Последнее выраженіе испугало Эмэ своей развязностью, и она въ отвѣтъ написала: «Я гдѣ-то читала, что, не убивъ медвѣдя, шкуры не продають». На это Мюссэ написалъ ей: «Я гдѣ-то читалъ, что не надо пить больше, чѣмъ вамъ нальютъ,—маленькая истина—угадайте, что она хочетъ сказать». Затѣмъ онъ успокаиваетъ Эмэ, что отложенная поѣздка въ Испанію—небольшая потеря, это просто экскурсія, иногда увеселеніе, а иногда забота, и она ничего не приноситъ, кромѣ потеряннаго времени. «Это не даетъ ни титула, ни правъ,—говоритъ онъ:—развѣ только право носить вышитую золотомъ одежду. Я очень желалъ отправиться курьеромъ, именно по причинѣ независимости при возвращеніи и, быть можетъ, даже по причинѣ вышитой одежды. Но въ данный моментъ я вижу, что будущей осенью мнѣ предстоитъ исполнить мое обязательство. Понимаете, если я проведу время въ развѣздахъ, то не буду въ состояніи работать осенью; значить, для меня совсѣмъ не безуміе отказаться теперь отъ того, что я приму позже, когда я могу это сдѣлать безпрепятственно. «Исповѣдь», какъ я вижу, не хочетъ выйти у васъ изъ головы. Это, значить, самъ себя наказалъ за грѣхи, и я ничего противъ этого не могу сказать. Однако, когда написалъ книгу, то надо по всей строгости имѣть возможность ее передѣлать. Но я начинаю думать, что мнѣ это не удастся—такъ вы будете Сыномъ вѣка и я не имѣю права жаловаться, если вы мнѣ позволите быть г-жою Пирсонъ. Не скажете ли вы мнѣ, мой прекрасный монашекъ, что такое быть развратникомъ, когда влюбленъ. Мнѣ кажется, это почти то же самое, что быть лицомъ бромъ въ то же время, какъ и ханжою. Сколько мнѣ помнится, я читалъ въ «Новой Элоизѣ» это красивое различіе между развратомъ и любовью. Есть только одно маленькое затрудненіе, чтобы они другъ другу мѣшали, а именно съ тѣхъ поръ, какъ одинъ начинаетъ существовать, другой теряетъ свое названіе».

Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 13 апрѣля на вопросъ Эмэ: не разсердился ли онъ на нее?—Мюссэ отвѣчаетъ, что его не разсердило ея упоминаніе о продажѣ медвѣжьей шкуры и т. д. «Я этого немного заслуживалъ, а, впрочемъ, я слишкомъ хорошо самъ узналъ, что гордость—самый большой непріятель счастья. Нѣтъ, эти два письма мнѣ причинили огорченіе тѣмъ, что мнѣ подумалось, какъ будто я почувствовалъ въ нихъ, что вы меня менѣе любите и мои безумства оскорбляли вашъ умъ вмѣсто того, чтобы найти себѣ извиненіе въ вашемъ сердцѣ. Зачѣмъ, скажите, зачѣмъ, мой прекрасный ангелъ, зачѣмъ называть насмѣшкою развратника то, что было лишь небольшой веселостью и большой искренней радостью человѣка, считавшаго себя любимымъ вами. Вы хотите видѣть меня печальнымъ или серьезнымъ? Я объявляю вамъ, что это невозможно, пока вы меня любите. Когда вы этого захотите, вамъ только стоитъ сказать, что вы меня болѣе не любите; но пока это слово не появилось, то для чего раздумывать и чѣмъ огорчаться. Любовь—все, а что до остального, то надо вмѣстѣ посмѣяться надъ небольшими усилиями, какія дѣлаетъ несчастье, чтобы затронуть насъ». «Вѣрите мнѣ ради самого неба,—говоритъ онъ далѣе,—мой дорогой, маленькій сынъ вѣка, счастье на этомъ свѣтѣ рѣдкость и печальный недостатокъ сомнѣваться въ немъ, а уничтожить его почти преступленіе».

Въ этомъ письмѣ уже идетъ рѣчь о посѣщеніи г-жою Альтоңъ поэта: «Гдѣ мы увидимся—для этого прежде всего надо знать, гдѣ вы живете; по всей вѣроятности, далеко отъ моего адскаго предмѣстья, и я не хочу заставлять мою прекрасную больную дѣлать слишкомъ длинный путь. Но ты придешь 21-го, 22-го и ты не хочешь, дорогой кумирь, чтобы я обезумѣлъ отъ удовольствія и надежды. Ты говоришь мнѣ относительно обратной стороны медали, такъ ты не знаешь, какое изображеніе вижу я тамъ запечатлѣннымъ. Ахъ, красавица! ты хочешь научить меня благоразумію; научи меня не умереть отъ нетерпѣнія въ ожиданіи тебя и отъ счастья при видѣ тебя. Не могу удержаться, чтобы не возвратить тебѣ маленькой бумажки и лишиться ея на три дня—я пришлю тебѣ другую и хотѣлъ бы послать тебѣ съ нею мои губы; сердись же еще, злая, я назову тебя: моя дорогая, моя прекрасная любовница, ахъ, г-нъ медвѣдь, какъ я вамъ за себя отомщу!»

Изъ слѣдующаго письма видно, что упорство Эмэ было почти уже сломлено и она шла навстрѣчу страстному призыву Мюссэ. Она написала поэту, что придеть къ нему, и онъ ей отвѣтилъ: «Люблю тебя, люблю тебя, люблю тебя; конечно, твоя мысль мнѣ нравится, потому что она нравится тебѣ. Но, быть можетъ, ты не знаешь, что я живу съ матерью,—это очень неудобно. Представь себѣ, что у насъ общая дверь и, чтобы войти въ мою комнату, надо пройти черезъ стѣновую, квартира не такъ велика, и въ ней помѣщаются мать, сестра, братъ и три слуги.—Ты испугалась, прекрасный херувимъ? Спѣшу тебя успокоить. «Я ваша съ разсвѣта», говоришь ты. При этомъ словѣ я прыгаль отъ радости; нѣтъ болѣе опасностей и затрудненій, если ты можешь прийти сюда между семью и восемью часами утра; но, быть можетъ, это слишкомъ рано. Въ свою очередь, мнѣ страшно, я боюсь, что слово, написанное тобою и которое я цѣлую, неосуществимо. Скажи мнѣ скорѣе, могу ли я рассчитывать. Знай, что столь населенный домъ, какъ нашъ, безъ памяти храпитъ неизмѣнно до—девятого или десятого часа, какъ хозяева, такъ и слуги. Ни одной живой души. Прося тебя прийти между семью и восемью часами, я сдѣлалъ излишнюю осторожность. Выйти,—пишетъ онъ далѣе,—легко. Обыкновенно я сплю до 2 часовъ, иногда до 5 вечера; когда я не сплю ночь, то особенно запрещается меня будить—слѣдовательно полная безопасность. Стоитъ только повернуть ключъ—и болѣе ничего. О, прекрасный ангелъ, какой день, какія мысли! Твои письма сведуть меня съ ума. Ежеминутно мнѣ надо ихъ перечитывать, чтобы повѣрить моему счастью и убѣдиться, что такая прекрасная мечта—не сновидѣніе. Твой г-нъ опытъ восхитителенъ, я надъ нимъ много смѣялся; въ добрый часъ, вотъ какъ я тебя люблю! Люблю? Нѣтъ, обожаю, боготворю, ахъ, какъ глупы слова, когда ихъ пишешь, читаешь или слышишь. Прощай, прощай, тысяча поцѣлуевъ на твои губы, твое тѣло, твое сердце. Посылаю тебѣ бумажку, пришли мнѣ одну, умоляю тебя, чтобы она прикоснулась къ твоей шеѣ, плечамъ, ко всей тебѣ».

Въ письмѣ отъ 16 апрѣля Мюссэ все еще продолжаетъ давать совѣты Эмэ, какъ къ нему попасть. «Отъ улицы Сень-Лазарь до улицы Гренель,—пишетъ онъ,—полчаса для фіакра плохо вѣдущаго и четверть часа для фіакра хорошо вѣдущаго. Кромѣ того, есть неотразимый рецептъ, чтобы заставить хорошо

ѣхать самыхъ скверныхъ лошадей—это сказать очень вѣжливо кучеру: «Вамъ будетъ два су на чай, если вы поѣдете тихо, и двадцать, если вы поѣдете скоро». Я еще не встрѣчалъ такого неподкупнаго человѣка, которому это магическое слово не придало бы крыльевъ. Вотъ рецептъ и совѣтъ г-на опыта». Далѣе Мюссэ мечтаетъ, какъ она пріѣдетъ къ нему, выйдетъ изъ экипажа, станетъ отыскивать его дверь, онъ побѣжитъ къ ней навстрѣчу и они молча подымутся по лѣстницѣ. «Всѣ спятъ,—говоритъ онъ,—и наконецъ за нами запирается дверь. О, моя нимфа! Моя Эмэ (моя возлюбленная)! какой моментъ! Это день нашей свадьбы. Здѣсь мое воображеніе останавливается, я ничего не ищу, я не стараюсь ничего предвидѣть, я не могу пытаться угадать ни моего счастья, ни твоей красоты, ни перваго слова, которое ты мнѣ скажешь; но первый поцѣлуй, ахъ, его я угадываю, я уже его чувствую, онъ меня обжигаетъ, онъ проникаетъ въ сердце». Въ этомъ письмѣ Мюссэ пылаетъ страстью, онъ напоминаетъ Эмэ о сѣ фразѣ: «Мнѣ нечего дѣлать съ влюбленнымъ». «Если бы въ эту минуту она заглянула въ мое сердце, то увидѣла бы, что я ее любилъ; я сказалъ себѣ, что она его видитъ и это мнѣ она отвѣчаетъ такимъ обвинякомъ». Прощаясь съ ней до дня свиданія, онъ прибавляетъ: «Желалъ бы я быть не такимъ бѣднякомъ; я хотѣлъ бы принять тебя въ королевской комнатѣ вмѣсто того, чтобы ждать тебя въ безпорядочной мастерской, гдѣ ничего нѣтъ красиваго. Тридцать поцѣлуевъ на твой прелестный ротъ. Боюсь я также, что недостаточно тебѣ понравлюсь и ты не найдешь во мнѣ ничего достойнаго тебя. Мнѣ кажется, что твой любовникъ долженъ быть богомъ, чтобы заслужить тебя. Прощай же. Прижимаю тебя къ своему сердцу. О, моя жизнь! какъ я тебя люблю».

Слѣдующія письма уже относятся къ послѣпобѣдной эпохѣ, и въ письмѣ отъ 18 іюня Мюссэ извѣщаетъ о своемъ внезапномъ отъѣздѣ и невозможности увидѣться съ нею. «У насъ будетъ все, что намъ требуется по моему возвращенію,—прибавляетъ онъ:—и я тотчасъ же тебѣ напишу. Мы всегда будемъ немного спорить: это необходимо, но спорить не значить ссориться». Онъ говоритъ въ этомъ письмѣ о необходимости работать, о томъ, что дни свиданія будутъ служить ему отдохновеніемъ, а также о томъ, что онъ доволенъ ея отказомъ отъ мысли сдѣлать какіе-то расходы. «Эта идея,—говоритъ онъ,—огорчала меня и нарушала радость находиться возлѣ тебя. Я не могу вынести мысли, что наша любовь тебѣ въ чемъ-нибудь повредила бы. Есть ли на свѣтѣ что-нибудь печальнѣе, какъ сказать себѣ, что такіе сладкіе, такіе счастливые моменты могутъ оставить дурное воспоминаніе. Это ужасно, а вмѣстѣ съ тѣмъ это случается ежедневно. Пока наслаждаются, то только и думаютъ о наслажденіи, и кажется, что всѣ жертвы ни по чемъ. Отлетить въ одинъ прекрасный день любовь, и самъ удивляешься, что находишь только непріятное въ томъ, что дѣлалъ. Ненавидѣть, что любилъ, ахъ, мой ангелъ, это самое худшее на свѣтѣ. Во что бы то ни стало надо быть достаточно благоразумнымъ даже въ минуты самыхъ дорогихъ безумствъ, чтобы никогда въ нихъ не раскаиваться. Вотъ почему я никогда не буду настолько глупъ, чтобы колебаться сказать тебѣ, что у меня нѣтъ ни копейки, и чтобы ты взяла съ собой по крайней мѣрѣ нѣсколько лун, вотъ почему я никогда не принялъ бы ни денежной жертвы,

ни жертвы общественнымъ положеніемъ». Эма, опасаясь, чтобы это не было истолковано въ дурную сторону, замѣнила: «чтобы колебаться сказать тебѣ, если бы у меня не было ни копейки». «Это не гордость и даже не деликатность,— прибавляетъ онъ,—это воля, желаніе, которыя у меня проявляются во что бы то ни стало: ты можешь меня забыть, но не вспоминать обо мнѣ дурно. Въ теченіе трехъ дней я непрерывно вижу тебя въ моей комнатѣ въ этой блузѣ и ботинкахъ. Ты прекрасна, какъ день, моя дорогая душа. Ты настоящая нимфа, и я обожаю тебя, какъ язычникъ. Какъ ты видишь, это все-таки религіозная симпатія. Только эта религія, какъ я ее понимаю, религія Венеры, она стоитъ другихъ, и если въ твоихъ объятіяхъ религіозенъ, то сомнѣваюсь, чтобы эта религія была католическая. Предупреждаю, тебѣ не избѣжать головного вѣнка изъ цвѣтовъ, и я его тебѣ надѣну въ тотъ день, когда буду свободенъ и богатъ, конечно, когда у меня въ карманѣ будетъ пирогъ и бутылка вина; такимъ образомъ разукрашенная и полуобнаженная, моя красавица, по своеобразной граціи вы будете съ нею равны... немножко. Но что дѣлать! Довольно и такой сладкой судьбы: было бы слишкомъ сдѣлаться достойной васъ. Помнится мнѣ, какъ однажды вечеромъ, танцуя съ вами у двоюродной сестры, я сказалъ, что для меня было бы великимъ счастьемъ выпить стаканъ пунша съ красивой женщиной— даже безъ другой мысли, какъ только это удовольствіе.—«Если это вѣрно,—сказали вы,—то не говорите этого».—А почему же? Тѣло я не цѣню болѣе духа; но я его цѣню именно сколько надо. Называйся Богъ Іеговою, или Юпитеромъ (я предпочитаю послѣднее), если я буду думать иначе, я его обижу. Пусть старый патеръ презираетъ свое тѣло, въ добрый часъ, твое же я обожаю, я уважаю, боготворю. Оно мнѣ такъ же дорого, такъ же для меня священно, какъ твое доброе сердечко, монашка. Я требую, я хочу называть тебя моей обожаемой, моей сладострастной, полной нѣжности, моей любовью и удовольствіемъ». Здѣсь многія строки зачеркнуты и слова замѣнены. Это письмо Мюссэ заканчиваетъ просьбою докатить до него въ дилижансѣ, поужинать вмѣстѣ въ ресторанѣ или скорѣе позавтракать и... безъ дурныхъ мыслей. «По совѣсти, я тебя позорю, и знаешь ли, почему это меня забавляетъ? А потому, что я такъ хорошо чувствую, насколько люблю тебя, что я вполне увѣренъ въ прощеніи, пока ты меня любишь».

1 іюля онъ извѣстилъ, что весь день проискалъ комнату, страшно усталъ и просилъ ее прійти въ прежнюю комнату. «Ты поболтаешь объ ея устройствѣ съ своимъ возлюбленнымъ, который тебя ждетъ». Изъ послѣдующаго за этимъ письма видна маленькая размолвка между ними, и Мюссэ обращается къ ней на вы. Сообщая, что всѣ эти празднества нарушили его порядокъ, онъ извиняется, что не послалъ ей отвѣта на письмо, такъ какъ это повело бы лишь къ ссорѣ, и жалуется, что съ нѣкоторыхъ поръ все, что онъ дѣлаетъ,—несчастливо. Однако эта размолвка прошла, какъ видно изъ письма, въ которомъ онъ проситъ ее прійти и съ нетерпѣніемъ ее ожидаетъ, общая не быть слишкомъ надобдливимъ. 15 іюля онъ писалъ Эма: «Нимфа Эма, моя мать уѣхала и у меня есть почти разрѣшеніе просить васъ прійти. Если вамъ нечего сегодня дѣлать, я ожидаю васъ до часа». И въ тотъ же день онъ пишетъ другую записку: «Моя обожаемая нимфа (слово «обожаемая» замѣняетъ другое, зачеркнутое

слово), я проснулся сегодня. Если у тебя есть время и смѣлость прийти сегодня утромъ, то скажи, въ какомъ часу; во всякомъ случаѣ до часу. Если хочешь, постарайся прийти пораньше». Между любовниками уже стали возникать сцены ревности, и 15 іюля Мюссэ писалъ: «Возможно ли, мое дитя, вообразить подобную вещь? Я люблю другую, говоришь ты, и играю тобою? Но что я могъ тебѣ такого сказать, что бы дало тебѣ подобную недѣльную мысль? Я показалъ тебѣ письмо въ минуту гнѣва, не знаю, по какому поводу. Но возможно ли тебѣ думать, что у меня къ ней иное чувство, чѣмъ дружба. Полтора года, какъ между нами навсегда все кончено, навсегда по причинамъ, которыя невозможно устранить. Она такъ мало приходила ко мнѣ, что я ее не видалъ. Но только поразмысли, по какому праву я буду искать съ тобою ссоры изъ-за того, что ты дѣлаешь, если самъ дѣлаю во сто разъ хуже. Подумай, дитя мое, если, показывая тебѣ вчера это письмо, я хотѣлъ тебѣ сказать, что любилъ ее—это было бы неловкостью и страшною глупостью въ ту минуту, когда я упрекалъ тебя, что ты слишкомъ мало меня любишь. Приходи ко мнѣ, намъ надо поговорить».

Въ августѣ Мюссэ снова искалъ комнату для свиданій съ Эмэ и сообщилъ ей, что нашелъ двѣ чистыя комнаты, а затѣмъ говорить, что ея подарокъ лежитъ у него на столѣ. Однако уже видно изъ писемъ, что въ ихъ отношеніяхъ начинается проскальзывать какая-то тѣнь. Вѣтреное сердце Мюссэ уже тяготилось совмѣстной жизнью съ Эмэ. Его тянуло къ прежнимъ забавамъ—женщинамъ и абсенту, и въ его письмахъ часто встрѣчаются ссылки на нездоровье. Въ одномъ изъ писемъ онъ успокаиваетъ Эмэ: «Не пугайся, моя ночь была не дурна, хотя я всталъ рано». Онъ повторяетъ фразы о любви и въ январѣ 1838 г. пишетъ: «Мнѣ скучно, я страдаю и люблю тебя. Вотъ почему я хочу тебя видѣть». Далѣе онъ опять говорить о любви и о томъ, что она лучше его. «Подумай, однако, мой другъ, что я испытываю. Сегодня ровно недѣля, какъ я нахожусь въ несносномъ положеніи. Ты его знаешь: оно ужасно и даже нельзя меня сожалѣть, такъ какъ это моя ошибка, отъ меня самого. Подумай, сколько отвращенія, сожалѣнія, тревоги, всякаго рода безпокойствъ ведетъ за собою подобное состояніе. Мнѣ безусловно необходимо окончить стихи. Я безъ передышки работаю, я ложусь въ семь, восемь часовъ и не знаю, окончу ли ихъ во время. Я надѣлалъ глупостей, переступающихъ всѣ границы. Я ничего не преувеличиваю. Поразмысли обо всемъ этомъ и спроси себя, можно ли въ такомъ случаѣ не быть раздражительнымъ и не имѣть больныхъ нервовъ. Ты мнѣ снова говорила объ этомъ кольцѣ; ты его не носила; мнѣ пришла мысль подарить тебѣ одно, на другой день у тебя было три другихъ—чистосердечно ли ты думаешь, что это хорошо, какъ ты говоришь? Такого рода вещи противъ моего желанія заставляютъ меня содрогаться—не сердись. Онѣ пахнутъ женщиной и напоминаютъ мнѣ прошедшее. Не будемъ болѣе объ этомъ говорить, я падаю отъ усталости, у меня непреодолимая необходимость спастись отъ себя самого на нѣсколько часовъ и мирно заснуть въ дружескихъ объятіяхъ; я не могу этого, я пригвожденъ къ работѣ, и какъ только буду въ состояніи, позову тебя». Черезъ нѣсколько дней, приглашая ее къ себѣ и благодаря за красивый подарокъ, онъ прибавляетъ: «Неприятности, которыя тебѣ дѣлаютъ,

меня возмущают и огорчают, но онъ, быть можетъ, не такъ серьезны, какъ ты думаешь. Кажется, не дальше, какъ третьяго дня, тебя предлагали свезти къ княгинѣ Бельджюдждозо. Впрочемъ, ничего нѣтъ невозможнаго, что тебѣ хотять повредить. Главное, и прежде всего, вѣрь, что тебя люблю и, что бы то ни было, буду любить».

Мюссэ все сильнѣе началъ предаваться прежнимъ страстямъ и хотя въ письмахъ говорилъ: «Я люблю только тебя и чѣмъ болѣе тебя вижу, чѣмъ болѣе тебя знаю, тѣмъ болѣе люблю», но въ то же время не могъ воздержаться. «Если правда, что вы меня любите,—писалъ онъ:—то съ моей стороны жестоко и глупо заставлять васъ страдать. Что дѣлать? Положительно, что привыкать не видѣться—опасно, и я подвергаюсь такому же риску, какъ и вы. Такъ кончаютъ, говорите вы,—такъ же размышлялъ я вчера, уходя. Видѣться часто въ обществѣ, вы знаете, неосторожно, къ тому же это послужитъ вамъ причиной для новыхъ страданій. Вы не можете сомнѣваться, что я васъ люблю».

Совершенно запутавшись въ долгахъ, Мюссэ принужденъ былъ въ мартѣ мѣсяцѣ просить Эмэ, чтобы она послала своего довѣреннаго лакея Поля, на имя котораго посылались письма, отказаться отъ комнаты, гдѣ они встрѣчались. «Я не вижу возможности оставить за собою маленькую комнату. Если бы ты со своей стороны захотѣла, я безусловно этого не хочу. Сдѣланныя мною глупости принесли плодъ—это неизбѣжно. Меня со всѣхъ сторонъ тѣснятъ, а ты знаешь, что неприятности никогда не приходятъ одна безъ другой. Все валится на мою шею. Мысль покинуть эту комнату слишкомъ меня печалитъ, не надо ей предаваться, надо уступить необходимости. Ты живешь ближе, чѣмъ я, окажи мнѣ услугу, пошли твоего Поля отъ моего имени сказать, что я болѣе не оставляю комнаты, начиная съ 12 час. Я не смѣю сказать тебѣ, что я тебя люблю, такъ какъ все это по моей ошибкѣ, но слишкомъ поздно раскаиваться».

Свиданія между ними происходили теперь то въ случайныхъ помѣщеніяхъ, то у него на квартирѣ, когда уѣзжала мать. Случалось, что они не видѣлись по цѣлымъ мѣсяцамъ, и Мюссэ извинялся тѣмъ, что имъ негдѣ встрѣчаться. Въ первое время послѣ отказа отъ комнаты, когда кредиторы приставали къ нему, настроеніе Мюссэ было гнетущее. «Это не горе, не гнѣвъ, ни даже скука,—писалъ онъ:—у меня замираетъ сердце, жизнь мнѣ не дорога и не посылаетъ, она бесполезна и безнадежна». «Я отказываюсь бороться,—пишетъ онъ далѣе:—нѣтъ болѣе средствъ. Моя судьба свершилась. Что случилось, теперь не новость и не неожиданность. Это случилось сто разъ, но теперь все хуже и хуже и этотъ разъ хуже, чѣмъ когда. Все хорошо обдуманно; предо мною цѣлый годъ, въ теченіе котораго я ничего не буду дѣлать, какъ только работать безъ всякаго удовольствія, только чтобы заткнуть дыры». И, дѣйствительно, Мюссэ за время своей близости съ Эмэ такъ работалъ, какъ никогда. Черезъ мѣсяцъ послѣ сближенія онъ окончилъ «Carpice», который появился въ «Revue des deux mondes». Затѣмъ онъ написалъ всѣ свои новеллы отъ «Emmeline» до «Croisilles» и своего «Espoir en Dieu», не говоря о «Mi-careme» и «Naissance du comte de Paris». Эмэ хвасталась, что она вдохновила его написать «Fils du Titien»,

Но объ этомъ никто не зналъ до послѣдняго времени и Сешэ признается, что онъ сомнѣвался, удивляясь, зачѣмъ Мюссэ потребовалось черпать въ Венеціи сюжетъ. Но дѣло объяснилось: Эмэ и г-жа Жуберъ на всѣ лады журили Мюссэ за его лѣнь, и, чтобы доказать, что ему не надо писать много, чтобы обезсмертить свое имя, онъ написалъ «Fils du Titien».

Эта работа не мѣшала ему предаваться своимъ страстямъ и легкомысленнымъ увлеченіямъ. Охлажденіе страсти къ Эмэ было очевидно. «Ты опасешься,— пишешь ты:—что я хочу тебя оставить и убѣдить выйти замужъ; ты сама такъ же хорошо знаешь, чего тебѣ держаться относительно этихъ обоихъ вопросовъ. Не время къ этому возвращаться и говорить объ этомъ; одно достовѣрно, что я не могу тебя сдѣлать счастливой и наполнить тебѣ жизнь. Не отвѣчай на это, что ты меня любишь. Я это знаю и отвѣчу тебѣ: ты мнѣ дорога, очень дорога, это ты также знаешь. Мы оба бѣдны, не очень счастливы и разлучены—вотъ фактъ; я ничего не предвижу, у меня въ головѣ нѣтъ никакого плана».

Эмэ старалась удержать его надъ пропастью, куда его опять потянуло, и предлагала обвѣнчаться; Мюссэ чистосердечно отвѣтилъ, что если бы она была миллионерша, онъ шутя бы принялъ ея предложеніе и написалъ бы на эту тему сонетъ, покуривая сигаретку и увѣренный, что не стѣсняясь можетъ ей все вернуть въ одинъ прекрасный день. Въ настоящемъ же положеніи у него не хватаетъ смѣлости увлечь ее за собою и причинить ей зло. Это не мѣшало ему нѣжно называть ее своею душою, своей бѣлой розой, любимой нимфой и писать ей: «Ты говоришь, что только для меня живешь, добрая, прекрасная, бѣлая дѣва, которой я обязанъ счастьемъ, удовольствіемъ, покоемъ». «Ты лучшее сердце, самая бѣдовая голова, самая красивая дѣвушка и самая дивная подруга, какую я зналъ». И рядомъ съ этимъ намекалъ на давность связи, какъ бы тяготившей его, говоря, что ея желанія исполнить и устроить маленькій кутежъ, который онъ постарается сдѣлать самымъ большимъ, только и «я чертовски боюсь, чтобы не стать влюбленнымъ. Это страшно опасно, не правда ли, послѣ цѣлаго года брака, но разгоряченный котъ не боится холодной воды; вотъ еще новую пословицу я сочинилъ».

1838 г. былъ отмѣченъ дебютомъ Рашели и Полины Гарсіа. Шумъ объ этихъ событіяхъ заставилъ Мюссэ выйти изъ своего уединенія. Полина Гарсіа дебютировала въ салонѣ г-жи Жуберъ, и Мюссэ не отклонилъ ея приглашенія. Вскорѣ послѣ этого ему пришлось защищать Рашель отъ нападокъ Жюль Жавена и онъ такъ горячо и страстно это исполнилъ, что Рашель выказала ему столько благодарности, что онъ нѣсколько пренебрегъ Эмэ. Ихъ встрѣчи продолжались у него на квартирѣ въ отсутствіе матери. Письма его попрежнему оканчивались страстными фразами вродѣ: «Обнимаю безъ малѣйшаго уваженія, но съ большой любовью». На ея упреки онъ отвѣчалъ увѣреніемъ, что «никогда такъ не любилъ ее, какъ теперь». «Ты говоришь, что я тебя знаю»—писалъ онъ, и именно потому его тревожить, что онъ заставляетъ ее страдать. «Дорогая, ты меня тоже знаешь, не правда ли? Такъ знай же и навсегда себѣ скажи, что у меня одинъ недостатокъ: лѣнь, лѣнь и лѣнь. Въ то же время нѣчто вродѣ безразсудства, изъ-за котораго, зная тебя, я совсѣмъ не размышляю о страданіяхъ, о которыхъ ты говоришь. Это большая ошибка, правда, но эта ошибка

моего ума, который дѣйствительно легкомысленъ, но не моего сердца. Впрочемъ, ты не ошибаешься, думая, что я что-то готовлю. Во мнѣ происходитъ странная перемяна (говорятъ, что въ декабрѣ мнѣ исполнится 28 лѣтъ, а это переходная пора, но положительно я начинаю чувствовать нѣчто незнакомое мнѣ—честолюбіе, не политическое, конечно, но я могу сказать, что теперь, напримѣръ, вотъ два мѣсяца какъ день и ночь меня преслѣдуетъ мысль о театрѣ. Этого со мною никогда не бывало. Я составилъ планъ трагедіи, что страшно трудно; впрочемъ, у тебя нѣтъ мысли о безчисленныхъ препятствіяхъ, чтобы добиться, какъ я хотѣлъ, участія m-Ne Рашель. За меня принцы, министры и т. д., и я дрскую при мысли, что бы со мною было, если бы я былъ одинъ».

Эмэ, отдаваясь Мюссэ особенно въ интересахъ его славы, нашла совершенно естественнымъ, что онъ предпочелъ ей театръ; ихъ отношенія порвались безъ всякихъ объясненій. Какъ видно изъ послѣднихъ писемъ Мюссэ, онъ былъ «*argsi enfermé*», усердно работалъ и все болѣе жаловался на свое положеніе. «Будь увѣрена, прошу тебя,—писалъ онъ въ апрѣлѣ 1839 г.:—что единственная причина, мѣшающая мнѣ написать тебѣ и просить тебя прійти,—это моя бѣдность. Прежде всего постарайся на меня не сердиться, а, во-вторыхъ, вѣрить, что я попрежнему тебя люблю. Ты знаешь, что моя страсть къ театру продолжается. Люблю тебя и обнимаю».

Черезъ мѣсяць онъ пишетъ ей коротенькую записку съ извиненіемъ, что долго не отвѣчалъ: «Называй любовью или дружбою чувство мое къ тебѣ, которое есть и будетъ. Я не вижу здѣсь разницы».

Эмэ порвала эту любовь не безъ слезъ; по словамъ Сешэ, она всю жизнь любила Мюссэ и съ удовольствіемъ получала его письма, изрѣдка посылаемая ей поэтомъ, какъ бы для освѣженія памяти о ней. Въ 1841 г. онъ писалъ ей, что безпрестанно думаетъ о ней, и увѣрялъ ее въ любви. Въ 1842 г. у него внезапно порывомъ проявилась къ ней вспышка любви, и онъ написалъ ей послѣднее страстное письмо. «Мнѣ все надоѣло. Любишь ли ты еще меня? Только у тебя одной сердце. Нѣтъ письма. Да или нѣтъ? Если да, когда и гдѣ? Сейчасъ же, если возможно».

Послѣднее письмо въ іюлѣ 1848 г. полуофициальное, съ которымъ онъ посылалъ ей ложу и уже «жалъ руку отъ всего сердца».

До самой смерти поэта отношенія прежнихъ влюбленныхъ оставались дружескими. Въ день похоронъ Мюссэ Эмэ, отправляясь въ Парижъ по желѣзной дорогѣ, молча плакала въ углу вагона. Кто-то ее спросилъ о причинѣ слезъ, и она воскликнула: «Сударь, развѣ вы не знаете, что умеръ Мюссэ? Альфредъ де-Мюссэ умеръ!»

Это не помѣшало ей сблизиться съ его братомъ Полемъ, и черезъ четыре года по настоянію г-жи Жуберъ пятидесятилѣтняя Эмэ д'Альтонъ обвинялась съ пятидесятисемилѣтнимъ Полемъ де-Мюссэ. Поль причинилъ ей тяжелое горе: онъ признался предъ смертью, что во время брака съ ней прижилъ незаконнаго ребенка. Сначала Эмэ разгнѣвалась, но потомъ простила ему и даже матеріально обезпечила существованіе этого ребенка. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти мужа умерла и Эмэ въ апрѣлѣ 1881 года.

— Кое-что о Л. Н. Толстомъ.—Слухъ о болѣзни Льва Николаевича вызвалъ за границей тревогу, и редакция парижскаго «Journal» отправила въ Ясную Поляну своего сотрудника проверить это неприятное извѣстiе ¹⁾. О своемъ посѣщенiи нашего великаго соотечественника и о вынесенномъ изъ Ясной Поляны впечатлѣнiи этотъ сотрудникъ, почему-то не пожелавшiй подписать своего имени и скрывшiйся подъ литерами J. S., сообщаетъ слѣдующее. 9—22 ноября 1909 года онъ отправился въ Ясную Поляну въ сопровожденiи столь же любезнаго, какъ ученаго и воспитаннаго человѣка, молодого священника, жившаго въ 15 верстахъ отъ Ясной Поляны. Ко Льву Николаевичу они прiѣхали уже въ ночной темнотѣ; хотя ихъ тамъ ожидали въ шесть часовъ, но они немного опоздали, и потому всѣ въ Ясной Полянѣ уже сидѣли за столомъ. Левъ Николаевичъ показался ему моложе, сильнѣе и бодрѣе, чѣмъ на недавно снятыхъ фотографическихъ карточкахъ. Самое прекрасное въ его лицѣ, по словамъ француза, и чего самая лучшая фотографическая карточка не можетъ передать,— это живость во взглядѣ. Онъ думалъ встрѣтить слабаго старика, отважно борющагося съ приближающеюся смертью, но очутился въ присутствiи человѣка сильнаго, подвижнаго, бодрого, со спокойнымъ твердымъ и звучнымъ голосомъ. Только одна борода казалась у него старой, но и то старика зеленаго, лѣтъ 60—65. Когда прiѣзжіе вошли, блестящiе глаза Толстого остановились на французѣ. Онъ протянулъ гостямъ руку и попросилъ садиться за столъ: наскоро поздоровавшись со всѣми, они сѣли и послѣ короткаго молчанiя вскорѣ почувствовали себя совершенно непринужденно.

Французъ прежде всего извинился, что плохо говоритъ по-русски. Едва онъ окончилъ фразу, какъ Толстой заговорилъ по-французски, но на такомъ французскомъ языкѣ, съ чистымъ парижскимъ выговоромъ, что ему казалось, не аристократъ ли это изъ предмѣстья Сень-Жерменъ. На вопросъ Л. Н., какъ французъ познакомился со священникомъ, онъ отвѣтилъ, что это случилось при исключительныхъ обстоятельствахъ; при этомъ онъ замѣтилъ, что раздѣляетъ нѣкоторыя изъ его идей. «А!—замѣтилъ Толстой:—только нѣкоторыя?» Когда французъ спросилъ, знавалъ ли онъ кого-нибудь изъ лучшихъ французскихъ писателей послѣдняго вѣка, напримѣръ, Александра Дюма, Флобера, Зола, Мопассана и т. п., Толстой отвѣтилъ, что этихъ личностей онъ не зналъ, но знавалъ другихъ. «Я говорю это,—оговорился онъ,—не потому, что вы предо мною, но я очень люблю Францію и французовъ. Изъ современниковъ я зналъ особенно Анатоля Франса, къ которому я питаю живѣйшую симпатiю и восторгаюсь его литературнымъ гениемъ. Недавно онъ мнѣ прислалъ одинъ томъ, очаровавшiй меня. Что можетъ быть прелестнѣе «Craïnquehille»? Его исторiя Орлеанской дѣвы тоже дѣйствительно оригинальна. Болѣе двадцати лѣтъ, какъ я не былъ во Франціи. Мнѣ кажется, въ настоящее время проза и поэзія ищутъ новыхъ путей, новыхъ горизонтовъ; но найдутъ ли ихъ? Викторъ Гюго теперь рѣдкiя явленiя... Ахъ! Викторъ Гюго!.. Но поменьше разговора: онъ вамъ мѣшаетъ кушать».

¹⁾ Une soirée cher Tolstoi. «Le Journal». Dimanche 5 decembre. 1910.

Когда Толстой предложил французу вина, тот спросил его: «пить ли вино?» На это Толстой отвечал отрицательно, замѣтивъ, что вообще лучше его не пить.

Послѣ обѣда маститый писатель ушелъ со священникомъ въ кабинетъ, а французу подали великолѣпный мокко въ чашкѣ художественной работы. Попивая кофе, онъ принялся осматривать столовую, на которую ранѣе не обратилъ вниманія, и нашелъ ее очень красивой.

Когда въ залѣ раздались звуки скрипки и фортепiano, Левъ Николаевичъ вышелъ изъ своего кабинета послушать музыку. Исполнитель, по имени Ерденко, казался, по словамъ француза, настоящимъ артистомъ, и у Толстого вырывались восторженные похвалы: «Прекрасно, прекрасно!» и онъ вырывались изъ самой души. Когда музыкантъ игралъ «Nocturne», у Льва Николаевича два раза показывались на глазахъ слезы.

Послѣ музыки всѣ сѣли вокругъ стола, и завязалась бесѣда. Толстой приказалъ подать книгу для доказательства справедливости одного довода изъ области религіи. Когда книгу подали, Толстой сталъ читать безъ очковъ и, замѣтивъ удивленіе француза, сказалъ: «Когда-то я былъ очень близорукъ, вотъ отчего я сохранилъ превосходное зрѣніе». По словамъ француза, Толстой сохранилъ не одно только зрѣніе: въ его организмъ все необычайно для его лѣтъ: стройный, статный, прямой, тонкій, какъ молодой человекъ, подвижной и гибкій, онъ скорѣе скользитъ, чѣмъ ходитъ; заложивъ обѣ руки за свой кушакъ, какъ бы играя, онъ напоминаетъ юношу. Слухъ Левъ Николаевичъ сохранилъ настолько тонкій, что слышитъ самый тихій разговоръ, а голосъ его отъ природы нѣженъ и симпатиченъ, на какомъ бы языкѣ онъ ни говорилъ. Какъ ни желаетъ Левъ Николаевичъ придать себѣ мужицкій обликъ, но, по словамъ француза, въ немъ такъ и виденъ совершенный джентльменъ; на какомъ бы языкѣ онъ ни говорилъ, мысль свою онъ выражалъ точно, изящно, съ тактомъ. Политика его болѣе не интересуетъ: онъ теперь занимается метафизическими вопросами, относящимися до различныхъ религій, до происхожденія жизни и тайны смерти. Объ этомъ сюжетѣ онъ говоритъ, какъ художникъ. Физическая смерть его не страшитъ: онъ вѣритъ въ бессмертіе души и въ существованіе Бога. По его словамъ, смерть является мостомъ, соединяющимъ два берега. Онъ бесѣдовалъ о Паскалѣ, о Руссо, о Ламенэ и замѣтилъ, что многое почерпнулъ у Паскаля и Руссо. Его удивляетъ, что Ламенэ не достаточно знаютъ. На замѣчаніе француза, что Жюль Леметръ въ своихъ знаменитыхъ конференціяхъ нѣсколько небрежно отнесся къ Руссо и хотя былъ суровъ къ нему, но справедливъ, Толстой отвѣтилъ, что душа у Руссо глубоко-религіозна и не слѣдовало его смѣшивать съ Вольтеромъ.

Когда Левъ Николаевичъ спросилъ, какое положеніе въ Россіи занимаетъ авторъ статьи, тотъ сообщилъ ему и упомянулъ имя одного крупнаго русскаго администратора. «Онъ не врагъ мнѣ?»—спросилъ Толстой:—у меня много враговъ. Ежедневно я получаю ужасныя анонимныя письма—и это меня глубоко печаливаетъ. Между тѣмъ я ничего не требую, какъ только, чтобы меня оставили жить спокойно».

«Мнѣ казалось въ тотъ моментъ,—замѣчаетъ культурный французъ, справедливо переицая грубую, безобразную травлю враговъ Толстого:—что подобный

человѣкъ имѣть право на спокойствіе. Можно не раздѣлять его взглядовъ и даже ихъ ненавидѣть, но откровенность его убѣжденій, сама его старость должны бы найти снисхожденіе у его враговъ, которые, себя не уважая, почтили бы знаменитаго противника, который прежде всего является славой Россіи».

Когда наступило время разставанія, французъ выразилъ свое желаніе получить на память автографъ Толстого. Левъ Николаевичъ далъ ему свою фотографическую карточку съ надписью и на любезную фразу француза, что этотъ день будетъ датой въ его существованіи, такъ какъ ему удалось лицезрѣть великаго писателя, имя котораго сіяетъ великолѣпнымъ блескомъ во Франціи и во всемъ свѣтѣ, Левъ Николаевичъ откровенно отвѣтилъ: «Верегитесь, комплименты иногда вызываютъ у меня икоту». Въ заключеніе авторъ сообщаетъ подробности объ образѣ жизни Льва Николаевича и прибавляетъ, что лицезрѣть такого человѣка—это одно уже возбуждаетъ въ васъ силу и подбодряетъ васъ. Такая энергія, такая зеленая юность васъ поражаетъ и даетъ вамъ бодрость. Въ немъ чувствуется воля, тѣмъ болѣе твердая и рѣшительная, что она кажется мягкой и спокойной. «Въ прежнія времена,—въ заключеніе говоритъ французъ,—посѣщали мудрецовъ и учились у нихъ наукѣ жизни, и въ присутствіи Толстого вдохновеніе становится плодотворнѣе и намѣренія дѣятельнѣе; и въ васъ пробуждается любовь къ труду, чувствуется желаніе упорядочить жизнь на пользу собственную, своей родины и человѣчества».

— Отовсюду.—Въ январскомъ номерѣ «Feuilles d'Histoire» А. Ш. рассказываетъ, какъ при осадѣ Турина въ 1640 г. во время вылазки, совершенной княземъ Тома, онъ лишился нѣсколькихъ вонновъ и между прочимъ капитана Капона, кавалериста. Служанка узнала трупъ своего господина и объявила, что ея хозяйинъ—женщина, которая въ теченіе десяти лѣтъ ходила въ мужской одеждѣ. Офицеры считали ее мужчиной и увѣряли, что она совершала прекрасные военные подвиги; однако, когда она приходила въ гнѣвъ, то всегда плакала. Она была очень цѣломудренна, сторонилась офицерскаго общества и большею частью проводила время со своею служанкою, очень злою женщиной, которая угрожала выдать ея тайну каждый разъ, когда она не исполняла ея желаній.

Недавно нашлось письмо Гете къ французскому переводчику перваго «Фауста»—Стапферу, которое бросаетъ новый свѣтъ на часто оспариваемый вопросъ, касающійся обоихъ «Фаустовъ». «Къ первой части «Фауста»,—пишетъ Гете:— котораго вы такъ мило перевели, въ настоящее время нечего прибавлять: эта часть остается сжатой, какъ она есть. Напротивъ, другая драма, которую я объявилъ и названіе которой «Елена»,—интермедія, принадлежащая ко второй части. По плану и исполненію эта вторая часть совершенно разнится отъ первой, потому что она развивается въ болѣе возвышенныхъ областяхъ, и слѣдовательно совершенно независима отъ другой. Она еще не окончена, и въ настоящее время я напечатаю только интермедію, которая должна найти свое мѣсто позже. Эта интермедія написана ямбами и другими стопами въ подражаніе древнему, чего нѣтъ въ первой части».

По инициативѣ авинскаго литературнаго общества «Парнасосъ» въ 1910 г. отпразднуется столѣтіе со дня, когда Байронъ впервые посѣтилъ Грецію.

Вмѣстѣ со своимъ другомъ Гобгоузомъ онъ черезъ Албанію и Константинополь отправился въ Аѳины, гдѣ прожилъ два года, влюбился въ шестнадцатилѣтнюю гречанку Терезу Макри и по этому случаю написалъ свое стихотвореніе «Къ аѳинской дѣвушкѣ». Черезъ 12 лѣтъ онъ снова посѣтилъ Грецію и на этотъ разъ не вернулся на родину. Онъ рѣшился посвятить свою жизнь освобожденію Греціи, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ погибъ въ Миссолунги. Юбилей предполагаютъ отпраздновать, какъ и надлежитъ въ честь Байрона, — художественно. На торжество въ Парѳенонъ пригласятъ писателей всѣхъ европейскихъ странъ и народовъ. Многіе изъ писателей уже выразили согласіе участвовать въ торжествѣ.

Въ «Bibliothèque universelle»¹⁾ находятся неизданныя письма г-жи Сталь къ ландману Пиду, напечатанныя Шарлемъ Бюрне. Между прочимъ она пишетъ: «Мнѣ рассказывали, что императоръ Александръ часто бываетъ у г-жи Крюденеръ, гдѣ онъ беретъ уроки утонченной набожности; русскіе склонны къ такого рода идеямъ, и я все-таки люблю, чтобы король думалъ о другой жизни; въ этой жизни такъ матеріально хорошо». Далѣе она сообщаетъ: «Я получила два письма отъ императора Александра... Во второмъ онъ говоритъ, что для Франціи нужна англійская конституція и онъ очень желаетъ ея для Франціи».

Въ новой книгѣ Метерлинка, хранителя музея изящныхъ искусствъ въ Гентѣ, находится любопытный анекдотъ о Наполеонѣ. Когда въ 1810 г. онъ съ Маріей-Луизой, уже беременной будущимъ римскимъ королемъ, посѣтилъ Голландію, по обыкновенію подъ охраной своей вѣрной бригады легкой кавалеріи, то по дорогѣ изъ Брюсселя въ Гентъ, когда въ Ордежѣ они остановились для перемѣны лошадей, онъ внезапно увидѣлъ надвигавшійся подъ звуки варварской музыки отрядъ великановъ. Это были веттеренскіе великаны, которые вмѣстѣ съ городскими властями вышли навстрѣчу императорской четѣ. Побѣдитель Европы страшно испугался этой торжественной встрѣчи, главнымъ образомъ за Марію-Луизу и будущаго наследника. Когда прошелъ первый моментъ испуга, онъ въ гнѣвѣ страшнымъ голосомъ закричалъ: «Назадъ деревенщины! не надо уродовъ передъ императрицей!»

И, приказавъ приблизиться офицеру, онъ далъ приказаніе силой отстранить злосчастныхъ представителей остатковъ вымершей расы. Отважная кавалерія не заставила повторять приказъ и галопомъ безъ передышки пустилась исполнять распоряженіе императора. Довольно было нѣсколькихъ секундъ, чтобы всѣ городскія власти пустились вразсыпную; несчастные же великаны, какъ менѣ ловкіе и поворотливые, попались подъ самый натискъ кавалеріи. Ихъ опрокинули, подмяли лошадиными копытами и многимъ едва не разорвали брюха. Нѣкоторые изъ гусаръ такъ усердно пробѣжали по ихъ стальнымъ животамъ, что они едва могли выбраться, и то поранивъ себя. Императоръ между тѣмъ сѣлъ въ экипажъ и успокоилъ императрицу, сообщивъ причину инцидента, едва не скомпрометировавшаго его династію.

¹⁾ Le genre satirique, fantastique et licencieux dans la sculpture flamande et wall. Par Maeterlinck 1910.

Интересный взгляд на религиозность артистов высказал известный французский скульптор Роденъ на страницахъ «La Revue»¹⁾. По его мнѣнію, «религія—чувство всего, что не объяснено и, безъ сомнѣнія, необъяснимо въ мірѣ. Это обожаніе неизвѣстной силы, которая поддерживаетъ міровые законы и сохраняетъ типъ существъ, догадка того, что въ природѣ не постигается нашими чувствами, всего того необъятнаго господства вещей, которое ни глаза нашего тѣла, ни глаза нашего ума не въ состояніи видѣть. Это также полетъ нашего сознанія въ безконечное, въ вѣчность къ совѣсти и безграничной любви, общаніе, быть можетъ, призрачное, но которое съ тѣхъ поръ, какъ мы живемъ, заставляетъ трепетать наши мысли, какъ будто онѣ чувствуютъ у себя крылья. Въ этомъ смыслѣ я религіозенъ». По его мнѣнію, вообще истинные артисты религиозны и если бы не существовало религіи, то самъ Роденъ изобрѣлъ бы ее. «Думаютъ, что мы, артисты, не живемъ нашими чувствами,—говоритъ онъ,—и съ насъ достаточно мнимаго міра. Насъ принимаютъ за дѣтей, которыя упиваются переливами красокъ и забавляются формами, какъ куклами. Насъ плохо понимаютъ. Линіи и оттѣнки для насъ не что иное, какъ признаки дѣйствительности. Подъ внѣшностью наши взгляды углубляются къ духу и, когда затѣмъ мы воспроизводимъ контуры, мы обогащаемъ ихъ духовнымъ содержаніемъ, которое они прикрываютъ. Артистъ, достойный своего имени, долженъ выразить всю истину природы, не только истину внѣшнюю, но въ особенности внутреннюю. Хорошій скульпторъ, дѣлая человѣческую торсъ, производитъ не одни только мускулы, но главное жизнь, оживляющую ихъ, больше, чѣмъ жизнь, силу, которая ихъ образуетъ и сообщаетъ имъ то грацію, то силу, то любовную прелесть, то неукротимую ярость. Каждый артистъ, согласно своему темпераменту, придаетъ природѣ страшную или кроткую душу. Пейзажисты видятъ отраженіе міровой души не только въ одушевленныхъ существахъ, но и въ неодушевленныхъ: въ землѣ, деревѣ и т. д. они видятъ лицо громаднаго существа и придаютъ извѣстныя выраженія, какъ, напри- мѣръ, Коро, который видѣлъ доброту въ вершинахъ деревьевъ, или Мило, видѣвшій въ тихихъ водахъ пруда страданія и покорность. Великіе артисты повсюду слышатъ духа, отвѣчающаго ихъ духу. «Гдѣ вы найдете болѣе религіознаго человѣка,—замѣтилъ Роденъ.—Каждый артистъ, у котораго есть талантъ обобщать формы, вызываетъ то же религіозное чувство, такъ какъ онъ намъ сообщаетъ трепеть, испытываемый имъ самимъ предъ безсмертной истиной.

Въ «Fortnightly Review» капитанъ Баттинъ въ отвѣтъ на статью Гавэна о печальномъ политическомъ положеніи Австріи оптимистически разсматриваетъ этотъ вопросъ. За исключеніемъ возникновенія затрудненій, которыя могутъ быть вызваны разницею областныхъ нарѣчій, въ дѣлахъ министерства иностранныхъ дѣлъ столько же единства, сколько и въ другихъ европейскихъ государствахъ. Восшествіе на престолъ Франца-Фердинанда не можетъ служить причиной недоразумѣній; напротивъ, это обстоятельство укрѣпитъ власть австрійскихъ государственныхъ дѣятелей. Съ точки зрѣнія экономической—богат-

¹⁾ Le Mystere dans l'art. «La Revue» 1 janvier 1910.

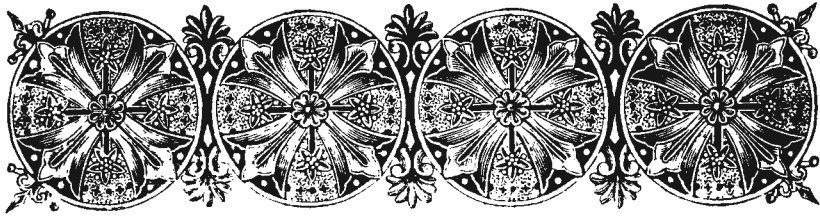
ства Австріи такъ же хорошо распредѣлены, какъ въ самыхъ богатыхъ странахъ, и крайняя бѣдность явленіе довольно рѣдкое. Соціальныя законы, финансовыя законы, законы народнаго образованія стоятъ не ниже, чѣмъ въ Англіи; какъ и тамъ, они также стремятся къ эволюціи и къ прогрессу.

Въ январскомъ номерѣ «Feuilles d'Histoire» помѣщены слова Жозефа Бонапарта по поводу убійства герцога Энгиенскаго. «Я былъ очень удрученъ казнью герцога Энгиенскаго, по причинѣ моего уваженія и привязанности къ первому консулу; мнѣ казалось, что его слава отъ этого померкла». Что касается Летиціи, она вся въ слезахъ упрекала Наполеона, молча выслушивавшаго ее. «Это жестокій поступокъ, отъ котораго онъ никогда не очистится,—говорила она:— онъ сдался на предательскіе совѣты своихъ собственныхъ враговъ, восторговавшихся, что могутъ омрачить исторію его жизни такой ужасной страницей». Въ этотъ моментъ изъ Страсбурга пріѣхалъ Коленкуръ; онъ увидѣлъ, въ какомъ горѣ Летиція, и, узнавъ причину, ударилъ себя по лбу и сталъ рвать на себѣ волосы. «Зачѣмъ понадобилось вмѣшиваться мнѣ въ эту роковую экспедицію?» Летиція, прибавляя Жозефъ, отослала одной дамѣ, которую принцъ любилъ, его собаку и нѣкоторыя изъ принадлежавшихъ ей вещей. «Прошло двадцать лѣтъ со времени этого событія,—сказалъ въ заключеніе Жозефъ,—и я очень хорошо помню, что многія лица, старающіяся умыть руки отъ участія въ этомъ, тогда хвастались этимъ, какъ прекраснымъ дѣломъ, и громко признавали этотъ фактъ.

Въ «Munchner Nachrichten» помѣщено письмо извѣстнаго англійскаго драматическаго писателя Шоу, въ которомъ онъ высказываетъ свой взглядъ на американцевъ и на американскую свободу. Оно было послано въ отвѣтъ на приглашенія импрессаріо Грюммана провести рождественскіе праздники въ Нью-Йоркѣ, посланная извѣстнымъ драматургамъ: Барнаду Шоу, Барри, Гренвиллю, Баркеру, Чамберсу Шоу. Шоу пишетъ, что ему понятно, если американцы пріѣдутъ въ Лондонъ, но онъ не можетъ постичь, зачѣмъ англичанамъ ѣхать въ Соединенные Штаты, гдѣ цивилизація отстала отъ англійской на цѣлое столѣтіе. «Она тамъ такая,—пишетъ онъ,—какъ была у насъ двѣсти лѣтъ тому назадъ, но хуже благодаря развитію промышленнаго разбойничества, что исключеніе въ нашу эпоху. Особенно всего обидѣе притязаніе Америки выдавать себя за страну свободы». «Я могу, пишетъ Шоу, высадившись на берегъ тамъ, подвергнуться аресту подъ предлогомъ, что мои прелести возбуждаютъ американокъ къ безнравственности. Меня могутъ упрятать въ тюрьму, если я предложу матримоніальное преобразование, или выражу сомнѣніе относительно Элизы и мелвѣдей. Какъ смѣютъ называть Америку свободною страной, когда тамъ на виду народная нищета и плачевныя условія дѣтскаго труда на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ Каролины? Эти условія хуже, чѣмъ были сто лѣтъ тому назадъ въ Манчестерѣ. Мы нашли средства исправить зло; американцы его знаютъ, но не хотятъ употребить, потому что не желаютъ быть свободными. Они хотятъ только наживать деньги: не все ли имъ равно какъ. Нѣтъ, я не хочу видѣть статую Свободы въ Нью-Йоркѣ. Это зрѣлище превзошло бы мою слабость пронизировать».

Русско-японская война вызвала въ Японіи преобразованіе въ области питанія народа. Въ томъ же «Munchner Nachrichten» сообщаютъ, что въ Японіи была назначена официальная комиссія для изученія средствъ, благопріятныхъ для развитія скотоводства и акклиматизаціи иностраннаго скота въ имперіи Восходящаго Солнца. Японцы до сихъ поръ оставались вегетаріанцами болѣе по необходимости, чѣмъ изъ принципа или вкуса. Японскій народъ бѣденъ, случается, что у него не на что купить и рису, и онъ долженъ мириться съ ячменемъ и маленькими рыбками. Богатый классъ истребляетъ много дичи, но мало говядины и почти не ѣсть баранины, изъ-за травы очень жестокой и мало питательной. Старый обычай обходиться безъ мяса еще долго держался бы, если бы не война съ Россіей. Благодаря ей поднялся вопросъ о полномъ преобразованіи системы питанія. Какъ только прекратилась война, японцы принялись разсматривать этотъ вопросъ. Въ данный моментъ въ Англіи закупается скотъ, и если онъ уживется въ Японіи, то цѣлый народъ перейдетъ отъ вегетаріанства къ потребленію мясной пищи.

С М Ъ С Ъ.

ТОЛЪТІЕ учреждений по принятію прошеній Государю. Въ Новый 1910-й годъ праздновалось столѣтіе необходимаго учрежденія въ монархическомъ государствѣ, важнѣйшаго въ жизни массы гражданъ, обездоленныхъ или обиженныхъ судьбой и которымъ только и остается молитва къ Богу и мольба къ царю,—это собственная его величества канцелярія по принятію прошеній на Высочайшее имя. Еще царь Ивагъ Грозный, «видя государство въ великой тоскѣ и печали отъ насилія сильныхъ и отъ неправды, умыслилъ привести всѣхъ въ любовь» и учредилъ челобитный приказъ въ 1550 г. Императоръ-преобразователь Петръ Великій также призналъ необходимымъ учредить особую должность генераль-рекетмейстера специально для принятія челобитныхъ. Екатерина II опредѣлила трехъ лицъ для принятія прошеній. Павелъ I велѣлъ сдѣлать ящикъ для опусканія прошеній на его имя, но такъ какъ этотъ ящикъ пришелся не по нраву многимъ лицамъ, то они легко добились его уничтоженія, опустивъ въ него нѣсколько прошеній въ неприличной формѣ. Александръ I, по мысли Сперайскаго, 1 января 1810 г. учредилъ вмѣстѣ съ преобразованиемъ государственнаго совѣта комиссію прошеній, на высочайшее имя приносимыхъ, первымъ предсѣдателемъ которой былъ оберъ-гофмейстеръ Р. А. Кошелевъ. Съ этого времени и началась болѣе правильная въ извѣстныхъ формахъ дѣятельность учрежденія, главы котораго имѣли специальный докладъ у Монарха и которое было основано «для безпрестаннаго надзора за отправленіемъ суда и за наблюденіемъ законовъ». Оно 74 года служило правительству орудіемъ борьбы съ судебною неправдою и злоупотребленіями властью, а также дѣлу монаршаго милосердія. Новыя условія жизни съ преобразованиемъ суда выдвинули необходимость преобразования и въ комиссіи, явилась канцелярія

прошений, имѣвшая задачу уже не слѣдить за правосудіемъ, а вообще примирять вѣчное противорѣчіе между суровымъ закономъ и требованіями высшей справедливости. 21 февраля 1895 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе выдѣлить канцелярію прошений изъ вѣдѣнія императорской главной квартиры, при которой она была уже 10 лѣтъ, и присвоить ей наименованіе канцеляріи Его Императорскаго Величества по принятію прошений, на Высочайшее имя приносимыхъ, каковою она и остается. Ея существованію угрожала было опасность при разсмотрѣніи въ совѣщаніи 1906 года статей основныхъ законовъ, но главноуправляющій баронъ Будбергъ въ рѣчи къ Его Величеству высказалъ, что «пройдутъ еще многіе годы, пока исчезнетъ у насъ потребность благотѣльнаго вмѣшательства верховной власти въ постоянное противорѣчіе между положительнымъ правомъ и справедливостью, что народъ не повѣрилъ бы, если бы ему сказали, что нельзя обращаться къ царю съ просьбами», и Государь изволилъ согласиться съ барономъ Будбергомъ. Заимствуемъ данныя о дѣятельности учреждений по принятію прошений изъ прекрасной книги «Историческій очеркъ учрежденія», составленной секретаремъ канцеляріи камергеромъ С. Н. Писаревымъ. Изъ нихъ видно, что въ 1825 г. поступило всеподданнѣйшихъ просьбъ 5,354, которыя всѣ и рѣшены; изъ нихъ доложено Его Величеству было 377. Черезъ 20 лѣтъ, въ 1845 г.—уже 11,357, а въ 1908 г. уже 65,357, доложено Его Величеству изъ нихъ 7,550 и рѣшено 64,174. Число исходящихъ бумагъ съ 2,324—въ 1825 г. возросло до 98,377. Историческая записка, поднесенная Его Величеству, роздана чинамъ канцеляріи. Она въ бронзированномъ переплетѣ, украшенномъ оттискомъ юбилейнаго знака комиссіи, составляетъ большой томъ въ 220 страницъ съ превосходно исполненными въ типографіи Голике и Вильборга фототипіями. Тутъ находятся портреты императоровъ съ Александра I и всѣхъ главъ вѣдомства, причѣмъ всѣ портреты сняты съ произведеній лучшихъ портретистовъ и взяты изъ музея императора Александра III и частныхъ коллекцій—барона А. А. Будберга, П. Я. Дашкова, Попова, Ланского и др. Кромѣ портретовъ, приложены снимки съ внѣшняго и внутренняго вида помѣщенія канцеляріи, образцы челобитныхъ и автографы. Ко дню юбилея Высочайше установленъ знакъ древняго типа: золотой орелъ съ печати Іоанна Грознаго съ вензелями и датами событія. Знакъ этотъ носится на мѣстѣ статсъ-секретарскаго знака. Въ 4 часа собрались въ приѣмномъ залѣ главноуправляющаго, украшенномъ портретами императоровъ, всѣ чины канцеляріи Его Величества по принятію прошений, во главѣ съ главноуправляющимъ, членомъ государственнаго совѣта, статсъ-секретаремъ барономъ Будбергомъ и товарищемъ его егермейстеромъ Мамонтовымъ и управляющимъ канцеляріею тайнымъ совѣтникомъ барономъ Акурти фонъ-Кенигсфельсомъ, нынѣ назначеннымъ сенаторомъ, и почетные гости, въ томъ числѣ предсѣдатель государственнаго совѣта статсъ-секретарь Акимовъ, статсъ-секретарь Мансуровъ, бывшій государственный секретарь статсъ-секретарь баронъ Иксуль-фонъ-Гильденбандтъ-нынѣшній государственный секретарь сенаторъ Макаровъ, товарищъ главноуправляющаго собственной Его Величества канцеляріею егермейстеръ Воеводскій, г.-м. Шевелевъ и др. Настоятель церкви Маріинскаго дворца протоіерей Рождественскій совершилъ благодарственное молебствіе и обратился къ чинамъ

канцеляріи съ выразительнымъ словомъ, къ которому высказалъ, что на ихъ долю выпало счастье служить дѣлу милости царской, царскаго попеченія о народѣ. Главноуправляющій прочиталъ Высочайшую грамоту, данную канцеляріи въ день юбилея и покрытую общимъ восторженнымъ «ура!» Баронъ Будбергъ высказалъ, что, ободренные такой царской милостью, всѣ чины неустанно будутъ трудиться въ томъ дѣлѣ, которое государь поручилъ ихъ попеченію. Было подано шампанское, и баронъ Будбергъ возгласилъ царскія здравицы. «Ура» раскатывалось по заламъ. За царскими здравницами слѣдовали тосты за статсъ-секретаря Акимова и почетныхъ лицъ. Предсѣдатель государственнаго совѣта поднялъ бокалъ за барона Будберга. Была оглашена барономъ всеподданнѣйшая телеграмма, посылаемая Его Величеству. Она воодушевила всѣхъ и 4 раза подъ рядъ всѣ импровизованнымъ хоромъ пропѣли «Боже Царя храни». Старшій чиновникъ Гепецкій обратился къ барону Будбергу съ рѣчью, въ которой высказалъ привѣтствіе ему отъ чиновъ канцеляріи.

Столѣтіе учрежденія государственной канцеляріи. 2 января чины государственной канцеляріи торжественно праздновали вѣковой юбилей своего учрежденія, созданнаго императоромъ Александромъ I съ цѣлью, «чтобы благосостояніе имперіи утверждалось на законѣ, а законъ былъ неподвиженъ въ установленіяхъ». За свое вѣковое существованіе государственная канцелярія являлась ближайшей помощницей и правой рукой государственнаго совѣта, строго блюдя святость закона, воспитывая въ неослабныхъ традиціяхъ исполненія служебнаго долга цѣлый рядъ государственныхъ дѣятелей. Въ три часа дня залъ засѣданій государственнаго совѣта представлялъ рѣдкое по красотѣ зрѣлище, соперничая съ картиной Рѣпина «Торжественное засѣданіе государственнаго совѣта въ день его столѣтняго юбилея». Почти тѣ же лица, въ залитыхъ золотомъ мундирахъ, орденахъ и лентахъ, и между ними скромные вице-мундиры чиновъ государственной канцеляріи и приглашенныхъ на торжество лицъ. Праздникъ начался молебствіемъ. Служилъ соборнѣ причтъ церкви Маріинскаго дворца: протоіерей Рождественскій, священники о. Вознесенскій, о. Рождественскій и діаконъ Воскресенскій. Красиво пѣлъ хоръ Архангельскаго. Послѣ молебна государственный секретарь А. А. Макаровъ, прочитавъ Высочайшую грамоту, дарованную въ день юбилея, обратился къ присутствовавшимъ съ рѣчью. Предпославъ историческую справку учрежденія государственной канцеляріи, сенаторъ Макаровъ отмѣтилъ роль и значеніе ея въ дѣлѣ государственнаго управленія въ теченіе столѣтняго періода. На долю государственной канцеляріи и ея руководителей выпадало больше терній, чѣмъ розъ. Ея самостоятельное положеніе вызывало недовольство, и министры нерѣдко пытались ограничить значеніе государственной канцеляріи. Временщикъ графъ Аракчеевъ даже взялъ на себя важнѣйшую обязанность государственнаго секретаря докладывать по дѣламъ совѣта государю императору. Съ воцареніемъ Николая Павловича государственная канцелярія заняла подобающее ей мѣсто. Ея труды по подготовкѣ и разработкѣ законодательныхъ предположеній снова получили широкое развитіе. Постепенно въ кругъ дѣятельности канцеляріи вводились новыя обязанности по производству такихъ дѣлъ, которыя въ первое время существованія канцеляріи вовсе ея не касались. На государственныхъ же се-

кретарей нерѣдко возлагались различныя важныя порученія. Въ царствованіе императора Александра II вліяніе государственной канцеляріи на государственную жизнь усилилось еще болѣе, особенно съ преобразованиемъ контроля и съ установленіемъ новаго порядка составленія финансовыхъ смѣтъ вѣдомствъ и государственной росписи доходовъ и расходовъ. Съ объединеніемъ же въ государственномъ совѣтѣ работъ законодательныхъ и кодификаціонныхъ должности государственнаго секретаря было возвращено право законодательнаго почина въ отношеніи разъясненія, измѣненія или дополненія законовъ въ случаяхъ, препятствующихъ правильной ихъ кодификаціи. При нынѣ благополучно царствующемъ Государѣ Императорѣ дѣятельность государственной канцеляріи усложнилась усиленной разработкой многихъ важныхъ законодательныхъ предположеній. Долголѣтняя дѣятельность государственной канцеляріи, ея громадный трудъ находили себѣ многократную оцѣнку съ высоты престола. «Пробѣгая мысленно протекшія сто лѣтъ,—сказалъ далѣе А. А. Макаровъ,—вспоминая съ благодарностью прошлыхъ дѣятелей, приуготовившихъ нынѣшнее положеніе государственной канцеляріи, считаю себя безмѣрно счастливымъ, что столѣтіе существованія ея ознаменовано высокими милостями Государя Императора, соизволившаго въ высочайшей грамотѣ выразить увѣренность, что «служба ея будетъ столь же благотворной и что она и впредь неуклонно будетъ соблюдать свои старыя завѣты, преданность служебному долгу и воодушевленное стремленіе трудиться на благо родины». Напутствуемая при вступленіи въ новое столѣтіе столь высокомиловидными словами, государственная канцелярія, въ лицѣ ея чиновъ, приложитъ, безъ сомнѣнія, всѣ силы разумѣнія своего, чтобы соблюденіемъ блестящихъ завѣтовъ минувшаго оправдать оказанное ей Высочайшее довѣріе и не преминетъ трудиться, какъ любилъ выражаться одинъ изъ талантливѣйшихъ ея представителей В. П. Бутковъ—«съ пламеннымъ усердіемъ». Было подано шампанское, и А. А. Макаровъ возгласилъ царскія здравицы: за Государя Императора, за августѣйшую семью. Отвѣтомъ на это было «ура» и пропѣтый всѣми присутствующими неоднократно гимнъ «Боже, Царя храни». Затѣмъ слѣдовали тосты за предсѣдателя и членовъ государственнаго совѣта, за предсѣдателя совѣта министровъ и всѣхъ его коллегъ, за бывшихъ государственныхъ секретарей. Предсѣдатель государственнаго совѣта М. Г. Акимовъ поднялъ бокаль за А. А. Макарова, Н. Ф. Дерюжинскаго и членовъ государственной канцеляріи. Были также оглашены поздравительныя телеграммы отъ П. А. Столыпина, графа Д. М. Сольскаго, отсутствующихъ членовъ государственнаго совѣта и государственныхъ дѣятелей. Въ память юбилея чинамъ канцеляріи выданъ нагрудный знакъ и награда въ видѣ годового оклада квартирнаго довольствія. Графъ Д. М. Сольскій прислалъ 1,300 руб. для раздачи курьерамъ и сторожамъ. По окончаніи церемоніи присутствовавшимъ былъ предложенъ любезными хозяевами чай, за которымъ началась дружеская бесѣда гостей и сослуживцевъ.

Столѣтіе слб. духовной академіи. 16-го декабря с.-петербургская духовная академія праздновала свой столѣтній юбилей. Парадные сѣни, лѣстница и коридоръ драпированы матеріями національныхъ цвѣтовъ и обвѣдены по стѣнамъ гирляндами зеленой хвои, среди которой красивыми зигзагами и фигурками мелькали цвѣтные огоньки электрическихъ лампочекъ.

Въ церкви академіи, обведенной также по карнизамъ электричествомъ, собрались инспекторъ академіи д. с. с. Троицкій, профессора, студенты и депутаты, прибывшіе на празднество, среди нихъ членъ государственнаго совѣта профессоръ Горчаковъ, проф. кievскаго университета Завитневичъ, юрьевскаго—Царевскій, академикъ т. с. Боткинъ и др. Высокопреосвященный митрополитъ с.-петербургскій Антоній, встрѣченный со славой, совершалъ торжественную литургію въ сослуженіи архіепископа литовскаго Никандра, епископовъ омскаго Гавріила и оренбургскаго, ректора с.-петербургской духовной академіи Теофана, архимандритовъ и 12 священниковъ. Прекрасно пѣлъ хоръ студентовъ. За литургіей ректоръ академіи произнесъ слово о служеніи и подвигахъ апостольскихъ. На благодарственное молебствіе вышли высокопреосвященные митрополиты с.-петербургскій Антоній, кievскій Флавіанъ, архіепископы—Николай варшавскій, Никандръ литовскій, Тихонъ ярославскій, епископы—Іоаннъ полтавскій, Гавріиль омскій, Теодоръ, викарные с.-петербургскіе Кирилль, Никандръ и Теофанъ, архимандриты: намѣстникъ Александро-Невской лавры Теофанъ, представитель московскаго митрополита Кронидъ, ректоръ с.-петербургской семинаріи Веніаминъ, настоятель греческой посольской церкви, митрофорные протоіереи: настоятель Петропавловскаго собора Дерновъ, профессоръ с.-петербургскаго университета Рождественскій, профессоръ с.-петербургской духовной академіи Аквилонъ и до 30 священниковъ, профессоровъ и бывшихъ питомцевъ академіи. Было воспѣто «Тебе, Бога, хвалимъ», концертъ Бортиянскаго, и провозглашены соответствующія торжеству многолѣтія. Послѣ богослуженія въ аудиторіяхъ 1-го и 4-го курса былъ предложенъ чай, а затѣмъ митрополитъ кievскій и архіереи осматривали церковно-археологическій музей при академіи, существующій уже 30 лѣтъ, причемъ его основателемъ и директоромъ профессоромъ Покровскимъ преосвященнымъ и гостямъ былъ врученъ огромный томъ описанія музея, составленный г. Покровскимъ, съ эскизами, рисунками и фотографіями. Въ музей много съверныхъ древностей, старинныхъ иконъ и старовѣрческихъ, въ томъ числѣ древне-христіанскія лампы изъ катакомбъ, большое ланикадило бронзовое изъ христіанскаго храма XII вѣка, разныя медали, украшенія и пр. Съ присутствовавшихъ была снята фотографическая группа. Профессору Покровскому поднесенъ преосвященнымъ ректоромъ кievской духовной академіи дипломъ почетнаго члена церковно-историческаго и археологическаго общества при кievской духовной академіи. На торжественный актъ собрались со всѣхъ концовъ столицы и Россіи ея многочисленные питомцы, и весь ученый и духовный учебный міръ откликнулся на ея торжество. Большой двухсвѣтный залъ академіи съ портретами императоровъ, митрополитовъ и іерарховъ на своихъ бѣлыхъ стѣнахъ, теперь нестрѣвшихъ флагами, гирляндами и вѣнками зеленой хвои, изъ которой весело выглядывали разбросанныя иллюминаціонные огоньки электрическихъ лампочекъ, былъ биткомъ набитъ парадной публикой и студентами. На эстрадѣ въ три ряда, лицомъ къ публикѣ помѣстились профессоръ и представители академіи съ ея ректоромъ преосвященнымъ Теофаномъ, епископомъ ямбургскимъ, и инспекторомъ д. с. с. Троицкимъ. Позади стояли студенты старшаго курса. Слѣва, въ группѣ зелени пальмъ и латаній высилась кафедра. Первые ряды пестрѣли генеральскими лен-

тами, мундирами и звѣздами; на хорахъ, убранныхъ гирляндами съ электрическими огоньками, размѣстились дамы. Въ первомъ ряду заняли мѣста высокопресвященные митрополиты с.-петербургскій Антоній и кievскій Флавіанъ, по другую сторону средняго прохода оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода т. с. Лукьяновъ и его товарищъ сенаторъ Роговичъ. На актѣ присутствовали пресвященные архіепископы и епископы Николай варшавскій, Никандръ литовскій, Тихонъ ярославскій, Арсеній псковскій, Іоаннъ полтавскій, Гавріиль омскій, Θεодосій чигиринскій, Кирилль гдовскій, Никандръ нарвскій, Митрофанъ гомельскій. Митрополитъ благословилъ собраніе. Хоръ спѣлъ «Днесь благодать св. Духа насъ собра». Секретарь академіи г. Высокопетровскій прочиталъ постановленіе святѣйшаго синода о торжественномъ празднованіи столѣтія академіи и заявилъ, что историческій очеркъ жизни академіи профессора Соллертинскаго не можетъ быть прочитанъ за недостаткомъ времени, а профессоръ Покровскій сдѣлалъ бѣглое сообщеніе о жизни академіи. Рѣчь свою профессоръ закончилъ, восклицая: «Да здравствуетъ академическая наука въ союзѣ съ вѣрою и любовью». Послѣ рѣчи профессора хоръ спѣлъ: «Хвалите Бога». Высокопресвященный митрополитъ Антоній прочиталъ и вручилъ ректору грамоту святѣйшаго синода: «Святѣйшій правительствующій всероссійскій синодъ, привѣтствуя с.-петербургскую духовную академію съ исполненнымъ столѣтіемъ ея служенія церкви и отечеству, духовной наукѣ и христіанскому просвѣщенію, молитвенно призываетъ на академію Божіе благословеніе. Да будутъ труды академіи всегда обращены на пользу вѣры, во славу церкви, ко благу отечества». Отъ себя митрополитъ сказалъ, что онъ почитаетъ себя счастливымъ, что Богъ даровалъ ему возможность привѣтствовать ея столѣтіе. 44 года владыка былъ связанъ съ академіей, причемъ 26 лѣтъ въ непосредственной связи—студента, профессора, ректора. Семья академіи родственна его сердцу. Митрополитъ благословилъ академію иконой. Затѣмъ начался рядъ рѣчей и привѣтствій. Нѣтъ возможности передать даже ихъ краткое содержаніе, хотя многія изъ нихъ были очень интересны и краснорѣчивы. Это, конечно, естественно, когда привѣтствовали академію всѣ высшія наши ученныя учрежденія и представители ученаго міра. Шестъ часовъ, вплоть до обѣда, продолжался актъ академіи. Читались привѣтствія патріарховъ: вселенскаго константинопольскаго Іоакима III, блаженнаго Фотія — патріарха александрійскаго, митрополитовъ черногорскаго, далматскаго, экзарха болгарскаго, архіепископа Николая изъ Японіи. Оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода Лукьяновъ привѣтствовалъ академію рѣчью. Три академика императорской академіи наукъ, императорская публичная бібліотека (членъ государственнаго совѣта Кобеко), всѣ духовныя академіи, филологическіе институты, политехнический институтъ, всѣ университеты, включая и новый саратовскій, академія художествъ, академія николаевская, военная, Александровская военно-юридическая, военно-медицинская, Александровскій лицей и училище правовѣдѣнія, учебный комитетъ при святѣйшемъ синодѣ, разныя учрежденія святѣйшаго синода и типографія его, с.-петербургская городская дума и комиссія ея по народному образованію, московское общество исторіи и древностей россійскихъ, военно-историческое общество, императорская археологическая комиссія, археографическое общество, общество русской иконо-

писи (поднесло икону), археологическій институтъ, психоневрологическій институтъ, лѣсной институтъ, демидовскій юридическій лицей, пажескій Его Величества корпусъ, московское археологическое общество, общество любителей древней письменности, с.-петербургская семинарія, духовное училище и Исидоровское женское духовное училище. Прочитана была масса телеграммъ, которыхъ получено 110; во главѣ ихъ отъ московскаго митрополита Владимира и отъ председателя совѣта министровъ преосвященному Теофану. Профессоръ Покровский благодарилъ отъ имени академіи всѣхъ ее почтившихъ. Митрополитъ обратился съ заключительнымъ словомъ, въ которомъ пожелалъ, чтобы не угасала апостольская дѣятельность академіи. Хоръ пропѣлъ: «Тебе, Бога, хвалимъ» и «Боже, Царя храни», трижды повторенное при общемъ «ура». Актъ закончился пѣніемъ: «Достойно есть». Въ седьмомъ часу въ помѣщеніи академіи состоялся парадный обѣдъ. Оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода Лукьяновъ произнесъ царскую здравицу. Всѣ запѣли «Боже, Царя храни». Преосвященный Теофанъ провозгласилъ здравицы за святѣйшій синодъ, за патріарховъ, за митрополитовъ Антонія и Флавіана, за архипастырей и гостей. Митрополитъ Флавіанъ поднялъ чару за духовную академію и за ея ректора и составъ. Прочитанъ былъ текстъ вѣрноподданнической телеграммы Его Величеству и послѣ этого снова всѣ спѣли «Боже, Царя храни». Затѣмъ началась дружеская бесѣда съѣхавшихся съ разныхъ сторонъ питомцевъ академіи.

50-лѣтіе императорскаго русскаго музыкальнаго общества. Празднованіе полувѣкового юбилея императорскаго музыкальнаго общества началось 18 октября прошлаго года торжественнымъ актомъ въ консерваторіи. Большой залъ консерваторіи былъ красиво декорированъ зеленью. На эстрадѣ, гдѣ помѣстился оркестръ и хоръ учащихся консерваторіи, возвышался бюстъ одного изъ основателей консерваторіи А. Г. Рубинштейна. Въ залѣ среди присутствовавшихъ находились августѣйшій президентъ академіи наукъ, великій князь Константинъ Константиновичъ, августѣйшая председательница императорскаго музыкальнаго общества, припещица Елена Георгіевна Саксенъ-Альтенбургская, члены дирекціи музыкальнаго общества: князь А. Д. Оболенскій, Д. В. Стасовъ, Н. В. Арцыбушевъ, А. И. Вишнеградскій, В. Э. Направникъ, графъ Витте, городской голова Н. А. Рѣзцовъ и др. Послѣ молебна оркестръ и хоръ учащихся консерваторіи, подъ управленіемъ профессора Черепнина, исполнилъ «шествіе» изъ оперы «Фераморсъ» А. Рубинштейна. Затѣмъ вице-председатель императорскаго музыкальнаго общества прочиталъ рескриптъ, данный на имя августѣйшей председательницы общества. Чтеніе рескрипта было покрыто возгласами «ура». Хоръ и оркестръ трижды исполнили народный гимнъ. Послѣ этого князь А. Д. Оболенскій прочелъ очеркъ исторіи развитія музыкальнаго общества. Ораторъ остановился на характеристикѣ тѣхъ условій, при которыхъ возникло императорское музыкальное общество. «Печальное состояніе музыкальнаго искусства въ Россіи сознавалось небольшой группой дѣйствительныхъ цѣнителей его среди столичнаго общества еще задолго до возникновенія музыкальнаго общества. Но начинанія этихъ просвѣщенныхъ лицъ, изъ коихъ многія занимали весьма высокое общественное и служебное положеніе, не имѣли, однако, успѣха, ибо дѣятелямъ этимъ недоставало таланта, духовной мощи, чтобы поднять и

разбудить дремлющія музыкальныя силы. Такимъ лицомъ, обладавшимъ всѣми этими свойствами, оказался А. Г. Рубинштейнъ. Этотъ гениальный художникъ-пѣанистъ, очаровавшій всѣхъ своимъ талантомъ, полный въ то время свѣжихъ силъ, челоуѣкъ съ твердой волей, независимый и прямой, и является дѣйствительнымъ создателемъ русскаго музыкальнаго общества. Далѣе ораторъ указалъ на поддержку и содѣйствіе, которыя оказала обществу великая княгиня Елена Павловна. Отъ имени дирекціи музыкальнаго общества князь А. Д. Оболенскій прочелъ адресъ старѣйшему члену дирекціи Д. В. Стасову, одному изъ оставшихся въ живыхъ учредителей общества. Присутствующіе устроили Д. В. шумныя оваціи. Послѣ рѣчи князя А. Д. Оболенскаго началось чтеніе адресовъ и шестіе многочисленныхъ депутацій. Первый адресъ былъ прочитанъ отъ имени городского общественнаго управленія депутаціей, бывшей въ составѣ Н. А. Рѣзцова, П. А. Потѣхина и В. С. Кривенка, причемъ Н. А. Рѣзцовъ сообщилъ объ учрежденіи городской думой 4-хъ стипендій. Отъ имени академіи наукъ привѣтствовали музыкальное общество А. Θ. Кони и Н. А. Котляревскій. А. Θ. Кони подчеркнул, что между академіей наукъ и консерваторіей и музыкальнымъ обществомъ всегда существовали не только личная связь черезъ посредство лицъ, входившихъ въ тѣ или другія учрежденія, но и моральная: художественное слово часто находило поэтическое воплощеніе въ музыкѣ. Профессоръ Буличъ прочиталъ адресъ отъ имени слб. университета «носителямъ истиннаго высокаго національнаго искусства, достойнаго великаго русскаго народа». Затѣмъ слѣдовали адреса отъ академіи художествъ, отъ императорской публичной библіотеки, отъ императорскаго театральнаго общества, отъ императорской оперы и оркестра, отъ союза драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ, отъ попечительства для поощренія композиторовъ, отъ общества писателей о музыкѣ, отъ слб. филармоническаго общества, отъ общества камерной музыки, отъ оркестра графа А. Д. Шереметева, отъ кружка имени Полонскаго, отъ народной консерваторіи и друг. Отъ московскаго отдѣленія императорскаго музыкальнаго общества былъ прочитанъ адресъ депутацій въ составѣ г-жи Лавровской и г. Чинова. Далѣе слѣдовали привѣтствія отъ провинціальныхъ отдѣленій общества. По прочтеніи адресовъ были оглашены телеграммы отъ августѣйшихъ особъ, отъ П. А. Столыпина съ «пожеланіемъ обществу дальнѣйшаго процвѣтанія», отъ профессора Сафонова, отъ Юсифа Гофмана, Тагѣева, отъ Ц. А. Кюи и др. Изъ-за границы были получены телеграммы отъ амстердамской консерваторіи, отъ вѣнской академіи, отъ музыкальныхъ обществъ Берна, Женевы и др. Торжественный актъ кончился «Славой» Н. Римскаго-Корсакова, исполненной хоромъ и оркестромъ учащихся консерваторіи.

Торжественное собраніе императорской академіи наукъ. 29 декабря состоялось торжественное годовичное собраніе императорской академіи наукъ. Предсѣдательствовалъ вице-президентъ, тайный совѣтникъ П. В. Никитинъ. Среди почетныхъ гостей находились между прочими бывшій посолъ въ Константинополь дѣйствительный тайный совѣтникъ Зиновьевъ, товарищъ министра народнаго просвѣщенія, члены государственнаго совѣта и многіе видные общественные дѣятели. И. о. непремѣннаго секретаря академикомъ княземъ Б. Б. Голицынымъ былъ прочитанъ отчетъ по физико-математическому и историко-филологи-

ческому отдѣленіямъ академіи. При этомъ помянута память скончавшихся въ нынѣшнемъ году: почетныхъ членовъ академіи, великаго князя Владимира Александровича великаго князя Михаила Николаевича, И. Е. Забѣлина, князя М. И. Хилкова, статсъ-секретарь А. А. Половцева, знаменитаго астронома Симона Ньюкомба и членовъ-корреспондентовъ геологовъ С. Н. Никитина и Гарри Силей, біологовъ Альфреда Жіаръ и Антона Дорнъ, профессора Ф. Ф. Мартенса, историка и филолога К. Крумбахера, знатокъ классическаго міра Ф. Ф. Сололова и Анри Вейля, востоковѣда Михаила Яна-де-Гуе и лингвиста Рихарда Нишеля. За истекшій годъ реформа академіи, въ смыслѣ увеличенія ея денежныхъ средствъ, на необходимость чего государственная дума уже дважды обращала вниманіе, значительно подвинулась впередъ. Проектъ новыхъ штатовъ академіи почти оконченъ разсмотрѣніемъ въ междувѣдомственномъ совѣщаніи и есть полная надежда, что въ началѣ будущаго года все дѣло поступитъ на разсмотрѣніе законодательныхъ учреждений. 8 ноября 1911 года исполнится 200 лѣтъ со дня рожденія одного изъ величайшихъ русскихъ гениевъ—бывшаго члена академіи М. В. Ломоносова. Желая достойнымъ образомъ почтить этотъ день, академія избрала особую комиссію, которая выработала цѣлый рядъ предложеній, частью уже разсмотрѣнныхъ и одобренныхъ конференціею академіи. Между прочимъ комиссія намѣтила: возбудить вопросъ объ учрежденіи при академіи особаго Ломоносовскаго института, въ которомъ сосредоточились бы академическіе лабораторіи и кабинеты по физикѣ, химіи, минералогіи, а также объ открытіи всероссійской подписки на сооруженіе памятника Ломоносову въ Петербургѣ, между академіею наукъ и университетомъ; закончить къ означенному дню полное собраніе сочиненій Ломоносова; издать сборникъ научныхъ статей его въ переводѣ на русскій языкъ и сборникъ матеріаловъ для его біографіи; издать популярную біографію его, устроить въ память юбилея ломоносовскую выставку; образовать при бібліотекѣ или при ломоносовскомъ институтѣ особый музей Ломоносовіана; назначить на соисканіе премій Ахматова въ 1911 году темы, имѣющія отношеніе къ жизни и дѣятельности Ломоносова и т. п. Экспедиція, организованная братьями Кузнецовыми на Уралъ, встрѣтила со стороны академіи полную поддержку и сочувствіе. Въ январѣ отчетнаго года при академіи состоялся второй метеорологическій съѣздъ, прошедшій весьма оживленно. Опекунское управленіе по дѣламъ А. В. Михалкова пожертвовало академіи громадную бібліотеку покойнаго В. С. Михалкова, болѣе 40,000 томовъ. Благодаря щедрому дару Ф. Ю. Шотлендера, удалось надстроить третій этажъ и значительно расширить выставочныя помѣщенія музея антропологии и этнографіи имени императора Петра Великаго. Присутвлено къ правильнымъ астрономическимъ наблюденіямъ на пожертвованной Н. С. и И. С. Мальцовыми обсерваторіи въ Симеизѣ, въ Крыму. 2 мая избрана и имѣла уже четыре засѣданія комиссія для разбора матеріаловъ, хранящихся въ архивѣ конференціи академіи и касающихся ученой дѣятельности знаменитаго математика Эйлера и для передачи ихъ въ швейцарскую Commission des oeuvres d'Euler. Вслѣдствіе письма морского министра на имя августѣйшаго президента академіи образована особая комиссія по устройству на берегахъ Восточнаго океана магнитно-метеорологической обсерваторіи. Для усиленія фонда на постройку пушкинскаго

дома предполагается устроить въ 1910 году въ Москвѣ выставку «Русскіе писатели XIX вѣка»; денежные средства комиссіи по постройкѣ памятника Пушкину составляютъ 128,393 рубля 87¹/₂ копейск. Прочитаны отчеты по присужденію слѣдующихъ премій. 1) Тайнаго совѣтника М. Н. Ахматова (впервые): по I отдѣленію—большая премія Ю. М. Шокальскому и К. Д. Грибоѣдову за сочиненіе «Исчисленіе поверхности Азіатской Россіи». Малая—К. Н. Давыдову за два сочиненія: а) «Наблюденія надъ процессомъ регенераціи у *Enteropneusta*» и б) «По островамъ индо-австралійскаго архипелага. Впечатлѣнія и наблюденія натуралиста». По III отдѣленію—большая премія сочиненію А. М. Опу «Выборы 1789 года во Франціи и наказы третьяго сословія съ точки зрѣнія ихъ соотвѣтствія истинному настроенію страны». Малая премія, по 500 рублей каждая, сочиненіямъ: а) И. В. Попова: «Законъ гармоніи и ритма» (рукопись); б) П. А. Гейсмана: «Краткій курсъ исторіи военнаго искусства въ средніе и новыя вѣка (VI—XVIII столѣтія)»; в) А. М. Заіончковскаго: «Восточная война 1853—1856 гг. въ связи съ современной ей политической обстановкой». Кромѣ того, сочиненія П. Д. Паренцова: «Изъ прошлаго. Воспоминанія офицера генеральнаго штаба» признаны также заслуживающими награжденія преміи, но, за неимѣніемъ таковой въ своемъ распоряженіи, комиссія лишена была возможности присудить ее автору. 2) Академика К. М. Бэра—большую премію В. Л. Комарову за сочиненіе «Флора Манчжуріи» (тт. II и III) и малую П. Н. Крылову за изученіе флоры сѣверо-востока Европейской Россіи и западной Сибири вообще и работу «Флоры Алтая и Томской губерніи». Юбилейная медаль К. М. Бэра присуждена доктору Э. Э. Руссову. 3) Дѣйствительнаго студента А. М. Кожевникова—пособіе Н. Д. Миронову за работу въ области индійской лексикографіи, въ размѣрѣ 900 рублей. 4) Преміи имени митрополита Макарія присуждены были: I. Полная, въ 1,500 рублей А. М. Дирру за его работы: а) «Грамматика удинскаго языка»; б) «Грамматическій очеркъ табассаранскаго языка съ текстами, сборникомъ табассаранскихъ словъ и русскимъ къ нему указателемъ»; в) «Краткій грамматическій очеркъ андійскаго языка съ текстами, сборникомъ андійскихъ словъ и русскимъ къ нему указателемъ»; г) «Агульскій языкъ. Грамматическій очеркъ, тексты, сборникъ агульскихъ словъ съ русскимъ къ нему указателемъ», и д) «О классахъ (родахъ) въ кавказскихъ языкахъ». Неполныя преміи по 1,000 р. каждая: 1) П. Н. Ардашеву за его работы: а) «Провинципальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка. 1774—1789. Провинциальные интенданты». и 2) А. Н. Савину за его работы: а) «Англійская деревня въ эпоху Тюдоровъ», и б) «Англійская секуляризація». 5) Награды графа Уварова присуждены были: большая, въ 1500 рублей, Н. Я. Новомбергскому за его трудъ: «Врачебное строеніе въ допетровской Руси»; малая награда, въ 500 рублей—Н. В. Ястребову за изслѣдованіе: «Этюды о Петрѣ Хельчицкомъ и его времени» и почетный отзывъ—А. В. Ветухову за сочиненіе: «Заговоры, заклинанія, обереги и другіе виды народнаго врачеванія, основанные на вѣрѣ въ силу слова». Отчетъ о дѣятельности отдѣленія русскаго языка и словесности былъ прочитанъ академикомъ Н. П. Кондаковымъ. Состоящій при отдѣленіи разрядъ изящной словесности выпустилъ въ свѣтъ I томъ академической бібліотеки русскихъ писателей—сочиненія Кольцова. Слѣдующіе выпуски—со 2-го по 6-й вклю-

чительно—рѣшено отвести сочиненіямъ Лермонтова, въ пяти томахъ. Подготовительныя работы въ полномъ ходу и уже въ январѣ наступающаго года будетъ приступлено къ печатанію перваго тома. Паралельно идутъ подготовительныя работы по изданію сочиненій Баратынскаго, Грибоѣдова, Дельвига. Особый комитетъ разряда изящной словесности устроилъ въ память И. С. Тургенева выставку, съ 8 по 20 марта. 1 ноября, въ день похоронъ Кольцова, разрядъ почтилъ память поэта торжественнымъ засѣданіемъ и была открыта «Кольцовская» выставка. Отдѣленіе участвовало на торжествѣ открытія памятника Н. В. Гоголю 26 апрѣля въ Москвѣ. Въ почетные академики избраны: Н. Н. Златовратскій и И. А. Бунинъ. Отдѣленіемъ присуждены: I. Ломоносовская премія въ 1,000 рублей—В. В. Сиповскому за сочиненіе «Очерки по исторіи русскаго романа»; затѣмъ разнымъ лицамъ присуждены: три преміи имени Михельсона, три графа Д. А. Толстого и четыре М. Н. Ахматова. Послѣ прочтенія отчетовъ академикъ Н. А. Котляревскій произнесъ рѣчь на тему «Судьба трагедіи въ наше время». Въ заключеніе провозглашены имена слѣдующихъ вновь избранныхъ академіею лицъ. Въ почетные члены: Мельхиоръ Трейбъ (Melchior Treub), бывший директоръ ботаническаго сада въ Вейтензоргѣ (Wuitenzorg), на островѣ Явѣ. Въ члены-корреспонденты: по физико-математическому отдѣленію: А. В. Клоссовскій, заслуженный ординарный профессоръ новороссійскаго университета, Лакруа, Альфредъ (Alfred Lacroix), членъ парижской академіи наукъ, профессоръ въ парижскомъ естественно-историческомъ музеѣ (Museum d'histoire naturelle) и директоръ минералогической лабораторіи практической школы высшихъ наукъ въ Сорбоннѣ (Ecole pratique des hautes etudes à la Sorbonne), въ Парижѣ, Хогъ, Эмилій (Emile Haug), профессоръ факультета наукъ и директоръ геологической лабораторіи въ Сорбоннѣ, въ Парижѣ, Н. А. Холодковскій, ординарный профессоръ лѣснаго института и военно-медицинской академіи. По отдѣленію русскаго языка и словесности: М. Г. Халанскій, ординарный профессоръ харьковскаго университета; Н. Н. Глубоковскій, профессоръ спб. духовной академіи. По историко-филологическому отдѣленію: С. Θ. Платоновъ, ординарный профессоръ спб. университета, директоръ женскаго педагогическаго института; Мейеръ, Эдуардъ (Eduard Meyer), членъ королевской академіи наукъ въ Берлинѣ, ординарный профессоръ королевскаго университета въ Берлинѣ; Гвиди, Игнатій (Ignazion Guidi), членъ королевской линчезанской академіи (Reale Accademia dei Lincei), ординарный профессоръ королевскаго университета въ Римѣ (по кафедрѣ еврейскаго языка и сравнительной семитической, въ томъ числѣ абиссинской, филологіи) и директоръ восточной школы (Scuola Orientale) въ Римѣ.

Присужденіе премій М. И. Михельсона. 16-го декабря состоялось публичное засѣданіе императорской академіи наукъ, на которомъ предѣдательствующій въ отдѣленіи русскаго языка и словесности, ординарный академикъ А. А. Шахматовъ прочиталъ отчетъ о второмъ присужденіи премій имени М. И. Михельсона. На трехлѣтіе 1907—1909 гг. (четвертый конкурсъ по соисканію этихъ премій) отдѣленіемъ русскаго языка и словесности были назначены 12 задачъ, представлено же всего четыре труда, три на русскомъ языкѣ и одинъ—на нѣмецкомъ. Рассмотрѣніе сочиненій было принято на себя академиками:

Ө. Е. Коршемъ, А. И. Соболевскимъ и А. А. Шахматовымъ; кромѣ нихъ, привлечены къ оцѣнкѣ упомянутыхъ сочиненій и посторонніе ученые: профессоръ императорскаго университета св. Владимира въ Кіевѣ И. В. Шаровольскій и профессоръ А. Л. Погодинъ. Въ виду того, что одно сочиненіе было снято съ конкурса, такъ какъ отъ двухъ рецензентовъ, которымъ было поручено его рассмотреть, получены отрицательные отзывы, пришлось дѣлать выборъ только между тремя остальными сочиненіями, которыя и были признаны достойными награжденія преміями. Комиссія изъ членовъ отдѣленія русскаго языка и словесности, ординарныхъ академикомъ: А. А. Шахматова, Ф. Ө. Фортунатова, Н. П. Кондакова, А. И. Соболевскаго, В. М. Истрина и Н. А. Котляревскаго и приглашенныхъ: приватъ-доцента Н. М. Каринскаго, профессора П. А. Лаврова и профессора А. Л. Погодина, по всестороннемъ обсужденіи сочиненій и отзывамъ рецензентовъ, не нашла возможнымъ признать ни одно сочиненіе заслуживающимъ полной преміи имени Михельсона, а потому присудила половинную премію въ пятьсотъ рублей М. Р. Фасмеру за сочиненіе: «Греко-славянскіе этюды. III. Греческія заимствованія въ русскомъ языкѣ» (1909) и двѣ поощрительныя преміи, по триста рублей каждая, за рукописные труды— В. И. Чернышева: «Правильность и чистота русской рѣчи. Опытъ стилистической грамматики» и Яло Калима: «Finnische Lehnwörter im Russischen». Это постановленіе комиссіи отдѣленія русскаго языка и словесности утвердило. Въ знакъ же своей признательности гг. рецензентамъ, не принадлежащимъ къ академической средѣ, профессору императорскаго университета св. Владимира въ Кіевѣ И. В. Шаровольскому и профессору А. Л. Погодину, опредѣлило выдать золотыя медали имени М. И. Михельсона.

Засѣданіе литературнаго фонда. Подъ предѣлательствомъ профессора Н. И. Карѣва 27 декабря состоялось очередное административное засѣданіе членовъ литературнаго фонда. Засѣданіе было посвящено докладамъ секретаря и казначея за послѣднюю четверть истекающаго года. Первый докладъ прочиталъ секретарь литературнаго фонда В. Д. Набоковъ. Самымъ крупнымъ событіемъ въ жизни фонда за отчетный періодъ было празднованіе его 50-лѣтняго юбилея. На это торжество нѣсколько лицъ откликнулись крупными пожертвованіями: Л. Ф. Пантелѣвъ пожертвовалъ 2,000 рублей, Н. И. и С. А. Карѣвы пожертвовали 1,000 рублей, книгоиздательская фирма Сытина—1,000 рублей и К. К. Арсеньевъ—100 рублей. Литературный вечеръ, устроенный въ пользу фонда, далъ 800 рублей, вечеръ, устроенный въ Таганрогѣ Е. М. Гаршинымъ (братомъ покойнаго писателя) принесъ чистаго дохода 192 рубля. За время съ октября по декабрь фондъ выдалъ единовременныхъ пособій 79 нуждающимся литераторамъ на 2,698 рублей; кромѣ того, 19 лицамъ выдано 1,645 рублей на воспитаніе и обученіе дѣтей. Всего прошеній о пособіи въ комитетъ фонда поступило отъ 152 лицъ; отказано по разнымъ основаніямъ 36 лицамъ. Въ докладѣ секретаря также отмѣчено, что М. Н. Стоюнина, по ходатайству комитета, предоставила дочери одного писателя бесплатную стипендію въ своей гимназій, а г-жа Яновичъ, въ Таганрогѣ, въ ознаменованіе 50-лѣтія фонда, также предоставила въ распоряженіе фонда одну бесплатную вакансію въ своей гимназій, учрежденной въ память А. П. Чехова. Докладъ казначея фонда Н. Ө. Аннен-

скаго касался состоянія кассы фонда за 1909 годъ. Изъ отчета видно, что къ 1 января 1909 года числилось процентными бумагами 706,625 рублей и наличными 11,439 рублей 15 копеекъ. Поступило за отчетное время наличными 65,497 рублей 62 копейки и процентными бумагами 13,000 рублей. Израсходовано за истекшій годъ 63,730 рублей 34 копейки. Неприкосновенный капиталъ теперь составляетъ сумму 47,377 рублей 67 копеекъ (увеличился съ 1-го января на 1,930 рублей 26 копеекъ). Именныхъ капиталовъ теперь числится на сумму 631,766 рублей 74 копейки (болѣе, чѣмъ въ началѣ года, на 6,755 рублей 54 коп. Ссудный капиталъ составляетъ всего 268 рублей 25 копеекъ (этотъ капиталъ сокращенъ въ виду того, что функціи фонда направлены, главнымъ образомъ, на выдачу пособій). Перерасходъ въ 1909 году уменьшился сравнительно съ 1908 г. съ 5,608 рублей 77 копеекъ до 705 рублей 90 копеекъ. Можно было бы совсѣмъ избѣжать дефицита, отмѣчаетъ казначей, если бы не такъ скудно поступали членскіе взносы. За истекшій годъ поступило всего 1,370 рублей. Дохода можно ожидать еще отъ «Сборника», который выйдетъ въ свѣтъ въ февралѣ мѣсяцѣ, въ ознаменованіе истекшаго 50-лѣтія существованія фонда. Всѣ статьи для сборника уже присланы въ редакціонную комиссію. Какъ уже сообщалось въ печати, получены также отъ Л. Н. Толстого статья «Единая заповѣдь» и беллетристическій очеркъ, подъ заглавіемъ «Пѣсня на деревнѣ». Произведены выборы членовъ ревизіонной комиссіи. Большинствомъ голосовъ избраны: К. С. Баранцевичъ, М. В. Ватсонъ, М. М. Ковалевскій, В. П. Крунихфельдъ, С. Е. Савичъ и В. Г. Яроцкій. Въ члены литературнаго фонда избраны вновь 37 человекъ. По поводу заявленія Я. П. Колубовскаго, сдѣланнаго имъ на одномъ изъ предыдущихъ общихъ собраній, что выборы членовъ ревизіонной комиссіи, согласно уставу, должны производиться на годовыхъ, а не на общихъ собраніяхъ, комитетъ объяснилъ, что въ уставѣ на этотъ счетъ нѣтъ точныхъ указаній и что въ интересахъ практическихъ цѣлесообразнѣе избирать ревизіонную комиссію до годового собранія. Такого порядка комитетъ фонда придерживается еще съ 1865 года. Собраніе согласилось съ этимъ мнѣніемъ.

Въ кассѣ литераторовъ и ученыхъ. 20 декабря состоялось общее собраніе членовъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ, подъ предсѣдательствомъ Д. Н. Бородина. Предсѣдатель, прежде всего, предложилъ избрать членовъ ревизіонной комиссіи. При этомъ возникли горячія пренія по поводу предложенія предсѣдателя, чтобы члены правленія приняли участіе въ баллотировкѣ. Большинство, по предложенію Г. К. Градовскаго, высказалось, что этически будетъ неправильно, если правленіе само себѣ изберетъ ревизоровъ, хотя уставомъ оно въ этомъ отношеніи не ограничено. Притомъ ораторъ отмѣтилъ, что участіе правленія въ баллотировкѣ противорѣчило бы установившимся традиціямъ. Предсѣдатель правленія заявляетъ, что правленіе воздерживается отъ баллотировки. Въ члены ревизіонной комиссіи большинствомъ голосовъ избраны: Я. Н. Колубовскій, В. А. Апѣшкинъ, К. А. Михайловъ, К. С. Баранцевичъ и В. К. Кузнецовъ, а кандидатами къ нимъ Д. А. Линевъ и Я. Я. Полферовъ. Секретарь правленія затѣмъ докладываетъ смѣту расходовъ на будущій годъ (1800 рублей). Смѣта принимается. Снимается съ очереди вопросъ о возобновленіи изданія «Вѣстника кассы» до представленія доклада правленія. Г. Пол-

феровъ заявляетъ, что еще въ мартѣ мѣсяцѣ поступило коллективное заявленіе отъ бюро по присканію работы для литераторовъ о томъ, что оно слагаетъ свои полномочія. Между тѣмъ правленіе до сихъ поръ объ этомъ не докладывало общему собранію. Предсѣдатель правленія Л. З. Слонимскій объясняетъ, что правленіе не выработало еще новаго плана работъ для бюро, и потому коллективное заявленіе еще не было доложено. Въ одномъ изъ ближайшихъ собраній правленіе внесетъ по этому поводу докладъ. М. В. Ватсонъ возбуждаетъ вопросъ, почему правленіе не докладываетъ объ отказѣ отъ званія предсѣдателя правленія В. Д. Кузьмина-Караваева. Предсѣдатель собранія Бородинъ докладываетъ послѣ этого заявленіе г. Кузьмина-Караваева, которому, по предложенію В. А. Апушкина, выражается благодарность собранія за его дѣятельность въ пользу кассы. Благодарность, по предложенію г. Варанцевича, выражается и Г. К. Градовскому за хлопоты «по спасенію кассы», которой угрожало въ іюлѣ мѣсяцѣ текущаго года административное закрытіе. Секретарь правленія затѣмъ докладываетъ официальное сообщеніе министерства внутреннихъ дѣлъ о возобновленіи дѣятельности кассы на новыхъ основаніяхъ и сообщеніе министерства народнаго просвѣщенія, которому касса подчинена, о подтвержденіи постановленія министерства внутреннихъ дѣлъ. Сообщеніе министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 27 ноября гласитъ: «Въ представленіяхъ отъ 2 и 29 октября сего года центрального правленія кассы предсѣдатель названнаго правленія, представивъ о состоявшихся въ сентябрѣ постановленіяхъ чрезвычайныхъ общихъ собраній членовъ кассы и мѣстныхъ отдѣленій, ходатайствуетъ передъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, закрывшимъ въ іюлѣ текущаго года означенную кассу, объ отмініи сего распоряженія и о разрѣшеніи вновь дѣятельности кассы на слѣдующихъ основаніяхъ. Касса отказывается отъ права образовывать спеціальныя капиталы и приобрѣтаетъ недвижимыя имущества, въ виду чего ходатайствуетъ объ исключеніи въ установленномъ порядкѣ изъ §§ 26 и 52 устава кассы тѣхъ постановленій, которыя предусматриваютъ означенное право. Образованные кассою фондъ для помощи въ чрезвычайныхъ случаяхъ и комиссія, завѣдывавшая этимъ фондомъ, упраздняются. Наличныя суммы, какъ названнаго фонда, такъ равно и издательскаго фонда и фонда санаторіи перечисляются въ пенсіонный капиталъ съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ, если жертвователи, участвовавшіе въ составленіи этихъ фондовъ, пожелали дать пожертвованнымъ суммамъ иное назначеніе, за правленіемъ кассы осталось право выдавать ихъ изъ пенсіоннаго капитала по указанію жертвователей. Распоряженіе «капиталомъ рижскаго отдѣленія» въ смыслѣ возврата его жертвователямъ или обращенія въ пенсіонный капиталъ предоставляется названному отдѣленію. Вопросъ о принадлежащемъ кассѣ наличномъ недвижимомъ имуществѣ представляется на разрѣшеніе общаго собранія членовъ кассы, причѣмъ въ отношеніи сего имущества принимается во вниманіе условіе дара. Ссудный капиталъ В. О. Михневича и Г. К. Градовскаго и капиталъ Н. А. Фирсова числятся въ составѣ запаснаго капитала. Министерство внутреннихъ дѣлъ разрѣшаетъ открытіе вновь кассы на изложенныхъ основаніяхъ по утвержденіи министерствомъ народнаго просвѣщенія проектируемыхъ измѣненій §§ 26 и 52 устава кассы». 10-го декабря министерство народнаго просвѣщенія увѣдомило предсѣдателя кассы о томъ, что

оно, по соглашенію съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, отмѣняетъ редакцію §§ 26 и 52 и возстановляетъ старый уставъ отъ 22 ноября 1890 года. Въ виду этого, въ кассѣ образуются три капитала: а) расходный, б) запасный и в) пенсіонный (§ 26). Если по чрезмѣрной убыли членовъ или по какимъ-либо инымъ причинамъ дѣятельность кассы должна прекратиться, то расходный и запасный капиталы ея распределяются между наличными участниками кассы, пропорціонально сдѣланнымъ каждымъ изъ нихъ платежамъ, но не свыше суммы всѣхъ дѣйствительныхъ ихъ взносовъ. Остающіяся за таковымъ распределеніемъ суммы расходнаго и запаснаго капиталовъ, а равно и пенсіонный капиталъ поступаютъ въ пользу общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (§ 52). Въ члены правленія кассы большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ одного избранъ академикъ Ѳ. И. Чернышевъ, въ кандидаты къ членамъ правленія: В. А. Апүшкинъ (отъ участія въ ревизіонной комиссіи В. А. отказался) и г. Либровичъ. Предъ закрытіемъ собранія г. Либровичъ вноситъ предложеніе ознаменовать литературнымъ вечеромъ или инымъ способомъ память А. П. Чехова въ виду исполняющагося 17-го января 50-лѣтія со дня его рожденія. Рѣшено по этому поводу войти въ соглашеніе съ литературнымъ обществомъ.

Выставки въ историческомъ музеѣ. 27-го декабря въ историческомъ музеѣ въ залахъ нижняго этажа открылись четыре бесплатныхъ выставки, устроенныя музеемъ и посвященныя Петру I, А. В. Кольцову, С. Т. Аксакову и художнику-иллюстратору П. М. Боклевскому. Петровской выставкѣ отведенъ цѣлый залъ. Здѣсь выставлены въ большинствѣ вещи, принадлежащія музею, а также извѣстному коллекционеру П. И. Щүкину. Прежде всего слѣдуетъ отмѣнить рядъ портретовъ великаго преобразователя. Между прочимъ имѣется рѣдкій портретъ Петра въ черномъ парикѣ, относящійся къ 1697 году, оригинальный портретъ Петра углемъ художника Щүчевскаго, нарисованный по маскѣ, снятой съ Петра при жизни, въ 1719 году, аллегорическій транспарантъ 1721 года, приготовленный по случаю заключенія Нейштадтскаго мира, рядъ портретовъ «птенцовъ гнѣзда Петрова», портретъ Мазепы и др. Затѣмъ выставляются: эстампы съ изображеніемъ Петра, реляціи, относящіяся къ Сѣверной войнѣ, маска съ умершаго Петра, маска съ Карла XII, чугунное литье петровскаго времени, образчикъ церковнаго «била», замѣнившаго въ царствованіе Петра колокола, которые по приказу царя были перелиты на пушки, громадная біблія на шведскомъ языкѣ, принадлежавшая Карлу XII, палаши и другое оружіе временъ Петра, между прочимъ—фузелъ (ружье) 1709 г., «жельзный ящикъ отъ воровъ» фабрикаціи 1725 года (при вскрытіи ящика стороннимъ лицомъ, не владѣльцемъ его, послѣдній механически производилъ выстрѣлы), серебряная утварь того времени: стеклянная и фарфоровая аптекарская посуда, изготовленная по заказу Петра въ Китаѣ, медали на разныя событія, петровскія грамоты и мн. др. Аксаковской выставкѣ отведена стѣна и нѣсколько витринъ. Ее составляютъ главнымъ образомъ портреты и печатныя произведенія С. Т. Аксакова во всѣхъ изданіяхъ и коллекціи портретовъ современниковъ писателя. Изъ архивовъ музея извлечены самыя раннія работы С. Т. Аксакова и «Московскія Вѣдомости» за тѣ годы, когда онъ въ нихъ печатался. Небольшія «Московскія Вѣдомости» того времени, въ три печатныя колонны,

раскрыты на тѣхъ страницахъ, гдѣ имѣются статьи Аксакова. Такимъ образомъ выставлено «Письмо къ друзьямъ Гоголя» Аксакова—статья 1852 года. Устроители выставки сочли нужнымъ выставить также брошюру 1832 года «Двѣнадцать спящихъ бутошниковъ. Поучительная баллада. Составлена Елистратомъ Фитюлькинымъ», разрѣшенную къ печатанію Аксаковымъ въ бытность его цензоромъ и имѣвшую для него печальное послѣдствіе: его уволили со службы за пропускъ слѣдующаго стихотворнаго обращенія автора къ цензурѣ на одной изъ страницъ брошюры:

Цензурушка,
Голубушка,
Нельзя ли пропустить?
Я Господа
О здравіи
Твоемъ буду молить!
Свободу я
Тисненія
Всегда буду бранить.
Цензурушка,
Голубушка,
Нельзя ли пропустить?

Кольцовская выставка занимаетъ двѣ витрины. Тутъ находятся его портреты, портреты его родственниковъ, портреты В. Г. Бѣлинскаго, Н. В. Станкевича, Я. М. Невѣрова и обширная коллекція какъ журналовъ, въ которыхъ печатался Кольцовъ («Отечественныя Записки», «Молва»), такъ и всѣхъ отдѣльных изданій сочиненій поэта-прасола. Наконецъ большая часть залы будетъ занята рисунками пастелью и карандашомъ П. М. Боклевскаго. Рисунки—частью музея и частью наслѣдниковъ художника. Этой выставкой имѣется въ виду сдѣлать извѣстнымъ публикѣ художника-иллюстратора, рисунки котораго, особенно по иллюстраціямъ сочиненій Гоголя, знакомы многимъ, но самое имя автора ихъ осталось для нихъ неизвѣстнымъ. Рисунками этого художника пользовались издатели, не считая для себя нужнымъ упоминать о немъ... Выставляются иллюстраціи П. М. Боклевскаго къ Гоголю, Тургеневу, Печерскому и Островскому. Многое въ оригиналахъ и много также уже въ гравюрахъ и печатномъ видѣ.

Этнографическая выставка. 21-го декабря въ залахъ церковныхъ древностей музея Александра III открылась выставка этнографическихъ коллекцій, собранныхъ этнографическимъ отдѣломъ музея въ теченіе 1909 года. Цѣль выставки дать возможность публикѣ познакомиться съ этнографическими коллекціями до официальнаго открытія этнографическаго отдѣла музея Александра III. Подобная выставка устраивается впервые. Этнографическія коллекціи расположены въ 4-хъ большихъ залахъ. Въ первомъ залѣ выставлены коллекціи, собранныя на Кавказѣ. Здѣсь представлены горскіе евреи, армяне, аварцы и татары. Отдѣлъ горскихъ евреевъ заключаетъ въ себѣ костюмы, промышленную утварь, предметы домашняго обихода и культа, украшенія изъ серебра, амулеты и др. Въ армянскомъ отдѣлѣ выставлены два полныхъ костюма изъ мѣстечка Аривинъ, бытовая утварь и украшенія. Аварцы представлены живописнымъ костюмомъ, головными уборами, серьгами и т. д. Въ этомъ же

залѣ находится интересная коллекція татарскихъ старинныхъ ковровъ и ковровыхъ издѣлій. Тутъ же выставлены двѣ оборудованныя мастерскія татарскаго оружейника и ювелира и грузинскаго башмачника. Во второмъ залѣ собраны коллекціи изъ Сибири и Дальняго Востока. У входа висятъ монгольская палатка и предметы вооруженія японскаго самурая XVIII вѣка. Въ этомъ отдѣлѣ выставлена интересная коллекція китайскихъ театральныхъ вышивокъ и рисунковъ. На особомъ китайскомъ коврѣ развѣшаны такъ называемые «даесскіе гени» (религіозныя вышитыя фигурки). Гольды Уссурийскаго края представлены расшитыми костюмами изъ рыбьей кожи и птичьихъ шкурокъ, предметами лова и охоты, ритуальной свадебной ложкой и т. д. Интересныя головныя уборы, маски и плетенныя издѣлія знакомятъ съ бытомъ алеутовъ. Изъ Енисейской губерніи доставленъ полный шаманскій костюмъ, шаманскій бубень, идолы, жертвенныя предметы и другія принадлежности шаманства. Изъ той же губерніи получена коллекція каменныхъ орудій. Во второмъ залѣ выдѣляются, кромѣ того, этнографическія принадлежности индѣйцевъ Сѣверной Америки (костюмы и головныя уборы съ перьями), чукчей Анадырскаго округа, бурятъ Иркутской губерніи и др. Въ послѣднихъ двухъ залахъ выставлены коллекціи, собранныя въ Европейской Россіи: Орловской, Харьковской, Подольской, Екатеринославской и многихъ другихъ губерніяхъ. Особое вниманіе обращаетъ на себя коллекція, собранная въ Нижегородской губерніи г-жою В. П. Шнейдеръ: пряничныя доски, разукрашенныя деревянныя ложки и дѣтскія стулья. Рисунки приготавливаются, главнымъ образомъ, по стариннымъ образцамъ. Коллекція эта можетъ служить интереснымъ памятникомъ народнаго искусства. Значительныя коллекціи собраны въ Польшѣ и Литвѣ (костюмы, шляпы, инструменты, орудія и т. д.). Въ послѣднемъ залѣ выставлена большая коллекція, пожертвованная этнографическому отдѣлу іеромонахомъ Антоніемъ изъ Кирилловскаго монастыря. Коллекція была собрана въ Новгородской губерніи въ теченіе 15 лѣтъ.

Памяти графа А. С. Уварова ¹⁾. 29-го декабря, въ двадцать пятую годовщину со дня смерти замѣчательнѣйшаго русскаго историка-археолога, графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, въ московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ было совершено по усопшемъ заупокойное богослуженіе въ присутствіи семьи, родственниковъ и многочисленныхъ почитателей. Затѣмъ въ императорскомъ руссійскомъ историческомъ музеѣ, послѣ панихиды, памяти покойнаго графа было посвящено торжественное соединенное засѣданіе московскаго археологическаго общества и руссійскаго историческаго музея. Открылъ засѣданіе вице-президентъ музея князь Н. С. Щербатовъ чтеніемъ телеграммы августѣйшаго предсѣдателя музея великаго князя Михаила Александровича, слѣдующаго содержанія: *«Прошу передать всѣмъ собравшимся на сегодняшнемъ засѣданіи, что я мысленно всѣмъ сердцемъ и молитвой присоединяюсь къ чествованію свѣтлой памяти графа А. С. Уварова, незабвеннаго труженика и создателя отечественной историко-археологической науки, имя котораго такъ тѣсно и навсегда связано съ нашимъ музеемъ»*. По прочтеніи телеграммы, князь Н. С.

¹⁾ Сообщилъ В. Е. Рудаковъ.

Щербатовъ сдѣлалъ сообщеніе о графѣ, какъ основатель историческаго музея. Наиболее яркую и полную характеристику покойнаго, какъ выдающагося археолога, сдѣлалъ извѣстный археологъ, почитатель и сотрудникъ графа, профессоръ Д. Н. Анучинъ. Воспринявъ еще отъ отца своего, извѣстнаго министра народнаго просвѣщенія и президента императорской академіи наукъ, графа Сергѣя Семеновича Уварова, любовь къ исторіи и древностямъ, Алексѣй Сергѣевичъ съ особенной охотой занимался археологіей въ заграничныхъ университетахъ, куда прибылъ, послѣ окончанія въ 1845 г. перваго отдѣленія философскаго факультета (нынѣшняго историко-филологическаго) въ с.-петербургскомъ университетѣ, состоя на службѣ по министерству иностранныхъ дѣлъ. По возвращеніи изъ-за границы, онъ является учредителемъ въ С.-Петербургѣ «нумизматическаго общества» (впослѣдствіи императорскаго русскаго археологическаго общества) и организаторомъ научныхъ археологическихъ экскурсій. Лично на свои средства производилъ раскопки по побережью Чернаго моря и между прочимъ на мѣстѣ древней Ольвіи и Херсонеса и обнародовалъ результаты своихъ научныхъ работъ въ двухтомномъ «Исслѣдованіи о древностяхъ южной Россіи и береговъ Чернаго моря». (Спб., 1851 и 1856 гг.). Далѣе, состоя уже на службѣ по министерству внутреннихъ дѣлъ при министрѣ графѣ Перовскомъ, Алексѣй Сергѣевичъ произвелъ, также на свои средства, богатѣйшія по своимъ результатамъ раскопки въ Суздальской землѣ. Печатный капитальный трудъ на основаніи этихъ раскопокъ, подъ заглавіемъ: «Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ» (съ атласомъ и картой), появился нѣсколько позже, а именно въ 1871 г. Послѣ кратковременной службы помощникомъ попечителя московскаго учебнаго округа и затѣмъ предводителемъ можайскаго дворянства, гдѣ былъ особенно занятъ проведеніемъ въ жизнь земской реформы, покойный графъ окончательно поселился въ Москвѣ и всецѣло отдался своему любимому дѣлу. Въ 1865 г., по его инициативѣ и неусыпнымъ хлопотамъ, возникаетъ въ Москвѣ археологическое общество, издававшее долгое время на средства своего основателя и перваго предсѣдателя «Древности» общества, «Археологическій Вѣстникъ» и «Труды» археологическихъ съѣздовъ. Въ этихъ-то органахъ по преимуществу и печаталъ свои многочисленныя «исслѣдованія», «описанія» и «сообщенія» Алексѣй Сергѣевичъ, впервые вызвавшій къ жизни новые отдѣлы русской археологіи, напримѣръ, изученіе памятниковъ общественнаго и домашняго быта, юридическія древности и пр., и впервые поставившій на научную почву какъ производство самыхъ раскопокъ, такъ и систематизацію добытыхъ ими результатовъ. Съ 1869 г. открылись, по почину и благодаря стараніямъ покойнаго графа, всероссійскіе археологическіе съѣзды, продолжающіеся и понынѣ съ рѣдкимъ успѣхомъ. За два года до смерти графа появился въ печати его классическій и главный трудъ—«Археологія Россіи: каменный періодъ» (М., 1882 г., 2 тома), обнимающій собою все до того сдѣланное въ русской археологической наукѣ. Будучи, такъ сказать, создателемъ отечественной научной археологіи, графъ А. С. Уваровъ прославилъ себя, подобно знаменитому археологу-меценату первой четверти XIX вѣка графу Н. П. Румянцову, и какъ покровитель русской науки и литературы. Еще въ 1852 г. своею премією онъ вызвалъ появленіе замѣчательнаго труда И. Е. Забѣ-

лина—«О металлическомъ производствѣ въ Россіи». Въ память отца установилъ при императорской академіи наукъ такъ называемыя уваровскія награды: однѣ за лучшіе ученые труды по археологіи, исторіи и литературѣ, а другія—за русскія оригинальныя драматическія сочиненія. На его средства были напечатаны: «Описаніе Кіева» Н. В. Закревскаго (М., 1868 г., 2 тома съ атласомъ рисунковъ и плановъ), «Русскіе граверы» Д. А. Ровинскаго (М., 1870 г.) и др. При его стараніяхъ въ 1883 г. были возстановлены древнія зданія ростовскаго кремля. Наконецъ, весьма памятной и знаменательной въ исторіи русской науки и просвѣщенія была и останется на долгое время Порѣчская бібліотека графа и его богатѣйшее собраніе рукописей, о которомъ на торжественномъ засѣданіи 29-го минушаго декабря сдѣлалъ весьма обстоятельный докладъ профессоръ М. Н. Сперанскій. Послѣ прочтенія многочисленныхъ привѣтствій и телеграммъ отъ разнаго рода ученыхъ учреждений и отдѣльныхъ лицъ, секретаремъ общества В. К. Трутовскимъ было объявлено объ изданіи ко дню памяти графа—XXII тома «Трудовъ» московскаго археологическаго общества и трехъ большихъ томовъ, содержащихъ въ себѣ «собраніе мелкихъ трудовъ» Алексѣя Сергѣевича и «матеріалы для его біографіи». Вслѣдъ за этимъ В. К. Трутовскій объявилъ и о томъ, что золотая медаль имени графа А. С. Уварова присуждена заслуженному профессору университета св. Владимира В. С. Иконникову, а премія графини П. С. Уваровой за сочиненіе на тему о московскомъ зодствѣ до XVIII вѣка въ половинномъ размѣрѣ (1,000 р.) присуждена гражданскому инженеру М. В. Красовскому. Въ заключеніе засѣданія супруга нашего незабвеннаго историка-археолога, графиня Прасковія Сергѣевна Уварова, съ честью занимавшая въ теченіе четверти вѣка постъ председателя императорскаго московскаго археологическаго общества и почетнаго председателя на восьми всероссійскихъ археологическихъ сѣздахъ, остановилась на «завѣтахъ» покойнаго графа и на томъ, какъ они были выполнены за истекшее двадцатипятилѣтіе, и многое изъ нихъ нашла выполненнымъ въ достаточной мѣрѣ.

Юбилей Ц. А. Кюи. 14-го декабря, въ полувѣковой день музыкальной дѣятельности Ц. А. Кюи юбиларомъ было получено свыше 100 привѣтственныхъ телеграммъ и писемъ отъ провинціальныхъ отдѣленій императорскаго русскаго музыкальнаго общества, отъ многочисленныхъ учениковъ, друзей и почитателей. Императорское русское музыкальное общество привѣтствовало Ц. А. Кюи адресомъ, въ которомъ, между прочимъ, говорится: «Въ теченіе 50 лѣтъ вашъ талантъ расцвѣлъ на украшеніе русскаго музыкальнаго искусства, и слава ваша, какъ композитора во всѣхъ отрасляхъ музыкальнаго творчества, распространилась далеко за предѣлы нашего отечества. Въ сегодняшній знаменательный для васъ день 50-лѣтія вашего служенія русскому музыкальному искусству императорское русское музыкальное общество считаетъ своимъ пріятнымъ долгомъ выразить вамъ свои горячія пожеланія продолженія вашей музыкальной творческой дѣятельности еще на многіе годы. Памятуя ваши заслуги и труды, понесенные на пользу общества по должности председателя дирекціи с.-петербургскаго отдѣленія, главная дирекція единогласно избрала васъ почетнымъ членомъ императорскаго музыкальнаго общества». Къ адресу приложенъ въ футлярѣ дипломъ на званіе почетнаго члена. Горячія привѣтственныя теле-

граммы прислали юбиляру провинціальныя отдѣлы русскаго музыкальнаго общества. Тифлисское отдѣленіе шлетъ маститому композитору пожеланія «еще долгіе годы служить съ той же пользой родному искусству». Томское отдѣленіе поздравляетъ «славнѣйшаго дѣятеля-творца высокой художественности въ музыкѣ». Иркутское отдѣленіе считаетъ 50-лѣтнюю дѣятельность Ц. А. Кюи «славнымъ служеніемъ на развитіе и процвѣтаніе русскаго искусства». Въ телеграммѣ екатеринославскаго отдѣленія высказывается пожеланіе, чтобы юбиляръ «еще долгіе годы былъ украшеніемъ русской музыки». Полтавское отдѣленіе надѣется, что маститый композиторъ «еще многіе годы будетъ оживлять своимъ творчествомъ дорогое намъ искусство». Привѣтственныя телеграммы, кромѣ того, прислали: совѣтъ саратовскаго музыкальнаго училища, редакция «Русской музыкальной грамоты» («низкій поклонъ энергіи, чести и славы большаго, въ музыкальномъ мірѣ, достопочтеннаго юбиляра»), хоръ Архангельскаго («пожеланіе еще долгіе годы дарить нашей родинѣ ваши чудныя творенія»), редакция «Ежегодника императорскихъ театровъ» и др. Юбиляра далѣе привѣтствовали: графъ Витте, М. Боркинъ, графиня Мордвинова, Римскіе-Корсаковы, генераль Нидермиллеръ, Альбертъ Бенуа, генераль Шауфусъ и другіе. Наканунѣ своего юбилея Ц. А. Кюи уѣхалъ въ Москву. Это не помѣшало, однако, тому, чтобы на квартиру юбиляра въ теченіе дня приходили его друзья и почитатели.

Юбилей Д. О. Отта. 19-го декабря въ клиническомъ гинекологическомъ институтѣ состоялось чествованіе директора института профессора Д. О. Отта по поводу исполнившагося 25-лѣтія его профессорской и 30-лѣтія врачебной дѣятельности. На чествованіи присутствовали представители медицинскаго міра. Почетный попечитель института генераль Анчутинъ произнесъ рѣчь, въ которой очертилъ заслуги юбиляра по учрежденію института. Отъ женскаго медицинскаго института присутствовали: директоръ института профессоръ С. С. Салазкинъ, ученый секретарь А. А. Лихачевъ и профессоръ А. М. Левинъ. Въ своей привѣтственной рѣчи профессоръ С. С. Салазкинъ отмѣтилъ, что женскій медицинскій институтъ многимъ обязанъ своему первому директору профессору Д. О. Отту. Одинъ изъ ассистентовъ профессора Отта, работающій въ его клиникѣ, въ своей рѣчи, между прочимъ, коснулся вопроса, что сдѣлалъ юбиляръ для земской медицины. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ,—сказалъ онъ,—надо вспомнить то ужасное положеніе, въ которомъ находилась русская интеллигенція, когда профессоръ Оттъ началъ свою научную дѣятельность. Работать нельзя было на пользу народа. Когда русскіе культурные люди шли со своей работой въ деревню, темныя массы встрѣчали ихъ съ недоувѣріемъ. Такое же недоувѣріе встрѣчали и земскіе врачи, они должны были бороться съ этимъ въ интересахъ народнаго здравія. Нужно было запастись знаніями, и эти знанія земскіе врачи въ области гинекологіи черпали у нашего учителя, профессора Отта, въ его институтѣ, который есть настоящій храмъ науки. Здѣсь земскіе врачи встрѣчали со стороны его руководителя самое просвѣщенное вниманіе. Земскіе врачи, слушатели повивальнаго института, поднесли профессору Д. О. Отту адресъ съ надписью: «Д. О. Отту—врачи со всѣхъ концовъ земли русской». Кромѣ того, были поднесены адреса слѣдующими депу-

таціями: отъ сотрудниковъ по институту, отъ преподавательскаго персонала клиническаго института великой княгини Елены Павловны, отъ врачей-сотрудниковъ по клиническому институту, отъ общества взаимопомощи врачей, прїѣзжающихъ въ Петербургъ для научнаго усовершенствованія, отъ Марїинскаго родовспомогательнаго института и др. Въ своей отвѣтной рѣчи профессоръ Д. О. Оттъ благодарилъ привѣтствовавшихъ его и отмѣтилъ, что на чествованіе его онъ смотритъ, какъ на критическій обзоръ его дѣятельности. Въ заключеніе былъ оглашенъ рядъ привѣтственныхъ телеграммъ изъ многихъ русскихъ и заграничныхъ городовъ.

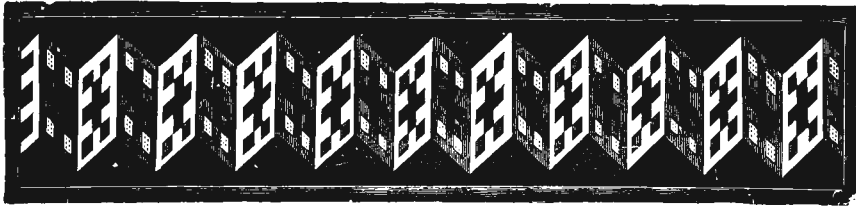
50-лѣтній юбилей А. А. Савурскаго. 5-го января исполнилось ровно 50 лѣтъ редакторской дѣятельности редактора «Инженернаго Журнала», инженеръ-генерала Александра Александровича Савурскаго. До 1857 года военно-инженерное вѣдомство спеціальнаго журнала не издавало, а выпускало лишь время отъ времени «Инженерныя Записки», всегда страдавшія хроническимъ недостаткомъ матеріала, такъ какъ за статьи никакого гонорара не полагалось. Съ 1857 года начато изданіе «Инженернаго Журнала», но онъ выходилъ всего 4 раза въ годъ и успѣха почти не имѣлъ. Поэтому еще въ половинѣ 1859 года въ инженерномъ вѣдомствѣ былъ выработанъ проектъ новаго положенія о журналѣ. Въ основаніе проекта была положена мысль сдѣлать программу журнала гораздо разнообразнѣе, оживить его и возбудить къ нему интересъ какъ среди офицеровъ инженернаго корпуса, такъ и среди лицъ, интересующихся инженернымъ дѣломъ вообще. Для достиженія всего этого нужно было, конечно, назначить энергичнаго и знающаго дѣло редактора. Выборъ инженернаго вѣдомства остановился на молодомъ военномъ инженерѣ капитанѣ А. А. Савурскомъ, сразу сумѣвшемъ возбудить интересъ среди специалистовъ къ журналу. Съ 1866 года журналъ началъ выходить ежемѣсячно, причемъ ежегодная казенная субсидія увеличена до 11,000 рублей. На тѣхъ же основаніяхъ журналъ издается и по настоящее время, причемъ программа его осталась прежняя. Обозрѣвая 50-лѣтнюю дѣятельность А. А. Савурскаго, какъ редактора спеціальнаго журнала, нельзя не видѣть, что главной заботой его было распространеніе полезныхъ свѣдѣній между офицерами инженернаго корпуса; въ массѣ матеріала, помѣщеннаго въ журналъ за время редакторства А. А. Савурскаго, можно найти отвѣты на всѣ вопросы военно-инженерной спеціальности; многія оригинальныя статьи немедленно послѣ ихъ напечатанія въ «Инженерномъ Журналѣ» появлялись въ переводѣ на иностранныя языки.

30-лѣтній юбилей А. Н. Догановичъ. Въ текущемъ году исполнилось тридцатилѣтіе непрерывной и плодотворной литературной дѣятельности извѣстной писательницы А. Н. Догановичъ, уже давно заслужившей себѣ почетную репутацію добросовѣстной работницы на поприщѣ служенія свонмъ перомъ родному народу. Выступивъ на литературную ниву подъ псевдонимомъ Догановичъ и Никитиной въ 1880 г., наша писательница помѣстила рядъ интересныхъ очерковъ въ журналѣ «Русская Мысль», «Наблюдателѣ», «Русскомъ Курьерѣ», «Россіи», «Новомъ Времени», «Всемирной Иллюстраціи», «Трудѣ» и др. органахъ, какъ повседневной, такъ и ежемѣсячной печати, какіе-то рассказы и очерки впоследствии выходили и отдѣльными изданіями,

нашедшими себѣ широкое распространіе въ читающей массѣ. Нѣкоторыя ея произведенія переведены и на иностранные языки. Большую популярность заслужила беллетристика и среди маленькихъ читателей, для которыхъ на своемъ вѣку она поработала немало. Въ настоящее время г-жа Догановичъ сосредоточила свою литературную дѣятельность въ ежемѣсячномъ иллюстрированномъ журналѣ А. В. Круглова «Свѣточъ», издаваемомъ въ Москвѣ, гдѣ и является выдающеюся редакціонною силою. Перу ея въ этомъ журналѣ принадлежатъ очерки «Ожившая плоть», «Смута», «Пропалое болото», которое только въ текущемъ году начато печатаніемъ. Изъ числа произведеній ея для маленькой публики можно особенно рекомендовать недавно вышедшую книгу «Въ родномъ гнѣздѣ», гдѣ представлены живо и просто написанныя страницы изъ семейной хроники. Среди громкихъ прошедшихъ передъ нами литературныхъ юбилеевъ за послѣднее время праздникъ А. Н. Догановичъ не блещетъ кричащими красками, но на немъ лежитъ симпатичный свѣтъ, подъ теплыми лучами котораго въ наши холодныя и жестокіе дни становится хорошо на душѣ. Тридцатилѣтній идеализмъ даромъ не пропадаетъ, и общественная благодарность выпадаетъ на долю не только корифеямъ литературы, но и тѣмъ скромнымъ труженикамъ, совершающимъ свой трудовой жизненный путь тихо и честно, къ каковымъ принадлежитъ и наша писательница.

Открытие «Чеховской комнаты». 24-го декабря, близь станціи Крюково, Николаевской желѣзной дороги, въ санаторіи врачей Хрушова и Вырубова открыта въ память А. П. Чехова комната, предоставляемая владѣльцами санаторіи для бѣдныхъ писателей и врачей, нуждающихся въ отдыхѣ. Для писателей эта комната будетъ служить 8 мѣсяцевъ, а для врачей—4 мѣсяца въ году. На чеховское торжество въ санаторію прибыли писатели, артисты, врачи и почитатели памяти покойнаго литератора. Говорили рѣчи: предсѣдатель общества дѣятелей періодической печати И. И. Поповъ, А. И. Южинъ, С. С. Голушевъ; прочли чеховскія произведенія—О. Л. Книпперъ и О. А. Правдинъ; была исполнена кантата Ильинскаго, написанная на смерть Чехова. Надъ украшеніемъ «Чеховской комнаты» трудились нѣсколько художниковъ и фотографовъ.

НЕКРОЛОГИ.

АРТАМОНОВЪ-БОЛЬШАКОВЪ, Н. И. 2 января с. г. скоропостижно скончался Николай Иванович Артамоновъ-Большаковъ, редакторъ-издатель журналовъ «Кронштадтскій Маякъ» и «Свѣтъ Россіи». Покойному было 39 лѣтъ. Онъ стоялъ во главѣ такъ называемой іоаннитской литературы. Въ 1905 г. впервые выступилъ на литературномъ поприщѣ въ защиту отца Іоанна Кронштадтскаго отъ нападокъ на него. О. Іоаннъ въ 1906 г. поручилъ ему редактированіе и изданіе журнала «Кронштадтскій Маякъ», бывшаго подъ руководствомъ вначалѣ г. Максимова. Съ 1907 г. при этомъ журналѣ, подъ редакцію того же Большакова, выпускался рядъ приложений въ защиту учениковъ и послѣдователей о. Іоанна. Наканунѣ смерти только что выпущена была имъ первая часть книги: «Источникъ живой воды», съ многочисленными иллюстраціями, посвященная подробной и весьма интересно изложенной біографіи отца Іоанна. (Некрологъ его: «Новое Время», 1910 г., № 12145).

† **Ахшарумовъ. Д. Д.** Скончавшійся 7 января с. г. въ Баку на 87 году жизни послѣдній изъ «петрашевцевъ» Дмитрій Дмитриевичъ Ахшарумовъ родился 14 мая 1823 г. въ семьѣ виднаго военнаго писателя, Д. И. Ахшарумова, автора перваго систематическаго описанія Отечественной войны и редактора «Срода военныхъ постановленій». Жизнь Д. Д. представляетъ исключительный интересъ не только, какъ выдающагося участника идейнаго движенія, на которомъ объединились въ 40-хъ годахъ лучшіе умы того времени, вмѣстѣ съ Θ . Достоевскимъ и А. Плещеевымъ. Его жизнь замѣчательна горѣвшею неугасимымъ пламенемъ до послѣднихъ минутъ жизненной энергіей, жаждой дѣла, направленнаго къ общему благу. Этого пламени въ Д. Д. не погасилъ эшафотъ, на которомъ, стоя рядомъ съ Θ . Достоевскимъ, онъ выслушалъ смерт-

ный приговоръ; не погасили многолѣтнія невзгоды жизни... По окончаніи первой петербургской гимназіи въ 1842 г., Д. Д. поступилъ на восточный факультетъ петербургскаго университета и затѣмъ, окончивъ университетскій курсъ со степенью кандидата, въ 1847 году опредѣлился на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Къ этому времени относится первое знакомство покойнаго съ наиболее вліятельными русскими послѣдователями ученія Фурье. Съ весны же слѣдующаго года Д. Д. сталъ бывать на собраніяхъ М. В. Бутаевича-Петрашевскаго. Въ своихъ «Воспоминаніяхъ» Ахшарумовъ подробно рассказываетъ исторію этого кружка и его членовъ, которыхъ Лорисъ-Меликовъ называлъ «апрѣлистами» и для которыхъ Д. Д. считаетъ самымъ правильнымъ названіе «русскихъ социалистовъ 1849 г.». Въ ночь съ 22 на 23 апрѣля 1849 года Д. Д. былъ арестованъ въ числѣ другихъ «петрашевцевъ», послѣ чего провелъ 8 мѣсяцевъ въ крѣпости, при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, лишенный въ продолженіе 6 мѣсяцевъ свиданій съ родными и переписки съ ними, безъ прогулокъ, безъ книгъ, письменныхъ принадлежностей, въ грязной обстановкѣ, въ сыромъ помѣщеніи съ тараканами, мышами и даже не имѣя возможности стричь волосы. Заключительнымъ аккордомъ этого заточенія явилась ужасная сцена объявленія 23 «петрашевцамъ», въ томъ числѣ Ѳ. Достоевскому, смертнаго приговора на Семеновской площади. Покойному Д. Д. пришлось вмѣстѣ съ другими своими товарищами одѣться въ саванъ и бѣлый колпакъ и видѣть, какъ первую группу изъ нихъ привязывали къ эшафотнымъ столбамъ, видѣть, какъ на привязанныхъ направили десятки ружейныхъ стволовъ, слышать команду... Только тогда примчался въ каретѣ адъютантъ съ вѣстью о дарованіи осужденнымъ жизни. Государь назначилъ Ахшарумова въ арестанты инженернаго вѣдомства на 4 года, а затѣмъ въ рядовые на Кавказъ. Однако, Д. Д. пробылъ въ арестантскихъ ротахъ въ Херсонѣ только 1½ года, послѣ чего и былъ переведенъ въ рядовые на Кавказъ. Лишь въ 1857 году Д. Д. удалось выйти въ отставку, и, несмотря на свои 34 года, онъ имѣлъ столько силы воли и жажды знанія, что поступилъ на медицинскій факультетъ дерптскаго университета. Въ слѣдующемъ году ему дозволили перейти въ петербургскую медико-хирургическую академію, которую онъ и окончилъ съ медалью въ 1862 г. Въ 1864 г. онъ отправился за границу съ цѣлью усовершенствованія въ медицинскихъ наукахъ. Дальнѣйшіе годы своей жизни, по защитѣ диссертациі на степень доктора медицины, Д. Д. провелъ въ рядѣ провинціальныхъ городовъ, пріобрѣтя большую извѣстность напечатанными имъ медицинскими трудами, въ которыхъ онъ былъ не только ученымъ, но и публицистомъ. «Многочисленныя литературныя работы доктора Ахшарумова,—говоритъ о немъ профессоръ Герценштейнъ,—относятся не только къ различнымъ научнымъ вопросамъ, но еще болѣе касаются общественныхъ темъ». Однако тяжелыя условія сумеречнаго времени, въ которое жилъ покойный Д. Д., не оставили его и здѣсь. Немало душевныхъ мукъ и волненій ему пришлось пережить изъ-за его литературныхъ трудовъ. В. И. Семевскій, напримѣръ, въ вступительной статьѣ къ «Воспоминаніямъ» покойнаго рассказываетъ длинную и тяжелую исторію мытарствъ, пережитыхъ авторомъ «Воспоминаній» раньше, чѣмъ они могли быть изданы «Общественной Пользой» въ 1905 г., спустя 17 лѣтъ послѣ первой попытки ихъ напечатанія.

† **Блейхманъ, Ю. И.** Петербургскій композиторъ Юлій Ивановичъ Блейхманъ скончался 41-го года 26 декабря 1909 г. Музыкальное образование онъ получилъ у Рейнеке и Ядассона въ лейпцигской консерваторіи, а также у Соловьева и Римскаго-Корсакова въ Петербургѣ. Нѣкоторую извѣстность, которою пользовался покойный, принесли ему главнымъ образомъ романсы. Большинство этихъ романсовъ написано въ томъ поверхностно-изящномъ салонномъ стилѣ, который такъ излюбленъ большою публикой, а стало быть и артистами, но на который такъ косятся настоящіе музыканты. Особенно охотно пѣвали эти романсы петербургскіе артисты: Фигнеръ, Яковлевъ, Куза и др. Кромѣ романсовъ, Блейхманъ написалъ хоры, фортепіанныя пьесы, два квинтета, балетную сюиту, симфонію, кантату и др., а также оперу-легенду «Свѣточъ христіанства» («Севастьянь-Мученикъ») и лирическую оперу «Принцесса Грѣза». Первая исполнялась въ Петербургѣ, вторая—въ Москвѣ, на императорской сценѣ (Новый театр, 1900 г.). Ни та, ни другая не имѣли успѣха; для такихъ крупныхъ задачъ дарованію покойнаго композитора не хватало ни внутренней силы, ни свободы техники. Ю. И. Блейхманъ не разъ пробовалъ свои силы и въ качествѣ симфоническаго дирижера. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1909 г., № 297).

† **Бубекъ, Т. X.** 30 декабря 1909 г. скончался въ Москвѣ профессоръ консерваторіи и композиторъ Теодоръ Христофоровичъ Бубекъ. Внезапная тяжкая болѣзнь (воспаленіе мозга) въ два дня подкосила его... Т. X. родился въ Германіи, въ Штутгартѣ, въ 1886 г. Окончивъ консерваторію своего роднаго города, онъ поступилъ по классу теоріи музыки въ московскую консерваторію, куда его привлекло имя С. И. Танѣева. Здѣсь онъ и работалъ подъ руководствомъ Танѣева и Ипполитова-Иванова. Въ 1896 г. Т. X. окончилъ московскую консерваторію по классу органа (ученикъ г. Беттинга), а черезъ два года—по классу композиціи. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ приглашенъ былъ въ консерваторію профессоромъ игры на органѣ. Не разъ выступалъ Т. X. какъ органистъ и въ концертахъ. Въ то же время покойный состоялъ органистомъ реформатской церкви, преподавателемъ игры на фортепіано въ лицѣе цесаревича Николая и давалъ частныя уроки музыки. Россія такимъ образомъ стала его второй родиной. Изъ композицій Т. X. напечатаны, главнымъ образомъ, фортепіанныя сочиненія и романсы. Среди нихъ есть очень симпатичныя вещи—простыя, искреннія, красивыя. Покойный оставилъ и крупныя произведенія для органа, пѣнія, оркестра. Партитура его эффектнаго оркестроваго полонеза напечатана, а симфоническая поэма «Сестра Беатриса» (по Метерлинку) только въ позапрошломъ году съ успѣхомъ исполнялась въ одномъ изъ концертовъ русскаго музыкальнаго общества. Т. X. былъ человѣкъ рѣдкой незлобивости. Всегда спокойный, скромный, доброжелательный, онъ неспособенъ былъ обидѣть кого-нибудь ни дѣломъ, ни словомъ; присутствіе его, наоборотъ, вносило всюду атмосферу добродушной шутки. Т. X. пользовался общими симпатіями товарищей и всѣхъ знавшихъ его, среди которыхъ вѣсть объ его внезапной, безвременной кончинѣ вызоветъ, конечно, самое глубокое и искреннее сожалѣніе. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1909 г., № 299).

† **Вастень, В. А.** 7 января с. г. скоропостижно скончался выдающійся гинекологъ Владимиръ Александровичъ Вастень на 63 году жизни. Непосредственно

по окончаніи медико-хирургической академіи онъ специализировался по акушерству и гинекологии въ Еленинскомъ клиническомъ институтѣ и Надеждинскомъ родовспомогательномъ заведеніи. Будучи уже опытнымъ специалистомъ, В. А. въ 1888 г. поступилъ въ Обуховскую женскую больницу, сначала въ качествѣ экстерна. Его научные труды, практическая опытность и умѣніе организовать свое дѣло дали ему право быть избраннымъ въ 1896 г. единогласно совѣтомъ главныхъ врачей и больничной комиссіею завѣдующимъ гинекологическимъ отдѣленіемъ Обуховской больницы. Дальнѣйшая дѣятельность покойнаго составляла рядъ успѣховъ въ этой области. Имя его сдѣлалось популярнымъ какъ у врачей-специалистовъ, такъ и среди нуждающихся въ специальной врачебной помощи. Особенно широко развита была имъ оперативная дѣятельность. Дѣятельность эта пріобрѣтаетъ тѣмъ большее значеніе, что окружающая обстановка, скученность больныхъ и т. п. не вполне отвѣчали требованіямъ современнаго благоустройства оперативныхъ отдѣленій. Лучшимъ доказательствомъ высокой научно-практической дѣятельности В. А. служить большое количество врачей, стремящихся совершенствоваться въ его отдѣленіи. Имъ создана цѣлая школа практическихъ гинекологовъ, многіе изъ нихъ съ выдающимся успѣхомъ работаютъ въ Петербургѣ и провинціяхъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1910 г., № 12152).

† **Геймбрукъ, В. Ө.** 8 декабря 1909 г. скончался одинъ изъ видныхъ морскихъ инженеръ-механиковъ флота, отставной тайный совѣтникъ баронъ Владимиръ Ѳедоровичъ Геймбрукъ. Покойный родился 30 марта 1837 г., воспитаніе получилъ въ кондукторскихъ ротахъ учебнаго морского рабочаго экипажа (нынѣ морское инженерное училище). Изъ училища былъ командированъ на три года въ Англію для обученія на заводѣ Модзлея, Фильда и Комп. По окончаніи курса В. Ө. произведенъ въ 1860 г. въ прапорщики корпуса инженеръ-механиковъ флота и назначенъ въ 1-й флотскій экипажъ. Послѣ заграничнаго плаванія на корветѣ «Богатырь» былъ старшимъ конструкторомъ управленія главнаго инженеръ-механика флота и съ 1872 г. главнымъ механикомъ адмиралтейскихъ Ижорскихъ заводовъ, которымъ онъ съ тѣхъ поръ и посвятилъ лучшую пору своей дѣятельности, исправляя съ 1887 г. должность начальника заводовъ. По зачисленіи въ инспекторы механической части въ 1892 г. покойный оставилъ заводы и получилъ назначеніе въ морской технической комитетъ. За все время своего пребыванія на Ижорскихъ заводахъ В. Ө. значительно расширилъ и поднялъ ихъ техническую производительность; при немъ былъ разобранъ старый бронепрокатный заводъ и построенъ новый— для выдѣлки болѣе усовершенствованной брони для нашихъ военныхъ судовъ; имъ же первымъ у насъ во флотѣ были проектированы и построены въ 1876 г. повѣйшаго типа машины съ двойнымъ расширеніемъ для военныхъ клиперовъ, а также—машины этой системы для нѣкоторыхъ пароходовъ общества «Кавказъ и Меркурій». Покойный нерѣдко былъ командированъ на различные заводы Германіи, Англіи и Франціи для наблюденія за выполненіемъ заказовъ морского министерства по изготовленію и пріемкѣ механизмовъ и брони. Слѣдя за развитіемъ морского техническаго дѣла, благодаря своему прекрасному специальному опыту и знанію иностранныхъ языковъ, онъ оставилъ о

себѣ память въ интересныхъ научныхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ «Морскомъ Сборникѣ». Въ морскомъ техническомъ комитетѣ въ должности инспектора механической части В. О. оставался до увольненія отъ службы по предѣльному возрасту. Время, свободное отъ служебныхъ занятій, покойный отдавалъ на дѣла благотворительности, состоя до 1906 г. въ теченіе болѣе 25 лѣтъ предсѣдателемъ колпинскаго благотворительнаго общества. Имъ и его супругой были основаны при этомъ обществѣ пріюты для сиротъ и бѣднѣйшихъ дѣтей посада Колпино. (Некрологъ его: «Новое Время», 1909 г., № 12130).

† **Дмитріева-Мамонова, Е. А.** 3 января с. г. на Большеохтенскомъ кладбищѣ хоронили Елизавету Александровну Дмитріеву-Мамонову. Ученица И. П. Прянишникова, а затѣмъ І. В. Тартакова, Е. А. принадлежала къ даровитой музыкальной семьѣ, будучи двоюродной внучкой А. Ф. Львова, безсмертнаго автора нашего народнаго гимна. Обладая красивымъ колоратурнымъ сопрано, она неоднократно выступала въ благотворительныхъ концертахъ, чаще всего въ пользу высшихъ женскихъ курсовъ, слушательницей которыхъ она состояла. Всегда отзывчивая и доброжелательная, Е. А. была любима всѣми ее знавшими. (Некрологъ ея: «Рѣчь», 1910 г., № 7).

† **Маляревская, Е. Х.** Незамѣченной прошла смерть Екатерины Хрисановны Маляревской, одной изъ первыхъ женщинъ-врачей въ Россіи. Покойная начала свое медицинское образованіе въ Цюрихѣ и окончила въ Петербургѣ въ 1878 г. Въ русско-турецкую войну она служила врачомъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. По окончаніи войны поступила въ дѣтскую больницу принца Ольденбургскаго въ Петербургѣ, гдѣ работала подъ руководствомъ профессора Раухфуса. Съ 1882 г. Е. Х. посвящаетъ себя служенію отсталымъ въ развитіи дѣтямъ, требующимъ по своему характеру исключительнаго воспитанія и обученія. Она принимаетъ дѣятельное участіе во вновь открытомъ тогда врачебно-воспитательномъ заведеніи, отдавая большую часть своего времени несчастнымъ дѣтямъ. Е. Х., кромѣ того, работала въ военно-медицинской академіи, состояла учредительницей общества женщинъ-врачей, членомъ общества врачей-психіатровъ, родительскаго кружка и долгое время предсѣдательницей женскаго общества. Этой передовой энергичной женщинѣ принадлежить мысль объ организаціи женскаго сельско-хозяйственнаго образованія и первыхъ въ Россіи женскихъ сельско-хозяйственныхъ курсовъ, въ созданіи которыхъ она принимала горячее участіе. Послѣдніе годы Е. Х. провела на берегу Ладожскаго озера, во врачебно-воспитательной земледѣльческой колоніи, заботы о которой поглощали все ея время. При уходѣ за чахоточнымъ она заразилась бугорчаткой, которая и свела ее въ могилу. (Некрологъ ея: «Рѣчь», 1909 г., № 348).

† **Марковъ, В. П.** Въ лицѣ скончавшагося 4 января с. г., на 74-мъ году жизни, бывшаго предсѣдателя с.-петербургской губернской земской управы Владимира Петровича Маркова сошелъ въ могилу одинъ изъ видныхъ, горячихъ и убѣжденныхъ земскихъ дѣятелей, всю свою жизнь отдавшій на служеніе мѣстнымъ нуждамъ и интересамъ. Какъ человекъ, проникнутый лучшими завѣтами 60-хъ годовъ, В. П. отказался отъ блестящей служебной карьеры, которая ожидала его по его воспитанію и общественному положенію, и предпочелъ

скромную должность мирового посредника въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ, гдѣ находилось его родовое имѣніе. Занявъ эту должность немедленно вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ, онъ много потрудился надъ устройствомъ ихъ новаго положенія и приобрѣлъ себѣ прочную любовь бывшихъ крѣпостныхъ, всегда видѣвшихъ въ немъ не «барина», а добраго и заботливаго друга. Съ введеніемъ мировыхъ судебныхъ установленій В. П. занялъ должность уѣзднаго мирового судьи. Обязанности судьи онъ исполнялъ болѣе четверти вѣка и затѣмъ до самой своей смерти оставался почетнымъ мировымъ судьей шлис-сельбургскаго уѣзднаго сѣзда. Затѣмъ въ теченіе ряда трехлѣтій онъ былъ предсѣдателемъ шлиссельбургской уѣздной земской управы и, наконецъ, былъ избранъ предсѣдателемъ с.-петербургскаго губернскаго земства. Только четыре года назадъ, чувствуя, что ослабѣвающее здоровье уже не позволяетъ ему отдавать любимому дѣлу всѣ свои силы, В. П. отказался отъ этой сложной и хлопотливой должности, но все-таки остался въ земствѣ въ качествѣ почетнаго члена управы. Благодаря его неустаннымъ заботамъ какъ въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ, такъ и вообще въ губерніи постоянно увеличивалось количество сельскихъ больницъ, аптекъ, школъ и школьныхъ библиотекъ, значительно расширилась и начала процвѣтать земская учительская школа, въ которой онъ всегда имѣлъ своихъ стипендіатовъ и вообще всегда оказывалъ и матеріальную, и нравственную поддержку какъ ученикамъ этой школы, такъ и сельскимъ учителямъ и учительницамъ. Много энергичныхъ усилій положено было имъ на устройство губернской психіатрической больницы въ Сиворицахъ и новаго зданія губернской земской управы. Къ каждому вопросу земской жизни В. П. относился почти съ юношеской горячностью; тяжело страдая отъ всякой неудачи и искренно радуясь всякому успѣху въ развитіи благосостоянія матеріальнаго и духовнаго. Благодаря его настояніямъ, завѣдываніе мѣстными шоссе было передано изъ министерства путей сообщенія въ руки земства. Въ частной своей жизни это былъ милый, остроумный и безконечно добрый человекъ, всегда готовый прійти на помощь въ чужомъ горѣ и охотно дѣлившійся всѣмъ, чѣмъ только могъ. Имя В. П. не чуждо и литературѣ: онъ съ молодыхъ лѣтъ и до старости писалъ стихотворенія, преимущественно лирическаго содержанія, и въ теченіе многихъ лѣтъ печаталъ ихъ въ «Вѣстникѣ Европы». Между прочимъ нельзя не отмѣтить, что В. П. былъ авторомъ того стихотворенія «Не можетъ быть», на которое Н. А. Некрасовъ счелъ долгомъ отвѣтить извѣстнымъ автобіографическимъ стихотвореніемъ, гдѣ говорилъ: «За каплю крови общую съ народомъ прости меня, о родина, прости...» (Некрологъ его: «Новое Время», 1910 г., № 12150).

† **Олѣховскій, М. А.** 11 декабря 1909 г. послѣ тяжелой болѣзни скончался въ гор. Полтавѣ завѣдующій мѣстнымъ естественно-историческимъ и этнографическимъ земскимъ музеемъ Михаилъ Александровичъ Олѣховскій. Своимъ возникновеніемъ и своимъ развитіемъ полтавскій музей почти всецѣло обязанъ М. А. Покойный М. А. отдалъ любимому дѣлу всѣ свои силы. Со времени открытія музея, съ 1891 года, и до самой смерти М. А. музей былъ тѣмъ центральнымъ пунктомъ, къ которому сходились и вокругъ котораго группировались всѣ жизненные интересы покойнаго. Если въ настоящее время музей

является однимъ изъ важнѣйшихъ культурныхъ учрежденій полтавскаго земства, если онъ теперь завоевалъ безспорное право на всеобщее вниманіе, то въ первые годы его жизни приходилось съ большимъ трудомъ отстаивать его существованіе, приходилось пережить немало тяжелыхъ огорченій въ этой борьбѣ съ человѣческимъ непониманіемъ. И особенно трудно и мучительно тяжело это было для М. А., человѣка необычайной чуткости и деликатности, необыкновенно мягкаго и рѣшительно неприспособленнаго для жизненной борьбы. Несмотря на всѣ огорченія, М. А. никогда не складывалъ рукъ, онъ глубоко вѣрилъ въ любимое имъ дѣло, онъ работалъ сверхъ силъ, постоянно расширяя и умножая задачи музея. На послѣднемъ земскомъ собраніи рѣшено устроить для музея специальное зданіе, и, очевидно, для него теперь обезпечено прочное и достойное существованіе. А творца его, вложившаго въ это дѣло всѣ муки своей чистой души, всѣ порывы преданнаго сердца, всю горечь сомнѣній и колебаній, Полтава провожаетъ послѣднимъ «прости». (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1909 г., № 288).

† **Пожалостинъ, И. П.** 29 декабря 1909 г. въ Рязани скончался бывшій профессоръ гравернаго искусства при императорской академіи художествъ, Иванъ Петровичъ Пожалостинъ. Жизнь покойнаго художника убѣдительно подтверждаетъ знакомую истину, что онъ, простой русскій человѣкъ, «по своей и Божьей волѣ сталъ разумень и великъ». Почившій родился 25 мая 1837 г., въ селѣ Еголдаевѣ (Рязскаго уѣзда), среди семьи бѣднаго однодворца и въ дѣтствѣ, по его словамъ, «ѣлъ хлѣбъ изъ просяной мякины». Вслѣдствіе смерти отца онъ съ 1850 по 1854 годъ воспитывался въ Зотиковскомъ сиропитательномъ пріютѣ въ Рязани, а затѣмъ былъ сельскимъ писаремъ въ селѣ Солотчѣ (Рязанскаго уѣзда). Среди писарскихъ занятій И. П. отдавался рисованію и настолько успѣшно, что въ 1857 году, по ходатайству М. Н. Муравьева, съ высочайшаго соизволенія, былъ принятъ въ императорскую академію художествъ, гдѣ занимался гравированіемъ подъ руководствомъ профессора Ѳ. И. Юрдана. Получивъ золотую медаль и званіе академика, онъ былъ командированъ въ Парижъ и Лондонъ для усовершенствованія въ гравировальномъ искусствѣ (1872—1874 гг.), а по возвращеніи, состоя сначала «почетнымъ вольнымъ общникомъ» академіи художествъ, занялъ въ ней съ 18 ноября 1883 г. каеедру гравированія и былъ профессоромъ до 1892 года, когда переселился въ Рязань «на отдыхъ». Искусному рѣзцу И. П. принадлежали многія гравюры на мѣди съ картинъ и портретовъ, особенно русскихъ писателей. Онъ преимущественно появлялись въ «Русской Старинѣ» и служили ей украшеніемъ. Въ этомъ же журналѣ помѣщены и любопытныя «Записки» о жизни и художественной дѣятельности покойнаго русскаго гравера («Русская Старина», 1881 г., кн. 8—10). (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1909 г., № 299).

† **Соловьевъ, Д. Н.** Скончавшійся 21 декабря Дмитрій Николаевичъ Соловьевъ (родился 21 сентября 1843 г.), директоръ канцеляріи оберъ-прокурора святѣйшаго синода, принадлежалъ къ числу духовныхъ нашихъ композиторовъ и вмѣстѣ вліятельныхъ лицъ въ области духовной музыки. По окончаніи курса въ петербургскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету, Д. Н. въ 1871 г. поступилъ преподавателемъ латинскаго языка

въ одну изъ петербургскихъ прогимназій, а затѣмъ, выдержавши спеціальный экзамень, согласно правиламъ, введеннымъ въ то время графомъ Д. Н. Толстымъ, поступилъ преподавателемъ въ 1-ю гимназію, гдѣ одновременно состоялъ и класснымъ наставникомъ и гдѣ черезъ нѣсколько лѣтъ занялъ мѣсто инспектора. Въ 1890 г. онъ былъ сдѣланъ директоромъ 6-й гимназіи. Онъ давно интересовался нашей музыкой и, будучи еще студентомъ, управлялъ студенческимъ хоромъ. На выпускномъ актѣ его курса былъ исполненъ гимнъ университету «Alma mater», латинскій текстъ котораго и музыка принадлежали ему. Въ 1-й гимназіи, будучи инспекторомъ, онъ тоже обратилъ вниманіе на гимназическій церковный хоръ. Въ 1896 г., по настоянію К. П. Побѣдоносцева и несмотря на многократные отказы,—онъ былъ педагогомъ по призванію,—перешелъ въ духовное вѣдомство и былъ назначенъ начальникомъ канцеляріи оберъ-прокурора святѣйшаго синода. Здѣсь открылась ему свободная дѣятельность въ области любимой имъ духовной музыки. Покойный Побѣдоносцевъ безусловно довѣрялъ его обширнымъ знаніямъ, давъ полную свободу его дѣйствіямъ. Реформы московскаго синодальнаго училища, произведенныя при Побѣдоносцевѣ, поставившія послѣднее на необходимую высоту въ смыслѣ хранилища религіознаго пѣнія, во многомъ обязаны мыслямъ и трудамъ Д. Н. Соловьева. Ему же, въ качествѣ члена училищнаго комитета при святѣйшемъ синодѣ, была поручена цензура музыкально-духовныхъ сочиненій—въ смыслѣ разрѣшенія ихъ употребленія при богослуженіяхъ. Это назначеніе послужило поводомъ къ немалымъ огорченіямъ для покойнаго. Хотя онъ отличался большою терпимостью къ чужимъ взглядамъ, но композиторы, правильность взглядовъ которыхъ не одобрялъ Д. Н., неоднократно жаловались на него, возбуждая даже противъ него судебныя разбирательства. Но авторитетъ его въ вопросахъ этого рода стоялъ высоко въ глазахъ преобладающей власти. Онъ началъ изученіе церковнаго пѣнія, будучи еще учителемъ гимназіи. Въ этотъ періодъ Д. Н. усиленно работалъ надъ крюковыми нотными книгами и сдѣлалъ описаніе ихъ, находящееся въ библіотекѣ с.-петербургской духовной академіи. Расшифрованіе многихъ неизвѣстныхъ знаковъ и различныя научныя конъюнктуры по этому вопросу, также и вышеупомянутое описаніе древнихъ крюковыхъ памятниковъ составляли работу всей жизни его, а оставшійся послѣ него рукописный матеріалъ по этому предмету, представляющій многотомное сочиненіе, имѣетъ большое научное значеніе. Работая въ связи съ этимъ надъ переложеніемъ древнихъ церковныхъ распѣвовъ, Д. Н. принесъ въ даръ «Братству во имя Пр. Богородицы» составленные имъ шесть выпускныхъ «Церковнаго пѣнія». Организовавъ при немъ хоръ любителей для исполненія церковныхъ пѣснопѣній древнихъ распѣвовъ, онъ принялъ на себя руководительство имъ. Ему между прочимъ было поручено Побѣдоносцевымъ редакціонное обихода церковнаго пѣнія. Работа эта имѣла важное значеніе и ея выполненіе внесло твердое основаніе въ дѣло гармонизаціи церковныхъ распѣвовъ. Имъ написано немало сочиненій всякаго рода: «Русскій букварь», вышедшій въ нѣсколькихъ изданіяхъ; «Краткое руководство для изученія церковнаго пѣнія» (тоже); «Азбука хорового пѣнія», замѣняющая элементарную теорію музыки и музыкальную хрестоматію;

«Церковно-пѣвческій сборникъ» (4 тома; въ немъ помѣщена большая часть сочиненій Д. Н.); «Стихиры и тропари воскресны»; «Богогласникъ»; «Сельскіе хоры» (редактированный имъ: въ этомъ сборникѣ помѣщена большая часть его свѣтскихъ сочиненій); «Бесѣды по русской исторіи»; шесть выпусковъ «Церковнаго пѣнія»; «Церковное пѣніе Валаамской обители», а также рукописная «Исторія музыки въ Россіи», за которую онъ получилъ званіе члена музыкальной академіи св. Цециліи въ Римѣ; кромѣ того, большое количество статей по вопросамъ педагогическимъ и музыкальнымъ, помѣщенныхъ въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ», въ «Баянѣ» и въ «Русскомъ Музыкальномъ Вѣстникѣ». Покойный отличался рѣдкою сердечною отзывчивостью и любезностью и пользовался общимъ расположеніемъ всѣхъ знавшихъ его. Въ качествѣ директора канцеляріи оберъ-прокурора синода онъ не разъ исправлялъ обязанности товарища оберъ-прокурора и однажды даже самого оберъ-прокурора. (Некрологъ его: «Новое Время», 1910 г., № 12147).

† **Шишко, Л. Э.** Въ Парижѣ умеръ одинъ изъ наиболѣе видныхъ представителей революціоннаго народничества 70-хъ годовъ, Леонидъ Эммануиловичъ Шишко. Покойный родился около 1850 г., учился во 2-й московской военной гимназій, въ 1869 г. поступилъ въ Михайловское артиллерійское училище и по окончаніи курса служилъ нѣкоторое время въ артиллеріи, но вскорѣ вышелъ въ отставку съ чиномъ поручика. Еще въ бытность въ артиллерійскомъ училищѣ Шишко входилъ въ составъ кружка юнкеровъ, возникшаго самостоятельно, увлекавшагося Писаревымъ и романомъ Оммулевскаго «Шагъ за шагомъ» и вскорѣ принявшаго политическую окраску подъ вліяніемъ С. М. Кравчинскаго, воспитанника того же училища, но болѣе старшаго по возрасту. Чувство нравственной отвѣтственности наложило отпечатокъ на всю жизнь покойнаго, явилось основнымъ мотивомъ всей его дѣятельности. Оно привлекло его въ кружокъ чайковцевъ и сдѣлало его однимъ изъ наиболѣе видныхъ представителей этого кружка, предъявлявшаго къ своимъ членамъ столь строгія требованія. Для принятія въ кружокъ требовалось согласіе всѣхъ его членовъ, и при этомъ тщательно взвѣшивались прежде всего нравственныя качества кандидата. Строгость кружка доходила въ этомъ отношеніи до ригоризма, и одинъ изъ его членовъ долженъ былъ выйти изъ его состава за свое пристрастіе къ нарядамъ. Первые годы дѣятельности кружка направлены были главнымъ образомъ на подготовительную и просвѣтительную работу, на изданіе и распространеніе книгъ публицистическаго и общественно-научнаго содержанія, но затѣмъ наступила пора непосредственной практической работы въ революціонномъ направленіи, и Шишко принялъ въ ней живое участіе. Онъ велъ пропаганду среди рабочихъ въ Петербургѣ, на Выборгской сторонѣ, и однимъ изъ ближайшихъ товарищей его за это время была Перовская. Въ августѣ 1874 г. Шишко былъ арестованъ, и этимъ закончился первый періодъ его дѣятельности. Послѣ 3 лѣтъ одиночнаго тюремнаго заключенія онъ былъ приговоренъ особымъ присутствіемъ правительствующаго сената къ каторжнымъ работамъ на 9 лѣтъ, и, хотя судъ ходатайствовалъ о смягченіи наказанія и о замѣнѣ каторги ссылкой на житіе въ Тобольскую губернію, ходатайство это не было уважено. Каторгу онъ отбывалъ на Карѣ,

а затѣмъ жилъ на поселеніи сперва въ Забайкальской области, потомъ въ Томскѣ; отсюда онъ въ 1889 г. бѣжалъ за границу. За границей Шишко занимался главнымъ образомъ литературной работой и написалъ немало статей по социологии, по аграрному вопросу и на другія темы, но наибольшей популярностью изъ его произведеній пользовались «Разказы изъ русской исторіи», выдержавшіе множество изданій. Широко расходились также экономическія брошюры покойнаго, особенно посвященныя обоснованію аграрной программы партіи с.-р. Нѣкоторыя выдержки изъ статей покойнаго въ свое время приводились въ «Ист. Вѣстн.» въ статьяхъ В. Глинскаго, посвященныхъ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи.

† **Яковлевъ, А. И.** Скончавшійся въ Ярославль въ ночь на 28 декабря 1909 г. членъ государственнаго совѣта по выборамъ Александръ Ивановичъ Яковлевъ принадлежалъ къ выдающимся мѣстнымъ дѣятелямъ. По окончаніи кандидатомъ физико-математическаго факультета с.-петербургскаго университета по естественному отдѣленію покойный нѣкоторое время завѣдывалъ на правахъ бібліотекаря однимъ изъ отдѣленій императорской публичной бібліотеки, но уже вскорѣ поселился въ своемъ скромномъ родовомъ имѣніи близъ города Ярославля и отдался всецѣло интересамъ своего родного края (А. И. родился въ Ярославль въ 1863 г.). Съ 1889 по 1901 г. онъ занималъ должность земскаго начальника въ Ярославскомъ уѣздѣ, состоя въ то же время по выборамъ уѣзднымъ и губернскимъ земскимъ гласнымъ. Въ этой роли онъ явился истиннымъ, отзывчивымъ другомъ крестьянства, среди котораго приобрѣлъ широкую популярность. Многимъ памятно между прочимъ его усиленныя, увѣнчавшіяся успѣхомъ, хлопоты о поднятіи мѣстныхъ кустарныхъ производствъ, какъ, на примѣръ, кузнечно-слесарное дѣло въ Бурмакинской волости. Съ 1901 по 1903 г. А. И. занималъ должность непремѣннаго члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, въ 1903 г. былъ избранъ ярославскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, въ должности котораго онъ оставался до самой смерти. По случаю частаго отсутствія въ Ярославль губернскаго предводителя дворянства, покойному приходилось во многихъ случаяхъ долго нести и его обязанности. Въ 1905 г. А. И. былъ избранъ членомъ ярославской губернской земской управы, гдѣ на него были возложены редакція земскихъ изданій и завѣдываніе агрономическимъ отдѣломъ земства. Дѣятельность покойнаго въ земствѣ оставила яркій слѣдъ, такъ какъ онъ былъ всегда энергичнымъ и увѣжденнымъ поборникомъ поднятія производительныхъ силъ страны путемъ усиленія культуры, въ основу которой онъ полагалъ всегда опытыя данныя науки. Въ августѣ этого года А. И. былъ избранъ ярославскимъ губернскимъ земствомъ въ члены государственнаго совѣта. Здѣсь, еще до провѣрки и утвержденія своихъ полномочій, А. И., какъ глубокой знатокъ на практикѣ крестьянскаго дѣла, былъ избранъ членомъ отъ группы центра въ аграрную комиссію. Въ началѣ декабря онъ уѣхалъ въ Ярославль на сессію земскаго собранія, полный силъ, энергіи и, казалось, здоровья, окрыленный надеждой посылно послужить дѣлу государственнаго строительства и нуждамъ родного края. Но ему не суждено было вернуться въ Петербургъ. Вѣрный влеченіямъ сердца, покойный отдавалъ всѣ свои досуги научнымъ занятіямъ.

Ему принадлежить рядъ статей въ нашихъ специальныхъ изданіяхъ, посвященныхъ изслѣдованію русской фауны. Онъ былъ дѣятельнѣйшимъ членомъ ярославскаго естественно-историческаго общества, которое избрало его недавно своимъ предсѣдателемъ. Пламенной любовью къ родной природѣ, къ родному народу и горячимъ здоровымъ патриотизмомъ всегда дышалъ покойный. Въ тяжелые дни пережитой Россіей смуты его честный голосъ призывалъ не разъ къ отрезвленію, къ успокоенію, къ мирному труду. (Некрологъ его: «Новое Время» 1909 г., № 12140).

ПОПРАВКИ И ЗАМѢТКИ.

Въ декабрьскомъ номерѣ «Историческаго Вѣстника» 1909 года на страницѣ 44 «Указателя именъ» и т. д. при моемъ имени «Фирсовъ Н. Н.—Л. Рускинъ» между прочимъ напечатано:

Рецензія М—о о книгѣ «его» (т. е. Н. Н. Фирсова) «Пугачевщина» и пр.

Очевидно, тутъ вкралась ошибка, ибо я никогда «не писалъ и не печаталъ» ничего о пугачевщинѣ. Авторъ, вѣроятно, мой однофамилецъ, имя и отчество котораго мнѣ неизвѣстны.

Николай Николаевичъ Фирсовъ (Л. Рускинъ).

Отъ редакціи. Составитель указателя сдѣлалъ невольную ошибку потому, что книга о Пугачевщинѣ принадлежитъ профессору Фирсову, котораго имя и отчество также Николай Николаевичъ.

— Но не такая любовь, какъ моя, Вальтеръ. Не бойтесь ничего. Вѣрьте мнѣ, что я нисколько не измѣнилась къ вамъ.

— Я вѣрю въ это, пока слышу вашу рѣчь и смотрю въ ваши глаза. Но бываютъ минуты, когда на меня падаютъ сомнѣнія и страхъ.

— Отгоняйте ихъ сейчасъ же. Для нихъ нѣтъ основанія

— О, какъ бы я хотѣлъ отогнать ихъ!—вскричалъ онъ.

— Вы, повидимому, обладаете ревнивымъ характеромъ, Вальтеръ, и любите мучить себя.

— Можеть быть,—согласился онъ.—По временамъ я, дѣйствительно, жалокъ.

— Мнѣ хочется посмѣяться надъ вами, Вальтеръ. Неужели вы не замѣчаете, что сами на себя накликаете несчастье? Слышали ли вы, чтобы я предпочла вамъ кого-нибудь другого? Слышали ли вы, что кто-нибудь ухаживаетъ за мною?

— Да, слышалъ. За вами ухаживаютъ нѣсколько человѣкъ. Я не увѣренъ, что и теперь ихъ нѣтъ.

— Никто не ухаживаетъ за мною, Вальтеръ. Мнѣ дѣлали немало предложеній, но я ихъ всѣ отвергла.

— Но когда-нибудь ваше сопротивленіе можеть быть сломлено.

— Не думаю,—сказала она съ улыбкою.

— Отвѣтите мнѣ, Беатриса, на одинъ вопросъ, но отвѣтите мнѣ искренно. Если бы вашъ отецъ сталъ уговаривать васъ вступить въ бракъ съ другимъ, котораго онъ считалъ бы болѣе достойнымъ, чѣмъ я, послушались ли бы вы его?

— Нѣтъ. Я уже показала свою непреклонность. Если даже потребуютъ этого мой отецъ и мой родственникъ полковникъ Тильдеслей, то я сумѣю показать свою стойкость. Я очень упряма и если разъ на что-нибудь рѣшусь, то никакіе уговоры на меня не подѣйствуютъ.

— Позвольте предложить вамъ другой вопросъ. Отвѣтъ на него имѣеть для меня чрезвычайную важность. Отвѣтите откровенно.

— Постараюсь, если могу, — сказала она, отчасти угадавъ его намѣреніе.

— Знаеть ли полковникъ Тильдеслей, что вы отдаете предпочтеніе мнѣ?

— Онъ объ этомъ никогда не говорилъ, но я полагаю, что онъ знаетъ,—отвѣчала она.

— Будеть ли онъ противъ нашего брака, или за него?

— Не могу вамъ сказать. Думаю, однако, что мой отецъ не согласится на него.

Молодой человѣкъ издалъ восклицаніе отчаянія.

— Стало быть, будетъ совершенно бесполезно говорить съ нимъ объ этомъ.

— Совершенно бесполезно. Вы получите категорическій отказъ. Предоставьте это мнѣ.

— О, пожалуйста!—вскричалъ Вальтеръ.—Вотъ что я вамъ предложу,—продолжалъ онъ, видимо, опять начиная колебаться.— Впрочемъ, послѣ того, что вы сказали, я не смѣю этого предложить. Обручимся здѣсь передъ лицомъ Святой Дѣвы!

— Не требуйте этого отъ меня, Вальтеръ, — сказала Беатриса, отдергивая свою руку.—Я не хочу связывать себя такимъ образомъ.

— Во всякомъ случаѣ вы не любите меня такъ, какъ утверждаете!—вскричалъ онъ.

— Нѣтъ, я страшно люблю васъ. Но обстоятельства могутъ воспрепятствовать нашему браку.

— Вы не хотите дать торжественный обѣтъ въ томъ, что будете моей,—сказалъ онъ тономъ, полнымъ тоски.

— Вовсе нѣтъ,—возразила она твердо и спокойно.—Я полагаю, что все будетъ именно такъ, какъ мы хотимъ, но обѣта я давать не желаю.

Вальтеръ отшатнулся назадъ и закачался, какъ будто получилъ сильный ударъ.

Въ это время дверь въ церковь, которую молодой человѣкъ не притворилъ, какъ слѣдуетъ, при своемъ входѣ, открылась, и вошелъ отецъ Джонсонъ.

— Вы правильно поступили, дочь моя,—сказалъ онъ, обращаясь къ Беатрисѣ.—Я слышалъ все, что тутъ было, и одобряю ваше поведеніе.

— Не думалъ я, что и вы будете противъ меня!—воскликнулъ Вальтеръ.

— Я не противъ васъ,—возразилъ священникъ.—Но я предвижу столько препятствій къ вашему браку, что лучше всего не давать никакихъ обязательствъ. Вы должны ждать, пока не исполните то, что вы должны сдѣлать.

Вальтеръ бросилъ умоляющій взглядъ на Беатрису, но та осталась непроницаемой.

Всѣ вышли изъ церкви и двинулись въ домъ, гдѣ ихъ нетерпѣливо поджидали полковникъ Тильдеслей и Горнби.

Очевидно, что-то случилось.

— Вы являетесь какъ разъ во время,—вскрикнулъ полковникъ.—Я уже хотѣлъ послать за вами. Прибылъ капитанъ Бриджъ съ своими драгунами и требуетъ, чтобы его пропустили въ домъ. Онъ заявляетъ, что имѣетъ приказъ арестовать меня.

— Я самъ видѣлъ этотъ приказъ,—сказалъ Горнби.

— Гдѣ капитанъ Бриджъ?—спросилъ Вальтеръ.

— На той сторонѣ моста.

— Вы, конечно, будете сопротивляться?—спросилъ Вальтеръ.

— Я еще не знаю. Прежде, чѣмъ дать ему отвѣтъ, я хочу посоветоваться съ отцомъ Джонсономъ. Какъ мнѣ поступить? — спросилъ онъ священника.

— Не могу вамъ сказать, — отвѣтилъ тотъ. — Я могу вѣдь и ошибиться.

— Но я желаю знать ваше мнѣніе.

— По-моему, сдаться было бы безопаснѣе, — сказалъ священникъ. — Капитана Бриджа съ его драгунами можно, конечно, и прогнать. Но онъ опять вернется съ подкрѣпленіемъ и возобновитъ атаку. Успѣхъ будетъ, вѣроятно, на его сторонѣ.

— Но прежде, чѣмъ они займутъ домъ, вы можете бѣжать, — сказала Беатриса полковнику.

— Я не хочу спасаться бѣгствомъ, — возразилъ тотъ.

— Какъ? Вы не будете сопротивляться и покорно отдадите себя въ ихъ руки? — съ изумленіемъ спросила Беатриса.

— Сигналъ къ возстанію еще данъ, — замѣтилъ священникъ. — Полковникъ можетъ навлечь на себя нареканія за свою поспѣшность.

— Такого совѣта я отъ васъ не ожидала, — сказала Беатриса.

— Что прикажете отвѣтить капитану Бриджу, полковникъ? — спросилъ Горнби. — Онъ выражаетъ большое нетерпѣніе.

— Скажи, что я самъ переговорю съ нимъ здѣсь. Онъ можетъ взять съ собою двухъ солдатъ, но другимъ я не позволю вѣхаться въ Майерскофъ, пока мы не придемъ къ соглашенію.

— Слушаю. Все будетъ передано въ точности, — отвѣчала Горнби, отправляясь исполнять порученіе.

Капитанъ Бриджъ не замедлилъ явиться. Сопровождавшіе его два солдата остановились въ дверяхъ.

— Мнѣ очень непріятно панесивамъ такой визитъ, полковникъ, — сказала Бриджъ, отвѣшивая поклонъ. — Но я долженъ исполнить свой долгъ.

— Не извиняйтесь, сэръ, — возразилъ Тильдеслей высококомфрно. — Вы явились съ тѣмъ, чтобы арестовать меня?

— Такъ точно, полковникъ.

— Не стойте и спрашивать, по какой причинѣ. Вѣроятно, по поводу предполагаемыхъ измѣнническихъ замысловъ. Говорю — предполагаемыхъ, потому что не признаю себя виновнымъ ни въ чемъ.

— Сегодня утромъ здѣсь въ Майерскофъ было значительное число якобитовъ, полковникъ. Я самъ ихъ видѣлъ.

— Вы могли встрѣтить нѣсколькихъ лицъ, которыхъ вы называете якобитами, но у васъ нѣтъ доказательствъ, что они были здѣсь.

— Извините, полковникъ, у меня есть для этого положительныя доказательства. Я даже могу показать вамъ списокъ вашихъ гостей. До свѣдѣнія тайнаго совѣта дошло, что среди католическаго помѣстнаго дворянства въ Ланкаширѣ готовится обширный заговоръ, имѣющій цѣлью возвести на престолъ бывшаго короля. Поэтому

за поведеніемъ всѣхъ его приверженцевъ былъ установленъ строгій надзоръ. Повторяю, мнѣ извѣстно, что здѣсь сегодня состоялось многочисленное собраніе подозрительныхъ лицъ.

— Это собраніе было не у меня, сэръ!—вскричалъ полковникъ Тильдеслей.

— Это все равно: оно было. Этому мы имѣемъ достаточныя доказательства. Я самъ знаю большинство изъ тѣхъ, кто здѣсь былъ. Поэтому я арестую васъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Я долженъ взять васъ отсюда и отправить въ крѣпость въ Ланкаширъ.

Съ этими словами онъ предъявилъ приказъ объ арестѣ.

— Неужели вы позволите, полковникъ, чтобы васъ захватили такимъ образомъ?—спросилъ Вальтеръ.

— Сопротивляться будетъ бесполезно,—отвѣчалъ Бриджъ.— Полковникъ долженъ отправиться со мною.

— Долженъ?—съ презрѣніемъ спросилъ Тильдеслей.

— Конечно, вы должны... Всѣ ненужныя стѣсненія будутъ для васъ устранены.

— Дайте мнѣ полчаса времени, чтобы сдѣлать всѣ приготовленія къ отъѣзду,—сказалъ полковникъ.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ,—отвѣчалъ Бриджъ.—Я останусь здѣсь, пока вы не вернетесь.

— Прикажете подать закуски для капитана Бриджа,—сказалъ полковникъ Горнби.

— Не беспокойтесь, пожалуйста,—возразилъ Бриджъ.—Мнѣ ничего не нужно.

— Не разрѣшите ли, г. капитанъ, отвести вашихъ людей въ людскую? Тамъ я могъ бы предложить имъ по стакану хорошаго эля,—сказалъ Горнби.

— Только не давайте имъ слишкомъ много,—отвѣчалъ Бриджъ, давая этимъ словами понять, что онъ принимаетъ предложеніе Горнби.

Полковникъ Тильдеслей съ Джонсономъ вышли изъ зала. Вальтеръ и Беатриса послѣдовали за ними.

Между тѣмъ Горнби отвелъ обоихъ солдатъ въ людскую и, давъ имъ по большой кружкѣ эля, также исчезъ.

Первымъ его дѣломъ было вооружить всѣхъ слугъ, оставшихся въ Майерскофѣ и поставить ихъ у входа въ залъ. Въ то же время полковникъ вмѣстѣ съ другими быстро прошли въ комнату отца Джонсона, гдѣ, какъ мы знаемъ, былъ устроенъ тайникъ. Священникъ сталъ развѣивать свой планъ, какъ провести Бриджа.

Странно было только то, что капитанъ Бриджъ, обыкновенно столь подозрительный, повидному, и не предчувствовалъ, что ему готовилось. Онъ никакъ не думалъ, что кто-нибудь можетъ ускользнуть отсюда, разъ его отрядъ сторожить мость.

Прошло уже болѣе полчаса, а между тѣмъ никто еще не возвращался. Наконецъ появился Горнби. Капитанъ Бриджъ вскочилъ.

— Собрался ли наконецъ полковникъ Тильдеслей?—спросилъ онъ.—Я не могу ждать его больше.

— Я не могу его пайти,—отвѣчалъ дворецкій.

— Какъ не можете пайти?—воскликнулъ Бриджъ.—Не обманулъ же онъ меня! Онъ далъ слово вернуться, и я повѣрилъ его обѣщанію.

— Если онъ далъ слово, то, конечно, вернется. Но мнѣ кажется, что вы ошибаетесь.

— А, негодяй! Теперь я вижу все. Ты помогъ бѣжать моему господину. Его здѣсь нѣтъ.

— Не стану отрицать этого, ибо полагаю, что онъ теперь въ полной безопасности,—сказалъ Горнби.

— Другіе также бѣжали?—спросилъ Бриджъ.

— Ваша догадка совершенно вѣрна, г. капитанъ,—отвѣчалъ дворецкій.

— Какимъ же образомъ они могли бѣжать? Отвѣчай, негодяй, иначе я велю тебя повѣсить.

— Не могу вамъ этого объяснить. Знаю только одно: что они бѣжали.

— Это меня не удовлетворяетъ!—вскричалъ Бриджъ.—Я обыщу весь домъ.

— Ну, нѣтъ, г. капитанъ. Домъ оставленъ на мое попеченіе, я за все отвѣчаю и не могу позволить дѣлать здѣсь обыскъ.

— И ты осмѣлишься стать мнѣ на дорогѣ?—вскричалъ Бриджъ. Горнби только усмѣхнулся.

— Вы мой плѣнникъ, и я буду держать васъ въ заключеніи, сколько пожелаю. Оба ваши солдата также въ плѣну и обезоружены. Я уже сказалъ вамъ, что полковникъ Тильдеслей и его гости уѣхали. Безполезно будетъ искать ихъ, да я и не позволю этого.

— Ты понимаешь ли, что ты дѣлаешь?—спросилъ капитанъ Бриджъ.

— Я готовъ ко всему,—отвѣчалъ дворецкій.—Но слушайте: вы не выйдете отсюда до тѣхъ поръ, пока не дадите клятву оставить насъ въ покоѣ. Вы въ моей власти, и я васъ выпущу только съ этимъ условіемъ. Даю вамъ пять минутъ на размысленіе. Если по прошествіи этихъ пяти минутъ вы откажетесь исполнить мое требованіе, я прикажу вывести васъ на дворъ и разстрѣлять, а съ вами и обоихъ вашихъ драгунъ. Не думайте, что я угрожаю зря. Все уже готово для исполненія моихъ словъ.

Капитанъ Бриджъ взглянулъ на него и по его рѣшительнымъ манерамъ понялъ, что онъ не задумается привести въ исполненіе свои угрозы. Бросились ему въ глаза и вооруженные слуги, стоявшіе въ дверяхъ.

— Выпустите меня и моихъ солдатъ, и я уѣду—клянусь вамъ,— сказалъ онъ.

— И не вернетесь?—спросилъ Горнби.

— Не вернусь.

Черезъ нѣсколько минутъ Майерскофъ опустѣлъ. Едва удалился капитанъ Бриджъ, какъ Тильдеслей и его гости вышли изъ тайника и всѣ вмѣстѣ направились изъ комнаты священника внизъ, въ главный залъ.

I

Король Іаковъ и сенъ-жерменскій дворъ.

Прошло пять лѣтъ. Много событій совершилось за этотъ долгій промежутокъ времени, но всѣ они были неблагопріятны для изгнаннаго короля.

Осаду Лондондерри, благодаря продолжительной и храброй защитѣ его жителей, пришлось снять. Огромный якобитскій заговоръ, во главѣ котораго стояли лорды Дармаутъ, Эльсбери и Кларендонъ и многія лица изъ высшаго общества сѣверныхъ областей, былъ открытъ. Множество его участниковъ, въ томъ числѣ лорды Дармаутъ и Кларендонъ, были заключены въ Тоуеръ. Произошла рѣшительная битва при Бойнѣ, послѣ которой Іаковъ былъ вынужденъ оставить Ирландію и вернуться во Францію. Дублинъ покорился Вильгельму. Мирный договоръ, заключенный при Лимерикѣ, пришлось подписать поневолѣ, и несчастный Іаковъ, сидя въ Гаагѣ, былъ свидѣтелемъ того, какъ рушились огромныя приготовленія Людовика XIV къ вторженію французовъ въ Англію.

Такое множество неблагопріятныхъ событій и все возрастающее могущество Вильгельма ослабляли надежды Іакова и зароняли въ него сомнѣніе въ томъ, будетъ ли онъ въ состояніи вернуть себѣ престолъ. Впрочемъ, у него было еще много приверженцевъ, которые требовали отъ него продолженія войны и пророчили ему полный успѣхъ.

Весною 1694 года—съ этого времени начинается здѣсь нашъ разговоръ—сверженный король жилъ еще въ королевскомъ дворцѣ Сенъ-Жерменѣ, великодушно назначенномъ ему для жительства Людовикомъ XIV. Король-Солнце выдавалъ сверхъ того Іакову еще на его личные расходы восемьсотъ тысячъ франковъ и предоставлялъ въ его распоряженіе роту своихъ гвардейцевъ.

Кромѣ того, у Іакова была собственная гвардія, составлявшаяся изъ бѣглецовъ, недовольныхъ или обиженныхъ Вильгельмомъ. Были и такіе, жизни которыхъ грозила на родинѣ опасность. Король Іаковъ и супруга его Марія Моденская съ радостью принимали ихъ къ себѣ.

Между сенъ-жерменскимъ дворомъ и англійскими якобитами постоянно поддерживались тайныя сношенія, и всякая новость,

которая почему-либо могла интересовать бывшего короля, немедленно сообщалась ему.

Благодаря преклонному возрасту, Иаковъ теперь не такъ уже стремился въ изгнавшую его страну, какъ прежде. Теперь онъ хлопоталъ уже о томъ, чтобы обезпечить престолъ для своего сына Эдуарда, котораго называли шевалье де-Сень-Жоржъ и претендентомъ. Этотъ шевалье родился въ 1688 году и въ это время ему было около шести лѣтъ.

Марія Моденская, почти ровесница своему мужу, была надѣлена отважнымъ духомъ и мужествомъ, котораго такъ не хватало бывшему королю. Во что бы то ни стало, рѣшила она добыть престолъ для своего сына. Пылая ненавистью къ Вильгельму, котораго она считала узурпаторомъ, она не пренебрегала никакими средствами для его устраненія.

Дочь Альфонса IV, герцога Моденскаго, Марія вышла замужъ, когда ей было всего пятнадцать лѣтъ. Несмотря на то, что это было около тридцати лѣтъ тому назадъ, она и до сихъ поръ не утратила еще своей очаровательности. Ея фигура была такъ же легка и стройна, какъ и въ молодые годы, ея глаза блестяли прежнимъ блескомъ, а косы поражали своей длиной. Нѣкоторые находили, что она стала теперь даже красивѣе, чѣмъ прежде. Неудачи и тревоги какъ будто не осмѣлились вредить ея прелестямъ.

Какъ и ея супругъ, Марія была до крайности набожна и находилась всегда подъ вліяніемъ духовенства. Особеннымъ авторитетомъ пользовался у нея ея духовникъ, нѣкій отецъ Петръ.

Среди ея фрейлинъ, взятыхъ изъ лучшихъ семей англійскихъ католиковъ, не было ни одной, которая по красотѣ и уму могла бы соперничать съ Беатрисой Тильдеслей. Возможность быть около королевы, къ которой она такъ стремилась, доставилъ ей Вальтеръ Кросби, который лично просилъ королеву назначить Беатрису фрейлиной. Отецъ Джонсонъ самъ привезъ ее въ Сень-Жерменъ. Тамъ ей отвели прелестное помѣщеніе съ окнами въ садъ, въ которомъ она чувствовала себя совершенно счастливой: главная ея цѣль была достигнута.

Королева Марія съ перваго же свиданія отнеслась къ ней снисходительно и милостиво и вскорѣ сильно полюбила свою новую фрейлину.

Красота и изящество Беатрисы произвели большое впечатлѣніе среди придворной молодежи, которая обыкновенно сопровождала Людовика во время его наѣздовъ въ Сень-Жерменъ. Вскорѣ она сдѣлалась главной приманкой двора сверженнаго короля. Изъ-за нея произошло даже нѣсколько дуэлей.

Отецъ Джонсонъ не вернулся въ Майерскофъ и сдѣлался постояннымъ тайнымъ посредникомъ между Иаковомъ и его приверженцами

въ Ланкаширѣ и Чеширѣ. То былъ ловкій, изворотливый человѣкъ и исполнялъ свои обязанности великолѣпно.

Вспомнивъ о Майерскоффѣ, мы должны здѣсь сказать, что полковникъ Тильдеслей года четыре тому назадъ потерялъ свою жену и жилъ теперь въ одиночествѣ.

Изъ всѣхъ лицъ, составлявшихъ дворъ сверженнаго короля въ Сень-Жерменѣ, никто не могъ занять у королевы такого выдающагося положенія, какъ Вальтеръ Кросби. Ему давались самыя важныя порученія; но если ихъ исполненіе требовало его продолжительнаго отсутствія, королева торопила его и нерѣдко посылала ему приказаніе вернуться.

Участіе, которое Марія принимала въ молодомъ капитанѣ, не укрылось отъ Беатрисы; хотя она и чувствовала нѣкоторую ревность, но, какъ вѣрная фрейлина, никогда не позволяла прорываться своимъ чувствамъ. Она ни на минуту не допускала и мысли, чтобы Вальтеръ, несмотря на всякія поощренія со стороны королевы, осмѣлился такъ высоко кидать свои взоры.

У короля Іакова было двое министровъ: лордъ Мельфордъ и лордъ Мидлътонъ, которые по очереди управляли дѣлами короля, капризно мѣнявшаго ихъ одного за другимъ. Оба министра сильно соперничали между собою. За каждымъ изъ нихъ стояла сильная партія, и трудно было сказать, кто изъ нихъ пользуется большимъ вліяніемъ при дворѣ.

Въ пріемные дни замокъ Іакова бывалъ обыкновенно переполненъ знатными лицами, которыя являлись въ Сень-Жерменъ предложить королю свои услуги. Самыми видными среди нихъ были графъ Эльсбери, принимавшій участіе въ заговорѣ, за который лорды Кларендонъ и Дармаутъ были брошены въ тюрьму, сэръ Джонъ Фенвикъ, полковникъ Паркеръ и капитанъ Портеръ.

Въ одно прекрасное утро въ концѣ мая 1694 года нѣсколько богато одѣтыхъ дамъ и кавалеровъ, видимо, принадлежавшихъ ко двору, собрались небольшой группой на террасѣ Сень-Жерменскаго дворца, недалеко отъ павильона Генриха IV.

Съ этой великолѣпной террасы, построенной знаменитымъ Ленотромъ лѣтъ за двадцать до того, какъ начинается нашъ рассказъ, открывается дивный видъ на долину Сены, которая имѣетъ въ этомъ мѣстѣ крайне извилистое теченіе.

На противоположномъ берегу рѣки, ниже террасы, тянется Везинетскій лѣсъ, налѣво—акведукъ Монъ-Валеріанъ, а вдали виднѣются остроконечныя крыши собора святого Діонисія и часть Парижа. Все это вмѣстѣ составляетъ великолѣпную панораму.

Старинный замокъ Сень-Жерменъ, построенный въ XII столѣтіи Людовикомъ Толстымъ, впослѣдствіи достался Эдуарду, Черному принцу, который, повидимому, обходился съ нимъ, какъ побѣдитель. Отъ этого стариннаго зданія сохранились теперь только башня и домашняя часовня.

При Францискѣ I замокъ былъ исправленъ и сильно передѣланъ итальянскимъ архитекторомъ Серлио. Въ этомъ подновленномъ дворцѣ жили Генрихъ II и Генрихъ IV, который очень любилъ это мѣсто.

Два короля увидѣли свѣтъ въ стѣнахъ этого замка—Карль IX и Людовикъ XIV. Послѣдній родился какъ разъ въ павильонѣ Генриха IV, который стоялъ въ концѣ террасы, выходящей на Сену.

Великій король не разъ жила въ Сень-Жерменѣ и разстался съ нимъ только потому, что отсюда былъ виденъ соборъ святого Діонисія, гдѣ покоились его предки.

Сень-Жерменъ къ тому времени, какъ въ немъ поселился Іаковъ, имѣлъ нѣсколько мрачный видъ, но былъ въ полной исправности и прекрасно обставленъ Людовикомъ.

Цвѣтники и паркъ содержались прекрасно, аллеи его нисколько не уступали версальскимъ; не было только фонтановъ. Безподобная терраса, имѣвшая въ длину около полуторы мили и поддерживавшаяся цѣлой стѣной съ парапетомъ, составляла гордость этого замка. Славомъ, Іаковъ былъ обставленъ здѣсь нисколько не хуже, чѣмъ у себя въ Уайтголлѣ или въ Сентъ-Джемскомъ дворцѣ.

Кромѣ прогулокъ по террасѣ, онъ имѣлъ возможность ежедневно совершать прогулки верхомъ и охотиться на оленей въ Сень-Жерменскомъ лѣсу, который тянулся на нѣсколько миль позади замка.

Мужчины и женщины, о которыхъ мы говорили, были не одни въ этотъ вечеръ.

Недалеко отъ входа въ павильонъ Генриха IV стояла группа пажей въ шелковыхъ камзолахъ и голубыхъ бархатныхъ плащахъ, украшенныхъ серебрянымъ шитьемъ, въ шляпахъ съ перьями и бѣлыхъ башмакахъ съ вышитой на нихъ красной гвоздикой.

Большія ворота дворца охранялись аллебардистами, а внутри двора видѣлся отрядъ французскихъ королевскихъ гвардейцевъ, предоставленныхъ Іакову Людовикомъ, въ своихъ стальныхъ латахъ и широкополыхъ шляпахъ съ перьями.

Пока пажи смѣялись и оживленно бесѣдовали между собою, изъ павильона вышелъ прелестный мальчикъ, которому было не болѣе лѣтъ шести, и сталъ сходить по лѣстницѣ.

Пажи привѣтствовали его чрезвычайно почтительно. Одѣтъ онъ былъ въ шелковый костюмъ, весьма къ нему шедшій, а на его бѣлокурой курчавой головѣ красовалась небольшая шапочка съ перомъ.

То былъ сынъ Іакова II, Іаковъ-Эдуардъ, котораго при французскомъ дворѣ и въ Сень-Жерменскомъ замкѣ титуловали принцемъ Уэльскимъ.

Едва онъ появился на террасѣ, какъ придворныя дамы окружили его и наперерывъ стали ухаживать за нимъ. Въ это время къ группѣ подошли двѣ дамы, предшествуемыя камеръ-лакеемъ.

Одна изъ нихъ, старшая, была, очевидно, болѣе знатнаго происхожденія, чѣмъ ея спутница. На ея прекрасномъ лицѣ блестѣли великолѣпные черные глаза. Одѣта она была въ темное бархатное платье съ серебряной оборкой, а на шеѣ красовалось жемчужное ожерелье.

То была сама Марія Моденская съ фрейлиной Беатрисой Тильдеслей, которая теперь была въ самомъ расцвѣтѣ своей красоты. Утренній костюмъ изъ бѣлаго шелку чрезвычайно шель къ ея изящной фигурѣ. Она была немного выше королевы и не уступала ей по красотѣ, только въ ней не было замѣтно такой величавости.

Увидѣвъ королеву, пажы отвѣсили установленный поклонъ, а дамы сдѣлали глубокой реверансъ. Юный принцъ бросился навстрѣчу къ матери и поцѣловалъ ей руку, поклонившись при этомъ и Беатрисѣ.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій королева взяла сына за руку и стала гулять съ нимъ по террасѣ. Впереди ея шель камеръ-лакей, а сзади фрейлины и пажы.

Едва они сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ Беатриса, обернувшись назадъ, сказала:

— Капитанъ Кросби вернулся, ваше величество. Онъ только что вѣхалъ во дворецъ.

— Вы увѣрены въ этомъ?—спросила королева.

— Совершенно увѣрена,—отвѣчала Беатриса.—Я не могла обмануться.

Королева остановилась и, подзвавъ пажа, велѣла привести къ себѣ Вальтера.

Приказаніе было немедленно исполнено.

Вальтеръ, не успѣвшій еще переодѣнуть дорожный костюмъ, бросился къ ногамъ королевы и поцѣловалъ ея руку, которую она милостиво ему протянула.

— Очень рада, что вы наконецъ вернулись, капитанъ Кросби,—сказала королева.—Надѣюсь, вы привезли хорошія новости?

— Очень хорошія, ваше величество,—отвѣчалъ онъ, поднимаясь съ колѣнъ.—Ваше величество сейчасъ узнаете все. Мнѣ нужно передать многое.

— Вы подстрекаете мое любопытство. Но я могу и подавить его, если вы говорите, что все идетъ хорошо.

— Не привезли ли вы писемъ для меня отъ отца и полковника?—тихо спросила Беатриса.

— Привезъ,—отвѣчалъ Вальтеръ.—Я вамъ передамъ ихъ потомъ.

— Вы забыли обо мнѣ, капитанъ Кросби,—сказалъ принцъ, глядя на него.

— Никакъ нѣтъ, ваше высочество,—отвѣчалъ Вальтеръ, низко кланяясь и цѣлуя ему руку.—Во время моего отсутствія я много слышалъ о васъ.

— Я надѣюсь скоро опять увидѣть Лондонъ,—сказаль принцъ.
— Какъ, тебѣ уже не нравится Сень-Жермень?—спросила королева.

— Нѣтъ, но всѣ говорятъ мнѣ, что я долженъ быть въ Сень-Джемскомъ дворцѣ.

— Да, вы должны тамъ быть, принцъ. Скоро и будете тамъ,—замѣтилъ Вальтеръ.—Англійскій народъ ждетъ васъ съ нетерпѣніемъ.

— Боюсь, что вы обманываете меня,—сказаль принцъ.

— Обманывать васъ! Неужели ваше высочество можете такъ думать?

— Нѣкоторые говорятъ мнѣ совсѣмъ другое.

— Тому, что говорить капитанъ Кросби, ты можешь повѣрить,—сказала королева.—Онъ только что вернулся изъ Англій.

— Тогда онъ долженъ знать лучше,—сказаль принцъ улыбаясь.— Но какъ добраться до Лондона? Должны ли мы вторгнуться въ Англію?

— Я думаю, что вы правы, принцъ,—отвѣчалъ Вальтеръ.— Мы будемъ вынуждены принять этотъ планъ.

— Но онъ можетъ потерпѣть неудачу прежде, чѣмъ мы вздумаемъ его осуществить.

— Да, но въ такомъ случаѣ должны быть нѣкоторыя особыя причины, которыхъ я не сумѣю объяснить вашему высочеству,—возразилъ Вальтеръ.—Но надѣюсь, что такихъ причинъ, не будетъ.

— Я на это не надѣюсь,—замѣтила королева значительно.— Но пойдите дальше. Вы не уходите, капитанъ Кросби. Мнѣ нужно еще переговорить съ вами.

— И мнѣ тоже,—сказаль принцъ, хватая его за руку.

Едва королева и ея свита успѣли сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ на боковой дорожкѣ, ведшей къ террасѣ, показались два человѣка.

Одинъ изъ нихъ былъ очень высокаго роста. Хотя его нельзя было назвать красивымъ, такъ какъ части его тѣла какъ будто не подходили другъ къ другу, тѣмъ не менѣе онъ имѣлъ величавый и достойный видъ. Черты его лица, красивыя и рѣзкія, носили отпечатокъ сильной меланхоліи. Въ большихъ и красиво прорѣзанныхъ глазахъ не было блеска, а длинный черный парикъ, кудри котораго падали ему на плечи, рѣзко оттѣняли его блѣдное лицо. Одѣтъ онъ былъ въ черное бархатное платье съ богатыми вышивками, съ шей свѣшивался длинный галстукъ изъ великолѣпныхъ фландрскихъ кружевъ. На головѣ была шляпа, украшенная бѣлымъ перомъ. На боку висѣла шпага, а въ рукахъ онъ держаль трость.

То былъ сверженный король Іаковъ II.

Съ нимъ былъ одинъ изъ его министровъ, лордъ Мельфордъ, высокій худощавый человѣкъ среднихъ лѣтъ, одѣтый въ богатый

костюмъ, сшитый по французской модѣ, и въ большомъ напудренномъ парикѣ. Веселое выраженіе его лица представляло странный контрастъ съ мрачнымъ настроеніемъ короля.

Увидѣвъ королеву, Іаковъ, шедшій довольно медленно, вдругъ остановился и сѣлъ на скамейку, зная, что она сама подойдетъ къ нему.

Марія сейчасъ же догадалась о его желаніи. Оставивъ свою свиту и взявъ лишь Беатрису и капитана Кросби, она спустилась по лѣстницѣ террасы и направилась къ скамейкѣ, на которой сидѣлъ король.

Лордъ Мельфордъ двинулся ей навстрѣчу и церемонно подвелъ къ королю, который поднялся и далъ ей мѣсто рядомъ съ собою.

По приказанію королевы, Беатриса отошла немного съ принцемъ, Вальтеръ же подошелъ къ скамѣ и былъ милостиво встрѣченъ королемъ.

— Очень радъ, что вы вернулись, капитанъ Кросби,—началъ Іаковъ.—Такъ же ли преданы мнѣ мои ланкаширскіе друзья, какъ и прежде?

— Я не видѣлъ ни одного, у кого бы вѣрноподданическія чувства испытали охлажденіе,—отвѣчалъ Вальтеръ.—Всѣ сторонники короля Іакова на сѣверѣ готовы поднять знамя возстанія, какъ только вашему величеству угодно будетъ подать къ этому сигналъ. Всѣ необходимыя приготовленія уже сдѣланы.

— Къ сожалѣнію, я принужденъ охладить ваше усердіе,—сказалъ Іаковъ:—я думаю, что теперешнее положеніе вещей не совѣмъ благоприятно для возстанія.

— Ваше величество совершенно правы. Намъ нужно выждать,— замѣтилъ лордъ Мельфордъ, стоявшій возлѣ короля.—Можетъ случится нѣчто такое, что сразу перевернетъ современное положеніе. Тогда вторженіе можетъ скорѣе рассчитывать на успѣхъ.

— Это общее мнѣніе,—отвѣчалъ Вальтеръ.—Прежде, чѣмъ поднимать возстаніе, нужно устранить узурпатора.

— На это я не согласенъ,—возразилъ Іаковъ.—Я не желаю вернуть себѣ свое королевство посредствомъ убійства.

— Объ убійствѣ никто не думаетъ, клянусь вамъ,—сказалъ Вальтеръ.

— Что же тогда имѣется въ виду?—спросилъ король, пристально глядя на него.

— Плѣнъ и заключеніе,—отвѣчалъ Вальтеръ.

— Но какимъ же образомъ осуществить это?

— Для этого выработано нѣсколько плановъ, которые я, съ разрѣшенія вашего величества, и изложу сейчасъ.

— Нѣтъ, я не желаю слышать о нихъ,—возразилъ бывшій король.

— Но если вашему величеству не угодно будетъ одобрить тотъ или другой планъ, то я боюсь, что мысль о вторженіи придется оставить!—воскликнулъ Вальтеръ.

— А хотя бы и такъ,—холодно возразилъ король.

— Нѣтъ, нѣтъ,—воскликнула королева.—Ваше величество не должны разочаровывать вашихъ вѣрныхъ сторонниковъ. Вы должны одобрить этотъ планъ.

— Я не могу сдѣлать этого по совѣсти,—отвѣчалъ Іаковъ.

— Посовѣтуйтесь съ отцомъ Петромъ,—тихо промолвила королева.—Онъ положитъ конецъ вашимъ колебаніямъ.

Іаковъ не отвѣчалъ.

Королева дала Беатрисѣ знакъ, чтобы она подвела принца Уэльскаго. Король поцѣловалъ сына.

— Ваше величество должны вернуть себѣ королевство ради вашего сына,—шепнула королева. —А для этого нѣтъ другого пути. Хочешь ѣхать въ Англію?—спросила она у принца.

— Очень, очень хочу! —воскликнулъ мальчикъ. —Капитанъ Кросби говорилъ, что весь народъ ждетъ меня.

— Не вѣрю я этому,—сказалъ король.—Лучше оставаться на своемъ мѣстѣ. Здѣсь мы въ безопасности.

— Стало быть, я не буду королемъ Англіи?—спросилъ мальчикъ.

— Надѣюсь, что будешь,—промолвилъ Іаковъ.—Но не могу поручиться тебѣ за это. Можетъ быть, событія и помѣшаютъ этому.

— Но вы должны сами оставить мнѣ корону,—продолжалъ принцъ.

Постараюсь,—сказалъ удивленный Іаковъ съ неудовольствіемъ:—но ты не долженъ рассчитывать на нее.

Съ этими словами онъ поднялся. Королева не смѣла противорѣчить ему изъ страха увеличить его неудовольствіе, и тоже встала. Королевская чета направилась къ террасѣ, а принцъ Уэльскій шелъ между ними. По знаку королевы, лордъ Мельфордъ подошелъ къ ней съ лѣвой стороны.

Беатриса и капитанъ Кросби шли сзади и бесѣдовали.

— Я надѣюсь, дорогая Беатриса, что вы вспоминали меня во время моего отсутствія?—спросилъ онъ.

— Я постоянно помнила о васъ,—отвѣчала она,—и сильно беспокоилась за вашу безопасность.

— Я не разъ былъ близокъ къ гибели, но меня какъ будто защищала ангель-хранитель.

— Надѣюсь, что такъ всегда будетъ. Но скажите мнѣ откровенно, дѣйствительно ли наша партія имѣетъ шансы на успѣхъ?

— Безъ всякаго сомнѣнія!—воскликнулъ онъ.—Мы теперь сильнѣе и сплоченнѣе, чѣмъ когда-либо. Но для насъ есть одно затрудненіе: пока Вильгельмъ живъ, возстаніе осуждено на неудачу. Благодаря протестантской партіи, которая готова биться за него

на жизнь и на смерть, онъ всемогущъ. Нечего и думать о битвѣ, ибо, если мы ее проиграемъ, якобиты будутъ разбиты на голову и сокрушены окончательно. Пока Вильгельмъ дѣйствуетъ противъ насъ, мы не можемъ мечтать объ успѣхѣ. Нужно сознаться, что, какъ полководецъ, онъ гораздо лучше нашего короля.

— Вы хотите сказать: гораздо счастливѣе,—возразила Беатриса.

— Нѣтъ. Я не беру назадъ своихъ словъ. Повторяю, необходимо устранить Вильгельма.

— Но не убивать, Вальтеръ!

— Достаточно лишь помѣшать ему командовать арміей. Поговоримъ лучше о своихъ собственныхъ дѣлахъ. Они такъ же неважны, какъ и раньше. До брака намъ такъ же далеко, какъ и прежде. Мы ждемъ уже почти пять лѣтъ и, кажется, придется ждать еще столько же.

— Увы! Это вѣрно. Но королева милостива ко мнѣ, и я надѣюсь хорошо здѣсь устроиться. Больше всего беспокоюсь я о васъ, Вальтеръ.

— Я не могу, конечно, перемѣниться!—воскликнулъ онъ.—Я попрежнему буду рисковать всѣмъ для короля Іакова и дѣлать все, что онъ прикажетъ.

— Хвалю вашу рѣшимость, Вальтеръ, и надѣюсь, что ваша преданность будетъ когда-нибудь вознаграждена.

На этомъ и кончился ихъ разговоръ.

Ихъ величества дошли уже до террасы, гдѣ ихъ ожидала ихъ свита. Іаковъ хотѣлъ было направиться прямо во дворецъ, но королева упростила его продолжить прогулку.

Король предпочиталъ гулять по уединеннымъ мѣстамъ парка, но открывшійся съ террасы прелестный видъ понравился ему. Къ тому же онъ былъ польщенъ выраженіями почтительной преданности, которую ему выказывала толпа, уже успѣвшая собраться около террасы. Въ ней было немало его бывшихъ подданныхъ, которые послѣдовали за нимъ въ изгнаніе и теперь жили съ нимъ въ Сень-Жерменскомъ замкѣ. Было тутъ немало и французовъ, которые привѣтствовали его такъ же демонстративно, какъ и англичане.

По мѣрѣ того, какъ Іаковъ шелъ дальше по террасѣ, народу становилось все меньше и меньше: присутствовавшіе не рѣшались слѣдовать за королемъ, такъ что королевская чета осталась наконецъ одна.

Королю надоѣло уже смотрѣть внизъ, на долину Сены. Взявъ сына на руки, онъ началъ показывать ему извилины рѣки и пѣкотыя понравившіяся ему мѣста.

Когда онъ обратилъ его вниманіе на соборъ въ С.-Дени, принцъ спросилъ:

— Здѣсь погребены короли Франціи? Не такъ ли?

Иаковъ отвѣчалъ утвердительно.

— А гдѣ же хоронятъ королей Англійи?

— Твой дѣдъ Карлъ I погребень въ церкви святого Георгія въ Виндзорскомъ дворцѣ,—угрюмо отвѣчалъ Иаковъ.

Королева, боясь еще какихъ-нибудь неудобныхъ вопросовъ со стороны мальчика, вмѣшалась въ разговоръ и приказала увести принца внизъ.

Иаковъ возобновилъ свою прогулку, какъ вдругъ какой-то человекъ въ полувоенномъ костюмѣ, съ виду крѣпкій и коренастый, выждавъ приближенія короля, быстро приблизился къ нему и, не смотря на сопротивленіе лорда Мельфорда, подалъ ему какую-то бумагу.

Предполагая, что тотъ хочетъ о чемъ-то его просить, Иаковъ не принялъ его прошенія и отстранилъ его рукою. Тогда незнакомецъ вдругъ выхватилъ кинжалъ и хотѣлъ вонзить его королю въ сердце.

Но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ привести въ исполненіе свой злодѣйскій умыселъ, Вальтеръ Кросби, стоявшій возлѣ короля, схватилъ его за руку и вырвалъ занесенное уже оружіе.

Все это произошло въ нѣсколько секундъ, и Иаковъ сообразилъ о томъ, что на него готовилось покушеніе, лишь тогда, когда онъ убѣдился въ томъ, что онъ невредимъ. Онъ не потерялъ самообладанія, но королева, на глазахъ которой произошло это покушеніе, была страшно испугана и закричала, какъ и Беатриса, также бывшая свидѣтельницей покушенія.

Произошло смятеніе. Придворные бросились было впередъ, но ихъ отгѣснили. Лордъ Мельфордъ обнажилъ шпагу, желая воспрепятствовать убійцѣ бѣжать. Увидѣвъ, что попытка не удалась, онъ, впрочемъ, и не пытался бѣжать и, повидимому, покорился своей судьбѣ.

— Небо противъ меня!—воскликнулъ онъ.

— Кто ты такой, злодѣй? Что побудило тебя такъ дерзко покушиться на мою жизнь?—спросилъ Иаковъ преступника, котораго крѣпко держалъ Вальтеръ Кросби.

— Кто тебя подучилъ?—спросилъ лордъ Мельфордъ.—Пытка заставить тебя говорить.

— Пытайте меня, попробуйте!—былъ отвѣтъ.

— Сознаешься ли ты, если я прощу тебя?—спросилъ Иаковъ.

Незнакомецъ недовѣрчиво взглянулъ на него.

— Ваше величество не отдаете отчета въ своихъ словахъ,—сказалъ онъ.

— Если я обѣщаю тебѣ прощеніе, то я сдержу свое слово,—возразилъ король.

— Ты подкупленъ узурпаторомъ Вильгельмомъ Оранскимъ?—спросила королева.

— Мнѣ пощаждать жизнь, если я все скажу?—спросилъ арестованный.

— Да,—сказала королева.

— Тогда я сознаюсь, что меня нанялъ англійскій король,—отвѣчалъ незнакомецъ.

Всѣ были поражены этимъ отвѣтомъ.

— Ты навѣрно это знаешь?—воскликнулъ Іаковъ.

— Я могу доказать то, что я утверждаю,—отвѣчалъ преступникъ.

— Какъ твое имя?

— Гендрикъ Вандааленъ,—отвѣчалъ тотъ.

— Ты голландецъ?—спросилъ король.

— Я изъ Роттердама.

Король былъ пораженъ.

— Вотъ необыкновенное открытіе,—промолвила королева.

— Я долженъ допросить его наединѣ,—сказалъ Іаковъ.—Возьмите его съ собою въ замокъ,—приказалъ онъ лорду Мельфорду.

Явилась гвардія. Плѣнника со связанными за спиною руками помѣстили между солдатами, и всѣ двинулись впередъ. Вальтеръ, по приказанію лорда Мельфорда, отправился вмѣстѣ съ отрядомъ.

Если бы солдаты не охраняли Вандаалена отъ яростной толпы, то народъ убилъ бы его на мѣстѣ.

Король съ семействомъ медленно шелъ за ними, привѣтствуемый толпою. Въ Версаль лордомъ Мельфордомъ немедленно былъ отправленъ курьеръ—увѣдомить Людовика XIV о всемъ происшедшемъ.

По дорогѣ во дворецъ Іаковъ зашелъ въ домовую церковь, чтобы возблагодарить Бога за свое спасеніе. Съ нимъ отправились королева, Беатриса, лордъ Мельфордъ и еще нѣсколько человекъ. Молебень служилъ капеланъ достопочтенный Эдуардъ Скарибрикъ.

Вернувшись въ большую залу дворца, гдѣ бывалъ пріемъ придворныхъ, король нашелъ здѣсь Эльсбери, лорда Монгомери и множество другихъ, которые собрались для поздравленія его съ избавленіемъ отъ угрожавшей опасности. Среди нихъ былъ и сэръ Джонъ Фенвикъ.

Когда Іаковъ сѣлъ на свое кресло, всѣ преклонили колѣна и стали по очереди цѣловать его руку, давая клятву отомстить за него.

Іаковъ, видимо, былъ сильно тронутъ ихъ привязанностью.

— Послѣ этого гнуснаго покушенія ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ вступать въ сношенія съ узурпаторомъ,—сказалъ графъ Эльсбери.

— И я того же мнѣнія теперь,—промолвилъ лордъ Монгомери.

— Покушеніе удалось предотвратить, и потому я нисколько не жалѣю о немъ,—сказалъ сэръ Джонъ Фенвикъ.—Оно должно прекратить колебанія вашего величества.

— Не совѣмъ,—отвѣтствовалаъ Иаковъ
 — Надѣюсь, что оно сдѣлаетъ еще больше,—сказалаъ Вильямъ Перкинсъ.—Теперь мы имѣемъ право дѣйствовать, какъ находимъ нужнымъ.

— Ваше величество изволили уже допросить преступника?—спросилъ другой лордъ.

— Нѣтъ еще,—отвѣчалаъ король.—Но онъ уже сознался, что онъ былъ подкупленъ принцемъ Оранскимъ.

— Довольно. Больше и говорить нечего!—воскликнулъ капитанъ Чарнокъ.

— Если принцъ Оранскій оказался способнымъ на такой поступокъ, то это не причина и мнѣ быть такимъ же,—сказалаъ король.—Скорѣе какъ разъ наоборотъ. Я простилъ преступника, чтобы открыть истину.

— А открывъ ее, ваше величество теперь уже знаете, какъ вамъ поступать,—сказалаъ Фенвикъ.

— Но прежде, чѣмъ рѣшиться дѣйствовать, я долженъ знать, что это дѣйствительно правда,—замѣтилаъ Иаковъ.

Тутъ какъ разъ вошли въ залъ лордъ Мельфордъ и Кросби

На вопросъ короля лордъ отвѣчалаъ, что преступника тщательно обыскали, но ничего не нашли при немъ. Денегъ при немъ не оказалось и онъ заявилъ только, что прибылъ изъ Парижа.

— Приведите его ко мнѣ,—сказалаъ король.—Я допрошу его самъ.

Вальтеръ Кросби бросился исполнять приказаніе, и черезъ минуту Вандааленъ былъ введенъ въ залъ подъ конвоемъ двухъ аллебардистовъ.

Онъ успѣлъ уже совершенно овладѣть собою и имѣлъ самый рѣшительный видъ.

Около него съ обнаженной шпагой сталаъ Вальтеръ.

— Подтверждаешь ли ты то, въ чемъ ты сознался?—спросилъ король.

— Да, ваше величество. Я все сказалаъ и нечего не могу переменить въ моихъ словахъ.

— Принцъ Оранскій лично поручилъ тебѣ это ужасное дѣло?

— Я видался съ нимъ въ Кенсингтонскомъ дворцѣ, и онъ сказалаъ мнѣ, что если я хочу оказать ему услугу, то долженъ ѣхать въ Сентъ-Жерменъ и освободить его отъ врага. Если бы я успѣшно исполнилъ порученіе, меня ожидала бы хорошая награда.

Окружавшіе короля не могли воздержаться отъ выраженія негодованія

— Какое же есть у тебя доказательство, что ты говоришь правду?—спросилъ Иаковъ.

— Доказательствъ нѣтъ никакихъ. Я уничтожилъ свои бумаги, кромѣ той, которую я подалъ вашему величеству, но она была написана спеціально для этого случая

— Не знаю, насколько всему этому можно вѣрить,—замѣтилъ Іаковъ, обращаясь къ графу Эльсбери и лорду Мельфорду, которые стояли около него.

— Не выпускайте его на свободу, государь, —сказалъ лордъ.— Прежде, чѣмъ отпустить его, посоветуйтесь съ королемъ Людовикомъ!

— Я такъ и сдѣлаю,—отвѣчалъ Іаковъ.—Стерегите его, но обращайтесь съ нимъ мягко.

Преступника увели.

Графъ Эльсбери и нѣкоторые другіе также выразили сомнѣніе въ правдивости его словъ, но большинство присутствующихъ были увѣрены, что онъ сказалъ правду.

Вскорѣ возвратился офицеръ, посланный въ Версаль, и доложилъ, что онъ встрѣтилъ Людовика на дорогѣ и что король ѣдетъ самъ въ Сень-Жерменъ. Его величеству уже извѣстно, что здѣсь произошло. Кромѣ того, офицеръ прибавилъ, что король приказалъ ему ѣхать назадъ и предупредить, что онъ сейчасъ будетъ въ Сень-Жерменъ.

— Его величество ѣдетъ одинъ?—спросилъ король.

— Никакъ нѣтъ. Съ нимъ m-me Ментенонъ и двѣ другія дамы. Кромѣ того, сзади ѣдутъ еще двѣ кареты.

— Пусть дадутъ знать объ этомъ королевѣ,—сказалъ король дежурному камергеру и въ сопровожденіи лорда Мельфорда направился въ свой кабинетъ.

II.

Людовикъ XIV и его супруга.

Вскорѣ послышался тяжелый грохотъ экипажей, заиграли трубы, забили барабаны, гвардія выстроилась во фронтъ, множество придворныхъ, пажей и лакеевъ выбѣжали изъ дворца навстрѣчу великолѣпной каретѣ, запряженной четверкой бѣлоснѣжныхъ лошадей въ красивой сбруѣ, украшенной золотомъ.

Изъ этой кареты вышелъ самъ великій монархъ, богато одѣтый въ бѣлый шелковый камзолъ, шитый золотымъ, въ огромномъ парикѣ, кудри котораго падали ему на плечи. На головѣ красовалась шляпа съ перомъ.

Людовику въ это время было пятьдесятъ шесть лѣтъ, но онъ держалъ себя съ такимъ подвѣвающимъ величіемъ, что, казалось, онъ и въ молодые годы имѣлъ такой же самый видъ.

Онъ еще не испыталъ несчастій, которыя омрачили конецъ его долгаго и блестящаго царствованія. Хотя его и постигали иногда кое-какія невзгоды, но и эти невзгоды обратились во славу Франціи больше, чѣмъ при какомъ бы то ни было королѣ.

Правду говорили, что слово «величество» было создано именно для него, ибо не было ни одного монарха, который среди самыхъ тяжелыхъ обстоятельствъ умѣлъ бы сохранять такую величавость.

Онъ справедливо заслужилъ эпитетъ «Великаго», ибо въ его царствованіе Франція стала величайшей изъ европейскихъ странъ.

Наука, литература, поэзія, искусство—все находило себѣ поощреніе со стороны короля. То былъ вѣкъ Боссюэ, Паскаля, Бурдалю, Лабрюйера, Мальбранша. Тогда же дѣйствовали Массильонъ, Фенелонъ, Буало, Расинъ, Мольеръ, Лафонтенъ, Кино, м-ше де-Севинье. Можно ли найти такое созвѣздіе въ какую-нибудь другую эпоху? Сколько тутъ краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ, сколько философовъ, поэтовъ, три несравненныхъ драматурга—Корнейль, Расинъ и Мольеръ! То былъ вѣкъ скульпторовъ Жирардена и Пюже, живописцевъ Лебрена и Лезюера и создателя садовъ Ленотра!

Среди великихъ людей эпохи нужно вспомнить Конде, герцога де-Ларошфуко, маршала де-Вивонна, герцога Монтозье.

Людовикъ XIV придалъ новый блескъ французской академіи, которую онъ осыпалъ почетными наградами. Въ теченіе двадцати лѣтъ онъ основалъ академію художествъ, академію надписей и наукъ, устроилъ въ Парижѣ обсерваторію и ботаническій садъ.

Онъ давалъ пенсію многимъ иностраннымъ ученымъ, продолжалъ достраивать Лувръ и создалъ чудный фасадъ лучшаго въ мірѣ дворца.

Доказательствомъ его королевской щедрости служило его отношеніе къ Якову II, которому онъ остался вѣренъ до послѣдняго своего дня.

Говоря о дворцахъ, не нужно забывать о Версалѣ. съ которымъ не сравнится ни одинъ дворецъ. Кромѣ него, Людовикъ проложилъ грандіозный Южный каналъ, соединяющій Средиземное море съ Атлантическимъ океаномъ.

Воистину, онъ былъ великій король и заслужилъ большую благодарность народа, надъ которымъ онъ царствовалъ.

Выйдя изъ кареты, король подаль руку м-ше Ментенонъ и между двумя рядами придворныхъ повелъ ее въ вестибюль, гдѣ ихъ встрѣтили графъ Эльсбергъ, лордъ Монгомери, сэръ Джонъ Фенвикъ, отецъ Петръ и другіе англійскіе вельможи, жившіе въ Санъ-Жерменѣ.

Хотя м-ше Ментенонъ въ это время было уже около шестидесяти лѣтъ, но она съ успѣхомъ сопротивлялась разрушительному дѣйствию времени и еще сохраняла свою красоту и изящество. На ней было бѣлое шелковое платье почти безъ всякихъ украшеній. На головѣ у ней были туго накрахмаленныя кружева съ длинными концами, ниспадавшими ей на плечи. Этотъ уборъ назывался тогда «башней».

Всѣмъ было хорошо извѣстно, что король сочетался съ нею тайнымъ бракомъ. Онъ обращался съ нею съ величайшею почтительностью и требовалъ того же и отъ другихъ, Впрочемъ, м-ше де-Мен-

тенонъ довольствовалась передъ публикой ролью простой статсъ-дамы.

Ее всегда сопровождали двѣ молодыя особы—воспитанницы Сенъ-Сирской школы, основанной ею для дочерей бѣдныхъ дворянъ и щедро обеспеченной королемъ.

Въ качествѣ супруги короля (хотя публично она никогда не титуловалась королевой) м-ме де-Ментенонъ знала всѣ государственныя тайны, нерѣдко присутствовала на засѣданіяхъ совѣта министровъ и высказывала свое мнѣніе по самымъ сложнымъ дѣламъ. Ея взглядъ считался обыкновенно самымъ вѣрнымъ, и наиболѣе важныя должности замѣщались по ея рекомендаціи.

Насколько мы можемъ провѣрить, совѣты, которые она давала королю, обыкновенно были удачны, хотя имъ и не всегда можно было слѣдовать.

Какъ истая католичка, она была очень набожна. Гугеноты рассказывали, что именно она добилась отмѣны Нантскаго эдикта и стремилась къ тому, чтобы заставить всю Францію исповѣдывать единую религію.

«Нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ, чтобы м-ме де-Ментенонъ старалась стать признанной королевой,—писала начальница Сенъ-Сирской школы.—Внѣшніе знаки королевскаго достоинства не имѣютъ цѣны въ ея глазахъ, а зависть и недоброжелательность принцевъ были бы для нея постоянной пыткой».

«Развѣ вы не видите,—писала она сама м-ме де-Мезонфоръ:— что я умираю со скуки среди своего благополучія, которое больше, чѣмъ я могла разсчитывать, и что только благодаря помощи Неба я не пала духомъ! Я была молода и красива. Я веселилась. Ставъ постарше, я вездѣ находила себѣ поклонниковъ. Я снискала себѣ благоволеніе короля, но все это,—скажу вамъ откровенно—оставило пустоту въ моей душѣ. Я завидую вашему одиночеству и спокойствію и не удивляюсь тому, что королева Христина отказалась отъ престола, чтобы жить съ большею свободой».

М-ме де-Ментенонъ была въ большой дружбѣ съ Маріей Моденской, которая обращалась съ нею, какъ съ королевой.

Кромѣ Людовика и м-ме де-Ментенонъ, въ каретѣ сидѣли еще аббатъ Гобелень и мадамъ де-Мезонфоръ.

Во второй каретѣ ѣхали Барбезье, маркизь де-Телье, министръ внутреннихъ дѣлъ и двѣ придворныя дамы.

Послѣ небольшой остановки м-ме де-Ментенонъ и ея дамы были введены съ установленными церемоніями къ королевѣ Маріи, а Людовикъ и Барбезье направились въ кабинетъ короля, сопровождаемые лордомъ Мельфордомъ и Вальтеромъ Кросби.

Когда дверь кабинета открылась, Іаковъ двинулся навстрѣчу гостю и облобызался съ нимъ.

Оба монарха, посмотрѣвъ нѣкоторое время другъ на друга съ чувствомъ истинной пріязни, сѣли рядомъ, а маркизь де-Телье, лордъ Мельфордъ и Вальтеръ Кросби стали поодаль.

— Вашему величеству едва удалось избѣгнуть смерти,—сказаль Людовикъ.—Я никогда не былъ хорошаго мнѣнія о принцѣ Оранскомъ, но все-таки я не считаль его способнымъ на такое дѣло.

— Я обязанъ спасеніемъ моей жизни вотъ этому молодому человеку,—сказаль Іаковъ, глядя на Вальтера.—Не будь его, кинжалъ, по всей вѣроятности, пронзилъ бы мое сердце.

— Но ваше величество знаете навѣрно, что убійца былъ подкупленъ принцемъ Оранскимъ?

— Негодяй самъ сознался въ этомъ.

— Да, съ условіемъ, что его простятъ. Но представилъ ли онъ какое-нибудь доказательство того, что онъ говоритъ правду?

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ я не могу ему вѣрить,—сказаль Людовикъ.—Я чувствую, что убійца обманываетъ васъ и что причины, которыя побудили его на такое дѣло, должны быть инныя. Достоверно только одно: что онъ покушался на жизнь вашего величества.

— Я почти жалѣю теперь, что простилъ его.

— Вы поступили черезчуръ поспѣшно. Но обѣщаніе, которое вырвалось у васъ, конечно, не можетъ васъ связывать. Убійцу нужно было бы казнить. Но, сообразно обстоятельствамъ, мы нѣсколько измѣнимъ наказаніе и сошлемъ его на галеры. Прикажите исполнить приговоръ,—добавилъ онъ, обращаясь къ Барбезье.

— Убійца будетъ отправленъ въ Діеншъ, ваше величество,—отвѣтилъ тотъ.

— Какія новости привезъ капитанъ Кросби изъ Англіи?—спросилъ Людовикъ.—Готовы ли яcobиты къ возстанію на сѣверѣ?

— Есть еще, повидимому, нѣкоторыя затрудненія,—отвѣчалъ Іаковъ.

— Въ чемъ же дѣло?—вторично спросилъ Людовикъ, обращаясь прямо къ Вальтеру.

— Партія протестантовъ еще слишкомъ сильна, ваше величество,—отвѣчалъ тотъ.—Наши друзья не хотятъ затѣвать дѣло, которое можетъ окончиться неудачею. Чтобы обезпечить себѣ успѣхъ, они хотятъ дожидаться того момента, когда принца Оранскаго не будетъ.

— Но вѣдь нельзя поручиться за то, что его не будетъ. Развѣ только захватить его какъ-нибудь,—замѣтилъ Людовикъ.

— Это они и имѣютъ въ виду,—отвѣчалъ Вальтеръ.—Они хотятъ устранить его.

— А!—воскликнулъ Людовикъ.—Я не могу принимать участія въ такомъ замыслѣ. Не могу даже позволить, чтобы объ этомъ говорили въ моемъ присутствіи. Вернувшись въ Англію, вы можете

передать вашимъ друзьямъ мои слова. Я еще не оставилъ мысли о вторженіи въ Англію съ цѣлью возстановить короля на престолъ, но они должны дѣйствовать честными средствами.

— Вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе,—промолвилъ Іаковъ.

— Могутъ наступить событія, которыя обезпечатъ успѣхъ вторженію; намъ нужно ждать.

— Благопріятный случай, конечно, представится,—подтвердилъ Іаковъ.

— Мы должны быть всегда готовы воспользоваться имъ. А теперь пойдемъ къ королевѣ,—прибавилъ Людовикъ, вставая.

Іаковъ тоже всталъ, и оба короля со свитою направились въ большой залъ, гдѣ была Марія Моденская. Рядомъ съ нею на креслѣ сидѣла м-ме де-Ментенонъ.

Тѣмъ временемъ сюда собрались все знатныя лица, жившія въ Санъ-Жерменѣ. Людовикъ милостиво отвѣчалъ на ихъ привѣтствія. Королева поднялась ему навстрѣчу и просила его садиться на кресло рядомъ съ нею. Мадамъ Ментенонъ продѣлала ту же церемонію съ Іаковомъ.

Она была страшно поражена святотатственнымъ, по ея словамъ, покушеніемъ на жизнь Іакова и питала твердую увѣренность, что оно было подготовлено Вильгельмомъ. Она уже успѣла переговорить объ этомъ съ Маріей, которая держалась того же мнѣнія. Обѣ пришли къ заключенію, что Вильгельму, который не поколебался поднять возмущеніе противъ своего тестя, ничего не стоило одобрить и убійство короля. Обѣ полагали, что король сдѣлалъ большую ошибку, простивъ убійцу, ибо своей мягкостью онъ только поощряетъ къ повторенію такихъ покушеній.

— Боюсь, что среди насъ есть шпионы,—сказалъ Іаковъ.—Къ несчастью, мнѣ не удастся открыть ихъ.

— Вы должны искать ихъ среди наиболѣе важныхъ изъ вашихъ гостей,—замѣтила мадамъ де-Ментенонъ многозначительно.—Если вы не имѣете противъ нихъ прямыхъ уликъ, то, по крайней мѣрѣ, сдѣлайте видъ, что вы подозреваете ихъ.

— Я буду дѣйствовать, какъ вы совѣтуете, мадамъ,—отвѣтилъ Іаковъ,—и если я что-нибудь обнаружу, сейчасъ же сообщу вамъ.

Между тѣмъ Людовикъ бесѣдовалъ съ королевой.

— Долженъ сказать вашему величеству то, чего не могъ сказать вашему супругу. Я былъ бы крайне опечаленъ, если бы удался этотъ гнусный замыселъ на его жизнь. Небо хранило его и, будемъ надѣяться, сохранить и на будущее время, а, на зло врагамъ его, мнѣ удастся вернуть ему престолъ. Я знаю, что партія протестантовъ сильнѣе и многочисленнѣе въ Англіи, чѣмъ партія католическая, но при помощи строгихъ репрессивныхъ мѣръ за нею можно установить строгій надзоръ и сдѣлать ее совершенно безопасной.

— Молю Бога, чтобы скорѣ наступилъ этотъ день, — сказала королева. — Если король мой супругъ опять взойдетъ на тронъ, то этимъ онъ будетъ обязанъ только вашему величеству.

— Не стоитъ говорить объ этомъ, — возразилъ Людовикъ. — Я люблю короля Иакова, какъ брата, и буду поступать съ нимъ по-братски.

Замѣтивъ юнаго принца, который стоялъ тутъ же и пристально смотрѣлъ на него, Людовикъ поманилъ его къ себѣ. Мальчикъ бросился къ нему и поклонился.

— Подойдите поближе, принцъ, — сказала Людовикъ, милостиво протягивая ему руку. — Мнѣ нужно спросить васъ кое о чемъ. Вы видѣли, что произошло на террасѣ?

— Да, ваше величество, — отвѣчалъ принцъ. — Я былъ сильно испуганъ.

— Но вамъ нечего тревожиться. Королю еще рано умирать. Его дѣло еще не кончено. Ему нужно вернуться въ Англію — наказать своихъ мятежныхъ подданныхъ и наградить тѣхъ, которые остались ему вѣрны.

— Подданные моего отца не такъ вѣрны ему, какъ подданные вашего величества.

— Ими не управляли такъ строго, — замѣтилъ Людовикъ. — Если бы съ ними держались строже, они не смѣли бы поступать такимъ образомъ.

— Я запомню то, что вы изволили сказать, и буду поступать сообразно съ этимъ, если когда-нибудь мнѣ придется царствовать.

Людовикъ остался очень доволенъ его отвѣтами и одобрительно улынулся. Затѣмъ онъ простился съ королевой. Несмотря на то, что каждое движеніе было предусмотрено церемоніаломъ, видно было, что онъ питалъ къ ней большое уваженіе.

Возвращаясь изъ зала въ сопровожденіи лорда Мельфорда и графа Эльсбери, онъ нѣсколько разъ останавливался и достаивалъ разговоромъ то того, то другого изъ англійскихъ вельможъ, которые были собраны въ залѣ.

Между лицами, удостоенными такого отличія, находились между прочимъ сэръ Джонъ Фенвикъ, сэръ Джонъ Френдъ и полковникъ Темпестъ. Всѣ трое, видимо, были чрезвычайно польщены вниманіемъ его величества.

Иаковъ лично проводилъ мадамъ де-Ментенонъ до кареты. Аббатъ Гобеленъ и мадамъ де-Мезонфоръ стояли возлѣ экипажа, Людовикъ сердечно простился со сверженнымъ королемъ и сказалъ, садясь въ карету:

— Надѣюсь скоро увидѣть ваше величество и королеву въ Версалѣ.

Опять затрубили трубы, забили барабаны, и среди всѣхъ этихъ возбуждающихъ звуковъ королевскій экипажъ тронулся въ обратный путь.

III.

Д у э л ь.

Вальтеръ Кросби расчитываль, что въ этотъ вечеръ ему удастся обстоятельно переговорить обо всемъ съ Беатрисой, но обманулся въ своихъ расчетахъ.

Королева не выходила никуда изъ своихъ покоевъ, кромѣ церкви, и Беатриса не могла ее оставить. Вальтеръ видѣль ихъ обѣихъ въ церкви, и это было для него единственнымъ утѣшеніемъ.

На другой день онъ былъ, однако, вознагражденъ. Рано утромъ онъ вышелъ въ садъ въ смутной надеждѣ встрѣтить здѣсь Беатрису. И дѣйствительно, не долго пришлось ему ждать.

— Мнѣ очень досадно, что я не могла повидаться съ вами вчера вечеромъ,—промолвила она.—Но это было рѣшительно невозможно. Чтобы избѣжать помѣхъ днемъ, я рѣшилась прийти сюда нарочно рано утромъ. Я догадывалась, что вы будете некатъ встрѣчи со мною на томъ же мѣстѣ, гдѣ вы видѣлись со мною и раньше. Мнѣ нужно кое-что сказать вамъ,—продолжала она, принимая важный видъ. Вчера вечеромъ королева сообщила мнѣ нѣчто такое, чего я не могу скрыть отъ васъ. Дѣло вотъ въ чемъ: нѣкій якобитскій дворянинъ, живущій здѣсь въ замкѣ, влюбился въ меня и просилъ у королевы разрѣшенія предложить мнѣ руку и сердце. Я не скажу вамъ пока, кто онъ.

— Да и не къ чему говорить,—отвѣчалъ Вальтеръ.—Лицо, на которое вы намекаете, есть не кто иной, какъ лордъ Монгомери. Я замѣтилъ это по его обращенію съ вами вчера.

— Въ такомъ случаѣ вы отличаетесь болѣе острой наблюдательностью, чѣмъ я,—сказала Беатриса.—Что касается меня, то я не замѣчала какихъ-либо проявленій его нѣжныхъ чувствъ ко мнѣ.

— Не очень-то я этому вѣрю,—промолвилъ Вальтеръ.—Я инстинктивно чувствовалъ, что у меня есть соперникъ.

— Я не хочу подстрекать вашей ревности, но вы не можете не сознаться, что лордъ Монгомери—красивый и храбрый джентльменъ.

— И обладаетъ всѣмъ, чѣмъ можно плѣнить сердце молодой дѣвушки,—проворчалъ Вальтеръ.—Я все это вижу. Я понимаю, что этотъ лордъ превосходитъ меня во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ одного: онъ не можетъ любить васъ такъ, какъ я.

— А королева увѣряетъ, что можетъ.

— Ея величество ошибается. Но если вы предпочитаете лорда Монгомери, если васъ соблазняетъ его титулъ, то я устраниюсь.

— Вы это серьезно говорите Вальтеръ?—спросила Беатриса, задѣтая за живое.

— Совершенно серьезно.

— Прежде, чѣмъ дать вамъ окончательный отвѣтъ, я должна посоветоваться съ ея величествомъ.

— Нѣтъ. Вы должны рѣшить дѣло теперь же. Я не могу позволить, чтобы со мной играли. Если вы выберете этого молодого лорда, то не услышите отъ меня ни одного упрека.

— Я начинаю думать, что вы никогда и не любили меня, какъ слѣдуетъ. Иначе вы не согласились бы такъ спокойно уступить меня другому.

— Я любилъ васъ, но сумѣлъ побѣдить свою страсть. Повторяю, вы свободны.

— Тогда я ловлю васъ на словѣ,—воскликнула она съ раздраженіемъ.— Не удивляйтесь, если я послѣдую совѣтамъ королевы.

— Я ничему не удивляюсь болѣе,—произнесъ онъ горько.— Теперь между нами все кончено.

— Довольно!—вскричала она и, не взглянувъ на него, пошла прочь.

Не успѣла она удалиться, какъ Вальтеръ уже сталъ упрекать себя за свое поведеніе. Ревнивое чувство, которое толкало его на рѣзкости, теперь вдругъ пропало.

Беатриса еще шла по направленію къ дворцу. Онъ бросился за ней вслѣдъ, но уже не могъ догнать ее. Онъ окрикнулъ ее, но она продолжала идти впередъ, не отзываясь на его зовъ.

Иаковъ II чрезвычайно любилъ Сантъ-Жерменскій лѣсъ и почти каждый день совершалъ туда прогулку верхомъ, иногда одинъ, иногда съ королевой и важнѣйшими лицами своего двора.

Этотъ великолѣпный лѣсъ, одинъ изъ самыхъ большихъ во Франціи, въ тѣ времена кишѣлъ оленями. Внутри его встрѣчалось немало чудныхъ мѣстъ для прогулокъ верхомъ или въ экипажѣ.

Несмотря на то, что тамъ обыкновенно гуляло немало пароду, внутренность лѣса была совершенна пустынна; благодаря чащѣ, даже охотники рѣдко туда проникали, а гуляющіе, рискнувъ свернуть съ тропинки, попадали на нее обратно обыкновенно съ большимъ трудомъ.

Въ самой серединѣ лѣса стоялъ охотничій домикъ, построенный Францискомъ I и охотно посѣщавшійся Генрихомъ IV. Назывался онъ «Pavillon de le Muette». Здѣсь держали собакъ и жило нѣсколько охотниковъ.

Этотъ навильонъ всегда служилъ мѣстомъ сбора, когда Иаковъ выѣзжалъ на охоту. Сантъ-Жерменскій лѣсъ имѣлъ для него какую-то особенную притягательную силу, и прогулки среди его чащъ почти примиряли его съ его изгнаніемъ.

Въ одно прекрасное утро блестящая кавалькада, состоявшая изъ короля, королевы и главныхъ лицъ ихъ свиты, двинулась изъ замка по направленію къ лѣсу.

День былъ прекрасный и очень подходящий для прогулки. Королева умѣлой рукой сдерживала своего коня. Возлѣ нея ѣхалъ молодой принцъ на чрезвычайно красивой пони. За ними ѣхали фрейлины въ красивыхъ одѣянiяхъ. Больше всѣхъ изъ нихъ блистала красотою Беатриса Тильдеслей.

Рядомъ съ ними ѣхали состоявшiя при королевѣ дамы во главѣ съ Марiей Фенвикъ.

Иаковъ ѣхалъ впереди, сопровождаемый лордомъ Мельфордомъ и сэромъ Джономъ Фенвикомъ, съ которыми онъ велъ разговоръ.

Кавалькада двинулась впередъ. Вскорѣ участвовавшiе въ ней лордъ Монгомери и графъ Эльсбери отдѣлились отъ своихъ и примкнули къ той части, гдѣ ѣхала королева. Одинъ хотѣлъ быть къ услугамъ ея величества, другой искалъ близости Беатрисы.

Въ арьергардѣ двигалась цѣлая толпа дворцовыхъ служителей, одѣтыхъ въ одинаковыя ливреи.

Кавалькада въѣхала въ лѣсъ и нѣкоторое время двигалась по дорогѣ, прорубленной между двумя стѣнами огромныхъ и старыхъ деревьевъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти почтенные громадные лѣса протягивали поперекъ дороги свои гигантскiя вѣтви и образовывали сводъ надъ головами цестро одѣтыхъ охотниковъ. Все это вмѣстѣ представляло чудную картину. По сторонамъ то тамъ, то здѣсь открывались красивыя поляны, въ дали которыхъ виднѣлись стада оленей.

Поднявшись на самый гребень холма, всадники увидѣли направо Сену, извивавшуюся по долинѣ. Но дальше великолѣпный видъ исчезалъ, скрытый деревьями.

Проѣхавъ нѣкоторое время прямо, король вдругъ повернулъ направо и, ускоривъ рысь, быстро выѣхалъ на чудную луговину, по срединѣ которой стоялъ павильонъ «de la Muette» съ его конюшнями и собачниками.

Не успѣлъ еще король остановиться, какъ къ нему подскакалъ принцъ, испускавшiй радостные крики при видѣ павильона, который онъ видѣлъ въ первый разъ.

Королю, видимо, не хотѣлось слѣзать съ лошади, онъ поджидалъ королеву, которая подѣзжала съ своей женской свитой. Увидавъ, что она хочетъ сойти съ лошади, онъ не сталъ противорѣчить, и вся кавалькада вошла въ павильонъ, оставивъ лошадей на попеченiи грумовъ.

Павильонъ внутри представлялъ собою большой высокiй залъ, украшенный оленьими рогами—охотничьими трофеями. Посрединѣ красовался огромный каминъ съ гербами Франциска I.

Въ центрѣ зала стоялъ длинный столъ съ винами и закусками.

По окончанiи легкаго завтрака король пошелъ съ сэромъ Джономъ Фенвикомъ и лордомъ Мельфордомъ смотрѣть собакъ, лай которыхъ не умолкалъ. За ними направилась туда же королева, сопрово-

ждаемая лэди Фенвикъ и графомъ Эльсбери. За ней шла Беатриса и лордъ Монгомери.

По знаку короля, собакъ выпустили на свободу. Какъ ни старались псари держать ихъ всѣхъ вмѣстѣ, ихъ появленіе произвело замѣшательство среди женщинъ, которыя посѣдѣли со страхомъ удалиться отъ этого мѣста.

Это замѣшательство отдалило Беатрису отъ королевы, и лордъ Монгомери рѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы сказать ей нѣсколько словъ.

— Вы знаете,—началь онъ:—какъ страстно я люблю васъ. Мое счастье зависитъ отъ васъ. Рѣшайте мою судьбу.

— Мое искреннее желаніе заключается въ томъ, чтобы сдѣлать васъ счастливымъ, но...

— Нѣтъ, нѣтъ, не сомнѣвайтесь, умоляю васъ,—прервалъ онъ ее и прежде, чѣмъ она могла прійти въ себя, онъ схватилъ ее руку и поднесъ ее къ своимъ губамъ.

— Дайте мнѣ отвѣтъ, когда мы вернемся въ замокъ,—умоляюще сказалъ онъ.

— Не могу,—возразила Беатриса.

— Нѣтъ, нѣтъ! Вы можете, вы должны!

Поднявъ глаза, она встрѣтилась взглядомъ съ Вальтеромъ, который стоялъ недалеко отъ нихъ и съ упрекомъ смотрѣлъ на нее.

— Я не могу васъ слушать болѣе,—сказала она.—Я должна вернуться къ королевѣ.

— Я понимаю, кто васъ прервалъ,—отвѣчалъ Монгомери, глядя на Вальтера.—Но не безпокойтесь объ этомъ. Предоставьте мнѣ переговорить съ нимъ. Только обѣщайте дать мнѣ отвѣтъ, когда мы вернемся. Это вполнѣ меня удовлетворитъ.

— Я могу вамъ дать только такой отвѣтъ, который я уже дала вамъ. А теперь прошу васъ отвести меня къ королевѣ.

— Я отведу васъ къ королевѣ!—воскликнулъ Вальтеръ и, схвативъ ее за руку, повелъ на другой конецъ двора.

Лордъ Монгомери быстро двинулся за ними. Его лицо пылало гнѣвомъ.

Королева очень удивилась, увидѣвъ Беатрису въ сопровожденіи такой необыкновенной свиты. Впрочемъ, она не сказала ничего, и Вальтеръ, доведя Беатрису, сейчасъ же уступилъ свое мѣсто молодому лорду, хотя она и приглашала его взглядомъ остаться возлѣ нея.

Кавалькада не долго оставалась у навильона. Вскорѣ стало извѣстно, что король собирается ѣхать обратно. Въ одну минуту всѣ были въ сѣдлѣ.

Въ обратный путь всадники тронулись въ прежнемъ порядкѣ. Лордъ Монгомери опять занялъ мѣсто возлѣ Беатрисы, которая показывала къ нему большую холодность. Напрасно искала она Вальтера: его не было возлѣ нихъ.

Несмотря на то, что соперникъ уже не стѣснялъ своимъ присутствіемъ лорда, онъ чувствовалъ себя раздраженнымъ и рѣшилъ при первомъ же удобномъ случаѣ затѣять съ Вальтеромъ ссору.

На возвратномъ пути король поѣхалъ другой дорогой, которая, впрочемъ, почти ничѣмъ не отличалась отъ прежней: тѣ же луговины, тѣ же величавыя деревья и тѣ же виды.

Молодой принцъ теперь ѣхалъ уже не съ матерью. По той или другой причинѣ, которую онъ не хотѣлъ объяснить, онъ старался держаться около Вальтера Кросби и велъ съ нимъ оживленный разговоръ, разспрашивая его о всемъ, что онъ видѣлъ въ Англии, причемъ задавалъ такіе вопросы, которые, казалось, никакъ не могли интересовать такого маленькаго мальчика, какъ онъ.

Когда кавалькада вернулась въ замокъ, принцъ упросилъ королеву пригласить Вальтера къ себѣ.

— Капитанъ Кросби,—сказалъ онъ,—сообщилъ мнѣ много интересныхъ вещей, которыя я желалъ знать.

Ея величество улыбнулась и казалась очень довольной.

Теперь для Вальтера представлялся удобный случай объясниться съ Беатрисой, но онъ и не подумалъ имъ воспользоваться.

Онъ не пожелалъ даже помочь ей сойти съ лошади, предоставивъ это сдѣлать лорду Монгомери, и молчалъ все время, пока они были у королевы.

Выйдя изъ замка, Вальтеръ направился къ террасѣ, гдѣ встрѣтилъ капитана Чарнока, и сталъ гулять съ нимъ. Не успѣлъ онъ, однако, сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ изъ дверей вышелъ сэръ Джонъ Фенвикъ и поспѣшно направился въ ихъ сторону.

Угадавъ его цѣль, Вальтеръ остановился и сталъ ждать. И дѣйствительно, сэръ Фенвикъ отвѣсилъ ему церемонный поклонъ и передалъ ему письмо.

Пробѣжавъ его, Вальтеръ обратился къ своему спутнику и сказалъ:

— Я получилъ вызовъ отъ лорда Монгомери. Могу я рассчитывать на васъ?

— Конечно,—отвѣчалъ Чарнокъ.—Я къ вашимъ услугамъ. Но нельзя ли какъ-нибудь уладить дѣло мирнымъ путемъ?

— Невозможно,—рѣшительно отвѣчалъ Вальтеръ.—Скажите поплавшему васъ,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Фенвику:—что я буду ждать его завтра рано утромъ. Предоставляю условиться обо всемъ вамъ и капитану Чарноку.

Съ этими словами онъ сдѣлалъ церемонный поклонъ и удалился.

— Неприятный случай, сэръ Джонъ,—сказалъ Чарнокъ.—Но тутъ ничего не подѣлаешь. Будемъ надѣяться, что дѣло не дойдетъ до фатальнаго исхода и не причинитъ горя ни вамъ, ни мнѣ.

— Я раздѣляю ваши чувства, капитанъ,—отвѣчалъ Фенвикъ.—Мнѣ было бы слишкомъ больно, если бы произошло что-нибудь серьезное. Но лордъ Монгомери рѣшилъ драться, и дуэли не избѣ-

жать. Я думаю, обоимъ соперникамъ лучше всего встрѣтиться завтра, въ шесть часовъ утра вотъ въ той рощицѣ и тамъ свести свои счеты.

— Отлично,—промолвилъ капитанъ Чарнокъ.—Мы встрѣтимся съ вами здѣсь въ дворцовомъ паркѣ и пойдѣмъ отсюда дальше, пока не найдемъ достаточно укромнаго мѣстечка.

Сдѣлавъ другъ другу обычный поклонъ, секунданы разошлись.

Возвращаясь въ замокъ, Вальтеръ встрѣтилъ Беатрису. Холодно поклонившись, онъ хотѣлъ было молча пройти мимо, но она остановила его.

— Я васъ искала, Вальтеръ,—сказала она серьезно.—Мнѣ нужно переговорить съ вами, я боюсь, что вамъ предстоитъ драться съ лордомъ Монгомери. Отвѣчайте мнѣ, такъ ли это?

— Что вамъ беспокоитъ обо мнѣ?—возразилъ онъ мрачно.— Вамъ совершенно безразлично, что будетъ со мною.

— Жестоко съ вашей стороны говорить такъ. Я была бы глубоко несчастна, если бы съ вами что-нибудь случилось изъ-за меня.

— Въ такомъ случаѣ успокойтесь. Со мною ничего не случится.

— Вы обманываете меня, Вальтеръ. Обѣщаете ли вы мнѣ не драться на дуэли съ лордомъ Монгомери?

— Вы не имѣете права брать съ меня подобнаго обѣщанія.

— До сихъ поръ вы исполняли малѣйшія мои желанія, Вальтеръ. Неужели вы совершенно измѣнились ко мнѣ?

— Это вы перестали меня любить.

— Ошибаетесь, Вальтеръ. Я люблю васъ попрежнему.

Кросби недовѣрчиво покачалъ головой.

— Теперь вамъ уже не удастся обмануть меня,—промолвилъ онъ.

— Выслушайте меня, Вальтеръ!—воскликнула она.—Я не переѣхалась къ вамъ.

— Въ такомъ случаѣ вы никогда и не любили меня,—возразилъ Вальтеръ.—Безполезно продолжать этотъ разговоръ. Я знаю, что вы отдали ваше сердце другому. Остается только перенести этотъ ударъ. Прощайте!

— Нѣтъ. Я не прощаюсь съ вами, пока вы не обѣщаете, что этой дуэли не будетъ.

— Такого обѣщанія дать не могу,—холодно прервалъ ее Вальтеръ и быстро отошелъ отъ нея.

На слѣдующее утро первымъ явился на условленное мѣсто капитанъ Чарнокъ. Около пяти часовъ онъ уже ходилъ по террасѣ, какъ будто совершая свою утреннюю прогулку.

Онъ прошелся раза два-три, когда явился и Вальтеръ. Пожавъ другъ другу руку, они вмѣстѣ двинулись тихонько впередъ, стараясь не привлекать на себя вниманіе дворцоваго караула.

Оба были вооружены шпагами. Вальтеръ перемѣнилъ свой обычный костюмъ на болѣе легкій, который не стѣснялъ его движе-

ній. Капитанъ Чарнокъ былъ совершенно спокоенъ, какъ будто ничего и не случилось. Спокоенъ былъ и Вальтеръ.

Сдѣлавъ нѣсколько поворотовъ, они увидали своихъ противниковъ. Спустившись съ террасы въ паркъ, они направились по сросшейся сверху аллеѣ, которая привела ихъ на лужайку среди лѣса, вполнѣ отвѣчавшую ихъ цѣлямъ.

Здѣсь они рѣшили дожидаться своихъ противниковъ, которые не заставили себя долго ждать.

Обѣ стороны обмѣнялись поклонами.

Капитанъ Чарнокъ прежде всего спросилъ сэра Джона Фенвика, нравится ли ему лужайка. Тотъ вѣжливо отвѣчалъ въ утвердительномъ смыслѣ. Чарнокъ хотѣлъ сдѣлать послѣднюю попытку мирно уладить дѣло, но пренебрежительный взглядъ Фенвика отнял у него всякую къ тому охоту.

Все предварительныя формальности были окончены очень быстро. Противники заняли свои мѣста, обнажили шпаги и стали сближаться.

Съ самаго начала схватки было очевидно, что Вальтеръ гораздо сильнѣе и искуснѣе своего противника. Онъ только защищался, съ удивительной ловкостью парируя удары, и всегда могъ бы поразить противника, если бы того хотѣлъ.

Оба секунданта предугадывали исходъ поединка: лордъ Монгомери безпрестанно открывалъ себя и подвергался опасности. Они надѣялись только на то, что его противникъ не захочетъ воспользоваться его оплошностью. Вальтеръ спокойно продолжалъ борьбу. Наконецъ онъ почувствовалъ, что поединокъ ужъ слишкомъ затянулся и что надо положить ему конецъ. Онъ быстро коснулся противника своей шпагой, вышибъ у него оружіе и подаль его лорду.

Тотъ вѣжливо отказался.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ.—Я не обращаю больше своего оружія противъ васъ. Признаю себя побѣжденнымъ. Вы обошли со мной великодушно, и я надѣюсь, что отнынѣ мы не будемъ больше врагами.

— Я тоже надѣюсь,—отвѣчалъ Вальтеръ, протягивая противнику руку.

Увидѣвъ это, секунданты, державшіеся нѣсколько вдали, подошли къ Вальтеру и поздравили его.

— Вы вели себя прекрасно, капитанъ Кросби,—сказалъ сэръ Джонъ.—Я радъ, что дѣло окончилось такимъ образомъ.

— Очень радъ слышать это,—промолвилъ и Чарнокъ.—Я вполнѣ раздѣляю вашу радость.

На дорожкѣ, которая вела на лужайку, послышались шаги, и дуэлянты едва успѣли вложить шпаги въ ножны, какъ появился, ко всеобщему удивленію, король, сопровождаемый неотлучнымъ лордомъ Мельфордомъ.

Всѣ сняли шляпы и, чтобы скрыть свое смущеніе, отвѣсили низкій поклонъ.

— Добраго утра, господа,—серьезно произнесъ Іаковъ.—Нѣтъ нужды спрашивать, что привело васъ сюда въ такой ранній часъ. Хотя вы пренебрегли моими приказаніями, но все-таки я радъ, что никто изъ васъ не пострадалъ.

— Ваше величество,—сказаль сэръ Фенвикъ.—Мы собрались сюда только для фехтованія.

— Позвольте, сэръ Джонъ!—воскликнулъ Іаковъ.—Вѣдь я явился сюда не случайно. Миѣ сказали, что въ паркѣ готовится дуэль, и я пришелъ ее предупредить.

— Конечно, ваше величество не ожидали найти здѣсь такую же роковую дуэль, какая состоялась здѣсь между Жарнакомъ и Шатепери. Повторяю, это была безвредная забава.

— Хорошо, что такъ вышло, сэръ Джонъ,—возразилъ король съ возраставшей строгостью.—Но вѣдь могло быть и иначе. Не слѣдовало бы пренебрегать моими приказаніями.

— Умоляемъ ваше величество простить насъ,—промолвили, кланяясь, оба противника.—Мы теперь вполне примирились между собою.

— Если бы вы принадлежали ко двору короля Людовика,—отвѣчалъ Іаковъ,—вы подверглись бы изгнанію мѣсяца на два. Но я снисходительнѣе. Оба вы не должны появляться ко двору въ теченіе недѣли.

— Въ теченіе недѣли, ваше величество?—воскликнулъ лордъ Монгомери.—Мы не можемъ такъ долго жить, не видя солнца.

— Въ такомъ случаѣ миѣ остается вернуться въ Англію,—промолвилъ, въ свою очередь, Вальтеръ.

— Можетъ быть, за васъ будетъ просить одно лицо, къ которому я расположенъ,—отвѣчалъ король.—Тогда мы посмотримъ.

Съ этими словами онъ сдѣлалъ обоимъ знакъ слѣдовать за нимъ.

Каково же было удивленіе недавнихъ противниковъ, когда въ паркѣ оказались королева и Беатриса.

Теперь имъ все стало понятно. Король явился предупредить дуэль, но опоздалъ.

Какъ бы то ни было, никто не пострадалъ на дуэли, и, видя всѣхъ въ добромъ здоровьѣ, королева и ея фрейлина успокоились. Преступники были вызваны впередъ и, выслушавъ отъ королевы строгій выговоръ, получили прощеніе.

IV.

Отъѣздъ въ Англію.

Спустя недѣлю послѣ описанныхъ событій, въ Сентъ-Жерменъ прибылъ какой-то незнакомецъ, повидимому, лицо довольно важное; такъ какъ король тотчасъ же принялъ его въ своемъ частномъ кабинетѣ.

Это былъ тотъ самый Джонъ Лентъ, который, какъ мы знаемъ, пять лѣтъ тому назадъ высадился въ Кокергамъ и ѣздилъ къ полковнику Тильдеслею съ порученіемъ отъ короля Іакова, осаждавшаго въ то время Лондондерри.

Нѣтъ надобности разсказывать здѣсь о всемъ томъ, что съ того времени было съ Лентомъ. Служа усердно секретнымъ агентомъ изгнаннаго короля и его министровъ, онъ то и дѣло переѣзжалъ изъ Франціи въ Англію и обратно, доставляя ланкаширскимъ якобитамъ письма и инструкціи отъ сверженнаго короля и сообщая Іакову ихъ отвѣтъ.

При такой дѣятельности, ежеминутно грозившей ему опасностями, Лентъ постоянно долженъ былъ переодѣваться и умѣлъ это дѣлать такъ ловко, что, даже попадая въ отчаянное положеніе, ни разу не былъ арестованъ.

Возникли было нѣкоторыя сомнѣнія относительно его безусловной вѣрности дѣлу реставраціи, но и въ этомъ случаѣ Лентъ сумѣлъ устранить ихъ и сохранить за собою полное довѣріе Іакова и лорда Мельфорда. Въ концѣ концовъ его положеніе еще болѣе упрочилось. Онъ сталъ одѣваться гораздо лучше и имѣлъ въ своемъ распоряженіи гораздо больше денегъ, чѣмъ въ прежнія времена.

Онъ обыкновенно объяснялъ это тѣмъ, что онъ сумѣлъ стать необходимымъ для нѣкоторыхъ якобитовъ, которые платили ему гораздо щедрѣе, чѣмъ другимъ, и давали ему пять гиней тамъ, гдѣ другіе довольствовались одной.

Его осанка сдѣлалась важнѣе, и онъ частенько сталъ выказывать заносчивость. Вальтеръ Кросби не долюбивалъ его и не довѣрялъ ему, но, не имѣя возможности доказать его измѣны, держалъ пока языкъ за зубами.

Прибывъ въ Санъ-Жерменъ, Лентъ заявилъ, что у него есть проектъ чрезвычайной важности, но что онъ можетъ открыть его лишь послѣ того, какъ переговорить о немъ съ королемъ.

Лордъ Мельфордъ немедленно принялся хлопотать объ аудіенціи. Король заинтересовался и вскорѣ принялъ Лента въ своемъ кабинетѣ.

Кромѣ лорда, здѣсь же присутствовали Джонъ Фенвикъ, докторъ Бромфильдъ, жившій теперь въ замкѣ, капитанъ Чарнокъ и Вальтеръ Кросби.

Лентъ, въ вышитомъ бархатномъ камзолѣ и длинномъ парикѣ, былъ принятъ очень милостиво. Король позволилъ ему поцѣловать руку и сказалъ, что онъ чрезвычайно радъ его видѣть.

— Миѣ передавали, мистеръ Лентъ,—началъ онъ:—что вы хотѣли бы предложить миѣ чрезвычайно важный планъ. Я знаю, что вы не стали бы говорить такъ, если бы дѣло шло о чемъ-нибудь обыкновенномъ, и потому я очень заинтересованъ вашими словами. Если вашъ планъ дѣйствительно окажется необыкновеннымъ и если его

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.)

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемѣсячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ безплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ЯНВАРЬ 1910 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 1-й.

Богословіе.

Глаголевъ, С. Греческая религія. Часть 1-я. Вѣрованія. Сергіевъ-Посадъ. 1909. Ц. 1 р. 30 к.

Клигинъ, А. Личность божества и дистелеология міра. Одесса. 1909. Ц. 20 к.

Толновая библія или комментарий на всѣ книги Св. Писанія Ветхаго и Новаго Завета. Т. 6-й. Спб. 1909. Ц. 2 р. 50 к.

Философія, психологія, логика.

Анатовъ, В. О позитивныхъ основахъ новейшаго спиритуализма. М. 1909. Ц. 1 р.

Арнимъ, Г. Исторія античной философіи. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Бинз, А. Душа и тѣло. М. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Гейфдингъ, Г. Учебникъ исторіи новой философіи. Спб. 1910. Ц. 1 р. 75 к.

Ле-Бонъ, Г. Психологія воспитанія. Спб. 1910. Ц. 90 к.

Сборникъ рѣчей, посвященныхъ памяти

кн. Сергія Николаевича Трубецкого. М. 1909. Ц. 75 к.

Сведенборгъ, Э. О сообщеніи души и тѣла. Спб. 1910. Ц. 30 к.

Струмилинъ, С. Аристотелія духа и профаны. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Тухолка, С. Философія исторіи, вліяніе на исторію Провидѣнія, воли и рока. Спб. 1910. Ц. 85 к.

Юшневичъ, П. Столпы философской ортодоксіи. Спб. 1910. Ц. 50 к.

«Истор. вѣстн.», февраль, 1910 г., т. сѣх.

1/25

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

- Бѣлявскій, Е. Русскіе писатели, по ихъ происхожденію и воспитанію. Спб. 1909. Ц. 60 к.
- Веселовскій, А. Н. Собрание сочиненій. Т. 4-й. Вып. 1-й. Спб. 1909. Ц. 3 р.
- Горнфельдъ, А. На западѣ. Литературныя бесѣды. Ницше, Гюго, Гейне, Тэнъ, Поль-Луи Курье. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Григорьевъ, Н. Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ; его жизнь и творчество. Историко-литературныя очерки. Спб. 1909. Ц. 40 к.
- Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. 1909. Т. 14. Кн. 1-я. Ц. 1 р. 50 к.
- Лобовъ, Л. Поэты-славянофилы. Спб. 1909. Ц. 15 к.
- Гоголь и славянофилы. Спб. 1909. Ц. 15 к.
- Овсянино-Кулиновскій, Д. Собрание сочиненій. Томъ 4-й. Пушкинъ. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Тоже. Т. 6-й. Психологія мысли и чувства. Художественное творчество. Основы ведизма. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Орловскій, С. И. С. Тургеневъ, его жизнь и труды. М. 1910. Ц. 25 к.
- Рождественскій, А. Поэзія Кольцова. Къ столѣтію со дня рожденія. Б. 1910. Ц. 15 к.
- Чеховская бібліотека. Думы въ сумеркахъ. Избранныя мысли изъ произведеній А. П. Чехова. Собралъ Ф. Мускатблатъ. М. 1910. Ц. 50 к.
- Собрание писемъ А. П. Чехова. Ц. 1 р. 25 к.
- Энциклопедія славянской филологіи. Вып. 2-й. Л. Нидерле. Обзорніе современнаго славянства. Спб. 1909. Ц. 1 р. 20 к.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

- Андреевъ, Л. Собрание сочиненій. Т. 7-й. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Аннунцио, Г. Мертвый городъ. Новеллы. М. 1909. Ц. 1 р.
- Собрание сочиненій. Т. 2-й. Неповинный. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Библіотека избранныхъ славянскихъ писателей. Книга 1-я. Спб. 1910. Ц. 60 к.
- Боткинъ, Я. Замѣтки и воспоминанія врача. Симферополь. Спб. 1909. Ц. 60 к.
- Бхагавадъ-Гита (мистическая часть Магабараты). Переводъ въ стихахъ А. П. Канзачеевой, съ объяснительными примѣчаніями. Владиміръ-губ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 40 к.
- Бьернстерне-Бьернсонъ. Собрание сочиненій. Томъ 1. Сюнневе Сольбаккенъ. Повесть. М. 1910. Ц. 1 р.
- Вилли. Любовь Изольды. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Вознесенскій, А. Хохотъ. Пьеса въ 4 д. Спб. 1910. Ц. 75 к.
- Гамсунъ, К. Собрание сочиненій. Т. 10-й. Царица Тамара. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Гаринъ, Н. Томъ 8-й. Въ сутолокѣ провинціальной жизни. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Гейерстамъ, Г. Полное собраніе сочиненій. Т. 4-й. Вѣчная загадка. Романъ. М. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Гессе, Г. Петеръ Каменциндъ. Романъ. М. 1910. Ц. 1 р.
- Городецкий, С. Собрание стиховъ. Т. 1-й. Яр. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Горный, М. Рассказы. Томъ 9-й. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Горячновская, М. Въ чадѣ миллиардовъ. Драма въ 5 д. Спб. 1909. Ц. 75 к.
- Гюи-де-Мопассанъ. Полное собраніе сочиненій. Т. 8-й. Сестры Рондоли. Спб. 1910. Ц. 30 к.
- Сестры Рондоли и другіе рассказы. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Елпатьевскій, С. За границей. Первая впечатлѣнія: Ривьера, Италия, Швейцарія, Парижъ, Римъ. Черезъ Гамбургъ въ Англію. Лондонъ и др. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Желъзнякъ, С. Рассказы. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Женя малѣна. Рассказъ. Пер. съ англ. Спб. 1910. Ц. 25 к.
- Жеромскій, С. Довторъ Петръ. Рассказъ. Спб. 1910. Ц. 10 к.
- Сумерки и др. рассказы. Спб. 1910. Ц. 10 к.
- Напалубъ. Рассказы. Спб. 1910. Ц. 10 к.
- Журавлевъ, Б. Хозяева. Повесть. Спб. 1910. Ц. 1 р. 60 к.
- Какъ любить женщины. Рассказы. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Каспровичъ, Я. Изъ стихотвореній въ прозѣ. Спб. Ц. 10 к.
- Кондурушинъ, И. Въ деревнѣ. Рассказы и сказки. Спб. 1909. Ц. 25 к.
- Косаткинъ-Ростовскій, Ф. кн. «Пѣсни раздуки». Стихотворенія. Ц. 1 р.
- Красновъ, П. Сборникъ повѣстей и рассказовъ. Томъ. 1-й. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Кузминъ, М. Первая книга рассказовъ. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Лагерлефъ, С. Полное собраніе сочиненій. Т. 6-й. Чудеса Антихриста. М. 1910. Ц. 1 р.
- Лемонинъ, К. Распутныя дамы и ихъ мужья. Рассказы. Спб. 1910. Ц. 50 к.
- Собрание сочиненій. Т. 1-й. Самецъ. М. 1910. Ц. 1 р.
- Тоже. Т. 2-й. Последний баронъ. М. 1910. Ц. 1 р.
- Литературно-художественный сборникъ изд. «Непогасшіе огни». Книга 1-я. Екатеринбургъ. 1910. Ц. 1 р.
- Могучій, Н. Штрихи углемъ. М. 1910. Ц. 75 к.
- Орловецъ, П. «Три героя». Любовь, Савицкий и Азефъ. Сенсационный романъ. М. 1910. Ц. 1 рубль.
- Прохановъ, И. Новая арфа. Сборникъ духовно-нравственныхъ стихотвореній для чтенія въ школахъ и семьяхъ. Спб. 1910. Ц. 1 р.

- Разумовская, К. Безправная. Повѣсть дѣйствительной жизни съ документами фактовъ. Казань. 1910. Ц. 1 р.
- Роденбахъ, Ж. Мертвый Брюгге. Мистическія дилліи. М. 1910. Ц. 1 р.
- Полное собраніе сочиненій. Т. 1-й. Выше жизни. М. 1909. Ц. 1 р.
- Родионовъ, И. Наше преступленіе (не бредъ, а быль). Изд. 2-е. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Сборникъ товарищества «Знаніе» за 1909. Книга двадцать седьмая. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Свербеева, Л. Къ новымъ даламъ. Современная лирика. Спб. 1909. Ц. 90 к.
- Серафимовичъ, А. Разказы. Т. 4-й. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Сологубъ, Ф. Собраніе сочиненій. Т. 1-й. Стихи. Ц. 1 р. 50 к.
- Т. 3-й. Разказы. Ц. 1 р. 25 к.
- Станновъ, И. Хэтэянка Сатанидись. На островѣ Хіосѣ. Драматическій этюдъ въ 2 д. съ прологомъ. Эпоха: XI вѣкъ до Р. Хр. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Стриндбергъ, А. Полное собраніе сочиненій. Т. 9-й. М. 1910. К. 1 р.
- Тинайръ, М. Пережитая любовь. М. 1910. Ц. 1 руб.
- Черновъ, К. «Фатушъ» П. Чайковского и Моцарта. Спб. 1909. Ц. 30 к.
- Швобъ, М. Книга Монэль. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Эростъ. Сборникъ изящной европейской литературы. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.

Исторія, біографія и археологія.

- Архивъ Раевскихъ. Томъ 2-й. Спб. 1909. Ц. 3 р. 50 к.
- Веретенниковъ, В. Исторія тайной канцеляріи Петровскаго времени. X. 1910. Ц. 2 р.
- Герье, В. Зодчіе и подвижники «Вожьяго царства». Часть 1-я. Влаженный Августинъ. М. 1910. Ц. 3 р. 50 к.
- Довнаръ-Запольскій, М. Изъ исторіи общественныхъ теченій въ Россіи. Кіевъ. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Изъ дневника масона. 1775 — 1776 г. М. 1909. Ц. 15 к.
- Императрица Елизавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I-го. Вышелъ по подпискѣ томъ 3-й.
- Лобовъ, Л. Славянофилы и общественное движеніе при Александрѣ II. Спб. 1909. Ц. 15 к.
- Памятники исторіи крестьянъ XIV — XIX вѣковъ. М. 1910. Ц. 1 р. 60 к.
- Савва, В. Арзамасскіе и барминскіе будныя станы. М. 1910. Ц. 50 к.
- Сочиненіе противъ епископовъ XVIII вѣка. М. 1909. Ц. 35 к.
- Сборникъ Новгородскаго общества любителей древности. Вып. 2-й. Новгородъ. 1909. Ц. 1 р.
- Стефановичъ, Д. О Стоглавѣ. Его происхожденіе, редакція и составъ. Къ исторіи памятниковъ древнерусскаго церковнаго права. Спб. 1909. Ц. 2 р.
- Цвѣтаевъ, Д. Царь Василій Шуйскій и мѣста погребенія его въ Польшѣ. М. 1910. Ц. 30 к.
- Яворскій, Ю. Два замѣчательныхъ карпато-русскихъ сборника XVIII вѣка, принадлежащихъ университету Св. Владиміра. Описаніе рукописей и тексты. Кіевъ. 1909. Ц. 1 р.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

- Агишей, П. Мѣстное и центральное управленіе. Сравнительный обзоръ учреждений Англій, Франціи, Пруссіи и Соединенныхъ Штатовъ. Спб. 1910. Ц. 2 р.
- Аглицкій, А. и Митневичъ, В. Защита промышленной собственности. Товарные знаки. Популярное разъясненіе существующаго закона о товарныхъ знакахъ съ изложеніемъ выработанныхъ практикой подробностей этого вопроса. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Ближній. Государственная Дума и государственная оборона. Обзоръ дѣятельности Государственной Думы 3-го созыва. 1908—1909 г. по государственной оборонѣ. Спб. 1909. Ц. 80 к.
- Богольповъ, М. Государственный долгъ. Къ теоріи государственнаго кредита. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Вейсманъ, Р. Правовые запросы Сибири. Спб. 1910. Ц. 25 к.
- Виленскій Временникъ. Книга 3-я. Крестьянское земледѣліе Вилевской губ. 1909. Ц. 2 р. Книга 4-я. Русскія поселенія Ковенской губ. Ц. 2 р. 50 к.
- Вонсинъ, Савеловъ и Савчинскій. Сборникъ рѣшеній Главнаго военнаго суда, разъясняющихъ уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ и уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Варшава. 1910. Ц. 60 к.
- Вормсъ, А. Зачетъ пенсій и страховыхъ суммъ при исчисленіи вознагражденія за тѣлесныя поврежденія. Спб. 1909. Ц. 60 к.
- Гольденбергъ, В. Воздухоплаваніе и право. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Дашкевичъ, Л. Государственные избирательные законы. Аграрный переворотъ. Сельскій судъ. М. 1909. Ц. 1 р.
- Дембскій, Д. Философія права и нравственности. Проф. Л. Г. Петражицкаго. X. 1909. Ц. 50 к.
- Демчинскій, Н. Новая панاما. Армавиръ-Туапсинская жел. дорога. Спб. 1910. Ц. 20 к.
- Ермоловъ, А. Наши неурожаи и продовольственный вопросъ. Ч. 1 и 2. Спб. 1909. Ц. за оба тома 4 р.
- Жимилленко, А. О безответственности на-

- родныхъ представителей. Ярославль. 1909. Цѣна 60 к.
- Зиновьевъ, Н.** На современные темы. Министерскій проектъ реформы мѣстнаго управления. 1. Положеніе о губернскомъ управленіи. 2. Положеніе объ уѣздныхъ установленіяхъ. 3. Заключеніе. Спб. 1909. Ц. 40 к.
- Ильменскій, А.** Указы и правительственныя распоряженія, относящіяся до государственнаго коннозаводства и коневодства въ Россіи за 260 лѣтъ, съ 1649 по 1909 г. Спб. 1910. Ц. 5 р.
- Кинца, М. Хираи.** Вы не знаенася яенцевъ, Спб. 1910. Ц. 50 к.
- Новалевскій, П.** Борьба съ преступностью путемъ воспитанія. Спб. 1910. Ц. 50 к.
- Ночергинъ, П.** Сборникъ законоположеній о начальныхъ школахъ, попечительствахъ, учителяхъ, законоучителяхъ, учащихся, опытныхъ поляхъ, бібліотекахъ и пр. Саратовъ. 1910. Цѣна 40 к.
- Нузминъ, С.** Подъ гнетомъ свободъ. Записки націоналиста. Т. 1-й. Спб. 1910. Ц. 3 р.
- Къ вопросу о 96 ст. Основныхъ государственныхъ законовъ. Спб. 1910. Ц. 20 к.
- Ладомирскій, Н.** Разрѣшеніе земельного вопроса. Спб. 1910. Ц. 20 к.
- Левитскій, В. и Анциферовъ, А.** Памяти Александра Ивановича Чупрова. Х. 1909. Цѣна 20 к.
- Лобовъ, Л.** Славянство, какъ міръ будущаго. Ц. 15 к.
- Лянуаръ, П.** Нѣмецкое шпионство во Франціи. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Мамонтовъ, С.** О желѣзнодорожномъ хозяйствѣ въ Россіи. М. 1909. Ц. 25 к.
- По бѣду свѣту. М. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Манчжурецъ.** Русская казна на Китайской дорогѣ. Спб. 1910. Ц. 60 к.
- Мурановичъ, А.** Семья и женщина, М. 1909. Ц. 50 к.
- Новозомовъ, А.** Международное право. Сост. по курсу проф. Листа. Мартенса и др. Изд. 1909 г. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Нюрнбергъ, А.** Сводъ законовъ Россійской Имперіи. 16 томовъ въ 4 книгахъ. Вышелъ т. 1-й. М. 1910. Цѣна по подпискѣ за 4 тома 15 р.
- Ротенбергъ, А.** Уставъ торговый. Т. XI, ч. 2. Св. Зак. съ разъясненіями Сената по 1908 г. Ц. въ перепл. 2 р.
- Русская группа междунаrodnаго союза криминалистовъ.** Общее собраніе группы въ Москвѣ 4—7 января 1909 г. Спб. 1909. Ц. 2 р.
- Салитанъ, С. Чернышевскій, Мальтусъ и Плехановъ.** Къ вопросу о законѣ народонаселенія. Спб. 1910. Ц. 25 к.
- Семеновъ, В.** Цѣна крови. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Сергѣевскій, Н.** Русское уголовное право. Ч. общая. Изд. 8. Спб. 1910. Ц. 2 р. 50 к.
- Тренивъ, В.** О русской иконописи по поводу вопроса о ней въ Государственной Думѣ. М. 1909. Ц. 50 к.
- Филипповъ, И.** Мѣстное самоуправленіе Британской Индіи, какъ матеріалъ для реформъ городского и земскаго дѣла въ Россіи вообще и на восточныхъ окраинахъ въ частности. Ташкентъ. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Часовой, М.** Градущее Дальняго Востока. Спб. 1910. Ц. 50 к.
- Чупровъ, А.** Рѣчи и статьи. Т. 3-й. М. 1909. Цѣна за три тома съ прилож. 7 р. 50 к.
- Швиттау, Г.** Введеніе въ экономическую статистику. Спб. 1910. Ц. 90 к.
- Шершеневичъ, Г.** Учебникъ русскаго гражданскаго права. Изд. 8-е. Спб. 1910. Ц. въ перепл. 5 р.
- Шираевъ, В.** Религіозныя преступленія. Историко-догматическіе очерки. Ярославль. 1909. Ц. 2 р. 50 к.
- Яблочковъ, Т.** Вліяніе вины потерпѣвшаго на разбѣръ возмѣщаемыхъ ему убытковъ. Т. 1-й. Ч. теоретическая. Ярославль. 1910. Ц. 3 руб.

Искусство.

- Ежегодникъ Императорскихъ театровъ,** выпускъ 4-й. 1909. Ц. 1 р.
- Иконописный сборникъ.** Вып. 3-й. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Русское сценическое искусство за границей.** Артистическая повѣдка М. Г. Савиной съ труппой въ Берлинъ и Прагу. Спб. 1909. Ц. 5 р.

Естествознаніе и математика.

- Андреевъ, Н.** Скелеты и чучела. Пособіе къ изготовленію естественно-историческихъ препаратовъ и охотничьихъ вещей. Съ 53 рисунки. препаратовъ, изготовленныхъ авторомъ, находящихся въ различныхъ музеяхъ. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Вейсманъ, Ф.** Вычисленіе координатъ въ землѣзѣрномъ дѣлѣ. Томскъ. 1909. Ц. 1 р.
- Войничъ-Сяноженцій, С.** Введеніе въ изученіе хаміи. Главнѣйшія понятія и гипотезы современной химіи. Кіевъ. 1910. Ц. 80 к.
- Гамовъ, М.** Вліяніе микросейсмическихъ колебаній и атмосфернаго давленія на выдѣленіе гремучаго газа. Спб. 1910. Ц. 85 к.
- Григорьевъ, Г., Знаменскій, П., Назунъ, И.** Практическія занятія по физикѣ. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Зографъ, Н.** Животные-художники. Естественно-историческіе очерки. Спб. 1910. Цѣна 1 р. 50 к.
- Машкаровъ, Н.** Законъ сложныхъ напряженій Геста. Спб. 1910. Ц. 50 к.
- Корнишъ, Ч.** Міръ животныхъ. Общедоступная зоологія, иллюстрированная фотографіями съ натуры. Млекопитающія. М. 1910. Ц. въ папкѣ 1 р. 75 к.
- Куприяновъ, И.** Электричество для любителей. Общедоступное изложеніе. Спб. 1910. Ц. 40 к.

- Менделѣевъ, В.** О наибъгоднѣйшихъ размѣрахъ и предѣльной величинѣ летающихъ машинъ въ воздухѣ. Спб. 1909. Ц. 40 к.
- Мерзляковскій, К.** Теорія двухъ плазмъ, какъ основа симбиогенезиса, новаго ученія о происхожденіи организмовъ. Казань. 1909. Ц. 1 р.
- Оствальдъ, В.** Важнѣйшія свойства коллоиднаго состоянія матеріи. Спб. 1910. Ц. 40 к.
- Отчетъ по геологическому изслѣдованію фосфоритовыхъ залежей.** Вып. 1-й. Костромская губ., р. Волга и Унжа. М. 1909. Ц. 1 р.
- Последніе успѣхи воздухоплаванія.** Недѣля состизавій въ Реймсѣ. М. 1910. Ц. 50 к.
- Рузеръ, Л.** Воздухоплаваніе, его исторія, успѣхи и будущее. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Сазеранъ-де-Форжъ.** Человѣкъ сталъ летать. Прошлое, настоящее и будущее авіаціи. Спб. 1910. Ц. 65 к.
- Стратоновъ, В.** Солнце. Вып. 3. Ц. 1 р. 20 к.
- Сырейщниковъ, Д.** Иллюстрированная флора Московской губерніи. Часть 3-я. М. 1910. Ц. 3 р. 25 к.
- Томсонъ, Д.** Корпускулярная теорія вещества. Одесса. 1910. Ц. 1 р. 20 к.
- Флеровъ, А.** О почвенно-ботаническихъ экспедиціяхъ переселенческаго управленія. Спб. 1909. Ц. 40 к.
- Шереметова, Е.** Иллюстрированный определитель грибовъ средней Россіи. В. 7-й. Рига. 1909. Ц. 3 р. 25 к.
- Шмигдъ, Б.** Элементарная практическая зоотомія. Спб. 1910. Ц. 60 к.
- Штрайхманъ, А.** Сборникъ задачъ по высшей математикѣ съ подробными рѣшеніями. Ч. 3. Высшая алгебра. Спб. 1910. Ц. 50 к.

Географія, этнографія, антропология, путешествія.

- Зондерванъ, Г.** Географическая карта, ея исторія, составленіе, воспроизведеніе. Спб. 1910. Ц. 2 р.

Сельское хозяйство и домоводство.

- Голубицкій, С.** Кролики. Руководство къ разведенію. 2 ч. М. 1910. Часть 1-я. Ц. 1 руб. Часть 2-я. Ц. 75 к.
- Межерскій, С.** Сборникъ статей по плодоводству. 1891—1909 г. Лѣсо-садовая культура плодовыхъ деревьевъ. Спб. 1910. Ц. 60 к.
- Мэтнерсъ, Ф.** Обработка почвы по способу Камбела, какъ основа всякаго плодородія. Рига. 1910. Ц. 1 р. 60 к.
- Плюцинскій, В.** Пчеловожденіе Ж. Е. Ханды и его улей. М. 1910. Ц. 20 к.
- Рандичъ, О.** Значеніе паровой культуры для поднятія земледѣлія въ Россіи. М. 1909. Ц. 60 к.
- Смалозубовъ, Н.** Что нужно знать земледѣльцу о жизни растений. Краткій курсъ физиологій растений. Спб. 1910. Ц. 65 к.
- Уварова, М.** Спутникъ молодой хозяйки. Полная поваренная книга русской и французской кухни. Изд. 2-е. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Фридолинъ, С.** Краткое руководство по молочному хозяйству для крестьянъ, хуторянъ и мелкихъ хозяевъ. Спб. 1910. Ц. 25 к.

Торговля и промышленность Счетоводство.

- Банки Россіи.** Финансовыя и торгово-промышленныя свѣдѣнія. М. 1910. Ц. 65 к., въ перепл. 1 р.
- Верховской, Н.** Рыбпромышленность Аральскаго бассейна. Рыба, рыбные промыслы и отправка рыбныхъ продуктовъ по Ташкентской жел. дор. Спб. 1909. Ц. 25 к.
- Мучовскій, Ю.** Промышленность. Спб. 1910. Ц. 2 руб.
- Митинскій, А.** Горнозаводскій Уралъ. Спб. 1909. Ц. 2 р. 50 к.
- Объ угольной промышленности Донецкаго бассейна.** Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Рошачовскій, А.** Валасы акціонерныхъ предпріятій. Спб. Ц. 1 р. 50 к.
- Фертнеръ, Ф.** Донецкая каменноугольная промышленность. Спб. 1909. Ц. 50 к.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

- Аваевъ, П.** Электролизъ мѣди. Расчетъ эквивалентной плотности тока въ зависимости отъ условій работы и оборудованія электролитическихъ заводовъ. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Полученіе перекиси свинца электролизомъ, какъ самостоятельный и побочный процессъ. Спб. 1909. Ц. 20 к.
- Губинъ, С.** Разборная модель электрическаго звонка въ краскахъ. Съ пояснительнымъ текстомъ. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Завоеваніе воздуха.** Настольная книга по воздухоплаванію и летательной техникѣ. Составлена на основаніи новѣйшихъ открытій и изобрѣтеній. Съ предисловіемъ графа Цеппелина. 162 рис. М. 1910. Ц. 1 р. 75 к.
- Ивановъ, В.** Санитарная техника. Устройство водопроводовъ и водосточковъ въ домахъ. В. 1-й. Кіевъ. 1909. Ц. 2 р. 50 к.

ПРИГОТОВЛЕНА КЪ ПЕЧАТИ НОВАЯ КНИГА:

Ө. М. УМАНЕЦЪ.

АЛЕКСАНДРЪ И СПЕРАНСКІЙ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОНОГРАФІЯ.

Около 10 печатн. листовъ. Цѣна 1 р. съ пересылкой.

I. Люди Александровской эпохи. — II. Сперанскій — III. Возвышеніе Сперанскаго. — IV. Кто авторъ «Плана всеобщаго государственнаго преобразованія?» («Планъ Сперанскаго»). — V. Какъ писали законы при Александрѣ I. — VI. Ошибки въ «Планѣ Сперанскаго». — VII. Что хорошо въ «Планѣ Сперанскаго». — VIII. Манія государственныхъ преобразованій. — IX. Перемѣна во взглядахъ Государя и Сперанскаго. — X. Удаленіе Сперанскаго. — XI. 17-го марта 1812 года. — XII. Первые полгода ссылки. — XIII. Продолжающееся нерасположеніе Государя къ Сперанскому. — XIV. Мистицизмъ Сперанскаго. — XV. Послѣднее увлеченіе Александра I.

Желающихъ получить книгу «Александръ и Сперанскій» авторъ проситъ увѣдомить простымъ письмомъ, — открытымъ или закрытымъ, съ приложеніемъ почтовой марки или за почтовымъ штемпелемъ — по слѣдующему адресу:

С.-Петербургъ.

До востребованія. Федору Михайловичу

УМАНЦУ.

Увѣдомляя, не надо посылать денегъ. Все изданіе будетъ разослано впослѣдствіи, исключительно съ наложеннымъ платежомъ.

Само собою разумѣется, въ одномъ письмѣ можетъ быть требованіе на нѣсколько экземпляровъ, по одному или нѣсколькимъ адресамъ.

По полученіи достаточнаго числа заявленій, книга будетъ напечатана въ томъ количествѣ экземпляровъ, какое потребуется, и немедленно разослано по адресамъ.

Пересылку и плату за наложенный платежъ авторъ принимаетъ на свой счетъ, т.-е. онѣ оплачиваются изъ вышеозначеннаго 1 руб. за экземпляръ.

Книжные магазины, выписывающіе одновременно, по одному адресу, не менѣ десяти экземпляровъ (10), сверхъ принятой на себѣ авторомъ платы за пересылку и наложенный платежъ, пользуются уступкой двадцати процентовъ (20%).

Тѣмъ же преимуществомъ, т.-е. уступкой двадцати процентовъ, пользуются учрежденія и лица, одновременно по одному адресу выписывающія не менѣ десяти экземпляровъ.

Если до 1 марта 1910 года не наберется необходимое число подписчиковъ, изданіе монографіи «Александръ и Сперанскій» будетъ отложено на неопредѣленное время.

СТАРЫЕ ≡ ≡≡≡ ГОДЫ

ЕЖЕМЪСЯЧНИКЪ

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ ИСКУССТВА И СТАРИНЫ

Принимается подписка на 1910 годъ

Въ четвертомъ году изданія «Старые Годы» выходить по той же программѣ и при участіи выдающихся русскихъ и иностранныхъ сотрудниковъ

Рядъ выпусковъ 1910 года будетъ посвященъ описанію старинныхъ помѣщичьихъ усадебъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА 10 руб. въ годъ съ доставкой и пересылкою, безъ доставки—9 руб.; за границу — 30 фр. При подпискѣ въ конторѣ журнала (Соляной пер., 7) допускается разсрочка: при подпискѣ—5 р., къ 1 апр.—3 р. и къ 1 юля 2 руб.

Подписка принимается во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы

Въ конторѣ редакціи продается **КАТАЛОГЪ СТАРИННЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ИСКУССТВЪ, ХРАНЯЩИХСЯ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВЪ** (Введение, Портреты зала Совѣта и Скульптура). Состав. бар. Н. ВРАНГЕЛЬ. Цѣна 10 рублей.

Редакторъ-издатель **П. П. Вейнеръ.**

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

Условія подписки на 1910 г.

Съ доставкой и пересылкой въ Россіи: на годъ—12 р., на полгода—6 р. 50 к., на три мѣс.—3 р. 60 к., на одинъ мѣс.—1 р. 20 к. Съ доставкой и пересылкой за границу: на годъ 20 р., на полгода—11 р. 50 к., на одинъ мѣс.—2 р.

Подписка принимается только съ 1-го числа каждого мѣсяца; годовая подписка только съ января по 31 декабря.

Подписка принимается: въ конторѣ Редакціи: Москва, Петровка, д. № 25, Самариной; въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ Торговаго Дома Л. и Э. Метцль и К^о, Морская, 11, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ; въ Парижѣ—въ Agence Hawas—Place de la Bourse.

Розничная продажа ММ „Московскихъ Вѣдомостей“ въ Петербургѣ производится: на вокзалахъ Николаевской, Варшавской и Царскосельской жел. дор. и въ мѣстахъ стоянки правыхъ газетчиковъ: № 1 — уголъ Литейнаго пр. и Кирочной ул., у Офицерскаго собранія; № 2 — у Технологическаго Института и въ Народномъ Домѣ; № 3 — у Аничкова моста; № 4 — Невскій пр., д. № 34 и у Русскаго Собранія, Троицкая, № 13; № 5 — уголъ Садовой и Мучного пер.; № 7 — уголъ Больш. просп. и Введенской на Петерб. сторонѣ; № 8 — у Публичной бібліотеки; № 11 — Невскій пр., у церкви Знаменія; № 15 — Невскій просп., у Городской Думы; № 16 — Невскій пр., уголъ Троицкой. Контора газетчиковъ находится на Шпалерной ул., д. 26, кв. 31.

Цѣна № въ розничной продажѣ 5 коп.

Редакторъ-издатель Л. А. ТИХОМИРОВЪ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ
МАРТЪ, 1910 Г.

СОДЕРЖАНІЕ

МАРТЪ, 1910 г.

	СТРАВ.
I. Семейная хроника. (Изъ записокъ моей бабушки). Часть первая. XII—XVIII. (Продолженіе). В. З. Головной.	785
II. Первое 25-лѣтіе моихъ литературныхъ мытарствъ. Главы V—VI. (Продолженіе). А. М. Скабичевскаго.	809
III. Тяжелое наслѣдство. (Повѣсть). (Окончаніе). Р. И. Сементковскаго.	832
IV. Силуэты времени реформъ. (Воспоминанія шестидесятника). VII—IX. (Продолженіе). Н. Н. Фирсова (Л. Рускина).	863
V. Маленькая польская графиня и маленькая русская княжна. А. И. Соколовой.	879
VI. «Голубчикъ, потерпи». (Къ характеристикѣ Аракчеева). Сообщ. В. А. Корсаковъ.	891
VII. Одинъ изъ русскихъ самозванцевъ. (Изъ недалекаго прошлаго). И. В. Мѣщанинова.	893
VIII. Изъ воспоминаній тюремной надзирательницы. Л. Я. К.	920
IX. Изъ недавняго прошлаго. А. В. К—ва.	940
X. Изъ жизни современной деревни. Д. Перскаго.	948
XI. Къ характеристикѣ графа М. Н. Муравьева (Виленскаго). В. Маркова.	960
XII. Павелъ Яковлевичъ Дашковъ. (Характеристика и воспоминаніе). Б. В. Глинскаго.	966
иллюстрація: Павелъ Яковлевичъ Дашковъ.	
XIII. Памяти М. М. Шершевскаго. Г. Л. И.	978
иллюстрація: Михаилъ Марковичъ Шершевскій.	
XIV. Къ біографіи Н. Г. Чернышевскаго. Александра Лебедева.	990
XV. Дни Карамзинскаго юбилея 1866 года. (Отрывокъ «Дневника» Я. К. Грота). Сообщ. К. Я. Гротъ.	993
XVI. Царевубійство 1-го марта 1881 года. (Историческіе очерки). II. «Земля и Воля». (Продолженіе). Б. В. Глинскаго.	1004
иллюстраціи: 1) Глѣбъ Ивановичъ Успенскій.—2) Объявленіе «Исполнительнаго Комитета».	
XVII. Одинъ изъ больныхъ вопросовъ. Н. А. Т.	1040
XVIII. Домъ И. И. Лажечникова близъ Москвы. (Новая страница въ біографію романиста). Павла Россіева.	1063
иллюстрація: Домъ Лажечникова въ селѣ Хорошовѣ.	
XIX. Астрахань. В. А. Алекѣева.	1067
иллюстраціи: 1) Старогостиный дворъ въ Астрахани.—2) Никольская улица въ Астрахани.—3) Часть Московской улицы въ Астрахани.—4) Домъ губернатора въ Астрахани.—5) Рѣка Кутумъ.—6) Рыбная биржа въ Астрахани.—7) Погрузка рыбы на набережной.	

(См. слѣд. стран.).

XX. Критика и библиографія. 1092

- 1) Великій князь Николай Михайловичъ, Императрица Елизавета Алексеевна, супруга императора Александра I. Томъ III. Спб. 1909 г. в. т.—
- 2) Русская историческая библиотека, издаваемая императорскою археологическою комиссіею, т. XXVI. Донскія дѣла. Книга третья. Спб. 1909. в. троцаго. — 3) Журналъ императорскаго русскаго военно-историческаго общества. 1910. С.-Петербургъ. Книжка 1-я. п. майкова.—4) А. П. Смирновъ. «Жизнь для другихъ». Сборникъ историческихъ и бытовыхъ разсказовъ для дѣтей средняго и старшаго возраста. Спб. 1910. г. п.—
- 5) Матеріалы военно-ученаго архива генеральнаго штаба. Отечественная война 1812 г. Томъ XI. Изданіе главнаго управления генеральнаго штаба. Спб. 1909. л. н.—6) Памятная книжка Вятской губерніи и календарь на 1910 годъ. Составлены подъ редакціей Н. Спасскаго. Вятка. 1910. д. Зеленина. — 7) Летопись екатеринославской ученой архивной комиссіи. Выпускъ V. Издаётся подъ редакціей товарища председателя комиссіи А. С. Сивинскаго. Екатеринославъ. 1909. в. Рудакова.— 8) Ю. Романовскій и А. фонъ-Шварцъ. Оборона Портъ-Артура. Часть II. 1910. м. Соколовскаго.—
- 9) Вл. Семеновъ. Цѣна крови. Спб. 1910 г. б. г.—10) «Готовься къ войнѣ. Ванзай!» Переводъ съ 5-го нѣмецкаго изданія. Спб. 1909. л. н.—11) Архивъ Раевскихъ. Томъ I. Изданіе П. М. Раевского. Редакція и примѣчанія В. Л. Молдаевского. Спб. 1909. в. Рудакова.—12) Сочиненія, письма и бумаги В. В. Каразина, собранныя и редактированныя проф. Д. И. Вагальцемъ. Изданіе харьковскаго университета. Харьковъ. 1910. в. троцаго.—13) Аркадій Прессъ. Въ царствѣ книгъ. Т. I и II. Спб. 1909. А. Фомина.—
- 14) Д. С. Мережковскій. Лермонтовъ. Поэтъ сверхчеловѣчества. Спб. 1909. м. б.—
- 15) В. Розановъ. Итальянскія впечатлѣнія. Спб. 1909. б. г.—
- 16) А. Е. Кауфманъ. Коронованный узникъ. Изъ тайнъ Ильдизъ-Кюска. Спб. 1910. А. М. Нечаевой.—
- 17) Ф. Лионъ. Прекрасная грѣшница. Романъ королевы Драги. Придворная хроника и интимная жизнь сербскаго двора. Переводъ съ нѣмецкаго А. И. Долинскаго. Спб. 1910. г.—
- 18) «Чары Египта въ его памятникахъ». Роберта Хиченса. Переводъ съ англійскаго вн. А. Обденской. Спб. 1910 г. А. н.—
- 19) «Какъ я нажилъ свыше 500 000.000 долларовъ». Мемуары американскаго миллиардера Дж. Д. Рокфеллера. Съ иллюстраціями, портретомъ и автографами. А. Евг.—
- 20) Садакичи Гартманъ. Японское искусство. Переводъ съ англійскаго О. Кринской. Съ 49-ю иллюстраціями. Спб. 1909. И. Александрова.—
- 21) И. И. Тронцкій. Тріединство Воинства. Историко-археологическое изслѣдованіе по памятникамъ всеобщей истории искусства. Изданіе второе, исправленное и дополненное, съ 65-ю рисунками. Тула. 1909. А. Миронова.—
- 22) «Русскій Календарь» А. С. Суворина на 1910 г. (39-й годъ изд.). М.

XXI. Заграничныя историческія новости и мелочи 1127

- 1) Сумасшествіе Филиппа V Испанскаго — 2) Взглядъ Родэна на реализмъ въ искусствѣ. — 3) Современная Японія. — 4) Отосюду.—
- 5) Смерть Андреа Коста и Эдуарда Рода.

XXII. Смѣсь. 1151

- 1) Празднованіе 300-лѣтія освобожденія Троице-Сергіевой лавры.—
- 2) Въ Литературномъ фондѣ.— 3) Русское библиологическое общество.—
- 4) Въ палестинскомъ обществѣ.— 5) 25-лѣтній юбилей неопилологическаго общества.— 6) Литературно-театральныи музей.— 7) Выставка коллекцій монголо-сычуанской экспедиціи.— 8) Общество изученія Смоленской губ.— 9) Чествованіе «Русской Мысли». — 10) Чествованіе памяти А. П. Чехова.— 11) Юбилей князя В. П. Мещерскаго.— 12) Юбилей М. П. Ермоловой.— 13) Аракчеевская Мадонна.— 14) Памятникъ М. Ю. Лермонтову.— 15) Конкурсъ на проектъ памятника М. Д. Скобелеву въ Москвѣ.

XXIII. Некрологи. 1170

- 1) Боткинъ, С. С.— 2) Геровскій, Ю. М.— 3) Гольденшtedтъ, К. Г.—
- 4) Кумиссаржевская, В. Ф.— 5) Кругликовъ, С. Н.— 6) Лебедевъ, А. С.—
- 7) Майкова, С. М.— 8) Обреиновъ, В. И.— 9) Палашиковскій, С. Е.— 10) Радинъ, И. Ф.— 11) Цабель, А. Г.— 12) Шепровъ, В. И.

XXIV. Замѣтки и поправки. 1181

- 1) I. По поводу статьи г. Темникова. в. А. Самонова.— 2) II. Къ статьѣ В. В. Глинскаго. Богородскаго.— 3) П. А. Плавильщиковъ. (Замѣтка естатн). п. Россіева.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ самозванца Черемшанскаго.— 2) Борьба за тронъ (Beatrice Tyldesley). Историческій романъ В. Энсвортъ. Переводъ съ англійскаго А. М. Бѣлова. V—IX.

СОДЕРЖАНІЕ СТО ДЕВЯТНАДЦАТАГО ТОМА.

(ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ и МАРТЬ 1910 года).

	СТРАН.
Семейная хроника. (Изъ записокъ моей бабушки). Часть первая. I—XVIII. В. З. Головиной 7, 403	785
Первое 25-лѣтіе моихъ литературныхъ мытарствъ. Главы I—VI. А. М. Снабичевского 35, 431,	809
Жадное сердце. (Быль прошлаго вѣка). В. Г. Авѣенко	57
Силуэты времени реформъ. (Воспоминанія шестидесятника). I—IX. Н. Н. Фирсова (Л. Рускина) 83, 483,	863
Императоръ Николай Первый и васильковыя дурачества. А. И. Соколовой	104
На одной скамьѣ съ императоромъ Вильгельмомъ. (Изъ полузабытыхъ воспоминаній). Г. Т. Сѣверцева-Полилова	114
Русскія метаморфозы. (Изъ записной книжки журналиста). I—II. Н. М. Ежова 162,	588
Бунтъ въ Севастополѣ. (Изъ близкаго прошлаго). Л. П. Арбузова	177
Изъ воспоминаній о М. И. Драгомировѣ. А. И. Писанецкаго	187
Встрѣча съ Н. А. Всеволожскимъ. Князя Б. А. Щетинина	190
Пропавшая книга. А. Е. Евгеньева	195
Евгенія Марсъ и ея рассказы. В. В. Уманова-Каплуновскаго 203 Иллюстрація: Евгенія Марсъ.	
Пионерки высшаго женскаго образованія и петербургскій университетъ. (Юбилейная замѣтка). А. Е. Науфмана 210 «Истор. вѣстн.», мартъ, 1910 г., т. сѣх.	1/2

Цареубійство 1-го марта 1881 года. (Историческіе очерки). I. Тревожные политическіе симптомы. II. «Земля и Воля». Б. Б. Глинскаго.	216, 639, 1004
Иллюстраціи: 1) Яковъ Васильевичъ Стефановичъ.—2) Вѣра Ивановна Засуличъ.—3) Александръ Дмитріевичъ Михайловъ.—5) Глѣбъ Ивановичъ Успенскій.—6) Объявленіе «Исполнительнаго Комитета».	
Къ 75-лѣтію императорской археографической комиссіи. В. В. Троцкаго.	250
Поѣздка въ Чечню. В. А. Авіе	257
Иллюстраціи: 1) Мостъ черезъ рѣку Аргунь.—2) Конѣцъ подъема Шатоевской дороги.—3) Каменный лотокъ на Шатоевскомъ шоссе.—4) Подъ навѣсомъ скалы на Шатоевской дорогѣ.—5) Чеченки у родника.—6) Старый Цугуновскій мостъ черезъ Аргунь.—7) Старый могильникъ въ Чечнѣ.—8) Чоротвы скалы на Евдокимовской дорогѣ.—9) На балковѣ чеченской сакли.—10) Сторожевыя башни у селенія Цугуной.	
Иностранцы о Россіи. (Изъ воспоминаній графа фонъ-Пфейля). А. М. Бѣлова.	287
Тяжелое наслѣдство. (Повѣсть). Р. И. Сементковскаго.	449, 832
Забытый поэтъ-сатирикъ. А. М. Бѣлова.	504
Давніе эпизоды. I. За безразличность и демократическія идеи. Н. А. Энгельгардта.	529
Комическій случай съ П. П. Чайковскимъ. А. И. Соколовой.	557
Россія въ Германіи. М. Туринскаго.	572
По поводу статьи «Губернаторъ-революціонеръ». М. И. Шишкевича.	603
Ващукъ-Выгорскій. В. Темникова.	620
Ващукъ-Погосскій. М. А. Яковлева.	629
Царицыно. Н. М. Девель.	669
Иллюстраціи: 1) Видъ Царицына.—2) Паркъ въ Царицынѣ.—3) Руины Царицынскаго замка.—4) Дворцовыя ворота.—5) Павильонъ и часть замка.—6) Уголокъ Царицынскаго парка.—7) Миловида.—8) Старая Миловида.—9) Бесѣдка «Золотой снопъ».—10) Царицынскій мостъ.—11) Оперный домъ.—12) Старыя ворота въ паркѣ.—13) Остатки «Чоротвой башни».—14) Царицынскій прудъ.	
Маленькая польская графиня и маленькая русская княжна. А. И. Соколовой.	879
«Голубчикъ, потерпи». (Къ характеристикѣ Аракчеева). Сообщ. В. А. Корсановъ.	891
Одинъ изъ русскихъ самозванцевъ. (Изъ недалекаго прошлаго). И. В. Мѣщанинова.	893
Изъ воспоминаній тюремной надзирательницы. Л. Я. К.	920
Изъ недавняго прошлаго. А. В. К—ва.	940
Изъ жизни современной деревни. Д. Перскаго.	948

Къ характеристикѣ графа М. Н. Муравьева (Виленскаго). В. Маркова.	960
Павель Яковлевичъ Дашковъ. (Характеристика и воспоминаніе). Б. Б. Глинскаго.	966
Иллюстраціи: Павель Яковлевичъ Дашковъ.	
Памяти М. М. Шершевскаго. Г. Л. И.	978
Иллюстрація: Михаилъ Марковичъ Шершевскій.	
Къ біографіи Н. Г. Чернышевскаго. Александра Лебедева.	990
Дни Карамзинскаго юбилея 1866 года. (Отрывокъ «Дневника» И. К. Грота). Сообщ. К. Гротъ.	993
Одинъ изъ больныхъ вопросовъ. Н. А. Т.	1040
Домъ И. И. Лажечникова близъ Москвы. (Новая страница въ біографію романиста). Павла Россіева.	1063
Иллюстрація: Домъ Лажечникова въ селѣ Хорошовѣ.	
Астрахань. В. А. Алексѣева.	1067
Иллюстраціи: 1) Старогостиный дворъ въ Астрахани.—2) Никольская улица въ Астрахани.—3) Часть Московской улицы въ Астрахани.— 4) Домъ губернатора въ Астрахани.—5) Рыба Кутумъ.—6) Рыбная биржа въ Астрахани.—7) Погрузка рыбы на набережной.	

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ 306, 700, 1306

1) В. И. Семевскій. Политическія и общественныя идеи декабристовъ. Спб. 1909 г. г. л. и.—2) Н. П. Павловъ-Сильванскій. Сочиненія, т. 1. Спб. 1909 г. т. II. Спб. 1910. м. к.—3) Лѣтопись занятій императорской археографической комиссіи за 1908 г. Выпускъ двадцатъ первый. Подъ редакціей правителя дѣлъ В. Г. Дружинина. Спб. 1909. в. Троицкаго.—4) Строевъ, В. Н. Вироновщина и кабинетъ министровъ. Очеркъ внутренней политики императрицы Анны. Часть 1. (1730—1735 г.). М. 1909. м. к.—ва.—5) Ан. Титовъ. Проповѣди святителя Димитрія, митрополита ростовскаго, на украинскомъ нарѣчьи. М. 1909. р.—ца.—6) Труды саратовской ученой архивной комиссіи. Выпускъ XXV. Саратовъ. 1909. в. Руданова.—7) Хроника моей жизни. Высокопреосвященнаго Саввы, архіепископа тверскаго и кашинскаго. Т. VIII. л.—8) Историческое обозрѣніе Симбирска отъ первыхъ временъ его до возведенія на степень губернскаго города. Изданіе симбирской губернской ученой архивной комиссіи. Симбирскъ. 1909 г. Ар. Датова.—9) Сборникъ учено-литературнаго общества при императорскомъ юрьевскомъ университетѣ. Томъ XIV. Юрьевъ. 1909. о. к.—10) Александръ Евлаховъ. Пушкинъ какъ эстетикъ. Кіевъ. 1909. м. б.—11) С. П. Шестаковъ. Къ литературѣ трепетниковъ. Казань. 1909. в.—12) Историко-литературная бібліотека подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Вып. I. Гоголь въ воспоминаніяхъ современниковъ и перепискѣ. Составилъ В. В. Каллапъ. Москва. 1909. А. Фомина.—13) Пушкинъ. Томъ II и III. Вибліотека великихъ писателей, подъ редакціей С. А. Венгерова. Изданіе Вроггауза-Ефрона. Спб. 1908, 1909. м. б.—14) В. Соллогубъ и В. Симоновскій. Указатель лучшихъ, по отзывамъ печати, учебниковъ, наглядныхъ учебныхъ пособій и методическихъ руководствъ на русскомъ и украинскомъ языкахъ. Спб. 1909. я. н.—15) Арабажинъ, К. И. Публичныя лекціи о русскихъ писателяхъ. Книга I. Спб. 1909. А. Фомина.—16) А. А. Измайловъ. Помраченіе божковъ и новые кумиры. Новая вѣянія въ литературѣ. Москва 1910. А. Я.—17) А. А. Николаевъ. Теорія и практика кооперативнаго движенія. Москва. 1909. н. х.—18) Густавъ Эрв. Исторія Франціи и Европы. Спб. 1909 г. п. б.—19) М. Помяловскій. Учебникъ новой исторіи. А. м.—20) Влад. Грабенскій. Исторія польскаго народа. Разрѣшенный авторомъ переводъ со второго, дополненнаго польскаго изданія (1906 г.), подъ редакціей прив.-доц. С.-Петербургскаго унив. и проф. высшихъ женскихъ курсовъ Н. Яст-

ребова съ картой Польши XVII вѣка. Изданіе книжнаго магазина «Учебное Дѣло». Спб. 1910. А. Я.—21) Свяц. Іоаннъ Арсеньевъ. Отъ Карла Великаго до реформаціи. Т. I. Москва. 1909. н. б.—22) И. М. Радинъ. Учебникъ исторіи русскаго права. Спб. 1910 года. М. Ключкова.—23) Сенатскій Архивъ. XIII. 1. — Протоколы правительствующаго сената по секретной экспедиціи 1764 и 1765 г. 2.—Указы и повелѣнія императрицы Екатерины II за июль — декабрь 1763 и январь 1764 г. С.-Петербургъ. 1909 г. в. Ф.—но.—24) В. П. Алексѣевъ. Разказы изъ русской исторіи съ рисунками. Выпускъ первый. М. 1909. в. Р.—ва.—25) Ан. Титовъ. Проповѣди святителя Дмитрія, митрополита ростовскаго, на украинскомъ нарѣчій. М. 1909. в. Руданова.—26) Charles de Larivière. La France et la Russie au XVIII siècle. Etudes d'histoire et de la littérature franco-russe. Paris. 1909. а. б.—27) Записки общества исторіи, филологіи и права при императорскомъ варшавскомъ университетѣ. Вып. 4. Варшава. 1909. п. в. в.—28) Прив.-доцентъ А. П. Успенскій. Очерки по исторіи русскаго искусства. Русская живопись до XV вѣка включительно. Томъ I. Изъ лекцій, читанныхъ въ московскомъ археологическомъ институтѣ, въ 1908—9 академическомъ году. Москва. 1910 Владимира Клейна.—29) «Русскій Филологическій Вѣстникъ». Учено-педагогическій журналъ, издаваемый подъ редакціей профессора Е. Ѳ. Карскаго. 1909. Варшава, п. с.—30) А. В. Жиркевичъ. Ив. Ив. Овловскій. (Биографическій очеркъ съ приложеніями — двумя портретами Орловскаго и его статьею). Вильна. 1909. в. Руданова.—31) Животная книга духоборцевъ. Записалъ и собралъ Владимиръ Бончъ-Бруевичъ. С.-Петербургъ. 1909. в. троцнаго.—32) Н. О. Лернеръ. Новооткрытыя страницы Пушкина. Спб. 1910. А. Фомина.—33) С. А. Золотаревъ. Историко-литературные очерки. Спб. 1909. л.—34) Письма Владимира Сергѣевича Соловьева подъ ред. Э. Л. Радлова. Т. II. Спб. 1909. А. Фомина.—35) Собраніе сочиненій С. Т. Аксакова подъ ред. А. Г. Горнфельда. Изданіе т-ва «Просвѣщеніе» Т. I и II. Спб. 1909. Ал. ф.—36) Бѣльскій, С. Книга о русской жизни. Спб. 1909. Я. Бирюнова.—37) Кузнецовъ, В. Киргизское хозяйство въ Акмолинской области. Т. I. Кочетавскій уездъ. Повторное изслѣдованіе 1907 г. Изд. переселенческаго управленія главнога управления землеустройства и земледѣлія. Спб. 1909. г. л. и.—38) В. Р. Канненбергъ. Военная географія. Курсъ военныхъ училищъ примѣнительно къ программѣ 1907 г. Общій обзоръ Россіи въ военно-географическомъ отношеніи. Пограничная полоса Россіи какъ театръ военныхъ дѣйствій. Спб. 1909. л. н.—39) Н. Н. Голубевъ. Международныя административныя комиссіи XIX вѣка. Очерки теоріи и практикы. Ярославль. 1909. в. Грибовскаго.—40) Материалы до исторіи украинской козаччини, выданіи під загальною редакціею Михайла Грушевскаго. Томъ I. Документи по рік 1631. Зібравъ и видав Іван Крипакевич. Львовъ. 1908. А. Я.—41) Великій князь Николай Михайловичъ. Императрица Елизавета Алексѣевна, супруга императора Александра I. Томъ III. Спб. 1909. в. т.—42) Русская историческая бібліотека, издаваемая императорскою археологическою комиссіею, т. XXVI. Донскія дѣла. Книга третья. Спб. 1909. в. Троцнаго.—43) Журналъ императорскаго русскаго военно-историческаго общества. 1910. С.-Петербургъ. Книжка I я. п. Майнова.—44) А. П. Смирновъ. «Жизнь для другихъ». Сборникъ историческихъ и бытовыхъ разказовъ для дѣтей среднего и старшаго возраста. Спб. 1910. г. п.—45) Материалы военно-учебнаго архива генеральнаго штаба. Отечественная война 1812 г. Томъ XI. Изданіе главнаго управленія генеральнаго штаба. Спб. 1909. л. н.—46) Памятная книжка Вятской губерніи и календарь на 1910 годъ. Составлены подъ редакціей Н. Спаскаго. В. 1910. Д. Зеленина.—47) Лѣтопись екатеринославской ученой архивной комиссіи. Выпускъ V. Издастся подъ редакціей товарища председателя комиссіи А. С. Синявскаго. Екатеринославъ. 1909. в. Руданова.—48) Ю. Ромашовскій и А. фонъ-Шварцъ. Оборона Портъ-Артура. Часть II. 1910. м. Соколовскаго.—49) Вл. Семеновъ. Цѣна крови. Спб. 1910 г. б. г.—50) «Готовься къ войнѣ. Ванзай!» Переводъ съ 5-го нѣмецкаго изданія. Спб. 1909. л. н.—51) Архивъ Раевскихъ. Томъ II. Изданіе П. М. Раевскаго. Редакція и примѣчанія В. Л. Модзалевскаго. Спб. 1909. в. Руданова.—52) Сочиненія, письма и бумаги В. П. Каразина, собранныя и редактированныя проф. Д. И. Багалъемъ. Изданіе харьковскаго университета. Харьковъ. 1910. в. Троцнаго.—53) Аркадій Прессъ. Въ царствѣ книгъ. Т. I и II. Спб. 1909. А. Фомина.—54) Д. С. Мережковскій. Лермонтовъ. Поэтъ сверхчеловѣчества. Спб. 1909. м. б.—55) В. Розановъ. Итальянскія впечатлѣнія. Спб. 1909. б. г.—56) А. Е. Кауфманъ. Коронованный уныиць. Изъ тайнъ Ильдизъ-Юуска. Спб. 1910. А. М. Нецаевой.—57) Ф. Лионъ. Прекрасная грѣшница. Романъ королевы Драги. Придворная хроника и интимная жизнь сербскаго двора.

Переводъ съ нѣмецкаго А. П. Долинскаго. Спб. 1910. г. — 58) «Чары Египта въ его памятникахъ». Роберта Хиченса. Переводъ съ англійскаго кн. А. Оболенской. Спб. 1910 г. а. н. — 59) «Какъ я нажилъ свыше 500.000.000 долларовъ». Мемуары американскаго миллиардера Дж. Д. Рокфеллера. Съ иллюстраціями, портретами и автографами. А. Евг.— 60) Садакичи Гартманъ. Японское искусство. Переводъ съ англійскаго О. Кринской. Съ 49-ю иллюстраціями. Спб. 1909. и. Александрова.— 61) П. И. Троицкій. Тріединство Божества. Историко-археологическое изслѣдованіе по памятникамъ всеобщей исторіи искусства. Изданіе второе, исправленное и допозненное, съ 65-ю рисунками. Тула. 1909. А. Миронова. — 62) «Русскій Календарь» А. С. Суворина на 1910 г. (89-й годъ изд.).

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧН. 342, 728, 1127

1) Науки человѣка. — 2) Введеніе въ должность министра въ Фивахъ при XVIII династіи. — 3) Мавкіавелли и Цезарь Борджиа. — 4) Семейная жизнь Фридриха Великаго. — 5) Отосюду. — 6) Некрологи. Смерть герцога Карла-Теодора Баварскаго, датской принцессы Маріи, Фортиса и бельгійскаго короля Леопольда II. — 7) Кароленскій некрополь. — 8) Письма Мюссэ въ неизвѣстной. — 9) Кое-что о Л. Н. Толстомъ. — 10) Отосюду. — 11) Сумасшествіе Филипа V Испанскаго. — 12) Взглядъ Родэна на реализмъ въ искусствѣ. — 13) Современная Японія. — 14) Отосюду. — 15) Смерть Андрея Коста и Эдуарда Рода.

СМѢСЬ 370, 752, 1151

1) Открытіе саратовскаго университета. — 2) Въ императорскомъ русскомъ военно-историческомъ обществѣ. — 3) Юбилей императорскаго сельско-хозяйственнаго музея. — 4) Полѣвка «Душеполезнаго Чтенія». — 5) 30-лѣтіе «Историческаго Вѣстника». — 6) 90-лѣтній юбилей проф. Д. А. Хвольсона. — 7) Юбилей проф. В. О. Ключевскаго. — 8) Юбилей Н. А. Скряботова. — 9) Юбилей Е. А. Нарышкиной. — 10) Юбилей А. Г. Шиле. — 11) Освященіе памятника Гл. Н. Успенскому. — 12) Открытіе памятника М. М. Анкольекому. — 13) Общее собраніе кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. — 14) Выставка русскихъ писателей. — 15) Столѣтіе учрежденій по принятію прошеній Государю. — 16) Столѣтіе учрежденія государственной канцеляріи. — 17) Столѣтіе спб. духовной академіи. — 18) 50-лѣтіе императорскаго русскаго музыкальнаго общества. — 19) Торжественное собраніе императорской академіи наукъ. — 20) Присужденіе премій М. И. Михельсона. — 21) Засѣданіе литературнаго фонда. — 22) Въ кассѣ литераторовъ и ученыхъ. — 23) Выставки въ историческомъ музее. — 24) Этнографическая выставка. — 25) Памяти графа А. С. Уварова. — 26) Юбилей Ц. А. Кюн. — 27) Юбилей Д. О. Отта. — 28) 50-лѣтній юбилей А. А. Савурскаго. — 29) 30-лѣтній юбилей А. Н. Догановичъ. — 30) Открытіе «Чеховской комнаты». — 31) Празднованіе 300-лѣтія освобожденія Троице-Сергіевой лавры. — 32) Въ Литературномъ фондѣ. — 33) Русское библиологическое общество. — 34) Въ палестинскомъ обществѣ. — 35) 25-лѣтній юбилей нефилологическаго общества. — 36) Литературно-театральныя музеи. — 37) Выставка коллекцій монголо-сибирскаго экспедиціи. — 38) Общество изученія Смоленской губ. — 39) Чествованіе «Русской Мысли». — 40) Чествованіе памяти А. П. Чехова. — 41) Юбилей князя В. П. Менделѣева. — 42) Юбилей М. Н. Ермоловой. — 43) Аракчеевская Мадонна. — 44) Памятникъ М. Ю. Лермонтову. — 45) Конкурсъ на проектъ памятника М. Д. Скобелеву въ Москвѣ.

НЕКРОЛОГИ 387, 774, 1170

1) Анненскій, Н. О. — 2) Башкинъ, В. В. — 3) Блокъ, А. Л. — 4) Вербицкій, Н. А. — 5) Волконскій, М. С., князь. — 6) Вяземскій, Л. Д., князь. — 7) Кашкинъ, Н. Н. — 8) Колосовъ, П. П. — 9) Лесгафтъ, П. Ф. — 10) Его высочество герцогъ Георгій Георгіевичъ Мекленбургъ-Стрелицкій. — 11) Старицкій, К. С. — 12) Старынкевичъ, О. И. — 13) Ухтомскій, Л. А. — 14) Артамоновъ Большаковъ, Н. И. — 15) Ахшарумовъ, Д. Д. — 16) Влейхманъ, Ю. П. — 17) Бубекъ, Т. Х. — 18) Вастень, В. А. — 19) Геймбрукъ, В. О. — 20) Дмитріева-Мамонова, Е. А. — 21) Маляревская, Е. Х. — 22) Мар-

ковъ, В. П.—23) Олѣховскій, М. А.—24) Пожалостинъ, Н. П.—25) Соловьевъ, Д. Н.—26) Шишко, Л. Э.—27) Яковлевъ, А. И.—28) Воткинъ, С. С.—29) Геровскій, Ю. М.—30) Гольденшtedтъ, К. Г.—31) Коммиссаржевская, В. Ф.—32) Кругликовъ, С. Н.—33) Лебедевъ, А. С.—34) Майкова, С. М.—35) Обреимовъ, В. И.—36) Палашковскій, С. Е.—37) Радинъ, И. О.—38) Цабель, А. Г.—39) Шенрокъ, В. И.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ 399, 784, 1181

1) Къ біографіи Гоголя. Александра Лебедева. — 2) Опечатка. — 3) Поправка къ указателю «Историческаго Вѣстника» за 1909 годъ. Николая Николаевича Фирсова (Л. Рускина).—4) По поводу статьи г. Темвинова. В. А. Самонова.—5) Къ статьѣ В. В. Глинскаго. Богородскаго.—6) П. А. Плавильщиковъ. (Замѣтка кстати). П. Россіева.

Приложенія: 1) Некрологъ великаго князя Михаила Николаевича. — 2) Портретъ Александра Михайловича Скабичевскаго. — 3) Портретъ Петра Васильевича Шумахера. — 4) Портретъ самозванца Черемшанскаго. — 5) Борьба за тронъ. (Beatrice Tyllesley). Историческій романъ В. Энсвортъ. Переводъ съ англійскаго А. М. Бѣлова. I—IX.

САМОЗВАНЕЦЪ ЧЕРЕМШАНСКІЙ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1910 г.
на издающійся въ С.-Петербургѣ,
Стремянная, 6.

литературно-научный, общественный, толстый журналъ
ОДОВРЕННЫЙ для всѣхъ Военно-учебныхъ заведеній

„СВѢТЛЫЙ ЛУЧЪ“

3-й годъ изданія.

Цѣна за 12 книгъ объемомъ отъ 15 до 25 печатныхъ листовъ, въ годъ — 6 р., 1/2 года 3 р., три мѣсяца—1 р. 50 к., за границу въ годъ—8 р., 1/2 года 5 р., съ доставкой и пересылкой. Подписка годъ съ 1-го января. Подписка принимается въ конторѣ журнала: **СПБ. Стремянная 6, кв. 9,** и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

При подпискѣ служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ на 10 экземпляровъ журнала одиннадцатый высылается бесплатно и допускается, за подписью гл. казначеевъ, разсрочка платежа на 12 мѣсяцевъ, т. е. по 5 р. въ мѣсяць.

Интересная и разнообразная программа «СВѢТЛАГО ЛУЧА», которую предполагается расширить въ ближайшемъ будущемъ, обнимаетъ собою всѣ движенія русской общественной жизни: литературное, политическое, церковное, школьное, научное и т. д.

Редакція «СВѢТЛАГО ЛУЧА», выдвигая на первый планъ все чисто-русское, прогрессирующее въ культурномъ развитіи русской жизни, все, что служитъ къ славіи и процвѣтанію Россіи, надѣется на широкій кругъ читателей, которымъ дороги интересы родной страны и которые поймутъ, что такое, всѣмъ доступное по цѣнѣ, внѣ-партийное, не навязывающее никакихъ крайнихъ убѣжденій изданіе, какъ «СВѢТЛЫЙ ЛУЧЪ», ставитъ своей задачей служить откликомъ просвѣтительно-культурныхъ идей.

Принимаются объявления: 1 страница — 30 руб.; 1/2 стр. — 16 руб.; 1/4 стр. 8 руб. Благотворит. учрежденіямъ и обществамъ 50% скидки.

СПБ. Стремянная, 6. Тел. 326—66.

Редакторъ-издательница Е. УМАНЕЦЪ.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

Новая книга

Б. Б. ГЛИНСКАГО

**Борьба
за
Конституцію**

1612—1861 гг.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

Съ 22 портретами и иллюстраціей

Цѣна 3 р. 50 к.

Изданіе Н. П. Карбасникова.

Складъ изданія въ магазинахъ Н. П. Карбасникова:
въ С.-Петербургѣ, Гостинный дворъ, № 19, въ
Москвѣ—Моховая, д. Баженова, въ Варшавѣ —
«Новый свѣтъ», № 49, въ Вильнѣ—Большая ул.,
д. Гордона.

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА.

(Изъ записокъ моей бабушки)¹).

ХII.

ОИ ОТЕЦЪ былъ на двадцать лѣтъ старше моей матери. Она вышла за него пятнадцати лѣтъ, отказавши молодому, красивому жениху. Мой отецъ пріѣхалъ въ отпускъ въ свою деревню, попалъ къ сосѣдямъ на помолвку ихъ дочери, влюбился и отбилъ невѣсту у молодого человѣка. Была назначена дуэль, но мать отставного жениха, женщина властная, какъ-то узнала объ этомъ и увезла сына въ дальнюю деревню. Женившись, отецъ мой оставилъ военную службу и взялъ первое попавшееся мѣсто по гражданскому вѣдомству. Городокъ, въ который онъ попалъ, былъ на Волгѣ; онъ выстроилъ себѣ домъ на мѣстѣ съ необыкновенно красивымъ видомъ на Волгу и жилъ тутъ, никогда не заглядывая въ свое родовое имѣніе, которымъ управлялъ его меньшей братъ.

Съ ранняго дѣтства я помню отца, красиваго, стройнаго, веселаго, съ черными бровями и съ совсѣмъ бѣлыми кудрями. До женитьбы онъ былъ страстный игрокъ, и говорилъ, что посѣдѣлъ такъ за зеленымъ игорнымъ столомъ. До женитьбы онъ пилъ, курилъ, былъ охотникъ и рыболовъ, но отказался отъ всего для своей жены:

¹) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХІХ стр. 403.
«истор. вѣстн.», мартъ, 1910 г., т. СХІХ.

табаку она не выносила; боялась не только пьяныхъ, но и тѣхъ, отъ кого пахло виномъ. Когда онъ возвращался съ охоты, находилъ ее всегда заплаканную и совсѣмъ несчастную: ей все время казалось, что его принесутъ къ ней мертваго, какъ былъ у нея на глазахъ случай въ ихъ семьѣ. Года черезъ два послѣ замужества моя мать изъ трусливой дѣвочки сдѣлалась благоразумной женщиной и не стала бы стѣснять мужа въ его привычкахъ, но отецъ уже сдѣлался домохозяиномъ, все свободное время отъ службы проводилъ съ семьей, съ своими книгами; любилъ даже поиграть въ преферансъ по маленькой, и къ нему часто собиралась его партія. Иногда и маменька съ ними играла; она любила играть, но играла дурно, и отецъ всегда забавлялся ея ошибками.

— Если бы ты, матушка, была богатая женщина и играла по большой, мы бы всѣ около тебя состояніе себѣ составили!

Отецъ былъ по своему времени хорошо образованъ; былъ уменъ и остроуменъ; вспыльчивъ, но очень добръ. Мы съ нимъ очень любили другъ друга: я имѣла право приходить къ нему въ кабинетъ во всякое время. Часто, когда онъ читалъ что-нибудь очень ему интересное и не замѣчалъ, что я стою подлѣ него, я позволила себѣ дерзость: закрывала обѣими руками страницу, которую онъ читалъ. Иногда онъ весело захлопывалъ книгу и радовался, что я къ нему пришла, иногда говорилъ: «Дай, дай мнѣ дочитать, дурочка!»—сажалъ меня къ себѣ на колѣни, и я слѣдила, какъ его глаза бѣгали по строкамъ, какъ его красивое, выразительное лицо то освѣщалось отъ прочитаннаго, то потухало, черныя брови хмурились и сильно обозначалась складка поперекъ лба. Я особенно любила его веселаго и всегда старалась развеселить его, если онъ былъ серьезенъ и задумчивъ.

Когда всѣ наши гости уѣхали, когда я совсѣмъ поправилась и наша жизнь пошла попрежнему, я стала замѣчать, что мои родители чѣмъ-то озабочены: папенька все ходилъ изъ угла въ уголъ по кабинету и не брался за свои книги; маменька тоже все думала какую-то думу. Наконецъ она мнѣ сказала, что папенька очень беспокоится о своемъ братѣ, который управляетъ Ширяевымъ. Онъ ѣздилъ въ Москву по очень серьезному дѣлу, написалъ оттуда мѣсяць тому назадъ, что выѣзжаетъ къ намъ, только заѣдетъ дня на два въ свой уѣздный городъ, а вотъ до сихъ поръ не ѣдетъ и нѣтъ объ немъ никакихъ извѣстій. Папенька боится, что онъ заболѣлъ, и ѣдетъ самъ туда.

— Пришей-ка вотъ ему пуговицы къ шерстяной фуфайкѣ! Онъ получилъ отпускъ; думаетъ завтра выѣхать.

И на другой день мы его провожали. Всѣ притворялись веселыми; маменька говорила, что очень рада, что онъ проѣдется; онъ говорилъ, что помолодѣлъ, какъ одѣлся въ свое дорожное платье, которое не надѣвалъ лѣтъ десять; я старалась удержать слезы:

маменька просила меня не разстраивать отца. Но когда Вавила, сядя на облучекъ, крикнулъ ямщику: «съ Богомъ, трогай!» и ямщикъ тронулъ, я выпрыгнула въ сани, плакала, дѣловала милое оживленное лицо, которое ужъ мы потомъ никогда такимъ не видали...

Было отъ него письмо съ дороги съ шутливой припиской ко мнѣ: «Несмотря на первый успѣхъ, не прыгай, дочурка, въ сани къ проѣзжающимъ на всемъ скаку». Потомъ мы ждали, ждали, а писемъ не было. Потомъ было письмо отъ какого-то господина изъ города, что папенька, не доѣзжая Ширяева, тамъ заболѣлъ. Маменька сейчасъ же туда уѣхала. Двѣ длинныя, страшныя недѣли послѣ ея отъѣзда писемъ не было. Наконецъ она написала, что папенькѣ лучше, но его непременно надо везти въ Москву; а за мной пришлетъ тетюшка. Маменька надѣялась, что я буду тамъ такой же умной и послушной, какъ была всегда. На обратномъ пути изъ Москвы они за мной заѣдутъ.

Во все это тяжелое, страшное время всѣ наши знакомые были очень добры ко мнѣ; всѣ меня навѣщали и успокаивали. Между ними не было только моей милой Александры Петровны: она была сама больна и жила въ Швейцаріи. Адріанъ Григорьевичъ пріѣзжалъ ко мнѣ каждый день. Когда онъ пріѣхалъ въ первый разъ, я плакала и просила его ѣхать лечить папеньку.

— Когда бы можно безъ отпуска, сейчасъ бы поѣхалъ, — сказалъ онъ, ласково гладя меня по головѣ.

А когда пришло извѣстіе, что папеньку везутъ въ Москву, онъ пріѣхалъ веселый.

— Послушались меня, поѣдутъ, — сказалъ онъ, входя. — Ну, дѣвочка, тамъ его теперь будутъ лечить такіе доктора, что я недостойнъ развязать и ремня у ихъ обуви!

Когда мы оставались однѣ съ няней, она рассказала мнѣ о Москвѣ, куда она въ молодости ходила на богомолье; рассказывала мнѣ, сколько тамъ святыни, и говорила, что если папенькѣ не помогутъ доктора, его исцѣлятъ московскіе чудотворцы. Мы съ ней вмѣстѣ молились, вмѣстѣ плакали, и я часто засыпала, какъ маленькая, у нея на колѣняхъ.

Отъ тетюшки пріѣхала за мной ея нѣмка-горничная Луиза, и няня сразу ее возненавидѣла. Нѣмка нашла, что у насъ комнаты малы и очень просто убраны, и это, на ея дурномъ русскомъ языкѣ, вышло что-то очень обидно для няни. Потомъ гостыя не пошла обѣдать въ застольную и при этомъ обозвала мужскую половину пашей дворни грязными мужиками и еще, къ всеобщему негодованію, потребовала себѣ для ѣды серебряную ложку.

Провожать меня тоже пришли всѣ наши знакомые. Во время прощанья была трогательная сцена: няня поклонилась въ ноги ненавистой ей нѣмкѣ; плакала и умоляла ее любить и беречь меня.

Это все было такъ невыносимо грустно, что я не помню, какъ протислась съ нашимъ милымъ домомъ, съ няней, съ прислугой...

Дорогой Луиза старалась развлекать меня: говорила, какъ все грязно, скучно и бѣдно у насъ въ Россіи, и какъ все хорошо, чисто и весело въ ея родномъ городѣ Мангеймѣ. Говорила, какъ послѣ нашей тѣсноты будетъ мнѣ весело и хорошо у *Excellenz*: домъ огромный; вездѣ бархатъ и шелкъ, за обѣдомъ всегда пять блюдъ и очень хорошее пирожное, кофе варятъ безъ цикорія. Но себѣ она варить полфунта кофе, полфунта цикорія, потому что ей такъ велѣлъ ея *gross Vater auf seinem Sterbebett* ¹⁾. Она знаетъ, что и мой *Vaterchen* ²⁾ тоже очень боленъ и что онъ тоже старый человѣкъ, стало-быть, всего можно ожидать; но чтобы я не очень огорчалась; онъ, разумѣется, подумалъ обо мнѣ и назначилъ мнѣ такое же хорошее приданое, какое далъ и моимъ сестрамъ.

Во время этой длинной дороги, подъ говоръ Луизы, я много передумала. Горе сдѣлало меня старше. На первое время изъ моихъ размышленій я вывела себѣ одно правило: радоваться, какъ я до сихъ поръ жила и радовалась, можно со всѣми, даже съ Луизой изъ Мангейма; а горе съ этихъ поръ, а потомъ и всегда, я старалась прятать отъ постороннихъ.

XIII.

Въ нашей семьѣ были богаты Лиза и я. На нашихъ крестинахъ присутствовала добрая фея и одарила насъ. Это была одна богатая, важная барыня. Она пріѣзжала иногда въ свои приволжскія владѣнія и жила въ одномъ изъ помѣстій, которое было только черезъ Волгу отъ нашего города. Мой отецъ бывалъ у ней, она познакомилась съ моею матерью, очень полюбила ее. Случилось такъ, что Лиза, а потомъ и я, родились въ то время, какъ она была въ нашемъ соеѣдствѣ и сама напросилась къ намъ въ крестныя матери. Я помню, какъ разъ маменька и сестры смотрѣли съ балкона нашего дома въ зрительную трубу на Волгу, дали и мнѣ посмотрѣть, какъ наша крестная мать ѣхала въ городъ на своей красивой лодкѣ съ гребцами въ красныхъ рубашкахъ, а далеко впереди шелъ дощаникъ съ ея каретой и шестеркой сѣрыхъ. Нѣсколько помню и ее, всю въ черномъ, высокую, строгую. У ней убили на дуэли ея единственного сына: онъ очень ухаживалъ за одной барышней, потомъ совсѣмъ пересталъ ѣздить къ нимъ въ домъ. У барышни было три брата, они пріѣхали къ нему, угрожая стрѣляться съ нимъ одинъ послѣ другого, если онъ не женится на ихъ сестрѣ. Онъ принялъ вызовъ и былъ убитъ.

¹⁾ Дѣдушка на смертномъ одрѣ.

²⁾ Папенька.

Мнѣ было шесть лѣтъ, когда умерла наша крестная мать, и ея душеприказчикъ привезъ маменькѣ два банковыхъ билета по пяти тысячъ каждый. Они были положены въ банкъ на десять лѣтъ безъ востребованія процентовъ, одинъ въ годъ рожденія Лизы, другой въ годъ моего рожденія. У Сони не было крестной матери-феи, и наши родители рѣшили, что заложать Ширяево, чтобы дать ей приданое, одинаковое съ нами. Какъ только сестеръ помолвили, отецъ послалъ все нужныя для залога бумаги своему брату, который управлялъ Ширяевымъ.

Дядя былъ добрый, честный, но недалекій человекъ. Онъ потерялъ все свое состояніе въ ранней молодости: его ловко обобрала какая-то «женщина». Папенька щедро устроилъ его въ своемъ Ширяевѣ, но онъ сильно огорчилъ отца, женившись на своей дворовой дѣвушкѣ. Правда, что она оказалась очень умной и дѣловитой, но все-таки онъ ее къ намъ никогда не привозилъ. Дѣтей у нихъ не было, и они взяли воспитанницу, сиротку изъ духовнаго званія; ей теперь было лѣтъ двадцать. Жена дяди умерла года два тому назадъ, и съ тѣхъ поръ онъ не привозилъ самъ, а присылалъ по почтѣ ширяевскіе доходы. По смерти жены онъ переѣхалъ жить въ городъ, потому что его воспитанница, какъ онъ писалъ, очень слабого здоровья и ей необходимо быть ближе къ доктору; а въ Ширяевѣ у него хорошій бурмистръ и онъ самъ туда часто наѣзжаетъ. Онъ охотно взялся заложить Ширяево, но выѣхалъ въ Москву на цѣлый мѣсяцъ позднѣе, чѣмъ его просилъ отецъ. Изъ Москвы онъ писалъ, что его все только водятъ со дня на день: что онъ тутъ совсѣмъ стосковался. Наконецъ, ужъ послѣ свадьбы сестеръ получили отъ него письмо, что дѣло кончено, онъ выѣзжаетъ къ намъ, только ему необходимо заѣхать хоть на одинъ день въ свой городъ. Такъ какъ дядя не привезъ денегъ къ свадьбѣ, то Сонѣ отдали мои билеты и еще должны были занять, чтобы пополнить обѣщанную сумму; Митя былъ правъ, когда сказалъ мнѣ, что мои родители съ тетуской все о деньгахъ говорили. Маменька хотѣла, чтобы Платонъ Александровичъ не мѣнялъ моихъ билетовъ до приѣзда дяди; но тетушка горячо возражала, что его нельзя такъ стѣснять, потому что при залогѣ имѣнія встрѣчаются часто препятствія, которыя затягиваютъ дѣло. Маменька, какъ всегда, ей уступила.

Прошелъ почти мѣсяцъ со свадьбы сестеръ, а дядя все не ѣхалъ и не писалъ. Вотъ тутъ мой отецъ, очень встревоженный, и поѣхалъ въ Ширяево самъ.

На послѣдней станціи передъ городомъ, гдѣ жилъ дядя, отецъ съѣхался съ мѣстнымъ предводителемъ, и тотъ, послѣ нѣсколькихъ приготовительныхъ фразъ, сообщилъ отцу, что дядю обокрали въ первую же ночь, какъ онъ возвратился изъ Москвы. Дядя съ дороги спалъ, какъ убитый, и не слышалъ, какъ у него вытащили изъ-подъ подушки бумажникъ. Дядя въ отчаяніи поднялъ на ноги всю город-

скую полицію; въ его домѣ сдѣлали строжайшій обыскъ, но ничего не нашли. Только по подозрѣнію воспитанницы посадили ея горничную и лакея, который ѣздилъ съ дядей. Воръ не оставилъ никакихъ слѣдовъ; поиски ничего не открыли; а дядя все еще надѣется, все разыскиваетъ и все не соберется съ духомъ, чтобы увѣдомить брата.

Пятнадцать тысячъ, которыя украли у дяди, была очень большая сумма въ то время. Разумѣется, это извѣстіе поразило отца. По человѣку, посѣдѣвшему за карточнымъ столомъ, часто случалось выигрывать и проигрывать большіе куши, и это пріучало относиться легче къ приливу и отливу денегъ. Къ тому же украденное могли еще найти: тогда это случалось довольно часто.

Со станціи, гдѣ они встрѣтились, предводитель сѣлъ въ сани къ отцу, рассказывалъ разныя подробности розысковъ и между прочимъ сообщилъ, что всѣ полицейскія и гражданскія власти ихъ города и всѣ его обыватели увѣрены, что бумажничка украдала воспитанница. Это звѣрь красивый и хищный; она уже обобрала дядю, какъ только могла. Всѣ знаютъ, что дядя хочетъ на ней жениться, что онъ просилъ ее обвѣнчаться передъ отъѣздомъ въ Москву, чтобы ѣхать туда вмѣстѣ, но она все откладывала и довела до поста. Всѣ знаютъ, что у нея есть тайный женихъ, молодой, красивый протоколистъ изъ уѣзднаго суда. Но, благодаря его красотѣ, невѣсть у него много, и онъ женится только на той, у которой будетъ больше приданого.

Неожиданный пріѣздъ отца вызвалъ тяжелую сцену: дядя, блѣдный, взволнованный, бросился передъ нимъ на колѣни, кланялся ему въ ноги, прося прощенья за свою оплошность; клялся, что будетъ до конца жизни служить ему и его дѣтямъ, чтобы хоть что-нибудь возратить изъ потеряннаго. Отецъ поднималъ, пѣловалъ, успокаивалъ его, говоря, что, Богъ дастъ, воръ разыщется и все найдется.

И все нашлось, и нашель нашъ Вавила. Въ первый же вечеръ за ужиномъ въ людской ему рассказали всѣ подробности покражи и прямо говорили, что украсть некому, кромѣ воспитанницы; только куда она спрятала, никто не можетъ догадаться, а ужъ всѣ за ней такъ смотрять, что на сторону ей нельзя было отдать. Подлѣ Вавилы сидѣла девятилѣтняя дѣвочка Оеня, которую недавно привезли изъ деревни. Ее всѣ еще только «учили», а онъ очень любилъ дѣтей, приласкалъ ее, далъ гостинцу, посадилъ за ужиномъ подлѣ себя. Чинно черпая ложкой щи изъ общей чашки, она заговорила:

— Она, дядя Вавила, что-нибудь мнѣ въ подушку прячетъ, гдѣ я кружева плету, она меня учитъ. Какъ тетку Маланью въ тюрьму посадили, я страсть какъ ночью боюсь... Закроюсь съ головой, а все не сплю, мнѣ и видно, какъ барышня ночью съ моей подушкой нянчится: вынетъ ее изъ лукошка, къ себѣ понесетъ,

а тамъ опять мнѣ въ лукошко сунеть... и все тайкомъ... все тайкомъ, каждое утро у меня страсть какъ коклюшки перепутаны. Я ей разъ про коклюшки-то сказала... она меня такъ по головѣ ударила, что я обезпамятѣла.

Всѣ городскія власти съѣхались къ дядѣ по случаю приѣзда отца. Вавила торжественно внесъ подушку съ гремящими коклюшками и просилъ позволенія ее распоротъ. Отецъ самъ ее разрѣзалъ, и изъ нея вмѣстѣ съ опилками грузно вывалился бумажникъ. На радостный крикъ гостей выбѣжала воспитанница, поблѣднѣла, какъ смерть, увидавши подушку и бумажникъ, но не потерялась.

— Я говорила, что это Маланья украла... Вотъ она и спрятала къ племянницѣ въ подушку,—сказала она.

Ловко посадила она въ тюрьму Маланью, чтобы свалить на нее, если бумажникъ найдутъ. Но на всякаго мудреца находить простота: она прежде зашивала въ эту подушку записочки своего протоколита. Задумавши кражу и зная, что непременно будетъ обыскъ, она рѣшила спрятать туда же украденное: если найдутъ, можно свалить на кого-нибудь изъ дворовыхъ. Записочки она хотѣла уничтожить, но все медлила, ей, вѣрно, жаль было съ ними разтаться; а дядя, побуждаемый ея нѣжными письмами, ея мольбами непременно заѣхать, хоть на нѣсколько часовъ, приѣхать раньше, чѣмъ она его ждала, и она второпяхъ оставила въ подушкѣ записочку, которая ее и выдала. Одинъ изъ присутствовавшихъ нашель ее въ опилкахъ и началъ громко читать, потѣшаясь напыщенными любовными фразами, и, обращаясь къ воспитанницѣ, просилъ ее объяснить, почему старую Маланью называютъ неоцѣненной Софочкой. Увидавши, что все пропало, воспитанница разсвирѣпѣла, какъ дикій звѣрь; бросилась вырывать записочку и когда ей это не удалось, не помня себя, въ безумномъ гнѣвѣ разсказала все, пересыпая свое признаніе проклятіями дядѣ, его покойной женѣ и грубыми насмѣшками надъ его любовью. Дядя убѣжалъ къ себѣ въ кабинетъ. Ее связали и увели. Мой отецъ, страшно взволнованный всѣмъ этимъ, пошелъ въ кабинетъ къ брату и нашель его на полу, всего въ крови, съ перерѣзаннымъ горломъ, близъ него лежала бритва. Отецъ вскрикнулъ, упалъ и ударился головой о желѣзную печь. На другой день, когда его привели въ чувство, оказалось, что у него отнялся языкъ и вся правая сторона.

А дядя остался живъ.

XIV.

Всю эту нашу семейную драму я узнала только черезъ два года. Тетушка, когда я къ ней приѣхала, сказала мнѣ только, что папенькѣ надо серьезно лечиться; маменька въ каждомъ письмѣ повторяла, что ему лучше, но что московскіе доктора совѣтуютъ ему ѣхать на

воды въ Германію, что папенька какъ-нибудь самъ мнѣ напишетъ, а теперь только просить меня во всемъ слушаться тетюшку, хорошо учиться и писать къ нимъ каждую недѣлю. Папеньку лечили почти два года и въ Москвѣ, и на богемскихъ грязяхъ, и морскими ваннами, и воздухомъ Швейцаріи. Маменька вездѣ была его постоянной сидѣлкой, а Вавила ея усерднымъ помощникомъ. А я старалась хорошо учиться и писала имъ каждое воскресенье длинныя письма. Во время ихъ отсутствія я жила зиму у тетюшки, а лѣто у Сони въ Грачахъ.

Маменька потомъ говорила, что меня все это время воспитывали, какъ молодого слона, строгостью и лаской. Сестра меня очень баловала, а тетюшка была ко мнѣ очень строга. Исторія съ Митей уронила меня въ ея глазахъ; онъ увѣрилъ ее, что во время нашей ссоры просилъ у меня прощенія изъ жалости ко мнѣ; если бѣ мой отецъ узналъ, что я его прибила, то наказалъ бы меня; онъ и взялъ на себя мою вину.

Роскошью и просторомъ дома *Excellenz*, которыми меня утѣшала дорогой Луиза, я совсѣмъ не пользовалась, а была все время на антресоляхъ губернаторскаго дома; выходила только въ назначенныя часы гулять съ англичанкой миссъ Смисъ и съ сыномъ тетюшки, девятилѣтнимъ Володей, который очень полюбилъ меня. Митя гулялъ съ гувернеромъ-нѣмцемъ. По праздникамъ меня возили къ обѣднѣ въ приходскую церковь, въ сопровожденіи экономки; мальчиковъ дядя-губернаторъ бралъ съ собой въ соборъ; тетюшка бывала только у всенощной въ архіерейской церкви.

Миссъ Смисъ была тоже строга ко мнѣ первое время. Да я и была постоянно передъ ней виновата. Тетюшка предупредила ее, что я очень избалована, просила ее приучать меня къ строгому порядку и держать совсѣмъ по-англійски. Помѣстили меня въ ея комнатѣ, кровать ея отгородили ширмами, но умывальникъ, туалетный и письменный столы были у насъ общіе, а я совершенно не умѣла держать въ порядкѣ мои «things»¹⁾. Онѣ съ утра до ночи сердили м-съ Смисъ, потому что лежали не на указанныхъ мѣстахъ; чернильница была не закрыта; крышка умывальника на боку... Няня тоже называла меня неприберихой и незатворихой, но я даже не знала, упрекъ это или ласка... Бывало, няня причесываетъ мнѣ на ночь волосы, а я читаю ей что-нибудь или рассказываю, потомъ, пока она прибираетъ гребни, я быстро разстегну и развяжу мои одежды, спущу все на коверъ и прыгну въ постель, сбрасывая башмаки, а няня все подберетъ, сложить, сниметъ съ меня чулки, грѣетъ и цѣлуетъ мои ноги... Теперь я сама расчесывала утромъ и вечеромъ мои волосы и приходила въ отчаяніе, совсѣмъ не зная, какъ съ ними справиться: они были у меня длинныя, густыя, тонкіе,

¹⁾ Мелкія вещи.

вьющиеся и потому всегда спутанные. Теперь я въ первый разъ замѣтила, сколько было у меня вещей, которыя надо было вытряхивать, расправлять, складывать и всегда класть въ извѣстномъ порядкѣ. Мнѣ даже долго не удавалось поставить около постели башмаки такъ, чтобы носки и пятки были совѣмъ ровно и не беспокоили миссъ Смисъ своей небрежной позой. Какъ трудно мнѣ было пріучиться закрывать и сейчасъ же ставить въ шкапъ книгу, если я на нѣсколько минутъ переставала читать и брала въ руки что-нибудь другое, или не оставлять неприбранной работу. Я очень выросла послѣ болѣзни; была худая, нескладная, длинноногая дѣвочка, что, мнѣ кажется, тоже должно было раздражать маленькую, пухленькую миссъ Смисъ. Она безпрестанно дѣлала мнѣ длинные выговоры, изъ которыхъ я первое время не понимала, разумѣется, ни одного слова; но она такъ строго смотрѣла на меня, такъ укоризненно качала головой, причеъ ея букли и большіе банты ея страннаго чепца такъ грозно колебались, что я чувствовала себя страшно виноватой.

Не веселы были и мои уроки: я училась вмѣстѣ съ мальчиками, и Митя исподтишка всегда старался сдѣлать мнѣ что-нибудь непріятное. Онъ былъ очень даровитъ, все хваталъ на лету, память у него была удивительная; а если ему иногда что-нибудь не удавалось, такъ онъ сидѣлъ часы надъ урокомъ, и все это, мнѣ теперь кажется, для того, чтобы знать лучше другихъ и этимъ ихъ унижать. Скажетъ прекрасно урокъ, быстро рѣшить трудную задачу и смотреть презрительно не только на насъ, но и на учителя. Не было только у него уха для стиховъ, а тогда ихъ часто задавали. Какъ ни была хороша у него память, а въ стихахъ, бывало, переставитъ два слова съ одного мѣста на другое и не слышитъ, что все пропало. Разъ онъ, совершенно этого не замѣчая, сдѣлалъ такую прозу изъ стиховъ Шиллера, что нашъ нѣмецъ громко захохоталъ и велѣлъ мнѣ его поправить. Митя такъ разозлился, что, выходя изъ класса, сильно толкнулъ меня; я ударилаъ головой объ дверь, а онъ началъ насмѣшливо раскланиваться и извиняться. Это видѣлъ Володя и бросился на него съ кулаками. Митя струсилъ, вывертывался, оправдывался.

А вотъ что случилось съ моей музыкой. Въ городѣ была очень хорошая музыкантша, жена чиновника Такилова. Тетушка упростила ея давать мнѣ уроки и сказала ей, что я ужъ хорошо играю. Она попросила меня сыграть что-нибудь. Я бойко заиграла какія-то варіаціи, но не успѣла сыграть и одной страницы, какъ Такилова захлопнула и отбросила мои ноты, привинтила къ роялю guide-main, поставила метрономъ и велѣла мнѣ ударять попеременно пальцами по пяти нотамъ, самымъ медленнымъ темпомъ. Передъ моимъ отъѣздомъ въ Грачи она дала мнѣ этюды Крамера, велѣла играть по три часа въ день, а прежнюю мою музыку постараться забыть.

Въ Грачи отправили меня и Володю съ миссъ Смисъ. Тетушка уѣзжала въ Шлангенбадъ, за Митей долженъ былъ пріѣхать отецъ, чтобы везти его за границу. Платонъ Александровичъ сильно беспокоился, что Митя мало растетъ, и каждый годъ возилъ его по европейскимъ знаменитостямъ, а тѣ отправляли его на разныя воды и морскія купанья. Мы встрѣтились съ Платономъ Александровичемъ на большой дорогѣ; лакеи, сидѣвшіе на козлахъ, сообщили объ этомъ въ экипажи, и мы остановились. Володя выскочилъ изъ кареты, и Платонъ Александровичъ спрашивалъ его о Митѣ.

— А! la troisieme Grâce¹⁾,—привѣтствовалъ онъ меня:—сестра тебя ждетъ. Ну, что, показалъ вамъ мой Митя, какъ надо учиться. Только вы съ нимъ что-то характерами не сошлись. Онъ мнѣ все писалъ.

— Онъ вамъ что-нибудь навралъ,—горячо вступился Володя.

— Не горячись, не горячись, маленькій пажъ. И про тебя все знаю. Иди къ своей королевѣ. Миссъ Смисъ, до свиданія.

И мы разъѣхались.

XV.

Какъ хороши были Грачи, грачевскій домъ, грачевскій садъ, широкая рѣка за садомъ и лѣсъ съ густымъ орѣшникомъ за рѣкой! Какіе были цвѣты, какія розы... Ихъ было такъ много, что, когда онѣ отцвѣтали, дорожки сада были розовыя отъ ихъ лепестковъ... И какъ мнѣ тамъ хорошо жилось. Соня дала намъ съ миссъ Смисъ двѣ комнаты съ окнами въ садъ, и все у насъ было отдѣльное, только дверь между нами никогда не затворялась. Первый же вечеръ, какъ мы пріѣхали, Соня пришла ко мнѣ взглянуть, хорошо ли мнѣ, и застала меня «за истребленіемъ моихъ волосъ», какъ она выразилась, когда увидала, что я, обвинивши шею волосами, чтобы достать до ихъ концовъ, жестоко раздирала ихъ гребнемъ. Она начала сама мнѣ ихъ расчесывать, позвала миссъ Смисъ и попросила у ней позволенія присылать ко мнѣ утромъ и вечеромъ свою горничную, такъ какъ мнѣ самой очень трудно справляться съ такими большими волосами. Съ этихъ поръ наша Прасковья, которую я очень любила, приходила утромъ и вечеромъ меня причесывать и какъ будто мимоходомъ прибирала у меня все, такъ что мы съ миссъ Смисъ и не замѣчали, что у меня все идетъ совершенно по-русски и объ радовались, что мои things насъ не беспокоятъ. Къ тому же я стала все понимать по-англійски, очень полюбила англійскую литературу, даже начала порядочно говорить. Въ грачевской библиотекѣ было много англійскихъ книгъ, мы съ миссъ Смисъ вмѣстѣ читали на прелестной террасѣ, уставленной цвѣтами и растеніями, одна читала,

¹⁾ Третья Грація.

другая работала. Она увидала, что я не лѣнива и умѣю хорошо работать. А когда я сдѣлала для ея чепца такіе же внушительные банты, какъ она всегда носила, она въ первый разъ поцѣловала меня и стала мнѣ рассказывать про себя, про свою семью, про Индію. Она провела тамъ свою молодость, рассказывала мнѣ про балы въ Калькутѣ, какъ тамъ, въ огромномъ залѣ съ крышей изъ рамъ, которыя поднимались и опускались, какъ вѣера, чтобы освѣжать присутствующихъ, танцовали дамы, всѣ залитыя брильянтами, и кавалеры въ красныхъ мундирахъ. Когда они переставали танцевать и садились за столы, уставленные европейскими винами и самыми изысканными кушаньями и рѣдкими фруктами, ихъ обвѣвали огромными вѣерами слуги-индусы въ живописныхъ костюмахъ. Показала мнѣ брошку, слона изъ мелкихъ брильянтовъ и сказала мнѣ, краснѣя, что у ней былъ въ Индіи женихъ, а brave and handsome soldier ¹⁾; онъ подарилъ ей эту брошку, уходя въ походъ, гдѣ былъ убитъ взбунтовавшимися сипаями. Она одинъ разъ описала мнѣ великолѣпный вѣздъ красавца-раджи такъ хорошо, что я живо представила себѣ всю эту картину; только въ моемъ воображеніи, вмѣсто неизвѣстнаго мнѣ раджи, сидѣлъ на бѣломъ слонѣ, въ восточныхъ одеждахъ, окруженный великолѣпной и подобострастной свитой, Андрей Кирилловичъ Ступиловъ. Я часто его вспоминала, а тутъ еще маменька написала намъ, что онъ заѣзжалъ въ скучный Франценсбадъ, только чтобы съ ними увидаться, пробылъ два дня, и папенька былъ очень ему радъ.

Въ Грачахъ иногда меня мучило сознаніе, что я стала равнодушнѣе къ болѣзни отца, къ отсутствію моихъ родителей. У тетушки послѣ разныхъ неудачъ я, бывало, лягу въ постель и тихонько, чтобы миссъ Смисъ не услышала, плачу о томъ, что папенька боленъ; воображаю, какъ онъ лежитъ худой и блѣдный, а маменька сидитъ у его постели съ такимъ же несчастнымъ лицомъ, какъ было у нея во время моей болѣзни. А въ Грачахъ мнѣ даже казалось, что папенька выздоровѣлъ. Тутъ утромъ Прасковья отдергивала въ моей комнатѣ занавѣски, отворяла окна, и меня будилъ яркій свѣтъ, теплый, душистый воздухъ, звонкіе голоса птицъ, и я радостно вскакивала съ постели, зная впередъ, какъ хорошо будетъ день. А ложаюсь, я быстро засыпала, увѣренная, что и завтра будетъ такъ же хорошо. Я выросла въ городѣ, и теперь, какъ будто за всѣ годы, прожитые тамъ, наслаждалась деревней. Я въ первый разъ въ жизни купалась въ рѣкѣ, училась плавать, училась управлять лодкой, училась ѣздить верхомъ. У Володи тутъ была своя маленькая лошадка, а я ѣздила на Сониной рыжей «Бьюти». Сама Соня это лѣто не ѣздила. Насъ училъ берейторъ Саврасовъ, съ виду свирѣпый, рябой, черный, усатый, но съ нами онъ былъ очень милъ.

¹⁾ Храбрый и красивый офицеръ.

Миссъ Смисъ поощряла мою верховую ѣзду, она сама ѣздила въ Индіи и находила, что это совершенно lady like ¹⁾.

Но настоящее веселье началось для насъ съ Володей, когда пріѣхали дяди Мити, Дубецкіе. Сестры давно ихъ знали, а вотъ какъ я съ ними познакомилась. Это было въ началѣ моей верховой ѣзды: ѣхали мы съ Володей рано утромъ легкой рысью по полю, навстрѣчу намъ вылетѣла изъ лѣсу тройка киргизовъ; въ корню вороной иноходець, грива до земли, пристяжныя соловья, ямщикъ въ красной рубашкѣ.

— Боря и Паша!—радостно вскрикнулъ Володя.

— Это они изъ города,—съ совершенно расцвѣтшимъ лицомъ сообщилъ берейторъ.

Тройка остановилась: молодые люди выскочили изъ коляски; Володя здоровался съ однимъ, другой подошелъ ко мнѣ.

— Вы непременно должны быть кузина Мира, а я—Борисъ Дубецкій, къ вашимъ услугамъ.

Я протянула ему руку для shake hands ²⁾, какъ выучила меня Соня.

— А это мой братъ Павелъ.

Какъ всё имъ обрадовались! Весь домъ оживился, у прислуги не сходила съ лица неудержимая улыбка. Миссъ Смисъ, всегда такая чопорная и корректная, сбѣжала къ нимъ, забывши, что не сняла папильотокъ: Дубецкіе были когда-то ея лѣнливыми, но любимыми учениками. Соня тоже очень была имъ рада; они еще подростками пріѣзжали съ тетушкой къ нимъ въ институтъ; а потомъ сестры видали ихъ у тетушки, когда заживались у ней до лѣта, а Дубецкіе пріѣзжали изъ правовѣдѣнія и лицея на каникулы. Теперь Борисъ уже служилъ, а Павлу оставался одинъ годъ лицея.

На другой день ихъ пріѣзда былъ праздникъ. Послѣ обѣдни, у которой мы всегда бывали, пришла толпа мужиковъ и сельскіе власти съ хлѣбомъ и солью на узорномъ полотenciѣ поздравить Бориса и Павла съ пріѣздомъ. Они были тутъ настоящіе хозяева, а Платонъ Александровичъ только ихъ опекалъ. Первая жена его была ихъ старшая сестра: она вышла замужъ послѣ смерти своей матери, и ея отецъ, исполняя волю покойницы, далъ ей равную часть съ братьями, что прежде рѣдко случалось; только въ ея деревняхъ не было усадебъ.

Когда умеръ ея отецъ, ее сдѣлали опекуной надъ несовершеннолѣтними братьями. Послѣ ея смерти управлялъ, опекалъ и жилъ въ Грачахъ Платонъ Александровичъ, а Борисъ и Павелъ пріѣзжали въ Грачи какъ гости; но у нихъ было тутъ цѣлое отдѣленіе, безъ нихъ всегда запертое, гдѣ жилъ послѣднее время ихъ покойный отецъ.

¹⁾ Прилично для леди.

²⁾ Пожатіе рукъ.

Теперь тамъ было очень оживленно; оттуда слышались мѣзыка, пѣніе, кузены пѣли на клиросѣ и обучали для этого мальчиковъ. Приглашали и меня, но Соня этого не одобряла. Она вообще строго опредѣлила мои отношенія къ кузенамъ: я не могла, какъ Володя, звать ихъ Борей и Пашей и быть съ ними на «ты», а должна была звать ихъ «*mon cousin*», здороваться съ ними «*shake hands*» и къ нимъ въ отдѣленіе съ Володей не ходить. Они пропадали иногда цѣлые дни на охотѣ, Борисъ часто ѣздилъ въ городъ; но когда они были дома, почти все время были съ нами. Они даже приходили на террасу во время нашего англійскаго чтенія. У Бориса стоялъ тутъ мольбертъ, онъ писалъ прелестный видъ, который открывался съ террасы. Павелъ приходилъ съ карандашомъ и бумагой и рисовалъ... наши карикатуры. Миссъ Смитъ читала намъ Вальтеръ Скотта и считала своей обязанностью при каждомъ мѣстѣ, удобномъ для правоученія, говорить намъ проповѣдь. Это было ужасно!.. Герой въ страшной опасности, его хотятъ повѣсить, мы съ Володей въ такомъ возбужденіи, что даже встали и заглядываемъ въ книгу, а миссъ Смитъ закрываетъ ея, поводя въ простраствѣ своими добрыми, блѣдно-голубыми глазами, очень долго и *fluently* ¹⁾ уговариваетъ насъ никого не лишать жизни, даже вредныхъ насѣкомыхъ. У Павла было много удачныхъ карикатуръ на эту тему.

Недалеко отъ Грачей были деревни Мити, доставшіяся ему послѣ смерти матери, а въ нихъ часть, выдѣленная Платону Александровичу изъ состоянія жены. Безъ него всеѣмъ хозяйствомъ управляла Соня. Къ ней, въ кабинетъ Платона Александровича, приходили конторщикъ съ книгами, бурмистры и старосты съ бирками. Иногда она сама ходила въ контору и разъ позволила мнѣ пойти съ ней. У крыльца конторы было много народа, всеѣ почтительно разступились, низко ей кланяясь, и она прошла между ними, подбирая шитыя оборки своего пеньюара, красивая и нарядная, какъ королева, ласково кланяясь на обѣ стороны. Въ конторѣ она сѣла къ столу, конторщикъ съ маленькими плутовскими глазками положилъ передъ ней книги, вызвали къ ней четырехъ бородатыхъ мужиковъ съ умными и серьезными лицами. Когда она говорила съ ними, что-то имъ доказывая и щелкая по счетамъ бѣлыми пальчиками въ блестящихъ кольцахъ, мнѣ казалось, что эти серьезные мужики во всемъ съ ней соглашаются больше потому, что она такая красавица. Но все-таки я находила, что она очень умна и навѣрное теперь знаетъ, что опалы не ея... Когда пріѣхали Дубецкіе, она брала съ собой въ контору Павла, котораго все еще какъ-то опекали, и онъ часто при насъ рассказывалъ Борису, какъ умѣло она ведетъ дѣла... А когда она уличила въ плутняхъ конторщика, которому Платонъ Александровичъ совершенно довѣрялъ, Павелъ рѣшилъ, что если ѣ она была мужчина, то непременно была бы первымъ министромъ.

¹⁾ Быстро.

— А какимъ лихимъ корнетикомъ была бы кузина Мира, если бы была мальчикъ!—сказалъ Борисъ.

Они вскружили мнѣ голову моими успѣхами въ верховой ѣздѣ. Ыздили мы каждый день, а иногда и два раза, утромъ и вечеромъ. Володя съ берейторомъ обыкновенно отставали, а кузены давали мнѣ усердные уроки ѣзды, такъ что я ужъ брала небольшія препятствія: канавы, низенькіе плетни.

Они оживили и мою музыку. До ихъ пріѣзда я покорно играла только этюды и экзерсисы, а теперь аккомпанировала Борису. У него былъ прекрасный голосъ, и я, замирая отъ восторга, слушала Шуберта. Иногда Соня садилась за рояль, и мы танцовали въ двѣ пары, Володя за даму.

Грачи было очень большое село съ ярмаркой и базарами. Народъ былъ веселый, и когда пріѣхали молодые господа, молодежь приходила большимъ хороводомъ пѣть и плясать на лугу передъ барскимъ домомъ.

XVI.

Тетушка возвратилась изъ Петербурга только въ концѣ января, и я находилась все это время подъ ласковой опекой дядюшки-губернатора. Онъ приходилъ къ намъ на верхъ каждый день, иногда рано утромъ въ довольно поношенномъ халатѣ, иногда вечеромъ во фракѣ съ звѣздами, приходилъ на нѣсколько минутъ, но такъ сердечно относился ко мнѣ, что надолго оставлялъ меня счастливой. Онъ бы желалъ дать мнѣ нѣкоторыя льготы, но миссъ Смисъ строго держалась правилъ, предписанныхъ тетужкой. Разъ онъ пришелъ къ намъ очень веселый, съ конфетами и объявилъ, что у Сони родился сынъ, Саша. Это была намъ большая радость, въ Грачахъ будетъ еще интереснѣе. Миссъ Смисъ начала вышивать прелестныя маленькія вещи для бѣби, она была увѣрена, что Соня будетъ воспитывать его совсѣмъ по-англійски.

Теперь мнѣ и тутъ хорошо жилось: Митя былъ въ правовѣдѣніи, и безъ него уроки шли отлично. Такилова была довольна моей музыкой, миссъ Смисъ очень добра ко мнѣ. Она даже пожелала ѣздить со мной въ нашу церковь. Дядюшка очень это одобрилъ и послалъ ей туда коверъ и нарядное кресло.

Своего молитвенника она съ собой не брала, но торжественно сидѣла тамъ, ласково обводя своими добрыми глазами пѣвчихъ, причтъ и прихожанъ. Наша служба ей очень нравилась; она находила только, что *the deacon is too noisy* ¹⁾.

А меня моя новая церковная обстановка очень смущала. Прошлаго года съ экономкой у насъ было совсѣмъ просто: пріѣзжали мы вдвоемъ

¹⁾ Діаконъ очень громокъ.

въ церковь и хотя насъ всегда заботливо пропускали впередъ, но потомъ никто не обращалъ на насъ вниманія, и мы съ ней усердно молились съ частыми земными поклонами, какъ я привыкла съ дѣтства. А теперь мы представляли что-то интересное, около насъ было тѣсно, несмотря на ливрейнаго лакея, который оберегалъ насъ. Миссъ Смисъ съ такимъ безпокойствомъ смотрѣла на меня при каждомъ моемъ земномъ поклонѣ, что я боялась волновать ее и покорпо стояла у ея кресла.

Наконецъ и тетушка пріѣхала. Съ кузиной Нелли мы сразу подружились; комната ея была у насъ наверху, и я часто забѣгала къ ней между уроками. Когда она только что пріѣхала, то очень смѣялась, что меня, такую большую (я была много выше ея), миссъ Смисъ держитъ какъ маленькую *up stairs* ¹⁾. Нелли говорила, что вывозить меня, разумѣется, еще рано, да и не въ этомъ дѣло... Она сама совѣтъ, совѣтъ не любить выѣздовъ... А ужъ дома-то мы заживемъ съ ней какъ большія.

На масленицѣ у тетушки былъ очень оживленный *bal costumé* ²⁾. Мы съ миссъ Смисъ смотрѣли на него съ хоръ изъ-за растеній, когда оттуда уходили музыканты. Володя былъ одѣтъ пажомъ и до двѣнадцати часовъ былъ на балѣ при очень красивой маркизѣ; онъ носилъ ея шлейфъ и все время отыскивалъ насъ глазами на хорахъ. Передъ этимъ баломъ мнѣ уже минуло шестнадцать лѣтъ, и миссъ Смисъ заявила тетушкѣ, что, по ея мнѣнію, мнѣ бы можно быть, хоть ненадолго, на этомъ балѣ... Объ этомъ очень просила тетушку Нелли; Володя просилъ и плакалъ, но она была неумолима...

Подходилъ май. Тетушка съ Нелли уѣзжали за границу, а мы втроемъ опять въ Грачи. Къ тетушкѣ я больше не возвращусь: маменька въ каждомъ письмѣ повторяла, что они возьмутъ только курсъ въ Франценсбадѣ и тронутся въ Россію, разумѣется, съ большими остановками, чтобы не утомлять папеньку; но къ осени мы ужъ всѣ будемъ вмѣстѣ дома.

Въ послѣдній вечеръ передъ нашимъ отъѣздомъ Нелли повела меня внизъ.

— Ты завтра уѣзжаешь и почти не видала нашего дома; тапан не принимаетъ, занята въ своемъ кабинетѣ, а мы пойдемъ посидѣть къ ней въ будуаръ; онъ очень красивъ.

Мы сѣли на маленькій диванчикъ. Нелли обняла меня и положила мнѣ голову на плечо.

— Тутъ по четвергамъ тапанъ принимаетъ дамъ утромъ. Каждый пуфъ, каждый эссъ, каждая козетка здѣсь прелесть. Розовыя сторы всегда спущены. Въ солнечный день, когда будуаръ полонъ

¹⁾ Наверху.

²⁾ Костюмированный балъ.

нарядныхъ дамъ, всѣ онѣ кажутся хорошенькими при этомъ освѣщеніи. Но тамъ всегда лучше всѣхъ.

Теперь будуаръ былъ освѣщенъ розовымъ фонарикомъ съ толка. Въ полусвѣтѣ выдѣлялись только фарфоровыя фигурки на консоляхъ, часы и вазы на каминѣ да золотыя рамы картинъ на темныхъ стѣнахъ.

— И ты тоже будешь красавица,—прибавила Нелли.

Я засмѣялась.

— Вотъ нашла красавицу... Посмотрѣла бы, какія карикатуры рисовалъ на меня Павелъ...

— Ты будешь красавица, это ужъ рѣшено... Ты, можетъ быть, такъ погружена въ свои молитвы въ церкви, что и не замѣтила, какъ разъ въ нашемъ приходѣ былъ пріѣзжій флигель-адъютантъ и вся наша отборная молодежь. Мы тебя прячемъ... такъ они тутъ показывали тебя пріѣзжему знатоку; онъ нашелъ, что ты прелестна...

Я вспомнила, что недавно, когда мы съ миссъ Смисъ выходили изъ церкви, было много полицейскихъ; они широко раздвигали публику передъ какимъ-то военнымъ, а онъ вѣжливо пропускалъ насъ впередъ и шелъ за нами; потомъ миссъ Смисъ говорила: *the church was full of gentlemen* ¹⁾.

— Ахъ какъ глупо...—сказала я, краснѣя отъ негодованія.

— Красота сила... Красота счастье...—продолжала Нелли.

Въ дверяхъ показалась горничная.

— Пожалуйте, барышня, къ ихъ превосходительству дорожное платье мѣрить.

— Иду, иду,—сказала Нелли, вставая.

XVII.

Когда мы пріѣхали въ Грачи, Платонъ Александровичъ еще былъ тамъ, но ужъ собирался въ Петербургъ, чтобы послѣ экзаменовъ Мити ѣхать съ нимъ за границу. Онъ посѣдѣлъ, и это къ нему шло: выраженіе лица стало какъ-то мягче. Онъ былъ особенно милъ, когда неловко, съ забавной осторожностью держалъ на рукахъ бѣби, плотно запакованнаго въ великолѣпный англійскій конвертъ. Бѣби сначала строго смотрѣлъ на него, хмурия брови, потомъ вдругъ прелестно улыбался и старался всѣми силами вырваться изъ своихъ путъ. Меня Платонъ Александровичъ встрѣтилъ очень радушно, но съ негодованіемъ относился къ моему росту, точно я выросла въ ущербъ его Митѣ. Съ Соней онъ все время былъ занятъ дѣлами, даже разговаривалъ объ нихъ по-французски за обѣдомъ и чаемъ. Видно было, что Соня знаетъ все въ хозяйствѣ

¹⁾ Церковь была полна мужчинъ.

гораздо лучше его: онъ во всемъ съ ней соглашался; но ему теперь непременно надо было много денегъ.

Когда его провожали, всѣ вышли на крыльцо. Миссъ Смиль держала на рукахъ бѣби. Соня стояла серьезная и необыкновенно красивая. Платонъ Александровичъ со слезами на глазахъ трогательно прощался съ бѣби.

Начали мы жизнь въ Грачахъ очень мирно. Моя любимая лошадь Бьюти хромала и мнѣ нельзя было ѣздить; Володя пристрастился къ рыбной ловлѣ и все свободное время сидѣлъ съ Саврасовымъ надъ рѣчкой. Миссъ Смиль увлекалась бѣби, а я не разставалась съ Диккенсомъ. Его героини были всюду со мной, я переживала ихъ радости, ихъ горе и ходила какъ въ чаду. Я восхищалась Агнессой, Флоренсъ, милую, наивную Дору я оплакивала, какъ любимую сестру. Какъ старалась я быть совсѣмъ, совсѣмъ хорошей, чтобы быть достойной ихъ. Кажется, тутъ я могла бы сдѣлаться такой серьезной и сдержанной, какъ Агнесса, если бы не пріѣхалъ Павелъ Дубецкій.

Онъ отлично кончилъ лицей и пріѣхалъ къ намъ торжествующимъ побѣдителемъ.

— Гдѣ же Борисъ?—вскрикнула я, встрѣчая его.

— Непременно Борисъ! Неужели вамъ мало одного Павла?—говорилъ онъ, здороваясь съ нами.

— Въ самомъ дѣлѣ, отчего нѣтъ Бориса; онъ писалъ, что ему даютъ отпускъ?—спросила Соня.

— Борисъ попрежнему поетъ дуэты... Теперь, къ несчастью, контральто у этой его... невѣсты... Такъ что дуэтамъ не будетъ конца...

— Ну, не дурачьтесь, Павелъ!—сказала Соня.

— Я не шучу... Я съ нимъ совсѣмъ разсорился... Ужъ, можетъ быть, его и обвѣнчали...

Онъ пошелъ съ Соней въ кабинетъ, что-то ей рассказывая.

Я очень заинтересовалась невѣстой Бориса. Какая она? На кого изъ моихъ излюбленныхъ героинь похожа? Павелъ недоволенъ, но и въ романахъ, когда затѣвается свадьба, часто кто-нибудь недоволенъ.

— Невѣста Бориса блондинка или брюнетка?—спросила я Павла при первомъ удобномъ случаѣ..

— Я ненавижу невѣсть, кузина, и никогда на нихъ не смотрю. Да и вамъ еще рано этимъ заниматься... Поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ. Какъ идетъ ваша ѣзда?

— Да Бьюти хромаетъ...

— Отчего?.. Неужели заковали?..—и онъ побѣжалъ въ конюшню.

Съ нимъ опять начались наши скачки, длинные прогулки, уроки танцевъ; опять хороводъ приходилъ каждый праздникъ къ намъ на лужайку. Диккенсъ былъ отложенъ; Павелъ не любилъ англійской литературы; зато много читалъ мнѣ Жуковского, Пушкина,

Гоголя. Онъ еще очень просилъ у Сони позволенія прочесть мнѣ нѣсколько какихъ-то серьезныхъ статей, но Соня отказала и даже рассердилась.

— Я позволяю вамъ учить ее высшей школъ ѣзды, а ужъ объ ея воспитаніи не безпокойтесь,—сказала она очень строго.

XVIII.

Павель уѣзжалъ на службу въ дальнюю губернію, я тоже должна была скоро ѣхать домой, и мы оба, прощаясь съ Грачами, усиленно пользовались деревенскими удовольствіями. Все раннее утро Павелъ бродилъ съ ружьемъ. Стрѣлокъ онъ былъ отличный; да и всѣ свои спорты онъ довелъ до опаснаго совершенства: въ бурю катался въ лодкѣ съ парусами, на ходуляхъ переходилъ рѣку. Разумѣется, мнѣ только съ берега позволялось любоваться его ловкостью, но зато въ прогулкахъ верхомъ я ему ни въ чемъ не уступала. Во время нашихъ скачекъ съ нами было много разныхъ приключеній, надъ которыми Соня только смѣялась вмѣстѣ съ нами, но разъ лошадь несла меня версты пять, только по счастливой случайности ее могли остановить. Павелъ, Саврасовъ ужасно испугались, а я такъ восхищалась этой бѣшеной скачкой, что Соня рассердилась и совсѣмъ запретила мнѣ ѣздить.

Я смиренно покорилась наказанію. Павлу было жалъ меня, и онъ тоже казался виноватымъ и наказаннымъ, мы скромно ходили съ нимъ по парку и разговаривали. Онъ шутя давалъ мнѣ уроки свѣтской жизни, училъ быть любезной, училъ, какъ надо переносить комплименты, ихъ будутъ мнѣ говорить, когда всѣ признаютъ меня большой. Тутъ мы какъ-то договорились до того, что я еще никогда не видала театра, не знаю, какъ устраиваютъ сцену. Въ нашемъ городѣ былъ какой-то балаганъ, въ немъ иногда играли жалкіе пріѣзжіе актеры, но меня туда не брали. Павелъ повелъ меня въ сарай, гдѣ были сложены старыя декорации: у ихъ отца бывали любительскіе спектакли. Мы лазили въ сараѣ по пыльнымъ доскамъ; всегда и вездѣ готовые служить намъ кобылки поднимали и ставили передъ нами кулисы. Павелъ отыскалъ декорации, съ которыми играли у нихъ оперу-водевиль изъ швейцарской жизни «Дезертиръ», гдѣ они съ Борисомъ дѣтьми участвовали въ хорѣ. Потомъ онъ долго рылся въ отцовской библіотекѣ, отыскалъ пьесу, партитуру, перепробовалъ со мной нумера куплетовъ, всѣ очень живые и красивые, и исчезъ въ городъ. Возвратясь, онъ долго сидѣлъ у Сони въ кабинетѣ и вышелъ оттуда совсѣмъ довольный: у насъ будетъ любительскій спектакль. Онъ все репетируетъ въ городѣ и привезетъ сюда труппу только на одинъ день. Утромъ будетъ репетиція на сценѣ, а вечеромъ спектакль. Залъ, гдѣ всегда ставили

сцену, былъ въ ихъ отдѣленіи, но Соня даетъ для его гостей и свои парадныя комнаты. Онъ забралъ вороха костюмовъ, бережно сохранявшихся въ кладовыхъ чопорной старушкой-экономкой въ бѣлоснѣжномъ чепцѣ, и опять уѣхалъ въ городъ. Двѣ недѣли онъ безпрестанно пріѣзжалъ и уѣзжалъ: онъ игралъ въ пьесѣ смѣшного нѣмца, полковника Штубака, и режисировалъ, а въ Грачахъ былъ за декоратора и подмазывалъ облупившіяся швейцарскія горы.

Я все время только и жила этимъ спектаклемъ: пьесу знала наизусть; когда поставили сцену, мы съ Володей не сходили съ нея, пѣли, декламировали и нѣсколько разъ сидѣли въ суфлерской будкѣ. Но вотъ ужъ все готово и декорации поставлены. Онъ очень хорошо написаны: передъ зрителями хорошенькая швейцарская хижина, потому горы съ ледяными вершинами окружаютъ прелестное озеро: на его берегу плотикъ, гдѣ пристанетъ лодочка перевозчицы Лизбеты. Необыкновенно красивый старикъ Пахомъ, къ которому мы часто заѣзжали на пчельникъ, приходилъ устраивать машину, по которой выѣдетъ Лизбета на своей лодочкѣ; онъ устраивалъ такую при отцѣ Павла. Нѣсколько разъ Пахомъ пробовалъ ее, и мы съ Володей сидѣли въ лодочкѣ. Иногда она выплывала прекрасно, а иногда выдвигала съ собой берегъ съ розовымъ кустомъ. На одной изъ горъ написаны хижины, и съ этой горы должны будутъ сбѣгать швейцарцы навстрѣчу возвращающимся солдатамъ; будутъ ходить по ней и другіе актеры. Разумѣется, надо только показывать видъ, что бѣжишь, а дѣлать па все почти на одномъ мѣстѣ. Мы съ Володей отлично выучились такъ сбѣгать.

Наконецъ, завтра спектакль; ужъ пріѣхали жида-музыканты. Я не спала всю ночь и съ ранняго утра была въ нашемъ залѣ, откуда виденъ подъѣздъ Павла. Гости начали съѣзжаться съ восьми часовъ. Павелъ встрѣчалъ дамъ на крыльцѣ. Изъ первыхъ пріѣхала та дама съ дочерью, отъ пристава ній которой прошлаго года спасался Борисъ. Тогда Павелъ обозвалъ ее нахальной бабой, а теперь радостно привѣтствовалъ: дѣвица играетъ Гритли, и она привезла съ собою простака для Наца; Павелъ говоритъ, что это его лучшіе актеры. Экипажъ за экипажемъ подъѣзжали актеры и актрисы, хористы и хористки съ родственниками. Всѣхъ гостей было человекъ тридцать. Ихъ ждалъ у Павла завтракъ, а потомъ началась репетиція, Соня находила *que la société est très mêlée* ¹⁾, но была со всѣми очень любезна, даже одѣла Володю швейцарцемъ, въ бывшій костюмъ Павла, чтобы онъ пѣлъ въ хорѣ. Я послѣ узнала, что Павелъ очень просилъ ее, чтобы и я участвовала въ хорѣ, но она отказала; и хорошо сдѣлала, потому что я и зрительницей была необыкновенно возбуждена. Ужъ на репетиціи я страшно волновалась; всѣ они такъ небрежно относились къ этому, необыкновенно важному

¹⁾ Что общество очень смѣшанное.

для меня дѣлу; разговаривали, смѣялись, пропускали реплики, знали плохо роли. Павелъ сердился, я была въ отчаяніи. Послѣ репетиціи актеры и актрисы разбѣжались по саду и парку, вмѣсто того, чтобы повторять неслаженные мѣста. Къ обѣду пріѣхали еще гости-зрители. Столъ накрыли во всю столовую. Соня такъ хорошо всѣхъ угостила и была со всѣми такъ мила, что гости Павла казались очень довольными.

Вотъ ужъ вечеръ, мы сидимъ передъ опущенной занавѣсью. На ней написана группа трехъ красивыхъ женщинъ: это музы, Талія, Мельпомена и Терпсихора. Жидовскій квартетъ играетъ «польскій» Огинскаго. Первая скрипка, старикъ Моисей, играетъ съ необыкновеннымъ чувствомъ и лѣвой рукой. Къ нему подходятъ, удивляются, одобряютъ. Иные кладутъ ему на пюпитръ деньги; онъ горячо благодарить, кланаясь чуть не до земли, но не перестаетъ играть все такъ же вѣрно и трогательно. Музыка не заглушаетъ говора на сценѣ. Что-то тамъ уронили, кто-то вскрикнулъ, кто-то свирѣпо зашикалъ, должно быть, Павелъ. У меня сильно дрожатъ колѣна и стучитъ въ виски: я страшно боюсь за актеровъ... Что-нибудь забудутъ... не выйдутъ во время... Можетъ быть, и занавѣсъ не поднимется, какъ ужъ разъ было, хоть его устраивалъ тоже Пахомъ и будетъ теперь самъ поднимать его: я вижу въ щель сбоку занавѣса его могучую фигуру въ необыкновенно длинной бѣлой рубашкѣ.

Звонокъ. Оркестръ замолкаетъ и потомъ по стуку суфлера начинается прелюдію хора. Занавѣсъ плавно поднимается; молодыя крестьянки поютъ:

Всѣ ль, подруги, вы готовы?
Долго мѣшкать нѣтъ добра:
Нынче день у насъ торговый,
Въ городъ намъ давно пора.

Лизбета благополучно выдвигается въ своей лодочкѣ и ловко выпрыгиваетъ изъ нея. Она очень мила; ей шумно аплодируютъ. Начинается дѣйствіе. Какъ все идетъ хорошо! Даже регентъ архіерейскаго хора, который играетъ молодого француза Дервиньи, совсѣмъ хорошъ. Онъ пріѣхалъ въ отпускъ къ роднымъ, и Павелъ завербовалъ его за красивую наружность и прекрасный голосъ, очень трудился съ нимъ, но все боялся за него. Хоръ швейцарцевъ прекрасно сбѣжалъ съ горы навстрѣчу къ солдатамъ. Мой милый Володя былъ впереди и усердно обнималъ солдатъ, какъ ему показалъ Павелъ, тщательно выводилъ мелодію своимъ звонкимъ голосомъ. Всѣ актеры очень хорошо играютъ и ловко бѣгаютъ по горѣ. Нацъ и Гритли необыкновенно милы и забавны. Фридрихъ-дезертиръ совсѣмъ не дурень; а Павелъ за него очень боялся. У меня все еще дрожатъ колѣна и бьютъ въ виски, но ужъ отъ восторга. Вотъ начи-

нается драматическая сцена: полковникъ узнаетъ своего дезертира. Лизбета падаетъ въ обморокъ, на руки къ Фридриху, всѣ поютъ:

О, бѣдный Фридрихъ! Онъ пропалъ...

Въ это время я вижу, что одинъ изъ хора швейцарцевъ, бася и городской почтмейстеръ, переодѣвшись во фракъ съ свѣтлыми пуговицами, показывается наверху горы, начинаетъ спускаться съ нея, шумно спотыкается, хватается за снѣговья вершины, потрясаетъ всю Швейцарію и, при громкомъ смѣхѣ и аплодисментахъ публики, согнувшись перебѣгаетъ сцену и скрывается за кулисами... Все пропало... Даже актеры смѣются, и только гнѣвный жестъ Павла заставляетъ ихъ перестать... Этого я не могла выдержать и заплакала. Къ счастью, я сидѣла между Соней и миссъ Смисъ, а кругомъ всѣ были заняты почтмейстеромъ. На сценѣ идетъ живая, неожиданная развязка, а публика все еще смѣется и перешептывается...

— Соскучился въ уборной, а оттуда выходъ только на сцену!..

— Думалъ пройти незамѣченнымъ!..

— При его-то корнуленці!..

Соня, моя Соня, тоже смѣется!.. и такъ проходитъ весь конецъ пьесы. Я смотрю на сцену, но уже для меня все погибло... Мнѣ все равно, что регентъ, вмѣсто того, чтобы обратиться съ прощальнымъ привѣтствіемъ къ швейцарцамъ, дѣлаетъ широкій, ласковый жестъ публикѣ и поетъ ей:

Ну, любезные, прощайте!
Можетъ быть, въ послѣдній разъ.

Мнѣ теперь все равно... все равно! Я только рада, что могу убѣжать въ мою комнату и выплакать мое горе. Уходя, я слышу, что шумно вызываютъ почтмейстера. Я бросилась, какъ въ дѣтствѣ, лицомъ въ подушку и плачу.

Меня ищетъ миссъ Смисъ, удивляется, что я тутъ дѣлаю въ темнотѣ; зажигаетъ свѣчи. Соня сказала ей, что мы будемъ ужинать съ актерами. Я поскорѣе мою лицо, чтобы освѣжить глаза; у меня тоже не долго видно, что я плакала.

На площадкѣ лѣстницы намъ встрѣтился Павелъ.

— Ну, что, кухня, понравилось вамъ? Довольны вы?..

— Этотъ человѣкъ все погубилъ...—сказала я и опять заплакала.

— Да, да, это было ужасно,—подхватилъ Павелъ.—Я ужъ не говорю о публикѣ... но актеры... какъ могли смѣяться актеры!.. А знаете, кухня, почтмейстеръ какъ выбѣжалъ со сцены, велѣлъ запрягать своихъ лошадей, а самъ ушелъ безъ шапки въ городъ...

— Стало-быть, онъ все-таки хорошій человѣкъ,—говорю я сквозь слезы.

На площадку, гдѣ мы стоимъ, выходитъ дверь изъ Сониной комнаты. Она отворила ее, какъ-то странно посмотрѣла на насъ и строго спросила Павла:

— О чемъ она плачетъ?

— О томъ, что почтмейстеръ погубилъ весь спектакль...

— Да, Соня, это было ужасно!.. Все такъ превосходно шло... Какъ онъ могъ не понять, что этого нельзя... Что тутъ Швейцарія...

Я задыхалась отъ слезъ.

Соня обняла меня и прижала къ своему плечу мою голову.

— Милая моя дѣвочка,—говорила она:—какая ты у насъ странная! Совѣмъ не похожа на насъ съ Лизой. Гдѣ всѣ смѣются, ты плачешь... Сидишь передъ декорациями и воображаешь, что ты въ самомъ дѣлѣ въ Швейцаріи...

— Надо такъ играть, чтобы всѣ это думали...—говорю я, горячась.

Миссъ Смисъ совѣмъ не понимала, что у насъ происходитъ, очень беспокоилась и принесла мнѣ свои *sels volatils* ¹⁾. Соня послала Павла къ его гостямъ, а мнѣ велѣла итти съ миссъ Смисъ въ садъ. Во время нашей прогулки по темнымъ аллеямъ я рассказала ей, о чемъ я плакала. Она очень удивилась, она была увѣрена, что это былъ прекрасно сыгранный комическій выходъ туриста: онъ потерялъ проводника, палку, шляпу, верхнее платье и бѣжитъ отыскивать все это; у нихъ любятъ мѣшать трагическое съ комическимъ. Это всегда есть въ пьесахъ Шекспира.

Соня прислала за нами, ужъ садятся за ужинъ. Меня такъ развеселила мысль о комическомъ выходѣ почтмейстера туристомъ, что я весело вбѣжала на террасу. Насъ встрѣтилъ Павелъ.

— Ну, слава Богу, кухня, кажется, вы совѣмъ успокоились.

Я рассказала ему, что видѣла на сценѣ миссъ Смисъ. Онъ очень смѣялся; но я просила не рассказывать этого никому, кромѣ Сони. Ужинъ весело прошелъ; были тосты за актеровъ, за почтмейстера. Павелъ предложилъ мнѣ выпить съ нимъ за туриста. Послѣ ужина еще пѣли дуэты, русскія пѣсни хоромъ; но Соня послала меня спать, и я слышала все это въ постели черезъ мое открытое окно.

Впечатлѣнія вечера мѣшали мнѣ заснуть. Я встала, накинула блузу, открыла занавѣски и сѣла на окно. Гости уѣзжали съ шумомъ, говоромъ и смѣхомъ, долго еще слышались ихъ колокольчики и бубенчики, появляясь и исчезая съ поворотами дороги. Наконецъ они совѣмъ пропали.

Ночь была очень темная и душная, какъ часто бываетъ въ нашей сторонѣ и въ концѣ августа. Терраса и цвѣтники были освѣщены широкими полосами свѣта изъ оконъ столовой; тамъ слуги убирали со стола. На террасѣ слышались голоса Сони и Павла: они ходили и разговаривали... Мое окно было за самымъ концомъ длинной

¹⁾ Нюхательныя соли.

террасы, они говорили тихо; особенно Павелъ; но когда они подходили къ моей сторонѣ, до меня долетали отрывки ихъ фразъ, и я невольно ихъ слышала.

— Не заставляйте меня раскаиваться, что я все это позволяла...— говорила Соня очень ласково.

«Что-нибудь объ спектаклѣ», подумала я.

— Да и вы еще совсѣмъ ребенокъ, Павелъ, несмотря на ваши медали и дипломы...

— Я и говорю: черезъ два года,—горячо сказалъ Павелъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не позволю ни слова, ни намека...— говорила Соня.—Это нѣмцы могутъ, потому что они только сентиментальничаютъ, а сами деревянные... Тогда я, можетъ быть, повѣрю въ постоянство Дубецкихъ,—засмѣялась она.

— Я не Борисъ,—вскрикнуть съ негодованіемъ Павелъ.

— Два года для такихъ дѣтей... это цѣлая жизнь,—сказала горячо Соня...—Ну, полноте, Павелъ, у васъ будетъ дѣло... Ужъ поздно, вы забыли, что у васъ еще тамъ остались гости...

Соня ушла, а Павелъ долго еще ходилъ по террасѣ. Я такъ и заснула подъ его шаги, думая, какъ трудно Сонѣ справляться съ нашими кузенами.

Павелъ скоро уѣхалъ. Последнее время мы почти не видали его: онъ былъ или на охотѣ, или въ городѣ. «Сердитесь на Соню», думала я, вспоминая ихъ разговоръ ночью послѣ спектакля. Но, прощаясь съ ней, онъ былъ очень милъ, благодарилъ за ея доброту къ нему, за снисхожденіе къ его глупостямъ. Сказалъ, что если изъ него выйдетъ хорошій человекъ, то только благодаря ей. Прощаясь съ Володей, велѣлъ ему держаться мужчиной, а не плакать, какъ теперь. Миссъ Смисъ обѣщала читать Диккенса и сдѣлаться образцовымъ англичаниномъ.

— Мы увидимся съ вами только черезъ два года, кузина,—сказалъ онъ мнѣ.—Постарайтесь не забыть, что есть на свѣтѣ Павелъ Дубецкій.

— Я никогда не забуду васъ, mon cousin, вы всегда были такъ добры ко мнѣ,—сказала я, готовая заплакать.

— Благодарю, кузина!.. *Cela va me donner du courage...* ¹⁾

Возлѣ его экипажа толпились дворовые, сельскія власти. Онъ ласково простился съ ними и крикнулъ намъ, уѣзжая:

— Такъ черезъ два года, кузина?..

— Это онъ мнѣ или тебѣ?—спросила я Соню.

— Разумѣется, мнѣ,—сказала она смѣясь.

Вскорѣ послѣ его отъѣзда Соня рассказала мнѣ настоящую причину папенькиной болѣзни, читала заграничныя письма ма-

¹⁾ Это придаетъ мнѣ бодрости.

меньки. Изъ нихъ видно было, какъ дѣнь за дѣнемъ боролись они за его жизнь. «Что бы я тутъ дѣлала безъ Вавилы,—писала маменька:— я не знаю, когда онъ спитъ. По нѣмецки и по-французски объясняется не только съ прислугой, но и съ докторами, разумѣется, главное жестами, а тѣ хоть очень смѣются, но понимаютъ, въ чемъ дѣло». Въ послѣднемъ письмѣ изъ Москвы маменька ей писала: «Скажи Мирочкѣ, чтобы не встревожила отца при первомъ свиданіи. Предупреди ее, что онъ ходитъ съ клюкой, говорить запинаясь, что рука не совсѣмъ ему послушна. Онъ такой же горячій, какъ былъ, удрученъ тѣмъ, что тѣло ему не повинуется, и не любитъ, когда это замѣчаютъ. Чтобы встрѣтила его какъ здороваго».

Все это поразило меня. Страшная сцена въ кабинетѣ дяди такъ и стояла передо мной... Такъ вотъ что тамъ было!.. Вотъ какъ они тамъ жили!.. А я?.. Я веселилась... Даже были дни, что я ихъ только вспоминала на молитвѣ...

— Какъ вы могли скрыть отъ меня все это?—упрекала я Соною.

— Адрианъ Григорьевичъ написалъ всѣмъ намъ грозныя письма, даже дядюшкѣ; говорилъ, что такъ убить можно дѣвочку. А теперь маменька велѣла тебѣ все разсказать, все равно, ты сама увидишь...

Мое прощанье съ Грачами было очень грустное: всѣ плакали, даже маленькій Саша, потому что никто имъ не восхищался, а онъ къ этому не привыкъ: Володя и Саврасовъ провожали меня за нѣсколько верстъ. Прощаясь со мной, Володя опять забыть, что онъ мужчина, плакалъ и говорилъ, что всегда будетъ жить со мной, когда вырастетъ.

— Ужъ тогда и меня, старика, Владимиръ Николаевичъ, къ себѣ въ конюхи возьмите,—попросилъ Саврасовъ.

И онъ ему милостиво обѣщаль.

В. З. Головина.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПЕРВОЕ 25-ЛѢТІЕ МОИХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ МЫТАРСТВЪ ¹⁾.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Николай Александрович Демертъ.—Главные факты его жизни и характеристика его, какъ челоѣка и писателя.—Два романа его—старорусскій и петербургскій.—Авантюристки, чающія замужества за литераторовъ.—Демертъ въ когтяхъ такой авантюристки.—Его помѣщательство и трагическая смерть въ Москвѣ.

I.

РАЧНАЯ трагедія Демерта имѣетъ ту особенность, что въ ней однимъ изъ главныхъ элементовъ является непризнанная и попранная любовь. Но прежде, чѣмъ повести рѣчь объ этой трагедіи, я считаю нелишнимъ познакомить читателей съ личностью Демерта, нынѣ почти забытою, тѣмъ не менѣе весьма замѣчательною.

Демертъ происходилъ изъ помѣщичьей семьи средняго достатка, Казанской губерніи, Чистопольскаго уѣзда. Родился онъ въ 1835 году. У него было нѣсколько братьевъ, изъ которыхъ онъ былъ самымъ младшимъ. Воспитывался онъ въ казанской гимназіи, куда поступилъ въ 1844 году, а вышелъ въ 1852 году; затѣмъ поступилъ въ казанскій университетъ, гдѣ и кончилъ курсъ кандидатомъ по юридическому факультету. Нѣсколько лѣтъ онъ былъ домашнимъ воспитателемъ у помѣщика Д—ва. Потомъ, послѣ кре-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХІХ, стр. 481.

стьянской реформы, былъ мировымъ посредникомъ первой серіи, причеиъ имѣлъ возможность близко узнать крестьянскій бытъ, а съ открытіемъ земскихъ учреждений сталъ членомъ чистопольскаго земства, а потомъ и предсѣдателемъ управы.

Но долгое пребываніе въ провинціи было ему не по нутру; онъ стремился въ столицы и сначала уѣхалъ въ Москву, а потомъ въ 1865 году появился и въ Петербургѣ. Въ Москвѣ и въ Петербургѣ онъ рѣшился отдаться исключительно литературному труду, призваніе къ которому проявилось въ немъ еще въ гимназиі, какъ о томъ свидѣтельствуютъ груды его стиховъ того времени, тщательно имъ сохранявшихся, хотя напечатаны имъ до приѣзда въ Москву только разсказъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 1860 года «Изъ студенческихъ воспоминаній» да небольшая комедія въ «Современникѣ» 1861 года—«Гувернантка третьяго сорта съ музыкой».

Въ Москвѣ ему не повезло, и вся литературная дѣятельность этого времени исчерпывалась нѣкоторымъ участіемъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» редакціи В. Корша да въ «Развлеченіи». Увлекся онъ въ это время особенно сценой и едва не сдѣлался актеромъ.

Въ Петербургѣ онъ встрѣтилъ товарищей своихъ по университету, работавшихъ въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» В. Корша, гдѣ въ 1865 году ему было поручено завѣдывать отдѣломъ провинціальныхъ извѣстій. Одна изъ его замѣтокъ въ этомъ отдѣлѣ, издававшаяся особенно живымъ юморомъ, оригинальнымъ складомъ и веселостью, обусловила знакомство его съ В. С. Курочкинымъ и положила начало постоянному сотрудничеству въ «Искрѣ», обошедшемуся этой газетѣ въ нѣсколько процессовъ по дѣламъ печати. Въ 1867 году одинъ изъ его друзей посоветовалъ ему испытать свои силы въ романѣ, въ которомъ онъ могъ бы утилизировать свое разностороннее знаніе народной жизни. Демертъ горячо схватился за эту мысль, но, отвлеченный срочными работами, написалъ только начало, которое было напечатано въ «Невскомъ сборникѣ» 1867 года подъ заглавіемъ «Черноземныя силы». Въ злополучный для русской литературы 1867 годъ Демерту пришлось уѣхать изъ Петербурга въ Гдовъ и тамъ снова заняться педагогіей въ качествѣ домашняго учителя. Осенью же 1868 года онъ приглашенъ былъ въ «Отечественныя Записки», гдѣ почти до самой смерти помѣщались ежемѣсячно его хроники земства.

Хроники Демерта были весьма замѣчательнымъ явленіемъ въ современной литературѣ. Прежде всего онѣ отличались глубокою страстностью. Ни одного слова не встрѣчалось въ нихъ, которое не задѣвало бы автора за живое, изъ-за котораго не обливалось бы кровью его сердце. Передъ вами былъ земець-практикъ, испытавшій земское дѣло на своей шкурѣ, отлично знавшій всѣ его тайны и поэтому способный, какъ никто, читать между строкъ сообщенія мѣст-

ныхъ газетъ и корреспонденцій изъ провинцій, печатавшихся въ столичной прессѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ на земское дѣло онъ смотрѣлъ какъ на народное: это былъ страстный трибунъ народныхъ, крестьянскихъ интересовъ въ земствѣ; съ ненавистью, доходившею до ярости, набрасывался онъ на каждый такой фактъ изъ жизни земства, гдѣ онъ видѣлъ извращеніе общественнаго земскаго дѣла въ исключительную пользу какого-либо одного сословія въ ущербъ другимъ, безсовѣстную подтасовку земскихъ выборовъ или земскихъ управъ, или же невѣжественное непониманіе общихъ и взаимныхъ выгодъ. При отсутствіи обще-теоретическихъ обсужденій и обобщеній и при погруженіи исключительно въ міръ частныхъ, текущихъ фактовъ, хроники Демерта не могли имѣть такого успѣха и значенія въ столицѣ, какія онѣ имѣли въ провинціи. Если онѣ и читались столичною публикою, то благодаря своей страстности и остроумію. Зато въ провинціи каждая хроника Демерта поднимала бурю въ тѣхъ городахъ и земствахъ, о которыхъ шла рѣчь, и, вѣроятно, многіе герои хроникъ Демерта до конца жизни помнили этого безпощаднаго памфлетиста. Въ продолженіе своего недолгаго литературнаго поприща Демертъ неоднократно попадалъ на скамью подсудимыхъ, преслѣдуемый жертвами его памфлетовъ, по всей вѣроятности, ему пришлось бы не сходить съ этой скамьи, если бы статьи его не урѣзывались и не смягчались редакторами.

Несмотря на нѣмецкую фамилію, это былъ коренной русакъ, типическій выходецъ изъ заволжскихъ степей. Какъ достоинства, такъ и недостатки его обличали въ немъ непосредственную натуру, чуждую всякой выработки, надуманной принципіальности, двойственности. Это былъ человекъ наивно простодушный, искренній, руководившійся какъ въ хорошихъ, такъ и въ дурныхъ поступкахъ, тѣми импульсами, какіе овладѣвали имъ въ данную минуту. Это была въ то же время страстная натура, не теоретически только, но отъ всей души ненавидѣвшая всѣ вѣковыя неправды на Руси, и, какъ всѣ подобныя натуры, онъ былъ надломленъ этими неправдами. Надломленность эта выражалась опять-таки такъ же, какъ она выражается у русскихъ людей этого рода: именно наклопностью къ кутежамъ, которые, учащаясь и удлиняясь съ лѣтами, перепили подъ конецъ жизни въ запой. Всѣ такіе роковыя пьяницы на Руси бываютъ мрачны и буйны во хмелю. Таковъ былъ и Демертъ. Помяловскій въ такомъ состояніи рыдалъ и проклиналъ свою жизнь и всю окружающую его дѣйствительность. Демертъ садился за фортепяно или гармонику и начиналъ дикимъ, необработаннымъ, но громаднѣйшимъ басомъ распѣвать заволжскія разбойничьи пѣсни, а отъ нихъ переходилъ къ буйнымъ сценамъ и ругательствамъ. И этотъ же самый человекъ въ трезвомъ состояніи былъ крайне деликатенъ и обнаруживалъ подчасъ вѣжное и любящее сердце.

II.

Вотъ на почвѣ этого-то нѣжнаго и любящаго сердца и разыгрались въ жизни Демерта на моихъ глазахъ два романа, изъ которыхъ, если первый не привелъ ни къ чему, зато второй стоилъ герою жизни. Дѣло въ томъ, что въ то время, какъ сердце вселяло въ Демертѣ жажду любви и влекло его къ семейной жизни, наружность его была далеко не изъ такихъ, какія гарантируютъ семейное счастье. Не первой уже молодости, неуклюжій медвѣдь, съ лицомъ, изрытымъ оспою, могъ ли онъ рассчитывать увлечь женщину, особенно такую, которой необходимо, чтобы герой ея романа блестялъ не одними душевными качествами, но и всѣми физическими совершенствами? Не мудрено, что ему пришлось жестоко поплатиться въ своихъ страстныхъ исканіяхъ.

Впрочемъ, въ первомъ романѣ онъ имѣлъ нѣкоторый успѣхъ. Въ началѣ 70-хъ годовъ доктора послали его въ Старую Руссу на грязевыя ванны. Тамъ онъ познакомился и сошелся съ какою-то мѣщаночкой, кажется, чуть ли не съ квартирною хозяйкою. Связь эта была, повидимому, чисто физическая, тѣмъ не менѣе дѣло дошло до того, что Демертѣ былъ готовъ жениться на своей возлюбленной. Приѣхавъ онъ осенью въ Петербургъ съ непреклоннымъ намѣреніемъ обзавестись лишними деньжонками, пригласить шаферовъ и, не откладывая надолго, сыграть свадьбу. Невѣста осталась ждать его въ Старой Руссѣ. И деньги нашлись, и за шаферами дѣло не стало, но по мѣрѣ того, какъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе окунался Демертѣ въ омутъ петербургской жизни, его затянуло и съ руками, и съ ногами, и съ головой, — и показалось ему дикимъ и смѣшнымъ лѣтнее увлеченіе. Кончилось дѣло тѣмъ, что деньги, собранныя на свадьбу, были прокучены, шафера отпущены съ миромъ, и Демертѣ съ хохотомъ объяснялъ своимъ пріятелямъ, что его женитьбѣ помѣшало то обстоятельство, что, приѣхавши въ Петербургъ въ позднюю осень, онъ не могъ найти квартиры, подходящей для семейной жизни. Много смѣялись надъ чудачествомъ Демерта, отказавшагося отъ женитьбы за невозможностью найти квартиру, усматривали въ этомъ нѣчто подколесинское, но никому, какъ водится, при этомъ не пришло и въ голову: ну, а что же невѣста, — какъ относится она къ этому чудачеству? Тоже смѣется или плачетъ?

Къ оправданію Демерта въ настоящемъ случаѣ служить лишь то, что, во-первыхъ, надо полагать, что любовь Демерта не глубоко вибрировала въ сердце его и имѣла одинъ чувственный характеръ, а, во-вторыхъ, трудно предположить, чтобы, если бы бракъ состоялся, Демерта ждало что-либо доброе. Неравные браки интеллигентныхъ людей на простыхъ и необразованныхъ дѣвушкахъ

рѣдко бываютъ счастливы. Послѣ первыхъ же нѣжностей медоваго мѣсяца начинается семейный разладъ взаимнаго непониманія другъ друга. Мужа коробитъ и возмущаетъ отсутствіе въ женѣ малѣйшаго сочувствія къ его высокимъ гуманнымъ идеаламъ, низменныя матеріальныя требованія отъ жизни, грубое и несправедливое отношеніе къ дѣтямъ. Она отвѣчаетъ ему презрѣніемъ къ его непрактичности, неумѣнію загребать куши и ловить рыбу въ мутной водѣ, дѣлаетъ ему дикія сцены ревности, ссоритъ его съ друзьями, по-челу-либо не сумѣвшими заслужить ея расположеніе. Начинаются ожесточенные споры и ссоры, доходящія до такихъ сумасшедшихъ выходокъ, какъ бросаніе котлетъ въ лицо или шлепанье туфлями по щекамъ и пр. и пр. Лучшее, чего могъ ждать Демертъ, это имѣть въ качествѣ жены безотвѣтную рабыню, пекущую вкусныя пироги, но неспособную въ то же время связать двухъ-трехъ словъ о предметахъ, превышающихъ горизонты кухни и дѣтской.

III.

Вскорѣ послѣ перваго послѣдоваль въ жизни Демерта второй романъ, причемъ бѣдныгъ предстояло попасть изъ огня да въ полымя. Это была уже не чувственная только страсть къ смазливенькой мѣщаночкѣ, а глубокое чувство къ интеллигентной дѣвушкѣ, съ которой Демертъ мечталъ дѣлить радость и горе въ продолженіе всей жизни. Само собою разумѣется, Демертъ видѣлъ въ ней вмѣстилище всѣхъ добродѣтелей и чуть не молился на нее, и, конечно, дѣйствительность не имѣла ничего общаго съ воображаемымъ идеаломъ.

Въ литературные кружки, въ особенности стоящія впереди и руководящія общественнымъ движеніемъ, время отъ времени вторгаются особеннаго рода искательницы приключеній и устройтельницы карьеры въ чаяніи уловить въ свои сѣти того или другого члена кружка. Я говорю не о тѣхъ поклонницахъ-психопаткахъ, которыя роятся вокругъ той или другой модной знаменитости, бѣгають взапуски за каретами теноровъ и дѣлають всяческія оваціи популярнымъ писателямъ. Такого рода поклонницы осыпають цвѣтами и увѣнчиваютъ свои кумиры зачастую совершенно безкорыстно, изъ одного беззавѣтнаго увлеченія, не имѣя въ то же время никакихъ видовъ на нихъ. Я же разумѣю такихъ барынь, по большей части не первой уже молодости, которыя готовы бываютъ ухаживать вовсе даже не за модной знаменитостью первой величины, а за членомъ кружка средней руки, имѣя въ виду честолюбивое желаніе втереться въ кружокъ въ качествѣ жены одного изъ его членовъ, все равно какой—законной или гражданской.

Кружокъ «Отечественныхъ Записокъ» не избѣгъ отъ вторженія такого рода ловительницъ рыбокъ въ мутной водѣ. Такъ, на вто-

рой же годъ аренды появилась на горизонтѣ кружка нѣкая Л. Ож. Она написала романъ, который былъ принятъ Салтыковымъ и печатался въ нѣсколькихъ книжкахъ «Отечественныхъ Записокъ» за 1869 годъ. Это была женщина лѣтъ уже за сорокъ, нельзя сказать, чтобы мало-мальски красивая или хотя бы миловидная. Она пріѣхала изъ какой-то, должно быть, очень глухой провинціи, судя по тому, что на рубежѣ 70-хъ годовъ въ ея лицѣ сохранился въ чистѣйшемъ видѣ типъ сентименталистки даже не 40-хъ годовъ, а, по крайней мѣрѣ, 20-хъ, т.-е. эпохи Карамзина. Всѣ атрибуты сентиментализма были налицо: и закатыванья глазъ, и томные вздохи, и готовность каждую минуту пролить горькія слезы и даже зарыдать. Она не допускала въ жизни никакихъ слабостей вродѣ самыхъ невинныхъ развлеченій или той не лишенной порою остроумія, но въ то же время совершенно безцѣльной болтовни, какую пробавляются всѣ смертные въ часы досуга, не исключая и дѣлающихъ исторію. Она требовала, чтобы каждая минута въ жизни была посвящена рѣшенію міровыхъ вопросовъ. Такъ, однажды, въ іюлѣ, во Второмъ Парголовѣ, на дачѣ у Елисѣевыхъ я, Н. Курочкинъ и Демертъ лежали на лужкѣ и млѣли отъ чисто тропическаго зноя. Намъ было невмоготу связать двѣ-три мысли въ головѣ, а она приставала, чтобы мы рѣшили ей, какой изъ героевъ романа Шпильгагена выше, Андре Лео или Вальтеръ. Приходилось отмахиваться отъ нея, какъ отъ назойливой мухи.

Въ другой разъ она пришла ко мнѣ ради рѣшенія подобнаго же вопроса и застала меня за пулькой преферанса съ матушкой и сестрою. Какъ? Скабичевскій, и чѣмъ занимается!.. Картами!.. Она заплакала и, не въ состояніи будучи выносить такое позорное зрѣлище, ушла, замѣтивъ на прощанье, что презираетъ жалкое человѣчество, достойное слезъ и смѣха; собаки, по ея мнѣнію, неизмѣримо выше людей своею правдивостью и честностью.

Особенно хороша она была, когда пришла къ Елисѣевымъ и разразилась громкими рыданіями. Оказалось, что ее разогорчило то, что героиня ея романа должна была умереть въ злѣйшей чахоткѣ, а злодѣй Салтыковъ взялъ да и повѣнчалъ героиню съ героемъ.

Такъ вотъ эта самая Ож. по очереди бросалась на шею всѣмъ сотрудникамъ «Отечественныхъ Записокъ» и объяснялась въ любви, предлагая руку и сердце. При этомъ она не ограничилась одними холостыми членами редакціи, а не преминула броситься на шею и старику Елисѣеву, увѣряя, что она лучше способна цѣнить его и вообще во всѣхъ отношеніяхъ достойнѣе быть подругой его жизни, чѣмъ Екатерина Павловна. Курьезнѣе всего то, что Екатерина Павловна начала сервезнѣйшимъ образомъ ревновать ее.

Нѣсколько лѣтъ спустя, подобною же искательницей руки и сердца писателей явилась нѣкая В. Это была полька, брюнетка. Она была далеко не столь сентиментальна, какъ Ож., и старалась

завоевать сердце кого-либо изъ сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ» путемъ хитраго кокетства. Впрочемъ, она не ограничивалась однимъ этимъ женскимъ оружіемъ, а обладая, повидимому, воинственными наклонностями, прибѣгала и къ огнестрѣльному оружію. Такъ, пококетничавши кое съ кѣмъ изъ членовъ редакціи, она остановилась на Гл. Ив. Успенскомъ и устремила на него самую горячую атаку. Она положительно гонялась за нимъ по пятамъ: онъ въ Сябринцы, гдѣ у него была дачка, и гдѣ онъ проживалъ съ семьей зиму и лѣто, и она въ Сябринцы; онъ въ Петербургъ, и она въ Петербургъ, угрожая при этомъ порою револьверомъ (вѣроятно, не заряженнымъ). Наконецъ, онъ началъ прятаться отъ нея, едва слышитъ ея голосъ въ сѣняхъ, куда придется, подобно герою гоголевской «Коляски». Тогда она начала осаждать жену его, Александру Васильевну, и убѣждать ее, чтобы она уступила Глѣбу Ивановича ей, такъ какъ она болѣе достойна во всѣхъ отношеніяхъ быть подругой его жизни, и съ нею онъ будетъ неизмѣримо счастливѣе. Не помню ужъ, какъ отдѣлались они въ концѣ концовъ отъ этой атаки.

IV.

Къ числу такихъ же устроительницъ матримоніальной карьеры принадлежала и Д., которую судьба послала Демерту на погибель. Это была одна изъ тѣхъ «переводчицъ», которыми въ обиліи снабжали Петербургъ разные медвѣжьи углы. Дочь, конечно, ужъ бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, она была одной изъ тѣхъ раздвоенныхъ натуръ, которыхъ высокіе идеалы влекли въ одну сторону, а дворянское, салонное воспитаніе въ другую. Въ ней было всего понемножку: и мечты о самопожертвованіи, и жажда наслажденій, блеска, поклоненій, и готовность закабалиться въ деревенскую глушь ради скромнаго и невиднаго труда сельской учительницы, и тщеславная потребность гордаго возвышенія надъ толпою и самолюбованія на трибунѣ среди грома рукоплесканій, и презрѣніе къ пошлости и суетѣ свѣтской жизни, и брезгливое отвращеніе отъ простоты и бѣдности обстановки людей честнаго труда.

Приѣхавши въ Петербургъ послѣ смерти отца, испытавши разныя мытарства и разочарованія, и голодь, и холодъ, барышня нашла переводную работу въ какой-то редакціи, гдѣ работалъ и Демертъ. Они познакомились и подружились, причемъ Демертъ влюбился въ барышню по-уши. Съ каждымъ днемъ она становилась ему дороже и милѣе, такъ какъ ловко умѣла поддѣлаться къ его интересамъ, дѣлая видъ, что ее интересуютъ и земства, и налоги, и полемика его съ врагами, и сѣзды сельскихъ хозяевъ, и статистическій конгрессъ, и выставка картинъ. Они всюду ходили вмѣстѣ

и жили комната противъ комнаты, черезъ коридоръ, въ меблированныхъ номерахъ.

Демерту, конечно, мало было одной дружбы съ барышней; онъ жаждалъ полной любви. А она... она очень походила на одну изъ героинь, не помню, Гоголя или Островскаго, которая любила заниматься тѣмъ, чтобы мужчину приблизить и потомъ отдалить, опять приблизить и опять отдалить. Такъ и барышня наша поступала съ Демертомъ: то она окружала его нѣжнымъ участіемъ и попеченьями, старалась его поддерживать, ободрять и зажигала въ немъ свѣтлыя надежды; онъ пріободрялся, молодѣлъ, покупалъ себѣ новый фетръ и даже лайковые перчатки самаго моднаго цвѣта. То вдругъ начинала нервничать, капризничать, не говорила съ нимъ и заширалась отъ него по цѣлымъ днямъ. Онъ впадалъ тогда въ окончательное уныніе и принимался пить горькую.

Въ ней, очевидно, происходила борьба. Ей льстила возможность сочетаться съ хроникеромъ «Отечественныхъ Записокъ» и войти, такимъ образомъ, въ нашъ кружокъ. Но слишкомъ ужъ былъ непрезентабеленъ этотъ хроникеръ. Ему ли, горемычному, нечесанному, небритому, обрюзгшему, съ виннымъ запахомъ изо рта, съ унылыми, мутными взорами, неловкими манерами, нетвердою походкою и съ проклятіями на устахъ на свою злосчастную долю, прельстить барышню, въ головкѣ которой мелькали идеалы совѣмъ иного характера. Ей нужно было Вронскаго, который при атлетическихъ формахъ сумѣлъ бы и въ вальсѣ увлечь ее на седьмое небо, и лихо прогарцовать рядомъ съ нею на бѣшенномъ конѣ.

Такой герой и явился въ тѣхъ же меблированныхъ комнатахъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ проходимцевъ, какіе часто встрѣчались въ то время среди пишущей братіи и учащейся молодежи. По внѣшности словно какъ бы и настоящій герой прогресса, послѣдователь Лассалля и агитаторъ вродѣ шпильгагенскаго Лео; на самомъ же дѣлѣ, по словамъ самого Демерта, «наглый хлыщъ, какой-то бѣглый маркеръ изъ плохого трактира, одинъ изъ тѣхъ моншеровъ, которые существуютъ или на счетъ старыхъ купчихъ, или въ крайности рѣшаются на кражу старыхъ брюкъ у товарищей по работѣ, за что, разумѣется, выталкиваются въ шею»...

Увлекши шальную барышню турами бѣшенаго вальса, нашему Лео изъ плохого трактирчика ничего не стоило сдѣлать ее матерью и благополучно скрыться невѣдомо куда. Этотъ романъ, происшедшій на глазахъ Демерта, потрясъ всѣ его душевныя силы до полнаго умопомраченія. Не имѣя никакихъ правъ на дѣвушку, онъ тѣмъ не менѣе въ пьяномъ видѣ дѣлалъ ей дикія сцены ревности, а когда отрезвлялся, являлся къ ней съ повинной головой, ползалъ передъ нею на колѣняхъ и умолялъ ее дать ему двѣ плюхи въ обѣ щеки. Говорили, будто, когда она родила, онъ предлагалъ ей взять на воспитаніе ея ребенка, но ребенокъ въ скоромъ времени умеръ, и сама она куда-то ступевалась.

V.

Послѣ этого романа, а также двухъ самоубійствъ близкихъ и любимыхъ родственниковъ Демерта, жизнь его представляла собою медленную агонію. Онъ пилъ теперь уже мертвую чашу, почти не отрезвляясь, и ходилъ среди своихъ товарищей живымъ трупомъ. Онъ сохранялъ, повидимому, полное сознание, отправлялъ всѣ свои служебныя и личныя дѣла, ходилъ въ гости, интересовался политикой и общественными вопросами, но во всемъ этомъ началъ обнаруживать ненормальную забывчивость, разсѣянность и сумбурность во всѣхъ своихъ разговорахъ и дѣйствіяхъ. То, придя въ большое общество, не говоря ни съ кѣмъ ни слова и ни съ кѣмъ не здороваясь, садился къ столу и просиживалъ весь вечеръ, положивъ голову на столъ; то, придя домой, забывалъ снять шубу и просиживалъ въ ней до утра; то не узнавалъ близкихъ знакомыхъ; то при встрѣчѣ съ незнакомымъ человѣкомъ посвящалъ его въ такія обстоятельства, до которыхъ этому господину не было ни малѣйшей надобности, радовалъ его, напримѣръ, извѣстіемъ, что у А. родилась дочь, а Б. уѣхалъ въ Москву.

Въ редакціонныя занятія онъ внесъ тотъ же сумбуръ: то совсѣмъ не являлся составлять хронику для «Биржевыхъ Вѣдомостей», то составлялъ ее такимъ образомъ, что у него одно извѣстіе являлось напечатаннымъ нѣсколько разъ въ одномъ номерѣ изъ разныхъ газетъ; то онъ вырѣзывалъ изъ провинціальной газеты извѣстіе, которое эта провинціальная газета перепечатывала изъ «Биржевыхъ Вѣдомостей». Въ такомъ же сумбурномъ видѣ были представлены имъ послѣднія хроники въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ», не напечатанныя редакціею за невозможностью.

При этомъ очевидномъ разстройствѣ мозга оно, однакоже, не достигало все-таки до такой степени, при которой человѣка подвергаютъ медицинскому надзору или отправляютъ въ психіатрическую лечебницу. Это было гибельнымъ несчастіемъ для Демерта, такъ какъ, въ чаду своего помѣшательства и не переставая пить, онъ уѣхалъ въ Москву, и никто не обратилъ на это вниманія. Въ Москвѣ онъ остановился въ одной изъ видныхъ московскихъ гостиницъ, но какимъ-то образомъ попалъ въ дряннейшій трактиришко, въ общество темныхъ личностей, московскихъ жуликовъ, за которыми давно уже слѣдила полиція. Три дня хороводился онъ съ этими людьми въ безпросыпномъ хмелю и былъ, наконецъ, захваченъ полиціею вмѣстѣ съ этими подонками московскаго населенія. Когда онъ проспался и проснулся въ части, онъ началъ удоставлять пристава въ своей личности и въ отсутствіи какой-либо солидарности съ людьми, съ которыми онъ былъ схваченъ, кромѣ одного общаго кутежа при случайной встрѣчѣ въ трактирѣ. Полицей-

скій приставъ навелъ справку. Дѣйствительно, оказалось мѣсто жительства Демерта въ извѣстной гостиницѣ; документы его были тамъ налицо, причѣмъ прислуга гостиницы извѣстила, что этотъ самый Демертъ остановился въ гостиницѣ, затѣмъ исчезъ и три дня не являлся. Чего, казалось бы, не доставало еще, чтобы отпустить совершенно невиннаго человѣка? Но приставу всего этого было мало; видно, литературная извѣстность Демерта никогда не доходила до его административныхъ ушей, — это былъ такой специалистъ своего дѣла, которому некогда было интересоваться, что творится въ литературѣ и кто ее пишетъ. Какъ бы то ни было, а Демертъ былъ задержанъ при части на испытаніе, захворалъ, попалъ въ полицейскую больницу, гдѣ вскорѣ и умеръ.

Кто закрылъ глаза несчастному? Можетъ быть, пьяный фельдшеръ не разъ пихнулъ и дернулъ его въ предсмертной агоніи и напутствовалъ его въ могилу грубыми ругательствами. А гдѣ его могила? И есть ли у него могила? Можетъ быть, его, какъ безвѣстнаго арестанта, умершаго въ части, отправили въ университетскій анатомическій кабинетъ и тамъ распотрошили рядомъ съ трупомъ одного изъ жуликовъ, съ которыми онъ былъ захваченъ.

Господи! Подумать только: и это одинъ изъ постоянныхъ и талантливѣйшихъ сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ»...

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Нѣсколько словъ объ остальныхъ постоянныхъ сотрудникахъ «Отечественныхъ Записокъ»: Д. И. Писаревъ, О. М. Рѣшетниковъ, Гл. Ив. Успенскомъ, А. Н. Плещевъ, С. Н. Кривенкѣ.

I

Чтобы очертить вполнѣ кружокъ писателей, группировавшихся вокругъ «Отечественныхъ Записокъ», мнѣ остается сказать по нѣскольку словъ еще о нѣкоторыхъ личностяхъ.

Такъ, въ числѣ писателей, призванныхъ Некрасовымъ къ участию въ журналѣ, одно изъ первыхъ мѣстъ занималъ, какъ извѣстно, Дмитрій Ивановичъ Писаревъ. Но онъ не сближался ни съ кѣмъ изъ насъ, рѣдко бывалъ въ редакціи, не принималъ участія и въ нашихъ вечеринкахъ. Ему было, очевидно, не до насъ. Онъ былъ въ это время весь поглощенъ своею любовью къ Марку Вовчку. Уже въ 1867 году, когда однажды я посѣтилъ его, онъ жаловался мнѣ, что ничего не можетъ писать: что ни напишетъ, то сейчасъ же рветъ въ клочки.

— И еще бы,—присовокупилъ онъ:—такая ужъ моя судьба быть влюбленнымъ въ своихъ родственницъ, и каждый разъ одинаково неудачно!

Надо замѣтить при этомъ, что Марко Вовчокъ приходилась ему чѣмъ-то вродѣ двоюродной или троюродной сестры.

Не знаю ужъ, насколько были успѣшны его ухаживанія въ слѣдующемъ, 1868 году; достовѣрно было лишь то, что онъ жилъ уже въ этомъ году на одной квартирѣ съ предметомъ своей страсти и почти безвыходно сидѣлъ дома. Одинъ разъ только онъ присутствовалъ на обѣдѣ, данномъ Некрасовымъ въ январѣ 1868 года по случаю выхода первой книжки «Отечественныхъ Записокъ». Я гдѣ-то писалъ уже о томъ щекотливомъ положеніи, которое испытывалъ Писаревъ, сидя за однимъ столомъ съ Щедринымъ, котораго такъ недавно еще онъ сводилъ къ нулю въ своей статьѣ «Цвѣты невиннаго юмора». Это щекотливое положеніе и вызвало у него замѣчаніе, съ которымъ онъ, сидя рядомъ со мною, обратился ко мнѣ:

— Мы съ тобою точно двѣ институточки, которыхъ начальница удостоила присутствовать на своемъ парадномъ обѣдѣ.

Замѣчаніе это могло относиться ко мнѣ, какъ къ писателю, дѣйствительно, начинающему и мало еще извѣстному, но странно было слушать его изъ устъ писателя, имя котораго возбуждало энтузіазмъ въ молодежи по всей Россіи и литературная дѣятельность котораго уже оканчивалась, но на самомъ дѣлѣ оно было какъ нельзя болѣе естественно.

Это была не одна только присущая Писареву врожденная скромность. Надо принять въ соображеніе всѣ обстоятельства его несчастной жизни, чтобы понять, что до самаго конца ея онъ могъ продолжать считать себя литературнымъ пажономъ. Едва началъ онъ сотрудничать въ «Русскомъ Словѣ», какъ былъ арестованъ и пять лѣтъ просидѣлъ въ крѣпости. Здѣсь онъ былъ постоянно подъ ферулой Благосвѣтлова, который держалъ его въ черномъ тѣлѣ и по своему обыкновенію позволялъ себѣ дѣлать съ его статьями все, что ему приходило въ голову. Затѣмъ по выходѣ на свободу Писаревъ возился со своею несчастною любовью. Вообще, нужно сказать, жизнь не улыбалась ему; бѣды и неудачи такъ и сыпались на его большую голову. Нервы его были сильно издерганы, когда весною 1868 года онъ пришелъ въ редакцію заявить, что уѣзжаетъ на лѣто въ Дубельнъ купаться въ морѣ, именно по причинѣ крайняго разстройства нервовъ... И затѣмъ никто изъ насъ болѣе не видалъ его: онъ, какъ извѣстно, утонулъ, кушаясь въ морѣ, и въ Петербургъ привезли его трупъ.

Не многимъ долѣе вращалась среди насъ и другая призванная Некрасовымъ знаменитость 60-хъ годовъ въ лицѣ Федора Михайловича Рѣшетникова. Стоило разъ увидѣть Рѣшетникова, чтобы непрезентабельная наружность его навсегда запечатлѣлась въ ва-

шей памяти. Невысокаго роста, съ лицомъ широкимъ, какъ лопата, круглымъ и лунообразнымъ, съ узенькими подслѣповатыми глазами и широкимъ мясистымъ ртомъ, онъ выглядѣлъ типическимъ инородцемъ монгольской расы, напоминая собою одного изъ тѣхъ подлиповцевъ, которыхъ онъ изобразилъ въ своей знаменитой повѣсти,—особенно, когда начиналъ посасывать свою носогрѣчку съ коротенькимъ чубучкомъ.

Но какъ ни была непрезентабельна его наружность, какъ ни былъ застѣнчивъ, робокъ, неловокъ, угрюмъ и неразговорчивъ онъ въ обществѣ, тѣмъ не менѣе простой, искренній, дѣтски наивный, какъ ребенокъ или дикарь, попавшій въ столичный омутъ прямо изъ дремучихъ лѣсовъ своей далекой родины, онъ привлекалъ людей непосредственностью и цѣльностью своей натуры и въ то же время вызывалъ невольную улыбку при видѣ анекдотически-комичныхъ проявленій наивнаго незнанія ни людей, ни жизни.

Такъ, биографъ Рѣшетникова Глѣбъ Успенскій рассказываетъ, какъ Рѣшетниковъ по старой афишкѣ думая попасть на концертъ, тщетно порывался въ своей плохонькой одежонкѣ войти въ дворянское собраніе; его не пустили ни въ одинъ подъездъ, «прогнали прочь», какъ онъ выразился; онъ разсердился, выругался; на него прикрикнули: «Куда лѣзешь? Кто ты такой?» — «Мастеровой!» отвѣчалъ Рѣшетниковъ. Результатомъ такого отвѣта было то, что Рѣшетниковъ ночевалъ въ части, откуда вышелъ избитый и безъ кольца.

Я былъ свидѣтелемъ другого случая въ такомъ же родѣ, не имѣющаго, впрочемъ, такого драматическаго характера, а исключительно комическаго. Однажды мы собрались на вечеринку къ Демерту. Вечеринка подходила уже къ концу; сѣли ужинать. Рѣшетникова все еще не было. Думали, что онъ совсѣмъ уже не будетъ. Какъ вдругъ часовъ около двѣнадцати является онъ сильно уже навеселѣ. По словамъ его, оказалось, что онъ былъ въ итальянской оперѣ, въ Большомъ театрѣ, ходилъ слушать Патти. Забрался онъ въ парадизъ и ничего не видѣлъ,—одна люстра передъ глазами.—Ну, а какъ же нашелъ онъ голосъ дивы?—спрашиваютъ у него.

— Что голосъ?—отвѣчаетъ онъ мрачнымъ тономъ.—Выдумали тоже голосъ! Кричатъ всѣ: Патти, Патти! Вышла, завизжала, какъ кошка драная! Я рукой махнулъ и весь вечеръ въ бѣфетѣ просидѣлъ... Вотъ ваша Патти!..

Въ концѣ концовъ оказалось, что Патти въ тотъ вечеръ совсѣмъ и не пѣла. Рѣшетниковъ не позаботился заглянуть въ афишу и принялъ за Патти другую какую-то пѣвицу.

Помню я еще одинъ комическій эпизодъ, случившійся въ самой редакціи «Отечественныхъ Записокъ». Въ одинъ изъ пріемныхъ понедѣльниковъ собралось въ редакціи человекъ до тридцати. Зашла рѣчь о томъ, что въ прежнія времена беллетристы были несравненно образованнѣе и начитаннѣе нынѣшнихъ.

— Нынѣшніе только и знаютъ, что пишутъ, а сами ничего не читаютъ, кромѣ своихъ собственныхъ сочиненій,—ораторствовалъ Салтыковъ,—вотъ хоть бы Рѣшетниковъ...

Приведя въ примѣръ Рѣшетникова, Салтыковъ былъ въ полной увѣренности, что Рѣшетникова не было въ редакціи. А Рѣшетниковъ какъ разъ въ эту самую минуту вошелъ и стоялъ сзади Салтыкова, такъ что тотъ его не видѣлъ. И представьте себѣ смущеніе Салтыкова, когда вдругъ сзади него раздался голосъ Рѣшетникова:

— Пятъсотъ томовъ собралъ,—всѣ подлецы растащили!

Раздался, конечно, общій хохотъ. Не помню ужъ, какъ вывернулся Салтыковъ изъ неловкаго положенія.

III.

Съ поступленіемъ съ 1868 года въ число постоянныхъ сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ» съ опредѣленнымъ ежемѣсячнымъ жалованьемъ, Рѣшетниковъ избавился отъ той страшной нужды, какую терпѣлъ въ первые годы своего пребыванія въ Петербургѣ. Онъ получилъ теперь возможность нанять маленькую квартиру въ три комнатки и завести кое-какую обстановочку. Будучи женатъ на своей землячкѣ и имѣя отъ нея двухъ дѣтей, мальчика и дѣвочку, онъ даже нанялъ для нихъ гувернантку. Но съ этой гувернанткой случилсѣ эпизодъ весьма прискорбнаго характера, а главное дѣло, такого рода, что его можно предположить гдѣ угодно, только не въ домѣ Рѣшетникова.

Я познакомился лично съ Рѣшетниковымъ въ 1870 году, и въ маѣ того года былъ приглашенъ имъ на какое-то семейное торжество. Онъ проживалъ въ то время на Петербургской сторонѣ, по Кронверкскому проспекту. Я нашелъ у него довольно многочисленное общество, состоявшее изъ нѣсколькихъ сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ» и неизвѣстныхъ мнѣ людей. Въ числѣ послѣднихъ былъ представленъ мнѣ, къ моему удивленію, князь Шахъ-Назаровъ-Гохчайскій. Присутствіе титулованной особы въ салонѣ Рѣшетникова вызывало невольную улыбку, хотя, по правдѣ сказать, князь, нельзя сказать, чтобы имѣлъ соответствующую его титулу внѣшность. Средняго роста, приземистый, въ старенькомъ пиджачкѣ, онъ не только по наружности, но и по всѣмъ манерамъ и ухваткамъ походилъ скорѣе на маркера захолустнаго трактиришки, чѣмъ на князя, а тѣмъ болѣе ни по своей бѣлокурой масти, ни по росту нисколько не напоминалъ «восточнаго человѣка», на что имѣлъ претензію, судя по фамиліи.

Что касается хозяина, то онъ не оказывалъ князю ни на волосъ болѣе вниманія, чѣмъ всѣмъ прочимъ гостямъ, также молчаливо и угрюмо сосалъ свою носогрѣбку. Напротивъ того, во время

обѣда онъ жестоко оборвалъ его, выказавъ себя, по чисто рыцарской гуманности, цѣлою головою выше своихъ гостей, кичившихся своимъ высокимъ развитіемъ. Дѣло въ томъ, что, благодаря близкимъ еще традиціямъ крѣпостного права, и до сего дня стоитъ собраться у насъ нѣсколькимъ людямъ, непременно найдутъ они въ компаніи смѣшного человѣка, котораго обратятъ въ шута, и начнутъ взапуски потѣшаться надъ нимъ, пока не доведутъ его до слезъ или какого-нибудь скандала. Не обошлось безъ шута и на обѣдѣ у Рѣшетникова. Незавидную роль эту взялъ на себя какой-то на этотъ разъ несомнѣнно восточный человѣкъ, черный, съ курчавыми волосами и въ грузинскомъ костюмѣ. Немного подпивши, онъ пустился въ откровенные разговоры, несмотря на то, что находился въ чужомъ обществѣ, среди людей, которыхъ видѣлъ въ первый разъ: началъ въ отчаяніи бить себя въ грудь, заявляя, что онъ самый несчастный человѣкъ, что въ жизни ему ничего не удастся, потому что онъ дуракъ и всѣ надъ нимъ смѣются. Надъ нимъ и дѣйствительно всѣ начали смѣяться, причемъ лица у смѣющихся сдѣлались злыми, хищными; бѣднягу довели до того, что онъ зарыдалъ. При этомъ болѣе всѣхъ глумился надъ несчастнымъ князь Гохчайскій. Вдругъ раздается со стороны хозяина такой сильный ударъ кулакомъ по столу, что и бутылки, и стаканы, и тарелки подпрыгнули; что-то упало и разбилось. Разомъ воцарилось глубокое молчаніе, и среди него раздался грозный голосъ хозяина:

— Просту прекратить эти насмѣшки! Я не позволю, чтобы въ моемъ домѣ издѣвались надъ моими гостями! Это подло, гадко!

Нужно ли и говорить о томъ, что травля человѣка тотчасъ же прекратилась.

Между тѣмъ, какъ хозяинъ выказалъ себя такъ неподобно, женскій персоналъ, напротивъ того, былъ очень польщенъ присутствіемъ князя; за нимъ ухаживали, съ нимъ кокетничали; только и слышно было вокругъ: князь, князя, князю... И что же впоследствии вдругъ оказалось! Оказалось, что князь вовсе не былъ княземъ, а мѣщаниномъ, и не Шахъ-Назаровымъ-Гохчайскимъ, а Бабаевымъ. Онъ вскорѣ послѣ того судился за многоженство и самозванство и былъ сосланъ въ мѣста отдаленныя. Онъ занимался тѣмъ, что являлся въ тотъ или другой городъ подъ разными именами и съ подложными паспортами, сватался къ какой-нибудь выгодной невѣстѣ съ кругленькимъ капиталчикомъ, и если ему не удавалось завладѣть приданымъ ея до женитьбы, въ качествѣ жениха, то онъ вступалъ въ бракъ, а затѣмъ, прокутивъ женины деньги, скрывался изъ города.

Удивительно, какъ могъ подобный проходимецъ попасть въ домъ Рѣшетникова! Надо полагать, что онъ пробрался вслѣдъ за гувернанткою въ качествѣ ея ухаживателя. Это была молодая дѣвушка лѣтъ восемнадцати, ослѣпительной красоты и во всѣхъ отношеніяхъ

симпатичная. Бабаевъ же не ограничивался одними богатенькими цевѣстами, а между дѣломъ, будучи большимъ сердцеѣдомъ, лакомился и бѣдненькими жертвами своего ненасытнаго сластолюбія. Гувернанткѣ Рѣшетникова пришлось сдѣлаться одною изъ такихъ жертвъ. Мало-по-малу Бабаевъ совсѣмъ поселился въ домѣ Рѣшетникова, едва ли не сталъ жить на его счетъ. Рѣшетникову пришлось куда-то отлучиться со всѣмъ своимъ семействомъ на мѣсяць, на два. Гувернантка осталась при квартирѣ. Пользуясь отсутствіемъ хозяевъ, Бабаевъ овладѣлъ несчастной дѣвушкой, увезъ ее, затѣмъ, конечно, бросилъ.

Не прошло и года послѣ этого, какъ Рѣшетникова уже не стало. Я навѣщалъ его передъ самой его смертью. Онъ уже лежалъ, но былъ въ полномъ сознаніи. У него былъ отекъ легкихъ, но онъ, повидимому, и не подозрѣвалъ объ этомъ: покуривалъ свою носогрѣечку и сосалъ леденцы отъ кашля. Говорили, что и передъ самой кончиной онъ попросилъ дать ему затянуться и вмѣстѣ съ табачнымъ дымомъ испустилъ и духъ свой.

Я въ своей жизни не запомню другихъ литературныхъ похоронъ, столь жалкихъ и убогихъ, какъ похороны Рѣшетникова. Въ тепленькій, но пасмурный мартовскій день тянулись по Лиговкѣ къ Волкову простенькія дроги, на которыхъ возятъ обыкновенно бѣднѣйшихъ ремесленниковъ или канцелярскихъ писцовъ. Утрюмый возница съ печатью нетрезваго поведенія на челѣ, въ черномъ плащѣ съ короткимъ капюшономъ и въ помятомъ цилиндрѣ управлялъ парю жалкихъ одровъ, покрытыхъ грязными и измызганными черными попонами. На дрогахъ возвышался ординарный гробъ изъ самыхъ дешевенькихъ. За гробомъ шла вдова въ глубокомъ траурѣ и вся въ слезахъ, и двое маленькихъ дѣтишекъ съ дѣтскою безпечностью весело провозжали папашу, не думая, конечно, что они никогда болѣе его не увидятъ. Далѣе шли вразсыпную человекъ десять-пятнадцать братьевъ-писателей и близкихъ знакомыхъ. Корифеевъ «Отечественныхъ Записокъ», ни Некрасова, ни Салтыкова, ни Елисеѣва я что-то не запомню за гробомъ. Ни депутацій съ вѣнками, ни прочувствованныхъ рѣчей на могилѣ: отвезли на кладбище, отпѣли, безмолвно опустили въ могилу, засыпали землею и молча разошлись въ разныя стороны.

Надо сказать правду, полиція оказала болѣе почета умершему литератору, чѣмъ братья-писатели: она озаботилась послать на похороны своего тайнаго агента, ожидая, конечно, что похороны могутъ имѣть политически-демонстративный характеръ, такъ какъ отправляли къ праотцамъ писателя-народника, радикальнаго образа мысли. У меня былъ товарищъ по гимназіи, Калшаковъ. Онъ покинулъ гимназію въ одномъ изъ низшихъ классовъ, и я его совсѣмъ потерялъ изъ виду. Слышалъ только, что онъ поступилъ въ сыщики въ тайную полицію. И вдругъ онъ явился ни съ того, ни съ сего на

похороны Рѣшетникова, проводилъ гробъ до кладбища, присутствовалъ и на отгѣваніи, и при опущеніи тѣла въ могилу, и удалился послѣднимъ, набожно перекрестившись,—отправился, по всей вѣроятности, докладывать по начальству, какъ вели себя радикальные писатели.

IV.

О Глѣбѣ Ивановичѣ Успенскомъ, о которомъ я намѣренъ теперь вести рѣчь, такъ много уже появилось воспоминаній послѣ его смерти, что на мою долю врядъ ли осталось что-либо новое. Поэтому я полагаю ограничиться лишь нѣсколькими замѣчаніями относительно нѣкоторыхъ болѣе или менѣе важныхъ фактовъ, разсѣянныхъ въ воспоминаніяхъ о немъ современниковъ.

Познакомился я съ Успенскимъ въ первомъ же году новой редакціи «Отечественныхъ Записокъ», въ 1868 году. Лѣтомъ въ этомъ году я проживалъ во Второмъ Парголовѣ, въ сообществѣ съ писателемъ Н. А. Александровымъ и студентомъ Сѣриковымъ. Лѣто было такое знойное, что я не запомню въ теченіе всего нашего пребыванія на дачѣ ни одного дождя. Кругомъ, какъ водится въ такія сухія лѣта, горѣли лѣса и болота, пахло гарью и дымъ сгущался порою до того, что совѣмъ закрывалъ солнце и превращалъ іюльскій день въ сумерки, а по ночамъ небо кругомъ было объято заревами. И вотъ, въ одинъ изъ такихъ мрачныхъ дней, поздно вечеромъ, когда мы собирались уже на покой, у нашей дачи остановилась чухонская таратайка, и передъ нами предсталъ изъ дыма пожаровъ Глѣбъ Ивановичъ, проживавшій въ то лѣто въ Стрѣльнѣ вмѣстѣ съ Н. Ст. Курочкинымъ. Онъ былъ не одинъ, а въ сопровожденіи, не помню, какого-то спутника. Приѣхалъ онъ къ Александрову, но само собою разумѣется, что и я не замедлилъ съ нимъ познакомиться. Какой онъ былъ въ то время еще юный, какой веселый! Въ то время онъ былъ далекъ еще отъ исканій «настоящаго мужика», писалъ «Нравы Растеряевой улицы». Надо полагать, что знакомство его съ Александровымъ, съ которымъ онъ не могъ имѣть ничего общаго, обуславливалось тѣмъ, что до того времени онъ помѣщалъ свои очерки въ «Женскомъ Вѣстникѣ», гдѣ Александровъ писалъ рецензіи.

Впрочемъ, онъ гостилъ у насъ недолго, такъ что въ этотъ разъ мы не успѣли еще и разглядѣть другъ друга. Но затѣмъ, встрѣчаясь часто то въ редакціи «Отечественныхъ Записокъ», то на вечеринкахъ у товарищей, мы сближались мало-по-малу, и въ 1870 году наше сближеніе было уже настолько коротко, что весною въ этомъ году я былъ приглашенъ Успенскимъ въ качествѣ шафера и свидѣтеля на его бракосочетаніе.

Свадьба его была столь же оригинальна, какъ и все въ его жизни. Вѣнчаніе было утроемъ, въ 12 часовъ, въ одной изъ домовыхъ

церквей. Поѣзжанъ было не болѣе десяти человекъ, наиболѣе близкихъ жениху или невѣстѣ. Послѣ вѣнчанія мы собрались на завтракъ въ старопалкинскій трактиръ. Завтракъ продолжался часовъ до четырехъ, до пяти. Затѣмъ были наняты двѣ коляски, въ которыхъ умѣстились всѣ поѣзжане, и мы отправились на острова. Гдѣ только мы не перебивали: и въ Аркадіи, и на Елагинѣ,—не помню ужъ, кто тамъ въ то время содержалъ ресторанъ,—и на Крестовскомъ. Вездѣ мы останавливались и совершали новыя возліянія. Въ концѣ концовъ мы очутились въ биржевомъ скверѣ, гдѣ въ то время какъ разъ былъ птичій базаръ. Тамъ мы дразнили обезьянъ, торговали раковины и прочія заморскія бездѣлушки, и оттуда, едва уже держась на ногахъ, разбрелись наконецъ по домамъ.

Затѣмъ знакомство наше не прерывалось вплоть до начала 90-хъ годовъ, т.-е. до его болѣзни. Впрочемъ, онъ былъ и на моемъ юбилеѣ въ 1894 году, такъ какъ въ это время какъ разъ было нѣкоторое просвѣтлѣніе въ его болѣзни, хотя просвѣтлѣніе это ограничивалось тѣмъ, что онъ могъ пребывать на свободѣ и въ своей семьѣ, могъ сознательно прійти на мой юбилей, но въ то же время въ головѣ его все-таки былъ порядочный сумбуръ. По крайней мѣрѣ, когда я подошелъ къ нему на юбилеѣ, онъ все время толковалъ мнѣ о какихъ-то ангелахъ, летавшихъ яко бы надъ нашею головою.

Особенно памятна мнѣ его дачка въ деревенькѣ Сябринцахъ, верстахъ въ трехъ отъ станціи Чудово, въ которой онъ проживалъ съ семьей не только лѣтомъ, но часто и зимой, куда нерѣдко онъ уѣзжалъ и одинъ отъ проживавшей въ городѣ семьи—работать въ полномъ одиночествѣ. Мнѣ случалось гашивать у Успенскаго на этой дачкѣ по нѣсколькимъ дней, и много въ ней переговорено и передумано и одинъ на одинъ съ хозяиномъ, и въ сообществѣ съ прочими членами кружка «Отечественныхъ Записокъ»... Особенно въ этомъ отношеніи памятны были поѣздки на именины Успенскаго 24-го іюля въ день Бориса и Глѣба, когда къ Успенскому собиралось человекъ по десяти и по пятнадцати.

V.

Во всѣхъ воспоминаніяхъ объ Успенскомъ, какія мнѣ приходилось читать, онъ рисуется крайне непрактичнымъ, нерасчетливымъ, вѣчно ищущимъ, гдѣ бы достать денегъ и путающимся въ безысходныхъ долгахъ. вмѣстѣ съ тѣмъ ставятъ на видъ его страсть къ скитальчеству; куда только онъ ни ѣздилъ и гдѣ только ни бывалъ: и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ, и на Балканахъ. Россію изъѣздилъ онъ вдоль и поперекъ. Если не предстояло въ ближайшемъ будущемъ далекое путешествіе, то онъ ѣхалъ въ Москву, и тамъ носился по всей Вѣлокаменной. Онъ самъ рассказывалъ такой съ нимъ случай.

Пріѣхаль онъ однажды въ Москву, остановился въ гостиницѣ, оставилъ въ занятомъ номерѣ вещи, а самъ отправился по разнымъ знакомымъ. «Вы ужъ знаете, — рассказывалъ онъ: — что такое Москва: попади только въ нее, закрутитъ тебя, завертитъ, такъ что и не опомнишься! Обѣдь въ одномъ ресторанѣ съ одной компаніей, ужинь—въ другомъ съ другой. Вдругъ влекутъ тебя въ 7 часовъ утра, въ темень, куда-то на окраину ѣсть блины въ кабачкѣ, особенно вкусно приготавливаемые».

Словомъ, такъ онъ закрутился, что вернулся въ занятый номеръ лишь черезъ недѣлю. Приходитъ и застаётъ въ своемъ номерѣ какого-то незнакомаго поручика. Что такое? Оказалось, что хозяинъ гостиницы, не дождавшись пропавшаго постояльца, отдалъ номеръ другому лицу, а вещи Успенскаго сдалъ въ полицію на храненіе. И немалого труда стоило Успенскому возвратитъ свои вещи.

Такъ-то такъ, а все слѣдуетъ сказать, что во всѣхъ толкахъ о нерасчетливости и о скитальчествѣ Успенскаго есть и нѣкоторыя преувеличенія. Правда, что Успенскій былъ то, что въ старину называли «художественная натура», принимая это слово въ смыслѣ человѣка съ крайне чуткими нервами, отзывчиваго, впечатлительнаго и всецѣло отдающагося влеченію даннаго момента. Правда, случалось, что, получивъ порядочный гонораръ за свою работу, онъ начиналъ разбрасывать деньги направо и налево, давалъ въ долгъ первому встрѣчному, угощалъ дюшесами и шампанскимъ какую-нибудь пріѣзжую барыню, какъ «очень хорошаго человѣка» и т. п., и домой ничего не приносилъ. Правда, что со своими долгами онъ дѣлалъ такія комбинаціи, что недаромъ Салтыковъ говорилъ, что изъ него могъ бы выйти отличный министръ финансовъ. Но слѣдуетъ принять во вниманіе и нѣкоторыя смягчающія обстоятельства.

Прежде всего сообразимъ то, что Успенскій никогда не былъ журналистомъ, получающимъ опредѣленное жалованье за редакцію какого-либо отдѣла. Это былъ исключительно беллетристъ, и притомъ не крупныхъ романовъ, а мелкихъ очерковъ, и эти очерки составляли единственный ресурсъ его жизни съ многочисленной семьей. Мы видимъ, что и на Западѣ, гдѣ литературный трудъ цѣнится не въ примѣръ выше, не въ рѣдкость встрѣтитъ писателей, которые не въ состояніи бываютъ сводить концы съ концами. Вспомните только Бальзака, Гейне. Чего же вы въ правѣ требовать отъ нашихъ? У насъ даже Пушкинъ, это солнце русской поэзіи, оставилъ послѣ себя, несмотря на всѣ щедроты и милости, свыше 50 тысячъ долга. Гоголь, Достоевскій, въ свою очередь, до самой смерти путались въ долгахъ. Что же мудренаго, что, несмотря на всѣ финансовыя ухищренія, не выходилъ изъ долговъ и Успенскій.

И, однакоже, изъ всѣхъ современныхъ писателей-пролетаріевъ Успенскій является единственнымъ настолько практичнымъ, что

сумѣлъ устроить для себя маленькую осѣдлость, въ видѣ одной десятины земли и двухъэтажнаго домика въ Сябринцахъ. И замѣчательно, что онъ не ограничился только тѣмъ, что проживалъ въ этомъ домикѣ съ семьею, оставляя его въ томъ неизмѣнномъ видѣ, въ какомъ купилъ. Онъ всю жизнь перестраивалъ свою усадьбу, и въ концѣ концовъ, по словамъ его сына-архитектора, произвелъ нѣкоторое чудо архитектуры: умудрился устранить всѣ внутреннія капитальныя стѣны, оставивъ однѣ перегородки, и, несмотря на это, домъ не развалился.

Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ принять въ соображеніе, что не дешево доставались ему его мелкіе очерки; они требовали такихъ большихъ затратъ, которыхъ далеко не окупалъ получавшійся за нихъ гонораръ. Скитальчество Успенскаго обуславливалось именно собираніемъ матеріаловъ для его произведеній. Если бы Успенскій былъ домосѣдъ, выѣзжавшій изрѣдка лишь въ гости, то можно навѣрное сказать, что дальше «Нравовъ Растеряевой улицы» онъ не пошелъ бы. Ни одной поѣздки онъ не дѣлалъ изъ одного безцѣльнаго жуировастья или для поправленія здоровья. Всѣ онѣ были вполнѣ цѣлесообразны, имѣли видъ своего рода научныхъ экскурсій. Россія была для него библіотекой, въ которой онъ всю жизнь рылся, изучая народъ. Онъ напоминалъ при этомъ тѣхъ ученыхъ, которые такъ бывають проникнуты своею спеціальностью, что не могутъ допустить, чтобы кто-либо не интересовался ихъ дифференціалами въ той же степени, какъ они. Такъ, однажды, собираясь ѣхать въ Ладугу изучать артельное рыболовство мѣстныхъ обывателей, онъ всерьезъ приглашалъ меня сопутствовать ему въ его экскурсіи, воображая, что изученіе это столь же нужно и интересно для меня, какъ и для него. Когда ему удавалось набрести на маломальски цѣнные и интересные факты народнаго быта, онъ до такой степени проникался весь этими фактами, что съ кѣмъ бы ни встрѣчался, онъ не былъ въ состояніи ни о чемъ говорить съ собесѣдникомъ, какъ лишь объ этихъ фактахъ, и вы могли быть урѣнены, что черезъ мѣсяцъ, черезъ два всѣ эти рѣчи его явятся на страницахъ «Отечественныхъ Записокъ» въ видѣ новаго очерка.

Такъ, однажды, когда всѣ находились въ лѣтнемъ разѣздѣ, онъ пригласилъ на свои именины меня и нашего метранпажа Чигова. Онъ проживалъ въ то лѣто съ семьею не на своей дачкѣ, которая ремонтировалась, а верстахъ въ семи отъ нея, въ усадьбѣ своего знакомаго помѣщика К—скаго. Усадьба была расположена въ глухомъ лѣсу и за отсутствіемъ хозяевъ управлялась одной крестьянской семьей. Эта крестьянская семья была предметомъ наблюденій Успенскаго въ продолженіе всего того лѣта (1881 годъ), и наблюденія эти привели Успенскаго къ весьма важнымъ результатамъ. Они до такой степени овладѣли имъ, что и по дорогѣ въ Чудово, и дома, и въ именины, и послѣ нихъ Успен-

скій только и говорилъ, что о нихъ. И вотъ въ результатъ этихъ наблюденій и появился въ «Отечественныхъ Запискахъ» въ скоромъ времени его разсказъ «Власть земли». Когда я принялся читать его, я былъ удивленъ, найдя въ немъ слово въ слово все, что говорилъ Успенскій мѣ и Чижову.

VI.

Въ заключеніе объ Успенскомъ остается сказать нѣсколько словъ о его мнимомъ алкоголизмѣ. Въ послѣдніе годы, какъ въ медицинѣ, такъ и среди строгихъ моралистовъ, какъ извѣстно, воздвиглось ожесточенное гоненіе на вино, и къ числу «жупеловъ», которыми пугаютъ слабонервныхъ женщинъ, прибавилось грозное слово—«алкоголизмъ». Между тѣмъ до сей поры не опредѣлено точно, что слѣдуетъ подразумѣвать подъ словомъ алкоголикъ. Одни подразумѣваютъ человѣка, у котораго частое употребленіе вина, и притомъ въ большомъ количествѣ, вошло въ порочную привычку, и весь организмъ проникнуть алкогелемъ. Другіе же готовы считать алкоголикомъ каждаго, кто только не отказывается отъ рюмки водки. Къ числу такихъ ригористовъ принадлежалъ покойный профессоръ В. Ав. Манассеинъ. У меня, по крайней мѣрѣ, вышелъ съ нимъ казусъ, превращенный Успенскимъ въ пресмѣшной анекдотъ.

Однажды у меня приключился бронхитъ, столь продолжительный, что грозилъ, казалось, превратиться въ хроническій. Я обратился къ Манассеину. Изслѣдуя меня, онъ, между прочимъ, спросилъ, много ли я пью и не принадлежу ли къ числу алкоголиковъ.

Я отвѣчалъ ему, что каждый день пью не болѣе одной рюмки передъ ѣдою, допьяна же напиваюсь очень рѣдко.

— Ну,—возразилъ онъ,—значить вы—форменный алкоголикъ. Вовсе не тотъ алкоголикъ, кто напивается разъ въ мѣсяцъ, хотя бы до положенія ризъ, а именно тотъ, который пьетъ хотя бы по одной рюмочкѣ каждый день.

Замѣчаніе профессора я передалъ своимъ товарищамъ. Успенскій подхватилъ его, и потомъ, когда кто-либо отказывался пить болѣе одной рюмки, говорилъ:

— Чего вы отказываетесь, когда самъ Манассеинъ запрещаетъ пить по одной рюмкѣ, велитъ напиваться не иначе, какъ до положенія ризъ.

Это была, конечно, не болѣе, какъ остроумная шутка. Самого же Успенскаго никто никогда не видалъ напившагося до положенія ризъ, и не только потому, что вино на него не дѣйствовало, не опьяняло его, а потому, что онъ отнюдь не имѣлъ къ нему такого рокового пристрастія, какъ это многіе полагали.

Во французскомъ языкѣ существуетъ два слова для обозначенія любителей спиртныхъ напитковъ: «buveur» и «ivrogne». Въ рус-

скомъ языкѣ, въ свою очередь, почти такое же различіе между словами «питухъ», «кутила» и «горькій» или «запойный» пьяница. Успенскій былъ именно питухъ и кутила. Онъ отнюдь не принадлежалъ къ типу тѣхъ запойныхъ пьяницъ, какъ Помяловскій, Демертъ, Рѣшетниковъ и многіе другіе. У него не было такихъ опредѣленныхъ періодовъ, о которыхъ сложилась извѣстная пословица: «запилъ и ворота заперъ», подразумѣвая подъ этимъ, что одержимый подобнымъ припадкомъ пьяница бросаетъ всѣ свои дѣла и съ утра до ночи хлопаетъ рюмку за рюмкой, ничѣмъ иногда не закусывая; въ заключеніе же пароксизма заболѣваетъ бѣлой горячкой. Ничего подобнаго съ Успенскимъ никогда не было. Послѣ какого бы ни было сильнаго кутежа съ пріятелями онъ садился на другой день за работу и по недѣлямъ могъ обойтись безъ капли вина. Такъ что предположеніе, будто болѣзнь Успенскаго произошла на почвѣ алкоголизма, лишено, по моему мнѣнію, всякаго основанія.

VII

Въ заключеніе мнѣ остается сказать по нѣскольку словъ еще о двухъ писателяхъ, входившихъ въ составъ постоянныхъ сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ»—Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ и Сергѣй Николаевичъ Кривенкѣ.

А. Н. Плещеевъ примкнулъ къ «Отечественнымъ Запискамъ» въ 1872 году. Переселившись изъ Москвы въ Петербургъ, онъ занялъ при журналѣ нехитрую должность секретаря редакціи, заключающуюся въ томъ, что онъ записывалъ въ книгу поступающіе въ редакцію рукописи и возвращалъ непріятыя авторамъ. Кромѣ того, онъ завѣдывалъ стихотворнымъ отдѣломъ, изрѣдка кое-что переводилъ. Но вообще участіе его въ журналѣ было незначительно.

Высокаго роста, довольно полный, представительной наружности, тѣмъ не менѣе онъ имѣлъ старческій видъ не по лѣтамъ. Ему было всего 47 лѣтъ, когда онъ вошелъ въ составъ сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ», но онъ былъ значительно уже посѣдѣлый, страдалъ одышкой и вообще имѣлъ болѣзненный видъ. Тихій, кроткій, молчаливый, задумчивый и меланхолическій, онъ былъ вѣчно словно въ воду опущенный. Недаромъ В. Ст. Курочкинъ сострилъ о немъ въ веселую минуту, что какъ его разстрѣляли въ 1848 году, такъ онъ и ходитъ весь свой вѣкъ разстрѣлянный. Салтыковъ же говорилъ, что Плещеевъ груститъ о томъ, что пропилъ свой домъ въ Москвѣ на сельтерской водѣ. И дѣйствительно, я не зналъ человѣка, который истреблялъ бы столь много сельтерской воды, какъ Плещеевъ. Можетъ быть, эта неутолимая жажда была предвѣстіемъ той сахарной болѣзни, которая свела его въ могилу.

С. Н. Кривенко появился на горизонтѣ «Отечественныхъ Записокъ» годомъ позже, именно въ 1873 году. Дѣло было лѣтомъ,

когда всѣ были въ разъѣздахъ, и я въ единственномъ числѣ оставался въ редакціи. И вотъ въ одинъ изъ понедѣльниковъ явился въ редакцію молодой человѣкъ, лѣтъ подъ тридцать, средняго роста, довольно плотнаго сложенія и такой брюнетистый, что я принялъ его за восточнаго человѣка. Онъ принесъ рукопись о потребительныхъ обществахъ въ Петербургѣ. Когда черезъ двѣ недѣли онъ пришелъ за отвѣтомъ, я сказала ему, что рукопись очень мнѣ понравилась, но принять ее я некомпетентенъ, такъ какъ отдѣломъ по внутреннимъ вопросамъ завѣдуетъ Елисеѣвъ, и я могу лишь передать ему рукопись со своимъ мнѣніемъ. Елисеѣву, когда онъ вернулся въ августѣ въ Петербургъ, въ свою очередь, рукопись понравилась до такой степени, что онъ сдѣлалъ даже визитъ ея автору, послѣ чего Кривенко началъ бывать у Елисеѣва на понедѣльныхъ обѣдахъ.

Но нельзя сказать, чтобы въ продолженіе семидесятихъ годовъ Кривенко принималъ дѣятельное участіе въ журналѣ. Онъ былъ для этого слишкомъ непосѣда: постоянно ему приходилось разъѣзжать, то на родину, въ Тамбовскую губернію, то на Кавказъ, гдѣ онъ былъ членомъ земледѣльческой колоніи въ Туапсе. Да и самый процессъ писанія, сопряженный съ собираніемъ массы матеріаловъ, былъ медлителенъ. О скудости его производительности мы можемъ судить по тому, какъ мало оставилъ онъ послѣ тридцати лѣтъ своей литературной дѣятельности. Лишь въ 1881 году, когда Елисеѣвъ заболѣлъ и принужденъ былъ уѣхать за границу, участіе Кривенка въ журналѣ сдѣлалось болѣе дѣятельнымъ, такъ какъ онъ принялъ подъ свое вѣдѣніе отдѣлъ внутреннихъ вопросовъ и началъ писать ежемѣсячныя обзорѣнія. Но не прошло и трехъ лѣтъ, какъ въ началѣ 1884 года онъ былъ арестованъ, а затѣмъ высланъ въ Сибирь.

Кривенко былъ вполне человѣкомъ семидесятихъ годовъ. Его считаютъ рьянымъ народникомъ, но ограничиваться такимъ опредѣленіемъ было бы крайне поверхностно. Народничество 70-хъ годовъ вовсе не было чѣмъ-либо однороднымъ и опредѣленнымъ; оно заключало въ себѣ разные толки, между которыми были и такіе, которые взаимно другъ друга исключали. Такъ, на примѣръ, что было общаго между народниками по ученію Юзова и Червинскаго, требовавшими, чтобы народу ничего не навязывали, и посему отрицавшими всякую политическую дѣятельность, и народовольцами или чернопредѣльцами? Самое хожденіе въ народъ имѣло различныя цѣли: одни шли въ города и веси, не задаваясь ничѣмъ болѣе, какъ мирною проповѣдью социализма подобно тому, какъ христіане первыхъ вѣковъ распространяли всюду свое ученіе. Другіе старались сѣять въ народѣ революціонныя идеи съ цѣлью подготовленія его къ возстанію. Третьи не ограничивались одною словесною пропагандою, а занимались устройствомъ среди народа земледѣльческихъ интеллигентныхъ колоній. Колоніи эти заводились опять-

такъ съ разными цѣлями. Однѣ имѣли при этомъ цѣлью на собственномъ примѣрѣ показать народу образцы земледѣльческихъ ассоціацій. Другіе же ограничивались лишь скромными цѣлями осуществленія своихъ личныхъ индивидуально-нравственныхъ идеаловъ святой жизни, основанной на почвѣ оздоравливающаго душу и тѣло земледѣльческаго труда и братской взаимопомощи.

Слѣдуетъ при всемъ этомъ обратить вниманіе на тѣ двоякаго рода требованія, съ одной стороны духовныя, съ другой—физическія, какія входили въ теченіе 70-хъ годовъ въ составъ представленія идеальнаго революціонера. Такъ, съ одной стороны, П. Л. Лавровъ, самъ будучи своего рода ходячей энциклопедіей по богатству знаній, внушалъ молодежи, что истинный революціонеръ не долженъ ограничиваться случайно нахватаемыми идейками изъ популярныхъ брошюръ, а стараться запасаться основательными свѣдѣніями по всеѣмъ отраслямъ знаній. Съ другой стороны, А. Н. Энгельгардтъ убѣждалъ, что, если революціонеръ хочетъ, чтобы народъ питалъ къ нему довѣріе и слушалъ его, онъ долженъ заслужить его уваженіе, а уваженія онъ не заслужитъ, если будетъ выступать передъ мужикомъ слабосильнымъ бариномъ, а не такимъ же сильнымъ и знающимъ мужицкое дѣло, какъ любой крестьянинъ.

И вотъ въ то время, какъ одни бросились усиленно пополнять свои знанія, другіе осаждали Батищево съ цѣлью научиться земледѣльческому труду. Первыми пионерами по заведенію интеллигентныхъ земледѣльческихъ колоній были именно ученики Энгельгардта. Энгельгардтъ въ этомъ отношеніи былъ предтечею Льва Толстого, но съ тою существенною разницею, что въ продолженіе всеѣхъ 70-хъ годовъ въ заводимыхъ колоніяхъ продолжали еще господствовать прогрессивныя идеи 60-хъ годовъ, хотя и въ тѣ годы не въ рѣдкость было встрѣтить учениковъ Энгельгардта, которые, отвергали всякую политическую дѣятельность и проповѣдывали полное незлобіе въ христіанскомъ духѣ любви и братства.

Кривенко былъ народникъ именно энгельгардтовскаго толка. Онъ не отвергалъ политики и былъ замѣшанъ въ ней, но у него былъ свой конекъ, на которомъ онъ подвизался всю жизнь. Конекъ этотъ заключался въ устройствѣ земледѣльческихъ колоній и всякаго рода коопераціи. Начиная съ земледѣльческой колоніи въ Туапсе, въ которой онъ подвизался въ началѣ 70-хъ годовъ, онъ затѣмъ перешелъ къ ряду журнальныхъ артелей. Таковы были: «Русское Богатство», «Устой», «Дѣло», «Слово» и пр.

Замѣчательно, что и въ своихъ главныхъ сочиненіяхъ онъ оставался вѣренъ своему коньку: таковы «Сборникъ объ артеляхъ», «Физическій трудъ, какъ элементъ воспитанія», «На распутья».

А. М. Скабичевскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ТЯЖЕЛОЕ НАСЛѢДСТВО.

(Повѣсть ¹⁾).

VI.

ПОШЛО двѣ недѣли. Фабрика пыхтѣла и шумѣла по-прежнему, но приближалась осень, окна въ фабричной конторѣ были закрыты, и шумъ фабрики въ ней былъ менѣ слышенъ.

Въ 9 часовъ утра, въ тотъ самый часъ, когда Андерсъ, не опаздывая ни на минуту, являлся въ свой кабинетъ и оживлялъ его своимъ громкимъ и веселымъ голосомъ, явилась и Роня въ сопровожденіи неизмѣннаго Сѣркина, бережно принявшаго ея шляпу и накидку. Роня за эти двѣ недѣли мало измѣнилась, только черные ея глаза стали больше и смотрѣли какъ-то вопросительно, точно у человѣка, для котораго прежде все было ясно, а теперь многое стало неяснымъ. Входя въ контору, она тотчасъ же бросила взглядъ на письменный столъ, гдѣ красовался букетъ бѣлыхъ розъ.

— Такъ кто же ставить мнѣ на столъ эти цвѣты?—обратилась она къ Сѣркину.—И сегодня не скажешь?

— Не приказано говорить, Виринея Павловна,—отвѣтилъ Сѣркинъ сухо.

— Друзья,—вздыхнула Роня, устало опустилась въ кресло передъ письменнымъ столомъ, пододвинула къ себѣ цвѣты и склони-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХІХ, стр. 449.

лась надъ ними.—Славно пахнутъ, Сѣркинь. Я такъ люблю цвѣты,—продолжала она и задумалась. Потомъ, вдругъ спохватившись, спросила:—Федоръ Федоровичъ здѣсь?

— Давно уже, Виринея Павловна, съ семи часовъ.

— Скажи, Сѣркинь, случалось ли когда-нибудь Федору Федоровичу не прійти или опоздать?

— Федоръ Федорычъ, какъ и Павелъ Иванычъ,—отвѣтили Сѣркинь весело:—всегда на мѣстѣ.

— Папы нѣтъ... я на его мѣстѣ,—проговорила Роня, безсильно опустивъ голову.

Сѣркинь, повидимому, хотѣлъ что-то сказать, но помялся и тихо вышелъ. Роня долго сидѣла съ опущенной головой. Потомъ она вдругъ громко, насколько позволялъ ея голосъ, крикнула:

— Федоръ Федорычъ!

Ивановъ вошелъ своей быстрой походкой, поздоровался съ Роней и сталъ у письменнаго стола, какъ онъ обыкновенно стоялъ передъ Андерсомъ.

— Не лучше, Виринея Павловна?—спросилъ онъ.

— Вы и сегодня не сядете, Федоръ Федорычъ?

— Я люблю слышать въ своемъ кабинетѣ, к-та, вашъ зовъ: онъ мнѣ напоминаетъ Павла Ивановича. Я люблю порядки, какіе онъ установилъ.

— Такъ стойте же, стойте,—горячо вырвалось у Рони, но вслѣдъ затѣмъ она снова ослабѣла.—Только папа,—сказала она:—умѣлъ... умѣетъ говорить кратко, а я болтлива.

— Какъ его здоровье?—повторилъ Ивановъ свой вопросъ.

Роня вскочила.

— Ахъ, это ужасно, ужасно,—отвѣтила она.—Вчера вечеромъ мнѣ княгиня все сказала: папа уже никогда не поправится, хотя еще можетъ нѣкоторое время протянуть въ этомъ состояніи... полужизни, полусмерти.

Роня металась по комнатѣ; Ивановъ молча выжидалъ.

— Виринея Павловна, — проговорилъ онъ наконецъ: — надо серьезно подумать о дѣлахъ, надо примириться съ мыслию, что Павелъ Иванычъ—уже не работникъ.

— Не могу, Федоръ Федорычъ, не могу.

— Надо, Виринея Павловна,—настаивалъ Ивановъ.—Вотъ тутъ, въ этомъ кабинетѣ, Павелъ Иванычъ меня хвалилъ за то, что я, чужой человѣкъ, люблю фабрику больше себя. Вы—его дочь...

Въ голосѣ Иванова чувствовалось столько твердости и въ то же время доброты, что Роня тотчасъ же повиновалась. Она опять сѣла у письменнаго стола.

— Хорошо, Федоръ Федорычъ,—сказала она покорно:—займемтесь дѣлами. Вы меня уже многому научили.

Ивановъ продолжалъ:

— Дѣла, слава Богу, идутъ хорошо. Заказовъ не оберешься. Не даромъ Павелъ Ивановичъ всю жизнь трудился, не покладая рукъ. Но вотъ теперь какая забота...

— Вы все хотите,—возразила Роня:—увеличивать доходность фабрики? Къ чему это? Развѣ это нужно для самой фабрики? Вы мнѣ говорили, что если ликвидировать дѣло, то мой ежегодный доходъ превыситъ шестьдесятъ тысячъ рублей. Къ чему мнѣ эти деньги? Я къ роскоши не привыкла: папа приучилъ меня къ скромной жизни. Мнѣ въ сущности такъ мало нужно. Вы меня убѣдите, что расширение фабрики нужно для чего-то лучшаго. Мнѣ кажется, что я начинаю это понимать, но все еще не могу сердцемъ войти въ фабрику: я ее люблю только потому, что люблю папу, а мнѣ хотѣлось бы полюбить самую фабрику, потому что тогда только... Вы меня понимаете, Федоръ Федорычъ?

— Павелъ Ивановичъ,—подхватилъ Ивановъ,—любитъ фабрику не изъ-за дохода, да и дохода никогда не бываетъ: онъ почти весь идетъ снова въ дѣло... Какъ вамъ объяснить, почему онъ любитъ фабрику?

Онъ на минуту задумался, потомъ серьезное его лицо озарилось мимолетною улыбкой, и онъ продолжалъ:

— Вы были тогда ребенкомъ, Вириная Павловна, к-та, Ронечкой... На томъ мѣстѣ парка, гдѣ теперь площадка для крокета, была куча песку, и вы тамъ играли. Я какъ-то прохожу и вижу: вы построили замокъ съ высокой башнею и окнами. Кругомъ замка былъ валъ и глубокой ровъ...

— Помню, помню,—воскликнула Роня:—я такъ много и долго надъ нимъ трудилась...

— И онъ вышелъ на славу. Стоялъ онъ нѣсколько дней. Но выпалъ дождь и совсѣмъ его смылъ. Когда вы вышли въ паркъ послѣ дождя и увидѣли, что замка больше нѣтъ, вы заплакали, горько заплакали. Я вамъ говорю: «Ронечка, стоитъ ли такъ тужить?» А вы: «Сама сдѣлала, сколько работала». И залились еще пуще слезами...

— Я васъ начинаю понимать, Федоръ Федоровичъ,—проговорила Роня въ задумчивости.

Ивановъ продолжалъ:

— Когда гибнетъ дѣло, надъ которымъ ты долго-долго работалъ, невольно заплачешь. Павелъ Ивановичъ, работая день и ночь тридцать лѣтъ, выстроилъ этотъ замокъ-фабрику. Для себя ли одного? Нѣтъ, Вириная Павловна. Я прежде, какъ вы знаете, служилъ у Селезнева. Нехорошо мнѣ тамъ было. Я попросился къ Павлу Ивановичу. Онъ, должно быть, уже раньше ко мнѣ присматривался, потому что сейчасъ согласился, только говорить: «А какъ, Федоръ Федорычъ, вы будете у меня служить? Что я прикажу, то и сдѣлаете?»—«Буду стараться», отвѣтилъ я.—«Нѣтъ, Федоръ Федорычъ,

вы будете служить не мнѣ, а фабрикѣ. Если прикажу неладно, вы мнѣ скажете. А я подумаю». Тогда я эти слова не совсѣмъ понялъ, но потомъ понялъ, к-та, понялъ, почему у другихъ дѣло часто гибнетъ, и почему фабрика Павла Иваныча стоитъ крѣпко. Мы ее любимъ, какъ нашу мать-кормилицу, а еще и потому, что каждый изъ насъ влагаетъ въ нее часть своей души, потому что, если бы вездѣ работали такъ, какъ на нашей фабрикѣ, то матушка-Русь стояла бы такъ же крѣпко, какъ наша фабрика, и всѣмъ жилось бы лучше. Виринея Павловна, тутъ есть надъ чѣмъ поработать, во что, к-та, войти сердцемъ...

Роня вскочила. Лицо ея въ эту минуту было красиво,—столько оно выражало энергій и душевнаго подъема.

— Да, да,—проговорила она порывисто:—я вложу душу, я найду въ себѣ силу...

Въ дверяхъ показалась голова Сѣркина.

— Тамъ Кузьма Егорычъ,—доложилъ онъ съ видимою брезгливостью.

Роня шепнула Иванову:

— Боже мой, какъ некстати! Что ему нужно?

Ивановъ отвѣтилъ такъ же тихо:

— Кажется, нужна ему наша фабрика.

Роня повернулась къ Сѣркину и рѣшительно произнесла:

— Приси!

Ивановъ тотчасъ же вышелъ, и въ кабинетъ медленно вошелъ, еле передвигая ноги, Селезневъ.

— Мое вамъ, Виринея Павловна,—прохрипѣлъ онъ.

— Какъ поживаете, Кузьма Егорычъ? Прошу садиться.

Тонъ Рони былъ холодный.

— Здоровье тятеньки?

— Все такъ же.

— О-о-о! Время печальное. На все воля Божія.

Наступило молчаніе. Его прервалъ Селезневъ.

— Въ теплые бы края-съ.

— Въ теплые края?—переспросила Роня съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Года мои большіе, а здоровъ. Все на воздухѣ, все на воздухѣ. Въ саду прохаживаюсь али сижу. Зимой и лѣтомъ, во всякую погоду. А больному гдѣ же при нашемъ-то климатѣ! Въ теплые края надо-тъ, безпремѣнно надо-тъ. И вамъ надо-тъ. Не оставлять же тятеньку одного, больного, на попеченіи чужихъ. Да и время такое тревожное, безпокойное, печальное. О-о-о!

— Къ чему вы все это, Кузьма Егорычъ?—спросила Роня съ упрекомъ.

— Старъ я, Виринея Павловна, совѣтовать могу. Акромя всего прочаго, фабрика-то, этакая-то махнаница—дѣло ли дѣвичихъ рукъ?

— У меня есть друзья,—возразила Роня.

— Друзья друзьями, а голова-то одна, охъ, одна!

— Продать мнѣ фабрику, что ли?

— Продать лучше. И покупатель есть.

— Кто же покупатель?

— Я могу купить. Для Андрюши. У Морозова состоя, къ дѣлу-то присмотрѣлся. Да и я при немъ. Женился. Что толку-то лодыремъ ходить? Я бы купилъ,—прибавилъ онъ рѣшительно.

— Нѣтъ, Кузьма Егорычъ,—возразила Роня горячо.—Спасибо за совѣтъ, но этому не бывать. Папа не для того работаль, чтобы фабрика попала въ чужія руки. Онъ еще живъ, и я вѣчно буду хранить его завѣтъ, я буду управлять фабрикою въ духъ отца, такъ, что, когда онъ умретъ, онъ могъ бы спокойно лежать въ гробу.

Ни одинъ мускуль на морщинистомъ лицѣ Селезнева не дрогнулъ. Онъ отвѣтилъ равнодушно, только хрипота его усилилась:

— Оно, конечно: и завѣтъ, и духъ, и гробъ. Но всяко бываетъ, всяко бываетъ. Я—настоящій покупатель и цѣну настоящую дамъ. Коли надумаете, милости просимъ. И съ Павломъ Иванычемъ мы ладно жили: ссоры тамъ или непріятности никогда не бывало. На томъ и порѣшимъ: если надумаете. Счастливо оставаться,—прибавилъ онъ, вставая, и затѣмъ, слегка наклонившись къ Ронѣ, произнесъ:—а насчетъ Ѳеди скажу одно: крутенецъ, порядка требуетъ, какъ бы не вышло чего-нибудь съ рабочими. Боже упаси!

Затѣмъ онъ сталъ прощаться и уже громко сказалъ:

— Такъ если надумаете. Счастливо оставаться,—и, уходя, еще разъ глубоко вздохнулъ:—О-о-о! Время-то какое!

— Спасибо, Кузьма Егорычъ, спасибо. До свиданія,—проводжала его Роня. Но какъ только онъ вышелъ, она крикнула:—Ѳедоръ Ѳедорычъ!

— Да, онъ хочетъ купить фабрику,—сказала она вошедшему Иванову:—но я ему наотрѣзъ отказала. Почему онъ, однако, такъ предостерегаетъ противъ рабочихъ? Онъ и о васъ говоритъ, что вы ихъ слишкомъ подтягиваете?..

— Старая лиса,—возразилъ Ивановъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ.—Хочетъ васъ напугать, чтобы вы скорѣе продали фабрику. А тамъ положить рабочихъ, к-та, подъ прессъ и будетъ выжимать изъ нихъ послѣдніе соки. Кащей безсмертнѣй! А насчетъ рабочихъ кое-что вѣрно. Вотъ объ этомъ я и собираюсь съ вами поговорить, давно собираюсь.

— Пожалуйста, Ѳедоръ Ѳедорычъ,—съ горячностью проговорила Роня.—Не скрывайте отъ меня ничего: я все хочу знать.

— На всѣхъ фабрикахъ,—продолжалъ Ивановъ дѣловымъ тономъ,—теперь броженіе. Никто не доволенъ своей судьбой. А тутъ наобѣщали съ три короба. Кто много обѣщаетъ, тотъ у народа всегда правъ. Изъ нашихъ рабочихъ почти никто не поддается:

видятъ, что у насъ лучше, чѣмъ на другихъ фабрикахъ, чувствуютъ, что имъ хорошо, что на большее они рассчитывать не могутъ. Тогда имъ говорятъ: «Такъ что же, что вамъ хорошо; надо думать не о себѣ только, надо думать о другихъ, чтобы всѣмъ было хорошо, а вы—отступники, откалываетесь отъ дерева». На совѣсть, значить, дѣйствуютъ. Нѣкоторые,—правда, ихъ мало,—сдались. Они мутятъ. Но это было бы не страшно, если бы на самой фабрикѣ, к-та, все было исправно...

— Что же у насъ не исправно?—спросила Роня съ живымъ интересомъ.

— Илью Петровича очень недолюбливаютъ,—отвѣтилъ Ивановъ нерѣшительно.

— За что? Скажите, ради Бога, за что?

— Слухи тамъ разные.

— Какіе слухи? Если вы меня любите, Ѳедоръ Ѳедорычъ, вы обязаны мнѣ все сказать.

— Говорилъ я, к-та, съ однимъ рабочимъ, главнымъ смутьяномъ...

— Кто это?

— Да вы его не знаете... Онъ и говорить: «Вы бы, Ѳедоръ Ѳедорычъ, въ это дѣло не вмѣшивались. Ваша сила тутъ не возьметъ». Больше я отъ него ничего вывѣдать не могъ.

— Хорошо, но какіе слухи?

— Вы, можетъ быть, не знаете, Виринея Павловна... Павелъ Иванычъ отъ всѣхъ это скрывалъ, по добротѣ своей душевной... Изъ чистаго дохода фабрики онъ бралъ на свои потребности пятнадцать тысячъ, и изъ нихъ на Рождество и на Пасху выдавалъ мнѣ по тысячи рублей для раздачи самымъ бѣднымъ рабочимъ, к-та, на гуся тамъ, что ли, или на поросенка, чтобы и у нихъ былъ настоящій праздникъ. И раздавалъ я эти деньги будто бы отъ какого-то благотворительнаго общества...

— Милый папа!

— Вотъ съ тѣхъ поръ, какъ Илья Петровичъ поступилъ на фабрику, Павелъ Ивановичъ поручилъ ему раздавать эти деньги. Онъ мнѣ сказалъ: «Васъ, Ѳедоръ Ѳедорычъ, и такъ уже любятъ на фабрикѣ, пусть и его полюбятъ»...

— Ахъ, какой папа славный! Ну, и что же дальше?

— Рождество прошло благополучно, но вскорѣ послѣ Пасхи начали распространяться эти слухи...

— Какіе же слухи?

— Будто бы не всѣ деньги доходятъ по назначенію. Съ этого началось. Потомъ...

— Какая глупость, какая гадость, какая низость, какая подлость!—вскричала Роня, вся пылая отъ негодованія.

— Съ этого началось, к-та, потомъ...

— Нѣтъ, я не могу васъ слушать,—кипятилась она.—Вы должны все сдѣлать, чтобы эти гнусные слухи прекратились немедленно...

VII.

Въ дверяхъ опять появилась голова Сѣркина. Онъ доложилъ:

— Иванъ Семеновичъ.

Роня обрадовалась.

— Вотъ кто пришелъ кстати!—воскликнула она.—Онъ такъ популяренъ среди рабочихъ и вмигъ прекратить это гнусное движеніе на фабрикѣ. Онъ вѣдь—другъ дома.

Она быстро повернулась къ Сѣркину:

— Приси!

Ивановъ печально улыбнулся и тихо сказалъ:

— Это одинъ изъ тѣхъ друзей дома, передъ которыми Павелъ Ивановичъ совѣтуетъ, к-та, держать верхнюю пуговицу застегнутой.

Роня вопросительно взглянула на Иванова, но давать объясненія было уже поздно: Красновъ вошелъ.

— Здравствуйте, Иванъ Семеновичъ, — привѣтствовала его Роня.—Что это васъ такъ давно не видно? Вы совсѣмъ насъ забыли,—прибавила она.

— Зачѣмъ забывать? Но, знаете, дѣла, дѣла...

— Садитесь, пожалуйста.

— Какъ здоровье Павла Иваныча?

— Все въ томъ же положеніи,—отвѣтила Роня, провела своею маленькою рукою по лицу, словно снимая съ него паутину, и продолжала хлопотливо.—Вотъ что, Иванъ Семенычъ. Кромѣ болѣзни папы, меня очень тревожитъ настроеніе рабочихъ.

Красновъ крикнулъ.

— Общее движеніе, Вероника Павловна, общее движеніе,—отвѣтилъ онъ.—Развѣ только на вашей фабрикѣ? Вездѣ одно и то же. Я всегда утверждалъ, что худо кончится. Нельзя такъ, нельзя, Вероника Павловна.

— Согласитесь, однако, Иванъ Семеновичъ,—быстро возразила Роня:—что на нашей фабрикѣ это движеніе чисто-искусственно. Развѣ рабочіе недовольны отцомъ? И теперь, когда онъ тяжело захворалъ... Нѣтъ, движеніе на нашей фабрикѣ подогревается отвратительными средствами: клеветой, загрязненіемъ репутаціи, даже чести безукоризненныхъ людей. Это гадко, это низко, это подло...

Красновъ снова усиленно крикнулъ.

— Не знаю,—отвѣтилъ онъ спокойно, хотя въ глазахъ его сверкнулъ злой огонекъ:—о комъ или о чемъ вы говорите. Но политика, особенно въ такой странѣ, какъ Россія, не допускаетъ чрез-

мѣрной щепетильности. Потомъ скажу вамъ: хотя я вообще сторонникъ политическихъ правъ женщинъ, но, чтобы заниматься политикой, все-таки надо глубже вникать въ дѣло.

Онъ откинулся на спинку кресла, какъ будто желая покончить съ этимъ вопросомъ.

Но Роня возразила:

— Помилуйте, Иванъ Семенычъ, какая же тутъ политика? Папа дѣлаетъ добро, а за это ему платятъ неблагодарностью.

Красновъ потеръ руки и рѣшительно заявилъ:

— Нѣтъ, знаете, Вероника Павловна, мы не сталкиваемся. Вопросъ это очень сложный, и если я съ вами буду о немъ говорить, то съ совершенно другой стороны. Я въ личныхъ отношеніяхъ ставлю честность высоко, очень высоко. Я всегда утверждалъ и утверждаю, что эти отношенія должны быть вполне корректны. Меня возмущаетъ всякое двусмысленное положеніе.

— Я васъ не понимаю,—возразила Роня, и, по ея растерянному виду судя, она дѣйствительно ничего не понимала.

— Позвольте мнѣ выразиться вполне опредѣленно и ясно,—проговорилъ Красновъ съ большою авторитетностью.—Можетъ быть, у васъ рабочимъ живется лучше, чѣмъ на другихъ фабрикахъ. Я это вполне признаю, иначе я не поддерживалъ бы дружескихъ отношеній съ Павломъ Ивановичемъ и его домомъ. Только не въ этомъ дѣло. Фабриканты вообще крайне непопулярны, а въ послѣднее время къ нимъ стали относиться очень недоброжелательно, скажу: враждебно, даже съ ненавистью. Одинъ человекъ—я разумѣю Павла Ивановича—тутъ ничего не значитъ. Сталкиваются двѣ грозныя силы: капиталъ и трудъ. Спрашиваю васъ и жду отъ васъ честнаго отвѣта, какъ и я говорю съ вами честно: на чьей сторонѣ я долженъ быть? То есть на сторонѣ капитала или на сторонѣ труда? Всѣ мои симпатіи на сторонѣ обиженнаго, страждущаго, на сторонѣ меньшей братіи. Я всегда утверждалъ, что народъ страдаетъ. И теперь, когда онъ вступилъ въ рѣшительную борьбу, я долженъ стоять на его сторонѣ, я долженъ держать знамя его интересовъ высоко. Не въ личныхъ отношеніяхъ тутъ дѣло: я могу чувствовать искреннее расположеніе къ Павлу Ивановичу или даже къ вамъ, но принципъ, принципъ выше всего. Вы меня поняли, Вероника Павловна? Вы поняли, что здѣсь никакія уступки для меня невозможны?

— Я такъ несчастна, Иванъ Семеновичъ,—отвѣтила Роня съ прежнимъ растеряннымъ видомъ.—Я такъ мало понимаю въ политикѣ. Мнѣ трудно васъ убѣдить. Но вотъ что,—блеснула у нея мысль:—я позову Федора Федоровича—онъ васъ убѣдитъ.

Она хотѣла уже позвать Иванова, но Красновъ остановилъ ее повелительнымъ жестомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не трудитесь, Вероника Павловна,—сказалъ онъ.—Мы съ нимъ не сталкиваемся. Онъ самъ по себѣ, можетъ быть, и симпатичный человѣкъ, но онъ, какъ и Селезневъ, представитель буржуазіи изъ народа, худшей изъ всѣхъ буржуазій...

— Какъ,—воскликнула Роня съ широко раскрытыми глазами:—вы ставите Ѳедора Ѳедорыча на одну доску съ Селезневымъ?..

— Не совѣмъ,—возразилъ Красновъ съ прежнею авторитетностью, подчеркивая каждое слово.—Селезневъ—буржуа-хозяинъ, Ивановъ—буржуа-приказчикъ. Но сегодняшній приказчикъ можетъ завтра стать хозяиномъ,—одного поля ягода, Вероника Павловна, одного поля ягода.

Кровь кинулась Ронѣ въ голову. Она почувствовала себя оскорбленной не то за Иванова, не то за себя.

— Я полагаю,—проговорила она обидчиво:—что пора прекратить этотъ разговоръ. Не то, пожалуй, и я окажусь въ компаніи Селезнева.

Роня встала, всталъ и Красновъ.

— Не по душевнымъ качествамъ, Вероника Павловна,—продолжалъ онъ:—не по душевнымъ качествамъ... Какъ честный человѣкъ, я считалъ своимъ долгомъ объяснить вамъ откровенно причину моего отказа быть впредь юрисконсултомъ вашей фабрики... Ахъ, да,—вспомнилъ онъ:—за мной есть тамъ маленькій должокъ... сущіе пустяки... я теперь его скоро уплачу...

Роня съ испугомъ глядѣла на Краснова. Но онъ, повидимому, этого не замѣчалъ.

— Честь имѣю кланяться,—отвѣсилъ онъ низкій поклонъ и, полагая, что Роня съ намѣреніемъ не подаетъ ему руки, вышелъ съ гордо поднятой головой.

И только когда онъ закрылъ за собой дверь, она опомнилась и безсильно опустилась въ кресло. Такъ она сидѣла, пока Сѣркинъ опять не отворилъ дверей, доложивъ:

— Евгения Михайловна.

Роня слабымъ голосомъ, не оглядываясь, отвѣтила:

— Приси!

Сѣркинъ внимательно посмотрѣлъ на дѣвушку, покачалъ головой и вышелъ. Черезъ секунду влетѣла Горяинова.

— Ахъ, ma pauvre Véronique!—воскликнула она, обнимая Роню и нѣсколько разъ крѣпко цѣлуя ее.—Какъ мнѣ васъ жаль, какъ мнѣ васъ жаль! Вы убиты горемъ, вы такъ страдаете, ma pauvre petite! Вы все еще не можете прийти въ себя. О, какъ я васъ понимаю, какъ я васъ понимаю, и какъ трогательно видѣть такую любовь въ наше время, когда люди такъ черствы. Мнѣ чаще, мнѣ ежедневно надо бывать у васъ, чтобы васъ утѣшать въ постигшемъ васъ ужасномъ горѣ. Но сегодня я зашла сюда, въ контору, по маленькому дѣлу. Вы догадываетесь, по какому? Да развѣ дста-

даться трудно? Вы вѣдь меня знаете? Ну, улыбнитесь мнѣ, улыбнитесь же, милая Роня. По какому дѣлу я, Евгенія Михайловна Горяинова, могла прѣхать? Понятно же, только по дѣлу чело-вѣколюбивому...

Но Роня не улыбнулась. Она какъ-то машинально только пере-спросила:

— Вы по дѣлу? По какому дѣлу? Простите, я задумалась.

— Прощать? Вы должны меня простить, что я васъ въ такое время беспокою. Но, повторяю, я никогда не рѣшилась бы васъ затруднять, если бы мое дѣло не было дѣломъ чело-вѣколюбивымъ.

— Ахъ, если бы на свѣтѣ было больше чело-вѣколюбія!—вырва-лось у Рони.

— *Voilà le mot!*—воскликнула Горяинова.—Да, если бы на свѣтѣ было больше чело-вѣколюбія. Но, позвольте, я васъ займу моимъ маленькимъ дѣломъ: это васъ развлечетъ. Болѣзнь вашего отца и моего друга Андерса васъ очень разстраиваетъ, *chère Véronique*, и это очень утѣшительно, особенно, повторяю, въ наше чер-ствое время, когда родители перестали любить дѣтей, а дѣти—родителей, когда любви вообще и чело-вѣколюбія въ частности ста-новится все меньше и меньше. Но нельзя отчаиваться. Итакъ, я васъ немного развлеку. Видите, въ чемъ дѣло. Я задумала нѣчто совсѣмъ новое. Вы никогда не догадаетесь, чтó собственно я задумала. Скажите, пожалуйста, отчего до сихъ поръ никому не пришло на умъ позаботиться о женщинахъ, остающихся безъ всякихъ средствъ къ существованію послѣ смерти ихъ кормильцевъ, я хочу сказать: мужей? Вы подумайте только, *chère Véronique*, сегодня обезпеченность, довольство, можетъ быть, даже роскошь, а завтра—нищета!! Вы вдумайтесь только въ положеніе этихъ женщинъ, вы вникнете въ ихъ беспомощность, въ ихъ страданія! Я могла бы при-вести вамъ много примѣровъ, *des exemples navrants*, но это завлекло бы меня слишкомъ далеко. Вотъ я и намѣрена создать убѣжище, пріютъ для этихъ несчастныхъ женщинъ.

— Вы думаете, что только такія женщины нуждаются въ со-страданіи?..

— О, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,—замахала Горяинова обѣими руками и даже привскочила.—Несчастныхъ всякаго рода такъ много, такъ ужасно много! Но вѣдь объ этихъ женщинахъ никто не заботится. И вотъ мой пок... мой другъ Андерсъ обѣщалъ мнѣ внести свою лепту...

— Обѣщанія моего отца святы,—устало проговорила Роня.

— Онъ, правда, въ точности не опредѣлилъ размѣра своего взноса....

— Все равно, вы можете на меня рассчитывать... Не знаю, сколько у насъ свободныхъ суммъ, но я посоветуюсь съ Ѳедоромъ Ѳедорычемъ...

— Я увѣрена,—воскликнула Горяинова:—что при добротѣ вашего сердца вѣнось будетъ вполне соответствовать почетной извѣстности вашей фирмы. Тѣмъ болѣе,—прибавила она уже таинственно, наклонившись къ Ронѣ надъ столомъ:—что задуманный мною пріютъ принять подъ свое покровительство одной высокопоставленной особой...

Она прошептала Ронѣ имя этой высокопоставленной особы и продолжала уже громко, съ полнымъ сознаніемъ важности того, что она сообщаетъ:

— Могу васъ увѣрить, что особѣ этой будетъ очень пріятно видѣть фамилію моего друга Андерса во главѣ списка жертвователей...

Горяинова не успѣла договорить, какъ въ дверяхъ показалась голова Сѣркина, доложившаго:

— Петръ Сергѣевичъ!

VIII.

По тѣлу Рони пробѣжалъ точно электрическій токъ. Она вскочила и бросилась навстрѣчу Мостовскому.

— Дѣдуня,—вырвалось у нея, но она спохватилась и, держа руку Мостовскаго въ своей рукѣ, обратилась снова къ Горяиновой:—Простите, милѣйшая Евгенія Михайловна, я посоветуюсь, я сдѣлаю все, все, что можно.—Затѣмъ она снова привѣтствовала Мостовскаго, заглядывая ему радостно въ глаза.—Какъ я рада, какъ я бесконечно рада васъ видѣть, дѣдуня!

— Здравствуйте, Роня, здравствуйте, подшибленная моя пташечка,—отвѣчалъ Мостовскій на ласки Рони.—Какъ поживаете, Евгенія Михайловна?—обратился онъ къ Горяиновой и спросилъ:—Я не помѣшалъ?

— О, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Евгенія Михайловна только по маленькому дѣлу,—отвѣтила Роня.

— Отъ васъ, *chère Véronique*,—прервала ее Горяинова:—зависитъ значительно его расширить.

— Ну да, ну да,—проговорила Роня уже нетерпѣливо.—Дастъ Богъ, оно будетъ процвѣтать. Но пока мы съ нимъ покончили, а мнѣ такъ хотѣлось бы поговорить съ дѣдуней.

— Ухожу, ухожу, не буду мѣшать,—заторопилась Горяинова.—У меня, какъ всегда, куча дѣлъ. И я вполне понимаю, что и другіе заняты. Школьное ваше дѣло на фабрикѣ все развивается, Петръ Сергѣевичъ,—не правда ли? Какъ я ему сочувствую и не только въ принципѣ, *mais parce que j'adore ces petits bambins!* Однако, не задерживаю, не задерживаю... Итакъ, я твердо на васъ рассчитываю, *chère Véronique*.

— Сдѣлаю, что могу,—чуть не простонала Роня.—Прощайте, Евгенія Михайловна.

Роня проводила ее до дверей и тут же опустилась на стуль.

— Наконецъ ушла. Измучила она меня.

Мостовскій подошелъ къ Ронѣ и спросилъ участливо; его пріятный баритонъ раздавался мягко и вкрадчиво:

— Да что съ вами, Роня? Вы сегодня такъ возбуждены, такъ нервны.

Роня вскочила.

— Вы не повѣрите, дѣдуня, какъ люди гадки, какъ они противны. Представьте себѣ, Иванъ Семеновичъ... Но не въ немъ дѣло; о немъ послѣ. А вотъ рабочіе...

Она замялась.

— Что же рабочіе?

— Ахъ, и не хочется говорить... До чего только могутъ дойти люди въ своей глупости... Просто повѣрить трудно, какіе гнусные слухи они распускаютъ про Илью Петровича...

— Про Ильюшу?

— Ну да, ну да. Чортъ знаетъ, что говорить.

Мостовскій сперва какъ бы смутился, но вдругъ сталъ декламировать:

Повѣрили глупцы,—другимъ передають...
И вотъ общественное мнѣнье.

— Да, но этого нельзя такъ оставить,—рѣшительно заявила Роня.

— Въ чемъ же собственно дѣло?—съ скрытымъ любопытствомъ и тревогой спросилъ Мостовскій.

— Такія гадости! Будто бы онъ утаилъ чужія деньги или что-то въ этомъ родѣ. Знаете что, дѣдуня: поговорите съ рабочими, выясните имъ всю нелѣпость этихъ подлыхъ розказней. Ваше имя пользуется такой популярностью. Они вамъ повѣрятъ...

— Во всемъ повѣрять, Роня, только не въ этомъ,—возразилъ Мостовскій уже спокойно.—Я—отецъ.

Онъ на минуту призадумался.

— Знаете, Роня, къ кому лучше всего обратиться,—рѣшилъ онъ наконецъ.—Поручите это дѣло Ѳедору Ѳедорычу: онъ съ нимъ справится,—и Мостовскій какъ-то странно улыбнулся.—Рабочіе вѣрятъ ему въ дѣлахъ, а мнѣ съ Красновымъ въ обѣщаніяхъ. Вотъ обѣщать мы имъ можемъ,—они повѣрятъ. Тутъ они вѣрять хотятъ. И знаете что, Роня, они правы, что мнѣ въ дѣлахъ не вѣрять. Какой я дѣловой человѣкъ? Вы вѣдь знаете, Роня: я въ дѣлахъ—малое дитя.

И у Мостовскаго въ эту минуту было такое простосердечное, наивное лицо, что нельзя было сомнѣваться, что онъ дѣйствительно въ дѣлахъ ровно ничего не смыслить.

— Увѣряю васъ, Роня, обратитесь къ Ѳедору Ѳедорычу: онъ все прекрасно устроитъ.

Роня покачала головой.

— Нѣтъ, нѣтъ, —возразила она:—миѣ Федоръ Федорычъ самъ сказалъ, что ему рабочіе въ этомъ дѣлѣ не повѣрятъ.

— Ему не повѣрятъ? Можетъ ли быть?—переспросилъ Мостовскій съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.—Ну, да велика ли бѣда? Не повѣрятъ, такъ не повѣрятъ. Пусть себѣ сплетничаютъ. Посплетничаютъ, посплетничаютъ, да и перестанутъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, этого нельзя такъ оставить,—съ жаромъ возразила Роня.—Богъ знаетъ, что у нихъ на умѣ...

— Да, время теперь безпокойное,—подтвердилъ Мостовскій.—Знаете что, Роня, обратитесь къ Краснову. Онъ очень популяренъ. Да, Роня, обратитесь къ нему. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ такъ могутъ человѣка ни за что ославить и чего добраго укокошить...

При этихъ словахъ Роня вся поблѣднѣла.

— Нѣтъ, дѣдуня,—возразила она:—вы сами только что сказали, что и Краснову рабочіе не повѣрятъ. Къ тому же онъ торжественно отрекся отъ фабрики. Фабриканты, говоритъ онъ, ненавистны обществу, и онъ съ ними якшаться не хочетъ. Другъ дома!—промолвила она, и болѣзненная улыбка искривила ея лицо.

— Это—новость,—произнесъ Мостовскій задумчиво.—Впрочемъ,—прибавилъ онъ,—новость, не неожиданная. Время ужъ такое: ничего не подѣлаешь. Вотъ что, Роня, вамъ вообще надо быть осторожнѣй въ отношеніяхъ съ людьми. Возьмемъ, на примѣръ, княгиню...

— При чемъ тутъ княгиня!—съ удивленіемъ спросила Роня.

— Вы ее очень любите, пташечка моя?

— Кромѣ хорошаго я ничего отъ нея не видѣла. Она всегда предупредительна, добра; сама вызвалась ѣхать со мною за границу...

— Куда же ей и было дѣваться?

— Я васъ не понимаю, дѣдуня.

— Нѣтъ, я долженъ сказать правду. Вы ошиблись въ Красновѣ, вы ошибаетесь и въ княгинѣ. Роня, вы знаете, какъ я васъ люблю. Я долженъ васъ оберечь отъ ошибокъ теперь, когда вашъ естественный совѣтникъ временно, будемъ надѣяться, умолкъ, когда онъ не можетъ вамъ протянуть руку помощи. Что такое княгиня? Покойный ея мужъ занималъ довольно видный постъ, но прокутилъ и ея, и свое состояніе, оставивъ ей полупенсію, ничтожную при ея наклонностяхъ и привычкахъ. Что ей теперь остается? Жить по чужимъ людямъ, въ богатыхъ домахъ. Приживалки бываютъ не только въ повойникахъ, но и съ замашками великосвѣтскихъ дамъ...

Роня вся съежилась, словно ей нанесли по головѣ ударъ.

— Перестаньте, ради Бога, дѣдуня, перестаньте,—взмолилась она:—я не могу, я не хочу васъ слушать.

— Да я такъ только,—успокаивалъ Мостовскій:—къ слову пришлось. А насчетъ Ильюши, Роня, не безпокойтесь. Я знаю, что

мнѣ дѣлать. Я поговорю съ нимъ самимъ, и я увѣренъ, что онъ сумѣетъ покончить съ этими нелѣпыми слухами. Ну что, моя милая пташечка, мой безцѣнный пострѣленокъ? Все грустите, все нервничаете,—прибавилъ онъ, видя, что Роня никакъ не можетъ успокоиться.—Страшное горе васъ постигло. Но не забудьте, Роня, что у васъ есть друзья. Не одинъ же Красновъ и княгиня существуютъ на свѣтѣ. Дайте-ка мнѣ руку.

Онъ взялъ холодную руку Рони и медленно поднесъ ее къ губамъ.

— А теперь улыбнитесь мнѣ,—продолжалъ онъ:—вотъ такъ, вотъ такъ! Немного отлегло? отошло? Дѣла житейскія. Вновь труденько, но потомъ все устроится, все уляжется. И какая у насъ Роня будетъ дѣловая женщина!

Мягкій его баритонъ и ласкаль, и нѣжилъ, глаза его улыбались такъ искренно, такъ дружелюбно, что Роня ожила.

— Вотъ такимъ, дѣдуня, я васъ люблю,—говорила она, не спуская глазъ съ Мостовскаго, словно ища въ немъ опоры.—И не надо отзываться о другихъ дурно, не надо меня мучить—мнѣ и такъ не легко.

Мостовскій продолжалъ ворковать:

— Побранились, помирились,—говорилъ онъ и не могъ удержаться, чтобы не продекламировать съ чувствомъ:

Послѣ ссоры такъ полно, такъ нѣжно
Возвращенье любви и участья...

Но онъ вдругъ оборвалъ.

— Ахъ, да, кстати, Роня,—проговорилъ онъ беззаботно:—почти совсѣмъ забылъ сказать вамъ, почему я зашелъ къ вамъ сюда, въ контору. Опять кредиторъ донимаетъ. Завтра срокъ вексельку. Я такъ мало въ дѣлахъ смыслю, Роня. Все еще старые счета по изданіямъ. Векселекъ самый пустой, всего на 500 рублей. Ихъ тамъ уже много въ конторѣ, но все на мелкія суммы...

— Мнѣ папа ничего не говорилъ,—промолвила Роня съ нѣкоторымъ удивленіемъ.—Не знаю, есть ли въ конторѣ деньги. Спрошу Федора Федорыча. Въ крайнемъ случаѣ, могу дать изъ своихъ: у меня есть маленькія сбереженія. Но оставимъ этотъ разговоръ. Такъ вы съ Ильей Петровичемъ переговорите. Онъ такой умный, онъ сумѣетъ все уладить...

— Да вотъ и онъ!—воскликнулъ Мостовскій.

Дѣйствительно, въ кабинетъ вошелъ, какъ обыкновенно, безъ доклада Ильюша. Костюмъ его былъ такъ же изященъ, движенія такія же мягкія, только взглядъ его большихъ черныхъ глазъ былъ печальнѣе обыкновеннаго, и вообще у него видъ былъ сосредоточенный. Онъ подошелъ къ Ронѣ и почтительно поцѣловалъ у нея руку.

— Какъ здоровье Павла Ивановича?—спросилъ онъ тихо и, взглянувъ съ участіемъ на Роню, прибавилъ:—Вы какъ будто чѣмъ-то встревожены, Вероника Павловна?

— На фабрикѣ все благополучно?—спросила Роня.

— Совершенно благополучно,—успокоительно отвѣтилъ Ильюша.—Только въ котлѣ маленькая неисправность. Ремонтикъ потребуется. Я зашелъ позвать Ѳедора Ѳедорыча, чтобы вмѣстѣ осмотрѣть, да еще насчетъ кое-чего распорядиться. Все пустяки, Вероника Павловна.

— Ступайте, ступайте, Илья Петровичъ,—ласкала и ободряла Ильюшу Роня.—Когда я васъ вижу, я всегда успокаиваюсь.

— Развѣ что-нибудь случилось?—спросилъ онъ.

— Ничего, ничего. Тамъ была исторія съ Иваномъ Семеновичемъ...

Ильюша вопросительно взглянулъ на отца.

— Онъ отказывается отъ фабрики,—продолжала Роня.

Ильюша покачалъ нѣсколько разъ головой, какъ будто ему сообщали нѣчто, хотя и прискорбное, но давно предусмотрѣнное.

— Потомъ эти вѣчные слухи о волненіяхъ среди рабочихъ. Это приводитъ меня въ нервное состояніе. Но теперь все хорошо. Такъ я позову Ѳедора Ѳедорыча,—закончила она.

— Нѣтъ, нѣтъ,—остановилъ ее Ильюша.—Ради Бога не беспокойтесь. Я самъ къ нему пойду.

— И я съ тобой,—точно обрадовался Мостовскій.—Мнѣ надо перекинуться двумя словами съ нимъ, только двумя словами: я васъ нисколько не задержу. Значить, можно?—обратился онъ къ Ронѣ.

— Можно, можно! До свиданія,—отвѣтила она и проводила уходившихъ долгимъ взглядомъ, полупечальнымъ, полулюбовнымъ. Въ дверяхъ Мостовскій, пропустивъ Ильюшу, повернулся еще разъ къ Ронѣ и успокоительно кивнулъ ей головой.

Сѣркинь, уже нѣсколько разъ заглядывавшій въ дверь, насмѣшливо доложилъ:

— Господинъ Кукинъ.

Роня вздрогнула.

— Кукинъ... Кукинъ... Что за Кукинъ?—спросила она, словно ничего не понимая.

Сѣркинь степенно пояснилъ:

— Они уже были-съ у Павла Ивановича. Кажись, насчетъ газеты для рабочихъ,—прибавилъ онъ.

— Можетъ быть, и нужный человѣкъ,—подумала Роня вслухъ и прибавила:

— Проси!

Кукинъ, какъ и въ первое свое посѣщеніе, вошелъ, словно маршируя, но, присмотрѣвшись къ Ронѣ, вдругъ измѣнилъ походку, не подошелъ, а скорѣе подлетѣлъ къ ней, любезно спрашивая:

— Вероника Павловна?

— Чѣмъ могу служить?

Роня уже сидѣла въ своемъ креслѣ у письменнаго стола.

— Вы позволите?—освѣдомился Кукинъ и на утвердительный знакъ Рони усѣлся на стулѣ противъ нея. Затѣмъ онъ повелъ рѣчь внушительно.

— Я уже имѣлъ честь докладывать Павлу Иванычу о пользѣ распространенія среди рабочихъ вашей фабрики моей газеты «Стягъ». Онъ отнесся къ моему предложенію не съ тѣмъ... вниманіемъ, какого оно заслуживаетъ. Но теперь движеніе среди рабочихъ все разрастается. Я убѣжденъ, что, если бы Павелъ Иванычъ занимался въ настоящее время дѣлами, то онъ обстоятельнѣе вникъ бы въ громадное значеніе изданія...

— Да, да,—поспѣшила согласиться Роня:—это рабочее движеніе принимаетъ, повидимому, серьезные размѣры.

— Меня, Вероника Павловна, не хотѣли слушать, когда я предсказывалъ, что все это можетъ худо кончиться. Нѣсть пророка въ отечествѣ своемъ. Но теперь слѣпые увидѣли, глухіе услышали. Волна вздымается все выше и выше: она можетъ затопить міръ... если не принять мѣръ предосторожности. Враги порядка не брезгаютъ никакими средствами: они сулятъ журавля въ небѣ, они обманываютъ, лгутъ, клеветуютъ...

— Какъ ваше замѣчаніе вѣрно!—подхватила Роня.

У Кукина точно выросли крылья.

— И послѣдствія ихъ агитаціи ужасны,—продолжалъ онъ ораторствовать съ жаромъ.—Вездѣ убійства, разбои, грабежи. Вы развѣ всѣми фибрами вашего существа не чувствуете, что мы уже переживаемъ ужасы гражданской войны съ безчисленными жертвами, потоками крови, разложеніемъ государства, крушеніемъ цивилизаціи. Надо бороться, надо бороться, надо бороться,—бороться, не давая себѣ ни секунды передышки. Завѣдуя дѣлами фабрики, вы, вѣроятно, уже сами въ этомъ убѣдились. Вы пережили уже не одинъ тревожный часъ. Можетъ быть, отчаяніе уже закралось въ ваше сердце. Но терять мужества не слѣдуетъ. Каждый изъ насъ долженъ быть на своемъ посту. Если бы вы мнѣ позволили, я могъ бы вамъ развить цѣлый планъ противодѣйствія рабочему движенію...

— Вы—не юристъ?—спросила Роня, какъ бы соображая что-то.

— Какъ же,—отвѣтилъ Кукинъ.—Я кончилъ курсъ на юридическомъ факультетѣ и теперь служу въ вѣдомствѣ, гдѣ нерѣдко встрѣчаются юридическія дѣла.

— Вы не профессоръ?—продолжала допрашивать Роня.

— Нѣтъ, знаете, всѣ профессора—либералы или хуже того. А я—врагъ разрушенія. Созидать надо, Вероника Павловна, созидать оплоты противъ вздымающихся волнъ разрушенія, противъ про-

исходящей вездѣ подпольной работы, противъ этихъ минъ и подкоповъ, угрожающихъ страшною катастрофой. Вѣдь вы посмотрите,—возвышалъ онъ все болѣе голосъ:—вѣдь вы послушайте, что вокругъ насъ происходитъ. Это нѣчто такое...

Но Кукинъ не договорилъ. Съ большою отчетливостью раздались послѣдовательно три сухихъ удара.

Поблѣднѣлъ Кукинъ, поблѣднѣла Роня.

— Господи, да что это такое!—воскликнула она, вскочивъ.—Илья Петровичъ говорилъ, что въ котлѣ что-то неладно, но это не похоже на взрывъ...

Она дрожащею рукою нажала кнопку электрическаго звонка и продолжала растерянно говорить:

— Что это Сѣркинъ не идетъ?.. Ѳедора Ѳедорыча нѣтъ... Онъ ушелъ съ Ильей Петровичемъ... Сѣркинъ, Сѣркинъ,—крикнула она вдругъ въ изступленіи.

Кукинъ старался ее успокоить, хотя и у него голосъ обрывался.

— Не извольте тревожиться, Вероника Павловна,—бормоталъ онъ.—Пустяки какіе-нибудь, хотя...

— Нѣтъ, знаете, я такая нервная. Посмотрите, пожалуйста, что тамъ такое. Сѣркинъ, Сѣркинъ,—крикнула она снова въ безумномъ страхѣ.

— Бѣгу, бѣгу,—бросился Кукинъ къ двери:—служить всегда вамъ радъ.

Но тутъ онъ почти столкнулся съ Ильюшей, который вбѣжалъ въ комнату блѣдный, какъ смерть, еле переводя дыханіе и, отстранивъ Кукина, забѣжалъ за письменный столъ.

— Бога ради, что съ вами!—вскричала Роня, все еще сильно встревоженная, но уже безъ признаковъ охватившаго ее паническаго страха.

— Они меня и здѣсь убьютъ,—проговорилъ Ильюша.—Изъ окна въ меня стрѣляли...

— У васъ рука въ крови,—кинулась къ нему Роня.

Ильюша машинально поднялъ руку, сталъ ею двигать и сказалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, я не раненъ... Царапина какая-нибудь... Я успѣлъ убѣжать... но Ѳедоръ Ѳедорычъ...

Въ дверяхъ показался Сѣркинъ и, широко крестясь, доложилъ:

— Ѳедоръ Ѳедорычъ Богу душу отдалъ. Царствіе ему небесное.

Роня отшатнулась къ стѣнѣ и стояла тутъ съ остановившимся взглядомъ. Она походила на трупъ.

Кукинъ, должно быть, сообразилъ, что въ эту минуту ему здѣсь дѣлать нечего, и тихо спросилъ Сѣркина:

— Любезнѣйшій, какъ мнѣ вѣрнѣе пройти домой?

— Ступайте, ступайте, господинъ Кукинъ,—отвѣтилъ Сѣркинъ:—васъ-то никто не тронетъ.

IX.

Въ паркѣ было тихо. Только вѣтеръ изрѣдка срывалъ желтые листья, которые безшумно падали на дорожки, напоминая о быстромъ приближеніи осени. Но было еще тепло.

Княгиня сидѣла передъ террасою на садовомъ стулѣ со скамеечкой въ ногахъ и предавалась своему любимому занятію — вышиванію. Поодаль, на своемъ обычномъ мѣстѣ сидѣлъ Алеша въ тепломъ студенческомъ пальто и калошахъ и читалъ книгу.

— Не устали читать, Алеша?—спросила княгиня, мелькомъ взглянувъ въ его сторону.

Алеша ничего не отвѣтилъ.

Черезъ нѣкоторое время княгиня опять взглянула на студента.

— Ужасныя событія проходятъ мимо васъ: вы ихъ не замѣчаете?—проговорила снова княгиня, но Алеша и на этотъ разъ промолчалъ.

— Авель, гдѣ вашъ братъ Каинъ?—спросила княгиня замогильнымъ голосомъ.

Алеша схватился рукой за голову.

— И зачѣмъ, княгиня,—чуть не простоналъ онъ:—вы вѣчно перевираете цитаты, даже изъ священнаго писанія? Это дѣйствуетъ мнѣ на нервы.

Княгиня вздохнула съ облегченіемъ, точно совершила трудную работу, заставивъ Алешу заговорить, встала и пересѣла къ нему на скамейку, гдѣ продолжала вышивать.

— Въ цитатахъ я часто ошибаюсь,—сказала она:—но не въ жизни, Алеша, не въ жизни. Вашъ братъ—не Каинъ, онъ даже не Иуда, онъ просто—заяцъ. Онъ трусливо бѣжалъ, какъ заяцъ. А вы все-таки, Авель, ваша жертва угодна Богу.

— Я жертвоприношеніями не занимаюсь. Перестаньте, ради Бога, княгиня.

— Можетъ быть,—согласилась княгиня:—можетъ быть, но все-таки есть люди, угодные Богу. Алешенька, вы—Божій человекъ, какъ святой, имя котораго вы носите. Вы угодны не только Богу, но и всѣмъ праведникамъ, въ томъ числѣ и Ронѣ.

— Не призывайте имени Господа всуе и оставьте Роню въ покоѣ,—взмолился еще разъ Алеша:—мнѣ грустно, княгиня, перемѣните, пожалуйста, тонъ.

У него былъ видъ по-истинѣ страдальческой. Но княгиня не обратила на это вниманія.

— Вамъ всегда грустно, Алешенька, а у меня другого тона нѣтъ; при томъ мой тонъ выстраданъ, а ваша грусть—наносна. Вы, очевидно, не знаете, что одиночество, душевное одиночество овлабляетъ. Гдѣ вамъ это знать? У васъ книги, цѣлый міръ сладостныхъ грѣзъ

и видѣній. Но вотъ что вы мнѣ объясните, Алешенька: какъ это Роня можетъ одновременно любить людей, столь различныхъ, какъ вы и вашъ братъ? Не удивительно ли это? Но еще удивительнѣе, что люди, столь различные, какъ вы и я, до поры до времени должны быть союзниками.

Алеша съ досадою отвернулся, дѣлая видъ, что снова углубляется въ чтеніе.

Княгиня улыбнулась и произнесла, цѣдя каждое слово:

— Не пора ли вамъ промѣнять книжную мудрость на простую житейскую логику? Заяцъ сбѣжалъ—это очень хорошо. Но, Алешенька, чтó если Роня побѣжитъ за зайцемъ?

Алеша вдругъ захлопнулъ книгу и проговорилъ съ совершенно несвойственной ему энергіей:

— Этого никогда не будетъ, слышите, никогда.

Княгиня взглянула на студента такъ, какъ смотрять на ребенка.

— Вамъ, поэтамъ,—улыбнулась она:—дано пророчествовать. Я не пророчествую, но утверждаю, что это очень легко можетъ случиться, и что это нисколько не мирится ни съ вашими, ни съ моими намѣреніями. Поэтому мы должны быть въ этомъ дѣлѣ союзниками. Поняли ли вы меня? По глазамъ вижу, что не поняли. Вы опять мечтаете! Алешенька, мой житейскій силлогизмъ слѣдующій: если мы любимъ Роню и если не хотимъ, чтобы ея любовь къ третьему лицу сдѣлала ее несчастной, то не цѣлесообразно ли, чтобы мы противодѣйствовали этому сообща. Какъ вы полагаете?

У Алеша былъ теперь видъ мечтательный. Онъ весь сгорбился, левая судорога искривила его тонкія губы, уловить его взглядъ было совершенно невозможно. Онъ словно говорилъ самъ съ собою:

— Если Роня броситъ фабрику и побѣжитъ за Ильюшей, то какъ, какъ это назвать?

Княгиня внимательно слѣдила за студентомъ и отвѣтила за него почти его же интонаціею:

— Первое—умнымъ поступкомъ, особенно, если она выгодно продастъ фабрику, а второе—непростительною глупостью.

Но Алеша, повидимому, и не слышалъ отвѣта княгини. Онъ продолжалъ:

— А какъ назвать всѣ эти насилія, грабежи, убійства, все зло, которое полновластно царитъ на землѣ, всю эту кровь, въ которой мы захлебываемся?

— Милый Алеша,—попробовала возразить княгиня:—я васъ перестаю понимать.

Но Алеша ее не слушалъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,—замахалъ онъ руками:—все это одно и то же, и то, что можно назвать умнымъ поступкомъ, и то, что называютъ непростительною глупостью, и вся эта неправда, и все это зло, и вся эта кровь, въ томъ числѣ и кровь Федора Федорыча. Все это—одно и то же, все это только дурной соплъ.

Княгиня слегка дернула студента за рукавъ, словно желая его разбудить.

— А что же, по-вашему, не дурной сонъ?—спросила она.

— Та жизнь, которая наступитъ послѣ всѣхъ искупительныхъ жертвъ,—отвѣтилъ онъ.

— Ага, понимаю,—уже съ раздраженіемъ возразила княгиня.— Когда Роня продастъ за безцѣнокъ фабрику и выйдетъ замужъ за вашего милого братца, когда жизнь ея будетъ исковеркана, разбита,—тогда кончится дурной сонъ и начнется настоящая жизнь. И вы, Алешенька, полагаете, что эта жизнь будетъ сладка?

Студентъ схватился за голову.

— Все это зло,—простоналъ онъ,—неизбѣжно, иначе оно не могло бы быть. Вѣдь люди не сошли же поголовно съ ума, а только сумасшедшіе могли бы навлечь на себя всѣ эти муки по доброй волѣ. Поймите же меня, наконецъ, злая женщина...

Княгиня медленно встала, аккуратно сложила свою вышивку и направилась величественно къ террасѣ. По дорогѣ она, однако, остановилась и сказала вполоборота:

— Я не умѣю философствовать. Я должна теперь смѣнить Роню у Павла Ивановича. Она, вѣроятно, придетъ сюда подышать свѣжимъ воздухомъ, и я надѣюсь, что вы въ разговорѣ съ нею оставите свои бредни и будете имѣть въ виду ея счастье. Вѣдь вы ее любите, Алешенька. До свиданія.

И она своею медленною, степенною поступью пошла къ дому, а Алеша, продолжая держать обѣими руками голову, остался неподвижно на мѣстѣ. Вѣтеръ усилился, зашумѣлъ въ верхушкахъ деревьевъ, срывая листья, которые частымъ дождемъ посыпались на площадку передъ домомъ. вмѣстѣ съ этимъ порывомъ вѣтра на террасѣ появилась Роня. Она облокотилась на баллюстраду и долго смотрѣла вглубь парка, точно кого-то ожидая, затѣмъ сошла съ террасы и опустилась на ближайшій стулъ. Она увидѣла студента.

— А я тебя и не замѣтила, Алеша,—проговорила она медленно.

— Какъ Павелъ Иванычъ?—спросилъ онъ, но не дождался отвѣта.—Ты очень страдаешь, Роня?

Дѣвушка быстро встала и подошла къ Алешѣ.

— Папа спитъ, онъ теперь постоянно спитъ,—сказала она.— Но съ часъ тому назадъ онъ проснулся, и мнѣ показалось, что онъ совершенно сознательно взглянулъ на меня. Отъ этого взгляда у меня по спинѣ прошелъ морозъ. «Что дѣлается на фабрикѣ?» спрашивалъ онъ. Что дѣлается на фабрикѣ? Ѳедоръ Ѳедорычъ убитъ. Приходилъ ко мнѣ Селезневъ. Говоритъ: продайте мнѣ фабрику—она нужна моему сыну, онъ долженъ богатѣть, какъ и я, старикъ Селезневъ, богатѣль. Приходитъ Красновъ и говоритъ: заботясь о благѣ народа, не могу дружить съ фабрикантами, ихъ естественными врагами; отпустите меня. Ему все равно,—погибнетъ ли фаб-

рика, попадетъ ли она въ руки Селезнева, главное, чтобы никто не подумалъ, что онъ дружить съ фабрикантами. Приходитъ Евгенія Михайловна и говоритъ: я задумала очень оригинальное дѣло, призрѣніе какихъ-то бездомныхъ женщинъ. Ей и въ голову не приходитъ, что если фабрика погибнетъ, то тысячи мужчинъ, женщинъ, дѣтей останутся на болѣе или менѣе продолжительное время безъ куска хлѣба. Дѣдуня, по его собственнымъ словамъ, въ дѣлахъ малое дитя. А княгиня — женщина разсудительная, она, конечно, скажетъ, какъ и Селезневъ, что лучше всего продать фабрику и уѣхать въ теплые края...

Роня умолкла и долго сидѣла съ опущенной головой.

— Продать фабрику?—вдругъ какъ бы проснулась она.—Да развѣ это возможно? Я не могу видѣть папина взгляда, мнѣ дорога память Ѳедора Ѳедорыча. Знаешь, Алеша, что мнѣ иногда на умъ приходитъ? Не отдать ли фабрику рабочимъ? Но нѣтъ, и этотъ выходъ для меня невозможенъ. Вѣдь папа мнѣ говорилъ, что это неизбежно приведетъ къ гибели фабрики...

— Роня,—проговорилъ Алеша съ мукою въ голосѣ:—я въ дѣлахъ ничего не смыслю. Тутъ—все борьба, а гдѣ борьба, тамъ ложь, насиліе, жестокость, кровь...

Но Роня не слушала. Она взглянула украдкой на Алешу, хотѣла что-то спросить, но, видимо, не рѣшилась. Такъ прошло съ минутой. Затѣмъ, сдѣлавъ усиліе надъ собою, она все-таки спросила:

— Алеша, скажи, ты любишь княгиню?

Вопросъ звучалъ равнодушно, но Алеша отвѣтилъ на него горячо:

— Въ томъ-то и мое горе, что я хотѣлъ бы любить людей, но я ихъ не люблю.

— И княгиню не любишь?

— Нѣтъ, и ея не люблю.

— Почему?

— Ахъ, если бы я зналъ, почему я людей не люблю.

— Ты въ ней что-нибудь замѣтилъ?

— Ничего особеннаго, но она вѣчно перевираетъ цитаты—это меня раздражаетъ. Затѣмъ ея высокомерный, насмѣшливый тонъ...

— Да, да, я сама замѣтила, хотя со мною она добра и ласкова. Слушай, Алеша, дѣдуня назвалъ ее сегодня такъ, что мнѣ даже страшно стало. Вообще я со времени болѣзни папы чувствую, что въ сердце мое закрадывается змѣя. Прежде всѣ мнѣ казались такими добрыми, хорошими... А теперь... Насчетъ княгини я стала припоминать... Алеша, тамъ въ глубинѣ парка кто-то ходитъ,—почти вскричала она, схвативъ его за руку.

— Нѣтъ, Роня, тамъ никого нѣтъ,—успокоительно замѣтилъ Алеша, хотя и ему стало почему-то жутко.

— Ахъ, я такая нервная. Да, что, бишь, я хотѣла спросить?.. Мы говорили о княгинѣ... Скажи, Алеша,—спросила она боязливо, сдѣлавъ снова усиліе надъ собою:—а брата своего ты любишь?

— Нѣтъ, я его не люблю,—отвѣтилъ Алеша, не глядя на Роню.

— Не любишь? Почему? Онъ такой милый, деликатный, добрый, ласковый. Онъ всегда, даже когда я была ребенкомъ, относился ко мнѣ хорошо.

— Онъ со всѣми, Роня, ласковъ.

— Ты, Алеша, предубѣжденъ противъ него: у тебя поэтическая натура, а онъ — дѣловой человѣкъ. Вотъ съ нимъ я могла бы управлять фабрикой. Правда, его теперь рабочіе не любятъ, но... Нѣтъ, Алеша, тамъ положительно кто-то ходитъ,—проговорила Роня въ испугѣ и даже вся поблѣднѣла.

— Да, дѣйствительно,—проговорилъ Алеша:—тамъ ходитъ какой-то мастеровой. Но чего ты боишься, Роня? Я его спрошу, что ему нужно...

— Нѣтъ, пойдемъ лучше домой,—слабо пыталась остановить его дѣвушка, но онъ былъ уже далеко.

Роня со страхомъ слѣдила за нимъ. Она видѣла, какъ онъ подошелъ къ мастеровому, какъ они о чемъ-то поговорили и затѣмъ направились въ ея сторону. Роня недоумѣвала, что все это значить. Мастеровой, уже по близости отъ нея, сталъ немного отставать, такъ что Алеша подошелъ къ ней одинъ.

— Это—Ильюша,—пояснилъ онъ.

X.

Роня всплеснула руками и бросилась къ Ильюшѣ.

— Это вы, Илья Петровичъ,—воскликнула она.—Нѣтъ... это не вы... Да, это вы.

Его, дѣйствительно, трудно было узнать въ костюмѣ мастерового съ бритымъ лицомъ и фуражкой набекрень.

— Какая неосторожность!—возмущалась Роня.—Отчего вы не уѣхали? Уѣзжайте, пожалуйста, поскорѣе.

— Я опоздалъ на поѣздъ,—объяснилъ Ильюша.—Отецъ требовалъ, чтобы я непременно надѣлъ этотъ костюмъ для большей безопасности. Слѣдующій поѣздъ идетъ черезъ два часа. Я пользуюсь этимъ временемъ, чтобы еще разъ съ вами повидаться...

— Я васъ не узнаю, Илья Петровичъ,—повторяла Роня:—нѣтъ, это вы! Но, если я васъ не узнала, то кто же васъ узнаетъ? Дѣдуня вамъ прекрасно посовѣтовалъ. И какъ я рада васъ видѣть. Но, смотрите, не опоздайте на слѣдующій поѣздъ. Вы ни за что не должны здѣсь оставаться. Я тѣмъ временемъ все сдѣлаю, чтобы рабочіе васъ полюбили. Но уѣхать вамъ непременно надо. Какъ я рада васъ видѣть, но въ этомъ костюмѣ вы мнѣ чужды: я все еще не могу васъ признать. А все-таки,—улыбнулась она:—это—вы, да, это—вы.

Алеша, бросивъ печальныйъ взглядъ на Роню, тихо отошелъ и скрылся въ боковой аллеѣ, а Роня продолжала:

— Вы мнѣ теперь напоминаете дѣтство, когда вы были еще гимназистомъ. Давно это было, но все, что васъ касается, я хорошо помню: какъ вы со мной играли, какъ мнѣ помогали уроки готовить, какъ вы всегда были привѣтливы, какъ вы меня катали въ лодкѣ тайкомъ,—гувернантка и папа всегда боялись, что я утону. О, у насъ было тогда много тайнъ! Помните, какъ вы мнѣ носили сюда въ паркѣ мороженое, когда у меня горло болѣло? Помните? И оно мнѣ не повредило. Однако, разъ я попалась: вы за меня написали сочиненіе, а учитель сейчасъ замѣтилъ, но я васъ не выдала. Меня наказали, но за васъ я готова была пострадать: вы были такой добрый, такой славный. Помните?.. Ахъ, Боже мой, я разболталась, а вамъ пора уже ѣхать.

Ильюша посмотрѣлъ на часы.

— Еще есть время,—произнесъ онъ успокоительно.—На этотъ разъ я не опоздаю, хотя торопиться и надо: я заблудился въ переулкахъ, когда шелъ сюда окольнымъ путемъ, чтобы не попасться на глаза... Я хотѣлъ васъ просить, Вероника Павловна, въ мое отсутствіе не вѣрить слухамъ, которые какіе-то люди распространяють. Я никому не сдѣлалъ зла...

— Ну, конечно, Илья Петровичъ.

— Но, знаете, я всѣмъ этимъ политическимъ увлеченіямъ не сочувствую, а это создало мнѣ много враговъ, и они всячески меня чернятъ. Они навѣрное воспользуются моимъ отсутствіемъ, чтобы очернить меня и въ вашихъ глазахъ...

— Трудъ ихъ пропадетъ даромъ. Если я кому-нибудь вѣрю, то именно вамъ. И вы мнѣ такъ нужны теперь, когда я велѣдствіе болѣзни папы и смерти Ѳедора Ѳедорыча почти совсѣмъ одинока.

— Ахъ, это убійство,—воскликнулъ Ильюша.—Я не могу о немъ вспомнить. Выходитъ, что я виноватъ въ смерти Ѳедора Ѳедоровича: стрѣляли вѣдь въ меня.

— Ну, чѣмъ же вы виноваты?.. Но, скажите, почему это рабочіе васъ такъ не любятъ?

— Когда страсти разгораются,—отвѣтилъ Ильюша съ убѣжденіемъ:—нуженъ козель отпущенія, и достаточно ничтожнаго слуха, чтобы ненависть направилась даже на совершенно невиннаго человѣка.

— Я все сдѣлаю, Илья Петровичъ,—горячо замѣтила Роня:—все сдѣлаю, чтобы разсѣять это роковое недоразумѣніе, и вы скоро, очень скоро вернетесь къ намъ.

— Вы знаете, Вероника Павловна, что я готовъ за васъ душу положить...

— И какъ мы тогда славно заживемъ, работая для фабрики. Папа будетъ радоваться, если ужъ не живя среди насъ, то тамъ, въ томъ другомъ мѣстѣ...

У нея навернулись на глазахъ слезы.

Они были настолько заняты разговоромъ, что не замѣтили, какъ подошла Дуня, съ напряженнымъ вниманіемъ вглядывавшаяся въ Ильюшу и вздрогнувшая, когда узнала его.

— Барышня,—пролетѣла она:—баринъ что-то беспокоится... Княгиня васъ просить...

— Это ты, Дуня,—всполошилась Роня.—Ты узнала Илью Петровича? Смотри,—никому ни словечка... Ахъ, папа беспокоится. Хорошо, я сейчасъ приду.

И она отпустила Дуню движеніемъ руки. Та сдѣлала видъ, что направляется къ террасѣ, но сама скрылась за деревьями въ боковой аллеѣ.

— Такъ прощайте же, Илья Петровичъ,—говорила между тѣмъ Роня:—прощайте и не мѣшчайте, уѣзжайте поскорѣе и пишите мнѣ, пишите почаще. Дастъ Богъ, скоро свидимся и ужъ болѣе не разстанемся... Прощайте, прощайте, прощайте...

Уходя и затѣмъ поднимаясь по террасѣ, она нѣсколько разъ оборачивалась и медленно кивала Ильюшѣ головой, а тотъ не спускалъ съ нея глазъ, пока она, кивнувъ ему въ послѣдній разъ, не скрылась въ домѣ. Затѣмъ онъ быстро направился въ глубину парка. Но не успѣлъ онъ пройти и двадцати шаговъ, какъ изъ кустовъ ему наперерѣзъ выбѣжала Дуня.

— Тебя-то мнѣ и надо,—сказалъ онъ ей со злобою.

— Ильюша, ты уѣзжаешь?—простонала она.

— Дуняша, что ты натворила? Это ты своего брата подождала на такое дѣло. Полиція его ищетъ и найдетъ. Тогда и тебѣ не сдобровать: въ тюрьмѣ сгніешь...

— Напрасно коришь, Ильюша, я ни въ чемъ не повинна.

— Виновата или не виновата,—шипѣлъ онъ:—а въ тюрьмѣ сгніешь, если я за тебя не заступлюсь; а заступлюсь я за тебя только, если ты меня въ покоѣ оставишь и тотчасъ же отсюда уберешься, никому не сказавъ ни слова о томъ, что было. Слышишь,—никому, не то въ тюрьмѣ сгніешь. Уѣзжай тотчасъ же и брось обо мнѣ думать. Слышишь: брось.

— Не могу, Ильюша, люблю тебя,—взмолилась Дуня съ отчаяніемъ.

— Эй, Дуняша, брось—въ тюрьмѣ сгніешь. Вотъ тебѣ деньги...

Онъ сунулъ ей въ руку пачку кредитокъ. Она ихъ взяла, сама не сознавая, что дѣлаетъ, а онъ продолжалъ:

— И впредь будешь получать, только уѣзжай, уѣзжай поскорѣй, перестань обо мнѣ думать, слышишь, перестань и думать, не то въ тюрьмѣ сгніешь. Брось и думать.

Онъ хотѣлъ итти, но Дуня вцѣпилась въ него своими сильными крестьянскими руками.

— Ильюша,—молила она его:—ради Христа, ради меня... ради младенца...

Ильюша на минуту смутился.

— Младенца?—спросилъ онъ.—Какого младенца? Отъ кого младенецъ?.. Отъ меня?

Онъ злобно разсмѣялся.

— Отъ меня?—продолжалъ онъ.—Нѣтъ, не отъ меня, а отъ прохожаго молодца.

Съ напряженіемъ всѣхъ силъ онъ вырвался изъ рукъ Дуни, грубо оттолкнулъ ее, стоявшую передъ нимъ на колѣняхъ, и убѣжалъ, прошипѣвъ въ послѣдній разъ:

— Слышишь, никому ни слова, не то сгнѣешь, сгнѣешь въ тюрьмѣ.

— Ильюша, Ильюша, не уѣзжай,—рыдала Дуня, то поднимаясь, то припадая снова къ землѣ. Затѣмъ она точно въ изступленіи кинулась за нимъ.

Зрителемъ конца этой сцены былъ Алеша. Когда Дуня убѣжала, онъ вышелъ на площадку и въ изнеможеніи опустился на свое обычное мѣсто. Вслѣдъ затѣмъ на террасѣ снова появилась княгиня. Она звала:

— Дуня, гдѣ ты?

Не дождавшись отвѣта и замѣтивъ Алешу, она обратилась къ нему:

— Авель, гдѣ Дуня?.. Вы все молчите?

Она спустилась съ террасы, продолжая говорить:

— Вы все молчите, Авель? Вы не знаете, гдѣ Дуня? Впрочемъ, это не такъ важно: обойдутся и безъ нея. Я собственно сбѣжала оттуда. Къ Павлу Ивановичу пришли доктора. Не могу видѣть, какъ они безъ конца выстукиваютъ, мучать больного, когда смерть ужъ смотреть черезъ плетень...

— Чрезъ заборъ, княгиня, чрезъ заборъ,—вырвалось у Алеши съ мукою.

Княгиня подѣла къ нему и заговорила самымъ участливымъ образомъ, словно желая его успокоить:

— Знаю, Алешенька, знаю. У насъ, въ Россіи, смерть и заборъ имѣютъ что-то общее. Смерть смотреть чрезъ заборъ, люди умираютъ подъ заборомъ, заборы подпираютъ мертвыми тѣлами. Но и это въ сущности не важно... Вы чѣмъ-то очень разстроены, Авель? Ваша тихая, кроткая, ангельская душа взволнована...

Княгиня хотѣла еще что-то спросить, но вниманіе ея было отвлечено Дуней, которая въ эту минуту пронеслась, какъ ураганъ, обратно черезъ террасу въ домъ.

— Дуня вернулась,—сказала она.—Вообще Дуня теперь какъ-то странно появляется и исчезаетъ. Пора и мнѣ исчезнуть, то-есть вернуться къ докторамъ.

Она встала и направилась къ дому. Въ дверяхъ она встрѣтилась съ Роней, которая ей сказала:

— Я говорила съ докторами. Какъ они ни притворяются, чтобы меня щадить, но я вижу, ясно вижу. Княгиня, вы побудете у папы? Мнѣ слишкомъ тяжело.

Княгиня отвѣтила:

— Иду, иду, не безпокойся, Роня. Если понадобится, тотчасъ позову.

Увидѣвъ Алешу, Роня спросила:

— Братъ, надѣюсь, давно ушелъ?

— Давно.

Роня присѣла у стола.

— Ты видишь, Алеша, какой онъ славный. Вся моя надежда теперь на него: онъ фабрику поддержитъ.

Она припала лицомъ къ столу.

— Силы мнѣ измѣняются: я слишкомъ много страдала за это время, не правда ли, Алеша? Ты подумай только: болѣзнь отца, смерть Ѳедора Ѳедорыча, потомъ эти разочарованія въ людяхъ. Это слишкомъ, слишкомъ много. Вся надежда на твоего брата, вся надежда на него.

Алеша схватился за голову, вскочилъ и ушелъ. Роня не смотрѣла на него, но слышала удаляющійся звукъ его шаговъ.

— Ты уходишь, Алеша,—продолжала она говорить.—Да, меня нечѣмъ утѣшить. Ступай, ступай, знаешь, туда, къ пруду, на мое любимое мѣстечко. Почитаешь, помечтаешь, унесешься въ другой мѣръ, свѣтлый, радостный, гдѣ нѣтъ этого горя... Ахъ, если бы и я могла туда унестись, хоть на пять минутъ, хоть на минуту.

Алеша давно уже не было. Возлѣ Рони стояла Дуня, тихо подкрашавшаяся, оглядываясь, нѣтъ ли кого по близости.

— Барышня, а барышня,—окликнула она ее шопотомъ:—что я вамъ хочу сказать...

Роня не поднимала головы.

— Это ты, Дуня?—спросила она.—Что, голубушка? Папа спитъ?

— Баринъ спятъ-съ... Только я...

Роня вдругъ выпрямилась, почувствовавъ что-то неладное, и съ широко раскрытыми глазами смотрѣла на свою горничную.

— Да что это, Дуня? На тебѣ лица нѣтъ. Папа умеръ? Скажи, папа умеръ?

— Что вы, барышня, что вы?.. Нѣтъ, я насчетъ...

Она кинулась Ронѣ въ ноги.

— Да что съ тобой?—повторила Роня въ явномъ недоумѣннн.

— Спасите, барышня, спасите... Въ тюрьмѣ мнѣ сгнить или по свѣту съ позоромъ моимъ маяться...

И она истерически зарыдала.

— Ничего не понимаю,—недоумѣвала Роня.—Встань, Дуня, и говори толкомъ. Не насчетъ ли Ѳедора Ѳедорыча?

Дуня повиновалась, встала и сквозь рыданія отвѣтила:

— Да, и насчетъ Ѳедора Ѳедорыча...

— Ты знаешь, кто его убилъ?

Дуня перестала рыдать и съ горячностью отвѣтила:

— Ничего я не знаю, барышня, пичего не знаю,—и потомъ съ прежнею робостью прибавила:— только какъ Илья Петровичъ...

— При чемъ тутъ Илья Петровичъ?—строго спросила Роня.

— Только какъ рабочіе его очень не любятъ...

— Ну?

— Изъ-за того, что онъ ихъ сторону не держитъ, потомъ изъ-за этихъ праздничныхъ... И потомъ... Андрюша зналъ...

Она снова кинулась Ронѣ въ ноги и продолжала, уже стоя на колѣняхъ:

— Вѣй-Богу, барышня, я бы не говорила... но... если... если ужъ младенецъ выгралъ...

— Какой младенецъ? Гдѣ выгралъ?.. Дуня, ты беременна?

— Барышня, милая барышня, — продолжала вопить Дуня: — люблю я его, больше жизни люблю, все отдамъ для него...

— Для кого? Кого ты любишь?

— Илью Петровича, Ильюшеньку... Отъ него младенецъ.

Роня вскочила, какъ ужаленная, и глаза ея дико сверкнули.

— Лжешь!—крикнула она не своимъ голосомъ. Но она тотчасъ же снова опустилась на стулъ и съ тѣмъ же остановившимся, почти безумнымъ взглядомъ, съ какимъ встрѣтила вѣсть объ убійствѣ Ѳедора Ѳедорыча, пробормотала:—Все можетъ быть, самое невѣроятное можетъ быть, и это можетъ быть, все... все...

— Андрюша знаетъ,—зачастила между тѣмъ Дуня:—Петръ Сергѣичъ знаютъ-съ, многіе знаютъ, Алексѣй Петровичъ только что видѣли-съ...

— Ты говоришь: Петръ Сергѣевичъ?

— Да, сколько разъ мнѣ строго наказывали молчать...

— Такъ чего же ты отъ меня хочешь? Говори же наконецъ, чего... хочешь... ты... отъ меня?

Нечеловѣческія муки слышались въ этомъ вопросѣ.

Дуня испуганно встала и зачастила:

— Барышня, милая барышня, заступитесь. Онъ приказалъ мнѣ уѣхать. Куда я уѣду? Въ деревню... со своимъ срамомъ, чтобы люди меня осмѣяли?.. Молчать приказываетъ... Промолчу,—онъ за другими волочиться зачнетъ. Женится, тогда пропадай моя головушка... Грозится въ тюрьмѣ сгноить... Но чѣмъ я виновата, ежели Андрюша подсмотрѣлъ и рабочихъ науськивалъ на него?.. Заступитесь, барышня, Бога ради, заступитесь. Скажите ему, что такъ нельзя: онъ у васъ служащій, вами кормится и побойтся вамъ перечить...

— Хорошо, хорошо, —соглашалась Роня:—я подумаю... Ступай себѣ, ступай...

Дуня снова бросилась на колѣни и страстно цѣловала руки у Рони; та не отнимала ихъ, но съ боязливымъ отвращеніемъ слѣ-

дила за всѣми движеніями горничной и только автоматически повторяла: «Ступай себѣ, ступай».

Наконецъ Дуня встала и, еще разъ поцѣловавъ у Рони руку, медленно повернулась и взошла на террасу, гдѣ встрѣтилась съ Мостовскимъ. Она пропустила его, потупивъ взоръ. Тотъ взглянулъ на нее подозрительно.

XI.

— Какой ужасъ, какой ужасъ!—воскликнулъ Мостовскій, подходя къ Ронѣ.— Нашего Ѳедора Ѳедоровича нѣтъ... Слава Богу, что Ильюша-то уцѣлѣлъ...

Онъ подсѣлъ къ Ронѣ, которая упорно избѣгала его взгляда.

— Я хотѣлъ вамъ сообщить, Роня,—продолжалъ онъ:—что Ильюша благополучно уѣхалъ.

— Уѣхалъ,—повторила, какъ эхо, Роня.

— Вы такъ добры къ нему, принимаете въ немъ такое участіе... Я его и проводилъ, не подавая, конечно, вида, только чтобы убѣдиться, что все обошлось благополучно. А ловко я придумалъ насчетъ костюма? Узнать его трудно. Ничего я въ этихъ дѣлахъ не понимаю, но отецъ во мнѣ заговорилъ. Однако, пташечка, вы на меня и не взглянете. А я думалъ васъ порадовать хорошимъ извѣстіемъ... Что, не хуже ли Павлу Ивановичу? Я тамъ проходилъ: сидитъ въ своемъ креслѣ, лицо такое спокойное, только немного блѣдное,—даже повѣрить трудно, что онъ тяжело боленъ. Книгиня при немъ, какъ всегда, вышиваетъ... Нѣтъ, Роня, знаете, не предавайтесь такъ горю: горе сушить, а ваша жизнь нужна для дѣла, для большого дѣла. Поберегите свои силы...

Мостовскому не удалось окончить фразы. Съ террасы скатилась Горяинова, и голосъ ея сразу наполнилъ паркъ.

— *Chère Véronique*, вы здѣсь? Какой ужасъ, какой ужасъ! Я все еще не могу прійти въ себя. Здравствуйте, здравствуйте еще разъ. Ну, думали ли мы, что увидимся еще разъ сегодня, и что сердце наше будетъ разрываться при мысли, что Ѳедора Ѳедорыча уже нѣтъ? Ужасное время, когда люди истребляютъ другъ друга, *comme des cannibales*. О, эти рабочіе! Я ихъ всегда сожалею, но не даромъ я ихъ всегда боялась... Дѣла у меня пропасть, но все-таки я заѣхала погрусить съ вами. Ну, какъ здоровье Павла Ивановича? *Raurez cher ami!* Какъ бы это извѣстіе его сразило, если бы онъ былъ... въ полномъ сознаніи. Ему все еще не лучше?

Она подѣла къ Ронѣ съ другой стороны.

— Знаете что, *Véronique*,—блеснула у нея мысль.—Охота вамъ возиться съ медицинскими знаменитостями. Вы бы лучше къ отцу Иоанну; онъ прійдетъ, навѣрное, прійдетъ, къ вамъ прійдетъ. Впрочемъ, *il est démodé*. Знаете, лучше обратитесь къ этому восточному доктору... *Le nom m'a échappé*... Помните, у него что-то общее съ

далай-ламой. Не смѣйтесь надъ Востокомъ. Мы все думали: варвары, et nous voilà rincés, joliment rincés!.. Въ военномъ дѣлѣ собаку съѣли, почему же не въ медицинѣ? Непремѣнно, душенька Вероника, обратитесь къ нему, къ этому восточному доктору. Онъ поможетъ, говорю вамъ, онъ поможетъ... А о моемъ дѣльцѣ не забыли? Vous avez bonne mémoire pour le bien, que vous pouvez faire. Такъ прощайте же, chère Vèronique,—сказала она совершенно неожиданно, замѣтивъ, что Роня какъ бы отсутствуетъ.—Спѣшу, спѣшу... Вы не повѣрите, сколько у меня сегодня дѣла: полгорода надо объѣхать. Я не жалуюсь, но иногда, право, голова кругомъ идетъ. Не успѣешь одного сдѣлать, какъ тебя захватываетъ другое, третье, десятое и уносить, уносить, точно мчишься на автомобилѣ и никакъ остановиться не можешь. Однако, голубушка, у васъ сегодня видъ совсѣмъ нехорошій. Впрочемъ, можетъ ли быть иначе: такія событія! Непремѣнно обратитесь къ далай-ламѣ О, Востокъ—великая вещь! Но прощайте, прощайте. Я спѣшу, спѣшу...

Она наскоро пожала руку Ронѣ и хотѣла проститься съ Мостовскимъ, но и тотъ заторопился.

— Я съ вами, Евгенія Михайловна,—сказалъ онъ.—Прощайте, Роня,—продолжалъ онъ нерѣшительно, словно ожидая, что она его удержитъ.—Такъ прощайте же,—говорилъ онъ, пожавъ безжизненную руку Рони.

Онъ чувствовалъ, что положеніе не совсѣмъ ясно, и рѣшилъ выжидать: эта тактика давала въ его рукахъ по большей части хорошіе результаты. Поэтому, замѣтивъ Алешу, который снова сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, онъ обратился къ нему, какъ ни въ чемъ не бывало:

— Ахъ, ты здѣсь, Алеша?

И затѣмъ уже со ступеней террасы онъ крикнулъ Ронѣ:

— Онъ вамъ не надоѣдаетъ, Роня?

— Bonjour et adieu, Алеша,—послышался голосъ Горяиновой.— Allons nous, Петръ Сергѣевичъ?

— Иду, иду,—торопился Мостовскій.

Въ паркѣ стало вдругъ тихо, какъ послѣ бури. Тишина эта длилась долго.

— Алёша, ты что-нибудь знаешь о Дунѣ?—спросила беззвучно Роня.

Алеша промолчалъ. За него отвѣтилъ вѣтеръ, зашумѣвшій въ верхушкахъ деревьевъ.

— Я спрашиваю только, правда ли это?

Алеша опять долго не отвѣчалъ. Потомъ послышался его тихій отвѣтъ, почти слившійся съ шумомъ вѣтра:

— Да, это правда.

Изъ глубины парка подошла княгиня и сказала:

— Я видѣла, какъ пронесся благотворительный смерчъ; джентльменъ-педагогъ еле за нимъ поспѣвалъ. Утомили тебя, Роня? А Па-

вель Ивановичъ у насъ гуляетъ. Движеніе его всегда успокаиваетъ. Вотъ онъ ѣдетъ.

По боковой аллеѣ дѣйствительно Сѣркинъ везъ Андерса въ большомъ креслѣ.

— Я побуду съ Павломъ Ивановичемъ,—продолжала княгиня:—и мнѣ погулять не мѣшаетъ, начинаю полнѣть. Съ чего бы, кажется? Алешенька, а, Алешенька, вы бы Ронѣ что-нибудь почитали, что-нибудь такое, чего никакъ понять нельзя.

Княгиня ушла и снова стало тихо.

— Алеша,—кликнула Роня студента.

Онъ медленно всталъ, подошелъ къ ней и спросилъ какъ-то особенно нѣжно:

— Что, Роня?

Затѣмъ онъ взялъ скамеечку и усѣлся у ногъ дѣвушки.

— Ты, Алеша,—почти шопотомъ сказала Роня:—одинъ у меня остался, папа уже ничего не видитъ и не слышитъ... Ахъ, Алеша, мнѣ кажется, что и ты немного видишь, а я—я столько сразу увидала, что ослѣпла...

— Роня...

— Что, милый?

— Смотри, куда я смотрю, и ты будешь лучше видѣть, чѣмъ прежде.

Но Роня оставила это замѣчаніе безъ отвѣта.

— Вотъ что ужасно,—говорила она:—двѣ недѣли тому назадъ я была такая, какъ ты: я вѣрила. А теперь вѣры нѣтъ. Я вѣрила, что мнѣ предстоитъ большое дѣло, что все теперешнее—такъ, между прочимъ, что настоящее начнется, когда я съ папой вступлю въ управленіе фабрикой. Папа меня такъ оберегалъ отъ всего неприятнаго, тягостнаго, что я жила себѣ, какъ бабочка. Все было просто и ясно: пробьетъ часъ, и я, окруженная папой и друзьями дома, начну жить по-настоящему. Часъ пробилъ. И что же? Папы все равно, что нѣтъ. Но это, скажемъ, случайность. Повидимому, и смерть Ѳедора Ѳедорыча—случайность. Алеша, случайность ли? Вѣдь если бы не было рабочаго движенія, за которымъ скрывается одинъ изъ друзей дома, а, можетъ быть, и два, если бы рабочіе не ненавидѣли твоего брата, то Ѳедоръ Ѳедорычъ былъ бы живъ. Не такъ ли, Алеша? Я не знаю, какъ твой отецъ ведетъ свое дѣло на фабрикѣ, но теперь уже не вѣрю, что онъ ведетъ его хорошо. Княгиня? Не естественно ли въ ея положеніи думать о себѣ? И всѣ думаютъ только о себѣ: никто не думаетъ о фабрикѣ. И вотъ я теперь одна, совершенно одна, безъ опыта, а главное, безъ вѣры въ людей и въ возможность справиться съ моей огромной задачей. А уже завтрашній день можетъ потребовать много знаній, много опыта...

Роня умолкла. Вѣтеръ зашумѣлъ сильнѣе. По главной аллеѣ опять показался Сѣркинъ съ Андерсомъ. Княгиня шла сбоку. Когда они подвезли Андерса, княгиня сказала:

— Павелъ Ивановичъ заснулъ. Мы его лучше поставимъ здѣсь, около дома: вѣтеръ съ той стороны.

Сѣркинъ подкатилъ больного къ стулу Рони и продолжалъ стоять за его кресломъ. Княгиня сѣла поодаль на скамью Алеши: вышивка была у нея уже въ рукахъ.

Роня смотрѣла долго на отца. Безъ кровинки въ лицѣ, онъ лежалъ спокойно, весь укутанный пледами. Она прислонилась головой къ креслу.

— Одна... совсѣмъ одна... Папа, наставъ, вразуми,—шептала она, и слезы текли по ея блѣднымъ щекамъ.

Алеша все еще сидѣлъ у ея ногъ.

— Плачь, Роня, плачь,—говорилъ онъ.—Ты думаешь, я жизни не знаю. О, я ее хорошо знаю! Я исходилъ всю Россію, былъ въ богатыхъ и бѣдныхъ домахъ, на промыслахъ и заводахъ, въ усадьбахъ и избахъ, вездѣ я былъ,—и вездѣ царили зло, обманъ, ложь, насиліе, и... люди плакали. Прошло время,—не знаю, сколько,—и я снова увидѣлъ родину, я ее увидѣлъ, нѣтъ, я ее вижу. И, представь себѣ, Роня, вездѣ, вездѣ, гдѣ тѣ слезы оросили землю—а она вся ими орошена—расцвѣли чудные цвѣты. Я родины не узналъ—такъ она была прекрасна...

Алеша весь преобразился, словно онъ былъ не на землѣ, а въ какомъ-то заколдованномъ царствѣ.

Роня ничего не отвѣтила. Она, повидимому, была тоже гдѣ-то далеко-далеко.

— Сѣркинъ,—произнесла она отсутствующимъ голосомъ:—ты здѣсь?

— Что прикажете, Виринея Павловна?—тихо откликнулся артельщикъ.

— Онъ рано встаетъ, тотъ, кто людей кладетъ подъ прессъ и выжимаетъ изъ нихъ послѣдніе соки?

Сѣркинъ ничего не отвѣтилъ: онъ не понялъ вопроса.

— Селезневъ-то рано встаетъ?—пояснила Роня.

Теперь Сѣркинъ понялъ, и лицо его стало мрачнымъ.

— Съ пѣтухами, должно полагать,—отвѣтилъ онъ.

— Мнѣ надо съ нимъ поговорить.

— Осмѣлюсь доложить: не подождать ли, Виринея Павловна?—произнесъ Сѣркинъ робко, и голосъ у него дрогнулъ.

— Чего ждатель!—продолжала Роня.—Федора Федорыча убили, друзей дома нѣтъ, а мы съ папой и Алешей уѣдемъ въ теплые края плакать и мечтать... мечтать о томъ, какъ родина расцвѣтетъ пышнымъ садомъ... отъ крови и слезъ...

Княгиня одобрительно кивала головой.

Р. И. Сементковскій.

СИЛУЭТЫ ВРЕМЕНИ РЕФОРМЪ ¹⁾.

(Воспоминанія шестидесятника).

VII.

Типъ будничнаго губернатора Э. В. Лерхе.—У министерскаго подъязда.—Полнофобство невопадъ и улыбка П. А. Валуева.—Монументъ тысячелѣтїа и фонари.—Графъ Чапскій.

ВРЕЕМНИКЪ Скарятина Эдуардъ Васильевичъ Лерхе принадлежалъ къ иному типу губернаторовъ; типу во многихъ отношенїяхъ болѣе удобному для министровъ. Онъ благоговѣнно старался исполнять не только предначертанїя, но и предупреждать желанїя даннаго министра и начальника его канцелярїи. Хотя случалось, что, усердствуя не по разуму, иногда оправдывалъ русскую пословицу объ усердїи до расшибанїя лба при молитвѣ. Но промахи эти охотно прощались министрами.

Для обывателей же, дворянства, земства и голодающей черни эти губернаторы не всегда удобны, даже если имѣютъ доброе сердце и честны. Неудобны по совершенному отсутствїю личной самостоятельности и инициативы. Мѣняется министр, правитель его канцелярїи, или даже только вѣянїе въ министерствѣ, и такимъ типамъ начальниковъ приходится, какъ солдатамъ во фронтѣ, «перемѣнять ногу и дирекцію». А въ которую сторону, этого они долго не осмысливаютъ. Обыватели же вообще и служащїе по выборамъ не знаютъ, *sur quel pied danser*, чтобы продолжать приносить пользу дѣлу.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХІХ, стр. 483.

Человѣкъ Лерхе былъ хорошій, т. е. добросовѣстный и честный въ смыслѣ матеріальномъ, этого нельзя не поставить ему въ заслугу, ибо онъ прослужилъ вице-губернаторомъ многіе дореформенные годы, когда въ губернскомъ правленіи, которымъ вице-губернаторъ завѣдывалъ, отъ грязнаго взяточничества нельзя было дышать. Для борьбы со взяточничествомъ онъ не имѣлъ, однако, ни энергіи, ни проникновенности. Да по дореформенной административной обстановкѣ и борьба была просто невозможна. Но самъ себя онъ сохранилъ въ дѣвственной чистотѣ. Сердце имѣлъ доброе; въ семейномъ отношеніи былъ безупреченъ и безкорыстенъ. Его административный «сredo» былъ кратокъ: угождать высшему начальству. Состоянія у него не было; семья была не маленькая. Связей, кромѣ нѣкоторой протекціи у принца П. Г. Ольденбургскаго, при дворѣ котораго служилъ кто-то изъ его родныхъ, да нѣкоторой пріязни съ школьными товарищами (онъ воспитывался въ училищѣ правовѣдѣнія), которые были счастливѣе его въ свѣтской обстановкѣ, тоже никакихъ. Умственный кругозоръ узокъ. Даже предугадываніе желаній начальства, составлявшее главную гимнастику такихъ умовъ, далеко не всегда удавалось. Вотъ факты, о которыхъ пишушій эти строки слышалъ отъ Лерхе.

Послѣ продолжительнаго вице-губернаторства въ Новгородѣ Лерхе около шестидесятаго года кратковременно губернаторствовалъ въ одной изъ среднихъ губерній (кажется, въ Тулѣ). Вскорѣ послѣ празднествъ тысячелѣтія Скарятинъ, пожалованный въ егермейстеры двора, переѣхалъ въ Петербургъ, а Лерхе былъ назначенъ начальникомъ Новгородской губерніи, которую, по праву служебной давности, онъ считалъ «своей». Покуда онъ сидѣлъ въ Тулѣ, либерально-реформенное настроеніе валуевскаго министерства замутилось возстаніемъ въ Польшѣ. Направляясь въ Петербургъ по пути въ Новгородъ (раньше, чѣмъ вступить въ должность) Лерхе чувствовалъ, по его собственнымъ словамъ, потребность провѣрить свои помысленія соприкосновеніемъ съ министерствомъ. Ему представился удобный, по его понятіямъ, случай доложить министру, что еще до вступленія въ должность онъ совершилъ благое для отечества дѣяніе. А именно. На первой станціи, гдѣ поѣздъ остановился уже въ «его» губерніи, въ вагонъ явился, какъ полагается, съ надлежащимъ рапортомъ мѣстный уѣздный исправникъ Г—кій, бравый кавалерійскій подполковникъ, польскаго происхожденія. Лерхе зналъ его раньше, цѣнилъ его служебную распорядительность, свѣтскій лоскъ, элегантныя манеры, длинные пушистые усы и лихое дирижированіе мазуркой на провинціальныхъ вечеринкахъ. «Я принялъ рапортъ отъ Г. и говорю ему: «вы больны». (Такъ мнѣ рассказывалъ самъ Эдуардъ Васильевичъ). Тотъ вытаращилъ глаза, удивился и доложилъ, что ничѣмъ, дескать, не боленъ, ваше превосходительство. Но я твердо повторялъ, что онъ

болень, очень болень. Это мнѣ хорошо извѣстно; недугъ не позволяетъ ему продолжать службу. Въ заключеніе я (т. е. Лерхе) предложилъ ему подать въ отставку по болѣзни; какъ только я вернусь изъ Петербурга, приму дѣла. Признаюсь, мнѣ было жалко всегда усерднаго по службѣ чловѣка, семейнаго. Но что же было дѣлать въ виду польскаго возстанія?»

Въ Петербургѣ, являясь Валугеву, Лерхе доложилъ о совершенномъ имъ образчикѣ стремительной патріотической распорядительности. Дескать, «прежде всего я началъ искоренять польскій элементъ во вѣренной мнѣ губерніи». Валугевъ мягко улыбнулся, — въ то время никто изъ высокопоставленныхъ лицъ не умѣлъ такъ пріятно улыбаться, какъ Валугевъ, — и замѣтилъ: «Зачѣмъ же это? Я знаю, что Г—кій одинъ изъ исполнительнѣйшихъ исправниковъ. Вы, пожалуйста, не принимайте его отставки!» И Лерхе, разумѣется, не принялъ ея, хотя и самъ приказалъ подать. Рассказывая это событіе въ кругу близкихъ знакомыхъ, Эдуардъ Васильевичъ не вдавался въ размышленія о мотивахъ министерскаго «совѣта», поставившаго его самого въ комическое положеніе. Подтвержденіе этого рассказа я слышалъ потомъ въ Петербургѣ отъ лицъ, близкихъ Валугеву. Да Лерхе и самъ не имѣлъ обыкновенія сочинять, прибѣгать къ неправдѣ, хотя въ необходимѣйшихъ случаяхъ натуживался дипломатничать, à contre soi, подъ наптіемъ своего собственнаго правителя канцеляріи. Но потуги выходили тоже комичны. Когда онъ увлечется, бывало, благодушной бесѣдой, то невиннѣйшимъ манеромъ рассказываетъ о системѣ сношеній губернаторовъ его типа и его самого съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и Маковымъ (какъ извѣстно, правитель канцеляріи въ нѣкоторомъ отношеніи практически вѣситъ болѣе принципала) черезъ посредство швейцаровъ, камердинеровъ и курьеровъ. Салтыковъ, описывая своего Прокопа, правда, губернскаго предводителя, но добивавшагося губернаторскаго мѣста, мало преувеличивалъ. Первый въ Петербургѣ визитъ, конечно, словно мимоходомъ—проѣздомъ около министерскаго зданія—въ существѣ наносился министерскому швейцару; и пятирублевка по малой мѣрѣ давалась ему за то, что онъ соблаговолитъ подойти къ дверцѣ кареты и доложить два, повидимому, незначительныхъ, но полезныхъ для губернатора, слова объ «его высокопревосходительствѣ». Хорошо, если покажется знакомый курьеръ: ему тоже, какъ будто невзначай, губернаторъ дастъ синенькую. Немалое удобство представляетъ личное знакомство съ камердьянеромъ его высокопревосходительства: «собачкѣ дворника, чтобъ ласкова была». Все это (хоть игнорируемые) колесики великой бюрократической машины. Эти колесики, разумѣется, въ ожиданіи дальнѣйшихъ синенькихъ дадутъ добродію знать, когда, гдѣ и при какихъ удобнѣйшихъ обстоятельствахъ можно видѣть министра, правителя его канцеляріи или иное, скромное по рангу,

но полезное по вліянію, лицо.—«А это для дѣлъ губерніи очень много значить. Хе-хе-хе-хе!» заключалъ, бывало, свои откровенія наивный, очень довольный собой Лерхе, игриво постукивая по ковру носкомъ своей почти женской ножки.

Между прочимъ, Эдуардъ Васильевичъ гордился первою мѣрой, которую принялъ, водворясь губернаторомъ въ Новгородѣ. А именно онъ предложилъ городской думѣ постоянно отъ захода до восхода солнца держать огонь въ фонаряхъ, окружающихъ монументъ тысячелѣтія. «Въ лѣтнія и лунныя ночи остальные фонари на улицахъ не зажигаются.—Ну, а у монумента всегда горять. Надо же дѣлать различіе», мотивировалъ онъ свое распоряженіе.

Польское возстаніе изрядно спутало возрѣнія губернаторовъ этого типа. Лерхе промахнулся тутъ не съ однимъ исправникомъ Г—кимъ. Онъ вообще долго не могъ составить себѣ ясное представленіе, на примѣръ, о томъ, чѣмъ отличаются сосланные въ рускія губерніи поляки или просто русскіе студенты, удаленные изъ столицъ и водворенные въ усадьбахъ старосвѣтскихъ помѣщиковъ, ихъ родителей, отъ арестантовъ, которые выщипываютъ траву изъ мостовой около памятника тысячелѣтія и Софійскаго собора.

Когда, водворясь въ Новгородѣ, онъ однажды нашелъ въ своей приѣмной визитныя карточки двухъ сосланныхъ изъ этого городъ поляковъ, то, не взирая на ихъ блестящія историческія фамиліи и связи въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, велѣлъ посадить подъ арестъ жандарма, охраняющаго приѣмную и принявшаго эти карточки. Карточки же отослалъ къ тѣмъ, отъ кого онѣ исходили. Такой поступокъ онъ считалъ патріотическимъ и соответствующимъ видамъ высшаго правительства. При этомъ онъ выражалъ негодованіе, что дерзкіе молодые люди были приняты во многихъ хорошихъ домахъ. И вдругъ... онъ едва ли что могъ сообразить, когда самъ мѣстный жандармскій полковникъ, —никогда, впрочемъ, жандармскаго мундира не носившій, — вскользь при случаѣ намекнулъ ему по поводу ареста жандарма, что недурно бы и ему самому, Эдуарду Васильевичу, оставить (или хоть послать) вѣжливымъ людямъ свои визитныя карточки. Эдуардъ Васильевичъ послѣдовалъ этому совѣту, и съ тѣхъ поръ элегантные титулованные «постоянцы» стали появляться и на губернаторскихъ журфиксахъ.

Лерхе особенно былъ озадаченъ, когда на бывшее его мѣсто вице-губернатора—былъ назначенъ графъ Чапскій, кровный полякъ. Онъ даже ѣздилъ въ Петербургъ объясняться съ Маковымъ о такой, по его мнѣнію, опасной несообразности. Но ему дали понять, во-первыхъ, что графъ Чапскій одинъ изъ бывшихъ предводителей дворянства Западнаго края, одинъ изъ инициаторовъ и выразителей пріятнаго верховной власти желанія дворянства, чтобы

крѣпостное право было уничтожено, поэтому онъ съ отличной стороны извѣстенъ государю. Во-вторыхъ, что назначенія Чапскаго на эту должность требуютъ высшія административныя соображенія и—о бюрократическій ужасъ!—что самъ Валуевъ благоволитъ Чапскому.

Чапскій принадлежалъ къ типу администраторовъ, противоположному лерховскому образчику. Ему удалось сдержатъ дальнѣйшіе порывы своего патріотическаго принципа относительно ссыльныхъ вообще (а ихъ, особенно поляковъ, было въ губерніи много), дабы не подливать масла въ огонь. Онъ, впрочемъ, пробылъ не долго въ провинціи, получивъ повышение и званіе камергера. «Je suis rassasié de son éloquence» ¹⁾),—говорилъ онъ мнѣ на отъѣздѣ, подразумѣвая долготныя рѣчи на русскомъ языкѣ, въ стилѣ Appenschule, всегда впадающія въ прописной тонъ, «губернѣра великаго Новгорода», какъ мѣстные остряки прозвали у насъ бѣднаго Эдуарда Васильевича.

Не легче было Эдуарду Васильевичу уживаться съ земскою и судебными реформами, чѣмъ съ «повстанцами» и сосланными студентами. Прислушиваясь къ камертону столицы, съ земствомъ онъ обращался напряженно-осторожно, памятуя, что это земство есть, что не говори, созданіе П. А. Валуева. Съ одной стороны, онъ любилъ подчеркивать, что при ревизіяхъ въ уѣздахъ лишень удовольствія даже заходить въ земскую управу. Въ первые годы (покуда въ Петербургѣ не начали открыто хмуриться на земство) губернаторъ утверждалъ безпрекословно тѣхъ немногихъ должностныхъ лицъ, избраніе которыхъ тогда подлежало губернаторскій апробаціи. Никогда даже не позволялъ своей женѣ присутствовать въ аристократической публикѣ на хорахъ при засѣданіяхъ губернскихъ земскихъ собраній, полагая, что это походило бы нѣкоторымъ образомъ на начальственное давленіе или по малой мѣрѣ наблюденіе. Съ членами земскихъ управъ, въ особенности губернской, обращался весьма любезно; а предсѣдателю губернской управы оказывалъ такой же почетъ, какъ и губернскому предводителю. Съ другой стороны, его мнительность и осторожность изъ году въ годъ, помимо его воли, обострялись просмотромъ земскихъ докладовъ и утвержденій постановленій земства, требующихъ его согласія. Онъ почти никогда не налагалъ своего veto; а если и налагалъ, то было возможно убѣдить въ необходимости снять запретъ. Таковы были вѣянія, доносившіяся въ провинцію съ береговъ царственной Невы. Однако въ такомъ вопіющемъ дѣлѣ, какъ, на примѣръ, голодъ 1867 года, охватившій значительную часть губерніи, Эдуардъ Васильевичъ не разсчиталъ и съ ужасомъ узрѣлъ паденіе П. А. Валуева.

¹⁾ Я сътъ по горло его краснорѣчіемъ.

VIII.

Голодь, земство и бюрократія. — Лживость всеподданнѣйшаго доклада. — Ночное нападеніе земцевъ на губернатора. — Комиссія цесаревича Александра Александровича — Тимашевскій недородъ.

Еще осенью 1867 года замѣчалось, что въ сѣверныхъ уѣздахъ Новгородской губерніи (какъ, впрочемъ, и въ нѣкоторыхъ частяхъ сосѣднихъ — Вологодской и въ особенности Архангельской) озимые всходы обѣщали мало хорошаго. Очередныя уѣздныя собранія обратили на это вниманіе, однако не признали факта вполне безнадежно опаснымъ. Тѣмъ не менѣе они сообщили о немъ губернской управѣ, которая, въ свою очередь, увѣдомила губернатора и хотя никакихъ практическихъ мѣръ сразу не принимала, но внесла въ очередное губерское собраніе (въ декабрѣ) докладъ, въ которомъ, излагая положеніе дѣла, испрашивала полномочія на случай необходимости продовольствовать нуждающихся весной, выдавать зерно на яровой посѣвъ, а, по обстоятельствамъ, и на озимый. Собраніе одобрило этотъ докладъ. Губернаторъ же опротестовалъ рѣшеніе собранія. Это, конечно, затормозило предварительныя мѣропріятія губернскаго и уѣздныхъ земствъ. Зимняя погода весь январь и начало февраля стояла неблагоприятная для полей. Въ послѣднемъ мѣсяцѣ ясно обнаружилось, что озими вымерзли, что не только ѣсть, но и сѣять значительной части крестьянскаго населенія будетъ нечего. Яровыя сѣмена были быстро сѣдены, ибо и предыдущій годъ былъ скудноватъ урожаемъ. Цѣны хлѣба всюду поднялись до размѣровъ, недоступныхъ значительной части жителей. Выяснилось, что въ селенія, отдаленныя отъ водяныхъ путей сообщенія, даже весной нельзя будетъ доставить хлѣба. Въ Новгородской губерніи есть уѣзды, пространствомъ превосходящіе, напримѣръ, все Саксонское королевство и имѣющіе Богомъ и людьми забытые углы. Въ эти захолустья и по стаяніи снѣга можно проникнуть только на особаго рода салазкахъ съ длинными жердями, которыя къ нимъ привязываются сзади.

Уѣздныя земства, ознакомившись въ февралѣ же съ продовольственными ресурсами этихъ угловъ, пришли къ убѣжденію, что этихъ ресурсовъ нѣтъ, что голодь со всѣми его ужасами къ веснѣ неминуемъ, что недостатокъ хлѣба уже и въ данную минуту опасно отражается на здоровьѣ населенія. Всѣ уѣзды просили разрѣшенія губернатора на немедленное открытіе экстренныхъ собраній для обсужденія продовольственнаго вопроса. Лерхе отказалъ. Губернская земская управа просила о разрѣшеніи созвать экстренное губерское собраніе, и тоже получила отказъ. Губернаторскіе отказы мотивировались тѣмъ, что по донесеніямъ непосредственно подчиненныхъ ему лицъ (т. е. исправниковъ) никакого голода не пред-

видится; озими изрядны, недородъ, котораго можно ожидать въ немногихъ мѣстностяхъ, неопасенъ и коррективы его не требуютъ никакихъ чрезвычайныхъ мѣропріятій. Несомнѣнно, губернаторъ былъ вполне самъ убѣжденъ во всемъ этомъ. Къ тому же нѣкоторые земцы южныхъ уѣздовъ, которыхъ признаки опаснаго недорода почти или вовсе не коснулись, имѣя основаніе полагать, что въ случаѣ обнаруженія голода на сѣверѣ губернскому земству не обойтись безъ крупнаго заимообразнаго правительственнаго пособія, за уплату котораго будетъ отвѣтственна вся губернія, не желали кормить сѣверянъ до нѣкоторой степени на счетъ своихъ мѣстностей. Они желали убѣдить самихъ себя и склоняли начальника губерніи къ мнѣнію, что сѣверяне преувеличиваютъ свои опасенія. Кромѣ того, Лерхе по бюрократической инерціи хотѣлъ вѣрить только своимъ тринадцати исправникамъ болѣе, чѣмъ нѣсколькимъ сотнямъ земскихъ гласныхъ. Главную же роль тутъ игралъ тонъ министерства внутреннихъ дѣлъ. А къ этому тону Эдуардъ Васильевичъ прислушивался съ пеленокъ или, точнѣе, съ правовѣдскихъ нашивокъ, подобно вѣрующему въ откровеніе свыше. Министерство же, и первый П. А. Валуевъ, настойчиво опровергали слухи о голодѣ официально и гласно при всякомъ удобномъ случаѣ даже въ докладахъ императору. Былъ ли Валуевъ искрененъ, довѣряя «своимъ» губернаторамъ болѣе, чѣмъ имъ же созданному земству (на которое, правда, онъ начиналъ уже коситься), трудно рѣшить. Но несомнѣненъ былъ фактъ: Валуевъ въ этотъ моментъ находился въ очень затруднительномъ положеніи непосредственно къ верховной власти. И вотъ почему.

Министръ внутреннихъ дѣлъ въ началѣ года представляетъ государю отчетъ о различныхъ отрасляхъ административной дѣятельности, а также объ экономическомъ положеніи имперіи за истекшій годъ. Этотъ,—великаго въ то время значенія,—документъ назывался обыкновенно: «всеподданнѣйшій февральскій докладъ». Матеріалы для него министръ внутреннихъ дѣлъ собиралъ заблаговременно черезъ посредство губернаторовъ. А губернаторы черезъ своихъ исправниковъ, которые, въ свою очередь, пользовались становыми, а становые—сотскими. Подготовка доклада обыкновенно къ новому году заканчивалась, и самый докладъ представлялся министромъ императору въ началѣ февраля. Такъ дѣлалось въ 60-хъ годахъ. Въ высочайшемъ министерскомъ докладѣ за данный годъ, уже лежавшемъ на письменномъ столѣ царя (когда земскія управы хлопотали о разрѣшеніи экстренныхъ собраній), согласно съ донесеніями губернаторовъ, въ томъ числѣ и новгородскаго, указаній на опасенія по народному продовольствію министромъ не высказывалось. Между тѣмъ эти опасенія уже и въ Петербургѣ начинали обнаруживаться, по словамъ независимыхъ лицъ, имѣвшихъ связи съ провинціей. Наслѣдникъ цесаревичъ (впослѣдствіи

императоръ Александръ III) былъ заинтересованъ этимъ вопросомъ. Разрѣши администрація экстренныя собранія въ февралѣ и мартѣ, — земства, навѣрно, не пытались бы обнаружить ошибочность свѣдѣній, представленныхъ верховной власти по дѣлу такой высокой важности. Ошибка это или просто недосмотръ—все равно: тутъ было не только оскорбленіе величества, но и гибель сотенъ тысячъ, если не миллионовъ, народа.

Администрація же пыталась, какъ страусъ въ вершину пальмы, спрятать свою голову въ упрямый «non possumus» по части экстреннаго созыва земскихъ собраній. Но, конечно, она не могла прятаться долго. Съ первыми же признаками весны грозный призракъ голодовки выступилъ слишкомъ реально: административныя власти еще продолжали отрицать существованіе голода, но экстренныхъ собраній уже не могли не допустить, хотя бы потому, что наследникъ цесаревичъ принялъ горячее участіе въ дѣлѣ, побуждаемый между прочимъ, частными сообщеніями лично ему извѣстнаго тогдашняго предсѣдателя новгородской губернской земской управы Н. А. Качалова (вскорѣ назначеннаго архангельскимъ губернаторомъ, а затѣмъ директоромъ департамента таможенныхъ сборовъ) и нѣкоторыхъ другихъ земскихъ гласныхъ, въ томъ числѣ генераль-адъютанта свѣтлѣйшаго князя А. А. Суворова, А. А. Татищева ¹⁾ (скончавшагося нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ званіи члена государственнаго совѣта) и др. При этомъ нельзя не помянуть добрымъ словомъ адъютанта его высочества, П. А. Козлова, который много содѣйствовалъ освѣдомленію цесаревича о настоящемъ положеніи продовольственнаго дѣла.

П. А. Валуевъ, продолжая поддерживать при большомъ дворѣ безошибочность своего донесенія, въ этотъ моментъ какъ бы боролся съ будущимъ императоромъ. Но по убѣжденію ли, по расчету ли, не могъ не разрѣшить созыва земскихъ собраній, словомъ, какъ бы отступилъ съ передовой позиціи. Однако онъ все еще крѣпко держался на мѣстѣ и послѣ частичнаго отступленія. Губернаторамъ было внушено слѣдовать его примѣру въ предѣлахъ ихъ власти. Новгородское губернское земское собраніе было разрѣшено, но, къ сожалѣнію, поздно—только поздней весной. Предположенія объ опасности голода выяснились въ собраніи неопровержимо. Оно работало день и ночь, сознавая, что каждый часъ промедленія могъ стоить жизни многимъ голодающимъ. Оно проектировало энергичныя мѣры для облегченія положенія несчастнаго населенія (о практическихъ сторонахъ этихъ мѣръ и объ отношеніяхъ по этому дѣлу между губернаторомъ и земствомъ мы будемъ когда-нибудь говорить въ другомъ очеркѣ). Согласно положенію о земскихъ учрежденіяхъ большинство мѣръ не могло быть приведено въ дѣйствіе безъ раз-

¹⁾ См. ниже, глава X.

рѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ. Слѣдовательно, прежде всего земству надо было обращаться къ министерству. Но разрѣшеніе министра нельзя было получить безъ одобренія постановленій собраній губернаторомъ. А намъ губернаторъ упорно отказывалъ въ своей санкціи,—какъ не безъ основанія полагали нѣкоторые,—руководясь конфиденціальными указаніями, если не самого Валуева, то его alter ego Макова. И, чтобы избѣжать непрерывныхъ настоятельныхъ посѣщеній земскихъ представителей, Лерхе удалился на дачу, подъ прикрытіе Юрьева монастыря.

Земское собраніе, просидѣвъ до глубокой ночи, вѣрнѣе, до утренней зари, въ томительномъ ожиданіи губернаторскаго отвѣта, выбрало уже депутацію для надлежащихъ ходатайствъ въ Петербургѣ. Депутаціи слѣдовало утромъ рано выѣхать, чтобы въ тотъ же день, добравшись до столицы, успѣть объѣхать всѣхъ, имѣющихъ надлежащую власть, для спасенія голодныхъ отъ лютой смерти. Нѣкоторые депутаты уже были въ дорожномъ платьѣ, а отъ Лерхе все не приходило отвѣта на сообщенныя ему постановленія собранія. «Если гора не идетъ къ Магомету, Магометъ двинется къ горѣ»; предложилъ А. Н. Качаловъ, и длинный рядъ наскоро запряженныхъ экипажей, попавшихся подъ руку извозчиковъ и лихихъ троекъ, уже готовыхъ для петербургской депутаціи ¹⁾, направился къ губернаторской дачѣ, гремя по варварской мостовой, для чего-то замѣнявшей мѣстами шоссе по дорогѣ, огибающей Ильмень, и съ грохотомъ подкатили къ чугунной рѣшеткѣ большого сада, окружавшаго роскошную дачу, когда-то выстроенную знаменитой графиней Орловой. Здѣсь когда-то гащивалъ Аракчеевъ, здѣсь бывалъ болѣе чѣмъ хозяиномъ другъ Аракчеева, архимандритъ Фотій, передъ которымъ благоговѣла дѣвственная старуха графиня. Теперь же тамъ мирно почивалъ Эдуардъ Васильевичъ Лерхе, который по своей природѣ мухи бы не могъ обидѣть, но благодаря бюрократическому упрямству котораго умирало въ губерніи не менѣе людей, чѣмъ полвѣка назадъ гибло отъ звѣрскихъ затѣй грузинскаго деспота.

Какъ перетрусилъ Лерхе отъ ночного нашествія въ его мирную обитель земства гуртомъ; какъ онъ безуспѣшно пытался не принять непрошенныхъ гостей; какъ эти гости, наконецъ, овладѣли имъ, убѣдили то лаской, то суровой логикой немедленно дать свое согласіе на постановленія,—мы описывать не будемъ. Важно то, что губернаторъ сдался; а сдавшись, впалъ въ горькое уныніе. Онъ чувствовалъ себя въ утломъ челнѣ между Сциллой и Харибдой. Думалъ ли въ это утро этотъ добросовѣстнѣйшій изъ губернаторовъ объ ужасахъ голода въ предѣлахъ ввѣренной ему губерніи, или просто чувствовалъ себя межъ двухъ огней, трудно сказать. А огни были

¹⁾ Новгородско-чудовской узколейки тогда еще не существовало

опасные. Съ одной стороны министерство, а съ другой—такіе, напримеръ, земскіе гласные, какъ А. А. Суворовъ, который часто играетъ въ карты съ государемъ и запросто пьетъ чай у императрицы Маріи Александровны; какъ А. А. Татищевъ, имѣющій въ высшемъ и родовомъ дворянствѣ и бюрократическихъ сферахъ огромныя связи, да еще состояніе, позволяющее до отвала кормить тончайшими обѣдами любого сановника, чтобъ побудить его дѣйствовать въ пользу тѣмъ, кому нечего ѣсть; или какъ Н. А. Качаловъ, имѣющій доступъ къ цесаревичу; или сенаторъ князь М. Н. Шаховской и другіе, все благовоспитанные люди, не задумавшіеся, однако, забраться въ домъ начальника губерніи ночью. Не согласись Лерхе, то всѣ эти члены депутаціи, ѣдущей въ столицу, уже прямо на него будутъ жаловаться въ Петербургъ. Жаловаться не дальше, какъ сегодня, ибо уже солнце всходило надъ Рюриковымъ городищемъ. Согласившись же, онъ измѣнить указаніямъ своего кумира Петра Александровича; онъ своей шкурой рискнетъ и можетъ даже навредить самому министру. А честный нѣмецъ былъ къ Валуву искренно привязанъ, даже помимо своего служебнаго подчиненія.

Однако, подъ давленіемъ вѣжливыхъ, но настоятельныхъ убѣжденій своихъ гостей, онъ согласился подписать, что требовалось. Экипажи загремѣли по мостовой обратно; и лица, избранныя земскимъ собраніемъ ходоками, немедленно умчались въ столицу. Депутація успѣла прибыть туда послѣ полудня, когда еще вліятельные главари администраціи были при дѣлѣ. Ходатайства, конечно, не безъ затрудненій и большихъ хлопотъ были удовлетворены благодаря почти исключительно вліянію наслѣдника цесаревича (впослѣдствіи императора Александра III) и частію, болѣе или менѣе, вѣскихъ лицъ Аничковскаго дворца.

Но наше земство получило хоть нѣкоторую возможность спасти отъ голода значительную часть населенія сѣверныхъ уѣздовъ. Мы не вдаемся въ подробности о принятыхъ мѣрахъ, о поучительной исторіи ихъ практическаго примѣненія. Ограничимся здѣсь только штрихами, обрисовывающими дальнѣйшее отношеніе къ дѣлу начальниковъ губерніи типа Эдуарда Васильевича Лерхе.

Валуевъ былъ смущенъ. Въ сущности, онъ былъ виноватъ только въ томъ, что довѣрился губернаторскимъ отчетамъ объ урожаѣ и позволилъ себѣ доложить ихъ безъ надлежащей провѣрки государю. Однако изъ другихъ губерній появлялись тяжелыя вѣсти, подобныя новгородскимъ; налицо голода (какъ говорили при дворѣ наслѣдника) или недорода (какъ выражались при большомъ дворѣ и въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ) стало осязательно.

Александръ II, какъ извѣстно, назначилъ комиссію, въ просторѣчій окрещенную «о голодающихъ», подъ предсѣдательствомъ цесаревича для изслѣдованія размѣровъ голода и пособія голодающимъ во всей имперіи. Къ работамъ комиссіи были привлечены

земскіе дѣятели голодающихъ губерній. Между прочимъ отъ Новгородской тогдашній предсѣдатель мѣстной губернской земской управы Н. А. Качаловъ, ранѣе извѣстный августѣйшему предсѣдателю и великому князю Владимиру Александровичу, какъ энергичный и рѣдко практический человѣкъ. Комиссія немедленно приняла рядъ спасительныхъ мѣръ: существованіе голода стало еще явственнѣе. Валуевъ былъ вынужденъ просить объ увольненіи его отъ должности министра внутреннихъ дѣлъ и былъ уволенъ.

Какъ относились ко всему этому губернаторы извѣстнаго типа, истинные виновники (если не считать станovýchъ и сотскихъ) трагическаго бѣдствія?

Э. В. Лерхе, повторяемъ, былъ честенъ, имѣлъ доброе сердце и заботился о семьѣ, которую могъ обезпечить единственно служебнымъ путемъ. Понятно, что для него паденіе Валуева казалось катастрофой. Къ тому же онъ на Валуева привыкъ смотрѣть, какъ католики на папу: признавая его непогрѣшимымъ. Невзирая на прирожденную чиновническую робость и инстинктивное проникновеніе бюрократическимъ принципомъ: *le ministre est tombé mort, vive le ministre*, Лерхе доходилъ до того, что, хотя, правда, шопотомъ, въ интимныхъ только разговорахъ съ близкими знакомыми, говаривалъ: «Петръ Александровичъ пострадалъ безъ вины. Повѣрьте, этотъ великій (sic) государственный человѣкъ вновь возвысится». (Это предсказаніе оправдалось отчасти; черезъ немного лѣтъ Петръ Александровичъ былъ назначенъ министромъ государственныхъ имуществъ). Лерхе еще смѣлѣе сталъ выражать свои мысли (онъ оставался вѣренъ не только своему принципалу, но и отрицанію послѣднимъ голода); когда убѣдился, что новый министръ Тимашевъ не только не смѣняетъ креатуръ своего предшественника, но относится къ голодному вопросу почти равнодушно.

Какъ глядѣлъ на вопросъ о голодѣ Тимашевъ, не знаемъ. Но, очутившись, нѣкоторымъ образомъ, между двухъ огней, онъ, съ одной стороны, не осмѣливался оппонировать комиссіи цесаревича «о голодающихъ»; практически содѣйствовалъ (въ предѣлахъ компетенціи своего министерства) осуществленію предначертаній этой комиссіи, а съ другой стороны, ради охраненія спокойствія государя, сохраненія добраго къ себѣ отношенія при большомъ дворѣ, поддерживалъ мнѣніе, что собственно голода нѣтъ, но есть довольно серьезный недородъ и помочь нѣкоторой части населенія необходимо. Такой же системы, разумѣется, держался губернаторъ Лерхе. Но иногда, увлекаясь воспоминаніями о Валуевѣ, попадалъ въ положенія комичныя, даже при трагическихъ обстоятельствахъ.

IX.

Разговоръ губернатора съ волостными старшинами о голодѣ. — Цензура въ выраженіи: «ознаменовался голодомъ». — Губернаторская просьба.—Губернаторское упрямство и земская тактика: «За здравіе его императорскаго высочества государя цесаревича».

Эдуардъ Васильевичъ вынужденъ былъ практически сдаться по вопросу о голодѣ, т. е. содѣйствовать земству по принятію мѣръ противъ бѣдствія, но все-таки онъ при всякой возможности отводилъ душу, хотя бы теоретически отвергая его. Въ первое время это дѣлалось, насколько его нравъ позволялъ, настойчиво и открыто. Впослѣдствіи же, когда комиссія цесаревича стала дѣйствовать настойчивѣе, очень осторожно, келейно.

Вотъ примѣры его цѣпкости, впрочемъ, уже невинной, очень наивной, хотя и весьма характерной. Осенью того же года, когда представители земства поступили съ нимъ обратно словамъ извѣстнаго фетовскаго романа: «На зарѣ ты ее не буди, Лерхе объѣзжалъ губернію; ревизовалъ. Въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, гдѣ я служилъ предводителемъ дворянства, губернаторъ въ моемъ домѣ принималъ волостныхъ старшинъ, созданныхъ со всѣхъ концовъ уѣзда. Онъ первымъ дѣломъ запросилъ ихъ: «Быль ли у васъ голодъ?»—и спросилъ это такимъ строгимъ тономъ, какъ будто голодъ не смѣлъ существовать. Старшины, съѣхавшіеся изъ «тьмы лѣсовъ, изъ топи благи», представлявшіе себѣ (если не всѣ, то многіе) губернаторовъ громовержцами, съ которыми смертные могутъ разговаривать, только преклоня колѣни, оробѣли. Языкъ ихъ прилипъ къ гортани. Тѣ же, что бойчѣе, осмѣлились доложить маленькому Зевсу на высокихъ каблукахъ, что, дескать, «большой голодъ былъ, ваше превосходительство».—«Что же отъ голода съ вами было?» спросилъ начальникъ губерніи, еще повысивъ голосъ. Кто и какъ могъ объяснить, что нечего было ѣсть, «животы подвело, изъ коры съ мякиной крещеные хлѣбъ пекли, да и мякины не хватило до лѣта, яровыя сѣмена къ веснѣ поѣдены были» и т. д. Кто-то довольно громко произнесъ: «Мѣрли, ваше превосходительство». Тогда губернаторъ, принявъ грозный видъ (что онъ обыкновенно совершалъ, поднимаясь на цыпочки и поднимая возможно выше свой красивый прямой носикъ), какъ бы наступая на старшинъ, спросилъ: «Говорите мнѣ, отчего же люди мѣрли?» Двое старшинъ со страху опустили на колѣни. Изъ остальныхъ онъ не безъ труда, поддѣлывая свою рѣчь на народный ладъ, вытянулъ, что «дескать, ваше превосходительство, горячки, поносы, лихоманки; а то и такъ просто пухли. Кто ихъ знаетъ... отъ Бога».

— Да отъ голоду-то, отъ голоду, собственно отъ голоду—умеръ кто-нибудь?—произнесъ добрѣйшій Эдуардъ Васильевичъ съ до-

ступной ему грозностью, не умѣя схватить непосредственной связи перечисленныхъ болѣзней съ отсутствіемъ питанія.

Смѣлѣйшіе изъ старшинъ опѣшили. Какая-то непосредственная натура, понявшая требованіе начальства шиворотъ на выворотъ, послѣдила скороговоркой заявить: «всѣ съ голоду; съ голоду; батюшка, переболѣли; и мѣрли съ голоду». Но тутъ его превосходительство настойчиво выразилъ увѣренность, даже требованіе, чтобы умершихъ отъ голоду не было. Да и голоду совѣмъ не было... развѣ, что недородъ. Даже смысленнѣйшіе и смѣлѣйшіе изъ народныхъ избранниковъ послѣдили совершенно успокоить его по обоимъ пунктамъ: разговоръ свелся на столь сладостное начальству: все обстоитъ благополучно...

Когда мы вернулись въ мой кабинетъ, Эдуардъ Васильевичъ, торжествуя, обратился ко мнѣ: «Видите, Н. Н., умирали отъ горячекъ, поносовъ... а съ голоду никто не умиралъ. А земство подняло такую тревогу». Я ему напомнилъ о комиссіи, работающей по высочайшему повелѣнію подъ предсѣдательствомъ цесаревича... Это было единственное средство избавиться отъ его длинныхъ, ни къ чему не ведущихъ тирадъ. Онъ ограничился только тѣмъ, что развелъ своими маленькими ручками. Однако въ душѣ остался непоколебимъ, въ чемъ я и убѣдился года три спустя, когда слѣды голода были почти заглажены.

Тогда я уже былъ предсѣдателемъ губернской земской управы. Дѣло было передъ самымъ съѣздомъ очередного декабрьскаго губернскаго собранія. Я самъ писалъ докладъ о народномъ продовольствіи. Докладъ этотъ, уже принятый управой, былъ отиравленъ на губернаторскую цензуру, безъ которой земство не имѣло законнаго права ничего печатать ¹⁾).

Рано утромъ, не было еще девяти часовъ, ко мнѣ зашелъ («съ гигиенической прогулки», какъ онъ объяснилъ) Э. В. Лерхе. Я былъ нѣсколько изумленъ такимъ несвоевременнымъ визитомъ. Оказалось, что онъ имѣлъ до меня просьбу: «чтобы я измѣнилъ въ моемъ докладѣ «о народномъ продовольствіи» два слова.

А именно. Невзирая на то, что надѣлавшій хлопотъ Лерхе, а Валуеву стоившій мѣста голодъ составлялъ уже нѣкоторымъ образомъ достояніе исторіи, слѣды его были еще не вполне сглажены, и я упомянулъ въ докладѣ о немъ, употребивъ выраженіе: «1868 годъ, ознаменовавшійся голодомъ...» Эта фраза напомнила Эдуарду Васильевичу его борьбу съ «идеями» о голодѣ и глубоко его огорчила. Онъ пришелъ просить меня (видите, какъ деликатно въ тѣ времена администрація, впрочемъ, по духу, если не буквѣ, закона, обращалась съ земствомъ), чтобы я: 1) слово «голодъ» замѣнилъ словомъ «недородъ» и 2) приискалъ какое-нибудь болѣе подходящее выра-

¹⁾ Писанные доклады управы могли прямо представлять собраніямъ.

женіе вмѣсто «ознаменовавшійся». Потому, объяснилъ мнѣ мой ранній гость, что слово «ознаменовать» подразумѣваетъ нѣчто хорошее, возвышенное; а «недородъ» хлѣба, хотя и довольно обычное, къ сожалѣнію, явленіе, все-таки нежелательное.

Я, конечно, исполнилъ его желаніе, ибо оно сути дѣла въ это время уже не измѣняло, а, благодаря мягкому характеру губернатора, устраняло его придирчивость по другимъ земскимъ дѣламъ, стоявшимъ на очереди.

Въ немъ при всей простотѣ его ума, при всемъ желаніи прослыть непреклоннымъ было нѣчто ребяческое. На него сердиться даже было трудно. Если онъ самъ говорилъ сердито, взвинчивая себя, рѣчи, могущія обратиться во вредъ общественному дѣлу, которое было близко земскому сердцу, то надо было предоставить ему отвести душу, а затѣмъ, улучивъ минутку по возможности *tête à tête*, во всякомъ случаѣ въ отсутствіи лицъ, передъ которыми и подъ вліяніемъ которыхъ онъ становился на офиціозно опасный путь, можно было противорѣчить сколько угодно, академически и мало-по-малу довести его до требуемаго въ данномъ общественномъ вопросѣ или дѣлѣ, рѣшенія. Полезно было доказать ему, что, поступивъ такъ, какъ вамъ самимъ желательно, онъ поступитъ по своей, а не по вашей инициативѣ. А главное, ужъ тутъ приходилось по-іезуитски кривить душой ради общественныхъ интересовъ, увѣрять, что онъ, начальникъ губерніи, явится благодѣтелемъ «ввѣреннаго его попеченію» населенія.

Только надо было ковать желѣзо, покуда горячо, т. е. закрѣплять по возможности практически результаты его новаго взгляда прежде, чѣмъ ваше вліяніе, подобно пуху, будетъ свѣяно кѣмъ-либо, не сочувствующимъ сей новой постановкѣ дѣла. Такъ съ нимъ поступали тогдашніе общественные дѣятели, земцы, предводители, предсѣдатели. Особенно ловко примѣнялъ эту систему Н. А. Качаловъ, предсѣдатель губернской земской управы (потомъ директоръ департамента таможенныхъ сборовъ). Честолюбіе Эдуарда Васильевича было тоже ребяческое. Онъ любилъ атрибуты своего главенства—вещественные знаки невещественныхъ достоинствъ, но любилъ не по отношенію къ сути дѣла.

То, что называется честолюбіемъ у другихъ, у него выходило комично. Напримѣръ, онъ былъ назначенъ губернаторомъ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, когда не имѣлъ еще звѣзды. (Впослѣдствіи, пробывъ чуть не 20 лѣтъ на мѣстѣ, онъ всѣхъ надлежащихъ наградъ дослужился). Когда въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ всѣмъ служащимъ по выборамъ и на государственныхъ должностяхъ лицамъ, имѣвшимъ касательство къ приведенію въ дѣйствіе положенія 19-го февраля 1861 года, были пожалованы для ношенія на груди красивые серебряные, довольно крупные значки (нѣкоторыми остроумцами называемые «колесомъ»), имѣ-

ющіе нѣкоторое подобіе звѣзды, Лерхе въ тотъ же день, когда получили значокъ, обѣдалъ въ одномъ знакомомъ семействѣ. Изъ-подъ лѣваго лацкана его фрака выглядывало что-то лучистое. Его поздравляли съ получениемъ звѣзды. И я видѣлъ по его лицу, какъ ему было трудно сознаться, что это—не звѣзда, а только невинный, хотя и очень почетный значокъ.

Но когда, нѣсколько лѣтъ спустя, Лерхе, уже носившій настоящую звѣзду, получилъ тайнаго совѣтника, и лица, плохо знакомыя съ табелью о рангахъ (или нарочно въ данномъ случаѣ ошибавшіяся), величали его «высокопревосходительствомъ», то Эдуардъ Васильевичъ, невзирая на природную правдивость, не опровергалъ никого, хотя (къ чести его надо сказать) и краснѣлъ легонько при этомъ нелегальномъ умалчиваніи.

Вотъ еще одинъ изъ многочисленныхъ анекдотовъ, характеризующихъ до нѣкоторой степени будничныхъ губернаторовъ того времени.

Однажды въ нашемъ новгородскомъ театрѣ пріѣзжая драматическая труппа давала представленіе. Конечно, на первомъ представленіи былъ tout Novgorod; и, конечно, въ своей привилегированной ложѣ бельэтажа былъ губернаторъ съ семьей. Деревянный театръ этотъ былъ мало чѣмъ лучше посредственнаго балагана (по крайней мѣрѣ въ архитектурномъ отношеніи). И какъ за предѣлами зала можно было слышать нерѣдко голоса актеровъ, такъ и въ самомъ залѣ можно было слышать голоса говорившихъ громко за предѣлами его. Но, благодаря полицеймейстеру, сидѣвшему въ первомъ ряду и его агентамъ въ коридорахъ, въ присутствіи начальника губерніи послѣднее явленіе никогда не имѣло мѣста. Однако въ данный вечеръ изъ буфета долетали въ залу не только шумные разговоры, но возбужденные (или восторженные—трудно было разобрать) возгласы. Эдуардъ Васильевичъ послалъ полицеймейстера справиться о причинѣ, нарушающей благочиніе, и возстановить порядокъ. Полицеймейстеръ, вернувшись изъ буфета, доложилъ начальнику, что тамъ собрались купцы, болѣе или менѣе молодые, что между прочимъ тамъ сидитъ извѣстный кутила и шутникъ Б.—купецъ зрѣлыхъ лѣтъ; всѣ эти господа немного подъ шафе. Б. ихъ смѣшить. Однако больше они шумѣть не будутъ, какъ обѣщали полицеймейстеру. Лерхе успокоился; однако черезъ нѣсколько минутъ шумъ и возгласы возобновились. Негодующій губернаторъ рѣшилъ задать кутиламъ острастку. Маленькими поспѣшными шагами онъ прослѣдовалъ въ буфетъ. За нимъ шелъ, слегка бряцающій саблей, полицеймейстеръ, а за полицеймейстеромъ кварталный. Поспѣшно войдя въ небольшую буфетную комнату, наполненную облаками табачнаго дыма, Эдуардъ Васильевичъ протянулъ руку къ столику, за которымъ, подъ предѣтельствомъ чернобородаго массивнаго Б., пировали купчики, и раскрылъ было ротъ, чтобы

произнести выговоръ. Но передъ нимъ мгновенно появилась почтительно склоненная фигура Б., всегда добродушно и чутьчку иронически улыбавагося. Его собутыльники тоже встали. Б. вкрадчиво произнесъ:

— Ваше превосходительство, не откажитесь откушать (злѣй указаль на подносъ съ бокалами шампанскаго, который держаль словно выросшій изъ земли половой), соблаговолите провозгласить тостъ за здравіе его императорскаго высочества государя наслѣдника цесаревича Александра Александровича!.. Сегодня день его рожденія».

Лерхе взялъ бокаль... И, вмѣсто выговора, провозгласилъ тостъ за августѣйшаго новорожденнаго. Онъ вынужденъ былъ смущенно, не смѣло, но крикнуть три раза: «ура!» А за нимъ кричали ура, уже не смущенно и смѣло, все присутствующіе и полицеймейстеръ тоже.

Н. Н. Фирсовъ (Л. Рускинъ)

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

МАЛЕНЬКАЯ ПОЛЬСКАЯ ГРАФИНЯ И МАЛЕНЬКАЯ РУССКАЯ КНЯЖНА.

ВЪ БѢГЛЫХЪ отрывкахъ личныхъ интимныхъ воспоминаній не можетъ, конечно, быть рѣчи о болѣе или менѣе точной оцѣнкѣ личности и характера того или другого историческаго лица.

Оцѣнка эта—дѣло исторіи, частныя же записки могутъ только передать потомству все видѣнное и слышанное, и отъ нихъ требуется единственно несомнѣнная и неукоснительная правда всего сообщаемаго. Дѣло свидѣтеля—подробно разсказать то, что онъ видѣлъ или что почерпнулъ изъ вполне достовѣрнаго источника, оцѣнка же историческаго значенія того или другаго факта въ его компетенцію не входитъ.

Мало встрѣчается въ исторіи личностей, мнѣнія о которыхъ дѣлились бы такъ рѣзко и такъ діаметрально противорѣчили одинъ другому, какъ личность императора Николая Павловича, и мнѣ кажется, что источникомъ этого является та раздвоенность характера, которая была присуща этому государю.

Видѣнный близко и оцѣненный вполне безпристрастно характеръ Николая Павловича является полнымъ самыхъ рѣзкихъ противорѣчій, самыхъ діаметральныхъ противоположенстей. Рядомъ съ рѣзкими и крайне несимпатичными чертами въ характерѣ этого государя встрѣчаются такіе мягкіе нюансы, такія нѣжныя черты, что не знаешь, чему вѣрить и на чемъ останавливаться?..

Передамъ здѣсь нѣсколько анекдотическихъ разсказовъ, за достовѣрность которыхъ я вполне ручаюсь. Выводъ предоставляю на судъ читателя.

Извѣстно всѣмъ, какъ сильно не любилъ Николай I все польское, какъ онъ не вѣрилъ полякамъ и какъ неохотно входилъ въ сношенія со всѣмъ, что носило на себѣ польскій характеръ, но немногіе, вѣроятно, знаютъ, что эта рѣзко выраженная антипатія распространялась не только на женщинъ, но и на дѣтей, и что польскій ребенокъ былъ такъ же антипатиченъ государю, горячо любившему дѣтей вообще, какъ и взрослый, вполне правоспособный полякъ съ рѣзко установившимися мнѣніями и убѣжденіями.

Мнѣ, какъ воспитанницѣ Смольнаго монастыря и личной пансіонеркѣ государя, все это было и памятно и замѣтно болѣе, нежели кому бы то ни было.

Не было случая, чтобы государь, очень милостиво относившійся всегда къ воспитанницамъ Смольнаго, когда-нибудь сознательно пошутить съ полькой или продолжалъ милостиво начатый разговоръ, когда узнавалъ, что разговариваетъ съ дѣвочкой этой антипатичной ему національности.

Всѣ, кто помнитъ Николая Павловича, подтвердятъ, что, услыхавъ польскую фамилію, государь моментально прерывалъ свой милостивый разговоръ и отходилъ, не бросивъ даже взгляда на растерянную воспитанницу, такъ своеобразно вызвавшую его царскій гнѣвъ. Въ силу этой всѣмъ хорошо извѣстной и всѣмъ равно памятной особенності нижеслѣдующій разсказъ можетъ имѣть свое историческое значеніе.

Николай Павловичъ, какъ извѣстно, имѣлъ привычку ежедневно во всякую погоду прогуливаться по Дворцовой набережной, и всѣ, кому приходилось по дѣламъ службы проходить по той же набережной между 9 и 10 часами, заранѣе знали, что они обязательно встрѣтятъ императора.

Выходилъ государь на прогулку въ 9 часовъ ровно и, смотря по погодѣ, прогуливался часъ или полтора, послѣ чего возвращался во дворецъ и вновь принимался за прерванныя прогулкой занятія.

Въ одну изъ такихъ его прогулокъ, ранней весною, вскорѣ послѣ польскаго мятежа, государь, направляясь вдоль набережной, увидалъ двоихъ дѣтей, осторожно пробиравшихся по скользкому тротуару прямо ему навстрѣчу.

Это были мальчикъ и дѣвочка, изъ которыхъ первый, на видъ лѣтъ 10 или 11, велъ за ручку дѣвочку, значительно меньше его, блѣдную и тщедушную. Мальчикъ шелъ быстро и рѣшительно, дѣвочка, напротивъ, видимо, робѣла и едва поспѣвала за братомъ, почти тащившимъ ее за собою. Погода стояла сиверкая, холодная, и дѣти, одѣтыя хотя и чисто, но очень небогато, видимо, продрогли.

Государь шелъ обычнымъ своимъ крупнымъ и довольно быстрымъ шагомъ...

Мальчикъ старался не уступать ему ни въ быстротѣ, ни въ рѣшимости. И императоръ, и оригинальная пара шли по довольно узкому тротуару и имъ, очевидно, предстояло почти столкнуться.

Такъ и вышло...

Дѣти почти въ упоръ подошли къ государю, и мальчикъ, остановившись передъ нимъ, смѣло и рѣшительно спросилъ его:

— Вы русскій императоръ?

— Да! — отвѣтилъ государь, сильно озадаченный такимъ рѣшительнымъ вопросомъ.

— Я къ вамъ! — попрежнему смѣло, чуть не дерзко, продолжалъ оригинальный мальчикъ. — Возьмите насъ, намъ идти некуда!..

— Кто ты такой? — спросилъ государь, самъ очень смѣлый и рѣшительный, но въ другихъ не любившій особо рѣзко выраженной смѣлости.

— Я — графъ Коловратъ-Червинскій! — гордо отвѣтилъ мальчикъ: — а это моя сестра! Вы казнили нашего отца... вы взяли всѣ наши имѣнія... мать наша умерла отъ горя и бѣдности... У насъ никого и ничего не осталось! Возьмите насъ!

— Кто тебя послалъ? — спросилъ императоръ, грозно нахмуривая брови.

— Никто не посылалъ меня! Я самъ пришелъ! — смѣло и гордо отвѣтилъ мальчикъ.

Николай Павловичъ остановился на минуту въ раздумьѣ и, сказавъ затѣмъ: «идите за мной», направился во дворецъ.

Тамъ дѣтей прежде всего накормили сытнымъ завтракомъ, причемъ съ аппетитомъ кушала только маленькая дѣвочка. Что же касается ея брата и защитника, то онъ едва притрагивался къ угощенію, сказавъ, что онъ сытъ.

Государь тѣмъ временемъ передалъ все императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ, которая была само милосердіе и сама нѣжность. Она глубоко заинтересовалась дѣтьми и настояла на томъ, чтобы судьба маленькихъ сиротъ была въ тотъ же день исполнѣ обезпечена.

Послѣ нѣкоторыхъ предварительныхъ разспросовъ, изъ которыхъ, впрочемъ, удалось очень мало узнать, мальчикъ былъ отвезенъ въ кадетскій корпусъ, а дѣвочка препровождена въ Смольный монастырь, гдѣ и была немедленно зачислена пансіонеркой государыни императрицы.

Изъ свѣдѣній, съ трудомъ добытыхъ отъ мальчика, видимо, не желавшаго отвѣчать на предлагаемые ему вопросы, удалось узнать только, что отецъ его, въ званіи камергера польскаго двора, былъ казненъ въ Варшавѣ, что всѣ ихъ богатые имѣнія были конфискованы, а мать ихъ, почти ослѣпшая отъ слезъ, умерла въ бѣдной обстановкѣ, не оставивъ имъ ровно ничего. Въ Петербургъ ихъ привезъ бывшій камердинеръ ихъ отца на деньги, собранныя

ихъ прежними знакомыми, и, перепочевавъ съ ними на одномъ изъ постоянныхъ дворовъ, котораго мальчикъ не умѣлъ ни назвать, ни указать, распростился съ ними на другой же день и уѣхалъ обратно въ Польшу, по куда именно, мальчикъ не зналъ или не хотѣлъ сказать.

Идеи итти къ государю мальчику, по его словамъ, никто положительно не внушалъ. Ему сказали только, что все взялъ у нихъ русскій царь, и онъ самъ догадался и понялъ, что кто взялъ, тотъ и отдать долженъ, къ тому и итти надо!..

— Я не за чужимъ пришелъ, а за своимъ!.. — смѣло и почти враждебно отвѣтилъ маленькій графъ, прямо глядя въ глаза допрашивавшимъ его лицамъ.

Императоръ, которому весь разговоръ съ ребенкомъ былъ переданъ отъ слова до слова, выслушалъ рассказъ этотъ съ нескрываемымъ гнѣвомъ но на дальнѣйшую судьбу дѣтей этотъ гнѣвъ не повліялъ, и черезъ два или три дня послѣ ихъ водворенія въ указанныя государемъ учебныя заведенія дѣти въ полной формѣ стояли уже въ рядахъ казенныхъ воспитанниковъ, вполне равноправныя съ дѣтьми русскихъ родовитыхъ дворянъ...

Графиню Розалію я живо помню... Она была однимъ классомъ старше меня, такъ какъ пріемы и выпуски изъ Смольнаго въ то время производились всякіе три года. Это была очень стройная, но очень некрасивая блондинка, съ холоднымъ, худощавымъ лицомъ и большими, какъ-то особенно равнодушными и безстрастными, сѣрыми глазами. Училась она не хорошо и не дурно; ни съ кѣмъ изъ подругъ своихъ особенно дружна не была и вообще никого, кромѣ брата, не любила.

Ее тоже никто особенно горячо не любилъ, и жизнь ея въ стѣнахъ Смольнаго монастыря протекала какъ-то исключительно тихо и монотонно, озаряемая только аккуратными посѣщеніями брата-кадета, неукоснительно являвшагося на свиданіе съ сестрой во всѣ пріемные дни, совпадавшіе съ праздниками и съ отпускомъ его изъ корпуса.

Мальчикъ, какъ старшій, окончилъ курсъ наукъ раньше сестры и былъ произведенъ въ офицеры, когда графиня Розалія еще только переходила въ старшій классъ. Онъ вышелъ въ одинъ изъ армейскихъ полковъ и уѣхалъ, надолго простившись съ сестрой.

На экипировку свою онъ получилъ деньги отъ казны, причемъ, по словамъ его сестры, ему обѣщано было, что при первой открывшейся вакансіи онъ будетъ переведенъ въ гвардію. Было ли исполнено это обѣщаніе, или нѣтъ, я въ точности не знаю, помню только, что онъ долго не появлялся въ пріемномъ залѣ Смольнаго монастыря и что одинокая жизнь молодой графини сдѣлалась еще скучнѣе и еще сосредоточеннѣе.

Въ отсутствіе брата, съ переходомъ Розаліи въ старшій классъ, ее въ пріемные дни стала навѣщать только что выпущенная изъ Смольнаго молодая дѣвушка Петрашевская, сестра извѣстнаго въ послѣдствіи революціоннаго вожака поляка Петрашевскаго, въ дѣятельности котораго, по распространившимся между нами слухамъ, она принимала дѣятельное участіе еще въ бытность свою въ Смольномъ, переписывая приносимыя имъ бумаги. Бумагъ этихъ никто изъ насъ лично не видалъ, и, насколько правдива эта послѣдняя версія, сказать трудно.

За правдивость ея говорить то, что въ первый пріѣздъ въ Смольный императора Николая послѣ событій 1848 года онъ, сдвинувъ свои густыя брови, коротко и внушительно спросилъ:

— Въ чьемъ классѣ п дортуарѣ выросла только что выпущенная изъ института воспитанница Петрашевская?—и, обратившись къ указаннымъ ему лицамъ, коротко замѣтилъ:

— Не поздравляю васъ съ такой воспитанницей!

О привлеченіи Петрашевской къ отвѣтственности по дѣлу брата одно время говорили, но слуху этому врядъ ли можно было давать серьезную вѣру, тѣмъ болѣе, что за все время суда и слѣдствія, за которымъ мы, несмотря на нашъ сравнительно юный возрастъ, очень зорко слѣдили, Петрашевская не прекращала своихъ посѣщеній и постоянно видалась съ Червинской.

Полагаю, что черезъ нее именно проникали къ намъ въ Смольный такія подробности политическаго процесса, какихъ намъ, помимо этого источника, взять было неоткуда. Такъ, напримѣръ, относительно самаго дня, назначеннаго для приведенія въ исполненіе смертнаго приговора, произнесеннаго надъ виновными, въ памяти моей сохранились очень характерныя подробности, которыя никакъ не могли быть плодомъ дѣтскаго измышленія, а навѣрное проникли къ намъ извпѣ, и притомъ изъ очень хорошо освѣдомленнаго источника.

Согласно этой интересной версіи, Петрашевскій съ первой минуты ареста отличался необычайнымъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ, не оставлявшими его даже у позорнаго столба, къ которому осужденные были выставлены съ опущенными на ихъ глаза капюшонами савановъ. Онъ наотрѣзъ отказывался отъ дачи показаній, никого изъ сообщниковъ не выдалъ и съ смѣлымъ и открытымъ осужденіемъ относился къ тѣмъ изъ своихъ товарищей и единомышленниковъ, которые выказывали признаки робости или раскаянія.

— Это моя вѣра, и я ее громко исповѣдаю!..—сказалъ будто бы онъ на допросѣ при прочтеніи ему революціоннаго катехизиса, имъ же, по слухамъ, и сложеннаго.

Въ день, назначенный для казни, Петрашевскій ни на одну минуту не измѣнилъ себѣ, не выказалъ ни малѣйшаго признака робости

и подошелъ къ позорному столбу ровной и спокойной походкой. Отъ предложенія исповѣдаться передъ смертью Петрашевскій наотрѣвъ отказался, какъ равно отказался и отъ увѣщаній ксендза, подошедшаго къ нему послѣ прочтенія конфирмованнаго приговора. На предложеніе выразить посмертную волю свою Петрашевскій, будто бы, отвѣчалъ, что Россіи онъ желаетъ прозрѣть, родной ему Польшѣ желаетъ сбросить съ плечъ своихъ иго русскаго тиранства, а завѣщать никому ничего не можетъ, потому что у него ровно ничего въ мірѣ нѣтъ.

— Могу только развѣ родной Польшѣ завѣщать мое сердце... да князю Голицыну мои кишки!—будто бы громко произнесъ Петрашевскій, стоя у позорнаго столба. Не насколько все это справедливо, я сказать не берусь. Повторяю же это какъ характерное доказательство степени политическаго развитія дѣтей въ то далекое отъ насъ время.

Вѣдь повторялось все это среди общества маленькихъ дѣвочекъ отъ 13-ти до 15-лѣтняго возраста и притомъ дѣвочекъ, принадлежавшихъ исключительно къ старымъ дворянскимъ фамиліямъ, занесеннымъ въ Бархатную книгу.

Свидѣтельствуя о строгой истинѣ всего сказаннаго, я обращаю вниманіе читателей настоящихъ воспоминаній на то, какъ все это далеко отъ той легендарной наивности, какою, по разъ навсегда укоренившейся привычкѣ, стараются снабдить институтокъ старыхъ временъ.

Смѣю увѣрить всѣхъ тѣхъ, кто убѣжденъ въ этой небывалой наивности, что ею были заражены только тѣ, кто отъ вѣка былъ осужденъ на олицетвореніе глухой наивности, и что институтское воспитаніе тутъ ровно ни при чемъ. Ровно ничего не понимать можно при всякомъ въ мірѣ воспитаніи... Это зависитъ отъ степени природнаго предрасположенія къ непониманію!...

Въ числѣ осужденныхъ и приговоренныхъ къ смертной казни былъ нѣкто Кашкинъ, очень еще молодой человекъ, едва достигнувшій совершеннолѣтія, и котораго всѣ мы знали еще въ привольскомъ мундирѣ. Какимъ образомъ этотъ скромный и не особенно далекій мальчикъ могъ попасть въ такое серьезное дѣло, было намъ всѣмъ совершенно непонятно. Намъ передавали, что въ Петропавловской крѣпости, гдѣ онъ содержался, онъ по цѣлымъ днямъ разливался горькими слезами и выражалъ самое горячее раскаяніе, что не помѣшало ему быть причисленнымъ къ первому разряду осужденныхъ и выслушать прочтеніе смертнаго приговора, отмѣненнаго въ послѣднюю минуту, передъ самымъ его исполненіемъ, тѣмъ оригинальнымъ порядкомъ, который отъ вѣка практиковался и практикуется въ подобныхъ случаяхъ.

Послѣ прочтенія смертнаго приговора, когда капюшоны савановъ были уже опущены на глаза осужденныхъ, въ окружающей

помощь толпѣ произошло внезапное движеніе... Вдали показался всадникъ, мчавшійся во весь карьеръ къ мѣсту совершенія казни и издали махавшій какой-то бумагой....

— Помилованіе!.. Помилованіе!.. безшумно разнеслось по наэлектризованной толпѣ....

Всѣ насторожились, и подскакавшій фельдъегерь, разомъ осадивъ взмыленную лошадь, подаль пакетъ, запечатанный государственной печатью.

Присутствовавшій при этомъ прокуроръ военного суда съ благоговѣйнымъ трепетомъ ознакомился съ содержаніемъ пакета...

Онъ громко произнесъ слова: «Высочайшее помилованіе»— и далъ знакъ снять съ осужденныхъ опущенные на лица ихъ кашпоны...

Изъ толпы грянуло громовое «ура»...

Двое изъ осужденныхъ перекрестились...

Осужденный Монъ-Трезоръ громко воскликнулъ: «Великодушіе есть отличительная черта русскаго государя!».

Эта фраза, натянутая и словно съ французскаго языка переведенная, вызвала ярый протестъ со стороны неугомоннаго Петрашевскаго.

— Молчи, дуракъ!—громко и отчетливо крикнулъ онъ, возбуждая въ присутствующихъ невольное сожалѣніе, что такая мощная нравственная сила была направлена противъ правительства, а не за него.

Кашкинъ громко зарыдалъ и былъ такъ потрясенъ, что потребовалась помощь доктора, чтобы привести его въ полное сознаніе.

Сильно взволнованы были и остальные подсудимые, что, строго говоря, не могло быть имъ поставлено въ особую вину, такъ какъ всѣ они, за исключеніемъ одного только Тимковскаго, были со-всѣмъ еще молодые люди.

Главѣ и вдохновителю всего этого рискованнаго дѣла Петрашевскому было съ небольшимъ 27 или 28 лѣтъ, Кашкину едва минуло 22 года, Монъ-Трезору не было 30 лѣтъ; все это роковое дѣло, такимъ образомъ, являлось плодомъ одного только увлеченія, а отнюдь не строго обдуманной злой воли...

Самый старшій изъ всѣхъ былъ Тимковскій, которому въ моментъ рокового исхода процесса было 39 лѣтъ. Замѣчательно, что въ моментъ осужденія Тимковскаго его родной братъ служилъ жандармскимъ полковникомъ въ Рязани. Этому Тимковскаго я впоследствии встрѣчала въ Рязани и могу засвидѣтельствовать, что это былъ самый гуманный и самый либеральный изъ всѣхъ жандармовъ Россійской имперіи. Такіе жандармы, какъ Тимковскій, способны были бы даже съ синимъ мундиромъ всѣхъ примирить.

Повторяю еще разъ, что всѣ вышеописанныя мною подробности составляли въ тотъ жгучій моментъ предметъ громаднaго интереса

и самыхъ оживленныхъ разговоровъ въ классахъ и дортуарахъ Смольнаго монастыря, что, какъ я полагаю, не могло оставаться неизвѣстнымъ институтскому начальству.

Откуда эти мельчайшія подробности и, главное, откуда этотъ живой интересъ... для меня навсегда осталось тайной!..

Возвращаясь къ исторіи Червинскихъ, не могу не упомянуть объ очень интересной и симпатичной подробности этой характерной странички изъ исторіи царствованія императора Николая I.

Такъ какъ большинство дѣтей, воспитывавшихся въ Смольномъ монастырѣ, принадлежало къ семьямъ вполне состоятельнымъ и болѣе или менѣе знатнымъ,—то понятно, что и отношенія этихъ семей къ дѣтямъ выражались въ широкомъ баловствѣ, въ тѣхъ предѣлахъ, конечно, какіе были возможны и доступны при условіяхъ той эпохи, когда двери заведенія оставались закрытыми для ребенка въ теченіе долгихъ девяти лѣтъ.

Ни на туалетъ дѣтей, ни на ихъ пріѣздъ и отъѣздъ изъ дома не приходилось родителямъ ровно ничего тратить, и понятно, что при такихъ условіяхъ не могло быть рѣчи объ отказѣ исполнять ихъ скромныя требованія, ограничивавшіяся покупкой сначала нарядныхъ куколъ и затѣйливыхъ игрушекъ, затѣмъ болѣе или менѣе прихотливыхъ пеналей и тетрадокъ, а въ старшемъ классѣ покупкой перчатокъ, духовъ и газовыхъ вуалей, допускавшихся какъ единственная варіація къ однообразному институтскому костюму.

Всѣмъ этимъ самые небогатые родители обильно снабжали дѣтей своихъ, и только рѣдкія изъ воспитанницъ, круглыя сироты, оказывались лишенными этой скромной дѣтской роскоши.

Маленькая графиня Червинская, съ первой минуты своего поступленія въ Смольный не имѣвшая, кромѣ маленькаго брата, никого близкаго или роднаго, тѣмъ не менѣе не знала никакихъ лишеній и на ряду съ самыми богатыми подругами своими получала въ маленькомъ классѣ самыя дорогія и затѣйливыя игрушки, впоследствии дорогія тетради и книги, а въ старшемъ классѣ во всѣ дни, предшествовавшіе казеннымъ баламъ, когда подраставшія уже воспитанницы озабочены были предстоявшими скромными отступленіями отъ казенной формы,—щегольскія перчатки и большіе флаконы дорогихъ заграничныхъ духовъ.

Все это присылалось и доставлялось ей молча, адресованное прямо на ея имя, безъ малѣйшаго упоминанія о томъ, кѣмъ и откуда все это присылается, а когда наступилъ моментъ выпуска изъ института и графинѣ Розаліи объявлено было, что она остается въ Смольномъ пепиньеркой еще на три года,—то къ Червинской, не имѣвшей никакихъ средствъ на экипировку, явились представительницы самыхъ дорогихъ магазиновъ для того, чтобы снять съ нея мѣрку на платья и прочіе наряды, причемъ ей представлены были образцы самыхъ лучшихъ и дорогихъ матерій на выборъ.

Здѣсь тоже имя благодѣтельной феи, такъ заботливо обдумывавшей все, что касалось бѣдной и безродной сироты, оставалось тайной для всѣхъ.

Знали только, что все оплачивалось дорогой цѣной, и только когда наканунѣ выпуска прислана была на имя графини Розаліи богатая, какъ бы свадебная, корзина, на днѣ которой подъ ворохомъ дорогихъ кружевъ и лентъ оказался съ трогательной заботливостью положенный католическій молитвенникъ, переплетенный въ черный бархатъ, съ серебрянымъ крестомъ наверху,—и сама молодая дѣвушка, и ближайшее начальство Смольнаго монастыря поняли источникъ этой нѣжной, неустанной долготѣной заботы... и узнали царски-щедрую и нѣжно-заботливую руку императрицы Александры Ѳеодоровны.

Не менѣе ясно сказалась ея великодушная поддержка и въ другомъ случаѣ изъ жизни графини Розаліи.

По разъ узаконенному обыкновенію, при выпускѣ печатается подробный списокъ всѣхъ воспитанницъ, съ обозначеніемъ именъ, фамилій и чиновъ или титуловъ ихъ отцовъ. Дошелъ чередъ до дочери казеннаго преступника, замѣшаннаго въ заговоръ противъ власти и особы государя. Начальство института поставлено было втупикъ.

Какъ поступить?.. И чьей дочерью назвать молодую дѣвушку, отецъ которой, лишенный всѣхъ правъ состоянія, окончилъ позорной смертью на висѣлицѣ?!

Тутъ опять въ дѣлѣ приняла участіе императрица Александра Ѳеодоровна. Она, всесильная надъ волей своего царственнаго супруга, смѣло пошла къ нему съ открытымъ листомъ, въ которомъ пропущено было спорное имя дочери казеннаго поляка,—и вышла изъ кабинета государя, держа въ рукахъ тотъ же листъ, на которомъ стояли собственноручно написанныя государемъ слова: «Графиня Розалія Александровна Коловратъ-Червинская, дочь умершаго камергера бывшаго двора польскаго».

Надо было знать характеръ и направленіе императора Николая I, чтобы понять все значеніе этихъ словъ, имъ самимъ начертанныхъ.

Кромѣ графини Розаліи, поступила въ мое время въ Смольный еще маленькая воспитанница, сама себя опредѣлившая; но это опредѣленіе состоялось при несравненно болѣе веселыхъ условіяхъ.

Императоръ Николай Павловичъ всегда и во всѣхъ своихъ резиденціяхъ любилъ вставать очень рано и подолгу гулять на свѣжемъ воздухѣ, не считаясь съ погодой. Особенно любилъ онъ Царскосельскій паркъ и въ бытность свою въ Царскомъ всегда совершалъ очень дальнія и продолжительныя прогулки по парку.

Однажды, когда онъ присѣлъ отдохнуть около одного изъ па-

вильоновъ, слухъ его поразилъ необыкновенно громкій и капризный голосъ ребенка, съ кѣмъ-то горячо спорившаго.

Всѣмъ извѣстна исключительная любовь государя къ дѣтямъ... Горячій дѣтскій споръ заинтересовалъ его, онъ всталъ и тихонько прокрадся, чтобы разглядѣть поближе, кто именно и о чемъ спорилъ.

На поворотѣ аллеи, въ сторонѣ отъ павильона, онъ увидалъ очень милостивую дѣвочку лѣтъ 8 или 9, съ веревочкой въ рукахъ, съ оживленнымъ, раскраснѣвшимися личикомъ и полными слезъ глазками. Она горячо спорила съ пожилой, просто одѣтой женщиной, видимо, горничной или простой русской няней, которая напрасно старалась ее въ чемъ-то убѣдить.

— Я сказала, что пойду, и пойду!..—кричалъ ребенокъ, топая маленькими, щегольски обутыми ножками.

— А я говорю, что нельзя!.. Вотъ я уже маменькѣ пожалуюсь!.. Что это на самомъ дѣлѣ такое?.. Никакого сладу съ вами нѣту!.. Силь моихъ недостаетъ!

Дѣвочка махнула рукой и, стряхнувъ съ глазъ остатокъ набѣгавшихъ слезъ, принялась ловко прыгать черезъ веревочку, направляясь въ сторону только что оставленнаго государемъ павильона. Въ нѣсколько бойкихъ и ловкихъ прыжковъ она очутилась прямо передъ государемъ. Она на минуту остановилась, а затѣмъ, сдѣлавъ ему учтивый книксенъ, рукой показала ему, чтобы онъ пропустилъ ее впередъ.

Государь, вмѣсто того, чтобы посторониться, широко раздвинулъ руки, какъ бы желая поймать маленькую шалунью.

— Пустите!..—отмахнулась она.—Вѣдь я вамъ сдѣлала книксенъ, чего вамъ еще надо?..

— Мнѣ надо, чтобы вы мнѣ дали ручку и сказали мнѣ, какъ васъ зовутъ?..

Дѣвочка разсмѣялась и, протянувъ ему руку, громко и отчетливо сказала, слегка и очень граціозно грассируя:

— Зовутъ меня княжна Лидія Владимировна Вадбольская, а называютъ меня всѣ Лили. Довольно съ васъ?..

— Нѣтъ, мало!..—разсмѣялся государь.—Я хочу знать, съ кѣмъ и о чемъ вы такъ ожесточенно спорили?

— Это старая няня Афимья!.. Она совсѣмъ несносная! По цѣлымъ днямъ ворчитъ и пристааетъ!.. Теперь вотъ я отъ нея ускакала и ей меня не поймать, тѣмъ болѣе, что она должна еще на ферму за молокомъ пройти... А мамѣ она на меня непременно нажалуется!.. Ужь она безъ этого не можетъ!..

— О чемъ же вы такъ ожесточенно спорили съ ней?

— Она не хотѣла меня сюда пускать... Увѣряетъ, что бѣда будетъ, ежели я здѣсь прыгать стану, потому что здѣсь иногда самъ государь гуляетъ!.. А по-моему, никакой тутъ нѣтъ бѣды!..

Онъ будетъ гулять, а я буду скакать!.. Что это ему помѣшать можетъ?.. Вѣрно вѣдь?..

— Совершенно вѣрно, княжна!.. Я даже увѣренъ, что императоръ очень радъ бы былъ посмотрѣть, какъ вы мило прыгаете!

— Ну, ужъ вотъ это вздоръ!..—покачала она своей кудрявой головкой.—Онъ, говорятъ, сердитый...

— Кто жъ это говоритъ?..—разсмѣялся государь.

— Всѣ!..—пожала малютка своими узенькими плечиками.— Всѣ его боятся! Да онъ и въ самомъ дѣлѣ недобрый... Я и сама это знаю!..

— Вы-то откуда же это знаете?!

— А онъ меня въ Смольный монастырь принять не хочетъ! Мама его просила, бумагу ему подавала... Большая такая бумага, и написана, точно напечатана! А ей и прислали отказъ. Какъ она, бѣдная, плакала! Вспомнить даже жалко! У нея ничего нѣтъ теперь... Прежде много всего было... когда папа былъ живъ... А теперь все ушло... Ужъ куда ушло... я не знаю... Няня говоритъ, что мама сама виновата... Да вѣдь у няни Афимьи всѣ виноваты! Она одна только всегда права!—Но денегъ у насъ совсѣмъ нѣтъ. Со-о-всѣмъ!.. Со-о-всѣмъ!..—протянула она грустнымъ тономъ.—Только то, что баронъ дастъ...

— Какой баронъ?

— Нашъ баронъ... Длинный такой и худой... Онъ тутъ, близко отъ насъ, на дачѣ живетъ...

— А какъ его фамилія?..

— Ну, ужъ этого я не знаю!.. Баронъ да баронъ!.. А фамилію его я запомнить не могу... Нѣмецкая какая-то и длинная... такая же, какъ онъ самъ!.. Это баронъ мамѣ посоветовалъ меня въ Смольный отдать!.. Мама плакала, когда бумагу объ этомъ писала... А когда отказъ получила, опять плакала! Ничего у нихъ не поймешь!—взмахнула руками дѣвочка, вновь закидывая свою веревочку за головку.

— А вамъ хотѣлось бы поступить въ Смольный монастырь?—спросилъ государь.

— Да,—беззаботно отвѣтила малютка.—Мама сама тамъ воспитывалась... и ея мама тоже!.. Тамъ, говорятъ, хорошо!..

— Хотите, я за васъ попрошу государя?—улыбаясь спросилъ императоръ.

— Вы?!..

— Да... Я!..

— А развѣ вы можете съ государемъ разговаривать?!

— Могу!..

— Часто?..

— Когда захочу!..

— И вы это не врите?!..—внезапно разразилась она неэлегантным вопросомъ, вызвавъ этимъ искренній смѣхъ императора.

— Нѣтъ, не вру!

— То-то!.. Врать стыдно!..

— Такъ попросить?

— Попросите, пожалуй!

— А какая мнѣ за это награда будетъ?

— Конфетъ мнѣ тогда принесите! Вотъ вамъ какая награда!—разсмѣялась шалунья.

— Какъ?!.. Я дѣло устрой, да я же и конфетъ купи?! Развѣ это справедливо?..

— А что же я могу вамъ дать? У меня ничего нѣтъ, и денегъ тоже нѣтъ... Былъ одинъ золотой, да и тотъ няня Афимья мнѣ на туфельки взяла!.. Говорить, у мамы своихъ нѣтъ, а у барона няня Афимья братъ не хочетъ... Она не любитъ барона!.. Однако пора мнѣ домой... Няня, вѣрно, ужъ и молоко съ фермы принесла... Завтракать пора!.. А то опять она ворчать станетъ!

— Когда же я васъ увижу, чтобы вамъ отвѣтъ императора передать?..—спросилъ государь.

— Да я всякій день почти здѣсь гуляю... Няня приведетъ меня, да и оставитъ одну побѣгать!.. Здѣсь не страшно!

— Хорошо... Приходите же завтра...

Маленькая княжна кивнула головкой, сдѣлала наскоро шаловливый книксенъ и быстрыми прыжками исчезла за деревьями.

Вернувшись во дворецъ, государь сообщил императрицѣ о сдѣланномъ имъ новомъ знакомствѣ, и она очень заинтересовалась бойкой и хорошенькой дѣвочкой.

На другой день государь привелъ маленькую княжну завтракать во дворецъ, предупредивъ до смерти перепуганную няню, куда и съ кѣмъ дѣвочка уходитъ, а нѣсколько дней спустя, маленькая княжна Вадбольская была отвезена въ Смольный монастырь, куда и была принята, съ зачисленіемъ ее пансіонеркой государя императора.

Дальнѣйшая судьба дѣвочки мнѣ неизвѣстна. Помню только, что государь почти каждый свой пріѣздъ въ Смольный вспоминалъ объ ней и всегда съ ней очень милостиво разговаривалъ.

Въ частной жизни Николай I встрѣчается не одна черта такого добраго и гуманнаго отношенія къ людямъ, противорѣчащая его обычной серьезности и той холодной, непоколебимой строгости, которая легла въ основаніе его историческаго характера.

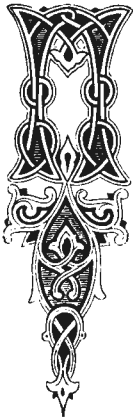
А. И. Соколова.

„ГОЛУБЧИКЪ, ПОТЕРПИ“.

(Къ характеристикѣ Аракчеева).

ВЕРЕБИРАЯ свои бумаги, я нашелъ четвертушку, исписанную карандашомъ. Это оказался разсказъ, записанный мною когда-то со словъ покойнаго профессора П. А. Висковатова и относящійся къ временамъ недоброй памяти Аракчеева.

Хотя эта «фигура» достаточно уже очерчена нашею исторіею и новаго разсказъ П. А., пожалуй, ничего и не прибавляетъ, но рѣчь въ немъ идетъ о такомъ отвратительно-грустно-забавномъ эпизодѣ, что не мѣшаетъ и его присоединить ко всему, что уже извѣстно о знаменитомъ «безъ лести преданномъ» холопѣ русской земли...

Отецъ П. А., служившій генераломъ въ аракчеевскихъ поселеніяхъ, одно время, по обязанностямъ своей службы, долженъ былъ проживать въ знаменитомъ Грузинѣ. Однажды утромъ, подходя къ дому Аракчеева съ докладомъ, генералъ услышалъ неистовый крикъ, несшійся изъ внутреннихъ покоевъ. Онъ инстинктивно бросился на вопль, быстро пробѣжалъ цѣлый рядъ совершенно пустыхъ комнатъ и, какъ вкопанный, остановился передъ полуоткрытою дверью графскаго кабинета. Передъ глазами генерала Висковатова открылась слѣдующая картина. На простой бѣлой скамьѣ лежалъ растянутый личный секретарь графа, человѣкъ пожилой, лѣтъ подл 50, чуть ли не статскій генераль. Всѣмъ было извѣстно, что человѣкъ этотъ былъ правою рукою

Аракчеева, его любимцемъ, свято и педантично исполнявшимъ его велѣнія. Наэтотъ разъ онъ, видимо, чѣмъ-то провинился. Секретарь неистово кричалъ. Онъ былъ «форменно» обнаженъ. Его больно поролли двое дворовыхъ графа... Два дюжихъ парня, одинъ за ноги, другой навалившись на плечи, крѣпко держали бившуюся жертву. Какой-то унтеръ стоялъ тутъ же и громко отсчитывалъ удары. Фалда форменнаго фрака, закинута къ головѣ и прикрытая до половины бѣльемъ, какъ-то странно изогнувшись, торчала на спинѣ. Въ петлицѣ разстегнутаго борта растерзаннаго фрака болтался какой-то крестъ. Искаженное, полное ужаса, багровое лицо старика обращалось то въ одну, то въ другую сторону... И несся отчаянный старческій вопль, густо наполнявшій собою воздухъ комнаты... А у изголовья жертвы, на колѣняхъ, со скрещенными пальцами рукъ, въ позѣ жарко молящагося человѣка, стоялъ самъ Аракчеевъ и слезливо, безъ умолку, вопилъ благимъ матомъ, какъ бы желая перекричать свою жертву: «Голубчикъ, потерпи... Не могу... Ей-Богу, не могу... Такъ нужно... Голубчикъ... люблю я тебя... а не могу... Потерпи... За это положено 50... только 50... Ради Бога потерпи... Сейчасъ... сейчасъ кончимъ... только потерпи... Голубчикъ... жаль мнѣ тебя... Ну, ради Бога... ради меня...»

Генералъ Висковатовъ наконецъ вышелъ изъ оцѣпенѣнія и стремглавъ выбѣжалъ изъ дому.

Сообщилъ В. А. Корсаковъ.

ОДИНЪ ИЗЪ РУССКИХЪ САМОЗВАНЦЕВЪ.

(Изъ недалекаго прошлаго).

ВЪ ПОСЛѢДНІЯ двадцать лѣтъ въ газетахъ стали особенно часто появляться извѣстія о разнаго рода самозванцахъ: то какой-нибудь проходимецъ назовется акцизнымъ чиновникомъ и объѣзжаетъ питейныя заведенія, всюду приѣмля мзду за невозбужденіе преслѣдованія по обнаруженнымъ будто бы имъ нарушеніямъ питейнаго устава; то вдругъ появится въ городѣ никому до тѣхъ поръ неизвѣстный полковникъ и живетъ себѣ цѣлый годъ, разъѣзжая на собственной парѣ лошадей, соритъ деньгами въ клубахъ и театрахъ, ходитъ въ военной формѣ, строго требуя отданія ему чести, состоитъ въ дружбѣ съ полиціей, благодаря любезности которой получаетъ черезъ участокъ газеты, доставляемыя ему на домъ полицейскимъ разсылнымъ, — и, къ общему удивленію, оказывается проворовавшимся лакеемъ ¹⁾; помнится случай, доходившій до правительствующаго сената ²⁾, когда какой-то самозванецъ, не имѣвшій ничего общаго съ духовнымъ вѣдомствомъ, разъѣзжалъ по монастырямъ, въ качествѣ командированнаго святѣйшимъ синодомъ священника-ревизора, служилъ молебны, произносилъ проповѣди, вызывавшія у слушателей-монаховъ обильныя слезы, и, опять-

¹⁾ «Новое Время» 1898 г., № 7886.

²⁾ Рѣшеніе уголовного кассацион. департамента 1892 г., № 11 и 1899 г., № 21

таки, принималъ во время своихъ ревизій благодарности всякаго рода; припомните кстати похождения русскаго Рокамболя, корнета, а впоследствии нарымскаго мѣщанина изъ ссыльныхъ Николая Герасимовича Савина, оставившаго на память о себѣ цѣлую литературу ¹⁾).

Все это были самозванцы-лихоимцы, люди темные, бывшіеся изъ-за куска хлѣба, далеко не всегда умные и находчивые и потому сравнительно скоро попадавшіеся. Я лично зналъ одного самозванца, который, не получивъ не только соответствующаго, но почти никакого образованія, въ теченіе не одного, а нѣсколькихъ лѣтъ успѣшно врачевалъ страждущее человѣчество, былъ земскимъ, а затѣмъ и короннымъ полицейскимъ врачомъ, пользовался любовью населенія и уваженіемъ сослуживцевъ, торжественно и въ присутствіи властей праздновалъ полученіе имъ орденовъ и знаковъ отличія, производилъ судебно-медицинскія вскрытія, былъ неоднократно приглашаемъ на консиліумы, дѣлалъ удачныя операціи, отличался полнымъ безкорыстіемъ, былъ яркимъ преслѣдователемъ взятокъ всякаго рода и въ концѣ концовъ оказался бѣжавшимъ изъ Сибири ссыльнымъ изъ нижнихъ воинскихъ чиновъ.

Исторію этой далеко незаурядной личности мнѣ хочется передать читателямъ частью по личнымъ воспоминаніямъ, частью по рассказамъ знакомыхъ, а главнымъ образомъ на основаніи данныхъ, имѣющихся въ весьма обширномъ слѣдственномъ объ этомъ господинѣ производствѣ. Это производство составляетъ пять объемистыхъ томовъ и носитъ такое заглавіе: «По настоящему 1885 г., № 6. Дѣло судебнаго слѣдователя московскаго окружнаго суда по особо важнымъ дѣламъ о тобольскомъ городономъ крестьянинѣ Андреѣ Аполлоновѣ Запольскомъ (онъ же Черемшанскій, Рубецъ, Корсаковъ, Ивановъ и Щегирчинскій), обвиняемомъ въ преступленія, предусмотрѣнныхъ 294, 295, 296 и 1412 ст. улож. о наказ. .

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ я былъ товарищемъ прокурора саранульскаго окружнаго суда и проживалъ въ городѣ Елабугѣ Вятской губерніи; здѣсь мнѣ впервые случилось повидаться и познакомиться съ упомянутымъ самозванцемъ.

Появленіе его въ нашихъ краяхъ рассказывается такъ. Въ маѣ 1878 г. шелъ по Камѣ пароходъ, направлявшійся изъ Казани въ Пермь. Въ рубкѣ перваго класса сидѣли и пили чай два пассажира: одинъ—предсѣдатель саранульской уѣздной земской управы, а другой—извѣстный въ Прикамскомъ краѣ богатый купецъ. Они мирно вели между собою бесѣду, не обращая вниманія на третьяго, сидѣвшаго въ углу рубки пассажира; то былъ мужчина лѣтъ пятидесяти, судя по костюму, отставной военный. Въ разговорѣ пред-

¹⁾ «Виржевыя Вѣдомости» 1903 г., №№ 495, 499, 503 и друг.

сѣдатель управы, между прочимъ, упомянулъ, что возвращается изъ Казани послѣ досадно неудачной поѣздки. Ъздилъ онъ искать врача хотя бы на одну изъ свободныхъ въ его уѣздѣ вакансій, но не нашелъ и долженъ былъ ограничиться тѣмъ, что вывѣсилъ въ университетѣ объявленіе, вызывающее желающихъ занять это мѣсто изъ кончающихъ курсъ студентовъ-медиковъ. «Хотя и очень не хотѣлось бы брать неопытныхъ, только что испеченныхъ врачей, но что же дѣлать? Все-таки это лучше, чѣмъ ничего», такъ закончилъ онъ свой рассказъ.

Въ это время упорно до сихъ поръ молчавшій военный подошелъ къ нимъ съ такими словами: «Извините, господа, что вмѣшиваюсь въ вашъ разговоръ. Позвольте представиться: отставной военный врачъ Черемшанскій. Я ѣду изъ Туркестана. Бродилъ по Сибири, да все это надоѣло, и рѣшилъ я перебраться въ Европейскую Россію. Не думалъ я вовсе гдѣ-нибудь устраиваться болѣе или менѣе прочно, но, прослушавъ вашъ разговоръ, мнѣ пришло на мысль: не могу ли я быть вамъ полезнымъ и почему бы мнѣ не послужить земству? Попробуйте, возьмите меня земскимъ врачомъ; окажусь негоднымъ или самому мнѣ не понравится, мѣсяца черезъ два-три мы разойдемся такъ же тихо и спокойно, какъ сошлись. А вотъ мой документъ». Съ этими словами онъ подалъ предсѣдателю управы бумагу, оказавшуюся временнымъ свидѣтельствомъ, выданнымъ 16 марта 1878 г. командиромъ туркестанскаго линейнаго № 2 батальона старшему врачу, доктору медицины, палатному совѣтнику Черемшанскому, уволенному по болѣзни въ отпускъ впредь до окончательнаго увольненія въ отставку.

Предсѣдатель управы подумалъ; Черемшанскій ему понравился и 27 мая 1878 г. онъ былъ назначенъ земскимъ врачомъ Сарапульскаго уѣзда.

Пробылъ онъ въ этой должности недолго,—почему-то повздорилъ съ земствомъ и 10 октября 1878 г. былъ уволенъ. Гдѣ онъ былъ до марта 1879 г., не знаю, но съ 14 марта онъ уже состоялъ земскимъ врачомъ по Мензелинскому уѣзду. Мензелинскій уѣздъ Уфимской губ. отдѣляется отъ Елабужскаго рѣкою Камою и мензелинцы часто посѣщаютъ Елабугу. Нерѣдко бывалъ тамъ и Черемшанскій и тамъ-то мнѣ пришлось съ нимъ встрѣтиться.

Лица, лучше меня его знавшія, передаютъ о немъ много интереснаго. Такъ, нынѣ умершій, бывшій елабужскій нотаріусъ И. П. Дмитревскій, изложившій, по моей просьбѣ, свои воспоминанія о Черемшанскомъ въ особой запискѣ, рассказываетъ о первой съ нимъ встрѣчѣ слѣдующее: «Съ докторомъ Черемшанскимъ я познакомился въ 1878 г., въ первыхъ числахъ августа въ Сарапулѣ, въ квартирѣ моего пріятеля доктора Стельмаховича, служившаго въ то время врачомъ мѣстной земской больницы. Сидѣли мы за послѣобѣденнымъ чаемъ: хозяева—мужъ и жена, я и предсѣда-

тель сарапульскаго окружнаго суда Ф. И. Шмелевъ. Вскорѣ въ прихожей послышался звонъ шпоръ и громкій разговоръ съ вышедшею туда хозяйкою, а вслѣдъ затѣмъ въ залъ вошелъ мужчина лѣтъ пятидесяти, молодежавый, въ военномъ мундирѣ съ Анною на шеѣ, солдатскимъ Георгіемъ и цѣлымъ рядомъ мелкихъ орденовъ и медалей въ колодкѣ; шатенъ съ небольшими усами на гладко выбритомъ лицѣ; онъ носилъ темно-синія очки съ видимою цѣлью скрыть замѣтную косину глазъ; одѣтъ онъ былъ, что называется, съ иголки: все, начиная съ мундира и кончая ослѣпительной бѣлизны воротничкомъ и манжетами, все блистало свѣжестью и безукоризненною чистотою. На предложенный хозяйкою вопросъ: «не хотите ли чаю?» онъ отвѣтилъ: «я уже пилъ, но пожалуй». Хозяйка принесла графинъ водки и пошла было за рюмкою, а Черемшанскій, принявъ отъ хозяйки графинъ, сталъ искать глазами чистый стаканъ, но ни одного, не вымытаго послѣ чаю, на столѣ не было; на глаза ему попалась полоскательная чашка, онъ посмотрѣлъ на нее, обтеръ ее внутри и вылилъ туда изъ графина всю водку, а ея было почти полный графинъ,—выпилъ все это сразу и не только не поморщился, но даже не крикнулъ, а лишь вытеръ усы надушеннымъ носовымъ платкомъ. Это никого изъ присутствовавшихъ не удивило, не удивлялся потомъ и я, когда узналъ Черемшанскаго поближе, и когда мнѣ стало извѣстнымъ, что на его языкѣ подъ именемъ чая разумѣется водка. Ни въ этотъ разъ, ни впослѣдствіи онъ послѣ такого приѣма водки пьянъ не былъ, не былъ даже выпивши, да вообще пьянымъ его никто никогда не видалъ».

Какъ разъ вслѣдъ затѣмъ, по словамъ Дмитревскаго, у него возникъ со Шмелевымъ весьма интересный разговоръ по спорному вопросу гражданскаго права. Въ разговоръ вмѣшался Черемшанскій и обнаружилъ весьма недюжинныя юридическія познанія, такъ что удивленный Шмелевъ спросилъ его: «Да вы кто—юристъ или медикъ?»—«Если хотите,—былъ отвѣтъ:—пожалуй, я и юристъ, только юриспруденцію вашу, и преимущественно криминальную, я изучилъ поневолѣ. Я былъ пятнадцать разъ подъ судомъ и пятнадцать разъ оправданъ, а на судѣ всегда защищалъ себя самъ. Помните ли вы такія-то дѣла?» При этомъ были названы три громкія дѣла, на долгое время занявшія тогдашнюю печать; судя по подробностямъ, которыя онъ передавалъ, можно было повѣрить, что онъ былъ въ этихъ дѣлахъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Рассказывалъ онъ живо, интересно, но съ замѣтными преувеличеніями. Всѣ его рассказы изобличали въ немъ героя, безшабашную личность, любителя и искателя разныхъ приключеній, но, во всякомъ случаѣ, не плута, не шарлатана, а скорѣе симпатичнаго шалопаю. Во время этой бесѣды въ городѣ случился

пожаръ: горѣлъ домъ на Старцевой горѣ ¹⁾. Черемшанскій вско-
чилъ со стула и стремительно бросился изъ комнаты. Часа черезъ
два онъ вернулся къ Стельмаховичамъ запыленный, обрызганный
водою и съ жаромъ рассказывалъ, какъ онъ командовалъ на по-
жарѣ, который, по его словамъ, прекращенъ только благодаря
его энергіи и распорядительности. Последнее, впрочемъ, под-
тверждали и свидѣтели-очевидцы пожара.

О своемъ прошломъ, по словамъ того же Дмитревскаго, Черем-
шанскій говорилъ всегда какъ-то загадочно, полунанеками, такъ
что у всѣхъ его знавшихъ сложилось убѣжденіе, что онъ очень
высокаго, но какого-то полнаго тайны происхожденія. По его на-
мекамъ выходило, что онъ незаконнорожденный сынъ императора
Николая I; таковымъ его считали многіе, да онъ отчасти и былъ
похожъ на покойнаго государя.

Слѣдующій затѣмъ эпизодъ я излагаю собственными словами
записки Дмитревскаго: «Однажды былъ такой случай; это было
спустя два года послѣ перваго моего знакомства съ Черемшан-
скимъ; онъ былъ уже мензелинскимъ земскимъ врачомъ; Стель-
маховичъ служилъ въ томъ же земствѣ и жилъ въ селѣ Челнахъ;
я пріѣхалъ къ нему погостить и при мнѣ, однажды вечеромъ, прі-
ѣхалъ туда и Черемшанскій; его оставили ночевать въ кабинетѣ;
Стельмаховичъ утромъ зашелъ за чѣмъ-то въ кабинетъ, и при входѣ
его Черемшанскій быстро вскочилъ съ постели, сѣлъ свѣсивъ ноги
на полъ и, поднявъ руки кверху, сталъ потягиваться, причемъ
на обнаженной груди его, изъ-подъ разстегнутой рубашки, Стель-
маховичъ увидѣлъ довольно большой медальонъ, висѣвшій на
массивной золотой цѣпочкѣ. Замѣтивъ вниманіе, съ которымъ
Стельмаховичъ смотрѣлъ на него, Черемшанскій быстро обѣими
руками схватилъ медальонъ и прижалъ къ груди, обнаруживъ
не то испугъ, не то сожалѣніе, что обнаружена его тайна, а затѣмъ
сказалъ: «Эту святыню я всегда скрывалъ отъ любопытныхъ, но
такъ какъ вы уже видѣли и такъ какъ я васъ люблю и уважаю,—
я не жалѣю». Съ этими словами онъ открылъ медальонъ, не вы-
пуская его изъ рукъ, показалъ Стельмаховичу, и тотъ увидѣлъ на
одной сторонѣ портретъ императора Николая I, а на другой—
изображеніе какой-то поразительно красивой дамы».

Случай этотъ сталъ извѣстенъ многимъ, и это обстоятельство еще
болѣе подтвердило ходившее въ обществѣ предположеніе, что Че-
ремшанскій незаконнорожденный сынъ Николая I. Нужно ска-
зать, что самъ Черемшанскій очень часто и особенно любовно
говорилъ объ усопшемъ государѣ, но никогда ни прямо, ни кос-
венно не упоминалъ о томъ, о чемъ всѣ догадывались. Зато онъ
очень часто и охотно говорилъ о своихъ связяхъ въ Петербургѣ,

¹⁾ Одна изъ улицъ гор. Сарапуля.

гдѣ, по его словамъ, ему бабушка ворожить, рассказывалъ о письмахъ, получаемыхъ имъ отъ разныхъ высокопоставленныхъ лицъ и въ томъ числѣ даже отъ высочайшихъ особъ.

Однажды по Саранулю распространился слухъ, будто Черемшанскій переводится на службу въ Петербургъ. Черемшанскій не отрицалъ этого и, въ доказательство справедливости слуха, показывалъ кое-кому, а въ томъ числѣ и упомянутому выше Дмитревскому, объявленіе, написанное на великолѣпной бумагѣ съ изящно отпечатаннымъ бланкомъ: «Канцелярія его императорскаго высочества великаго князя Владимира Александровича», и приблизительно такого содержанія: «его высочество великій князь изволилъ приказать извѣстить васъ, что вы назначаетесь...» Дмитревскій говорилъ, что рѣчь шла о назначеніи инспекторомъ или начальникомъ какого-то учрежденія въ Петербургѣ. Бумага была адресована доктору медицины Черемшанскому и подписана генераль-майоромъ, фамилію котораго Дмитревскій забылъ.

На разспросы, по какому случаю онъ, медикъ, могъ получить солдатскій георгіевскій крестъ, Черемшанскій рассказывалъ, что, бывши студентомъ II-го курса медико-хирургической академіи, онъ съ тремя товарищами учинилъ какую-то дерзкую выходку противъ начальства, за что былъ разжалованъ въ рядовые и попалъ на Кавказъ. Тамъ онъ выдѣлялся своимъ озорствомъ, храбростью и былъ извѣстенъ всему полку, какъ отчаянный бреттеръ; за одну изъ схватокъ съ горцами онъ получилъ георгіевскій крестъ, а затѣмъ, лѣтъ черезъ семь-восемь, былъ помилованъ, вернулся въ Петербургъ, гдѣ снова поступилъ въ академію и кончилъ курсъ докторомъ медицины.

О томъ, какъ онъ попалъ съ саранульское земство, Черемшанскій рассказывалъ цѣлую исторію, начавъ, по обыкновенію, издалека. По его словамъ, онъ былъ врачомъ въ дунайской арміи, въ отрядѣ цесаревича, гдѣ, какъ и повсюду, оказывалъ чудеса храбрости и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ ряду вонъ выходящаго озорничества. Тамъ онъ повздорилъ съ однимъ генераломъ, непосредственнымъ его начальникомъ, вызвалъ его на дуэль, за что подлежалъ военному суду, но высшія власти порѣшили выпроводить его изъ арміи и съ этою цѣлью отправили въ Петербургъ съ особымъ порученіемъ. Въ Петербургѣ совершенно неожиданно онъ получилъ назначеніе въ Тобольскъ. «Выдали мнѣ подъемныя, говорилъ онъ, двойные прогоны по чину, да взялъ и третное жалованье; денегъ оказалась въ рукахъ цѣлая куча и порѣшилъ я перво-на-перво запасть въ Петербургѣ женою; здѣсь было изъ кого выбрать, а въ Сибири пришлось бы, пожалуй, брать всякую дрянь, какая попадется. Напечаталъ я въ газетахъ объявленіе: «Не молодой-де человекъ, имѣющій много денегъ и отправляющійся въ Западную Сибирь, желаетъ жениться. Молодая, красивая, здоровая, желающія выйти замужъ, приглашаются по такому-то адресу». Начали ходить, что ни день,

то больше, только знай, выбирай. Однако, выбралъ-таки. Весело мы пожили въ Петербургѣ, да не скучно и въ пути; доѣхали до Перми и тутъ застряли надолго,—добрались до Екатеринбурга—та же исторія; здѣсь жена мнѣ надоѣла, я отправилъ ее въ Петербургъ, а самъ, запасшись другой женой, двинулся дальше. Въ Тюмени я узналъ, что за неявкой въ срокъ къ мѣсту служенія я отчисленъ, поэтому вернулся обратно и дорогою узналъ случайно, что сарапульское земство ищетъ врача,—явился, подалъ прошеніе и былъ принятъ».

Въ Сарапулѣ онъ быстро познакомился со всѣмъ чиновнымъ міромъ, вездѣ бывалъ и повсюду его принимали охотно. Онъ всегда больше говорилъ, чѣмъ слушалъ, и его рассказы привлекали постоянно слушателей; водку пилъ онъ, какъ воду. Тотъ же И. П. Дмитревскій рассказывалъ такой случай: «Зашелъ какъ-то ко мнѣ Черемшанскій и стравилъ у меня цѣлую бутылку водки, а затѣмъ я увелъ его въ клубъ, гдѣ и познакомилъ со всѣми, тамъ бывшими; минутъ черезъ десять я оставилъ Черемшанскаго, окруженнаго цѣлою толпою новыхъ знакомыхъ, а утромъ мнѣ передавали, будто онъ заплатилъ въ клубъ за восемьдесятъ рюмокъ водки и будто все это выпилъ онъ одинъ».

Въ Сарапулѣ онъ извѣстенъ былъ за женатаго; жена была при немъ, но куда не выѣзжала, а у нихъ рѣдко кто бывалъ, да и трудно было застать его дома: цѣлый день, съ ранняго утра до поздней ночи онъ или ѣздилъ по дѣламъ, или былъ гдѣ-либо въ гостяхъ; частной практикой онъ занимался неохотно, не искалъ ее, но по приглашеніямъ не отказывался никогда. Будучи врачомъ при земской больницѣ, онъ аккуратно посѣщалъ ее, принималъ больныхъ, прописывалъ лекарства; съ сослуживцами-врачами былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ, охотно помогалъ имъ въ работѣ и, при случаѣ, оказывалъ денежную помощь; за товарищей стоялъ горою, и по этому поводу у него было немало столкновеній съ земскими главарями, которымъ онъ, не стѣсняясь, говорилъ въ глаза дерзости и велъ себя такъ, что во всякое время можно было ожидать отъ него или рукопашной расправы, или вызова на дуэль.

Про медицинскія познанія его сарапульскіе врачи говорили, что видно, что онъ чему-то когда-то учился, но давно уже не слѣдитъ за наукой, ничего не читаетъ и сталъ забывать то, что когда-то зналъ; въ его рецептахъ не разъ замѣчались грубыя ошибки въ написаніи: онъ писалъ по-латыни, какъ фельдшеръ, а не какъ врачъ.

«Черемшанскаго сарапульцы очень любили,—говорить допрошенный при слѣдствіи свидѣтель Н. А.—тъ.—Лечилъ онъ, главнымъ образомъ, купцовъ—тѣ ходили къ нему массаами—и лечилъ, обыкновенно даромъ; любилъ онъ ходить по гостямъ, а у себя принималъ рѣдко. Впрочемъ, свидѣтель помнитъ такой случай: Черемшанскій

какъ-то устроилъ вечеринку по случаю полученія имъ Владимира 4-й степени за службу въ дунайской арміи; гостей было много; были всѣ судейскіе, исправникъ и мѣстный жандармскій подполковникъ. На столѣ, на виду у всѣхъ, валялась бумага отъ командующаго войсками восточнаго сибирскаго округа на имя доктора Черемшанскаго съ препровожденіемъ знаковъ ордена св. Владимира 4-ой степени съ мечами и тутъ же лежалъ орденскій крестъ. Невдалекѣ лежало тоже на виду письмо командующаго войсками барона Фредерикса на имя Черемшанскаго такого содержанія: «довольно вамъ скитаться по земствамъ; переходите ко мнѣ; мѣстный врачевный инспекторъ старъ, скоро выйдетъ въ отставку и вы можете занять его мѣсто».

Пока я жилъ въ Елабугѣ (1874—1881 года), а Черемшанскій служилъ въ мензелинскомъ земствѣ, онъ нерѣдко бывалъ въ Елабугѣ; мнѣ случалось встрѣчать его въ клубѣ, всегда въ кругу слушающихъ его собесѣдниковъ, но у меня въ домѣ онъ не бывалъ, а встрѣчать его въ другихъ знакомыхъ домахъ мнѣ какъ-то не доводилось; при встрѣчахъ въ клубѣ и на улицахъ мы здоровались, но я не помню, чтобы я вступалъ съ нимъ въ бесѣды и слышалъ какіе-либо его рассказы, но зато о немъ я очень много слышалъ.

Въ мензелинскомъ земствѣ онъ прослужилъ менѣе полугода, всего съ 14 марта по 6 сентября 1879 года, а затѣмъ поступилъ частнымъ врачомъ на Симскіе заводы (Уфимской губерніи), гдѣ благополучно несъ службу до начала 1883 года.

По официальнымъ даннымъ, имѣющимся въ слѣдственномъ производствѣ, Черемшанскій, въ бытность его въ Мензелинскомъ уѣздѣ, сначала жилъ въ городѣ и завѣдывалъ земскою больницею съ шестьюдесятью кроватями, а затѣмъ былъ перемѣщенъ въ уѣздъ, гдѣ получилъ въ завѣдываніе пріемный покой. Затѣмъ, будучи уже заводскимъ врачомъ, онъ съ 1880 и 1881 гг. принималъ участіе въ пріемѣ новобранцевъ; здѣсь онъ «блистательно доказалъ» знаніе медицины, успѣшно отличалъ притворныя болѣзни, изобличилъ нѣсколькихъ инородцевъ въ искусственномъ голоданіи съ цѣлью избѣжать воинской повинности; на земскихъ собраніяхъ 1880 и 1881 гг. онъ былъ избранъ врачомъ персоналомъ въ секретари и прекрасно докладывалъ собранію о медицинскихъ нуждахъ уѣзда, по порученію врачевнаго отдѣленія имъ были обревизованы двѣ аптеки и отчетъ его получилъ полное одобреніе врачевнаго отдѣленія, приглашаемый часто на судебно-медицинскія вскрытія, онъ никогда не отказывался, ссылаясь, какъ то дѣлаютъ обыкновенно не только частные, но и земскіе врачи, на неимѣніе инструментовъ, а всегда охотно исполнялъ требованія судебныхъ слѣдователей и полиціи; у него былъ собственный наборъ для производства вскрытій. Жизнь онъ велъ скромную, пользовался общимъ уваженіемъ, какъ человѣкъ, и большимъ авторитетомъ, какъ врачъ; особенно любило его сель-

ское населеніе,—здѣсь онъ охотно и безъ отказа шелъ на помощь и помогаль не только медицинскими средствами, но и деньгами, отдавая нерѣдко послѣдній рубль. По общему отзыву, онъ былъ «врагъ своимъ деньгамъ».

По словамъ одного мензелинца, хорошо знавшаго Черемшанскаго, послѣдній въ этомъ городѣ пользовался общимъ уваженіемъ, хотя и слыль за большого оригинала. Онъ заставиль говорить о себѣ цѣлый городъ по такому случаю: пригласили его какъ-то на консультацию; предстояла весьма тяжелая и настолько рискованная операція, что собравшіеся врачи не рѣшились приступить къ ней; за нее взялся Черемшанскій и исполниль быстро и блистательно. Денегъ за эту операцію онъ не взяль, сколько его о томъ ни упрашивали.

Другое, знавшее его лицо отзывается о немъ такъ: «кто бы онъ ни былъ, во всякомъ случаѣ онъ былъ человѣкъ не дурной, умомъ онъ не блисталъ, нахаломъ не былъ; вранье его вначалѣ было весело и занято, но потомъ, какъ и всякое повтореніе, надоѣдало».

3 апрѣля 1883 года Черемшанскій былъ назначенъ бирскимъ уѣзднымъ врачомъ и, такимъ образомъ, вступиль на государственную службу. При поступленіи на службу онъ представиль копию послужного списка, составленнаго будто бы 14 марта 1879 года на имя старшаго врача туркестанскаго линейнаго № 2 батальона доктора медицины, оператора и акушера статскаго совѣтника Андрея-Александра-Карла Аполлоновича Черемшанскаго, евангелическо-лютеранскаго исповѣданія; сдѣлано это было очень хитро; онъ представиль при прошеніи не самую подложную (имъ самимъ составленную) копию, которая хранилась въ мензелинскомъ уѣздномъ полицейскомъ управленіи, а снятую и завѣренную этимъ послѣднимъ копию съ этой копии и, такимъ образомъ, въ губернскомъ правленіи, куда было подано прошеніе, оказался документъ, не возбуждающій никакихъ сомнѣній. Затѣмъ, какъ видно изъ архивнаго дѣла медицинскаго департамента (№ 1257—39), этотъ послѣдній многократно за все время служенія Черемшанскаго бирскимъ уѣзднымъ врачомъ требоваль представленія имъ подлиннаго указа объ отставкѣ, но указа этого доставлено не было по той простой причинѣ, что его въ дѣйствительности не существовало. Переписка эта заслуживаетъ большого вниманія. Первое требованіе медицинскаго департамента было 7 мая 1883 года, 21 іюля 1884 года департаментъ просить губернатора поспѣшить присылкой указа, на что губернаторъ 8 августа того же 1884 года отвѣчаетъ, что, по отзыву Черемшанскаго, указъ этотъ находится въ производствѣ по его бракоразводному дѣлу и будетъ имъ лично представленъ въ медицинскій департаментъ, для чего ему и разрѣшенъ отпускъ на двадцать дней, считая съ 1 августа. 20 сентября департаментъ сообщаетъ губернатору, что Черемшанскій не являлся, и просить въ случаѣ непред-

ставленія имъ указа замѣнить этого врача другимъ лицомъ. 1 ноября 1884 года губернаторъ извѣщаетъ медицинскій департаментъ, что требованіе его о присылкѣ указа было отослано къ бирскому исправнику для предложенія Черемшанскому исполнить его въ двухнедѣльный срокъ, но исправникъ донесъ, что Черемшанскій 7 октября выбылъ въ Уфу для личныхъ объясненій съ губернаторомъ. Какъ оказалось впоследствии, въ Уфѣ онъ дѣйствительно былъ, но къ губернатору не являлся; не вернулся онъ и въ Бирскъ, а, какъ видно изъ полученнаго его женою письма отъ него, посланнаго, судя по почтовому штемпелю изъ Чистополя, онъ намѣревался отправиться въ Италію. 29 октября 1884 года состоялось постановленіе уфимскаго губернскаго правленія объ увольненіи Черемшанскаго отъ должности бирскаго уѣзднаго врача, а 25 ноября 1885 года департаментъ полиціи увѣдомилъ медицинскій департаментъ, что, по собраннымъ свѣдѣніямъ, Андрей-Александръ-Карлъ Аполлоновичъ Черемшанскій по книгамъ медико-хирургической академіи не значится ни въ числѣ студентовъ, ни въ числѣ соискателей ученыхъ степеней.

Въ Уфѣ меня судьба снова столкнула съ Черемшанскимъ: съ августа 1881 года по іюнь 1884 годъ я занималъ должность уфимскаго губернскаго прокурора, слѣдовательно Черемшанскій поступилъ при мнѣ (3 апрѣля 1883 года); а когда я покинулъ Уфу, онъ еще оставался уѣзднымъ врачомъ и о самозванствѣ его до самаго его побѣга (7 октября 1884 года) и рѣчи не было. Самому мнѣ встрѣчаться съ нимъ приводилось рѣдко; я видѣлъ его всего раза три или четыре; онъ являлся ко мнѣ во время поѣздки моей въ Бирскъ да въ Уфѣ былъ у меня раза два, да и то не на квартирѣ, а въ камерѣ по дѣламъ службы. Помнится, онъ являлся просить содѣйствія къ удовлетворенію его ходатайства передъ мѣстнымъ земствомъ; горячо и весьма краснорѣчиво описывалъ онъ свое тяжелое положеніе при поѣздкахъ по уѣзду для производства вскрытій и судебно-медицинскихъ осмотровъ; къ нему обращается масса больныхъ, и онъ ничѣмъ не можетъ помочь имъ, поэтому онъ просилъ земство ассигновать ему 200 рублей на устройство походной аптечки, обязуясь бесплатно пользоваться всѣхъ обращающихся къ нему больныхъ. Въ этомъ ему, несмотря на мои ходатайства, поддержанныя и губернаторомъ, было отказано, и въ концѣ концовъ онъ завелъ эту аптечку на собственные средства.

Другой разъ онъ былъ у меня, обвиняя какого-то становаго пристава во взяточничествѣ; обвиненіе было поставлено такъ твердо, что не встрѣтилось никакихъ затрудненій къ возбужденію противъ виновнаго судебного преслѣдованія.

По общему отзыву, Черемшанскій и въ Бирскѣ велъ себя превосходно; не было случая, чтобы онъ отказался явиться или принять у себя больного, кто бы онъ ни былъ, или отклонилъ подъ какимъ-

либо предлогомъ приглашеніе судебной власти или полиціи для производства судебно-медицинской экспертизы, но полиція цедолюбивала его за то, что онъ былъ принципіальный врагъ и неуклонный преслѣдователь всякаго взяточничества, какъ бы ничтожно и мелко оно ни было. При полицейскихъ вскрытіяхъ онъ не отходилъ отъ становаго, пока не убѣждался въ его безкорыстіи; въ каждомъ селеніи, гдѣ ему случалось останавливаться, онъ говорилъ цѣлыя проповѣди и внушалъ крестьянамъ не кормить даромъ полицейскихъ, начиная съ исправника и кончая урядникомъ, а тѣмъ паче не давать никому ни единой копейки въ видѣ взятки. О каждомъ такого рода случаѣ онъ производилъ разслѣдованіе, добывалъ свидѣтелей и затѣмъ подробно передавалъ губернатору или прокурору. Бывали случаи и собственноручной расправы. Вотъ одинъ такой случай. Какъ-то, по окончаніи полицейскаго вскрытія, Черемшанскій сидѣлъ со становымъ приставомъ; они распивали чай; легко можетъ быть, что то былъ «его чай», то-есть водка; въ сторонѣ сидѣлъ фельдшеръ и переписывалъ протоколъ вскрытія; въ это время въ избу вошелъ писарь становаго, пошептался съ фельдшеромъ и вмѣстѣ съ нимъ вышелъ изъ избы. Черемшанскій, что-то увлекательно рассказывавшій приставу, на половинѣ фразы всталъ и быстро, чуть не бѣгомъ, вышелъ сначала въ сѣни, а затѣмъ въ другую половину избы, гдѣ засталъ накрытый столъ, а на немъ бутылку водки съ подходящею закускою, къ которой только что собирались приступить фельдшеръ и писарь. Полицейскій сотскій стоялъ у дверей и въ почтительной позѣ ожидалъ приступа «начальства» къ даровой выпивкѣ. Не говоря ни слова, Черемшанскій взялъ бутылку, разбилъ ее о голову своего фельдшера, сбросилъ на полъ тарелки съ закусками, а затѣмъ такъ же быстро вернулся къ становому и, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ прерванный на полуфразѣ рассказъ.

И въ Бирскомъ уѣздѣ, какъ въ Мензелинскомъ и въ Сарапульскомъ, Черемшанскій пользовался большою любовью крестьянъ; и здѣсь онъ охотно и бесплатно подавалъ каждому медицинскую помощь; и здѣсь онъ также щедро помогалъ деньгами, кому только могъ; онъ не въ силахъ былъ спокойно относиться къ нищетѣ и къ несчастью. Его медицинскіе акты и протоколы попрежнему, безъ всякихъ поправокъ и оговорокъ, утверждались врачевнымъ отдѣленіемъ губернскаго правленія, и во время службы въ Бирскомъ уѣздѣ онъ сталъ считаться однимъ изъ лучшихъ врачей губерніи, причемъ я лично слышалъ отъ губернатора Н. П. Щепкина, что возбуждался вопросъ о назначеніи его на должность помощника губернскаго врачевнаго инспектора.

Черезъ мои руки немало проходило его протоколовъ и заключеній. Не скажу, чтобы они были особенно грамотно изложены, но они были очень обстоятельны и съ формальной стороны вполне безупречны. По существу они отличались категоричностью и смѣ-

лостью выводовъ, но таковы были протоколы не одного Черемшанскаго. Впослѣдствіи, когда обнаружено было его самозванство, мнѣ случалось спрашивать врачей, какъ это они не догадывались, что предъ ними не врачъ, а невѣжда, на что получалъ отвѣтъ, что такихъ врачей немало, особенно изъ такъ называемыхъ «севастопольскихъ героевъ», когда, во второй періодъ кампаніи, за недостаткомъ врачей, были вызваны на театръ войны студенты-медики IV и V курсовъ, которые затѣмъ безъ экзаменовъ были удостоены званія лекаря. Такіе врачи, недоучившіеся и впослѣдствіи не слѣдившіе за наукой, признавали только старья, давно извѣстныя лечебныя средства; подобные доктора были не въ диковину, и Черемшанскій былъ типичнымъ ихъ представителемъ. Впрочемъ, въ разрѣзъ съ этимъ общимъ отзывомъ одинъ очень хорошій земскій врачъ удостоивърялъ, что Черемшанскій по образованію несомнѣнно врачъ, порядочный хирургъ, знающій свое дѣло практикъ, и къ тому же хорошо воспитанный, образованный человѣкъ.

Вскорѣ, однакоже, и онъ попался впросакъ, и чуть ли не это обстоятельство послужило первымъ толчкомъ къ обнаруженію его самозванства. По какому-то дѣлу имъ дано было черезчуръ смѣлое заключеніе, и, не знаю какимъ образомъ, это заключеніе попало въ печать и было жестоко раскритиковано въ № 23 журнала «Врачъ» за 1884 г. Такъ какъ въ этой журнальной статьѣ, носившей заглавіе: «Прискорбная экспертиза», фигурировала фамилія «Черемшанскій», то докторъ Е. М. Черемшанскій, служившій врачомъ въ Ирбитѣ, отецъ извѣстнаго въ Петербургѣ психіатра и директора больницы Всѣхъ Скорбящихъ Александра Евграфовича Черемшанскаго, хорошо зная, что, кромѣ его и двухъ его сыновей, врачей съ такой фамиліей нѣтъ, заинтересовался своимъ однофамильцемъ и справками въ Петербургѣ убѣдился, что такого господина въ числѣ окончившихъ курсъ въ медико-хирургической академіи никогда не было. Тогда онъ написалъ въ Бирскъ знакомому земскому врачу Н. П. Гоняеву, прося сообщить, что ему извѣстно объ его однофамильцѣ, а затѣмъ послалъ о томъ же депешу бирскому аптекарю Ченцову, но прежде, чѣмъ тѣ успѣли отвѣтить ему, онъ получилъ отъ лже-Черемшанскаго письмо такого содержанія: «Бирскъ, 29-го іюня 1884 г. Уважаемый коллега, возвратясь вчера изъ уѣзда, содержатель нашей вольной аптеки Ченцовъ показалъ мнѣ телеграмму, изъ которой видно, что вы заинтересовались мною, какъ личностью однофамильца. Вслѣдствіе того, что Ченцовъ не можетъ сообщить всего того, чего вы желаете, я счелъ долгомъ подѣлиться съ вами, какъ съ коллегой. Уроженецъ я петербургскій, воспитывался въ Парижѣ, гдѣ кончилъ курсъ медицины, затѣмъ, возвратясь въ Россію, имѣлъ несчастье прослужить десять лѣтъ солдатомъ; потомъ держалъ экзаменъ на оператора и акушера въ кievскомъ университетѣ, затѣмъ на доктора медицины въ бывшей медико-хирургической академіи.

Пробывъ шесть мѣсяцевъ за границей, я возвратился лишь къ турецкой кампаніи, въ которой былъ въ войскахъ задунайскихъ. По окончаніи войны служилъ въ земствахъ сарапульскомъ и мензелинскомъ, но, придя къ убѣжденію, что земская служба не прочна, служу около двухъ лѣтъ въ Бирскѣ уѣзднымъ врачомъ. Я давно знаю о существованіи трехъ моихъ однофамильцевъ докторами, но, какъ не родственники, никогда не случалось видѣться и переписываться. Теперь очень радъ, что представился случай. Семейство мое состоитъ изъ меня и трехъ очень маленькихъ дѣтей. Мнѣ кажется теперь, что отвѣтъ на телеграмму вашу вполне удовлетворенъ. Извините меня за нѣкоторую навязчивость на знакомство, но я привыкъ всегда для своихъ коллегъ дѣлать всѣ любезности».

Продолжая и затѣмъ интересоваться однофамильцемъ, Е. М. Черемшанскій разузналъ, что когда сынъ его Александръ Евграфовичъ былъ въ Ялуторовскѣ, Тобольской губерніи, къ нему какъ-то въ ноябрѣ 1861 г. явился молодой человѣкъ, назвавшійся Андреемъ Аполлоновичемъ Запольскимъ, и, говоря, что онъ бывший студентъ медико-хирургической академіи, по несчастію сосланный въ Сибирь на поселеніе, просилъ его помощи. А. Е. помогъ ему чѣмъ могъ, но знакомство ихъ продолжалось недолго, такъ какъ черезъ мѣсяць А. Е. былъ откомандированъ въ Тобольскъ и они болѣе не видались.

Сопоставляя тождество имени и отчества Запольскаго и лже-Черемшанскаго и допуская, что послѣдній легко могъ присвоить себѣ фамилію тогда еще никому неизвѣстнаго, но несомнѣнно существующаго въ дѣйствительности врача, къ тому же врача, живущаго въ труппѣ за тысячи верстъ, Е. М. высказалъ предположеніе, не скрывается ли подъ именемъ Черемшанскаго этотъ самый Запольскій. Объ этомъ своемъ предположеніи онъ, около сентября 1884 г., написалъ въ Бирскѣ Ченцову, присовокупляя, что имъ поручено разнымъ лицамъ собрать свѣдѣнія о личности Запольскаго по Сибири.

Все это, конечно, въ тайнѣ не осталось, и вскорѣ объ этой перепискѣ заговорилъ весь Бирскъ.

7-го октября 1884 г., какъ уже сказано выше, Черемшанскій изъ Бирска скрылся. Что было ближайшею причиною его побѣга, неизвѣстно; ходила молва, будто его встрѣтилъ на улицѣ какой-то пріѣзжій изъ Сибири, знавшій все его прошлое; другіе говорили, будто къ нему явились двѣ прежнія жены, которыхъ онъ бросилъ, но вѣрнѣе всего, что причиною побѣга были, съ одной стороны, настоячивыя требованія медицинскимъ департаментомъ присылки подлиннаго указа объ отставкѣ, а съ другой—только что упомянутая переписка аптекаря Ченцова.

Оставшейся въ Бирскѣ женѣ съ дѣтьми Черемшанскій послалъ съ пути рядъ писемъ. Первое было отъ 9-го октября изъ Чистополя, второе, 25-го октября, изъ Петербурга. Въ этихъ письмахъ онъ,

между прочимъ, говорить: «я счелъ за лучшее не являться къ губернатору, а для того, чтобы устроить матеріальное положеніе твое и дѣтей, ѣду за границу». Слѣдующее письмо было опять изъ Петербурга и извѣщало, что онъ возвратился въ Россію съ дурными вѣстями: «ничего не устроилъ, а адреса своего тебѣ дать боюсь,—писать онъ:—ибо ты изъ тѣхъ, что, пока устроишься дѣло, не выдержишь и отдашь меня въ руки; окаянная судьба заставляетъ еще разъ обращаться къ старой фамиліи, чего бы не хотѣлось, но такъ хотягь сильные міра». 2-го февраля 1885 г. при письмѣ изъ Петербурга онъ посылаетъ женѣ 100 р. и разныя матеріи на платья и сообщаетъ, что опять только что вернулся изъ-за границы; въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 4-го февраля, съ двадцатью рублями и посылкою, поданною въ Тулѣ «отъ Ивановой проѣздомъ», онъ извѣщаетъ жену, что ѣдетъ въ Константинополь, гдѣ пробудеть до апрѣля, а черезъ мѣсяць или два она получаетъ отъ него письмо изъ Константинополя. Судя по почтовому штемпелю и маркѣ, письмо это несомнѣнно подано въ Константинополь, вслѣдствіе чего была возбуждена переписка съ турецкимъ правительствомъ о выдачѣ бѣжавшаго русскимъ властямъ, но перепискою этою установлено, что Черемшанскій въ Константинополь никогда не былъ и какимъ путемъ отправлено оттуда упомянутое письмо, осталось не обнаруженнымъ; можно думать, что онъ просилъ кого-либо, ѣдущаго въ этотъ городъ, сдать тамъ письмо на почту.

Пока турецкія власти, по требованію русскаго правительства безуспѣшно разыскивали Черемшанскаго по Константинополю, онъ развѣзжалъ по разнымъ городамъ Россіи, добывая повсюду разными способами деньги, которыми, какъ видно изъ писемъ его, дѣлился съ семьей.

Въ этомъ отношеніи предварительнымъ слѣдствіемъ установлено слѣдующее.

Въ двадцатыхъ числахъ октября 1884 г. содержатель аптекарскаго магазина въ Вильнѣ И. Сегаль получилъ изъ Мензелинска отъ незнакомаго ему доктора Черемшанскаго письмо, которымъ тотъ извѣщалъ его, что командированъ земствомъ за границу и по пути заѣдетъ сдѣлать ему большой для земства заказъ. Изъ Рыбинска Сегаль получилъ отъ него депешу, которою Черемшанскій извѣщалъ, что его дорогою обокрали, и просилъ выслать ему 50 руб., что Сегаль и исполнилъ. Затѣмъ Черемшанскій пріѣхалъ въ Вильну и былъ встрѣченъ на вокзалѣ Сегалемъ, который передалъ ему полученныя на его имя по адресу на магазинъ Сегалья депеши изъ Мензелинска и Петербурга; между прочимъ одной изъ этихъ депешъ Черемшанскій извѣщался, что министерствомъ внутреннихъ дѣлъ на поѣздку за границу ему ассигновано 600 р. При свиданіи Черемшанскій передалъ Сегалю списокъ разныхъ медикаментовъ на восемь тысячъ рублей, причемъ наиболѣе дорогіе изъ нихъ, тысячи на двѣ

рублей, хотѣлъ взять съ собою, а остальные просилъ переслать въ Мензелинскъ. Сегаль ему сказалъ, что снесется съ мензелинскимъ земствомъ по телеграфу и до полученія отвѣта заказа не приметъ. Черемшанскій болѣе въ магазинъ не являлся и тутъ же исчезъ изъ Вильны, а изъ Мензелинска Сегаль получилъ отвѣтъ, что докторъ Черемшанскій въ тамошнемъ земствѣ не служитъ.

Въ декабрѣ 1884 г. Черемшанскій, подъ именемъ доктора медицины Иванова и по документу, будто бы выданному медицинскимъ департаментомъ, прїѣзжаетъ въ Вѣлостокъ, гдѣ живетъ съ 14-го по 17-е число и уѣзжаетъ съ поѣздомъ на Гродно.

За время съ 5-го по 22-е января Черемшанскій былъ въ Петербургѣ, гдѣ проживалъ въ меблированныхъ комнатахъ и былъ прописанъ подъ именемъ доктора медицины Александра Ивановича Иванова, прибывшаго изъ Ковна.

9-го января онъ является въ петербургскую типографію Аригольда и заказываетъ одну дестъ бланковъ иркутскаго генераль-губернатора, двадцать пять конвертовъ и сто облатокъ, при чемъ предъявляетъ разрѣшеніе графа Игнатьева на печатаніе всего этого. Назвался онъ при семъ чиновникомъ канцеляріи иркутскаго генераль-губернатора Корсаковымъ.

21-го января 1885 г. въ московской казенной палатѣ было получено отношеніе иркутскаго генераль-губернатора отъ 16-го января за № 18 изъ Петербурга о выдачѣ коллежскому совѣтнику Ивану Семеновичу Корсакову, назначенному на должность верхоленскаго окружнаго исправника, подъемныхъ и двойныхъ прогоновъ отъ Москвы до Верхоленска. Бумага эта была на печатномъ бланкѣ, въ форменномъ конвертѣ, заклеенномъ форменною же облаткою и за подписью генераль-губернатора графа Игнатьева и управляющаго канцеляріею Лисицына. Казенная палата увѣдомила генераль-губернатора, что кредитъ на путевое довольствіе распределенъ по министерствамъ и ему слѣдуетъ обратиться не въ казенную палату, а въ министерство внутреннихъ дѣлъ, на что графъ Игнатьевъ отзывался, что бумаги этой онъ не посылалъ, что подпись на ней не его, что канцеляріей его управляетъ не Лисицынъ, а дѣйствительный статскій совѣтникъ Юрьевъ, да и бланкъ совсѣмъ не похожъ на его бланки. Все это было дѣло рукъ Черемшанскаго, самъ онъ являлся было въ казенную палату узнать, получена ли изъ Петербурга эта бумага, и ему сказали, что бумага-то получена, но денегъ ему выдать нельзя, о чемъ уже и написано въ Петербургѣ. Болѣе въ палату онъ, конечно, не являлся, но зато на другой же день, 22-го января 1885 г., въ московскомъ окружномъ интендантскомъ управленіи была получена изъ Петербурга бумага отъ командующаго войсками сибирскаго военного округа объ отпускѣ командированному въ Москву и Петербургъ военно-медицинскому инспектору сибирскаго округа, статскому совѣтнику Рубцу прогоновъ отъ Москвы до Иркутска.

По этой бумагѣ была составлена ассигновка на 769 р. 80 коп., которые и выданы Рубцу изъ московскаго казначейства 23-го января. Получая эти деньги подъ росписку, Рубецъ представилъ удостовѣреніе личности своей, подписанное графомъ Игнатьевымъ. О состоявшейся выдачѣ денегъ интендантство увѣдомило штабъ войскъ иркутскаго округа, но получило отвѣтъ, что медицинскій инспекторъ Рубецъ находится въ Иркутскѣ и уже десять лѣтъ никуда оттуда не уѣзжалъ. Какъ установлено слѣдствіемъ, подъ именемъ Рубца фигурировалъ въ настоящемъ случаѣ Черемшанскій.

Около того же времени онъ заходилъ въ Москвѣ въ магазинъ Пристлея, съ заказомъ для мензелинскаго земства на 2,000 рублей; для себя онъ взялъ въ магазинѣ наборъ инструментовъ въ 75 рублей и деньгами двадцать пять рублей и затѣмъ исчезъ. Назывался онъ въ этомъ случаѣ Черемшанскимъ.

Затѣмъ онъ появляется въ магазинѣ Швабе подъ именемъ дивизионнаго врача Грюнера съ заказомъ для дѣйствующей арміи въ 4,000 р. Управляющій магазиномъ Адольфъ Гамбургеръ, по оставленному имъ адресу, зашелъ въ гостиницу и засталъ его крайне взволнованнымъ, онъ жаловался, что сидитъ безъ денегъ и не знаетъ, что дѣлать. Денегъ ему Гамбургеръ не далъ и заказа отъ него не принялъ, заподозрѣвъ тутъ что-то не ладное.

Далѣе Черемшанскій является въ аптекарскій складъ Лютеръ и Гиршфельдтъ, подъ именемъ доктора Черемшанскаго, уполномоченнаго всѣми земствами Уфимской губерніи на покупку медикаментовъ для земскихъ аптекъ на 20,000 рублей, беретъ «для пробы» товару на 146 рублей безъ денегъ и скрывается.

Наконецъ около того же времени онъ заходитъ въ московскій магазинъ хирургическихъ инструментовъ Миллера и, назвавшись докторомъ Симскихъ заводовъ Черемшанскимъ, заявляетъ, что намѣренъ купить для разныхъ земствъ Уфимской губ. инструментовъ на 15.000 рублей, причемъ передаетъ списокъ этихъ инструментовъ, составленный на печатномъ бланкѣ врача Симскихъ заводовъ. При входѣ онъ спросилъ: получены ли магазиномъ двѣ тысячи рублей? Нужно сказать, что за нѣсколько дней до этого Миллеромъ получена была изъ Москвы депеша, что черезъ его магазинъ высылается доктору Черемшанскому двѣ тысячи рублей. Въ виду этого Миллеръ выдалъ ему инструментовъ на сто двадцать рублей безъ денегъ; Черемшанскій пробылъ въ Москвѣ дней девять и за это время нѣсколько разъ заходилъ въ магазинъ, все справляясь о полученіи двухъ тысячъ рублей, затѣмъ взялъ на нѣсколько часовъ двадцать пять рублей и исчезъ.

По справкѣ въ московскомъ адресномъ столѣ оказалось, что Черемшанскій 22 марта 1885 г. былъ прописанъ въ Москвѣ подъ именемъ доктора медицины, коллежскаго совѣтника Андрея Николаевича Щегирчинскаго по письменному виду, выданному коман-

диромъ 2 Туркестанскаго линейнаго батальона 20 февраля 1885 г. за № 496. Отмѣченъ вышедшимъ въ Самару 21 апрѣля того же года. О какихъ-либо походахъ его подъ этимъ вымышленнымъ именемъ ничего изъ дѣла не видно.

Особенный интересъ представляютъ показанія отставнаго генераль-маіора Рупесова. По его словамъ, около того же времени является къ нему въ Москвѣ военный врачъ и рекомендуется старымъ знакомымъ. Оговариваясь, что немудрено черезъ тридцать лѣтъ не узнать прежняго сослуживца, онъ назвалъ себя докторомъ Павлуцкимъ, дѣйствительно когда-то служившимъ вмѣстѣ съ Рупесовымъ въ 6-й легкой батарее 15-й артиллерійской бригады; генераль оставилъ его обѣдать и тотъ въ интимной бесѣдѣ напомнилъ такія обстоятельства жизни генерала, которыя могли быть извѣстны только лицу, близко съ нимъ знакомому, тѣмъ не менѣе лицо и вся фигура этого господина казались генералу совершенно незнакомыми и ничего не напоминающими. Между прочимъ Павлуцкій жаловался на свое безвыходное положеніе, говоря, что возвращается изъ дѣйствующей арміи въ Петербургъ, гдѣ долженъ получить деньги, а теперь сидитъ безъ копейки; онъ показывалъ при этомъ бумагу на бланкѣ и съ печатью главной квартиры. Генераль предложилъ ему 100 р., но онъ сказалъ, что довольно пятидесяти, которые и взялъ. Послѣ обѣда генераль прошелъ вмѣстѣ съ нимъ къ своему старому другу и сослуживцу по батарее генералу Фролову, но и тотъ его не призналъ. Уходя, Павлуцкій оставилъ свой адресъ, указавъ на одну изъ московскихъ гостиницъ. Послѣ его ухода оба генерала долго обсуждали этотъ инцидентъ, много толковали про старое доброе время и тутъ припомнили, что новый знакомецъ ихъ вовсе не похожъ на доктора Павлуцкаго, тотъ былъ высокаго роста, а этотъ ниже средняго; тотъ былъ уже тогда лысый, а этотъ, несмотря на протекшія тридцать лѣтъ, имѣетъ прекрасно сохранившуюся шевелюру,—тутъ, по собственному выраженію Рупесова, они «прозрѣли», и установили, что ни ростомъ, ни фигурой, ни оборотомъ рѣчи, словомъ, ничѣмъ этотъ господинъ не напоминаетъ доктора Павлуцкаго. Углубляясь все болѣе и болѣе въ воспоминанія, Рупесовъ остановился на мысли, не скрывается ли подъ этимъ именемъ нѣкто Запольскій, котораго онъ въ пятидесятихъ годахъ зналъ юнкеромъ, судившимся за разные кражи. Подъ вліяніемъ этой мысли, генераль отправился по указанному адресу въ гостиницу, но тамъ о Павлуцкомъ никто никогда не слыхалъ. По предъявленной при слѣдствіи фотографической карточкѣ оба генерала признали, что подъ именемъ доктора Павлуцкаго передъ ними былъ Черемшанскій.

Въ началѣ февраля 1885 г. Черемшанскій, подъ именемъ и по фальшивому письменному виду на имя доктора медицины Иванова появляется въ Орлѣ, гдѣ лечится у мѣстнаго врача Залѣскаго, и 5 февраля выбываетъ въ Липецкъ, но вскорѣ затѣмъ оказывается

въ Коротоякѣ, Воронежской губ., и останавливается на постояломъ дворѣ; здѣсь ему показалось грязно и неудобно, и онъ пользуется любезностью полицейскаго надзирателя, въ квартирѣ котораго и проживаетъ съ 7 по 11 февраля.

Затѣмъ по май 1885 г. Черемшанскій исчезаетъ, и, гдѣ находится, неизвѣстно.

29 декабря 1884 г. возбуждено предварительное слѣдствіе о самозванствѣ Черемшанскаго, а 14 марта 1885 г. судебный слѣдователь Бирскаго уѣзда разослалъ фотографическія карточки Черемшанскаго по всеѣмъ пристанямъ Бѣлой и Камы съ требованіемъ о розыскѣ и задержаніи бѣжавшаго.

Въ то время, когда повсюду шли розыски Черемшанскаго, онъ съ свойственною ему смѣлостью, ночью, тайно отъ всеѣхъ, явился въ Бирскъ повидаться и проститься съ женою и благословить свою любимую дочку. Въ ту же ночь онъ уѣхалъ изъ Бирска, а когда утромъ слѣдующаго дня объ этомъ узнали, его и слѣдъ простыль.

Оказалось, что онъ благополучно добрался до Казани и 13 мая 1885 г. занялъ мѣсто на только что пришедшемъ изъ Самары самолетскомъ пароходѣ «Суворовъ». Такъ какъ, исполняя буквально распоряженіе судебного слѣдователя, казанская полиція слѣдила за пріѣзжающими только на пристаняхъ бѣльскаго и камскаго пароходствъ, то никому и въ голову не приходило осматривать пароходы, приходящіе съ низовыхъ городовъ Волги. Поэтому Черемшанскому не грозила никакая опасность, но судьба была противъ него; онъ соскучился сидѣть въ душной пароходной каютѣ и вышелъ прогуляться по пристани; нужно сказать, что этотъ смѣлый до дерзости человекъ, хорошо зная, что его разыскиваютъ, ни въ чемъ не измѣнилъ ни своей одежды, ни своей наружности: тѣ же густые усы, тѣ же темно-синія очки, тотъ же мундиръ отставнаго военнаго врача. На пристани онъ натолкнулся на околоточнаго, который, взглянувъ на бывшую при немъ фотографическую карточку, подошелъ къ нему и спросилъ фамилію, но получилъ при этомъ такой рѣзкій и грозный отвѣтъ, что не медля оставилъ его въ покоѣ. Такой же результатъ имѣло и объясненіе его съ приставомъ, которому околоточный доложилъ о зародившемся у него сомнѣніи, не есть ли это разыскиваемый Черемшанскій. Оба они, п околоточный, и приставъ, сознавались впослѣдствіи, что, получивъ рѣзкую отвѣдь, пришли къ заключенію, что имѣютъ дѣло съ высокопоставленною особою, и рѣшили умолчать объ этомъ эпизодѣ. Между тѣмъ, встревоженный приставами полиціи, Черемшанскій ушелъ на свой пароходъ и легъ въ каютѣ, закрывшись съ головою; былъ данъ уже второй свистокъ и черезъ нѣсколько минутъ пароходъ долженъ былъ отвалить, но на бѣду Черемшанскаго на пристань пріѣхалъ вообще рѣдко тамъ бывавшій полицеймейстеръ. Выслушавъ докладъ пристава, полицеймейстеръ отпра-

вился въ каюту Черемшанскаго и потребовалъ у него письменный видь; Черемшанскій разразился крупною бранью, грозилъ именами разныхъ высокопоставленныхъ лицъ, называя въ числѣ ихъ и нѣ сколькихъ великихъ князей, но полицеймейстера не наугалъ и долженъ былъ предъявить ему свой письменный видь; то былъ аттестатъ, выданный 12 ноября 1881 г. за № 4718 медицинскимъ департаментомъ отставному окружному верхоленскому врачу, доктору медицины, коллежскому совѣтнику Александру Ивановичу Иванову.

Не удовлетворившись объясненіями именующаго себя Ивановымъ, полицеймейстеръ взялъ его съ парохода и увезъ въ городъ, но арестовать не рѣшился, а оставилъ его у себя въ квартирѣ. Задержанный продолжалъ грозить ему страшными послѣдствіями его необдуманнаго поступка и требовалъ немедленнаго освобожденія, но полицеймейстеръ оставилъ его у себя ночевать, а самъ поспѣшилъ разузнать, нѣтъ ли въ числѣ студентовъ мѣстнаго университета или духовной академіи кого-либо изъ Бирска, знавшаго уѣзднаго врача Черемшанскаго. Въ университетѣ оказался такой студентъ. 14 мая задержанный былъ ему предъявленъ, и тутъ произошла такая сцена:

— Здравствуйте, Андрей Аполлоновичъ,—сказалъ признавшій его студентъ.

— Послушайте, молодой человекъ,—отвѣчалъ тотъ:—будьте Бога ради осторожниѣ. Я имѣю несчастье походить на какого-то жулика, разыскиваемаго полиціей, но клянусь вамъ, я самый мирный гражданинъ и вполне порядочный человекъ; я докторъ Ивановъ изъ Сибири, никогда въ Бирскѣ не бывалъ и васъ вижу въ первый разъ въ жизни. Мнѣ настоятельно необходимо ѣхать немедленно на югъ, для меня дорогъ каждый часъ, а тутъ меня по какому-то нелѣпому подозрѣнію задерживаютъ, вы же своей опрометчивостью замедляете мое освобожденіе. Повторяю, я не тотъ, за кого вы меня принимаете; все это, конечно, разъяснится, но за что же я теряю понапрасну время, а потеря его можетъ имѣть непоправимыя для меня послѣдствія.

Озадаченный этими словами, студентъ смутился и заявилъ, что предъявленное ему лицо и ростомъ, и фигурою, и манерами поразительно похоже на бирскаго уѣзднаго врача Черемшанскаго, но утверждать, что это дѣйствительно Черемшанскій, онъ не рѣшается, хотя долженъ сознаться, что пораженъ такимъ, никогда имъ не виданнымъ сходствомъ.

Смутился и полицеймейстеръ; онъ отпустилъ студента, но, должно быть, часъ Черемшанскаго пробилъ. Уходя, уже въ прихожей, оставшись одинъ на одинъ съ провожавшимъ его полицеймейстеромъ, студентъ сказалъ ему:

— Странное сходство, удивительное сходство, но знаете что? На дняхъ сюда пріѣхалъ одинъ купецъ изъ Бирска и привезъ мнѣ

отъ отца кое-какія вещи и провизію; онъ уѣзжаетъ сегодня, но, быть можетъ, вы его застанете еще въ Казани. Этотъ господинъ былъ однимъ изъ лучшихъ друзей доктора Черемшанскаго и уже, конечно, узнаетъ его скорѣе, чѣмъ я, который видалъ его лишь во время вакантныхъ поѣздокъ въ Бирскъ и притомъ случайно.

Купца этого разыскали, предъявили ему задержаннаго; встрѣча ихъ была сердечная, оба они расплакались, и тутъ Черемшанскій объявилъ, что онъ именно то лицо, которое разыскивается полиціей, и сознался въ составленіи подложнаго имъ самимъ составленнаго письменнаго вида на имя доктора Иванова; онъ былъ арестованъ, заключенъ въ тюрьму и отправленъ подъ стражею въ Бирскъ, о чемъ бирскія власти были извѣщены телеграммою.

О предстоящемъ прибытіи его скоро узналъ не только весь Бирскъ, но это стало извѣстнымъ и попутному городу Елабугѣ: вѣдь здѣсь Черемшанскій бывалъ часто, и его знали почти всѣ. Елабужскій уѣздный исправникъ Машковцевъ, нынѣ уже умершій, отправился на пароходную пристань и здѣсь на арестантской баржѣ Курбатовскаго пароходства видѣлъ Черемшанскаго. Вотъ какъ описываетъ онъ свое съ нимъ свиданіе:

«Черемшанскій былъ въ арестантскомъ халатѣ, обрюзглый, обросшій бородою, сидѣлъ онъ на стулѣ вытянувъ широко разставленныя ноги и опустивъ голову на руки; видимо, онъ страдалъ отъ физической боли (у него была паховая грыжа); были ли на немъ кандалы, я не замѣтилъ. Я всѣми мѣрами и, какъ казалось мнѣ, ловко подѣзжалъ къ нему, улещая его открыть свое имя и званіе, но онъ молча сидѣлъ въ описанной позѣ и горько улыбался, а затѣмъ, подобравъ ноги, вытянувши корпусъ, но оставаясь попрежнему на стулѣ, поднялъ руку и трагически воскликнулъ:

— Кто я—это тайна. Свѣтъ никогда этого не узнаетъ и никакая сила не заставитъ выдать меня тайну. Если бы вы узнали, кто я—вы пали бы предо мною ницъ.

Возникшее въ Бирскѣ предварительное слѣдствіе о Черемшанскомъ, въ виду необходимости разслѣдованія его походовъ чуть ли не по всей Россіи, было передано суддебному слѣдователю московскаго окружнаго суда по особо важнымъ дѣламъ и имъ закончено въ апрѣлѣ 1886 г. Составленнымъ прокурорскимъ надзоромъ обвинительнымъ актомъ онъ предавался суду московскаго окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей по обвиненію въ присвоеніи не принадлежащаго ему званія, въ многочисленныхъ подлогахъ, въ проживаніи по фальшивымъ, имъ самимъ составленнымъ, письменнымъ видамъ, въ мошенничествѣ и во вступленіи, послѣ смерти третьей своей жены, въ четвертый бракъ по подложно составленнымъ документамъ, а затѣмъ при жизни этой четвертой жены—въ пятый бракъ по такимъ же документамъ.

Дождаться суда ему не пришлось: онъ умеръ въ тюрьмѣ и возбужденное о немъ дѣло опредѣленіемъ московской судебной палаты 10 іюля 1886 г. за смертью его прекращено.

Кто же въ дѣйствительности скрывался подъ этой таинственной личностью и каково было его прошлое?

Въ составленномъ имъ самимъ подложномъ послужномъ спискѣ, томъ самомъ, по которому онъ служилъ въ земствахъ Вятской и Уфимской губерній, выданномъ будто бы на имя старшаго врача туркестанскаго линейнаго № 2 батальона доктора медицины, оператора и акушера Андрея-Александра-Карла Аполлоновича Черемшанскаго, онъ значится изъ «усыновленныхъ по высочайшему повелѣнію въ дворянское семейство дѣтей съ правами потомства», евангелическо-реформатскаго исповѣданія, затѣмъ въ этомъ спискѣ идетъ цѣлый рядъ фантастическихъ отмѣтокъ о наградахъ за оказанныя чудеса храбрости, о нѣсколькихъ случаяхъ разжалованія въ рядовые, о производствѣ затѣмъ въ офицерскіе чины, о выдержаніи экзамена въ медико-хирургической академіи на званіе доктора медицины, о полученіи многочисленныхъ медалей, знаковъ отличія и т. п.

На самомъ дѣлѣ это было не такъ. Изъ имѣющейся при дѣлѣ копии формулярнаго его списка видно, что онъ православный и происходитъ изъ совершенно законной семьи: онъ сынъ подполковника Аполлона Андреева Запольскаго, служившаго въ 1848 г. полицеймейстеромъ въ Нижнемъ Новгородѣ, и законной жены его Анастасіи Ивановны, умершей въ 1851 г. Имя его Андрей, а родился онъ 10 мая 1830 года.

Изъ этой, доставленной тюменскимъ приказомъ о ссыльныхъ копии формулярнаго списка видно, что Андрей Аполлоновичъ Запольскій 10 августа 1844 г. поступилъ въ артиллерійское училище изъ студентовъ II курса медико-хирургической академіи и 10 декабря того же года произведенъ въ прапорщики съ оставленіемъ въ офицерскомъ классѣ училища, а 6 мая 1845 г. получилъ чинъ подпоручика и откомандированъ въ 20 артиллерійскую бригаду; 22 іюля 1846 г. за убійство собственнаго человѣка штабсъ-капитана Чавчавадзе, по высочайшему повелѣнію, разжалованъ въ рядовые, а 21 іюня 1847 г. за отличіе въ бояхъ съ горцами произведенъ въ подпрапорщики. 7 марта 1850 г. за драку въ кофейномъ домѣ, нанесеніе побоевъ жителямъ города Бухареста, изъ коихъ два найдены убитыми на мѣстѣ, а одинъ умеръ черезъ часъ послѣ драки, за дерзость противъ полковника турецкой арміи Али-Бея и нанесеніе ему удара камнемъ по головѣ, а ординарцу его кинжаломъ въ бокъ, по высочайшему повелѣнію, разжалованъ въ рядовые съ лишеніемъ дворянскаго званія. За боевья отличія 1 сентября 1851 г. назначенъ фельдфебелемъ, а 27 декабря 1855 г. за нерадѣніе по службѣ снова разжалованъ въ рядовые, наконецъ, 10 іюля 1857 г.

за составленіе подложныхъ писемъ и бумагъ, по рѣшенію главнаго аудиторіата, лишень воинскаго званія и сосланъ въ Сибирь на поселеніе.

Такъ говоритъ имѣющаяся при дѣлѣ копія формулярнаго списка, документъ, несомнѣнно, официальнаго происхожденія, но несомнѣнно и то, что имѣющіяся въ этой копіи свѣдѣнія не соотвѣтствуютъ дѣйствительности; спрошенный объ этомъ Черемшанскій заявилъ, что «формулярный списокъ этотъ недѣйствителенъ, но какъ и почему—объ этомъ я шичего не скажу». Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о томъ, что, судя по отмѣткамъ этого списка, Черемшанскій, онъ же Запольскій, въ 14-лѣтнемъ возрастѣ поступаетъ въ артиллерійское училище, успѣвъ до того пройти два курса въ медико-хирургической академіи, что затѣмъ въ теченіе девяти мѣсяцевъ онъ успѣваетъ получить два офицерскихъ чина и 15-ти лѣтъ отъ роду отправляется уже въ дѣйствующую армію,—по дѣлу несомнѣнно доказано, что въ медико-хирургическую академію Запольскій никогда не поступалъ и за все время съ 1836 г. по 1844 г. въ числѣ студентовъ академіи лица, носившаго такую фамилію, не было; установлено также, что этотъ Запольскій никогда въ офицеры производимъ не былъ и всѣ изложенныя выше свѣдѣнія объ его подвигахъ и военно-служебныхъ проступкахъ измышлены. Вмѣстѣ съ тѣмъ выяснено что, какъ уже сказано, копія этого формуляра доставлена судебному слѣдователю тюменскимъ приказомъ о ссыльныхъ, а имъ, въ свое время, была получена изъ казанскаго губернскаго правленія, по справкѣ же въ дѣлахъ этого послѣдняго оказалось, что хотя по книгамъ и видно, что губернское правленіе 20 апрѣля 1859 г. посылало въ приказъ о ссыльныхъ какую-то копію формуляра Запольскаго, но провѣрить эту отмѣтку и разыскать подлинный формуляръ, съ котораго была снята отосланная копія, оказалось невозможнымъ, такъ какъ всѣ дѣла по ссыльной экспедиціи губернскаго правленія уничтожены пожаромъ 1870 года.

Такимъ образомъ, исторія этой копіи формуляра такъ и осталась невыясненною, но что въ нее включены невѣрныя свѣдѣнія—это не подлежитъ сомнѣнію. Слѣдствіемъ установлено, что Андрей Аполлоновичъ Запольскій съ 13-го сентября 1844 года былъ въ юнкерскомъ училищѣ, но курса не кончилъ и, просидѣвъ въ одномъ классѣ два года и восемь мѣсяцевъ, былъ «за весьма малые успѣхи и дурныя наклонности» выключень изъ заведенія и поступилъ юнкеромъ въ 6-ю легкую батарею 15-й артиллерійской бригады. Командиръ этой батареи, несмотря на предупрежденіе начальства, принялъ участіе въ молодомъ человѣкѣ и помѣстилъ его въ своей квартирѣ, но Запольскій похитилъ у него и заложилъ еврейю бѣлье и столовое серебро. Посовѣтовавшись съ офицерами батареи, командиръ рѣшилъ не возбуждать объ этомъ дѣла, а ограничился тѣмъ, что перевелъ Запольскаго въ общія казармы, но и здѣсь онъ оказалъ

ему особое снисхождение, распорядившись помѣстить его не въ солдатскія комнаты казармъ, а въ помѣщеніе фельдфебеля. Запольскій взломалъ сундучокъ этого фельдфебеля и укралъ хранившіяся тамъ деньги и вотъ ужъ за это, а также и за другіе проступки по службѣ онъ въ 1851 году, по приговору военного суда, былъ разжалованъ въ рядовые съ лишеніемъ дворянскаго достоинства, а въ 1852 году, по другому приговору, отданъ въ исправительное отдѣленіе сначала житомирскаго, а затѣмъ кіевскаго гарнизоннаго батальона. Наконецъ, въ 1858 году, по рѣшенію генераль-аудиторіата, за подлоги и другія преступленія онъ лишенъ воинскаго званія и сосланъ на поселеніе въ Сибирь, гдѣ въ 1859 году причисленъ въ поселенцы Тобольскаго округа деревни Бойдучаловой.

Въ 1864 и 1865 гг. Запольскаго видятъ въ гор. Курганѣ, гдѣ онъ служитъ приказчикомъ въ иконостасномъ заведеніи, причемъ выдаетъ себя за студента-медика, пострадавшаго за какую-то политическую исторію и сосланнаго сначала на Кавказъ, гдѣ былъ фельдшеромъ, а затѣмъ въ Сибирь. Черезъ нѣкоторое время Запольскій появляется въ Тобольскѣ, въ качествѣ домашняго учителя дѣтей одного изъ мѣстныхъ чиновниковъ; но гдѣ онъ затѣмъ былъ до 1871 года, изъ дѣла не видно, а по рассказамъ, онъ за это время пристроился лакеемъ у какого-то врача, который, по существующимъ въ Сибири порядкамъ, имѣлъ собственную аптечку. Въ этой аптечкѣ и занимался Запольскій, помогая врачу при приготовленіи лекарствъ и при приѣмѣ больныхъ; нерѣдко, за неимѣніемъ фельдшера, онъ исполнялъ обязанности послѣдняго при производствѣ врачомъ судебно-медицинскихъ вскрытій и изслѣдованій; достаточно напрактиковавшись, онъ поступилъ вольнонаемнымъ фельдшеромъ на какіе-то золотые прииски и здѣсь нерѣдко замѣнялъ отсутствующаго врача, не безъ успѣха исполняя его обязанности.

Въ апрѣлѣ 1871 года онъ появляется въ городѣ Тихвинѣ, Новгородской губерніи, гдѣ въ качествѣ переселенца изъ Сибири приписывается къ мѣстному мѣщанскому обществу подъ своимъ именемъ Запольскаго. Въ 1872 году онъ, какъ неправильно приписанный къ городскому обществу Европейской Россіи, на что, какъ ссыльно-поселенецъ, онъ не имѣлъ права, исключается изъ мѣщанъ города Тихвина и возвращается въ Сибирь, гдѣ 10 іюля 1872 года поступаетъ въ число городскихъ крестьянъ города Тобольска и водворяется въ этомъ городѣ, по велѣдъ за водвореніемъ исчезаетъ и отмѣчается бѣжавшимъ.

Какъ видно изъ дѣла, онъ нѣкоторое и весьма немалое время странствовалъ по внутреннимъ губерніямъ Россіи и оставилъ по себѣ слѣды въ судебныхъ анналахъ этихъ губерній. Приговорами смоленскаго окружнаго суда 19 декабря 1874 года, кіевской палаты уголовного и гражданскаго суда 4 октября 1875 года, одесскаго окружнаго суда 4 іюля 1876 года и кишиневскаго окружнаго суда

13 января 1877 года онъ за разныя мошенничества и въ томъ числѣ за обманъ губернаторовъ: харьковскаго, полтавскаго, курскаго и бессарабскаго на сто рублей каждаго ¹⁾, присужденъ по совокупности преступлений въ тюрьму на одинъ годъ и четыре мѣсяца. Въ наказаніе же ему зачтено предварительное заключеніе его во время предварительнаго слѣдствія, и, въ силу этого, онъ 13 января 1877 г. изъ тюрьмы освобожденъ и отданъ подъ надзоръ общества на два года, но тотчасъ по выходѣ изъ тюрьмы скрылся, и эта часть приговора осталась неисполненной.

Въ маѣ 1877 года, какъ уже сказано въ началѣ этой статьи, Запольскій подъ именемъ и по документамъ доктора Черемшанскаго поступилъ на службу въ сарапульское земство.

Женатъ онъ былъ пять разъ. Первый разъ онъ былъ повѣнчанъ 20 января 1860 года въ Tobольскѣ подъ именемъ Запольскаго съ солдатскою дочерью Евгеніей Абрамовой. Жена его умерла 7 апрѣля 1865 года, оставивъ дочь Екатерину. Эту послѣднюю видѣли въ Tobольскѣ уже взрослою дѣвицею, брошенною съ малолѣтства отцомъ и крайне нуждающеюся въ средствахъ.

Вторично онъ женился 20 мая 1865 года на мѣщанкѣ Маріи Тимофеевой, тоже въ Tobольскѣ и тоже подъ своимъ именемъ Запольскаго. Эта жена его умерла 30 іюня того же 1865 года отъ тифа.

26 августа 1866 года онъ женился въ Tobольскѣ въ третій разъ на мѣщанской дѣвицѣ Надеждѣ Степановой Кабалиной. Эта жена его умерла 28 іюня 1876 года отъ чахотки.

Въ четвертый разъ онъ женился въ Москвѣ 13 февраля 1877 года на пензенской мѣщанкѣ Аннѣ Ѳедоровнѣ Коробовой уже по фальшивымъ документамъ и подъ именемъ доктора Черемшанскаго; съ недѣлю супруги жили мирно, но затѣмъ мужъ до того сталъ тиранить жену, что та ночью въ одномъ бѣльѣ сбѣжала отъ него. Черезъ нѣкоторое время они снова сошлись, но ненадолго. Въ августѣ 1877 года Черемшанскій объявилъ супругѣ, что она у него уже тридцать восьмая жена, что онъ ее бросаетъ и ѣдетъ въ Благовѣщенскъ на Амурѣ съ молоденькою гувернанткою.

Въ 1878 году въ Сарапулѣ онъ сходитъ съ дочерью діакона Лидіей Разсыпкинской, вступаетъ съ нею въ связь и приживаетъ дочь Нину. Эта его сожительница вскорѣ умираетъ, оставя на рукахъ у него малолѣтнюю дочь, а Черемшанскій, уже перешедшій въ это время на службу въ Мензелинскъ, женится въ пятый и въ послѣдній разъ на акушеркѣ Елизаветѣ Александровнѣ Харламовой; это и была та его супруга, которая жила при немъ въ Мензе-

¹⁾ Обманъ этотъ заключался въ томъ, что онъ представилъ перечисленнымъ губернаторамъ письма, составленные имъ самимъ, отъ имени генераль-губернатора Западной Сибири А. П. Хруцова съ просьбою оказать подателю письма денежную, за счетъ Хруцова, помощь въ размѣрѣ ста рублей

линскѣ, а затѣмъ и въ Бирскѣ. Отъ нея онъ имѣлъ троихъ дѣтей, изъ которыхъ двое умерло, а одна дѣвочка осталась жива. Эта дѣвочка, по имени Раиса, и оставшаяся послѣ смерти Разсыпкинской незаконнорожденная дочь Нина и составляли въ послѣднее время семейство Черемшанскаго. Судя по письмамъ его, а ровно и показаніямъ свидѣтелей, на этотъ разъ онъ былъ очень привязанъ къ семьѣ, любилъ жену и дѣтей и въ особенности сиротку Нину, и, надобно думать, исключительно желаніемъ проститься съ семьей и благословить эту самую Нину и объясняется его внезапный ночной пріѣздъ въ Бирскъ съ послѣдовавшимъ затѣмъ арестомъ въ Казани.

Въ этотъ послѣдній бракъ онъ вступилъ при жизни четвертой жены своей, брошенной имъ на произволъ судьбы въ Москвѣ; при вступленіи въ этотъ бракъ онъ представилъ подложное, имъ самимъ составленное «рѣшительное постановленіе» московской духовной консисторіи и опредѣленіе святѣйшаго синода о расторженіи второго брака его съ мѣщанкою Коробовой за нарушеніе послѣднею супружеской вѣрности и свидѣтельство медицинскаго департамента о неимѣннй препятствій къ вступленію въ третій бракъ съ Елизаветою Харламовой. Во всѣхъ этихъ документахъ онъ выступаетъ подъ именемъ доктора Черемшанскаго. По мнѣнію эксперта, секретаря московской духовной консисторіи, первые два документа написаны съ такими грубыми нарушеніями формъ и съ такими ошибками, что, очевидно, составлены лицомъ; понятія не имѣющимъ о такого рода дѣлахъ.

Смертью въ тюрьмѣ кончились многолѣтнія и многообразныя похожденія Черемшанскаго-Запольскаго; судъ не сказалъ своего послѣдняго авторитетнаго слова объ этихъ похожденіяхъ, но личность самозванца достаточно рельефно обрисована предварительнымъ слѣдствіемъ; изъ собранныхъ имъ данныхъ видно, что то была личность далеко незаурядная, личность способностей выдающихся, и, что бы вышло изъ нея при другихъ условіяхъ, при иной обстановкѣ, сказать трудно.

У насъ на Руси разыграть роль самозванца не хитро. Я не разъ думалъ о томъ, вспоминая свои поѣздки по Россіи въ качествѣ члена консультаціи при министерствѣ юстиціи по ревизіоннымъ порученіямъ. Помню я, какъ однажды, пріѣхавъ въ Кіевъ съ такого рода порученіемъ, я остановился въ гостиницѣ и, не успѣвъ разобраться, отказался предъявить немедленно свой письменный видъ, заявивъ, что исполню это черезъ два-три часа. Дорожа временемъ, я тотчасъ же нанесъ визиты генераль-губернатору и губернатору, и вотъ, послѣ посѣщенія меня генераль-губернаторомъ, отдавшимъ черезъ полчаса визитъ, я уже никоимъ образомъ не могъ заставить гостиницу прописать мой паспортъ; мало того, когда я настойчиво просилъ объ этомъ же явившагося ко мнѣ полицеймейстера, тотъ категорически отказалъ мнѣ и даже съ какимъ-то ужасомъ отстранилъ мою руку съ

паспортомъ. Развѣ при такихъ условіяхъ невозможно появиться самозванцу ревизору?

Конечно, это вполне возможно, но возможно только на короткое время. Между тѣмъ описанный мною самозванецъ успѣшно и безукоризненно разыгрывалъ свою роль съ 27 мая 1878 года по 7 октября 1884 года, то-есть въ теченіе шести въ половиною лѣтъ.

Къ тому же, если не всё, то во всякомъ случаѣ громадное большинство случаевъ самозванства является средствомъ преступнаго добыванія денегъ,—между тѣмъ Черемшанскій-Запольскій за все время бытности своей самозваннымъ врачомъ велъ себя безупречно и какъ врачъ, и какъ чиновникъ коронной службы, и какъ частное лицо; общая любовь и расположеніе къ нему были вполне имъ заслужены. Совершенные имъ многочисленные подлоги и мошенничества или предшествовали его бытности врачомъ, или послѣдовали затѣмъ, во все же время проживанія его въ Сарапулѣ, Мензелинскѣ, на Симскихъ заводахъ и Бирскѣ каждый считалъ его за вполне порядочнаго человѣка, да онъ и дѣйствительно былъ такимъ за это время. Нельзя не остановиться и на томъ, что этотъ оригинальный человѣкъ, мѣнявшій женъ, какъ перчатки, обрѣлъ, наконецъ, семью въ лицѣ жены и горячо любимой дочери. Съ этою семьею онъ, уже скрываясь отъ разыскивавшихъ его властей и тщательно заматавая свои слѣды, старается дѣлиться частью добытыхъ имъ преступнымъ путемъ денегъ и посылаетъ женѣ и дѣтямъ подарки и дышащія глубокою любовью письма: «Болишь, болишь сердце мое о ребятахъ и о тебѣ, — пишетъ онъ въ этихъ письмахъ:—за особенное счастье счелъ бы получить отъ тебя вѣсточку. Райка, вѣроятно, уже болтаетъ... Какъ хорошо бы я вздохнулъ, если бы зналъ, что вы устроились безъ меня, какъ слѣдуетъ... одна моя забота желать, чтобы маломало обезпечить ребятиншекъ; это одно мое ревностное желаніе».

Наконецъ, нельзя не обратить вниманія на ту смѣлость, доходящую до виртуозности, съ которой онъ совершаетъ свои похождения, и вѣдь все это продѣлано имъ однимъ, безъ всякихъ соучастниковъ и пособниковъ!

Словомъ, личность эта крупная и избери она себѣ не скромную роль земскаго и уѣзднаго врача, а какую-либо иную, болѣе высокую, была бы, пожалуй, личностью исторической, а получи Черемшанскій-Запольскій надлежащее образованіе, я, право, не знаю, что бы онъ сдѣлалъ.

Все это такъ,—но что сказать о неосмотрительности властей, допустившихъ самозванца свободно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ врачевать человѣчество и занимать коронную должность судебного и полицейскаго врача, довольствуясь грубо поддѣланными и имъ самимъ представленными копіями какихъ-то фантастическихъ бумагъ, и не догадавшихся хотя бы однажды въ теченіе этихъ лѣтъ снести съ вѣдомствомъ, въ которомъ онъ, судя по представленнымъ

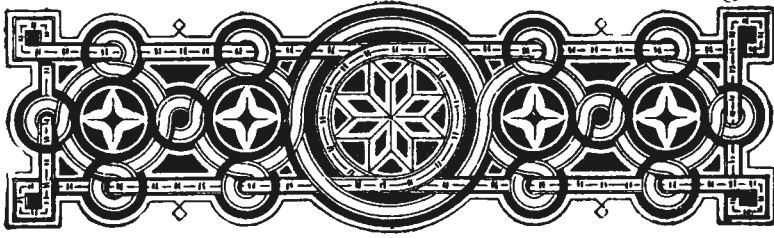
имъ документамъ, служилъ послѣднее время? Нельзя не задуматься и надъ тѣмъ, какъ могло случиться, что человѣкъ, не получившій не только медицинскаго, но, собственно говоря, никакого образованія, вращается постоянно среди патентованныхъ врачей, занимается медицинскою практикою, завѣдуетъ больницами, участвуетъ въ консилиумахъ, успѣшно производитъ выходящія изъ ряда вонъ операціи и ни разу не обнаруживаетъ своего невѣжества. Наконецъ, какимъ образомъ врачебное отдѣленіе губернскаго правленія, это высшее медицинское учрежденіе въ губерніи, контролируя постоянно это лицо въ его судебно-медицинской дѣятельности, не только не обнаружило его невѣжество, но даже восхищалось его работами?

И вѣдь все это было не при царѣ Горохѣ, а всего около двадцати лѣтъ тому назадъ, и не въ тундрахъ Сѣверной Сибири или Камчатки, а въ двухъ наиболѣе густо населенныхъ губерніяхъ Прикамскаго края.

Вотъ уже по истинѣ есть многое на свѣтѣ, о чемъ не спилось нашимъ мудрецамъ.

Ив. Мѣщаниновъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ТЮРЪМНОЙ НАДЗИРАТЕЛЬНИЦЫ.

ТАКЪ, вы рѣшили поступить къ намъ на службу? Вы хорошо обдумали прежде, чѣмъ рѣшиться? Не забудьте, что вамъ предстоитъ жить среди отбросовъ, подонковъ общества! Вы увидите и услышите такія вещи, которыя вамъ и не снились... Вы будете вращаться въ обществѣ воровокъ, проститутокъ, убійць... Подумайте!

Съ этими словами обратился ко мнѣ начальникъ тюрьмы города N, когда я явилась къ нему съ заявленіемъ, что принимаю предложенное мнѣ мѣсто тюремной надзирательницы.

Спокойнымъ, мягкимъ голосомъ онъ въ краткихъ словахъ посвятилъ меня во всѣ ужасы тюремной жизни. Мнѣ казалось, что онъ умышленно сгущаетъ краски и представляетъ все въ худшемъ свѣтѣ.

— Нѣтъ, я рѣшила... Вѣдь вы поможете мнѣ первое время... пока я попривыкну?

— Съ удовольствіемъ, конечно!—ласково сказалъ онъ, пожимая мою руку.—Вамъ будетъ тяжело, и врядъ ли вы привыкнете... Васъ могутъ оскорблять—вы слишкомъ мягки, слабы для этой среды. Вы увидите дикія, искаженные злобой лица, кровавыя сцены и услышите площадную ругань.

— Я составила себѣ планъ дѣйствій и воздѣйствій на нихъ. Вѣдь это люди... несчастные люди!

— Да, вѣрно, это люди, но потерявшіе человѣческій образъ, и вы ихъ не исправите...

Нужно было 3¹/₂ года жизни въ тюрьмѣ съ ея удручающей обстановкой для того, чтобы убѣдиться, что тюрьма въ самомъ дѣлѣ никого не исправляетъ и не можетъ исправить. Самый лучший изъ арестантовъ, побывавъ въ заключеніи, понемногу теряетъ свой симпатичный обликъ, становится озлобленнымъ, плутоватымъ, дичаешь. И въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ тюрьма, при ея современной постановкѣ, можетъ оказать воспитательное вліяніе на заключенныхъ! Не говоря уже о тюремныхъ надзирателяхъ, собираемыхъ съ бору да съ сосенки, даже начальники тюремъ въ большинствѣ случаевъ обладаютъ слишкомъ слабыми понятіями о чести и своихъ обязанностяхъ.

Заключенные очень чутко прислушиваются и присматриваются къ дѣйствию начальства. Они видятъ, что деньги, предназначенныя на ихъ нужды, исчезаютъ въ карманѣ начальства. Полотно, выдаваемое на ихъ рубахи, остается на кухнѣ начальника, а на двѣнадцать арестантокъ выдается девять рубахъ. Женщина принуждена ходить безъ рубахи, когда ей вздумается выстирать свою. Сами надзиратели учатъ воровать, носятъ имъ водку и дерутъ за нее втридорога... Все это ложится на ихъ душу, еще больше загрязняетъ ее и озлобляетъ ихъ.

— Вотъ мы сидимъ въ тюрьмѣ за воровство, а всѣ они также воровуютъ, но почему-то гуляютъ на волѣ.

Подобныя рѣчи приходилось очень часто слышать изъ устъ арестантовъ. Многіе освобождались отъ заключенія, благодаря слѣдователю, получавшему отъ арестантовъ «денежные подарки». При мнѣ сидѣлъ въ тюрьмѣ человекъ, изъ мести къ помѣщику спустившій у четырехъ лошадей кожу. Онъ прорѣзалъ ее на спинѣ лошадей и отвернулъ на обѣ стороны. Этотъ человекъ-звѣрь рассказывалъ, что онъ наединѣ, въ кабинетѣ слѣдователя, угрозилъ ему: «Ты взялъ съ меня 25 рублей и не финти!»—И я видѣла своими глазами, какъ этотъ слѣдователь, придя въ тюрьму, скромно подавалъ руку этому арестанту.

За время моей службы въ тюрьмѣ перемѣнились три начальника.

Первый изъ нихъ старался улучшить пищу заключенныхъ, не жалѣлъ топлива, но, напримѣръ, закрылъ всѣ водопроводные краны, чтобы не портились. Воду арестанты таскали ушатами, между тѣмъ какъ извѣстная сумма отпускалась на починку водопровода. Къ пріѣзду тюремнаго инспектора всѣ краны открывались и воды было сколько угодно.

Освѣщеніе было самое скудное, скверное, не давали стеколъ для лампъ, и люди буквально дышали копотью. Опять-таки къ пріѣзду начальства тотчасъ появлялись стекла, какъ и вода въ водопроводѣ. Тутъ же при арестантахъ во время посѣщенія инспектора рапортовались просто небылицы для сокрытія своихъ, можно сказать, преступленій по службѣ.

Наконецъ, тѣ же инспектора дѣйствовали по своему личному усмотрѣнiю. Одинъ сокращалъ паекъ, другой, наоборотъ, старался улучшить пищу, завелъ наволочки и простыни. Одинъ устроилъ вентиляціонныя печи, другой, стараясь экономить топливо, воспретилъ топку этихъ печей, и мiазмы, проникая черезъ печныя трубы, еще больше заражали воздухъ.

И, Боже мой, сколько мученій пришлось терпѣть и мнѣ, и заключеннымъ хотя бы изъ-за этихъ ламповыхъ стеколъ. Ночью нельзя было отойти ни на шагъ, такъ какъ лампы ежеминутно вспыхивали, коптили, или же вовсе потухали. Копоть набьется въ ротъ, носъ, такъ что дышать тяжело. Ждешь, не дождешься утра, чтобы потушить всѣ лампы и открыть форточки. Я стала покупать стекла на свой счетъ. Но при 12 р. 40 к. въ мѣсяцъ жалованья этотъ расходъ былъ слишкомъ чувствителенъ. Когда я заявила объ этомъ начальнику, онъ былъ очень недоволенъ и сказалъ, что у него нѣтъ денегъ на стекла. И не скоро, совершенно случайно, я добилась этой милости.

Черезъ мѣсяцъ послѣ моего поступленія въ тюрьму приняли на службу новую, вторую надзирательницу. Это была дочь бывшего урядника съ мужскимъ лицомъ, злыми глазами и стриженной головой.

Она тотчасъ вступила въ дружбу съ арестантами, носила имъ водку и спиртъ и вела съ ними романы. Дошло до того, что она стала готовить побѣги, приносила поддѣльные ключи. Все это было мнѣ извѣстно, но прекратить подобныя беззаконія я не могла, да и пришлось бы подвергнуть опасности свою жизнь.

Такъ продолжалось до прїѣзда новаго начальника, который самъ поймалъ ее съ водкой и тотчасъ уволилъ.

Новый начальникъ былъ человѣкомъ въ высшей степени добрымъ, честнымъ, но слабохарактернымъ. Заключенные почувствовали себя совершенно свободными, и тюрьма была до того распущена, что съ арестантами не было никакого сладу. Всякій руководствовался только своимъ усмотрѣнiемъ. Начались побѣги. Новый начальникъ бился нѣсколько мѣсяцевъ и наконецъ вынужденъ былъ уйти.

И временно назначили третьяго начальника. Это былъ полное ничтожество, развратникъ, пьяница и взяточникъ. Онъ дѣйствовалъ съ самымъ беззащитнымъ цинизмомъ. Первымъ дѣломъ онъ сталъ заводить знакомства среди заключенныхъ женщинъ. Арестантокъ стали часто сажать въ мужской карцеръ, ключъ отъ котораго былъ у начальника, и по ночамъ онъ ходилъ въ женское отдѣленіе и карцеръ «на провѣрку». Бывали случаи, когда арестантка, безъ всякаго повода, начинала бить стекла и скандалить, такъ что приходилось вести ее въ карцеръ. Позже она сознавалась, что начальникъ научилъ ее этому и онъ самъ являлся къ ней въ карцеръ для «бесѣды». Карцеръ сталъ желаннымъ убѣжищемъ для свиданій съ начальникомъ.

По ночамъ изъ квартиры начальника раздавались по всей тюрьмѣ крики, женскій визгъ, звонъ разбиваемой посуды. Дошло до того, что арестантки стали умышленно грубить мнѣ, чтобы попасть въ карцеръ и добиться такой чести, какъ свиданіе съ начальникомъ. Въ концѣ концовъ арестантки подали жалобу на незаконныя дѣйствія начальника, и его назначили въ другую тюрьму. Но къ дѣйствіямъ этого начальника я еще возвращусь, а пока постараюсь обрисовать нѣкоторые типы заключенныхъ.

Въ началѣ моей службы въ тюрьмѣ составъ заключенныхъ былъ довольно симпатичный. Среди арестантокъ преобладали женщины, сидѣвшія за мелкія кражи.

Только позже появились дѣтоубійцы, убійцы и вообще совершившія болѣе тяжелыя преступленія.

Когда я явилась въ первый разъ въ тюрьму, всѣ арестантки представлялись мнѣ въ видѣ одной сѣрой массы. Мнѣ казалось, что это скопище какихъ-то демоновъ, бездушныхъ, съ сильной волей. Но я стала наблюдать, и понемногу изъ этой сѣрой массы стали обрисовываться отдѣльныя типичныя фигуры. Многія изъ нихъ до сихъ поръ живутъ въ моей памяти.

Оказалось среди нихъ много трусливыхъ, слабыхъ, служившихъ только орудіемъ преступленія.

Арестантки съ любопытствомъ приглядывались ко мнѣ, но скоро освоились и понемногу стали посвящать меня въ свои дѣла. Большинство изъ нихъ охотно рассказывали о причинахъ ихъ пребыванія въ тюрьмѣ.

Среди моихъ новыхъ знакомыхъ я обратила вниманіе на молодую, краснощекую дѣвушку съ лукавыми глазами и живымъ, веселымъ выраженіемъ лица. Тутъ же около нея сидѣла пожилая женщина, которую она называла матерью.

— За что вы попали сюда?—обратилась я къ дѣвушкѣ.

Она отвѣтила не сразу и только сверкнула глазами.

— Я ей прихожусь матерью... мы попали сюда за воровство...

— Я ворую куръ...—вставила дочь.

— И за это заключены въ тюрьму?

— Ну, да! украли курицу и буду сидѣть три мѣсяца...

— Стоило воровать... изъ-за такого пустяка!!

— Что же! подыхать съ голоду? Жрать нечего... и крали. Вы думаете, я выйду изъ тюрьмы и перестану красть? Жили всю жизнь воровствомъ—и будемъ воровать до смерти... Я сама незаконнорожденная и... настряпаю такихъ же...—нагло заявила она.

— Молчи, стерва! Вотъ вырастила золото!..

— Не нравится? А ты не воровствомъ живешь? Не ты учила меня красть? А еще лается...

Мать ничего не отвѣтила, вздохнула и обратилась ко мнѣ:

— Видите, какую вырастила... А вѣдь когда она была маленькая, нечѣмъ было кормиться... Работы не папла... Пошла это я

съ корзинкой за городъ, къ лѣсу... Думаю, что-нибудь найду... Ходила, ходила—вижу, лежитъ дохлая лошадь... еще недавно вывезли—свѣжая... Вороны, какъ черная туча, кружились около нея. Ножикъ у меня былъ въ кармагѣ... и давай срѣзать мясо... Нарѣзала полную корзинку, прикрыла и понесла въ городъ. Въ хатѣ ничего нѣтъ... ни корочки хлѣба! Заперла я эту самую дѣвчонку и пошла продавать мясо для собакъ и кошекъ... Глядишь—десять-пятнадцать копеекъ и заработала... Хлѣба купила... Дома этого мяса много осталось... Набрала по дорогѣ щепокъ, растопила печку и сварила мяса... много... полный горшокъ... Сначала не могла его ѣсть... претило, а дѣвчонка—какъ схватить да такъ живо уплела большой кусокъ... Еще просить. Супу поѣла... попробовала и я кусочекъ мяса... Ничего, вкусно, какъ солью посыпать густо да съ хлѣбомъ... Съ тѣхъ поръ и стала я продавать падаль для собакъ и кошекъ... Да и сами каждый день ѣли мясо... Видите, какую здоровую вырастила! И ругали меня люди—зачѣмъ ребенка падалью кормишь... Ругать вѣдь не трудно, а жрать никто не дастъ.

— А воровать когда же стали?

— Да вотъ... выросла... и одѣться надо... пошла куръ красть. Она ничего больше не крадетъ, окромя куръ... А я... что пошало...

Я стала увѣщевать ихъ, что красть не слѣдуетъ, нужно искать работу...

— Пустые разговоры! Вспухнешь... искавши работу... что зря болтать! Воровать все равно не перестанемъ!

Спустя два года я случайно встрѣтила на улицѣ женщину, несущую что-то въ глиняномъ кувшинѣ. Я присмотрѣлась. Да, это моя знакомая, выкормленная падалью дѣвушка. Она немного похудѣла, но стала какая-то серьезная, степенная.

— Если не ошибаюсь, мы съ вами знакомы?

Она покраснѣла и нерѣшительно остановилась.

— Да, я васъ помню, но боялась кланяться.

— Что же вы теперь дѣлаете?

— Я живу здѣсь у одного рабочаго... Жена бросила его и трое дѣтей... Я за ними смотрю, стряпаю, стираю... Вотъ несу обѣдъ—онъ на работѣ.

— А вы... не... воруете больше?—спросила я нерѣшительно.

— Нѣтъ, барышня, ни-ни! Мнѣ такъ хорошо! Я дѣтей люблю, сыта, зачѣмъ воровать.

Такъ она и не сдержала обѣщанія, что будетъ заниматься воровствомъ до конца жизни.

Въ той же камерѣ, гдѣ сидѣла эта дѣвушка съ матерью, помѣщалась молодая, красивая женщина, производившая впечатлѣнныя молоденькой дѣвушки. Бѣлая, румяная, съ тоскующимъ выраженіемъ въ прекрасныхъ голубыхъ глазахъ, она привлекала вниманіе всѣхъ посѣтителей тюрьмы. Это была жена тюремнаго надзирателя,

обвиняемая въ попыткѣ отравить мужа. При ней былъ маленькій мальчикъ двухъ лѣтъ. Она вела романъ съ другимъ надзирателемъ, сослуживцемъ ея мужа, и, повидимому, они въ самомъ дѣлѣ очень любили другъ друга. Мужъ ея былъ очень несимпатичный, грубый человѣкъ, постоянно издѣвавшійся надъ нею. Очувтившись въ тюрьмѣ, она стала усердно учиться писать. По цѣлымъ днямъ и вечерамъ она выводила на клочкахъ бумаги карандашомъ большія буквы, такъ что даже не обращала никакого вниманія на своего ребенка. Приходилось ей напоминать, что пора вымыть ребенка или выстирать его рубашонку. Вскорѣ она научилась кое-какъ писать и стала посылать записки любимому ея надзирателю. Когда онъ дежурилъ, она очень часто просила меня пустить ее то за водой, то выстирать что-то. На второмъ коридорѣ она встрѣчалась съ упомянутымъ надзирателемъ, говорила съ нимъ и даже улучала минутку поцѣловаться съ нимъ. Я могла бы воспретить эти отлучки, но не хватало духу лишать ее этихъ счастливыхъ минутъ. Я притворялась, что ничего не замѣчаю.

Въ то же время ея ребенокъ постоянно плакалъ, капризничалъ и не хотѣлъ играть. Мать не обращала никакого вниманія на него, и, повидимому, у нея не было никакого чувства къ ребенку отъ ненавистнаго ей мужа.

Въ одинъ прекрасный день мнѣ заявляютъ, что выдаваемая ребенку пища въ видѣ молока и булки поѣдается матерью, а манну она продаетъ. Согласно тюремной инструкціи, для каждаго ребенка до двухъ лѣтъ полагалось бутылка молока и пятикопеечная французская булка ежедневно и два фунта манны въ недѣлю.

Меня эта вѣсть очень взволновала и возмутила. Я тотчасъ отобрала у нея дѣтскій паекъ и стала сама кормить ребенка, остатки же отдавала матери. Надо было видѣть, съ какою жадностью изголодавшійся ребенокъ поѣдалъ молоко, кашу и булку. Мать была, конечно, сконфужена и недовольна такимъ оборотомъ дѣла. Она исподтишка говорила:

— Очень хорошо! буду жить барыней—есть нянька для моего ребенка.

— И не стыдно вамъ такъ говорить! Конечно, буду нянчить, разъ у него такая мать... Вѣдь жаль безотвѣтнаго, ни въ чемъ неповиннаго ребенка. Развѣ его вина, что вы не любите мужа?

Она промолчала. Вскорѣ отецъ взялъ у нея ребенка, а ее оправдали.

И она ушла не къ мужу, а къ герою своего романа и зажила съ нимъ дружно, душа въ душу.

Кстати о дѣтяхъ. Въ тюрьмахъ жило вмѣстѣ съ матерями довольно много дѣтей. Матери были обязаны смотрѣть за ними, мыть ихъ и стирать. Но эти несчастныя дѣти, вынужденныя жить въ одной камерѣ со взрослыми, были невольными свидѣтелями всякихъ

ссорь, дракъ. Они слышали площадную ругань и дышали убійственнымъ, спертымъ воздухомъ тюремныхъ камеръ. Изъ-за этихъ бѣдныхъ дѣтей я старалась не запираить камеры, чтобы дѣти могли свободно бѣгать по коридору. Я выпускала ихъ побѣгать на тюремный дворъ, устраивала для нихъ игры. Дѣти постарше были посвящены во всѣ тюремныя передраги, говорили тюремнымъ жаргономъ и носили арестантамъ любовныя записки отъ своихъ матерей. И ничѣмъ я не могла оградить ихъ отъ всего этого. Приходилось съ болью сердца наблюдать, какъ дѣти заражаются всѣми пороками и дичають.

Среди дѣтей былъ десятилѣтній мальчикъ, котораго арестанты брали на мужскую половину подъ видомъ обученія грамотѣ.

Мальчикъ очень быстро научился всякимъ плутнямъ, продѣлкамъ, отчаянной ругани и сталъ грубить матери и даже мнѣ. Я много разъ заявляла начальнику тюрьмы, что необходимо воспретить мальчику пребываніе среди арестантовъ, тѣмъ болѣе, что это даже противорѣчитъ тюремной инструкціи.

— Охота вамъ принимать къ сердцу всякіе пустяки... пусть себѣ бѣгаетъ, куда ему угодно... Вѣдь онъ не арестантъ...

Черезъ нѣкоторое время въ женское отдѣленіе явился тюремный инспекторъ.

— Сколько у васъ женщинъ-заключенныхъ?—обратился онъ ко мнѣ.

— Шестнадцать!

— А дѣтей?

— Дѣтей семеро. Здѣсь шестеро, а седьмой проводитъ время наверху, въ мужскомъ отдѣленіи.

— Помилуйте! да развѣ вы не знаете инструкцій, по которымъ дѣти должны находиться при матеряхъ... Это незаконно!

— Я многократно заявляла объ этомъ, но почему-то мои заявленія оставались безъ вниманія.

Тюремный инспекторъ ничего не отвѣтилъ и отправился въ мужское отдѣленіе. А тѣмъ временемъ прибѣжалъ начальникъ тюрьмы.

— Не говорите инспектору, что мальчикъ наверху!

— Да я уже заявила—онъ былъ здѣсь.

Начальникъ махнулъ рукой и быстро побѣжалъ за инспекторомъ.

Арестанты успѣли мальчика спрятать. Они не подозрѣвали, что инспектору все извѣстно.

— Гдѣ у васъ тутъ мальчикъ изъ женскаго отдѣленія?

— У насъ нѣтъ мальчика!

— Какой мальчикъ? Гдѣ мы возьмемъ для него мальчика?—раздался голоса изъ толпы арестантовъ.

— Молчать! Подайте сейчасъ мальчика!

И мальчикъ быстро очутился передъ инспекторомъ. Въ это время прибѣжалъ начальникъ тюрьмы.

— Какъ же вы допускаете сюда дѣтей—это незаконно,—сказаль ему инспекторъ.

— Я... я не успѣлъ принять мѣры,—заикаясь отвѣтилъ переконфуженный начальникъ.

Съ того дня мальчикъ все время оставался внизу, и мнѣ пришлось вынести немало неприятностей, вызванныхъ вновь пріобрѣтенными привычками бѣднаго мальчугана.

Среди заключенныхъ находилась шестнадцатилѣтняя дѣвочка, осужденная на 6 лѣтъ въ рабочій домъ и отбывавшая наказаніе въ тюрьмѣ. Она убила ребенка во время своей службы въ нянькахъ.

У помѣщика былъ внѣбрачный ребенокъ, котораго жена его вздумала взять на воспитаніе. Эту дѣвушку или, вѣрнѣе, дѣвочку взяли въ няньки. Когда ребенокъ очень раскапризничался и кричалъ, нянька налила ему въ ухо сѣрной кислоты, причемъ кислота попала на подушку и выжгла огромную дыру. Ребенокъ сталъ еще больше кричать. Тогда нянька налила ему кислоты въ ротикъ, и ребенокъ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ.

Дѣвочка объяснила свое преступленіе тѣмъ, что страшно не любить дѣтей. Она и не хотѣла итти въ няньки, но мать заставила ее. Дѣвочка всегда исподтишка мучила дѣтей, и онѣ не любили ее. И въ тюрьмѣ она, дѣйствительно, всегда обижала дѣтей, била ихъ, щипала. И мнѣ пришлось изолировать ее и не пускать въ камеру, гдѣ были дѣти.

Это былъ ея единственный недостатокъ. Въ остальномъ она была ласковая, работающая и очень способная дѣвочка. Она очень скоро научилась въ тюрьмѣ писать и, какъ большинство арестантокъ, начала переписываться съ арестантами.

Это было необыкновенно влюбчивое существо. Увидить арестанта и начинаетъ платонически любить его, переписываться и посылать ему картинки. И когда его отправляютъ по этапу изъ тюрьмы, она безутѣшно плачетъ нѣсколько дней.

Но пройдетъ нѣсколько дней, она снова кому-то пишетъ и посылаетъ картинки.

Одновременно съ нею въ тюрьмѣ содержался красавецъ-арестантъ Поповъ. Это былъ извѣстный своею ловкостью воръ, вытащившій даже у меня изъ кармана платокъ въ то время, когда я проходила мимо него по двору. Онъ, повидимому, серьезно полюбилъ эту дѣвочку и обѣщалъ на ней жениться послѣ освобожденія изъ тюрьмы. Между ними завязалась трогательная переписка, и они дѣлились всѣмъ.

Какъ-то я отправилась въ мужскую мастерскую насчетъ починки какихъ-то ткацкихъ принадлежностей для женской мастерской. Здѣсь ко мнѣ подошелъ красавецъ Поповъ. Очень вѣжливо, въ изысканныхъ выраженіяхъ сказалъ мнѣ, что сдѣлаеть для меня все,

что угодно, готовъ итти для меня въ огонь и воду, но просить объ одномъ:

— Не обижайте эту дѣвочку, Маню! Пожалѣйте ее, ради Бога!

— Да что вы говорите! развѣ я обижаю кого-либо? Спросите женщинъ.

— Я видѣль, какъ она плакала.

— Я не знаю, отчего она плакала... Можетъ быть, отъ тоски, но не отъ обиды.

— Будьте великодушны—облегчите ея участь!

— То есть, какимъ образомъ я могу облегчить ея участь? Научите!

— Предоставьте ей больше свободы... Разрѣшите ей, на примѣръ, въ воскресенье во время свиданій взлѣзть на окно мастерской и и смотрѣть, какъ люди идутъ на свиданіе... Ей будетъ легче... вѣдь къ ней никто не приходитъ.

Я обѣщала предоставить ей это удовольствіе, и Поповъ выразилъ мнѣ за это живѣйшую благодарность.

Съ тѣхъ поръ эти два любящихъ существа стали моими надежными друзьями и даже предупредили о готовящемся побѣгѣ. И какъ глубоко способны были любить эти темные, исковерканные люди!

Однажды меня позвали изъ тюрьмы, заявивъ, что какая-то женщина хочетъ меня видѣть и давно стоитъ подъ воротами.

Женщина оказалась матерью Мани, явившеюся на свиданіе съ дочерью изъ деревни въ неурочное время. Она стала просить устроить ей свиданіе. Я позвала ихъ въ свою квартиру. Мать сообщила Манѣ, что отецъ утонулъ въ колодецѣ, и дѣвочка безутѣшно рыдала, говоря, что это персть Божій за убитаго ребенка. Я утѣшала ихъ, какъ умѣла, и угостила чаемъ.

Вскорѣ дѣвочка, по манифесту, подлежала освобожденію отъ тюремнаго заключенія, одновременно съ ея женихомъ—Поповымъ.

Передъ уходомъ изъ тюрьмы она просила меня поговорить съ ней наединѣ. Мы сидѣли съ ней въ моей комнатѣ, пили чай и долго бесѣдовали.

— Ты испытала теперь, что значить свобода! Люби ее, цѣни, чтобы тебя никогда больше не лишили ея... Ты очень способная дѣвочка—учись хотя бы шить и живи своимъ трудомъ...

Все время нашего разговора она беззвучно плакала, и у меня текли по щекамъ непрошенныя слезы.

Поповъ, выйдя на волю, тотчасъ напился и въ пьяномъ видѣ учинилъ драку. Затѣмъ онъ попалъ къ главарю воровской шайки.

На второй день его снова водворили въ тюрьму, и Маня пришла къ нему на свиданіе. Но я не пустила ее.

— Онъ тебя не любитъ—забуди его! Если бы онъ въ самомъ дѣлѣ любилъ тебя, то, выйдя на свободу, прежде всего разыскалъ бы тебя... А то пошелъ сразу пьянствовать и воровать! Онъ не стоитъ тебя!

Дѣвочка пробовала упрашивать меня позволить ей повидаться съ нимъ въ послѣдній разъ, но я была непреклонна. Я поняла, что это свиданіе можетъ ее выбить изъ колеи и погубить навсегда.

Она долго плакала и наконецъ ушла, обѣщавъ мнѣ взяться за дѣло.

Прошло больше года, и я встрѣтила на улицѣ бывшую арестантку, жившую въ одной камерѣ съ этой дѣвочкой.

— Здравствуйте! Что же вы не хотите узнавать меня?

Бывшая арестантка расплакалась.

— Барышня милая! да я не смѣла думать, что вы будете разговаривать со мной на улицѣ.

— Не знаете ли, гдѣ теперь Маня?

— Она здѣсь, въ городѣ... Учится шить, такая стала хорошая дѣвушка!

— Кланяйтесь ей отъ меня, когда увидите.

Слава Богу! человѣкъ не погибъ, и тюрьма его не испортила. Этотъ день былъ однимъ изъ лучшихъ дней моей жизни.

Очень часто, не менѣе двухъ разъ въ недѣлю въ тюрьму доставлялись люди, отправляемые по этапу на мѣста ихъ приписки.

Нѣтъ ничего ужаснѣе путешествія по этапу. Въ тюрьмахъ большею частью не хватаетъ для нихъ мѣста, и они валяются на полу голодные, грязные, измученные.

Среди зимы привезли по этапу маленькую, симпатичную старушку лѣтъ 80, бѣлую, какъ лунь. Ее, какъ безпаспортную, отправляли на родину. Она была одѣта въ совершенно изорванное платье и рваную рубаху. Когда я подошла ближе, то увидѣла, что она вся усѣяна паразитами. Они буквально копошились въ ея лохмотьяхъ, словно муравьи въ муравейникѣ. Старушка была не вполнѣ нормальна и только вздыхала. Руки ея были покрыты толстымъ слоемъ грязи, бѣлые волосы растрепаны. Одна изъ арестантокъ принесла теплой воды и стала ей мыть руки и лицо.

— Что ты, бабушка, дѣлала? отчего руки такія черныя? картофель копала?

— Да, да! вчера копала картофель!—отвѣтила старуха. Она не отдавала себѣ отчета, что теперь зима и картофель давно выкопали. Когда она помылась и напилась чаю, то быстро улеглась прямо на полъ и уснула крѣпкимъ сномъ.

Я отправилась въ аптеку и купила порошокъ противъ паразитовъ. Мы засыпали ее спящую этимъ порошокомъ. Она и нешелонулась. На утро на мѣстѣ ея ночлега смели добрую пригоршню паразитовъ. Затѣмъ я повела ее въ баню и дала чистую рубаху и кофту изъ своего гардероба. Начальникъ не разрѣшилъ дать ей старую казенную рубашку. Старушка вся сіяла отъ удовольствія. Ставъ на колѣни, она горячо плакала и благодарила Бога за счастье,

нисполненное, и въ видѣ чистой, лишенной паразитовъ рубашки. Согрѣвшись и поѣвъ сытно, она собралась уходить.

— Теперь прощайте! Спасибо! Пусть Богъ пошлетъ вамъ счастье за то, что пригрѣли старуху! А я пойду къ своей барынь! И пошла къ дверямъ.

Но куда бы она ни сунулась—всѣ двери были на запорѣ.

— Господи! гдѣ же выходъ? Что это за домъ, изъ котораго нѣтъ выхода....

И она все ходила взадъ и впередъ, стучалась во всѣ двери и просила указать ей дорогу къ ея барынь.

На слѣдующій день ее отправляли по этапу дальше. Я открыла дверь въ коридоръ, гдѣ ждали конвойные и арестанты. Старушка, радостная, сияющая, выскочила въ коридоръ. Конвойные и арестанты разразились хохотомъ и стали подтрунивать:

— Вотъ какая барышня съ нами поѣдетъ! прелесть! недурна! какая нарядная!

Они стали ее толкать.

Старушка смотрѣла на нихъ со страхомъ, и веселость ея пропала. Я вышла вслѣдъ за старушкой и, переждавъ, пока конвойные немного успокоились, сказала:

— Я очень прошу васъ—не издѣвайтесь надъ старушкой... Не мучьте ее... Вѣдь она даже не преступница, а только несчастная, бездомная, и ее везутъ на родину.

Старуха какъ будто пришла въ сознание и подбѣжала ко мнѣ:

— Барышня! скажите, чтобъ они меня не били; они бьютъ больно, пожалуйста скажите!

Я только молча взглянула на конвойныхъ и пожала плечами:

— Неужели вы будете ее бить?

— Нѣтъ! Нѣтъ! мы ее не тронемъ.

Спустя нѣсколько дней я сидѣла за работой въ коридорѣ женскаго отдѣленія тюрьмы, и тутъ же, близъ топящейся печки, играли дѣти и грѣлись арестантки. Вдругъ дверь въ коридоръ съ шумомъ открылась, и кто-то бросилъ съ размаху на полъ какой-то комокъ оолидныхъ размѣровъ. Комокъ съ грохотомъ шлепнулся о полъ и застоналъ.

— Получайте—это ваше добро!—сказалъ кто-то и захлопнулъ дверь.

Арестантки бросились къ дверямъ, за ними дѣти.

— Смотрите, барышня! Какаго-то урода привезли! Добро! Какая вонь отъ нея—бррр!

Я подошла къ арестанткамъ и увидѣла, что этотъ комокъ—живое человѣческое существо. Я увидѣла всклокоченную стриженую голову, желтое изможденное лицо, покрытое грязью. Это существо было одѣто въ отрепья, висѣвшія на немъ клочьями. Отрепья намокли, совершенно обледенѣли и издавали страшное зловоніе.

При каждомъ движеніи она стонала и тяжело вздыхала. На видъ ей было лѣтъ 20..

— Ой! какъ мнѣ холодно! болитъ!

— Вы не можете ходить?

— Не могу,—отвѣтила она ломанымъ русскимъ языкомъ съ сильнымъ еврейскимъ акцентомъ:—у меня нѣтъ ногъ... Они меня бросили какъ собаку, прямо въ снѣгъ...

— Кто это?

— Кто? Солдаты... били бросили. Смотрите, какая моя юбка ледь! Ой, какъ холодно!

— Давно васъ везутъ по этапу? Васъ везутъ домой?

— Домой? гдѣ мой домъ?.. У меня нѣтъ никого.

— Гдѣ же васъ взяли?

— На улицѣ взяли и снова бросятъ на улицѣ.

Она жалобно застонала, стуча зубами.

— Нечего тутъ долго разглядывать—несите ее въ камеру!—сказала я.

Арестантки заволновались.

— Мы не хотимъ, мы не пустимъ въ свою камеру—такая вонь.

— Не будетъ же она лежать здѣсь у дверей! Несите ее ближе къ печкѣ!

Арестантки безпрекословно взяли ее на руки и, отворачиваясь, отплеываясь съ отвращеніемъ, бросили ее въ другомъ концѣ коридора. Еврейка дрожала, какъ въ лихорадкѣ. Увидавъ топящуюся печку, она взвизгнула отъ радости.

— Ой! печка! какъ я давно не видѣла печку! Дрова горять... ай! какъ хорошо!

Когда ея платье понемногу оттаяло, она очутилась въ лужѣ грязной воды.

— Надо ее переодѣть! Нѣтъ ли у васъ старой рубашки для нея?—я куплю у васъ!... обратилась я къ женщинамъ.

Онѣ переглянулись, пожимали плечами.

— Нѣтъ, у насъ нѣтъ!...

Я пошла въ свою комнату, отыскала свою рубашку и короткую юбку. «Вотъ ей рубаха и юбка—живо переодѣвайте ее». Увидѣвъ, что я отдаю еврейкѣ хорошую рубашку, арестантки стали мнѣ наперерывъ предлагать свои рубахи взамѣнъ принесенной мною.

— Нѣтъ, теперь я не желаю! Вы сказали, что у васъ нѣтъ, и пусть она теперь беретъ мою.

Арестантки замолчали и стали переодѣвать вновь прибывшую. Ея же отрепья тотчасъ были брошены въ отхожее мѣсто.

Когда ее переодѣвали, мы увидѣли, что одна нога у нея безъ ступни, а другая отрѣзана по колѣно, у котораго торчала голая кость и образовалось нагноеніе. Очевидно, эта нога и причиняла ей боль, отъ которой она стонала. Наша тюрьма была не первымъ

этапомъ на пути къ мѣсту ея приписки. При каждой тюрьмѣ существуютъ докторъ и фельдшеръ. Но никто не обратилъ вниманія на ея стоны, не осмотрѣлъ ея рану. Ее бросали прямо на снѣгъ, били... Удивительно безсердечны могутъ быть люди...

Ей дали воды, и она умыла лицо и руки. Я напоила ее чаемъ съ хлѣбомъ, дала ей тюфякъ и велѣла ложиться тутъ же въ коридорѣ.

— Да пусть спитъ въ камерѣ—Богъ съ ней! Теперь она чище,— заявила одна изъ арестантокъ.

Она перенесла тюфякъ въ камеру и положила на него еврейку.

— Ой! какъ здѣсь хорошо! Я хочу здѣсь жить до смерти... Ой! какъ хорошо.

На слѣдующій день топилась баня, и я велѣла арестанткамъ нести въ баню и урода, какъ онѣ ее называли.

— Мы не будемъ ее мыть...

— Да вѣдь вамъ же лучше будетъ, когда она будетъ чисто вымыта... Вѣдь она дышитъ однимъ воздухомъ съ вами... Несите безъ разговоровъ!—сказала я строго.

Еврейка посмотрѣла на меня, улыбнулась и сказала, обращаясь къ арестанткамъ:

— Вы не бойтесь, когда она кричитъ: она добрая... я ее знаю...

— Барышня! этотъ уродъ васъ знаетъ!

— Какимъ образомъ?

— Вы были въ нашемъ мѣстечкѣ Р.—я васъ видѣла!

— А какъ васъ зовутъ?

— Добка.

Добка! При одномъ звукѣ этого имени на меня хлынулъ цѣлый рой воспоминаній. Я нѣсколько разъ гостила лѣтомъ въ мѣстечкѣ Р. у учителя. Здѣсь я часто встрѣчала здоровую, краснощекую еврейскую дѣвушку Добку. Всѣ называли ее дурочкой. Сильная, цвѣтушая, съ цѣлой кошной черныхъ вьющихся волосъ на головѣ, она по цѣлымъ днямъ рыскала по мѣстечку въ поискахъ работы. Она мела дворы, улицы, таскала воду и дрова. Всегда веселая, жизнерадостная, она вѣчно улыбалась и палѣвала что-то.

Когда я гостила тамъ въ послѣдній разъ, Добки не было видно. Но какъ-то, гуляя, я встрѣтила мѣстнаго урядника, песшаго бережно что-то въ полѣ своего пальто.

— Что вы несете?

— Да вотъ Добка родила на улицѣ, бросила свое добро и удрала куда-то... Несу въ еврейскую больницу...

Позже я слыхала, что Добку разыскали и водворили въ больницу кормить ребенка, но она скрылась отсюда. Родственники, лишь только замѣтили ея беременность, выгнали ее вопъ, и никто изъ евреевъ не пускалъ ее въ домъ, даже на ночь. И она зиму и лѣто ночевала на улицахъ, въ сараяхъ, подъ навѣсами. Никто

не относится такъ безжалостно, безчеловѣчно къ такъ называемымъ опозореннымъ дѣвушкамъ, какъ евреи. «Подлые евреи! Я ихъ ненавижу,—говорила Добка:—христіане меня еще пускали иногда, во время морозовъ, почевать, а они гнали, какъ собаку... Я зимой спала на улицѣ, на ступенькахъ крылечка и отморозила ноги...» Съ тѣхъ поръ она страшно боялась холода. Она предпочла бы голодать—лишь бы было тепло. Послѣ того, какъ ее вымыли въ банѣ, я пригласила тюремнаго фельдшера и просила полечить ея ногу.

— Не стоитъ возиться—чортъ съ ней! Вѣдь ее скоро увезутъ!

— Пожалуйста, я васъ очень прошу—полечите! Она очень страдаетъ и всеѣмъ намъ непріятно слышать ея стоны... Наконецъ еще неизвѣстно, когда ее увезутъ,—быть можетъ, не скоро...

Фельдшеръ осмотрѣлъ ея ногу и сталъ ее лечить, а я выхлопотала для нея больничную пищу. Спустя короткое время, Добка очень поправилась, пополнила и стала похожа на прежнюю здоровую дѣвушку. Она окрѣпла настолько, что стала самостоятельно ползати по коридору и камерамъ. Она чувствовала себя вполне счастливой и десятки разъ говорила: «Ахъ! какъ мнѣ хорошо! Тепло! Въ мѣстечкѣ давали кушать, но спать было холодно...»

Она очень любила дѣтей, играла съ ними и помогала арестанткамъ ихъ нянчить.

Лишь только заплачетъ ребенокъ, какъ Добка быстро подползетъ и начнетъ укачивать и даже напѣвать.

Арестантки ее постоянно дразнили. То увѣрятъ, что будутъ меня бить, и Добка поднимаетъ крикъ на всю тюрьму; то ее угощаютъ сахаромъ, намоченнымъ въ керосинѣ...

Но она готова была переносить какія угодно насмѣшки и униженія, лишь бы жить здѣсь, въ этомъ «раю».

Добка прожила въ тюрьмѣ довольно долго, такъ какъ у нея не было никакого паспорта и не скоро отыскали мѣсто ея приписки.

Въ тотъ день, когда ее увозили изъ тюрьмы, она страшно плакала и кричала, что ни за что не уѣдетъ отсюда. «Ой! Ой! опять выгоняютъ! Буду спать на дворѣ... Ой, какъ холодно!» И она дрожала, какъ въ тотъ день, когда ее привезли къ намъ. Она молила всѣхъ не увозить ее, но ничто не помогло, и она уѣхала.

Какъ и во всякой тюрьмѣ, здѣсь, какъ въ мужскомъ, такъ и въ женскомъ отдѣленіи, были такъ называемые вожаки. Они вертѣли всеѣмъ, слѣдили за выполненіемъ всѣхъ тюремныхъ традицій, блюли тюремную этику.

Почти все время моей службы въ тюрьмѣ вожакомъ женскаго отдѣленія была извѣстная карманная воровка, отбывавшая наказаніе одновременно со своимъ мужемъ. Безобразная, съ огромной бородавкой на носу и плутоватымъ выраженіемъ лица, она убѣдила мужа нарядиться чертями. Они смастерили себѣ соответствующіе костюмы, придѣлали рога, хвосты и на руки надѣли желѣзные

перчатки съ огромными когтями. Въ такомъ видѣ они нападали на ѣдущихъ съ базара крестьянъ. Послѣдніе, увидя чертей, усиленно отрещивались. Но черти не исчезали и отбирали всё деньги и болѣе цѣнныя вещи.

Слухъ о появленіи въ окрестностяхъ чертей привелъ въ ужасъ всѣхъ крестьянъ, которые даже перестали ѣздить на базаръ. Наконецъ устроили засаду, и черти были пойманы.

Костюмы и всѣ приспособленія фигурировали въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ на судѣ. Эта-то «чертовка» и руководила всѣми арестантками и даже многими арестантами.

Привезли беременную арестантку. Черезъ нѣсколько дней изъ мастерской исчезли два мотка нитокъ, цѣною не болѣе десяти копеекъ. «Чертовка» объявила мнѣ, что нужно обыскать новую арестантку.

— Это дѣло ея рукъ... Мы не хотимъ, чтобы насъ подозрѣвали въ этой кражѣ... Обыскивайте!—кричали арестантки, подученныя «чертовкой».

— Я не стану никого обыскивать...

— Нѣтъ, вы должны...

И онѣ вытолкали арестантку въ коридоръ и заперли дверь. Я вся дрожала при мысли, что придется обыскивать... Арестантка сняла блузу, растянулась, и, дѣйствительно, вокругъ пояса были обмотаны исчезнувшія нитки.

Я замерла. Если, открывъ двери, объявить арестанткамъ, что нитки въ самомъ дѣлѣ у этой женщины—онѣ ее избьютъ и могутъ ей, какъ беременной, причинить увѣчья. Пока я обдумывала, какъ поступить, арестантка снова одѣлась. Мы не промолвили съ ней ни слова. Я отворила дверь въ камеру. Арестантки мигомъ выскочили въ коридоръ.

— А что—нашли?

— Нѣтъ! никакихъ нитокъ у нея нѣтъ... Напрасно вы ее подозрѣвали.

Арестантки переглянулись, а обысканная стояла, потупивъ голову. Позже я призналась арестанткамъ, что нитки были у этой женщины, и объяснила, почему я это скрыла отъ нихъ.

— Бя счастье,—конечно, мы ее изувѣчили бы...

Я застала въ тюрьмѣ старую женщину лѣтъ 60, проведенную за мелкія кражи въ общей сложности въ тюрьмѣ двадцать пять лѣтъ. Теперь она обвинялась въ кражѣ кофты у содержательницы дома терпимости, гдѣ она въ качествѣ прислуги получала 4 рубля жалованья, да еще солдатъ платилъ ей за сожителство полтора рубля въ мѣсяцъ. Старуха очень боялась, что ее, какъ рецидивистку, осудятъ за эту кофту надолго.

Всѣ арестанты терпятъ самыя большія мученія до суда, въ ожиданіи приговора. Каковъ бы ни былъ приговоръ, разъ онѣ объявлены, имъ нечего больше ждать, и они чувствуютъ облегченіе.

Кромѣ неопредѣленности положенія, эту женщину еще мучила—какъ это ни странно—тоска по солдату. Она говорила, что пусть бы осудили хоть на 20 лѣтъ, только бы онъ былъ съ нею... Безъ него жить трудно... Вялая, апатичная, она бродила, какъ сонная муха, лѣниво бралась за дѣло и тотчасъ бросала его. Сначала она, подъ видомъ больной, весь день лежала на тюфякѣ и молчала или плакала. Я употребляла все усилія, чтобы отвлечь ее отъ мрачныхъ мыслей, но старуха не поддавалась. Наконецъ я рѣшила отнять у нея на день тюфякъ и такимъ образомъ заставить ее двигаться. Но и это не помогло. Она ложилась на голый полъ и точно такъ же лежала по цѣлымъ днямъ, уткнувшись носомъ, безъ движенія.

Она любила гадать. Подойдя къ окну, она прислушивалась къ карканью воронъ и спрашивала ихъ, на сколько лѣтъ ее осудятъ за эту злосчастную кофту. Когда ворона начинала каркать безъ конца, она рыдала, какъ безумная. Въ день суда она все утро па-тошакъ молилась, стоя на колѣнахъ и обливаясь слезами. Ее осудили за кражу кофты на три съ половиною года тюремнаго заключенія, и она была безконечно счастлива.

— Никогда не буду больше вѣрить никакимъ гадашьямъ—ворона накаркала мнѣ чуть не двадцать лѣтъ...—говорила она, улыбаясь.

Послѣ объявленія ей приговора она совершенно преобразилась. Исчезло безконечно унылое, тоскующее выраженіе лица, и она стала работать паравнѣ съ другими женщинами. О дальнѣйшей судьбѣ ея мнѣ ничего неизвѣстно, такъ какъ я вскорѣ бросила службу въ тюрьмѣ и оставила ее досиживать срокъ своего заключенія. Она дала мнѣ слово, что никогда, до конца своей жизни, не будетъ красть и не могла съ тѣхъ поръ равнодушно переносить малѣйшее проявленіе несправедливости и смѣло отстаивала правду.

Черезъ годъ послѣ моего поступленія на службу въ тюрьму привели молодую женщину—бѣлую, румяную, съ широкимъ, добродушнымъ лицомъ. Она обвинялась въ дѣтоубійствѣ.

Эта тихая, удивительно кроткая женщина убила собственнаго ребенка, прижитаго съ сыномъ хозяина, у котораго она состояла прислугой. Съ трудомъ вѣрилось, чтобы эта женщина съ такимъ мягкимъ, добрымъ взглядомъ могла кого-либо убить. Но она мнѣ сама рассказывала очень подробно о совершенномъ ею преступленіи.

— Поступила я на службу... Работы—пропасть! Съ утра до ночи бѣгаешь, даже поѣсть некогда... Хозяинъ вѣчно ворчитъ и торопится... Не успѣешь докончить одну работу, а онъ уже приготовить двѣ другихъ... Былъ у хозяина сынъ, молодой, красивый. Онъ совсѣмъ не походилъ на отца... Добрый, ласковый, онъ много разъ говорилъ мнѣ: «брось, Аннушка, зачѣмъ такъ много работаешь—отдохни немножко». Отдохнешь тутъ... какъ бы не такъ! Нравилось

мнѣ, что онъ меня жалѣеть... Ждешь, не дождешься, чтобы увидѣть его—хоть словечкомъ перекинуться... Какъ-то въ воскресенье осталась я одна-одинешенька въ домѣ... сижу и плачу о своей судьбѣ. Тоска! Пришелъ сынъ хозяина. «Ты одна? Тебѣ скучно... никакъ плачешь»... И давай утѣшать! Такъ мнѣ хорошо стало на душѣ... Гладить меня... и цѣлуетъ... Съ того дня стали мы часто разговаривать, и онъ всякій разъ меня успокаивалъ, ласкалъ. Отецъ-то замѣтилъ,—хитрый былъ,—что со мной ласковъ, но ничего не говорилъ. Еще больше сталъ гонять и ругать... Знаешь, что теперь не уйду! А мнѣ ничего и не нужно было—лишь бы онъ былъ со мной... Очень ужъ я его любила. И цѣлый годъ мы любили другъ друга—жили словно мужъ и жена... Забеременѣла я. Вдругъ онъ мнѣ объявляетъ, что ѣдетъ въ Америку... денегъ накопить и женится на мнѣ! Какъ я жила въ послѣднее время передъ его отъѣздомъ, и не помню хорошенько. Весь день работаешь и виду не показываешь—а всю ночь плачешь... Лишь только онъ уѣхалъ—хозяинъ сталъ еще злѣе, гонялъ, какъ собаку. Я все терпѣла—ждала обѣщаннаго письма. Только разъ слышу, какъ хозяинъ говоритъ: «Слава Богу! развязался съ этой короной, теперь ее и прогнать можно». Это меня-то! Такъ вотъ какъ,—подумала я,—онъ меня обманулъ, уѣхалъ, чтобы развязаться... А у меня будетъ его ребенокъ... Теперь мнѣ и совсѣмъ житья не было... Хозяинъ ругалъ по цѣлымъ днямъ, работать становилось все тяжелѣе... Уйти некуда—родить скоро придется... Денегъ хозяинъ не платилъ ни копейки... Еще ребенокъ не родился, а я ужъ думала, что не надо мнѣ его:—нѣтъ отца, не надо и ребенка...

Когда приблизились роды, она ушла въ сарай, и здѣсь, на соломѣ, родился ребенокъ. Она, еще слабая, схватила его и, обернувъ шейку пучкомъ соломы, зарыла его тутъ же въ солому. Оправившись немного, она пошла работать, да и пить очень захотѣлось. Никто ее не навѣстилъ и даже воды не принесъ... Хозяинъ тотчасъ спросилъ, куда дѣвала ребенка, и пошелъ въ сарай, гдѣ и нашли полумертвое дитя. Помыли его, привели въ чувство и велѣли ей кормить. Она нѣсколько дней кормила, но однажды ночью схватила ребенка, нажала ему изо всей силы грудную клѣтку, переломила ее, и ребенка нашли утромъ мертвымъ. Хозяинъ на слѣдующій день объявилъ ее дѣтоубійцей, и такимъ образомъ она попала въ тюрьму.

На судѣ хозяинъ заявилъ, что она убила и перваго своего ребенка пяти лѣтъ. Это была наглая ложь, такъ какъ многіе знали, что тотъ ребенокъ умеръ отъ инфекціонной болѣзни. За двойное убійство ее приговорили къ пятнадцати годамъ въ каторгу. На судѣ она держалась спокойно, почти не защищалась и даже не сочла нужнымъ сказать, что хозяинъ не платилъ ей денегъ и постоянно преслѣдовалъ. Уже въ тюрьмѣ кто-то пожалѣлъ ее, научилъ подать жалобу на приговоръ суда и доказать свидѣтельскими показаніями, что

первый ребенокъ умеръ своею смертью. И дѣйствительно—она добилась того, что срокъ ея заключенія былъ сокращенъ до четырехъ лѣтъ.

Привезли по этапу молодую, красивую, чисто одѣтую еврейку. Это была душевно-больная. У нея былъ недавно женихъ, котораго она очень любила. Онъ постоянно говорилъ о скорой свадьбѣ, но какъ-то разъ потребовалъ, чтобы она отдалась ему, и даже пробовалъ употребить насиліе. Это такъ поразило дѣвушку, что разстроило всю нервную систему. Она постоянно твердила, что она—честная и никому не позволить себя тронуть...

Когда ее привели въ тюрьму, арестантки, уже деморализованныя безнравственнымъ начальникомъ тюрьмы, стали дразнить, бить душевно-больную и украли у нея шелковый платокъ. Главной вдохновительницей всѣхъ безобразій была дѣвушка-прислуга, убившая свою барыню, сидѣлицу винной лавки. Это было возмутительное по обстановкѣ, звѣрское убійство, взволновавшее всѣхъ. Эта женщина производила отталкивающее впечатлѣніе. Высокая, здоровая, съ глазами, которые поражали своимъ холоднымъ металлическимъ блескомъ. Отъ нея вѣяло какимъ-то бездушіемъ. Вѣроятно, съ такимъ же невозмутимымъ взоромъ она подняла топоръ на свою беззащитную, одинокую барыню. Эта-то убійца заслужила любовь и вниманіе начальника—арестантки называли ее «начальницей». Она, по его наущенію, постоянно скандалила, била стекла, изводила меня,—лишь бы попасть на ночь въ карцеръ на свиданіе съ начальникомъ. Она больше всѣхъ мучила упомянутую душевно-больную, которая, конечно, приходила въ ярость и страшно кричала. Начальникъ, которому эта еврейка, очевидно, приглянулась, велѣлъ запереть ее въ мужской карцеръ.

Вечеромъ я, послѣ повѣрки, заперла камеры, и, отдавъ ключи въ контору, ушла на свою квартиру.

Когда я пришла утромъ въ женское отдѣленіе, то увидѣла душевно-больную, забившуюся въ дальній уголъ коридора, растрепанную и съ почти оторваннымъ рукавомъ кофты.

Она злобно сверкнула на меня своими красивыми черными глазами, какъ затравленный звѣрекъ. Арестантки наперебой стали мнѣ рассказывать, что онѣ почти не спали. Ночью былъ страшный скандалъ. Начальникъ явился въ карцеръ и сталъ приставать съ любезностями къ душевно-больной, пробовалъ употребить насиліе. Между ними произошла борьба, еврейка вырвалась и, выбѣжавъ въ коридоръ, стала звонить изо всей силы. Поднялся переполохъ—всѣ проснулись, стали стучать въ двери камеръ, а начальникъ, на виду у всѣхъ надзирателей, ушелъ къ себѣ на квартиру.

Мнѣ было страшно жаль эту бѣдную женщину. Въ душѣ зародилась жажда вывести на чистую воду всѣ преступныя дѣйствія негодяя-начальника. Я хотѣла какъ-нибудь успокоить больную и предложила ей чай съ булкой.

Еврейка вскочила, какъ ужаленная.

— Убирайся вонъ съ твоимъ чаемъ! Я лучше буду голодать, лучше умру, но не возьму ничего отъ тебя... Всѣ вы тутъ дряни, и ты дрянъ... Гдѣ ты была почью? Съ этимъ рыжимъ чортомъ... онъ думалъ, что и я такая же дрянъ, какъ всѣ вы... Нѣтъ! я честная дѣвушка—я убью его, если онъ еще придетъ... И ты дрянъ... дрянъ... не хочу твоего чаю,—кричала въ изступленіи несчастная дѣвушка.

Арестантки выбѣжали изъ камеръ и хотѣли бить ее.

— Мы ей покажемъ... Сама ты дрянъ! Какъ ты смѣешь ругать нашу надзирательницу!

Но я быстро подскочила къ еврейкѣ, заслонила ее собой и, не помня себя, закричала:

— Маршъ всѣ въ камеру... не смѣйте трогать, а то я...

Арестантки одна за другой ушли въ камеры. Онѣ говорили, что я была страшна въ эту минуту—съ блѣднымъ, какъ смерть, искаженнымъ лицомъ. Такою онѣ меня еще не видѣли.

Я заперла арестантокъ по камерамъ и не выпускала ихъ весь день. А душевно-больная просидѣла въ углу коридора до вечера, не принимая никакой пищи и бросая мнѣ злобные взгляды.

Когда начальникъ явился на повѣрку и только показался въ коридорѣ, еврейка страшно вскрикнула и заметалась изъ угла въ уголь.

— Ее надо на ночь посадить въ карцеръ,—замѣтилъ онъ мнѣ.

— За что? Ее не за что сажать въ карцеръ—она здѣсь никому не мѣшаетъ... Я буду сама смотрѣть за нею ночью.

Онъ нагло посмотрѣлъ на меня и пошелъ дальше.

Злобныя слезы душили меня. Я была такъ измучена всѣмъ происшедшимъ, такъ болѣла душой за ни въ чемъ неповинную жертву человѣческой разнузданности!.. Всю ночь я ходила по полутемному коридору женскаго отдѣленія и обдумывала, какимъ образомъ и гдѣ я могла бы добиться правды, вывести на чистую воду все, что творится здѣсь. Чувство полного безсилія принести какую-нибудь пользу дѣлу и этимъ несчастнымъ заключеннымъ привело меня къ мысли оставить службу. Я боролась 3½ года, не щадя силъ и здоровья, и чего же я добилась? Во главѣ учрежденія поставили разнузданное, лишенное человѣческаго образа животное, обратившее тюрьму въ какой-то вертепъ пьянства и разврата... Тюрьма была совершенно деморализована, имущество раскрадено, пейхгаузы были почти пусты... Но молчать я не могла—нужно было кричать объ этомъ, быть можетъ, кто-нибудь услышитъ.

На слѣдующій день душевно-больную увезли по этапу дальше.

Я рѣшила отправиться сначала къ городскому священнику—вѣдь долженъ же онъ отстаивать правду и помочь мнѣ освѣтить этотъ темный, залупченный уголь.

Священникъ выслушалъ меня внимательно, ахалъ и охалъ и въ концѣ концовъ посоветовалъ оставить все на милость Божью,

— Ничего не добьетесь, а только измучаетесь. Очевидно, у него есть протекція.—О, протекція! закутавшись въ ея мягкій, теплый плащъ, можно итти навстрѣчу всякимъ случайностямъ... смѣло, не останавливаясь ни передъ чѣмъ...

Я не повѣрила священнику и рѣшила отправиться къ предводителю дворянства....

Неужели и опъ боится протекціи?

Съ трудомъ добившись свиданія съ нимъ, я изложила все подробно, волнуясь и тяжело дыша.

— Да-съ!—отвѣтили мнѣ.—Дѣло вопіющее, но очень трудно что-либо сдѣлать. Вы не забудьте, что, вѣроятно, изъ свидѣтелей всѣхъ дѣйствій начальника никто на допросѣ не дастъ показаній противъ него. А вы одна ничего не докажете... И онъ еще обвинитъ васъ въ клеветѣ...

Оставалось только отдаться теченію событій и, положивъ весла, терпѣливо ждать, куда вынесетъ эта мутная, грязная волна.

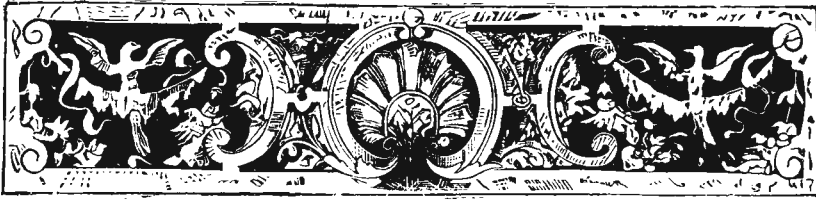
Жизнь въ тюрьмѣ стала невыносимой.

Преступныя дѣянія начальника очень скоро оказали свое дѣйствіе, и арестанты превратились въ стадо необузданныхъ звѣроподобныхъ существъ. Женщины дрались между собою чѣмъ попало до крови за честь въ видѣ свиданія въ карцерѣ съ начальникомъ. Все это такъ потрясло меня, что я слегла и, пролежавъ двѣ недѣли, оставила тюрьму навсегда.

Позже арестанты подали мотивированную, подробную жалобу на дѣйствія начальника. Мнѣ говорили, что и меня разыскивали, какъ свидѣтельницу, но мнѣ не суждено было еще разъ окунуться въ эту грязь. Слѣдствіе не привело ни къ чему,—не знаю, помогла ли тутъ пресловутая протекція, или батюшкина «милость Божія». Начальника перевели въ другую тюрьму, гдѣ онъ, вѣроятно, до сихъ поръ живетъ въ свое удовольствіе, завязывая романическія исторіи съ убійцами и насилуя душевно-больныхъ женщинъ.

Л. Я. К.

ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО.

УРІЙ Вадимовичъ Гончаревскій только что легъ въ постель и хотѣлъ затушить свѣчу на ночномъ столикѣ, когда вдругъ раздался сильный звонокъ въ передней.

«Кто бы это такъ поздно?» подумалъ Гончаревскій и, приподнявшись на локтѣ, сталъ прислушиваться.

— Дома... но они уже спятъ,—донесся до Гончаревского тоненькій голосъ горничной.

И затѣмъ ея же слова:

— Хорошо... Я доложу!

Послышалось повертываніе ключа, скрипнула дверь, и въ передней раздался громкій, пріятный баритонъ: «Идите, я подожду въ столовой».

Гончаревскій узналъ голосъ пріятеля, Дмитрія Алексѣевича Окунева, петербургскаго писателя, застрявшаго въ Москвѣ вслѣдствіе желѣзнодорожной забастовки. Еще утромъ сегодня онъ былъ у Гончаревского, они вмѣстѣ завтракали и горячо спорили. Давнишніе друзья, представители прогрессивнаго направленія, они расходились въ частностяхъ и при каждой встрѣчѣ спорили съ азартомъ. Споръ кончался почти всегда одной и той же фразой со стороны Окунева:

— Мы оба бьемъ въ одну цѣль. Только ты вѣришь еще и въ то, во что я не вѣрю. Но это не бѣда. Твоя вѣра дѣлу не мѣшаетъ. Твоя вѣра—хорошая: въ ней любовь и свѣтъ. Ну, а частности... Эхъ, если бы можно было многое говорить прямо въ печати, я бы тебѣ доказалъ... пусть насъ судятъ другіе. Но—нельзя!

Почти такими же словами закончился и сегодняшній споръ.

Окуневъ—высокій, жгучій брюнетъ, съ легкой сѣдиной въ курчавыхъ волосахъ, «красавецъ-мужчина», какъ шутливо называлъ его Гончаревскій,—крѣпко пожалъ тонкую руку пріятеля и отправился на какое-то собраніе. Уже затворяя дверь, онъ кинулъ:

— Завтра, можетъ быть, на минуту заверну!

И вотъ вдругъ примчался въ часъ ночи.

«Что это? Не случилось ли чего ужаснаго?» подумалъ съ тревогой Гончаревскій и крикнулъ громко:

— Это ты, Дмитрій Алексѣевичъ?

— Вставай скорѣе! Будемъ христосоваться!—отозвался Окуневъ изъ столовой.

— Какъ христосоваться?—удивленно спросилъ Гурій Вадимовичъ и добавилъ:—Да иди сюда... говори: что такое случилось?

Тяжело ступая, Окуневъ вошелъ въ спальню, держа въ рукахъ какую-то бумажку. Отъ всей крупной, энергичной фигуры его вѣяло восторгомъ. Гончаревскій взглянулъ на него и сразу рѣшилъ: «Ничего ужаснаго... если и случилось, то что-нибудь хорошее».

И онъ промолвилъ, обращаясь къ пріятелю:

— Что такое?

— Радуйся!.. Мы воскресли!—отвѣтилъ Окуневъ, стремительно обнявъ Гончаревскаго и поцѣловавъ его.

Гурій Вадимовичъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на товарища.

— Свершилось то, чего никто не ожидалъ... такъ скоро, — сказалъ Окуневъ, присаживаясь на кровать и снова вскакивая съ нея.—Смотри!

Онъ подаль пріятелю бумажку, мелко исписанную карандашомъ.

— Что это?—повторилъ Гончаревскій.

— Манифестъ! Я сейчасъ изъ редакціи: только что получена телеграмма текста манифеста. Читай!..

Гончаревскій дрожащими руками взялъ бумажку и сталъ читать. Онъ плохо разбиралъ и оттого, что написано было мелко, и отъ волненія, которое охватило его.

— Видишь,—проговорилъ Окуневъ:—свобода слова, собраній, союзовъ и на новыхъ началахъ дума... Развѣ не Пасха?

Гончаревскій взглянулъ на пріятеля и радостно воскликнулъ:

— Да! правда. Ну, слава Богу!

Они опять обнялись и поцѣловались.

— Теперь не то пойдетъ!—воскликнулъ Окуневъ:—теперь мы иначе будемъ писать!

— И спорить?—съ улыбкой спросилъ Гончаревскій.

— И спорить,—подтвердилъ Окуневъ.—Я тебѣ теперь все докажу. Теперь можно.

— Но моя вѣра хорошая?..

— Ее оставь. А вотъ о частностяхъ... О, какая наступаетъ ширь! Вотъ когда работать-то! Вотъ когда мы будемъ сильны!

Гончаревскій снова пробѣжалъ бумажку и промолвилъ:

— Погоди, Дмитрій! Тутъ: свобода слова, а не печати?

— Все равно! Это только...

— Недомолвка?

— Конечно! Ясно... Э, другъ, хорошо, что блеснула заря... Вставай! Есть у тебя вино?

— Найдется!

— Разоъемъ по бокалу! А тамъ я и полечу! Да, вотъ ночь-то... И все послѣ того, что было... Вѣдь чего еще ожидали... Хаосъ и вдругъ свѣтъ!.. Вставай!

— Пасхальная ночь?

— Именно!.. Говорю: христосоваться надо.

Гончаревскій быстро началъ одѣваться, перебрасываясь съ пріятелемъ отрывочными фразами.

— Значить, Дмитрій, ты будешь издавать газету?

— Непремѣнно. Теперь да не издавать. Не только стыдно, а прямо преступно.

Окуневъ схватился руками за голову и воскликнулъ:

— Господи, какой горизонтъ! Какая ширь!

— Только не сразу,—замѣтилъ Гончаревскій, надѣвая пиджакъ.

— Пусть такъ... но путь открытъ, двери открыты... заря блеснула... идетъ день... А утро...

И вдругъ, не кончивъ, Окуневъ крикнулъ:

— Паша! давай скорѣе вина!

Онъ направился въ столовую, гдѣ уже была зажжена лампа: электричество не горѣло. Вслѣдъ за пріятелемъ вошелъ и Гончаревскій.

— Видишь,—сказалъ онъ съ улыбкой:—еще полусвѣтъ!

— Да, но завтра загорится электричество,—перебилъ Окуневъ:—это несомнѣнно! То же и въ жизни... Это «завтра»—у порога. Оно уже фактъ!

— Ты заражаешься моей вѣрой,—сказалъ хозяинъ, опускаясь на оттоманку.

— Не совсѣмъ твоей... а впрочемъ... что же, какъ же иначе... я вѣрю! нѣтъ, точнѣе: я чувствую, я вижу, Гурій!

Окуневъ хлопнулъ по плечу пріятеля и добавилъ:

— Гурій, до чего мы дожили? Думалъ ли ты, что доживешь до такого дня? Что ты будешь не обыватель, а гражданинъ, и станешь писать то, что хочешь, что никакая красная черга (ха-ха-ха... какая насмѣшка!) не исполосуетъ твоихъ черныхъ строкъ въ статьѣ.

И, не давъ отвѣтить пріятелю, онъ продолжалъ возбужденно:

— А поминишь, какъ мы работали въ «Вѣстникѣ»? Какъ насъ кастрировали? Какъ мы боялись слова «свобода»? Какъ мы... Эхъ, да что вспоминать сегодня о томъ, что прошло навсегда...

— Не кричи,—остановилъ его Гончаревскій.

— Отчего? Кого бояться?

— Не потому, а ты разбудишь сосѣдей. За стѣной спальня, тамъ маленькая дѣвочка.

Въ этотъ мигъ за стѣной раздался плачь.

— Вотъ видишь—разбудилъ!

— Ничего! Это особенная ночь!

И Окуневъ крикнулъ, подходя къ стѣнѣ:

— Не плачь, гражданка! Ты рождена для свободы, ты увидишь ее! Нужно не плакать, а радоваться!

Плачь смолкъ. Окуневъ захохоталъ.

— Видишь?—сказалъ онъ, обращаясь къ пріятелю:—она поняла. Э, друже!

— Ты, кажется, пьянъ отъ радости?

— Вѣрно! пьянъ, ничего не пивши. И какъ не опьянѣть, когда я могу проклянуть прошедшее...

— Зачѣмъ проклинать?—примирительно прервалъ его хозяинъ: забвеніе... забвеніе и прощеніе! Если сегодня Пасха, какъ ты сказалъ, такъ вѣдь тогда: «простимъ вся ненавидящимъ насъ». Знаешь?

— Да, это по твоей вѣрѣ!

— Развѣ она не хорошая? Развѣ это не любовь?

— Любовь, друже, любовь! но нельзя всего простить! И за кого простить? За себя? ну, за себя да, положимъ, а за другихъ? За всѣхъ погибшихъ? Господи! ты вѣдь, Гурій, помнишь Пельцева? Вѣдь онъ умеръ тамъ, далеко... а за что? За то, что сегодня считается фактомъ, что насъ сдѣлало счастливыми! И онъ теперь радовался бы, а онъ лежитъ въ землѣ, ничего не чувствуетъ, не можетъ ликовать съ нами. А вѣдь ему-то бы и надо радоваться, вѣдь онъ-то больше насъ съ тобою на это имѣетъ право. Это тяжело... Друже! я не чувствую злобы, нѣтъ! У меня нѣтъ въ сердцѣ для нея мѣста. Боже избави! Теперь не то время, не о томъ надо думать, но... тяжело, тяжело!

Голосъ Окунева дрогнулъ.

— Вѣдь и тебѣ жаль его, Гурій?

— Жаль!

И въ этомъ короткомъ отвѣтѣ сказала вся сила скорби, которую чувствовалъ Гончаревскій.

Онъ добавилъ:

— Но я вѣдь не смотрю, какъ ты. Я вѣрю, что онъ и другіе отошедшіе сегодня, знаютъ о нашей радости и радуются вмѣстѣ съ нами.

— Милый мой!—воскликнулъ Окуневъ, кладя руку на плечо друга:—ты счастливѣе меня... многихъ насъ! И я хотѣлъ бы тебѣ вѣрить... и не могу. Но оставимъ это... Это не мѣшаетъ работѣ... а новая жизнь идетъ... и несетъ такъ много жгучихъ вопросовъ. Твоя вѣра свѣтлая, хорошая... и она не помѣшаетъ тебѣ работать съ нами?

— Конечно, если вы пойдете съ правдой, освященной моей вѣ-

рой... Да, моя вѣра не помѣшаетъ... а даже поможетъ не заблудиться на новой дорогѣ... Безъ моей вѣры легко потерять почву изъ-подъ ногъ и... попасть въ трясины, и тогда сегодняшняя радость можетъ обратиться въ печаль.

Вошла горничная и внесла бутылку вина и фрукты.

— Наливай, Гурій!

Въ этотъ мигъ послышался звонокъ.

— Это еще кто?

Гончаревскій самъ пошелъ отпирать дверь. Онъ отворилъ ее и въ изумленіи воскликнулъ:

— Кира Александровна! Голубушка! Вы какимъ образомъ?

— Мы...

— А! Милости-съ просимъ! — привѣтствовала Окуневъ, появляясь въ передней.—Знаете радость?

— Какъ же... сейчасъ узнала! Проходя мимо, увидала огонекъ... Надо, думаю, завернуть и сказать...

— Ура!—крикнулъ Окуневъ.—Чѣмъ больше, тѣмъ лучше и веселѣе!

Онъ помогаль раздѣваться молодой дѣвушкѣ, спутникъ которой, плотный мѣшковатый блондинъ, медленно снималъ свое барашковое пальто.

— Вы откуда? Изъ собранія?—спросилъ Окуневъ.

— Нѣтъ, отъ Хлюстиныхъ... Рожденіе Марьи Ивановны.

— А тутъ рожденіе свободы! Съ одного праздника на другой! Пьемъ!

Окуневъ первый подошелъ къ столу и сталъ наливать бокалы.

— Вотъ неожиданный пиръ!.. Можно ли было предполагать?—говорила молодая дѣвушка, поправляя передъ зеркаломъ прическу.

— Да, дожили до Пасхи, Кира Александровна!—сказалъ Окуневъ.

— Послушайте,—перебилъ хозяинъ:—я схожу къ Полянскому... Онъ живетъ по этой же лѣстницѣ, этажомъ ниже. Если онъ не спитъ (а онъ ложится поздно), пусть съ нами встрѣтитъ праздникъ свободы слова!

— Отлично!—согласился Окуневъ.—Зови его!.. Но какъ его здоровье?

— Ничего... хотя слабъ уже.

— Зови... Полянскій ветеранъ... и милый человѣкъ.

— Вѣдь онъ очень уже старъ?—спросила Кира Александровна.

— Да, ему около семидесяти пяти!—отвѣтилъ Гончаревскій.

— Онъ весь въ прошломъ, — промолвилъ Окуневъ.—Но онъ не трупъ. Зови скорѣй его!..

Гончаревскій отправился къ Полянскому.

Было уже два часа ночи, а веселый пиръ продолжался. Полянскій—сѣдой, согбенный старикъ съ открытымъ умнымъ лицомъ, съ

глазами полными юношескаго огня, — сидѣлъ за столомъ на «предсѣдательскомъ мѣстѣ», по шутливому выраженію Окунева, и рассказывалъ изъ прошлаго, дѣлясь воспоминаніями и думами. Онъ говорилъ тихо, но тѣмъ милымъ голосомъ, который когда-то волновалъ слушателей. Много было скорбнаго, даже мрачнаго въ воспоминаніяхъ старца, бѣольшую часть жизни «говорившаго съ респираторомъ», но не уставшаго взывать къ правдѣ и свѣту.

— И вы застали это время.—говорилъ Полянскій, обращаясь къ хозяину и Окуневу:—но вы все же не знали того, что испытали мы до той поры, когда пронеслась струя свѣжаго воздуха и стало легче дышать...

— О, и мы вдосталь наговорились съ респираторомъ!—воскликнулъ Окуневъ.

— Да, да,—согласился старикъ, вздыхая:—но вы все же не испытали нашихъ мукъ... А вотъ...

— А вотъ дожили и да свѣтлаго дня... до возможности говорить безъ респиратора!—перебилъ Окуневъ, наливая бокалы... Пьемъ за свободное слово!

Всѣ чокнулись.

— Пью за собратьевъ, боровшихся за свободное слово! За живыхъ и мертвыхъ!—возгласилъ Окуневъ, поднимаясь.—Да будутъ они жить въ памяти народной! Да служатъ они намъ примѣромъ чистоты и стойкости!..

Опять всѣ чокнулись.

— Вы вѣдь хорошо знали Пельцева, Николай Семеновичъ?—произнесъ Гончаревскій, обращаясь къ Полянскому.

— Да,—отвѣтилъ старикъ, и голосъ его задрожалъ.—Я провожалъ его въ далекій путь, и онъ сказалъ мнѣ, прощаясь... пророчески сказалъ: «Я не увижу еще того, за что боролся... а ты, Никъ, увидишь... Я это чувствую»... И онъ оказался правъ...

Слезы блеснули на глазахъ Полянскаго и покатались по морщинистымъ щекамъ...

На минуту водворилось невольное молчаніе.

Николай Семеновичъ отеръ клѣтчатымъ платкомъ слезы и продолжалъ:

— Да, онъ оказался пророкомъ... Богъ судилъ мнѣ увидѣть этотъ день, далъ мнѣ это счастье...

— Вотъ теперь и вы будете говорить безъ респиратора,—замѣтила Кира Александровна.

Старикъ грустно улыбнулся.

— Мнѣ уже поздно,—сказалъ онъ:—я свое дѣло сдѣлалъ... Я—инвалидъ и не гожусь для битвы... это уже вапъ праздникъ, вамъ открытъ свободный путь, — продолжалъ Полянскій, обращаясь къ хозяину и Окуневу.

— И мы не юноши, Николай Семеновичъ!

«истор. вѣстн.», мартъ, 1910 г., т. сѣх.

— Да, но вы еще сильны... а моя пѣсенка спѣта.

— Но и васъ это радуеть?

— Правда... и для меня Пасха, какъ выразились вы. Да! Но я, какъ Моисей, уже только взгляну на обѣтованную землю, а не войду въ нее... или, если уже пошло на библейскія сравненія,—я, какъ старецъ Симеонъ, благословляя наступающій день, скажу: «нынѣ отпускаеши»!

Глубокая тоска зазвучала въ голосъ Полянскаго, и снова слезы увлажнили его глаза. Всѣмъ стало жаль его.

Произошло опять минутное молчаніе. Гончаревскій заговорилъ первый:

— Ну, что вы, Николай Семеновичъ!.. Вы будете помогать совѣтами молодымъ писателямъ... да и сами еще можете изрѣдка... никто не считаетъ васъ инвалидомъ.

Полянскій промолвилъ, покачавъ головой:

— Нѣтъ, моя пѣсня спѣта. Спасибо за пожеланія... Молодежь!.. Едва ли она захочетъ меня слушать. Вѣдь и при свободѣ мы во многомъ не сойдемся. Нѣтъ, мнѣ пора на покой... Идите и служите вы родинѣ свободнымъ словомъ... Но помните, друзья мои, что нельзя свое желаніе выдавать за желаніе всего народа... будьте и при свободѣ слугами, сынами родины, а не властелинами ея, не чужаками... Уважайте ея святыни... И помощи вамъ Богъ!

Старикъ не выдержалъ и заплакалъ. Доставая платокъ, онъ поднялся съ мѣста.

— Прощайте! Я сильно взволнованъ... Я пойду. Спасибо, что вспомнили старика и пригласили его на свой праздникъ... Спасибо!

— Погодите, Николай Семеновичъ!—перебилъ Окуневъ.—Мы пили, вообще, за работниковъ слова... но мы должны выпить за васъ...

Онъ налилъ вина, подошелъ къ Полянскому, подаль ему бокаль и, чокнувшись, поцѣловалъ старика. Потомъ, обратившись къ остальнымъ, воскликнулъ:

— За честнаго борца, за работника, за учителя и друга! За милаго, дорогого Николая Семеновича!.. Ура!

— Ура!—подхватили всѣ.

Полянскій чокался, цѣловался и растроганнымъ голосомъ благодарилъ всѣхъ. Онъ снова со всѣми облобызался и вышелъ изъ комнаты тихой поступью.

Гончаревскій пошелъ провожать его до квартиры.

— Славный старикъ!—сказалъ Гурій Вадимовичъ, вернувшись.

— Да, идеалистъ—промолвилъ Окуневъ.—Одрыхлѣлъ, но не замеръ. Если бы всѣ были такіе старики... Жаль его... Но свѣтлый день, увы! дѣйствительно не для него.

Окуневъ поднялся.

— Я лечу!.. И засидѣлись же мы!.. Теперь уже придется прямо домой, въ «Лоскутную».

— И намъ пора!—сказала Кира Александровна.

Стали прощаться.

— Ты заглянешь ко мнѣ завтра?—спросилъ Гончаревскій у пріятеля.

— Завтра? Это уже сегодня!.. Не знаю! Если пойдутъ поѣзда, улечу въ Питерь... Дѣла! Пріѣзжай къ намъ... Ну, до свиданія, Глѣбъ Ильичъ. Вы проводите до дому барышню?

Тотъ отвѣчалъ утвердительно кивкомъ головы.

Всѣ вышли за разъ.

Гончаревскій вернулся въ столовую. Ему не хотѣлось спать. Онъ присѣлъ къ столу, облокотился на его уголь и задумался...

Мысли роились въ мозгу. Картины прошлаго одна за другою проносились въ памяти.

Часы на каминѣ пробили четыре раза. Ихъ бой вывелъ Гончаревскаго изъ раздумья.

— Однако, пора!—сказалъ онъ вслухъ и всталъ.

Паша уже спала.

Гурій Вадимовичъ самъ потушилъ лампу, прошелъ въ спальню и сталъ раздѣваться.

Опять мысли унеслись къ прошлому. Вспомнились тѣ борцы-писатели, чтó сошли уже со сцены жизни.

«Какіе титаны были! невольно подумалъ онъ, уже ложась.— Пусть была ночь, но въ эту ночь боролись за свѣтъ могучіе люди... Свѣтъ теперь загорѣлся... Кто-то выступить далѣе? Кто приметъ на свои рамена новую ношу? Нужны силы... Да, внукъ Царя-Освободителя докончилъ дѣло дѣда: освободилъ печатное слово... Но эта свобода налагаетъ большія обязанности... Какое-то новое слово скажетъ свободный писатель?..»

«О!—воскликнулъ мысленно Гончаревскій: — они придутъ, работники мысли и слова... не оскудѣла русская земля... а дверь теперь отворена, какъ выразился Дмитрій... Надо быть благодарнымъ и... честно работать!.. Слава почившимъ и Богъ въ помощь живущимъ!..»

Онъ задумался о своихъ новыхъ работахъ. Есть намѣченныя... Ихъ нельзя было раньше выполнить, потому что приходилось говорить вполголоса... нельзя было рисовать картины надлежащими красками... А теперь...

Онъ замечтался и незамѣтно для себя уснулъ, когда уже начало разсвѣтать и заблагоувѣстили на колокольнѣ ближайшей церкви.

А. В. К.—въ.

ИЗЪ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНИ.

1.

«Деревенскіе дѣльцы».

ВЪ ПРОСТОРНОЙ избѣ зажиточнаго крестьянина сельца Новаго, Алексѣя Федоровича Скачка, только что вернувшагося изъ поѣздки въ городъ, сидѣлъ благообразный мужчина среднихъ лѣтъ, зять Скачка, швейцаръ, пріѣхавшій изъ Петербурга на побывку въ родную деревню.

Хозяинъ и зять его сидѣли за столомъ, на которомъ стоялъ ведерный самоваръ, пустая сороковка и связка баранокъ, нанизанныхъ на мочалку.

Выцѣдивъ изъ самовара кипятокъ до послѣдней капли и обтирая вспотѣвшія лица, собесѣдники продолжали начатый разговоръ.

— Да... это я и въ городѣ у Колобка въ трактирѣ слышалъ... Говорили, что теперь кажинный можетъ укрѣпить за себя свой надѣль, а укрѣпившись—можетъ эфтогъ самый надѣль продать,—говорилъ хозяинъ.

— По закону это такъ!..—вставилъ швейцаръ.

— Вотъ, по закону-то я и говорю,—продолжалъ Скачокъ:—и таперь, значить, и для насъ выходитъ линія. Къ примѣру, возьмемъ хотя бы бережковскаго Юдина, али Софроньча... для че имъ надѣлы.. хозяйство бросили и только пьянствуютъ непутевые... Надо будетъ на дняхъ толкнуться къ нимъ, покеда изъ нашихъ кто не пронюхалъ.

Разговоръ этотъ велся вскорѣ послѣ изданія закона 9-го ноября.

— Позвольте, тятенька, вамъ доложить,—сказалъ почтительно зять.—Конечно, земля-то она землей, но тутъ можетъ выйтить другая коммерція. Вѣдь бережковскіе-то надѣлы намъ очинно хорошо извѣстны... землю-то надо хвалить-погодить, около нея походить да походить надо, залущена она ужъ очинно... Я вѣдь это говорю не для того, чтобы васъ отговаривать отъ покупки, а просто жалѣючи ваши преклонные годы, а вы очинно жадны на работу-то... А купить и я совѣтую... Купить надо безпремѣнно, но вотъ тутъ-то и загвоздка. Какъ, значить, купите, то перво-на-перво надо поклониться бережковскому обществу примѣрно двумя хотя ведрами, да и просить купленную-то землю выдѣлить изъ черезполосицы къ одному, значить, мѣсту. Ладно... Потомъ, значить, какъ только отведутъ къ одному углу, сейчасъ прошеніе въ крестьянскую банку: такъ, молъ, и такъ, купилъ землю и желательнo мнѣ распространить свое хозяйство: прикупить скота, ну, и все такое прочее... Аблакать въ городѣ знаетъ, что написать... Просить банку, чтобы она дала ссуду за эту землю. Если, къ примѣру, вы посулите Юдину, или тамъ другому кому изъ непутевыхъ, рублей по сту за надѣлъ, такъ они съ похмелья-то во кагъ обрадуются. Теперь вы учтите... за четыре надѣла заплатите четыре сотенныхъ, ну, да на пропой обществу рублей двадцать, нотаріусу тамъ да оцѣнщику на проѣздъ... Я такъ располагаю, что болѣе пяти Екатеринъ не изойдетъ. Купили вы эти четыре надѣла, а въ нихъ, вѣдь, въ кажинномъ по четыре съ половиною десятины, значить, во всѣхъ-то и всѣ восемнадцать десятинъ окажутся. Господинъ-то оцѣнщикъ осмотритъ и хучь земля и неважная, и все же обозначить ее не менѣе ста рублей за десятину, а банка-то выдастъ на худой конецъ по шести красныхъ... Это, значить, въ опчемъ преподнесутъ тыщу рублей, да еще восемьдесятъ...

— А процентъ-то платить?—вставилъ Скачокъ, внимательно слушающа.

— Погодите, тятенька... дайте обсказать!.. Хорошо, получили вы изъ банки тыщу и ни гу-гу... Приходить срокъ проценту платить, а вы опять ни гу-гу... Сейчасъ эта банка вамъ повѣстку... за вами, молъ, Ляксѣй Федоровичъ, недоимочка, и мы васъ обяжемъ платить пенюю. А вы опять притаились и молчокъ. Хорошо-съ. Подходить, значить, второй срокъ, и уже начинаютъ пугать, что землю мы-де продадимъ, а вы и ухомъ не ведете... Пушай продаютъ... Вамъ изъяну нѣту—купили вы за пятьсотъ, а получили тыщу съ хвостомъ...—закончилъ швейцаръ и сталъ крутить махорочную цыгарку.

— Ужъ и голова ты у меня Фроль Федосѣвичъ,—сказалъ Скачокъ и любовно хлопнулъ по плечу зятя.

На другой день Скачокъ оправился въ сосѣдную деревню Бережокъ, захвативъ съ собою каменнoобразныя барапки и двѣ полу-бутылки казѣнки.

Въ избѣ съ покосившимся потолкомъ и щелящимъ поломъ, по которому ползала, гоняясь за котенкомъ, сопливый мальчонка въ грязной рубашонкѣ, у русской печки хлопотала дѣвочка лѣтъ двѣнадцати. Самого хозяина дома не было.

— Тятка дома?—спросилъ вошедшій Скачокъ, помолвившись сперва на темную икону, висѣвшую въ переднемъ углу.

— Къ Софроньчу пошелъ!—отвѣтила дѣвочка, продолжая возиться съ корчагой.

— Добѣги-ка, дѣвонька, да скажи: гость, моль, по пути зашелъ.

Дѣвочка поставила корчагу на шестокъ, оправила платье и выбѣжала на улицу.

Не то съ сожалѣніемъ, не то съ пренебреженіемъ осматривалъ Скачокъ окружающую его обстановку. Покосившіяся окна съ разбитыми кое-гдѣ стѣклами и заткнутыя въ этихъ мѣстахъ грязной рванью, шатающійся столъ, нѣсколько старыхъ глиняныхъ горшковъ, стоящихъ на полкѣ, и мириады таракановъ, проворно бѣгающихъ повсюду и по всѣмъ направленіямъ, возмущали чувства хозяйственного мужика.

— Ляксѣичу наше почтеніе!—сказалъ, входя, мужикъ цыганскаго типа, протягивая руку.

— Шѣль, вишь, я въ волостное правленіе да присталъ маненько.. дай, думаю, зайду къ Юдину, отдохну чуточку,—сказалъ Скачокъ, пожимая руку Юдина.

— Что жъ, милости просимъ садиться,—сказалъ Юдинъ, указывая на мѣсто въ переднемъ углу:—только ужъ на угощеньи не обезсудьте—тонко, охъ, какъ тонко! Какъ, значить, побывшалась моя хозяйка, такъ иѣтъ тебѣ ни печѣнаго, ни варенаго. И то думаю Таньку въ кусочки спосылать... А все Александра... Взялъ онъ это у меня запрошлый годъ землю въ аренду, какъ есть оба, значить, надѣла за четырнадцать рублей, задатку далъ, честь-честью, три рубля, ну, конечно, угостилъ сороковочкой, да съ тѣхъ-то съ самыхъ поръ и по сейчасъ не платитъ ни копейки... Думаю въ судъ на него подать.

— Что судиться-то? Для че? Ты вотъ лучше эфту самую землю продай,—сказалъ Скачокъ.

— Да нешто можно?

— Теперь, значить, послѣ забастовки разрѣшили...

— Ой ли? Не врешь ли, дядя Ляксѣй?

— Почто врать? Сходи въ волость, благо близко, спроси... Писарь все обскажетъ.

— И впрямъ сходить, —сказалъ раздумчиво Юдинъ, потирая съ похмелья свой лобъ и виски.—Сходить-то эфто плѣвое дѣло, да только какой же это дуракъ у меня купить?—закончилъ онъ, поглядывая въ окно на растрепанную голову и приплюснутое лицо, прижавшееся къ стеклу съ наружной стороны рамы, и, взглядѣвши, призывнымъ жестомъ махнулъ рукой и громко сказалъ:

— Другъ! Софронычъ! Заходи къ намъ въ пріятную компанію. Вошёлъ мозглявый мужичонка босикомъ, одѣтый въ грязную рубашку и разорванные штаны.

— Вамъ пріятную бесѣду и почтеніе сосѣду...—сказаль вошедшій и, кривляясь, сѣлъ на лавку.

— Слышь-ко, Софронычъ, о чемъ доказываетъ Ляксѣичъ-то... Нынѣ, гритъ, землю-то продавать можно.

— Какую землю?—насторожился Софронычъ.

— Да, душевой-то надѣлъ... Только я такъ располагаю, что не найтить покупателейъ,—добавиль Юдинъ, посматривая на Скачка.

— Коли не подорожится, то какъ не найтить покупателейъ... Вотъ, къ примѣру, хучь меня взять... по сродственной цѣнѣ и я, пожалуй, не прочь купить,—сказаль Скачокъ, вынимая изъ кармана принесенную съ собой водку.

Юдинъ и Софронычъ даже затряслись отъ пріятнаго ожиданія даровой вышивки.

— Захватилъ съ собой на дорожку... путина-то не близкая,—говориль Скачокъ, держа лѣвой рукой бутылку и ударяя ладонью правой руки по доньшку сосуда. Пробка вылетѣла.

Юдинъ суетливо доставаль изъ поставца чашки и разставиль по одной предъ каждымъ изъ присутствующихъ.

Скачокъ съ осторожностью, чтобы зря не пролить ни одной капли, медленно разлиль водку и предложиль собесѣдникамъ. Трясущимися руками поднесли пьяницы ко рту казенное «добро» и, такъ сказать, процѣдиль вино сквозь зубы.

Скачокъ помедлиль наливать по второй.

— Такъ вотъ я и говорю,—началь онъ, закупоривая бутылку:—если не дорого, значить, то и я, пожалуй, рисканулъ бы, да и купилъ бы... а деньги въ секунду выложилъ бы на бочку,—закончилъ Скачокъ, ударяя рукою по столу и какъ бы дѣйствительно платя деньги.

— А почему положишь за надѣлъ?—спросиль Софронычъ, скашивая глаза на водку.

— Ты, паря, помолчи!.. Нешто у тебя покупають?—окрысился Юдинъ.

— Да, пожалуй, я и у обоихъ купилъ бы... А по сколько положить? Если, значить, считать по божецки, дамъ я по полсотнѣ за надѣлъ,—говориль Скачокъ, пристально смотря на свои руки, въ которыхъ держаль сломанную баранку.

— А не дешево будетъ?

— Сами глядите... Вашъ товаръ... Ну, учитывай,—обратился онъ къ Юдину:—сдалъ ты Лександру оба надѣла за четырнадцать, значить, по семь рублей за кажинный, да и тѣхъ онъ тебѣ не платить... а я-то даю тебѣ за разъ, какъ бы за семь лѣтъ впередъ... Ну, да ладно... мы вашей цѣны не слышали... объявляй! Самъ хозяинъ, ну, и назначай цѣну.

— По сотнѣ дашь?—спросилъ неувѣренно Юдинъ.

— Охъ! И засидѣлся же я съ вами,—сказалъ Скачокъ, вставая и пряча бутылку въ карманъ:—пойтить засвѣтло, а то и старшину не застанешь,—вылѣзая бокомъ изъ-за стола, продолжалъ Скачокъ.

— Эвона... версты не будетъ до волости-то.

— Не торопись, Ляксѣичъ, посиди, поспѣешь... Садись, поговоримъ толкомъ,—говорилъ Юдинъ, опасаясь упустить водку.

— Да развѣ съ вами столкнешь? Экъ тоже... нако... заворотилъ тоже по сотельной... нѣтъ, ты объявляй настоящей спрось...

— Ну, ладно... пятерку скостимъ

— Жирно, паря, будетъ, а вотъ, значить, послѣднее слово—восемьдесятъ рублей... и давай Богу молиться.

Пріятели переглянулись.

— А задатокъ дашь?—спросилъ Софронычъ.

— Ну, знамо дѣло... какъ укрѣпите надѣлы подь себя, такъ по синенькой аль по красненькой на носъ и отвалу, ну, а теперь на обоихъ при старшинѣ дамъ трешку.

— Идетъ! Наливай!—заговорилъ оживленно Юдинъ.

Бутылки опустѣли.

Отдавъ баранки дѣвочки Танѣ, Скачокъ, въ сопровожденіи пріятелей, отправился въ волость. Эское волостное правленіе помѣщалось въ старомъ двухъэтажномъ домѣ, принадлежавшемъ волостному старшинѣ Федору Романовичу Романову. Въ верхнемъ этажѣ было «присутствіе», комната для пріѣзжающихъ чиновниковъ, свидѣтельская и кухня. Въ кухнѣ жилъ сторожъ, отставной солдатъ Финогоичъ, специалистъ по части тѣлеснаго наказанія приговариваемыхъ волостнымъ судомъ къ сему исправительному наказанію.

Въ нижнемъ этажѣ помѣщалась лавка, а рядомъ съ нею—«холодная», въ которой за маловажныя упущенія отсиживали старосты и другіе провинившіеся крестьяне.

Въ «присутствіи» засѣдалъ волостной судъ.

Предъсудейскимъ столомъ, обтянутымъ зеленою клеѣнкою, стоялъ лавочникъ изъ сосѣдняго села, одѣтый въ сибирку синяго сукна, и краснымъ платкомъ обтиралъ потное лицо, держа въ другой рукѣ растрепанную счетную книгу.

— Ну, Краюшкинъ, выкладывай,—сказалъ предѣдатель суда, обращаясь къ лавочнику.

— Такъ что я, значить, по своей душевной добротѣ и милостивому снисхожденію довѣрляю ему, а ёнъ замѣсто благодарности и не думаетъ платить. А намнясь увидѣлъ около своего огорода маво борова, да и съвздилъ его коломъ—эфто за мою-то доброту, господа, милостивые судьи?! Учтите теперь: безъ семитки набралъ на пять съ полтиной и ни шиша. Вѣдь, если всѣ будутъ такъ дѣлать, то и кушцу придется безъ портокъ ходить. Нѣтъ, говорю, шалишь, мамонишь, на грѣхъ наводишь—я вѣдь и до суда дойду...

— Довольно!—остановилъ предѣдатель.

— Михайло! а ты что скажешь?—обратился предсѣдатель къ угрюмому мужику, стоявшему рядомъ съ лавочникомъ.

— Вотъ какъ передъ Истиннымъ, такъ и передъ вами, поштенные судьи... все-то я ему отдалъ до копеечки. Какъ лёнъ продалъ, такъ тогда и отдалъ.

— А книга-то на что, вотъ она, книга-то, не ты ль тогда кресты самъ подъ счетомъ ставиль...—подставляя книгу судьямъ, перебилъ Краюшкинъ...

— Ты книгой-то намъ не тычь... Погоди маненько... кажинному свой чередъ,—остановилъ предсѣдатель расходившагося лавочника.

— Такъ вотъ какъ же, Михайло?.. вотъ онъ говорить, что ты и кресты самъ ставиль?

— Эфто правильно онъ обозначаетъ, кресты я самъ ставиль... да когда ставиль-то?—послѣ сѣнокоса, а долгъ-то я отдалъ въ самый Покровъ Пресвятой Богородицы. Какъ, лёнъ продамши, изъ города вернулся, такъ, значить, къ нему и пошелъ. Еще обождать малость пришлось. Юдинъ съ Софронычемъ ему платокъ матерчатый закладывали, ну, я пообождалъ да при нихъ ему и деньги всѣ заплатилъ,—закончилъ Михайло и потупился.

— Напиши повѣстки Юдину и Софронычу для явки къ намъ на слѣдующее засѣданіе,—приказалъ предсѣдатель, обращаясь къ волостному писарю.

— Не для че и писать... они тутъ внизу со Скачкомъ валандаются,—вмѣшался Михайло.

Предсѣдатель распорядился позвать обоихъ пріятелей.

И Юдинъ и Софронычъ подтвердили показаніе Михайла.

Послѣ недолговременнаго совѣщанія предсѣдатель объявилъ резолюцію, по которой Краюшкину въ искѣ было отказано. Затѣмъ предсѣдатель закрылъ засѣданіе и, выйдя изъ-за стола, дружески поздоровался съ Краюшкинымъ и вмѣстѣ съ нимъ отправился въ трактиръ, находящійся черезъ улицу.

Въ тотъ же трактиръ пошли и Скачокъ съ Юдинымъ и Софронычемъ, которые сдѣлали старшинѣ соответствующее заявленіе объ укрѣпленіи за ними ихъ надѣловъ.

Подсѣвшій въ трактирѣ къ ихъ столику Михайло отъ себя поставилъ свидѣтелямъ сороковку и, выпивъ за компанію, уѣхалъ домой. Поздно вечеромъ этого же дня къ бревенчатому мостику, перекинутому чрезъ грязную канавку близъ сельца Бережокъ, переходили, пошатываясь и обнявшись, два друга и, ковыляя изъ стороны въ сторону, орали во все горло:

Даль намъ батюшка
Лишь одинъ талантъ—силу крѣпкую.

И, не угодивъ на мостъ, оба свалились въ канаву, въ которой, обнявшись, спокойно проспали до утра.

Все произошло такъ, какъ предсказывалъ петербургскій швейцарь.

Скачокъ землю купилъ, получилъ ссуду изъ банка и тотчасъ фиктивно продалъ свое движимое и недвижимое имущество своему зятю, взявъ съ него на соответствующую сумму вексель. Затѣмъ процентовъ не платилъ, и купленная земля была назначена въ продажу съ аукціоннаго торга, но, за неимѣніемъ покупателей, осталась за банкомъ. Слышно, что банкъ предполагаетъ послать управляющаго съ приличнымъ окладомъ жалованья для веденія на этой землѣ рациональнаго хозяйства. А вѣдь, пожалуй, и пошлетъ?!

Юдина и Софроньча видѣли на большой дороги ожидающими загулявшихъ крестьянъ, возвращающихся изъ города. А Танька, дочь Юдина, таская на рукахъ чуть не голаго братишку, ходитъ въ кусочки и воспоминаетъ то блаженное время, когда покойная ея мамка кормила ее мягкимъ хлѣбомъ. «Бывало, жрешь до отвала», шепчетъ она часто, прижимая братишку къ своему истощенному гѣлу.

II.

«Подкрѣпилъ подъ себя».

Стоялъ жаркій іюльскій день. Солнце повсюду бросало свои живительные лучи, а также и просушивало насквозь огуменное жирное сѣно, разбросанное по лугу за огородомъ. Сѣно пора было уже убирать и его убирали. По лугу, подхвативъ граблями большую охапку сѣна и поддерживая ее правою рукою, по направленію къ сѣнному сараю быстро ходили мужчина и женщина, а въ сараѣ, въ лубяной колясочкѣ, закрытой тонкой, чистой дерюгой отъ назойливыхъ слѣпней и мухъ, спалъ невиннымъ сномъ младенца новорожденный ребенокъ.

Убравшіе сѣно въ сарай были мужъ и жена. Встрѣчаясь другъ съ другомъ при этой работѣ, они перекидывались отрывочными разговорами.

— Не окончимъ?!—не то вопросительно, не то утвердительно сказала молодуха Прасковья, взглядывая на мужа.

— Хошь разорвемся, а кончить надоть!—отвѣтилъ мужъ Силантій, внося послѣднюю охапку сѣна въ сарай.—Оно, конечно,—продолжалъ онъ:—эфтакая еще уйма осталась... Одинъ панкратьевскій клинъ чего стоитъ?! И то я думалъ Ваньку солдата на денекъ сопригласить, такъ вѣдь ѣнъ зафратованъ, утрось ящю видѣлъ, какъ съ Хуторовъ за нимъ приходили, тоже и тамотко съ покосомъ тужать.

— Такъ какъ же быть-то?

— А такъ и быть: накормишь Васютку, да и айда опять на сѣнокосъ,—отвѣтилъ Силантій и сталъ править косу.

Прасковья осторожно вынула изъ колясочки проснувагося ребенка и стала кормить грудью; а затѣмъ, перепеленавъ, снова уложила въ мягкую постельку. Взявъ свою косу, она не хуже мужика стала ловко водить по ней точиломъ, при чемъ визгъ, производимый точеніемъ косы, далеко разносился по окрестности.

Силантій былъ неотдѣленный и единственный сынъ крестьянина Степана Шилки и въ то время, когда Силантій съ женой усердно работалъ, самъ «большакъ», несмотря на рабочую пору, былъ пьянъ и, пятась съ печки, искалъ ночью приступокъ лѣсенки, ведущей на печку, и, не найдя его, свалился на полъ избы.

Шилка былъ давно уже вдовецъ.

Когда была жива его жена, то хозяйство шло въ порядкѣ, но послѣ смерти работающей Акулины, оставившей ему девятилѣтняго сына Силашку, Шилка сдалъ многосемейному сосѣду въ аренду всю надѣльную землю, а «Силашку» каждую весну ставилъ въ подпаски вплоть до выпаденія снѣга. Самъ же отправлялся въ «коренную»—гонять унжаки и барки по теченію рѣки.

Получивъ осенью отъ хозяина сплава расчетъ, Шилка являлся въ деревню «навеселѣ» и затѣмъ изо дня въ день пилъ, какъ онъ говорилъ, «въ плепорцію». Сегодня же онъ, по особому случаю, «перепустилъ маненько».

Силашка по зимамъ ходилъ съ холщевою сумочкою по окрестнымъ деревнямъ «въ кусочки» и, какъ малый бродяжка, даже рѣдко ночевалъ дома, а ютился въ той избѣ, которая была на очереди для приема странниковъ.

Такъ жилъ отецъ. Такъ воспитывался сынъ. Хотѣлъ было Силашка, по своей инициативѣ, поступить въ школу, но подумалъ о томъ: кто же кормить-то будетъ? Вѣдь въ кусочки-то «тогда ходитъ будетъ некогда»—разсуждалъ онъ и оставилъ свою затѣю.

Когда же ему минуло 14 лѣтъ, то онъ категорически заявилъ отцу, уходившему въ плаваніе, что «я, молъ, тятенька пасти скотину напредки не согласенъ... али вы возьмите меня съ собою въ коренные, али же я наймусь къ Хуторамъ въ работники...»

Шилка даже и ротъ разинулъ отъ такой «прыткости». Отъ Силашки онъ никогда «супротивнаго» слова не слышалъ, а тутъ на... эфто, значить, задатокъ за пастушню мнѣ теперь не получить,—разсуждалъ разсерженный отецъ, а на Хуторахъ мнѣ за него никогда ничего не дадутъ... Значить, и сиди до навигаціи на похмелье!—послѣ такихъ соображеній хотѣлъ было дать трепку негодному Силашкѣ, но сынъ оттолкнулъ руку отца, дрожавшую отъ пьянства, и убѣжалъ на Хутора. У Хуторовъ, двухъ братьевъ крестьянъ, живущихъ не въ раздѣлѣ на землѣ, дарованной имъ отъ удѣла въ награду за окончаніе курса въ низшей сельско-хозяйственной школѣ, хозяйство велось образцовое: сѣвооборотъ былъ многопольный, кромѣ озимаго и яровыхъ хлѣбовъ, сѣялся клеверъ съ тимофеевой травой и была даже разведена хмелевая плантація. Вотъ въ такое-то

хозяйство поступилъ четырнадцатилѣтній Силантій и, постепенно приучаясь, на 20-мъ году отъ роду изъ него выросъ трезвый ловкій работникъ, котормъ хозяева очень дорожили.

Въ это время у сосѣда, бравшаго въ аренду землю, принадлежавшую Шилкѣ, произошелъ семейный раздѣлъ и никто изъ раздѣлившихся не пожелалъ продолжать аренды.

Узнавъ объ этомъ, молодой парень Силантій рѣшилъ самъ обрабатывать отцовскій надѣлъ. Было его на три души, т. е. тринадцать съ половиною десятинъ.

Но, какъ «одинъ въ полѣ не воинъ», говоритъ русская пословица, то парень пришелъ къ тому заключенію, что на отца надежда плохая, а потому надо жениться!

Бродивши «въ кусочки», онъ иногда имѣлъ спутницею сиротку дѣвочку и такъ какъ она была года на три моложе Силашки, то онъ всегда и бралъ ее подъ свое покровительство, защищая отъ злющихъ деревенскихъ собакъ, набрасывающихся съ остервенѣніемъ на всѣхъ проѣзжающихъ и прохожихъ, а также не давалъ въ обиду и мальчикамъ, а иногда, схвативъ ее за руку, самъ удиралъ отъ какого-нибудь «безработнаго», высланнаго изъ столицы и пробиравашагося въ другую столицу и по дорогѣ желавшаго отнять даже отъ нищихъ ребятъ собранные ими «кусочки».

Въ то время, когда Силантій задумалъ вести свое хозяйство, эта дѣвочка, или, вѣрнѣе сказать, 17-лѣтняя Параша жила въ работницахъ на маслобойнѣ-сыроварнѣ. Мѣсто было хорошее, но Параша думала «отойтись», такъ какъ ей проходу не давалъ помощникъ мастера-сыровара своимъ ухаживаніемъ. Надумавъ обзавестись своимъ домомъ, Силантій отправился на эту сыроварню, отыскалъ на скотномъ дворѣ Парашу, которая одна замѣшкалась вслѣдствіе того, что доимая ею холмогорская корова требовала усиленнаго выдаиванія, подошелъ къ дѣвушкѣ и безъ дальнихъ околичностей спросилъ:

— Параня! Хошь за меня замужь иттить?

Параша покраснѣлась, какъ маковъ цвѣтъ. Изъ всѣхъ видѣнныхъ ею парней нравился ей больше всѣхъ Силантій. И во снѣ-то она часто его видѣла, «а тутъ вотъ оно... не даромъ, эфто, я сонъ-отъ видѣла, быдто наша бурѣнка отелилась», думала дѣвушка, закрывая одною рукою свое лицо, а другою продолжая держать вымя не выдоенной холмогорки.

— Ну, что же скажешь?—сказалъ Силантій, присаживаясь на корточка и любовно отнимая руку Парашы, закрывавшую ее лицо.

Параша безъ словъ склонила голову на плечо своего сужѣнаго.

— Одначе мнѣ некогды! Надо-тъ на погость сбѣгать, отца Лекандру упредить: такъ, молъ, и такъ, желаемъ, значитъ, сочетаться законнымъ бракомъ! Въ волость тоже надо смахать—пустъ писарь выхѣритъ арендный договоръ, ну, да тамъ и ащо иное-прочее. А ты, Параня, ступай въ «Думново» къ моей теткѣ, значитъ. Тамъ ты

промежъ ейныхъ дочекъ и будешь оставаться до вѣнца. А я уже забѣгу—принесу деньжонокъ, чтобы, значить, тетка Палагея тебѣ бы справила все въ акуратѣ...

Тутъ онъ всталъ и крѣпко поцѣловалъ свою невѣсту.

Уговорившись съ священникомъ о вознагражденіи за свадьбу, окончивъ дѣла въ волостномъ правленіи, онъ забѣжалъ домой, желая сообщить отцу о принятомъ имъ рѣшеніи, но сообщить было некому, такъ какъ отецъ, по обыкновенію, былъ пьянъ.

Горько вздохнувъ, онъ что есть духу побѣжалъ въ деревню Думново, гдѣ проживала его тетка вдова Пелагея съ двумя дочерьми-невѣстами.

— Эфто ты умненько надумалъ,—сказала Пелагея, когда племянникъ, войдя въ избу, «истово» помолился въ передній уголъ, въ которомъ находились старинныя иконы съ заткнутыми за ними высохшими пучками вербъ и висящей лампадкой.

— Садись, садись, желанный... Кабы свѣтъ-то Акулинушка, мать-то родная, жива-то была, какъ бы она-то обрадовалась бы. Ну, да ейная душенька, царство ей небесное, теперя, навѣрно, около насъ пѣрхаетъ... Такъ вотъ я и говорю, умѣнь ты у меня, племяшъ, эфтакую дѣвку отыскалъ! А коли она безприданница, то ейныя руки дороже золота; въ округѣ-то, небось, никто ее не охаетъ—король дѣвка!..

— Знамо король!—согласился Силантій и, вынувъ изъ «заголенница» кожаный кошель на вздержкахъ, высыпалъ изъ него на столъ деньги.

— Вотъ тутъ, теточка Палагея, полсотни рублей, такъ вы, значить, сдѣлайте имъ распоряжокъ, чтобы все въ акуратѣ было, а на свадьбу у меня особо есть, да еще въ городѣ на книжкѣ лежитъ двѣ сотни... Я, вѣдь, отъ Хуторовъ-то что получалъ, все туды складывалъ... Вотъ, думаю, лошадушку да коровку куплю. Эфто ужъ опосля—вмѣстяхъ съ Параней!..—закончилъ онъ.

— Я думаю, тепломать ей тоже надѣть?—спросила тетка.

— Нѣ—погодьте... Маненько оправимся, тогда и тепломать заведемъ, а теперъ что тамъ требуется изъ бѣльишка, тоже сарафаны немудрячіе... Вѣдь у насъ, тетенька, и въ избѣ-то хушъ паромъ покати: квашни и той нѣтъ! Вотъ вы эфто и учтите. Родитель-то все сволокъ къ Ивану Елкину,—грустно добавилъ онъ.

— Ладно ужъ, Силантьюшка, постараюсь, ровно какъ бы для себя самой—все справлю и благословлю Параню подъ вѣнецъ замѣсто матери,—говорила Пелагея, собирая деньги со стола и прощаясь съ ухивившимъ племянникомъ.

— И дѣвушникъ справимъ... эфто ужъ я отъ себя какъ быдто,—закончила она, выходя на крыльцо проводить любимаго племянника.

Пелагея овдовѣла только годъ тому назадъ, а то она давно взяла бы въ свою семью малолѣтняго Силашку, но при жизни ея «большака» она не осмѣливалась объ этомъ и заикнуться претъ мужемъ.

Сыграли свадьбу. Шилка-отец сначала было заартачился, говоря, что Силашка аще не въ совершенныхъ годахъ и что ёнъ, какъ родитель, запрещаетъ жениться на нищей, но обѣщанная ему красная бумажка, изъ которой было вручено въ задатокъ три рубля, мигомъ его успокоила, и онъ пошелъ пропивать «пастушёнка», какъ онъ всегда называлъ своего сына.

Съ первыхъ же дней послѣ свадьбы молодые ретиво запряглись въ работу. Облюбовали и купили не одну лошадь, а двѣ, а вмѣсто дойной коровы купили «лѣтошницу», отъ которой къ слѣдующему празднику Рождества Христова ожидался теленокъ.

На паровое поле вывезли навозъ, запахали, заборонили. Засѣяли овесъ и принялись за сѣнокосъ, при чемъ на косьбу прихватили на первый разъ поденщиковъ; затѣмъ засѣяли рожь къ слѣдующему году. И все-то у нихъ «спорилось». Всякая работа шла одна за другой, какъ заведенная исправная машина.

Шилка-отецъ не вмѣшивался и только акуратно приходилъ къ обѣду и ужину. Въ «коренные» его уже не брали за пьянство, и онъ путался безъ всякаго дѣла. Иногда копалъ червей для гимназиста, пріѣхавшаго на каникулы въ сосѣднюю барскую усадьбу, большого любителя рыбной ловли, или же въ рѣдкіе трезвые дни ставилъ западни для птицъ, и вообще настоящимъ крестьянскимъ дѣломъ не занимался.

Перезимовали. Силантій и его молотуха на парѣ своихъ мохнатыхъ коньковъ подрядились отъ «жида» возить дрова на станцію изъ лѣса, купленнаго евреемъ у разоряющагося помѣщика за третью стоимости. На этомъ извозѣ новобрачные заработали порядочно и могли положить на книжку.

Кажется, и жить бы имъ да поживать да радоваться на растущаго не по днямъ, а по часамъ «крѣпыша сынишку», но... безъ этого «но» нынѣ и въ деревнѣ ужъ не обходятся. Возвращаясь съ покоса въ тотъ вечеръ, съ котораго начался разговоръ, Силантій и Параня встрѣтили шорника, который, переходя изъ деревни въ деревню, работалъ по своему ремеслу.

Завидя идущихъ ему навстрѣчу, шорникъ спросилъ, не надо ли какихъ передѣлокъ въ хомутахъ, аль чего тамъ другого—можетъ и новую сбрую надоть...

— Не надо!—сказалъ Силантій, снимая шапку въ отвѣтъ на привѣтствіе шорника.

— Да! Пожалуй, что вамъ теперь энтаго и ничего будетъ не надоть,—сказалъ шорникъ.—Коней-отъ вы продадите... а вотъ я коровѣнку-то вашу, пожалуй бы, и купилъ, если не подорожитесь!..

— Да Господь съ тобой! Мы и не думаемъ продавать...

— А для че держать-то будете? Батка твой вчера въ волости землю-то всю цѣликомъ Финогенычу продалъ. Укрѣпился-то онъ уже недѣли двѣ тому назадъ, а вчера и купчую писали. Я такъ полагаю, что онъ поди сѣдни съ радости вдрызгъ пьянъ?!

Силантій опрометью бросился въ избу. Шилка сидѣлъ, покачиваясь на лавкѣ, и, желая опохмелиться, держалъ сороковку, но дрожавшія руки его не слушались и онъ никакъ не могъ ладонью правой руки ударить по донышку бутылки, чтобы вылетѣла пробка. Дрожація руки дѣлали все промахи.

Въ этотъ моментъ вбѣжалъ Силантій.

— Тятка! Правду ль шорникъ баить, что быдто ты земельный надѣлъ подкрѣпилъ подь себя, а вчера продалъ Финогенычу?— спросилъ сынъ, тяжело дыша.

— А ну ты въ болото... Помѣшалъ только... Вишь, дѣломъ займаюсь, а ты съ пустякамъ лѣзешь!

Силантій выхватилъ бутылку и, наступая на отца, крикнулъ:

— Говори! А не то...

— А ты отдашь бутылку?—въ свою очередь, спросилъ пьяница.

— Скажешь—такъ отдамъ!—сказалъ Силантій, въ изнеможеніи садясь на лавку.

— Эфто вѣрно... Какъ, значить, слѣдственно по ноябрьскому закону перва укрѣпился, а апосля и къ Финогенычу вкупился... Ну!.. Ну! давай-отъ бутылку-то. Чего башку-то повѣсилъ?

Силантій сидѣлъ не шевелясь. Прошло нѣсколько минутъ. Въ избу вошла Параня и внесла на рукахъ спящаго Васютку и положила на кровать, покрытую одѣяломъ, сшитымъ изъ разнообразныхъ лоскутковъ ситцу. Силантій вышелъ на дворъ, вывелъ лошадь и, вскочивъ, поскакалъ въ городъ, гдѣ жилъ земскій начальникъ. Земскій начальникъ былъ въ разъѣздахъ, а младшій помощникъ письмоводителя объяснилъ Силантію, что отецъ его имѣлъ право укрѣпить за собою всю землю, которою онъ владѣлъ со времени послѣдняго передѣла, и затѣмъ уже, какъ собственникъ, могъ продать землю кому угодно изъ лицъ крестьянскаго сословія, а такъ какъ Финогенычъ хотя и торгуетъ въ лавкѣ, но крестьянинъ, «а потому сдѣлка совершена правильно и апелляціи не подлежитъ!»— закончилъ писарь глубокомысленно тономъ присяжнаго повѣреннаго.

Силантій и Параня живутъ въ работникахъ у Финогеныча и обрабатываютъ землю, когда-то принадлежавшую предкамъ Силантія.

Подумывалъ было Силантій выкупить, но Финогенычъ заломилъ несообразную цѣну, а тотъ же писарь въ камерѣ земскаго начальника объяснилъ Силантію, что «вотъ гг. дворянамъ разрѣшается выкупать родовыя имѣнія въ теченіе 3 лѣтъ со дня продажи... на, вонъ, смотри ст. 1363 X тома «Свода законовъ», а про крестьянъ-то въ ноябрьскій законъ въ думѣ не успѣли включить», закончилъ онъ, захлопывая съ трескомъ книгу десятаго тома.

Д. Перскій.

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКЪ ГРАФА М. Н. МУРАВЬЕВА (ВИЛЕНСКАГО).

(Изъ прошлаго).

I

ВЪ 1904 ГОДУ въ одной изъ мѣстныхъ одесскихъ газетъ печатались воспоминанія С. И. Плаксина о шестидесятихъ годахъ, во 2-ой главѣ которыхъ говорится о графѣ Михайлѣ Николаевичѣ Муравьевѣ, начальникѣ Сѣверо-Западнаго края, и его, якобы, враждебныхъ отношеніяхъ къ тогдашнему петербургскому генералъ-губернатору, свѣтлѣйшему князю А. А. Суворову, внуку великаго полководца, причемъ г. Плаксинъ приводитъ отвѣтъ Муравьева князю Суворову на вопросъ послѣдняго: «не родственникъ ли онъ повѣшенному декабристу Муравьеву?»

— Я не изъ тѣхъ Муравьевыхъ, которыхъ вѣшаютъ, а изъ тѣхъ, которые сами вѣшаютъ!

Насколько исторически правдивъ этотъ извѣстный анекдотъ, не знаю, достовѣрно лишь то, что за Муравьевымъ въ то время твердо установилась репутація суроваго и безпощаднаго администратора, получившаго среди поляковъ прозвище «Муравьева висѣльника».

Затѣмъ въ январской книжкѣ текущаго года «Историческаго Вѣстника» помѣщено начало «Воспоминаній шестидесятника» Н. Н. Фирсова (Л. Рускина), въ которыхъ также затрагивается въ связи съ характеристикой свѣтлѣйшаго князя Суворова вопросъ о его враждѣ съ Муравьевымъ на почвѣ безпощадности послѣдняго.

Однако безпристрастныя историческія разслѣдованія документовъ той эпохи и большинство воспоминаній современниковъ графа,

служившихъ съ нимъ, далеко не подтверждаютъ правильности такого суроваго приговора надъ Муравьевымъ и доказываютъ всю пристрастность даннаго ему эпитета «висѣльника».

Отецъ мой, служившій въ гвардіи и дѣлавшій въ то время вмѣстѣ со своимъ полкомъ походъ въ Польшу для усмиренія мятежа, лично хорошо зналъ графа Муравьева, который предлагалъ ему перейти къ нему на службу въ Вильну, но отецъ мой отказался отъ этого предложенія, не желая оставлять свой полкъ и мѣнять военную службу на административную. По мнѣнію моего отца, подтверждаемому многими другими историческими воспоминаніями, графъ Михаилъ Николаевичъ далеко не былъ въ дѣйствительности такимъ жестокимъ человѣкомъ, какимъ его рисовали поляки, да и многіе русскіе; онъ обладалъ лишь твердымъ характеромъ и не менѣе твердо держался разъ навсегда выработанныхъ принциповъ. Принявъ на себя передъ государемъ тяжелую обязанность усмирить мятежь, который и разросся лишь благодаря неустойчивой и шаткой политикѣ правителей края до Муравьева, графъ выполнилъ свою задачу и быстро, и, какъ это ни покажется страннымъ, съ гораздо меньшими жертвами (въ смыслѣ казней), нежели его слабые предшественники, какъ, напримѣръ, слабовольный и ни на что въ сущности не способный генералъ Потаповъ, при которомъ число политическихъ казней было гораздо больше, чѣмъ при Муравьевѣ.

Дѣло въ томъ, что всѣ они послѣ принятія крутыхъ мѣръ (до смертныхъ казней включительно) опять ослабляли поводья, дѣлали уступки, которыя принимались за слабость правительства и усиливали тѣмъ только броженіе, что принуждало власть вновь обращаться къ репрессивнымъ мѣрамъ. Справедливость сказаннаго подтверждается историческими данными, и если судить лишь по числу казненныхъ, то эпитетъ «висѣльника» скорѣе можно отнести къ предшествовавшимъ Муравьеву администраторамъ Сѣверо-Западнаго края, но ужь никакъ не къ графу Михаилу Николаевичу.

II.

И г. Плаксинъ и г. Фирсовъ говорятъ, что князь Суворовъ былъ заклятымъ врагомъ графа Муравьева. Позволю себѣ не совѣмъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ, и вотъ почему. По словамъ отца моего, лично хорошо знавшаго обоихъ администраторовъ, и по другимъ печальнымъ свидѣтельствамъ современниковъ, свѣтлѣйшій князь Суворовъ былъ добрѣйшей души человѣкъ, неспособный лично ни на что дурное, но притомъ обладалъ полнымъ отсутствіемъ характера и твердыхъ политическихъ взглядовъ. Онъ никому не умѣлъ отказывать въ просьбѣ, и въ тогдашнемъ петербургскомъ «свѣтѣ» отлично это знали и просто не давали ему прохода съ раз-

наго рода ходатайствами. Зналъ эту слабость князя и Муравьевъ и во время своего генераль-губернаторства въ Вильнѣ постоянно получалъ отъ него многочисленныя и слезныя ходатайства за того или другого поляка, уличеннаго въ преступныхъ сношеніяхъ съ повстанцами, но принадлежавшаго къ высшему польскому обществу и имѣвшаго связи при дворѣ..

Эпизодъ, переданный г. Фирсовымъ въ своихъ воспоминаніяхъ о запросѣ Суворовымъ Муравьева по поводу просьбы послѣдняго арестовать кого-то въ Петербургѣ: «За что арестовывать?» произошелъ совершенно не такъ, какъ передаетъ г. Фирсовъ, и въ своемъ настоящемъ видѣ представляетъ дѣло совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, въ пользу графа Муравьева, и нисколько не подтверждаетъ враждебныхъ отношеній этихъ двухъ лицъ. Разсказъ этотъ я слышалъ отъ отца своего и хочу привести его здѣсь, какъ характеристику и князя Суворова, и графа Муравьева, и существовавшихъ между ними далеко не враждебныхъ отношеній. Муравьевъ уважалъ князя, какъ честнаго человѣка, но зналъ хорошо его слабость къ всевозможнымъ заступничествамъ, и... *il ne le prenait pas au sérieux*, какъ говорится.

Въ Вильнѣ попался Муравьеву какой-то польскій магнатъ, уличенный въ важномъ содѣйствіи мятежу, но дѣйствовавшій тайно, подъ наружной личиной доброжелательности къ Россіи и вѣрности государю. Муравьевъ предалъ его военному суду и для назиданія другимъ рѣшилъ повѣсить. У арестованнаго была въ Петербургѣ родственница, состоявшая фрейлиной при государынѣ, которая и обратилась къ князю Суворову, прося его ходатайства передъ государемъ о смягченіи участи своего дяди. Мой отецъ передавалъ мнѣ и фамиліи обоихъ, но я тогда не записалъ ихъ, а теперь забылъ и боюсь спутать, да это и не важно... Почему эта фрейлина обратилась именно къ князю Суворову, а не лично къ императрицѣ, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что государь, возмущенный вѣроломствомъ поляковъ, имѣвшихъ связи и при дворѣ, рѣшительно воспретилъ членамъ царской семьи обращаться къ нему съ какими-либо ходатайствами за возставшихъ.

Князь же Суворовъ, къ которому государь относился хотя и милостиво, но также зналъ его слабую сторону просить за всѣхъ и за все, зачастую безъ основательныхъ данныхъ, ввиду серьезности случая, рѣшилъ, вопреки своему обыкновенію, на этотъ разъ заступить серьезными аргументами передъ докладомъ государю ходатайства фрейлины X. и запросилъ Муравьева о преступленіяхъ, содѣянныхъ ея дядей, въ чемъ обвиняется, и пр. и пр.

Такая подробная и необыкновенная для Суворова форма запроса, къ которой Муравьевъ не привыкъ, удивила послѣдняго и заставила улыбнуться. Съ другой стороны, онъ не любилъ, чтобы изъ Петербурга вмѣшивались въ дѣла его управленія Сѣверо-Западнымъ

краемъ и тѣмъ парализовали плоды его дѣятельности, поэтому онъ попрежнему не *prenant pas au sérieux* ходатайство князя и полусутливо отвѣтилъ ему лаконическимъ: «Отгадайте».

Пока, озадаченный этой депешей, князь «отгадывалъ», волновался, наводилъ справки, ходатайствовалъ въ Петербургѣ, въ Вильнѣ приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе, что только и требовалось Муравьеву.

Уже самый полусутливый тонъ, царившій въ перепискѣ между Суворовымъ и Муравьевымъ а такая переписка сохранилась), указываетъ на характеръ нѣкоторой близости въ ихъ свѣтскихъ отношеніяхъ и дѣлаетъ апокрифическимъ въ извѣстномъ анекдотѣ вопросъ князя Суворова:

— Изъ какихъ вы Муравьевыхъ?

Оба они отлично знали свои дворянскія родословныя, принадлежа къ одному и тому же обществу.

Князь Суворовъ и не обижался на многочисленные отказы, получаемые имъ въ отвѣтъ на свои безчисленные ходатайства, которыми были завалены чуть ли не всѣ вѣдомства тогдашнихъ годовъ и въ большинствѣ своемъ за разныхъ пройдохъ, казнокрадовъ и вообще недостойныхъ людей. Будучи добрымъ, но недалекимъ человекомъ, по словамъ современниковъ, онъ не умѣлъ относиться критически къ словамъ обращающихся къ нему лицъ, принимая все на вѣру, а при отказахъ на свои ходатайства добродушно замѣчалъ:

— Вотъ подите, опять попался! За какого-то негодяя заставили просить... а я и не зналъ!

III.

А вотъ и другой рассказъ моего покойнаго отца, характеризующій графа Муравьева, какъ умнаго и твердаго администратора, у котораго чувство законности было сильно развито, и чуждаго какого бы то ни было проявленія самоволія или самодурства.

Приводимый случай мой отецъ слышалъ отъ самого участника эпизода, поляка по происхожденію, котораго уже во всякомъ случаѣ нельзя заподозрѣть въ благожелательномъ пристрастіи къ Муравьеву. Это нѣкій Яновскій, полковникъ въ отставкѣ, служившій впоследствии по акцизному вѣдомству въ Орловской губерніи. Въ шестидесятыхъ годахъ онъ занималъ мѣсто уѣзднаго начальника въ Виленской губерніи и оставался въ этой должности и при графѣ Муравьевѣ, который не только не смѣстилъ его, чистокровнаго поляка, но цѣнилъ за работу, честность и вѣрность присягѣ.

Какъ-то разъ Муравьеву пришлось издать какое-то циркулярное распоряженіе, которое противорѣчило законамъ и было составлено въ его канцеляріи по какому-то недоразумѣнію, а имъ лично принято на вѣру и подписано.

Всѣ уѣздные начальники поспѣшили, разумѣется, безъ разговоровъ привести въ исполненіе данное имъ распоряженіе (еще бы смѣть противорѣчить и не исполнить предписанія грознаго генераль-губернатора), кромѣ одного Яновскаго, который дерзнулъ вернуть предписаніе съ обстоятельнымъ изложеніемъ мотивовъ, по которымъ онъ не считаетъ себя въ правѣ исполнить незаконное требованіе.

Черезъ нѣсколько дней всѣ уѣздные начальники были экстренно вызваны въ Вильну безъ объясненія причинъ и съ трепетомъ ожидали въ пріемной выхода графа, трепеща за свою судьбу и теряясь въ догадкахъ, чѣмъ они могли не угодить или прогнѣвать грознаго начальника края. Прошло нѣсколько часовъ томительнаго ожиданія, наконецъ дверь открывается, и входитъ графъ, насупившись, съ характерными складками между бровями, дѣлавшими его и безъ того суровый взоръ еще болѣе суровымъ и грознымъ.

— Какъ вы думаете, господа: можно ли не исполнять моихъ приказаній и ослушаться меня?

Смущенные и трепещущія уѣздныя власти еще болѣе растерялись и еле-еле собрались съ силами, чтобы пролепетать:

— Нельзя, ваше сіятельство, нельзя...

Муравьевъ усмѣхнулся.

— Ну, такъ я покажу вамъ человѣка, который рѣшился на это. Всѣ молчали, и только каждый въ отдѣльности думалъ:

— Господи! сдѣлай такъ, чтобы этимъ дерзновеннымъ человѣкомъ оказался не я, а кто-нибудь другой. Господи! пронеси мимо меня эту грозную тучу.

— Полковникъ Яновскій!—громко позвалъ Муравьевъ.

Тотъ вышелъ впередъ. Это былъ высокій, сѣдой мужчина, спокойно и съ сознаниемъ собственнаго достоинства смотрѣвшій прямо въ глаза Муравьеву. Ни капли смущенія нельзя было прочесть на его лицѣ.

— Вотъ онъ!—сказалъ Муравьевъ:—полюбуйтесь!

— Ну, а какъ мнѣ нужно поступить съ нимъ, по-вашему?

Уѣздные начальники облегченно вздохнули: горькая чаша минула ихъ, виновный найденъ, пусть онъ и несетъ кару за свою дерзость; это его дѣло...

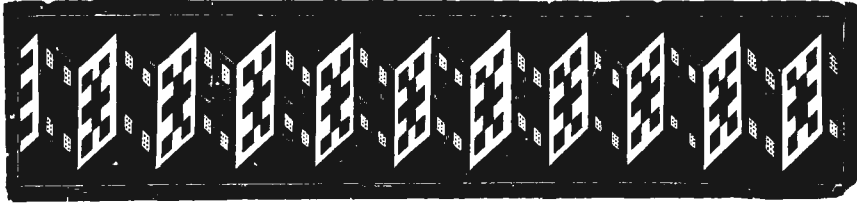
— Вы молчите? вы не знаете? Гмъ. Ну, такъ я самъ скажу вамъ. Полковникъ Яновскій! вашу руку (и съ этими словами Муравьевъ крѣпко жметъ ее своею). Вотъ какъ я поступаю съ такими служаками. Благодарю васъ, полковникъ! Вы указали мнѣ на мою ошибку (ошибаться всякій смертный можетъ) и не побоялись этого сдѣлать. Вы истинный слуга царю и отечеству и бережете свое начальство... Вотъ какъ надо служить, господа!

Я думаю, передавая эти воспоминанія, внести и свою скромную лепту въ сокровищницу исторіи той эпохи, очевидцы которой понемногу сходятъ со сцены. Воспоминанія очевидцевъ, хотя они и касались бы мелкихъ фактовъ, имѣютъ, несомнѣнно, свое значеніе; они дополняютъ и освѣщаютъ многіе факты, добытые историческими изслѣдованіями.

Надо надѣяться, что теперь, по истеченіи болѣе полувѣковой давности, сочиненная озлобленными въ то время поляками басня о графѣ Михаилѣ Николаевичѣ Муравьевѣ, какъ о «висѣльникѣ», отойдетъ въ область фантастическихъ апокрифовъ, гдѣ ей и мѣсто, а настоящій, могучій образъ этой крупной исторической личности получить наконецъ должную, правильную и справедливую оцѣнку.

В. Марковъ.

ПАВЕЛЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ ДАШКОВЪ.

(Характеристика и воспоминаніе).

НЕУМОЛИМАЯ смерть вырываетъ изъ рядовъ нашей общественной жизни одну жертву за другою, вырываетъ неожиданно, безпощадно. Не успѣли предать землѣ С. С. Боткина, профессора академіи, въ самый расцвѣтъ его жизни и дѣятельности, какъ газеты принесли извѣстіе о скоропостижной смерти его собрата по профессіи М. М. Шершевскаго, въ тотъ же день читающіе были оповѣщены тоже о скоропостижной кончинѣ П. Я. Дашкова, а черезъ два дня телеграфъ принесть извѣстіе съ далекой среднеазиатской окраины о трагической смерти талантливой представительницы нашего театральнаго міра Вѣры Федоровны Коммиссаржевской. Ударъ за ударомъ падаетъ на русское общество, лишая его выдающихся дарованій и замѣчательныхъ личностей. О Боткинѣ и Коммиссаржевской читатели найдутъ свѣдѣнія въ отдѣлѣ «Некрѳологовъ», М. М. Шершевскому въ текущей книгѣ посвящается особая статья; въ настоящемъ очеркѣ я скажу о П. Я. Дашковѣ, состоявшемъ другомъ «Историческаго Вѣстника» со дня его основанія и безъ просвѣщеннаго содѣйствія котораго было бы трудно въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ существованія журнала поставить его на надлежащую высоту въ отношеніи иллюстраціи, о чемъ и было публично засвидѣтельствовано С. Н. Шубинскимъ въ день 25-лѣтняго юбилея «Историческаго Вѣстника» въ декабрѣ 1904 г., на банкетѣ у Контана.

Да, для «Историческаго Вѣстника» и его редактора смерть Павла Яковлевича, тяжелая вообще по своей неожиданности, не-

вознаграждаемая утрата: съ его именемъ отходить въ даль цѣлый журнальный періодъ, въ которомъ онъ игралъ извѣстную роль, какъ совѣтникъ, другъ, какъ центръ, около котораго группировался кружокъ людей, полезныхъ историческому знанію своими значительными общественными связями. Еще такъ недавно по случаю 30-лѣтія журнала сотрудники «Историческаго Вѣстника», собравшись на товарищескую вечернюю трапезу въ «Маломъ Ярославцѣ», дружно поднимали бокаль за здоровье отсутствовавшего Павла Яковлевича, какъ уважаемаго и заслуженнаго члена журнальной семьи, и послали ему привѣтственную телеграмму; еще за нѣсколько дней всего до смерти пишущій настоящія строки посѣтилъ его и засталъ Дашкова, правда, нѣсколько какъ будто утомленнаго и съ налетомъ грусти на лицѣ, но все же далекаго по видимости отъ той печальной жизненной развязки, которая его 6 февраля постигла. Близкіе знакомые, видя за послѣднее время, что вѣчная жизнь «на людяхъ» его утомляетъ, принимая въ соображеніе, что возрастъ, въ который онъ вступилъ, не допускаетъ обилія пріемовъ посѣтителей съ безконечными бесѣдами съ ними на ихъ пользу и поученіе, что здоровье его за послѣднія пять лѣтъ нѣсколько сдалось и онъ начинаетъ прихварывать, по всѣмъ этимъ основаніямъ ему усиленно рекомендовали бѣольшую заботу о себѣ, гдѣ на первомъ мѣстѣ долженъ быть поставленъ вопросъ о сокращеніи этихъ пріемовъ. И самъ Дашковъ это прекрасно сознавалъ и еще минувшимъ лѣтомъ категорически заявилъ автору настоящей статьи, что двери его кабинета и столовой будутъ всего три раза въ недѣлю открыты для частей и посѣтителей, но... привычка, видимо, сильнѣе насъ: завертѣвшееся колесо столичной жизни съ начала осенняго сезона захватило своими спицами Павла Яковлевича, и темпъ его времяпрепровожденія остался прежній. Отсюда, несомнѣнно, ясно сказывавшееся въ немъ переутомленіе и, какъ окончательный финаль такового, — скоропостижная кончина. Изъ русской дѣйствительности выбылъ превосходный представитель своей родины, горячо ее любившій, много ей послужившій и всѣми данными ему отъ природы силами содѣйствовавшій развитію ея просвѣщенія.

Родъ Дашковыхъ довольно древній, и лѣтописи исторіи впервые заносятъ упоминаніе объ одномъ изъ Дашковыхъ къ 1506 г., какъ выходцѣ изъ Великой Орды. Затѣмъ цѣлый рядъ Дашковыхъ числится въ XVII и XVIII столѣтіяхъ на тѣхъ или иныхъ должностяхъ, какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ, и, наконецъ, девятнадцатый вѣкъ выдвигаетъ двухъ Дашковыхъ—дѣда и отца Павла Яковлевича, какъ видныхъ представителей нашего дипломатическаго корпуса. Въ первую четверть этого столѣтія Андрей Яковлевичъ Дашковъ, женатый на баронессѣ Прейсеръ, занимаетъ постъ посланника при Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, а въ сере-

динѣ столѣтія сынъ его, дѣйствительный тайный совѣтникъ Яковъ Андреевичъ Дашковъ, женатый на Павлѣ Ивановнѣ Бѣгичевой, является нашимъ посланникомъ въ Швецію. Отъ брака послѣднихъ родилось пять человѣкъ дѣтей—три сына и двѣ дочери. Старшимъ сыномъ и былъ Павелъ Яковлевичъ, родившійся 28 января 1849 г.

Получивъ первоначальное прекрасное домашнее воспитаніе, гдѣ былъ заложенъ прочный фундаментъ его всегда ярко блиставшей разносторонней эрудиціи, Павелъ Яковлевичъ, въ бытность отца посланникомъ въ Швецію, сначала учился въ тамошнихъ школахъ, съ любовью впослѣдствіи вспоминая о тамошнихъ здоровыхъ методахъ воспитанія, товарищескихъ корпораціяхъ и тщательности физическаго развитія молодого поколѣнія, согласно мудрому латинскому правилу: «mens sana in corpore sano». На 16-мъ году онъ былъ опредѣленъ въ императорскій Александровскій лицей, который и окончилъ въ декабрѣ 1869 г. Это послѣднее наше привилегированное высшее учебное заведеніе приобрѣло въ лицѣ новаго воспитанника виднаго члена лицейской семьи, который до конца дней своихъ жилъ всѣми интересами своей *almae matris*, принимая непосредственное участіе во всѣхъ культурныхъ и общественныхъ проявленіяхъ жизни своихъ бывшихъ и настоящихъ товарищей по училищу. Онъ бережно и свято хранилъ традиціи лицея, гордился званіемъ лицеиста, внося въ понятіе этого званія не внѣшнюю мишуру и тщеславіе, а то дворянское джентльменство, которое такъ сродни просвѣщенному англійскому аристократизму. Аристократъ по происхожденію и воспитанію, Дашковъ отличался удивительной простотой, той простотой, которая именно выдѣляется своимъ изяществомъ, доступностью и мягкостью, составляющими удѣлъ прекраснаго домашняго воспитанія и пребыванія въ хорошо тренированной товарищеской средѣ. По выходѣ изъ лицея Павелъ Яковлевичъ былъ зачисленъ на службу по государственной канцеляріи, сверхштатнымъ чиновникомъ которой, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника по отдѣленію свода законовъ, онъ числился до самой своей смерти. Но не какъ чиновникъ государственной службы составилъ онъ себѣ имя. При своемъ умѣ, образованіи и связяхъ, пожелай онъ быстро двигаться по служебной іерархической лѣстницѣ, нѣтъ сомнѣнія, мы увидали бы его въ высокихъ служебныхъ и придворныхъ чинахъ. Нѣтъ, не сюда влекло его сердце, и онъ, предпочитая считаться въ сомнѣ скромныхъ и обыкновенныхъ чиновниковъ кодификаціоннаго отдѣла государственной канцеляріи, не претендовалъ на высокіе чины, почетныя награды и званія. Какъ сообщаетъ Е. С. Шумигорскій, лично близко знавшій покойнаго, въ своемъ некрологѣ, ему посвященномъ на столбцахъ «Новаго Времени» (8 февраля), Павелъ Яковлевичъ получивъ первоначальное воспитаніе за границей, былъ до мозга костей русскимъ

человѣкомъ, страстно любившимъ свою родину и вѣрившимъ въ ея мощь и величіе. Намъ положительно извѣстно, — говоритъ онъ — что самая мысль создать коллекцію рукописей и рисунковъ по русской исторіи появилась у него именно подъ вліяніемъ этого чувства въ то время, когда въ высшемъ обществѣ, къ которому Дашковъ принадлежалъ по рожденію, культивировалось «чужеземство родной

Павелъ Яковлевичъ Дашковъ.

страны» и, послѣ краха помѣщичьей Россіи и развала дѣдовскихъ усадебъ, стали выбрасываться на улицу семейныя бумаги. Еще юношей Дашковъ тратилъ всѣ свои деньги на покупку русскихъ бумагъ и гравюръ въ важнѣйшихъ антикварныхъ центрахъ Европы, куда онѣ сбывались нашими беззаботными соотечественниками. Ту же склонность свою широко проявилъ онъ и въ Россіи, гдѣ заканчи-

валъ свое образование въ Александровскомъ лицѣѣ и сталъ затѣмъ числиться на службѣ по государственной канцеляріи; сердце его сжималось отъ боли, когда онъ видѣлъ уничтоженіе и гибель русскихъ историческихъ бумагъ, и онъ спасалъ многія изъ нихъ, какъ только являлась къ тому возможность, иногда при участіи другихъ знатоковъ родной старины, дѣйствовавшихъ въ союзѣ съ Дашковымъ; въ числѣ ихъ былъ и покойный князь Алексѣй Борисовичъ Лобановъ-Ростовскій, многими чертами ума и характера напоминавшій П. Я. Дашкова».

Итакъ, собраніе духовнаго русскаго богатства, сохранившагося отъ предковъ, по которому грозила участь безслѣднаго исчезновенія или антипатріотическая его продажа на антикварные западно-европейскіе рынки,—вотъ та задача, которая на зарѣ молодости предстала передъ Дашковымъ и которой онъ отдалъ всѣ силы жизни и часть своихъ значительныхъ денежныхъ средствъ, разсматривая эту задачу, какъ общественный долгъ, какъ служеніе Россіи, служеніе большое и трудное, на пути котораго встрѣчаются многія тернія, особенно въ той постановкѣ этого служенія, какъ Павелъ Яковлевичъ это предпрѣдѣлил и установилъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что онъ создалъ у насъ школу составленія частныхъ архивовъ, выработалъ здѣсь методы собранія и приложилъ къ воссозданію преданій и слѣдовъ погибающей старины тѣ приемы, которые вѣдомы только самымъ искуснымъ коллекціонерамъ Германіи, Франціи, Англіи. Чего стоятъ только его труды по воссозданію нѣкоторыхъ рукописей Гоголя, въ свое время впервые опубликованныхъ и доставшихся ему отъ вдовы М. П. Погодина въ видѣ изорванныхъ лоскутковъ бумаги, съ которыми справиться и которыя разобрать оказался не въ силахъ извѣстный московскій профессоръ! Дашковъ не ограничивалъ себя опредѣленнаго рода коллекціонированіемъ, преслѣдующимъ одно какое-нибудь заданіе въ примѣненіи, напримѣръ, къ опредѣленной эпохѣ или составной ея части. Онъ пріобрѣталъ широкою рукою все то писанное и печатное, гравированное и рисованное, что содержало въ себѣ хоть нѣкоторое историческое значеніе и имѣло цѣну для исторіи русской жизни, къ какой бы эпохѣ оно ни относилось. Какъ я уже говорилъ въ статьѣ «Наслѣдіе П. Я. Дашкова» («Новое Время», № 12185), какъ нѣкогда историку М. П. Погодину со всѣхъ концовъ Россіи посылали російскія древности, такъ и къ Дашкову, молва о которомъ, какъ объ извѣстномъ коллекціонерѣ, пользовалась самымъ широкимъ распространеніемъ, отовсюду обращались съ предложеніемъ разныхъ пріобрѣтеній: архивовъ, коллекцій писемъ, рукописей, иллюстрацій и портретовъ. Разница только между Погодинымъ и Дашковымъ была та, что московскій ученый ухитрялся получать все нужное и интересное или даромъ, или за очень незначительную цѣну, а

впослѣдствіи сумѣлъ по довольно выгодной цѣнѣ вручить свое древле-хранилище казнѣ, Дашковъ же за все платилъ наличными деньгами и подчасъ довольно широко. Когда ему дѣлались опредѣленные предложенія, то онъ часто направлялъ предлагавшаго въ Публичную бібліотеку, предоставляя ей первенство пріобрѣтенія и оцѣнку его. Но, какъ извѣстно, наше столичное книгохранилище въ этомъ отношеніи довольно-таки непредпріимчиво и не располагаетъ для цѣлей расширенія своихъ архивныхъ богатствъ достаточными средствами. Отсюда получалось по большей части то, что продавецъ, получивъ отказъ администраціи бібліотеки, снова толкался въ двери кабинета Дашкова или приходилъ сюда съ извѣстіемъ о незначительности предложенной суммы. Тогда Павелъ Яковлевичъ, чтобы установить настоящую цѣну «товара», адресовалъ продавца къ редактору «Историческаго Вѣстника», предлагая на судъ послѣдняго установленіе цѣны, въ полной увѣренности, что этотъ нашъ знатокъ исторіи произнесетъ свое слово нелицепріятно и по совѣсти. Такъ производились по большей части операціи пополненія дашковскихъ коллекцій, по крайней мѣрѣ за послѣднія 20—25 лѣтъ. Такимъ образомъ Дашкову почти ничто не доставалось даромъ, если не считать случайныхъ подарковъ или копій съ иллюстрацій въ тѣхъ изданіяхъ, которыя готовились къ печати при его ближайшемъ участіи, какъ вкладчика сюда портретовъ и разныхъ изображеній. Но это были сущія мелочи; зато было немало случаевъ, когда нѣкоторые пріобрѣтенія обходились ему съ затратою значительныхъ средствъ, какъ, напримѣръ, пріобрѣтеніе дневниковъ и вообще архива покойнаго министра эпохи Александра II, графа Валугева. По денежному соглашенію съ единственнымъ наслѣдникомъ послѣдняго, Павелъ Яковлевичъ сталъ обладателемъ его богатаго архива, но и тутъ онъ проявилъ широко барство и доказалъ безупречность своего джентльменства. Часть пріобрѣтеннаго архива, по соображеніямъ государственнаго порядка, онъ вынужденъ былъ передать въ Зимній дворецъ, и когда онъ былъ запрошенъ о величинѣ понесеннаго имъ ущерба и какою суммою онъ за это долженъ быть вознагражденъ, Дашковъ отъ послѣдняго уклонился, заявивъ, что въ немъ не нуждается, но что если новые собственники части отчужденнаго имущества желаютъ быть великодушны, то пусть они вознаградятъ то близкое наслѣднику Валугева лицо, которое понесло расходы по его леченію и похоронамъ. Желаніе Дашкова было выполнено, и въ вѣнокъ его имени вплелся новый цвѣтокъ красиваго барскаго великодушія и рыцарскаго безсеребрія. Такимъ путемъ въ обладаніи Павла Яковлевича оказались богатая сокровища русскаго духа, искусства и мысли. По свидѣтельству К. А. Военскаго ¹⁾, посвятившаго Даш-

¹⁾ Пользуюсь случаемъ, чтобы принести К. А. Военскому признательность за предоставленіе въ распоряженіе мое и редакціи «Истор. Вѣстн.» портрета

кову некрологическую памятку «Памяти замѣчательнаго русскаго человѣка» («С.-Петербургскія Вѣдомости», 1906 г., № 32), исторія накопленія Павломъ Яковлевичемъ архивныхъ богатствъ такова:

«Сначала, въ теченіе долгихъ лѣтъ, Дашковъ тратилъ большія средства на приобрѣтеніе рѣдкихъ гравюръ и рукописей для своего собранія, а впослѣдствіи, среди людей сколько-нибудь заинтересованныхъ въ сохраненіи рѣдкихъ и цѣнныхъ документовъ нашей исторіи, создалось особое убѣжденіе, вѣрнѣе, обаяніе личности, и на вопросъ: что дѣлать съ имѣющимся въ рукахъ рѣдкимъ экземпляромъ рукописи, картины, фотографіи?—самъ собою являлся отвѣтъ: передать П. Я. Дашкову. И не въ Публичную бібліотеку, не въ академію, не въ какое-либо официальное учрежденіе, гдѣ холодомъ вѣяло и отъ стѣнъ, и отъ людей, несли знатоки-любители свои сокровища, а именно «къ Павлу Яковлевичу», къ тому человѣку, который сбережетъ ихъ съ любовью, съ сознаниемъ принятаго на себя долга хранить и беречь дорогую родную старину... Такъ составилось это поистинѣ колоссальное собраніе, извѣстное не только у насъ, въ Россіи, но и иностранному міру. Чтобы судить о богатствѣ, о полнотѣ собранія П. Я. Дашкова, достаточно сказать, что видѣвшій его лѣтъ десять тому назадъ одинъ изъ хранителей Британскаго музея оцѣнилъ одну только коллекцію гравюръ (не считая рукописей) въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей. А вѣдь за послѣднія 10 лѣтъ собраніе неизмѣнно пополнялось! За время «собиранія» покойнымъ своихъ коллекцій, т.-е. въ теченіе слишкомъ 40 лѣтъ, въ русской жизни произошло немало выдающихся событій, и несомѣнно, что нигдѣ не найдется болѣе полного ихъ отраженія, съ бытовой и политической точки зрѣнія, чѣмъ въ собраніи П. Я. Дашкова. Естественно, что въ теченіе послѣдняго времени ни одно сколько-нибудь серьезное изданіе художественнаго или историческаго характера, ни одна юбилейная исторія нашихъ правительственныхъ учрежденій, а также значительная часть нашихъ полковыхъ исторій и хроникъ не обошлись безъ «собранія П. Я. Дашкова». Нуженъ «хорошій» портретъ какого-нибудь историческаго лица, художника, министра, полководца или просто замѣчательнаго русскаго человѣка, нуженъ видъ дворца, стараго зданія, виды стараго Петербурга, старой Москвы, необходимъ автографъ мало извѣстнаго, но интереснаго дѣятеля, снимокъ съ рѣдкой грамоты,—и, конечно, если этого не найдешь и въ Публичной бібліотекѣ, то у Павла Яковлевича только и можно найти, и надо къ нему итти съ челобитной. И къ нему шли всѣ: одни—съ рекомендаціями, другіе—просто въ надеждѣ, что онъ имъ не откажетъ во имя

Павла Яковлевича, который при семъ и воспроизводится. Покойный все собирався сняться въ послѣдніе мѣсяцы для внесенія своего изображенія въ коллекцію портретовъ сотрудниковъ «Ист. Вѣстн.», поднесенную Сергѣю Николаевичу Шубинскому 1 декабря минувшаго года, но такъ и не удосужился.

серьезности ихъ труда; прѣзжали важные сановники и скромные провинціалы изъ дальнихъ мѣстъ—и всѣхъ встрѣчалъ онъ съ пріятельностью истаго русскаго барина, съ неизмѣнной готовностью прійти на помощь дѣлу, съ живымъ интересомъ къ предпринятому труду, нерѣдко увлекааясь имъ не менѣе самого автора. Въ теченіе многихъ лѣтъ, съ ранняго утра до 6—7 часовъ вечера, Павелъ Яковлевичъ былъ добровольнымъ плѣнникомъ въ своемъ домѣ на Михайловской площади, отдавая себя въ полное распоряженіе случайныхъ посѣтителей и добрыхъ знакомыхъ. Къ нему приходили ученые, литераторы, художники, актеры, монахи, военные, путешественники, министры, иностранцы, юноши и старцы—для всѣхъ онъ былъ неизмѣнно дома, всѣхъ выслушивалъ со вниманіемъ, давая драгоцѣнные указанія и совѣты».

О значеніи дашковской коллекціи говорить и другой нашъ историкъ Е. С. Шумигорскій, утверждая, что «въ области новой и новѣйшей русской исторіи хранилище П. Я. Дашкова, по богатству и рѣдкости заключающагося въ немъ матеріала, можно сопоставить съ важнѣйшими государственными архивами, но въ то же время оно заключаетъ въ себѣ историческіе документы, которые, конечно, по исключительной своей важности ни въ одномъ изъ такихъ архивовъ находиться не могутъ. Достаточно сказать для характеристики коллекціи Дашкова, что въ нее попали въ значительной части частныя архивы и семейныя бумаги многихъ литературныхъ, общественныхъ и государственныхъ дѣятелей новой Россіи». Въ послѣднее десятилѣтіе Павелъ Яковлевичъ уклонялся отъ пріобрѣтенія семейныхъ архивовъ и писемъ частныхъ лицъ, такъ какъ, по его словамъ, такія пріобрѣтенія часто влекутъ за собою для него непріятности со стороны живыхъ людей, такъ или иначе заинтересованныхъ и задѣтыхъ этими архивами и письмами. Поэтому онъ сосредоточился по преимуществу на такихъ покупкахъ, которыя относились только къ лицамъ и учрежденіямъ государственнымъ и общественнымъ.

Цѣнность коллекцій Дашкова, громаднхъ по своему объему и содержанію, съ его кончиною раскрываетъ, однако, и свою слабую сторону. Нужно замѣтить, что онъ работалъ не покладая рукъ на поприщѣ коллекціонированія свыше 40 лѣтъ, исключительно въ единственномъ числѣ, не имѣя при себѣ ни какой-нибудь организованной канцеляріи, ни помощника, ни секретаря. Онъ былъ живымъ началомъ, концомъ и духомъ всего дѣла и все его хранилъ въ лабораторіи своей громадной памяти. Попытки пріурочить къ дѣлу секретаря или помощника, повидимому, не оказались благополучными и намъ извѣстенъ въ этомъ отношеніи одинъ случай, причинившій меценату-коллекціонеру немало огорченій. Такимъ образомъ, Дашковъ исключительно собственными руками создавалъ свое громадное дѣло, и въ виду отчасти того,

что оно представляло собою вѣчно движущійся круговоротъ очень скорого темпа, онъ физически не былъ въ состояніи придать этому дѣлу вѣншній порядокъ и систему. Коллекціи его не зарегистрировались и не каталогизировались, и порою самъ ихъ владѣлецъ становился втупикъ, гдѣ что найти и гдѣ что обрѣтается. Требовалось время на поиски, на которые уходили дни, недѣли и мѣсяцы, ибо нужно замѣтить, что его архивное имущество было разбито на двѣ части: одна хранилась въ его имѣніи «Надбѣлье» на границѣ Петербургской и Новгородской губ., гдѣ онъ проводилъ каждое лѣто и часть осени, а другая въ квартирѣ собственнаго дома на Михайловской площади. Главная масса сосредоточена была въ деревнѣ, гдѣ въ подвалахъ, приспособленныхъ специально для того и хорошо организованныхъ въ противопожарномъ отношеніи, она и покоилась. Добыть нужное иногда предста дьялось невозможнымъ до поѣздки въ деревню и возвращенія оттуда къ осени. Поэтому и полученіе просителями тѣхъ или иныхъ матеріаловъ отъ Павла Яковлевича сопровождалось иногда довольно-таки труднымъ процессомъ, особенно принимая во вниманіе ту поистинѣ толчею людей, которую представлялъ его кабинетъ съ ранняго утра. Приходилось за однимъ дѣломъ ходить по нѣсколько разъ, и счастье было изловить его въ одиночествѣ утромъ, еще не утомленнаго поисками, бесѣдами, справками и спорами, отъ которыхъ и молодой человѣкъ могъ бы прійти въ полное изнеможеніе. А Павелъ Яковлевичъ не терялъ ни охоты, ни силъ на пріемы посѣтителей, благодаря чему, по свидѣтельству г. Шумигорскаго, «домъ Павла Яковлевича, съ утра и до вечера открытый для лицъ, изучавшихъ русскую старину во всѣхъ ея отрасляхъ, былъ единственнымъ въ Петербургѣ центромъ, куда стекались всѣ новости по излюбленному имъ дѣлу, гдѣ находили себѣ мѣсто выдающіеся, большіе и малые, ученые труды по русской исторіи, и гдѣ вопросы русской исторической науки дебатировались въ горячихъ и страстныхъ бесѣдахъ между хозяиномъ дома и его гостями, принадлежавшими къ самымъ разнообразнымъ научнымъ и общественнымъ толкамъ. Бесѣды эти стоили академическихъ курсовъ, въ особенности для начинавшихъ свою ученую карьеру, и даже превосходили ихъ, когда хозяинъ раскрывалъ предъ слушателями содержаніе многихъ хранившихся у него рукописей, которыя по разнымъ причинамъ не могли еще сдѣлаться достояніемъ печати».

Такая постановка дѣла собиранія коллекцій повела въ результатѣ къ тому, что, по свидѣтельству военнаго писателя В. Жерве («Русскій Инвалидъ» 1910 г., № 31), «Павелъ Яковлевичъ оставилъ глубокой и свѣтлой слѣдъ въ исторіи культурной жизни Россіи послѣдняго времени. Сколько художественныхъ, историческихъ и научно-литературныхъ изданій украсились рисунками изъ его рѣдчайшей коллекціи, сколько цѣннаго матеріала включено въ нихъ изъ той же сокровищницы!..

«Русская книга, въ смыслѣ изданія, сдѣлала большой успѣхъ на нашихъ глазахъ. Шагнули впередъ и исторіи войсковыхъ частей. Многія изъ нихъ вышли въ свѣтъ художественными, даже роскошными изданіями и лучшія изъ нихъ на страницахъ предисловія говорятъ объ особой признательности авторовъ и составителей къ П. Я. Дашкову за широкое содѣйствіе, оказанное имъ въ ихъ трудахъ. Просматривая листы этихъ изданій, читаемъ неизмѣнныя слова: «Изъ собранія П. Я. Дашкова», такъ много говорящія сердцу истиннаго любителя и цѣнителя русской старины.

«Въ военной иконографіи Павелъ Яковлевичъ былъ тѣмъ же тонкимъ знатокомъ, какъ и въ прочихъ областяхъ родного искусства. Онъ удивительно умѣлъ подбирать необходимый матеріалъ по самымъ разнообразнымъ сторонамъ военной иллюстраціи: сюжеты батальные, бытовые, портреты дѣятелей, виды мѣстностей, карикатуры, русскій и заграничный матеріалъ—все это было знакомо ему до мелочей и охотно отдавалось въ распоряженіе тѣхъ, кто обращался къ нему».

Да, именно для военной исторіографіи и иконографіи заслуги П. Я. Дашкова громадны. Онъ, можно сказать, почти ихъ поставилъ на твердую ногу и, кажется, трудно будетъ назвать одинъ трудъ изъ этой категоріи, трудъ совершенный и выдающійся, который вышелъ бы безъ его содѣйствія и ближайшаго участія. Умилительно было наблюдать, какъ этотъ пожилой и усталый человѣкъ порою возилъ съ какимъ-нибудь молоденькимъ офицеромъ, откомандированнымъ своею частью для составленія исторіи полка, для работы надъ такимъ трудомъ, создать который у него не было ни научной подготовки, ни знаній, ни технической сноровки. И вотъ тутъ-то нашъ коллекціонеръ проявлялъ во всю широту свою любовь къ отечественному просвѣщенію, воспитывая въ явившемся къ нему на поклонъ представителѣ военной среды историка. Текстъ, иллюстраціи, шрифтъ, бумага, форматъ, обертка—все обсуждалось Дашковымъ во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, съ указаніемъ, куда и къ кому обратиться, гдѣ что искать и получить и какъ все сдѣлать. Онъ входилъ въ разсмотрѣніе и обсужденіе далеко не одной внѣшней стороны и техники выполненія, но вникалъ въ дѣло по существу вопроса и часто поучалъ, наводилъ будущаго автора работы, объясняя ему и освѣщая передъ нимъ разные моменты изъ событій, входившихъ въ содержаніе изложенія. Нужно было удивляться тутъ проявленію богатства его памяти, широтѣ обнаруживаемыхъ свѣдѣній и оригинальности и мѣткости сужденій, нужно было удивляться, когда при такомъ образѣ жизни, который онъ велъ, онъ успѣвалъ записать этими всѣми свѣдѣніями и расположить ихъ въ своемъ знаніи въ такомъ порядкѣ и системѣ! Такимъ образомъ при его непосредственномъ участіи были составлены и изданы исторіи полковъ: Кавалергардскаго, Лейбъ-Гренадерскаго,

Ея Величества Уланскаго, Его Величества Кирасирскаго, Гвардейскаго флотскаго экипажа и т. д. и т. д.

Но не одна военная исторіографія состояла въ обязательныхъ отношеніяхъ къ Павлу Яковлевичу. Длинный рядъ и многихъ гражданскихъ изданій тѣсно связанъ съ его именемъ: иллюстрированные труды Н. К. Шильдера—исторіи царствованій Павла I, Александра I, Николая I, «Старая Москва» и «Старый Петербургъ» Пыляева, «Русская портретная галлерей», изданная А. С. Суворинымъ, его же изданіе «Записокъ иностранцевъ о Россіи», работы Божерянова, Кутепова, всѣ юбилейныя исторіи нашихъ министерствъ и государственныхъ учрежденій, выпущенныя въ послѣднее время, и т. д., и т. д.—всѣ эти историческіе памятники нашей жизни стали общественнымъ достояніемъ публики въ томъ видѣ, какъ она ихъ получила на книжномъ рынкѣ, только благодаря Дашкову. Редакціи «Древней и Новой Россіи», «Историческаго Вѣстника» имѣли въ его лицѣ, какъ уже сказано было, многолѣтняго и испытаннаго друга и даже редакціи «Былого» и «Минувшихъ Годовъ» немало попользовались для своей иконографіи сокровищами Павла Яковлевича. Академическое изданіе Кольцова, доставившее нашему высшему просвѣтительному учрежденію такую признательность населенія, могло быть осуществлено только при его содѣйствіи, ибо много новаго изъ произведеній нашего народнаго поэта, что вошло въ это изданіе, было получено академіей именно отъ Дашкова.

Трудно, да, пожалуй, и невозможно перечислить все то въ русской наукѣ и литературѣ, относящееся къ послѣдней четверти вѣка, къ чему не приложилъ онъ такъ или иначе свою руку. Свидѣтельство его причастности здѣсь осталось налицо немного, развѣ только лаконическая подпись подъ иллюстраціей: «изъ собранія П. Я. Дашкова», или лаконическая благодарность ему автора въ ряду прочихъ признательностей, и только. Отъ всякаго показа на видъ Дашковъ усиленно уклонялся, предпочитая оставаться всегда скромно въ сторонѣ или тѣни. Въ этомъ сказывалось особенное свойство его характера, нѣсколько застѣнчиваго, убѣгающаго широкой общественной и предпочитающаго ту атмосферу домашней интимности; гдѣ онъ являлся истиннымъ вдохновителемъ окружающей среды, ея душою и создателемъ.

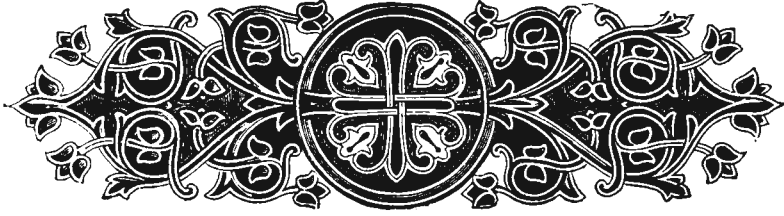
Со смертью Дашкова имъ созданная «милая старина» на Михайловской площади кончила свое бытіе. Остались только дорогія и неизгладимыя о ней воспоминанія, отъ которыхъ вѣетъ точно грустью и прелестью былого. Выпалъ центръ изъ опредѣленнаго угла жизни и нѣтъ къ нему болѣе возврата. Когда я покидалъ кладбище Новодѣвичьяго монастыря, гдѣ въ фамильномъ склепѣ опустили бранные останки Павла Яковлевича, гдѣ надъ ними раздались послѣдніе звуки пѣснопѣнія «вѣчная память», мнѣ вспомнились стихи поэта, завѣщавшаго о дорогихъ покойникахъ—«не говорить съ тоской: ихъ

нѣтъ, а съ благодарностію—были». Но тоску о быломъ трудно вырвать изъ сердца, хотя, конечно, рядомъ съ нею навсегда останется «благодарность» къ этому хорошему человѣку, нѣкоторымъ приближеніемъ къ которому и мнѣ приходилось пользоваться. И хочется, отъ полноты души хочется, чтобы эта благодарность къ его памяти не только сохранилась въ сердцахъ тѣхъ, кто его близко зналъ, но и у всей Россіи, для которой онъ такъ много поработалъ. А это возможно будетъ, если вопросъ о его архивномъ наслѣдіи будетъ правильно рѣшенъ. Какъ я уже писалъ въ «Новомъ Времени»:

«Желательно, чтобы наслѣдіе Дашкова, какъ опредѣленное накопленное духовное богатство, какъ идея служенія пользѣ русскаго просвѣщенія, продолжало ту свою служебную роль, на созданіе которой было потрачено столько лѣтъ жизни. Сокровища Дашкова должны быть самымъ тщательнымъ образомъ обережены и обращены въ національное достояніе. Какъ это сдѣлать, въ виду наслѣдственныхъ правъ его родни, трудно сейчасъ подсказать. Пусть тѣ общества, гдѣ Павелъ Яковлевичъ состоялъ членомъ, какъ, напримѣръ, «императорское историческое», «военно-историческое», «лицейское» и др., подумаютъ объ этомъ и сдѣлаютъ это предметомъ своихъ собраній и сужденій. Мы не сомнѣваемся, что наслѣдники Павла Яковлевича охотно пойдутъ навстрѣчу разумнымъ желаніямъ по сему предмету и сдѣлаютъ все зависящее отъ нихъ, чтобы имя представителя ихъ рода никогда не изгладилось изъ памяти поколѣній. Когда самого Дашкова близкіе запрашивали о будущности его архивныхъ богатствъ, онъ скромно заявлялъ, что онъ свое жизненное дѣло сдѣлалъ, а будущее—во власти его наслѣдниковъ. За ними теперь эта власть и слово, а всѣмъ тѣмъ, кто любилъ Павла Яковлевича, кому дорога его славная память, кому онъ при жизни былъ помощью и поддержкою, остается тѣсно сомкнуться хотя бы въ кружокъ или «общество имени Павла Яковлевича Дашкова», чтобы облегчить родственникамъ покойнаго мецената-коллекціонера наиболѣе цѣлесообразное использование его богатаго наслѣдія».

Въ томъ же духѣ высказались и нѣкоторые другіе авторы, писавшіе о Павлѣ Яковлевичѣ. Будемъ же надѣяться, что нашъ коллективный литературный голосъ не останется голосомъ празднымъ, а сдѣлаетъ свое дѣло. Пусть такимъ способомъ имя Павла Яковлевича Дашкова будетъ увѣковѣчено, и тропа къ его богатому хранилищу рукописей и портретовъ не зарастетъ забвеніемъ неблагодарныхъ современниковъ и грядущихъ поколѣній.

Б. Глинскій.

ПАМЯТИ М. М. ШЕРШЕВСКАГО.

ОШЕЛЪ съ жизненной арены выдающійся оригинальный челоуѣкъ: 6-го февраля послѣ краткой, но тяжелой болѣзни, отъ которой онъ было началъ на радость всѣхъ знавшихъ его поправляться, скончался докторъ медицины, лейбъ-медикъ Михаилъ Марковичъ Шершевскій. Смерть эта тяжелая утрата для столичнаго медицинскаго сословія, для русскаго общества, для всѣхъ знавшихъ его близко, любившихъ его и пользовавшихся его врачебными совѣтами и наблюденіемъ. Вѣсть о кончинѣ Шершевскаго для послѣднихъ была настоящимъ ударомъ, отъ послѣдствій котораго люди не такъ-то легко оправляются и съ чѣмъ они не такъ просто примиряются.

Часто хворавшій, Михаилъ Марковичъ заболѣлъ въ самомъ концѣ января текущаго года и заболѣлъ на этотъ разъ настолько серьезно, что къ его постели были приглашены доктора. Были призваны лейбъ-медикъ П. К. Березкинъ, А. А. Наукъ, Малама, которые и констатировали въ разосланномъ ими 29 января бюллетенѣ знакомымъ Шершевскаго, что онъ тяжело захворалъ 23 января. «Давно подготовлявшаяся болѣзнь, по ихъ словамъ, подъ вліяніемъ переутомленія, выразилась грознымъ упадкомъ сердечной дѣятельности. Несмотря на принятія мѣры, состояніе больного продолжаетъ и понынѣ быть тяжелымъ, требуя полного душевнаго и тѣлеснаго покоя». Такъ гласилъ тревожный бюллетень, полученный, между прочимъ, и редакторомъ «Историческаго Вѣстника», коего Михаилъ Марковичъ былъ многолѣтнимъ домашнимъ врачомъ и другомъ. Вслѣдъ за симъ, однако, поступило и утѣшительное извѣстіе: кризисъ миновалъ, больному

лучше, разсылка бюллетеней прекращена, но онъ самъ еще не въ состояніи сноситься письмами съ своими друзьями и знакомыми, столь внимательно и сочувственно отнесшимся къ его болѣзни. Въ среду 3 февраля, преодолая себя и переламывая свою слабость, Михаилъ Марковичъ выѣхалъ даже изъ дома, чтобы присутствовать на засѣданіи ученаго медицинскаго совѣта, коего состоялъ членомъ и въ занятіяхъ котораго принималъ самое дѣятельное участіе. Въ четвергъ его удостоили своимъ посѣщеніемъ высокопоставленные гости, великій князь Петръ Николаевичъ съ супругою, великою княгинею Милицей Николаевной, визитъ которыхъ къ пользовавшему ихъ врачу доставилъ ему большое удовольствіе. Но вотъ наступила пятница, ничто не предвѣщало наступленія трагическаго момента. На зарѣ субботы онъ даже пожелалъ подкрѣпить себя пищей, а въ 10 часовъ утра прислуга застала его въ болѣзненномъ забытіи. Приглашенные вновь врачи констатировали кровоизліяніе въ мозгъ; началась агонія, и къ 8 часамъ вечера 6 февраля Шершевскаго не стало.

На слѣдующій день въ пріемной комнатѣ его квартиры возвышался траурный катафалкъ съ тѣломъ почившаго, усыпаннымъ цвѣтами и вѣнками, и раздавались печальныя слова панихидныхъ пѣснопѣній, и многочисленные его знакомые, друзья, представители столичной общественности и товарищи по профессіи молились о «новопреставленномъ рабѣ Божіемъ бояринѣ Михаилѣ». 9-го февраля состоялись его похороны на Смоленскомъ кладбищѣ, которыя описаны въ газетной хроникѣ «Новаго Времени» такъ:

«Проводить покойнаго до мѣста вѣчнаго упокоенія собрались многіе представители ученыхъ и общественныхъ учреждений: Николаевскаго военнаго госпиталя, военно-медицинской академіи, ученаго медицинскаго совѣта. Въ числѣ присутствовавшихъ мы замѣтили: главнаго военно-медицинскаго инспектора лейбъ-медика А. Я. Евдокимова, профессора лейбъ-хирурга Е. В. Павлова, академика И. П. Павлова, лейбъ-хирурга Н. А. Круглевскаго, профессора С. В. Шидловскаго, Р. Р. Вредена, лейбъ-медика П. К. Березкина, лейбъ-хирурга Г. Е. Рейна, профессора Г. И. Турнера, профессора Н. И. Тихомирова, профессора Н. Я. Чистовича и друг., врачей А. А. Наука, Н. О. Чигаева, Михайлова, А. Е. Кожина, А. А. Двукраева, Д. О. Соколова и др. Были также и представители и учено-литературныхъ профессій—академикъ А. О. Кони, профессоръ О. А. Браунъ, Б. Б. Глинскій и др. Собрались также многіе пациенты знаменитаго терапевта изъ высшаго аристократическаго свѣта. Длинный кортежъ печально двигался по Сергіевской, Литейной, Невскому проспекту, остававливая на себѣ вниманіе многочисленныхъ зрителей. Только въ 12 часовъ 30 минутъ процессія прибыла на Смоленское кладбище, гдѣ гробъ съ останками былъ перенесенъ на рукахъ присутствовавшихъ, среди которыхъ были и

студенты военно-медицинской академіи, въ церковь Воскресенія Христова, гдѣ и состоялись торжественное богослуженіе и отпѣваніе. Возвышавшійся на богатомъ катафалкѣ гробъ былъ весь покрытъ роскошными вѣнками, изъ числа которыхъ выдѣлялись вѣнки, присланные великой княгиней Маріей Павловной, великими князьями Андреемъ и Кирилломъ Владимировичами, великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ и Анастасіей Николаевной, великимъ княземъ Петромъ Николаевичемъ и Милицей Николаевной, королевскими высочествами княземъ и княгиней черногорскими, отъ ученаго медицинскаго совѣта, студентовъ-медиковъ, Семеновскаго военнаго госпиталя, а также вѣнки его друзей и пациентовъ—супруговъ С. Н. и Е. П. Шубинскихъ, Кн. Шановскихъ, Михайловскихъ и др. За богослуженіемъ великолѣпно пѣли соединенные хоры пѣвчихъ, исполнившихъ нѣсколько очень красиво аранжированныхъ церковныхъ пѣснопѣній. Въ 2 часа гробъ Михаила Марковича былъ опущенъ въ могилу рядомъ съ могилою его супруги, скончавшейся еще 11 лѣтъ назадъ. Рѣчей на могилѣ произнесено не было, и только слезы присутствовавшихъ свидѣтельствовали, какую тяжелую утрату понесло наше общество со смертью выдающагося медика М. М. Шершевскаго».

Толстый слой земли Смоленскаго кладбища покрылъ гробовую крышку Михаила Марковича, и отъ взоровъ живущихъ навсегда скрылся оригинальный образъ того, кого многіе любили и почитали, авторитету котораго многіе поклонялись, а другіе боялись его язвительнаго и умнаго слова, въ которомъ всегда сквозили острый умъ и авторитетность, составляющіе достояніе избранныхъ натуръ.

М. М. Шершевскій родился въ 1847 году и, по окончаніи курса въ медико-хирургической академіи въ 1871 году, защитилъ въ 1873 г. диссертацию на степень доктора медицины «Объ нерваціи матки». Въ 1878—1880 гг. онъ много работалъ въ разныхъ клиникахъ Германіи и Франціи и состоялъ въ числѣ ближайшихъ слушателей и учениковъ гениальнаго французскаго ученаго Шарко. Результатомъ его научныхъ занятій явились слѣдующія его главные работы: «О заболѣваемости и смертности въ гвардіи и арміи с.-петербургскаго округа» («Военно-Медицинскій журналъ» 1877 г.), «Пораженіе гортани при атаксіи» («Врачъ» 1881 и «Revue de Médecine» 1881 г.), «Нейрозы кишечнаго кашля» («Врачъ» 1882 г., «Revue de Médecine» 1882 г.), «Vertige Menier'a» («Врачъ» 1882 г.), «Термическіе нейрозы» (ibid. 1883 г.), «Мѣстобоязнь» (ibid. 1 884 г. и «Revue de Médecine» 1884 г.), «Къ казуистикѣ болотныхъ лихорадокъ» («Врачъ» 1885 г., по поводу новой болѣзни, заявленной въ Парижѣ профессоромъ Jaccoud); «Значеніе смѣщаемости сердца» («Врачъ» 1886 г.); «Къ патологіи печени» («Врачъ» 1890 г.; «Progrès médicale» 1890 г.); «О резервуарной роли печени (новая ея функція, «Врачъ» 1896 г.); «О ложныхъ порокахъ сердца» (ibid. 1897 г.); «Симптоматологія

Михаиль Маркович Шершевскій.

функціонныхъ заболѣваній» (ibid. 1898 г.); «Sur un nouveau signe de Sclerose de la rasse de l'aorte» («Semaine medicale» 1898 г.); «Къ заболѣванію поджелудочной железы» («Врачъ» 1899 г.).

Такова его научно-литературная дѣятельность, размѣры которой, однако, не могутъ считаться очень широкими, особенно принимая во вниманіе природное тяготѣніе покойнаго терапевта къ научному знанію. Это обстоятельство объясняется главнымъ образомъ тою большою врачебною практикою, которая, въ особенности

въ 80-хъ и 90-хъ годахъ прошлаго столѣтїя, отвлекала его отъ рабочаго стола и заставляла отдавать свои силы и природное дарованіе на служеніе страждущимъ, въ сферѣ каковой практической дѣятельности за нимъ и упрочилась по всей справедливости репутація выдающагося врача. Уже изъ перечня сочиненій и работъ Шершевскаго мы видимъ, къ какому кругу медицинскаго знанія его вниманіе особенно приковывалось; это—внутреннія, сердечныя заболѣванія и нервныя страданія, т. е. та сфера—человѣческой жизни и человѣческаго организма, надъ которою въ свое время особенно поработалъ докторъ Шарко. Шершевскій такимъ образомъ у себя въ отечествѣ явился наиболѣе виднымъ представителемъ школы французскаго знаменитаго ученаго и съ честью поддержалъ у насъ какъ перомъ, такъ и на практикѣ методы и завѣты этой школы. Эти-то обстоятельства уже въ 80-хъ годахъ обратили на него вниманіе столичнаго населенія и здѣшняго медицинскаго персонала, которые и стали особенно охотно искать его помощи, ухода и консиліумовъ. Состоя въ теченіе 35 лѣтъ на службѣ мѣстныхъ госпиталей, за исключеніемъ 10 лѣтъ, проведенныхъ въ качествѣ врача при особѣ великаго князя Николая Николаевича Старшаго, за леченіе котораго въ 1880 году онъ жалуется званіемъ почетнаго лейбъ-медика (въ 1903 году онъ пожалованъ въ лейбъ-медики), Шершевскій, кромѣ того, получаетъ широкую практику въ нѣкоторыхъ придворныхъ кругахъ и въ высшемъ обществѣ. Такъ, онъ приглашается домашнимъ врачомъ къ великому князю Владимиру Александровичу и великой княгинѣ Маріи Павловнѣ, къ великому князю Николаю Николаевичу, великому князю Петру Николаевичу и великой княгинѣ Милицѣ Николаевнѣ. Его приглашаютъ на совѣщаніе по поводу здоровья опасно больного, нынѣ покойнаго, великаго князя Георгія Александровича; королевская чета князей черногорскихъ также обращается къ нему для установленія діагноза болѣзни княгини черногорской, по поводу которой западно-европейскіе врачи не могли прійти къ единогласному мнѣнію. Голосъ Шершевскаго, какъ послѣдствія то полтвердили, и оказался тѣмъ голосомъ умнаго и знающаго русскаго врача, который сумѣлъ подойти правильно къ вопросу и указать его рѣшеніе на пользу страждущей больной. Вообще этотъ отмѣченный отъ природы печатью выдающейся даровитости врачъ былъ незамѣнимымъ консультантомъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ природа ставила медицинѣ трудные вопросы и загадки, надъ разрѣшеніемъ которыхъ тщетно иногда работали его товарищи по профессіи. Какъ уже говорено было въ «Новомъ Времени» (№ 12183), его консультаціи носили на себѣ характеръ артистической виртуозности и тамъ, гдѣ его коллеги становились втупикъ, онъ смѣло и блестяще подходилъ къ діагнозу и правильно ставилъ таковой на удивленіе и самому больному и своимъ товарищамъ. Тутъ недаромъ употреблено выраженіе «на удивленіе самому больному»,

ибо можно было указать случаи, когда нашъ терапевтъ раскрывалъ такія первопричины заболѣванія, которыя больной скрывалъ и отъ присутствующихъ, и отъ пользовавшихся его врачей. Онъ какъ бы въ данномъ случаѣ во имя истины и пользы страдающаго срывалъ тщательно опущенную завѣсу жизни, дѣлалъ это смѣлою, рѣзкою рукою, не щадя фальшивой стыдливости пациента, и благодаря чему только и получалась возможность облегченія его страданій. Въ этихъ діагнозахъ играла не только роль своего рода геніальности, но и та врачебная опытность и тѣ накопленные громадныя научныя познанія, которыми онъ обогащалъ себя до послѣднихъ дней.

Въ то время, какъ многіе наши выдающіеся врачи, частію силою необходимости, подъ давленіемъ спроса на нихъ, которому они не въ силахъ противостоятъ, частію въ погонѣ за матеріальными благами, свѣше даже физическихъ силъ расширяютъ свою практику, Михайлъ Марковичъ даже какъ бы искусственно сужалъ ее, ограничивалъ опредѣленными рамками времени, предпочитая экономію на этомъ времени посвящать самообразованію и поискамъ новыхъ источниковъ знанія, приносившихъ съ собою послѣднее слово медицинской науки, за которою онъ неустанно и внимательно слѣдилъ. Благодаря этому, ему не пришлось скопить значительныхъ матеріальныхъ средствъ, хотя это и нетрудно было сдѣлать, но зато удалось сохранить за собою какъ бы независимость отъ толпы и стать тѣмъ научнымъ авторитетомъ, къ которому всѣ окружающіе относились съ боязливою почтительностью и уваженіемъ. Рѣдко можно встрѣтить такого независимаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка, каковымъ былъ покойный, независимаго отъ требованій повседневности, смѣлости въ кругу своей профессіи и рѣзкости, когда шло дѣло объ истинѣ и ея торжествѣ. Послѣднему обстоятельству онъ готовъ былъ принести въ жертву, и дѣйствительно приносилъ очень часто, и свою популярность, и соображенія матеріальнаго свойства. Въ немъ сказывалась, пожалуй, и нѣкоторая деспотическая властность характера, которая не любитъ подчиняться, но стремится подчинить себѣ окружающихъ. Отсюда обиліе его друзей, которые его, какъ врача, боготворили и за его спиною какъ бы считали свою жизнь обезпеченною отъ злыхъ покушеній на нее природы, и отсюда же обиліе недруговъ, которые не прощали ему ни этой независимости, ни этой авторитетной властности. И не будетъ ошибкою сказать, что послѣднихъ у него было немало, которые злословили его и приписывали ему такія свойства, какихъ онъ именно былъ совершенно чуждъ. Въ одномъ случаѣ онъ позволилъ себѣ, вопреки соображеніямъ этикета и выгодъ карьеры, высказать одному высоко стоящему лицу горькую и неподкрашенную истину и тѣмъ самымъ лишился въ дальнѣйшемъ доступа туда, куда обычно стягиваются помыслы и вождѣлнія его коллегъ. Въ

другихъ случаяхъ онъ нарочно подчеркивалъ свою независимость отъ протекціи и высоты положенія обращающихся къ нему и тѣмъ самымъ лишался выгодныхъ пациентовъ. Когда на одномъ изъ пріемовъ одно лицо пожелало въ ущербъ и обходъ другимъ больнымъ получить къ нему доступъ раньше срока исключительно только благодаря своему чиновному званію, Шершевскій отказался совершенно принять это лицо, заявивъ, что пріемъ его ограниченъ имѣющимися налицо въ пріемной комнатѣ больными, и пропустилъ за порогъ своего кабинета какого-то сѣраго обывателя, смиренно дожидавшагося очереди. Онъ этимъ какъ бы подчеркнул, что передъ лицомъ врача всѣ больные равны и въ страданіяхъ людская табель о рангахъ не играетъ никакой роли.

Не менѣе рѣзокъ и откровенень онъ былъ и со своими коллегамн. Младшихъ распекалъ за забвеніе той науки, которую имъ преподавали еще недавно на школьной скамьѣ, равныхъ себѣ—за погоню за практикою, лишаящую ихъ возможности слѣдить за успѣхами опытнаго знанія новѣйшаго времени.

Что касается круга пациентовъ, то тутъ Шершевскій, съ одной стороны, какъ уже сказано выше, имѣлъ значительное число почитателей, съ другой—пользовался молвою доктора «недоступнаго» и «невидимаго», на пріемъ къ которому трудно попасть, а залучить къ себѣ на домъ еще труднѣе. Эта молва о «недоступности» дѣйствительно имѣла за собою реальныя основы, ибо Шершевскій, по соображеніямъ, о коихъ уже говорено, ограничивалъ собственною волею практику, экономизируя время для научныхъ занятій и сберегая свое личное здоровье, которое было очень пошатнуто и нуждалось также въ постоянномъ уходѣ и береженіи. Отсюда репутація недоступности, къ которой присоединялась и репутація рѣзкости въ родѣ той, которая была свойственна покойному московскому профессору Захарьину. Онъ требовалъ подчиненія своей волѣ со стороны больного, своему авторитету, сражаясь въ данномъ случаѣ съ фантазіями пациента и съ тѣмъ домашнимъ знахарствомъ, которое сплошь и рядомъ ставитъ врачамъ препоны къ правильному пользованію больного.

Нужно было наблюдать Михаила Марковича около тѣхъ больныхъ, которые ему подчинялись, въ него вѣрили, чтобы понять, какое значеніе онъ для нихъ имѣлъ. Снаружи казалось, что онъ просто ихъ деспотъ съ примѣсю нѣкотораго самодурства, позволяющаго ему давать волю своимъ капризамъ и нервамъ, но вотъ передо мною одно изъ его писемъ къ редактору «Историческаго Вѣстника», изъ котораго чрезвычайно характерно выглядываетъ образъ покойнаго, какъ многолѣтняго домашняго врача семейства Шубинскихъ, изучившаго своихъ пациентовъ и дѣлающаго признаніе о своей программѣ дѣйствій. С. Н. Шубинскій задержался въ прошломъ году на дачѣ и написалъ своему другу-доктору о

своёмъ позднемъ, по домашнемъ обстоятельствамъ, возвращеніи въ городъ. И вотъ въ отвѣтъ Шершевскій шлетъ ему обширное посланіе, гдѣ говорить, давая волю своему сарказму и недовольству: «Люди забываютъ, что есть нѣчто выше насъ и что если врачи могутъ что-либо сдѣлать въ серьезномъ случаѣ, то только не отходя отъ больного и слѣдя за каждой мелочью. Забываютъ и играютъ въ жмурки съ Богомъ и людьми. Я не знаю, какъ и чѣмъ васъ убѣдить, а между тѣмъ это не болтовня, а крайность. И все-таки слова мои будутъ на вѣтеръ сказаны! Какъ изъ Любани уѣхать раньше задуманныхъ всякихъ мелочей! Тяжело это писать и тяжело сознавать, что нѣтъ у меня силъ настоять на своемъ. Заранѣе знаю всѣ доводы, которые будутъ приведены,—и все это вздоръ и значенія не имѣютъ. Да, что я подѣлаю? Истерзаюсь и только. Но преступникомъ противъ совѣсти и предо мною будетъ тотъ, кто не послушается на этотъ разъ моего настоятельнаго совѣта и сердечной просьбы. Вспоминая прошлое и отдавая себѣ ясный отчетъ во всемъ, я могу сказать, что я далеко не Богъ во врачебномъ смыслѣ, но для васъ мнѣ удалось многое сдѣлать только благодаря вдумчивости и глубокому желанію поставить вѣрный діагнозъ. Въ вашей болѣзни—это все. Зная васъ такъ, какъ я, можно даже командовать и самой жизнью. Но... только при условіи частаго наблюденія. Оба вы не обратили вниманія на то, что я безъ нужды сталъ часто наѣзжать. Вы даже привыкли къ этому, не давая себѣ яснаго отчета. Конечно, приходилось и манкировать, но зачастую и это дѣлалось не безъ расчета. Въ основѣ всего этого лежало только одно—узнать всю суть настолько, чтобы въ минуту нужды не быть въ темнотѣ. И на все это мнѣ дается одинъ отвѣтъ: раньше конца ноября никакъ нельзя пріѣхать, потому что то не улажено, то не сварено и тому подобный рядъ важныхъ соображеній. Согласитесь, что это больше, чѣмъ драма. Отнять цѣлыхъ два мѣсяца наблюденія!! Вѣдь это самоубійство!!..»

Когда я ознакомился съ содержаніемъ настоящаго письма, многое изъ докторской манеры Шершевскаго въ отношеніи часто педугующаго редактора «Историческаго Вѣстника» мнѣ стало понятно: и его порою затяжные визиты, гдѣ онъ, какъ будто совершенно игнорируя самочувствіе своего пациента, занималъ время разсказами о себѣ и своей дѣятельности въ ученomъ медицинскомъ совѣтѣ, занятіями и работами котораго онъ очень увлекался; и его внезапныя исчезновенія на долгіе промежутки времени, несмотря на подчасъ настоячивыя приглашенія о прибытіи, что приводило нетерпѣливаго больного въ волненіе и досаду. Все это были со стороны врача методы испытанія пациента, котораго онъ дѣйствительно искренно любилъ и уважалъ и который, быть можетъ, въ послѣднія 10—15 лѣтъ жизни былъ ему самый близкій человѣкъ, которому онъ раскрывалъ свою душу и съ которымъ

дѣлился волнующими его чувствами и думами. Впрочемъ, частыя исчезновенія Шершевскаго имѣли за собою и инныя причины: это былъ больной человѣкъ, съ больнымъ сердцемъ, больною печенью, расшатаннымъ организмомъ. Стоило взглянуть на его желтоватое лицо, по которому постоянно переливали нервныя судороги, бѣлыя тонкія губы, лихорадочно блестящія черезъ призматическія стекла очковъ глаза, чтобы сразу понять, что передъ вами далеко не образецъ здоровья; въ данномъ случаѣ какъ-то невольно напрашивалось на языкъ изреченіе: «врачу, исцѣлился самъ». Письма его къ С. Н. Шубинскому почти всѣ переполнены сѣтованіями на свое физическое и душевное недомоганіе, недомоганіе, принимавшее подчасъ очень острый и опасный поворотъ. Отправившись въ 1909 г. за границу для поправленія здоровья и вернувшись оттуда, онъ писалъ своему другу-паціенту: «Хотя и пріѣхалъ 18-го, но до сихъ поръ не въ силахъ былъ и сѣсть. Что я вынесъ нынѣ за границей—одному Богу извѣстно. Только до Берлина доѣхалъ здоровый, а ужъ тутъ основательно заболѣлъ. На четвертый день по выѣздѣ изъ П-га слегъ, и такъ до конца». Эти частыя физическія недомоганія ослабляли его, нервировали, дѣлали не въ мѣру раздражительнымъ и впечатлительнымъ. Эти свойства природы—нервность и раздражительность—находили себѣ богатое питаніе изъ тѣхъ ощущеній, которыя несла ему и отечественная дѣйствительность, особенно въ послѣдній ея историческій періодъ.

Необходимо отмѣтить для полноты портрета Шершевскаго, какъ представителя этой общественности, что онъ былъ изъ ряду выходящій, образованный, просвѣщенный сынъ своего вѣка, для котораго всѣ достоинства этого вѣка далеко не были безразличны. Удаляясь отъ общества и улицы въ тишь своего кабинета извѣстной квартиры на Сергіевской, гдѣ текли его одинокіе дни ¹⁾, онъ посвящалъ свое время не только изученію своей врачебной специальности, но и общему чтенію, которое составляло своего рода болѣзненную потребность его природы. Безъ книгъ онъ не могъ существовать, это были его истинные друзья, приносившіе ему и радость, и горе, въ зависимости отъ дарованія писателей. О прочитанномъ онъ любилъ говорить, а когда болѣзнь задерживала его на долго дома, онъ спѣшилъ подѣлиться впечатлѣніями съ своимъ другомъ С. Н. Шубинскимъ. Можно было бы привести многія выдержки изъ этихъ его писемъ, но, къ сожалѣнію, онѣ слишкомъ рѣзки и относятся къ живымъ людямъ, о которыхъ говорить сейчасъ неудобно, но одно характерное письмо мы считаемъ все же по нѣкоторымъ со-

¹⁾ Шершевскій былъ вдовцемъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ потерялъ и дочь, унесенную недугомъ чахотки, которою она заразилась, ухаживая за своимъ первымъ больнымъ мужемъ. Оставшіяся послѣ нея двое дѣтей, внуки Михаила Марковича, были взяты на попеченіе вторымъ ея мужемъ, извѣстнымъ проф. Ф. А. Брауномъ.

ображеніямъ полезнымъ процитировать. Оно касается А. С. Суворина, съ которымъ Михайль Марковичъ былъ, къ слову сказать, очень мало знакомъ. Шершевскій писалъ въ смутные дни одного изъ послѣднихъ годовъ своему другу:

«Дорогой Сергѣй Николаевичъ.

«Не удивитесь этому посланію и отнеситесь къ нему снисходительно.

«Если за эту послѣднюю недѣлю я не сошелъ съ ума отъ мучительной, безысходной тоски и одиночества, то только благодаря Суворину. Какъ институтка, пишущая восторженныя письма Жюль Верну, и у меня явилась необходимость подѣлиться, а какъ результатъ—это письмо, которое отниметъ у васъ время и тоску наведетъ. Но не могу не высказать, сколько добра, сколько свѣтлыхъ минутъ доставилъ мнѣ Суворинъ, не театраль, по Суворинъ-публицистъ-Незнакомецъ своими безконечно молодыми статьями, помѣщенными въ №№ этой недѣли. Я лично готовъ на всякія жертвы, лишь бы оторвать его отъ проклятаго театра и снова и снова пришить къ его дѣтищу—«Новому Времени»... Этотъ рѣдкій по сердцу и теплотѣ таланта, этотъ исключительный человѣкъ, перомъ могущій подчинять себѣ все и вся и безконечно много добра принести бѣдной, измученной Россіи, какъ принесъ мнѣ, изстрадавшемуся въ конецъ. Что бы сдѣлать?

«Я чувствую, что говорю наивныя пошлыя глупости, но вы любите Суворина и вамъ не можетъ быть безразлично мнѣніе хотя бы и моего маленькаго ничтожества. Искреннее сердечное ему спасибо за статью о московскихъ рѣчахъ (Голиц. Владим.) и за вторую передовую статью, хотя и не подписанную...»

Не состоя лично ни въ какомъ «политическомъ приходѣ», не примыкая ни къ какимъ ярко обозначеннымъ общественнымъ группамъ и партіямъ, Шершевскій въ общемъ своемъ міросозерцаніи, поскольку таковое обнимало собою повседневную дѣйствительность въ ея исторической постановкѣ, относилъ себя къ прогрессистамъ-шестидесятникамъ, принявшимъ свое духовное крещеніе изъ завѣтовъ «Современника». Такъ, приглашенный къ участию въ чествованіи 30-лѣтія редакторства С. Н. Шубинскаго, онъ писалъ мнѣ: «Приношу мою глубокую благодарность за приглашеніе и за приобщеніе меня къ литературной семьѣ «Историческаго Вѣстника». Послѣднее мнѣ особенно дорого, напоминая о тѣхъ далекихъ дняхъ юности и студенчества, когда старая литературная семья «Современника» 60-хъ годовъ закладывала основы моего будущаго міросозерцанія и направляла на путь торный писательства. Свято исполнивъ въ своей области эти завѣты, мнѣ, понятно, дорого все то, что хоть и отдаленно, напоминаетъ о томъ «далекомъ», куда ужъ не вернешься».

Уродливыя крайности нашей сорвавшейся съ цѣпи дѣйствительности въ революціонный періодъ приводили его въ сильнѣйшее раздраженіе, и онъ, не стѣсняясь словами, посылалъ ей укоры и проклятія. Вотъ тоже характерное его письмо къ С. Н. Шубинскому:

«Дорогой Сергѣй Николаевичъ.

«Надо быть выкованнымъ изъ очень хорошей стали и очень, притомъ, крѣпкой закалки, чтобы вынести все-то, что творится кругомъ, одновременно выбиваясь изъ силъ, чтобы дотащить до конца свой собственный крестъ, тяжелый, невыносимый и непосильный. Это, несомнѣнно, качество «нашего» поколѣнія. Нынѣшніе, социаль-демократы, революціонеры-демократы и пр.... въ сущности, по характеру, воспитанію, чистые аристократы и ничего подобнаго тому, что мы вынесли и выносимъ, имъ не вынести. Но какъ ни крѣпки мы, но долго и намъ не вынести. Я дошелъ уже до крайнихъ предѣловъ, и прямо злоба закипаетъ во мнѣ, когда вижу на улицѣ щеголя-гимназиста и студента на высокихъ каблукахъ и въ туго натянутыхъ штрипками панталонахъ... Издали видно, что для того, и другого процессъ надѣванія фуражки составляетъ вопросъ жизни, не говоря уже объ особенностяхъ покроя. И эта-то праздная, безмозглая и безграмотная компанія командуетъ Россіей подъ именемъ социаль-демократовъ, они-то, предводимые Горькимъ, составляютъ рабочую партію, отъ ея имени пишутъ и говорятъ, называя ихъ товарищами!!!.. Отвернулся отъ Россіи Богъ! Что будетъ худо—мы все предвидѣли, но что Минскіе, Горькіе и гимназисты станутъ надъ нами—это ужъ чудовищно. Удивляются, что благоразумный элементъ какъ бы равнодушень. Да, вѣдь если обухомъ по головѣ хватятъ, то долго останешься безъ сознанія; а вѣдь это хуже всякаго обуха. Упразднить все серьезное, научное, какъ вредное и мѣшающее, и кричать о правахъ, свободѣ и переустройствѣ всего вѣкового склада—да вѣдь дальше итти некуда!»

Такъ волновался просвѣщенный шестидесятникъ причудливыми переливами нашей взбудораженной общественности, такъ тосковало его больное сердце по Россіи, такъ пессимистично смотрѣлъ онъ на настоящее и будущее. Вѣчное одиночество, общественная изолированность, несомнѣнно, усиливали щемящее чувство и можно было предвидѣть, что человѣкъ, такъ волнуясь и горя огнемъ, долго не выдержитъ. А тутъ еще несчастный инцидентъ по практикѣ въ одномъ высокопоставленномъ домѣ усилилъ угнетенное состояніе его самочувствія. Роль въ этомъ инцидентѣ нашего терапевта осталась далеко не выясненной, хотя обвиненія пали именно на его голову. Организмъ не вынесъ напряженія, и Шершевскаго подъ утро на 7 февраля не стало. Выбылъ изъ жизненнаго строя круп-

ный человекъ, оригинальный, самобытный, оставлявшій по себѣ замѣтный слѣдъ всюду, куда онъ появлялся. Скорбь о понесенной утратѣ ясно сказалась на его похоронахъ и въ тѣхъ краткихъ некрологахъ, которые посвятила ему повременная печать. Остается пожелать, чтобы печать специальная, медицинская отвела ему въ своихъ анналахъ надлежащее мѣсто и отмѣтила его жизнь и служеніе страждущему человечеству въ надлежащемъ свѣтѣ. Михаилъ Марковичъ Шершевскій заслужилъ добрую память, и имя его долго будетъ поминаться всѣми знавшими его съ благодарностью, любовью и почтеніемъ.

Прибавимъ кстатѣ, что свою богатую медицинскую библіотеку М. М. завѣщаль недавно открытому Саратовскому университету.

Г. Л. И.

КЪ БІОГРАФІИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО.

В СВОЕЙ статьѣ «Къ біографіи Н. Г. Чернышевскаго», напечатанной въ декабрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» прошлаго года, мы сообщили нѣсколько подробностей изъ жизни Николая Гавриловича. Теперь намъ сообщенъ новый матеріаль, за доставленіе котораго приносимъ глубокую благодарность П. А. Никольскому, бывшему смотрителю саратовскаго духовнаго училища.

Николай Гавриловичъ очень интересовался саратовской стариной. Во время его ученья въ семинаріи, въ Саратовѣ жилъ отставной инспекторъ (теперь эта должность называется—помощникъ смотрителя) саратовскаго духовнаго училища, Иванъ Николаевичъ Виноградовъ¹⁾. Жилъ онъ «на горахъ», далеко отъ дома родителей Николая Гавриловича. (Надо замѣтить, что Саратовъ съ правой стороны окруженъ громаднымъ Глѣбучевымъ оврагомъ, гдѣ живетъ главнымъ образомъ нищета, за Глѣбучевымъ оврагомъ начинается часть города, называющаяся «горами»,—такое названіе дала этой части города гористая мѣстность).

¹⁾ Въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ саратовскихъ учебныхъ заведеніяхъ, говоритъ Ф. В. Духовниковъ (заимствуемъ эти свѣдѣнія изъ его рукописей, принадлежащихъ теперь М. В. Шмелевой), иногда встрѣчались учителя съ доброй, любящей душой: они обыкновенно служили противовѣсомъ той грубой силѣ, которая господствовала надъ юношествомъ. Снисходительность и участіе къ положенію ученика, ласковое слово съ учащимися считалось по тому времени потерю учительскаго авторитета. Чѣмъ дальше стоялъ отъ учениковъ учитель и чѣмъ суровѣе онъ былъ, тѣмъ лучше репутацію пользовался онъ у начальства. И вотъ, среди этого безпросвѣтнаго мрака и жестокости отыскивается человекъ съ добрымъ сердцемъ и отзывчивой душой. Онъ проливаетъ гуманныя чувства на отношенія къ учащимся и парализуетъ ту холодную жестокость, которая безпричинно тяготѣетъ надъ цѣлымъ учебнымъ заведеніемъ. Несомнѣнно, такимъ добрымъ человекомъ для саратовскаго духовнаго училища и былъ И. Н. Виноградовъ, занимавшій 30 лѣтъ должность учителя, а потомъ инспектора училища.

Виноградовъ въ свое время отличался смѣлостью и самостоятельностью, чѣмъ, вѣроятно, и привлекалъ къ себѣ сердце свободолобиваго юноши. Рассказываютъ, что однажды въ училищѣ происходилъ экзамень; пріѣхалъ архіерей, а архіереи въ то время отличались большими строгостями, а иногда даже странностями. Архіерей вошелъ въ классъ и сѣлъ, не приглашая садиться Ивана Николаевича. Тому, какъ человѣку хромому, стоять долго было трудно; постоялъ, постоялъ, да и говорить: «Ваше преосвящество, позвольте мнѣ сѣсть!» Это, по тому времени, была большая смѣлость.

Къ этому-то Виноградову и ходилъ Николай Гавриловичъ. Несмотря на то, что Иванъ Николаевичъ жилъ очень далеко отъ дома Николая Гавриловича, семинаристъ-Чернышевскій очень часто (почти ежедневно) посѣщалъ Виноградова, который тогда былъ уже глубокимъ старикомъ. Въ то время, уже подъ конецъ своей жизни, Виноградовъ былъ разбитъ параличомъ и проживалъ на полную пенсію; а надо замѣтить, что эта пенсія равнялась 12 руб. 50 коп. (Тогда старшій учитель духовнаго училища получалъ жалованья—12 руб. 50 коп., а младшій—7 р. 15 к. въ мѣсяцъ. Интересно отмѣтить, что въ 1840—1870-хъ годахъ въ Саратовской губерніи, особенно въ уѣздныхъ городахъ, чувствовался сильный книжный голодь, и вотъ одинъ изъ учителей духовнаго училища въ Петровскѣ, желая пользоваться книгами изъ бібліотеки какого-то петровскаго помѣщика, бесплатно готовилъ его дѣтей).

Какъ человѣкъ, много пожившій и много видѣвшій, Виноградовъ, понятное дѣло, могъ много интереснаго сообщить Николаю Гавриловичу.

Вотъ нѣсколько воспоминаній очевидца о первыхъ дняхъ послѣ смерти Чернышевскаго и его похоронахъ.

18-го октября 1889 г. П. А. Никольскій, жившій тогда въ Саратовѣ, посѣтилъ квартиру покойнаго писателя.

Какой-то артиллерійскій офицеръ дѣлалъ красками портретъ Николай Гавриловича. Кромѣ офицера, въ квартирѣ почти никого не было. П. А. разговорился съ женой покойнаго, Ольгой Сократовной, и узналъ отъ нея и отъ одной близко знакомой семейству Чернышевскихъ женщины, что Николай Гавриловичъ простудился въ пятницу, 13 октября, когда ѣздилъ на вокзалъ желѣзной дороги отправлять свои письма. Дѣло въ томъ, что Николай Гавриловичъ имѣлъ обычай самъ непосредственно относить свою корреспонденцію на почту. Пригласили врача¹⁾; онъ опредѣлилъ болотную лихорадку (въ Саратовѣ эта болѣзнь очень сильно распространена, благодаря тому, что городъ лежитъ въ ямѣ, съ одной стороны, и противъ большаго острова на Волгѣ—съ другой. На островахъ, обычно затопляемыхъ во время разлива, разлагается масса всякихъ подвергающихся гніенію веществъ,—а отсюда и нездоровый кли-

¹⁾ Это былъ г. Брюзгинъ.

мать города съ его постоянной маляріей и большой смертноcтью). Докторъ лечилъ Николая Гавриловича отъ этой лихорадки, но больному дѣлалось хуже и хуже. Тогда пригласили еще двухъ врачей— Э. А. Бонвеча и М. И. Кроткова. Эти доктора пользовались репутаціей лучшихъ знатоковъ медицины въ городѣ (первый здравствуетъ еще и теперь, имѣя большую практику, а второй умеръ въ 1890 годахъ, будучи, дѣйствительно, однимъ изъ лучшихъ докторовъ Саратова и прекраснымъ человѣкомъ. М. И. былъ врачомъ при здѣшней семинаріи и оставилъ по себѣ самыя лучшія воспоминанія у всѣхъ, кто его зналъ). Если эти доктора не могли оказать помощи Николаю Гавриловичу, то это, думается, объясняется главнымъ образомъ общей ослабленностью организма больного писателя, который не могъ вынести слишкомъ рѣзкой разницы сибирскаго и астраханскаго климатовъ.

17-го октября съ больнымъ неожиданно сдѣлался ударъ, и Николай Гавриловичъ лишился языка; затѣмъ скоро скончался.

Интересная подробность, которая можетъ возбудить подозрѣніе относительно своей дѣйствительности: на другой день послѣ смерти Николая Гавриловича въ его квартиру рано утромъ, часовъ въ шесть, является домохозяинъ, одѣтый совсѣмъ по домашнему, въ халатѣ и пр., и начинаетъ плакать, подойдя близко къ покойнику. Удивленная супруга Николая Гавриловича спрашиваетъ плачущаго хозяина, чѣмъ онъ такъ убивается: вѣдь хозяинъ почти совсѣмъ не зналъ покойнаго?

Хозяинъ отвѣчалъ сквозь слезы: «кто же мнѣ теперь заплатитъ за квартиру впередъ?»

18-го октября хоронили Чернышевскаго.

Народу было много, главнымъ образомъ интеллигенціи, особенно женщинъ и молодежи «извѣстнаго закала», по выраженію П. А. Никольскаго. Весь катафалкъ былъ покрытъ вѣнками и лентами, среди которыхъ особенно бросались въ глаза надписи: «Уму и таланту отъ молодежи», «Великому писателю отъ интеллигенціи» и т. д.

Похороны прошли совершенно мирно.

Уже упоминавшаяся нами женщина сообщила автору воспоминаній, что при жизни Николая Гавриловича дѣвицы NN выдавали себя за его племянницъ ¹⁾. На самомъ же дѣлѣ это были дочери еврея, крещенаго отцомъ писателя, Гаврииломъ Ивановичемъ, который, по тогдашнему обычаю, далъ крещенному свою фамилію; отсюда и семейство еврея стало носить имя Чернышевскихъ.

Александръ Лебедевъ.

¹⁾ Крестники Г. И. Чернышевскаго до сихъ поръ здравствуютъ въ Саратовѣ. Вѣроятно, ихъ считали за родственниковъ великаго писателя, а не они выдавали себя за таковыхъ; дѣло въ томъ, что теперь они, какъ намъ извѣстно, нисколько не претендуютъ на родство съ Чернышевскими. А. Л.

ДНИ КАРАМЗИНСКАГО ЮБИЛЕЯ 1866 ГОДА.

(Отрывокъ «Дневника» Я. К. Грота).

ТЕЦЬ мой, академикъ Я. К. Гротъ, не оставилъ ни цѣльныхъ записокъ своихъ, ни подробнаго дневника, какихъ онъ и не велъ въ теченіе хотя бы сколько-нибудь значительнаго періода времени или опредѣленной эпохи своей жизни. До конца дней своихъ онъ дѣятельно и неутомимо работалъ въ своей научной области и отдавалъ себя всего и все свое время безъ остатка какъ этой работѣ, такъ и служебнымъ своимъ дѣламъ, а потому не могъ удѣлить времени на составленіе своихъ воспоминаній, какъ это удастся многимъ удалившимся на покой дѣятелямъ на склонѣ ихъ жизни.

А записки или воспоминанія его могли бы дать много цѣннаго и интереснаго за каждый изъ періодовъ или фазисовъ его долгой и разнообразной трудовой жизни, его научной, общественной и служебной профессорско-академической дѣятельности, благодаря его обширнымъ связямъ и отношеніямъ въ самыхъ различныхъ сферахъ и кругахъ общества.

Однакожь Я. К., если и не велъ постоянно настоящаго дневника, то все же любилъ и чувствовалъ потребность съ молодыхъ лѣтъ, какъ и въ зрѣлые годы, не только отмѣчать на память въ своихъ записныхъ книжкахъ житейскіе факты, событія дня и впечатлѣнія свои, но и записывать свои наблюденія и мысли, явленія и моменты изъ области своей внутренней, душевной жизни.

Впрочемъ, это послѣднее относится главнѣйше къ годамъ его юности и молодости и связано съ его тогдашней упорной работой надъ собой, надъ своимъ умственнымъ и нравственнымъ саморазвитіемъ. Краснорѣчивымъ подтвержденіемъ этой склонности къ веденію записокъ можетъ служить и изданная «Переписка» его съ его другомъ П. А. Плетневымъ, гдѣ имѣются въ изобиліи записи того и другого порядка, т. е. размышленія общаго характера (автобіографическаго значенія) и ежедневный отчетъ о внѣшнихъ фактахъ и времяпрепровожденіи.

Такимъ образомъ, изъ каждой эпохи жизни Я. К. сохранились замѣтки или записи (конечно, отрывочныя и краткія) того или другого типа: изъ самой ранней эпохи рядъ случайныхъ замѣтокъ и наблюденій, раскрывающихъ его юный внутренній міръ и нравственное развитіе, изъ эпохи финляндской жизни (1840—1853) подобныя же замѣтки и богатый автобіографическій матеріалъ въ «Перепискѣ» съ П. А. Плетневымъ; изъ эпохи 50-хъ годовъ и начала 60-хъ записки о преподавательской дѣятельности при дворѣ и наконецъ съ конца 60-хъ годовъ и до конца жизни имѣются въ записныхъ книжкахъ Я. К. его лаконическія, отрывочныя записи о текущихъ занятіяхъ, посѣщеніяхъ, встрѣчахъ и наиболѣе выдающихся фактахъ и эпизодахъ.

Не разъ Я. К. даже начиналъ вести систематически свой дневникъ, но это не удавалось, ибо не могло быть совмѣщено съ его всегда усиленной научной работой и служебными академическими занятіями, которыми было наполнено съ утра до вечера все его рабочее время.

Предлагаемый здѣсь вниманію читателей отрывокъ дневника изъ конца 1866 года представляетъ собой именно такую попытку вести свой журналъ, но попытку и на сей разъ потерпѣвшую неудачу. На этотъ разъ попытка была, очевидно, вызвана знаменательнымъ событіемъ академической жизни—Карамзинскимъ юбилеемъ, который вывелъ и Я. К. изъ обычной колеи и заставилъ набросать на бумагу свои впечатлѣнія. Печатаемъ ихъ, полагая, что эти современные событію, бѣглыя замѣтки не лишены историческаго и бытового интереса.

1866.

13-го октября. Получилъ отъ Пекарскаго рукопись его примѣчаній къ «Письмамъ Карамзина»¹⁾.

Вечеромъ былъ во дворцѣ на балѣ съ братьями жены²⁾: праздновалось обученіе наследника. Видѣлъ вблизи всю царскую фами-

¹⁾ Ко дню столѣтія рожденія Н. М. Карамзина Я. К. Гротъ и П. Пекарскій издали, по порученію академіи наукъ, «Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву» съ примѣчаніями и указателемъ.

²⁾ Н. П. и Н. П. Семеновыми.

лію, хорошо разсмотрѣлъ оживленное, веселое, игривое лицо принцессы Дагмары. Къ десяти часамъ все было кончено. Графъ Толстой сказалъ мнѣ, что слышалъ отъ Делянова о желаніи моемъ переговорить съ нимъ и назначилъ мнѣ быть у него въ часъ пополудни въ сюртукѣ.

14-го октября. Я былъ у графа Толстого. Онъ посадилъ меня на диванъ и предложилъ мнѣ папирску. Я принесъ ему отпечатанные листы «Писемъ Карамзина» и потому разговоръ начался съ предстоящаго юбилея. Потомъ говорили о бѣдности казны, о томъ, что новый уставъ академіи еще не можетъ получить ходу, о гимназіяхъ, гдѣ онъ нашель во время ревизіи, что учатся очень мало, о нигилизмъ и двухъ новыхъ органахъ его—«Дѣло» и «Женскій Вѣстникъ», наконецъ объ «Обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ»¹⁾, которому онъ совѣтуетъ быть очень осторожнымъ въ видахъ, чтобы не дать поводу къ мысли, что онъ сочувствуетъ извѣстнымъ литераторамъ. Просилъ, чтобы я впредь писалъ ему, когда захочу съ нимъ видѣться, а онъ разочтется съ своимъ временемъ и назначить мнѣ свиданіе.

19-е октября. Поутру была у меня княгиня Мещерская (рожденная Карамзина) съ тетрадю писемъ своего отца, прося позволенія продержатъ ее еще дня два. Вмѣстѣ съ тѣмъ она протестовала противъ напечатанія писемъ родныхъ послѣ его смерти. Я возражалъ, что они необходимое дополненіе къ письмамъ самого Н. М., безъ нихъ картина его жизни не полна, притомъ они служатъ къ чести памяти его и его семьи, и наконецъ будутъ же непременно напечатаны, если не теперь, то позже. Она, видимо, поколебалась, хотя и молчала.

На лицейскомъ обѣдѣ въ гостиницѣ Демута было 22 человекъ. Я прочелъ всѣ пьесы Пушкина на 19-е октября и отрывки изъ исторіи лица и нѣкоторые другіе стихи Пушкина. Этимъ были очень довольны и провозгласили меня почетнымъ членомъ. Заплатили по 10 рублей 50 копеекъ. Слишкомъ дорого! Зачѣмъ такая роскошь въ яствахъ!

22-е октября. Серебряная свадьба Харламовыхъ²⁾. Мы пробыли тамъ до третьяго часа, ужинали.

26-е октября. Обѣдалъ у П. П. Семенова съ датчаниномъ Вагон Dirkinck Holmfelt, приѣхавшимъ сюда въ свитѣ датскаго принца. 69-лѣтній старикъ, но еще пляшетъ; говоритъ на многихъ языкахъ.

Вечеръ провелъ первый разъ у княгини Мещерской (рожденной Карамзиной), которая, рекомендуя меня г-жѣ Батюшковой, назвала меня русскимъ Вильменомъ. Тутъ была Карамзина, бывшая Демидова.

¹⁾ Въ 1866 г. Я. К. былъ избранъ предсѣдателемъ литературнаго фонда (вм. Е. П. Ковалевскаго).

²⁾ Н. Н. Харламовъ, товарищъ Я. К. по лицу.

27-е октября. Читалъ во II отдѣленіи начало рѣчи о Карамзинѣ.

1-е ноября. Въ предыдущіе дни пристально занимался примѣчаніями къ «Письмамъ Карамзина» и почти ничего другого не дѣлалъ. Наталія Петровна ¹⁾ страдаетъ сильной простудой и не выходитъ изъ дому. Ея здоровье даже беспокоило меня, но докторъ Казакевичъ успокаиваетъ меня, находя въ ея состояніи только сильную простуду. Она схватила этотъ новый катаръ въ Зимнемъ дворцѣ, на хорахъ, во время бракосочетанія наелѣдника 28-го октября. Я былъ также во дворцѣ и даже въ церкви. 30-го числа, въ воскресенье, назначено было поздравленіе новобрачныхъ; но по нездоровію молодой оно отложено. Воскресенье былъ у меня Влад. Карамзинъ и сидѣлъ довольно долго; я далъ ему неизвѣстное доселѣ французское сочиненіе его отца (набрашное уже) ²⁾, выписанное Пекарскимъ изъ Парижа. Потомъ былъ у княгини Мещерской по ея желанію; они оба сильно боятся, чтобы не устроили въ день юбилея обѣдъ, на которомъ, пожалуй, будутъ разныя заявленія политическихъ партій; такъ, издатель «Вѣсти» уже выразилъ желаніе воспользоваться случаемъ для дворянской демонстраціи. Родные Карамзина не желаютъ также, чтобы сюда пріѣхалъ Погодинъ, такъ какъ онъ намѣренъ извлечь барышъ изъ чтеній передъ юбилеемъ, котораго эффектъ будетъ этимъ ослабленъ.

Сегодня я читалъ у Мещерской, по ея приглашенію, первую половину своей рѣчи о Карамзинѣ. Тутъ были, кромѣ ея и ея мужа: сынъ ея и дочь, сестра ея Лизавета Карамзина, князь Вяземскій, Сербиновичъ и еще какія-то дамы. Чтеніемъ моимъ были очень довольны; княгиня съ чувствомъ и даже со слезами благодарила меня.

Когда будетъ готова вторая половина, я обѣщаль прочесть и ее. Лиза Карамзина нравится мнѣ какою-то сердечностью.

7-го декабря. Столѣтній юбилей Карамзина отпразднованъ 1-го числа съ честью для академіи. Никогда еще не былъ я такъ занятъ, какъ въ послѣднія недѣли передъ этимъ днемъ. Надо было успѣть напечатать къ этому дню «Письма Карамзина къ Дмитріеву» и приготовить рѣчь ³⁾, а между тѣмъ шли своимъ чередомъ и дѣла по отдѣленію русскаго языка. Послѣ вышеупомянутаго чтенія у княгини Мещерской было еще чтеніе у Владимира Карамзина за нѣсколькочней до юбилея. Онъ пригласилъ меня къ обѣду вмѣстѣ съ княземъ Вяземскимъ и Маркевичемъ, который долженъ былъ читать въ академіи

¹⁾ Жена Я. К. (рожд. Семенова).

²⁾ *Lettre au spectateur sur la littérature russe*. Статья эта была напечатана въ «*Spectateur du Nord*» 1797 г. и вошла въ академическое изданіе «Письма М. Н. Карамзина къ И. П. Дмитріеву», приложение VIII, стр. 473—483.

³⁾ Рѣчь Я. К. имѣла заглавіе «Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина»; она вошла вмѣстѣ съ другими въ особое академическое изданіе: «Торжественное собраніе императорской академіи наукъ 1 декабря 1866 г. въ память столѣтней годовщины рожденія Н. М. Карамзина Спб. 1867 г. (см. «Труды» его, т. II).

вмѣсто князя. Кромѣ того, тутъ обѣдалъ князь Мещерскій (мужъ Карамзиной), князь Д. А. Оболенскій, Россетъ, а во время чтенія пріѣхалъ и поэтъ Ѡ. И. Тютчевъ и еще нѣсколько человѣкъ. Я читалъ первый, и по окончаніи чтенія всѣ выражали мнѣ свое удовольствіе за полноту, вѣрность и теплоту очерка; а Тютчевъ похвалилъ и простоту, которая, какъ онъ замѣтилъ, нынче сдѣлалась рѣдкостью.

За нѣсколько дней до праздника пріѣхалъ изъ Москвы Погодинъ, и 29-го числа князь Вяземскій, онъ и я собрались въ залъ академіи для репетиціи. Я уже прежде слышалъ рѣчь Погодина, который почти прямо съ желѣзной дороги пріѣхалъ ко мнѣ, а потомъ вмѣстѣ со мною ѣздилъ къ литографу Брезе, сдѣлавшему портретъ Карамзина для нашего и его изданія, и въ публичную бібліотеку, гдѣ и прочелъ мнѣ свою рѣчь въ присутствіи Делянова. Сбирался читать въ академіи и Майковъ, приготовившій стихи по поводу юбилея. Но эти стихи не совсѣмъ нравились не только постороннимъ но и ему самому. Онъ пріѣзжалъ читать ихъ ко мнѣ, а потомъ я читалъ ихъ у Карамзина въ тотъ же вечеръ, о которомъ я уже говорилъ; и тамъ впечатлѣніе было не совсѣмъ удовлетворительное. Послѣ того я получилъ отъ Майкова, изъ Москвы, куда онъ ѣздилъ на нѣсколько дней, письмо, въ которомъ онъ отказывался отъ чтенія на юбилей и очень вѣрно самъ указывалъ на недостатки своихъ стиховъ. Поэтому они и не попали въ напечатанную на другой день программу чтеній.

Актъ 1-го числа былъ въ самомъ дѣлѣ необыкновенно блистательнъ. Газетныя статьи не даютъ о немъ вѣрнаго понятія, потому что всѣ или почти всѣ пишутся съ нѣкоторымъ недоброжелательствомъ къ академіи, а можетъ быть, и къ самому юбилею. Собраніе было назначено въ 12 часовъ,—конечно, для того, чтобы не нужно было дѣлать никакого освѣщенія. Болѣе чѣмъ за недѣлю были разосланы о томъ пригласительныя письма родственникамъ Карамзина и къ другимъ находящимся въ близкихъ съ ними отношеніяхъ лицамъ,—къ ближайшимъ и почетнѣйшимъ письменныя за подписью президента, а къ другимъ печатныя. Между тѣмъ Владимиръ Карамзинъ заявилъ, черезъ Вяземскаго, который писалъ о томъ ко мнѣ, что онъ, сынъ исторіографа, предлагаетъ перенести собраніе на вечернее время и въ такомъ случаѣ беретъ освѣщеніе на себя.

Но такъ какъ приглашенія были уже отчасти посланы, то это не могло устроиться. Вяземскій былъ очень недоволенъ избраннѣйшимъ часомъ и выражалъ, что надобно бы съѣзжаться по крайней мѣрѣ не ранѣе часу. Однакожь, изъ опасенія замѣшательства, онъ самъ отказался отъ этого предложенія. Въ 20-хъ числахъ ноября была весь день такая темень, что можно было опасаться, что и до 2-хъ часовъ нельзя будетъ обойтись безъ огня. Я настанвалъ, чтобы было приготовлено хоть какое-нибудь освѣщеніе. Веселовскій ¹⁾ долго

¹⁾ Конст. Степ., непремѣнный секретарь имп. академіи наукъ.

упрямился, однакожь когда я заявилъ, что наслѣдникъ, у котораго я былъ дней за десять передъ тѣмъ съ поздравленіемъ, вполнину обѣщаль быть въ академіи на празднествѣ, то мое предложеніе было принято и ламповому мастеру Штанге поручено освѣтить залу. Графъ Литке, узнавъ отъ меня о намѣреніи наслѣдника, рѣшился ѣхать ко всѣмъ великимъ князьямъ съ приглашеніемъ. Вѣроятно, и Вяземскій, бывающій часто у императрицы, съ своей стороны, замолвилъ слово о ихъ присутствіи.

1-го декабря прибылъ я въ академію въ половинѣ 12-го и къ удивленію своему увидѣлъ, что уже болѣе половины залы занято посѣтителеми. Даже въ самыхъ первыхъ рядахъ, гдѣ были приготовлены кресла для великихъ князей и для дамъ, родственницъ Карамзина, уже сидѣла часть публики.

Зала быстро наполнялась между прочимъ великосвѣтскими особами, сановниками и генералами въ лентахъ, и съ трудомъ можно было впереди отстоять нѣсколько креселъ для почетнѣйшихъ лицъ. Великіе князья Владимиръ и Алексѣй прибыли за десять минутъ до 12 часовъ. Не было еще ни президента, ни непремѣннаго секретаря. Къ счастью, я встрѣтилъ великихъ князей, и они передъ каедрой ласково разговаривали со мной. Потомъ явились принцы Ольденбургскій и Лейхтенбергскій, а наконецъ наслѣдникъ. Княгиня Мешерская съ своими дамами прибыла только около этого времени; къ счастью, были заготовлены въ сосѣдней комнатѣ запасныя кресла, которыя я и велѣлъ принести для нихъ. Изъ министровъ тутъ были: Валуевъ, Замятинъ, Зеленый, Мельниковъ, не считая графа Толстого (министра народнаго просвѣщенія), изъ другихъ высшихъ лицъ князь Суворовъ, князь Ливенъ (попечитель), князь Долгоруковъ (Василій Андреевичъ), графъ Шуваловъ (оберъ-гофмаршалъ), баронъ М. А. Корфъ, Титовъ, Грейгъ (товарищъ министра финансовъ), Коцебу (генераль-губернаторъ), Мухановъ, Деляновъ, графъ Перовскій съ дочерью и проч. Изъ дамъ: графиня Протасова (гофмейстерина), графиня Апраксина, княгиня Трубецкая, графиня Бобринская, графиня Толстая (что при Маріи Александровнѣ), графиня Орлова-Давыдова (рожденная Бярятинская), Голохвостова (фрейлина великой княгини Екатерины Михайловны), Головина, княгиня Оболенская, княгиня Щербатова, Раевская (внучка Ломоносова) и др. Изъ звѣздоносцевъ многимъ пришлось стоять, напримѣръ, Валуеву, Суворову и Титову.

Чтенія продолжались 2¹/₂ часа. Описаніе ихъ находится въ газетахъ слѣдующихъ дней ¹⁾. Самыя громкія и частыя рукоплесканія достались Погодину или лучше, по крайней мѣрѣ большей частью, отрывкамъ, которые онъ догадался привести изъ письма Карамзина

¹⁾ «Сѣверная Почта», «Русскій Инвалидъ», «С.-Петербургскія Вѣдомости», «Московскія Вѣдомости», etc.

къ императору Александру противъ возстановленія Польши. Хотя оно уже и напечатано въ «Неизданныхъ сочиненіяхъ Карамзина», изданныхъ еще въ 1862 году, но оказалось, что никто не зналъ этого письма, также какъ и самой книги (разумѣется, за немногими исключеніями).

Мнѣ апплодировали довольно сильно по окончаніи моего чтенія, въ числѣ другихъ и великіе князья. По окончаніи Маркевичемъ стиховъ Вяземскаго, Литке объявилъ, что, боясь утомить вниманіе слушателей, уже не будутъ читать рѣчи Устрялова, что было поручено Вельяминову-Зернову, за слабостью голоса самого автора. Многіе, особенно изъ молодежи, не поняли: думали, что это только розыгрышъ, и долго ждали, когда уже всѣ разошлись, спрашивая: «развѣ болѣе не будетъ чтенія?» Такъ всѣ были наэлектризованы. Къ концу засѣданія сторожа вздумали зажигать люстры, чтобы не пропало даромъ приготовленное освѣщеніе, хотя какъ нарочно день былъ ясный, даже солнечный.

При выходѣ изъ залы въ проходной комнатѣ производитель дѣлъ Сомовъ ¹⁾ раздавалъ «Письма Карамзина» (изданныя къ этому дню) и стихи Вяземскаго, а такъ какъ первыхъ, которыхъ особенно желали, было готово только 125 экземпляровъ, то естественно, что лишь немногіе изъ какихъ-нибудь 1500 посѣтителей могли получить эту книгу. Послѣ слышались жалобы, что раздача производилась по списку, Богъ знаетъ кѣмъ составленному ²⁾.

Любопытны были въ слѣдующіе дни толки объ этомъ собраніи ³⁾.

21-е декабря. Трудна задача вести журналъ. Есть столько другого дѣла, которое отвлекаетъ отъ этого. Наконецъ я собрался продолжать статью объ академическихъ чтеніяхъ.

Послѣ засѣданія ко мнѣ подходили многіе съ изъясненіями. Между прочимъ и президентъ благодарилъ меня, замѣтивъ, что мнѣ это уже не ново. Веселовскій ⁴⁾ горячо высказывалъ мнѣ свое удовольствіе, выражая свое негодованіе на то, что Погодинъ хвалитъ Карамзина за его образъ дѣйствій, а самъ поступаетъ совершенно иначе: кланялся и вертѣлся въ прихожихъ, чтобы выхлопотать себѣ ленту, и т. п. Въ слѣдующіе за актомъ дни было нѣсколько обѣдовъ, на которые я былъ приглашенъ съ Погодинымъ: въ понедѣльникъ

¹⁾ Андр. Ив. († 1909), извѣстный впоследствии художественный дѣятель и историкъ русскаго искусства.

²⁾ Забыта еще одна подробность. Еще до собранія говорили, что намѣревался прійхать и государь, если успеетъ. Послѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ и выѣхалъ съ этой цѣлью, но, поравнявшись съ академіей, посмотрѣлъ на часы и проѣхалъ мимо. Я. Г.

³⁾ Опускаемъ здѣсь похвалы, которыя Я. К. слышалъ о своей рѣчи, такъ какъ онъ, приводя ихъ, дѣлаетъ оговорку, что записываетъ ихъ здѣсь только «для дѣтей моихъ».

⁴⁾ Конст. Степановичъ.

у Бычкова, позвавшего и всѣхъ членовъ нашего отдѣленія, во вторникъ у барона М. А. Корфа, въ четвергъ у Делянова.

Корфъ пригласилъ меня съ женой; тутъ же были Бычковъ, Коссовичъ и статсъ-секретарь Сольскій. Въ концѣ стола пили здоровье ораторовъ. Для меня замѣчательнѣе всего былъ разговоръ съ Корфомъ о перемѣнѣ моей карьеры. За обѣдомъ жена его припомнила, какъ мужъ ея отговаривалъ меня отъ плана оставить службу при немъ, представляя невѣрность предпринимаемой мною перемѣны, и спросила, помню ли это я. Корфъ замѣтилъ, что онъ считалъ своею обязанностью предостеречь меня. Я сказалъ, что нахожу его въ этомъ совершенно правымъ «И въ самомъ дѣлѣ, — прибавилъ онъ: — вы бы, конечно, были теперь ужъ гораздо дальше» (разумѣя чины). «Да, — возразилъ Бычковъ: — но тогда Яковъ Карловичъ остался бы въ неизвѣстности, а теперь молодое поколѣнiе ужъ говорить о немъ съ уваженiемъ». Корфъ согласился, что перемѣна доставила мнѣ значенiе, котораго я бы не приобрѣлъ на прежней карьерѣ. Признаюсь, что эта минута была для меня торжествомъ, котораго я никогда не забуду, помня, какъ осуждали меня и удивлялись въ свѣтѣ, когда я оставлялъ блестящую гражданскую службу въ государственномъ совѣтѣ¹⁾.

У Делянова пришлось мнѣ сидѣть около жены министра гр. Толстого, урожденной Бибиковой, и я, какъ умѣлъ, любезничалъ съ нею. Я еще не сказалъ, что министръ народнаго просвѣщенiя²⁾ не выразилъ мнѣ ни малѣйшаго одобренiя, хотя имѣлъ бы къ тому случай, особенно на другой день на актѣ въ университетѣ, гдѣ мнѣ пришлось быть близко отъ него. Вѣроятно, онъ остался недоволенъ тѣмъ, что я, выставляя мысли Карамзина о народномъ просвѣщенiи, имѣлъ видъ, будто хотѣлъ дать наставленiе министру, хотя я вовсе не думалъ о томъ. Притомъ я услышалъ послѣ, что Толстой, воротясь изъ путешествiя по Россiи въ сентябрѣ, представилъ государю планъ, по которому не слѣдуетъ безусловно распространять грамоту въ народѣ, я же ясно высказалъ сочувствiе къ противоположному мнѣнiю Карамзина. Такъ я себѣ объясняю холодность, которую Толстой явно мнѣ показываетъ послѣ 1-го декабря. Прибавлю, что жена моя слышала, какъ тотчасъ послѣ моего чтенiя онъ подошелъ къ наслѣднику и сказалъ ему: «Какъ хорошо Гротъ читаетъ» (т.-е. онъ только хорошiй чтець). Впрочемъ, это не помѣшало ему въ воскресенъе на слѣдующей недѣлѣ позвать меня къ своему столу: тутъ были еще Никитенко, Благовѣщенскiй, московскiй историкъ Соловьевъ, Могилянскiй, П. В. Анненковъ, Вороновъ, Савваитовъ

¹⁾ Срв. объ этомъ въ автобіографическихъ замѣткахъ Я. К. въ кн. «Я. К. Гротъ. Нѣсколько данныхъ къ его біографiи» (Спб. 1895 г., стр. 31, и V т. «Трудовъ» Я. К. Ср. о пятилѣтней службѣ (1832—38) Я. К. при бар. Корфѣ въ новомъ юбилейномъ изданiи «Государственная канцелярiя» (Спб. 1910), стр. 151—2 и 125.

²⁾ Т. е. гр. Д. А. Толстой.

и др., всего человекъ 12. Министръ былъ чрезвычайно любезенъ и разговорчивъ, рассказывалъ откровенно о своихъ распоряженіяхъ, докладахъ и планахъ, говорилъ, между прочимъ, о своей борьбѣ противъ «не скажу безсмысленнаго, а ослинаго противодѣйствія» духовныхъ и хвасталъ тѣмъ, что въ духовной академіи въ первый разъ назначено ректоромъ лицо изъ благаго духовенства, женатый священникъ Янышевъ. Еще помню я изъ его разговоровъ, что у него много матеріаловъ для біографіи Поццо ди Борго, и что онъ желалъ бы заняться ими лѣтомъ въ деревнѣ.

Въ этотъ вечеръ меня дома уже ждали нѣсколько гостей изъ тѣхъ, которыхъ я позвалъ, чтобы послушать, какъ Майковъ будетъ читать первую часть своей поэмы «Странникъ», то же, что онъ читалъ 3-го числа на карамзинскомъ вечерѣ литературнаго общества (т.-е. общества пособія литераторамъ). Вскорѣ и онъ пріѣхалъ, и собралось всего человекъ поболѣе 20-ти, въ томъ числѣ академики нашего отдѣленія Срезневскій и Бычковъ. Были также Григорьевъ, Коссовичъ, Кеневичъ, Кавелинъ, Максимовичъ, Протопоповъ. Чтеніе было прекрасно, и всѣ остались имъ очень довольны. Послѣ «Странника» Майковъ прочелъ еще наизусть свое стихотвореніе о Карамзинѣ, которое онъ готовилъ было къ 1-му декабря, но тогда взялъ назадъ для передѣлки его, потому что самъ былъ недоволенъ имъ.

Я забылъ сказать, что 1-го декабря былъ я званъ на обѣдъ у Карамзина (Вл.), который соединилъ тутъ еще князя Вяземскаго, Погодина, Тютчева, князя Мещерскаго съ двумя сыновьями. Подъ конецъ стола я сказалъ небольшую рѣчь въ память Карамзина его собственными желаніями молодому поколѣнію, которыя прочиталъ изъ окончанія его рѣчи, произнесенной въ 1818 году въ російской академіи. Вяземскій, вслѣдъ за этимъ, передалъ порученіе государя выразить дѣтямъ Карамзина его сочувствіе къ исторіографу, котораго онъ лично зналъ и помнить, гдѣ въ первый разъ встрѣтился съ нимъ во дворцѣ, кажется, въ кабинетѣ покойнаго государя.

Послѣ обѣда явился ректоръ здѣшняго университета, Воскресенскій, съ приглашеніемъ пожаловать на другой день въ университетъ на его годичный актъ, перенесенный на это число съ тѣмъ, чтобы тутъ же прочитать рѣчь профессора Бестужева объ «Исторіи Государства Россійскаго». Немножко позднее приглашеніе.

Книгу и рѣчь свою я доставилъ между прочимъ (прежде официальной разсылки) великимъ князьямъ. Гувернеръ Владимира Александровича, Литвиновъ, предложилъ мнѣ сейчасъ же лично передать это великому князю; тотъ принялъ меня очень ласково, хвалилъ рѣчи и признался, что слышалъ въ академіи много новаго, о чемъ прежде и понятія не имѣлъ, напримѣръ, объ отношеніяхъ Карамзина къ императору Александру. Вотъ польза подобныхъ собраній, посѣщаемыхъ высокими лицами. Воспитатель Алексѣя Александровича, адмиралъ Посеть, самъ былъ у меня съ выраженіемъ своей благодарности за

доставленный ему экземпляръ и наговорилъ мнѣ много самыхъ обязательныхъ вещей, какъ онъ перечитывалъ мою рѣчь вмѣстѣ съ женой, какъ онъ былъ тронутъ ею въ академіи, какъ важно, что я такъ познакомилъ общество съ Карамзинымъ, котораго почти вовсе не знаютъ. Надобно знать Посыета, чтобы понять, какую цѣну всѣ эти похвалы имѣютъ въ его устахъ; это человѣкъ не суетный, прямой, искренній и вообще съ высокими достоинствами. Онъ просилъ меня посѣщать его.

27-е декабря. Были слухи, что о рѣчи Погодина въ аристократическомъ кругѣ и еще выше ходятъ неблагопріятныя толки, что нѣкоторые распространяютъ, будто академія произвела въ публикѣ демонстрацію противъ нынѣшней системы въ отношеніи къ Польшѣ; однакожь Литке сказалъ мнѣ, что это несправедливо, что самъ князь Долгорукій успокоилъ его, сказавъ, что говорилъ съ Погодинымъ и убѣдился, что у него не было никакихъ заднихъ мыслей.

28-е декабря. Вотъ рассказъ Майкова, съ которымъ я встрѣтился и гулялъ на улицѣ. Одинъ полковникъ написалъ въ стихахъ рассказы о севастопольской осадѣ. Свое произведеніе отнесъ онъ къ г-жѣ Мессарошъ, издательницѣ «Женскаго Вѣстника», которая его просила о томъ, и встрѣтилъ тамъ всю редакцію: гг. Благовѣщенскаго, Глѣба Успенскаго и др. Это было вечеромъ. Его попросили прочесть свое произведеніе; во время чтенія нѣкоторые изъ слушателей утекали. Потомъ попросили его остаться ужинать и когда 12 бутылокъ портеру развязали языки собравшимся, они стали откровенно объясняться съ нимъ: спрашивали, какъ онъ могъ воспыть такое событіе, которое слѣдуетъ навсегда предать забвенію, ибо что за жалкая мысль умирать за государя и отечество, что надо лучше употреблять свои силы... Авторъ сталъ сознаваться въ недостаткѣ таланта, но они увѣряли его, что таланта у него довольно, но недостаетъ развитія, что талантъ его только дурно направленъ! Одна нигилистка сознавалась, что она ничего не читаетъ, прочитавъ два раза и два же раза переписавъ своей рукой романъ Чернышевскаго «Что дѣлать?» Для нигилистовъ существуютъ только четыре или пять книгъ, и такимъ образомъ они пребываютъ въ упорномъ невѣжествѣ и апатіи...

Вчера я задумалъ книгу: «Общенародный учитель русской грамоты, или общедоступный толковникъ, общедоступная справочная книга о русской грамотѣ».

29-е декабря. Торжественное собраніе академіи: читали Веселовскій, Никитенко, Безобразовъ. Послѣдній о вліяніи науки на экономическія отношенія въ Европѣ, о министрѣ финансовъ Наполеона, о Штейнѣ, о Канкришѣ. Передъ чтеніями я говорилъ съ министромъ графомъ Толстымъ, котораго просилъ продолжать, по примѣру Головкина, давать по одной тысячѣ рублей обществу для пособія литераторамъ. Онъ отвѣчалъ, что охотно будетъ дѣлать то же, по-

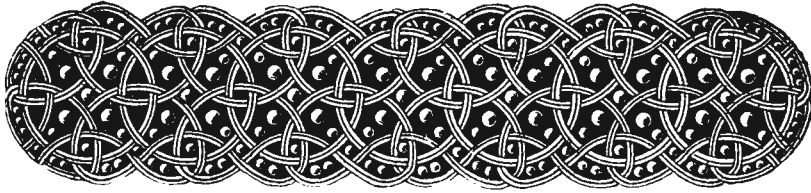
тому что получилъ на это деньги и уже говорилъ объ этомъ съ директоромъ департамента, но надѣется, что комитетъ будетъ выдавать пособія осмотнительно. Потомъ мы говорили много о портретахъ и между прочимъ объ Уваровѣ.

30-е декабря. Обѣдалъ во дворцѣ у Блудовой; были графиня Толстая (Александра Андреевна, что при великой княгинѣ Маріи Александровнѣ), Александра Алекс. Воейкова (что при Маріи Николаевнѣ, прѣѣхавшей изъ Ниццы), Александра Ивановна Козлова (другъ Блудовой ¹⁾), Стремоуховъ (директоръ азіатскаго департамента), князь Вяземскій и поэтъ Тютчевъ. Много говорили о назначенномъ въ тотъ день вечерѣ въ пользу кандидатомъ.

Сообщилъ К. Гротъ.

¹⁾ Сестра поэта Козлова.

ЦАРЕУБИЙСТВО 1 МАРТА 1881 ГОДА.

(Историческіе очерки).

II. «Земля и Воля».

VIII.

БЩЕСТВО «Земля и Воля», въ виду разнообразія принятыхъ на себя социальна-политическихъ функцій и въ цѣляхъ наиболѣе точнаго и полнаго ихъ выполненія, было, согласно своей организаціонной программѣ или уставу, раздѣлено на нѣсколько группъ ¹⁾:

«А) Администрація (центръ).—Она, какъ названіе ея показываетъ, вѣдала всѣ дѣла общества. Мѣсто-пребываніемъ администраціи должна быть обязательно столица (Петербургъ). Составъ ея мѣняется, и члены ея выбираются по большинству голосовъ. Это была самая дѣятельная группа при основаніи общества. Да иначе и не могло быть. Работа была самая египетская. Помимо того, что группа управляла всѣми дѣлами общества, она еще служила бюро для всевозможныхъ справокъ постороннимъ лицамъ. Въ рукахъ администраціи была и «небесная канцелярія» (паспортное отдѣленіе, фабрикація паспортовъ), а это одно поглощало много времени, осо-

¹⁾ «За сто лѣтъ» (1800—1896). Сборникъ по исторіи политическаго и общественнаго движенія въ Россіи. Составилъ Вл. Бурцевъ.

бенно впоследствии, когда запросъ на паспорта увеличился до нельзя. Это вынудило администрацію образовать особую паспортную группу съ ея подраздѣленіями. Какъ ни велико было значеніе администраціи, но она не могла сдѣлать серьезнаго шага, не спросивши разрѣшенія совѣта, а въ очень важныхъ случаяхъ и согласія всѣхъ членовъ общества. Совѣтъ собственно не составлялъ отдѣльной группы съ опредѣленными обязанностями. Да и составъ его крайне измѣнялся. Въ него, со включеніемъ администраціи, входили тѣ члены общества, которые постоянно или временно находились въ Петербургѣ по своимъ дѣламъ. Когда предстояло дѣло, не терпящее отлагательства, то администрація, обыкновенно, обращалась за совѣтомъ и указаніями ко всѣмъ находившимся въ наличности членамъ общества. Практика укрѣпила этотъ обычай, а совѣтъ сталъ существовать фактически, какъ очень полезная пружина въ общемъ механизмѣ управленія.

«В) Интеллигентная группа.—Пропаганда, агитация и организация въ средѣ молодежи.

«В) Рабочая группа.—То же въ средѣ рабочихъ.

«Г) «Деревенщина».—Самая многочисленная группа, поприщемъ дѣятельности которой была провинція вообще.

«Д) Дезорганизаторская группа.—Характеръ дѣятельности этой группы, тѣ широкія полномочія, которыя она получила отъ общества, сразу поставили ее въ исключительное положеніе. Дезорганизаторская дѣятельность, въ широкомъ смыслѣ этого слова, имѣла цѣлью рядомъ разнообразныхъ дѣйствій и положеній ослабить правительственный механизмъ, внося въ него элементы вражды и разложенія. Членамъ этой группы вмѣнялось, между прочимъ, въ обязанность завязывать сношенія съ разнообразными лицами правительственныхъ сферъ, съ тѣмъ, чтобы, при помощи этихъ послѣднихъ, открывалась возможность къ занятію важныхъ для революціонныхъ цѣлей должностей. Въ специальномъ смыслѣ дезорганизаторская дѣятельность преслѣдовала слѣдующія цѣли: 1) освобожденіе изъ-подъ ареста товарищей; 2) защита отъ правительственнаго произвола и борьба съ тюремной и прочей администраціей, вѣдавшей дѣло дознанія и тюремнаго надзора. Въ виду этого общество «Земля и Воля», не задаваясь непосредственною цѣлью борьбы съ правительствомъ, сочло тѣмъ не менѣе нужнымъ создать группу для специальныхъ случаевъ такой борьбы, когда этого, напримѣръ, требовала честь всей революціонной партіи. 3) Самозащита. Случаи измѣны уже были въ то время, а въ виду расширяющагося изо дня въ день революціоннаго движенія ихъ слѣдовало естественно ждать и въ будущемъ. Потому общество возложило на дезорганизаторовъ обязанность, въ случаѣ несомнѣнно доказанной измѣны того или другого лица, «изъять это послѣднее изъ обращенія», т.-е. убить. По уставу общества, дезорганизаторской группѣ были предоста-

влепы широкия полномочія и значительныя матеріальныя средства. Дезорганизаторская группа имѣла право образовати секцію съ такимъ же направлениемъ вездѣ, гдѣ по обстоятельствамъ она найдеть это нужнымъ. Всѣ предприятия дезорганизаціоннаго свойства должны были вестись строго-конспиративно. Администрація или совѣтъ должны лишь знать въ самыхъ общихъ чертахъ о предполагаемомъ дезорганизаторскомъ поступкѣ; всякія же детали остаются въ глубокой тайнѣ».

Что касается собственно устава общества въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, то каждой группѣ вмѣнялось въ обязанность всячески вызывать образованіе новыхъ секцій, преслѣдующихъ тѣ же цѣли и по тому же плану, что и общество. Примыкая къ нему, секціи сохраняли полную автономію въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ. Въ виду возможной убыли членовъ, основателю секціи давалось право привлекать къ обществу тѣхъ или другихъ лицъ, согласно уставу. Наконецъ уставъ требовалъ годичнаго пересмотра программы.

Таковъ былъ въ главнѣйшихъ чертахъ тотъ планъ, по коему новое общество соорганизовалось, предполагая въ будущемъ, согласно показаніямъ опыта, вводить сюда необходимыя коррективы, дополненія и измѣненія. Что касается profession de foi общества, то таковое было изложено въ № 1 подпольнаго изданія его, газетѣ подъ тѣмъ же наименованіемъ «Земля и Воля», начавшей издаваться съ 1878 г. Здѣсь мы читаемъ:

«Земля и Воля!» — Вотъ тотъ девизъ, который написали на своемъ знамени вѣрные духу и исторіи своего народа наши предшественники, социалисты-народники 60-хъ годовъ.

Тѣ же слова пишемъ на нашемъ знамени и мы.

Мы убѣждены, что только тѣ культурныя формы имѣютъ историческое будущее, которыя коренятся въ умахъ и стремленіяхъ народныхъ массъ; мы не вѣримъ въ возможность путемъ предварительной работы создать въ народѣ идеалы, отличные отъ развитыхъ въ немъ всей предшествующей его исторіей. На всѣ попытки подобнаго рода мы смотримъ, какъ на совершенно нерасчетливую трату силъ, потому что опытъ всѣхъ прошлыхъ движеній, во всѣхъ земляхъ и у всѣхъ народовъ, начиная съ крестьянскихъ возстаній и кончая парижской коммуной, показываетъ намъ, что всякое революціонное движеніе, по мѣрѣ своего расширенія, необходимымъ образомъ развиваетъ, очищаетъ и совершенствуетъ тѣ революціонныя элементы, которые послужили первоначальнымъ стимуломъ движенія.

Революція дѣло народныхъ массъ. Подготавливаетъ ихъ исторія. Революціонеры ничего поправить не въ силахъ. Они могутъ быть только орудіями исторіи, выразителями народныхъ стремленій. Роль ихъ заключается только въ томъ, чтобы, организуя народъ во имя его стремленій и требованій и поднимая его на борьбу съ цѣлью ихъ осуществленія, содѣйствовать ускоренію того революціоннаго процесса, который, по непреложнымъ законамъ исторіи совершается въ данный періодъ. Въ этой роли они — ничто; въ предѣлахъ ея они — одинъ изъ могущественныхъ факторовъ исторіи.

Поэтому основаніемъ всякой истинно-революціонной программы должны быть народныя идеалы, какъ ихъ создала исторія въ данное время въ данной мѣстности.

Во всѣ времена, гдѣ бы и въ какихъ бы размѣрахъ ни поднимался русскій народъ, онъ требовалъ земли и воли!

Земли — какъ общаго достоянія тѣхъ, кто на ней работаетъ, и воли — какъ общаго права всѣхъ людей распоряжаться своими дѣлами.

Отнятіе земель у помѣщиковъ и бояръ; изгнаніе, а иногда поголовное истребленіе всего начальства, всѣхъ представителей государства и учрежденіе «казачьихъ круговъ», т.-е. вольныхъ и автономныхъ общинъ съ выборными, отвѣтственными и всегда смѣняемыми исполнителями народной воли, — такова была всегда неизмѣнная «программа» народныхъ революціонеровъ-соціалистовъ: Пугачева, Разина и ихъ сподвижниковъ.

Такова же, безъ сомнѣнія, остается она и теперь для громаднаго большинства русскаго народа.

Поэтому ее принимаемъ и мы, революціонеры-народники.

Этой программой мы выдвигаемъ на первый планъ вопросъ аграрный. Вопросъ же фабричный мы оставляемъ въ тѣни, и не потому, чтобы не считали экспропріацію фабрикъ необходимою, а потому, что исторія, поставившая на первый планъ въ Западной Европѣ вопросъ фабричный, у насъ его не выдвинула вовсе, замѣнивъ его вопросомъ аграрнымъ. А между тѣмъ революціонное движеніе, поднявшееся во имя земли, на другой же день роковымъ образомъ само придетъ къ сознанію необходимости экспропріаціи фабрикъ и полнаго уничтоженія всякаго капиталистическаго производства, потому что, сохранивъ его, оно само вырыло бы себѣ могилу. Точно такъ и городское соціалистическое движеніе, если бы оно началось независимо отъ деревень, неминуемо наткнулось бы съ первыхъ же шаговъ на вопросъ о соціализмѣ аграрномъ.

По тѣмъ же причинамъ не станемъ мы предрѣшать въ нашей программѣ вопросы, касающіеся частныхъ формъ будущаго соціалистическаго строя. Все это вопросы будущаго. Предоставимъ же будущее будущему. Настоящему предстоитъ громадная задача: осуществленіе народной революціи, которая одна въ состояніи развить будущій соціалистическій строй изъ тѣхъ элементарныхъ основъ соціализма, которыя уже созданы въ умахъ народа.

IX.

Такъ и подъ такимъ политическимъ стягомъ соорганизовались харьково-ростовскіе революціонные кружки (въ томъ числѣ Осинскій и Боголюбовъ, инцидентъ съ которымъ, какъ будетъ рассказано далѣе, далъ поводъ къ покушенію на Трепова) съ разбитыми остатками петербургскихъ мирныхъ пропагандистовъ въ единую политическую ассоціацію «Земля и Воля». По свидѣтельству историка этого общества, Е. Серебрякова ¹⁾, зима 1876—77 гг. протекла для членовъ вновь формирующагося общества въ организаціонной работѣ. «Велись переговоры съ кievскими и одесскими революціонерами насчетъ присоединенія ихъ къ обществу. Полнаго присое-

¹⁾ Е. Серебряковъ. «Очеркъ по исторіи «Земли и Воли».

диненія, однако, не состоялось, не были установлены тѣсныя федеративныя отношенія. Были собраны справки по всей Россіи объ отдѣльно стоящихъ кружкахъ и лицахъ народническаго направленія, и многіе изъ этихъ кружковъ и лицъ были присоединены къ обществу. Эта усиленная дѣятельность не пропала даромъ: вмѣсто разрозненныхъ группъ революціонеровъ возникла довольно крупная, тѣсно сплоченная организація, которая могла начать дѣйствовать по опредѣленному плану и противопоставить организованной силѣ правительства организованную силу революціонеровъ. Кромѣ этой работы по расширенію и упроченію общества, часть членовъ его продолжала заниматься пропагандой среди молодежи и рабочихъ. Наконецъ дѣятельно велись и приготовленія къ поселеніямъ».

Первое свое возвышеніе русскому обществу новая политическая организація рѣшила сдѣлать въ видѣ манифестаціи на Казанской площади, о которой мы уже говорили ¹⁾. Вотъ что по сему предмету повѣствуетъ Е. Серебряковъ: «Въ ту же зиму (76—77 гг.) произошло событіе, на первый взглядъ представлявшее неудачу для общества, но имѣвшее большое вліяніе въ будущемъ. Члены партіи, занимавшіеся пропагандой среди рабочихъ, составили преувеличенное понятіе о числѣ распропагандированныхъ и степени ихъ революціонности. Они утверждали, что возможно собрать нѣсколько тысячъ рабочихъ на площади въ Петербургѣ. Ихъ увлеченіе передалось и другимъ членамъ партіи, и вотъ рѣшено устроить публичную манифестацію, которая была бы въ нѣкоторомъ родѣ смотромъ рабочимъ силамъ въ Петербургѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ познакомила бы общество съ задачами и стремленіями русской революціонной партіи. Вообще этой минафестаціи придавалось огромное агитаціонное значеніе, какъ для рабочихъ, такъ и для молодежи и для общества. Было рѣшено собраться 6 декабря на молебень въ Казанскомъ соборѣ, и если сойдется рабочихъ не менѣе двухъ-трехъ тысячъ, выйти изъ церкви на площадь, развернуть красное знамя, произнести приличествующую данному случаю рѣчь и потомъ, смотря по обстоятельствамъ, пройтись по городу или разойтись. Но во всякомъ случаѣ непремѣннымъ условіемъ начала демонстраціи было поставлено присутствіе не менѣе двухъ тысячъ челоувѣкъ манифестантовъ. Однако, вопреки принятому рѣшенію, хотя и собралось только 200—300 челоувѣкъ, нашелся ораторъ, который началъ говорить рѣчь; явившіеся столпились вокругъ него на площади и развернули знамя. Дѣло кончилось, конечно, такъ, какъ многіе предвидѣли. Въ виду малочисленности манифестантовъ полиція направила на нихъ дворниковъ, сидѣльцевъ сосѣднихъ лавокъ и проч., и началось поголовное избіеніе. Челоувѣкъ 20 было арестовано, а другіе успѣли разбѣжаться. Въ

¹⁾ «Истор. Вѣстн.», 1910 г., январь.

первую минуту эта демонстрація произвела удручающее впечатлѣніе. Но правительство само постаралось исправить ошибку революціонеровъ. Безобразно жестокой приговоръ надъ казанцами вызвалъ общій крикъ негодованія и вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ обществу, что демонстрація, очевидно, ужь не такъ была смѣшна, если правительство вынуждено было прибѣгнуть къ столь суровымъ мѣрамъ». Въ числѣ арестованныхъ былъ и Боголюбовъ.

Пока участники злополучной манифестаціи сидѣли въ домѣ предварительнаго заключенія на Шпалерной улицѣ въ ожиданіи суда, оставшіеся на свободѣ ихъ сотоварищи весною 1877 г. двинулись въ провинцію заводить поселенія съ цѣлью агитаціи и организаціи народа. Этотъ вторичный походъ «въ народъ» г. Серебряковъ описываетъ такъ: «Явились поселенія въ Саратовской, Самарской, Нижегородской и Астраханской губ., на Кубани, на Дону. Устраивались они приблизительно такъ: выбравъ мѣстность для поселенія, группа отправлялась въ ближайшій городъ, оставляя тамъ одного или нѣсколькихъ изъ своихъ членовъ, которые становились центромъ, остальные же члены расселялись по всему району данной мѣстности. При расселеніи по деревнямъ революціонеры въ это время стремились занять другое положеніе, чѣмъ въ періодъ пропаганды. Прежнее догматическое утвержденіе, требовавшее, чтобы революціонеры отправлялись въ народъ въ качествѣ чернорабочихъ, потеряло свою безусловную силу. Положеніе человѣка физическаго труда признавалось попрежнему весьма желательнымъ и пѣлесообразнымъ, но безусловно отрицалось положеніе бездомнаго батрака, ибо они никоимъ образомъ не могли внушить уваженіе и довѣріе крестьянства, привыкшаго почитать матеріальную личную самостоятельность, домовитость и хозяйственность,—а потому настоятельно необходимою считалось занять такое положеніе, въ которомъ революціонеру при полной матеріальной самостоятельности открывалась бы широкая возможность прійти въ наибольшее соприкосновеніе съ жителями данной мѣстности, входить въ ихъ интересы и пользоваться вліяніемъ на ихъ общественныя дѣла. Въ силу этого люди устраивались хозяйственнымъ образомъ въ положеніи всякаго рода мастеровыхъ, заводили фермы, мельницы, лавочки, занимали должности сельскихъ и волостныхъ писарей, учителей, фельдшеровъ, врачей и проч. Особенно желательнымъ считалось, чтобы въ средѣ поселенцевъ былъ по крайней мѣрѣ хоть одинъ человѣкъ изъ уроженцевъ данной мѣстности».

По свидѣтельству цитируемаго автора, «устройство поселеній съ первыхъ же шаговъ встрѣтило массу препятствій. Начальство было на сторожѣ, и поселенцамъ приходилось часто бросать устроенныя мастерскія и оставлять занятія должности, переѣзжать на новыя мѣстности, подъ новыми фамиліями. А тамъ повторялось

то же самое, и рѣдко-рѣдко когда удавалось поселенію просуществовать нѣсколько мѣсяцевъ или годъ. Но зато въ этихъ исключительныхъ случаяхъ революціонеры заслуживали любовь, уваженіе и довѣріе крестьянъ. Недаромъ нѣкоторые представители администраціи и земства, узнавши, что лица, съ которыми они по разнымъ дѣламъ сталкивались, принадлежать къ социалистической партіи, говорили, что если всѣ социалисты таковы, то они вскорѣ завоюютъ народъ. Такъ, напримѣръ, даже сельскій священникъ давалъ о Гартманѣ показанія весьма благоприятныя и былъ страшно пораженъ, услышавъ, что его знакомецъ—одинъ изъ участниковъ «злодѣйскаго» покушенія. Но, повторяю, мало-мальски прочныя поселенія были рѣдкимъ исключеніемъ: въ большинствѣ случаевъ, въ виду гоненій, поселенцамъ приходилось постоянно перекочевывать». Характерной иллюстраціей для дѣятельности новаго политическаго поселенца съ программой дѣятельности «Земли и Воли» является Соловьевъ, который въ 1879 г. покусился на жизнь императора Александра II. Вотъ что о немъ говоритъ обвинительный актъ. Соловьевъ съ открытіемъ навигаціи 1877 г. отправился въ Самару. Еще ранѣе этого тутъ образовался уже кружокъ социалистовъ-революціонеровъ, въ которомъ не послѣднюю роль игралъ нѣкто Маркъ Николаевичъ Платоновъ, оказавшійся впоследствии Юріемъ Богдановичемъ, съ которымъ читатели встрѣтятся впоследствии еще не одинъ разъ, черезъ посредство котораго сблизился съ этимъ кружкомъ прибывшій въ Самару Александръ Соловьевъ. Къ этому же кружку принадлежали, между прочими лицами, какой-то Григорій Ивановъ Лебединцевъ и Марія Лешернъ фонъ-Гарцфельдъ, уже испытанная революціонерка-пропагандистка, проживавшая по большей части подъ вымышленнымъ именемъ и фальшивыми паспортами. Уже въ половинѣ мая Соловьевъ подъ именемъ Ивана Сидоровича, при содѣйствіи двухъ товарищей, изъ коихъ одинъ былъ распропагандированный рабочій Семенъ Васильевъ, устраиваетъ кузницу въ селѣ Преображенскомъ, въ 45 верстахъ отъ Самары, на которую затрачиваетъ деньги, оставшіяся у него отъ прежней педагогической профессіи. Весною 1877 г. въ Самару пріѣхалъ и Николай Богдановичъ, съ цѣлью покупки дома для устройства кузницы, который черезъ посредство брата Юрія и Соловьева познакомился со всѣми поименованными лицами. Въ 20-хъ числахъ того же мѣсяца Соловьевъ съ товарищами бросаетъ кузницу въ Преображенскомъ и переѣзжаетъ въ Самару. Въ то же лѣто Лебединцевъ устраивается волостнымъ писаремъ въ Богдановской волости Бузулукскаго уѣзда, куда помѣщается въ іюнѣ помощникомъ волостного писаря Платоновъ, вмѣстѣ съ которымъ въ сентябрѣ они переводятся на тѣ же должности въ Страховскую волость; здѣсь къ нимъ присоединяется Марія Лешернъ, а Соловьевъ остается въ Самарѣ и проживаетъ съ Иваномъ Ивановичемъ Звѣ-

ревымъ, земскимъ фельдшеромъ, бывшимъ его компаніономъ по кузницѣ въ Преображенскомъ. Этотъ Звѣревъ оказывается впоследствии бывшимъ студентомъ харьковскаго университета Медвѣдевымъ, сосланнымъ административнымъ порядкомъ въ Шенкурскъ и оттуда бѣжавшимъ. Съ ноября Соловьевъ хлопочетъ о полученіи мѣста сельскаго учителя подъ своимъ настоящимъ именемъ, черезъ инспектора народныхъ училищъ Самарской губ. Каменецкаго, у котораго онъ нѣкоторое время занимается по частному найму; но вслѣдствіе запроса о немъ по мѣсту его прежней службы въ торопецкомъ уѣздномъ училищѣ, на который Соловьевъ не могъ ожидать благопріятнаго для себя отвѣта, онъ 24 декабря взялъ свои бумаги обратно и скрылся. 30 декабря изъ села Страхово скрывается съ Лебединцевымъ и Лешернъ, а 3 января 1878 г. Соловьевъ появляется въ селѣ Алексѣевскомъ, гдѣ состоялъ волостнымъ писаремъ Платоновъ, и вмѣстѣ съ послѣднимъ на другой день уѣзжаетъ подъ вымышленнымъ предлогомъ въ Самару. Причиной такого одновременнаго и внезапнаго бѣгства означенныхъ лицъ послужило то обстоятельство, что въ Самарѣ по телеграфу получено ими было извѣстіе объ арестѣ 18 декабря въ Петербургѣ дворянки Чепурновой, отправившейся въ Самару, при которой найдены были письма къ самарскимъ социалистамъ; не оставившія никакого сомнѣнія въ существованіи въ Самарѣ противозаконнаго общества съ революціонными цѣлями, во главѣ котораго стояли Юрій Богдановичъ и Лебединцевъ и къ которому принадлежали всѣ вышепоименованныя лица. По словамъ самого Соловьева, изложеннымъ въ обвинительномъ актѣ, съ января по май 1878 г. онъ скитался по Тамбовской и Воронежской губерніямъ, гдѣ старался получить мѣсто кузнеца, волостного писаря или сельскаго учителя, но потерпѣлъ во всемъ неудачу и затѣмъ направился въ Саратовскую губернію, надѣясь тамъ встрѣтить людей социальнореволюціонной партіи и черезъ нихъ получить какое-нибудь занятіе, соотвѣтствующее преслѣдуемымъ имъ цѣлямъ. Дѣйствительно, Соловьевъ не ошибся въ своихъ расчетахъ, что доказываетъ, что онъ хорошо зналъ, что дѣлаютъ его единомышленники въ Саратовской губерніи. Въ маѣ въ Вольскомъ уѣздѣ пристраиваются волостнымъ писарями Платоновъ и Лебединцевъ, но съ новыми именами и фальшивыми паспортами, первый—подъ именемъ Витевскаго въ Царевщинской волости, а второй—подъ именемъ Страхова сначала въ Булгаковской, а потомъ въ Балтайской, въ сопровожденіи той же Лешернъ, скрытой подъ фамиліей Сговоровой. При посредствѣ этихъ близкихъ ему людей Соловьевъ поступаетъ волостнымъ писаремъ въ сосѣднюю Стригайскую волость, подъ именемъ Ивана Петровича Печкарева. Въ концѣ ноября того же года Соловьевъ оставляетъ мѣсто стригайскаго волостного писаря, желая получить должность сельскаго учителя, послѣ чего переѣзжаетъ къ Страхову (Лебе-

динцеву) въ с. Балтай. Проживъ тутъ цѣлый мѣсяць, Соловьевъ уѣзжаетъ 25 декабря въ Саратовъ вмѣстѣ съ Витевскимъ, возвратившись въ с. Царевщину 27 декабря. Соловьевъ, убѣдившись, что, занимая должность волостного писаря, нельзя принести истинную пользу социальнo-революціонному дѣлу, уѣхалъ въ Петербургъ для пріисканія занятій, «болѣе соотвѣтствующихъ цѣлямъ, на служеніе которымъ онъ посвятилъ свою жизнь».

Таковы страницы изъ жизни Соловьева за время его пребыванія въ народѣ, чрезвычайно рельефно рисующія намъ роль здѣсь пропагандистовъ и тѣ позиціи, которыя они выбирали для наиболѣе удобнаго достиженія намѣченныхъ въ Петербургѣ цѣлей. «Такая картина представлялась, по словамъ г. Серебрякова, почти во всѣхъ мѣстахъ. Преслѣдуемые революціонеры вынуждены были постоянно переѣзжать съ мѣста на мѣсто, теряя при этомъ каждый разъ многихъ товарищей, которыхъ захватывало правительство». Но словамъ землеольца Аптекмана, чьи воспоминанія мы неоднократно цитировали по показаніямъ другихъ участниковъ «Земли и Воли»,—«главнымъ образомъ политическія условія дѣйствовали разрушительно на революціонныя наши поселенія, убивая ихъ одновременно повсемѣстно одно за другимъ. Такъ, къ концу 77 года не осталось почти ни одного крупнаго поселенія; они всѣ рухнули, не просуществовавъ и одного года. Многіе члены этого поселенія были арестованы, а тѣ, которые уцѣлѣли, разбѣжались во всѣ стороны. Пропалъ годъ усиленныхъ трудовъ, порваны связи, но вѣра еще крѣпка, силы не надорваны. И вотъ весною 78 г. образовалось въ Саратовской же губерніи новое поселеніе. Въ составъ его вошли лучшія силы самарскаго поселенія и кое-какія уцѣлѣвшаго саратовскаго. Одновременно почти съ этимъ землеольцы основали въ Воронежской губерніи другое поселеніе. Оба эти поселенія по составу лицъ и организациі не оставляли ничего лучшаго желать. Многіе члены этихъ поселеній впоследствии показали свою способность, энергію и дѣятельность на террористическомъ пути. Но здѣсь, на почвѣ народа, злой рокъ попрежнему преслѣдовалъ ихъ. Эти новыя поселенія вскорѣ распались. Воронежское не просуществовало и полгода, а новосаратовское погибло послѣ 2 апрѣля 1879 года».

Такова исторія политическихъ поселеній. Каковы же были результаты вторичнаго похода въ народъ?

X.

Мнѣнія участниковъ движенія по сему предмету рѣзко раздѣляются. Одни и главнымъ образомъ г. Серебряковъ приходятъ къ пессимистическому выводу и послѣдній говоритъ: «и помимо полицейскихъ преслѣдованій, поселенцамъ волей-неволей приходилось убѣ-

ждать, что деревня въ настоящемъ ея видѣ не представляетъ поля для агитаціонной дѣятельности. Даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ социалистамъ удалось пробыть довольно долгое время и приобрести вліяніе среди крестьянства, они въ концѣ концовъ должны были признать, что въ настоящую минуту нѣтъ никакой возможности организовать народъ съ революціонными цѣлями и что вся реальная дѣятельность поселенца, если онъ не желаетъ немедленно попасть въ руки полиціи, сводится къ культурной работѣ. Исключеніе представляло только чигиринское дѣло, но эта организація была создана при исключительныхъ обстоятельствахъ, и при томъ отъ имени царя, на основаніи подложныхъ грамотъ, что, конечно, было въ полномъ противорѣчій какъ съ самыми принципами революціоннаго социализма, такъ и съ ближайшими цѣлями партіи. Да и подлогъ могъ имѣть значеніе лишь одинъ разъ, пока не открытъ, повтореніе же всегда неудачно. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ многіе изъ революціонеровъ-поселенцевъ разочаровались и возвращались въ городъ. Новыхъ же поселеній устраивалось все меньше и меньше. А послѣ 1879 года ихъ и совѣмъ почти не стало». Провалъ «деревенщины» и перенесеніе центра тяжести дѣятельности общества въ «дезорганизаторскую группу» и послужили, какъ будетъ разсказано далѣе, къ раздѣленію «Земли и Воли» на два общества—«Народную Волю» и «Черный Передѣлъ», состоявшемуся лѣтомъ 1879 года послѣ липецкаго и воронежскаго съѣздовъ революціонеровъ. Совершенно противоположнаго мнѣнія относительно этого движенія держится Г. Плехановъ въ своемъ предисловіи къ русскому переводу «Исторіи революціонныхъ движеній» А. Туна ¹⁾.

Полемизируя съ Серебряковымъ и отмѣчая нѣкоторыя фактическіе недочеты въ его историческомъ очеркѣ «Земли и Воли», онъ говоритъ: «У насъ многіе думаютъ теперь, что «хожденіе въ народъ» прекратилось главнымъ образомъ вслѣдствіе полицейскихъ строгостей. Распространенію такого взгляда очень способствовала устная и печатная пропаганда «народовольцевъ», органъ которыхъ «Народная Воля» уже осенью 1879 года во всеуслышаніе объявилъ, что при нынѣшнихъ полицейскихъ условіяхъ работать въ народѣ значитъ биться, какъ рыба объ ледъ. Въ своей брошюрѣ Е. А. Серебряковъ повторяетъ это мнѣніе, совершенно не считая нужнымъ провѣрить его основательность. И это очень жаль, потому что его брошюра, благодаря его неумѣнью критически отнестись къ своимъ источникамъ, вводитъ читателей въ глубокое заблужденіе. Если бы тогдашняя деревня была недоступна для революціонеровъ по полицейскимъ причинамъ, то въ этомъ прежде всѣхъ другихъ должны были бы убѣдиться именно «деревенщики», послѣднія остатки кото-

¹⁾ А. Туна. «Исторія революціонныхъ движеній въ Россіи». Переводъ В. Засуличъ, Д. Кольцова и др.

рыхъ уже въ срединѣ 1879 года бѣжали,—по словамъ Е. А. Серебрякова,—изъ деревень въ города. Но деревенщики не только не убѣждены въ этомъ и не только не бѣжали въ города, а, напротивъ, съ величайшей горечью доказываютъ необходимость оставаться въ народѣ и оспариваютъ своихъ городскихъ товарищей, всѣми силами старающихся увѣрить ихъ, что въ народѣ дѣйствовать невозможно. Удивительно, какимъ образомъ Е. А. Серебряковъ не остановился передъ этимъ безспорнымъ и всѣмъ извѣстнымъ фактомъ, ясно показывающимъ, какъ произвольно и односторонне ходячее у насъ представленіе о причинахъ, заставившихъ большинство нашихъ революціонеровъ конца 70-хъ годовъ покинуть мысль о дѣятельности въ крестьянствѣ, которую не далѣе, какъ за нѣсколько лѣтъ до того, они же считали безусловно необходимой и единственно цѣлесообразной. Въ дѣйствительности дѣло было гораздо сложнѣе, чѣмъ это кажется Е. А. Серебрякову. Дѣятельность въ крестьянствѣ отнюдь не была невозможной; революціонеры справились бы съ полицейскими препятствіями, если бы ихъ настроеніе продолжало толкать ихъ въ деревню. Но въ томъ-то и дѣло, что со второй половины семидесятыхъ годовъ ихъ настроеніе очень измѣнилось, и «хождение въ народъ» потеряло въ ихъ глазахъ почти всю свою привлекательность. Произошло это потому, что дѣятельность въ народѣ не оправдала тѣхъ радужныхъ, можно сказать, почти ребяческихъ надеждъ, какія возлагались на нее революціонерами. Отправляясь въ народъ, революціонеры воображали, что «соціальную революцію» сдѣлать очень легко, и что она очень скоро совершится: иные надѣялись, что года черезъ два-три. Но извѣстно, что подобная легкомысленная «вѣра» представляетъ собою нѣчто до крайности хрупкое и разбивается при первомъ столкновеніи съ жизнью. Разбилась она и у нашихъ тогдашнихъ революціонеровъ. «Народъ» пересталъ привлекать ихъ къ себѣ потому, что «хождение въ народъ» перестало казаться имъ вѣрнѣйшимъ и скорѣйшимъ средствомъ повалить существующій порядокъ. До какой степени это вѣрно, покажетъ слѣдующій примѣръ. Лѣтомъ 1878 года волновались донскіе казаки по случаю введенія у нихъ земства, которое было огромнымъ шагомъ назадъ сравнительно съ ихъ почти первобытнымъ самоуправленіемъ. Вѣрные своей «бунтарской» программѣ, землевольцы поспѣшили отправиться на Донъ и завязать сношенія съ недовольными. Я былъ однимъ изъ первыхъ попавшихъ туда членовъ «Земли и Воли». Ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ и убѣдившись, что оно благопріятно для агитаціи, я написалъ объ этомъ въ Петербургъ, откуда немедленно двинулся ко мнѣ на помощь Александръ Михайловъ. Но такъ какъ я спѣшилъ отпечатать «Воззваніе къ славному войску донскому», составленное нами, «интеллигентами», при участіи «спропагандированныхъ» нами казаковъ, то я выѣхалъ въ Петербургъ,—гдѣ у насъ была тогда тайная типо-

графія,—не дождавшись приѣзда Михайлова въ Ростовъ на Дону. Это было уже осенью и всего нѣсколько дней спустя большого «провала», погубившаго Ольгу Натансонъ, Адриана Михайлова и многих другихъ нашихъ надежныхъ и опытныхъ товарищей. Я ничего не зналъ объ этомъ несчастіи и самъ избѣжалъ ареста лишь благодаря простой случайности, помѣшавшей мнѣ пойти тотчасъ по приѣздѣ въ Петербургъ на нашу бывшую «конспиративную» квартиру, гдѣ расположилась полицейская засада. Послѣдствія «провала» были такъ тяжелы для нашей организаціи, что приходилось на время отказаться отъ всякой мысли объ участіи ея членовъ въ агитаціи между казаками: надо было прежде всего возстановить «центръ», разрушенный опустошительнымъ полицейскимъ набѣгомъ. Я немедленно вызвалъ телеграммой Александра Михайлова изъ Ростова, и когда онъ, нѣсколько дней спустя, вернулся въ Петербургъ, я въ первый разъ услышалъ отъ него мнѣніе, что намъ нельзя ставить себѣ задачу широкой агитаціи въ народѣ, такъ какъ наши силы для этого слишкомъ малы, а надо просто «наказывать» правительство за его свирѣпыя преслѣдованія; прежде онъ былъ самымъ убѣжденнымъ сторонникомъ «агитаціи на почвѣ непосредственныхъ народныхъ требованій» и самымъ рѣшительнымъ противникомъ «террора», который называли у насъ тогда дезорганизаціей правительства и о которомъ начали поговаривать уже лѣтомъ 1877 года. Я не согласился съ Александромъ Михайловымъ, но такъ какъ о поѣздкѣ на Донъ членовъ нашей организаціи тогда, дѣйствительно, нельзя было и думать, то я сталъ искать охотниковъ въ средѣ «интеллигентной» революціонной молодежи, не принадлежавшей къ нашему направленію. Эта молодежь, насквозь пропитанная народничествомъ, съ пріятнымъ удивленіемъ слушала мои рассказы о казацкихъ волненіяхъ и вполне соглашалась съ тѣмъ, что революціонеры непременно должны воспользоваться этими волненіями. Но, несмотря на это, на Донъ все-таки никто изъ петербургскихъ революціонеровъ не поѣхалъ. Такъ и пришлось махнуть рукою на казаковъ. Правда, къ нимъ отправились нѣсколько молодыхъ товарищей изъ Харькова; но и эти товарищи скоро убѣдились въ томъ, что ни на какую поддержку со стороны революціонной интеллигенціи имъ разсчитывать невозможно, и обезкураженные этимъ, сами вернулись въ городъ, хотя революціонеры-казаки,—которыхъ насчитывалось тогда уже человекъ до пятидесяти,—настоячиво уговаривали ихъ остаться. Попытка агитаціи на Дону—чрезвычайно важная съ точки грѣнія нашей тогдашней программы—окончилась ничѣмъ, и не потому, чтобы казацкая полиція помѣшала намъ связать прочныя связи въ казацкихъ станицахъ и хуторахъ,—эта полиція по своей неопытности въ такихъ дѣлахъ ничему помѣшать не могла и связи уже начали закладываться,—а просто потому, что мысль объ агитаціи въ массахъ совѣмъ перестала тогда увлекать

нашу революціонную интеллигенцію. И это чувствовали наши «деревенщики», которые видѣли, что число лицъ, желающихъ итти «въ народъ», постоянно уменьшается, и что ихъ «поселенія» перестаютъ быть привлекательными для революціонной молодежи. А такъ какъ необходимымъ условіемъ широкаго народнаго возстанія была, въ глазахъ бунтарей, организація народныхъ силъ, а эта организація, въ свою очередь, предполагала безпрерывный и широкий притокъ въ народную среду революціонной интеллигенціи, то существовавшія тогда «поселенія» имѣли для «деревенщиковъ» цѣну только въ той мѣрѣ, въ какой можно было надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ такихъ поселеній явится не два-три десятка, а очень много: два-три десятка лицъ, уже поселившихся и дѣйствовавшихъ въ Поволожьѣ, могли имѣть значеніе только какъ авангардъ, возвѣщавшій о приближеніи большой арміи; сами же по себѣ они были такъ слабы, что самый горячій сторонникъ агитаціи въ народъ переставалъ дорожить ими, какъ только убѣждался, что на новый и гораздо болѣе значительный притокъ въ народъ силъ «интеллигентовъ» рассчитывать уже невозможно. Вотъ почему «деревенщики» такъ горячо возстали противъ террора, которому сначала многіе изъ нихъ горячо сочувствовали, когда убѣдились, что онъ отвлекаетъ симпатіи молодежи отъ агитаціи въ народъ и направляетъ ихъ въ другую сторону».

Мы привели нарочно въ длинной и полной выдержкѣ мнѣніе г. Плеханова о позиціи, занятой обществомъ «Земли и Воли» въ деревенскомъ, или, правильнѣе, революціонно-аграрномъ вопросѣ. Несомнѣнно, оно грѣшитъ утопическимъ идеализмомъ и по адресу дѣйствій своей партіи и возможности для нея, при наличіи тогдашняго духовнаго состоянія сельскаго населенія, съ одной стороны, и агрессивныхъ дѣйствій правительственной власти—съ другой, широкаго и благополучнаго развитія своихъ силъ и программы дѣйствій. Авторъ все строитъ на условностяхъ, устанавливаетъ ему желательный ходъ событій,—отсюда и его разнорѣчіе съ г. Серебряковымъ. Итогъ же развитія тогдашнихъ событій, какъ у него, такъ и у г. Серебрякова одинъ: планъ поднятія сельскаго населенія и созданія аграрнаго бунта въ широкомъ масштабѣ не удался, и пропагандисты одинъ за другимъ вернулись изъ своихъ «поселеній» въ города, гдѣ въ большинствѣ случаевъ и влились въ «дезорганизаторскую», или, проще говоря, террористическую, группу. Конечно, отрицать всякія послѣдствія этого вторичнаго хожденія въ народъ подъ угломъ зрѣнія успѣха политической агитаціи невозможно. «Землеволецъ» (Аптекманъ) сводитъ ее къ слѣдующему: «пропаганда въ значительной мѣрѣ обострила въ народѣ то броженіе умовъ, которое еще раньше, вслѣдствіе другихъ вліяній, началось въ немъ. Масса слуховъ и толковъ о передѣлѣ земли и разныхъ другихъ переиначиваній, имѣющихъ въ виду интересъ народа, стали распро-

страяться въ его средѣ съ большимъ еще упорствомъ, чѣмъ прежде. Конечно, это вліяніе неуловимо, нельзя его ни измѣрить, ни вычислить, но оно, несомнѣнно, было». Движеніе создало новые и поддержало ранѣе сформированные очаги революціоннаго протеста, укрѣпило нити, уже протянутыя отъ столичныхъ центровъ къ провинціальнымъ, окрасило общимъ колоритомъ все движеніе и вытравило изъ него тотъ идеализмъ, который былъ внесенъ сюда первыми мирными пропагандистами; на мѣсто *слова* ставится *дѣло*, на мѣсто утопическихъ мечтаній социалистическаго порядка выдвигается принципъ борьбы и активной оппозиціи. Программы отчасти Нечаева, отчасти Ткачева берутъ перевѣсъ надъ доктринами Лаврова, а опытъ «поселеній» даетъ основаніе для пересмотра въ ближайшемъ будущемъ всей программы «Земли и Воли» и выдвигаетъ изъ ея рядовъ дѣятелей, сплотившихся впоследствии подъ знаменемъ «Народной Воли».

XI.

Если дѣло по организаціи деревенскихъ поселеній и пропаганды среди сельскаго населенія у новаго общества не давало желаемыхъ ему положительныхъ практическихъ результатовъ, то среди городскихъ рабочихъ и учащейся молодежи дѣло революціонизированія подвигалось съ большимъ успѣхомъ. На основаніи показаній г. Плеханова, почерпнутыхъ изъ изданія «Соціалъ-Демократъ», Серебряковъ ¹⁾ рисуетъ здѣсь дѣло въ слѣдующемъ положеніи: «Въ сношеніяхъ съ рабочими «землевольцы» всегда держались слѣдующихъ пріемовъ. Тѣ члены организаціи, которымъ поручалось веденіе «рабочаго дѣла» (ихъ всегда было немного, самое большое 4—5 человекъ), обязаны были составить особые кружки изъ молодыхъ революціонеровъ. Кружки эти, собственно говоря, не принадлежали къ обществу «Земля и Воля», но, дѣйствуя подъ руководствомъ его членовъ, они не могли работать иначе, какъ въ духѣ его программы. Вотъ эти-то кружки и вступали въ сношенія съ рабочими. Такъ какъ, благодаря пропагандѣ 1873—74 гг., въ петербургской рабочей средѣ было довольно много революціонеровъ, то задача «землевольцевъ» и ихъ молодыхъ помощниковъ свелась прежде всего къ организаціи этихъ готовыхъ силъ. Старые, по большей части уже испытанные революціонеры-рабочіе, присоединивъ къ себѣ нѣкоторыхъ надежныхъ новичковъ, составили ядро петербургской рабочей организаціи, съ которымъ и сносилась, главнымъ образомъ, интеллигенція. На этихъ людей мы могли вполне положиться. Нелѣпо было бы бояться, что они насъ выдадутъ. Тѣмъ не менѣе, помня, что кашу масломъ не портятъ, и

¹⁾ Е. А. Серебряковъ. «Очеркъ по исторіи Земли и Воли».

что въ тайномъ революціонномъ дѣлѣ осторожность обязательна даже тогда, когда кажется совершенно излишней, «землевольты» и этимъ испытаннымъ рабочимъ не сообщали ни своихъ адресовъ, ни своихъ именъ (т.-е. тѣхъ именъ, подъ которыми они были прописаны въ участкѣ). Прибавлю, что такъ они поступали не съ одними рабочими; адресъ землевольца и то, по большей части вымышленное, имя, подъ которымъ онъ проживалъ, въ самой организаціи знали обыкновенно только очень немногіе члены, занимавшіеся вмѣстѣ съ нимъ одной и той же отраслью революціоннаго дѣла; остальные, занятые другими революціонными специальностями, должны были довольствоваться встрѣчами съ нимъ на «конспиративной квартирѣ», гдѣ происходили общія кружковыя собранія. На обязанности центральной, отборной рабочей группы лежало руководство мѣстными рабочими кружками, возникавшими въ той или другой части Петербурга. Интеллигенція не вмѣшивалась въ дѣла мѣстныхъ кружковъ, ограничиваясь доставленіемъ имъ книгъ, помощью при заведеніи тайныхъ квартиръ для собраній и т. п. Каждый мѣстный кружокъ собственными силами долженъ былъ привлекать новыхъ членовъ, которымъ сообщали, что существуютъ и другіе подобныя кружки въ Петербургѣ, но гдѣ и какіе именно, это было извѣстно только членамъ центрального рабочаго ядра, каждое воскресенье сходящимся на общія собранія. Члены землевольтческой рабочей группы принимали также дѣятельное участіе въ организаціи нѣсколькихъ фабрично-заводскихъ стачекъ въ Петербургѣ, какъ, напримѣръ, на фабрикахъ «Ново-бумагопрядильной», Шоу и др. Землевольты являлись довѣренными совѣтчиками и отчасти руководителями стачечниковъ, а также состояли въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ къ основанному въ 1878 г. «Сѣверному союзу русскихъ рабочихъ», о которомъ имѣемъ нѣкоторыя любопытныя свѣдѣнія въ статьѣ В. Л. Бурцева, напечатанной на страницахъ «Былого»¹⁾. Въ виду того, что въ лицѣ этого союза мы впервые встрѣчаемся съ началомъ правильной рабочей организаціи, являвшейся уже давно «центральной идеей» и «чайковцевъ», и «бакунистовъ», и «впередовцевъ», и «набатовцевъ», и въ виду того, что организаціи подобнаго рода, въ особенности въ послѣдующія революціонныя эпохи, главнымъ образомъ въ текущемъ десятилѣтіи XX вѣка, сыграли крупную роль въ исторіи русскаго революціоннаго движенія, считаемъ необходимымъ остановиться на этой страницѣ отечественной жизни болѣе подробно.

По показаніямъ г. Бурцева, «Сѣверный союзъ русскихъ рабочихъ» организовался въ 1877—1879 гг. главнымъ образомъ въ Петербургѣ. По задачамъ, которыя ставили себѣ его инициаторы, онъ

¹⁾ «Былое» 1906 г., № I, В. Л. Бурцевъ, «Сѣверно-русскій рабочій союзъ». Страница изъ исторіи рабочаго движенія въ Россіи.

долженъ былъ вылиться въ чисто-рабочую организацію, состоящую въ тѣснѣйшей связи со всей предыдущей исторіей революціоннаго движенія и развивавшуюся подъ непосредственнымъ вліяніемъ революціонеровъ изъ интеллигенціи, которые занимались пропагандою по фабрикамъ и заводамъ въ періодъ 1872—74 гг. Въ составѣ этой организаціи встрѣчались и рабочіе, распропагандированные еще въ эпоху 60-хъ годовъ. «Союзъ»,—говорить г. Бурцевъ,—рѣшилъ вести все дѣло усиліями однихъ рабочихъ и рѣзко отнесся къ революціонерамъ изъ интеллигенціи, какъ будто видѣлъ въ нихъ главныхъ виновниковъ слабаго развитія рабочихъ организацій въ Россіи. Рабочіе «Союза» хотѣли имѣть «свою» газету, но первымъ условіемъ ставили, чтобы она издавалась, составлялась и редактировалась самими рабочими. Глухая борьба была объявлена интеллигенціи на всѣхъ пунктахъ во имя самостоятельной рабочей пропаганды. Это привело «Союзъ», особенно въ началѣ, къ чисто экономической дѣятельности, а на практикѣ «Союзъ» почти никогда такъ и не выходилъ изъ рамокъ узкаго экономизма въ то время, какъ вся политическая борьба русскихъ революціонеровъ съ правительствомъ разгоралась съ каждымъ днемъ и потрясала его до основъ. Отрицательный взглядъ членовъ «Союза» на интеллигенцію очень часто затруднял дѣятельность «Союза», и его членамъ нерѣдко приходилось дѣлать отступленія отъ своихъ апріорныхъ рѣшеній и обращаться за содѣйствіемъ къ революціоннымъ организаціямъ. «Союзъ» образовался еще въ концѣ 1877 г., когда въ Петербургѣ революціонная атмосфера была необыкновенно оживлена послѣ только что окончившагося процесса 50-ти и во время происходившаго процесса 193-хъ. Просуществовалъ «Союзъ» до половины 1879 г. или даже, можно сказать, до весны 1880 г. Главными его основателями были Викторъ Обнорскій и Степанъ Халтуринъ. Тотъ и другой еще въ началѣ 70-хъ годовъ успѣли побывать въ кружкѣ лучшихъ пропагандистовъ того времени, Обнорскій, кромѣ того, долго жилъ за границей среди эмигрантовъ. За границей онъ былъ близокъ къ «набатовцамъ», которые ярко подчеркивали необходимость политической борьбы съ правительствомъ... За границей же Обнорскій хорошо познакомился съ редакціей «Работника», издававшагося по инициативѣ пропагандистовъ, впослѣдствіи судившихся по процессу 50-ти,—при немъ же «набатовцы» готовили свой спеціальныи для рабочихъ органъ, который, впрочемъ, такъ и не появился. Въ Россію Обнорскій пріѣхалъ съ готовымъ планомъ организаціи «Союза», и здѣсь онъ вскорѣ вмѣстѣ съ своимъ единомышленникомъ Халтуринымъ принялся за организацію рабочихъ. Въ эту свою работу Обнорскій и Халтуринъ сразу внесли очень многое, что они усвоили во время своихъ сношеній съ революціонерами,—отъ нихъ же они взяли цѣликомъ и то отрицательное отношеніе къ интеллигенціи и идеализированіе

рабочаго, что составляло потомъ отличительную черту ихъ программы. Въ Россіи Обнорскій скрывался нелегальнымъ около двухъ лѣтъ,—за это время онъ по дѣламъ союза ѣздилъ за границу. Въ рабочихъ кругахъ онъ повсюду оставлялъ глубокое впечатлѣніе,—рабочіе его любили, и онъ умѣлъ ихъ привязывать къ себѣ. Онъ былъ арестованъ въ началѣ 1879 г., въ 1880 г. осужденъ на 10 лѣтъ каторжныхъ работъ... Халтуринъ и до ареста Обнорскаго и послѣ его ареста былъ душой «Союза». Когда же онъ усомнился въ возможности при тогдашнихъ политическихъ условіяхъ организовать самостоятельную рабочую партію, онъ осенью 1879 г. примкнулъ къ партіи «Народной Воли» и выступилъ какъ одинъ изъ самыхъ видныхъ террористовъ. Послѣ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ 5 февраля 1880 г. ¹⁾ Халтуринъ, какъ членъ партіи «Народной Воли», велъ пропаганду среди рабочихъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, участвовалъ въ побѣгѣ ссыльныхъ, принялъ участіе въ убійствѣ Стрѣльникова, за что судился и былъ повѣшенъ въ мартѣ 1882 г.».

По свидѣтельству г. Бурцева, въ первый годъ своего существованія «Союзъ» развивался слабо. Все ограничивались устройствомъ среди рабочихъ небольшихъ кружковъ самообразованія, организаціей кассъ взаимопомощи, агитаціонными собраніями въ 25—30 человекъ. «Союзъ» принималъ также нѣкоторое участіе и въ общей политической жизни Петербурга, а члены его мечтали съ самаго начала объ изданіи собственной рабочей газеты, что имъ удалось съ малымъ успѣхомъ осуществить лишь въ 1880 г. Прокламаціонная же ихъ дѣятельность окрѣпла лишь, когда союзъ вошелъ въ непосредственное сношеніе въ «Землей и Волей» и въ его распоряженіе для печатанія программъ, прокламацій и воззваній была предоставлена нелегальная политическая типографія. Участіе «Союза» въ стачкахъ и демонстраціяхъ постепенно усиливалось, но никогда не было доминирующимъ въ рабочей средѣ,—утверждаетъ г. Бурцевъ.—Изъ частнаго письма Халтурина... видно, что онъ очень внимательно слѣдилъ за студенческимъ движеніемъ 1878 г. и мечталъ поддержать студентовъ уличной демонстраціей рабочихъ, которая, почему-то, однако, не состоялась. Въ декабрѣ 1878 г. число членовъ «Союза» доходило до 200, и 23-го и 30-го декабря этого года они устроили два «генеральныхъ собранія», послѣ чего «Союзъ» открыто заявилъ о своемъ существованіи.

«Часто, ссылаясь на слова Халтурина, очень вѣроятно, не разъ, дѣйствительно, объяснявшаго неудачи «Союза» тѣмъ, что красный терроръ революціонеровъ вызывалъ бѣлый терроръ правительства и тѣмъ разрушалъ рабочія организациі, многія неудачи «Союза» приписывали начинавшемуся тогда развиваться террористическому движенію,—говоритъ г. Бурцевъ.—Такое объясненіе неудачъ «Союза»

¹⁾ Взрывъ былъ имъ подготовленъ и приведенъ въ исполненіе.

очень поверхностное и невѣрное. Террористическое движеніе внесло тогда необыкновенное оживленіе во всѣ слои общества, и рабочіе въ этомъ отношеніи не могли быть исключеніемъ. Причины неудачъ въ дѣятельности «Союза» лежали въ нѣкоторыхъ особенностяхъ его организаціи, а также въ томъ, что въ «Союзѣ» съ конца 1877 г. все время очень близкими людьми для Обнорскаго и Халтурина, принимавшими участіе въ дѣлахъ «Союза», были супруги Рейхштейнъ, провокаторы-агенты Третьяго Отдѣленія. Благодаря имъ, жандармы знали очень многое о дѣлахъ «Союза» и когда только имъ хотѣлось, разрушали его планы и арестовывали его членовъ. Въ 20-хъ числахъ февраля 1879 г. Рейхштейнъ, по постановленію исполнительнаго комитета, былъ убитъ наканунѣ подготовленныхъ имъ массовыхъ арестовъ. Обнорскаго арестовали сейчасъ же послѣ опубликованія программы «Союза», а Халтуринъ скрывался нелегальнымъ. Жандармы, такимъ образомъ, благодаря внутренней провокаціи, могли близко познакомиться со всей организаціей «Союза» и потомъ послѣ даже исчезновенія супруговъ Рейхштейновъ, они безъ особеннаго труда парализовали дѣятельность «Союза» всякій разъ, когда это имъ нужно было,—напримѣръ, при постановкѣ рабочими типографіи, изданіи прокламацій, укрывательствѣ нелегальныхъ».

ХІІ.

Программа «Союза» выпущена была въ январѣ 1879 г. при содѣйствіи землевольческой типографіи въ видѣ прокламаціоннаго воззванія къ товарищамъ-рабочимъ Вотъ она ¹⁾:

КЪ РУССКИМЪ РАБОЧИМЪ!

Программа «Сѣвернаго Союза Русскихъ Рабочихъ».

Сознавая крайне вредную сторону политическаго и экономическаго гнета, обрушивающагося на наши головы со всею силою своего неумолимаго каприза, сознавая всю невыносимую тяжесть нашего социальнаго положенія, лишаящаго насъ всякой возможности и надежды на сколько-нибудь сносное существованіе, сознавая, наконецъ, болѣе невозможнымъ сносить этотъ порядокъ вещей, грозящій намъ полнѣйшимъ матеріальнымъ лишеніемъ и парализаціей духовныхъ силъ, мы, рабочіе Петербурга, на общемъ собраніи отъ 23 и 30 декабря 1878 г. пришли къ мысли объ организаціи обще-русскаго союза рабочихъ, который, сплачивая разрозненныя силы городского и сельскаго рабочаго населенія и выясняя ему его собственные интересы, цѣли и стремленія,—служилъ бы ему достаточнымъ оплотомъ въ борьбѣ съ социальнымъ безправіемъ и давалъ бы ему ту органическую внутреннюю связь, какая необходима для успѣшнаго веденія борьбы.

Организація «Сѣвернаго Союза Русскихъ Рабочихъ» должна имѣть строго опредѣленный характеръ и преслѣдовать именно тѣ цѣли, какія поставлены въ ея программѣ.

¹⁾ «Былое» 1906, № 1.

Въ члены этого Союза избираются исключительно только рабочіе и черезъ лицъ болѣе или менѣе извѣстныхъ, числомъ не менѣе двухъ.

Всякій рабочій, желающій сдѣлаться членомъ Союза, обязанъ предварительно ознакомиться съ нижеслѣдующей программой и съ сущностью социальнаго ученія.

Всѣ члены Союза должны сохранять между собою полную солидарность, и нарушившій ее подвергается немедленному исключенію. Членъ же, навлекшій на себя подозрѣніе, изобличающее его въ измѣнѣ Союзу, подвергается особому суду выборныхъ.

Каждый членъ обязанъ вносить въ общую кассу Союза извѣстную сумму, опредѣляемую на общемъ собраніи членовъ.

Дѣлами Союза завѣдываетъ комитетъ выборныхъ, состоящій изъ 10 членовъ, на попеченіи котораго лежатъ также обязанности по кассѣ и библиотекѣ. Общія собранія членовъ происходятъ разъ въ мѣсяць, гдѣ контролируется дѣятельность комитета и обсуждаются вопросы Союза.

Собраніе уполномочиваетъ комитетъ только въ дѣйствіяхъ, являющихся непосредственно въ интересахъ всего Союза.

На обязанности комитета лежитъ также право сношенія съ представителями провинціальныхъ кружковъ и фракцій рабочихъ Россіи, принявшихъ программу Сѣвернаго Союза.

Провинціальные фракціи Союза удерживаютъ за собою автономное значеніе въ сферѣ дѣятельности, опредѣляемой общей программой, и подчиняются только рѣшеніямъ общихъ представительныхъ собраній.

Центральная касса предназначается исключительно на расходы, необходимые для выполнения плановъ Союза и на поддержку рабочихъ во время стачекъ.

Библиотека имѣетъ цѣлью бесплатно удовлетворять потребностямъ столичныхъ рабочихъ, даже и не принадлежащихъ къ Союзу.

Расходы на ея содержаніе и на выписку книгъ идутъ изъ кассы Союза и изъ суммъ, жертвуемыхъ рабочими.

«Сѣверный Союзъ Русскихъ Рабочихъ», тѣсно примыкая по своимъ задачамъ къ социальнo-демократической партіи Запада, ставитъ своей программой:

1) Ниспроверженіе существующаго политическаго и экономическаго строя государства, какъ строя крайне несправедливаго.

2) Учрежденіе свободной народной федераціи общинъ, основанныхъ на полной политической равноправности и съ полнымъ внутреннимъ самоуправленіемъ на началахъ русскаго обычнаго права.

3) Уничтоженіе поземельной собственности и замѣну ея общиннымъ землевладѣніемъ.

4) Правильную ассоціаціонную организацію труда, предоставляющую въ руки рабочихъ-производителей продукты и орудія производства.

Такъ какъ политическая свобода обезпечиваетъ за каждымъ чело-вѣкомъ самостоятельность его убѣжденій и дѣйствій, и такъ какъ ея прежде всего обезпечивается рѣшеніе социальнаго вопроса, то посредственными требованіями Союза должны быть:

1) Свобода слова, печати, право собраній и сходокъ.

2) Уничтоженіе сыскной полиціи и дѣлъ по политическимъ преступленіямъ.

3) Уничтоженіе сословныхъ правъ и преимуществъ.

4) Обязательное и бесплатное обученіе во всѣхъ школахъ и учебныхъ заведеніяхъ.

5) Уменьшеніе количества постоянныхъ войскъ или полная замѣна ихъ народнымъ вооруженіемъ.

6) Право сельской общины на рѣшеніе дѣлъ, касающихся ея, какъ-то: размѣра податей, надѣла земли и внутренняго самоуправленія.

7) Уничтоженіе паспортной системы и свобода передвиженія.

8) Отмѣна косвенныхъ налоговъ и установленіе прямого, сообразно доходу и наслѣдству.

9) Ограниченіе числа рабочихъ часовъ и запрещеніе дѣтскаго труда.

10) Учрежденіе производительныхъ ассоціацій, ссудныхъ кассъ и дароваго кредита рабочимъ ассоціаціямъ и крестьянскимъ общинамъ.

Вотъ въ главныхъ чертахъ та программа, руководиться какою поставило себѣ задачей общее собраніе петербургскихъ рабочихъ отъ 23 и 30 декабря.

Путемъ неутомимой и дѣятельной пропаганды въ средѣ своихъ братьевъ Сѣверный Союзъ надѣется достигъ тѣхъ результатовъ, которые выдвинетъ и у насъ рабочее сословіе, и заставитъ заговорить о себѣ, о своихъ правахъ; поему на обязанности каждаго члена этого Союза лежитъ священный долгъ вести посильную агитацію въ угнетаемой и отзывчивой на требованія справедливости рабочей массѣ. Услуга эта не останется забытой потомствомъ, и славное имя его, какъ апостола евангельской истины, занесется въ лѣтописи исторіи.

Рабочіе! васъ мы зовемъ теперь, къ вашему голосу совѣсти и сознанию обращаемся мы.

Великая социальная борьба уже началась — и намъ нечего ждать; наши западные братья уже подняли знамя освобожденія миллионовъ — и намъ остается только примкнуть къ нимъ. Рука объ руку съ ними пойдемъ мы впередъ и въ братскомъ единеніи сольемся въ одну грозную боевую силу.

На насъ, рабочіе, лежитъ великое дѣло — дѣло освобожденія себя и своихъ братьевъ, на насъ лежитъ обязанность обновленія міра, утопающаго въ роскоши и истошающаго наши силы, — и мы должны дать его.

Вспомните, кто первый откликнулся на великія слова Христа, кто первый былъ носителемъ его ученія о любви и братствѣ, перевернушаго весь старый міръ? — простые поселяне... Мы тоже зовемся къ проповѣди, мы тоже призываемся быть апостолами новаго, но въ сущности только не понятаго и позабытаго ученія Христа. Насъ будутъ гнать, какъ гнали первыхъ христіанъ, насъ будутъ бить и издѣваться надъ нами, но будемъ неустрашимы и не постыдимся ихъ поруганій, такъ какъ одно это озлобленіе противъ насъ покажетъ намъ ихъ безсиліе въ борьбѣ съ нравственнымъ величіемъ идей, въ борьбѣ съ той силою, какую мы представимъ собою.

«Вы развращаете міръ, скажутъ намъ, вы разрушаете семью, вы попираете собственность и оскверняете религію».

Нѣтъ, будемъ отвѣчать имъ, не мы развращаемъ міръ, а вы, не мы причиною зла, а вы. Напротивъ, мы идемъ обновить міръ, возродить семью, установить собственность, какъ она должна быть, и воскресить великое ученіе Христа о братствѣ и равенствѣ...

Рабочіе! становитесь смѣло подъ наше знамя социальнаго переворота, сомкнитесь въ дружную, братскую семью и, опоясавшись духовнымъ мечомъ истины, идите проповѣдывать свое ученіе по городамъ и селамъ!

Ваше будущее лежитъ въ этой спасительной пропагандѣ, и вашъ успѣхъ зависитъ отъ нравственной силы вашей; съ нею мощны вы, съ нею вы покорите міръ. Знайте, что въ васъ заключается вся сила и значеніе страны, вы — плоть и кровь государства, и безъ васъ не существовало бы другихъ классовъ, сосущихъ теперь вашу кровь. Вы смутно сознаете это, но у васъ нѣтъ организаціи, нѣтъ идеи, которою бы вы руководились, нѣтъ, наконецъ, нравственной поддержки, столь необхо-

димой для дружнаго отпора врагу. Но мы, рабочіе-организаторы Сѣвернаго Союза, даемъ вамъ эту руководящую идею, даемъ вамъ нравственную поддержку въ сплоченіи интересовъ и, наконецъ, даемъ ту организацію, въ какой нуждаетесь вы.

Итакъ, за вами, рабочіе, послѣднее слово, отъ васъ зависитъ участь великаго союза и успѣхъ соціальной революціи въ Россіи!

Вслѣдъ за этою программой появились и другія воззванія «Союза» къ рабочимъ по поводу протекавшихъ тогда фабричныхъ стачекъ, а также и отвѣтъ «Союза» на привѣтственное обращеніе къ нему со стороны партіи «Земли и Воли», написанное Д. Клеменцемъ и напечатанное въ № 3 «Земли и Воли». Авторъ статьи-привѣтствія писалъ:

«Сдѣлается ли «Сѣверный Союзъ», какъ надѣются его основатели, «великимъ союзомъ», который сплотитъ воедино всѣ соціально-революціонные элементы на Руси, или же онъ ограничится болѣе скромной ролью мѣстной группы, очагомъ революціоннаго движенія петербургскихъ рабочихъ и тяготящихся къ нему окрестностей,—во всякомъ случаѣ мы привѣтствуемъ этотъ первый опытъ самостоятельной организаціи русскихъ рабочихъ, гласно выступившихъ на борьбу съ эксплуататорами.

«Теперь мы можемъ уже сказать, что великая истина: «освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ» — отнынѣ становится для русскаго рабочаго не только теоретическимъ положеніемъ, но и лозунгомъ его практической революціонной дѣятельности.

«Движеніе петербургскихъ рабочихъ, выразившееся въ послѣднее время весьма недвусмысленно въ многочисленныхъ стачкахъ, общее критическое положеніе дѣлъ въ нашемъ отечествѣ — все это заставляетъ насъ сказать нашимъ дорогимъ товарищамъ, основателямъ и членамъ «Сѣвернаго Союза»: — вы выступаете теперь на политическое поприще, какъ нельзя болѣе своевременно, какъ нельзя болѣе кстати.

«Недалекъ тотъ моментъ, когда русскому трудящемуся классу придется не только предъявлять свои права, но и коллективно ихъ отстаивать среди открытой политической и экономической борьбы.

«Признавая всю серьезность совершившагося на нашихъ глазахъ явленія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ считаемъ себя обязанными и высказаться откровенно и серьезно по поводу него.

«За короткій періодъ своего существованія «Сѣверный Союзъ» не далъ намъ еще возможности судить его по дѣламъ его (этого, конечно, наши товарищи не примутъ за упрекъ-имъ),—предъ нами только его программа и планъ организаціи, мы и остановимся на нихъ.

«Въ теоретической части программы «Сѣвернаго Союза» мы не видимъ, къ сожалѣнію, полной послѣдовательно развитой системы воззрѣній, а скорѣе смѣшеніе программы различныхъ соціалистическихъ партій.

«Отрицаніе государства и требованіе коммунальной автономіи зачисляеть нашихъ товарищей въ лагерь социалистовъ-революціонеровъ, каковыми мы и сами желали бы видѣть членовъ «Сѣвернаго Союза,—а послѣдующіе параграфы программы прямо взяты изъ катехизиса нѣмецкихъ соціаль-демократовъ.

«Вопросу о вліяніи политической свободы въ дѣлѣ борьбы эксплуатиремыхъ съ эксплуататорами посвящается слишкомъ много времени и рѣшается онъ въ программѣ слишкомъ категорически въ утвердительномъ смыслѣ, — а положенія революціонной программы о значеніи пропаганды фактами, объ активной борьбѣ, даже не дебатированы.

«О воззрѣніяхъ «Сѣвернаго Союза» на этотъ предметъ можно догадываться только по тому, что онъ включилъ стачки въ число признанныхъ орудій борьбы и пропаганды.

«Статьи программы, касающіяся городскихъ рабочихъ, развиты весьма подробно (по программѣ нѣмецкихъ социаль-демократовъ); говорится и объ отмѣнѣ женскаго и дѣтскаго труда, и о нормальномъ рабочемъ днѣ—аграрные же вопросы оставлены втуне.

«Неизвѣстно, намѣренъ ли «Сѣверный Союзъ» требовать всеобщаго крестьянскаго передѣла земли, или же онъ думаетъ подойти къ этому вопросу путемъ послѣдовательныхъ реформъ, въ родѣ отмѣны выкупныхъ платежей за землю, переразвертки надѣловъ и т. д.

«Впрочемъ, каковы бы ни были недостатки этой программы, никто не можетъ сомнѣваться въ томъ, что она—программа социалистовъ, активныхъ дѣятелей, а не пассивныхъ созерцателей гармоніи будущаго».

«Далѣе авторъ находитъ ошибки «Союза» въ организаціонной части его программы, указываетъ на возможность провала, благодаря недостаточности конспиративности, говорить о недостаткахъ изложенія программы и т. д.

Свою статью авторъ кончаетъ такими словами:

«Обращаясь въ первый разъ къ собратьямъ съ печатнымъ словомъ, «Сѣверному Союзу» не грѣхъ бы помянуть и тѣхъ изъ своихъ предшественниковъ рабочихъ, которые своими страданіями, жизнью и смертію положили первые камни социальнаго-революціоннаго движенія на Руси. Мы говоримъ о Крыловѣ, Малиновскомъ, Петрѣ Алексѣевѣ, Зарубаевѣ и др.

«Кто же будетъ помнить ихъ, когда ихъ не вспомнятъ рабочіе?»

«Сдѣлавъ эти замѣчанія, намъ остается только снова привѣтствовать нашихъ товарищей въ ихъ благомъ начинаніи.

«Товарищи, не смущайтесь ни промахами, ни неудачами, ни опасностями, которыя стоятъ на вашемъ пути! Вы развернули знамя—держите его смѣло и крѣпко, не смущайтесь ничѣмъ, даже клеветой своихъ собратій, которыя уже успѣли высунуть свое жало противъ васъ при самомъ началѣ вашей дѣятельности.

«Вы понимаете, о комъ и о чемъ мы говоримъ.

«Доведете ли вы свое дѣло до конца, или сила злобы раздавитъ васъ на полпути, какъ раздавила вашихъ предшественниковъ—все равно: ваше дѣло, ваши жертвы не пропадутъ. Вамъ обезпечено почетное мѣсто на страницахъ исторіи и благодарная память потомства.

«Намъ нѣтъ надобности напоминать вамъ, что столбцы «Земли и Воли» открыты для вашихъ заявленій и для вашего сотрудничества».

На статью въ № 4 «Земли и Воли» о «Союзѣ» члены его отвѣчали редакціи открытымъ письмомъ, помѣщеннымъ въ № 5 «Земли и Воли». Вотъ главные отрывки изъ него.

«Съ выраженіемъ крайняго сочувствія и одобренія прочли мы ваши краткія, немногословныя, но искреннія и честныя замѣчанія, помѣщенные въ № 4 «Земли и Воли», по поводу нашей программы. Послѣ того, что многимъ изъ насъ пришлось слышать, эти замѣчанія, эта искренность тона, съ какою вы обращаетесь къ намъ, были, признаться, довольно неожиданны. Дѣйствительно, насъ называли выскочками, упрекали въ недомыслии, противорѣчійхъ, упрекали за слогъ, а многіе даже

прямо относились съ недоувѣрiемъ, видя въ нашей программѣ произведе-
нiе интеллигентныхъ рукъ, написанное больше для «острастки», и посему
ничего не выражающее собою (до того еще не доувѣряютъ нашимъ си-
ламъ, до того еще привычка смотрѣть на насъ, какъ на неспособную
скотину, вкоренена во многихъ)..

«Мы сплачиваемся, организуемся, беремъ близкое нашему сердцу
знамя социальнаго переворота и вступаемъ на путь борьбы. Но мы зна-
емъ также, что политическая свобода можетъ гарантировать насъ и нашу
организацию отъ произвола властей, дозволить намъ правильнѣе развить
свое мировоззрѣнiе и успѣшнѣе вести дѣло пропаганды, — и вотъ мы,
ради сбереженiя своихъ силъ и скорѣйшаго успѣха, требуемъ этой сво-
боды, требуемъ отмѣны разныхъ стѣснительныхъ «положенiй» и «уло-
женiй». Такое требованiе тѣмъ болѣе удобовыполнимо, что оно по вкусу
говорунамъ—этими дѣятелямъ будущей всероссiйской говорилки, слѣдо-
вательно, на осуществленiе его рассчитывать не такъ трудно. Да не по-
думаютъ, чтобы и въ самомъ дѣлѣ политическая свобода входила въ
наши особенные планы и расчеты и для нея мы отводили столь же по-
четное мѣсто, какъ и для основнаго нашего требованiя. Нѣтъ, мы только
говоримъ что такъ было бы лучше, что эта свобода все-таки очень важное
условіе для скорѣйшаго переворота и болѣе или менѣе осмысленнаго
рѣшенiя социальнаго вопроса; а осмысленность въ движенiи, какъ и сами
знаете, есть, въ свою очередь, опять весьма важное условіе для желан-
наго исхода революціи. Этими мы вовсе не хотимъ сказать, что ради
осмысленности социальнаго революціи мы желали бы ее оттянуть на без-
конечно-длинное время. Во все нѣтъ, мы только говоримъ, что нужно
пользоваться всѣмъ, что можно достать, нужно обращать вниманiе на
все, что окажетъ услугу въ нашемъ дѣлѣ.

«Гораздо важнѣе для насъ ваши замѣчанiя относительно нашихъ не-
достатковъ и пробѣловъ по аграрному вопросу. Дѣйствительно, мы уже
черезчуръ увлеклись разсмотрѣнiемъ своего городского положенiя, через-
чуръ пропитались духомъ различныхъ программъ Запада, и вотъ оказа-
лось, что для нашей деревни въ своей программѣ мы отвели очень не-
много мѣста. Но да извиняютъ насъ за этотъ промахъ, тѣмъ болѣе, что
забывать деревню не есть дѣло нашего ума и чувства. Для насъ столько
же дорогъ мужичекъ съ его родными лѣсами, какъ и фабричныя, а улучше-
нiе быта перваго даже важнѣе, потому что тогда ни одинъ кулакъ не
вызвалъ бы насъ съ своихъ полей служить своему ненасытному брюху...

«Увеличенiе надѣловъ сообразно потребностямъ семьи, насчетъ неза-
нятыхъ и помѣщичьихъ земель, узаконенiе только тѣхъ повинностей,
которыя прямо идутъ на удовлетворенiе нуждъ и потребностей крестьян-
ской общины и на устройство школъ и сельскохозяйственныхъ учи-
лищъ, — вотъ что въ общихъ чертахъ можемъ добавить къ своей про-
граммѣ и выставить съ своей стороны необходимыми требованiями...

«При слабости еще организациі, при недостаткѣ энергичныхъ боевыхъ
силъ, наша дѣятельность въ массѣ будетъ носить на себѣ характеръ
пропаганды и мирной агитаціи въ средѣ рабочаго и крестьянскаго люда.
Но этими мы вовсе не хотимъ сказать, что болѣе или менѣе открытая
борьба, какъ активное участiе и агитація во время стачекъ, исключается
пока изъ нашей программы дѣйствiй. Напротивъ, мы должны пользо-
ваться всѣми удобными моментами, всѣми случаями, гдѣ бы могли
открыто заявить свою силу, какъ единичную, такъ и массовую. Если вы
понимаете насъ и если сознаете всю важность правильной постановки и
рѣшенiя вопросовъ въ дѣлѣ нашей организациі, то и не будете слиш-
комъ требовательны къ намъ, какъ, повидимому, желалось бы многимъ».

Состоя въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ тогдашнимъ столичнымъ рабочимъ сословіемъ, «Союзъ», однако, не можетъ считаться вдохновителемъ и организаторомъ всѣхъ протекавшихъ въ тѣ дни въ Петербургѣ стачекъ, въ коихъ, однако, революціонеры принимали горячее участіе, какъ, напримѣръ Гобстъ, повѣщенный въ 1879 г., Александръ Михайловъ, Осинскій, Плехановъ, П. Поповъ и многіе другіе.

Кромѣ мѣстнаго значенія въ Петербургѣ, «Союзъ» находился въ сношеніяхъ и съ другими рабочими центрами Россіи, какъ, напримѣръ, съ фабрично-заводскимъ райономъ царства Польскаго.

Заключая свое повѣствованіе о Сѣверномъ Союзѣ рабочихъ, г. Бурцевъ говоритъ:

«Дѣятельность «Союза» съ весны 1879 г. намъ почти совершенно неизвѣстна. Мы знаемъ, что Халтуринъ и послѣ ареста Обнорскаго упорно заняты были организаціей рабочихъ и созданіемъ типографіи для органа, но неудачи его преслѣдовали. Въ концѣ концовъ онъ пришелъ къ заключенію, что обширныя и вліятельныя рабочія организаціи были невозможны при тогдашнихъ политическихъ условіяхъ, и потому на первый планъ поставили борьбу за политическую свободу, борьбу противъ самодержавія и непосредственно противъ Александра II. Когда ему удалось, какъ хорошему слесарю, получить работу въ Зимнемъ дворцѣ, онъ предложилъ исполнительному комитету партіи Народной Воли собственный планъ новаго террористическаго акта,—и нѣсколько мѣсяцевъ посвятилъ на выполненіе этой задачи.

«Какъ шли дѣла «Союза», когда Халтуринъ работалъ надъ приготовленіемъ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ, мы не знаемъ. Кажется, своихъ связей съ своими друзьями-рабочими онъ не прекращалъ и въ этотъ народовольческій періодъ своей дѣятельности, и во время пребыванія во дворцѣ,—подъ его руководствомъ продолжалась пропаганда и организація петербургскихъ рабочихъ и подготавлился рабочій органъ. Въ февралѣ 1880 г., чрезъ нѣсколько дней послѣ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ, друзьямъ Халтурина,—не знаю, выступали ли они тогда, какъ члены «Союза»,—удалось выпустить 1-й и единственный номеръ своего журнала «Заря Рабочаго». Этотъ номеръ и набирался, и печатался, и составлялся, и редактировался самими рабочими. Типографія «Зари Рабочаго» вмѣстѣ съ очень многими рабочими была взята въ концѣ февраля 1880 г., вскорѣ послѣ отпечатанія № 1-го,—полиціи удалось захватить почти цѣликомъ все изданіе, и спасено было очень небольшое число его экземпляровъ.

«Сѣверный Союзъ русскихъ рабочихъ» болѣе не возобновлялся. Какъ нѣчто апалогичное ему, въ 1880 г. на югѣ возникъ «Южно-русскій рабочій союзъ» по инициативѣ Е. Н. Ковальскаго и Щедрина. На сѣверѣ дѣло пропаганды среди рабочихъ переходитъ въ руки народовольцевъ. Они еще въ 1880 г. соорганизовали рабочіе

кружки въ Петербургѣ и въ провинціи. Въ концѣ 1880 г., главнымъ образомъ при участіи Желябова и Коковского (ум. въ 1881 г.), была выработана программа рабочихъ членовъ Партіи «Народной Воли» и начала выходить «Рабочая Газета»...

Соціально-демократическія организаціи, возникшія съ конца 80-хъ годовъ, а потомъ организаціи социалистовъ-революціонеровъ въ половинѣ 90-хъ годовъ нашли въ рабочей средѣ готовую почву, вспаханную ихъ предшественниками. Они взяли въ свои руки дѣло пропаганды и агитаціи среди рабочихъ, начатое въ 60-хъ и 70-хъ годахъ и продолженное въ началѣ 80-хъ годовъ партіей «Народной Воли».

ХІІІ.

Въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ стояла партія «Земли и Воли» къ тогдашней жизни въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, стараясь по всякому поводу вызвать въ этой жизни вспышки неудовольствій, протестовъ, сходки и манифестаціи. Надо отмѣтить, что связь революціоннаго кружка со студенчествомъ была настолько тѣсною, что обоюдныя силы какъ бы переливались изъ одного конца въ другой и въ этомъ отношеніи на первомъ планѣ выступали къ концу 70-хъ годовъ медико-хирургическая академія и технологическій институтъ, гдѣ революціонная агитаціи находила себѣ къ тому времени наиболѣе удобную почву. О нѣкоторыхъ эпизодахъ тогдашняго участія партіи «Земли и Воли» въ жизни учащихся сообщаетъ г. Аптекманъ-Земледелецъ. Вотъ что онъ повѣствуетъ по сему предмету: «Земледольцамъ хорошо было извѣстно возбужденное состояніе молодежи и они рѣшили еще на Большомъ своемъ совѣтѣ для агитаціонныхъ цѣлей воспользоваться этимъ. Въ адресѣ, составленномъ на имя графа Палена, указывалось именно на вопіющія злоупотребленія и насилія, противъ которыхъ готовы были протестовать всѣ хорошіе люди. Указывалось на непрерывно производимые обыски, аресты, высылки, на ничѣмъ не мотивированное продолжительное предварительное заключеніе, на пристрастіе суда, на систему *oubliitt'okъ*, которую начало практиковать правительство, и на прочія возмутительныя репрессаліи, тяготѣвшія надъ обществомъ. Адресъ былъ напечатанъ въ «Вольной типографіи» и пущенъ въ общество и въ среду молодежи. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, какъ была рѣшена на Большомъ совѣтѣ «волковская демонстрація», въ медико-хирургической академіи случилось маленькое событіе, вызвавшее въ ея стѣнахъ манифестацію со стороны студентовъ противъ академическаго начальства. Манифестація это была вызвана слѣдующимъ обстоятельствомъ. Ожидали въ то время пріѣзда Александра ІІ изъ мѣста военныхъ дѣйствій. По этому поводу городъ рѣшилъ устроить торжественную встрѣчу, на которой должны

были присутствовать представители города, земства, ученых корпорацій и всѣхъ учебныхъ заведеній. Академическое начальство позволило себѣ при этомъ случаѣ весьма неблаговидные приемы. Оно хорошо знало настроеніе всего студенчества, а потому оно рѣшило поступить по собственному усмотрѣнію. Пригласило къ себѣ нѣсколько студентовъ, завѣдомо извѣстныхъ ему за благонадежныхъ, и предложило имъ отправиться въ качествѣ депутатовъ, причѣмъ очень прозрачно посулило имъ денежное вознагражденіе. Это стало извѣстно въ тотъ же день и, конечно, вызвало взрывъ негодованья. Находившійся въ то время въ библиотекѣ академіи землевольецъ рѣшилъ этимъ воспользоваться. При помощи нѣсколькихъ горячихъ голосовъ созвана на скорую руку сходка въ библиотеку, и было рѣшено немедленно вызвать начальника академіи Быкова для объясненій. Сказано—сдѣлано. Нѣсколько человекъ отправились за нимъ и почти насильно привели его въ библиотеку. Быковъ былъ сконфуженъ этой совершенно неожиданной и необычной (это было поздно вечеромъ) сходкой; но особенно обнаруженіемъ его продѣлки. Студенты рѣзко, почти грубо нападали на него, обличая его неблаговидный поступокъ Быковъ защищался, но очень слабо. Студенты потребовали, чтобы самозванные депутаты лишены были ихъ полномочій, причѣмъ заявили, что никакихъ депутатовъ они по этому случаю посылать не намѣрены. Насколько мнѣ помнится, такъ дѣйствительно и было: «на торжественной встрѣчѣ» депутатовъ отъ академическаго студенчества не было. Одновременно почти съ этимъ случилось другое событіе, окончателно возбудившее молодежь. Въ клиникѣ умеръ Жилинскій, три года содержавшійся въ тюрьмѣ. Молодежь рѣшила устроить изъ его похоронъ демонстрацію, полиція выкрала на разсвѣтѣ трупъ Жилинскаго. Раздраженная толпа студенчества отправилась въ академическую библиотеку. Землевольцы рѣшили ковать желѣзо, пока горячо. Пущены были въ обращеніе листки уже отпечатаннаго адреса, и предложено было отправиться съ этимъ адресомъ къ Палену. Предложеніе было принято сочувственно, но такъ какъ присутствующихъ было всего около 200 человекъ, то было рѣшено предварительно вступить въ переговоры со всѣми высшими учебными заведеніями и привлечь ихъ къ демонстраціи. Въ послѣдующіе за этимъ дни происходили во всѣхъ почти учебныхъ заведеніяхъ многочисленныя и бурныя сходки. Наконецъ въ назначенный для демонстраціи день въ библиотекѣ медико-хирургической академіи собралось до 80 человекъ. Землевольцы выступили въ защиту своего предложенія, и дѣло, навѣрное бы, выгорѣло, если бы тутъ не вмѣшались марксисты ¹⁾, которые ставили въ вину землевольцамъ, что они, называя себя на-

¹⁾ Тогдашніе марксисты являлись сторонниками теоріи Лаврова и были противниками элемента политической борьбы.

родниками, устраиваютъ протестъ политическаго характера. Землевольцы оправдывались тѣмъ, что протестъ не столько политическій, сколько гуманитарный, къ которому должна примкнуть всякая сознающая свое достоинство личность. Завязался горячій споръ. Каждая сторона приводила историческія доказательства въ пользу своихъ мнѣній. А время уходило. Наконецъ землевольцы спохватились и, воспользовавшись небольшою передышкой, поставили нѣсколько вопросовъ на голосованіе: 1) Слѣдуетъ ли вообще протестовать? 2) Если же слѣдуетъ, то въ какой формѣ и когда? Большинство высказалось опять въ пользу предложенія землевольцевъ. Къ сожалѣнію, наступилъ вечеръ, и потому рѣшено устроить демонстрацію на слѣдующій день. Но на другой день толпа собралась столь малочисленная, что демонстрація теряла всякій смыслъ. Впрочемъ, землевольцы очень мало потеряли отъ этой неудачи, отчасти они даже достигли своей цѣли: имъ удалось за это время привлечь на свою сторону значительное число лицъ изъ молодежи и такимъ образомъ надолго удержать за собою почву въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ».

Такъ систематически, пользуясь каждымъ подходящимъ случаемъ, землевольцы вливали въ студенческую среду элементъ политики и стремились придать политическую окраску всѣмъ движеніямъ въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, возникавшимъ по тѣмъ или инымъ причинамъ. А волненіями были тогда охвачены почти всѣ наши высшія учебныя заведенія, какъ столичныя, такъ и провинціальныя, причемъ волненія эти бравшія свои источники часто изъ чисто домашнихъ обстоятельствъ академической жизни, подъ искусной агитаціонной рукой революціонеровъ обращались въ маленькіе политическіе пожары, каждый разъ выбрасывавшіе въ революціонную среду немало жертвъ. Учебныя заведенія были какъ бы систематически обложены революціонерами осадными машинами, которыя и наносили имъ, какъ мирнымъ разсадникамъ просвѣщенія, постоянныя брешы, откуда и вываливались въ замутившуюся политическую общественность многіе и многіе даровитые представители учащейся среды, послѣ чего ихъ связь съ наукою и мирною просвѣтительною дѣятельностью оказывалась навсегда порванной. Можно сказать, что именно въ описываемый періодъ союзъ революціи съ учащейся средою былъ наиболѣе прочно и формально закрѣпленъ, и всѣ волненія, сказавшіяся въ харьковскомъ, московскомъ, кievскомъ университетахъ, пошли исключительно на цѣли революціонныя. Домашнія обстоятельства и разныя требованія, выставляемыя студентами, академическаго порядка были только видимостью, за кулисами которой работали искусныя агитаціонныя руки изъ землевольческаго лагеря.

Такимъ образомъ партія «Земли и Воли», установивъ тѣсныя сношенія съ рабочей и учащейся средою, послѣдовательно

и умѣло на глазахъ правительства раскидывала свою сѣть политическаго уловленія и обращалась въ дѣйствительно грозную силу, крѣпкую качественно и количественно, цементированную единствомъ политическаго импульса, фанатизированную задачею борьбы, во имя которой не останавливались передъ жертвами. Такое ея состояніе и положеніе давало ей, при наличіи общихъ условій отечественной жизни, о коихъ было уже достаточно говорено и передъ лицомъ той исключительно полицейско-бюрократической программы дѣйствій правительства, которую мы очертили въ предыдущей части, — властное положеніе въ обществѣ съ характеромъ своего рода второго «подпольнаго» правительства, могущаго при удачномъ стеченіи обстоятельствъ оказать на существующее законное правительство значительное давленіе въ духѣ уступокъ либеральнымъ программамъ 60-хъ годовъ. Борьба развѣтывалась широкая, гдѣ на одной сторонѣ стояла грозная сила репрессій, во имя существующаго порядка вещей, какъ таковой установился къ второй половинѣ 70-хъ годовъ, безъ всякихъ уступокъ желаніямъ общественности, а на другой — смѣлый порывъ къ натиску съ смутнымъ эпилогомъ въ будущей исторической перспективѣ, но сильный и для многихъ симпатичный своею дерзновенностью и критикою того, что всѣми признавалось какъ отсталое и не соответствующее новымъ запросамъ исторической жизни и нуждамъ страны и народа. Изъ такого положенія дѣль мы наблюдаемъ, что послѣ нѣкотораго перерыва, обнимающаго собою почти цѣлое десятилѣтіе, и представители передовой журналистики уже не пассивно, какъ это имѣло мѣсто въ это десятилѣтіе, а активно протягиваютъ руку молодымъ силамъ революціи и такъ или иначе пытаются поддержать ихъ, одни перомъ и своими легальными и нелегальными произведеніями, а другіе и явнымъ участіемъ въ нѣкоторыхъ предпріятіяхъ революціоннаго порядка. П. Л. Лавровъ былъ послѣднимъ виднымъ представителемъ литературы 60-хъ годовъ, который оказался подъ ударами репрессіи этого десятилѣтія. Послѣ того наступаетъ какъ бы нѣкоторый перерывъ въ активной связи литературы съ оппозиціей. Вторая половина 70-хъ годовъ восстанавливаетъ эту связь, и въ лицѣ Н. К. Михайловскаго Г. Ив. Успенскаго, С. Н. Кривенка мы видимъ видныхъ и талантливыхъ писателей, которые цѣликомъ становятся на сторону революціоннаго движенія этого десятилѣтія.

Мы уже говорили о духовномъ единеніи Н. К. Михайловскаго съ народничествомъ 70-хъ годовъ въ періодъ его проповѣди «мирной пропаганды»¹⁾. Н. С. Русановъ въ статьѣ «Политика Н. К. Михайловскаго», напечатанной сначала въ «Быломъ»²⁾, а потомъ вошедшей въ его книгу «Соціалисты Запада и Россіи», говорить о близости

1) «Истор. Вѣстн.» 1909 г., октябрь.

2) «Былое» 1907 г., июль.

публициста «Отечественныхъ Записокъ» къ тогдашнему революціонному движенію такъ: «... Михайловскій почти въ эту же эпоху или нѣсколько позже обращался къ обществу съ нелегальнымъ «Летучимъ Листкомъ», помѣченнымъ апрѣлемъ 1878 года, въ которомъ говорились вещи, можетъ быть, ближе всего, — наканунѣ возникновенія народовольческаго направленія, — подходившія къ тому, что пропагандировалось Ткачевымъ, хотя въ обратномъ порядкѣ. Дѣйствительно, Михайловскій въ упомянутомъ «Листкѣ», составлявшемъ... приложеніе къ тогдашней подпольной газетѣ «Начало», громко ставилъ правительству требованіе «конституціи, земскаго собора» и развивалъ эту мысль слѣдующимъ энергичнымъ образомъ: «Общественныя дѣла должны быть переданы въ общественныя руки. Если этого не будетъ достигнуто въ формахъ представительнаго правленія съ выборными отъ русской земли, въ странѣ долженъ возникнуть тайный комитетъ общественной безопасности». Это предвосхищеніе исполнительнаго комитета находитъ свою аналогію, — въ обратной, какъ я уже сказалъ, послѣдовательности, — въ программѣ «Набата»: тамъ «ближайшая цѣль революціи» представлялась въ видѣ «захвата политической власти, созданія революціоннаго государства». А затѣмъ это «революціонное государство» должно уже развивать свою «конституціонную дѣятельность»: «чтобы дать жизненную силу своимъ реформамъ, оно должно окружить себя органами народнаго представительства, «народной думы» и санкціонировать ихъ волею свою реформаторскую дѣятельность».

«Во всякомъ случаѣ и само «Начало» и «Летучій Листокъ» не приходились еще ко двору наиболѣе распространенному тогда направленію землевольчества. И прокламація Михайловскаго имѣла мало успѣха. Многіе, даже изъ довольно близко стоявшихъ тогда къ революціоннымъ «центрамъ», не подозрѣвали, кому она принадлежитъ. И лишь позже было узнано, что она была писана тѣмъ самымъ перомъ, которое страшно привлекало къ себѣ на рубежѣ 70-хъ и 80-хъ годовъ вниманіе враждующихъ революціонныхъ фракцій, плѣня всѣхъ ихъ по очереди однѣми мыслями и отталкивая и разочаровывая всѣхъ ихъ по очереди же другими. Во второй половинѣ 1878 года, когда я познакомился съ Михайловскимъ у С. Н. Кривенка, онъ былъ уже несомнѣннымъ «политикомъ», какъ былъ «политикомъ» или, по крайней мѣрѣ, быстро становился имъ и самъ хозяинъ, находившійся тогда подъ сильнымъ вліяніемъ Николая Константиновича. Но, конечно, о народовольствѣ съ его политической программой не было еще и рѣчи: то было скорѣе настроеніе, чѣмъ опредѣленное политическое міровоззрѣніе. Михайловскій шелъ въ этомъ направленіи, отчасти натолкнутый на такія мысли чтеніемъ Дюринга, котораго въ эту эпоху онъ усиленно изучалъ и которымъ очень увлекался. Происхожденіе «справедливости» изъ чувства нормальной «мести», мечь за боль, за оскорбленіе, за по-

праніе чловѣческаго достоинства было, если не ошибаюсь, тѣмъ пунктомъ ученія Дюринга, который всего болѣе интересовалъ Михайловскаго. Терроризмъ землевольцевъ находилъ, съ этой точки зрѣнія, эффектное философское обоснованіе. А возникшее рѣзко политическое настроеніе увлекало Михайловскаго все дальше по пути, освѣщаемому взглядами Дюринга насчетъ господствующей роли «политики» и «насилія» въ чловѣческой исторіи: какъ теорія, народовольчество возникло у насъ въ значительной степени «подъ знакомъ» дюрингизма...»

Нѣсколько спустя, когда авторъ вступилъ на литературное поприще и принялъ участіе въ «Новостяхъ» и «Недѣлѣ», онъ сталъ чаще встрѣчаться у Кривенка съ Михайловскимъ. Здѣсь, по его словамъ, «съ нимъ (Михайловскимъ) встрѣчались уже сложившіеся тогда въ партію народовольцы, изъ которыхъ обыкновенно тамъ бывали: очень распространенный въ литературныхъ сферахъ Николай Александровичъ (псевдонимъ и понынѣ здравствующаго лица) и А. П. Корба. Самъ же Михайловскій перѣдко заѣзживалъ въ извѣстную всѣмъ тогда библіотеку на Невскомъ, устроенную для книгъ политическимъ, сидѣвшимъ по тюрьмамъ, и временно находившуюся въ завѣдываніи А. И. Эртеля. Сюда приходили на свиданіе съ Михайловскимъ самые крупные и сильно законспирированные члены партіи «Народной Воли», которымъ было неудобно видѣться съ нимъ на частныхъ квартирахъ. Н. К. Михайловскій наконецъ-то обрѣлъ партію взрослыхъ и дѣйствительно изъ ряду вонъ выходящихъ политическихъ дѣятелей... Съ народовольцами Михайловскій сошелся ближе, чѣмъ съ какой-либо изъ предшествующихъ революціонныхъ партій. По отношенію къ «Народной Волѣ» онъ не испытывалъ ни въ общемъ, ни въ крупныхъ частностяхъ того отсутствія настоящей солидарности, которая мѣшала ему раньше принимать ближе къ сердцу интересы той или другой фракціи. Съ другой стороны, и народовольцы могли быть удовлетворены вполнѣ статьями Михайловскаго изъ того періода. Ибо знаменитый публицистъ со свойственнымъ ему блескомъ и оригинальностью развивалъ то тотъ, то другой пунктъ новаго міросозерцанія въ легальной прессѣ, въ жадно читавшихся тогда «Отечественныхъ Запискахъ» и въ то же время печаталъ въ «Народной Волѣ» письма, подписанныя Гроньяромъ, и безыменные статьи, производившія сенсацію не только въ революціонныхъ, но и въ либеральныхъ кругахъ и заставлявшія читателей задаваться вопросомъ, кто же былъ ихъ авторъ; наконецъ, дѣятельно участвовалъ въ составленіи историческаго письма исполнительнаго комитета Александрѣ III».

Таково было отношеніе Н. К. Михайловскаго къ революціоннымъ кружкамъ, отношеніе, проникнутое интимной близостью, со времени образованія партіи «Народной Воли», но и до того отмѣченное сочувствіемъ къ тому движенію, которое выливалось въ организацію общества «Земли и Воли».

XIV.

С. Н. Кривенко, впоследствии довольно популярный в литературных кружках народник, в 70-х годах не представлял собою той авторитетной силы, каковыми были Михайловский и Успенский, и о его роли в землевольческом движении мы вплоть до его ареста и ссылки уже в 80-х годах мало имеем сведений, кроме тех, которые приведены выше г. Н. Русановым (Рускин). Иначе стоит дело с Гл. Успенским, об участии которого в революционном движении дает воспоминание А. И. Иванчинъ-Писаревъ на страницах «Былого» ¹⁾.

Отметив, что Глѣбъ Ивановичъ в 80-х годах «былъ знакомъ, отчасти даже друженъ со многими видными членами партии «Народной Воли»—Юриемъ Богдановичемъ, Желябовымъ, Кибальчичемъ, А. П. Корба, Лангансомъ, Перовской, Саблинымъ, Львомъ Тихомировымъ и др.», выдѣливъ поклонение нашего народника-беллетриста передъ известной революционеркой В. Фигнеръ, авторъ передаетъ нѣкоторые любопытные эпизоды изъ близости Успенскаго къ революционному движению, какъ семидесятыхъ годовъ, такъ и слѣдующаго десятилѣтія. «Въ Парижѣ въ 1875 году Гл. Ив. живо интересовался всѣми вопросами, находившими отраженіе, съ одной стороны, въ газетѣ «Впередъ» Лаврова, съ ея проповѣдью «чистой пропаганды», и съ другой—въ органахъ боевого направленія, гдѣ рекомендовался путь «пропаганды дѣйствій». Во «Впередъ» онъ напечаталъ фельетонъ «Шило въ мѣшкѣ не утаишь», воспроизведенный съ нѣкоторыми сокращеніями въ апрѣльской книжкѣ журнала «Современность» за 1906 годъ. Выступленіе въ революционномъ органѣ, несомнѣнно, доставило Гл. Ив. удовольствіе, какъ первая попытка писать не «для лавочки», потому что, когда вскорѣ появилась въ газетѣ замѣтка присяжнаго повѣреннаго А. А. Ольхина о русскихъ судахъ, онъ послалъ ему вырѣзку этой статьи вмѣстѣ съ своимъ фельетономъ... и поощрялъ его на дальнѣйшее сотрудничество. Въ письмѣ была, между прочимъ, фраза: «присылайте намъ еще», позволяющее допустить, что въ этотъ моментъ Гл. Ив. считалъ газету даже своимъ дѣломъ. Эта неосторожная фраза оказалась чреватой послѣдствіями. Письмо къ А. А. Ольхину попало въ руки полиціи, и на Успенскаго было обращено вниманіе...» «Сношенія съ революціонерами не проходили для Успенскаго безслѣдно и были случаи, что онъ самъ принималъ активное участіе въ кое-какихъ изъ практическихъ начинанійхъ и, хотя никакихъ серьезныхъ каръ не терпѣлъ, но два раза привле-

¹⁾ «Былое» 1907 г., октябрь. «Глѣбъ Успенскій и революціонеры 70-хъ годовъ». А. И. Иванчина-Писарева.

Глѣбъ Ивановичъ Успенскій.

кался къ дознаніямъ. По своимъ симпатіямъ онъ стоялъ ближе къ представителямъ «пропаганды дѣйствіемъ», нежели къ «лавристамъ». и свое отрицательное отношеніе къ руководителямъ «Впередъ» выразилъ въ разсказѣ «Неизлечимый». Этотъ разсказъ произвелъ свое дѣйствіе на Петра Лавровича, и послѣдній, по ознакомленіи съ нимъ, сказалъ:

— Да, этотъ разсказъ Успенскаго—лучшее доказательство, что мои писанія не удовлетворяютъ. Я знаю Глѣба Ивановича. Онъ—фотографическая пластинка, схватывающая лишь то, что имъ хорошо продумано. Онъ никогда не позволилъ бы себѣ ставить меня на одну доску съ болтуномъ Португаловымъ, если бы репутація въ глазахъ молодежи не пошатнулась.

Вскорѣ за симъ Лавровъ, признавая добросовѣстно, что онъ остался отъ революціоннаго вѣка и что событія революціоннаго порядка обогнали движеніе его философской мысли, сложилъ съ себя званіе редактора «Впередъ», оставшись только его простымъ сотрудникомъ. Г. Иванчинъ-Писаревъ передаетъ и веселые эпизоды изъ революціонной практики Успенскаго, не игравшіе собственно въ развитіи движенія какой-либо роли, но только характерно обрисовывающіе обликъ талантливаго писателя и позволяющіе зачислить его въ число несомнѣнныхъ участниковъ движенія 70-хъ годовъ, помогавшихъ этому движенію и перомъ и дѣломъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что революціонеры, объединившіеся подъ стягомъ общества «Земля и Воли», успѣли значительно упрочить свои связи въ разныхъ полезныхъ имъ кругахъ отечественной общественности, найти себѣ здѣсь преданныхъ друзей, принявшихъ въ главныхъ чертахъ программу общества и способствовавшихъ ея упроченію и признанію, какъ силы реально существующей, дѣйствующей и имѣющей жизненное значеніе въ историческомъ развитіи судебъ Россіи. И такое признаніе было для молодого общества чрезвычайно важно, ибо давало ему власть надъ всѣми прочими, еще разрозненными революціонными кружками и единицами, не успѣвшими или почему-либо не пожелавшими влиться въ оформившуюся организацію. Дабы признать это оформленіе фактомъ непреложнымъ, имѣющимъ право доминированія надъ остальными теченіями отечественной жизни, общество «Земли и Воли» отъ имени его «исполнительнаго комитета», который не слѣдуетъ смѣшивать съ послѣдующимъ таковымъ же комитетомъ «Народной Воли», издало въ 1879 г. «объявленіе» съ приложеніемъ къ нему красной печати, въ которомъ *orgi et urbi* говоритъ со всей революціонной арміей, какъ власть имущее и какъ бы требующее себѣ подчиненія, признанія своего главенства и принимающее на себя отвѣтственность за событія отечественной жизни въ ея революціонныхъ проявленіяхъ. Воспроизводимъ этотъ любопытный «актъ», заимствуя его фотографическій снимокъ изъ журнала «Былое» (1906 г., июнь).

О В Ъ Я В Л Е Н І Е

О Т Ъ

Исполнительнаго Комитета Русской Соціально Революціонной партіи

Новый путь, принятый въ последнее время Русской Соціально-Революціонной Партіей и выразившійся въ убійствахъ: барона фонъ-Гейккяга, ростовскаго шпіона Никольова и другихъ аналогичныхъ фактахъ, подалъ поводъ къ появленію значительнаго количества подметныхъ писемъ угрожающаго содержания, какъ должностнымъ, такъ и частнымъ лицамъ, не рѣдко подъ фирмою Исполнительнаго Комитета, отъ имени котораго были совершены вышесказанные факты.

Нравственная отвѣтственность, принятая нами за наши дѣйствія, заставляетъ насъ заявить публикѣ, что авторы этихъ угрожающихъ писемъ не имѣютъ съ Исполнительнымъ Комитетомъ, а часто и съ Революціонной партіей, ничего общаго. Самимъ же этимъ авторамъ считаемъ нужнымъ объяснить: Революционерамъ, — что исходящія отъ нихъ угрозы должны исполняться ими самими и подъ ихъ отвѣтственностью, проходивцамъ, — что мы будемъ преслѣдовать ихъ, какъ своихъ злѣйшихъ враговъ.

Во избѣжаніе же дальнѣйшихъ недоразумѣній, всѣ исходящія отъ насъ заявленія будутъ на бланкахъ Исполнительнаго Комитета и за его печатью.

Объявленіе «Исполнительнаго Комитета»

Въ составъ «исполнительнаго комитета», выпустившаго этотъ своего рода «законодательный циркуляръ», входили Осинскій, казенный въ томъ же 1879 г., Полко, умершій на Карѣ въ 1885 г., Сентянинъ, оказавшій вооруженное сопротивленіе и умершій въ до суда, Ивичевичъ, смертельно раненый при вооруженномъ сопротивленіи, и другіе.

Документъ этотъ, которому партія «Земли и Воли» придавала серьезное значеніе, былъ отпечатанъ въ ея собственной «Вольной типографіи», гдѣ ею печатались и нумера основаннаго въ 1878 г. органа партіи подъ наименованіемъ «Земля и Воля», откуда нами и были приведены ея распубликованныя программы. Всѣхъ номеровъ этого органа вышло 5, съ 1-го ноября 1878 г. по апрѣль 1879 г. Кромѣ этого, вышло 5 №№ «Листка Земли и Воли» съ 12 августа по 8 іюля 1879 г. И газетъ и листовъ издавались въ количествѣ отъ 1500 до 3000 экземпляровъ. Газета имѣла 20 печатныхъ страницъ, гдѣ помѣщались сначала одна или двѣ передовыя статьи, нѣсколько корреспонденцій изъ провинціи, фельетонъ и разныя извѣстія, обнимающія собою хронику революціонной жизни и другія явленія отечественной дѣйствительности, заслуживающія вниманія надъ угломъ революціоннаго зрѣнія. «Листокъ Земли и Воли» имѣлъ четыре страницы и заключалъ въ себѣ прокламаціи «исполнительнаго комитета», хронику арестовъ и одно или два выдающихся извѣстія.

Рѣшивъ вопросъ объ органѣ, землеvolьцы приступили къ пересмотру программы и устава общества. «Программу оставили безъ измѣненія,—повѣствуетъ г. Серебряковъ¹⁾.—Пересмотръ же устава потребовалъ большихъ дебатовъ и преній въ виду того, что измѣненія, вносимыя въ него, клонились къ большей централизаціи и дисциплинѣ въ обществѣ. Необходимость этихъ измѣненій выяснилась слѣдующимъ лѣтомъ, когда многіе провалы и неудачи являлись послѣдствіемъ недостаточности единства въ дѣйствіяхъ и исполнителности въ порученіяхъ. Большинство хотя и признавало эту необходимость, но съ трудомъ соглашалось на дисциплину и централизацію. Вотъ какъ описываетъ обсужденіе этихъ вопросовъ авторъ воспоминаній о Михайловѣ: «По смыслу выработаннаго въ началѣ 1877 г. временнаго устава петербургскаго основнаго кружка, программа общества должна была подвергаться, если не ошибаюсь, ежегодному пересмотру съ цѣлью измѣненія или расширенія ея, сообразно съ указаніями опыта. Но такъ какъ весною 1878 года у насъ не было еще ни малѣйшаго сомнѣнія въ практичности нашей программы, то оставалось только ввести въ нее нѣсколько дополнительныхъ пунктовъ о дѣятельности въ народѣ. Не такъ скоро покончили мы съ уставомъ. Михайловъ требовалъ радикальнаго

¹⁾ «Очеркъ по исторіи «Земли и Воли».

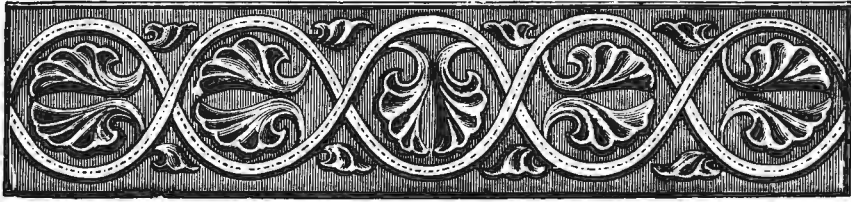
измѣненія устава въ смыслѣ большей централизаціи революціонныхъ силъ и большей зависимости мѣстныхъ группъ отъ центра. Послѣ многихъ споровъ почти все его предложенія были приняты, и ему поручено было написать проектъ новаго устава. При обсужденіи приготовленнаго имъ проекта немалую оппозицію встрѣтилъ параграфъ, по которому членъ основаннаго кружка обязывался исполнить всякое распоряженіе большинства своихъ товарищей, хотя бы оно и не вполне соответствовало его личнымъ воззрѣніямъ. Михайловъ не могъ даже понять точки зрѣнія своихъ оппонентовъ... Въ концѣ концовъ былъ принятъ и этотъ параграфъ, съ тѣмъ, однако, добавленіемъ, что организація должна, по возможности, принимать въ соображеніе личныя знакомства ея членовъ». Во время этихъ же собраній была сдѣлана Валеріаномъ Осинскимъ попытка внести политическій элементъ въ программу общества. Это было встрѣчено рѣзкими протестами. Вотъ какъ описываетъ обсужденіе этого предложенія участникъ съѣзда (Аптекманъ): «предложеніе, вызвавшее цѣлую бурю на собраніи, было внесено В. Осинскимъ. Оно касалось введенія политическаго элемента вообще въ нашу программу и усиленія дезорганизаторской дѣятельности въ частности. «Деревенщики» рѣзко протестовали противъ этого предложенія; ссылались на уставъ, въ которомъ точно обозначены границы дезорганизаторской дѣятельности; предостерегали отъ излишняго увлеченія этимъ скользкимъ и опаснымъ путемъ, который можетъ сдѣлаться источникомъ весьма серьезныхъ замѣшательствъ. Пренія по этому поводу были продолжительны и очень горячи. Но деревенщина еще была тогда въ силѣ. Преобладающее настроеніе общества было строго-народническое. И предложеніе Валеріана было отвергнуто громаднымъ большинствомъ».

Итакъ, еще въ 1879 г. «деревенщики» оставались при своихъ аграрныхъ иллюзіяхъ. Послѣдующія событія разбили эти иллюзіи, и общество «Земли и Воли» всемъ ходомъ дальнѣйшихъ революціонныхъ событій вынуждено было стать на тотъ путь, который ему указывалъ Осинскій. Дезорганизаторская группа брала верхъ надъ деревенщиками, и идея «поселеній» отступила передъ идеей террора.

Б. Глинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ОДИНЪ ИЗЪ БОЛЬНЫХЪ ВОПРОСОВЪ.

I.

НДЕЯ о необходимости государственнаго призрѣнія увѣчныхъ и больныхъ воиновъ и ихъ семействъ получила признаніе еще въ глубокой древности у наиболѣе культурныхъ народовъ съ высоко развитою гражданственностью, каковы греки и римляне.

У грековъ, особенно у аѳинянъ, инвалиды окружались большимъ почетомъ и пользовались всеобщимъ уваженіемъ. Способнымъ къ труду предоставлялись мѣста на общественной службѣ, соотвѣтствовавшія ихъ уменьшенной трудоспособности, напримѣръ, мѣста хранителей общественныхъ зданій, сторожей при храмахъ, необременительныя должности при магистратахъ и т. п.

Неспособные къ труду инвалиды и ихъ семейства щедро содержались на счетъ государства; на народныхъ играхъ и въ театрѣ имъ отводились почетныя мѣста. Почетъ, окружавшій ветерановъ, распространялся и на ихъ дѣтей; такъ, сыновья ветерановъ по достиженіи совершеннолѣтія публично одарялись почетнымъ оружіемъ и бронею.

Въ Римѣ ветераны и увѣчные получали въ собственность земли изъ числа отобранныхъ у покоренныхъ народовъ; этимъ путемъ достигалась двойная цѣль: ветераны получали вознагражденіе за понесенные труды и лишенія и за доблесть, приведшую къ побѣдѣ надъ врагомъ, а завоеванныя земли прочнѣе укрѣплялись за государствомъ. Помимо вознагражденія землями, ветераны получали

двойную или тройную долю военной добычи и содержаніе, достигавшее въ правленіе императоровъ пятисотъ рублей на наши деньги.

Въ средніе вѣка въ феодальныхъ государствахъ потерявшіе возможность продолжать службу въ войскахъ ратники оказывались въ безвыходной нищетѣ; лишь въ рѣдкихъ случаяхъ они получали скудное содержаніе отъ своихъ властелиновъ или монастырей. Напримѣръ, во Франціи при Филиппѣ-Августѣ и его преемникахъ практиковалось размѣщеніе инвалидовъ по одному или нѣсколько человекъ по монастырямъ, гдѣ они отправляли должности церковныхъ служителей.

Безучастнее отношеніе феодальныхъ государей къ безпомощнымъ инвалидамъ находить объясненіе въ тогдашней организаціи войскъ: арміи состояли большею частью изъ наемниковъ-профессионаловъ, являлись личной дружиной феодала, и платой за кровь и жизнь своихъ наймитовъ онъ ограничивалъ всѣ свои обязательства по отношенію къ нимъ. Еще менѣе считалъ онъ нужнымъ заботиться о судьбѣ своихъ искалѣченныхъ вассаловъ, жизнь которыхъ составляла полную его собственность.

Съ учрежденіемъ постоянныхъ войскъ послѣдовала переменна въ отношеніи государей и правительствъ къ инвалидамъ. Идея о необходимости въ той или иной формѣ вознаграждать пострадавшихъ на войнѣ и обезпечивать ихъ существованіе и существованіе ихъ семействъ все болѣе и болѣе укрѣпляется въ различныхъ государствахъ. Обезпеченіе это выражается въ назначеніи правительственныхъ пенсій и въ учрежденіи инвалидныхъ домовъ, начало которымъ было положено еще Людовикомъ Святымъ, основавшимъ убѣжище для воиновъ, ослѣпшихъ во время крестового похода. Во Франціи же, при Людовикѣ XI, было введено назначеніе пенсій солдатамъ. При Францискѣ I было установлено, что уволенные за неспособностью къ службѣ въ отставку военные должны освобождаться отъ податей и повинностей кромѣ того, отставнымъ солдатамъ была назначаема пенсія въ размѣрѣ получаемого на службѣ жалованья. Генрихъ IV учредилъ первый инвалидный домъ, передавъ въ пользованіе инвалидамъ «королевскій домъ христіанскаго милосердія» въ предмѣстьѣ Сень-Марсо. Такія же учрежденія были основаны и въ провинціи, причемъ на содержаніе инвалидовъ была назначена половина всего благотворительнаго фонда Франціи; натуральная повинность по содержанію инвалидовъ въ монастыряхъ была обращена въ денежную. Въ Англіи престарѣлые и тяжелораненые воины размѣщались по монастырямъ; право опредѣленія принадлежало первоначально королямъ и основателямъ монастырей, но съ Юанна Безземельнаго стало принадлежностью исключительно высшихъ духовныхъ особъ. Испанія пошла далеко впередъ въ дѣлѣ призрѣнія пострадавшихъ на войнѣ солдатъ; тамъ еще въ концѣ среднихъ вѣковъ было установлено, чтобы инвалиды,

потерявшій здоровье послѣ 10 лѣтъ службы, принимался на полное содержаніе государетва.

Людовикъ XIV, ведшіи свои знаменитыя затыжныя войны, проявлялъ особую заботливость по отношенію къ инвалидамъ; имъ между прочимъ былъ основанъ грандіозный «королевскій инвалидный домъ» (Hôtel royal des Invalides) для раненыхъ на войнѣ, а также состарившихся на службѣ нижнихъ чиновъ. Учрежденіемъ инвалиднаго дома, содержимаго на средства государетва, Людовикъ XIV установилъ тотъ принципъ, что призрѣніе раненыхъ не должно быть дѣломъ одного милосердія, а входитъ въ кругъ обязанностей государетва, защищая интересы котораго они проливали свою кровь. Въ пользу инвалиднаго дома было даже запрещено принимать частныя пожертвованія. На содержаніе дома были опредѣлены суммы, уплачиваемыя духовенствомъ за получаемыя ими мѣста, а также 0,2 процента со всѣхъ ассигновокъ на военные расходы. Учрежденіе получило большія привилегіи, а сами инвалиды были удостоены королемъ такой, на примѣръ, чести, что при посѣщеніи имъ дома инвалидовъ они замѣняли отрядъ его тѣлохранителей-гвардейцевъ. Во главѣ инвалиднаго дома былъ поставленъ особый губернаторъ высшаго генеральскаго званія, а общій надзоръ порученъ военному министру. Въ домъ нашли пріютъ до 400 офицеровъ и около 3000 солдатъ.

Примѣръ Людовика XIV нашель подражаніе и у другихъ европейскихъ государей. Англійскій король Вильгельмъ Оранскій передалъ свой богатѣйшій замокъ Гринвичъ для помѣщенія въ немъ 6,000 матросовъ. Фридрихъ Великій построилъ въ Берлинѣ инвалидный домъ по образцу парижскаго, но меньшихъ размѣровъ. Императрица Екатерина II также положила основаніе инвалидному дому въ Петербургѣ, на Каменноостровскомъ проспектѣ, достроенному уже въ царствованіе императора Павла I.

Инвалидные дома, явившійся въ свое время и при извѣстныхъ условіяхъ благотѣльными учрежденіями, скрывали, однако, въ своей организаціи, какъ и всѣ заведенія подобнаго типа, немало недостатковъ, къ числу которыхъ надо главнымъ образомъ отнести тяжелый богадѣленно-госпитальный режимъ. Недовольство обитателей «Hôtel des Invalides» своимъ положеніемъ сказалося въ петиціи, поданной ими въ 1792 году національному собранію. Эпиграфомъ къ ней были поставлены слова: «пенсія и свобода». Собраніе сдѣлало постановленіе, согласно которому инвалидамъ предоставлялось выбирать между помѣщеніемъ въ инвалидномъ домѣ и пенсіей.

Съ уменьшеніемъ сроковъ службы, введеніемъ всеобщей воинской повинности и съ гигантскимъ ростомъ армій, дающихъ на войнѣ громадное количество увѣчныхъ, вмѣстить которыхъ въ инвалидные дома не представилось бы никакой возможности,

учрежденія эти теряютъ почти всякое практическое значеніе и влачатъ свое существованіе лишь какъ пережитокъ старины.

Въ настоящее время основнымъ видомъ призрѣнія солдатъ, пострадавшихъ на войнѣ и вообще ставшихъ инвалидами вслѣдствіе полученныхъ на службѣ поврежденій, является обезпеченіе ихъ пенсіями. Мы въ самыхъ общихъ чертахъ рассмотримъ принятыя въ главнѣйшихъ европейскихъ государствахъ нормы этого обезпеченія.

Вездѣ оклады пенсій дѣлятся на нѣсколько классовъ въ зависимости отъ степени воинскаго званія и сообразно тяжести полученныхъ ранъ и увѣчій, вообще соотвѣтственно степени утраты трудоспособности. Замѣтимъ, кстати, что впервые такое дѣленіе встрѣчается въ Голландіи, гдѣ въ 1781 году была установлена слѣдующая любопытная система вознагражденія пострадавшихъ на войнѣ. За потерю обоихъ глазъ раненый получалъ единовременное пособіе въ размѣрѣ 1,500 гульд., за потерю одного глаза—350 гульд., двѣ руки отщипывались отъ 1,500—1,200 гульд., одна рука 450—300 гульд., обѣ ноги 700—450 гульд., одна 350—200 гульд.; кромѣ того, полный инвалидъ, совершенно неспособный къ труду, получалъ по одному червонцу въ недѣлю.

Наиболѣе совершенной является постановка дѣла призрѣнія инвалидовъ въ Германіи, давно прославившейся образцовымъ порядкомъ во всѣхъ частяхъ своей государственной машины. Постановка эта совершенна не только по размѣрамъ обезпеченія, но и по способу проведенія законоположеній въ жизнь въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, по вниканію, такъ сказать, государственной власти во всѣ потребности увѣчныхъ защитниковъ великаго нѣмецкаго «фатерланда».

Нижніе чины имѣютъ право на пенсію¹⁾: 1) послѣ выслуги 18 лѣтъ, 2) независимо выслуги, въ случаѣ болѣзни и увѣчья, дѣлающихъ неспособными къ труду и вызванныхъ условіями службы, и 3) при неспособности къ военной службѣ послѣ 8 лѣтъ службы и вообще неспособности къ труду, независимо отъ того, произошла ли эта неспособность вслѣдствіе несенія служебныхъ обязанностей, или внѣ службы. При полной неспособности къ труду фельдфебель получаетъ 427 р. въ годъ, старшій унтеръ-офицеръ—342 р., младшій—285 р., рядовой—256 р.; при частичной неспособности къ труду пенсія исчисляется пропорціонально полнымъ окладамъ, въ зависимости отъ степени трудоспособности. Послѣ 18 лѣтъ службы пріобрѣтается право на половину полнаго оклада независимо отъ состоянія здоровья; за каждый слѣдующій годъ службы пенсія увеличивается на $\frac{3}{100}$ до полнаго оклада. Добавочныя пенсіи назначаются: 1) за участіе

¹⁾ Заимствуемъ свѣдѣнія о Германіи изъ статьи ген. Грулева въ «Вѣстникѣ общества повсем. пом. пострад. на войнѣ солд. и ихъ семьямъ» за 1908 г., № 2.

въ военныхъ дѣйствіяхъ и 2) престарѣлымъ. Первая выдается въ размѣрѣ 7 р. 22 к. въ мѣсяцъ, причемъ если общій размѣръ пенсіи вмѣстѣ съ добавочной ниже 285 р. въ годъ, то въ возрастѣ 55 лѣтъ и выше назначается добавка за старость въ такомъ размѣрѣ, чтобы общая сумма пенсіи равнялась 285 р. Добавочная пенсія—въ размѣрѣ отъ 12 р. 54 к. въ мѣсяцъ до 25 р. 65 к. въ мѣсяцъ—назначается еще въ случаѣ увѣчья или сумасшествія при исполненіи служебныхъ обязанностей. Вдовы нижнихъ чиновъ, погибшихъ на службѣ, получаютъ отъ 6 р. 90 к. до 12 р. 42 к. въ мѣсяцъ въ зависимости отъ званія мужа. На воспитаніе дѣтей, а также отцу, дѣду, матери или бабкѣ погибшаго отпускается пособіе по 4 р. 83 к. въ мѣсяцъ на душу.

Большой интересъ, особенно для насъ, представляетъ самый порядокъ полученія пенсій. Тогда какъ у насъ для выхлопотанія пенсіи требуются долгіе мѣсяцы, а иногда годъ и болѣе, въ Германіи на выполненіе всѣхъ формальностей до выдачи самой пенсіи полагается всего двѣ недѣли. Все исчерпывается подачей прошенія командиру части, который препровождаетъ его на заключеніе врача, производящаго освидѣтельствованіе и составляющаго инвалидный листъ, причемъ онъ же указываетъ и точный размѣръ полагающейся пенсіи. Дѣло идетъ на утвержденіе высшаго начальства (корпуснаго врача), и пенсія немедленно выдается.

Помимо пенсій, государство предоставляетъ прослужившимъ 12 лѣтъ на военной службѣ мѣста въ гражданскомъ вѣдомствѣ. Право на занятіе такихъ должностей по желанію можетъ быть замѣнено ежегодной пенсіей въ 68¹/₂ р. или единовременнымъ пособіемъ въ 712¹/₂ рублей.

Въ довершеніе всего, полные инвалиды, нуждающіеся въ постоянномъ уходѣ, могутъ быть помѣщаемы въ инвалидные дома, внутреннему быту которыхъ приданъ семейный, уютный характеръ и въ которыхъ инвалиды находятъ пріютъ со всей своей семьей. Тѣ изъ инвалидовъ, которые еще могутъ нести легкую караульную службу, помѣщаются въ такъ называемыя «инвалидныя компаніи» (Invalidenscompagnien), размѣщенныя по мелкимъ городамъ. Они носятъ форму и представляютъ подобіе военной организаціи, пользуясь, однако, полной свободой во всемъ укладѣ своей жизни и проживая съ семьями на частныхъ квартирахъ. Инвалидные дома и компаніи учреждены по закону 29 іюня 1781 года, послѣ Франко-Прусской войны.

Во Франціи¹⁾, въ зависимости отъ степени полученныхъ на службѣ поврежденій, лишаящихъ потерпѣвшаго возможности заботиться

¹⁾ Подробныя свѣдѣнія о постановкѣ дѣла призравія инвалидовъ въ иностранныхъ государствахъ помѣщены въ пространномъ докладѣ д-ра С. П. Мунта общему собранію о-ва повсемѣтной помощи пострадавшимъ на войнѣ 13 дек. 1909 г. и любезно предоставлены авторомъ въ наше распоряженіе.

о собственномъ пропитаніи, установлены 3 разряда пенсіонныхъ окладовъ. Въ первомъ разрядѣ (слѣпота или потеря двухъ членовъ) размѣръ пенсіи колеблется отъ 52 р. 81 к. въ мѣсяць для фельдфебеля до 30 р. 47 к. для рядового; по второму разряду (потеря руки, ноги или лишеніе возможности пользоваться двумя членами) пенсія назначается въ предѣлахъ отъ 40 р. 63 к. до 23 р. 44 к., по 3-му разряду (потеря одного члена или тяжкія раны) фельдфебель получаетъ 31 р. 25 к., а рядовой 18 р. 75 к.; если же потерпѣвшій прослужилъ болѣе 25 лѣтъ, то пенсіи назначаются по 2-му разряду. Въ случаѣ частичной и временной нетрудоспособности выдаются пособія въ размѣрѣ отъ 187¹/₂ р. до 63 р. для фельдфебеля и 112¹/₂—37¹/₂ р. для рядового. Вдовы нижнихъ чиновъ, умершихъ при исполненіи служебныхъ обязанностей въ мирное время, получаютъ половину, а убитыхъ на войнѣ или умершихъ отъ ранъ—³/₄оклада пенсіи 2-го разряда, независимо отъ того, выслужилъ ли пенсію самъ нижній чинъ, или нѣтъ.

Въ Австро-Венгріи нижнимъ чинамъ, утратившимъ послѣ 10 лѣтъ службы здоровье безъ потери способности къ труду, назначаются пенсіи въ размѣрѣ отъ 7 р. 20 к. для старшаго фельдфебеля до 2 р. 40 к. для рядового. Такія же пенсіи назначаются и не прослужившимъ 10 лѣтъ, но утратившимъ трудоспособность. Для получившихъ раны на войнѣ установлены, въ зависимости отъ степени раненій, прибавки по 9 р. 60 к., 6 р. 40 к. или 3 р. 20 к. въ мѣсяць. На исполненіе всѣхъ формальностей для полученія пенсіи, даже при извѣстномъ формализмѣ австрійской бюрократіи, требуется около двухъ мѣсяцевъ. Вдовы получаютъ пенсіи отъ 5 р. 36 к. (вдова фельдфебеля) до 1 р. 60 к. (рядового), вдовамъ убитыхъ пенсіи увеличиваются на 50%, а нетрудоспособнымъ дается еще особая прибавка по 3 р. 20 к. въ мѣсяць. На дѣтей выдается по 1 р. 60 к. въ мѣсяць.

Полные инвалиды, по желанію, помѣщаются въ инвалидные дома, находящіеся въ Вѣнѣ, Прагѣ, Лембергѣ и Тирнау. Здѣсь они получаютъ полное содержаніе, до табака включительно, и, благодаря отличной постановкѣ дѣла, весьма довольны своимъ положеніемъ. Очень рѣдки случаи, чтобы они просили пенсію вмѣсто помѣщенія въ инвалидномъ домѣ.

Италія также занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ дѣлѣ обезпеченія пострадавшихъ на военной службѣ. Здѣсь установлены пенсіи трехъ категорій, опять-таки въ зависимости отъ выслуги лѣтъ и отъ характера полученныхъ на службѣ поврежденій; для фельдфебеля эти пенсіи выражаются такъ: 69 р. 28 к., 55 р. 41 к., 22 р. 81 к.; для рядового: 21 р. 89 к., 16 р. 88 к. и 9 р. 38 к. въ мѣсяць. Принимая во вниманіе скромные оклады жалованья, получаемые итальянскимъ чиновничествомъ, нельзя не признать приведенные размѣры пенсій высокими. Вдова и дѣти получаютъ половину

максимальной пенсіи, причитающейся нижнему чину, независимо отъ числа лѣтъ его службы. Правами на пенсію пользуются также родители и малолѣтніе братья и сестры покойнаго, если онъ былъ ихъ единственной поддержкой.

Англіи, комплектующей свою армію изъ наемниковъ, приходится въ видахъ привлеченія на военную службу большого контингента лицъ, обращать особое вниманіе на вознагражденіе отставныхъ нижнихъ чиновъ. Она тратитъ на пенсіи отставнымъ значительныя суммы, выражающіяся во многихъ милліонахъ. Оклады пенсій установлены пяти классовъ. При полной утратѣ трудоспособности нижніе чины-европейцы получаютъ отъ 50 р. 40 к. до 21 р. 60 к., при частичной потерѣ—отъ 43 р. 20 к. до 7 р. 20 к., въ мѣсяць, въ зависимости отъ срока службы, обстоятельствъ, при которыхъ получено поврежденіе, и прежняго поведенія на службѣ. Для полныхъ инвалидовъ существуетъ инвалидный домъ въ Челси, учрежденный на 2800 человекъ. Вдовамъ нижнихъ чиновъ, умершихъ отъ ранъ или увѣчій, полученныхъ при исполненіи служебныхъ обязанностей, выдается отъ 20 р. 57 к. до 10 р. 29 к. въ мѣсяць, смотря по классу, къ которому отнесетъ покойный; на каждаго ребенка (мальчикамъ до 14 лѣтъ, дѣвочкамъ до 16) выдается отъ 4 р. 10 к. до 3 р. 10 к.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, какимъ образомъ главнѣйшія европейскія государства разрѣшили вопросъ объ обезпеченіи участи пострадавшихъ на войнѣ и вообще при несеніи военной службы, вопросъ, имѣющій громадное значеніе въ смыслѣ созданія въ рядахъ защитниковъ родины бодрого настроенія и спокойной увѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Безъ увѣренности, что отечество не пуститъ по міру семьи погибшаго или изувѣченнаго и самому инвалиду не придется протягивать руку за подаеніемъ, немного найдется охотниковъ жертвовать самоотверженно собою, и это обстоятельство должно роковымъ образомъ сказаться въ тотъ моментъ, когда судьбы государства будутъ находиться въ рукахъ солдатъ. Въ самоотверженной храбрости японскихъ солдатъ, говорятъ, немалую роль играло сознаніе, что ихъ семьи не будутъ брошены государствомъ и обществомъ на произволъ судьбы. У нашихъ солдатъ такой увѣренности не могло быть. Изъ послѣдующаго будетъ видно—почему.

Правительственная помощь въ Японіи ¹⁾ увѣчнымъ и неспособнымъ къ труду выражается въ назначеніи пожизненной пенсіи отъ 6 до 15 іенъ въ мѣсяць, кромѣ единовременнаго пособія по выходѣ изъ лечебнаго заведенія, въ бесплатномъ леченіи въ больницахъ, курортахъ и санаторіяхъ, въ предоставленіи раненымъ преимуществъ при поступленіи на должности въ правительственныя, обще-

¹⁾ Заимствуемъ свѣдѣнія изъ статьи Е. Норда въ «Вѣстникѣ общества повсемѣстной помощи» за 1909 г., №№ 5—6.

ственные и городскія учрежденія. Семьямъ погибшихъ выдаются пенсіи по количеству дѣтей, которыя, кромѣ того, получаютъ образование на казенный счетъ. Если принять во вниманіе болѣе чѣмъ скромный уровень потребностей низшихъ слоевъ населенія Японіи, гдѣ рабочій считаетъ себя счастливымъ, когда онъ обезпеченъ ежедневнымъ заработкомъ круглымъ счетомъ въ 30 копеекъ, то намъ станетъ ясно, что японскій инвалидъ не можетъ желать для себя лучшей доли.

Россія въ дѣлѣ призрѣнія раненыхъ защитниковъ родины и вообще потерявшихъ здоровье на службѣ нижнихъ чиновъ и ихъ семействъ значительно отстала въ настоящее время отъ другихъ странъ; на ряду съ этимъ неудовлетворительно у насъ призрѣніе семей нижнихъ чиновъ, призываемыхъ по мобилизаціи, и въ этомъ обстоятельствѣ надо искать одну изъ причинъ недовольства и безпорядковъ среди запасныхъ, призывавшихся на службу въ минувшую войну.

Призрѣніе инвалидовъ впервые узаконено у насъ Петромъ I, который въ 1720 году приказалъ помѣщать инвалидовъ въ монастыряхъ и богадѣльняхъ, съ выдачей жалованья по гарнизонному окладу. При Екатеринѣ II отправка въ монастыри была отмѣнена и для водворенія инвалидовъ были назначены особые города, числомъ 31, причемъ былъ опредѣленъ штатъ призрѣваемыхъ въ 4,655 человекъ, считая въ томъ числѣ и офицеровъ. Понятно, что призрѣвались далеко не всѣ инвалиды. Въ 1796 г. при введеніи новыхъ штатовъ германскихъ батальоновъ, устроенныхъ изъ неспособныхъ уже нести полевую службу, повелѣно формировать при этихъ батальонахъ инвалидныя роты. Въ 1811 г. инвалиды раздѣлены на подвижныхъ, служащихъ и неслужащихъ, или неспособныхъ. Изъ первыхъ образованы подвижныя инвалидныя роты, а изъ вторыхъ—въ уѣздныхъ городахъ команды служащихъ и неслужащихъ инвалидовъ. Послѣднія въ 1823 г. расформированы.

18 августа 1814 года Александромъ I были учреждены комитетъ для заслуженныхъ воиновъ, носящій нынѣ названіе Александровскаго комитета о раненыхъ ¹⁾. Съ учрежденіемъ этого комитета связано имя Петра Павловича Пезаровіуса, основателя газеты «Русскій Инвалидъ», собравшаго при помощи этого изданія около 400,000 рублей, которые и послужили первоначальнымъ фондомъ комитета.

По дѣйствующимъ у насъ нынѣ законоположеніямъ, правительственная помощь раненымъ и семьямъ погибшимъ на войнѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Раненые получаютъ пенсіи

¹⁾ Исторія учрежденія комитета изложена въ очеркѣ С. Н. Шубинскаго «Забывтый филантропъ». См. его «Историческіе рассказы и очерки», изд. 1908 г., стр. 579.

изъ Александровскаго комитета о раненыхъ и государственнаго казначейства, заболѣвшіе на войнѣ и потерявшіе поэтому трудоспособность получаютъ пенсіи изъ казначейства и могутъ получать ежегодныя пособія изъ Александровскаго комитета. По степени утраченной трудоспособности, нижніе чины, получающіе пенсіи изъ комитета, раздѣляются на три класса, причемъ размѣръ пенсій выражается слѣдующимъ образомъ, по классамъ: унтеръ-офицеръ: 90, 63 и 48 р. въ годъ; рядовой: 84, 57 и 34 р. въ годъ. Изъ государственнаго казначейства потерявшіе на войнѣ отъ ранъ или болѣзни способность къ личному труду получаютъ ежемѣсячное трехрублевое пособие, а нуждающіеся въ постороннемъ уходѣ шестирублевое. Причисленнымъ къ классу болѣзненныхъ Александровскій комитетъ выдаетъ ежегодно по прошенію единовременное пособие въ размѣрѣ: рядовому отъ 20—30 р., унт.-офицеру отъ 25—35 р. и фельдфебелю отъ 30—40 рублей. Вдовы рядовыхъ, погибшихъ на войнѣ, имѣютъ право на пенсію въ 48 р. въ годъ отъ комитета и на трехрублевое въ мѣсяцъ пособие отъ казны. Учрежденный въ минувшую войну Алексѣевскій комитетъ выдаетъ дѣтямъ погибшихъ на войнѣ или умершихъ впослѣдствіи отъ ранъ и болѣзней, полученныхъ на войнѣ, пособие въ размѣрѣ 24, 30 или 40 рублей въ годъ въ зависимости отъ города, гдѣ они живутъ. Необходимо прибавить, что назначеніе пенсій обусловлено неимѣніемъ у раненаго дохода, превышающаго 300 рублей.

Этимъ исчерпывается правительственная помощь инвалидамъ и семьямъ погибшимъ на войнѣ. Нечего и говорить, что при современныхъ экономическихъ условіяхъ жизни существующія у насъ нормы призрѣнія являются давно устарѣвшими. Но дѣло не только въ одномъ этомъ. Полученіе пенсій обставлено требованіями соблюденія такихъ формальностей, такими проволочками, а иногда сопряжено и съ такими непосильными расходами (наприм., поѣздки на освидѣтельствованіе, расходы по выправкѣ документовъ, по писанію прошеній, мало ли потребуются расходовъ при долговременной волокитѣ), что для многихъ и многихъ дѣлается недоступнымъ. Весьма многіе лишаются права на пенсію лишь вслѣдствіе неимѣнія требуемыхъ по закону документовъ. Сплошь и рядомъ случается, наконецъ, что нижніе чины даже не знаютъ, что имъ слѣдуетъ отъ казны пенсія или пособие. Вообще нашему безграмотному, темному мужику нелегко добиться пенсій. Достаточно сказать, что изъ 200,000 слишкомъ раненыхъ въ японскую войну подъ покровительство Александровскаго комитета по ноябрь 1909 года было принято менѣе 53 тысячъ.

Не вдаваясь въ подробности и отсылая интересующихся къ статьямъ г. Ор. Фр., помѣщеннымъ въ «Вѣстникѣ общества повсемѣстной помощи пострадавшимъ на войнѣ солдатамъ и ихъ семьямъ» за 1909 годъ, въ №№ 3—6, гдѣ этотъ вопросъ подробно разобранъ, мы укажемъ лишь на то печальное явленіе, что указанному выше

обществу въ своей дѣятельности приходится нерѣдко встрѣчаться съ инвалидами еще турецкой кампаніи 1877 года, не получающими пенсіи, и даже съ севастопольскими ветеранами. Да и требуются ли какія-либо документальныя подтвержденія? Всѣмъ намъ съ дѣтства знакомы грустныя зрѣлища слѣпыхъ, безрукихъ, безногихъ ветерановъ, иногда даже одѣтыхъ въ истрепанныя солдатскія шинели, просящихъ подаванія по городамъ и весямъ всей матушки Россіи. Кого не наводилъ на грустныя размышленія молящій окликъ этихъ героевъ, этихъ защитниковъ родины и создателей мощи и величія Россіи: «подайте Христа ради убогому солдату». Да, поистинѣ долготерпѣливъ народъ русскій и «святая скотинка», какъ говорилъ Драгомировъ, нашъ русскій солдатъ.

Даже съ полученіемъ пенсіи мытарства инвалида не кончаются. Пенсіи выдаются изъ казначейства, куда пенсіонеры должны каждый разъ являться, тратя иногда на поѣздки значительную часть пенсіи.

Недостатки нашего законодательства о призрѣніи пострадавшихъ на войнѣ и ихъ семействъ обратили на себя вниманіе государственной думы. 96-ю ея членами 26 мая 1909 г. было внесено законодательное предположеніе, принятое единогласно въ засѣданіи 25 ноября. Существенными чертами этого предположенія являются: увеличеніе окладовъ пенсій, раздѣляемыхъ, въ зависимости отъ степени болѣзней и пораненій, на 10 разрядовъ и колеблющихся отъ 180 до 18 руб. въ годъ; назначеніе пенсіи за утрату трудоспособности и въ мирное время; выдача пенсіи изъ одного источника; упрощеніе порядка освидѣтельствованій и дѣлопроизводства и выдача пенсіи по мѣсту жительства пенсіонера. Правительство приняло на себя выработку законопроекта, и подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ А. И. Лыкошина уже работаетъ по этому вопросу междувѣдомственное совѣщаніе, съ участіемъ и представителей обществъ, взявшихъ на себя попеченіе о раненыхъ.

Законодательное предположеніе 96 членовъ Г. Думы вноситъ существенныя улучшенія въ дѣло обезпеченія пострадавшихъ на военной службѣ и упорядочиваетъ процедуру исходатайствованія пенсій. Но не можемъ не отмѣтить, что предположеніе страдаетъ нѣкоторой прямолинейностью, подводя всѣхъ подъ одинъ ранжиръ. Такъ, намъ кажется, слѣдовало бы выдѣлить участвовавшихъ въ сраженіяхъ и особенно отличившихся. Не принята во вниманіе престарѣлость, при наступленіи которой слѣды раненій будутъ давать себя сильнѣе чувствовать; не принята во вниманіе и предшествовавшая долговременная сверхсрочная служба. Во всемъ этомъ законопроектъ значительно отстаетъ отъ германскаго закона. Наконецъ, нельзя не признать въ нѣкоторыхъ случаяхъ недостаточными и предположенныя нормы пенсіонныхъ окладовъ. Если

раненый имѣеть въ деревнѣ готовый уголь и родную семью, то 15 р. въ мѣсяць вполне обезпечиваютъ его существованіе; но въ условіяхъ городской жизни, при быстро растущей дороговизнѣ слѣпецъ или полный калѣка съ трудомъ можетъ владѣть жалкое существованіе. Совершенно не упомянуто въ законодательномъ предположеніи о семьяхъ раненыхъ и убитыхъ. Этотъ пробѣлъ является уже совершенно непонятнымъ.

II.

Мы изложили въ самыхъ общихъ чертахъ дѣятельность государственной власти по призрѣнію инвалидовъ. Но заботами правительственныхъ органовъ далеко не можетъ быть исчерпана вся та безконечная область нуждъ, которая вносится въ жизнь сотенъ тысячъ жизней каждой войной. Какъ бы широко законъ ни предусмотрѣлъ всѣ потребности заинтересованныхъ лицъ, онъ никогда не охватитъ всей жизни съ ея многообразными проявленіями. Поэтому и въ данномъ вопросѣ, въ дѣлѣ излеченія язвъ войны, громадная роль должна принадлежать общественнымъ организаціямъ. Принять на себя эту роль есть прямая обязанность общества уже по одному тому, что при всеобщей воинской повинности армія является не обособленной кастой солдатъ-профессіоналовъ, а частью того же общества, временно призванной подъ знамена. Съ другой стороны, не всѣмъ классамъ въ равной мѣрѣ и даже не всѣмъ отдѣльнымъ лицамъ, способнымъ носить оружіе, приходится участвовать, въ силу тѣхъ или иныхъ причинъ, какъ, на примѣръ, льготы по образованію или семейному положенію, въ отбываніи воинской повинности и въ защитѣ государства, и поэтому нравственный долгъ такихъ лицъ личнымъ трудомъ или матеріальными средствами принять участіе въ оплатѣ людямъ, принесшимъ въ жертву всему обществу свое здоровье и жизнь. Сознаніе, что ихъ лишенія, страданія и жертвы будутъ по достоинству оцѣнены всѣмъ народомъ, является для защитниковъ родины однимъ изъ могучихъ стимуловъ къ самоотверженнымъ подвигамъ и надежнымъ факторомъ успѣха арміи въ борьбѣ съ непріателемъ.

Во всѣхъ европейскихъ государствахъ общество энергично работаетъ въ дѣлѣ оказанія помощи жертвамъ войны. Рядъ благотворительныхъ организацій принимаетъ на себя заботу о всевозможныхъ нуждахъ инвалидовъ, ставя своей цѣлью—довести матеріальное ихъ благосостояніе до прежней нормы. Такія задачи прямо намѣчаются въ уставахъ многихъ обществъ этого рода. Трудно перечислить всѣ виды помощи и всѣ заботы, которыми культурное, гражданственно развитое населеніе окружаетъ своихъ защитниковъ, идя навстрѣчу всѣмъ ихъ нуждамъ.

Наибольшую интенсивностью отличается дѣятельность общественныхъ организацій для помощи инвалидамъ въ Германіи. Минувшаго болѣе мелкія, мы назовемъ три, простирающія свою дѣятельность на всю Германію. Первымъ по времени возникновенія является «Victoria National Invaliden-Stiftung», основанное въ 1866 году принцемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ. Оно выдаетъ пенсіи и пособія, прискиваетъ мѣста, воспитываетъ, обучаетъ дѣтей инвалидовъ и опредѣляетъ ихъ на службу, выдаетъ ссуды и вноситъ залоговъ за инвалидовъ при опредѣленіи на мѣста, снабжаетъ протезами, устраиваетъ на курорты. Общество имени императора Вильгельма (Kaiser Wilhelm Stiftung) помогаетъ широко пенсіями и пособіями; оно раскинуло сѣть своихъ отдѣловъ, которыхъ насчитывается 823, по всей Германіи. Весьма интересно является дѣятельность общества «Invalidendank» (благодарность инвалидамъ), поставившаго своей задачей доставить инвалидамъ доступный ихъ уменьшенной трудоспособности заработокъ. Для этой цѣли оно учредило бюро для указанія мѣстъ, контору объявленій, продажу театральныхъ билетовъ, комиссіонную контору и книготорговлю.

Во Франціи широко развили свою дѣятельность три общества: общество помощи раненымъ воинамъ, имѣющее 50,000 членовъ, ассоціація французскихъ дамъ, союзъ женщинъ Франціи. Имущества и капиталы всѣхъ этихъ обществъ, представители которыхъ образуютъ главный комитетъ французскаго Краснаго Креста, составляютъ въ совокупности около 20 милліоновъ франковъ, а ежегодный доходъ первыхъ двухъ превышаетъ 650 тысячъ франковъ.

Дѣйствующій въ Австріи Бѣлый Крестъ успѣлъ съ 1882 года по 1909 годъ создать 46 лечебныхъ заведеній въ различныхъ курортахъ и оказать помощь 13,622 инвалидамъ и 5,748 членамъ ихъ семействъ. Кромѣ этого общества, успѣшно работаютъ въ дѣлѣ всевозможной помощи инвалидамъ Тевтонскій орденъ, австрійское патріотическое общество и дамскій комитетъ.

Итальянскій Красный Крестъ насчитываетъ до 20,000 человекъ и носитъ, какъ и у насъ, полуофіціальнѣйшій характеръ.

Въ Россіи до Японской войны существовало нѣсколько обществъ для помощи инвалидамъ, но дѣятельность ихъ не выходила изъ рамокъ узкой филантропіи. Красный Крестъ, ставящій своей задачей оказаніе помощи раненымъ во время войны и помощь населенію въ стихійныхъ бѣдствіяхъ, слабо проявляетъ попеченіе о пострадавшихъ на войнѣ въ мирное время. Съ послѣднимъ выстрѣломъ, затихшимъ на полѣ сраженія, Красный Крестъ приступаетъ къ демобилизаціи, постепенно ликвидируя свои учрежденія. Что же касается дѣятельности его комитетовъ для оказанія помощи увѣчнымъ воинскимъ чинамъ и для оказанія пособія вдовамъ и сиротамъ пострадавшихъ на войнѣ, то о ней почти ничего не слышно. Относясь съ полнымъ уваженіемъ къ дѣятельности Краснаго Креста

въ военное время, нельзя тѣмъ не менѣе ожидать отъ него кипучей работы по устройству жертвъ войны и умѣнья объединить въ этой работѣ широкіе слои общества, хотя бы уже потому, что, будучи учрежденіемъ бюрократическимъ, онъ не можетъ работать рука объ руку съ общественными силами.

Во время Японской войны возникло немало обществъ и кружковъ, задававшихся цѣлью облегчить положеніе возвращающихся съ театра военныхъ дѣйствій раненыхъ нижнихъ чиновъ; однако послѣ неудачнаго исхода кампаніи этотъ общественный подъемъ смѣнился полнымъ равнодушіемъ къ участи несчастныхъ жертвъ войны, и благотворительнымъ учрежденіямъ за прекращеніемъ притока средствъ пришлось ликвидировать свои дѣла. Вниманіе общества было къ тому же всецѣло поглощено событіями нашей внутренней жизни. Повсюду начали вспыхивать мятежи, забастовки, вооруженныя возстанія. Казалось, наступаетъ полный развалъ Россіи. Тутъ было не до инвалидовъ. А между тѣмъ поѣзда одинъ за другимъ выбрасывали въ столицы и большіе города все новыя и новыя толпы израненныхъ и больныхъ защитниковъ родины. Положеніе ихъ, не вызывавшее почти ни въ комъ сочувствія, было по истинѣ трагическое. Вотъ какъ описываетъ его въ «Новомъ Времени» г. Эль-Эсъ:

«На носилкахъ и костыляхъ они отправлялись въ госпитали и лазареты. Многіе изъ нихъ еще мечтали, что вернется къ нимъ прежняя сила. И когда у нихъ зарастали зіяющія раны оторванныхъ рукъ и ногъ, ихъ, какъ «выздоровѣвшихъ», отправляли на родину. Но эти люди слышали, что имъ за ихъ раны и увѣчья полагается какая-то помощь, какія-то деньги, и они толпами повалили въ штабы, управленія, благотворительныя учрежденія. И вездѣ ихъ встрѣчали вопросами: «Аттестатъ у тебя есть? Перевязочное свидѣтельство есть?» Нѣтъ, у нихъ никакихъ свидѣтельствъ не было: ихъ громоздили въ вагоны, часто полумертвыхъ, часто много часовъ и дней валявшихся на поляхъ и скалахъ, пока счастливый случай не наводилъ на нихъ санитаровъ... Имъ наскоро перевязали раны и отправили за тысячи верстъ. Никакихъ документовъ съ нихъ не спрашивали и никакихъ не давали: документомъ былъ раненый человѣкъ, но что будетъ съ нимъ дома, гдѣ безъ паспорта человѣкъ—не человѣкъ, объ этомъ не думали. И люди, измученные и изболѣвшіеся, очутились буквально на улицѣ.

«Тщетно стучались они въ двери канцелярій, казенныхъ и благотворительныхъ: «докажи, что ты раненый», говорили тамъ безногимъ и безрукимъ. Требованія эти были законны, потому что по закону каждому раненому должно выдаваться перевязочное свидѣтельство. Но солдатъ этого не зналъ, а если кто и зналъ, то спросить не рѣшался. И десятки тысячъ нашихъ израненныхъ защитниковъ вернулись на родину, утеравъ на полѣ сраженія свои

гражданскія права, ставъ безпаспортными. Послѣ безплодныхъ и томительныхъ хлопотъ отправлялись они къ себѣ по домамъ, и тамъ не могли добиться ни пособія, ни пенсіи, ни льготы по взысканію повинностей; хотя всего этого они тоже требовали по закону, но у нихъ не было бумажки съ печатью. Между тѣмъ они были больны, голодны и глубоко обижены тѣмъ, что имъ не дали того, что они заслужили своей кровью и службой. И въ этомъ создавался трагизмъ положенія, разрѣшавшійся буйствами запасныхъ, глухимъ броженіемъ, переходившимъ такъ часто въ кровавыя беспорядки. Въ революціонной смутѣ сыгралъ немалую роль и неуловимый солдатскій документъ...

«Навѣрное, многіе въ Россіи помнятъ, какъ на улицахъ столицъ и другихъ городовъ, гдѣ сосредоточивались раненые, бродили и ползали изувѣченные солдаты, побивавшіеся Христовымъ именемъ. Сначала имъ подавали довольно охотно, потомъ охладѣли: слишкомъ было ихъ много, и они надоѣли. Мнѣ всегда вспоминается одинъ такой калѣка, совсѣмъ молодой бѣлокурый солдатъ, съ ногами, отрѣзанными выше колѣнъ. Этотъ получеловѣкъ, казавшійся странно маленькимъ среди обгонявшей его толпы, принималъ подаваніе съ молчаливой благодарностью.

«— Что же ты дѣлать теперь будешь?—спросилъ я его.

«— На шарманку собираю. Можетъ, что-нибудь и заработаю,—довѣрчиво сказалъ онъ, посматривая своими кроткими глазами и жмурясь отъ солнца.

«Да, вотъ что,—подумалъ я:—нашему изувѣченному солдату надо собирать подаваніе на шарманку, чтобы не умереть на улицѣ». И, вѣроятно, проходившимъ мимо молодымъ солдатамъ запала въ память эта мучительная картина».

Но не всѣ проходили мимо этихъ несчастныхъ безучастно или отдѣлываясь лишь денежной подачкой. Среди лицъ, по роду своей дѣятельности сталкивавшихся съ ними ближе и пристальнѣе всматривавшихся въ ихъ положеніе и нужды, нашлись и такія, которыя не задумались пожертвовать свой трудъ, свое время и средства, чтобы сдѣлать все возможное для несчастныхъ страдальцевъ, терпѣвшихъ не только физическія, но и ужасныя нравственныя муки. Эти лица такъ говорятъ о мотивахъ, побудившихъ ихъ начать свою дѣятельность, и принципъ, который былъ положенъ ими въ ея основаніе:

«Возвращеніе раненыхъ въ свои родныя гнѣзда не прежними сильными работниками, кормильцами своихъ семействъ, а калѣками съ уменьшенной трудоспособностью, съ яснымъ сознаніемъ, что прибытіе ихъ въ родную семью не принесетъ уже ей прежней пользы, а можетъ вызвать только обостреніе нужды, вызывало у запасныхъ горькія и тяжелыя мысли, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ—отчаяніе и ропотъ.

«Именно съ этимъ настроеніемъ запасныхъ, высказываемымъ въ неофіціальной, но искренней и правдивой формѣ, и приходилось знакомиться врачамъ и сестрамъ милосердія, принимавшимъ участіе въ работахъ по эвакуаціи больныхъ и раненыхъ на родину. Сознаніе, что этимъ солдатамъ придется вернуться въ деревню безъ счастья побѣдителей, съ тяжелымъ нравственнымъ угнетеніемъ и столкнуться при этомъ съ бѣдственнымъ положеніемъ семьи, побудило лицъ, которымъ пришлось войти въ непосредственное соприкосновеніе съ этимъ острымъ жизненнымъ вопросомъ, могущимъ имѣть въ смутное время, переживаемое родиной, роковыя послѣдствія, соорганизоваться съ цѣлью по мѣрѣ силъ и возможности прійти своей частной инициативой на помощь государству.

«Эти лица выдѣлили изъ своего состава организаціонный комитетъ, которому и было поручено приступить немедленно къ разработкѣ устава общества, основнымъ принципомъ дѣятельности котораго должно было явиться созданіе вокругъ вернувшихся на родину солдатъ атмосферы братскаго участія и уваженія, какъ къ лицамъ, принесшимъ въ жертву свое личное счастье на общую пользу, и оказаніе имъ помощи въ наиболѣе пріемлемой для нихъ формѣ, не унижающей въ нихъ достоинства и не имѣющей значенія единовременной подачки».

Этими учредителями новаго общества съ такими симпатичными задачами, которые въ минуту полного равнодушія общества къ ближнему ихъ сердцу дѣлу не опустили безпомощно рукъ и съ твердой вѣрой, что не оскудѣла русская земля людьми, любящими родину, кликнули кличъ своимъ единомышленникамъ, были врачи Н. Е. Габриловичъ и С. П. Мунтъ и сестры милосердія добровольцы, Е. В. Авенариусъ, Е. Н. и М. Н. Ильины, Н. Э. Кильштедтъ, Л. Ф. Мѣдникова, Е. Г. Опочинина, Е. Т. Федоровская, В. В. Цемирова и Ф. П. Купчинскій. Призывъ ихъ былъ услышанъ, и на помощь имъ изъ всѣхъ слоевъ общества явились живыя силы, не щадившія ни труда, ни средствъ для поддержки новаго, широко задуманнаго дѣла, дѣла не только братской любви и христіанскаго милосердія, но и громаднаго государственнаго значенія. Въ такомъ опредѣленіи намѣченной учредителями дѣятельности, какъ мы увидимъ изъ дальнѣйшаго, нѣтъ ни малѣйшаго преувеличенія.

Съ легкой руки Григоровича и Шеллера-Михайлова, выставившихъ на судъ общественный «акробатовъ благотворительности», у насъ установилось въ широкой публикѣ да и въ части печати пренебрежительное отношеніе къ различнымъ благотворительнымъ кружкамъ и вообще частнымъ филантропическимъ предпріятіямъ. Правда, очень часто дѣятельность благотворительныхъ обществъ болѣе утѣшаетъ скучающихъ дамъ-филантропокъ, чѣмъ тѣхъ, въ чью пользу такія общества основаны, но отъ до-

добной филантропiи дѣятели вновь создаваемой общественной организаціи отмежевались съ самаго начала. Въ призывахъ, съ которыми они обратились къ русскому обществу, они опредѣленно указывали, что смотря на дорогое имъ дѣло, какъ «на гражданскій долгъ передъ родиной, который повелѣваетъ каждому русскому стать за огражденіе благополучія и чести солдатъ, свято исполнившихъ свой долгъ, и озаботиться устройствомъ ихъ семействъ, нуждающихся въ поддержкѣ». Въ основу своего отношенія къ пострадавшимъ согражданамъ и братьямъ они клали принципъ, чтобы «благотворительность не проявлялась крошками, падающими съ барскаго стола, а выражалась настоящей, искренней, сердечной и чисто братской поддержкой и касалась всѣхъ сторонъ экономического и нравственнаго быта обращающихся за помощью».

Уставъ общества, получившаго нѣсколько громоздкое названіе «Общества повсемѣстной помощи пострадавшимъ на войнѣ солдатамъ и ихъ семьямъ» былъ утвержденъ 23 января 1906 г., и оно сразу широко развернуло свою дѣятельность, обусловивъ ее предоставленіемъ для каждого желающаго возможности самаго широкаго контроля надъ всѣми своими начинаніями и предпріятіями. Организациія помощи пострадавшимъ на войнѣ, которую намѣтило общество, заключалась въ общихъ чертахъ въ слѣдующемъ. Общество рѣшило покрыть всю Россію сѣтью своихъ отдѣловъ и попечительствъ, которые, состоя изъ мѣстныхъ людей, могущихъ лично провѣрить степень нужды пострадавшихъ на войнѣ и выяснить, какія мѣры необходимы для устройства ихъ благополучія, проводили бы повсемѣстно въ жизнь программу общества. Принимая во вниманіе темноту массы увѣчныхъ солдатъ, которые сплошь и рядомъ не знаютъ, куда обратиться за помощью въ своей безвыходной нуждѣ, не подозрѣвая даже, что имъ полагается правительственная пенсія или пособіе, отдѣлы должны сами итти навстрѣчу ихъ нуждамъ. Для этой цѣли отдѣлы принимаютъ всѣ мѣры къ выясненію количества проживающихъ въ районѣ ихъ дѣятельности пострадавшихъ на войнѣ солдатъ и семей убитыхъ, путемъ сношеній съ волостными правленіями, земскими и воинскими начальниками и полиціей, и берутъ на себя всѣ хлопоты по улучшенію ихъ положенія.

Понятно, что до открытія такой сѣти организацій общества вся тяжесть работы пала на долю центрального учрежденія въ Петербургѣ, и до сихъ поръ еще несущаго большую часть труда по выполненію намѣченныхъ задачъ. Трудъ этотъ еще осложняется сношеніями съ открытыми мѣстными отдѣлами и заботами по организаціи новыхъ. А задачи, поставленныя себѣ обществомъ, были не легки. Соотвѣтствующія статьи устава очень мало и вообще говорятъ объ объемѣ дѣятельности общества. Жизнь вѣчно опережаетъ мертвую букву уставовъ и законовъ, и ея безконечныя про-

явленія, запросы и нужды трудно предусмотрѣть и включить въ тѣсныя рамки писанной программы. И надо отдать справедливость, что молодое учрежденіе, какъ живая общественная организація, никогда не ограждалась отъ этихъ запросовъ броней устава, развертывая свою дѣятельность все шире и шире, соотвѣтственно требованіямъ жизни.

Въ общихъ чертахъ дѣятельность общества въ дѣлѣ оказанія помощи пострадавшимъ на войнѣ сводится къ слѣдующему: 1) оно принимаетъ на себя всѣ хлопоты по исходагатайствованію пенсій и пособій отъ правительственныхъ, общественныхъ и даже частныхъ учреждений; 2) заботится о возстановленіи ослабленной трудоспособности, предоставляя лечение, обучая доступному ремеслу и снабжая инструментами; 3) пріискиваетъ должности, соотвѣтствующія трудоспособности раненыхъ; 4) оказываетъ матеріальную помощь, главнымъ образомъ для поправленія разстроеннаго войной хозяйства; 5) организуетъ общественныя силы и собираетъ средства для обезпеченія во время возможной будущей войны семействъ запасныхъ, уходящихъ въ ряды дѣйствующей арміи. Послѣдній пунктъ придаетъ дѣятельности общества особенный интересъ и особо важное значеніе, и мы поговоримъ еще о немъ болѣе подробно.

Въ моментъ открытія общества не улеглась еще острая нужда въ немедленной матеріальной помощи возвращавшимся съ театра войны раненымъ, и общество, идя навстрѣчу этой нуждѣ, оказывало посильную поддержку обращающимся къ нему солдатамъ. Одновременно выяснилась необходимость дать хотя временный пріютъ раненымъ, остававшимся на улицѣ по выходѣ изъ лечебныхъ заведеній или пріѣзжавшимъ изъ провинціи для хлопотъ о пенсіи и вообще для устройства своихъ дѣлъ. Въ этой заботѣ на помощь обществу пришло вѣдомство учреждений императрицы Маріи, которое уступило въ пользованіе обществу небольшой домъ съ флигелемъ на 5-й Рождественской улицѣ (№ 14). Здѣсь было устроено общежитіе на 40 кроватей. Впослѣдствіи пришлось расширить его, нанявъ для этой цѣли домъ на окраинѣ Петербурга, на Охтѣ, и въ послѣднее время въ обоихъ общежитіяхъ общества помѣщаются въ среднемъ до 200 человѣкъ. Предпочтеніе при пріемѣ отдается наиболѣе увѣчнымъ и больнымъ. За время своего пребыванія въ общежитіи призрѣваемые могутъ обучиться какому-либо мастерству—сапожному, портняжному, столярному, фуражечному и веревочному въ мастерскихъ, открытыхъ при обществѣ. За 1908 годъ въ общежитіяхъ перебивало всего 1,094 человѣка, содержаніе которыхъ обошлось обществу около 23 тысячъ рублей. При общежитіяхъ же состоитъ лазаретъ.

Упомянувъ объ одномъ изъ отдѣловъ общества, кстати замѣтимъ, что внутренняя организація его, обезпечивающая стройную

и плодотворную работу, сложилась такъ: центральное правленіе, вѣдающее всѣми дѣлами общества, и отдѣлы его: справочное бюро, ведущее всѣ дѣла по выправленію пенсій, пособій, опредѣленію на мѣста и вообще по всѣмъ нуждамъ нижнихъ чиновъ; комитетъ по организациі мѣстныхъ отдѣловъ; медицинскій отдѣлъ; общежитіе; попечительный совѣтъ, оказывающій денежную помощь; ремесленный отдѣлъ и отдѣлъ по усиленію средствъ. Мѣстные отдѣлы повторяютъ въ существенныхъ чертахъ организацию центрального правленія.

Когда масса обездоленныхъ защитниковъ родины прослышала, что есть такое общество, которое не только выдаетъ «пособіе», но и берется выхлопотать кому слѣдуетъ отъ казны и «пособіе», и пенсію, общество было осаждено буквально толпами раненыхъ, увѣчныхъ, больныхъ и даже совершенно здоровыхъ, но имѣвшихъ какія-либо законныя притязанія и по чутью направившихся сюда; всѣ они долго тщетно обивали пороги великолѣпныхъ канцелярій и теперь шли съ послѣдней надеждой на правду, на милость людскую въ маленькій ветхій домишко на одной изъ окраинъ столицы. Здѣсь они сотнями запружали комнаты, лѣстницу, дворъ, терпѣливо выжидая, когда очередь дойдетъ до нихъ и «сестрица» разберетъ ихъ нужду, дастъ совѣтъ, напишетъ «бумагу». Было засыпано общество и градомъ самыхъ разнообразныхъ просьбъ, посылавшихся изъ всѣхъ уголковъ Россіи, сплошь и рядомъ безъ адреса и съ фантастическими искаженіями названія. Чтобы охарактеризовать дѣятельность общества въ этомъ направленіи, достаточно сказать, что за три года черезъ справочное бюро прошло болѣе 80 тысячъ бумагъ, изъ нихъ за послѣдній отчетный годъ (1908 г.) около 40 тысячъ. Интересны отдѣльныя цифры отчета. Такъ, въ 1908 году снято копій съ документовъ 9,669, заведено дѣлъ о нижнихъ чинахъ и ихъ семьяхъ—3,403, послано запросовъ разнымъ лицамъ и учрежденіямъ—2,152, а всего бумагъ 25,992. Несмотря на то, что прошло уже около пяти лѣтъ послѣ войны, наплывъ нуждающихся въ помощи общества не ослабѣваетъ. Это понятно, если вспомнить, что раненыхъ и убитыхъ въ послѣднюю войну было около 240 тысячъ. Для несенія того громаднаго труда, который выпадаетъ на долю справочнаго бюро, понадобилась бы цѣлая канцелярія съ обширнымъ штатомъ служащихъ, но въ этомъ отношеніи на помощь обществу явились добровольные сотрудники и сотрудницы, безкорыстно отдающіе свой трудъ и время на пользу раненыхъ.

Здѣсь мы подошли къ вопросу объ отношеніи широкихъ слоевъ общества къ вновь возникшему начинанію. Какъ отнеслись къ нему нуждавшіеся въ помощи, мы уже видѣли. Каково же было отношеніе тѣхъ, отъ кого зависѣло дать эту помощь? Сначала, какъ говорить г. С. М. въ статьѣ, помѣщенной въ первомъ номерѣ

«Вѣстника Общества», «съ недоувѣрiемъ, оцупью стали подходить къ нему люди изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества, изстрадавшiеся душой за судьбу родины; пытливо и долго присматривались они къ дѣятельности комитета и только тогда, когда убѣждались въ искренности чувствъ его дѣятелей, приглашавшихъ ихъ итти на тяжелый и отвѣтственный трудъ, сливались съ нимъ и отдавались его дѣятельности всѣмъ изболѣвшимъ своимъ сердцемъ, всѣми силами». Большую роль сыграла отдача всего дѣла подъ широкiй общественный контроль. И до сихъ поръ засѣданiя центрального правленiя остаются публичными, и на нихъ допускаются всѣ интересующiеся дѣлами общества, члены и не члены.

Въ результатѣ уже черезъ три мѣсяца существованiя число членовъ превышало тысячу человекъ, а средствъ было собрано на 10,000 рублей, да на такую же сумму имѣлось имущества. Крайне интересно, что солдаты вѣрно оцѣнили значенiе для нихъ общества, и изъ полковъ стали поступать длинные именные списки пожертвованiй, собранныхъ буквально по копейкамъ, часто съ приложенiемъ трогательныхъ адресовъ и писемъ.

Весьма сочувственно отнеслись къ дѣятельности общества высшая правительственная власть, а также правительственныя, общественныя, нѣкоторыя (къ сожалѣнiю, и къ стыду, добавимъ, большинства—немногiя) городскiя и земскiя учрежденiя, поддержавшия общество субсидiями и полнымъ содѣйствiемъ во всѣхъ его начинанiяхъ. Синодъ разрѣшилъ обществу повсемѣстный церковный сборъ, являющiйся главной статьей доходовъ общества, военное министерство, министерство внутреннихъ дѣлъ, сенатъ и Александровскiй комитетъ дѣлаютъ ежегодно крупныя пожертвованiя.

Немало усилiй приложило общество къ тому, чтобы побѣдить апатию, равнодушию и недоувѣрiе провинциальной публики. То обстоятельство, что собранныя средства остаются на мѣстахъ и расходуются на мѣстныя нужды, немало содѣйствовало успѣху образованiя мѣстныхъ отдѣловъ, которые возникаютъ непрерывно въ различныхъ пунктахъ имперiи, отъ Финляндiи до далекихъ окраинъ Сибири, привлекая въ свой составъ людей всѣхъ національностей, безъ различiя положенiя и политическихъ убѣжденiй. Здѣсь есть командующiе войсками, губернаторы, офицеры, чиновники, священники, городскiе и земскiе дѣятели, предводители дворянства, адвокаты, врачи, кушцы, крестьяне. Есть попечительства, цѣликомъ состоящия изъ крестьянъ. Есть отдѣлы, состоящию цѣликомъ изъ нѣмцевъ и латышей (Прибалтiйскiй край), изъ поляковъ (Польша) изъ татаръ и т. д. Дѣло становится всероссiйскимъ, всенароднымъ.

Мѣстные отдѣлы, которые по плану общества должны быть основаны въ каждомъ губернскомъ и уѣздномъ городѣ, и попечительства—въ каждой волости, удовлетворяютъ самыя разнообразныя нужды пострадавшаго отъ войны населенiя. Вотъ на выдержку

нѣсколько примѣровъ дѣятельности отдѣловъ. Ананьевскій отдѣлъ вошелъ въ главное управленіе земледѣлія съ ходатайствомъ о предпочтительной продажѣ земель изъ фонда землеустроительной комиссіи безземельнымъ и малоземельнымъ нижнимъ чинамъ, и ходатайство это было уважено главнымъ управленіемъ. Курганскій отдѣлъ устраиваетъ «братскіе кружки» изъ нѣсколькихъ лицъ, берущіе на свое попеченіе каждый нуждающуюся семью инвалида. Иркутскій—устраиваетъ дѣтскій пріютъ и общежитіе. Ялтинскій—санаторію для туберкулезныхъ. Гатчинскій—санаторію для первобольныхъ солдатъ. Томскій собираетъ средства для устройства убѣжища для инвалидовъ Сибири. Рыльскій отдѣлъ развиваетъ свою дѣятельность въ такомъ масштабѣ. Приводимъ отчетъ. На канцелярію 24 р., на покупку усадьбы, избы и лошади раненому Маренцову—350 р., покупка раненому Мягкому лошади, телѣги и сбруи—100 р., на покупку сиротамъ воиновъ зимней одежды и сапогъ—150 р. и т. д. Павловскій отдѣлъ принимаетъ мѣры къ устройству сбыта издѣлій нижнихъ чиновъ и къ развитію кустарнаго промысла. Отдѣлы опредѣляютъ на мѣста, въ курорты, убѣжища, дѣтей въ школы и пріюты, ходатайствуютъ о бесплатномъ отпускѣ лѣса и земли, о выправкѣ утерянныхъ документовъ, о бесплатномъ проѣздѣ, по претензіямъ къ казнѣ и желѣзнымъ дорогамъ, о сложеніи недоимокъ, о выдачѣ медалей и орденовъ,—нѣтъ возможности привести весь перечень нуждъ, на которыя приходится откликаться мѣстнымъ отдѣламъ.

Но удовлетвореніемъ текущихъ нуждъ не исчерпывается значеніе мѣстныхъ отдѣловъ. Особенно важное значеніе пріобрѣтаетъ роль ихъ, какъ ячеекъ, около которыхъ группируются общественныя силы всей страны, объединяясь въ великомъ дѣлѣ—создать во время всегда возможной войны мощную поддержку, моральную и матеріальную, для защитниковъ родины, снявъ съ ихъ души бремя заботъ объ оставленныхъ дома семьяхъ. Врядъ ли надо много говорить о значеніи этого вопроса для состоянія духа мобилизованныхъ частей, а слѣдовательно и для успѣшнаго дѣла будущей войны? Гнетущая мысль о нуждѣ близкихъ сердцу можетъ смутить и сильныхъ духомъ. Печальныя явленія среди запасныхъ въ послѣднюю войну показали, что солдатъ, уходя на войну, долженъ быть спокоенъ за участь семьи. Между тѣмъ въ призрачій семействъ запасныхъ есть немало дефектовъ, главнѣйшими изъ которыхъ являются недостаточность пособій и полный произволъ въ ихъ назначеніи. Комиссіей, разсматривающей существующія на этотъ счетъ законоположенія, надо полагать, будутъ выработаны болѣе совершенныя нормы призрачія и устранены выясненные на практикѣ дефекты, но въ этой области всегда будетъ открыто обширное поле для призмненія общественной самодѣятельности, хотя бы въ видѣ контроля за дѣйствіями мелкой мѣстной администраціи, о злоупотреб-

бленіяхъ которой столько писалось въ минувшую войну. Въ мирное время мѣстные отдѣлы и попечительства должны, по плану общества, вести списки запасныхъ, подлежащихъ призыву, съ обозначеніемъ ихъ семейнаго положенія. Съ момента объявленія мобилизаціи организаціи общества принимаютъ на себя всѣ заботы объ обезпеченіи семей ушедшихъ на войну всѣми видами правительственной и общественной помощи и сами оказываютъ поддержку изъ фонда, образованнаго въ мирное время.

Мы слышали, что правительствомъ намѣчается поручить дѣло призрѣнія семей запасныхъ попечительствамъ, образуемымъ при каждой мелкой земской единицѣ и состоящимъ изъ представителей мѣстной правительственной и выборной власти. Невольно является вопросъ: не естественно ли было бы передать все это важное дѣло уже готовымъ общественнымъ организаціямъ общества повсемѣстной помощи, допознивъ ихъ агентами правительства, и вручить такимъ образомъ обезпеченіе семей защитниковъ родины лицамъ, которымъ дорого это дѣло, которыя уже знакомы съ нуждами семействъ, лишаящихся работниковъ, и которыя уже заранѣе знаютъ, какими формами правительственной и общественной помощи эти нужды могутъ быть удовлетворены.

Большое моральное значеніе должно имѣть и другое начинаніе общества, направленное къ тому, чтобы поселить увѣренность въ средѣ народной, что страна цѣнитъ заслуги солдата и благоговѣнно относится къ памяти воина, положившаго свою жизнь при защитѣ отечества. Общество задумало увѣковѣчить память павшихъ въ бою солдатъ занесеніемъ ихъ именъ на доски или на стѣны ихъ приходскихъ церквей. Для проведенія этой идеи въ жизнь при обществѣ учреждена комиссія, почетное предсѣдательство въ которой принялъ на себя великій князь Михаилъ Александровичъ. Въ нѣкоторыхъ селахъ, особенно въ Сибири, уже откликнулись на мысль, поданную обществомъ, и надо думать, что этотъ способъ увѣковѣченія памяти родныхъ героевъ, какъ близкій и понятный русскому человѣку, широко привьется.

Для болѣе широкой пропаганды своихъ идей и для установленія взаимной связи между организаціями на мѣстахъ, которыхъ, кстати сказать, образовано уже во всей Россіи 503 (изъ нихъ 202 мѣстныхъ отдѣла, 74 попечительства и 229 уполномоченныхъ) и число которыхъ съ каждымъ днемъ возрастаетъ, а также для взаимнаго ознакомленія ихъ съ дѣятельностью другъ друга, общество издастъ свой органъ «Вѣстникъ общества повсемѣстной помощи», удѣляющій много мѣста разработкѣ вопросовъ призрѣнія инвалидовъ и ихъ семействъ. Дѣятельность общества была замѣчена правительствомъ, пригласившимъ его представителей къ участію въ пересмотрѣ и разработкѣ законовъ о призрѣніи нижнихъ чиновъ и семействъ запасныхъ.

Въ заключеніе необходимо отмѣтить, что полезная, высокогуманная и патріотическая дѣятельность общества получила признаніе на высотѣ престола, и 31 марта прошлаго года Государь Императоръ соизволилъ принять общество подъ свое Высочайшее покровительство. Во время пребыванія своего въ Ливадіи Государь пожаловалъ обществу денежное пособіе на приобрѣтеніе въ Ялтѣ зданія для устройства санаторіи.

Въ числѣ почетныхъ членовъ общества состоятъ великія княгини Ольга и Ксенія Александровны, Анастасія Николаевна, Елизавета Ѳеодоровна и Елизавета Маврикіевна, великіе князья Михаилъ Александровичъ, Николай Николаевичъ, Николай, Александръ и Сергій Михайловичи, королева эллиновъ Ольга Константиновна и принцесса Евгенія Максимилиановна.

Мы подробно остановились на дѣятельности общества, считая необходимымъ отмѣтить разительный примѣръ созданія въ атмосферѣ нашего привычнаго недѣланія и пагубной россійской нѣтовщины нѣсколькими энергичными и самоотверженными людьми крупнаго общественнаго дѣла, выросшаго въ предпріятіе огромнаго государственнаго значенія.

Практическіе результаты ихъ дѣятельности таковы. Число членовъ превышаетъ десятокъ тысячъ. Годовой балансъ (одного лишь Петербурга) за 1908 годъ—77,466 р. Одно лишь петербургское правленіе въ той или иной степени облегчило участь болѣе 12,000 человекъ. Организацийъ въ имперіи образовано 503 (по ноябрь 1909 года), и число ихъ растетъ съ каждымъ днемъ.

Моральный итогъ не менѣе важенъ: въ массу народную брошено зерно сознанія, что правительство и все русское общество относится съ уваженіемъ и благодарностью къ лицамъ, принесшимъ въ жертву родинѣ свое здоровье, счастье и всю жизньъ, и что пострадавшій на войнѣ солдатъ не будетъ по возвращеніи оставленъ безъ помощи, что семья его не будетъ оставлена на произволь судьбы, а будетъ окружена попеченіями общества, которое замѣнитъ ей кормильца.

Зерно это принесетъ великій плодъ.

«Великая и благодѣтельная идея,—говорить г. Эль-Эсъ:—но на помощь ей должны прійти и правительство и общество. Организациа такой государственной важности не должна быть въ зависимости отъ случайной благотворительности. Нѣтъ, дѣло должно быть поставлено иначе. Это дѣло всероссійское. Такое учрежденіе должно имѣть постоянный бюджетъ, который даль бы ему возможность увѣренно работать безъ гнетущаго опасенія остаться внезапно безъ копейки. Можетъ быть, опредѣленнымъ процентомъ съ военнаго фонда, доходомъ съ благотворительнаго налога или другимъ какимъ путемъ, но общество должно быть обезпечено».

Нетрудно подвести итоги всему сказанному. Всемирное разоруженіе—пока еще достояніе мечтателей, и государство, которое желаетъ мирно выполнять свое культурное предназначеніе и отстаивать свои жизненные интересы, должно быть сильнымъ. Нельзя быть сильнымъ, не имѣя мощной духомъ арміи. А мощный духъ защитники родины сохранять лишь тогда, когда родина будетъ для нихъ не злой мачехой, а любящей, заботливой матерью.

Намъ особенно надо помнить это, обращая взоры на Востокъ, покрывающійся время отъ времени зловѣщимъ туманомъ. Счеты наши съ нимъ далеко еще не кончены...

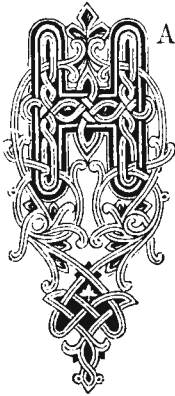
Н. А. Т.

ДОМЪ И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА БЛИЗЪ МОСКВЫ.

(Новая страница въ біографію романиста).

АЧИНАЯ съ конца тридцатыхъ годовъ,—говоритъ біографъ знаменитаго автора «Васурмана», «Ледяного дома» и «Послѣдняго Новика», С. А. Венгеровъ:—біографическій матеріаль о Лажечниковѣ крайне скуденъ...»¹⁾ Въ частности, совсѣмъ мало свѣдѣній имѣется о годахъ, прожитыхъ И. И. Лажечниковымъ въ Москвѣ, по выходѣ его окончательно въ отставку. Въ воспоминаніяхъ А. К. Жизневскаго²⁾ объ И. И. Лажечниковѣ приведены 18 писемъ этого послѣдняго изъ Витебска и Москвы (первое, впрочемъ, помѣчено Тверью), но между московскими, 10-мъ и 11-мъ, письмами какъ разъ восьмилѣтній перерывъ (20 августа 1855 г.—10 іюня 1863 г.)³⁾.

Между тѣмъ у насъ подъ рукой лежатъ документы, писанные рукою романиста и дополняющіе его біографію. Изъ этихъ бумагъ видно, что 68-лѣтній И. И. Лажечниковъ хотѣлъ устроить себѣ уютное гнѣздышко подъ Москвою и, дѣйствительно, устроилъ, но ненадолго. Это гнѣздышко-домъ доселѣ стоитъ въ Троекуровѣ въ томъ видѣ, какъ его задумалъ Лажечниковъ.

Окрестности Москвы, какъ ближнія, такъ и дальнія, давнымъ-давно извѣстны своею красотою. Кто ими не восторгался! Кого они не плѣняли—отъ легко воспламеняемыхъ поэтовъ до уравновѣшенныхъ ученыхъ! Сельцо Хорошово, Троекурово тожь, уже име-

¹⁾ Полн. собр. соч. И. И. Лажечникова, изд. 1899 г., т. I, стр. СХV.

²⁾ А. К. Жизневскій († 1897 г.), извѣстный тверской археологъ.

³⁾ «Памяти И. И. Лажечникова», Тверь, 1895 г.

немъ своимъ рекомендуется. Это подмосковное сельцо, по Московско-Брестской желѣзной дорогѣ, прошлое его освѣщено И. Е. Забѣлинымъ, который пишетъ въ своемъ сочиненіи «Кунцово и древній сѣтунскій станъ», что въ XVI столѣтіи Троекурово было сельцомъ и принадлежало окольнымъ И. И. Годунову, потомъ перешло къ князю И. Ѳ. Троекурову, а отъ него къ его сыну, князю Б. И. Троекурову (1627 г.), и затѣмъ ко внуку И. Б. Троекурову (1678 г.), при которомъ, вѣроятно, построена въ немъ каменная церковь во имя Никола съ придѣломъ Алексѣя митрополита, какъ о томъ значится въ 1704—1709 гг., когда село принадлежало уже дѣтямъ И. Б. Троекурова—Алексѣю, Петру, Александру и племянницѣ Прасковѣ Ѳеодоровѣ Троекуровымъ. Въ то время село обыкновенно называлось Хорошовымъ, по красотѣ мѣстоположенія, и Троекуровымъ стало прозываться уже по имени постоянныхъ на цѣлое столѣтіе его владѣльцевъ.

Отъ Троекуровыхъ Хорошово переходило изъ рукъ въ руки, которыя не могли удержать старины отъ разрушенія, такъ что теперь мѣстные жители не въ состояніи указать любопытному, гдѣ же именно стоялъ деревянный царскій дворецъ, въ которомъ, со временъ царя Михаила Ѳеодоровича, «во время охотничьихъ отъѣздовъ цари часто останавливались и выѣзжали нерѣдко сюда на лѣтнее временное житъе».

Приглянулось Троекурово-Хорошово и И. И. Лажечникову, и вотъ онъ рѣшилъ построить тамъ, гдѣ все навѣвало историческія были. Правда, далѣе онъ дѣйствуетъ по довѣренности свояченицы Анны Ивановны Озеровой, но хозяйская причастность его проглядываетъ въ самой заботливости о томъ, изъ чего и какъ надо строить въ Троекуровѣ домъ, чтобы онъ обошелся сравнительно недорого, былъ удобенъ и проченъ, короче сказать: Лажечниковъ строилъ домъ по своему вкусу и сообразно своимъ эстетическимъ желаніямъ.

17 мая 1860 года статскій совѣтникъ И. И. Лажечниковъ, въ качествѣ повѣреннаго свояченицы Анны Ивановны Озеровой, заключилъ купчую съ коллежскимъ ассесоромъ И. В. Винокуровымъ 1-мъ, продавшимъ 14 десятинъ 655 кв. сажень ненаселенной земли съ разнаго рода угодьями при селѣ Троекуровѣ. А 23 іюля того же года Лажечниковъ заключилъ условіе съ подрядчикомъ Смирновымъ касательно постройки дома; писатель самъ составилъ планъ дома, причемъ все предусмотрѣлъ; по лажечниковскому плану домъ долженъ былъ быть «длинною на двадцати аршинахъ и въ поперечникѣ на десяти аршинахъ», «къ оному дому» подрядчикъ обязывался «прирубить кухню въ три стѣны и пристроить парадное крыльцо съ рамами для оконъ и наружною дверью и черное крыльцо съ сѣнцами и двумя чуланами, стѣны должны быть поставлены на дубовыхъ стульяхъ прочныхъ, обшитыхъ тесовымъ

цокулемъ, поставить стѣны изъ хорошаго сосноваго лѣса не ниже пяти вершковъ въ струбѣ, настлатъ черные накатъ, смазать ихъ и натаскать на нихъ землю, стѣны надлежащимъ образомъ законопатить, построить террасу къ фасау на рѣчку (Сѣтунь), съ перилами и балконъ къ мезонину, срубить мезонинъ по плану на десяти и шести аршинахъ съ двумя комнатами...» Дальше указанія простирались вплоть до послѣдней заслонки.

За землю Винокурову было заплачено 1,875 рублей, а за домъ подрядчику 2,900 рублей, и подрядчикъ долженъ былъ закончить постройку и внутреннюю отдѣлку дома «не позже 1 мая 1861 года,

Домъ Лажечникова въ селѣ Хорошовѣ.

такъ, чтобы г-нъ Лажечниковъ съ семействомъ его могъ безпрепятственно и съ удобностью перейти въ него для житья».

Подрядчикъ, повидимому, былъ малосостоятельный владимирскій крестьянинъ; стройку онъ затанулъ до конца мая мѣсяца; расчетъ между Лажечниковымъ и Смирновымъ былъ конченъ 16 июня 1861 года, причемъ они подписались «иска другъ къ другу не имѣть».

Въ построенномъ съ такою заботливостью домѣ въ историческомъ селѣ Лажечниковымъ не довелось долго хозяйничать. На слѣдующій годъ усадьба продается статской совѣтницѣ Александрѣ Андреевнѣ Бояркиной, сыну которой она принадлежитъ и теперь ¹⁾.

¹⁾ Это врачъ-акушеръ Серг. Яковл. Бояркинъ, любезно предоставившій намъ документы.

Предъ нами письмо:

«Милостивый Государь,

Яковъ Александровичъ ¹⁾.

«Тройку нанять будетъ дорого. Мы наймемъ крытыя дрожки, въ которыя сядетъ Анна Ивановна ²⁾ и женщина, о которой вы говорили; а вы поѣдете въ своемъ экипажѣ. Такъ какъ мой слуга необходимъ на дачѣ, то не возьмете ли вы его вмѣсто кучера? Въ такомъ случаѣ, вы заѣдете къ намъ ³⁾, а переѣзжать будете въ Шелепихѣ, гдѣ перевозятъ гораздо скорѣе, чѣмъ на Драгомиловскомъ перевозѣ, и дорога сократится.

Вашъ покорнѣйшій слуга

И. Лажечниковъ.

«21 апрѣля 1862».

Почти за мѣсяць до этого письма—29 марта—земля и домъ уже были проданы Лажечниковымъ Бояркиной въ 1-мъ департаментѣ московской гражданской палаты. Любопытно отмѣтить, что Бояркина уплатила за землю съ «господскимъ домомъ, избой людской и скотнымъ дворомъ, съ двумя коровами и лошадыю и прочими хозяйственными вещами» 4,700 рублей, т.-е. на 75 рублей менѣе того, что уплатилъ Лажечниковъ за землю Винокурову и подрядчику Смирнову. Весь инвентарь пошелъ даромъ...

Почему произошла столь быстрая и явно убыточная продажа имѣньяца, неизвѣстно ⁴⁾, но она зато еще подкрѣпляетъ лажечниковскія слова въ завѣщаніи: «состоянія женѣ и дѣтямъ моимъ не оставляю никакого, кромѣ честнаго имени, каковое завѣщаю и имъ самимъ блюсти и сохранить въ своей чистотѣ».

Г. Бояркинъ продаетъ имѣніе. Лажечниковскій домъ, можетъ быть, доживаетъ свой вѣкъ: хотя ему и нѣтъ полныхъ 50 лѣтъ и строенъ онъ добросовѣстно и любовно, тѣмъ не менѣе на немъ замѣчается разрушительный осадокъ времени. Новый владѣлецъ, вѣроятно, повалитъ его и поставитъ другой, конечно, не «во вкусѣ умной старины». И вотъ это-то, главнымъ образомъ, заставило меня сфотографировать стѣны, въ которыхъ еще чувствуется тѣнь стараго романиста.

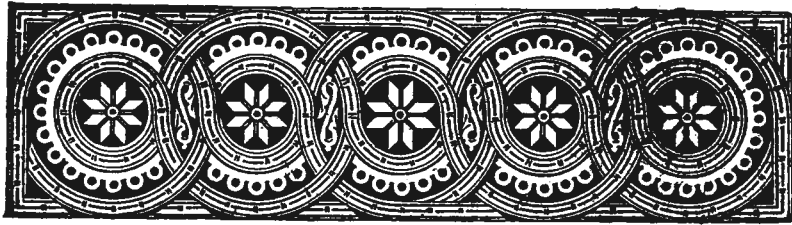
Павелъ Россіевъ.

¹⁾ Отецъ предыдущаго.

²⁾ Озерова.

³⁾ Въ Москвѣ Лажечниковы жили на Дѣвичьемъ полѣ, въ сосѣдствѣ съ М. П. Погодинымъ.

⁴⁾ Едва ли можно ставить такую продажу въ связь съ безгрѣшнымъ прикосновеніемъ И. И. Лажечникова къ растратѣ суммъ тверскаго приказа общественнаго призрѣнія и необходимостью пополнить растрату, производившуюся чиновниками во время вице-губернаторства И. И. въ Твери.

АСТРАХАНЬ.

(Путевыя впечатлѣнія).

Ы ПРИВЛИЖАЕМСЯ къ Астрахани. Панорама волжскаго берега почти не мѣняется цѣлыя сотни верстъ. Все тотъ же унылый ландшафтъ, наводящій скуку, та же ширь, тѣ же пески и островки, на которыхъ сидятъ тысячи дикихъ утокъ. Пароходная дѣтвора—а въ этотъ рейсъ ея болѣе чѣмъ достаточно—бросаетъ отъ бездѣлья въ птицъ камнями и любитъ, какъ утки, въ испугѣ, вереницей летять къ берегу. Только глубокомысленные философы-пеликаны — или, поздѣшнему, птицы-бабы—не обращаютъ на запугиванія никакого вниманія и не двигаются съ мѣста.

Изрѣдка встрѣчаются казачьи станицы. Однообразіе береговъ нижняго плеса убійственно дѣйствуетъ на пассажировъ. Разговоръ какъ-то не клеится. Только на носу парохода собралась наша компанія—«товарищей по несчастью», острить кто-то. Одни мы ведемъ бесѣду на разнообразныя темы. Остальная публика или сидитъ въ каютахъ, или «удовлетворяетъ нужды желудка», т.-е. попросту—обѣдаетъ.

Общее вниманіе обращаетъ на себя одна изъ нашихъ собесѣдницъ, «душа общества». Это дѣвушка лѣтъ 20—22, некрасивая, со скуластымъ лицомъ, но очень симпатичная, общительная и заразительно веселая. Ея звонкій смѣхъ раздается по всему пароходу.

Она не ходитъ, а бѣгаетъ, поминутно срываясь съ мѣста. Съ самаго ранняго утра она уже на ногахъ. Кто-то изъ нашей компаніи, улыбаясь, говоритъ ей: «Вамъ бы не дѣвочкой родиться, а мальчикомъ». И всѣ мы, любуясь ею, сознаемся, что это правда.

Она—слушательница парижскаго университета. На Волгѣ она въ первый разъ. Мощная рѣка, по которой она ѣдетъ чуть не отъ Твери, видимо, производитъ на нее сильное впечатлѣніе, и она внимательно смотритъ на оба берега.

— Знаете, съ кѣмъ вы разговаривали?—спрашиваетъ меня капитанъ парохода уже въ виду Астрахани:—вѣдь это княжна К., дочь извѣстнаго анархиста!

Пришлось пожалѣть, что не узналъ этого раньше. На волжскихъ пароходахъ, впрочемъ, прекрасно обходятся безъ «представленій». Ёдешь нѣсколько дней, разговариваешь съ однимъ и тѣмъ же лицомъ, а, прощаясь, въ концѣ концовъ такъ и не знаешь, кто твой бывшій собесѣдникъ.

Съ нами ѣхалъ еще студентъ медицинскаго факультета московскаго университета, лѣтъ 28—30. Физиономія некрасивая и даже самая обыкновенная, но въ глазахъ свѣтится желѣзная воля. —Куда вы ѣдете?—«Въ Астрахань, въ распоряженіе губернатора...» Оказывается, что въ Астраханской губерніи много политическихъ ссыльныхъ.—«Смотрите,—продолжаетъ студентъ, показывая свои десны:—въ страшномъ Нарымѣ былъ. Вотъ какъ цынга отдѣлала!.. Сперва сослали въ Колу. Обстановка была такая ужасная, что я рѣшилъ бѣжать,—чего бы мнѣ это ни стоило,—въ Архангельскъ, хлопотать у губернатора облегченія своей участи. Черезъ нѣсколько дней Энгельгардтъ принялъ меня и разрѣшилъ поселиться въ Архангельскѣ. Выхожу изъ губернаторскаго дома, а сыщики ужъ тутъ какъ тутъ, выслѣживаютъ меня. Объяснилъ имъ, въ чемъ дѣло, и они оставили меня въ покоѣ».

Объ Энгельгардтѣ студентъ отозвался тепло. Да и всѣ, кто лично зналъ этого недюжиннаго администратора и государственнаго дѣятеля, поминаютъ его добромъ. Къ несчастью, мы не могли сразу найти достойнаго преемника покойному.

II.

Съ Волги Астрахани почти не видно. Передъ вами только соборъ, доминирующій надъ городомъ и замѣтный, говорятъ, уже за тридцать верстъ. Безконечные ряды баржъ, лодокъ, барокъ-бѣлякъ покрываютъ кормилицу-Волгу. На ней какое-то лихорадочное оживленіе. То туда, то сюда шныряютъ баркасы и пароходы, парусныя шхуны. Цѣлая «щетина» мачтъ. На пристаняхъ кипитъ работа. Глядя на все это, и вы невольно становитесь нервнымъ. Вотъ оны

Старогостинный дворъ въ Астрахани.

«Ливерпуль», какъ звалъ его часто увлекавшійся не въ мѣру Евгений Марковъ, «русская Венеція», «каспійская Александрія»!

Воды, дѣйствительно, хоть отбавляй. Совсѣмъ Венеція! Съ сѣвера и запада—главное широкое русло Волги, съ востока—ея рукавъ, многоводная Большая Болда, съ юга—рѣчки Царевка и Бегча, въ самомъ городѣ--Кутумъ и Варваціевъ каналъ. Такимъ образомъ, выходитъ, что Астрахань лежитъ на островѣ.

Города не видно со стороны рѣки потому, что $\frac{7}{8}$ его частей возвышаются надъ уровнемъ Волги немногимъ болѣе $8\frac{1}{2}$ футовъ, остальная же часть лишь на 6,3—7,7 фута. Чтобы понять опасность, грозящую Астрахани ежегодно, слѣдуетъ помнить, что Волга во время половодья поднимается почти на двѣ сажени. Слѣдовательно, весь городъ неминуемо былъ бы заливаемъ водою, если бъ его не догадались обнести отовсюду землянымъ валомъ. Общая длина валовъ и береговыхъ укрѣпленій достигаетъ почтенной цифры тридцати пяти верстъ. Но если они и спасаютъ Астрахань отъ катастрофы, то лишь до извѣстной степенн. Они убоги и мало надежны, не говоря уже о томъ, что ихъ поддержаніе обходится городской кассѣ очень дорого.

Въ памятный день 16-го мая 1867 года Волга прорвалась на такъ называемой Косѣ и ринулась на городъ. Его спасъ извѣстный миллионеръ-благотворитель Александръ Александровичъ Сапожниковъ, скончавшійся въ 1887 году. Въ критическую минуту онъ приказалъ укрѣплять берегъ... мѣшками съ мукой! Эту муку брали изъ лавокъ за его счетъ. Такіе люди вывелись въ Астрахани, да и въ остальной Россіи едва ли найдешь ихъ.

Ниже уровня моря городъ лежитъ на 68 футовъ.

III.

Дѣлая поворотъ, нашъ пароходъ медленно подходит къ пристани, и черезъ нѣсколько минутъ мы сходимъ на берегъ.

Я не былъ въ Астрахани цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ; но въ ней та же грязь и пыль, тотъ же гомонъ толпы, та же тропическая жара, та же дурманящая и всюду, даже на пароходѣ, преслѣдующая васъ вонь отъ рыбы и тузлука, т.-е. рассола. Но что же дѣлать! «Городъ,—остроумно замѣчаетъ нѣкій бытописатель Астрахани,—живетъ рыбными промыслами, судоходствомъ, торговлею. Все это безъ грязи и вони не обходится. Отъ рыбныхъ тузлуковъ, воблы, селедки и судака-малосола о-де-колономъ не пахнетъ, а мазуть, деготь и т. п. не смоешь».—Ну, какой же тогда «Ливерпуль» ваша Астрахань! Просто Астрахань—и только.

Едва я успѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ какой-то оборванецъ предложилъ мнѣ свои услуги—донести вещи до гостиницы.

Никольская улица в Астрахани.

Мы храбро пробиваемся на набережной сквозь толпу народа. Нуждаясь въ постоянныхъ рабочихъ рукахъ, Астрахань привлекаетъ къ себѣ значительный процентъ пришлаго населенія, преимущественно мужчинъ. Послѣднихъ въ городѣ до 52,3% всего населенія.

Эта многоязычная толпа, отовсюду стекшаяся на заработки, гудитъ. Здѣсь и персы, и армяне, и калмыки, и русскіе, и татары, и киргизы, и евреи! Вотъ красивые загорѣлые крючники-персы отъ нечего дѣлать показываютъ свое искусство, играя въ чехарду, и отпускаютъ площадныя шутки. «Забитый народъ, господинъ!» замѣчаетъ мой носильщикъ-чичероне...—А какихъ-нибудь 170 лѣтъ тому назадъ эти персы при геніальномъ Надиръ-шахѣ заставили дрожать всю Азію!

Русскіе флегматично развалились на солнышкѣ на набережной и уплетаютъ лукъ и огурцы, покрытые густымъ слоемъ пыли. Вотъ идетъ любезный соотечественникъ съ цѣлою связкой сушеной воблы на шеѣ. Эстетика и обоняніе, очевидно, плохо развиты у него.

Юркіе сыны гонимаго племени показываются на набережной изрѣдка, и то въ роли комиссіонеровъ. Въ Астрахани они свили себѣ прочное гнѣздо. Писчебумажные магазины почти исключительно въ рукахъ евреевъ. Вообще, инородческій элементъ въ Астрахани довольно силенъ,—около 25% на 150,000 всего населенія. Капиталы въ рукахъ армянъ—Агамжановыхъ, Ліанозовыхъ, Сергѣевыхъ и прочихъ.

Пройдите въ лѣтній праздничный день по Астрахани и понаблюдайте толпу. Среди нея вы встрѣтите массу женщинъ, отталкивающихъ по внѣшности и циничныхъ по манерамъ, какъ и ихъ «предметы», или, въ лучшемъ случаѣ, шустрыхъ, болтливыхъ и подчасъ остроумныхъ. Весь этотъ сбродъ пришелъ на заработки—готовить въ прокъ рыбу и собирать виноградъ. О нравственности здѣсь много не думаютъ, а любятъ просто, à la Арцыбашевъ. Здѣсь къ вашимъ услугамъ и «сильные самцы», и «розовыя безхвостыя кобылы», употребляя картинное выраженіе нашего знаменитаго писателя-моралиста. Подписывая контрактъ съ рыбопромышленникомъ, женщина, какъ выражается сама она, «продается вся, со всѣми потрохами»...

Пока вы идете по городу, васъ окружаетъ великое множество нищихъ, оборванцевъ и пьяницъ. Пьянаго я видѣлъ даже возлѣ самаго архіерейскаго дома въ Кремлѣ, мирно спящимъ на церковной паперти. «Насъ этимъ не удивишь,—иронически говорить, слушая меня, знакомый астраханецъ:—чуму, батенька, видали, и не одинъ разъ, на всю Европу прославились!»

Побывавъ съ проводникомъ во всѣхъ мѣстныхъ старыхъ и новыхъ «отеляхъ», отличающихся грязью и дороговизной, мы съ трудомъ нашли подходящее помѣщеніе. Іюнь—время горячее; гостиницы полны рыбопромышленниками,—и съ васъ дерутъ, сколько

Часть Московской улицы в Астрахани.

вздумается. За крошечный номеръ съ потасканной мебелью и нелегальными жильцами въ придачу, въ третьемъ этажѣ, вы платите 2 р.—2 р. 50 к. На бѣду, меня приняли за рыбопромышленника и только потомъ узнали, что имѣютъ дѣло съ представителемъ едва ли не самой необезпеченной профессіи...

IV.

Покончивъ съ «проклятымъ» для каждаго туриста квартирнымъ вопросомъ и различными формальностями, я отправился гулять по городу, гдѣ, какъ я уже упоминалъ, не было цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ.

За это время центръ Астрахани измѣнился до неузнаваемости: на улицахъ масса новыхъ домовъ, часто красивой архитектуры; завелся даже электрическій трамвай,—но тѣ же костоломные тротуары, плохія мостовыя, отсутствіе освѣщенія, та же бѣшеная, чисто азіатская, ѣзда по городу—астраханскихъ тузовъ!

Противъ губернаторскаго дома, въ небольшомъ, но тѣнистомъ Александровскомъ саду—памятникъ императору Александру II, сооруженный въ 1884 году по проекту Опекушина и очень напоминающій кишиневскій. Но какъ небрежно содержится этотъ памятникъ,—его рѣшетка повалилась, безобразные фонари давно требуютъ ремонта, прилегающія къ монументу дорожки сада изрыты и покрыты шелухой отъ подсолнечниковъ! Изящная рѣшетка сада—и отвратительная панель! И это въ лучшей части Астрахани, на глазахъ администраціи!

Губернаторскій домъ, находящійся противъ сада, довольно красивъ. Но какъ-то странно видѣть, что его нижній этажъ занятъ магазинами. Астраханское губернское правленіе помещается въ частномъ зданіи, хотя у казны есть свое пустопорожнее мѣсто для постройки присутственныхъ учреждений.

V.

Любителямъ старины не мѣшаетъ побывать въ губернскомъ архивѣ, гдѣ дѣла свалены цѣлыми грудями въ сыромъ подвалѣ и гниютъ отъ сырости и солончаковой воды. Но попасть въ астраханскій архивъ не такъ-то легко. Губернскій архиваріусъ—старикъ далеко не изъ любезныхъ.

Являюсь къ единому изъ «власть имущихъ», почтительно показываю командировочное свидѣтельство и прошу оказать «просвѣщенное содѣйствіе». Но грозное начальство смотритъ на протянутый листъ съ высоты величія и, пробурчавъ: «Свидѣтельство потрепано. Мнѣ не до васъ»,—грубо поворачивается спиною. Очевидно,

Домъ губернатора въ Астрахани.

пробываніе среди «восточныхъ челазковъ» выработало въ грозномъ вершителѣ моихъ судебъ особый способъ обращенія съ просителями. Спасибо губернатору, что далъ разрѣшеніе на занятія въ архивѣ!

VI.

На самомъ высокомъ изъ четырехъ параллельно идущихъ бугровъ города, раздѣленныхъ солончаковыми болотами, стоитъ астраханскій кремль, «вмѣститель святынь». Начатый постройкой въ 1582 году и оконченный въ правленіе царя Бориса, около 1589 года, онъ столько разъ разваливался потомъ и отстраивался заново, что въ настоящее время ничто не напоминаетъ объ его прежнемъ видѣ. Его зубчатая стѣна мѣстами разобрана на безобразныя его пристройки, но онъ все еще имѣетъ $4\frac{1}{2}$ сажени въ вышину и 2 сажени въ толщину. Съ грандіознымъ смоленскимъ кремлемъ, конченнымъ постройкой при томъ же Годуновѣ, его и сравнивать нечего. Въ кремлѣ уцѣлѣли четыре башни. Одна изъ нихъ, Жаркова, трехъ-этажная, высотой около девяти сажень.

Кремлевскій каедральный Успенскій соборъ, которымъ такъ восторгался Иванъ Аксаковъ въ бытность свою въ Астрахани, въ нынѣшнемъ своемъ видѣ сооруженъ въ 1710 г. на мѣстѣ древней церкви, освященной въ 1602 году. Вышней онъ 30 сажень. Архитектура его величественна и изящна. Соборъ двухъэтажный. Въ верхней церкви замѣчательна иконостасъ, около 11 сажень высоты. Ризница собора заслуживаетъ особеннаго вниманія. Между прочимъ здѣсь хранится драгоценная митра, украшенная 672 камнями, въ томъ числѣ хризолитомъ болѣе вершка въ діаметрѣ! Эта митра сдѣлана изъ девяти прежнихъ митръ въ 1790 году въ Москвѣ, подъ наблюденіемъ извѣстнаго археолога Н. Н. Вантышъ-Каменскаго. Ее цѣнятъ въ 150,000 рублей! На другой митрѣ, 1810 года, огромная жемчужина съ голубиное яйцо величиною.

Изъ прочихъ вещей, находящихся въ соборной ризницѣ, интересенъ посохъ перваго астраханскаго митрополита, несчастнаго Юсифа, нѣсколько крестовъ, плащаница 1466 года, взятое у Марии Мнишекъ евангеліе и т. д. У евангелія преосвященнаго Меодія, занимавшаго астраханскую каедру съ 1758 по 1776 годъ, верхняя доска изъ чистаго золота. Доска—тоже московской работы—вѣситъ 35 фунтовъ. Она осыпана драгоценными камнями и представляетъ вмѣстѣ съ ними стоимость въ 120,000 рублей. Очень цѣннымъ считался когда-то и образъ Владимирской Божьей Матери, подаренный собору воеводой П. М. Салтыковымъ. На образѣ была надпись, которой каждая буква, длиной около двухъ вершковъ, была густо усыпана жемчугомъ, а самая риза богато украшена драгоценными камнями. И вотъ одинъ изъ астраханскихъ преосвященныхъ, Петръ Любарскій, взялъ образъ къ себѣ, «изъ любопыт-

Рыса Кутумъ.

ства и любви къ столь священнымъ предметамъ». Преосвященный «архислогъ» вернулъ его только черезъ шесть лѣтъ «въ цѣлости», но, увы!—драгоценныхъ камней и жемчуга на ризѣ уже не оказалось...

Въ соборѣ хранится также походный образъ фельдмаршала Шереметева. Этотъ образъ былъ у него на груди, когда онъ вошелъ въ Астрахань послѣ усмиренія «свадебнаго» бунта. Наконецъ, въ соборѣ находятся одежды мученика-митрополита Юсіфа и облаченія астраханскихъ митрополитовъ. Царскія врата въ соборѣ серебряныя, стоимостью въ 130,000 рублей. Пожертвованы въ 1818 году мѣстнымъ купцомъ-благотворителемъ А. П. Сапожниковымъ.

Красивую соборную колокольню выстроилъ въ 1813 году извѣстный Варвакисъ. На ней колоколь вѣсомъ около 1,500 пудовъ. Циферблатъ огромныхъ часовъ колокольни имѣлъ болѣе сажени въ диаметрѣ. Ихъ мелодичный бой былъ слышенъ въ цѣломъ городѣ.

Въ настоящее время соборная колокольня разобрана, такъ какъ грозила паденіемъ. Новая колокольня будетъ, повидимому, тоже изящнымъ и монументальнымъ сооруженіемъ, которое, однакожъ, едва ли будетъ гармонировать съ соборомъ.

Изъ иновѣрческихъ астраханскихъ церквей замѣчательно красивъ въ архитектурномъ отношеніи армянскій соборъ свв. Петра и Павла, построенный въ 1771 году. Здѣсь хранится превосходная копія съ картины Рафаэля «Снятіе со креста». Копія такъ хороша, что какіе-то туристы—по рассказамъ, конечно, англичане,—предлагали за нее десять тысячъ рублей. Картину постигла потомъ печальная, но обычная у насъ судьба: какой-то церковный староста, мѣняя раму картины, приказалъ обрѣзать края копіи, которые оказались, на бѣду, больше самой рамы. Въ оградѣ петропавловскаго собора могила крупнаго астраханскаго благотворителя, рыбопромышленника Ліанозова.

Католическая церковь въ Астрахани не представляетъ въ архитектурномъ отношеніи ничего особеннаго. Вербовкой «духовныхъ чадъ» для нея занимались, между прочимъ, іезуиты. Въ Астрахани они появились въ 1805 году и первымъ дѣломъ открыли пансіонъ для дѣтей. Они успѣшно улавливали ихъ въ свои сѣти, пока правительство не выгнало, наконецъ, святыхъ отцовъ изъ русскихъ предѣловъ. Съ исчезновеніемъ учителей закрылся и самый пансіонъ.

Магометанскія мечети—персидская и татарская—тоже самыя обыкновенныя сооруженія.

VII.

Мѣстность между Пыточной башней кремля и Волгой называется Косою. Это новый, богатый и торговый, но грязный кварталъ Астрахани. Лѣтъ около двухсотъ тому назадъ Коса была покрыта водою, такъ что къ кремлю подъѣзжали на лодкахъ. Напримѣръ, Петръ

Великій во время персидскаго похода 1722 года подплыль къ кремлю на яхтѣ. Теперь вода ушла, но для защиты Косы отъ наводненій пришлось сдѣлать валь.

Если, съ одной стороны, Коса—самое оживленное и торговое мѣсто города, съ другой—она и самое буйное. Близость Волги съ ея рабочимъ населеніемъ даетъ себя чувствовать. Нигдѣ вы не увидите такого количества алгвазиловъ, какъ на Косѣ, нигдѣ не толкнетесь на такую массу уличныхъ безобразниковъ, какъ на ней.

Главная улица Косы—Никольская. Улица небольшая и довольно узкая, со зданіями заурядной архитектуры, но оживленная. На ней конторы самыхъ крупныхъ фирмъ, страховыхъ и транспортныхъ обществъ, масса магазиновъ, кухмистерскихъ, ресторановъ и... портерныхъ. Здѣсь не только скандалятъ и распускаютъ сплетни про представителей торговаго міра, но и аргорос пускаются въ излишнія откровенности съ пріѣзжими, которыхъ видятъ въ первый разъ.

Если вы вздумаете поселиться въ гостиницѣ на Никольской, вы въ первый же день жестоко раскаетесь. Васъ доведутъ до бѣлаго каленія безконечный грохотъ экипажей по отвратительной мостовой и шумъ трамвая, который въ Астрахани начинаетъ работу чуть не съ шести часовъ утра.

Противъ Пыточной башни огромный трехэтажный, весьма красивой архитектуры, домъ братьевъ Гантшеръ, одной изъ богатѣйшихъ еврейскихъ торговыхъ фирмъ на Волгѣ. Домъ сверху донизу занятъ магазинами. Въ немъ есть удобства, пока еще довольно рѣдкія въ провинціи,—подъемныя машины и электрическое освѣщеніе.

Отъ Никольской улицы идетъ Шоссейная, недурно обстроенная и оканчивающаяся у Камышинскаго моста на рѣкѣ Кутумѣ.

Около Краснаго моста на томъ же Кутумѣ—городской базаръ, Большая Исады.

На Исадахъ поистинѣ «смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній». Это въ своемъ родѣ этнографическій музей. Мычанье волось и противный крикъ верблюдовъ дополняютъ картину.

Побывать на Исадахъ вмѣняется въ непремѣнную обязанность каждому туристу.

Самый Кутумъ шириной съ нашу Фонтанку. Его берега мѣстами очень хорошо обстроены. Здѣсь немало прекрасныхъ домовъ, принадлежащихъ богатому астраханскому купечеству.

Противъ кремля, вблизи дома Гантшеровъ,—монументальное, но сильно запущенное зданіе «русскаго» гостинаго двора, законченное постройкой въ 1825 году, по проекту де-Педри, при городскомъ головѣ Сапожниковѣ. Чтобы судить о размѣрахъ этого сооруженія, слѣдуетъ принять во вниманіе, что одного кирпича пошло въ дѣло восемь милліоновъ штукъ. Главный корпусъ гостинаго двора выходитъ на Соборную улицу, остальная часть—на Москов-

скую. Послѣдній корпусъ перестроенъ заново. Архитектура весьма изящная, но все зданіе грязно и облуплено.

Пройти мимо той части гостиннаго двора, которая выходитъ на Соборную улицу, и не быть обруганнымъ кишачими здѣсь оборванцами—своего рода счастливая случайность. Дѣло въ томъ, что здѣсь устроена, —не знаю, съ разрѣшенія ли «предержащихъ» властей, или самовольно—толкучка, точь-въ-точь, какъ у насъ на Фонтанкѣ, противъ Александровскаго рынка. Мнѣ передавали, что ранѣе астраханскіе хулиганы нападали на всѣхъ болѣе или менѣе прилично одѣтыхъ встрѣчныхъ, а въ особенности на казаковъ, и что только съ назначеніемъ новаго вице-губернатора, г. Масальскаго, эти возмутительныя безобразія прекратились.

Отъ кремля начинается главная и лучшая улица Астрахани—Московская, или Екатерининская, которая не посрамила бы любого губернскаго города.

На Московской улицѣ находится, кромѣ губернаторскаго дома, великолѣпное, которому могутъ смѣло позавидовать многіе наши города, еще не оконченное зданіе городской управы, вмѣстѣ съ сосѣднимъ, тоже еще строящимся домомъ женской гимназій. Послѣднія сооруженія занимаютъ цѣлый кварталъ. Тутъ же вы видите реальное училище, изящную казенную палату и казначейство, частный театръ, лучший книжный магазинъ и проч.

На этой же улицѣ красивой архитектуры церковь Рождества Богородицы, самая старая въ городѣ, но въ настоящемъ своемъ видѣ освященная въ 1709 году, и стоящій на бугрѣ женскій Благовѣщенскій монастырь, окруженный стѣною съ башнями. На Московскую улицу выходитъ и единственный сколько-нибудь благоустроенный садъ въ городѣ—Александровскій, или Губернаторскій. Садъ окруженъ нѣсколькими улицами. На одной изъ нихъ, противъ того же сада, самая изящная постройка въ Астрахани—новый домъ войскового управленія астраханскаго казачьяго войска. Офицерское войсковое собраніе, тоже очень красивое, находится на окраинѣ города.

Одна изъ наиболѣе оживленныхъ и лучшихъ улицъ Астрахани—Полицейская, гдѣ, между прочимъ, помѣщается зданіе почтамта и мужской гимназій, одной изъ старѣйшихъ въ Россіи. Недавно выстроенный домъ почтамта большой, но грязный.

Полицейская улица считалась когда-то первой въ городѣ, что не мѣшало ей славиться своею непролазною грязью, о которой существуетъ немало ходячихъ анекдотовъ. Послѣ дождя астраханцы должны были, лишь бы не утонуть въ грязи, нанять извозчика для переѣзда на другую сторону Полицейской улицы. Изъ большихъ губернскихъ нашихъ городовъ это практикуется еще—говорю по личному печальному опыту—только на окраинахъ Херсона.

Идя по Полицейской улицѣ, вы доходите до знаменитаго въ лѣтописяхъ Астрахани Варваціева канала, соединяющаго Кутумъ съ Волгой.

Рыбная биржа в Астрахани.

Каналь былъ начатъ въ 1744 году, по проекту Петра Великаго, для осушенія почвы Астрахани, но, за неимѣніемъ средствъ, работы были прекращены. Онѣ возобновились только въ 1810 году, когда за дѣло взялся извѣстный астраханскій благотворитель, грекъ Иванъ Андреевичъ Варвакисъ, или Варваці. Въ 1817 году онъ окончилъ каналь, затративъ на работы около 200,000 рублей. По Высочайшему повелѣнію, каналь, называвшійся раньше Астраханскимъ, былъ переименованъ въ Варваціевъ.

Каналь мелокъ и узокъ—въ половодье его глубина достигаетъ едва десяти футовъ, а ширина лишь двадцать сажень—заплылъ иломъ и служить въ настоящемъ своемъ видѣ постояннымъ разсадникомъ маляріи. Вслѣдствіе этого извѣстный астраханскій рыбопромышленникъ-благотворитель С. М. Ліанозовъ, палаццо котораго стояло на берегу канала, рѣшилъ углубить каналь вмѣстѣ съ Кутумомъ и въ 1894 году ассигновалъ на это 300,000 рублей. Ліанозовъ поставилъ городу одно условіе: чтобы всѣ новые доходы, которые могли открыться послѣ углубленія канала, поступали въ фондъ благотворительныхъ учрежденій имени его, Ліанозова. Къ несчастью, послѣдній вскорѣ умеръ, не успѣвъ довести до конца свой грандіозный проектъ. Его сынъ и наслѣдникъ Г. С. Ліанозовъ приобрѣлъ за границей землесось за 80,000 рублей, но чрезъ нѣсколько времени отказался отъ продолженія работъ и передалъ землесось городу вмѣстѣ съ капиталомъ въ 175,000 рублей. Тогда астраханская городская управа въ 1897 году заключила контрактъ съ инженеромъ Симоновымъ, который и взялся углубить каналь за 145,000 рублей. Съ тѣхъ поръ прошло двѣнадцать лѣтъ, а каналь все еще «чистятъ». Эта операція производится весьма оригинальнымъ—чтобы не сказать болѣе—способомъ. Взятую изъ середины канала грязь рабочіе сваливаютъ зъ воду—у береговъ того же канала. Грязь снова уплываетъ на средину канала, ее опять вычерпываютъ и снова кладутъ у берега и т. д. Все это дѣлается на виду полуторастатысячнаго населенія и на глазахъ властей. Капиталь Ліанозова постепенно «усыхаетъ». Чума ли появится, или холера—городъ беретъ на борьбу съ ними деньги изъ того же капитала.

Упомянувъ о Варваціевомъ каналѣ, нельзя обойти молчаніемъ недюжинную личность самого филантропа.

Его біографія немногословна, но поучительна.

Родился Варвакисъ въ 1750 году на небольшомъ островѣ Псаріи и съ юныхъ лѣтъ выдѣлился своей отвагой. Едва нашъ флотъ появился, въ Первую турецкую войну, въ архипелагѣ, двадцатилѣтній Варвакисъ вооружилъ на свой счетъ фрегатъ и поступилъ на русскую службу.

Въ чесменскомъ сраженіи Иванъ Андреевичъ отличился и въ награду получилъ чинъ лейтенанта. Послѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира турки, не обращая вниманія на то, что Варвакисъ

былъ русскимъ офицеромъ, арестовали его вмѣстѣ съ его судномъ и, несомнѣнно, казнили бы, если бъ въ дѣло не вмѣшался нашъ посоль при константинопольскомъ дворѣ. Но, освободивъ Варвакиса, турки оставили его безъ средствъ, и онъ долженъ былъ пѣшкомъ отправиться въ С.-Петербургъ. Здѣсь его обласкали, выдали ему отъ имени императрицы тысячу золотыхъ въ награду и затѣмъ опредѣлили на службу въ Астрахань. Въ Астрахани Иванъ Андреевичъ нашель свою судьбу. Занявшись рыболовствомъ, онъ составилъ себѣ колоссальное состояніе и, повидимому, игралъ въ городѣ большую роль. По крайней мѣрѣ, въ одномъ изъ своихъ писемъ Турчакинову отъ 9-го ноября 1781 года знавшій Варвакиса Суворовъ говоритъ: «На досугѣ... Варвацц, первый министр (т.-е. при астраханскомъ губернаторѣ Якоби), ишетъ халдейскую книгу на Мазаринн». Последнее какъ бы намекаетъ на то, что Суворовъ былъ съ Варвакисомъ въ натянутыхъ отношеніяхъ.

За оказанное ему благодѣяніе Иванъ Андреевичъ съ лихвой отплатилъ правительству. Такъ, въ персидскую войну 1806 года онъ безвозмездно перевозилъ на своихъ судахъ провіантъ нашимъ войскамъ и, кромѣ того, широко благодетельствовалъ. Въ Астрахани онъ выстроилъ больницу, которую обезпечилъ капиталомъ, соборную колокольню, кончилъ Астраханскій каналъ и на свой счетъ перекинулъ черезъ него и Кутумъ нѣсколько мостовъ, представляющихъ солидное сооруженіе и въ настоящее время, выстроилъ въ Таганрогѣ греческій монастырь и проч. Онъ не забывалъ и своихъ земляковъ на Псари и, по завѣщанію, оставилъ имъ крупную сумму. Скончался Иванъ Андреевичъ 10-го января 1825 года. Память о немъ живетъ въ Астрахани до сихъ поръ; но городу стыдно и грѣшно, что онъ все еще не почтилъ своего благодѣтеля хотя бы бюстомъ на одной изъ астраханскихъ площадей.

VIII.

Чтобы судить, какъ велики торговые обороты Астрахани, слѣдуетъ замѣтить, что въ ней болѣе двухъ тысячъ торговыхъ предпріятій, въ томъ числѣ 800 гильдейскихъ, съ оборотомъ въ 93 милліона рублей. Вся торговля Россіи съ Востокомъ происходитъ черезъ нее. Какъ портовый городъ, Астрахань по числу судовъ уступаетъ только Одессѣ, но по числу парусныхъ судовъ занимаетъ въ Россіи первое мѣсто. Въ навигацію 1906 года въ Астрахань пришло 993 буксирныхъ парохода, грузилось и выгружалось 4,544 баржи, судна и лѣсныхъ плота. Работой было занято 44,296 человекъ, отправлено грузовъ Волгой 238.241,469 пуд. на сумму 155.172,166 р., привезено 54.467,155 пудовъ на сумму 37.347,464 рубля. Морскихъ судовъ пришло 5,418, ушло 5,308. Изъ-за границы было привезено

товаровъ 1.287,868 пудовъ на сумму 4.986,351 рубль, вывезено 607,701 пудъ на 985,526 рублей. Обороты каботажна громадныя: было привезено 259.241,013 пудовъ на сумму 168.512,963 рубля и вывезено 21.761,768 пудовъ на сумму 48.070,668 рублей. Такимъ образомъ, торговый оборотъ Астрахани достигаетъ колоссальной цифры 405.075,138 рублей! Зато торговля мѣстными произведеніями не велика. Астрахань вывозитъ исключительно фрукты и овощи. Первыхъ въ 1906 году вывезено на 364,949 рублей; изъ нихъ до 244,777 пудовъ винограда, до 250,000 пудовъ арбузовъ и дынь и до 279,826 пудовъ помидоровъ, баклажанъ, огурцовъ, перцу, луку, картофеля и проч. Главные предметы вывоза—нефть, рыба, соль, фрукты, овощи и хлопокъ, привоза—хлѣбъ и дрова.

Астрахань одинъ изъ крупнѣйшихъ нефтяныхъ рынковъ. Здѣсь нефть продается, покупается и посылается для отправки во внутрь Россіи, преимущественно Волгой.

Несомнѣнно, что съ окончаніемъ желѣзной дороги, доведенной пока до пристани Бузана, въ сорока верстахъ отъ города, торговли Астрахани должна еще болѣе увеличиться. Въ настоящее же время сообщеніе съ Астраханью по желѣзной дорогѣ неудобно уже потому, что поѣзда ходятъ лишь три раза въ недѣлю. Этой дорогѣ вообще не везетъ: зимой—снѣжные заносы, лѣтомъ—песчаные, отъ летучихъ барханныхъ песковъ. Щиты не помогаютъ: пескомъ засыпаетъ даже между колесами. Постройка бузанскаго моста страшно затянулась. До сихъ поръ перекинута всего три пролета. На паромѣ же деруть по 1 р. 50 к. съ человѣка и груза не берутъ.

Когда-то, въ 1770 году, въ городѣ было много шелкомотальныхъ и мыловаренныхъ заводовъ, въ общемъ до 130 фабрикъ и до 10 заводовъ, принадлежавшихъ армянамъ, но теперь число фабрикъ и заводовъ Астрахани всего 116, съ ничтожною суммой производства въ 6.409,166 рублей, изъ которыхъ на долю одного водочнаго завода падаетъ болѣе трехъ милліоновъ рублей.

Городской бюджетъ болѣе милліона рублей, изъ которыхъ 10% расходуются на народное образованіе и свыше 15% на медицинскую часть.

Къ сожалѣнію, городское хозяйство ведется далеко не образцово, и на 1909 годъ ожидается крупный дефицитъ болѣе 100,000 рублей, покрыть который предположено уменьшеніемъ расходовъ на благоустройство города, остановкой ремонта мостовыхъ и мощенія улицъ! Еще совѣмъ недавно Астрахань получила по завѣщанію благотворителей огромные капиталы; но въ распоряженіи ими не было, повидимому, строгаго контроля. Упраздненіе 1% сбора съ привозимыхъ въ городъ товаровъ печально отразилось на астраханскомъ бюджетѣ. Съ тѣхъ поръ городъ не можетъ удовлетворить самымъ настоятельнымъ своимъ потребностямъ. Замощена Астрахань только на половину булыжникомъ, привозимымъ изъ Яро-

Погрузка рыбы на набережной.

славля. Изъ пятнадцати городскихъ мостовъ каменнаго или желѣзнаго нѣтъ ни одного!

Хотя городъ расширяется, на его медицинскую часть тратится не многимъ болѣе 15%. Неудивительно, что санитарное состояніе Астрахани отвратительно и что она принадлежитъ къ числу вымирающихъ городовъ. Грязь и низменное мѣстоположеніе довели цифру смертности до 48 на тысячу, повышающуюся въ иной годъ до 64%! Холера и чума такъ же хорошо знакомы Астрахани, какъ и на мѣстѣ родины, въ далекіхъ Бомбей и Мадрасѣ. Больница, домъ умалишенныхъ и богадѣльня находятся на южной оконечности города, на такъ называемомъ Паробичевомъ бугрѣ и становятся тѣсными для многочисленныхъ пациентовъ.

IX.

Культурная жизнь въ Астрахани довольно развита. Кромѣ гимназій мужской и женской, реального училища и семинаріи, есть мореходная школа, школа огородничества и садоводства, музыкальное училище, армянская семинарія, мусульманское училище, художественно-техническіе классы, не считая нѣсколькихъ частныхъ учебныхъ заведеній и ремесленныхъ школъ.

Музеевъ не одинъ и между ними—городской Петровскій (естественно-историческій и археологическій), ихтиологическій управленія рыбными и тюленьими промыслами и военный музей при офицерскомъ собраніи астраханскаго казачьяго войска, самый молодой изъ всѣхъ трехъ.

Петровскій музей наиболѣе богатый. Содержится въ образцовомъ порядкѣ. Въ археологическомъ отдѣлѣ большая коллекція монетъ монгольскихъ, Золотой Орды и русскихъ, предметы, добытые при раскопкѣ столицы Сарая, остатки допотопныхъ животныхъ и т. д. Хорошъ этнографическій отдѣлъ, особенно калмыцкій, рыболовный и судоходный, собраніе образцовъ соли и очень богатый отдѣлъ флоры и фауны Астраханской губерніи. О Петрѣ напоминаетъ очень немного. Изъ послѣдняго можно указать развѣ на большую картину, находившуюся когда-то на нижегородской выставкѣ и изображающую смотръ императоромъ каспійскаго флота въ Астрахани передъ походомъ въ Персію въ 1722 году, да бронзовую статуэтку Петра, даръ покойнаго А. П. Бахрушина. Въ 1909 году въ Астрахани возникла мысль о поставкѣ въ городѣ памятника гениальному преобразователю Россіи, но эта мысль зародилась не въ головахъ гг. астраханцевъ, а принадлежитъ губернатору И. Н. Соколовскому...

Въ ихтиологическомъ музеѣ хранятся коллекція рыбъ, ихъ пищи и паразитовъ, орудія рыболовства, модели рыболовныхъ судовъ

и промысловыхъ построекъ, принадлежностей тюленьихъ промысловъ и проч. Среди чучель рыбъ есть замѣчательные экземпляры бѣлугъ и тюленей.

Военный музей, основанный по мысли полковника астраханскаго казачьяго войска И. А. Бирюкова, пока невеликъ и занимаетъ всего одну комнату. Здѣсь вы видите портреты наказныхъ астраханскихъ атамановъ, грамоты, пожалованныя войску, старинное вооруженіе, сочиненія, относящіяся къ исторіи астраханскаго казачества, и т. д. Все собрано съ большою любовью и содержится въ замѣчательномъ порядкѣ.

X.

Газетъ въ Астрахани нѣсколько, какъ и журналовъ. Основателемъ астраханской прессы слѣдуетъ считать нѣмца Вейсгопфена, преподавателя нѣмецкаго языка въ астраханской гимназіи. 29 января 1813 года онъ выпустилъ первый нумеръ, единственной тогда въ Астрахани, газеты «Восточныя Извѣстія», а въ 1816 году сталъ издавать «Азіатскій Музыкальный Журналъ» учитель музыки Добровольскій. Оба изданія очень рѣдки. Въ настоящее время въ Астрахани, кромѣ «Губернскихъ Вѣдомостей», издаются: «Астраханскій Вѣстникъ», «Епархіальныя Вѣдомости», «Астраханскій Листокъ», «Волга», «Русская Правда»—органъ мѣстнаго отдѣленія союза русскаго народа, «Астрахань», татарская газета «Идль» и журналы «Извѣстія общества астраханскихъ врачей» и «Садоводство и огородничество». Для города съ 150,000 населеніемъ десять газетъ и журналовъ не особенно много.

Ученыхъ обществъ нѣсколько—общества врачей, садоводства и огородничества, сельскаго хозяйства и проч. Зато книжныхъ магазиновъ... одинъ—г. Никольскаго! Остальные скорѣй писчебумажныя или книжныя лавки. Въ Астрахани есть недурная общественная библіотека и другая—при управленіи рыбными и тюленьими промыслами. Трамвай, Восточное общество, общество «Кавказъ и Меркурій» и товарищество Нобель имѣютъ собранія книгъ исключительно для своихъ служащихъ.

XI.

Астраханскій портъ основанъ въ 1722 году Петромъ, но заложенъ только въ 1826 году, и не на томъ мѣстѣ, гдѣ назначилъ ему быть императоръ, а въ юго-западной части города, рядомъ съ таможней. Портъ видѣль когда-то лучшіе дни. Въ немъ былъ плавучій докъ, механическій заводъ и нѣсколько эллинговъ. Въ 1867 году портъ упразднили, въ виду неудобнаго сообщенія съ моремъ, и

перевели въ Баку, а всю мѣстность порта передали вмѣстѣ съ постройками обществу «Кавказъ и Меркурій». Въ порту осталось только нѣсколько мастерскихъ.

Чудная аллея съ вѣковыми деревьями, когда-то любимое мѣсто прогулокъ астраханскаго бомонда, ведетъ къ порту. Теперь онъ страшно запущенъ. Всюду грязь и неблагоустройство. Пруды покрыты тиной и изобилуютъ развѣ огромными зелеными лягушками, на диво пріѣзжимъ.

Достопримѣчательность порта—каменный сарай, построенный въ 1861 году для храненія драгоценныхъ памятниковъ пребыванія Петра въ Астрахани—его плезирь-яхты и верейки, специально выстроенныхъ для персидскаго похода въ казанскомъ адмиралтействѣ.

«Домикомъ» Петра сарай называютъ неправильно, такъ какъ императоръ вовсе не жилъ въ немъ въ 1722 году.

Такъ называемый «домикъ» окруженъ изгородью и содержится хорошо, хотя посѣтителей мало,—онъ постоянно закрытъ и открывается только послѣ предварительнаго ходатайства.

Яхта и верейка сохраняются не въ первоначальномъ видѣ. Въ послѣдній разъ ихъ ремонтировали еще въ 1824 году, и съ тѣхъ поръ онѣ пришли въ ветхость. Кромѣ этихъ судовъ, въ сараѣ хранятся оружіе, инструменты и морскія принадлежности.

Другая достопримѣчательность астраханскаго порта—изящная триумфальная арка, сооруженная въ 1871 году въ память посѣщенія Астрахани императоромъ Александромъ II.

XII.

Время основанія Астрахани нельзя опредѣлить съ точностью. Мѣсто, занимаемое городомъ, было заселено, повидимому, еще въ IV вѣкѣ нашей эры. Но татарская Астрахань была заложена татарами Золотой Орды въ XIII вѣкѣ, на правомъ берегу Волги, на мѣстѣ древней столицы хазаръ, Итила, основаннаго, вѣроятно, въ III столѣтіи. Татарская Астрахань лежала верстахъ въ десяти выше нынѣшней, на Жареномъ бугрѣ. Послѣ распадѣнія Золотой Орды, Астрахань, въ послѣдней четверти XV вѣка, дѣлается столицей самостоятельнаго астраханскаго царства.

Новое царство скорѣе привлекло къ себѣ вниманіе сосѣдей и, между прочимъ, Москвы, зорко слѣдившей за всѣмъ происходившимъ. Вспыхнувшіе въ новомъ царствѣ раздоры и междоусобія, при чемъ одинъ ханъ вступалъ на престолъ послѣ умерщвленія другого, еще болѣе ослабили Астрахань, и она, въ концѣ концовъ, въ 1554 году сдѣлалась данницею Москвы. Послѣдній царь астраханскій, Дербышъ, или Дербышъ-Алей, ставленникъ Москвы, тяготясь своимъ положеніемъ, отказался платить дань и завелъ сношенія съ сосѣдями. Тогда, въ 1557 году, московскія войска вступили въ Астра-

хань и объявили ее присоединенной къ Россіи, оставивъ въ городѣ русской гарнизонъ.

Но и русской Астрахани грозили непріатели—калмыки, татары, вольница и проч. Такъ, въ 1564 году подъ стѣнами города появились турки, но, узнавъ о приближеніи сильнаго московскаго войска, бѣжали. Сознвая опасное положеніе города, первый астраханскій воевода, Черемисиновъ, около 1568 года перенесъ его съ праваго берега на лѣвый. Такимъ образомъ, нынѣшняя Астрахань городъ чисто русской.

Новому городу также не жилось спокойно. Въ 1605 году его громятъ терскіе и донскіе казаки, а спустя два года въ немъ вспыхиваетъ бунтъ противъ царя Василія, гдѣ видную роль играетъ Хворостининъ. Въ 1614 году Астрахань взялъ и разграбилъ Заруцкій. Объявивъ сына Дмитрія царемъ, онъ вмѣстѣ съ царицей Мариной засѣлъ въ кремль, предоставивъ городъ въ распоряженіе своихъ шаекъ. Выведенное изъ терпѣнія населеніе взялось за оружіе и прогнало сторонниковъ Заруцкаго. Въ 1660 году взбунтовались противъ московскаго правительства татары, а пять лѣтъ спустя подъ стѣнами Астрахани появился новый страшный врагъ—Разинъ. Онъ повелъ приступъ противъ города, но былъ отбитъ и ушелъ. Въ 1667 году разинцамъ удалось овладѣть Астраханью. Черезъ три года она снова попала въ ихъ руки и страшно пострадала.

24-го іюня 1670 года Разинъ съ многочисленнымъ сбродомъ пошелъ къ кремлю и въ три часа ночи началъ приступъ. Для защиты астраханской крѣпости имѣлись артиллерія, бревна, камни, смола и кипятокъ; но все оказалось бесполезнымъ. При появленіи атамана гарнизонные стрѣльцы забили въ набатъ и перешли на сторону Разина. Дворяне, сотники, боярскіе люди, пушкарки и множество народа были перебиты. Воевода, князь Прозоровскій, послѣ мужественной защиты, былъ тяжело раненъ въ животъ копьемъ и перенесенъ вѣрными слугами въ каедральный соборъ, куда спѣшили и митрополитъ Іосифъ, близкій другъ Прозоровскаго. Между тѣмъ соборъ все болѣе и болѣе наполнялся бѣглецами. Они вздумали было защищаться; но вскорѣ церковныя двери подъ напоромъ мятежниковъ упали, и толпа разинцевъ ворвалась въ храмъ. Въ соборѣ началась рѣзня, при чемъ погибло болѣе четырехсотъ чело-вѣкъ. Разинъ самъ выволокъ Прозоровскаго изъ церкви и сбросилъ съ раската. Черезъ нѣсколько дней такая же участь постигла и мало-лѣтнихъ дѣтей воеводы. Ихъ было двое—старшему одиннадцать и младшему восемь лѣтъ. Послѣ пытки ихъ повели къ кремлевской стѣнѣ и повѣсили за ноги. Младшій сынъ чудомъ остался живъ. Вслѣдъ за рѣзней въ Астрахани начался грабежъ, послѣ чего Разинъ ввелъ въ городъ казакскіе порядки. Оставивъ въ Астрахани своихъ единомышленниковъ, Василія Уса и Ѳедора Шелудяка, самъ Разинъ въ іюнѣ 1671 года пошелъ вверхъ по Волгѣ.

Но въ Астрахани еще оставался митрополитъ Іосифъ, пользовавшійся большою популярностію среди населенія. Онъ продолжалъ смѣло читать народу царскіе указы и увѣщевать его. Разинцы рѣшили тогда избавиться отъ опаснаго противника, а мужественный митрополитъ своимъ поведеніемъ ускорилъ свою смерть.

11-го іюня 1671 года Іосифъ въ полномъ облаченіи явился въ казацкій кругъ и обратился къ разинцамъ со словомъ увѣщанія. Послѣдніе съ яростію бросились на митрополита. Іосифъ успѣлъ сбросить съ себя одежду—мятежники не рѣшались наложить на него руки, пока онъ былъ въ облаченіи митрополита,—и отдался въ руки враговъ. Его жгли на угольяхъ, нещадно били и, въ заключеніе, сбросили съ кремлевской стѣны. Въ послѣднюю минуту, когда его посадили на край стѣны и хотѣли столкнуть, владыка испугался и потащилъ за собой своего палача. Тогда его положили бокомъ на край стѣны и сбросили. Его смерть произвела сильное впечатлѣніе даже на убійцъ, которые въ ужасѣ стояли нѣсколько минутъ надъ его трупомъ. Прахъ Іосифа покоится въ церкви Владимирской Божіей Матери.

Въ томъ же году правительственныя войска, подъ начальствомъ Милославскаго, отняли Астрахань у разинцевъ.

Много страдалъ городъ и отъ стихійныхъ бѣдствій. Чума, землетрясенія, пожары, наводненія и холера уносили массу жертвъ. Чума 1692—1693 гг. изъ 16,000 жителей похитила около 11,000 человѣкъ въ теченіе пяти мѣсяцевъ, а чума 1728 года унесла болѣе половины населенія. Въ 1709, 1767 и 1858 годахъ были памятные пожары. Въ послѣдній годъ городъ горѣлъ пять дней! Въ 1823 году въ Астрахани впервые появилась холера.

Въ 1705 году въ городѣ разнесся вздорный слухъ, будто Петръ намѣренъ насильно выдать русскихъ дѣвушекъ замужъ за нѣмцевъ. Но настоящимъ поводомъ къ возстанію служили преобразованія государя, породившія массу недовольныхъ.

Одинъ изъ нихъ, Степанъ Москвитянинъ, пришелъ въ Астрахань изъ Москвы и сталъ агитировать среди стрѣльцовъ и старовѣровъ. Въ 1705 году Степанъ собралъ партію и приступилъ къ дѣлу—распустивъ слухъ, будто Петра не стало и будто астраханскій воєвода Ржевскій и чиновники—измѣнили православной вѣрѣ и стали брить бороды и одѣваться въ иностранное платье. Кончивъ свою миссію, Степанъ, какъ это часто бываетъ, отошелъ на задній планъ, а на сцену выступилъ посадскій Яковъ Носовъ съ товарищами.

Однажды на базарѣ злоумышленники объявили, что въ теченіе семи лѣтъ православныхъ свадебъ въ Астрахани не будетъ, а за это время русскіе должны будутъ выдавать своихъ дочерей и сестеръ за нѣмцевъ. Въ городѣ начались усиленныя вѣнчанья. Такъ, въ одинъ день повѣнчали сто паръ! вмѣстѣ со свадьбами началось повальное пьянство, чѣмъ и воспользовался Носовъ.

Въ самый Петровъ день заговорщики вломились черезъ Пречистенскія ворота въ кремль. Стоявшій въ воротахъ офицеръ былъ убитъ лично Носовымъ. Такъ же покончили съ капитаномъ-грекомъ и тремя матросами изъ иностранцевъ. Ударили въ набатъ, и въ Астрахань повалили толпы черни со стрѣльцами. Бунтовщики кинулись искать воеводу и мимоходомъ убили нѣсколькихъ офицеровъ. Сторону возставшихъ принялъ и архимандритъ Рувимъ, настоятель Воскресенскаго монастыря, заготовившій въ монастырѣ запасы провизіи и оружія.

30-го іюня погибъ Ржевскій, и въ тотъ же день Носова выбрали атаманомъ. На слѣдующій день весь астраханскій гарнизонъ присягнулъ стоять за старую вѣру и другъ друга до послѣдняго издыханія. Мятежники послали эмиссаровъ на Донъ, Терекъ и Уралъ, увѣщевая казаковъ возстать за старину. Въ Красномъ и Черномъ Яру стрѣльцы, дѣйствительно, взбунтовались и двинулись къ Царицыну, но были отбиты. Казаки, къ счастью, остались спокойными. Поднялись зато терскіе стрѣльцы вмѣстѣ съ гребенскими казаками.

Въ Москвѣ Петръ узналъ о бунтѣ и немедленно отправилъ въ Астрахань корпусъ войскъ подъ командой фельдмаршала Б. П. Шереметева.

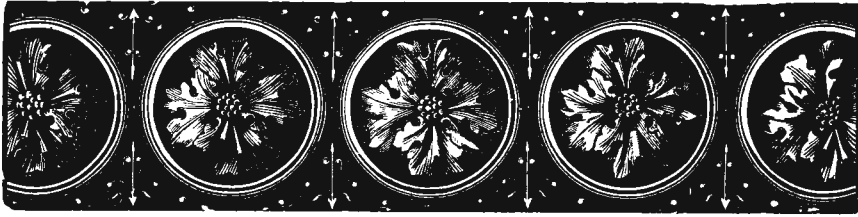
Астрахань была въ рукахъ стрѣльцовъ. Шереметевъ послалъ имъ письмо съ требованіемъ сдачи, но отвѣта не получилъ. Бунтовщики, между тѣмъ, готовились къ оборонѣ, выжгли астраханскія предмѣстья, зарядили пушки и вооружили чернь.

12-го марта 1706 года Шереметевъ приѣхалъ въ Іоанно-Предтеченскій монастырь. Здѣсь его осадили бунтовщики, но были отбиты. Тогда стрѣльцы сдѣлали вылазку изъ Астрахани, но потерпѣли рѣшительное пораженіе. Бросивъ пушки и знамена, они засѣли за валомъ и открыли огонь. Правительственныя войска взяли валъ приступомъ и загнали стрѣльцовъ въ кремль. Послѣ бомбардировки осажденные сдались вмѣстѣ съ Носовымъ. Послѣдній и 272 человекъ наиболѣе виновныхъ были арестованы и подъ сильнымъ конвоемъ отправлены въ Москву. Здѣсь около ста человекъ казнили, а остальныхъ виновныхъ, по распоряженію Петра, отправили въ шведскій походъ, гдѣ всѣ они до послѣдняго сложили свои головы.

«Свадебный» бунтъ послужилъ темой для одного изъ романовъ покойнаго графа Саліаса.

В. А. Алексѣевъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ

Великій князь Николай Михайловичъ. Императрица Елизавета Алексѣевна, супруга императора Александра I. Томъ III. Спб. 1909 г.

ВЫШЕДШІЙ третій томъ обширнаго труда великаго князя Николая Михайловича обнимаєть эпоху отъ 1818—1826 гг. и заключаєть въ себѣ интересныя подробности сближенія царственныхъ супруговъ и послѣднихъ дней жизни Александра Павловича и Елизаветы Алексѣевны. Въ первой главѣ третьяго тома заключаются краткая характеристика эпохи конгрессовъ, отрывки изъ мемуаровъ г-жи Фрейштадтъ, фрейлины матери Елизаветы Алексѣевны, перваго пажы великой княгини Александры Теодоровны Дарагана, описаніе сближенія между супругами въ 1818—1824 годахъ и письма императрицы къ маркграфинѣ Баденской. Во второй—описаніе поѣздки ихъ величествъ въ Таганрогъ, кончина Александра Павловича и Елизаветы Алексѣевны 1825—1826 г., ея характеристика и письма, относящіяся къ періоду этого времени. Затѣмъ слѣдуетъ приложение, въ которомъ находятся письма и записки Александра I къ императрицѣ отъ января по ноябрь 1825 г. и ея письма къ Лагарпу и различнымъ лицамъ, между прочимъ переписка съ Карамзинымъ отъ 1818—1826 г., письма Маріи Теодоровны къ графинѣ Строгановой и маркграфинѣ Баденской, протоколъ вскрытія тѣла императрицы 5-го марта 1826 г., извлеченіе изъ письма доктора Штоффрегена къ брату въ Ригу, къ его женѣ и къ маркграфинѣ Баденской, выдержки изъ альбома Елизаветы Алексѣевны и въ заключеніе записки Уварова, касающіяся императрицы Елизаветы. Въ общемъ третій томъ этого труда составляетъ 778 страницъ большого формата и снабженъ 27 рисунками и 3 факсимиле рукописей и является значительнымъ вкладомъ въ сокровищницу русской исторіи.

Зиму и весну 1818 г. Елизавета Алексѣевна провела въ Москвѣ, посѣщая церкви и монастыри. Новизна обстановки, не похожей на ея обычный обиходъ, ее заинтересовала, и она писала матери, что всѣ монастыри, видѣнные ею въ такихъ красивыхъ мѣстностяхъ, заставляютъ ее думать, что когда-нибудь она кончить жизнь въ подобномъ уединеніи. Императоръ вернулся въ Москву въ февралѣ и провелъ тамъ три недѣли, въ теченіе которыхъ онъ вмѣстѣ съ обѣими императрицами присутствовалъ на открытіи памятника Минину и Пожарскому. Затѣмъ онъ отправился въ Варшаву на открытіе сейма, послѣ чего совершилъ поѣздку по военнымъ поселеніямъ и посѣтилъ Одессу, Крымъ, Таганрогъ, Новочеркасскъ, Воронежъ и Рязань. Его отъѣздъ огорчалъ Елизавету, о чемъ она писала матери: «уѣхалъ онъ инкогнито, рано утромъ, когда всѣ спали, согласно его вкусу и манерѣ».

Императоръ возвратился въ Москву 17-го іюня, а 3-го іюля состоялся торжественный въѣздъ короля прусскаго Фридриха-Вильгельма III, пребываго въ Москвѣ 11 дней среди разнообразныхъ празднествъ въ его честь, что дало поводъ Елизаветѣ Алексѣевнѣ написать матери: «Вы часто видѣли, дорогая мама, механическія куклы, представляющія или охоту, или свадьбу, или что другое: подымается замочный язычокъ, и вся исторія начинается кружиться, такъ что невозможно ее остановить. Такой вы должны себѣ представить вашу дочь, мама: она занимаетъ мѣсто въ подобномъ же механизмѣ и кружится съ субботы; вѣроятно, она такъ прокружится до конца іюля и будетъ счастлива, если въ этомъ непрерывномъ движеніи она найдетъ нѣсколько минутъ отдохновенія своей душѣ». Очевидно, Елизавета не находила отрады въ круговоротѣ придворныхъ развлеченій и, по ея собственному выраженію, «плыла, уносимая потокомъ, безъ удовольствія для себя и пользы для кого бы то ни было». «Это называется, — говоритъ она, — покоряться судьбѣ: надо признаться, очень капризная бываетъ судьба на свѣтѣ».

19-го іюня всѣ высочайшія особы отправились въ Петербургъ, гдѣ въ честь прусскихъ гостей продолжались празднества еще нѣсколько недѣль, а также въ Царскомъ Селѣ и Петергофѣ, Кронштадтѣ и Красномъ Селѣ. Эти празднества утомили всѣхъ, а главное Елизавету Алексѣевну, тѣмъ болѣе, что ей предстояло заграничное путешествіе къ родителямъ, предпринимавшееся по настоянію Александра противъ ея желанія, несмотря на часто выражаемыя въ письмахъ къ матери намѣренія повидаться съ нею. 23-го августа Александръ уѣхалъ на Ахенскій конгрессъ, а 29-го отправилась и Елизавета въ дальній путь. Ея пребываніе на родинѣ было печально и непродолжительно въ виду смерти единственнаго ея брата, великаго герцога Карла, скончавшагося отъ общаго истощенія. Хотя Елизавета Алексѣевна не была къ нему близка, главнымъ образомъ по причинѣ его женитьбы на Стефаніи Богарне, родственницѣ врага Россіи, но все-таки его кончина ее опечалила. Прежняя родина потеряла для нея свою прелесть, ее тянуло домой въ Россію, куда ее влекло болѣе сильное чувство. «Навѣрно не знаю момента моего отъѣзда, — писала она графинѣ Строгановой: — мнѣ скажутъ: «уѣзжай», и я уѣду; но у нихъ не будетъ времени сказать мнѣ: «возвращайся!» Я буду уже въ дорогѣ, когда они это произнесутъ». По ея словамъ, если бы не мать, она тотчасъ бы уѣехала оттуда, гдѣ все

причиняло ей страданія и гдѣ она нашла только воспоминанія о разбитомъ счастьи и разбитыхъ надеждахъ. По волѣ судьбы, это путешествіе доставляло ей одни огорченія: на обратномъ пути она хотѣла навѣстить Екатерину Павловну, королеву вюртембергскую, но послѣдняя почти внезапно скончалась, и врачи не допустили присутствія Елизаветы на похоронахъ. Смерть сестры очень печалила Александра; императрица-мать хотя и была огорчена, но, по мнѣнію Александра, никогда еще не была такъ спокойна въ подобныхъ случаяхъ, какъ бы покоряясь судьбѣ. Елизавета въ послѣдствіи въ письмахъ къ матери замѣчаетъ, что императрицу-мать болѣе интересовало путешествіе, тамошнее общество и климатъ и беспокоиться о ней бесполезно: она уже перебирала всѣхъ невѣсть, какія могли быть будущими женами короля вюртембергскаго.

Утомленная путешествіемъ и пережитыми впечатлѣніями, Елизавета Алексѣвна вернулась въ Петербургъ 26-го января 1819 г., мѣсяцемъ позже Александра, возвратившагося съ конгресса, и была въ уныломъ настроеніи, хотя изъ письма къ матери видно, что Александръ встрѣтилъ ее привѣтливо и пожелалъ, чтобы прежде, чѣмъ ѣхать въ Петербургъ, она заѣхала въ Царское Село. Императрица старалась удалиться отъ шумной, несмотря на трауръ, жизни двора; Александръ тоже искалъ уединенія. Она писала матери, что они ведутъ крайне замкнутую жизнь и это не вслѣдствіе перенесеннаго Александромъ горя, потери сестры, какъ говорили газеты, а единственно по его личному расположенію: общество его стѣсняло, а такъ какъ онъ не любилъ себя стѣснять, то и жилъ, какъ ему хотѣлось. Здоровье Елизаветы Алексѣвны слабѣло: она поддерживала свои силы шоколадомъ и портеромъ и жаловалась на то, что ея кровь, вѣроятно, стала очень холодна, такъ какъ ее это не горячило. Въ противоположность Елизаветѣ Алексѣвнѣ, утомлявшейся поѣздками въ экипажѣ по загороднымъ дворцамъ, Александръ, «любившій процессъ передвиженія болѣе, чѣмъ цѣль поѣздки, нигдѣ такъ хорошо себя не чувствовалъ, какъ въ коляскѣ», оный собрался въ отъѣздъ въ концѣ іюля въ Архангельскъ.

Елизавета чувствовала себя чужой въ императорской семьѣ; императрица-мать открыто выражала предпочтеніе великому князю Николаю и его женѣ Александрѣ Феодоровнѣ. Сестры императора относились къ Елизаветѣ недружелюбно, и въ одномъ изъ писемъ она говоритъ: «Что касается зла, вносимаго сестрами въ наши отношенія съ императоромъ, то въ сущности бѣдная королева вюртембергская участвовала въ этомъ болѣе, чѣмъ ея сестра, а послѣдняя только усиливала дозу, когда онѣ были вмѣстѣ. Я думаю, что одна, особенно теперь, она не много сдѣлаетъ». Что касается Николая и его жены, то изъ любви къ нимъ императрица-мать позволяла имъ принимать неумѣстный тонъ и обращеніе съ императорской четой. «Александрина,—писала Елизавета Алексѣвна,—прескверно воспитана и не знаетъ, что значитъ уваженіе и почтеніе относительно меня и императора менѣе чѣмъ кого-либо. Императрица-мать или не видитъ, или не смѣетъ ничего сказать; зато императоръ очень хорошо это чувствуетъ, но по мотивамъ, зависящимъ отчасти отъ его характера, отчасти отъ ложной манеры смотрѣть на вещи, ничего не говорить. тогда какъ нѣсколькими словами онъ могъ бы установить порядокъ. Мы часто говорили объ этомъ съ императоромъ, но это служить лишь къ тому, чтобы доказать мнѣ его ложную

манеру смотрѣть на вещи». По мнѣнію Елизаветы, Александра Ѳеодоровна казалась «лучше одна, безъ мужа и если бы она вступила въ другую семью, то была бы иною; но, попавъ старымъ ребенкомъ (19 лѣтъ) въ кругъ, гдѣ нашла своего мужа, фальшиваго, надменнаго и низкаго, который ее вышколил въ томъ же смыслѣ, свекровь (не говоря уже объ остальныхъ), которая была его первой служанкой, императора, не взявшаго, какой ему надлежало, тонъ, не удивительно, что молодая особа, невоспитанная, усвоила ихъ тонъ и манеры».

Константинъ Павловичъ настолько недружелюбно относился къ Елизаветѣ, что она съ каждымъ годомъ все болѣе этимъ возмущалась. «Когда я его не вижу, писала она матери:—я объ этомъ не думаю; но если онъ здѣсь, я принуждена признать эти недружелюбныя чувства во всемъ, до манеры на меня смотрѣть. Признаюсь, что это падаетъ мнѣ на сердце и я чувствую тогда себя совсѣмъ одинокой, потому что мною всегда жертвуютъ ради семейныхъ соображеній».

Единственную привязанность къ себѣ она встрѣтила въ юной великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, выказавшей съ первыхъ шаговъ выдающійся умъ и способности и во всемъ превосходившей своего мужа, самаго скучнаго молодого человѣка, какого Елизавета знала. «Нелюбезный и со всѣми манерами дурновоспитаннаго мальчика, вы понимаете,—писала она матери:—какъ мало привлекателенъ великій князь, ея мужъ, для бѣдной Елены. Въ сущности Михаилъ добръ, я считаю его гораздо лучше Николая по характеру, но дурное воспитаніе, полученное этими князьями, еще добавляется обожаніемъ брата Константина. Это его идеаль!»

Нотка счастливой для Елизаветы переменъ въ отношеніяхъ къ ней императора собственно проскальзываетъ въ январѣ 1822 г. Въ перепискѣ съ матерью появляется пробѣлъ на цѣлый мѣсяць. «Васъ удивить дата моего письма, дорогая и добрая мама,—пишетъ она.—Я сама себя не узнаю; мнѣ кажется, что я путешествую и пріѣхала къ иностранному принцу, какъ я и сказала императору,—съ такимъ изысканнымъ вниманіемъ онъ меня принимаетъ. Мотивъ этого перемиренія не иной, какъ выполненіе одного плана, составленнаго нами осенью, когда мы уѣзжали изъ Царскаго Села, съ тѣмъ, что я время отъ времени буду являться къ императору, когда онъ будетъ удаляться туда. Различныя обстоятельства помѣшали мнѣ его выполнить въ послѣдніе два мѣсяца и различныя же обстоятельства заставили меня съ удовольствіемъ принять выполненіе этого плана, независимо отъ того, что императоръ, повидимому, желалъ этого, а мнѣ нѣтъ необходимости говорить вамъ, что я люблю пользоваться всякимъ случаемъ, когда могу быть съ нимъ». Лѣтніе апартаменты Елизаветы были холодны для этого сезона, а потому императоръ насильно заставилъ ее занять часть его помѣщенія, а главное предоставилъ ей свою спальню, которую чрезвычайно любилъ. На другой день она извѣщала, что пріятно провела день и послѣ обѣда до поздняго вечера каталась съ императоромъ въ саняхъ. По возвращеніи онъ пожелалъ, чтобы она сидѣла у него въ кабинетѣ, пока онъ работаетъ. Настроеніе Елизаветы повеселѣло; она уже заявляетъ, что она не врагъ веселью, хотя предпочитаетъ балу у Николая общество императора. Однако наслаждаться Елизаветѣ пришлось недолго: императоръ снова собрался въ путь. Она написала матери плачевное письмо, гдѣ говорить, что, кромѣ горя видѣть императора

отправляющимся на неопредѣленное время и всего, что воображеніе может нарисовать страшнаго и ужаснаго для него виѣ Россіи, независимо отъ этого, она въ горѣ еще потому, что осталась опять одна, совсѣмъ одна въ семьѣ, гдѣ нѣтъ и тѣни расположенія къ ней, гдѣ всего менѣе она его находила по мѣрѣ того, какъ годы и испытанія дѣлали ее менѣе воспримчивой къ легкомысленнымъ развлеченіямъ, а между тѣмъ «привязанность становилась для ея сердца все болѣе необходимой». «Если бы я могла удалиться отъ двора,—писала она:— было бы иначе. Я могла бы найти пріятное развлеченіе въ другого рода обществѣ, но въ томъ, которое составляетъ дворъ, нѣтъ ничего ни для ума, ни для души, а когда принужденъ возвращаться въ этомъ кругу съ горемъ въ сердцѣ, то это нѣчто въ родѣ ада. Если бы я могла удалиться! Никогда еще не тревожило меня это желаніе. Но я не вижу, какъ это сдѣлать!»

«Этотъ дворъ», дворъ императрицы-матери, ее возмущалъ, также какъ и поведеніе Маріи Ѳеодоровны. Императрица-мать.—пишетъ Елизавета, —ослабла до такой степени, что молодой дворъ, «ея дѣти», заставляють ее дѣлать такія вещи и такъ поступать, что она, нѣтъ и пятнадцати лѣтъ тому назадъ, первая порицала бы себя за это. Ея ежедневное общество напрімѣръ, въ Павловскѣ, состоитъ изъ молодыхъ дѣвушекъ и офицериковъ, и это даетъ тонъ, который оскорбляетъ всѣхъ. Это одна изъ тысячи вещей, на которыя приходится смотрѣть, не имѣя возможности ихъ передѣлать. Мы часто объ этомъ сѣтуемъ съ императоромъ». По ея словамъ, «бѣжать» и «спѣшить» вотъ девизъ императорской семьи, «вотъ какъ проходитъ жизнь бесполезно для кого бы то ни было, безъ наслажденія для себя». Марія Ѳеодоровна вообще, согласно письмамъ Елизаветы, сохранила свою любовь къ удовольствіямъ и наслаждалась даваемыми празднествами болѣе, чѣмъ присутствіемъ пріѣзжавшей къ ней дочери Маріи Павловны, скоро забывала постигавшія ее несчастія, какъ смерть дочери и болѣзнь сына, увлекаясь веселіемъ, нарядами и празднествами. Вопреки обычаю справлять годовщину смерти великой княгини Александры Павловны, она однажды разрѣшила устроить въ этотъ день завтракъ съ танцами, и по этому поводу Елизавета Алексѣевна, возмущенная нарушеніемъ этикета и религіознаго обычая, пишетъ матери: «Такъ какъ императрица первая одобряетъ забвеніе подобныхъ приличій, то я ей предаказываю, что черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ ея смерти въ годовщину будутъ танцовать, если представится случай. Не у меня одной тяжело на сердце за будущее бѣдной Россіи. Императрицу-мать не узнать! Въ нѣсколько лѣтъ она сдѣлалась легкомысленна и суетна и, какъ молодая женщина, пренебрегаетъ общественнымъ мнѣніемъ и правами».

Въ октябрѣ 1823 г. Елизавету постигло новое горе: умерла ея любимая старшая сестра Амалія, долго жившая въ Россіи, а въ 1824 г. заболѣлъ Александръ рожистымъ воспаленіемъ ноги. Елизавета, несмотря на свои недуги, навѣщала его, и эта болѣзнь ихъ еще болѣе сблизила. Она дорожила каждымъ ласковымъ словомъ Александра. Когда здоровье императора немного возстановилось и онъ могъ сидѣть въ креслѣ, состоялось вѣнчаніе Михаила Павловича съ принцессой Шарлоттой Вюртембергской. Эта церемонія совершалась въ походной церкви, поставленной въ комнатѣ рядомъ съ кабинетомъ, гдѣ сидѣлъ императоръ.

Весну и лѣто императоръ и Елизавета Алексѣевна провели въ Петергофѣ, но послѣ отъѣзда деверей Елизаветѣ очень хотѣлось отправиться куда-нибудь путешествовать; но Александръ, по ея словамъ, не любилъ ни брать ее съ собой, ни отпускать одну. Это вызвало съ ея стороны жалобы: «Всякій можетъ сказать: я отправляюсь туда или туда! Мой конюхъ говоритъ: я отправляюсь купаться въ море; я же не могу этого сказать!» Между тѣмъ здоровье Елизаветы ослабѣвало; она дѣлала усилія, чтобы ѣздить верхомъ, но чувствовала неохоту и рѣшила, что состарилась. Въ концѣ іюня Александръ былъ пораженъ страшнымъ горемъ: умерла его любимая дочь отъ М. А. Нарышкиной, и Елена Павловна, несмотря на свои 17 лѣтъ, сразу догадалась, что этимъ обстоятельствомъ должна воспользоваться Елизавета для своей выгоды. Она первая, ночью, сообщила ей объ этомъ, чтобы императрица выразила ему соболѣзнованіе и еще болѣе закрѣпила расположеніе къ ней. Изъ письма Елизаветы къ матери по поводу поступка Елены Павловны видно, что императоръ бесѣдовалъ съ императрицей объ этой дочери и сообщилъ свою тревогу за благополучный исходъ еще въ началѣ болѣзни. Императоръ самъ написалъ Елизаветѣ о постигшемъ его горѣ. Эта потеря, быть можетъ, послужила еще болѣе для скрѣпленія ихъ узъ.

Въ ноябрѣ 1824 г. Петербургъ постигло небывалое наводненіе, очень встревожившее Елизавету. «Наше поколѣніе ничего не видѣло подобнаго,—писала она матери:—но въ 1777 г. вода поднималась на футъ выше. Всѣ лошади съ экипажами, ожидавшія у дворца, были выпряжены и поставлены въ коридоры, обратившіеся въ конюшни. На другой день вода поднялась, какъ въ 1777 г. На одной фабрикѣ близъ взморья погибло 200 человекъ». Вслѣдствіе сильнаго вѣтра во дворцѣ не всѣ печи топились, и Елизавета простудилась. Императоръ окружилъ ее самымъ нѣжнымъ вниманіемъ и даже своихъ сестеръ не допускалъ ее беспокоить визитами. Хотя у императрицы уменьшился кашель, но она была страшно слаба и обливалась потомъ.

Государь велъ переговоры съ врачами о выборѣ мѣстопробыванія для больной. Сначала хотѣли отправить ее въ Италію, но она и слышать не хотѣла о путешествіи за границу, да къ тому же докторъ Вилье сказалъ ей: «Вы растаете отъ потѣнія, если васъ встрѣтитъ въ Италіи жара». Переговоры не привели къ рѣшительному шагу, и Елизавета осталась на зиму въ Петербургѣ, что еще болѣе подкосило ея здоровье. Въ то время ей было 45 лѣтъ и она сохранила гибкую талю и привлекательность. Наконецъ мѣстопробываніемъ былъ выбранъ Таганрогъ. Александръ былъ въ мрачномъ настроеніи, безпокоясь о здоровьи Елизаветы. Кромѣ того, его взволновалъ доносъ Шервуда о тайныхъ обществахъ. 1-го сентября 1825 г. государь отправился въ Таганрогъ и прибылъ туда 13-го, а государыня, въ сопровожденіи князя Волконскаго, статсъ-секретаря Лонгинова, камеръ-фрейлинъ Валуевой и княжны Волконской и двухъ врачей, отправилась 9-го сентября и ѣхала тише, чтобы не утомляться, поэтому она была тамъ только 23-го. Тамъ Александръ окружалъ ее самою нѣжной заботой. 19-го октября она сообщила матери, что императоръ отправляется въ Крымъ; 8-го ноября она писала, что онъ возвратился оттуда больнымъ, а 19-го ноября: «Нашъ ангелъ на небѣ, а я на землѣ, самая несчастная изъ всѣхъ оплакивающихъ его». Въ письмѣ отъ 2-го декабря она писала: «Я предвидѣла, что изъ его болѣзни сдѣ-

лаютъ исторію, будто онъ не хотѣлъ принимать лекарство, потому что одинъ день, второй по его прїѣздѣ и четвертый, какъ приключилась лихорадка, онъ отказался сейчасъ же принять лекарство, но затѣмъ онъ все принималъ, что хотѣли. Затѣмъ правда, что въ теченіе 24 часовъ онъ упрямо отказывался пустить кровь, но тогда это уже было поздно, и самое упрямство и манера выражаться доказывали, что онъ не совсѣмъ былъ въ памяти. Это было въ ночь съ 14-го на 15-е, а утромъ 15-го онъ согласился. Теперь говорятъ, что онъ не хотѣлъ принимать лекарство и это было причиной его смерти. Надо было ему предложить пустить кровь въ началѣ болѣзни, когда онъ былъ въ полной памяти, тогда бы онъ скорѣе рѣшился». До послѣдней минуты онъ нѣжно держалъ руку Елизаветы на груди, а потомъ отпустилъ ее и скрестилъ свои руки какъ бы для молитвы. Нѣсколько разъ онъ произносилъ: «Не могутъ ли... Надо бы...» и не кончалъ фразы. Наконецъ онъ сказалъ: «Не могутъ ли высказать всѣхъ». Между тѣмъ въ комнатѣ никого не было, кромѣ доктора, находившагося въ углу, гдѣ онъ не могъ его видѣть, и, можетъ быть, лакея. Потомъ прибавилъ по-русски: «Прошу васъ», какъ будто его тревожили, и по-французски: «Я хочу спать».

Первые два дня послѣ смерти государь казался моложе, чѣмъ былъ, и очень красивымъ. Въ первый день у него было такое веселое, довольное и оживленное лицо, будто онъ сейчасъ встанетъ, но затѣмъ послѣдовалъ процессъ разложенія «Я не должна быть счастлива на этомъ свѣтѣ,—писала Елизавета Алексѣевна матери:—вотъ тайца моей судьбы: я должна страдать». Гробъ оставался открытымъ все время; его закрыли лишь за нѣсколько дней до отправленія въ Петербургъ, но лицо и руки были покрыты. «Я не хотѣла его открыть,—пишетъ Елизавета матери:—мнѣ казалось, что это осквернитъ его память: онъ такъ заботился о своей наружности и ему не понравилось бы, чтобы на него смотрѣли, когда онъ такъ измѣнился». При перевезеніи тѣла въ монастырь гробъ слегка прикрыли крышкой, но тамъ опять открыли: лицо оставалось прикрытымъ.

Августѣйшій авторъ говоритъ: «Неужели найдутся еще любители и защитники легенды превращенія императора Александра I въ сибирскаго старца Θεодора Козьмича по прочтеніи писемъ Елизаветы Алексѣевны, которую не могли не считать сообщницей своего супруга въ дѣлѣ его мнимаго исчезновенія». Однако онъ отрицаетъ желаніе Александра отречься отъ престола, приводимое покойнымъ Н. К. Шильдеромъ въ своемъ трудѣ объ Александрѣ I, по выраженію августѣйшаго автора, увлекательномъ разсказѣ, напоминающемъ скорѣе романъ, можетъ быть, весьма поучительный, гдѣ воображеніе писателя подчасъ дополняетъ историческую правду въ желанномъ духѣ».

При жизни императора Елизавета отказалась брать миллионъ дохода, не смотря на настойчивыя просьбы Александра, а довольствовалась 200,000 р., которыя ассигнуются великимъ княгинямъ, ссылаясь на то, что Россія имѣетъ много другихъ расходовъ, и брала на туалетъ 15,000 рублей въ годъ; остальныя же деньги тратила на дѣла благотворительности. Послѣ его смерти она отказалась отъ предложеннаго ей миллиона въ годъ, принявъ закономъ установленныя 600,000 рублей. Только на этотъ разъ она выставляла другой мотивъ для отказа: «Не буду повторять, что уже сказала въ этомъ письмѣ относительно мотива, заставившаго меня отказаться отъ миллиона: это не «униженіе», а скорѣе

«гордость» и было бы болѣе унижительно принять его и допустить, чтобы сказали, что меня осмѣяютъ благодѣянiями». Елизаветѣ было тяжело принять эту милость отъ Николая. Еще ранѣе она писала: «Признаюсь, что мнѣ всегда приходится дѣлать усилiе, чтобы называть Николая императоромъ. Я такъ была увѣрена, что столько не проживу, чтобы видѣть его на этомъ мѣстѣ. Но это усилiе я дѣлаю и всегда буду дѣлать».

Дѣлать это усилiе ей долго не пришлось: съ каждымъ днемъ она все болѣе и слабѣла. Въ послѣднемъ письмѣ къ матери уже изъ Харькова, отъ 26 апрѣля 1826 г., она сообщала, что погода отличная, дороги прекрасныя, сезонъ прiятный, все кажется красивымъ, только она страдаетъ и душою и тѣломъ, она чувствуетъ, что есть чѣмъ наслаждаться, но сама наслаждаться не можетъ. Изъ письма Лонгинова видно, что Елизавета едва могла доѣхать до Калуги. Въ Болховѣ, гдѣ они остановились обѣдать, Елизавета, которая давно уже была не въ состоянiи ѣсть, такъ какъ каждая ложка супа вызывала у нея жестокой кашель, сильно переимѣнилась. «Тутъ замѣчена была нами ужасная переимѣна,—писалъ Лонгиновъ:—глаза мутныя, подъ глазами двѣ жилы надулись толщиною въ палець, синiя, оттого носъ казался такъ широкъ, что какъ будто не принадлежалъ ея физиономiи; борода отвисла и ротъ былъ раскрытъ; не хотѣлось ей рукой поднять бороду, а потому она старалась плечомъ сiе сдѣлать и долго трудилась, языкъ ея тоже не былъ свободенъ и безъ жалости нельзя было слушать, что она говорила; слухъ ея также ослабѣлъ и она спрашивала два-три раза объ одномъ и томъ же, что было сказано обыкновеннымъ голосомъ, къ которому она привыкла. Въ Бѣлевѣ насилу она взошла по лѣстницѣ, какъ сдѣлалась вся потной. Съѣвъ немного саго, она легла спать, не позволивъ камеръ-юнгферамъ ночевать въ своей комнатѣ, чего и въ обычаѣ не было, но спать не могла и до четырехъ часовъ утра была въ безпокойствѣ, часто звонила и призывала, а въ четыре часа спросила: есть ли близко докторъ, но потомъ сказала, что не нужно. Заглянула къ ней камеръ-юнгфера—спитъ. Вторично вошла—спитъ необычайно тихо. Наконецъ вошла въ третiй разъ, а за нею докторъ Рейнгольдъ. Она приблизилась и видитъ: ротъ раскрытъ, бездыханность и смертная блѣдность. Самъ врачъ вошелъ, приблизился и нашелъ ее мертвой, вѣроятно, за полчаса». Можно сказать: уснула вѣчнымъ сномъ 4-го мая половина пятого часа утра»,—пишетъ Лонгиновъ.

По словамъ августѣйшаго автора, этой умной, образованной, сердечной женщины не доставало равновѣсiя ума и сердца, и часто разсудокъ затемнялъ первые сердечные порывы; отсутствiемъ этого равновѣсiя можно объяснить загадку недовольства. «Когда временами она желала исправить ошибки разума,—говорить онъ:—то запаздывала исполненiемъ намѣченнаго и впадала въ еще большее разочарованiе. Вотъ лейтмотивъ ея земного прозябанiя. Поэтому и обликъ императрицы получился такой туманный, несмотря на лучезарные порывы. Но обликъ этотъ служилъ дополненiемъ «сфинкса, не разгаданнаго до гроба», спутницей котораго ей суждено было быть. И когда звѣзда погасла—исчезъ и млечный путь».

В. Т.

Русская историческая библиотечка, издаваемая императорскою археографическою комиссією, т. XXVI. Донскія дѣла. Книга третья. Спб. 1909. Стр. IV+56+1022+83.

Третій томъ «Донскихъ дѣлъ» составляетъ продолженіе изданія переписки по сношеніямъ Московскаго государства съ донскимъ войскомъ, хранящейся въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ этотъ томъ вошли дѣла съ 1646 по 1648 г. Напечатанные документы касаются пріѣздовъ въ Москву и обратныхъ отпусковъ на Донъ казачьихъ атамановъ и есауловъ со станицами казаковъ, дачи имъ жалованья, дѣлъ о наборѣ на Донъ ратныхъ людей и т. п.

Несмотря на свое однообразіе, документы эти даютъ намъ правдивую картину той политики, которой держалось московское правительство по отношенію къ казачеству. Пользуясь услугами казаковъ, какъ передовой своей силы въ борьбѣ съ крымскими татарами, нагайцами и калмыками, Москва, несмотря на свою отдаленность отъ Дона, не переставала слѣдить за жизнью казачества и была освѣдомлена о всѣхъ событіяхъ, происходившихъ въ его средѣ. По нѣсколько разъ въ годъ пріѣзжали въ Москву казачьи атаманы за государевымъ жалованьемъ и военными припасами. Въ приказахъ съ нихъ подробно снимались «распросныя рѣчи» о томъ, что дѣлается у нихъ на Донѣ, объ ихъ походахъ и о «вѣстяхъ», дошедшихъ къ нимъ изъ сосѣднихъ странъ. Этимъ «рѣчамъ» придавалось такое значеніе, что иногда воеводы, чрезъ города которыхъ приходилось проѣзжать казачьимъ станицамъ въ Москву, «донскихъ казаковъ у себя держатъ многое время, а сами, ихъ распрося, пишутъ ихъ рѣчи ко государю, а хотятъ себѣ чести и выслуги чужою службою, а сами собою никакихъ вѣстей провѣдать не умѣютъ и службы своей собою не кажутъ» (стр. 574). Не мало приходилось Москвѣ бороться съ «воровствомъ» казаковъ: они разбойничали и въ предѣлахъ Московскаго государства и внѣ его, дѣлая набѣги на сосѣднія, даже дружественныя намъ страны, особенно Персію. Воронежскій воевода Андрей Бутурлинъ пишетъ: «И тѣ, государь, казаки, по твоему государеву указу, жили на Воронежѣ многая время, дожидались съ Москвы твоихъ государевыхъ пословъ; а живучи, государь, алѣ на Воронежѣ озарничели, многихъ воронежцовъ побивали и граблывали, и налогу всякую, стоя на дворѣхъ, многимъ людямъ чинили» (стр. 464).

Въ Астрахань къ воеводамъ въ 1647 г. посылается царемъ грамота съ упреками, что они не воспрепятствовали казакамъ грабить Гилянъ и Баку; въ грамотѣ указывается, что это можетъ нарушить добрыя отношенія съ шахомъ, «а межъ насъ обѣихъ великихъ государей дружба и любовь и сылка и некоторой-де недружбы нѣтъ. А по такимъ-де вашимъ нынѣшнимъ дѣламъ межъ насъ великихъ государей, всчинаетца ссора» (стр. 570).

Многіе документы III тома «Донскихъ дѣлъ» ясно показываютъ, что колонизація Дона русскими выходцами была не только дѣломъ частной инициативы, но и само московское правительство принимало въ ней дѣятельное участіе. Это видно изъ списковъ вольнымъ людямъ, «прибраннымъ для отсымки на Донъ въ прибавку казачьему войску». Въ нихъ имена переселенцевъ насчиты-

ваются цѣлыми тысячами. Переселенцамъ безъ оружія давалось «по четыре рубли да по самопалу человѣку, а у которыхъ вольныхъ людей самопалы свои есть по пяти рублевъ съ полтиной человѣку» (стр. 616).

Въ приложеніи къ книгѣ напечатаны списки воеводъ по городамъ и личнаго состава приказовъ, упоминаемыхъ въ документахъ, а также указатели личный и географическій. Третій томъ «Донскихъ дѣлъ» былъ приготовленъ къ печати членомъ комиссіи В. Г. Дружининымъ и изданъ подъ его наблюденіемъ.

В. Троцкий.

Журналъ императорскаго русскаго военно-историческаго общества. 1910 г. С.-Петербургъ. Книжка 1-ая. Цѣна 1 р. 50 к.

Высочайше утвержденное 27 августа 1907 года русское военное историческое общество, удостоенное титула «императорскаго» 20 октября того же года, занимаясь изученіемъ русской военной старины, издаетъ по уставу своему, кромѣ такъ называемыхъ трудовъ своихъ, еще и особый журналъ, выходящій въ неопредѣленные сроки особыми книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ. Въ этихъ книжкахъ помѣщаются изслѣдованія, относящіяся къ русской и военно-морской исторіи, и біографіи военныхъ дѣятелей и лицъ, имѣющихъ отношеніе къ военной исторіи; 2) мемуары, записки и мелкіе историческіе документы; 3) описаніе собраній, музеевъ, рѣдкихъ книгъ, а также разборъ вновь вышедшихъ книгъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, относящихся къ военной исторіи, и 4) хроника, т. е. разныя извлеченія изъ протоколовъ собраній и журналовъ совѣта, а также изъ періодической печати, касающіяся интересовъ общества, свѣдѣнія о дѣятельности разрядовъ и отдѣловъ общества, свѣдѣнія о членахъ общества, некрологи умершихъ членовъ и т. д.

Соотвѣственно этимъ главнымъ 4 отдѣламъ журнала и составлена первая книжка, статьи которой, чуждыя исключительно военной специальности, читаются очень легко и представляютъ большой интересъ всякому образованному человѣку, и не принадлежащему къ нашей арміи. Для подтвержденія этихъ нашихъ словъ передадимъ въ краткихъ словахъ содержаніе лежащей предъ нами первой книжки. Она начинается очень любопытною статью С. А. Гулевича—«Участіе императорской фамиліи въ сформированіи государственныхъ ополченій». Въ этой статьѣ авторъ, упомянувъ, что въ Россіи до Петра Великаго армія состояла большею частью изъ ополченій, которыя съ переходомъ арміи въ регулярную обращаются только въ подспорье этой арміи и при томъ въ необходимые моменты,—останавливается на первомъ, въ современномъ значеніи этого слова ополченіи, созданномъ лишь въ царствованіе знаменитой казанской помѣщицы (Екатерины II) въ 1774 г., когда восточный край ея имперіи былъ охваченъ пугачевскимъ мятежомъ. При этомъ авторъ приводитъ очень характерный и любопытный документъ—всеподданнѣйшій адресъ казанскаго дворянства съ которымъ предоставляемъ читателямъ ознакомиться непосредственно самимъ,

онъ слишкомъ длиненъ, чтобы привести его здѣсь. Послѣдующимъ ополченіемъ явилось такъ называемое «земское войско», собранное по мысли императора Александра I въ 1806—7 годахъ, когда мы вели войну съ Наполеономъ, ознаменованную сраженіями при Пултускѣ и Прейсишъ Ейлау и закончившуюся Тильзитскимъ миромъ. Это земское войско предполагалось собрать въ числѣ 600.000 человекъ слишкомъ, но на дѣлѣ было собрано не болѣе 200 тысячъ, причѣмъ членами императорской фамилии была сформирована особая «ополченская часть», получившая по своимъ основателямъ наименованіе «императорскаго батальона милиціи»; онъ былъ составленъ изъ крестьянъ царскихъ вотчинъ. Впечатлѣніе, произведенное участіемъ императорской фамилии въ образованіи этого ополченія 1806—7 годовъ, было громадно и вызвало обильныя и разнообразныя пожертвованія на ополченіе со стороны всего населенія. Авторъ очень подробно говоритъ объ этомъ ополченіи 1806—7 годовъ, расформированномъ въ началѣ 1808 года, послѣ чего очень скоро—года черезъ четыре—Россія была принуждена выставить новое ополченіе въ знаменитомъ 1812 году. Этому ополченію, отличавшемуся во многихъ сраженіяхъ Отечественной войны, будетъ, безъ сомнѣнія, посвящено дальнѣйшее изложеніе Гудевича, которое ожидаемъ съ большимъ нетерпѣніемъ.

Въ слѣдующемъ 2-мъ отдѣлѣ помѣщенъ любопытный дневникъ секунд-майора Черниговскаго карабинернаго полка барона Рейнгольда (Родіона) фонъ-Каульбарса, который былъ родной племянникъ извѣстнаго генерала Карла фонъ Каульбарса, личнаго друга знаменитаго фельдмаршала графа П. А. Румянцова-Задунайскаго, со слезами на глазахъ говорившаго, какъ тяжела была для него утрата этого стараго и вѣрнаго друга 21 декабря 1787 года. Самъ Рейнгольдъ Каульбарсъ находился въ нашей арміи въ 1789 и 1790 годахъ и велъ свой дневникъ, въ которомъ довольно подробно описаны знаменитыя битвы Суворова при Фокшанахъ и Рымникѣ, весьма отчетливо обрисована походная и лагерная жизнь русскихъ войскъ въ эту войну и приведены эпизоды, интересные и для тѣхъ войсковыхъ частей, которыя участвовали въ турецкихъ походахъ 1789—1790 годовъ. Къ сожалѣнію, Р. Каульбарсъ въ своемъ дневникѣ ничего не говоритъ о личностяхъ такихъ дѣятелей, какъ Румянцовъ, Потемкинъ, Суворовъ, и не вдается въ подробныя описанія того, что имѣло къ нимъ извѣстное отношеніе. Этого рода свѣдѣнія были помѣщены Р. Каульбарсомъ въ позднѣйшемъ его трудѣ «Свѣдѣнія о фамиліи Каульбарсовъ» (*Nachrichten über die Familie Kaulbars*).

Нельзя не поблагодарить издателя дневника, П. Н. Симанскаго, за то, что онъ помѣстилъ наиболѣе интересныя выдержки изъ этихъ свѣдѣній, относящихся до Румянцова и Суворова, частью въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ въ надлежащихъ мѣстахъ, частью въ предисловіи, въ которомъ сообщаются свѣдѣнія о Каульбарсахъ вообще. Кромѣ того, текстъ дневника снабженъ г. Симанскимъ множествомъ любопытныхъ примѣчаній и читается съ большимъ интересомъ.

Въ томъ же отдѣлѣ помѣщены: 1) небольшое донесеніе Петру I отъ Федора Апраксина о боѣ на рѣкѣ Ижорѣ въ 1708 году причѣмъ указаны и потери, нами понесенныя въ этомъ бою; 2) а также справка о дѣлѣ при Ялтѣ 19 іюля 1774 года изъ московскаго отдѣленія общаго архива главнаго штаба. Въ этомъ дѣлѣ отли-

чились особенно двѣ роты Брянскаго мушкатерскаго полка, павшія смертію храбрыхъ въ неравномъ и кровавомъ рукопашномъ бою съ турками на Ялтинскомъ посту 19 іюля 1774 года. При этомъ также выяснилось, что знаменитый позднѣе М. И. Голенищевъ-Кутузовъ служилъ въ 1774 г. подполковникомъ въ гренадерскомъ батальонѣ Московскаго легіона, который въ іюнѣ мѣсяцѣ того же года былъ вызванъ по тревогѣ въ деревню Алушта (недалеко отъ Ялты, какъ извѣстно) для противодѣйствія высадившимся туркамъ при деревнѣ Алуштѣ и занявшимъ эту деревню, а также близлежащія: Шумъ и Демерджи. При нашей атакѣ турецкаго укрѣпленія при деревнѣ Шумъ 24 іюля 1774 г. Голенищевъ-Кутузовъ «былъ раненъ пулею навывлетъ межъ глазъ».

Выше приведеннаго вполне достаточно для подтвержденія высказаннаго нами, что статьи новаго журнала имѣютъ общій интересъ для всѣхъ и cadaго. Остается добавить еще, что самое изданіе книжекъ, печатаемыхъ въ типографіи А. Суворина, прекрасно во всѣхъ отношеніяхъ и при томъ безспорно дешево; цѣна журналу всего по подпискѣ пять рублей въ годъ, цѣна же книжки въ отдѣльной продажѣ всего 1 р. 50 к. Нельзя не пожелать журналу самаго широкаго распространенія. Будетъ болѣе нежели странно, если имъ не обзаведутся всѣ многочисленныя бібліотеки нашихъ полковъ и всякаго наименованія другихъ военныхъ отдѣльныхъ частей.

П. Майковъ.

А. П. Смирновъ. «Жизнь для другихъ. Сборникъ историческихъ и бытовыхъ разсказовъ для дѣтей средняго и старшаго возраста. Спб. 1910. Стр. 471. Цѣна 1 р. 50 к.

Большое знаніе быта и исторіи сквозить во всѣхъ разсказахъ покойнаго автора. Интересъ молодыхъ читателей не ослабѣваетъ до конца разсказа и производитъ на нихъ глубокое впечатлѣніе. Очень живо написаны разсказы «Пугачевецъ» и «Измѣнникъ», характерная быль XVIII столѣтія. Последняя рисуетъ Кавказъ, крѣпость Грозную, эту позабытую въ настоящее время жизнь военныхъ, закинутыхъ далеко отъ родины, окруженныхъ хитрымъ врагомъ Пугачевымъ. «Отецъ Алексѣй», «Старый учитель» и «Настасья Петровна» переносятъ читателя въ современный міръ, въ школьную жизнь, въ жизнь деревни и тоже чрезвычайно интересно написаны, безъ современныхъ кривизнъ. Но главное, что цѣнно въ этой книгѣ, это ярко проведенная черезъ всѣ разсказы мысль, поставленная заголовкомъ изданія—«Жизнь для другихъ», именно, что были люди, для пользы ближнихъ поступавшіе своими собственными интересами, отдавшіе всю свою дѣятельность, чтобы помогать другимъ. Книга снабжена рисунками.

Г. П.

Матеріалы военно-ученаго архива генеральнаго штаба. Отечественная война 1812 г. Томъ XI. Изданіе главнаго управленія генеральнаго штаба. Ц. 2 р. Спб. 1909.

Главнымъ управленіемъ генеральнаго штаба въ теченіе непродолжительнаго времени издано одиннадцать томовъ (готовится къ печати томъ XII) документовъ, касающихся подготовки къ Отечественной войнѣ и находящихся въ богатомъ хранилищѣ военно-ученаго архива. Матеріалы эти будутъ имѣть драгоцѣнное значеніе при разработкѣ замѣчательнѣйшаго эпизода Отечественной исторіи, а для облегченія пользованія ими приложены къ изданію два алфавита—именъ и географическій и указатель войсковыхъ частей, военныхъ и административныхъ учреждений. Нельзя, однако, не пожалѣть, что изданіе этихъ матеріаловъ не было предпринято ранѣе, чтобы заблаговременно облегчить работы по составленію исторіи Отечественной войны къ столѣтнему ея юбилею.

Л. Н.

Памятная книжка Вятской губерніи и календарь на 1910 годъ. Составлены подъ редакціей Н. Спаскаго. Вятка. 1910.

Книжка, по обыкновенію, весьма богата содержаніемъ. Кромѣ обычныхъ статистическихъ и справочныхъ свѣдѣній, въ ней мы находимъ рядъ историческихъ статей и одну статью этнографическую.

Г. А. Замятинъ далъ весьма обстоятельный «Историческій очеркъ возникновенія въ городѣ Слободскомъ общественнаго Анфилатова банка», плодъ продолжительныхъ изысканій въ архивахъ Слободского, Петербурга и Вологды. Празднующій свой столѣтній юбилей Анфилатовскій банкъ въ городѣ Слободскомъ обычно считается у насъ первымъ городскимъ общественнымъ банкомъ въ Россіи. Г. Замятинъ исправляетъ эту неточность: первый въ Россіи городской общественный банкъ былъ открытъ въ городѣ Вологдѣ въ 1789 году, но уставъ его не былъ утвержденъ въ законодательномъ порядкѣ; уставъ же Анфилатовскаго банка прошелъ всѣ законодательныя инстанціи, и въ этомъ отношеніи банкъ Анфилатова былъ, дѣйствительно, первымъ въ Россіи. Основанный по силѣ высочайшаго указа 29-го октября 1809 года, торжественно открытый 31-го декабря 1810 года, Анфилатовскій банкъ созданъ всецѣло по инициативѣ и усиліями слободскаго купца К. А. Анфилатова. Всѣ обстоятельства и перипетіи возникновенія банка, источники его устава, вліянія, подъ которыми находился основатель банка,—все это подробно и обстоятельно выяснено авторомъ по первоисточникамъ.

Въ статьѣ «Вятскій край во время Великой Сѣверной войны» Л. Н. Спаскаго рисуется живую картину печальнаго, даже бѣдственнаго, состоянія Вятской области въ началѣ XVIII вѣка. Замѣчательно, что всѣ первыя десятилѣтія новыхъ столѣтій были для Россіи временемъ тяжелыхъ испытаній. Но если сравнить только что миновавшую нашу разруху съ началомъ XVIII вѣка, то нынѣшнія бѣдствія весьма сильно блѣднѣютъ и ступеваются. Изъ далекой отъ театра военныхъ дѣйствій Вятки ужасное положеніе Россіи въ началѣ

XVIII вѣка видѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Россія напрягала все свои силы въ борьбѣ со шведами. Отъ вятчанъ, обѣдѣвшихъ подъ игомъ цѣлаго ряда неурожаевъ, правительство безъ конца требовало денегъ, различныхъ строительныхъ матеріаловъ натурой, мастеровъ и рабочихъ тысячами. Между тѣмъ мѣстные инородцы подняли мятежъ. Даже плѣнные шведы, которыхъ въ большомъ количествѣ привели въ Вятку, безнаказанно чинили беззащитнымъ вятчанамъ всякія обиды и безчинства.

Тому же автору принадлежитъ капитальный (181 стр.) «Историческій очеркъ вятской маріинской женской гимназіи за 50 лѣтъ ея существованія (1859—1909)». Очеркъ составленъ главнымъ образомъ по официальнымъ отчетамъ, но оживленъ личными воспоминаніями автора и другихъ лицъ и полонъ хорошо написанныхъ характеристикъ.

Гр. Верещагину принадлежитъ краткій, но интересный этнографическій очеркъ «Знахарство въ Вятской губерніи»; Н. Н. Блинову—замѣтка о недавней «находкѣ могилъ и костей въ городѣ Сарapulъ». Некрологи Р. П. Рума и профессора А. В. Попова заканчиваютъ интересный научный отдѣлъ книжки.

Д. Зеленинъ

Лѣтопись екатеринославской ученой архивной комиссіи. Выпускъ V. Издается подъ редакціей товарища предсѣдателя комиссіи А. С. Синявскаго. Екатеринославъ. 1909. Стр. VI + 166 + 23. Ц. 1 р.

Екатеринославская архивная комиссія просуществовала шесть лѣтъ и за это время успѣла издать пять выпусковъ своей «Лѣтописи», правда, наполненныхъ преимущественно сырымъ матеріаломъ, который, тѣмъ не менѣе, какъ извлеченный по большей части изъ архивовъ, представляетъ много цѣннаго для мѣстной исторіи. Кромѣ того, члены комиссіи немало поработали по изученію и описанію мѣстныхъ архивовъ. Въ третій выпускъ «Лѣтописи» вошла и крупная работа Я. П. Новицкаго—«Исторія города Александровска». Кажалось бы, что уже этимъ однимъ четыре главныхъ работника комиссіи—А. С. Синявскій, Я. П. Новицкій, И. О. Вертоградовъ и В. А. Бѣдиновъ—должны были привлечь серьезное вниманіе екатеринославцевъ, возбудить ихъ къ соучастию въ историческихъ работахъ по изученію родного края, но не тутъ-то было: екатеринославцы остались глухи къ ихъ призыву. Не чая, видимо, и въ дальнѣйшемъ болѣе живого участія со стороны мѣстныхъ любителей исторіи, археологіи и этнографіи, товарищъ предсѣдателя А. С. Синявскій почему-то, на нашъ взглядъ, поспѣшилъ изданіемъ въ свѣтъ пятаго выпуска, хотя послѣ изданія четвертаго—довольно содержательнаго (см. нашу рецензію въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1908 г., № 8) не прошло и года. вмѣсто того, чтобы наполнять жиденькій томикъ (V выпускъ «Лѣтописи») перепечатками изъ другихъ изданій, сравнительно недавнихъ годовъ (напримѣръ, «Автобіографія протоіерея Карпа Павловскаго» изъ «Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» 1861 г. и др.), смѣло можно было бы выждать, по крайней мѣрѣ, еще годъ. Просматривая уже одно оглавленіе настоящаго выпуска, убѣждаешься,

что тутъ только и можно остановиться на однихъ «Матеріалахъ для исторіи запорожскихъ казаковъ», заимствованныхъ изъ запорожскаго сѣчевого архива за 1770 и 1771 г. и переданныхъ г. Новицкому, который ихъ напечаталъ, извѣстнымъ историкомъ Запорожья и Новороссійскаго края А. А. Скальковскимъ въ 1888 году. «Матеріалы» эти содержатъ: 1) жалобы казаковъ на притѣсненія и обиды, 2) переписку по поводу сооруженія въ запорожскихъ вольностяхъ крѣпостей двѣпровской линіи, и 3) переписку, касающуюся внутренняго устройства и порядковъ въ Запорожьѣ. Если назовемъ еще небольшое предисловіе Я. П. Новицкаго, почему-то слишкомъ запоздалое, къ его же интересному сборнику: «Малорусскія историческія пѣсни, собранныя въ Екатеринославщинѣ», который былъ напечатанъ въ 1908 г. въ IV выпускѣ «Лѣтописи» екатеринославской архивной комиссіи, то, пожалуй, совершенно исчерпаемъ могущее заинтересовать историка и этнографа содержаніе пятаго выпуска «Лѣтописи».

Много и даже непростительно виновато въ малоуспѣшности работъ комиссіи мѣстное интеллигентное общество и въ особенности гг. педагоги многочисленныхъ тамошнихъ учебныхъ заведеній, но, взявшись за дѣло, надо же и обществу представить что-либо болѣе серьезное и интересное, иначе—одна трата на печать и бумагу и безъ того малыхъ денежныхъ средствъ комиссіи.

В. Рудаковъ.

Ю. Романовскій и А. фонъ-Шварцъ. Оборона Портъ-Артура. Ч. II. 1910. Цѣна 6 руб.

О первой части капитальнаго труда Ю. Романовскаго и А. фонъ-Шварца «Оборона Портъ-Артура» былъ уже данъ своевременно отзывъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1908 г., ноябрь). Нынѣ вышла вторая часть, заканчивающая собою это капитальное сочиненіе.

Составлена книга съ большимъ знаніемъ дѣла: оба составителя—участники портъ-артурской эпопеи, украшенные георгіевскими крестами; притомъ одинъ изъ нихъ—офицеръ генеральнаго штаба, другой—военный инженеръ, и сочетаніе въ авторахъ ихъ специальностей весьма благопріятно отразилось на книгѣ. Собрано въ ней все, что появлялось до сего времени въ печати; нѣкоторые эпизоды освѣщены вновь. Къ несомнѣнному достоинству этого крупнаго сочиненія должно отнести спокойный, уравновѣшенный тонъ, насколько, конечно, его можно соблюсти въ такомъ жгучемъ, еще не зажившемъ вопросѣ, какъ недавняя борьба за Портъ-Артуръ.

Не взирая на военные термины и военные вопросы, сочиненіе гг. Романовскаго и фонъ-Шварца прочтется съ выдающимся интересомъ всякимъ читателемъ—неспециалистомъ, чему поможетъ увлекательный, литературный языкъ, которымъ написана вся книга. Въ интересахъ истины, которая одна только должна быть цѣлью всякаго изслѣдованія, нужно пожелать, чтобы наше общество, сбитое съ толку лубочными, партійными изданіями, ознакомилось съ борьбою за Портъ-Артуръ посредствомъ разбираемаго труда гг. Романовскаго и фонъ-Шварца.

Видимость изданія не заставляет желать ничего лучшаго. Составители, видно, обратили на это обстоятельство свое вниманіе.

Къ книгѣ приложенъ перечень книгъ и статей, написанныхъ объ оборонѣ Портъ-Артура на русскомъ языкѣ.

Изящной, украшенной множествомъ рисунковъ и чертежей, книгѣ «Оборона Портъ-Артура» слѣдуетъ пожелать самаго широкаго распространенія среди читающаго общества.

М. Соколовскій.

Вл. Семеновъ. Цѣна крови. Спб. 1910 г. Стр. III+221. Ц. 1 р.

Настоящія записки о послѣдней войнѣ г. Вл. Семенова служатъ продолженіемъ ранѣе (въ 1908 г.) напечатанныхъ «Расплаты» и «Боя при Цусимѣ», которыя съ большимъ интересомъ были прочитаны публикой и удостоились перевода на нѣкоторые европейскіе языки.

Въ настоящей книгѣ авторъ живо и правдиво описываетъ конецъ Цусимскаго боя, пересадку вмѣстѣ съ тяжело раненымъ адмираломъ Роже-ственскимъ на миноносець «Бѣдовый» и захватъ его японцами; о пребываніи въ плѣну, объ обратномъ путешествіи въ Россію и о безпорядкахъ, которые бывшимъ плѣннымъ пришлось встрѣтить при соприкосновеніи съ родной жизнью. Закапчиваетъ онъ свое повѣствованіе упрекомъ по адресу тѣхъ, благодаря которымъ нашъ флотъ очутился въ такомъ безпомощномъ состояніи, что побѣда была совершенно невообразима, и которые до сихъ поръ сидятъ у себя «подъ спицею» и плодятъ канцелярщину, отстранивъ отъ дѣла обновленія и воскрешенія флота опытныхъ моряковъ, знающихъ всѣ большыя мѣста нашего флота и вынесшихъ многое изъ цусимскаго пораженія. Оттѣняя необычайно участливое отношеніе врачебнаго японскаго персонала къ плѣннымъ, авторъ живо и увлекательно рассказываетъ о якобы «рыцарскомъ», какъ писалось въ нѣкоторыхъ японофильскихъ газетахъ, отношеніи японцевъ къ военноплѣннымъ, о режимѣ «арестантскаго лазарета», которому подвергались наши плѣнные раненые, о строгой цензурѣ писемъ и газетъ, не только русскихъ, но даже и англійскихъ. Въ японцахъ, по словамъ г. Вл. Семенова, несмотря на сильное вліяніе европейской цивилизаціи, еще очень глубоко сидитъ врожденное убѣжденіе, заставляющее ихъ смотрѣть на своихъ плѣнниковъ, какъ на рабовъ, которымъ они имѣютъ полное право причинить всякій вредъ, до смерти включительно, надъ которыми они съ удовольствіемъ глумятся, потѣшаются ихъ безпомощностью и т. п. И если они не могли дѣлать этого открыто нашимъ плѣнникамъ, какъ противнаго европейской цивилизаціи, которой подражаетъ вся Японія, то они все-таки старались хоть исподтишка какъ-нибудь поглумиться надъ плѣннымъ, особенно если онъ изъ старшихъ, выказать свою силу и власть. Авторъ говоритъ между прочимъ и объ участіи японцевъ въ революціонной пропагандѣ среди нашихъ плѣнныхъ. «Наше правило,—говорили они въ оправданіе:—вреди врагу, чѣмъ можешь». Затѣмъ авторъ рассказываетъ объ обратномъ путешествіи въ Петербургъ черезъ Владивостокъ и Сибирь, которая въ то время была вся охвачена революціоннымъ пламенемъ. Пьяная толпа грабила и разбивала склады и магазины,

во Владивостокѣ желѣзная дорога была въ рукахъ бунтовщиковъ, товарищескіе «комитеты» распоряжались на ней и пропускали только поѣзда съ запасными да съ раненымъ адмираломъ Рожественскимъ, которому народъ и депутаты отъ рабочихъ устраивали шумныя встрѣчи, справлялись о его здоровьѣ, разспрашивали о Цусимскомъ боѣ. Эти страницы книги написаны г. Семеновымъ чрезвычайно живо и могутъ служить хорошимъ матеріаломъ для исторіи революціоннаго движенія, какъ оно отразилось на дальневосточной окраинѣ. вмѣстѣ съ названными выше первыми частями воспоминаній весь трудъ г. Семенова заслуживаетъ серьезнаго вниманія, какъ правдивая и умная лѣтопись страданій русскихъ моряковъ во время послѣдней войны. **Б. Г.**

«Готовься къ войнѣ. Банзай!» Переводъ съ 5-го нѣмецкаго изданія. Спб. 1909. 381 стр.

Подъ этимъ заглавіемъ недавно появилась на нѣмецкомъ языкѣ книга, очевидно, написанная американцемъ, хорошо знакомымъ съ народомъ, порядками и нравами заатлантической республики. Въ книгѣ этой, прекрасно переведенной на русскій языкъ, авторъ въ живой и остроумной формѣ описываетъ состоявшееся будто бы два года спустя послѣ русско-японской войны нападеніе японцевъ на западные берега сѣверной Америки, причемъ лозунгомъ желтолицыхъ служить теперь «господство на Тихомъ океанѣ» и месть за Канагавскій договоръ 1854 года, когда американскій адмиралъ Перри вынудилъ японцевъ открыть свои порты для американской торговли, и за вмѣшательство Рузвельта въ португальскіе переговоры, лишившее Японію столь жадно ожидавшейся ею контрибуціи. Съ необычайною скрытностью, имѣющею девизомъ «никогда не говори, но всегда помни», съ терпѣніемъ и упорствомъ японцы задолго до войны успѣли, по фантазіи автора, сосредоточить въ западныхъ штатахъ Америки, подъ видомъ рабочихъ и мелкихъ торговцевъ, многотысячную армію солдатъ и офицеровъ, имѣвшихъ между собою тайную тѣсную связь, непрерывно контролируемыхъ и ожидавшихъ сигнала къ общему нападенію. Несмотря на состоявшійся законъ объ ограниченіи иммиграціи, на который, будто бы, охотно согласилась Японія, мирное нашествіе желтолицыхъ свободно шло черезъ Мексику и Канаду. Такъ же искусно было доставлено въ разобранномъ видѣ вооруженіе, лафетныя колеса въ видѣ фермерскихъ фургоновъ и самыя орудія въ желѣзныхъ столбахъ, предназначенныхъ для фабричныхъ построекъ; точно также были скуплены и размѣщены по странѣ лошади. Объектомъ нападенія былъ назначенъ С.-Франциско, главный городъ побережья, обладавшій портомъ и береговыми батареями. Авторъ картинно описываетъ, какъ въ назначенный день и часъ, конечно, безъ объявленія войны, закопошился желтолицый кварталъ С.-Франциско и выбросилъ изъ своихъ подземелій цѣлыя полчища «двуногихъ крысъ», одѣтыхъ частью въ японскіе, частью въ скупленные у отставныхъ солдатъ американскіе мундиры. При этомъ ничто не было забыто: всѣ телеграфныя и телефонныя проволоки были перерѣзаны, беспроводный телеграфъ перехваченъ высокою трубою газоваго завода, принадлежащаго богатому японцу, всѣ поѣзда, направленные съ востока, были безпрепятственно впускаемы въ С.-Франциско и ни одинъ не былъ выпу-

пень обратно, что дало возможность сосредоточить во власти японцев громадный подвижной состав, доставленный самими американцами. При таких условиях, т. е. при полной неожиданности удара, подобного удару грома съ безоблачного неба, сопротивление было немислимо и побережье трех штатов—Вашингтона, Орегона и Калифорнии—оказалось въ рукахъ врага. Точно также предательски и чисто были уничтожены двѣ тихо-океанскія эскадры американскаго флота. Послѣ этого авторъ описываетъ панику, охватившую восточные штаты, взрывъ негодованія, сплотившій разнородные элементы населенія, въ отвѣтъ на унизительныя предложенія мирнаго договора, долгія приготовленія къ войнѣ, горькія неудачи въ началѣ кампаніи и, наконецъ, торжество республиканскихъ войскъ, охваченныхъ дружнымъ чувствомъ патріотизма.

Въ заключеніе замѣтимъ, что если фантазія автора тщательно обработала планъ вторженія японцевъ, то планъ изгнанія ихъ съ американской территоріи едва намѣченъ. Оно и понятно: авторъ выяснилъ полную неготовность американцевъ къ оборонительной войнѣ, совершенное отсутствіе матеріальной части и всевозможныхъ запасовъ, а сформированіе арміи въ нѣсколько сотъ тысячъ человекъ и снабженіе ея всѣмъ необходимымъ требуетъ не нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ полагаетъ авторъ, а нѣсколькихъ лѣтъ, причѣмъ первые годы, пока армія не закалится въ боевомъ опытѣ, должны быть сопряжены съ тяжелыми неудачами. Казалось бы, въ виду такого врага, какъ Японія, американцамъ слѣдовало бы при своихъ громадныхъ финансовыхъ средствахъ создать прежде всего такой флотъ, борьба съ которымъ была бы немислима со стороны маленькой и сравнительно бѣдной Японіи.

Книжка читается съ интересомъ, переведена моряками-специалистами (четырьмя гардемаринами) и издана изящно.

Л. Н.

Архивъ Раевскихъ. Томъ II. Изданіе П. М. Раевского. Редакція и примѣчанія Б. Л. Модзалевскаго. Спб. 1909. Стр. XVI+666.

(О первомъ томѣ этого весьма цѣннаго въ историческомъ отношеніи изданія мы уже говорили на страницахъ «Историческаго Вѣстника» (1909 годъ, № 5). Въ настоящій второй томъ его вошли письма, по преимуществу, нѣкоторые другіе документы (свыше 620) за 1830—1838 года, т. е. за періодъ времени отъ смерти Н. Н. Раевского старшаго до женитьбы Н. Н. Раевского младшаго; главною своею массою они касаются частной жизни и служебной дѣятельности послѣдняго. Въ жизни Н. Н. Раевского младшаго эти годы имѣли большое значеніе. По злой волѣ своихъ недоброжелателей и завистниковъ, онъ въ 1829 году былъ не только отстраненъ отъ командованія Нижегородскимъ драгунскимъ полкомъ и лишенъ предназначавшихъ ему наградъ, но даже подвергнутъ аресту за якобы «тайныя сношенія съ лезгинцами» (см. объ этомъ подробности въ «Описи письменнымъ дѣламъ», относящимся до устранения его отъ командованія, стр. 43—74, и въ письмѣ Н. Н. Раевского къ А. Х. Бенкендорфу, стр. 90—96). Только черезъ два года удалось ему съдти благополучно свой полкъ и вернуться въ Россію, гдѣ онъ, однако, въ теченіе шести лѣтъ только «числился по службѣ», сначала состоящимъ по кавалеріи, потомъ со-

стоящимъ при начальникѣ 4-й гусарской дивизіи, далѣе при командирѣ второй бригады 2-й конно-егерской дивизіи и, наконецъ, снова состоящимъ по кавалеріи. Къ концу 1837 года Н. Н. Раевскій получилъ назначеніе начальникомъ перваго отдѣленія черноморской прибрежной линіи, гдѣ съ успѣхомъ проявилъ свои недюжинныя воинскія и административныя способности. За этотъ годъ и слѣдующіе его переписка, или, точнѣе, письма къ нему Е. А. Головина, М. П. Лазарева, князя А. С. Меншикова, А. С. Траскина, П. Х. Граббе, М. М. Ольшевскаго, графа М. С. Воронцова, А. И. Казначеева, А. П. Ермолова, Р. И. Дорохова и нѣкоторыхъ другихъ приобрѣтаютъ значеніе важнѣйшихъ документовъ для исторіи войны съ кавказскими горцами, какъ рисующія театръ военныхъ дѣйствій и взаимныя отношенія военачальниковъ не по официальной ихъ перепискѣ между собою, а по частнымъ письмамъ, въ которыхъ незачѣмъ да и трудно было скрывать свои чувства въ сношеніяхъ съ такимъ живымъ, общительнымъ и прямымъ человѣкомъ, какимъ былъ Н. Н. Раевскій.

Время до 1837 года Н. Н. Раевскій старался заполнить занятіями хозяйствомъ въ родовыхъ помѣстьяхъ и въ своемъ крымскомъ имѣніи Тессели и принялъ живое участіе въ образованіи московскаго общества любителей садоводства. Его переписка по этому поводу съ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ ботаниковъ того времени—*Θ. Б. Фишеромъ*, написавшимъ ему до 30 писемъ, а также письма къ нему *Х. Х. Стевена*, *Н. А. Гартвиса* и др.,—представляютъ несомнѣнный интересъ какъ для исторіи общества, такъ и вообще для исторіи ботаники въ Россіи. Къ этому же періоду жизни Н. Н. Раевскаго относятся небезынтересныя для исторіи русской общественности письма къ нему его сосѣдокъ по крымскому имѣнію—*баронессы Ю. Беркгейма* (и ея мужа *Ф. Х. Беркгейма*) и княгини *А. С. Голицыной*, носительницы того мистическаго направленія, которое широко распространилось у насъ во вторую половину царствованія императора Александра I. Любопытны ихъ настойчивыя старанія, воспользовавшись временнымъ настроеніемъ Н. Н. Раевскаго, сдѣлать его прозелитомъ своего ученія.

Литературный интересъ придаютъ настоящему тому «Архива Раевскихъ» письма съ упоминаніемъ имени Пушкина (хотя большая часть ихъ уже обнаружена ранѣе въ разныхъ изданіяхъ, о чемъ всюду имѣются указанія въ примѣчаніяхъ редактора), проектъ письма (январь 1832 года) Н. Н. Раевскаго къ графу *А. И. Чернышеву* съ редакціонными поправками *А. С. Пушкина*; письма *В. А. Жуковскаго* (апрѣль 1838 года), письмо *Л. В. Дубельта* (1834 г.) съ отзывомъ о *Н. А. Полевомъ*, котораго авторъ письма называетъ «безбожникомъ», и письмо поэта *П. А. Грозева* (1838 годъ).

Что касается собственно семейной переписки Н. Н. Раевскаго съ матерью и сестрами, то она и въ настоящемъ томѣ занимаетъ весьма незначительное мѣсто и остается только пожалѣть, что ея не сохранилось.

Въ заключеніе считаемъ необходимымъ обратить вниманіе читателей на обиліе и мѣстами довольно подробныхъ, примѣчаній редактора, обращающагося въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже къ архивнымъ источникамъ. Примѣчанія эти главнымъ образомъ біографическаго характера, сообщающія наиболѣе подробныя свѣдѣнія о *М. Вл. Юзефовичѣ*, *С. Г. Чилевѣ*, декабристѣ *Н. Н. Семи-*

чевъ, Н. Вс. Всеволожскомъ, А. М. Безобразовъ, В. Арк. Башмаковой (внучкѣ знаменитаго генералиссимуса князя А. В. Суворова), Н. Ив. Кривцовъ, А. И. Казначеевъ, Д. Е. Башмаковъ, Р. И. Дороховъ, Л. А. Нарышкинъ, Т. Б. Потемкиной, А. Ф. Спада, А. С. Траскинъ, Е. А. Головинъ, Л. С. Пушкинъ, Л. Як. Люлье, П. А. Гвоздевъ, П. Х. Граббе, графъ Г. А. Ржевусскомъ и др.

Въ видѣ «дополненій» къ настоящему тому Б. Л. Модзалевскій помѣстилъ: купчую А. Н. Шемякина на земли, проданныя ему княземъ Потемкинѣмъ Таврическимъ (1783 годъ); довѣренность А. Н. Шемякина—Н. Т. Шемякину (1787 годъ); нѣсколько писемъ, дополненія и поправки къ первому тому и указатель, а въ видѣ «приложеній»—портретъ Н. Н. Раевского младшаго, видъ на Аю-Дагъ изъ Карасана въ 1835 году, портретъ А. М. Раевской (рожденной Бороздиной), десантъ генераль-майора Н. Н. Раевского въ Туапсе 12-го мая на Аю-Дагъ изъ Карасана въ 1835 гоуу, портретъ А. М. Раевской (рожденной Бороздиной), десантъ генераль-майора Н. Н. Раевского въ Туапсе 12-го мая 1838 года (съ картины Айвазовскаго), русское укрѣпленіе у рѣки Туапсе, копию съ старинной акварели—«Храбрѣйшій оборонитель Смоленска, герой боя Бородинскаго и высотъ Монматрскихъ генераль Николай Раевской»,—и родословную таблицу рода Раевскихъ.

В. Рудаковъ.

Сочиненія, письма и бумаги В. Н. Каразина, собранныя и редактированныя проф. Д. И. Багалъемъ. Изданіе харьковскаго университета. Харьковъ. 1910. Стр. XIX+926. Ц. 4 руб.

Василій Назаровичъ Каразинъ (1773—1842), положившій основаніе императорскому харьковскому университету, является крупнымъ общественнымъ дѣятелемъ первой половины XIX вѣка: вся его жизнь, полная энергіи, была посвящена на служеніе русскому просвѣщенію и распространенію среди общества необходимыхъ и полезныхъ для него научныхъ знаній. Кромѣ того, Каразинъ находился въ перепискѣ съ императорами: Павломъ I, Александромъ I и Николаемъ I и государственными людьми своего времени: графомъ Сперанскимъ, графомъ Кочубеемъ, Новосильцевымъ, графомъ Аракчеевымъ, шефомъ жандармовъ А. Х. Бенкендорфомъ, графомъ Киселевымъ и многими другими.

Харьковскій университетъ, въ виду исполнившагося столѣтія своего существованія, почтилъ память Каразина не только постановкой ему памятника, но и изданіемъ собранія его сочиненій и писемъ. Инициаторъ и редакторъ этого изданія профессоръ Багалъй собралъ разнообразныя сочиненія Каразина, отчасти уже напечатанныя въ повременныхъ историческихъ изданіяхъ, отчасти находившіяся до сихъ поръ неизвѣстными въ русскихъ бібліотекахъ и архивахъ. Всѣ статьи распределены редакторомъ на пять отдѣловъ.

Самымъ важнымъ изъ нихъ является первый, къ которому отнесены статьи политическаго и статистико-экономическаго характера, какъ, напримѣръ, извѣстное письмо Каразина къ императору Александру I, въ коемъ В. Н. предлагаетъ государю проводить въ жизнь либеральную программу управления, затѣмъ «Практическое защищеніе противъ иностранцевъ существующей нынѣ въ Россіи подчиненности поселянъ ихъ помѣщикамъ», «Польскій вопросъ въ

1839 году» и мн. др. Всѣ статьи этого отдѣла уже появлялись въ печати; въ настоящемъ изданіи возстановлены нѣкоторые пропуски, дѣлавшіеся ранѣе по цензурнымъ условіямъ.

Второй отдѣлъ занимаютъ отчеты, рѣчи и статьи Каразина, относящіяся къ дѣятельности созданнаго имъ филотехническаго общества, которое, по мысли В. Н., должно было «распространять и усовершенствовать всѣ вѣтви досужества и домоводства въ полуденномъ краю Россійской имперіи».

Въ отдѣлѣ третьемъ помѣщены статьи Каразина по технической химіи, географіи, метеорологіи и сельскому хозяйству.

Въ четвертый отдѣлъ г. Багалѣемъ внесены статьи по исторіи, исторіи литературы и просвѣщенія. Большая часть документовъ этого отдѣла напечатана по рукописямъ, находящимся въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ; изъ нихъ «Историческая записка о приношеніи слободскихъ дворянъ на университетъ» печатается впервые. Записка обрисовываетъ дѣятельность Каразина по открытію въ Харьковѣ университета и даетъ картину той борьбы съ провинціальными интригами и мелкими самолюбіями, которую пришлось переживать В. Н., чтобы провести въ жизнь свою идею.

Пятый отдѣлъ книги занятъ бумагами и письмами Каразина къ разнымъ лицамъ. Редакторъ изданія для этого отдѣла списалъ въ публичной библіотекѣ цѣлую серію неизвѣстныхъ донинѣ писемъ Каразина къ Василию Григорьевичу Анастасевичу. Анастасевичъ работалъ вмѣстѣ съ Каразинимъ при открытіи министерства народнаго просвѣщенія въ 1802 году, а затѣмъ состоялъ при попечителѣ виленскаго учебнаго округа князѣ А. А. Чарторыйскомъ и былъ извѣстенъ, какъ выдающійся лингвистъ и безкорыстный дѣятель на пользу просвѣщенія, ученыхъ и литераторовъ.

Многія письма по ходатайству харьковскаго университета были извлечены редакторомъ изъ архивовъ министерства внутреннихъ дѣлъ и департамента полиціи. Письма Каразина касаются самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, какъ его личной, такъ и общественной жизни. Выраженія ихъ оригинальны, многія изъ нихъ блестятъ мѣткостью сравненій, юморомъ и силою чувства. Для характеристики приведемъ, напримѣръ, письмо къ князю Салтыкову отъ мая 1815 г. (стр. 719): «Адресъ-календарь, едва занимавшій при Екатеринѣ II 200 страницъ, наполняетъ теперь 700 слѣшкомъ, безъ включенія губернскихъ чиновниковъ, и то многіе еще не помѣщены въ ономъ. Сколько людей праздныхъ, бесполезныхъ, умножающихъ только дороговизну въ столицѣ! Не только молодые шалуны, рыщущіе по бульварамъ, но дѣти, учащіяся въ школахъ, внесены въ канцелярскіе списки и получаютъ жалованье. Можно смѣло сказать, что двѣ трети служащихъ совсѣмъ не несутъ службы».

Или вотъ въ какихъ выраженіяхъ проситъ Каразинъ императора Николая I разобраться въ столкновеніи его съ всемогущимъ шефомъ жандармовъ графомъ А. Х. Бенкендорфомъ (стр. 778): «у насъ дворянъ въ передней иногда обиженный, умышленно подниметъ шумъ, чтобы господинъ оглянулся. И обыкновенно тотъ, кто симъ образомъ ищетъ управы, первый получаетъ пощечину отъ господина: что и со мной случилось. Но умнѣй господинъ, въ слѣдъ за симъ начинаетъ уже допросъ. И ваше императорское величество, конечно, также поступите».

При письмахъ, къ сожалѣнію, не сдѣланы редакторомъ указанія, въ какомъ именно изъ хранилищъ находится то или другое письмо; такія примѣчанія могли бы очень пригодиться лицамъ, которымъ придется работать по вопросамъ, касающимся дѣятельности Каразина. Нѣтъ также и оглавленія писемъ, что затрудняетъ пользованіе ими.

Къ изданію приложены снимки съ портретовъ В. Н. Каразина и его жены и виды памятниковъ—надмогильного въ г. Николаевѣ и поставленнаго нынѣ въ саду харьковского университета.

В. Троицкій.

Аркадій Прессъ. Въ царствѣ книгъ. Т. I. Стр. 406. Цѣна 1 р. 50 коп. Т. II. Стр. 367. Ц. 1 руб. 50 к. Спб. 1909.

Читая книги г. Пресса, съ каждой прочитанной страницей все больше и больше поражаешься широтой интересовъ автора, разнообразіемъ тѣхъ объектовъ, которые останавливаютъ на себѣ его вниманіе. О чемъ только не пишетъ г. Прессъ: читаешь о Гаршинѣ и черезъ нѣсколько страницъ объ Абдурахманѣ, эмирѣ Афганистана, статья о Короленкѣ и сейчасъ же о Палестинѣ, китайскіе романы; далѣе парижская коммуна 1871 года и сейчасъ же античная поэзія, Джонъ Локкъ, а рядомъ редакторъ «Нивы» В. Свѣтловъ. Вотъ ужъ дѣйствительно «какая смѣсь одеждъ и лицъ!» Прямо ошеломляетъ это разнообразіе интересовъ, эта пестрота объектовъ наблюденія и вниманія. Есть, конечно, люди съ поразительными энциклопедическими знаніями и знаніями, при томъ солидными, и если бы г. Прессъ принадлежалъ къ этой категоріи людей, то, разумѣется, ничего сказать въ упрекъ его книгамъ было бы нельзя, но авторъ не принадлежитъ къ этой категоріи, его очерки не обнаруживаютъ серьезнаго знанія предмета, они—поверхностныя замѣтки человѣка, хотя и впечатлительнаго, умнаго, но человѣка, вниманіе котораго останавливается на томъ или другомъ предметѣ лишь нѣсколько минутъ, чтобы сейчасъ же перейти на другой, мысль котораго скользитъ по поверхности, не углубляясь. Разнообразіе темъ сообщаетъ статьямъ поверхностность, не даетъ автору возможности углубиться въ каждую и дальше элементарныхъ мыслей, избитыхъ приговоровъ онъ не идетъ, за нѣкоторыми исключеніями. Мысли автора въ своемъ большинствѣ—святые истины, но истины, давно сдѣлавшіяся архаизмами, напримѣръ, разсужденіе его о возмутительности, съ точки зрѣнія нравственныхъ законовъ, войны (статья о Гаршинѣ), о разводѣ (въ статьѣ о братьяхъ Мергеритахъ).

Есть въ книгахъ мѣста, которыя свидѣтельствуютъ, что во многое авторъ не способенъ вдуматься, и въ то же время поражаютъ диктаторскимъ тономъ. Въ этомъ отношеніи особенно печальное впечатлѣніе производитъ высокопарная тирада о новѣйшей русской литературѣ и современныхъ писателяхъ, поражающая легкостью, съ которою судить о нихъ авторъ, диктаторскимъ тономъ, совершенной немотивированностью приговора (статья о В. Свѣтловѣ). Огульное, безъ доказательствъ обвиненіе производитъ самое невыгодное для г. Пресса впечатлѣніе. Читая этотъ обвинительный актъ, можно подуматъ, что это обличеніе какого-нибудь почтаевскаго Илюдора, а не умнаго, интеллигентнаго, не лишеннаго художественнаго чутья человѣка, какимъ обнаруживаетъ себя авторъ въ

других мѣстахъ книги. Есть, правда, темныя пятна въ нашей новѣйшей литературѣ, но говорить о ней, какъ о цѣломъ, что «она выступаетъ противъ общечеловѣческой нравственности, противъ права всякой семейной и общественной добродѣтели, она идеализируетъ пьянство, проституцію, дикость, невѣжество и жестокость»—это значить ровно ничего и не понимать въ новѣйшей русской литературѣ, дѣлать непростительную логическую ошибку—возводить частное въ общее.

Жаль, что г. Прессъ не сосредоточивается на чемъ-либо одномъ, разнообразіе объектовъ несетъ за собою поверхностность, элементарность, жаль потому, что нѣкоторыя мѣста книгъ показываютъ, что авторъ способенъ на большее, чѣмъ поверхностные очерки, обнаруживаетъ наличность вдумчивости, иногда художественнаго чутья. Къ тому же нельзя отрицать у г. Пресса чисто литературный талантъ: онъ пишетъ живо, литературно.

Написанныя живо, литературно, затрагивая живыя темы, не утомляя вниманія читателя, не утруждая работу его мысли, статьи г. Пресса съ интересомъ прочтутся такъ называемымъ «среднимъ» читателемъ, который не любитъ задумываться, сосредоточиваться, напрягать свою мысль, но серьезнаго читателя, читателя, ищущаго не занимательности, а мысли, не удовлетворяютъ книги г. Пресса.

А. Фоминь.

Д. С. Мережковскій. Лермонтовъ. Поэтъ сверхчеловѣчества.
Спб. 1909. Стр. 2 нн. + 88. Ц. 50 коп.

Архимедъ говорилъ, что если бы ему дали точку опоры внѣ земли, то онъ могъ бы повернуть землю. Г. Мережковскій возьмется повернуть и перевернуть любой предметъ, опираясь на него же самого. Онъ способенъ поставить вверхъ ногами Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевскаго при помощи самихъ же Гоголя, Пушкина, Достоевскаго и Толстого. Наконецъ объектомъ его критическихъ экспериментовъ сталъ Лермонтовъ. Г. Мережковскому захотѣлось доказать, что Лермонтовъ былъ единственнымъ дѣйственнымъ, борющимся, бунтующимъ духомъ въ русской литературѣ, которая всегда только смирялась и смиряла. «Тишь да гладь—въ созерцательномъ аскетизмѣ Гоголя, въ созерцательномъ эстетизмѣ Тургенева, въ православной реакціи Достоевскаго, въ буддійскомъ недѣланьѣ Л. Толстого; лермонтовская дѣйственность вѣчно борется съ пушкинской созерцательностью, вѣчно ею побѣждается и сейчасъ побѣждена, какъ будто окончательно раздавлена... Вотъ и смирились. Во внѣшней политикѣ—до Цусимы, а во внутренней—до того, о чемъ и говорить непристойно,—до Ната Пинкертона... Созерцаніе безъ дѣйствія, молитва безъ подвига, великая литература безъ великой исторіи—это никакому народу не прощается, не простилося и намъ. На этой-то страшной мертвой точкѣ, на которой мы сейчасъ находимся, не пора ли вспомнить, что въ русской литературѣ, русской дѣйствительности, кромѣ услышаннаго призыва: смирись, гордый человѣкъ,—есть и другой, неслышанный: возстань, униженный человѣкъ.—кромѣ послѣдняго служенія, есть и послѣдній бунтъ,—кромѣ Пушкина,

есть и Лермонтовъ... Скрытой борьбою съ Лермонтовымъ была доннынъ вся русская литература,—не предстоитъ ли намъ борьба съ Пушкинымъ? Съ вѣчною истиною бороться нельзя. Пушкинъ—такая же вѣчная истина, какъ Лермонтовъ, или, вѣрнѣе, одна изъ двухъ половинокъ этой истины. Нельзя бороться съ Пушкинымъ какъ съ однимъ изъ двухъ, но можно какъ съ единственнымъ. Вопросъ, отъ котораго зависитъ наше спасеніе или погибель: какъ соединить себя съ народомъ, наше созерцаніе съ нашимъ дѣйствіемъ, Пушкина съ Лермонтовымъ?..» Для построенія этой соблазнительной и, правду сказать, эффектной схемы «самодержецъ цитать», какъ назвалъ кто-то вѣрно и остроумно г. Мережковского, призвалъ свою вѣрную армию. Цитаты съ одной стороны, съ другой—смѣлая шумиха красивыхъ фразъ, въ которыхъ выдается за непреложную истину то, что не только сомнительно, но просто едва ли и можетъ быть доказано. Таковы ничѣмъ не мотивированныя утвержденія, что «о Пушкинѣ говорили много и кое-что сказали, а о Лермонтовѣ говорили мало и ничего не сказали» (вспоминается нашъ величайшій критикъ, Бѣлинскій, который не только «кое-что сказалъ» о Лермонтовѣ, но и понялъ его и лучше, и глубже, чѣмъ Пушкина); что Лермонтовъ теперь «приблизился къ намъ», и «вдругъ захотѣлось о немъ говорить», хотя интересъ къ нему въ наши дни, замѣтно, не ниже и не выше прежняго; что русская литература баюкаетъ сонъ русскаго народа колыбельной пѣсенкой бездѣйственнаго эстетизма, тогда какъ именно пѣсенъ бездѣйственныхъ созерцателей, Тютчевыхъ и Фетовъ, у насъ никто не хотѣлъ слушать, и они посейчасъ остаются поэтами «для немногихъ» и т. п. За «доказательствами» у г. Мережковского дѣло не стоитъ. Такъ, Пушкинъ «смирился», потому что заключилъ компромиссъ съ правительствомъ и на свой вопросъ: «жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?» «удовольствовался (?) плоскими стишками митрополита Филарета»; другихъ доводовъ г. Мережковский не приводитъ, и весь океанъ пушкинской мысли и поэзіи остается въ этомъ отношеніи неизслѣдованнымъ. Лермонтовъ же «не смирился», и это доказывается его стихами: «устрой лишь такъ, чтобы Тебя отнынѣ недолго я еще благодарилъ» и проч., хотя—цитировать такъ ужъ цитировать—г. Мережковский забываетъ про признаніе Лермонтова: «тогда смиряется души моей тревога... и въ небесахъ я вижу Бога...» Впрочемъ, самъ же критикъ признаетъ, что желаніе демона «съ небомъ примириться»—«признаніе самого Лермонтова, первый намекъ на бгосыновство въ богоборчествѣ». Въ основѣ же своей это противоположеніе Пушкина Лермонтову, это желаніе окрасить одного въ одинъ сплошной цвѣтъ, а другого—въ другой—жертва, ненужная и бесплодная жертва, которую умный критикъ принесъ на алтарь своей выдумки, чтобы во что бы то ни стало поставить на своемъ. Нѣтъ, и въ Пушкинѣ, и въ Лермонтовѣ сказались одна и та же душа, одного народа, одной литературы, душа не только національная, но и общечеловѣческая, въ которой много сложности и загадочности, и которую никогда не приведешь къ одному знаменателю. И бороться съ Пушкинымъ намъ нечего, потому что онъ, со всей русской литературой купно, не отрицаетъ дѣйственности для пустого «созерцанія», и если служить духу «смирненія», то не тупого, рабскаго послушанія, а смиренія передъ истиной, того духовнаго мира, ради котораго иногда поднимается вовсе

не духовный мечь. Самая смерть Пушкина, который не был способен ужиться съ Бенкендорфами, как уживались же другіе, и такъ же, какъ Лермонтовъ, не опочилъ на лонѣ примиренія, а погибъ въ открытомъ, самомъ эмпирическомъ бунтѣ противъ дѣйствительности, роднитъ обоихъ поэтовъ, не говоря уже объ общности ихъ поэзіи въ единой метафизической сущности, отрицающей зло, бунтующей противъ зла.—иначе она не была бы въ концѣ концовъ поэзіей. И такъ же г. Мережковскій родится въ этомъ отрицаніи пушкинской дѣйственности съ Писаревымъ.

Но попутно г. Мережковскій сказалъ много умнаго о Лермонтовѣ и тонко анализировалъ, внѣ принятой тенденции, нѣкоторые элементы его поэзіи. За эти частности ему простится «первородный» грѣхъ его книжки.

М. Б.

В. Розановъ. Итальянскія впечатлѣнія. Спб. 1909. Стр. 316.

Ц. 1 р. 50 к.

Да, именно впечатлѣнія, впечатлѣнія непосредственной прекрасной русской природы отъ соприкосновенія съ страной классическихъ чудесъ, какою по всей справедливости считается Италия. В. В. Розановъ, одинъ изъ самыхъ интересныхъ современныхъ русскихъ писателей, съ оригинальнымъ самобытнымъ умомъ, съ обширной и разнообразной эрудиціей, съ затѣйливымъ полетомъ мысли въ высъ и ширь, въ первый разъ очутился за рубежомъ своей родины и повѣдалъ читателямъ о видѣнномъ и слышанномъ тамъ въ небольшой книжкѣ, которая стоитъ многихъ философскихъ трактатовъ, описаній путешествій, сплошь и рядомъ представляющихъ собою недобросовѣстные выписки изъ разныхъ путеводителей, разбавленныхъ цвѣтами празднаго краснорѣчія. Конечно, путешествовать по слѣдамъ г. Розанова съ его книжкой въ рукахъ невозможно: для этого нужно быть самимъ г. Розановымъ, этимъ чудачкомъ и талантливымъ русскимъ оригиналомъ, который часто проходитъ мимо главнаго, что составляетъ центръ данной мѣстности, безъ всякаго вниманія и равнодушно и останавливается вдругъ на подробностяхъ, на второстепенномъ и по поводу послѣдняго роняетъ такую мѣткость мысли, которая врядъ ли доставалась въ удѣлъ многимъ русскимъ туристамъ. Въ нѣсколькихъ строкахъ, иногда на одной страницѣ, онъ окунаетъ читателя въ древній міръ давно отжившей жизни, вылавливаетъ оттуда двѣ-три черты, освѣщаетъ ихъ по-своему, сблизжаетъ съ современностью или противопоставляетъ ей и создаетъ цѣлое оригинальное міросозерпаніе, гдѣ жизнь языческая и христіанская переплетаются между собою родственными духовными нитями, цементируются идейнымъ единствомъ и являютъ удивленному читателю такія страницы человѣческаго бытія, которыя дотолѣ оставались ему невѣдомыми или ускользали отъ его пониманія. Какая-нибудь одна древне-римская или греческая колонна, половая плита запущеннаго языческаго храма, вывѣтрившаяся отъ времени статуя, моментъ католическаго богослуженія или страничка быстро несущейся повседневной жизни даютъ ему поводъ и основаніе для характернаго сужденія, оригинально брошенной мысли, кото-

рыя, въ чужой аргументаціи и обработкѣ, могли бы лечь въ основаніе дѣльных трактатовъ, сухихъ, вялыхъ, не убѣдительныхъ, но quasi очень умныхъ, которыя никого не убѣждаютъ, а лишь отталкиваютъ отъ истины. Но у нашего философа-оригинала брошенная мысль есть уже дѣло прошедшее, къ которому онъ не возвращается, но которую читателю полезно имѣть въ виду при чтеніи дальнѣйшихъ повѣствованій автора и для уразумѣнія міросозерцанія автора и его общей философской точки зрѣнія. Немного «язычникъ» по складу своего ума и глубоко-русскій человѣкъ по составу своего сердца г. Розановъ идетъ мимо чудесъ Западной Европы, по ея живописнымъ мѣстоположеніямъ, гдѣ сама природа въ согласіи съ трудами рукъ человѣческихъ сдѣлала все для свѣтлаго житія, онъ шествуетъ здѣсь порою съ устремленнымъ куда-то вдаль восторженнымъ взоромъ, порою съ поникшею грустно головою и вдругъ останавливается.— что-то защемило въ его сердцѣ, защемило сладко и больно: онъ вспомнилъ свою родину, простую великорусскую кудрявую березку, и точно вся стоящая передъ нимъ живая и мертвая панорама исчезла куда-то за предѣлы его мысленнаго взора. Да, родина съ ея пахучими зелеными березками, со всѣми ея патриархальными нелѣпостями и несуразностями, со всѣмъ ея отсталымъ жизненнымъ обиходомъ,—вотъ тотъ центръ, куда сходятся помыслы и ощущенія г. Розанова, когда онъ бродитъ по улицамъ Рима, Неаполя, Мюнхена, заходитъ на богослуженія въ католическіе храмы, заглядываетъ въ былыя римскія ристалища или картинныя галереи или поднимается по отвердѣвшему пеплу огнедышащихъ горъ. Россія, русское—вотъ что онъ несетъ бережно, какъ святыню, въ своемъ сердцѣ и куда онъ постоянно возвращается памятью и помыслами. Милый костромичъ! Какъ онъ умилительно хорошъ, когда вдругъ, среди своихъ философскихъ разсужденій, вспоминаетъ дорогую родину и, не стѣсняясь величіемъ Западной Европы, античной и настоящей, трогательно простираетъ вдалѣ къ сѣверу свою благословляющую руку и съ любовью шепчетъ: родина, Россія...

Часто читаешь и слышишь по адресу г. Розанова многіе укоры за его отношеніе къ православію и россійской церковности. На него падаютъ негодующіе перуны нашихъ церковныхъ дѣятелей чуть ли не съ амвоновъ храмовъ, и какъ жалки становятся всѣ эти схоластическія причитанія передъ тою массою любви именно къ православной Россіи, которая такъ обильно сочится черезъ настоящую книгу г. Розанова. Она—лучшій отвѣтъ на всѣ обращенные къ нему укоры, лучшее его оправданіе. Его «Итальянскія впечатлѣнія», написанныя въ легкой формѣ, удивительно умное, душевное, серьезное произведеніе и обширное по своему идейному содержанію. Эту книгу нельзя прочесть одинъ разъ, ее надо перечитать и вновь перечитать: въ ней такая масса духовнаго матеріала, освѣжающаго, бодрящаго, что она въ нашъ достаточно безталанный вѣкъ является какъ бы лучомъ свѣта, согрѣвающимъ и оживляющимъ изсохшее чувство читателя. Ей—почетное мѣсто и въ нашихъ классныхъ бібліотекахъ, и въ ученическихъ курсахъ преподаванія, и въ бібліотекахъ ученыхъ, и въ свѣтскихъ гостининыхъ скучающихъ обывателей. Она всякому читателю на пользу, поученіе и удовольствіе.

В. Г.

А. Е. Кауфманъ. Коронованный узникъ. Изъ тайнъ Ильдизъ-Кіоска. Спб. 1910. Стр. 135. Цѣна 75 к.

Послѣ преобразования Турецкой имперіи въ конституціонное государство г. Кауфманъ находился въ гор. Константинополь, гдѣ и былъ очевидцемъ необычайнаго подъема и энтузіазма, охватившаго почти все населеніе турецкой столицы по случаю переворота. Онъ проникъ и въ столь недоступный прежде Ильдизъ-Кіоскъ, откуда исходили всѣ распоряженія о звѣрскихъ расправахъ надъ подданными Абдуль-Гамида. Послѣдній былъ убѣжденнымъ представителемъ ученія, по которому государство приравнивалось къ человеческому организму, гдѣ разсуждаетъ одна голова, а прочіе органы повинуются разуму. По этой аналогіи, Абдуль-Гамидъ считалъ исключительно самого себя источникомъ законодательной, судебной и исполнительной власти, не отвѣтствуя передъ народомъ за свою дѣятельность и считая себя непогрѣшимымъ.

Эту самовластность Абдуль-Гамида раздѣляла и его бюрократія, всегда заодно съ нимъ возстававшая противъ всякихъ гарантій основныхъ правъ гражданъ (свободы совѣсти, слова, вѣроисповѣданія, неприкосновенности личности и т. д.), противъ участія избранныхъ представителей народа въ отправленіи государственной власти и установленія строгой отвѣтственности должностныхъ лицъ передъ обязательнымъ для всѣхъ закономъ.

Абдуль-Гамидъ крайне ярко за послѣднее время олицетворялъ въ своемъ лицѣ режимъ абсолютизма. Существуетъ множество изслѣдованій политическаго гнета, связаннаго въ Турціи съ именемъ Абдуль-Гамида, но книга г. Кауфмана наиболѣе подробно посвящена личной жизни послѣдняго тирана въ Турціи. Эта жизнь столько же тѣсно связана съ гаремомъ, сколько и съ политикой. Главный охранитель гарема, свнухъ, пользовался при Абдуль-Гамидѣ огромнымъ вліяніемъ. Это была страшная сила. Отъ него и секретаря исходили всѣ распоряженія о расправахъ надъ обыкновенными смертными и даже министрами, почему-либо не угодившими имъ. Они свергали министровъ, какъ пѣшекъ. Оба считались шефами главнаго штаба арміи шпионовъ. Во главѣ шпионажа стояли одалиски, которыхъ халифъ навязывалъ своимъ сановникамъ въ жены и которыя были обязаны доносить обо всемъ, происходящемъ у нихъ новыхъ властелиновъ. Подозрительность Абдуль-Гамида доходила до того, что министры и паши не имѣли права въ собственномъ домѣ вести бесѣду за закрытыми дверями. Случалось, что иностранецъ-гость, полагая, что дверь оставлена открытой по расбѣянности, закрывалъ ее, по ужасу на лицѣ хозяина показывалъ ему, что закрытіе двери можетъ навлечь большую опасность: дежурившіе въ передней шпионы не замедлили бы донести султану о подозрительной бесѣдѣ за закрытыми дверями.

«Черный кабинетъ» и цензура тяготѣли надъ частной перепиской и литературой. Доходило до того, что въ субботнемъ номерѣ газеты не могли сообщать о непогодѣ въ пятницу, ибо въ этотъ день султанъ отправлялся въ мечеть и стало быть, яркое солнце должно было освѣщать его путь. Объ урожаѣ и состояніи промышленности и торговли разрѣшалось давать только благопріятныя свѣдѣнія. Изъ одного учебника по химіи была вычеркнута формула H_2O , такъ

какъ высокообразованный цензоръ заподозрилъ, что составитель учебника намекаетъ, что Напид II—нуль. Нечего и говорить, что не разрѣшалось упоминать о республикѣ, конституціи, свободѣ, равенствѣ.

Когда былъ убитъ Карно, то онъ былъ произведенъ во французскіе короли, затѣмъ сообщалось, что онъ умеръ внезапно отъ удара. Императрица австрийская умерла—де отъ грудной жабы, а португальскій король и его наследникъ также умерли естественною смертію. Сербскій король Александръ и королева, если судить по старымъ турецкимъ газетамъ, продолжали здравствовать еще года два по ихъ кончинѣ, а затѣмъ скончались отъ удара молніи.

Изувѣрства совершались не только надъ печатью, но Абдуль-Гамидъ самолично составилъ плачь истребленія всего мужского населенія Арменіи. Погромщиковъ вооружали съ головы до ногъ, а у армянъ отобрали даже кухонные ножи и топоры, чтобы лишить ихъ возможности защищаться.

Вмѣстѣ съ звѣрствами во внутренней политикѣ Абдуль-Гаида господствовали поголовное взяточничество и хищенія чиновниковъ. Пищевые продукты, огромныя партіи аммуниціи и обозы по нѣскольку разъ продавались и покупались, оставаясь нетронутыми въ складахъ. Интендантскіе склады постоянно горѣли. По инвентарю добычей пламени становилось отсутствовавшее, но оплаченное казною солдатское довольствіе. Панама доходила до того, что залежи ископаемыхъ богатствъ, уголь, свинець, марганецъ—все это было превращено продажнымъ министромъ земледѣлія въ источники доходовъ для иностранныхъ предпринимателей, Абдуль-Гаида и его клеветовъ. Одновременно съ этимъ государственныя земли стали переходить въ личную собственность двора султана. Когда у султана не хватало денегъ на содержаніе двора, онъ выжималъ ихъ насильно у своихъ подданныхъ и у турецкихъ, армянскихъ и греческихъ банкировъ. Съ банкирами обыкновенно не церемонились. Болѣе назойливыхъ сажали въ тюрьму, а имущество ихъ конфисковывалось. Иныхъ прямо отправляли на тотъ свѣтъ.

«Теперь,—говоритъ г. Кауфманъ:—когда пали ильдизскія твердыни, мы получили возможность повѣдать здѣсь «тайны двора» бывшего обывателя Ильдизъ-Кюска, нынѣшняго «аллатинскаго узника»...

А. М. Нечаева.

Ф. Ліонъ. Прекрасная грѣшница. Романъ королевы Драги. Придворная хроника и интимная жизнь сербскаго двора. Переводъ съ нѣмецкаго А. И. Долинскаго. Спб. 1910. Стр. 204. Ц. 1 р. 25 к.

Настоящая небольшая книжка является попыткою освѣтить дворцовыя событія изъ несчастнаго царствованія сербскаго короля Александра и участія въ этихъ событіяхъ королевы Драги, которая именно и названа «прекрасною грѣшницею». Частью матеріалъ этой придворной хроники-романа почерпнутъ изъ «достоверныхъ документовъ», въ свое время опубликованныхъ въ сербскихъ официальныхъ изданіяхъ, частью онъ долженъ быть отнесенъ на счетъ вымысла автора, основаннаго на мѣстныхъ слухахъ, приукрашенныхъ фан-

тазій писавшого настоящую хронику, съ колоритомъ на манеръ писанія французскихъ бульварныхъ романистовъ. Трагическая судьба сербской царственной четы даетъ, несомнѣнно, богатую пищу беллетристамъ именно для романовъ кровавой категоріи, къ числу которыхъ относится и произведение Ф. Лионъ. Вымыселъ здѣсь переплетается съ дѣйствительностью частью въ цѣляхъ заинтересовать читателей, частью въ цѣляхъ реабилитаціи Милана и нѣкотораго оправданія его несчастнаго сына, бывшаго, по описанію автора, когда-то нѣжнымъ и любящимъ сыномъ, одареннымъ отъ природы даже хорошими задатками, но подъ влияніемъ злого генія, Драги Машиной, обратившагося въ мелодраматическаго героя во вкусъ романовъ Евгенія Сю и Понсонъ-дю-Терайля. Сладострастный, безхарактерный и недалекій, онъ исключительно руководится въ своихъ поступкахъ велѣніями супруги, которая искусно и руководитъ всѣми нитями заговоровъ, какъ въ предѣлахъ Сербіи, такъ и за границею ея, честолюбивыхъ и злодѣйскихъ заговоровъ, обезпечивающихъ ей путь къ престолу и животную похоть юнаго сербскаго короля. Въ этихъ видахъ Драга пользуется всяческими средствами устраненія опасныхъ ей конкурентокъ и противниковъ ея дерзкихъ замысловъ и пизменныхъ желаній. Она идетъ по пути, усыпанному трупами, и въ изображеніи автора является какимъ-то дѣйствительно злымъ духомъ, дышащимъ наружною, необычною красотою съ черною, однако, душою самой послѣдней преступницы. Она заражаетъ все кругомъ началомъ преступности и тѣмъ самымъ приуготовляетъ то послѣднее и главное преступленіе, жертвою котораго 12 іюня 1900 г. падаетъ сама и ея несчастный слабохарактерный мужъ. Возясь непрестанно съ разными любовными интригами, авторъ самому ходу заговора и развязкѣ его отвелъ очень мало мѣста, какъ вообще мало отвелъ мѣста и всему тому историческому фону, на которомъ именно разыгралась кровавая драма 12 іюня. Въ паличности повѣствованія имѣются только добрые или добродушные люди и одна злодѣйка, которая и руководитъ всѣми ихъ дѣйствіями и приводитъ все окружающее въ желанное ей движеніе. Эта старинная манера писанія, при слабомъ литературномъ дарованіи автора, не производитъ благопріятнаго впечатлѣнія на читателей, ослабляетъ драматизмъ главнаго заключительнаго событія и отводитъ всей книжкѣ значеніе спекулятивнаго изданія, рассчитаннаго на низкій уровень запросовъ читателей, интересующихся, однако, историческимъ чтеніемъ. Переводъ сдѣланъ неудовлетворительно. Г.

«Чары Египта въ его памятникахъ». Роберта Хиченса. Переводъ съ англійскаго кн. А. Оболенской. Спб. 1910 г.

Очерки Хиченса появились въ прошломъ году отдѣльными выпусками въ американскомъ журналѣ «The Century», а затѣмъ изданы въ видѣ изящнаго тома съ иллюстраціями. Въ русскомъ переводѣ книга появилась, къ сожалѣнію, безъ иллюстрацій, а лишь съ заставками, имѣющими отношеніе къ Египту. Не найдеть также читатель въ книгѣ обстоятельнаго описанія Египта и его памятниковъ и достопримѣчательностей. Хиченсъ даетъ намъ рядъ яркихъ художе-

ственныхъ «эскизовъ» и поэтическихъ изображеній очаровавшихъ его египетскихъ видовъ. Чувствуется при чтеніи книги, что авторъ знаетъ и безгранично любитъ Египетъ, но старый Египетъ съ его пирамидами, сфинксами и храмами. Онъ съ негодованіемъ говоритъ, что современные ревнителіи прогресса усердно портятъ Египетъ клубами дыма изъ фабричныхъ трубъ и желѣзными дорогами и грязнятъ дивный Ниль, по которому въ древнѣйшее время ѣздили учиться уму-разуму у египтянъ, а теперь возятъ уголь... На ряду съ описаніями Евг. Маркова, Мордовцева, Андреевскаго, Скальковскаго и др., книга Хиченса не является особенно цѣннымъ вкладомъ въ нашу литературу... А. К.

«Какъ я нажилъ свыше 500.000.000 долларовъ». Мемуары американскаго милліардера Дж. Д. Рокфеллера. Съ иллюстраціями, портретомъ и автографами. Спб. 1909. Стр. 216. Ц. 1 р. 50 к.

Наши отечественные богачи и крезы не грѣшатъ писательствомъ. Ихъ имена почти никогда не появляются на обложкахъ книгъ. Этого нельзя сказать объ американскихъ милліонерахъ и милліардерахъ. Иные изъ нихъ стяжали себѣ право на безсмертіе не только своими огромными состояніями и колоссальными пожертвованіями на общепользныя дѣла, но и писательскими трудами.

Мемуары американскаго милліардера Джона Рокфеллера должны были бы сдѣлаться настольною книгою для каждаго русскаго промышленника и купца. Въ нихъ они найдутъ для себя много поучительнаго и назидательнаго. Рокфеллеръ обстоятельно знакомитъ съ искусствомъ брать и искусствомъ давать, т. е. благотворить. Книга его и состоитъ изъ двухъ частей, въ которыхъ преподаны оба эти искусства.

Мемуары американскаго милліардера, появившіеся недавно на англійскомъ языкѣ, были тотчасъ переведены на другіе языки и, между прочимъ, и на русскій. Автобіографія Рокфеллера полна, дѣйствительно, интереса. Изъ нея мы узнаемъ, какъ юноша, долго и тщетно обивавшій пороги лавокъ и конторъ, ища мѣста по окончаніи имъ торговой школы, сдѣлался вполнѣдствіи основателемъ всемірно извѣстной фирмы «Standard Oil Company» и «королемъ керосинопромышленниковъ». Свою карьерой Рокфеллеръ обязанъ своему трудолюбію, добросовѣстному отношенію къ дѣлу, своей настойчивости въ достиженіи намѣченной цѣли и коммерческому генію.

Если керосиновыя лампы горятъ въ хижинахъ маориса въ горахъ Новой Зеландіи и китолововъ Гренландіи, освѣщаютъ жилища китайцевъ, каффровъ, индѣйцевъ и другихъ обитателей далекой Африки и Азіи, то это благодаря Рокфеллеру. вмѣстѣ со свѣтомъ керосиновой лампы проникли въ отдаленныя и заброшенныя страны и лучи культуры.

Освѣтительныя и просвѣтительныя заслуги Рокфеллера вознаграждались, разумѣется, съ большою лихвой. По самому скромному расчету, биржевая стоимость громаднаго состоянія его составляетъ не менѣе 2.000.000.000 долларовъ или свыше 4 милліардовъ. Доля участія Рокфеллера въ «Standard Oil Company», при основномъ капиталѣ въ 100.000.000 долларовъ, составляетъ 50%. Доходы компаніи превышаютъ въ среднемъ 80.000.000 долларовъ въ годъ. Около

нея кормится цѣлая армія служащихъ въ 75,000 человѣкъ, не считая рабочихъ и мелкихъ служащихъ. Въ одной Европѣ компанія располагаетъ болѣе чѣмъ 70 громадными гаванями, 4,000 складовъ на сушѣ, 16 заводами, 4,000 вагоновъ-цистернъ, 2,000 фургоновъ-цистернъ, 150 пароходами, изъ коихъ одинъ «Ирокезъ» съ сго баржей могутъ въ одинъ грузъ взять не менѣе 7.200,000 пудовъ.

На свою коммерческую дѣятельность авторъ мемуаровъ смотритъ, какъ на нѣкую культурную миссію. Онъ распространялъ просвѣщеніе въ дикихъ странахъ, обогащалъ своихъ многочисленныхъ служащихъ знаніями по этнографіи и языкамъ, создалъ въ Америкѣ много благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учреждений, основалъ женскій университетъ въ Чикаго, субсидируетъ или даже содержитъ три университета на своей родинѣ, основалъ «институтъ Рокфеллера», гдѣ открыто не одно средство для борьбы со злокачественными болѣзнями. Не было ни одного благотворительнаго учрежденія, котораго не субсидировалъ бы щедрый филантропъ.

Джонъ Рокфеллеръ,—какъ мы говорили,—знаетъ хорошо «искусство брать» и «искусство давать». Первое онъ основательно изучилъ въ родительскомъ домѣ. Уже въ раннемъ дѣтствѣ маленький Джонъ велъ «книгу счетовъ», куда аккуратно заносилъ всѣ приходы и расходы. Семи лѣтъ отъ роду онъ вступилъ на путь коммерціи, сдѣлавъ подъ руководствомъ матери свое «первое дѣло». У него было нѣсколько подаренныхъ ему матерью индошекъ, выкормкой и продажей которыхъ онъ и занимался. Молодой коммерсантъ прошелъ суровую воспитательную школу и за непохвальныя и некоммерческія операціи получалъ порою изрядное количество «березовыхъ розогъ», котораго онъ не заносилъ въ свою бухгалтерію. Домашнему режиму Рокфеллеръ приписываетъ свои успѣхи на коммерческомъ поприщѣ.

Прослуживъ годъ даромъ въ одной фирмѣ, Рокфеллеръ чрезъ два года уже основываетъ на скромныя средства фирму «Рокфеллеръ и Кларкъ», а тамъ постепенно и исподоволь дѣлаетъ все новыя и новыя завоеванія, покоряя себѣ существующіе рынки и создавая новыя.

Былъ ли счастливъ авторъ «Мемуаровъ»?—спросить насъ.

«По-моему,—говоритъ онъ,—тотъ ошибается, кто вздумаетъ утверждать, что большое богатство необходимо вызываетъ своимъ послѣдствіемъ или обуславливаетъ счастье его обладателей. Богачи тоже только люди, какъ и другіе, и если богатство способно доставлять имъ чувство удовольствія, то этому основаніе находится только въ томъ счастливомъ положеніи, что они способны къ совершенію поступковъ, которые могутъ доставить чувство удовольствія и другимъ».

И, какъ мы видѣли, Рокфеллеръ совершалъ немало поступковъ, «которые доставляли чувство удовольствія и другимъ». И нашимъ крезамъ слѣдовало бы брать съ него примѣръ, а для этого имъ бесполезно будетъ познакомиться съ рокфеллеровскими мемуарами. Жаль только, что переводъ мѣстами нѣсколько корявый, какъ можно было убѣдиться изъ только что приведенной цитаты и что книгоиздательство «Колумбія» назначило сравнительно высокую цѣну за книгу. Впрочемъ, и то сказать: для настоящихъ и будущихъ миллиардеровъ—1 р. 50 к.—цѣна не высокая...

А. Евг.

Саданичи Гартманъ. Японское искусство. Переводъ съ англійскаго О. Кринской. Съ 49-ю иллюстраціями. Спб. 1909. Стр. 104. Цѣна 3 руб.

Японское искусство... Каждый разъ при этихъ словахъ въ воображеніи нашемъ встаетъ особый міръ—экзотическій, изящный, загадочный, полный тайны и въ то же время ясности, міръ, управляемый какъ будто какими-то особыми законами, съ начала до конца очаровательный, спокойный и замкнутый, прекрасный и непостижимый, а главное—міръ, постигшій то, къ чему только недавно стало подходить современное намъ европейское искусство. И невольно припоминаются красивыя слова Р. Мутера, которыми онъ начинаетъ главу, предшествующую послѣднему отдѣлу его книги—«Да будетъ свѣтъ!» «Въ томъ же году, когда на выставкѣ Салона появился «Вѣяльщикъ» Милле, а Курбе писалъ своихъ «Каменотесовъ», далеко на Востокѣ умеръ человекъ по имени Гokusai—послѣдній великій представитель тысячелѣтней живописи, которая не имѣла своихъ Рафаэлей, Корреджіо или Тиціановъ и все же была искусствомъ въ высшемъ смыслѣ этого слова». Вотъ ключъ къ пониманію всего великаго японскаго искусства, и приведенныя слова нѣмецкаго историка искусства могли бы служить великолѣпнымъ эпиграфомъ къ книгѣ Гартмана.

Авторъ называетъ свою книгу первой попыткой популярнаго изложенія исторіи японскаго искусства. Это—вѣрно. Специальныхъ изслѣдованій и изданій отдѣльныхъ произведеній, попавшихъ въ музеи Европы и частныхъ коллекціонеровъ, изслѣдованій и изданій, предназначенныхъ для «экспертовъ и знатоковъ»,—немало въ западной литературѣ по искусству. Кое-что найдется и на русскомъ языкѣ. Но сжатаго общаго обзора, написаннаго притомъ доступно, красиво и живо, какъ книга С. Гартмана, у насъ пока не имѣлось. «Я старался,—говоритъ авторъ,—искренне и внимательно воспроизвести главные фазы и отличительныя черты, показать постепенный ростъ съ древнѣйшаго періода до нашего времени этого искусства, имѣющаго въ своемъ развитіи такое поразительное сходство съ искусствомъ Европы. Въ послѣднемъ, какъ и въ первомъ, примитивное искусство было религиознымъ, и въ обоихъ—средневѣковый періодъ смѣнился эпохой возрожденія. Въ XVII столѣтіи блестящая эпоха правленія Токугава соответствуетъ эпохѣ Людовика XV, въ томъ же столѣтіи классическіе идеалы смѣнились реалистическими тенденціями какъ въ Японіи, такъ и въ Европѣ». Конечно, въ этихъ аналогіяхъ нѣтъ ничего новаго, такъ какъ только близорукій не можетъ не замѣтить послѣдовательной и неумолимой смѣны направленій въ любой области, въ томъ числѣ въ «застывшихъ», или «неподвижныхъ», культурахъ всего Востока, начиная хотя бы съ Китая и кончая Византіей. Ничего «застывшаго» или «неподвижнаго» въ мірѣ нѣтъ. Всюду, оказывается, дѣйствуютъ одинаковые эволюціонные законы, и каждое новое наблюденіе только подтверждаетъ старую мысль—объ отсутствіи новаго подъ луной. Но въ данномъ случаѣ аналогіи цѣнны потому, что, во-первыхъ, теченія въ искусствѣ европейскомъ намъ сравнительно хорошо извѣстны, у насъ есть точка отправления при сравненіи; во-вторыхъ, мы такъ привыкли мыслить опредѣленными образами, нашъ мозгъ такъ устроенъ, что каждое новое свѣдѣніе

мы должны обязательно помѣстить въ извѣстную клѣтку, рядомъ съ извѣстнымъ, уже фиксированнымъ. Вотъ почему подобныя сравненія—новаго съ хорошо извѣстнымъ—являются излишними.

С. Гартманъ поступаетъ правильно, сообщая мало свѣдѣній біографическаго характера и почти не указывая разныхъ именъ одного и того же мастера (японскіе художники обыкновенно нѣсколько разъ мѣняютъ свои имена), останавливаясь лишь на болѣе яркомъ, выдающемся и прекрасномъ. Изъ всѣхъ восьми отдѣловъ, написанныхъ съ одинаковымъ увлеченіемъ, интересомъ, знаніемъ дѣла и вполне англійской тщательностью, особенно цѣнны «Ренессансъ. Школа Кано», «Вліяніе японскаго искусства на западную культуру», «Архитектура и скульптура», «Художественная промышленность (Керамика и фарфоръ. Металлы и бронза. Лакированные издѣлія)» и «Современное японское искусство». Можно пожалѣть развѣ, что послѣдняя глава написана слишкомъ кратко и мѣстами лишь въ общихъ фразахъ: для многихъ она была бы самой интересной.

Хорошій переводъ гармонируетъ съ изящной внѣшностью книги. Рисунки исполнены и подобраны недурно, хотя переводчица извиняется, что для иллюстрацій пришлось довольствоваться главнымъ образомъ тѣми оригиналами, которые нашлись въ Петербургѣ. Для русскаго читателя это обстоятельство можетъ быть учтено, намъ кажется, какъ безусловный плюсъ.

И. Александровъ.

Н. И. Троицкій. Тріединство Божества. Историко-археологическое изслѣдованіе по памятникамъ всеобщей исторіи искусства. Изданіе второе, исправленное и дополненное, съ 65-ю рисунками. Тула. 1909. 87 стр. Цѣна 1 р.

Въ основу изданнаго труда положенъ докладъ, сдѣланный на XIV-мъ всероссійскомъ археологическомъ съѣздѣ въ Черниговѣ. Первое изданіе разошлось, потребовалось второе, выпущенное въ 1200 экземплярахъ. Затронувъ вопросъ о трійственности Божества, авторъ доказываетъ, на основаніи данныхъ археологии и исторіи искусства, что идея св. Троицы—тріединство Божества—свойственна была всѣмъ религіямъ древнихъ народовъ, всѣмъ періодамъ человѣческой культуры и человѣческаго искусства. Археологическіе памятники самыхъ отдаленныхъ временъ ярко отражаютъ идею трійности. Три—было излюбленнымъ числомъ въ религіозныхъ воззрѣніяхъ и искусствахъ человѣческихъ обществъ. Древній языческій богъ Триглавъ-Святовидъ, которому поклонялись прибалтійскіе славяне, какъ видно изъ самаго наименованія его, изображался съ тремя головами. Богъ этотъ, по понятіямъ славянъ, господствовалъ надъ всѣмъ міромъ, ему подвластны были три царства: небесное, земное и преисподнее. У русскіхъ славянъ въ начальную эпоху жизни Русскаго государства чтились три божества: Богъ неба, Перунъ и Волосъ. На предполагаемой прародинѣ славянъ Прикарпатъѣ, какъ и у прибалтійскихъ славянъ, чтился Триглавъ. Въ XVIII в. въ Сибири остяки приготавливали своихъ идоловъ съ тремя головами. Идея трійности не чужда и одной изъ древнѣйшихъ въ мірѣ культуръ—китайской.

Священная книга «И», свидѣтельствующая о сотвореніи міра великою вещественною единицею, говоритъ: «она есть три и три суть она». Философы Китая Лаодзы и Конфуцій VII—VI вѣковъ до Р. Х. поддерживаютъ это древнее ученіе. Въ Индіи бога Шиву изображаютъ въ трѣхъ лицахъ. Японцы, монголы, халдеи, ассирійцы, арабы, финикійяне, египтяне, греки, римляне, кельты, жители Америки— всѣ оставили несомнѣнные признаки троичности ихъ верховныхъ божествъ. У евреевъ существуетъ три имени Бога: Іегова, Елогимъ и Адонаи, которыя замѣняются часто одно другимъ, какъ равное равнымъ. Авторъ приводитъ слѣдующее выраженіе изъ еврейскаго произведенія «Таргумъ»: «сприидите и видите тайну слова (имени Божія) Елогимъ: въ немъ есть три чина и каждый изъ нихъ имѣетъ свое отличіе, но, несмотря на то, они суть едино и во едино соединены, или другъ отъ друга не отдѣлены».

Приводимыя авторомъ данныя изъ исторіи искусства и археологій, по его мнѣнію, должны положительно служить лучшей защитой истины христіанскаго догмата о Трѣдиномъ Богѣ, какъ вѣчной истины, бывшей достояніемъ болѣе или менѣе яснаго сознанія всѣхъ народовъ всѣхъ временъ и получившей свое наивысшее выраженіе въ христіанскомъ откровеніи. Богатая захватывающая тема, весьма разработанная и иллюстрированная многочисленными рисунками, несомнѣнно, заинтересуетъ читателя. Памятники прошлаго еще разъ громко свидѣлствуютъ со страницъ книги Троицкаго: «Новое есть только хорошо забытое старое».

А. Миронъ.

«Русскій Календарь А. С. Суворина на 1910 г.». (39-й годъ изд.). 592 стр. Ц. 1 р. (1 р. 40 к. и 1 р. 60 к. въ переплетѣ). Изд. А. С. Суворина.

Изданный, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, «Русскій Календарь А. С. Суворина на 1910 годъ» представляетъ собою объемистый томъ въ 592 стр. мелкой убористой печати и состоитъ изъ трехъ отдѣловъ. Въ первомъ помѣщены: святцы, календари всѣхъ главныхъ исповѣданій населяющихъ Россію народовъ, астрономическія и метеорологическія свѣдѣнія, россійскій императорскій домъ и всѣ прочія императорскія и королевскія династіи. Второй отдѣлъ занимаетъ статистическій ежегодникъ календаря, составленный на основаніи всѣхъ послѣднихъ годовыхъ отчетовъ правительственныхъ учреждений, изданныхъ къ началу текущаго года. Сюда вошли: территория и населеніе Россійской имперіи, церковь, финансы, внѣшняя торговля, народная нравственность, сельское хозяйство, заводская и фабричная промышленность и торговля, народное здравіе, средства сообщеній и сношеній, страховое дѣло въ Россіи, народное образованіе, войско и флотъ, кредитъ и акціонерное дѣло. Статистическій ежегодникъ занимаетъ около 200 стр. и иллюстрированъ діаграммами, наглядно изображающими финансово-экономическое положеніе Россіи и расходы Россіи на образованіе. Третій отдѣлъ составляетъ справочная книжка изъ 14 подотдѣловъ, съ обширными необходимыми каждому свѣдѣніями, касающимися ученыхъ, учебныхъ и благотворительныхъ обществъ, печати, законовъ, судовъ (съ формами прошеній и образцами дѣловыхъ бумагъ), банковыхъ, торгово-

промышленныхъ и финансовыхъ свѣдѣній, метрологіи, желѣзныхъ дорогъ и пароходствъ, почты, телеграфа и телефона, практическихъ свѣдѣній по медицинѣ, сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній и скотолеченія, разныхъ справочныхъ свѣдѣній для жителей столицъ, театровъ и клубовъ и личнаго состава правительственныхъ учреждений. Въ календарѣ ежегодно помѣщаются русская и общая лѣтописи событій и некрологи, имѣющіе, несомнѣнно, историческій интересъ. Въ приложеніе вошли статьи о нитробациллахъ (новые пути въ сельскомъ хозяйствѣ), обширныя статистическія данныя важнѣйшихъ государствъ, міровая добыча золота и серебра и проч.

Въ медицинскомъ отдѣлѣ календаря на 1910 г. помѣщены обширныя практическія свѣдѣнія по гигиенѣ питанія, водолеченію, сохраненію зрѣнія и подачѣ помощи въ несчастныхъ случаяхъ. Календарь иллюстрированъ многими рисунками и портретами: Государя Императора, Государыни Императрицы, Наслѣдника Цесаревича и многихъ видныхъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей и къ нему приложена карта желѣзныхъ дорогъ.

При многочисленности, разнообразіи и трудности полученія многотомныхъ отчетовъ правительственныхъ учреждений, составленный для «Русскаго Календаря» статистическій ежегодникъ, дающій превосходное пособіе для изученія Россіи, является необходимой настольной книгой, откуда можно почерпнуть массу полезныхъ свѣдѣній, знаніе которыхъ обязательно для каждаго образованнаго человѣка, любящаго свое отечество. Также справочная книжка календаря настолько полно и толково составлена, что читается легко и съ большимъ интересомъ.

N.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

УМАСШЕСТВІЕ Филиппа V Испанскаго.—Въ послѣдней книжкѣ «Feuilles d'Histoire» Альберъ Жираръ ¹⁾ передаетъ исторію болѣзни Филиппа V испанскаго, внука Людовика XIV, согласно документамъ, найденнымъ въ архивѣ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Честолюбивые замыслы второй жены Филиппа, Елизаветы Фарнезе, удержать испанскій престолъ въ пользу ея сыновей, волновали Европу, для которой было не безразлично, предстоить ли управлять страню вмѣсто Филиппа его женѣ. По этой причинѣ за здоровьемъ Филиппа такъ тщательно слѣдили, что въ канцеляріи французскаго посольства находятся официальные донесенія.

Будучи принцемъ, Филиппъ никогда не отличался блестящими способностями. Апатичнаго характера отъ природы, онъ въ юности провелъ жизнь въ Версалѣ, занимаясь уроками, молитвой и охотой. Обладая необычайнымъ аппетитомъ и чрезмѣрно влюбчивымъ темпераментомъ, онъ съ молодыхъ лѣтъ уже «тронулся умомъ», слишкомъ злоупотребляя этими единственными его удовольствіями. Его интеллектуальная жизнь заключалась въ узкой набожности. Съ 1702 г. во время итальянскаго похода, разлучившаго его съ женою, онъ началъ ощущать приступы «газовъ», которые впослѣдствіи омрачили его разумъ. «Причина зла,—писалъ его наперсникъ Лувилль,—въ цѣломудріи короля. Мало людей, которые въ восемнадцать лѣтъ подвергались бы подобной болѣзни. Однако неприятно, если подобная добродѣтель производитъ столь дурныя послѣдствія». Въ 1718 г. съ нимъ приключо-

¹⁾ La Folie de Philippe V. Par Albert Girard. «Feuilles d'Histoire». Janvier. 1910.

чился новый, еще болѣе серьезный припадокъ. Сень-Симонъ, видѣвшій тогда Филиппа, описываетъ его сгорбленнымъ, маленькимъ, съ виду глуповатымъ человѣкомъ, растягивавшимъ слова. Имъ внезапно овладѣвали то страхъ, то припадки бѣшенства. Поэтому никто не удивился, когда въ 1724 г. онъ отрекся отъ престола изъ страха лишиться жизни при встрѣчающихся многочисленныхъ случаяхъ, какіе бывають съ королями. «Пусть они дѣлають, что хотятъ,— говорилъ онъ,— съ моимъ сыномъ, но я спасу свою душу». Съ громадными усилиями удалось королевѣ и маршалу Тессэ заставить Филиппа снова вступить въ управленіе королевствомъ.

Третій припадокъ приключился съ нимъ въ іюнѣ 1727 г., вслѣдствіе дурного пищеваренія. Опять имъ овладѣли страхъ и меланхолія. Королева посѣщила отдалить отъ него всѣхъ ради своего личнаго вліянія. Единственными лица, допускавшіяся къ нему, были: его кормилица, инфанты, два духовника, капитанъ тѣлохранителей и слуги. Особенно королева боялась новаго отреченія со стороны Филиппа и поэтому не покидала его ни на шагъ. Она прекратила нѣкоторыя религіозныя службы, чтобы не давать пищи его болѣзненному сомнѣнію. Королю приходилось довольствоваться въ день обѣдней безъ пѣнія, а вечеромъ молитвой по четкамъ, исповѣдью нѣсколько разъ въ недѣлю и причащеніемъ разъ въ недѣлю. Королева не безъ основанія слѣдила за нимъ, такъ какъ идея объ отреченіи не покидала его больного мозга.

Въ іюнѣ 1728 г. онъ передалъ президенту Кастильскаго совѣта записку, въ которой давалъ распоряженіе приготовить все для отреченія. Тотъ предупредилъ королеву, и она устроила мужу сцену. Съ этого времени между супругами происходили частыя ссоры, и король подвергся еще болѣе строгому надзору. Въ ту эпоху между Испаніей и Франціей держались мирныя отношенія, и французскій посланникъ былъ тамъ *persona grata*; поэтому королева довѣряла ему всѣ свои домашнія дѣла. Король, по ея словамъ, часто ее билъ, также какъ исповѣдника, доктора и всѣхъ, кто къ нему приближался. Онъ самъ себя кусалъ руки и считалъ себя умершимъ, спрашивая, почему его не хоронять; иногда онъ говорилъ, что у него нѣтъ ногъ или рукъ. Онъ всегда очень много ѣлъ, ссылаясь на то, что ему это необходимо для существованія. Королева попробовала прибѣгнуть къ помощи французскаго посланника Бранка, чтобы отговорить короля отъ отреченія, такъ какъ, будто бы, французскій король, его племянникъ, ему это запретилъ. Но мысль объ отреченіи никакъ нельзя было изгнать изъ его мозга.

Видя, что ему мѣшаютъ сообщаться съ внѣшнимъ міромъ, онъ убѣждалъ изъ дворца. 20 іюля 1728 г. произошла слѣдующая странная сцена. Въ пять часовъ утра король поднялся и въ рубашкѣ, съ босыми ногами, хотѣлъ выйти изъ дому. Проснувшаяся королева бросилась къ нему и объяснила, въ какомъ смѣшномъ положеніи онъ окажется. Онъ снова легъ въ постель и никогда не хотѣлъ сказать, куда намѣревался уйти. На немъ была длинная рубашка королевы, доходившая ему до пятокъ. Вслѣдствіе маніи, видѣтъ повсюду отраву, даже посредствомъ бѣлья, онъ носилъ рубашку королевы, и то послѣ того, какъ она уже ее надѣвала. Попытку бѣжать онъ возобновлялъ нѣсколько разъ, и королева заставила его въ іюлѣ мѣсяцѣ поклясться предъ евангеліемъ, что онъ

болѣе не будетъ стремиться къ отреченію; но это не помѣшало ему черезъ нѣсколько дней снова бѣжать изъ дому. Остановленный камеристкой королевы, онъ принялся драться съ Елизаветой, прибѣжавшей на помощь. «Она сказала, докладывалъ посланникъ, что болѣе съ нимъ не будетъ раздѣлять супружескаго ложа. Онъ проплакалъ весь день и отказался работать съ министрами. Королева усилила за нимъ наблюденіе, прибавила въ его комнатѣ караулъ и распорядилась, чтобы тамъ спалъ еще одинъ человекъ».

Въ такой постоянной траги-комической обстановкѣ жила королевская чета. Филиппъ отказывался вставать съ постели, не произносилъ ни слова и, когда что-нибудь дѣлали не по его желанію, впадалъ въ ярость. У него являлись странные капризы: то онъ приказывалъ въ мартѣ мѣсяцѣ раскрывать окна, ссылаясь на жару, то въ іюнѣ кутался въ одѣяла и не позволялъ открывать окна. Жара въ его комнатѣ стояла удушливая, еще болѣе невыносимая отъ его крайней неопятности. Онъ упрямо не давалъ себя брить, стричь себѣ волосы и ногти, изъ опасенія, что усилится его болѣзнь. Его волосы такъ отросли, что вылезали изъ-подъ парика, съ которымъ онъ никогда не расставался. Ногти на ногахъ были такіе длинныя, что онъ не могъ ходить, и находились въ ужасно неряшливомъ состояніи. Одна нога у него распухла, и онъ всегда держалъ ее на воздухѣ, помахивая ею, и такъ какъ онъ часто раскрывался, то можно было видѣть, что его животъ раздутъ. Въ его мозгу зарождались самыя странныя мысли относительно его бытія; онъ считалъ себя мертвымъ, отравленнымъ, превратившимся въ лягушку и по ночамъ иногда издавалъ ужасные крики. Но когда онъ говорилъ съ посланникомъ о дѣлахъ, то выказывалъ удивительную память и рассуждалъ совершенно здраво.

Никогда еще королю не было такъ худо съ тѣхъ поръ, какъ его разумъ омрачился, и никогда кризисъ не тянулся такъ долго, какъ въ этотъ разъ. Наконецъ съ Рождества 1728 г. ему стало лучше и такъ длилось до 1730 г. Дворъ перебрался въ Севилью въ 1729 г., и тамъ было подписано соглашеніе между Франціей и Испаніей. Такимъ образомъ политическій горизонтъ прояснился и королю сдѣлалось лучше: онъ сталъ подыматься съ постели, ловилъ удочкой рыбу и рисовалъ. Однако королева, все еще опасавшаяся отреченія отъ престола, чтобы лишить Филиппа возможности писать, не давала ему для рисованія ничего, кромѣ катышка бѣлой бумаги, намазанной сажей. Французскій посланникъ Роттенбургъ, замѣнившій Бранка, свидѣтельствовалъ, что въ ту эпоху король выказывалъ ясный умъ въ разговорѣ о дѣлахъ и удивительную память о военныхъ событіяхъ. Вопросъ объ отреченіи былъ забытъ и ничего болѣе не возбуждало между королемъ и королевой споровъ, когда въ 1731 г. появился новый мотивъ для ссоры.

Филиппъ повелъ своеобразный образъ жизни: днемъ спалъ, а жилъ ночью. Завтракалъ онъ въ 11 часовъ вечера, работалъ съ министрами до 2 часовъ ночи, потомъ ужиналъ и ложился спать въ 6 часовъ утра. Вставъ въ 2 часа, онъ отправлялся къ обѣднѣ. Королева обращала его вниманіе на то, что обѣдня послѣ двѣнадцати часовъ противна каноническимъ правиламъ, но такъ какъ она отправлялась къ обѣднѣ въ 10 часовъ утра, то король нарочно слушалъ службу въ 5 часовъ вечера. Теперь споръ объ отреченіи замѣнился новымъ вопросомъ объ обѣднѣ.

Въ свою очередь, королева отличалась тоже несноснымъ характеромъ. Авторитетъ, который она могла имѣть надъ королемъ, она сама уничтожила своей запальчивостію; при этомъ она употребляла неприличную брань даже съ придворными. Филиппъ сдѣлался подозрителенъ и довѣрялся только своему старому брадобрею—единственному слугѣ, котораго королева не могла подкупить. Иногда теряя терпѣніе, король билъ ее, хотя онъ все-таки любилъ ее по привычкѣ. Въ мартѣ 1731 г. онъ придумалъ ее раздражать слѣдующимъ образомъ: какъ только она заснетъ, онъ открывалъ окна и производилъ невообразимый шумъ, чтобы ее разбудить, такъ что несчастной женщинѣ удавалось спать только три часа въ сутки. Не съ одной королевой онъ устраивалъ такіа продѣлки: замѣтивъ, что министръ, являвшійся для подписи бумагъ, расположенъ подложить на видное мѣсто ту бумагу, которую находилъ нужнымъ подписать первой, король бралъ ее и тщательно укладывалъ подъ другія бумаги. Тѣмъ болѣе онъ старался выказывать себя тираномъ, чѣмъ менѣе чувствовалъ себя способнымъ быть самостоятельнымъ.

Такое необычайное существованіе вела королевская семья, запертая въ неопрятной грязной комнатѣ съ нѣсколькими слугами. Свидѣтелемъ подобнаго несчастнаго существованія со времени соглашения между Франціей и Испаніей, какъ уже говорилось, былъ французскій посланникъ и когда онъ находился у нихъ и королева хотѣла чего-нибудь добиться отъ короля, то прибѣгала къ его помощи, и съ этой цѣлью они пользовались именемъ Франціи. Все это создало между королевой и посланникомъ своего рода узы, и для Франціи было выгодно пользоваться довѣріемъ короля-маніака и «невѣроятной» королевы, такъ какъ странность испанскаго двора состояла въ томъ, что дѣла уборной невозможно было отдѣлить отъ министерскихъ дѣлъ.

Однако посланнику приходилось запасаться большой дозой терпѣнія. Однажды Роттенбургъ пришелъ къ королю и нашелъ его и королеву очень обрадованными извѣстіемъ, полученнымъ отъ вдовствующей королевы Пармы. Все шло весело, какъ вдругъ король приказалъ женѣ прочитать обѣдню. Она принялась искать въ своемъ часословѣ то, что хотѣлъ король, но не могла найти. И вотъ завязался споръ относительно различныхъ молитвъ и вообще относительно римской литургіи. Посланника пригласили быть посредникомъ; тотъ принялся извиняться, ссылаясь на свое незнаніе, и хотѣлъ уйти, но его три раза удерживали и до половины четвертаго ему пришлось выслушивать ихъ споръ.

Король былъ всегда прескверно одѣтъ; по цѣлому году онъ не мѣнялъ одежды, и неудивительно, что она обращалась въ лоскутья, «особенно штаны, распоровшіяся отъ пояса до пятъ». Собственно говоря, они мало ему служили для прикрытія тѣла, и когда онъ сидѣлъ, то видны были обнаженные икры. Прежде ихъ чинилъ его довѣренный лакей, но это ему надоѣло, и онъ пересталъ ими заниматься. Тогда король сталъ требовать у камеристки королевы шелку и самъ сталъ ихъ зашивать. Иногда передъ его уходомъ къ обѣднѣ, королева сама пришила лоскутья одежды булавками, и онъ позволялъ ей это дѣлать. При этомъ онъ выказывалъ большое хладнокровіе.

Съ 1731 г. король измѣнилъ свой режимъ: вмѣсто того, чтобы весь день лежать, онъ совсѣмъ отказался ложиться и все время проводилъ за столомъ, оставаясь такъ отъ семи до восьми часовъ, и даже однажды заснулъ и проспалъ пять часовъ. Если же онъ ложился въ постель, то приказывалъ будить себя черезъ четверть часа. Во время такого длительного времяпровожденія за столомъ, если онъ не спалъ, то много ѣлъ, особенно говядину, что иногда вызывало у него плохое пищевареніе. Съ 1728 г. состояніе его здоровья сильно измѣнилось, а въ 1731 г. у него на ногахъ появилась опухоль, цвѣтъ лица сдѣлался мертвенно-блѣднымъ, само лицо отекло, такъ же, какъ и руки, что считали признакомъ водянки. Однако онъ не чувствовалъ жажды и пилъ за ѣдой только два кубка, мало вина и много горячей воды. Несмотря на опухоль ногъ, король день и ночь пахотился на ногахъ. Онъ поочередно безъ всякой причины бывалъ то веселъ, то скученъ и безусловно ничему не оказывалъ предпочтенія. Испанцы считали его заколдованнымъ. О немъ рассказывали анекдоты, которые, по словамъ посланника, противно слушать и еще противнѣе передавать. Слухъ прошелъ объ его отреченіи, и королева сдѣлалась еще осторожнѣе: она стала прятать короля какъ можно лучше и заботилась, чтобы государственный дѣла шли ровно, безъ толчковъ.

Въ концѣ 1732 г. новый капризъ короля еще болѣе осложнилъ положеніе. Въ августѣ 1732 г. второй сынъ Филиппа V и Маріи-Луизы Савойской, его первой жены, достигъ совершеннолѣтія. Со времени смерти его старшаго брата онъ назывался принцемъ Астурійскимъ. Это обезпечивало престолонаслѣдіе безъ регентства въ случаѣ смерти или отреченія короля. Потому Елизаветѣ приходилось еще болѣе опасаться, что она не будетъ управлять королевствомъ отъ имени пасынка. Совершеннолѣтіе сына погрузило Филиппа въ глубокую меланхолю. Онъ вспомнилъ, что взялъ власть въ руки противъ своего желанья, и теперь, когда его сынъ достигъ совершеннолѣтія, рѣшился уступить ему свое мѣсто. Но прежнія неудачныя попытки отречься отъ престола заставили его придумать гениальный способъ для достиженія намѣченной цѣли: онъ прекратилъ управлять государствомъ,—забастовалъ. Съ этой цѣлью Филиппъ приговорилъ себя къ безмолвію и въ теченіе двухъ недѣль не проронилъ ни одного слова со своими министрами; напротивъ, съ герцогомъ Астурійскимъ былъ очень нѣженъ. Такъ дѣло шло до 1732 г. Несмотря на свое безмолвіе, онъ держалъ себя довольно кротко, но съ конца года отказался видѣть премьера Патино, и посредницей между ними была королева. Кромѣ того, онъ ежедневно измѣнялъ свою подпись и никогда не ставилъ ее на одномъ и томъ же мѣстѣ. Это заставляло всѣхъ сомнѣваться въ подлинности его подписи, и распространился слухъ, что король болѣе ни во что не вмѣшивается. Его любимый слуга Вріеръ предложилъ ему заниматься съ де-Ла-Пацомъ вмѣсто Патино. «Ла-Пацъ скотина,—отвѣтилъ Филиппъ:—хотя добрякъ; но я велю каждый день приходитъ ко мнѣ французскому посланнику, человѣку правдивому и неспособному меня обманывать».

Хотя отреченіе короля не было безусловное, тѣмъ не менѣе отъ этого страдали государственный дѣла и вопросъ о Патино становился острымъ. Онъ служилъ сюжетомъ для безконечныхъ споровъ между королевой и ко-

ролемъ, приходившимъ въ ярость отъ одного имени Патино. Въ концѣ концовъ королева придумала необыкновенный способъ, о которомъ французскій посланникъ докладывалъ своему правительству въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Эта королева, чтобы заставить короля прийтись за работу съ Патино, говорятъ, давала королю возбуждающее силы питаніе, способное породить въ немъ желаніе обладать ею. Ея цѣлью было ни на что не соглашаться, пока Патино не начнетъ работать съ королемъ. Но это средство, производившее дѣйствіе четыре года тому назадъ (тогда королю было 46 лѣтъ), теперь не поддѣйствовало и составъ ничего не произвелъ въ его организмѣ».

Такимъ образомъ для Филиппа V 1734 г. былъ еще годиною кризиса. Одинъ французъ, по имени Плиссэ, отправившійся въ Испанію для переговоровъ по торговымъ дѣламъ, такъ его рисуетъ: «У него было изсушенное лицо, блѣдно-мертвеннаго цвѣта. Онъ едва могъ надѣть на голову шляпу, и то соединивъ обѣ сильно дрожавшія руки и употребивъ на это много времени. У него не было никакого развлеченія и въ его умѣ была одна мысль, что онъ боленъ, однако онъ не хотѣлъ принимать никакого лекарства. Послѣдней его маніей было нежеланіе пить. Его глаза потухли. У него едва хватало силъ сѣсть въ кресло на колесахъ и ему было безразлично, повезутъ ли его направо, или налево. Въ 1736 г. у короля появилась жестокая икота, стоны и крики, похожіе на рыканье. Эта икота обыкновенно появлялась послѣ ужина; она продолжалась съ нѣкоторыми передышками до самой его смерти.

Донесенія посла прекращаются въ августѣ мѣсяцѣ 1738 г. Впрочемъ, по словамъ автора, съ этого времени положеніе короля не имѣетъ важности: третій вѣнскій трактатъ только что былъ подписанъ: оба сына Елизаветы Фарнезе съ этихъ поръ пристроились и честолюбіе ихъ матери было удовлетворено. Филиппъ V пережилъ долго эту дату и умеръ 9 іюня 1746 г. отъ лопнувшей вены въ половинѣ второго дня шестидесяти двухъ лѣтъ.

— Взглядъ Родэна на реализмъ въ искусствѣ.— Въ послѣднемъ номерѣ «La Revue»¹⁾ Поль Гзелль передаетъ свою бесѣду со скульпторомъ Родэномъ о реализмѣ въ искусствѣ. Французскій скульпторъ окружаетъ себя многочисленными живыми моделями—мужскими и женскими, которыя цѣлый день находятся въ его мастерской обнаженными. Онъ безпрестанно смотритъ на нихъ и такимъ образомъ изучаетъ мускулы, когда они въ дѣйствиіи, такъ какъ, по его мнѣнію, зеркаломъ души является не одно лицо, но каждый мускуль, каждая часть тѣла выражаютъ душевное состояніе. При этомъ онъ не прибѣгаетъ къ обычнымъ приемамъ художниковъ ставить модель на пьедесталъ, такъ называемый столъ, и заставлять ее принимать ту или другую позу, выпрямлять или сгибать ей ноги или руки, однимъ словомъ, дѣйствовать какъ съ искусственной моделью. Напротивъ, онъ ждетъ, когда его модель приметъ самостоятельно интересную для него позу, и тогда онъ ловитъ каждое ея движеніе. Поэтому авторъ статьи замѣтилъ ему, что не модели въ его распоряженіи, а онъ самъ въ ихъ распоряженіи, на что Родэнъ отвѣтилъ: «Я не въ ихъ распоряженіи, а въ распоряженіи природы. Мои собратья, безъ со-

¹⁾ «Le Réalisme dans l'art». A. Rodin. «La Revue» 1 Février 1910.

мнѣнія, имѣють свои причины работать, какъ вы говорите. Но, приневоливая такъ природу и обращаясь съ человѣческими существами, какъ съ куклами, они рискуютъ воспроизвести искусственныя и мертвыя произведения. Что до меня, искателя истины и изслѣдователя жизни, я остерегаюсь подражать ихъ примѣру. Я воспроизвожу движенія, подмѣченные мною, но не я ихъ предписываю».

Иногда Родэнъ дѣлаетъ нѣкоторыя указанія модели, но тщательно избѣгаетъ прикасаться къ ней, чтобы поставить ее въ извѣстную позу, желая изображать лишь то, что дѣйствительность представляетъ его глазу. «Во всемъ я повишуюсь природѣ,—замѣтилъ онъ,—и никогда не имѣю притязанія ей приказывать. Единственное мое честолюбіе—вѣрно служить ей». На лукавое замѣчаніе Гзелля, что природа совсѣмъ не такая, какой она является въ его произведеніяхъ, Родэнъ возразилъ, насупивъ брови: «Нѣтъ, такая». «Вы принуждены ее измѣнить?»—«Никоимъ образомъ! Я бы проклялъ себя, если бы это сдѣлалъ». Для доказательства справедливости своего мнѣнія Гзелль указалъ на то обстоятельство, что слѣпки не производятъ того же впечатлѣнія, его работа. Подумавъ, Родэнъ отвѣтилъ, что это справедливо, но что слѣпокъ гораздо менѣе вѣренъ, чѣмъ его произведеніе. Причина этому—невозможность все время, пока дѣлается слѣпокъ, чтобы модель сохранила неизмѣнную позу, тогда какъ онъ хранитъ ее въ памяти и все время проситъ модель соблаговолѣть съ его воспоминаніемъ. «Болѣе того,—сказалъ Родэнъ,—слѣпокъ не производитъ внутренняго содержанія; я же, кромѣ того, воспроизвожу духъ, который, конечно, составляетъ часть природы. Я вижу всю истину, а не только вѣшность».

По его мнѣнію, артистъ видитъ природу не такой, какъ она является простому смертному, потому что вдохновеніе показываетъ ему внутреннюю правду, находящуюся подъ наружной. «Единственный принципъ въ искусствѣ—копировать, что видишь. Нѣтъ рецепта для усиленія красоты природы. Надо только ее видѣть». «Конечно,—говоритъ Родэнъ,—посредственность, копируя, никогда не создастъ образцоваго произведенія; а это потому, что въ дѣйствительности онъ смотритъ «не видя» и съ какими бы малѣйшими подробностями ни отмѣчалъ онъ каждую мелочь—результатъ выйдетъ плоскій и безъ «характера». Но ремесло артиста не для посредственностей: лучшіе совѣты не придадутъ имъ таланта. Напротивъ, артистъ «видитъ», т. е. его глазъ, привитый къ его сердцу, глубоко читаетъ въ сердцѣ природы. Вотъ почему артисту надо только вѣрить своимъ глазамъ. Въ природѣ все прекрасно для артиста». При этихъ словахъ авторъ вспомнилъ о статуѣ Родэна на поэзію Виллона «Belle Heaulmière», изображавшей обнаженную старуху, бывшую куртизанку, когда-то блестящей красоты, но съ годами сдѣлавшуюся безобразной и бросающую отчаянные взгляды на свое увядшее тѣло. Здѣсь Родэнъ стоитъ не ниже поэта. Напротивъ, въ этомъ произведеніи, возбуждающемъ ужасъ и отвращеніе, выступаетъ грандіозная печаль, безконечная скорбь несчастной веселой души, которая, ощущая молодость и вѣчную красоту, беспомощно присутствуетъ при позорномъ увяданіи своего покрывала: это агитиза духовнаго существа, требующаго безконечной радости, и тѣла, умирающаго, разлагающагося и

уничтожающагося. Дѣйствительность угасла и тѣло въ агоніи, но мечта и желаніе—безсмертны. Вотъ мысль Родѣна въ этомъ произведеніи, и ни одинъ еще художникъ никогда не воспроизводилъ старость съ такой грубостью и жестокостью. Нѣчто въ родѣ этого есть во Флоренціи: это статуя Донажелло, изображающая обнаженную старую женщину, прикрывающую разрушающагося тѣло лишь своими волосами. Это св. Магдалина въ пустынѣ. Только чувства у обоихъ произведеній разныя: Магдалина въ своемъ желаніи отреченія, кажется, тѣмъ болѣе сіяетъ радостью, чѣмъ становится отвратительнѣе; старая же Неаулмиѣре въ ужасѣ видитъ себя похожей на трупъ.

Впечатлѣніе, производимое этой старухой Родѣна на публику, не пугаетъ скульптора, и восклицанія: «Фи, какъ это безобразно!» а также женщины, прикрывающія руками свои лица, чтобы не видѣть такого ужаснаго зрѣлища, вызываютъ у Родѣна искренній смѣхъ. «Надо думать, что мое произведеніе—краснорѣчиво, если производитъ такое глубокое впечатлѣніе и, безъ сомнѣнія, эти особы боятся такой жестокой философской истины. Мнѣ единственно важно мнѣніе людей со вкусомъ, и я былъ въ восторгѣ собрать ихъ голоса по поводу моей старой Неаулмиѣре; я какъ та римская пѣвица, отвѣтившая на народное гиканье: «Equitibus cano» (Я пою только для знатоковъ). Незнаючи воображаютъ, что кажущееся имъ безобразіе въ природѣ не есть артистическій матеріалъ. Онъ хотѣли бы нами запретить производить то, что ихъ оскорбляетъ и не нравится имъ въ природѣ. Съ ихъ стороны—это большая ошибка. Что обыкновенно называется «безобразіемъ» въ природѣ, то въ искусствѣ можетъ обратиться въ большую красоту. Безобразнымъ называютъ все, что уродливо, вредно, что внушаетъ идею о болѣзни, слабости и страданіяхъ, что противоположно правильности, признаку и условію здоровья и силъ: горбатый—безобразенъ, кривоногій—безобразенъ, нищета въ лохмотьяхъ—безобразна. Безобразна также душа и поведеніе безнравственнаго человѣка, вредящаго обществу, безобразна душа отцеубійцы, измѣнника и безсовѣстнаго честолюбца. И совершенно законно заклеить ихъ эпитетомъ «гнусный». Но когда великій писатель или художникъ овладѣетъ тѣмъ или другимъ изъ этихъ безобразій—тогчасъ же ударомъ магическаго жезла превращаетъ ихъ и дѣлаетъ изъ нихъ красоту: это алхимія, феерія».

По его словамъ, въ искусствѣ единственной красотой служить все то, что имѣетъ «характеръ». Характеръ—это высшая истина какого-нибудь естественнаго зрѣлища—прекраснаго или безобразнаго и даже это то, что можно назвать двойной истиной, потому что внутренняя истина выражается внѣшней: это душа, чувство, идея, переданныя чертами лица, дѣйствіями человѣческаго существа, тонами неба и линіями горизонта. Поэтому для крупнаго артиста все въ природѣ представляетъ «характеръ», его наблюденія глубоко проникаютъ въ скрытый смыслъ всѣхъ вещей. То, что разсматривается въ природѣ какъ «безобразіе», часто представляетъ болѣе характера, чѣмъ то, что считается «прекраснымъ». Въ искаженіи болѣзненнаго лица, въ порочной физиономіи, во всѣхъ уродливостяхъ, въ увяданіи—во всемъ этомъ внутренняя истина скорѣе обнаруживается, чѣмъ въ правильныхъ чертахъ. А такъ какъ красоту искусства дѣлаетъ е. и. ственно могущество характера, то часто случается, что чѣмъ безобразнѣе

существо въ природѣ, тѣмъ оно прекраснѣе въ искусствѣ. Въ искусствѣ то безобразно, что не имѣетъ характера, т.-е. не представляетъ ни внутренней, ни внѣшней истины. Безобразно въ искусствѣ все фальшивое, искусственное, что старается казаться красивымъ и прекраснымъ, вмѣсто того, чтобы являться выразительнымъ, все, что шаловливо и драгоцѣнно, что улыбается безъ всякаго повода, что изысканно безъ смысла, что преклоняется или важничаетъ безъ причины, все, что безъ души и безъ истины, все, что показной красоты или граціи, все—что лжетъ. Когда артистъ, съ намѣреніемъ прикрасить природу, прибавляетъ зелени къ веснѣ, розоваго цвѣта къ зарѣ, пурпура на юныя губы, онъ создаетъ безобразіе, потому что—онъ лжетъ. Когда онъ сглаживаетъ гримасу горя, слѣды помятаго старостью лица, отвратительность злости, когда онъ отдѣлываетъ природу, когда онъ ее скрашиваетъ, приряживаетъ, сглаживаетъ, чтобы понравиться невѣжественной публикѣ,—онъ создаетъ безобразіе, потому что боится правды.

Для артиста, достойнаго этого имени, все прекрасно въ природѣ, потому что его глаза неустрашимо принимаютъ всю внѣшнюю истину, безъ труда въ ней читаютъ, какъ въ открытой книгѣ, всю внутреннюю правду. Ему только стоитъ взглянуть на человѣческое лицо, чтобы распознать душу: ни одна черта его не обманетъ; лицемѣріе для него такъ же прозрачно, какъ искренность, покатошь лба, малѣйшее нахмуриваніе бровей, бѣгающій взоръ—все обнаруживаетъ предъ нимъ человѣческое сердце.

Онъ изслѣдуетъ сложный умъ животныхъ, онъ также повѣренный неодоушевленной природы: деревья и цвѣты говорятъ съ нимъ какъ съ другомъ. Жизнь для него безконечное наслажденіе, безпрестанное восхищеніе, страстное опьяненіе. Не потому, что ему все кажется хорошимъ, такъ какъ страданіе, которое такъ часто затрагиваетъ любимыя существа и его самого, жестоко изобличило бы этотъ оптимизмъ но для него все прекрасно потому, что онъ непрестанно шествуетъ при свѣтѣ духовной истины. Да, даже въ страданіяхъ, даже въ смерти любимыхъ существъ, до измѣны друга, великій артистъ, я подразумѣваю подъ этимъ словомъ поэта, какъ и художника и скульптора, находитъ трагическое наслажденіе восторга. Иногда его сердце подвергается пыткѣ, но еще сильнѣе, чѣмъ его горе, онъ испытываетъ рѣзкую радость: понимать и объяснять. Во всемъ, что онъ видитъ, онъ ясно ощущаетъ намѣреніе судьбы. Онъ устремляетъ восторженный взглядъ человѣка, угадавшаго повелѣніе судьбы, на свое собственное томленіе, на свои самыя тяжелыя раны. Обманутый дорогимъ для него существомъ, онъ шатается подъ ударомъ, затѣмъ собирается съ силами, укрѣпляется и разсматриваетъ вѣроломнаго, какъ прекрасный образецъ низости, онъ привѣтствуетъ неблагодарность, какъ опытъ, обогатившій его душу. Его восторгъ иногда страшенъ, но это еще одно счастье, потому что въ этомъ—безпрерывное обожаніе истины. Когда онъ замѣчаетъ существа, уничтожающія одинъ другого, молодость, которая увядаетъ, силу, которая гнется, потухающій геній, когда онъ видитъ лицомъ къ лицу волю, предписывающую всѣ эти темныя законы, то болѣе, чѣмъ когда, для него наслажденіе узнать и насытиться истиной,—и онъ странно счастливъ!

— Современная Японія.—Въ нѣкоторыхъ японскихъ газетахъ и журналахъ находятся статьи, по которымъ можно прослѣдить психологическія черты современныхъ японцевъ. Японцевъ обыкновенно считаютъ очень скрытными и хитрыми, и главнымъ правиломъ ихъ соціальной жизни считается: «скрывай свою мысль». Эта черта признается и самими японцами. По словамъ японскаго автора Ятсу въ журналѣ «Кіо Коронъ», японцы другъ другу не довѣряютъ—по той причинѣ, что каждый японецъ не только старается скрытничать, но у всѣхъ есть склонность казаться лучше, чѣмъ они въ дѣйствительности. Отсюда естественно является необходимость—никогда не довѣрять другимъ, и въ результатѣ рождаются натянутыя отношенія, которыя обыкновенно мѣшаютъ сближенію. Именно эта черта отличаетъ японца отъ европейца.

Но если вообще японецъ хочетъ казаться лучше, чѣмъ есть, то это не значитъ, что онъ такъ пороченъ. Молодежь, напримѣръ, по мнѣнію другого автора Такаки Хоцуни, въ томъ же журналѣ, была лѣтъ тридцать тому назадъ развратнѣе теперешней. Прежде, если у студента не было болѣе ни іены, онъ бѣжалъ закладывать свои вещи и на вырученные деньги кутилъ, потому ростовщики видѣли его чаще, чѣмъ учителя. И мало того: пусть бы онъ веселился, но нѣтъ: онъ предавался разврату. Однако онъ все-таки находилъ время заниматься умственнымъ развитіемъ. Теперь другое дѣло: молодежь одрябла. Не то было въ началѣ эры меиджи. Почти всѣ участвовавшіе въ революціонномъ движеніи были не старше 30 лѣтъ: Ито, Ямагата, Матсуката, Окума—всѣ они вступили въ политическую борьбу въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ. Теперь же, жалуется авторъ, молодые люди въ двадцать лѣтъ еще дѣти, неспособные ни на какую общественную службу. Очень немного исключеній среди нихъ. Чему приписать такой упадокъ?—спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ: «Главнымъ образомъ—безволію». Затѣмъ семья стала не та, что прежде. Дѣти смотрятъ на отцовъ, какъ на стариковъ съ отсталымъ умомъ. Родители болѣе не могутъ ничему учить дѣтей, а соприкосновеніе послѣднихъ съ обществомъ—безплодно: оно больше не развиваетъ и не укрѣпляетъ ихъ характеровъ.

Большимъ вредомъ для соціальнаго воспитанія, согласно другому автору Оцакі Юкію, служить японская пресса, которую слѣдуетъ вполне преобразовать. Большинство японскихъ журналистовъ, по его словамъ, представляетъ сбродъ, который пишетъ, не научившись своему ремеслу. Поэтому печатаются самыя возмутительныя вещи, только развращающія молодежь. Въ прежнія времена самураи составляли общество, въ которомъ не допускались безнравственные произведенія; теперь другое дѣло: нравы испортились.

То же говоритъ и Куройва въ «Юрузу Шомо», находя, что очень развившееся реалистическое и натуралистическое направленіе въ литературу служитъ существенно опасной пропагандой, развращающей нравы. По его мнѣнію, истинное искусство отвергаетъ эту выставку сладострастія, которая имѣетъ притязаніе замѣщать собою прославленіе любви и выраженіе чувствъ и страстей—обычныхъ темъ романа. Послѣдствіемъ такой литературы являются извращенія стремленій юношества. Эту опасность настолько сознаютъ въ Японіи, что даже

былъ поднять вопросъ о полицейскихъ мѣрахъ для изыятія изъ обращенія непристойныхъ книгъ.

Хотя въ Японіи, какъ и на Западѣ, есть писатели моралисты, но, по словамъ японца Юджиро въ «Ниппонъ ойоби Ниппонсинъ», никто ихъ не слушаетъ. Политическіе дѣятели и дѣльцы заявляютъ, что философскія размышленія ихъ не касаются; большинство же писателей, особенно романистовъ, усматриваютъ въ нихъ лишь препятствіе къ свободѣ писать, что хочешь. Широкіе круги общества смотрятъ на моралистовъ только какъ на мечтателей. Уже съ давнихъ временъ японцы осмѣивали китайцевъ, когда послѣдніе говорили о Конфуціи. Весь Дальній Востокъ всегда питалъ антипатію къ урокамъ морали, съ которой несовмѣстимо ученіе Бушидо, такъ какъ многіе моралисты проповѣдуютъ то, чего сами на практикѣ не примѣняютъ. Поэтому книги о морали для японцевъ — мертвая буква, и этихъ реформаторовъ японцы всѣ единогласно признаютъ неискренними и не имѣющими серьезнаго воздѣйствія на народныя массы. Самъ авторъ не вполне согласенъ съ этимъ воззрѣніемъ, но требуетъ отъ моралистовъ согласованія слова и дѣла.

Въ то время, какъ консервативные японцы жаждутъ на испорченность правовъ, молодежь, въ свою очередь, возмущается строгими мѣрами цензуры, преслѣдующей народившуюся натуралистическую школу. Эта строгость распространяется не только на театральныя сочиненія, но еще болѣе на литературныя. Особенно строго отнеслись цензора къ произведенію Икуты Эйгоро «Большой городъ», изъ-за котораго даже возникъ судебный процессъ. Предъ судомъ адвокаты требовали независимыхъ правъ для литературы, ссылаясь на то, что искусство все облагораживаетъ. Однако министерство народного просвѣщенія требовало даже, чтобы чтеніе спорныхъ мѣстъ происходило при закрытыхъ дверяхъ. Въ концѣ концовъ автору вынесли обвинительный приговоръ.

Такъ же сурово японская цензура относится и къ иностраннымъ сочиненіямъ. Переводы произведеній Зола въ Японіи строго запрещены; Мольеръ также испугалъ японцевъ. Когда появилось первое японское изданіе Мольера, то на второмъ же томѣ была приостановлена его продажа. Ваказиги Сабири перевелъ Мольера съ англійскаго текста, и потому у французовъ возникаетъ вопросъ: неужели отъ двойного перевода прибавилось столько соли, что японцы даже испугались, или японцы XX вѣка гораздо щепетильнѣе Людовика XIV? Японцы будто бы болѣе всего испугались у Мольера большого количества обманутыхъ мужей и неуважительнаго обращенія сыновей съ отцами. Впрочемъ, запрещеніе наложено лишь на нѣкоторыя пьесы и подробности, тогда какъ «L'amour médecin» давно разыгрываютъ въ театрѣ Меижица. Такимъ образомъ, первымъ иностраннымъ авторомъ въ Японіи является Мольеръ. Его «L'avare», озаглавленный по-японски «Natsukosod», играютъ тамъ уже болѣе двадцати лѣтъ. Теперь, кромѣ того, на японскихъ сценахъ появились произведенія Ибсена въ переводѣ на японскій языкъ.

Вообще молодое поколѣніе японцевъ многимъ недовольно. Одинъ изъ ихъ представителей Кіяма Кумаджиро рѣзко критикуетъ школьную организацію въ Японіи и находитъ, что она сильно прихрамываетъ. Университеты не испол-

няють того, что отъ нихъ въ правѣ ожидать; ихъ программа исключительно академическая и только набиваетъ головы такими знаніями, которыя не приносятъ никакой практической пользы и потому слѣдуетъ ее совершенно преобразовать. Прежде всего онъ находитъ, что профессора слишкомъ стары и придерживаются отжившаго метода; необходимо ихъ замѣстить новыми, которыхъ надо назначать на трехлѣтній и пятилѣтній періодъ съ условіемъ возобновленія его, если они этого заслуживаютъ. Затѣмъ предметы преподаванія должны ити въ ногу съ прогрессомъ: надо основать новыя кафедры согласно новымъ завоеваніямъ въ области науки. Прежде назначенія профессора должны дать доказательства своихъ способностей или посредствомъ конференціи, или напечатанныхъ трудовъ, или путешествій за границу и т. д.

Въ Японіи очень часты самоубійства, какъ и на Западѣ, и чаще всего поводомъ является несчастная любовь. Эта современная болѣзнь, совсѣмъ незнакомая древнимъ японцамъ, по крайней мѣрѣ такъ говоритъ Миками Санхи въ своей статьѣ въ «Шигаку Цаси». Прежніе влюбленные рѣдко прибѣгали къ такимъ рѣшительнымъ мѣрамъ. Только при شوгунахъ Токугава XVI вѣка и въ началѣ XVII было нѣсколько примѣровъ; напротивъ, теперь самоубійство процвѣтаетъ. Причины для такихъ рѣшительныхъ мѣръ—много. Прежде всего—вѣра въ будущую жизнь: любовники несчастны въ этой жизни и рѣшаютъ, что на томъ свѣтѣ ничто ихъ не разлучитъ и для ихъ любви уже болѣе не будетъ препятствій. Затѣмъ Бушидо учить ихъ, что смерть вовсе не страданіе, а скорѣе радость, и женщина отъ него узнаетъ, что не слѣдуетъ сближаться съ мужчиной до свадьбы; если же она не можетъ состояться, то японка рѣшаетъ, что смерть уничтожитъ всѣ преграды для любви. Брачный вопросъ волнуетъ японскую молодежь, которая требуетъ въ этой области полного преобразованія и отмены брака по родительскому повелѣнію. Обычай не допускать общенія между молодежью обоего пола ведетъ къ тому, что будущіе супруги совершенно не знаютъ другъ друга и браки въ большинствѣ случаевъ—несчастны. Наконецъ, большое вліяніе на умы имѣетъ литература, особенно романы. Японскіе романисты описываютъ самоубійства, какъ актъ героизма. Японская любовь такъ же, какъ и европейская; сильнѣе смерти. Вообще японецъ не боится смерти, особенно на полѣ сраженія. Идеаль японца: «скорѣе умереть красиво, чѣмъ жить позорно, и съ этимъ девизомъ они бросаются на войнѣ впередъ. Презрѣніе къ жизни—характерная черта японцевъ. Смерть—главная тема японской поэзіи. Это не значитъ, что японецъ не любитъ жизнь, но онъ ею не дорожитъ. Этому много способствуетъ то обстоятельство, что бонзы не пугаютъ ихъ страшнымъ судомъ: японскій «тотъ свѣтъ» совсѣмъ не такъ страшенъ—тамъ всѣ находятъ покой, какъ добрые, такъ и злые.

Очень распространяется въ Японіи одна секта—тенрикію, относительно недавно появившаяся. Ея основателемъ былъ Накайма Мики, болѣе извѣстный подъ популярнымъ именемъ Омики. Онъ жилъ отъ 1798—1887 г. Его ученіе близко къ ученію Жанъ-Жака Руссо, и мысль его та, что человекъ родился добрымъ, но его испортило общество. Сначала душа было совершенствомъ, но подъ вѣковой пылью она потускнѣла, какъ зеркало. Эта пыль разнообразная: она восьми различныхъ родовъ. Авторъ Като подробно ихъ разсматриваетъ

въ своей статьѣ въ «Рикую Цасши». Она можетъ исчезнуть съ помощью божественной милости, которой можно добиться, исполняя свои семейныя обязанности: супружескія, сыновнія и общественныя; особенно же этого можно достигъ дѣлами благотворительности, напримѣръ, милостыней. Тенрикію совѣтуетъ оставлять свои богатства сектѣ, такъ какъ, согласно ея ученію, собственность не индивидуальна, а принадлежитъ общинѣ. Тенрикію признаетъ коллективизмъ. Теперь въ этой сектѣ имѣется много послѣдователей, потому что она извлекаетъ пользу изъ богословскихъ и философскихъ споровъ между буддистами и христіанами.

Современная Японія, конечно, такъ же прогрессируетъ въ порокахъ, какъ и Европа. Въ статьѣ Бансемона въ «La Revue» находятся по этому вопросу любопытныя подробности. Начиная съ полиціи, Японія ни въ чемъ не уступаетъ европейцамъ. Японскіе полицейскіе проникательны, хитры, тонки: у нихъ хорошее чутье и они рѣдко попадаютъ впросакъ. Между тѣмъ нигдѣ такъ не процвѣтаетъ воровство и съ такой смѣлостью, какъ въ Токио, Осака и въ большинствѣ многолюдныхъ центровъ имперіи. Карманные воры тамъ составляютъ синдикаты и ихъ организація повсюду распространяетъ свои отдѣленія, съ роскошью, неизвѣстной ни въ какой другой странѣ. Полиція находится съ ворами въ лучшихъ отношеніяхъ и если время отъ времени ловитъ воришекъ и засаживаетъ въ тюрьму, то это бываетъ рѣдко: чаще всего они продолжаютъ вести свое прибыльное ремесло. Если, по несчастію, попадаетъ главарь, то отдѣляется штрафомъ и тремя недѣлями тюремнаго заключенія. Полиція знаетъ, гдѣ скрывается воръ, но любезно закрываетъ глаза. На замѣчаніе автора одинъ японецъ отвѣтилъ ему: «Развѣ вы не знаете дружескаго соглашенія между полиціей и воровскими учрежденіями». Конечно, полицейскія власти отрицаютъ это и увѣряютъ, что японскимъ полицейскимъ не надо учиться у Шерлока Холмса и что всякую пропажу они непременно отыщутъ. А дѣлается это очень просто: воры раздѣляютъ Токио по участкамъ, «ойябунъ»—центр операцій, и каждый синдикатъ имѣетъ свой участокъ, въ которомъ другіе не имѣютъ права работать. Этого правила крѣпко держатся японскіе воры. Когда полицейскому заявляютъ, въ какой улицѣ пропала вещь, онъ уже заранѣе знаетъ, кто воръ, такъ какъ въ полиціи извѣстны всѣ воры, работающіе въ каждомъ «ойябунѣ». Если они не всегда находятъ пропавшую вещь, то лишь потому, что колеблются: «стоитъ ли стараться, хорошо ли потерпѣвшіе вознаградятъ полицію?»

Такой безпорядокъ естественно вызываетъ въ японскомъ обществѣ негодованіе; обыватели начали выражать неудовольствіе и просили очистить полицію отъ вредныхъ элементовъ. Наконецъ происшедшій въ Токио одинъ скандалъ заставилъ произвести въ полиціи серьезную чистку. Новый начальникъ Хондо энергично принялся за это дѣло. Одинъ изъ воровскихъ синдикатовъ находился въ томъ же кварталѣ, гдѣ главное полицейское управленіе. Начальникомъ этого отдѣла состоялъ знаменитый японскій воръ Хинги, по прозванію «Портной»—истинный король токійскихъ воровъ. Новому начальнику полиціи удалось захватить Хинги и его помощника. Въ воровскомъ жилищѣ нашелся цѣлый складъ ворованныхъ вещей, которыя были возвращены владѣльцамъ.

Такимъ образомъ воровское гнѣздо было разорено, и вся шайка разбѣжалась по другимъ городамъ. Способъ, къ которому прибѣгали воры для своихъ работъ, былъ описанъ въ газетахъ, такъ что публика уже знаетъ всѣ ихъ приемы и остерегается.

Японскіе воры учатся воровскому ремеслу съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Еще въ колыбели ихъ приучаютъ, къ этому, развивая имъ ловкость рукъ. Затѣмъ, какъ только они начинаютъ подрастать, имъ ежедневно даютъ уроки. Кромѣ того, въ члены общества принимаются всевозможные подонки общества и неудачники, такъ что количество этихъ паразитовъ все увеличивается. Наиболѣе ловкіе дѣлаются преподавателями воровскаго ремесла и служатъ коноводами. Но всего любопытнѣе, что у всѣхъ японскихъ воровъ безкорыстное отношеніе къ своему сообществу. Ни одинъ изъ воровъ не скроетъ украденной вещи отъ своего начальника: все принадлежитъ «ойябуну», и начальникъ располагаетъ всѣми краденными вещами по своему усмотрѣнію для потребностей общины. Онъ находится въ сношеніяхъ съ укрывателями, которые платятъ за украденныя вещи по предварительному уговору 20% и 30%. Они же даютъ въ долгъ воровскому начальнику денегъ и, дѣлаясь его кредиторомъ, понуждаютъ должника къ новымъ кражамъ. Теперешніе японскіе воры рѣдко воруютъ кошельки, находя это не доходнымъ предпріятіемъ; чаще всего въ кошелькахъ лежитъ такъ мало денегъ, что не стоитъ рисковать. Они предпочитаютъ воровать драгоценныя украшенія, особенно головныя шпильки, для чего употребляются шелковины съ тяжестью на концѣ. Спрятавъ въ рукѣ шелковину, воръ невинно приближается къ жертвѣ, живо накидываетъ свой незатѣйливый приборъ на булавку съ того конца, гдѣ тяжесть, затѣмъ слегка дергаетъ, и булавка слѣдуетъ за шелковиной. Жертва даже не чувствуетъ этого движенія; такъ ловко и легко японскій воръ исполняетъ его.

Особенно ловки японскіе желѣзнодорожныя воры, всегда изящно одѣтые и по внѣшнему виду вполне заслуживающіе довѣрія. Обыкновенно они работаютъ въ вагонѣ или на пароходѣ вдвоемъ, но дѣлая видъ, что незнакомы между собою. У каждаго изъ нихъ въ рукѣ по чемодану, наполненному старыми газетами. Они входятъ въ одно отдѣленіе, а чемоданы кладутъ въ другое и, пользуясь моментомъ, когда какой-нибудь пассажиръ, оставивъ вещи, отправится на поиски себѣ другого мѣста, берутъ его вещи и относятъ въ свои чемоданы. Когда потерпѣвшій замѣтитъ пропажу и заявитъ кондуктору или капитану, они подходятъ къ послѣднему и разсказываютъ, что недавно они также были жертвами воровства при тожественныхъ условіяхъ. Иногда они берутъ чемоданы безъ дна и прикрываютъ ими украденные чемоданы, такъ что можно спокойно выйти на любой станціи безъ всякаго подозрѣнія. На трамваяхъ они работаютъ особеннымъ способомъ. Собственныя руки у нихъ подъ верхней одеждой, а на колѣняхъ невинно покоятся искусственныя, въ то время какъ природныя работаютъ въ карманѣ сосѣда. Вообще японскіе воры обладаютъ невообразимымъ талантомъ къ воровству. Обыкновенно, говорятъ въ Токио, тамошній опытный воръ разстегнетъ одежду жертвы, возьметъ, что ему надо, и опять застегнетъ, такъ что потерпѣвшій даже не замѣтитъ этого. Помощникъ Хинги держалъ пари, что при свидѣтеляхъ, уже предупрежденныхъ,

онъ вынетъ изъ кошелька сосѣда золотую монету и снова положитъ кошелекъ. Всѣ глаза устремлены были на его руки и слѣдили за каждымъ его движеніемъ, владѣлецъ кошелька былъ предупрежденъ, но работа вора была такая чистая, что никто не замѣтилъ момента пронажи.

Война съ Россіей до сихъ поръ лежитъ тяжелымъ бременемъ въ экономическомъ отношеніи на Японіи. Налоги сильно увеличены; жизнь вздорожала съ 1900 г. по меньшей мѣрѣ на четверть. Женщины принуждены исполнять самыя тяжелыя работы. Въ угольныхъ копяхъ ихъ работаетъ 13,000 противъ 75,000 мужчинъ и на металлургическихъ заводахъ 9,600 противъ 62,000 человекъ мужчинъ.

Кромѣ матеріальныхъ потерь, война отразилась и на душевномъ состояніи японцевъ: у нихъ сильно развилась жестокость, и смертоубійства съ каждымъ днемъ все умножаются и становятся болѣе и болѣе жестокими. Другимъ зломъ японцы считаютъ знаки отличія за военную доблесть. За послѣдніе три года среди японцевъ оказалось болѣе 2000 человекъ, украшенныхъ медалями. Это явленіе вызываетъ среди самихъ же японцевъ замѣчанія, что хотя военная доблесть и должна быть вознаграждена, но прежде всего въ націи слѣдуетъ развивать гуманныя идеи, между тѣмъ какъ война противорѣчитъ имъ, и чрезмѣрныя вознагражденія за нее даютъ пищу животной силѣ и приучаютъ къ ней народъ.

— Отовсюду.—Вопросъ: Шекспиръ или Бэконъ авторъ знаменитыхъ драмъ?—принимаетъ неожиданный оборотъ. Быть можетъ, авторъ ихъ и не Шекспиръ и не Бэконъ, а третье лицо, о которомъ и не подозрѣвали. По крайней мѣрѣ, Демблонъ написалъ цѣлый рядъ статей, совершенно развѣнчивающихъ Шекспира, но и не въ пользу вообще Бэкона. Онъ отыскалъ третье лицо: это молодой посланникъ Рутландъ, посѣщавшій Венецію, Равенну, Данію и города, гдѣ разыгрываются шекспировскія драмы. Рутландъ былъ разносторонне образованъ, тогда какъ Шекспиру далеко не хватало образованія. Имя Шекспира служило лишь ширмой автору, для котораго въ то время небезопасно было сочинять пьесы съ политическими намеками, и за эту услугу Рутландъ заплатилъ Шекспиру. Хотя Демблонъ приводитъ много неопровержимыхъ доказательствъ этому предположенію, но все-таки нельзя еще сказать, что шекспировскій вопросъ совершенно рѣшенъ.

Касаясь Шекспира, упомянемъ о появившейся въ Даніи книгѣ инспектора полиціи, Августа Голля: «Уголовные типы у Шекспира». Онъ, какъ ученикъ Ломброзо, изучалъ эти типы, но разница между ними та, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ онъ на сторонѣ Шекспира. «Онъ даетъ намъ типы,—говоритъ Голль,—не природныхъ преступниковъ, но сдѣлавшихся ими подъ вліяніемъ своихъ страстей. И поэтому одно и то же преступленіе можетъ быть совершенно различными людьми и подъ вліяніемъ различныхъ мотивовъ. Калибанъ—преступникъ природный, но Брутъ сдѣлался имъ вслѣдствіе политической ненависти; Кассій—по ложной теоріи доктринера, Яго же отмѣченъ «эротической» жестокостью и т. д. Въ заключеніе Голль совѣтуетъ прочесть Шекспира всѣмъ криминалистамъ.

Въ «Bibliothèque Universelle» Морисъ Дюмуленъ сообщаетъ нѣкоторыя черты характера Людовика XVI. Его мелочность буржуазнаго свойства до-

ходила до того, что въ самыя трудныя трагическія минуты жизни вмѣсто того, чтобы разсматривать важные вопросы и остановиться на мужественномъ рѣшеніи, Людовикъ XVI велъ мелочные расчеты и записывалъ всякій мелкій расходъ. Такъ, 27 декабря 1776 г. онъ записъ въ свою книгу: «уплатилъ Жюльену Леруа за часы 24,000 ливровъ; 25 апрѣля—уплатилъ Вуазену за геометрический приборъ 648 ливровъ; 16 ноября 1777г.—далъ королевѣ для Эстергази 18,000 ливровъ». Графъ Эстергази находился подъ покровительствомъ Маріи Антуанетты. Еще дофинимъ Людовикъ XVI уже записывалъ всякую мелочь вродѣ: 2 карандаша, 1 книгу, одинъ пробочникъ, 3 книги, 1 бріоншъ 12 су. Эта похвальная экономія для обыкновеннаго гражданина порицается Дюмуленомъ, который находитъ, что могущественному королю надлежитъ думать не о такомъ вздорѣ.

«Societa nazionale per la storia del Risorgimento italiano» (національное историческое общество итальянскаго возрожденія) продолжаетъ выполнять научныя и патриотическія задачи. Основавъ въ Миланѣ, Венеціи, Туринѣ и Римѣ областныя комитеты, оно основало и во Флоренціи, подъ президентствомъ Цанникелли, такое же общество и помѣщаетъ отчетъ о своихъ работахъ въ издаваемомъ съ 1908 г. журналѣ «Il Risorgimento italiano», подъ редакціей Манцоне. Кромѣ того, итальянское правительство само старается вполнѣ освѣтить эту эпоху, и однимъ изъ его начинаній была покупка библіотеки Криспи, заключающей чрезвычайно интересныя документы, относящіяся до 1848—1860 г., главнымъ образомъ касающіяся двухъ Сицилій. Вездѣ понемногу основались конкурсы съ цѣлью подробно ознакомить итальянцевъ съ главными лицами и событіями эпохи Risorgimento при помощи сочиненій, оплачиваемыхъ преміями отъ 500 до 10,000 лиръ. Такимъ образомъ, современная Италия, заботясь о національномъ воспитаніи, даетъ толчокъ для широкаго распространенія историческихъ трудовъ. Вообще за послѣднее время Италия значительно обогатилась сочиненіями по исторіи. Особенно похвально, что само правительство поощряетъ начинанія по распространенію просвѣщенія и историческаго сознанія народа въ широкихъ кругахъ общества и даже положило начало новой аристократіи—интеллектуальной. Недавно король сдѣлалъ починъ этому новому порядку вещей, приславъ историка Пасквале Виллари, одному изъ представителей общества Данте Аллигieri, въ день его пятидесятилѣтняго юбилея орденъ Аннунціаты, дававшій право на званіе кузена короля. До сихъ поръ этотъ орденъ короли жаловали лишь высочайшимъ особамъ и самымъ выдающимся государственнымъ дѣятелямъ. Собственно говоря, Вилларъ не только историкъ: онъ началъ свою карьеру съ Савонаролы, но написалъ также немало трудовъ по социальнымъ вопросамъ.

Биографамъ г-жи Сталь приходится понемногу прибавлять къ штату ея поклонниковъ новыхъ лицъ. Бенжаменъ Констанъ, Монморанси, Жорданъ, Шлегель, Барантъ, де-Рокка, Талейранъ, Баррасъ, Ламетъ Риббэнъ, Монти, Альборгетти и Балкъ—уже извѣстны. Теперь прибавился еще новый поклонникъ—донъ Педро де-Суза. По словамъ дю-Мулэна, автора статьи въ «Revue hebdomadaire», Суза былъ сынъ португальскаго посланника въ Римѣ. Его представили г-жѣ Сталь въ 1805 г. въ то время, когда она развлекалась въ

Италии отъ семейнаго траура и огорченій, причиненныхъ ей Бенжаменомъ Констаномъ. Въ это время она запрягла въ свою колесницу, какъ тогда выражались, двухъ крупныхъ поэтовъ: Альборетти, революціоннаго Тиртея, и Монти, «граціознаго» Данте, которому она писала: «Везувій и вы—одно». Донъ Педро былъ просто поэтъ любитель, но поэтъ двадцати четырехъ лѣтъ, съ синими очами, черными кудрями. Г-жа Сталь послала ему стихи—ничтожныя, въ чемъ сама сознавалась, но въ то же время материнскіе и пылкіе. При луномъ свѣтѣ они осматривали развалины Колизея, и она написала ему въ прозѣ: «Мы были современниками на обломкахъ вѣковъ, насъ соединялъ одинъ культъ всего прекраснаго, и съ высоты небесъ отецъ простилъ мнѣ счастье, къ которому примѣшивалось столько слезъ, счастье, все покрытое тучами». Вначалѣ изъ дружбы донъ Педро объявилъ ей о своемъ намѣреніи жениться на молодой жительницѣ Пьемонта, мадемуазель Парронъ. Г-жу Сталь не очень это огорчило, но потомъ она задумала сдѣлать его своимъ зятемъ, онъ же влюбился въ итальянку, которая не была его невѣстой, а потому между г-жей Сталь и дономъ Педро послѣдовало охлажденіе. Однако въ 1806 г. эта связь снова завязалась и длилась еще съ годъ. «Согиппе» появилась въ 1807 г. и нѣтъ никакого сомнѣнія, что героиня этого романа нарисована по образцу самого автора. Нѣкоторыя черты въ фигурѣ Освальда заимствованы у Педро де-Суза, и въ письмахъ г-жи Сталь къ нему находятся наброски многихъ эпизодовъ этой книги.

Черезъ три года, въ 1810 г., когда г-жѣ Сталь минуло 43 года, она молниеносно съ первой встрѣчи страстно увлеклась красивымъ, умнымъ и рыцарски вѣжливымъ двадцатитрехлѣтнимъ молодымъ офицеромъ, Жаномъ де-Рокка. Страсть свою она плохо скрывала, и вскорѣ всѣ замѣтили это увлеченіе, а Бенжаменъ Констанъ едва не дрался съ Рокка на дуэли. Обоюдное влеченіе такъ было неотразимо, что 1 мая 1811 г. они рѣшились обвиняться, несмотря на упорные совѣты друзей и близкихъ лицъ, отговаривавшихъ молодого человека отъ неравнаго по возрасту брака. Рокка рѣшилъ, что душа возраста не имѣетъ и потому у него былъ всѣмъ одинъ отвѣтъ, что г-жа Сталь изъ всѣхъ женщинъ наиболѣе достойна любви и обожанія, а именно за то, что она могла быть его матерью, онъ любитъ ее еще сильнѣе и докажетъ всѣмъ, что весенніе дни могутъ быть во всякомъ возрастѣ. Черезъ два года, 7 апрѣля, у г-жи Сталь появился залогъ любви—сынъ, котораго записали подъ именемъ Луи-Альфонсъ Жилэ. Ребенка передали подъ условіемъ строгой тайны доктору Жюрино изъ Ланжиро (департаментъ Юры). Однако ея врагъ Наполеонъ зорко слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ посредствомъ своихъ агентовъ во главѣ съ барономъ де-Мелэнъ. Донсенія послѣдняго полны острыхъ насмѣшекъ, между прочимъ относительно ея хитрости: чтобы скрыть свое положеніе, она сказала, что у нея водянка, отъ которой она такъ «чудесно исцѣлилась». Наполеонъ, конечно, былъ радъ поставить г-жу Сталь въ смѣшное положеніе и распространилъ въ обществѣ содержаніе доноса. На г-жу Сталь посыпались эпиграммы, и она должна была уѣхать въ Коппе. Но и тутъ ее не оставилъ въ покоѣ Наполеонъ, и ей пришлось разстаться съ Франціей. Она со всей семьей сначала поѣхала въ Вѣну, затѣмъ въ Петербургъ и Стокгольмъ и вернулась въ Коппе только

послѣ сверженія своего врага. Но Рокка, еще до знакомства съ г-жею Сталь раненый въ испанской войнѣ и лишившійся ноги, заболѣваетъ, и вся семья переселяется въ Италію. Г-жа Сталь вся отдалась уходу за больнымъ. На ея несчастье, въ началѣ зимы 1817 г. она вернулась съ семьею въ Парижъ, гдѣ у нея сдѣлался параличъ послѣ паденія съ лѣстницы. Болѣе всего она боялась умереть, не простившись съ мужемъ, и ее больную носили къ нему въ комнату. Предъ смертію 13 іюля 1817 г. въ завѣщаніи она признала свой бракъ съ де-Рокка и рожденіе сына. Дѣтей она просила считать его своимъ братомъ. Де-Рокка не долго пережилъ ее: онъ умеръ въ январѣ 1818 г.

— Въ «Literarische Echo» помѣщенъ набросокъ Зола о критикахъ, которыхъ онъ приравниваетъ къ жабамъ. Зола совѣтуетъ начинающимъ авторамъ приучать свой литературный желудокъ, чтобы впослѣдствіи быть въ состояніи переваривать глупости и пошлости критиковъ относительно ихъ и ихъ сочиненій. Если литературный желудокъ не крѣпокъ, т.-е. если васъ смущаетъ, огорчаетъ или раздражаетъ критика, то онъ совѣтуетъ его закалить, ежедневно патошакъ проглатывая живую жабу. «Расходъ этотъ небольшой, особенно, если покусать ихъ дюжинами,—говоритъ онъ,—зато чрезъ нѣсколько лѣтъ вы создадите себѣ хорошій литературный желудокъ, способный переваривать самую ужасную статью современнаго критика». «Я съ своей стороны,—говоритъ онъ далѣе,—предъ тѣмъ, какъ сѣсть за работу, ежедневно въ продолженіе тридцати лѣтъ глотаю жабы, прочитывая семь-восемь газетъ, ожидающихъ меня на столѣ. Если не въ одной, то въ другой, я всегда нахожу такую жабу въ видѣ грубаго упрека, оскорбительной карикатуры, цѣлаго залпа лжи или злостныхъ нападокъ,—и я добровольно глотаю ихъ. Если въ первое время онѣ мнѣ были неприятны, то послѣ третьей или четвертой дюжины—я сталъ невосприимчивъ. Теперь на старости лѣтъ, я ихъ проглатываю безъ малѣйшаго труда. Дошло даже до того, что если нѣтъ ежедневной порціи жабы, мнѣ чего-то не хватаетъ. Онѣ стали частью моей жизни и составляютъ для меня то, что называется пряностью въ кушаньи. Это лучшее возбуждающее средство. И такимъ жабамъ я обязанъ лучшими страницами, которыя когда-либо были мною написаны».

Въ стокгольмскомъ журналѣ «Ord och Bild» Гаральдъ Нильсенъ разсматриваетъ вопросъ о новомъ направленіи шведской литературы. Онъ говоритъ, что самый крупный шведскій поэтъ Перъ Халльстромъ является представителемъ реакціи, послѣдовавшей послѣ царившаго натурализма. Хейденстамъ, Фродингъ, Сельма Лагерлефъ, получившая нобелевскую премию, и даже Стриндбергъ были авторами этого движенія. Къ нимъ можно присоединить и Пера Халльстрема. Будучи инженеромъ, онъ отправился въ Америку, но его манило назадъ на родину и въ царство фантазіи. Поэтому въ его сочиненіяхъ видны постоянныя усилія соединить четырехъ властителей его души: разумъ, инстинктъ, рационализмъ и мистицизмъ.

Говоря о Швеціи, приведемъ наблюденія француза Бельссора, помѣщенные на страницахъ «Revue des deux Mondes». Его поразила непроизводительная затрата силъ во всемъ, что касается знаменитаго шведскаго центра интеллектуальнаго развитія—упсальскаго университета. Начиная съ архитектурной постройки зданія, повсюду проглядываютъ ненужныя и дорогія украшенія.

тогда какъ съ другой стороны замѣтенъ недостатокъ практическаго комфорта. Но все это пустяки въ сравненіи съ тою лишней затратой времени, которой подвергаютъ молодежь: для достиженія степени доктора требуется десять лѣтъ. Какую профессію ни выберешь, менѣе, какъ чрезъ восемь лѣтъ ее не изучишь. Между тѣмъ въ улсальскомъ университетѣ программа та же, что и въ другихъ европейскихъ университетахъ; но причина кроется въ немѣннн шведовъ работать; они слишкомъ любятъ жить въ свое удовольствіе; кромѣ того, виноваты одуряющія зимнія ночи и длинныя лѣтнія ночи. Не будь соревнованія, шведскіе студенты, не имѣя возможности сократить время ученія, скорѣе потеряли бы изъ виду слишкомъ отдаленную цѣль, которую они прелѣдуютъ.

Раздача нобелевскихъ премій, изъ которыхъ одна присуждена между прочимъ и г-жѣ Сельмъ Лагерлефъ, вызвала въ разныхъ странахъ неудовольствіе шведской академіей, завѣдывающей раздачей. Французскіе критики удивлены, что преміи не дали Еленѣ Кей. По поводу этого въ «*Mercure de France*» находится отвѣтъ Фритъофа Пальмера. Эленъ Кей, говоритъ онъ, имѣетъ непомѣрную смѣлость проповѣдывать религію любви протестантамъ. Это предпріятіе гораздо рискованнѣе, чѣмъ отправиться въ качествѣ миссіонера проповѣдывать христіанство среди антропофаговъ. Поэтому съ нею обошлись, какъ съ обольстительницей юности, развратительницей нравовъ. Для того, чтобы сдѣлать брешь въ существующей религіозной системѣ, она сочла необходимымъ основать новую религію жизни. Хотя она и защищается отъ пессимизма, но интересуется судьбою, созданной обществомъ слабому полу. Она работала для освобожденія женщины, въ то же время желала предохранить ее отъ омужествленія, потому что она апостоль материнства и культа красоты. Ея произведенія, какъ и ея мысль—стремленіе къ добротѣ. Она великая посредница между націями и лицами самыми интернаціональными, какія только существуютъ отъ Лиссабона до Токио во всѣхъ интеллектуальныхъ слояхъ общества; у нея есть повсюду личные друзья и только собственная страна не признаетъ ее.

Въ «*Neue Freie Presse*» Нордау выражаетъ тоже недовольство системой распредѣленія премій. По его словамъ, за десять лѣтъ преміи достались десяти поэтамъ и писателямъ. Однимъ изъ первыхъ былъ премированъ Сюлли Прюдомъ, Кардучи же пять лѣтъ презрительно обходили и дали премію наканунѣ смерти. За прозу и даже научную вознагражденъ былъ Моммсенъ, потомъ за философію Эйкенъ; между тѣмъ Герберта Спенсера, въ то время благополучно здравствовавшаго, Рибо, Вундта—обошли. «Что такое Сенкевичъ въ міровой литературѣ?—спрашиваетъ Нордау—Единственное его право на премію—плодовитость, любовь къ своему народу и популярность, но писателей съ подобными особенностями творчества—не мало. Въ заключеніе онъ говоритъ, что шведская академія, очевидно, награждаетъ не отдѣльныхъ лицъ, а представителей симпатичныхъ ей націй или даже правительствъ. Франція была вознаграждена два раза, Германія, Италія, Англія, Испанія, Норвегія и Швеція, и почему-то гнѣтъ среди нихъ Россія. Не потому ли, что академія не сочувствуетъ отношеніямъ русскаго правительства къ финляндцамъ? Такимъ образомъ нобелевская премія потеряла свое значеніе, какъ признаніе

заслуг лица, превратилась в дипломатическую любезность и, будучи последовательной, шведская академия должна в ближайшем будущем присудить Нобелевскую премию японцу или младотурку».

Англия, строго придерживающаяся своих исторических традиций, опасаясь грозных последствий нарушения гигиены, решила пожертвовать старинным обычаем цѣловать Библию во время присяги. В настоящее время, как сообщается в «Hebdo Débats», сь этимъ обычаемъ англичане распространились: теперь оно замѣнено менѣе выразительнымъ жестомъ, но предохраняющимъ отъ возможности получить какую-нибудь заразную болѣзнь, а именно принимающій присягу беретъ Библию въ руку и держитъ ее во время присяги. 27 января новаго стиля впервые былъ примѣненъ этотъ обычай. Въ Bow Street изъ двадцати свидѣтелей около поддожины приняли присягу по старому обычаю, настолько сильна привычка: по этому было легко узнать ихъ профессію— это были или сутяги, или полицейскіе. А въ Hackney Square это новшество послужило случаемъ для маленькой комедіи. Согласно первоначальному тексту закона, присягающій только поднимаетъ руку, но лорды осложнили этотъ законъ тѣмъ, что поднятая рука должна взмахнуть библией. Коронный судья очутился въ затруднительномъ положеніи, такъ какъ тамъ находилось тринадцать присяжныхъ засѣдателей, обязанныхъ принять коллективную присягу. «Вась всѣхъ тринадцать прицѣпить къ одной библии,—сказалъ онъ,—будетъ смѣшное зрѣлище, а сь другой стороны лондонскій County Council не далъ въ мое распоряженіе тринадцати необходимыхъ мнѣ библий: у меня ихъ только двѣ. Запрягитесь шесть или семь присяжныхъ къ каждой библии. Это будетъ еще комичнѣе, но я ничего тутъ не могу подѣлать». Обѣ группы присяжныхъ схватились за два тома, но такъ какъ они держали ихъ слишкомъ низко, то судья громко закричалъ имъ: «Выше! такъ требуютъ буква и духъ закона!»—«Но,—возразилъ одинъ изъ присяжныхъ,—среди насъ есть люди низкаго роста: что же—имъ встать на стулъ?»—«Пусть маленькіе подымутся, а большіе опустятся», глубокомысленно отвѣтилъ судья. Присяжные подчинились этой евангельской заповѣди—и засѣданіе открылось.

Бывшій юбилей австрійскаго императора Франца-Иосифа послужилъ темой для цѣлаго нумера австро-венгерскаго журнала «Oesterreichische Rundschau». Между прочимъ тамъ говорится, что это торжество не относилось къ личности: оно посвящалось идеѣ, которая символизировала жизнь и личность императора, такъ какъ, несмотря ни на какіе удары, поражавшіе его и Австрію въ теченіе 60 лѣтъ его царствованія, въ этотъ торжественный день Францъ-Иосифъ стоитъ предъ глазами всей Европы и по своему спокойствію и улыбающемуся величію не имѣетъ равнаго среди всѣхъ государей. Его Австрія, смерть которой столько разъ объявляли, также сумѣла, несмотря на всѣ споры о ея раздѣлѣ, впустить другимъ народамъ вѣру въ свою жизненность и свое будущее. «Насъ отдѣляетъ пропасть отъ эпохи, когда Францъ-Иосифъ вступилъ на тронъ: тогда народъ годился лишь платить налоги и поставлять солдатъ, теперь народъ—все». Эту пропасть заполнилъ своимъ царствованіемъ Францъ-Иосифъ. Если вначалѣ границы и вліяніе Австріи значительно уменьшились, то внутреннее развитіе страны столь значительно увеличилось, что можно безъ

большого огорченія смотрѣть на это кажущееся уменьшеніе мірового вліянія. Безъ сомнѣнія, борьба между собой національностей тормозитъ движеніе впередъ Австріи, но императоръ въ этомъ не виноватъ, такъ какъ всю жизнь направлялъ свои силы противъ этого разъединенія. Та же идея объединенія вдохновила Франца-Иосифа относительно балканскихъ государствъ. Анексія Босніи и Герцеговины не была необдуманнѣмъ шагомъ, но точкой разрѣшенія политическаго вопроса вполне законченнаго и очень логичнѣмъ заключеніемъ думъ цѣлой жизни. Какъ по естественнѣмъ законамъ одному движенію послѣдуетъ другое, которое уничтожаетъ первое, такъ первому этапу—занятію страны, по естественному ритму, теперь послѣдуетъ второй этапъ—анексія. И никто не имѣетъ права протестовать противъ этого акта австрійской политики. Династіи и сербскіе государственные люди до послѣдняго дня доказывали иное, чѣмъ свое намѣреніе цивилизовать народы, и не видно, чтобы они измѣнили подобное управленіе страной. Когда Францъ-Иосифъ внезапно былъ призванъ управлять страной, это былъ едва восемнадцатилѣтній юноша, еще наканунѣ слушавшій лекціи своихъ учителей. Теперешніе ученики, жалующіеся на чрезмѣрность занятій, безъ сомнѣнія, не перенесли бы той пространной программы ученія, какую проходилъ императоръ еще наканунѣ восшествія на престолъ.

Въ «Nineteenth Century» разсматривается любопытный вопросъ: могутъ ли гениальные люди быть хорошими мужьями? Сидней Лоу отрицаетъ возможность этого счастья и приводитъ доказательства. По его словамъ, собственно, великіе писатели рѣдко женятся и если женятся, то ихъ бракъ бываетъ несчастливъ, на примѣръ: изъ англійскихъ писателей двадцать пять совсѣмъ не были женаты, двадцать были счастливы въ бракѣ, а двадцать три несчастливы, на примѣръ: Шекспиръ, Мильтонъ, Драйденъ, Свифтъ, Аддисонъ, Штернъ, Шелли, Байронъ, Карлейль, Рэскинъ, Диккенсъ, Теккерей, Розетти, Фицджеральдъ. Жены Розетти и Шелли кончили жизнь самоубійствомъ; Теккерей и Соути—сошли съ ума. Счастливыми оказались: Дефоэ, Стеель Фильдингъ, Смолеттъ, Джонсонъ, Шериданъ, Вордсвортъ, Скоттъ, Мооръ, Дарвинъ, Теннисонъ, Браунингъ и т. д. Лоу считаетъ главной причиной семейнаго несчастья писателя его постоянное пребываніе дома. «Если бы Карлейль,—говоритъ онъ,—работалъ гдѣ-нибудь въ конторѣ отъ 10 ч. до 4 ч.—г-жа Карлейль была бы самой счастливой женщиной». Онъ заканчиваетъ той мыслью, что домашнее несчастье гениальныхъ людей составляетъ часть закона природы. Безъ сомнѣнія, оно насъ предохраняетъ отъ преждевременной производительности расы сверхчеловѣковъ.

По поводу двадцатилѣтней годовщины смерти вѣнскаго драматурга Анценгрубера, въ «Literarische Echo» говорится, что онъ былъ жертвой оперетки. Несмотря на его знаменитость въ свое время, онъ, однако, не былъ достаточно оцѣненъ. Въ Вѣнѣ его «отвѣдывали», но мало играли, и причиной этому служили опереточные композиторы, отвлекавшіе отъ него всю массу вѣнской публики. Сначала Оффенбахъ, затѣмъ Штраусъ, а потомъ Легаръ, композиторъ «Веселой вдовы», были его соперниками. Даже послѣ смерти теперь къ нему относятся несправедливо, считая его только «поэтомъ съ направлениемъ», по-

тому что въ его время велась горячая борьба за свободомысліе и радикализмъ. Въ дѣйствительности же сама публіка въ то время вкладывала болѣе направленія въ пьесы, чѣмъ самъ поэтъ.

Въ мадридскомъ журналѣ «Lectura» Хамезъ Броссе, касаясь популярности американскаго поэта Уальта Уитмана, говорить: чтобы лучше понять Сѣверную Америку—надо ознакомиться съ поэзіей Уальта Уитмана, а чтобы оцѣнить этого автора, необходимо имѣть вѣрныя свѣдѣнія объ интеллектуальной эволюціи Соединенныхъ Штатовъ. Съ Уитманомъ мы далеко отъ традиціонной англо-саксонской поэзіи. Въ Англіи и Европѣ мало читаютъ сѣверо-американскихъ писателей, по крайней мѣрѣ десять лѣтъ тому назадъ ихъ мало читали. Эммерсона, Поэ, Уальта Уитмана, «великую троицу» молодой Америки, знали лишь нѣкоторые литераторы, изучавшіе новые горизонты. Поклонники классической поэзіи смутно допускали Лонгфелло, и то лишь ссылались на его «Эвангелину». Эмерсонъ считался ученикомъ Карлейля; Поэ—галлюциномъ; Уальтъ Уитманъ—чѣмъ-то въ родѣ Беранже для демократическихъ янки. Но съ тѣхъ поръ измѣнился взглядъ на Уитмана: Германія съ жаромъ принялась его изучать, Италія переводить, Франція расхваливать, такъ что въ настоящее время народился уитманизмъ въ противовѣсъ нищенеизму.

— Смерть Андреа Коста и Эдуарда Рода.—Въ ночь на 19 января въ Имольтѣ скончался послѣ продолжительныхъ страданій отъ болѣзни сердца крупная фигура—ветеранъ социалистовъ и вице-предѣдатель итальянской палаты депутатовъ, Андреа Коста. Онъ родился въ Имольтѣ въ 1851 г.; его отецъ мелкій колбасникъ, отдалъ сына учиться въ гимназію. По окончаніи курса Андреа отправился въ Болонью, гдѣ занимался подъ руководствомъ Кардуччи и между ними завязалась дружба. Однако ему было не до ученія: онъ попалъ въ водоворотъ анархо-соціалистическаго движенія съ Бакунинымъ во главѣ и съ пыломъ, свойственнымъ южному темпераменту, весь отдался новой идѣй. Это было время, когда итальянская молодежь еще не остыла послѣ борьбы за объединеніе Италіи, бросалась проповѣдывать идеи интернационализма или присоединялась къ послѣдователямъ идей Маццини. Бакунинъ сразу обратилъ вниманіе на пылкаго, упорнаго двадцатилѣтняго Коста и взялъ его себѣ въ секретари. Тогда у него велась борьба съ Марксомъ, и Коста, горячій сторонникъ Бакунина, сталъ выступать на всѣхъ собраніяхъ, страстно возставая противъ Маркса и марксистовъ. Итальянское правительство подъ впечатлѣніемъ парижской коммуны поспѣшило пресѣчь это опасное для нея движеніе. Прежде всего оно закрыло секцію интернационала, а потомъ принялось за конфискаціи революціонной литературы и наконецъ добралось до Коста, заключивъ его въ тюрьму. Черезъ пять мѣсяцевъ Коста былъ освобожденъ. Онъ отправился изъ тюрьмы прямо на конгрессъ въ Женеву и объявилъ тамъ, что ждать болѣе нечего, такъ какъ Италія готова къ возстанію. Въ 1874 г. въ январѣ онъ призывалъ итальянцевъ къ немедленнымъ дѣйствіямъ—къ «мятежу и насилію» и самъ энергично работалъ, исполняя приказанія Бакунина, тайно проживавшаго въ Болоньѣ. Однако среди членовъ бакунинскаго кружка было немало предателей, которые выдали съ головой Коста, и его снова арестовали. Бакунинъ съ 200 своихъ сторонниковъ отправился въ Имолу, чтобы овладѣть

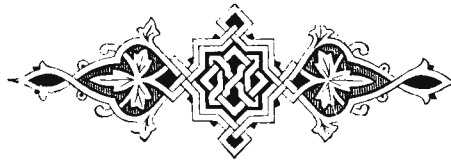
арсеналомъ, но часть ихъ была забрана, часть бѣжала вмѣстѣ съ Бакунинымъ. Просидѣвъ два года въ предварительномъ заключеніи, Коста дождался судебного процесса 79-ти, который длился три года. Главный обвиняемый былъ Коста, котораго блестяще защищали знаменитые адвокаты, и самъ онъ произнесъ зажигательную рѣчь. Обвиняемыхъ оправдали, и Коста снова пытался открыть отдѣлы интернаціонала вмѣстѣ съ тайно пріѣхавшимъ въ Италію Малатестой, но тутъ опять его ждала неудача: въ домѣ Карси, гдѣ онъ скрывался, его арестовали и заключили болѣе чѣмъ на четыре мѣсяца въ тюрьму. Поэтому его отправили въ Имолу, гдѣ ему вынесли обвиненіе въ мятежахъ Равенны, Беневенто и др. Промежутокъ времени отъ тюрьмы до тюрьмы онъ предсѣдательствовалъ на конгрессахъ, собраніяхъ и писалъ прокламаціи. Но тюрьмы его утомили, и онъ принялся за книги, а чрезъ три мѣсяца отправился въ Парижъ, гдѣ въ 1878 г. его арестовали за открытіе секціи. На этотъ разъ судъ приговорилъ его къ двухлѣтнему заключенію въ тюрьмѣ и пяти годамъ specialнаго надзора и штрафа въ 300 франковъ. Но Коста не пришлось отбывать это наказаніе: президентъ Гриви далъ ему амнистію.

По освобожденіи Коста принужденъ былъ вернуться въ Италію: онъ напечаталъ свое знаменитое письмо «друзьямъ въ Романью», въ которомъ отказывался отъ прежнихъ идей, ссылаясь на то, что они слишкомъ замыкаются въ себя, заняты логикой своихъ идей и составленіемъ революціонной программы, а на условія, въ которыхъ живутъ рабочіе, не обращаютъ вниманія. Поэтому онъ предлагалъ основать социалистическую партію, а интернаціоналъ относилъ уже къ историческому прошлому. За это на него посыпались со стороны недавнихъ друзей оскорбительные эпитеты, какъ: предатель, измѣнникъ и т. д. Въ Болоньѣ тайно собрались послѣдователи Маркса, и такимъ образомъ основалась новая партія, социалистическая, которая стала издавать въ Миланѣ «Международный журналъ социализма». Однако полиція накрыла журналъ, а Коста отправили въ Имолу и подвергли надзору. Въ апрѣлѣ 1881 г. Коста выпустилъ первый нумеръ «Avanti», но онъ былъ конфискованъ, редакторъ же Мончини арестованъ. Въ августѣ Коста впервые открыто выступилъ противъ анархистовъ на конгрессѣ въ Римини. По его словамъ, «социализмъ и анархизмъ исключаютъ другъ друга: исторія погребла анархизмъ, доказавъ его безжизненность; будущее—за социализмъ». Маццинистамъ, предлагавшимъ ему итти совместно, онъ отказалъ, а приглашалъ ихъ въ парламентъ работать; добиваясь лучшихъ условій жизни для рабочихъ, а не ограничиваться пустой болтовней. Для Коста начался второй этапъ—съ первымъ было порвано. Его избрали депутатомъ сначала Равенны, а потомъ отъ Имолы. Онъ былъ первый социалистъ на депутатскомъ креслѣ. Однако тюремныя наказанія для него еще не окончились и въ 1888 г. по обвиненію въ избіеніи городскихъ (придирка) его присудили къ трехлѣтнему тюремному заключенію, но предсѣдатель камеры Палкера уговорилъ его удалиться за границу. Чрезъ полтора года онъ вернулся, попалъ подъ амнистію. Этимъ не окончились его тюремныя злоключенія, и онъ сидѣлъ еще нѣсколько разъ. Въ послѣдній разъ, уже измученный борьбой и больноу, онъ былъ заключенъ въ тюрьму, гдѣ оставался болѣе двухъ лѣтъ. Это было концомъ прежней его славы, и онъ уже болѣе не игралъ той значи-

тельной роли ни въ палатѣ, ни въ парламентѣ. Однако ореоль героя и мученика до смерти окружалъ его. Ради куска насущнаго хлѣба Коста былъ и столяромъ, и носильщикомъ, и подмастерьемъ.

Имѣя политическихъ враговъ, Коста не зналъ недруговъ—всѣ были расположены къ его благородной личности. Когда впервые онъ занялъ предѣдательское мѣсто, то всѣ единодушно, центръ, правая и лѣвая, привѣтствовали его долго не смолкавшими рукоплесканіями. Самыя противоположныя партіи и между ними клерикальная горячо выражали ему свое уваженіе. По случаю его смерти Имола одѣлась въ трауръ, всѣ торговыя заведенія были закрыты, на окнахъ красовались траурныя флаги. Тѣло Коста было отправлено въ Болонью, такъ какъ въ Имолѣ не имѣется крематорія.

На 53 году жизни скончался въ Грасѣ извѣстный французскій романистъ и критикъ Эдуардъ Родъ, долгое время занимавшій кафедру по исторіи литературы въ женевскомъ университетѣ. Онъ родился въ Нюнѣ (Швейцарія), а учился въ Германіи, свое философское міросозерцаніе выработалъ подъ вліяніемъ Ренана, Шопенгауэра и Толстого. Поэтому во всѣхъ его романахъ звучитъ грустная серьезная нотка, а его герои задаются самоанализомъ и разрѣшеніемъ философскихъ вопросовъ бытія. Двадцати двухъ лѣтъ онъ отправился въ Парижъ, гдѣ началъ свою литературную дѣятельность со смѣлой защиты Зола, подвергавшагося сильнымъ нападкамъ. Нѣкоторое время онъ придерживался реалистическаго направленія, но оно было не въ его натурѣ. Лучшимъ его произведеніемъ въ художественномъ отношеніи считается «Roches Blanches». Свою же практическую мораль онъ проводитъ между прочимъ въ «Sacrifices», «La vie de Michel Tessier», «Trois coeur». Изъ серьезныхъ научныхъ трудовъ: «Les idées morales du temps présent», «Wagner et l'esthétique allemande». Родъ немало постарался для ознакомленія французовъ съ идеями русскихъ писателей, на примѣръ, Толстого и Достоевскаго. Усидчивый и добросовѣстный писатель, Родъ, однако, никогда не имѣлъ шумнаго успѣха, и въ послѣднее время интересъ къ его произведеніямъ порядочно ослабъ и, говорятъ, это его угнетало. Роду нѣсколько разъ предлагали занять кресло среди безсмертныхъ, но онъ отказывался, не желая измѣнять своему отечеству, такъ какъ для этого надо натурализироваться.

С М Ъ С Ъ.

ВРАЗДНОВАНИЕ 300-лѣтія освобожденія Троице-Сергіевой лавры. Еще наканунѣ, 11 января, сергіево-посадскіе хоругвеносцы принесли въ даръ обители хоругви, а горожане—цѣнное евангеліе въ серебряномъ окладѣ. Въ 6 час. вечера 10 января въ Троицкомъ соборѣ было совершено торжественное всенощное бдѣніе, за которымъ поминались царь Василій Шуйскій, князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій, патріархъ Гермогенъ, архимандритъ лавры Иосафъ, келарь Авраамій Палицынъ, воеводы и защитники обители преподобнаго. 11 января во всѣхъ лаврскихъ храмахъ были совершены раннія заупокойныя литургіи и панихиды, съ провозглашеніемъ вѣчной памяти всѣмъ защитникамъ обители. Въ Троицкомъ соборѣ литургія въ этотъ день была совершена ректоромъ академіи преосвященнымъ Феодоромъ, епископомъ волоколамскимъ, въ сослуженіи намѣстника лавры архимандрита Товія. Панихида послѣ литургіи была совершена преосвященнымъ Феодоромъ, въ сослуженіи о. намѣстника лавры, казначея, епископа о. Аполлоса и 16 іеромонаховъ, при архиѡконѣ Паптелеимонѣ. Заупокойная литургія была совершена 11 января также въ приписной къ лаврѣ Пятиницкой церкви, на стѣнахъ которой еще доселѣ сохранились слѣды отъ пушечныхъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Къ самому дню праздника въ обитель преподобнаго Сергія прибылъ сводный батальонъ 221-го Троице-Сергіевскаго резервнаго полка. Исторія этого полка ставится въ связь съ стрѣльцами, къ которымъ принадлежала и часть защитниковъ обители, при-

сланныхъ когда-то изъ Москвы въ лавру подѣ начальствомъ Долгорукова и Голохвастова. Ко всенощному бдѣнію прибыли въ обитель преосвященные Трифонъ дмитровскій и Анастасій серпуховскій, московскій губернаторъ свиты Его Величества генераль-майоръ В. Ѳ. Джунковскій, командиръ 17-го армейскаго корпуса П. П. Яковлевъ, командиръ Троице-Сергіевскаго полка полковникъ Оболеневъ и гг. офицеры. Передѣ всенощнымъ бдѣніемъ нижніе чины Троице-Сергіевскаго полка прикладывались къ мощамъ преподобнаго, у раки котораго каждый получилъ отъ о. намѣстника икону и листокъ съ описаніемъ осады лавры. Въ 6 час. лаврскій царь-колоколь возвѣстилъ о началѣ всенощнаго бдѣнія въ Троицкомъ соборѣ и въ трапезной церкви. Въ соборѣ всенощное бдѣніе было совершено при участіи епископовъ Трифона дмитровскаго, Теодора, ректора академіи, оо. архимандритовъ—намѣстника Товіи, ректора московской семинаріи Бориса, ректора виоанской семинаріи Гавріила, синодальнаго ризничаго Димитрія и священника Троице-Сергіевскаго полка. За всенощнымъ бдѣніемъ настоятель Ново-Спасскаго монастыря архимандритъ Макарій произнесъ назидательное слово. Въ числѣ богомольцевъ въ соборѣ Троицкой лавры были московскій губернаторъ В. Ѳ. Джунковскій, командиръ 17-го армейскаго корпуса генераль-лейтенантъ П. П. Яковлевъ, профессора академіи и др. Въ трапезной церкви всенощное бдѣніе было совершено преосвященнымъ Анастасіемъ, епископомъ серпуховскимъ. 12 января литургія была совершена во всѣхъ храмахъ лавры и Сергіева посада. Въ соборѣ литургію совершали преосвященные Трифонъ и Теодоръ, въ сослуженіи оо. архимандритовъ Товіи, Макарія—настоятеля Новоспасскаго монастыря, Бориса—ректора московской семинаріи, Макарія—настоятеля Петровскаго монастыря, протоіерея Восторгова и старшей братіи лавры. Въ трапезной церкви литургію совершалъ преосвященный Анастасій серпуховскій. Въ Троицкомъ соборѣ въ числѣ молящихся были московскій губернаторъ, командиръ 17-го армейскаго корпуса, полковникъ и офицеры Троицкаго полка, представители города и академіи. За причастнымъ стихомъ въ Троицкомъ соборѣ о. протоіереемъ Восторговымъ было сказано прекрасное слово. По окончаніи литургіи преосвященный Трифонъ сказалъ нѣсколько словъ по поводу рескрипта Государя Императора, присланнаго на имя владыки митрополита по случаю знаменательнаго праздника въ обители преподобнаго Сергія. Потомъ о. намѣстникъ прочелъ самый рескриптъ. Послѣ молебствія съ провозглашеніемъ установленныхъ многолѣтій совершенъ былъ крестный ходъ кругомъ обители, въ которомъ принимали участіе преосвященные Трифонъ, Анастасій, Теодоръ и сослужившіе имъ оо. архимандриты и все духовенство съ братією лавры. Крестный ходъ закончился около 2 часовъ дня. По окончаніи крестнаго хода гости собрались въ покояхъ владыки митрополита. Здѣсь преосвященнымъ Анастасіемъ были оглашены привѣтственные телеграммы отъ владыки митрополита, отъ статсъ-секретаря Столыпина и др. Изъ покоевъ владыки митрополита, гдѣ гостямъ была предложена закуска, всѣ гости прослѣдовали въ монастырскую трапезу, которая закончилась въ 4 часа. Предѣ началомъ трапезы московскимъ губернаторомъ В. Ѳ. Джунковскимъ предложено было отправить на Высочайшее имя телеграмму съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ, что

и было съ энтузіазмомъ принято собраніемъ. Весь день стеченіе молящихся въ обители было громадное.

Въ Литературномъ фондѣ. Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева 2 февраля состоялось годичное собраніе членовъ Литературнаго фонда. Открывая собраніе, Н. И. Карѣевъ указалъ на тотъ матеріальный кризисъ, который переживаетъ нынѣ фондъ послѣ 50 лѣтъ своего существованія. Ожидалось, что юбилей напомнитъ русскому обществу о существованіи этого старѣйшаго литературнаго учрежденія и оно откликнется на его насущныя нужды. Но вмѣсто этого явились новые кліенты, которымъ необходима настоящая помощь, и ее, скрѣпя сердце, приходится давать въ самыхъ минимальныхъ дозахъ. Къ сожалѣнію, масса молодыхъ литераторовъ не состоитъ членами фонда, а ихъ участіе могло бы также дать средства. Послѣ этого секретарь общества В. Д. Набоковъ доложилъ краткія свѣдѣнія о дѣятельности комитета за минувшій годъ. Изъ нихъ видно, что комитетъ выдалъ пособія 503 лицамъ на сумму 28,832 р. и, кромѣ того, пришлось отказать за недостаткомъ средствъ и по другимъ мотивамъ 156 лицамъ, обращающимся въ комитетъ. Отчетъ отмѣчаетъ, что по случаю 50-лѣтія Л. О. Пантелѣевъ взялъ на себя расходы (400 р.) по изданію историческаго очерка Литературнаго фонда и, кромѣ того, пожертвовалъ 2,000 р. процентными бумагами. Н. И. и С. А. Карѣевы пожертвовали 1,000 р. и столько же пожертвовала издательская фирма И. Д. Сытина. Увеличили средства фонда Тургеневскій вечеръ, давшій чистыхъ 2,254 р., и музыкально-литературный вечеръ въ Тенишевскомъ училищѣ, давшій 803 р. Дѣятельность фонда выразилась еще въ цѣломъ рядѣ ходатайствъ объ освобожденіи дѣтей неимущихъ литераторовъ отъ платы за право ученія въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ и др. Н. О. Анненскій познакомилъ собраніе съ денежнымъ отчетомъ и констатировалъ, что его приходится заключить съ дефицитомъ въ 752 р. 56 к., который можно покрыть, по примѣру послѣднихъ двухъ лѣтъ, изъ Пушкинскаго фонда. Противъ этого возсталъ Н. С. Таганцевъ, который настаивалъ на неприкосновенности этого фонда и необходимости его пополнить. Затѣмъ заслушанъ былъ докладъ ревизіонной комиссіи, которая констатировала, что все дѣлопроизводство ведется правильно, но замѣчается, что комитетъ не можетъ устоять противъ настойчивыхъ просьбъ нѣкоторыхъ кліентовъ. Н. И. Карѣевъ иллюстрировалъ фактами крайнюю нужду маленькихъ литераторовъ. Н. О. Анненскій добавилъ, что современныя условія русской дѣятельности плодятъ литературный пролетаріатъ и необходимо ему всѣми мѣрами прійти на помощь. Собраніе утвердило отчетъ и выразило благодарность комитету. Въ заключеніе произведены были выборы новыхъ членовъ комитета вмѣсто выбывающихъ за окончаніемъ срока Н. И. Карѣева, Н. О. Анненскаго, А. С. Посникова, В. Я. Богучарскаго и профессора Э. Л. Радлова. Избраны большинствомъ голосовъ: академикъ Н. А. Котляревскій, А. В. Пѣшеховъ, Е. Н. Чириковъ, Е. П. Султанова (Лѣткова) и профессоръ С. Е. Савичъ. Въ совѣтъ по управленію домомъ писателей избраны: С. Д. Протопоповъ, К. С. Баранцевичъ и г. Березниковъ. Баллотировались въ члены Литературнаго фонда и избраны слѣдующія лица: О. К. Соллогубъ, М. М. Винаверъ, В. А. Теляковский, М. М. Федоровъ и Ю. А. Доморацкій. По предло-

женію Д. А. Линева рѣшено познакомить предстоящій въ Петербургѣ съѣздъ литераторовъ съ положеніемъ дѣлъ Литературнаго фонда въ интересахъ привлеченія новыхъ членовъ.

Русское библиологическое общество. Въ концѣ минувшаго 1909 года исполнилось 10 лѣтъ со времени основанія въ С.-Петербургѣ небольшою группою по большей части молодыхъ ученыхъ и писателей русскаго библиологическаго общества. Имена этихъ членовъ-учредителей, продолжающихъ и посейчасъ начатое ими благое дѣло, стали теперь уже болѣе или менѣе извѣстными въ научномъ и литературномъ мірѣ, а потому не лишне привести ихъ: С. А. Адриановъ, В. Ѳ. Боцяновскій, Н. М. Лисовскій, А. М. Ловягинъ, А. І. Лященко, Вл. Н. Перетцъ, А. Е. Прѣсняковъ, В. Е. Рудаковъ, К. І. Храчевичъ, П. Н. Шефферъ и мн. др.

Цѣль общества опредѣлялась такъ: «содѣйствовать теоретической выработкѣ и практическому примѣненію мѣръ для облегченія обзорннхъ всѣхъ родовъ литературныхъ произведеній, а также изученію книжнаго дѣла въ его прошломъ и настоящемъ». Столь обще и широко выражаемая цѣль общества въ первые же годы его существованія нашла себѣ довольно обширное примѣненіе: возникъ цѣлый рядъ секцій при обществѣ: библиографическая, историко-литературная, секція библиотековѣдѣнія, книгвѣдѣнія и печатнаго дѣла, археографическая, филологическая и др.; послѣдовали многочисленныя рефераты и сообщенія; вскорѣ появились одинъ за другимъ два тома, весьма содержательныхъ и интересныхъ, «Литературнаго Вѣстника». Но наступившая послѣ этого японская война и сопровождавшія ее внутреннія событія на нѣсколько лѣтъ задержали движеніе научныхъ обществъ вообще, въ томъ числѣ и русскаго библиологическаго. Послѣднее, однако, вѣрное первоначальнымъ задачамъ, продолжало свою работу въ тиши, понемногу, отзываясь на всѣ современныя литературныя событія и отмѣчая все выдающееся на литературно-книжномъ рынкѣ. Въ 1908 г., несмотря на отсутствіе денежныхъ средствъ, русское библиологическое общество вновь возродилось къ намѣченной болѣе широкой дѣятельности; завязало близкія сношенія съ главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати и путемъ болѣе оживленныхъ сношеній съ учеными обществами и редакціями надѣется поднять интересъ къ библиологіи и книгѣ вообще и привлечь къ себѣ наибольшее число членовъ, такъ какъ только въ солидарности интересовъ и въ совмѣстныхъ усиліяхъ можетъ крыться успѣхъ всякаго дѣла. Дѣло же библиографіи у насъ до сихъ поръ въ большомъ загонѣ; между тѣмъ настоятельность въ современномъ знаніи выхода въ свѣтъ извѣстной книги и появленія статьи и въ своевременной оцѣнкѣ достоинствъ той или другой возрастаетъ все болѣе и болѣе. Поэтому остается только благодарить неутомимыхъ библиографовъ и пожелать имъ успѣха въ ихъ полезнѣйшемъ научномъ дѣлѣ, которое да вызоветъ къ себѣ побольше сочувствія въ обществѣ и привлечетъ притокъ новыхъ матеріальныхъ средствъ, для скорѣйшаго и лучшаго осуществленія задуманныхъ обществомъ мѣропріятій. Въ 10-мъ годовомъ общемъ собраніи общества, состоявшемся въ январѣ 1910 года, избраны: президентомъ общества—А. М. Ловягинъ, вице-президентомъ—В. Ѳ. Боцяновскій, секретаремъ—В. Е. Рудаковъ, казначесомъ—К. І. Храчевичъ и библиотекаремъ—А. І. Лященко.

Въ палестинскомъ обществѣ. 21 января, подъ предѣдательствомъ члена государственнаго совѣта князя А. А. Ширинскаго-Шахматова, состоялось собраніе императорскаго православнаго палестинскаго общества. Собраніе удостоили своимъ присутствіемъ высокопреосвященные Тихонъ, архіепископъ ярославскій, и Іоаннъ, архіепископъ полтавскій, преосвященные Арсеній, епископъ псковскій, и Серафимъ, епископъ кишиневскій, статсъ-секретарь М. П. Галкинъ-Враской, дѣйствительный тайный совѣтникъ И. А. Зиновьевъ, сенаторъ Н. П. Боголюбовъ и многія другія высокопоставленные лица. Собраніе выслушало отчетъ о состояніи дѣлъ общества за 1908—9 годъ. Общество продолжало свою просвѣтительную дѣятельность среди православнаго населенія Палестины и благотворительную дѣятельность среди русскихъ паломниковъ въ Святую Землю. Въ отчетномъ году подъ покровительствомъ общества перебывало въ Палестинѣ 6,260 паломниковъ и, кромѣ того, палестинскія учрежденія общества дали у себя пріютъ участникамъ 7 учебно-воспитательныхъ экскурсій изъ Россіи. Шестью амбулаторіями общества въ палестинскихъ городахъ была оказана медицинская помощь 113,600 чел. Въ школахъ общества въ отчетномъ году обучалось 10,715 дѣтей. при общемъ расходѣ на школы въ 90,000 руб. Среди пожертвованій на дѣла общества за отчетный годъ первое мѣсто занимаютъ 15,000 руб., перешедшіе по духовному завѣщанію архіепископа одесскаго Іустина. По утвержденіи отчета собраніе единогласно избрало въ почетные члены: И. Л. Горемыкина и Н. В. Чарыкова, помощникомъ предѣдателя М. П. Степанова, въ члены совѣта: М. Н. Галкинъ-Враского, М. П. Вочкина и И. Е. Шевича, въ составъ ревизіонной комиссіи избраны: Н. П. Боголюбовъ, А. К. Боярскій и Н. А. Кошелевъ и кандидатами къ нимъ: А. А. Кашиинцевъ, П. А. Мѣдниковъ и В. А. Тураевъ.

25-лѣтній юбилей неофилологическаго общества. 24 января, въ 2 часа дня, въ актовомъ залѣ университета состоялось торжественное засѣданіе неофилологическаго общества при петербургскомъ университетѣ по случаю исполнявшагося 25-лѣтія его дѣятельности. На эстрадѣ, гдѣ былъ помѣщенъ убранный зеленью портретъ покойнаго основателя общества и его пожизненнаго предѣдателя, академика А. Н. Веселовскаго, заняли мѣста предѣдатель общества Ѳ. А. Браунъ, члены комитета профессоръ Ѳ. Ѳ. Зѣлинскій, Д. К. Петровъ, А. А. Чебышевъ, Шишмаревъ, Тиандеръ и профессоръ Буличъ. Среди публики, явившейся почтить общество въ день его юбилея, были попечитель петербургскаго учебнаго округа графъ Мусинъ-Пушкинъ, академикъ, профессора разныхъ учебныхъ заведеній и много студентовъ и куріестокъ. Засѣданіе открылось рѣчью предѣдателя Ѳ. А. Брауна, благодарившаго всѣхъ собравшихся на праздникъ общества и предложившаго почтить вставаніемъ память почившихъ главныхъ дѣятелей общества А. Н. Веселовскаго, профессора Ор. Ѳ. Миллера, А. Н. Пыпина, профессора И. Н. Жданова, профессора Ершпедта и Петра Ис. Вейнберга. Секретарь общества профессоръ Д. К. Петровъ прочелъ краткій отчетъ о дѣятельности общества за 25 лѣтъ. Въ настоящее время общество насчитываетъ 269 членовъ, при немъ образованы двѣ секціи: лингвистическая и педагогическая. За недостаткомъ средствъ общество до сихъ поръ не можетъ издавать журналъ, гдѣ бы могли печататься труды чле-

новъ общества. По прочтеніи отчета о дѣятельности общества, начались привѣтствія депутацій. Первой привѣтствовала общество депутація отъ совѣта профессоровъ петербургскаго университета въ составѣ ректора И. И. Боргмана, проректора Э. Д. Гримма и декана В. А. Жуковскаго. Затѣмъ слѣдовалъ рядъ депутацій: отъ историко-филологическаго факультета (профессора И. А. Бодуэнь-де-Куртенэ и профессоръ М. И. Ростовцевъ), отъ отдѣленія русскаго языка и словесности академіи наукъ (академики А. А. Шахматовъ, Ламанскій и Фортуатовъ), отъ высшихъ женскихъ курсовъ (профессоръ Гревсъ), отъ курсовъ Раева, отъ историко-филологическаго института, отъ педагогической академіи, отъ историческаго общества (профессоръ Н. И. Карѣевъ), отъ философскаго общества (профессоръ А. И. Введенскій и И. И. Лаппинъ), отъ археологическаго общества (академикъ Ламанскій), отъ студентовъ филологическаго факультета и др. Отъ отдѣленія русскаго языка и словесности академіи наукъ, за подписью августѣйшаго предсѣдателя и академикомъ А. Шахматова, В. Истрина, Н. Котляревскаго, А. Соболевскаго, Н. Кондакова и Ф. Фортуатова, былъ поднесенъ адресъ, въ которомъ выражается увѣренность, что «общество и будущю дѣятельностью своею закрѣпитъ то свое значеніе и ту славу, которыя созданы непрерывными трудами секцій общества и блестящими докладами его членовъ, среди которыхъ былъ и дорогой отдѣленію покойный Ал. Ник. Веселовскій». По окончаніи чествованія профессоръ Э. Ф. Зѣлинскій слѣлалъ блестящій докладъ о поэмѣ Овидія «Героини», причемъ иллюстрировалъ свои положенія одною изъ 15-ти частей поэмы въ собственномъ стихотворномъ переводѣ. Въ заключеніе предсѣдатель профессоръ Э. А. Браунъ огласилъ списокъ почетныхъ членовъ общества. Избраны: Алексѣй Николаевичъ Веселовскій (братъ покойнаго Александра Николаевича), Э. Е. Коршъ, И. А. Бодуэнь-де-Куртенэ, академикъ Ф. Ф. Фортуатовъ, поэтъ-переводчикъ Ф. Ф. Фидлеръ, провансальскій поэтъ Мистраль, иностранные ученые Луи Леже, А. Морель-Фатіо, Л. Виммеръ, В. Томсенъ, А. Норевъ, Ф. Юнсонъ, Г. Пауль, В. Мейеръ, Любке, Г. Греберъ, В. Ферстеръ, Пю Райна, А. д'Анкана, Г. Шюкъ, Седеріельмъ.

Литературно-театральный музей. А. А. Бахрушинъ обратился въ академію наукъ съ предложеніемъ принять въ даръ матеріалы, собранные имъ въ теченіе 15 лѣтъ для учрежденія литературно-театральнаго музея. Въ ходатайствѣ указывается, что матеріалы эти распадаются на три отдѣла: литературный, театральный и музыкальный. Литературный отдѣлъ состоитъ изъ автографовъ и рукописей русскіхъ и иностранныхъ писателей и композиторовъ, писемъ разныхъ лицъ, документовъ, относящихся къ ихъ жизни и дѣятельности, портретовъ и т. д. Театральный отдѣлъ обнимаетъ различныя реликвіи какъ выдающихся артистовъ и артистокъ, такъ и заурядныхъ работниковъ сцены, ихъ портреты (живописные, карандашные, гравированные, литографированные, фотографическіе) и скульптуры, автографы, литературу объ артистахъ, карикатуры, старинныя пьесы (рукописныя и печатныя), старинныя театральныя атрибуты, эскизы декораций, предметы, касающіеся театральныхъ постановокъ за послѣднія 10—15 лѣтъ, костюмы, изготовленные по рисункамъ извѣстныхъ художниковъ, афиши, планы и рисунки театровъ,

архивные документы о театрѣ въ Россіи и т. д. Въ музыкальный отдѣлъ входят старинныя ноты и коллекція старинныхъ музыкальныхъ инструментовъ. По предложенію А. А. Вахрушина, музей долженъ оставаться въ Москвѣ и носить названіе «Литературно-театральный музей академіи наукъ имени А. Вахрушина». Музей, пока закрытый для публики, помѣщается въ домъ А. А. Вахрушина, въ Замоскворѣчѣ, на углу Лужнецкой и Валовой улицъ. Кромѣ большой бібліотеки, музей г. Вахрушина имѣетъ спеціальныя витрины, посвященныя Пушкину, Гоголю, Вѣлинскому, Грибоѣдову, Островскому. Далѣе имѣется цѣнная коллекція театральныхъ макетъ и художественныхъ работъ для сценическихъ постановокъ; въ число ихъ входят работы покойнаго А. П. Ленскаго. По исторіи театра музей имѣетъ еще модели постановокъ мистерій въ Западной Европѣ, а также въ Россіи въ старое время (напримѣръ, «вертепъ»). Есть также рѣдкости по драмѣ, оперѣ, балету. Имѣется большая коллекція музыкальныхъ инструментовъ, какъ новѣйшихъ, такъ и историческихъ, а также музыкальные инструменты народовъ Востока и разныхъ дикарей. Интересны альбомы автографовъ писателей, рисунки декорацій временъ управленія въ 40-хъ годахъ казенными театрами Геденова; портретъ Пушкина работы Мазера и оригиналъ посмертной маски съ поэта. Недавно г. Вахрушинъ приобрѣлъ также архивъ по опека надъ А. С. Пушкинымъ. Имѣются еще постановки «Гамлета», написанныя графомъ Сологубомъ, рисунки Лансере, Билибина, Врубеля, Рериха, Добужинскаго и много др.; рукопись «Соборянь» Лѣскова, альбомъ С. Д. Пономаревой съ посвященіями Пушкина, Крылова и др., черновикъ-тетрадь А. Жемчужникова (афоризмы Кузьмы-Пруткова), всеподданѣйшій докладъ цензурнаго вѣдомства о недопустимости постановки «Горѣ отъ ума» съ собственноручной на поляхъ помѣткой Николая I о томъ, что пьеса имъ, напротивъ, разрѣшается къ постановкѣ; витрина, посвященная И. Ѳ. Горбунову, съ его записками; витрины артистовъ и сценическихъ дѣятелей: Мочалова, М. С. Щепкина, Музиля, П. М. Медвѣдева, Е. Н. Жулевой, Живокини, В. В. Самойлова, И. В. Самарина, В. А. Макшеева, Н. Н. Соловцова; витрины Глинки, Сѣрова, Чайковскаго и В. В. Стасова; портреты, вещи и модели ногъ извѣстныхъ танцовщицъ: Цукки, Тальони, Кшесинской, Павловой, Барать и т. д.; коллекція карикатуръ на артистовъ и представителей сцены. Хранится еще экземпляръ сумароковскаго «Гамлета» Ѳ. Волкова, по которому знаменитый артистъ исполнялъ заглавную роль, лѣпную работу—проектъ памятника Гоголю—А. П. Ленскаго, слѣпокъ съ руки Кубелика, портретная галерея домашней труппы одного изъ графовъ Шереметевыхъ, относящаяся къ XVIII столѣтію, и мн. др.

Выставка коллекцій монголо-сычуаньской экспедиціи. 1 февраля въ новомъ зданіи русскаго географическаго общества (Демидовъ пер., 8а) открылась выставка коллекцій монголо-сычуаньской экспедиціи подполковника П. К. Козлова. Главный интерес выставки заключается въ коллекціяхъ, вывезенныхъ экспедиціей изъ открытаго древняго города Хара-Хото. Въ большомъ количествѣ представлена буддѣйская иконопись на шелку и холстѣ. Несмотря на то, что Хара-Хото находится въ развалинахъ свыше 800 лѣтъ, живопись очень хорошо сохранилась. Въ особыхъ витринахъ выставлены предметы

древней культуры. Тутъ и образцы одежды, обуви, посуды, глиняные и деревянные предметы религіознаго культа, денежные знаки, деревянные бурханы и т. д. Въ одной изъ витринъ собраны остатки пищи, найденные экспедиціей: орѣхи, горохъ, косточки фруктовъ и т. п. Обращаетъ на себя вниманіе коллекція клише съ надписями на языкѣ «Си-ся» (мертвый языкъ). На томъ же языкѣ написаны найденныя въ большомъ количествѣ рукописи. Въ настоящее время удалось уже разобрать около 150 словъ. Привезенная изъ Хара-Хото бібліотека представляетъ большой интересъ съ научной точки зрѣнія. Экспедиція собрала большую коллекцію, изображающую древній и современный буддизмъ. Останавливаютъ на себѣ вниманіе буддійская иконопись, миниатюры лабранской работы, монголо-тибетскія ладонки, божества Дара, Докшитъ и др. Въ буддійскомъ отдѣлѣ, кромѣ того, выставлены тибетскія ткани, шляпы ламы, украшенія тонгутки, тонгутская обувь, музыкальные инструменты—гонгъ, литавры, мандалъ, мраморная флейта и т. д. Китайскій отдѣлъ богато представленъ древней и современной живописью и лубочными картинками. Здѣсь также интересныя тибетскія сукна, бронзовыя издѣлія, китайская и индо-тибетская парча, китайское оружіе и пр. Въ особой витринѣ находится интересная модель китайскаго судна, спущеннаго въ Ян-цзы-цзянь. Недалеко отъ этой витрины стоятъ двѣ большія религіозныя трубы, принесенныя въ даръ далай-ламой русскому географическому обществу. Въ отдѣльной комнатѣ расположены рѣдкія растенія, собранныя С. С. Четыркинымъ въ центральной и южной Монголіи, провинціи Ганьсу, на озерѣ Кукурноръ, въ оазисѣ Дынъ-юань-инъ и т. д.

Общество изученія Смоленской губ. ¹⁾ Вотъ уже годъ, какъ въ Смоленскѣ возникло общество изученія Смоленской губ. и проектъ его устава получилъ утвержденіе. Молодое общество поставило себѣ очень широкія задачи, заставившія его на одномъ изъ «общихъ собраній» разбиться на нижеслѣдующія секціи: 1) археологія и исторія; 2) географія, антропологія и этнографія; 3) геологія, минералогія, почвовѣдніе; 4) ботаника; 5) зоологія; 6) агрономія; 7) статистика, медицинская статистика, преступность; 8) народное образованіе; 9) обычное право; 10) промышленность, кооперативныя учрежденія; 11) торговля и пути сообщенія; 12) метеорологія. Кромѣ того, при обществѣ учрежденъ особый фотографическій отдѣлъ, съ цѣлью собрать снимки всякихъ видовъ, селъ, деревень, усадебъ, городищъ, церковницъ, урочищъ, а также типовъ, не только людей, но и породъ скота и пр. Черезъ посредство мѣстнаго органа общество уже обратилось ко всѣмъ лицамъ и любителямъ фотографіи съ просьбою доставлять снимки или даже негативы, не стѣсняясь ихъ качествомъ и количествомъ, такъ какъ все присланное будетъ обрабатываться, классифицироваться и и распределяться по отдѣламъ. Мѣстная землевладѣлица княгиня Е. К. Святополкъ-Четвергинская предоставила обществу бесплатно прекрасное помѣщеніе въ ся домѣ, находящемся рядомъ съ

¹⁾ Сообщила Е. Клетнова.

музеемъ княгини Тенишевой. Тамъ будутъ размѣщаться коллекціи общества, состоящія пока главнымъ образомъ изъ чучель всевозможныхъ породъ мѣстныхъ птицъ. Но и помимо орнитологіи намѣчаются и собираются коллекціи по другимъ естественно-историческимъ отдѣламъ. Тутъ же общество надѣется сосредоточить свою бібліотеку, въ которой желало бы собрать по возможности всѣ сочиненія, книги, брошюры и даже рукописи, относящіяся до Смоленской губерніи, а равно и всякія произведенія авторовъ, прирожденныхъ смолянъ или вообще своей служебной или общественной дѣятельностью такъ или иначе связанныхъ со Смоленскомъ. Въ общество всѣмъ своимъ составомъ вошелъ «агрономическій кружокъ студентовъ-смолянъ» московскаго агрономическаго института, который уже фактически и, надо сказать, весьма удачно проявилъ свою дѣятельность, во-первыхъ, устройствомъ нѣсколькихъ общедоступныхъ лекцій, прочитанныхъ московскими профессорами, но главное—устройствомъ этимъ лѣтомъ подвижныхъ показательныхъ сельско-хозяйственныхъ выставокъ по деревнямъ и селамъ Смоленскаго уѣзда. Выставка была собрана изъ различныхъ, доступныхъ крестьянину земледѣльческихъ машинъ, взятыхъ въ мѣстномъ сельско-хозяйственномъ складѣ, изъ образцовъ посѣвныхъ сѣмянъ и минеральныхъ удобрительныхъ туковъ, изъ картограммъ, чертежей и волшебнаго фонаря съ коллекціей туманныхъ картинъ. Затѣмъ весь этотъ скрабъ водруженъ на нѣсколько подводъ, которыя передвигали его изъ селеня въ селеня и такимъ необычнымъ транспортомъ уже создавали себѣ рекламу. Въ извѣстныхъ селеніяхъ караванъ останавливался, разбиралъ свое содержимое, а для размѣщенія его пользовался преимущественно пустующими въ лѣтнее время школьными зданіями. Сюда появлялись сперва деревенскіе любопытствующіе ребятишки и подростки, за ними взрослые. Кончалось тѣмъ, что въ праздничные дни въ особенности выставку посѣщали сотни крестьянъ и съ возрастающимъ интересомъ разсматривали, испытывали и выражали желаніе прибрѣтать экспонаты, а также слушали лекціи, но особенно вели собесѣдованія. Выставка продолжалась около мѣсяца въ іюнь и эту первую пробу нагляднаго проведенія въ деревняхъ сельско-хозяйственныхъ знаній слѣдуетъ признать какъ нельзя болѣе удавшейся. Результаты ея сказались тотчасъ и въ приговорахъ для перехода къ травосѣянію и въ прибрѣтеніи окучниковъ и другихъ сельско-хозяйственныхъ орудій усовершенствованнаго типа, и въ выпискѣ цѣлыми обществами минеральныхъ удобреній. На будущій годъ уже многія уѣздныя земства ассигновали извѣстныя суммы на устройство подобныхъ выставокъ въ своихъ районахъ. Такимъ образомъ слѣдуетъ безусловно отмѣтить, что годовое существованіе юнаго общества проявило себя не только чисто-научной, но и практически-полезной дѣятельностью и надо надѣяться, что въ будущемъ оно сумѣетъ достойно справиться со всѣми своими сложными и многообразными задачами и тѣмъ самымъ возбудитъ къ себѣ общественное сочувствіе и интересъ.

Чествованіе «Русской Мысли». 6 февраля въ большомъ залѣ литературно-художественнаго кружка чествовали В. М. Лаврова по случаю исполняшагося 30-лѣтія существованія «Русской Мысли». Въ чествованіи участвовало до 60 человекъ. Среди нихъ находились: Н. В. Давыдовъ, профессоръ

А. А. Кизеветтеръ, профессоръ Л. М. Лопатинъ, профессоръ И. А. Каблуковъ, председатель общества любителей русской словесности А. Е. Грузинскій, члены общества, председатель совѣта общества дѣятелей периодической печати Ю. А. Бунинъ, председатель правленія общества И. И. Поповъ, почетный академикъ И. А. Бунинъ, редакторъ «Вѣстника Воспитанія» Н. Ф. Михайловъ, Д. И. Тихомировъ, В. И. Немировичъ-Данченко, артистки: А. А. Яблочкина, Н. А. Микулина, артисты: князь А. И. Сумбатовъ, К. Н. Рыбаковъ, О. А. Правдинъ, г-жи Н. А. Вербицкая, А. Р. Крандѣевская, М. П. Чехова и др. представители литературы и общественные дѣятели. Первую рѣчь за ужиномъ сказалъ Н. В. Давыдовъ, освѣтившій 30-лѣтнюю дѣятельность В. М. Лаврова, какъ издателя «Русской Мысли» и одного изъ дѣятельныхъ ея сотрудниковъ, и выразившій ему благодарность за то, что сдѣлано имъ для русской литературы и русскаго общества. Обширную рѣчь произнесъ профессоръ А. А. Кизеветтеръ, отмѣтившій, что В. М. жертвовалъ для журнала «Русская Мысль» не только свои средства, но и свою жизнь. Онъ сроднился съ журналомъ и жилъ его интересами. В. М. началъ это изданіе въ благоприятное время для русской печати, но скоро началось время реакціи, когда у всѣхъ опустились руки, и въ это время упадка и реакціи В. М. не падалъ духомъ, а напротивъ, всѣхъ призывалъ къ дальнѣйшей дѣятельности. Затѣмъ ораторъ отмѣтилъ широкое значеніе участія въ журналѣ В. А. Гольцева. Въ заключеніе онъ поднималъ бокалъ за здоровье заслуженнаго пловца, который пустилъ свою ладью, когда кипѣла въ морѣ буря, и выкинулъ флагъ со словами: «Свобода, просвѣщеніе и благо народа». Председатель общества россійской словесности А. Е. Грузинскій привѣтствовалъ юбиляра отъ лица общества любителей русской словесности, какъ одного изъ сочленовъ. Касаясь переводовъ В. М. Лаврова, ораторъ указалъ на ихъ литературное значеніе. Въ особую заслугу поставилъ онъ переводы Сенкевича и распространеніе его идей и стремленій въ русскомъ обществѣ. «Русская Мысль» просуществовала 30 лѣтъ, а это при условіяхъ русской политической жизни—Маеусайловы годы,—заключилъ свою рѣчь г. Грузинскій. Далѣе произнесены рѣчи А. И. Южинымъ, отмѣтившимъ, что «Русская Мысль» была объединяющимъ центромъ между литературой и театромъ, а также Н. Ф. Михайловымъ и В. И. Немировичемъ-Данченко. Послѣ рѣчей А. И. Южинъ прочиталъ привѣтственныя телеграммы: отъ С. А. Муромцева, сенатора А. Θ. Кони, П. В. Струве, отъ общества дѣятелей периодической печати и литературы, «Русскихъ Вѣдомостей», «Русскаго Слова», отъ наборщиковъ «Русской Мысли», И. И. Иванюкова, Н. Н. Златовратскаго, В. О. Ключевскаго, М. А. Стаховича, П. Д. Боборыкина, Г. Н. Ѳедотовой, М. Н. Ермоловой, Д. А. Дриля, А. Θ. Фортунатова, профессора Лаврова, А. Р. Ледницкаго, Вас. Ив. Немировича-Данченко, арт. Книпперъ, профессора Н. И. Карѣва, профессора К. И. Новгородцева и др.

Чествованіе памяти А. П. Чехова. По случаю исполнившагося 50-лѣтія со дня рожденія А. П. Чехова въ Петербургѣ состоялся рядъ литературныхъ вечеровъ, посвященныхъ памяти покойнаго писателя. Съ большой торжественностью и при громадномъ стеченіи разнообразной публики прошелъ вечеръ, устроенный 15 января литературнымъ обществомъ, и вечеръ, состоявшійся

16 января въ залѣ Тенишевскаго училища, по инициативѣ Литературнаго фонда. На томъ и другомъ вечерѣ С. А. Адриановъ прочиталъ докладъ, въ которомъ далъ характеристику литературной дѣятельности А. П. Чехова и выяснилъ его значеніе для русскаго общества. Въ литературномъ обществѣ сдѣлала докладъ О. А. Шапиръ, остановившаяся подробно на женскихъ типахъ, выведенныхъ въ произведеніяхъ «поэта среднихъ и хмурыхъ людей». Громадный успѣхъ на этомъ вечерѣ имѣли чтенія рассказовъ и отдѣльныхъ отрывковъ изъ произведеній покойнаго писателя. Выступали г-жи: Юлшина, Майская и Л. Б. Яворская, гг.: Е. Н. Чириковъ, Ф. Н. Елисѣевъ, князь В. В. Барятинскій, Дм. Цензоръ, Н. Н. Ходотовъ и др. На вечерѣ въ залѣ Тенишевскаго училища А. А. Лукьяновъ прочиталъ свое стихотвореніе «На смерть Чехова». М. Г. Савина, Н. Н. Ходотовъ и В. И. Петровъ разыграли двѣ сцены изъ драмы «Ивановъ». Публика много разъ вызывала артистовъ. Въ сценахъ изъ чеховской драмы «Чайка» съ громаднымъ успѣхомъ выступали М. А. Ведринская (Нина Зарѣчная), В. И. Всеволодскій (Тригоринъ) и В. Э. Мейерхольдъ (Треплевъ). Въ чтеніяхъ приняли участіе: артистка императорскихъ театровъ Д. М. Мусина, В. Г. Юлшина, артистъ П. В. Самойловъ и др. На вечерѣ, устроенномъ литературно-художественнымъ кружкомъ имени Я. П. Полонскаго, П. М. Роденкій сдѣлалъ докладъ на тему: «А. П. Чеховъ съ точки зрѣнія наслѣдственности». С. Ф. Годлевскій посвятилъ свою рѣчь Чехову, какъ писателю и человѣку, а В. Н. Ладыженскій подѣлился съ присутствующими своими воспоминаніями о покойномъ писателѣ. Въ литературномъ отдѣленіи приняли участіе: Д. М. Мусина, М. А. Владиміровъ, О. А. Голубева, Л. Н. Шувалова, Е. Г. Зотова, С. И. Яковлевъ, Н. Н. Ходотовъ, А. А. Санинъ, В. В. Чеховъ, Е. П. Петрова, В. И. Петровъ и др. Поставлены были отдѣльныя сцены изъ «Чайки», читались 2-й актъ изъ «Дяди Вани», «Тоска», «Предложеніе» и др. По почину общества народныхъ университетовъ въ залѣ Тенишевскаго училища состоялась публичная лекція, посвященная памяти А. П. Чехова. Лекторомъ предъ многочисленной публикой выступилъ К. И. Арабажинъ. Отозвались и наши театры. 16 января въ Маломъ театрѣ былъ поставленъ «Вишневы садъ». На слѣдующій день та же пьеса шла въ Александринскомъ театрѣ. Въ Новомъ драматическомъ театрѣ были поставлены 17 января «Три сестры». Театры были переполнены. Въ Новомъ театрѣ состоялся 17 января очень удачный вечеръ въ память А. П. Чехова, привлекшій многочисленную публику, совершенно переполнившую театръ. На авансценѣ красовался большой бюстъ А. П. Чехова, упавшій въ цвѣтахъ. М. Н. Невѣдомскій прочиталъ докладъ о покойномъ писателѣ. Затѣмъ были инсценированы и прочитаны нѣкоторые рассказы Чехова. Въ вечерѣ приняли участіе многіе писатели и артисты. Между прочимъ, выступили Д. М. Мусина, О. Э. Озаровская, І. А. Балабанъ, В. В. Чеховъ, Е. Н. Чириковъ и др. Въ Москвѣ чеховскій день начался двумя панихидами на могилѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Присутствовали: О. Л. Книпперъ-Чехова, сестра М. П. и И. П. Чеховы и артисты Художественнаго театра. Вторая панихида была совершена по инициативѣ кружка студентовъ имени Чехова. На могилу возложено нѣсколько вѣнковъ, въ томъ числѣ отъ Художественнаго театра, отъ союза драматическихъ писателей. Въ 11¹/₂ часовъ, по

иниціативѣ Художественнаго театра, совершена панихида въ приходской церкви. Въ 1 часть дня въ Художественномъ театрѣ состоялось Чеховское утро, привлекшее цѣлѣ московскаго общества. На утрѣ присутствовали: Л. Андреевъ съ женой, художникъ Сѣровъ, композиторъ Скрябинъ и мн. др. Артисты Художественнаго театра размѣстились на сценѣ за длиннымъ столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ. Среди нихъ была и г-жа Книпперъ. В. И. Немировичъ-Данченко предложилъ почтить память покойнаго вставаніемъ; затѣмъ произнесъ рѣчь о роли Чехова въ Художественномъ театрѣ и попутно далъ характеристику Чехова, какъ человѣка. Послѣ рѣчи артисты исполнили одинъ актъ изъ «Иванова», сидя за столомъ, безъ суфлера. Исполненіе произвело сильнѣйшее впечатлѣніе на многочисленную публику и вызвало бурю аплодисментовъ. Затѣмъ И. А. Бунинъ прочелъ уже напечатанныя воспоминанія о Чеховѣ. Потомъ былъ разыгранъ третій актъ изъ «Дяди Вани», также сидя и безъ грима. Закончилось утро исполненіемъ двухъ чеховскихъ сценокъ «Унтеръ Пришибѣевъ» и «Хирургія». Для семьи покойнаго была отведена прекрасная ложа, украшенная цвѣтами. Въ Введенскомъ народномъ домѣ былъ поставленъ «Ивановъ». Спектакль привлекъ такую массу публики, что половинѣ не хватило мѣста. Передъ спектаклемъ В. Е. Ермоловъ произнесъ рѣчь, посвященную Чехову. Въ засѣданіи чеховскаго студенческаго кружка участвовали Вл. И. Немировичъ-Данченко, Качаловъ и др. Въ таганрогской думѣ состоялось торжественное засѣданіе въ память Чехова. Городской голова въ своей рѣчи отмѣтилъ любовь писателя къ родному городу, выразившуюся въ постоянныхъ щедрыхъ подаркахъ городской библіотекѣ и горячемъ участіи въ сооруженіи въ Таганрогѣ лучшаго въ Россіи памятника Петру Великому. Въ полтавскомъ городскомъ театрѣ состоялся торжественный спектакль, посвященный памяти Чехова. Были произнесены рѣчи и возложены вѣнки на бюстъ покойнаго писателя. Тихвинское «общество образованія» чествовало память Чехова литературнымъ вечеромъ въ помѣщеніи земской управы. Въ Николаевѣ состоялось чествованіе памяти покойнаго постановкой въ городскомъ театрѣ «Дяди Вани». Въ Минскѣ въ русскомъ собраніи и драматическомъ театрѣ состоялись празднества, посвященные памяти Чехова.

Юбилей князя В. И. Мещерскаго. 14 января, въ двѣнадцать часовъ въ квартирѣ издателя-редактора «Гражданина» собрались его почитатели. Начался молебень, а затѣмъ была поднесена юбиляру икона, копія съ одной изъ древнихъ шереметевскихъ иконъ византійскаго письма. Затѣмъ начались привѣтствія: былъ прочитанъ адресъ отъ правой печати, отъ союза русскаго народа, очень хорошіе стихи прочла постоянная сотрудница «Гражданина», г-жа Уманецъ. По окончаніи этихъ привѣтствій состоялся завтракъ, во время котораго были произнесены рѣчи: членомъ государственнаго совѣта Платоновымъ, предсѣдателемъ союза русскаго народа А. И. Дубровинымъ, извѣстнымъ дѣятелемъ союза русскаго народа М. Ф. Булацелемъ и другими. Всѣ рѣчи сводились къ тому, что въ лицѣ князя Мещерскаго идеи самодержавнаго строя находили вѣрнаго и искренняго поборника, оставшагося непреклоннымъ въ самыя тяжелыя минуты общественнаго шатапія. Юбиляръ, крайне растроганный, отвѣчалъ небольшою рѣчью, въ которой благодарилъ присутствовав-

шихъ за содѣйствіе и участіе, которое онъ встрѣтилъ въ лицѣ своихъ единомышленниковъ, собравшихся сегодня на его юбилей. Завтракъ прошелъ съ большимъ оживленіемъ и задущею. Среди присутствовавшихъ находились генераль-адъютанты: Дубасовъ и Нилъ, члены государственнаго совѣта Стишинскій, Шлиппе, Брянчаниновъ, Штюмеръ, Платоновъ и Галкинъ-Враской; членъ государственной думы, издатель газеты «Земщина», С. К. Володиміровъ; предсѣдатель русскаго собранія графъ Гейденъ; сенаторы: Охотниковъ, Огаревъ и Неклюдовъ; товарищъ министра юстиціи Чаплинъ; графини Игнатъева и Толстая, княгини Орбеліани, Огарева и др. Тутъ же находился бывшій министръ торговли и промышленности В. И. Тимирязевъ. Среди многочисленныхъ привѣтствій камергеръ Н. Ф. Бурдуковъ прочиталъ слѣдующую телеграмму генераль-лейтенанта Е. В. Богдановича: «Болѣзнь принудила меня остаться дома въ день вашего праздника, дорогой юбиляръ, и лишила возможности лично привѣтствовать васъ съ пятидесятой годовщиною вашей разнообразной, неистощимой и всегда глубоко-патріотической литературной дѣятельности. Я считаю себя тѣмъ болѣе въ правѣ мысленно обнять васъ сегодня, сердечно-уважаемый князь Владимиръ Петровичъ, что праздную нынче свой собственный маленькій юбилей: сегодня исполнилось ровно пятьдесятъ лѣтъ съ того дня, какъ я сталъ неизмѣннымъ читателемъ произведеній пера вашего. Какъ далеко уходятъ мои воспоминанія и какіе свѣтлые дни рисуетъ мое воображеніе! Мнѣ видится наше дружеское сближеніе въ Кіевѣ, въ генераль-губернаторство Анненкова, вспоминается пышность и веселье «боярскаго схода», блестящіе танцы въ русскихъ костюмахъ, ваше великолѣпное описаніе праздника въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и статья Каткова, привѣтствовавшего вѣяніе русскаго духа въ Кіевскомъ краѣ. Благо вамъ, отъ праздниковъ молодости до юбилейныхъ дней старости сохранившему въ сердцѣ и въ мысляхъ этотъ русскій духъ среди всѣхъ тревоженій, колебаній и смутъ минувшаго полувѣка! Вашъ юбиляръ-читатель слишкомъ сжился съ писателемъ-гражданиномъ, чтобы согласиться на разлуку съ нимъ, и старый издатель «Каѳедры Исаакіевскаго собора» твердо вѣритъ, что не умолкнетъ голосъ «Гражданина», не оскудѣетъ перо князя Мещерскаго и, какъ воинъ на своемъ посту, онъ не выпуститъ изъ рукъ оружія своей мысли, доколѣ непреложная высшая воля не скажетъ «довольно». Будемъ вѣрить, что еще долго не раздастся это слово, и пожелаемъ дорогому юбиляру многихъ и многихъ лѣтъ неустанной патріотической проповѣди въ духѣ русскихъ историческихъ началъ». Отъ союза правой печати было прочитано слѣдующее привѣтствіе: «Глубокоуважаемый князь Владимиръ Петровичъ! Полувѣка тому назадъ вы избрали стезю писателя, вы почувствовали и поняли, что на этомъ, хотя трудномъ, но широко и свободно поприщѣ вашъ патріотизмъ и ваши блестящіе дарованія сумѣютъ сдѣлать больше для блага Россіи, чѣмъ служба даже въ первыхъ рядахъ блестящей петербургской бюрократіи, среди которой вы по рожденію и воспитанію, безспорно, могли рассчитывать на быстрый успѣхъ. Рядомъ блестящихъ романовъ изъ жизни большого свѣта вы рано упрочили за собою заслуженную извѣстность крупнаго и яркаго художника слова, но ультра-либеральныя западническія вѣянія въ царствованіе императора Александра II заставили вашу прозорливую го-

сударственную мысль всецѣло сосредоточиться на защитѣ національных началъ русской государственности, и вы стали журналистомъ. Часто одинокій, постоянно преслѣдуемый быстро множившеюся, якобы, прогрессивною печатью, вы мужественно продолжали борьбу за дорогія вамъ русскія начала и всегда умѣли силою своей убѣжденности и таланта заставлять считаться не только общество, но и правительство съ «Гражданиномъ», вами основаннымъ около сорока лѣтъ тому назадъ и по сей день вами руководимымъ. Послѣ незабвеннаго Михаила Никифоровича Каткова, вы долго оставались почти единственнымъ передовымъ борцомъ въ печати противъ разрушительной проповѣди западнаго либерализма, давно выродившагося въ Россіи въ позорное пресмыкательство предъ Европой и въ рабій космополитизмъ. Но ни преслѣдованія, ни насмѣшки, ни постоянное торжество вашихъ политическихъ противниковъ въ правящей сферѣ, ни подкрившая старость не побѣдили вашей непреклонной воли, вашего адамантоваго духа писателя-патріота. Теперь, глубоко чтимый князь Владимиръ Петровичъ, вы не одинъ. Тяжкія потрясенія, пережитыя Россіей за послѣдніе годы инородческой смуты, окружили васъ густою толпою единомышленниковъ и сотрудниковъ. Всѣ искренно любящіе свою родину поняли глубокую правоту того дѣла, которому вы отдали полвѣка вашего служенія русскимъ народнымъ идеаламъ на литературно-публицистическомъ поприщѣ. Русскій народъ проснулся отъ вѣковой дремоты и выставилъ уже однажды въ разгарѣ послѣдней смуты безчисленное ополченіе вѣрныхъ своихъ дѣтей на защиту въ кровавыхъ схваткахъ тѣхъ же началъ, за которыя вы полвѣка безъ перерыва изо дня въ день, капля за каплей теряли молодость, личное счастье, жизненные силы, самую жизнь. Оглянитесь, князь, на современное вамъ русское общество той поры, когда вы начали свою дѣятельность публициста, и всмотритесь въ настроеніе огромной части нынѣшняго общества. Вѣрьте, что въ растущемъ изо дня въ день среди всѣхъ сословій родного вамъ народа національномъ движеніи вы найдете живые всходы тѣхъ добрыхъ сѣмянъ, которыя вы полвѣка широко сѣяли и неутомимо продолжаете сѣять. И пусть эта увѣренность поддержитъ вашу слабѣющую руку для дальнѣйшихъ трудовъ и дастъ вамъ то глубокое душевное удовлетвореніе исполненнаго долга, которое будетъ сопутствовать вамъ, какъ самая драгоценная награда за полувѣковый подвигъ вашъ во славу русскаго Царя-Самодержца и на благо родного великаго народа. Выразить вамъ въ нынѣшній знаменательный день вашей жизни эти мысли и чувства вмѣстѣ съ своими сердечными благопожеланіями союзъ единомышленной вамъ правой русской печати почитаетъ долгомъ своего глубокаго уваженія и искренней преданности». Всеобщее вниманіе было обращено на подаренный юбиляру фотографическій портретъ Государя Императора съ надписью: «Князю В. П. Мещерскому. Неутомимому борцу за сохраненіе историческихъ устоевъ для правильнаго развитія Русскаго государства. Николай. 14 января 1910». Въ теченіе дня къ князю В. П. Мещерскому заѣзжали предсѣдатель совѣта министровъ и министръ внутреннихъ дѣлъ статсъ-секретарь П. А. Столыпинъ, с.-петербургскій градоначальникъ свиты Его Величества генераль-майоръ Драчевскій и многія другія высокопоставленныя лица. Получены привѣтствія отъ министра финансовъ

статсъ-секретаря В. Н. Коковцова, главноуправляющаго вѣдомствомъ императрицы Маріи князя Голицына, издателя «Новаго Времени» А. С. Суворина, изъ Москвы отъ протоіеряя Восторгова, отъ епископа Иннокентія изъ Кіева и отъ многихъ другихъ политическихъ и общественныхъ дѣятелей.

Юбилей М. Н. Ермоловой. Исполнившееся 30 января 40-лѣтіе артистической дѣятельности Маріи Николаевны Ермоловой публично отпраздновано быть не могло. М. Н. пожелала уклониться отъ всякихъ официальныхъ чествованій и рано утромъ уѣхала къ Г. Н. Ѳедотовой. Несмотря на это, многочисленныя привѣтствія и поздравленія поступали весь день. Въ отсутствіе М. Н. у нея въ домѣ перебивали очень многіе представители театра, литературы, общественные дѣятели. Между прочими были съ визитомъ московскій городской голова и управляющій московской конторой императорскихъ театровъ. Малый театръ привѣтствовалъ юбилей Ермоловой слѣдующей телеграммой: «Дорогая Марія Николаевна! Мы не можемъ отказаться отъ радости принести вамъ сегодня нашу сердечную любовь, нашу сердечную дружбу и наши горячія пожеланія силъ и здоровья на счастье нашего дорогого театра. Будьте сильны и бодры неизмѣнно, какъ неизмѣнна къ вамъ любовь наша». Кромѣ этого привѣтствія отъ лица Малаго театра, были отдѣльныя поздравленія и телеграммы: отъ семьи Садовскихъ, Г. Н. Ѳедотовой, Е. К. Лешковской, А. И. Южина, О. А. Правдина и другихъ артистовъ. Отъ Художественнаго театра былъ присланы двѣ вазы съ цвѣтами и при нихъ слѣдующее привѣтствіе: «Безконечно счастливы привѣтствовать васъ со всей искренностью нашей любви и преданности. Скромно слѣдующіе за вами, вашимъ тепломъ согрѣтые, вашей вѣрой вдохновляемые». Слѣдуютъ подписи всѣхъ артистовъ Художественнаго театра съ К. Станиславскимъ и Вл. И. Немировичемъ-Данченко во главѣ. Далѣе были телеграммы: отъ русскаго театральнаго общества, отъ театра г. Незлобина, литературно-театральнаго комитета, С. А. Муромцева, А. А. Кизеветтера, Н. В. Давыдова, профессора Лопатина и др. Александринскій театръ привѣтствовалъ слѣдующей телеграммой: «Всѣ наши мысли сегодня съ вами, великая краса, слава и гордость нашей сцены и жизни». Цѣлый рядъ телеграммъ слѣдовалъ отъ отдѣльныхъ лицъ изъ Петербурга, и въ ихъ числѣ «Радости русскаго сцени низкій поклонъ отъ Савиной». Всего прислано было до 200 телеграммъ.

Аракчеевская Мадонна. Въ соборѣ села Грузина, бывшей резиденціи всеиельнаго временщика временъ Александра I графа А. А. Аракчеева, находится дивное изображеніе Богоматери съ Божественнымъ Младенцемъ на рукахъ. Недавно село Грузино посѣтила группа петербуржцевъ, любителей старины. Ихъ прямо провели въ соборъ и показали одну изъ главныхъ достопримѣчательностей—аракчеевскую Мадонну. Петербуржцы были поражены художественностью работы. Имъ объяснили, что Мадонну, по спеціальному заказу графа Аракчеева, писалъ въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія какой-то знаменитый въ свое время итальянскій художникъ. Одинъ изъ пріѣзжихъ, знатокъ «аракчеевщины», сдѣлалъ поразительное открытіе: ликъ Мадонны—портретъ всеиельной «управительницы» Аракчеева, извѣстной Настасьи Минкиной; ликъ Младенца—портретъ сына Настасьи, прижитаго ею отъ времен-

щика. Въ виду такого сенсационнаго открытія пріѣзжіе любители старины, само собой разумѣется, надолго задержались у аракчеевской Мадонны. И при дальнѣйшемъ осмотрѣ случайно сдѣлали новое, еще болѣе замѣчательное открытіе. Складки одежды Мадонны образовывали собою портретъ самого графа Аракчеева. Аракчеевъ очень чтить Мадонну. Она висѣла въ грузинскомъ дворцѣ, въ спальнѣ временщика. Когда Настасья Минкина за ея жестокость была убита грузинскими дворовыми, Аракчеевъ часами плакалъ и молился передъ Мадонной. Впослѣдствіи Мадонну перенесли въ грузинскій соборъ. Вѣсть о сдѣланномъ петербуржцами открытіи долетѣла до Новгорода. Архіепископъ новгородскій преосвященный Гурій немедленно командировалъ въ Грузію для провѣрки епископа тихвинскаго Андроника. Епископъ Андроникъ вернулся и подтвердилъ, что все, ставшее извѣстнымъ объ аракчеевской Мадоннѣ,—правда. 19 января въ засѣданіи предварительнаго комитета по созыву въ Новгородѣ областного археологическаго съѣзда епископъ Андроникъ сообщилъ, что аракчеевская Мадонна, въ виду обнаруженнаго кощунства, будетъ убрана изъ грузинскаго собора.

Памятникъ М. Ю. Лермонтову. Устроительный комитетъ всероссійскаго съѣзда художниковъ, на основаніи полномочій, предоставленныхъ ему учрежденнымъ съ Высочайшаго соизволенія комитетомъ по сооруженію при Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ памятника М. Ю. Лермонтову, объявляетъ конкурсъ на составленіе проекта памятника поэту М. Ю. Лермонтову въ городѣ С.-Петербургѣ, на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Памятникъ Лермонтову, сооружаемый на средства, дарованныя Государемъ Императоромъ, королевой элиновъ и высочайшими особами и пожертвованныя воинскими частями, учрежденіями и заведеніями военнаго и другихъ вѣдомствъ, а также частными лицами, будетъ поставленъ предъ Николаевскимъ кавалерійскимъ училищемъ, въ которомъ воспитывался поэтъ и гдѣ развился и окрѣпъ его геній. Для памятника будетъ выдѣлена часть сада, выходящаго на Ново-Петергофскій проспектъ, противъ Пріютской улицы. 2) Участвующія въ конкурсѣ лишь отечественныя художественныя силы представляютъ: скульпторы: модель въ $\frac{1}{14}$ натуральной величины, художники же: фасады и планъ памятника въ $\frac{1}{14}$ натуральной величины и перспективный видъ въ произвольномъ масштабѣ. Памятникъ долженъ представлять статую поэта въ формѣ одного изъ полковъ, въ которомъ онъ служилъ, на гранитномъ пьедесталѣ, желательнаго въ стилѣ имперіи, въ виду того, что все зданіе построено въ этомъ характерѣ. Высота всего памятника опредѣлена приблизительно въ 11,5 аршинъ надъ уровнемъ земли. 3) Расходы на памятникъ, считая въ томъ числѣ и фундаментъ, не должны превосходить 30 тысячъ рублей. 4) Модели и проекты памятника должны быть представлены въ законченномъ видѣ 25 апрѣля 1910 года, ровно къ 5 часамъ вечера, въ комитетъ по сооруженію при Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ памятника М. Ю. Лермонтову, С.-Петербургъ, Ново-Петергофскій проспектъ, д. 24, зданіе училища. Отвергнутые проекты должны быть взяты авторами въ теченіе мѣсяца по окончаніи работъ жюри. Послѣ этого срока невзятые проекты поступаютъ въ собственность Лермонтовскаго при училищѣ музея. 5) При проектѣ должны быть приложены: пояснительная записка и смѣта, а

также, въ запечатанномъ конвертѣ, имя, отчество, фамилія и мѣстожителство автора, а на этихъ конвертахъ, равно какъ на пояснительныхъ запискахъ и смѣтахъ, долженъ быть обозначенъ девизъ или знакъ, подъ которымъ будетъ представленъ проектъ. 6) Для оцѣнки конкурсныхъ проектовъ приглашены въ жюри 12 членовъ комитета по сооруженію памятника, 12 членовъ устроительнаго комитета всероссійскаго съѣзда художниковъ и 2 литератора. Оцѣнка производится наличнымъ составомъ членовъ. Три проекта, признанныхъ лучшими, будутъ повергнуты на благоусмотрѣніе Государя Императора. 7) Исполненіе Высочайше одобреннаго проекта поручается автору, если таковымъ окажется скульпторъ, въ противномъ случаѣ комитетъ оставляетъ за собою право поручить исполненіе памятника скульптору, причемъ автору, по детальной разработкѣ имъ своего проекта, уплачивается сумма въ размѣрѣ 10 процентовъ окончательной стоимости памятника. Авторъ принятаго проекта обязанъ въ три мѣсяца закончить статую въ одну четвертую дѣйствительной величины. 8) По вопросу, связанному съ исполненіемъ памятника, авторъ участвуетъ въ засѣданіяхъ соединенныхъ комитетовъ на правахъ члена. Соединенные комитеты наблюдаютъ за художественнымъ исполненіемъ проекта и, въ случаѣ неуспѣшности воплощенія идеи въ четверть величины фигуры, они имѣютъ право пригласить для исполненія другое лицо, при устанавливаемомъ соединенными комитетами размѣрѣ вознагражденія автору. 9) За дополнительными справками, а также за полученіемъ особенныхъ плановъ сада и фотографій прилегающей мѣстности и за данными по изслѣдованію почвы подъ мѣстомъ памятника желающіе участвовать въ конкурсѣ имѣютъ обращаться въ комитетъ по сооруженію памятника. 10) Въ случаѣ уничтоженія проектовъ и моделей пожаромъ, а также поврежденія моделей и порчи проектовъ, могущихъ случиться, несмотря на самое осторожное и тщательное обращеніе съ ними, авторы не имѣютъ права требовать какого-либо вознагражденія.

Конкурсъ изъ проектъ памятника М. Д. Скобелеву въ Москвѣ. Императорская Николаевская военная академія объявляетъ конкурсъ на составленіе проекта памятника въ Москвѣ національному герою Михаилу Дмитриевичу Скобелеву. Требования проекта таковы: 1) Памятникъ М. Д. Скобелеву долженъ изображать его верхомъ на лошади, помѣщенной на постаментѣ. Положеніе лошади и поза М. Д. Скобелева, а также форма его одежды представляются выбору авторовъ проекта. 2) Конская статуя должна быть бронзовая, высотой не меньше 5 аршинъ. 3) Постаментъ долженъ быть гранитный; на двухъ продольныхъ его сторонахъ должны быть барельефы изъ боевой жизни М. Д. Скобелева: на одной—изъ войны 1877—78 г., а на другой—изъ войны въ Средней Азій. На лицевой сторонѣ надпись: «Михаилъ Дмитриевичъ Скобелевъ. 1843—1882 г.». На задней сторонѣ надпись: «Напоминаю войскамъ, что скоро и намъ можетъ предстоять боевое испытаніе; прошу всѣхъ объ этомъ знать и крѣпить духъ молитвою и размышленіемъ, дабы свято до конца исполнить, что требуетъ отъ насъ долгъ присяги и честь имени русскаго». 4) Памятникъ долженъ быть обнесенъ рѣшеткой съ канделябрами по угламъ. 5) Мѣсто для постройки памятника на площади Тверской улицы, противъ дома генералъ-губернатора, причемъ памятникъ лицевой сторопой долженъ быть обра-

щепь къ послѣднему. 6) Стоимость памятника съ рѣшеткой, рассчитанная по цѣнамъ города С.-Петербурга, не должна превосходить 120,000 руб. 7) Проектъ памятника, т.-е. статуи и постамента, долженъ состоять: а) изъ модели въ гипсѣ или воскѣ по выбору автора, б) детальныхъ чертежей постамента и в) подробныхъ расчетовъ стоимости памятника и прочности сооруженія. 8) Величина статуи въ модели должна быть отъ 10 до 12 вершковъ, не считая постамента. 9) Проектъ долженъ быть представленъ безъ обозначенія фамилии авторовъ, но помѣченъ девизомъ. Къ проекту прилагается запечатанный конвертъ съ тѣмъ же девизомъ на немъ. Въ конвертѣ заключается и адресъ автора. 10) Послѣдній срокъ представленія проекта для городскихъ—полдень 25 мая 1910 г. Къ этому сроку проекты должны быть доставлены въ канцелярію императорской Николаевской военной академіи (Петербургъ, Суворовскій проспектъ, д. № 32б). Для иногородныхъ участниковъ конкурса указанный предѣльный срокъ относится ко дню сдачи проектовъ памятника въ мѣстное почтовое учрежденіе, въ доказательство чего почтовая квитанція должна быть представлена по приведенному выше адресу не позже 5 июня 1910 г. 11) Изъ проектовъ, представленныхъ на конкурсъ и безусловно удовлетворяющихъ программѣ, четыре проекта, признанные лучшими, получаютъ премію. Первая премія назначается въ 1,000 р., вторая въ 500 р., третья въ 300 р. и четвертая въ 200 р. 12) Комиссію судей для разсмотрѣнія представленныхъ проектовъ и присужденія премій, подъ предсѣдательствомъ начальника императорской Николаевской военной академіи, составлять: правитель дѣлъ названной академіи, два члена конференціи той же академіи по ея выбору и два члена по выбору начальника академіи, по одному представителю отъ городского управленія Москвы, высшей гражданской власти въ Москвѣ, штаба московскаго военного округа, инженернаго комитета главнаго инженернаго управленія, техническаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ, императорскаго русскаго военно-историческаго общества, общества архитекторовъ-художниковъ и двухъ представителей отъ императорской академіи художествъ (одинъ скульпторъ и другой архитекторъ), при дѣлопроизводителѣ по назначенію начальника академіи. Личный составъ комиссіи судей будетъ объявленъ въ февралѣ 1910 г. 13) Изъ числа непремированныхъ проектовъ императорская Николаевская военная академія оставляетъ за собой право приобрести въ свое распоряженіе всякій изъ выбранныхъ ею проектовъ за 150 р. каждый. 14) Премированные, а также приобретенные проекты составляютъ полную собственность Николаевской военной академіи и могутъ быть ею использованы въ цѣломъ или въ частяхъ при постройкѣ памятника, а равно могутъ быть ею и опубликованы. 15) Премированіе и приобретение того или другого проекта не даетъ автору его права на приглашеніе къ строительству памятника. 16) Проекты, не удостоенные преміи и не приобретенные Николаевской военной академіей въ собственность, по желанію авторовъ, возвращаются имъ вмѣстѣ съ запечатанными конвертами черезъ лицъ, которыя предъявляютъ квитанціи, выданныя при приѣмѣ проектовъ, или почтовые расписки, свидѣтельствующія объ отправленіи проектовъ. Проекты, не взятые обратно авторами въ продолженіе шести мѣсяцевъ, поступаютъ въ собственность императорской Николаевской военной академіи. 17) Для по-

лученія данныхъ по составленію проекта памятника, какъ-то: фотографіи М. Д. Скобелева, плана мѣста, на которомъ предполагается установить памятникъ, свойства грунта на этомъ мѣстѣ и фотографіи строеній, окружающихъ избранную для постановки памятника площадь, а равно за всѣми справками слѣдуетъ обращаться въ канцелярію императорской Николаевской военной академіи. Здѣсь же можно видѣть и снять копию съ портрета М. Д. Скобелева въ натуральную величину. Всѣ запросы по справкамъ о выдачѣ данныхъ для составленія проекта памятника будутъ приниматься въ теченіе шести недѣль со дня объявленія конкурса, послѣ чего никакія обращенія по этому поводу въ Николаевскую академію приниматься уже не будутъ.

НЕКРОЛОГИ.

ВОТКИНЪ, С. С. 29 января наука потеряла одного изъ видныхъ дѣятелей въ лицѣ профессора военно-медицинской академіи, почетнаго лейбъ-медика Сергѣя Сергѣевича Боткина. Въ 8^{1/2} час. утра онъ умеръ отъ кровоизліянія въ мозгу. С. С. родился 13 декабря 1859 года. Въ 1879 году онъ окончилъ вторую с.-петербургскую гимназію съ золотой медалью и поступилъ на естественное отдѣленіе физико-математическаго факультета с.-петербургскаго университета. Окончивъ курсъ университета со степенью кандидата въ 1883 году, С. С. былъ награжденъ серебряной медалью за сочиненіе, подъ заглавіемъ: «О вывѣтриваніи полевыхъ шпатовъ». Въ томъ же году онъ поступилъ на третій курсъ военно-медицинской академіи, которую окончилъ въ 1886 году первымъ съ награжденіемъ преміей Буша и занесеніемъ имени на мраморную доску. Оставленъ при академіи по конкурсу на три года въ числѣ врачей для усовершенствованія и въ продолженіе этого времени занимался въ терапевтической клиникѣ у своего отца профессора С. П. Боткина. Въ 1889 году С. С. уѣхалъ на три года за границу, гдѣ преимущественно занимался патологической анатоміей у профессора Реклингаузена въ Страсбургѣ, у профессора Флюгге въ Бреславлѣ по бактеріологіи и въ Берлинѣ у профессора Коха по вопросамъ объ иммунитетѣ и въ терапевтической клиникѣ профессора Гергарда. По возвращеніи въ Россію С. С. получилъ званіе привать-доцента академіи и былъ выбранъ на мѣсто старшаго ординатора въ городскую барачную больницу имени профессора С. П. Боткина, гдѣ и работалъ до 1894 года, когда состоялось его избраніе профессоромъ военно-медицинской академіи по кафедрѣ различныхъ болѣзней и бактеріологіи. Въ 1896 году С. С. былъ переведенъ на кафедру академіи терапевтической клиники, занявъ такимъ образомъ кафедру своего отца. Въ качествѣ диссертациі на степень доктора медицины С. С. представилъ работу, подъ заглавіемъ: «Вліяніе солей рубидія и цезія на сердце и

кровообращеніе въ связи съ законностью физиологическаго дѣйствія щелочныхъ металловъ». Затѣмъ имъ опубликованы слѣдующія работы: «Къ вопросу о связи между химическими свойствами и физиологическимъ дѣйствіемъ щелочныхъ металловъ первой группы по Менделѣеву», «О желудочномъ сокѣ при скорбутѣ», «Колебанія въ составѣ желудочнаго сока при острыхъ лихорадочныхъ заболѣваніяхъ», «Къ вопросу о патологической анатоміи инфекціонной желтухи», его гематологическія изслѣдованія при инъекціи туберкулина и при фибринозномъ воспаленіи легкихъ и тетанусѣ, которыя легли въ основу ученія о лейкоцитолізѣ, «О гастроэнтеритахъ во время холеры», «Описаніе новой анаэробной бактеріи, вызывающей масляно-кислое броженіе молока», «Объ иммунитетѣ» и др. Особенно выдающіеся вклады въ науку сдѣланы были С. С. главнымъ образомъ по бактеріологіи, изслѣдованію крови и инфекціоннымъ болѣзнямъ. По указаннымъ вопросамъ было высказано имъ на своихъ лекціяхъ, читанныхъ студентамъ, много оригинальныхъ мыслей, которыя служили темами для диссертаций и для отдѣльныхъ работъ его многочисленныхъ учениковъ. Въ настоящемъ году С. С. предполагалъ издать свои клиническія лекціи по болѣзнямъ крови и нѣкоторыя изъ нихъ сохранились подробно записанными. Въ 1904 году, лишь только началась война съ Японіей, С. С., не считая для себя возможнымъ стоять въ такое время въ сторонѣ отъ народнаго дѣла, въ слѣдующій же мѣсяцъ уѣхалъ на войну и сперва въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ исполнялъ обязанности помощника главноуполномоченнаго Краснаго Креста сѣверо-восточнаго района дѣйствующей арміи. Затѣмъ онъ былъ назначенъ главноуполномоченнымъ Краснаго Креста сѣверо-восточнаго района дѣйствующей арміи и оставался на войнѣ вплоть до ея окончанія. Не говоря о томъ, что С. С. пришлось положить много труда на борьбу съ болѣзнями, на устройство новыхъ лазаретовъ и на огромное количество исходившихъ отъ него различныхъ административныхъ распоряженій, онъ занимался также и научнымъ изученіемъ формъ теченія болѣзней на Востокѣ. Такъ, имъ впервые было отмѣчено особое клиническое теченіе нѣкоторыхъ тифовъ, названныхъ имъ въ послѣдствіи «маньчжурскими тифами», при которыхъ была выдѣлена изъ крови и особая палочка. С. С. сдѣлалъ докладъ объ этихъ тифахъ на недавно происходившемъ терапевтическомъ съѣздѣ въ Москвѣ. Это былъ на рѣдкость добрый и отзывчивый человѣкъ. Врачи, работавшіе въ клиникѣ С. С., видѣли въ немъ не только незамѣнимаго наставника съ огромнымъ клиническимъ опытомъ, но и друга. Онъ всегда принималъ близко къ сердцу всѣ ихъ несчастія и выручалъ ихъ изъ самыхъ тяжелыхъ обстоятельствъ, за что они остались неоплатно ему обязанными. Уходя изъ клиники, врачи разносили съ собою славу о рѣдкихъ душевныхъ качествахъ С. С. по различнымъ мѣстамъ нашей родины и такимъ образомъ онъ извѣстенъ, какъ добрый, хорошій человѣкъ не только ограниченному кругу людей, близко знавшихъ его, но и всей Россіи. С. С. всегда удивительно сердечно относился къ больнымъ, любилъ ихъ и они потеряли въ немъ не только одного изъ лучшихъ врачей, но и незамѣнимаго человѣка.

† Геровскій, Ю. М. 12 января скоропостижно скончался одинъ изъ видныхъ дѣятелей зарубежной Руси докторъ Ю. М. Геровскій. Покойный при-

надлежалъ къ тому кружку галичанъ, который вынесъ на своихъ плечахъ всю тяжесть перелома галицко-русской жизни со времени предоставленія Галиціи въ полное распоряженіе полякамъ. Когда въ 1873 году установлены были въ Австріи прямыя выборы въ парламентъ, покойный былъ главнымъ руководителемъ избирательной кампаніи, давшей тогда галичанамъ 17 парламентскихъ депутатовъ—число, потомъ уже не повторявшееся до послѣдней парламентской реформы. Избранный тогда въ депутаты, Ю. М. состоялъ секретаремъ русскаго парламентскаго клуба. Въ 1884 году онъ былъ избранъ председателемъ львовскаго «Народнаго Дома» и, благодаря его стараніямъ, устроена была при этомъ главнымъ тогдашнемъ центрѣ русской жизни въ Галичинѣ публичная бібліотека. Въ бібліотекари былъ приглашенъ извѣстный галицкій публицистъ Б. И. Дѣдицкій. Немалую заслугу покойнаго составляютъ и его заботы по постройкѣ второй городской церкви во Львовѣ. Въ 1887 г. Геровскій былъ переведенъ на службу въ Инсбрукъ. Во Львовѣ поляки считали его опаснымъ. Его тирольское изгнаніе раздѣлялъ съ нимъ вмѣстѣ и его тесть, извѣстный представитель Угорской Руси А. И. Добрянскій. Геровскій, однако, поддерживалъ сношенія съ родиной, а по окончаніи службы рѣшилъ посвятить ей остатокъ своихъ силъ. Въ 1895 г. онъ основалъ адвокатскую канцелярію въ селѣ Вашковцахъ, около Черновецъ. Русскіе крестьяне находили здѣсь всегда благожелательный совѣтъ, поддержку и защиту. Домъ Геровскихъ въ Черновцахъ былъ всегда открытъ для всѣхъ русскихъ людей, служба однимъ изъ центровъ мѣстнаго русскаго кружка, въ частности кружка русской университетской молодежи. Можно положительно сказать, что въ развитіи русской общественности въ Черновцахъ домъ Геровскихъ сыгралъ очень замѣтную роль. (Некрологъ его: «Новое Время», 1910 г., № 12166).

† **Гольденштедтъ, К. Г.** Во Владивостокѣ 10 января скончался на 69 г. отъ роду ученый агрономъ и садоводъ Карлъ Георгіевичъ Гольденштедтъ. Смерть унесла одного изъ пионеровъ Дальняго Востока, одного изъ скромныхъ труженниковъ по насажденію культуры Уссурійскаго края. 40 лѣтъ назадъ, прибывъ въ Хабаровскъ на должность чиновника особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ, покойный тотчасъ же получилъ важное порученіе: изслѣдовать фауну Приморской области. Неустаннымъ трудомъ, напрягая всю свою энергію, работая при самыхъ неблагопріятныхъ жизненныхъ условіяхъ, покойный справился съ возложенной на него задачей. По своимъ дѣльнымъ отчетамъ и по правдивымъ донесеніямъ онъ знакомилъ начальствующихъ лицъ того времени съ истиннымъ положеніемъ дѣла; большинство проектовъ, касающихся землеустройства и садоводства края, проведено было въ жизнь благодаря точнымъ и цѣннымъ изслѣдованіямъ неутомимаго, скромнаго ученаго. Кромѣ того, стремясь развить благосостояніе края, покойный по собственному почину первый сталъ примѣнять здѣсь способы культивированія дикихъ растений. Не ограничиваясь рамками официального порученія, Гольденштедтъ при всякомъ новомъ открытіи или достигнутомъ успѣхѣ дѣлился своими трудами съ агрономическими обществами, чѣмъ многимъ подвинулъ впередъ и обогатилъ специальную литературу. Послѣ пятилѣтняго упорнаго труда покойный оставилъ должность при генералъ-губернаторѣ и занялся своимъ соб-

ственным хозяйством. Его стремлением было увеличить здесь на окраинѣ сельско-хозяйственное производство, поставить его на возможную высоту и личным примѣромъ ввести улучшение въ цѣль, для чего изъ его питомниковъ широкой рѣчкой разливались по краю бесплатно лучшіе полезные образцы породы растений. (Некрологъ его: «Новое Время», 1910 г., № 12179).

† **Коммиссаржевская, В. О.** 10 февраля въ Ташкентѣ, заразившись на мѣстномъ базарѣ натуральной оспой, скончалась талантливая и популярная драматическая артистка Вѣра Федоровна Коммиссаржевская. В. О. (родилась въ 1863 г.), дочь извѣстнаго пѣвца Федора Петровича Коммиссаржевскаго, въ первый разъ, еще въ качествѣ начинающей любительницы, выступила на сценѣ въ Москвѣ, въ Нѣмецкомъ клубѣ, гдѣ сыграла роль Бетси въ «Плодахъ просвѣщенія», а затѣмъ, вмѣстѣ съ К. С. Станиславскимъ, въ «Горящихъ письмахъ» Гнѣдича. Уже эти робкіе дебюты обнаружили дарованіе В. О., и покойный И. П. Киселевскій убѣдилъ ее окончательно посвятить себя сценѣ. Началомъ сценической карьеры артистки слѣдуетъ считать 17 сентября 1893 г., когда она въ Новочеркасскѣ, въ труппѣ Синельникова, выступила въ зудермановской «Честь» (Леонора). Въ Москвѣ же, бывшей колыбелью таланта артистки, необычайно торжественно былъ отпразднованъ пятнадцатилѣтній юбилей сценической дѣятельности ея, 17 октября 1908 г. Большая часть сценической карьеры Коммиссаржевской протекла въ Петербургѣ, гдѣ она, послѣ трехъ лѣтъ службы въ провинціи, въ 1896 году вступила въ труппу Александринскаго театра. Войдя на Александринскую сцену уже опытной, разнообразной и популярной артисткой, сразу занявъ очень видное мѣсто, Коммиссаржевская, къ величайшему сожалѣнію, не встрѣтила здѣсь благопріятной для развитія таланта атмосферы, и въ 1902 году, всего послѣ шести лѣтъ службы, оставила казенную сцену. Съ этого момента начинается скитальческая жизнь артистки. Два послѣднихъ года уходятъ на гастроли въ провинціи, гдѣ ея имя уже окружено ореоломъ любви и поклоненія, и на кратковременныя, впрочемъ, — гастроли въ петербургскомъ Маломъ театрѣ. Наконецъ, 17 октября 1904 года въ Петербургѣ, въ театрѣ «Пассажъ», открывается собственный театръ Коммиссаржевской съ В. О. во главѣ. Обаяніе самой В. О., высокая интеллигентность труппы и строгая литературность репертуара скоро завоевали молодому театру прочныя симпатіи и поставили его на твердую почву. Лучшія созданія В. О. появились здѣсь; здѣсь же впервые появился цѣлый рядъ пьесъ молодыхъ драматурговъ нашихъ и здѣсь же, какъ нигдѣ болѣе въ Петербургѣ, сразу возникла живая, интимная связь между актеромъ и отзывчивой художественно-чуткой аудиторіей. Слѣдующіе два сезона, до весны прошлаго 1909 г. протекли уже въ «Драматическомъ» театрѣ на Офицерской. Это былъ періодъ особенно напряженныхъ художественныхъ исканій В. О., главнымъ образомъ въ сферѣ методовъ сценической постановки. Къ лѣту прошлаго 1909 г. Коммиссаржевская разочаровалась въ избранномъ ею новомъ методѣ постановокъ и, распрощавшись съ Петербургомъ, отправилась съ труппой въ обширное полугодовое турнѣ по провинціи, съ репертуаромъ уже не модернистскаго характера, а съ рядомъ старыхъ пьесъ, составившихъ ранѣе ея славу. Мѣсяца два назадъ В. О. заявила о своемъ рѣшеніи совсѣмъ покинуть сцену тотчасъ по

окончаніи турнэ и отдаться педагогической дѣятельности, для чего она подготовила созданіе общественной школы. Перечислить всѣ созданія Коммиссаржевской или хотя бы лучшія изъ нихъ—очень трудно; среди безконечнаго ряда ея ролей, создавшихъ ей великую славу и большую любовь, отмѣтимъ роли въ «Безприданницѣ», «Дикаркѣ», «Родилѣ», «Воѣ бабочекъ», «Эльгѣ», «Дачникахъ», «Авдотьиной жизни», «Иванѣ Миронычѣ», «Огняхъ Ивановой ночи», «Сестрѣ Беатрисѣ», «Вѣчной сказкѣ», «Франческѣ да-Римини», «У вратъ царства», «Строителѣ Сольнесѣ» и мн. др. (Некрологъ ея: «Рѣчь», 1910 г., № 41).

† **Кругликовъ, С. Н.** Русскій музыкальный міръ понесъ тяжелую утрату: въ ночь на 9 февраля въ Москвѣ скончался Семень Николаевичъ Кругликовъ—одинъ изъ самыхъ образованныхъ теоретиковъ и выдающихся критиковъ первопрестольной. Къ его работамъ и отзывамъ чутко прислушались всѣ интересующіеся музыкой, и компетенція его стояла внѣ всякаго сомнѣнія. Скончавшійся былъ московскимъ выразителемъ идей и тенденцій «могучей кучки», несмотря на то, что въ юныхъ лѣтахъ считался яркимъ итальянomanомъ. Онъ родился въ 1851 году и получилъ первое свое музыкальное образованіе отъ матери, бывшей ученицы Виллуана (по фортепиано) и Виотти (по пѣнію). Рѣшающую же роль сыграло въ его жизни сближеніе съ кружкомъ Балакирева. Послѣ этого онъ позабылъ и о лекціяхъ въ московскомъ университетѣ (по математическому факультету), и о занятіяхъ въ институтахъ путей сообщенія, горномъ и лѣсномъ. Онъ сдѣлался ученикомъ творца «Садко», и по возвращеніи его въ Москву судьба его была рѣшена: два года спустя начинается его профессиональная музыкальная дѣятельность. Онъ приглашенъ былъ читать теорію музыки и гармоніи въ музыкальномъ училищѣ Шостаковскаго, преобразованномъ въ 1883 г. въ музыкально-драматическое училище московскаго филармоническаго общества, и завѣдывать музыкальнымъ отдѣломъ газеты «Современныя Извѣстія». Вскорѣ имя его пріобрѣтаетъ ту репутацію, которая осталась за нимъ до послѣднихъ дней. Она содѣйствовала его избранію на должность директора въ только что названномъ училищѣ и приглашеніямъ сотрудничать въ разныхъ изданіяхъ. Его статьи печатались въ «Искусствѣ», «Артистѣ», «Музыкальномъ Обзорѣніи», «Музыкальномъ Труженикѣ», «Русской Музыкальной Газетѣ», «Новостяхъ Дня» и проч. и пользовались всеобщимъ вниманіемъ. Въ бумагахъ покойнаго осталось немало интереснаго, касающагося жизни и дѣятельности В. С. Калинникова матеріала. Въѣдъ года три тому назадъ Кругликовъ писалъ на страницахъ «Музыкальнаго Труженика»: «Отнюдь не покинулъ я мысли посвятить Вас. Серг. Калинникову такого рода трудъ, который бы въ одномъ томикѣ соединилъ его біографію, коллекцію его важнѣйшихъ писемъ и критическій взглядъ на него, какъ композитора. Но выпуску такой ему посвященный томикъ, примѣняясь къ какому-нибудь знаменательному моменту изъ протекшихъ послѣ кончины Калинникова лѣтъ. Онъ скончался въ 1900 г.—до десятилѣтія недалеко». И все-таки Кругликовъ не дожидь до этой знаменательной даты. Онъ скончался до 29 декабря—когда, согласно его обѣщанію, можно было ожидать выпуска обѣщанной біографіи Калинникова. (Некрологъ его: «Спб. Вѣдомости», 1910 г., № 33).

† **Лебедевъ, А. С.** 27 января скончался профессоръ харьковскаго университета дѣйствительный статскій совѣтникъ Амфіанъ Степановичъ Лебедевъ, памятный Москвѣ по первымъ годамъ своей научной дѣятельности. Покойный, сынъ сельскаго священника Московской губерніи, родился въ 1832 году и воспитывался сначала въ виѳанской семинаріи, а потомъ въ московской духовной академіи, гдѣ окончилъ курсъ вторымъ магистромъ богословія (1856 г.). Съ 5 ноября 1856 года онъ былъ опредѣленъ помощникомъ инспектора въ московской семинаріи, въ которой затѣмъ состоялъ преподавателемъ всеобщей исторіи (1858—1859 г.), а послѣ двухлѣтняго преподаванія въ херсонской семинаріи (1859—1861 гг.) снова перемѣщенъ въ московскую семинарію и занималъ мѣсто профессора церковной исторіи (1861—1869 гг.). Какъ хорошій знатокъ своей науки, А. С. въ 1869 году былъ избранъ харьковскимъ университетомъ въ профессора церковной исторіи и находился на этой каѳедрѣ свыше сорока лѣтъ (1869—1910 гг.). Почившему профессору принадлежали многіе научные труды. Изъ нихъ особенно извѣстны: магистерская диссертация «О нравственномъ достоинствѣ гражданскихъ законовъ Моисеевыхъ» (Москва, 1856 г.), рядъ статей по церковной исторіи въ духовныхъ журналахъ—«Душеполезномъ Чтеніи», «Православномъ обозрѣніи» и въ «Чтеніяхъ общества любителей духовнаго просвѣщенія», а также вереница трудовъ въ свѣтскихъ періодическихъ изданіяхъ—«Русскомъ Вѣстникѣ», «Древней и Новой Россіи», «Вѣстникѣ Европы», «Чтеніяхъ общества исторіи», «Русской Старинѣ» и «Сборникѣ харьковскаго историко-филологическаго общества». Въ числѣ послѣднихъ его изслѣдованій явилась книга: «Бѣлгородскіе архіереи и среда ихъ архипастырской дѣятельности», по архивнымъ документамъ, съ портретами и автографами (Харьковъ, 1902 г., XIV—228 стр.). За многіе свои научные труды А. С. былъ удостоенъ honoris causa степени доктора русской исторіи (1894 г.), а за пятидесятилѣтнюю дѣятельность на ученomъ поприщѣ—торжественнаго празднованія своего юбилея харьковскимъ университетомъ (5 ноября 1906 г.). (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1910 г., № 24).

† **Майкова, С. М.** Дочь генерала-отъ-артиллеріи и двоюродная сестра извѣстнаго поэта А. А. Майкова, Софья Михайловна Майкова родилась 28 іюня 1835 года въ Петербургѣ, въ Литейной части котораго и прожила свой вѣкъ, за исключеніемъ двухлѣтняго ея пребыванія въ 1882—1884 гг. за границею, по преимуществу въ Италіи. Она получила очень хорошее воспитаніе въ домѣ родителей и знала особенно хорошо главнѣйшіе европейскіе языки, въ томъ числѣ итальянскій, и одно время немало трудилась надъ составленіемъ итальянско-русскаго словаря, оставшагося, впрочемъ, неизданнымъ, за неимѣніемъ желающихъ предпринять такое изданіе. Глубоко убѣжденная въ необходимости распространенія широкаго образованія среди народа, она вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ въ 1861 году перешла отъ отвлеченной мысли къ самому дѣлу и занялась, безплатнымъ, конечно, обученіемъ дѣтей бѣднаго населенія столицы, сперва, такъ сказать, частнымъ образомъ, а позднѣе открыла школу, выдержавъ необходимый при этомъ для званія домашней учительницы экзамень, въ такомъ возрастѣ, когда подобныхъ экзаменовъ не держать, и горячо предалась этому святому дѣлу. Рано отказавшись отъ удовольствій и

развлеченій столичной жизни, С. М. вмѣстѣ съ обученіемъ дѣтей занялась и переводною литературою, причемъ, не желая себя связывать какими-либо сроками, никогда не брала переводовъ для редакцій періодическихъ журналовъ, но предпочитала, сдѣлавъ переводъ и тщательно его исправивъ и даже переписавъ, отдавать таковой печатать книгопродавцамъ-издателямъ, причемъ, конечно, извлекала, какъ всѣмъ извѣстно, самую ничтожную выгоду. Она переводила прекраснымъ языкомъ, не допуская никакихъ самовольныхъ исключеній изъ текста или фантастическихъ передѣлокъ, столь нерѣдко встрѣчаемыхъ, и держалась близко и точно текста. Переводы г. Майковой выдержали по нѣскольку изданій, такъ, напримѣръ, «Послѣдній изъ могиканъ», романъ Купера, имѣлъ 3 изданія, «Царство сказокъ», повѣсть Кармень-Сильва, а также «Лазутчикъ», Гофмана, два изданія, «Дѣтство и юность великихъ людей», г. Колэ, тоже 2 изданія. С. М. преимущественно занималась переводами съ англійскаго языка извѣстныхъ сочиненій Смайльса и обогатила нашу переводную литературу длиннымъ рядомъ его сочиненій; именно она перевела его «Самодѣятельность»—въ 1872 года, «Характеръ»—въ 1872 году (9 изданій), «Бережливость» — въ 1876 г., «Вѣчный труженикъ», жизнеописаніе шотландскаго натуралиста — въ 1877 г. (имѣло 5 изданій), «Долгъ»—въ 1882 г. (имѣло 3 изданія), «Самостоятельная дѣятельность»—въ 1888 г., «Путешествіе мальчика вокругъ свѣта»—въ 1893 г. Послѣдніе годы здоровье усердной переводчицы, расшатанное отъ своеобразнаго по преимуществу режима жизни, принудило ее покинуть и обученіе дѣтей, и переводы; она всецѣло предалась дѣлу благотворительности среди бѣднаго столичнаго люда, причемъ до того глубоко вѣрила въ правдивость всѣхъ разсказовъ лицъ, обращавшихся къ ней за помощью, что возмущалась и даже обижалась высказываемыми самымъ скромнымъ образомъ сомнѣніями по поводу этихъ разсказовъ. С. М. скончалась отъ болѣзни рака 20 декабря 1909 года и погребена 23-го числа того же мѣсяца въ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ С.-Петербурѣ.

† **Обреимовъ, В. И.** На 67-мъ году жизни скончался Василій Ивановичъ Обреимовъ, педагогъ-математикъ, имя котораго въ широкихъ кругахъ читающей публики связывается, главнымъ образомъ, съ двумя небольшими книжками «Тройная головоломка» и «Математическіе софизмы». За свою жизнь, полную почти непрерывныхъ скитаній, В. И. имѣлъ много учениковъ и немало друзей и, несомнѣнно, извѣстіе о послѣдовавшей кончинѣ В. И. вызоветъ во всѣхъ, кто зналъ его при жизни, горестное чувство. Тихій, скромный, просто-симпатичный, когда вы смотрѣли на него издалека, онъ привлекалъ васъ къ себѣ необыкновенно устойчивой душевной силой, особой красотой души, когда вы подходили къ нему ближе, особенно, если жизнь сближала васъ съ нимъ вплотную около педагогическаго дѣла. Изумительна была его власть надъ дѣтьми. Спокойный, ровный, съ рѣдкими вспышками вспыльчивости, строгій къ себѣ, требовательный къ работѣ учениковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ неизмѣнно доброжелательный, онъ пользовался какимъ-то особымъ уваженіемъ среди дѣтей. Признаніе его авторитета со стороны учениковъ происходило какъ-то само собой. Онъ не прибѣгалъ ни къ какимъ искусственнымъ приемамъ для снисканія этого авторитета—на такіе приемы онъ органически былъ неспособенъ. Его

душевная чистота, правдивость и доброе чувство ко всемъ, особенно же къ дѣтямъ, сразу овладѣвали дѣтскою душой. В. И. являлся полной противоположностью практическимъ натурамъ, которыя, ломая препятствія, обходя ихъ или постепенно преобразуя ихъ, заставляютъ жизнь въ концѣ концовъ идти по тому руслу, по которому это имъ угодно. Во всемъ, что касалось практической жизни, практической обстановки, онъ былъ, можно сказать, ребенокъ. Наталкиваясь на практическія препятствія, онъ не справлялся съ ними и, не вынося никакихъ сдѣлокъ съ совѣстью, уходилъ въ сторону. Этимъ объясняется, что, будучи лично необычайно скромнымъ, крайне неприхотливымъ человекомъ, онъ прожилъ жизнь, полную непрерывныхъ скитаній. В. И. родился въ гор. Чебоксарахъ въ 1843 г. Окончивъ курсъ въ ярославской гимнази, В. И. поступилъ въ казанскій университетъ, на математическій факультетъ. По окончаніи университетскаго курса онъ попадаетъ въ 1869 г. учителемъ гимназіи въ Екатеринбургъ. Въ 1871 г. мы его застаемъ въ Вяткѣ, гдѣ В. И. сближается съ покойнымъ Павленковымъ и принимаетъ участіе въ его издательскихъ предпріятіяхъ вятскаго періода. Педагогической работы онъ здѣсь не прекращаетъ; устраиваетъ подготовительную школу и постоянно занимается частными уроками. До 1885 г. жизнь В. И. была очень безпокойной: онъ появляется то въ Петербургѣ, то въ далекихъ провинціальныхъ городахъ, гдѣ занимается отчасти педагогической работой, отчасти газетной дѣятельностью. Съ 1885 г. 7 лѣтъ живетъ въ деревнѣ на частномъ урокѣ. Съ 1892 г. четыре года онъ проводитъ въ Женевѣ, работая по математикѣ въ женевскомъ университетѣ. Съ 1896 по 1901 г.—опять идутъ годы скитаній при не прерывающейся педагогической работѣ. Наконецъ, въ 1901 г. В. И. появляется въ Петербургѣ въ Тенишевскомъ училищѣ. Затѣмъ въ теченіе короткаго времени занимаетъ мѣсто директора лѣсного коммерческаго училища. Послѣдніе 1¹/₂ года его преподавательская дѣятельность сосредоточивается въ сиротскомъ институтѣ императора Николая I въ Гатчинѣ и въ нормальной общеобразовательной школѣ. Несмотря на непрерывный педагогическій трудъ, В. И., умирая, оставилъ семью безъ всякихъ средствъ. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1910 г., № 34).

† **Палашковскій, С. Е.** Сергій Егоровичъ Палашковскій родился въ 1843 г. и въ 1863 г. окончилъ институтъ инженеровъ путей сообщенія. Былъ на постройкахъ на разныхъ желѣзныхъ дорогахъ (между прочимъ на Курско-Харьковско-Азовской) начальникомъ участковъ. Затѣмъ былъ выбранъ повѣреннымъ въ С.-Петербургѣ общества Поти-Тифлисской желѣзной дороги. Благодаря настойчивымъ стараніямъ С. Е., общество получило концессию на сооруженіе линіи Тифлисъ—Баку, которой С. Е. вмѣстѣ съ А. А. Бунге и были строителями. Немедленно послѣ войны 1877 г. общество въ дополненіе къ Бакинскій линіи получило еще постройку Батумской вѣтви. Затѣмъ С. Е. вмѣстѣ съ А. А. Бунге были построены Батумскій портъ, Тквибульская каменноугольная желѣзная дорога и перестроены Сурамскій переваль. Во время постройки Закавказской желѣзной дороги, въ цѣляхъ развитія на ней движенія, С. Е. было создано каспійско-черноморское товарищество исключительно для вывоза русскаго керосина за границу. Трудно передать тотъ колоссальный трудъ, который вынесъ С. Е. для организаціи дѣлъ этого товарищества, его борьбу

съ могучей американской организаціей по всемірной торговлѣ нефтью Standard Oil Co Склады товарищества покрыли густой сѣтью весь бассейнъ Средиземнаго моря, и американцы, продававшіе свой керосинъ чуть не въ самомъ Батумѣ, были оттѣснены до Лондона, гдѣ установилась демаркаціонная линія американскаго керосина и русскаго. Съ другой стороны склады были открыты въ Индіи, Индо-Китаѣ, Китаѣ и Японіи, гдѣ русскій керосинъ имѣлъ огромное преимущество передъ американскимъ, благодаря доставкѣ его туда черезъ Суэцкій каналъ на собственныхъ пароходахъ товарищества подъ русскимъ флагомъ. Четыре года неимовѣрнаго труда и борьбы начали уже завоевывать прочную почву этому громадному и чисто русскому дѣлу, какъ возгорѣлась извѣстная финансовая война Бисмарка съ Россіей. Deutsche Bank закрылъ кредитъ каспійско-черноморскому товариществу, котораго не поддерживалъ ни одинъ банкъ въ Россіи (въ томъ числѣ, конечно, и Государственный банкъ), и предпріятіе было продано Ротшильду. Затѣмъ С. Е. опять-таки вмѣстѣ съ А. А. Бунге были построены Новороссійскій портъ, значительная часть Одесскаго порта, перестроены и болѣе чѣмъ втрое расширены и оборудованы Потійскій портъ, были сдѣланы значительныя работы въ Петербургскомъ портѣ и было произведено много желѣзнодорожныхъ работъ всякаго рода на дорогахъ Бологое—Псковъ, Харьковъ—Балашевъ, Восточно-Донецкой, Бердянской, Бологое—Полоцкъ, построено множество огромныхъ мостовъ, между прочимъ черезъ Донъ, черезъ Вислу въ Варшавѣ и Новогоріевскѣ и черезъ Волгу у Астрахани. Покойнымъ С. Е. вмѣстѣ съ А. А. Бунге организовано черноморское строительное общество, главнымъ образомъ для проведенія въ жизнь желѣзобетонныхъ сооружений, исполнившее много построекъ на югѣ Россіи, основано общество для добыванія рѣдкихъ металловъ, и заводъ этого общества, находящійся въ С.-Петербургѣ, сталъ первый поставлять эти металлы за границу. С. Е. былъ также инициаторомъ золотопромышленнаго общества. Благодаря его же трудамъ, начало оправляться и возродилось Ленское золотопромышленное товарищество. Къ послѣднимъ созданіямъ покойнаго Палашковскаго относятся начатыя имъ уже работы по орошенію Муганской степи въ Закавказьи и Ейская желѣзная дорога въ Черноморской области Сѣвернаго Кавказа. Здѣсь С. Е. удалось добиться того, что акціи этой дороги помѣщены едва ли не впервые исключительно въ Россіи и владѣльцами ихъ являются городъ Ейскъ и богатая черноморскія станицы. Смерть застала С. Е. въ самый разгаръ проведенія имъ постройки Ташкентской желѣзной дороги (Арысь—Пишпекъ въ Семирѣченской области). Онъ провидѣлъ значеніе этого богатѣйшаго края для Россіи, значеніе колонизаціи его исключительно русскими людьми и важное значеніе этой линіи, какъ начала цѣлой сѣти дорогъ въ этой окраинѣ въ экономическомъ, государственномъ и стратегическомъ отношеніяхъ. Онъ умеръ 10 декабря отъ воспаления легкихъ въ Каннахъ, куда поѣхалъ отдохнуть на рождественскіе праздники среди своей семьи. (Некрологъ его: «Новое Время», 1910 г., № 12157).

† **Радинъ, Н. О.** 21-го января внезапно скончался отъ грудной жабы ветеринарный врачъ И. О. Радинъ, извѣстный по своей энергичной и плодотворной дѣятельности въ московскомъ губернскомъ земствѣ за долгіи 27-лѣтній

періоду времени. По окончаніи въ 1880 году курса въ харьковскомъ ветеринарномъ институтѣ покойный въ слѣдующемъ году поступилъ на службу московскаго губернскаго земства, въ которомъ тогда только еще начиналась ветеринарная организація и земство имѣло лишь четырехъ ветеринарныхъ врачей. Въ это время московское земство принимало мѣры противъ чумы рогатаго скота, распространявшейся по Россіи, и тяжелая и отвѣтственная работа возложена была на И. О. съ его тремя товарищами. Работа эта была исполнена ими съ успѣхомъ. По прекращеніи чумы покойному пришлось принимать дѣятельное участіе въ борьбѣ съ сапомъ, а съ 1893 г. въ наблюденіи за гуртовымъ скотомъ, поступающимъ на скотопромышленный рынокъ, для охраны губерніи отъ заноса гуртами заразныхъ болѣзней. Участвуя въ совѣщаніяхъ земскихъ ветеринарныхъ врачей, И. О. много труда вложилъ въ разработку вопросовъ по страхованію скота, по борьбѣ съ бѣшенствомъ, устройству ветеринарныхъ амбулаторій и вообще въ дѣло развитія ветеринарной помощи въ губерніи. По представленію губернской управы онъ пожалованъ былъ званіемъ потомственнаго почетнаго гражданина за его неутомимые и полезные труды, а въ 1906 г., по случаю 25-лѣтія его земской службы, губернское собраніе выразило ему благодарность за его плодотворную и самоотверженную дѣятельность. Въ 1907 г. И. О. вышелъ въ отставку. Губернская управа, узнавъ объ его кончинѣ, послала его семьѣ телеграмму съ выраженіемъ соболѣзнованія, а отъ ветеринарной организаціи явилась депутація и передала семьѣ покойнаго чувства скорби его товарищей. Похороны И. О. состоялись на еврейскомъ Дорогомилковскомъ кладбищѣ. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1910 г., № 19).

† **Цабель, А. Г.** Въ ночь на 9 февраля скончался Альбертъ Генриховичъ Цабель, извѣстный виртуозъ на арфѣ, заслуженный профессоръ петербургской консерваторіи. А. Г. родился въ Берлинѣ въ 1835 г. Съ малыхъ лѣтъ онъ сталъ проявлять музыкальныя способности. Отецъ его, редакторъ «National-Zeitung», подарилъ мальчику на елку маленькую арфу, и этотъ счастливый случай разъ навсегда опредѣлилъ призваніе мальчика. Не зная музыкальной азбуки, онъ уже сталъ разыгрывать на игрушечномъ инструментѣ слышанныя имъ пѣсни и мало-по-малу достигъ такого умѣнья, что его стали приглашать играть въ салоны и онъ быстро приобрѣлъ извѣстность въ берлинскомъ обществѣ. Услыша его, Джакомо Мейерберъ, знаменитый уже авторъ «Гугенотовъ», такъ былъ удивленъ талантомъ мальчика, что позаботился немедленно о музыкальномъ его образованіи помѣстивъ его въ такъ называемый «Singinstitut» Себастьяна Баха. Мальчикъ при выдающейся музыкальности обладалъ красивымъ голосомъ (дискантомъ), выдѣляясь въ хорѣ учениковъ. Затѣмъ Мейерберъ устроилъ его бесплатно пенсіонеромъ короля прусскаго въ королевское музыкальное училище, директоромъ котораго онъ былъ тогда. Здѣсь подъ главнымъ руководствомъ Гримма и закончилъ свое музыкальное образованіе А. Г., получивъ по окончаніи курса въ подарокъ отъ короля арфу. Молодой виртуозъ приглашенъ былъ въ оркестръ Гунгля и съ нимъ совершилъ турнѣ по Америкѣ, а по возвращеніи оттуда побывалъ и въ Россіи, выступивъ въ Павловскѣ въ только что устроенномъ вокзалѣ. Оркестромъ дирижировалъ тотъ же

Гунгль. Возвратившись послѣ трехлѣтней отлучки въ Берлинъ, Цабель занялъ мѣсто солиста въ королевской оперѣ, а въ 1855 году былъ приглашенъ на такое же мѣсто въ Большой театръ въ Петербургѣ, гдѣ процвѣтала тогда итальянская опера. Сольныя выступленія Цабеля производили большой эффектъ независимо отъ его виртуознаго таланта еще и потому, что онъ впервые сталъ играть на арфѣ съ двойными педалями, изобрѣтенной Себастьяномъ Эраромъ, тогда какъ его предшественникъ Шульцъ игралъ еще на арфѣ старой конструкціи. Въ оркестрѣ петербургской императорской оперы Цабель прослужилъ цѣлыхъ сорокъ лѣтъ и его талантливую игру у насъ очень цѣнили и прекрасно еще помнятъ. Извѣстность онъ сразу приобрѣлъ самую широкую и тогда же вмѣстѣ съ Вурмомъ и Чиади былъ приглашенъ во дворецъ къ наследнику цесаревичу, будущему императору Александру III, интересовавшемуся музыкой и игравшему на тромбонѣ. Наслѣдникъ нерѣдко музицировалъ въ этой компаніи. Впослѣдствіи Цабель получилъ званіе солиста Его Величества. Съ 1862 г. началась и другая дѣятельность Цабеля. Познакомившись въ концѣ 50-хъ годовъ съ Антономъ Рубинштейномъ, онъ принялъ большое участіе въ учрежденіи, по мысли Рубинштейна, петербургской консерваторіи, и въ его бумагахъ хранится уставъ ея на нѣмецкомъ языкѣ. Съ самаго основанія консерваторіи Цабель былъ профессоромъ арфы до послѣдняго времени, когда, лѣтъ восемь тому назадъ, разбитый параличомъ, долженъ былъ ее оставить. Число учениковъ и особенно ученицъ А. Г. очень велико. Педагогическій опытъ Цабеля запечатлѣнъ имъ въ школѣ для арфы, изданной у Циммермана. Среди своихъ товарищей, профессоровъ и преподавателей, А. Г. пользовался большимъ уваженіемъ и любовью, такъ же, какъ и среди ученическаго персонала. Корректное, ровное, спокойное обращеніе и доброе, отзывчивое сердце никогда не забудутъ всѣ знавшіе почившаго. Влюбленный въ свой инструментъ, Цабель былъ выдающимся знатокомъ арфы. Видя хорошо далеко несовершенное знаніе арфы композиторами, онъ написалъ «Слово къ господамъ композиторамъ по поводу практическаго примѣненія арфы въ оркестрѣ» (изданіе 1899 г., Циммермана, есть второе, дополненное изданіе). Рихардъ Вагнеръ, будучи въ Петербургѣ въ 1863 г., когда ставились отрывки изъ «Нибелунговъ», обратился къ нему съ просьбой передѣлать неудобно написанную имъ партію арфы въ «Валкиріи», что Цабель и исполнилъ, сдѣлавъ аранжировку для двухъ арфъ. Сохранились интересныя письма Вагнера къ Цабелю по этому поводу. Цабелю же принадлежатъ партіи арфы и каденціи во многихъ балетахъ, ставящихся на Мариинской сценѣ. Такимъ образомъ, имя Цабеля въ исторіи развитія техники арфы не можетъ быть забыто. Но онъ оставилъ еще и не менѣе 70-ти опусовъ собственныхъ сочиненій для арфы, обогативъ весьма бѣдную литературу этого инструмента. Во главѣ сочиненій стоитъ его концертъ для арфы въ четырехъ частяхъ, съ оркестромъ, принятый въ Парижѣ, какъ конкурсная пьеса. Изъ его сочиненій назову еще красивую программную балладу въ трехъ частяхъ («Ожиданіе у озера», «Встрѣча», «Прощаніе»), «Легенду», «Murmure de la Cascade», «Marguerite douloureuse au rouet». Многія сочиненія, въ томъ числѣ и струнный квартетъ, остались въ рукописяхъ. Сочиненія Цабеля не только виртуозны, но и отличаются тонкимъ художественнымъ вку-

сомъ. Мелодическая красота соединяется въ нихъ нерѣдко съ гармонической изысканностью. А. Г. былъ очень энергиченъ и времени даромъ въ своей жизни не тратилъ, не оставляя, напримѣръ, техническихъ упражненій до самаго послѣдняго времени, пока позволяло здоровье. А парализованный, онъ продолжалъ писать свои сочиненія лѣвой рукой, и, кромѣ того, писалъ и свои воспоминанія. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1910 г., № 41).

† **Шенрокъ, В. И.** 29 января въ Москвѣ скончался Владимиръ Ивановичъ Шенрокъ, хорошо извѣстный какъ неумимый біографъ и изслѣдователь Гоголя. Большая часть жизни В. И. Шенрока прошла въ Москвѣ; онъ переселился сюда вскорѣ послѣ окончанія курса въ петербургскомъ университетѣ, занимаясь педагогической дѣятельностью и историко-литературными трудами. Въ продолженіе многихъ лѣтъ онъ былъ преподавателемъ въ здѣшней 3-й гимназій и нѣкоторое время занималъ должность помощника инспектора въ университетѣ. Но главной своей задачей В. И. поставилъ изученіе жизни, творчества и писемъ Гоголя. Въ этой области имъ было сдѣлано очень много. Уже въ 80-хъ годахъ онъ выпустилъ «Указатель къ письмамъ Гоголя» и затѣмъ приступилъ къ систематическому собиранію матеріаловъ для біографіи Гоголя, которые и были выпущены имъ въ 4-хъ большихъ томахъ. Послѣ смерти Н. С. Тихонравова В. И. продолжалъ начатое покойнымъ академикомъ изданіе полного собранія сочиненій Гоголя, и подъ его редакціей вышли два послѣдніе тома (6-й и 7-й). Затѣмъ В. И. специально занялся письмами Гоголя, и въ результатъ этихъ трудовъ появилось «Собраніе писемъ Гоголя», выпущенное въ 4-хъ томахъ въ 1901 г. Гоголю посвящено было и еще нѣсколько работъ и статей, печатавшихся въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ. Кромѣ трудовъ о Гоголѣ, В. И. помѣстилъ рядъ статей и очерковъ біографическихъ и по исторіи русской литературы и русскаго театра. Онъ занимался біографіей своихъ предшественниковъ по изученію Гоголя—Н. А. Кулиша и Н. С. Тихонравова, напечаталъ біографическіе очерки поэта Языкова, профессора Н. Я. Грота, Н. Д. Фонвизиной («Одна изъ женъ декабристовъ») и др. Къ исторіи русскаго театра относятся его статьи о Мочаловѣ, «Максимовѣ и Мартыновѣ», «Семейство Самойловыхъ», «Изъ исторіи русскаго театра». Скончался В. И. на 57-мъ году жизни. Послѣдніе годы покойный провелъ въ больницѣ на Канатчиковой дачѣ. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1910 г., № 26).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

По поводу статьи г. Темникова.

Въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» помѣщена статья В. Темникова «Ващукъ-Выгорскій», причемъ я, В. А. Самоновъ, въ примѣчаніи на страницѣ 623 указанъ какъ нынѣ умершій, между тѣмъ сообщеніе это не вѣрно, ибо я живъ и совершенно здоровъ. Какъ участникъ и очевидецъ событій, я считаю многіе факты, а равно и матеріалы, которыми пользовался г. Темни-

ковъ, не соответствующими дѣйствительности и той исторической правдѣ, которая одна могла бы освѣтить личность Ващука и всѣхъ тѣхъ, которые были участниками этой удивительной исторіи пресловутаго губернатора-революціонера.

Пока указываю на крайне обидное для меня и Ващука заявленіе г. Толпыго, въ которомъ сказано: «При послѣдней фразѣ вошелъ прокуроръ кутаисскаго окружнаго суда Толпыго, на котораго оба офицера произвели впечатлѣніе выпившихъ». По сему поводу заявляю, что ни я, ни Ващукъ пьяны не были, ибо едва ли Ващукъ могъ такъ толково и разумно задавать вопросы Старосельскому, какъ это онъ дѣлалъ, и я могъ поступить такъ, какъ я поступилъ съ г. Толпыго.

Дѣло въ томъ, что когда Ващукъ и я и Старосельскій поднялись наверхъ въ кабинетъ губернатора, то Ващукъ сталъ смѣло задавать Старосельскому крайне непріятные для него вопросы; въ этотъ моментъ кто-то, очевидно, подслушивавшій за дверью, внезапно отворилъ въ кабинетъ дверь и хотѣлъ войти, я схватилъ ручку двери и не пустилъ неизвѣстнаго мнѣ господина и спросилъ его:

— Что вамъ угодно?

— Я долженъ присутствовать здѣсь,—сказалъ мнѣ неизвѣстный господинъ въ судейской формѣ.

— На какомъ основаніи?

— Я прокуроръ кутаисскаго суда.

— Очень жаль. Сейчасъ вамъ здѣсь дѣлать нечего. Вы упустили свое время; какъ прокуроръ, вы должны были раньше арестовать сами Старосельскаго, какъ губернатора, измѣнившаго долгу и присягѣ! Теперь вамъ здѣсь дѣлать нечего, ибо капитанъ присланъ, по Высочайшему повелѣнію, сдѣлать то, чего вы своевременно не сдѣлали.

— Но я все же долженъ присутствовать.

При этихъ словахъ г. Толпыго дерзко хотѣлъ протиснуться въ дверь, но я съ силой заперъ ее на ключъ и совершенно избавился отъ назойливаго прокурора, который слишкомъ поздно вспомнилъ о своихъ обязанностяхъ «Государева ока» и, видимо, хотѣлъ посодѣйствовать Старосельскому выйти изъ положенія, которое дѣйствительно было «хуже губернаторскаго».

Я думаю, что г. Толпыго съ явнымъ умысломъ передалъ В. Темникову о выпившихъ офицерахъ, съ цѣлью отомстить Ващуку и мнѣ за то комическое или даже просто глупое положеніе, въ которое онъ попалъ, желая спасти Старосельскаго. Я, какъ участникъ усмиренія забастовки и бывший подъ начальствомъ генерала Алиханова, полковника Гаврилова, помню все точно и настолько отчетливо о всѣхъ событіяхъ, что своевременно печатно расскажу эту крайне интересную исторію, а пока скажу всѣмъ печатнымъ обвинителямъ Ващука, что дай Богъ, чтобы всѣ тѣ, которые могли или были должны быстро и рѣшительно подавить смуту, столь же были «невропатами и эпилептиками», какъ Ващукъ, который, безспорно, своими дѣйствіями и распоряженіями много посодѣйствовалъ усмиренію возстанія. Къ сожалѣнію, по порученію генерала Алиханова, мнѣ пришлось арестовать Ващука въ гор. Поті, привести въ Квирилы и лично сдать его генералу Алиханову.

В. А. Самоновъ.

II.

Въ журналѣ «Историческій Вѣстникъ» за августъ 1909 г., въ ст. Б. Б. Глинскаго «Крамолы, реакція и терроръ» на стр. 618-й сказано, что вслѣдъ за арестомъ сына арестованъ былъ и самъ смотритель (мой покойный отецъ), полковникъ Богородицкій. Это невѣрно, послѣ ареста моего брата отцу лично гр. Лорисъ-Меликовымъ, безъ объясненія причинъ, было предложено подать въ отставку съ правомъ на выборъ—производство въ чинъ генералъ-майора, или усиленной пенсін. Со стороны отца послѣдовалъ категорическій отказъ и просьба предать его суду, если есть за нимъ вина. Послѣ этого послѣдовалъ приказъ объ его отставкѣ.

Богородскій.

III.

II. А. Плавильщиковъ.

(Замѣтка кстату).

Онъ родился 24 марта 1760 года, умеръ въ 1812 году; слѣдовательно, замыкается 150-лѣтіе со дня рожденія и не за горами столѣтіе съ кончины замѣчательнаго русскаго человѣка.

Какъ выдающійся драматическій актеръ своего времени, какъ писатель, драматургъ и проповѣдникъ «самобытнаго русскаго вкуса», какъ теоретикъ сценическаго искусства и врагъ ложно-классическихъ пареній и условностей во всемъ, наконецъ, какъ образованный и умный человѣкъ, который «далеко бы пошелъ и его видѣли бы мы въ большихъ людяхъ, не привяжись Петръ Алексѣевичъ къ театру»¹⁾; Плавильщиковъ уже довольно освѣщенъ, истолкованъ и согрѣтъ историками театра да отчасти и тѣми, кто имѣлъ возможность наслаждаться игрою его и наблюдать его видѣ сцены²⁾. Поэтому въ своей замѣткѣ мы хотимъ сказать нѣсколько словъ лишь о кончинѣ Петра Алексѣевича Плавильщикова.

Вступленіе Наполеона въ коренныя русскія области вызвало народную войну. Москва ждала непріятели. Угасала веселая обывательская жизнь, наступало время гражданскихъ подвиговъ. До трагедій ли Озерова; до сладкихъ ли звуковъ прекрасныхъ пѣвицъ было теперь москвичамъ? «Спасайте отечество!» и «Спасайся, кто можетъ!» вотъ чего требовало время отъ однихъ, вотъ что оно подсказывало другимъ и, между прочимъ, сценическимъ дѣятелямъ. И любимцы Аполлона и Москвы, обреченной на сожженіе, пустились кто куда, бросая недвижимости на произволъ судьбы.

Очевидно, что не всѣ артистки и артисты отличались безопасностью; напротивъ, въ собственныхъ домахъ жили и Плавильщиковъ, и Шушеринъ, и Мара.

¹⁾ Слова профессора-поэта А. О. Мерзлякова.

²⁾ Статьи А. Н. Сиротинина въ «Историч. Вѣстн.» и «Артистѣ» (1891), біографія, написанная А. А. Ярцевымъ, воспоминанія проф. П. В. Побѣдоносцева, Ильина, Макарова и друг.

И вотъ московскихъ актеровъ мы видимъ кого гдѣ. Цѣлый ансамбль спасается отъ новаго Навуходносора и его полчищъ на Волгѣ; заштатный Плесь (которому, мимоходомъ сказать, въ этомъ году исполняется 500 лѣтъ) принимаетъ московскихъ бѣглецовъ и получаетъ возможность узнать ихъ искусство. Знаменитая оперная пѣвица Елизавета-Гертруда Мара спасается въ Ревель и остается тамъ до конца жизни; домъ ея со всѣмъ имуществомъ погибъ въ пожарѣ Москвы. Плавильщиковъ уѣзжаетъ въ виду непріятеля, направляясь къ сѣверу. Извѣстно, что онъ уѣзжалъ больнымъ, и то, что ему тяжело было разставаться съ Москвою и съ домомъ. Насколько Шушеринъ «радовался», увидя епослѣдствіи развалины на мѣстѣ уютнаго гнѣздышка, радовался, какъ принесшій свою жертву для блага родины, настолько Плавильщиковъ не скрывалъ своего горя, оставляя для подобной же жертвы нажитое собственными трудами.

Необходимость отъѣзда, когда надо было еще оставаться въ постели, огорченія да, конечно, и ѣзда въ осеннее время — снѣпленіе всѣхъ этихъ условий и обстоятельствъ свело въ могилу П. А. Плавильщикова.

Кто ѣдетъ по Московско-Виндаво-Рыбинской желѣзной дорогѣ отъ Рыбинска къ Вѣжецку и далѣе, тотъ можетъ видѣть мѣсто кончины Плавильщикова. Не болѣе, какъ въ 3-хъ верстахъ отъ полустанка Подобино, расположилось на возвышеніи село Ханеево (а не Ханенево). Тутъ и умеръ Плавильщиковъ; въ сельской церкви сохранилась буквально слѣдующая запись: «столычнато города Москвы придворный актеръ Петръ Алексіевъ погребенъ священникомъ Александромъ Ивановымъ съ дьячкомъ Тимофѣемъ Галактіоновымъ и пономаремъ Афанасіемъ Лавровымъ». Днемъ кончины показано 15-е число октября, а не 18-е, какъ обыкновенно повторяли біографы Плавильщикова. Умеръ онъ, по записи, «неизвесною болезнію» и (что, разумѣется, ошибочно) «96 лѣтъ»¹⁾.

Отъ могилы П. А. Плавильщикова не сохранилось никакого слѣда на сельскомъ кладбищѣ. Нечего говорить, что никто изъ окрестныхъ жителей не вѣдаетъ о «какомъ-то Плавильщиковѣ» и что, вообще, никто не паломничалъ въ старыя годы на могилу одного изъ передовыхъ русскихъ людей конца XVIII и начала XIX вѣка и не позаботился о поддержаніи его могилы, между тѣмъ какъ могила, напримѣръ, помянутой выше пѣвицы Е. Г. Мара видится на Цигельскопельскомъ кладбищѣ въ Ревелѣ.

П. Россіевъ.

¹⁾ Справка добыта вслѣдствіе любезнаго содѣйствія о. настоятеля Ханеевскаго храма, свящ. Николая Никольскаго, которому за то приносится глубокая благодарность.

можно привести въ исполненіе, то заранѣе скажу вамъ, что вы и всѣ тѣ, кто приметъ въ немъ участіе, будете награждены достойнымъ образомъ.

Лентъ, стоявшій возлѣ стола, за которымъ сидѣлъ Іаковъ, сдѣлалъ низкій поклонъ и, принявъ таинственный видъ, спросилъ:

— Что бы вы сказали, ваше величество, если бы я и тѣ, кто участвуетъ въ этомъ планѣ, предоставили вамъ возможность овладѣть Тоуеромъ?

— Я сказалъ бы, что вы сдѣлали очень много, — отвѣчалъ Іаковъ. — Но вѣдь вамъ нужно было бы не только захватить Тоуеръ, но и удержать его за собою.

— Вашему величеству этого бояться нечего, — возразилъ Лентъ. — Мы надѣемся захватить Тоуеръ внезапно. Мы сдѣлаемъ нападеніе съ тѣмъ большей смѣлостью, что, какъ обнаружилось, многіе изъ высшихъ начальниковъ крѣпости преданы вашему величеству и окажутъ намъ помощь.

— Я увѣренъ, что въ Тоуерѣ у меня есть друзья, — воскликнулъ король. — Но продолжайте, сэръ.

— Долженъ доложить вашему величеству, что у насъ есть отъ пяти до шести тысячъ хорошо вооруженныхъ и дисциплинированныхъ людей. Мы полагаемъ, что ихъ будетъ довольно для осуществленія нашего замысла. Если же разразится возстаніе, то число ихъ, по крайней мѣрѣ, утроится.

— Это очень удивительно, сэръ, — промолвилъ король. — Я и не зналъ, что у меня въ Лондонѣ столько приверженцевъ.

— И я тоже, — присоединился лордъ Мельфордъ. — Надѣюсь, что вы имѣете доказательства того, что говорите?

— Хотѣлъ бы теперь же предложить вамъ нѣсколько вопросовъ, мистеръ Лентъ, — сказалъ Іаковъ. — Прежде всего позвольте узнать, какимъ образомъ вы рассчитываете захватить Тоуеръ?

— А вотъ какимъ, ваше величество, — отвѣчалъ Лентъ. — Когда мы сдѣлаемъ всѣ нужныя приготовленія и назначимъ опредѣленный день, тысяча человекъ изъ нашихъ, одѣтыхъ въ штатское платье, но съ оружіемъ, соберутся на Тоуеръ-Гиллѣ и въ концѣ улицы Темзы маленькими партіями, чтобы не привлекать на себя вниманія, и будутъ ждать сигнала. Когда вышшія ворота и мостъ будутъ заняты надежными людьми, тогда будетъ данъ знакъ. Это легко сдѣлать при помощи нашихъ людей въ крѣпости. Они не только пропустятъ насъ, но и выдадутъ намъ всѣ пушки. Менѣе чѣмъ въ полчаса мы овладѣемъ крѣпостью и введемъ туда гарнизонъ въ двѣнадцать тысячъ стойкихъ солдатъ.

— Долженъ сознаться, что этотъ планъ представляется мнѣ возможнымъ, — сказалъ, подумавъ, Іаковъ. — Но какъ привести его въ исполненіе? Кто возьметъ на себя руководство нападеніемъ?

— Да, въ этомъ-то и вопросъ,—подтвердилъ лордъ Мельфордъ.

— Позволю себѣ удовлетворить ваше любопытство,—гордо отвѣчалъ Лентъ.—Я могу назвать лордовъ Февертама, Стаффордъ, Бальтимора и сэра Вильяма Гаринга.

— Конечно, все это славныя имена,—сказалъ король.—Они почти ручаются за успѣхъ.

— Къ намъ готовы присоединиться и многіе другіе. Мы увѣрены, что ваше величество будете въ Уайтголлѣ черезъ недѣлю послѣ того, какъ мы захватимъ Тоуеръ.

Иаковъ въ раздумьѣ покачалъ головой.

— Боюсь, что это будетъ не такъ-то скоро,—промолвилъ онъ.

— Ваше величество имѣете полную возможность разомъ обезпечить успѣхъ,—продолжалъ Лентъ.

— Я не совсѣмъ понимаю васъ.

— Намекъ мистера Лента вполне ясенъ, государь,—сказалъ лордъ Мельфордъ.—Онъ хочетъ устранить принца Оранскаго.

— На это я и намекалъ, ваше величество,—подтвердилъ Лентъ.—Таково мнѣніе не только тѣхъ благородныхъ лордовъ, которыхъ я называлъ уже, но и всѣхъ католиковъ, съ которыми мнѣ приходится сталкиваться.

— Отъ нашего врага въ Англии легко отдѣлаться при помощи какого-нибудь дезертира французской арміи,—сказалъ докторъ Бромфильдъ.—Ихъ найдутся сотни, которые взяли бы за это.

— Предоставьте это дѣло намъ,—замѣтилъ лордъ Мельфордъ.—И не беспокойтесь объ этомъ. Какой отвѣтъ прикажете, государь, дать лордамъ Февертаму и другимъ?—спросилъ онъ короля.

— Я еще подумаю. Вѣдь мистеръ Лентъ ѣдетъ обратно не сейчасъ.

— Я недолго здѣсь останусь,—возразилъ Лентъ:—если только ваше величество этого не потребуете. Я обѣщала своимъ друзьямъ скоро привезти имъ отвѣтъ и обнадежила ихъ, что онъ будетъ для нихъ благопріятель.

— Если дѣло приметъ другой оборотъ, то я боюсь, что даже самые горячіе приверженцы вашего величества падутъ духомъ,—прибавилъ Джонъ Фенвикъ.

— Совершенно вѣрно!—воскликнулъ капитанъ Чарнокъ.

— Вы еще не высказались, капитанъ,—сказалъ король, обращаясь къ Вальтеру.—Скажите намъ ваше мнѣніе.

— Если бы мнѣ пришлось подавать свой голосъ, государь, то я, конечно, подалъ бы его за устраненіе узурпатора.

— Путемъ убійства?—строго спросилъ король.

— Нѣтъ, другимъ путемъ, государь,—отвѣчалъ Вальтеръ.

— Въ такомъ случаѣ и мы голосовали бы съ вами,—воскликнули присутствовавшіе

Аудіенція была кончена.

Сломить колебанія короля оказалось не такъ-то легко, какъ предполагали сначала, и хотя отецъ Петръ и старался убѣдить его, что не будетъ грѣха умертвить такого узурпатора, какъ принцъ Вильгельмъ Оранскій, Іаковъ не соглашался и стоялъ на своемъ.

Не могла вырвать его согласія и королева, несмотря на то, что она имѣла огромное вліяніе на своего царственнаго супруга.

Пробывъ въ Сень-Жерменѣ недѣлю, Лентъ уѣхалъ, потерпѣвъ полную неудачу относительно короля.

Но никто не зналъ, какія инструкціи дали ему королева и лордъ Мельфордъ.

V.

Заговоръ.

Въ Сень-Жерменѣ то и дѣло появлялись курьеры: одни приѣзжали, другіе уѣзжали. Черезъ нихъ шло все сообщеніе съ Англійей, и письма по почтѣ отправлялись очень рѣдко, въ исключительныхъ только случаяхъ.

Беатриса получила отъ отца всего два-три письма, но она не беспокоилась о немъ, имѣя о немъ извѣстія отъ своего родственника, полковника Тильдеслея. Спокойствіе ея было, однако, нарушено появленіемъ въ Сень-Жерменѣ отца Джонсона. Онъ приѣхалъ прямо изъ Майерскофа и сообщилъ Беатрисѣ, что ея отецъ опасно заболѣлъ. Онъ привезъ ей также письмо отъ полковника, въ которомъ тотъ просилъ ее немедленно возвращаться домой.

Какъ ни грустно было Беатрисѣ разставаться съ королевой, къ которой она успѣла сильно привязаться, она безъ колебаній рѣшилась послѣдовать призыву полковника. Да королева и сама не задерживала ее.

— Мнѣ будетъ очень жалко разстаться съ вами, дорогая Беатриса, — сказала она. — Ваше присутствіе было чрезвычайно полезно для меня, но я не буду васъ задерживать. Вы, однако, должны обѣщать, что вернетесь ко мнѣ обратно, какъ только вамъ позволятъ обстоятельства.

— Я никогда не была такъ счастлива, какъ въ бытность у вашего величества въ Сень-Жерменѣ. Надѣюсь вернуться сюда не въ отдаленномъ будущемъ. Мой родственникъ, полковникъ Тильдеслей, не пишетъ, какая болѣзнь у моего отца. Но отецъ Джонсонъ рассказывалъ, что его силы быстро падаютъ и что онъ опасается близкаго конца. Надѣюсь, что мнѣ удастся застать его въ живыхъ.

— Сколько времени употребилъ отецъ Джонсонъ на переѣздъ? — спросила королева.

— Больше недѣли, хотя онъ ѣхалъ съ возможной скоростью. Мы поѣдемъ съ нимъ вмѣстѣ. Кромѣ того, меня будетъ сопровождать Вальтеръ Кросби. Мы сядемъ на корабль въ Діеппѣ, гдѣ уже напято небольшое судно, которое и доставитъ насъ на англійскій берегъ.

— Вы отлично все устроили,—сказала королева.—И я увѣрена, что вамъ удастся избѣжать опасности. Вы должны теперь проститься съ его величествомъ и съ принцемъ. Не знаю, что мой сынъ будетъ дѣлать безъ васъ.

При мысли о принцѣ Беатриса едва могла удержать слезы. Онъ оказался легкокъ на поминѣ и вошелъ въ комнату матерц, едва заговорили о немъ.

— Капитанъ Кросби сейчасъ сказалъ мнѣ,—заговорилъ мальчикъ, схвативъ фрейлину за руку:—что вы уѣзжаете изъ Секъ-Жермена. Надѣюсь, что это невѣрно?

— Увы, принцъ, вамъ сказали правду,—возразила Беатриса.—Я не разсталась бы съ вами, если бь могла. Но мой отецъ очень боленъ, и я должна ѣхать къ нему.

— Очень жаль,—съ искреннею скорбью произнесъ мальчикъ.—Мы будемъ чувствовать ваше отсутствіе.

— Я только что говорила то же самое,—сказала королева.

— Если вы останетесь тамъ подольше, то мы можемъ встрѣтиться съ вами въ Уайтголлѣ. Мистеръ Лентъ сказалъ, что король скоро будетъ тамъ,—продолжалъ принцъ.

— Будемъ надѣяться, что мистеръ Лентъ сказалъ правду.

— Вотъ идетъ мой мужъ: онъ, очевидно, хочетъ проститься съ вами,—сказала королева, указывая на короля, входившаго въ сопровожденіи Вальтера Кросби и отца Джонсона.

— Я очень огорченъ извѣстіемъ, что вы собираетесь покинуть насъ,—сказалъ король.—Когда вы думаете отправиться?

— Какъ можно скорѣе, государь,—отвѣчала Беатриса.—Я могу собраться въ одинъ часъ.

— Въ такомъ случаѣ, все будетъ готово къ вашему отъѣзду. Я уже приказалъ подать вамъ лошадей.

— Вы такъ добры, государь!—воскликнула она.

— Капитанъ Кросби рассчитываетъ быть въ Руанѣ сегодня вечеромъ,—замѣтилъ Іаковъ.—Я думаю, что это едва ли возможно, но вы, конечно, можете попробовать.

— Она прекрасно ѣздитъ верхомъ, и къ вечеру мы успѣемъ пріѣхать, государь,—сказалъ Вальтеръ.

— Я то же думаю,—согласился и отецъ Джонсонъ.

— Что жь, попробуйте,—продолжалъ король.—Я васъ провожу до Манта.

— Какъ, вы, государь!—воскликнула Беатриса.—Я не могла ожидать такой чести.

— Сегодня прекрасная погода, и мнѣ будетъ приятно проѣхаться, — отвѣчалъ Іаковъ.

— Позволь мнѣ ѣхать съ тобой! — обратился къ отцу принцъ.

— Нѣтъ, этого нельзя. Разстояніе слишкомъ велико для тебя, и притомъ мы поѣдемъ быстро.

Принцъ принялъ обиженный видъ, но король остался твердъ и настоялъ на своемъ.

Черезъ часъ все было готово къ отъѣзду.

Простившись съ королевой, Беатриса стала собираться въ дорогу и надѣла свое платье для верховой ѣзды. Всѣ туалеты, которые она брала съ собой, уложились въ одинъ чемоданъ, отданный на попеченіе служанки.

По приказанію короля для Беатрисы и ея спутниковъ были поданы превосходныя лошади. Полдюжинѣ конныхъ слугъ приказано было проводить ихъ до Діеппа. Іаковъ взялъ съ собою только двухъ слугъ и всю дорогу бесѣдоваль исключительно съ отцомъ Джонсономъ.

Оглянувшись на замокъ, въ которомъ она была такъ счастлива, и вспоминая любезный пріемъ, который ей оказала королева, Беатриса не могла подавить своего волненія и успѣла овладѣть собою только тогда, когда кавалькада подѣзжала уже къ Манту.

Милостиво попрощавшись съ отъѣзжающими, Іаковъ выразилъ надежду, что Беатриса застанетъ своего отца въ живыхъ, и далъ ей порученіе къ полковнику Тильдеслею. Затѣмъ онъ повернулъ обратно въ Сень-Жермень, а Беатриса съ провожатыми двинулась дальше къ Руану, куда и прибыла за часъ до полуночи.

Луна ярко сіяла на небѣ, и башни и живописныя зданія этого красиваго города, прорѣзаннаго величавой рѣчкой, четко выдѣлялись на темномъ фонѣ.

Путники остановились въ большой гостиницѣ недалеко отъ собора, на рыночной площади. Утомившись послѣ дороги, Беатриса сейчасъ же удалилась на покой.

На другой день рано утромъ путники отстояли обѣдню въ великолѣпномъ соборѣ. Беатриса горячо молилась о здоровьѣ отца.

Но надежда найти его въ живыхъ была очень слаба, и она приготовилась ко всему худшему. Тревога не давала ей возможности насладиться всеми красотами собора и заставляла ее рваться дальше.

Было еще довольно рано, когда путники пустились въ дальнѣйшій путь въ Діеппъ. Оглянувшись на красивый городъ, лежавшій за ними, Беатриса не могла не вздохнуть.

Мѣстность вдоль рѣки Сены, по которой они теперь проѣзжали, представляла полную противоположность съ чудными долинами, но Беатриса не замѣчала этой перемѣны: ея единственнымъ желаніемъ, казалось, было достигъ скорѣе мѣста назначенія.

Отъѣхавъ отъ Діеппа миля двѣ, путники нагнали партію каторжанъ. Эти несчастные имѣли самый жалкій видъ: въ лохмотьяхъ, съ непокрытой головой, они шли босые, съ тяжелыми цѣпями на шеѣ.

Вальтеру показалось, что онъ узналъ одного изъ нихъ. Конный стражникъ, ѣхавшій возлѣ него, подтвердилъ его наблюденіе, назвавъ его Вандааленомъ. Это былъ тотъ самый голландецъ, который покушался убить короля Іакова.

Замѣтивъ, что разговоръ шель о немъ, Вандааленъ крикнулъ Вальтеру:

— Король Іаковъ обѣщалъ мнѣ прощеніе. Вотъ какъ онъ держитъ свое королевское слово!

— Молчи!—крикнулъ конвойный:—или я прикажу дать тебѣ плетей. Я веду ихъ въ Діеппъ, гдѣ для нихъ заготовлены три галеры,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Вальтеру.

Кавалькада двинулась дальше и, обогнувъ слѣва прелестный замокъ д'Аркъ, скоро достигла этого приморскаго городка, раскинушагося подъ охраной замка, расположеннаго на высокой скалѣ къ западу отъ гавани.

Въ эпоху, къ которой относится нашъ разсказъ, Діеппъ представлялъ собою небольшой, но зажиточный приморскій городокъ съ деревянными домиками, тѣснившимися въ чрезвычайно узкихъ улицахъ. Это обстоятельство и погубило его, какъ сейчасъ увидимъ.

Въ тотъ же самый годъ, мѣсяца два спустя, адмиралъ Россель и сэръ Джорджъ Берклей рѣшили послѣ неудачной осады Бреста, который доблестно защищался подъ начальствомъ знаменитаго Вобана, сдѣлать высадку на берегу Нормандіи и бомбардировать Діеппъ.

Обитатели городка приготовились всеми силами защищаться и загородили входъ въ гавань, затопивъ нѣсколько кораблей, нагруженныхъ камнемъ. Но это средство не помогло.

Осыпая городъ бомбами и гранатами, англійскій адмиралъ зажегъ его въ разныхъ мѣстахъ и спалилъ его до тла. Отъ всего города остался только замокъ и нѣсколько домиковъ около форта Палэ.

Когда наши путники прибыли въ Діеппъ, въ его гавань стояло нѣсколько судовъ, въ томъ числѣ и три галеры для каторжанъ. То были некрасивыя, странной формы суда, длиною въ сто пятьдесятъ и шириною въ пятьдесятъ футовъ, съ огромными веслами, которыя торчали по бокамъ. На каждой галерѣ было пятьдесятъ скамеекъ, по двадцати пяти на каждой сторонѣ, къ которымъ приковывались каторжане. Каждому изъ нихъ давалось весло въ пятьдесятъ футовъ длиною, съ тяжелою ручкой, уравновѣшивавшей его тяжесть.

Такова была страшная работа, къ которой былъ приговоренъ

несчастный Вандааленъ. За малѣйшую провинность начальникъ галеры могъ безнаказанно засѣчь его до смерти.

Беатриса нѣсколько успокоилась, узнавъ, что небольшое судно, нанятое отцомъ Джонсопомъ, ждетъ ихъ въ гавани.

Капитанъ заявилъ, что онъ будетъ готовъ къ отплытію черезъ три часа, когда начнется приливъ. Было условлено, что онъ доставитъ пассажировъ прямо къ берегамъ Суссекса.

Разузнавъ обо всемъ, Беатриса сошла съ лошади и вмѣстѣ съ священникомъ отправилась помолиться о здоровьѣ отца въ старинную церковь св. Іакова. Когда она опустилась на колѣни, у ней явилось какое-то предчувствіе, что ея отца уже нѣтъ въ живыхъ. Изъ церкви она явилась прямо на корабль. Жена капитана, красивая женщина среднихъ лѣтъ, отвела ее въ лучшую каюту и не покидала ее во все время переѣзда.

Слуги, посланные съ нею королемъ Іаковомъ, остались въ гостиницѣ. Они должны были хорошенько дать отдохнуть лошадямъ, такъ что въ обратный путь имъ можно было двинуться только на другой день.

Имѣя два часа свободного времени, Вальтеръ рѣшился осмотрѣть городъ. Ему очень понравились маленькіе деревянные домики, но ему и въ голову не приходило, что скоро они будутъ уничтожены его земляками.

Когда онъ возвращался въ гавань, партія каторжанъ вступала въ городъ. Встрѣча, которую имъ устроили добрые обитатели Діеппа, крайне удивила его. Вмѣсто того, чтобы пожалѣть этихъ несчастныхъ, жители осыпали ихъ проклятіями, такъ что имъ приходилось скорѣе спастись на свои галеры. Начальникъ конвоя пригласилъ Вальтера посмотрѣть, какъ они будутъ спускаться въ трюмъ и усаживаться по своимъ мѣстамъ, но тотъ отказался и пошелъ дальше.

Экипажъ «Святой Луціи»—такъ назывался корабль, нанятый для Беатрисы,—состоялъ изъ трехъ человѣкъ и мальчика. Для небольшого судна этого было совершенно достаточно. Самъ капитанъ Пьеръ Шабо былъ человѣкъ расторопный и опытный.

Въ назначенное время все было готово къ отплытію. Маленькій корабль былъ выведенъ на буксирѣ изъ гавани, поднялъ паруса и, благодаря попутному вѣтру, скоро скрылся изъ глазъ.

Въ теченіе сутокъ не попалось навстрѣчу ни одного враждебнаго судна. Только въ отдаленіи то тамъ, то сямъ мелькали иногда паруса. Ночью за ними гнался англійскій бригъ, сдѣлавшій по нимъ три или четыре выстрѣла. Пользуясь темнотой, имъ удалось скрыться невредимо. За исключеніемъ этого случая, переѣздъ во всѣхъ отношеніяхъ совершился спокойно, а путники прибыли въ Ньюгавенъ на слѣдующее утро.

Рыбачья лодка быстро свезла ихъ на берегъ.

VI.

Въ родномъ гнѣздѣ.

Въ тѣ времена якобитовъ и папистовъ, которые пытались тайно высадиться на англійскій берегъ, хватали и отправляли въ тюрьму. Той же участи подверглись бы и пассажиры, высадившіеся въ Ньюгавенѣ, если бы имъ не удалось обмануть бдительность береговой стражи. Но Вальтеръ Кросби и отецъ Джонсонъ не въ первый разъ совершали такой переѣздъ и знали, какъ нужно дѣйствовать въ такихъ случаяхъ.

Они подвигались впередъ лишь тогда, когда впереди нельзя было подозрѣвать присутствія враговъ. Не останавливались они и въ гостиницахъ, не наведя предварительно подробныхъ справокъ о ихъ хозяевахъ.

Въ Ньюгавенѣ жилъ нѣкто Маркъ Вистонъ, на котораго путники могли смѣло положиться. Они сразу направились къ его дому, который находился въ верхней части города и, предложивъ ему крупную награду, уговорили его отвезти ихъ въ закрытой повозкѣ въ домъ нѣкоего мистера Моксалля, близъ Льюиса.

Моксалль былъ католикъ и якобитъ. Не будучи знакомы съ нимъ лично, Вальтеръ Кросби и отецъ Джонсонъ были, однако, вполне увѣрены, что онъ окажетъ имъ самое радушиное гостепріимство и поможетъ продолжать путь дальше.

И они не обманулись въ своихъ ожиданіяхъ.

Послѣ завтрака путники двинулись въ каретѣ по довольно дикой мѣстности, покрытой лѣсомъ, въ Вакехерсилъ Плэсъ—старинное красивое зданіе, принадлежащее паписту сэру Никласу Кольпеннеру, крѣпко державшему сторону короля Іакова.

Сэръ Никласъ съ удовольствіемъ воспользовался случаемъ оказать услугу родственницѣ полковника Тильдеслея, такъ какъ ему было извѣстно о благосклонности къ ней королевы, которой она пользовалась въ Сень-Жерменѣ.

Онъ принялъ всѣ мѣры для того, чтобы облегчить поѣздку Беатрисы въ Ланкаширъ, далъ ей и ея спутникамъ лошадей и посоветовалъ имъ ѣхать къ мистеру Понсонби, который, съ своей стороны, дастъ имъ возможность ѣхать дальше.

Дѣйствительно, мистеръ Понсонби принялъ путниковъ съ распростертыми объятіями и доставилъ ихъ къ одному изъ своихъ пріятелей въ Беркширѣ, который, въ свою очередь, отвезъ ихъ въ Нортamptonъ.

Спать путникамъ приходилось очень недолго и всѣ удивлялись, какъ Беатриса могла не чувствовать усталости. Бодрость

духа не покидала ее, и она безпрестанно торопила спутниковъ, совѣтуя имъ не обращать на нее вниманія.

На шестой день послѣ отъѣзда изъ Ньюгавена они достигли Манчестера и остановились въ гостиницѣ «Бычьей Головы». Здѣсь Беатриса узнала, что ея отецъ умеръ. Онъ скончался въ тотъ самый день, когда она выѣхала изъ Сентъ-Жермена, и былъ похороненъ въ Престонѣ въ церкви св. Іоанна.

Это извѣстіе поразило ее. Она только и поддерживала себя надеждой снова увидѣть отца. Теперь же, когда оправдались ея опасенія, всѣ силы, казалось, покинули ее. Сначала ей казалось, что она не въ состояннн будетъ ѣхать дальше, но потомъ она уступила мягкимъ настояніямъ Вальтера и отца Джонсона и рѣшила сдѣлать послѣднее усиліе и добраться до Майерскофа, которому теперь предстояло стать ея домомъ. Она съ трудомъ садилась на лошадь, но по мѣрѣ того, какъ всадники приближались къ мѣсту назначенія, силы ея поднимались. Спутники, видя такую перемѣну, едва вѣрили своимъ глазамъ. Она не жаловалась во время путешествія, но была вся поглощена мрачными мыслями.

Ночью путники прибыли въ Престонъ. Первымъ дѣломъ Беатриса отправилась на могилу отца. Помолвившись и поплакавъ, она почувствовала большое облегченіе.

Съ облегченнымъ сердцемъ направилась она дальше въ Майерскофъ. Ее сопровождалъ только Вальтеръ. Отецъ Джонсонъ отправился туда заранѣе, чтобы предупредить о ея прибытіи полковника Тильдеслея.

Сначала она ѣхала молча, но по мѣрѣ того, какъ бѣжала дорога, завязывалась и бесѣда.

— Я чувствую, что я дурно обошлась съ вами, Вальтеръ, такъ сильно предавшись своему горю. Простите меня,—начала Беатриса.

— Я сильно страдалъ за васъ, Беатриса,—отвѣчалъ онъ:—и если я не рѣшался утѣшать васъ, то потому, что чувствовалъ себя совершенно неспособнымъ на это. Судя по всему тому, что мнѣ приходилось слышать, я былъ почти увѣренъ, что вы никогда уже не увидите вашего отца. Но, конечно, я не могъ сказать вамъ этого.

— Благодарю васъ за вашу осторожность. Если бъ я знала, что приѣду слишкомъ поздно, я, можетъ быть, и не поѣхала бы и такимъ образомъ не исполнила бы своего долга.

— Ради вашего спокойствія вамъ, по-моему, лучше было бы возвратиться обратно.—промолвилъ Вальтеръ

— А знаете, у меня было много дурныхъ примѣтъ во время пути, и я боюсь, что мы уже не можемъ надѣяться на былое счастье. Будущее представляется мнѣ въ мрачномъ свѣтѣ. Здѣсь въ Ланкаширѣ составляетъ огромный заговоръ противъ прави-

тельства, и дѣло, конечно, должно кончиться гибелью лучшихъ семей.

— Я не согласенъ съ вами,—возразилъ онъ:—и думаю, что кое-въ чемъ этотъ заговоръ будетъ очень удаченъ. Что же остается католикамъ, какъ не поднять возстаніе? Преслѣдованія, которыми они подвергаются, становятся невыносимы.

— Я знаю это!—воскликнула она.—Но въ то же время я чувствую, что возстаніе будетъ роковымъ для насъ, для нашего дѣла, для нашей религіи. Протестантская партія сильнѣе насъ и она должна восторжествовать. Во время нашего пути я всесторонне изучала положеніе и пришла именно къ такому заключенію. Боюсь, что, несмотря на всѣ наши усилія, нашъ добрый король Іаковъ не вернется на тронъ. Я почти увѣрена, что не будетъ восстановлена и наша религія.

— Не нужно ни въ чемъ отчаиваться,—попробовалъ утѣшить ее Вальтеръ.—По моимъ соображеніямъ, король Іаковъ вернется сюда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, а затѣмъ совершится и все остальное.

— Да помогутъ намъ небеса!—пылко воскликнула Беатриса.—Но я не могу питать такихъ надеждъ. Какъ бы мнѣ хотѣлось повидать опять королеву. Мнѣ кажется, что я разсталась съ ней уже давнымъ-давно!

— Если у васъ такое желаніе, то вы можете, вѣдь, и вернуться въ Салъ-Жермень,—замѣтилъ Вальтеръ.—Я увѣренъ, ея величество будетъ очень рада увидѣть васъ.

— Можетъ быть, я дѣйствительно и уѣду обратно,—отвѣчала Беатриса.—Посмотримъ.

Въ это время сквозь просѣку парка показался Майерскофъ. Беатриса остановила лошадь и стала смотрѣть на него.

Благодаря прекрасной погодѣ, или потому, что она давно не была здѣсь, мѣстность представилась ей такой красивой, какой она никогда не видала ее прежде.

Старинный домъ какъ будто улыбался ей и звалъ ее къ себѣ, и эта мысль навѣвала на нее удивительное спокойствіе.

— Какъ мирно все вокругъ этого дома!—воскликнула она.—Можно подумать, что его обитатели наслаждаются полнымъ счастьемъ. Боюсь, однако, что оно не составляетъ удѣла моего родственника.

— Онъ вполнѣ заслуживаетъ его,—сказалъ Вальтеръ.—Здѣсь нѣтъ другого такого человѣка, какъ полковникъ Тильдеслей.

— Это, конечно, такъ. Но онъ слишкомъ запутался съ якобитами, слишкомъ вдался въ ихъ заговоры, и теперь у него нѣтъ ни спокойствія, ни безопасности. Каждую минуту онъ долженъ быть готовъ бѣжать изъ этого дома, каждую минуту его могутъ схва-

тить и увезти отсюда. Хуже всего, — прибавила она, вздрагивая: — что онъ можетъ умереть на эшафотѣ.

— Во всякомъ случаѣ онъ умретъ за благое дѣло, — произнесъ Вальтеръ. — Но я увѣренъ, что его ждетъ лучшая доля.

Въ воротахъ парка, которыя были раскрыты настежь, стоялъ Горнби. Сіяя отъ радости, старый дворецкій поздравилъ Беатрису съ возвращеніемъ въ родныя мѣста.

— Радъ васъ видѣть опять, дорогая лэди, — воскликнулъ онъ тономъ, не допускавшимъ сомнѣнія въ его искренности. — Всѣ слуги тосковали по васъ, а я больше всѣхъ. А полковникъ былъ самъ не свой безъ васъ.

Затѣмъ Горнби разсыпался было въ сожалѣніяхъ по поводу смерти ея отца, но, увидѣвъ, какъ огорчаютъ ее эти напоминанія, смолкъ и обратился потомъ къ Вальтеру.

Полковникъ Тильдеслей ожидалъ Беатрису передъ домомъ. Увидѣвъ ее, онъ поспѣшилъ ей навстрѣчу и прижалъ ее къ своему сердцу.

Хотя Беатриса уже заранѣе предвкушала эту встрѣчу, рисуя ее себѣ приблизительно такъ, какъ она и произошла въ дѣйствительности, однако свиданіе это слишкомъ сильно подѣйствовало на нее. Войдя въ домъ, она сейчасъ же направилась въ комнату, которую привыкла считать своею.

Вскорѣ она вполне овладѣла собою и вышла въ залъ.

Между тѣмъ полковникъ дружески здоровался съ Вальтеромъ, который искренно любилъ его и былъ радъ его видѣть.

Явился и отецъ Джонсонъ. По настоятельной просьбѣ Беатрисы онъ долженъ былъ идти въ церковь и отслужить тамъ молебенъ, на которомъ присутствовали и Вальтеръ съ Тильдеслеемъ.

Скоро обнаружилось, что Беатриса черезчуръ переутомилась отъ слишкомъ длиннаго и быстрого пути. Она стала жаловаться на упадокъ силъ и, удалившись, по совѣту полковника, въ свою комнату, больше уже не показывалась въ этотъ день.

Утромъ ей сдѣлалось хуже, а къ вечеру она опасно заболѣла.

Вальтеръ Кросби поскакалъ въ Ланкастеръ — самый близкій городъ, гдѣ можно было найти врача, и привезъ съ собою доктора Давенпорта, которому Тильдеслей вполне довѣрялъ: Давенпортъ лечилъ неоднократно его покойную жену.

Осмотрѣвъ больную, докторъ заявилъ, что она заболѣла отъ чрезмѣрнаго утомленія. Выслушавъ разсказъ Вальтера о путешествіи, которое они только что совершили, онъ назначилъ больной лекарство, поднимающее дѣйствіе сердца, разсчитывая, что оно будетъ имѣть хорошее дѣйствіе.

Полковникъ Тильдеслей сильно тревожился за больную, и доктору пришлось заночевать въ Майерскофѣ. Время отъ времени

онъ давалъ больной капли и къ утру слѣдующаго дня объявилъ, что она уже внѣ опасности. При надлежащемъ покоѣ она должна была скоро поправиться.

Тяжелую ночь пришлось провести Вальтеру и полковнику, которые нѣсколько успокоились лишь къ утру, когда стало извѣстно, что Беатрисѣ лучше. Хотя кризисъ и миновалъ, она все еще была очень плоха и нѣсколько дней не показывалась изъ своей комнаты. Ее могли навѣщать только ея прислуга, докторъ, спасшій ей жизнь, и отецъ Джонсонъ.

У иоковника Тильдеслея были и другія заботы. Какъ завѣдомый приверженецъ изгнаннаго короля и вѣрный сынъ папы, онъ былъ особенно замѣтенъ для правительства. Когда въ 1680 г. былъ изданъ законъ объ амнистіи, Тильдеслей вмѣстѣ съ двумя-тремя своими пріятелями парочно не былъ подведенъ подъ него, какъ продолжающій сопротивляться правительству.

Вскорѣ былъ изданъ новый законъ, уполномочивавшій судей отдавать распоряженія объ арестѣ, обыскѣ и конфискаціи оружія и боевыхъ запасовъ въ домахъ папистовъ. Лошади, стоявшія дороже пяти фунтовъ, также отбирались у частныхъ лицъ въ пользу короля.

Положеніе полковника при такихъ условіяхъ было очень опасно, но друзья успѣвали увѣдомлять его, когда ему грозила какая-нибудь опасность. Недавно они предупредили его, что власти напали на слѣдъ большого якобитскаго заговора, въ который, можетъ быть, замѣшаютъ и его. Всѣ боялись, что Тайный совѣтъ дастъ приказъ о его арестѣ. Приходилось, слѣдовательно, принимать всѣ возможные мѣры предосторожности.

Полковникъ Тильдеслей не разъ получалъ подобныя предостереженія и прежде и почти пересталъ обращать на нихъ вниманіе. Но на этотъ разъ дѣло было слишкомъ серьезно, и Вальтеръ совѣтовалъ ему не пренебрегать предупрежденіемъ.

Обдумавъ дѣло, какъ слѣдуетъ, Вальтеръ пришелъ къ заключенію, что заговоръ, о которомъ говорило предупрежденіе, былъ не что иное, какъ планъ захватить Тоуръ, предложенный Лентомъ королю Іакову. Онъ не могъ только понять, какимъ образомъ заговоръ могъ обнаружиться такъ быстро. Неужели объ немъ донесъ тотъ, кто самъ его наладилъ?

Вальтеръ всегда сомнѣвался въ надежности Лента, а теперь его прежнія подозрѣнія получили новую силу.

Послѣ аудіенціи у короля, на которой онъ изложилъ свой планъ заговора, Лентъ уѣхалъ изъ Сентъ-Жермена, захвативъ съ собою и бумаги, которыя могли бы подкрѣпить его доносъ. Почти сейчасъ же послѣ его прибытія въ Лондонъ пошли слухи о большомъ заговорѣ якобитовъ, которые, несомнѣнно, предвѣщали боль-

шіе аресты. Вальтеръ теперь не сомнѣвался, что не кто иной, какъ самъ Лентъ, выдалъ заговорщиковъ. Побудить его къ этому могли предложенная правительствомъ награда—вѣдь оно платило доносчикамъ очень щедро, надѣляя ихъ изъ имущества тѣхъ, которые подвергались осужденію. На этотъ разъ для конфискаціи были намѣчены, очевидно, самые богатые изъ якобитскихъ дворянъ.

Въ этомъ гнусномъ дѣлѣ первымъ помощникомъ для всѣхъ доносчиковъ былъ главный прокуроръ Ааронъ Смитъ. Онъ принималъ шпіоновъ у себя въ канцеляріи и, научивъ ихъ, какъ дѣйствовать, передавалъ ихъ съ рукъ на руки своему помощнику Кулленфорду, отъ котораго они получали дальнѣйшія инструкціи.

Если Лентъ дѣйствовалъ по внушенію этихъ господъ,—а было похоже на то,—въ такомъ случаѣ положеніе полковника Тильдеслея становилось очень опаснымъ: негодяй, очевидно, не остановится передъ предательствомъ. Если бы удалось получить приказъ объ арестѣ полковника, то Лентъ, зная расположеніе Майерскофа, могъ бы всегда выбрать для нападенія наиболѣе слабое мѣсто, и всѣ приготовленія къ защитѣ оказались бы напрасными. Нанадающіе, очевидно, перероютъ весь домъ и паркъ въ поискахъ за драгоценностями хозяина, которыя были спрятаны, о чемъ Ленту хорошо было извѣстно. А его обширная коллекція оружія и лошади навѣрно будутъ конфискованы.

Вальтеръ не говорилъ полковнику о всѣхъ своихъ подозрѣніяхъ и ограничился лишь тѣмъ, что посоветовалъ ему быть какъ можно осторожнѣе.

— Нельзя пренебрегать полученными предупрежденіями, полковникъ,—сказалъ какъ-то Вальтеръ, сидя съ хозяиномъ въ большомъ залѣ.—Вамъ нечего ждать пощады отъ правительства, которое поставило васъ внѣ закона. Что же вы намѣрены дѣлать, если будетъ отданъ приказъ о вашемъ арестѣ? Вы такъ и дадите себя арестовать?

— Конечно, нѣтъ,—отвѣчалъ полковникъ.

— Въ такомъ случаѣ вамъ нужно приготовиться къ защитѣ или бѣжать.

— Какъ могу я защищаться? —мрачо произнесъ полковникъ.— Положимъ, я могу отбить одно нападеніе. Но на слѣдующій день противъ меня явится еще болѣе сильный отрядъ, и я долженъ буду уступить. Майерскофъ не крѣпость, да и людей у меня нѣтъ.

— Это, конечно, вѣрно,—согласился Вальтеръ.—Но все-таки вы не должны покоряться.

— Что же прикажете мнѣ дѣлать? Придется, по всей вѣроятности, покинуть отечество и искать убѣжище во Франціи.

— Напрасно,—возразилъ Вальтеръ.—Держитесь здѣсь, пока можно, и рассчитывайте на то, что счастливый случай васъ выру-

читать. Можетъ произойти нѣчто такое, чего мы теперь и не предвидимъ. Вильгельма Оранскаго могутъ убить. Можетъ случиться возстаніе или вторженіе. Тогда положеніе дѣла сразу переменится.

— Мы такъ часто обманывались въ своихъ расчетахъ на возстаніе, что я потерялъ всякую надежду на него,—отвѣчалъ Тильдеслей.—А что касается вторженія, то, боюсь, его совсѣмъ и не будетъ.

— Все возможно,—промолвилъ Вальтеръ.—Но вамъ нужно избѣжать ареста во что бы то ни стало.

При этихъ словахъ въ залъ вошелъ отецъ Джонсонъ. Узнавъ, о чемъ шелъ разговоръ, онъ выразилъ твердую увѣренность, что заговоръ былъ выданъ Лентомъ и что теперь слѣдуетъ ждать появленія въ Майерскофъ полицейскаго отряда.

— Что онъ явится сюда—это я предвижу по многимъ признакамъ,—продолжалъ священникъ.—Явится съ нимъ и Лентъ. Онъ вѣдь знаетъ всѣ тайники дома. Когда онъ пріѣхалъ сюда въ первый разъ, я вообразилъ, что онъ вполне надежный человѣкъ и, къ несчастью, ввѣрилъ ему. Я жестоко браню теперь себя за эту неосторожность. Но если онъ явится сюда съ приказомъ объ арестѣ, то не найдетъ уже здѣсь ни денегъ, ни цѣнностей, ни серебра.

— Онъ не долженъ найти ничего,—воскликнулъ полковникъ.—Надо все заранѣе увести.

— Не долженъ онъ захватить и оружіе, а также лошадей.

— Совершенно вѣрно.

— Кромѣ того, нужно, чтобы онъ не могъ найти васъ, полковникъ, иначе вы скоро очутитесь въ Ланкастерской крѣпости.

— Я не могу бросить домъ.

— Можетъ быть, этого и не нужно,—возразилъ отецъ Джонсонъ:—хотя въ Сентъ-Жерменѣ вы были бы въ большей безопасности. Но мѣры предосторожности нужно принять немедленно. Спрячьте серебро и цѣнные вещи и прикажите увести куда-нибудь лошадей.

— Я слѣлаю, какъ вы совѣтуете,—отвѣчалъ полковникъ.

Посовѣтовавшись затѣмъ съ вѣрнымъ Горнби, онъ рѣшилъ измѣнить свои планы. Дворецкій считалъ, что лучше всего не трогать ни серебра, ни цѣнныхъ вещей.

— Послѣдуйте, сударь, моему совѣту и оставьте все такъ, какъ есть,—началъ онъ.—Если вы начнете вывозить все отсюда, то вы только навлечете на себя новыя опасности. Если обыскъ будетъ, то, я не сомнѣваюсь, мы успѣемъ къ нему приготовиться. Наконецъ мы во всякомъ случаѣ не позволимъ грабителямъ увести отсюда ихъ добычу. По тѣмъ же соображеніямъ я совѣтую вамъ не отводить вашихъ лошадей. Пусть стоятъ въ конюшнѣ. Онѣ могутъ понадобиться вамъ, и тогда вамъ придется пожалѣть о томъ, что ихъ нѣтъ.

— Ты правъ, Горнби,—сказаль полковникъ.—Твой планъ совпадаетъ съ моимъ. Серебро и цѣнныя вещи могутъ пригодиться при случаѣ, ибо я знаю по опыту, что при обыскѣ можно и подкупить. Что касается лошадей, то, конечно, онѣ будутъ побыстрѣе драгунскихъ и помогутъ мнѣ скрыться отъ нихъ.

— Я такъ и думаю, господинъ полковникъ,—сказаль дворецкій.—Съ вашего позволенія я сдѣлаю все приготовленія и приму мѣры на случай ожидаемаго визита. Посѣтители встрѣтятъ здѣсь горячій пріемъ, а если съ ними явится и мистеръ Лентъ, то мы окажемъ ему особую честь.

На этомъ разговоръ окончился, и дворецкій удалился.

Но поднявшаяся тревога не соотвѣтствовала, повидимому, опасности.

Все было спокойно, и въ этой мѣстности не было ни одного ареста. Полковникъ Тильдеслей сталъ было уже надѣяться, что буря пронеслась мимо.

VII.

Приключенія Вальтера въ Лондонѣ.

Тѣмъ временемъ Беатриса поправилась настолько, что могла уже выходить изъ своей комнаты. Ея появленіе вызвало общую радость обывателей Майерскофа. Она все еще была слаба, но румянецъ уже вернулся къ ней. Нечего, однако, было и думать ѣхать въ Ньюгавенъ.

— Мнѣ нужно подѣлиться съ вами кое-чѣмъ,—сказаль ей какъ-то Вальтеръ, когда они остались вдвоемъ.—У меня есть планъ, исполненіе котораго я отложилъ до тѣхъ поръ, пока не переговорю съ вами. Я хочу ѣхать въ Лондонъ и добиться тамъ въ Уайтголлѣ свиданія съ министромъ внутреннихъ дѣлъ сэромъ Джономъ Тренчардомъ. Я предполагаю также повидаться съ главнымъ прокуроромъ мистеромъ Аарономъ Смитомъ.

— Да вѣдь это же наши смертельные враги!—воскликнула молодая дѣвушка.

— Потому-то я и хочу ихъ видѣть,—возразиль онъ.—Я увѣренъ, что отъ нихъ я могъ бы получить очень цѣнныя указанія.

— Васъ, навѣрно, тамъ арестуютъ.

— Напротивъ, я думаю, что меня примутъ съ распростертыми объятіями. Оба они сильно поощряютъ доносчиковъ, а я именно и хочу явиться подъ видомъ одного изъ нихъ. Я постараюсь увѣрить ихъ, что у меня есть важныя государственныя тайны, которыя я хочу имъ открыть. Они знаютъ о моихъ связяхъ съ партіей яacobитовъ и, конечно, повѣрятъ мнѣ.

— Такой способъ дѣйствиій, можетъ быть, и удастся, но я не могу его одобрить: онъ недостойнъ васъ.

— Противъ врага хорошъ всякій способъ дѣйствиій. Кромѣ того, это значитъ бороться съ нимъ его же оружіемъ. Этотъ негодяй и измѣнникъ Лентъ, очевидно, напять Ааропомъ Смитомъ, чтобы погубить жизнь нашихъ друзей, а я хочу ихъ спасти и поэтому-то и рѣшаюсь рискнуть. Отецъ Джонсонъ и я послѣднее время того и ждемъ, что полковникъ Тильдеслей будетъ арестованъ по доносу Лента.

— Въ самомъ дѣлѣ?—воскликнула она.—Я ничего не слышала объ этомъ.

— Отъ васъ нарочно все скрывали. Но я боюсь, что опасность еще не прошла.

— Это очень тревожное извѣстіе. Вы окажете огромную услугу друзьямъ, если разстроите замыслы этихъ негодяевъ. Вы уже говорили о вашемъ планѣ съ полковникомъ?

— Говорилъ. Онъ находитъ его слишкомъ рискованнымъ и старается убѣдить меня отказаться отъ этой попытки.

— Я тоже хотѣла отговаривать васъ, Вальтеръ. Но, выслушавъ васъ, я не могу не согласиться съ вами. Поѣзжайте, а я буду горячо молиться о вашемъ успѣхѣ.

— Вы меня подбодрили,—сказалъ онъ, цѣлуя ея руку.

— Когда вы предполагаете отправиться?—спросила она.

— Въ самомъ непродолжительномъ времени. Мнѣ нужно быть въ Лондонѣ именно теперь, и долго ждать здѣсь не приходится.

— Вы ѣдете одинъ?

Онъ отвѣчалъ утвердительно.

— Мнѣ очень хотѣлось бы ѣхать съ вами,—продолжала она.— Но, къ сожалѣнію, это невозможно.

— Я понимаю,—промолвилъ онъ со вздохомъ.—Вы не можете оказать мнѣ какую-нибудь помощь. Я долженъ обдѣлать все одинъ. Всѣ приготовленія я уже сдѣлалъ, остается только приказать подать себѣ лошадь.

— Стало быть, намъ нужно проститься сейчасъ.

— Такъ будетъ лучше. Передайте мой привѣтъ полковнику и отцу Джонсону.

Съ этими словами Вальтеръ прижалъ ее къ своей груди. Отъ охватившаго ихъ сильнаго волненія они не могли промолвить ни слова и разстались молча.

Минуть черезъ десять Вальтеръ шелъ уже къ конюшнямъ. Онъ былъ одѣтъ въ дорожный костюмъ и несъ съ собой небольшой чемоданъ. По дорогѣ ему попался полковникъ Тильдеслей, которому волею-неволею пришлось рассказать о задуманной поѣздкѣ въ Лондонъ.

— Долженъ вамъ откровенно сознаться, дорогой полковникъ, что мнѣ не хотѣлось прощаться съ вами,—сказаль Вальтеръ.— Вы, конечно, легко поймете меня, почему и не осудите меня, падѣюсь. Я сообщилъ свой планъ Беатрисѣ, которая передастъ вамъ все подробности. Я надѣюсь скоро вернуться и привезти вамъ хорошія извѣстія.

— Если вы ничего не имѣете противъ,—воскликнулъ полковникъ:—то я провожу васъ до Престопа.

— Напротивъ, я буду чрезвычайно радъ,—отвѣчалъ Вальтеръ.— Это придастъ мнѣ бодрости.

Въ конюшнѣ они нашли Горнби, который распорядился уже осѣдлать для Вальтера сильнаго коня. Сбоку сѣдла были прикрѣплены пистолеты, а спереди плащъ. Чемоданъ привязали сзади.

— Надѣюсь, вы не сердитесь на меня, полковникъ,—почтительно сказалъ Горнби.—Но я не могъ не помочь капитану Кросби въ осуществленіи плана, который,—одобрите вы его, или нѣтъ,—имѣеть въ виду вашу же пользу.

— Ты поступилъ правильно, Горнби,—отвѣчалъ полковникъ.— Если капитанъ рѣшился привести въ исполненіе свой замыселъ, то я ничего не имѣю противъ этого. Будемъ надѣяться, что все пойдетъ хорошо. А теперь распорядись осѣдлать мою лошадь поскорѣе!

— Какъ, и вы ѣдете въ Лондонъ, полковникъ!—воскликнулъ удивленный дворецкій.

— Тебя не касается, куда я ѣду. Я возьму съ собою только одного грума.

Изъ своей комнаты, изъ которой открывался видъ на вѣздную аллею, Беатриса видѣла, какъ Вальтеръ и полковникъ, сопровождаемые грумомъ, проѣхали черезъ подъемный мостъ и выѣхали на дорогу. Вальтеръ взглянулъ на это окно и сдѣлалъ своей невѣстѣ прощальный жестъ рукою.

Беатриса долго слѣдила за нимъ, пока они ѣхали по дорогѣ. Когда всадники наконецъ скрылись изъ виду, она оторвалась отъ окна и воскликнула съ выраженіемъ полного отчаянія:

— Увижусь ли еще съ нимъ когда-нибудь?

Невесело ѣхаль въ Престонъ полковникъ Тильдеслей. Онъ никакъ не могъ отдѣлаться отъ предчувствія, что Вальтеръ напрасно подвергаетъ себя опасности. Онъ не отговариваль его отъ затѣи, но не могъ и подбодрить его.

Самъ Вальтеръ былъ въ довольно хорошемъ настроеніи. Предпріятіе, которое онъ затѣяль, какъ разъ соотвѣтствовало его характеру, склонному ко всякаго рода приключеніямъ. Мысль о неудачѣ какъ-то не приходила ему въ голову. Напротивъ, онъ твердо вѣрилъ, что ему удастся оказать огромную услугу какъ

полковнику Тильдеслею, такъ и другимъ ланкаширскимъ якобитамъ.

Когда всадники достигли Престопа и настало время проститься, полковникъ въ послѣдній разъ сдѣлалъ попытку отговорить своего спутника отъ дальнѣйшаго путешествія и вернуться въ Майерскофъ. Но Вальтеръ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ.

— Нѣтъ, полковникъ, я теперь ужъ не хочу возвращаться назадъ,—сказалъ онъ.—Не вижу причинъ, почему я долженъ отказаться отъ моего плана.

— Не будемъ больше говорить объ этомъ,—отвѣчалъ полковникъ.—Скажу только, что буду сердечно радъ видѣть васъ опять у себя здоровымъ и невредимымъ. Но прежде, чѣмъ мы разстанемся, скажите, не нужно ли вамъ денегъ? Вотъ мой кошелекъ.

— Думаю, что я захватилъ довольно,—сказалъ Вальтеръ.— Впрочемъ, не откажусь отъ вашего любезнаго предложенія.

Пожелавъ другъ другу всего хорошаго, они разстались, и каждый поѣхалъ своей дорогой.

Полковникъ Тильдеслей пробылъ въ Престонѣ часа два-три. Онъ успѣшилъ повидаться съ Тоунлеемъ, который жилъ въ домѣ одного своего пріятели, и имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ наединѣ.

— Мы, несчастные якобиты, подвергаемся теперь большой опасности,—сказалъ Тоунлей.—Богъ одинъ знаетъ, что съ нами будетъ, если только обстоятельства не повернутся въ нашу пользу. Мы все ждемъ возстанія и вторженія, но ничего подобнаго нѣтъ и нѣтъ. Намъ обѣщали освободить насъ отъ узурпатора, а онъ все еще сидитъ на тронѣ. Мы съ вами да еще лордъ Молинэ, повидимому, намѣчены въ жертву, и я боюсь, что намъ не удастся убѣжать и избѣгнуть заключенія въ тюрьму.

— Мнѣ не хочется оставлять Майерскофъ,—отвѣчалъ гость.— Иначе я, конечно, успѣшилъ бы въ Сентъ-Жермень, захвативъ съ собою и миссъ Тильдеслей. Но я долженъ еще дождаться возвращенія изъ столицы капитана Кросби. По новостямъ, которыя онъ привезетъ съ собою, видно будетъ, что намъ дѣлать дальше.

— Очень можетъ быть, что онъ и не вернется совсѣмъ,—промолвилъ Тоунлей,—и мы скоро услышимъ, что его заключили въ Тоуръ.

— По правдѣ сказать, я этого не думаю; но если это случится, я немедленно отправлюсь во Францію.

— Мнѣ кажется, слѣдовало бы собрать всѣхъ нашихъ друзей,—сказалъ Тоунлей,—и обсудить, что намъ дѣлать при настоящихъ обстоятельствахъ.

— Это непременно нужно сдѣлать,—согласился съ нимъ Тильдеслей:—необходимо только соблюдать въ этомъ случаѣ особую

осторожность, какъ бы не провѣдали объ этомъ правительственные шпионы и доносчики. Иначе насъ непременно арестуютъ. Гдѣ намъ лучше собраться, въ Тоунлеѣ или въ Майерскофѣ?

— Лучше всего собраться черезъ недѣлю у меня,—отвѣтилъ Тоунлей.—Я приглашу и всѣхъ другихъ.

— Можете на меня рассчитывать. Можетъ быть, и капитанъ Кросби вернется къ этому времени изъ Лондона. Тогда я привезу его съ собою.

— Непременно постарайтесь,—сказалъ Тоунлей.

Вскорѣ Тильдеслей ѣхалъ обратной дорогой къ себѣ въ Майерскофѣ.

Что касается Вальтера, то, разставшись съ полковникомъ и проѣхавъ Престонъ, онъ остановился на короткое время въ Чорлеѣ. Переночевавъ затѣмъ въ Манчестерѣ, онъ рано утромъ двинулся дальше и къ завтраку былъ уже въ Макльфильдѣ.

Лошадь бѣжала бодро, и къ вечеру Вальтеръ достигъ уже Дерби. Отсюда онъ направился на Нортгамптонъ и поздно вечеромъ на четвертый день прибылъ наконецъ въ Лондонъ. Здѣсь онъ остановился въ гостиницѣ «Королевы» на улицѣ Страндъ. Хозяинъ этой гостиницы, Никласъ Праймъ, былъ тайный якобитъ, и его домъ служилъ мѣстомъ сбора всей партіи.

Сильно утомившись отъ продолжительной поѣздки, Вальтеръ проснулся на другой день довольно поздно и, сойдя въ общую залу, засталъ тамъ только одного слугу.

Заказавъ для себя завтракъ, онъ объявилъ, что хотѣлъ бы переговорить съ самимъ хозяиномъ. Праймъ сейчасъ же явился. Поздоровавшись съ гостемъ, хозяинъ сказалъ:

— Я слышалъ, что кто-то прибылъ сегодня ночью, но я никакъ не думалъ, чтобы это были вы, сударь. Совѣтую вамъ держаться какъ можно осторожнѣе,—прибавилъ онъ, понижая голосъ.—Безопасность еще не наступила для нашихъ друзей. Съ того времени, какъ открыли заговоръ, произведено немало арестовъ. Ожидаются дальнѣйшіе аресты.

— Я отлично знаю объ этомъ, Праймъ,—сказалъ Вальтеръ:—хотя, долженъ сказать, я думаю, что тутъ и не было никакого заговора. Кажется, все это устроилъ Лентъ. Скажите, онъ еще здѣсь, въ городѣ?

— Вчера онъ былъ здѣсь. Берегитесь его! Онъ очень опасный человѣкъ.

— Онъ негодяй, но я надѣюсь сдѣлать его безвреднымъ при помощи еще большаго негодяйства.

— Отъ души желаю вамъ удачи, сударь, и съ своей стороны готовъ помочь вамъ всѣмъ, чѣмъ могу.

Вальтеръ съ аппетитомъ засѣлъ за принесенный завтракъ и, покончивъ съ нимъ, вышелъ изъ гостиницы и пошелъ по улицѣ Страндъ по направленію къ Черингъ-Кроссъ.

Его бравый видъ и красивая фигура невольно привлекали къ нему общее вниманіе, такъ что нѣкоторые долго смотрѣли ему влѣдъ.

Одинъ изъ этихъ ротозѣевъ, который въ теченіе нѣсколькихъ минутъ смотрѣлъ на него какъ-то особенно внимательно, вдругъ повернулъ назадъ и пошелъ за нимъ.

Бросивъ восхищенный взглядъ на конную статую, украшающую площадь Черингъ-Кроссъ, Вальтеръ направился прямо къ Уайтголлю, который былъ какъ разъ передъ нимъ.

Этотъ огромный, великолѣпный дворецъ сохранялся почти въ томъ же видѣ, въ какомъ его застала внезапная смерть Карла II. Слѣдующее царствованіе не внесло въ него никакихъ передѣлокъ, восшествіе на престолъ Вильгельма также ни въ чемъ не измѣнило его вѣщности.

Дворецъ представлялъ собою огромное зданіе, въ которомъ помѣщались королевскіе апартаменты, комнаты фрейлинь и придворныхъ чиновъ и дворцовая хозяйственная часть.

Къ дворцу примыкали помѣщенія для высшей знати, красивая домашняя церковь, длинная широкая каменная галерея, прекрасный садъ съ четырехугольными клумбами, украшенными статуями, площадка для игры, на которой «веселый монархъ» и его придворные состязались почти каждый день въ мячъ, и наконецъ загороженное мѣсто, гдѣ происходили любимые при дворѣ пѣтушійные бои.

Несмотря на отсутствіе симметріи и однообразіе, Уайтголлъ имѣлъ необыкновенно живописный видъ, особенно если смотрѣть на него со стороны рѣки, откуда онъ лучше всего былъ виденъ, или со стороны воротъ, увѣковѣченныхъ на рисункахъ Гольбейна.

Вальтеръ хорошо зналъ этотъ старинный дворецъ, въ которомъ онъ долго жилъ въ счастливую пору своей молодости. Онъ остановился передъ нимъ и, вперивъ въ него взоръ, внутренно прочиталъ молитву, чтобы изгнанный изъ него король вернулся въ него опять.

Пока Вальтеръ стоялъ передъ дворцомъ, человѣкъ, слѣдовавшій за нимъ отъ улицы Страндъ, поравнялся съ нимъ: Вальтеръ узналъ въ немъ Лента и невольно нахмурился.

Не замѣчая, или дѣлая видъ, что онъ не замѣчаетъ неудовольствія молодого человѣка, Лентъ вѣжливо приподнялъ шляпу и сказалъ:

— Очень радъ васъ видѣть въ Лондонѣ, капитанъ Кросби. Я думалъ, что вы еще въ Сень-Жерменѣ.

— Я удивленъ, видя васъ здѣсь, сэръ,—отвѣчала Вальтеръ.— Должно быть, вашъ огромный заговоръ рухнулъ, такъ какъ Тоуеръ до сихъ поръ не въ вашихъ рукахъ.

— Не говорите такъ громко, сэръ,—прошептала Лентъ.— Насъ могутъ услышать. Миѣ бы хотѣлось поговорить съ вами. Не хотите ли сдѣлать со мною прогулку по парку?

— Теперь я занятъ,—холодно отвѣчала Вальтеръ.

— Подождите одну минуту, сэръ!—вскричала Лентъ.— Скажите, гдѣ вы остановились, и я зайду къ вамъ.

Вальтеръ не далъ ему отвѣта и быстро пошелъ домой.

— Не уйдешь отъ меня, мой милый,—проворчала ему вслѣдъ Лентъ.— У тебя, очевидно, здѣсь есть какое-то дѣло. Ты, можетъ быть, хочешь стать шпиономъ. Ну, если такъ, тогда ты будешь имѣть дѣло со мной. А теперь посмотримъ, куда ты идешь.

VIII.

Вальтеръ въ пасти льва.

Не зная, что за нимъ слѣдятъ, Вальтеръ прошелъ сквозь широкия дворцовыя ворота, въ которыхъ стояли два конныхъ стражника и нѣсколько часовыхъ, и вступилъ на главный дворъ.

Какъ памятенъ ему этотъ дворъ! Но теперь онъ далеко не такъ оживленъ, какъ въ тѣ времена, когда Вальтеръ былъ еще пажомъ. Тогда здѣсь толпилось множество разряженныхъ придворныхъ, а теперь лишь кое-гдѣ виднѣлись кое-какія фигуры. Самъ дворецъ имѣлъ какой-то мрачный, унылый видъ, словно онъ самъ чувствовалъ, что пережилъ свою славу.

Взглянувъ мимоходомъ на Банкетную залу, Вальтеръ двинулся на другой конецъ двора, гдѣ были сосредоточены главнѣйшія правительственныя учрежденія. Скоро онъ былъ передъ казначействомъ—огромнымъ зданіемъ, лежавшимъ между канцеляріею лорда-камергера и помѣщеніемъ Тайнаго совѣта. Вальтеръ быстро поднялся по лѣстницѣ и вошелъ въ переднюю, изъ которой шелъ длинный коридоръ. Тутъ стояло нѣсколько привратниковъ и разсыльныхъ, которые повели его въ канцелярію сэра Джона Тренчарда, находившуюся въ концѣ коридора. Въ первой комнатѣ, въ которую они вступили, сидѣло за столами нѣсколько клерковъ. Одинъ изъ нихъ, повидимому, сразу узналъ Вальтера и вызвался доложить о немъ сэру Джону Тренчарду.

Черезъ нѣсколько минутъ клеркъ вернулся и повелъ Вальтера въ другую комнату, окна которой выходили во внутренній дворцовый садъ. Посреди его стояла, къ удивленію Вальтера, конная статуя короля Іакова.

Сэръ Джонъ сидѣлъ одинъ за столомъ, на которомъ лежали какія-то бумаги.

Это былъ красивый мужчина лѣтъ сорока, богато одѣтый въ яркій камзолъ, шитый золотомъ, въ длинномъ парикѣ и галстукѣ изъ брюссельскихъ кружевъ. Широкіе рукава его камзола также были украшены кружевами.

При входѣ Вальтера сэръ Джонъ поднялся и, вѣжливо поклонившись, просилъ посѣтителя садиться.

— Не въ первый разъ мы встрѣчаемся съ вами, капитанъ Кросби,—началь онъ.—Я помню васъ еще въ дѣтствѣ, когда вы считались самымъ красивымъ пажомъ короля Карла II. Помню васъ и офицеромъ въ гвардіи короля Іакова. Съ тѣхъ поръ наружность ваша не измѣнилась.

— Вы льстите мнѣ, сэръ Джонъ,—сказалъ Вальтеръ съ улыбкою.

— Нисколько. Съ тѣхъ поръ я много слышалъ о васъ. Мнѣ передавали, что недавно вы спасли въ Сенъ-Жерменѣ вашего августѣйшаго покровителя отъ руки убійцы. Надѣюсь, вы явились сюда не для того, чтобы требовать награды за этотъ подвигъ?—спросилъ онъ насмѣшливо.

— Я не прошу никакой награды, сэръ Джонъ,—возразилъ Вальтеръ.—Если бы я просилъ, то, конечно, не сюда мнѣ слѣдовало бы обратиться.

— Чему же я обязанъ вашимъ посѣщеніемъ, капитанъ Кросби?—спросилъ сэръ Джонъ, мѣняя тонъ.—Если вы хотите сдѣлать мнѣ какое-нибудь предложеніе, то я готовъ съ радостью васъ выслушать. Я знаю, у васъ былъ прекрасный случай собрать важныя свѣдѣнія, и я полагаю,—прибавилъ онъ многозначительно:—что это обстоятельство слѣдовало бы учесть. Скажите, вы давно были въ Ланкаширѣ?

— Я только что приѣхалъ оттуда.

— Ахъ, вотъ какъ! Въ такомъ случаѣ вы могли бы сообщить кое-что о тамошнихъ якобитахъ и папистахъ, которые вѣчно заняты разными заговорами?

— Я могу очень мало прибавить къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя вы уже получили отъ мистера Лента.

— Ахъ, такъ вы слышали о немъ? Мистеръ Лентъ сообщилъ мнѣ многое, но мы желали бы знать все подробно, особенно относительно полковника Тильдеслея, Тоунлея, лорда Молине и другихъ. Последнее время эти господа доставили намъ немало хлопотъ, и ихъ нужно успокоить.

— И вы просите меня помочь вамъ въ этомъ дѣлѣ, сэръ Джонъ? А что вы можете мнѣ за это предложить?

— Большую награду.

— Опредѣлите сумму точнѣе.

— Мой милый капитанъ, торгуясь со мною, вы не должны забывать, что вы сами отдались въ мои руки. Я вѣдь могу арестовать васъ. Нѣтъ,—прибавилъ онъ поспѣшно,—нѣтъ, я, конечно, не имѣю такого намѣренія, а вы можете положиться на щедрость правительства.

— Такъ дѣло у насъ не пойдетъ, сэръ Джонъ,—рѣшительно сказалъ Вальтеръ.—Нужно точнѣе условиться относительно размѣра суммы—и суммы не маленькой. Отвѣта я могу и подождать,—прибавилъ онъ.—Завтра въ этотъ же часъ я опять зайду къ вамъ, и къ этому времени вы, вѣроятно, уже обдумаете мое предложеніе.

— Условіе нужно сдѣлать немедленно. Мы хотимъ арестовать съ дюжину этихъ лапкаширскихъ дворянъ. Я желалъ бы, чтобы вы переговорили съ прокуроромъ Аарономъ Смитомъ. Условиться вы можете и съ нимъ.

— Я готовъ,—отвѣчалъ Вальтеръ.—Но я могу его теперь и не застать.

— Я не могу пойти къ нему съ вами,—сказалъ Тренчардъ:—но я пошлю за его довѣреннымъ секретаремъ мистеромъ Кулленфордомъ.

Съ этими словами онъ позвонилъ въ серебряный колокольчикъ, стоявшій на столѣ. Явился разсылный.

— Позовите сюда немедленно мистера Кулленфорда,—сказалъ Тренчардъ.

— Мистеръ Кулленфордъ въ пріемной,—отвѣчалъ разсылный.

— Вотъ кстати, позовите его сюда.

Въ ту же минуту въ комнату вошелъ страннаго вида человѣкъ. На его лицѣ ясно была написана хитрость и дерзость, а его манеры были вкрадчивы и почтительны.

Дюжій, коренастый и краснощекій, онъ былъ одѣтъ въ неуклюжій сѣрый сюртукъ, на ногахъ у него были чулки и башмаки съ четырехугольными носками, голову украшалъ небольшой парикъ.

Поклонившись почтительно Тренчарду, онъ бросилъ быстрый, испытующій взглядъ на Вальтера.

— Къ вашимъ услугамъ, сэръ Джонъ,—произнесъ онъ.—Вы желали меня видѣть?

— Отведите этого господина къ вашему начальнику. Скажите, что онъ присланъ мною. Онъ самъ изложитъ ему, въ чемъ дѣло.

Мистеръ Кулленфордъ поклонился.

— Могу узнать имя этого господина?—спросилъ онъ.

— Да, но только по секрету. Капитанъ Кросби.

— Тотъ, который спасъ короля Іакова въ Сентъ-Жерменѣ?

— Тотъ самый.

— Оня хочетъ сдѣлать разоблаченія?

— Это зависитъ отъ той суммы, которую мнѣ предложить,—замѣтилъ Вальтеръ.

— Передайте вашему начальнику, чтобы онъ условился съ мистеромъ Кросби относительно суммы,—сказаль Тренчардъ.

— Слушаю. Не угодно ли будетъ пожаловать за мною?—промолвилъ Кулленфордъ, обращаясь къ Вальтеру.

— Мы съ вами увидимся завтра, капитанъ,—сказаль Тренчардъ.

— Непремѣнно, сэръ Джонъ,—отвѣчалъ Вальтеръ, откланиваясь.

Канцелярія мистера Аарона Смита стояла направо отъ широкой улицы, которая вела отъ ви́шняго двора къ Скотландъ-Ярду. Мѣсто было довольно бойкое, такъ какъ улица отличалась многолюдствомъ. Противъ канцеляріи была расположена гауптвахта.

Въ помѣщеніе мистера Смита ходъ былъ прямо съ улицы. Никакихъ часовыхъ здѣсь не было.

Мистеръ Кулленфордъ старался быть общительнымъ и хотѣлъ указать Вальтеру главнѣйшія учрежденія, но тотъ скоро далъ ему понять, что онъ знаетъ эти мѣста не хуже его самого.

Когда они явились въ канцелярію мистера Аарона, оказалось, что прокуроръ былъ занятъ, и Вальтеру пришлось ждать пріема болѣе получаса.

Ааронъ Смитъ, судя по фізіономіи, былъ, несомнѣнно, еврейскаго происхожденія. Настоящее его имя было Лазарь. Онъ уже давно перемѣнилъ религію и выдавалъ себя за настоящаго протестанта. Его черные пронизательные глаза вопросительно уставились на Вальтера, когда Кулленфордъ, представивъ его прокурору, вышелъ изъ комнаты. Видно было, что Ааронъ Смитъ представлялся самому себѣ чрезвычайно важной персоной. Впрочемъ, онъ обошелся съ Вальтеромъ вѣжливо и предупредительно.

— Очень радъ васъ видѣть, капитанъ Кросби—сказаль онъ.— Вы именно то лицо, которое намъ нужно. Мы можемъ щедро оплатить ваши услуги. Признаюсь, я на нихъ никакъ не рассчитывалъ и былъ чрезвычайно удивленъ, когда нѣсколько минутъ тому назадъ мистеръ Кулленфордъ пазвалъ мнѣ ваше имя, прибавивъ, что васъ прислалъ сюда сэръ Джонъ Тренчардъ, чтобы уладить дѣло окончательно.

— Въ наше время люди мѣняютъ принципы, какъ одежду,—сказаль Вальтеръ.—До сего времени я былъ якобитомъ.

— Это достаточно извѣстно всѣмъ,—замѣтилъ мистеръ Ааронъ.— Я не буду спрашивать, что привело васъ къ столь внезапной перемѣнѣ убѣжденій. Предполагаю, однако, что вы, вѣроятно, разочаровались въ вашихъ симпатіяхъ?

— Совершенно вѣрно,—отвѣчалъ Вальтеръ.—Я обманулся въ своихъ ожиданіяхъ и когда узналъ, что Лентъ за свое сообщеніе получилъ крупныя деньги, я подумаль, почему бы и мнѣ не сдѣлать того же самаго?

— Очень радъ, что вы такъ быстро поняли свои интересы, капитанъ Кросби,—сказалъ прокуроръ.—Теперь вамъ представляется возможность заработать крупную сумму. Никто, конечно, не можетъ упрекнуть васъ въ томъ, что вы рѣшили использовать такой случай.

— Я не увѣренъ въ этомъ, сэръ,—возразилъ Вальтеръ.— Думаю, что меня будутъ сильно бранить.

— Ну, не слѣдуетъ обращать вниманіе на то, что люди говорятъ!—воскликнулъ мистеръ Смитъ.—Ваши свѣдѣнія будутъ для насъ гораздо важнѣе, чѣмъ сообщенія Лента. Онъ не пользуется хорошей репутаціей и только срамитъ правительство.

— Сколько же вы мнѣ дадите, позвольте васъ спросить?

— Извините меня, капитанъ Кросби, я не могу дать сейчасъ же отвѣта на этотъ вопросъ,—отвѣчалъ Ааронъ Смитъ.

— Какъ вамъ угодно, сэръ. Вашъ отвѣтъ не можетъ нисколько повліять на меня. Я самъ назначилъ себѣ сумму.

— Какую же сумму вы хотите?—спросилъ Смитъ.—Подойдемъ прямо къ дѣлу безъ дальнихъ разговоровъ.

— Десять тысячъ фунтовъ.

— Десять тысячъ фунтовъ!—воскликнулъ прокуроръ, откидываясь отъ изумленія назадъ.—Господи помилуй! Это гораздо больше, чѣмъ я ожидалъ, гораздо больше, чѣмъ мы могли бы дать!

— Отлично, сэръ,—произнесъ Вальтеръ.—Въ такомъ случаѣ не будемъ больше и толковать объ этомъ.

Но мистеръ Ааронъ не могъ, конечно, разстаться съ нимъ такимъ образомъ.

— Если бы мы не пригласили Лента,—сказалъ онъ:—то тогда, конечно, было бы иное дѣло. А теперь какъ отъ него отдѣлаться? Этого мы не можемъ.

— А почему бы и не отдѣлаться?—спросилъ Вальтеръ.

— Но вѣдь сдѣлка съ нимъ заключена,—возразилъ мистеръ Ааронъ.

— Отлично, уплатите ему и прогоните его. Это будетъ для васъ лучше всего. Вы же согласны, что онъ только вредитъ правительству.

— Надо обдумать это дѣло,—сказалъ прокуроръ.—Я не могу дать теперь рѣшительнаго отвѣта.

— Я условился съ сэромъ Джономъ Тренчардомъ покончить это дѣло завтра,—продолжалъ Вальтеръ.—Можетъ быть, вы успѣете къ тому времени переговорить съ нимъ.

— Я такъ и хочу сдѣлать,—отвѣчалъ мистеръ Смитъ.—Мы съ вами скоро столкнемся.

Онъ пожалъ ему руку самымъ дружелюбнымъ образомъ и самъ отворилъ ему дверь.

Выйдя изъ комнаты, Вальтеръ встрѣтилъ Кулленфорда, который, очевидно, его поджидалъ.

— Надѣюсь, что дѣло уладилось къ вашему удовольствію, капитанъ Кросби?—спросилъ онъ.

— Пока еще ничего не уладилось,—отвѣчалъ тотъ.

— Очень жаль,—замѣтилъ Кулленфордъ.—Но я вижу, въ чемъ дѣло. Тутъ есть одно препятствіе, которое нужно удалить. Я поговорю съ самимъ мистеромъ Смитомъ. Онъ не будетъ колебаться въ выборѣ между вами и Лентомъ.

— Надѣюсь, что не будетъ,—сказалъ, смѣясь, Вальтеръ.

Не успѣлъ Вальтеръ удалиться изъ канцеляріи, какъ туда влетѣлъ легкій на поминѣ Лентъ. Онъ былъ страшно взволнованъ и яростно набросился на Кулленфорда, который еще оставался въ пріемной.

— Я знаю, кто здѣсь былъ сейчасъ, и знаю, зачѣмъ онъ сюда приходилъ!—вскричалъ онъ.

— Отлично, кто же именно здѣсь былъ?—послѣдовалъ спокойный вопросъ.

— Капитанъ Кросби. Я видѣлъ, какъ онъ вошелъ сюда, видѣлъ, какъ онъ вышелъ. Я могу сказать, что онъ говорилъ и дѣлалъ, какъ будто бы онъ былъ передо мною. Онъ хочетъ сдѣлать доносъ на своихъ друзей въ Ланкаширѣ. Онъ хочетъ войти въ сдѣлку съ вашимъ начальникомъ и такимъ образомъ отнять у меня заработокъ. Но я этого не позволю, слышите, не позволю! — кричалъ Лентъ, ударяя кулакомъ по столу.

— Мнѣ кажется, вашего позволенія никто и не спрашиваетъ,—возразилъ Кулленфордъ.—Надо еще узнать, дѣйствительно ли капитанъ Кросби обращался къ моему начальнику съ такими предложеніями.

— Я увѣренъ въ этомъ,—твердилъ Лентъ.—Зачѣмъ же иначе приходилъ сюда этотъ Кросби?

— Этого я вамъ не могу сказать. Вамъ лучше спросить объ этомъ у самого мистера Смита.

— Я и спрошу. Я скажу ему свое рѣшеніе. Будьте добры доложить ему обо мнѣ, сэръ.

Кулленфордъ хотѣлъ было что-то возразить, но на бѣду въ этотъ моментъ самъ Ааронъ Смитъ вышелъ въ пріемную. Волею неволею приходилось принять назойливаго посѣтителя.

Ихъ разговоръ длился больше часу. Лентъ вышелъ отъ прокурора съ гнѣвнымъ видомъ и сказалъ Кулленфорду угрожающимъ тономъ:

— Не думаю, чтобы капитанъ Кросби отправился въ Манчестеръ.

— Почему же?—съ любопытствомъ спросилъ тотъ.

— Узнаете все въ свое время,—отвѣчалъ Лентъ, выходя изъ канцеляріи.

Желая еще разъ посмотрѣть на дворецъ, въ которомъ онъ провель столько счастливыхъ дней, Вальтеръ снова вступилъ на большой дворъ и обошелъ его кругомъ, осматривая каждое зданіе, мимо котораго онъ проходилъ.

Ему хорошо была извѣстна судьба каждаго изъ нихъ: всѣ они были тѣсно связаны съ исторіей «Веселаго монарха». Вотъ здѣсь помѣщался Киллигрю, здѣсь отецъ Патрикъ, здѣсь мистриссъ Керкъ, съ которой онъ былъ близко знакомъ.

Постоявъ немного, онъ двинулся дальше къ флигелю, который занимали графини Кесльмэнъ, Фальмоутъ и Суффолькъ. Вотъ апартаменты королевы, вотъ и фрейлинскія комнаты. Ахъ, что это были за прелестныя созданія, фрейлины!

Съ смѣшаннымъ чувствомъ смотрѣлъ онъ на всѣ эти зданія, гдѣ жило столько замѣчательныхъ лицъ.

Во времена Карла II Уайтголлъскій дворецъ былъ въ расцвѣтѣ своего блеска. Онъ былъ сосредоточіемъ красоты, знатности, веселости и остроумія.

А теперь? Вальтеръ даже не задавалъ себѣ такого вопроса. Съ перваго взгляда видно было, что это уже не тотъ веселый дворецъ, какимъ онъ былъ во времена Карла.

Ему и въ голову не приходило, что черезъ пять лѣтъ—въ январѣ 1698 г.—произойдетъ страшный пожаръ, который въ нѣсколько часовъ истребитъ большую часть историческихъ зданій, на которыя онъ теперь смотрѣлъ.

«Пламя этого пожара,—говоритъ одинъ современный писатель,—превратило въ пепель все, что стояло ему на пути отъ Тайнаго совѣта до Банкетной залы и Скотландъ-Ярка. Огонь прежде, чѣмъ удалось его погасить, распространился до воротъ герцога Ормонда».

Этимъ пожаромъ было уничтожено около ста пятидесяти зданій, гдѣ жила большею частью высшая придворная знать.

Побродивъ нѣкоторое время по прелестному внутреннему саду и по другимъ уголкамъ, будившимъ въ немъ сладкія воспоминанія, Вальтеръ очутился, самъ не зная какъ, около собственнаго подъѣзда королевы, выходявшаго на Темзу. Здѣсь стояла шлюпка, приготовленная, очевидно, для королевы, судя по суетившимся около нея придворнымъ служителямъ.

Погода была великолѣпная и какъ нельзя болѣе годилась для прогулки.

Вальтеръ вспомнилъ, какъ пріятно было когда-то кататься по Темзѣ на этой великолѣпной шлюпкѣ. Онъ вздохнулъ о давно минувшихъ дняхъ и приготовился было удалиться отсюда, какъ

можно скорѣе, какъ вдругъ показалась блестящая группа, впереди которой шелъ дежурный офицеръ, а сзади нѣсколько служителей въ королевской ливреѣ. Не было сомнѣнія, что гордо глядѣвшая, богато одѣтая дама, возлѣ которой шли оберъ-камергеръ и сэръ Джонъ Тренчардъ, была не кто иная, какъ сама королева.

Теперь уже было поздно бѣжать, и Вальтеръ, выступивъ въ смущеніи впередъ, сдѣлалъ ея величеству глубокій поклонъ.

Пораженная его наружностью, королева спросила у окружающихъ, кто это такой. Графъ Ноттингемъ не могъ удовлетворить ея любопытство, но тутъ выдвинулся сэръ Джонъ Тренчардъ и сообщил о Кросби все, что королевѣ угодно было знать. Ея величество была, видимо, удивлена, съ замѣтнымъ любопытствомъ взглянула на Вальтера и пожелала, чтобы сэръ Тренчардъ представилъ ей капитана.

Тотъ поспѣшилъ исполнить приказаніе, и Вальтеръ былъ принятъ весьма милостиво.

— Я не ожидала видѣть васъ здѣсь, капитанъ Кросби,—пронесла королева.—Я полагала, что вы въ Сентъ-Жерменѣ. Я слышала о вашемъ благородномъ поступкѣ, который вы недавно совершили.

— Я только исполнилъ мой долгъ, всемилостивѣйшая государыня,—съ поклономъ отвѣчалъ Вальтеръ.

— Вашему величеству да будетъ извѣстно, что капитанъ Кросби оставилъ Сентъ-Жерменъ,—сказалъ сэръ Тренчардъ многозначительно.

— Въ самомъ дѣлѣ!—воскликнула королева.—Я хотѣла бы переговорить съ нимъ. Скажите, чтобы онъ явился завтра въ Кенсингтонскій дворецъ.

— Въ которомъ часу прикажете?—осторожно спросилъ сэръ Джонъ.

— Въ двѣнадцать. Я буду ждать васъ, капитанъ Кросби,—обратилась королева прямо къ нему.

Вальтеръ низко поклонился.

Когда королева стала спускаться къ шлюпкѣ, графъ Ноттингемъ, не принимавшій участія въ разговорѣ, подалъ ей руку и повелъ ее по набережной.

Сэръ Тренчардъ слѣдовалъ за ними, но не сѣлъ въ шлюпку и вернулся обратно.

Онъ нашелъ Вальтера на прежнемъ мѣстѣ и сказалъ ему, что королева отправилась въ Гринвичъ.

— Счастливый вы человекъ, капитанъ Кросби,—началъ онъ съ улыбкой.—Сами будете виноваты, если не сдѣлаете быстро карьеры. Вы положительно понравились ея величеству.

— Вы льстите мнѣ, сэръ Джонъ,—замѣтилъ Вальтеръ.

— Нѣтъ, это вѣрно. Вы, конечно, и сами это замѣтили. Я никогда не видалъ, чтобы королева такъ милостиво къ кому-нибудь отнеслась. Я очень удивился словамъ, которыя ея величество приказала передать вамъ. Когда я откланялся ей, она еще разъ приказала не забыть привезти васъ завтра въ Кенсингтонскій дворецъ. Приходите ко мнѣ въ 11 часовъ.

— Не премину, сэръ Джонъ,—отвѣчалъ Вальтеръ.—Но я еще не условился съ мистеромъ Аарономъ Смитомъ.

— Я такъ и думалъ. Возникли какія-нибудь недоразумѣнія? Вскорѣ послѣ того, какъ вы вышли отъ мистера Смита, появился Лентъ, узнавшій какимъ-то образомъ о томъ, что вы здѣсь, и угадавшій ваши намѣренія. Онъ заявилъ мистеру Смигу, что онъ не можетъ дѣйствовать совместно съ вами и что онъ оплатитъ всѣмъ, въ случаѣ, если его захотятъ уволить. Его поведеніе указываетъ, что онъ чрезвычайно раздраженъ. Я полагаю, что мистеръ Смитъ могъ бы покончить съ нимъ разомъ. Но онъ этого не сдѣлалъ. Положеніе создалось непріятное, но вы объ этомъ не пожалѣете. Завтра можетъ случиться нѣчто неожиданное, и намъ лучше будетъ подождать вашего свиданія съ королевой. Вы можете и не вмѣшиваться въ борьбу противъ якобитовъ. Но если вы рѣшите быть намъ полезнымъ, то я велю уволить Лента. Я долженъ еще прибавить, что я еще не видалъ его, да и не желаю видѣться съ нимъ, если онъ придетъ. Это я могу вамъ обѣщать.

— Хорошо, сэръ Джонъ,—сказалъ Вальтеръ.—Я приду условиться съ вами завтра. До свиданія.

Изъ Уайтголла Вальтеръ возвратился въ гостиницу «Королевы» и, войдя въ столовую, приказалъ подать себѣ обѣдъ и стаканъ вина.

Онъ уже кончилъ обѣдать и потягивалъ вино, какъ вдругъ вошли два человѣка и, оглядѣвъ кругомъ комнату, усѣлись за столикомъ противъ него и приказали служителю подать бутылку бургонскаго.

Оба они были въ парикахъ, въ краснаго цвѣта камзолахъ, высокихъ сапогахъ и шляпахъ съ перьями, но, очевидно, не принадлежали къ дворянству.

Прежде, чѣмъ сѣсть за столъ, оба отцѣпили свои шпиги и положили ихъ на столъ рядомъ со шляпами, не безъ нѣкоторой намѣренности, какъ показалось Вальтеру.

Посѣтители говорили громко, но ихъ голоса были слабы и такъ же непріятны, какъ и ихъ манеры.

Вальтеръ спросилъ слугу, не знаетъ ли онъ, кто это такіе. Тотъ отвѣчалъ, что это капитанъ Стампъ и капитанъ Стенеръ, что они не служатъ въ войскѣ, что это извѣстные забіяки и бузны,

которые не выходятъ изъ игорныхъ домовъ, и неизвѣстно, на какія средства живутъ.

— Не люблю я ихъ, сударь,—сказалъ Праймъ,—и ни за что не пустилъ бы ихъ въ общую залу, если бъ могъ. Но они разнесутъ меня, если я вздумаю не пустить ихъ. Не отвѣчайте на ихъ вызывающія рѣчи, сударь. Вотъ все, что я могу вамъ сообщить.

— Постараюсь держать себя какъ можно хладнокровнѣе,—отвѣчалъ Вальтеръ.—Но мнѣ кажется, они уже сдѣлали какое-то дерзкое замѣчаніе на мой счетъ. Если они еще разъ это сдѣлаютъ, то я проучу ихъ. На всякій случай дайте мнѣ палку.

— Лучше бы держать себя спокойно и не связываться съ ними, сударь.

— Постараюсь,—сказалъ Вальтеръ.

Праймъ вышелъ изъ комнаты и вернулся съ тяжелой дубиной, которую Вальтеръ положилъ на столъ около себя, чтобы въ случаѣ надобности она была подъ рукой.

Видъ этой дубинки, повидимому, произвелъ устрашающее дѣйствіе на обоихъ капитановъ. Они перестали острить на счетъ Вальтера и занялись своимъ виномъ.

Бутылка была уже пуста, когда въ залѣ появился Лентъ. Онъ, казалось, не видѣлъ Вальтера и присѣлъ къ буянамъ, которые, повидимому, поджидали его.

— Вы запоздали, мистеръ Лентъ,—сказалъ одинъ изъ нихъ.— Мы ужъ покончили съ бутылкой, какъ видите.

— И управились бы и со второй безъ васъ, если бъ вы не пришли,—подтвердилъ Стенеръ.

— У меня было дѣло,—отвѣчалъ Лентъ, какъ бы извиняясь:—но я ушелъ, какъ только оказалось возможнымъ. Человѣкъ, припеси еще бутылку бургонскаго и чистые стаканы!

Самъ Праймъ бросился исполнять его приказаніе.

— Наливайте, господа,—сказалъ Лентъ, наполняя свой стаканъ до краевъ.—Я хочу предложить тостъ.

Тѣ не заставили себя долго ждать.

— Ну, теперь тостъ!—вскричалъ Стампъ.

— Мы должны выпить его стоя,—сказалъ Лентъ.—Я предложу тостъ, который долженъ принять каждый вѣрнопопдаанный. Да здравствуетъ король Вильгельмъ III и да погибнуть его враги!

Всѣ наполнили стаканы и встали, кромѣ Вальтера.

— Какъ! вы отказываетесь выпить при такомъ тостѣ?—заревѣлъ капитанъ Стампъ.

— Наливайте скорѣе стаканъ и встаньте,—зарычалъ Стенеръ.

Вальтеръ продолжалъ сидѣть.

— Этотъ малый, должно быть, якобитъ,—вскричалъ Лентъ среди общей сумятицы.

— Клянусь небомъ! Вы выпьете вашъ стаканъ, или я волюю вамъ его въ глотку!—произнесъ Стампъ, обнажая шпагу и направляясь къ Вальтеру.

— Троньте меня только!—закричалъ Вальтеръ и ударилъ его дубиной по плечу съ такою силою, что шпага вылетѣла у него изъ рукъ.

Лентъ и Стенеръ бросились на помощь къ своему другу. Произошло бы побоище, въ которомъ Вальтеру могло бы сильно достаться, если бы въ дѣло не вмѣшался самъ хозяинъ, его слуги и нѣкоторые изъ присутствовавшихъ и не уговорили молодого человека удалиться поскорѣе изъ комнаты.

Вальтеръ не забылъ захватить съ собою дубинку, на случай, если нападеніе повторится на дворѣ.

Онъ простоялъ на дворѣ минутъ десять, но, вопреки его ожиданіямъ, Лентъ и его друзья не явились. Вышелъ только хозяинъ.

— Вы очень нетактично вели себя, капитанъ Кросби, извините, что я это говорю,—произнесъ Праймъ.—Вы должны были выпить при этомъ тостъ, какъ бы вамъ это ни было неприятно.

— Да, я и самъ чувствую, что поступилъ неловко,—возразилъ Вальтеръ.—Но я не могъ примириться съ нахальствомъ этого Лента, чувствуя, что онъ нарочно вызываетъ меня.

— Теперь всѣ они успокоились,—продолжалъ Праймъ.—Но вы не должны возвращаться, пока они не выйдутъ оттуда. Иначе произойдетъ новая свалка.

— Сколько времени они еще тамъ пробудутъ?

— Постараюсь, чтобы они убрались къ девяти часамъ,—сказалъ Праймъ.

— Отлично; тогда я вернусь въ половинѣ десятаго. Вотъ ваша палка. Она мнѣ очень пригодилась. Принесите теперь мою шпагу. Она у меня въ спальнѣ.

Праймъ взялъ палку и поспѣшилъ въ комнату Вальтера, откуда скоро вернулся со шпагой.

Былъ прекрасный теплый вечеръ, и молодой человекъ направился къ Сентъ-Джемскому парку. Часа два гулялъ онъ въ немъ, наслаждаясь хорошей погодой. Выйдя изъ парка, онъ медленно пошелъ по улицѣ Pall-Mall.

Становилось уже темно. Когда онъ дошелъ до Коксперъ-стрита, на колокольнѣ церкви св. Мартина пробило девять часовъ. Помни свои слова, онъ погулялъ еще съ полчаса и отправился къ себѣ, въ гостиницу «Королевы».

Между тѣмъ совсѣмъ стемнѣло и такъ какъ на дворѣ гостиницы не было ни одного фонаря, онъ уже съ трудомъ различалъ экипажи, стоявшіе въ огромномъ сараѣ на правой сторонѣ. Ему показалось, что онъ слышитъ какой-то шорохъ въ сараѣ. Онъ остановился и сталъ прислушиваться.

— Это онъ! Теперь онъ въ нашихъ рукахъ!—донеслось до него.

Полагая, что это голосъ Лента, котораго онъ считалъ способнымъ на всякую гадость, Вальтеръ обнажилъ шпагу и принялъ оборонительную позу.

Онъ, конечно, могъ бы позвать кого-нибудь на помощь, но предпочиталъ защищать себя самому.

Въ этотъ моментъ изъ сарая появилась какая-то темная фигура со шпагой въ рукѣ. Завязалась схватка... Кросби быстро сдѣлалъ выпадъ и, повидимому, ранилъ нападавшаго: по крайней мѣрѣ слышно было, какъ его шпага со звономъ упала на мостовую двора.

Готовилось, очевидно, убійство, ибо изъ сарая выскочили еще два человѣка съ шпагами въ рукахъ и яростно напали на него.

Вальтеръ защищался всѣми силами, но, видя, что ему не справиться съ врагами, сталъ громко кричать. На его крики прибѣжали изъ конюшни два кучера съ фонарями. Въ то же время показался изъ дома Праймъ съ прислужниками. Но прежде, чѣмъ кто-нибудь изъ нихъ успѣлъ добѣжать до мѣста, гдѣ происходила схватка, противники Вальтера бросили его и скрылись.

Къ счастью, молодой человѣкъ оказался невредимымъ.

Когда суматоха успѣла уже прекратиться, на дворѣ появились полицейскій съ сторожами. Но теперь уже не было никакой надобности въ ихъ присутствіи. Они предложили было догонять преступниковъ, но никто не изъявилъ согласія послѣдовать ихъ свѣту. Узнавъ, что у одного изъ нападавшихъ была выбита шпага, они принялись ее искать, но ея не было: очевидно, раненый успѣлъ унести ее съ собою.

На землѣ были видны пятна крови, указывавшія, что негодяй былъ раненъ довольно серьезно.

Хозяинъ спросилъ Вальтера, будетъ ли онъ преслѣдовать покушавшихся на его жизнь судебнымъ порядкомъ, но тотъ отвѣтилъ отрицательно.

— Не стоитъ больше волноваться изъ-за этого дѣла,—сказалъ онъ: негодяи и такъ достаточно наказаны.

IX.

Вальтеръ Кросби и Королева Марія.

На слѣдующей день Вальтеръ отправился къ назначенному времени въ Уайтголлскій дворецъ.

У дверей казначества онъ нашелъ красивый экипажъ, поджидавшій, очевидно, сэра Джона Тренчарда. Черезъ нѣсколько минутъ онъ, дѣйствительно, вышелъ изъ своей канцеляріи и, дружески поздоровавшись съ Вальтеромъ, пригласилъ его къ себѣ въ экипажъ.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.)

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоменованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ФЕВРАЛѢ 1910 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 2-й.

Богословіе.

Богачевъ, Н. Чья вѣра лучше. М. 1910. | Старообрядцы - поморцы. Историческій
Ц. 50 к. | очеркъ. Съ рис. Уральскъ. 1909. Ц. 20 к.

Философія, психологія, логика.

Безантъ, А. Древняя мудрость. Спб. 1910. | Менделѣевъ, И. Оправданіе истины. Спб.
Ц. 1 р. 50 к. | 1910. Ц. 50 к.
Вагнеръ, В. Біологическія теоріи и во- | Сабатье, А. О безсмертіи души и опытъ
просы жизни. Спб. 1910. Ц. 85 к. | изслѣдованія жизни, съ точки зрѣнія эво-
люціоннаго натурализма. Спб. Ц. Ц. 1 р.
Вопросы теософіи. Сборникъ статей. Вып. II. | Чинскій, Ч. Отецъ Іоаннъ Кронштадтскій.
Спб. 1910. Ц. 2 р. | Оккультистическій этюдъ. Спб. Ц. 25 к.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

Амфитеатровъ, А. Тризна. М. 1910. Ц. | Миллеръ, В. Очерки русской народноу
1 р. | словесности. Т. 2-й. Былины. М. 1910. Ц.
Веселовъ, Ю. Литературные очерки. Т. | 2 р.
II. М. 1910. Ц. 2 р.
Джонсонъ, И. Чеховъ и его творческій | Щеглова, Л. Мережковскій. Спб. 1910. Ц.
путь. Кіевъ. 1910. Ц. 60 к. | 25 к.

«Истор. вѣстн.», мартъ, 1910 г., т. СХІХ.

1/226

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

- Арапова, А. Загубленная. Романъ. Спб. 1910. Ц. 2 р. 50 к.
- Бангъ, Г. Избранныя новеллы. М. 1910. Ц. 10 к.
- Баранцевичъ, К. Сочиненія. Т. 7-й. Побѣда и друг. повѣсти и рассказы. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Булдѣевъ, А. Потерянный Эдемъ. Стихи. М. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Гордиль, Я. Сатана. Драма въ 4 д. и 6 карт. М. 1910. Ц. 40 к.
- Далматовъ, А. «Страшный ставъ». Повѣсть изъ кавалерійскаго быта. Спб. 1909. Ц. 80 к.
- Евтихievъ, В. L'amour est tout. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- * Жуковский, В. А. Ундина. Старинная повѣсть съ иллюстраціями. Спб. Изданіе А. С. Суворина. 1910. Ц. 25 к.
- Иверъ Коллетъ. Принцессы науки. Романъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Карпова-Монгирдъ, В. Облики М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Кладо. Страданія души. Казань. 1909. Ц. 50 к.
- Кожениковъ, П. Рассказы. Книга 2-я. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Красинскій, С. Иридіонъ. М. 1910. Ц. 20 к.
- Крыжановская, В. (Рочестеръ). Элексиръ жизни. Спб. 1910. Ц. 1 р. 70 к.
- Кузнецовъ, А. Стихи. Спб. 1910. Ц. 50 к.
- Лазаревскій, Б. Семья. Рассказы. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Мамонтовъ, С. Пять пьесъ. М. 1910. Ц. 1 р.
- Мстиславлевъ, С. Не для толпы. Сцены и рассказы. Т. 1-й. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Муйнелъ, В. Рассказы. Т. 3-й. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Новиковъ, И. Дыханіе земли. Вторая книга стиховъ. Кіевъ. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Плетеневъ, В. Рассказы художника. Варшава. 1909. Ц. 15 к.
- Прево, М. Любовь женщины. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Санжаръ, Н. Записки Анны. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Сергѣевъ-ценскій, С. Рассказы. Томъ 4-й. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Сюморошки и бабы пѣсни. Изданы М. Багринымъ. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Сологубъ, Ф. Собраніе сочиненій. Томъ 2. Тяжелые сны. Романъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 75 к.
- Стернь, А. Сочиненія. Т. 1-й. На конкурсѣ. Повѣсти и рассказы. Спб. Ц. 1 р.
- Стриндбергъ, А. Полное собраніе сочиненій. Томъ 10. Островитяне. Романъ. М. 1910. Ц. 1 р.
- Уэллсъ, Д. Собраніе сочиненій. Т. 4 и 5. Спб. Ц. по 1 р. 25 к.
- Федоровъ, Л. Мщеніе. Эпизодъ въ 1 д. въ стихахъ. Спб. 1910. Ц. 40 к.

Исторія, біографія и археологія.

- Барриве, Л. Освободительное движеніе въ царствованіе Александра II. М. 1909. Ц. 1 р. 75 к.
- Бузескуль, В. Краткое введеніе въ исторію Греціи. Харьковъ. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Вельгаузенъ, Ю. Введеніе въ исторію Израіля. Спб. 1909. Ц. 3 р.
- Истоминъ, В. Адмиралъ Иванъ Семеновичъ Унковской. М. 1910. Ц. 50 к.
- Мейеръ, Э. Экономическое развитіе древняго міра. М. 1910. Ц. 50 к.
- Назаревскій, В. Царствованіе Императора Николая I. 1825—1855. М. 1910. Ц. 50 к.
- Новомбергскій, Н. Слово и дѣло Государевы (матеріалы). Т. 2. Томскъ. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Отечественная война 1812 г. Къ столѣтнему юбилею. М. 1910. Ц. 30 к. и 20 к.
- Перенинъ, Г. Сборникъ, посвященный общественной и культурной исторіи Евреевъ въ Россіи. Т. 2-й. Спб. 1910. Ц. 2 р. 50 к.
- Русская исторія въ очеркахъ и статьяхъ. Подъ ред. проф. Довнаръ-Запольскаго. Т. 1. М. 1910. Ц. 2 р.
- Савеловъ, Л. Родословныя записи. В. 3-й. М. 1909. Ц. 4 р.
- Сборникъ статей, посвященныхъ Василію Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилѣтія его профессорской дѣятельности въ Московскомъ университетѣ. М. 1909. Ц. 3 р.
- Сумцовъ, Н. Человѣкъ золотого сердца. Профессоръ Егоръ Кузьмичъ Рѣдинъ. Х. 1909. Ц. 50 к.
- Troubetzkoï, prince. Les preliminaires de la conference de Londres. Paris. 1909. Ц. 60 к.
- Шумановъ, С. Сотницы, грамоты и записи. Вып. 5-й. М. 1910. Ц. 1 р.
- Эпоха Николая I. Москва. 1910. Ц. 1 р. 75 к.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

- Бородаевскій, С. Сборникъ по мелкому кредиту. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Вурмъ, Э. и Адлеръ, В. Алкоголизмъ и рабочіе. Двѣ рѣчи. Спб. 1910. Ц. 20 к.
- Гессенъ, Я. Уставъ торговый. Т. XI. Ч. I, изд. 1903 г. по продолж. 1906 и 1908 г. Спб. Ц. въ перепл. 3 р.
- Норобна, П. Ревизія земскихъ учреждений и городскихъ управъ. Черниговъ. 1909. Ц. 25 к.

- Коробиа, п. Замѣтки мирового судьи. VI. Какъ нужно устроить мѣстный судъ? Черниговъ. 1909. Ц. 50 к.
- Безотлогательныя мѣры для правильнаго устройства селъ въ Черниговской губерніи въ связи съ хуторнымъ хозяйствомъ. Черниговъ. 1909. Ц. 15 к.
- Корфъ, С. Административная юстиція въ Россіи. Т. 1 и 2. Спб. 1910. Ц. за два тома 5 р.
- Нулаковскій, п. Русскій — русскимъ. Славянскіе съезды и польскій вопросъ. Спб. 1910. Ц. 40 к.
- Майзельсъ, Л. Сывороточная эпопея. Письма, фелетоны, статьи, появившіяся въ печати гор. Одесса. 1909. Ц. 60 к.
- Мансимовъ, В. Положеніе о казенныхъ подрядахъ и поставкахъ со всеми относящимися къ этому предмету узаконеніями, съ разъясненіями Правительствующаго Сената. М. 1910. Ц. 3 р. 75 к.
- Мирлесъ, А. Основныя начала русскаго гражданскаго процесса. Кіевъ. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Мнѣнія и предположенія гг. членовъ архієпископа Югансона, профессоровъ Германсона, барона Пальмена и Сетели и бывшаго сенатора Нюберга. Рѣчи и предположенія гг. членовъ т. сов. Дейтриха, д. ст. сов. Корево, тайн. сов. Мясоѣдова, генералъ-лейтенанта Вородына и въ должности гофмейстера Якуничкова. Заключительныя записки 7 и 8 декабря 1909 г. Спб. 1910. Ц. 30 к.
- Мышь, М. Городовое положеніе 11 июня 1892 года, съ относящ. къ нему узаконеніями, судебными и правительств. разъясненіями. Изд. 7-е. Спб. 1910. Ц. 6 р.
- Нюрнбергъ, А. Уставъ о службѣ по опредѣленію отъ правительства. Спб. 1910. Ц. въ пер. 3 р.
- Палантъ, Ж. Очеркъ социологіи. М. 1910. Ц. 85 к.
- Пенарскій, В. О коопераціи. Спб. 1910. Ц. 25 к.
- Переселенцы въ степномъ краѣ Западной Сибири. Отчетъ харьковскому губернскому земству. Х. 1909. Ц. 25 к.
- Петровъ, А. Какъ защищаютъ свои интересы въ Азіи Англія и Россія. Спб. 1910. Ц. 40 к.
- Пруссановъ, А. Кто убилъ Герценштейна? Спб. 1910. Ц. 40 к.
- Пѣшхоновъ, А. Наочередныя темы. 1904—1909. Спб. Ц. 1 р. 50 к.
- Саатчанъ, А. Гражданское удоженіе. Проектъ. Спб. 1910. Ц. за оба тома 10 р.
- Савичъ, С. Элементарная теорія страхования жизни и трудоспособности. Изд. 2-е. Спб. 1909. Ц. 3 р. 50 к.
- Сальковскій, К. Институціи. Основы системы и исторіи римскаго гражданскаго права. Кіевъ. 1910. Ц. 2 р. 75 к.
- Сборникъ узаконеній и распоряженій правительства о сельскомъ состояніи. Положенія и правила о поземельномъ устройствѣ крестьянъ и поселенія разныхъ наименований водворенныхъ на владѣльческихъ земляхъ. Спб. 1910. Ц. 3 р.
- Смигъ, Г. Лучшія системы организаціи земледѣльческой коопераціи и кредита. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Стенографическій отчетъ портъ-артурскаго процесса. Вып. 6-й. Спб. 1910. Ц. 1 р. и 1 р. 60 к.
- Твердохлѣбовъ, В. Обложеніе городскихъ недвижимостей на Западѣ. Ч. 2-я. Мѣстное обложеніе. Одесса. 1909. Ц. 1 р. 75 к.
- Флексоръ, Д. Дѣйствующее законодательство по водному праву. Систематическій сборникъ узаконеній объ орошеніи, обводненіи, осушеніи, судоходствѣ, сплавахъ, пользованіи водою для промышленныхъ цѣлей, рыболовствѣ, минеральныхъ источникахъ и проч. съ разъясненіями Гражд. Кассац. Департ. Правит. Сената. Изд. 2-е. Спб. 1910. Ц. 3 р. 50 к.
- Фридманъ, М. Что такое въ дѣйствительности сыскное агентство Инкертова? Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Чупровъ, А. Ученые труды Импер. Москов. Университета. Ч. 1-я. Желѣзнодорожное хозяйство. Т. 1 и 2. М. 1910. Ц. 3 р.
- Шейнъ, Т. и Блосфельдтъ, Г. Государственный Советъ. Сборникъ узаконеній и постановленій, съ разъясненіями. Спб. 1910. Ц. 2 р.
- Шиллингъ, С. Тезисы, извлеченные изъ рѣшеній Гражд. Кассац. Департ. Правит. Сената за 1908 г. съ алфав. и постатейн. указателями. Спб. 1910. Ц. 40 к.

Искусство.

- Броневскій, С. О формѣ въ сценическомъ творчествѣ. Кіевъ. 1910. Ц. 60 к.
- Итальянская нивольси. Эпохи возрожденія. В. 1-й. Ц. 1 р. 25 к.
- Callimaki, B. J.-B. Isabey. Sa vie—son temps 1767—1855. Suiivi du catalogue de l'oeuvre gravée par et d'après Isabey. Paris. Ц. 124 р.
- Къ столѣтнему юбилею гениальнаго композитора Ф. Шопена. Февраль 1810—1910. Тетрадь «Памятка о Шопенѣ». Ц. 1 р.
- Шаронъ, А. Музыкальный психо-физиологическій этюдъ въ помощь музыкантамъ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Шюрэ, Э. Рихардъ Вагнеръ и его музыкальная драма. Спб. 1910. Ц. 1 р. 75 к.

Естествознаніе и математика.

- Граффъ, К. Комета Галлея. Одесса. 1910. Ц. 30 к.
- Краткій повторительный курсъ, конспектъ неорганической химіи. Спб. 1910. Ц. 85 к.
- Оствальдъ, В. Принципы химіи. Введеніе во всѣ учебники химіи. М. 1910. Ц. 2 р. 10 к.

- Петерсонъ-Кинбергъ, В. Какъ возникли вселенная и человечество. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
 Стратоновъ, В. Солнце. В. 4 и 5. Ц. по 1 р. 20 к.
 Танатаръ, С. Практическія занятія по качественному анализу. Киевъ. 1910. Ц. 80 к.
- Тонмачевъ, С. Новая теорія ферромагнетизма. Спб. 1910. Ц. 45 к.
 Шмидъ, Б. Элементарная практическая зоотомія. Спб. Ц. 60 к.
 Ячевскій, А. Волѣзны растений (фитопатологія). Т. 1-й. Спб. 1910. Ц. 5 р.

Географія, этнографія, антропология, путешествія.

- Фонвизинъ, С. Семь мѣсяцевъ въ Египтѣ и Палестинѣ. Очерки и впечатлѣнія. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Сельское хозяйство и домоводство.

- Дэллэ, П. Производство ликерныхъ винъ изъ плодовъ и ягодъ. Спб. 1909. Ц. 40 к.
 Ермолаевъ, М. Современное орошеніе и хлопководство Египта. Спб. 1910. Ц. 6 р.
 Коппъ, П. Руководство къ дѣсовозращенію. Спб. 1910. Ц. 60 к.
 Михайловъ, Ю. Здоровый домашній столъ. Спб. 1910. Ц. 50 к.
- Ротмистровъ, В. Корневая система у однолѣтнихъ культурныхъ растений. Съ рис. Одесса. 1910. Ц. 35 к.
 Сербиновъ, И. и Пикель, В. Медоносныя растения, какъ основа промышленнаго пчеловодства. Спб. 1910. Ц. 1 р. 40 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

- Альбомъ международной выставки мелкой промышленности, профессиональнаго образованія, сельскаго хозяйства въ Казани. 1909. Цѣна въ перел. 10 р.
 Грязновъ, А. Ярославская большая мануфактура, за время съ 1722 по 1856 гг. М. 1910. Ц. 10 р.
 Езерскій, Ф. Изобрѣтенія и труды. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Качанъ, Г. Биржевой ураганъ. Еъ положенію Россійскаго Золотопрмышленнаго Общества. Спб. 1910. Ц. 10 к.
 Мельчарскій Р. Счетоводство потребителныхъ обществъ. Спб. 1910. Ц. 1 р.
 Озеровъ, И. Горные заводы Урала. М. 1910. Ц. 1 р.

Технологія, строительное и инженерное искусства. Ремесла.

- Бѣлелюбскій, А. Справочная книга для дорожныхъ мастеровъ, старшихъ рабочихъ, смотрителей зданій и десятниковъ. Киевъ. 1909. Цѣна 2 р. 25 к.
 Бѣлявскій, М. Канализація городовъ. Симферополь. 1909. Ц. 2 р.
 Гданскій, Л. Кустарь лудильщикъ разныхъ металлическихъ вещей. Спб. 1910. Ц. 20 к.
 Гольмбоэ, К. Расчетъ и устройство проводовъ для высоковольтной передачи энергіи на большія расстоянія Спб. 1910. Ц. въ пер. 1 р.
 Graffigny Н. Аэропланы. Исторія, расчеты, конструкція. Киевъ. 1910. Ц. 1 р.
 Кроль, А. Технический конспектъ. Полный карманный техническій справочникъ. Николаевъ. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
 Ланге, Ю. На что нужно обратить вниманіе при изученіи строительнаго искусства. Спб. 1909. Ц. 30 к.
 Михайловъ, В. Руководство къ собственноручному изготовленію любителями прибора для никелированія и никелированіе имъ предметовъ. Спб. 1910. Ц. 20 к.
- Намιάсъ, Р. Фотографическія бумаги и ихъ обработка для достиженія художественныхъ эффектовъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 80 к.
 Нимфюръ, Р. Воздухоплаваніе, научныя основы и техническое развитіе. Одесса. 1910. Ц. 90 к.
 Орловскій, Н. Автоматическое сохраненіе равновѣсія аэроплана во время полета. Спб. 1910. Ц. 20 к.
 Польшунъ, А. Спутникъ строителя. Карманная книжка для опредѣленія размѣровъ частей зданія непосредственно по таблицамъ. Спб. 1910. Ц. въ пер. 2 р.
 Ратновскій, Л. Численные примѣры расчета крановъ. Посobie для студентовъ при проектированіи крановъ. В. 1. Расчетъ ручнаго желѣзнодорожнаго крана съ автоматическимъ противовѣсомъ. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1910. Ц. 1 р. 85 к.
 Рюминъ, Н. Новѣйшіе успѣхи воздухоплаванія. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
 Рюминъ, В. Устройство небольшого завода для кустарной добычи растительныхъ жирныхъ маселъ. Ц. 30 к.

Рюминъ, В. Кустарное производство лампадиогоарнаго масла. Спб. 1910. и. 20 к.
 Самойловъ, С. Какъ летаетъ аэропланъ. Киевъ. 1910. Ц. 50 к.
 Сегаль, А. Теорія инжектора въ популярномъ изложениі. Спб. 1910. Ц. 15 к.
 — Къ расчету арматуры желѣзобетонныхъ балокъ. Спб. 1910. Ц. 40 к.
 — Новости котельной. 1. Приборъ, контролирующій топку. 2. Дымосожигатели. Спб. 1910. Ц. 30 к.
 — Фильтръ системы Пеша на ст. Неграмы, Закавказ. жел. дор. Спб. 1910. Ц. 40 к.

Тимошенко, С. Сопротивленіе матеріаловъ. Ч. 1. Киевъ. 1909. Ц. 1 р. 80 к.
 Фанъ-дёръ-Флигъ, А. Шхуна «Александръ Ковалевскій» Мурманской біологической станціи. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
 Форрейтеръ, А. Управляемые азростаты. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
 Шабский, А. Что такое воздушный винтъ и какъ его рассчитать. Спб. 1910. Ц. 60 к.
 Штуненбергъ, А. Краткое руководство для гидротехническихъ изысканій на земельныхъ участкахъ для опредѣленія пригодности ихъ къ заселенію. Спб. 1910. Ц. 55 к.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

* Бурне, Гигиена желудка. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1910. Ц. въ пер. 50 к.
 Бурцевъ, И. Анатомія человека Спб. 1910. Ц. 1 р. 75 к.
 Витт, Е. Руководство къ изученію акушерства В. 1-й. Спб. 1910. Ц. за оба выпуска 3 р. 50 к.
 *) Вихманъ, Р., д-ръ. Какъ слѣдуетъ жить неврастенику. Гигиеническій очеркъ. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1910. Ц. 65 к.
 Волюва, М. Какъ избавиться отъ полноты и ожиренія. Изд. 2-е. Спб. 1910. Ц. 80 к.
 Гамалія, И. Алкоголизмъ. Спб. 1910. Ц. 20 к.
 Кое-что новое о куреніи (у нервныхъ людей). Спб. 1910. Ц. 35 к.
 Оршанскій, И. Учебникъ общей психіатріи. Руководство для студентовъ. Харьковъ. 1910. Ц. 2 р. 50 к.

Повторительный курсъ по фармакологіи, гидротерапіи, бальнеотерапіи и діететикѣ. Одесса. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Повторительный курсъ топографической анатоміи и оперативной хирургіи. В. 1. Одесса. 1910. Ц. 1 р. 60 к.

Третьяковъ, Д. Основныя понятія микроскопической анатоміи. Спб. 1909. Ц. 75 к.
 Хорошо, В. Клиническія наблюденія въ связи съ ruptio lumbalis. Ж. 1910. Ц. 60 к.

Шейнманъ, А. Фармакогнозія и фармацевтическая ботаника. Киевъ. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Эминетъ, Л. Дозированіе и способы назначенія лекарственныхъ средствъ у дѣтей. X. 1910. Ц. 60 к.

Военное и морское дѣло.

Байновъ, Л. Свойства боевыхъ элементовъ и подготовка войскъ къ войнѣ и бою. Одесса. 1910. Ц. 2 р.
 Кравченко, В. Черезъ три океана. Воспоминанія о морскомъ походѣ 1904—5 г. съ иллюстр. Спб. 1910. Ц. 1 р.
 Лига обновленія флота. О положеніи морскихъ дѣлъ. Спб. 1909. Ц. 15 к.

Самарскій, И. Систематическій учебникъ полевой оптической сигнализаци. Спб. 1910. Ц. 20 к.

Фонъ-дёръ-Гольцъ. — Солдатъ въ бою. Изд. 2-е. Спб. 1909. Ц. 20 к.

Янушевичъ. Организациа и роль интендантства въ современныхъ арміяхъ на войнѣ. Спб. 1910. Ц. 3 р.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

Бр—ій, Г. Рѣшенія алгебраическихъ задачъ сборника Шапошникова и Вальцова. Ч. 1-я. Киевъ. 1910. Ц. 40 к.
 Бэръ, Поль. Начатки опытной геометріи въ приложеніи къ измѣренію линий, поверхностей и тѣлъ. М. 1910. Ц. 30 к.
 Гринцеръ, И. Подробныя рѣшенія всѣхъ алгебраическихъ задачъ А. К. Ключевского. Одесса. 1910. Ц. 1 р. 20 к.
 Давыдинъ, М. и Селезневъ, И. Краткая русская исторія для народныхъ училищъ. М. 1910. Ц. 30 к.
 Классики русской литературы. Ч. 2-я. Пушкинъ, Гоголь, Грибоедовъ, Лермонтовъ, Тургеневъ, Гончаровъ. М. 1910. Ц. 90 к.
 Краевскій, Б. По поводу самоубійствъ среди учащихся. X. 1910. Ц. 50 к.

Нюрзень, М. Систематическій курсъ ариметики для среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ. Изд. 2-е. Спб. 1910. Ц. 80 к.

Von Liliencron, Detter. Der Narr, Bearbeitet von Christian von Schvanebach. M. 1909. 10 коп.

Мейманъ, Э. Лекціи по экспериментальной педагогикѣ. Ч. 2-я. Индивидуальныя особенности дѣтей. М. 1910. Ц. 1 р. 60 к.

Моревъ, Д. Очеркъ коммерческой географіи и хозяйственной статистики Россіи сравнительно съ другими государствами. Изд. 10-е. Спб. 1910. Ц. 2 р.

Новиковъ, А. Титъ Ливій. Кн. 43-я. Размѣченный текстъ, подстрочный переводъ и т. д. Спб. 1910. Ц. 60 к.

- Перз, Б. Нравственное воспитаніе, начинающій съ колыбели. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
 Руководство къ устройству народныхъ чтеній. М. 1909. Ц. 50 к.
- Тулузъ Какъ развивать душевныя силы. Спб. 1910. Ц. 75 к.
 Чйтамъ, Т. Элементарная химія. Кіевъ. 1909. Ц. 1 р.

Книги для дѣтей и юношества.

- Даневская, С. Открытіе Америки. Историческій рассказъ. М. 1910. Ц. 60 к.
 Каневскій, И. Въ Америку!.. Три мѣсяца скитаній въ горахъ Кавказа. Рассказъ для юношества. Пятигорскъ. 1910. Ц. 1 р. 35 к.
 Картинная галлерея моей работы. Рисунки для раскрашиванія. Для дѣтей. Ц. 50 к.
- Ниплингъ, Р. Городъ страшной ночи и другіе рассказы. М. 1909. Ц. 30 к.
 — Самая чудная исторія въ мірѣ. Ц. 30 к.
 Минцловъ, С. На зарѣ вѣка. Историческій романъ изъ эпохи смутнаго времени. Слб. 1910. Ц. 75 к.
 Уэльсъ Г. Во дни кометы. М. 1910. Ц. 35 к.
 — Завоеватели воздуха. М. 1910. Ц. 30 к.
 — Современная утопія. М. 1910. Ц. 30 к.

Справочныя книги.

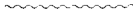
- Адресъ-календарь и справочная книга гор. Бѣлостока. 1909—1910 г. Варшава. Ц. 75 к.
 Анофриевъ, Н. Карманный охотничій календарь и справочно-записная книжка на 1910 годъ. Ц. 1 р. 20 к.
 Бетцъ, Ф. Химическій календарь на 1910 годъ. Ц. съ прилож. 1 р. 75 к.
 Бреслеръ, Н. Подробныя правила и программы для поступленія въ юнкерскія училища, пѣхотн., кавалер. и казацкія, и вольноопредѣл. въ войска. Одесса 1910. Ц. 60 к.
 Бѣлолистовъ, В. Полный русско-вѣмецкій карманный словарь. Кіевъ. 1910. Ц. 80 к.
 Календарь для дамъ. Настольная книга для семьи на 1910 годъ. Изд. В. Ю. Шидловскаго. Цѣна въ переплетъ 1 р.
 П. Кочергинъ. Народный сельско-хозяйственный промышленный календарь на 1910 г. Ц. 20 к.
 Линде, И. и Маганъ-Шабшай, Я. Календарь-справочникъ для электротехниковъ на 1910 годъ. Ц. въ пер. 1 р. 40 к.
 Марголинъ, Д. Программы и правила для испытанія на званія судового механика торговаго флота 2 и 3 разряда и техника по морской строительной части, а также для поступленія во всѣ мореходныя и рѣчныя училища въ Россіи. Кіевъ. 1910. Ц. 35 к.
 — Программы для поступленія въ сельско-хозяйственныя и землемѣрныя училища. Ц. 40 к.
 Марголинъ, Д. Программы для поступленія въ военную службу вольноопредѣляющимися, а также въ юнкерскія и военныя училища. Кіевъ. 1910. Ц. 50 к.
 — Программы для испытанія лицъ, ищущихъ званія: учителя уѣздн. училища, домашн. учителя, учителя городск. училища, учителя новыхъ языковъ гимназій, учителя рисованія и черченія. Ц. 50 к.
 — Новыя программы для лицъ, ищущихъ званія техника путей сообщения. Ц. 25 к.
 — На званія строительнаго техника. Ц. 30 к.
 Португаловъ, А. Толковыя программы и правила мужскихъ гимназій. Кіевъ. 1910. Ц. 45 к.
 Путеводитель по Святымъ мѣстамъ Востока. Слб. 1910. Ц. 40 к.
 Русскій астрономическій календарь—ежегодникъ на 1910 годъ. Переменная часть. Ц. 60 к.
 Русскій ежегодникъ 1910 года. Москва. Ц. 65 к.
 Сибирскій торгово-промышленный календарь на 1910 годъ. Цѣна въ пер. 3 р. 50 к.
 Страусъ, О. Календарь для электротехниковъ на 1910 г. Ц. 1 р. 25 к.
 Указатель книгъ по исторіи и общественнымъ вопросамъ. Слб. 1910. Ц. 2 р. 60 к.

Разныя книги.

- Зауэръ. Схема російскихъ жел. дорогъ на двухъ листахъ. Ц. 1 р. 25 к.
 Езерскій, Ф. На юбилеяхъ у счетоводовъ. 1909. Ц. 30 к.
- Юбилейный отчетъ счетоводныхъ курсовъ Ф. В. Езерскаго въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ. 35-лѣтіе дѣятельности курсовъ. Слб. 1910. Ц. 50 к.

Періодическія изданія.

«Биологическій Журналь», издаваемый при Зоологическомъ отдѣленіи Имп. общ. любит. естествознанія, 1910 г. Т. I. Кн. I. М. Ц. 1 р. «Вѣстникъ Теософіи». № 1. 1910 г. Ц. 75 к. «Извѣстія Архангельскаго Общества изученія русскаго Сѣвера». № 1. 1910 г. Ц. 25 к. «Городское Дѣло». №№ 1 и 2. 1909 г. Ц. кажд. № 50 к. «Журналь театра Литературно-Художественнаго Общества». 1910 г. № 1. Вторая половина сезона. Ц. 20 к. «Золотое Дѣтство». Журналь для дѣтей. №№ 5 и 6. 1910 г. Ц. кажд. № 20 к.	«Мосновскій Еменедѣльникъ». №№ 1—4. 1910 г. Ц. кажд. № 15 к. «Окраины Россіи». №№ 1—3. 1910 г. Ц. кажд. № 10 к. «Оса». Журналь. №№ 1—3. 1910 г. Ц. кажд. № 10 к. «Свидѣтель». Личный органъ С. Шаропова. 1909 г. №№ 27—30. Ц. 50 к. «Театръ и Искусство». №№ 1—3. 1910 г. Ц. кажд. № 20 к. «Экономистъ Россіи». №№ 1—3. 1910 г. Ц. 20 к. «Юридическая библиографія», издаваемая Демидовскимъ Юридическимъ Лицеємъ въ Ярославѣ. № 1. 1909 г. Ц. 40 к.

*) Изданія А. С. Суворина.

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

Условія подписки на 1910 г.

Съ доставкой и пересылкой въ Россіи: на годъ—12 р., на полгода—6 р. 50 к., на три мѣс.—3 р. 60 к., на одинъ мѣс.—1 р. 20 к. Съ доставкой и пересылкой за границу: на годъ 20 р., на полгода—11 р. 50 к., на одинъ мѣс.—2 р.

Подписка принимается только съ 1-го числа каждого мѣсяца; годовая подписка только съ января по 31 декабря.

Подписка принимается: въ конторѣ Редакціи: Москва, Петровка, д. № 25, Самариной; въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ Торговаго Дома Л. и Э. Метцль и К^о, Морская, 11, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ; въ Парижѣ—въ Agence Hawas—Place de la Bourse.

Розничная продажа №№ „Московскихъ Вѣдомостей“ въ Петербургѣ производится: на вокзалахъ Николаевской, Варшавской и Царскосельской жел. дор. и въ мѣстахъ стоянки правыхъ газетчиковъ: № 1—уголь Литейнаго пр. и Кирочной ул., у Офицерскаго собранія; № 2—у Технологическаго Института и въ Народномъ Домѣ; № 3—у Аничкова моста; № 4—Невскій пр., д. № 34 и у Русскаго Собранія, Троицкая, № 13; № 5—уголь Садовой и Мучного пер.; № 7—уголь Больш. просп. и Введенской на Петерб. сторонѣ; № 8—у Публичной библіотеки; № 11—Невскій пр., у церкви Знаменія; № 15—Невскій просп., у Городской Думы; № 16—Невскій пр., уголь Троицкой. Контора газетчиковъ находится на Шпалерной ул., д. 26, кв. 31.

Цѣна № въ розничной продажѣ 5 коп.

Редакторъ-издатель Л. А. ТИХОМИРОВЪ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

